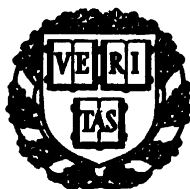
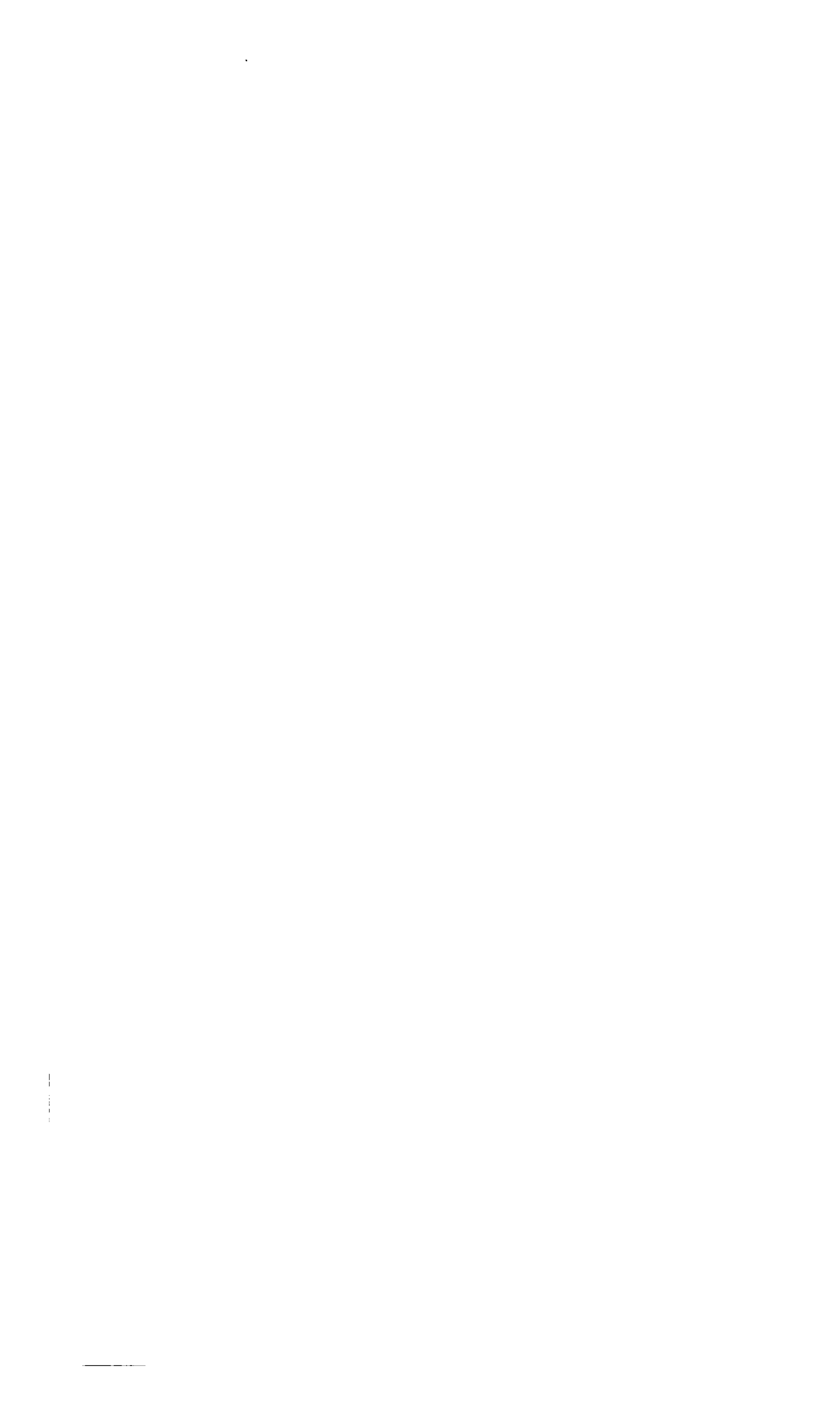
Harvard College Library

ГРАФИНЯ МАРЬЯ АНДРЕЕВНА РУМЯНЦЕВА.

Фотографія Лушева, съ портрета принадлежащаго княгинѣ Кочубей.

"ISTORICHESKII VESTNIK"

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXVII

1897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1897

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1897 году

(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1897 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семнадцать лѣтъ (1880—1896).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ **Петербургѣ** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

ПАНДУРОЧКА.

Историческій разсказъ.

A roué, roué et demi!
Поговорка

I.

ЕРСТАХЪ въ тридцати отъ города Кирсанова, въ глухомъ мѣстѣ, съ трехъ сторонъ окруженномъ дремучимъ лѣсомъ, стояла усадьба Кузьминка. Барскій домъ и надворныя строенія помѣщика средней руки отличались тѣмъ, что были совсѣмъ новые, какъ бы съ иголочки.

Кузьминка не была стариннымъ родовымъ имѣніемъ. Два года тому назадъ на этомъ же мѣстѣ былъ лишь поселокъ въ четыре двора и полная лѣсная шь, гдѣ зимою бродили волки стаями.

Капитанъ пандурскаго полка въ отставкѣ, Кузьма Васильевичъ ›сановъ, купилъ у товарища по полку пятьдесятъ душъ крестьянъ талъ строиться, но не тамъ, гдѣ была деревня, а въ шести верхъ отъ нея, на клочкѣ земли, принадлежавшемъ къ тому же имѣ-, и гдѣ былъ выселокъ въ одиннадцать душъ.

Здѣсь пандурскій капитанъ быстро выстроилъ домъ и службы, умѣется, умышленно выбравъ глухое мѣсто. Обстоятельства его ни сложились такъ, что онъ искалъ полнаго уединенія.

Пандуръ, сдѣлавшій три кампаніи, отличившійся во всѣхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ, а дрался онъ и съ нѣмцемъ, и съ туркой, и со шведомъ, былъ два раза раненъ и уже пятидесяти шести лѣтъ вышелъ въ отставку. Разумѣется, Кузьма Васильевичъ — бравый офицеръ, воинъ по призванію и склонностямъ характера, остался бы служить царицѣ до послѣдняго издыханія, если бы въ его жизни не приключилось нѣчто чрезвычайное.

Всю свою жизнь капитанъ училъ солдатъ военному артикулу, почти всю жизнь воевалъ, начавъ военное поприще еще во дни императрицы Елисаветы, и ни разу за всю свою жизнь не позволилъ себѣ увлечься чѣмъ либо постороннимъ военному дѣлу. Что касается до женщинъ, то онѣ для капитана совсѣмъ не существовали. Когда ему говорили про прекрасный полъ, онъ отвѣчалъ брюзжа:

— По-моему, его бы звать «подлый полъ»!

И капитанъ горячо доказывалъ, что всѣ гадости на свѣтѣ происходятъ отъ женщины.

— Кабы не баба—на землѣ бы рай былъ, какъ на то указываетъ священное писаніе.

— Что вы! Что вы! Откуда вы это взяли? — изумлялись собесѣдники.

— Посудите, — объяснялъ Карсановъ совершенно серьезно. — Первая же уродившаяся на свѣтъ женщина—наша праматерь Ева, какъ только ступила первый шагъ въ раю, такъ сейчасъ же съ чортомъ связалась. Сказывается въ священномъ писаніи, что якобы это былъ змій. Это такъ... иносказательное повѣствованіе. Это былъ ея пріятель, съ которымъ она мужа обманывала. За это ее Господь и выгналъ вмѣстѣ съ супругомъ изъ рая, иначе сказать, рай исчезъ, и они просто очутились на землѣ.

Когда капитану доказывали, что въ тѣ поры помимо Адама не было ни единаго другого человѣка на свѣтѣ, то капитанъ объяснялъ:

— Я же вамъ и не говорю, что это былъ человѣкъ, а чортъ въ видѣ молодого человѣка. И вотъ отъ него-то Каинъ и родился, отъ него-то и пошло въ мірѣ зло. Второй сынъ былъ отъ Адама. И вотъ хорошіе люди—потомки Авеля, дурные люди—потомки Каина. И въ этихъ двухъ потомствахъ добро и зло и борются между собой.

Цѣлая исторія, даже цѣлая теорія имѣлась у Карсанова на этотъ счетъ. Впрочемъ, не онъ самъ ее придумалъ, а передавалъ со словъ своего друга, одного архимандрита.

— Нѣтъ на свѣтѣ ни единой женщины честной, нѣтъ не единой супруги вѣрной. Всѣ въ праматерь свою!—добавлялъ капитанъ.

Когда Карсанову было уже за сорокъ лѣтъ, онъ былъ извѣщенъ, что его товарищъ и другъ, убитый на войнѣ, назначилъ его по завѣщанію своимъ душеприказчикомъ, да вдобавокъ опекуномъ дочери-крошки лѣтъ двухъ.

Дѣлать было нечего. Пандуръ занялся дѣлами и дѣвочкой сиротой. Разумѣется, онъ оставался въ полку и заглазно управлялъ ея маленькимъ имѣньицемъ въ Воронежской губерніи, а ее самое тоже заглазно передалъ на воспитаніе и попеченіе своей дальней родственницѣ. И только спустя десять лѣтъ, посланный по дѣламъ службы въ Воронежъ, онъ заѣхалъ поглядѣть на свою питомицу.

Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка удивила капитана. Она была и красива, и умна, и бойка удивительно, только черезчуръ мала. Ей казалось лѣтъ семь или восемь, такъ что если еще и подростетъ немножко, то все-таки будетъ карлицей.

Однако, проживъ мѣсяцъ у родственницы, старикъ пандуръ привязался къ сиротѣ. Вернувшись въ полкъ, онъ чаще писалъ старухѣ, чаще справлялся о питомицѣ, а черезъ два года опять поѣхалъ въ Воронежъ уже исключительно затѣмъ, чтобы поглядѣть, подросла ли маленькая Аннушка. Оказалось, что дѣвочка подросла, стала еще красивѣе и умнѣе и еще бойчѣе. Но ростомъ... чуть не бирюлька!

Въ этотъ пріѣздъ Карсановъ пробылъ мѣсяца два и окончательно привязался къ Аннушкѣ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, но однако странное, не отеческое чувство овладѣло имъ.

За нѣсколько дней до того, какъ приходилось снова возвращаться въ полкъ, семидесятилѣтняя старушка родственница объяснила Кузьмѣ Васильевичу, что ему придется озаботиться судьбой питомицы больше, чѣмъ когда либо: придется ее взять къ себѣ.

— Зачѣмъ, матушка сестрица?

Капитанъ всегда величалъ такъ родственницу.

Старушка объяснила:

— Я умирать собираюсь и скоро. Стало быть, лучше бы вамъ ее съ собой теперь же взять.

На рѣшительный отказъ Карсанова старушка настаивала, говоря, что съ кѣмъ же дѣвочка останется, когда она помретъ. Капитанъ объяснилъ старушкѣ, что она можетъ еще прожить смѣло лѣтъ десять-пятнадцать. Старушка обидѣлась:

— Что же ты меня за лгунью что ли почитаешь? Говорю я вамъ, черезъ недѣлю Богу душу отдамъ. Я, слава Богу, никогда во вралихахъ не была.

Капитанъ пересталъ спорить, но все-таки продолжалъ собираться въ дорогу. Видя это, старушка настояла, чтобы родственникъ обождалъ до слѣдующаго вторника.

— Да зачѣмъ, матушка сестрица?

— А затѣмъ, батюшка братецъ, что подъ вторникъ или въ самый во вторникъ на зарѣ я помру. Ты меня похоронишь, а Аннушку съ собой увезешь по неволѣ.

«Ну, старуха,—думалъ капитанъ,—упряма!».

Нечего дѣлать, пришлось остаться Карсанову до вторника, на-

дѣясь, что старуха его не заставитъ ждать опять своей предполагаемой смерти до слѣдующаго вторника, и что можно будетъ выѣхать. Однако Карсановъ ошибся.

Пришелъ вторникъ. Старушка была въ добромъ духѣ и послѣ полудня, сидя и вышивая въ пяльцахъ, кротко пересмѣивалась съ сидѣвшей около нея дѣвочкой. Обѣ онѣ были заняты важнымъ дѣломъ: работали на перегонки. Аннушка наматывала клубокъ шерсти, а старушка доканчивала какой-то листокъ по канвѣ. Ради шутки онѣ условились, что кто кого перегонитъ, выиграетъ крымское яблочко. Бойкая и шустрая Аннушка спѣшила изъ всѣхъ своихъ силъ размотать шерсть, чтобы обогнать бабушку и получить румяное яблочко, соблазномъ лежавше на столѣ.

— Готово!— воскликнула она наконецъ, вскочивъ съ мѣста и держа клубокъ надъ головой.

— Умница! — произнесла твердо старушка. — Но вотъ... Вотъ и у меня...—тише сказала она, выпрямляясь отъ пялецъ и прислоняясь къ спинкѣ своего кресла.

Аннушка поглядѣла... И дѣйствительно зеленый листикъ былъ тоже оконченъ.

— А все-таки же я первая!—вскрикнула она.

Бабушка ничего не отвѣчала. Аннушка испугалась: «неужели бабушка надуетъ, заспоритъ!»

— Вѣдь я? Я?—опять спросила дѣвочка, но бабушка продолжала сидѣть молча и глядя на нее какими-то чудными глазами. Потомъ она склонила голову на бокъ, да какъ-то удивительно. Голова все повисала и повисала и такъ совсѣмъ повисла, что ухомъ почти легла на плечо.

Старушка доказала въ послѣдній разъ, что никогда во вралихахъ не была.

Послѣ похоронъ волей-неволей капитанъ, смущаясь, все-таки взялъ питомицу и съ ней вмѣстѣ выѣхалъ въ полкъ.

II.

Поселившись вдвоемъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ стоялъ пандурскій полкъ, Кузьма Васильевичъ и крошечная Аннушка зажили весело и обожали другъ друга. Капитанъ въ питомицѣ души не чаялъ, она же любила его не меньше своихъ куколъ и звала «Кузинькой», причемъ цѣловала его всякій день столько же, сколько и свою любимицу фарфоровую Машу во французскомъ платьѣ, которую ей выписалъ капитанъ изъ Москвы, уплативъ цѣлыхъ десять рублей. Не даромъ Маша на кораблѣ въ Питеръ пріѣхала и уже оттуда въ Москву попала.

Не прошло, однако, и году, какъ Карсановъ получилъ свой «абшидъ», но по собственному желанію. Онъ выѣхалъ съ питомицей

въ дальній путь, черезъ мѣсяцъ былъ въ городѣ Кирсановѣ и уже покупалъ маленькое имѣньице. Капитанъ рѣшилъ, что ему, Карсанову, надо жить въ Кирсановѣ или по близости. Но здѣсь произошло главное событіе его жизни: онъ женился на своей питомицѣ, которой еще не хватало двухъ мѣсяцевъ до полныхъ пятнадцати лѣтъ.

Когда Кузьма Васильевичъ разъяснилъ Аннушкѣ, какимъ способомъ она можетъ его осчастливить, и сдѣлалъ ей предложеніе, то она бросила куклы и прыгала чуть не до потолка. Выйти замужъ да еще вдобавокъ за «Кузиньку» ей представлялось такимъ веселымъ, такимъ прелестнымъ, что занятнѣе, конечно, ничего не выдумаешь.

— А долго это будетъ продолжаться?— спросила она.

— Что такое?

— А вотъ наша свадьба?

— Самая свадьба около часу.

— А потомъ я долго буду вашей супругой?

— Всю жизнь.

— И меня барыней будутъ звать, Анной Семеновной?

— Понятное дѣло.

— И тоже на всю жизнь?

— Тоже.

— На всю жизнь!—воскликнула Аннушка и стала прыгать еще пуще.

Справивъ скромно свою свадьбу въ городѣ Кирсановѣ, капитанъ занялся устройствомъ своего будущаго мѣстожительства. Стройка пошла быстро, и осенью онъ уже переѣхалъ въ новую усадьбу, при которой только еще не было службъ.

И вотъ теперь минуло уже почти два года съ тѣхъ поръ, что капитанъ женился на пятнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, которой тогда на видъ можно было дать и двѣнадцать. Теперь Аннушка стала немножко повыше и немножко круглѣе, но все-таки при своей миніатюрности съ трудомъ могла въ глазахъ всякаго почесться замужней женщиной. Диковинно она была мала.

Однако, за эти два года много воды утекло. Анна Семеновна начала скучать среди лѣса дремучаго, изрѣдка плакать и убиваться, собираясь бѣжать то въ монастырь, то на край свѣта, а чаще всего въ прорубь рѣчки за садомъ. Капитанъ волновался, тревожился, боялся этихъ угрозъ, такъ какъ притворства въ Аннушкѣ не было. И не смотря на то, что онъ былъ страшно ревнивъ, онъ рѣшился нѣсколько разъ выѣхать съ женой изъ своего гнѣзда въ Тамбовъ, а два раза въ Москву, и наконецъ однажды обѣщалъ женѣ вскорѣ собраться къ святымъ угодникамъ въ Кіевъ помолиться о дарованіи имъ потомства.

Эти путешествія перевоспитали маленькую капитаншу, принесли ей пользу, а капитану одинъ вредъ, ибо послѣ каждаго путешествія Аннушка еще болѣе скучала въ усадьбѣ среди лѣса. Понятно, что она кое-что сообразила, сначала неясно, потомъ яснѣе и стала досадовать на себя. Вспоминая, какъ прыгала она при извѣстіи, что выйдетъ замужъ за Кузьму Васильевича и станетъ барыней, она понемногу пришла къ раскаянію, пеняла на него и на себя, а вскорѣ начала втихомолку плакать горько и неутѣшно. Теперь она уже отлично поняла все, понимала, что не только не слѣдовало ей никогда выходить за Кузьму Васильевича, но и ему, старику, не слѣдовало и даже грѣхъ было на ней жениться, будучи на сорокъ лѣтъ старше ея.

Состоявшаяся среди лѣта поѣздка въ Кіевъ подлила масла въ огонь. Не до молитвы было Аннушкѣ. И наконецъ, къ довершенію всѣхъ золъ, особый случай по дорогѣ изъ Кіева обратно домой окончательно пересоздалъ капитаншу, если не совсѣмъ съ ума свелъ. Да и было отъ чего...

Верстахъ въ семидесяти отъ Кіева они должны были остановиться по неволѣ на станціи среди степи. Тутъ было много народа, съѣзжихъ съ двухъ концевъ дворянъ. Всѣ застряли. Лошадей почтовыхъ никому не давали, такъ какъ ожидался проѣздъ главнокомандующаго русской арміей по пути въ предѣлы турецкіе. Ѣхалъ самъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ!

Капитанша несказанно рада была увидѣть знаменитаго вельможу, про котораго мужъ много и часто разсказывалъ ей. Самъ Карсановъ былъ тоже очень доволенъ нежданнымъ случаемъ представиться и даже представить жену, благодаря исключительной обстановкѣ и особымъ все упрощавшимъ обстоятельствамъ. Въ маленькой деревушкѣ среди степи какой же можетъ быть этикетъ.

И дѣйствительно при появленіи на станціи именитаго и славнаго любимца государыни заслуженный пандуръ не только представился съ женой, но былъ обласканъ вельможей и приглашенъ въ числѣ прочихъ проѣзжихъ дворянъ къ столу, то-есть къ завтраку, который былъ, конечно, сервированъ такъ, какъ если бы всѣ находились въ Петербургѣ, а не среди степи. Не только дивная посуда и серебро явились, какъ по манію волшебника, не только угощеніе было поцарски роскошно, но даже всякія рѣдкія заморскія вина полились рѣкой. Не даромъ за экипажемъ вельможи двигалась цѣлая вереница фургоновъ съ прислугой и провіантомъ. Но этого мало. Свѣтлѣйшій почему-то посадилъ около себя именно маленькую капитаншу и угощалъ ее предпочтительнѣе и любезничалъ съ ней сугубо.

Старый пандуръ, какъ ревнивецъ отъ природы, сидя нѣсколько въ отдаленіи, приглядывался и краснѣлъ отъ удовольствія, но и отъ боязни, что жена будетъ очарована. Онъ, конечно, не зналъ,

да и никто на его мѣстѣ не могъ бы предположить, что вельможа, падкій на прекрасный полъ, остановился здѣсь лишнихъ два-три часа исключительно затѣмъ, чтобы полюбезничать съ женщиной-крошкой. А крошка эта именно сразу ему сильно приглянулась своей рѣдкой миніатюрностью, и онъ ее прозвалъ уже тотчасъ «пандурочкой».

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ ревновать было нельзя и неудобно, да и безсмысленно. Благосклонность вельможи не могла быть истолкована въ дурную сторону, такъ какъ черезъ часъ-два вельможа двинется далѣе, по пути... чуть не на край свѣта, во всякомъ случаѣ на край Россіи, къ границѣ Турціи.

Приближенные князя знали и понимали больше пандурскаго капитана и крошечной капитанши. Они знали, что завтракъ на этой станціи не предполагался, и что его вдругъ по нежданному приказу кое-какъ съ трудомъ состряпали. Но близкіе люди, и свита и прислуга, давно привыкли къ своему обожаемому князю и ко всѣмъ его «чудесамъ». Сегодня онъ изъ-за прихоти всѣхъ и все къ верху ногами перевернетъ, а завтра самъ удивится и спроситъ:

«Что такое приключилось? Кто таковое приказалъ? Я же!?... Да что вы на меня все поклёпы взводите! Идолы!»

И приближенные сообразили, конечно, тотчасъ, что красивая и крошечная, не то женщина, не то куколка, оказавшаяся 17-ти лѣтней капитаншей, женой пандурскаго офицера съ шестымъ десяткомъ лѣтъ на плечахъ, заинтересовала среди тоски и однообразія дальняго пути ихъ всевластнаго и прихотливаго повелителя.

— Вотъ такъ пандурочка! — воскликнулъ онъ. — Никогда еще такой крохотули не видалъ. Тринадцать лѣтъ дать нельзя. Подавать завтракать. Поспѣемъ. Турка отъ насъ не уйдетъ!

И около станціоннаго дома на лугу вдругъ состоялось пированіе. Всѣхъ дворянъ позвали къ столу, но «стола» не было, ибо такого большаго, на тридцать человѣкъ, никогда въ этихъ краяхъ и не бывало. На травѣ были разостланы ковры, и всѣ усѣлись кругомъ, какъ кто могъ удобнѣе и вѣжливѣе.

— Не бойсь, государи мои! — восклицалъ весело хозяинъ радушный и привѣтливый.—Не стѣсняйте себя... Турки завсегда такъ кушаютъ... Ноги подъ себя, а не на бокъ. Вотъ такъ...

Приглашенная Анна Семеновна Карсанова, сидѣвшая на коврѣ около могучей фигуры князя, казалась совсѣмъ такой куколкой, которую онъ могъ бы легко спрятать у себя за пазухой. Долго ли продолжался завтракъ, и что говорилъ ей вельможа, какъ и о чемъ онъ шутилъ, капитанша не помнила, потому что была, какъ въ чаду.

Она очнулась вполнѣ только тогда, когда все, какъ наважденіе какое-то, мимолетное,—вдругъ исчезло изъ глазъ ея, а сама она сидѣла въ тарантасѣ около мужа... А кругомъ была пустота, голая степь.

Гдѣ же этотъ красавецъ великанъ, его чудные глаза и чудный голосъ, проникающіе въ сердце, волнующіе его какой-то еще не извѣданной сладостью. Неужели это больше никогда не повторится? Да и было ли оно?

Встрѣча съ именитымъ вельможей, который обладалъ даромъ очаровывать всѣхъ женщинъ безъ исключенія, разумѣется, сдѣлала то, что пандурочка, вернувшись въ свою глушь—въ Кузьминку, среди дремучаго лѣса, окончательно стала чахнуть. Она стала жить воспоминаніями о своемъ путешествіи въ Кіевъ и завтракѣ съ вельможей. Онъ и Кузьма Васильевичъ?!—думала и восклицала она наединѣ.

Разумѣется, теперь она знала уже вѣрно, что ея собственное существованіе—каторга. Остается ей лишь одно: скорѣе руки на себя наложить.

И это случилось бы, если бы не появилась старая Макарьевна, толстая и здоровенная женщина, вольноотпускная, побывавшая въ Москвѣ въ нянях, и такая умная, передъ которой Кузьма Васильевичъ самъ пасовалъ. Видавшая всякіе виды, знавшая, какъ люди живутъ на свѣтѣ, Макарьевна разсуждала не хуже любой важной дворянки-помѣщицы.

Себѣ на шею и какъ на грѣхъ нанялъ ее теперь капитанъ въ Тамбовѣ, чтобы супругѣ было съ кѣмъ душу отвести въ бесѣдахъ. И Аннушка немного ожила.

За одно только слово сразу полюбила она старуху. Макарьевна сказала ей какъ-то вскорѣ по пріѣздѣ, что Кузьма Васильевичъ Аннушкѣ не въ супруги годился бы, а въ дѣдушки. За этакое золотое слово капитанша, конечно, чрезъ полчаса уже висѣла у нея на шеѣ и цѣловала ея морщинистыя щеки.

Вскорѣ она стала обожать старуху, и обѣ съ первыхъ же дней не разставались ни на минуту.

Однако, Макарьевна сумѣла такъ себя поставить въ домѣ, что если барыня Анна Семеновна ее обожала, то и баринъ Кузьма Васильевичъ тоже ее полюбилъ. Впрочемъ, Макарьевна старалась всегда поглядѣть, хорошо ли и плотно ли приперта дверь ихъ комнаты, гдѣ она съ молодой барыней бесѣдовала шепотомъ и толковала обо всемъ томъ, что творится на свѣтѣ, и о томъ, какъ добрымъ людямъ на бѣломъ свѣтѣ жить слѣдуетъ.

Эти бесѣды шестидесятилѣтней старухи съ молодой женщиною кончались тѣмъ, что обѣ печаловались, какъ мудрена ея, Аннушкина, жизнь. Но подѣлать ничего нельзя. Руки на себя наложить—глупо и рано. Надо другого какого выхода ждать. Жизнь всю такъ прожить нельзя. Все равно отъ тоски зачахнешь и на тотъ свѣтъ уйдешь. Надо терпѣть и ждать. Можетъ, что и навернется. Мало ль что на свѣтѣ приключается. Въ сказкѣ не разсказать, что наяву, глядь, потрафилось... Таково просто, а міру на аханье.

Однако, Анна Семеновна все-таки постоянно, раза по два въ недѣлю, чтобы душу отвести, грозилась мужу утопиться въ той проруби на рѣчкѣ, гдѣ для хозяйства воду берутъ.

III.

Не въ русскихъ предѣлахъ, хотя въ единовѣрной Руси странѣ, ярко бѣлѣется и будто блеститъ маленькій городокъ безъ садовъ, безъ растительности кругомъ, утонувшій среди голой степи, раскаленной солнцемъ, кажется одинокимъ, затеряннымъ, какъ корабль среди моря. Но если пустынно все кругомъ, то въ самомъ городкѣ многолюдство, движеніе. Видъ городка совершенно необычайный, какимъ онъ не можетъ быть всегда, а можетъ быть только временно, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Дѣйствительно, обстоятельства эти не заурядныя—война.

Въ городкѣ главный штабъ побѣдоносной арміи. А какой и чей штабъ? Главнокомандующаго князя Потемкина.

Въ небольшомъ, но все-таки самомъ большомъ домѣ городка тѣснится, движется и суетится настоящій муравейникъ, но не сѣрый, а яркій, сіяющій, всѣхъ цвѣтовъ радуги, и блеститъ въ лучахъ солнца, пылающаго надъ окрестностью и всей южной страной.

Десятки и даже вся сотня разнообразнѣйшихъ мундировъ придаетъ этой суетнѣ особый отпечатокъ чего-то высокаго, едва достижимаго для всѣхъ обывателей. Еще сѣрѣе, убожѣе кажутся эти обыватели, въ числѣ которыхъ нѣтъ русскихъ. Тутъ и турки, и молдоване, и евреи.

Въ уютной комнатѣ этого дома лежитъ на диванѣ въ одномъ легкомъ халатѣ изъ шелковистой ткани большой и грузный человѣкъ съ босыми ногами, съ обнаженной грудью и съ голыми руками, потому что рукава по плечи засучены.

Уже дня четыре валяется онъ такъ...

Жара и духота измучили его. Но главное не въ этомъ. На него напала обычная періодическая хворость. Имени ей нѣтъ, и назвать ее нельзя, объяснить тоже нельзя, можно только разсказать. Хворость въ томъ, что нигдѣ не болитъ, тѣло здорово, но духъ томится, изныкаетъ. Если болитъ что, такъ развѣ сердце, да и не болитъ, а болѣетъ о себѣ, о другихъ, обо всемъ мірѣ.

«Не стоитъ жить на свѣтѣ! Все суета. Марево! Умереть страшно, а то ни за что бы жить не сталъ. Люди глупы и злы; друзья—одни предатели; враги неумолимы и безпощадны. Одна надежда на нее, да и она—человѣкъ. И она—самодержица надъ милліонами, сама подвластна невидимкѣ—клеветѣ. Не стоитъ жить и, пожалуй, лучше умереть! Стоитъ прожить еще самую малость, чтобы успѣть уничтожить полумѣсяцъ, выгнать турокъ изъ Европы, снова назвать Константинополь Царьградомъ и, отворивъ его русскимъ войскамъ, по-

ложить основаніе новому византійскому царству съ новымъ царемъ Константиномъ, ея внукомъ, теперь младенцемъ. Только изъ-за этого и стоитъ еще немного прожить, а то бы сейчасъ умеръ съ охотой».

Такъ разсуждаетъ, хворая, тоскуя и мучась духомъ, всемогущій вельможа, Григорій Александровичъ Потемкинъ. Отъ этой хворости нѣтъ лѣкарствъ. Надо обождать, чтобы немощь сама прошла.

Между тѣмъ покуда валяется онъ на диванѣ, все стало кругомъ, нѣтъ отвѣта ни на какой важный вопросъ. Изъ дома не выходитъ и не уѣзжаетъ ни одинъ курьеръ, тогда какъ этихъ курьеровъ во многихъ мѣстахъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Даже иная осажденная крѣпость непріятельская еще держится, еще не взята штурмомъ, потому что Григорій Александровичъ думаетъ о томъ, что не стоитъ жить.

Въ сосѣднихъ комнатахъ, въ маленькой залѣ, на лѣстницѣ и вокругъ крыльца на улицѣ, вся эта залившая домикъ толпа, пестрая, разноцвѣтная, золотая и серебряная, кишитъ муравейникомъ, разсуждаетъ вполголоса или шепчется, или только переглядывается. И у всѣхъ на языкѣ, у всѣхъ даже на лицѣ только одинъ вопросъ:

— Ну, что?

И у всѣхъ только одинъ отвѣтъ:

— Все то же...

— Не прошло еще?

— Нѣтъ, не прошло.

— Что сказываютъ?

— Сказываютъ, еще денекъ-два протянется, не больше.

Четвертыя сутки тоже прошли такъ же, но на пятый день около полудня Григорій Александровичъ глядѣлъ еще суровѣе, но менѣе грызъ ногти, рѣже вздыхалъ тяжело, а главное—приказалъ подать чулки и туфли. Стало быть, онъ не будетъ больше лежать, а будетъ сновать по своей комнатѣ. Это начало выздоровленія. Будетъ еще одинъ «встрясъ» быстрый и бурный, какъ всегда, но зато уже, какъ послѣднее проявленіе хворости. Этотъ припадокъ, или «встрясъ», какъ выражаются приближенные, всегда внезапенъ, всегда разный, но равно странный или даже диковинный, иногда совершенно непонятный для окружающихъ. Для глупцовъ этотъ финалъ безыменной хворости—самодурство прихотника, но для умниковъ загадка, задача.

Наступилъ шестой день.

— Приказалъ подать одѣваться!

— Одѣвается! Одѣвается!

— Прошло. Прошло. Слава Богу!

Слова эти облетѣли домикъ, достигли крыльца и побѣжали по улицамъ городка. И все ожило. Всѣ просіяли.

Одѣвшись, князь сѣлъ въ любимое кресло, пріѣхавшее вслѣдъ за нимъ изъ Петербурга. Онъ задумался, но лицо было ясное.

И чрезъ полчаса закипѣла работа, начались доклады, пріемы, приказы, подписи и распоряженія государственной важности. Уже въ сумерки, сбывъ дѣло съ рукъ, князь вдругъ ухмыльнулся и приказалъ:

— Позвать Девлетку!

Офицера князя Девлета-Ильдишева не оказалось въ залѣ. Посланный розыскалъ офицера на дому, гдѣ онъ обливался въ сараѣ ключевой водой. Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ удивительнымъ искусствомъ въ пять минутъ одѣлся въ полную форму—привычка великое дѣло—и чуть не бѣгомъ пустился къ дому главнокомандующаго.

Не прошло, конечно, получаса послѣ требованія вельможи, какъ камердинеръ уже докладывалъ ему:

— Князь Девлетъ-Ильдишевъ.

Между тѣмъ молодой князь, въ залѣ, окруженный кучкой офицеровъ и двумя генералами, любезно кланялся и здоровался. Его всѣ знали, всѣ любили, потому что, добрый малый самъ по себѣ, онъ вдобавокъ съ нѣкоторыхъ поръ начиналъ какъ будто дѣлать быструю и блестящую карьеру. Всѣ замѣчали, что главнокомандующій все болѣе его къ себѣ приближаетъ, и молодой князь становится будто любимцемъ.

Впрочемъ, этому офицеру какъ бы пристало быть фаворитомъ высокопоставленнаго лица или даже временщика. Если, указавъ на него, объяснить, что онъ фаворитъ всемогущаго вельможи, то никто бы не удивился, и это благодаря только наружности молодого человѣка.

Князь Девлетъ-Ильдишевъ былъ настоящій типическій красавецъ христіанско-мусульманскихъ предѣловъ, то-есть кавказецъ по происхожденію. Будучи сыномъ и братомъ двухъ знаменитыхъ красавицъ города Тифлиса, онъ не уступалъ имъ обѣимъ ни въ чемъ, скорѣе дѣлалъ имъ честь. Оригинальный, строго правильный профиль, чистый матовый цвѣтъ лица, гладко выбритаго, чудные черные глаза съ синими бѣлками, красивое сложеніе и стройность, наконецъ что-то привѣтливо-доброе и правдивое во взглядѣ и улыбкѣ—все дѣлало изъ князя Девлета настоящаго красавца.

Черезъ минуту офицеръ стоялъ уже на вытяжку у дверей комнаты, гдѣ сидѣлъ въ креслахъ главнокомандующій. Потемкинъ смотрѣлъ на офицера молча и весело улыбался. Ему нравился этотъ молодой, красивый и изящный кавказецъ, вдобавокъ ловкій и смѣтливый, отлично исполняющій всякаго рода порученія.

Видя довольное и веселое лицо князя, офицеръ выговорилъ, тоже улыбаясь:

— Что прикажете, Григорій Александровичъ?

Это обращеніе, часто поражавшее окружающихъ и свидѣтельствовавшее о близости отношеній главнокомандующаго къ офицеру, было, однако, результатомъ простой случайности и простой прихоти.

Однажды, случайно, князь приказалъ офицеру никакъ не титуловать его, такъ какъ это замедляетъ всякій разговоръ, да, наконецъ, и надоѣдаетъ слуху. Онъ приказалъ ему говорить просто — «Григорій Александровичъ», безъ всякихъ титулованій и даже избѣгать повторять слишкомъ часто и имя съ отчествомъ.

IV.

Князь, помолчавъ и подумавъ, заговорилъ:

— Скажи, Девлетка, я знаю, ты—красавецъ. Знаю, что прытокъ. Знаю, что дуракомъ не бывалъ, но, скажи, бывалъ ты когда въ дуракахъ.

Офицеръ ежился, ибо отвѣчать «не могу знать» было запрещено.

— По сю пору, сдается, еще не бывалъ. Но все же если въ однихъ дѣлахъ я не дуракъ, то въ другихъ дѣлахъ, можетъ, окажусь совсѣмъ дуракомъ.

— Хочу я тебя послать съ порученіемъ важнымъ. И не близко: къ чорту на кулички. То бишь вру. Отъ чорта на куличкахъ, гдѣ мы теперь, въ христіанскія мѣста, въ Тамбовскую или Воронежскую губернію. Дорогу найдешь?—улыбнулся Потемкинъ.

— Найду-съ!

— А дѣло справишь мое?

— Какое дѣло? Постараюсь справить всякое. А что Богъ дастъ.

— Надо мнѣ, видишь ли, привезти сюда россійскую луну. Обождавши тамъ, въ Тамбовѣ или въ Воронежѣ, покуда народится новый мѣсяцъ и станетъ подниматься съ земли на небо, въ эту самую пору подпрыгнуть, ухватить его, запрятать въ карманъ и привезти. Хочу я поглядѣть, похожъ ли россійскій полумѣсяцъ на здѣшній— турецкій. Можешь?

Офицеръ, уже привыкшій къ вельможѣ, усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Попробую!

— Случалось тебѣ когда мѣсяцъ съ неба хватать и въ карманъ класть?

— Нѣтъ-съ, еще не приходилось. Да это что? Попробую. Только за удачу не отвѣчаю. Впередъ прошу не гнѣваться, если обмахнусь.

Потемкинъ разсмѣялся и вымолвилъ, помолчавъ:

— Вотъ что, голубчикъ Девлетушка, если послать тебя луну ловить, то ты хотя ее и не поймаешь, но за это тебѣ ничего не будетъ. Никто не разсердится на тебя, не побьетъ, не убьетъ и даже не тронетъ. Я даже не трону. А вотъ приходится мнѣ тебя послать за инымъ дѣломъ: словить и украсть нѣкое махонькое красное солнышко. А за это тебя могутъ пришпилить, уходить, тѣ, что стерегутъ это солнышко. Не побоишься?

— Никогда ничего не боялся!—быстро, смѣло и какъ-то горделиво отвѣтилъ офицеръ.

— Ну, такъ слушай, Девлетка! расписывать не стану, скажу кратко. Стало, всякое слово лови и зарубай на носу. Былъ я проѣздомъ изъ Питера, среди степей Малороссіи, пріѣхалъ на станцію, гдѣ изъ-за меня видимо-невидимо въ дорогѣ народу сидѣло. Кто изъ-за нехватки лошадей, потому что всѣхъ забрали подъ меня, а кто изъ-за любопытства поглядѣть на Гришку Потемкина. Ну, вотъ я на этой станціи лошадей тотчасъ не перемѣнилъ, а остался на цѣлыхъ три часа кушать и бесѣдовать. Всѣхъ дворянъ пригласилъ къ себѣ и угощалъ среди поля около станціоннаго дома. Да. Вотъ сказалъ, что расписывать не буду, а самъ принялся, какъ баба, къ дѣлу примѣшивать пустяковину. Слушай. Промежъ дворянъ былъ пандурскій капитанъ въ отставкѣ съ женой. Пойми, глупый! Онъ у нея въ отставкѣ, а не она у него. И любопытны показались они мнѣ! Ему подъ шестьдесятъ, а она, ей-ей, писаная красавица. Думалъ я—дочь, а то и внучка, а она законная жена. А ей хоть и семнадцать лѣтъ, а уже года два замужемъ. Вотъ изъ-за нея я и угощалъ дворянъ, а, угощая ихъ, больше все съ пандурочкой бесѣдовалъ. И за это время узналъ я, что она смотритъ на капитана и на свое супружество, какъ волкъ, прикормленный на деревнѣ, въ лѣсъ смотритъ. Понялъ я изъ нашихъ бесѣдъ съ нею, что не только ко мнѣ согласится она убѣжать, а хоть къ кому ни на есть. Такъ ей сладко. Хотѣлъ я тогда же, позапоздавъ на станціи, приказать ее выкрасть. Да тутъ прискакалъ курьеръ изъ Петербурга и привезъ отъ государыни такое письмо, что было не до пандурскихъ супружницъ. А затѣмъ изъ головы выскочило. И вотъ прошлую ночь во снѣ ли, на яву ли, наважденіе. Пришла она въ мою опочивальню, плачетъ да говоритъ: «Не хорошо, Григорій Александровичъ. Обѣщались меня изъ-подъ неволи моей высвободить, а сами занимаетесь пустяками разными и о важномъ дѣлѣ не помните. А важное дѣло это, самое важное на Руси, то, что я мучусь съ моимъ капитаномъ...». Очнулся я, глаза протеръ, я ли это... Точно колдовство или прямо наважденіе. Ну, вотъ, понялъ ты, зачѣмъ я тебя позвалъ?

— Понялъ, Григорій Александровичъ! Съѣздить и выкрасть.

— Вишь какой прыткій... Этого мало!

— Приказывайте, что еще?

— А еще то будетъ: себя и ее уберечь, доѣхать и доставить. Пандуръ-то этотъ по виду изъ такихъ, что запросто жены никому не уступитъ. Попадешься, онъ тебя пристрѣлитъ, не боясь ни меня, ни Сибири. А ее потомъ изведетъ. И тебя-то мнѣ жаль, да и ее-то жаль. Стало быть, не сказывай «съѣздить да выкрасть», а съѣздить, поорудовать съ опаской и, если Богъ поможетъ, то благополучно вернуться, доставить живу и невредиму. Сначала поищи въ Воронежскомъ намѣстничествѣ, потому что я таково туманно помню,

что она про Воронежъ говорила больше, а про Тамбовъ меньше. Ну, вотъ...

— Слушаю-съ, — отозвался Девлетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, видимо, хотѣлъ сдѣлать вопросъ и, быть можетъ, не одинъ, но смущался и какъ-то топтался на мѣстѣ. Онъ не зналъ, что сдѣлать, выходить или рѣшиться спросить.

Потемкинъ понялъ выраженіе лица офицера.

— Ну, сказывай. Чего?

— Обѣ оныя губерніи обширны, Григорій Александровичъ. Если-бъ вотъ вы вспомнили...

— А!.. Тебѣ бы хотѣлось, чтобы всякая губернія была съ наперстокъ. Небось, хочешь у меня спросить, въ какомъ мѣстѣ, близъ какого города и въ какой усадьбѣ или вотчинѣ проживаетъ моя пандурка? Такъ ли?

— Точно такъ! — нѣсколько робко отозвался князь Девлетъ.

— Вишь какой догадливый! Кабы я это зналъ, такъ давно бы съ этого началъ. Порыщи. Все-таки намѣстничество — не Африка. Въ мѣсяцъ, въ два, а по-моему и недѣльки въ три можешь розыскать. Такой другой пары во всякихъ намѣстничествахъ быть не можетъ. Онъ капитанъ и пандуръ, и старый, а она крохотуля, писаная красавица и ему во внучки годится. Коли не найдешь, дуракъ будешь. Коли не привезешь, такъ прапоромъ на всю жизнь и останешься, въ люди не выйдешь. А привезешь, проси, чего хочешь, съ однимъ исключеніемъ — не мое мѣсто, не мою должность главнокомандующаго. Ну, съ Богомъ, въ путь. Буду ждать черезъ мѣсяца два и награду заготовлю...

Когда офицеръ появился снова въ комнатахъ, переполненныхъ свитой, его тотчасъ окружили. Когда же онъ заявилъ, что выѣзжаетъ курьеромъ по важному дѣлу и секретному, все оживилось еще пуще. Стало быть, дѣятельность совсѣмъ пришла, снова начнутся важнѣйшія порученія и приказанія, и снова вслѣдъ за офицеромъ поскачутъ курьеры въ разныя стороны.

Разумѣется, молодой человѣкъ ни слова никому не сказалъ о характерѣ своего порученія и даже не сказалъ, куда ѣдетъ, объяснивъ только, что въ свои предѣлы, россійскіе, и по близости Москвы.

Князь Девлетъ Ильдишевъ зашелъ въ канцелярію, спросилъ правителя и наперсника вельможи — Попова. Уѣхать, не посовѣтовавшись съ этимъ человѣкомъ, было неосмотрительно. Василій Степановичъ Поповъ, фаворитъ князя, былъ умный, тонкій и хитрый, но самолюбивый человѣкъ. Онъ былъ во многихъ случаяхъ важнѣе самого князя Григорія Александровича, въ особенности для маленькихъ людей. Его любимая поговорка была: «До Бога далеко... Молись больше святымъ угодникамъ, да приговаривай: моли Бога о насъ. Угодниковъ много, а Богъ-то одинъ. Гдѣ-жъ

Ему съ ними...». А главное не терпѣлъ онъ тайнъ и секретовъ князя съ другими, желалъ все знать, что затѣвается и творится около вельможи.

А князь разскажетъ почти всегда самъ все Попову, такъ лучше раньше забѣжать и разсказать, какое дано порученіе...

— Помню, помню эту карлицу!—заявилъ Поповъ на объясненіе Девлета.—Смазливенькая. Да и диковинно малà. Такъ мала, что ужъ совсѣмъ бы не для нашего Григорія Александровича. И смѣхъ и грѣхъ! Ей-Богу.

И онъ началъ смѣяться.

— Этимъ вѣдь и понравилась, поди, что совсѣмъ не подходяща. А найти, дорогой мой, будетъ не мудрено. Старый пандуръ съ женой карлицей! Всякій укажетъ. Другой такой пары,—правъ князь,— во всей Россіи не найдется. Только берегись, дорогой, этого пандура. Не укуситъ, а съѣстъ.

— Богъ милостивъ,—отозвался Девлетъ.

— На этакія дѣла не слѣдъ бы и быть ему милостивымъ.

— Да вѣдь я не для себя. Свыше приказъ. По службѣ!—извинился Девлетъ.

— Да. Тоже служба!—двусмысленно улыбнулся Поповъ.

V.

Пандурскій капитанъ наконецъ убѣдился и самъ, что напрасно съѣздилъ на богомолье въ Кіевъ. Онъ просилъ кіево-печерскихъ угодниковъ о двухъ вещахъ. Послать ему наслѣдника и снять тоску и грусть съ души его маленькой супруги. Прошло уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ съ ихъ возвращенія, а Аннушка не «зачала». Зато она начала тосковать, повидимому, еще болѣе прежняго. Макарьевна всячески старалась ее развлекать, обѣщала капитану съ недѣли на недѣлю, что барыня повеселѣетъ, но Кузьмѣ Васильевичу казалось, что старуха ошибается, да и не такъ за дѣло берется.

Подслушавъ однажды тайкомъ и случайно два разговора Макарьевны съ женой, пандуръ даже разсердился и сталъ ей выговаривать:

— Что же это вы, сударыня, глупости какія вчера и съ недѣльку назадъ моей супругѣ выкладывали! Первое дѣло, все описуете молодцовъ разныхъ, какихъ видали да знавали, да какъ они пляшутъ, да какъ чужихъ женъ ворожатъ, а то и крадутъ... А вчерато, что вы такое измыслили. Что вы,—мужчина развѣ, чтобы знать въ точности обязанности супруга. Всякъ въ этомъ по своему характеру, здоровью и тѣлосложенію поступаетъ. И опять надо сказать—мнѣ шестой десятокъ. Требовать отъ меня расторопности, какъ отъ 25-ти-лѣтняго мужа нельзя. Да и разговоры эти не только не скромные, но и вредительные для нашего супружескаго согласія.

Вы еще, пожалуй, внушите Аннушкѣ, что и въ безплодіи ея — я причиной... Вы замужемъ не были, то всего досюда касательнаго знать и понимать не можете. Бракъ таинство, и не состоявшій самъ въ бракѣ постигнуть, стало быть, всего въ немъ сокровеннаго не можетъ и обучать супруговъ тотъ не въ состояніи. Я полагаю, что я мужъ изрядный, и большаго отъ меня требовать нельзя... Да и Аннушка не требовала и не требуетъ... А вы вотъ науськиваете и сочиняете... Прямо сочиняете... Слышалъ я, что вы про какого-то московскаго кирасира расписывали, у коего якобы одиннадцать человѣкъ дѣтей отъ жены и семеро отъ двухъ полюбовницъ. Враки это! А если бы таковое и было, то не слѣдъ Аннушкѣ это знать. Всякъ на свѣтѣ долженъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ, и на чужой каравай рта не разѣвать.

Макарьевна на эту отповѣдь капитана ничего не отвѣтила, а рѣшила мысленно еще осторожнѣе бесѣдовать съ юной барыней.

Выпалъ снѣгъ. Наступила зима и первопутокъ. Жизнь въ усадьбѣ, конечно, все-таки шла своимъ чередомъ и была, по словамъ Макарьевны, «хуже монастырской». Ужъ если ей старухѣ было отъ скуки «тошнехонько», такъ чего уже требовать отъ жены 17-ти лѣтъ, жены старика. Одно только удовольствіе и было: гадать на картахъ, такъ какъ въ нихъ выходило что-то диковинно хорошее для Аннушки, да не на сердцѣ и не въ головахъ, а на порогѣ.

И однажды, въ октябрѣ, вечеромъ, часовъ около восьми, въ ясную и тихую погоду на дворѣ усадьбы кирсановскаго помѣщика Карсанова произошло нѣчто особенное, приключился рѣдкій случай. Во дворъ въѣхала кибитка тройкой. Это случалось не болѣе раза въ мѣсяцъ. Помѣщики сосѣдніе не любили заѣзжать къ угрюмому, суровому ревнивцу, а двое, трое изъ тамбовскихъ молодыхъ помѣщиковъ такъ были приняты пандуромъ, что дали себѣ слово никогда больше къ нему ноги не ставить.

Разумѣется, появленіе кибитки взволновало всѣхъ отъ мала до велика: отъ самого помѣщика до ребятишекъ дворни. Изъ кибитки вылѣзъ старикъ съ сѣдой бородой и, выйдя на крыльцо, объяснилъ дворецкому, что проситъ доложить господину капитану о его бѣдѣ и причинѣ заѣзда.

Онъ купецъ липецкій съ сыномъ, по фамиліи Пастуховъ. Съ ними приключилось въ дорогѣ лихое дѣло. Вывалили ихъ, наткнувшись на пенекъ, и упали они оба. Ему, старику, ничего не приключилось, а сынъ зашибъ грудь и ногу, да такъ, что двинуться не можетъ, а до города Тамбова ѣхать далеко.

Купецъ Пастуховъ просилъ однимъ словомъ барина-помѣщика изъ милости и ради человѣколюбія позволить у него переночевать до слѣдующаго утра.

Черезъ минуту капитанъ принялъ сѣдого, благообразнаго купчину и, конечно, согласился тотчасъ. Изъ кибитки люди вынесли

молодого малаго съ черной бородкой, красиваго и глазастаго. Даже очень красиваго! Это первое, что не укрылось отъ вниманія ревнивца пандура. За то этотъ красавецъ былъ, совсѣмъ, какъ пришибленный, и его пришлось внести и въ столовую.

Черезъ полчаса самая дальняя изъ комнатъ была уже устроена, а въ ней появились двѣ кровати и все, что было нужно для нежданныхъ гостей, Молодой человѣкъ тотчасъ же легъ въ постель, все пуще жалуясь на лѣвую ногу, а его отецъ усѣлся ужинать съ супругами. И за одинъ часъ времени удивительно полюбился купецъ липецкій и пандуру и молодой барынѣ, потому что онъ оказался такимъ купцомъ, какіе на рѣдкость: все-то онъ видѣлъ, все-то онъ зналъ, обо всемъ могъ разсуждать толково и занимательно.

Живописецъ!—думалось Карсанову.

Послѣ ужина и купецъ, и капитанъ настолько подружились и сошлись, что когда нежданный гость объяснилъ, что на утро двинется съ ушибленнымъ сыномъ ранымъ-рано, стало быть, слѣдъ имъ проститься съ вечера,—капитанъ заявилъ, что спѣшить некуда. Онъ предложилъ напротивъ послать въ Кирсановъ за тамошнимъ знахаремъ, который пользуется большой славой во всемъ околоткѣ, а къ тому же и костоправъ. Пріѣдетъ онъ посмотрѣть ушибленнаго и первую помощь подастъ, а тамъ черезъ день можно купцу везти сына и въ Тамбовъ.

Аннушка изумилась любезности ревнивца мужа, но сама ни словомъ не обмолвилась, какъ хозяйка.

Старикъ Пастуховъ долго не соглашался, боясь безпокоить гостепріимныхъ хозяевъ, но наконецъ согласился. Рѣшено было, что онъ самъ на утро съѣздитъ въ Кирсановъ за знахаремъ-костоправомъ и привезетъ его, а затѣмъ послѣ первой помощи ввечеру или черезъ сутки выѣдетъ съ сыномъ въ Тамбовъ.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлано. Молодой купецъ остался въ усадьбѣ, а отецъ поутру поѣхалъ въ Кирсановъ. А покуда старикъ долженъ былъ быть въ отсутствіи, къ больному посадили Макарьевну. Долго ѣздилъ Пустуховъ, вернулся только къ ночи, да вдобавокъ одинъ. Знахарь былъ гдѣ-то въ отсутствіи, и обѣщали прислать его только черезъ сутки.

А другой, настоящій докторъ, который не захотѣлъ ѣхать, имѣя опасно больнаго въ Кирсановѣ, но которому онъ разсказалъ, въ какомъ видѣ находится его сынъ, Богъ вѣсть чего наговорилъ. Напугалъ онъ купца—страсть, и приказалъ прежде всего никакъ отнюдь не тревожить больного, не таскать съ мѣста на мѣсто, ибо главное дѣло спокойнѣе лежать.

Капитанъ былъ озадаченъ, не зная, что дѣлать: оставлять или спроваживать гостей. Однако вдругъ сразу обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Макарьевна заявила барину на ушко, что молодого купца грѣхъ отпускать, что онъ въ такомъ видѣ, что долженъ помереть. У него прямо Антоновъ огонь, коли не «узрѣшиха».

— Что такое?— ахнулъ капитанъ.—Узрѣшиха?

— Такъ полагаю, Кузьма Васильевичъ?

— Антоновъ огонь не только слыхалъ я, а и видѣлъ два раза въ Турецкую кампанію. А вотъ узрѣшиху никогда. Что это такое!..

— Ужъ не могу, Кузьма Васильевичъ, сказать.

— Какъ не можете! Сами говорите, да не знаете—что. Зря болтаете.

— Воля ваша,—заявила Макарьевна ухмыляясь.—А я по совѣсти и Бога ради, Бога боясь, не прогнала бы умирающаго человѣка на улицу. Грѣхъ великій... Вспомните притчу Евангельскую о болѣющемъ.

— Какую?

Макарьевна тоже затруднилась объяснить, про какую она притчу напомнила, но прибавила:

— Поглядите сами больного, на его ногу взгляните разокъ, и васъ, знаю я, жалость возьметъ, потому что у васъ сердце золотое... А Анна Семеновна даже говоритъ, что у васъ сердце бриллiантовое. Вотъ теперь, говоритъ барыня, я бы обоихъ заѣзжихъ сейчасъ со двора сбыла, а мой Кузьма Васильевичъ, поглядите, возиться съ ними будетъ по добросердію своему: ихъ бы въ три шеи, а онъ ласкать начнетъ.

Капитанъ, съ которымъ супруга за послѣднее время была чрезчуръ холодна въ обращеніи, любилъ, когда Макарьевна передавала ему что нибудь лестное, сказанное женой заглазно.

Капитанъ въ хорошемъ расположеніи духа отправился въ горницу жены посовѣтоваться, какъ быть.

Аннушка удивилась. Никогда мужъ не просилъ еще ни въ чемъ ея совѣта.

— Какъ тутъ быть? Разсудимъ. Я, какъ ты...

— Я не знаю, Кузьма Васильевичъ. Вы гостей не любите. А тутъ еще, какъ говоритъ Макарьевна, предсмертный гость.

— Это ничего, дорогая моя. Это Господь изъ милости къ намъ послалъ такого гостя! — вдругъ заявилъ капитанъ, будто рѣшаясь высказать нѣчто, что хотѣлъ было удержать про себя, какъ тайну.

— Изъ милости? Господь?—удивилась капитанша.

— Да, примѣта есть такая. Если въ домѣ чужой покойникъ, нежданный и незнаемый, то онъ якобы за хозяевъ помираетъ. Онъ какъ бы въ зачетъ идетъ. И сами-то они свои, стало быть, дольше проживутъ. Стало быть, я или ты дольше проживемъ.

Капитанша не отвѣтила, будто «себѣ на умѣ». Понравилось ли ей услышанное или нѣтъ, было неизвѣстно. Но она мысленно сказала себѣ:

— Если правда, что сказывала по секрету Макарьевна, якобы больной гость совсѣмъ загадка живая, то, конечно, надо его задержать. Любопытно, что изъ этого выйдетъ.

Макарьевна, вызванная тоже на совѣтъ, твердила одно:

— Грѣхъ. Грѣхъ. Вспомните притчу евангельскую.

— Да. Примѣта вѣрная и хорошая. Чужой покойникъ въ домѣ—благодать!—думалъ капитанъ.

Иные люди, да въ иномъ мѣстѣ, да въ иное время, безъ сомнѣнія, при такихъ обстоятельствахъ, далеко не заурядныхъ, постарались бы какъ можно скорѣй сбыть съ рукъ подобныхъ гостей, но капитанъ, супруга его и Макарьевна рѣшили вмѣстѣ совершенно обратно.

— Пускай у насъ помретъ, Богъ съ нимъ. Дѣло Богу угодное. Отпоемъ и похоронимъ!—сказали они: капитанъ искренно, а капитанша и Макарьевна «себѣ на умѣ».

Сходилъ самъ пандуръ поглядѣть на молодого купчика и подивился. Мододецъ чудно̀ очень дышалъ, будто собака, пробѣжавшая нѣсколько верстъ. Не хватало только, чтобы онъ языкъ высунулъ и вывѣсилъ. Видъ раненаго былъ совсѣмъ жалкій и, конечно, ему недѣлю, а, можетъ, и всего дня четыре остается на свѣтѣ жить. Можетъ, Макарьевна и впрямь права, утверждая, что это узрѣшиха. Если капитанъ такого слова никогда не слыхалъ, то все-таки опасное положеніе больного было несомнѣнно.

— Можетъ быть, у него всѣ ребра переломаны,—подумалъ капитанъ.—Оттого и грудь болитъ и вздохнуть не можетъ.

Когда было рѣшено, что Пастуховъ съ сыномъ останутся въ усадьбѣ, то старику просто сказали: «покуда не оправится немножко молодецъ»... Сыну ничего не сказали. А сами хозяева съ приживалкой повторяли:

— Покуда не помретъ.

И всѣ были довольны, но менѣе всѣхъ старикъ Пастуховъ. Онъ, конечно, благодарилъ, но имѣлъ видъ растерянный отъ неудачи. Понятно, много любилъ онъ единственнаго сына, но дѣла его были настолько важны, денежныя и торговыя, что онъ на третій же день не усидѣлъ и, объяснившись съ капитаномъ, собрался уѣзжать, препоручивъ сына добрымъ людямъ. А добрые люди, капитанъ и Макарьевна, горячо обѣщались купцу не отходить ни на шагъ и всячески беречь больного и ухаживать за нимъ.

— И всего-то еще на какихъ нибудь три-четыре дня ухода,—говорила Макарьевна.—Пріѣдетъ старикъ черезъ пять дней или шесть и попадетъ ужъ какъ разъ къ похоронамъ.

Старикъ Пастуховъ простился съ сыномъ и уѣхалъ, а больной остался умирать въ домѣ пандура. Макарьевна почти не отходила отъ него и сидѣла въ креслѣ около его постели цѣлыми днями, а ночью укладывалась спать на полу, подостлавъ матрацъ.

Капитанъ часто среди дня приходилъ посидѣть съ больнымъ; но бесѣдовать много было нельзя. Молодой купчикъ былъ слишкомъ слабъ и еле ворочалъ языкомъ и все дышалъ, какъ борзая послѣ погони за зайцемъ.

— Вотъ вѣкъ живи, вѣкъ учись!—думалъ и часто говорилъ женѣ капитанъ.—Узрѣшиха!? И не слыхивалъ.

Жена, однако, на это ни разу не отозвалась ни единымъ словомъ, а про себя думала:

«Дура Макарьевна. Нештo можно этакъ шутить. Скажи-ка вотъ кому это слово раза три, да повразумительнѣе, какъ разъ и догадается человѣкъ».

VI.

День за день, прошла цѣлая недѣля. Старикъ Пастуховъ не возвращался, никакого доктора не присылалъ. Капитанъ началъ даже тревожиться, не случилось ли чего съ Пастуховымъ. Можетъ быть, разбойники убили на дорогѣ. Онъ передалъ свои опасенія женѣ и Макарьевнѣ.

Женщины отнеслись къ этому безучастно.

— Намъ-то что же?—сказала Макарьевна.—Мы и безъ старика свое дѣло сдѣлали отлично.

— Какое дѣло?—спросилъ пандуръ.

Аннушка будто оторопѣла, а Макарьевна, улыбаясь, объяснила:

— Еще спрашиваете—какое? Выходили молодца его... Онъ скоро совсѣмъ поправится и можетъ уѣзжать... Ну, хоть черезъ недѣлю.

Дѣйствительно, у гостя врядъ ли были переломаны ребра, потому что онъ давно уже дышалъ, какъ слѣдуетъ, и только слабость удерживала его въ постели.

Конечно, капитану захотѣлось въ виду выздоровленія больного поскорѣе сбыть его съ рукъ. Ревнивцу было непріятно имѣть въ домѣ даже хвораго молодца и красавца. Жена видѣла купчика только разъ, когда его переносили изъ кабинета въ постель, но теперь... Теперь «глупыя мысли» одолѣвали капитана. Онъ за все это время, по давнишнему обычаю, всякій день выѣзжалъ изъ дому на часъ и два и по хозяйству и ради дозора въ лѣсной дачѣ, гдѣ участились за зиму порубки.

«Неужто за мое отсутствіе жена рѣшится навѣстить больного въ его комнатѣ?»—спрашивалъ себя ревнивецъ, но тотчасъ же отвѣчалъ себѣ, что это подозрѣніе совершенно нелѣпо съ его стороны.

Однако, изрѣдка Кузьма Васильевичъ на всякіе лады заговаривалъ и бесѣдовалъ съ женой о больномъ, надѣясь, что она по молодости и женской непонятливости проболтается и себя выдастъ въ чемъ нибудь.

Но ни разу ничего подобнаго не случилось.

Однажды капитанъ прямо спросилъ вдругъ у жены:

— А вѣдь, поди, любопытенъ тебѣ красавецъ молодецъ, что лежитъ у насъ въ домѣ?

Аннушка удивленно поглядѣла на мужа.

— Да и Макарьевна, небось, масла въ огонь подливаетъ. День деньской о немъ тебѣ живописуетъ.

— Тутъ ли онъ, нѣтъ ли, мнѣ совсѣмъ любопытствія нѣтъ!— сурово отозвалась капитанша.

— Ну... А все-таки красавецъ!—задорно вымолвилъ онъ.

— Не примѣтила.

— Какъ не примѣтила? Зачѣмъ душой кривишь!

— Удивительно!—воскликнула вдругъ Анна Семеновна, какъ бы говоря сама съ собою, а не съ мужемъ.—Стало быть, встрѣнувъ всякаго мужика, всякаго холопа, должна дворянка разглядывать—красавецъ онъ или уродъ.

Капитанъ просіялъ, настолько эти слова были отвѣтомъ на его помышленія.

— Да, правда твоя. Купецкій сынъ...

— Лавочникъ! А отецъ его вольноотпущенный одной рязанской помѣщицы,—объявила капитанша.

— Онъ самъ это сказывалъ? Макарьевнѣ?

— Да... А вы спрашиваете еще красавецъ ли?

И Аннушка, будто совсѣмъ разобиженная, надула свои маленькія и хорошенькія алыя губки. Капитанъ полѣзъ цѣловаться, какъ бы прося прощенія, но жена только позволила себя поцѣловать, сама же дать поцѣлуй наотрѣзъ отказалась.

Послѣ этого объясненія прошло дня два, и капитанъ попрежнему спокойно отлучался изъ дому, зная, что обычное, но глупое и непонятное женское любопытство въ женѣ не существуетъ, и она не пойдетъ сидѣть у постели «лавочника» ради того, чтобы съ нимъ болтать. На третій день капитанъ проснулся ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ, не будя жену, всталъ, одѣлся и вышелъ въ столовую... Онъ былъ сумраченъ. И не мудрено было ему подняться не въ духѣ. Онъ видѣлъ сонъ или, вѣрнѣе, видѣлъ, всякую чертовщину.

Ему приснилось, что больной купчикъ ходитъ по его дому, но не въ длиннополомъ кафтанѣ, а въ генеральскомъ мундирѣ, и обнявъ, даже облапивъ его маленькую Аннушку, цѣлуетъ ее и говоритъ ей, указывая на него, капитана: «Наплевать намъ на него! Онъ вѣдь собака на сѣнѣ!».

Пуще всего волновало и злило Кузьму Васильевича это выраженіе. Какъ могло таковое присниться.

«Не въ бровь, а прямо въ глазъ! А кто же этотъ неучъ и дуракъ? Никто. Сновидѣніе дурацкое. Стало быть, самъ же онъ этакое на себя взвелъ, покуда спалъ. Чудны сны бываютъ.

Послѣ полудня капитанъ въ виду хорошей погоды, яркаго солнечнаго дня съ легкой оттепелью, развеселился, забылъ о своемъ «дурацкомъ» сновидѣніи и предложилъ женѣ ѣхать кататься.

Аннушка заявила, что у нея голова что-то болитъ, и будто знобитъ, что она предпочитаетъ даже прилечь на постель...

Кузьма Васильевичъ даже встревожился, но затѣмъ, послѣ увѣреній Аннушки и Макарьевны, что ничего худого нѣтъ, успокоился.

Яркое солнышко и чудный день все-таки тянули его изъ дому. Поглядѣвъ, какъ жена прилегла на постель и тотчасъ задремала, капитанъ вышелъ изъ спальни, а чрезъ полчаса уже выѣхалъ въ своихъ маленькихъ саночкахъ...

Среди снѣгу и лѣса, подъ золотыми лучами солнца, вдругъ капитану представился золотой съ бѣлыми нашивками мундиръ генерала... генерала-лавочника, да еще говорящаго съ дерзкой усмѣшкой: «собака на сѣнѣ!».

И начало Кузьму Васильевича снова томить, какъ поутру, а затѣмъ начало что-то мутить и тянуть домой. Проѣхалъ онъ еще съ полверсты и не выдержалъ... повернулъ лошадь и припустилъ обратно въ усадьбу.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ пандуръ къ дому, тѣмъ болѣе проникало въ него особое чувство, какого онъ никогда еще не испытывалъ. Пожалуй, раза два въ жизни испыталъ онъ его, но вѣдь при совершенно особыхъ и иныхъ обстоятельствахъ... Первый разъ это было въ первомъ сраженіи, когда еще онъ былъ 19-ти-лѣтнимъ сержантомъ. Второй разъ это было много позднѣе, при штурмѣ Измаила подъ картечью, когда онъ увидѣлъ, что изъ полсотни ближайшихъ офицеровъ и солдатъ онъ одинъ двигается, мыслитъ, остальные валяются и страшно стонутъ или совсѣмъ молча лежатъ. Тогда Карсановъ зналъ, какое въ немъ чувство бушуетъ: страхъ, трусость.

А теперь почему же въ немъ то же чувство, то же боится онъ до смерти. Кого? Чего?

— Предчувствіе что ли?—бормоталъ капитанъ.—Глупости! Нѣтъ. Стало быть...

И онъ не могъ сказать, назвать, выяснить себѣ то, что смутно, какъ въ туманѣ, представлялось ему... Ѣдучи кататься, онъ все думалъ о женѣ, потомъ о больномъ, потомъ о старой Макарьевнѣ и вспоминая, вдумываясь, разсуждая, соображая, взвѣшивая онъ будто собралъ въ кучу сразу многое и многое... Не десятки, а, пожалуй, сотни всякихъ мелочей и пустяковъ. Слова, взгляды, недомолвки, улыбки... И еще что-то, непонятное и неуловимое, что призракомъ завелось и живетъ въ его домѣ...

— И не сегодня, не со вчерашняго дня, а давно!—бурчалъ онъ трусливо.—Ты видѣлъ и чувствовалъ все, Кузьма Васильевичъ, но будто не хотѣлъ уразумѣть и себѣ самому толково доложить, себя самого о бѣдѣ упредить.

Завидя свою усадьбу, старый пандуръ погналъ лошадь и отчаянно восклицалъ вслухъ:

— Да что же это? Да какъ же это? Какъ же раньше-то... раньше-то... Почему сейчасъ прояснилось? Все чуемое наружу полѣзло и въ глаза бросилось.

VII.

Оставивъ лошадь за воротами двора и приказавъ попавшемуся подъ руку дворовому мальчугану держать ее до его возвращенія, капитанъ направился къ заднему крыльцу...

Когда онъ вошелъ въ людскую, то переполошилъ всю дворню своимъ нежданнымъ появленьемъ и ради отвода глазъ сталъ выговаривать за нечистоплотность въ комнатѣ, а затѣмъ прошелъ далѣе...

Но капитанъ не зналъ, что горничная жены уже видѣла его въ окно и уже слетала предупредить: «баринъ!».

Когда Кузьма Васильевичъ очутился въ домѣ и прошелъ быстро въ комнату больного, то нашелъ его одѣтымъ и сидящимъ въ креслѣ. А поутру онъ былъ въ постели.

Капитанъ изумился, а купчикъ улыбался, глядя на него, да еще какъ-то странно, будто подсмѣивался.

— Что же это вы?—спросилъ капитанъ.

— Что-съ...

— Да вотъ... Были въ постели, когда я выѣхалъ, а тутъ вдругъ одѣлись и сѣли.

— Да-съ. Слава Богу, могу-съ.

— Можете?.. А-а?..

— Мнѣ много лучше. Какъ-то даже сразу полегчало сегодня,— улыбаясь сказалъ молодецъ.

— Стало быть, теперь сидѣть будете?—угрюмо спросилъ Кузьма Васильевичъ.

— Да-съ. Надоѣло лежать...

Пандуръ помолчалъ и наконецъ сурово вымолвилъ, сдвигая брови.

— Сидѣть и въ кибиткѣ можно.

— Если прикажете, я соберусь... Я и такъ уже давно злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ. Что дѣлать, все задерживала узрѣшиха.

Особенно ли какъ произнесъ гость это слово, но капитанъ, мысленно повторивъ его, вспомнилъ другое слово, наименованіе: «узърѣшительница».

«Есть такая святая,—подумалъ онъ и тотчасъ же разсердился самъ на себя.—Тьфу! Во всякихъ пустякахъ сталъ выискивать разныя киванія на себя и жену».

Капитанъ прошелъ къ женѣ и нашелъ ее попрежнему на кровати, она дремала, но открыла глаза при его появленіи. Онъ объяснилъ, что вернулся вдругъ домой, безпокоясь тѣмъ, что она хвораетъ.

— Я здоровехонька,—отозвалась Аннушка.

— Да? Ну, вотъ и нашъ купчикъ здоровехонекъ! Стало, пора ему и со двора долой.

Аннушка не отвѣтила, смотрѣла равнодушно и разсѣянно.

Но капитанъ сталъ объяснять женѣ все-таки, что такъ какъ молодца они выходили, и онъ можетъ уже двигаться, — то нечего его удерживать.

— Вѣдь я призрѣлъ у себя умирающаго!—горячился капитанъ.— А если умиравшій теперь вовсе не собирается умирать, то почему же его у себя удерживать и за нимъ ухаживать. Усадьба дворянская—не больница и не перевязочный пунктъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ. Доѣдетъ теперь до Тамбова отлично и одинъ. Такъ ли?

Но жена, ни единымъ словомъ не отозвавшись на всѣ рѣчи мужа, молчала и теперь.

— Что же ты молчишь?—воскликнулъ капитанъ.

— Что же я буду говорить,—отвѣтила она.—Стоитъ того изъ-за всякаго лавочника себя утруждать.

— «Лавочникъ, да лавочникъ!» — сердито подумалъ про себя пандуръ.— «Не опасно, якобы и не сумнительно. А чѣмъ чортъ не шутитъ. Лучше спровадить...».

И онъ прибавилъ:

— Такъ я его спроважу... И сейчасъ... Ну его...

Аннушка не отвѣтила.

И воинъ, побывавшій во многихъ битвахъ со шведами, нѣмцами и турками, распорядился повоенному.

Черезъ два часа кибитка стояла у подъѣзда, а купецкій сынъ, нисколько не смущенный, благодарилъ чувствительно хозяина за гостепріимство и просилъ не поминать его лихомъ.

— Все это по волѣ Божіей... Узрѣшиха!—говорилъ онъ, ехидно ухмыляясь и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показалось капитану, будто облизываясь, точно котъ, мышей наѣвшійся по горло.

— Противъ узрѣшихи не пойдешь, господинъ капитанъ!—было опять его послѣднее слово уже изъ кибитки.

— «Типунъ тебѣ на языкъ!»—думалъ капитанъ, провожая глазами выѣзжавшую со двора кибитку. Не нравилось ему это диковинное слово.

Была барыня-капитанша весела и довольна, покуда хворалъ въ домѣ молодой гость, а Макарьевна о немъ ей расписывала — и ждалъ пандуръ, что теперь жена, снова оставшись безъ забавы среди тишины и глуши лѣса, опять затоскуетъ. Однако онъ ошибся.

Аннушка послѣ отъѣзда гостя была еще веселѣе, прыгала, напѣвала и на все была согласна, кромѣ одного—цѣловаться съ мужемъ.

Но чрезъ двое сутокъ ввечеру въ усадьбѣ произошло невѣроятное и поразительное событіе, даже два событія.

Въ полуверстѣ отъ усадьбы, среди полумрака лѣса, появилась и ждала тройка. Въ большихъ саняхъ сидѣлъ тотъ же молодой купчикъ, но уже обритый, безъ бороды и усовъ, и хотя былъ онъ въ

простомъ полушубкѣ и въ бараньей шапкѣ, но удивительно походилъ теперь на красавца-князя Девлетъ-Ильдишева, любимца свѣтлѣйшаго вельможи. Вскорѣ въ этомъ же мѣстѣ появились двѣ женскія фигуры, одна очень маленькая и быстрая въ движеніяхъ, а другая полная и грузная, едва ползущая по снѣгу.

— Слава Богу!—воскликнулъ поджидавшій.

Женщины сѣли въ сани. Молодецъ усѣлся на облучкѣ около ямщика и... все исчезло!

И такъ исчезло, какъ только въ сказкахъ бываетъ!

Чрезъ часъ послѣ исчезновенія тройки лихихъ коней въ усадьбѣ началось вдругъ сильное движеніе, бѣготня, оханье и сущій Вавилонъ.

Барыни не было нигдѣ... Капитанша пропала, какъ иголка. Оно, при ея маленькомъ ростѣ, было бы, пожалуй, и не мудрено, но здоровенная Макарьевна тоже пропала.

Старикъ пандуръ волновался, ничего не понимая, не зная, какъ объяснить шутку жены или прихоть... Хорошо ли въ поздній часъ ночи отлучиться погулять на деревнѣ! А здѣсь, въ лѣсу, оно было и опасно... Вокругъ и близко видали волковъ зачастую...

Обождавъ, обшаривъ всѣ мышиныя норки въ домѣ, во дворѣ и въ саду и вокругъ усадьбы, капитанъ сталъ терять разсудокъ и вдругъ побѣжалъ къ рѣчкѣ, на прорубь, гдѣ брали воду для хозяйства.

«Вѣдь она все грозилась прорубью этой?!».

Пандуръ не соображалъ, что найти кого либо, ухнувшаго въ прорубь, можно только весной, да и то не на самомъ мѣстѣ, а ниже, по теченію. Онъ тоже забылъ, что если его Аннушка и утопилась, то зачѣмъ же пригласила съ собой подъ ледъ и Макарьевну.

Однако, сама «правда» потихоньку стала приближаться къ разуму стараго ревнивца и стала выступать все ближе и яснѣе.

«Можетъ ли это быть?! Купецкаго сына на капитана?!.. Кукушку на ястреба?!».

«Да и былъ ли онъ боленъ!».

«А хворость смертельная, что именуется узрѣшихой... Узъ рѣшихой, узъ рѣшительницей. Ихъ узъ! Брачныхъ узъ!».

Пандуръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, вернулся въ домъ, прошелъ въ спальню вѣроломной супруги и опустился грузно въ кресло.

«Это самое, гдѣ сидѣла часто старая бестія!».

«Да! Это все она старая. Все она...».

Все въ спальнѣ, будто подшучивая надъ бариномъ-помѣщикомъ, начало вдругъ подпрыгивать, плясать и вертѣться. Все пошло ходуномъ. Кровать, столъ, шкафъ, стулья...

Старикъ закричалъ...

Прибѣжавшіе на крикъ буфетчикъ и горничная увидѣли стараго барина на полу и посинѣлаго лицомъ. Горничная въ перепугѣ

бросилась звать людей, а буфетчикъ присѣлъ около барина на полу. Баринъ бормоталъ что-то и страшно глядѣлъ, а тамъ задергалъ правой рукой безъ толку, но наконецъ толку добился... Рука дернулась сильнѣе, къ самой груди, и онъ перекрестился.

Буфетчикъ перекрестился тоже и заплакалъ.

VIII.

Былъ уже конецъ ноября.

Въ новомъ городѣ Екатеринославлѣ, на постояломъ дворѣ, уже мѣсяцъ цѣлый пребывала парочка проѣзжихъ: молодой красавецъ-офицеръ изъ арміи князя Потемкина, а съ нимъ его сестра, провожающая его чуть не до самой границы Турціи, но ѣдущая собственно къ родственникамъ.

Это обстоятельство нисколько не удивляло хозяина двора и другихъ лицъ. Удивительно же было только то, что пріѣхала парочка и остановилась отдохнуть отъ дальняго пути, а живетъ почему-то уже двѣ недѣли. А главное, все ѣдутъ они, все собираются чуть не ежедневно, вещи укладываются и опять раскладываются. Будто малоумные, или имъ не хочется ѣхать, а надо...

И такъ прошелъ, шутка сказать, почти цѣлый мѣсяцъ.

Дѣйствительно, князь Девлетъ-Ильдишевъ и похищенная имъ Анна Семеновна Карсанова пріѣхали сюда и остановились, намѣреваясь пробыть двое сутокъ. Но здѣсь въ тотъ же вечеръ бесѣда ихъ между собой, хотя и была послѣдствіемъ многихъ бесѣдъ въ долгомъ пути, приняла совершенно нежданный оборотъ. Какъ это случилось вдругъ, они и сами не знали.

Во время всего пути иносказательно, всякими намеками радовали они другъ друга и печалили. Все было ясно и въ то же время не совсѣмъ ясно. А тутъ вдругъ въ Екатеринославлѣ совсѣмъ невзначай,—или ужъ время пришло,—объяснились они напрямки. И оказалось, конечно, что они, не зная, знали все и только боялись ошибиться. Оказалось, что въ пути они полюбили другъ друга, невѣдомо кто кого больше.

И вотъ, оставшись еще на лишнія сутки, потомъ еще на трое сутокъ, потомъ на недѣлю, они живутъ уже почти цѣлый мѣсяцъ. Временами они на седьмомъ небѣ, а временами задумчивы и грустны такъ, какъ если бы были самые несчастные люди на свѣтѣ.

— Хоть въ гробъ ложись!—восклицаетъ часто князь Девлетъ.

— Да я лучше на себя руки наложу!—опять повторяетъ Аннушка такъ же, какъ и своему мужу.

Только теперь причина совсѣмъ другая.

Пустились они въ путь, чтобы ѣхать прямо въ армію. Аннушка съ радостью согласилась бѣжать отъ мужа къ кому и куда бы то ни было. Прихоть вельможи, заставившая Девлета разыграть цѣлую

комедію, отпустить усы и бороду, нанять ловкаго старика въ Тамбовѣ для роли купца и отца—все это сначала испугало Аннушку.

Когда князь Девлетъ появился въ усадьбѣ, то осторожно сошелся прежде всего со своей сидѣлкой. Но дружба и полное согласіе между переодѣтымъ офицеромъ и Макарьевной установились тотчасъ же, такъ какъ Девлетъ подарилъ ей за хлопоты двѣсти рублей впередъ и обѣщалъ еще триста въ случаѣ удачи. Деньги, о которыхъ старуха и мечтать не могла, получая пять рублей жалованья отъ капитана, и, кромѣ того, мысль, что она будетъ стараться для именитаго вельможи съ одной стороны, а съ другой для любимой и несчастной барыни,—заставили Макарьевну ревностно, ретиво и ловко взяться за дѣло.

Самое мудреное было не сокрытіе тайны отъ стараго ревнивца: несчастный видъ ушибленнаго, фіолетовая нога и его удивительное дыханіе затмили собою все, что могло бы при иныхъ обстоятельствахъ броситься ему въ глаза, благодаря его подозрительности и извѣстной долѣ хитрости. Впрочемъ, ревнивцы, въ особенности старые, видятъ зорко за версту и ничего не видятъ подъ носомъ.

Самымъ мудренымъ оказалось успокоить, уговорить и убѣдить самую капитаншу, испуганную дерзостью предпріятія, дальнимъ путешествіемъ къ предѣламъ Турціи и въ особенности одной мыслью—вдругъ очутиться «предметомъ» свѣтлѣйшаго князя Таврическаго... Въ грезахъ это было дивомъ, счастьемъ... А наяву, въ дѣйствительности, оно было трепетно страшно, даже, пожалуй, страшнѣе нырка въ прорубь.

Однако, когда при первой же отлучкѣ мужа изъ дома Аннушка познакомилась съ красавцемъ офицеромъ, то дѣло представилось ей почему-то проще... Почти всякій день стала видаться она съ Девлетомъ, но искусно и осмотрительно, такъ что мужъ ни единаго разу не накрылъ ихъ. И со всякимъ новымъ свиданьемъ согласіе и желаніе бѣжать съ нимъ все крѣпло, а затѣмъ стало представляться даже простымъ дѣломъ.

Послѣ бѣгства и уже въ пути Аннушка сдѣлала въ себѣ самой нежданное открытіе. Она поняла то, что сначала только смутно сознавала, будто сама себя обманывая. Она поняла, что положительно влюблена—и съ перваго дня знакомства—въ самого князя Девлета.

«А онъ?—спрашивала она мысленно и разсуждала:—онъ и не догадывается... Онъ исполняетъ порученіе своего начальника добросовѣстно и усердно, поэтому ему и на умъ не приходитъ, что онъ самъ можетъ понравиться... Но послѣ?.. Когда нибудь? Можетъ быть, онъ тогда иначе взглянетъ на нее... Макарьевна говорила: «дѣло не въ князѣ, вельможѣ». Дѣло въ томъ, что это единственный способъ стать свободной и счастливой въ новомъ замужествѣ.

— Блажной вельможа отплатитъ вамъ тѣмъ, что освободитъ отъ старика супруга,—говорила ей старуха.

Правда, онъ всемогущъ, а при такомъ положеніи дѣла, каково ея, расторгнуть бракъ даже легко. Карсановъ женился на ней полуребенкѣ, и хотя подобные браки бываютъ сплошь и рядомъ, но все-таки всегда брачущійся проситъ разрѣшенія митрополита, а иногда и синода. Капитанъ же ничего подобнаго не сдѣлалъ. Слѣдовательно разводъ съ нимъ, да еще при покровительствѣ Потемкина, самое простое дѣло. А такъ какъ прихотливый вельможа долго ее при себѣ не удержитъ, дастъ денегъ и отпуститъ, то она и выйдетъ замужъ, за кого пожелаетъ.

Въ Тамбовѣ пришлось ей по неволѣ разставаться съ Макарьевной, такъ какъ старуха рѣшила ѣхать опять въ Москву, чтобы спрятаться отъ капитана. И ради себя самой и ради сокрытія слѣдовъ Девлета съ Аннушкой. При прощаніи старуха сказала: «Смотри ты, въ сопровождателя своего не втюрься!» И эти слова подлили масла въ огонь. Съ каждымъ днемъ въ пути она все менѣе и менѣе думала о вельможѣ и когда думала, то только пугалась и ужасалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ все «удивительнѣе» относилась къ спутнику.

И вотъ, когда они прибыли въ Екатеринославль, то она уже вполнѣ ясно поняла, что просто была позарѣзъ влюблена въ красавца князя Девлета. Но на бѣду она узнала здѣсь, что онъ точно также безъ памяти влюбился въ «крохотулю» и «пандурочку» вельможи и готовъ второй разъ похитить ее. Послѣ искренняго обоюднаго признанія и перваго пыла на седьмомъ небѣ молодые люди очнулись и стали разсуждать о томъ, какъ быть. Положеніе было ужасное и безвыходное. Князь Девлетъ, конечно, не могъ теперь везти прихотливому вельможѣ въ полное распоряженіе ту, которая стала ему дороже всего на свѣтѣ.

Не везти ее къ Потемкину, вернуться обратно въ родные предѣлы, въ Москву или Петербургъ—можно бы было прожить спокойно съ полгода, ну, хоть годъ... А затѣмъ, конечно, будетъ Богъ вѣсть что... Погибель между двухъ враговъ—и стараго пандура и всемогущаго вельможи. Князь не проститъ такого поступка офицера и вездѣ достанетъ. Руки его долгія... Не только изъ Москвы, изъ заморскаго края достануть онѣ человѣка и перекинутъ прямо въ Камчатку.

И вотъ влюбленная чета, безвыходно сидя въ комнатахъ большого постоялаго двора, ежедневно раздумывала и разсуждала, какъ быть, что сдѣлать, чтобы достигнуть счастія.

— Я лучше сто разъ утоплюсь, чѣмъ идти въ «забавницы» стараго вельможи,—разсуждала Аннушка въ отчаяніи.—Хорошо было мѣнять Кузьму Васильевича на свѣтлѣйшаго... А тебя промѣнять?.. Да на царя-салтана какого и то не промѣняю. Надумай, какъ спастись намъ. Надумай!

Но Девлетъ ничего надумать не могъ.

Бѣжать вмѣстѣ куда либо и выйти въ отставку заглазно, по

прошенію, невозможно. Свѣтлѣйшій догадается... Тогда онъ пропалъ... Поѣхать одному въ армію и доложить, что не нашелъ онъ пандурочки? Тогда будетъ онъ въ опалѣ, а князь, ненавидящій всякія незадачи, еще пуще разгорится и пошлетъ въ воронежское и въ тамбовское намѣстничество другого, даже двухъ-трехъ другихъ посланцевъ... И что же они найдутъ и какой отвѣтъ привезутъ князю... Усадьбу пандура нашли, но уже бѣжала пандурочка съ молодымъ купцомъ... Съ какимъ? Гдѣ онъ? Розыскать! А въ Тамбовѣ три лица знаютъ, что былъ пріѣзжій князь Девлетъ, который противно дворянскому обычаю ходилъ въ недавно отпущенныхъ усахъ и бородѣ. Эти три лица даже ему были полезны въ розыскѣ... Они же его и продадутъ, узнавъ, что Девлетъ ихъ самихъ и князя обманулъ.

Ну, а если не пошлетъ свѣтлѣйшій князь розыскивать вновь пандурочку?.. Наврядъ! Но вѣдь самъ старый пандуръ, энергическій и упрямый, будетъ дѣйствовать, будетъ искать жену, поѣдетъ въ Петербургъ жаловаться самой царицѣ. Сто разъ въ минуты ревности говорилъ онъ это женѣ. И дѣло дойдетъ до слуха князя позднѣе. А развѣ можетъ Девлетъ хлопотать о разводѣ Аннушки съ мужемъ, когда похитилъ ее дважды, и у мужа, и у вельможи...

Вотъ тутъ и разсуди...

— Одно остается,—плакала Аннушка,—утопиться обоимъ.

Но Девлетъ находилъ, что это рѣшеніе дѣла—бабье. Надо достигнуть счастія, а какое же счастіе на днѣ рѣки.

Наконецъ, однажды князь Девлетъ вдругъ взволновался страшно... Голова его давно трещала отъ думанья и исканія выхода изъ мудренаго положенія и наконецъ въ ней стало все какъ-то перепутано и темно...

А вдругъ теперь сразу стало свѣтло!

Онъ придумалъ, какъ избавиться отъ прихоти вельможи, какъ спасти дорогую Аннушку и въ то же время, разведя ее съ мужемъ при помощи всемогущаго князя, назвать своей женой... Да, онъ дивно придумалъ!.. Если же выдумка и не удастся тотчасъ, то по крайней мѣрѣ дѣло затянется на четыре или пять мѣсяцевъ... А тамъ, что Богъ дастъ!.. Прихоти свѣтлѣйшаго быстротечны...

Девлетъ передалъ и объяснилъ Аннушкѣ свою выдумку...

Она ахнула, потомъ одобрила выдумку.

— Опасно! Страшно шутить съ Потемкинымъ. Но что же дѣлать! Другого спасенія нѣтъ!

Такъ рѣшила влюбленная чета.

IX.

Тотъ же иноземный край, откуда лѣтомъ выѣхалъ посланцемъ красавецъ князь Девлетъ за пандурочкой... Но бѣлый снѣговой покровъ, который окуталъ теперь всю Русь, здѣсь нѣсколько разъ ложился на землю и окутывалъ ее, но все напрасно... Золотое солнце такъ весело сверкаетъ съ неба и такъ поглядываетъ, будто смѣючись, что за ночь все увернувшій бѣлый саванъ къ полудню начиналъ будто плакать въ три ручья... И каждый разъ снѣгъ, желавшій сдѣлать изъ осени зиму, дѣлалъ изъ осени весну.

Городъ этотъ побольше, но того же характера, съ тѣмъ же смѣшаннымъ населеніемъ... Домъ, гдѣ помѣщался главнокомандующій, бо̀льшихъ размѣровъ, роскошнѣе убранъ, а залъ, гдѣ всякое утро собиралась масса военныхъ, свита, пріѣзжіе изъ дѣйствующей арміи и пріѣзжіе изъ Россі̆и,—большой, свѣтлый съ бѣлыми колоннами подъ мраморъ и въ два свѣта.

Однажды въ толпѣ явившихся и ожидавшихъ пріема очутился и красавецъ офицеръ.

О Девлетѣ уже доложили свѣтлѣйшему давно, какъ о вернувшемся изъ Россіи курьерѣ, но онъ, ожидавшій быть принятымъ тотчасъ же,—ждалъ уже второй часъ.

Прошло и три часа... Пріемъ кончался, а его, Девлета, князь не спросилъ. Вѣроятно, просто забылъ... Наконецъ пріемъ кончился.

Офицеръ снова напомнилъ о себѣ чиновнику изъ канцеляріи, замѣнявшему адъютанта, и тотъ, объяснивъ, что уже докладывалъ князю о вернувшемся гонцѣ, рѣшился снова доложить.

— Пожалуйте!—вышелъ онъ изъ кабинета.

«Помяни Господи царя Давида и всю кротость его»!—мысленно проговорилъ Девлетъ и въ какомъ-то чаду страха и волненія переступилъ порогъ и очутился въ большой комнатѣ.

Свѣтлѣйшій сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ за кипой бумагъ...

Девлетъ сталъ у дверей... Князь долго читалъ одну бумагу и наконецъ, бросивъ ее, вскрикнулъ:

— Іуды... Вездѣ Іуды!.. Около Христа одинъ на дюжину былъ Искаріотъ, а около нея въ Питерѣ—дюжина въ дюжинѣ.

Затѣмъ князь, окинувъ комнату глазами, замѣтилъ какого-то офицера.

— Тебѣ что?—рѣзко вымолвилъ онъ, не глядя.

— Вернулся сегодня, ваша свѣтлость, и тотчасъ же имѣю честь явиться.

Князь между тѣмъ разсѣянно искалъ что-то глазами на столѣ.

— Вернулся? Откуда?

— Изъ россійскихъ предѣловъ.

— Ну, хорошо. Что же?..

— Исполнивъ ваше порученіе, я...

— Какое порученіе? — спросилъ князь, найдя и просматривая листокъ съ колоннами цифръ.

— Вы изволили меня посылать...

— Тебя?.. Васъ?.. Да ты...

Свѣтлѣйшій бросилъ листокъ на столъ и присмотрѣлся внимательнѣе.

— Ай, батюшки свѣты! Девлетъ! — воскликнулъ князь. — Не узналъ. Даже по правдѣ чуть не забылъ, что ты и на свѣтѣ есть, то бишь — еси! Ну, здравствуй, Девлетка! Что скажешь?.. Я тебя, говоришь, посылалъ въ Россію?.. Когда? Давно, знать...

— Лѣтомъ еще... Но порученіе мое было таково затруднительно, что я...

— Какое порученіе?

Девлетъ удивился въ свой чередъ.

— Вы изволили приказать розыскать въ Воронежскомъ и въ Тамбовскомъ намѣстничествахъ нѣкую особу молодую, которую изволили встрѣтить въ степяхъ Малороссіи, путемъ...

— Что? Что-δ? Ну, ну...

— Вотъ я нынѣ эту пандурочку самую...

— Что за околесная... Какая, чортъ, пандурочка? Что такое? Собаченка, что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— А! Помню... Вспомнилъ... Караковая! Киргизка, что мнѣ подарилъ Нарышкинъ. Ну? Привелъ? Дошла благополучно...

Девлетъ стоялъ, совсѣмъ разинувъ ротъ, но страшно волновался и почти трясся, какъ въ лихорадкѣ. Врагъ человѣческій будто науськивалъ его отвѣчать князю:

«Точно такъ-съ. Караковая. Привести не удалось. Околѣла въ Кишиневѣ!»

Но вмѣсто этого онъ выговорилъ чрезъ силу:

— Никакъ нѣтъ-съ. Пандурочка — жена капитана пандурскаго полка, Карсанова, кою вы приказали мнѣ розыскать и доставить...

— Жена капитана? Доставить... Пандурочка? — заговорилъ Потемкинъ, растягивая слова и какъ будто съ трудомъ соображая и припоминая вмѣстѣ...

— Въ пути, на станціи, въ Малороссіи... началъ было Девлетъ, но князь вскрикнулъ...

— Вспомнилъ! Вспомнилъ... Крохотуля!

— Такъ точно-съ.

— Вѣрно, вѣрно. Помню. Какъ не помнить! Хорошо даже помню. Глазки такіе... Ну... мышиные. Да и вся съ мышенка. Помню... Прелесть... Ну, что же? Я приказывалъ, говоришь, доставить ее сюда ко мнѣ?

— Такъ точно-съ.

— Вотъ этого хорошо не помню. Да все равно...

— Вотъ-съ я, по вашему приказанію...

— Ну? Доставилъ?

— Доставилъ... Дѣло было мудреное, ваша свѣтлость... Но, благодаря Бога, все удалось.

— Разсказывай. Что и какъ!..

Князь оживился и улыбался.

Девлетъ-Ильдишевъ передалъ подробно всѣ свои приключенія и хлопоты съ самаго начала поисковъ въ Воронежѣ и до похищенія пандурочки при помощи переодѣванья и всякихъ хитростей.

— Молодецъ! Ей-Богу, молодецъ!—воскликнулъ князь, добродушно смѣясь... Только на театрѣ такое бываетъ... Въ балетахъ... А вѣдь я, Девлетка, не повѣришь, забылъ совсѣмъ... Съ той поры, что тебя послалъ, ни единаго-то разу не вспомнилъ... Разъ какъ-то вспомнилъ: гдѣ мой Девлетка? Куда провалился?.. Хотѣлъ у Попова спросить, да тоже забылъ... А выходитъ вонъ что... Ну, что же эта пандурочка—такая же шармантная?.. Радъ буду... Ей, Богу, радъ буду...

Девлетъ разинулъ ротъ что-то сказать, но поперхнулся, а затѣмъ, справившись, выговорилъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Опасаюсь я только, что вашей свѣтлости будетъ непріятно узнать, что...

— Что такое?

— Капитанша Карсанова попрежнему изъ себя пригожа, хотя малость и измѣнилась въ лицѣ отъ нѣкоторой причины.

— Подурнѣла?

— Такъ точно-съ. Малость.

— Отчего?

— Отъ женскихъ причинъ... Такъ сказать, отъ супружескихъ причинъ...

— Что? Говори! Ни чорта не понимаю.

— Она находится въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ? Больна? Печальна?

— Въ тяжеломъ положеніи.

— Да изъ-за какихъ причинъ?

— Супружескихъ... Ваша свѣтл...

— Супружескихъ?...

Наступило молчаніе. Князь удивленно глядѣлъ на офицера, ничего не понимая, а Девлетъ въ крайнемъ волненіи все будто собирался что-то сказать еще и не имѣлъ духу вымолвить.

— Да хочешь ты или нѣтъ говорить толкомъ!—воскликнулъ наконецъ князь уже сердито.

— Капитанша Карсанова въ настоящее время находится уже

на пятомъ мѣсяцѣ. Вотъ по сему... вашей свѣтлости, я и полагаю, это обстоятельство...

— Батюшки свѣты!—закричалъ вдругъ Потемкинъ на весь домъ и, вскочивъ съ мѣста, быстро подошелъ къ Девлету. Молча постоявъ нѣсколько мгновеній предъ офицеромъ, онъ вдругъ разразился громкимъ раскатистымъ смѣхомъ...

— Ой! Ой!.. Батюшки мои... Да что же... Ой!

Онъ двинулся, упалъ на турецкій диванъ и, продолжая хохотать, выговаривалъ чрезъ силу...

— Ой! Уморилъ... Ой, батюшки... Да какъ же... Да какъ же ты... Такъ зачѣмъ же!.. Ой, Господи... Ой!.. Умру...

Девлетъ стоялъ, нѣсколько оживившись, бодрѣе и веселѣе смотрѣлъ.

Наконецъ, князь пересталъ охать и хохотать, отдышался, утеръ слезы на глазахъ и послѣ новаго конечнаго и краткаго припадка смѣха произнесъ утомленнымъ голосомъ:

— Какъ же ты ее привезъ? Дурень. Вѣдь ты похитилъ у пандура наслѣдника. Чужихъ женъ воровать можно. А чужихъ дѣтей воровать законъ воспрещаетъ. А?

Девлетъ молчалъ и едва замѣтно улыбался.

— Она, можетъ, еще, пожалуй, съ двойней. Я тебѣ указывалъ пандурочку привезти, а ты мнѣ съ ней еще парочку пандурчатъ прихватилъ... Ой, батюшки!..

И неудержимый смѣхъ началъ снова душить князя.

— Ой, вотъ одолжилъ-то... Батюшки... Зови Попова... Надо ему разсказать... Этакое всѣмъ... Надо всѣмъ разсказать. Стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а этакого не бывало... Ай, да похититель... Чужую жену съ потомствомъ увезъ... Для заселенія Молдавіи... Колонію привезъ! Съ партіей переселенцевъ пріѣхалъ... Зови. Зови... Попова зови... Ой, батюшки...

Девлетъ вышелъ, а князь снова раскатисто захохоталъ и легъ на диванъ въ изнеможеніи.

— Ой, умру!.. слышалъ офицеръ чрезъ затворенную имъ дверь.

X.

Когда Девлетъ-Ильдишевъ привелъ Попова къ князю и затѣмъ по его приказу снова разсказалъ все, «не забѣгая впередъ», а какъ слѣдуетъ «по порядку», то снова въ кабинетѣ долго гудѣлъ смѣхъ.

— А? Каковъ гусь? Разсуди, Василій Степановичъ. Да ты пойми. Раскуси!—смѣялся князь.—И мой, да и Господень указъ заразъ исполнилъ Девлетка. Да какъ же? Плодитеся и множитесь, указалъ Господь. Вотъ онъ, гусь лапчатый, и восхотѣлъ, чтобъ это у меня въ главной квартирѣ арміи и въ моихъ именно апартаментахъ

происхожденіе имѣло... А? Хорошо? Ай да повѣренный... А я-то у него вышелъ, что въ картахъ: король, дама самъ третей, а то и самъ пять.

И князь началъ острить еще болѣе рѣзко, выдумывалъ не вѣсть какія послѣдствія отъ диковиннаго казуса, такъ что наконецъ не только Поповъ, но и самъ Девлетъ невольно началъ хохотать.

— Да, стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а второго этакого похищенія не приключится,—серіозно выговорилъ наконецъ князь, уже утомясь острить и смѣяться.

— Это точно-съ. Конечно,—отозвался Поповъ улыбаясь.—Но виноваты вы, а не Девлетъ. Вѣдь обыкновенно, изволите видѣть, бываетъ на свѣтѣ не такъ... Похищаютъ люди чужихъ женъ завсегда сами и для себя... Ну, они при ближайшемъ знакомствѣ и сугубомъ вниманіи оплошать и не могутъ... Да и вольны — какъ имъ быть. А вѣдь тутъ все было по порученію и указу начальства... Указано было князю Девлету: ступай и похищай. Ну, вотъ онъ въ точности все и исполнилъ. Не его дѣло было разсуждать и въ разсмотрѣніе обстоятельствъ входить... противорѣчивыхъ и неподходящихъ... Указано свыше! И аминь! Ну, вотъ вмѣсто любовнаго приключенія и вышло, какъ вы изволите сказывать—король, дама самъ третей... Или въ нѣкоемъ родѣ переселеніе народовъ... Этакое косвенное намѣреніе колонизаціи Молдавіи русскими выходцами, да еще близнецами...

Князь хотѣлъ было разсмѣяться, но уже не могъ, а только поморгалъ глазами.

— Да. Авантюръ! Ну, что же?.. Дай ему опять денегъ. Пускай опять путешествуетъ... А ты собирайся тотчасъ же, Девлетушка...

— Куда прикажете?—робко вымолвилъ офицеръ.

— Куда? Еще спрашиваетъ, гусь. Обратно, восвояси. Вези назадъ!

— Въ Тамбовское намѣстничество?—съ дрожью въ голосѣ произнесъ офицеръ.

— Понятно. Откуда взялъ, туда въ цѣлости обратно и доставь. А предъ супругомъ извинись, скажи, виноватъ, обмахнулся... Однако, шутки прочь... А ты въ самомъ дѣлѣ доставь ее до Тамбова, самъ ея супругу на глаза не кажись, чтобы не убилъ, а въ городѣ все-таки обожди, чтобы узнать, какъ все обошлось, а самъ пріѣзжай сюда... Въ другой разъ я тебя, будь спокоенъ, женъ красть посылать не буду, а то ты, пожалуй, обезлюдишь всю матушку Россію и заселишь россіянами всю Турцію. Ну, маршъ... Добраго пути и удачи...

Девлетъ поклонился и вышелъ вонъ, а чрезъ нѣсколько минутъ не шелъ, а бѣжалъ по улицамъ города. Лицо его сіяло безмѣрнымъ счастьемъ и восторгомъ.

А князь говорилъ между тѣмъ Попову:

— Ну, а не приметъ ее обратно пандуръ? Что тогда? А?

Поповъ развелъ руками вмѣсто отвѣта.

— Что тогда дѣлать съ ней? Опозорена и погублена зря.

— Разведутся, а она выйдетъ опять замужъ. Вы же пожалуете ей пятьдесятъ душъ крестьянъ за безпокойство и на счастіе, чтобы мужа другого найти...

— Радёхонекъ буду. Хоть и безъ вины виноватъ. Дамъ сто душъ! Въ Новороссіи земли дамъ.

— Но, однако, думается мнѣ, что все обойдется. Старый пандуръ ее, небось, обожаетъ, да и ради своего пандурченка будущаго смилуется. Да ничего съ ней худаго и не было. Только пропутешествовала капитанша. Можетъ поклясться мужу, что была и осталась благовѣрной его.

— Такъ-то такъ... Если смилуется... Ну, а не приметъ, говорю. А?

Поповъ пожалъ плечами и молчалъ.

— А другой никто не захочетъ жениться на опозоренной, что у мужа увозили, да еще ему и назадъ доставили: на-те, молъ. Больше не требуется... Вѣдь тогда она на всю жизнь несчастная. Скажи-ка... А?.. Грѣхъ, такъ-то...

Поповъ все молчалъ, но вдругъ разсмѣялся попрежнему звонко.

— Что ты?.. Что?

Поповъ выговорилъ сквозь смѣхъ.

— Женить на ней... самого...

— Кого?

— Похитителя...

Князь фыркнулъ и разсмѣялся, но уже усталымъ смѣхомъ.

— По дѣломъ вору и мýка,—сказалъ Поповъ,—то, бишь, женитьба. Не воруй даму самъ пятъ.

А между тѣмъ князь Девлетъ, пробѣжавъ нѣсколько улицъ города, вихремъ влетѣлъ въ домъ, гдѣ остановился со своей Аннушкой.

Она, заслышавъ его быстрые шаги, обмерла, хотѣла встать, идти на встрѣчу и не могла.

— Все пропало... Требуетъ къ себѣ...—выговорила она вслухъ...

Девлетъ вбѣжалъ въ комнату, гдѣ она сидѣла, подбѣжавъ, схватилъ ее въ объятья и началъ безумно цѣловать...

— Что? Что? Что?—повторяла она чуя, что все сошло благополучно.

— Приказалъ назадъ везти!—закричалъ онъ.

— Куда?

— Къ Кузьмѣ Васильевичу твоему...

— Не хочу! Не хочу! Лучше смерть!..—вскрикнула Аннушка.

— Глупая! Ничего не смыслишь. Моя ты теперь...

И Девлетъ разсказалъ и объяснилъ все...

— Стало быть, все слава Богу?—спросила она.

— Понятно. Надо только скорѣе уѣзжать, а оттуда я отпишусь, что Кузьма Васильевичъ тебя не хочетъ принять... А тамъ чрезъ полгода опять напишу, буду просить позволенія изъ жалости на тебѣ жениться, изъ-за якобы совѣсти. Сглупилъ самъ и каюсь, молъ...

— Ты такъ и сказалъ—на пятомъ мѣсяцѣ.

— На пятомъ! Что смѣху было... А я думалъ, бѣда будетъ. А только смѣхъ былъ.

— Ну, слушай, милый, что я скажу тебѣ теперь, благо, все слава Богу... Оно—правда.

— Что?

— На пятомъ — выдумка ради себя спасенія, а на первомъ... Ну, понялъ что ли, глупый?

И Аннушка подпрыгнула, повисла на шеѣ князя Девлета и начала цѣловать его въ губы, въ глаза и по всему лицу.

— Надо скорѣе съ глазъ долой, а тамъ хлопотать разводиться и вѣнчаться! — радостно воскликнула она. — Вѣдь вотъ, Господи, судьба-то... Воровалъ ты меня по службѣ, по указу начальства, а уворовалъ для себя...

— Боюсь я... Вдругъ раздумаетъ и потребуетъ онъ тебя къ себѣ... поглядѣть...

— Ну, подушку и пристрою... И сойдетъ. Да носъ себѣ свеклой вымажу. Да, буду дурой пѣтой сидѣть и глаза таращить. А то чесноку наѣмся, такъ чтобы всю его горницу насквозь продушить.

— Все лучше—скорѣе отсюда подальше.

И офицеръ снова побѣжалъ въ канцелярію главнокомандующаго, гдѣ тотчасъ же получилъ пять сотъ рублей на дорогу, но при этомъ выслушалъ и неожиданное, поразившее его предложеніе Попова.

— Будутъ коли еще нужны деньги,—заговорилъ онъ,—напишите... Князь приказалъ выдавать, сколько бы ни потребовалось. А главное вотъ что, голубчикъ... Если капитанъ краденую жену отринетъ и вновь назадъ принять не пожелаетъ, то ей надо хлопотать о разводѣ, а затѣмъ искать себѣ жениха и второго мужа... А когда она таковаго найдетъ, то князь ей пятьдесятъ душъ подаритъ въ приданое. Такъ рѣшено. Будь вы человѣкъ усердный и понятливый, то вы бы такой оказіи князю услужить и себя оправдать никакъ стороною не обѣжали бы...

Девлетъ не понялъ и попросилъ разъясненія.

— Да вотъ взяли бы да сами и женились на этой пандурочкѣ, принявъ всю вину на себя... А то вотъ пронюхаетъ пандуръ всю правду, бросится, пожалуй, въ Петербургъ жаловаться, шумѣть... Беременную жену увезли. Узнается тоже и «тамъ», что князь посылалъ васъ воровать пандурочку... Ему это все, да еще даромъ, безъ всякой пользы, непріятно... Все бы уладилось просто и сразу, еслибъ вы сами повѣнчались съ этой крохотулей. А что наслѣдникъ будетъ у васъ не собственный... что за важность! Подумайте-ка.

Одолжить нашего князя—великая польза бываетъ. Онъ зло плохо помнитъ, а на добро памятенъ.

Девлетъ вздохнулъ, потупился и, опустивъ глаза, выговорилъ почтительно:

— Доложите князю, что все такъ точно и будетъ. Или капитанъ приметъ супругу обратно, да еще честно и кротко, либо она будетъ княгиней Девлетъ-Ильдишевой, а самъ свѣтлѣйшій, подавъ помощь въ дѣлѣ развода, обѣщается быть посаженымъ отцемъ...

— И крестнымъ отцомъ!—воскликнулъ Поповъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ!.. будто испугался офицеръ.—Этой чести я не прошу... Развѣ что послѣ, для второго ребенка, настоящаго...

— Вѣрно! Вѣрно... Да, впрочемъ, Богъ милостивъ, старый пандуръ проститъ молоденькую жену. Вотъ вы тогда и въ барышахъ полныхъ... Усердіе свое показали теперь же, а жертвовать собой не придется... Ну, съ Богомъ въ путь. А я доложу.

Когда Девлетъ выходилъ изъ комнаты, Поповъ, усмѣхаясь, крикнулъ ему въ догонку:

— А все-таки скажу: какъ это было не доглядѣть и чужую жену увозить... съ потомствомъ...

Офицеръ, странно смѣясь, отозвался съ порога:

— На всякаго мудреца довольно простоты.

XI.

Прошло полгода... Былъ май мѣсяцъ. Петербургъ только что начиналъ одѣваться зеленью, но въ саду Таврическаго дворца уже была настоящая весна въ расцвѣтѣ, пахло травой и листвой.

Въ самомъ дворцѣ, казалось со стороны, происходитъ что-то необычайное, рѣдкое, торжественное. Пиршество или празднество по случаю праздника или дня ангела...

Въ дѣйствительности не было ничего особеннаго, а заурядное и ежедневное явленіе, къ которому весь Петербургъ уже давно привыкъ.

У свѣтлѣйшаго князя Таврическаго былъ простой пріемъ... Но дѣло въ томъ, что весь Петербургъ, а за нимъ пріѣзжая Москва, а за ними и пріѣзжая провинція отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ польскихъ предѣловъ до уральскихъ, заливали людскими волнами стѣны дворца всемогущаго вельможи... Всѣ залы были переполнены военными и гражданскими чинами, гдѣ все перемѣшалось въ яркую радужную толпу, гдѣ толклись рядомъ и генералъ, и капралъ, и сенаторъ, и регистраторъ земскаго суда, и купецъ въ длиннополомъ кафтанѣ и въ бородѣ... А среди нихъ и посланники, и дипломатическіе агенты, и гонцы разныхъ иноземныхъ государствъ, которые «искали» у свѣтлѣйшаго больше, чѣмъ у самой царицы.

Если она обѣщаетъ что либо, то прежде, чѣмъ рѣшить, посовѣтуется съ нимъ: нужно ли? Если онъ что обѣщаетъ, то прежде, чѣмъ рѣшить, доложитъ ей, что такъ надо и слѣдъ.

Прошелъ уже часъ, что Таврическій дворецъ открылъ свои двери гостямъ и просителямъ, но князь Таврическій все еще не открывалъ дверь своего кабинета...

Наконецъ, изъ этой двери вышелъ Василій Степановичъ Поповъ и, смѣшавшись съ толпой, здоровался кругомъ себя, кланялся или кивалъ головой. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ озирался пытливо, будто искалъ кого глазами.

Наконецъ, онъ улыбнулся и двинулся къ угольному окну, гдѣ стоялъ, стиснутый другими, молодой и красивый офицеръ...

— Князекъ!—позвалъ онъ... Васъ ищу, сударь мой. Еле узналъ. У-у! Постарѣлъ молодецъ! Да и давно, впрочемъ, не видались. Пожалуйте...

— Къ князю?—отозвался офицеръ, радостно удивленный.

— Вѣстимо... Дивитесь, что васъ перваго желаетъ видѣть Григорій Александровичъ. Что-жъ? По заслугѣ. Забыли, что̀ я тогда сказывалъ, что онъ на добро, а не на зло сугубо памятенъ...

Оба двинулись къ дверямъ кабинета, и Поповъ по дорогѣ спросилъ:

— Какъ здоровье супруги?

— Слава Богу...

— А вашего... Ну, все-таки надо сказать: вашего... наслѣдника? Или дочки, можетъ быть...

— Только еще ожидаю таковыхъ... Богъ дастъ чрезъ три мѣсяца буду отцомъ...

— А тотъ-то... Ну, что прихватили тогда по недосмотру... Пандурчёнокъ?

— Тотъ, видите ли... Тотъ, какъ бы сказать... Ужъ очень заспѣшилъ на свѣтъ прійти... Ну, и...

— Померъ? За отцемъ послѣдовалъ...

— И не жилъ!

— Да. Вотъ что! Однако, надо сказать, что если онъ и не жилъ и, стало быть, не мыслилъ, а все-таки умно поступилъ.

Оба разсмѣялись и вошли въ кабинетъ князя.

Чрезъ полчаса, покуда сотни гостей, сановниковъ и просителей, и сильныхъ міра и маленькихъ людей терпѣливо ждали, князь Девлетъ стремительно вышелъ отъ вельможи радостный и сіяющій съ бумагой въ карманѣ.

Свѣтлѣйшій наградилъ поцарски. Сто душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, чинъ капитанъ-поручика и двѣсти червонцевъ на будущій зубокъ будущихъ князька или княжны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ несъ нижайшій поклонъ свѣтлѣйшаго почти незнаемой имъ, но не мало потѣшившей его, княгинѣ Девлетъ-Ильдишевой.

XII.

Прошла недѣля. Въ одномъ изъ переулковъ около Казанскаго собора, въ небольшой квартирѣ сидѣли въ своей спальнѣ мужъ и жена—князь Девлетъ и крошечная княгиня...

Съ ними, вѣроятно, случилось какое нибудь несчастіе, у нихъ было, очевидно, какое-то горе. Князь сидѣлъ, опершись локтями на столъ и сжимая голову въ рукахъ, какъ бы въ страшной заботѣ, а то и въ отчаяніи. Она сидѣла у окна въ креслѣ и грустно, не спуская глазъ, смотрѣла на мужа.

— Да. Грѣхъ и мерзость...—выговорилъ онъ.—Все есть, все на лицо... И убійство, и мошенничество, и обманъ и подлость... Все есть... Послѣ этого всего—счастія въ жизни не жди. Господь такихъ наказываетъ. Того дѣла поправить нельзя, мертваго не воскресишь... Я утѣшаюсь тѣмъ, что тогда жестокосердо поступилъ съ старикомъ, дѣйствуя не для себя. Тогда я еще тебя не любилъ и того всего предвидѣть, что приключилось, не могъ. Но теперь... Вотъ это поступленіе съ благодѣтелемъ, съ человѣкомъ и вельможей, отъ коего я, кромѣ чести и ласки, ничего не видалъ, мерзко, подло и даже грѣхъ... Не уступать тебя ему и взять хитростью?.. Не удовлетворить прихоти, чтобы спасти свое добро, свое счастье?.. Пожалуй, даже слѣдовало. И совѣсть молчала... А теперь... Получить награду отъ человѣка за то, что обманулъ и насмѣялся надъ нимъ?.. Не могу и не могу...

И Девлетъ глубоко вздохнулъ, всталъ и началъ взволнованно шагать по маленькой комнатѣ взадъ и впередъ...

— Въ десятый разъ сказываю тебѣ,—вымолвила княгиня... Не ходи самъ... Напиши, все разскажи и откажись отъ наградъ, отъ всего. А тамъ убѣжимъ куда. На край свѣта. Авось не розыщутъ... А если и розыщутъ по его приказу, то что же онъ сдѣлаетъ. Ты не его жену законную укралъ... Ну, въ Сибирь сошлетъ... И тамъ люди живутъ. А я такъ полагаю, что за чистосердечное признаніе и отказъ отъ награды не заслуженной онъ отплатитъ молчкомъ, а не мщеніемъ.

Наступило молчаніе. Князь походилъ еще съ полчаса, волнуясь и вздыхая, и наконецъ воскликнулъ:

— Не могу... Рѣшено! Укладывай пожитки, а я сяду писать...

— Слава Богу! По крайней мѣрѣ конецъ мученіямъ,—отозвалась она.

— И начало страхамъ!—прибавилъ онъ.—Да, онъ такъ не оставитъ. Онъ прикажетъ насъ розыскать въ Петербургѣ, а когда не найдутъ, укажетъ розыскъ по всѣмъ трактамъ почтовымъ. Да это что... Не сейчасъ, не теперь, такъ черезъ мѣсяцъ, ну, чрезъ полгода, ну, черезъ годъ... а все-таки розыщетъ и угонитъ въ Сибирь или засадитъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

— Мнѣ этого сердце не говоритъ... Да и беззаконіе было бы это...

— Э-эхъ, бабы... Не знаешь ты ничего. А я самъ на службѣ и знаю, что творится по волѣ сильныхъ людей... Теперь вотъ одинъ въ Шлиссельбургѣ уже второй годъ сидитъ за то, что онъ только... Ну, да что зря болтать!.. Рѣшено и конецъ. Укладывайся, а я мигомъ все на бумагѣ изложу. Сами выѣдемъ на Ригу, а письмо оставлю, чтобы подали свѣтлѣйшему чрезъ три дня...

Въ тотъ же вечеръ бричка съ верхомъ, тройкой почтовыхъ лошадей выѣзжала въ Нарвскую заставу. Въ ней были бѣглецы отъ гнѣва всесильнаго вельможи.

XIII.

Когда послѣ быстраго пути безъ остановокъ мужъ и жена очутились въ гостиницѣ среди чужихъ людей и по норову и по языку,— въ Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, середи кипы бумагъ, полученныхъ въ этотъ день, была бумага, краткая, исписанная лишь на полутора страницахъ...

Вельможа, прочитавъ ее, перечелъ снова и, не обращая вниманія на слѣдующія за ней, всталъ и началъ ходить по кабинету...

— Эй, кто тамъ!—крикнулъ онъ наконецъ громко. На порогѣ появился молодой чиновникъ, недавно поступившій въ канцелярію, сынъ родовитыхъ дворянъ и крестникъ князя, котораго онъ очень любилъ и отличалъ.

Князь взялъ со стола бумагу.

— Вотъ, Петруша... Снеси это Попову... Самъ снеси и скажи, что я прошу прочесть, мнѣ возвратить и прошу его совѣта, какъ мнѣ поступить...

Когда молодой человѣкъ вышелъ, князь снова зашагалъ задумчивый, но нетерпѣливо поглядывалъ изрѣдка на дверь, изъ которой ожидалъ возвращенія крестника и отвѣта.

Наконецъ, этотъ снова явился съ бумагой.

— Ну?

— Василій Степановичъ,—произнесъ онъ улыбаясь,—прочитавъ сказали: «ахъ, аспидъ!». А затѣмъ приказали доложить одно слово: «Наплевать!».

— Наплевать?!

— Точно такъ-съ!

— Что онъ? Спятилъ!

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Такъ слушай ты, Петруша. И будь третейскимъ судьей... Ты умница у меня. Разсуди.

И князь внятно, медленно, вразумительно прочелъ письмо князя Девлета, который кратко, но горячо и сердечно объяснялъ свой обманъ, двойной обманъ. Относительно перваго обмана, говорилъ онъ,

его совѣсть была и осталась спокойна, но относительно второго обмана совѣсть его возмутилась, онъ не имѣетъ ни дня, ни ночи покоя. Поэтому онъ рѣшилъ не принимать награды, не являться за ней въ канцелярію и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣжать отъ гнѣва вельможи на край свѣта. Кончивъ, князь спросилъ:

— Понялъ?

— Понялъ-съ. Правъ Василій Степановичъ, что аспидъ. Совѣсть взяла!

— Молокососъ! Да развѣ аспидовъ совѣсть беретъ когда?— вскрикнулъ князь.

— Іуду, предателя Христова, позвольте доложить вашей свѣтлости,—и того совѣсть взяла, коли удавился. А Іуда хуже всякаго аспида...

— Вѣрно! Умница... Ну, говори, ты бы что сдѣлалъ?

— Словить да поучить примѣрно. Что же другое!

— Какъ поучить?

— Какъ вашей свѣтлости будетъ угодно.

— Не хочу я этого. Вотъ что!

— Тогда ужъ, какъ сказывать изволитъ Василій Степановичъ: наплевать надо.

— Ни за что!—воскликнулъ князь.—Такъ не оставлю, а напротивъ примѣрно поучу всѣхъ другихъ...

Молодой человѣкъ улыбался почтительно и наконецъ вымолвилъ нерѣшительно:

— Изъ-за ослушника одного да всѣмъ другимъ въ отвѣтъ идти... Какъ можно! Ваша свѣтлость всегда справедливы. А это было бы по пословицѣ: Матрена стащила, а Алёна за нее взвыла.

— Да. Вотъ погляди, какъ у меня всѣ твои Алены если не завоютъ, то заорутъ...

XIV.

Строжайшій приказъ свѣтлѣйшаго былъ исполненъ не скоро, но въ точности.

Всякій день при докладѣ князь спрашивалъ у Попова, розысканъ ли Девлетъ-Ильдишевъ съ женой, и каждый разъ снова строго приказывалъ: весь свѣтъ насквозь перерыть и перешарить, но чтобы офицеръ съ женой были найдены и доставлены.

И наконецъ, однажды, чрезъ полтора мѣсяца, Поповъ доложилъ, что бѣглецы арестованы около Риги и уже привезены въ столицу...

— Что прикажете съ ними?

— Завтра же ко мнѣ пораньше притащи и его, и ее... Я съ ними самъ раздѣлаюсь, собственноручно. Узнаютъ они меня, да и вы всѣ тоже...

На утро много ранѣе часа, когда обыкновенно начинался съѣздъ

и пріемъ у вельможи, въ Таврическій дворецъ были доставлены въ бричкѣ съ солдатомъ на козлахъ около кучера офицеръ и маленькая женщина.

Ихъ провели не въ парадные апартаменты, а другимъ ходомъ, чрезъ частныя комнаты князя, прямо въ его спальню... Но князь уже давно поднялся, умылся и, покинувъ халатъ, вышелъ въ кабинетъ.

Камердинеръ, любимецъ князя, явился и доложилъ:

— Девлетъ тутъ въ опочивальнѣ.

— Одинъ?

— Нѣтъ-съ... Съ женой.

— Со своей, стало быть, дражайшей половиной. Вѣрнѣе сказать... со своей восьмушкой... И не дражайшей, а поди, теперь, дрожащей,— шутилъ князь.

— Это точно, ваша свѣтлость. Даже смотрѣть жалко... Ей-Богу... Лица на нихъ обоихъ нѣтъ... Бѣлые, ошалѣлые. Просто я не знаю... Я бы вотъ... Вотъ предъ Богомъ...

— Что?

— Ужъ не знаю... А я бы обратилъ гнѣвъ на милость.

— Потому, что ты дуракъ. А вотъ погляди, что я сдѣлаю. Давай его сюда, а ей вели ждать.

Чрезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показался князь Девлетъ-Ильдишевъ, сильно измѣнившійся за малый промежутокъ времени со своего бѣгства и до поимки. Онъ похудѣлъ и къ тому же былъ теперь блѣденъ, какъ полотно.

— Подойди, воръ, лгунъ и обманщикъ,—выговорилъ князь тихо.

Офицеръ приблизился невѣрными шагами, потупившись, глаза были опущены, и онъ не видѣлъ князя, а шелъ на голосъ.

— Посмотри на меня.

Офицеръ поднялъ глаза, но глядѣлъ въ сторону, на стѣну.

— На меня смотри! Прямо въ глаза!

Чрезъ силу глянулъ несчастный въ лицо вельможи и встрепенулся...

— Поцѣлуемся...

И, обнявъ офицера, князь трижды расцѣловался съ нимъ.

— Честнаго человѣка мнѣ не всякій-то день облобызать приходится, Девлетка... Ну, слушай. Первое твое дѣло, кто изъ насъ вспомянетъ—тому глазъ вонъ. А за второе дѣло—отказъ отъ награды, я тебѣ даю теперь чинъ капитана, а къ прежней данной сотнѣ душъ накидываю пустопорожнюю землю въ Новороссіи, да беру опять къ себѣ для важнѣйшихъ порученій, въ коихъ совѣстливые люди нужны... Ну, вотъ...

Девлетъ упалъ на колѣни, не имѣя силъ вымолвить ни единаго слова.

— Полно. Вставай. Это честно заслужено. Тысячу человѣкъ по-

пили бы не по-твоему. Ты, братецъ, одинъ на тысячу. Покуда живъ, ты будешь при мнѣ и мой самый довѣренный... Ну, сту-й, обрадуй жену...

Офицеръ поднялся и отъ счастья и восторга глядѣлъ, какъ умный...

— Да. Вотъ что еще... Крохотули твоей я видѣть не хочу... чала было хотѣлъ... А утромъ нынѣ куражу не хватило. Все-и... все-таки всѣ мы грѣшные, слабые люди, человѣки. Вотъ я испугался, что меня вдругъ завидки возьмутъ... Вдругъ крохо-я опять меня сразу заворожитъ. Что тогда?.. Ну, стало быть, альше отъ грѣха... И я тебѣ вотъ что скажу, ты обожди мнѣ показывать... Вотъ, когда она тебѣ парочку дѣтокъ подаритъ, да смѣло кажи ее мнѣ. Матерей семействъ я глубочайше уважаю...

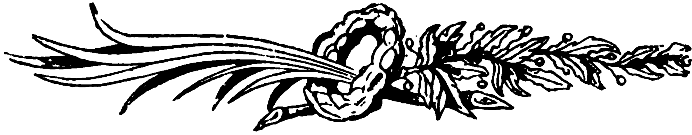
— Ваша свѣтлость! — воскликнулъ наконецъ Девлетъ. — Такому этому человѣку, какъ вы, то-есть, великодушнѣйшему въ мірѣ, етъ, иной и дорогую, любимую жену уступитъ. Ну, хоть одинъ тысячу человѣкъ, да пойдетъ на это.

Князь улыбнулся, а потомъ разсмѣялся.

— Полно. Не правда. По нашимъ временамъ, такому, какъ я, сть Таврическому князю, одинъ на тысячу не уступитъ. Вотъ ому-то ты рабу Божьему Григорію и любъ, что не уступилъ а даже чужую, не только свою...

Графъ Саліасъ.

ВОСПОМИНАНІЯ БАРОНА Ѳ. Ѳ. ТОРНАУ.

АРОНЪ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Торнау принадлежалъ къ числу выдающихся офицеровъ русской арміи. Онъ родился въ 1810 г., получилъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ при императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ и въ 1828 г., при объявленіи войны Турціи, поступилъ прапорщикомъ въ 33-й егерскій полкъ. Въ рядахъ нашихъ войскъ онъ сдѣлалъ турецкую и польскую кампаніи и затѣмъ перешелъ на Кавказъ, съ отличіемъ участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и исполнялъ различныя порученія, изъ которыхъ одно имѣло для него трагическія послѣдствія. Въ 1836 г. ему было поручено осмотрѣть берегъ Чернаго моря отъ рѣки Сочи до Геленджика. Проводники изъ бѣглыхъ каторжниковъ, доставленные ему начальникомъ кубанскаго кордона, генераломъ Зассомъ, завели Торнау въ абхазскіе лѣса и предали горцамъ, потребововшимъ отъ русскаго правительства невозможный выкупъ: пять четвериковъ серебра, или столько золота, сколько потянетъ плѣнный. Два года длились безплодные переговоры, и въ теченіе всего этого времени Торнау содержался въ подземельи прикованнымъ къ стѣнѣ. Наконецъ, его пріятелю, князю Тембулату Карамурзіеву, удалось похитить плѣнника у кабардинцевъ. Нравственныя и физическія страданія, испытанныя Торнау въ плѣну, отозвались на его здоровьи. Вскорѣ онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и поселился въ своемъ нижегородскомъ имѣніи. Въ 1854 г., когда наши войска двинулись за Дунай, Торнау вновь поступилъ на службу, находился при осадѣ Силистріи, состоялъ сперва при князѣ Горчаковѣ, а затѣмъ исполнялъ обязанности оберъ-квартирмейстера при графѣ Остенъ-Сакенѣ. Въ 1856 г. онъ былъ назначенъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Вѣну и оставался на этомъ постѣ 18 лѣтъ. Въ 1875 г. Торнау, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, взялъ безсрочный отпускъ и поселился въ мѣстечкѣ Эдлинѣ, въ трехъ часахъ разстоянія отъ Вѣны, гдѣ и жилъ въ уединеніи до своей кончины, послѣдовавшей въ 1890 году.

Пользуясь досугомъ, онъ занимался литературой и написалъ рядъ разсказовъ и военныхъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ. Въ числѣ ненапечатанныхъ бумагъ его, между прочимъ, сохранились неоконченныя воспоминанія его о времени пребыванія въ Вѣнѣ военнымъ агентомъ. Дочь барона Торнау, г-жа Боркъ, любезно сообщила эту рукопись редакціи «Историческаго Вѣстника». Печатая ее, мы можемъ только выразить сожалѣніе, что любопытныя воспоминанія эти остались неоконченными и обнимаютъ собою всего лишь пять лѣтъ съ 1856 по 1861 годъ.

I.

Пріѣздъ въ Вѣну. — Обязанности военнаго агента. — Инструкція, данная мнѣ въ въ Петербургѣ.—Совѣтъ Е. П. Ковалевскаго.—Приказаніе императора Александра Николаевича.—Этикетъ австрійскаго двора.—Затрудненія въ представленіи австрійскому императору. — Аудіенція. — Впечатлѣніе, произведенное на меня императоромъ.—Обѣдъ во дворцѣ.—Представленіе императрицѣ.—Затруднительное положеніе.—Графиня Велденъ.—Обѣдъ у князя Эстергази.—Послѣдствія моего донесенія государю императору.—Вѣна лѣтомъ.—Пратеръ.

Въ Вѣну я пріѣхалъ 1 августа (20 іюля) 1856 года, на смѣну графа Эрнеста Штакельберга, получившаго назначеніе занять мѣсто посланника въ Туринѣ. До того еще князь Горчаковъ, бывшій посланникомъ при австрійскомъ дворѣ, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; нашимъ вѣнскимъ посольствомъ временно завѣдывалъ, въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ, Викторъ Петровичъ Балабинъ. Генералъ графъ Штакельбергъ имѣлъ приказаніе дождаться въ Вѣнѣ моего пріѣзда, познакомить меня съ дѣлами, касавшимися до моей обязанности, и представить тѣмъ высшимъ австрійскимъ лицамъ, съ которыми мнѣ слѣдовало сноситься по званію военнаго агента. Въ первый же день моего пріѣзда я явился къ Балабину, правившему посольствомъ, при которомъ мнѣ слѣдовало числиться косвеннымъ образомъ; а потомъ пошелъ къ Штакельбергу, знакомому мнѣ еще со времени его адъютантства при князѣ Чернышевѣ. Штакельбергъ находился на отъѣздѣ; жену свою (красавицу француженку, про которую я много слышалъ, но которой никогда не имѣлъ удовольствія встрѣтить) уже отправилъ впередъ въ Италію; поэтому, не теряя времени, повезъ онъ меня къ оберъ-гофмейстеру двора, князю Карлу Лихтенштейну, и къ первому императорскому генералъ-адъютанту, графу Грюнне, главнымъ представителямъ двухъ вѣдомствъ, придворнаго и военнаго, а касательно дѣлъ мнѣ объявилъ:

— Механизмъ австрійской арміи, ея организацію и воинскіе уставы вы найдете у любого книгопродавца, а затѣмъ глядите, наблюдайте и поступайте по собственному разумѣнію; иного вамъ сказать не имѣю.

Лежала на мнѣ, какъ на каждомъ военномъ агентѣ, одна исключительная обязанность слѣдить за техникой и всякимъ новымъ усовершенствованіемъ военнаго дѣла въ предназначенномъ государствѣ. Въ Петербургѣ по этому предмету мнѣ была дана весьма подробная инструкція, видимо составленная съ полнымъ пониманіемъ спеціальной стороны важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, но безъ потребнаго знанія заграничныхъ порядковъ, почему и содержала много неудобоисполнимаго. Умный Егоръ Петровичъ Ковалевскій, управлявшій въ то время азіатскимъ департаментомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которому я ее показалъ, только замѣтилъ:

— Весьма почтенный канцелярскій трудъ; вамъ же совѣтую: пріѣхавъ въ Вѣну, сдайте вашу инструкцію въ посольство подъ замокъ и потомъ въ нее не заглядывайте, а поступайте, какъ позволятъ обстоятельства. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Такъ я и сдѣлалъ.

Лучшее наставленіе далъ мнѣ, когда я откланивался, покойный государь Александръ Николаевичъ, и во все мое пребываніе за границей я твердо помнилъ его разумное приказаніе:

— Зорко слѣди за каждымъ улучшеніемъ по военной части, береги при этомъ достоинство русскаго офицера, и самъ ни словомъ, ни дѣломъ не задѣвай чужого самолюбія. Никогда не теряй изъ виду, что всѣ военные, какого бы ни было языка и знамени, между собой товарищи по долгу охраны спокойствія и государственной безопасности, и при честномъ исполненіи своей обязанности заслуживаютъ всякаго уваженія, хотя бы отъ того страдалъ нашъ собственный интересъ.

На представленіи моемъ Лихтенштейну и Грюнне дѣло не должно было остановиться; чрезъ нихъ мнѣ только открывалась дорога ко двору и войску, а главное дѣло оставалось еще впереди. Слѣдовало мнѣ сперва представиться императору, императрицѣ, эрцъ-герцогамъ, высшимъ лицамъ военнаго званія, и потомъ уже знакомиться съ дипломатическимъ корпусомъ и съ обществомъ. Для представленія членамъ австрійскаго царствующаго дома, начиная отъ императора до младшаго эрцъ-герцога, слѣдовало испрашивать аудіенцію. Казалось, въ такомъ случаѣ ближе всего мнѣ было дѣйствовать чрезъ посольство, а тутъ-то и зарождался нескончаемый рядъ затрудненій. Нашъ министръ, князь Горчаковъ, былъ отозванъ; посольствомъ завѣдывалъ «повѣренный въ дѣлахъ», а по австрійскому придворному этикету того времени (отмѣненному впослѣдствіи) чины иностранныхъ миссій, ниже министра, не пользовались доступомъ ко двору; поэтому Балабинъ, самъ не будучи лично представленъ императору, не имѣлъ возможности прямо дѣйствовать въ мою пользу, и ему бы пришлось повести дѣло чрезъ австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ, путемъ не довольно спѣшной дипломатической переписки. Мнѣ же требовалось какъ можно скорѣе явиться императору—узнать, какимъ образомъ я буду принятъ имъ, что въ нѣкоторомъ смыслѣ могло послужить указаніемъ мѣры добрыхъ отношеній, какія онъ располагаетъ возстановить съ нами послѣ открыто непріязненнаго положенія, которое австрійское правительство занимало противъ Россіи во время восточной войны. Отчасти съ такою цѣлью мнѣ и было приказано отправиться въ Австрію еще до коронаціи государя императора и до назначенія въ Вѣну русскаго посланника въ замѣну князя Горчакова.

Къ счастію, мнѣ открывался весьма удобный способъ миновать

отъ, придворнымъ этикетомъ поставленный, камень преткновенія. ъ Австріи, какъ и въ Пруссіи, всѣ носящіе военный мундиръ, ои и чужіе, пользуются одинаковымъ правомъ прямо являться къ рствующему лицу, испросивъ волю его, въ Берлинѣ чрезъ город-аго коменданта, въ Вѣнѣ чрезъ перваго императорскаго генералъ-ьютанта. Говорю—перваго потому, что въ Австріи при импера-рѣ состоятъ всего два генералъ-адъютанта, первый и второй, обле-енные въ это званіе только на время исполненія генералъ-адъю-нтской должности. Получивъ другое назначеніе, они теряютъ и аніе свое наравнѣ съ флигель-адъютантами изъ штабъ и импе-торскими адъютантами изъ оберъ-офицеровъ арміи. На основаніи кого военнымъ принадлежащаго права я письменно обратился графу Грюнне, къ эрцъ-герцогскимъ адъютантамъ, оберъ-гоф-йстерамъ императрицы и эрцъ-герцогинь, съ просьбой доставить ѣ честь явиться ихъ величествамъ и высочествамъ; и, могу ска-ъ, неожиданно скоро получилъ мною просимыя увѣдомленія. Одно эдставленіе императрицѣ было отложено по причинѣ ея недавнихъ довъ, бывшихъ 12-го іюля того года, дня рожденія старшей импе-торской дочери, эрцъ-герцогини Гизеллы.

Императоръ Францъ-Іосифъ принялъ меня въ Бургѣ (вѣнскомъ орцѣ) въ особой аудіенціи, какъ военнаго, съ обычной военной становкой, безъ содѣйствія придворныхъ чиновъ. Встрѣтилъ меня лѣстницѣ и провелъ по заламъ императорскій адъютантъ, доло-лъ обо мнѣ флигель-адъютантъ. Минуту спустя, очутился я глазъ глазъ съ австрійскимъ императоромъ, котораго, по общему небезпричинному настроенію, существовавшему у насъ во время сточной войны, привыкъ считать нашимъ закоснѣлымъ недобро-лателемъ—и принужденъ былъ значительно смягчить представле-о немъ, сложившееся подъ вліяніемъ недавней политической при, такъ далеко оттолкнувшей Россію отъ Австріи. Первое впе-лѣніе, которое на меня произвелъ молодой двадцатишестилѣтній императоръ, было, хотя не обаятельно, чему противилась его ви-ю холодная натура, но во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно. ойнаго роста, примѣтно сдержанный въ рѣчахъ и пріемахъ, гля-гъ онъ нѣсколько застѣнчиво, говорилъ медленно, взвѣшивая ждое слово, и внимательно прислушивался къ отвѣтамъ. Мило-во протянувъ мнѣ руку,—имѣлъ онъ обыкновеніе, какъ я позже мѣтилъ, изъ дипломатическаго корпуса давать руку однимъ по-ламъ, военнымъ же дѣлалъ эту честь, кому захочетъ, не разби-я, какого чина,—послѣ обязательнаго разспроса о здоровьѣ госу-ря и государыни, онъ слегка коснулся моей прежней кавказской жбы и потомъ перевелъ разговоръ на предметъ, о которомъ не-ко было бы промолчать предъ русскимъ офицеромъ. Заговорилъ ъ о нашей послѣдней войнѣ, причемъ съ должнымъ приличіемъ, давъ горячею похвалою наши войска за славную севастополь-

скую оборону, ни единымъ словомъ не коснулся общаго хода военныхъ операцій, которыми, какъ извѣстно, намъ нечего было особенно гордиться. Заключилъ императоръ извѣщеніемъ, что касательно цѣли моего пребыванія въ австрійскихъ предѣлахъ имъ отдано приказаніе ничего не скрывать, и мнѣ слѣдуетъ только обращаться къ графу Грюнне за полученіемъ потребныхъ мнѣ военныхъ свѣдѣній. Тогда же показалось мнѣ,—думаю, мало ошибаюсь,—что императоръ Францъ-Іосифъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ насъ во время войны, да и позже, гораздо болѣе подчинялся такъ называемому «raison d'état», чѣмъ своему собственному чувству, которое его, тогда еще абсолютнаго монарха, непремѣнно должно было склонять на сторону Россіи. Мнѣ самому въ продолженіе моего долгаго пребыванія въ Вѣнѣ не удалось подмѣтить въ немъ ни малѣйшей тѣни нерасположенія ко мнѣ, какъ къ русскому офицеру, озабоченному однимъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, помимо всякихъ постороннихъ соображеній. Бывали минуты офиціальнаго охлажденія, но всегда по поводу какого нибудь политическаго разногласія между двумя правительствами, а императоръ Францъ-Іосифъ тѣмъ временемъ при случайныхъ встрѣчахъ лично продолжалъ относиться ко мнѣ равно внимательно.

За обѣденнымъ столомъ, къ которому я былъ приглашенъ скоро послѣ аудіенціи, австрійскіе генералы, слѣдуя императорскому примѣру, наперерывъ старались своею привѣтливостью произвести на меня самое пріятное впечатлѣніе. Не знаю, какого рода чувства они таили въ глубинѣ сердца, но формы самой утонченной вѣжливости были строго соблюдены; и больше того никто не вправѣ требовать отъ чужихъ, да и отъ своихъ, когда отношенія не скрѣплены непритворнымъ дружелюбіемъ, возможнымъ только между людьми, связанными одинаковымъ интересомъ. Бываютъ исключенія—самъ испыталъ—но часто ли встрѣчаются они, эти случаи безрасчетнаго доброжелательства, пусть каждый спроситъ самого себя.

Въ концѣ августа (по грегоріанскому календарю, котораго и впредь стану держаться), вмѣсто просимой мною аудіенціи, меня пригласили въ Лаксенбургъ къ императорскому столу, гдѣ передъ обѣдомъ состоялось мое представленіе императрицѣ, которая, считая не больше девятнадцати лѣтъ, находилась тогда въ полномъ цвѣтѣ красоты, на мой взглядъ нимало не уступавшей прославленной красѣ позже мною видѣнной супруги Луи Наполеона. Императрица Элизабетъ казалась даже несравненно привлекательнѣе. Высокая, стройная, граціозная, отличалась она нѣжно обрисованными чертами лица прозрачной бѣлизны, на которомъ въ то время лежалъ еще оттѣнокъ томной блѣдности отъ недавней болѣзни. Опустивъ рѣсницы, будто робѣя, подошла она и заговорила пофранцузски шепотомъ, такъ тихо, что я слова не могъ разобрать, и мнѣ пришлось отвѣчать ей почти наугадъ. При ней находившаяся фрейлина, — въ

Австріи онѣ носятъ названіе дамъ, «Hofdame», не смотря на свое дѣвичество,—графиня Ламбергъ, спросила меня, когда мы пошли въ столовую: .

— Императрица говоритъ непростительно тихо; успѣли вы разслышать, о чемъ она вамъ говорила?

— Ничего не разслышалъ.

— Какъ же вы отвѣчали?

— Наугадъ, — надѣюсь, боги меня уберегли отъ да или нѣтъ, сказаннаго невпопадъ.

— Надо было, не разслышавъ, переспросить.

— А отъ этого меня удержала счастливая догадка, хотя только начинаю проходить школу придворнаго этикета, вѣдь я до сей поры при дворѣ никогда не служилъ.

За столомъ мнѣ пришлось сидѣть по правую сторону отъ императрицы, возлѣ которой мѣсто занималъ эрцгерцогъ Максимиліанъ, между баронессою Велденъ, облеченной въ званіе воспитательницы новорожденной эрцгерцогини, и графинею Ламбергъ. Разговоръ вела со мной баронесса Велденъ пофранцузски. Посреди обѣда эрцгерцогъ Максимиліанъ наклонился къ ней и довольно громко сказалъ нѣсколько словъ, послѣ чего она понѣмецки обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, слышалъ ли я, что изволилъ сказать его высочество.

— Нисколько, я съ намѣреніемъ уклонился въ другую сторону, когда онъ съ вами заговорилъ.

— Эрцгерцогъ,—сказала она,—замѣтилъ мнѣ, почему я говорю съ вами пофранцузски, когда вы понѣмецки говорите не хуже насъ; бросимъ теперь французскій языкъ.

Это послужило мнѣ урокомъ при дворѣ всегда говорить понѣмецки, развѣ самъ императоръ или кто изъ эрцгерцоговъ заговорятъ на другомъ языкѣ.

По окончаніи обѣда отбыли мы обычный «cercle», заключающійся въ разстановкѣ приглашенныхъ по старшинству и званію вокругъ пріемной комнаты, послѣ чего ихъ обходятъ сперва императоръ, а потомъ императрица, обращая къ каждому нѣсколько милостивыхъ словъ, и, совершивъ кругъ, раскланиваются, что́ и служитъ сигналомъ расходиться по домамъ.

Прогулявъ нѣсколько времени по тѣнистому Лаксенбургскому саду, къ вечеру вернулся я въ городъ. Не стану распространяться въ описаніи Лаксенбурга и его окрестностей. Какой туристъ, побывавъ въ Вѣнѣ, не полюбопытствовалъ взглянуть на Шенбрунъ и на Лаксенбургъ, эти двѣ императорскія загородныя резиденціи, и по южной желѣзной дорогѣ не проѣхался въ Баденъ и Феслуа, служащіе лѣтнимъ купальнымъ притономъ для значительной части вѣнской публики? Видавшему нечего разсказывать, онъ самъ испыталъ, въ которомъ изъ этихъ мѣстъ живется пріятнѣе и дешевле; а кто не видалъ, того Бедекера красная книжечка и рядъ весьм

дешевыхъ фотографій лучше моего разсказа познакомятъ съ Лаксенбургомъ, Баденомъ, Феслау, Медлингомъ и прочими истинно живописными окрестностями веселой Вѣны.

Благосклонный пріемъ со стороны императора и приглашеніе въ Лаксенбургъ, выходившее изъ ряда обычнаго почета, оказываемаго лицамъ иностранныхъ миссій, имѣли полное значеніе дружелюбной демонстраціи въ угожденіе приславшему меня русскому государю. По обязанности моей я не замедлилъ донести обо всемъ, какъ было, и скоро послѣ того имѣлъ удовольствіе узнать, какое благопріятное впечатлѣніе произвелъ мой рапортъ. Въ концѣ сентября вернулся въ Вѣну князь Павелъ Эстергази, присутствовавшій въ Москвѣ на коронаціи государя Александра Николаевича въ званіи австрійскаго экстраординарнаго посла. Скоро послѣ того мнѣ принесли визитную карточку отъ князя, и вслѣдъ за тѣмъ я получилъ отъ него приглашеніе къ обѣду, на который явился, рѣшительно не понимая, изъ-за какой благодати Эстергази меня жалуетъ такою внимательностью, когда самъ я еще не успѣлъ побывать у него. Дѣло тутъ же объяснилось. Встрѣтилъ меня князь Эстергази неожиданнымъ привѣтствіемъ:

— Я обязанъ вамъ благодарностью, вы оказали мнѣ чувствительную услугу.

— Въ первый разъ имѣю честь видѣть васъ—не понимаю, чѣмъ могъ услужить вашей свѣтлости.

— А вотъ чѣмъ вы мнѣ услужили. Во время коронаціи, на первыхъ порахъ, откровенно говоря, мое положеніе было далеко н завидно. Государь и вслѣдъ за нимъ московское общество замѣтно холодно относились ко мнѣ и къ моему англійскому коллегѣ. Исключительною внимательностью пользовался одинъ Морни; императрица ваша съ нимъ открыла первый большой балъ. Нѣсколько дней спустя, государь подошелъ ко мнѣ на другомъ балѣ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свою признательность за ласковый пріемъ, которымъ васъ отличили при нашемъ дворѣ. «Донесеніе, полученное мною по сему случаю отъ моего полковника»,— сказалъ государь, — «очень обрадовало меня, прошу, передайте это вашему императору». Съ той поры мое положеніе совершенно измѣнилось, и мнѣ остается только хвалиться милостью вашего государя и гостепріимною внимательностью русскаго общества. Этимъ обязанъ я вашему донесенію.

— Въ такомъ случаѣ я исполнилъ только свой непремѣнный долгъ, сообщивъ чистую правду.

Затѣмъ во все время моего пребыванія въ Австріи я продолжалъ пользоваться добрымъ расположеніемъ князя Эстергази, и въ домѣ у него провелъ не мало пріятныхъ минутъ. Значитъ, говорить правду не всегда же приноситъ одни горькіе плоды.

Остановился я въ «Штадтъ Франкфуртъ», не самой видной, но,

положительно можно сказать, лучшей вѣнской гостиницѣ того времени. Не смотря на небольшой размѣръ комнатъ, въ которыя только вскользь проникали солнечные лучи поверхъ крышъ противоположныхъ высокихъ домовъ тѣсной «Шпигель-гассе», эта гостиница служила любимымъ пристанищемъ австрійскихъ магнатовъ, всегда была переполнена пріѣзжими, что̀ и принудило меня довольствоваться очень непросторнымъ, зато болѣе свѣтлымъ номеромъ, на высотѣ третьяго этажа. Позже, до пріѣзда жены, остававшейся въ Россіи, пока успѣю оглядѣться въ новомъ мѣстѣ, перемѣстился я въ меблированную квартиру въ частномъ домѣ, откуда и повелъ свои первыя наблюдательныя прогулки по городу и его окрестностямъ.

Лѣтомъ въ Вѣнѣ хоть шаромъ покати, не увидишь ни единой души высшаго круга — по улицамъ шныряютъ одни мелкіе чиновники, торговцы, лавочныя барышни, да рабочій народъ хлопочетъ около домовъ и мостовой, требующихъ вѣчной починки. Дворъ переѣзжаетъ въ Шенбрунъ или Лаксенбургъ, аристократическія фамиліи проводятъ лѣто въ своихъ помѣстьяхъ, военные въ лагерѣ, дипломатическій корпусъ разсѣянъ по ближайшимъ окрестностямъ, зажиточное купечество, особенно еврейскаго происхожденія, заселяетъ Баденъ, Феслау и Брюль, возлѣ Медлинга. Поэтому мнѣ не съ кѣмъ было знакомиться; тратить время на визиты не представлялось ни малѣйшей нужды, и я весь свой досугъ отдалъ изученію города и народной жизни. А тутъ въ Вѣнѣ есть къ чему приглянуться. Предъ всѣми германскими городами, кромѣ Берлина, въ послѣдніе годы ушедшаго далеко впередъ, Вѣна отличается своимъ живымъ уличнымъ движеніемъ, неугомонной гонкой за наживой и за удовольствіями. «Ein profitables Geschäft machen»—мысль, не покидающая его ни днемъ, ни ночью, подгоняетъ сына ветхаго завѣта; «sich unterhalten» стоитъ на первомъ планѣ у крещенаго кореннаго вѣнца. Прекрасный полъ, идетъ тѣмъ же путемъ, который ему указываютъ мужья, отцы и братья, и грѣшно было бы не любоваться вѣнками; такъ много встрѣчаешь между ними красивыхъ лицъ, прелестныхъ талій и ножекъ, обутыхъ не хуже, чѣмъ въ Парижѣ и въ Варшавѣ.

Въ Германіи ходитъ всѣмъ извѣстная поговорка:

«In Sachsen, wo die schönen Mädchen wachsen».

Очень несправедливо! Сѣверная Германія не вправѣ хвалиться красавицами; именно въ Саксоніи рѣдко встрѣчаются женщины стройнаго склада; кромѣ того, онѣ сплошь и рядомъ надѣлены природой не весьма красивыми ножками. За малымъ исключеніемъ, ноги велики, широки и плоски — отъ этого далеко не привлекательная утиная походка. Въ Австріи же повсюду встрѣчаются замѣчательно красивыя женщины самыхъ разнородныхъ типовъ, по причинѣ разноплеменности ея населенія. Миловидныя и неглубокодумныя, жадныя на всякую забаву, наряжаясь и кокетничая, безпечно раз-

сѣваютъ онѣ цвѣтъ своей молодости по гладкому паркету или по скользкой мостовой, кому какъ судьба указала, и тѣмъ придаютъ всѣмъ общественнымъ слоямъ мягкій оттѣнокъ мало чѣмъ возмутимаго благодушія, составляющаго извѣстную австрійскую «Gemüthlichkeit».

Поэтому, кажется, вѣрнѣе было бы, вмѣсто Саксоніи, помѣтить Австрію поговоркой:

«Das gemüthliche Oesterreich, an feschen [1]) Mädchen so reich».

Среди мужского населенія такое благодушіе, однако, весьма обманчиво: неосторожно было бы полагаться на него безъ всякой оглядки. Низшій классъ вообще очень грубъ, лѣнивъ, не отличается понятливостью и пропитанъ злостью, доходящею до свирѣпости по самому малому поводу. Много тому способствуетъ опьяненіе отъ тяжелыхъ пивныхъ паровъ. Въ срединѣ города пьяныхъ почти не встрѣчаешь—полиція тщательно ихъ подбираетъ; зато въ кабакахъ и въ пивныхъ, по городскимъ окраинамъ, дня не проходитъ безъ драки, и рѣдкая драка обходится безъ увѣчья и убійства. Австрійскій простолюдинъ постоянно прячетъ въ карманъ складной ножикъ, такъ называемый «Taschenfeitel», и чуть не въ силахъ одолѣть своего противника палкой или кулакомъ, хватается за этотъ инструментъ и колетъ куда попало. И не только въ минуту раздраженія способенъ онъ поработать ножемъ, а изъ-за бездѣльнаго спора, изъ-за браннаго слова готовъ подкараулить обидчика и всадить ему ножикъ изъ-за угла, послѣ чего съ тупоумнымъ равнодушіемъ отдаетъ себя въ руки полиціи, коли не успѣлъ бѣжать, иной же разъ отбивается, какъ разъяренный звѣрь, пока не успѣютъ его скрутить. Болѣе благонадежная «гемютлихкейтъ» положительно начинаетъ проявляться только въ народныхъ слояхъ, уже получившихъ легкій образовательный лоскъ, ежели притомъ нѣкоторый достатокъ дозволяетъ жгучій вопросъ о дневномъ пропитаніи замѣнить вопросомъ о препровожденіи времени, наполняя его удовольствіями, въ Вѣнѣ столь легко доступными каждому, у кого въ карманѣ не царитъ совершенно безотрадная пустота. Тутъ вѣнскій уроженецъ раскрываетъ наблюдателю широкое поле для изученія своего бытоваго направленія, имѣющаго главною цѣлью уже сказанное «sich unterhalten», т. е. пожить въ свое удовольствіе.

Высшее вѣнское общество, какъ вездѣ, страстно предано театру и балету. Въ этомъ отношеніи, съ небольшимъ, мѣстнымъ, едва уловимымъ оттѣнкомъ, Вѣна представляетъ ту же яркоцвѣтную картину великосвѣтской жизни, какую можно видѣть въ Парижѣ, Петербургѣ, Берлинѣ. И знаменитый Пратеръ, зимой и лѣтомъ слу-

[1]) «Фешъ»—мѣстный вѣнскій терминъ, для котораго на русскомъ языкѣ нѣтъ подходящаго слова, и французскій «шикъ» не то выражаетъ; фешъ означаетъ живую, бойко-щеголеватую, всегда веселую красотку.

жацій ежедневно мѣстомъ прогулки для вѣнскаго общества, мало чѣмъ отличается отъ прочихъ загородныхъ столичныхъ гульбищъ, доставляющихъ удовольствіе себя показать и поглазѣть на публику — вся разница въ томъ, что въ Пратерѣ болѣе попадается красивыхъ женщинъ, чѣмъ кровныхъ лошадей, которыми Лондонъ и Петербургъ богаче Вѣны. Поэтому нечего разсказывать, какъ и гдѣ вѣнское привиллегированное общество проводитъ свое время.

II.

Конкордатъ. — Его значеніе для Австріи. — Его создатели. — Внутреннее состояніе Австріи. — Министръ Бахъ. — Поѣздка императора Франца-Іосифа въ Венгрію. — Общее недовольство.—Результаты близорукой политики.—Смотръ вѣнскому гарнизону.— Несчастный случай со мной.— Придворный обѣдъ.— Австрійскія войска.— Императорская свита.—Вѣнское высшее общество.—Голландскій посланникъ Геккернъ.—Его злой языкъ.—Графиня Елена Эстергази.—Графиня Батіани и ея похожденія.—Камергеръ Полянскій.

Австрію засталъ я въ полномъ цвѣтѣ «конкордата», заключеннаго съ папой, 18-го августа 1855 года, ради утвержденія за католической религіей, какъ значилось въ текстѣ, тѣхъ преимуществъ, какими она должна пользоваться по волѣ Господней и по церковному закону. Первый шагъ къ этому договору былъ сдѣланъ еще при жизни министра-президента, князя Феликса Шварценберга, отмѣной Іосифомъ II установленнаго «Placetum regium», которымъ запрещалось безъ воли правительства обнародывать какія бы то ни было папскія постановленія. За симъ уничтожались конкордатомъ всѣ другіе, позже изданные, церковную власть стѣснявшіе законы. Епископамъ открывалось неограниченное право по всѣмъ церковнымъ дѣламъ прямо сноситься съ папой, запрещать Риму неугодныя книги и газеты, авторовъ подвергать публичному порицанію, руководствовать преподаваніемъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая университетскихъ лекцій, каждаго нарушителя церковной дисциплины карать церковнымъ наказаніемъ, каковое, по старымъ австрійскимъ законамъ, сверхъ того, сопровождалось потерею разныхъ гражданскихъ правъ. Праву церкви учреждать новые мужскіе и женскіе монастыри и пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество не ставилось никакого предѣла. Всѣ дѣла, касавшіяся до брака, коли одна сторона принадлежала къ римской церкви, исключительно отдавались на судъ католическихъ консисторій, имѣвшихъ безапелляціонное право по своему усмотрѣнію дозволять и запрещать такого рода смѣшанные браки, равномѣрно разрѣшать бракосочетаніе католиковъ, состоявшихъ въ степени родства, недозволенной каноническимъ закономъ. Хотя бракъ католическаго съ некатолическимъ лицомъ прямо былъ объявленъ дѣломъ, противнымъ

волѣ Божіей и закону природы, но допускался за положенную плату, послужившую обильнымъ источникомъ обогащенія папской казны. Въ довершеніе всего, доходъ съ восьмидесятимилліоннаго фонда— «Religions und Studienfond» — составленнаго Іосифомъ II изъ имущества семисотъ имъ упраздненныхъ монастырей на содержаніе приходскихъ священниковъ, школъ и разныхъ благотворительныхъ заведеній, былъ отданъ въ полное распоряженіе епископовъ, и такимъ путемъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе римской куріи.

Такія постановленія конкордата, отодвинувшія Австрію въ отношеніи вѣротерпимости ко временамъ Фердинанда II, невыносимымъ гнетомъ легли на все разноплеменное католическое и некатолическое населеніе имперіи, а само правительство лишили симпатіи всего просвѣщеннаго, въ особенности же протестантскаго, міра. Сочувствовало конкордату одно высшее дворянство, іезуитскимъ воспитаніемъ и сословнымъ интересомъ крѣпко прикованное къ Риму, благодушно принимающему въ лоно своей церковной іерархіи обездоленныхъ младшихъ сыновей и братьевъ маіоратами надѣленныхъ магнатовъ. Силою и богатствомъ римской церкви обезпечивалось существованіе значительнаго числа непервородныхъ потомковъ лучшихъ семействъ. Какъ же при такомъ порядкѣ вещей австрійской аристократіи было не сочувствовать всякому расширенію духовной власти и безграничному умноженію церковнаго богатства?

Торжествовали Римъ и высшее австрійское духовенство; зато деревенскіе, приходскіе священники, эти на вѣчную бѣдность обреченные паріи католической церкви, ниже прежняго понурили головы: ихъ матеріальный бытъ остался въ прежнемъ положеніи, и только, лишенные послѣдней тѣни гражданской защиты, конкордатомъ они отдавались на безотчетный произволъ своихъ епископовъ.

Главными дѣятелями конкордата были вѣнскій архіепископъ Раумеръ, за такой подвигъ возведенный въ званіе кардинала; министръ графъ Лео Тунъ, отъявленный клерикалъ, слѣпой исполнитель властолюбивыхъ замысловъ патера Бекса, генерала ордена іезуитовъ, и ловкій дѣлецъ—министръ Бахъ, одинаково ревностно готовый служить церкви и ея противникамъ, лишь бы удержать въ рукахъ свой министерскій портфель. Графъ Буль, заступившій во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ князя Шварценберга, умершаго въ 1852 году, не размышляя, шелъ по дорогѣ, проложенной своимъ предшественникомъ.

Молодой императоръ, не успѣвшій еще пріобрѣсти потребнаго опыта въ государственномъ управленіи, покоряясь вліянію своей іезуитами совершенно опутанной родительницы, эрцгерцогини Софіи, настоянію министровъ, да и по собственному религіозному чувству, не задумываясь принялъ всѣ папой предложенныя условія. Успѣли увѣрить императора, будто помощью лишь усиленнаго могущества католической церкви можетъ быть возстановлена твердымъ образомъ

обственная, революціей ослабленная власть. Послѣдствія дока- что всѣ сторонники конкордата, въ томъ числѣ даже очень ковидные отцы іезуиты, радикально ошиблись въ своихъ рас- ъ. Конкордатъ не только ничего не укрѣпилъ, а напротивъ расшаталъ штыкомъ и пушкой только что скрѣпленныя связи йскаго государственнаго зданія, и самому правительству сталъ мъ преткновенія на пути гражданскихъ преобразованій, пове- ьно требуемыхъ духомъ времени.

осударственная власть наружно казалась прочно установленной ѣхъ частяхъ многоязычной имперіи: повсюду господствовала ая тишина. Революція, Виндишгрецомъ подавленная въ Прагѣ нѣ, Радецкимъ въ Италіи, Гейнау въ Венгріи, благодаря рус- помощи, чаялось, слѣда не оставила; самыя тягостныя, самыя бразныя правительственныя распоряженія проводились безъ ки и безъ сопротивленія. Конституція, дарованная Францомъ омъ всѣмъ австрійскимъ подданнымъ, 4-го марта 1849 года, уничтожена, наравнѣ съ конституціею, обнародованною импе- омъ Фердинандомъ, 25-го апрѣля, 1848 года; венгерское ко- ство было обращено въ австрійскую провинцію, съ отмѣною ь политическихъ правъ, до возстанія принадлежавшихъ венгер- r народу; италіянскія области, увлеченныя надеждой возста- ть свою народную независимость, были усмирены силою ору- южные славяне, въ награду за кровь, пролитую ими противъ рцовъ въ пользу имперіи, поставлены въ обидно двусмыслен- юложеніе, которому они принуждены были покориться, какъ рялись своей судьбѣ всѣ остальныя народности, подведенныя одинъ общій уровень самыхъ тягостныхъ полицейскихъ мѣръ, авшихъ, однако, въ продолженіе времени желаннаго результата. этомъ, австрійское правительство сдѣлало ошибку, отъ которой олжаетъ страдать до настоящаго времени. До 1848 года, раз- ыя австрійскія народности, пользуясь полнымъ равноправіемъ, о прозябали одна возлѣ другой; стараясь возстановить свою рево- ей потрясенную власть, правительство разбудило благодушно дре- ій племенный антагонизмъ: славянъ вооружило противъ вен- въ; изъ чеховъ образовало полицейскій надзоръ въ нѣмецкихъ инціяхъ; славянъ, проявившихъ свою силу, повело путемъ тной германизаціи и пуще всего принялось косвенно тѣснить эстантовъ, составлявшихъ въ Венгріи религіозно-политическій энтъ, не допускавшій открытаго нарушенія принадлежавшихъ ему рическихъ правъ. Венгрію, раздѣленную на пять администра- ыхъ округовъ, въ замѣнъ прежде существовавшихъ комитатовъ, › наводнилъ чиновниками нѣмецкаго происхожденія, слова не шими повенгерски, нарядивъ ихъ, для придачи имъ мѣстнаго рита, въ испещренные золотыми шнурами мундиры венгерскаго оя, за что и были прозваны въ народѣ «баховскими гусарами».

Такимъ же образомъ пражская полиція была составлена изъ нѣмцевъ, не владѣвшихъ чешскимъ языкомъ. Языки смѣшались ровно при вавилонскомъ столпотвореніи: правители и управляемые, блюстители общественнаго порядка и публика, не понимая другъ друга, становились втупикъ, злились, путались, и чѣмъ больше выходило путаницы, тѣмъ сильнѣе возростала ихъ обоюдная ненависть, правительственный авторитетъ утопалъ въ омутѣ бюрократической неурядицы, дошедшей наконецъ до того безотраднаго положенія, изъ котораго можетъ вывести одинъ крутой поворотъ на новую дорогу. Графъ Тунъ своею іезуитскою аргументаціею, Бахъ своею удивительною находчивостью, не брезгавшею даже прямымъ обманомъ, постоянно вводили въ заблужденіе молодого императора касательно истиннаго положенія дѣлъ. Рѣзкимъ примѣромъ, какъ Бахъ ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами, служила первая, въ 1852 году имъ устроенная, поѣздка Франца-Іосифа во вновь организованную, къ имперіи присоединенную, венгерскую провинцію. Предъ императорской поѣздкой самъ Бахъ съѣздилъ въ Пештъ, переговорилъ съ мѣстными начальниками и подъ рукой распустилъ слухъ, будто императоръ венгерцамъ везетъ полную горсть негаданныхъ милостей. Зналъ онъ, что венгерцамъ болѣе всего желательно возстановленіе королевства на прежнемъ основаніи, безъ чего никакая милость, никакая льгота ихъ не примирятъ съ австрійскимъ царствующимъ домомъ, и зналъ, что этого не будетъ. Въ надеждѣ на такую высокую милость, венгерцы восторженно привѣтствовали императора—и горько ошиблись въ своимъ ожиданіи. Императору же Бахъ объяснилъ народный восторгъ пламеннымъ выраженіемъ преданности и благодарности за новую организацію и присоединеніе Венгріи къ могущественной Австрійской имперіи. А какой переворотъ произошелъ отъ этого въ народномъ чувствѣ, какъ послѣ того даже магнаты, дотолѣ преданные двору, стали переходить на сторону оппозиціи, нисколько не тревожило барона Баха: императоръ остался доволенъ своей поѣздкой, самъ онъ крѣпче прежняго усѣлся на своемъ мѣстѣ, чего только и домогался, придумавъ, съ повязкой на глазахъ, провезти по Венгріи своего довѣрчиваго повелителя.

Повинуясь силѣ обстоятельствъ, австрійскіе народы, не нарушая послушанія, покорялись административнымъ и полицейскимъ мѣрамъ, направленнымъ противъ ихъ политической свободы, но эта вынужденная покорность перешла въ громкій ропотъ, когда духовенство, въ силу правъ, данныхъ ему конкордатомъ, наложило руку на семейный бытъ и принялось подводить подъ церковную цензуру вседневныя отправленія частной жизни. Первымъ послѣдствіемъ конкордата явился строжайшій запретъ некатоликовъ хоронить на католическихъ кладбищахъ; даже покойникамъ военнаго званія, не принадлежавшимъ къ римской церкви, были отведены особо огороженные уголки на католическихъ погостахъ. Послѣ того, школа

и бракъ сдѣлались предметомъ непримиримой распри между церковными властями и народомъ. Со всѣхъ концовъ имперіи посыпались жалобы и протесты, ропотъ умножался, негодованіе разросталось въ массахъ и дошло, наконецъ, до того предѣла, за которымъ ему остается только перейти въ открытое сопротивленіе. Отъ самаго слабаго толчка грозило рушиться на рыхлой почвѣ административнаго произвола построенное, клерикальнымъ властолюбіемъ увѣнчанное, зданіе Туно-Баховской политики. Наступила неудачная итальянская война—Мадджента и Сольферино громовымъ ударомъ разразились надъ Австріей, обнаружили несостоятельность вооруженной силы, на которую правительство полагало всю свою надежду, оппозиція громко заговорила, и обманутый въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ императоръ Францъ-Іосифъ увидѣлъ себя принужденнымъ радикально измѣнить принятую имъ систему правленія, послѣ чего и конкордатъ не устоялъ противъ напора общественнаго мнѣнія.

Войска въ сборѣ не привелось мнѣ увидать раньше ноября. Собираясь посѣтить итальянскія провинціи, императоръ Францъ-Іосифъ, предъ отъѣздомъ своимъ, на городскомъ гласисѣ произвелъ смотръ войскамъ вѣнскаго гарнизона, сколько помнится въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій, бригады кавалеріи и двухъ полковъ артиллеріи. На другой день былъ назначенъ большой придворный обѣдъ, на которомъ долженствовалъ присутствовать весь дипломатическій корпусъ, посреди значительнаго числа военныхъ чиновъ Австрійской имперіи. Императорской военной свитѣ и иностраннымъ офицерамъ,— въ Вѣнѣ тогда находились только я да прусской службы майоръ Камеке, о которомъ мнѣ часто еще придется говорить,—для сопровожденія императора надлежало собраться у дворцоваго подъѣзда на Белларіи. Этотъ смотръ едва не обошелся мнѣ очень дорого. Жилъ я въ Ренгассе, противъ дома Ротшильда, на смотръ принужденъ былъ ѣхать на совершенно мнѣ незнакомой лошади, взятой напрокатъ изъ какой-то частной берейторской школы, и не успѣлъ рысью выѣхать на Фрейунгъ, какъ мой конь, поскользнувшись на гладкой мостовой, вмѣстѣ со мной повалился на землю, копытами вверхъ и сталъ биться, домогаясь встать на ноги. Моя лѣвая нога попала подъ лошадь, правою ногою мнѣ удалось оттолкнуть ее въ противоположную сторону, иначе она бы мнѣ помяла грудь и ребра. Какъ водится въ подобномъ случаѣ, мигомъ окружила меня толпа любопытныхъ.

— Давайте воды! несите въ ближайшій домъ!—закричали нѣкоторые зрители.

На лицо случившійся г. Фраппаръ, первый вѣнскій балетный танцоръ, поднялъ и поставилъ меня на ноги, что̀ и доставило мнѣ удовольствіе лично съ нимъ познакомиться.

Первое мгновеніе я простоялъ, не помня себя,—вѣнская гранитная мостовая не особенно мягка,—но скоро оправился и окружав-

шихъ меня господъ только попросилъ, нѣсколько пообчистивъ, мнѣ помочь снова сѣсть на лошадь, послѣ чего поѣхалъ, куда слѣдовало. Вышелъ императоръ на Белларію, большимъ галопомъ отправился къ войскамъ, обскакалъ три линіи и потомъ два раза пропустилъ полки мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Скакалъ и я, сидя на балансѣ; нога, бывшая подъ лошадью, висѣла какъ чурбанъ, а боль увеличивалась въ ней съ каждымъ мгновеніемъ. Вернувшись на Белларію тѣмъ же быстрымъ аллюромъ, императоръ слѣзъ съ лошади, чему послѣдовала вся свита; я одинъ остался на сѣдлѣ.

— А вы не располагаете спѣшиться?—взглянувъ на меня, спросилъ графъ Грюнне нѣсколько ироническимъ тономъ.

— Желалъ бы, да не могу. Предъ смотромъ вмѣстѣ съ лошадью лежалъ на мостовой. Одной ногою рѣшительно не владѣю; боюсь при малѣйшемъ движеніи ничкомъ улечься на землю.

— А! я этого не зналъ; надо вамъ помочь.

Грюнне подозвалъ придворнаго жандарма; меня сняли съ лошади, усадили въ карету и отвезли на квартиру.

Явился докторъ, осмотрѣлъ ногу, перевязалъ, уложилъ меня въ постель и приказалъ прикладывать холодные компрессы. Выше колѣна оказалась глубокая рана, прижатая нога посинѣла отъ прилива крови; полома не было. Похожденіе мое огласилось въ газетахъ. Не хотѣлось мнѣ, однако, миновать первый оффиціальный обѣдъ, да, пожалуй, еще въ глазахъ господъ австрійцевъ показаться плохимъ солдатомъ, неспособнымъ превозмочь малѣйшую боль. Просилъ я доктора во что бы ни стало доставить мнѣ возможность обуть больную ногу, хотя бы на самое короткое время, чего онъ и достигъ, приказавъ ее натирать хлороформомъ съ утра до самаго обѣда. Къ шести часамъ я одѣлся, поѣхалъ во дворецъ, высидѣлъ обѣдъ, выстоялъ весьма продолжительный «cercle», въ теченіе котораго ко мнѣ подходили императоръ и императрица, отвѣчалъ на рѣчи ихъ, не показывая вида, будто страдаю; когда же пришлось расходиться, боль меня одолѣла: пошелъ я, упираясь въ стѣну, какъ бываетъ съ человѣкомъ, неосторожно выпившимъ за обѣдомъ лишній стаканъ.

Эрцгерцогъ Альбрехтъ замѣтилъ мое странное шествіе, подошелъ развѣдать причину и узнавъ, въ чемъ дѣло заключалось, подозвалъ придворнаго лакея, который меня подъ руку провелъ къ экипажу.

Три недѣли послѣ того пришлось мнѣ съ перевязанной ногой пролежать на кровати.

Войска, бывшія на смотру, произвели на меня хорошее впечатлѣніе. Построенія дѣлались правильно, не особенно скоро, за то безъ лишней суеты. Бѣлые мундиры придавали пѣхотному строю очень красивый видъ; кавалерія отличалась ѣздою, но не щеголяла лошадьми, какъ у насъ, подобранными подъ ростъ и подъ одну масть. Артиллерія, на мой взглядъ, ни орудіями, ни запряжкой, ни поворотливостью не могла состязаться съ нашей артиллеріей; за то, ска-

зывали, превосходила ее въ цѣльной стрѣльбѣ, чему я долженъ былъ повѣрить на-слово, не имѣя возможности на смотру познакомиться съ ея боевыми качествами. Не вхожу въ дальнѣйшія подробности касательно обученія, обмундировки и вооруженія австрійскихъ войскъ, что и въ свое время могло интересовать одно наше военное министерство, а теперь потеряло всякое значеніе для поздняго читателя этихъ записокъ, такъ много съ этой поры надъ головой австрійскаго, да и всякаго другого европейскаго солдата, прошло реорганизацій, новыхъ обмундировокъ и перевооруженій. Скажу только, что императорская свита не одной добротою лошадей и блескомъ мундировъ, но и числомъ военныхъ знаменитостей времени еще наполеоновскихъ войнъ способна была обратить на себя общее вниманіе. Кромѣ человѣкъ шести старыхъ и молодыхъ эрцгерцоговъ, императора сопровождали три фельдмаршала—Виндишгрецъ, Нюжанъ, Вратиславъ, генералы Вимпфенъ, Шликъ, Гессъ, Бенедекъ, занимавшіе весьма почетное мѣсто въ преданіяхъ австрійской арміи. Бѣлые генеральскіе мундиры, при красныхъ панталонахъ, эффектно красовались посреди раззолоченнаго конвоя дворцовой трабантенъ и арциренъ лейбъ-гвардіи. Съ непривычки мнѣ показалось нѣсколько страннымъ отсутствіе эполетъ,—мимоходомъ сказать, въ сущности очень практичная выдумка. На взглядъ же военнаго человѣка, привыкшаго по эполетамъ различать чины, безъ нихъ чего-то недостаетъ въ обмундировкѣ. Офицеръ безъ эполетъ представляется глазу его ровно пѣтухъ безъ гребешка. Но къ этому скоро привыкаешь. Однѣ чрезчуръ укороченныя полы у офицерскихъ кафтановъ очень мнѣ не понравились—на молодомъ человѣкѣ стройнаго склада еще ничего; на старомъ толстякѣ больно некрасиво.

Императоръ смотромъ остался весьма доволенъ, да, признаться, самый строгій взглядъ не отыскалъ бы повода къ порицанію. Въ тѣ же годы императоръ Францъ-Іосифъ, всецѣло преданный военному дѣлу, въ арміи своей, прошедшей чрезъ революцію, не измѣнивъ долгу своему, увѣнчанной двумя блестящими побѣдами надъ сардинскими войсками, видѣлъ несокрушимый залогъ своего могущества и своей будущей славы. Все въ ней его занимало и радовало. Поэтому, собравъ около себя на Белларіи начальниковъ частей, бывшихъ на смотру, онъ милостиво сталъ имъ оказывать свою признательность именно въ ту минуту, когда я не въ силахъ оказался, спѣшившись, подойти и выслушать его слова.

Понятно было, если графу Грюнне показалось нѣсколько страннымъ и даже неумѣстнымъ, что я остаюсь на лошади, когда спѣшился императоръ, и вся свита, покинувъ лошадей, его окружила.

Извинила меня положительная невозможность исполнить то, что сдѣлали всѣ другіе.

Вѣнское общество изъ своихъ помѣстій переселяется въ городъ очень поздно, не раньше декабря, когда кончается охота. Съ этой

поры начались мои первыя знакомства въ кругу австрійскихъ фамилій; первенствующимъ лицамъ дипломатическаго корпуса, проводящимъ лѣтнее время въ ближайшихъ городскихъ окрестностяхъ, я былъ представленъ еще раньше Балабинымъ и новоприбывшимъ посланникомъ нашимъ, барономъ Будбергомъ. Въ средѣ дипломатовъ, датскій министръ, графъ Билле-Браге, человѣкъ весьма почтенныхъ лѣтъ, счастливый обладатель милоликой, далеко не пожилой супруги, и испанскій посланникъ, Дальонъ, у котораго подростали двѣ дочери, обѣщавшія стать на ряду красивѣйшихъ вѣнскихъ «comtessen» (какъ въ Австріи величаютъ каждую дѣвицу, будь ея отецъ князь, графъ или баронъ), сверхъ офиціальнаго пріема, имѣли обыкновеніе собирать еще болѣе тѣсный кружокъ хорошихъ знакомыхъ въ своихъ пріятныхъ салонахъ. Послѣ театра, кончающагося въ Вѣнѣ не позже десятаго часа, всегда можно было зайти къ Билле-Браге или къ Дальону, съ увѣренностью не скучая провести зимній вечеръ. Принимали и другіе въ Вѣнѣ пребывавшіе послы и посланники, ограничиваясь, однако, зваными вечерами и обѣдами, которыми тщеславно старались другъ друга перещеголять. И Гекернъ, чрезъ Петербургъ прошедшій нидерландскій министръ, оставившій у насъ не весьма добрую память по поводу несчастной кончины Александра Пушкина, не смотря на свою извѣстную бережливость, умѣлъ себя показать, когда требовалось сладко накормить нужнаго человѣка. Въ одномъ слѣдовало ему отдать справедливость: онъ былъ хорошій знатокъ въ картинахъ и древностяхъ, много тратилъ на покупку ихъ, мѣнялъ, перепродавалъ и всегда добивался овладѣть какою нибудь рѣдкостью, которою потомъ любилъ дразнить другихъ, знакомыхъ ему собирателей старинныхъ вещей. Квартира его была наполнена образцами стариннаго издѣлія, и между ними дѣйствительно не имѣлось ни одной посредственной вещи. Былъ Гекернъ уменъ; полагаю, о правдѣ имѣлъ свои собственныя, довольно широкія, понятія, чужимъ же прегрѣшеніямъ спуску не давалъ. Въ дипломатическомъ кругу сильно боялись его языка, и хотя не долюбливали, но кланялись ему, опасаясь отъ него злого словца.

Случилось мнѣ однажды сидѣть возлѣ него на придворномъ балѣ. Мимо насъ, гордо вперивъ глаза въ потолокъ, прошелъ новонаименованный, далеко не синекровный, министръ финансовъ, не успѣвшій еще научиться при дворѣ выступать съ подобающимъ смиреніемъ.

— Вы полагаете,— замѣтилъ Гекернъ довольно громко,— этотъ господинъ такъ высоко держитъ голову въ чувствѣ своего новаго достоинства; нисколько—считаетъ онъ свѣчи на люстрахъ, соображая, нельзя ли въ бюджетѣ сдѣлать сокращеніе по пункту бальнаго освѣщенія.

На большихъ придворныхъ балахъ, передъ ихъ заключеніемъ,

императрица проходитъ чрезъ всю танцовальную залу къ чайному столу, устроенному въ особой комнатѣ, приглашая слѣдовать за собой пословъ съ супругами и женъ прочихъ начальниковъ иностранныхъ миссій. Въ то время въ Вѣнѣ находился въ званіи султанскаго посла, князя Калимахи, маленькій, худенькій господинъ супруга же его предъ всѣми вѣнскими дамами отличалась пышными формами своей объемистой особы. Отправилась процессія, которой предшествовалъ церемоніймейстеръ, постукивая жезломъ. Вслѣдъ за величавой императрицей, скользившей легкою поступью по гладкому паркету, пыхтя, плыла на всѣхъ парусахъ княгиня Калимахи, торопясь не дать другой дамѣ себя опередить; возлѣ худенькій супругъ, покачиваясь, быстро перебиралъ ногами.

Опять довелось мнѣ недалеко отъ Гекерна слѣдить за этимъ любопытнымъ шествіемъ.

— «Regardez moi,— обратился онъ ко мнѣ,— comme ce couple represente bien: lui, la Turquie defaillante, elle, le Divan dans toute sa splendeur» [1]).

Такихъ ѣдкихъ замѣчаній за Гекерномъ считалось очень много— всего не припомнишь.

Гордое австрійское общество споконъ вѣку отличалось своею надменною исключительностью, и эта слава осталась за нимъ по настоящее время. Сказать нельзя, будто австрійская аристократія, не соблюдая должной вѣжливости, чуждается иностранцевъ обидным образомъ, но не менѣе того она постоянно уклоняется отъ всякаго дружескаго сближенія съ ними. Иностранцу, какого бы ни было высокаго положенія, въ Вѣнѣ можно прожить десятки лѣтъ, всѣхъ знать, у всѣхъ бывать, и все-таки остаться чужимъ въ глазахъ своихъ дорогихъ австрійскихъ пріятелей. Бываютъ случайныя изъятія, но чрезвычайно рѣдко. Знакомство обыкновенно ограничивается приглашеніемъ на обѣдъ, балы, рауты, и — размѣномъ визитныхъ карточекъ, которыя отдаются, не спрашивая даже, дома ли хозяйка, или хозяинъ. Такъ заведено.

Высшее австрійское общество не лучше и не хуже всякаго другаго европейскаго образованнаго общества, равнаго ему по достатку и по происхожденію: своимъ чередомъ страсти и страстишки всякаго рода, благородныя и неблагородныя, туманятъ гладкую поверхность свѣтскимъ лоскомъ прикрытой семейной жизни, происходятъ скандалы, но все это творится келейно, по возможности, припрятано отъ чужого глаза. Какъ женское сердце ни своевольно въ выборѣ своихъ привязанностей, но у австрійскихъ свѣтскихъ дамъ, кажется, оно пріучено покоряться строгой кастовой дисциплинѣ,

---

1) Принужденъ приводить нѣкоторыя слова на томъ языкѣ, на которомъ они были произнесены, ради сбереженія того едва уловимаго оттѣнка, который въ переводѣ не всегда можно передать совершенно точно.

загорается лишь въ пользу своего собрата по языку и по рожденію. Тутъ все происходитъ въ своемъ тѣсномъ, замкнутомъ кругу, все шито и крыто, развѣ уже дѣло завязалось такого рода, что никакимъ способомъ не можетъ уйти отъ огласки. Случаи, въ которыхъ бы австрійская дама аристократическаго круга сердцемъ отдалась чужестранцу, столь рѣдки, что не трудно ихъ пересчитать по пальцамъ, и это австрійскимъ свѣтскимъ красавицамъ можетъ быть причтено въ немалую заслугу, потому что онѣ отнюдь не грѣшатъ черствымъ сердцемъ, ни ледянымъ темпераментомъ.

Въ первое время моего пребыванія въ Вѣнѣ только одинъ домъ постоянно былъ открытъ для иностранцевъ. Графиня Елена Эстергази, рожденная Безобразова, племянница бывшаго русскаго посла, бальи Татищева, въ теченіе цѣлой зимы каждый вечеръ принимала всѣхъ своихъ знакомыхъ, истинно дружески относясь къ своимъ соотечественникамъ. Въ ея домѣ, какъ на нейтральной почвѣ, привѣтливо сходились корифеи австрійскаго общества съ заграничными представителями хорошаго тона. Большая, изящно убранная гостиная, открытая до поздней ночи, каждый вечеръ вмѣщала человѣкъ двадцать привычныхъ посѣтителей: въ перемежку съ молодыми и старыми дипломатами, громкими австрійскими именами, пережившими себя любезниками и молодежью, только что выступившею на сцену свѣта, тутъ можно было встрѣтить цвѣтъ вѣнскихъ красавицъ, имѣвшихъ право гордиться собой, богатствомъ, молодостью и своею вѣковою родословной. Кто въ Вѣнѣ не восхищался тогда княгиней Обреновичъ (супругой князя Михаила, двѣнадцать лѣтъ спустя, павшаго въ Бѣлградѣ подъ ударами убійцъ, сербскихъ партизановъ Александра Карагеоргевича), принцессой Мекленбургской, княгиней Гую Виндишгрецъ, кокетливой графиней Госсъ, бѣлокурой графиней Эрдеди Оберндорфъ, обладавшей рѣдкимъ даромъ, подвигаясь въ лѣтахъ, неизмѣнно сохранять видъ цвѣтущей молодости.

Чайнымъ столомъ въ гостиной распоряжалась дочь графини Елены, отъ перваго брака съ графомъ Апраксинымъ, живая, кокетливая графиня Жюли Батьяни, около которой роилась молодежь, на лету ловившая ея слова и взгляды. Напрасно тогда тратили на нее перлы своей любезности записные фрачные и мундирные сердцеѣды, напрасно рисовались предъ ней, жеманно поигрывая часовою цѣпочкой или молодецки побрякивая шпорами. Жюли оставалась неприступною: вышла она замужъ по любви за графа Тури (Артура), и любовь не успѣла еще погаснуть въ ея, многолѣтнимъ супружествомъ не утомленномъ, сердцѣ. Помню, какъ однажды, вечеромъ, графиня Елена не отказалась меня принять, когда простудой заболѣвшій Батьяни осужденъ былъ лежать въ постели. Въ одномъ углу обширной спальни сидѣла графиня Елена за чайнымъ столикомъ, на другомъ концѣ лежалъ Тури; возлѣ него, не отводя

страстныхъ глазъ отъ больного, ухаживая за нимъ, какъ за дитятей, красовалась его заботливая супруга. При видѣ этой трогательной семейной картины, не могло же мнѣ въ голову прійти, что подобное супружеское счастіе такъ скоро разлетится въ мелкіе дребезги. Годъ спустя, графиня Елена, покинувъ городъ на лѣто и на зиму, поселилась въ Ландшицѣ, богатомъ помѣстьѣ, оставленномъ ей покойнымъ мужемъ, графомъ Эстергази, въ пожизненное владѣніе. Вмѣстѣ съ нею переѣхали въ Ландшицъ, лежащій въ Венгріи, недалеко отъ Вѣны, графъ Батьяни съ женою и двумя малолѣтними дочерьми. Однообразная деревенская жизнь, кажется, не пришлась по сердцу ни Батьяни, ни его нервозной супругѣ, привыкшимъ веселиться по-городскому. Соскучились они, и подъ напоромъ пожирающей скуки, должно быть, стала потухать ихъ горячая супружеская любовь. Отъ нечего дѣлать, тревожнымъ воображеніемъ надѣленная, Жюли принялась за перо, написала и напечатала на французскомъ языкѣ романъ «Ilona», потерпѣвшій довольно громкое фіаско. Должно быть, самый языкъ не отличался должной чистотою, потому что по этому поводу въ вѣнскомъ обществѣ повторялось словцо, пущенное бельгійскимъ министромъ, величественнымъ О'Суливаномъ. На вопросъ какой-то дамы, познакомился ли онъ съ твореніемъ талантливой графини, О'Суливанъ сразилъ ее отвѣтомъ.

— «Pardon, madame, je ne lit pas du français».

Литературный трудъ Жюли Батьяни послужилъ для нея какъ бы вступленіемъ на скользкій путь самыхъ разнообразныхъ романическихъ похожденій, долгое время служившихъ пищею свѣтскимъ толкамъ. Въ одинъ прекрасный день, покинувъ дѣтей и мужа, она исчезла изъ Ландшица, и вмѣстѣ съ нею исчезъ изъ Пинта нѣкій, очень молодой венгерскій кавалеръ. Куда направили свой полетъ оба голубя, осталось глубокой тайной. Матушка и супругъ съ одной стороны, съ другой старшій братъ, попечитель юноши, кинулись отыскивать странствующую чету, и не безъ труда отыскали ее въ какой-то малоизвѣстной вѣнской гостиницѣ. Молодого человѣка братъ принудилъ возвратиться къ своимъ пенатамъ, она же рѣшительно отказалась вернуться подъ супружескій кровъ, въ Венгріи поступила на сцену, имѣла неудачу и послѣ того переѣхала въ Парижъ. Воображая себя драматической артисткой, въ Парижѣ она сдѣлала новую театральную попытку, съ перваго раза была ошикана, и, не видя другаго спасенія, съ неблагодарныхъ подмостковъ крутымъ поворотомъ перенеслась на почву религіозныхъ убѣжденій—изъ православія перешла въ лоно католической церкви, чѣмъ и поставила себѣ подъ покровительство богомольныхъ дамъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, по имени признававшихъ ее равнокровною, а вслѣдствіе присоединенія къ римской церкви очищенною отъ всѣхъ прошедшихъ прегрѣшеній. Тутъ удалось ей очаровать какого-то испанскаго

кавалера, принадлежавшаго къ свитѣ въ Парижѣ проживавшей королевы Изабеллы. Наученная горькимъ опытомъ, сколько неудобствъ влечетъ за собой пренебреженіе свѣтомъ установленныхъ правилъ, она рѣшилась не принадлежать ему иначе, какъ подъ титуломъ законной сожительницы. Между тѣмъ разводъ въ католической церкви дѣло трудное, почти невозможное, а первый мужъ, графъ Батьяни, еще живъ. Какъ тутъ быть? — находчивая графиня не осталась на мели; не вдаваясь въ дальнія разсужденія, она приняла протестантскую вѣру, каковымъ актомъ ея католическій первый бракъ фактически расторгался, и обвѣнчалась съ своимъ испанцемъ-архикатоликомъ. Такимъ необыкновеннымъ путемъ, на почвѣ самыхъ рѣдкихъ противоположностей, создала она себѣ новое легальное положеніе. Совершенно потерявъ ее изъ виду, не знаю, послѣ своего испанскаго брака сподобилось ли ей окончательно пристать къ безтревожному берегу обиходной домашней жизни—кажется, имѣла время перебѣситься.

Кто изъ русскихъ, побывавшихъ въ Вѣнѣ хотя мимоѣздомъ, не успѣлъ познакомиться съ графинею Еленой, не былъ принятъ и обласканъ ею съ истинно русскимъ радушіемъ. Не весьма удачно было ея первое замужество; потомъ судьба ей улыбнулась, наступила для нея полоса блеска и счастья, а старость заключилась горемъ и домашними заботами. Ежели въ ея вторичный бракъ съ Эстергази закралась маленькая неправильность, то слѣдовало прежде всего винить обстоятельства, и всякій укоръ невольно умолкалъ предъ ея сердечной добротой и предъ нѣжной заботливостью, съ какою она воспитывала своихъ внучекъ, дочерей повихнувшейся Жюли, тщательно приберегая для нихъ остатки своего сильно разстроеннаго состоянія.

Говоря о домахъ, служившихъ дружескимъ пріютомъ для русскихъ, неблагодарно было бы умолчать объ Александрѣ Александровичѣ Полянскомъ, вѣнскомъ старожилѣ, помнившемъ еще Татищева, при коемъ онъ поступилъ въ посольство. Женившись на австрійской уроженкѣ и похоронивъ служебную амбицію на камергерскомъ ключѣ, онъ съ той поры поселился въ Вѣнѣ, не переставая, однако, помнить Россію, любить все русское и охотно сближаться съ русскими, которыхъ судьба ему посылала. Независимый по состоянію и по характеру, внѣ большаго свѣта, мирно доживалъ онъ свой вѣкъ въ кругу близкой родни и короткихъ знакомыхъ. Джентельменъ въ широкомъ значеніи слова, Полянскій не одною домашнею обстановкою, но и душевнымъ благородствомъ положительно напоминалъ добраго, благовоспитаннаго русскаго барина стараго покроя. Познакомились мы скоро послѣ моего пріѣзда и прожили послѣ того долѣе двадцати лѣтъ, до самой его кончины, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, составляющихъ одно изъ моихъ лучшихъ вѣнскихъ воспоминаній.

III.

Поѣздка императора и императрицы въ Ломбардію.— Придворные обычаи.— Австрійская аристократія.— Пріѣздъ жены въ Вѣну.— Жизнь въ Поцлейндорфѣ.— Прусскій военный агентъ Камеке.— Случай въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера Гессе.— Натянутыя отношенія Австріи и Сардиніи.— Собранія въ гостиницѣ Штадтъ-Франкфуртѣ.— Мѣрингъ.

Во второй половинѣ ноября, императоръ съ императрицею, сопровождаемые полнымъ придворнымъ штатомъ, отправились въ Италію, гдѣ они продлили свое пребываніе до начала марта слѣдующаго года. Цѣлью этого путешествія было лаской возстановить въ ломбардо-венеціанскомъ населеніи, происшествіями 1848 года ослабленную, связь его съ домомъ Габсбурговъ, коего владычество въ Италіи замѣтно продолжало колебаться, невзирая на побѣды Радецкаго и на строгія мѣры, которыми онъ итальянцевъ удерживалъ въ границахъ наружнаго повиновенія. Статный императоръ, особенно же красою и молодостью блиставшая императрица успѣли лично произвести обаятельное впечатлѣніе на скоро увлекающихся итальянцевъ, но народной вражды имъ не удалось превратить въ любовь и преданность. Слишкомъ глубоко укоренилась злоба противъ ненавистныхъ имъ тедеско-аустріаковъ въ груди поборниковъ итальянской независимости, безпрестанно раздражаемыхъ безтактностью придирчивой австрійской администраціи и высокомѣрнымъ обращеніемъ австрійскихъ солдатъ и офицеровъ, не знавшихъ мѣры и предѣла оскорбленіямъ, которыя они ежедневно наносили итальянскому національному самолюбію. Правду сказать, сами итальянцы въ долгу не оставались: крѣпко-накрѣпко заперлись въ своихъ домахъ и, встрѣчаясь на улицѣ, съ злостнымъ пренебреженіемъ отворачивались отъ своихъ нѣмецкихъ недруговъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, уже начавшій прозрѣвать, не смотря на Бахомъ подготовленныя миланскія шумныя оваціи, понялъ, что въ Италіи готовятся новыя смуты, и его только убаюкиваютъ лживыми увѣреніями, будто порядокъ возстановленъ на прочномъ основаніи, и никто не дерзнетъ его нарушить. Свое внутреннее убѣжденіе умѣлъ онъ скрыть отъ чужого глаза, но что тогда уже въ немъ возникла мысль о необходимости въ скоромъ времени изъ-за итальянскихъ провинцій взяться за оружіе, мнѣ открылъ нечаянный случай, о чемъ припомню въ своемъ мѣстѣ.

Дворъ находился въ отсутствіи, а городъ продолжалъ веселиться обычнымъ порядкомъ: балы, рауты и обѣды шли своимъ чередомъ; не доставало только двухъ или трехъ придворныхъ баловъ, въ чемъ состояла вся разница. Австрійское высшее дворянство, надо сказать, по всѣмъ вопросамъ общественной жизни держитъ себя очень независимо: твердо предано монархическому принципу, благоговѣетъ

предъ императорскимъ авторитетомъ, но раболѣпно не подчиняется указаніямъ двора, опирая свою самостоятельность на богатую поземельную собственность и на принадлежащія ему вѣковыя права. Помню слова, сказанныя мнѣ по этому случаю однимъ знатнымъ австрійскимъ генераломъ: «кровью и силами своими жертвую государству, безусловно повинуюсь моему государю, но живу, думаю и чувствую, какъ велитъ одна моя собственная совѣсть». Въ Вѣнѣ человѣкъ можетъ быть при дворѣ «persona gratissima», не пользуясь въ обществѣ особеннымъ отличіемъ, ни какимъ либо исключительнымъ придворнымъ преимуществомъ. Установленный этикетъ положительно противится всякому отступленію отъ традиціоннаго порядка.

Кромѣ военныхъ, имѣющихъ право являться ко двору независимо отъ общихъ правилъ придворнаго этикета, въ Австріи однимъ камергерамъ, «Kämmerer»,—камеръ-юнкеры не существуютъ,— принадлежитъ право невозбранно вращаться въ придворной сферѣ. Званіе же камергера дается не по особой монаршей милости и не по министерскому ходатайству за какія либо заслуги, а по закону принадлежитъ каждому дворянину, считающему за предками по мужской и женской линіи шестнадцать поколѣній безъ примѣси мѣщанской крови. Желающій воспользоваться сказаннымъ правомъ представляетъ свою родословную, обергофмаршальское управленіе разсматриваетъ документы, составляетъ докладъ, а императору остается только просителя утвердить въ его правѣ. Такимъ же образомъ правомъ бывать при дворѣ пользуются лица, пожалованныя императоромъ въ тайные совѣтники «Geheimräthe», коимъ въ Австріи только и принадлежитъ титулъ превосходительства, не принадлежащій ни генералъ-маіору, ни фельдмаршалъ-лейтенанту. Превосходительными называютъ еще пословъ и государственныхъ министровъ, пока они состоятъ въ должности. Военное званіе отнюдь не мѣшаетъ получить тайнаго совѣтника, или воспользоваться наслѣдственнымъ правомъ на камергерскій ключъ, замѣняемый на мундирѣ двумя пуговками на томъ мѣстѣ, гдѣ ему слѣдуетъ быть. Какъ строго держатся всѣхъ упомянутыхъ правилъ, можно усмотрѣть изъ двухъ слѣдующихъ случаевъ.

Фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ, считая себя слишкомъ большимъ бариномъ, чтобы за спиною носить камергерскій ключъ, никогда не просилъ включить его въ число камергеровъ, за что на большихъ придворныхъ балахъ былъ лишенъ преимущества на ряду съ камергерами и дипломатическимъ корпусомъ въ танцовальной залѣ выжидать прихода императорской фамиліи, а принужденъ былъ оставаться въ аванзалѣ среди военныхъ чиновъ до появленія императора, послѣ чего имъ дозволялось войти въ главную залу.

Другой случай: баронъ Гондриксъ, весьма достаточный моравскій помѣщикъ, былъ три раза женатъ. За его первою женою не-

доставало двухъ потребныхъ колѣнъ дворянскаго званія, почему ни она, ни ея дочь, въ замужествѣ графиня Маршалъ, не имѣли пріѣзда ко двору, дѣти же графини Маршалъ считались уже полноправными. По этой причинѣ графиня Маршалъ сама не могла свою дочь представить императрицѣ и тѣмъ открыть ей пріѣздъ ко двору, а принуждена была предоставить это дѣло своей мачихѣ, третьей супругѣ барона Гондрикса, имѣвшей счастіе родиться полнымъ числомъ предковъ надѣленной графиней Митровской.

Не дѣлая никакихъ выводовъ, предоставляю каждому дѣло разсудить посвоему. Думаю, однако, что эти средневѣковою чопорностью отзывавшіяся постановленія также имѣли свою недурную сторону, заграждая безплодному мелкому тщеславію помощью интриги пролагать себѣ дорогу къ придворнымъ почестямъ. На моей памяти еще жены даже министровъ, не принадлежавшихъ къ старому дворянству, не бывали при дворѣ, открытомъ ихъ мужьямъ по праву министерскаго званія. Только недавно Геймерли заставилъ сдѣлать отступленіе отъ этого правила, положительно отказавшись принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ, ежели на жену его не будетъ распространено ему самому принадлежащее право бывать при дворѣ.

Не всегда, однако, дворецъ оставался совершенно неприступнымъ для неполноправныхъ дворянъ и даже для нѣкоторыхъ лицъ не дворянскаго происхожденія. Въ продолженіе зимы при дворѣ давалось нѣсколько баловъ, дѣлившихся на три категоріи — «Hofball», «Ball bei Hofe» и «Kammerball». Для баловъ второй и третьей категоріи разсылались именныя приглашенія; «каммербалъ» отличался отъ бала «бей-гофе» только тѣмъ, что на немъ не бывали иностранцы, приглашенные на балъ «бей-гофе»; а на «гофбалъ», по печатному объявленію, могъ явиться безъ разбора чина и происхожденія каждый, у кого на груди красовался любой австрійскій орденъ.

Обѣды и балы занимаютъ въ свѣтской жизни, какъ извѣстно такое важное мѣсто, что, говоря о вѣнскомъ обществѣ, значило бы провиниться предъ нимъ, пропустивъ упомянуть, кто именно въ Вѣнѣ отличался умѣньемъ вкусно кормить и веселить со вкусомъ.

Въ 1856 году, да и позже, самые блистательные балы, на которыхъ рѣдко дворъ не присутствовалъ, бывали у князя Ауерсберга, у маркиза Палавичини, у владѣтельнаго князя Лихтенштейна («der Souveräne», какъ его прозывали для отличія отъ Шварценберга, носившаго названіе «der Regierende») и у князя Шварценберга, мужа знаменитой княгини Лори (Елеоноры), до конца жизни своей первенствовавшей въ вѣнскомъ обществѣ, не зная равной себѣ соперницы. Писанная красавица въ дни молодости, еще въ мое время замѣчательно свѣжая дама, первая по имени и по состоянію, занимала она въ Вѣнѣ совершенно исключительное положеніе и пользовалась имъ, нимало не стѣсняясь общественнымъ мнѣніемъ, бу-

дучи увѣрена, что все ей будетъ прощено за красоту, за знатное имя и за богатство, которымъ она ослѣпляла низкопоклонную толпу. Попасть къ ней на вечеръ, особенно же похвалиться короткимъ знакомствомъ съ ея свѣтлостью, считалось верхомъ благополучія, и не было такой хитрой уловки, на которую бы не подались вѣнскіе снобы обоего пола, чтобы только видъ подать, будто дѣйствительно пользуются такимъ драгоцѣннымъ преимуществомъ. Разсказываютъ, будто извѣстный Кауницъ, для удержанія за собою славы не совершенно еще отжившаго любезника, по вечерамъ посылалъ свою пустую карету нѣсколько часовъ простоять у подъѣзда которой нибудь въ чести бывшей пѣвицы или балетистки. Не знаю, слѣдуетъ ли принять это за правду, или считать одной пикантной выдумкой, но въ мою бытность нѣкоторыя честолюбивыя вѣнскія дамы дѣйствительно отправляли по утрамъ свои экипажи на Мелмарктъ постоять часокъ возлѣ Шварценбергскаго дома. Пройдетъ знакомый, узнаетъ экипажъ, подумаетъ—счастливая, проводитъ утро у княгини Лори—разскажетъ въ городѣ; соперницы станутъ глядѣть на нее съ завистью и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ; ея свѣтское положеніе установится на хорошемъ основаніи. Говорятъ, княгиня была очень умна—ничего не могу сказать объ этомъ, не имѣвъ чести состоять съ княгинею Лори на короткой ногѣ, однако должно быть справедливо, потому что она такъ вѣрно понимала свѣтъ, и людскіе пересуды не цѣнила выше того, чего стоитъ всякая праздная болтовня. Велика бѣда, что за глаза будутъ хаить и бранить; въ глаза тѣ же людишки ни въ какомъ разѣ не перестанутъ низко кланяться и сладко улыбаться; стоитъ ли послѣ того бояться суда ихъ?

Болѣе пріятное впечатлѣніе производила на меня ея сестра, княгиня Леопольдина Лобковичъ, не блиставшая, подобно княгинѣ Лори, ни красотой, ни богатой домашней обстановкой, но привлекавшая общее расположеніе своею нечванною, всегда ровною любезностью.

Вечера, балы и обѣды у графа Буля и у оберъ-гофмейстера князя Карла Лихтенштейна имѣли для иностранныхъ миссій чисто офиціальный характеръ. Любезнѣе и внимательнѣе князя Карла не было человѣка при дворѣ и въ обществѣ; равнялся ему въ этомъ еще обергофмаршалъ графъ Куфштейнъ, за что оба они слыли двумя самыми вѣжливыми грансиньорами въ цѣлой Австріи. Князь Лихтенштейнъ пользовался рѣдкою популярностью во всѣхъ слояхъ вѣнскаго населенія: въ Вѣнѣ, полагаю, не было торговки, ни торгаша, которые бы его не знали, предъ нимъ не присѣдали и не снимали шапки. Высокій, красивый, далеко за семьдесятъ лѣтъ переступившій князь Карлъ, въ одномъ уланскомъ мундирчикѣ своемъ, какая бы ни была погода, ежедневно легкою походкой измѣрялъ дорогу изъ города въ Пратеръ и пѣшкомъ возвращался въ Шенкситтрассе, на свою квартиру [1]). Въ извѣстный часъ до того

[1]) Около 7 верстъ.

привыкли его видѣть на пути въ Пратеръ, что въ 1865 году, когда въ продолженіе двухъ дней никому не удалось встрѣтить его на Грабенѣ и въ Егерцейлѣ, всѣ въ городѣ заговорили: вотъ уже второй день князя Карла не видать, значитъ плохо ему пришлось! И дѣйствительно 7 апрѣля отдалъ онъ Богу свою благородную, ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ неповинную душу, и я потомъ имѣлъ прискорбіе присутствовать на погребеніи его.

Въ то время еще одна выдающаяся личность занимала въ вѣнскомъ обществѣ очень видное мѣсто: то былъ фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ. Участіе, которое онъ въ революціонные годы принималъ въ усмиреніи Праги и Вѣны, и его неудачный венгерскій походъ пользуются гласностью, избавляющею меня отъ повторенія фактовъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ всей читающей публикѣ. Постараюсь очертить его личность. Наружностью князь не отличался: меньше средняго роста, неподвижнымъ взглядомъ, какъ бы застывшими чертами блѣднаго лица и важною поступью напоминалъ онъ поразительнымъ образомъ донжуановскаго командора, съ которымъ, бывало, его сравнивали, когда онъ, съ точностью часовой стрѣлки, ровно въ полночь, тихо появлялся на порогѣ какой либо гостиной. Тогда присутствующіе подымались, какъ по сигналу, почтительно встрѣтить человѣка, котораго вся австрійская аристократія признавала своимъ настоящимъ избавителемъ отъ революціи и самымъ упорнымъ защитникомъ древнихъ дворянскихъ привилегій, за что въ обществѣ и не переставали его честить всѣми мѣрами, не смотря на потерянное имъ благоволеніе двора. Отличительныя качества его — не всегда обдуманная рѣшимость и непреодолимое упрямство, при чувствительномъ недостаткѣ дальновидности, позволяли ему дѣйствовать съ пользою только подъ руководствомъ чужой, болѣе осмотрительной воли. Политическимъ смысломъ онъ не былъ одаренъ, и во время своей военной диктатуры 1848 года надѣлалъ не мало ошибокъ, нравственно повредившихъ Австріи въ глазахъ германскаго народа, чѣмъ и было положено первое основаніе къ будущему возвышенію Пруссіи. Князь Шварценбергъ вѣрно понялъ хорошія и дурныя стороны его ума и характера, воспользовался имъ въ часъ опасности, когда требовалось рубить съ плеча, а когда наступилъ желанный порядокъ, тотчасъ отнялъ у него всякое вліяніе на государственныя дѣла. Въ поговорку обратившаяся гордость князя Виндишгреца, рѣзко высказанная отвѣтомъ, который онъ во время вѣнскаго конгресса далъ нашему великому князю Константину Павловичу на его саркастическое замѣчаніе: «il parait, mon prince, que vous faites le grand seigneur?»—«je n'ai pas besoin de le faire, je le suis!» — имѣла однако и свою недурную сторону. Ни на волосъ не отступая отъ истинно благороднаго правила—«noblesse oblige», первою обязанностью чистокровнаго дворянина Виндишгрецъ признавалъ сбереженіе честнаго имени, перешедшаго

къ нему отъ предковъ. Деньги въ глазахъ Виндишгреца имѣли меньшую цѣну: всей Вѣнѣ было извѣстно, какія сильныя потери онъ понесъ на бумагахъ австрійскаго кредитнаго банка только потому, что отказался ихъ продать, когда банкъ сталъ колебаться, объявивъ, что, на его взглядъ, дворянину неприлично вдаваться въ биржевыя спекуляціи, которыми позволено обогащать себя однимъ жидамъ и лавочникамъ. Къ русскимъ Виндишгрецъ питалъ непритворное расположеніе, вслѣдствіе чего я имѣлъ удовольствіе пользоваться его ласковымъ вниманіемъ и часто бывать у него по самую его кончину.

Наступила весна. Изъ Россіи пріѣхала жена съ нашею воспитанницею, Александрою Тизенгаузенъ—собственныхъ дѣтей мы не имѣли. Съ той поры зажилъ я въ Вѣнѣ семейною жизнью, безъ которой принужденъ былъ обходиться въ продолженіе зимы, не успѣвъ отыскать удобной квартиры. На лѣто поселились мы въ Поцлейнсдорфѣ, небольшомъ мѣстечкѣ у подножья Винервальда, полчаса ѣзды отъ города, во флигелѣ замка, принадлежавшаго нѣкоему барону Левенталю. Вѣна богата красивыми окрестностями, и Поцлейнсдорфъ безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ заманчивыхъ лѣтнихъ убѣжищъ. Холмистая лѣсная мѣстность, окружавшая замокъ, открывала по всѣмъ направленіямъ множество тѣнистыхъ прогулокъ. Примыкавшій къ нему обширный паркъ, разстилавшійся по западному скату невысокаго гребня, отдѣлявшаго насъ отъ Вѣны, въ полной мѣрѣ доставлялъ намъ, чего лучше нельзя требовать для деревенской жизни—прохладу, тишину и уединеніе. Если подняться на высоту, которою заканчивался паркъ, подъ ногами открывался городъ, какъ на ладони—видъ былъ ненаглядно живописенъ. Близость города въ то же время давала возможность бывать въ немъ каждое утро, къ обѣду возвращаясь въ Поцлейнсдорфъ. Тутъ я короче сошелся съ Камéке, моимъ прусскимъ колегой, который почти ежедневно къ намъ пріѣзжалъ, или приходилъ пѣшкомъ—дорога изъ города, пролегая между двумя непрерывными рядами садовъ и загородныхъ домиковъ по широкому шоссе, окаймленному высокими каштановыми деревьями, служила очень пріятной прогулкой. Въ лѣтніе дни, съ утра до поздней ночи, пестрѣла по шоссе толпа гуляющихъ, и каждые полчаса трусили въ оба конца громоздкіе желтые омнибусы; усталому было куда присѣсть и покойно доѣхать до мѣста.

Знакомство съ Камéке навсегда оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Человѣкъ тонкаго ума, отличный офицеръ, пріятный товарищъ, умѣлъ онъ дѣлать всякое дѣло ровно шутя: наблюдать незамѣтно и писать коротко, отнюдь не больше, чѣмъ требовала дѣйствительная польза, никогда не придавая своей дѣятельности тотъ видъ таинственной озабоченности, которою святая посредственность обыкновенно маскируетъ свое пустодѣліе. Всегда доста-

вало у него довольно времени на дѣло и на развлеченіе. Исходили мы съ нимъ всѣ поцлейнсдорфскія окрестности, излазили всѣ горы и много о чемъ откровенно переговорили. Пріятно даже было иногда поспорить съ нимъ, потому что при его умѣ и образованіи никакой споръ не могъ перейти за предѣлы пріятельскаго размѣна мыслей. Глубокій прусскій патріотъ по чувству, ясно понималъ онъ разсудкомъ, что, принадлежа къ разнымъ народностямъ, мы могли служить противоположнымъ интересамъ, діаметрально расходиться въ политическихъ мысляхъ, нисколько, однако, не расходясь въ понятіяхъ о чести и долгѣ, чего больше не позволено требовать ни отъ противника, ни отъ пріятеля. Наше положеніе въ Австріи, сносное по наружности, въ сущности же мало симпатичное военнымъ властямъ, мало чѣмъ отличалось. На него и на меня глядѣли одинаково подозрительно; одинаково затрудняли намъ пристально заглянуть въ глубину военныхъ реформъ и военныхъ приготовленій. Дѣло понятное: Россіи Австрія опасалась, Пруссіи она прямо боялась, а Россія и Пруссія не довѣряли Австріи и бдительно слѣдили за всѣмъ, что въ ней совершалось по военной части. Поэтому намъ обоимъ приходилось вести себя очень осторожно, чтобы не возбудить подозрѣнія въ неумѣстномъ рвеніи узнавать такъ называемые военные секреты, которые, впрочемъ, какъ ни старайся, для знающаго дѣло, да еще при свободѣ печати, почти никогда не остаются неразгаданными тайнами.

По этому поводу припомню случай, совершенно негаданно открывшій мнѣ весьма любопытное дѣло.

Въ началѣ 1857 года, когда австрійскій дворъ еще находился въ Миланѣ, въ Вѣну пріѣхалъ молодой офицеръ, отправленный нашимъ министерствомъ изучать военную администрацію въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Поѣхалъ я его представлять мѣстнымъ военнымъ властямъ, въ томъ числѣ генералъ-квартирмейстеру, барону Гессу, имѣвшему въ Бургѣ свою канцелярію. Въ большой комнатѣ, примыкавшей къ генеральскому кабинету, сидѣло за работой нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба; въ сторонѣ находился столъ, на которомъ была разложена карта Австрійской имперіи, утыканная разноцвѣтными булавками: сильная группа въ Ломбардіи, двѣ группы, поменьше, въ Галиціи и въ дунайской долинѣ. Зная, какъ мнѣ слѣдовало себя держать въ моемъ положеніи, сразу понявъ дѣло, я отошелъ въ противоположную сторону, будто ничего не замѣтилъ. Молодой товарищъ мой, прежде чѣмъ мнѣ удалось его остановить, напротивъ того метнулся къ столу, на которомъ лежала карта, съ вопросомъ: что это?—дисклокація? Тогда адъютантъ Гесса, ни слова не отвѣчая, смѣшалъ булавки, схватилъ карту и понесъ ее въ генеральскій кабинетъ.

Размѣщеніе булавокъ, а больше еще досадливый пріемъ, которымъ адъютантъ отвѣтилъ на заданный ему, юношески невинный

вопросъ, привели меня къ заключенію, что въ Италіи готовятся компликаціи, обращающія на себя сюрьезное вниманіе австрійскаго правительства.

При первомъ свиданіи сообщилъ я нашему посланнику, барону Будбергу, мои мысли касательно этого предмета, прибавивъ, что, по моему убѣжденію, въ Италіи готовится новая война, не берусь сказать—по почину Австріи или Сардиніи, знаю только, что въ такомъ случаѣ не разсчитываютъ на безусловную нейтральность со стороны Франціи — слишкомъ густа показалась мнѣ группа булавокъ противъ одной Сардиніи, да и другая группа не даромъ же была помѣщена въ дунайской долинѣ.

Баронъ Будбергъ вѣрить не хотѣлъ.

— Вы придаете дѣлу слишкомъ важное значеніе,—замѣтилъ онъ:— что вы видѣли, могло быть однимъ офицерскимъ научнымъ упражненіемъ.

— Офицеры упражняются въ военной школѣ и въ отдѣленіяхъ генеральнаго штаба. Въ собственной канцеляріи генералъ-квартирмейстера теоріей не занимаются, а примѣняютъ ее на практикѣ. На мой взглядъ, дѣло стоитъ вниманія; я предвижу войну.

Баронъ махнулъ рукой.

— Point d'éventualité! personne n'a de l'argent, personne ne désire la guerre.

Предъ авторитетомъ такого опытнаго дипломата, какимъ признавался Будбергъ, мнѣ только оставалось смолкнуть; отъ своего, мнѣнія, однако, я не отрекся, и тутъ же задумалъ на другой годъ побывать въ Италіи, оглядѣться на мѣстѣ.

Въ нѣкоторое оправданіе моего мнѣнія скоро послѣ того стали проявляться первые симптомы новаго разлада вѣнскаго съ туринскимъ дворомъ. Оскорбительныя выходки сардинской прессы противъ австрійскаго правительства и противъ самого императора, убѣжище, которымъ ломбардо-венеціанскіе эмигранты пользовались въ Піемонтѣ, исходившія оттуда подстрекательства къ общему возстанію итальянскаго народа противъ чужестраннаго господства, служили поводомъ распри, дошедшей наконецъ до прекращенія дипломатическихъ сношеній между двумя державами, издавна боровшимися одна—установить, другая сберечь свое преобладаніе на Апеннинскомъ полуостровѣ. Въ концѣ марта изъ Турина былъ отозванъ австрійскій посланникъ, князь Пааръ, и вслѣдъ затѣмъ покинулъ Вѣну сардинскій посланникъ, маркизъ Кантонъ ди Чева. Около того же времени престарѣлый девяностолѣтній фельдмаршалъ, графъ Радецкій, былъ уволенъ отъ своего поста; эрцгерцогъ Фердинандъ Максимиліанъ назначенъ генералъ-губернаторомъ ломбардо-венеціанскаго королевства, а главное начальство надъ войсками въ Италіи поручено фельдцейхмейстеру графу Гіулаю.

Въ концѣ 1858 года Камеке оставилъ Вѣну. Въ франко-герман-

скую войну 1870 года показалъ онъ себя не только хорошимъ теоретикомъ, но и дѣльнымъ боевымъ генераломъ, и скоро послѣ того занялъ мѣсто германскаго военнаго министра. Послѣ долгихъ лѣтъ встрѣтились мы потомъ въ Берлинѣ, и я, къ моему удовольствію, увидѣлъ предъ собою, безъ всякой перемѣны, того же непритязательно-любезнаго Камеке, какимъ знавалъ его въ дни молодости. Истинно порядочный человѣкъ не мѣняется, какъ высоко бы ни пошелъ: военный министръ глядѣлъ отнюдь не важнѣе бывшаго инженернаго маіора Камеке.

Прошло лѣто, вернулись мы въ городъ, гдѣ не безъ труда мнѣ удалось отыскать квартиру на Фрейунгъ, въ домѣ графа Гардека, на неизмѣримой высотѣ третьяго этажа. Въ то время недостатокъ наемныхъ квартиръ въ Вѣнѣ доходилъ до того, что позволялось разсчитывать на одни смертные случаи для захвата чуть сноснаго помѣщенія. Вѣна, можно сказать, хронически страдаетъ недугомъ недостачи наемныхъ квартиръ; даже въ позднѣйшее время, когда городъ распространился, это затрудненіе мало уменьшилось. Населеніе постоянно умножается въ прогрессіи, превышающей постройку новыхъ домовъ; особенно великъ приливъ еврейскаго элемента со времени въ 1861 году состоявшейся полной эмансипаціи евреевъ. Эти обстоятельства принудили наконецъ срыть старые, городъ стѣснявшіе, бастіоны и покрыть гласисы постройками, придавшими Вѣнѣ ея настоящій красивый видъ.

Зима 1858 года протекла въ непрерывныхъ увеселеніяхъ; танцовали безъ устали. Большой ежегодный придворный балъ ознаменовался нововведеніемъ: по иниціативѣ нашего министра, барона Будберга, было отмѣнено правило, не допускавшее ко двору посольскихъ секретарей; въ этомъ году въ первый разъ они и ихъ жены были представлены императору и императрицѣ.

Число моихъ знакомыхъ военнаго званія увеличивалось съ каждымъ днемъ. Кромѣ встрѣчъ на вечерахъ и на званыхъ обѣдахъ, да на маневрахъ, на которые меня приглашали въ качествѣ военнаго агента, всего чаще сходился я съ австрійскими офицерами и генералами въ гостиницѣ Штадтъ-Франкфуртъ, куда они преимущественно ходили обѣдать и завтракать. Гостиница эта, существовавшая болѣе ста пятидесяти лѣтъ, сперва подъ вывѣской «Золотаго быка», потомъ подъ ея настоящимъ именемъ, отличалась хорошимъ столомъ, а болѣе еще избраннымъ обществомъ, которое ежедневно въ ней собиралось. Двѣ, весьма небольшія, обѣденными столами тѣсно уставленныя, комнаты, въ которыхъ не запрещалось курить, несмотря на густой табачный дымъ, частехонько видѣли въ своихъ стѣнахъ посѣтительницъ высшаго круга, приходившихъ туда обѣдать, зная, что будутъ окружены одними людьми своего общества. Самая чопорная барыня, которая ни за что не пошла бы въ другую гостиницу безъ провожатаго, не задумываясь одна отправля-

лась въ Штадтъ-Франкфуртъ. Такъ было принято, и никому въ голову не приходило считать это неприличнымъ.

Въ глубинѣ первой комнаты стоялъ большой круглый столъ, приборовъ на двѣнадцать, исключительно принадлежавшій гостямъ высшаго полета. Тутъ, случалось, разомъ сиживали по три фельдмаршала—Гессъ, Вратиславъ, Шварценбергъ, нѣсколько министровъ и высшихъ генераловъ. Нѣкоторые изъ нихъ по двадцати лѣтъ и болѣе занимали одни и тѣ же мѣста, какъ бы обратившіяся въ ихъ законную собственность. Чье либо мѣсто останется пустымъ въ урочный часъ безъ извѣстной причины, значитъ владѣлецъ его слегъ въ постель, или, пожалуй, уже успѣлъ переселиться въ лучшій міръ. Къ числу такихъ особымъ постоянствомъ отличавшихся завсегдатаевъ круглаго стола принадлежали восьмидесятилѣтній графъ Фуксъ, племянникъ графини Фуксъ, во время вѣнскаго конгресса собиравшей въ своихъ салонахъ высокихъ и высочайшихъ его сочленовъ, и краснолицый, какъ лунь бѣлый, толстякъ, фельдцейхмейсторъ баронъ Рейтахъ, до старости лѣтъ не измѣнявшій своему призванію вѣрою и правдой служить прекрасному полу. Подъ конецъ жизни Рейтахъ до того отяжелѣлъ и разслабъ, что принуждены были его подъ руки приводить въ «Штадтъ-Франкфуртъ», опускать на стулъ и такимъ же порядкомъ уводить, но отъ круглаго стола онъ и не думалъ отставать. Въ одинъ день его не стало на своемъ мѣстѣ—Рейтахъ лежалъ на столѣ въ своемъ домѣ. Къ круглому столу никто посторонній не садился безъ приглашенія со стороны его обычныхъ застольниковъ. Благодаря благоволенію ко мнѣ нѣкоторыхъ военныхъ господъ, мнѣ удалось со временемъ завоевать право садиться за этотъ столъ, когда оказывался лишній приборъ. Занять же мѣсто одного изъ коренныхъ гостей почли бы мнѣ и каждому другому непростительнымъ нарушеніемъ самой обыкновенной вѣжливости.

Владѣлецъ гостиницы, нѣкій Штипбергеръ, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ вѣнскихъ личностей. Честнымъ трудомъ заработалъ онъ состояніе, считавшееся сотнями тысячъ, причемъ, лично наблюдая за добрымъ порядкомъ, не гнушался собственноручно гостю подать порцію, перемѣнить тарелку, и самые гордые посѣтители заведенія, уважая старика, не отказывались пожать его честную руку. Штипбергеръ служилъ точнымъ типомъ отжившаго нынѣ поколѣнія готельеровъ стараго покроя.

Равнымъ преимуществомъ пользовалась въ глазахъ вѣнскаго общества кондитерская Демеля, помѣщавшаяся противъ Бургъ-театра въ неимовѣрно тѣсной продолговатой комнатѣ, буфетомъ раздѣленной на двѣ половины. За крошечными столиками, при самомъ входѣ съ улицы, вѣнскія высокородныя дамы благоволительно вкушали шеколадъ и мороженое, нисколько не стѣсняясь толкотнею отъ взадъ и впередъ шнырявшихъ лакеевъ, кухарокъ и комиссіоне-

ровъ. Заходить въ другія кондитерскія, не смотря на ихъ богато убранные салоны, не соотвѣтствовало хорошему тону, и всѣ онѣ продолжали тѣсниться у Демеля только потому, что такъ было принято.

Говоря о моихъ пріятеляхъ, принадлежавшихъ къ австрійской арміи, не могу не посвятить нѣсколько строкъ памяти Меринга, самаго умнаго и талантливаго австрійца, какого мнѣ только случилось знавать. Говорилъ и писалъ онъ равно свободно, не исключая славянскихъ нарѣчій, на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ; при осадѣ Венеціи, въ 1849 году, на дѣлѣ доказалъ свои военныя способности, а свою политическую прозорливость въ 1847 году написанною брошюрою—«Sibyllinische Büsher», въ которой предсказалъ скоро послѣ того всю Германію возмутившую революцію. Недальше, какъ за два дня до паденія Метерниха, онъ выпросилъ у него аудіенцію, на которой напрасно старался обратить его вниманіе на близкую опасность.

— Безъ причины тревожитесь, господинъ капитанъ,—отвѣчалъ ему государственный мужъ на всѣ его доводы:—никогда мы такъ крѣпко не держали власти въ рукахъ, какъ въ настоящую минуту; поэтому спите спокойно, не опасаясь ни за себя, ни за насъ.

Двое сутокъ спустя, дальновидный Метернихъ ночью уходилъ изъ Вѣны, чтобы, потерявъ силу и власть, не потерять еще чего другаго.

Потомъ, по выбору вѣнскихъ бюргеровъ, капитанъ Мерингъ засѣдалъ во франкфуртскомъ парламентѣ, чего военное начальство долгое время не хотѣло ему простить; двери дворца затворились предъ нимъ. и его стали обходить въ производствѣ. Въ началѣ нашего знакомства состоялъ онъ въ чинѣ подполковника и все еще находился въ полной немилости. Съ перваго раза мы съ нимъ сошлись и послѣ того, не смотря ни на какія обстоятельства, болѣе двѣнадцати лѣтъ прожили на самой пріятельской ногѣ.

Въ началѣ 1866 года, предъ прусской войной, Мерингъ понадобился: сперва послали его составить проектъ обороны береговъ Далмаціи; потомъ дали ему бригаду въ итальянской арміи, гдѣ онъ подъ Кустоцой удачною атакой прорвалъ сардинскую боевую линію, за что и получилъ орденъ Маріи-Терезіи. Послѣ того Мерингъ быстро пошелъ въ гору, былъ произведенъ въ фельдмаршалъ-лейтенанты, одно время командовалъ войсками въ Галиціи, потомъ управлялъ тріестскимъ генералъ-губернаторствомъ, и наконецъ по причинѣ болѣзни былъ принужденъ отказаться отъ активной службы.

За недѣлю до его кончины, весной 1869 года, я долго еще просидѣлъ у его постели. Заговорили мы между прочимъ о Франціи, гдѣ генералъ Лебефъ былъ тогда назначенъ военнымъ министромъ. Едва переводя дыханіе,—Мерингъ страдалъ грудною болѣзнью,—предсказалъ онъ, чего Франціи слѣдовало ожидать отъ такого назначенія.

— Lebeuf ministre de la guerre! c'est le malheur de la France. Je le connais, deux mois je l'ai vu tous les jours, chargé de remettre

entre ses mains le matériel de l'arsenal de Venise; c'est une buse c'est une buse, il fera le malheur de la France, — повторилъ онъ раза два.

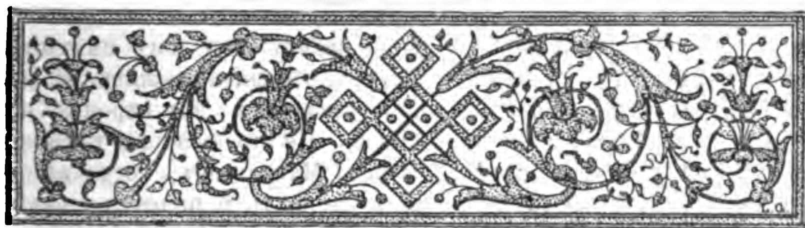
Мерингъ былъ происхожденія не дворянскаго; старшій братъ его владѣлъ шелковой фабрикой въ одномъ изъ вѣнскихъ предмѣстій. По статуту ордена Маріи-Терезіи, онъ имѣлъ право на баронскій титулъ, слѣдовало только подать просьбу, чего, однако, сдѣлать не хотѣлъ, отозвавшись, что бюргеръ Мерингъ пользуется нѣкоторою извѣстностью въ арміи и даже въ аристократической сферѣ, а ново испеченный баронъ Мерингъ новичкомъ поступитъ въ кругъ старо родныхъ дворянъ, почему и предпочитаетъ умереть тѣмъ, чѣмъ родился.

Со смертію его австрійская армія лишилась одного изъ своихъ способнѣйшихъ генераловъ.

Баронъ Торнау.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ.

I.

АКАНУНѢ былъ торжественный актъ, и почти всѣ уже разъѣхались. Изъ кончившихъ курсъ осталось только два-три, да въ другихъ классахъ можно было насчитать съ десятокъ, — за ними просто не успѣли еще прислать лошадей; но и эти всѣ безпрестанно подбѣгали къ окнамъ и внимательно смотрѣли на улицу, не покажется ли знакомая повозка или бричка, а то и крытый фаэтонъ; а между дѣломъ, чтобы не терять времени, укладывали свои вещи въ чемоданы и сундуки.

Только Егоръ Маккавеевъ никуда не собирался и не смотрѣлъ въ окна. Въ первое время, когда кончились экзамены, потомъ когда совершался торжественный актъ, на которомъ ректоръ говорилъ рѣчь, обращаясь къ нимъ, къ окончившимъ курсъ, и основной темой этой рѣчи, если ее перевести на простой языкъ, было: «съ Божіею помощью убирайтесь, господа, на всѣ четыре стороны»,—онъ объ этомъ вовсе не думалъ. Но по мѣрѣ того, какъ классы пустѣли, и въ коридорахъ слышалось все меньше и меньше человѣческихъ голосовъ и шума, ему становилось жутко, и онъ спрашивалъ самого себя: «куда же я дѣнусь?»

Этотъ вопросъ былъ для его головы совершенно новъ: прежнее время онъ никогда не представлялся ему. Онъ былъ казеннокоштнымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ помнитъ себя школьникомъ. Ему почти

совсѣмъ не было знакомо ощущеніе—имѣть отца. Онъ смутно помнитъ блѣдное лицо на высокой фигурѣ, обрамленное жидкими волосами, всегда въ безпорядкѣ; большіе глаза, какъ бы нарочно вставленные въ орбиты, и частый кашель. Но это было въ глубокомъ дѣтствѣ. «А Богъ его знаетъ,—думалъ Маккавеевъ, когда вспоминалъ объ этихъ эпизодахъ,—можетъ, то былъ и не отецъ, навѣрно не знаю»... Потомъ сохранились въ его памяти еще кое-какіе обрывки воспоминаній о какихъ-то похоронахъ, на которыхъ была толпа народа, плачъ, вздохи, слезы, причитанія.

А сознавать себя вполнѣ онъ началъ уже въ комнаткѣ съ самыми низкими потолками, какіе только можно представить, съ маленькимъ окномъ, которое пропускало очень не много свѣта, въ деревнѣ, при церковномъ домѣ, кажется, въ сторожкѣ, гдѣ матери его дали изъ милости временный пріютъ.

Потомъ чрезвычайно рѣзкій переходъ къ городу и школѣ. Ему тогда едва минуло девять лѣтъ, когда его свезли въ школу, и съ этой минуты онъ сдѣлался казеннокоштнымъ. Дальше помнитъ онъ, что раза два въ годъ являлась къ нему мать—не старая, старухой онъ ее совсѣмъ не зналъ, но лицо у нея было блѣдное, истощенное, а глаза постоянно мокрые, такъ какъ она вѣчно обливалась слезами. Она приходила, вызывала его и говорила ему нѣсколько нѣжныхъ словъ, гладила по головѣ, а въ заключеніе всегда прибавляла: «учись, Егоръ, учись и слушайся начальства и хорошо веди себя, потому что по нынѣшнимъ временамъ безъ учености шагу нельзя сдѣлать». Это было ея коренное убѣжденіе, и эту фразу она говорила ему всякій разъ, когда послѣ свиданія собиралась уходить. Она тоже покашливала, но какъ-то скрытно, приставляя ко рту кулакъ, чтобы не было замѣтно. Отъ людей ли она скрывала это, отъ него ли, чтобы ему не становилось грустно, или отъ самой себя, неизвѣстно. Но дѣло въ томъ, что скоро она перестала къ нему являться. У нея была грудная болѣзнь, и вотъ однажды ее взяли въ больницу, и ужъ оттуда она не выходила; тамъ она умерла. Онъ съ нею не прощался и даже на похоронахъ у нея не былъ, а узналъ только недѣли черезъ двѣ, когда изъ больницы прислали формальное извѣщеніе о томъ, что такая-то скончалась.

Тогда онъ уже сдѣлался окончательно казеннымъ. У него теперь были всѣ права на это, такъ какъ онъ пользовался счастливыми преимуществами «круглаго сироты».

Была ли у него какая нибудь родня? По всей вѣроятности, была, такъ какъ духовныя лица губерніи всѣ между собою такъ или иначе роднятся. Но онъ не имѣлъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть, есть, можетъ быть, и нѣтъ; все равно, онъ не зналъ никого.

И это было удивительно странное существо. Пока шло ученіе, онъ учился и очень недурно, по крайней мѣрѣ такъ находило начальство, и онъ преисправно переходилъ изъ класса въ классъ. Въ

это время онъ былъ похожъ на всѣхъ остальныхъ и ничѣмъ отъ нихъ не отличался. Но вотъ наступали каникулы, за всѣми пріѣзжали изъ деревень подводы, забирали ихъ вмѣстѣ съ сундуками и книжками, рѣшительно всѣ разъѣзжались, у всякаго былъ хоть какой нибудь родной уголъ, если не родные, такъ хорошіе знакомые, а у него рѣшительно никого не было, и ему ѣхать было некуда. И онъ оставался въ «корпусѣ».

Надо сказать, что хотя онъ въ теченіе каникулъ велъ себя чрезвычайно мирно и никому не доставлялъ особенныхъ хлопотъ, но все же начальству это не особенно нравилось. Прогнать его изъ корпуса оно не имѣло права. Вѣдь казенный коштъ давался на цѣлый годъ. Да наконецъ нельзя же выбросить человѣка, которому некуда дѣваться. Но съ другой стороны для него нужно было держать открытыми и спальню, и классъ, и корридоръ, да нужно было и кормить его. Но не оставлять же изъ-за него на цѣлое лѣто весь служительскій штатъ. И такимъ образомъ Маккавеевъ своею особой ставилъ передъ начальствомъ принципіальный вопросъ. Положимъ, можно оставить его въ корпусѣ, онъ имѣетъ на это право и пусть себѣ живетъ. Открыть ему одинъ классъ, въ классѣ поставить кровать, но это все пустое; а дѣло въ томъ, что онъ воспитанникъ, слѣдовательно надъ нимъ нуженъ надзоръ, между тѣмъ ректоръ переѣзжаетъ на дачу, инспекторъ хочетъ поѣхать на Кавказъ полѣчить свой желудокъ, который у него всегда былъ неисправенъ. Помощникъ инспектора разсчитываетъ съѣздить въ Орловскую губернію къ роднымъ. Какъ тутъ быть?

Но это была теорія, а на практикѣ вопросъ рѣшался очень просто: какъ только обнаружилось, что Маккавеевъ будетъ проводить лѣто въ семинаріи, на него просто махнули рукой и оставили его безъ надзора. И жилъ онъ все лѣто, какъ ему хотѣлось, спалъ не въ спальнѣ, а въ классѣ, или просто въ саду, когда бывали очень теплыя ночи, а обѣдъ давали ему отъ эконома, съ его собственнаго стола. Все-таки это было выгоднѣе, чѣмъ держать для него повара. И онъ свободно ходилъ себѣ на рѣку, просиживалъ тамъ цѣлые часы, ловилъ рыбу, а иногда снималъ одежду и залѣзалъ въ воду и барахтался тамъ столько, сколько это ему нравилось.

Но это было тогда, когда онъ числился еще воспитанникомъ, а теперь онъ кончилъ курсъ.

— Ты куда поѣдешь, Маккавеевъ?—спрашивали его товарищи, которые всѣ знали, куда они сами поѣдутъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ Маккавеевъ.

— А когда?

— Не знаю.

И это была совершенная правда,—онъ этого дѣйствительно не зналъ, потому что ему было некуда ѣхать.

— Ну, а мѣсто тебѣ назначили?

— И этого не знаю.

Дѣло въ томъ, что сейчасъ же послѣ экзаменовъ въ семинарію изъ консисторіи былъ присланъ списокъ свободныхъ мѣстъ, то-есть тѣхъ мѣстъ, которыя консисторія безъ особеннаго ущерба для себя готова была раздать первымъ встрѣчнымъ, и кончившимъ богословамъ было предоставлено выбирать любое, по желанію. Но во избѣжаніе пагубнаго соревнованія опытное начальство рѣшило, чтобы каждый выбиралъ мѣсто въ своемъ уѣздѣ, то-есть въ томъ уѣздѣ, въ которомъ онъ родился и выросъ. Семинарія помѣщалась въ губернскомъ городѣ, а уѣздовъ-то въ губерніи было цѣлыхъ восемь.

У Маккавеева тоже, конечно, былъ свой уѣздъ, и въ этомъ уѣздѣ значилось тоже свободное мѣсто. Когда ему дали списокъ, онъ не слишкомъ углублялся въ обсужденіе могущихъ произойти оттого послѣдствій и безъ всякихъ затрудненій помѣстилъ свою фамилію рядомъ съ тѣмъ словомъ въ спискѣ, которымъ было названо мѣсто въ его уѣздѣ. Въ сущности говоря, онъ еще не обсуждалъ вопроса о томъ, что онъ будетъ дѣлать по окончаніи курса, займетъ ли мѣсто, или же останется такъ, безъ всякаго мѣста въ природѣ. Но разъ, что всѣ пишутъ свои имена въ спискѣ, почему же и ему не написать своего? почему же въ самомъ дѣлѣ и ему не имѣть мѣста? Вѣдь для чего же нибудь онъ учился въ теченіе десяти лѣтъ и кончалъ курсъ.

И вотъ всѣ товарищи на другой же день послѣ этого отправились куда слѣдуетъ и получили самыя точныя свѣдѣнія о своихъ мѣстахъ, а Маккавеевъ забылъ это сдѣлать, или, лучше сказать, ему не пришло въ голову, что это надо сдѣлать, поэтому-то онъ теперь ничего не зналъ о своемъ мѣстѣ.

— Такъ ты бы узналъ,—говорили ему товарищи, которые уже узнали.

— Да зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ чудакъ ты, право, чудакъ... Затѣмъ, чтобы знать...

«Ну, хорошо, — думалъ Маккавеевъ, — узнаю я, что мѣсто мое такое-то и тамъ-то. Что-жъ дальше?»

И тутъ онъ никакъ не могъ рѣшить, что именно было бы дальше. А такъ какъ онъ недостаточно ясно сознавалъ цѣль, то и не предпринялъ самаго дѣйствія. Онъ ничего не узналъ о своемъ мѣстѣ.

Товарищи его не только побывали въ консисторіи, а иные представились даже уже архіерею, и у каждаго въ карманѣ уже была бумага о назначеніи на мѣсто, а ужъ дальше они очень хорошо знали, что дѣлать. Всѣ они въ теченіе всего учебнаго курса такъ или иначе вращались въ духовной средѣ и научились правиламъ практической жизни. Маккавеевъ, конечно, не былъ младенцемъ. Онъ тоже зналъ, что, прохаживаясь по семинарскому корридору взадъ и впередъ, далеко не уйдешь, и что вообще надо хлопотать, что-то

предпринимать, но съ какой стороны подойти къ дѣлу и въ какомъ именно направленіи дѣйствовать, это было ему совсѣмъ неясно.

И вотъ онъ уже остался совершенно одинъ, всѣ разъѣхались. Настал̾ъ день, когда въ семинарской спальнѣ утромъ, наконецъ, онъ проснулся одинокій. Семинарское зданіе было пустынно. Служителя получили расчетъ и разошлись. Въ классныхъ комнатахъ зачѣмъ-то скамьи были перевернуты вверхъ ногами; вообще все, рѣшительно все говорило о томъ, что учебная жизнь здѣсь прекратилась. Остался только одинъ корридорный служитель, на обязанности котораго лежало въ лѣтнее время сторожить внутренность зданія. Онъ-то и открылъ Маккавеева.

— Господинъ Маккавеевъ,—сказалъ ему корридорный,—а вы когда-жъ уѣдете?

— Куда?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да вѣдь вы же кончили.

— Кончилъ.

— Такъ какъ же?

Маккавеевъ на этотъ вопросъ не отвѣтилъ; онъ точно такъ же могъ бы ему задать этотъ самый вопросъ: такъ какъ же?

— Такъ вы бы къ отцу ректору пошли.

— А что же отецъ ректоръ мнѣ скажетъ?

— Такъ вѣдь вамъ уже не полагается тутъ оставаться... Потому, какъ вы кончили, такъ вамъ уже и казенной порціи нѣту.

Маккавеевъ былъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что такъ какъ онъ кончилъ, то казенной порціи ему уже не должно быть. Но зачѣмъ онъ собственно пойдетъ къ ректору? Ректоръ можетъ дать ему аттестатъ, это такъ. Но аттестатъ ему все равно дадутъ такъ или иначе, но вотъ вопросъ: что онъ будетъ дѣлать съ этимъ аттестатомъ?

— Ну, ладно, я пойду,—сказалъ онъ, чтобы отвязаться отъ корридорнаго, но не особенно торопился.

Ректоръ уже отправилъ свое семейство на дачу. Стоялъ конецъ іюня, жара была нестерпимая. Самому ему тоже хотѣлось на покой, но его задерживали дѣла. Надо было распорядиться на счетъ ремонта, окраски стѣнъ и разныхъ пустяковъ. И вотъ онъ съ экономомъ обходилъ классы. Въ шестомъ классѣ, какъ и въ другихъ, скамьи были перевернуты вверхъ дномъ. Маккавеевъ оперся обоими локтями на подоконникъ и внимательно смотрѣлъ черезъ окно на дворъ. Въ это время ректоръ съ экономомъ вошли въ классъ. Они были очень удивлены, увидѣвъ у самаго окна чью-то спину, такъ какъ были увѣрены, что всѣ уже разъѣхались.

— А это кто же?—спросилъ ректоръ,—развѣ еще не всѣ уѣхали?

— Это я,—сказалъ Маккавеевъ, въ чемъ, впрочемъ, и безъ этого заявленія не могло быть сомнѣнія.

— Вы что же такъ замѣшкались?—спросилъ его ректоръ.

— Такъ,—отвѣтилъ Маккавеевъ, не будучи въ состояніи дать болѣе точныхъ объясненій.

— Да вы когда же думаете уѣхать, Маккавеевъ?—спросилъ экономъ.

— Я не знаю,—отвѣтилъ тотъ,—мнѣ некуда.

— Какъ такъ некуда? Вѣдь у васъ же есть кто нибудь?

И ректоръ и экономъ были увѣрены, что у всякаго человѣка непремѣнно долженъ быть кто нибудь.

— У меня нѣтъ никого!—совершенно опредѣленно отвѣтилъ Маккавеевъ, какъ бы рѣшившись разъ навсегда разочаровать ихъ.

— Какъ никого? А отецъ? Развѣ у васъ нѣтъ отца?

— Онъ казеннокоштный, отецъ ректоръ,—заявилъ экономъ, поясняя этимъ самымъ, что у него и не можетъ быть отца.

— Гм... да! ну, а мать? у васъ навѣрно есть мать, Маккавеевъ?

— У меня и матери нѣтъ.

— Ну, родственники какіе нибудь! родственники должны же быть!—уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ спросилъ ректоръ, очевидно недовольный Маккавеевымъ за то, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, ни даже, можетъ быть, родственниковъ.

— И родственниковъ нѣтъ!—невозмутимо отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Странно! Ну, а мѣсто? мѣсто-то вы по крайней мѣрѣ получили?

— Не знаю, отецъ ректоръ.

— А вы выбрали?

— Я росписался... Въ Гжовскомъ уѣздѣ, я оттуда; въ селѣ Окуневкѣ...

— Гм... Такъ, по всей вѣроятности, васъ назначили.

— Не знаю, отецъ ректоръ.

— Гм... Ну, пойдемте въ канцелярію, надо узнать.

Канцелярія оказалась запертой, и ключъ отъ нея не такъ-то легко было найти. Инспекторъ, дорожа своимъ пищевареніемъ, уже поторопился уѣхать на Кавказъ, помощникъ его дѣятельно укладывался, ѣздилъ по городу, покупалъ ремни, саквояжъ и дорожные стаканы. И сразу нельзя было опредѣлить, у кого ключъ отъ канцеляріи. Часа два искали по всей семинаріи этотъ ключъ, и наконецъ кому-то пришло въ голову толкнуть ногой дверь, и она отперлась безъ всякаго ключа. Здѣсь оставалось только порыться въ шкапу, найти подходящую бумагу и затѣмъ убѣдиться въ томъ, что Маккавееву назначено мѣсто.

— И знаете, — сказалъ экономъ, при чемъ глаза его замѣтно оживились,—это весьма недурное мѣсто. И вы напрасно зѣваете, господинъ Маккавеевъ, его могутъ отдать другому; на такое мѣсто всегда много охотниковъ. Вы бы теперь отправились въ консисторію, Маккавеевъ!

— Да, вамъ слѣдуетъ сейчасъ же отправиться въ консисторію!—промолвилъ ректоръ.

Оба они въ сущности были озабочены одной и той же мыслью—поскорѣе уладить судьбу застрявшаго воспитанника, чтобы онъ оставилъ семинарскія стѣны и освободилъ ихъ отъ хлопотъ. Ректоръ пояснилъ:—Вамъ хорошо бы преосвященному представиться, но вы опоздали; преосвященный уже уѣхалъ, онъ по епархіи ѣздитъ. Онъ всегда въ это время по епархіи ѣздитъ. Такъ вы отправляйтесь въ консисторію и получите назначеніе, то-есть бумагу. Вѣроятно, васъ рукополагать скоро будутъ, потому что приходъ не можетъ же оставаться такъ, безъ священника; ну, такъ вы приготовьтесь къ этому.

— Какъ же это, отецъ ректоръ, приготовиться?

— Ну, что вы, точно ребенокъ! Вѣдь такъ же ни съ того, ни съ сего не могутъ васъ рукоположить... Во-первыхъ, вы не женаты...

— Да, я не женатъ!—сказалъ Маккавеевъ.

— Значитъ, надо жениться.

— Жениться?

— А вы не знаете, что ли? Вотъ странно, какъ же это вы кончили богословіе и не знаете, что священникъ православной церкви долженъ быть женатъ!

— Я знаю это, отецъ ректоръ, да какъ-то... какъ-то это странно, чтобъ я женился...

— Что же тутъ страннаго? Всѣ женятся... Иначе нельзя.

При этомъ ректоръ почему-то осмотрѣлъ его всего съ ногъ до головы.

— Это у васъ казенная одежда?—спросилъ онъ.

— Казенная!—отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Неказисто... Очень ужъ это все потерто... У васъ вонъ и рукава продраны. А другого у васъ нѣтъ костюма?

— Откуда-жъ у меня возьмется другой?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да, это правда... Такъ у васъ, значитъ, совсѣмъ нѣтъ родни?

— Можетъ быть, и есть... Только я никого не знаю.

— Гм... Послушайте, отецъ экономъ, не найдется ли у васъ чего нибудь посвѣжѣе. Нельзя же такъ выпустить воспитанника.

— Можетъ, и найдется,—сказалъ отецъ экономъ,—надо поискать и примѣрить.

— Ну, вотъ и хорошо. Такъ вы, Маккавеевъ, идите въ консисторію, а потомъ мнѣ скажете, что вамъ тамъ отвѣтятъ. Да только поскорѣе, а то я уѣду на дачу... а отецъ экономъ подберетъ вамъ одежду.

Экономъ, довольно плотный и совершенно рыжій дьяконъ, посмотрѣлъ на Маккавеева какъ-то изподлобья; не любилъ онъ, когда у него требовали что нибудь сверхъ комплекта. Тѣмъ не менѣе онъ распорядился, чтобы отыскали одежду.

Въ консисторіи оказалось, что Маккавеева даже ждали.—Такъ это вы Маккавеевъ?—спрашивали его и почему-то тоже осматри-

вали его, какъ и ректоръ. А онъ не понималъ, почему они такъ интересуются его особой.

— Да, мѣсто вамъ давно назначили. Странно, что вы до сихъ поръ не явились. Ваши товарищи уже всѣ взяли назначенія. Мѣсто это въ сорока пяти верстахъ отъ уѣзднаго города Гжова. Тамъ уже съ мѣсяцъ нѣтъ священника, оттого-то преосвященный и назначилъ васъ такъ охотно. И знаете, преосвященный уже былъ недоволенъ, когда узналъ, что такъ долго приходъ остается безъ священника... И васъ можно поздравить, потому что приходъ вамъ достался очень хорошій, такой приходъ, отъ котораго и старый священникъ не отказался бы, и вамъ надо торопиться, господинъ Маккавеевъ.

— Какъ торопиться?

— Да вотъ какъ. Архіерей теперь по епархіи ѣздитъ. Ровно черезъ десять дней по маршруту онъ будетъ служить обѣдню въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, что въ пятнадцати верстахъ отъ вашего прихода; въ этотъ день назначено ваше рукоположеніе... Значитъ, вы должны быть готовы.

— Черезъ десять дней?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да, не позже... Въ монастырѣ вы будете рукоположены во діакона, а потомъ черезъ четыре дня въ торговомъ селѣ Шкрябовкѣ во священника. А иначе, если вы прозѣваете, такъ ужъ преосвященнаго тогда и не поймаете; онъ два мѣсяца будетъ ѣздить по епархіи, да и мѣсто отдастъ другому. Такъ вотъ возьмите вашу бумагу.

Маккавеевъ взялъ бумагу и вышелъ. «Черезъ десять дней!—думалъ Маккавеевъ,—черезъ десять дней! какъ же это все продѣлать? Да и продѣлывать-то что и какъ?»

Онъ спустился съ лѣстницы, потомъ пошелъ въ семинарію. Тутъ оказалось, что ректоръ ждалъ его съ нетерпѣніемъ, потому что лошадь, которая должна была повезти его на дачу, стояла у воротъ.

— Ну, вотъ и отлично!—сказалъ ректоръ,—такъ вы поѣзжайте.

— Куда?—спросилъ Маккавеевъ.

— Въ вашъ уѣздъ...

— Да куда же я поѣду, отецъ ректоръ? какъ это я въ уѣздъ пріѣду? Вѣдь уѣздъ — это большая штука...

— Да, это, конечно, правда... Вы кого нибудь тамъ знаете? Неужто у васъ такъ таки никого рѣшительно нѣтъ?

— Да оно, можетъ быть, и есть, только я не знаю.

— А на каникулы къ кому же вы ѣздили?

— Да ни къ кому, отецъ ректоръ, я въ корпусѣ всегда оставался...

— Ахъ, да, да... правда, я помню, вы дѣйствительно никуда не ѣздили... А знаете, мнѣ что-то припоминается,—продолжалъ ректоръ,— въ Гжовскѣ, я помню, какъ-то былъ съѣздъ какой-то духовный, и у меня осталась въ памяти фамилія ваша. Тамъ есть Маккавеевъ. Не знаю только, кто—священникъ ли, діаконъ ли, но только есть. Можетъ быть онъ вамъ родственникъ? Впрочемъ,—прибавилъ

онъ,—вѣдь Маккавеевыхъ множество. Эта фамилія распространенная въ нашей губерніи. Такъ вы вотъ что: поѣзжайте вы прямо въ уѣздный городъ и между прочимъ зайдите и къ нему, къ этому Маккавееву, тамъ какъ нибудь отыщете его. И ужъ навѣрно съ какой нибудь стороны онъ окажется вамъ родственникъ... А вамъ вѣдь главное зацѣпиться за что нибудь, а тамъ уже пойдетъ. Вы садитесь сегодня же на пароходъ и ночью будете тамъ.

— Какъ же я сяду на пароходъ, отецъ ректоръ? Вѣдь у меня нѣтъ денегъ!

— Какъ? У васъ вовсе нѣтъ денегъ? Вѣдь пароходъ въ третьемъ классѣ стоитъ какіе-то пустяки, кажется, меньше трехъ рублей.

— Да у меня, отецъ ректоръ, никогда въ жизни денегъ не было. Никогда даже десяти копеекъ...

— Гм... Въ такомъ случаѣ... Въ такомъ случаѣ, отецъ экономъ...

Уже при этомъ обращеніи экономъ, который слушалъ весь этотъ разговоръ, началъ характерно фыркать носомъ, что онъ дѣлалъ всегда, когда какой нибудь расходъ превышалъ его ожиданія.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ либо суммъ?—спросилъ ректоръ.

— Какія же суммы, отецъ ректоръ? Суммъ никакихъ нѣтъ.

— Ну, какія нибудь тамъ... Напримѣръ... нельзя ли съэкономить съ ремонта?

— Какая-жъ тутъ можетъ быть экономія?—спросилъ экономъ и пожалъ плечами.

— Ну, какъ нибудь тамъ... На то вы и экономъ, чтобъ экономить...

— Если вашему высокопреподобію будетъ угодно приказать,—оффиціально отвѣтилъ экономъ, такъ какъ задѣли его больное мѣсто,—то рублей пятнадцать можно будетъ набрать...

— Ну, вотъ и отлично... Такъ вы поѣзжайте, Маккавеевъ, да непремѣнно сегодня, а то опоздаете.

И уладивъ такимъ образомъ благополучно неожиданное затрудненіе, ректоръ сѣлъ въ пролетку и покатилъ на дачу.

— Какъ это странно, Маккавеевъ,—говорилъ экономъ,—что вы не имѣете родственниковъ! Всякій человѣкъ долженъ имѣть родственниковъ! Какъ это такъ вдругъ безъ родственниковъ!..

Потомъ они пошли выбирать платье. Оказалось, что есть два костюма, довольно свѣжихъ, почти новыхъ: одинъ остался отъ умершаго въ прошломъ году семинариста, другой отъ прогнаннаго въ томъ же прошломъ году за грубость воспитанника, по фамиліи Поноцатенко. Умершій семинаристъ былъ ростомъ высокъ и чрезвычайно тонокъ, а прогнанный былъ совсѣмъ низенькаго роста и чрезвычайно толстъ. А Маккавеевъ какъ разъ стоялъ между ними посрединѣ. Онъ былъ и роста средняго и не тонокъ и не толстъ. Онъ примѣрилъ и тотъ и другой, оба оказались мало подходящими. Но у него было какое-то чувство брезгливости къ костюму, въ которомъ ходилъ мертвецъ, и потому онъ выбралъ одежду выгнаннаго

Понощатенко. Штаны оказались очень коротки, сюртукъ страшно мѣшковатъ, на спинѣ явились двѣ складки, но за-то онъ чувствовалъ себя свободно.

— У васъ, Маккавеевъ, и сапоги ужасно стоптаны!—сказалъ экономъ, взглянувъ на его ноги,— но ужъ сапоговъ у насъ нѣтъ, потому что того въ сапогахъ похоронили, а Понощатенко не могъ же босой уйти изъ семинаріи, хотя былъ и грубіянъ... Такъ ужъ этого я вамъ не могу доставить. Вотъ вамъ и пятнадцать рублей, роспишитесь и уѣзжайте себѣ. Совѣтую вамъ поскорѣе укладываться.

Маккавеевъ росписался, но очень затруднялся «укладываться». У него вовсе не было никакихъ вещей. Правда, ему было позволено забрать съ собою все, что было у него казеннаго, но всего-то оказывалось слишкомъ мало. Двѣ перемѣны бѣлья очень сомнительной цѣлости и больше ничего. Сундукъ у него, правда, былъ, но совершенно пустой. Въ немъ лежало нѣсколько книгъ, но книги были казенныя, и онѣ обыкновенно отбирались.

— А знаете, оно и легче, когда ничего нѣтъ!—говорилъ ему коридорный по этому поводу.— Ну, и сюртукъ же вамъ дали, господинъ Маккавеевъ,—продолжалъ онъ, разсматривая новый костюмъ,— нечего сказать! Это самому отцу эконому съ его большимъ животомъ носить бы подстать.

Маккавеевъ сундука, разумѣется, не взялъ съ собой. Это была бы только лишняя тяжесть. Онъ составилъ небольшой узелокъ, завернулъ его въ бумагу, взялъ подъ мышку и отправился на пароходъ.

Билетъ третьяго класса стоилъ нѣсколько больше двухъ рублей. Пароходъ отходилъ часа черезъ два, но Маккавеевъ забрался на палубу, сталъ около борта и ждалъ. Онъ внимательно смотрѣлъ на тихую поверхность рѣки и слѣдилъ за стаей маленькихъ рыбокъ, игриво шнырявшихъ въ различныхъ направленіяхъ.

II.

Все разсказанное выше можетъ навести на мысль, что Егоръ Маккавеевъ былъ просто-напросто глуповатый малый. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, повидимому, не зналъ самыхъ простыхъ вещей, которыя не только знали, но, можетъ быть, и привели уже въ исполненіе всѣ его товарищи. Ѣхалъ онъ Богъ знаетъ куда, въ городъ, въ которомъ онъ былъ въ дѣтствѣ и не помнилъ въ немъ ни одной улицы. Разсчитывалъ онъ въ этомъ городѣ попасть подъ покровительство какого-то неизвѣстнаго ему діакона, про котораго разсказалъ ему отецъ ректоръ, и весь его расчетъ основанъ на томъ, что діаконъ тоже Маккавеевъ, какъ и онъ, а главное, что въ этомъ городѣ онъ не знаетъ ни одной души, да и не только въ этомъ городѣ, а въ

цѣломъ свѣтѣ, и вотъ, не зная въ цѣломъ свѣтѣ ни одной души, онъ разсчитываетъ въ какіе нибудь десять дней найти себѣ невѣсту и жениться. Рѣшительно можно подумать, что Маккавеевъ былъ просто глупъ.

Но это неправда, и тому есть очевидныя доказательства. Первое: онъ благополучно прошелъ и кончилъ семинарскій курсъ и ни разу ни въ одномъ классѣ не зацѣпился, а это, что тамъ ни говорите, не такъ-то легко, и дураку этого не сдѣлать. Вѣдь сколько мудрости въ этомъ курсѣ, подумать только, какая бездна мудрости! и Геродотъ, и Ѳукидидъ, и Виргилій, и Овидій, и тригонометрія, и патристика, и гомилетика... И все это прошло черезъ его голову, не зацѣпившись ни за одинъ гвоздь; ну, а потомъ и вообще никто никогда не считалъ его глупымъ человѣкомъ. Напротивъ, его считали и умнымъ и способнымъ. Но дѣло въ томъ...

Однако надо, наконецъ, познакомиться и съ наружностью Маккавеева. Какъ мы уже сказали, онъ былъ средняго роста, лицо у Маккавеева было смуглое, продолговатое. Въ то время, какъ другіе семинаристы уже съ третьяго класса (прежде онъ назывался философскимъ) начинали подбривать подбородки, щеки и верхнюю губу съ той цѣлью, чтобы къ окончанію курса все это отросло погуще,— у него безъ всякихъ мѣръ съ его стороны росло само собою не мало волосъ, производя на лицѣ его нѣсколько странный узоръ: у него была узенькая, коротенькая бородка, начинавшаяся съ самой нижней линіи подбородка, верхняя часть котораго была свободна отъ растительности. Усы на самыхъ губахъ чуть-чуть обозначались, но тамъ, гдѣ они должны бы кончиться, то-есть надъ углами рта, они вдругъ начинали развертываться въ видѣ какихъ-то ростковъ, которые направлялись книзу. Около самыхъ ушей на щекахъ росли у него бачки, вслѣдствіе чего лицо его казалось слишкомъ широкимъ въ верхней части и слишкомъ узкимъ внизу. Но на головѣ у него была такая куча кудрявыхъ шелковистыхъ волосъ смолистаго цвѣта, которымъ позавидовала бы любая красавица!.. Густыя черныя брови, темные большіе глаза, прямой носъ, крупные бѣлые зубы — все это только могло служить ему украшеніемъ. Одинъ товарищъ его, обращавшій очень много вниманія на свою наружность, говорилъ: «тебя, Маккавеевъ, ежели бы отдать въ отдѣлку, то ты вышелъ бы красивымъ, а въ такомъ видѣ ты никуда не годишься». Что касается до остальной его внѣшности, то тутъ прежде всего надо принять во вниманіе то обстоятельство, что на немъ былъ черный сюртукъ, сшитый казеннымъ портнымъ Моисеемъ Рувимчикомъ по мѣркѣ, снятой съ бывшаго семинариста Понощатенко, который былъ выгнанъ за грубость и склонность къ спиртнымъ напиткамъ, а Понощатенко, какъ очень хорошо помнили еще всѣ въ семинаріи, имѣлъ между обоими плечами то разстояніе, про которое говорятъ: «косая сажень». и при этомъ руки и

ноги у него были какъ-то неестественно коротки. Въ виду это
легко представить себѣ, какая должна была получиться фигура
Егора Маккавеева, когда его облекли въ сюртукъ Понощатенка.
говоря о двухъ складкахъ на спинѣ, которыя всякій разъ, ког
онъ подымалъ одну руку, мѣняли свою форму и направленіе,— о
не зналъ, куда ему дѣвать полы сюртука, которыхъ хватило б
чтобы упрятать въ нихъ полдюжины семинаристовъ младшихъ кла
совъ. Застегнуть ихъ не было возможности, потому что тогда у не
сразу грудь и животъ принимали необычайные размѣры, поэтом
онѣ, будучи не застегнутыми, сходились краями на полуаршинном
разстояніи, образуя собой острый уголъ. Но вѣдь штаны тоже был
съ Понощатенка, который обладалъ весьма короткими ногами. Из
всего этого получалась столь странная картина, что въ то время
какъ Маккавеевъ развлекался своенравной игрой верховодокъ в
рѣкѣ, на пароходѣ всякій, у кого только было свободное время,
проходя мимо него, останавливался и съ любопытствомъ осматри-
валъ его спину. Въ виду этого мы ничего не рѣшаемся сказать о
его внѣшности, а подождемъ, пока обстоятельства его измѣнятся
настолько, что онъ явится передъ нами въ костюмѣ того или дру-
гого рода, но во всякомъ случаѣ сшитомъ по его собственной
мѣркѣ.

Теперь, когда уже мы ближе познакомились съ Маккавеевымъ, можно привести доказательства и того, что онъ, обнаруживъ такое поразительное незнаніе жизни, былъ вовсе не глупъ. Представьте себѣ существо, которое съ девяти лѣтъ попало въ казенную школу и было окружено школьниками и затѣмъ въ теченіе добрыхъ десяти лѣтъ слишкомъ видѣло вокругъ себя только школьниковъ и сторожей. Учителя, появлявшіеся за каѳедрой, были только свѣтлыми метеорами или мрачными видѣніями, смотря по характеру того или другого. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ видѣлъ и постороннихъ людей, какъ они ходятъ и ѣздятъ по улицѣ, молятся въ церкви. Зналъ онъ навѣрное, что они женятся, плодятся, живутъ семействами и умираютъ. Но самъ онъ никогда въ своей сознательной жизни не провелъ получаса въ семейномъ домѣ. Видѣлъ онъ женщинъ въ платкахъ и шляпкахъ, но никогда слишкомъ не приближался ни къ одной изъ нихъ и не сказалъ съ нею ни слова. У другихъ тоже, какъ и у него, не было никакихъ важныхъ интересовъ, кромѣ школьныхъ, но такіе интересы были у ихъ родныхъ и знакомыхъ. Онъ же не имѣлъ ни родныхъ ни знакомыхъ. Десять лѣтъ въ стѣнахъ «корпуса», сперва одного, потомъ другого, десять лѣтъ жизни, состоящей изъ уроковъ, молитвъ, экзаменовъ, казенныхъ обѣда и ужина, прогулокъ въ семинарскомъ саду... Въ теченіе десяти лѣтъ въ карманахъ его ни разу не бывало десяти копеекъ. Онъ получалъ жилище, пищу, книги, его учили, и онъ учился, вотъ и вся его жизнь. Откуда же въ такой головѣ явятся

понятія о практической жизни? Откуда онъ могъ знать, что нужно предпринять то или это, что съ тѣмъ надо говорить такъ-то, а съ этимъ иначе? Узнать все это нетрудно, и, конечно, онъ потомъ узнаетъ, но теперь, въ тотъ моментъ, когда онъ увидѣлъ себя окончившимъ курсъ и былъ выброшенъ въ практическую жизнь, онъ долженъ былъ почувствовать одну растерянность и полное непониманіе. Въ семинаріи онъ былъ порядочнымъ ученикомъ, прекрасно понималъ всякаго рода богословія и все остальное, что было въ программѣ, но тутъ онъ оказался совершеннѣйшимъ ребенкомъ, который не умѣлъ ступить шагу. Такимъ образомъ ясно, что Егору Маккавееву не доставало совсѣмъ не ума, а чего-то другого.

Онъ не замѣтилъ, какъ пароходъ двинулся съ мѣста, и поднялъ голову только тогда, когда городъ началъ исчезать изъ глазъ. По обѣ стороны тянулись берега рѣки, справа возвышенный глинистый, а иногда и каменистый, слѣва зеленый, сплошь заросшій камышомъ. Онъ глядѣлъ и припоминалъ, что когда-то онъ видѣлъ нѣчто подобное и даже бѣгалъ босыми ногами по зеленой лужайкѣ, въ родѣ той, какая разстилается тамъ, за этими камышами, тогда онъ былъ совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, и ему было очень весело. Но потомъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ ничего не видалъ, кромѣ стѣнъ семинаріи и скучнаго сада съ акаціями. И ему уже не было весело.

Онъ оглянулся и осмотрѣлся вокругъ. На палубѣ все былъ простой рабочій народъ, мѣщане и солдаты. Не мало попадалось также евреевъ, которыхъ сейчасъ можно было узнать по ихъ лоснящимся узкимъ кафтанамъ и по той нечистотѣ, которая тотчасъ же образовывалась вокругъ того мѣста, гдѣ они садились. Другіе, принимаясь обѣдать, развертывали узелки, рѣзали или ломали провизію, затѣмъ бережно складывали остатки въ бумагу и эту бумагу бросали за бортъ въ рѣку. Евреи не хотѣли такимъ образомъ затруднять себя. Они сами, ихъ жены и дѣти, которыхъ было у нихъ несмѣтное множество, чистили яйца въ крутую и скорлупу бросали тутъ же, у себя подъ носомъ. Тутъ же валялись головки и хвосты отъ селедокъ, которыми они угощались, и все это, разумѣется, издавало отвратительный запахъ.

Маккавеевъ внимательно оглядывалъ всю публику и замѣтилъ, что поближе къ носу парохода, на боченкѣ съ канифолью сидѣло духовное лицо. Это былъ сѣдоватенькій дьякъ, въ свѣтленькомъ кафтанѣ, въ соломенной шляпѣ. Бородка у него была узкая и длинная, и самъ онъ тоже былъ узкій и длинный... Замѣтилъ Маккавеевъ, что дьякъ что-то очень пристально смотрѣлъ на него, и онъ тоже началъ поэтому смотрѣть на дьяка... Но дьякъ, повидимому, былъ не одинъ. Тутъ же рядомъ съ нимъ, только не на боченкѣ, а просто на большомъ узлѣ, сидѣли двѣ дѣвушки, одна—взрослая, лѣтъ восемнадцати, другая—подростокъ, лѣтъ тринадцати. Подростокъ была въ коричневомъ короткомъ платьицѣ и въ простой

соломенной шляпкѣ безъ цвѣтовъ. Другая, постарше, была безъ шляпки, голова ея была повязана свѣтлымъ батистовымъ платкомъ. Дьякъ не разговаривалъ съ ними, а просто сидѣлъ на боченкѣ и покачивалъ ногами; но почему-то Маккавеевъ сразу заключилъ, что они втроемъ составляютъ одно семейство. Было что-то такое въ ихъ позахъ и движеніяхъ, что обобщало ихъ.

Дьякъ обратилъ вниманіе на то, что Маккавеевъ отвѣтилъ ему внимательнымъ взоромъ, и такъ какъ ему было очень скучно, то онъ сошелъ съ боченка и, искусно лавируя между разсѣвшимися на палубѣ пассажирами, приблизился къ нему.

— Что это вы на меня такъ смотрите?—спросилъ дьякъ безъ всякихъ предисловій и рекомендацій.

— Такъ, смотрю!—отвѣтилъ Маккавеевъ.—А вы тоже на меня смотрите.

— А знаете, отчего я на васъ смотрю? Я вамъ объясню!—сказалъ дьякъ, уже своей манерой говорить свидѣтельствовавшій о несомнѣнной словоохотливости.—Я вамъ скажу. Сдается мнѣ, что вы тоже изъ духовныхъ.

— Почему же такъ?—спросилъ Маккавеевъ.

— А такъ... Самъ не знаю, почему. Такой у васъ видъ духовный.

Маккавеевъ посмотрѣлъ на свой сюртукъ и прочія части туалета и пришелъ къ заключенію, что духовный видъ, надо полагать, состоитъ въ томъ, чтобы фалды сюртука были больше въ ширину, чѣмъ въ длину, а рукава коротки, а штаны на цѣлую четверть не достигали до земли.

— А что, угадалъ вѣдь?—продолжалъ дьякъ.

— Угадали!—отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Ну, вотъ, скажите, пожалуйста! Какой у меня нюхъ! Значитъ, свой своего чувствуетъ... А вы въ какомъ же смыслѣ?

— То-есть, какъ въ какомъ смыслѣ?

— То-есть, собственно, вы съ которой стороны духовный?

— Я семинаристъ...

— Ага, семинаристъ. Здѣшній?

— Здѣшній. Я только-что кончилъ семинарію...

— Ага, даже кончили? Вотъ какъ! скажите, пожалуйста!.. Такъ, такъ. Такъ вы, значитъ, богословъ? Гм... Это хорошо!

И дьякъ вдругъ удивительно оживился, узнавъ, что его собесѣдникъ богословъ; а Маккавеевъ никакъ не могъ понять, что собственно его радуетъ въ этомъ.

— Такъ вы богословъ! Гм! Очень пріятно! Только...

Онъ посмотрѣлъ еще внимательнѣе на его сюртукъ и штаны и прибавилъ:—Только и сюртуки же даютъ у васъ въ семинаріи! Вы, должно быть, казенный...

— Да, казенный.

— Оно и видно. Это, надо полагать, на самого отца ректора шито. У васъ что-жъ баба какая нибудь шьетъ?

— Нѣтъ, портной, Моисей Рувимчикъ!.. Онъ извѣстный...

— Гм! портной хорошій, а шьетъ скверно...

— Да видите ли, это не на меня сшито. У меня былъ очень ужъ потертый сюртукъ, такъ отецъ ректоръ велѣлъ отцу эконому выдать мнѣ другой, а это сшито на бывшаго семинариста Поношатенка, который выбылъ.

— Только вы бы лучше ужъ въ потертомъ! А то, знаете, странно какъ-то: смотришь со стороны — толстый человѣкъ долженъ быть, а вблизи тонкій... Такъ, стало быть, вы мѣсто получили? или какъ?

— Да, имѣю мѣсто въ Окуневкѣ...

— Въ Окуневкѣ? Вотъ какъ! такъ это же превеликолѣпное мѣсто. А у насъ все спрашиваютъ: кого это назначатъ въ Окуневку? а! скажите, пожалуйста... Такъ вы счастливый человѣкъ!

— А что?

— Да какъ же! Первое дѣло — большое село. А второе, тамъ же монастырь близко, а въ монастырѣ чудотворная икона Богоматери, ну, такъ тамъ всегда толпится народъ, и извѣстно, по сосѣдству и въ Окуневку перепадаетъ. Вотъ отчего. А и то еще, что разъ въ годъ, на Воздвиженіе, икону несутъ изъ монастыря въ городъ черезъ Окуневку, тамъ она и ночуетъ, такъ ужъ тогда окуневскому причту прямо благодать Божія... Такъ, такъ. Значитъ, вы въ Окуневку. А когда-жъ рукополагать будутъ?

— Да вотъ, черезъ десять дней.

— Скоренько, скоренько!..

— Преосвященный будетъ въ монастырѣ... — пояснилъ Маккавеевъ.

— Такъ, такъ. А извините... Что-жъ, изволили вступить уже въ бракъ?

— Нѣтъ... Гдѣ-жъ? Я только недѣлю, какъ кончилъ курсъ...

— Гм!.. Скажите, пожалуйста! Такъ какъ же это? Вѣдь вамъ надобно вступить...

— Да, надо, конечно... И въ консисторіи сказали: торопитесь, а то прозѣваете...

— Такъ, такъ... Ну, а въ городѣ у васъ, собственно, родня тутъ есть или какъ?

— Не знаю я... И самъ не знаю... Я изъ этого города; только отецъ и мать давно умерли, и мнѣ неизвѣстно, есть тутъ родня или нѣтъ. Отецъ ректоръ сказалъ, что тутъ есть какой-то Маккавеевъ, діаконъ, ну, а я тоже Маккавеевъ, ну, такъ, можетъ, онъ будетъ мнѣ родня...

— Маккавеевъ? Маккавеевъ дѣйствительно есть... Онъ діакономъ въ соборной церкви... А ужъ родня ли онъ вамъ, этого я знать не могу. А вы къ нему пойдите; должно быть, что родня.

Отчего бы ему не быть родней? А? Какъ вы думаете? Вотъ, как пріѣдемъ въ городъ, можно остановиться на постояломъ дворѣ; вѣд мы ночью пріѣдемъ, ну, такъ и вы съ нами остановитесь... А утре комъ и пойдете къ нему.

— А вы тоже въ городѣ служите?—спросилъ Маккавеевъ.

— Нѣтъ, я за тридцать верстъ отъ города, и, знаете, недалек отъ Окуневки, верстъ двадцать пять всего... Въ губернію вотъ во зилъ младшую дѣвочку, къ доктору, ну, и старшая со мной по ѣхала, погулять, знаете... У меня, знаете, она по хозяйству... Вся кую штуку... Я вдовецъ, такъ она все справляетъ... Такъ я ее ради отдохновенія взялъ. Она у меня, знаете, неученая, простая. Гдѣ ужъ тамъ? Средствъ, знаете, не имѣю... Просилъ, было, на казенно принять, такъ отказали. На полуказенное, говорятъ, ежели хотите, а у меня вѣдь все равно и на полуказенное тоже денегъ нѣтъ... Такъ такъ... Значитъ, вы къ Маккавееву... Ну, и отлично. Онъ вамъ и невѣсту сыщетъ...

И опять дьякъ внимательно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Только, знаете, вамъ надо того... одѣться бы, того... получше, а то, знаете, похоже, словно вы съ толстаго человѣка сняли да и надѣли...

Потомъ онъ посмотрѣлъ на своихъ дочерей, и по лицу его видно было, что у него мелькнула новая мысль.—А знаете что? Давайте-ка, закусимъ! у меня вѣдь запасъ есть. Въ губерніи родня, такъ надѣлили насъ, пойдемте-ка.

Онъ просто взялъ Маккавеева за рукавъ и повелъ къ боченку и къ дочкамъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ старшей,—вотъ, Вѣрочка, богословъ оказался, господинъ Маккавеевъ, а по имени и отчеству не знаю...

— Егоръ Трофимовичъ!—сказалъ Маккавеевъ.

— Ага! Егоръ Трофимовичъ! Такъ вотъ, Егоръ Трофимовичъ, давайте закусимъ. И водочка у насъ есть... Выпьемъ... Принимаете?

— Я водки не пью.

— Какъ? богословъ и водки не пьете? Вотъ такъ чудо! Вамъ надо пріучаться, безъ этого нельзя. Безъ этого духовному человѣку невозможно, потому всякому съ нимъ пріятно выпить. Ну, Вѣруша, развязывай узелокъ, а ты, Наденька, помогай сестрѣ! Вотъ вы и будете у насъ гостемъ... Хе, хе!.. А какъ сядете на приходѣ въ Окуневкѣ, такъ, можетъ, не побрезгуете ужъ и на самомъ дѣлѣ къ намъ въ гости пріѣхать... да, къ намъ, въ Богоявленское...

Обѣ дѣвушки молча развязали узелокъ съ съѣстными припасами, разостлали на днѣ боченка салфетку, вынули яйца, сушеную рыбу, пирожки. Тутъ же появилась бутылка и рюмка.

Дьякъ говорилъ безумолку, очевидно, обрадовавшись, что нашелъ собесѣдника. Онъ говорилъ и объ Окуневкѣ, и о Богоявленскомъ,

и о монастырѣ, и объ уѣздномъ городѣ, а дѣвицы при этомъ не проронили ни слова. Старшая, которую онъ называлъ Вѣрушей, раза два внимательно оглядѣла костюмъ Маккавеева, и на ея губахъ скользнула усмѣшка. У нея былъ очень свѣжій цвѣтъ лица, и вообще она съ виду была здоровая, ростомъ высокая, какъ и отецъ, и очень стройно держалась. Движенія у нея были неторопливыя, основательныя, вообще отъ нея вѣяло чѣмъ-то положительнымъ.

Маккавеевъ выпилъ всего четверть рюмки водки и больше не захотѣлъ, ему показалось невкуснымъ; а дьякъ выпилъ двѣ и заговорилъ съ еще большей охотой.

Солнце уже спускалось къ западу.—Вотъ къ ночи будемъ въ городѣ,—говорилъ дьякъ,—уже тогда весь городъ будетъ спать... А тутъ, около пристани, знаете, есть этакій постоялый дворикъ, такъ мы тамъ двѣ комнатки возьмемъ, въ одной мы съ вами, а въ другой женскій полъ; а завтра утречкомъ вы и къ Маккавееву пойдете... Ужъ я не знаю, отчего, а такъ уже я полюбилъ васъ, какъ родного; оно, знаете, духовный духовному всегда долженъ помогать...

Отъ двухъ рюмокъ дьякъ совершенно расчувствовался. Но глаза у него сдѣлались совсѣмъ маленькіе, и онъ въ скоромъ времени объявилъ, что намѣренъ вздремнуть.

— Оно, знаете, страсть какъ пріятно на свѣжемъ воздухѣ.

Онъ досталъ старый кафтанъ, еще болѣе старый, чѣмъ тотъ, который былъ на немъ, разостлалъ его на полу, легъ, положилъ подъ голову собственную ладонь и въ ту же минуту заснулъ.

Дѣвицы въ это время убирали оставшуюся провизію, а что не годилось, бросали въ воду. Маккавеевъ задумчиво смотрѣлъ на берегъ, который, казалось, все время уходилъ отъ нихъ назадъ. Довольно продолжительное молчаніе всякому другому показалось бы неловкимъ, а его оно нисколько не стѣсняло. Онъ совсѣмъ не зналъ этихъ дѣвушекъ и молчалъ съ спокойной совѣстью, потому что у него не о чемъ было говорить съ ними.

А дьякъ между тѣмъ лежалъ уже не на боку, какъ въ началѣ, а лицомъ вверхъ и похрапывалъ, и лицо его съ полураскрытымъ ртомъ было такъ выразительно, что Вѣра и Надя разсмѣялись, а вслѣдъ за ними и Маккавеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, у дьяка было смѣшное лицо. Пароходъ вздрагивалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и дьякъ, лежавшій на палубѣ, и его остренькая бородка тряслась.

— А вы развѣ не хотите спать?—спросила у Маккавеева Вѣра.

— Нѣтъ, я выспался ночью.

— А то у насъ еще есть платокъ, можно постлать...

— Нѣтъ, я не хочу спать. А отчего вы сами не ложитесь?

— Оттого же самаго, что и вы: и я выспалась ночью.

— Какой красивый берегъ!—сказалъ Маккавеевъ, во время этого разговора продолжавшій смотрѣть на зеленые камыши.

— А мнѣ онъ надоѣлъ,—отвѣтила Вѣра.—У насъ такой же Вотъ у васъ въ Окуневкѣ тамъ лучше, красивѣй...

— Да я еще не въ Окуневкѣ! еще попаду ли?

— Отчего же не попадете? Назначили, такъ попадете.

— Такъ вѣдь надо жениться...

— Такъ и женитесь. Долго ли? Сколько поповенъ у насъ есть готовыхъ.

— Какъ готовыхъ?

— А значитъ невѣстъ... готовыхъ къ вѣнцу идти. Вотъ даже отъ насъ недалеко въ десяти верстахъ есть невѣсты у отца Пафнутія Трикратова... Да ихъ сколько угодно. И еще какъ женитесь! Только ужъ вамъ надо сюртукъ другой, а то такъ не хорошо...

Послѣ столь неблагопріятныхъ отзывовъ, повторявшихся слишкомъ часто, о сюртукѣ, Маккавеевъ началъ чувствовать, что какъ будто носитъ на своихъ плечахъ тяжесть въ сто пудовъ. Сюртукъ, въ которомъ ему было легко и свободно, теперь началъ стѣснять его.

Маккавеевъ смотрѣлъ на свою собесѣдницу съ особеннымъ вниманіемъ. Въ сущности это было первое существо женскаго рода, которое находилось отъ него такъ близко и разговаривало съ нимъ. Онъ находилъ ее стройной и миловидной, и вообще ему доставляло удовольствіе то, что она вблизи него и говоритъ съ нимъ. У нея былъ пріятный голосъ и красивые глаза, небольшіе, веселые, добрые.

Уже стемнѣло, камышъ сталъ сперва темно-зеленымъ, а потомъ совсѣмъ чернымъ. Загорѣлись звѣзды. Наконецъ и дьякъ проснулся.

— Ого!—сказалъ онъ,—а я таки поспалъ. Эге, да это уже пригородное село,—промолвилъ онъ, щуря глаза и присматриваясь къ силуэтамъ хатъ на берегу.—Скоро и городъ!

И въ самомъ дѣлѣ скоро вдали показались огни, потомъ затемнѣлъ городъ, заблистали фонари на пристани; пароходъ остановился; они сошли на пристань. Маккавеевъ схватилъ узелъ, принадлежавшій, конечно, не ему, а дьяку, и потащилъ его на постоялый дворъ.

Было уже за полночь. Хозяинъ постоялаго двора оказался добрымъ знакомымъ дьяка. Онъ протиралъ заспанные глаза, но тѣмъ не менѣе привѣтствовалъ гостей улыбкой.

— Ну, что,—спрашивалъ дьякъ,—найдутся для насъ хоромы?

— Да ужъ для васъ всегда найдутся самыя лучшія, какія только есть...

Комнату имъ дали довольно большую, но въ ней стояли только кровать, столъ и два стула, а на стѣнѣ висѣло скверное, кривое, загрязненное мухами зеркало. По требованію дьяка, притащили диванъ. Дьякъ уложилъ Маккавеева на кровати, а самъ клубкомъ свернулся на диванѣ. Маккавеевъ пробовалъ, было, протестовать,

но дьякъ сказалъ:—Нѣтъ, какъ же можно? первое дѣло, вы—богословъ, а второе—я все-таки поспалъ на пароходѣ.

Утромъ дьякъ всталъ рано и, когда проснулся Маккавеевъ, на столѣ уже шипѣлъ самоваръ, и были приготовлены хлѣбъ и масло.

— А мои дѣвы еще спятъ! — промолвилъ дьякъ, — ну, пусть спятъ, онѣ дома рано встаютъ, а тутъ пускай понѣжатся.

Но когда они сѣли за столъ, то явилась сперва Надя, а потомъ и Вѣра. На нихъ теперь были другія платья, свѣтлыя, ситцевыя, и Вѣра теперь была совсѣмъ хорошенькая. Единственное, къ чему могъ бы придраться тонкій цѣнитель, это слишкомъ густой загаръ на щекахъ, да грубоватая кожа на рукахъ, да и руки у нея были слишкомъ велики, потому что Вѣра все дѣлала въ хозяйствѣ этими руками.

— Послушай-ка, Вѣруша,—обратился къ ней дьякъ, когда она выпила чашку чаю,—а ты взяла бы да нашему богослову пуговки на сюртукѣ переставила, а то ихъ такъ и застегнуть нельзя...

— Что-жъ, это нетрудно!—отвѣтила Вѣра.

А Маккавеевъ смотрѣлъ на нихъ обоихъ съ удивленіемъ. Во-первыхъ, это было странно, что они такъ заботились о немъ; вѣдь онъ имъ не родственникъ и даже едва только знакомъ; а второе—какъ это Вѣра будетъ перешивать ему пуговицы? это даже какъ-то неловко...

— Такъ вы снимите сюртукъ-то, господинъ богословъ!—сказалъ дьякъ.

Маккавеевъ замялся.

— А что, думаете, неловко? Вотъ пустое! Въ нашемъ простомъ быту мы, знаете, безъ всякихъ церемоній... Э, чего тамъ! снимайте, снимайте! я часто дома въ штанахъ да въ рубашкѣ сижу, и народъ приходитъ, и ничего, а вѣдь у васъ еще жилетка есть?

— Есть!—сильно конфузясь, отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Такъ чего же? — сказала Вѣра, — въ жилеткѣ совсѣмъ даже прилично... А я вотъ иголку съ ниткой принесу. У меня все есть съ собой; вдругъ что въ дорогѣ оторвется, вотъ и пришьешь.

Дьякъ почти насильно стащилъ съ Маккавеева сюртукъ, и тотъ остался въ жилеткѣ и чувствовалъ себя такъ, какъ будто его совсѣмъ раздѣли донага. Вѣра пошла въ свою комнату и принесла иголку съ ниткой и ножницы и начала портняжничать; дьякъ въ это время пояснялъ:

— А то, знаете, никакъ невозможно... Смотришь это на васъ, и кажется, будто тамъ у васъ опухоль какая нибудь...

Маккавеевъ смотрѣлъ на то, какъ ловко Вѣра дѣйствовала иглой, пальцы ея быстро двигались, иголка съ ниткой каждую секунду мелькала около ея носа, потомъ опять попадала въ пуговицу. Надя тоже принимала дѣятельное участіе — она держала сюртукъ, подавала ножницы и оказывала разныя мелкія услуги.

— Ну, вотъ и готово!—сказала Вѣра.

Дьякъ взялъ у нея сюртукъ и помогъ Маккавееву одѣться, а потомъ самъ сталъ застегивать пуговицы.

— Ну, вотъ теперь все же лучше, — говорилъ онъ, — хотя все таки скверно... Такъ вы идите вотъ какъ: сейчасъ, какъ выйдете налѣво будетъ улица, потомъ опять налѣво — переулокъ, такъ вы въ этотъ переулокъ идите, а тутъ сейчасъ площадь, а на площади соборъ, ужъ это вы сейчасъ сами увидите, потому это не иголка а соборъ. Ну, вотъ вы прямо въ ограду, а тамъ въ церковный домъ, ну, тамъ уже сами попадете, спросите прямо Маккавеева.

— Я, право... я даже не знаю, какъ и благодарить васъ! — говорилъ Маккавеевъ, обращаясь, впрочемъ, болѣе къ Вѣрѣ, которая ни съ того ни съ сего вдругъ перешила ему пуговицы, что онъ особенно оцѣнилъ. Проходя мимо сквернаго зеркала, онъ увидѣлъ въ немъ себя и тутъ убѣдился, что сюртукъ дѣйствительно сталъ сидѣть лучше. Не было этихъ опухолей на груди, про которыя говорилъ дьякъ.

— Ну, прощайте!—сказалъ онъ.—Такъ вы не уѣдете?

— Нѣтъ, мы дозавтра еще посидимъ. Нашихъ лошадей еще нѣтъ. Я, знаете, ошибся днемъ,—надо было, чтобъ вчера прислали, а я сказалъ днемъ позже...

Маккавеевъ вышелъ изъ постоялаго двора и, придерживаясь указаній дьяка, пошелъ налѣво, встрѣтилъ переулокъ, затѣмъ площадь и, наконецъ, соборъ. Было десять часовъ утра; съ соборной колокольни еще раздавались послѣдніе удары колокола, призывавшаго къ обѣднѣ. Маккавеевъ изъ переулка попалъ прямо въ соборную ограду. Тутъ ему навстрѣчу попался какой-то необыкновенно тонкій понамарь. Онъ остановилъ его.

— А позвольте узнать, гдѣ тутъ дьяконъ Маккавеевъ живетъ?

— Маккавеевъ? Отецъ Гурій? а?

— А развѣ есть и другой?—спросилъ богословъ.

— Другой? Какъ другой? Кто такой другой?

— Маккавеевъ!

— Маккавеевъ? Нѣтъ, Маккавеева другого нѣтъ, одинъ только есть Маккавеевъ—отецъ Гурій.

— А гдѣ же онъ живетъ?

— Живетъ? Онъ живетъ вонъ тамъ, въ церковномъ домѣ, во флигелѣ, справа... Тамъ и отецъ Амосъ живетъ.

Про отца Амоса Маккавеевъ, конечно, не разспрашивалъ, такъ какъ онъ совершенно не интересовалъ его. Онъ пошелъ по указанію понамаря и, когда подошелъ къ флигелю, то встрѣтилъ тамъ толстую бабу въ малороссійскомъ очипкѣ на головѣ. Она стояла на возвышеніи, въ длинномъ открытомъ корридорѣ, передъ нею была лохань, водруженная на табуретѣ; баба стирала бѣлье.

— Отецъ Гурій здѣсь живетъ?—спросилъ Маккавеевъ.

— Тутъ...

— А какъ его повидать?

— А такъ и повидать... Извѣстно какъ, глазами. А то какъ же?

«Вотъ смѣшная баба»,—подумалъ Маккавеевъ.

— Куда же къ нему?

— Вонъ сюда.—Она указала глазами на дверь. Онъ вошелъ и попалъ въ совершенно темныя сѣнцы, — хоть глазъ выколи. Онъ сталъ нащупывать рукой по стѣнамъ и нащупалъ наконецъ дверь и толкнулъ ее. Дверь отворилась, и на него пахнуло теплымъ съѣстнымъ воздухомъ. Топилась плита, и на ней стояли сковороды, въ которыхъ что-то жарилось. У плиты стояла женщина почтеннаго возраста, невысокая, съ закатанными высоко рукавами, съ вилкой въ рукѣ.

— Вамъ кого?—прямо спросила она и даже недовольно внимательно взглянула на него.

— Отца Гурія... Маккавеева... Отца Гурія... Онъ дома?

— Онъ-то дома, да только онъ еще... въ бѣльѣ... Жарко, такъ онъ и не одѣвался еще.

Маккавеевъ не зналъ, какъ ему принять это обстоятельсто, что отецъ Гурій еще въ бѣльѣ. Собственно ему было все равно, какимъ увидать отца Гурія, въ рясѣ, въ бѣльѣ или даже совсѣмъ безъ бѣлья. И онъ спросилъ:

— Такъ можно его повидать?

— Да отчего же нельзя? Онъ вѣдь не чудо какое нибудь!

«Какъ они всѣ странно говорятъ здѣсь»,—подумалъ Маккавеевъ.

— А какъ объ васъ сказать ему? Вы кто такой будете?—спросила его женщина.

— Я Маккавеевъ.

— Тоже Маккавеевъ? Какой же вы Маккавеевъ?—съ удивленіемъ спросила женщина.

«Вотъ такъ вопросъ!»—подумалъ Маккавеевъ. «Какъ же ей на это отвѣтить? Какой же я въ самомъ дѣлѣ Маккавеевъ?»

— Да Маккавеевъ,—отвѣтилъ онъ,—Маккавеевъ, да и только.

— Такъ вы, значитъ, намъ родственникъ или какъ?

«Намъ? Значитъ, она тоже Маккавеева! должно быть, жена отца Гурія».

— Я и самъ не знаю,—отвѣтилъ онъ,—можетъ, и родственникъ.

— Гм... Вы какого же Маккавеева?

— Да ужъ онъ давно умеръ. Онъ былъ дьячекъ, его звали Трофимъ.

— Не знаю такого; можетъ быть, мужъ знаетъ... Не знаю!—еще разъ подумавши, сказала она; потомъ прибавила:—а вы собственно по какому же дѣлу? Можетъ, на счетъ вспомоществованія? Такъ это напрасно. Мы сами люди бѣдные... Такихъ-то родственниковъ много найдется, на всякаго не настачишь. Если за вспомоществованіемъ, такъ ужъ лучше не ходите къ нему: не дастъ, я знаю, что не дастъ

— Нѣтъ, я по другому дѣлу...

— Ага, по другому... Ну, я скажу ему... Погодите тутъ, а т войдите, коли хотите...

III.

Она ушла въ другую дверь и скрылась. Маккавеевъ остался въ сѣняхъ и почему-то не рѣшался войти въ кухню; теперь въ сѣняхъ уже не было такъ темно, потому что онѣ освѣщались изъ кухни и онъ слышалъ, что за другой дверью, которая тоже выходила въ сѣни, происходилъ разговоръ. Онъ явственно слышалъ уже знакомый голосъ женщины съ закатанными рукавами и отвѣчавшій ей здоровенный мужской басъ: — Маккавеевъ? а? Какой такой Маккавеевъ? Ну, пусть идетъ сюда.

Потомъ небольшой промежутокъ, во время котораго, по всей вѣроятности, женщина что-то возражала, а затѣмъ опять басъ:—Э, ну, вотъ еще! что за важность! развѣ онъ дама?

Тутъ дверь въ сѣни отворилась, и на порогѣ появилась женщина:

— Ну, идите сюда, что ли,—сказала она,—входите, входите!

Маккавеевъ вошелъ. Небольшая комната была перегорожена посрединѣ ситцевой занавѣской. По эту сторону занавѣски не было никого, если не считать женщину, оставшуюся стоять на порогѣ.

— Вы погодите минутку, онъ сейчасъ выйдетъ!—прибавила она.

Въ это время за занавѣской что-то громко зашлепало туфлями по полу, и отъ этихъ шаговъ сталъ дрожать полъ въ комнатѣ. Потомъ занавѣска задвигалась, и передъ Маккавеевымъ появился отецъ Гурій.

Онъ удивительно походилъ на льва, котораго одѣли въ бѣлье и поставили на заднія лапы. Средняго роста, очень толстый, съ большимъ животомъ, онъ былъ волосатъ, какъ только можно представить себѣ это. Кудрявая грива на головѣ спускалась ниже плечъ, борода разросталась во всѣ сороны, начинаясь чуть ли не подъ самыми глазами; роскошныя баки, густѣйшіе усы,—все это спутывалось, такъ что нельзя было разобрать, гдѣ кончается одно и начинается другое. Густо сросшіяся брови; даже на груди, просвѣчивавшей изъ-за открытаго ворота рубахи, все было покрыто волосами.

— Это вы Маккавеевъ? — густѣйшимъ басомъ спросилъ отецъ Гурій.

— Я!—сказалъ Маккавеевъ.

— А зовутъ какъ?

— Егоръ.

— А по батюшкѣ?

— Трофимовичъ.

— Не знаю. Никогда не зналъ такого. Должно быть, вы одно-

фамилецъ, если только не врете. Маккавеевъ—духовная фамилія... Маккавеевыхъ—какъ собакъ нерѣзанныхъ.

Все это онъ говорилъ трубнымъ звукомъ, и Егоръ Маккавеевъ почему-то тотчасъ же мысленно представилъ себѣ, какъ онъ звучно долженъ читать въ церкви апостола или выносить многолѣтіе.

— А что же вамъ надо? — продолжалъ свой строгій допросъ отецъ Гурій.—Можетъ быть, пособіе?—прибавилъ онъ, внимательно и недовѣрчиво оглядывая костюмъ Маккавеева и въ особенности обративъ вниманіе на его коротенькіе штаны и истоптанные сапоги.

Нашему герою это ужъ начало надоѣдать. Чего они пристаютъ къ нему съ пособіемъ? Ну, не родня, и не надо. Досвиданья, да и только! и ему вдругъ захотѣлось сказать какую нибудь грубость. Этотъ левъ въ нижнемъ бѣльѣ, стоявшій передъ нимъ на заднихъ ногахъ, раздражалъ его.

— Да вѣдь *я*, кажется, не просилъ пособія! — довольно рѣзко сказалъ онъ,—мнѣ вовсе не надо пособія.

— Ага, не надо! такъ что жъ вамъ надо? Вы кто такой? Какое ваше званіе? Вы служащій?

— Нѣтъ, *я* не служу. *Я* только что кончилъ семинарію. *Я* богословъ и назначенъ на священническое мѣсто.

Тутъ Маккавеевъ могъ наблюдать, какъ послѣ этого признанія все вдругъ перемѣнилось, какъ женщина, очевидно дьяконица, начала обѣими руками оправлять свою кофточку, и, даже, какъ бы почувствовавъ стыдливость, откатывать свои рукава, какъ самъ отецъ Гурій сталъ пристегивать поспѣшно воротникъ рубахи, чтобъ спрятать свою волосатую грудь, и вообще видимо произошло нѣкоторое замѣшательство.

— Такъ вы... вы... богословъ? И мѣсто получили?.. Такъ что же вы этого не говорили? такъ это совсѣмъ другое дѣло. Садитесь же, садитесь, пожалуйста. Прошу извиненія... *Я*, знаете, это отъ жары... того... въ бѣльѣ пребываю... Марья, дай-ка кафтанъ!—обратился онъ къ женѣ, — жара, знаете, такая, что просто мочи нѣтъ, а *я* человѣкъ грузный, какъ сами видите... Садитесь же, пожалуйста.

И басъ его послѣ этого сталъ значительно мягче, и весь онъ началъ уже меньше походить на льва. Дьяконица прошла за занавѣску, принесла ему кафтанъ, и вотъ онъ уже запахиваетъ полы и съ новой любезностью приглашаетъ Маккавеева садиться.

— Такъ какъ же это такъ?—говорилъ отецъ Гурій,—да, можетъ, вы это такъ себѣ, нарочно?.. А садитесь же, садитесь. Такъ вы это не нарочно, а?

— Да нѣтъ, не нарочно. Вотъ, если не вѣрите, и бумага; вотъ отъ консисторіи назначеніе!—сказалъ Маккавеевъ, вынувъ изъ кармана бумагу и подавъ ее діакону.

Тотъ развернулъ и началъ читать: «Дано сіе дѣйствительному студенту богословія Егору Трофимову Маккавееву въ томъ, что, со-

гласно резолюціи его высокопреосвященства отъ 12-го іюня, онъ, Маккавеевъ, назначенъ состоять священникомъ на приходѣ въ селѣ Окуневкѣ, Гжовскаго уѣзда...». Такъ оно и есть!—промолвилъ отецъ Гурій,— ну, скажите, пожалуйста! А я, извините, такъ таки прямо, скажу, принялъ васъ за жулика... Какъ его распознаешь! Думаю себѣ: и не Маккавеевъ ты, а такъ придумалъ это, чтобъ трешницу съ меня получить... Эй, Марья, дьяконша! тамъ что-то у тебя жарится! давай-ка сюда, мы со сродникомъ выпьемъ да закусимъ... Такъ Трофима Маккавеева сынокъ? Такъ? Трофимъ Маккавеевъ? Онъ чѣмъ же былъ?

— Дьячкомъ... Давно ужъ... Онъ умеръ, я его чуть только помню.

— Трофимъ Маккавеевъ! Что-то такое какъ будто... Гм. Да, должно быть, что родственникъ! какъ же не родственникъ?.. И знаете, у васъ въ лицѣ что-то такое маккавеевское есть, да, что-то есть... Знаете, мнѣ это сразу пришло въ голову, какъ только увидалъ васъ. Что-то есть...

Въ это время на столѣ появилась скатерть, тарелки, водка и жареный лещъ. Дьяконица повязала на голову новый платокъ, и видъ и лицо ея сдѣлались теперь привѣтливѣе и даже моложе.

Отецъ Гурій накладывалъ въ тарелку Егора леща, а Егоръ Маккавеевъ въ это время раскрывалъ передъ нимъ свою душу.

— У меня ничего нѣтъ,—говорилъ онъ,—и никого знакомыхъ. А всего только девять дней осталось... Надобно невѣсту отыскать и жениться... потому что преосвященный черезъ девять дней назначилъ рукоположеніе въ Вознесенскомъ монастырѣ.

— Такъ, такъ, такъ, девять дней! Ну, знаете, это срокъ большой... Я, знаете, какъ меня дьякономъ назначили—я курса въ семинаріи не кончилъ — такъ мнѣ дано было всего три дня, и я въ три дня окрутился... И вонъ какую паву взялъ!—прибавилъ онъ, указывая на дьяконицу,—и ничего, жена, какъ жена... Это обдѣлывается очень даже просто! невѣстъ, я вамъ скажу, въ нашемъ уѣздѣ видимо-невидимо... Совсѣмъ, знаете, некому стало жениться. Богословы все больше женятся въ губернскомъ городѣ, имъ нынче образованныя требуются. А мы васъ живо обкрутимъ. И знаете, у меня даже на примѣтѣ есть; тамъ же, въ вашихъ мѣстахъ, недалеко отъ Окуневки... Ну, что-жъ, проѣдемся... Теперь седьмица отца Амоса, слѣдственно я свободенъ... Только гм... того... бричку придется взять — этакъ денька на два, на три, это обойдется рубликовъ восемь-девять, а то и всѣ десять, такъ ужъ это на вашъ счетъ, Егоръ Трофимовичъ...

— Да у меня всего въ карманѣ двѣнадцать рублей съ мелочью!— замѣтилъ Маккавеевъ.—Мнѣ отецъ ректоръ выдалъ пятнадцать, такъ это осталось.

— Ну, это ничего. Мы съ тестя возьмемъ. Тесть долженъ за все платить... Это пустое... А вотъ одежонка у васъ, знаете, не

того... больно ужъ смѣшно... Ну, сюртукъ еще куда ни шло («ага, подумалъ Егоръ Маккавеевъ, значитъ, не напрасно Вѣра пуговицы переставила! помогло»)! А вотъ штаны надо другіе, въ этакихъ штанахъ жениться никакъ нельзя и сапоги тоже; такъ на это же у васъ хватитъ... Только ужъ медлить нельзя; надо нынче и ѣхать. Я, знаете, хотя и кажусь тяжелымъ по своей комплекціи, а на подъемъ легокъ. Марья, слышишь? Ѣдемъ со сродникомъ по епархіи, ха-ха-ха! преосвященный въ одномъ мѣстѣ ѣздитъ, а мы въ другомъ будемъ ѣздить, ха-ха-ха! Только преосвященный ревизуетъ, а мы жениться поѣдемъ. Да ты не бойся, это не я жениться буду, а вотъ богослова женить надо, сродника. Такъ очень пріятно! я готовъ! Я, знаете, скажу вамъ прямо: я люблю это дѣло... Еще недавно женилъ одного. Онъ не богословъ, но все же бывшій семинаристъ,— за пьянство выгнали его; только онъ теперь бросилъ пить, и ему дьяконское мѣсто дали; можетъ быть, знаете—Понощатенко?

— Понощатенко?

И у Маккавеева вдругъ сдѣлались престранные глаза; онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто его уличили въ воровствѣ сюртука.

— А что? Развѣ что нибудь такое?—спросилъ отецъ Гурій, замѣтившій перемѣну въ его лицѣ...

— Нѣтъ, ничего, а только... Понощатенко, я помню, онъ такой толстый и короткій.

— Именно...

— Такъ онъ, какъ его исключили, оставилъ свой новый сюртукъ казенный, и штаны... И вотъ эти самые сюртукъ и штаны мнѣ выдали, и они теперь на мнѣ...

— Ха-ха-ха! такъ вотъ отчего онъ на васъ такъ смѣшно сидитъ. Вотъ такъ совпаденіе! А онъ, Понощатенко, тутъ въ городѣ въ кладбищенской церкви дьякономъ, отлично служитъ; у него басъ, и пить бросилъ.... Больше одного полуштофа въ день не выпиваетъ... Ха-ха-ха! Такъ ему этотъ полуштофъ ни почемъ, никакого дѣйствія не оказываетъ... А въ прежнее время цѣлый штофъ выпивалъ. Ну, такъ вы идите, Егоръ Трофимовичъ, да на счетъ штановъ и сапогъ... А я улажу на счетъ брички, да сейчасъ и махнемъ.

Маккавеевъ поблагодарилъ новаго родственника и пошелъ на постоялый дворъ.

Тутъ онъ разсказалъ все, что съ нимъ произошло.

— А сколько же у васъ имѣется денегъ?—спросилъ дьякъ.

— Двѣнадцать рублей съ маленькимъ лишкомъ.

— Маловато, знаете... Ну, ничего, ежели не хватитъ, прибавимъ...

— Какъ же это? съ какой стати вамъ прибавлять?..—смутившись возразилъ было Маккавеевъ.

— Э, ну, что тамъ, потомъ, когда женитесь и будете на при-

ходѣ, отдадите... Много не могу, а коли понадобится пятипница, я въ состояніи...

— Да не забудьте, тятенька, рубашку купить, чтобъ крахмальный воротничекъ былъ,—сказала Вѣра,—а то такъ неловко... И галстукъ на шею...

У Егора была цвѣтная рубаха съ косымъ воротомъ. Дьячекъ вызвался пойти съ нимъ за покупками; онъ зналъ всѣ лавки, и вотъ они отправились. Маккавеевъ былъ тронутъ той заботливостью, съ какой дьякъ примѣрялъ ему штаны и сапоги, выбиралъ рубашку и галстукъ. Были куплены еще два носовыхъ платка, потому что у Маккавеева они совсѣмъ отсутствовали, и даже какія-то шерстяныя перчатки, на пріобрѣтеніи которыхъ ужасно настаивалъ дьякъ. Ему казалось, что безъ перчатокъ жениться никакъ невозможно.

Былъ великій соблазнъ купить даже сюртукъ, который приходился Маккавееву какъ разъ по плечу и стоилъ недорого, но тутъ и у дьячка не хватило денегъ.

Они вернулись на постоялый дворъ; дьякъ присутствовалъ при переодѣваніи Егора и нашелъ, что все въ великолѣпномъ порядкѣ, только сюртукъ—ахъ, еслибъ только тотъ сюртукъ былъ!

— Ну, да ничего, сойдетъ. Да и то правда,—говорилъ дьякъ,—покупать новую вещь для того только, чтобъ жениться, не стоитъ, а носить его все равно не будете; вѣдь черезъ девять дней въ рясу перейдете. А вотъ что, вотъ мысль пришла—можно бы въ этомъ самомъ сюртукѣ да удлинить рукава. Это было бы отлично! Эге,—прибавилъ онъ, ощупавъ рукава сюртука,—да тутъ порядочный запасъ! Знаете, запасливый вашъ этотъ портной Моисей Рувимчикъ... Вѣруня!

Пришла изъ своей комнаты Вѣра и съ величайшей охотой взялась удлинить рукава; опять съ Маккавеева сняли сюртукъ, и Вѣра принялась за работу. Она удивительно быстро дѣйствовала иголкой и притомъ съ необыкновенной ловкостью; скоро рукава были готовы.

— Разгладить бы только,—сказала Вѣра, и Надя тотчасъ же побѣжала къ хозяину постоялаго двора за утюгомъ. Дѣло шло удивительно удачно. Вотъ и утюгъ принесли, разложили на столѣ простыню, на нее положили рукава, и отъ нихъ пошелъ легкій паръ. Вотъ и рукава совсѣмъ готовы, какъ слѣдуетъ. Маккавеевъ опять въ сюртукѣ и уже совсѣмъ смотритъ приличнымъ молодымъ человѣкомъ.

— А галстукъ-то у васъ, галстукъ-то!—сказала Вѣра, внимательно осматривая его. — Совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Давайте-ка, я вамъ повяжу,—надо бантомъ.

И она, ловко владѣя своими пальцами, быстро превратила его галстукъ въ роскошный бантъ. Но ея заботливость шла гораздо дальше, она изслѣдовала еще его лицо и сказала:—А теперь, знаете что, Егоръ Трофимовичъ? слѣдовало бы вамъ сходить въ цырульню.

— А правда!—подхватилъ дьякъ,—это не мѣшаетъ.

— А что же собственно надо сдѣлать?—спросилъ Маккавеевъ, не находившій въ своей наружности никакихъ особенныхъ погрѣшностей.

— Да ужъ цырульникъ самъ знаетъ, что дѣлать. Вы только скажите ему, что, молъ, надо васъ подправить... А тутъ и цырульникъ рядомъ, совсѣмъ подъ бокомъ, сходите-ка!

Егоръ послушался и отправился въ цырульню. Онъ вышелъ со двора, повернулъ налѣво и увидѣлъ большую вывѣску, на которой былъ нарисованъ человѣкъ, сидящій въ креслѣ, съ шеей, обернутой какой-то бѣлой тряпкой, и съ приставленнымъ къ подбородку тазомъ, а позади его другой человѣкъ съ ножницами въ рукахъ, какъ будто онъ одновременно собирался и мыть его и стричь. Это достаточно указывало на то, что здѣсь-то именно и помѣщается цырульня. Маккавеевъ вошелъ. Это было чрезвычайно разностороннее учрежденіе. Въ ту минуту, когда Маккавеевъ вошелъ, въ креслѣ передъ зеркаломъ сидѣлъ почтенный лысый толстощекій господинъ, весь, кромѣ головы, завернутый въ простыню. Онъ закинулъ голову назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько влѣво, а цырульникъ въ рубахѣ, втиснутой въ штаны, даже безъ жилета, возился около его шеи, стараясь приставить ему пьявки.

— Вамъ банки?—спросилъ цырульникъ, обратившись къ Маккавееву.

— Какія банки, зачѣмъ банки?—спросилъ въ свою очередь Маккавеевъ, даже недостаточно понявъ вопросъ.

— Нѣтъ? такъ вамъ, можетъ быть, пьявки?

— Нѣтъ, мнѣ пьявокъ не надо.

— А, такъ зубъ выдернуть?

«Чортъ возьми,—подумалъ Маккавеевъ,— я, кажется, не туда попалъ».

— Развѣ здѣсь не стригутъ?—спросилъ онъ.

— Какъ не стригутъ? Стригутъ, если кому нужно. Стригутъ и брѣютъ!—отвѣтилъ цырульникъ такимъ тономъ, изъ котораго Маккавеевъ заключилъ, что стрижка и бритье у него считаются далеко не самыми важными дѣлами.

— Ну, такъ вотъ...

— Ага, вамъ, значитъ, стричься? Такъ вы такъ и скажите. Придется подождать. Вотъ господина кончу... Это мы сдѣлаемъ мигомъ.

Маккавеевъ сѣлъ и ждалъ. Онъ былъ свидѣтелемъ любопытнаго явленія, которое видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Пьявки почему-то не хотѣли присасываться къ толстой шеѣ толстолицаго господина, а цырульникъ все поощрялъ ихъ.

— Да ну-же, каторжныя, кусайте... И что такое съ ними подѣлалось? Просто ума не приложу... Должно быть, отъ жары.

— Отъ жары, наоборотъ, жажда бываетъ,—сказалъ паціентъ.

— Такъ это же у человѣка, а не у пьявокъ. У пьявки отъ жары дѣлается вялость... Погодите-ка, я вотъ сахаромъ смажу.

И онъ дѣйствительно взялъ мелкаго сахару, развелъ его въ водѣ и смазалъ этимъ растворомъ шею господина. Тогда пьявки принялись.

— Ага,—сказалъ цырульникъ,—сладенькое любятъ... И вотъ, скажите, пожалуйста, у нихъ вкусъ есть! И человѣкъ любитъ сладкое, и онѣ тоже...

Дальше Маккавеевъ былъ свидѣтелемъ того, какъ пьявки полнѣли, наливались кровью и потомъ, достаточно напившись, одна за другой отпадали...

— Отлично!—сказалъ гость, вставая съ кресел, когда вся операція была кончена, и проколы піявокъ были залѣплены трутомъ.— Теперь и головѣ легче стало, а то, повѣрите ли, какъ только начну о чемъ нибудь думать, сейчасъ голова точно свинцомъ наливается.

Онъ расплатился и ушелъ.

— Такъ васъ подстричь? Что же именно? кудри?

— Нѣтъ, кудри не надо. А такъ вотъ, баки уберите, онѣ ни къ чему.

— Это правда,—баки у васъ ни къ чему; мы сейчасъ ихъ...

Цырульникъ принялся стричь ему баки.—А не убрать ли вамъ бородку? что въ ней толку? Она у васъ словно по ошибкѣ тутъ выросла.

— Пожалуй, уберите!—сказалъ Маккавеевъ, недостаточно, однакожъ, увѣренный, что это будетъ хорошо. Послѣ этого цырульникъ сталъ его мылить и пустилъ въ ходъ бритву. Когда эта операція была кончена, Маккавеевъ взглянулъ въ зеркало и не узналъ себя; совсѣмъ у него другое лицо сдѣлалось, какъ бы другой формы. Теперь ему показалось, что онъ даже недуренъ собой. Какъ, значитъ, много портили ему баки и борода.

— А сколько вамъ слѣдуетъ?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да съ васъ меньше двадцати копеекъ взять нельзя: много работы было.

Онъ заплатилъ двадцать копеекъ и вернулся домой. Дьякъ и Вѣра, а съ ними и Надя, увидавъ его, всплеснули руками.

— Ахъ, да и какой же вы теперь стали красивый, совсѣмъ другой человѣкъ. Скажите, пожалуйста!—восклицалъ дьякъ,—ну, идите же къ отцу Гурію, онъ, можетъ, ждетъ уже.

— Желаю вамъ невѣсту покрасивѣе найти!—промолвила Вѣра, провожая его.

— За меня красивая не пойдетъ!—отвѣтилъ Маккавеевъ совершенно искренно.

— Зачѣмъ не пойдетъ? Нѣтъ, за васъ всякая пойдетъ!—съ глубокимъ убѣжденіемъ промолвила Вѣра.

— А сколько же съ меня будетъ слѣдовать за постоялый дворъ?— спросилъ Маккавеевъ.

— Хе-хе, да сколько бы ужъ тамъ ни слѣдовало, а ужъ теперь денегъ у васъ нѣтъ. Вотъ когда вы въ гости къ намъ пріѣдете, въ Богоявленское, тогда и отдадите. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

— Спасибо вамъ... Ужъ не знаю, какъ и благодарить!—промолвилъ съ большимъ чувствомъ Маккавеевъ. Онъ пожалъ руки дьяка и его дочерей и отправился къ отцу Гурію.

Въ соборномъ дворѣ стояла уже бричка, запряженная парой. Отецъ Гурій красовался на крыльцѣ, въ рясѣ и шляпѣ, и очевидно ждалъ его.

— А вотъ и сродственникъ!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ Маккавеева,—а я думалъ, вы пропали.

— Покупки дѣлалъ,—отвѣтилъ Маккавеевъ,—да еще въ цырульню зашелъ.

— Ага, отлично! Теперь у васъ совсѣмъ другой видъ, совсѣмъ другой!.. Теперь мы васъ дешево не отдадимъ. Ну, давайте закусимъ на дорогу. Марія!—крикнулъ онъ дьяконицѣ, — дай-ка намъ чего нибудь, только соленаго не давай, а то въ такую жару послѣ соленаго прямо хоть помирай отъ жажды.

Дьяконица угостила ихъ вареным мясомъ. Она тоже признала, что теперь Егоръ—кавалеръ вполнѣ, какъ слѣдуетъ.

Часа въ три они сѣли въ бричку и поѣхали.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Графиня М. А. Румянцева.

(1698—1788 г.).

«Монархамъ осмерымъ служила.
Носила знаки ихъ честей».
Державинъ.

ЕТРЪ Великій любилъ сватать своимъ «птенцамъ» и любимцамъ, людямъ, большею частью, худороднымъ и бѣднымъ, богатыхъ и знатныхъ невѣстъ изъ высокихъ хоромъ вельможнаго и спесиваго своей родовитостью московскаго боярства.

Помимо выраженія этимъ путемъ, съ одной стороны, особаго благоволенія къ самимъ любимцамъ, а, съ другой, демонстративнаго презрѣнія къ старому «мѣстничеству» и къ сословно-аристократическимъ прерогативамъ, царь-демократъ дальновидно преслѣдовалъ и болѣе серьезную, болѣе широкую политическую цѣль.

Съ дѣтства встрѣчая столько крамолы въ средѣ московскаго родоваго боярства и позднѣе столько недоброжелательства съ его стороны своимъ новшествамъ и преобразованіямъ, совершеннымъ при сотрудничествѣ главнымъ образомъ **новыхъ**, незнатнаго происхожденія людей, Петръ естественно долженъ былъ желать понизить и ослабить первое и возвысить и усилить послѣднихъ, какъ по личнымъ симпатіямъ, такъ и въ интересѣ своего большаго государственнаго дѣла. Съ этой именно цѣлью, чтобы разомкнуть со-

словную замкнутость боярства и, такъ сказать, разсиропить его застоявшуюся породистую кровь свѣжей худородной, онъ и стремился породнить съ нимъ, при посредствѣ браковъ, своихъ «птенцовъ», выслужившихся изъ ничтожества усерднымъ, преданнымъ и талантливымъ сотрудничествомъ царю въ его гигантской творческой работѣ. Дѣйствовать, въ роли свата, приходилось, конечно, нецеремонно и круто, часто насильственно, но въ выборѣ средствъ великій преобразователь вообще, какъ извѣстно, не стѣснялся.

Когда, послѣ блистательно заключеннаго Ништадтскаго мира, Остерманъ возвратился изъ своей дипломатической миссіи, чрезвычайно довольный имъ Петръ, осыпавъ его всякими милостями и наградами, сказалъ ему какъ-то:

— Теперь ты, вотъ, достигъ высшаго положенія при дворѣ и будешь стоять на немъ, пока я живъ; но, когда я умру, что̀ ты будешь дѣлать безъ опоры, безъ кровной связи съ Россіей? Я тебя хочу оженить и сосватаю тебѣ отличную партію[1])!

И дѣйствительно сосваталъ одну изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ въ то время невѣстъ — Мароу Стрѣшневу, состоявшую въ свойствѣ съ царскимъ родомъ, по бабкѣ, Евдокіи Стрѣшневой, бывшей въ замужествѣ за царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Точно также была сосватана и героиня настоящаго очерка.

Незнатный, мелкопомѣстный кинешемскій дворянинъ, Александръ Ивановичъ Румянцевъ, попавъ смолоду въ преображенскій полкъ, «произшелъ изъ солдатства всѣми нижними чинами», какъ говоритъ о его службѣ Нащокинъ въ своихъ «Запискахъ». Расторопностью и преданностью онъ обратилъ на себя вниманіе Петра, а точнымъ исполненіемъ довольно важныхъ порученій снискалъ вскорѣ и полное его довѣріе. Особенно же прислужился Румянцевъ царю успѣшнымъ розыскомъ за границей, вмѣстѣ съ П. А. Толстымъ, безъ вѣсти скрывшагося было несчастнаго царевича Алексѣя и доставленіемъ его, цѣла и невредима, изъ Неаполя въ Москву. За эту услугу онъ получилъ чинъ майора гвардіи и былъ всячески обласканъ государемъ, но этого ему было мало. По нѣсколько анекдотической біографической версіи Бантышъ-Каменскаго, Румянцевъ, привыкнувъ говорить съ царемъ «искренно, не ломая головы, не картавя, жаловался ему на малое состояніе свое и слышалъ отъ него всегда одно и то же слово: «подожди, пока рука моя развернется, и тогда посыплется на тебя всякое обиліе!»

Наскучивъ ждать, Румянцевъ рѣшился самъ промыслить объ умноженіи своего «малаго состоянія» и нашелъ, будто бы, богатую и знатную невѣсту съ тысячью душъ приданаго, но, будто бы, Петръ разстроилъ эту свадьбу и утѣшилъ обезкураженнаго жениха словами:

[1]) Memoires du prince P. Dolgoroukow, t. I, p. 18.

— Я твой сватъ; положись на меня, я высватаю тебѣ гораздо лучшую, а, чтобъ сего вдаль не откладывать, приходи вечеромъ, и мы поѣдемъ туда, гдѣ ты увидишь, правду ли я говорю.

Въ означенный часъ государь повезъ Румянцева въ домъ графа Андрея Артамоновича Матвѣева, сына знаменитаго временщика при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и воспитателя его второй супруги, царицы Натальи Кирилловны, матери Петра.

— У тебя есть невѣста, а я привезъ ей жениха,—безъ дальнихъ околичностей сказалъ государь вышедшему на встрѣчу хозяину.

Неожиданное предложеніе привело графа въ большое замѣшательство тѣмъ болѣе, что онъ считалъ Румянцева, какъ бѣднаго дворянина, недостойнымъ руки своей дочери. Государь тотчасъ же проникнулъ въ мысль Матвѣева.

— Ты знаешь,—замѣтилъ онъ,—что я его люблю, и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатнѣйшими.

Нечего было дѣлать графу, какъ согласиться на желаніе такого свата: девятнадцатилѣтняя дочь его Марья Андреевна тогда же (1718 г.) объявлена невѣстой Румянцева и вскорѣ соединила съ нимъ судьбу свою.

Вслѣдъ затѣмъ «развернулась» и державная рука щедротами и милостями на Румянцева. Онъ неожиданно на балу, послѣ свадьбы, получилъ чинъ бригадира и нѣсколько деревень, описанныхъ въ казну послѣ только что казненнаго въ то время Кикина.

— Я вѣдь тебѣ говорилъ,—благодушно отвѣтилъ ему Петръ на изъявленіе «со слезами живѣйшей благодарности»,—чтобы ты подождалъ, пока развернется рука моя. Теперь она развернулась.

Такъ разсказана эта исторія у Бантышъ-Каменскаго и въ основѣ, что касается факта сватанья царемъ Матвѣевой за Румянцева, разсказана вѣрно, но есть интимныя обстоятельства и подробности, которыхъ біографъ Румянцева или не зналъ, или, зная, опустилъ.

По страстности и необузданности своей натуры, Петръ увлекался многими женщинами, хотя за всю свою бурную жизнь питалъ прочную и глубокую привязанность къ одной только Екатеринѣ. Это ему, однако-жъ, не мѣшало постоянно измѣнять ей, да и она сама, какъ свидѣтельствуетъ уже дѣло Монса, платила ему, при случаѣ, тѣмъ же.

Въ числѣ предметовъ такого чувственнаго, легкаго и большею частью скоропреходящаго увлеченія «царя-исполина» была въ моментъ описаннаго сватовства и графиня Марья Андреевна Матвѣева, слывшая до замужества дѣвушкой свѣтской, бойкой, очаровательной, любезной и большой вѣтреницей.

Уже много лѣтъ спустя, въ глубокой старости, она сама въ дружеской бесѣдѣ съ графомъ Сегюромъ, авторомъ извѣстныхъ достовѣрныхъ мемуаровъ, откровенно исповѣдывалась, что, когда она была дѣвушкой, Петръ былъ влюбленъ въ нее, и заставляла дога-

дываться, что она не осталась непреклонной передъ его исканіями [1]).

Даже и безъ этого намека не оставалось бы сомнѣнія, что дѣло было именно такъ. Непреклонности своей волѣ, своимъ желаніямъ Петръ не допускалъ и не терпѣлъ ни съ чьей стороны; тѣмъ менѣе, разумѣется, церемонился онъ съ удостоившимися его вниманія особами прекраснаго пола, которыя, къ тому же, вѣроятно, и не думали, за рѣдчайшими развѣ изъятіями, слишкомъ сопротивляться, а напротивъ считали себя чрезвычайно польщенными, отличенными и осчастливленными. Еще менѣе можно допустить, чтобы у такого реалиста, какимъ былъ Петръ, съ его властью, въ его положеніи и при тогдашнихъ далеко не строгихъ нравахъ, влюбленность, хоти бы и минутная, ограничивалась однимъ платоническимъ ухаживаніемъ.

Увлеченіе Петра Марьей Андреевной было, повидимому, одно изъ болѣе сильныхъ и продолжительныхъ, судя потому, что, находясь съ нею уже въ связи, онъ удостоилъ ее ревностью, тогда какъ, вообще, не былъ ревнивъ. Какъ разсказываетъ Карабановъ, приревновалъ онъ ее къ другому на какомъ-то увеселительномъ собраніи въ Екатерингофѣ—и настолько остро, что тутъ же, не говоря худаго слова, «отвелъ ее на чердакъ и собственноручно высѣкъ»... [2]).

Но этого мало. Самое сватовство графини за Румянцева, вслѣдъ затѣмъ случившееся, было устроено Петромъ, будто бы, изъ-за ревности и подъ ея свѣжимъ, горячимъ впечатлѣніемъ. Это утверждаетъ не одинъ Карабановъ. Въ мемуарахъ, напримѣръ, кн. П. Долгорукова, гдѣ эпизодъ этотъ описанъ болѣе обстоятельно и подробно, разсказывается, что Петръ, давно уже ревновавшій графиню и имѣвшій на то основанія, послѣ отеческой экзекуціи, пригрозилъ ей, что выдастъ ее замужъ за человѣка, который будетъ держать ее въ ежовыхъ руковицахъ и не позволитъ имѣть любовниковъ, кромѣ его одного.

Въ исполненіе этой угрозы, государь на другой же день, послѣ екатерингофской сцены, отправился съ Румянцевымъ къ графу Матвѣеву сватать графиню. Съ первыхъ словъ гордый графъ и слышать не хотѣлъ о такомъ худородномъ женихѣ. Тогда августѣйшій сватъ раскрылъ ему глаза на легкомысленное поведеніе его дочери.

— Я ее убью!—закричалъ разгнѣванный и огорченный отецъ.

— Это глупо,—возразилъ Петръ:—никакого нѣтъ резона ее убивать, тѣмъ болѣе, что я уже самъ ее наказалъ; но такъ какъ ты не сумѣлъ уберечь дочь, то я и сватаю ее за Румянцева, который—

---

[1]) ...«elle se plaisait dans ses récits à me faire entendre,—разсказываетъ о ней осторожный и сдержанный Сегюръ,—que Pierre-le-Grande avait été amoureux d'elle et me laissait même douter si elle avait été rébelle à ses voeux» (Mémoires, t. III).

[2]) «Русская Старина», т. IV, стр. 587.

ручаюсь тебѣ—будетъ держать ее въ твердыхъ рукахъ. Правда, онъ не знатенъ, но ты знаешь, что отъ меня зависитъ поднять его до самыхъ высшихъ степеней.

Дальше все произошло такъ, какъ разсказано у Бантышъ-Каменскаго, включительно до «развернувшейся руки», поцарски одарившей молодыхъ милостями и щедротами.

Если все это было такъ, то любопытно: зналъ ли Румянцевъ про интимныя отношенія своей невѣсты съ царемъ-сватомъ и объ истинныхъ поводахъ самаго сватовства, съ сопровождавшими его нѣсколько скандалезными обстоятельствами?

Невозможно допустить, чтобы не зналъ. Романическія похожденія сильныхъ міра сего всегда было очень трудно скрывать, а въ описываемое время и подавно, да тогда и не особенно старались ихъ скрыть.

Хорошо зная все или почти все, Румянцевъ, человѣкъ простой и не щепетильный, поглощенный, какъ видно, себялюбивымъ желаніемъ сдѣлать карьеру и возвеличить свое «малое состояніе» выгодной женитьбой, по всѣмъ вѣроятіямъ, охотно, «не ломая головы и не картавя», далъ себя посватать къ такой знатной, богатой и блестящей невѣстѣ, какою была графиня Марья Андреевна, хотя бы и съ невполнѣ безупречной дѣвичьей репутаціей. То же обстоятельство, что графиня пользовалась фаворомъ государя, что онъ самъ устраивалъ этотъ бракъ, могло, въ глазахъ разсчетливаго и честолюбиваго карьериста, только возвышать выгодность дѣлаемой имъ партіи. Любой царедворецъ, неизмѣримо знатнѣе, виднѣе и прихотливѣе какого нибудь «произшедшаго изъ солдатства», бѣднаго, худороднаго маіора, чрезвычайно обрадовался бы такой партіи и почелъ бы ее за особенное для себя счастье.

Бракъ вышелъ, повидимому, удачнымъ, къ общему удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ сторонъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ свидѣтельствъ противнаго, какъ неизвѣстно—точно ли Румянцевъ взялъ свою молодую жену въ ежевыя рукавицы съ нравоучительной цѣлью, въ оправданіе отеческой заботы царственнаго свата. Нужно предположить, что едва ли: въ неравныхъ бракахъ подобнаго сорта женъ, знающихъ цѣну себѣ и тому, что онѣ принесли своимъ покладистымъ мужьямъ, не такъ-то легко держать въ строгой субординаціи, да и графиня Марья Андреевна, судя по всему, была дама слишкомъ эманципированная, умная и свѣтская для подчиненной, страдательной роли въ своей супружеской жизни. Ктому-жъ, вѣроятно, ни представлялось и особыхъ поводовъ для употребленія ежовыхъ руковицъ.

Съ выходомъ графини замужъ, Петръ не имѣлъ больше причинъ ни ревновать ее, ни жаловаться на ея вѣтреность. Кромѣ мужа, онъ одинъ, какъ выразилъ о томъ желаніе во время екатерингофской сцены, продолжалъ пользоваться ея благосклонностью.

Отъ этой связи, по преданію, родился знаменитый впослѣдствіи фельдмаршалъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ. Графиня родила его вскорѣ послѣ смерти Петра и во время продолжительнаго отсутствія мужа, исполнявшаго важную и трудную дипломатическую миссію въ Константинополѣ и Персіи. Вѣдомо ли было послѣднему про секретный пунктъ условія, въ силу котораго состоялась его женитьба, и что пунктъ этотъ неукоснительно соблюдался,— щекотливый вопросъ этотъ остается открытымъ. Румянцеву, впрочемъ, мудрено было бы слишкомъ ревниво слѣдить за поведеніемъ жены и быть къ ней слишкомъ взыскательнымъ, такъ какъ со времени своей женитьбы по кончину Петра, да и потомъ, онъ бывалъ въ непрерывныхъ долговременныхъ отлучкахъ по царскимъ порученіямъ и служебнымъ дѣламъ. Затѣмъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и порокахъ, человѣкъ онъ былъ добросердечный и незлопамятный; только, случалось, во хмелю впадалъ въ раздражительную сварливость.

Какъ бы тамъ ни было, прожили Румянцевы въ супружествѣ неразрывно слишкомъ тридцать лѣтъ—вплоть до смерти Александра Ивановича въ 1749 г. Совѣтъ и любовь между ними могли поддерживаться, кромѣ взаимныхъ житейскихъ разсчетовъ и привычки, которая часто связываетъ супруговъ крѣпче всякой страсти, еще тѣмъ, что у нихъ много было общаго во взглядахъ и понятіяхъ, въ наклонностяхъ и вкусахъ. Оба они, и по лѣтамъ и по духу, принадлежали къ новому, молодому, прогрессивному поколѣнію петровскаго общества, и, стоя близко къ самому Петру, пользуясь его расположеніемъ и находясь подъ неотразимымъ, мощнымъ вліяніемъ его титанической личности, оба, безъ сомнѣнія, являлись одними изъ наиболѣе искреннихъ, яркихъ и типичныхъ представителей и этого поколѣнія и этой удивительной эпохи. Вотъ почему, сказать мимоходомъ, личность и судьба графини Марьи Андреевны особенно интересны и привлекательны для историка!

Со смертью Петра связь между супругами должна была еще болѣе окрѣпнуть. У нихъ теперь имѣлось общее прошлое, съ одинаково дорогими для обоихъ интересами и симпатіями, воспоминаніями и сожалѣніями. Настоящее и будущее казались смутными и загадочными, а для многихъ «птенцовъ гнѣзда Петрова» и прямо зловѣщими. Ополчалась, ободренная слабостью преемниковъ царя-реформатора, старо-московская партія, враждебная новшествамъ и новымъ людямъ; поднимались сторонники и мстители погибшаго царевича Алексѣя. Въ числѣ первыхъ, на кого, по обыкновенію, должны были обрушиться гоненіе и месть, Румянцевъ навѣрняка могъ считать самого себя, и это опасеніе, особенно съ воцареніемъ Петра II, заставило его, безъ сомнѣнія, пережить много тяжелыхъ, тревожныхъ минутъ. Не меньше должна была перетревожиться въ эти дни и Марья Андреевна не только за мужа и за дѣтей, но и

за свою собственную судьбу. Опалу и гибель мужа неминуе
пришлось бы раздѣлить и ей, по жестокой логикѣ тогдашня
кривосудія.

Все это, конечно, сближало супруговъ, побуждало ихъ дѣйств
вать заодно, въ общемъ интересѣ семьи и дома, искать другъ в
другѣ опоры и поддержки. Этимъ въ значительной долѣ можн
объяснить то, что Румянцевы довольно благополучно пережили с
мое опасное для нихъ, перемѣнчивое и треволненное время, когд
столько людей ихъ среды и въ ихъ положеніи безвозвратно пал
и погибло.

По счастью, Александръ Ивановичъ за это время чаще всег
бывалъ вдали отъ двора—въ служебныхъ командировкахъ, и удач
нымъ, ревностнымъ ихъ исполненіемъ, дѣльностью и опытность
въ государственныхъ дѣлахъ большой важности сумѣлъ заставит
считать себя незамѣнимымъ и необходимымъ. Напротивъ, Марь
Андреевна постоянно вращалась при дворѣ и съ женскимъ искус
ствомъ приспособлялась къ быстро измѣнявшимся кумирамъ и об
стоятельствамъ, ловко лавировала между придворными партіями
поддерживала старыя связи, завязывала новыя, ладила со всѣми и
какимъ-то словно чудомъ дѣйствительно за свою долголѣтнюю
безмятежную жизнь —

«Монархамъ осмерымъ [1]) служила,
Носила знаки ихъ честей»,

какъ хвалебно отозвался о ней Державинъ въ посвященной на смерть ея одѣ.

Легко это сказать — «осмерымъ служила» и у всѣхъ одинаково заслужила «знаки ихъ честей»; но, зная, путемъ какихъ рѣзкихъ переворотовъ совершалась въ минувшемъ столѣтіи смѣна царствованій, нельзя поистинѣ не подивиться удачѣ и дару приспособленія нашей героини! Безспорно, для этого нужно было имѣть много чарующей привлекательности, много ума и такта, тонкаго знанія людей и умѣнья располагать ихъ къ себѣ, внушать имъ довѣріе и быть имъ пріятной.

Румянцева все это имѣла и умѣла.

«Она блистала,—говоритъ Державинъ въ вышеупомянутой одѣ,—

Умомъ, породой, красотой,
И въ старости любовь снискала
У всѣхъ любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружній взоръ, друзей, дѣтей...
. . . .
И зрѣла въ торжествѣ и славѣ
И въ лаврахъ сына своего;

[1]) Петру I, Екатеринѣ I, Петру II, Аннѣ Іоанновнѣ, Іоанну Антоновичу, Елисаветѣ Петровнѣ, Петру III и Екатеринѣ II.

Не измѣнялась въ сердцѣ, нравѣ
Ни для кого, ни для чего,
А доброе и злое купно
Собою испытала все
. . . .
Смерть добродѣтели щадила:
Она жила почти сто лѣтъ,
. . . .
Но именемъ своимъ прекраснымъ
Еще, еще она живетъ!»

Разумѣется, одописецъ, по обыкновенію, наддалъ въ похвалахъ и яркихъ краскахъ, хотя въ настоящемъ случаѣ, повидимому, не имѣлъ особыхъ, личныхъ побужденій растекаться преувеличенной лестью[1]).

Еще менѣе имѣлъ поводовъ льстить памяти Румянцевой Сегюръ въ своихъ мемуарахъ. Онъ ее зналъ въ послѣдніе годы жизни, когда она была уже дряхлой старушкой, и разсказываетъ, что и тогда еще она сохранила полную свѣжесть головы, душевную живость и веселость, юношескую пылкость воображенія и удивительную память. «Ея бесѣда,—говоритъ онъ,—была такъ же плѣнительна и поучительна, какъ хорошо написанная исторія».

За свою долгую жизнь она много видѣла, перебывала за границей и, всегда вращаясь въ высшемъ придворномъ обществѣ, лично знала многихъ своего времени знаменитостей: въ Версалѣ удостоилась чести обѣдать за столомъ Людовика XIV и лицезрѣть не только «короля-солнце», но и спутницу его заката, m-me Ментенонъ; въ Лондонѣ, гдѣ, впрочемъ, весьма неделикатно обошлись съ ея родителемъ[2]), она пользовалась особой благосклонностью королевы Анны; была знакома съ знаменитымъ полководцемъ, герцогомъ Мальборугомъ, и гащивала у него въ лагерѣ... Съ дѣтства она, можно сказать, дышала европейской атмосферой, такъ какъ домъ Матвѣевыхъ, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича гостепріимно открытый для всѣхъ пріѣзжихъ образованныхъ иностранцевъ, былъ средоточіемъ начинавшагося у насъ прогрессивнаго движенія и вос-

---

[1]) Эту оду Державинъ написалъ въ бытность тамбовскимъ губернаторомъ. О смерти Румянцевой ему сообщилъ изъ Петербурга М. Титовъ, переславъ при письмѣ, «яко любителю наукъ, стансы, сочиненные Дараганомъ (?) на кончину покойной графини», и которые «отъ ученыхъ людей признаны изрядными». Кромѣ прямого, ода имѣла еще косвенное нравоучительное значеніе по адресу княгини Дашковой, которая въ то время была крайне огорчена женитьбой сына. Державинъ хотѣлъ поставить княгинѣ въ образецъ благоразуміе покойной Румянцевой, которая среди всякихъ треволненій за свой долгій вѣкъ сохранила душевную ясность и спокойствіе («Соч. Державина», т. I, изд. Я. К. Грота).

[2]) Будучи нашимъ посланникомъ въ Лондонѣ, А. А. Матвѣевъ однажды, по приказу шерифа, былъ схваченъ на улицѣ, среди бѣлаго дня, въ каретѣ, сильно помятъ и посаженъ въ тюрьму изъ-за долга въ пятьдесятъ фунтовъ, но на самомъ дѣлѣ по интригамъ шведскаго посла.

принятія западнаго просвѣщенія, западныхъ понятій, вкусовъ и обычаевъ, включительно до западнаго покроя платья.

Извѣстный Берхгольцъ имѣлъ случай бывать въ московскомъ домѣ Матвѣевыхъ и свидѣтельствуетъ, что даже съ внѣшней стороны онъ былъ обставленъ вполнѣ поевропейски. «Графъ Матвѣевъ и его дочь, Румянцева, водили насъ, — записалъ онъ подъ 18-мъ февраля 1722 г.,—въ свою домовую часовню, которая необыкновенно хороша и богата образами, серебряными вещами и иными украшеніями. Потомъ они провели насъ въ залу, гдѣ должны были танцовать (въ тотъ день у Матвѣева собиралась ассамблея), она также необыкновенно хороша, украшена любопытными картинами и, притомъ, очень велика. Между многими замѣчательными и рѣдкими картинами графъ показывалъ намъ портреты покойной жены своей, которая въ молодости слыла совершенной красавицей, и дочери, г-жи Румянцевой, когда ей было не болѣе двухъ лѣтъ: она изображена почти нагою, но сдѣлана прекрасно. Въ залѣ висѣла превосходная люстра» и т. д.

Еще болѣе восхищенъ былъ наблюдательный нѣмецъ свѣтскостью и любезностью хозяевъ, въ особенности же Марьи Андреевны. «Когда гостей съѣхалось уже довольно, — разсказываетъ онъ далѣе,—г-жа Румянцева пригласила его высочество (герцога Голштинскаго) танцовать съ нею, чѣмъ и начался балъ. Послѣ того герцогъ танцовалъ съ ея сестрою, очень милою дѣвочкою, лѣтъ 12-ти или 13-ти. Въ этотъ вечеръ наши кавалеры и я танцовали очень много, потому что Румянцева, какъ женщина весьма любезная и образованная, выбирала насъ преимущественно передъ другими и всячески отличала».

Заслужить дипломъ на образованность у благодушнаго голштинскаго камеръ-юнкера недорогого, положимъ, стоило; несомнѣнно, однакожъ, что для своего времени Румянцева была одной изъ образованнѣйшихъ русскихъ знатныхъ дамъ петровскаго поколѣнія. Нужно предположить, что она знала иностранные языки, что же касается французскаго, то, безъ сомнѣнія, владѣла имъ въ совершенствѣ. Даже въ русской грамотѣ, какъ увидимъ ниже изъ ея подлиннаго письма, она была довольно сильна, чѣмъ могли бы похвалиться весьма немногія изъ ея сверстницъ и современницъ. Превосходила она многихъ изъ нихъ также свѣтскостью, общительностью и любезностью, которыя, вѣроятно, не разъ сослужили ей и ея мужу большую службу.

И въ этомъ отношеніи супруги Румянцевы сходились характерами: оба они были пріятные и интересные собесѣдники, люди веселонравные, радушные, гостепріимные и оба любили хорошо пожить. Жили они открыто, и въ ихъ хлѣбосольномъ домѣ собиралось все лучшее столичное общество. Время коротилось за нескудной трапезой съ возліяніями, въ бесѣдѣ, часто въ танцахъ, въ которыхъ Марья Андреевна была большая мастерица смолоду, и еще чаще за картами, къ которымъ она стала пристращаться подъ старость, мо-

жеть быть, отчасти подъ вліяніемъ мужа, который, по свидѣтельству Миниха, былъ азартнымъ игрокомъ.

Только однажды, да и то ненадолго, какъ бы мимоходомъ, надъ Румянцевыми разразилась гроза опалы и нарушила ихъ благополучное житіе. Случилось это въ мрачную и грозную эпоху бироновщины. Александру Ивановичу было предложено управленіе государственными финансами—часть совсѣмъ ему незнакомая и сама по себѣ очень трудная, тѣмъ болѣе, что финансы наши въ тѣ времена находились въ разстройствѣ. Онъ имѣлъ мужество отказаться отъ этого лестнаго назначенія и прогнѣвилъ императрицу: его лишили чиновъ, знаковъ отличія и сослали въ собственную казанскую деревню. «Тамъ три года, какъ преступникъ, окруженный солдатами, влачилъ онъ жизнь бѣдственную, не имѣя возможности воспитывать сына — надежду будущихъ дней», — патетически повѣствуетъ біографъ Румянцева, Бантышъ-Каменскій. На самомъ дѣлѣ Александръ Ивановичъ отдѣлался очень счастливо, сравнительно съ другими жертвами бироновской опалы. Въ 1735 г. онъ былъ прощенъ, возстановленъ во всѣхъ правахъ, чинахъ и отличіяхъ и назначенъ казанскимъ губернаторомъ, а черезъ годъ былъ поставленъ на болѣе еще высокій постъ—правителя Малороссіи.

Такой благополучный исходъ опалы въ значительной долѣ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что у Румянцевыхъ въ Петербургѣ среди сильныхъ людей не было недостатка въ старыхъ друзьяхъ, которые ихъ любили, помнили ихъ любезность, ихъ хлѣбъ-соль и «въ минуту жизни трудную» пригодились.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Марья Андреевна сопровождала мужа въ ссылкѣ: прямыхъ указаній на это нѣтъ, но достовѣрно, что она находилась при мужѣ въ Малороссіи, когда онъ получилъ туда назначеніе вслѣдъ за ссылкой и губернаторствомъ въ Казани. Извѣстная Мавра Егоровна Шувалова, въ письмѣ изъ Нѣжина отъ 2-го марта 1738 г. къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ перечисляя, кто, да кто шлетъ ея высочеству поклоны и гостинцы, упоминаетъ и про М. А. Румянцеву. Въ то время, какъ гостинцы другихъ состояли большею частью изъ «фляшекъ свинцовыхъ съ розанвасеромъ турецкимъ» (розовой водой), Марья Андреевна посылала цесаревнѣ «книгу», не обозначено, впрочемъ, какую. «А въ Нѣжинѣ,— продолжаетъ Шувалова,—товары очень дешевы... И я рекомендована Румянцевой одному купцу-греку, чтобъ мнѣ вѣрилъ, и буде что вашему высочеству угодно, то можно чрезъ его очень дешево выписывать» [1]).

Полная обезпеченность положенія, почетъ и благоденствіе наступили для Румянцевыхъ съ воцареніемъ Елисаветы Петровны. Александру Ивановичу были пожалованы, въ воздаяніе за его дипло-

[1]) «Архивъ кн. Воронцова», кн. I, стр. 83.

матическія заслуги, андреевская лента (1741 г.), графское достоинство (1744 г.) и обширныя помѣстья въ Лифляндіи. Марья Андреевна одновременно была сдѣлана статсъ-дамой и пожалована орденскимъ портретомъ императрицы. Пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ Елисаветы Петровны, она стала играть видную и вліятельную роль при дворѣ и до конца съ умѣла удержаться на высотѣ своей позиціи. И здѣсь супруги обнаружили дружную солидарность интересовъ и замѣчательный даръ приспособленія. Въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны образовались двѣ партіи, вступившія между собой въ ожесточенную борьбу изъ-за вліянія и власти. Во главѣ одной стоялъ умный, талантливый и искусный въ интриганствѣ всякаго рода вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, опиравшійся на Разумовскихъ. Другая партія, руководимая Шуваловыми, старалась уронить Бестужева и выдвигала опаснаго для него соперника въ лицѣ Воронцова, опаснаго своей близостью къ государынѣ, благодаря услугамъ, оказаннымъ ей при воцареніи, и женитьбѣ на ея любимой родственницѣ, А. К. Скавронской. Румянцевы примкнули къ послѣдней партіи и не прогадали, какъ показали послѣдствія.

О роли, какую играла въ эту пору графиня Марья Андреевна, о степени ея значенія, о самой ея личности—наиболѣе полное, живое и яркое представленіе мы можемъ составить по «Запискамъ Екатерины II», къ которымъ сейчасъ и обратимся.

Извѣстно, какъ безтактно и малодушно вела себя мать Екатерины въ Москвѣ, куда привезла въ 1744 году свою молоденькую дочь для условленнаго брака ея съ наслѣдникомъ русскаго престола, великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ въ Москву, гдѣ находился тогда дворъ, Екатерина довольно опасно заболѣла. Принцесса цербстская обнаружила такую растерянную взбалмошность по отношенію къ дочери и ея болѣзни, что возстановила противъ себя всѣхъ. Когда Екатерина начала поправляться, императрица, принимавшая въ ней тогда теплое участіе, приставила къ ней графиню Румянцеву и еще нѣсколько русскихъ дамъ. «По всему было видно,—замѣчаетъ по этому поводу Екатерина въ своихъ запискахъ,—что не довѣряли уму моей матушки».

Съ этой поры графиня Марья Андреевна, на умъ и тактъ которой, очевидно, твердо полагались, стала во главѣ женскаго персонала при маленькомъ дворѣ царственной невѣсты и какъ бы воспитательницей ея самой. Екатеринѣ тогда едва исполнилось пятнадцать лѣтъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы молоденькая принцесса питала особое уваженіе и привязанность къ своей воспитательницѣ и опекуншѣ; за то, при случаѣ, умѣла пользоваться ея слабостями и, между прочимъ, болтливостью. «Во время болѣзни,—разсказываетъ она,—я привыкла оставаться съ закрытыми глазами; думая, что я сплю, графиня Румянцева и остальныя женщины разговаривали между собою, нисколько не стѣсняясь, и этимъ путемъ я многое узнала».

Нужно замѣтить, что въ то время въ придворномъ обществѣ, особенно въ женскомъ, были въ большомъ ходу пересуды, наушничество и сплетни, которымъ весьма охотно внимала скучающая и подозрительная Елисавета Петровна. Н. И. Панинъ говорилъ позднѣе, что всѣ окружавшія императрицу дамы были «вѣстовщицами» и болтуньями. Изъ записокъ Екатерины убѣждаемся, что и графиня Марья Андреевна не составляла въ этомъ отношеніи исключенія. Впрочемъ, это могло входить отчасти въ кругъ ея прямыхъ служебныхъ обязанностей. Приставленная къ принцессѣ-невѣстѣ, какъ довѣренное лицо императрицы для надзора и опеки, Румянцева обязана была, безъ сомнѣнія, отдавать подробный отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ.

Графиня съ самаго начала не поладила съ матерью Екатерины. Она «своими пересказами и сплетнями,—замѣчаетъ Екатерина,—вооружала императрицу противъ матушки». Ей не нравилась, между прочимъ, слишкомъ тѣсная дружба принцессы цербстской съ камергеромъ Бецкимъ; но и съ самой Екатериной отношенія ея не налаживались. Въ томъ же 1744 году, лѣтомъ, Елисавета Петровна предприняла путешествіе въ Кіевъ. Туда же отправились великій князь, его невѣста съ матерью и ихъ приближенные. «Мы ѣхали, не торопясь,—разсказываетъ Екатерина,—матушка, я, графиня Румянцева и матушкина камерфрау въ одной каретѣ; великій князь со своими кавалерами въ другой», а въ остальныхъ младшіе чины свиты. Дорогой произошла пересадка такимъ образомъ, что молодежь очутилась вмѣстѣ въ одной каретѣ. «Намъ было очень весело ѣхать,—продолжаетъ Екатерина,—но остальные спутники (и въ ихъ числѣ графиня Румянцева) вооружились противъ этого порядка... потому, что мы ихъ не пускали къ себѣ и веселились всю дорогу, между тѣмъ какъ они ссорились и умирали со скуки». Мелочной фактъ этотъ не доказываетъ, чтобы Марья Андреевна пользовалась у своей воспитанницы большимъ кредитомъ. «Восьмимѣстная карета осталась намъ памятна: Богъ вѣсть, какой оборотъ дали этой забавѣ, въ сущности, совершенно невинной!»—заключаетъ Екатерина описаніе поѣздки въ Кіевъ, разумѣя подъ «невинной забавой» соединеніе молодежи въ одномъ экипажѣ. Вину такого злорѣчиваго «оборота» она вмѣняетъ частью графинѣ Румянцевой и при этомъ подчеркиваетъ, что та «въ долгу не осталась».

Есть въ «Запискахъ» и болѣе серьезныя обвиненія нашей героини.

Какъ извѣстно, одной изъ причинъ постоянно возроставшаго неудовольствія императрицы Елисаветы противъ Екатерины, когда та вышла уже замужъ и стала великой княгиней, были неоплаченные долги послѣдней. Въ происхожденіи и накопленіи этихъ долговъ Екатерина въ значительной части обвиняетъ Румянцеву.

Графиня Марья Андреевна точно грѣшила большой расточительностью. У нея была какая-то пассія, нерѣдко встрѣчающаяся

въ свѣтскихъ женщинахъ, дѣлать зря покупки по части гардероба и разнаго галантерейнаго хлама, совершенно безразсчетливо соря на это деньги. Мы уже видѣли изъ письма М. Е. Шуваловой, что у какихъ-то купцовъ-грековъ она настолько пріобрѣла лестное довѣріе, что по ея рекомендаціи они охотно открывали кредитъ. «Графиня Румянцева,—пишетъ Екатерина,—мотала больше всѣхъ въ Россіи и постоянно возилась съ купцами. Ежедневно она приносила мнѣ (дѣло происходило въ Кіевѣ) всякую всячину и совѣтовала купить. Часто я брала только для того, чтобы подарить ей, потому что ей очень этого хотѣлось». Такимъ образомъ,—говоритъ она уже позднѣе,—«Румянцева вовлекла меня во множество издержекъ, которыя она называла неизбѣжными». Не соглашаться на эти издержки, особенно, когда навязываемая покупка нравилась самой графинѣ, Екатерина считала невозможнымъ, «такъ какъ мнѣ сказали,—поясняетъ она,—что въ Россіи любятъ подарки, и что щедростью задабриваются люди, и пріобрѣтаются друзья».

Изъ дальнѣйшаго разсказа не видно, однако, чтобы это средство оправдывалось на графинѣ Румянцевой: отъ подарковъ она не отказывалась, но плохо ими задабривалась и особенной дружбы не обнаруживала. Напротивъ, съ ея стороны Екатерина постоянно встрѣчала недоброжелательство и придирчивую подозрительность строгой дуэньи, которыя распространялись и на всѣхъ пріобрѣвшихъ ея расположеніе лицъ. Такъ, любимыя фрейлины Екатерины, съ которыми она дѣлила игры и забавы, «страшно боялись, по ея словамъ, графини Румянцевой». Надзоръ и опека графини были для всѣхъ тяжелы и непріятны, но «такъ какъ она съ утра до вечера играла въ карты въ передней комнатѣ либо у себя и вставала изъ-за карточнаго стола только въ экстренномъ случаѣ, то мы,—замѣчаетъ Екатерина,—почти не видали ея». Среди такихъ «веселостей» молоденькая принцесса вздумала какъ-то распредѣлить служебныя обязанности между своими фрейлинами. Это очень не понравилось старой фрейлинѣ, «глупой и ворчливой» нѣмкѣ, мамзель Шенкъ, которая дотолѣ одна завѣдывала гардеробомъ, драгоцѣнностями и деньгами великой княгини. Съ досады она бросилась къ графинѣ съ доносами и кляузами, а та, не разобравъ хорошенько дѣла, довела ихъ до свѣдѣнія императрицы, и изъ этого вышла цѣлая исторія, крайне обидная и непріятная для Екатерины, а, главное, совершенно для нея неожиданная, такъ какъ каверза подготовлялась съ коварствомъ, исподтишка.

На другой день послѣ описаннаго распоряженія, Екатерина, ничего не зная и не подозрѣвая, была въ придворномъ театрѣ, гдѣ находились императрица и весь дворъ. «Послѣ комедіи,—разсказываетъ она,—явилась ко мнѣ въ комнату графиня Румянцева и объявила, что императрица недовольна тѣмъ, что я роздала мои вещи подъ присмотръ моимъ женщинамъ, и приказала отобрать у Жуко-

вой ключи отъ моихъ брилліантовъ и возвратить ихъ мамзель Шенкъ. Графиня тутъ же, въ моемъ присутствіи, исполнила это приказаніе и затѣмъ ушла. У насъ съ Жуковой вытянулись лица, а Шенкъ торжествовала»...

Неудивительно послѣ этого, что Екатерина нисколько не огорчилась, когда Румянцева была отъ нея устранена. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ это случилось вскорѣ послѣ бракосочетанія принцессы цербстской съ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. «На третій день послѣ нашей свадьбы,—разсказываетъ Екатерина,—графиня Румянцева увѣдомила меня, что императрица отставила ее отъ меня, и что она переѣзжаетъ въ свой домъ, къ мужу и дѣтямъ. Я не очень сожалѣла о ней, потому что чрезъ нее выходило много сплетенъ». Домъ Румянцевыхъ, сказать кстати, находился тогда въ Измайловскомъ полку, какъ узнаемъ изъ тѣхъ же «Записокъ». Екатерина упоминаетъ, что получила въ этомъ домѣ, т. е., вѣроятно, въ находившемся при немъ манежѣ, «первый урокъ верховой ѣзды», учиться которой испросила ей разрѣшеніе у императрицы графиня Румянцева—единственное удовольствіе, какимъ была обязана она своей строгой дуэньѣ. По крайней мѣрѣ, въ «Запискахъ» о другихъ не упоминается.

Отставка графини Марьи Андреевны не была, конечно, знакомъ немилости со стороны императрицы, — просто, надо полагать, съ замужествомъ великой княгини было признано, что она не будетъ болѣе нуждаться въ прежней слишкомъ суровой и взыскательной менторской опекѣ. Такъ можно заключить изъ того, что, когда впослѣдствіи ожиданія эти на взглядъ императрицы не оправдались, и поведеніе молодой великой княгини стало все болѣе раздражать ее и возбуждать ея подозрительность, то возникла было мысль опять приставить къ Екатеринѣ Румянцеву съ прежними полномочіями не то воспитательницы, не то гофмейстерины, а проще сказать — надзирательницы. Значитъ, на нее въ этомъ дѣлѣ полагались особенно—болѣе, чѣмъ на кого другого.

Случилось это въ 1754 г., т. е., спустя почти восемь лѣтъ послѣ свадьбы великой княгини. «Мнѣ сказали,—записываетъ Екатерина, разсказавъ про испытанныя ею въ то время непріятности и притѣсненія,—что императрица хочетъ снова опредѣлить ко мнѣ графиню Румянцеву. Я знала,—продолжаетъ она,—что женщина эта была заклятымъ врагомъ С. Салтыкова, терпѣть не могла княжну Гагарину (любимая фрейлина Екатерины) и очень повредила моей матушкѣ въ мнѣніи императрицы. Когда мнѣ сказали, что ее снова приставятъ ко мнѣ, я потеряла всякое терпѣніе, принялась горько плакать и объявила графу Александру Шувалову, что назначеніе этой женщины я почту великимъ для себя несчастьемъ, что она нѣкогда очернила мою матушку въ глазахъ императрицы, что теперь она то же самое сдѣлаетъ со мною, что, когда она жила съ нами,

ее боялись, какъ чумы, и что если онъ не найдетъ средствъ предотвратить это назначеніе, то многіе отъ того станутъ несчастными. Шуваловъ боялся огорчать меня въ моемъ положеніи (Екатерина была беременна), ушелъ къ императрицѣ и, возвратясь, сказалъ мнѣ, что, можетъ быть, назначеніе графини Румянцевой не состоится. Дѣйствительно, не было больше о томъ рѣчи...».

Такъ несимпатично обрисована графиня Марья Андреевна перомъ, сколько мѣткимъ, столько же въ данномъ случаѣ и безпристрастнымъ! Мы не видимъ психологическаго противорѣчія между этой характеристикой и портретомъ графини, набросаннымъ другими перьями, которыя изображаютъ ее такой изящной, любезной, милой и плѣнительной женщиной даже въ преклонной старости. Передъ нами только двѣ стороны одной и той же медали—лицевая и оборотная, положительная и отрицательная. Можно быть любезнымъ, милымъ съ одними людьми и грубымъ, непріятнымъ съ другими; можно плѣнять изящнымъ благородствомъ, умомъ и тонкимъ тактомъ въ салонѣ и одновременно отталкивать пошлостью, суетностью и низостью у себя дома. Такая двойственность въ характерахъ очень многихъ дурно воспитанныхъ людей особенно часто встрѣчается въ историческихъ персонажахъ прошлаго столѣтія, даже несомнѣнно крупныхъ и достославныхъ, что̀, конечно, нисколько не убавляетъ нашего къ нимъ интереса.

Что касается собственно отношеній Румянцевой къ Екатеринѣ, когда та была еще невѣстой наслѣдника русскаго престола, то ихъ жесткость и безсердечность въ значительной долѣ должны объясняться самой исключительностью положенія. Бойкая, умная, смѣлая и шаловливая ангальтъ-цербстская принцесса съ перваго же знакомства возбудила недовѣріе къ себѣ со стороны мнительной и своенравной Елисаветы Петровны. Къ ней хотѣли поближе присмотрѣться, узнать ея характеръ, пристально слѣдить за каждымъ ея шагомъ и подчинить все ея поведеніе строгому порядку и руководству, сообразно желаніямъ и видамъ императрицы. Довѣренное лицо, которому поручалась эта трудная, отвѣтственная и щекотливая миссія, безъ сомнѣнія, обязано было въ точности исполнить все то, чего отъ него ждали и требовали. Такова была служебная роль, взятая на себя графиней Марьей Андреевной, и легко быть можетъ, что въ этой роли менторши и надзирательницы она являлась не похожей на самое себя, какою была по натурѣ.

Замѣчательно и характеристично, что Екатерина, писавшая свои «Записки» много времени спустя послѣ описанныхъ въ нихъ фактовъ, когда уже стала всемогущей императрицей, не попомнила лихомъ графинѣ Румянцевой всѣхъ тѣхъ непріятностей и притѣсненій, которыя испытала отъ нея въ юности. Впрочемъ, она такъ же великодушно относилась почти ко всѣмъ своимъ прежнимъ, въ трудные для нея годы, знатнымъ недоброжелателямъ и врагамъ:

она, какъ замѣтилъ одинъ историкъ, мстила имъ поцарски—милостями и внѣшними знаками благоволенія. Кромѣ великодушія и разсчета, въ этой мести не было недостатка и въ глубокомъ презрѣніи...

Въ царствованіе Екатерины графиня Марья Андреевна, сохранивъ при дворѣ свое прежнее почетное положеніе, была повышена въ санъ гофмейстерины (въ 1776 г.) и награждена екатериненской звѣздой. Послѣдняя награда была ей пожалована по случаю празднованія мира съ Турціей, въ войнѣ съ которой ея сынъ, тогда уже фельдмаршалъ, прославился, какъ знаменитый полководецъ. Безъ сомнѣнія, заслугамъ сына графиня въ значительной степени была обязана благоволеніемъ къ ней императрицы. Цѣнили и чтили въ ней также одну изъ старѣйшихъ придворныхъ дамъ, современницу великаго Петра, пользовавшуюся его особой благосклонностью.

«Въ Екатерининъ день (24-го ноября 1781 г.),—писалъ Пикаръ князю Куракину,—старая графиня Румянцева, танцовавшая когда-то съ Петромъ I, удостоилась протанцовать польскій съ однимъ изъ правнуковъ его, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ». Дѣло происходило въ Зимнемъ дворцѣ въ именины императрицы.

Въ томъ же году нѣсколько ранѣе и также во дворцѣ, въ присутствіи Екатерины, справлялась блестящая свадьба красавицы-фрейлины А. В. Энгельгардтъ, племянницы князя Потемкина, съ графомъ К. П. Браницкимъ. И здѣсь графиня Марья Андреевна играла почетнѣйшую роль. Она была посаженой матерью жениха.

Уже этими случаями вполнѣ опредѣляется то видное и счастливое положеніе, какое занимала графиня при екатерининскомъ дворѣ, сохранивъ его за собой до конца жизни. Даже лично, помимо оффиціальныхъ отношеній, Екатерина, не помня зла, оказывала графинѣ особое вниманіе и иногда въ очень милостивой формѣ. Такъ, посылала ей, напримѣръ, въ подарокъ дорогую парчу, какъ записалъ о томъ Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ».

Какъ мы уже знаемъ, Румянцева пережила своего мужа почти на сорокъ лѣтъ. Она осталась съ четырьмя дѣтьми и была также очень ими счастлива. Сынъ обезсмертилъ себя и достигъ величайшихъ почестей при жизни. Дочери сдѣлали прекрасныя партіи. Старшая, Прасковья Александровна, вышла замужъ за графа Якова Брюса, средняя Екатерина Александровна—за Н. М. Леонтьева, а младшая, Дарья Александровна, была замужемъ два раза: за графомъ Вальдштейномъ и, овдовѣвъ, за княземъ Г. Н. Трубецкимъ. Графиня Прасковья Александровна пользовалась одно время большой милостью Екатерины и находилась въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ императрицѣ молодыхъ дамъ, но имѣла неосторожность возбудить ея ревность и должна была удалиться отъ двора.

Овдовѣвъ, Румянцева, какъ видно, продолжала жить попрежнему широко, открыто и расточительно, судя потому, что, не смотря на

большое состояніе[1]), часто нуждалась въ деньгахъ до того, что закладывала серебро и брилліанты, и входила въ неоплатные долги. Впрочемъ, это было общее почти правило для вельможной и роскошной русской знати второй половины прошлаго вѣка. Ненапрасно Фонвизинъ въ своей «Придворной грамматикѣ» сказалъ, что «какъ при дворѣ, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ: для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ быть должнымъ», и на вопросъ: «Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?»— отвѣтилъ: «Весьма рѣдко, ибо никто долговъ своихъ не платитъ».

О денежныхъ и кредитныхъ затрудненіяхъ графини М. А. Румянцевой сохранилось любопытное письмо, относящееся къ 1755 г., когда графинѣ было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ (письмо это обязательно доставлено редакціи «Историческаго Вѣстника» извѣстнымъ собирателемъ гравюръ и автографовъ П. Я. Дашковымъ и печатается здѣсь въ первый разъ).

«Всемилостивѣйшая государыня!—обращается графиня къ императрицѣ Елисаветѣ.— Я, бѣдная, не смѣла вашему императорскому величеству скучать своими горестьми, но вижу, что часъ отъ часу уже слаба, и въ горестяхъ никакой себѣ отрады—иной помощи не имѣю, ибо время приходитъ мнѣ бѣдную свою дочь выдавать, которая уже два года сговорена, а ежели при себѣ не выдамъ, то горькая безпомощно останется; я искала в банке денегъ занять, но хто за бѣдную, безпомощную вдову поручится, а нынѣ сроки, въ первыхъ числахъ февраля приходитъ выкупить серебро, такъ же за то серебро, которое утрачено въ посольствѣ покойнаго мужа моего, вмѣсто того дочерни браліянты заложила, а в казну вашего величества серебро возвратила. О, всемилостивѣйшая государыня, боюсь, чтобъ бѣдный умъ не помѣшался, ибо слаба, и токмо ваше императорское величество можетъ мнѣ, бѣдной, жизнь дать, и чтобъ я маловременную мою жизнь в покое окончала; того ради, принела бѣдная, дерзновеннѣ припадъ к стопамъ вашего величества, просить милосердіи, дабы для выкупу закладовъ и для дочерней свадбы пожаловать взаймы двадцать тысячъ на десять лѣтъ; а я съ сыномъ должны на всякой годъ в казну платить по двѣ тысячи; помилуй, всемилостивѣйшая государыня, дабы мнѣ в такой горести душею не погибнуть и в разореніи не прійтить,— проценты велики, а уже болѣе переписывать не хотятъ. Вашему величеству извѣстно, что покойный мужъ мой служилъ вѣрно дражайшему родителю и вашему величеству безсребренникомъ (?), а я, бѣдная, кромѣ Бога и вашего величества, ни на кого не надѣюсь и ничего не имѣю, хтобъ мнѣ

[1]) Состояніе Румянцевыхъ слагалось изъ богатѣйшаго приданаго Марьи Андреевны и обширныхъ имѣній, пожалованныхъ ея мужу въ Лифляндіи и Малороссіи. У нихъ были великолѣпные, барскіе дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Кромѣ безрасчетной расточительности графини, состояніе ея должно было нѣсколько разстроиться при выдѣлѣ приданаго тремъ дочерямъ.

вгорестяхъ подалъ руку помощи; совсѣмъ съ тѣмъ боюсь, чтобъ бѣдною моею прозбою вашего императорскаго величества не прогнѣвать; но, милостивая государыня, крайная моя необходимая горесть хтому привела, да хтому же сердешные горести — не знаю, какъ Богъ меня, бѣдную, еще милосердіемъ своимъ хранитъ; можетъ быть, для бѣдной моей сироты.

«Генваря 21 дня, 1755 году.

«Вашего императорскаго величества поскудная раба

«Г. М. Румянцева».

Неизвѣстно — была ли удовлетворена просьба графини, но по тону письма можно судить, что она, дѣйствительно, находилась въ большомъ затрудненіи. Кредитъ былъ истощенъ, денегъ не даютъ, и никто за «бѣдную» не хочетъ поручиться, проценты по старымъ долгамъ «велики» и обязательствъ по нимъ «не хотятъ больше переписывать», серебро и бриллiанты заложены, а дочкѣ нужно снаряжать приданое... Немудрено было впасть въ «горести» и опасенія, чтобъ «бѣдный умъ не помѣшался».

О какихъ, затѣмъ, «сердечныхъ горестяхъ», независимо отъ денежныхъ, идетъ рѣчь въ письмѣ — неизвѣстно. Можетъ быть, это пущено въ расчетѣ сильнѣе разжалобить, какъ и трагическіе намеки на вдовью безпомощность, на «слабость», на хрупкость печальной «маловременной жизни»... Письмо во всякомъ случаѣ весьма характеристичное. Изъ него, между прочимъ, видно, что у графини съ сыномъ, тогда уже женатымъ, были еще нераздѣльныя имущественныя дѣла. Они сообща платили проценты, вѣроятно, по залогу имѣній, и сообща, надо полагать, разстраивали семейный бюджетъ. Знаменитый «Задунайскій» родился по этому пункту въ мать: смолоду онъ былъ большимъ мотомъ, волокитой и шалуномъ. За то впослѣдствіи, когда онъ прославился своими побѣдами и былъ награжденъ Екатериной съ необычайной щедростью, безъ сомнѣнія, не оставлялъ утѣшать старушку мать въ ея денежныхъ «горестяхъ».

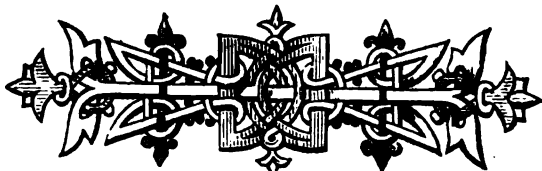
Въ общемъ, графиня М. А. Румянцева была не только одной изъ замѣчательныхъ, но и одной изъ счастливѣйшихъ, по своей судьбѣ, русскихъ свѣтскихъ женщинъ бурнаго, тревожнаго, безправнаго и изломаннаго XVIII вѣка. Замѣчательна и счастлива она была уже тѣмъ, что родила и воспитала одного изъ величайшихъ русскихъ государственныхъ людей и полководцевъ. Она не должна быть забыта исторіей.

Графиня Марья Андреевна умерла въ Петербургѣ, въ маѣ 1788 года, на девяностомъ году жизни. Смерть ея произвела на тогдашнее общество впечатлѣніе, какъ можно заключить уже изъ того, что по этому случаю слагались оды — и не однимъ Державинымъ.

Пѣвецъ «Фелицы» чутко угадывалъ силу этого впечатлѣні когда взывалъ въ своей одѣ:

«Воззри на оный кипарисъ,
Который на брегу высокомъ
На Невскія струи нависъ
И мрачной тѣни подъ покровомъ
Во дремлющихъ своихъ вѣтвяхъ
Сокрылъ недавно въ гробѣ новомъ
Румянцевой почтенный прахъ!»

Вл. Михневичъ.

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ.

(Соціологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ преддверіи «Новаго Свѣта».

I.

УРНЫЯ волны шумной жизни громаднаго города, точно море, невѣдомое и необозримое, подхватили меня и понесли по главнымъ теченіямъ, по широкимъ и пышнымъ улицамъ. Этотъ глухой ревъ, этотъ нестройный гулъ, смѣшанный съ крикомъ, свистомъ, гикомъ и множествомъ разнообразнѣйшихъ звуковъ, еле уловимыхъ и едва постижимыхъ, невольно ошеломляли и подавляли меня. Гулъ и гамъ Петербурга, Вѣны и Берлина, вмѣстѣ взятые въ самый разгаръ дневного движенія и со всѣми ихъ особенностями, не даютъ еще достаточнаго представленія о грандіозности, оглушительности и оригинальности движенія Нью-Іорка.

Представьте себѣ небольшой лопатообразный островокъ по правую сторону устья рѣки Гудзона, узкой, еле замѣтной водяной полоской рѣчки Гарлемъ отдѣленный отъ материка по направленію отъ сѣверо-востока къ сѣверо-западу и набитый тремя милліонами самаго неугомоннаго народа въ мірѣ, вѣчно куда-то бѣгущаго, день и ночь чего-то ищущаго и во всякое время неимовѣрно кричащаго.

За рѣчкой Гарлемъ лежитъ относительно небольшая и сравнительн малонаселенная часть этого перваго по населенію, торговлѣ и зн ченію города Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Дѣл ніе города необычайно просто. Всѣ улицы, идущія вдоль его, то-ес параллельно теченію рѣки Гудзона, именуются avenue (эвеню), всѣ ж улицы, идущія поперекъ его, то-есть перпендикулярно теченію Гу, зона, именуются street (стритъ). Довольно правильная клѣтка, обр зуемая взаимно пересѣкающимися эвеню и стритъ, подвергну простой ариѳметической нумераціи: особой, конечно, въ длину, то-ест для эвеню, и особой въ ширину, то-есть для стритъ, такъ чт найти требующійся эвеню, либо стритъ, чрезвычайно легко. Лиш главная улица Broadvay (Бродвай), начинаясь почти у самой око нечности островка и идя первоначально вверхъ, то-есть къ сѣвер прямой линіей приблизительно по срединѣ его, въ третьей част протяженія своего, вблизи Union Square (Юніонъ скверъ), сворачи ваетъ влѣво и идетъ далѣе все западнѣе и западнѣе, приближаяс постепенно къ берегу рѣки Гудзона. Шестой эвеню, начинаяс приблизительно на восьмой части протяженія города отъ оконеч ности острова, вблизи Washington Square (Вашингтонъ скверъ), раз дѣляетъ его на двѣ стороны: west (уестъ) и east (истъ), то-есть за падъ и востокъ. Каждая изъ этихъ двухъ сторонъ имѣетъ свою особую нумерацію, такъ что получается уже по двѣ улицы того же числоваго наименованія: восточная и западная.

Массивные желѣзные мосты, то равняясь съ третьими этажами домовъ, то возносясь надъ восьми-этажными громадинами, идутъ вдоль главныхъ эвеню города. Тамъ высоко надъ головами, а то и надъ всѣмъ городомъ, съ изумительной быстротой несутся поѣзда городской желѣзной дороги, обдавая здѣсь внизу бѣгущихъ, ѣдущихъ, копошащихся и суетящихся людей клубами дыма и пара. Подъ мостами этими мчатся въ одиночку особые желѣзнодорожные вагоны, приводимые въ движеніе посредствомъ особаго механизма безъ помощи пара, либо электричества. Безчисленное множество конно-желѣзныхъ дорогъ перерѣзываетъ всѣ сколько нибудь значительныя улицы города. Свистъ, шипѣніе и пыхтѣніе паровозовъ тамъ вверху; шумное, вѣтроподобное движеніе воздушныхъ волнъ, безпрестанно гонимыхъ безпрестанно несущимися надъ городомъ желѣзнодорожными поѣздами, глухоударяющееся о стѣны домовъ и приводящее въ страшнѣйшій дребезгъ всѣ окна; безпрерывные звонки механическихъ и конныхъ желѣзныхъ дорогъ; звонки и раздирательно-оглушительные вопли всевозможныхъ продавцевъ; стукъ и грохотъ всевозможныхъ ломовыхъ телѣгъ огромнѣйшихъ размѣровъ; гиканье, крикъ и свистъ дѣтей, толпами играющихъ на улицахъ и пользующихся здѣсь неограниченной свободой публичнаго озорства до зажиганія костровъ, производящихъ пожары, включительно; речитативно-завывательныя выкрикиванья разносчиковъ газетъ, звонъ ко-

кололовъ, подъ вечеръ несущійся со множества церквей, — все это сливается въ непривычный для европейскаго уха и довольно дикій концертъ, о которомъ не можетъ дать должнаго показанія сутолока большихъ европейскихъ городовъ.

Кареты, экипажи и кабріолеты стоятъ лишь у скверовъ, парковъ и отелей, для немногихъ избранныхъ, все же это грандіозное движеніе трехмилліоннаго города происходитъ по паровымъ желѣзнымъ дорогамъ надъ городомъ, механическимъ желѣзнымъ дорогамъ по городу и дорогамъ конножелѣзнымъ.

Центромъ торговли и движенія всякаго рода является квадратъ, образуемый шестымъ и третьимъ эвеню съ запада и востока и четырнадцатымъ и двадцать-третьимъ стритъ съ юга и сѣвера. Съ двухъ до шести часовъ по полудни, кромѣ дней дождливыхъ и особо ненастныхъ, квадратъ этотъ, заключающій въ срединѣ самую важную часть Бродвая, обращается положительно въ какой-то торговопрогулочный адъ.

Мнѣ довелось попасть въ этотъ «самобытный» американскій круговоротъ тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Нью-Іоркъ, именно въ это горячее время дня и притомъ незадолго до наступленія праздниковъ Рождества Христова. Здѣсь широко распространенъ обычай въ праздникъ этотъ одарять родныхъ и знакомыхъ. Окна магазиновъ буквально завалены выставкой рождественскихъ подарковъ всевозможныхъ родовъ и видовъ. Въ этомъ районѣ имѣется не мало магазиновъ, занимающихъ цѣлый огромный домъ въ нѣсколько этажей: каждый этажъ представляетъ отдѣленіе товаровъ опредѣленнаго рода, и изъ одного этажа въ другой подымаетесь вы на комфортабельной подъемной машинѣ. Весь Нью-Іоркъ въ главнѣйшихъ пунктахъ освѣщенъ электричествомъ, изъ газоваго же освѣщенія, по преимуществу разноцвѣтнаго, устроены здѣсь всевозможныя монструозныя вывѣски и объявленія. Увеселительныя мѣста, театры, торговыя фирмы, редакціи газетъ и журналовъ, страховыя общества, банкирскія конторы и т. д. на фасадахъ и другихъ видныхъ мѣстахъ своихъ зданій и помѣщеній имѣютъ довольно живописныя, разноцвѣтныя, газовыя надписи, представляющія названіе, гербы и этикеты учрежденія, наименованіе новой пьесы, либо новаго актера, обозначеніе цѣны за нумеръ газеты, либо журнала, объявленіе цѣны на сегодняшнее представленіе и т. д. Надписи послѣдняго рода нерѣдко измѣняются какъ въ сущности своей, такъ и въ цвѣтѣ огней, ихъ составляющихъ. Что зданія и улицы въ центральной части города залиты буквально моремъ электрическихъ огней, объ этомъ, конечно, и говорить нечего. Теперь, предъ праздниками, устроено множество совершенно новыхъ, либо добавочныхъ, вывѣсокъ и объявленій, до послѣдней возможности бьющихъ въ глаза и невольно привлекающихъ вниманіе каждаго. Въ особенности пышно и блестяще сдѣланъ былъ изъ разноцвѣтныхъ газовыхъ рожковъ надъ главнымъ

входомъ одного изъ огромныхъ магазиновъ по шестому звеню а
риканскій національный флагъ, т. е. флагъ Сѣверо-Американскі
Соединенныхъ Штатовъ. Наиболѣе, однако, оригинальную рекла
устроили себѣ продавцы гимнастическихъ приборовъ. Съ полу
и до вечера и подъ сильнѣйшимъ электрическимъ освѣщеніемъ
вечера до поздней ночи нанятые гимнасты и гимнастки въ огр
ныхъ зеркальныхъ окнахъ вторыхъ и третьихъ этажей этой центра
ной части города, облеченные въ трико, продѣлываютъ всевозмс
ныя гимнастическія упражненія, привлекающія множество зрител
и въ особенности зрительницъ.

Вообще американцы—большіе мастеры и оригиналы по части об
явленій и рекламъ всевозможнаго рода. На дверяхъ, стѣнахъ, зас
рахъ и т. д. наклеены на каждомъ шагу громаднѣйшія и разноцвѣ
нѣйшія объявленія, бьющія въ глаза не только своей грандіозностью
но и самымъ невозможнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Если на объявл
ніи «Franco-American Soup» дѣвочка-поваренокъ, въ бѣлыхъ ко
пакѣ и передникѣ, съ огромной кастрюлей въ рукахъ, ростомъ св
имъ далеко превосходитъ самаго браваго русскаго гвардейца, то а
то уже одна голова какой-то старухи-актрисы въ чепцѣ и очкахъ
съ тупо-ханжескимъ лицомъ, чисто англійскимъ выраженіемъ лица
размѣрами своими превосходитъ большую входную дверь театра
Среди всѣхъ этихъ пестрыхъ объявленій, ансамблемъ своимъ затме
вающихъ самое причудливое опереніе самаго рѣдкаго попугая, вы
даются объявленія театральныя. На нихъ изображены неизмѣнн
самыя важныя сцены различныхъ пьесъ, сцены обыкновенно дикія
нерѣдко психологически и даже физически невозможныя, соотвѣт
ствующія дикому содержанію американскаго репертуара.

Всѣ эти разноцвѣтныя свѣтовыя объявленія, всѣ эти бумажно-красочныя рекламы, всѣ эти пестрыя выставки, утопая въ морѣ синесеребристаго электрическаго огня, являются прекрасной декораціей для этого грандіознаго движенія трехмилліоннаго города въ самомъ его центрѣ, въ самое горячее время дня и притомъ въ самый горячій періодъ года, передъ наступленіемъ рождественскихъ праздниковъ.

И я носился по волнамъ этого движенія, носился какъ-то пассивно, автоматически, точно загипнотизированный. Я впалъ въ какое-то необычайное душевное состояніе, которому самъ удивлялся. И въ этомъ оглушительномъ и дикомъ хаосѣ свѣта и цвѣтовъ, гула и звуковъ, явственно слышались мнѣ вдругъ столь знакомые и дорогіе звуки русской рѣчи. И чѣмъ болѣе и болѣе угнетенное душевное состояніе мной овладѣвало, тѣмъ воспоминанія болѣе и болѣе далекія всплывали изъ глубины души моей и давно забытыми тѣнями медлительно скользили по моему усыпленному мозгу. Впечатлѣнія ранняго дѣтства встали вдругъ передъ умственными очами моими во всей своей свѣжести и неизъяснимой прелести. И вотъ

:вятые звуки родной малорусской рѣчи, прилетѣвъ сюда, чину заморскаго хаоса, откуда-то издалека, своими нѣж-звучими трелями, подобно дальнему вечернему благовѣсту, нѣли въ ушахъ моихъ... Но вдругъ эти дивные звуки род-внезапно оборвались. Вотъ они снова зазвенѣли чуть-чуть ι переливами и медленно, какъ бы нехотя, расплылись въ ьномъ свистѣ американскаго локомотива. Эти отрывистые, своеобразно-шепелявые звуки англійскаго языка, быстро угъ друга, стали снова терзать мои уши. Я жадно вслу-ъ этотъ шумный говоръ разыгравшихся волнъ взбаламу-оря житейскаго, чтобы уловить въ немъ хотя одно рус-о, чтобы выслѣдить въ немъ хоть одинъ славянскій звукъ. я хорошо зналъ, что здѣсь, въ Нью-Іоркѣ, какъ и во всей имѣется не мало славянства, мнѣ не довелось услышать ни ва, ни этого звука. Я увидѣлъ и понялъ, что подвергся акустическому обману, который всталъ передо мной во всей льности.

пришлось спеціально розыскивать Русь среди этого трех-аго города, и я вскорѣ нашелъ ее, нашелъ въ трехъ осо-новидностяхъ, каковы: Русь россійская, Русь галицкая и рская.

II.

горомъ эвеню, между восемнадцатой и двадцать-третьей надъ наружной входной дверью одного узенькаго четырехъ- дома темной окраски, ничѣмъ не отличающагося отъ по-же сосѣднихъ домовъ и такъ же, какъ и всѣ прочіе дома, съ ивающагося, ибо какихъ либо проходовъ или промежутковъ мами здѣсь не дѣлается, виднѣется большой мѣдный крестъ. менуетъ, что здѣсь помѣщается русская православная цер- послѣдняго времени въ Нью-Іоркѣ вовсе не было право- церкви, хотя отдѣленіе русской православной миссіи въ ти Соединенныхъ Штатовъ существуетъ уже восемь лѣтъ [1]). злѣ прошлаго года открыта здѣсь эта крохотная, домовая православная церковь. По высокой наружной лѣстницѣ зно-красноватаго булыжника подымаетесь вы къ этой вход-ри и входите въ довольно узкую, продолговатую переднюю мъ изъ сѣровато-бѣлаго мрамора. Такая же довольно ши-ѣстница, устланная ковровой подстилкой, ведетъ наверхъ въ

[1]) ществовала было здѣсь ранѣе русская домовая церковь, посѣщавшаяся ельно православными сербами изъ Австріи, но она въ 1882 году была за-съ того времени и до послѣдняго на всемъ громадномъ пространствѣ ериканскаго материка не было ни одной православной церкви.

третій и четвертый этажики, гдѣ помѣщаются квартиры двухъ священниковъ и т. д., а тотчасъ направо отъ входа и основанія лѣстницы представляется широкая, раздвижная, двухстворчатая дверь Чрезъ нее входите вы въ длинную и не особенно широкую комнату которая вмѣстѣ съ прилегающей къ ней передней составляетъ второй этажъ этого узенькаго дома, такъ называемую здѣсь parlooi room, т. е. гостиную, съ крашеннымъ деревяннымъ поломъ и большимъ мраморнымъ каминомъ. Задняя, меньшая половина этой комнаты отдѣлена высокой рѣзной деревянной перегородкой отъ передней и нѣсколько повышена сравнительно съ этой послѣдней, такъ что изъ второй въ первую ведутъ три низенькихъ ступеньки. Внутри этой меньшей половины болѣе тонкая и изящная подковообразная рѣзная же перегородка, нѣсколько пониже первой, отдѣляетъ въ свою очередь самую глубину комнаты, непосредственно прилегающую къ задней стѣнѣ. Эта полукруглая внутренняя часть меньшей половины комнаты представляетъ алтарь нью-іоркскаго русскаго православнаго храма. Тонкой и изящной рѣзьбы царскія врата задергиваются прекраснымъ пологомъ краснаго атласа. На лѣвой ихъ сторонѣ изображенъ архангелъ Гавріилъ съ пальмовой вѣтвью въ рукѣ, а на правой—Богоматерь, съ слегка наклоненной главой и смиреніемъ въ божественномъ ликѣ принимающая отъ него благую вѣсть о рожденіи отъ нея Сына Божія. По правую руку отъ царскихъ вратъ находится, по обыкновенію, изображеніе Спасителя, а по лѣвую Богоматери. Всѣ четыре образа исполнены довольно художественно. Въ высокой, прямолинейной перегородкѣ, отдѣляющей меньшую, алтарную часть храма отъ бóльшей, предназначенной для вѣрующихъ, сдѣланъ промежутокъ настолько широкій, что эта алтарная часть видна изнутри храма вся до малѣйшихъ подробностей, а потому какъ правая, такъ и лѣвая стороны этой перегородки сравнительно настолько узки, что исчезаютъ въ значительной степени подъ двумя не особенно широкими голубыми хоругвями. Эти нѣжноголубыя хоругви довольно порядочной живописи, украшенныя золотыми звѣздами, разбросанными по ихъ голубому полю, представляютъ созданный на извѣстномъ отдаленіи и при неравномъ освѣщеніи, а потому не только не рѣзкій, но даже пріятный для глаза, контрастъ съ краснымъ пологомъ царскихъ вратъ. Два высокихъ, узенькихъ столика съ иконами, помѣщенныхъ по обѣ стороны этого широкаго прохода въ алтарную часть церкви и ведущихъ къ нему ступенекъ, и широкій, низкій, покрытый парчей столъ, помѣщающійся у лѣвой стѣны церкви тотчасъ почти при входѣ и предназначенный для продажи свѣчъ и т. п., составляютъ все убранство этой части храма, отведенной молящимся.

Пробродивъ нѣсколько часовъ по широкимъ улицамъ, полнымъ ослѣпительнаго свѣта, оглушительнаго гула, невообразимаго стука и грохота, нестерпимаго гама, крика и воя, вошелъ я въ этотъ

крохотный, домовый православный храмъ. Алтарная его часть была достаточно освѣщена, часть для вѣрующихъ погружена почти въ полный мракъ. Человѣкъ съ пятнадцать молящихся стояли у камина и за каминомъ, у самыхъ оконъ. Лишь какой-то старичокъ, маленькаго роста, въ черной шинели съ мѣховымъ воротникомъ, типъ отставного русскаго чиновника, выслужившаго полную пенсію и пребывающаго на покоѣ, возсѣдалъ на стулѣ впереди камина. Онъ вставалъ лишь во время важныхъ молитвословій и пѣснопѣній, а все остальное время сидѣлъ на своемъ стулѣ, откинувшись на его спину и высоко задравъ голову; онъ глядѣлъ въ потолокъ храма, что говорило далеко не въ пользу его молитвеннаго настроенія. Когда онъ вставалъ, то дѣлалъ это какъ-то оффиціально, точно по командѣ, и точно также садился снова. Очевидно, это былъ вѣрующій привиллегированный, ибо онъ одинъ только пользовался стуломъ изъ всѣхъ молящихся какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Я вглядѣлся исподтишка въ типы этихъ молящихся. Тѣ же безцвѣтныя, сѣренькія, маловыразительныя лица, какія встрѣчаешь ежедневно тысячами на улицахъ всякаго большого города. Лишь впереди этой небольшой кучки стоялъ рослый мужчина съ рѣзко выраженнымъ малорусскимъ типомъ, большими, выразительными карими глазами, длинными, темнорусыми усами. Онъ былъ погруженъ въ молитвословія и пѣснопѣнія служившейся вечерни и представлялъ совершенную противоположность возсѣдавшему на стулѣ старичку, отъ котораго вѣяло той религіозно-обрядовой казенщиной, которою разные привиллегированные россіяне такъ компрометирують наше русское православіе. Маленькій хоръ, совсѣмъ почти скрытый отъ глазъ міряиъ по правую сторону алтарной части храма, запѣлъ: «Слава въ вышнихъ Богу!». Нѣкоторые стали на колѣни. Старичокъ продолжалъ сидѣть на стулѣ, вперивъ очи въ верхушку иконостаса, но вдругъ спохватился, вскочилъ и вытянулся во весь свой маленькій ростъ, отряхиваясь и оправляясь.

Знакомые переливы столь величаваго славословія медлительно разносились вокругъ. Здѣсь, за безпредѣльнымъ голубымъ океаномъ, на другомъ полушаріи земли, на неизмѣримомъ разстояніи отъ Руси и славянства, раздается славянская молитва, разносится славянское пѣснопѣніе! Едва вѣря ушамъ своимъ, стоялъ я растроганный и подавленный. И вспоминалась мнѣ моя далекая отчизна, встала предо мной колыбель моего народа. Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Кіевщина, Волынь, Подолія, Херсонщина грустными туманными призраками проносились предъ умственными очами моими. Видѣніемъ, полнымъ скорби и печали, мелькнула предо мной Галиція. Изъ какого-то глубокаго сумрака выплылъ вдругъ облитый солнечнымъ сіяніемъ этотъ пышный гербъ Червонной Руси: желтый раззолоченный левъ на голубомъ щитѣ, увѣнчанномъ блестящей золотой короной. За нимъ промелькнулъ внезапно такой же самый

желтый левъ Британніи на красномъ флагѣ, выкинутомъ на грандіозной пароходной пристани въ Ливерпулѣ при отплытіи нашего океанскаго парохода, провожавшій насъ до тѣхъ поръ, пока «Этрурія» не вышла въ море. И какая-то невыразимая грусть, безмѣрно удручающая и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльно восторженная, овладѣла всѣмъ существомъ моимъ. Замигали вѣки, серебристымъ инеемъ подернулись глаза, огни церковные какими-то огненными языками запрыгали и закрутились предо мной, а фигуры молящихся, среди полумрака, окутанныя матово-пепельными струями дыма кадильнаго, наполнявшаго маленькую церковь, глядѣли какими-то привидѣніями... Между тѣмъ, вечерня уже окончилась, и я поспѣшилъ выйти изъ церкви, устремляясь туда, подальше, на окраины города, въ объятія темной морозной ночи, такъ напоминавшей мнѣ предрождественскія ночи моей далекой родины. Образы, давно забытые, облики, давно утраченные, вставали предо мной одинъ за другимъ, точно выплывая изъ тьмы ночной, которая здѣсь, за предѣлами владычества газа и электричества, казалась столь страшной и столь неприглядной, между тѣмъ какъ усиливавшійся къ полуночи морозъ сталъ пробирать меня все сильнѣе и сильнѣе, заставляя вспомнить о моей теплой комнаткѣ въ нѣмецкомъ бордингаузѣ въ самой оживленной части города.

III.

Русь россійская представляетъ здѣсь каплю въ морѣ въ буквальномъ смыслѣ слова, ибо составляетъ ничтожную горсточку человѣкъ около 150-ти среди трехмилліоннаго города. Все это по преимуществу православные бѣлоруссы изъ Минской и смежныхъ губерній: портные, кузнецы и сапожники по ремеслу, среди которыхъ портные составляютъ, однако, значительное большинство. Этотъ крохотный православный русскій приходъ въ Нью-Іоркѣ, наименьшій изъ всѣхъ приходовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ этомъ городѣ, въ подражаніе церковно-народнымъ организаціямъ галицкихъ и угорскихъ русиновъ въ Америкѣ, учредилъ при своей церкви православное братство. Членами его являются исключительно мужчины-работники какъ семейные, такъ и одинокіе. Въ случаѣ болѣзни братчика, выдается ему пособіе въ видѣ еженедѣльнаго содержанія въ размѣрѣ 5 долларовъ въ недѣлю, или 20 долларовъ въ мѣсяцъ, но не болѣе, однако, какъ втеченіе шести мѣсяцевъ, въ случаѣ же смерти братчика погребеніе его устроивается на счетъ братства. Случайная встрѣча моя съ однимъ изъ братчиковъ достаточно характеризуетъ типъ рабочаго, составляющаго крохотный православный русскій приходъ въ Нью-Іоркѣ.

Я отправился въ русское консульство для засвидѣтельствованія подлинности подписи моей на документѣ, подлежащемъ отправленію

въ Россію. Русское генеральное консульство въ Нью-Іоркѣ, находится на State street, въ самомъ почти южномъ концѣ города, вблизи нью-іоркской бухты и помѣщается въ третьемъ этажѣ огромнаго угловаго дома, сплошь почти занятаго всевозможными консульствами и торговыми агентурами различныхъ государствъ. На довольно порядочной подъемной машинѣ подымаетесь вы въ третій этажъ и высаживаетесь въ довольно тѣсныхъ сѣняхъ, сразу обнаруживающихъ оригинальное устройство дома: онъ идетъ правильнымъ, замкнутымъ четырехугольникомъ, среди котораго остается столь же правильное четырехугольное пустое пространство, геометрически безукоризненный воздушный кубъ, на днѣ котораго виднѣется тамъ внизу четырехугольный, конечно, внутренній дворъ, чистотой своей совершенно не соотвѣтствующій ни названію улицы, ибо таковая именуется, какъ мы упомянули уже, State street, т. е. государственной улицей, ни предназначенію самаго дома, удостоеннаго высокой чести вмѣщать въ себѣ мѣстныхъ представителей всѣхъ иностранныхъ государствъ. Изъ сѣней этихъ, заканчивающихъ лицевое крыло дома со стороны State Street, вступаете вы въ совершенно почти темный корридоръ, входящій уже въ составъ лѣваго боковаго крыла его, и здѣсь на матóвомъ стеклѣ первой двери (съ лѣвой стороны) читаете: «Consulate of Brazil», а на такомъ же точно стеклѣ второй двери: «Generale Consulate of Russia». Вопреки нашимъ русскимъ представленіямъ о «правительственномъ учрежденіи» и «присутственномъ мѣстѣ», за дверью этой оказывается всего одна лишь довольно просторная, но низкая комната, передняя часть которой, прилегающая къ входу, лакированной деревянной перегородкой отдѣлена отъ задней значительно большей, подобно тому, какъ раздѣляются подобными же перегородками у насъ въ Россіи камеры мировыхъ судей, пріемныя комнаты разныхъ палатъ и т. п. Въ лѣвомъ углу и у стѣны задней присутственной части этого русскаго генеральнаго консульства виднѣются два довольно объемистыхъ письменныхъ бюро, за которыми возсѣдаютъ два консульскихъ чиновника. Согбенная поза, сосредоточенное выраженіе и удрученный видъ сидящаго за бюро прямо противъ двери обнаруживаютъ, что это самый маленькій человѣкъ, чернорабочая сила консульства. Болѣе бодрый видъ и непринужденныя манеры возсѣдающаго за бюро въ лѣвомъ углу доказываютъ, что это уже нѣчто постарше, чиновникъ въ собственномъ смыслѣ, а не канцелярскій служитель. Вся правая сторона за перегородкой совершенно закрыта огромнымъ шкапомъ и большими китайскими ширмами, подобными тѣмъ, какими закрываются камины въ гостиныхъ и будуарахъ. Глухой голосъ человѣка совсѣмъ пожилого, отъ времени до времени изъ-за этихъ шкапа и ширмъ исходящій, на который немедленно подымаются либо отзываются двое возсѣдающихъ за своими бюро, обнаруживаетъ для приходящихъ, что за ширмами сокрытъ отъ глазъ человѣческихъ самъ русскій

генеральный консулъ. Пока я, въ ожиданіи засвидѣтельствованія моего документа, шагалъ взадъ и впередъ по маленькой пріемной части комнаты русскаго консульства, какой-то мужчина, темный шатенъ огромнаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, съ коротковатой темно-русой бородой, котораго я засталъ уже здѣсь, въ консульствѣ, неподвижно стоялъ у перегородки на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ-то безнадежно вперивъ свои задумчивые каріе глаза въ лѣвое бюро за перегородкой. Чиновникъ, за симъ послѣднимъ возсѣдавшій, какъ слѣдовало заключить по плохому пониманію русскаго языка и глупо-плутовскому выраженію безцвѣтнаго лица, американецъ, неоднократно обращался къ стоявшему со словами: «good bye!» (прощайте), но тотъ упорно не уходилъ, продолжая стоять на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ. Когда я, получивъ свой засвидѣтельствованный документъ, вышелъ изъ консульства, неизвѣстный вышелъ вслѣдъ за мной и, догнавъ меня въ сѣняхъ, гдѣ я долженъ былъ ожидать прибытія сверху подъемной машины, не очень развязно, но и безъ всякаго замѣшательства, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Господинъ, у васъ очень образованное лицо; посовѣтуйте мнѣ въ моемъ дѣлѣ!» Само собою разумѣется, что я тотчасъ выразилъ готовность служить моему соотечественнику, чѣмъ только могу. Оказалось, что этотъ послѣдній уроженецъ Минской губерніи, четыре года тому назадъ переселившійся въ Америку. Онъ—хорошій кузнецъ, работаетъ на хорошей фабрикѣ въ Нью-Іоркѣ и хорошо заработываетъ. Недавно ѣздилъ онъ на родину, гдѣ оставалась у него жена, но засталъ её въ такомъ положеніи, что вынужденъ нынѣ искать развода. Ему хотѣлось бы, чтобы это дѣло о разводѣ велось здѣсь, въ Америкѣ, а не въ Минской губерніи, и объ этомъ именно посовѣтоваться пришелъ онъ сюда, въ русское консульство, но не смогъ ничего добиться отъ этихъ консульскихъ чиновниковъ. Втеченіе объясненій нашихъ мы успѣли уже спуститься внизъ, выйти на улицу и пройти изрядный кусочекъ по направленію къ Бродваю.

— Такъ какъ же скажете, господинъ, что мнѣ дѣлать?—спросилъ мой собесѣдникъ, когда я остановился у рѣшетки какого-то безвкуснаго и аляповатаго американскаго памятника, представляющаго старика въ сюртукѣ, сидящаго на стулѣ.

— Видите ли, любезный, дѣла о разводѣ ведутся, по уставу духовныхъ консисторій, въ мѣстѣ жительства супруговъ, ибо предполагается, что супруги живутъ обязательно совмѣстно и въ одномъ мѣстѣ, случаи же проживательства супруговъ въ разныхъ мѣстахъ, а тѣмъ болѣе въ различныхъ государствахъ, уставомъ симъ вовсе не предусмотрѣны. Конечно, наши консисторіи должны руководствоваться въ подобныхъ случаяхъ общими соображеніями и началами, въ уставѣ находящимися. Во всякомъ случаѣ вы являетесь стороной, возбуждающей дѣло, и имѣете право требовать, чтобы оно ве-

лось по мѣсту вашего жительства. Обратитесь съ прошеніемъ по этому предмету къ нашему преосвященному; выждите наилучше, пока онъ пріѣдетъ изъ Санъ-Франциско сюда, въ Нью-Іоркъ, изложите все дѣло ему лично и просите его о заведеніи дѣла въ аляскинскомъ духовномъ правленіи. Можно надѣяться, что ходатайство ваше будетъ уважено; и дѣло будетъ заведено здѣсь и здѣсь закончится, но все-таки все слѣдствіе будетъ вестись тамъ, на мѣстѣ, и вамъ придется все-таки выставить своего повѣреннаго для исполненіе нѣкоторыхъ обрядностей и формальностей. Для этой надобности не нужно брать непремѣнно адвоката, а можете возложить все это на какого либо родственника или хорошаго знакомаго.

Собесѣдникъ мой совершенно просіялъ, сталъ благодарить меня за сдѣланныя разъясненія и на прощаніе сильно пожалъ мнѣ руку. Хотя пишущій эти строки самъ представляетъ изъ себя здороваго и сильно сложеннаго мужчину, тѣмъ не менѣе онъ почувствовалъ въ должной мѣрѣ сердечное и признательное рукопожатіе этого русско-американскаго кузнеца.Русско-американскій рабочій этотъ успѣлъ уже сбросить съ себя тотъ обликъ робости и приниженности, какой носитъ на себѣ нашъ рабочій въ Россіи, но онъ далеко не доросъ еще до той развязности, нахальства и самоувѣренности, какими отличается рабочій американскій. Этотъ промежуточный, такъ сказать, типъ рабочаго и есть общій типъ горсточки работниковъ, представляющей собой Русь россійскую въ Нью-Іоркѣ.

Несмотря, однако, на всю свою крохотность, Русь россійская въ этомъ городѣ нажила уже себѣ свои верхи, составившіеся изъ какихъ нибудь полутора десятка людей болѣе или менѣе интеллигентныхъ. По христіанскому братолюбію удѣлимъ здѣсь каждому изъ нихъ по нѣскольку словъ, называя ихъ, конечно, иксами, игреками и зетами.

Почетный гражданинъ X., около 37 лѣтъ. Служилъ не такъ давно еще, не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, въ черноморскомъ обществѣ пароходства и торговли, служилъ прилично и спокойно. Но соблазнительная перспектива быстраго полученія крупнаго торговаго барыша не давала ему спать. Какъ-то прослышалъ онъ, что въ Америкѣ идетъ по высокимъ цѣнамъ такъ называемый солодковый корень, изъ котораго дѣлается локрица. X. оставилъ службу, получилъ безплатно или же нанялъ очень дешево участокъ казенной земли гдѣ-то тамъ вблизи Баку, засадилъ его солодковымъ корнемъ и, снявъ хорошій урожай, отплылъ съ нимъ въ Америку прошлымъ лѣтомъ. Конечно, онъ запросилъ предварительно о цѣнахъ на свой товаръ русскаго генеральнаго консула въ Нью-Іоркѣ, и изъ-за шелковыхъ китайскихъ ширмъ нашего консульства вышелъ весьма благопріятный для него отвѣтъ: цѣны на корень показаны были въ немъ такія, что X. предстояло заработать что-то около 700% чистаго барыша. Приплывъ въ Нью-Іоркъ, онъ пер-

вымъ дѣломъ отправился, конечно, въ русское генеральное консульство и попросилъ консула отрекомендовать ему наиболѣе солидную фирму для продажи своего товара. Фирма была отрекомендована, и товаръ проданъ по цѣнѣ, хотя и значительно низшей отъ показанной въ консульскомъ отвѣтѣ, но все-таки еще достаточно высокой и весьма выгодной. По мѣстнымъ торговымъ обычаямъ и порядкамъ уплачено было чекомъ съ погашеніемъ таковаго наличными деньгами черезъ двѣ недѣли. Но, видно, не подъ счастливой звѣздой родился солодковый корень г. X. Въ теченіе помянутыхъ двухъ недѣль фирма объявила себя банкротомъ, предварительно переведя, конечно, всю свою наличность на чужое имя. Нашъ бѣдный соотечественникъ бросился натурально въ свое русское консульство и предъ консуломъ, порекомендовавшимъ ему фирму эту, какъ наилучшую и наисолиднѣйшую, излилъ скорбь души своей.— «А мнѣ-то до этого какое дѣло?» — раздался жесткій возгласъ за шелковыми китайскими ширмами. И вотъ съ чекомъ въ карманѣ, но безъ всякихъ средствъ, безъ знанія англійскаго языка, безъ знакомства съ мѣстными условіями, безъ всякой, наконецъ, поддержки, остался злополучный X. на нью-іоркской улицѣ. Онъ перебивается кое-какъ изо дня въ день и болѣе или менѣе мужественно тянетъ свое горькое существованіе, питаясь надеждой, что настояніе разныхъ крупныхъ фирмъ, принадлежащихъ къ числу «сильныхъ міра сего», передъ судомъ о признаніи сей, очевидно, фиктивной передачи таковой, увѣнчается успѣхомъ, и тогда вмѣстѣ съ милліонерами, имѣющими, за уничтоженіемъ фиктивнаго перевода наличности, получить сотни тысячъ долларовъ, получитъ и онъ свою, сравнительно, ничтожную толику, составляющую все его достояніе.

«Волна волну нагоняетъ, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится»,— позволяемъ мы себѣ видоизмѣнить извѣстную русскую пословицу, примѣняясь къ новымъ обстоятельствамъ, когда Русь стало уже перебрасывать черезъ океанъ. Такимъ образомъ и г. X. встрѣтился съ г. Y., уже около четырехъ лѣтъ пребывающимъ здѣсь, въ Нью-Іоркѣ. Господинъ Y., русскій дворянинъ, также служилъ когда-то въ черноморскомъ обществѣ пароходства и торговли, служилъ отлично, былъ на отличномъ счету, исполнялъ капитанскія обязанности и былъ уже близокъ къ полученію въ свое завѣдываніе одного изъ крупныхъ пароходовъ общества, какъ вдругъ случилось одно небольшое происшествіе, совершенно видоизмѣнившее судьбу г. Y. Какъ-то зашелъ къ нему на пароходъ инспекторъ судоходства и принялъ на себя совершенно неожиданно роль распорядительную. Господинъ Y., какъ капитанъ, не допустилъ вмѣшательства въ свою компетенцію. Ему предложено было извиниться, но онъ отказался и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Вскорѣ послѣ этого очутился онъ въ Нью-Іоркѣ.

Во время всемірной выставки въ Чикаго г. Y. корреспондиро-

валъ въ «Недѣлю», потомъ хватался за разныя профессіи и нынѣ, занимая маленькое мѣстечко въ администраціи газеты «New-York Herald», выговорилъ себѣ нѣкоторое участіе въ петербургскомъ журналѣ «Новое Слово» переводами американскихъ разсказчиковъ. Г. Y.—оригиналъ во многихъ отношеніяхъ. Какъ, будучи капитаномъ на Черномъ морѣ, онъ спалъ всегда гдѣ-то на вышкѣ, оставляя свою капитанскую каюту пустой и предоставляя ее отъ времени до времени бѣднякамъ, не бывшимъ въ состояніи уплатить провозную плату,—такъ нынѣ, имѣя квартирку изъ двухъ комнатъ и обладая хотя весьма скромной, но все-таки приличной обстановкой, совершенно достаточной для надлежащаго омеблированія его маленькаго помѣщенія, г. Y. живетъ все-таки среди невообразимаго хаоса опрокинутыхъ стульевъ, разбросанныхъ книгъ, наваленной бумаги, нагроможденныхъ окурковъ и стеариновыхъ огарковъ и, имѣя весьма порядочную постель, спитъ на стульяхъ среди комнаты, укрывшись пальто и согнувшись въ три погибели.

Г. Z.— 62-хъ лѣтъ. Это—старикъ небольшаго роста, съ маленькой бородкой, съ испытующе проницательными, немножко не пріятными сѣрыми глазками. Онъ достался въ наслѣдіе Америкѣ при покупкѣ ею у Россіи Аляски, отправился затѣмъ въ Англію и, занимаясь торговлей въ Ливерпулѣ, принялъ тамъ мусульманство. Возвратясь засимъ въ Америку, онъ сталъ весьма ревностно проповѣдывать исламъ въ Нью-Іоркѣ: по американскимъ обычаямъ читалъ лекціи о религіи Магомета въ разныхъ нанятыхъ залахъ и вслѣдъ за лекціями совершалъ богослуженіе, причемъ въ промежуткахъ между лекціей и богослуженіемъ выходилъ на балконъ или взбирался на крышу дома и, соединяя такимъ образомъ званія муллы и муэззина, сзывалъ немногочисленныхъ здѣсь правовѣрныхъ на молитву. Заунывные и протяжные возгласы съ крыши огромнаго дома, совершенно непривычные для американскаго уха, собирали толпы зѣвакъ, праздношатаевъ и просто любопытныхъ, и на какой нибудь десятокъ дѣйствительныхъ мусульманъ въ залу наваливала сотня любителей даровыхъ зрѣлищъ. Америка, какъ извѣстно, есть free country (свободная страна), и г. Z. въ его своеобразномъ проповѣдничествѣ никто положительно не мѣшалъ, но въ концѣ концовъ онъ самъ умаялся, уходился и бросилъ свои богослуженія. Будучи уже старикомъ, потерявшимъ силы и нисколько не обезпеченнымъ, г. Z, полагая, что манифестъ нынѣ царствующаго государя отъ 14-го ноября 1894 года распространяется и на учиненное имъ около 20-ти лѣтъ тому назадъ въ Англіи отступленіе отъ православія въ мусульманство, тотчасъ послѣ присяги новому царю въ русскомъ консульствѣ, обратился къ консулу съ вопросомъ: можетъ ли онъ уже нынѣ возвратиться въ Россію? Русскій генеральный консулъ, не оборачиваясь даже къ просителю, отвѣтилъ ему, что, если хочетъ попасть прямо въ тюрьму, то можетъ

Господинъ X., бывшій кавалерійскій офицеръ, немного мистикъ. Человѣкъ относительно еще молодой, слегка рыжеватый, довольно пріятной наружности. Во-первыхъ, бѣдствуетъ, и, во-вторыхъ, играетъ неизмѣнно въ русскихъ спектакляхъ, устроиваемыхъ нью-іоркской русско-еврейской колоніей въ разныхъ театрахъ города. Играетъ спеціально роли папашъ, старыхъ мужей и т. п. и таковыя исполняетъ весьма порядочно, даже, можно сказать, хорошо.

Господинъ Y.— малороссъ огромнаго роста, обладающій грандіознымъ басомъ. Во время оно принадлежалъ къ составу небезызвѣстнаго русскаго хора Славянскаго, съ которымъ и прибылъ сюда, въ Америку, для артистическаго tournée. Какъ и почему остался здѣсь по выѣздѣ хора въ Европу, исторія умалчиваетъ. Былъ ли это внутренній «домашній споръ славянъ между собою» на почвѣ свободной и весьма еще дикой Америки, или же какой либо смѣтливый и предпріимчивый янки, плѣнившись басомъ тогда еще совсѣмъ молодаго хориста, постарался задержать его въ Новомъ Свѣтѣ,— это остается невыясненнымъ. Нынѣ г. Y. служитъ въ англійской американской опереткѣ, съ которой періодически объѣзжаетъ восточные штаты. Несмотря на двадцатилѣтнее почти пребываніе въ Америкѣ, басъ его сохранился во всей силѣ и неприкосновенности.

Господинъ Z., еще малымъ ребенкомъ вывезенный изъ Россіи около 30-ти лѣтъ тому назадъ и уже плохо говорящій порусски. Г. Z., носитъ фамилію одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей и является внукомъ либо внучатнымъ племянникомъ послѣдняго. Онъ — художникъ по профессіи. Живя въ самомъ бойкомъ торговомъ мѣстѣ Нью-Іорка, г. Z. работаетъ иллюстраціи для различныхъ нью-іоркскихъ изданій. Такъ какъ всѣ вообще американскія изданія, не только ежемѣсячныя и еженедѣльныя, но даже ежедневныя, снабжены множествомъ иллюстрацій, не говоря уже о такъ называемыхъ спеціально иллюстрированныхъ изданіяхъ, то г. Z. сынъ русскаго чиновника въ Польшѣ, пошедшаго въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ русской правительственной политики въ краѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и посему покинувшаго отечество, нынѣ, проживъ около 30-ти лѣтъ въ Нью-Іоркѣ, имѣетъ всегда много хорошо оплачиваемой работы.

Госпожа X., дама огромнаго роста и атлетическаго сложенія, уже свыше 25-ти лѣтъ проживающая въ Нью-Іоркѣ. Она даетъ уроки исторіи и языка въ зажиточныхъ англоамериканскихъ семействахъ, перевела извѣстную книгу Леруа-Болье: «l'Empire des Tzars», на англійскій языкъ, снабдивъ переводъ этотъ своими довольно легковѣсными примѣчаніями, и наконецъ читаетъ періодически публичныя лекціи по русской исторіи. Лекціи эти, какъ и всякія лекціи въ Америкѣ, являются предметомъ частной антрепризы какого-то малопритязательнаго янки и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вни-

манія. Первой ихъ достопримѣчательностью представляется возрость слушателей. Въ то время, какъ сама лекторша имѣетъ около 60-ти лѣтъ, слушать ее являются старики и старухи, минимальный возрость которыхъ выражается весьма почтенной цифрой 60. И этимъ сѣдовласымъ младенцамъ читаетъ госпожа X. начатки русской исторіи Беллярминова и Илловайскаго въ вольномъ переводѣ на англійскій языкъ. Старички «въ глубокой думѣ» слушаютъ, какъ Ольга умертвила великое множество древлянъ въ отмщеніе за убійство своего мужа, какъ были убиты Аскольдъ и Диръ, какъ евреи уговаривали Владимира Святого принять ихъ вѣру и т. п. Спокойное и монотонное чтеніе элементовъ русской исторіи убаюкиваетъ старцевъ, и они довольно охотно являются на лекціи г-жи X. Во всякомъ случаѣ однако г-жа X. довольно образованная и весьма почтенная дама, къ которой охотно зайдетъ каждый, разъ у нея побывавшій, чего совершенно нельзя сказать о многихъ другихъ изъ описываемой русской интеллигенціи Нью-Іорка.

Г-жа Y., вдова ирландца-корреспондента, носитъ натурально уже не русскую, а англоирландскую фамилію. Пожелала ли г-жа Y. подражать мужу или же почувствовала въ себѣ дѣйствительное литературное призваніе, но только она стала вдругъ корреспондировать въ русскія изданія. Дѣло пошло на столько успѣшно, что современемъ г-жа Y. стала постояннымъ американскимъ корреспондентомъ нѣсколькихъ изъ «солиднѣйшихъ» столичныхъ изданій. Успѣхъ этотъ объясняется, однако, къ сожалѣнію, совершеннымъ незнакомствомъ нашей печати вообще и столичной въ частности съ американской жизнью и американскими порядками. Жизни этой г-жа Y. не знаетъ и изученіемъ таковой себя отнюдь не утруждаетъ, а, сидя въ своей комнатѣ, въ тиши своего рабочаго уголка, составляетъ свои корреспонденціи въ «солидные» петербургскіе журналы по англо-американскимъ газетамъ и журнальчикамъ. Между тѣмъ американская пресса вся сплошь либо узко-партійна, либо прямо продажна. Многія крупныя явленія государственно-общественной жизни она умышленно замалчиваетъ, другія также умышленно всячески старается исказить, третьи наконецъ осыпаетъ ложью и клеветой. Естественно, что въ американскихъ корреспонденціяхъ г-жи Y. въ петербургскіе журналы и газеты отражается вполнѣ ихъ первоисточникъ. Эти органы независимой, т. е. безцензурной, русской печати приняли на себя такимъ образомъ предъ русскимъ обществомъ тяжкій грѣхъ фальшиваго, а подчасъ и смѣхотворнаго изображенія американской жизни. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что одинъ изъ «солиднѣйшихъ» петербургскихъ журналовъ, именуемый иногда «профессорскимъ», въ послѣднее время отказался уже отъ корреспонденцій Y. и замѣнилъ ихъ, хотя и заставляющими желать многаго лучшаго, но все-таки гораздо болѣе содержательными и добросовѣстными корреспонденціями съ другаго конца Соединенныхъ Шта-

товъ, изъ Санъ-Франциско, нѣкоего лица, именующаго себя «простымъ рабочимъ». Поставляя въ Петербургъ болѣе или менѣе механическія компиляціи выдержекъ изъ англо-американскихъ газетъ и журнальчиковъ, г-жа Y. въ то же время пристроилась въ Нью-Іоркѣ къ газетѣ «Sun», которая печатаетъ на своихъ столбцахъ дословные ея переводы русскихъ книгъ и журнальныхъ статей, г-жей Y. выдаваемыхъ за свои оригинальныя произведенія. Въ послѣднее время подверглись такому подстрочному переводу въ «Sun»'ѣ небезызвѣстныя въ русской литературѣ книги: Пругавина — «Проявленія умственной жизни русскаго народа въ расколѣ» и Кривенки — «На распутьи».

Князь X., представительный молодой человѣкъ, потомокъ и членъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ и знатнѣйшихъ русскихъ княжескихъ родовъ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ проживаетъ въ Нью-Іоркѣ. Что привело его сюда, никто не знаетъ, а занимается онъ здѣсь дѣлами довольно темными въ родѣ нижеслѣдующаго. Въ одинъ прекрасный день является нашъ русскій князь къ закладчику, у котораго имѣется, конечно, во всякое время для продажи не малое количество просроченныхъ, перепросроченныхъ и предназначенныхъ къ продажѣ драгоцѣнныхъ вещей, и предлагаетъ этому закладчику нижеслѣдующій планъ. Они выберутъ изъ этихъ вещей самыя лучшія и наиболѣе элегантныя, достойныя быть наименованными фамильными драгоцѣнностями древняго рода русскихъ князей X.; засимъ онъ, князь, опубликуетъ въ нью-іоркскихъ газетахъ, что, находясь по непредвидѣннымъ причинамъ въ стѣснительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, онъ вынужденъ продать часть принадлежащихъ ему фамильныхъ драгоцѣнностей. Затѣмъ въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ новообрѣтенныя «фамильныя драгоцѣнности» распродаются закладчикомъ, фигурирующимъ въ качествѣ аукціониста, въ присутствіи самого князя, долженствующаго увѣрять публику въ подлинности распродаваемыхъ «родовыхъ» драгоцѣнностей; наконецъ изъ полученныхъ закладчикомъ, благодаря обаянію княжескаго происхожденія вещей, крупныхъ барышей нѣкая толика удѣляется молодому князю. Слѣдуетъ признать, что планъ этотъ составленъ умомъ тонкимъ и проницательнымъ, а притомъ еще вполнѣ освоившимся со складомъ американскаго быта и сущностью характера американцевъ. Не смотря на демократическій строй Соединенныхъ Штатовъ и демократическое настроеніе ихъ населенія, нигдѣ нѣтъ подобнаго преклоненія предъ знатностью происхожденія и титулами, какъ здѣсь именно, и подобной падкости на всякія «родовыя» драгоцѣнности знатныхъ и титулованныхъ фамилій, какъ въ этой странѣ. Былъ ли планъ этотъ задуманъ самимъ русскимъ княземъ X. или же совмѣстно съ его пріятелемъ и руководителемъ польскимъ графомъ Y., но во всякомъ случаѣ онъ явился весьма практичнымъ и вполнѣ цѣлесообраз-

нымъ. Распродажа мнимыхъ родовыхъ драгоцѣнностей извѣстнаго русскаго княжескаго рода X. уже началась и пошла очень бойко, какъ нашлись скептики, усомнившіеся въ ихъ подлинности, которые и не преминули обратиться тотчасъ же за разъясненіями въ русское консульство. Изъ-за шелковыхъ китайскихъ ширмъ раздался гласъ, который вѣщалъ: князь-то онъ настоящій, дѣйствительный князь X., да только драгоцѣнности, въ его присутствіи продаваемыя съ аукціона, вовсе не княжескія и даже не его собственныя. Возвѣщенное гласомъ разнеслось тотчасъ же по городу и аукціонному залу, распродажа была пріостановлена, и улыбнувшійся было потомку и представителю одного изъ знатнѣйшихъ русскихъ княжескихъ родовъ заработокъ погибъ безвозвратно.

Совершенно противоположенъ этому образу молодого русскаго князя, пускающагося въ мошенническія предпріятія, другой образъ. Это—невысокій, плотный, коренастый мужчина, уже убѣленный сѣдинами и украшенный небольшой, также сѣдоватою уже бородой. Типъ его—чистѣйшій славяно-великорусскій, и въ свѣтлыхъ глазахъ пытливая и вдумчивая проницательность смѣшана съ этимъ безконечнымъ добродушіемъ славянской натуры. Это—единственный чистокровный русскій въ нью-іоркскомъ русскомъ соціалъ-демократическомъ обществѣ. Чертежникъ по профессіи, онъ обыкновенно предсѣдательствуетъ и неизмѣнно говоритъ на всѣхъ собраніяхъ общества. Говоритъ онъ не скоро, какъ будто съ усиліемъ, но отчетливо, послѣдовательно и весьма убѣдительно.

Говоря о Руси россійской въ Нью-Іоркѣ, мы не можемъ не упомянуть также и о той значительной части русскаго еврейства, которая выступаетъ здѣсь въ качествѣ элемента совершенно русскаго. Какъ бы кто ни относился къ еврейству вообще и русскому въ частности, какіе бы взгляды на такъ называемый еврейскій вопросъ ни имѣлъ, факты и явленія, которые мы изложимъ, не могутъ быть ни игнорируемы, ни проходимы молчаніемъ. Въ Нью-Іоркѣ имѣется нынѣ свыше 200,000 русскихъ евреевъ. Houtson Street, Grand Street, Canal Street и East Brodway, съ прилегающими къ нимъ меньшими улицами и переулками, составляютъ чуть не сплошной обширный еврейскій кварталъ въ нижней части города. Если въ лучшихъ частяхъ этого еврейскаго квартала воскресаютъ предъ вами не то чистоплотные уголки Вильны, Кіева или Одессы, не то главныя улицы большихъ городовъ Бѣлой и Малой Руси, то за то всѣ непарадныя его части, всѣ второстепенныя улицы, переулки и закоулки прямо переносятъ васъ въ захолустные городки и мѣстечки Западнаго края, эти ужасныя обиталища массы русскаго еврейства, съ ихъ грязью и вонью, ихъ специфической суетой, ихъ потрясающей нищетой. Когда я впервые проходилъ по Ludlow Street, въ значительной части загроможденному мяснымъ и рыбнымъ рынкомъ и до такой степени запруженному еврейской бѣднотой, что пробраться тутъ не оказыва

лось почти никакой возможности,—мнѣ представилось вдругъ, что я прохожу мимо виленскаго рыбнаго рынка, расположеннаго между верхней частью города и Зарѣчьемъ, у самаго берега Вилейки. Иллюзія была до того сильна и неотразима, что я даже совершенно машинально зажалъ платкомъ носъ, между тѣмъ какъ ароматы нью-iоркскаго людловскаго еврейскаго рынка далеко не могутъ сравняться съ ужасающимъ зловоніемъ виленскаго рыбнаго рынка. Когда же я попадалъ въ наиболѣе бойкія торговыя мѣста Clinton Street, Eldridge Street, Orchard Street и т. д., то мнѣ чудилось со всей осязательностью, что я разгуливаю по одной изъ безчисленныхъ ярмарокъ Западнаго края. Всѣ вообще посѣщенія мои этой части города неизмѣнно воскрешали во мнѣ иллюзіи русской дѣйствительности, и лишь когда взоръ мой упадалъ случайно на окна типографіи, ютящейся тамъ въ подвальномъ этажѣ огромнаго дома и совмѣщающей въ себѣ также и контору еврейской газеты, и я лицезрѣлъ тамъ сотни бѣдныхъ и изнуренныхъ трудомъ евреевъ, съ жадностью расхватывающихъ нумера издаваемаго на ихъ жаргонѣ органа,—тогда лишь исчезали во мнѣ всѣ эти иллюзіи русской дѣйствительности, и начиналась сама дѣйствительность, совершенно иная, американская.

Изъ этихъ двухъ сотъ слишкомъ тысячъ русскихъ евреевъ въ Нью-Іоркѣ одна часть, сравнительно небольшая и зажиточная, говоритъ исключительно поанглійски какъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, такъ даже и въ домашнемъ быту; другая, наиболѣе многочисленная и самая бѣдная, говоритъ исключительно почти на жаргонѣ, лишь въ крайнихъ случаяхъ совершенной необходимости прибѣгая къ языкамъ нѣмецкому и англійскому, которые изрядно таки коверкаетъ; третья же часть, наконецъ, составлящая не менѣе четвертой части общей массы мѣстнаго русскаго еврейства, т. е. около 50,000, говоритъ въ домашнемъ быту и частныхъ между собой сношеніяхъ исключительно порусски, употребляя языкъ англійскій лишь въ дѣловыхъ и оффиціальныхъ сношеніяхъ съ англо-американской публикой и англо-американскими учрежденіями. Эта послѣдняя часть представляетъ собой самую образованную и наиболѣе интеллигентную часть русскаго еврейства. Сюда входятъ врачи, женщины-врачи, адвокаты, артисты нью-іоркскихъ еврейскихъ театровъ, редакторы и сотрудники еврейскихъ газетъ и журнальчиковъ, авторы еврейскихъ пьесъ и книгъ, еврейскіе ученики среднихъ учебныхъ заведеній и еврейскіе студенты университета, клерки различныхъ торговыхъ фирмъ и предпріятій, евреи-книгопродавцы, музыкальные артисты разныхъ инструментовъ и наконецъ наиболѣе интеллигентные изъ массы еврейскихъ рабочихъ, разбросанныхъ по нью-іоркскимъ фабрикамъ и заводамъ. Эта пятидесятитысячная доля русскаго еврейства чувствуетъ, сознаетъ, признаетъ и именуетъ себя русской, живо интересуется Россіей и русскими дѣлами, искренно любитъ Россію, проявляетъ нерѣдко русскій патріотизмъ, какимъ мы были, въ ка-

чествѣ посторонняго зрителя, положительно изумлены, именуетъ русскій народъ сердечнѣйшимъ, справедливѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, признаетъ Россію и народъ русскій вмѣстилищемъ бездны ума, таланта, человѣчности, искренности и высокихъ порывовъ и, что всего замѣчательнѣе, вѣритъ въ Россію несравненно болѣе и тверже, нежели множество самихъ русскихъ. Подобное явленіе соціальной психологіи и логики до такой степени поразило насъ на первыхъ порахъ нашего здѣсь пребыванія, что мы невольно подвергли его тщательнѣйшему, осторожнѣйшему и совершенно объективному наблюденію и изученію и, убѣдившись въ его дѣйствительномъ, осязательномъ и прочномъ существованіи, считаемъ долгомъ безпристрастнаго изслѣдователя отмѣтить его въ этомъ скромномъ трудѣ нашемъ. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что лицами, явившимися въ русское консульство въ Нью-Іоркѣ для принесенія вѣрноподданнической присяги по восшествіи на престолъ императора Николая II, были исключительно почти русскіе евреи.

Изъ этой русской части русскаго еврейства исходятъ устройство русскихъ спектаклей, русскихъ баловъ и музыкальныхъ вечеровъ, заложеніе русскихъ общественныхъ учрежденій и изданіе русскихъ газетъ. Это послѣднее впрочемъ нынѣ совершенно уже прекратилось, а потому здѣсь мы коснемся вскользь лишь русскихъ учрежденій и русскихъ увеселеній въ Нью-Іоркѣ. Если «Русско-еврейскій воспитательный институтъ» представляетъ учрежденіе смѣшанное, ибо обученіе дѣтей производится въ немъ на еврейскомъ языкѣ, различныя популярныя лекціи читаются также исключительно почти на еврейскомъ языкѣ, на музыкальныхъ его концертахъ русскіе нумера исполняются на ряду съ другими, имѣется въ немъ весьма порядочная русская библіотека и читальня, къ которой получаются всѣ главнѣйшія русскія изданія въ Россіи, и наконецъ всѣ завѣдующіе его отдѣлами говорятъ порусски, то зато такія учрежденія, какъ «Кружокъ русскихъ студентовъ» и «Общество вспомоществованія русскимъ студентамъ», представляются уже учрежденіями совершенно русскими. Къ «Кружку русскихъ студентовъ» принадлежатъ какъ русскіе уроженцы, учащіеся нынѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Нью-Іорка, такъ равно и уроженцы Россіи, учившіеся когда либо въ какихъ либо высшихъ учебныхъ заведеніяхъ этой послѣдней. «Общество вспомоществованія русскимъ студентамъ» составляется изъ всѣхъ уроженцевъ Россіи съ высшимъ или среднимъ образованіемъ, сочувствующихъ его цѣлямъ. Вполнѣ естественно, что эти два учрежденія тѣсно связаны другъ съ другомъ какъ въ своемъ существованіи, такъ и въ своей дѣятельности, и всѣ почти члены «Кружка русскихъ студентовъ», составляющіе сливки нью-іоркской русско-еврейской интеллигенціи, состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членами «Общества вспомоществованія русскимъ студентамъ». «Кружокъ» имѣетъ небольшое собственное помѣщеніе въ самомъ верхнемъ этажѣ

одного изъ огромныхъ домовъ East Broadway'я и въ немъ, независимо отъ своихъ дѣловыхъ засѣданій, устраиваетъ каждую субботу публичные рефераты по соціологіи и общественнымъ наукамъ, сопровождающіеся дебатами, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ желающіе изъ присутствующей публики. Въ цѣломъ штатѣ Нью-Іоркъ это пока единственное мѣсто, гдѣ трактуются общественные вопросы и вообще важныя матеріи на русскомъ языкѣ, кромѣ, конечно, лекцій и собраній «Русскаго соціалъ-демократическаго общества». Кромѣ означенныхъ собраній для рефератовъ и дебатовъ по нимъ, «Кружокъ русскихъ студентовъ» устроиваетъ иногда въ разныхъ дешевыхъ залахъ этого русско-еврейскаго района нижней части Нью-Іорка свои «вечеринки». Здѣсь преобладаютъ, конечно, танцы, но имѣются также чаепитіе, сладкояденіе, интересные разговоры и пѣніе. Вечеринки эти отличаются простотой, полной непринужденностью и задушевностью. Слѣдуетъ замѣтить, что вечеринки эти—безплатныя, и если «Кружокъ» оплачиваетъ кое-какъ наемъ помѣщенія, освѣщеніе и т. д., то только благодаря вообще довольно скромнымъ на нихъ яденіямъ и питіямъ, а главнымъ образомъ тому, что оплачивается какими нибудь 15-ю центами такъ называемый «hat check», т.-е. марка на сохраненіе платья, и это послѣднее хранятъ и раздаютъ по окончаніи вечеринки сами же студенты. Когда я бывалъ на этихъ вечеринкахъ, предо мной воскресали мои студенческіе годы, отъ которыхъ отдѣленъ я тринадцатью годами жизни самой бурной и скитальческой, и я умственно переносился въ лучшую пору моей безвозвратно погибшей молодости. Какое-то жгучее чувство острой боли начинало сверлить въ груди, а губы такъ и подергивались, чтобы запѣть:

Проведемте-жъ, друзья,
Эту ночь веселѣй:
Пусть студентовъ семья
Соберется тѣснѣй!

Пѣніе склеивается обыкновенно подъ конецъ вечеринки. По большей части тотчасъ же возникаетъ среди желающихъ пѣть нѣкоторое раздвоеніе: одни, родившіеся, учившіеся, либо жившіе въ центральной Россіи и въ особенности въ Москвѣ, начинаютъ великорусскія пѣсни, либо романсы, другіе, родившіеся, жившіе, либо учившіеся въ южной части Россіи, начинаютъ пѣсни малорусскія. Однако, большинство умѣющихъ пѣть и въ особенности женскихъ голосовъ оказывается на сторонѣ малорусской, и великорусской пѣсенной партіи приходится, обыкновенно, по учиненіи нѣкоторой какофоніи, смолкнуть и выждать окончанія той или иной малорусской пѣсни. Нѣкоторое раздвоеніе проявляется также и въ танцахъ. Юнѣйшее поколѣніе, выросшее и воспитавшееся въ Америкѣ, пытается нерѣдко танцовать мѣстные американскіе танцы, но болѣе или менѣе рѣшительные протесты консервативнаго большинства, выросшаго

и воспитавшагося въ Россіи: «Русскіе танцы! русскіе танцы!» обыкновенно берутъ верхи, пресѣкаютъ реформаторскія стремленія молодежи, которыя удается осуществить лишь къ концу вечера, когда консервативное руссофильское большинство уже утомлено и отстало отъ танцевъ. «Общество вспомоществованія русскимъ студентамъ» устраиваетъ балы уже на болѣе широкую ногу, въ одномъ изъ большихъ залъ Нью-Іорка, соединяя нерѣдко балы со спектаклемъ. На нихъ является вообще болѣе «буржуазная» часть нью-іоркскаго русско-еврейскаго общества. Танцы здѣсь, конечно, уже параднѣе, о пѣніи нѣтъ, само собою разумѣется, и помину, и въ общемъ балы эти далеко не такъ задушевны и пріятны, какъ студенческія «вечеринки». Что насъ не мало озадачило на этихъ балахъ, такъ это то, что за ходомъ пьесы слѣдятъ съ величайшимъ интересомъ американскіе полицейскіе, стоящіе у дверей, и на всевозможныхъ общественныхъ собраніяхъ здѣсь обыкновенно совершенно отсутствующіе. Исполнителями на русскихъ спектакляхъ, даваемыхъ «Обществомъ», являются обыкновенно тѣ же самыя лица, которыя играютъ на всѣхъ вообще русскихъ спектакляхъ, даваемыхъ въ Нью-Іоркѣ. Солиднѣйшій изъ нью-іоркскихъ русско-еврейскихъ театровъ даетъ обыкновенно отъ времени до времени русскія представленія, выполняемыя артистами и артистками его постоянной еврейской труппы при участіи любителей изъ той пятидесятитысячной части нью-іоркскаго русскаго еврейства, которая именуетъ себя «русской». Въ общемъ исполненіе русскихъ пьесъ проходитъ здѣсь весьма недурно и можетъ равняться приблизительно исполненію хорошихъ постоянныхъ труппъ нашихъ большихъ провинціальныхъ городовъ.

«Русское соціалъ-демократическое общество», независимо отъ различныхъ соціалъ-демократическихъ собраній, на которыхъ говорятся рѣчи по преимуществу на русскомъ языкѣ, но также и на языкахъ англійскомъ и польскомъ, а равно и еврейскомъ жаргонѣ, устроиваетъ еще постоянныя лекціи. Онѣ читаются по опредѣленной программѣ, назначаемой на каждое полугодіе (съ половины сентября до новаго года и съ новаго года до половины апрѣля) и заранѣе оповѣщаемой путемъ опубликованія въ газетахъ и напечатанія на особыхъ продолговатыхъ карточкахъ краснаго цвѣта, распространяемыхъ среди публики членами «общества». Не смотря, однако, на свой красный цвѣтъ, эти «программы лекцій русскаго соціалъ-демократическаго общества» заключаютъ въ себѣ главнѣйшимъ образомъ общія и совершенно неопасныя темы. Вотъ, напримѣръ, такая программа на второй сезонъ 1896 года (собственныя имена лекторовъ опущены): «Нѣсколько замѣчаній о развитіи литературы», «Нѣсколько мыслей о сущности прогресса», «Соціализмъ въ Польшѣ», «Законъ народонаселенія въ капиталистическомъ обществѣ», «Новое направленіе въ американской беллетристикѣ», «Бѣг-

лый взглядъ на исторію Соединенныхъ Штатовъ», «Политическое положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ», «Реформы», «Восьмидесятые годы въ Россіи», «Вырожденіе человѣческаго общества» «Женщина въ семьѣ и обществѣ», «Человѣкъ и его права въ обществѣ», «Роль личности въ исторіи» и «Россія и Западная Европа». Въ отличіе отъ вышепомянутыхъ публичныхъ собраній, устраиваемыхъ «обществомъ» по разнымъ случаямъ, лекціи эти читаются исключительно на русскомъ языкѣ, и всѣ по нимъ дебаты ведутся также исключительно порусски. Такъ какъ слушателями ихъ являются почти исключительно рабочіе изъ русскихъ евреевъ, то онѣ происходятъ регулярно каждое воскресенье, то-есть въ нерабочій день каждой недѣли. Дебаты на темы, затрогиваемыя этими лекціями, бываютъ обыкновенно весьма оживленны, хотя и ведутся обыкновенно одними и тѣми же лицами, представителями интеллигентнаго слоя «общества».

Считаемъ необходимымъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній, чтобы пояснить и оправдать наше сопричисленіе русской части русскаго еврейства въ Нью-Іоркѣ къ Руси россійской въ этомъ огромномъ городѣ. Народность лица опредѣляется здѣсь собственнымъ его самочувствіемъ и самосознаніемъ и языкомъ, на которомъ онъ говоритъ въ тѣснѣйшемъ кругу жизни частной и домашней, ибо языкомъ дѣловыхъ сношеній является здѣсь повсемѣстно языкъ англійскій. Замѣчательно, что всѣ положительно славянскія народности, входящія въ составъ народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ, имѣютъ своихъ, такъ сказать, евреевъ, признающихъ себя принадлежащими къ той или иной изъ нихъ и говорящихъ на ея языкѣ. Попадаются между ними рьяные носители и поборники національныхъ идей и стремленій той или иной славянской народности. Въ восточной части Соединенныхъ Штатовъ наибольшее количество еврейства пріобщается и сопричисляется къ народности русской, причемъ, въ то время, какъ эта русская часть русскаго еврейства составляетъ въ Нью-Іоркѣ около четвертой части всего здѣсь русскаго еврейства, нѣкоторая часть этой части не чужда знакомства и съ языкомъ малорусскимъ, на столько даже, что русскіе евреи исполняли главныя роли въ «Наталкѣ-Полтавкѣ», даваемой здѣсь когда-то неоднократно любителями. Значительная часть еврейства изъ царства Польскаго причисляетъ себя къ народности польской и внѣ оффиціальныхъ и дѣловыхъ сношеній говоритъ попольски, нерѣдко вовсе не владѣя ни жаргономъ, ни нѣмецкимъ языкомъ. Даже венгерскіе словаки и русины (такъ называемая угорская Русь), представляющіе странное смѣшеніе языковъ словацкаго и угорско-русскаго (разновидность малорусскаго), имѣютъ своихъ евреевъ, сопричисляющихъ себя къ «словàкамъ» или «руснàкамъ» и являющихся на ихъ балы и народныя увеселенія. Неудивительно, поэтому, что пятидесятитысячная часть русскаго еврейства, именую-

щая себя «русскими» и въ тѣснѣйшемъ кругу частныхъ сношеній говорящая исключительно порусски, признается въ Нью-Іоркѣ и оффиціально именуется русскими, такъ что новоприбывшій сюда русскій можетъ, къ изумленію своему, услышать, что здѣсь имѣется свыше пятидесяти тысячъ русскихъ.

Отмѣтимъ еще одно крайне любопытное явленіе. Въ послѣднее время обнаружилось было среди тридцатитысячнаго польскаго населенія Нью-Іорка и его окрестностей нѣкоторое антисемитическое движеніе. Положимъ, оно было дѣломъ агитаціи одного отъявленнаго политическаго шарлатана, имѣвшаго въ виду подъ знаменемъ антисемитизма основать новое польское народное учрежденіе изъ самыхъ темныхъ и невѣжественныхъ элементовъ, учрежденіе, конечно, совершенно эфемерное, лишь ко времени президентскихъ выборовъ, дабы, продавъ эту тысячу «избирательнаго скота» за тысячу-другую долларовъ американскимъ «политиканамъ» и поднадувъ изрядно какъ этихъ послѣднихъ, ибо огромное большинство собранныхъ предъ нимъ «избирателей» еще не граждане нью-іоркскаго штата и потому вовсе не имѣютъ избирательныхъ правъ, а равно и самихъ фиктивныхъ «избирателей», ибо имъ изъ «заработка» не удѣлится ни одного цента, улепетнуть куда нибудь на другой конецъ Америки. Но для насъ не важны личныя цѣли этой агитаціи, а лишь не лишены интереса тѣ обвиненія, которыя выставлены были противъ русскаго еврейства. Главнѣйшее изъ нихъ заключалось въ слѣдующемъ. Россія никогда не имѣла евреевъ, имѣла же ихъ Польша, а между тѣмъ всѣ эти евреи на Grand Street, Canal Street, East Broadway и т. д. говорятъ «мовой московской», батальоны изъ еврейскихъ вольныхъ стрѣлковъ имѣютъ «команду московскую», всегда и всюду они, эти «россійскіе жиды», выставляютъ и называютъ себя «русскими» и полны духа и симпатій «московскихъ». Если принять во вниманіе, что огромное большинство русскихъ евреевъ происходитъ изъ Западнаго края, до сихъ поръ еще являющагося въ сущности во многихъ отношеніяхъ спорной полосой между культурой польской и русской и этими двумя славянскими языками, и что столь твердое сохраненіе этими «евреями изъ Россіи» русскаго языка и ихъ привязанность къ русскому просвѣщенію представляются въ Америкѣ совершенно ничѣмъ не вынуждаемыми и вполнѣ добровольными, то отсюда станетъ совершенно яснымъ, на сколько имѣли мы основаній эту руссофильскую, такъ сказать, часть нью-іоркскаго русскаго еврейства сопричислить къ нью-іоркской Руси изъ Россіи.

Этими строками заканчиваемъ мы нашъ краткій очеркъ нью-іоркской Руси россійской и приступаемъ къ Руси угорской и галицкой въ этомъ огромномъ городѣ, этомъ всемірномъ портѣ, куда прибываютъ и стекаются всѣ положительно народы и народности Стараго Свѣта.

Ни федеральное правительство Соединенныхъ Штатовъ, ни мѣстныя правительства отдѣльныхъ штатовъ союза, ни, наконецъ, ихъ общественныя учрежденія не обладаютъ сколько нибудь точными статистическими данными о распредѣленіи народонаселенія по національностямъ. Въ особенности относится это къ иммиграціи новѣйшей формаціи, т. е. евреямъ, итальянцамъ и славянскимъ народностямъ. Хотя при выполненіи различныхъ формальностей, предшествующихъ выпуску эмигрантовъ съ судовъ на территорію Соединенныхъ Штатовъ, опрашиваются они также и объ ихъ національности, но статистическія данныя, этимъ путемъ могущія быть полученными, крайне сбивчивы и проблематичны. Прежде всего, регистрація эта не обнимаетъ всѣхъ, прибывающихъ на территорію Штатовъ, ибо пассажиры перваго и второго класса, по выполненіи таможенныхъ формальностей, выпускаются тотчасъ же безъ отобранія какихъ бы то ни было отъ нихъ свѣдѣній о цѣли ихъ пріѣзда, ихъ національности, профессіи и т. д., и лишь пассажиры третьяго класса, этого пароходнаго ада, составляющіе, правда, огромное большинство прибывающихъ, отвозятся на Ellis Island, проводятъ тамъ сутки въ карантинѣ, подвергаются затѣмъ медицинскому осмотру, а равно и разспросамъ о томъ: откуда прибыли, какой національности, въ какой штатъ и какую мѣстность направляются, къ какой профессіи принадлежатъ и какой родъ труда желаютъ избрать? Отвѣты на вопросы эти записываются буквально, а между тѣмъ тѣ изъ нихъ, которые даются на вопросъ о національности, представляются нерѣдко совершенно неясными и даже положительно нелѣпыми. Такъ, напримѣръ, словаки и угроруссы называютъ себя нерѣдко венгерцами, причемъ, принадлежа къ греко-католическому или такъ называемому уніатскому вѣроисповѣданію, заявляютъ о своей національности слѣдующимъ образомъ: «унгаръ русской вѣры» или же «унгаръ словенской (словацкой) рѣчи и русской вѣры». Отвѣты подобнаго рода, порождаемые, конечно, смѣшеніемъ отдѣльныхъ элементовъ національности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы и въ представленіи малообразованныхъ и малоразвитыхъ массъ, изъ нихъ прибывающихъ, получаются вообще все-таки гораздо рѣже, нежели отвѣты, порождаемые смѣшеніемъ національности съ принадлежностью къ извѣстному государству, съ такъ называемымъ подданствомъ. Благодаря смѣшенію этого послѣдняго рода, множество поляковъ, литовцевъ, евреевъ, а иногда даже и нѣмцы записываются русскими; русины, поляки, чехи, сербы, а также и нѣмцы—австрійцами; угроруссы и хорваты—венгерцами; познанскіе и силезійскіе поляки—нѣмцами. Такимъ образомъ, независимо уже отъ ускальзыванія отъ этой статистики пассажировъ перваго и второго класса, часть которыхъ остается въ Новомъ Свѣтѣ также навсегда или же на продолжительное время, какъ и пассажиры третьеклассные, признаваемые и именуемые эмигрантами; независимо отъ случаевъ выше

приведенныхъ нелѣпыхъ отвѣтовъ на вопросъ о національности— способъ полученія этихъ данныхъ исключаетъ возможность принять ихъ за сколько нибудь достовѣрную статистику по отношенію къ національности новоприбывающихъ и элементовъ, еще не ассимилировавшихся съ преобладающей народностью англо-американской. Никакихъ же иныхъ данныхъ по этому предмету не имѣется. Поэтому выясненіе хотя приблизительныхъ цифръ русскаго населенія въ Америкѣ и въ особенности въ подобныхъ городахъ, какъ Нью-Іоркъ, представляетъ почти непреодолимыя трудности. Насколько, однако, подобное выясненіе является возможнымъ, намъ удалось установить, что галицкихъ и угорскихъ русиновъ имѣется въ этомъ трехмилліонномъ городѣ около шести тысячъ.

Любопытна первая моя встрѣча съ этой Русью. Темнымъ зимнимъ вечеромъ шелъ я по четвертой улицѣ. За первымъ эвеню она становится совершенно темной и, кромѣ нѣсколькихъ газовыхъ фонарей, расположенныхъ на громадномъ разстояніи другъ отъ друга, слабо освѣщается лишь скуднымъ свѣтомъ изъ оконъ незначительныхъ лавокъ и лавченокъ. Густыми, широкими хлопьями падалъ мокрый снѣгъ и общій мракъ этого городского закоулка сгущалъ до послѣдней возможности. Лишь профессіональный любитель прогулокъ, интеллектуальный работникъ, погруженный въ свои мысли и соображенія, да бѣднякъ, бьющійся о хлѣбѣ насущномъ, могли быть въ это время на улицѣ. У двери небольшого двухэтажнаго домика раздался вдругъ звонкій полудѣтскій смѣхъ, и изъ нея вылетѣлъ мальчишка, а вслѣдъ за нимъ огромный комокъ снѣга, сбившій ему шапку съ головы. Изъ-за двери разнѣслись громкіе возгласы восторженнаго одобренія, въ которыхъ можно было явственно различить слова словацкія и малорусскія. Эта славянская рѣчь, это русское слово въ этомъ царствѣ англійскаго языка до такой степени поразили меня своей неожиданностью, что я умѣрилъ шагъ и вблизи самой двери пріостановился. Между тѣмъ, мальчики высыпали цѣлой гурьбой на улицу и учинили снѣжную баталію. Замѣтивъ меня, они воскликнули «полица̀й!» (австро-славянская варіація нѣмецкаго Polizei, тожественная съ русскимъ «полицейскій») и, шмыгнувъ къ двери, у нея столпились.

— Нѣтъ, я вовсе не полица̀й,—заговорилъ я съ ними помалорусски,—но заинтересовался, что вы за хлопцы. Вѣдь вы—руси̂ны?

— Я ру̂синъ,—отозвался шустрый, черноглазый мальчишка лѣтъ тринадцати, отряхиваясь отъ снѣгу,—а они всѣ—гунга̀ры.

— Какъ же гунга̀ры, а говорятъ порусски?—полюбопытствовалъ я.

— А вотъ работаютъ на шляпной фабрикѣ между нами, руси̂нами и словаками, и научились отъ насъ немножко говорить порусски.

И мальчикъ сталъ мнѣ разсказывать, что на ихъ шляпной фабрикѣ работа идетъ очень хорошо, рабочихъ много, а больше всего руснаковъ и словаковъ, а потомъ еще гунга̀ръ.

Когда я отошелъ отъ нихъ, они стали разговаривать между собою, и до меня болѣе или менѣе явственно доносились еще нѣкоторое время звуки славянской рѣчи, русской и словацкой, перемѣшанной съ мадьярской. Не смотря на увѣренія мальчугана, что его товарищи—«гунгàры» и между ними, руснàками и словаками, которыхъ онъ совершенно отождествлялъ, научились говорить порусски, я усомнился, конечно, въ ихъ унгàрскомъ, т. е. мадьярскомъ, происхожденіи и пришелъ къ выводу, что эти подростки—омадьяренные угорскіе руснàки, происходящіе изъ той части Малоруси, которая, находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ и смѣшеніи съ другимъ славянскимъ племенемъ, словаками, въ значительной степениословачилась. Эта подсловаченная и слегка подмадьяренная Русь и составляетъ значительную часть нью-іоркской Руси, между тѣмъ какъ Русь россійская представляетъ совершенно ничтожную ея долю.

Если мы выше называли неоднократно Нью-Іоркъ трехмилліоннымъ городомъ, то потому, что онъ объединяется обыкновенно въ одно цѣлое и разсматривается совмѣстно съ Бруклиномъ, отъ него отдѣленнымъ узкой водяной полосой, представляющей нѣчто въ родѣ развѣтвленія устья рѣки Гудзона. Въ то время какъ самый Нью-Іоркъ имѣетъ около двухъ милліоновъ обывателей, Бруклинъ вмѣщаетъ въ себѣ жителей далеко за 800.000, такъ что оба вмѣстѣ, принадлежа одному штату и представляя дѣйствительно нѣчто цѣльное и однородное въ экономическомъ и общественномъ отношеніи, могутъ быть разсматриваемы и принимаемы за одинъ городъ. Поэтому, опредѣляя приблизительно численность нью-іоркской Руси въ 6,000 человѣкъ, мы имѣли въ виду вмѣстѣ съ тѣмъ и Бруклинъ. Русь эта не представляетъ чего либо цѣльнаго, а разбросана на всемъ огромномъ пространствѣ этихъ двухъ городовъ. Все это—рабочіе разныхъ категорій. Одни изъ нихъ работаютъ на табачныхъ фабрикахъ, другіе — на сахарныхъ заводахъ, третьи — въ портняжныхъ, сапожныхъ и иныхъ мастерскихъ. Лишь весьма немногіе изъ нихъ, успѣвъ сколотить себѣ нѣкоторый капиталецъ, завели болѣе или менѣе значительныя торговли, превратившись такимъ образомъ изъ рабочихъ въ буржуа. Нью-іоркская Русь галицкая и угорская принадлежитъ къ церковно-народной организаціи, именуемой «Соединеніемъ греко-каѳолическихъ русскихъ братствъ». Сущность и исторія этой организаціи изложены и разъяснены будутъ нами при послѣдующемъ разсмотрѣніи нашего предмета, здѣсь же упомянемъ лишь, что организація эта является организаціей исключительно греко-католической или уніатской и построена на томъ основномъ началѣ, что принадлежать къ ней можетъ лишь цѣлое братство, но не отдѣльное лицо. Такихъ братствъ имѣется здѣсь пять, и всѣ они принадлежатъ къ «Соединенію». Въ Нью-Іоркѣ существуютъ братства: мужское—св. Николая и женское, такъ называемое сестричное товарищество Пресвятой Дѣвы Маріи, въ Брук-

линѣ же—братства св. пророка Иліи и Покрова Пресвятой Богородицы и женское сестричное товарищество св. Елены. Всѣ пять братствъ этихъ заключаютъ въ себѣ, однако, всего лишь 100 человѣкъ и такимъ образомъ представляются лишь незначительной частичкой церковно-народной организаціи «Соединеніе», созданной, распространившейся и укрѣпившейся въ штатѣ Пенсильваніи, являющемся средоточіемъ и сердцемъ какъ американской Руси, такъ и вообще всего американскаго славянства. Впрочемъ, нѣкоторые изъ галицкихъ русиновъ въ Нью-Іоркѣ, представляющихъ сравнительно съ угорскими значительное меньшинство, принадлежатъ къ чисто народной русской организаціи, именуемой «Русскимъ народнымъ союзомъ» и сосредоточенной также въ той же Пенсильваніи. Эта послѣдняя организація, во многихъ отношеніяхъ заслуживающая всяческаго вниманія, состоитъ изъ галицкихъ малоруссовъ и тѣхъ не многихъ русиновъ угорскихъ, которые, не будучи еще ни омадьярены, ниословачены, не потеряли еще своего національнаго самосознанія и являются единственной русской народной организаціей на всемъ громадномъ пространствѣ обѣихъ Америкъ. Такъ какъ впослѣдствіи намъ придется въ подробности излагать устройство и дѣятельность обоихъ вышепомянутыхъ русскихъ общественныхъ организацій въ Америкѣ, которыхъ въ Нью-Іоркѣ находимъ лишь маленькіе отпрыски, то распространяться объ этихъ послѣднихъ незачѣмъ, ибо смыслъ ихъ существованія и направленіе ихъ дѣятельности выяснятся сами собой.

Если взять нью-іоркскую Русь въ ея цѣломъ, безъ различія вѣроисповѣданій, мѣстъ происхожденія и типовъ языка, безъ раздѣленія ея слѣдовательно на россійскую, галицкую и угорскую, безъ распредѣленія на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, то она представится не чѣмъ инымъ, какъ нѣкоторой частицей рабочаго сословія этого огромнаго города, принадлежащей къ наибольшей и важнѣйшей изъ славянскихъ національностей и продолжающей еще сохранять коренныя черты своей народности. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что лишь немногіе изъ этихъ нью-іоркскихъ русскихъ рабочихъ, проживъ въ Америкѣ продолжительное время и хорошо усвоивъ себѣ англійскій языкъ, вступили въ мѣстные рабочіе союзы, играющіе въ жизни рабочаго сословія вообще, а въ Америкѣ въ особенности, столь огромную роль. Большинство же ихъ и притомъ огромное стоятъ внѣ этихъ рабочихъ организацій, что значительно ухудшаетъ ихъ положеніе въ особенности во время стачекъ, на всѣхъ языкахъ, а въ томъ числѣ и славянскихъ, именуемыхъ здѣсь «страйками» (strike), ибо съ прекращеніемъ работъ не получаютъ они отъ рабочихъ союзовъ того пособія, какимъ пользуются во все время стачки члены послѣднихъ. Въ то время, какъ нью-іоркское русское еврейство принадлежитъ почти сплошь къ этимъ рабочимъ организаціямъ, учрежденіямъ первостепеннаго общественнаго зна-

ченія, составляя различныя еврейскія ихъ вѣтви или отдѣленія (branch), нью-іоркская Русь стоитъ отъ нихъ въ значительномъ большинствѣ своемъ какъ-то особнякомъ, а такая обособленность, такое отсутствіе солидарности съ этими рабочими арміями весьма невыгодно отражается на ея же общественно-экономическомъ положеніи и ея же собственныхъ интересахъ. Это общественно-экономическое явленіе столь огромной важности будетъ разсмотрѣно и обслѣдовано нами ниже во всей его совокупности, то-есть во всемъ составѣ американской Руси.

Русь угорская и галицкая, принадлежащая къ такъ называемому греко-католическому или уніатскому исповѣданію, своей церкви въ Нью-Іоркѣ не имѣетъ, а ея приходскій храмъ, небольшая деревянная церковь, находится въ Бруклинѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе соперничества, возникшаго между русско-православнымъ и русско-уніатскимъ вѣроисповѣданіями, о которомъ не мало еще придется говорить намъ въ послѣдующемъ изложеніи, нью-іоркскій русско-уніатскій приходъ, подъ вліяніемъ и настояніями представителей своего здѣсь духовенства, купилъ въ пятомъ стритѣ частный домъ и его приспособляетъ нынѣ для помѣщенія въ немъ своей церкви и квартиры для своего приходскаго духовенства. Пока же передѣлка эта закончится, по распоряженію нью-іоркскаго, римско-католическаго епископа, русское греко-католическое богослуженіе совершается въ римско-католическомъ костелѣ «Brigid Church» на углу восьмого стритъ и эвеню B, у такъ называемаго Бѣлаго парка. Костелъ этотъ, довольно красивый, но ничѣмъ особеннымъ не отличающійся, достопримѣчателенъ, однако, въ томъ отношеніи, что въ немъ въ 1891 году совершено первое въ такомъ разноплеменномъ и разновѣрномъ городѣ, какъ Нью-Іоркъ, русско-уніатское богослуженіе. За отдаленностью своей церкви, находящейся, какъ мы упомянули уже, въ Бруклинѣ, нѣкоторые нью-іоркскіе русскіе уніаты, въ особенности изъ галицкихъ русиновъ, съ открытіемъ въ апрѣлѣ прошлаго года русской православной церкви на второмъ эвеню, стали посѣщать эту послѣднюю, и это именно обстоятельство побудило представителей русско-уніатскаго духовенства озаботиться устройствомъ церкви своего исповѣданія въ Нью-Іоркѣ, дабы предупредить возможные переходы своихъ прихожанъ въ этомъ городѣ въ православіе.

Прежде чѣмъ разстаться съ Нью-Іоркомъ и изъ этого преддверія Новаго Свѣта направиться далѣе, внутрь этой огромной и достопримѣчательной страны, упомянемъ между прочимъ еще объ одномъ «учрежденіи». На четвертой улицѣ, между третьимъ и вторымъ эвеню, на одномъ наиобыкновеннѣйшимъ окнѣ нижняго этажа зрится надпись: «Restaurant Shopin». Въ нижнихъ этажахъ нью-іоркскихъ каменныхъ громадинъ помѣщаются исключительно магазины и торговыя заведенія, и посему окна ихъ до такой степени испещрены

всевозможными надписями, что на нихъ не обращаешь обыкновенно никакого вниманія. Однако наименованіе ресторана и притомъ совершенно скромнаго ресторанчика именемъ одного изъ величайшихъ композиторовъ пахнетъ, такъ сказать, совершенно не по американски. Американскія вывѣски и надписи щеголяютъ орлами, львами, индійцами, всевозможными фигурами въ самыхъ дикихъ позахъ, но никогда не имѣютъ ничего общаго съ музыкой и искусствами вообще. И дѣйствительно, ресторанъ «Шопэнъ» оказывается вовсе не американскимъ: это—ресторанъ русско-польскій. Около четырехъ лѣтъ тому назадъ основанъ онъ здѣсь г. Р., ополяченнымъ бѣлоруссомъ изъ Минской губерніи, и всякій интеллигентный или полуинтеллигентный полякъ и русскій, попадающій къ Америку изъ Западнаго края, царства Польскаго, Галиціи и Познани, а также отчасти и изъ другихъ мѣстностей Россіи и Австріи, во время пребыванія своего въ Нью-Іоркѣ такъ или иначе попадаетъ въ этотъ ресторанъ. Американская кухня, вообще совершенно безвкусная, для нѣсколько избалованныхъ въ кулинарномъ отношеніи малоросса и поляка представляется, въ особенности на первыхъ порахъ, невозможной, и вся эта голодная славянская рать устремляется подъ покровительство имени Шопэна, гдѣ за сравнительно незначительную плату обрѣтаетъ вкусный и питательный столъ. Но, кромѣ пищи тѣлесной, ресторанъ «Шопэнъ» изобилуетъ также и пищей духовной. Русскихъ завсегдатаевъ въ немъ сравнительно мало, но за то поляковъ собирается великое множество. При той безусловной свободѣ собраній и организацій, какою отличаются Соединенные Штаты, при широтѣ и огромномъ общественномъ значеніи, какими пользуется здѣсь частная инициатива, на всякихъ частныхъ собраніяхъ, даже случайныхъ, здѣсь обсуждаются и назрѣваютъ нерѣдко вопросы первостепенной общественной важности. Такимъ образомъ маленькій и совершенно скромненькій ресторанчикъ г. Р. въ четвертой улицѣ сталъ центромъ обсужденія всевозможныхъ американско-польскихъ вопросовъ. Если принять во вниманіе, что поляковъ имѣется въ Америкѣ до полутора милліона, что въ частности въ Нью-Іоркѣ и его окрестностяхъ имѣется ихъ до тридцати тысячъ, что они имѣютъ здѣсь множество своихъ церковно-народныхъ и чисто народныхъ организацій, что въ русско-польскій ресторанчикъ «Шопэнъ» спускаются по преимуществу сливки нью-іоркской польской интеллигенціи, то станетъ очевиднымъ, что ресторанчикъ этотъ является неизбѣжно своего рода горниломъ, въ которомъ изготовляется разрѣшеніе разныхъ польскихъ общественныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ американской жизнью, нерѣдко совершенно тождественныхъ и аналогичныхъ съ такими же точно вопросами, выдвинунутыми ходомъ той же общественной жизни и для другихъ славянскихъ народовъ американскаго континента. А потому это скромное «учрежденіе» можетъ съ пользой и успѣхомъ служить не тольк

желудку, но также и умственной сферѣ новоприбывающихъ въ Новый Свѣтъ славянскихъ братій нашихъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ слоевъ, давая имъ начатки познанія и уразумѣнія американскаго быта и американской общественной жизни въ широкомъ значеніи этого слова. Замѣчательно, что традиціонныя «рознь» и «недоброжелательное недовѣріе» между русскими и поляками на американской почвѣ безслѣдно исчезаютъ, и лица обѣихъ этихъ первостепенныхъ славянскихъ народностей, владѣющія обоими этими славянскими языками, употребляютъ ихъ здѣсь совершенно безразлично, если встрѣтится въ томъ надобность.

Графъ Лелива. (Е. Н. Матросовъ).

Пенсильванія.
Августъ, 1896 года.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЮРЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ГОДЪ тому назадъ умеръ въ Томскѣ, сосланный въ Сибирь на житье, нѣкто П..., человѣкъ не чуждый русской литературѣ. Въ свое время П... былъ сотрудникомъ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ и журналовъ, а послѣ смерти у него осталась масса литературныхъ рукописей, которыя, по его желанію, были доставлены его семействомъ мнѣ.

Разбирая означенныя рукописи, я нашелъ между ними весьма интересныя, на мой взглядъ, «Тюремныя воспоминанія», обнимающія періодъ 1875—1877 гг., въ которыхъ описаны порядки бывшаго московскаго тюремнаго замка, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «Бутырскаго университета», а также порядки этапа.

Правдивость изложенныхъ въ «Воспоминаніяхъ» фактовъ и впечатлѣній не подлежитъ сомнѣнію; во-первыхъ, авторъ слишкомъ мало говоритъ въ нихъ о самомъ себѣ и, слѣдовательно, вполнѣ безпристрастенъ; во-вторыхъ, характеръ и изложеніе «Воспоминаній» совершенно незлобивые, скорѣе добродушные, а потому внушаютъ къ себѣ полное довѣріе.

Принимая же во вниманіе, что со времени событій, описанныхъ въ «Тюремныхъ воспоминаніяхъ» П..., прошли уже почти двѣ десятилѣтнія давности; что бывшій «Бутырскій университетъ» давно закрытъ, что господствовавшіе въ немъ порядки давно перешли въ область преданій; что этапные порядки также совершенно измѣнились, и что, наконецъ, правдивое описаніе этихъ порядковъ не ли-

шено извѣстнаго значенія, какъ характеристика тюремныхъ нравовъ, которые, безъ сомнѣнія, существуютъ и понынѣ во многихъ мѣстахъ заключенія второстепенныхъ русскихъ городовъ,—полагаю, что появленіе въ печати сказанныхъ «Воспоминаній» можно считать своевременнымъ. А. К.

Бутырскій университетъ.

I.

Переходъ изъ части въ тюрьму.—Внѣшнее и внутреннее расположеніе тюрьмы.—Пріемъ.—Первое впечатлѣніе.—Старосты.—Обыски.—Вспрыскиваніе «новоселья».—Водка.—Кабатчики.—Тайный проносъ спирта.

Не смотря на то, что я содержался въ С—й части въ одиночномъ заключеніи, до меня, однако, дошли слухи о привольной и, при нѣкоторыхъ матеріальныхъ средствахъ, даже веселой жизни въ московскомъ тюремномъ замкѣ. Поэтому переходъ изъ части, гдѣ я страшно томился одиночествомъ, въ замокъ, носившій оригинальное названіе «Бутырскаго университета» (главнымъ образомъ потому, что онъ находился на Бутыркахъ), я считалъ для себя чуть не праздникомъ.

Громадное зданіе замка со старыми, уродливыми башнями, передъ которымъ зеленѣлъ запущенный палисадникъ, не произвело на меня никакого удручающаго впечатлѣнія. Оно привѣтливо приняло меня въ свои широкія, гостепріимныя объятія. Я очутился въ полутемномъ дворикѣ, откуда крытый ходъ велъ на большой тюремный дворъ. На послѣднемъ я, прежде всего, былъ пораженъ многолюдствомъ: многія сотни арестантовъ всѣхъ возростовъ, племенъ и нарѣчій, сновали взадъ и впередъ, точно на толкучкѣ, и если бы не преобладающій фонъ сѣрыхъ халатовъ и отсутствіе женскаго пола, то можно было подумать, что здѣсь скорѣе уголокъ Хитрова рынка, чѣмъ тюрьма.

Арестанты, среди которыхъ, конечно, были весьма тяжкіе преступники (нѣкоторые изъ нихъ гуляли по двору въ кандалахъ), не отличались никакими особенностями, ни звѣрскими физіономіями, ни отчаяннымъ видомъ, ни озлобленными взглядами; всѣ они, пока я проходилъ въ контору, смотрѣли на меня, казалось, съ добродушнымъ любопытствомъ.

Налѣво отъ входа помѣщалась гауптвахта, а направо, въ низенькомъ, примыкавшемъ къ наружной оградѣ, зданіи, контора и такъ называемая «рѣшетка», мѣсто свиданія арестантовъ съ посѣтителями.

По срединѣ громаднаго двора стояла большая каменная церковь, къ ней пристроены были длинные одноэтажные корпусы, раздѣленные корридорами, въ которыхъ и были камеры для арестантовъ. Каждый корпусъ, въ свою очередь, былъ окруженъ довольно высокой каменной оградой, образовавшей, такимъ образомъ, маленькіе, отдѣльные дворики.

Въ двухъ главныхъ корпусахъ помѣщался обыкновенный сѣрый народъ, въ третьемъ, имѣвшемъ сообщеніе только съ церковью, было женское отдѣленіе; четвертый, небольшой корпусъ составлялъ такъ называемый «купеческій дворикъ»; дворянское же отдѣленіе помѣщалось въ отдѣльномъ зданіи и имѣло свою особую физіономію, о чемъ рѣчь впереди.

Затѣмъ, внутри того же двора, къ наружной оградѣ пристроены были: квартира смотрителя, цейхгаузъ, кухня, пекарня, баня, мастерскія и разныя другія постройки.

Отдѣленія для срочныхъ арестантовъ, для малолѣтнихъ и тюремная больница находились на другомъ дворѣ, примыкавшемъ къ главному.

Невольные, выдающіеся члены «Бутырскаго университета» разсматривали меня, какъ сказано, съ большимъ любопытствомъ; въ тюрьмѣ, повидимому, какимъ-то образомъ уже знали о моемъ преступленіи, надѣлавшемъ въ свое время много шума, происхожденіи, степени образованія и матеріальныхъ средствахъ. Среди любопытныхъ были и старосты корридоровъ, желавшіе залучить меня въ свои корпуса.

Каждымъ корпусомъ, въ которомъ было по 16 камеръ, завѣдывалъ избранный арестантами и утвержденный смотрителемъ тюрьмы староста. Послѣдній занималъ лучшую въ корпусѣ камеру, гдѣ помѣщались болѣе состоятельные арестанты, платившіе старостѣ по 3 рубля въ мѣсяцъ, получая за это два раза въ день чай изъ самовара съ сахаромъ безъ ограниченія. Старостина камера содержалась въ возможной чистотѣ и порядкѣ; вмѣсто наръ, здѣсь для каждаго арестанта были отдѣльныя койки, убранныя собственными подушками и одѣялами.

Но я забѣгаю впередъ.

Въ конторѣ, послѣ исполненія необходимыхъ формальностей, я долженъ былъ разстаться съ собственнымъ платьемъ и облечься въ казенное. Но въ знакъ особой милости за приличное, впрочемъ, вознагражденіе и въ ожиданіи еще большаго, мнѣ оставили все мое нижнее платье, и я долженъ былъ надѣть только, вмѣсто сюртука, арестантскій халатъ, котораго избѣжать было нельзя. Но этотъ халатъ оказался такимъ грязнымъ, рванымъ и не по росту, что носить его было невозможно. Это сдѣлано было съ цѣлью. Зная, что у меня имѣются нѣкоторыя средства, низшее начальство разсчитывало, что я не поскуплюсь и пожелаю перемѣнить грязный и рва-

ный халатъ на новый. Я дѣйствительно пожелалъ, и черезъ два часа, за полтора рубля, у меня уже былъ «щегольской», новый халатъ, короткій, скроенный и сшитый «по модѣ», такъ что онъ цвѣтомъ только напоминалъ арестантскій.

Несмотря на предписываемый правилами строжайшій обыскъ вновь прибывшихъ арестантовъ, при которомъ у послѣднихъ должно быть отбираемо все лишнее, у меня оставили все мое имущество: бѣлье, часы, ножикъ, книги, письменныя принадлежности и проч.

Прямо изъ рукъ чиновника, записавшаго меня въ члены «Бутырскаго университета», я попалъ подъ покровительство старосты, купившаго меня у старшаго тюремнаго унтеръ-офицера и поведшаго меня сквозь толпу любопытныхъ арестантовъ въ свою камеру.

Это была большая, квадратная, свѣтлая комната, по срединѣ которой стоялъ большой столъ, а вокругъ стѣнъ и какъ попало помѣстились разныя койки, числомъ около 18. Староста указалъ мнѣ въ «красномъ углу» кровать, на которой я расположился съ своимъ имуществомъ и вскорѣ устроился довольно удобно съ собственнымъ матрацомъ, чистымъ бѣльемъ, подушками и одѣяломъ. Для мелочей же мнѣ предоставленъ былъ маленькій шкафчикъ.

Не успѣлъ я приглядѣться къ новой обстановкѣ, какъ ко мнѣ, въ сопровожденіи старосты, явился небольшого роста арестантъ въ кандалахъ, лѣтъ около 35, съ звѣрскимъ и опухшимъ отъ пьянства лицомъ, съ сверкающими злыми, но умными глазами. Это былъ главный «жиганъ» всей тюрьмы, отчаянный головорѣзъ, Силантій Касаткинъ, котораго боялись всѣ въ тюрьмѣ, не исключая и самого смотрителя.

Касаткинъ, подойдя ко мнѣ и осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, «потребовалъ» контрибуцію для вспрыскиванія моего новоселья. Не зная тюремныхъ обычаевъ, я началъ было отговариваться, говоря, что никогда въ жизни не пилъ. Но староста объяснилъ мнѣ, что это требуется отъ всякаго «порядочнаго» новичка, и что, во избѣжаніе разныхъ непріятностей, я долженъ подчиниться принятымъ въ тюрьмѣ правиламъ. Я далъ два рубля.

«Жиганъ», нѣкоторыя подробности о которомъ будутъ изложены ниже, осклабился, взялъ деньги, поблагодарилъ и вышелъ. Но за два рубля въ тюрьмѣ можно было достать только два стакана водки, т.-е. собственно даже не водки, а разбавленнаго водою спирта, такъ какъ туда проносили, какъ я узналъ впослѣдствіи, только чистый спиртъ, который разбавлялся «кабатчиками» водою.

Говорю—«кабатчиками», потому что въ тюрьмѣ была организована совершенно правильная виноторговля. Здѣсь были свои складчики, кабатчики и посредники. Во всякое время дня и ночи можно было достать въ тюрьмѣ сколько угодно спирта. Всѣ прикосновенныя къ нему лица заработывали большія сравнительно деньги. Говорили, что нѣкоторые кабатчики, сидя въ тюрьмѣ, наживали цѣ-

. внѣ ея стѣнъ, и что нѣкоторые предпріимчивые цѣло-
нарочно старались попадать въ тюрьму, чтобы имѣть
юсть торговать тамъ спиртомъ.
какимъ только хитростямъ ни прибѣгали, чтобы проно-
ретный плодъ. Несмотря на строжайшій надзоръ, его про-
а днѣ водовозныхъ бочекъ, въ дутыхъ шинахъ и дугахъ,
:ахъ молока съ двойнымъ дномъ, въ именинныхъ пирогахъ
ъ, его, наконецъ, перебрасывали через высокія стѣны въ
съ пузыряхъ. Но болѣе всего его проносили мелкіе чинов-
сцы при конторѣ, которые при входѣ въ тюрьму не под-
ь обыску. Одинъ смотритель малолѣтняго отдѣленія почти
таскалъ спиртъ чуть ли не ведрами, для чего у него при-
ны были даже карманы, но онъ скоро попался и попла-
. это мѣстомъ, о чемъ также рѣчь впереди.
гчики и ихъ приспѣшники такъ искусно умѣли прятать
нный товаръ, что самые тщательные обыски, самый опыт-
глядъ сыщика его не могли отыскать. Впрочемъ, самое зданіе
каго университета» съ своими безконечными корридорами,
развалинами и подземельями много способствовало храненію
контрабандныхъ вещей.

II.

ючь.—Разгулъ.—Угрозы.—Моя наивность.—Невѣдомая опасность.—Не-
е спасеніе.—Безнаказанность убійствъ.—Дворянское отдѣленіе.—Смотри-
:а.—«Червонные валеты».—Пріемъ въ дворянское отдѣленіе.—Обыденная
ивиллегированныхъ арестантовъ.—«Рѣшетка».—Комната для свиданія.—
Шумъ и гамъ.—Передача вещей.—Тайныя свиданія.

вращаюсь къ событіямъ первой ночи, проведенной мною въ
. Съ моей легкой руки, въ нашемъ корридорѣ учинилось
колоссальное пьянство, подобнаго которому даже тюремные
лы давно не видали. Послѣ вечерней повѣрки, когда кор-
запираются до утра, а слѣдовательно нельзя было ожидать
о начальства, которое, впрочемъ, и днемъ не любило без-
. арестантовъ, по нашему корпусу пошелъ разгулъ.
алось съ того, что съ меня потребовалась новая контрибуція,
торой я не смѣлъ отказаться. Потомъ тюремные коноводы
ти къ болѣе зажиточнымъ узникамъ, которые и сами не прочь
выпить. Откуда-то взялись громадныя бутыли со спиртомъ.
о только имѣли какія либо деньжонки, пропили ихъ. По всему
эру поднялись пѣсни, шумъ, брань. Многіе мои товарищи по
, казавшіеся мнѣ днемъ такими солидными, здравомыслящими
юдушными, напившись до чертиковъ, стали приставать ко
. разными угрозами, смыслъ которыхъ я никакъ не могъ по-

нять. Нѣкоторые собирались меня бить, но староста, который одинъ, по причинѣ болѣзни сердца, ничего не пилъ, и другіе болѣе разумные сосѣди удерживали расходившихъ буяновъ, и меня оставили въ покоѣ.

Само собою разумѣется, что я всю ночь не смыкалъ глазъ, робко присматриваясь къ необычнымъ для меня картинамъ и все думая, какъ бы мнѣ избавиться отъ поражавшей меня обстановки.

Еле дождавшись утра, когда отперли корридоры, я выбѣжалъ на дворикъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Затѣмъ, когда началось занятіе въ конторѣ, я отправился туда, попросилъ листъ бумаги и сочинилъ прошеніе на имя смотрителя, въ которомъ подробно и густыми красками нарисовалъ картину ночнаго разгула, упомянулъ о требованіи съ меня денегъ на водку, а также о сдѣланныхъ мнѣ угрозахъ, и просилъ о перемѣщеніи меня въ какое-нибудь безопасное мѣсто.

Эта наивная выходка чуть не стоила мнѣ жизни. Едва я успѣлъ выйти изъ конторы, какъ многіе арестанты уже провѣдали про мое прошеніе и страшно возмутились противъ меня. Дѣло въ томъ, что въ тюрьмѣ, а въ особенности въ московской, имѣвшей свои традиціи, не принято было жаловаться на своихъ товарищей начальству, и всякое заявленіе послѣднему, какъ бы правдиво и справедливо оно ни было, считалось ябедой, а жалобщика называли ябедникомъ, доносчикомъ, «лягавой собакой». Я, разумѣется, ничего этого не зналъ; я искалъ только защиты и жаждалъ покоя, но тюремные коноводы посмотрѣли на дѣло иначе, увидѣли во мнѣ ябедника и рѣшили меня проучить.

Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ «жигановъ» поджидалъ меня на дворѣ съ камнемъ въ рукахъ, и когда я, ничего не подозрѣвая, поровнялся съ нимъ, онъ замахнулся на меня, намѣреваясь розмозжить мнѣ голову.

На мое счастіе тутъ же очутился мой староста, который быстро отстранилъ руку жигана и тѣмъ отклонилъ смертельный ударъ, причемъ объяснилъ, что я не вѣдалъ, чтó творилъ, что я новичокъ, «порядковъ» не знаю, и что возьму прошеніе назадъ. Жиганъ злобно посмотрѣлъ на меня, но не тронулъ, и я подъ защитой старосты прошелъ, блѣдный и испуганный, сквозь строй свирѣпыхъ взглядовъ, въ свою камеру.

Сознавъ свою оплошность, я дѣйствительно взялъ прошеніе назадъ, чтò, впрочемъ, совѣтовалъ мнѣ и смотритель, не желавшій дать офиціальный ходъ моему заявленію, которое могло причинить ему не мало непріятностей.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ стѣнахъ тюрьмы неоднократно совершались убійства, которыя оставались совершенно безнаказанными, такъ какъ ни одинъ арестантъ, подъ страхомъ смерти, не смѣлъ свидѣтельствовать противъ своего собрата.

Несмотря на успокоенія старосты, увѣрявшаго меня, что никто меня не тронетъ, и что такія попойки случаются весьма рѣдко, я чувствовалъ себя крайне неловко въ своей камерѣ и задался мыслью перемѣститься, какими бы то ни было средствами, въ дворянское отдѣленіе, гдѣ я, по своему происхожденію и цензу, не имѣлъ права содержаться. Для этого мнѣ, прежде всего, нужно было согласіе дворянскаго старосты и смотрителя тюрьмы.

Считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ. Звали его—Павелъ Петровичъ М. Это былъ высокаго роста мужчина, толстый, пузатый, съ обрюзглымъ лицомъ, и довольно добродушный съ перваго взгляда, но въ дѣйствительности совершенно безсердечный. Глупъ и невѣжественъ онъ былъ феноменально, къ тому отличался необыкновенной трусостью. Арестанты ни въ грошъ его не ставили. Коноводы и жиганы иногда бранили его при всемъ народѣ такими позорными прозвищами, что, казалось, онъ долженъ былъ строго и больно наказать обидчиковъ, на что онъ имѣлъ полнѣйшую власть, но трусость брала верхъ, и онъ только улыбался, успокоивая расходившагося буяна. Но когда ужъ очень разсердится, то прикажетъ посадить буяна въ «башню», которая будетъ описана ниже, а черезъ часъ или два уже выпуститъ его и еще обласкаетъ. Вниманіе его, главнымъ образомъ, было сосредоточено на томъ, чтобы сора изъ избы не выносить, и чтобы высшее начальство ничего не провѣдало про внутренніе тюремные порядки. Впрочемъ, болѣе рельефную характеристику смотритель получитъ изъ дальнѣйшихъ фактовъ.

Такъ, однажды смотритель увидѣлъ на тюремномъ дворѣ молодаго, красиваго арестанта въ щегольски перешитомъ новомъ халатѣ. Судя о состоятельности арестантовъ по подобнымъ халатамъ, замѣтивъ новичка, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, гдѣ онъ взялъ такой халатъ.

— Портные передѣлали,—отвѣтилъ арестантъ.

— Кто вамъ позволилъ портить казенныя вещи?—грозно продолжалъ смотритель.

— Халатъ не испорченъ, а передѣланъ къ лучшему.

— Но кто позволилъ, а?

— Не я одинъ въ такомъ халатѣ. Вонъ многіе имѣютъ такіе халаты.

— Многіе? Я вамъ покажу—«многіе». Эй, Коробковъ!—крикнулъ онъ, подозвавъ къ себѣ какого-то арестанта-оборванца.—На, возьми себѣ этотъ халатъ, новый, а ты надѣнь вотъ этотъ,—обратился онъ къ щеголю.

Послѣдній поблѣднѣлъ отъ злости, но ничего не возражалъ; молча онъ снялъ свой халатъ и отдалъ оборванцу, а тотъ передалъ свой рваный. Собравшіеся на эту сцену арестанты были возмущены выходкой смотрителя; нѣкоторые крикнули: «самодуръ!». Но смотри-

тель не обратилъ на это вниманія и гордо удалился, точно совершилъ Богъ вѣсть какой подвигъ.

Какъ только смотритель скрылся, арестанты потребовали отъ Коробкова, чтобы онъ отдалъ обратно новый халатъ. Тотъ сначала не согласился было, но молодой франтъ далъ ему 30 коп., и они обмѣнились снова халатами.

Черезъ нѣсколько дней смотритель, встрѣтивъ франта въ новомъ халатѣ, весь побагровѣлъ.

— Это что такое?—воскликнулъ онъ, выходя изъ себя,—снять халатъ! сію минуту! Я тебѣ покажу своевольничать.

Арестанта наконецъ взорвало.

— Что вы пристали къ моему халату?—сталъ онъ огрызаться.

— Снять халатъ, говорю!—бѣсился смотритель.

— Не сниму! Не я одинъ въ такомъ халатѣ.

— Молчать!

— Не буду молчать! Что вы пристали ко мнѣ? Моя физіономія что ли вамъ не понравилась?

— Не разсуждать! Сію минуту снять халатъ!

— Не сниму, и отстаньте отъ меня!

— А, ты еще грубить? Ну, я тебѣ покажу. Эй, Петровъ!—подозвалъ онъ старшаго унтеръ-офицера,—снять съ него халатъ сейчасъ!

Петровъ подошелъ было исполнить приказаніе начальника, но въ это время арестантъ крикнулъ:

— Подлецъ!

— Ты кого ругаешь?—весь побагрѣвъ, спросилъ смотритель.

— Тебя, толстопузаго!—отчеканилъ арестантъ.—Ты такой-сякой,—продолжалъ онъ ругать смотрителя самыми отборными кличками.

Смотритель мигомъ точно преобразился.

— Такъ вотъ какъ,—началъ онъ тономъ ниже.—Петровъ, сейчасъ отправить его въ башню. Взять его!—обратился онъ къ караульнымъ солдатамъ.

— Я и такъ пойду!—дерзко говорилъ арестантъ, продолжая ругать смотрителя.—Ты, такой-сякой, меня этимъ не напугаешь.

Арестанта увели въ карцеръ; но черезъ полчаса смотритель его выпустилъ и халата больше не отнималъ. И съ тѣхъ поръ онъ не только никогда не придирался къ дерзкому арестанту, но, напротивъ, постоянно съ нимъ ласково обходился, подавалъ ему руку и боялся его, какъ огня.

Дворянское отдѣленіе, какъ сказано выше, помѣщалось въ особомъ, небольшомъ флигелькѣ, на отдѣльномъ дворикѣ, гдѣ былъ разбитъ маленькій палисадникъ, и гдѣ привиллегированные арестанты въ безконечные часы досуга занимались садоводствомъ и огородничествомъ. Въ описанное мною время въ дворянскомъ отдѣленіи содержались нѣкоторые печальной знаменитости представители громкаго въ свое время процесса, извѣстнаго подъ названіемъ: «дѣло

клуба червонныхъ валетовъ». Многіе изъ нихъ находились на свободѣ, но главные вожаки содержались подъ арестомъ. Изъ нихъ выдавались слѣдующіе: П. К. Шпейеръ, А. Н. Верещагинъ, профессоръ духовной академіи Неофитовъ, князь Долгоруковъ, Н. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Плехановъ, бывшій уѣздный предводитель дворянства Массари, купеческій сынокъ Пѣговъ и дѣвица Башкирова.

Кромѣ этихъ лицъ, изъ дворянъ подслѣдственныхъ, не принадлежавшихъ къ числу «червонныхъ валетовъ», были слѣдующія выдающіяся личности: Христиничъ, Кони и бывшій предсѣдатель смоленской губернской земской управы, А. И. Энгельгардтъ.

Нѣкоторыя подробности о всѣхъ названныхъ лицахъ будутъ изложены ниже.

Многіе изъ гг. дворянъ знали о моемъ громкомъ дѣлѣ и имѣли уже надлежащее понятіе обо мнѣ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ вліятельными членами «клуба», я былъ принятъ въ дворянское отдѣленіе, въ качествѣ прислужника, что не мѣшало мнѣ имѣть среди новыхъ товарищей приличный уголъ съ удобной обстановкой. Дворяне тѣмъ охотнѣе приняли меня въ свою среду, что разсчитывали эксплоатировать меня, предполагая, что у меня большія средства.

Никто изъ «благородныхъ» преступниковъ не имѣлъ удрученнаго вида; всѣ они, напротивъ, смотрѣли самоувѣренно, гордо, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Смотритель лебезилъ передъ ними, прислуга исполняла малѣйшія ихъ требованія. Со стороны непривеллигированныхъ арестантовъ они также пользовались большимъ авторитетомъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые имѣли свои средства къ существованію. Нигдѣ, думаю, не замѣтно такого различія между дворянской костью и простымъ народомъ, какъ въ стѣнахъ тюрьмы.

Въ дворянское отдѣленіе никто изъ простыхъ арестантовъ, безъ особенной надобности, не смѣлъ заходить, гг. же дворяне цѣлые дни слонялись по всѣмъ закоулкамъ обширной тюрьмы, пьянствовали, играли въ карты, дебоширствовали. Внѣшнее отличіе дворянъ отъ простыхъ заключалось въ халатѣ, который у первыхъ былъ изъ тонкаго сукна и шоколаднаго цвѣта. Нѣкоторые, вмѣсто халата, носили коротенькія куртки, сшитыя по фигурѣ, такъ что трудно было видѣть въ нихъ арестантовъ, такъ какъ во всемъ остальномъ одѣяніи они ничѣмъ не отличались отъ «вольныхъ» людей.

У нѣкоторыхъ дворянъ были порядочныя средства, но большинство нищенствовало, жило на счетъ товарищей, или же пускалось на мелкіе гешефты въ сообществѣ съ простыми арестантами.

Дворяне, кромѣ того, имѣли свою отдѣльную «рѣшетку». Но о послѣдней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ подробнѣе.

«Рѣшеткой» назывался въ тюрьмѣ тотъ день, когда посторонняя публика допускалась къ свиданію съ арестантами. Оригинальное названіе это получилось отъ проволочной рѣшетки, которою были

обтянуты перегородки, поставленныя между публикой и арестантами въ комнатѣ для свиданія.

«Рѣшетка» составляла главный пульсъ жизни въ тюрьмѣ; всѣ почти невольные обитатели послѣдней только и жили «рѣшеткой»; она была точно ярмаркой для маленькаго городка. Всѣ дѣла между арестантами рѣшались съ расчетомъ на «рѣшетку».

Въ мое время къ «рѣшеткѣ», то-есть къ свиданію съ заключенными, публика допускалась три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Время свиданія для простыхъ продолжалось отъ 10—12 часовъ, а для дворянъ отъ 1 часа до 2.

Комната, въ которой происходили свиданія, была очень небольшая, раздѣленная къ тому, какъ сказано, двумя перегородками, разстояніе между которыми было около аршина. Разговаривающіе едва могли видѣть другъ друга, въ особенности трудно было разсмотрѣть посѣтителей, такъ какъ они обыкновенно стояли спиной къ свѣту и лицомъ къ арестантамъ. Послѣднихъ также трудно было различить, потому что двойная, густая рѣшетка мѣшала этому. Въ комнатѣ во время свиданія стоялъ такой крикъ и гамъ, что не было возможности разслышать другъ друга.

Дѣло въ томъ, что какъ только накоплялось много посѣтителей, разговаривающіе, желая передать другъ другъ, что ихъ интересовало, вынуждены были нѣсколько повысить голосъ; по ихъ примѣру, сосѣди дѣлали то же самое, и такимъ образомъ, постепенно, отъ желанія перекричать другъ друга, въ комнатѣ поднимался такой шумъ и гвалтъ, который, какъ говорили, слышенъ былъ и за стѣной тюрьмы. Многіе выходили изъ «рѣшетки» охрипшими.

Въ прежнее время арестанты допускались между перегородками, такъ что они могли разговаривать съ посѣтителями, стоя близко, въ полголоса; но такъ какъ, несмотря на самый бдительный надзоръ, они ухитрялись передавать другъ другу не только деньги и записки, но и разные инструменты, то пришлось раздѣлить ихъ двумя перегородками.

Но это нисколько не препятствовало передачѣ запрещенныхъ вещей, потому что полицейскіе офицеры, слѣдившіе во время свиданій за порядкомъ, смотрѣли на это сквозь пальцы, передавали арестантамъ отъ посѣтителей цѣлые узлы съ вещами и провизіею, которые ощупывали только для проформы, желая убѣдиться, нѣтъ ли въ нихъ водки. Да этимъ офицерамъ и физически невозможно было тщательно осматривать всякій узелокъ, при накопленіи такой массы публики.

Во время же дворянской «рѣшетки» было довольно просторно и тихо, такъ какъ на свиданія собиралось всего человѣкъ 10—15, которые могли совершенно свободно разговаривать между собою. Нѣкоторые дворяне пользовались особой милостью — стоять между перегородками; другіе, за нѣкоторую мзду смотрителю, допускались

къ свиданію въ конторѣ, лицомъ къ лицу съ посѣтителями, а инымъ предоставлены были свиданія въ отдѣльномъ укромномъ помѣщеніи у воротъ, гдѣ устраивались даже любовныя встрѣчи между супругами и другими влюбленными парочками...

Послѣ «рѣшетки» на тюремномъ дворѣ замѣчалось особое оживленіе. Всѣ осчастливленные посѣщеніемъ «близкихъ» передавали свои впечатлѣнія товарищамъ; въ общемъ обиходѣ появлялись въ обращеніи деньги, провизія, карты, табакъ. Затѣвались коммерческія дѣла, оживленный обмѣнъ разныхъ вещей, получались книги и газеты,— словомъ, сцѣплялись сотни интересовъ. Каждый арестантъ, имѣвшій внѣ тюремныхъ стѣнъ какое нибудь близкое, родное существо, ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ,—и какъ глубоко были огорчены тѣ несчастные арестанты, которые разсчитывали на посѣтителей, но не дождались ихъ! Успокоивала ихъ только надежда, что въ ближайшую «рѣшетку» свой человѣкъ уже непремѣнно придетъ и принесетъ съ собою чуть ли не свободу...

III.

Герои «клуба червонныхъ валетовъ».—Похороны-кощунство.—Червонный валетъ—кн. Долгоруковъ.—Шпейеръ.—Жена его, урожденная кн. Еникеева.—Ея арестъ.—Бѣгство Шпейера.—Хитрая механика.—Подложное предписаніе прокурора.—Глупая роль смотрителя.—Шпейеръ чуть не пойманъ въ женскомъ платьѣ.—Канулъ въ воду.

Выше я слегка упомянулъ о герояхъ «клуба червонныхъ валетовъ». О нихъ слѣдуетъ сказать болѣе подробно.

Дѣло о «червонныхъ валетахъ» было слишкомъ раздуто въ свое время. Никакой шайки и тѣсной организаціи между членами «клуба» не было, что̀ признано было судомъ. Хотя на скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 45 человѣкъ обвиняемыхъ, которымъ приписалось составленіе 22 подложныхъ векселей, поддѣлка 4 банковыхъ билетовъ, совершеніе 31 подлога и 29 мошенничествъ и даже 1 убійство,—но на судѣ разъяснилось, что ядро «клуба» составляли только нѣсколько знакомыхъ между собою шалопаевъ и бездѣльниковъ, которымъ, за неимѣніемъ своихъ средствъ, хотѣлось жуировать на чужой счетъ. Всѣ «валеты», въ сущности, очень мелко плавали, и никакихъ выдающихся преступленій они не совершали. Большинство ихъ подвиговъ сводилось на мелкія мошенничества и даже шалости.

Такъ нѣкоторые изъ валетовъ обвинялись въ кощунствѣ, которое заключалось въ томъ, что пьяная компанія устроила торжественныя похороны живого человѣка. Одинъ шалопай принялъ на себя роль покойника; его положили въ гробъ, товарищи его отпѣвали, послѣ чего учинили грандіозную выпивку.

Затѣмъ, нѣкій захудалый кн. Долгоруковъ, дальній родственникъ московскаго генералъ-губернатора, выдавая себя за родного его племянника, пускался на разныя мелкія мошенничества съ цѣлью добыть сотню-другую рублей. Онъ, напримѣръ, нанялъ гдѣ-то маленькаго человѣка, одѣлъ его для представительства въ какой-то фантастическій красный костюмъ, отправился съ нимъ въ Петербургъ, остановился во второстепенной гостиницѣ и напечаталъ объявленіе, что ему требуется конторщикъ съ залогомъ въ 200 рублей. Какъ только на эту удочку попался первый неопытный приказчикъ, Долгоруковъ обрадовался и, не дожидаясь дальнѣйшихъ простачковъ, ускакалъ обратно въ Москву, чтобы скорѣе прокутить эту сумму съ товарищами.

Единственное серьезное преступленіе, совершенное нѣкоторыми «валетами», это было составленіе четырехъ фальшивыхъ вкладныхъ билетовъ частныхъ банковъ, которые закладывались у разныхъ московскихъ ростовщиковъ, но все это вскорѣ обнаружилось, и герои преступленія не успѣли выручить отъ дѣтски задуманной операціи и нѣсколькихъ тысячъ рублей.

Вообще, всѣ «червонные валеты», вмѣстѣ взятые, не выручили изъ своихъ совокупныхъ подвиговъ и 10 тысячъ рублей, такъ что, въ сравненіи съ Юханцевымъ, Струсбергомъ, Ландау, матушкой Митрофаніею, которые прославились въ то время хищеніемъ милліоновъ, они оказались сущими пигмеями. И только тогдашняя московская прокуратура, желая отличиться, раздула дѣло «червонныхъ валетовъ» въ громадный процессъ, не рискуя, однако, называть обвиняемыхъ офиціально этимъ именемъ. Названіе «клуба червонныхъ валетовъ» дѣло это получило среди публики.

Душой веселой компаніи считался П. К. Шпейеръ. Это былъ красивый блондинъ, хотя съ неправильными чертами лица, здоровый и цвѣтущій, лѣтъ около тридцати, веселый, находчивый, кумиръ многихъ московскихъ дамъ. Женатъ онъ былъ на какой-то княжнѣ, молоденькой, хорошенькой и элегантной брюнеткѣ; но онъ съ ней уже не жилъ, а сошелся съ женой своего товарища по кутежамъ и преступленіямъ, Протопопова, который, въ свою очередь, жилъ открыто съ женой Шпейера,—словомъ, шалопаи помѣнялись женами.

Курьезно было смотрѣть, когда, послѣ ареста Шпейера и Протопопова, къ «рѣшеткѣ», на свиданіе, являлись ихъ жены. Г-жа Шпейеръ вызывала своего возлюбленнаго Протопопова, а жена послѣдняго—Шпейера. Обѣ парочки, бывало, стоятъ рядомъ и толкуютъ каждая о своихъ дѣлахъ, при чемъ законные супруги только обмѣнивались холодными поклонами, но въ бесѣду между собою не вступали.

Не могу забыть ту сцену, когда, по распоряженію прокурорскаго надзора, жена Шпейера, привлеченная къ дѣлу «клуба чер-

вонныхъ валетовъ», какъ укрывательница, и находившаяся на свободѣ, вдругъ была арестована и приведена въ тюрьму. Въ какія нибудь пять минутъ, изящная, элегантная, молодая, свѣтская женщина превратилась въ арестантку, переодѣтую въ полосатый, безобразный женскій арестантскій халатъ и въ другіе арестантскіе атрибуты. При этомъ переодѣваніи, бѣдная женщина до того рыдала, что многіе арестанты, грубые, черствые, злые преступники, бывшіе случайными свидѣтелями этой сцены, не могли удержаться отъ слезъ.

Черезъ нѣкоторое время г-жа Шпейеръ была взята кѣмъ-то на поруки на свободу; неизвѣстно, для чего прокуратурѣ понадобилась вдругъ жестокость ареста.

Шпейеръ одно время былъ старостой дворянскаго отдѣленія и пользовался многими прерогативами. Онъ носилъ кучерскую поддевку изъ самаго тонкаго сукна, которая ловко обхватывала его тонкій станъ, высокіе сапоги со складками и кучерскую же шапочку. Кромѣ г-жи Протопоповой, его посѣщали и другія московскія барыни, которыя приносили ему всевозможныя яства и лакомства, подарки и деньги. Смотритель почему-то очень боялся Шпейера и потому крайне благоволилъ къ нему. Онъ допускалъ къ нему посѣтителей во всякое время, самъ устроивалъ ему свиданія съ дамочками и исполнялъ всякія его прихоти.

И вдругъ Шпейеръ исчезъ!

Бѣгство Шпейера, какъ я узналъ впослѣдствіи, устроилось слѣдующимъ хитрымъ способомъ.

Дѣло въ томъ, что, содержась при частяхъ, гдѣ арестованнымъ дозволяется носить свое платье, члены клуба «червонныхъ валетовъ» вообще и Шпейеръ въ особенности часто, а иногда даже съ разрѣшенія судебнаго слѣдователя, отлучались, въ сопровожденіи лишь одного переодѣтаго городового, въ городъ, гдѣ они могли посѣщать свободно знакомыхъ, рестораны и кутить напропалую.

Переведенный изъ частнаго дома въ тюрьму, Шпейеръ убѣдился, что дѣло его плохо, и что ему угрожаетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе, почему онъ задумалъ избавиться отъ ожидавшей его неизбѣжной участи и совершенно исчезнуть съ московскаго горизонта.

И вотъ смотритель тюрьмы получаетъ въ одинъ день оффиціальное предписаніе окружнаго суда о немедленномъ переводѣ Шпейера въ одну изъ московскихъ частей. Смотритель, понятно, въ точности исполнилъ предписаніе прокурора; черезъ часъ Шпейеръ уже былъ въ частномъ домѣ, а еще черезъ часъ онъ уже ѣздилъ по городу къ разнымъ знакомымъ и счелъ за благо больше въ часть не вернуться.

Когда же на слѣдующій день прокурорскому надзору стало извѣстно, что Шпейеръ исчезъ, то обнаружилось, что прокуроръ ни-

какого предписанія смотрителю замка не посылалъ, и что полученно предписаніе было подложное.

Между тѣмъ вся эта хитрая механика была придумана въ стѣнахъ тюрьмы и ловко выполнена въ стѣнахъ окружнаго суда.

Одинъ изъ членовъ «клуба червонныхъ валетовъ», Плехановъ обладалъ необыкновенной способностью не только поддѣлывать все возможныя подписи, но и писать цѣлыя письма и бумаги подъ какую угодно руку.

Имѣя свободный входъ въ контору замка, то-есть въ канцелярію, членамъ «клуба» не трудно было достать какую нибудь незначительную бумагу прокурора и утащить ее къ себѣ въ камеру. Здѣсь бумага была вычищена разными жидкостями, и Плехановъ, запомнивъ, лучше сказать, отмѣтивъ на отдѣльномъ листкѣ почеркъ прокурорскаго писца и подписи секретаря и самого прокурора, написалъ на чистомъ уже бланкѣ предписаніе о переводѣ Шпейера въ часть. Затѣмъ бумага была передана одному изъ посвященныхъ въ это дѣло товарищей, находившемуся на свободѣ, который зналъ всѣ входы и выходы въ окружномъ судѣ и былъ знакомъ съ нѣкоторыми курьерами. Зная время сортировки и отправки исходящихъ бумагъ, этотъ господинъ зашелъ въ курьерскую суда, незамѣтнымъ образомъ стащилъ одно изъ подлинныхъ предписаній прокурора смотрителю тюремнаго замка, вышелъ въ корридоръ, посмотрѣлъ № бумаги, вписалъ его въ поддѣльное предписаніе о Шпейерѣ и незамѣтнымъ же образомъ положилъ послѣднее среди другихъ бумагъ. Такимъ образомъ, въ тюремномъ замкѣ получилось поддѣльное предписаніе, но за настоящимъ номеромъ и числомъ.

Надо сказать, что когда смотритель получилъ поддѣльное предписаніе прокурора о Шпейерѣ, онъ ходилъ по тюрьмѣ и хвасталъ многимъ приближеннымъ арестантамъ, что это онъ устроилъ переходъ изъ тюрьмы своего любимца, что прокуроръ много разъ спрашивалъ его, смотрителя, о поведеніи Шпейера въ тюрьмѣ, и что онъ давалъ всегда самый лестный отзывъ о послѣднемъ, и только, благодаря его аттестаціи, Шпейеръ получилъ такую неожиданную льготу.

Можно себѣ, поэтому, представить физіономію смотрителя, когда онъ узналъ о бѣгствѣ Шпейера! Онъ ходилъ по камерамъ и упрашивалъ многихъ никому ничего не говорить о его вчерашнемъ хвастовствѣ, которое, если бы стало извѣстно прокурорскому надзору, могло причинить ему не мало непріятностей по службѣ.

Шпейеръ такъ и ускользнулъ изъ рукъ правосудія. Разсказывали, что когда дѣло «клуба червонныхъ валетовъ» разбиралось въ большомъ, кругломъ залѣ московскаго окружнаго суда, то Шпейеръ явился туда изъ любопытства переодѣтый въ женское платье; что его узналъ среди публики обвинявшій «валетовъ» товарищъ про-

курора М., который немедленно сдѣлалъ распоряженіе о его арестѣ, но Шпейеръ это замѣтилъ и быстро исчезъ изъ залы суда.

Его такъ и не розыскали.

IV.

Верещагинъ.—Возгорѣвшаяся къ нему любовь «эксцентричной барышни».—Тюремный патріархъ «профессоръ» Неофитовъ.—Массари.—Его карикатура на смотрителя.—Князь Долгоруковъ, какъ поэтъ.—Посланіе прокурору со скамьи подсудимыхъ.—Подарокъ прокурора.—Дмитріевъ-Мамоновъ.—Плехановъ.—Сынъ милліонера, Пѣговъ.—Башкирова.

Другой членъ «клуба червонныхъ валетовъ», А. Н. Верещагинъ, былъ также довольно выдающейся личностью. Попавъ въ тюрьму за разныя «предпріятія», онъ просидѣлъ здѣсь, до суда, около 6 лѣтъ. Высокій, стройный, начитанный, остроумный, веселый и замѣчательно краснорѣчивый, Верещагинъ былъ душою всего дворянскаго отдѣленія. Его слушались, какъ авторитета, и всѣ другіе арестанты. Онъ замѣшанъ былъ во всѣ продѣлки «клуба»; его планы всегда отличались оригинальностью и были разсчитаны впередъ во всѣхъ подробностяхъ, и не осуществлялись только по непреодолимымъ обстоятельствамъ.

Весь планъ бѣгства Шпейера былъ придуманъ имъ. При этомъ Верещагинъ имѣлъ въ виду не только освобожденіе Шпейера, но и свое собственное и еще нѣкоторыхъ другихъ товарищей. По плану Верещагина, Шпейеръ, черезъ нѣкоторое время послѣ своего бѣгства и послѣ успокоенія полиціи, долженъ былъ устроить гдѣ нибудь въ меблированныхъ комнатахъ «временную» камеру судебнаго слѣдователя и розыграть роль послѣдняго. Надо было заказать соотвѣтствующую вывѣску, отпечатать бланки, завести разносную книгу, нанять разсыльнаго унтеръ-офицера, и затѣмъ вытребовать изъ тюрьмы Верещагина и другихъ намѣченныхъ товарищей для «дослѣдованія», росписаться въ «полученіи» арестантовъ, отпустить конвой и выпустить товарищей на всѣ четыре стороны.

Все это, при тогдашнихъ тюремныхъ порядкахъ, возможно было привести въ исполненіе, но для осуществленія этого предпріятія нужны были болѣе или менѣе значительныя средства, которыхъ не оказалось, и потому смѣлый планъ не удался.

Во время разбора дѣла «клуба червонныхъ валетовъ» въ окружномъ судѣ, привлекавшаго въ судъ самую избранную московскую публику, Верещагинъ такъ независимо и съ такимъ достоинствомъ держалъ себя и такъ краснорѣчиво и умно говорилъ, что въ него влюбилась очень молодая и красивая дѣвушка изъ хорошаго дворянскаго семейства, которая тутъ же на судѣ, продолжавшемся болѣе мѣсяца, нашла возможность объясниться съ нимъ, посылать

записочки и доставлять ему пищу и лакомства. Послѣ суда она посѣщала его въ тюрьмѣ и изъявила согласіе слѣдовать за нимъ въ Сибирь. Верещагинъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; но исполнила ли «эксцентричная барышня» свое обѣщаніе, не знаю, такъ какъ я отправленъ былъ въ Сибирь нѣсколько раньше Верещагина, и о дальнѣйшей его судьбѣ ничего и впослѣдствіи не узналъ.

Вообще, на другомъ поприщѣ, при другихъ обстоятельствахъ, изъ Верещагина вышла бы замѣчательная личность.

Такой же, если еще не болѣе выдающейся личностью былъ тюремный патріархъ, бывшій профессоръ духовной академіи Неофитовъ. Это былъ высокій мужчина, лѣтъ 50, съ сѣдой уже бородой, съ умнымъ, весьма интеллигентнымъ лицомъ, добрыми, кроткими глазами и въ высшей степени симпатичнымъ голосомъ.

Подробностей о томъ, какъ онъ изъ профессора академіи превратился въ преступника и впервые попалъ въ тюрьму, и какъ онъ связался затѣмъ съ членами «клуба», я такъ и не узналъ. Знаю только, что онъ участвовалъ во многихъ крупныхъ преступленіяхъ, въ томъ числѣ въ подделкѣ билетовъ 1-го внутренняго займа съ выигрышами, за что былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, но по высочайшему повелѣнію наказаніе это было замѣнено ему лишеніемъ всѣхъ правъ и ссылкой на поселеніе. Содержась въ тюрьмѣ, Неофитовъ былъ центромъ многихъ задуманныхъ и исполненныхъ здѣсь же преступленій и имѣлъ обширныя сношенія съ героями индустріи Москвы. Между тѣмъ онъ жилъ въ тюрьмѣ очень бѣдно, всего лишь на положенные ему по закону порціоны, по чину коллежскаго совѣтника. Никто изъ родныхъ и знакомыхъ не посѣщалъ его, точно онъ былъ какимъ-то вымороченнымъ, всѣми забытымъ. Даже содержался онъ не вмѣстѣ съ другими арестантами, въ дворянскомъ отдѣленіи, а въ какой-то кельѣ, пристроенной къ церкви, гдѣ проводилъ все время за чтеніемъ.

Дворяне обращались къ нему за совѣтами во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ, а простые арестанты благоговѣли передъ нимъ и, при встрѣчѣ съ нимъ, снимали шапки.

Меня поражало въ немъ полное хладнокровіе его ко всевозможнымъ преступленіямъ; онъ съ легкимъ сердцемъ готовъ былъ идти на всякое преступленіе, если оно обѣщало какую нибудь матеріальную выгоду.

Узнавъ, что у меня имѣется сторублевый 5% билетъ государственнаго банка, Неофитовъ спросилъ меня, не дамъ ли его на нѣкоторое время. На мой же вопросъ, для чего ему понадобился билетъ, онъ совершенно откровенно отвѣтилъ, что желаетъ поддѣлать по его образцу такой же, но высшаго достоинства. Я, разумѣется, билета своего не далъ, и Неофитовъ нисколько на меня за это не обидѣлся.

Такъ какъ еще до процесса «червонныхъ валетовъ» Неофитовъ, какъ сказано выше, былъ уже лишенъ всѣхъ правъ состоянія, то послѣдній процессъ, въ которомъ онъ игралъ весьма значительную роль, ничѣмъ не увеличилъ мѣру его наказанія. Въ 1877 году, послѣ десятилѣтней профессуры въ «Бутырскомъ университетѣ», Неофитовъ былъ, наконецъ, отправленъ въ Сибирь на поселеніе.

Другой членъ «клуба», бывшій уѣздный предводитель дворянства, помѣщикъ Массари, былъ замѣчательнымъ въ своемъ родѣ оригиналомъ. Веселый, беззаботный добрякъ, гдѣ-то, въ пьяномъ видѣ, поставилъ фальшивый бланкъ и вдругъ очутился въ тюрьмѣ. Ему самому казалось дикимъ, что его считаютъ преступникомъ. Не зная въ стѣнахъ тюрьмы ни въ чемъ недостатка, балуемый родными, которые доставляли ему въ тюрьму провизію корзинами, Массари цѣлые дни ѣлъ, пилъ, спалъ, хохоталъ или рисовалъ игривыя картинки. У него былъ также выдающійся талантъ каррикатуриста.

Однажды онъ нарисовалъ очень злую каррикатуру на смотрителя замка, представивъ его въ видѣ бульдога, звонящаго въ колоколъ, призывавшій обыкновенно обитателей замка на «повѣрку». Каррикатура была весьма типична; она ходила по рукамъ, и всѣ сразу узнавали въ бульдогѣ смотрителя,— такъ удачно схвачены были черты лица послѣдняго. Наконецъ, она попала на глаза смотрителю, но онъ нисколько не разсердился на Массари; онъ самъ сознался, что чрезвычайно похожъ и не уничтожилъ каррикатуру.

Разсказывали, что Массари, приговоренный судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, при совершеніи надъ нимъ обряда политической смерти, сидя на позорной колесницѣ, всю дорогу балагурилъ и смѣялся и даже на эшафотѣ, у позорного столба, дѣлалъ комическія гримасы, не придавая этому обряду никакого значенія.

Изъ другихъ, находящихся въ тюрьмѣ, членовъ «клуба червонныхъ валетовъ» болѣе или менѣе выдающимися были: князь Долгоруковъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Плехановъ и Пѣговъ.

О Долгоруковѣ уже сказано выше нѣсколько словъ. Прибавлю только, что онъ былъ довольно литературно образованный человѣкъ и обладалъ порядочнымъ поэтическимъ талантомъ. Нѣкоторые его стихи попали и въ печать. Жилъ онъ очень бѣдно; никакихъ близкихъ родныхъ у него въ Москвѣ не было, такъ какъ онъ принадлежалъ къ захудалой вѣтви князей Долгоруковыхъ.

Впрочемъ, когда онъ былъ привлеченъ къ дѣлу «червонныхъ валетовъ», Долгоруковъ уже не былъ княземъ, а считался мѣщаниномъ, такъ какъ за какое-то мелкое мошенничество былъ лишенъ особыхъ правъ и преимуществъ, а слѣдовательно и княжескаго достоинства. Но онъ самъ, да и всѣ товарищи по тюрьмѣ продолжали величать его княземъ и вашимъ сіятельствомъ, одни въ насмѣшку, а другіе серьезно.

Во время суда, сидя на скамьѣ подсудимыхъ, Долгоруковъ, увлеченный краснорѣчіемъ талантливаго обвинителя, написалъ весьма недурное и лестное для послѣдняго стихотвореніе, которое и доставилъ, черезъ судебнаго пристава, по назначенію. Прокуроръ, по видимому, былъ польщенъ музой подсудимаго, котораго далеко не щадилъ. По окончаніи суда и по вступленіи приговора въ законную силу, по которому Долгоруковъ былъ сосланъ на житье въ Сибирь, грозный обвинитель прислалъ ему въ тюремный замокъ полное собраніе стихотвореній графа А. К. Толстого, въ изящномъ переплетѣ, съ надписью: автору стихотворенія такого-то.

Объ этомъ эпизодѣ, а равно и самое стихотвореніе Долгорукова было напечатано въ то время въ нѣкоторыхъ московскихъ газетахъ.

Дмитріевъ-Мамоновъ принадлежалъ къ извѣстной въ Москвѣ фамиліи, которая добивалась признанія за ней графства. Отецъ его былъ довольно извѣстнымъ въ первопрестольной лицомъ, онъ вѣчно велъ какіе-то процессы съ казной, которые постоянно проигрывалъ, вѣчно суетился и искалъ милліоновъ, которыхъ такъ и не доискался; тѣмъ не менѣе онъ жилъ широко, размашисто, московскимъ бариномъ.

Сынъ его, членъ «клуба», учился въ какомъ-то юнкерскомъ училищѣ, но за разные дебоши былъ оттуда исключенъ, послѣ чего пустился во всѣ тяжкія. Онъ былъ очень красивъ собою, высокій, стройный и необыкновенной силы. Онъ не останавливался ни передъ какимъ преступленіемъ: и мелкія мошенничества, въ родѣ продажи чужихъ лошадей, и фальшивые векселя, и шантажъ одинаково служили ему средствомъ для попоекъ и скандаловъ, пока не очутился въ «Бутырскомъ университетѣ».

Здѣсь, впрочемъ, онъ не игралъ никакой роли, во-первыхъ, потому, что былъ крайне ограниченнаго ума; во-вторыхъ, потому, что ужасно бѣдствовалъ. Родные рѣдко ему помогали, и онъ долженъ былъ жить на выдаваемые ему порціоны, въ размѣрѣ 10 копеекъ въ сутки. Тѣмъ не менѣе, напиваясь при первомъ представившемся случаѣ пьянымъ, Дмитріевъ-Мамоновъ разыгрывалъ изъ себя аристократа высшаго полета, чѣмъ только смѣшилъ арестантовъ, потому что тюрьма нищей, да еще глупой аристократіи не признавала, она преклонялась только передъ карманомъ и уважала въ то же время умъ и знаніе. Дмитріевъ-Мамоновъ ничѣмъ этимъ не отличался, поэтому никто его въ грошъ не ставилъ. Его избѣгали только во время пьянства, такъ какъ, напиваясь до чертиковъ, онъ буянилъ, и съ нимъ не могли справиться нѣсколько человѣкъ.

Плехановъ былъ противоположностью Дмитріева-Мамонова. Тоже высокій и стройный, съ тонкими, умными чертами лица, онъ былъ чрезвычайно тихій, скромный и уживчивый человѣкъ. О его ненеобыкновенномъ талантѣ не только поддѣлывать всевозможныя под-

писи, но и писать цѣлыя письма подъ чужую руку со всѣми характерными особенностями поддѣлываемаго почерка, я уже говорилъ выше. Не удивительно, что онъ игралъ выдающуюся роль среди «червонныхъ валетовъ», которые часто эксплоатировали его талантъ для своихъ цѣлей, при чемъ отъ всякаго выгорѣвшаго «дѣла» забирали себѣ львиную долю, а простодушный Плехановъ вознаграждался ничтожными крохами. Онъ поэтому всегда бѣдствовалъ.

Трогательно было видѣть его рыцарскія отношенія къ молодой, чрезвычайно красивой арестанткѣ, единственно интересной героинѣ «клуба червонныхъ валетовъ», Башкировой, о которой рѣчь будетъ ниже. Когда всѣ, послѣ цѣлаго ряда ея приключеній, ее бросили, и она очутилась въ тюрьмѣ, причемъ содержалась въ одиночномъ заключеніи въ одной изъ башенъ замка, одинъ только Плехановъ поддерживалъ ее и дѣлился съ ней послѣднимъ кускомъ. Не смотря на массу преступленій Башкировой, онъ считалъ ее чуть ли не лучшей изъ женщинъ, крѣпко къ ней привязался и впослѣдствіи отправился вмѣстѣ съ ней на мѣсто ссылки.

Пѣговъ, сынъ извѣстнаго въ Москвѣ фабриканта-милліонера, попалъ въ члены «клуба червонныхъ валетовъ» совершенно случайно. Онъ былъ еще очень молодъ — ему шелъ всего 20-й годъ, но уже испившійся и испорченный въ конецъ. Отецъ его, человѣкъ старыхъ правилъ и чрезвычайно скупой, держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ; но сынокъ не могъ выдержать строгаго режима родителя и рано сталъ кутить. Не имѣя на кутежи достаточно «бѣшеныхъ денегъ», Пѣговъ, съ благословенія и совѣта нѣкоторыхъ членовъ «клуба», которые намѣтили его для эксплоатаціи, надавалъ множество векселей на значительную сумму и всѣ вырученныя деньги быстро прокучивались. Отецъ, однако, неоднократно выручалъ его, но буйная и недалекая натура не успокоивалась. По совѣту тѣхъ же друзей, Пѣговъ въ пьяномъ видѣ на комъ-то женился, чѣмъ окончательно вооружилъ противъ себя отца, и жизнь пошла у него самая безалаберная. Гдѣ-то ему удалось украсть сумму съ 50 тысячами рублей, но кража немедленно обнаружилась, такъ что онъ ничѣмъ даже не воспользовался, что, однако, не сошло ему даромъ, и онъ, наконецъ, попалъ въ тюрьму. Его выпускали на поруки, но на свободѣ Пѣговъ опять натворялъ глупостей, подъ вліяніемъ «валетовъ» втянулся въ разныя мелкія преступленія, снова угодилъ въ «Бутырскій университетъ», гдѣ усовершенствовался въ разныхъ шутняхъ; снова освобождался и т. д.

Каждый разъ, когда приводили Пѣгова въ тюрьму, члены «клуба» считали это для себя праздникомъ, потому что, кромѣ массы провизіи, которую онъ привозилъ съ собою, у него всегда оказывались и деньги, хотя небольшія.

Не смотря на свои юные годы, Пѣговъ смотрѣлъ уже старикомъ; вѣчно грязный, пьяный, обрюзглый, онъ производилъ отталкиваю-

щее впечатлѣніе. Всѣ привиллегированные арестанты, въ часы досуга, иногда читали журналы и газеты, которые легко можно было доставать въ тюрьмѣ; Пѣговъ же никогда не бралъ въ руки печатнаго листка. Единственное его занятіе была игра въ карты. Его, разумѣется, обыгрывали навѣрняка, въ особенности, когда онъ былъ пьянъ (а пьянъ онъ былъ почти безпрерывно), и онъ часто посылалъ изъ тюрьмы требованія къ женѣ, чтобы она доставала деньги, во что бы то ни стало, чтобы расплачиваться за проигрыши, такъ какъ карточный долгъ въъ стѣнахъ тюрьмы считался еще болѣе «долгомъ чести», чѣмъ на волѣ. И бѣдная женщина, оказавшаяся очень скромной и любящея женой, доставала деньги и присылала безпутному мужу.

Изъ всѣхъ женскихъ членовъ «клуба червонныхъ валетовъ» выдавалась романтическая и весьма симпатичная, хотя и преступная, личность Башкировой.

Въ то время ей было всего 22 года, между тѣмъ она прошла столько мытарствъ, сколько ихъ иной не переживаетъ во весь свой вѣкъ.

Родившись въ мѣщанской средѣ города Иркутска, Башкирова, 10 лѣтъ отъ роду, увезена была своей бабушкой въ Ситху (въ бывшей русской Америкѣ), гдѣ прожила до 17 лѣтъ. Бабушка вдругъ уѣхала изъ Америки въ Японію, а молодая красавица отправилась одна въ Николаевскъ на Амурѣ и поступила тамъ горничной въ семейство мѣстнаго вице-губернатора. Черезъ нѣкоторое время смышленая Башкирова сняла буфетъ въ благородномъ собраніи и къ 19 годамъ сколотила себѣ порядочный капиталъ въ 13 тысячъ рублей. За ней ухаживали всѣ мѣстные моряки, но большимъ успѣхомъ пользовался одинъ капитанъ-лейтенантъ К., который соблазнилъ ее, обѣщая жениться и зная, что онъ скоро будетъ назначенъ въ кругосвѣтное плаваніе, о чемъ, однако, не предупредилъ молодую дѣвушку. Передъ отплытіемъ, К. выманилъ у довѣрчивой невѣсты 12 тысячъ рублей и уговорилъ ее пріѣхать въ Москву черезъ три года, гдѣ обѣщалъ жениться. Башкирова повѣрила. На подаренный «женихомъ» лотерейный билетъ она выиграла домъ въ Николаевскѣ, продала его и, желая отправиться въ Россію морскимъ путемъ, уѣхала на парусномъ суднѣ въ Японію, гдѣ думала сѣсть на морской пароходъ; но потерпѣла кораблекрушеніе, потеряла все свое имущество и едва сама спаслась. Рѣшившись, послѣ этого, отправиться въ Москву сухимъ путемъ, Башкирова познакомилась съ молодымъ челевѣкомъ В. и съ нимъ поѣхала въ Иркутскъ. В. влюбился въ молодую красавицу и желалъ на ней жениться, но ему всего 22 года; родители его, разумѣется, противъ этого брака, и дѣло разстроилось.

Вернувшись послѣ многихъ приключеній въ Иркутскъ, Башкирова прожила здѣсь нѣкоторое время у своей матери, познакомилась съ богатыми золотопромышленниками, въ томъ числѣ съ нѣкіимъ З., который собирался въ Москву и предложилъ ей поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Башкирова, все еще вѣря въ обѣщаніе капитанъ-лейтенанта К., согласилась. Но дорогой сошлась съ своимъ попутчикомъ, который также обѣщалъ ей жениться. Пріѣхавъ, наконецъ, въ Москву, Башкирова разошлась съ новымъ женихомъ и бросила его.

Оріентировавшись въ Москвѣ и пріобрѣтая съ каждымъ днемъ новыхъ знакомыхъ, Башкирова познакомилась съ сибирскимъ купцомъ Ефремовымъ, вскорѣ сдѣлалась его официальной невѣстой и передала ему 13 тысячъ рублей. Получивъ деньги, Ефремовъ отъ женитьбы отхынулъ, да и денегъ не пожелалъ возвратить. По совѣту «добрыхъ» людей, Башкирова ищетъ адвоката, чтобы начать искъ противъ Ефремова, и наталкивается на нѣкоего отставного коллежскаго совѣтника Славышенскаго, человѣка преклонныхъ лѣтъ, который, однако, не прочь былъ отъ многихъ радостей бытія.

Старый грѣшникъ, взявшись за дѣло Башкировой, опутываетъ ее разными обѣщаніями, даетъ деньги (однако, подъ вексель), говоритъ, что всѣмъ готовъ жертвовать для нея и, наконецъ, склоняетъ ее вступить съ нимъ въ связь. Нѣкоторое время они жили въ разныхъ меблированныхъ комнатахъ, но затѣмъ Башкирова совсѣмъ переѣзжаетъ къ своему адвокату, и они зажили въ мирѣ и согласіи.

Но среди нихъ вдругъ является злой демонъ, нѣкій Давыдовскій, одинъ изъ главарей «клуба червонныхъ валетовъ», имѣвшій постоянныя дѣла съ Славышенскимъ. Онъ начинаетъ усиленно ухаживать за молодой дѣвушкой и все подтруниваетъ надъ ея страннымъ выборомъ. Между сожителями возникаютъ ссоры, доходящія иногда до дракъ. Такъ, однажды Славышенскій, въ порывѣ ревности, ударилъ Башкирову по головѣ бутылкой со сливками и сильно ее поранилъ.

Все это Давыдовскому на руку. Онъ усугубляетъ свое ухаживаніе: Башкирова то бросаетъ Славышенскаго, то снова къ нему возвращается. Послѣдній, во время передрягъ, грозитъ, что подастъ ко взысканію ея векселя; Давыдовскій ее все болѣе и болѣе разстроиваетъ и, наконецъ, совѣтуетъ ей прямо убить Славышенскаго и съ этой цѣлью даритъ ей револьверъ и научаетъ, какъ стрѣлять.

Легкомысленная дѣвушка соглашается на этотъ безумный шагъ и сговаривается съ преданной ей горничной привести совѣтъ Давыдовскаго въ исполненіе, условившись объяснить убійство самоубійствомъ. И вотъ Башкирова приглашаетъ къ себѣ Славышенскаго, желая, будто, покончить денежные расчеты. Послѣдній является, ничего не подозрѣвая; Башкирова принимаетъ его утромъ, лежа въ постели. Между сожителями начинается дѣловый разговоръ,

кончившійся ссорой. Славышенскій снова грозитъ, Башкирова его обругала; онъ, будто, ударилъ ее по лицу, и въ эту минуту она выхватила изъ-подъ подушки револьверъ и выстрѣлила въ него. Славышенскій упалъ, обливаясь кровью, и черезъ нѣсколько часовъ умеръ въ безсознательномъ состояніи, успѣвъ, будто, проговорить: «Башкирова того не хотѣла, я ее прощаю».

Башкирова сначала не сознавалась въ своемъ преступленіи, утверждала, что Славышенскій самъ покончилъ съ собою, и нарочно въ ея комнатѣ, чтобы наказать ее; но послѣ многихъ допросовъ и уликъ созналась, говоря, впрочемъ, что только защищалась отъ Славышенскаго, ударивъ его случайно револьверомъ, изъ котораго выстрѣлъ послѣдовалъ неожиданно.

Башкирова была подъ слѣдствіемъ болѣе года и все время содержалась въ одиночномъ заключеніи въ одной изъ клѣтокъ тюремной башни, гдѣ терпѣла страшныя лишенія,—и если бы не поддержка упомянутаго выше Плеханова, то окончательно погибла бы.

Мнѣ удалось видѣть ее нѣсколько разъ, когда ее вызывали къ судебному слѣдователю. Она была еще очень красива, хотя была блѣдная и страшно изнуренная. И въ арестантскомъ халатѣ, въ бѣленькомъ платочкѣ на головѣ, она сумѣла отличиться отъ другихъ, придавая своему костюму нѣкоторые слѣды изящества. Всѣ движенія ея были мягкія и граціозныя; по врожденному кокетству, она всякому привѣтливо улыбалась, показывая два ряда жемчужныхъ, маленькихъ зубовъ. Никакъ не хотѣлось вѣрить, что она тяжкая преступница, убійца.

Прокуратура поддерживала противъ нея обвиненіе въ предумышленномъ убійствѣ, но присяжные признали запальчивость и раздраженіе, и Башкирова была приговорена судомъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

V.

Христиничъ.—Задуманное бѣгство.—Мнимый жандармъ.—Одинъ только шагъ отъ свободы.—Сорвалось.—Влюбленный каторжникъ.—Поповы дочки.—Идеально-сантиментальный романъ.—Новое преступленіе.—Не выгорѣло.—Кони.—Тюремный Хлестаковъ.—Притворная болѣзнь.—Приготовленіе къ политической смерти.—Ожилъ.—Энгельгардтъ.—Неумѣстная спесь.

Къ одной изъ сторонъ церкви, на такъ называемомъ «купеческомъ дворикѣ», пристроена была келійка, въ которой содержался отдѣльно нѣкій дворянинъ Христиничъ. Это былъ тщедушный брюнетъ лѣтъ 30, съ исхудалымъ лицомъ, высокимъ лбомъ и чрезвычайно живыми и умными глазами. Христиничъ былъ очень образованный и начитанный человѣкъ и зналъ прекрасно иностранные языки.

емъ моемъ желаніи, я не могъ добиться, за что̀, собственно, ;ристиничъ. Зналъ я только, что онъ уже былъ приговоcaторжнымъ работамъ, что приговоръ не былъ приведенъ ieніе, потому что Христиничъ долженъ былъ судиться aссу уголовныхъ дѣлъ, что онъ неоднократно пытался ѵъ тюрьмы, почему и содержался отдѣльно, хотя никто не вниманія на его посѣщенія общаго дворянскаго отдѣленія юдную прогулку по тюремному двору; что, наконецъ, онъ адѣялся какими нибудь хитростями избѣгнуть кары право-

ь въ одно утро по всей тюрьмѣ распространилась вѣсть, тиничъ переодѣлся жандармомъ и чуть не успѣлъ выскотюрьмы.

ни невѣроятенъ былъ слухъ, но онъ оказался дѣйствифактомъ. Оказалось, что въ тюремный замокъ какими-то оставлены были всѣ матеріалы, необходимые для полнаго ованія жандарма, не исключая каски (жандармы въ то сили каски) и револьвера.

иничъ обыкновенно не носилъ бороды, но задолго еще ннаго бѣгства онъ отпустилъ бороду, что̀ никому не постраннымъ. Когда же всѣ приготовленія были сдѣланы, ічъ обрился, облекся въ жандармскую форму и самоувѣшагомъ, никѣмъ не узнаваемый на тюремномъ дворѣ, накъ выходнымъ воротамъ.

какъ въ замкѣ, по случаю содержанія тамъ въ одной изъ политическихъ преступниковъ, постоянно дежурили жано Христиничъ думалъ, что въ жандармской формѣ ему цетъ выскочить за ворота.

їствительно онъ безпрепятственнно прошелъ уже два двокоторыхъ стояли стражники, онъ смѣло подошелъ къ поь воротамъ; передъ нимъ уже открыли выходную калитку; ıалъ послѣдній шагъ, чтобы переступить черезъ порогъ...

ругъ случилось нѣчто неожиданное!

есчастіе Христинича у входной калитки стоялъ умный, и чрезвычайно проницательный привратникъ, который завъ его лицѣ что-то неестественное: былъ ли онъ слишкомъ сердце ли слишкомъ сильно забилось, руки ли дрогнули... ıіе этого привратнику Копылову вздумалось остановить ича вопросомъ:

уда пошли?

тиничъ отъ неожиданнаго вопроса вздрогнулъ, но, не поприсутствія духа, отвѣтилъ почему-то съ малороссійскимъ ѣъ:

Іду чай купить для политическаго.

Копыловъ еще болѣе подозрительно посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Когда прошли въ замокъ?

— Еще вчера; сегодня смѣнюсь,— отвѣтилъ Христиничъ.

— Что-то не помню,—продолжалъ Копыловъ,—никогда васъ не примѣчалъ. Я васъ не пропущу... и захлопнулъ передъ нимъ калитку.

— Что̀ за глупости? — вспыхнулъ Христиничъ, — ты въ умѣ, что ли?

— Идите за старшимъ, пусть онъ васъ проводитъ, иначе не пропущу.

Видя, что дѣло плохо, Христиничъ вдался въ амбицію, обозвалъ Копылова «дурнемъ», думая, что возьметъ апломбомъ. Но Копыловъ стоялъ на своемъ.

Можно себѣ представить, что пережилъ Христиничъ въ эту роковую для него минуту! Убѣдившись, что всѣ его долгіе труды и усилія пропали даромъ, что такъ ловко придуманный способъ побѣга погибъ окончательно, что такъ пламенно желанная свобода была такъ близка и возможна, и что такого случая не дождешься съ долгими годами, Христиничъ, однако, не растерялся окончательно и, сильно обругавъ приставника, проговорилъ:

— Добре, пойду за старшимъ; онъ тебѣ, дурню, покажетъ, какъ не пропускать жандармовъ...

Онъ повернулся назадъ, прошелъ по большому тюремному двору и скрылся въ одну изъ камеръ дворянскаго отдѣленія, откуда черезъ нѣсколько минутъ вышелъ уже въ своемъ обыкновенномъ арестантскомъ одѣяніи. Только многимъ показалось страннымъ, что Христиничъ, котораго за часъ передъ тѣмъ видѣли съ большой бородой, оказался чисто выбритымъ.

Товарищи Христинича, посвященные въ это дѣло, зная по опыту долгихъ лѣтъ, что подобное событіе вызоветъ тревогу и обыскъ, поспѣшили припрятать всѣ приспособленія къ задуманному бѣгству Христинича и тщательно замели всѣ слѣды.

И дѣйствительно, когда привратникъ Копыловъ, не дождавшись возврата жандарма со старшимъ, поднялъ тревогу и доложилъ смотрителю, то среди дня, въ необычное время, раздался зловѣщій звонъ колокола, призывавшій обыкновенно арестантовъ «на повѣрку» и предвѣщавшій теперь строжайшій обыскъ. Смотритель съ помощниками и въ сопровожденіи караула загналъ всѣхъ арестантовъ по камерамъ; заперли всѣ корридоры — и начался обыскъ. Первымъ подверглось ему дворянское отдѣленіе, но, по обыкновенію, при всемъ стараніи «искателей», никакихъ слѣдовъ жандармской амуниціи не нашли. О другихъ камерахъ и говорить нечего; точно все сгинуло въ одну минуту. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ смотритель, самъ лазалъ подъ нары, посылалъ туда приставниковъ; отрывали половицы, распарывали соломенные матрацы—нигдѣ ничего не открыли.

же смотритель, и ругался, и грозилъ, что больше никого
:итъ на дворъ, если не отыщутся виновники. Но все это
вздоромъ. Черезъ часъ всѣ арестанты уже гуляли, какъ
іъ не бывало, на дворѣ и громко смѣялись надъ угрозами
я.

тѣмъ, по мнѣнію опытныхъ знатоковъ тюремной жизни,
чъ непремѣнно проскочилъ бы, если бы не торопилъ со-
ѣъ доподлинно, на всякаго мудреца довольно простоты! Дѣло
что у выходной калитки замка постоянно чередовались
)атника, изъ которыхъ одинъ былъ добродушный, простой
оторый никогда не дѣлалъ никакихъ умозаключеній и ни-
ше своего носа не видѣлъ,—а другой—упомянутый выше
ь. Товарищи Христиныча совѣтовали ему обождать слѣ-
дня, когда долженъ былъ дежурить хохолъ. Но Христи-
)мѣ величайшаго нетерпѣнія вырваться скорѣе на свободу,
ъ аргументъ, что въ тотъ роковой день была «рѣшетка»,
оротъ тюрьмы толчется много посторонняго народа, и когда,
эльно, привратникъ, занятый впускомъ и выпускомъ воль-
іики, могъ прозѣвать мнимаго жандарма. Но расчетъ, какъ
ли, не удался, и дѣло, на которое было потрачено столько
, труда и матеріальныхъ средствъ, сорвалось.

тюремное высшее начальство, такъ и прокурорскій над-
навшій впослѣдствіи всѣ подробности затѣяннаго побѣга,
чего и не доискались.

же Христиничъ, между тѣмъ, былъ идеально-сентимен-
влюбленъ въ одну изъ дочерей тюремнаго священника.
дняго были двѣ дочери, которыя аккуратно посѣщали по
камъ тюремную церковь. Старшая изъ нихъ была очень
я, тихая дѣвушка и ничего особеннаго не представляла;
ι же была, напротивъ, прехорошенькая, бойкая, веселая и
я кокетка. Христиничъ былъ влюбленъ въ старшую.

лось бы, что могло быть общаго между необузданной, вы-
ной и преступной натурой Христинича и скромной рели-
дочерью священника. Но въ силу правила, что крайности
ι, Христиничъ серьезно вздыхалъ о старшей поповой дочкѣ.
ι всякой религіи, онъ не пропускалъ ни одной церковной
, становился невдалекѣ отъ предмета своей страсти, стараясь
ъ на себя ея вниманіе, и всегда послѣ службы отвѣшивалъ
окій почтительный поклонъ. Сначала она какъ бы не замѣ-
каживанія за ней «каторжника», но потомъ онъ сталъ ее
ь.

стиничъ сталъ ей писать посланія, посылать букеты, а къ
иинамъ прислалъ роскошнѣйшій тортъ. И все это принима-
рышней съ благодарностію.

Но сентиментальный романъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничѣмъ не кончился, такъ какъ вскорѣ Христиничъ, наконецъ, былъ перемѣщенъ въ пересыльную тюрьму для отправки въ Сибирь по назначенію.

Предварительно, однако, Христиничъ выкинулъ еще одну шутку.

Узнавъ, что приговоръ надъ нимъ долженъ быть скоро приведенъ въ исполненіе, и все еще надѣясь, что ему удастся бѣжать, Христиничъ ухитрился, изъ своей каморки, непосредственно примыкавшей къ церкви, пробить ходъ въ послѣднюю черезъ печную трубу, забрался ночью въ церковь, совершилъ тамъ какое-то святотатство и сдѣлалъ какой-то проломъ, чтобы выбраться на тюремный дворъ.

На слѣдующій день онъ чуть ли не самъ объявилъ о взломѣ тюрьмы и о своемъ новомъ преступленіи въ церкви. Онъ разсчитывалъ, что затѣялъ новое дѣло, что будетъ назначено новое слѣдствіе, которое затянется на долгіе годы, и такимъ образомъ онъ избавится отъ немедленной ссылки.

Но ничего изъ этого не вышло. Прокурорскій надзоръ, до свѣдѣнія котораго довели о новой продѣлкѣ Христинича, не придалъ никакого значенія послѣднимъ его преступленіямъ и, напротивъ, распорядился о скорѣйшемъ переводѣ его въ пересыльную тюрьму.

О дальнѣйшихъ приключеніяхъ этой, несомнѣнно, даровитой, воспріимчивой и бурной натуры я ничего не знаю. Не могу скрывать, что когда я увидѣлъ Христинича, передъ уходомъ, въ грубой одеждѣ «каторжника», у меня невольно защемило за сердце, при мысли, что, при другихъ обстоятельствахъ, изъ него навѣрное вышелъ бы не дюжинный человѣкъ, которому теперь суждено пропадать въ сибирскихъ тундрахъ.

Совершенной противоположностью Христиничу былъ извѣстный въ свое время, въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго и московскаго общества, мелкій аферистъ и плутъ Конни. Сынъ богатѣйшихъ родителей, получившій внѣшнее, салонное образованіе, говорившій въ совершенствѣ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, кутила и мотъ, Конни связался съ разными подонками общества, живалъ попеременно то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, пускался на разныя темныя мелкія продѣлки и, наконецъ, попалъ въ тюрьму за участіе въ поддѣлкѣ фальшиваго векселя всего въ 700 рублей.

Помѣщенный въ дворянское отдѣленіе, Конни сначала фыркалъ, смотрѣлъ на всѣхъ свысока, съ презрѣніемъ обнюхивалъ тюремный воздухъ и часто заговаривалъ на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ даже съ приставниками. Старушка мать, которая въ немъ души не чаяла, посѣщала его почти ежедневно, привозила ему всевозможные деликатесы, начиная отъ страсбургскихъ пироговъ и кончая самыми дорогими конфетами. Держась въ сторонѣ отъ дру-

гихъ дворянъ, будучи къ тому же страшно скупъ, Конни ни съ кѣмъ ничѣмъ не дѣлился, что возбуждало противъ него общую ненависть среди дворянъ.

Но со временемъ, тяготясь одиночествомъ и отчужденностью отъ товарищей по заключенію, онъ старался сойтись съ послѣдними, безбожно лгалъ и хвасталъ, надоѣдалъ всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ его слушать, увѣрялъ, что попалъ въ тюрьму по недоразумѣнію, что надняхъ его непремѣнно освободятъ, что чуть ли не 30 тысячъ курьеровъ полетѣли въ Петербургъ къ министру объ освобожденіи его изъ-подъ ареста и т. д.

Но проходили недѣли и мѣсяцы — и никто не вносилъ за него залога, никто не бралъ его на поруки, а дѣло его не двигалось.

Впрочемъ, онъ самъ почему-то старался все болѣе и болѣе запутывать свое дѣло, впутывая въ него много лицъ и надѣясь, вѣроятно, что какъ нибудь избавится отъ пугавшей его скамьи подсудимыхъ.

Наконецъ, его дѣло было назначено къ разбирательству, и его вытребовали въ судъ. Несмотря на всѣ его старанія отложить дѣло, оно состоялось. Когда онъ явился изъ суда, и его спросили, чѣмъ кончилось дѣло, Конни разсказалъ, что присяжные признали его виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, и что судъ приговорилъ его къ лишенію нѣкоторыхъ лишь правъ и преимуществъ, постановивъ, притомъ, ходатайствовать о совершенномъ его помилованіи.

Но впослѣдствіи оказалось, что судъ не только не сдѣлалъ такого постановленія, но и присяжные не дали ему никакого снисхожденія, и приговоренъ онъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состояніи и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Послѣ суда Конни совершенно упалъ духомъ. Онъ пробовалъ, разумѣется, черезъ адвоката кассировать дѣло въ сенатъ, но кассація оставлена была безъ послѣдствій. Онъ, впрочемъ, все еще на что-то надѣялся; самъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи или смягченіи участи; заставилъ мать просить о томъ же, но все это также оставлено было безъ послѣдствій.

Пришлось привести приговоръ суда въ исполненіе. Въ то время обрядъ лишенія всѣхъ правъ состоянія совершался еще внѣ стѣнъ тюрьмы, на Конной площади. Бѣдный Конни отъ одной мысли, что его, избалованнаго, изнѣженнаго, котораго знала половина Москвы, подвергнутъ жестокой процедурѣ съ позорной колесницей, эшафотомъ, палачемъ, позорнымъ столбомъ, ломаніемъ шпаги надъ головой,—сильно захворалъ. Исполненіе приговора пришлось отложить до его выздоровленія.

Наконецъ Конни выздоровѣлъ, и его выписали изъ тюремной больницы. Когда ему черезъ нѣкоторое время объявили, что на слѣдующій день должна совершиться его политическая смерть, Конни

снова было захворалъ или же притворялся таковымъ, но это не помогло.

По принятому въ тюремномъ замкѣ странному обычаю, всѣхъ арестантовъ, передъ обрядомъ лишенія всѣхъ правъ, сажали наканунѣ въ башню, гдѣ они проводили ночь въ одиночномъ заключеніи. Конни наравнѣ съ другими былъ подвергнутъ заключенію въ башнѣ. Утромъ, на него, блѣднаго и дрожащаго всѣми членами, надѣли черный, длинный, приспособленный къ случаю, арестантскій халатъ, черную же, круглую шапку, посадили на позорную колесницу, затылкомъ къ лошади, крѣпко привязали ремнями, повѣсили на грудь черную доску съ бѣлой крупной надписью о родѣ преступленія,—и въ этомъ видѣ, окруженный конвоемъ, въ сопровожденіи палача, несчастный Конни долженъ былъ прослѣдовать по всей Москвѣ, изъ Бутырокъ до Конной площади, гдѣ устроенъ былъ эшафотъ, и гдѣ приговоръ былъ исполненъ по всей формѣ.

Послѣ совершенія обряда лишенія всѣхъ правъ состоянія, арестанты болѣе не возвращались въ тюремный замокъ, а слѣдовали уже прямо съ эшафота въ пересыльную тюрьму. Здѣсь арестанты пользовались сравнительно еще большей свободой, чѣмъ въ тюремномъ замкѣ. Но о тогдашнихъ порядкахъ пересыльной тюрьмы рѣчь будетъ впереди; здѣсь же скажу только, что, когда меня препроводили изъ замка въ пересыльную тюрьму для слѣдованія въ Сибирь на житье, и когда я тамъ встрѣтилъ Конни, то не узналъ его: такое съ нимъ произошло превращеніе! Онъ былъ одѣтъ въ свое собственное щегольское платье, смотрѣлъ гордо и надменно, все суетился, говорилъ на французскомъ діалектѣ, ухаживалъ за пересыльными дамами, которыхъ тамъ было не мало, и все еще увѣрялъ, что его дѣло будетъ пересмотрѣно, что за него ходатайствуютъ высокопоставленыя лица, что его вернутъ съ дороги и т. д., и т. д.

И, повидимому, не только посторонніе вѣрили его вздору, но и самъ Конни вѣрилъ въ болтовню, какъ незабвенный Иванъ Александровичъ Хлестаковъ.

Другой дворянинъ, въ родѣ Конни, былъ А. И. Энгельгардтъ, предсѣдатель смоленской губернской земской управы. Когда распространился слухъ, что въ тюрьму привели такого туза, то заправилы дворянскаго отдѣленія обрадовались, разсчитывая, что около такого «барина» можно будетъ чѣмъ нибудь поживиться. Но они сильно ошиблись въ расчетѣ.

Энгельгардтъ, какъ всѣ новички изъ дворянъ, смотрѣлъ на окружающихъ съ презрѣніемъ, лучше сказать, съ брезгливостью, держалъ себя особо, такъ же, какъ и Конни, увѣрялъ всѣхъ, что арестъ его— только недоразумѣніе и что черезъ 2—3 дня его освободятъ. Но прошло 2—3 недѣли, и «недоразумѣніе», все продолжалось. За это время Энгельгардтъ сдѣлался ниже травы, тише воды; онъ самъ

сталъ заискивать въ «товарищахъ», которые презирали его за трусость и скупость. Ему приносили съ воли цѣлыя корзины провизіи, но онъ ни съ кѣмъ не дѣлился, и дворяне не могли простить ему такой скаредности, дѣлали ему разныя пакости и насмѣхались надъ нимъ въ лицо.

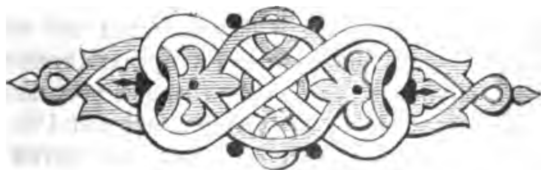
Къ тому же Энгельгардтъ былъ совершенно необразованный и неразвитой человѣкъ, полуграмотный, и надо было удивляться, какъ подобный субъектъ могъ попасть въ предсѣдатели губернской управы. Природнаго ума у него также не было, но на «позаимствованіе» не малой толики изъ общественныхъ суммъ смекалки у него хватило. Не сумѣлъ онъ только хорошенько скрыть концы въ воду и поплатился за это тюрьмой.

Впослѣдствіи Энгельгардта дѣйствительно освободили на поруки. Присяжные признали его виновнымъ, и судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію.

Я съ нимъ встрѣтился въ Томскѣ, гдѣ онъ игралъ маленькую роль въ качествѣ «лошадника», устроителя конскихъ бѣговъ; но такъ какъ я пишу только «тюремныя воспоминанія», то о дальнѣйшей карьерѣ Энгельгардта, съ которымъ мы часто сходились у общихъ знакомыхъ, я говорить не стану.

А. К.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

1796 — 1896.

Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,—
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла.

Апухтинъ

ТОЛѢТIЕ протекло отъ 6 ноября 1796 г. Въ этотъ день скончалась Екатерина II, государыня, которая въ свое слишкомъ 34-хъ-лѣтнее царствованіе была окружена ореоломъ величія, вселяла къ себѣ удивленіе современниковъ русскихъ и иностранцевъ, возбуждая среди большинства изъ нихъ восторгъ и даже поклоненіе. Ея продолжительное царствованіе оставило плодотворные результаты въ политической и культурной исторіи Россіи,—результаты, которые пожинаемъ мы, внуки и правнуки русскихъ людей, родившихся въ годъ ея кончины.

XVIII-й вѣкъ въ исторіи Россіи знаменуется весьма важнымъ поступательнымъ шагомъ впередъ въ достиженіи издавнихъ задачъ Московскаго государства: распространенія государственной территоріи на западъ и на югъ, до естественныхъ географическихъ предѣловъ разселенія славяно-русскаго племени по восточной европейской равнинѣ, и усвоенія Русскимъ государствомъ и обществомъ западно-европейскихъ формъ жизни и просвѣщенія. Эти задачи возникаютъ еще въ половинѣ XVI вѣка, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, возобновляются затѣмъ при царѣ Алексѣѣ и отчасти разрѣшаются Петромъ Великимъ — Екатерина II ихъ завершаетъ.

Петръ Великій и Екатерина II — два величайшихъ русскихъ государя и два величайшихъ историческихъ дѣятеля XVIII вѣка; первый открываетъ этотъ вѣкъ, вторая его заканчиваетъ. Но какъ они ни велики, не имъ однимъ исключительно принадлежитъ это дѣло. И Петръ Великій и Екатерина II составляютъ естественный результатъ предыдущей имъ исторической дѣятельности и являются во главѣ стремленій лучшихъ русскихъ людей ихъ времени.

Петръ Великій, счастливый наслѣдникъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ ему историческихъ дѣятелей, ускорилъ своей кипучей и нетерпѣливой натурой дѣло сближенія нашего съ Западной Европой и совершилъ это дѣло иначе, чѣмъ оно, быть можетъ, пошло бы безъ него. Утилитаристъ по складу ума и сангвиникъ по темпераменту, Петръ Великій предпринялъ и провелъ свою реформу исключительно въ интересахъ матеріальнаго благосостоянія государства и создалъ изъ небольшого, едва признаваемаго въ Западной Европѣ, Московскаго царства сильное государство Россійское съ западно-европейскими формами, придвинувъ его границы къ Балтійскому морю, сломивъ силу Швеціи и вліяя на внутреннія дѣла Польши. Лишь въ борьбѣ съ Турціей потерпѣлъ онъ неудачу. Для его преобразовательныхъ цѣлей ему нужны были и иностранцы-инструкторы, и школы, и обученье молодыхъ людей за границей, и книги, и фабрики съ заводами. Мало обращалъ онъ вниманія на внутренній духовный міръ, умственный и нравственный природный складъ русскаго человѣка.

По кончинѣ преобразователя Россіи, его преемники въ теченіе 37 лѣтъ стремились слѣдовать его преобразовательной программѣ, не всегда правильно и глубоко понимая ее; но помимо ихъ воли реальное прикладное обученіе, введенное Петромъ Великимъ, дѣлало свое дѣло. Оно образовало группу русскихъ людей, и эта группа, въ силу умственной инерціи, не остановилась на прикладныхъ знаніяхъ, а задалась высшими научными и просвѣтительными стремленіями. Типическими представителями такой группы русскихъ людей являются В. Н. Татищевъ, первый русскій историкъ, и Ломоносовъ, первый русскій естествовѣдъ и инициаторъ основанія перваго русскаго университета. Вся эта группа русскихъ людей, эти «птенцы гнѣзда Петрова», въ сферѣ русской мысли и науки убѣждены, что Петръ Великій воззвалъ Россію отъ «небытія къ бытію». Но вотъ нарождается новое поколѣніе, явившееся на свѣтъ уже послѣ смерти Петра Великаго, — это люди 60-хъ годовъ XVIII вѣка; для нихъ и Петръ Великій и его реформа вопросы прошлаго, они смотрятъ на нихъ критически, они подмѣчаютъ въ реформѣ Петра неправильности, неполноту. Духовныя свойства русскаго народа, его «умоначертаніе», усвоеніе имъ западно-европейскаго просвѣщенія не для постройки только кораблей и литья пушекъ, а для умственнаго и нравственнаго развитія — вотъ идеалъ этого новаго поколѣнія рус-

ской интеллигенціи XVIII вѣка. Они стремились установить отношенія Россіи къ Западной Европѣ, они провозвѣщали необходимость русскаго народнаго самосознанія. Въ Екатеринѣ II они встрѣчаютъ тѣ же стремленія; они группируются около нея, становятся подъ ея знамя. Но они очень хорошо понимаютъ, что если бы не реформа Петра Великаго, не могло бы быть на Руси и такихъ воззрѣній, не могло бы быть и такой государыни на русскомъ престолѣ, какой явилась Екатерина II. Для нихъ ясно, что безъ предварительнаго матеріальнаго устроенія государства нельзя было думать о дальнѣйшемъ развитіи духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ его населенія. Сама Екатерина II сознавала это прекрасно. Воздвигнувъ памятникъ Петру Великому, на пьедесталѣ его она сдѣлала надпись: «Petro Primo — Catharina Secunda».

Кромѣ хронологическаго, такъ сказать, различія между Петромъ Великимъ и Екатериной II, то-есть времени, въ которое они жили и дѣйствовали, мы видимъ діаметральное различіе во всѣхъ сторонахъ ихъ индивидуальной природы.

Во-первыхъ, Екатерина II—женщина; во-вторыхъ, она иностранка, нѣмка по происхожденію, стремившаяся стать русскою; Петръ Великій, былъ чистокровный великороссъ, во многомъ желавшій походить на нѣмца; въ-третьихъ, Петръ Великій по складу ума утилитаристъ, Екатерина—идеалистка, теоретикъ.

Умъ у Екатерины II господствуетъ надъ всѣми остальными душевными свойствами, далеко превосходя собою умъ всѣхъ русскихъ государей XVI, XVII и XVIII вѣковъ, за исключеніемъ только одного ума Петра Великаго. Это многообразный, глубокій, рѣшительный, тонкій и серьезный умъ, чуждый мечтательности, мистики и сентиментальности. Такой умъ при своемъ теоретизмѣ не можетъ исключать значительной доли практичности, практичности высшей, которая постигаетъ людей, умѣетъ дѣлать вѣрныя наблюденія надъ окружающимъ, получать изъ нихъ правильные выводы, приспособляться къ обстоятельствамъ, направлять ихъ къ твердо сознаваемой и ясно поставленной цѣли и обращать ихъ въ свою пользу. Такими качествами практическаго ума Екатерина II обладала вполнѣ.

Нравственность, религія, искусство — все подчинялось у Екатерины уму. Но она, именно благодаря уму, прекрасно понимала значеніе религіи и правильно постигла важность православія въ русской жизни въ смыслѣ исконной формулы для выраженія пониманія массой русскаго народа нашихъ политическихъ и культурныхъ отличій отъ «нѣмцевъ», то-есть отъ нашихъ западныхъ сосѣдей романо-германскихъ племенъ. А потому Екатерина II является усердной исполнительницей всѣхъ религіозныхъ православныхъ обрядовъ и защитницей православія въ польскихъ областяхъ, какъ религіи обитающаго тамъ русскаго населенія. Изъ искусствъ Екатерина II понимала и любила тѣ, которыя нѣмцы называютъ Bildende Künste, въ особенности архитектуру, ваяніе и медальерное искусство.

Умъ Екатерины не зналъ устали, ея способность къ умственной работѣ была феноменальна! Только до мелочей правильное распредѣленіе дня могло дать ей возможность такъ много работать: занятія государственными дѣлами, внимательное выслушиваніе докладовъ министровъ, посланниковъ, полководцевъ, губернаторовъ, собственноручныя резолюціи, проекты законовъ и при всемъ этомъ очень много чтенія и громаднѣйшая корреспонденція; кромѣ того, она еще находила время серьезно заниматься литературой и наукой. Государыня литераторъ и ученый — явленіе весьма рѣдкое вообще въ лѣтописяхъ человѣчества и совершенно небывалое на Руси. Екатерина II писала драмы, комедіи, оперныя либретто, сатирическіе очерки и памфлеты, политическіе, юридическіе и педагогическіе трактаты, учебники и популярныя дѣтскія книги, занималась изученіемъ русскаго языка и сравнительнаго языкознанія, сотрудничала въ журналахъ и сама редактировала журналъ.

Размѣры настоящей статьи не дозволяютъ мнѣ остановиться съ должной полнотой на частной жизни Екатерины II, на ея отдыхѣ отъ дѣловыхъ занятій и на ея развлеченіяхъ. Замѣчу только, что ея отдохновеніе, ея развлеченія носили на себѣ всегда печать мысли и изящества, составляя проявленіе ея тонкаго ума. Ея торжественные выходы, пріемы, балы, рауты, собранія въ «Эрмитажѣ», ея лѣтняя жизнь въ Царскомъ Селѣ, наконецъ, ея поѣздки по Россіи, по Волгѣ въ Казань и по Днѣпру — въ Новороссію и Крымъ—все это сказки изъ тысячи и одной ночи, волшебные сны наяву.

Екатерина II принадлежала по возросту къ третьему поколѣнію сравнительно съ Петромъ Великимъ: она родилась черезъ четыре года послѣ его смерти и была на двадцать лѣтъ моложе императрицы Елисаветы Петровны. Даровитая и впечатлительная дочь мелкаго нѣмецкаго принца Ангальтъ-Цербстскаго, генерала прусской службы, Софія-Фридерика-Августа (такъ звали Екатерину II до принятія ею православія) получила самое поверхностное, свѣтское воспитаніе на французскій ладъ, тогда модный въ Германіи. Отрочество Екатерины II прошло вдали отъ матери: она сначала «гостила» у своихъ родственницъ, разныхъ нѣмецкихъ принцессъ, а затѣмъ въ Берлинѣ, у знаменитаго въ половинѣ XVIII вѣка прусскаго короля философа и полководца Фридриха II. Дворъ его, представлявшій причудливое сочетаніе милитаризма, свѣтскости и «философіи», произвелъ на юную Софію-Фридерику-Августу сильное впечатлѣніе и, повидимому, далъ ея уму первоначальный толчекъ къ серьезнымъ размышленіямъ и къ увлеченію господствовавшей въ то время такъ называемый «философіей просвѣщенія» французскихъ энциклопедистовъ, во главѣ которыхъ стояли Вольтеръ, Даламберъ и Дидро. Въ 1745 году Екатерина II вышла замужъ за наслѣдника русскаго престола, племянника императрицы

Елисаветы Петровны, Петра Θеодоровича, герцога Голштинскаго, совершенно иного, чѣмъ она, умственнаго склада и иныхъ воззрѣній. Бракъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, не былъ счастливъ для обѣихъ сторонъ: различіе въ умственныхъ интересахъ дало себя знать очень скоро. Молодая великая княгиня проводила время почти совершенно уединенно среди постоянно веселящагося двора императрицы Елисаветы Петровны, дѣлала наблюденія надъ окружающимъ ее и съ удовольствіемъ слушала интересные разсказы изъ дворцовой хроники своей камеръ-юнгферы Владиславлевой, знавшей, по преданіямъ, придворныя русскія событія съ царствованія Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, великая княгиня много читала: первое время чтеніе состояло почти исключительно изъ французскихъ романовъ, а затѣмъ стало серьезнѣе. Исторія знаменитаго французскаго короля Генриха IV (любимый ея герой впослѣдствіи), многотомная исторія Германіи, только что вышедшая, Барра̀; философскій словарь Бэйля, извѣстнаго свободнаго мыслителя и французскаго эмигранта въ Голландіи XVII вѣка,—вотъ тѣ книги, которыя имѣли на Екатерину большое вліяніе. Позднѣе она читала «Жизнеописанія» Плутарха, сочиненія Цицерона, «Анналы» Тацита во французскомъ переводѣ, сочиненія Вольтера, преимущественно его книгу, сдѣлавшую переворотъ въ пониманіи исторіи «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations», Paris, 1754 (выставлявшую главнымъ содержаніемъ исторіи не войны и дипломатическіе переговоры, какъ то было прежде, а исторію такъ называемой культуры, то-есть образованности народовъ) и знаменитое твореніе Монтескьё «Esprit des lois». Вольтеръ поразилъ Екатерину Алексѣевну своимъ глубокимъ анализомъ и сарказмомъ и далъ большой матеріалъ для размышленій политическихъ, историческихъ и религіозныхъ. Но всего сильнѣе было впечатлѣніе отъ Монтескье, который сильно возставалъ противъ рабства, и умственнаго и общественнаго, и доказывалъ, что благосостояніе народовъ обусловливается разумной свободой, основанной на законахъ, и что правительство и законы должны истекать изъ природныхъ свойствъ и духовнаго развитія народа.

Такъ протекла лучшая пора жизни Екатерины II, отъ 16-ти до 33-хъ-лѣтняго ея возроста: это была суровая, но полезная школа. До насъ дошли любопытныя замѣтки Екатерины II отъ этого времени. Въ нихъ уже ясно намѣчаются и содержаніе ея знаменитаго «Наказа» и ея житейскіе и политическіе принципы, которые, однако, она не всегда могла примѣнять на практикѣ. Вотъ перечисленіе ея замѣтокъ по политическимъ вопросамъ за 1758—1761 гг.: о гражданской свободѣ, о рабствѣ, о причинахъ смертности въ простомъ народѣ, о правдивости и откровенности правительства, объ открытомъ и гласномъ судѣ, о войнѣ и мирѣ, о недостаткѣ въ Россіи домашняго воспитанія, о планѣ женскихъ воспитательныхъ заве-

деній, о политикѣ въ отношеніи Польши. Въ другой записной ея тетради того же времени находится слѣдующая программа жизненныхъ правилъ: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вѣряясь имъ безъ разбора; отыскивайте истинное достоинство, хоть бы оно было на краю свѣта: по большей части оно скромно и прячется гдѣ нибудь въ отдаленіи. Доблесть не выказывается изъ толпы, не стремится впередъ, не жадничаетъ и не твердитъ о себѣ. Никогда не окружайте себя льстецами: пусть знаютъ, что вамъ противны восхваленія и самоуничиженія. Оказывайте довѣренность лишь къ тѣмъ людямъ, у которыхъ достанетъ духа при случаѣ вамъ поперечить, и которые предпочитаютъ ваше доброе имя вашимъ милостямъ. Будьте мягки, человѣколюбивы, доступны, сострадательны, либеральны; ваше величіе да не препятствуетъ вамъ добродушно снисходить къ малымъ людямъ и ставить себя въ ихъ положеніе, такъ чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни ихъ почтенія. Выслушивайте все, что хоть сколько нибудь заслуживаетъ вниманія; пусть видятъ, что вы мыслите и чувствуете такъ, какъ вы должны мыслить и чувствовать. Поступайте такъ, чтобы люди добрые васъ любили, злые боялись и всѣ уважали. Храните въ себѣ тѣ великія душевныя качества, которыя составляютъ отличительную принадлежность человѣка честнаго, человѣка великаго и героя. Страшитесь всякой искусственности. Зараза пошлости да не омрачитъ въ васъ античнаго вкуса къ чести и доблести. Мелочныя правила и жалкія утонченности не должны имѣть доступа къ вашему сердцу. Великіе люди чужды двоедушія: все низкое имъ противно».

25 декабря 1761 г. скончалась императрица Елисавета Петровна. Императоромъ всероссійскимъ сталъ Петръ Θеодоровичъ, Петръ III, процарствовавшій съ небольшимъ полгода. Различіе между нимъ и его супругой уже давно рѣзко бросалось въ глаза всѣмъ ихъ окружавшимъ, и вотъ съ 1758 г. около великой княгини начинаетъ образовываться кружокъ изъ лицъ, желавшихъ видѣть на престолѣ Екатерину II вмѣсто Петра III. Этотъ кружокъ сторонниковъ великой княгини съ теченіемъ времени постепенно разростается и распадается на нѣсколько группъ, состоявшихъ изъ людей очень разнообразныхъ общественныхъ положеній, а потому имѣвшихъ весьма различныя воззрѣнія на предстоящую «перемѣну». Одна группа, съ братьями Паниными (Никита Ив. и Петръ Ив.) во главѣ, желала вручить великой княгинѣ лишь регентство надъ ея малолѣтнимъ сыномъ Павломъ Петровичемъ, причемъ обусловливала Екатерину Алексѣевну нѣкоторыми «кондиціями», на подобіе взятыхъ съ императрицы Анны Іоанновны верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Къ этой группѣ примыкало много гвардейской молодежи изъ потомковъ и родственниковъ главныхъ участниковъ политическихъ движеній въ царствованіе Анны Іоанновны. Замыслы этой группы создали не-

дружелюбное отношеніе Екатерины II къ цесаревичу Павлу Петровичу, особенно усилившееся съ совершеннолѣтіемъ наслѣдника престола. Затѣмъ шли гвардейскіе офицеры, предводимые братьями Орловыми; они всѣ не имѣли никакой политической программы, а желали просто воцаренія великой княгини. Третью группу составляли люди, близкіе къ ней съ самаго ея пріѣзда въ Петербургъ (княгиня Дашкова, графъ К. Г. Разумовскій, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ и друг.). Съ первыхъ дней своего царствованія Петръ III сталъ торопливо и неосмотрительно предпринимать цѣлый рядъ реформъ, изъ числа которыхъ отобраніе крестьянъ у архіереевъ и монастырей была весьма рискованно, возбудивъ противъ него высшую духовную іерархію, которая стала выражать сочувствіе мысли о воцареніи Екатерины. 28 іюня 1762 г. она при помощи военнаго переворота вступила на престолъ, отъ котораго отрекся Петръ III, и была провозглашена самодержавной императрицей. Ея воцареніе не было похоже на воцаренія Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Никто изъ сторонниковъ Петра III не только не пострадалъ, но не былъ даже удаленъ отъ двора. Екатерина II пріостановила лишь на время дѣйствіе указа Петра III о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ и, наградивъ своихъ ближайшихъ сторонниковъ, расширила привиллегіи дворянства.

Въ первые годы правленія Екатерины II ей пришлось бороться съ цѣлымъ рядомъ серьезныхъ препятствій. Сторонники великаго князя Павла Петровича смотрѣли на ея самодержавную власть несочувственно. Кромѣ того, была цѣлая партія, которая считала законнымъ императоромъ Россіи несчастнаго Іоанна Антоновича, томившагося въ Шлиссельбургѣ. Помѣщичьи и заводскіе крестьяне, обрадованные закономъ Петра III объ уничтоженіи крѣпостного права архіереевъ и монастырей надъ ихъ крестьянами, ждали и себѣ воли и волновались, а кончина Петра III, послѣдовавшая черезъ нѣсколько дней по воцареніи Екатерины II (6 іюля 1762 г.), возбуждала среди нихъ разные толки и порождала самозванцевъ, принимавшихъ имя покойнаго императора. Но Екатерина II сумѣла справиться съ этими препятствіями путемъ цѣлаго ряда серьезныхъ реформъ, направленныхъ на благо русскаго народа и составляющихъ осуществленіе ея политическихъ воззрѣній.

Для предпринятыхъ ею реформъ она не выписываетъ изъ-за моря «нѣмцевъ-инструкторовъ», какъ Петръ Великій, а собираетъ въ 1767 г. комиссію по составленію проекта новаго уложенія, созывая въ нее депутатовъ отъ всѣхъ областей, сословій и учрежденій Россійской имперіи. Созывъ такой комиссіи не былъ на Руси новымъ дѣломъ. Послѣ земскаго собора 1649 г., составившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ «Уложеніе», мы видимъ цѣлый рядъ комиссій, и при Петрѣ Великомъ, и при его преемникахъ, въ большинствѣ случаевъ изъ «депутатовъ» отъ сословій и областей, для

составленія «новаго уложенія», такъ какъ прежнее 1649 г. устарѣло и требовало большихъ поправокъ и дополненій. Но всѣ эти комиссіи не привели ни къ какимъ результатамъ. Новостью въ Екатерининской комиссіи 1767 г. являются два обстоятельства, во-первыхъ, «Наказъ», то-есть программа для ея занятій, написанный самой императрицей, и, во-вторыхъ, результаты работъ депутатовъ.

«Наказъ» Екатерины II напечатанъ далеко не въ томъ видѣ, какъ его составила императрица, а въ очень сокращенной и измѣненной редакціи. Она работала надъ нимъ нѣсколько лѣтъ и давала просматривать написанное ею нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ. Извѣстны замѣчанія на «Наказъ», сдѣланныя графомъ Ник. Ив. Панинымъ и драматургомъ А. П. Сумароковымъ. Первый пришелъ въ ужасъ отъ «свободомыслія» императрицы: «Ce sont des axiomes á renverser les murailles»,—заявилъ онъ. Сумароковъ выступилъ, главнымъ образомъ, защитникомъ крѣпостного права, за что и удостоился колкихъ возраженій со стороны Екатерины II. Когда съѣхались уже «депутаты» комиссіи въ Москву, императрица выбрала изъ ихъ числа болѣе ей извѣстныхъ, но самыхъ противоположныхъ воззрѣній и, поручивъ имъ выслушать «Наказъ», «дала волю чернить и вымарывать все, что хотѣли». «Тутъ при каждой статьѣ,—говоритъ сама императрица,—родились пренія, и они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и остался «Наказъ»—яко оный напечатанъ». Такимъ образомъ, чтобы правильно судить о мысляхъ «Наказа», нужно непремѣнно принять во вниманіе всѣ вышеизложенныя обстоятельства.

Я остановлю вниманіе читателей на слѣдующихъ основныхъ вопросахъ изъ политическихъ воззрѣній Екатерины II по печатному тексту «Наказа»: 1) на обоснованіи и опредѣленіи самодержавія и безусловной необходимости его для Россіи; 2) на опредѣленіи понятія закона и законности; 3) на опредѣленіи вольности—свободы политической; 4) на сословіяхъ въ государствѣ и на крѣпостномъ правѣ; 5) на воспитаніи частномъ и общественномъ.

Обоснованіе и опредѣленіе самодержавія. Россія есть европейская держава (§ 6). Государь Россіи есть монархъ самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства (§ 9). Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое (§ 10). Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ (§ 12). Цѣль самодержавнаго правленія не въ томъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большого ото всѣхъ добра (§ 13). Государь есть источникъ всякой власти политической и гражданской (§ 19).

Опредѣленіе понятія закона и законности. Надобно имѣть хранилище законовъ (§ 22). Этимъ хранилищемъ является въ Россіи сенатъ (§ 26). Законы предохраняютъ безопасность каждаго гражданина (§ 33). Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (§ 34). Законодательство должно исходить изъ духа (разума) народа (§ 57). Для введенія лучшихъ законовъ необходимо умы людей къ тому подготовить, но нельзя отговариваться тѣмъ, что умы не подготовлены для установленія и самаго полезнѣйшаго дѣла. Слѣдуетъ подготовлять къ тому умы (§ 58).

Опредѣленіе гражданской (политической) свободы. Политическая свобода (гражданская вольность) состоитъ не въ томъ, что каждый можетъ дѣлать, что ему угодно, а въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть и чтобы не быть принужденну дѣлать то, что хотѣть не должно (§§ 36 и 37). Политическая свобода есть спокойствіе духа, происходящее отъ убѣжденія гражданъ, что всякій изъ нихъ наслаждается безопасностью (§ 39).

Сословія въ государствѣ. Гражданское общество, какъ и всякое другое установленіе, требуетъ извѣстнаго порядка. Поэтому извѣстнымъ лицамъ слѣдуетъ править и повелѣвать, а остальнымъ повиноваться (§ 250). На первомъ планѣ поставлено дворянство. Дворянство (названное благороднымъ, Adel, noblesse) есть нарицаніе въ чести первое сословіе (§ 360). Дворяне—потомки добродѣтельныхъ и сами добродѣтельные (§ 361). Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства (§ 363). Относительно крестьянъ, крѣпостного права, говорится очень осторожно, лишь съ намеками на возможность ихъ освобожденія. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ (§ 260). О регулированіи помѣщичьихъ поборовъ съ крестьянъ и о поднятіи земледѣлія, какъ основы богатства страны, говорится въ нѣсколькихъ параграфахъ (§§ 269, 270, 297 и 313). Не можетъ земледѣліе процвѣтать тамъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ собственности (295).

О воспитаніи частномъ и общественномъ читаемъ въ Наказѣ слѣдующее: гражданское благосостояніе возможно только при развитіи народной нравственности. Только тотъ народъ имѣетъ право пользоваться гражданскимъ благосостояніемъ и дѣйствительно имъ пользуется, въ которомъ развито чувство долга, законности, справедливости. Чтобы возвысить нравственность народа, нужно дать ему надлежащее воспитаніе. Воспитаніе создаетъ людей.

Сравнительно съ опредѣленіями въ законодательствѣ Петра Великаго все формулировалось въ «Наказѣ» иначе—и верховная самодержавная власть, и законъ, и отношеніе подданныхъ къ государю, и права сословій; иные же вопросы никогда прежде не затрогивались оффиціальное, какъ, напримѣръ, вопросы о гражданской

свободѣ и о частномъ и общественномъ воспитаніи, въ основаніе котораго ставились нравственныя начала.

Но еще до созыва комиссіи Екатерина II предприняла цѣлый рядъ реформъ, касающихся улучшенія быта разныхъ классовъ русскаго народа. Эти реформы стоятъ въ непосредственной, идейной связи съ «Наказомъ». Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) учрежденіе въ Москвѣ воспитательнаго дома, имѣвшаго задачу обезпечить жизнь и благосостояніе брошенныхъ на произволъ судьбы дѣтей (1763); 2) основаніе перваго въ Россіи женскаго учебнаго заведенія, такъ называемаго Смольнаго института въ Петербургѣ (1764)—выраженіе совершенно новой мысли о необходимости общественнаго образованія и воспитанія для дѣвицъ; 3) такъ называемая секуляризація монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ (1764), состоявшая въ возобновленіи о томъ же указа Петра III, и 4) учрежденіе въ Петербургѣ Вольнаго Экономическаго Общества (1765). Въ сихъ двухъ послѣднихъ мѣропріятіяхъ серьезно затрогивался вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ первомъ изъ нихъ онъ относительно духовенства разрѣшался практически, во второмъ—затрогивался лишь косвенно. Подъ видомъ улучшенія сельскаго хозяйства, Вольное Экономическое Общество имѣло основной своей задачей освобожденіе помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, или по крайней мѣрѣ должно было изыскивать способы къ улучшенію ихъ быта путемъ постепеннаго превращенія въ крестьянъ собственниковъ.

Съ 1768 года, когда началась первая турецкая война, общія собранія комиссіи для составленія проекта новаго уложенія не собирались, но 19 спеціальныхъ комиссій, составлявшихъ ея отдѣленія, продолжали свои работы до конца царствованія Екатерины II. Проектъ новаго уложенія составленъ не былъ, но спеціальныя комиссіи выработали слѣдующія главнѣйшія законоположенія, составившія славу царствованія Екатерины II: 1) учрежденіе о губерніяхъ (1775 г.); 2) положеніе о народныхъ училищахъ (1782 г.); 3) учрежденіе россійской академіи (1783 г.); 4) положеніе о частныхъ типографіяхъ (1784 г.); 5) жалованная дворянству грамота (1785 г.) и 6) городовое положеніе (1785 г.). Эти результаты депутатскихъ работъ ясно показываютъ намъ, насколько русскіе люди второй половины XVIII вѣка были болѣе подготовлены къ дѣлу, къ которому они призывались, чѣмъ ихъ отцы и дѣды, депутаты неудавшихся комиссій первой половины XVIII вѣка; а это обстоятельство служитъ новымъ и нагляднымъ доказательствомъ производительности для русской почвы тѣхъ зеренъ знанія, которыя были посѣяны на ней «вѣчнымъ работникомъ на тронѣ» Петромъ Великимъ.

Существенныя черты этихъ законоположеній ясно укажутъ читателю ихъ тѣсную связь съ «Наказомъ» Екатерины II и съ заявленіями депутатовъ въ комиссіи 1767 года.

Центральное и областое управленіе приводится въ бо́льшее взаимное соотвѣтствіе, и основной Петровскій принципъ коллегіальный, дополненный избирательнымъ началомъ, кладется въ основу областнаго управленія, что систематически излагается въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года. Это учрежденіе безъ измѣненія существуетъ въ бо́льшей части Россіи до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, до введенія въ царствованіе императора Александра II реформъ крестьянской, земской и судебной, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россійской имперіи, гдѣ еще не введены всецѣло эти реформы, продолжаетъ существовать въ значительной своей части и въ наши дни.

Во главѣ всѣхъ сословій государства ставится дворянство, преобразованное на новыхъ началахъ, сравнительно съ табелью о рангахъ Петра Великаго. Дворянское сословіе въ царствованіе Екатерины II, разбитое по губерніямъ на мѣстныя корпоративныя группы, получаетъ земское и политическое значеніе посредствомъ своего выборнаго участія въ мѣстномъ самоуправленіи и судѣ и по даннымъ ему въ «грамотѣ» привиллегіямъ. Духовенство значительно теряетъ свое общественное вліяніе вслѣдствіе секуляризаціи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, и эта правительственная попытка является первымъ практическимъ шагомъ на пути освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ; для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости выработываются лишь теоретическія соображенія, но осуществленіе ихъ представляется Екатеринѣ II, по весьма серьезнымъ причинамъ, не только преждевременнымъ, но и опаснымъ. «Городовое положеніе» организуетъ составъ и управленіе русскихъ городовъ, создавая средній родъ людей, какъ тогда выражались, то-есть городское сословіе, изъ трехъ группъ — купечества, мѣщанства и ремесленниковъ. Городовое положеніе, установляющее это сословіе (1785 г.), существовало неприкосновенно до новыхъ всесословныхъ городовыхъ положеній императоровъ Александра II и Александра III.

Въ дѣлѣ народнаго образованія Екатерина II имѣла знающихъ сотрудниковъ въ лицѣ И. И. Бецкаго, сторонника педагогическихъ теорій Локка и Руссо, и извѣстнаго педагога эпохи, серба Янковича де-Миріево, послѣдователя идей Яна Амоса Коменскаго. Учительская семинарія, основанная въ Петербургѣ, и народныя училища въ Петербургѣ, въ губернскихъ и въ большихъ уѣздныхъ городахъ (со временемъ преобразованныя въ гимназіи) не ограничивались обученіемъ, а преслѣдовали задачу воспитательную и далеко оставили за собой цифирныя школы и школы грамоты Петра Великаго. Россійская академія возникла по примѣру французской академіи въ Парижѣ, имѣла задачей ученую разработку русскаго языка и составленіе «Словаря Россійскаго», дополнивъ существенный пробѣлъ въ Петровской академіи наукъ, преимуще-

ственно состоявшій изъ нѣмецкихъ ученыхъ. (При императорѣ Николаѣ I россійская академія вошла въ составъ академіи наукъ, подъ именемъ II-го ея отдѣленія). Дозволеніе частныхъ типографій вызвало широкую и плодотворную дѣятельность просвѣщенныхъ массоновъ Н. И. Новикова и Шварца, основателей въ Москвѣ «Типографической компаніи». Этому частному обществу русское просвѣщеніе обязано очень многимъ. Кромѣ изданія громаднаго числа серьезныхъ и нравоучительныхъ книгъ, «компанія» открывала безплатныя народныя школы и не мало потрудилась на пользу низшихъ классовъ русскаго народа на поприщѣ филантропіи.

Во многомъ содѣйствовали Екатеринѣ II «депутаты», созванные ею въ комиссію. Эти «свѣдущіе люди», жившіе въ мѣстахъ въ большинствѣ случаевъ «весьма отдаленныхъ», раскрыли передъ государыней настоящую картину тогдашняго состоянія Россіи. Много непригляднаго представила эта картина. Образованность и благосостояніе были удѣломъ весьма немногихъ. Большинство же населенія Русской земли, не одни крестьяне, а всѣ сословія русскаго народа, погрязало въ невѣжествѣ и экономической бѣдности. Много наивныхъ, много своекорыстныхъ заявленій было отъ «депутатовъ» комиссіи—такъ почти все дворянство, на которое Екатерина II всего больше возлагала надеждъ, требовало «формулированія» и «утвержденія» крѣпостного права, какъ учрежденія; дворянству подражали купцы и приказные. Но отдадимъ должное общему настроенію депутатовъ. Въ дружный хоръ сливались ихъ голоса при требованіи расширенія начальнаго, профессіональнаго и высшаго образованія и просвѣщенія въ русскомъ народѣ и развитія общественнаго призрѣнія и мѣръ для общественнаго здравія. Заявлялось о назначеніи при церквахъ «ученыхъ» священниковъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ, о начальныхъ народныхъ и спеціальныхъ училищахъ, объ академіяхъ, объ университетахъ.

Вскорѣ послѣ окончанія занятій общихъ собраній комиссіи 1767 года, на восточной окраинѣ европейской Россіи вспыхнула Пугачевщина, смутившая Екатерину II вновь появившимся самозванцемъ съ именемъ Петра III и открывшая передъ ней воочію во всей наготѣ язвы крѣпостнаго права и недостаточную организацію въ управленіи восточными инородцами. Одновременно съ Пугачевымъ появилась въ Германіи авантюристка подъ именемъ княжны Таракановой, выдававшая себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны и предъявлявшая права на русскій престолъ.

Весьма естественно, что подъ вліяніемъ Пугачевщины и княжны Таракановой Екатерина II еще болѣе внимательно должна была отнестись къ русской дѣйствительности, раскрывшейся передъ ней въ заявленіяхъ депутатовъ комиссіи. Эта дѣйствительность давала мало матеріала для приложенія къ практикѣ тѣхъ «либеральныхъ» началъ, которыя исповѣдывала императрица и которыя, хотя и въ

неполномъ видѣ, легли въ основу ея «Наказа». Екатерина II призадумалась; но, какъ мы видѣли выше, не пріостановила занятій частныхъ комиссій, а наоборотъ побуждала ихъ къ выработкѣ весьма важныхъ законоположеній, направленныхъ ко благу русскаго народа. Императрица дѣйствуетъ лишь осторожнѣе, чѣмъ прежде, высказываетъ свои мысли менѣе откровенно, но продолжаетъ быть вѣрна своимъ основнымъ принципамъ.

Французская революція не застигла Екатерину II врасплохъ. Она лично никогда не симпатизировала Людовику XVI и Маріи—Антуанетѣ, но при началѣ финансовыхъ реформъ французскаго короля привѣтствовала ихъ, выражая надежду, что онъ, если пойдетъ по этому пути, можетъ стяжать себѣ славу Генриха IV. Екатерина II сочувственно отнеслась къ собранію нотабилей, хотя не могла не предвидѣть его неудачнаго исхода. На собраніе же Etats généraux она смотрѣла болѣе чѣмъ несочувственно и при дальнѣйшемъ развитіи событій въ Парижѣ, рѣзко осуждала Людовика XVI за его безхарактерность и уступки, видя въ томъ униженіе достоинства монарха, и еще въ октябрѣ 1789 года предрекла ему возможность судьбы Карла I англійскаго. Екатерина II играла въ большую политическую игру во время революціи. Она изъ политики ласкала французскихъ эмигрантовъ, изъ политики высказывала сочувствіе «дѣлу короля», побуждая государей Европы къ его спасенію, но сама не сдѣлала ни шага для помощи Людовику XVI, ловко пользуясь замѣшательствами въ Западной Европѣ для болѣе удобнаго въ интересахъ Россіи окончанія турецкихъ и польскихъ дѣлъ; искренно она ненавидѣла только «якобинцевъ», сочувствуя въ душѣ правильнымъ, свободнымъ, республиканскимъ идеямъ. Въ разгаръ революціи она пригласила Лагарпа въ воспитатели своего любимаго внука, великаго князя Александра Павловича, котораго считала въ будущемъ продолжателемъ ея идей, а Лагарпъ былъ не только послѣдователемъ ученій «просвѣтительной» философіи энциклопедистовъ, но убѣжденнымъ республиканцемъ. Указанные факты приводятъ меня къ мысли, что Екатерина II не измѣнила сущности своихъ воззрѣній и подъ вліяніемъ французской революціи. Очень многіе доселѣ убѣждены въ противномъ и утверждаютъ, что подъ вліяніемъ французской революціи Екатерина II отреклась отъ прежнихъ идей и вступила на путь реакціи. Доказательства тому, кромѣ ея возгласовъ противъ «якобинцевъ» и отношеній вообще къ французамъ въ послѣдніе годы ея царствованія, видятъ въ политическихъ процессахъ Новикова и Радищева и въ судьбѣ посмертной трагедіи Княжнина «Вадимъ». Но Новикова Екатерина II преслѣдовала, какъ массона и мартиниста, которымъ никогда не сочувствовала, и какъ сторонника нелюбимаго ею ея наслѣдника престола. Въ дѣлѣ Радищева до сихъ поръ не все ясно, и, быть можетъ, со временемъ мы узнаемъ и его отношенія къ великому князю Павлу

Петровичу, которыя опредѣлять намъ настоящій смыслъ постигшей его кары. Что касается до сожженія «Вадима» Княжнина, то вся эта пьеса прямо направлена противъ самодержавія въ Россіи, т.-е. основного политическаго принципа Екатерины II. Съ своими политическими врагами она поступала точно такъ же и въ первые годы своего царствованія, какъ она поступила съ Новиковымъ и Радищевымъ: достаточно припомнить судьбу Мировича, Арсенія Мацѣевича и княжны Таракановой.

Политическія идеи «Наказа», характеръ самодержавія императрицы, утратившаго суровость прежнихъ временъ, стремленіе Екатерины II выслушать дѣйствительныя потребности Русской земли, проявившееся въ комиссіи 1767 года, ея мѣропріятія на пользу Россіи и до, и послѣ этой комиссіи, ея личное участіе въ литературѣ и покровительство литераторамъ, наконецъ блескъ ея двора и ея личной жизни — все это вносило въ русское общество массу новыхъ понятій и весьма естественно производило сильное впечатлѣніе на современниковъ, имѣло для нихъ громадное воспитательное и цивилизующее значеніе и не могло пройти безслѣдно для послѣдующихъ русскихъ поколѣній, смягчая грубость нравовъ и все болѣе и болѣе увеличивая въ Россіи ту дружину интеллигенціи, которая была результатомъ реформы Петра Великаго. Въ царствованіе Екатерины II явилось множество писателей, а почти всѣ корифеи русской литературы эпохи Александра I родились въ вѣкъ Екатерины II и воспитались подъ вліяніемъ идей этого вѣка.

Частная жизнь Екатерины II, ея отдыхъ отъ государственныхъ трудовъ, ея развлеченія возбуждали подражанія въ вельможахъ ея двора и способствовали развитію въ русскомъ обществѣ вкуса изящнаго. Правда, эти подражанія выражались съ чрезмѣрной роскошью, но то было проявленіемъ «шири русской натуры», которая свойственна всѣмъ классамъ русскаго народа; однако пышныя празднества «великолѣпнаго князя Тавриды», графа Строганова, Нарышкина и другія уже не имѣли ничего общаго съ грубыми «потѣхами» и «машкерадными» процессіями Петра Великаго и Анны Іоанновны.

Внѣшняя политика Екатерины II еще болѣе замѣчательна, чѣмъ внутренняя ея дѣятельность; направленіе этой политики было строго національное. Вопросы польскій, балтійскій и восточный—вотъ тѣ главные вопросы международныхъ отношеній, которые получила Екатерина II въ наслѣдіе отъ Петра Великаго и которые ей предстояло разрѣшить. Польскій вопросъ послѣ Петра Великаго сталъ уже почти вопросомъ внутренней русской политики, и Екатерина II тремя раздѣлами Польши окончательно разрѣшила этотъ вопросъ въ интересахъ Россіи: всѣ области нѣкогда литовскаго великаго княжества съ кореннымъ русскимъ населеніемъ присоединены были къ имперіи Всероссійской. Балтійскій вопросъ находился въ связи съ польскимъ, по ленной зависимости курляндскихъ герцоговъ отъ ко-

роны польской. Въ 1795 году Курляндія, по постановленію мѣстнаго рыцарства, вошла въ составъ Всероссійскаго государства, и этимъ еще болѣе округлились наши границы на Балтійскомъ морѣ.

Восточный вопросъ разрѣшенъ Екатериною II не менѣе блестяще, чѣмъ вопросъ польскій. Блистательная Порта должна была уступить силѣ русскаго оружія и дипломатическому искусству Екатерины II. Предѣлы Россіи достигли Чернаго моря, и русская власть твердо на немъ укрѣпилась. Побѣды при Кагулѣ, Чесмѣ, Рымникѣ, Очаковѣ и Измаилѣ и присоединеніе къ русской территоріи Крыма и Новороссіи становились залогомъ нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ восточномъ вопросѣ. Россія овладѣвала имъ вполнѣ, и въ грандіозномъ «греческомъ прожектѣ» начертывалась программа возстановленія Византійской имперіи подъ протекторатомъ Россіи.

Русская дипломатія въ Западной Европѣ получила рѣшающее значеніе. Внѣшней политикой императрица занималась сама и поставила Россію на подобающую ей высоту въ системѣ западноевропейскихъ державъ. Избавивъ себя отъ тягостной зависимости отъ Австріи, въ которой Россія пребывала съ самой кончины Петра Великаго, Екатерина II пользовалась союзомъ ея и ея политическаго соперника Пруссіи, смотря по обстоятельствамъ, для соблюденія русскихъ интересовъ.

Войны Екатерины II, закрѣпляя за Россіей территоріи на югѣ и на западѣ, явились школой для тѣхъ полководцевъ и воиновъ, которые распространяли славу русскаго оружія въ исходѣ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка далеко за предѣлы нашего отечества. «Орлы» Екатерины II—Румянцевъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Суворовъ-Рымникскій, Потемкинъ-Таврическій—извѣстны всѣмъ и каждому. А ихъ учениками явились Кутузовъ, Багратіонъ, Каменскій, Барклай-де-Толли, Чичаговъ—знаменитые вожди нашихъ войскъ въ великую борьбу Александра I съ Наполеономъ Бонапарте.

Но многаго, разумѣется, Екатерина II, несмотря на свой умъ, на свою энергію, не смогла совершить въ треть столѣтія, въ которую она занимала русскій престолъ; во многомъ она ошибалась, во многомъ заслужила упрекъ и отъ современниковъ и отъ потомства. Два главныхъ упрека заслужила Екатерина II. 1) При ней усилилось помѣщичье крѣпостное право. Но въ этомъ отношеніи она должна была уступить необходимости. Лишивъ крѣпостного права монастыри и архіереевъ, она умерла съ мыслью объ улучшеніи быта крестьянъ, и усиленіе крѣпостного права въ ея царствованіе было продуктомъ стремленій тѣхъ классовъ общества, которые были въ немъ заинтересованы, а въ немъ были заинтересованы, какъ мы видѣли, не только дворянство, но и купечество, и чиновничество. 2) При Екатеринѣ явилось больше чѣмъ прежде «фаворитовъ», но въ дѣлахъ государственныхъ они были лишь послушными орудіями въ рукахъ своей повелительницы или вовсе

не имѣли политическаго значенія. Исключеніе составляетъ только князь Потемкинъ, который самъ по себѣ былъ геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ. Но ошибки Екатерины II исчезаютъ передъ ея заслугами. Для насъ понятно изумленіе передъ Екатериной II ея современниковъ — русскихъ и иностранцевъ; понятно представленіе ея въ образѣ сказочной царицы «Фелицы» ея пѣвцемъ Державинымъ; понятны названія «Семирамида Сѣвера» и Catherine le Grand, — это изумленіе современниковъ, дошедшее до насъ и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ устныхъ преданіяхъ, звучитъ иными нотами, чѣмъ шаблонно офиціальныя восхваленія вообще царствующихъ лицъ, столь распространенныя у насъ въ XVIII вѣкѣ, понятно также отождествленіе царствованія Екатерины II съ ея личностью: она была вождемъ воззрѣній лучшей части русскаго общества и иниціаторомъ дѣлъ своего времени; она была центромъ, около котораго группировалась большая часть лучшихъ русскихъ людей второй половины XVIII вѣка. Для насъ, смотрящихъ на императрицу и ея время черезъ столѣтіе послѣ ея кончины и безпристрастно оцѣнивающихъ историческіе результаты ея царствованія, — ея время является вѣкомъ Екатерины II и столь же опредѣленнымъ историческимъ терминомъ, какъ вѣкъ англійской королевы Елисаветы и вѣкъ Людовика XIV.

Вѣкъ Екатерины характеризуется: притокомъ къ намъ новыхъ западно-европейскихъ идей, направленныхъ на духовныя потребности русскаго общества; усвоеніемъ имъ части этихъ идей и началомъ критическаго отношенія къ нашему прошлому и настоящему и къ Западной Европѣ; богатымъ развитіемъ просвѣщенія и литературы; цѣлымъ рядомъ учрежденій, изъ которыхъ многія дожили до нашихъ дней; измѣненіемъ къ лучшему частнаго, домашняго быта высшихъ общественныхъ слоевъ и развитіемъ новыхъ идей въ дѣлѣ образованія дѣтей; увеличеніемъ государственной территоріи; сильнымъ и рѣшающимъ участіемъ Россійскаго государства въ дѣлахъ европейскихъ. Все это представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ эпохой Петра Великаго, большой прогрессъ въ русскомъ историческомъ развитіи, которое, по прекрасному опредѣленію покойнаго профессора С. М. Соловьева, есть народное самопознаніе. Вѣкъ Екатерины II особенно ярко выдѣляется своими блестящими сторонами, благодаря двумъ царствованіямъ — Петра III и Павла Петровича, стоящими передъ царствованіемъ Екатерины II и послѣ него; тусклый колоритъ перваго и мрачный втораго — прекрасно оттѣняютъ время Екатерины «Великой».

Но вѣкъ Екатерины не законченъ ея царствованіемъ; онъ перешелъ въ XIX столѣтіе. Въ 1801 году императоръ Александръ I, вступая на престолъ, обѣщался слѣдовать завѣтамъ и принципамъ своей бабки, Екатерины II, и дѣйствительно его царствованіе какъ

бы составляетъ продолженіе ея царствованія, даже дѣятели этого царствованія по большей части или сами люди Екатерининскаго вѣка, или носящіе въ себѣ его традиціи. Такое же обѣщаніе—идти по стопамъ Екатерины II, мы видимъ въ манифестѣ о вступленіи на престолъ ея правнука, Александра II, завершившаго ея реформы незабвеннымъ днемъ 19-го февраля 1861 года.

Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III, обращая серьезное вниманіе на вопросы русской исторіи, изучалъ вѣкъ Екатерины II. По его желанію и при его мощномъ содѣйствіи Императорское Русское Историческое Общество, въ коемъ онъ былъ почетнымъ президентомъ, издало любопытнѣйшіе источники для изученія ея царствованія. Изданіе ихъ продолжается и доселѣ.

Закончу мой слабый очеркъ слѣдующими стихами одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ поэтовъ нашего времени—А. Н. Апухтина, изъ котораго взятъ и эпиграфъ для настоящей статьи. Апухтинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній передаетъ видѣнный имъ сонъ: Екатерина II вѣщаетъ о своихъ дѣлахъ передъ толпой русскихъ людей, стоящихъ на площади; когда она кончила говорить —

«Тутъ гулъ по площади пошелъ со всѣхъ сторонъ,
Гремѣли небеса, людскому хору вторя, —
И былъ сначала я, какъ будто ревомъ моря,
Народнымъ шумомъ оглушенъ.
Потомъ всѣ голоса слилися воедино,
И ясно слышалъ я изъ говора того:
Живи, живи, Екатерина —
Въ безсмертной памяти народа твоего».

Д. Корсаковъ.

ОТЪ УГЛИЧА ДО РЫБИНСКА.

(Путевые наброски).

I.

Угличъ.

«О граде ты граде, богоспасаемый граде Угличъ! Горькую чашу испилъ ты за Русскую землю!»

Лѣтопись.

РУДНО описать то пріятное впечатлѣніе, которое охватило насъ при видѣ живописной панорамы Углича, освѣщенной косыми ранними лучами майскаго солнца. Отъ этого сплошнаго ряда домовъ, монастырей, церквей и колоколенъ, выросшаго предъ нами среди утренней тишины и свѣжести, вѣяло на душу чѣмъ-то мирнымъ, давно прошедшимъ, яснымъ и спокойнымъ, какъ сама зеркальная поверхность Волги, отражавшая въ себѣ эту дивную, русскую картину. Недаромъ Угличемъ любовалась еще Екатерина II, недаромъ, посѣтив- мѣстность, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, цесаревичемъ дромъ Николаевичемъ, поэтъ В. А. Жуковскій сдѣлалъ нѣ- набросковъ Углича въ свой путевой альбомъ. Чѣмъ далѣе ся нашъ пароходъ, тѣмъ шире и величавѣе, подобно древ- ргаментному свитку, развертывалась передъ нами панорама. й изъ колоколенъ ударили къ заутрени, и благовѣстъ, звуч-

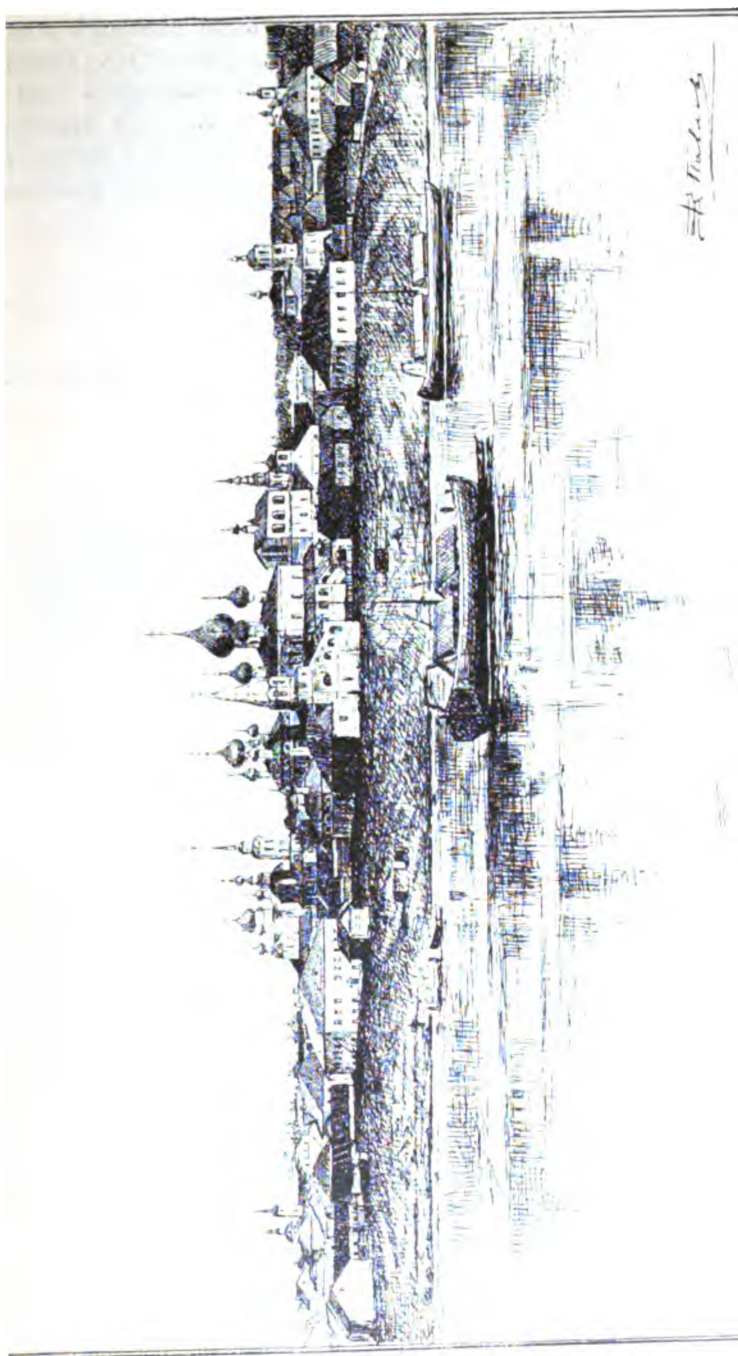
ными волнами понесся вдаль по гладкому простору Волги. Только русское сердце способно вполнѣ ощутить всю волшебную силу нашего колокольнаго звона, когда онъ вольно и свободно, подобно вѣщему глаголу, далеко разносится по окрестностямъ, призывая молящихся въ стѣны храма, равно открытаго для богатыхъ и убогихъ, для счастливыхъ и несчастныхъ. И каждый разъ душею овладѣваетъ какое-то возвышенное, умиленное настроеніе при звукѣ этой торжественно гудящей въ вышинѣ мѣди.

Пропустивъ паромъ, медленно перебиравшійся черезъ Волгу, пароходъ сдѣлалъ крутой поворотъ подлѣ самой пристани и, качаясь на собственныхъ волнахъ, подошелъ къ берегу противъ теченія. Такая предосторожность принимается здѣсь въ виду того, что Волга подъ самымъ городомъ образуетъ почти прямой уголъ, и напоръ воды, благодаря крутому изгибу, значительно усиливается.

Многіе и самое названіе Углича производятъ отъ этого угла, съ незапамятныхъ временъ начертаннаго Волгою. Другіе даютъ слову Угличъ иное, болѣе замысловатое толкованіе и выводятъ его изъ слова уголь. Главнымъ аргументомъ ихъ служитъ мѣстное «легендарное сказаніе», которое гласитъ, что «у подгородняго селенія Золоторучья была когда-то вырыта яма, а отъ тое ямы другая малая яма; а отъ тое ямы да у сосенки на бору лежала грань, да сгарина, а отъ той сосенки на бору у корня была еще вырыта яма, а въ этой ямѣ лежали кости да уголья». Ямъ дѣйствительно накопано много, но нельзя сказать, чтобы онѣ были убѣдительны и,— если ужъ приходится выбирать, — то первое толкованіе представляется все-таки болѣе правдоподобнымъ.

Видъ на городъ отъ пристани также очень красивъ, но имѣетъ уже иной характеръ, чѣмъ панорама издали; зритель находится ближе къ берегу, и въ картинѣ преобладаютъ отдѣльныя береговыя возвышенности и зданія, заслоняющія собою общую перспективу города. Вотъ впереди, на холмѣ, бывшемъ когда-то главною твердынею Углича, ярко выдѣляется своими кроваво-красными стѣнами церковь Димитрія царевича, сооруженная надъ мѣстомъ, обагреннымъ его кровію; изъ-за нея чуть замѣтно выступаетъ уголъ княжескаго дворца, далѣе видны по сторонамъ два угличскихъ собора съ одною общею колокольнею, за ними тянется зеленый фонъ городскаго сада, а вдали нѣсколько прибрежныхъ церквей и построекъ. Подъ церковью царевича, прямо на зрителя спускается Каменный ручей, видны главы далекаго женскаго монастыря, а лѣвѣе—разбросанныя по пригорку надъ пристанью церкви: Филиппа апостола, съ самою высокою колокольнею въ городѣ, типичная по архитектурѣ церковь Флора и Лавра и нѣкоторыя другія.

Съ пригорка по дорогѣ къ пристани уже мчались извозчики со своими допотопными экипажами; пристань оживилась, на пароходъ подали сходню, и мы съ товарищемъ сошли на берегъ.

Одинъ изъ случайныхъ знакомыхъ на пароходѣ посовѣтовалъ намъ остановиться въ Угличѣ въ меблированныхъ комнатахъ Желудёвой, о которыхъ ему съ похвалою отзывались его знакомые. Мы порядили извозчика и отправились. Возница поднялся въ городъ, проѣхалъ нѣсколько улицъ и остановился у деревяннаго дома, не имѣвшаго ни малѣйшаго признака какой либо вывѣски.

— Развѣ здѣсь?

— Здѣсь.

— Гдѣ же тутъ меблированныя комнаты?

— Какія?

— Меблированныя.

— Такихъ что-то не слыхать. А что рядили вы къ Желудёвой, такъ это она и есть.

— Да развѣ у нея можно останавливаться?

— Иной разъ господа пристаютъ.

Мы вошли во дворъ и кое-какъ розыскали прислугу, а чрезъ нее и самое владѣтельницу дома. Оказалось, что въ домѣ дѣйствительно имѣется одна комната, гдѣ останавливаются члены суда во время сессіи и разныя административныя лица, бывающія проѣздомъ въ городѣ. Эта комната въ данную минуту была свободна, и г-жа Желудёва, узнавъ, что мы пробудемъ не долго и остановились только для осмотра города, любезно предоставила ее въ наше распоряженіе.

— Если вы въ первый разъ, такъ у насъ есть что посмотрѣть,— замѣтила она:—нашъ городъ древній, историческій.

И дѣйствительно, Угличъ, кромѣ различныхъ описателей своихъ святынь и древностей, имѣетъ двухъ собственныхъ историковъ, составившихъ повѣствованія о его судьбахъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Историки эти: г. Киссель, написавшій исторію Углича еще въ сороковыхъ годахъ, и г. Соловьевъ, издавшій свой трудъ очень недавно. Профессоръ Шевыревъ, побывавшій въ Угличѣ на обратномъ пути изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, даетъ о г. Кисселѣ крайне симпатичный отзывъ. «Пріятно мнѣ было»,—говоритъ онъ,—«познакомиться съ учителемъ исторіи въ уѣздномъ училищѣ Углича, теперь уже штатнымъ смотрителемъ Ѳ. Х. Кисселемъ. Онъ написалъ весьма дѣльную исторію города, къ сожалѣнію, мало у насъ извѣстную, потому, что она напечатана въ ярославской губернской типографіи, и потому, что она не романъ и не сказка, а ученый трудъ. Для этой книги авторъ воспользовался многими мѣстными лѣтописями, которыя ходятъ здѣсь въ рукописяхъ. Весьма скромно живетъ честный труженикъ. Все современное въ литературѣ возбуждаетъ въ немъ участіе. Послѣднюю трудовую деньгу употребляетъ онъ на выписку журналовъ. Всѣ памятники Углича и всю его древность знаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Онъ былъ моимъ путеводителемъ по городу». Г. Киссель

:я въ 1852 году; книга его, напечатанная, вѣроятно, въ
энномъ количествѣ экземпляровъ, составляетъ теперь библіо-
скую рѣдкость.
ръ вышедшей въ 1895 году «Краткой исторіи г. Углича»,
й гражданинъ Леонидъ Өедоровичъ Соловьевъ, извѣстенъ,
іъ образомъ, какъ самый ревностный дѣятель по возвращенію
јольска ссыльнаго угличскаго колокола.

Видъ Углича отъ пристани.

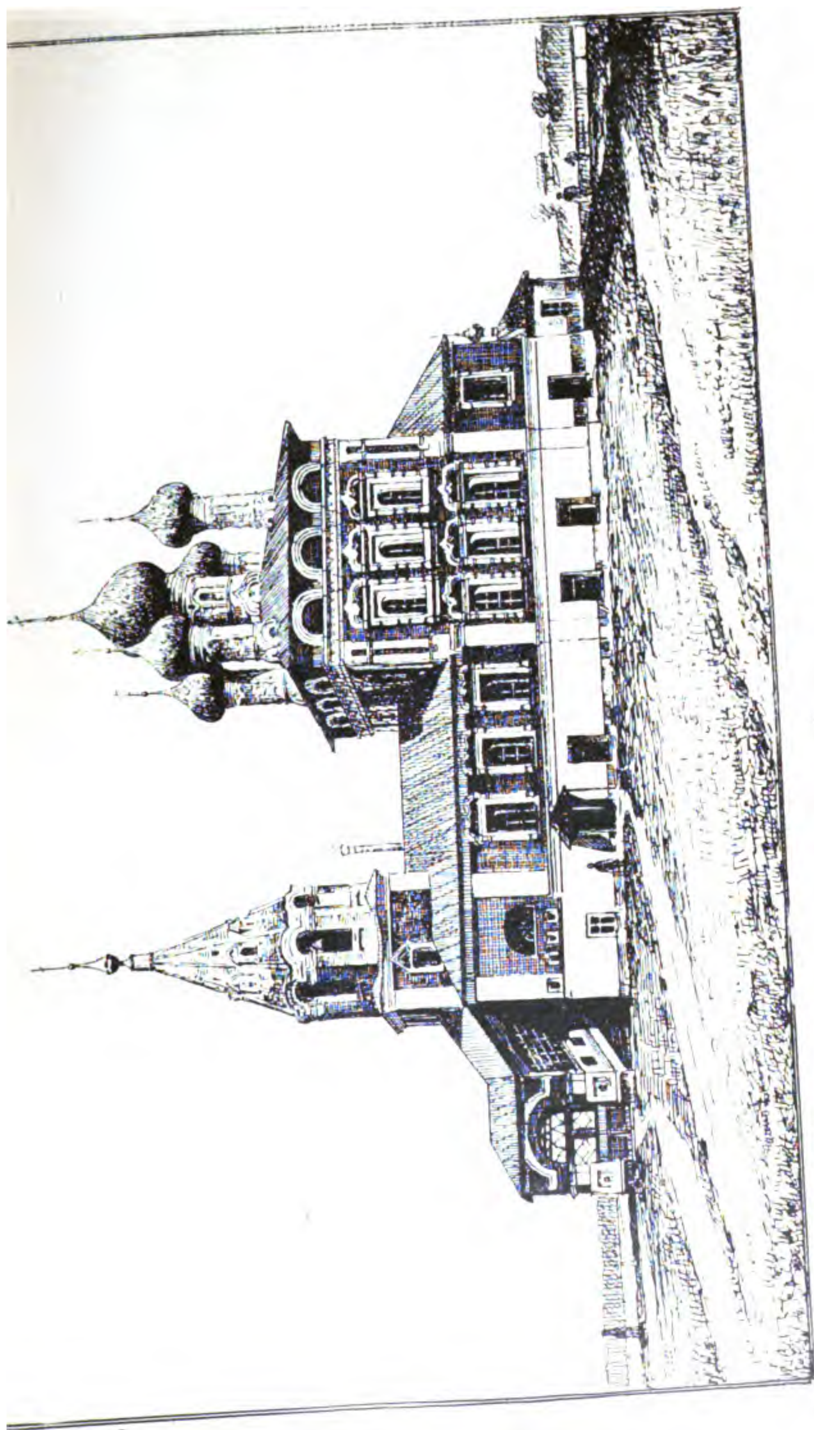
ъ въ краткихъ словахъ исторія древняго Углича, какъ опи-
гъ ее, на основаніи мѣстныхъ лѣтописей, г.г. Киссель и Со-
ь. Преданіе, записанное угличскими лѣтописцами, утверждаетъ,
юдъ «начася съ древнѣйшихъ и незапамятныхъ временъ».
эмени святой княгини Ольги поселеніе было будто бы уже
ько значительно, что братъ ея, или родственникъ, нѣкто Янъ,
, изъ Пскова, посѣтилъ Угличъ для устройства въ немъ «по-
управленія и собранія княжескихъ пошлинъ». Мѣстоположеніе
ι такъ понравилось Яну, что онъ построилъ себѣ домъ на

такъ называемомъ Яневомъ полѣ, названіе котораго сохранилось и до сихъ поръ. Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, что Янъ возвелъ здѣсь первыя крѣпостныя стѣны (которыя въ старину и назывались городомъ), что постройка города продолжалась семь лѣтъ, что окружность его была болѣе версты и т. д. Но повторяю, что эти свѣдѣнія сохранились только въ преданіи, которое, кромѣ названія Янева поля, ничѣмъ другимъ подтверждено быть не можетъ. Первое упоминаніе объ Угличѣ въ другихъ лѣтописяхъ мы находимъ только въ 1148 году [1]). Городъ долгое время входилъ въ составъ Ростовскаго княжества, а въ первой четверти XIII столѣтія получилъ самостоятельныхъ князей. Но самъ г. Соловьевъ, сознается, что «періодъ ихъ княженія описать съ достовѣрной точностью невозможно, такъ какъ это такой лабиринтъ разнорѣчивыхъ сказаній, изъ которыхъ трудно вывести что либо положительное». А потому я и не стану утруждать читателя странствованіемъ по этому дѣйствительно темному лабирингу, скажу лишь, что этотъ періодъ продолжался лѣтъ сто съ небольшимъ, и затѣмъ Угличъ перешелъ подъ власть князей московскихъ. Мѣстные историки говорятъ, что онъ былъ купленъ Іоанномъ Калитою за 5,000 рублей, но фактъ этой покупки отвергается нѣкоторыми весьма компетентными учеными, на томъ основаніи, что ни Калита, ни его преемники до Димитрія Донского ничего не говорятъ въ своихъ духовныхъ не только о покупкѣ Углича и другихъ городовъ, упоминаемыхъ въ завѣщаніи этого послѣдняго князя, но даже не называютъ ихъ именъ.

Послѣднимъ княземъ московскаго періода былъ сынъ Іоанна Грознаго, Димитрій царевичъ, имя котораго неразрывно связано съ именемъ города. Въ смутныя времена Угличу пришлось не мало пострадать отъ пришлаго польско-литовскаго сброда и отъ своихъ измѣнниковъ. Бѣдствія, по словамъ г. Соловьева, начались съ октября 1608 года, когда тушинцы взяли приступомъ Николо-Заручёнскій монастырь, при впаденіи Грѣхова ручья въ Волгу, а вслѣдъ затѣмъ овладѣли и Угличемъ. Хотя жителей и заставили присягнуть Лжедимитрію, но взявшій городъ полякъ Очковскій, повидимому, смотрѣлъ на него, какъ на свою собственность, потому что когда изъ Тушина явились стольникъ князь Волконскій и Головченковъ за сборомъ дани въ пользу самозванца, то онъ даже не допустилъ ихъ въ городъ. Шуйскій послалъ угличанамъ увѣщательную грамоту. Около того же времени въ городъ явился дядя Димитрія царевича, Григорій Нагой, съ пеленою и грамотою отъ сестры своей царицы-инокини. «Почто, православная Русь, вѣрите и слушаете враговъ нашихъ литовцевъ?»—писала царица: «Нынѣ

---

[1]) Ипатская лѣтопись, по поводу войны Изяслава Мстиславича съ Юріемъ олгорукимъ. Лаврентьевская относитъ это событіе къ 1149 году. Въ обѣихъ лѣтописяхъ городъ называется Углече поле.

послала азъ къ вамъ брата своего боярина Григорія Θеодоровича Нагова и съ нимъ послала образъ сына моего благовѣрнаго царевича Димитрія Іоанновича, чтобы ваши глаза видѣли, и сердца просвѣтилися и на истинный путь обратилися. А мнѣ то за подлинно вѣдомо, что великій государь царь Василій Ивановичъ всея Руси васъ пощадитъ и вины ваши покроетъ своимъ царкимъ милосердіемъ; мнѣ онъ то царское слово молвилъ, а я васъ на то благословляю» и т. д. Слѣдствіемъ этихъ двухъ грамотъ было изгнаніе поляковъ изъ Углича, но въ концѣ декабря городъ былъ снова взятъ Лисовскимъ въ сообществѣ съ панами Стравинскимъ и Шучинскимъ. Поляки пробыли здѣсь до февраля и двинулись къ Бѣжецку и Кашину, оставивъ въ Угличѣ гарнизонъ изъ двухсотъ человѣкъ. Въ апрѣлѣ подошли царскія войска съ воеводою Никитой Вышеславскимъ и освободили городъ. Жители встрѣтили ихъ съ хлѣбомъ-солью, радостно отпраздновали вмѣстѣ съ ними праздникъ св. Пасхи, но вскорѣ, по приказу Скопина-Шуйскаго, Вышеславскій выступилъ къ Калязину, а въ іюлѣ поляки снова овладѣли городомъ. Правда, что послѣ битвы при Калязинѣ монастырѣ Угличъ былъ освобожденъ русскими войсками, но бѣдствія его этимъ не кончились: самый страшный погромъ былъ еще впереди.

27 января 1611 года поляки снова появились подъ Угличемъ; на этотъ разъ, по словамъ мѣстныхъ историковъ, шайками предводительствовалъ самъ Янъ Сапѣга. Расположившись за Грѣховымъ ручьемъ и занявъ стрѣлецкую слободу, онъ послалъ въ городъ очень миролюбивое предложеніе о сдачѣ королю Сигизмунду, прибавляя въ концѣ: «А буде не сдадитеся, то азъ Господу Богу не повиненъ буду, что сіе мѣсто разорится, и кровь христіанская прольется; но взыщетъ Господь Богъ на васъ, егда коемуждо по дѣломъ его въ день судный воздастъ». Граждане послали рѣшительный отказъ. Сапѣга съ своимъ пятитысячнымъ отрядомъ началъ осаду. Почти всѣ окрестные монастыри были разграблены и опустошены за это время. Начались приступы къ самому городу, но угличане держались стойко и каждый разъ отбивали поляковъ. Насталъ великій постъ, а поляки все еще стояли подъ городомъ, и попытки ихъ ворваться въ укрѣпленія оставались безуспѣшными. Наконецъ Сапѣгѣ удалось подкупить угличскаго стрѣлецкаго сотника Ивана Пашина. Въ ночь со вторника на среду страстной недѣли онъ, будучи на караулѣ, напоилъ стрѣльцовъ и тайными путями ввелъ отрядъ поляковъ въ городъ. Истребивъ пьяную стражу, непріятели подкатили къ крѣпостнымъ воротамъ боченокъ съ порохомъ. Ворота вмѣстѣ съ башнею взлетѣли на воздухъ, и вся масса осаждавшихъ волною хлынула въ проломъ. Пощады не было никому. Многіе защитники спѣшили укрыться въ соборѣ, но поляки вышибли двери и предали смерти всѣхъ и вся. Улицы и площади, по словамъ лѣтописей, были загромождены трупами, кровь лилась въ

а, вышитая, по преданію, царицей Маріей Өеодоровной Нагой.

домахъ, и церквахъ, и во дворцѣ княжескомъ. Солнце взошло, но убійство продолжалось; поляки грабили дома и храмы, мучили жителей и духовенство, добиваясь узнать, гдѣ спрятаны сокровища. Большая часть города была сожжена и по уходѣ поляковъ представляла однѣ дымящіяся развалины, среди которыхъ догорали костры съ трупами убитыхъ угличскихъ гражданъ. О состояніи города послѣ погрома доносили въ Москву, что стрѣльцовъ и воротниковъ въ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, что жители съ женами и дѣтьми разбрелись розно, а которые и остались, тѣ «къ осадному сидѣнью страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены, и разорены безъ остатка» [1]).

Въ теченіе XVII столѣтія городъ мало-по-малу отстроился и снова получилъ свой нынѣшній видъ; но это уже не тотъ Угличъ богатый, обширный, многолюдный, какимъ знали его современники въ концѣ шестнадцатаго вѣка.

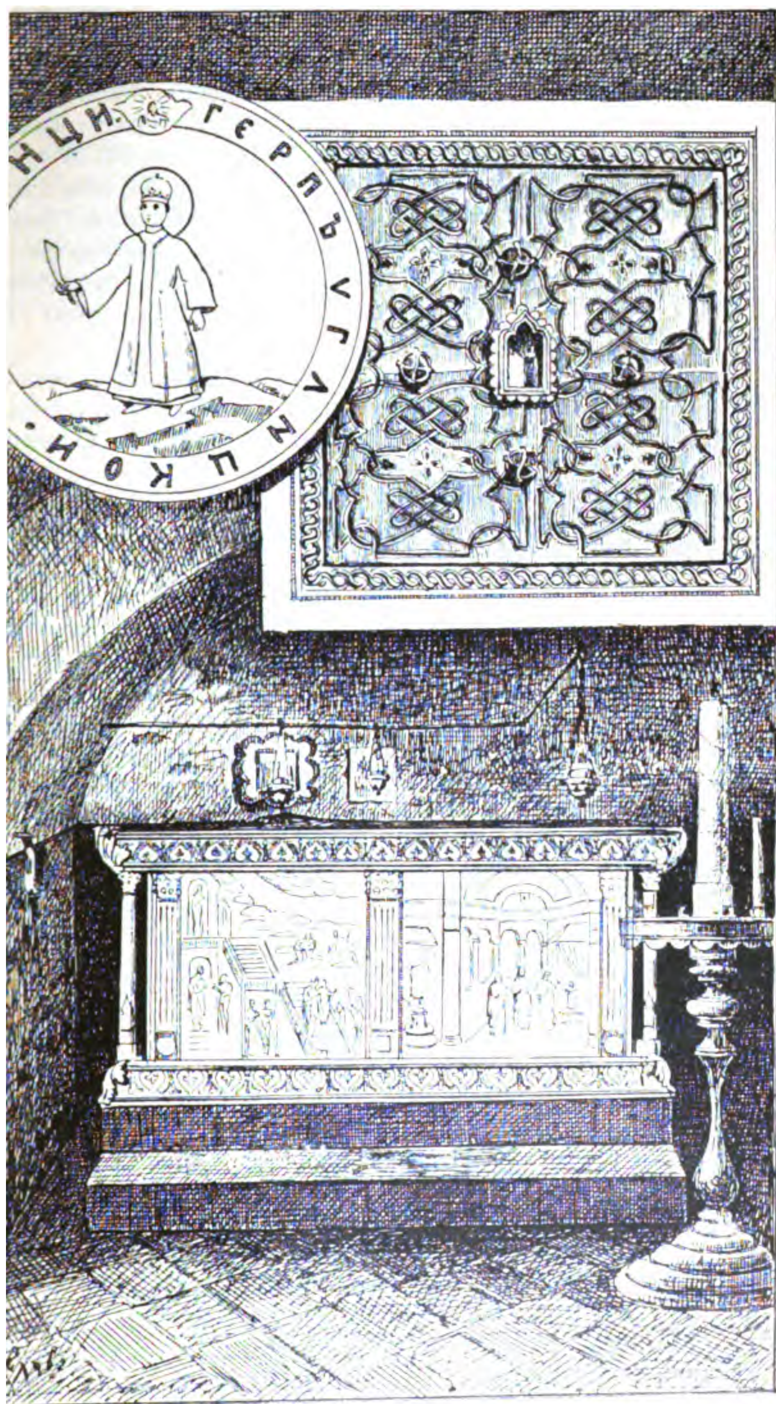
II.

Церковь «На крови».

> Годуновъ.
> А розыскъ учинить
> Объ этомъ дѣлѣ могъ бы князь Василій
> Иванычъ Шуйскій.
> (Гр. А. К. Толстой: «Царь Θеодоръ Іоанновичъ»).

Главнѣйшую достопримѣчательность Углича составляетъ, конечно, холмъ, свидѣтель убіенія царевича Димитрія. Въ прежнія времена на этомъ холмѣ возвышались стѣны городской крѣпости, теперь давно уже не существующія. Слѣды рва, окружавшаго крѣпость, еще сохранились, и восточную часть его составляетъ глубокій оврагъ, носящій названіе Каменнаго ручья. По писцовымъ книгамъ 1674 года, исправленная послѣ польскаго погрома угличская крѣпость была рублена изъ сосноваго лѣса въ двѣ стѣны и крыта тесомъ. Она имѣла форму неправильнаго четыреугольника и простиралась на 366 саженъ въ окружности. Кромѣ четырехъ наугольныхъ башенъ, въ стѣнѣ было еще шесть другихъ, имѣвшихъ четыреугольную и шестиугольную форму. Двѣ изъ этихъ башенъ, Никольская и Спасская, были воротныя съ проѣздами и мостами, соединявшими крѣпость съ городомъ. Высота стѣнъ была различна, отъ 2 до 5 саженъ, башни же были семисаженныя. Въ этихъ стѣнахъ, внутри

[1]) С. М. Соловьевъ: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, 2-е изд., книга II, т. IX, стр. 1322.

сто убіенія царевича Димитрія, дощечка съ частицею его крови и гербъ Углича.

крѣпости помѣщались два городскихъ собора, женскій Богоявленскій монастырь, княжескія палаты, воеводскій дворъ и приказы. За крѣпостью полукругомъ тянулся земляной городъ, также снабженный укрѣпленіями, и за нимъ стрѣлецкія слободы. Если считать всѣ слободы и подгородныя селенія за самый городъ, то можно вполнѣ согласиться съ угличанами, утверждающими, что городъ ихъ въ прежнія времена имѣлъ 24 версты въ окружности. По словамъ мѣстныхъ лѣтописей, Угличъ въ концѣ XVI столѣтія заключалъ въ себѣ двѣнадцать монастырей и до полутораста церквей, при сорокатысячномъ населеніи.

Въ настоящее время на крѣпостномъ холмѣ находятся два собора, холодный и теплый, остатки княжескаго дворца, церковь царевича Димитрія «На крови» и городская дума; остальная часть площади занята городскимъ садомъ.

Несомнѣнно, что княжескій дворецъ въ старину былъ гораздо обширнѣе, и нынѣшняя, недавно реставрированная постройка составляла только часть его. По всѣмъ вѣроятіямъ, дворецъ, согласно обычаямъ того времени, состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, соединенныхъ между собою крытыми переходами, причемъ постройки по большей части были деревянныя, такъ какъ отъ нихъ не найдено пока даже и основаній. Въ сѣверовосточной части холма, образовавшей уголъ между Волгою и Каменнымъ ручьемъ, неподалеку отъ входной башни, гдѣ была продѣлана калитка на Волгу, находилось пустое, незастроенное пространство, по мнѣнію нѣкоторыхъ превращенное въ садъ. Сюда-то и вышелъ погулять передъ обѣдомъ царевичъ Димитрій въ роковой день 15 мая 1591 года.

Послѣдовавшая за убіеніемъ Димитрія крутая расправа Годунова съ угличанами не дала имъ возможности тотчасъ же поставить памятникъ на мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь царевича, но извѣстно, что въ смутныя времена здѣсь уже стояла часовня, сгорѣвшая, вмѣстѣ съ другими постройками, во время нашествія поляковъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, а именно въ 1630 году, на мѣстѣ часовни построена деревянная «осьмиугольная» церковь во имя царевича Димитрія и освящена въ день его кончины, 15 мая. Первымъ священникомъ этой церкви былъ попъ Іуда, привезшій изъ Москвы отъ государя всю церковную утварь, иконы и книги. Изъ описи этихъ вещей въ царской грамотѣ на имя тогдашняго угличскаго воеводы, князя Василія Петровича Крапоткина, мы узнаемъ, насколько скроменъ былъ церковный инвентарь того времени; такъ, напримѣръ, сосуды присланы оловянные и изъ дерева, камчатныя ризы полагалось носить только по праздникамъ, для будничной же службы ризы выданы простыя полотняныя, звонъ состоялъ всего изъ двухъ колоколовъ вѣсомъ «пудъ съ гривенкою». Но интересно, что при такой скромности, почти скудости инвентаря въ описи помѣчены цѣлыхъ четыре пелены къ мѣстнымъ иконамъ. Вѣроятно,

такія пелены въ то время составляли необходимую принадлежность иконостаса. Церковь была сдѣлана ружною и получала воскъ и денежную ругу изъ царской казны; причту, кромѣ того, выдавались еще рожь и овесъ. Сохранилась грамота царя Алексѣя Михайловича отъ 1669 г., гдѣ онъ подтверждаетъ права церкви на полученіе двухъ пудовъ безъ четверти воску и велитъ выдавать оные «безъ московскіе волокиты», какъ въ то время писалось. Эти права подтверждены и грамотами послѣдующихъ царей.

Преображенскій соборъ въ Угличѣ.

Построенная въ 1630 г. деревянная церковь существовала недолго. Черезъ восемь лѣтъ послѣдовалъ указъ о построеніи на этомъ мѣстѣ каменнаго храма. За это время, рядомъ съ церковью Димитрія царевича, успѣла возникнуть другая, во имя Архангела Михаила, и при сооруженіи каменнаго храма рѣшено было нижній этажъ его посвятить имени св. Архангела. Эта нижняя церковь и была окончена въ 1661 г. Что же касается до верхней, во имя царевича Димитрія, то она была освящена лишь черезъ 31 годъ послѣ нижней, именно въ 1692 году. На поперечномъ брусѣ за

иконостасомъ этой церкви находится надпись, что она построена «царскою казною, тщаніемъ и радѣніемъ московской вкладчицы княгини Анны Васильевны вдовы Черкасовой, сродницы матери царевичевой, бывшей отъ роду Нагихъ».

Когда мы по крутой каменной лѣстницѣ поднялись въ верхнюю церковь, въ ней оканчивалась служба. Молящихся было всего двѣ или три старушки. Подъ сводами одиноко раздавался голосъ причетника. Мы стали разсматривать живопись въ притворѣ. Она не древняя и по письму должна быть отнесена къ концу прошлаго столѣтія. На стѣнахъ притвора изображены сцены изъ сотворенія міра и человѣка, а въ самомъ храмѣ на западной стѣнѣ помѣщено изображеніе кончины царевича. Благочестивые зрители этой тяжелой сцены выразили свое негодованіе къ убійцамъ тѣмъ, что выкололи имъ глаза какимъ-то острымъ орудіемъ, теперь у злодѣевъ вмѣсто глазъ—пустыя отверстія, въ которыя видна штукатурка.

Окончивъ службу, священникъ, о. Николай Косьмодемьянскій, очень любезно показалъ намъ всѣ достопримѣчательности храма, которыхъ здѣсь собрано не мало.

Направо у стѣны, подлѣ иконостаса, помѣщается серебряная рака, устроенная въ ростъ царевича; тутъ же находится и древняя пелена, или «плащаница», изъ краснаго атласа, съ его изображеніемъ. Плащаница эта, по преданію, вышита руками царицы Маріи Ѳеодоровны Нагой, въ инокиняхъ Марѳы. Въ виду интереса, представляемаго этимъ древнимъ памятникомъ нашего вышивальнаго и золотошвейнаго искусства конца XVI вѣка, позволю себѣ привести ея описаніе, составленное священникомъ о. Ярославскимъ: изображеніе царевича Димитрія вышито шелками и золотомъ; длина фигуры 1 аршинъ и 11 вершковъ. На головѣ царевича вѣнецъ; волосы и брови чернаго шелку; воротникъ стоячій, ожерелье низано 65-ю жемчужинами; въ правой рукѣ восьмиконечный крестъ, лѣвая простерта «молебне»; сапоги красные, охабень шитъ съ золотомъ, воротникъ и опушка черные. Длина всей плащаницы 2 аршина 2 вершка, ширина 17 вершковъ. По поводу этой интересной плащаницы въ описаніи церкви приведена слѣдующая цитата, повидимому, изъ мѣстной лѣтописи: «Царица инокиня Марѳа присѣдяше гробу сына своего и смотряше на тѣло, нача сшивати въ его мѣру возраста благолѣпную плащаницу, вышиваше золотомъ, сребромъ и шелкомъ. А на шеѣ изобрази жемчужное ожереліе, яко бы онъ ношаше до закланія своего. О чемъ и вопрошенъ бысть отъ убійцы Волохова. Мать же благовѣрнаго царевича Димитрія прося усердно вятѣйшаго патріарха Гермогена возложити на святыя мощи священными руками оную плащаницу. Святитель же, сіе исполнивъ по ея прошенію, посла въ Угличъ и образъ благовѣрнаго царевича сна дскѣ писанный. Услышавше же сіе, граждане встрѣтили со кресты и святыми иконами, и внесоша во храмъ его, построенный на

крови его. И умысли чинъ духовный, и граждане да установятъ празднество плащаницѣ сей маія въ 16 день, носити вокругъ дворца его, и младенцы подносити, якоже и царевичъ имѣлъ седмь лѣтъ съ половиною». Праздникъ этотъ справляется ежегодно, и главными лицами на торжествѣ являются дѣти, почти поголовно приводимыя родителями на поклоненіе царевичу. Съ вечера въ церкви служится всенощная, а въ самый праздникъ, послѣ литургіи, во время которой многія дѣти пріобщаются св. Таинъ, совершается съ плащаницею крестный ходъ на далекое разстояніе, чтобы всѣ маленькіе участники торжества могли удобно и безъ тѣсноты подойти подъ плащаницу. Въ это время около церкви торговцы раскидываютъ палатки съ игрушками и сластями, и дѣти долго веселятся, какъ бы находясь въ гостяхъ у царевича.

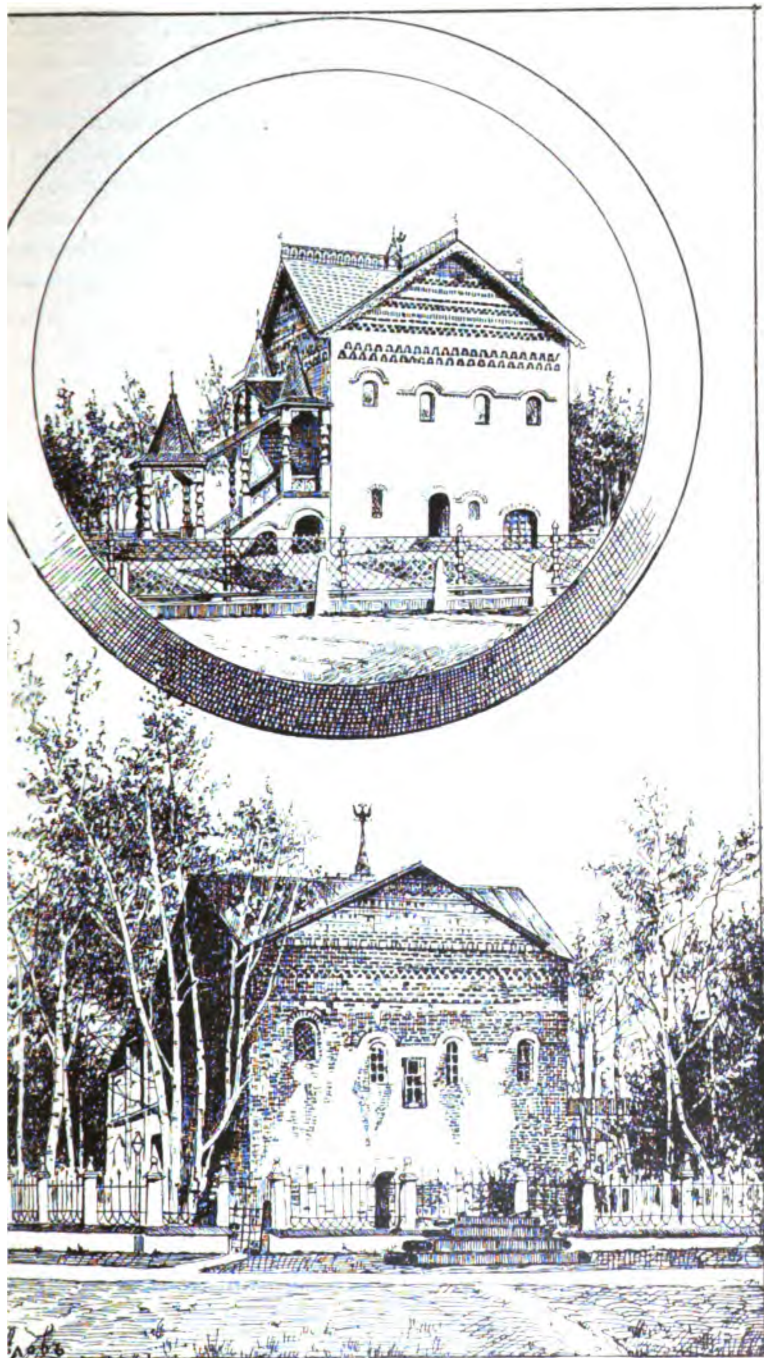
Выше раки на стѣнѣ помѣщенъ образъ самого виновника дѣтскаго торжества, писанный впрочемъ уже послѣ освѣщенія верхней церкви. На самой ракѣ находится кипарисная дощечка, обложенная серебряными листами и украшенная орнаментомъ чернью по серебру. Въ срединѣ этой дощечки, въ небольшомъ ковчежцѣ хранится запекшаяся кровь мученика, а по краямъ ковчежца крестообразно укрѣплены на доскѣ четыре орѣховыхъ скорлупки. Дощечка эта прислана изъ Москвы вскорѣ послѣ освященія нижней церкви, по просьбѣ угличанъ, желавшихъ имѣть у себя частицу мощей царевича. «Царь (Михаилъ Ѳеодоровичъ) совѣтовался съ отцемъ своимъ плотскимъ и духовнымъ Филаретомъ Никитичемъ, кую бы часть мощей царевичевыхъ послать въ Угличъ? И вложи Богъ имъ мысль, да кровь его скипѣвшуся у гортани пошлютъ. И отпѣвъ святѣйшій патріархъ всенощное бдѣніе благовѣрному царевичу Димитрію соборомъ, предъ литургіею прикоснуся къ св. мощамъ и отъятъ св. кровь его, скипящуюся у гортани, величиною въ яичко, и вложивъ въ уготованный ковчегъ, аки образъ штилистовой, обложи его серебромъ съ чернью и позлативъ. Около сего же ковчега въ таковыхъ же ставочкахъ вложи четыре орѣшка лущены и, утвердивъ тотъ ковчегъ, отпустиша въ градъ Угличъ съ ними одръ и старую раку, въ которой несены были мощи царевича въ Москву, и тако принесены быша въ лѣто 7139, а отъ Рождества Христова 1631-е декабря въ 10-й день, а по убіеніи царевича въ 40 лѣто». Относительно упоминаемыхъ здѣсь орѣшковъ мы находимъ свѣдѣнія въ такъ называемой Филаретовой рукописи (изданной подъ редакціею П. Муханова въ 1837 году): «Егда убіенъ бысть отъ безбожныхъ измѣнникъ, и тогда ему прилучись держати въ шуйцѣ своей убрусъ шитъ златомъ и сребромъ пряденымъ,— во друзей же приключишася плодъ, глаголемый орѣхи», и платокъ и орѣхи при открытіи мощей были найдены у царевича, «яко у живаго въ руцѣ držимо». При мощахъ царевича Димитрія въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ хранятся и другіе предметы, бывшіе при немъ

во время совершенія убійства, какъ-то кошелекъ съ серебряною мелкою монетою, деревянная столовая ложка, также рубашка, поясъ и тафья, вышеупомянутый платокъ и пр. По слухамъ, угличане въ настоящее время ходатайствують о возвращеніи къ нимъ этихъ драгоцѣнныхъ воспоминаній о царевичѣ, чѣмъ доказываютъ, что любовь ихъ къ своему страстотерпцу осталась та же, какъ и въ 1631 году.

Отецъ Николай провелъ насъ въ алтарь и показалъ хранящійся тамъ серебряный крестъ на серебряной цѣпочкѣ, пожертвованный въ церковь царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, богослужебные сосуды, присланные его сыновьями, государями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами, богатое оплечье, принесенное въ даръ княгинею Одоевскою, и копіи съ царскихъ грамотъ. Здѣсь же хранится и житіе царевича, писанное рукою св. Димитрія Ростовскаго, пожертвовавшаго свой манускриптъ въ 1709 году.

Осмотрѣвъ всѣ эти достопримѣчательности, мы перешли въ боковой придѣлъ ярославскихъ чудотворцевъ, князей: Ѳеодора, Давида и Константина, устроенный въ 1861 году на сѣверной сторонѣ храма, на мѣстѣ старой, обветшавшей каменной галлереи. Здѣсь есть нѣсколько интересныхъ иконъ древняго письма, какъ, напримѣръ, икона самихъ ярославскихъ чудотворцевъ и другія, но большинство предметовъ, хранящихся въ придѣлѣ, напоминаютъ намъ не столь отдаленныя времена Крымской кампаніи. Иконостасъ 1855 года писанъ на холстѣ и принадлежалъ Угличскому ополченію № 130. Здѣсь же находится знамя ополченія и серебряный складень, принесенный въ даръ угличской дружинѣ мѣстнымъ купцомъ «степеннымъ гражданиномъ» М. А. Хорхоринымъ. Разставаясь съ верхнимъ храмомъ, упомяну еще о прекрасно сохранившейся въ притворѣ желѣзной двери XVII вѣка. Она настолько хороша и интересна, что послужила образцомъ для подобной же двери новой работы въ Новгородскомъ музеѣ древностей.

Входъ въ нижнюю церковь Архангела Михаила устроенъ особо, съ площади, и находится въ южной сторонѣ постройки. Внутри церковь низка, лишена всякихъ украшеній и производитъ впечатлѣніе узкаго, длиннаго подвала. Мѣсто, гдѣ, по преданію, упалъ царевичъ, находится у лѣвой стѣны передъ алтаремъ и обозначено помѣщенною надъ нимъ серебряною ракою. Объ этомъ мѣстѣ въ церковныхъ документахъ имѣется слѣдующая запись: «Въ 1654 году мѣсяца іюня въ 19 день, егда шествіе творяше великій государь и царь всея Россіи самодержецъ во градъ Кашинъ на перенесеніе мощей благовѣрныя княгини Анны изъ деревянной въ каменную соборную церковь. Тогда царь изволилъ прибыть въ Угличъ къ своему сроднику, благовѣрному царевичу Димитрію, видѣти мѣсто его, гдѣ былъ убіенъ, и мокроту мѣста того, яже исходиша... и тогда при его государевѣ пришествіи мокрота изыде изъ земныхъ

орецъ царевича Димитрія въ Угличѣ до и послѣ реставраціи.

нѣдръ, гдѣ и нынѣ рака на томъ мѣстѣ зрится, а землю берутъ на исцѣленіе зубной болѣзни. Тогда государь, смотря со всею царскою фамиліею и бояры, и удивляяся, яко то мѣсто, обагренное кровію, и донынѣ мокро пребываетъ, якобы напоено недавно кровію царскою, и изволилъ тогда царь пожаловать крестъ на образъ царевичевъ съ себя носильный съ цѣпочкою серебряной, на одной сторонѣ изображенъ образъ Спасовъ и по угламъ 4 жемчужины». Это и есть тотъ крестъ Алексѣя Михайловича, о которомъ я упоминалъ выше, говоря о достопримѣчательностяхъ, хранящихся въ алтарѣ верхняго храма.

III.

Дворецъ и соборъ.

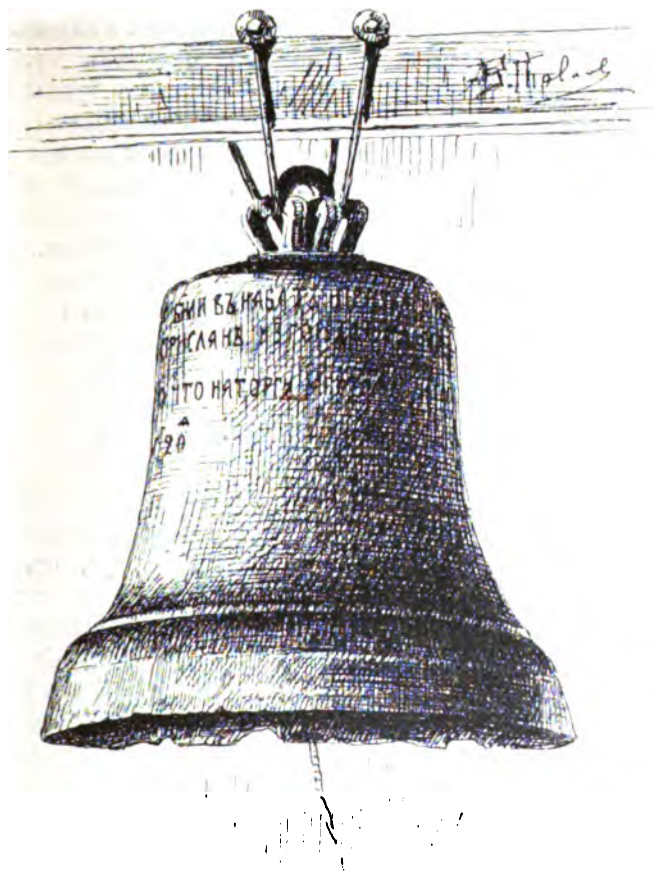
Дворецъ владѣтельныхъ князей!
Ты пробылъ много лѣтъ въ забвеньи;
Теперь въ тебѣ возникъ музей,
И нѣтъ слѣдовъ опустошенья.
(Л. Θ. Соловьевъ: Краткая исторія г. Углича).

Отъ мѣста убіенія царевича нынѣшнее дворцовое крыльцо находится шагахъ въ семидесяти, хотя, конечно, ничѣмъ нельзя доказать, чтобы царевичъ сошелъ къ убійцамъ именно съ этого крыльца. До реставраціи зданіе дворца было окружено разросшимися вокругъ него старыми березами, прикрывавшими собою ветхія стѣны, и придававшими дворцу характеръ запущенности, не лишенный нѣкотораго поэтическаго оттѣнка. Теперь березы вырублены, дворецъ стоитъ, какъ на блюдечкѣ, новенькій, чистенькій, точно вчера отстроенный, и, не смотря на разныя детали, скомпанованныя по строгимъ археологическимъ даннымъ, отнюдь не производитъ впечатлѣнія старины, и, вѣроятно, потому, что время еще не успѣло наложить на него свою руку; лѣтъ черезъ сорокъ, пятьдесятъ, эта же постройка будетъ производить совершенно иное впечатлѣніе. Вокругъ дворца разведенъ молодой садикъ, окруженный металлическою сквозною рѣшеткою.

Музей древностей, помѣщающійся во дворцѣ, былъ еще закрытъ, но сторожъ, который живетъ тутъ же, въ самомъ зданіи, охотно вызвался принести ключи.

Въ день освященія новаго дворца и открытія музея, извѣстный археологъ и знатокъ ростовскихъ и ярославскихъ древностей, А. А. Титовъ, прочелъ очень интересный отчетъ, изъ котораго мы заимствуемъ нѣкоторыя данныя относительно исторіи дворца и его реставраціи. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы эта исторія была основана на документальныхъ извѣстіяхъ, и даже въ самый отчетъ

› археолога вкралась, по нашему мнѣнію, довольно важная › прошломъ дворца г. Титовъ говоритъ: «Когда-то угличецъ видѣлъ подъ своимъ кровомъ именитыхъ князей, на основателя князя Андрея Васильевича Большаго, жившаго .V вѣкѣ; здѣсь пировалъ съ своею дружиною безпокойный тутъ же провелъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ двоюродный

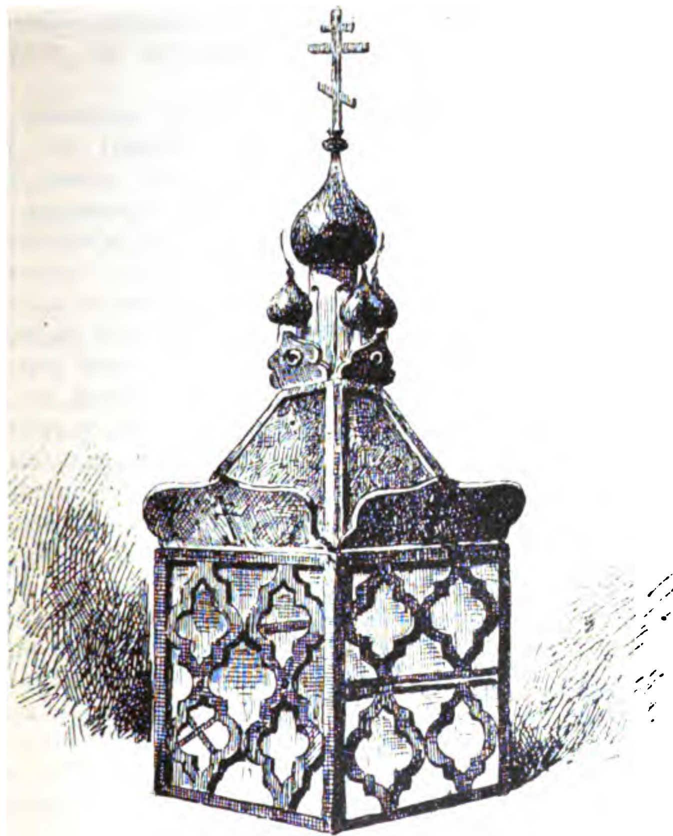

Угличскій ссыльный колоколъ.

Шемяки — московскій великій князь, Василій Темный, но того же дворца видѣли очень трогательное, къ сожалѣнію, ложительное, примиреніе братьевъ-враговъ». Изъ этихъ словъ что основателемъ дворца г. Титовъ считаетъ князя Андрея евича Большаго. Но если этотъ князь дѣйствительно поь дворецъ, то какъ могъ пировать въ немъ Шемяка и за:ь въ него Василія Темнаго? Вѣдь извѣстно, что Андрей Ва-

сильевичъ Большой,—названный второю псковскою лѣтописью, Горяемъ,—былъ четвертымъ сыномъ Василія Темнаго и родился въ 1446 году въ Угличѣ именно тогда, когда отецъ его находился здѣсь въ заточеніи. Слѣдовательно одно изъ двухъ: либо дворецъ основанъ Андреемъ Васильевичемъ, и тогда ни Шемяка, ни Темный не могли пировать и мириться во дворцѣ, либо они дѣйствительно и пировали здѣсь и мирились, но въ такомъ случаѣ дворецъ основанъ не Андреемъ Васильевичемъ, получившимъ Угличъ лишь послѣ смерти отца въ 1462 году. Перенеся разореніе Углича Борисомъ, послѣ смерти Димитрія царевича, и затѣмъ цѣлый рядъ разореній, произведенныхъ литовцами, дворецъ находился въ крайне печальномъ состояніи. О немъ вспомнили во время постройки церкви «На крови» и нѣсколько его подновили. Въ началѣ царствованія Петра, по словамъ г. Титова, «хотя и предположено было поправить его, но вмѣсто того разломали часть западной стѣны, съ цѣлью употребить кирпичъ для постройки собора». Къ началу нашего столѣтія дворецъ обветшалъ совершенно и спасенъ отъ паденія, лишь благодаря угличскому купцу Кожевникову. Но подѣлки, имъ произведенныя, были крайне неискусны и даже извратили истинный характеръ памятника. О впечатлѣніи, производимомъ въ тѣ времена угличскимъ дворцомъ на путешественника, мы можемъ судить по описанію С. П. Шевырева, посѣтившаго Угличъ въ 1847 году: «Близъ собора находится и теремъ царевича Димитрія: довольно высокое, какъ бы обрубленное со всѣхъ сторонъ, четвероугольное зданіе, въ два этажа. Березы осѣняютъ его кругомъ. Внутри, въ верхнемъ этажѣ, палата—одна большая комната. Окна изъ слюды: только и есть въ ней древняго. Но стѣны и потолокъ расписаны очень дурною современною кистью. И здѣсь чье-то неразумное усердіе нарушило старину въ пользу худой новизны. Но и самая новизна уже успѣла испортиться отъ сырости. Штукатурка обвалилась. Извозчикъ замѣтилъ: «Хотѣли оштукатурить дворецъ, да штукатурка не держится на стѣнахъ: не хочетъ того Димитрій царевичъ». Въ нижнемъ этажѣ другая квадратная комната, да подвалъ подъ нею. Здѣсь однѣ развалины, дающія поводъ къ толкамъ, что будто бы отъ дворца былъ тайный подземный проходъ на Волгу. Но ни исторія, ни изслѣдованія мѣстныя не оправдываютъ этихъ предположеній». Ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Шевырева посѣтилъ Угличъ новый ярославскій губернаторъ, А. Я. Фриде, и обратилъ вниманіе на дворецъ, какъ на одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ гражданскаго зодчества. Реставрація была поручена Н. В. Султанову, причемъ дѣятельное участіе въ работѣ принимали угличскій предводитель дворянства г. Колмогоровъ и дѣйствительный членъ императорскаго московскаго археологическаго общества г. Шляковъ. Возобновленіе дворца обошлось въ двадцать тысячъ рублей и съ избыткомъ покрылось пожертвованіями любителей родной старины. Торжествен-

щеніе обновленнаго дворца и открытіе при немъ музея со-
3 іюня 1892 года въ присутствіи ихъ императорскихъ вы-
великаго князя Сергія Александровича и великой княгини
ы Өеодоровны. Приготовленія къ этому торжеству недавно
саны на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ воспо-
ь Н. И. Свѣшникова [1]).

XVII вѣка, сопровождавшій мощи царевича Димитрія въ Москву и хранящійся въ Угличскомъ музеѣ.

южъ вернулся съ ключами, и мы поднялись на дубовое
о, крыша котораго увѣнчана шатровыми верхами съ желѣз-
рапорами.

тренность дворца представляетъ одно обширное квадратное
эніе со сводами. Вѣроятно, въ старину оно было разгорожено

ы. т. XXV, 1896 г., августъ.

перегородками и заключало въ себѣ нѣсколько покоевъ, о чемъ о: части можно заключить и по окнамъ, расположеннымъ на разных высотахъ, но отъ деревянныхъ перегородокъ теперь, конечно, н осталось и слѣда. Прямо противъ входа, на стѣнѣ подъ окнами,— древнее, реставрированное изображеніе Спаса Нерукотвореннаго остальныя стѣны выбѣлены, но, по слухамъ, ихъ собираются распи сывать. Предметы, хранящіеся въ музеѣ, развѣшаны частію по стѣ намъ, частію размѣщены въ витринахъ за стеклами. Сторожъ раз сказалъ намъ, что теперь въ музеѣ собрано уже до тысячи пред метовъ, и что каталогъ имъ составляется.

Главными предметами музея должно считать: носилки, на кото рыхъ при Шуйскомъ мощи царевича были несены въ Москву, и слюдяной фонарь, сопровождавшій мощи во все время пути. Носилки сдѣланы изъ простаго дерева и обиты краснымъ сукномъ. Третью достопримѣчательность музея составляетъ извѣстный ссыльный колоколъ, возбудившій въ свое время столько толковъ и споровъ. Исторія возвращенія этого колокола изъ Тобольска въ Угличъ подробно описана С. А. Адріановымъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1892 года. Въ послѣдней главѣ авторъ, какъ извѣстно, приводитъ справку изъ сибирской лѣтописи, что во время страшнаго пожара въ Тобольскѣ 29 мая 1677 года угличскій часобитный колоколъ вмѣстѣ съ другими колоколами раздался и растопился безъ остатку. На эту историческую справку, на сколько мнѣ помнится, возраженій, по крайней мѣрѣ, дѣльныхъ,—не послѣдовало. Хлопотавшій о возвращеніи колокола г. Соловьевъ посвящаетъ въ своей «Исторіи Углича» цѣлую главу этому событію, но ни словомъ не упоминаетъ о статьѣ г. Адріанова. Онъ ни на минуту не сомнѣвается въ подлинности колокола и, не смотря ни на что, заявляетъ: «этотъ колоколъ есть тотъ самый ссыльный,—поэтому не слѣдуетъ предаваться сомнѣніямъ и вѣрить празднымъ выдумкамъ гг. корреспондентовъ и другихъ лицъ. О себѣ скажу, что въ дѣлѣ этомъ для меня истина стоитъ выше всего, тѣмъ болѣе, что ходатайство это я велъ на собственныя средства, а присланныя мнѣ 32 рубля 50 копеекъ мною возвращены». По его словамъ «карнаухій» колоколъ служилъ доходною статьею для тобольскихъ кустарей, которые изготовляли изъ мамонтовой кости разныя издѣлія съ его изображеніемъ. Угличане, кажется, до этого еще не додумались.

На стѣнахъ музея помѣщены два образа царевича, изъ которыхъ одинъ писанъ на холстѣ масляными красками въ началѣ XVII вѣка; здѣсь же находится и большое изображеніе угличскаго герба, даннаго городу при Екатеринѣ II. Въ гербѣ на кругломъ полѣ представленъ Димитрій царевичъ, держащій въ правой рукѣ ножъ, орудіе своей смерти.

Въ одной изъ витринъ обращаетъ на себя вниманіе коллекція работъ священника о. Петра Угличскаго, поведеніе котораго отли-

чалось большими странностями и напоминало древнее юродство. Онъ жилъ на окраинѣ города въ Іерусалимской слободѣ, и сюда массами стекались къ нему почитатели, которые съ благоговѣніемъ слѣдили за каждымъ его словомъ, за каждымъ движеніемъ, будучи вполнѣ увѣрены, что о. Петръ обладаетъ даромъ провидѣнія и символически открываетъ каждому будущую судьбу его. Существуетъ великое множество разсказовъ о томъ, какъ сбывались предсказанія о. Петра. Коллекція состоитъ изъ небольшихъ желѣзныхъ издѣлій, представляющихъ собою модели разнородныхъ предметовъ. Здѣсь есть и якорь, и камертонъ, и лѣстница, и циркуль, и напильникъ, и цѣпь и т. д. Надъ витриною на стѣнѣ виситъ древнее оружіе: бердыши, сѣкиры, копья. Интересна также старинная шитая хоругвь съ изображеніемъ нерукотвореннаго Спаса. Въ отдѣлѣ домашней утвари обращаетъ на себя вниманіе собраніе деревянныхъ ковшей и братинъ съ рѣзьбою, съ коньками, конскими головами и т. п. Въ одной изъ витринъ хранится автографъ шуточнаго стихотворенія Державина. Листокъ, къ сожалѣнію, помѣщенъ такъ, что видна только первая страница, и конца стихотворенія прочесть нельзя. Въ верху листка мы разобрали надпись: «...принесъ пакетъ его вратникъ оберъ-священника Державина къ бывшему сенатору Державину, который для избѣжанія впредь ошибки пишетъ критической на оберъ-священника приставнику приказъ». Само стихотвореніе начинается такъ:

Одинъ есть Богъ—одинъ Державинъ,
Я въ глупой гордости мечталъ;
Одна мнѣ риѳма дрѣвній Навинъ,
Кой солнца бегъ остановилъ.
Теперь другой Державинъ зрится,
И риѳма та-жъ ему годится,
Но тотъ Державинъ попъ, не я—
На мнѣ парикъ, на немъ скуфья и т. д.

Новыя вещи, изготовленныя для музея, всѣ скопированы съ древнихъ образцовъ; кресла представляютъ собою повторенія извѣстныхъ креселъ, сохранившихся отъ временъ патріарха Іосифа и Петра I, изразцы кафельной печи скопированы съ изразцовъ такой же печи въ княжьихъ теремахъ Ростовскаго музея и проч.

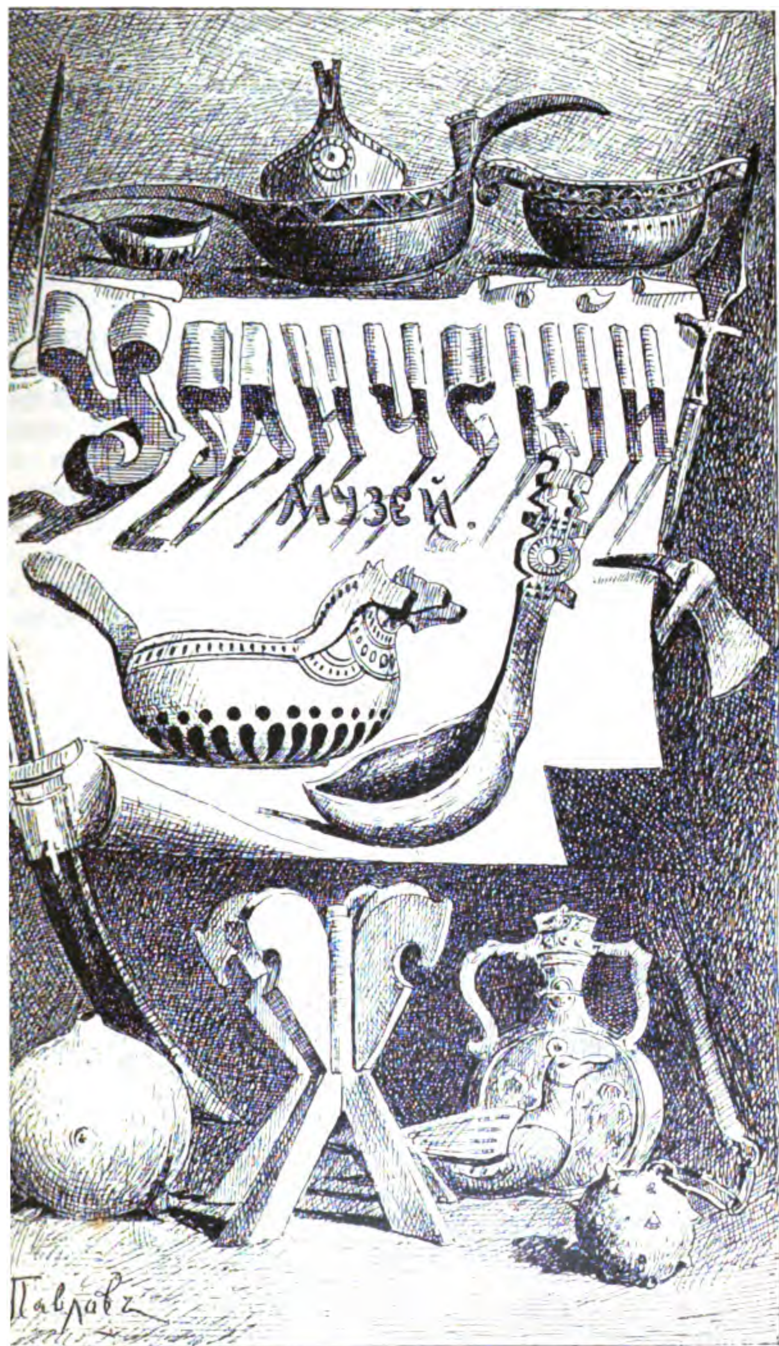
Изъ музея сторожъ провелъ насъ въ нижнія, или, точнѣе, подвальныя помѣщенія дворца. Въ одномъ изъ нихъ, по его словамъ, была тюрьма, въ которой содержался Василій Темный, но это предположеніе, конечно, очень гадательно. Въ другомъ подвалѣ болѣе просторномъ, освѣщенномъ съ противоположныхъ сторонъ двумя окнами, мы увидѣли, близъ входа, надгробную плиту XVI вѣка, найденную близъ собора; надпись довольно хорошо сохранилась.

Отъ дворца царевича Димитрія мы направились къ мѣсту, гдѣ онъ былъ похороненъ. Соборъ находится тутъ же на берегу противъ церкви «На крови» и почти въ такомъ же разстояніи отъ дворца,

какъ и мѣсто убіенія царевича. Но нынѣшній соборъ—постройка сравнительно новая, такъ какъ освящена въ 1713 году, древній же Преображенскій храмъ, въ которомъ погребались угличскіе князья и княгини, былъ деревянный. Въ 1485 году на его мѣстѣ воздвигли каменный соборъ, простоявшій до XVIII столѣтія, въ этомъ соборѣ и былъ похороненъ царевичъ. Во время польскаго нашествія постройка сильно пострадала отъ огня и въ концѣ XVII вѣка была разобрана. Новый соборъ, существующій до настоящаго времени, былъ, по какимъ-то причинамъ, построенъ не на мѣстѣ стараго, а отнесенъ саженъ на 5 или 6 въ сторону, такъ что отыскать могилы древнихъ князей становится теперь довольно затруднительнымъ. Внутри, обширный сводъ собора утвержденъ безъ столбовъ прямо на стѣнахъ, стѣны расписаны въ первой половинѣ нашего столѣтія академикомъ Медвѣдевымъ. Живопись очень недурная и издали производить впечатлѣніе гобеленовъ, помѣщенныхъ между вычерченными на стѣнахъ колоннами и пилястрами.

Передъ иконостасомъ, справа и слѣва, находятся двѣ серебряныя гробницы. Въ одной изъ нихъ, у правой стѣны, лежать останки мощей св. Романа Владиміровича, угличскаго князя, родившагося въ 1248 и скончавшагося въ 1285 году. О жизни его, кромѣ сомнительнаго извѣстія объ основаніи города Романова-Борисоглѣбска, почти ничего неизвѣстно. Въ 1485 году, когда стали копать землю для фундамента каменнаго собора, мощи его были найдены нетлѣнными и положены въ новосозданномъ храмѣ, но свидѣтельствованіе ихъ оттянулось болѣе, чѣмъ на 100 лѣтъ, и только въ 1595 году въ Угличъ посланъ былъ патріархомъ Іовомъ митрополитъ казанскій Гермогенъ, который и свидѣтельствовалъ ихъ нетлѣніе. Когда въ 1611 году поляки ворвались въ городъ, они разграбили соборъ, выбросили изъ гробницы тѣло русскаго князя и предали его огню. Теперь въ соборѣ хранятся останки мощей, собранныхъ жителями послѣ погрома.

Другая гробница у лѣвой стѣны поставлена въ память царевича Димитрія, похороненнаго, какъ говорятъ, на этомъ самомъ мѣстѣ къ 1591 году. Мощи царевича пробыли въ землѣ до 1606 года, когда ихъ перенесли въ Москву. Рукопись Филарета подробно разсказываетъ объ этомъ событіи. Въ концѣ мая 1606 г. за мощами посланы были Шуйскимъ изъ Москвы: митрополитъ Филаретъ Никитичъ, правившій тогда престоломъ ростовскимъ и ярославскимъ, астраханскій архіепископъ Θеодосій, спасскій архимандритъ Авраамій и бояре: князь Иванъ Михаиловичъ Воротынскій, Петръ Никитичъ Шереметевъ, Андрей Александровичъ и Григорій Θедоровичъ Нагіе. Лишь только въ городѣ узнали, что московскіе послы явились за мощами царевича, «внезапу стечеся весь градъ, мужи и жены, и съ сущими младенцы цареву повелѣнію едва повинующеся, и послѣднее цѣлованіе живоносному мертвецу отдающе сво-

Древнее оружіе и утварь изъ коллекціи Угличскаго музея.

ему государю и надгробныя пѣсни съ плачемъ и воплемъ испущаху якожъ и при погребеніи праведнаго, такожде и нынѣ о пренесеніи его плачевне рыдаху». Съ самимъ открытіемъ мощей въ рукописи связано слѣдующее преданіе: посланные принялись усердно копать землю, но гроба не находили. Долго трудились они безуспѣшно и уже начали подозрѣвать, не утаилъ ли кто изъ угличанъ гробъ царевича. Не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія они начали пѣть въ соборѣ молебенъ, и вотъ послѣ молебна направо, «со стороны рва копанова» показался изъ земли дымокъ, по которому вскорѣ и обрѣли гробъ царевича. 3-го іюня посольство съ мощами отправилось обратно въ Москву. Въ серебряной ракѣ хранится покровъ, вынутый изъ гроба царевича при открытіи мощей.

Выйдя изъ собора, мы присѣли отдохнуть на лавочкѣ противъ дворца, подъ березами, которыя тянутся отъ собора къ церкви «На крови». По срединѣ этой аллеи возвышалась надъ самымъ обрывомъ къ Волгѣ деревянная арка, обвитая засохшими гирляндами зелени. На лавочкѣ сидѣлъ какой-то мѣстный обыватель.

— Скажите, пожалуйста, что это у васъ за арка? — обратились мы къ нему.

— А это, когда великій князь пріѣзжалъ, встрѣча была, такъ съ тѣхъ поръ и стоитъ. Тогда-то красиво было, великолѣпно, а теперь обветшала. А вы, вѣроятно, не здѣшніе?

— Нѣтъ.

— Туристы?

— Туристы.

— То-то я видѣлъ, вы изъ дворца выходили и въ соборъ прошли. Соборъ у насъ не древній; древній-то, по слухамъ, лѣвѣе былъ, а этому и двухсотъ лѣтъ нѣтъ.

— За-то дворецъ у васъ древній, — замѣтилъ я, но обыватель оказался скептикомъ.

— А много ли осталось отъ дворца-то?—загорилъ онъ.—Четыре голыхъ стѣны да слюдяныя рамы. Немного данныхъ! Что было? Какъ было? Ничего неизвѣстно. Нашли неподалеку въ землѣ почернѣлые камни, точно бы отъ бани,—вотъ и весь матеріалъ. По-моему, это даже и не реставрація, потому что въ сущности и реставрировать было нечего. Вотъ если бы произвести раскопки по всему мѣсту, да поглубже, можетъ быть, что нибудь и узнали бы существенное, а такъ, на поверхности немного сдѣлаешь. Нашли во дворцѣ въ стѣнахъ два отверстія, а что они означаютъ? къ чему они? никто не знаетъ. Укрѣпили стѣны, подстроили крыльцо, тѣмъ и кончилось.

Я перевелъ разговоръ на колоколъ. Онъ махнулъ рукою и улыбнулся.

— Было съ нимъ возни не мало; два года хлопотали. Я въ Петербургѣ былъ, такъ и тамъ ужъ жаловались: надоѣло, молъ, намъ это ваше колоколо, рады, что развязались.

— Кому же и хлопотать о немъ было, какъ не вамъ? — замѣтилъ я.

— Да, если бы повѣрнѣе знать, что колоколъ-то дѣйствительно тотъ самый, а то кто его знаетъ? Въ Тобольскѣ увѣряли, что не тотъ, въ Петербургѣ въ журналахъ тоже противъ него писали, наши говорятъ, что тотъ, а доказать тоже не могутъ. Ничего не разберешь. Прислали его съ языкомъ, а языкъ, сразу видно, что не отъ него,—очень коротокъ. Да и ухо-то, оторванное, что-то ужъ очень мнѣ гладкимъ показалось, точно новое.

— Его прямо въ музей и помѣстили?

— Нѣтъ. И тутъ хлопотъ было. Сначала у одного собора поставили, потомъ у другого, сперва на подставкѣ, потомъ устроили звонницу на двухъ столбахъ. Стоялъ онъ и у дворца. Потомъ перенесли къ царевичу Димитрію «на крови» на паперть. Тогда еще художникъ пріѣзжалъ, срисовывалъ. Языкъ сняли, чтобъ даромъ въ него не звонили. На паперти-то висѣлъ онъ низко, такъ въ зимнее время сторожъ объ него въ потемкахъ все лбомъ стукался. Нашли, что и на паперти ему не удобно. Одни хотѣли построить для него настоящую звонницу, другіе предлагали хранить въ музеѣ. Теперь во дворцѣ поставили.

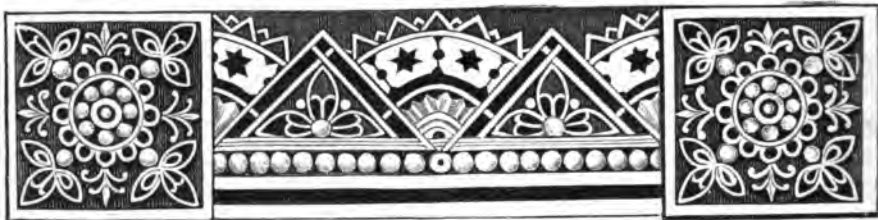
— Значитъ, вѣру въ колоколъ не потеряли?

— Нѣтъ, какое! Поговорите-ка съ другимъ, онъ вамъ образъ со стѣны готовъ снять, что колоколъ настоящій. Да съ ними и спорить нельзя, тутъ дѣло вѣры. Вотъ у насъ въ соборѣ благовѣрный князь Романъ покоится. Вѣдь извѣстно, что мощи сожжены поляками, а между тѣмъ сколько исцѣленій было. Тутъ спорить трудно. Колоколъ есть, надпись есть, а вѣрить или сомнѣваться — это ужъ дѣло личное.

И. Тюменевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВУХСОТЛѢТІЕ ЗААНДАМСКАГО ДОМИКА.

Ъ ТЕКУЩЕМЪ году исполнится двухсотлѣтіе одному изъ самыхъ старыхъ и драгоцѣнныхъ памятниковъ, съ которымъ связано имя Петра Великаго,—Заандамскому домику. Извѣстно, что Петръ въ свою первую поѣздку въ Голландію, въ 1697 г., прожилъ недѣлю въ небольшомъ городкѣ Заандамѣ, на верфяхъ котораго разсчитывалъ практически изучить кораблестроеніе. Государь приплылъ въ Заандамъ изъ Амстердама 8-го августа, въ 6 часовъ утра, съ шестью приближенными лицами, на небольшомъ парусномъ ботѣ. Приблизившись къ берегу, онъ замѣтилъ человѣка, ловившаго угрей, и вглядѣвшись призналъ въ немъ знакомаго ему кузнеца, Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ. Петръ окликнулъ его. Кистъ не вѣрилъ глазамъ, увидѣвъ русскаго царя въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ, холстинныхъ шароварахъ, съ лакированною шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда Петръ изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его хижинѣ, съ условіемъ, чтобы онъ никому не открывалъ его званія. Напрасно кузнецъ отговаривался бѣдностью и тѣснотой своего жилища; онъ долженъ былъ уступить настойчивости государя и согласился отвести ему заднюю, отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова одного поденщика. Въ то время, какъ Петръ зашелъ въ гостиницу закусить, Кистъ побѣжалъ впередъ уговаривать вдову очистить квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ, уплативъ ей семь гульденовъ.

Деревянный домикъ Геррита Киста, сколоченный изъ толстыхъ, необдѣланныхъ досокъ, подъ черепичной крышей, находился въ западной, наиболѣе уединенной, части, Заандама, на Кримпѣ. Помѣщеніе, занятое Петромъ, состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ, съ изразцовою печью для приготовленія пищи, съ глухою коморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланомъ; приставная лѣсенка соединяла одну изъ комнатъ съ чердакомъ.

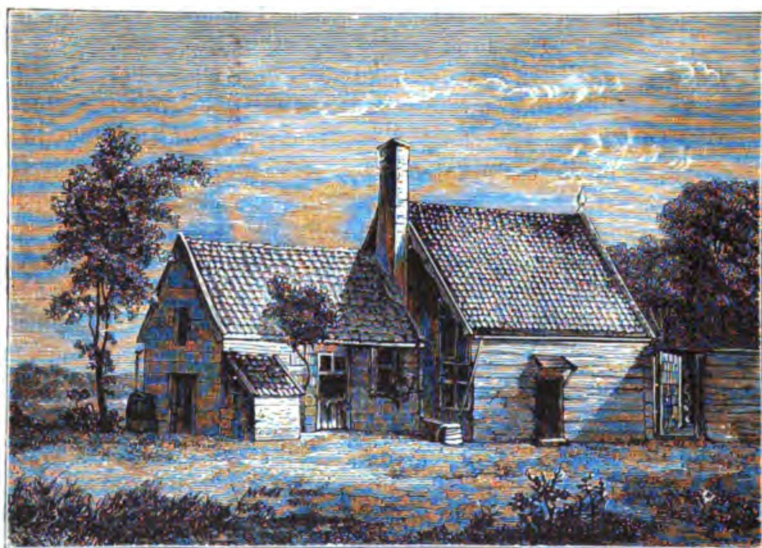
Мы не будемъ повторять здѣсь подробности пребыванія Петра въ Заандамѣ и причины, заставившія его внезапно покинуть этотъ городъ послѣ семидневнаго пребыванія и измѣнить первоначальное намѣреніе прожить въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все это уже было описано много разъ. Мы намѣрены лишь разсказать дальнѣйшую судьбу «Заандамскаго домика», не лишенную интереса.

Послѣ смерти Геррита Киста, домикъ его переходилъ изъ рукъ въ руки, ветшалъ и былъ забытъ. О немъ вспомнили только въ 1782 году, когда великій князь Павелъ Петровичъ, путешествовавшій вмѣстѣ съ своей супругой по Европѣ, проѣзжая черезъ Заандамъ, пожелалъ видѣть временное жилище своего великаго прадѣда и сдѣлалъ щедрый подарокъ тогдашнему владѣльцу домика, Якову Девріесу. Вслѣдъ за великимъ княземъ домикъ начали посѣщать всѣ знатные русскіе и иностранцы, путешествовавшіе по Голландіи. Это обстоятельство побудило нѣкоего Вергува купить домикъ за 178 флориновъ и поставить въ немъ кружку для сбора добровольныхъ вкладовъ съ посѣтителей. Вергувъ отдалъ домикъ въ наймы и дѣлился съ жильцомъ сборами, иногда довольно крупными. Эта спекуляція продолжалась до начала нынѣшняго столѣтія, когда, вслѣдствіе повышенія земельныхъ налоговъ и почти совершеннаго разрушенія домика, Вергувъ рѣшилъ его сломать. Къ счастью, владѣлецъ близъ лежавшей гостиницы, подъ фирмою «Выдра», Бюльзингъ, выразилъ желаніе пріобрѣсти домикъ и заплатилъ за него 200 флориновъ. Онъ сдѣлалъ въ немъ необходимыя поправки и къ кружкѣ для сбора присоединилъ книгу, въ которой посѣтители могли записывать свои имена; но такъ какъ никто уже не нанималъ домика и онъ отпирался лишь на время осмотровъ, то въ одну ночь кружка была взломана и книга унесена. Тогда Бюльзингъ поселилъ здѣсь сторожа и началъ выдавать за плату входные билеты, стараясь всѣми мѣрами распространить извѣстность домика.

Въ 1808 году, король голландскій, Людовикъ Бонапартъ, намѣревался не только купить домикъ въ собственность государства, но и воздвигнуть въ Заандамѣ, въ память Петра Великаго, обелискъ. По его распоряженію, былъ составленъ проектъ памятника, представлявшаго высокую, дорическую колонну съ пьедесталомъ, на которомъ должны были быть вылѣплены эмблемы, выражавшія цѣль пребыванія русскаго царя въ Заандамѣ, именно: руль, трезубецъ Нептуна и жезлъ Меркурія. Но болѣе важныя дѣла, а затѣмъ отказъ

отъ престола, помѣшали Людовику Бонапарту привести свою мысль въ исполненіе.

Въ іюнѣ 1814 года, императоръ Александръ I, возвращаясь послѣ занятія Парижа въ Россію черезъ Голландію, посѣтилъ Заандамъ. Еще въ Парижѣ государь говорилъ принцу Оранскому о своемъ желаніи видѣть мѣсто, прославленное трудами Петра Великаго, и потому жители Заандама имѣли время приготовиться къ пріему высокаго гостя. Всѣ дома, фабрики, мельницы, были убраны флагами, вѣнками и гирляндами. Особенное вниманіе было обращено на украшеніе домика и гостиницы, послужившей первымъ пристанищемъ

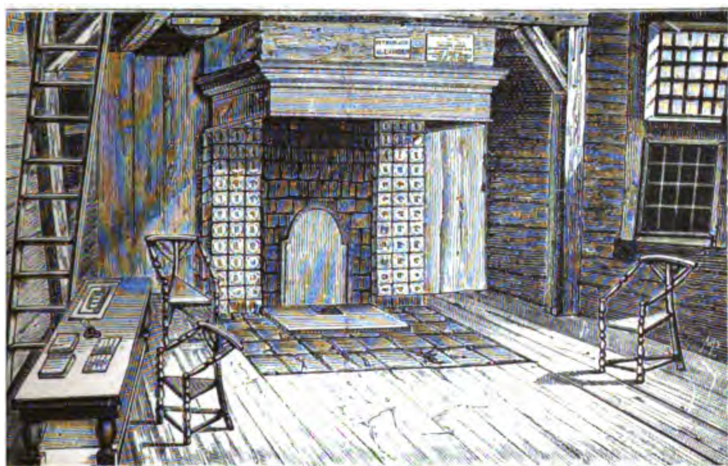

Первоначальный видъ домика Петра Великаго въ Заандамѣ.

Съ гравюры начала прошлаго столѣтія.

Петру по пріѣздѣ его въ Заандамъ. У входа въ домикъ красовалась надпись: «Для великаго человѣка нѣтъ ничего малаго». На большомъ шлюзѣ были воздвигнуты тріумфальныя ворота, съ аллегорическимъ изображеніемъ мира и надписью: «Александру миротворцу радостный Заандамъ», а по сторонамъ воротъ висѣли два щита: на одномъ было начертано «Отъ Петра Великаго—честь», а на другомъ—«Отъ Александра Благословеннаго—миръ». Впереди гостиницы, назначенной для пріема государя и покрытой сверху до низу цвѣтами и пальмовыми вѣтвями, были сооружены другія ворота со щитомъ, на которомъ латинскія надписи гласили: «Сей домъ, посѣщенный Петромъ Великимъ, немедленно по прибытіи въ Заандамъ, 18 августа 1697 года, нынѣ радостно открываетъ двери свои

ідру великодушному, освободителю Европы, благодѣтелю челоа». Вообще, пріемъ оказанный государю заандамцами, былъ теплый и искренній. По осмотрѣ домика, принцъ Оранскій силъ Александру увѣковѣчить память его пребыванія въ Заанотчасъ были принесены всѣ нужные для того матеріалы, и ь вставилъ въ трубу печки мраморную доску съ надписью: Magno Alexander. 1814». Когда принцъ Оранскій выразилъ ідру намѣреніе вставить другую доску, съ надписью въ честь ь отвѣчалъ: «Все и вся Петру Великому; мнѣ ничего. Мое имя етъ стать на ряду съ именемъ Петра». — «Мы обязаны воз-

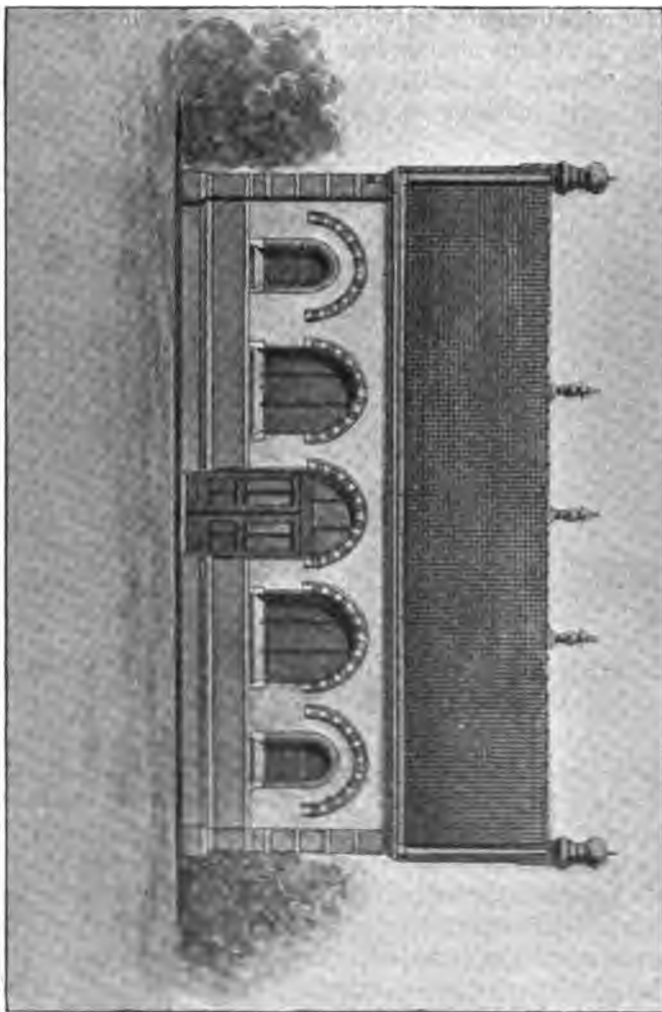
Внутренность домика Петра Великаго въ Заандамѣ.
Съ гравюры Слюйгера начала нынѣшняго столѣтія.

ашему величеству должное»,—настаивалъ принцъ. Къ нему прилился и губернаторъ, убѣдительно испрашивая дозволенія гоя сохранить память о посѣщеніи имъ домика. Александръ уступихъ желаніямъ, и вскорѣ послѣ его отъѣзда была вставлена отъ первой другая доска съ надписью: «Александру Благоняному». При отъѣздѣ государя изъ Заандама, одна изъ тамошжительницъ поднесла ему искусно сдѣланную модель домика Великаго, а другая—куклу, одѣтую въ такое платье, какое и заандамскія женщины въ концѣ XVII вѣка.

ь 1818 году, король голландскій, Вильгельмъ I, купилъ наконаменитый домикъ, но уже за 6.000 флориновъ, и подарилъ воей невѣсткѣ, великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, вышедшей 1816 году замужъ за принца Оранскаго. Великая княгиня, я сохранить домикъ отъ разрушенія, соорудила надъ нимъ каый навѣсъ съ открытыми арками, заставлявшимися въ зимнее

время ставнями, предохранявшими его отъ вліянія погоды. Однако, не смотря на это, домикъ сильно пострадалъ отъ наводненія, бывшаго въ Заандамѣ въ 1825 году.

Въ 1839 году, домикъ посѣтилъ наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ II, и

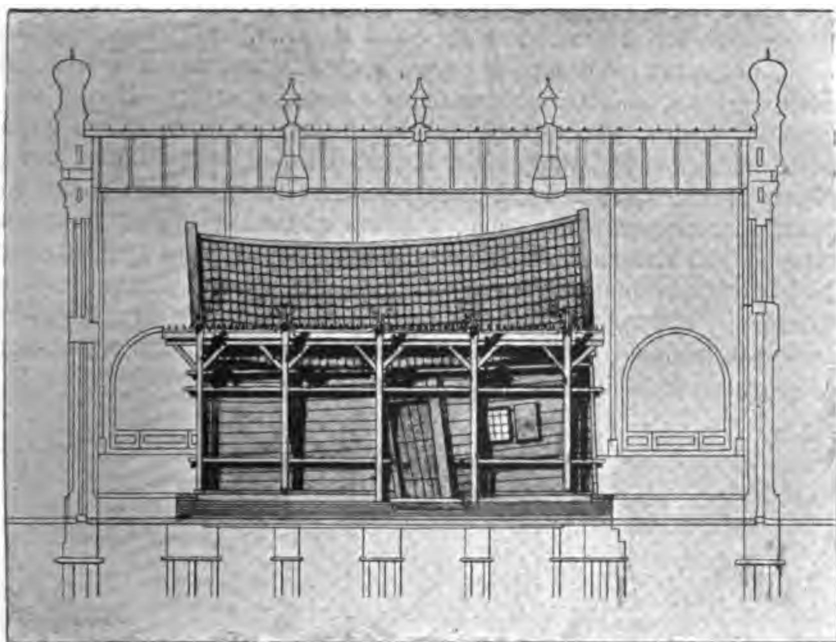

Каменный чехолъ, построенный надъ домикомъ Петра Великаго въ 1895 году.

въ память своего посѣщенія также вставилъ въ стѣну мраморную доску съ своимъ именемъ и означеніемъ времени «17-го апрѣля 1839 года». При этомъ случаѣ, сопровождавшій его поэтъ В. А. Жуковскій, написалъ на стѣнѣ карандашемъ слѣдующее стихотвореніе:

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

Голландцы сохранили лавку, на которой стоялъ цесаревичъ, когда вставлялъ доску, и серебряную лопаточку, служившую ему при вмазываніи ея. Обѣ эти вещи находятся въ музеѣ, въ Гагѣ. Что касается стиховъ Жуковскаго, то ихъ покрыли лакомъ и прикрыли стекломъ.

Разрѣзъ каменнаго чехла и наружный видъ домика Петра Великаго въ настоящее время.

По кончинѣ королевы нидерландской, Анны Павловны, въ 1865 г., домикъ перешелъ къ принцу Генриху Нидерландскому, который велѣлъ соорудить надъ нимъ деревянную, со всѣхъ сторонъ закрытую, постройку. По смерти принца, въ 1879 году, собственникомъ домика сдѣлался король нидерландскій, Вильгельмъ III, который, въ 1886 году, подарилъ этотъ историческій памятникъ покойному императору Александру III. По приказанію государя, въ 1890 году, были сдѣланы деревянныя и желѣзныя подпорки, для поддержанія домика съ боковъ, при чемъ весь домикъ былъ поднятъ и поставленъ на

каменный фундаментъ, что устраняло вліяніе на него сырыхъ, почвенныхъ испареній.

Наконецъ, съ переходомъ домика въ собственность нынѣ царствующаго Государя Императора Николая II, его величеству угодно было повелѣть, въ 1895 году, построить надъ нимъ каменный домъ съ каменной стѣной вокругъ всего мѣста, принадлежащаго къ домику, и тѣмъ на вѣчныя времена сохранить его, какъ отъ вліяніи стихійныхъ условій, такъ и отъ пожара, могущаго произойти въ сосѣднихъ постройкахъ.

Въ домикѣ не сохранилось никакихъ вещей времени Петра Великаго. Хотя находящіяся въ чуланѣ нары и выдаются за кровать царя, а стоящій въ одной изъ комнатъ дубовый столъ и нѣсколько стульевъ за его мебель, но нары такъ коротки, что Петръ, при его ростѣ, никакимъ образомъ не могъ на нихъ лежать, а мебель, по своей отдѣлкѣ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Кромѣ мраморныхъ досокъ, о которыхъ сказано выше, стѣны комнатъ украшены нѣсколькими портретами Петра. Съ боку одного изъ нихъ, работы Потмана, 1839 года, изобразившаго царя во весь ростъ, въ одеждѣ голландскаго плотника, прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней словами изъ извѣстной надгробной рѣчи архіепископа Ѳеофана Прокоповича: «Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрыми любимою,—любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною,—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною,—славная и быти не престанетъ».

С. Шубинскій.

ЗАГРОБНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУШКИНА.

«...Вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая, это благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ ней дороги: съ нея довольно славнаго имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руки и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію».

Изъ письма Н. Гоголя къ П. А. Плетневу.

I.

Ъ ПОСЛѢДНЕЙ главѣ отдѣльнаго изданія своей «Литературы и жизни», посвященной замѣчаніямъ на «Исторію новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскаго, Н. К. Михайловскій вполнѣ справедливо утверждаетъ, что исторія новѣйшей русской литературы можетъ быть сведена къ исторіи журналистики. «Журналъ, а потомъ и газета опредѣляли собою нерѣдко и форму, и содержаніе произведеній даже выдающихся талантовъ,—говоритъ почтенный публицистъ,—въ журналахъ и газетахъ группировались большія и малыя силы для общаго дѣла; журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведенія даже такихъ писателей, которые стояли, повидимому, внѣ всякихъ отношеній къ «возникновенію, паденію и взаимнымъ отношеніямъ различныхъ органовъ печати»; на журнальную или собственно редакторскую работу тра-

тилась значительная часть силъ выдающихся писателей. Какъ оцѣнить значеніе въ новѣйшей русской литературѣ Чернышевскаго, Каткова, Салтыкова, Курочкина, Шелгунова и др., безъ отношенія къ ихъ роли руководителей періодической печати? Но журналы и газеты служили, кромѣ того, точкою приложенія для работы второстепенныхъ и третьестепенныхъ силъ, въ массѣ имѣвшихъ, однако, большое значеніе и выражавшихъ собою извѣстное литературное теченіе». Точка зрѣнія г. Михайловскаго не нашла себѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ истиннаго приложенія въ изслѣдованіяхъ по исторіи отечественной литературы. Работа А. М. Скабичевскаго, наиболѣе современная и полная, обнимаетъ только изящную литературу и находящуюся въ тѣсной связи съ нею критику (въ лицѣ ея наиболѣе видныхъ представителей); изслѣдованія А. Н. Пыпина носятъ характеръ отдѣльныхъ монографій, правда, очень обширныхъ и цѣнныхъ; громадный и въ высшей степени интересный трудъ Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (далекій еще отъ конца) представляетъ богатѣйшій источникъ матеріаловъ для исторіи литературы, но по своей ближайшей задачѣ не можетъ удовлетворить намѣченной цѣли. «Очерки гоголевскаго періода» Чернышевскаго, при всемъ ихъ блескѣ и содержательности, мало касаются собственно исторіи и скудны біографическимъ матеріаломъ. За исключеніемъ этихъ новѣйшихъ работъ, обнимающихъ разные періоды литературной жизни широко и болѣе или менѣе полно, имѣются и болѣе спеціальныя, біографическія изслѣдованія, которыя еще менѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ исторіи литературы съ точки зрѣнія г. Михайловскаго.

Правда, два писателя пробовали, было, создать нѣчто въ родѣ исторіи журналистики, въ связи съ произведеніями изящной словесности, но и эти работы далеко не могутъ считаться удовлетворительными. Я разумѣю г. Пятковскаго, выпустившаго въ свѣтъ въ 1875 году «Очерки изъ исторіи русской журналистики», и С. Весина, подарившаго насъ книгой «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ» (1881 года). Оба автора ограничились лишь 1820—1830 годами, т.-е. тѣми періодами, когда русская журналистика, такъ сказать, только что вышла изъ пеленокъ; кромѣ того, въ распоряженіи ихъ былъ далеко недостаточный матеріалъ для изображенія обстоятельной картины журнальнаго движенія того времени. Такимъ образомъ работы и г. Пятковскаго, и г. Весина удовлетворить въ полной мѣрѣ современнымъ требованіямъ читателя не могутъ и должны быть разсматриваемы, какъ слабыя попытки расчистить то поле, по коему пройдетъ рано или поздно будущій изслѣдователь русской литературной и вмѣстѣ съ тѣмъ журнальной жизни.

Но если мы еще не успѣли создать у себя настоящей исторіи литературы, за то мы не можемъ ужъ очень жаловаться на отсут-

ствіе источниковъ для такой работы. И въ повременныхъ изданіяхъ, и отдѣльными книгами обнародовано немало дневниковъ, воспоминаній, писемъ, которыя не подвергались еще до сихъ поръ критической обработкѣ, не сводились еще воедино и не входили даже въ составъ отдѣльныхъ монографій по исторіи литературы. Къ числу такихъ новѣйшихъ источниковъ для этой исторіи несомнѣнно относятся три тома недавно вышедшей «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», изданной семьей покойнаго Грота и подъ редакціей его сына, К. Я. Грота, профессора Варшавскаго университета. Переписка эта—богатѣйшій вкладъ въ наше книжное достояніе и содержитъ въ себѣ превосходный матеріалъ для исторіи русскаго общественнаго развитія сороковыхъ годовъ. Передъ читателями раскрывается здѣсь интимная сторона дружескихъ отношеній двухъ выдающихся людей своего времени, Грота и Плетнева, которые въ теченіе 12 лѣтъ, изо дня въ день, обмѣнивались взглядами, дѣлились впечатлѣніями, мыслями и чувствами. Корреспонденція друзей велась съ удивительной аккуратностью, обстоятельно, при чемъ нѣкоторыя письма, напримѣръ, въ печатномъ нынѣ видѣ занимаютъ собою даже нѣсколько большихъ страницъ текста; каждое письмо при этомъ, особенно Плетневское, содержало въ себѣ *письмо* въ тѣсномъ смыслѣ слова, во-первыхъ, и *дневникъ*, въ частности. Такимъ образомъ, ученые друзья ставили другъ друга въ извѣстность не только о новостяхъ окружающей ихъ жизни, не только о слухахъ, событіяхъ общественнаго характера, но о каждомъ своемъ шагѣ по днямъ и часамъ. Это обстоятельство даетъ возможность лицу, пользующемуся «Перепиской», почерпнуть отсюда богатый біографическій матеріалъ для обоихъ названныхъ дѣятелей литературы и науки, съ одной стороны, и матеріалъ для исторіи русскаго и финскаго обществъ, съ другой. Особенный интересъ представляетъ собою вторая сторона корреспонденціи; здѣсь содержится чрезвычайно много данныхъ для суда надъ ходомъ развитія научнаго, литературнаго, общественнаго, культурныхъ слоевъ Россіи (преимущественно Петербурга) и Финляндіи, какъ равно надъ отношеніями обѣихъ названныхъ странъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Для русскаго читателя, ищущаго свѣдѣній главнымъ образомъ о событіяхъ общественной жизни, наибольшаго вниманія заслуживаютъ письма и дневники Плетнева. Редакторъ «Современника», ректоръ и профессоръ С.-Петербургскаго университета, свѣтскій человѣкъ и приближенный ко двору, Плетневъ сталкивался съ массою людей, дѣлалъ множество наблюденій, собиралъ не мало достовѣрныхъ свѣдѣній и все это наносилъ на почтовые листки бумаги съ цѣлью поставить обо всемъ въ извѣстность нѣжно-любимаго имъ гельсингфорскаго друга, молодаго ученаго тамошняго университета и постояннаго сотрудника «Современника». Это-то обиліе матеріала въ его письмахъ и позволяетъ намъ, со словъ ихъ автора, рисовать

картины петербургской жизни самыхъ разнообразныхъ слоевъ—придворнаго, свѣтскаго, университетскаго, литературнаго, чиновнаго и пр. и пр. Все, сообщаемое Плетневымъ, чрезвычайно интересно, но особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что относится къ руководимому имъ «Современнику», на поддержаніе котораго Плетневъ потратилъ девять лѣтъ жизни. «Переписка Грота съ Плетневымъ» получаетъ, благодаря этому, чрезвычайное значеніе для исторіи нашей журналистики, такъ какъ позволяетъ обстоятельно изобразить судьбу «Современника» тридцатыхъ и въ особенности сороковыхъ годовъ. На вопросы, какую роль сыгралъ этотъ, по выраженію князя Вяземскаго, «замогильный журналъ Пушкина» въ жизни русскаго общества, какое мѣсто занималъ онъ въ ряду однородныхъ изданій, чѣмъ руководился его хозяинъ при выборѣ сотрудниковъ и при дачѣ ему опредѣленной физіономіи,—на всѣ это вопросы, любопытные для исторіи журналистики, мы имѣемъ въ настоящее время опредѣленный и обстоятельный отвѣтъ. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о такомъ изданіи, которое связано съ именемъ величайшаго русскаго писателя, съ одной стороны, и которое послужило въ послѣдствіи первоначальной колыбелью правильно организованныхъ прогрессивныхъ силъ нашей публицистики—съ другой. Вотъ почему память о «Современникѣ» дорога русскимъ читателямъ и все, относящееся къ нему, заслуживаетъ вниманія изслѣдователей исторіи нашей литературы.

Пользуясь вышедшими тремя томами «Переписки», а также главнѣйшими историко-литературными источниками, имѣющими то или иное касательство къ «Современнику и къ личности второго его редактора издателя, а также прочимъ журналамъ сороковыхъ годовъ, постараюсь представить въ краткихъ чертахъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» судьбу журнальнаго наслѣдія Пушкина въ періодъ его нахожденія въ рукахъ ближайшаго друга нашего геніальнаго поэта—Петра Александровича Плетнева. «Переписка», дополненная трудомъ г. Барсукова о Погодинѣ, «Дневникомъ» А. В. Никитенки, изслѣдованіями г. Пыпина, сочиненіями и письмами самого Плетнева, Пушкина, Гоголя, Я. Грота, Бѣлинскаго и друг., воспоминаніями И. Панаева, А. Я. Головачевой-Панаевой, Д. Григоровича и т. д., представляютъ въ распоряженіе изслѣдователя обширнѣйшій историко-литературный матеріалъ, который я и кладу въ основаніе своего очерка. По обстоятельствамъ времени и мѣста я не могу представить его во всей желательной полнотѣ исторической послѣдовательности и по необходимости долженъ быть краткомъ; но полагаю, что и въ такомъ видѣ онъ не теряетъ своего интереса и будетъ не лишнимъ, какъ одинъ изъ эпизодовъ по исторіи русской журналистики, основанный на никѣмъ еще не использованныхъ источникахъ.

II.

Тридцатые годы настоящаго столѣтія были эпохою владычества въ русской журналистикѣ знаменитаго «литературнаго тріумвирата», въ составъ котораго входили Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій. Эти грустной памяти дѣятели нашей печати пользовались расположеніемъ и попустительствомъ правящихъ сферъ и, благодаря этому, въ интересахъ своего низменнаго *я*, вносили въ отечественную жизнь начала порчи и деморализаціи. «Сѣверная Пчела», «Сынъ Отечества», «Библіотека для Чтенія» были тѣмъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ всесильнаго тріумвирата, при помощи котораго все талантливое, живое и прогрессивное подвергалось преслѣдованію, осмѣяніямъ и доносу. Святотатственныя десницы «мошенниковъ пера и разбойниковъ печати» тридцатыхъ годовъ не знали пощады даже для такихъ представителей отечественной славы, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, не говоря уже про болѣе второстепенныхъ дѣятелей литературы; дерзость и наглость этихъ господъ простиралась такъ далеко, что они держали въ страхѣ и трепетѣ даже сильныхъ міра сего, грозя послѣднимъ доносами, пасквилями и шантажемъ. Общество ихъ презирало, ненавидѣло, но боялось—въ этомъ была ихъ сила, и этимъ они широко пользовались для обычнаго въ русской жизни «слова и дѣла». Тріумвиратъ представлялъ собою блестящій примѣръ, когда люди дѣлаются «plus royalistes que le roi même», и такое положеніе придавало имъ авторитетъ въ глазахъ графа Бенкендорфа, Дуббельта и друг., «толпою жадною стоявшихъ у трона» императора Николая. Мѣткія и злыя эпиграммы Пушкина, единичные протесты отдѣльныхъ лицъ были безсильны обуздать неистовства трехъ «братьевъ-разбойниковъ» и тѣмъ болѣе, что всѣ эти виды литературнаго протеста и оппозиціи въ большинствѣ случаевъ не выдвигались громко и откровенно передъ лицомъ всего общества и на весь честной народъ, а являлись достояніемъ единичныхъ кружковъ, салоновъ и кабинетовъ редакцій. Литературныя силы тридцатыхъ годовъ, по свойству тогдашней жизни, не были организованы, сгруппированы и не имѣли нужныхъ имъ журнальныхъ убѣжищъ, хотя потребность въ этихъ убѣжищахъ ко времени означеннаго десятилѣтія начинаетъ уже болѣе или менѣе настоятельно сознаваться.

Такъ, въ 1829 году, Пушкинъ былъ сильно озабоченъ изданіемъ литературной газеты, гдѣ бы могли работать порядочные, чистоплотные элементы русской литературы. Этимъ изданіемъ поэтъ надѣялся положить предѣлъ пагубной монополіи Греча и Булгарина, «издѣвавшихся и закидывавшихъ грязью всѣ высшіе, политическіе идеалы и нравственно и умственно развращавшихъ читающую публику». Замыселъ Пушкина осуществился, и 1-го января 1830 года въ Петербургѣ, подъ редакціей барона Дельвига, стала

выходить черезъ каждые пять дней «Литературная Газета», при непосредственномъ участіи въ ней Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и друг. Однако, это журнальное предпріятіе было встрѣчено скептически даже друзьями его учредителей, и Языковъ, напримѣръ, писалъ Погодину: «Литературную Газету мнѣ присылаютъ. Будущее извѣстно единому Богу. Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ. Едва ли удастся имъ дѣйствовать побѣдоносно противъ именъ, какъ бы то ни было укрѣпившихся на нашемъ Парнасѣ». Пророчество Языкова исполнилось: газета, которая организовалась подъ исключительно литературнымъ знаменемъ, не пошла, общество ея не поддержало, а графъ Бенкендорфъ, ратуя во имя интересовъ «Сѣверной Пчелы» и неприкосновенности своего административнаго авторитета, придравшись къ незначительному эпизоду, окончательно прекратилъ ея существованіе въ первый же годъ ея рожденія. Такъ кончилась одна изъ первыхъ попытокъ Пушкина и его единомышленниковъ сплотиться въ живой журнальный кружокъ,—попытка, нельзя не сознаться, довольно неудачная по самому своему замыслу. Въ газетѣ отсутствовали интересы общественные и политическіе, а отсюда ея вялость и безжизненность, не могшія вызвать сочувствія публики. Въ томъ же году прекратилъ свое существованіе «Московскій Вѣстникъ» Погодина по недостатку подписчиковъ, скупости издателя и отсутствію современности. Съ закрытіемъ этого журнала кружокъ Пушкина остался въ полномъ смыслѣ слова безъ постояннаго пристанища, и единственная порядочная въ тѣ дни, вполнѣ опредѣлившаяся, литературно-общественная группа оставалась не у дѣла. Явившіеся на развалинахъ «Московскаго Вѣстника» и другихъ почившихъ въ тотъ же годъ московскихъ изданій журналы Надеждина «Телескопъ» и «Молва» (1831 г.), конечно, по направленію своего критическаго отдѣла, не могли привлечь къ себѣ оставшіяся въ публицистической праздности силы творца «Бориса Годунова» и прочихъ членовъ Арзамасскаго кружка. Живя въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ писалъ по этому предмету Плетневу: «мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго—и газеты!»

Пока Пушкинъ только предавался неопредѣленнымъ мечтамъ о необходимости организоваться въ литературную «кучку» съ своимъ собственнымъ журналомъ, его мысль отчасти выполнилъ въ Москвѣ И. В. Кирѣевскій, основавшій здѣсь съ 1832 г. ежемѣсячный журналъ наукъ и словесности «Европеецъ» при сотрудничествѣ Языкова, Хомякова, Баратынскаго, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина, князя Одоевскаго, А. Тургенева. «Поздравляю всю братію,—писалъ по этому случаю Пушкинъ Языкову,—съ рожденіемъ «Европейца». Готовъ съ моей стороны служить вамъ чѣмъ угодно, прозой

и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти». Но торжество Пушкина и К° было недолговременно: первый же номеръ «Европейца» навлекъ на себя негодованіе государя и... журналъ былъ немедленно прекращенъ. По этому случаю князь Вяземскій иронически писалъ И. И. Дмитріеву:

«Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя не объявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единаго Полеваго, злоумышленники. Вы, вѣрно, пожалѣли о прекращеніи «Европейца», послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутаго узаконенія...»

На ту же тему приблизительно писалъ и Пушкинъ Дмитріеву:

«Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ «Европеецъ» запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцемъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и клеветники, или, по крайней мѣрѣ, клевета устыдится и будетъ изобличена».

Прекращеніе «Европейца» отсрочило еще на довольно долгое время осуществленіе Пушкинской идеи сплоченія во имя оппозиціи Гречу и Булгарину, которые не только не ослабѣвали въ своемъ вліяніи, но получили даже въ 1834 г. поддержку въ лицѣ Смирдинской «Библіотеки для Чтенія» съ петербургскимъ профессоромъ Сенковскимъ во главѣ, вносившимъ своей безшабашной и безпринципной литературной дѣятельностью немалую деморализацію въ молодое и стиснутое административно-полицейскими тисками русское общество. Въ первые дни своего возникновенія, впрочемъ, новый журналъ сумѣлъ представиться какъ будто и приличнымъ органомъ печати, такъ что къ нему пристали даже Пушкинъ съ пріятелями, въ томъ числѣ Гоголь, Жуковскій, Плетневъ и др., но маска нужна была Сенковскому только на два года, для начала подписки, которая дѣйствительно скоро оправдала расчеты издателя-книготорговца Смирдина; какъ только дѣло наладилось, изъ-за спины Сенковскаго-профессора выскочилъ фигляръ—баронъ Брамбеусъ, протянувшій руку дружбы Гречу и Булгарину, и на страницахъ журнала пошелъ балаганъ, участвовать въ которомъ было неприлично писателямъ, дорожащимъ своей литературной репутаціей. Компанія чистоплотныхъ писателей такимъ образомъ снова оставалась не у дѣла, безъ органа, а противники получили сильное подкрѣпленіе въ лицѣ безспорно даровитаго профессора восточныхъ языковъ. Разочарованіе Пушкина выяснилось къ 1836 г., послѣ чего онъ не дѣлаетъ уже попытки стать подъ чье нибудь чужое знамя, а подаетъ ходатайство о разрѣшеніи ему собственнаго журнала. Онъ даже не примыкаетъ къ числу сотрудниковъ «Московскаго Наблюдателя», въ числѣ коихъ значились Гоголь, Баратынскій, князь Одоевскій, Хомяковъ и другіе ему единомысленные.

Въ концѣ декабря 1835 года, нашъ поэтъ обратился къ графу Бенкендорфу съ прошеніемъ о дозволеніи ему издавать литературный журналъ «Современникъ», причемъ сообщалъ о себѣ слѣдующее: «Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе «Современника» доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя». Министръ народнаго просвѣщеніе, въ чьемъ вѣдѣніи находились тогда дѣла печати, предложеніемъ своимъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, какъ предсѣдателю здѣшняго цензурнаго комитета, 16 января 1836 года за № 16, далъ знать, что его императорское величество на эту просьбу А. Пушкина изволилъ изъявить высочайшее свое соизволеніе. Такимъ образомъ, мысль, которую горячо лелѣялъ нашъ поэтъ съ своими друзьями втеченіе почти десяти лѣтъ [1]), наконецъ, осуществилась: у нихъ былъ собственный органъ печати, гдѣ Пушкинъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а они—его вѣрные сотрудники и помощники!

III.

Годы 1835 и 1836 были періодомъ чрезвычайно важнымъ для исторіи нашей журналистики. Тутъ обрисовались болѣе или менѣе отчетливо тѣ кирпичи фундамента, на коихъ возникла будущая группировка нашихъ литературно-общественныхъ элементовъ. Каковъ же былъ въ главнѣйшихъ абрисахъ фонъ тогдашней журнальной жизни? Къ началу 1836 года была слѣдующая журнальная наличность. Во-первыхъ, знакомая уже и вполнѣ общественно опредѣлившаяся компанія Греча, Булгарина и Сенковскаго съ ихъ органами — «Сѣверной Пчелой», «Сыномъ Отечества» и «Библіотекой для Чтенія»; во-вторыхъ—кружокъ Пушкина, тѣсно сплотившійся вокругъ «Современника» и задавшійся цѣлью положительными средствами бороться противъ грязнаго направленія старыхъ непримиримыхъ враговъ, входившихъ въ составъ пресловутаго «тріумвирата»; въ-третьихъ—молодые московскіе писатели, еще робко и съ неполнымъ сознаніемъ своихъ истинныхъ силъ группировавшіеся въ «Телескопѣ» Надеждина: Бѣлинскій, Герценъ, Кудрявцевъ, В. Боткинъ, И. Панаевъ и др.; въ-четвертыхъ — «Московскій Наблюдатель» съ перечисленными уже выше сотрудниками и при дѣятельномъ участіи Погодина и Шевырева, остававшихся въ тѣ дни безъ собственнаго журнала. Послѣднія двѣ группы, то-есть сотрудники «Телескопа» и сотрудники «Московскаго Наблюдателя», содержали въ свой литературной дѣятельности въ достаточно, однако, зачаточномъ видѣ начала ученій западниковъ и славянофиловъ, которые, нѣсколько

---

[1]) Князь Вяземскій еще въ 1827 г. мечталъ о «Современникѣ».

лѣтъ спустя, стали другъ противъ друга въ рѣзко враждебныя отношенія.

Гоголь, въ тѣ годы и нуждавшійся въ работѣ и горѣвшій яркимъ пламенемъ любви къ литературѣ и журналистикѣ, усиленно хлопоталъ и о возникновени московскаго журнала и о скорѣйшемъ появленіи «Современника». Въ первомъ случаѣ онъ писалъ Погодину (конецъ 1834 г.): «журналъ нашъ нужно пустить какъ можно по дешевой цѣнѣ. Лучше на первый годъ отказаться отъ всякихъ вознагражденій за статьи, а пустить его непремѣнно подешевле, этимъ однимъ только можно взять верхъ и сколько нибудь оттянуть приваль черни къ глупой Библіотекѣ, которая слишкомъ укрѣпила за собою читателей своею толщиною... Главное никакъ колоть не въ бровь, а прямо въ глазъ». Не менѣе дѣятельна была роль автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» и при основаніи «Современника». Десять лѣтъ спустя (1846), онъ писалъ по этому предмету Плетневу:

«Современникъ».. и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе въ родѣ англійскаго, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключать въ себѣ это юношеское чувство: моя же душа была тогда еще молода; я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили»...

Это письмо Гоголя, нѣсколько смущающее насъ указаніемъ, противорѣчащимъ тому, что намъ извѣстно о желаніи Пушкина имѣть собственный журналъ, мало выясняетъ намъ, подъ какимъ боевымъ знаменемъ намѣревался выступить нашъ поэтъ, какъ редакторъ-издатель «Современника». Гоголь упоминаетъ лишь о живости и обдуманности имѣющихся быть напечатанными статей, но, сопоставляя эти указанія съ косвенными другими, а также со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно, какъ глядѣлъ Пушкинъ на задачи именно журналистики, можно было ожидать, что знаменемъ его журнала современемъ будетъ разработка современности, общественныхъ вопросовъ, въ направленіи враждебномъ Грече-Булгаринскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшемъ мало чего общаго съ духомъ, который явно уже сказывался въ статьяхъ молодыхъ сотрудниковъ «Телескопа», и силу котораго уже началъ различать Пушкинъ; недаромъ же онъ писалъ Нащокину: «я оставилъ у тебя два порожнихъ

экземпляра Современника. Одинъ отдай князю Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому, тихонько отъ Наблюдателей, и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться».

Такимъ образомъ, въ 1836 году довольно ясно обозначилась въ нашей общественной жизни группировка литературныхъ элементовъ, дифференцировавшихся по разнымъ довольно опредѣленнымъ органамъ прессы, которыя съ своей стороны и отмѣтили эти элементы «штемпелями», о коихъ говоритъ въ приведенной выше выдержкѣ г. Михайловскій. Оставляя въ сторонѣ «штемпеля» остальныхъ журналовъ, обратимся ближайшимъ образомъ къ интересующему насъ «Современнику».

При основаніи журнала, Пушкинъ взялъ образцомъ для него англійскія трехмѣсячныя «Rewiews», то-есть получилъ разрѣшеніе на изданіе четырехъ томовъ журнала въ годъ. Подписная цѣна была объявлена въ 25 рублей ассигнаціями въ годъ безъ пересылки и въ 30 рублей съ пересылкою. Цензоромъ «Современника» долженъ былъ быть назначенъ профессоръ Никитенко, но онъ просилъ уволить себя отъ этого: «съ Пушкинымъ, по его словамъ, слишкомъ тяжело было имѣть дѣло». За отказомъ Никитенки къ журналу былъ приставленъ Крыловъ, цензоръ, какъ аттестуетъ его тотъ же Никитенко, «самый трусливый, а слѣдовательно и самый строгій изъ нашей братіи». Сотрудниками журнала явились: Баратынскій, князь Вяземскій, Гоголь, А. Давыдовъ, князь Козловскій, Кольцовъ, А. Муравьевъ, Плетневъ, Погодинъ, А. Тургеневъ, Ѳ. Тютчевъ и др. писатели, которые, по всей справедливости, считаются дѣятелями Пушкинскаго періода литературы. Изъ перечисленныхъ авторовъ, давшихъ свои произведенія въ первыя четыре книжки «Современника», далеко не всѣ подписали своихъ именъ подъ статьями; нѣкоторые поставили лишь иниціалы, а другіе ограничились печатаніемъ текста, безъ какой либо отмѣтки, позволяющей публикѣ судить, кто авторъ. Въ составъ первой книжки журнала, пропущенной цензурой 31-го марта 1836 года, вошли слѣдующія произведенія: самого Пушкина—«Пиръ Петра Великаго», «Скупой рыцарь», «Изъ Шенье», «Путешествіе въ Арзрумъ», «Разборъ сочиненій Георгія Конисскаго» и нѣкоторыя рецензіи; Гоголя—«Коляска», «Утро дѣлового человѣка» и статья «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.»; Жуковскаго—«Ночной смотръ»; князя Вяземскаго — «Роза и кипарисъ». Первымъ № была поставлена не подписанная статья А. Плетнева—«Императрица Марія».

Въ моментъ выхода «Современника» Пушкинъ отсутствовалъ изъ Петербурга; онъ уѣхалъ въ с. Михайловское хоронить свою мать, Надежду Осиповну, откуда вернулся лишь во второй половинѣ апрѣля ко времени составленія второй книги журнала. Что

же представлялъ собою по направленію съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся любителями словесности № 1-й «Современника», и какъ онъ былъ встрѣченъ остальной журнальной братіей?

IV.

Первая книга «Современника» появилась въ свѣтъ не снабженная никакою статьею редактора-издателя, позволяющею судить о направленіи, какое ему желательно придать своему журналу. Въ главнѣйшихъ pieces de resistance, каковыми, конечно, должны считаться поэтическія и беллетристическія произведенія Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, мы не видимъ и намека на то, что мы обыкновенно называемъ направленіе. Характеръ музы автора «Скупого рыцаря» здѣсь тотъ же, что и въ остальныхъ его поэтическихъ произведеніяхъ — гуманистическій; но этого признака, конечно, недостаточно для опредѣленія общественной физіономіи журнала. Такое опредѣленіе почерпается лишь отчасти изъ анонимной статьи Гоголя «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.»; оговорка—отчасти здѣсь необходима потому, что въ слѣдующихъ №№ самъ издатель отмѣтилъ свое несогласіе по нѣкоторымъ взглядамъ съ авторомъ означенной статьи. Въ третьемъ томѣ (наилучшемъ и разнообразномъ) мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Пушкина: «Статья о движеніи журнальной литературы напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостью и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою «Современника». Въ другомъ мѣстѣ онъ уже опредѣленнѣе говоритъ: «Современникъ» по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣній о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты».

Каковы же были завѣты покойнаго Дельвига и его «Литературной Газеты», воскресить которые счелъ долгомъ Пушкинъ въ 1836 г.? Это—борьба съ разнузданно-полицейскимъ направленіемъ литературной дѣятельности тріумвирата, борьба не помощью полемики и бранныхъ препирательствъ, а средствами положительными: выраженіемъ почтенія къ заслугамъ людей, противодѣйствіемъ произвольному необоснованному мнѣнію и стремленіемъ къ образованію общественнаго вкуса, посредствомъ избранныхъ представителей въ наукѣ и искусствѣ. Такимъ образомъ, силу своего журнала Пушкинъ полагалъ: во-первыхъ, въ критикѣ, покоящейся на началахъ чистаго искусства, и, во-вторыхъ, въ беллетристическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ избранныхъ писателей своего круга. Что же касается общественныхъ элементовъ, то таковые, какъ въ первомъ, такъ и въ

послѣдующихъ №№ «Современника» были очень слабо выражены, а если кое-гдѣ и проглядывали («Родословная моего героя», «Прогулка по Москвѣ»), то отличались наклонностью къ аристократизму, къ провозглашенію себя и лицъ единомышленныхъ родомъ избраннымъ, солью земли. Отсюда видно, что «Современникъ» Пушкина не явился въ русской жизни типомъ журнала, который бы могъ удовлетворить запросамъ массы, руководить ея умственными и общественными потребностями, а потому онъ и сошелъ на роль прежнихъ «Альманаховъ».

Трудно, конечно, гадать, но невольно сдается, что, если бы Пушкину пришлось объявить всѣ свои политическіе и общественные козыри, то волею-неволею или скорѣе даже противъ своей воли онъ неминуемо долженъ бы былъ или хлебнуть мутнаго квасного патріотизма Погодина, или, что того хуже, сыграть на руку ненавистной ему компаніи Греча и Булгарина. Литературная чистоплотность не спасла бы его въ данномъ случаѣ, такъ какъ судить-то его, если быть только послѣдовательнымъ, пришлось бы по выводамъ, а не по средствамъ выполненія. Вотъ почему «Современникъ» и не могъ вызвать къ себѣ сочувствія такой чуткой и отзывчивой натуры, какимъ былъ Бѣлинскій, тогдашній критикъ «Молвы», къ которому «потихоньку» даже отъ своихъ счелъ нужнымъ забѣжать Пушкинъ. Бѣлинскій писалъ между прочимъ по поводу второй книжки молодого петербургскаго журнала: «...вторая книжка вполнѣ обнаружила... направленіе; она показала явно, что Современникъ есть журналъ «свѣтскій», что это Петербургскій Наблюдатель».

«Милостивые государи,—говоритъ критикъ далѣе,—къ чему эти безпрестанныя похвалы самимъ себѣ за знаніе свѣтскости, къ чему эти безпрестанныя увѣренія, что вы люди свѣтскіе? Мы и такъ вѣримъ вамъ, склоняемся предъ вашею свѣтскою мудростію; вамъ и книги въ руки; не думайте, чтобы между вами и нами было что нибудь въ родѣ зависти, въ родѣ jalousie de metier... Но публикѣ нужны не гувернеры, которые кричали бы ей: «tenez-vous droit», а поэты, а ученые, а литераторы, а критики, которые знакомили бы ее съ вашими человѣческими потребностями и наслажденіями, руководствовали бы ее на пути просвѣщенія и эстетическаго, а не свѣтскаго, образованія. Оглянитесь вокругъ себя повнимательнѣе: вы увидите, что и между вами, людьми свѣтскими, людьми высшаго образованія, есть люди, которымъ душна бальная атмосфера, ненавистенъ мишурный блескъ гостиныхъ, которые бѣгутъ отъ нихъ. чтобы въ тиши уединенія предаться мирному занятію предметами человѣческой мысли и чувства».

Оканчиваетъ критикъ свой отзывъ слѣдующими словами: «И это «Современникъ»? Чтожъ тутъ современнаго? Неужели стихи барона Розена и похвалы «свѣтскимъ» людямъ за то, что они умѣютъ хорошо садиться въ кресла и говорить въ обществѣ свободно?... И на такомъ-то журналѣ красуется имя Пушкина!»...

Несочувственно отнеслась къ Пушкинскому предпріятію и петербургская журналистика, какъ равно жутко пришлось ему отъ

стѣсненій строгой цензуры того времени. Эти отзывы, уколы и непріятности по цензурѣ не смутили Пушкина, и онъ заготовлялъ уже журнальный матеріалъ для слѣдующаго года, но намѣреніямъ его не дано было осуществиться: 29-го января 1837 года его не стало.

Достоевскій въ своей извѣстной рѣчи 1880 года сказалъ, что Пушкинъ унесъ съ собою въ могилу «тайну» своего творчества. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о творчествѣ Пушкина во всей его полнотѣ, нельзя не сознаться, однако, что журнальное его наслѣдіе во образѣ четырехъ книжекъ «Современника» вызываютъ немалое удивленіе изслѣдователя литературы того времени. Можно воистину удивляться, какъ, обладая лично такими богатыми дарами природы и образованія, располагая такимъ количествомъ цѣнныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, нашъ поэтъ не сумѣлъ создать изъ своего предпріятія чего нибудь живого, изъ ряду выходящаго и вліятельнаго! Нѣсколько высокозанимательныхъ книжекъ бойкаго Альманаха... вотъ довольно печальный результатъ его дѣятельности, какъ редактора-издателя! Понятно, такое скудное наслѣдство не давало его послѣдователямъ, ученикамъ и друзьямъ широкаго раздолья продолжать дѣло поэта. Говоря по совѣсти, и продолжать-то было нечего, такъ какъ за убылью главной цѣнности «Современника» — поэтическаго таланта его создателя, отъ журнала оставалось мало что, ради чего стоило огородъ городить. Хранить журнальные завѣты, традиціи Пушкина... эти слова, при отсутствіи геніальнаго духа поэта, рѣшительно ничего не обозначали. Фразы же Гоголя, поставленныя эпиграфомъ къ настоящему очерку, о томъ, что цѣль «Современника» на будущія времена должна быть—«благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина», такимъ мѣстомъ, куда «только одни сердечные друзья должны сходиться съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руки и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію»... Фразы эти остаются поэтическими образами, рѣшительно ничего не говорящими нашему уму, а еще менѣе отвѣчавшими литературнымъ потребностямъ русскаго общества. Единственное разумное употребленіе, которое можно было сдѣлать изъ наслѣдства поэта, это сохранить его во внѣшней и внутренней чистотѣ, уберечь его отъ потоковъ мутной грязи, которая вдоль и поперекъ захлестывала нашу журналистику тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при благопріятномъ случаѣ передать его тѣмъ дѣятелямъ печати, которые во всеоружіи созидательной силы и таланта могли бы дать ему полезное и достойное примѣненіе.

И дѣйствительно, такой литературный наслѣдникъ Пушкина нашелся въ лицѣ его ближайшаго друга П. А. Плетнева, который съ удивительнымъ упорствомъ и самоотверженіемъ сумѣлъ удержать «Современникъ» въ нравственной неприкосновенности и чистоплотности,

отстоять его существованіе наперекоръ всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ времени. Правда, второй редакторъ-издатель «Современника» лелѣялъ «загробный журналъ Пушкина» вовсе не въ видахъ передачи его въ чужія, и при томъ несимпатичныя ему, руки, а полагая, что онъ именно продолжаетъ великое дѣло Пушкина, хранитъ его завѣты и традиціи; но не все ли равно, изъ какихъ побужденій онъ сберегалъ «Современникъ»—результатъ былъ одинъ и тотъ же: въ теченіе десяти лѣтъ жизни этотъ журналъ-альманахъ сохранилъ свою нравственную порядочность и явился достойной колыбелью для «отроившагося отъ «Отечественныхъ Записокъ» роя съ маткой—Бѣлинскимъ во главѣ», какъ острилъ впослѣдствіи Шевыревъ. Этотъ «рой» молодыхъ, даровитыхъ русскихъ писателей принялъ въ 1847 году изъ рукъ Плетнева наслѣдіе Пушкина, реформировалъ его, сообразно потребностямъ времени, вдохнулъ въ него живую душу, совлекъ съ него образъ альманаха и создалъ изъ него типъ прогрессивнаго изданія, память о которомъ высоко чтится въ исторіи нашего общественнаго развитія.

V.

Сейчасъ же послѣ смерти Пушкина возникъ среди его друзей вопросъ о ходатайствѣ на право продолженія въ 1837 г. изданія «Современника» въ пользу осиротѣвшей семьи покойнаго поэта и въ томъ именно видѣ, какъ онъ былъ основанъ покойникомъ. Такое прошеніе было подано въ февралѣ 1837 г. на имя государя императора и за подписями Жуковскаго, князя Одоевскаго, князя Вяземскаго и Плетнева. Того же февраля мѣсяца министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ за № 46 далъ знать попечителю учебнаго округа, что его императорское величество изъявилъ свое высочайшее соизволеніе на ходатайство просителей. И дѣйствительно, въ этомъ году было выпущено четыре книжки «Современника», при чемъ въ числѣ именъ его издателей совершенно неожиданно для всѣхъ появилось и имя редактора «Литературныхъ прибавленій» къ «Инвалиду» А. А. Краевскаго. Послѣдній начиналъ уже тогда входить въ силу, дѣлать бойкую издательскую карьеру, умѣлъ прилѣпляться къ литературнымъ тузамъ, а въ тѣ дни въ особенности обхаживалъ князя Одоевскаго, коего подбивалъ приступить совмѣстно съ нимъ къ изданію новаго журнала. Нѣкоторая близость съ сіятельнымъ литераторомъ, а также ласкательность къ Плетневу помогли шустрому редактору «Прибавленій» вплести свое имя въ вѣнокъ на могилу Пушкина, причислить себя къ числу его близкихъ друзей и получить даже доступъ къ разбору бумагъ покойнаго поэта.

Энергично принялись новые издатели «Современника» за организацію дѣла, желая достойнымъ образомъ почтить память основателя жур-

нала. По этому поводу Любимовъ писалъ Погодину слѣдующее: «Современникъ» непремѣнно будетъ продолжаться, разрѣшеніе уже вышло. Вчера у Одоевскаго видѣлся съ княземъ Вяземскимъ, который поручилъ мнѣ написать къ вамъ и просить, чтобы вы и всѣ ваши присылали сюда побольше статей для Современника. Не забудьте, что это дань Пушкину, ибо будетъ издаваться въ пользу дѣтей его... Жуковскій, Вяземскій и Одоевскій и всѣ хлопочутъ, чтобы все было какъ можно лучше и изящнѣе». Тотъ же Любимовъ хлопоталъ у Погодина и Шевырева о приведеніи въ ясность издательскихъ счетовъ Пушкинскаго журнала. И Краевскій тоже старался расшевелить московскаго профессора: «Ради Бога, уладьте дѣла Современника, о которомъ писать вамъ поручили Любимову. Теперь деньги за «Современникъ» вещь святая — онѣ сиротскія, и за каждую копейку надо будетъ отдать отчетъ совѣсти; да пришлите свою лепту въ Современникъ, подбейте на то же Шевырева, Хомякова, Павлова, Языкова, Баратынскаго; стыдно вамъ и имъ будетъ, если ничего не пришлете въ журналъ, посвященный памяти Пушкина!». Кромѣ Любимова и Краевскаго, и князь Вяземскій писалъ къ тому же Погодину: «...Будьте правою рукою нашею въ Москвѣ, пишите и забирайте все, что можете. Надѣюсь, что Шевыревъ, Павловъ и другіе московскіе литераторы не откажутся участвовать въ загробномъ журналѣ Пушкина. Нужно необходимо, чтобы въ Современникѣ явились имена всѣхъ порядочныхъ людей пишущихъ. Будьте покойны, всѣ бумаги Пушкина сохранены и находятся въ рукахъ Жуковскаго. Все, что можно, будетъ изъ нихъ напечатано. Многія рукописи еще не разобраны и не переписаны за отъѣздомъ Жуковскаго, но это дѣло впереди. На первый случай достаточно озаботиться и привести къ окончанію годъ Современника и полное изданіе стараго... Хорошо бы собрать по всѣмъ рукамъ письма Пушкина, и каждому изъ пріятелей его написать воспоминаніе о немъ. Время полной и живописной біографіи еще не настало, но сверстникамъ его слѣдуетъ приготовить матеріалы для будущаго сооруженія».

Въ бумагахъ кн. Одоевскаго сохранилась по дѣламъ изданія «Современника» за то время слѣдующая распорядительская записка Жуковскаго: «Изданіе 1836. Оставшіеся экземпляры продать гуртомъ. Кто возьмется завѣдывать изданіемъ 1837? Въ объявленіяхъ упомянуть объ нихъ. Изъ вырученной суммы уплатить долгъ въ типографію, если она не захочетъ принять долгъ экземплярами. Опекѣ истребовать деньги отъ тѣхъ, кои получили экземпляры, черезъ комиссіонера, который получитъ оффиціальную бумагу, или черезъ секретаря. Изданіе 1837. Опекѣ сдѣлать условіе съ типографіей. Опекѣ сдѣлать условіе съ комиссіонерами (Плюшаромъ и Смирдинымъ?).—Книжки выдать поочереди: 1-ю Плетневымъ, 2-ю Краевскимъ, 3-ю Одоевскимъ, 4-ю Вяземскимъ. Они завѣдываютъ сношеніями съ цензурою, съ типографіею, корректорами и съ комис-

сіонерами. Составленіе статей принадлежитъ всѣмъ. Присылаемыя статьи принимать и разсматривать очередно».

Четыре тома «Современника» за 1837 имѣли цѣнность главнымъ образомъ въ напечатанныхъ тутъ впервые поэтическихъ вещахъ самого Пушкина, въ числѣ которыхъ были такія выдающіяся произведенія, какъ «Египетскія ночи», «Мѣдный всадникъ», «Арапъ Петра Великаго», «Лѣтопись села Горохова»; кромѣ означенныхъ произведеній, мы встрѣчаемъ здѣсь стихи и прозу, принадлежащія Баратынскому, Лермонтову, Погодину, Шевыреву, И. Панаеву, Загоскину, Гребенкѣ, Подолинскому, Ишимовой и мног. друг. Характеръ этого изданія въ 1837 г. былъ тотъ же, что и при Пушкинѣ: главное вниманіе было обращено на эстетическую сторону дѣла и съ устраненіемъ живыхъ вопросовъ современности. «Окончивъ изданіе, мы исполнили обязанность, которую приняли на себя въ память дружбы къ намъ А. С. Пушкина, и «Современникъ» прекратился,—писалъ въ 1846 г. Плетневъ опекѣ надъ дѣтьми Пушкина.—Ни мы, ни наслѣдники покойнаго не имѣли права признавать его чьею либо собственностью, такъ какъ онъ и прежде и нынѣ по точному смыслу высочайшаго разрѣшенія существовалъ временно».

Но выпущенная въ 1837 г. четвертая книга «Современника» не заканчивала его существованія: журналу суждено было воскреснуть и жить еще долго за гробомъ Пушкина. Вотъ какъ рисуетъ намъ воскресеніе «Современника» его второй издатель-редакторъ, П. А. Плетневъ, въ письмѣ къ опекѣ. «Ея императорскому высочеству государынѣ, тогда великой княжнѣ, нынѣ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ угодно было ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ, чтобы это прекратившееся навсегда изданіе всемилостивѣйше было возстановлено, и чтобы «Современникъ» изъ сборника, выходившаго каждый разъ съ особаго высочайшаго разрѣшенія, обращенъ былъ въ постоянный журналъ, и съ тѣмъ (вмѣстѣ) въ законную собственность одного издателя и редактора, представляя меня на этотъ отвѣтственный передъ правительствомъ трудъ, какъ человѣка, лично извѣстнаго ея высочеству. 19 ноября 1837 года за № 377, г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ своимъ попечителю Спб. учебнаго округа далъ знать, что его императорское величество, на основаніи заключенія главнаго управленія цензуры, въ 14 день ноября 1837 года высочайше предоставилъ мнѣ право издателя и редактора «Современника».

Уже въ концѣ послѣдней книжки журнала изданія 1837 года встрѣчается объявленіе о подпискѣ на слѣдующій 1838 годъ съ указаніемъ, куда надлежитъ обращаться новымъ подписчикамъ: «для полученія журнала,—гласитъ объявленіе,—можно адресоваться или въ книжный магазинъ Смирдина, или прямо къ издателю его дѣйствительному статскому совѣтнику Петру Александровичу Плетневу, живущему у Обухова моста, въ домѣ тайной совѣтницы Сухаревой».

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ тому, чтобы стремиться стать во главѣ журнала, имѣть свой собственный органъ печати, служили Плетневу слѣдующія соображенія, высказанныя имъ въ своемъ прощаніи съ читателями въ 1846 году. «Профессорская должность моя особенно побудила меня къ тому. Въ исполненіе обязанности своей — добросовѣстно и съ пользою дѣйствовать на молодое поколѣніе развитіемъ науки, я желалъ вдругъ заниматься и въ кабинетѣ, и на каѳедрѣ, и передъ судомъ публики. Во мнѣ есть убѣжденіе, что ученый тогда только вполнѣ отвѣчаетъ призванію своему, когда обрабатываемою имъ наукою непосредственно споспѣшествуетъ благу общественной жизни. Для профессора словесности литературный журналъ представляетъ прекрасное открытое поприще, на которомъ онъ является предъ своими современниками, какъ критикъ, какъ историкъ и какъ теоретикъ. Каждая истина, произнесенная имъ всенародно, обращается въ общее достояніе. Въ кабинетѣ онъ внимательнѣе къ своему дѣлу, работая для свѣта, а на каѳедрѣ слово его значительнѣе, получивши вѣсъ отъ приговора публики». Такимъ образомъ, принявъ въ свое вѣдѣніе «Современникъ», Плетневъ смотрѣлъ на свою журнальную дѣятельность, какъ на непосредственное продолженіе обязанностей наставника, но только не тѣсной студенческой аудиторіи, а широкаго круга русскихъ читателей, нуждающихся въ указаніяхъ истинныхъ путей просвѣщенія.

VI.

Петръ Александровичъ Плетневъ, какъ уже неоднократно упоминалось выше, былъ однимъ изъ самыхъ ближайшихъ друзей Пушкина, всецѣло преданныхъ нашему геніальному поэту, исполнявшій многочисленныя его порученія, лелѣявшій своего кумира съ трогательной любовью и насквозь проникнутый взглядами творца «Евгенія Онѣгина» на вопросы литературные, общественные и политическіе. Пушкинъ высоко цѣнилъ нравственныя качества своего друга, отдавалъ ему на судъ свои произведенія и посвятилъ ему даже свой дивный романъ «Евгеній Онѣгинъ»:

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ...
и т. д.

Въ приведенныхъ строфахъ посвященія сдѣлана характеристика Плетнева, выяснено, какъ глядѣлъ на него Пушкинъ, и какъ высоко онъ его цѣнилъ: человѣкъ прекрасной души, высокихъ думъ, простоты, исполненный святыхъ мечтаній и живой, ясной поэзіи—таковъ Плетневъ, по мнѣнію поэта.

Рядомъ съ Пушкинымъ и другой писатель, Ап. Ник. Майковъ, тоже близко знавшій Плетнева, сдѣлалъ слѣдующую характеристику второго редактора «Современника», поясняющую намъ положеніе его въ рядахъ русскаго общества послѣ-пушкинскаго времени.

За стаею орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты.
И грустный, между насъ, задумчивый ты бродишь,
И прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчалися, не сводишь.

Эти прекрасные стихи тоже удивительно мѣтко опредѣляютъ намъ, что такое былъ Плетневъ среди современниковъ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Онъ представленъ здѣсь человѣкомъ, цѣликомъ живущимъ въ прошломъ, грустнымъ и задумчивымъ, со взоромъ, обращеннымъ въ даль минувшаго, гдѣ исчезли дорогіе ему дѣятели литературы—Пушкинъ, Дельвигъ, Вяземскій, Жуковскій и другіе. Поэтическія характеристики Плетнева, сдѣланныя Пушкинымъ и Майковымъ, какъ нельзя болѣе оправдываются фактами его жизни, какъ частнаго лица, всей его дѣятельностью, какъ литератора, администратора, издателя-редактора «Современника». И ближайшій изъ друзей его, Я. К. Гротъ, оставившій намъ немало біографическихъ замѣтокъ о Плетневѣ, и Л. Н. Майковъ въ своей академической рѣчи 1892 г., посвященной «памяти П. А. Плетнева», вполнѣ совпадаютъ въ своихъ работахъ со взглядами Пушкина и автора «Двухъ міровъ».

«Личность Плетнева не поражаетъ блескомъ необыкновенныхъ дарованій,—говоритъ о немъ Леонидъ Николаевичъ Майковъ:—онъ не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, а въ наукѣ не проложилъ новыхъ путей глубокомысленными изысканіями Онъ просто былъ человѣкъ яснаго и трезваго ума, обладавшій хорошимъ образованіемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Образованіе онъ пріобрѣлъ не столько на школьной скамьѣ, сколько постояннымъ и разностороннимъ чтеніемъ; вкусъ свой онъ развилъ главнымъ образомъ среди тѣхъ даровитыхъ писателей, которыхъ былъ современникомъ. Критика его не служила оправданіемъ извѣстнаго эстетическаго ученія и вообще не опиралась на философскую основу. «Теорія у меня,—говорилъ онъ,—не занятая, не изученная, а явившаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ». Критика Плетнева служила только отраженіемъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя воспринимала его душа, при изученіи творческихъ созданій. Эта живая чуткость его къ произведеніямъ поэзіи имѣла особую цѣну въ глазахъ художниковъ слова, и они

дорожили спокойными, мѣткими сужденіями Плетнева. «У васъ»,—писалъ ему Гоголь,—«много внутренняго, глубоко эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства». Искренняя, глубокая любовь къ литературѣ соединялась у Плетнева съ благодушіемъ и ровностью личнаго характера, съ дружескою простотой его обращенія. Очень рано сблизился онъ съ лучшими представителями русской литературы своего времени и былъ оцѣненъ въ ихъ средѣ по достоинству».

Что касается Я. К. Грота, то этотъ постоянный сотрудникъ Плетнева даетъ намъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г. слѣдующій портретъ своего учителя-друга:

«Своеобразная личность Плетнева была результатомъ двухъ элементовъ: съ одной стороны—глубокаго самобытнаго развитія, съ другой—литературныхъ преданій, которыя онъ почерпнулъ изъ сношеній съ талантливыми и высокообразованными писателями, въ кругу которыхъ провелъ лучшіе годы молодости. Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое всегда было главною цѣлью его жизни. Не по-своему былъ онъ мудръ (какъ выразился г. Тургеневъ), но онъ приблизился, на сколько это возможно, къ той единой мудрости, которая дается человѣку, когда онъ твердо и прямо идетъ путемъ добра и истины. Эти два идеала были также дороги Плетневу, какъ и третій—идеалъ прекраснаго; но его стремленіе къ послѣднему было замѣтно, а потому и болѣе оцѣнено свѣтомъ. Вотъ начала, подъ вліяніемъ которыхъ сложился этотъ цѣльный и независимый характеръ. Ни для какихъ благъ въ мірѣ онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе было ему ненавистно. Отъ этого понятія о достоинствѣ, отъ этой благородной гордости происходило и то довольно одинокое, но самостоятельное положеніе, которое онъ принялъ въ литературѣ 40-хъ годовъ. Въ сторонѣ отъ всякой полемики держался онъ, частью, конечно, и по мягкости своего характера, но болѣе въ силу особой системы воззрѣній, которой начало положилъ Карамзинъ, глубоко имъ уважаемый, какъ человѣкъ и литераторъ,—«творецъ, по словамъ Плетнева, идеально прекрасной школы». Нужна была твердость для того, чтобы въ этомъ направленіи оставаться вѣрнымъ себѣ».

Въ дальнѣйшей части своего очерка Гротъ беретъ даже подъ защиту и ученость Плетнева, которую часто заподозрѣвали его недоброжелатели, и обстоятельно доказываетъ, что познанія Плетнева въ области его спеціальности по каѳедрѣ и журналу были вполнѣ удовлетворительными. Какъ профессоръ и редакторъ, Плетневъ былъ высоко чтимъ въ университетѣ и являлъ собой типъ доброжелательнаго наставника, дѣятельность котораго особенно благотворно отражалась на молодежи. Но за этими положительными стронами характера невольно приходится отмѣтить и отрицательныя, которыя безусловно неблагопріятно отразились на его служеніи «Современнику» въ качествѣ издателя-редактора и помѣшали ему создать изъ этого журнала тотъ вліятельный органъ печати, въ которомъ была такая потребность въ первую половину сороковыхъ годовъ. Эти недостатки, въ значительной степени вытекающіе изъ общихъ свойствъ его харак-

тера, какъ они обрисованы Пушкинымъ, Майковыми и Гротомъ, становятся намъ особенно замѣтны, при ознакомленіи съ его письмами къ Гроту.

VII.

Профессура въ университетѣ, а еще прежде учительство въ институтахъ, преподаваніе и лекторство въ царской семьѣ, близость съ корифеями нашей литературы, создали Плетневу въ Петербургѣ громадный кругъ знакомыхъ, которые постоянно посѣщали его, звали къ себѣ на интимные вечера и шумные рауты. Популярность друга Пушкина росла въ тридцатыхъ годахъ удивительно быстро: его, что называется, разрывали на части. Любимецъ свѣтскаго общества, онъ сумѣлъ создать себѣ, несмотря на скромный въ тѣ годы ученый свой багажъ, твердо установившуюся репутацію и въ кружкахъ людей науки: онъ единодушно былъ избранъ въ 1840 году ректоромъ университета, а въ 1841 году членомъ второго отдѣленія академіи наукъ. Въ общей сложности Плетневъ несъ до восемнадцати общественныхъ обязанностей, и въ томъ числѣ издательство и редактированіе «Современника». Такая сложная и разносторонняя дѣятельность не позволяла ему основательно сосредоточиться на чемъ нибудь исключительно, почему, если онъ и успѣвалъ въ своихъ сравнительно немногочисленныхъ работахъ, то этимъ онъ обязанъ былъ недюжиннымъ природнымъ способностямъ, глубокому и проницательному уму, а также умѣнью подходить къ каждой работѣ, каковое умѣнье онъ несомнѣнно почерпнулъ на школьной скамьѣ въ семинаріи. Плетнева нѣкоторые считали лѣнтяемъ, но это мнѣніе несправедливо и во всякомъ случаѣ преувеличено: онъ по природѣ своей былъ покоелюбецъ, человѣкъ, склонный къ квіетизму, къ созерцательной жизни. Это-то и придавало всему образу его, какъ внѣшнему, такъ и духовному, печать удивительнаго спокойствія, граничащаго съ неподвижностью. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, шутливомъ и очень граціозномъ, посвященномъ барону Дельвигу, Плетневъ такъ обрисовываетъ свой идеалъ жизни.

Дельвигъ! какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить;
Подъ наслѣдственною сѣнью
Липецъ прадѣдовскій пить;

Беззаботно въ полдень знойный
Отдыхать въ саду густомъ
Выйти подъ вечеръ спокойный
Передъ сладкимъ долгимъ сномъ;

Ждать по утру на постелѣ,
Не зайдетъ ли муза къ намъ;
Позабыть всѣ дни въ недѣлѣ
Называть по именамъ;

И съ любовью не ревнивой
Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,
Какъ въ Сатурновъ вѣкъ счастливый,
Провожать за годомъ годъ!

Гротъ, чрезвычайно дѣятельный и удивительно трудолюбивый по природѣ, нерѣдко распекалъ своего друга за его неподвижность. Въ письмѣ отъ 26-го ноября 1846 года онъ писалъ Плетневу:

«Недостатокъ энергіи, въ которомъ ты обвиняешь себя, не то ли означаетъ, что ты собственно не рожденъ для ученыхъ трудовъ? Ты добрый и практически благоразумный человѣкъ, судишь чрезвычайно здраво, одаренъ рѣдкою способностью чувствовать и оцѣнивать изящное, сердцемъ въ высшей степени мягкимъ и склоннымъ къ самой нѣжной привязанности; но дала ли тебѣ природа средства къ напряженной ученой дѣятельности — вотъ въ чемъ я сомнѣваюсь. Отсюда и недостатокъ истиннаго участія—при всей доброй волѣ—въ чужихъ трудахъ, даже людей самыхъ близкихъ тебѣ; отсюда и возможность равнодушно бросать время на такія безплодныя дѣла, какъ, напримѣръ, переписка, часто лишенная разумной цѣли и оправдывающаго ее содержанія. Кто глубоко проникнутъ убѣжденіемъ о предлежащихъ ему трудахъ, тотъ не станетъ расточать и мгновеній — не только часовъ и дней».

Отвѣчая на это письмо, Плетневъ вполнѣ чистосердечно, съ тихою грустью и прямодушно даетъ слѣдующее объясненіе своихъ изъяновъ характера:

«Ты совершенно правъ, что я не рожденъ для ученыхъ трудовъ, — пишетъ онъ. Да и вообще мнѣ тягостенъ всякій усиленный трудъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, не будучи пріученъ къ систематической дѣятельности, я всегда оставался игрушкою мгновенія. То, что неважнаго и удалось мнѣ сдѣлать, было слѣдствіемъ счастливыхъ знакомствъ, которыми, впрочемъ, скажу къ чести своей, я всегда дорожилъ и постоянно искалъ. Но и это не могло далеко подвинуть меня, потому что я не носилъ никакого запаса къ исполненію предпріятій. Не зная хорошо ни одного иностраннаго языка, не терпя усидчивости за дѣломъ, я все исполнялъ кое-какъ. Со времени знакомства моего съ тобою я долженъ бы былъ уже переродиться. Но и тутъ весь внутренній переворотъ мой ограничился только болѣзненнымъ сознаніемъ, что я ничтожнѣйшее существо, а прямой активной перемѣны во мнѣ не послѣдовало. Я мыслю, понимаю и соображаю правильно; но все тѣмъ и оканчивается. Итакъ, я ни въ какомъ отношеніи не могу обидѣться твоею характеристикою, представленною мнѣ на меня въ письмѣ отъ 26-го ноября, потому что глубоко и давно сознаю справедливость ея. Это, конечно, не оправданіе для будущаго: могъ бы еще я переработать многое въ себѣ, но думаю, что безъ особой Божіей помощи ничего не удается. Конечно, и приводя это чаще себѣ на мысль, я уже сдѣлаю что нибудь: только это не будетъ то полное преобразованіе, въ которомъ настоитъ такая надобность. Ты же долженъ обходиться со мною, какъ съ мягкимъ ребенкомъ, котораго исправить вѣрнѣе мягкостію и любовію, нежели строгостію и гнѣвомъ».

Я остановился нарочно на обрисованіи свойствъ природы Плетнева, такъ какъ именно изъ наличности этихъ свойствъ намъ становится вполнѣ понятенъ и характеръ его журнала, занимавшаго

въ теченіе восьми лѣтъ, какъ онъ находился въ распоряженіи Плетнева, совершенно обособленное положеніе въ нашей журналистикѣ. Отсюда же намъ объясняется и подборъ сотрудниковъ журнала и отношенія редактора къ прочей литературной братіи, отношенія, которыя сыграли въ жизни Плетнева такую выдающуюся роль и свели его значеніе, какъ журналиста, или, правильнѣе, руководителя общественнаго мнѣнія, къ нулю. Плетневъ, какъ и Пушкинъ въ свое краткое время редактора-издателя журнала, при наличности въ нихъ обоихъ большихъ дарованій, могли сослужить большую службу обществу своимъ журналомъ и... не сослужили ея! Въ исторіи нашей литературы это чрезвычайно любопытное обстоятельство, которое даетъ возможность историку нашихъ общественныхъ развитій сдѣлать не мало поучительныхъ выводовъ и заключеній.

Получивъ черезъ посредство двора въ свое вѣдѣніе «Современникъ», Плетневъ могъ обратить этотъ журналъ въ сильное орудіе воздѣйствія на многія стороны русской жизни и явить образецъ активной и плодотворной оппозиціи Гречу, Сенковскому и Булгарину, но, увы! онъ совершенно пренебрегъ своимъ положеніемъ журналиста, подчинилъ его обязанностямъ свѣтскаго человѣка. Журналистика и литература были имъ отведены на второй планъ, а на первый выдвинуты мелкіе интересы двора, свѣтскихъ салоновъ и именитыхъ гостиныхъ. Какъ въ жизни Пушкина, такъ и въ жизни Плетнева это обстоятельство сыграло очень печальную роль, но только для Пушкина оно кончилось трагически, а другъ его сумѣлъ спокойно и счастливо проплыть между опасныхъ подводныхъ камней.

«Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отечественныхъ Записокъ». Я литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ россійской моя жизнь и кровь», — такъ говорилъ великій русскій журналистъ, Бѣлинскій, бывшій даже не собственникомъ, а только сотрудникомъ журнала, батракомъ Краевскаго. Какъ же смотрѣлъ на свое положеніе и свои обязанности его современникъ, журналистъ—Плетневъ, другъ Пушкина, руководитель органа печати, читаемаго даже при дворѣ? Переписка его съ Гротомъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи хорошую руководящую нить.

VIII.

Если Бѣлинскій смотрѣлъ такъ серьезно и отвѣтственно на свое призваніе журналиста, то полную противоположность ему составляетъ издатель «Современника», для котораго журналъ былъ пріятнымъ дѣломъ, развлеченіемъ, средствомъ обособиться съ тѣснымъ кругомъ избранныхъ знакомыхъ отъ прочей журнальной братіи, къ которой чувствовалъ высокомѣрное отвращеніе и презрѣніе.

Въ письмѣ отъ 25 ноября 1842 года онъ писалъ Гроту:

«Касательно вѣротерпимости литературной я точно фанатикъ. Но это чувство питается во мнѣ доблестями кумировъ моихъ. Полевой же ни съ какой стороны не возбуждаетъ энтузіазма, смотрѣть ли на него, какъ на писателя, или какъ на человѣка. Въ первомъ отношеніи видишь одну посредственность, во второмъ собраніе омерзительныхъ качествъ. Нѣтъ, мой другъ, на Булгаринѣ, Сенковскомъ, Полевомъ и Гречѣ должно лежать на вѣки проклятіе всѣхъ гражданъ, вѣрныхъ отечеству и служенію наукамъ. Они изъ храма и алтарей сдѣлали у насъ кабакъ и стойку. Тебѣ простительно поддаваться ихъ поддѣльному восторгу; а я за это отвѣчалъ бы передъ совѣстью и разсудкомъ».

Въ письмѣ отъ 1-го марта 1844 года мы читаемъ:

«№ 2 Москвитянина полученъ, и въ немъ дѣйствительно нѣтъ статьи твоей. Это должно убѣдить насъ, что мы одни должны дѣйствовать въ литературѣ. Все внѣ насъ есть эгоизмъ, расчетъ, чванство, подлость, безчувственность, безнравственность и невѣжество. Вотъ шесть *категорій, подъ которыя должно подвести и враговъ нашихъ и такъ называемыхъ друзей*[1]). Съ Вяземскимъ толковать я не намѣренъ, да и не къ чему. Онъ человѣкъ изъ двухъ категорій: первой и третьей. Буду дѣйствовать одинъ, если въ тебѣ не возникнетъ рѣшимости присоединиться ко мнѣ. Прежде я всегда чувствовалъ и дѣйствовалъ за одно съ моими друзьями Дельвигомъ, Баратынскимъ и Пушкинымъ. Мнѣ всегда было грустно, что наши съ тобою литературныя убѣжденія не сходились. Ты видѣлъ во мнѣ какое-то пристрастіе къ старому и особенному, тогда какъ я ни одного новаго, если это былъ истинный талантъ, не пропускалъ безъ участія. Нѣтъ, твоя скептически добродѣтельная душа не позволила тебѣ въ этомъ отношеніи слиться съ моею, и я не ропталъ: я все изъяснялъ различіемъ лѣтъ нашихъ. Нѣкогда ты увидишь, какъ я былъ правъ. О Краевскомъ нечего говорить. Это бездушное существо, дышащее корыстолюбіемъ. Какъ ни велики, повидимому, средства въ его рукахъ производить вліяніе, но они не могутъ ему доставить другихъ успѣховъ, кромѣ денежныхъ. Власть истины и добродѣтели выше.. Посмотри, какъ онъ уклончиво и потаенно крадется на малѣйшую оппозицію. Такъ страшно объявить себя врагомъ чистоты нравственной и эстетической. А что могли бы мы сдѣлать вдвоемъ, если бы это благодѣтельное противодѣйствіе было главнымъ помышленіемъ и дѣломъ!... Да будетъ то, что посылаетъ Богъ. Пусть царствуетъ въ литературѣ запустѣніе; по крайней мѣрѣ, мой «Современникъ», безъ вліянія, безъ интереса, будетъ чистъ и, по моему мнѣнію, правъ, какъ онъ былъ для меня доселѣ».

Приведу еще нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Плетнева, дающихъ намъ возможность подвести итоги его журнальнымъ тенденціямъ и симпатіямъ. Письмо отъ 15-го іюля 1844 года:

«Помнишь ли ты стихъ Жуковскаго: «Поэзія есть добродѣтель»? Въ немъ заключена вся теорія литературы и всѣ мои правила литературной дѣятельности. Ты судишь, какъ воспитанникъ мелкихъ современныхъ идей, тѣмъ болѣе ложныхъ, что онѣ русскими заимствованы и никогда не пріобрѣтутъ у насъ дѣйствительности; а я съ тобою говорю, какъ человѣкъ, снискавшій свои убѣжденія долговременными опытами и остановившійся на томъ, что вѣчно и всюду примѣняемо. По-твоему *журналъ долженъ отражать* современную литературу въ извѣстный моментъ: а по-моему — *послѣдовательное развитіе лучшихъ*

---

[1]) Курсивъ вездѣ мой. Б. Г.

убѣжденій въ назиданіе не только нынѣшнимъ поколѣніямъ, но и **будущимъ**. Гоняться за тѣмъ, чтобы большое число принимало наши убѣжденія, низко и безплодно. Въ толпѣ всегда болѣе оппозиціи самымъ святымъ истинамъ. Итакъ, или надобно льстить безумію, или оставаться въ бездѣйствіи. То и другое противорѣчитъ внушеніямъ строгой добродѣтели; оставайся всегда добродѣтельнымъ, а вліяніе твое непремѣнно совершится, хотя поздно, хотя медленно. Тутъ, въ отношеніи къ дѣйствователю, совершается его первый долгъ, какъ существа, созданнаго по образу Божію, а въ отношеніи къ прочимъ людямъ сѣется благое сѣмя, имѣющее пустить ростки въ назначенное для того время. Всякая дѣятельность въ высшемъ своемъ значеніи такова, особенно умственная. Перестать быть добродѣтельнымъ отъ того, что я очутился въ пустынѣ и не вижу, кому во благо моя жизнь, свойственно только или эгоисту, или корыстолюбцу, или тщеславному, или просто развратившемуся. Но сойдемъ съ этой высоты и взглянемъ на нашу журнальную обязанность пограждански. Можемъ ли мы, не явивъ собою безсмысленныхъ, стремиться отражать современную жизнь нашей литературы, когда жизни-то нѣтъ въ литературѣ нашей. Жизнь есть свободное развитіе силъ, данныхъ намъ природою и гражданственностію. Такъ есть жизнь въ большей части западныхъ литературъ. Нѣмцы выражаютъ своею литературою жизнь ума и науки, французы—политики, вкуса и ума, англичане—промышленности, политики, науки, вкуса и т. д. Я не говорю объ ихъ эфемерныхъ произведеніяхъ литературы, а объ явленіяхъ истинно умныхъ и ученыхъ... Но что мы отражать будемъ при полномъ убѣжденіи, что явившаяся книга есть или кража, или ложь, или глупость?.. Итакъ, не мелочный журналистъ... долженъ поучаться пропитываться благодатными идеями и вносить ихъ въ міръ для того, что прекрасное никогда не погибнетъ. Если бы у насъ дѣйствительно была жизнь литературная, какъ я понимаю ее, тогда отражать ее значило бы тоже мыслить, зрѣть, разливать свѣтъ и слѣдственно совершать назначенное небомъ. Но для такой эпохи одно остается—говорить съ убѣжденіемъ обо всемъ, что размышленіе, наука, вдохновеніе или даже совѣстливый трудъ пошлютъ мнѣ въ пріобрѣтеніе. Зачѣмъ же не книги издавать, а журналъ? Это дѣло другое. Если бы я былъ вполнѣ свободенъ и въ состояніи былъ бы еще болѣе жертвовать для этой цѣли, я издавалъ бы книги. Не имѣя возможности исполнить послѣдняго, я остаюсь при первомъ, что медленно и не такъ блистательно, но все-таки приводитъ меня къ той же цѣли. Я убѣжденъ, что брошенныя мною двѣ-три истины въ теченіе года не пропадутъ, и нѣкогда принесутъ плодъ; я же повинуюсь призванію, совершаю долгъ и въ то же время приношу посильную пользу. По-твоему нужна въ журналѣ задорность, даже нѣкоторая желчность. А по-моему—ни мало. Раздражительные и мелочные умы довольствуются, когда о нихъ говоритъ толпа; а человѣкъ высшаго назначенія не ищетъ ничего, лишь бы ему совершить по убѣжденію свое призваніе. Онъ знаетъ, что все лучшее для немногихъ; но отъ этихъ немногихъ и зрѣетъ все великое въ будущемъ. Спорить и судить рѣшительно—два дѣла разныя. Одно доказываетъ неопытность, даже ребячество; другое исполняется безъ отношеній къ толпѣ. Что я произнесъ, то останется; а много ли народу пристанетъ ко мнѣ, для меня все равно. Я даже не нахожу особеннаго удовольствія въ томъ, чтобы склонить перевѣсъ на свою сторону. Изложеніе истины есть моя потребность, моя жизнь, а соединеніе мнѣній не входитъ въ мой планъ. Въ послѣднемъ случаѣ я подозрѣваю какое-то насиліе, чего не терплю. Правда, что «Современникъ» походитъ на альманахъ; но эта общая участь всѣхъ нашихъ журналовъ, ибо **ни политика, ни религія, ни философія не могутъ у насъ развиваться и развѣтвляться**. Для тебя менѣе

въ «Современникѣ» жизни, нежели въ другихъ журналахъ отъ того, что онъ не кричитъ, не бранится, а говоритъ учтиво и негромко. Но сущность всѣхъ нашихъ журналовъ одна. Я могу заготовить двѣ книжки впередъ, точно такъ же, какъ могутъ это дѣлать и прочіе журналы. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» ты встрѣчаешь безстыдную ложь, когда, напримѣръ, читаешь: «Новыя книги, вышедшія въ іюнѣ мѣсяцѣ». Большая часть явилась въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и проч. Я не такъ безстыденъ, чтобы врать подобнымъ образомъ. Но въ концѣ года попробуй перебрать ихъ библіографію и мою; увидишь, что я нисколько не пропустилъ и даже не опоздалъ относительно. Ты не замѣчаешь, что объ одной книгѣ я говорю въ маѣ, а они о ней въ іюлѣ. Ихъ восхитительная современность существуетъ только у тебя въ воображеніи. Прочія же статьи всѣ альманашныя, какъ и у меня. Ожидая другіе журналы, ты восклицаешь: «что-то будетъ тамъ?» это единственно отъ того, что любопытство (замѣть, не любознательность) рвется къ привычной ихъ бранчивости. Отчего же я никогда не восклицаю: что-то будетъ тамъ? Вѣдь я, однако, не идіотъ. Просто, я гнушаюсь пошлыми ихъ остротами. Журналъ, имѣющій много читателей, имѣетъ силу въ обществѣ, говоришь ты. А отчего «Библіотека для Чтенія», въ десять лѣтъ читанная тремя тысячами, но утвердила въ Россіи ни одной идеи, кромѣ того, что вмѣсто сей лучше писать этотъ, что извѣстно было не дуракамъ и до нея. Нѣтъ, сила состоитъ въ достоинствѣ мысли, а не въ числѣ подписчиковъ. Лѣнтяи, невѣжды и т. п. всегда предпочтутъ балаганы церковной службѣ. И ты это называешь успѣхомъ? Для «Современника» я, конечно, желаю большаго числа подписчиковъ, но это не значитъ, что я желаю унизить его характеръ. Ты провидишь, что и у меня есть читатели глупцы. Гдѣ же ихъ нѣтъ? Да дѣло въ томъ, что я не ищу читателей. Я только стремлюсь достигнуть совершенства въ дѣятельности моей... Я предлагаю тебѣ и Р. К. продолжать участіе безъ всякаго обѣщанія приблизить мое изданіе къ характеру Краевскаго или Сенковскаго. Мы должны твердо идти къ распространенію свѣта и добра, безъ малѣйшей оглядки на окружающее насъ... Какъ мнѣ досадно, что ты никогда не перелистываешь «Revue des deux Mondes». Это журналъ совершенно по моему вкусу. Онъ ничего эфемрнаго не трактуетъ. Его можно читать и послѣ 20-ти лѣтъ по выходѣ. Вотъ что я называю достоинствомъ литературнымъ. У насъ это еще необходимѣе, чтобы противодѣйствовать яду Сенковскихъ и Краевскихъ. Повѣрь, что постоянство и терпѣніе склонятъ на нашу сторону не говорю большинство, что не въ природѣ человѣческихъ дѣлъ, а благомысленіе! Да и безо всего, развѣ не отрадно оглянуться нѣкогда на пройденный путь и сказать: какъ это было все хорошо сдѣлано! Найти способъ пріобрѣтать вѣрно и во-время занимательнѣйшія англійскія и шведскія книги... Разнообразіе, истина, вкусъ — сколько ручательствъ, что мы будемъ довольны собою, а это для меня главное. Теперь еще и предвидѣть нельзя, какимъ благотворнымъ орудіемъ очутится въ рукахъ нашихъ «Современникъ». Выпустивъ его разъ изъ рукъ, уже не возвратить во-вѣки».

IX.

Бесѣдуя совершенно откровенно съ своимъ гельсингфорсскимъ другомъ, Плетневъ вполнѣ откровенно сообщалъ ему свои взгляды на тѣхъ или иныхъ дѣятелей печати. Мы уже знаемъ, съ какимъ омерзѣніемъ отзывался онъ о Булгаринѣ, Гречѣ и Сенковскомъ, присоединяя сюда совершенно несправедливо и бѣднаго Полевого — того

самого, про котораго Чернышевскій въ очеркахъ Гоголевскаго періода гуманно отзывается такъ: «не съ осужденіемъ, а съ признательностью должны мы вспоминать его». Что касается входившаго или, правильнѣе, вошедшаго уже тогда въ силу издателя «Отечественныхъ Записокъ» — А. А. Краевскаго, то, несмотря на всю мягкость своей натуры, Плетневъ клеймилъ его самыми скверными эпитетами, а также приравнивалъ къ компаніи тріумвирата: «Онъ держитъ себя, какъ журналистъ parvenu, и обо всемъ говоритъ густенькимъ басомъ, какой только сумѣетъ скопить въ своей мизерной фигуркѣ», «воображаю, какъ взбеленятся Бѣлинскій и Краевскій, эти скотики, вообразившіе, что они какъ будто и люди»; «это— нравственное чудовище» и т. д.,—таковы отзывы Плетнева о Краевскомъ, съ которымъ онъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ не прерывалъ знакомства и котораго продолжалъ принимать у себя въ домѣ. Не болѣе благопріятны были его взгляды на Погодина, Надеждина, Никитенку и др. товарищей по перу и каѳедрѣ. Не разрывая ни съ кѣмъ связи, поддерживая даже со всѣми добрыя отношенія, Плетневъ въ глубинѣ своей души относился къ каждому изъ нихъ съ презрѣніемъ и брезгливостью. Особенно любопытны были его отношенія къ собрату по научной спеціальности — Никитенкѣ, тому самому Никитенкѣ, имя котораго въ исторіи нашего просвѣщенія какъ-то неразрывно связано именно съ именемъ Плетнева. Схожіе по общему направленію своей научно-педагогической дѣятельности, могущему по всей справедливости у обоихъ считаться гуманистическимъ, они были, сами по себѣ, какъ люди, удивительно непохожи другъ на друга: одинъ задумчиво и разсѣянно глядѣлъ въ даль минувшаго, другой усиленно смотрѣлъ себѣ подъ ноги, совершенно забывая подчасъ, что недурно бы вспомнить и о небѣ. Въ то время, когда редакторъ «Современника», наперекоръ смыслу жизни, упрямо сидѣлъ въ воздушныхъ фантастическихъ чертогахъ своего журнала, знаменитый цензоръ и будущій редакторъ того же журнала слишкомъ ужъ охотно являлъ собою образецъ редактора на прокатъ, входя въ союзъ то съ Гречемъ, то съ Некрасовымъ, не переставая съ тѣмъ вмѣстѣ быть въ отмѣнно добрыхъ отношеніяхъ и съ Плетневымъ. Если Плетневъ считалъ въ душѣ Никитенку хитрымъ хохломъ который умѣетъ для видимости притворяться и лгать, то и Никитенко не особенно жаловалъ чопорность, надутость своего коллеги, который подчасъ въ интересахъ своего журнала не прочь былъ въ качествѣ предсѣдателя цензурнаго комитета подгадить и другимъ органамъ печати.

Такимъ образомъ, относясь въ душѣ достаточно скверно къ своимъ современникамъ-сверстникамъ, Плетневъ вмѣстѣ съ тѣмъ не сумѣлъ сойтись и понять литературную молодежь, которая въ эпоху его редакторства съ успѣхомъ и достойно выступила на арену общественной дѣятельности. Лермонтовъ, Бѣлинскій, Грановскій, До-

стоевскій, Некрасовъ и прочіе, пріютившіеся временно въ «Отечественныхъ Запискахъ» первой половины сороковыхъ годовъ, не были имъ настоящимъ образомъ оцѣнены и поняты въ общественномъ ихъ значеніи. Даже тонкое его литературное чутье въ отношеніи этихъ дѣятелей оказалось притупленнымъ: онъ не разсмотрѣлъ въ нихъ искры Божіей, прозѣвалъ ихъ даровитость. Лермонтовъ, по его мнѣнію, былъ «запоздалый Пушкинъ по претензіямъ, безъ его ума и таланта»; Некрасовъ былъ для него только страшный создатель пасквильнаго альманаха «1-е апрѣля»; про романъ Достоевскаго «Бѣдные люди», столь восторженно встрѣченный Бѣлинскимъ, онъ говорилъ: «онъ мнѣ почти не понравился, кромѣ одного мѣста. Все на тонъ Гоголя и Квитки. Такъ утомительно»; про Грановскаго онъ утверждалъ: «что у него нѣтъ истиннаго таланта; это опять вѣрно. Иначе не связался бы онъ съ пошлѣйшимъ журналистомъ. Что у него нѣтъ истинныхъ знаній, это видно изъ того, что онъ ищетъ подпоры въ невѣжественномъ журналѣ. А у него есть записки изъ нѣмецкихъ лекцій, и есть нѣмецкія книги, что̀ въ моихъ глазахъ, безъ особеннаго таланта, равно нулю». Наибольшаго вниманія заслуживаютъ отзывы Плетнева о Бѣлинскомъ. Когда послѣдній въ пылу увлеченія расточалъ похвалы старымъ дѣятелямъ литературы, редакторъ «Современника» готовъ былъ относиться къ нему ласково и съ похвалою, стоило же только ему стать хоть нѣсколько въ оппозицію героямъ минувшаго — и Плетневъ посылалъ уже на его голову хулу и осужденіе. Такъ, въ теченіе 1840 г. онъ говорилъ про Бѣлинскаго: «нельзя отрицать что онъ глядитъ на предметы вѣрно», или «о Бѣлинскомъ я всегда говорилъ, что онъ полонъ истинныхъ мыслей и знанія искусства»; но черезъ три года взглядъ его на критика «Отечественныхъ Записокъ» радикально мѣняется, и онъ готовъ не оставить камня на камнѣ въ его произведеніяхъ. Въ письмѣ отъ 6-го марта 1843 г. онъ пишетъ Гроту:

«Послѣ обѣда читали вторую статью о Державинѣ изъ «Отечественныхъ Записокъ». Здѣсь тотъ же кривой толкъ о поэзіи, какъ и въ статьѣ о Баратынскомъ. Бѣлинскій задаетъ себѣ тему, что долженъ писать поэтъ. Послѣ прикладываетъ къ этой задачѣ произвольно выбираемыя изъ него мѣста, имѣющія сходный предметъ съ его темой. Встрѣчая у поэта особенности отъ его произвольныхъ требованій, онъ начинаетъ глумиться надъ авторомъ, называя его рабомъ идей того вѣка или поклонникомъ тогдашнихъ пороковъ, и думаетъ, что прекрасно уничтожаетъ тѣмъ его достоинство, подтверждая, что оно почувствовано лишь Лермонтовымъ, который, по его воззрѣнію, вездѣ вѣренъ одной высоко-философской идеѣ: ругать и презирать человѣчество въ видѣ произвольно сотворенныхъ имъ уродовъ. Вотъ его всегдашняя метода критики, которую и ты похвалилъ».

Въ письмѣ отъ 28-го апрѣля того же года онъ такъ оцѣниваетъ качества критика «Отечественныхъ Записокъ»:

«Ужели ты не понимаешь, что въ немъ двѣ совершенно разныя стороны: когда онъ по выученнымъ теоріямъ говорить о чемъ нибудь вообще, безъ приложенія, то разсуждаетъ какъ будто умомъ; но когда ему придется частно сказать свое мнѣніе о какомъ нибудь поэтѣ или вообще писателѣ, то онъ бредитъ, не нося въ душѣ сочувствія съ художническими истинами. Вотъ что я и объяснялъ тебѣ. А ты вдругъ отъ радости воскликнулъ: значитъ, что о немъ могутъ быть противныя мнѣнія. Конечно, когда смотрятъ на него, какъ на человѣка, вычитывающаго свои идеи, и какъ на человѣка, создающаго ихъ. Но это не о немъ противныя мнѣнія, а въ немъ разнородные предметы. Притомъ же онъ все то считаетъ уже лучшимъ, что моложе. Вотъ почему у него Лермонтовъ почти выше Пушкина, тогда какъ Лермонтову далеко и до Языкова, не только до Баратынскаго. Не будь, милый другъ, читателемъ молоденькимъ, для котораго тотъ и правъ, кто говорилъ послѣдній. Надо создать свою теорію объ изящномъ, а не дожидаться, что скажетъ голодный и злой рецензентъ. Иначе тебѣ придется перемѣнять свои понятія ежедневно. Вообрази, что Баратынскій жилъ бы въ Петербургѣ, любилъ бы писать еще стихи и никуда не давалъ бы ихъ, какъ Лермонтовъ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ»; что намололи бы о немъ такіе безпристрастные и уважающіе себя судьи, какъ Бѣлинскій и Краевскій!».

Изъ отзывовъ Плетнева о молодыхъ дѣятеляхъ печати мы видимъ, что онъ ихъ рѣшительно не понималъ и радикально съ ними расходился во взглядахъ на задачи литературы. Новыя вѣянія его не коснулись, онъ остался неподвиженъ и въ торжественной позѣ подъ обветшавшими знаменами двадцатыхъ годовъ, которыя ему непрестанно твердили о славномъ для него прошломъ, о минувшихъ дняхъ и рѣчахъ, уже давно замолкшихъ. Отсюда становится понятнымъ, что онъ закрылъ передъ новыми кумирами общества литературныя двери своего «Современника» и... остался безъ сотрудниковъ. Впрочемъ, въ числѣ молодыхъ талантовъ онъ призналъ только троихъ, которыхъ, такъ сказать, и счелъ долгомъ благословить своей рукой жреца чистаго искусства. Это были тогда только-что начинавшіе литературную дѣятельность поэты — Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Но всѣ эти три названныхъ лица вовсе не явились сотрудниками его чахнувшаго «Современника», нѣтъ — его благословеніе было больше платоническое, поэты же преисправно подвизались въ другихъ ненавистныхъ ему журналахъ, преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Благодаря этому, редакторъ «загробнаго журнала Пушкина» вскорѣ очутился въ достаточно-таки трагическомъ положеніи: безъ сотрудниковъ и безъ подписчиковъ! Старые сошли со сцены, а оставшіеся еще въ живыхъ изъ числа прежнихъ не были работниками въ истинномъ смыслѣ этого слова; съ молодыми же редакторъ не желалъ якшаться, не признавая въ нихъ ни ума, ни таланта, ни даже литературной порядочности или добросовѣстности.

X.

Приступивъ въ 1838 году къ изданію «Современника», Плетневъ прежде всего его передѣлалъ изъ сборника, выходившаго четыре раза въ годъ, въ журналъ ежемѣсячный, позаботился о льготахъ для подписчиковъ, назначивъ разсрочку, и привлекъ къ сотрудничеству кое-кого изъ молодежи. Цензорами къ нему были назначены А. Н. Никитенко и Лангеръ. Первый годъ изданія былъ сравнительно удачный: мы встрѣчаемъ на страницахъ журнала довольно большое количество именъ, которыя пользовались любовью и популярностью среди читателей: Гоголя, В. Даля, Е. Гребенку, Губера, Розена, Ѳ. Тютчева, графиню Ростопчину, А. Кольцова, Бенедиктова и другихъ, въ томъ числѣ Я. Грота и А. Ишимову, коимъ впослѣдствіи пришлось играть такую выдающуюся роль въ жизни «Современника». Самъ Плетневъ въ этомъ году помѣщаетъ здѣсь рядъ интересныхъ очерковъ, свидѣтельствующихъ о его твердомъ намѣреніи не покладать рукъ на пользу своего дѣтища. Въ числѣ этихъ очерковъ заслуживаютъ особеннаго вниманія о «литературныхъ утратахъ», «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», о «стихотвореніяхъ графини Ростопчиной», «о путешествіи по Россіи наслѣдника цесаревича» и друг. Въ общей сложности онъ печатаетъ 13 самостоятельныхъ статей, не считая множества библіографическихъ замѣтокъ. Кромѣ указаннаго литературнаго матеріала, журналъ за тотъ годъ пріобрѣтаетъ цѣнность, благодаря нѣкоторымъ еще невѣдомымъ дотолѣ посмертнымъ произведеніямъ основателя «Современника»—мелкимъ стихотвореніямъ, отрывкамъ изъ «Евгенія Онѣгина», и т. п.

Болѣе или менѣе благополучно проходитъ и 1839 годъ, но уже на слѣдующій, когда Плетневъ начинаетъ забираться служебными и общественными должностями, журналъ идетъ на убыль, дѣлается совершанно безцвѣтнымъ и теряетъ всякую жизненность и интересъ. Рѣдкими и случайными гостями являются здѣсь только слѣдующіе корифеи тогдашней литературы: Жуковскій, князь Одоевскій, Квитка-Основьяненко, Бенедиктовъ, Кольцовъ, Сологубъ, Языковъ, А. Тургеневъ, Куторга и другіе. Въ отдѣлѣ беллетристики фигурируетъ до своего перехода въ «Отечественныя Записки» исключительно почти Квитка, а въ остальныхъ частяхъ №№ наполняются почти исключительно статьями Я. Грота, А. Ишимовой и нѣкоторыхъ начинающихъ писателей—Барановскаго, Герца и друг., которые своими статьями по свойству и содержанію ихъ не давали журналу какой либо опредѣленной физіономіи, никакого захватывающаго, животрепещущаго интереса. Наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ Плетнева за весь періодъ 1838—1846 годовъ является Яковъ Карловичъ Гротъ, который съ удивительной любовью, преданностью и трудолюбіемъ выручаетъ своего друга. Чуть не въ каждомъ №

мы встрѣчаемъ его произведенія, стихотвореныя и беллетристическія, относящіяся преимущественно къ исторіи, литературѣ, этнографіи и бытовой жизни скандинавскихъ народовъ. Статьи Грота имѣли большую цѣнность: изъ нихъ впервые русское общество ознакомилось съ жизнью сосѣдней сѣверной страны; эти же очерки главнымъ образомъ послужили въ то время симпатичнымъ и гуманнымъ связующимъ звеномъ въ исторіи общественныхъ сношеній Россіи и Финляндіи. Но нельзя, однако, не замѣтить при этомъ, что какъ ни цѣнно было сотрудничество Грота, на немъ одномъ не могъ быть основанъ успѣхъ журнала. Ишимова своимъ симпатичнымъ и маленькимъ голоскомъ не могла ему достаточно успѣшно вторить, а хоръ совершенно отсутствовалъ въ журналѣ. Самъ Плетневъ, столь ревностно поработавшій въ 1838 году, во всѣ остальныя восемь лѣтъ помѣщаетъ здѣсь всего лишь девять небольшихъ очерковъ и цѣликомъ уходитъ въ составленіе библіографіи, которая дѣйствительно является въ его «Современникѣ» чрезвычайно цѣннымъ и полезнымъ отдѣломъ. Остальное содержаніе журнала составляли или жидкія компиляціи, или переводы, которыя не возбуждали интереса читателей. Послѣдніе передъ выходомъ новаго № не задавали себѣ животрепещущаго вопроса: что-то въ немъ появится интереснаго? Содержаніе его можно было опредѣлить за нѣсколько книгъ впередъ—тутъ будетъ статья Грота, очеркъ Ишимовой, библіографія Плетнева и... только. Да и какъ можно было ожидать чего нибудь другого? Отъ новыхъ Плетневъ сторонился, а старые или мало интересовались литературой, т. е. почти что на нее не работали, а тѣ, которые несли на рынокъ свой товаръ, какъ, напримѣръ, Гоголь, хотѣли получить стоимость этого товара наличными деньгами, такъ какъ нуждались въ средствахъ къ существованію. Плетневъ же платить сотрудникамъ не могъ, такъ какъ отсутствіе подписчиковъ не давало ему возможности составить какую нибудь кассу журнала. Онъ и безъ того работалъ въ убытокъ, приплачивая ежегодно порядочныя суммы за бумагу и въ типографію изъ своего содержанія по государственной службѣ. Получился заколдованный кругъ, въ коемъ издателю предоставлялось вертѣться, какъ бѣлкѣ въ колесѣ: сотрудниковъ не было, потому что денегъ не было, денегъ не было, потому что подписчикъ отсутствовалъ, а послѣдній не являлся, такъ какъ не зачѣмъ было сюда и идти—журналъ былъ безсодержателенъ!

Эта безвыходность положенія, конечно, не могла не сердить Плетнева, и онъ по случаю ухода, напримѣръ, Квитки въ журналы за гонораръ писалъ уже въ 1840 г. Гроту: «Квиткѣ я написалъ, что онъ можетъ дать въ «Маякъ» все, что хочетъ, но я отказываюсь быть посредникомъ и отослалъ его въ типографію Фишера, гдѣ лежатъ оригиналы Холявскаго и Столбикова (новый романъ его). Отъ «Современника» не откажусь и безъ Квитки. Ужели вы, Александра

Осиповна (Ишимова) да я, не наполнимъ чѣмъ нибудь четырехъ книжекъ? Все равно: подписчиковъ и теперь не было лишнихъ, а 300 авось всегда останется по привычкѣ». Въ 1846 же году, какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше длиннаго его письма къ Гроту, онъ уже совершенно съ озлобленіемъ говоритъ про подписчика и читателя: а, ну его совсѣмъ!

Такимъ образомъ, вертясь на 300 подписчикахъ и возвышаясь иногда даже до 400 слишкомъ, Плетневъ упорно не предпринималъ никакихъ новшествъ, чтобъ литературнымъ способомъ поднять «загробный журналъ Пушкина», если не считать заведеннаго имъ отдѣла «Разное», который сводился опять-таки на все ту же библіографію. Я уже сказалъ, что эта рецензентская часть была здѣсь поставлена хорошо и, оставаясь чуждою публицистическимъ пріемамъ критики, преслѣдовала исключительно цѣли научныя и эстетическія. Завѣты Пушкинскаго періода въ данномъ случаѣ сохранялись здѣсь въ неприкосновенности, и на отдѣлъ рецензій Плетневъ тратилъ по мелочамъ свои недюжинныя силы, пригодныя для болѣе цѣннаго употребленія. Къ чему свелъ онъ въ концѣ-концовъ свою отвѣтственную роль руководителя общественнаго мнѣнія? Не сотрудничая лично въ журналѣ, не заботясь о привлеченіи сотрудниковъ, онъ не читалъ даже поступавшія къ нему рукописи и ограничился ролью секретаря, корректора и механическаго составителя №№ журнала, «литературнаго канцеляриста». По этому предмету Гротъ писалъ ему:

«Литературнымъ канцеляристомъ» называю я тебя не за разборы твои (вспомни, какъ я былъ доволенъ ими, особливо составляя указатель «Современника»), а вообще за характеръ твоей литературной дѣятельности, какъ она до сихъ поръ была. При изданіи журнала что было твоею главною заботою? Печатаніе, чтеніе корректуры (самъ ты составлялъ только, по большей части, тощенькую библіографію), — слѣдовательно все больше канцелярская работа. Получивъ какую нибудь новую статью, рѣдко ты чувствовалъ любопытство тотчасъ же ознакомиться съ нею, обыкновенно съ равнодушіемъ отлагалъ до чтенія корректуры, и такимъ образомъ она оставалась тебѣ неизвѣстною иногда на цѣлый годъ и болѣе. Положимъ, что это происходило по причинамъ естественнымъ и извинительнымъ, но все же это было, и я искалъ слова для охарактеризованія такого неправильнаго положенія дѣлъ. Такое равнодушіе всего больнѣе поражало меня, когда послѣ усердной работы, въ которой твое участіе и твой судъ составляли для меня самую пріятную перспективу, я просилъ твоего отзыва, ждалъ его и не получалъ. А между тѣмъ и ничье другое мнѣніе о моемъ трудѣ, въ которомъ на время я жилъ всею своею жизнью, не доходило до меня, и такимъ образомъ я лишенъ былъ того, что всего болѣе поддерживаетъ дѣятельность и всего болѣе нужно для успѣховъ».

Да когда было Плетневу принимать активное дѣятельное участіе въ собственномъ журналѣ? То его призывали 18-ть его должностей и обязанностей, то онъ, слоняясь по раутамъ и гостинымъ свѣтскихъ своихъ знакомыхъ, посвящалъ журналу лишь ночное время,

причемъ всѣ эти корректуры и сношенія съ книжными магазинами выводили его изъ себя и разстроивали нервы. Оставаясь же дома, онъ опять-таки совершенно безцѣльно отдавался писанію длиннѣйшихъ и часто безсодержательныхъ писемъ. Правда, эти письма для насъ очень цѣнный историческій матеріалъ, но для Плетнева непосредственно въ тѣ дни и для его журнала служили лишь отвлеченіемъ отъ прямыхъ и важныхъ обязанностей.

XI.

Гротъ, помимо осужденія личнаго поведенія Плетнева въ отношеніи «Современника», дѣлалъ неоднократно указанія на необходимость оживить журналъ, сдѣлать его болѣе современнымъ и хоть нѣсколько приблизить къ типу такого органа печати, который бы болѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе и интересъ читателей. Такъ, между прочимъ, онъ, желая прибѣгнуть къ сатирической формѣ полемики для нанесенія удара тогдашнему «промышленному» характеру издательства (Сенковскій, Краевскій), предлагалъ своему другу помѣстить въ журналѣ проектъ новаго журнала «Инфузорія» и объявленія о немъ, гдѣ остроумно, не называя никого по именамъ, вышучиваетъ «Библіотеку для Чтенія» и «Отечественныя Записки». «Прошло то невинное время — младенческій возростъ литературы, когда журналистъ долженъ былъ прикрывать истинную цѣль своихъ трудовъ скромными увѣреніями, что онъ думаетъ только о распространеніи истины, о пользѣ своихъ читателей и т. п. Въ нашу просвѣщенную эпоху уже позволено говорить безъ обиняковъ, что литература есть такая же вѣтвь промышленности, какъ и всякое ремесло, и что писатель, какъ и всякій другой производитель, долженъ прежде всего заботиться объ обращеніи своихъ силъ и способностей въ осязаемыя блага... Теперь всякій, сколько нибудь, наблюдательный читатель можетъ самъ написать цѣлую книгу о томъ, что нужно журналисту. Явилась новая наука о практической пользѣ литературы для жизни». Вышучивая несимпатичныя, но обезпеченныя успѣхомъ, тогдашнія толстыя изданія, Гротъ предполагаетъ и «Инфузорію» издавать 2 раза въ мѣсяцъ большими фоліантами, въ 100 листовъ каждый. Обращаясь къ вопросу о сотрудникахъ «Инфузоріи», онъ говоритъ:

«Во многихъ журналахъ участвуютъ всѣ русскія литературныя знаменитости: почему же имъ не участвовать и въ Инфузоріи? Въ нѣкоторыхъ изъ ашихъ журналовъ участвуютъ многія иностранныя знаменитости. И мы не лишимъ себя этого преимущества. Мы пойдемъ еще далѣе: мы призовемъ къ себѣ на помощь не только живыхъ, но и мертвыхъ, мы объявляемъ своими сотрудниками: Байрона, Гете, Шекспира, Гомера! Мы знаемъ силу поговорки: мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай! Что касается до живыхъ, особливо отечественныхъ литераторовъ, то—если не хватитъ наличныхъ знаменитостей, мы создадимъ новыя. Это

очень легко. Успѣвъ заманить въ число нашихъ какого нибудь темнаго новичка и намѣреваясь напечатать одинъ изъ первыхъ его опытовъ, мы заблаговременно пошлемъ своихъ пріятелей трубить всюду о замѣчательномъ возникающемъ талантѣ; заставимъ ихъ у встрѣчнаго и поперечнаго спрашивать: слыхали ли вы о такомъ-то? Какой необыкновенный талантъ! Какъ много обѣщаетъ! Его рукопись ходитъ изъ рукъ въ руки, и всѣ ею восхищены». Праздная молва быстро разнесетъ имя новаго феномена, и при напечатаніи перваго его сочиненія въ Инфузоріи онъ уже будетъ въ числѣ знаменитостей. Мы не упустимъ послѣ утвердить публику въ ея благосклонной довѣренности къ нашей рекомендаціи, безпрестанно жужжа ей въ уши о нашемъ литературномъ временщикѣ».

Сатира Грота, не потерявшая своего значенія и для нашего времени, понравилась Плетневу, но онъ остался вѣренъ принятому намѣренію мертвить журналъ и ея не напечаталъ.

«Современникъ», не откликавшійся на вопросы тогдашней повременной журналистики, сторонившійся ея и державшійся въ сторонѣ отъ бойкой литературной улицы, конечно, не могъ вызывать къ себѣ сочувствія собратьевъ, и пресса или его замалчивала или относилась къ нему почтительно-холодно и не безъ ироніи. Такъ Краевскій въ «Инвалидѣ» за 1843 годъ писалъ: «Въ ряду нашихъ журналовъ 1843 года не послѣднее мѣсто занимаетъ «Современникъ», издающійся подъ редакціею г. Плетнева и выходящій съ 1-го января нынѣшняго года въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ. Въ «Современникѣ» помѣщаются, кромѣ ученыхъ статей, небольшія повѣсти, разсказы и стихотворенія, и есть отдѣлъ подъ названіемъ: новыя сочиненія. Наружность «Современника» очень благообразна». Въ другой разъ тотъ же Краевскій, перечисляя имѣющіяся въ наличности періодическія изданія, совсѣмъ пропускаетъ «Современникъ». И другіе рецензенты не спѣшили воскурять ѳиміамъ журналу Плетнева и справедливо жаловались, что въ немъ только и встрѣчаешь одни имена—Грота да Ишимовой. Даже человѣкъ, совершенно не заинтересованный въ распространеніи «Современника» и скорѣе ему благоволившій, Шевыревъ, и тотъ указывалъ Плетневу, какъ на главный недостатокъ журналъ, на его безжизненность и излишнюю удаленность отъ вопросовъ дня. Осуждаемый друзьями и недругами, Плетневъ не встрѣчалъ поддержки ни въ читателяхъ, ни въ цензурномъ вѣдомствѣ, на которое и сѣтовалъ неоднократно въ письмахъ къ Гроту. «Отъ низости и подлости цензоровъ нельзя не бѣситься. Я вижу, что они явно потворствуютъ «Сѣверной Пчелѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Отечественнымъ Запискамъ», т.-е. самымъ глупымъ изданіямъ, но имѣющимъ столько подписчиковъ, чтобы безъ труда платить взятки этимъ скаредамъ. То, чего они не хотятъ позволить въ «Современникѣ», будь въ сто разъ сильнѣе у Сенковскаго, или у Булгарина, или у Краевскаго, то они пропустятъ, не поморщась. Можно ли же не бѣситься отъ такой мерзости?»

Не ладилъ Плетневъ и съ комиссіонерами, къ посредству которыхъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть, чтобъ вогнать подписку хоть въ 400 билетовъ. Комиссіонеры ставили его ни во что и преспокойно обирали. Плетневу приходилось туго, но онъ не сдавался и продолжалъ тянуть одну пѣсню:

«Даже то, что ставишь ты «Современнику» въ упрекъ, какъ журналу, я никогда не перестану признавать моею заслугою,—писалъ онъ Гроту. Развѣ ты не чувствуешь, что большая часть твоихъ требованій падаетъ на то, зачѣмъ «Современникъ» не похожъ на «Отечественныя Записки» и «Библіотеку для Чтенія». Его всегдашнее достоинство въ томъ и будетъ состоять, что онъ останется занимательнымъ, полезнымъ сборникомъ и справочною книгою о движеніи всей русской литературы въ продолженіе девятилѣтія (1838 — 1847 г.г.). Конечно, отстранившись отъ общаго типа нашихъ популярныхъ журналовъ, я лишилъ себя подписчиковъ, т.-е. средствъ окружить себя сотрудниками. Но тогда я бы введенъ былъ невозвратно въ необходимость идти общею колеею съ Краевскимъ и Сенковскимъ, что именно и не хотѣлъ я. Итакъ, выходитъ, ты винишь Плетнева за то, что онъ выдержалъ свой характеръ. Начни же съ начала и осуди его, зачѣмъ онъ, не бывъ похожъ на журналистовъ, любимыхъ публикою, принялся за изданіе журнала. Вотъ это нападеніе честное и законное. Совѣтовать же, чтобы мой журналъ стремился къ эфемерному успѣху—нельзя, пока не уничтожишь во мнѣ меня».

Здѣсь Плетневъ дошелъ до рокового вопроса: зачѣмъ онъ, не будучи журналистомъ въ душѣ, принялся за изданіе журнала? Тотъ же вопросъ поставилъ и Гоголь въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ редактору «Современника», гдѣ искренно, но безпомощно подвелъ журнальные итоги своего друга.

«Современникъ» вышелъ плохимъ журналомъ, несмотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду,—писалъ ему авторъ «Мертвыхъ душъ».—Даже эта самая прекрасная цѣль, во имя которой ты предпринялъ его, не обнаружилась никогда очевидно и ясно изъ самаго журнала; напротивъ, всякъ спрашивалъ въ недоумѣніи другъ у друга: «Объясните намъ, зачѣмъ и для чего издаетъ Плетневъ свой журналъ? что хочетъ онъ сказать имъ? что значатъ эти общія мѣста въ его программѣ, эти повторенія о безпристрастіи, о безкорыстной любви къ искусству, о стремленіи къ истинѣ и т. п., которыя обѣщаетъ всякій журналистъ и которыхъ не исполняетъ никто?». Тощее содержаніе его тоненькихъ книжекъ, неживой, безучастный, вялый и неопредѣленный слогъ его сужденій обо всемъ современномъ задавалъ только загадку рѣшать: зачѣмъ онъ названъ «Современникомъ»? Будемъ говорить откровенно. У тебя нѣтъ качествъ журналиста: ни юношескаго живого участія ко всѣмъ волненіямъ современнымъ, ни того трепета любопытства къ вопросамъ, раздающимся въ массѣ общества, ни, наконецъ, энциклопедическаго наукою любиваго стремленія обнимать съ равной охотой все, что ни относится къ развитію познаній человѣческихъ во всѣхъ родахъ. Твоя антологическая душа получила только на долю себѣ одинъ возвышенный даръ — услаждаться благоуханіемъ прекрасныхъ цвѣтовъ поэзіи и обонять ароматъ высшихъ движеній души человѣческой. Не пѣвцу «Минина» и нѣкоторыхъ другихъ прекрасныхъ элегій, свидѣтельствующихъ о чистотѣ вкуса и скромной тишинѣ души самого пѣвца, выступать было на поприще полемическое. «Современникъ» даже и при Пушкинѣ

не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ создалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію».

Далѣе нашъ геніальный писатель предлагаетъ реформировать «Современникъ» въ сборники возвышенно-нравственнаго содержанія, выходящіе раза три въ годъ въ видѣ настоящаго альманаха, подобно Дельвиговскимъ «Сѣвернымъ Цвѣтамъ», при чемъ всякая мысль о журнализмѣ должна быть откинута. Эти совѣты Гоголя были во всякомъ случаѣ запоздалые: надъ журналомъ Плетнева вѣяло холодомъ смерти, и не ему было дано вспрыснуть дѣтище Пушкина живою водою.

XI.

Фіаско Плетневскаго «Современника» было для всѣхъ очевидно, и онъ погибалъ, никѣмъ не оплакиваемый—ни самимъ издателемъ-редакторомъ, ни ближайшими сотрудниками, ни подписчиками, ни остальными русскими читателями. Ликвидація его была неизбѣжна, и вопросъ сводился лишь къ тому: исчезнетъ ли наслѣдіе Пушкина въ пучинѣ времени безвозвратно, или ему суждено воскреснуть въ болѣе живой и современной формѣ? Судьбѣ угодно было второе, и на журнальномъ мѣстѣ, приведенномъ въ запустѣніе неумѣлою и небрежною рукою Плетнева, осѣло новое «племя, молодое и сильное», которое сумѣло выростить здѣсь литературную ниву, давшую современемъ обильную жатву русскому обществу.

Что Плетневъ тяготится своимъ журналомъ, не было секретомъ для литературныхъ кружковъ Петербурга и Москвы, гдѣ въ серединѣ сороковыхъ годовъ произошла уже значительная и вполнѣ опредѣленная группировка силъ. Кружокъ Станкевича, въ лицѣ нѣкоторыхъ его членовъ, послѣ неудачной попытки обосноваться въ Надеждинскомъ «Телескопѣ», временно перекочевалъ въ «Московскій Наблюдатель», вскорѣ тоже прекратившій свое существованіе, откуда уже центръ тяжести дѣятельности кружка былъ перенесенъ, въ 1839 г., въ петербургскія «Отечественныя Записки» Краевскаго. Журналъ Краевскаго далъ впервые возможность сплотиться въ сильную и вліятельную группу молодымъ писателямъ, которые, съ Бѣлинскимъ во главѣ, энергично и съ энтузіазмомъ водрузили новое литературное знамя, на коемъ обозначено было слово—западничество. Не прошло много времени, какъ русское общество явилось свидѣтелемъ жестоко-разгорѣвшейся литературно-научной войны между двумя столицами, Петербургомъ и Москвою, борьбы, извѣстной у насъ подъ именемъ полемики западниковъ и славянофиловъ. Здѣсь не время останавливаться на этомъ любопытномъ и достаточно изслѣдованномъ моментѣ нашей исторіи литературы—интересующихся отсылаю къ работамъ А. Н. Пыпина и Н. П. Барсукова, гдѣ собранъ по этому предмету обширный мате-

ріалъ. Извѣстно, что западники недолго продержались въ «Отечественныхъ Запискахъ», и въ 1846 г. глава этой литературной группы, Бѣлинскій, разорвалъ съ Краевскимъ, оставшись такимъ образомъ безъ работы и средствъ къ жизни. Съ уходомъ Бѣлинскаго изъ журнала, самому существованію западниковъ, какъ сплоченной литературной группѣ, предстояла опасность разложенія, почему и наиболѣе энергичные изъ нихъ стали помышлять о «собственномъ журналѣ», гдѣ бы Бѣлинскій нашелъ вполнѣ обезпечивавшую его работу и гдѣ бы онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ и руководителемъ. Но получить разрѣшеніе на новый журналъ въ тѣ дни было невозможно, почему рѣшено было или взять въ аренду одно изъ хирѣвшихъ тогда изданій, или даже пріобрѣсти его въ собственность. Когда Панаевъ, одинъ изъ членовъ кружка Бѣлинскаго, далъ согласіе доставить на изданіе журнала деньги, Некрасовъ взялъ на себя подысканіе нужнаго журнала. По указаніямъ самого Панаева вниманіе будущихъ издателей-сотрудниковъ остановилось именно на Плетневскомъ «Современникѣ», какъ на органѣ печати, не запятнанномъ никакой грязью, но пришедшемъ въ упадокъ и ждавшемъ только своего избавленія изъ безвыходнаго состоянія. Сдѣлка скоро состоялась, и Плетневскій «Современникъ» поступилъ въ аренду Панаева и Некрасова, причемъ проф. Никитенко былъ утвержденъ его редакторомъ.

Уже въ сентябрѣ 1846 г. Плетневъ писалъ по этому предмету Гроту: «Панаевъ (И. И.) и Никитенко подговариваютъ меня сдать «Современникъ» на ихъ редакцію. Это мнѣ очень по сердцу; тогда каждое лѣто я свободенъ буду разъѣзжать, куда мнѣ вздумается. Сверхъ того, я свободнѣе займусь чѣмъ нибудь подѣльнѣе, нежели библіографіею и «Разнымъ». А важнѣйше: не буду связываться съ этою грязною братіею литераторовъ»; а въ октябрѣ того же года онъ извѣщалъ своего друга:

«Въ прошедшую среду (18 октября) министръ подписалъ дозволеніе о передачѣ «Современника» на редакцію Никитенка. Съ плечъ моихъ спала гора. Панаевъ тутъ показалъ себя благороднымъ человѣкомъ. Онъ предложилъ мнѣ платить за уступленное ему изданіе каждый годъ въ теченіе десяти лѣтъ по 3,000 рубл. ассигнаціями. Я нахожу, что это уже и слишкомъ выгодно для меня. Можетъ быть, они и вгонятъ «Современникъ» въ моду; но тутъ нужно рисковать капиталомъ, чего я не умѣлъ и не могъ сдѣлать.... Въ пятницу я началъ для № 12 Современника статью, подъ названіемъ: «Къ читателю Современника», гдѣ прощаюсь съ моими подписчиками. Объявленіе о новомъ «Современникѣ», гдѣ буквы въ аршинъ, на зеленомъ огромномъ листѣ, разослано по городу и въ города провинціальные».

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе Гротъ писалъ: «Итакъ, рѣшена участь «Современника»! Тѣнь Пушкина! не содрогаешься ли ты? Твое созданіе.... Но иначе не могло сдѣлаться безъ совершеннаго уничтоженія журнала. Много свободы почувствуешь ты теперь. Умѣй воспользоваться ею: если же этого не будетъ, то передача «Современ-

ника» обратится тебѣ въ вѣчный упрекъ. Хорошо, если Панаевъ исполнитъ предложеніе. Оно справедливо: другой содралъ бы съ нихъ такую сумму, что они напередъ подумали бы». Это было писано въ концѣ октября, а въ началѣ ноября онъ спѣшилъ уже подѣлиться впечатлѣніемъ съ своимъ другомъ по поводу прочитаннаго объявленія о подпискѣ на «Современникъ» подъ новою редакціею: «Сегодня получилъ я № 11 «Современника». Объявленіе о продолженіи его прочелъ я не безъ нѣкотораго, какъ бы сказать?—содроганія! И Некрасовъ въ числѣ издателей—творецъ «1-го апрѣля»! И что за сотрудники! Признаться, я ожидалъ общества получше. Но этимъ брошенъ новый элементъ борьбы въ журнальный міръ. Пусть перeѣдятъ другъ друга: этого-то и нужно. И публика пусть давится пищею, которую сама себѣ стряпаетъ». Составъ сотрудниковъ обновленнаго «Современника», пропечатанныхъ громадными буквами на зеленыхъ афишахъ, который такъ смутилъ Грота, былъ слѣдующій:

В. Г. Бѣлинскій, М. А. Гамазовъ, А. И. Герценъ (Искандеръ), Т. Н. Грановскій Э. И. Губеръ, И. А. Гончаровъ, В. И. Даль, Ѳ. М. Достоевскій, Д. А. Засядко, К. Д. Кавелинъ, А. С. Комаровъ, Е. Ѳ. Коршъ, А. И. Кронебергъ, Н. Х. Кетчеръ, П. Н. Кудрявцевъ (Нестроевъ), Н. А. Мельгуновъ, А. Н. Майковъ, Г. П. Небольсинъ, Н. А. Некрасовъ, А. Н. Никитенко, Н. Н. Надеждинъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, И. И. Панаевъ, П. А. Плетневъ, Д. М. Перевощиковъ, П. Г. Рѣдкинъ, графъ В. А. Сологубъ, А. Н. Струговщиковъ, И. С. Тургеневъ и др.

Какъ видитъ читатель, въ числѣ будущихъ сотрудниковъ «Современника» значился и бывшій его издатель-редакторъ. Это обстоятельство привело не въ малое смущеніе его друзей и прежнихъ сотрудниковъ. Такъ Шевыревъ писалъ ему изъ Москвы: «Вотъ моя искренняя къ вамъ просьба. Возьмите ваше имя изъ числа сотрудниковъ «Современника». Зачѣмъ оно тутъ? Эти люди умышленно рады вашему имени. Сожалѣю, что «Современникъ» не достался въ руки Чижова; но не бѣда, если въ теченіе года онъ побываетъ въ чужихъ рукахъ. Я даже предвижу въ этомъ хорошее. Силы этихъ людей извѣстны. Авторъ самаго дешеваго романа, который дается даромъ, здѣсь трубитъ по домамъ, что подписка на «Современникъ» пошла удивительно. Это средство сказать, что и романъ его расходится. Люди, прибѣгающіе къ такимъ жалкимъ средствамъ, не много обѣщаютъ». Одинаково съ Шевыревымъ былъ недоволенъ обѣщаніемъ сотрудничества Плетнева и вѣрный другъ его, Я. К. Гротъ. Какъ бы извиняясь за свое соучастіе, бывшій издатель отвѣчалъ на обращенныя къ нему письма: «И Шевыревъ недоволенъ, что мое имя стоитъ въ числѣ сотрудниковъ «Современника». Но что же дѣлать? Мои отношенія къ Никитенку таковы, что я не могъ отказать ему въ этомъ, да и спесиво было бы давать большую цѣну имени своему, которое въ литературѣ такъ мало вѣситъ».

Пока шла организація новой редакціи «Современника», и Плетневъ извинялся передъ друзьями за уступку Никитенкѣ, ему была

доставлена слѣдующая оффиціальная бумага отъ опекуновъ (графъ Віельгорскій и П. Ланской) дѣтей Пушкина:

Необходимо для полноты очерка отмѣтить, что еще до кружка Бѣлинскаго, о передачѣ «Современника» съ Плетневымъ вели переговоры—Грановскій, Герцъ, Чижовъ, но тогда это не могло состояться.

«Милостивый государь, Петръ Александровичъ! Дружескія отношенія, которыя связывали васъ съ покойнымъ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, вызвали васъ по кончинѣ его принять участіе въ изданіи журнала «Современникъ»; а впослѣдствіи съ тою же благородною цѣлью, единственно въ память основателя сего журнала, вы поддерживали его существованіе до сихъ поръ. Теперь же, когда изъ объявленій въ газетахъ видно, что вы желаете передать журналъ другимъ, — опека, учреждаемая надъ малолѣтними дѣтьми покойнаго Александра Сергѣевича, имѣетъ честь покорнѣйше просить вашего согласія о возвращеніи снова права на изданіе сего журнала наслѣдникамъ Александра Сергѣевича, что вполнѣ согласно съ законами, по сему предмету существующими. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанностью считаемъ присовокупить, что все время вашихъ трудовъ до сихъ поръ по изданію «Современника» не можетъ быть подвергнуто никакому отчету съ вашей стороны, потому что оно предпринято было вами съ цѣлью поддержать существованіе сего журнала, за что какъ опека, такъ равно и дѣти Александра Сергѣевича будутъ вамъ навсегда признательны, и только передача журнала сего другимъ вынуждаетъ опеку отнестись къ вамъ съ просьбою о возвращеніи права на изданіе сего журнала наслѣдникамъ Александра Сергѣевича, каковую мѣру опека вынужденною находится сдѣлать по прямой обязанности сохранять выгоды малолѣтнихъ».

На эту курьезную бумагу, содержащую въ себѣ неосновательное домогательство, Плетневъ далъ отвѣтъ, гдѣ изложилъ весь ходъ жизни «Современника», какъ онъ возникъ, какъ прекратился за смертью Пушкина, и какъ онъ сталъ по желанію великой княгини Маріи Николаевны его издателемъ-редакторомъ. Документы, приведенные Плетневымъ, не оставляли никакого сомнѣнія, что вмѣшательство опеки въ личное дѣло издателя «Современника» является плодомъ недоразумѣнія, когда люди попросту пытались явиться не по разуму усердными исполнителями своей попечительской обязанности. Въ этой маленькой интригѣ опеки были повинны вдова покойнаго поэта, и старый другъ Плетнева, князь Вяземскій. Эпизодъ съ опекой не остановилъ дѣла перехода «Современника» въ аренду Панаеву, и въ декабрѣ 1846 г. Плетневъ выпустилъ за своей редакторской подписью послѣдній № «замогильнаго журнала Пушкина», гдѣ счелъ долгомъ съ грустью проститься со своими немногочисленными подписчиками. Въ обращеніи «къ читателю» онъ, изъяснивъ сначала значеніе своей дѣятельности въ «Современникѣ» и изложивъ цѣли, которыя послѣдній преслѣдовалъ, на прощаніе такъ объясняетъ прекращеніе своего издательства:

«Приводя себѣ на память все лучшее, чѣмъ я столько времени пользовался за постоянною своею работой, не скажу, однако же, что́ не рѣшился бы разстаться

съ нею безъ важныхъ обстоятельствъ, лично меня касающихся. Нѣтъ, я только нашелъ много значенія въ слѣдующихъ словахъ одного человѣка, который ихъ помѣстилъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 24 сентября нынѣшняго года: «Нужно иногда обновлять свою жизнь существенными перемѣнами—иначе ржавѣетъ». Переходъ къ занятіямъ несрочнымъ, въ другомъ объемѣ, несомнѣнно принесетъ мнѣ и новый интересъ и новое удовольствіе. Передаю редакцію «Современника» сослуживцу моему и товарищу по каѳедрѣ, профессору А. В. Никитенкѣ. Довольно этого ручательства, чтобы я былъ покоенъ за будущую судьбу изданія моего: «мы (кстати повторяю здѣсь) одно любимъ, одного желаемъ».

Насколько причины, побудившія Плетнева покинуть «Современникъ», показаны въ письмѣ истинно, предоставляю судить читателямъ, что же касается упованій относительно грядущихъ судебъ «замогильнаго журнала Пушкина», то имъ не суждено было сбыться: журналъ дѣйствительно расцвѣлъ, но не благодаря Никитенкѣ, который черезъ годъ тоже покинулъ «Современникъ», а благодаря тѣмъ, чьи имена устрашали Шевырева, Грота и самого Плетнева, и противъ кого онъ въ значительной степени ратовалъ въ теченіе всей первой половины сороковыхъ годовъ.

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ А. П. БОГОЛЮБОВА.

Ъ ОКТЯБРѢ мѣсяцѣ прошлаго года, скончался одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ художниковъ, Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать оцѣнку его таланта и многочисленныхъ работъ. Они хорошо извѣстны всѣмъ, кто сколько нибудь знакомъ съ русской школой живописи. Мы хотимъ сказать лишь нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое имѣла для нашихъ молодыхъ художниковъ дѣятельность Боголюбова въ Парижѣ, гдѣ онъ прожилъ почти безвыѣздно около двадцати лѣтъ.

Отправляясь за границу, многіе русскіе художники заѣзжали въ Парижъ для осмотра его галлерей и достопримѣчательностей и здѣсь, такъ сказать, незамѣтно для себя быстро сливались съ общественною жизнью этой міровой столицы и привыкали къ тѣмъ особымъ удобствамъ, какія находитъ въ ней каждый служитель искусства. Вся эта нервная, кипучая дѣятельность, вѣчное броженіе и исканіе новыхъ путей въ области искусства, богатый вспомогательный матеріалъ, въ видѣ художественныхъ галлерей и постоянныхъ выставокъ, спеціальныя мастерскія съ богатымъ освѣщеніемъ (въ чемъ у насъ, въ Россіи, постоянно чувствовался недостатокъ)—все это, вмѣстѣ взятое, настолько привлекало молодыхъ артистовъ, что они надолго оставались въ Парижѣ съ цѣлью поучиться, поработать и испытать свои силы. Естественно, что по мѣрѣ все болѣе и болѣе увеличивавшагося числа прибывавшихъ сюда художниковъ являлась необходимость постояннаго общенія между ними, подъ одною кровлею, гдѣ они могли бы собираться въ

семью, съ общими интересами и заботами о процвѣтаніи род-
искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ для взаимопомощи и поддержки
жбинѣ. Въ 1878 году, при высочайшемъ покровительствѣ и
ичномъ содѣйствіи нашего посла въ Парижѣ, князя Орлова,

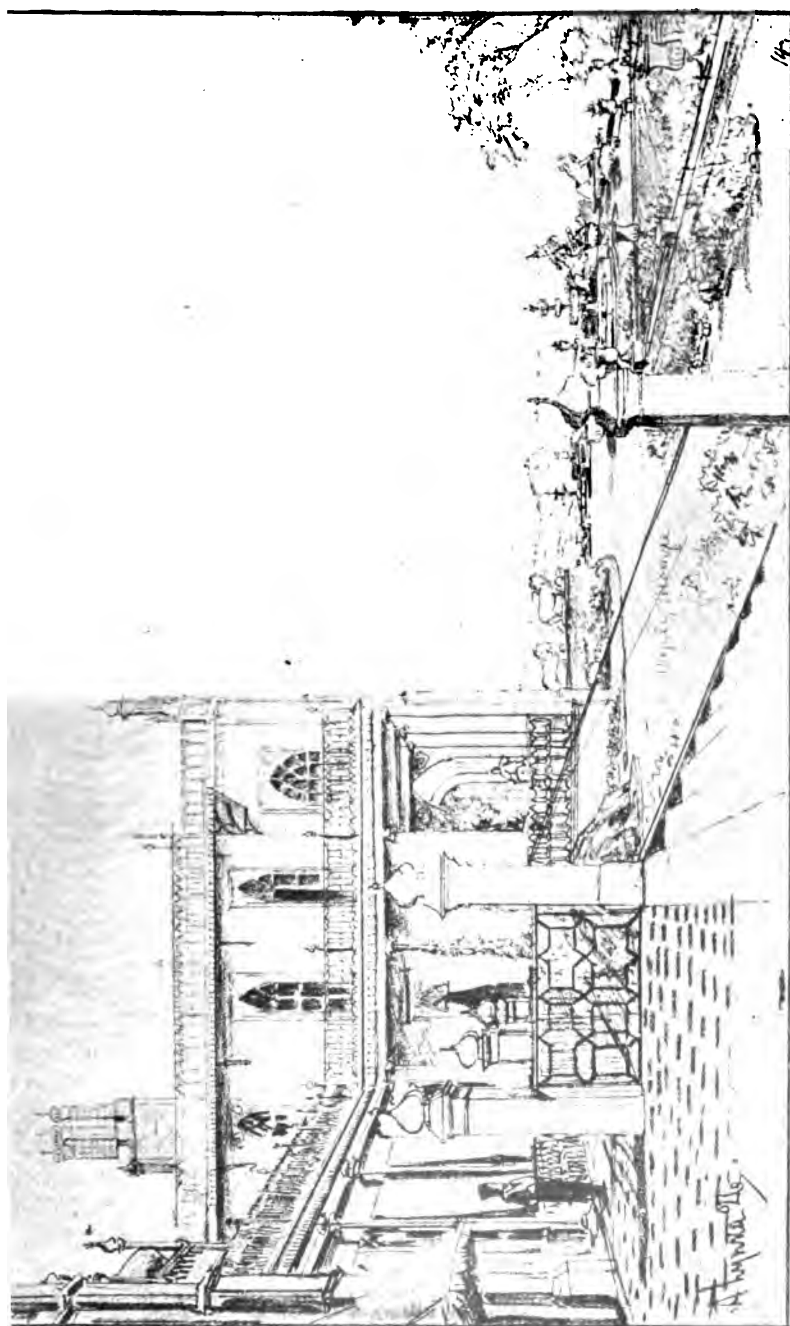
Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ.

іъ основанъ клубъ, или собраніе русскихъ художниковъ для
имопомощи въ Парижѣ. Предсѣдателемъ клуба былъ избранъ Бо-
юбовъ, исполнявшій эту обязанность до самой своей кончины.
Каждый русскій, побывавшій въ этомъ клубѣ, безъ сомнѣнія,
инитъ подвижную фигуру профессора, окруженнаго художниками,

постоянно хлопочущаго, дающаго совѣты и разъясненія, заботящагося обо всемъ, что могло содѣйствовать развитію молодого кружка. По его иниціативѣ устроивались выставки, давались концерты, вечера, на которыхъ часто читалъ свои новыя произведенія И. С. Тургеневъ, и т. п. Всѣ работали и веселились, какъ одна семья. Такія сходки и вечера повторялись каждый вторникъ, а въ свободные отъ нихъ дни молодые художники могли пользоваться находившейся при клубѣ мастерской и живой моделью. Для обсужденія дѣлъ и нуждъ общества назначались особыя собранія, а передъ закрытіемъ сезона избиралась ревизіонная комиссія для провѣрки суммъ и отчетности. Клубъ помѣщался сперва въ квартирѣ своего казначея, барона Гинсбурга, а затѣмъ, по увеличеніи основнаго фонда (который, благодаря высочайшему пожертвованію и стараніямъ Боголюбова, достигъ до 56 тысячъ франковъ), перешелъ въ собственное помѣщеніе на rue de Rome.

Много заботъ и неустанныхъ трудовъ для улучшенія и процвѣтанія кружка, особенно въ виду его главнѣйшей цѣли—вспомоществованія нуждающимся художникамъ, выпало на долю предсѣдателя. И только благодаря его неутомимой дѣятельности, обширному знакомству и уваженію, которымъ онъ пользовался въ художественномъ мірѣ, могли быть достигнуты столь блестящіе результаты. Даже въ послѣднее время своей жизни, подъ гнетомъ тяжкой болѣзни, онъ не оставлялъ своихъ заботъ и попеченій объ основанномъ и прочно укрѣпленномъ имъ на чужбинѣ кружкѣ русскихъ художниковъ. Кромѣ того, живя въ Парижѣ, Боголюбовъ имѣлъ высочайшее порученіе пріобрѣтать тѣ картины и произведенія искусствъ, которыя онъ находилъ достойными. Между прочимъ, имъ были пріобрѣтены картины знаменитаго Жерома (Наполеонъ I въ Египтѣ, передъ пирамидами), Невиля, Детайля, офорты и гравюры съ Мейсонье, Мункачи, изданіе Лемерсье,—Луврскія рѣдкости, дорогое изданіе храма св. Марка, длившееся шесть лѣтъ, рисунки Ватто, знаменитая коллекція древностей Базилевскаго (за эту коллекцію, находящуюся въ Эрмитажѣ, было заплачено государемъ императоромъ Александромъ III пять съ половиною милліоновъ франковъ).

Но, помимо своей общественной дѣятельности, Боголюбовъ привлекалъ къ себѣ общія симпатіи, и какъ частный человѣкъ. Едва ли кто изъ русскихъ художниковъ, жившихъ въ Парижѣ, забылъ тотъ уютный и гостепріимный уголокъ, въ которомъ онъ всегда находилъ теплое участіе и добрый совѣтъ хозяина, исходившіе изъ его чисто русской души. Всѣ близко знавшіе Боголюбова и бывавшіе въ его домѣ, безъ сомнѣнія, помнятъ его труженическій образъ жизни. Обыкновенно онъ вставалъ въ семь часовъ утра и торопился сѣсть за свою обширную корреспонденцію; покончивъ съ нею, онъ брался за кисть, которая бойко и увѣренно ходила по по-

лотну. Послѣ завтрака онъ снова садился за работу, прерывавшуюся, время отъ времени, посѣтителями, нуждавшимися въ его совѣтахъ и рекомендаціяхъ, и знакомыми, считавшими долгомъ навѣстить его. На вопросы окружающихъ: «Отчего вы, Алексѣй Петровичъ, не исполняете совѣтовъ врачей и не идете гулять? Смотрите, какой чудный день!»—онъ отвѣчалъ: «Это дни для молодости, которая еще успѣетъ наработаться, а я уже старикъ, житъ мнѣ осталось не долго, хочется выполнить задуманное, и я боюсь, что не успѣю окончить». И такимъ образомъ онъ трудился всю свою жизнь.

Мониторы въ Кронштадтѣ.

Съ рисунка А. П. Боголюбова.

Искренно любя родину, Боголюбовъ обратилъ вниманіе на ненормальность того явленія, что у насъ художественное образованіе и лучшія произведенія искусства сосредоточены только въ столицахъ, а въ провинціи нѣтъ почти ничего, способствующаго развитію вкуса и артистическихъ познаній въ обществѣ и народѣ. Онъ задумалъ измѣнить такой порядокъ вещей и, по обыкновенію, началъ преслѣдовать намѣченную цѣль упорно и энергично. Онъ собиралъ картины и другіе художественные предметы, покупалъ ихъ, вымѣнивая на свои произведенія и принимая въ даръ отъ друзей, сочувствовавшихъ его намѣреніямъ. Когда онъ призналъ, что все пріобрѣтенное имъ представляетъ обильное и цѣнное художественное собраніе, то рѣшилъ основать музей въ Саратовѣ, главномъ

ѣ губерніи, гдѣ родился извѣстный гуманистъ екатерининскаго ни, Радищевъ, родной дѣдъ Боголюбова по матери, въ честь аго онъ пожелалъ наименовать музей «Радищевскимъ». Здалія музея было построено саратовскою думою; Боголюбовъ самъ :алъ изъ Парижа, лично размѣстилъ собранную имъ коллекцію, его присутствіи это полезное учрежденіе было открыто 29-го 1885 года. Но, кромѣ музея, Боголюбовъ задумалъ основать немъ и школу техническаго образованія, обезпеченіе текущихъ ъ которой изъявилъ согласіе принять на себя. Школа эта

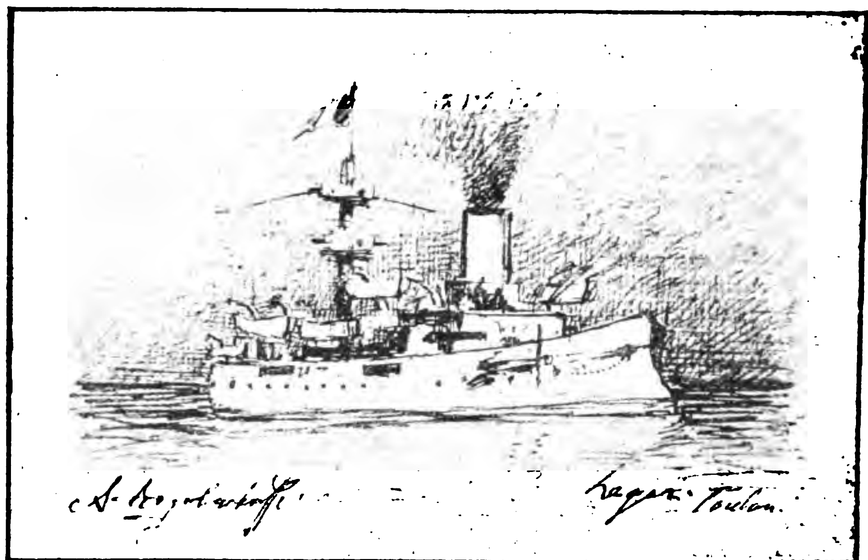

Предмѣстье Саратова.

Съ рисунка А. П. Боголюбова.

кна была представлять вѣтвь центральнаго училища рисованія)на Штиглица въ Петербургѣ. Былъ составленъ уставъ школы, начень директоръ (В. П. Рупини) и штатъ преподавателей, най) для нея помѣщеніе... но благое дѣло затормозилось, явились ныя препятствія и проволочки. Такое несочувствіе и невниманіе атовскаго общества глубоко огорчали Боголюбова; въ своихъ подниxъ письмахъ онъ горько жаловался на встрѣчаемое имъ рав,ушіе, хлопоталъ, просилъ, писалъ, и умеръ, не дождавшись осу:твленія своей мечты. Еще при жизни онъ пожертвовалъ на заіанную имъ школу 100.000 рублей, а умирая завѣщалъ ей все іе состояніе, около 200.000 рублей. Нужно надѣяться, что теіь мысль его будетъ приведена въ исполненіе, и «Боголюбовія» школа надняхъ откроется и вполнѣ оправдаетъ надежды)его основателя.

Плодотворная дѣятельность Боголюбова, на ряду съ его выдающимся художественнымъ дарованіемъ и массою произведеній, разсѣянныхъ по дворцамъ, музеямъ, школамъ и частнымъ коллекціямъ, справедливо создали ему громкое и незабвенное имя. Въ его живительномъ примѣрѣ грядущія поколѣнія художниковъ могутъ черпать силы для своихъ трудовъ.

Виньетка одного изъ писемъ А. П. Боголюбова къ В. В. Матэ.

Нашъ бѣглый очеркъ иллюстрированъ портретомъ Боголюбова, гравированнымъ по фотографіи, снятой въ послѣдніе годы его жизни и любезно одолженной намъ извѣстнымъ нашимъ медальеромъ Васютинскимъ, и тремя копіями съ рисунковъ А. П. изъ огромной коллекціи его акварелей, принадлежащихъ императорской академіи художествъ. Кромѣ того, мы воспроизвели, какъ образецъ, одну изъ виньетокъ (броненосецъ), которыми Боголюбовъ щедро снабжалъ свои письма къ близкимъ друзьямъ.

М. П—овъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЖЕНЩИНЫ.

НИКОГДА еще движеніе въ пользу женскихъ правъ не отличалось такой энергіей и такъ много не обращало на себя всеобщаго вниманія, какъ въ настоящую минуту. Женскіе конгрессы, женскіе публичные митинги и женскіе журналы, уже не говоря о наплывѣ книгъ и статей въ журналахъ и газетахъ по женскому вопросу,—постоянно будятъ общественное мнѣніе въ Европѣ, заставляя его громко высказываться за равноправность женщинъ. Въ теоріи этотъ вопросъ уже давно разрѣшенъ, а теперь подвергается обсужденію со всѣхъ сторонъ только практическое его примѣненіе. Прошло то время, когда женскій вопросъ просто устранялся съ улыбкой или насмѣшкой, и прошло оно по той простой причинѣ, что теперь женщины требуютъ права не на пресловутую нѣкогда свободную любовь, а на знаніе, на кусокъ хлѣба, на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Надъ подобными требованіями смѣяться нельзя, а когда еще вспомнить, что вездѣ женщинъ болѣе, чѣмъ мужчинъ, а въ иныхъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи и Германіи, на цѣлый милліонъ, то, конечно, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не заткнетъ себѣ ушей, а, напротивъ, станетъ внимательно прислушиваться къ требованіямъ современныхъ женщинъ. Такимъ образомъ права женщинъ безспорны, и вопросъ является уже въ томъ, способны ли онѣ воспользоваться этими правами. Самыми краснорѣчивыми отвѣтами на этотъ вопросъ служатъ только что вышедшая на нѣмецкомъ языкѣ книга берлинскаго журналиста Артура Киргофа:

«Ученая женщина: мнѣнія выдающихся университетскихъ профессоровъ, учителей женскихъ училищъ и писателей о способности женщины къ ученію и научной карьерѣ» [1]), и выпущенный французскимъ еженедѣльнымъ журналомъ «Revue Encyclopedique» спеціальный номеръ отъ 28-го ноября подъ заглавіемъ: «Женщины и ихъ защитники» [2]).

Хотя на первый взглядъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ и докторовъ какъ будто высказываются противъ допущенія женщинъ до университетскаго образованія и противъ ихъ способности съ пользой заниматься наукой, но это только оптическій обманъ, и въ сущности ихъ мнѣнія, конечно, за исключеніемъ взглядовъ отсталыхъ противниковъ всякой прогрессивной реформы, сводятся къ тому, что современное общество не имѣетъ права отказывать женщинамъ въ средствахъ къ высшему образованію, даже еслибъ ученая женщина была исключеніемъ. «Уже довольно долго имъ оказывали эту несправедливость,—говоритъ профессоръ сравнительной анатоміи въ Боннѣ, Губертъ Людвигъ,—пора этому положить конецъ». «Просто непонятно,—прибавляетъ извѣстный поэтъ Лудвигъ Фульда,—чтобы современный человѣкъ, достойный этого имени, могъ отрицать у женщины права, или способности заниматься наукой». А протестантскій богословъ, баронъ фонъ-Соденъ, замѣчаетъ: «Дайте только современнымъ женщинамъ образованіе, и явятся такія новыя общественныя силы, для пользованія которыми создадутся новыя профессіи, а эти профессіи будутъ казаться нашимъ потомкамъ такими же необходимыми, какъ намъ кажутся теперешнія профессіи мужчинъ». Въ виду такихъ конечныхъ выводовъ изъ мнѣній около ста нѣмцевъ блѣднѣютъ разглагольствованія нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, доктора Фрейнда, директора женской клиники въ Страсбургѣ, о томъ, что «женщины въ медицинѣ и наукѣ не возвышаются надъ посредственностью», или доктора Биренъ-Гиршфельда, директора патологическаго института въ Лейпцигѣ, что онѣ «способны быть только акушерками, дантистами, аптекарями, ассистентами и сидѣлками, но не великими докторами, а тѣмъ менѣе хирургами». Первый изъ этихъ филистеровъ даже увѣряетъ, что женщины не выказываютъ въ медицинской практикѣ той технической ловкости, которая, повидимому, должна бы составлять спеціальность женщинъ, какъ привыкшихъ къ рукодѣліямъ, но другой докторъ Іоганнъ Ортъ, директоръ патологическаго института въ Геттингенѣ, напротивъ утверждаетъ, что женщины гораздо ловчѣе мужчинъ владѣютъ пальцами, что̀ очень важно при операціяхъ. Наконецъ за способность женщинъ къ научнымъ занятіямъ, чему, однако, много

[1]) Die Akademische Frau: Gutachten hervorragender Universitätsprofessoren Frauenlehrer und Schriftsteller, über die Befähigung der Frau zum wissenschaftlichen Studium und Berufe—von Arthur Kirhoff. Berlin. 1897.

[2]) Les femmes et les feministes. Revue Encyclopedique. 28 novembre, 1896.

мѣшаетъ теперешняя ихъ неподготовка, благодаря недостаточности женскаго средняго образованія, служитъ тотъ странный, повидимому, фактъ, что нѣмецкіе профессора математики, высказавшіе свое мнѣніе берлинскому журналисту, единогласно засвидѣтельствовали, что женщины имѣютъ замѣчательную склонность къ этой отвлеченнѣйшей изъ всѣхъ отвлеченныхъ наукъ. «Въ послѣднемъ семестрѣ,—говоритъ профессоръ Феликсъ Клейнъ изъ Геттингена:—у меня было шесть дамъ на курсѣ высшей математики, и онѣ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ были вполнѣ равны своимъ мужскимъ соперникамъ». Итакъ права и способность женщинъ на высшее образованіе не подлежатъ сомнѣнію, а какъ осуществлять это право, то-есть съ одной стороны допустятъ ли женщинъ въ общіе университеты, или учредятъ специальные женскіе, въ пользу чего склоняются нѣмецкіе профессора, и съ другой—окажутся ли женщины, прошедшія университетскій курсъ, первостепенными, или второстепенными учеными, докторами и т. д.,—покажетъ время и собственно не касается кореннаго вопроса.

Если мы перейдемъ отъ нѣмецкой книги къ французскому журналу, то на первыхъ страницахъ этого сборника статей въ пользу правъ женщинъ встрѣтимся съ длиннымъ рядомъ сочувственныхъ мнѣній, выдающихся писателей, какъ Ибсена, Брандеса, Іокая, Рода, Рони, Гервьё, Монторгеля и т. д., но всѣ они не выходятъ изъ общихъ мѣстъ и всѣмъ извѣстныхъ, теоретическихъ аргументовъ. Быть можетъ, интереснѣе приводимые тутъ же взгляды папы Льва XIII, англійскаго кардинала Рогана и архіепископа Кантербюрійскаго, главы англиканской церкви, изъ которыхъ первый высказался за американскую систему женскаго воспитанія и за участіе женщинъ въ общественной дѣятельности, а послѣдніе два за предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ. Но самый убѣдительный доводъ въ пользу женскихъ правъ составители и составительницы сборника приводятъ не въ теоретическихъ разглагольствованіяхъ о правахъ женщинъ, не въ ссылкахъ на авторитеты, не въ очеркѣ постепеннаго развитія женскаго вопроса во Франціи и т. д., а въ галлереѣ современныхъ женщинъ, занимающей наибольшую часть спеціальнаго женскаго номера «Revue Encyclopedique». Эта галлерея представляетъ публикѣ сто тридцать три выдающихся современныхъ женщинъ всѣхъ странъ и во всѣхъ отросляхъ научной, литературной, художественной и общественной дѣятельности. Къ краткому біографическому очерку каждой изъ нихъ приложены портретъ и хоть нѣсколько строкъ, въ которыхъ предметъ біографіи высказала свою излюбленную идею. Такимъ образомъ получается, по справедливому замѣчанію редакціи, синтетическая картина современной интеллектуальной женщины, набросанная ею самою. Конечно, эта любопытная галлерея далеко не полна, и въ ней много пропусковъ, въ чемъ сознается и сама редація «Revue Encyclopedique», сваливая вину на громадное число замѣчательныхъ

женщинъ во всѣхъ странахъ и обѣщая впослѣдствіи пополнить невольные пропуски. Во всякомъ случаѣ для читателя получается впервые возможность воочію познакомиться съ выдающимися представительницами женскаго движенія и дать себѣ сознательный отвѣтъ на животрепещущій вопросъ—способны ли современныя женщины играть роль въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и общественной дѣятельности. Хотя большинство идей, высказанныхъ этими представительницами современной женщины, не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго, ничего выходящаго изъ ряда, но онѣ во многихъ случаяхъ рельефно характеризуютъ личность и значеніе ихъ авторовъ, а во всякомъ случаѣ служатъ полезнымъ дополненіемъ біографическихъ свѣдѣній и характеристикъ, которыя можно только упрекнуть въ излишней краткости, неизбѣжной, впрочемъ, при размѣрахъ подобнаго изданія. Желая перенести на страницы «Историческаго Вѣстника» эту интересную галлерею, мы, конечно, вынуждены быть еще кратче и удовольствоваться только самыми бѣглыми чертами для характеристики каждой изъ ста тридцати трехъ выдающихся современныхъ женщинъ, причемъ для большей картинности мы группировали ихъ по роду занятій и по національностямъ, тогда какъ къ «Revue Encyclopedique» онѣ приведены въ алфавитномъ порядкѣ. Прибавимъ еще, что, какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее число отмѣчено писательницъ — 67, а затѣмъ идетъ — 17 артистокъ, причемъ актрисы исключены, даже Патти, Дузе и Сара Бернаръ, — 9 ученыхъ и 42 общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ 20 предводительницъ женскаго движенія, что же касается до національностей, то пальма первенства естественно выпадаетъ француженкамъ: ихъ—75, а нѣмокъ—8, англичанокъ—13, американокъ—4, итальянокъ—4, швейцарокъ—3, полекъ—5, индустанокъ—2, бельгіекъ—2, португалокъ—2, австріачекъ—2, шведокъ—3, русскихъ—2, голландокъ—2, ирландокъ—1, румынокъ—1, датчанокъ—1, финляндокъ—1, испанокъ—1, испанскихъ американокъ—1.

I.

Женщины въ литературѣ и въ журналистикѣ.

Среди современныхъ писательницъ первые мѣсто занимаютъ романистки, и пальма первенства между ними безспорно принадлежитъ англичанкамъ какъ по качеству, такъ и по количеству. Поэтому очень странно, что передъ нами только три представительницы историческаго англійскаго романа, хотя дѣйствительно самыя замѣчательныя: мистриссъ Гумфри Вардъ, Оливіо Шрейнеръ и Уида, тогда какъ англійскихъ романистокъ надо считать сотнями, въ числѣ

которыхъ есть много извѣстныхъ именъ, какъ, напримѣръ: Ида Бротонъ, мистриссъ Вудъ, Една Лайаль, мистриссъ Олифантъ, мистриссъ Браддонъ, мистриссъ Линъ-Линтонъ, миссъ Теккерей (дочь знаменитаго автора «Ярмарки тщеславія»), мистриссъ Вудсъ и т. д. и т. д. Со времени Джорджа Эліота не было ни въ одной литературѣ такого крупнаго и серьезнаго беллетристическаго таланта, какъ мистриссъ Гумфри Вардъ, и ея романы: «Робертъ Ельсмиръ»,

Мистриссъ Гумфри Вардъ.

«Исторія Давида Гривы», «Марселла» и «Сэръ Джорджъ Трилди», захватываютъ самые животрепещущіе соціальные, политическіе и религіозные вопросы, а рисуемыя ихъ авторомъ картины современнаго общества, на всѣхъ его ступеняхъ отъ аристократическихъ, парламентскихъ и университетскихъ сферъ до студій художниковъ и рабочихъ трущобъ, отличаются блестящимъ колоритомъ, психологическимъ чутьемъ и гуманнымъ сочувствіемъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Проводя во всѣхъ своихъ произведеніяхъ прогрессивныя

идеи добра, правды и человѣчности, мистриссъ Вардъ съ одной стороны пламенная защитница женскихъ правъ, а съ другой—старается практически осуществить свои принципы; такъ она принимаетъ живое участіе въ движеніи, имѣющемъ цѣлью распространить университетское образованіе въ народныхъ массахъ, и открыла сама въ Лондонѣ одно изъ подобныхъ учрежденій подъ названіемъ «University Hall», въ родѣ того интеллектуальнаго центра, который создалъ Ельсмиръ, герой ея самаго популярнаго романа, разошедшагося болѣе чѣмъ въ милліонѣ экземпляровъ. Если мистриссъ Вардъ написала всего четыре романа и два разсказа, то Оливія Шрейнеръ, теперь мистриссъ Кринрейтъ, извѣстна, какъ авторъ одного романа «Исторія африканской фермы». Онъ написанъ авторомъ, когда ей было семнадцать лѣтъ, и, явившись въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Ральфъ Айронъ, не былъ никому извѣстенъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и, только благодаря сочувственнымъ отзывамъ извѣстнаго романиста, Джорджа Мередита, пріобрѣлъ славу. Кромѣ художественной и психологической силы, кромѣ пламенной энергіи и безыскусственной простоты, которыми отличается каждая страница этого замѣчательнаго беллетристическаго произведенія, онъ составилъ эпоху въ женскомъ движеніи. Въ немъ впервые выведена новая женщина, служащая теперь тэмой столькихъ англійскихъ романовъ, и горячій протестъ Оливіи Шрейнеръ противъ несправедливаго, тяжелаго и невыносимаго положенія женщины въ современномъ обществѣ нашелъ откликъ въ тысячахъ сердцахъ. Хотя впослѣдствіи она издала еще два сборника разсказовъ подъ заглавіемъ «Сны» и «Жизнь во снѣ и наяву», и въ нихъ такъ же вела мужественную борьбу за равноправность женщинъ, но въ нихъ звучитъ смутная, мистическая нота, и, по всей вѣроятности, Оливія Шрейнеръ перейдетъ въ исторію литературы, какъ авторъ одного романа. Въ послѣднее время она дебютировала на новой почвѣ, именно, въ публицистикѣ рядомъ статей въ The Fortidhtly Review о хорошо ей извѣстной жизни въ англо-африканскихъ колоніяхъ, но хотя онѣ дышатъ человѣчнымъ отношеніемъ къ дикимъ племенамъ, угнетаемымъ во имя псевдо-цивилизаціи, невольно чувствуется, что въ политическихъ разсужденіяхъ авторъ «Исторіи африканской фермы» не дома. Зато въ маленькомъ, удивительно свѣжемъ и безыскусственномъ разсказѣ, помѣщенномъ ею въ «Revue Encyclopedique», Оливія Шрейнеръ вполнѣ напоминаетъ лучшія страницы своего единственнаго романа. Въ доказательство того, какъ важны рыцарскія отношенія мужчинъ къ женщинамъ, которыми предлагаютъ послѣднимъ довольствоваться, когда онѣ требуютъ равноправности, знанія и куска хлѣба, она безхитростно разсказываетъ, какъ въ одной англійской колоніи въ Африкѣ она ѣхала въ дилижансѣ, окруженная мужчинами, которые предоставили ей лучшее мѣсто и осыпали ее всевозможными любезностями, но когда явилась старуха и умоляла взять ее, такъ какъ

она ѣхала къ больному сыну, то ей безжалостно объявили, что нѣтъ мѣста, хотя слѣдующій дилижансъ отходилъ только черезъ недѣлю, и ни одинъ мужчина не предложилъ ей своего мѣста. Видя, что несчастная старуха съ трудомъ помѣстилась на запяткахъ, Оливія Шрейнеръ встала и сказала, что уступитъ ей свое мѣсто, тогда мужчины подняли крикъ, что они этого не допустятъ, и одинъ изъ нихъ помѣстился у ногъ красивой молодой] дѣвушки, чтобъ исполнить ея капризъ. «Когда я буду старухой, заканчиваетъ свой разсказъ талантливая романистка, то такъ же ни одинъ мужчина не подумаетъ оказать мнѣ рыцарской услуги. Одинаково пчелы полны вниманія къ цвѣтамъ, пока не высосутъ изъ нихъ всего меда, а затѣмъ улетаютъ, и если цвѣты чувствуютъ благодарность къ пчеламъ, то они по истинѣ глупы».

Совершенно иной писательницей представляется намъ Уида, которая по странной игрѣ случая имѣетъ одно общее съ мистриссъ Вардъ и Оливіей Шрейнеръ, что онѣ всѣ происходятъ изъ англійскихъ колоній: первая франко-канадскаго происхожденія, вторая родилась въ Австраліи, а третья увидѣла впервые свѣтъ на мысѣ Доброй Надежды. Луиза де-ла-Рамэ начала писать съ двадцатилѣтняго возроста подъ псевдонимомъ Уида и до сихъ поръ пишетъ, нагромождая десятки на десятки романовъ и разсказовъ самаго сенсаціоннаго характера. Не смотря на ея громадную популярность и тотъ фактъ, что ея произведенія переведены на всѣ цивилизованные языки, романы Уиды отличаются искусственнымъ шаблоннымъ характеромъ, дѣйствующія лица маріонетки, особенно когда она выводитъ на сцену русскихъ аристократовъ, эффекты слѣдуютъ за эффектами, и самая невозможная галиматья подъ ея ловкимъ, легкимъ, увлекательнымъ перомъ жадно поглощается читателями, а тѣмъ болѣе читательницами. Впрочемъ ея романы и въ особенности разсказы изъ итальянской жизни, близко ей знакомой, такъ какъ она постоянно живетъ во Флоренціи, составляютъ исключеніе: они блестятъ художественной правдой, картинной реальностью и теплымъ сочувствіемъ къ бѣдному народу; въ особенности обращаютъ на себя вниманіе: «Въ Мареммѣ», «Сельская община», «Пистрелло», «Донъ Десуальдо» и цѣлый рядъ мелкихъ итальянскихъ разсказовъ.

Уида.

Американскихъ романистокъ и въ особенности разсказчицъ еще болѣе, чѣмъ англійскихъ, и потому трудно понять, почему въ нашей галлереѣ фигурируетъ только одна изъ нихъ и далеко не первоклассная—миссъ Анни Трумбулъ, по замужеству мистриссъ Слоссанъ. Уроженка Новой Англіи, она пишетъ преимущественно разсказы изъ деревенской жизни, которые пропитаны простотой, наивностью и неподдѣльной любовью къ природѣ. Такъ въ «Аннѣ Маланнъ» она повѣствуетъ о доброй старухѣ, которая собирала и ухаживала за бѣдными больными животными и отучала деревенскихъ дѣтей отъ обычной ихъ наклонности мучить собакъ, кошекъ и т. д. Кромѣ литературы, мистриссъ Тумбулъ-Слоссанъ занимается ботаникой и энтомологіей, помѣщая статьи въ ученыхъ журналахъ. Въ литературномъ отношеніи гораздо выше ея стоитъ цѣлый рядъ американскихъ раманистокъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ мистриссъ Франсесъ Гиджетъ Беннитъ: хотя англичанка по происхожденію, она съ дѣтства живетъ въ Америкѣ и написала много очень интересныхъ романовъ о современной американской жизни, въ томъ числѣ «Во время одного президентства», любопытную картину политическихъ сферъ Вашингтона; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о Луизѣ Олькотъ, Мэри Вулькинсонъ, Мэри Футъ, Аглаѣ Барръ, Руѳи Стюартъ, Джуліи Макгрудеръ; всѣхъ же не перечтешь, потому что ихъ дѣйствительно легіонъ.

Представительницами романа въ Испаніи, Италіи и Польшѣ являются первоклассные таланты: Эмилія Пардо Базанъ, Матильда Серао и Елиза Ожешко. Первая, аристократка по происхожденію, осталась вѣрной и въ своихъ произведеніяхъ набожнымъ, католическимъ, хотя и окрашеннымъ демократическимъ оттѣнкомъ традиціямъ своей семьи; кромѣ романовъ, изъ которыхъ лучшими считаются: «La Madre naturalesa, «Los Pagos de Ulloa, «Una Christiana», и «La Prueba», она издала сборникъ стихотвореній и жизнь святаго Франциска Ассизскаго. Совершенно иными качествами отличается Матильда Серао, по мужу г-жа Скарфогліо; она безспорно первая романистка Италіи, хотя родилась въ Греціи, принадлежитъ къ школѣ писсимистическаго реализма и не довольствуется только занимательностью своего разсказа, а старается придать ему философскую глубину и колоритную картинность. Главнымъ предметомъ всѣхъ ея романовъ, какъ доказываютъ одни заглавія самыхъ популярныхъ изъ нихъ: «Fiori di pasione», «Adioamore», «Gli amanti», «Il romanso della fanciula»—любовью во всѣхъ ея фазахъ, а потому она очень характеристично пишетъ въ Revue Encylopedique: «Каждую женщину, не отличающуюся красотой, украшаетъ любовь; если она слабое созданье, то любовь придаетъ ей силу для себя и для того, кого она любитъ, если она грѣшница, то она очищаетъ и возвышаетъ себя любовью». Впрочемъ Матильда Серао не только воспѣваетъ любовь художественной прозой, а очень дѣятельная

журналистка, и также читаетъ съ большимъ успѣхомъ публичныя лекціи по литературнымъ или общественнымъ вопросамъ. Она дебютировала на аренѣ публицистики въ газетѣ Fanfulla», сама издавала «Coriere de Roma», а съ 1887 года редактируетъ вмѣстѣ съ мужемъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ органовъ итальянской печати: «Coriere di Napoli». Елиза Ожешко въ своихъ высоко талантливыхъ романахъ и разсказахъ затрогиваетъ животрепещущіе соціальные вопросы и обнаруживаетъ не только горячій патріотизмъ и художественную натуру, но и возвышенныя стремленія къ правдѣ, къ идеаламъ. Во главѣ ея многочисленныхъ романовъ надо поставить: «Pan Graba», «Nad Niemmen», «Mirtala» и «Elie Makower».

Матильда Серао.

Хотя нѣмецкихъ романистокъ не мало, и среди нихъ пользуются извѣстностью г-жа Марлитъ, Марія Ешенбахъ г-жа фонъ-Гилемъ, Емма Вели-Кувели, и писательница, скрывающаяся подъ псевдонимомъ Осипа Шубина, но передъ нами только баронесса Ебнеръ-Ешенбахъ и Мини Кауцкая, болѣе извѣстная своими соціальными романами среди рабочаго класса Германіи, чѣмъ въ обычномъ мірѣ чтецовъ и главное чтицъ романовъ. Однако и первая изъ нихъ, не смотря на то, что она дочь моравскаго графа и жена австрійскаго барона, придерживается въ своихъ романахъ, драмахъ и журнальныхъ статьяхъ прогрессивныхъ, идеальныхъ идей. На театрѣ имѣли наибольшій успѣхъ ея пьесы: «Марія Стюартъ» и «Марія Ролланъ», а въ литературѣ она извѣстна, какъ авторъ: «Доктора Риттера», «Бозены», сборника разсказовъ и книги афоризмовъ. Минна Кауцкая—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ женщинъ Германіи; до зрѣлаго возроста она вращалась въ художественномъ мірѣ, такъ какъ вся ея семья, родомъ изъ Штиріи, артистическая, а мужъ извѣстный живописецъ въ Вѣнѣ, и не обнаруживала никакихъ стремленій ни къ литературѣ, ни къ соціальнымъ вопросамъ, но когда сталъ подрастать ея сынъ, теперь извѣстный соціологъ, Карлъ Кауцкій, то она вмѣстѣ съ нимъ предалась изученію общественныхъ наукъ. Рука въ руку съ тѣмъ,

кого она называетъ «своимъ другомъ, учителемъ и руководителемъ», эта почтенная женщина теперь идетъ во главѣ соціологическаго движенія своей родины, выражая ихъ общія идеи въ талантливо, живо и картинно написанныхъ романахъ: «Стефанъ фонъ-Гриленгофъ», появившійся впервые въ журналѣ Либкнехта «Neue Welt», «Господствовать или рабствовать», «Новое и Старое» и т. д.

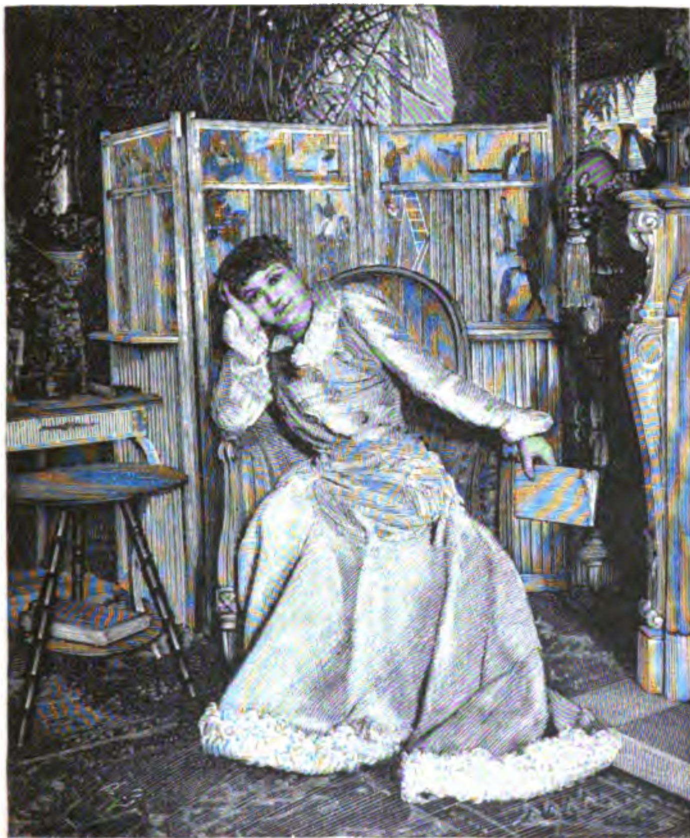
Если большинство странъ очень бѣдно представлены въ арміи современныхъ романистокъ, а другія вовсе пропущены, какъ, напримѣръ, Россія и Румынія, королева которой подъ псевдонимомъ Карменъ Сильвы прославила себя поэтическими разсказами, то Франція выставила цѣлый батальонъ въ двадцать пять беллетристокъ, первоклассныхъ и второклассныхъ. Къ первымъ слѣдуетъ отнести: Лео, Гревиль, Готье, Бецонъ и Жипъ; послѣдняя, быть можетъ, самая талантливая и во всякомъ случаѣ самая блестящая и популярная. Аристократка по происхожденію и по мужу, Сибилла де-Рикети де-Мирабо, графиня Мартель де-Жанвиль дебютировала въ журналѣ «Vie Parisienne» подъ псевдонимомъ Жипъ легкими, остроумными, ироническими очерками свѣтской жизни. Потомъ мало-по-малу она стала писать разсказы и романы все изъ той же среды, которую, быть можетъ, никто такъ зло, живо, юмористично и тонко не обличалъ, какъ эта аристократка чистой крови, считающая, однако, въ числѣ своихъ предковъ знаменитаго дѣятеля революціи. Свое отношеніе къ живописуемому ею міру она лучше всего охарактеризовала въ отвѣтѣ на приглашеніе редакціи «Revue Encyclopedique» высказать свое мнѣніе о свѣтскомъ обществѣ: «я не способна исполнить ваше желаніе; Жипъ вовсе не смакуетъ свѣтское общество, а занимается имъ лишь съ цѣлью поднять его на смѣхъ». Благодаря граціозной манерѣ Жипа выставлять пустоту большаго свѣта, нѣкоторые критики усматриваютъ въ ней глубокаго моралиста, а Анатоль Франсъ даже называетъ ее великимъ философомъ. Ея сочиненія такъ многочисленны, что ихъ нельзя пересчитать, но наиболѣе извѣстны: «Autour du mariage», «Autour du divorce», «Les gens chics», «Leurs ames», «Passionette», «Le mariage de Chiffon» и «Dans le train». Кромѣ литературы, Мирабо-Мартель, какъ она подписываетъ свои письма съ графской короной и девизомъ «а потомъ?», занимается живописью и театромъ; въ первомъ отношеніи она выставляла на послѣднихъ парижскихъ салонахъ нѣсколько картинъ и портретовъ, обратившихъ на себя общее вниманіе, и иллюстрировала нѣкоторыя изъ своихъ книгъ, а во второмъ поставила двѣ пьесы, имѣвшія успѣхъ: «Autour du mariage» и «Mademoisélle Eve». Въ совершенно иной области романа работаетъ или, лучше сказать, работала, такъ какъ она уже нѣсколько лѣтъ бездѣйствуетъ, г-жа Шансэ, жена декабрскаго изгнанника, избравшая себѣ псевдонимъ Андрэ Лео. Хотя она также рисовала картины современной жизни, но преимущественно среднихъ классовъ,

и притомъ всѣ ея произведенія идейныя, а потому имѣли большое значеніе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Въ ея лучшихъ романахъ: «Les deux filles de M. Plichon», «Une vielle fille», «Un divorce» и «L'Ideal au village», она проводила тѣ мысли, которыя служать теперь основой женскаго движенія, ратовала за либеральную реформу въ женскомъ воспитаніи, отстаивала права любви въ бракѣ и проповѣдывала, что совѣсть женщины выше всѣхъ рутинныхъ свѣтскихъ приличій, выдаваемыхъ за нравственные принципы. Жюдита Готье, дочь извѣстнаго писателя Теофиля Готье, какъ романистка и драматическая писательница, имѣетъ склонность къ далекому востоку, къ Азіи, къ Японіи, изображая яркими красками обычаи и нравы этихъ невѣдомыхъ странъ, часто, однако, прибавляя къ реальной правдѣ и художественную фантазію. «Lucienne», «L'Usurpateur», «La Femme de Petiphar», «Le vieux de la Montagne», «La Soeur du Soleil» и «La Conquette du paradis»—главные зубцы ея литературной короны. Съ Гревиль и Бензонъ мы переходимъ еще болѣе на международную почву. Подъ псевдонимомъ «Генри Гревиль» пишетъ г-жа Дюранъ, дочь одного профессора французскаго языка въ Петербургѣ и жена другого профессора того же предмета въ томъ же городѣ, и пользуясь своимъ близкимъ знакомствомъ съ русской жизнью, она въ своихъ романахъ «La princesse Ogherof», «Sonia», «Dosia», «L'expiation de Saveli», «L'heritage de Xenie» и т. д. знакомитъ французовъ въ легкой интересной формѣ съ невѣдомыми имъ типами. Г-жа Марія-Терезія-Бланъ, постоянный сотрудникъ «Revue de Deux Mondes» подъ псевдонимомъ «Теодоръ Бензонъ», помѣстила на страницахъ этого распространеннаго во всемъ свѣтѣ журнала цѣлый рядъ романовъ, изъ которыхъ всего болѣе читались: «La Grande Saulniere», «Un remord» и «Tony», но, быть можетъ, она оказываетъ читателямъ еще бо́льшую услугу своими многочисленными мастерски составленными пересказами иностранныхъ произведеній, преимущественно англійскихъ и американскихъ, а также публицистическими статьями въ французской прессѣ о заграничныхъ литературныхъ явленіяхъ, а въ американской — о французскихъ. Чрезвычайно интересны вышедшія въ прошедшемъ году личныя впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ посѣщенія Америки, относительно американской женщины подъ заглавіемъ: «Американки у себя».

Второклассныхъ французскихъ романистокъ можно раздѣлить на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Всего болѣе такъ называемыхъ моралистокъ, и ихъ нравственные романы пользуются обширной популярностью среди буржуазныхъ классовъ. Во главѣ ихъ стоитъ г-жа Каро, жена извѣстнаго академика и философа: ей принадлежитъ «Le peché de Madeleine», «Flamen», «Amour de jeune fille» и т. д. За ней слѣдуютъ г-жа Габріель Надаль, помѣстившая подъ псевдонимомъ Жана Баранси нѣсколько романовъ съ идилличе-

скимъ оттѣнкомъ въ Debats и Temps, именно «La fille de Vermont», «Toujours aimée», «Implacable»; г-жа де-Соболь, авторъ романовъ, появившихся подъ псевдонимомъ Жака Лермона и преимущественно предназначенныхъ для молодыхъ дѣвушекъ; г-жа Эмиль Леви, пишущая подъ именемъ Паула Кориганъ повѣсти и романы, изъ которыхъ болѣе всего читались: «L'idiot», «La grande Janie» и «Une passion»; г-жа де-Жюдиси, въ литературѣ «Жоржъ де-Пербрюнъ», достигшая извѣстности длиннымъ рядомъ колоритныхъ произведеній, какъ, напримѣръ: «Les femmes qui tombent», «Marlo», «Calombine», «Vers l'amour»; Полина Тиссъ, работающая не только въ области романа, но для театра и даже для оперы, такъ какъ рядомъ съ ея романами: «Le roman du curé» и «Le professeur du bon sens», слѣдуетъ упомянуть объ ея пьесахъ: «Le talisman», «En valances», и оперы: «Le cabaret du Pot-Cassé», «Mariage de Tabarin»; г-жа Марія Бовэ, которая идетъ по стопамъ Бензонъ и одинаково сотрудничаетъ въ французской и англійской прессѣ, помѣщая на страницахъ первой романы, разсказы и бытовые очерки, а послѣдней—статьи по современнымъ вопросамъ. Свѣтскій романъ составляетъ спеціальность двухъ блестящихъ хроникерокъ Figaro, Matin и Vie Parisienne — виконтесы Пейрони, выбравшей себѣ игривый псевдонимъ Искорки (Etincelle) и графини Пулига, скрывающейся подъ именемъ Брада. Первая написала «L'impossible», и «L'archiduchesse», а вторая—«L'irremediale», «Joug d'amour», «Leurs excellences», «Milord et miledy». Къ представительницамъ идейнаго романа можно отнести: г-жу Марію Ганьёръ, г-жу Ліетье и г-жу Анжель Бари. Луиза Миньеро, по мужу г-жа Ганьёръ, пишетъ болѣе двадцати лѣтъ антиклерикальные романы на соціальной подкладкѣ, и наибольшій изъ нихъ успѣхъ имѣли «Черный крестовый походъ» и «Ханжа конца вѣка». Г-жа Нелли Ліетье, воспитанная отцемъ, докторомъ, въ прогрессивныхъ идеяхъ нашего времени, не могла посвятить себя общественной дѣятельности, благодаря хронической болѣзни, и высказала свои задушевныя идеи къ «Bague d'argent», «La fille de l'aveugle», «Les hommes de demain». Г-жа Анжель Бори, по псевдониму Жакъ Винцентъ, сочувственно зарекомендовавъ себя пятью, или шестью романами, обнаруживавшими въ ней рѣдкую способность къ психологическому анализу, наконецъ написала «Un bonheur» (Счастье), гдѣ нарисовала поразительную картину современной Евы, умирающей отъ скуки въ своемъ раю и съ отвращеніемъ вкушающей запрещеннаго плода. Совершенно отдѣльное мѣсто занимаетъ г-жа Леопольдъ Лакуръ; въ ея разсказахъ слышится мистическая нота, и тѣмъ же характеромъ отличаются сочиненныя ею, очень поэтическія, пантомимы. Также выдаются своей спеціальностью двѣ французскія романистки, почти исключительно описывающія въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ нравы и обычаи Польши; одна изъ нихъ г-жа де-Сентъ-Круа составила себѣ извѣстность разсказами,

напечатанными подъ заглавіемъ «Au pays des Ruthènes» и подъ псевдонимомъ Савіосъ (Savios), а другая Маргарита Парадовская, дочь французскаго филолога Гашэ и жена польскаго эмигранта, помѣстила въ «Revue des Deux Mondes» цѣлый рядъ романовъ изъ галиційской жизни: «Iaga», «Demoiselle Mistcia», «Marylka» и т. д. Особую группу составляютъ четыре иностранки, получившія право гражданства въ французской беллетристикѣ: г-жа де-Талленэ, г-жа

Жипъ (графиня Мартель).

Гудри-Меносъ, Жанна Мэрэ и мистриссъ Джемсъ Дармстеттеръ. Хотя у г-жи де-Талленэ отецъ былъ французскій маркизъ, но мать ея была русская, Ольга Ильина; она родилась въ Веймарѣ и, выйдя замужъ за бельгійскаго дипломата, многіе годы провела въ южной Америкѣ, гдѣ ея мужъ былъ посланникомъ, а теперь живетъ въ Брюсселѣ; поэтому она относительно Франціи совершенная иностранка, что ей не мѣшаетъ писать пофранцузски романы, въ томъ

числѣ «L'Invisible», повѣсти, разсказы и корреспонденціи въ «Figaro». Остальныя изъ упомянутыхъ писательницъ вполнѣ иностранки во Франціи. Г-жа Гудри-Меносъ австріачка, родилась въ Шамбери, получила воспитаніе въ Швейцаріи, Англіи и Германіи, потомъ была учительницей въ Женевѣ, а наконецъ, перебравшись въ Парижъ, посвятила себя литературѣ. Подъ псевдонимомъ Жана Меноса, она помѣстила много романовъ и разсказовъ въ различныхъ журналахъ, а въ послѣдніе годы приняла горячее участіе въ женскомъ движеніи, читая публичныя лекціи по этому вопросу. Жана Мэрэ, по мужу Биго, американка и хотя родилась въ Парижѣ, но воспитывалась въ Америкѣ и молодой дѣвушкой напечатала нѣсколько романовъ на англійскомъ языкѣ. Только выйдя замужъ за француза, она стала серьезно изучать французскій языкъ и вскорѣ сдѣлала такіе успѣхи, что ея первый французскій романъ «Marca» былъ удостоенъ академической преміи. Затѣмъ она издала цѣлый рядъ, сочувственно принятыхъ публикой, романовъ: «Andrie Magnard», «Nemesis», «Chercheurs d'Ideal» и т. д. Мистриссъ Джемсъ Дармстетеръ, жена извѣстнаго французскаго ученаго, была до своего брака англійской поэтессой мэри Робинсонъ. «Чтобъ доставить удовольствіе моему мужу,—говоритъ она сама,—я начала писать пофранцузски, а теперь, когда онъ умеръ, я желала бы придать его дорогому имени новую жизнь, выражая на его языкѣ его и мои мысли; идеаломъ для меня было бы писать стихи поанглійски, а прозу пофранцузски». Этого идеала она вполнѣ достигла; изъ числа ея англійскихъ поэтическихъ произведеній можно указать на «A Handfull of Honeyuscles», «An Italian garden», «The new Arcadia», а изъ французскихъ: на сборникъ разсказовъ въ стилѣ XIII и XVI вѣковъ подъ заглавіемъ «Marguerites du temps passé» и историческій очеркъ о Фруассарѣ.

Поэтессъ въ галлереѣ «Revue Encyclopedique» немного: три итальянки, четыре француженки и одна полька; вотъ и все. Итальянки наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе. Карлотта Ферари давно считается итальянской Сафо, и ея поэтическія произведенія: «Dante Alighieri», «Lotario», «Roma», «La Rattaglio di Custosa» и т. д., высоко цѣнятся ея соотечественниками. Ея слава еще увеличилась, когда она обнаружила музыкальный талантъ и написала три оперы, имѣвшія успѣхъ, но съ годами, благодаря ея скромной, семейной жизни въ родномъ городкѣ Лоди, о ней стали забывать. По счастію, на недавнемъ празднованіи юбилея Беатричи Портинари, ей поручили произнести рѣчь въ честь этой идеальной личности, и Карлотта Ферари такъ блестяще исполнила свою задачу, что ея проза поэтически звучала. Кромѣ стиховъ, она еще писала разсказы и драмы. Сильвія Альбертони—напротивъ поэтъ и болѣе ничего, но поэтъ искренній, задушевный, отзывчивый на всѣ человѣческія страданія, хотя и нѣсколько мистическій. Ада Негри про-

звана во всей Италіи «поэтомъ народа»; эта молодая дѣвушка, дочь бѣдныхъ рабочихъ, испытала сама всѣ ужасы нищеты и почувствовала неотразимое желаніе изобразить звучными, мелодичными стихами печальную долю униженныхъ и оскорбленныхъ. Первый сборникъ ея стихотвореній подъ заглавіемъ «Fatalita» (Рокъ) обратилъ на нее общее вниманіе; она тогда была учительницей въ деревенской школѣ на берегу рѣки Тичино и учила грамотѣ ребятишекъ, но итальянское правительство назначило ее учительницей въ выс-

Г-жа Адапъ.

шую женскую школу въ Миланѣ. Она тамъ вышла замужъ за фабриканта, и ее стали носить на рукахъ; но счастье и слава не заставили ее отвернуться отъ поэзіи и народа. Недавно вышелъ второй сборникъ ея стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ «Tempesta» (Буря), и ея многочисленные почитатели радостно убѣдились, что ея поэтическій талантъ еще окрѣпъ, а муза осталась попрежнему музой печали, музой народа. Еще рано возводить эту народную Сафо въ великіе, геніальные поэты, но лучшіе итальянскіе, французскіе

и нѣмецкіе критики отзываются о ней съ самымъ глубокимъ сочувствіемъ и уже теперь говорятъ, что во всей современной литературѣ ее можно сравнить только съ нѣмцемъ Якоби и англичаниномъ Давидсономъ, хотя она выше ихъ по силѣ идеи и формѣ. Остальныя поэтессы не возвышаются надъ золотой посредственностью; всѣ онѣ пишутъ стихи пофранцузски, даже полька Марія Крисинская, родившаяся въ Варшавѣ. Выйдя замужъ за французскаго живописца Беланжэ, она сдѣлалась француженкой и помѣщаетъ стихотворенія, даже цѣлыя поэмы въ различныхъ журналахъ, а недавно попробовала свои силы въ романѣ и выбрала для перваго своего произведенія въ этомъ родѣ очень оригинальное и сенсаціонное заглавіе «До безумія отъ своего тѣла». Французскіе критики ставятъ очень высоко поэзію г-жи Жанны Луазо, пишущей подъ псевдонимомъ Даніель Лессюеръ, сравнивая ее съ своими замѣчательными поэтессами прежняго времени—г-жей Аккерманъ и Десбордъ Вальноръ. Она издала нѣсколько сборниковъ стихотвореній, премированныхъ академіей, и переводитъ звучнымъ, горячимъ стихомъ всего Байрона, котораго вышло еще только два тома. Она также пишетъ романы и поставила на Одеонѣ пьесу «Fiancée». Г-жа Бертеруа, подписывающая свои произведенія «Жанъ Бертеруа», извѣстна наиболѣе, какъ поэтъ, также удостоенный академическихъ премій за рядъ поэмъ подъ общимъ заглавіемъ «Древнія женщины», хотя она также немало напечатала романовъ, преимущественно историческихъ: «Клеопатра», «Хименесъ» и т. д. Эмэ Фабрегъ, очень молодая дебютантка на Парнасѣ, но ея первый томъ стихотвореній «Crucifix» встрѣченъ критикой очень сочувственно, а г-жа Мезюреръ, урожденная Амелія Девальи, составила себѣ спеціальность — быть поэтомъ дѣтей, для которыхъ она пишетъ не только граціозными стихами, но и художественной прозой.

Переходя отъ романистокъ и поэтовъ къ остальнымъ писательницамъ, мы подведемъ ихъ подъ общую рубрику публицистокъ, такъ какъ преимущественно всѣ онѣ работаютъ въ журналахъ и газетахъ. Прежде всего отмѣтимъ, что мы тутъ встрѣчаемся и съ одной представительницей русской литературы, Цебриковой, о которой «Revue Encyclopedique» отзывается очень сочувственно, говоря, что вся Россія ее глубоко уважаетъ, какъ пламеннаго борца за прогрессивныя идеи и высшее образованіе женщинъ. Въ приложенномъ къ ея характеристикѣ афоризмѣ она говоритъ: «XIX вѣкъ завѣщаетъ XX созданіе царства всеобщаго братства: Pia desideria. Пусть только братство явится намъ не такъ, какъ свобода среди кровавыхъ грозъ». Сосѣдняя съ Россіей Финляндія также выставила одну публицистку—Розину Веттергофъ. Она родилась въ Гельсингфорсѣ, сначала писала для дѣтей, а потомъ сдѣлалась дѣятельной сотрудницей финскихъ журналовъ «Hosumet och Samkallet» и «Finsk Tidsariftem», на страницахъ которыхъ горячо ратуетъ за жен-

скія права, за реформы въ женскомъ воспитаніи, а также противъ пьянства и регулированнаго разврата. Малоизвѣстная Португалія гордится двумя выдающимися журналистками: г-жей Гіомаръ-Тарреза и Клодой Кампосъ, которыя пишутъ не только на своемъ родномъ языкѣ, но первая пофранцузски, а вторая поанглійски. Англія представлена въ нашей галлереѣ только одной публицисткой, а Америка ни одной, хотя онѣ кишатъ въ журналистикѣ этихъ обѣихъ странъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе прибираютъ прессу въ свои руки. Но англичанка Анна Безантъ принадлежитъ къ числу выдающихся современныхъ женщинъ. Ирландка по происхожденію, она блестѣла въ первомъ ряду бойцевъ радикальной прессы, отстаивая не только перомъ, но и краснорѣчивымъ словомъ на публичномъ митингѣ прогрессивныя и соціальныя идеи; но въ послѣдніе годы она сдѣлалась рьяной поклоницей теософіи, преемницей пресловутой г-жи Блавацкой и написала очень интересную автобіографію подъ заглавіемъ «Сквозь бурю къ мирной тишинѣ».

Въ главѣ французскихъ публицистокъ, конечно, стоитъ г-жа Аданъ. Жюльетъ Ламберъ, по первому мужу г-жа Ла-Мессинъ, а по второму,— г-жа Едмонъ Аданъ, сначала была извѣстна длиннымъ рядомъ романовъ: «Mon village», «Le Mandarin», «Jean et Pascal», «Greque», «Laide», и своимъ литературно-политическимъ салономъ, въ которомъ первенствовалъ Гамбетта, а потомъ она предалась всецѣло журналистикѣ и съ 1879 года издаетъ «Revue Nouvelle». Она не только сама редактируетъ этотъ второй во Франціи журналъ, но пишетъ въ немъ ежемѣсячную хронику иностранной политики и постоянно помѣщаетъ, кромѣ, того отдѣльныя статьи, она принимала главное участіе въ составленіи извѣстной серіи книгъ, подписанныхъ общимъ псевдонимомъ графа Васили и представлявшихъ живую картину общества въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и т. д.; напечатала свои воспоминанія о посещеніи Венгріи, Греціи и Португаліи; и во всѣхъ своихъ политическихъ сочиненіяхъ высказываетъ горячій патріотизмъ, ненависть къ Германіи и пламенное сочувствіе къ Россіи, союзъ которой съ Франціей она энергично проповѣдывала задолго до Кронштадтскихъ торжествъ. Редакторшей, издательницей, журналисткой и романисткой такъ же состоитъ г-жа де-Рюдъ, урожденная принцесса Бонапартъ-Вайзъ, бывшая замужемъ за извѣстнымъ итальянскимъ государственнымъ человѣкомъ, Ротацци, но она далеко не пользуется популярностью и значеніемъ г-жи Аданъ. Она прежде издавала въ Флоренціи «Courtier de Florence» и въ Парижѣ «Matinées espanioles, а теперь редактируетъ «Nouvelle revue internationale»; изъ ея многочисленныхъ псевдонимовъ извѣстны: «Баронъ Стокъ», «Виконтъ Альбенсъ» и «Луи Кельнеръ». Къ издательницамъ и редакторшамъ надо присоединить г-жу Клотильду Диссаръ, постоянную сотрудницу «Revue Internationale de sociologie»; она основала въ прошедшемъ

году «Revue Feministe» и дѣятельно защищаетъ въ этомъ новомъ органѣ печати женскія права. Была редакторомъ радикальной газеты «Cri du Peuple» г-жа Северинъ, но не долго, а ранѣе и послѣ она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ парижской ежедневной прессѣ. Другъ и ученица извѣстнаго Жюля Валеса, она уже многіе годы ведетъ изо дня въ день въ различныхъ радикальныхъ органахъ самую пламенную борьбу за правду и свободу. Нѣтъ того зла, той несправедливости въ современной жизни, противъ которыхъ она не возставала бы, притомъ въ самой блестящей, художественной, остроумной формѣ. Свои боевыя, мастерскія статьи она по временамъ собираетъ въ сборники и издаетъ отдѣльными книгами подъ заглавіями: «Красныя страницы», «Мистическія страницы» и т. д. По ея стопамъ идутъ постоянныя сотрудницы «Petite Republique»: г-жа Алина Валетъ и г-жа Жоржъ Ренаръ. Первая помѣщаетъ ироническія, остроумныя хроники, въ которыхъ бичуетъ пустоту свѣтской жизни и ловко проводитъ идеи Маркса и Гэда, а послѣдняя ведетъ въ томъ же духѣ и чрезвычайно живо отдѣлъ литературной критики. Кромѣ того, г-жа Ренаръ помѣщаетъ статьи въ журналѣ, который издается съ мужемъ, профессоромъ Лозанскаго университета, «Revue Socialiste» и написала романъ: «Institutrice». Выдающееся мѣсто среди французскихъ публицистокъ занимаетъ г-жа Шарль Винцентъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, г-жа Марія Дронзаръ и Жанна Менанъ. Всѣ трое онѣ очень образованны, талантливы и знаютъ иностранные языки, а потому посвятили свою литературную дѣятельность главнымъ образомъ популярному знакомству французовъ съ литературой и нравами другихъ странъ стараго и новаго свѣта. Постоянный сотрудникъ «Revue des Deux Mondes», «Revue Nouvelle» и «Revue de Paris», Арведъ Баринъ помѣщаетъ тамъ безчисленные очерки заграничныхъ литературныхъ и общественныхъ новинокъ, и, кромѣ того, она перевела «Введеніе въ соціальную науку» Спенсера и нѣкоторыя изъ сочиненій гр. Л. Н. Толстаго, написала рядъ мастерскихъ характеристикъ французскихъ писателей, въ томъ числѣ Бернардена де-Сенъ-Пьера и Альфреда Мюссэ; издала серію сборниковъ своихъ статей подъ заглавіями: «Essais et Fantaisies», «Portraits de Femmes» и т. д. Г-жа Марія Дронзаръ, вдова, прежде англичанина Кеньона Блэка, а потомъ француза Дронзара, знаетъ также хорошо Англію, какъ свою родину, а потому преимущественно избираетъ англійскія тэмы для своихъ журнальныхъ статей и книгъ; къ числу послѣднихъ принадлежатъ: «Portraits d'outre Manche» и «Biographie de M. Gladstone». Въ послѣднее время она энергично содѣйствуетъ женскому движенію и напечатала въ настоящемъ году въ «Correspondant» рядъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «Женское движеніе; причины его поздняго развитія во Франціи и распространеніе за границей». Г-жа Жанна Меланъ, дочь извѣстнаго академика, постоянно сотрудничаетъ, не подписываетъ своихъ статей,

преимущественно литературнаго содержанія въ «XIX Siécle», «Tribune de Génève», «Journal de St. Petersbourg», «Revue Nouvelle» и «Revue Encyclopedique»; вмѣстѣ съ тѣмъ она участвуетъ въ ученомъ изданіи «Annales» музея Гимэ и написала для него «Исторію парсовъ». Вообще Индія, гдѣ она провела нѣсколько лѣтъ, очень интересуетъ почтенную писательницу, и она напечатала нѣсколько очерковъ о современныхъ индустанскихъ женщинахъ, въ томъ числѣ и статью «Женщины въ Индіи», помѣщенную въ спеціальномъ женскомъ номерѣ «Revue Encyclopedique»;

Отдѣльную группу французскихъ писательницъ составляютъ газетныя хроникерши; о главныхъ изъ нихъ: Северинъ, Жипъ и Етенсель, мы уже упомянули, но еще остается указать на четыре выдающихся имени въ этой отросли женскаго литературнаго труда: Марни, Риваль, Соргъ и Рашильду. Первая изъ нихъ г-жа Марни постоянно помѣщаетъ въ Journal и Vie Parisienne, подъ псевдонимомъ Жанъ Марни, остроумныя хроники въ формѣ діалоговъ, въ которыхъ она очень хлестко бичуетъ недостатки нашего времени; потомъ она издаетъ сборники этихъ статей подъ общими очень смѣлыми названіями, какъ, напримѣръ, «Comment elles se donnent» и «Comment elles nous láchent». Жанна Риваль исполняетъ должность хроникера въ Evénement и, кромѣ того, напечатала романъ «Хроникерша», сцены изъ тяжелой борьбы, которую выноситъ каждая женщина, вступающая на литературное поприще, а также «Les annexes», мастерскую картину современнаго положенія эльзасцевъ въ ихъ ежедневныхъ отношеніяхъ съ нѣмцами. Антуанетъ Ковенъ, пишущая подъ псевдонимомъ Соргъ, состоитъ парижской корреспонденткой въ нѣскольхихъ бельгійскихъ газетахъ и сотрудничаетъ въ многихъ парижскихъ органахъ. Ея статьи отличаются радикальнымъ характеромъ, но особымъ успѣхомъ пользовались очерки несчастной жизни парижскихъ работницъ, подъ общимъ заглавіемъ «Женская каторга». Маргарита-Эмери, скрывающая свое настоящее имя подъ псевдонимомъ Рашильды, съ одной стороны пишетъ серіозныя хроники, а съ другой—романы, обращая на свои статьи общее вниманіе замѣчательно тонкимъ анализомъ рисуемыхъ ею типовъ. Совершенно одинокое положеніе занимаетъ графиня Діана Босакъ, посвятившая свое остроумное и бойкое перо исключительно афоризмамъ, которые прежде появляются въ газетахъ, а потомъ отдѣльными книгами; всѣ свои произведенія она подписываетъ однимь своимъ именемъ,—графини Діаны. Еще болѣе своеобразную и уединенную роль въ литературѣ избрали себѣ вдовы двухъ знаменитыхъ философовъ-историковъ — Мишле и Кине. Первая изъ нихъ, до замужества Адель Міаларэ, была сотрудницей великаго писателя въ его послѣднихъ сочиненіяхъ «Птица», «Насѣкомое», «Море» и т. д., а сама напечатала двѣ книги въ томъ же духѣ: «Природа» и «Мемуары ребенка». Послѣ смерти мужа она исклю-

чительно посвятила себя подготовкѣ новыхъ исправленныхъ изданій его сочиненій. Та же забота о поддержаніи культа къ дорогому покойнику составляетъ всю суть теперешняго существованія г-жи Кине; но она понимаетъ свою задачу гораздо шире и не только редактируетъ новыя изданія сочиненій мужа, но и коментируетъ, какъ ихъ, такъ и его жизнь, своими собственными произведеніями. Часть ихъ составляетъ цѣлую серію изъ трехъ томовъ, имѣющихъ предметомъ жизнь Эдгара Кине до изгнанія, во время изгнанія въ Швейцаріи, и послѣ изгнанія, а остальныя если прямо не касаются Кине, то служатъ развитіемъ его идей; къ послѣднимъ принадлежатъ двѣ замѣчательныя книги: «Правда въ воспитаніи» и «Идеальная Франція». Оригинальной публицисткой является жена также знаменитаго, находящагося въ живыхъ писателя, Альфонса Додэ: она исключительно пишетъ о счастливыхъ и несчастныхъ минутахъ семейной жизни, а ея книги, отличающіяся граціознымъ художественнымъ стилемъ: «Дѣтство парижанки», «Дѣти и матери», «Впечатлѣнія природы», такъ напоминаютъ нѣкоторыя изъ прелестныхъ страницъ романовъ ея мужа, что невольно вѣрится ходящимъ въ парижскомъ литературномъ мірѣ толкамъ, что авторъ «Набоба» имѣетъ въ своей женѣ самаго талантливаго, добросовѣстнаго и скромнаго сотрудника.

II.

Женщина въ искусствѣ и наукѣ.

Если мы перейдемъ отъ литературы къ искусству, то увидимъ, что и тутъ, то-есть въ тѣхъ трехъ его отросляхъ: живописи, скульпторѣ и музыкѣ, представительницы которыхъ допущены въ галлерею «Revue Encyclopedique»,—женщины съ честью занимаютъ если рѣдко первыя, то во всякомъ случаѣ вторыя мѣста. Дѣйствительно, только Роза Бонёръ и Кэтъ Гринавей, каждая въ своемъ родѣ, могутъ назваться первоклассными художниками. Даже первая изъ нихъ составляетъ одну изъ артистическихъ славъ Франціи. Она родилась въ Бордо, и первымъ ея учителемъ живописи былъ ея отецъ Раймонъ Бонёръ, перебравшійся въ Парижъ въ 1829 году. Но вскорѣ у него умерла жена, дѣла его разстроились, и молодая дѣвушка должна была работать на семью, состоявшую изъ трехъ дѣтей, кромѣ нея. Одаренная страстью къ изображенію животныхъ, она ходила изучать ихъ въ поле и на скотобойню, а чтобъ избѣжать непріятностей, грозившихъ молодой дѣвушкѣ при такихъ обстоятельствахъ, она носила мужской костюмъ, который и впослѣдствіи рѣдко покидала. Она дебютировала въ салонѣ въ 1841 году, и ея картины тотчасъ обратили на себя вниманіе, а за «Пашущихъ нивернейцевъ» ей дали первую золотую медаль. Съ тѣхъ

поръ она была признана лучшимъ въ свѣтѣ анималистомъ, и главными ея произведеніями считаются: «Лошадиная ярмарка», «Уборка сѣна въ Овернѣ», «Пони на островѣ Скай», «Олень на открытомъ мѣстѣ», «Беарнскій пастухъ». Она получила за свои заслуги искусству орденъ почетнаго легіона и съ 1869 года перестала посылать свои картины на парижскіе салоны, хотя продолжала работать за границу до послѣдняго времени, несмотря на свою старость. Что касается до Кэтъ Гринавей, то хотя она и уступаетъ по таланту знаменитой Розѣ Бонёръ, но въ избранномъ ею скромномъ отдѣлѣ живописи — въ иллюстраціи дѣтской жизни, она не имѣетъ соперниковъ. Сборники рисунковъ подъ заглавіями: «Подъ окномъ», «Для дѣтей», «Игры и препровожденія времени», «Знакомыя сцены» и сотни другихъ, имѣли колоссальный успѣхъ во всѣхъ странахъ, дѣлая Кэтъ Гринавей одной изъ самыхъ популярныхъ женщинъ нашего времени. Она является единственной представительницей англійской живописи, какъ Луиза Бреслау — швейцарской, Генріета Роннеръ — голландской и Мэри Кассаттъ — американской. По мнѣнію компетентныхъ критиковъ, Луиза Брелей, уроженка Цюриха, обнаруживаетъ въ портретахъ и аквареляхъ очень сильный и оригинальный талантъ. Она получила золотую медаль на Парижской всемірной выставкѣ 1889 года. Генріета Киппъ, по мужу Роннеръ, напоминаетъ во многомъ Розу Бонёръ: она также исключительно рисуетъ животныхъ, также училась живописи у отца, художника, и также вынуждена была содержать его своимъ трудомъ, когда онъ ослѣпъ. Она жила то въ Амстердамѣ, то въ Парижѣ, а послѣ смерти отца вышла замужъ и поселилась въ Брюсселѣ, гдѣ живетъ до сихъ поръ. Счастье долго ей не везло; мужъ ея заболѣлъ, и ей пришлось кормить всю семью своей кистью. Чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія, она придумала рисовать портреты собакъ, которыя въ Бельгіи возятъ телѣжки мелкихъ торговцевъ. Каждый хозяинъ хотѣлъ имѣть изображеніе своего любимаго животнаго, и такимъ образомъ она не нуждалась въ работѣ около пятнадцати

Мистриссъ Фосетъ.

лѣтъ. Достигнувъ такимъ образомъ мѣстной популярности, она мало-по-малу поправила свои семейныя дѣла и нашла возможность предаться изображенію излюбленныхъ ею кошекъ. Въ этой спеціальности она пріобрѣла себѣ всесвѣтную извѣстность, и, какъ живописецъ кошекъ, эта почтенная художница, которой уже пошелъ осьмой десятокъ, неутомимо работаетъ до сихъ поръ. Мэри Кассаттъ, происходя изъ торговой семьи въ Питсбургѣ, изучала сначала живопись въ Филадельфійской академіи художествъ, а потомъ въ Италіи, Испаніи, Голландіи и Парижѣ, гдѣ она брала уроки у Дега. Можно сказать, что она единственная его ученица, въ полномъ смыслѣ этого слова и такъ же, какъ Берта Моризо и Марія Бракмонъ, миссъ Кассаттъ принадлежитъ къ группѣ импресіонистовъ, а главнымъ предметомъ ея картинъ служатъ сцены изъ жизни женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. Француженки живописцы—многочисленнѣе, но не очень п, кромѣ Розы Бонѐръ, ихъ всего четыре: Луиза Аббема, посвятила себя спеціально портретамъ и декоративной живописи; Виржини Демонъ-Бретонъ, дочь знаменитаго художнича Жюля Бретона и жена талантливаго живописца, имѣла большой успѣхъ съ своими картинами на всемірныхъ выставкахъ въ Парижѣ и Антверпенѣ, благодаря чему получила орденъ почетнаго легіона; Максимиліана Гіонъ преимущественно пишетъ портреты и жанровыя сцены, которыя признаны достойными рѣдкой для женщины награды — стипендіи съ правомъ на путешествіе въ Италію; Маделена Лемеръ пользуется большой репутаціей, какъ акварелистка, и, по словамъ извѣстнаго художественнаго критика Шарля Блана, ея мертвая природа отличается удивительной силой и мастерской отдѣлкой; кромѣ того, она пишетъ масляными красками портреты и очень художественно иллюстрируетъ книги.

Скульптурши являются въ нашей галлереѣ только французскія, именно пять: г-жа Берто, дочь скульптора Гебера, выставляетъ свои статуи и группы въ каждомъ парижскомъ салонѣ съ 1857 года, получила золотую медаль на всемірной выставкѣ 1889 года и основала общество женщинъ живописцевъ и скульпторовъ; Клодина Функъ-Брентано, внучка знаменитой Бетинбарними, лѣпитъ статуи съ большимъ вкусомъ, пишетъ стихи и занимается музыкой; г-жа Бенаръ, дочь скульптора Видаля-Добрэ, отличается тѣмъ, что ея ваянія производятъ сильное впечатлѣніе, благодаря замѣчательной живости фигуръ; Камилла Клодель составила себѣ извѣстность граціозной группой «Сакунталы» и съ 1888 года ежегодно выставляетъ въ Парижѣ свои новыя произведенія; Маргарита Сіамуръ очень популярна, благодаря своимъ статуямъ Вольтера, «новой Франціи», Камиля Демулена, Клеопатры и т. д.

Музыка имѣетъ своими представителями четырехъ француженокъ и одну ирландку. Первое мѣсто между ними занимаетъ Августа Гольмсъ, по происхожденію ирландка, но натурализованная францу-

женка; она пишетъ и музыку и слова своихъ кантатъ и оперъ, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣла симфоническая поэма «Ирландія», лирическая драма «Черная гора», поставленная въ прошедшемъ году на театрѣ парижской оперы, и торжественная ода въ честь юбилея французской революціи, исполненная при открытіи всемірной выставки. Хотя она пламенная поклонница Вагнера, но своимъ произведеніямъ придаетъ свой оригинальный характеръ. За-

Г-жа Дьелафуа.

тѣмъ идутъ: Сесилія Шаминадъ, талантливая піанистка и композиторша, написавшая балетъ «Калироэ», симфонію «Амазонку» и т. д.; Габріелла Ферари, также піанистка и авторъ мелкихъ музыкальныхъ произведеній, пользующихся успѣхомъ на извѣстныхъ концертахъ Колоны; и г-жа Гранваль, ученица Сенъ-Санса, извѣстная своими ораторіями, духовной музыкой и операми, въ числѣ которыхъ «Мазеппа». Миссъ Анна Патерсонъ заслуживаетъ вниманія потому, что она получила двойную ученую степень: доктора музыки и бакалавра

словесности, а, кромѣ того, дублинская музыкальная академія наградила ее золотой медалью и стипендіей за необыкновенную игру на органѣ.

Гораздо болѣе интереса, чѣмъ скульпторши и музыкантши, представляетъ батальонъ докторшъ математики, словесности, права, медицины и естественныхъ наукъ. Представительницей математики является только одна, американка, Доротея Клумпкэ, но поселившаяся въ Парижѣ съ тѣхъ поръ, какъ она получила въ университетѣ степень доктора математики, а въ обсерваторіи мѣсто завѣдывающаго работами по приготовленію карты неба, по плану адмирала Мушэ. Нельзя не упомянуть мимоходомъ, что три сестры Доротеи Клумпкэ также заслуживаютъ вниманія, потому что одна—докторъ медицины; другая—живописецъ, а третья—американскій литераторъ. Одинаково и докторъ словесности одна—нѣмка Кэтъ Ширмахеръ. Она прошла университетскій курсъ въ Парижѣ и Цюрихѣ, серьезно занимаясь всеобщей литературой, напечатала основательный коментарій къ Вольтеру, и помѣщаетъ статьи въ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ журналахъ преимущественно по женскому вопросу, въ пользу справедливаго разрѣшенія котораго она краснорѣчиво ратовала на недавнемъ берлинскомъ конгрессѣ. Докторовъ права три—по одной на Францію, Бельгію и Румынію. Сармиса Бильческо первая изъ всѣхъ женщинъ получила въ 1890 г. въ Парижѣ дипломъ доктора правъ, и ея диспутъ на тему «Юридическое и соціальное положеніе женщины» падѣлалъ много шума. Вернувшись въ Бухарестъ, она была принята въ число адвокатовъ, и если не практиковала, то лишь потому, что очень богата и хотѣла только доказать своимъ примѣромъ равноправность женщинъ. Жанна Шовенъ, также достигнувъ подобной же ученой степени въ томъ же Парижѣ, не подумала обращаться въ адвокатскій совѣтъ съ просьбой о принятіи ея, потому что была увѣрена въ отказѣ, преподаетъ элементарный курсъ права въ четырехъ женскихъ училищахъ. Она издала сокращенный сводъ своихъ лекцій подъ заглавіемъ «Курсъ права для молодыхъ дѣвушекъ», который деканъ юридическаго факультета въ Парижѣ Кольмэ-де-Сантеръ называетъ юридической энциклопедіей въ миніатюрѣ. Г-жа Шовенъ сотрудничаетъ во многихъ журналахъ и напечатала въ «L'Avant-Couriere» два проекта законовъ о предоставленіи женщинамъ права свободно распоряжаться плодами своихъ трудовъ, если онѣ замужемъ, и быть свидѣтелями при совершеніи актовъ. Первый изъ этихъ проектовъ уже проведенъ въ парламентѣ, но въ изуродованномъ видѣ. Бельгійская докторша правъ, Марія Попеленъ, получившая свой дипломъ отъ Брюссельскаго университета, тщетно ведетъ многіе годы борьбу съ тамошней адвокатурой о принятіи ея въ адвокаты и должна довольствоваться ролью адвоката, дающаго совѣты, но не ведущаго дѣлъ въ судѣ. Эта неудача тѣмъ непонятнѣе, что въ Швеціи существуетъ женскій адвокатъ г-жа Ешельсонъ и съ большимъ успѣхомъ занимается адвокатской дѣятельностью во

всѣхъ судахъ. Марія Попеленъ состоитъ секретаремъ въ бельгійской лигѣ женскихъ правъ и пишетъ по женскому вопросу въ журналѣ этого общества краснорѣчивыя статьи. Слѣдуетъ еще замѣтить, что ея сестра Луиза Попеленъ извѣстный аптекарь—въ Брюсселѣ.

Медицина представлена очень скудно, хотя врачами женщины сдѣлались раньше всего и ихъ значительное число во всѣхъ странахъ, особенно въ Америкѣ; даже въ Россіи можно указать на цѣлый рядъ женщинъ-докторовъ: Кашеварову, Суслову, Шевелеву, Шабанову, Волкову, Эккертъ и т. д. Передъ нами же только четыре врача: одна голландка, одна уроженка Южной Америки и двѣ индустанки. О послѣднихъ, несмотря на естественно возбуждаемый интересъ этими піонерками цивилизаціи въ странѣ, омраченной огульнымъ невѣжествомъ, сказано въ «Revue Encyclopedique» только два слова. Одна изъ нихъ, докторъ Фреани-Кама, получила свой дипломъ въ Бомбейскомъ университетѣ, потомъ слушала университетскіе курсы въ Европѣ, добилась тамъ еще новыхъ ученыхъ степеней и теперь исполняетъ должность хирурга въ одной изъ бомбейскихъ больницъ. Докторъ Рукмабай, также уроженка Бомбея, тамъ же воспитывалась и тамъ же теперь практикуетъ медицину. Эрнестина Перецъ-Барагона, родомъ изъ Сантъ-Яго въ Южной Америкѣ, выдержала экзаменъ на доктора медицины въ мѣстномъ университетѣ и нѣсколько лѣтъ практиковала съ успѣхомъ въ Вальпарайзо, отличаясь удивительной энергіей во время холерной эпидеміи и никогда не отказывая въ даровой помощи бѣдному населенію. Въ 1887 году чилійское правительство отправило ее на казенный счетъ усовершенствоваться въ своихъ знаніяхъ, въ Европу, гдѣ она занималась во многихъ французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ. Во время ея пребыванія въ Берлинѣ она была допущена на медицинскій конгрессъ и принимала дѣятельное участіе въ его работахъ. Замѣчательно, что эта выдающаяся женщина, при всѣхъ своихъ серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, сохранила женственность, занимается съ успѣхомъ музыкой и любитъ въ свободныя минуты появляться въ свѣтскомъ обществѣ, танцуя на вечерахъ и удивляя всѣхъ своимъ остроуміемъ на обѣдахъ. Анета Якобсъ, первая въ Голландіи, получила дипломъ доктора медицины и тѣмъ проложила дорогу своимъ соотечественницамъ къ высшему образованію. Если отъ медицины мы перейдемъ къ естественнымъ наукамъ, то наше вниманіе остановится на двухъ докторахъ этихъ наукъ: полькѣ Михалинѣ Стефановской и русской—Софьѣ Переяславцевой. Первая занималась въ Женевскомъ университетѣ у профессоровъ Карла Фохта, Маврикія Шифера и Германа Фоля, въ лабораторіи котораго она изучала вліяніе свѣта на глаза артроподовъ. Этому предмету была посвящена ея диссертація, и женевскій университетъ впервые въ ея лицѣ призналъ женщину достойной диплома доктора естественныхъ наукъ и, кромѣ того, выдалъ ей премію Дави. Впослѣдствіи Стефановская продолжала заниматься своей

излюбленной наукой въ Парижѣ, а въ настоящее время работаетъ въ физіологической лабораторіи профессора Гегера въ Брюсселѣ; въ свободное время она пишетъ популярныя научныя статьи для польскихъ журналовъ и перевела нѣсколько сочиненій Фламмаріона и Реклю. Софья Переяславцева была студенткой въ Цюрихскомъ университетѣ, получила тамъ докторскій дипломъ и съ тѣхъ поръ постоянно занимается зоологическими изслѣдованіями на Черномъ морѣ, Неаполитанскомъ заливѣ и на берегахъ Франціи. Свои ученыя сочиненія она одинаково пишетъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Рядомъ, а, быть можетъ, и выше въ научномъ отношеніи, съ этими патентованными представительницами науки, надо поставить одну англичанку и двухъ француженокъ: г-жу Фосетъ, Клемансъ Ройэ и г-жу Фуко. Мистриссъ Фосетъ, жена извѣстнаго англійскаго экономиста и государственнаго человѣка, а также мать миссъ Филиппы Фосетъ, добившейся высшей ученой степени по математикѣ въ Кембриджскомъ университетѣ—считается одной изъ образованнѣйшихъ современныхъ женщинъ. Она спеціально занималась политической экономіей и написала образцовый краткій учебникъ этой науки. Кромѣ того, она занимаетъ видное мѣсто въ англійской публицистикѣ, постоянно пишетъ статьи въ журналахъ по научнымъ, литературнымъ и общественнымъ вопросамъ, напечатала очень живой и характерный романъ противъ пьянства и одна изъ первыхъ женщинъ въ Англіи, по стопамъ своего друга Джона Стюарта Милля, стала энергично проводить въ печати и на публичныхъ митингахъ идею о женскихъ правахъ. Достойной ея соперницей, по интеллектуальной силѣ и глубинѣ знаній, является г-жа Ройэ, которая главнымъ образомъ посвятила свои рѣдкія умственныя способности изученію политической экономіей. Она читала курсъ философіи для женщинъ въ Швейцаріи и получила вмѣстѣ съ Прудономъ премію, назначенную Ваадтскимъ кантономъ за лучшее сочиненіе о теоріи налоговъ, а это было тѣмъ замѣчательнѣе, что Прудонъ въ то самое время печатно отрицалъ умъ въ женщинахъ. Въ виду отстаиваемыхъ ею радикальныхъ и смѣлыхъ идей во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, ни одно изъ нихъ не могло уже заслужить академической награды. Самыя замѣчательныя изъ этихъ сочиненій: мастерской переводъ знаменитой книги Чарльза Дарвина—«Происхожденіе видовъ»; «Чѣмъ должна быть національная церковь въ республикѣ»; «Происхожденіе человѣка и общества», «Похоронные обычаи въ до-историческую эпоху»; «Добро и нравственный законъ». Кромѣ того, она написала философскій романъ «Близнецы Эллады», и до сихъ поръ постоянно сотрудничаетъ въ Journal des Economistes и Revue d'Anthropologie. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что она была одной изъ основательницъ женскаго движенія во Франціи. Г-жа Фуко такъ же замѣчатель-

ная ученая, но, благодаря тому, что ея мужъ—профессоръ санскритской литературы во французской коллегіи, она спеціально предавалась изученію индустанскихъ литературъ. Поэтому ея ученые труды касаются такихъ предметовъ, о которыхъ рѣдко говоритъ женское перо: главные изъ этихъ трудовъ:—«Исторія Будды, Сакія-Муни, отъ его рожденія до смерти», «Будистскія монахини отъ временъ Будды до нашихъ дней»; «Легенды древней Индіи». Однако г-жа Фуко находитъ время, между такими спеціальными занятіями, писать, подъ псевонимомъ Маріи Сумеръ романы и книги историческаго содержанія; такъ ей принадлежатъ: «Послѣдняя любовь Мирабо», «Героини Шекспира», «Пріятельницы Тамерлана», «Въ эпоху директоріи». Г-жа Дьёлафуа хотя можетъ занять мѣсто среди ученыхъ, но наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе, какъ смѣлая путешественница, описавшая свои странствованія живымъ, колоритнымъ языкомъ. Вмѣстѣ съ своимъ мужемъ она предприняла ученую экспедицію въ Персію, гдѣ принимала участіе во всѣхъ его трудахъ и произведенныхъ имъ раскопкахъ, результатомъ которыхъ служитъ богатая коллекція древностей въ Луврскомъ музеѣ. Во время своего путешествія она усвоила себѣ мужской костюмъ, какъ болѣе удобный, и, послѣ возвращенія во Францію, не перестаетъ его носить тѣмъ болѣе, что она находитъ, что пожалованный ей орденъ почетнаго легіона лучше идетъ къ мужскому сюртуку, чѣмъ къ женскому платью. Наибольшимъ успѣхомъ изъ ея сочиненій пользовались два тома описаній ея странствій: «Персія, Халдея и Созіана» и «Въ Сузѣ, дневникъ раскопокъ». Кромѣ того, она авторъ двухъ оригинальныхъ романовъ: «Братъ Пелагій», въ которомъ она ратуетъ за мужской костюмъ для женщинъ, какъ болѣе раціональный, и «Паризатисъ». Другая путешественница, г-жа Боннетенъ, жена писателя и также извѣстнаго странствователя по свѣту, первая изъ европейскихъ женщинъ посѣтила Суданъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и семилѣтнимъ ребенкомъ. Ея описаніе этого смѣлаго предпріятія возбуждаетъ живой интересъ, а высказанныя въ ея книгѣ и въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ идеи о колонизаціи изслѣдованной ею страны приняты къ руководству теперешнимъ министромъ колоній во Франціи. Она и ея мужъ самые ревностные сторонники женскаго движенія, и нельзя не отдать имъ справедливости, что они избрали лучшій путь для практическаго доказательства равноправности женщинъ, именно предпринявъ и совершивъ вмѣстѣ такое, до сихъ поръ считавшееся не женскимъ, дѣло, какъ экспедицію въ далекую невѣдомую страну.

———

III.

Женщина въ общественной дѣятельности и въ борьбѣ за свои права.

Наиболѣе выдѣляются въ галлереѣ современныхъ женщинъ «Revue Encyclopedique» тѣ изъ нихъ, которыя посвятили себя общественной дѣятельности и борьбѣ за свои права. Остановимся прежде всего на филантропкахъ и отведемъ первое мѣсто между ними г-жѣ Фуртадо-Гейне, женѣ богатаго парижскаго банкира, которая надняхъ умерла. Хоть чуждая Франціи по происхожденію, она родилась въ Парижѣ и провела въ немъ всю свою жизнь, посвящая свои милліоны на добрыя дѣла въ пользу французовъ, которыхъ она столько же любила, сколько ненавидѣла пруссаковъ. Поэтому во время войны 1870—1871 г. она устроила на свой счетъ обширный полевой лазаретъ для французской арміи и принимала самыя энергичныя мѣры для оказанія помощи плѣннымъ французамъ въ Германіи, а когда послѣ учрежденія Германской имперіи Гамбургъ лишился своихъ привилегій, какъ вольный городъ, то она велѣла сломать свой великолѣпный домъ въ этомъ городѣ, не желая имѣть ничего общаго съ Пруссіей. Что касается до ея филантропической дѣятельности въ Парижѣ, то невозможно указать всѣ формы, въ которыя она вылилась, но упомянемъ лишь о главнѣйшихъ созданныхъ ею учрежденіяхъ. Она основала: «Убѣжище Фуртадо-Гейне», гдѣ ежедневно болѣе тысячи бѣдныхъ дѣтей получаютъ пищу, одежду и медицинскую помощь; «Ясли», устроенныя по всѣмъ правиламъ новѣйшей науки; профессіональную школу юныхъ слѣпыхъ; великолѣпный саноторіумъ для больныхъ въ Ниццѣ и громадную больницу въ Круастикѣ; кромѣ того, она щедро содѣйствовала открытію Пастеровскаго института, за что ея бюстъ украшаетъ залу жертвователей, а французское правительство пожаловало ей орденъ почетнаго легіона. Однако добрыя дѣла не мѣшали этой почтенной милліонершѣ принимать горячее участіе въ художественномъ движеніи нашего времени, и въ своемъ роскошномъ замкѣ Рокенкуръ она собрала рѣдкую коллекцію историческихъ предметовъ ювелирнаго искусства. Но нѣтъ надобности имѣть милліоны и коллекціи драгоцѣнностей, чтобъ помогать неимущимъ, страждущимъ, и это блестяще доказала въ томъ же Парижѣ филантропическая дѣятельность миссъ Броенъ, голландки по происхожденію и англичанки по воспитанію. Въ тяжелую эпоху борьбы коммуны съ версальской арміей она явилась въ Парижъ съ собранными въ Англіи деньгами и вещами для бѣдныхъ и раненыхъ, съ тѣхъ поръ поселилась въ рабочемъ кварталѣ Бельвиль и такъ усердно заботится о нуждахъ его бѣднаго населенія, что ее тамъ единогласно прозвали, несмотря на антипатію

французовъ къ англичанамъ: «матерью Бельвиля». Она основала даровую лѣчебницу, рукодѣльную мастерскую и вечерніе классы для дѣтей и взрослыхъ. Несмотря на строго религіозный, протестантскій характеръ всей ея дѣятельности, она своей добротой, искренностью, энергіей и гуманностью расположила въ свою сторону самыхъ крайнихъ радикаловъ, и даже Луиза Мишель часто дѣйствовала съ ней заодно въ улучшеніи несчастной судьбы жертвъ междоусобной борьбы. Въ послѣднее время Миссъ Броенъ еще открыла два очень полезныхъ учрежденія: «Home», или убѣжище для одинокихъ женщинъ, и санаторіумъ на морскомъ берегу въ Кайэ для выздоравливающихъ женщинъ и дѣтей, а видя воочію, какъ гибельно дѣйствуетъ на рабочіе классы пьянство, она принимаетъ живое участіе въ пропагандѣ трезвости и состоитъ вице-предсѣдателемъ «Международнаго общества трезвости». Въ Парижѣ также дѣйствуетъ на общую пользу г-жа Марія Бекэ, основавшая пріютъ для роженицъ и общество кормленія грудью дѣтей. Къ области филантропіи надо отнести и устройство въ Парижѣ г-жей Марси, при содѣйствіи матери и тетки, располагающихъ большими средствами, перваго женскаго клуба. Онъ носитъ англійское названіе «Ladies Club» и не имѣетъ ничего, что могло бы напомнить политическое собраніе, или центры шумнаго веселья, чтобъ не сказать болѣе. Г-жа Марси пожалѣла бѣдныхъ одинокихъ, хорошо воспитанныхъ женщинъ, которыя не имѣютъ никакой возможности пріятно провести свои свободныя минуты, и создала для нихъ убѣжище, гдѣ онѣ за очень небольшой ежегодный взносъ находятъ прекрасное помѣщеніе для бесѣдъ, дешевый обѣдъ, читальню, музыкальныя собранія и т. д. Самой дѣятельной и энергичной филантропкой въ Германіи считается г-жа Лина Моргенштернъ, урожденная Бауеръ. Происходя изъ богатой купеческой семьи, она родилась въ Бреславлѣ и получила высшее образованіе, при чемъ основательно изучила естественныя науки, исторію, литературу, языки и музыку. Событія 1848 года придали ея мыслямъ демократическій складъ, и она основала среди молодежи существующее до сихъ поръ общество для улучшенія несчастной доли бѣдныхъ дѣтей. Выйдя замужъ, г-жа Моргенштернъ перебралась въ Берлинъ, который съ тѣхъ поръ и сдѣлался центромъ ея филантропической дѣятельности. Она основала: общество замужнихъ женщинъ, первую въ Берлинѣ школу кулинарнаго искусства съ лабораторіей для анализа съѣстныхъ припасовъ, вспомогательную кассу для служанокъ, ассоціацію для улучшенія быта рабочихъ, вечерніе курсы и вспомогательную кассу для работницъ, убѣжище для молодыхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ мѣста, или занятія, публичныя лекціи по гигіенѣ и первоначальной медицинской помощи и многочисленныя другія учрежденія того же благотворительнаго характера. Кромѣ того, г-жа Моргенштернъ проводила осуществляемыя ею на практикѣ гуманныя идеи въ литера-

турѣ и журналистикѣ. Она издаетъ недѣльную газету «Deutsche Hausfrauen Zeitung» и написала «Дѣтскій Рай», мастерское изложеніе Фребелевской системы, «Двѣсти біографій международныхъ женщинъ» и цѣлый рядъ повѣстей и разсказовъ для дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ. Она была одной изъ предсѣдательницъ недавняго женскаго конгресса въ Берлинѣ и обратила на себя вниманіе удивительнымъ тактомъ, съ которымъ она руководила бурными преніями.

Воспитаніе есть одна изъ тѣхъ отраслей женской дѣятельности, которую не отрицаютъ даже самые ярые враги женскаго интеллектуальнаго труда, а потому странно видѣть, что представительницами этой отрасли, которой занимаются сотни и тысячи женщинъ во всѣхъ странахъ, является только одна француженка, одна швейцарка и двѣ скандинавки. Г-жа Бонвіаль происходитъ изъ бѣдной рабочей семьи и посвятила себя съ молодости воспитанію народа. Во время Декабрской имперіи она подвергалась частымъ преслѣдованіямъ, но упорно вела свое полезное дѣло и основала въ Ліонѣ группу свободной мысли, а также литературный кружокъ. Во время франко-прусской войны она дѣятельно ухаживала за ранеными и устроила собственный полевой лазаретъ. Оказанное ею содѣйствіе къ созванію перваго международнаго рабочаго конгресса навлекло на нее судебное преслѣдованіе, и она сама защищала себя съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ Парижѣ и принимаетъ энергическое участіе во многихъ обществахъ и учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе народнаго образованія, улучшеніе положенія рабочихъ и уравненіе женскихъ правъ. На всемірную выставку въ Вѣнѣ г-жа Бонвіаль была послана делегаткой отъ Ліонскихъ рабочихъ и написала мастерской отчетъ о выставкѣ. Въ многочисленныхъ своихъ рѣчахъ на публичныхъ митингахъ она главнымъ образомъ настаиваетъ на національномъ развитіи народнаго образованія, что, по ея словамъ, подготовитъ окончательное освобожденіе человѣчества, такъ какъ невѣжество и происходящая отъ него нищета служатъ главными причинами рабскаго подчиненія одного пола къ другому и низшаго класса высшему. Датчанка Наталія Цале совершила въ продолженіе своей долговременной трудовой жизни великій педагогическій подвигъ.

Анна Моргенштернъ.

Простая учительница, она путемъ настойчивыхъ усилій добилась учрежденія въ Копенгагенѣ первыхъ женскихъ семинарій, то-есть школъ для образованія учительницъ. Эти училища до сихъ поръ называются въ честь ихъ основательницы училищами Цале, и, добившись своей цѣли, эта почтенная женщина всецѣло предалась образованію нѣсколькихъ поколѣній учительницъ. Но этого ей казалось мало, и въ 1877 году, она основала, цѣною большихъ финансовыхъ пожертвованій, школу для высшаго образованія женщинъ съ цѣлью подготовки къ университетскимъ экзаменамъ, доступъ къ которымъ открытъ для женщинъ въ Даніи съ 1860 года. Въ настоящее время въ этомъ образцовомъ училищѣ находится семь сотъ ученицъ и девяносто учителей и учительницъ. Г-жа Луцина Гагманъ играетъ въ Финляндіи роль апостола системы смѣшаннаго воспитанія. Съ 1886 года она состоитъ начальницей смѣшанной школы въ Гельсингфорсѣ, которая подготовляетъ къ университету юношей и молодыхъ дѣвушекъ на однѣхъ скамьяхъ и общимъ товарищескимъ трудомъ. Кромѣ своей педагогической дѣятельности, она предсѣдательствуетъ въ союзѣ финляндскихъ женщинъ, читаетъ лекціи и пишетъ какъ книги, такъ и журнальныя статьи, преимущественно по вопросамъ образованія и женскихъ правъ. Г-жа Шереръ ревностно исполняетъ въ одномъ изъ живописныхъ уголковъ Швейцаріи скромныя обязанности деревенской учительницы; но во время лѣтнихъ вакацій она ѣздитъ по различнымъ городамъ своей родины и читаетъ публичныя лекціи о современныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Это—первая швейцарка, дерзнувшая покинуть домашній очагъ для публичной каѳедры, и высказываемыя ею либеральныя идеи всюда встрѣчаютъ сочувственный пріемъ.

Елена Кей.

Рядомъ съ ревностными распространительницами народнаго образованія надо поставить двухъ француженокъ и одну шведку, которыя посвятили себя разрѣшенію рабочаго вопроса, тѣсно связаннаго съ вопросомъ о народномъ образованіи. Паула Минкъ, польскаго происхожденія, но натурализованная француженка, отличается удивительной энергіей, что она доказала во время франко-прусской войны, защищая во главѣ маленькаго отряда волонтеровъ городъ Оксеръ отъ пруссаковъ. Она была ранена въ открытомъ бою, но отказалась отъ почетнаго легіона на томъ основаніи, что она только

исполняла свой долгъ. Съ тѣхъ поръ она отдалась всецѣло защитѣ униженныхъ и оскорбленныхъ; у французскихъ рабочихъ нѣтъ болѣе искренняго и ревностнаго друга, какъ эта добрая мать семейства, которая на народныхъ митингахъ превращается въ пламеннаго мстителя за несправедливости теперяшняго общественнаго строя. Въ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, также какъ въ рѣчахъ и лекціяхъ, Паула Минкъ проводитъ самыя прогресивныя, соціальныя идеи, очень просто объясняя происхожденіе своихъ взглядовъ. «Соціализмъ, говоритъ она, стремится установить новое общество, основанное на трудѣ, правдѣ и справедливости; вотъ почему я соціалистка». Луиза Рузадъ, жена одного изъ членовъ парижскаго муниципальнаго совѣта, является столь же ревностнымъ дѣятелемъ соціальнаго движенія, такой же краснорѣчивой ораторшей и такой же дѣятельной сотрудницей радикальныхъ органовъ печати. Но еще большаго вниманія заслуживаетъ другъ шведскаго народа, Елена Кей, которую извѣстный критикъ Брандесъ называетъ «истинной представительницей шведскаго генія». Дочь шведскаго парламентскаго дѣятеля и знатной аристократки, она поставила цѣлью всей своей жизни стараться всѣми силами возвысить нравственное, умственное и матеріальное положеніе рабочихъ. Чтобъ заслужить ихъ довѣріе, она взяла мѣсто простой учительницы смѣшанной школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, а когда вполнѣ сроднилась съ ними, и они стали смотрѣть на нее, какъ на своего свѣтскаго духовника и лучшаго совѣтника во всѣхъ дѣлахъ, то выступила на болѣе обширную арену. Она основала съ помощью доктора Антона Нистрама «Шведскій рабочій институтъ», который помѣщается въ Стокгольмѣ въ прекрасномъ обширномъ зданіи и имѣетъ отдѣленія во многихъ провинціальныхъ городахъ. Тутъ читаются лекціи лучшими интелектуальными силами страны по всевозможнымъ предметамъ и въ популярной формѣ, а сама Кей преподаетъ шведскую литературу. Хотя она содѣйствуетъ распространенію соціальныхъ идей, но признаетъ соціализмъ не цѣлью, а средствомъ, такъ какъ ей претитъ идея объ обществѣ-машинѣ, и она стоитъ не за централизацію, а за отдѣльныя независимыя группы, гдѣ могли бы развиться выдающіяся личности. Кромѣ своей дѣятельности по рабочему вопросу, она читаетъ публичныя лекціи, сотрудничаетъ въ журналахъ, напечатала біографію своего друга Анны Лафлеръ, герцогини Каянелло, и теперь пишетъ популярную исторію шведской литературы.

На ряду съ положительной стороной общественной дѣятельности женщинъ стоитъ и отрицательная, не менѣе благотворная. Если онѣ ратуютъ на народное образованіе и улучшеніе положенія рабочихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ возстаютъ противъ трехъ коренныхъ общественныхъ золъ нашего времени: войны, пьянства и растлѣнія нравовъ. Борьбу женщинъ съ бичемъ войны, лежащей тяже-

лымъ пятномъ на современной цивилизаціи, представляетъ баронесса Берта Зутнеръ. Молодая, красивая, знатная, богатая, она посвятила всю свою жизнь на проповѣдь простой, по упорно отрицаемой истины: не убей. Въ книгахъ, въ статьяхъ, въ собственномъ спеціальномъ журналѣ «Долой оружіе», въ романѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, на конгрессахъ, публичныхъ митингахъ и въ длинномъ рядѣ лекцій— она съ одинаковымъ пламеннымъ краснорѣчіемъ проповѣдуетъ новый крестовый походъ противъ войны. Столь же упорную борьбу противъ пьянства ведутъ двѣ англичанки: лэди Сомерсетъ и мистриссъ Масинбердъ. Принадлежа къ высшей аристократіи, и также молодая, красивая, богатая, лэди Сомерсетъ энергично занимается пропагандой трезвости и женскихъ правъ. Она состоитъ предсѣдательницей «Ассоціаціи англійскихъ женщинъ для распространенія трезвости», редактируетъ два органа печати «The Womans Signal» и «The Womans Signal Budget» и одинаково извѣстна въ Америкѣ и Англіи, какъ краснорѣчивая ораторша. Но настоящей основательницей движенія противъ пьянства въ Англіи была мистриссъ Массинбердъ: она основала много обществъ, домовъ, гостиницъ и кофеенъ, на принципѣ трезвости. Вмѣстѣ съ тѣмъ она неутомимый апостолъ женскихъ правъ и съ этой цѣлью учредила клубъ піонерокъ, чтобы соединить женщинъ всѣхъ классовъ на почвѣ общаго труда для конечнаго ихъ освобожденія. Борьба женщинъ противъ растлѣнія современныхъ нравовъ принимаетъ двойной характеръ: однѣ видятъ главное зло въ регламентаціи разврата и проповѣдуютъ отмѣну законовъ, касающихся этого предмета, а другія занимаются только гуманной дѣятельностью среди проститутокъ, считая это лучшимъ средствомъ пресѣченія зла въ корнѣ. Самой крупной представительницей первой группы является англичанка мистриссъ Джозефина Бутлеръ, которая, поставивъ себѣ цѣлью отмѣну ненавистнаго ей англійскаго закона 1864 года, въ силу котораго впервые администрація этой страны стала регламентировать проституцію, — такъ успѣшно вела агитацію въ продолженіе семнадцати лѣтъ, что наконецъ переманила на свою сторону общественное мнѣніе и заставила парламентъ въ 1886 году исполнить ея желаніе. Полина Гранпрэ первая во Франціи смѣло рѣшилась принять участіе въ несчастной судьбѣ проститутокъ и образовала общество для оказанія помощи женщинамъ, выпущеннымъ изъ Сентъ-Лазарской тюрьмы, гдѣ содержатся проститутки по судебному, или административному распоряженію. Это общество имѣетъ цѣлью сохранить женщинъ отъ неминуемаго паденія и предоставить уже падшимъ созданіямъ средства къ возстановленію своего добраго имени трудомъ и честной жизнью. Двадцать пять лѣтъ трудилась надъ этимъ полезнымъ дѣломъ г-жа Гранпрэ, жертвуя своими матеріальными средствами, временемъ и здоровьемъ. Кромѣ практиче-

ской дѣятельности на благо излюбленныхъ ею несчастныхъ созданій, она написала двѣ книги по этому предмету и цѣлый рядъ романовъ, которые продавала въ пользу своего общества. Начатое г-жей Гранпрэ дѣло ревностно продолжаетъ Изабелла Божело, которая расширила дѣятельность общества, созданнаго ея предшественицей, и старается придать ему международный характеръ, для чего предпринимаетъ путешествія въ различныя страны и принимаетъ участіе въ международныхъ конгресахъ, на которыхъ обсуждаются вопросы, касающіеся современнаго положенія и правъ женщинъ.

Особую группу женщинъ, принимающихъ участіе въ общественной дѣятельности, составляютъ руководительницы женскаго движенія. Америка, гдѣ это движеніе пустило самые глубокіе ростки, имѣетъ въ нашей галлереѣ трехъ вполнѣ достойныхъ представительницъ. Елизавета Кади-Стантонъ первая въ Новомъ Свѣтѣ публично потребовала предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. Болѣе полувѣка она вела энергичную борьбу за улучшеніе положенія женщинъ и добилась многаго; ея пламенной дѣятельности обязаны американскія работницы тѣмъ, что ихъ несчастная доля стала нѣсколько сноснѣе, и она значительно содѣйствовала проведенію въ Нью-Іоркскомъ штатѣ закона о разводѣ. Въ ноябрѣ прошедшаго года она праздновала восьмидесятилѣтнюю годовщину дня своего рожденія, и въ честь этого событія былъ созванъ публичный митингъ въ Нью-Іоркѣ, на которомъ собралось двѣ тысячи представительницъ женскихъ обществъ всего свѣта. Она напечатала въ сотрудничествѣ съ Сузанной Антони и Мачихльдой Геджъ «Исторію избирательныхъ правъ женщины», а теперь, не смотря на свою старость, пишетъ подробный коментарій Библіи съ точки зрѣнія свободной мысли. Джулія Вардъ-Гове также принадлежитъ къ старѣйшимъ апостоламъ женскихъ правъ въ Америкѣ и Англіи. Она до сихъ поръ предсѣдательствуетъ въ клубѣ женщинъ Новой Англіи и пользуется большой популярностью. Мистриссъ Гове не только энергичный дѣятель въ женскомъ движеніи, но хорошая мать семейства, и въ высшихъ интеллектуальныхъ слояхъ американскаго общества ее носятъ на рукахъ. Въ этомъ-то главнымъ образомъ и заключается сила, какъ ея, такъ и другихъ передовыхъ американокъ; онѣ никогда не отпугиваютъ отъ себя общественнаго мнѣнія крайними мнѣніями, эксцентричностями или требованіями свободной любви. Поэтому всѣ ихъ уважаютъ и почтительно прислушиваются къ ихъ краснорѣчиво защищающему женскія права голосу. Въ настоящее время Берта Пальмеръ, жена одного изъ крупныхъ милліонеровъ въ Чикаго, стоитъ во главѣ женскаго движенія въ Новомъ Свѣтѣ, и на Колумбовой всемірной выставкѣ она предсѣдательствовала, въ женскимъ отдѣлѣ, ведя его такъ умѣло, что онъ вполнѣ выражалъ современное положеніе вопроса о жен-

скомъ трудѣ, во всѣхъ его фазахъ. Но не одна женщина въ свѣтѣ не занимаетъ такого первенствующаго положенія въ борьбѣ женщинъ за свои права, какъ лэди Абердинъ, дочь лорда Твидмута и жена теперешняго канадскаго генералъ-губернатора. Она еще молодой дѣвушкой основала въ Шотландіи общество для нравственнаго и умственнаго возвышенія служанокъ, въ которомъ теперь 9,000 человѣкъ, а потомъ учредила въ Ирландіи ассоціацію женскихъ ремеслъ, съ цѣлію поощренія рукодѣлія въ народѣ. Въ послѣдніе годы она замѣнила жену Гладстона въ предсѣдательствѣ «либеральной женской федераціи», а недавно создала международный совѣтъ женщинъ и энергично подготовляетъ первый конгрессъ этого союза въ Лондонѣ въ 1898 году. Благодаря ея иниціативѣ, въ Канадѣ женщины допущены членами въ комиссіи народнаго образованія, въ фабричную и торговую инспекцію, а также въ совѣты попечителей женскихъ тюремъ. Среди самыхъ дѣятельныхъ вожаковъ женскаго движенія въ Германіи находятся: Мина Кауеръ и Аугуста Фикертъ. Берлинъ служитъ центромъ дѣятельности одной, а Вѣна — другой. Предсѣдательница двухъ вліятельныхъ обществъ: «Verein Franenwohl» и «Hilfsverein Weibliche Angestellte», г-жа Кауеръ одинаково заботится о судьбѣ работницъ и положеніи образованныхъ женщинъ, для которыхъ она открываетъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года первый женскій клубъ въ Германіи по американскому образцу. Хотя она сама держится демократическихъ и даже соціальныхъ идей, но въ женскомъ движеніи не допускаетъ никакого партійнаго характера и стремится объединить всѣхъ женщинъ въ Германіи на почвѣ общей пользы. Такую же гуманную пропаганду ведетъ въ Австріи Аугуста Фикертъ, предсѣдательница ассоціаціи австрійскихъ женщинъ.

Первое общество женскихъ правъ въ Швеціи основано Анной Гіерта-Реціусъ, дочерью извѣстнаго политическаго дѣятеля и женою стокгольмскаго профессора; она извѣстна своей широкой филантропической дѣятельностью и основала въ шведской столицѣ цѣлый рядъ полезныхъ учрежденій: даровую вечернюю школу для молодыхъ работницъ, школу для изготовленія дѣтской одежды, общество «Пчелъ» для продажи предметовъ женскаго труда, первую въ Швеціи смѣшанную школу обоего пола, школу кулинарнаго искусства, рукодѣльную мастерскую и т. д. Благодаря ея стараніямъ, женщины были допущены въ члены школьныхъ совѣтовъ, и она пожертвовала капиталъ на учрежденіе первой стипендіи въ медицинской школѣ Стокгольма для студентокъ. Основательницей женскаго движенія въ Финляндіи была Елизавета Лофгренъ, и до сихъ поръ она руководитъ имъ, исполняя обязанности предсѣдательницы созданнаго ею союза финскихъ женщинъ. Энергичной ея помощницей состоитъ Розина Веттергофъ, сотрудница финляндскихъ журналовъ и газетъ, а также авторъ книги «Замѣтки о происхожденіи и развитіи

борьбы противъ проституціи за границей и въ Финляндіи». Большія услуги женскому дѣлу въ этой странѣ оказываетъ и Елена Вестермаркъ, публицистка, живописецъ и редакторша журнала «Современница». Польскія женщины обязаны иниціативой движенія въ ихъ пользу Паулинѣ Кучельской-Рейншмидтъ, предсѣдательницѣ общества поощренія женскаго труда и издательницѣ женскаго журнала въ Львовѣ подъ названіемъ «Кормило». Бельгійская публицистка и романистка Маргарита Ванъ-деръ-Виле усердно занимается женскимъ вопросомъ въ печати и составила себѣ спеціальность въ отросли женскаго художественнаго труда, предпринявъ нѣсколько путешествій въ разныя страны съ офиціальнымъ порученіемъ отъ правительства изучить художественныя женскія школы. Итальянка Кавальери, предсѣдательница «Комитета для улучшенія нравственаго, интеллектуальнаго и юридическаго положенія женщины», всѣми силами старается распространить на своей родинѣ общее сочувствіе къ равноправности женщинъ.

Во главѣ женскаго движенія во Франціи стоятъ Марія Поньонъ, предсѣдательница послѣдняго женскаго конгресса въ Парижѣ и французской лиги женскихъ правъ, и Евгенія Потонье-Пьеръ, создавшая много женскихъ обществъ, въ томъ числѣ «Союзъ французскихъ женщинъ для распространенія идеи мира» и «Ассоціацію солидарности». Дѣятельно работаютъ въ томъ же направленіи г-жа Фересъ-Дерэмъ, сестра знаменитаго апостола женскаго образованія во Франціи Маріи Дерэмъ, предсѣдательница общества улучшенія участи женщинъ, и г-жа Винцентъ, избравшая себѣ спеціальностью изученіе той роли, которую женщины играли въ исторіи. Горячее, хотя отчасти любительское участіе въ пропагандѣ женскихъ правъ принимаетъ съ нѣкоторыхъ поръ пресловутая герцогиня Юэесъ, бывшая покровительница Буланже и бросающаяся во всѣ стороны, чтобъ пополнить пустоту своей блестящей свѣтской жизни; такъ она въ одно время даетъ царственныя празднества, устраиваетъ громадныя охоты, пишетъ романы, изъ которыхъ одинъ «Жюльенъ Мали» съ яркой соціалистической подкладкой, ставитъ пьесы на парижскихъ театрахъ, лѣпитъ статуи, посѣщаетъ съ филантропическою цѣлью трущобы и подписываетъ манифестъ къ французскимъ женщинамъ въ передовомъ женскомъ журналѣ «L'avan-Courriere». Этотъ главный органъ французскихъ женщинъ издаетъ Жанна Шмаль, по происхожденію англичанка, но натурализованная француженка. Она въ особенности отличается умѣреннымъ, сдержаннымъ и практическимъ характеромъ своей дѣятельности, поэтому имѣетъ многихъ сторонницъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Также иностранки, но совершенно офранцузившіяся, англичанка Марія Мартинъ и нѣмка Гріесъ-Траутъ, усердно дѣйствуютъ на пользу женскаго движенія: первая пламенная ученица Фурье, а послѣдняя редактируетъ «Journal des femmes».

Совершенно одинокое положеніе въ галлереѣ современныхъ женщинъ занимаетъ ирландская патріотка миссъ Модъ Гоннъ. Молодая, хорошенькая и богатая дочь англійскаго землевладѣльца въ Ирландіи, она осталась сиротой въ юности и, видя горькую судьбу ирландскаго народа, отдалась всѣмъ сердцемъ и умомъ дѣлу его національной независимости. Перомъ въ печати и краснорѣчивой, образной рѣчью на публичныхъ собраніяхъ, на родинѣ, въ Англіи и на континентѣ, она уже много лѣтъ ведетъ борьбу за ирландское самоуправленіе, какъ ступень къ совершенному освобожденію зеленаго острова отъ столь долго продолжавшагося англійскаго ига. Эта восторженная патріотка представляетъ оригинальную, высоко симпатичную фигуру среди современныхъ женщинъ, и съ ней сравнить можно только героиню кубанскаго возстанія—Матильду Аграманте-и-Варана, которая, къ сожалѣнію, не вошла въ галлерею Revue Encyclopedique, хотя пополнила бы недостающій тамъ элементъ женщины-воина. Эта Орлеанская Дѣвственница конца XIX столѣтія приняла энергичное участіе въ дѣйствіяхъ отряда генерала Масео и умерла геройской смертью. Окруженная испанцами, она гордо отвѣчала пистолетнымъ выстрѣломъ на предложеніе сдаться въ плѣнъ и упала, сраженная двѣнадцатью пулями, съ громкимъ крикомъ: «Да здравствуетъ свободная Куба».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Профессоръ А. С. Алексѣевъ. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. М. 1896. — Профессоръ А. Н. Филипповъ. Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. (По поводу брошюры профессора А. С. Алексѣева «Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ» etc.). М. 1896.

ТРАННАЯ судьба верховнаго тайнаго совѣта въ нашей исторической литературѣ. Учрежденіе, во всякомъ случаѣ, любопытное и по своему началу, и по своей дѣятельности, до сихъ поръ не имѣетъ своей исторіи: изслѣдователи, историки и юристы говорятъ о немъ лишь мимоходомъ, кстати говорить о немъ на первыхъ страницахъ своего изслѣдованія о воцареніи Анны Іоанновны профессоръ Корсаковъ, мимоходомъ затрогиваетъ его въ своемъ трудѣ, посвященномъ государственному хозяйству Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія, г. Милюковъ, «по стольку, по скольку это служитъ главной цѣли», касается совѣта и профессоръ Филипповъ въ своемъ большомъ изслѣдованіи «Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 1895». Выводамъ г. Филиппова, совпадающимъ большей частью съ выводами другихъ ученыхъ, не посчастливилось: московскій профессоръ А. С. Алексѣевъ выступилъ противъ нихъ съ обширнымъ разборомъ, печатавшимся сначала въ «Русскомъ Обозрѣніи», а теперь вышедшимъ отдѣльной книжкой съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Легенда— это взгляды г. Филиппова и другихъ ученыхъ на возникновеніе и дѣятельность совѣта, а книжкой своей г. Алексѣевъ хочетъ доказать, что «пора выбросить

за бортъ нашей исторической литературы старую легенду объ олигархическомъ происхожденіи верховнаго тайнаго совѣта». По нашему мнѣнію, профессору Алексѣеву врядъ ли удалось выбросить за бортъ старую легенду, и мы боимся того, что почтенному профессору «придется пожалѣть о потраченномъ трудѣ», такъ какъ своими «скучными страницами» ему не удалось доказать, что «учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта не стоитъ въ связи съ притязаніями русскаго боярства» (Алексѣевъ, стр. 54). Въ статьяхъ своихъ, печатавшихся сначала въ «Русской Мысли», а теперь вышедшихъ отдѣльно, профессоръ Филипповъ даетъ дѣльную критику взглядовъ профессора Алексѣева, воздерживаясь при этомъ отъ разнаго рода, болѣе или менѣе злыхъ и острыхъ, полемическихъ выходокъ, которыми такъ богата брошюра г. Алексѣева.

Профессоръ Филипповъ, коснувшись въ своемъ изслѣдованіи тайнаго совѣта и занявшись попутно имъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Необходимость поставить надъ сенатомъ высшее учрежденіе, стоящее въ непосредственномъ отношеніи къ высшей власти, подающее совѣты, чувствовалась еще задолго до 8-го февраля 1726 года, дня установленія совѣта. Еще Петръ, учреждая должность генералъ-прокурора, стремился создать органъ, долженствовавшій быть связующимъ звеномъ между высшей властью и сенатомъ. При супругѣ Петра оказалось крайне неудобнымъ существованіе личнаго посредника, можетъ быть, въ виду счетовъ партій, можетъ быть, вслѣдствіе характера самаго лица, исполнявшаго обязанности генералъ-прокурора. Недостатокъ въ совѣщательномъ учрежденіи, давшій себя сильно чувствовать въ первый годъ царствованія Екатерины I, восполнялся на практикѣ неорганизованными совѣщаніями высшихъ сановниковъ, стоявшихъ у престола. Эти мотивы къ созданію учрежденія, стоявшаго надъ сенатомъ, приводилъ и именной указъ 8-го февраля 1726 года, установлявшій верховный тайный совѣтъ. Были и другія причины, вызвавшія къ жизни учрежденіе совѣта въ данной, а не въ иной формѣ. Эти причины лежатъ въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Екатерины I. Еще при жизни Петра, какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и при дворѣ, рѣзко обозначились два направленія, двѣ партіи: люди, сочувствовавшіе реформѣ, помогавшіе реформатору, и люди старые, родовитые, не сочувствовавшіе преобразованіямъ. Первые группировались около Петра и Екатерины, послѣдніе держались за царевича Петра. Они, волей-неволей смирявшіе себя при царѣ, хорошо помнили о своихъ старыхъ правахъ, о своихъ предкахъ, покушавшихся не разъ въ прежнія времена на ограниченіе самодержавной власти. Они ждали смерти царя и воцаренія великаго князя, съ воцареніемъ же его они разсчитывали все забрать въ свои руки. Понятно ихъ раздраженіе, когда имъ пришлось поздравлять съ воцареніемъ супругу Петра, за которой стояли ненавистные имъ худородные люди, а во главѣ ихъ Меншиковъ. Понятно, что они рѣшились, наконецъ, сами дѣйствовать для прибавленія власти, а обстоятельства въ то время какъ разъ были за нихъ. Екатерину не любили; сердца, какъ писалъ Бассевичъ, министръ голштинскаго герцога, были на сторонѣ царевича; большое украинское войско зависѣло отъ воли ихъ единомышленника и типичнаго представителя ихъ мнѣній князя Го-

лицына, того самаго Голицына, который въ 1730 году редактировалъ ограничительныя кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ. Такимъ образомъ, они, пользуясь этими обстоятельствами, начали оказывать давленіе, и волей-неволей Екатеринѣ приходилось выбросить этимъ вельможамъ кусокъ, принять ихъ въ тотъ совѣтъ, который долженъ былъ быть при особѣ государя, и въ которомъ давно уже была нужда. «Вновь созданный верховный тайный совѣтъ, отвѣчая необходимости объединить «первыхъ сенаторовъ»-министровъ въ общемъ учрежденіи, въ то же время въ извѣстной степени давалъ выходъ стремленіямъ къ власти стараго родовитаго и новаго худороднаго дворянства: то и другое теперь могло, чтó затѣмъ и случилось, вступить «въ борьбу за власть въ самомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ» (Филипповъ, Исторія сената, стр. 28). Такъ смотритъ на возникновеніе совѣта профессоръ Филипповъ. Такая точка зрѣнія обусловливаетъ его взгляды на дѣятельность совѣта: созданный властолюбіемъ нѣсколькихъ лицъ, совѣтъ поспѣшилъ проявить свои олигархическія тенденціи въ своей дѣятельности и, наконецъ, блистательно завершилъ ихъ кондиціями, предложенными Аннѣ Іоанновнѣ.

Профессоръ Алексѣевъ, отрицая всякое вліяніе партійной борьбы и, какъ увидимъ дальше, самую борьбу, думаетъ, что учрежденіе совѣта было, главнымъ образомъ, дѣломъ Екатерины: «ей нуженъ былъ совѣтъ, который служилъ бы сдержкой честолюбія сильныхъ персонъ и который бы давалъ ей возможность выслушивать совѣты не того или другого властнаго человѣка, а взвѣшенныя достодолжнымъ образомъ мнѣнія цѣлаго учрежденія, организованнаго на началѣ равноправности членовъ. Такимъ учрежденіемъ и явился верховный тайный совѣтъ» (проф. Алексѣевъ, стр. 10). Этотъ совѣтъ былъ учрежденіемъ совѣщательнымъ и никакихъ олигархическихъ тенденцій въ царствованіе Екатерины I не проявлялъ. Какъ видите, воззрѣнія г. Алексѣева прямо противоположны выводамъ профессора Филиппова. Намъ кажется, что профессоръ Филипповъ своимъ возраженіемъ окончательно выяснилъ вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ правда. На самомъ дѣлѣ, противъ мнѣній профессора Алексѣева говорятъ очень многія обстоятельства. Если, по мнѣнію г. Алексѣева, Екатеринѣ нуженъ былъ совѣтъ, устранявшій отъ нея возможность выслушивать мнѣнія того или другого властнаго человѣка, то вѣдь окажется, что совѣтъ нисколько не устранилъ этихъ властныхъ людей и ихъ властныхъ совѣтовъ: исторія царствованія Екатерины представитъ тому много примѣровъ. Затѣмъ, нужно обратить вниманіе на отношенія, существовавшія между совѣтомъ и императрицей. Намъ кажется, г. Алексѣевъ ошибается именно въ силу того, что не различаетъ положеніе de jure и положеніе de facto. Лишними и не заслуживающими вниманія кажутся намъ насмѣшки надъ г. Филипповымъ, различающимъ эти положенія и подходящимъ къ вѣрному рѣшенію вопроса. Положеніе de jure было таково: 16-го марта 1726 года члены совѣта подаютъ «мнѣніе не въ указъ» о новоучрежденномъ тайномъ совѣтѣ, который служитъ только «къ облегченію ея величества въ тяжкомъ бремени правленія». Положеніе de facto—составляются даже безъ доклада императрицѣ постановленія 28-го марта 1726 года и 10-го апрѣля 1727 года. Странно было бы согласиться съ мнѣніемъ профессора Алексѣева, который, не находя въ журналахъ

совѣта апробацій императрицы, тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что «апробаціи были, да исчезли». (Это мнѣніе г. Алексѣева подробно и основательно разбираетъ профессоръ Филипповъ въ своей брошюрѣ). Изъ этого сопоставленія двухъ положеній ясно можно видѣть, что совѣтники для облегченія ея величества въ тяжкомъ бремени совершенно не считаютъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія императрицы кое-какія дѣла.

Для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Алексѣеву, видящему въ учрежденіи совѣта только желаніе императрицы имѣть совѣтниковъ и ничего болѣе, нужно было отвергнуть самую борьбу партій, даже существованіе ихъ. Профессоръ Алексѣевъ утверждаетъ, что при Екатеринѣ не было партій, были лишь лица, стремившіяся удовлетворять твое честолюбіе. Это утвержденіе прямо «звучитъ насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ» (беремъ выраженіе профессора Алексѣева, примѣненное имъ къ г. Филиппову). Нельзя серьезно останавливаться на разборѣ подобнаго взгляда: пристальное чтеніе хотя бы «Исторіи Россіи» Соловьева (т. XVIII) могло бы дать профессору Алексѣеву нѣкоторыя данныя по вопросу о партіяхъ, которыя заставили бы его отказаться отъ своихъ мнѣній.

Остановимся на одномъ любопытномъ пріемѣ профессора Алексѣева. Изслѣдователи тайнаго совѣта, указывая на то, что стремленіе къ ограниченію власти чувствовалось въ воздухѣ, приводятъ въ подтвержденіе своихъ словъ свидѣтельства иностранцевъ, между прочимъ Лефорта. Г. Алексѣевъ цитируетъ фразу изъ письма Лефорта, на которую ссылается г. Милюковъ. «Начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тиранніи и очень хорошо чувствуютъ, что правленіе женщины не можетъ быть деспотичнымъ». Приведя эту фразу, профессоръ Алексѣевъ пишетъ: «ни одинъ непредубѣжденный читатель не увидитъ въ этой фразѣ указаній на какія бы то ни было стремленія къ политической самостоятельности» (г. Алексѣевъ, стр. 30). Да, пожалуй, это вѣрно: дѣйствительно, въ этихъ словахъ ничего такого нѣтъ, но дѣло въ томъ, что конецъ этой фразы, опущенный г. Алексѣевымъ, гласитъ нѣчто другое, и; что́ удивительно, самъ же г. Алексѣевъ приводитъ его на стр. 29 въ такомъ видѣ: «начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тиранніи и чувствуютъ, что правленіе женщины не можетъ быть деспотичнымъ. Но я вижу, что тронъ ускользаетъ». Читатель можетъ самъ судить, могъ ли г. Милюковъ привести эту фразу для доказательства своего мнѣнія.

Не будемъ утруждать далѣе вниманія читателя, имѣющаго возможность составить мнѣніе о выводахъ и пріемахъ московскаго профессора. Заканчивая свою замѣтку, не можемъ не высказать своего удивленія по поводу слѣдующаго обстоятельства. Въ своемъ курсѣ государственнаго права (3-е изд., М., 1895 г., стр. 320, 321) профессоръ Алексѣевъ высказывалъ взгляды, сходные съ взглядами г. Филиппова и совершенно противоположные высказываемымъ имъ теперь взглядамъ.

П. Щ.

Культурно-историческая библіотека. Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Соч. Гастона Буасье, автора соч. «Паденіе язычества», «Цицеронъ и его друзья», «Римская религія при Антонинахъ» и др. Переводъ съ французскаго Е. В. Дегена. Съ приложеніемъ статьи того же автора «Газета въ Римѣ», въ переводѣ Н. П. Новоборской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896.

Гастонъ Буасье, одинъ изъ лучшихъ французскихъ историческихъ писателей, посвятилъ всю свою многолѣтнюю жизнь изслѣдованію развитія римской культуры. Его превосходные труды, изъ коихъ многіе уже переведены на русскій языкъ, всегда находили и находятъ огромный кругъ читателей, такъ какъ при строгой научности они написаны всегда такимъ живымъ и образнымъ языкомъ, изобилуютъ такими роскошными картинами жизни и нравовъ давно минувшаго времени, что невольно возбуждаютъ интересъ къ себѣ даже и въ людяхъ, вообще не интересующихся исторіей Рима. Въ самые сухіе, мертвые факты Буасье умѣетъ вложить душу живую, умѣетъ освѣтить ихъ такъ, что они проходятъ передъ читателями вереницей пестрыхъ, красивыхъ образовъ, всегда при этомъ проникнутыхъ общей идеей, а потому оставляющихъ въ умѣ не урывки знаній, а полное, законченное представленіе о всей изображаемой эпохѣ. По сочиненіямъ Буасье надо учиться, какъ писать популярныя книги, не лишая ихъ, однако, характера научности. Французы вообще превосходные популяризаторы, но солидные ученые между ними рѣдки; большинство ихъ научныхъ произведеній, особенно въ области древней исторіи, представляютъ изъ себя лишь компиляціи изъ многотомныхъ, тяжелыхъ сочиненій представителей нѣмецкой исторической науки. Буасье въ этомъ отношеніи является однимъ изъ немногихъ счастливыхъ исключеній: въ его трудахъ видна бездна совершенно самостоятельной и весьма серьезной работы; взгляды, имъ высказываемые, часто противорѣчатъ общепринятымъ, причемъ мотивировка ихъ всегда блестяща и обнаруживаетъ въ авторѣ глубокую эрудицію.

Таковы достоинства историческихъ трудовъ Буасье. Всѣми ими отличаются и «Картины древне-римской картины». Во французскомъ оригиналѣ, появившемся первымъ изданіемъ въ 1875 году, книга эта носитъ названіе «L'opposition sous les Césars». Въ ней авторъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ свободолюбивые римляне могли выносить страшный деспотизмъ первыхъ цезарей, не существовала ли въ Римѣ оппозиція, и если существовала, то какова была ея сила. По господствующему въ средѣ германскихъ ученыхъ воззрѣнію, такая оппозиція не только имѣла мѣсто, но и отличалась весьма грандіозными размѣрами, будучи основана на началахъ чисто республиканскихъ; только кровавая расправа, постоянно практиковавшаяся со стороны первыхъ императоровъ по отношенію къ заговорщикамъ и революціонерамъ, могла подавлять эту оппозицію, а потому такая расправа была вполнѣ законна и необходима. Буасье не только не соглашается съ подобнымъ взглядомъ, но проводитъ взглядъ, совершенно противоположный.

Онъ изслѣдуетъ прежде всего состояніе различныхъ группъ населенія имперіи съ цѣлью опредѣлить, были ли у каждой изъ нихъ причины для недо-

вольства императорскимъ режимомъ, и приходитъ къ тому выводу, что такія причины могли существовать только у однихъ жителей самаго города Рима. Что касается войска, провинцій и муниципій, то смѣна республики имперіей могла быть для нихъ только пріятна. Римскіе солдаты, «привыкнувъ видѣть благо въ единствѣ командованія, понимали только такую власть, которая была представлена въ лицѣ одного человѣка; имя императора резюмировало для нихъ отечество» (стр. 11). Провинціи, во времена республики изнемогавшія подъ тяжестью незаконныхъ поборовъ со стороны перемѣнявшихся ежегодно проконсуловъ и пропреторовъ, отдохнули подъ владычествомъ цезарей, которые изъ собственныхъ выгодъ старались защитить провинціи отъ произвола властей, а потому со стороны провинціаловъ встрѣчали одно расположеніе. Что касается, наконецъ, муниципій, то-есть городовъ, обладавшихъ правомъ римскаго гражданства, то перемѣна формы правленія была для нихъ безразлична: въ римской республикѣ никогда не существовало того, что мы называемъ представительнымъ правленіемъ, когда въ рѣшеніи судебъ государства участвуютъ черезъ представителей всѣ его жители; верховное управленіе находилось исключительно въ рукахъ обитателей города Рима, муниципіи же не принимали въ немъ никакого участія, а потому для нихъ не представлялъ никакой важности вопросъ о тѣхъ правахъ, которыя императоры отняли у римлянъ. Самимъ муниципіямъ было оставлено полное самоуправленіе: «такія сцены комицій и народныхъ собраній, о которыхъ въ Римѣ остались лишь отдаленныя воспоминанія, были живою дѣйствительностью на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ его стѣнъ» (стр. 29).

Значитъ, если и можно искать гдѣ нибудь недовольства имперіей, то только въ Римѣ, гордомъ, свободолюбивомъ Римѣ, много столѣтій не знавшемъ надъ собой никакой иной верховной воли, кромѣ воли самого римскаго народа, и долженствовавшемъ такъ безраздѣльно покориться произволу цезарей. И дѣйствительно,—утверждаетъ Буасье,—въ Римѣ существовала оппозиція, но ни по силѣ, ни по цѣлямъ своимъ она не заслуживала тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя практиковались противъ нея императорами. Даже болѣе того, такія мѣры и были главнѣйшей причиной возникновенія и развитія оппозиціи. Она по большей части была характера молчаливаго, почти никогда не выражалась слишкомъ открыто; голоса недовольныхъ можно было услышать лишь въ очень тѣсныхъ кружкахъ единомыслящихъ людей, главнымъ образомъ на семейныхъ пиршествахъ. Простой народъ къ тому же даже и въ этихъ слабыхъ проявленіяхъ недовольства существующимъ порядкомъ вещей не принималъ почти никакого участія: выродившіеся потомки гордыхъ республиканцевъ были часто вполнѣ искренно привязаны къ своимъ повелителямъ и требовали отъ нихъ только хлѣба и зрѣлищъ; верховное управленіе государствомъ нисколько ихъ не занимало. Въ рядахъ оппозиціи мы встрѣчаемъ только «свѣтскихъ» людей, то-есть такихъ, которые пользовались доступомъ ко двору, или, по крайней мѣрѣ, имѣли основаніе туда стремиться по своему происхожденію или общественному положенію. Будучи постоянно на виду у цезаря, эти люди могли каждую минуту опасаться подпасть подъ его гнѣвъ, а потому естественно всегда чувствовали желаніе замѣнить взбалмошнаго и жестокосердаго государя дру-

гимъ, болѣе мягкимъ и спокойнымъ. Но къ этой и только одной этой замѣнѣ одного лица другимъ и направлялись всѣ ихъ вожделѣнія; богатые, изнѣженные, они не могли желать возвращенія республики, даже, напротивъ, могли только страшиться такого оборота дѣла. «Они, — читаемъ мы на 273 стр. книги Буасье:—знали, что свобода, какъ говоритъ Сенека, не достается даромъ, а такъ какъ они не чувствовали въ себѣ достаточно силы, чтобы заплатить за свободу то, чего она стоитъ, то они легко и утѣшались въ ея потерѣ». Ни одинъ изъ составленныхъ ими заговоровъ, о коихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, извѣстный заговоръ Петронія, не имѣлъ республиканскаго характера и ставилъ своей цѣлью только перемѣну въ лицѣ правителя. Даже въ произведеніяхъ писателей, обыкновенно признаваемыхъ оппозиціонными, каковы: Луканъ, Тацитъ и Ювеналъ, мы нигдѣ не встрѣтимъ республиканскихъ тенденцій. Такимъ образомъ, если до-императорская исторія римскаго государства указываетъ намъ на то, что въ Римѣ при цезаряхъ могла существовать сильная республиканская оппозиція, то разсмотрѣніе состоянія римскаго оощества, да и самые факты, приводятъ насъ къ заключенію, что въ дѣйствительности она не имѣла мѣста.

Посему жестокости цезарей не могутъ быть оправдываемы необходимостью борьбы съ революціонерами; онѣ зависѣли исключительно отъ личныхъ качествъ каждаго цезаря и качествъ лицъ, его окружавшихъ. Съ водвореніемъ на престолѣ кроткаго Нервы оппозиція перестала проявляться; а если и высказывалось недовольство, то почти исключительно по отношенію къ временамъ прошедшимъ.

Такова теорія Буасье; какъ теорія, она, конечно, можетъ быть оспариваема, и противъ нея можно привести много доводовъ. Но нельзя не сознаться, что доказана она превосходно, съ громаднымъ знаніемъ дѣла, иллюстрирована весьма солидными документальными данными, а потому появленіе на русскомъ языкѣ заключающей ее книги нельзя не признать весьма желательнымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу.

Переводъ сдѣланъ весьма удовлетворительно, хорошимъ языкомъ, почти вполнѣ передающимъ живость и яркость языка подлинника. Въ концѣ русскаго изданія приложены библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ эпохѣ, описываемой въ сочиненіи Буасье, и небольшая статья того же автора «Газета въ Римѣ». Указатель составленъ довольно подробно и добросовѣстно, а потому является очень полезнымъ дополненіемъ къ книгѣ. Что же касается статьи, то, обладая достоинствами, присущими вообще всѣмъ историческимъ трудамъ Буасье, она мало вяжется съ содержаніемъ самой книги и придаетъ сей послѣдней вовсе не желательный видъ альманаха.

К. Лосскій.

А. Ѳ. Кони. За послѣдніе годы. Спб. 1896.

Этотъ сборникъ трудовъ за послѣдніе годы А. Ѳ. Кони составляетъ продолженіе книги «Судебныя рѣчи» (нынѣ вышедшей 3-имъ изданіемъ) и служитъ новымъ памятникомъ участія автора въ нашей судебно-юридической жизни.

Рѣдкія книги могутъ имѣть болѣе глубокое общественное значеніе. Для юристовъ, какъ уже было замѣчено гдѣ-то, оба эти тома должны служить настольными книгами. Это прежде всего—школа судебнаго краснорѣчія. На разныхъ ступеняхъ судейской карьеры выступая обвинителемъ, предсѣдателемъ суда, оберъ-прокуроромъ сената, А. Ѳ. Кони выработалъ формы и пріемы судебной рѣчи, которымъ, безъ сомнѣнія, будутъ слѣдовать многія поколѣнія русскихъ «говорящихъ» судей. Не менѣе поучителенъ самый методъ построенія рѣчей, равно какъ и методъ изслѣдованія и рѣшенія вопросовъ права. Съ этой точки зрѣнія сборники рѣчей А. Ѳ. Кони являются настоящими руководствами по методологіи юридической практики. Рядомъ съ этимъ читатель найдетъ здѣсь многочисленные примѣры тонкаго анализа нашихъ законовъ и юридическихъ институтовъ: среди знатоковъ права, авторъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Его толкованія законовъ имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что онъ обладаетъ рѣдкою способностью связывать вопросы права съ вопросами жизни. Для него право—не совокупность отвлеченныхъ нормъ, а явленіе, полное жизни. Даже въ кассаціонномъ сенатѣ, призванномъ, не касаясь существа дѣла, устанавливать или отвергать наличность нарушеній закона при разсмотрѣніи дѣла въ низшихъ инстанціяхъ, его рѣчи вбѣгаютъ далеко въ жизнь, и «кассаціонные поводы» выясняются, какъ явныя нарушенія справедливости. Вотъ почему чтеніе его рѣчей оставляетъ, можно сказать, утѣшающее впечатлѣніе; вѣрится, что въ его опытныхъ рукахъ право является нормой высшей справедливости; его могучій умъ проникаетъ въ самую глубь закона и извлекаетъ оттуда самое разумное и самое гуманное его толкованіе; истинная правда сливается съ истинной человѣчностью, и торжествующая справедливость ведетъ къ добру и счастью. Такой юристъ заставляетъ любить право и дорожить имъ. Въ его «многогранной» душѣ право отражается всѣми своими сторонами и пріобрѣтаетъ глубокій смыслъ и значеніе.

Вызванный на поприще судебной дѣятельности судебной реформой 1864 г., А. Ѳ. Кони, будучи однимъ изъ лучшихъ выразителей и истолкователей основныхъ началъ Уставовъ императора Александра II, былъ всегда и вѣрнымъ ихъ защитникомъ. Въ сборникѣ «За послѣдніе годы» читатель найдетъ нѣсколько статей, написанныхъ въ разное время и направленныхъ въ защиту этихъ началъ и въ особенности суда присяжныхъ. Такъ еще въ 1880 году, во время перваго похода противъ новыхъ судовъ, А. Ѳ. Кони писалъ: «обнаруженіе небольшихъ недостатковъ и недосмотровъ вполнѣ естественно въ громадномъ зданіи, созданномъ судебной реформой. Самая незначительность ихъ блестящимъ образомъ доказываетъ, какъ хороша, какъ прочна вся работа въ цѣломъ» (Судебная реформа и судъ присяжныхъ, стр. 435). 15 лѣтъ спустя, когда нападки эти еще болѣе ожесточились, онъ снова такъ выражался о предпринимаемомъ пересмотрѣ уставовъ: «пересмотръ этотъ пойдетъ самостоятельнымъ и широкимъ путемъ—къ удовлетворенію населенія въ доступномъ, скоромъ и справедливомъ судѣ, при соблюденіи уваженія и вниманія къ трудамъ и завѣтамъ предшественниковъ и при безусловномъ сохраненіи въ новыхъ начертаніяхъ основныхъ началъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣч-

ности» (О новыхъ теченіяхъ въ уголовномъ процессѣ Италіи и Германіи; стр. 427).

Эта вѣрная защита принциповъ Уставовъ 1864 г. понятна со стороны дѣятеля, который, можно смѣло сказать, выняньчилъ, поставилъ на ноги новый судъ. Онъ не можетъ не любить его. Онъ пишетъ, что «имѣлъ счастье трудныя судейскія обязанности раздѣлять съ присяжными» (Власть суда въ примѣненіи наказанія, стр. 558), и съ любовью вспоминаетъ «радостные, полные жизни дни» открытія новыхъ судовъ и первыхъ судебныхъ дѣятелей (Новые мѣха, новое вино). Многихъ изъ этихъ дѣятелей уже нѣтъ въ живыхъ. Но они живы въ тѣхъ мастерскихъ некрологахъ, которые читатель найдетъ въ этомъ же сборникѣ «за послѣдніе годы». Талантливою кистью А. Ѳ. Кони начерталъ портреты Д. А. Ровинскаго, В. А. Арцимовича, А. Д. Градовскаго, К. Д. Кавелина, М. А. Языкова и другихъ и выяснилъ ихъ съ такой глубиной, что они запечатлѣются навсегда во весь ростъ въ памяти потомства. И эти характеристики написаны такъ тепло, съ такой любовью, что читатель начинаетъ не только цѣнить, но и любить этихъ дѣятелей и чувствуетъ благодарность къ автору, что онъ сумѣлъ въ немъ пробудить «чувства добрыя». **В. У.**

Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородка въ Нѣжинѣ. Томъ I. Кіевъ. 1896.

Съ марта 1894 г. у насъ прибавилось новое ученое общество, обратившее свою дѣятельность на распространеніе и развитіе знаній въ области историко-филологическихъ наукъ и на разработку педагогическихъ вопросовъ. Открывъ оффиціально свои дѣйствія 14-го сентября 1894 г., общество это, называемое «Историко-филологическимъ», имѣло въ теченіе перваго отчетнаго года 13 публичныхъ засѣданій, на которыхъ было прочитано 18 рефератовъ и рѣчей по русской исторіи и русской литературѣ, 5—по классической филологіи и 2—по педагогическимъ вопросамъ. Кромѣ того, общество успѣло уже пріобрѣсти въ свое вѣдѣніе архивъ бывшаго греческаго магистрата, возбудило ходатайство о передачѣ ему архивовъ г. Чернигова и, наконецъ, издало свой органъ «Сборникъ», подъ главной редакціей Е. В. Пѣтухова.

Въ «Сборникѣ» помѣщено восемь статей, изъ которыхъ шесть историко-литературнаго характера, одна посвящена церковной исторіи и одна исторической критикѣ.

Наиболѣе крупными изъ нихъ являются статьи: И. Н. Михайловскаго—«Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи», И. А. Сребницкаго—«Къ біографіи Георгія Конискаго» и А. П. Кадлубовскаго—«Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи». Очеркъ г. Михайловскаго представляетъ вступительную главу къ приготовленному имъ большому труду «Обзоръ литературной дѣятельности Спаѳарія въ Россіи». Авторъ воспользовался почти всѣми печатными пособіями по интересующему его вопросу, многое провѣрилъ и дополнилъ по дѣламъ главнаго московскаго архива иностранныхъ дѣлъ и въ результатѣ далъ довольно обстоятельный очеркъ жизни и служебной дѣятельности Спаѳарія въ Россіи и краткую характери-

стику составленныхъ имъ литературныхъ трудовъ въ 1672 г.: Хрисмологіонъ, Мусы, Сивиллы и Аривмологій. Наиболѣе интересныя изъ касающихся Спаѳарія дѣлъ московскаго архива приведены г. Михайловскимъ въ приложеніяхъ (19№№).

Г. Сребницкій представилъ довольно удачный очеркъ жизни и религіозно-политической дѣятельности Георгія Конискаго, главнымъ образомъ на основаніи тщательнаго изученія печатныхъ пособій, а также и руководствуясь нѣкоторыми фамильными документами рода Кониcкихъ, которые и помѣстилъ въ приложеніяхъ. Какъ бы въ дополненіе къ этому очерку въ «Сборникѣ» помѣщена также рѣчь, читанная г. М. Н. Бережковымъ о «Георгіи Кониcкомъ, какъ проповѣдникѣ». Въ связи съ характеристикой проповѣдей Конискаго авторъ опредѣляетъ и мѣсто его въ проповѣднической литературѣ.

А. П. Кадлубовскій пришелъ въ своей статьѣ къ слѣдующимъ выводамъ: «Грибоѣдовъ завершилъ дѣло низверженія классической теоріи и освобожденія отъ нея русской литературы» (стр. 138); въ его «рукахъ впервые въ Россіи поэзія стала орудіемъ для выраженія собственной личности и души поэта, его завѣтныхъ стремленій и чувствъ...» (стр. 150); онъ «явился въ «Горе отъ ума» выразителемъ стремленій и думъ лучшихъ людей того времени и изобразилъ ихъ положеніе въ современномъ обществѣ, борьбу ихъ съ его массой; въ характерахъ и положеніяхъ своей комедіи обрисовалъ онъ черты обѣихъ враждующихъ сторонъ и ихъ взаимное отношеніе» (153 стр.) и въ теченіе всей своей дѣятельности служилъ правдѣ, искренности и свободѣ (стр. 155).

Остальныя двѣ историко-литературныя статьи принадлежатъ Е. В. Пѣтухову—1) «А. С. Грибоѣдовъ» и 2) «О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи». Первая представляетъ удачно составленную на основаніи лучшихъ печатныхъ пособій до 1895 г. юбилейную рѣчь, а вторая—попытку укрѣпить раздѣляемое уже давно воззрѣніе на мораль басенъ Крылова, какъ ихъ главное педагогическое значеніе, и установить при этомъ строгій выборъ послѣднихъ.

Что касается статьи г. Е. И. Кашпровскаго—«Учрежденіе Смоленской епископіи», единственной исторической статьи въ «Сборникѣ», то она вся посвящена попыткѣ доказать, что Смоленская епископія въ 1894 г. вступаетъ въ 760-й годъ своего существованія (стр. 219), или, другими словами, основана не ранѣе 1135 г., вопреки раздѣляемому всѣми изслѣдователями русской церковной старины воззрѣнію, что она существовала въ самомъ началѣ XII вѣка. Но авторъ, кажется, излишне довѣряется уставной грамотѣ великаго князя Ростислава Мстиславича и разнорѣчивому свидѣтельству поминальныхъ списковъ, а не основываетъ своего взгляда на болѣе вѣрномъ источникѣ—Ипатьевской лѣтописи.

Изъ сказаннаго нами можно вывести заключеніе, что недавно народившееся ученое общество, состоящее по преимуществу изъ профессоровъ и преподавателей Нѣжинскаго института, уже давно трудящихся надъ изданіемъ «Извѣстій» института, энергично принялось за работу, и остается только пожелать ему въ дальнѣйшемъ полнаго успѣха. В. Р—въ.

Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй (1894). Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Москва. 1896.

Книга г. Колубовскаго «Философскій ежегодникъ» даетъ на 314 стр. петита обзоръ нашей философской литературы за 1894 годъ. Размѣры «Ежегодника» объясняются, конечно, не богатствомъ нашей литературы, а обширностью задачи, которую поставилъ себѣ авторъ. Въ обзорѣ перечислены и вкратцѣ изложены не только книги, но и статьи, замѣтки и рецензіи изъ огромнаго количества столичныхъ и провинціальныхъ повременныхъ изданій. Такъ какъ область философскихъ знаній трудно строго ограничить, то неудивительно, что въ «Ежегодникѣ» упомянуто много статей, относящихся скорѣе, напримѣръ, къ области публицистики или критики, чѣмъ къ философіи. Изложеніе перечисляемыхъ сочиненій чаще всего ограничивается объективнымъ пересказомъ ихъ содержанія за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда автору приходится имѣть дѣло съ явнымъ пустословіемъ или съ чрезмѣрными увлеченіями нѣкоторыхъ публицистовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ умѣетъ быть ѣдкимъ. Только въ одномъ мѣстѣ (стр. 22), именно, разбирая сочиненіе г. Боброва «О понятіи искусства», авторъ слишкомъ увлекся въ своихъ нападкахъ и принялъ за грубыя противорѣчія нѣсколько неточныя фигуральныя выраженія, безъ которыхъ, пожалуй, г. Боброву и нельзя было обойтись въ цитованныхъ мѣстахъ.

Большой интересъ и значительное удобство представляетъ перечисленіе газетныхъ и журнальныхъ рецензій и отзывъ на выдающіяся статьи и книги. Сопоставляя ихъ, легко составить себѣ мнѣніе о разбираемой книгѣ, а подчасъ и о журналѣ, дающемъ рецензію. Вообще «Ежегодникъ» можетъ навести на интересныя соображенія о характерѣ, объемѣ и даже тонѣ русской философской литературы и навѣрное принесетъ большую пользу будущему историку русской мысли, въ особенности если изданіе его не ограничится 1893 и 1894 г., а будетъ продолжаться много лѣтъ подъ рядъ. Обиліе библіографическихъ указаній, полнота иногда, пожалуй, чрезмѣрная и тщательность выполненія дѣлаютъ эту книгу очень удобною для всевозможныхъ справокъ. Въ заключеніе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько наиболѣе яркихъ курьезовъ нашей философской литературы, которые авторъ съ любовью отмѣчаетъ и увѣковѣчиваетъ въ своемъ обзорѣ. На стр. 138 приведена слѣдующая цитата изъ сочиненіи г-жи Манассеиной «Основы воспитанія»: «законъ причинности—это основной коренной законъ всякаго мышленія и даже всякой психической жизни вообще: внѣ его немыслимы ни мысли, ни чувства, ни даже элементарныя ощущенія! Внѣ закона причинности возможны только явленія химіотаксіи, развивающіяся на основѣ химическаго сродства. Вслѣдствіе этого не только всѣ понятія, всѣ идеалы, но и всѣ идеи Платона или нумены Канта состоятъ въ сущности не изъ чего иного, какъ изъ закона причинности». Изъ «Ежегодника» мы узнаемъ также, что у насъ есть педагоги, выдумавшіе

что-то въ родѣ христіанской гимнастики, и пользующіеся извѣстностью профессора, которые упорно называютъ экспериментальную психологію экспрементальною. Н. Л—ій.

Украинская Старина. Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры. Профессора Д. И. Багалѣя. Харьковъ. 1896.

Этотъ небольшой томикъ представляетъ довольно цѣнный вкладъ въ нашу все болѣе и болѣе разростающуюся за послѣднее время областную историческую литературу. Какъ видно уже изъ заглавія, трудъ г. Багалѣя относится къ прошлому Харьковскаго края, исторіей котораго почтенный профессоръ занимается давно, съ неостывающимъ усердіемъ и любовью [1]. «Занявшись въ послѣднее время,—пишетъ онъ въ предисловіи,—составленіемъ исторіи Харьковскаго университета, которая, по своимъ рамкамъ и плану, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очеркомъ мѣстнаго просвѣщенія и культуры, я, естественно, долженъ былъ обратить вниманіе на выдающихся харьковскихъ дѣятелей XIX вѣка и на ихъ общественную дѣятельность. Извѣстно, что внутренняя исторія нашего края XVII—XVIII вв. разработана весьма слабо, и это зависитъ главнымъ образомъ отъ недостатка матеріаловъ... Что же касается XIX вѣка, то эта эпоха, можно сказать, совершенно не затронута изслѣдователями, хотя и имѣетъ, по связи съ нынѣшнимъ временемъ, огромный интересъ». Въ надеждѣ, весьма на этотъ разъ гадательной, нужно замѣтить, что «уясненіемъ» этой эпохи займутся будущіе составители исторіи Харькова къ предстоящему его 250-ти-лѣтнему юбилею, г. Багалѣй съ своей стороны рѣшился, какъ онъ говоритъ, «печатать отдѣльные, такъ сказать, этюды, посвященные изслѣдованію различныхъ сторонъ быта, біографіямъ замѣчательныхъ дѣятелей» и проч.

Въ обозрѣваемомъ томикѣ три очерка: 1) «Наказы харьковскаго дворянства въ екатерининскую комиссію 1767 года»; 2) «Харьковскій городской голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ» и 3) «Два культурныхъ дѣятеля изъ харьковскаго духовенства—священники Василій Фотіевъ и Андрей Самборскій».

Въ первомъ изъ этихъ очерковъ выясняется исторія происхожденія слободско-украинскаго шляхетства, изъ рядовъ бывшей казацкой старшины. Въ то время, какъ великорусское дворянство ходатайствовало о расширеніи своихъ сословныхъ правъ, малорусское должно было еще просить о включеніи его въ русскій дворянскій классъ, путемъ переименованія бывшихъ казацкихъ старшинъ въ военные и гражданскіе штабъ и оберъ-офицерскіе чины. Такимъ именно образомъ и произошло впослѣдствіи малороссійское дворянство. Курьезно, однако, что слободская казацкая старшина въ своихъ наказахъ усиливалась подкрѣпить свои права на дворянское званіе увѣреніемъ, будто вся она образовалась изъ иностранныхъ выходцевъ шляхетскаго происхожденія. На

[1] На обложкѣ обозрѣваемаго томика приведено до двадцати названій отдѣльно изданныхъ сочиненій автора по исторіи, топографіи и этнографіи Харьковскаго края, бывшей Слободской Украйны.

этомъ основаніи просители ходатайствовали о сравненіи ихъ въ правахъ «съ иностраннымъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и выборгскимъ дворянствомъ».

Внимательное изученіе прошлаго роднаго края привело г. Багалѣя къ довольно печальному выводу: «поражаешься,—говоритъ онъ,—незначительнымъ числомъ положительныхъ типовъ, свѣтлыхъ и симпатичныхъ дѣятелей». Впрочемъ, явленіе это одинаково присуще какъ малорусской, такъ и великорусской старинѣ. Г. Багалѣй остроумно объясняетъ это не недостаткомъ, на самомъ дѣлѣ, честныхъ, хорошихъ людей въ былыя времена, а «нѣкоторою односторонностью архивнаго матеріала», въ которомъ главнымъ основнымъ источникомъ для изученія быта и нравовъ служатъ, какъ извѣстно, судебныя дѣла. Дѣла эти рисуютъ только отрицательныя стороны и героевъ лихихъ дѣлъ, а о хорошихъ людяхъ молчатъ.

Исходя изъ такого весьма вѣроподобнаго соображенія, г. Багалѣй задался мыслью представить нѣсколько положительныхъ типовъ мѣстной старины, поскольку могутъ служить такой прекрасной задачѣ скудные матеріалы.

Ему съ перваго же шага повезло. Благодаря счастливому случаю и просвѣщенному посредничеству попечителя харьковскаго учебнаго округа Н. П. Воронцова-Вельяминова, г. Багалѣй открылъ въ архивныхъ подвалахъ харьковской думы матеріалы для жизнеописанія добродѣтельнаго мужа, нѣкоего Урюпина, бывшаго въ началѣ 1800-хъ годовъ харьковскимъ городскимъ головою. Личность эта дѣйствительно была замѣчательна для своего времени по отстаиванію дарованныхъ городскому выборному управленію правъ передъ натискомъ и произволомъ мѣстной администраціи, по ревностнымъ заботамъ объ интересахъ города, по усердному содѣйствію цѣлямъ просвѣщенія и, наконецъ, по личнымъ, благороднымъ качествамъ. Съ нимъ былъ очень друженъ извѣстный малороссійскій философъ Сковорода, и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему, увѣщая непремѣнно слѣдовать по пути «доброй славы», которая «лучше мягкаго пирога», замѣчаетъ: «Не думай же, друже, что добрая слава есть тоже, что пустозвонный мірской газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростью своей!...». Заслуги Урюпина были отличены и высшей властью и Харьковскимъ университетомъ: будучи купцомъ по происхожденію, онъ получилъ чинъ восьмого класса и дворянство; университетъ пожелалъ имѣть его портретъ и за присылку послѣдняго выразилъ ему на бумагѣ оффиціальную благодарность.

Такими же свѣтлыми личностями выступаютъ въ послѣднемъ очеркѣ г. Багалѣя священники Василій Фотіевъ и извѣстный Андрей Самборскій. Оба они, уроженцы Харькова и воспитанники харьковской семинаріи, оказали много услугъ по благоустройству родного города и особенно по учрежденію Харьковскаго университета.

Съ о. Василіемъ Фотіевымъ въ концѣ царствованія императора Павла приключилось ничѣмъ незаслуженное, тяжкое испытаніе. Какъ-то утромъ на стѣнѣ колокольни той церкви, въ которой о. Василій служилъ, оказался приклееннымъ пасквиль на императора Павла. «Пораженный ужасомъ, Фотіевъ препроводилъ пасквиль къ губернатору, который съ неменьшимъ ужасомъ донесъ обо всемъ въ Петербургъ». Началась ужасная передряга. Автора пасквиля не

открыли, и царскій гнѣвъ обрушился на тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе найти его и довести до свѣдѣнія начальства: какихъ-то бабъ-хохлушекъ, дьякона и о. Василія. Всѣхъ ихъ отправили въ Петербургъ, засадили въ казематъ, подвергли допросу, и судбище кончилось тѣмъ, что всѣхъ пересѣкли розгами, не исключая и Фотіева. Но этого мало: послѣдовалъ указъ, что если къ назначенному сроку пасквилянтъ не будетъ найденъ, то всѣ харьковскіе обыватели будутъ черезъ десятаго наказаны кнутомъ и поголовно сосланы въ Сибирь, а покамѣстъ на городской площади была сооружена висѣлица для искомаго автора пасквиля. Но, къ еще большему ужасу харьковцевъ, въ одно непрекрасное утро на висѣлицѣ увидѣли повѣшеннымъ чучело самого Павла. Потомъ, въ этой дерзкой продѣлкѣ подозрѣвали мѣстнаго молодого помѣщика, горбуна Подгоричани. Страшной грозы ждалъ Харьковъ изъ Петербурга, но прискакалъ фельдъегерь и объявилъ о вступленіи на престолъ Александра I.

О. Фотіевъ былъ человѣкъ весьма образованный; онъ преподавалъ въ мѣстномъ высшемъ народномъ училищѣ и содержалъ дворянскій пансіонъ, многіе изъ воспитанниковъ котораго поступили потомъ въ открывшійся Харьковскій университетъ. Близкій другъ В. Н. Каразина, онъ много содѣйствовалъ ему своимъ вліяніемъ на мѣстное общество и своимъ дѣятельнымъ участіемъ по основанію и открытію Харьковскаго университета. Каразинъ задумывалъ учредить въ этомъ университетѣ, на заграничный манеръ, богословскій факультетъ и прочилъ на мѣсто декана этого факультета о. Василія; но послѣдній, въ результатѣ, не получилъ даже каѳедры богословія по интригамъ архіерея, не взлюбившаго его за то, что онъ носилъ орденъ св. Анны 2-й степени, котораго не имѣли даже и высшіе духовные іерархи. Этотъ орденъ выхлопоталъ Фотіеву Каразинъ въ награду за его труды по просвѣщенію и по учрежденію Харьковскаго университета.

О. Андрей Самборскій достаточно извѣстенъ въ нашей исторической литературѣ, какъ духовный наставникъ въ дѣтствѣ императора Александра I, какъ личный духовникъ несчастливой великой княжны Александры Павловны, сопровождавшій ее въ Венгрію по выходѣ ея замужъ и напутствовавшій ее при смерти. Г. Багалѣй обратилъ особенное вниманіе на менѣе извѣстную сторону дѣятельности Самборскаго, какъ агронома. Для изученія агрономіи онъ спеціально былъ посланъ въ Англію еще при Екатеринѣ II. Павелъ пожаловалъ ему имѣніе съ 500 душъ крестьянъ, гдѣ Самборскій и имѣлъ случай проявить свои сельско-хозяйственныя знанія. **Мч.**

Н. Н. Ѳирсовъ. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія. Казань. 1896.

Авторъ «Очерковъ» поставилъ себѣ задачей изученіе положенія торгово-промышленнаго класса вообще и крупнаго «компанейскаго» производства въ частности, не вдаваясь въ подробности статистическаго изслѣдованія, а преимуществу съ «общественно-исторической» точки зрѣнія. Вставляя свою работу въ опредѣленныя хронологическія рамки (вплоть до уничтоженія внутреннихъ

таможенъ), авторъ, тѣмъ не менѣе, постоянно, какъ онъ выражается, «заходитъ нѣсколько впередъ» и «начинаетъ издалека», причемъ «захожденіе впередъ» иногда не имѣетъ существеннаго основанія, не говоря о томъ, что оно оставляетъ работу безъ опредѣленнаго конца. Основная идея «Очерковъ»,— идея, въ томъ или въ другомъ видѣ часто встрѣчающаяся у нашихъ историковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: торгово-промышленныя компаніи, какъ и вообще формы нашего крупнаго производства, не развились органически изъ русскаго общественно-экономическаго быта, а были «учреждены» государственной властью «для ради великія нужды» царской казны по западнымъ образцамъ. Въ московскую эпоху самой крупной торгово-промышленной единицей было само государство, производившее операціи съ податнымъ сырьемъ и съ куплей-продажей иностранныхъ товаровъ. Посредниками въ этой казенной торговлѣ были богатые купцы, «гости», состоявшіе, такимъ образомъ, на государственной службѣ. Это обстоятельство ставило ихъ въ привиллегированное положеніе и позволяло имъ давить свою низшую братію. Съ Петра Великаго въ торговой политикѣ правительства замѣчается новый поворотъ: казна постепенно отказывается отъ активной роли купца и, имѣя въ виду все одну и ту же цѣль—увеличеніе доходности, — старается создать какъ можно больше компаній и вообще развить торгово-промышленный оборотъ страны, съ тѣмъ, чтобы, отдавая въ частныя руки свои доходныя статьи, собрать обильную дань въ видѣ пошлинъ. Но компаніи заводятъ по большей части иностранцы, разныя доходныя статьи захватываютъ частью сановники, направлявшіе законодательство по своему произволу (здѣсь авторъ особенно останавливается на дѣятельности Шувалова), частью—крупные торговцы, создавшіе при помощи законодательныхъ льготъ монополіи въ торговлѣ и промышленности; и въ результатѣ казна остается разочарованной въ своихъ надеждахъ. На мелкую же сошку правительство никогда не обращало особеннаго вниманія, и она оставалась столь же забитой, какъ и въ московскую эпоху, хотя еще съ Петра Великаго въ теоріи проповѣдуется принципъ «вольнаго торга». Если мы прибавимъ отсутствіе энергіи у нашихъ предпринимателей, замѣнявшейся хищнической эксплоатаціей, благодаря монополіямъ, то получится довольно яркая картина безпорядочнаго разоренія «великой и обильной» страны. Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, сущность «Очерковъ». Къ сожалѣнію, отсутствіе строгаго систематическаго плана въ изложеніи, разбросанность и спутанность собранныхъ на живую нитку существенныхъ и несущественныхъ фактовъ, значительно портятъ цѣльность впечатлѣнія, на которое авторъ могъ бы разсчитывать. Онъ не сумѣлъ, или вѣрнѣе, какъ это видно изъ предисловія, не имѣлъ времени разобраться въ громадномъ количествѣ матеріала, и понятно, что въ результатѣ получился лишь случайный подборъ ихъ въ книгѣ, требующей по своей цѣли (освѣщенія «историко-общественнаго» характера разсматриваемой эпохи) возможно яснаго и стройнаго изложенія.

Н. О.

Платонъ. Федонъ. Переводъ Д. Лебедева. Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. М. 1896.

Изъ заглавія видно, что знаменитый разговоръ Платона предназначается для широкой публики. Мысль популярнаго изданія произведеній классической литературы нельзя не назвать удачною. У насъ народилось такъ много философовъ, толкуюшихъ вкривь и вкось о философіи, что широкой публикѣ очень не мѣшаетъ знакомиться съ произведеніями истинныхъ философовъ. Разговоръ «Федонъ» написанъ слишкомъ 2.000 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ, перечитывая его теперь, мы выносимъ впечатлѣніе, что высказанныя въ немъ мысли не только несравненно глубже, но даже намъ ближе, чѣмъ сомнительныя теоріи, проповѣдуемыя современными русскими философами. Чувствуешь, что послѣднія скоро преходящи, какъ разныя моды, а мысли Платона вѣчны. Но, можетъ быть, болѣе, чѣмъ самыя мысли, дѣйствуетъ на насъ душу возвышающимъ образомъ настроеніе. Какой контрастъ представляютъ страхъ передъ смертью современныхъ философовъ и невозмутимое спокойствіе духа прежнихъ, у которыхъ философія дѣйствительно сливалась съ жизнью, служила надежною опорою, внушала бодрость, заставляла человѣка жертвовать собою, своею личностью для блага общества и государства! Нельзя безъ душевнаго волненія, безъ чувства стыда за собственное малодушіе, прочитать, какъ Сократъ приготовлялся къ смерти и встрѣтилъ ее. Это—такая величественная картина, которая всякою своею подробностью навсегда врѣзывается въ памяти.

Но чтобы эта картина могла быть воспринята надлежащимъ образомъ обыкновеннымъ читателемъ, требуется соотвѣтственная форма, другими словами, красоты оригала должны быть переданы на русскомъ языкѣ съ возможнымъ совершенствомъ. За точность перевода г. Лебедева говоритъ уже тотъ фактъ, что онъ первоначально былъ напечатанъ въ «Запискахъ Новороссійскаго университета». Для популярнаго изданія переводчикъ вторично просмотрѣлъ и провѣрилъ свою работу, сообразуясь съ новѣйшими комментаторами. Съ этой стороны, значитъ, удовлетворительность перевода не возбуждаетъ сомнѣнія. И тѣмъ не менѣе, въ виду спеціальной цѣли, поставленной себѣ переводчикомъ, предназначающимъ свой переводъ для широкой публики, мы должны признать, что его работа крайне неудовлетворительна, что его русская рѣчь можетъ отбить даже у самаго невзыскательнаго читателя охоту познакомиться съ безсмертнымъ произведеніемъ Платона. Такимъ образомъ переводчикъ самъ мѣшаетъ достиженію поставленной себѣ цѣли. Мы не говоримъ уже объ употребленіи архаическихъ выраженій, въ родѣ: доселѣ, дотолѣ и т. д. Но весь слогъ перевода производитъ впечатлѣніе чего-то наивнаго, ученическаго. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Такимъ образомъ, — говоритъ Сократъ: — какъ скоро я получилъ малость, пока я остаюсь тѣмъ же,—остаюсь малымъ. Великость же не допускаетъ того, чтобы, представляя собою великое, быть въ то же время и малостью. Равнымъ образомъ и заключающееся въ насъ малое никогда не терпитъ того, чтобы сдѣлаться и быть великимъ, и вообще ничто изъ противоположныхъ, доколѣ только то или другое остается са-

мимъ собою, не можетъ сдѣлаться и быть противоположнымъ самому себѣ, но, встрѣчая противное себѣ, или удаляется или погибаетъ». Другой примѣръ: Нѣкоторые «принимаютъ ядъ очень поздно, послѣ того когда имъ прикажутъ, а пиршествуютъ и пьютъ, сколько только пожелаютъ; нѣкоторые же наслаждаются съ своими возлюбленными и удовольствіями любви». Такъ писалъ Платонъ? Не кощунство ли это надъ памятью великаго философа? Вообще переводчикъ очень плохо владѣетъ русскою литературною рѣчью: онъ, можетъ быть,—ученый, но ни въ какомъ случаѣ не литераторъ. Онъ, напримѣръ, переводитъ: «Если что нибудь изъ того, что я скажу, покажется тебѣ годнымъ для твоего собственнаго убѣжденія въ предметѣ изслѣдованія, ты воспользуешься имъ». Когда ученики Сократа, предаваясь горю по поводу утраты своего учителя, начинаютъ оглашать воздухъ рыданіями, стонами и криками, Сократъ обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «что вы дѣлаете, чудные люди?». Какъ тутъ понимать слово «чудные»? Въ простонародной рѣчи оно дѣйствительно употребляется, какъ синонимъ слова «странный», но тогда его начертаніе не «чудный», а «чудной». Однако и въ такомъ случаѣ нельзя влагать Сократу въ уста русскую простонародную рѣчь.

Въ виду всего этого мы посовѣтовали бы переводчику, если потребуется новое изданіе его работы, тщательно ее просмотрѣть въ стилистическомъ отношеніи. Р. С.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая, изданная подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1896.

Шестая книга «Архива князя Ѳ. А. Куракина», подобно пятой, дѣлится на двѣ части: одна посвящена времени Петра Великаго, другая—времени Екатерины II. Въ первую часть вошло продолженіе переписки и дневника тогдашняго русскаго посла въ Голландіи, князя Бориса Ивановича Куракина; эти матеріалы относятся, главнымъ образомъ, къ Утрехтскому конгрессу 1713 года, положившему конецъ войнѣ между Франціей, Испаніей, Англіей и Голландіей за наслѣдство испанскаго престола, и выясняютъ неоффиціальное и мало до сихъ поръ извѣстное участіе Россіи въ конгрессѣ. Князь Борисъ Ивановичъ зорко слѣдилъ за всѣми переговорами, входилъ въ сношенія съ участвовавшими въ нихъ дипломатами, стараясь извлечь возможныя для Россіи выгоды, и подробно доносилъ обо всемъ канцлеру графу Г. И. Головкину. Вторая часть заключаетъ въ себѣ путевыя записки князя Александра Борисовича Куракина во время путешествія его по Европѣ въ 1770—1772 годахъ, и переписку его съ разными лицами. Особенно любопытны письма его къ цесаревичу Павлу Петровичу. Куракинъ и цесаревичъ были почти однолѣтки, вмѣстѣ росли и воспитывались, и питали другъ къ другу искреннюю привязанность. Не смотря на свою молодость (Куракину въ 1770 году было восемнадцать лѣтъ), князь Александръ Борисовичъ уже обнаруживаетъ въ своихъ письмахъ большую наблюдательность и обширное образованіе (онъ учился въ Лейденскомъ университетѣ). Почти всѣ письма Куракина писаны на французскомъ языкѣ, которымъ

онъ владѣлъ въ совершенствѣ, и касаются преимущественно описанія достопримѣчательностей городовъ, имъ посѣщенныхъ; въ письмахъ встрѣчаются и весьма мѣткія характеристики выдающихся дѣятелей того времени; особенно подробно описано тогдашнее высшее общество въ Англіи. Вообще «Архивъ князя Ѳ. А. Куракина» съ каждой книгой вноситъ обильный и цѣнный матеріалъ въ русскую историческую науку, при чемъ нельзя не поблагодарить редактора этого изданія, В. Н. Смольянинова, за тщательный выборъ, дешифровку и корректуру документовъ и обстоятельныя примѣчанія и указатель, которыми онъ ихъ снабжаетъ. С. Ш.

Власть тьмы въ царствѣ свѣта, разсказъ изъ временъ св. Іоанна Златоуста, соч. Ф. В. Феррара, перев. Лопухина. Спб. 1897.

Недавно поступила въ продажу новая книга извѣстнаго англійскаго историка-богослова Фаррара «Власть тьмы въ царствѣ свѣта», въ переводѣ проф. Лопухина. Мы далеки отъ мысли приписывать Фаррару способность художественнаго творчества въ историческомъ разсказѣ, но присущая ему способность популяризаціи и научная компетентность достаточно извѣстны читающей публикѣ, чтобы отнестись со вниманіемъ къ его новому произведенію. Въ разсказѣ изображается жизнь и дѣятельность І. Златоуста, начиная съ произнесенія имъ знаменитой рѣчи о статуяхъ (по поводу бунта въ Антіохіи) и кончая его ссылкою и смертью. Славный церковный дѣятель, Златоустъ, является предъ читателемъ, какъ живой человѣкъ, съ своими личными симпатіями и тревогами, съ планами и неудачами, то бодрый и настойчивый, то грустный и негодующій. Этотъ очеркъ даетъ мысли читателя гораздо больше, чѣмъ обычныя богословскія сочиненія, въ которыхъ съ именемъ Златоуста соединяется только сумма его богословскихъ взглядовъ и шаблонное имя отца и учителя церкви. Еще удачнѣе Фаррaръ набрасываетъ общій фонъ церковно-государственной жизни V в. Тупоумные и вялые византійскіе императоры, интриганы сенаторы и честолюбивые епископы съ ихъ борьбою и сплетнями, грубая рать наемныхъ варваровъ, шумная распущенная жизнь большихъ греческихъ городовъ и суровые уединенные христіанскіе аскеты—все это въ цѣломъ рядѣ яркихъ картинъ проносится въ разсказѣ. Масса историческихъ и археологическихъ справокъ и деталей сдѣлала романъ слишкомъ длиннымъ (670 страницъ убористаго шрифта) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скучноватымъ. Кромѣ того, многочисленность дѣйствующихъ лицъ, выводимыхъ авторомъ подчасъ только на моментъ, нарушаютъ связность отдѣльныхъ сценъ. Но все же разсказъ читается съ большимъ интересомъ и можетъ дать важныя церковно-историческія свѣдѣнія о бурной эпохѣ трехъ святителей для неспеціалистовъ въ исторіи Византіи и церкви. И. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

А КАКОМЪ языкѣ говорилъ Іисусъ Христосъ? Мистриссъ Агнеса Смитъ-Люисъ, серьезно изучившая арабскій, греческій и сирійскій языки, нашла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ монастырѣ на горѣ Синаѣ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ Новаго Завѣта; при переводѣ на англійскій языкъ этой замѣчательной рукописи, на старинномъ сирійскомъ языкѣ, она пользовалась, для сравненія, другими восьмью стами рукописями на томъ же языкѣ. Поэтому она считается вполнѣ компетентнымъ судьей во всемъ, что касается библейской исторіи, и ея статья, напечатанная въ декабрьской книжкѣ Century Magazine о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о томъ, на какомъ языкѣ говорилъ Іисусъ Христосъ во время своей земной жизни[1]), возбудила всеобщее вниманіе среди ученыхъ. По словамъ автора, этотъ вопросъ поставленъ на очередь въ послѣдніе годы и возбудилъ значительную полемику. Окончательно онъ еще не разрѣшенъ; нѣкоторые полагаютъ, что Іисусъ Христосъ говорилъ погречески, такъ какъ на этомъ языкѣ, повидимому, были написаны три Евангелія изъ четырехъ, а другіе доказываютъ, что Христосъ говорилъ на арамейскомъ языкѣ, который былъ народнымъ языкомъ Палестины во времена Его земной жизни. Прежде считали арамейскій языкъ испорченной формой еврейскаго, но, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это совершенно самостоятельный языкъ, какъ еврейскій или арабскій. Когда собственно еврейскій языкъ пересталъ быть народнымъ нарѣчіемъ въ Палестинѣ, еще строго не опредѣлено, но достовѣрно, что, передъ пришествіемъ на землю Іисуса Христа, простой народъ въ Палестинѣ говорилъ поарамейски. Нѣкоторые ученые доказываютъ, что этотъ языкъ господствовалъ въ Месопотаміи,

[1]) What language did Christ speak, by A. Smith Lewis. Century Magazine, december.

колыбели семьи Авраама, и что его перенесли въ Палестину евреи, вернувшіеся изъ вавилонскаго плѣненія. Хотя, строго говоря, еврейскимъ языкомъ можетъ называться только тотъ языкъ, на которомъ написано Пятикнижіе, но въ продолженіе многихъ вѣковъ считалось, что евреи вообще говорили поеврейски, и такимъ образомъ арамейскій языкъ, отрасль сирійскаго языка, потерялъ свое гражданство и только возстановленъ новѣйшими учеными. Именно на этомъ языкѣ написана та рукопись Новаго Завѣта, которую нашла на Синаѣ мистриссъ Люисъ, и она подтверждаетъ тотъ, по ея мнѣнію, достовѣрный фактъ, что Іисусъ Христосъ говорилъ съ рыбаками Генисаретскаго озера и поселянами Галилеи на томъ языкѣ, который имъ былъ понятенъ, ссылками на греческій текстъ Новаго Завѣта, въ которомъ встрѣчается много не переведенныхъ арамейскихъ словъ, между прочимъ, въ синайской рукописи слова Іисуса Христа на крестѣ: «Или, Или, лама савахѳани», приведены цѣликомъ, а не въ переводѣ, по той простой причинѣ, что они—на арамейскомъ языкѣ. Нѣмецкій ученый докторъ Арнольдъ Мейеръ, написавшій обширное сочиненіе по этому вопросу, подъ заглавіемъ Jesu Muttersprache, вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ мистриссъ Люисъ и приводитъ изъ Новаго Завѣта многія мѣста, смыслъ которыхъ, не вполнѣ ясный въ греческомъ текстѣ, выясняется сравненіемъ съ сирійской рукописью. Наконецъ, по свидѣтельству Евсевія, самое Евангеліе св. Матѳея было написано, въ первоначальной его формѣ, на арамейскомъ языкѣ. Что же касается до греческой гипотезы, то она поддерживается лишь предположеніемъ, что Евангелія св. Луки, Марка и Іоанна писаны погречески, и опровергается тѣмъ соображеніемъ, что простолюдины Палестины, среди которыхъ распространялъ свою проповѣдь Іисусъ Христосъ, не поняли бы ни одного Его слова, еслибъ онъ говорилъ на чуждомъ для нихъ греческомъ языкѣ.

— Англійскій и французскій папы. Среди длиннаго ряда папъ встрѣчаются такіе, о которыхъ очень мало извѣстно, хотя они играли не меньшую роль въ исторіи, чѣмъ ихъ товарищи по престолу св. Петра. Къ такимъ почти невѣдомымъ римскимъ первосвященникамъ относится англичанинъ Адріанъ IV и французъ Іоаннъ XXII, но въ послѣднее время, при общей разработкѣ молодыми учеными европейской старины, наступила очередь и этимъ папамъ заслужить честь сдѣлаться героями біографическихъ трудовъ. О первомъ, хотя и единственномъ англичанинѣ, удостоенномъ тіары, до сихъ поръ не существовало подробнаго жизнеописанія, и тѣмъ болѣе имѣетъ интересъ только что вышедшая книга Альфреда Тарльтона, подъ заглавіемъ «Николасъ Брекспиръ: англичанинъ и папа» [1]), а второй пока еще удостоился только небольшого біографическаго очерка Шарля Русселя въ Nouvelle Revue: «Французскій папа» [2]). Біографъ англійскаго папы вполнѣ правъ, избравъ его своимъ героемъ, такъ какъ жизнь Николаса Брекспира была полна самыми романтичными перипетіями. Дѣйствительно, что въ средніе вѣка бѣдный англійскій юноша, безъ друзей и куска хлѣба, перебрался на континентъ и сравнительно въ молодыхъ

[1]) Nicholas Breakspear (Adrian IV), Englishman and Pape. By Alfred H. Tarleton. London. 1896.

[2]) Un Pape français, par Ch. Baessel. La Nouvelle Revue. Octobre, 1896.

годахъ, т.-е. 54 лѣтъ, достигъ папской тіары—явленіе настолько необыкновенное, что невольно возбуждаетъ интересъ. Достовѣрно неизвѣстно, когда именно родился Брекспиръ, но полагаютъ, что около 1100 года, въ мѣстечкѣ Лангле́ѣ, графства Гертсъ; отецъ его, бѣдный монахъ въ обители святаго Альбануса, просилъ настоятеля взять его сына въ монастырскую школу и сдѣлать изъ него ученаго; но юноша былъ признанъ братьей недостаточно способнымъ и развитымъ для подобной карьеры, а потому монахи отказались его учить. Тогда онъ бѣжалъ изъ обители, перебрался на континентъ и прошолъ всю Францію пѣшкомъ, прося милостыню. Въ Арлѣ онъ поступилъ слугой къ канонику обители святаго Руфа и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ серьезно занимался своимъ самообразованіемъ, что въ концѣ концовъ сдѣлался настоятелемъ этого монастыря. Добившись такого высокаго положенія, онъ сталъ заводить въ своей обители самые строгіе порядки, и когда возникъ споръ между нимъ и нѣкоторыми монахами о духовной дисциплинѣ, то онъ апеллировалъ къ папѣ Евгенію III, который такъ оцѣнилъ его способности, что возвелъ его въ кардиналы и послалъ съ важнымъ порученіемъ въ Скандинавію. Спустя восемь лѣтъ, онъ самъ былъ избранъ въ папы, подъ именемъ Адріана IV. Тогда времена были бурныя. Происходилъ второй крестовый походъ; Фридрихъ Барбаросса воевалъ въ Италіи, Арнольфъ изъ Брешіи возбудилъ республиканское движеніе. Нормандскіе короли упорно противодѣйствовали притязаніямъ папской власти, а Абеляръ и другіе ученые вели могучую интеллектуальную агитацію. Англійскій папа оказался вполнѣ способнымъ кормчимъ и ловко проводилъ челнъ святаго Петра по бурнымъ волнамъ: съ большой твердостью и умѣньемъ поддерживалъ права римской церкви, какъ ихъ опредѣлилъ Григорій VII, и послѣ продолжительной борьбы передалъ своему преемнику папство въ прежнемъ его могуществѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ Англіи онъ не забывалъ, что она была его отечествомъ и, къ вѣчному несчастію Ирландіи, издалъ знаменитую буллу, которой санкціонировалъ завоеваніе Ирландіи Генрихомъ II. Совершенно иного рода были его отношенія къ обители святаго Альбануса: когда настоятель этого монастыря прибылъ въ Римъ съ цѣлью испросить для своей братіи какія-то привиллегіи и привезъ папѣ богатые подарки, то Адріанъ IV торжественно сказалъ: «я не могу принять вашихъ даровъ, потому, что когда я просилъ прибѣжища въ вашей обители, то вы мнѣ въ этомъ отказали». На это хитрый настоятель ловко отвѣчалъ: «мы не могли васъ принять въ свою обитель, такъ какъ вы тогда остались бы на всю жизнь простымъ монахомъ, а Богу угодно было избрать васъ въ наслѣдники святаго Петра». Папа былъ такъ тронутъ этими словами, что даровалъ аббатству самыя широкія привиллегіи, которыми когда либо пользовался какой нибудь монастырь.

Французскій папа Іоаннъ XXII далеко не представляетъ ни своею жизнью, ни своей дѣятельностью, въ качествѣ намѣстника Христа, того интереса, который невольно внушаетъ его англійскій предшественникъ. Избранный въ папы въ Ліонѣ въ 1316 году, Жанъ изъ Кагора, какъ его называли враги, основалъ свое мѣстопребываніе въ Авиньонѣ и впродолженіе своего двадцативосьмилѣтняго папства перенесъ много тяжелыхъ испытаній. Съ самаго

начала великій Данте, въ пламенныхъ стихахъ, проклиналъ его, какъ лютаго волка, подъ личиной пастыря, проложившаго себѣ дорогу на богатое пастбище; потомъ Людвигъ Баварскій, овладѣвъ Римомъ и короновавъ себя императорской короной, призналъ Жана изъ Кагора, именующаго себя Іоанномъ XXII, какъ бы умершимъ и на собранномъ конклавѣ приказалъ выбрать новаго папу. Итальянскіе прелаты, косо смотрѣвшіе на своего французскаго главу, съ удовольствіемъ лишили его тіары и выбрали его преемникомъ Пьера Ренолучіо, знаменитаго въ то время проповѣдника въ Римѣ, подъ именемъ Николая V. Въ исторіи онъ извѣстенъ подъ названіемъ анти-папы, и какъ одинъ, такъ и другой взаимно предавали анаѳемѣ другъ друга. Николай отмѣнялъ всѣ декреты Іоанна и запрещалъ называть его папой, а Іоаннъ, не смотря на свои 80 лѣтъ, старался возбудить въ Италіи патріотическое движеніе противъ нѣмецкихъ властителей. Въ концѣ концовъ это ему удалось, и король неаполитанскій, всегда благоволившій Іоанну, ставъ во главѣ національнаго подъема страны, обратилъ въ бѣгство императора вмѣстѣ съ анти-папой, который отправился въ Авиньонъ, покаялся въ своихъ грѣхахъ передъ Іоанномъ и былъ имъ милостиво прощенъ. Съ тѣхъ поръ французскому папѣ повезло, и хотя, благодаря его дѣятельности противъ нѣмцевъ, онъ потерялъ навсегда для папства Германію, но за то снова пріобрѣлъ для него Италію, гдѣ онъ настолько былъ популяренъ въ концѣ своего царствованія, что знатнѣйшія лица этой страны настоятельно требовали возвращенія папскаго престола въ Римъ. Но престарѣлый Іоаннъ не рѣшался подвергнуть какъ тіару, такъ и свою личность опасностямъ, грозившимъ ему вдали отъ его родины, и даже говорятъ, что онъ имѣлъ намѣреніе перенести папскій престолъ изъ Авиньона въ свой родной городъ Кагоръ, гдѣ для этой цѣли выстроилъ громадный замокъ. Однако, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ итальянскимъ сторонникамъ, онъ обѣщалъ посѣтить Болонію, но во время приготовленія къ этому путешествію получилъ извѣстіе, что болонцы прогнали его легата, и такъ взволновался, что заболѣлъ и умеръ 2-го декабря 1334 года, на девяносто первомъ году своей жизни.

— Опроверженіе легенды о Фридрихѣ Барбароссѣ. Недавно германскій императоръ Вильгельмъ II открылъ съ пышнымъ торжествомъ колоссальный памятникъ на Кифгейзерской горѣ, въ честь своего дѣда Фридриха Барбароссы, который согласно народной легендѣ стоитъ съ своими рыцарями подъ этой вершиной до той минуты, когда онъ со всей своей свитой возстанетъ для возвращенія своей родинѣ славы и могущества. Первый изъ нихъ изображенъ на конѣ, а послѣдній только что просыпающимся на тронѣ въ царственной мантіи и коронѣ, среди еще спящихъ многочисленныхъ придворныхъ, карликовъ, лошадей и собакъ. Конечно, императоръ по обыкновенію въ цвѣтистой рѣчи воскресилъ легенду, воспѣтую Рюкертомъ, а добродушные нѣмцы заплатили за скульптурное воплощеніе своего патріотическаго торжества 1,300,000 марокъ. Но теперь возбужденъ вопросъ, дѣйствительно ли народный разсказъ о героѣ, спящемъ подъ Кифгейзеромъ и долженствующемъ возвратить Германіи золотой вѣкъ, относился первоначально къ Фридриху I, прозванному Барбароссой, или Красной Бородой, и почтенный публицистъ, герой событій 1848 г.,

Карлъ Блиндъ отвѣчаетъ на страницахъ «Nineteenth Century Review» [1]) положительнымъ «нѣтъ». Безспорными историческими справками онъ доказываетъ, что недавно открытый монументъ и самый миѳъ о Барбароссѣ основаны на очевидной ошибкѣ. По его словамъ, новѣйшія изслѣдованія старинной германской литературы и народнаго эпоса, начатыя послѣ франко-прусской войны, совершенно ясно доказываютъ, что народная легенда относится не къ Фридриху I, котораго итальянцы называли за его борьбу съ Ломбардской лигой свободныхъ городовъ и выдачу Арнольда Бременскаго папѣ для сожженія за ересь и мятежъ ужаснымъ императоромъ, а къ его не менѣе знаменитому внуку, Фридриху II, либеральному государю, просвѣщенному противнику папъ, отъ котораго народъ ожидалъ реформы католической церкви и уничтоженія монаховъ. Когда онъ неожиданно умеръ въ 1250 г. въ Италіи, то нѣмцы не хотѣли вѣрить его смерти, тѣмъ болѣе, что за годъ передъ тѣмъ онъ съ трудомъ оправился отъ отравы и, по словамъ одной старинной нѣмецкой хроники, «никто не зналъ, куда онъ исчезъ». Такъ упорно вкоренилось въ народѣ сомнѣніе въ его смерти, что во второй половинѣ XIII столѣтія появлялось нѣсколько лже-Фридриховъ, которымъ удавалось собирать значительное число сторонниковъ; одинъ изъ нихъ, Тилъ Колупъ, окружилъ себя чѣмъ-то въ родѣ двора и держался два года, но былъ въ концѣ концовъ схваченъ и сожженъ въ Вокуларѣ. Въ народѣ однако стали разсказывать, что въ кострѣ нашлась только одна маленькая косточка, и сложилась новая легенда о томъ, что императоръ не умеръ, а явится для уничтоженія ненавистнаго народу католическаго духовенства. Поэтому неудивительно, что одинъ изъ минезингеровъ, Бартель Регенбогенъ, по ремеслу купецъ и высказывавшій въ произведеніяхъ своей музы демократическія чувства, предсказываетъ въ своемъ «Пророчествѣ будущаго», что наступитъ великая борьба между двумя главами христіанства, но явится великій и добрый императоръ Фридрихъ, повѣситъ свой щитъ на высохшее дерево, и оно снова зацвѣтетъ, а міръ возстановится, причемъ императоръ положитъ конецъ господству патеровъ, монастыри будутъ уничтожены, и монахини выйдутъ замужъ. Подобное пророчество не могло ни въ какомъ случаѣ относиться къ Барбароссѣ, а вполнѣ подходило къ Фридриху II, который сочувствовалъ языческимъ мыслителямъ, велъ переписку о философскихъ вопросахъ съ египетскимъ султаномъ, называлъ папу «грязнымъ попомъ», «рыкающимъ львомъ» и «чудовищемъ ада». Этотъ выборный императоръ Германіи за шестьсотъ лѣтъ тому назадъ былъ очень образованный человѣкъ и поэтъ, сочинявшій итальянскіе романсы, изъ которыхъ одинъ «Di dolar mironviene cantare» дошелъ до насъ, а его остроуміе было такъ извѣстно, что ему приписывали много изреченій либеральнаго характера, въ томъ числѣ прямо атеистическихъ, отъ которыхъ онъ публично отказывался. Но во всякомъ случаѣ папа Григорій IX не много ошибался, утверждая, что Фридрихъ II говорилъ: «не вѣрьте ничему, кромѣ того, что можно доказать силой ума и на основаніи законовъ природы». Этотъ замѣчательно способный Гогенштауфенъ, знавшій прекрасно, кромѣ нѣмецкаго языка, еще итальян-

---

[1]) A histaken imperial celebration. by Karl Bliend. Nineteenth Century. December, 1896.

скій, французскій, арабскій, латинскій и греческій, занимался съ особой любовью естественными науками. Такого-то просвѣщеннаго правителя и заклятаго врага католической церкви германскій народъ избралъ въ свои народные герои и вѣками ждалъ его пробужденія отъ сна подъ Кифгейзеромъ для возстановленія на родинѣ золотого вѣка. Въ началѣ четырнадцатаго вѣка впервые упоминается объ этой Тюрингенской горѣ, какъ мѣстопребываніи «императора Фридриха», что объяснялось нахожденіемъ въ сосѣдствѣ замка, въ которомъ часто живали императоры Швабскаго дома. До средины XVI столѣтія такъ живо сохранилась память о Фридрихѣ II, какъ будущемъ реформаторѣ католической церкви, что Лютеръ видѣлъ осуществленіе этого пророчества въ лицѣ саксонскаго государя, Фридриха Мудраго, который поддерживалъ священное писаніе, былъ викаріемъ имперіи и могъ бы сдѣлаться императоромъ, еслибъ принялъ предложенную ему корону. Спустя четверть вѣка появился въ развалинахъ Кифгейзерскаго замка невѣдомый старикъ, который выдавалъ себя за воскресшаго Фридриха; но потомъ оказался сумасшедшимъ портнымъ. Только въ концѣ XVII вѣка впервые начали упоминать имя Барбароссы въ отношеніи Кифгейзерской легенды, именно Преторій 1680 г. говоритъ о рыжебородомъ героѣ, дремлящемъ въ подземномъ замкѣ Тюрингенской горы. Затѣмъ еще одинъ собиратель народныхъ легендъ повторяетъ то же въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, и, вѣроятно, это смѣшеніе дѣда съ внукомъ, хотя все еще упоминается о добромъ императорѣ, другѣ народа, чего, конечно, нельзя было сказать о Барбароссѣ, произошло отъ того, что собственно миѳъ о героѣ, спавшемъ подъ Кифгейзеромъ, въ сущности древняго языческаго происхожденія и, вѣроятно, относился къ рыжебородому богу грома первобытныхъ германцевъ. Поэтому нетрудно было народному уму съ теченіемъ времени, особенно въ виду того, что память о Фридрихѣ II, какъ предполагаемомъ реформаторѣ католической церкви, стушевалась дѣйствительнымъ появленіемъ подобнаго реформатора въ лицѣ Лютера, смѣшать представленія о внукѣ и дѣдѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдній имѣлъ рыжую бороду, какъ древнѣйшій герой легенды. Но во всякомъ случаѣ въ этомъ измѣненномъ видѣ Кифгейзерская легенда имѣла уже только мѣстный, а не національный характеръ до начала нынѣшняго столѣтія, когда Рюкертъ придалъ ей патріотическій характеръ. Съ тѣхъ поръ вся Германія вѣрила, что мифическій герой Кифгейзера былъ Барборосса, и только новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ удалось доказать всю ошибочность этой легенды.

— Женщина-пэръ Франціи, въ XVII вѣкѣ. Въ Revue Encyclopedique отъ 28 ноября, помѣщена, хотя маленькая, но очень любопытная статейка, съ приложеніемъ подлиннаго документа, найденнаго въ парижскихъ архивахъ, о мало извѣстной до сихъ поръ женщинѣ-пэрѣ Франціи, при Людовикѣ XIII [1]). Авторъ статейки, г-жа Винцентъ, разсказываетъ, что 1 января 1638 года племянница всемогущаго Ришелье, Марія-Маделена де-Виньеродъ, владѣлица Комбале, а потому обыкновенно называемая современниками госпожей Комбале, поѣхала ко двору въ Сенъ-Жерменъ, и король неожиданно поздравилъ ее гер-

[1]) Une femme pair de France, par m-me V. Vincent, Revue Encyclopedique, 28 novembre 1896.

цогиней Эгвильонъ по имени значительнаго помѣстья, купленнаго для нея дядей, а вмѣстѣ съ тѣмъ пэромъ Франціи. Подписанный патентъ, регистрованный парижскимъ парламентомъ 19 мая того же года, буквально говоритъ: «по симъ причинамъ и согласно мнѣнію, высказанному принцами нашей крови, мы возводимъ, въ пользу означенной дамы, ея помѣстье Эгвильонъ въ герцогство и даруемъ ей титулъ пэра Франціи съ нисходящими ея потомками, какъ мужскими, такъ и женскими, согласно ея выбору». Новый пэръ Франціи практически доказалъ свою полную способность энергично поддержать дарованное ей высокое положеніе, и когда въ 1658 году распространилась вѣсть объ осадѣ Дюнкирхена, то герцогиня Эгвильонъ отправилась въ Гавръ и, по разрѣшенію короля, уже Людовика XIV, приняла главное начальство надъ защитой угрожаемыхъ опасностью береговъ Франціи. Тамъ она лично наблюдала изо дня въ день за увеличеніемъ городскихъ укрѣпленій и не знала ни минуты отдыха, пока не собрала въ цитадели достаточное количество военныхъ припасовъ для ея защиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ она заботилась и о снабженіи всѣмъ необходимымъ окрестныхъ городовъ въ случаѣ войны, и до сихъ поръ существуетъ предписаніе Людовика XIV, отъ 4 іюня того же года, на ея имя, о немедленной высылкѣ въ Дюнкирхенъ пяти тысячъ ядеръ, что герцогиней исполнено мгновенно. Приводя эти любопытныя черты изъ жизни оригинальной аристократки XVI вѣка, никогда не слыхавшей о правахъ женщинъ, а на дѣлѣ доказавшей равноправность своего пола, госпожа Винцентъ указываетъ, что, роясь въ архивной пыли, можно найти не одинъ подобный примѣръ страннаго и, повидимому, невѣроятнаго явленія, именно того, что въ доброе старое время, при всемъ гнетѣ привиллегированныхъ сословій, женщина если не всегда, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пользовалась лучшимъ положеніемъ, въ смыслѣ общественномъ и гражданскомъ, чѣмъ въ нашу прославленную эпоху.

— **Людовикъ XIII, какъ первый газетный корреспондентъ.** Уже давно было извѣстно, что Людовикъ XIII былъ сотрудникомъ первой французской газеты, издававшейся въ Парижѣ извѣстнымъ Ренодо подъ покровительствомъ Ришельё, но только недавно найдены въ Парижской національной библіотекѣ подлинники статей короля, и Луи Батифоль излагаетъ ихъ содержаніе во второй декабрской книжкѣ «Revue de Paris»[1]. Всѣхъ статей тридцать двѣ, и онѣ относятся къ 1633, 1634, 1636 и 1642 годамъ; онѣ писаны собственной рукой Людовика, но, прежде чѣмъ поступать въ типографію, переписывались однимъ изъ секретарей королевскаго кабинета, Люка, который исправлялъ ихъ очевидную безграмотность, затѣмъ просматривались самимъ Ришелье, который исправлялъ содержаніе, добавлялись нѣкоторыя подробности самимъ коронованнымъ авторомъ, никогда не протестовавшимъ противъ сдѣланныхъ измѣненій въ его оригиналѣ, и наконецъ снова переписывались тѣмъ же Люка. Подлинники сохранялись королемъ въ маленькой шкатулкѣ, которая никогда его не покидала. Послѣ его смерти эти документы перешли къ Люка, или онъ самовольно присвоилъ ихъ во время суматохи, всегда сопровождающей смерть государя. Какъ бы то ни было, онъ сдѣлался ихъ владѣльцемъ, подарилъ

[1]) Louis XIII journaliste, par Louis Batifol. Revue de Paris. 15 decembre, 1896.

или вѣроятнѣе продалъ ихъ графу Филиппу Бетюну, страстному собирателю историческихъ документовъ. Этотъ послѣдній привелъ ихъ въ порядокъ и переплелъ въ красный сафьянъ; этотъ красивый in—folio въ сто сорокъ двѣ страницы перешелъ потомъ къ его сыну, который поднесъ его Людовику XIV. Такимъ образомъ эта любопытная рукопись вернулась въ королевскую библіотеку, въ которой и находится до настоящаго времени. Неизвѣстно, зналъ ли Теофрастъ Ренодо, что въ числѣ его сотрудниковъ находился король, но во всякомъ случаѣ онъ придавалъ его статьямъ большое значеніе и, напримѣръ, разсказъ объ осадѣ Корби онъ напечаталъ въ спеціальномъ номерѣ крупными буквами. Что касается до содержанія этихъ королевскихъ статей, оказывается, что Людовикъ XIII не писалъ то, что называется теперь передовицами, и не пускался въ теоретическія разсужденія, а довольствовался тѣмъ, что былъ первымъ газетнымъ репортеромъ или еще скорѣе первымъ газетнымъ корреспондентомъ. Такъ какъ, испробовавъ свои силы въ изложеніи политическихъ событій, онъ, вѣроятно, убѣдился, что роль публициста ему непригодна, а потому перешелъ къ простому изложенію военныхъ событій. При этомъ если онъ самъ не былъ очевидцемъ тѣхъ событій, которыя описываетъ, то основывалъ свой разсказъ на полученныхъ имъ достовѣрныхъ реляціяхъ. Вообще каждая его статья отличается простой официальной передачей фактовъ, не освѣщенныхъ никакими взглядами. Тщетно искать въ этихъ произведеніяхъ какую либо черту, объясняющую темную, мало извѣстную фигуру этого слабохарактернаго короля, слѣпо повиновавшагося своему могущественному министру. Онъ былъ только газетнымъ репортеромъ и военнымъ корреспондентомъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ, не прибавляя ничего отъ себя къ излагаемымъ голымъ фактамъ. Если же невольно является вопросъ, почему вздумалъ французскій король сдѣлаться репортеромъ и корреспондентомъ за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ до развитія этихъ типовъ въ теперешнемъ ихъ видѣ, то можно только объяснить этотъ, повидимому, непонятный фактъ тѣмъ,что Людовикъ XIII, хотя человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже посредственности, любилъ чѣмъ нибудь заниматься и, кромѣ того, питалъ слабость къ мелочнымъ подробностямъ во всякомъ предметѣ. Поэтому можно смѣло предположить, что онъ писалъ журнальныя статьи для того, чтобъ занять свое свободное время и съ цѣлью сообщать «народамъ», какъ говорилось въ ту эпоху, разныя подробности происходившихъ событій. Приводимое Батифолемъ письмо царственнаго газетнаго корреспондента о свиданіи Ришелье съ герцогомъ Лотарингскимъ въ Шармѣ лучше всего знакомитъ воочію съ его манерой и стилемъ, тѣмъ болѣе, что оно было напечатано въ газетѣ Ренодо почти безъ поправокъ. Прежде всего насъ поражаетъ наивный, даже дѣтскій тонъ разсказа, а потомъ нельзя не признать, что каждая строчка дышитъ честно и добросовѣстно высказанной правдой. Еще слѣдуетъ отмѣтить скромный характеръ всего, что онъ говоритъ о себѣ, какъ будто, по справедливому замѣчанію Батифоля, «не ему была подчинена королевская власть, а онъ подчиненъ королевской власти и состоитъ первымъ ея слугой».

— Англійскій дѣятель французской революціи. За послѣднее время сдѣлано столько открытій въ исторіи французской революціи, что почти

ежедневно обнародываются новыя свѣдѣнія объ извѣстныхъ личностяхъ, или о невѣдомыхъ доселѣ скромныхъ героахъ, характеризующихъ, быть можетъ, данную эпоху рельефнѣе знаменитыхъ людей. Такъ въ номерѣ «Revue Encyclopedique» отъ 21-го ноября Андрэ Лихтенбергеръ[1]) рисуетъ портретъ очень любопытной и врядъ ли кому извѣстной фигуры, англичанина Джона Освальда, принимавшаго личное участіе въ первыхъ актахъ французской революціи и убитаго въ рядахъ республиканской арміи во время вандейскаго возстанія. Онъ родился въ Эдинбургѣ между 1755 и 1760 гг., такъ какъ вѣрный годъ его рожденія неизвѣстенъ. Родители его держали маленькую кофейню, а онъ самъ началъ жизнь ученикомъ у ювелира, но, получивъ небольшое наслѣдство, купилъ, какъ дѣлалось въ то время, офицерскій патентъ и отправился съ своимъ пѣхотнымъ полкомъ въ Сѣверную Америку, гдѣ тогда происходила борьба за освобожденіе англійскихъ колоній отъ метрополіи. Дослужившись до чина поручика, Освальдъ въ 1780 году, вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, перешелъ въ восточную Индію. Во время морского перехода онъ, по недостатку средствъ, не имѣлъ возможности участвовать въ общемъ офицерскомъ столѣ, а долженъ былъ питаться солдатскимъ кушаньемъ, а когда одинъ изъ товарищей сталъ издѣваться надъ нимъ по этому случаю, то онъ вызвалъ его на дуэль, которая состоялась на палубѣ корабля, но не имѣла трагическихъ послѣдствій. Въ Индіи онъ оставался недолго и, послѣ малабарской кампаніи, подалъ въ отставку, продавъ свой офицерскій патентъ. Впослѣдствіи его враги увѣряли, что онъ сдѣлалъ это по трусости, но подобное предположеніе вполнѣ опровергается какъ тѣмъ фактомъ, что полковой командиръ оставался съ нимъ всю жизнь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, а также его подвигами и смертью на полѣ брани во Франціи. Гораздо правдоподобнѣе объясняютъ его отставку друзья: по ихъ словамъ, онъ былъ побужденъ покинуть военную службу отчасти по своей бѣдности, а, главнымъ образомъ, потому, что, благодаря своимъ крайнимъ политическимъ убѣжденіямъ, онъ не могъ помириться съ тѣмъ несчастнымъ положеніемъ, въ которомъ англійское правительство держало тогда индусовъ. Какъ бы то ни было, онъ вышелъ изъ полка, но, прежде чѣмъ окончательно покинуть востокъ, онъ основательно изучилъ браминскую вѣру и совершилъ цѣлый рядъ путешествій среди невѣдомыхъ племенъ; между прочимъ онъ пробылъ нѣкоторое время у курдовъ и туркменъ. Въ 1784 году онъ вернулся въ Англію, женился и предался всецѣло литературѣ. По словамъ очевидцевъ, это былъ человѣкъ средняго роста, статный, съ красивымъ, благороднымъ лицемъ и приличными манерами. Одѣвался онъ по-своему, не подражая модѣ, и не носилъ ни парика, ни галстуха. Но какъ оригинальна ни была его внѣшность, по внутреннимъ своимъ качествамъ онъ представлялъ еще болѣе своеобразную личность: зная французскій, итальянскій, испанскій, португальскій, латинскій, греческій и арабскій языки, онъ удивлялъ всѣхъ своими смѣлыми идеями, которыя онъ распространялъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ, а потому, несмотря на его доброту и любезность, тогдашнее англійское общество отворачивалось отъ него съ презрѣніемъ. Онъ казался оригиналомъ во всемъ: какъ своей любовью къ животнымъ

[1]) John Oswald, par André Lichtenberger. Revue Encyclopedique, 21 novembre.

и вегетаріанствомъ, такъ и своими демократическими и атеистическими идеями. Естественно, что такому человѣку, открыто выражавшему, и на словахъ и въ печати, свои крайнія убѣжденія, не легко жилось въ Англіи XVIII вѣка, поэтому, какътолько вспыхнула французская революція, онъ отправился во Францію, сталъ называть себя англо-французомъ и принялъ самое горячее участіе въ тогдашнихъ событіяхъ. Его приняли въ якобинскій клубъ, Бонневиль былъ его другомъ, Бриссо добился для него права гражданства, и онъ находился въ числѣ четырнадцати основателей журнала Cronique du Mois, хотя не видно, чтобы онъ писалъ тамъ статьи. Онъ много разъ говорилъ въ якобинскомъ клубѣ и совѣтовалъ французамъ войти въ сношенія съ патріотическими обществами Англіи, а когда Робеспьеръ однажды упрекнулъ его за близкія отношенія къ Бриссо, пользовавшемуся дурной репутаціей, то онъ гордо отвѣчалъ: «я не хочу отвѣчать на высказанныя господиномъ Робеспьеромъ подозрѣнія относительно меня, также какъ на оскорбительные намеки другихъ членовъ; я считаю себя гораздо выше ихъ». Онъ выражалъ всегда самыя крайнія мнѣнія, и сохранился остроумный отвѣтъ другого иностраннаго дѣятеля французской революціи американца, Томаса Пэна, на его рѣчь, требовавшую огульнаго избіенія всѣхъ подозрительныхъ лицъ, съ цѣлью избѣжать междоусобной войны: «вы такъ давно не ѣли мяса, что естественно жаждете крови». Какъ мало Освальдъ былъ въ сущности кровожаденъ, доказываютъ расклеенныя имъ собственноручно въ мартѣ 1792 г. на домахъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья афиши, требовавшія уничтоженія постоянной арміи. Его гражданскія и военныя доблести были такъ хорошо извѣстны парижанамъ, что ему поручена была команда надъ отрядомъ гражданъ, вооруженныхъ пиками, а когда началось вандейское возстаніе, его выбрали командиромъ одного изъ парижскихъ баталіоновъ, посланныхъ въ Вандею. Онъ самъ организовалъ этотъ отрядъ и очень сожалѣлъ, что не могъ вооружить его исключительно пиками, такъ какъ питалъ особую слабость къ этого рода оружію. Его военные подвиги, однако, продолжались недолго, и въ 1793 году онъ былъ убитъ вандейскимъ ядромъ; рядомъ съ нимъ пали его два юныхъ сына, которыхъ онъ выписалъ изъ Англіи и опредѣлилъ барабанщиками въ свой отрядъ. Несмотря на то, что онъ умеръ 33 или 35 лѣтъ отъ роду, Джонъ Освальдъ оставилъ по себѣ слѣдъ не только своей политической дѣятельностью, но и литературными произведеніями, въ которыхъ онъ выражалъ радикальныя и даже соціалистическія идеи, такъ что Лихтенбергеръ называетъ его однимъ изъ предтечей современныхъ англійскихъ соціалистовъ. Вначалѣ онъ былъ поэтомъ и, подъ псевдонимомъ Сильвестра Отвея, помѣщалъ въ англійскихъ журналахъ поэмы и оды, въ которыхъ большею частью воспѣвается платоническая любовь. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ цѣнились современниками его стихи, служитъ тотъ фактъ, что знаменитый Робертъ Борнсъ, посылая одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній редактору журнала, гдѣ помѣщалъ свои произведенія и Освальдъ, просилъ извиненія, что осмѣливается претендовать на честь помѣстить свои стихи тамъ, гдѣ свѣтитъ геній Сильвестра Отвея. Прозаическія его сочиненія были многочисленны. Онъ основалъ газету «Британскій Меркурій», напечаталъ остроумный трактатъ противъ методистовъ, подъ заглавіемъ: Ranae comicae melancholizantes; въ

1791 году онъ издалъ «Крикъ природы, или воззваніе къ справедливости и сожалѣнію въ пользу бѣдныхъ животныхъ», и въ томъ же году написалъ по-французски народную тактику или новый принципъ, по которому народъ можетъ самъ защищать себя безъ помощи опасныхъ регулярныхъ войскъ. Но, главнымъ образомъ, онъ былъ извѣстенъ политическими памфлетами, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣли два, написанные поанглійски, но потомъ переведенные пофранцузски: «Обозрѣніе англійской конституціи» и «Народное управленіе, или очеркъ конституціи для всеобщей республики». Въ этихъ-то двухъ политическихъ памфлетахъ Освальдъ и выражаетъ тѣ идеи, которыя даютъ право считать его однимъ изъ предшественниковъ современныхъ соціалистовъ. Въ «Обозрѣніи англійской конституціи» онъ прямо говоритъ, что нелѣпо давать избирательныя права только собственникамъ, какъ будто право на трудъ рабочихъ не такъ же свято, какъ право собственности богатыхъ. Онъ проклинаетъ тѣхъ немногихъ, которые подѣлили между собою всю землю, словно она не общее достояніе по закону природы. Бѣдные люди въ Англіи, по его словамъ, ведутъ болѣе несчастную жизнь, чѣмъ невольники въ Индіи. Онъ саркастически отзывается о защитѣ привиллегированной собственности знаменитымъ Боркомъ, «такъ какъ, говоритъ онъ, настоящая собственность есть то, что человѣкъ дѣлаетъ своимъ, запечатлѣвая его пòтомъ своего труда или своимъ геніемъ; всякая же другая собственность несправедлива, а монополисты не собственники, въ истинномъ значеніи этого слова, а просто воры». Въ концѣ концовъ Освальдъ требовалъ пересмотра англійской конституціи, къ смыслѣ справедливости ко всѣмъ и каждому. Въ народномъ управленіи онъ, подъ вліяніемъ французской революціи, шелъ еще дальше: онъ предлагаетъ ввести повсюду систему referendum, т. е. управленіе народа народомъ и для народа. Въ концѣ этого любопытнаго памфлета онъ восклицаетъ: «будемъ надѣяться, что коллективная мудрость людей наконецъ порветъ всѣ узы, установитъ общинное владѣніе землей и право для всѣхъ пользоваться плодами своихъ трудовъ; тогда только наступитъ золотой вѣкъ, и надежда на то, что наши дѣти увидятъ этотъ золотой вѣкъ, наполняетъ радостью мое сердце среди окружающаго меня растлѣннаго общества».

— Романтичныя нѣмки начала XIX столѣтія. Романтизмъ во Франціи былъ литературной школой или модой, но въ Германіи это былъ религіозный культъ, однимъ изъ непремѣнныхъ условій котораго было полное подчиненіе женщины избранному ею идеальному мужчинѣ. Романтичныя нѣмки въ началѣ нашего столѣтія поклонялись геніямъ и, не претендуя сами на интеллектуальное превосходство, считали возможнымъ порождать геній въ мужчинѣ своею любовью. Любящія и любимыя созданія, онѣ ставили цѣлью всей своей жизни помогать своимъ избранникамъ въ созданіи геніальныхъ произведеній. Недавно нѣмецкій критикъ Людвигъ Гейгеръ вывелъ въ своей книгѣ «Писатели и женщины» [1]) рядъ подобныхъ экзальтированныхъ, буржуазныхъ нѣмокъ, выставляя на видъ всѣ ихъ добрыя качества, отзываясь

[1]) Dichter und Frauen, Vorträge und Abhandlungen, von Ludwig Geiger. Berlin. 1896.

съ сочувственной снисходительностью объ ихъ недостаткахъ. Уроженка Берлина, Доротея Мендельсонъ, дочь философа, представляетъ типъ такой романтичной женщины, которая искала и нашла свой идеалъ. Пятнадцати лѣтъ ее выдали замужъ безъ ея согласія за Симона Вейта, человѣка очень почтеннаго и богатаго негоціанта, но нимало не олицетворявшаго идеальныя стремленія жены. Вскорѣ она встрѣтила Фридриха Шлегеля, автора очень скандальнаго романа «Луцинда», и хотя человѣка высоко образованнаго, но тупого по природѣ и страннаго софиста не только въ литературѣ, но и въ жизни; Доротея сразу признала въ немъ свой идеалъ и отдалась ему всецѣло. Она бросила мужа и дѣтей, жила впродолженіе многихъ лѣтъ со своимъ лже-великимъ человѣкомъ и до самой смерти поклонялась ему, какъ кумиру, несмотря на то, что онъ ничѣмъ не доказалъ признаваемаго въ немъ обожающей его женщиной генія и велъ себя относительно ея и мужа самымъ страннымъ, чтобы не сказать болѣе, образомъ, именно пользовался, безъ зазрѣнія совѣсти, тѣми финансовыми средствами, которыя постоянно отпускалъ мужъ Доротеи своей бѣглянкѣ женѣ. Напротивъ Іоанна Мотерби всю свою жизнь искала и не нашла идеала. Дочь простого прусскаго работника, Іоанна Шарлотта Тильгеймъ, вышла замужъ за англійскаго доктора Вильяма Мотерби, и въ сущности она могла быть совершенно счастливой, такъ какъ мужъ ее любилъ и давалъ ей средства завести въ Кенигсбергѣ блестящій салонъ. Но, несмотря на свою уродливость, она отличалась легкомысленной фантазіей и неудержимымъ стремленіемъ къ постоянно уклонявшемуся отъ нея призраку любви. Прежде всего ея выборъ остановился на Вильгельмѣ Гумбольдтѣ. Она не поняла, что предметъ ея культа хотя и былъ извѣстнымъ мыслителемъ, филологомъ и дипломатомъ, но, какъ человѣкъ, отличался леденящей холодностью и могъ только снисходительно дозволять, чтобы его обожали, а не платить взаимностью. Напечатанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ переписка его съ Іоанной вполнѣ доказываетъ, какія странныя отношенія существовали между этимъ холоднымъ олимпійскимъ божкомъ и его пламенной поклонницей. Наконецъ ей надоѣло постоянно смиряться передъ его гордостью, не получая взамѣнъ ничего, и она снова стала искать идеала. Вторымъ ея кумиромъ былъ публицистъ поэтъ Маврикій Арндтъ, но и тотъ былъ себѣ на умѣ и хотя представлялъ контрастъ съ Гумбольдтомъ, выражая въ письмахъ самую пламенную любовь къ своей маленькой, радужной птичкѣ, какъ онъ ее называлъ, но когда у него умерла жена, и птичка стала выражать желаніе занять ея мѣсто, то онъ объявилъ, что предпочитаетъ мечты дѣйствительности, не смотря на то, что въ письмахъ распространялся о томъ, «съ какою радостью онъ осыпалъ бы свою птичку тысячью поцѣлуями не только въ продолженіе двухъ часовъ, но и цѣлой ночи». Дѣлать было нечего, птичка вторично стала искать недосягаемаго идеала. Наконецъ, нашелся докторъ Фридрихъ Диффенбахъ, профессоръ Берлинскаго университета, моложе ея на десять лѣтъ, въ которомъ она въ третій разъ нашла свой идеалъ. Она развелась съ своимъ англійскимъ докторомъ и вышла за нѣмецкаго, но ея брачная жизнь была самая несчастная: она постоянно ревновала своего молодого мужа, и кончилось тѣмъ, что развелась съ нимъ, а свою долговременную неудачную жизнь окончила самымъ недостой-

нымъ образомъ среди юношей, которыхъ, по словамъ ея снисходительнаго біографа, она учила музыкѣ. Рядомъ съ письмами Гумбольдта и Арндта къ радужной птичкѣ можно поставить «Переписку одного нѣмецкаго принца съ одной молодой художницей», которая представляетъ еще любопытную страницу изъ исторіи нѣмецкаго романтизма. Этотъ принцъ былъ герцогъ Августъ Саксенъ-Готскій, большой поклонникъ Наполеона и горячій любитель искусства, а артистка—Тереза Винкель, хотя не красивая, но талантливая, молодая дѣвушка, прекрасно игравшая на арфѣ, занимавшаяся живописью и писавшая стихи. Герцогъ влюбился въ нее, и между ними завязалась отношенія, по словамъ Гейгера, самыя платоническія. Пять лѣтъ писали они другъ другу самыя нѣжныя романтичныя письма, въ которыхъ онъ называлъ ее «своей прелестной сестрой Эмиліей», а она награждала его титуломъ «мой милый Эмилій». Но съ теченіемъ времени ему надоѣло витанье въ небесахъ, да еще съ некрасивымъ существомъ, и онъ сталъ примѣшивать, въ своихъ письмахъ, къ обычнымъ любезностямъ саркастическія замѣчанія, а потомъ совершенно прекратилъ переписку. Тереза перенесла этотъ ударъ съ большимъ достоинствомъ и осталась вѣрной своей платонической любви до самой смерти въ 1867 году, когда ей было 83 года. Романтичныя сѣтованія сѣдой старухи на неблагодарность принцевъ, однако, отличались такимъ комизмомъ, что возбуждали общій смѣхъ. Болѣе интереса возбуждаетъ къ себѣ несчастная Шарлотта Штиглицъ. Красивая, граціозная, съ пылкимъ сердцемъ, она еще молодой вышла замужъ за Генриха Штиглица, изучавшаго филологію въ Гетингенскомъ университетѣ и считавшаго себя почему-то поэтомъ. Для нея онъ былъ великимъ геніемъ, и она впродолженіе шести лѣтъ благоговѣла передъ нимъ и переносила всѣ непріятности бѣдной жизни, которую они вели въ Берлинѣ. Наконецъ она убѣдилась, что никакой любовью не раздуть пламени въ сухомъ, черствомъ сердцѣ и болѣзненномъ тѣлѣ ея мужа, который, по словамъ Гейгера, былъ рѣшительно ни на что не способенъ, и покончила съ собою самымъ трагическимъ образомъ: она послала своего мужа въ концертъ, а сама, запершись въ комнатѣ, пронзила себѣ сердце кинжаломъ. Таковы были выдающіяся представительницы нѣмецкаго романтизма, и, конечно, совершенно правъ критикъ Revue des deux Mondes, говоря, что если бы на послѣднемъ женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ предложено было современнымъ передовымъ нѣмецкимъ женщинамъ высказать свое мнѣніе о предшественницахъ, то онѣ единогласно признали бы ихъ психопатками.

— Письма Виктора Гюго. Наконецъ появился первый томъ давно ожидаемыхъ писемъ автора «Miserables» [1]; онъ обнимаетъ эпоху отъ 1815 до 1835 г., и вскорѣ за нимъ послѣдуетъ второй, относящійся до 1835—1885 годовъ. Повидимому, это не полное собраніе, а только сборникъ тщательно подобранныхъ писемъ, и хотя многое даже въ этомъ сборникѣ не интересно и скучно, именно все, что касается до переписки съ издателями, редакторами и критиками по чисто технической сторонѣ литературнаго дѣла, т. е. по изданію и критикѣ сочиненій, но всякій выборъ въ подобномъ случаѣ какъ-то подозрителенъ и

1) La correspondance de Victor Hugo. Vol. I. 1815—1835. Paris. 1896.

возбуждаетъ сомнѣніе, не пропущено ли по тѣмъ или другимъ соображеніямъ именно то-что наиболѣе интересное. Тѣмъ болѣе неполнота составляетъ значительный недостатокъ настоящей переписки, что ея главный интересъ не въ новыхъ фактахъ политической и литературной жизни XIX столѣтія, но въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ Викторомъ Гюго, какъ человѣкомъ, и надо отдать ему справедливость, что изъ этого знакомства его нравственный образъ много выигрываетъ. Сложилась легенда о немъ, что это былъ человѣкъ, любившій только себя, заботившійся лишь о своей славѣ, вѣчно ходившій на ходуляхъ, и не только никому не помогавшій, но даже отличавшійся скупостью, теперь же оказывается, что онъ имѣлъ основаніе писать въ одномъ письмѣ къ Сенъ-Беву: «Вы всегда считали, что я живу однимъ умомъ, а въ сущности я живу только сердцемъ». Хотя изъ напечатанныхъ писемъ нельзя прійти къ убѣжденію, чтобы сердце у Гюго совершенно преобладало надъ умомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно играло значительную роль въ его жизни, и что онъ былъ не гордымъ олимпійцемъ, а человѣкомъ, которому нечуждо все человѣческое. Письма къ женѣ, матери, отцу и къ дѣтямъ дышатъ въ каждомъ словѣ самой горячей, сердечной привязанностью, а переписка съ Сенъ-Бевемъ обнаруживаетъ въ немъ вѣрнаго, глубоко преданнаго друга, который хотя въ концѣ концовъ и разошелся съ своимъ «дорогимъ братомъ», какъ онъ его называлъ, благодаря самымъ драматическимъ обстоятельствамъ, но лишь послѣ долгой, благородной борьбы и всевозможныхъ усилій сохранить хорошія между ними отношенія. Вообще весь эпизодъ съ Сенъ-Бевомъ, который, по его собственнымъ словамъ, находился «въ домѣ Гюго подъ чарами самаго могучаго и нѣжнаго чувства, того самаго чувства, которое приковало Рено къ саду Армиды», дѣлаетъ полную честь Гюго и набрасываетъ тѣнь на знаменитаго критика, который послѣ разрыва съ самымъ закадычнымъ другомъ сталъ осыпать бранью и сарказмами его литературныя сочиненія. Легенда о скупости Гюго вполнѣ опровергается многими благородными чертами, такъ онъ заплатилъ долгъ отца въ 200 франковъ въ такое время, когда онъ находился съ семьей въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ и долженъ былъ для этого отказаться отъ покупки часовъ, болѣе того онъ отказался отъ получаемой отъ короля пенсіи въ 2,000 франковъ, когда запретили его пьесу «Marion Delorme», несмотря на то, что ему предлагали, въ видѣ вознагражденія за понесенные убытки, увеличить ее до 5,000 франковъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ узналъ, что эта пенсія не назначена никому и оставалась въ распоряженіи правительства, а потому онъ написалъ Тьеру: «Хотя я не имѣю никакого права на то, отъ чего я отказался, но еслибъ вы назначили эту пенсію бѣдной женщинѣ, умирающей съ голода, г-жѣ Меркёръ, то я былъ бы вдвойнѣ радъ своему отказу». Не менѣе говорятъ въ его пользу слѣдующія слова, писанныя имъ къ Арману Кареню, когда ему было двадцать пять лѣтъ: «Двадцати лѣтъ отъ роду я оказался женатымъ и отцемъ семьи безъ всякихъ средствъ, кромѣ моего труда. Я жилъ изо дня въ день своимъ трудомъ, а Фердинандъ VII проживалъ мое и отцовское состояніе. Съ того времени и я могу этимъ гордиться, какъ не очень обыкновеннымъ фактомъ; я жилъ съ семьей своимъ перомъ, старательно воздерживался отъ всѣхъ литературныхъ спекуляцій и меркантильныхъ сдѣлокъ. Я писалъ,

какъ умѣлъ, хорошо и дурно, но не торговалъ перомъ. Бѣдный человѣкъ, я занимался литературой, какъ богачъ, и думалъ только о литературныхъ цѣляхъ. Обязанный тяжелыми временами обратить литературу въ ремесло, я никогда не дозволялъ, чтобъ ремесленныя соображенія портили мой литературный трудъ». Что касается политики, то мы имѣемъ въ первомъ томѣ «Переписки» очень мало случаевъ познакомиться съ политическими воззрѣніями Гюго во время реставраціи и іюльской монархіи. Хотя онъ восторженно описывалъ коронацію Карла X, но вскорѣ подъ вліяніемъ событій перемѣнилъ свои воззрѣнія и уже въ 1832 году писалъ Сенъ-Беву по случаю объявленія Парижа на осадномъ положеніи вслѣдствіе уличныхъ безпорядковъ, вызванныхъ полиціей: «я подпишу какой угодно протестъ и несмотря на всѣ осадныя положенія». Если такъ называемые охранители общественнаго порядка рѣшатся на политическую казнь, а четверо людей съ сердцемъ произведутъ возстаніе съ цѣлью освободить жертвъ, то я буду пятымъ». Однако, несмотря на эти слова, вырвавшіяся у него въ минуту пылкаго увлеченія, онъ понималъ, что тогда еще не пришло время республики, и писалъ съ удивительнымъ пророческимъ даромъ: «Когда нибудь у насъ будетъ республика, и когда она водворится, то будетъ хорошая. Но мы не должны собирать въ маѣ плодовъ, которые созрѣютъ лишь въ августѣ, намъ слѣдуетъ поучиться ждать».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Два ареста.

I.

Ъ ПОЛОВИНѢ февраля 187... года, въ ожиданіи послѣдняго вечерняго поѣзда изъ Царскаго Села въ Павловскъ, собралась на Царскосельскомъ вокзалѣ, за маленькимъ столикомъ, небольшая группа офицеровъ кавалерійскаго полка, расквартированнаго въ г. Павловскѣ; среди нихъ была только одна дама, молоденькая, хорошенькая, жена корнета Б., только что вышедшая за него замужъ.

Весело, но сдержанно и нешумно шла бесѣда, и по особенной манерѣ держать себя видно было сразу каждому постороннему зрителю, что офицеры эти находятся въ обществѣ порядочной женщины ихъ круга.

Оставалось прождать до прихода поѣзда еще 10 минутъ — время очень небольшое и совершенно незамѣтное, когда ждетъ не одинъ, а тутъ было шесть молодыхъ, оживленныхъ интереснымъ разговоромъ лицъ; казалось бы, что эти десять минутъ покажутся имъ за одинъ мигъ, но случилось иначе, и то, что произошло въ этотъ короткій промежутокъ времени, навсегда осталось у присутствующихъ въ памяти. Дѣло въ томъ, что въ самомъ разгарѣ бесѣды мимо нихъ прошелъ только что пріѣхавшій генералъ; офицеры поднялись съ своихъ мѣстъ, отдали ему честь и снова сѣли на свои мѣста.

Генералъ прошелъ мимо нихъ вторично; офицеры поднялись опять, но онъ не сказалъ имъ при этомъ ни слова; очевидно было, что онъ и не думалъ предоставлять имъ право сидѣть при его приближеніи во время совершаемой имъ прогулки по вокзалу.

Офицеры поднялись съ своихъ мѣстъ уже въ четвертый разъ, а генералъ, знай себѣ, все прохаживается туда и сюда и опять имъ ни слова.

— Я думаю, что онъ просто занятъ какою нибудь мыслью,— сказалъ про генерала одинъ офицеръ другому,—и вовсе насъ не замѣчаетъ. Нечего вскакивать намъ каждый разъ; вѣдь это и смѣшно и досадно.

Но не тутъ-то было, генералъ проходилъ и смотрѣлъ на сидящихъ у столика такъ пристально, что всякому до очевидности было ясно, что онъ и не желаетъ давать разрѣшеніе офицерамъ сидѣть во время его прохожденія, и они вставали уже въ шестой разъ.

— Положимъ, и заслуженный онъ генералъ,—сказалъ Б.,—и дисциплина—дисциплиною, но при чемъ все это здѣсь на вокзалѣ, на показъ всей публикѣ? Сиди,— обратился онъ къ женѣ,— а я отвернусь и буду смотрѣть въ окно; надоѣло мнѣ вытягиваться каждую минуту, а это будетъ, какъ видно, до безконечности.

Прошелъ снова тотъ же генералъ. Всѣ поднялись, кромѣ корнета Б., изображавшаго видъ, будто онъ разсматриваетъ что-то въ окно.

— Не дѣлай ты этого, пожалуйста,— сказала жена Б. своему мужу,— мнѣ кажется, что генералъ замѣтилъ твой маневръ, и изъ этого выйдетъ цѣлая исторія.

— Никакой изъ этого исторіи не выйдетъ,—отвѣтилъ мужъ:— просто тебѣ показалось, что онъ замѣтилъ, а ты уже и испугалась; сиди, голубчикъ, не смотри на меня и, пожалуйста, не бойся.

И только что повернулся онъ къ окну, какъ генералъ остановился и громкимъ, недовольнымъ тономъ произнесъ:

— Господинъ корнетъ, интересно знать, что вы можете видѣть въ окно, когда на дворѣ такая тьма?

Корнетъ Б. поднялся и, держа руку подъ козырекъ, громко отвѣтилъ: смотрѣлъ, ваше превосходительство, не идетъ ли дождь.

— Пустяки,— сказалъ генералъ рѣзко,— нѣтъ тамъ никакого дождя. Гораздо было бы лучше, если бы вы не наблюдали за погодою, а помнили бы военную дисциплину. Потрудитесь отправляться **сейчасъ же** на гауптвахту.

— Какъ же я-то?—сказала испуганно жена Б., ни къ кому особенно не обращаясь, однако такъ громко, что генералъ не могъ этого не разслышать, но онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Тогда ротмистръ Н. обратился къ генералу и объяснилъ ему, что корнетъ Б. ѣдетъ въ Павловскъ домой съ своею молодою женою, что въ Павловскѣ не имѣется гауптвахты, и что, если корнету Б. придется сейчасъ же отправиться на Царскосельскую гауптвахту, то жена останется одна.

— Это ничего не значитъ,— сказалъ генералъ и, не обращая никакого вниманія на испуганную жену Б., произнесъ:— ее могутъ проводить и другіе, вѣдь здѣсь же есть однополчане. А вы, господинъ корнетъ, потрудитесь **сію же минуту** отправиться на гауптвахту,—и, сказавъ это, генералъ, съ какимъ-то важно-дѣловымъ выраженіемъ лица, направился ускореннымъ шагомъ къ платформѣ.

— Вотъ такъ джентельменъ! — послышалось ему вслѣдъ изъ другой, стоявшей неподалеку группы.

Нечего и говорить, что фамилія этого генерала начиналась съ частицы фонъ, и что онъ увлекался нѣмецкимъ педантизмомъ.

II.

Въ хорошій майскій день, тотъ же офицеръ Б. съ своею молодою женою возвращался верхомъ съ прогулки изъ Царскаго Села. Ѣхали шагомъ. Безконечный разговоръ велся между молодыми супругами съ такимъ оживленіемъ и интересомъ, какъ будто бы они повѣнчались не годъ тому назадъ, а переживаютъ только медовый мѣсяцъ. Они проѣхали уже половину пути по направленію къ Павловску—мѣсту стоянки полка, гдѣ служилъ Б.

Послышавшійся сзади топотъ копытъ двухъ скачущихъ лошадей прервалъ ихъ разговоръ. Б. обернулся. Шагахъ въ 25 отъ него показалась чрезвычайно изящная фигура императора Александра II.

Быстро, молодецки повернувъ свою лошадь, Б. отдалъ честь.

— Не по формѣ одѣтъ; что это за воротнички; на гауптвахту!—ровнымъ безъ особыхъ удареній, голосомъ произнесъ проѣзжая императоръ и, не мѣняя аллюра, продолжалъ ѣхать по направленію къ Павловску. Извѣстно, что государь очень не любилъ, когда изъ-за воротника мундира было видно бѣлье.

Со словами «слушаю-съ, ваше императорское величество», моментально повернулъ корнетъ Б. своего коня по направленію къ Царскому Селу; жена слѣдовала за нимъ.

— Говорилъ я сколько разъ, чтобы никогда не дѣлали мнѣ такихъ высокихъ воротничковъ,—сказалъ онъ съ легкою досадою, обращаясь къ женѣ.

— Никогда, мой милый, ихъ не будетъ,—отвѣтила она: — ну, что же теперь дѣлать, поѣдемъ, я провожу тебя до Царскаго, заѣду тамъ къ Софьѣ Николаевнѣ и вмѣстѣ съ нею вернусь по желѣзной дорогѣ домой въ Павловскъ.

Не успѣли они отъѣхать и ста шаговъ, какъ имъ снова послышался топотъ копытъ; невольно, какъ по командѣ, они повернулись. Къ нимъ несся слѣдовавшій за императоромъ рейткнехтъ.

— Его императорское величество,—сказалъ рейткнехтъ, обращаясь къ офицеру Б.,— изволили приказать, чтобы вы проводили сначала вашу даму

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ услышали они оба эти слова, навсегда запечатлѣвшіяся въ ихъ памяти, и съ какимъ благодарнымъ восторгомъ они разсказывали всѣмъ объ этомъ царскомъ вниманіи!

Разсказъ этотъ, въ правдивости котораго я не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, я слышалъ отъ вдовы фигурирующаго въ немъ офицера Б.

Николай Бунинъ.

СМѢСЬ.

ТКРЫТІЕ памятника императрицѣ Екатеринѣ II. 6 ноября, въ день исполнившагося столѣтія со времени кончины императрицы Екатерины II, въ большой залѣ Московской городской думы былъ открытъ памятникъ императрицѣ. Открытію предшествовала панихида, которую совершилъ преосвященный Тихонъ, епископъ можайскій, соборнѣ, при пѣніи синодальнаго хора. На панихиду прибыли московскій генералъ-губернаторъ в. к. Сергій Александровичъ и в. к. Елисавета Θеодоровна. На панихидѣ присутствовали также лица свиты ихъ высочествъ, московскій комендантъ, московскій губернаторъ Булыгинъ, почтъ-директоръ и другія почетныя лица, гласные думы и служащіе по московскому городскому управленію. По окончаніи панихиды спала бѣлая пелена, покрывавшая памятникъ, и представилась статуя императрицы. Преосвященный Тихонъ окропилъ св. водой памятникъ и удалился. Московскій городской голова К. В. Рукавишниковъ, приблизившись къ памятнику съ лѣвой стороны, произнесъ краткое слово, послѣ чего товарищъ городскаго головы Н. Н. Щепкинъ возложилъ лавровый вѣнокъ отъ города къ подножію памятника. Вновь открытый памятникъ изображаетъ императрицу во весь ростъ. Высота статуи $3^1/_2$ аршина; она высѣчена изъ сѣроватаго мрамора и установлена на пьедесталѣ изъ порфира, который, въ свою очередь, покоится на ступенькахъ изъ сѣраго гранита; высота пьедестала со ступеньками также равняется $3^1/_2$ аршинъ. Екатерина II изображена въ порфирѣ, въ лентѣ Андрея Первозваннаго и съ цѣпью этого ордена; голова увѣнчана малою короной; въ правой рукѣ золоченый скипетръ, а лѣвая какъ бы отбрасываетъ порфиру назадъ. Екатерина II представлена въ возростѣ 45—50 лѣтъ.

На пьедесталѣ изъ порфира помѣщенъ золоченый картушъ съ вензелемъ императрицы, а нѣсколько ниже на первой ступенькѣ лавровый золоченый вѣнокъ изъ бронзы. Сзади памятника по стѣнѣ сдѣлана драпировка изъ плюша, образующая какъ бы сѣнь, увѣнчанную золоченою короной. Помимо открытія этого памятника, исполнившееся столѣтіе со дня смерти Екатерины II было отмѣчено повсемѣстными чествованіями памяти императрицы, для перечисленія которыхъ здѣсь не хватило бы мѣста. Нѣкоторыя подробности читатели найдутъ ниже, въ отчетахъ о засѣданіяхъ различныхъ обществъ.

Открытіе памятника императору Александру III въ Ѳеодосіи. 14-го ноября, освященъ въ Ѳеодосіи памятникъ императору Александру III. Для отдачи воинскихъ почестей прибылъ въ Ѳеодосію броненосецъ «Георгій Побѣдоносецъ» съ одною минною лодкою. Богослуженіе совершено было соборнѣ всѣмъ городскимъ духовенствомъ. На богослуженіи присутствовали таврическій губернаторъ, шталмейстеръ Лазаревъ, предсѣдатель комитета по постройкѣ памятника И. К. Айвазовскій, всѣ мѣстныя власти, городскія среднія и низшія учебныя заведенія и офицеры гарнизона. По окончаніи литургіи и молебна, подъ перезвонъ колоколовъ, изъ собора двинулся соединенный крестный ходъ всѣхъ ѳеодосійскихъ храмовъ. Войска взяли на караулъ, а оркестръ исполнилъ «Коль славенъ». Процессія, среди несмѣтной толпы народа, направилась къ Айвазовскому бульвару. Здѣсь, въ виду моря, высился покрытый пеленами памятникъ. Весь городъ былъ украшенъ флагами, и особенно роскошно по пути шествія процессіи. Магазины вездѣ были заперты. Полотно, закрывавшее памятникъ, упало, и единодушное «ура» огласило улицы Ѳеодосіи. Музыка заиграла гимнъ «Боже Царя храни», залпы ружей и выстрѣлы пушекъ съ бортовъ броненосца «Георгій Побѣдоносецъ» слились въ общій гулъ. Памятникъ находится противъ городского собранія, въ концѣ бульвара Айвазовскаго. Онъ изображаетъ четыреугольную призму изъ кіевскаго чернаго лабрадора. Наверху пьедестала, къ которому ведетъ рядъ ступеней, поставлено изображеніе императора Александра III во весь ростъ. Лицомъ онъ обращенъ къ Ѳеодосіи. Въ правой опущенной рукѣ—военная фуражка, а лѣвая заложена за бортъ сюртука. На лицевой сторонѣ пьедестала надпись: «Императору Александру III благодарная Ѳеодосія», а на задней: «Сооруженъ въ благополучное царствованіе императора Николая II 1896 года». Памятникъ лѣпилъ профессоръ Бахъ, а отлита фигура на заводѣ Верто, бывшемъ Шопена. Каменныя работы производились въ Одессѣ, у Молинари. Въ два часа дня въ городскомъ собраніи состоялся обѣдъ на 150 кувертовъ. Передъ обѣдомъ И. І. Палимпсестовъ прочелъ рѣчь объ историческомъ значеніи царствованія Александра III. Первый тостъ, провозглашенный губернаторомъ за здоровье государя императора Николая Александровича и государыни Александры Ѳеодоровны, былъ встрѣченъ восторженно, также какъ и второй тостъ, провозглашенный губернаторомъ за государыню Марію Ѳеодоровну. По просьбѣ присутствующихъ была послана губернаторомъ вѣрноподданническая депеша. Третій тостъ былъ за главнаго иниціатора памятника И. К. Айвазовскаго. Были произнесены и другіе тосты и рѣчи, и прочитаны были также полученныя привѣтственныя депеши отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ крупнаго жертвователя на памятникъ, като-

ликоса всѣхъ армянъ Мрктича I. Для учениковъ и войскъ гарнизона было устроено угощеніе. Городъ былъ вечеромъ иллюминованъ, а въ городскомъ собраніи состоялся балъ.

Общество исторіи и древностей. 6-го ноября, въ 7 часовъ вечера, въ составѣ 22 членовъ, включая бюро, состоялось въ старомъ зданіи университета чрезвычайное засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, въ которомъ предсѣдателемъ общества профессоромъ В. О. Ключевскимъ сказано было нѣсколько словъ «о трудахъ императрицы Екатерины II по русской исторіи». Начавъ съ предупрежденія, что можетъ предложить лишь «бѣглый и сухой перечень» работъ и взглядовъ въ области русской исторіи, ораторъ съ нѣкоторыми подробностями остановился на «Запискахъ касательно Россійской исторіи», предпринятыхъ императрицей съ цѣлями педагогическими на основѣ моралистической и патріотической тенденціи. Екатерина не хотѣла властвовать надъ «народомъ дикимъ», какимъ представлялись многимъ тогдашніе русскіе; она выступала противъ взгляда, что у русскихъ «есть прошлое, но нѣтъ исторіи, есть календарь, но нѣтъ развитія». Взгляды, которые исповѣдывала Екатерина, и цѣли, которыя она преслѣдовала, придали «Запискамъ» извѣстное единство и цѣльность изложенія, такъ что въ общемъ, по словамъ профессора Ключевскаго, чтеніе ихъ производитъ «поднимающее впечатлѣніе». Въ послѣдовавшемъ затѣмъ обыкновенномъ засѣданіи составлена была комиссія по присужденію въ 1897 году преміи имени Г. Ѳ. Карпова (въ текущемъ году была присуждена казначею общества), въ составъ которой вошли предсѣдатель, секретарь, казначей, В. А. Уляницкій и Д. И. Иловайскій. Къ соисканію преміи представлены три сочиненія: г. Эварницкаго по исторіи запорожскихъ казаковъ, г. Лилеева по исторіи русскаго раскола и юрьевскаго профессора А. Н. Филиппова по исторіи сената (докторская диссертація).

Общество любителей россійской словесности. 17-го ноября, въ 1½ часа дня, въ актовой залѣ университета происходило, въ присутствіи многочисленной публики, торжественное публичное засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное памяти императрицы Екатерины II. Какъ учрежденіе, преслѣдующее спеціальныя задачи изученія литературныхъ явленій, общество почтило память Екатерины II чтеніями, касавшимися отношеній императрицы къ современной ей иностранной и русской литературѣ. Первая рѣчь, произнесенная предсѣдателемъ общества Н. И. Стороженко, имѣла предметомъ «отношенія Екатерины II къ корифеямъ французской литературы XVIII вѣка». Очертивъ полученное императрицей воспитаніе, склонность ея къ философскимъ занятіямъ и вліяніе, оказанное на Екатерину французскими энциклопедистами и всею вообще эпохой просвѣщенія конца XVIII вѣка, профессоръ Стороженко перешелъ къ характеристикѣ «Наказа»—«явленія замѣчательнаго по проникающему его духу терпимости и свободы и сознанію того, что не народы созданы для власти, а власть для народовъ», причемъ указалъ на оппозицію, встрѣченную императрицей въ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ и въ особенности въ своемъ отношеніи къ крѣпостному праву. Противорѣчія, существовавшія у Екатерины между словомъ и дѣломъ, профессоръ Стороженко объяснилъ соображеніями политической тактики и общими условіями

времени,—и въ заключеніе остановился на перепискѣ императрицы съ энциклопедистами, подробно передавъ ея содержаніе; переписка эта заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ отзывовъ о Россіи, свидѣтельствующихъ о любви Екатерины къ своей второй родинѣ, и не мало критическихъ замѣчаній литературнаго характера, не утратившихъ своего значенія и по настоящее время. Вслѣдъ затѣмъ почетнымъ членомъ общества М. Н. Ермоловой было прочитано извѣстное стихотвореніе А. Н. Апухтина «Недостроенный памятникъ». Второе отдѣленіе открылось сообщеніемъ А. Е. Грузинскаго: «Императрица Екатерина II и литературное движеніе ея эпохи». Это сообщеніе было посвящено разсмотрѣнію взглядовъ Екатерины II на литературу, ея роль и задачи,—взглядовъ, имѣвшихъ въ свое время важное значеніе въ виду исключительнаго положенія лица, которому они принадлежали. Г. Грузинскій указалъ на отношеніе императрицы къ поэзіи, представлявшейся ея дѣловому, реальному уму празднымъ занятіемъ, къ зародившемуся въ литературѣ въ концѣ XVIII вѣка стремленію къ народному, которому она сама отдала дань въ своихъ произведеніяхъ, а также къ исторической наукѣ, гдѣ она и собственными сочиненіями, и вліяніемъ на писавшихъ въ этой области стремилась очистить и оправдать прошлое русскаго народа отъ многочисленныхъ нападокъ; наконецъ, лекторъ охарактеризовалъ отношеніе Екатерины II къ сатирической литературѣ, которая пріобрѣла въ ея время и благодаря ей такое широкое развитіе. Послѣ этого сообщенія были прочитаны: державинское «Видѣніе мурзы»—княземъ А. И. Сумбатовымъ и комедія императрицы Екатерины II «Г-жа Вѣстникова съ семьей»—членомъ-сотрудникомъ В. Е. Ермиловымъ. Публика, переполнявшая залу, наградила всѣхъ лекторовъ рукоплесканіями. Въ залѣ, на каѳедрѣ, возвышался портретъ императрицы, декорированный тропическими растеніями. Въ сосѣдней съ актовою, библіотечной залѣ университета, одновременно съ засѣданіемъ, съ 12 часовъ дня, обществомъ устроена была посвященная Екатеринѣ II выставка: здѣсь въ витринахъ и по стѣнѣ была расположена значительная часть изображеній императрицы, ея сподвижниковъ и современныхъ дѣятелей изъ собраній П. А. Ефремова и Н. П. Рогожина. Незадолго до того обществомъ былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, посвященный памяти Ѳ. И. Тютчева и А. Н. Плещеева. Послѣ очерка поэзіи Тютчева, прочтеннаго профессоромъ Стороженко, князь Сумбатовъ (г. Южинъ) прочелъ два стихотворенія поэта, а г-жа Соколова-Фрелихъ исполнила два романса на слова его. Послѣ очерка поэзіи Плещеева г-жа Ермолова прочла также два стихотворенія и г-жа Соколова спѣла два романса на слова Плещеева, между прочимъ, легенду о Христѣ (музыка Чайковскаго). Кромѣ того, были исполнены четыре романса другими лицами.

С.-Петербургское археологическое общество. Въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 6-го ноября, А. Н. Щукаревъ прочиталъ рефератъ: «О тіарѣ царя Сайтферна». Первая часть реферата состояла въ разсмотрѣніи литературы pro и contra тіары. Референтъ рѣшительно сталъ на сторону Фуртвенглера, доказывающаго, что тіара есть наглый подлогъ, а, какъ композиція, простой пастишь изъ фигуръ и деталей разныхъ временъ и разныхъ стилей. Для нижняго фриза ея фигуры взяты съ южно-русскихъ

золотыхъ вещей, при чемъ нѣтъ необходимости предполагать особыя познанія фальсификатора, не пошедшаго дальше рисунковъ, имѣющихся въ «Русскихъ древностяхъ» Толстого и Кондакова. Для верхняго фриза сцены изъ Иліады скомпанованы по другимъ оригиналамъ, но и здѣсь всю библіографію съ удобствомъ замѣняетъ атласъ Вейссера. Въ виду субъективнаго характера сужденій о тіарѣ по стилю (то, что у французскихъ защитниковъ тіары превосходно, Фуртвенглеру кажется отвратительнымъ), референтъ указалъ на важность надписи, какъ главной улики фальсификатора. Формы буквъ ея, какъ и ряда другихъ поддѣльныхъ надписей на золотѣ и камнѣ, тождественны, композиція— не безупречна, городская стѣна попадается на другой, несомнѣнно поддѣльной, коронѣ и т. д. Благодаря надписи, мы можемъ поставить тіару въ группу поддѣлокъ уже извѣстныхъ и относительно надписей на мраморѣ, давно изобличенныхъ уже академикомъ В. В. Латышевымъ. По поводу реферата А. Н. Щукарева высказался также Н. П. Кондаковъ, который, соглашаясь въ принципѣ и по собственному впечатлѣнію отъ тіары съ безусловной поддѣльностью ея, находилъ, что не слѣдуетъ, подобно Фуртвенглеру и референту, подробно и объективными доводами доказывать поддѣльность подобныхъ вещей. По его мнѣнію, авторитетнымъ лицамъ слѣдуетъ судить, главнымъ образомъ, по стилю и техникѣ. 18-го ноября, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія императорскаго Русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Докладчикомъ явился С. А. Жебелевъ, прочитавшій рефератъ: «объ аѳинскихъ тиранахъ Аѳиніонѣ и Аристіонѣ», дѣйствовавшихъ около 88 года до Р. Х. въ качествѣ ставленниковъ Митридата, царя понтійскаго. Разборомъ историческихъ свидѣтельствъ докладчикъ устраняетъ смѣшеніе воедино этихъ двухъ лицъ, выступившихъ одно за другимъ. Въ томъ же засѣданіи были разсмотрѣны отдѣленіемъ послѣднія новости археологической литературы: 1) Emile Molinier, «Histoire générale des arts appliqués à l'industrie du V-e à la fin du XVIII siècle». Вышедшій первый томъ этого роскошнаго изданія заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о художественныхъ поддѣлкахъ изъ слоновой кости; 2) La Glyptothèque Carlsberg. Это первый изъ появившихся, но второй по плану изданія выпускъ художественно выполненныхъ у Брукмана, въ Мюнхенѣ, воспроизведеній античныхъ скульптуръ, входящихъ въ составъ коллекціи Якобсена въ Копенгагенѣ; 3) Die attischen Grabreliefs, издаваемые вѣнской академіей наукъ. Въ этомъ году вышелъ XIII выпускъ этого изданія.

Московское археологическое общество. 5-го ноября въ засѣданіи московскаго археологическаго общества предсѣдатель общества, гр. П. С. Уварова, прочитала отчетъ о бывшемъ въ Ригѣ, въ августѣ сего года, археологическомъ съѣздѣ. Изъ числа 624 членовъ съѣзда 439 человѣкъ было изъ мѣстныхъ жителей; съѣздъ продолжался 15 дней, имѣлъ 44 засѣданія, на которыхъ было сдѣлано 97 рефератовъ. Всего мѣстнымъ обществомъ, учеными обществами, городомъ Ригою, лифляндскимъ дворянствомъ, латышскимъ обществомъ и т. д., было истрачено на устройство съѣзда, выставки при немъ, ученыя изданія по поводу его и пр. болѣе 50,000 р. Вообще мѣстное общество и его ученыя силы сдѣлали болѣе для съѣзда, чѣмъ это дѣлалось ранѣе, для прежнихъ съѣздовъ, въ другихъ городахъ Россіи. Д. Н. Анучинъ сообщилъ объ археологической

находкѣ, сдѣланной истекшимъ лѣтомъ въ Пермской губерніи, именно въ Пермскомъ уѣздѣ, Нижнемуллинской волости, на Глядѣновскомъ городищѣ, верстахъ въ 20-ти ниже Перми по Камѣ, гдѣ раскопки, предпринятыя пермской ученой архивной комиссіей, открыли обширное жертвенное мѣсто и добыли въ немъ до 13,000 разныхъ предметовъ (желѣзныхъ и костяныхъ стрѣлокъ, бронзовыхъ украшеній, различныхъ бусъ, глиняныхъ сосудовъ и т. д.), въ томъ числѣ около 650 изображеній птицъ, звѣрей, змѣй, пчелъ, человѣка, имѣвшихъ, очевидно, религіозное значеніе. Всѣ эти вещи были найдены на ровной площадкѣ, на краю оврага, саженяхъ въ 40 надъ рѣчкой Нижней Мулянкой, подъ дерномъ, въ слоѣ костянаго пепла до $2^1/_2$ арш. толщиной. Референтъ, занимающійся въ настоящее время изученіемъ нѣкоторыхъ видовъ чудскихъ древностей, въ особенности изображеній летящихъ птицъ и связанныхъ съ ними звѣриныхъ образовъ, остановился преимущественно на этихъ изображеніяхъ, на представляемыхъ ими варіаціяхъ, комбинаціи птичьихъ признаковъ съ звѣриными, вѣроятномъ религіозномъ ихъ значеніи и вліяніи, подъ которыми могли создаться подобныя формы, отчасти занесенныя съ юга, изъ болѣе культурныхъ странъ, отчасти явившіяся къ подражаніе мѣстнымъ животнымъ формамъ или сложившіяся подъ вліяніемъ мѣстныхъ повѣрій и анимистическихъ воззрѣній. Что касается до находокъ на Глядѣновскомъ городищѣ, то о нихъ можно было составить себѣ понятіе только по доставленнымъ 11 фотографіямъ, изображающимъ не болѣе 550 вещей, т. е. не болѣе $^1/_{23}$ общаго числа. Но уже изъ этихъ фотографій видно, что добытая коллекція предметовъ представляетъ большую важность для изученія чудскихъ древностей и заслуживаетъ самаго обстоятельнаго описанія. В. Д. Соколовъ сообщилъ о стоянкѣ каменнаго вѣка на берегу оз. Тургоякъ, въ южномъ Уралѣ, гдѣ референтомъ были найдены остатки древней каменной постройки изъ сложенныхъ глыбъ и различныя кремневыя орудія и черепки горшковъ—очевидно, неолитической эпохи. В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ докладъ о владимірскомъ кладѣ, найденномъ истекшимъ лѣтомъ при раскопкѣ вала, насыпаннаго княземъ Андреемъ Боголюбскимъ недалеко отъ Успенскаго собора во Владимірѣ. На глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ рабочіе разбили большой продолговатый горшокъ, въ которомъ оказалась коллекція золотыхъ и серебряныхъ вещей, относящихся къ XI—XII вѣку. Часть вещей была утрачена рабочими; уцѣлѣвшія же вещи представляютъ, по мнѣнію докладчика, принадлежности княжескихъ бармъ (оплечья) и аналогичны вещамъ, найденнымъ тоже во Владимірѣ ранѣе и описаннымъ въ 1865 г. Стасовымъ. Докладъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній Ю. Д. Филимонова, который высказалъ взглядъ, что найденныя вещи не имѣютъ ничего общаго съ княжескими бармами, а представляютъ женскія украшенія—ожерелье, браслеты, серьги, а, отчасти, можетъ быть, принадлежности богатаго конскаго убора.

Общество любителей древней письменности. Почетный членъ Л. Н. Майковъ, за отсутствіемъ предсѣдателя, открылъ засѣданіе 1-го ноября заявленіемъ объ утратахъ, понесенныхъ обществомъ въ лицѣ дѣйствительныхъ членовъ высокопреосвященнѣйшаго Саввы и барона Ѳ. А. Бюлера и члена-корреспондента Н. И. Суворова. Вслѣдъ за тѣмъ были прочтены А. І. Лященкомъ некрологическія замѣтки о баронѣ Ѳ. А. Бюлерѣ и Н. И. Суворовѣ и секретаремъ—объ

архіепископѣ Саввѣ. Первое сообщеніе «О моленіи Даніила Заточника» было сдѣлано А. І. Лященкомъ; въ немъ референтъ изложилъ соображенія, на основаніи которыхъ слѣдуетъ признать, что упоминаемый въ «Моленіи» князь есть Ярославъ Всеволодовичъ, жившій въ 1191—1246 гг. и бывшій одновременно и княземъ южнаго Переяславля и Новгорода; въ Новгородѣ дѣятельность его особенно замѣтна между 1223—1236 гг., къ этому именно времени, по мнѣнію г. Лященка, и должно быть отнесено составленіе «Моленія». И. Н. Ждановъ и А. Н. Веселовскій, присоединяясь къ заключенію референта, указали, что желательно было бы подтвердить его выводы критическимъ изслѣдованіемъ текста обѣихъ редакцій памятника. Во второмъ докладѣ «О рукописи Кирши Данилова» П. Н. Шефферъ сообщилъ объ открытіи Н. В. Чоховымъ, въ библіотекѣ кн. М. Р. Долгорукова, рукописи, съ которой К. Ѳ. Калайдовичъ издалъ въ 1813 г. «Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршей Даниловымъ», и которая до сего времени считалась утраченною. По сравненіи рукописи съ печатнымъ текстомъ оказывается, что въ послѣднемъ сглажены діалектическія особенности и крайне неудовлетворительно изданы ноты; кромѣ напечатанныхъ пѣсенъ, рукопись даетъ интересный варіантъ стиха о Голубиной книгѣ, пѣсню о старцѣ Игренищѣ и нѣсколько другихъ. Самый списокъ, который, несомнѣнно, есть копія съ другого, болѣе ранняго оригинала, относится не ранѣе какъ къ 1781 г. Членомъ корреспондентомъ избранъ А. Н. Петровъ. Въ засѣданіи 22-го ноября, В. И. Ламанскій представилъ писанный на пергаментѣ въ XIV вѣкѣ «Прологъ», принадлежащій Спасо-Прилуцкому монастырю. Этотъ «Прологъ» является самымъ полнымъ по объему и представляетъ большую важность въ виду сохранившихся въ немъ многихъ древнихъ формъ языка. Содержаніемъ своимъ «Прологъ» имѣетъ краткія житія греческихъ и русскихъ святыхъ и поученія. Въ особенности г. Ламанскій указалъ на житіе св. кн. Михаила Черниговскаго, отличающееся новыми подробностями о привезеніи тѣла кн. Михаила, и на житіе свв. Кирилла и Меѳодія, которое проливаетъ новый свѣтъ на исторію составленія славянской азбуки. Второе сообщеніе «Изъ исторіи русской переводной литературы XVI—XVII в.» было сдѣлано А. И. Соболевскимъ. Представивъ сперва очеркъ состоянія переводнаго дѣла въ Россіи за XVI—XVII в., г. Соболевскій затѣмъ обратилъ вниманіе на переводы: 1) Сказанія о сарацынской вѣрѣ, 2) Географіи Помпонія Мелы и 3) Ариѳметики, при чемъ указалъ, что первые два перевода, сдѣланные нескладно-плохимъ церковно-славянскимъ языкомъ, принадлежатъ, вѣроятно, грекамъ, а переводъ «Ариѳметики» съ нѣмецкаго языка исполненъ, вѣроятно, литовскимъ полоняниномъ Георгіемъ, переводчикомъ Луцидарія и двухъ врачебныхъ книгъ въ XVI в. Три слѣдующія сообщенія принадлежали П. П. Лихачеву; въ первомъ, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ иконописцахъ краткаго иконописнаго подлинника», г. Лихачевъ опредѣлилъ время дѣятельности двухъ великокняжескихъ иконописцевъ—Ярца и сына его Ивана Дермы; во второй замѣткѣ: «Прозвища великаго князя Ивана III», г. Лихачевъ сообщилъ, что имъ найдены въ документахъ XV в. прозвища «Правосуда» и «Калиты»; наконецъ, въ сообщеніи «Родъ Адашевыхъ и государевъ родословецъ», г. Лихачевъ изложилъ свое мнѣніе о происхожденіи Адашевыхъ отъ Олговыхъ, выяснилъ ихъ мѣсто въ

государевомъ родословцѣ, а затѣмъ выяснилъ соотношеніе между древнимъ родословцемъ и Бархатною книгой, гдѣ многія родовыя росписи оказываются искусственно приписанными къ основному тексту родословца.

Географическое общество. 13-го ноября происходило, подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, общее собраніе, посвященное докладу Е. Ф. Шмурло о русскихъ поселеніяхъ на китайской границѣ за озеромъ Марка-Кулемъ. Мѣстность эта лежитъ за южнымъ Алтаемъ по теченіямъ рѣкъ Кабы и Бухтармы, почти подъ той же паралелью, подъ которой лежатъ Кіевъ и Харьковъ. Китайская граница находится тутъ же. Докладчикъ посѣтилъ эту мѣстность нынѣшнимъ лѣтомъ не столько какъ географъ, сколько какъ историкъ, изучающій колонизаціонное движеніе, съ цѣлью, руководствуясь имъ, выяснить исторію былыхъ передвиженій народныхъ массъ. На востокѣ нашемъ дѣйствуютъ двѣ взаимно дополняющія другъ-друга силы—колонизація народная и колонизація правительственная. Въ Бухтарминскій край ушло населеніе недовольное и бродячее: здѣсь поселились и раскольники, и бѣглые солдаты, и прочій элементъ. Горы и ущелья этой мѣстности помѣшали выходцамъ образовать общину, но зато развили въ нихъ храбрость, мужество и неустрашимость. Это—народъ, считающій себя свободнымъ и мирно завоевывающимъ у китайцевъ русскому царю землицу (ихъ собственное выраженіе). Всѣ эти выходцы только въ 1791 году признали надъ собою власть Екатерины II и до 1864 года платили не подушную, а ясачную подать, какъ кочевники. Они дѣйствительно бродятъ въ поискахъ за легендарнымъ Бѣловодьемъ, за Эльдорадо, гдѣ рѣки текутъ молокомъ, и гдѣ много свободной земли. Движеніе это такъ сильно, что въ 1888 году наше правителъство принуждено было послать три взвода казаковъ для возвращенія толпы, переселившейся за китайскую границу. Правительству приходится поневолѣ сдерживать этотъ неудержимый напоръ русской волны. Когда въ 1883 году начала въ этихъ мѣстахъ свои работы разграничительная (съ Китаемъ) комиссія, то она уже нашла за Алтаемъ русскихъ поселенцевъ. Граница должна была поневолѣ раздвинуться въ пользу Россіи, потому что край этотъ de facto былъ уже мирно завоеванъ русской колонизаціей. Въ описываемой мѣстности по рѣкамъ Кабѣ и Бухтармѣ теперь на глубокомъ черноземѣ уже сидятъ три русскія деревни съ 635 душами населенія. Но движеніе все-таки продолжается и все на востокъ, несмотря ни на какія сдерживающія начальственныя распоряженія. Что же влечетъ сюда переселенцевъ? Въ силу какихъ побужденій они такъ неудержимо стремятся въ невѣдомыя страны въ поискахъ за Бѣловодьемъ? Мотивы эти трудно поддаются объясненіямъ, но все же можно думать, что часть населенія руководствуется религіозными побужденіями: безпоповцы-раскольники ищутъ новыхъ мѣстъ для того, чтобъ уйти подальше отъ соблазновъ и снискать душевный миръ. Ихъ побуждаетъ къ новымъ переселеніямъ появленіе въ занятыхъ ими мѣстахъ миссіонеровъ и постройка храмовъ. Вторымъ мотивомъ можетъ считаться тѣснота на старомъ мѣстѣ, отъ которой бѣгутъ одинаково и бѣднякъ, и богатый, въ расчетѣ на приволье, и, наконецъ, третья побудительная причина къ переселеніямъ это—духъ подвижности, неосѣдлости и избытокъ внутреннихъ силъ. Если бы со стороны нашего правительства не было сдерживающихъ усилій, то

не далѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ, почти вся нынѣшняя Монголія была бы завоевана безъ затраты даже фунта пороха — однимъ только мирнымъ путемъ русской колонизаціи.

Антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія. 8 ноября, въ зданіи Политехническаго музея, происходило, подъ предсѣдательствомъ академика Д. Н. Анучина, засѣданіе антропологическаго отдѣла общества любителей естествознаніи, антропологіи и этнографіи. Послѣ прочтенія протокола предыдущаго засѣданія Н. А. Янчукъ сдѣлалъ сообщеніе: «Новыя свѣдѣнія о литовскихъ татарахъ». Въ сообщеніи передается матеріалъ, собранный по этому предмету въ книгѣ г. Барановскаго. Матеріалъ этотъ очень интересенъ, такъ какъ бросаетъ новый свѣтъ на наши свѣдѣнія о литовскихъ татарахъ. Прежде всего авторъ указываетъ на ошибочность мнѣнія, будто литовскіе татары представляютъ исключительно потомство тѣхъ плѣнниковъ, которые были захвачены литовскимъ княземъ Витгольдомъ во время его похода за Донъ въ 1397 году. Дѣло въ томъ, что существующее въ Литвѣ, т. е., въ нынѣшнихъ губерніяхъ Минской, Могилевской, Гродненской и другихъ, а также Польщѣ и Волыни, татарское населеніе появилось тамъ не сразу, а въ теченіе довольно долгаго періода времени. Такъ, значительное число татаръ пришло въ Литву во время борьбы ея съ нѣмецкими рыцарями, когда литовцы обратились за помощью къ хану Тохтамышу; послѣ пораженія, нанесеннаго нѣмцамъ подъ Грюнвальдомъ, многіе татары остались навсегда въ Литвѣ. Далѣе, когда возгорѣлась борьба съ Польшей, наканунѣ Уніи, ханъ Ахматъ также прислалъ помощь, и опять много татаръ поселилось въ Литвѣ. Въ настоящее время въ Польшѣ, Литвѣ и Волыни считается около $6^1/_2$ тысячъ татаръ обоего пола. Языкъ ихъ — литовскій и польскій, у высшаго класса—князей, беговъ и мирзъ—преимущественно польскій. Такъ какъ коранъ разрѣшаетъ послѣдователямъ ислама вступать въ браки съ иновѣрцами, то татарское населеніе въ значительной степени ассимилировалось съ мѣстнымъ русско-литовскимъ и польскимъ населеніемъ. Интересенъ списокъ татарскихъ гербовъ, приводимыхъ въ книгѣ г. Барановскаго, по которымъ можно судить о происхожденіи многихъ русскихъ, литовскихъ и польскихъ фамилій. Слѣдующій докладъ принадлежалъ А. А. Арутинову и касался вопроса объ «антропологіи кавказскаго племени удинъ». Докладъ этотъ составленъ на основаніи матеріала, собраннаго авторомъ при антропологическихъ измѣреніяхъ, производившихся имъ по порученію профессора А. Я. Кожевникова надъ удинами Елизаветпольской губерніи, и представляющаго тотъ интересъ, что надъ этимъ племенемъ до сихъ поръ подобныхъ изслѣдованій не производилось. Въ настоящее время удины живутъ въ Нушскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи въ числѣ около 10,000 человѣкъ. Количество ихъ замѣтно уменьшается съ каждымъ годомъ: за послѣднія 15 лѣтъ обнаружено уменьшеніе въ размѣрѣ свыше 21%. Занимаются удины земледѣліемъ, отчасти садоводствомъ (винодѣліемъ) и шелководствомъ. Хотя они уже давно христіане (частью православные, частью григоріане), но у нихъ до сихъ поръ еще сохранился обычай кровной мести. Послѣднее сообщеніе Н. П. Константинова-Щипунина: «Древнее населеніе Костромской губерніи по краніологическимъ даннымъ», за отсутствіемъ автора, было доложено вкратцѣ секретаремъ отдѣла А. А. Ивановскимъ. Авторъ

сообщенія, на основаніи изслѣдованныхъ имъ краніологически 92 череповъ и сравненія ихъ съ черепами сосѣднихъ губерній, приходитъ къ заключенію, что древнее населеніе Костромской губерніи представляетъ значительную примѣсь черемисскаго племени, которое, будучи тѣснимо мордвою, въ значительной массѣ осѣло въ названной губерніи, смѣшавшись съ кореннымъ населеніемъ.

Психологическое общество. 2-го ноября, въ засѣданіи московскаго психологическаго общества слушаны были сообщенія А. А. Токарскаго и В. А. Гольцева. Докладъ г. Токарскаго былъ посвященъ ознакомленію общества съ занятіями III психологическаго конгресса, состоявшагося минувшимъ лѣтомъ въ Мюнхенѣ; отложивъ изложеніе секціонныхъ работъ конгресса до другого засѣданія, докладчикъ на этотъ разъ подробно остановился на содержаніи рефератовъ, прочтенныхъ въ общихъ собраніяхъ его. Г. Гольцевъ познакомилъ съ содержаніемъ новой книги Е. В. де-Роберти «Le bien et le mal». Названная книга составляетъ начало цѣлой серіи трактатовъ, въ которыхъ авторъ, являющійся одновременно и позитивистомъ, и сторонникомъ эволюціонизма, предполагаетъ развить свою соціологическую систему, исходнымъ пунктомъ которой служитъ воззрѣніе на этику, какъ на первоначальную соціологію: человѣчество, по мнѣнію де-Роберти, постепенно приближается къ эпохѣ, когда требованія и вопросы нравственности сойдутъ со сцены, смѣнившись законами соціальной жизни. Передавъ содержаніе книги, докладчикъ высказалъ, что, заключая въ себѣ извѣстную долю оригинальности, она, однако, только ставитъ, намѣчаетъ, но не разрѣшаетъ вопросъ, благодаря чему, какъ это и указано иностранною критикою, имѣетъ скорѣе значеніе формальнаго трактата по вопросу о классификаціи наукъ. Обладая и нѣкоторыми другими особенностями, какъ, напримѣръ, чрезмѣрною рѣшительностью тона, она тѣмъ не менѣе, какъ первая попытка въ своемъ родѣ, все же заслуживаетъ, по мнѣнію г. Гольцева, серьезнаго вниманія лицъ, интересующихся промблемами философіи и соціологіи. Предсѣдатель профессоръ Н. Я. Гротъ доложилъ, что, исполняя постановленіе общества, вызванное сочувствіемъ, которое выказала интеллигентная публика Москвы къ чествованію памяти Декарта по поводу 300-лѣтняго юбилея его рожденія, онъ отправилъ во французскую академію телеграмму и въ отвѣтъ на нее получилъ по телеграфу же выраженіе горячей благодарности обществу отъ французскаго министра народнаго просвѣщенія.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Въ послѣднемъ выпускѣ «Извѣстій императорской академіи наукъ» (т. V, № 3, октябрь 1896 года) помѣщенъ отчетъ о дѣятельности названнаго института за первый годъ его существованія. Открытый 26-го февраля 1895 года, въ годовщину дня рожденія своего основателя, императора Александра III, нашъ первый ученый институтъ за границею уже въ этотъ короткій періодъ времени успѣлъ развить обширную и многостороннюю дѣятельность. Первыя заботы руководителей института были направлены къ тому, чтобы облегчить пользованіе его наличными учеными средствами, т.-е. библіотекой и музеемъ. «Какъ на подготовительныхъ работахъ въ Россіи, такъ и по открытіи своей дѣятельности въ Константинополѣ,—говоритъ составитель отчета профессоръ Ѳ. И. Успенскій,—институтъ прежде всего заботился о томъ, чтобы положить прочное осно-

ваніе библіотекѣ. Предварительно былъ выработанъ перечень всѣхъ иностранныхъ книгъ и изданій, пріобрѣтеніе коихъ считалось безусловно необходимымъ. Планъ составленія библіотеки, разсчитанный на четыре года, приводился въ исполненіе по мѣрѣ того, какъ позволяли средства института, и представлялись удобные случаи покупать книги по сравнительно удешевленной цѣнѣ. Призванный содѣйствовать въ занятіяхъ на востокѣ различнымъ категоріямъ ученыхъ, какъ-то: богословамъ, историкамъ, филологамъ, археологамъ, историкамъ искусства и чисто художникамъ, институтъ старался пріобрѣсти по крайней мѣрѣ основныя вещи въ соотвѣтствующихъ областяхъ званія. Что же касается до русскихъ книгъ и изданій, то въ этомъ отношеніи институтъ не считалъ себя въ правѣ держаться исключительно въ предѣлахъ своей спеціальности. Въ виду недостаточности книгохранилищъ въ Константинополѣ, въ виду затруднительности общенія съ русскимъ научнымъ движеніемъ, представлялось желательнымъ довести до возможной полноты русскій отдѣлъ библіотеки. Въ этомъ смыслѣ къ различнымъ ученымъ учрежденіямъ, обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ были направлены окружныя письма, и русскій отдѣлъ библіотеки института обогатился приливомъ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ и изданій». Къ концу отчетнаго года библіотека содержала въ себѣ 2,838 названій (6,212 томовъ) и была снабжена карточнымъ и систематическимъ каталогами. Кабинетъ древностей, составившійся отчасти изъ покупокъ, но преимущественно изъ пожертвованій, содержитъ свыше 400 археологическихъ предметовъ (вазъ, рѣзныхъ камней, надписей и проч.), какъ античныхъ, такъ и христіанскаго времени: далѣе—380 печатей, 1.525 монетъ, коллекцію фотографій съ мѣстныхъ древностей и проч. Ученая дѣятельность института выразилась въ 6-ти засѣданіяхъ, на которыхъ было прочитано 9 рефератовъ, въ трехъ большихъ экскурсіяхъ (по Анатоліи, на Аѳонъ и въ Аѳины) и въ цѣломъ рядѣ мелкихъ экскурсій по Константинополю и его окрестностямъ. По справедливому замѣчанію профессора Ѳ. И. Успенскаго, «при недостаткѣ точныхъ описаній, при трудности собирать свѣдѣнія чрезъ посредство постороннихъ лицъ, хотя бы и принадлежащихъ къ составу института въ качествѣ членовъ-сотрудниковъ, при невозможности, наконецъ, получать оффиціальныя извѣстія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ представителей русской власти, личныя поѣздки по провинціямъ представляются дѣломъ необходимымъ и въ высшей степени полезнымъ». При этихъ поѣздкахъ было открыто и списано нѣсколько цѣнныхъ рукописей, осмотрѣно и отчасти описано или сфотографировано множество вещественныхъ памятниковъ, церквей и проч. При экскурсіи въ Аѳины имѣлось въ виду ознакомиться съ состояніемъ раскопокъ, которыя въ настоящее время ведутся французской школою и нѣмецкимъ археологическимъ институтомъ, съ организаціей этихъ двухъ учрежденій, съ устройствомъ музеевъ и проч.,— и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установить общеніе съ учеными обществами, работающими въ предѣлахъ Греціи. Одною изъ главныхъ задачъ русскаго археологическаго института является содѣйствіе русскимъ ученымъ, работающимъ на Востокѣ. Въ печати не разъ указывалось на то, какія почти непреодолимыя препятствія ставятъ научнымъ изысканіямъ на Востокѣ зависть и невѣжество греческихъ монаховъ и ихъ руководителей (особенно на Аѳонѣ). Достаточно прочитать въ

ноябрьской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» послѣднія страницы отчета приватъ-доцента В. Истрина объ его поѣздкѣ на Аѳонъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что «при посѣщеніи аѳонскихъ библіотекъ необходимо вооружиться большимъ терпѣніемъ и помнить, что во многихъ случаяхъ доступъ въ библіотеку зависитъ отъ простого случая». Въ этомъ отношеніи нашъ молодой институтъ, при своихъ близкихъ отношеніяхъ къ русскому посольству въ Константинополѣ, будетъ, безъ сомнѣнія, оказывать нашимъ ученымъ большія услуги. То, что достигнуто институтомъ въ первый годъ его существованія, можетъ быть названо блестящимъ началомъ. Надо надѣяться, что по окончаніи подготовительныхъ работъ его научная дѣятельность пойдетъ еще успѣшнѣе, и что съ теченіемъ времени онъ займетъ видное мѣсто между аналогичными учрежденіями западно-европейскихъ государствъ.

Казанскій университетъ. 24 ноября, въ Казанскомъ университетѣ происходило чествованіе памяти императрицы Екатерины II-й. Порядокъ чествованія былъ слѣдующій: 1) Въ 10 ч. утра въ университетской церкви отслужена заупокойная литургія и послѣ оной панихида по императрицѣ Екатеринѣ II-й. 2) Съ 12-ти час. дня и до 3 час. по полудни въ актовомъ залѣ университета были выставлены для обозрѣнія всѣми желающими нѣкоторые изъ вещественныхъ памятниковъ эпохи императрицы Екатерины II-й, имѣющихся въ университетѣ и у частныхъ лицъ. 3) Въ 7 час. вечера въ актовомъ же залѣ состоялось публичное торжественное засѣданіе университета, въ присутствіи коего исполнено чествованіе по слѣдующей программѣ: 1) Гимнъ 1791 г. въ честь Екатеринѣ II, сочиненный Державинымъ: «Громъ побѣды раздавайся» — исполнилъ хоръ учениковъ Казанской учительской семинаріи. 2) Ординарный профессоръ русской исторіи Д. А. Корсаковъ произнесъ рѣчь: «Личность императрицы Екатерины II и историческое значеніе ея царствованія». 3) Ординарный профессоръ исторіи русскаго права Н. П. Загоскинъ прочелъ рѣчь «О заслугахъ Екатерины II, какъ законодательницы». 4) За болѣзнію ординарнаго профессора русской словесности А. С. Архангельскаго ординарный профессоръ Ѳ. Г. Мищенко прочелъ: «О русской литературѣ въ эпоху Екатерины II». 5) Преподаватель Н. И. Андерсонъ «О трудахъ императрицы Екатерины II въ области сравнительнаго языкознанія». 6) Народный гимнъ: «Боже царя храни» — исполнилъ хоръ студентовъ университета. На вечернемъ торжествѣ присутствовали преподаватели и воспитанники среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также и воспитанницы Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ.

Археологическія раскопки. Великій князь Александръ Михаиловичъ, во время пребыванія въ своемъ имѣніи Ай-Тодоръ, предпринялъ подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ нѣсколько археологическихъ раскопокъ, увѣнчавшихся успѣхомъ. Кромѣ обычныхъ находокъ (разныхъ бронзовыхъ украшеній), было найдено множество древнихъ монетъ преимущественно херсонесско-римской эпохи. Великій князь настолько заинтересовался научнымъ разслѣдованіемъ этой мѣстности, что рѣшилъ собирать коллекціи древнихъ греческихъ монетъ тѣхъ колоній, которыя нѣкогда находились въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Его высочество на завѣдующаго раскопками въ Херсонесѣ К. К. Кос-

цюшко возложилъ порученіе слѣдить за появляющимися въ городѣ въ продажѣ древними монетами, съ цѣлью пріобрѣтенія таковыхъ для коллекціи. Въ короткое время своего пребыванія, его высочество сдѣлалъ много цѣнныхъ нумизматическихъ пріобрѣтеній; между прочимъ, извѣстная севастопольская коллекція П. П. Вакье съ ея богатымъ херсонесскимъ отдѣломъ куплена его высочествомъ за 7 тыс. рублей. Результаты раскопокъ въ Ай-Тодорѣ будутъ, вѣроятно, своевременно опубликованы.

Музей М. И. Глинки. Въ среду, 27-го ноября, состоялось открытіе музея Глинки въ зданіи С.-Петербургской консерваторіи. Этотъ музей устроенъ, благодаря стараніямъ сестры покойнаго М. И., Людмилы Ивановны Шестаковой, которая собрала для этого музея всѣ предметы: ноты, книги, автографы и портреты, однимъ словомъ, все, что относится къ жизни Глинки и прямо или косвенно напоминаетъ о немъ, о его дѣятельности. Все, находящееся въ музеѣ, пожертвовано Л. И. и нѣкоторыми лицами, отозвавшимися на ея просьбу. Съ соизволенія августѣйшаго предсѣдателя императорскаго русскаго музыкальнаго общества, ея императорскаго высочества великой княгини Александры Іосифовны, для музея Глинки отведена одна изъ боковыхъ комнатъ консерваторіи, прилегающихъ къ большой концертной залѣ и къ главной лѣстницѣ. Ко дню открытія музея изданъ Л. И. Шестаковой каталогъ, ясно и подробно указывающій на предметы, находящіеся въ музеѣ. На первомъ мѣстѣ помѣщенъ образокъ Знаменія Божіей Матери, благословеніе родителей въ день рожденія М. И. Глинки, 20 мая 1804 года. Съ этимъ образкомъ въ рукахъ М. И. скончался въ Берлинѣ 3 февраля 1857 года. Довольно большая комната музея украшена бюстомъ М. И. въ лавровомъ вѣнкѣ. Бюстъ находится прямо противъ входа въ комнату. Направо отъ входа шкафъ со всѣми произведеніями Глинки, между которыми на первомъ планѣ красуются партитуры оперъ «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмила», образцово изданныя Л. И. Шестаковой. Тутъ же помѣщены посмертныя сочиненія М. И., двухручныя переложенія сочиненій Глинки, сдѣланныя Листомъ, Балакиревымъ, Даргомыжскимъ, Лядовымъ, Вильбоа, Штилемъ, Гурилевымъ, Дюбюкомъ, Фольвейлеромъ и пр. Тутъ же находятся фортепіанныя сочиненія Глинки (около 40), помѣщается объемистый томъ духовныхъ сочиненій и переложеній М. И., изданныхъ Юргенсономъ, въ который вошли: ектенія первая, «Да исправится молитва моя», «Боже силъ», «Херувимская». Въ томъ же шкафу помѣщается коллекція брошюръ, статей, сочиненій, біографій, посвященныхъ дѣятельности М. И. Затѣмъ около шкапа находится цѣлый рядъ портретовъ, снятыхъ съ М. И. въ разные годы его жизни. Всѣхъ портретовъ 14. Около нихъ стоитъ рояль (работы Тишнера), находившійся въ селѣ Новоспасскомъ. На этомъ инструментѣ М. И. постоянно игралъ, когда бывалъ въ деревнѣ. Тутъ же ломберный столъ, за которымъ работалъ М. И., любимый его стулъ и корзина для бумагъ, вышитая для М. И. его матерью. Въ музеѣ обращаетъ на себя вниманіе витрина съ автографами, между которыми на первомъ планѣ альбомъ, гдѣ помѣщается музыкальная программа всей оперы «Русланъ и Людмила» (20 номеровъ). Альбомъ этотъ принесенъ въ даръ музею сыновьями Петра Александровича Степанова. Въ этой же витринѣ находятся письма къ разнымъ лицамъ, планъ первыхъ трехъ дѣйствій

оперы «Жизнь за царя». По сторонамъ упомянутаго бюста помѣщены въ рамкахъ афиши перваго представленія и 50-лѣтняго юбилейнаго представленія оперы «Жизнь за Царя» и такія же афиши оперы «Русланъ и Людмила». На афишѣ перваго представленія оперы «Жизнь за Царя» первыя двѣ картины оперы: въ селѣ Домнинѣ и у поляковъ,—соединены въ одно дѣйствіе. Въ настоящее время эти двѣ картины даются отдѣльными дѣйствіями. Съ лѣвой стороны отъ входа—большой шкапъ, въ которомъ находится огромная звѣзда изъ девяти лентъ съ вышитыми и нарисованными нотами мотивовъ изъ оперы «Русланъ и Людмила». Въ день 50-тилѣтняго юбилея этой оперы звѣзда была поднесена публикою Л. И. Шестаковой. На нижней бѣлой лентѣ звѣзды вышито золотомъ: «За 50 лѣтъ службы брату». Въ этомъ же шкапу помѣщаются: фотографія дома въ селѣ Новоспасскомъ, гдѣ родился М. И. Глинка, и зала въ томъ домѣ, гдѣ М. И. сочинялъ оперу «Жизнь за царя», фотографія съ дома Томилова (въ Эртелевомъ переулкѣ, въ Петербургѣ), гдѣ М. И. жилъ въ теченіе 1854—1856 гг., снимокъ комнаты М. И. въ Берлинѣ, въ которой великій композиторъ скончался, и пр. Около этого шкапа помѣщена цѣлая коллекція фотографій съ разныхъ каррикатуръ на М. И. (числомъ 50). Въ этой же сторонѣ комнаты находится модель памятника М. И. Глинкѣ, сооруженнаго въ Смоленскѣ, а надъ ней портреты артистовъ, принимавшихъ участіе въ исполненіи оперъ М. И. Глинки. Между ними выдѣляется портретъ Маріи Матвѣевны Степановой, первой исполнительницы ролей Антониды и Людмилы. Портретъ этотъ работы Мейера и снятъ масляными красками съ М. М. Степановой въ костюмѣ Антониды изъ оперы «Жизнь за Царя», по желанію императора Николая Павловича, въ 1850 году. Еще слѣдуетъ упомянуть о витринѣ съ вещами, принадлежавшими М. И., и предметами, касающимися его. Тутъ мы видимъ шапочку М. И., его чернильницу, 4 гусиныхъ пера, линеечку, бинокль, любимую булавку съ бирюзой, два серебряныхъ подсвѣчника, серебряную медаль, выбитую по случаю открытія памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ 20 мая 1885 года, шифръ, поднесенный артистами русской оперы Л. И. Шестаковой въ 1879 году по случаю 500-го представленія оперы «Жизнь за Царя» и пр. Коллекція исполнителей разныхъ ролей въ операхъ М. И. далеко неполна; но слѣдуетъ надѣяться, что она быстро расширится, такъ какъ даже въ самый день открытія музея былъ присланъ семьей Петровыхъ прекрасный портретъ О. А. Петрова въ роли Сусанина. Безъ сомнѣнія, этотъ музей, составленный съ любовью и весьма тщательно, представляетъ новую достопримѣчательность Петербурга для всѣхъ любящихъ музыкальное искусство. (См. «Новое Время», № 7,454; «Новости», № 329; «Биржевыя Вѣдомости», № 329; «Русское Слово», № 321).

Диспутъ г. Чечулина. 8-го декабря, въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета приватъ-доцентъ Чечулинъ, магистръ русской исторіи, защищалъ представленную имъ для полученія степени доктора диссертацію на тему: «Внѣшняя политика Россіи въ первые годы царствованія Екатерины II». Не излагая содержанія книги, о которой будетъ сдѣланъ отзывъ въ нашемъ журналѣ, мы скажемъ только о самомъ диспутѣ и прежде всего отмѣтимъ, что давно уже въ университетѣ не было болѣе страннаго диспута. Обыкновенно,

оппоненты начинаютъ свои возраженія съ указанія достоинствъ диссертаціи, а потомъ уже переходятъ къ недостаткамъ; обыкновенно достоинствъ оказывается больше, чѣмъ недостатковъ. Но 8 декабря ничего подобнаго не было: ни одинъ оппонентъ не указалъ на достоинства труда, а все начинали съ недостатковъ. Проф. В. И. Ламанскій, говорившій очень живо и остроумно, началъ перечень недостатковъ съ мелочей—съ ошибокъ въ транскрипціи славянскихъ словъ, происходящихъ отъ незнанія диспутантомъ славянскихъ языковъ, между прочимъ и польскаго, хотя тема, выбранная г. Чечулинымъ, касалась, главнымъ образомъ, польской политики Екатерины и должна была быть обработана также и по польскимъ источникамъ. Проф. В. И. Ламанскій признавалъ несвоевременнымъ и поспѣшнымъ появленіе труда г. Чечулина, указывая на то, что диспутанту оказалось незнакомымъ большое количество иностранныхъ депешъ, которыя не были выданы русскимъ ученымъ изданіямъ для напечатанія иностранными архивами, но которыя, при знакомствѣ съ ними на мѣстѣ, могли измѣнить взглядъ г. Чечулина на предметъ. По мнѣнію оппонента, слишкомъ мало страницъ диссертаціи посвящено русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, и совершенно не освѣщенъ національный характеръ борьбы русскихъ съ турками. Диспутантъ, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, мало знакомъ съ обыкновенными научными пріемами безпристрастнаго изслѣдованія; сочиненію вредитъ патріотическая точка зрѣнія, совершенно неумѣстная въ научномъ изслѣдованіи. Эта точка зрѣнія автора повліяла на созданіе и главнаго тезиса, будто Екатерина II и графъ Панинъ были совершенно независимы въ своей политикѣ, и будто ихъ политика была верхомъ дипломатическаго искусства. Проф. Ламанскій указалъ на то, что ни Екатеринѣ II, ни Панину не откуда было учиться политикѣ. Панинъ, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, вовсе не обладалъ тѣми блестящими свойствами, которыми надѣляетъ его г. Чечулинъ. Оппонентъ подкрѣплялъ свое мнѣніе указаніемъ на совершенно неразумное поведеніе Панина въ шведскихъ дѣлахъ и на несбыточные проекты его, касавшіеся будущей судьбы Польши. Послѣ рѣчи В. И. оказалось, что онъ не нашелъ ни одного достоинства въ разбираемомъ трудѣ. Слѣдующій оффиціальный оппонентъ проф. Платоновъ ограничился указаніями на то, что заглавіе диссертаціи совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію книги. Затѣмъ проф. Платоновъ указалъ на нѣкоторые промахи, бывшіе слѣдствіемъ спѣшности работы.

Неоффиціально говорили г. Браудо, проф. Н. И. Карѣевъ и г. Мякотинъ. Они выяснили незнакомство диспутанта съ источниками и пособіями не только иностранными, но даже и русскими. Самъ диспутантъ призналъ этотъ недостатокъ, оправдывая себя то тѣмъ, что всего не перечтешь, то тѣмъ, что онъ не читаетъ «Русской Мысли», въ который были помѣщены, между прочимъ, всѣмъ извѣстныя статьи проф. В. О. Ключевскаго. Г. Чечулинъ защищался крайне слабо; его отвѣты были кратки и, большею частью, голословны. Послѣ совѣщанія, совершенно отсутствующаго при другихъ диспутахъ, факультетъ большинствомъ голосовъ, но не единогласно, призналъ возможнымъ ходатайствовать о дарованіи диспутанту искомой степени. Одна часть публики встрѣтила рѣшеніе факульта аплодисментами, а другая шиканьемъ.

† **К. А. Бороздинъ.** 1-го ноября, въ С.-Петербургѣ скончался редакторъ издатель журнала «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ» Корнилій Александровичъ Бороздинъ. Онъ родился въ Псковской губерніи, 9-го марта 1828 г. Отецъ его служилъ по удѣльному вѣдомству въ Архангельской и Симбирской губерніяхъ, а потому Бороздинъ съ дѣтства хорошо былъ знакомъ съ народнымъ бытомъ. Окончивъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета въ 1849 г., Бороздинъ незадолго до крымской войны получилъ мѣсто воспитателя владѣтельнаго князя Мингрельскаго. Съ этого времени начинается служба Бороздина на Кавказѣ, продолжавшаяся 14 лѣтъ и давшая ему возможность всесторонне изучить эту нашу окраину. Въ 1867 году Бороздинъ выходитъ въ отставку и, поселясь въ Москвѣ, занимается адвокатурой, а съ 1870 г. переселясь въ Петербургъ, отдается литературному труду. Изъ отдѣльно напечатанныхъ трудовъ К. А. Бороздина извѣстны: «Омеръ-паша въ Мингреліи» воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1856 годовъ (С.-Петербургъ, 1873 г. и «Закавказскія воспоминанія: Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ» (С.-Петербургъ, 1885 года, VII + 423 стр.). Кромѣ того, ему принадлежалъ рядъ статей, разсказовъ и воспоминаній, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Нивѣ», «Новомъ Времени», «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ начала же 90-хъ годовъ покойный началъ выпускать изданіе, подъ заглавіемъ «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ», въ видѣ художественнаго альбома съ портретами всѣхъ нашихъ государей и хорошо составленнымъ текстомъ. («Новое Время», № 7430; «Московскія Вѣдомости» № 304).

† **А. А. Поповъ.** Въ концѣ ноября, въ Новгородѣ скончался классный художникъ первой степени академіи художествъ Андрей Андреевичъ Поповъ. Покойный родился въ Тулѣ въ 1832 году, учился живописи у своего отца. Четырнадцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ въ число учениковъ императорской академіи художествъ. Здѣсь онъ учился сперва у М. Н. Воробьева, потомъ у Б. П. Вилевальде и пользовался поддержкой общества поощренія художествъ. Получивъ двѣ серебряныя медали по живописи народныхъ сценъ, А. А. написалъ на сюжетъ изъ басни Крылова «Демьянова уха» картину, которая находилась на академической выставкѣ 1857 года вмѣстѣ съ картиной «Возвращеніе изъ города» и «Портретомъ дѣтей Языкова». Въ 1860 году покойный получилъ большую золотую медаль за картину «Татары нагружаютъ чай въ Нижнемъ Новгородѣ». Прежде чѣмъ отправиться за границу пансіонеромъ академіи, онъ провелъ два года въ Петербургѣ и въ это время написалъ картины: «Богомолки» и «Мастерская художника». За границей А. А. жилъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, въ Парижѣ и Римѣ. Съ 1873 года его произведенія перестали встрѣчаться на выставкахъ. Вслѣдствіе болѣзни покойный почти прекратилъ свою художественную дѣятельность и едва былъ въ состояніи исполнять случайные ничтожные заказы. Послѣднее время онъ находился въ крайне бѣдственномъ положеніи. Умеръ отъ чахотки легкихъ. Изъ другихъ произведеній покойнаго назовемъ картины: «Гулянье въ Monte Pincio», «Кормилица съ ребенкомъ» и «Трактиръ». («Новое Время», № 7455).

† **А. Н. Бетхеръ.** Въ ночь на 16-е ноября, скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни помощникъ главнаго начальника женскихъ гимназій, вѣдомства императрицы Маріи, Александръ Николаевичъ Бетхеръ. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ педагоговъ. Родился А. Н. въ 1840 году. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата естественно-историческихъ наукъ онъ поступилъ на педагогическіе курсы при 2-ой военной гимназіи. Здѣсь покойный закончилъ свое образованіе. Съ 1866 года онъ трудился въ качествѣ преподавателя естественной исторіи во многихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ: учительской земской школѣ, въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, Василеостровской и Петровской женскихъ гимназіяхъ. Покойный издалъ нѣсколько учебниковъ «Курсъ космографіи» и другіе и написалъ рядъ статей о воспитаніи и обученіи для различныхъ періодическихъ изданій. Въ 1871 году онъ предпринялъ изданіе «Педагогическаго листка женскихъ гимназій», но долженъ былъ вскорѣ прекратить свою издательскую дѣятельность. Съ 1877 года покойный состоялъ инспекторомъ Петровской женской гимназіи въ Петербургѣ, а съ 1888 года помощникомъ начальника Петербургскихъ женскихъ гимназій. («Новое Время», № 7448; «Московскія Вѣдомости», № 320).

БАРОНЪ ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ТОРНАУ.

Дозв. ценз. 11-го января 1897 г. спб.

«ПО МАШКЕРАДНОЙ ВОЛЬНОСТИ».

Быль XVIII вѣка.

I.

АСТУПИЛА весна 1742 года, холодная, сырая, обильная грязью, безпрестанно заливавшая Москву дождями съ мокрымъ снѣгомъ, пронизывавшая прохожихъ и проѣзжихъ рѣзкими, леденящими вѣтрами, отъ которыхъ и шубой не укутаться...

Въ концѣ марта перепало какъ-то денька два-три красныхъ и теплыхъ; грачи показались въ садахъ; и Москва-рѣка, и Яуза изъ береговъ вышли, и вдругъ опять нанесло такую стужу, что рѣки въ разливъ покрылись льдомъ, грачи куда-то попрятались, а вѣтеръ нагналъ тяжелыя, свинцовыя облака со снѣгомъ, который пухлыми шапками облѣпилъ деревья, только что начинавшія распускаться, и развелъ всюду грязь пуще прежняго... Москвичи тужили и охали, хмуро поглядывая въ тусклыя окошечки и съ нетерпѣніемъ ожидая начала настоящей весны... И въ самомъ дѣлѣ Егорьевская недѣля была не за горами, кормы подходили къ концу, полуголодный скотъ рвался изъ хлѣвовъ въ поле, а въ полѣ-то снѣгъ, и травка изъ-подъ него даже пробиться наружу не смѣетъ.

Благодаря такой погодѣ, Никаноръ Саввичъ Мигаловъ, старый московскій дворянинъ и подмосковный помѣщикъ, по зимамъ про-

живавшій въ Москвѣ на своемъ Арбатскомъ подворьѣ, ужь третій разъ откладывалъ свой отъѣздъ изъ Москвы въ деревню и нетерпѣливо ожидалъ извѣстій о просухѣ.

— Давно бы ужъ пора и пашней, и огородомъ, и садомъ заняться, а вотъ поди-жъ ты... Гдѣ она, пашня-то, — ворчалъ онъ сердито. — Носу изъ дому не высунешь. Намедни и молебенъ заказывалъ служить о благорастворенiи воздуховъ, да сдается мнѣ, что только деньги отцу Петру даромъ отдалъ...

— Охъ, Никаноръ Саввичъ, — отозвалась на это его супруга, Маряа Тимоѳеевна, — не грѣши. Не отцу Петру ты деньги отдалъ, а въ церковь Божію внесъ...

Никаноръ Саввичъ ничего не нашелъ отвѣтить на этотъ серьезный доводъ своей супруги и зашагалъ взадъ и впередъ по низенькой комнаткѣ, продолжая ворчать:

— Да! вотъ какъ пролежитъ снѣгъ-то до Егорья, да собьются всѣ работы въ кучу — и пашня, и сѣвъ, и бороньба, небось, и сама заревешь бѣлугою... А тутъ еще съ дочкой возись! Князь этотъ со своимъ сватовствомъ навязался... Къ свадьбѣ готовься... Грѣхи да и только.

Маѳа Тимоѳеевна, женщина лѣтъ за сорокъ, еще красивая, но очень тучная и тяжелая на подъемъ, взглянула при этихъ словахъ на мужа и вздохнула весьма внушительно.

— Ну, чего ты опять вздыхаешь? Что это у тебя за вздохи? — заговорилъ Никаноръ Саввичъ, сердито хмуря брови и круто, быстро останавливаясь на ходу передъ своей супругой. — Знаешь, небось, что я этого терпѣть не могу? Говори толкомъ, какъ намъ съ дочкой быть, какъ ея дурь сломить?

— Да что же, батюшка, Никаноръ Саввичъ, самъ ты изволишь знать, что я изъ твоей воли ни на шагъ не выхожу... А только жалко... По материнскому сердцу — жалко.

— Что жалко-то? Дѣвкѣ двадцатый годъ идетъ, а она еще все не пристроена. А женихъ самъ набивается, богатый-пребогатый и молодой, такъ вотъ нѣтъ, не пойду. И, по-твоему, на нее смотрѣть, надобно ей мирволить?

— Твоя воля, батюшка... Ну, и не посмотрѣлъ, и не помирволилъ, и сосваталъ... А чай и самъ знаешь, каково ей будетъ со свекромъ-то жить?..

— Съ княземъ Турхановымъ?.. Да онъ спитъ и видитъ, чтобы только дочку-то въ домъ залучить. Говоритъ: я ее озолочу... Вотъ поди-жъ ты! Я, говоритъ, для своей невѣстушки ничего не пожалѣю... Вотъ какъ наша дѣвчонка ему голову вскружила!

— Да вѣдь это только на словахъ, батюшка. А самъ знаешь, каковъ старый-то князь? Не даромъ мы съ нимъ въ сосѣдяхъ живемъ... Попробуй-ка наша Любочка ему въ чемъ нибудь не угодить, или поперекъ его слово молвить? Что тогда?

— А и не смѣй свекру перечить, — задорно заговорилъ Никаноръ Саввичъ, притоптывая на ходу ногою. — Не выходи изъ его воли... Небось, не обидитъ. Да ей же и мужъ защита, княжичъ Аверьянъ Меркуловичъ; не за старика, а за него дочку замужъ выдаемъ.

— Да посмѣетъ ли онъ супротивъ своего батюшки, князя Меркула Меркульевича, и слово-то молвить? Тотъ только бровью поведетъ, у сына и душа уйдетъ въ пятки, — заговорила Мароа Тимоѳеевна, все болѣе и болѣе оживляясь и ободряясь. — Ему бы, правду сказать, и жениться-то не зачѣмъ: весь свой вѣкъ въ отъѣзжемъ полѣ живетъ, и ѣстъ, и спитъ съ псарями, да съ собаками, а какъ дома, такъ, что ни день, къ нему съ барщины новыхъ дѣвокъ староста гоняетъ...

— Ну, это все пустяки. За кѣмъ смолоду этого грѣха не бывало? — перебилъ старуху Никаноръ Саввичъ. — «Женится-перемѣнится»... Осядетъ, какъ семьей обзаведется...

— Нѣтъ, батюшка, не таковскій... Какъ безъ матери сызмальства выросъ собачеемъ да конюхомъ, такъ ужъ и до старости тѣмъ же останется...

— И это, сударыня, ты пустяки мелешь! — загорячился Никаноръ Саввичъ. — Не вѣрю я этому, да и знать этого не хочу... Сосватана, такъ сосватана — и должна за княжича замужъ идти... А то намъ съ тобою хоть въ гробъ ложиться надо... Князь-то богатъ, и родни да друзей у него множество: онъ меня со свѣту сживетъ! Земли у насъ смежныя и спорныя есть... Пока съ нимъ въ мирѣ да въ согласьѣ — пота и житье... А то онъ на меня свою дворню только напуститъ, такъ она меня хуже саранчи съѣстъ... Сегодня хлѣбъ стравитъ, завтра лугъ вытопчетъ, либо ленъ спалитъ; а то изъ-за мельницы опять тягаться станетъ — со свѣту сживетъ. А какъ породнимся съ нимъ — тогда иное дѣло.

— Твоя воля, батюшка... И коли не жаль своего дѣтища...

— Чего тамъ жаль да не жаль! — гнѣвно крикнулъ Никаноръ Саввичъ. — Раньше было бы думать — не сосватывать.

— Да какъ я смѣла думать-то? — съ оттѣнкомъ глубокой грусти проговорила Мароа Тимоѳеевна. — Что тогда, то и теперь, ты мнѣ слова не далъ сказать, а самъ со свадьбой спѣшишь... Одно только знай: теперь не тѣ времена, не тѣ и дѣти, что прежде были...

— А вотъ увидимъ! Вотъ увидимъ! — еще громче заговорилъ Никаноръ Саввичъ. — Такъ ты, сударыня, и знай, такъ ты и дочку учи и наставляй, что я на всѣ ея рожи не погляжу, и свадьбу ее какъ разъ скомкаю...

Мароа Тимоѳеевна хотѣла что-то возразить супругу, хотѣла еще что-то сказать въ защиту дочки, но дверь изъ сѣней отворилась, и на помощь ей явился новый защитникъ Любушки.

Въ комнату вошелъ молодой красавецъ — черноглазый и черно-

волосый юноша, лѣтъ 22, румяный и свѣжій; развязно и ловко подошелъ онъ къ Никанору Саввичу, который взглянулъ на него съ притворною холодностью и не совсѣмъ охотно подставилъ ему щеку; а потомъ подошелъ къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ и нѣжно поцѣловалъ у нея руку...

— Поздненько спать изволишь, Андрей Никаноровичъ,—замѣтилъ ему Никаноръ Саввичъ.—Плохой изъ тебя хозяинъ будетъ.

А самъ между тѣмъ съ видимымъ удовольствіемъ осматривалъ съ ногъ до головы его красивую, мужественную и сильную фигуру— отъ ботфортъ со шпорами на стройной и небольшой ногѣ до пестраго архалука, подтянутаго въ тонкой тальѣ ремнемъ съ серебряными бляхами и до волнистыхъ кудрей, ниспадавшихъ на широкія плечи.

— Не прогнѣвись, батюшка,—смѣло отвѣчалъ отцу Андрей Мигаловъ:—вѣдь я все еще отъ дороги отоспаться не могу... Въ полку и я тоже со свѣтомъ поднимаюсь...

— Да шутка ли? Подумать даже страшно,—вступилась мать за сына, любовно трепля его по плечу... Вѣдь сколько онъ, батюшка, верстъ отмахалъ! Никакъ тысячу слишкомъ проѣхалъ въ телѣгѣ, безъ роздыха...

— Не тысячу, матушка, а двѣ съ лишечкомъ,—весело отозвался Андрей, и голосъ его звучалъ свѣжестью и силой молодости.— Да и ѣхать-то день и ночь пришлось; всего десять дней и въ дорогѣ-то былъ.

— Не удивишь насъ этимъ, голубчикъ,—замѣтилъ съ нѣкоторою досадою Никаноръ Саввичъ:—отецъ-то мой, покойничекъ, при блаженной памяти царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, изъ-подъ Азова въ Москву пѣшкомъ прибрелъ—и то не жаловался.

— Да и я не жалуюсь, батюшка, а только свой сладкій сонъ оправдываю...

— Ну, то-то! Всѣ вы не кстати нѣжны ноньче стали... И того не можемъ, и этого не хотимъ... Коли на васъ смотрѣть, такъ скоро намъ, старикамъ, отъ васъ житья не станетъ,—проговорилъ Никаноръ Саввичъ, усаживаясь въ свое широчайшее кожаное кресло подъ окномъ и нетерпѣливо покачивая ногою.

Онъ видимо хотѣлъ поскорѣе сорвать гнѣвъ, вызванный предшествующею бесѣдой съ Марѳой Тимоѳеевной.

— Да на что же ты, батюшка, гнѣваешься?—предобродушно проговорилъ Андрей Мигаловъ, подсаживаясь къ отцу поближе.—Я, кажись, еще ничѣмъ передъ тобой не провинился? Три дня, какъ изъ полку прибылъ... И осмотрѣться-то въ Москвѣ не успѣлъ...

— Ну, да. Толкуй. Знаю я и тебя. Насквозь вижу... Ты съ сестрой да съ матерью противъ меня заодно.

— Я? Да въ чемъ же, батюшка? Ей-ей, ни сномъ, ни духомъ не виноватъ.

— И разговора даже никакого между нами не было,—проговорила внушительно Марѳа Тимоѳеевна.

Отецъ глянулъ въ ея сторону, а потомъ пристально посмотрѣлъ на сына.

— Ну, такъ скажи по совѣсти, какъ передъ Богомъ, по чистой совѣсти. Ты тоже, небось, за княжича Турханова сестры бы не отдалъ?...

Андрей Никаноровичъ удивленно и серьзно посмотрѣлъ на отца.

— Да развѣ же она... развѣ Любочка?..—началъ было Андрей, какъ бы опасаясь договорить.

—Ну, да, ну, да! Просватана—невѣста ему, да вотъ все мѣшкаемъ, да свадьбу оттягиваемъ; а отецъ-то его, старый князь, вотъ какъ на меня насѣлъ: кончай да кончай. Вотъ поди-жъ ты!—проговорилъ Никаноръ Саввичъ однимъ духомъ, какъ бы спѣша высказаться и избѣгая взглядовъ сына.

— А Любочка, Любочка? Неужто она пойдетъ за этого осла, за неуча?—съ нескрываемою горечью проговорилъ Андрей.

— Дуракъ ты, дуракъ! Развѣ глупыхъ дѣвчонокъ объ этомъ спрашиваютъ?—крикнулъ Никаноръ Саввичъ, топая ногой и окончательно входя въ свою роль.

Андрей Никаноровичъ поднялся съ своего мѣста и съ достоинствомъ проговорилъ:

— Батюшка! Я не дуракъ, а поручикъ царской службы, и отъ начальства своего отличенъ и похваленъ... Да и сестра моя, Любочка, тоже не кабальная: по рукамъ, по ногамъ ее не свяжешь да не поставишь подъ вѣнецъ... Коли ей женихъ не любъ...

— Не смѣй ты при мнѣ и заикаться объ этомъ. Мое дѣтище! Хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю...

— Ну, нѣтъ, батюшка. Не тѣ времена. Блаженной памяти императоръ Петръ не дозволилъ и попамъ противъ воли брачащихся вѣнчать.

— А я ни на васъ, ни на кого не посмотрю! Какъ сосваталъ— и повѣнчаю!—крикнулъ Никаноръ Саввичъ.—Да и посмотрю я, какъ это попъ-то по моему приказу не сдѣлаетъ?

— Батюшка, да коли есть особый указъ государевъ!—съ нетерпѣніемъ и дрожью въ голосѣ проговорилъ Андрей.

— Нѣтъ, врешь. Я также тебѣ скажу: не тѣ времена, чтобы царскій указъ выше родительской воли стоялъ... Теперь Петровскіе-то указы давно подъ спудъ положены... Мы о нихъ и думать забыли...

— И это ты изволишь говорить въ то время,—громко заговорилъ Андрей Никаноровичъ,—когда Божіей милостью всѣмъ намъ на радость «дщерь Петрова» на тронъ родительскій вступаетъ? Нѣтъ, ужъ этого я и слышать-то не потерплю...

— А мнѣ все одно—наплевать. По-вашему не будетъ! Какъ на-

думалъ, такъ и сдѣлаю. По первой просухѣ махну со всѣмъ домомъ въ деревню—тамъ и сломлю рога у дочки...

— Нѣтъ, батюшка, не вѣрю я тебѣ,—горячо заговорилъ Андрей, стараясь сдерживаться и придать своему голосу и словамъ какъ можно больше нѣжности.—Ты насъ всѣхъ любишь—ты не захочешь Любушку несчастной сдѣлать...

— А ты, небось, думаешь, что я самъ-то захочу изъ-за нея въ петлю лѣзть? Или ты думаешь, что мнѣ это князь Турхановъ такъ даромъ и спуститъ, что вотъ я просваталъ за его сына дочку свою, а самъ на попятный дворъ пойду? Развѣ спуститъ? Вѣдь вотъ только послушайся я васъ, мнѣ тогда изъ своей подмосковной бѣжать придется... Нѣтъ, дружки, не на того напали...

— Напрасно изволишь ты, батюшка, такъ князя Турханова опасаться. Мы, небось, не подъ Богомъ только, а и подъ закономъ ходимъ; и если бы онъ чуть только задумалъ надъ тобою какое насиліе сдѣлать, такъ развѣ мы на него не найдемъ управы?

— Управы? Расхвастался ты очень своимъ закономъ, бахвалишка! Такихъ-то, какъ ты, князь Турхановъ десятками въ бараній рогъ гнетъ. Не моги съ нимъ тягаться! За честь для себя мы почитать должны, что этакій богачъ и знатная персона да на насъ вниманіе обратилъ—въ родню къ намъ самъ напрашивается.

— Чести тутъ для насъ никакой нѣтъ, что князь Турхановъ, который и родъ-то свой отъ мурзы татарскаго Турхана ведетъ, съ нами, столбовыми дворянами, породниться хочетъ,—гордо сказалъ Андрей.—Я съ сыномъ его, съ княжичемъ Аверькой, и за столъ за одинъ не сяду.

— Вонъ отсюда! Вонъ отсюда и съ матерью своей потворщицей!—заревѣлъ Никаноръ Саввичъ, вскакивая съ мѣста и топая ногами.—Пойди ты отъ глазъ долой, коли...

— Ну, батюшка,—спокойно и съ достоинствомъ сказалъ Андрей Никаноровичъ,—Богъ тебѣ судья. А я сестры загубить не дамъ.. И если не захочетъ она идти подъ вѣнецъ съ Аверькой, — не будь я твой сынъ Андрей Мигаловъ, коли она княгиней Турхановой будетъ.

Онъ повернулся на каблукахъ по-военному и вышелъ изъ комнаты, уводя съ собою мать подъ руку.

— Вотъ и поди ты съ ними, нонѣшними! — проговорилъ Никаноръ Саввичъ про себя, тяжело дыша и усаживаясь въ кресло.— Вотъ и улаживай! А съ княземъ-то, со старымъ-то чортомъ съ этимъ, что я заведу дѣлать? Какъ отъ него-то отбоярюсь?

И онъ почти съ отчаяніемъ устремилъ взоръ въ садъ, на его голыя, темныя деревья, которыя немилосердно гнулъ и трепалъ холодный вѣтеръ, налетая на нихъ съ дождемъ и снѣгомъ.

II.

Князь Меркурій Меркурьевичъ Турхановъ,—высокій и сухой, но здоровый и крѣпкій старикъ лѣтъ подъ 60,—былъ человѣкъ крутой, своеобычливый и очень суровый. Покинувъ службу, въ которой онъ больше числился, чѣмъ пребывалъ въ дѣйствительности, онъ уже лѣтъ десять жилъ на покоѣ въ Москвѣ—по зимамъ, а лѣтомъ въ подмосковной; но онъ весьма ловко умѣлъ поддерживать знакомства и связи среди современной московской знати, и по дальнимъ родственнымъ отношеніямъ съ Салтыковыми и Черкасскими игралъ довольно видную роль, которой много способствовало его огромное состояніе и широкое хлѣбосольство. Благодаря его крутому и сумрачному нраву (въ немъ цѣликомъ еще сидѣлъ татарскій мурза), не терпѣвшему никакихъ противорѣчій и препятствій проявленіямъ княжеской воли, не особенно пріятно было числиться въ кругу его пріятелей и близкихъ къ нему людей; но не приведи Боже прослыть его врагомъ. Противъ того, кого онъ предполагалъ явнымъ врагомъ своимъ, онъ считалъ все дозволеннымъ и отличался замѣчательною изобрѣтательностью въ изысканіи всякихъ средствъ къ тому, чтобы этого врага преслѣдовать и сдѣлать жизнь ему невыносимою. Никаноръ Саввичъ Мигаловъ, давній сосѣдъ его по имѣнію, хорошо его зналъ и имѣлъ полное основаніе его опасаться: на князя Турханова мудрено было найти управу въ Москвѣ, а прежде чѣмъ жалоба на него дошла бы до Петербурга и до высшей власти, князь Меркурій Меркурьевичъ нашелъ бы много самыхъ нехитрыхъ способовъ къ тому, чтобы избавиться отъ своего непріятеля... Въ Москвѣ не даромъ ходили толки о его дикихъ и страшныхъ расправахъ съ разными, даже и весьма почтенными лицами изъ общества, почему либо не угодившими прихоти князя, и тѣ, кто объ этихъ расправахъ разсказывали, обыкновенно добавляли въ концѣ съ горькой улыбкой:

— Да ему-то что? Ему ничего не досталось: для князя Турханова законъ не писанъ, и суда на него не найдешь.

И вотъ этотъ-то всесильный князь Турхановъ оказалъ такую честь простому и небогатому сосѣду помѣщику, что послалъ къ нему сватовъ — высватать дочь его, Любовь Мигалову, за своего сына княжича... Получилъ согласіе родителей—и вотъ-вотъ ожидалъ только того, что не сегодня-завтра назначенъ будетъ и день свадьбы... И вдругъ затормозилось дѣло... Чѣмъ и какъ?—князь и понять не могъ, да и не хотѣлъ, не допуская даже и мысли, конечно, объ отказѣ. Но все же, слыша постоянно отъ Никанора Саввича о томъ, что дочь его все то хвораетъ, недомогаетъ и все проситъ свадьбу отложить, князь рѣшился наконецъ черезъ довѣренное лицо развѣдать, въ чемъ дѣло, и точно ли невѣста, высватанная

за его сына, болѣеть, и нѣть ли тутъ другихъ какихъ нибудь стороннихъ обстоятельствъ, зазорныхъ для его княжеской чести и спеси?

И вотъ теперь, расхаживая большими шагами по своей огромной гостиной, богато убранной золоченою мебелью и зеркалами въ хрустальныхъ венеціанскихъ рамахъ, суровый князь все думалъ и передумывалъ одно и то же, все перебиралъ одну и ту же тему, крѣпко засѣвшую у него въ головѣ.

— Не чаялъ я, чтобы эта дѣвченка мнѣ такъ приглянулась!— думалъ онъ.—Вѣдь вотъ кажется, сколько я на своемъ вѣку перевидалъ красавицъ... Всего отвѣдалъ... А эту, Любовь Мигалову, какъ въ прошломъ году лѣтомъ увидѣлъ, такъ она вотъ у меня здѣсь (князь указалъ на голову), и вотъ оттуда нейдетъ... За ретивое задѣла! Да!.. Ужъ я и такъ, и этакъ передумывалъ: знать, старая-то кровь, какъ старое вино, разымчива!

Онъ съ неудовольствіемъ взглянулъ мимоходомъ въ дорогое зеркало на свое сухое, желтое, морщинистое лицо, съ орлинымъ носомъ и густыми, нависшими бровями, съ просѣдью и продолжалъ свою бесѣду съ самимъ собою:

— Некрасивъ сталъ... Не то, что смолоду, когда бывало отъ бабъ отбою не было... Сами на мою ласку напрашивались... Ну, а теперь хитрить, приходится: за сына ее высватываю! А сынъ-то у меня дуракъ—ему конюшня да псарня были бы только. Спитъ на одной постели съ борзыми псами. Тьфу! Онъ въ ней и толку-то разобрать не можетъ: не нравится ему... А вѣдь какая красавица-то: высокая, стройная, полная, коса чуть не до пятъ, темнорусая, а глаза синіе, съ поволокою, глубокіе, большіе. У-у!

Князь даже глаза закрылъ и провелъ по лбу рукою, чтобы отогнать отъ себя слишкомъ живо представившійся ему образъ Любови Мигаловой, и еще быстрѣе, еще порывистѣе зашагалъ по комнатѣ.

— Ну, и пусть ему не нравится. Пусть онъ себѣ по вкусу выбираетъ любую въ своихъ-то вотчинахъ. Мнѣ онъ только до свадьбы нуженъ. А тамъ ушлю его въ степныя деревни, къ табунамъ; а самъ съ нею, съ голубушкой, за границу, на теплыя воды укачу... Въ Парижѣ будемъ жить. Тамъ съ ней поладимъ...

Легкое, чуть слышное откашливанье раздалось въ это время за боковою дверью, скрытою въ складкахъ штофной обивки.

— Входи!—крикнулъ князь съ невольною тревогою въ голосѣ.

Дверь отворилась неслышно, и изъ-за нея словно не вошелъ, а какъ-то вывернулся средняго роста человѣчекъ, худенькій, невзрачный, въ темномъ дрянномъ парикѣ, въ довольно поношенной парѣ нѣмецкаго платья, при темныхъ чулкахъ и башмакахъ съ темными пряжками.

Изъ его плоскаго небольшаго лица съ острымъ подбородкомъ, съ узкими, блѣдными, поджатыми губами, выдавался только острый носикъ, которымъ онъ все какъ будто вынюхивалъ, поводя головою

изъ стороны въ сторону да прищуривая свои небольшіе и очень зоркіе темные глазки. Вся фигура этого человѣка была изъ тѣхъ, которыхъ всѣ невольно избѣгаютъ и сторонятся. Это и былъ всей Москвѣ извѣстный довѣренный князя, по прозванью Филька Проныра, изъ дворовыхъ его, пользовавшійся у князя неограниченнымъ кредитомъ и постоянно исполнявшій всѣ его тайныя порученія.

— Ну?—произнесъ князь многозначительно, бросая искоса взглядъ на Фильку и не переставая ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Филька переступилъ съ ноги на ногу, заложилъ правую руку за бортъ камзола и не сразу отвѣчалъ на категорическое побужденіе къ докладу.

— Вездѣ побывалъ и все развѣдалъ,—сказалъ онъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, послѣ нѣкоторой паузы.

— Ну, и что же? Что же?—нетерпѣливо настаивалъ князь, пріостанавливаясь на мгновенье.

— Никакой болѣсти и въ слухахъ нѣтъ... Здоровехонька. Только все матери глаза отводитъ, и та за нее отца проситъ объ отсрочкахъ, а у самой-то не то на умѣ...

— Да развѣ ты съ ней съ самой говорилъ? Отъ нея разузнавалъ?

— Не приведи Богъ!.. Отъ другихъ узналъ: есть тамъ у меня рука позолоченая... А потомъ ужъ и своимъ умомъ дошелъ я.

— Говори же, до чего дошелъ и дознался!—почти крикнулъ старый князь.

— Зазноба есть... Изъ-за нея отлыниваетъ.

— И отецъ съ матерью объ этомъ знаютъ? И смѣютъ послѣ того еще?..

— Ничего не знаютъ. Старуха нянька ихъ сводитъ... Въ церкви и видятся... Я и это высмотрѣлъ...

— Да кто же онъ? Кто таковъ?—торопилъ князь, сверкая глазами.

— Зарядьевъ, Дмитрій Ивановъ,—изъ мелкопомѣстныхъ, здѣсь по статскимъ дѣламъ на службѣ состоитъ.

— Изъ мелкопомѣстныхъ? И смѣетъ туда же лѣзть... Со мною тягаться! Ха, ха!.. злобно прохрипѣлъ князь Турхановъ.

— Съ годъ тому назадъ онъ свататься пытался... Съ братомъ ейнымъ онъ пріятель. Ну, такъ старикъ Мигаловъ сказалъ, чтобъ онъ и думать забылъ, и даже на порогъ его не пущаетъ...

— И умно, и молодецъ!

— А она-то, Любовь-то Никаноровна, за него ладитъ замужъ выйти... Самъ подслушалъ, какъ она нянькѣ говорила: либо, говорила, въ гробъ лягу, либо за нимъ буду.

— А! Вотъ какъ?! Вотъ что она поетъ... Вотъ куда она мѣтитъ... Такого жениха, какъ мой сынъ, какъ князь Турхановъ, ей н надо... А!

Князь побагровѣлъ отъ бѣшенства и, стиснувъ зубы, сталъ опят

шагать по комнатѣ, что-то быстро соображая и обдумывая на ходу. Глаза его сверкали изъ-подъ бровей—онъ былъ страшенъ...

— Хорошо же, голубушка,—произнесъ князь вслухъ, съ оттѣнкомъ насмѣшливой злобы:—я тебя проучу, сумѣю проучить. Постой.

И еще нѣсколько разъ пройдясь по комнатѣ, князь остановился наконецъ передъ Филькой, сложилъ руки на груди и, понижая голосъ, сказалъ ему уже гораздо спокойнѣе:

— Возьмешься ли ты мнѣ ее украсть и ко мнѣ сюда въ потайную доставить?

— Отчего-жъ не взяться?—весьма равнодушно отвѣтилъ Филька, еще болѣе прищуривая свои острые глазки и пристально вглядываясь въ лицо князя.

— Денегъ не пожалѣю!.. Трать и сыпь ими направо и налѣво, да только чисто дѣло сдѣлай! Озолочу тебя! Но чтобы вотъ ровнешенько черезъ недѣлю она была въ моихъ рукахъ!.. Слышишь?

— Слушаюсь.

Князь вынулъ изъ кармана кошелекъ, туго набитый золотомъ, и швырнулъ его Филькѣ, который удивительно ловко подхватилъ его на лету и незамѣтно опустилъ въ свой карманъ.

— Да, да. Еще чуть было не забылъ... За молодчикомъ за этимъ приставить строгій надзоръ: чтобы по пятамъ за нимъ ходили, не спускали бы съ глазъ... А въ тотъ день-то... молодцовъ приставь: пусть гдѣ нибудь на перекресткѣ бока ему намнутъ и ноги обломаютъ...

— Слушаюсь.

— Да не вздумай брать изъ моихъ холопей: ни-ни! На сторонѣ возьми людей...

— Найдемъ людей. Какъ не найдти въ Москвѣ?—отвѣчалъ Филька съ прежнимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла о самомъ обыкновенномъ порученіи.

— Ну, такъ ступай—и дѣло вороши!—проговорилъ князь. И когда Филька вышелъ, онъ подумалъ, самодовольно потирая руки:

— Не захотѣла замужемъ за княземъ быть, голубушка, такъ я тебя за конюха своего отдамъ, и тому, небось, радехонька будешь.

И довольный придуманной затѣей, онъ попрежнему зашагалъ по своей гостиной.

III.

Филька недаромъ сказалъ князю, что найдутся люди; онъ давно и превосходно зналъ всѣ темные углы и закоулки Бѣлокаменной и давно водилъ дружбу и слаживалъ разныя дѣлишки съ тѣми добрыми молодцами, которые безъ ключей по чужимъ амбарамъ и сундукамъ ходятъ... Пользуясь своимъ значеніемъ у князя Турханова, онъ нерѣдко припрятывалъ въ его домѣ воровское добро, доставляемое ему.

сбытчиками этого запретнаго товара, и, постоянно имѣя деньги въ карманѣ, дѣлалъ иногда съ этимъ добромъ очень выгодные обороты. Случалось также, что онъ принималъ на себя иную роль: пользуясь тѣмъ, что онъ былъ вхожъ черезъ князя во многіе богатые и знатные дома, дружилъ въ нихъ съ прислугою, разузнавалъ отъ нея, гдѣ и что плохо лежитъ, и направлялъ на эту добычу своихъ «молодцовъ изъ-подъ Каменнаго моста». Въ ихъ кругу онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «благодѣтеля» и пользовался большимъ почетомъ.

И вотъ, собираясь исполнить княжескій приказъ, онъ, выйдя изъ гостиной, спустился сначала по узкой внутренней лѣсенкѣ внизъ, гдѣ у него въ дальнемъ углу сѣней была своя каморка, отперъ дверку ея ключемъ и тотчасъ приперъ ее за собой на задвижку.

Тутъ онъ прежде всего бережно выложилъ кошелекъ изъ кармана въ камзолѣ, пересчиталъ на углу стола набитые въ него червонцы и, оставя штукъ пятнадцать обрѣзныхъ, всѣ остальные быстро ссыпалъ въ кованный изголовникъ, подъ подушку. Потомъ съ ногъ до головы переодѣлся въ изрядно-поношенное и даже заплатанное платье, вмѣсто парика, покрывавшаго его коротко-остриженные рыжіе волосы, нахлобучилъ на голову теплый треухъ, закутался въ старую, короткую япанчу и вышелъ изъ дома черезъ садъ, опираясь на суковатую палку и ощупывая обрѣзные червонцы въ карманѣ своихъ брюкъ.

— Хватитъ и этихъ, пока. А тамъ слажу дѣльце—сдеру съ него еще... Тогда и тамъ прибавлю,—думалъ онъ по пути и кликнулъ ваньку.

— Въ Грузины,—зыркнулъ онъ ему, продолжая шагать.

— Шесть алтынъ.

— Никакъ съ ума спятилъ? Трехъ съ тебя довольно... Небось, знаешь тамъ домъ Мареушки ворожеи?

— Гдѣ же всѣ дома знать на Москвѣ!

— Такъ еще мнѣ съ тебя три-то алтына взять бы надо, дурень. Право слово, за показъ одинъ... Вѣдь ты туда потомъ сколькихъ возить станешь!

— Ну, ну. Садись за три алтына, краснобай,—смѣясь сказалъ ванька и тронулъ клячу съ мѣста.

Мареушка Угадчица въ ту пору была дѣйствительно извѣстна чуть не всей Москвѣ. Одна одинешенька жила она, въ самомъ глухомъ мѣстѣ этой далекой окраины, въ своей небольшой лачужкѣ среди двора, обнесеннаго высокимъ и здоровымъ тыномъ и застроеннаго внутри всякими немудрыми постройками, сарайчиками и кладовочками; и съ утра до вечера, сидя въ углу, между печкой и дверью, за небольшимъ столикомъ, гадала и на картахъ, и на бобахъ, и на кофейной гущѣ—для всѣхъ желающихъ, которыхъ былъ у нея всегда неотолченный уголъ. На ея гаданье не было у нея ни-

какой таксы: каждый давалъ ей, что могъ, и всѣ подачки, она съ равнымъ небреженіемъ бросала въ ящикъ стола; но зато всякій приходившій къ ней долженъ былъ непремѣнно принести какой нибудь гостинецъ ея кошкамъ, которыми она была постоянно окружена, и которыхъ сытно—пресытно кормила на счетъ своихъ довѣрчивыхъ кліентовъ.

— Господи Боже, — говаривали они между собою, толпясь въ ея сѣняхъ въ ожиданіи очереди: — какихъ только кошекъ у нея нѣтъ! И черныя, и сѣрыя, и рыжія—и на плечи-то къ ней, и на голову садятся...

— Какія это кошки?—поясняли шепотомъ знающіе люди. — Днемъ-то онѣ кошками смотрятъ и около нея кружатъ да ластятся; а ночью въ чертей оборачиваются, по Москвѣ рыщутъ, во всѣхъ углахъ разнюхиваютъ—и несутъ ей отовсюду вѣсти... Отчего она такъ и гадать-то лиха!

И точно, Мареутка всѣмъ умѣла угодить: и погадаетъ, и посовѣтуетъ; а ужъ на счетъ пропажи такая была шустрая, что, кажется, лучше всякой ищейки указать могла...

— Не ищи вора, — скажетъ бывало: — воръ у тебя домашній... Подыми половину въ повалушѣ около печки; авось еще не вынулъ...

Заглянутъ подъ половицу—тутъ и есть.

А другому скажетъ бывало:

— Эхъ, опоздалъ ты малость. Вчера еще твое добро здѣсь было; а сегодня утромъ на лысомъ конѣ изъ Москвы вывезено.

Ну, ужъ, значитъ, и не ищи, и пиши пропало.

Все это Филька трубилъ въ уши своему довѣрчивому возницѣ во время пути, и когда наконецъ доѣхалъ до того переулка, гдѣ ютилась лачужка Мареушки, то, отдавая три алтына ванькѣ, проговорилъ наставительно:

— Вотъ и помни. Здѣсь она и живетъ... Къ ней и вози честной народъ! Будутъ довольны.

Но, войдя во дворъ и притворивъ за собой калитку, Филька не пошелъ къ Мареуткиной лачужкѣ, а юркнулъ въ сторону, за уголъ какой-то покривившейся клѣтушки, стукнулъ два раза въ какой-то наглухо запертый ставень и, еще разъ завернувъ за уголъ клѣтушки, очутился передъ низенькой дверью, съ крошечной глядѣлкой посрединѣ. Въ глядѣлкѣ мелькнулъ чей-то глазъ, задвижка щелкнула— и дверь пріотворилась чуть-чуть...

— Свой,—шепнулъ Филька, переступая порогъ.—Аль не узналъ?

— А, благодѣтель, къ намъ, къ намъ — въ молодцовскую, пожалуй, — проговорилъ чей-то сиплый голосъ, и чья-то рука, подхвативъ Фильку подъ руку, помогла ему спуститься по узкой и темной лѣстницѣ въ подполье.

Подполье это, довольно обширное, было давно и хорошо знакомо Филькѣ. Оглядѣвшись и обознавшись въ немъ, онъ, при свѣтѣ

лучины, заткнутой въ свѣтецъ, увидѣлъ на лавкахъ около стѣнъ съ десятокъ какихъ-то неопредѣленныхъ и темныхъ фигуръ, которыя сидѣли около стола, подъ самымъ свѣтцомъ, играли въ кости, пили что-то и перекидывались между собою отрывочными словами.

— Ребята, благодѣтель къ намъ жаловать изволитъ,—крикнулъ тотъ, что ввелъ Фильку въ подполье.

— А, благодѣтель! — крикнули разомъ нѣсколько голосовъ. — Значитъ, работа будетъ. И угощенье будетъ!.. А мы-то ужъ стали тосковать отъ бездѣлья, да и прискудали совсѣмъ... Добро пожаловать.

И весь кагалъ этихъ «добрыхъ молодцевъ»—косматыхъ, грязныхъ, оборванныхъ и полупьяныхъ—мигомъ окружилъ Фильку, протягивая ему свои липкія, потныя, волосатыя ручищи...

— Давай намъ на ведро пол-пива. Нутро горитъ—подсасываетъ! загалдѣли они разомъ.

— А Ванюшка-то гдѣ?—заговорилъ Филька, стараясь отъ нихъ отдѣлаться.

— Не скажемъ, пока не угостишь.

Филька вынулъ изъ кармана полтинникъ и швырнулъ его на столъ. Всѣ кинулись къ столу, какъ звѣри на добычу; произошла свалка, чуть не потасовка... Поднялся шумъ, гамъ, возня...

Вдругъ гдѣ-то, въ глубинѣ подполья, хлопнула дверь, и кто-то крикнулъ зычно и грозно:

— По мѣстамъ, звѣрье! Брысь по лавкамъ—говорятъ вамъ!

И всѣ тотчасъ бросились вразсыпную и чинно разсѣлись по угламъ, а на середину выступилъ человѣкъ средняго роста, въ сѣрой чуйкѣ, надѣтой поверхъ красной рубахи. Копна темныхъ волосъ барашкомъ вилась у него на головѣ; сѣрые, умные и быстрые глаза такъ и бѣгали, все зорко высматривая изъ-подъ густыхъ, темныхъ насупленныхъ бровей.

— А, благодѣтель! — сказалъ онъ, протягивая руку Филькѣ, которую тотъ пожалъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ.—Зачѣмъ изволилъ пожаловать? Отъ дѣла лытаешь, или дѣла пытаешь?

Филька, въ отвѣтъ на это, только многозначительно повелъ бровями.

— Такъ, такъ, понимаю,—сказалъ курчавый парень.—Пойдемъ ко мнѣ въ каморку, тамъ и покалякаемъ.

Когда они очутились въ каморкѣ, заставленной сундуками, баулами и всякихъ размѣровъ ларцами и освѣщенной только лампадкою, горѣвшей передъ иконой,—Ванька посадилъ «Благодѣтеля» на одинъ сундукъ, а самъ сѣлъ противъ него на другой и пристально сталъ вглядываться въ лицо своего гостя, словно въ самую душу къ нему заглянуть хотѣлъ...

Филька спокойно, послѣдовательно и подробно изложилъ ему, въ чемъ именно заключалось его «дѣльце», и сталъ ждать отвѣта отъ

Ваньки, который никогда долго не раздумывалъ и вообще соображалъ очень быстро.

— Такъ, такъ! понимаю, — говорилъ Ванька, раздумывая и раскидывая умомъ: — боярышню надо выкрасть и доставить къ князю, въ потайную... Гм! Нелегкая штука. И обдѣлаемъ мы это вотъ какъ...

И, смолкнувъ на минуту, продолжая соображать и обдумывать, онъ потомъ прямо глянулъ въ самыя очи «Благодѣтеля» и сказалъ твердо и отрывисто:

— Двѣсти арапчиковъ—и дѣло въ шляпѣ.

— Что ты, что ты, Ванюшка? Какъ это можно? О такихъ деньгахъ и заикнуться страшно.

— Ну, полно врать! У твоего князя денегъ много, и я попросилъ по совѣсти, а ты сдерешь съ него вдвое. Дѣло такое, что мнѣ самому пріидется его орудовать, да еще лучшихъ мастеровъ себѣ въ подручные взять... Давай задатокъ—не спущу ни гроша.

Филька не настаивалъ больше, а полѣзъ въ карманъ и выложилъ на столъ десять червонцевъ, которые Ванька тотчасъ же опустилъ въ карманъ чуйки.

— Ну,—сказалъ онъ,—такъ завтра, объ эту пору, ты принесешь мнѣ всѣ деньги цѣликомъ; а послѣзавтра укажешь мнѣ и боярышню, и домъ, изъ котораго ее выкрасть нужно... И ровно черезъ недѣлю она у князя будетъ. А Ванюхино слово твердо...

Говорить больше было нечего, и Филька, поднявшись съ сундука, протянулъ пріятелю руку.

— Постой, — сказалъ ему Ванька, прислушиваясь къ шуму въ подпольѣ.—Я выведу тебя инымъ путемъ. И самъ съ тобою выйду: сегодня вечеромъ есть тоже два дѣлишка головоломныя, шутъ ихъ возьми...

Онъ заложилъ дверь каморки крюкомъ изнутри, потомъ отодвинулъ сундукъ, на которомъ сидѣлъ, и за сундукомъ открылась темная лазея... Ванька наклонился къ Филькѣ и шепнулъ ему на ухо:

— За мною, добро пожаловать.

И первый юркнулъ въ лазею.

IV.

Съ той поры, какъ старикъ Мигаловъ накричалъ на сына и заявилъ ему о неограниченныхъ правахъ на распоряженіе своимъ дѣтищемъ, Андрей Никаноровичъ рѣшилъ, что онъ больше съ отцемъ говорить объ этомъ вопросѣ не будетъ...

— Видно, приходится мнѣ самому Любушкиной судьбой заняться,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Зарядьева я съ дѣтства знаю и люблю, и лучшаго жениха для Любушки не желаю... Малый онъ

чудесный, и собой красавецъ, и умница, и по службѣ идетъ хорошо... Да и Любушка-то его безъ памяти любитъ—говоритъ: либо за него, либо въ гробъ. А она не изъ такихъ, которые бы слова на вѣтеръ бросали...

И вотъ въ головѣ своей онъ рѣшилъ это дѣло очень просто: надо поскорѣе Любушкѣ изъ дома родительскаго бѣжать съ Зарядьевымъ, обвѣнчаться тайкомъ и на нѣкоторое время гдѣ нибудь укрыться, пока минуетъ гроза родительскаго гнѣва, а тамъ...

Но онъ только въ Любушкѣ и встрѣтилъ полное сочувствіе своему плану и полную готовность ему послѣдовать... А когда принялся за обсужденіе его съ Зарядьевымъ, то просто пришелъ въ отчаянье.

Влюбленный юноша только вздыхалъ и плакалъ и выказывалъ полнѣйшую неспособность къ энергическому дѣйствію...

— Что хочешь, братъ, то и дѣлай. Я на все согласенъ, — говорилъ Зарядьевъ Андрею.

— Да что дѣлать-то? Ты это понимаешь ли? Вѣдь нужно попа такого подыскать да подговорить, который бы васъ повѣнчалъ. Да отсюда вамъ утечь—укрыться надо гдѣ нибудь до поры до времени...

— Такъ, такъ, я на все согласенъ...

— Хорошо тебѣ о своемъ согласіи заявлять! Вѣдь деньги на все на это нужны. А гдѣ ихъ взять?

— Деньги? — почти удивленно переспросилъ Зарядьевъ. — Ну, братъ, денегъ-то у меня и нѣтъ... Самъ знаешь: жалованьишко скудное; родители тоже присылаютъ туго...

— Ахъ, Боже мой. Такъ ты займи, перехватись тамъ у кого нибудь на время... Вѣдь тутъ не Богъ вѣсть, что и нужно: червонцевъ сто, полтораста...

— Да я готовъ бы занять. Да у кого? Совсѣмъ я этого не знаю— отродясь не занималъ...

Андрей Никаноровичъ даже плюнулъ съ досады.

— Ну, дѣлать нечего. Видно, все прійдется мнѣ взять на себя,— проговорилъ онъ, помолчавъ.—Только ужъ смотри: изъ послушанья моего ни на волосъ не выходить. Что прикажу, чтобы было тотчасъ исполнено безпрекословно.

— Все, все, голубчикъ,—восторженно воскликнулъ Зарядьевъ, бросаясь обнимать и цѣловать своего друга.

— Ну, ладно, ладно. Я теперь пойду хлопотать по вашему дѣлу... А завтра, за раннею обѣдней, у насъ въ приходѣ и встрѣтимся, и вы все отъ меня узнаете.

Друзья крѣпко обнялись на прощанье и разстались.

Весь тотъ день прошелъ у Андрея Никаноровича въ хлопотахъ и разъѣздахъ изъ конца въ конецъ Бѣлокаменной: пришлось видѣться съ десяткомъ людей, пришлось толкаться по разнымъ пріятелямъ пришлось осторожно вывѣдывать въ разныхъ приходахъ,

который попъ взялся бы повѣнчать свадьбу тайкомъ, и на эти разъѣзды и хлопоты ушелъ весь день до поздняго вечера. Андрей Никаноровичъ возвращался домой, порядочно усталый и очень недовольный, потому что день былъ потерянъ, хлопотъ потрачено много, а дѣло, въ сущности, ни на шагъ впередъ не подвинулось... Къ тому же, въ темноту и слякоть, ему пришлось брести пѣшкомъ: извозчика нигдѣ онъ на дорогѣ не встрѣтилъ и не могъ нанять.

Порядочно озябнувшій и сердитый, онъ задумалъ сократить себѣ путь домой, и пошелъ глухими улками и переулочками, которые выходили на Арбатъ, къ церкви св. великомученицы Ирины. Всюду царила пустота, безлюдье, мертвый сонъ, и тишина ночи нарушалась только злобнымъ лаемъ и ворчаньемъ псовъ изъ подворотенъ и изъ-за высокихъ заборовъ, окружавшихъ сады и дворы. Изрѣдка луна чуть-чуть проглядывала изъ-за тучъ, заволакивавшихъ ее густымъ покровомъ, бросала трепетный свѣтъ на кровли домовъ, заборы и деревья, и мракъ становился еще чернѣе, еще мрачнѣе, когда она вновь скрывалась за облаками...

Въ одинъ изъ такихъ просвѣтовъ Андрей Никаноровичъ подходилъ къ перекрестку двухъ переулковъ и вдругъ замѣтилъ, что на всѣхъ четырехъ углахъ перекрестка стоятъ какіе-то люди, и стоятъ, видимо притаившись и чего-то ожидая.

— Что за притча?—подумалъ онъ пріостанавливаясь.—Должно быть, западня воровская? А миновать перекрестка никакъ нельзя...

Остановился, присмотрѣлся издали и убѣдился въ томъ, что его предположеніе вполнѣ основательно. Тѣ люди, которыхъ онъ замѣтилъ издали, стояли, каждый притаившись за своимъ угломъ, какъ вкопанные, словно подстерегали кого нибудь и ждали только условнаго знака для нападенія...

— Какъ быть? Вѣдь вотъ мимо этихъ двоихъ прійдется пройти и свернуть налѣво... Съ двоими-то я справлюсь; а на четверыхъ выходить не случалось... Ну, да ужъ куда ни шло!...

Но какъ разъ въ это время въ двадцати шагахъ отъ него, на заборѣ густого сада появилась какая-то темная фигура... подержалась немного, какъ бы высматривая все кругомъ, затѣмъ осторожно перелѣзла черезъ заборъ и легко спрыгнула въ переулокъ...

Въ то же мгновеніе раздался рѣзкій свистъ, и съ четырехъ угловъ перекрестка на соскочившаго человѣка бросились сторожившіе его люди. Завязалась борьба отчаянная...

— А, попался! Крути, вяжи его!—раздался чей-то голосъ.

Андрей Никаноровичъ не выдержалъ—вскипѣлъ и бросился на помощь тому, котораго крутили по рукамъ.

— Мерзавцы! Четверо на одного! Прочь!—крикнулъ онъ, бросаясь впередъ, нанося направо и налѣво тяжелые удары.

Эта дѣятельная помощь была въ такой степени неожиданна, что нападавшіе оторопѣли; а жертва ихъ тотчасъ оправилась отъ перваго

смущенія: пинокъ одному, тычокъ другому—и былъ таковъ, и такъ быстро юркнулъ за уголъ и исчезъ во мракѣ, что никто и ахнуть не успѣлъ.

— Злодѣй ты! Душегубецъ!—исступленно заревѣлъ на Андрея Никаноровича какой-то громадный мужчина, подступая къ нему съ поднятыми кулаками... Вѣдь ты у насъ кусъ изъ-за зубовъ вырвалъ... Убить тебя мало! Убить!..

Андрей, очутившись теперь одинъ противъ четверыхъ, отступилъ на шагъ къ стѣнѣ и приготовился къ защитѣ. Но когда его противникъ навалился на него и схватилъ его огромною ручищею за воротникъ Андрей не взвидѣлъ свѣта... Какіе-то свѣтлые круги начали у него мелькать передъ глазами... Онъ развернулся и изъ всей мочи нанесъ ударъ кулакомъ наступающему...

И ударъ этотъ былъ такъ силенъ, такъ оглушителенъ, что сразилъ наступающаго съ ногъ... Тотъ полетѣлъ на землю и покатился подъ ноги своимъ товарищамъ...

Андрей ждалъ новаго натиска, готовый стоять до конца, но натиска не послѣдовало. Его противники остановились въ нѣкоторомъ оцѣпенѣніи, а тотъ, который дерзнулъ схватить Мигалова за воротникъ, сталъ медленно приподниматься съ земли, кряхтя и охая.

— Вотъ такъ ударъ!—проговорилъ онъ добродушно.—Ударъ, голубчики! Сколько на кулачныхъ бояхъ бывалъ – и въ одиночку, и стѣна на стѣну ходилъ... А чтобы такого удара—не видывалъ!

Потомъ онъ подошелъ къ Андрею Никаноровичу и почтительно проговорилъ:

— Дозволь узнать, сударь, какъ тебя по имени и по изотчеству величать?

— Андрей Мигаловъ, арміи поручикъ,—проговорилъ Андрей Никаноровичъ не безъ удивленія.

— Никанора Саввича сынокъ, небось, что на Арбатѣ у насъ подворье? Такъ, что ли?

— Такъ. А ты-то кто же?

— Семенъ Плющиловъ, сыщикъ—первый на Москвѣ; а эти ребята—мои подручные. И ты на насъ сударь, не подиви! Вѣдь ты намъ, знаешь ли, какую поруху сдѣлалъ? Ты Ваньку Каина изъ нашихъ рукъ высвободилъ. Крутить уже стали, а ты нивѣсть откуда тутъ и вывернулся... Ай-ай-ай!

— Ваньку Каина?—повторилъ Андрей Никаноровичъ съ недовѣріемъ.—Атамана воровского?

— Ну, да, его самаго! Его мы тутъ еще съ вечеренъ стерегли, и не уйти бы ему... Вѣдь за поимку-то его, шутка ли, сто червонцевъ намъ начальство посулило. Ну, что-жъ, видно, не судьба... Прощенья просимъ, не посѣтуй.

— И вы на меня не сѣтуйте... Почемъ же мнѣ и знать? Я васъ-

то принялъ за воровъ, а его оборонилъ, не знавши. Обознался— горячъ не кстати.

И обѣ стороны, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вступившія было въ такую отчаянную рукопашную схватку, разошлись весьма миролюбиво въ разныя стороны, невольно посмѣиваясь надъ случившимся...

Андрей Никаноровичъ не могъ въ себя прійти отъ изумленія, припоминая, какъ все это случилось, какъ странно началось, какими грозило послѣдствіями, и какъ смѣшно окончилось... Но ему даже и въ голову не приходило, что этотъ ничтожный случай окажетъ весьма и весьма существенное вліяніе на судьбу близкихъ ему людей и облегчитъ въ значительной степени тѣ хлопоты, которыя онъ принялъ на себя.

X.

Зарядьевъ проснулся ранешенько и тотчасъ вспомнилъ о свиданьѣ, которое ему, за день передъ тѣмъ, назначилъ Андрей Никаноровичъ. До ранней обѣдни еще оставалось болѣе часа, но съ Моросейки, гдѣ онъ жилъ, было не близко до Арбата, а извозчика тоже не всегда можно было встрѣтить въ такую рань, и вотъ онъ сталъ спѣшно и умываться и одѣваться, чтобы не опоздать къ назначенному сроку. Когда ужъ онъ надѣлъ сѣрый кафтанъ со стальными пуговицами, и манишку передъ зеркаломъ оправилъ, и шляпу пуховую взялъ въ руки,—изъ шляпы вдругъ вывалилась бумажка, сложенная на манеръ записки, на три угла.

— Какъ это сюда попало?—спросилъ онъ у стараго слуги.

— Не клалъ, не знаю,—отвѣчалъ тотъ неохотно.

— Однако же, откуда эта писулечка взялась?

— А кто же ее знаетъ? Вѣрно, тебѣ подсунулъ кто нибудь вчера.

Зарядьевъ развернулъ записку и прочелъ въ ней: «не за свой кусъ хватаешься, а и тѣмъ кускомъ ты подавишься».

Подписи не было, и почеркъ руки былъ совсѣмъ не знакомый. Озадаченный содержаніемъ этого страннаго документа, Зарядьевъ, однако же, не сталъ долго надъ нимъ раздумывать: сунулъ его въ карманъ и поспѣшно вышелъ изъ дома.

На улицѣ было пусто. Кое-гдѣ только рабочіе брели на работу, да возы съ какими-то кулями, коробами и бочками плелись изъ переулка въ переулокъ, переѣзжая Моросейку и направляясь на базаръ. Вдали, на углу переулка, стоялъ извозчикъ и дремалъ, сидя на козлахъ своей повозки. Зарядьевъ поспѣшилъ къ нему, какъ вдругъ заслышалъ сзади себя шаги и оглянулся... Двое какихъ-то оборванцевъ шли за нимъ слѣдомъ почти по пятамъ—и Зарядьевъ не могъ понять, откуда они взялись. Онъ пріостановился, желая ихъ пропустить впередъ, и думалъ:

— Не стану при нихъ нанимать извозчика...

Остановились и они, посматривая на него довольно нахально. Онъ двинулся дальше: двинулись и они. Онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ; они побѣжали до слѣдующаго извозчика, сѣли и поѣхали слѣдомъ за Зарядьевымъ.

— Что бы это значило? словно слѣдятъ за мной?—не безъ опасенія подумалъ Зарядьевъ, и ему невольно пришла на память загадочная записка, выпавшая изъ его шляпы.

Пріѣхавъ на Арбатъ, онъ сошелъ у перваго переулка и, расплачиваясь съ извозчикомъ, сталъ оглядываться... И тотчасъ же увидѣлъ, что и тѣ проходимцы, которые издали слѣдовали за нимъ, тоже остановились и сошли съ извозчика.

Это, наконецъ, взбѣсило Зарядьева. Онъ рѣшился прямо подойти нимъ и спросить, чего имъ надо. Крѣпко стиснувъ въ рукѣ толстую камышевую трость, онъ прямо пошелъ на встрѣчу своимъ преслѣдователямъ, но тѣ, очевидно, угадавъ его намѣреніе, тотчасъ перешли на другую сторону улицы и скрылись въ переулкѣ... Какъ разъ въ это время на Ирининской церкви раздался первый ударъ колокола, и Зарядьевъ, позабывъ все остальное, чуть не бѣгомъ пустился бѣжать къ церковной оградѣ.

Церковь во имя св. Ирины великомученицы—каменная, столпообразная, одноглавая, стояла въ двухъ шагахъ отъ Мигаловскаго подворья, среди довольно обширной ограды, изъ которой въ церковь входили широкимъ и фигурнымъ каменнымъ крыльцомъ. Къ этому крыльцу съ обѣихъ сторонъ примыкали порядочно покосившіеся крытые переходы (или галерейки) съ прорубленными въ стѣнахъ узенькими слюдяными оконцами, огибавшіе всю церковь. Около стѣнъ, на этихъ переходахъ, стояли широкія дубовыя лавки, на которыхъ прихожане сидѣли въ ожиданіи начала богослуженія, или же отдыхали послѣ долгаго стоянія въ храмѣ. Небольшая каменная звонница, съ тремя колоколами, повѣшенными въ трехъ пролетахъ, стояла направо отъ входа въ ограду, окруженная густо разросшимся частымъ кустарникомъ.

Къ этой-то церкви, послѣ первыхъ ударовъ колокола, со стороны Мигаловскаго подворья, пробирались черезъ грязную улицу двѣ женщины: красивая и стройная молодая дѣвушка, въ темной бархатной шапочкѣ и темной шубкѣ съ тремя нашивными воротниками, и сгорбленная старушка въ высокой старинной повязкѣ и синемъ шушуничкѣ.

Молодая дѣвушка такъ быстро шла, что старушкѣ за ней не поспѣть было, и она, то и дѣло, сдерживала свою молодую спутницу.

— Да что ты, Любушка? Никакъ совсѣмъ ума рехнулась? Словно на крыльяхъ летишь. Такъ то мнѣ за тобой поспѣвать не подъ силу.

— Аринушка, голубушка! Пойдемъ, пойдемъ скорѣе... Вѣдь ужъ

три дня я съ нимъ не видалась. Чай, онъ изнылъ весь, моихъ вѣстей дожидаючи...

— Ужъ и изнылъ! Выдумала. Не больно-то скоро мужчины эти по васъ изнываютъ... А я тебѣ скажу: для васъ обоихъ это одна забота. Безъ родительскаго благословенія, небось, не пойдешь подъ вѣнецъ.

Дѣвушка быстро глянула на старушку своими большими темно-синими глазами и сказала ей твердо:

— Не знаешь ты меня, Аринушка. Коли я такъ полюбила...

Но она не договорила. Она издали завидѣла Зарядьева въ толпѣ сѣраго люда, стоявшаго на ступеняхъ около церковнаго крыльца,— завидѣла, и вдругъ вся вспыхнула и просіяла такою свѣтлою радостью, что и старушка улыбаясь сказала:

— Знать, высмотрѣла? Вижу, вижу... Вонъ стоитъ, кругомъ поглядываетъ. Ужъ онъ ли опоздаетъ?.. не таковскій.

— Ахъ, наконецъ-то вы, государыня Любовь Никаноровна, пожаловали!—заговорилъ Зарядьевъ, кланяясь и съ привѣтливой улыбкой снимая шляпу.—Здравствуй, Аринушка. Замѣшкались вы нынче. А я чего тутъ не передумалъ!

— Ну, ладно, ладно... Послѣ все разскажешь,—поспѣшила перебить его Аринушка.—Развѣ тутъ мѣсто тебѣ лясы точить? Ишь, на васъ всѣ глазища пялятъ. Ступайте на переходы.

Зарядьевъ, при этихъ словахъ старушки, невольно окинулъ взглядомъ всю ограду, и ему показалось, что тѣ же два проходимца сидятъ у воротъ ограды и слѣдятъ за нимъ попрежнему.

Онъ быстро отвернулся и послѣдовалъ за Любушкой и ея няней въ самый дальній и темный уголъ церковныхъ переходовъ.

— Вотъ здѣсь присядьте и потолкуйте, о чемъ вамъ нужно,— сказала старушка.—Сюда къ вамъ скоро и Андрей Никаноровичъ будетъ... А я пока пойду за васъ въ Божій храмъ помолиться.

И заковыляла по переходамъ, оставляя влюбленную парочку съ глазу на глазъ въ прозрачномъ полумракѣ сѣренькаго утра, проникавшаго довольно скудными лучами сквозь узенькія слюдяныя оконца.

— Любовь Никаноровна,—скромно и встревоженно прошепталъ Зарядьевъ, присаживаясь на краешекъ лавки около Любушки,— дозвольте мнѣ еще разъ высказать всѣ мои чувства къ вамъ и...

Онъ запнулся и сталъ ловить руку Любушки, которая ее отнимала довольно неохотно, приговаривая:

— Ахъ, зачѣмъ? Вѣдь я и такъ знаю, что вы меня любите, и какъ еще балуете вашей любовью... Какъ я не стòю...

Но онъ таки поймалъ ея руку и поцѣловалъ украдкой, и сталъ смотрѣть Любушкѣ въ глаза, краснѣя и смущаясь еще болѣе.

— Ахъ, Дмитрій Ивановичъ, сколько грѣха на душу изъ-за васъ взять приходится!—проговорила Любушка, ласково взглядывая на Зарядьева.—Сколько — родителей обманывать!

Зарядьевъ нѣжно взглянулъ и поникъ головой, шёпотомъ приговаривая.

— Только бы Господь насъ привелъ поскорѣе...

— Да, вотъ вы такъ говорите, а если бы не братъ Андрей,— что стали бы мы дѣлать?

— Да, это точно Андрюша—это нашъ ангелъ хранитель, благодѣтель нашъ. Я въ Андрюшу, какъ въ Бога вѣрю... Кабы не онъ, я, право, и не знаю.

— Какую онъ выдумку-то выдумалъ... Сами посудите... Выпросился вчера у отца на богомолье въ Троице-Сергіеву обитель на недѣльку... А тѣмъ временемъ думаетъ нашу свадьбу устроить...

— Вотъ счастье-то, вотъ радость! Любовь Никаноровна, я, право, думаю, что я этого счастья не вынесу—ей-ей, съ ума сойду.

— Ну, вотъ еще что выдумали. Я бы скорѣе сошла съ ума, кабы это счастье не состоялось... Да, вотъ и онъ! Вотъ наше солнышко красное...

И она указала на Андрея, который подходилъ къ нимъ, позвякивая шпорами и держа въ рукахъ треуголку, которую онъ осматривалъ очень внимательно.

— Что за чудеса,—сказалъ онъ, подходя къ Любушкѣ и Зарядьеву и здороваясь съ ними.—Сейчасъ сбираюсь выходить изъ дома, беру со стола шляпу, а оттуда цидулка выпадаетъ. И въ цидулкѣ той написано: «не за свое дѣло берешься, впросакъ попадешься».

Онъ поглядѣлъ и на сестру, и на Зарядьева съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; и это недоумѣніе еще болѣе увеличилось, когда Зарядьевъ вынулъ изъ кармана полученную имъ записку, показалъ ее Андрею и Любушкѣ, и обѣ записки оказались написанными одною рукою.

— За нами слѣдятъ! Наши шашни знаютъ!—сказалъ Андрей, пожимая плечами.—Понять не могу... И опасаюсь, какъ бы намъ не помѣшали. А между тѣмъ вчера мнѣ удалось ужъ и попа подыскать, и деньгами меня сегодня ссудить хотѣлъ одинъ пріятель... Такъ вотъ, не будемъ откладывать и все покончимъ послѣзавтра вечеромъ... Согласны?

— Согласны, конечно,—проговорили разомъ и Любушка, и Зарядьевъ, вдругъ проявивъ необычайную энергію.

— Такъ вотъ въ самую вечерню сойдемся... И были таковы! Смотрите же, будьте готовы.

И онъ крѣпко пожалъ руки обоимъ влюбленнымъ, которые восторженно смотрѣли ему въ глаза, съ чувствомъ безпредѣльной признательности, и твердо вѣрили, выходя вмѣстѣ съ нимъ изъ церкви, что вся ихъ судьба теперь въ его рукахъ.

А между тѣмъ имъ и въ голову не приходило, что за ними и здѣсь зорко слѣдятъ, и къ рѣчамъ ихъ внимательно прислуши-

ваются непрошеные свидѣтели. Чуть только они скрылись за поворотомъ переходовъ, какъ изъ за-стараго свѣчнаго ларя поднялись скрывавшіяся за нимъ двѣ темныя фигуры, изъ которыхъ въ одной, несмотря на монашескую рясу, не трудно было узнать Фильку Проныру, а въ дургой—курчаваго Ваньку, хоть онъ и переряженъ былъ странникомъ.

— Ну, чай, теперь видѣлъ и высмотрѣлъ ихъ? — спросилъ Филька:—и невѣсту, и жениха?

— Да, да. Не вытравишь ужъ теперь у меня изъ памяти! А вотъ этотъ кто съ ними—рослый да здоровый, изъ военныхъ?

— А это—братъ невѣсты: Андрей Мигаловъ.

— Андрей Мигаловъ?—многозначительно протянулъ Ванька.—А невѣста-то ему сестра родная?

— Ну, да, да,—повторилъ Филька, подозрительно вглядываясь въ лицо Ваньки.—Ты развѣ знаешь его?

— Видалъ его я... гдѣ-то,—процѣдилъ сквозь зубы Ванька,—а гдѣ?—того и не припомню.

И рядомъ съ Филькой поплелся вслѣдъ за уходившими счастливцами.

IV.

Никаноръ Саввичъ въ послѣднее время, къ великой радости своей супруги, Маѳы Тимоѳеевны, нѣсколько поунялся, поуспокоился. Этому въ значительной степени способствовало то, что погода перемѣнилась къ лучшему, повернула отъ зимы на лѣто, и въ близкомъ будущемъ предвидѣлась возможность переселенія въ деревню. Съ другой стороны, немало успокоивало его и то, что князь вдругъ какъ-то притихъ и присмирѣлъ, при встрѣчѣ съ нимъ былъ и ласковъ, и любезенъ, и даже какъ-то намекнулъ, что онъ не хочетъ свадьбы торопить, что домъ для сына отдѣлываетъ въ своей Турхановкѣ, и еще добавилъ при прощаньи, что надняхъ пришлетъ невѣстѣ отъ жениха подарокъ...

У Никанора Саввича словно камень съ сердца свалился. Вернулся домой такой свѣтлый, радостный и даже за обѣдомъ шутилъ и выпилъ лишнюю чарку настойки, далъ разрѣшеніе сыну съѣздить на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру и объявилъ женѣ, чтобы черезъ недѣлю она готовилась къ отъѣзду въ деревню. Вмѣстѣ съ главою семьи, и всѣ какъ будто повеселѣли въ домѣ Мигаловыхъ, и даже очень шумно прощались съ Андреемъ Никаноровичемъ, когда онъ рано утромъ назавтра выѣхалъ на богомолье.

И вдругъ случилось нѣчто, совсѣмъ исключительное и никѣмъ неожиданное... Никаноръ Саввичъ, поднявшись позже обыкновеннаго, обошелъ (какъ всегда у него водилось) свою конюшню, приказалъ при себѣ промять жеребца и, вернувшись домой, только-что опу-

стился въ свое излюбленное кожаное кресло, какъ вдругъ услышалъ какой-то странный крикъ, вопли, стоны на дворѣ и вскочилъ со своего мѣста.

— Съ нами крестная сила! Ужъ не пожаръ ли, чего Боже сохрани!—подумалъ онъ и бросился къ окошку, которое выходило на дворъ... И видитъ—что же? Аринушка бѣжитъ по двору, какъ молоденькая (откуда у старой и прыть взялась), бѣжитъ простоволосая—и шлыкъ свой, и клюку—все растеряла; и кричитъ, кричитъ благимъ матомъ... А ей на встрѣчу и изъ поварни, и изъ конюшни, и изъ скотной высыпаютъ люди...

— Да что старуха-то? Белены что ли объѣлась?—подумалъ старикъ Мигаловъ и хотѣлъ кликнуть Мареу Тимоееевну.

Но крики все ближе, ближе—и стоны, и всхлипыванія, и двери въ комнату настежь... Вбѣжала старуха, да прямо въ ноги къ Никанору Саввичу и повалилась. А за нею слѣдомъ и Мареа Тимоееевна: кровинки нѣтъ въ лицѣ, а вся, какъ листъ осиновый, трясется.

— Что? Что такое?—крикнулъ перепуганный Мигаловъ, отступая отъ старухи.

— Аринушка! Да что съ тобою?—пустилась ее допрашивать и Мареа Тимоееевна.

А та все только стонетъ да объ полъ головою бьется и слова вымолвить не можетъ.

— Да скажешь ли ты, корга проклятая!.. Что случилось?—заревѣлъ въ весь голосъ Никаноръ Саввичъ.

— Пропала моя головушка,—простонала старуха.—Увезли, охъ, увезли голубушку.

— Кого увезли?—спохватилась Мареа Тимоееевна.

— Да Любушку, вѣстимо,—проговорила наконецъ Аринушка, приподнимаясь на рукахъ, и опять рухнула на полъ.

— Ай, Господи! Напасть какая! Ахъ!—вскрикнула Мареа Тимоееевна и упала въ обморокъ.

— Люди, люди!—растерянно крикнулъ Николай Саввичъ, открывая двери въ сѣни. Сбѣжались люди, дѣвушки подхватили Мигалову, снесли ее въ опочивальню и стали опрыскивать и растирать, чтобы привести въ чувство... А двое дворовыхъ подняли съ полу Аринушку, принесли ей воды, усадили на лавку, и когда она немного оправилась и пришла въ себя, то могла сказать:

— На выходѣ изъ ограды... карета тутъ нарядная стояла... четыре гайдука при ней... Чуть только вышли мы—мнѣ дали тумака по шеѣ, сбили съ ногъ... А Любушку-то хвать! Въ карету! Вскочили на запятки и были таковы... И крикнуть не успѣла.

— Да кто-жъ увезъ-то?—добивался Никаноръ Саввичъ.

Но старуха на этотъ вопросъ ничего не могла отвѣтить: плакала, просила не губить ее и бормотала какую-то околёсную...

Послалъ Николай Саввичъ людей къ церкви разузнать, какъ было дѣло. Самъ сходилъ, разспрашивалъ, вывѣдывалъ, да только и узналъ всего, что «подхватили барышню мигомъ, шлыкъ на нее накинули, въ карету сунули, да такъ помчали, что четверня вся вскачь пустилась»... Только одинъ кто-то въ толпѣ нашелся, сказалъ, что карета была непростая, а съ гербами—и кони были въ ней первый сортъ, буланые, подъ масть подобраны...

Въ головѣ у Николая Саввича все помутилось... И дочери-то жалко и передъ людьми какъ-то совѣстно, и на кого обрушиться съ грозою—невѣдомо! А гдѣ искать и какъ искать? Но болѣе всего и грызла, и терзала его мысль о томъ, что долженъ будетъ онъ теперь отвѣтить князю? Какъ оправдаться передъ нимъ? Какъ убѣдить его, что это все само собой стряслось?

Въ этихъ тревожныхъ мысляхъ вернулся онъ домой и снова потребовалъ къ себѣ старуху няньку къ допросу.

Угрозами и криками онъ вынудилъ наконецъ у нея нѣчто въ родѣ признанья, которое, какъ показалось ему, тотчасъ объяснило все дѣло. Старуха, путаясь и запинаясь на каждомъ словѣ, высказала:

— Не вели голову снять, не казни окаянную... Сущую правду объясню, какъ передъ Богомъ... Любушка моя завтра собиралась бѣжать...

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ? Говори, старая вѣдьма.

— Да съ женихомъ своимъ...

— Съ какимъ женихомъ? Его и въ Москвѣ-то нѣтъ!

— Съ Зарядьевымъ, съ Дмитріемъ Ивановичемъ... И Андрей Никаноровичъ имъ мирволилъ и помогалъ...

— Ахъ, онъ злодѣй! Ахъ, негодяй!—закипятился Никаноръ Саввичъ.—Эй, Сенька, Васька, лошадей закладывать — сейчасъ же. Я поѣду, я разыщу, я его проучу мальчишку, подлеца безусаго...

— Да вѣдь не онъ это увезъ-то ее,—спохватилась старуха.—Насильно вѣдь увезли—чужіе какіе-то...

— Вранье. Подвохъ!—кричалъ Никаноръ Саввичъ, топая ногами.— Онъ увезъ! И Андрюшка имъ пособлялъ, и ты сводила ихъ, безбожница!

— Да нѣтъ же,—настаивала старуха.—Зачѣмъ было ему Любушку силой увезть?.. Она собиралась съ нимъ и съ братцемъ прямо въ церковь ѣхать... А тутъ схватили, ротъ зажали, да впихнули въ карету... Разбойники, озорники какіе-то...

Но старикъ Мигаловъ и слушать не хотѣлъ, и какъ его ни унимала жена, какъ ни упрашивала его повременить и обождать денекъ, и даже по начальству не оповѣщать, чтобы тревоги напрасной не дѣлать и сраму лишняго на свою голову не принять,— Никаноръ Саввичъ сѣлъ и поѣхалъ прямо на Моросейку. И всю дорогу, стиснувъ зубы и сжимая кулаки, онъ рисовалъ себѣ картину

встрѣчи съ Зарядьевымъ и съ преступной дочерью и съ сыномъ предателемъ... И какъ онъ ихъ всѣхъ проучитъ, какъ онъ заставитъ трепетать и покориться его волѣ.

Вотъ наконецъ онъ на Моросейкѣ и подъѣзжаетъ къ дому, гдѣ жилъ Зарядьевъ со своей старухой теткой. Стучитъ въ ворота и кулакомъ, и палкой, вызывая громкій лай дворняшекъ... Наконецъ къ воротамъ подходитъ кто-то, и старикъ слуга отворяетъ калитку.

— Здравствуй, господинъ честной! Тебѣ кого надыть?

— Зарядьева! Дома?—крикнулъ Никаноръ Саввичъ.

— Нѣтъ, дома нѣтъ. Въ должность поѣхалъ...

— Врешь... Дома онъ—прячется, небось.

— Да чего ему прятаться?—прехладнокровно отвѣчалъ слуга.— Чай, онъ не краденый, да и самъ ничего не укралъ. Пожалуй, посмотри хошь самъ...

Мигаловъ былъ совершенно сбитъ съ толку этимъ спокойствіемъ старика слуги и сразу какъ будто осѣлъ и присмирѣлъ.

— А гдѣ же его должность?—спросилъ онъ уже гораздо тише и спокойнѣе.

— Вѣстимо гдѣ... Въ домѣ у губернатора. Въ секретаряхъ тамъ служитъ.

Мигаловъ быстро повернулся къ своей повозкѣ и крикнулъ кучеру:

— Къ губернаторскому дому,—и покатилъ далѣе.

— Не можетъ быть, чтобы онъ былъ въ должности, если онъ дочку увезъ... Не даромъ же старуха клеплетъ!.. Если онъ увезъ какъ ему въ должности быть? А если онъ тамъ...

На этотъ вопросъ Никаноръ Саввичъ самъ себѣ никакъ не могъ отвѣтить и только рукой махнулъ.

Подъѣзжая къ дому губернатора и розыскивая его канцелярію Мигаловъ опять таки бурею напустился на старика сторожа, который, сидя на ступенькѣ, грѣлся на солнышкѣ.

— Здѣсь служитъ Зарядьевъ, Дмитрій Ивановичъ?

— Здѣсь, какже. Небось, тебѣ нужда какая до него?.. Онъ господинъ хорошій.

— Да онъ теперь-то здѣсь?

— Здѣсь, какже! Безпремѣнно здѣсь! Позвать прикажешь, что-ль?

— И давно пріѣхалъ?—съ какимъ-то невольнымъ озлобленіемъ проговорилъ Мигаловъ.

— Съ самаго утра надъ столомъ корпитъ.

Никаноръ Саввичъ, совершенно опѣшившій, сѣлъ опять въ повозку и съ минуту раздумывалъ: какъ быть и что предпринять?..

— По начальству если объявку подать, вѣдь это, значитъ, всю ея судьбу испортить! Пожалуй, ее и съ рукъ не сбудешь,—думалъ озадаченный родитель.—Повременить да переждать—пожалуй, и слѣды потеряешь... А развѣ вотъ что... не съѣздить ли мнѣ къ князю

У него не попросить ли совѣта и помощи? Человѣкъ онъ умный, и съ связями, и губернатору онъ свой—такъ, можетъ быть, при помощи его, безъ шуму и безъ огласки сами слѣды розыщемъ... Эй, Сенька, къ князю Меркурію Меркурьевичу вези меня скорѣе.

Пріѣхали и къ князю; въѣхали во дворъ его, за фигурную рѣшетку; подкатили къ крыльцу, на которомъ тѣснилось съ дюжину слугъ въ богатыхъ ливреяхъ съ галунами.

— Дома? Дома ли князь?—спросилъ старикъ Мигаловъ, высовываясь изъ своей повозки.

— Дома. Пожалуй, батюшка Никаноръ Саввичъ,—засуетились слуги, очищая дорогу къ входнымъ дверямъ.

Мигаловъ вышелъ на крыльцо, поддерживаемый подъ руку, вступилъ въ великолѣпныя сѣни княжескія и, скидывая верхнее платье, проговорилъ, волнуясь и спѣша:

— Ступайте, доложите князю, что я... по дѣлу къ нему... по важному...

И между тѣмъ, какъ одинъ изъ слугъ стрѣлою метнулся вверхъ, онъ и самъ сталъ подниматься по ступенькамъ лѣстницы, которая вела въ пріемную, и все думалъ и передумывалъ, какъ онъ предстанетъ передъ грозныя очи своего угрюмаго сосѣда, и что ему скажетъ, и какъ объяснитъ случившееся...

— Охъ, батюшки. Лучше бы, кажется, сквозь землю провалиться!—думалъ онъ, нетвердою рукою хватаясь за ручку двери въ пріемную.

Вошелъ и ходитъ по ней взадъ и впередъ, и ждетъ, машинально обводя глазами росписной плафонъ съ нимфами и стѣны съ грубоватою лѣпною орнаментикой.

Вотъ бѣжитъ черезъ пріемную тотъ слуга, что пошелъ докладывать, и говоритъ мимоходомъ:

— Вотъ притча-то, батюшка! И дома князь, да нѣтъ его нигдѣ. Повсюду обѣжалъ... Развѣ что въ саду...

А старикъ Мигаловъ все ходитъ и ходитъ, и все болѣе и болѣе волнуется; а мимо его то и дѣло бѣгаютъ и ходятъ слуги княжескіе, и всѣ плечами пожимаютъ и перешептываются...—Князь у насъ, не выходя изъ дома, сгибъ да пропалъ...

— Да что вы? ошалѣли, что ли? Говорите толкомъ! — начиналъ горячиться Мигаловъ.—Ну, если онъ занятъ тамъ, или принять не можетъ, такъ вы скажите, что важное, молъ, дѣло, его касающее...

— Да помилуй Богъ, батюшка Никаноръ Саввичъ,—заговорилъ съ видимымъ смущеніемъ старикъ слуга.—Мы сами съ ногъ сбились, голову потеряли, искавши князя! Съ часъ назадъ онъ тутъ былъ, и гнѣваться изволилъ на непорядки въ домѣ, и по гостиной ходилъ, и докладъ отъ приказчика принималъ и поучить его изволилъ изъ своихъ ручекъ—и вотъ нѣтъ нигдѣ!

— А княжичъ дома?

— Съ недѣлю, какъ въ деревнѣ гоститъ...

— Ну, такъ скажите князю, когда его розыщите, что я къ нему еще таки заѣду сегодня, что очень нужно.

И поспѣшно выйдя изъ пріемной, сталъ спускаться съ лѣстницы въ сѣни, сопровождаемый старымъ слугой, да вдругъ какъ обернется къ слугѣ, да какъ посмотритъ на него во всѣ глаза... Тотъ даже попятился отъ него невольно.

— А скажи-ка ты мнѣ, голубчикъ, — какъ-то особенно тревожно и многозначительно спросилъ старика Мигаловъ,—буланые у князя на конюшнѣ есть или нѣтъ? Кони буланые...

Старикъ всплеснулъ руками:

— Охъ, батюшка! Не говори ты ужъ!.. И такъ дрожимъ—дрожимъ и доложить не смѣемъ князю! Вчера еще четверку буланыхъ изъ-подъ носу увели... Со двора у насъ свели... Тысячную четверку—и что за кони!

— Четверку..? Буланыхъ?..—крикнулъ Мигаловъ.—Ну, значитъ, только одно и остается: начальство извѣстить! Да, да! Къ господину губернатору... челомъ бить. Помощи и розыску просить.

И онъ стремглавъ пустился внизъ, къ великому смущенію всей княжеской дворни.

VII.

Филька Проныра на чистоту обдѣлалъ «дѣльце». Все подробно развѣдавъ и разузнавъ, онъ уговорился съ Ванькой, что похищеніе барышни Мигаловой должно быть совершено какъ разъ наканунѣ того дня, въ который условленъ былъ ея побѣгъ съ братомъ и Зарядьевымъ и тайное вѣнчаніе въ одномъ изъ подмосковныхъ селъ. Еще съ вечера Филька (конечно, съ разрѣшенья князя) повелъ Ванькиныхъ молодцевъ въ конюшни, въ то время какъ тамъ не было ни одного конюха, и помогъ имъ вывести буланую четверку, за которой во всей Москвѣ не могъ бы никто угнаться, а съ другаго, сосѣдняго подворья графовъ Бѣльскихъ взялъ у управителя на подержаніе графскую карету, и ужъ къ 6 часамъ утра эта карета стояла на другой день въ переулкѣ за церковью св. Ирины Великомученицы, запряженная четверкою буланыхъ цугомъ. Ванькины молодцы—изъ лучшихъ «мастеровъ» — наряженные гайдуками, стояли у дверецъ кареты и сидѣли на козлахъ; самъ Филька сидѣлъ внутри кареты, а Ванька, въ видѣ конюха, съ подвязанной бородой, ходилъ около коней, обмахивая ихъ конскимъ хвостомъ, оправляя на нихъ сбрую и зорко посматривая кругомъ.

Чуть только обѣдня стала подходить къ концу, карета съ булаными конями была подвинута къ самымъ воротамъ ограды, и, конечно, тотчасъ собралась около нея толпа зѣвакъ... По знаку Ваньки всѣ его ребята насторожились, и чуть только Любушка съ

нянькой показалась въ воротахъ,—няньку толкнули въ сторону, а барышню окутали чернымъ платкомъ, и прежде, чѣмъ она успѣла вскрикнуть, четыре дюжихъ молодца подхватили ее, какъ перышко, и мигомъ сунули въ карету... Дверцы хлопнули, и вся четверня съ мѣста взяла маршъ-маршемъ такъ дружно, что карета и съ конюхомъ, и съ гайдуками исчезла изъ глазъ толпы, прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ опомниться.

— Держи! Лови!—раздались запоздалые крики. Поднялась безтолковая суматоха, возгласы, споры: не погнался, конечно, никто... Да и гдѣ же было угнаться?.. И даже слѣдъ простылъ въ ту пору, когда старикъ Мигаловъ выслалъ людей и самъ явился на розыски.

Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что Любушка очнулась и пришла въ себя отъ перепуга только тогда, когда карета ужъ мчалась во весь махъ четверни буланыхъ по направленію къ Замоскворѣчью. Она почувствовала, что сидитъ на мягкихъ подушкахъ, что ее крѣпко держатъ за руки съ обѣихъ сторонъ, что голова у нея окутана чѣмъ-то чернымъ, и сквозь это черное ей ничего не видно, и даже трудно дышать... Она пошевелилась, попробовала высвободить руки, попыталась крикнуть; но стукъ колесъ и бѣшеный топотъ коней заглушили ея крикъ, а мужской голосъ надъ самымъ ухомъ ея проговорилъ:

— Сиди-ка смирно, сударыня. Никакого худа тебѣ не будетъ.

— Да вотъ, братъ,—шепнулъ другой кто-то съ другаго бока,—дай барышнѣ спиртику понюхать... Вотъ.

Любушка почувствовала, какъ ей, сквозь покрывало, окутывавшее ея голову, поднесли къ носу что-то пахучее, пріятное, одуряющее—невольно потянула въ себя эту струю, и вскорѣ потеряла всякое сознаніе... Голова ея склонилась на бокъ, потомъ опустилась на грудь; руки безсильно повисли...

— Ну, такъ-то лучше будетъ,—проговорилъ Ванька.—Теперь мы, значитъ, пріостановимъ у кумы: барышню къ ней вынесемъ и до вечера здѣсь продержимъ, а карету погонимъ дальше, черезъ заставу, чтобы слѣдъ былъ виденъ и всѣмъ вѣдомъ.

— Недурно придумано,—похвалилъ Филька.—Ну, а коней, какъ розыскъ поднимется, подкинемъ гдѣ нибудь подъ Симоновымъ, въ рощѣ.

— А у кумы,—продолжалъ Ванька,—ужъ приготовленъ возъ съ сѣномъ, въ которомъ мы тебѣ твою добычу въ лапы къ твоему медвѣдю предоставимъ...

— Ладно, ладно, голубчикъ,—проговорилъ Филька, потирая руки.—И если все благополучно сойдетъ у насъ сегодня, ужъ я тебѣ, Ванюшка, еще съ полсотни червонцевъ отъ своихъ щедротъ накину...

— Спасибо на добромъ словѣ,—проговорилъ съ двусмысленной усмѣшкой Ванька.—Напредки не забудь насъ...

Въ это время карета пріостановилась въ глухомъ переулкѣ у какого-то высокаго забора, ворота заскрипѣли и отворились настежь, и карета въ нихъ въѣхала...

Филька и Ванька бережно вынули Любушку, крѣпко усыпленную соннымъ зельемъ, и перенесли ее внутрь небольшого дома, стоявшаго среди двора; между тѣмъ карета съ гайдуками объѣхала кругомъ черезъ другія ворота, на другой такой же переулокъ, и попрежнему, маршъ-маршемъ, покатила къ заставѣ.

Ванькина «кума» — рябая старушонка лѣтъ подъ шестьдесятъ, подвижная и бойкая, сейчасъ же распорядилась о томъ, чтобы уложить Любушку на мягкую постель, въ своей опочивальнѣ, а Ванькѣ съ Филькой подала рядомъ съ опочивальней такой обѣдъ, что у обоихъ глаза на блюда разбѣжались... Чего тутъ не было: и яичница на сковордкѣ, и ветчина, и сырники, и пряженцы, и студень въ латкѣ, и чудесный клюквенный холодный квасъ въ большущемъ жбанѣ.

Филька не зналъ «кумы» и въ этомъ воровскомъ притонѣ былъ впервые; вотъ почему сначала онъ опасался какой нибудь каверзы или новыхъ вымоганій со стороны Ваньки, у котораго онъ былъ, такъ сказать, въ рукахъ... Поэтому онъ очень подозрительно поглядывалъ кругомъ и не разъ поднимался изъ-за стола, чтобы заглянуть въ опочивальню на Любушку... Онъ даже отказался отъ хмельной браги, которую кума принесла съ погреба и поставила на столъ передъ пріятелями.

— Что-жъ это ты? Али боишься? Небось, не отравное зелье, а на благо утробѣ сварено... Изволь, я покажу тебѣ, какъ пьютъ ее.

И нацѣдивъ себѣ браги въ ковшъ, Ванька опрокинулъ его разомъ.

— Вотъ какъ по-нашему! У насъ вѣдь дѣло безъ обмана. На чистоту...

— Знаю, знаю, голубчикъ,—отговаривался Филька.—Да охмелѣть боюсь... Сегодня вѣдь еще пріидется съ княземъ въ бесѣдѣ быть...

А Ванька налилъ себѣ и другой ковшъ и, прихлебывая изъ него, превесело сталъ шутить и разсказывать о разныхъ своихъ послѣднихъ похожденіяхъ и между прочимъ сообщилъ пріятелю какой бѣды избѣгъ надняхъ...

— Былъ я у зазнобушки своей... И засидѣлся, заболтался съ ней до полуночи... Слышимъ, мужъ ея вернулся домой, жену кличетъ, ищетъ... Я распростился, да въ садъ, а садъ какъ разъ на перекрестокъ выходитъ... Ну, мнѣ ужъ не въ первой—задумалъ черезъ заборъ махнуть; влѣзъ, выждалъ времечко такое, что мѣсяцъ изъ-за облакъ проглянулъ, сталъ я осматриваться... Вижу—никого я тотчасъ съ забора прыгъ, да прямо въ лапы Плющилову съ командой... Подстерегали вишь меня и прятались... Я такъ и этакъ—

не тутъ-то было: крутятъ локти къ лопаткамъ. Вдругъ откуда ни возьмись мужчина этакій высокій, кряжистый, да какъ гаркнетъ на нихъ:

— Чего вы тутъ, мерзавцы! Четверо на одного набросились! Сейчасъ, кого въ потылицу, кого и подъ мякитки — всѣхъ разметалъ и ошарашилъ! Ну, я, вѣстимо, веревку съ локтей долой, да подавай Богъ ноги! И тогда-жъ поклялся, что я ему добромъ за добро отплачу.

— Еще бы. Изъ петли вытащилъ тебя!—поддакнулъ Филька.— Да развѣ-жъ ты его успѣлъ въ лицо запримѣтить?..

— Успѣлъ, и послѣ повстрѣчалъ и разузналъ, какъ его по имени, по отчеству зовутъ...

Филька хотѣлъ было спросить, кто оказалъ услугу Ванькѣ, но тотъ поднялся и проговорилъ:

— Стемнѣло. Пора намъ въ путь. А то твой князь, я чай, ужъ совсѣмъ по тебѣ изнылъ, ожидаючи своей кралечки... Эй, кума! зови ребятъ сюда.

Мигомъ, какъ изъ земли, выросли четыре новыхъ «мастера», въ драныхъ, старыхъ зипунишкахъ и крестьянской одеждѣ.

— Готово?—спросилъ ихъ Ванька, поднимаясь изъ-за стола.

— Готово,—отвѣчали молодцы въ одинъ голосъ.

— Такъ берите барышню въ опочивальнѣ, сносите бережно, кладите ее внутрь воза...

— Слушаемъ.

И черезъ минуту вынесли Любушку изъ опочивальни, попрежнему окутанную въ шубку и съ чернымъ покрываломъ на головѣ, и мимо Фильки и Ваньки пронесли ее изъ дома во дворъ, гдѣ на глазахъ у Фильки уложили въ возъ съ сѣномъ, въ которомъ очень искусно выбито было внутри удобное и просторное гнѣздо, прикрытое подвязанными клочками сѣна и рогожей.

— Ну, въ путь,—скомандовалъ Ванька, и тотчасъ двое молодцевъ взяли лошадь подъ уздцы, а двое поплелись за возомъ поодаль, когда онъ грузно и медленно выкатился на переулокъ.

— Пойдемъ и мы за ними, куда ты намъ укажешь, — сказалъ Ванька, дружелюбно подхватывая Фильку подъ руку, и увелъ его съ собою за ворота, которыя тотчасъ же за ними захлопнулись и задвинулись тяжелымъ засовомъ.

И долго, долго тащились они слѣдомъ за возомъ, избѣгая людныхъ улицъ и огибая большіе круги по переулкамъ... И дотащились наконецъ до той потайной калитки сада, отъ которой ключъ всегда былъ въ карманѣ у князя, а на этотъ вечеръ былъ переданъ имъ Филькѣ. Калитка, скрытая густымъ кустомъ орѣшника, выходила на пустой тупикъ, отовсюду окруженный огородами, а со стороны сада княжескаго открывался въ крытыя сѣни павильонъ,

который князь называлъ потайнымъ», всегда держалъ на ключѣ и этотъ ключъ довѣрялъ только одному Филькѣ.

Когда возъ остановился у куста орѣшника, молодцы тотчасъ сбились около него въ кучу; а Ванька осторожно откинулъ рогожу, прислушался и сказалъ Филькѣ:

— Дай-ка мнѣ стклянку съ соннымъ зельемъ... Надо ей дать еще понюхать, а то, пожалуй, не внесешь... А ты тѣмъ временемъ ступай-ка, отпирай...

Филька сунулъ стклянку ему въ руки и видѣлъ, какъ онъ еще разъ нагнулся внутрь воза подъ рогожу... Потомъ шепнулъ ребятамъ:

— Несите ее... Да бережнѣй, смотрите.

Ребята очень бережно вынули изъ воза свою ношу и понесли отъ калитки, которую самъ Филька отворилъ имъ, и, придерживая ключъ, сказалъ въ полголоса:

— Ребята, прямо, а потомъ направо, шесть ступеней вверхъ. Тутъ, Ваня, на окошкѣ фонарь потайной... Вздуй его, пока я здѣсь замкну калитку.

И, осторожно притворяя ее, сталъ поворачивать ключъ въ замкѣ... Но въ то же мгновеніе четыре сильныхъ руки схватили его за плечи и за руки, а пятая стиснула ему горло такъ, что онъ не могъ ни крикнуть, ни дохнуть.

— Крути его, ребята,—прошепталъ надъ головой его Ванька:— рукавицу въ глотку ему заткните, чтобъ писку не было, а остальное по приказу. Впередъ!

Филька, скрученный по рукамъ и ногамъ, съ заткнутымъ ртомъ и шапкой, нахлобученной на глаза, почувствовалъ, какъ «мастера» его подхватили на руки, потащили вверхъ и, подсунувъ подъ широчайшее двуспальное ложе, занимавшее почти половину павильона, проговорили со смѣхомъ:

— А, ну-ка, благодѣтель, полежи здѣсь... Дай намъ княжескую затѣю до конца довесть.

VIII.

Князь Меркурій Меркурьевичъ съ самаго ранняго утра въ тотъ день былъ точно въ лихорадкѣ. Отъ Фильки Проныры онъ зналъ о томъ, что въ этотъ день должно совершиться въ концѣ ранней обѣдни похищеніе дѣвицы Мигаловой, зналъ, сверхъ того, что оно совершилось вполнѣ удачно, потому что въ противномъ случаѣ Филька, по уговору, долженъ былъ бы тотчасъ явиться и заявить о неудачѣ. И вотъ онъ всецѣло предался ожиданію того, что должно было случиться, и съ большимъ злорадствомъ представлялъ себѣ испугъ и смущеніе своей жертвы въ то время, когда она увидитъ себя въ западнѣ и въ полной его власти...

— Да, да. Тогда поговоримъ съ ней, посмотримъ; и если поведетъ себя умненько, да не будетъ очень ортачиться, тогда и я съ ней полегче обойдусь... А если чуть только носъ станетъ задирать, тогда я покажу ей, что князь Турхановъ значитъ, и что Зарядьевъ... Пусть вѣкъ свой помнитъ...

А затѣмъ разыгрывалось и воображеніе стараго сластолюбца и рисовало ему весьма соблазнительныя картины... По странной прихоти, свойственной старческому возрасту, князь былъ неравнодушенъ къ Любушкѣ Мигаловой, былъ увлеченъ ея красотой и даже дерзалъ помышлять о томъ, что онъ путемъ разныхъ соблазновъ, подкуповъ, лести и униженій будетъ въ состояніи добровольно склонить свою намѣченную жертву къ взаимности. Онъ даже представлялъ себѣ, какъ онъ «въ такомъ случаѣ» будетъ баловать ее, рядить, осыпать брилліанами и какъ будетъ гордиться побѣдой, одержанной въ его лѣта.

— Само собой, ужъ ничего не пожалѣю для нея. Сумѣетъ повести себя и угодить мнѣ, такъ не раскается... А не сумѣетъ — сама на себя пеняй.

Въ такихъ-то праздныхъ разсужденіяхъ и фантазіяхъ у князя прошло время до полудня. Любопытно то, что ему ни разу въ голову не пришла мысль объ отвѣтственности, которую онъ на себя принимаетъ, приводя въ исполненіе свою дикую и злую затѣю. У него съ Филькой все такъ было обдумано и такъ подробно обсуждено, что, по его мнѣнію, отвѣтственности никакой быть не могло — никто сразу и спохватиться не могъ, не могъ бы и повѣрить, чтобъ похищеніе произведено было по его княжескому приказу. Но когда онъ, шагая взадъ и впередъ по своей гостиной, увидѣлъ изъ окна повозку старика Мигалова, въѣзжавшую къ нему во дворъ, его вдругъ покинула вся бодрость духа... Ему даже и въ голову не пришло, что несчастный Никаноръ Саввичъ ѣдетъ къ нему чуть ли не извиняться въ томъ странномъ событіи, которое съ дочерью его приключилось... Онъ даже и вообразить себя не могъ въ данную минуту въ какихъ бы то ни было личныхъ сношеніяхъ и объясненіяхъ со старикомъ и по какому-то невольному необъяснимому порыву бросился изъ гостиной въ опочивальню, а изъ опочивальни спустился въ садъ, свернулъ въ одну изъ самыхъ темныхъ его аллей и, дойдя до бани, засѣлъ въ ней и просидѣлъ больше двухъ часовъ... Онъ видѣлъ, какъ люди бѣгали по саду, розыскивая его, и какъ потомъ ушли, и вышелъ изъ своей засады только тогда уже, когда былъ твердо убѣжденъ, что его никто болѣе не ищетъ, и что непрошенный гость, конечно, успѣлъ убраться восвояси.

За обѣдомъ ему доложили о посѣщеніи Мигалова, и что онъ пріѣзжалъ къ нему «по какому-то важному дѣлу» и казался чѣмъ-то очень встревоженъ; доложили, что онъ и еще разъ хотѣлъ къ нему заѣхать. Но на это князь Турхановъ прямо заявилъ, что онъ се-

годня чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и никого не желаетъ у себя видѣть:

— Кто бы ни явился, кто бы ни спрашивалъ обо мнѣ, всѣмъ одинъ отвѣтъ: не принимаютъ, нездоровы.

Но послѣ обѣда его вдругъ снова стала одолѣвать такая тревога, что онъ на мѣстѣ усидѣть не могъ; и даже сонъ — благодатный сонъ сытаго человѣка, который всегда одолѣвалъ его уже за послѣднимъ блюдомъ, — на этотъ разъ обошелъ его и не смыкалъ его зоркихъ, бѣглыхъ, суровыхъ очей. Онъ заперся, какъ и всегда, въ своей опочивальнѣ, но даже и не прилегъ на подушку, а открылъ ключикомъ, висѣвшимъ у него на крестѣ, потайной ларецъ, привинченный къ одной изъ полокъ шкафа, вдѣланнаго въ стѣну, досталъ оттуда обитую кожею шкатулку, въ которой хранились фамильныя драгоцѣнности, когда-то принадлежавшія его покойной женѣ, и сталъ вынимать изъ шкатулки на столъ нитки жемчуга, перстни, кольца, запястья, брошки, пряжки, усыпанныя каменьями, и каждую изъ этихъ вещей разсматривалъ въ отдѣльности, то любуясь матовымъ блескомъ жемчуга, то слѣдя внимательно за переливами и игрою цвѣтовъ въ граняхъ рубиновъ, изумрудовъ и брилліантовъ. Послѣ долгаго соображенія и внимательнаго осмотра князь отложилъ въ сторону двѣ нитки крупнаго жемчуга съ изумруднымъ замочкомъ, изумрудныя серги и колечко съ рубиномъ, а все остальное уложилъ осторожно въ шкатулку и шкатулку вновь заперъ въ ларецъ. Воображеніе его уже рисовало ему, какъ онъ будетъ подносить всѣ эти драгоцѣнности своей плѣнницѣ, и какъ она, любуясь ими, станетъ ихъ надѣвать передъ зеркаломъ, и какъ блескъ этихъ драгоцѣнностей еще возвыситъ ея природную красоту, грацію и свѣжесть формъ...

Между тѣмъ уже вечерѣло; начинало смеркаться, а по мѣрѣ того, какъ смеркалось, возрастали и безпокойство князя и нетерпѣливая тревога ожиданія. Нѣсколько разъ справлялся онъ у слугъ: не пріѣзжалъ ли къ нему еще разъ Никаноръ Саввичъ, и каждый разъ получалъ одинъ отвѣтъ:

— Нѣтъ, не изволили заѣзжать.

— А не былъ ли еще кто нибудь?

— Нѣтъ, никого не было.

Подъ предлогомъ того же нездоровья, на которое князь жаловался до обѣда, онъ приказалъ подать себѣ ужинъ раньше — ѣлъ за ужиномъ очень мало, но зато выпилъ чуть не цѣлую бутылку старой мальвазіи. А часовъ въ девять вечера ушелъ къ себѣ въ опочивальню и заперся въ ней на ключъ, какъ и всегда. Затѣмъ, положивъ въ карманы камзола все, что было вынуто изъ кожаной шкатулки, князь поверхъ своего шелковаго французскаго кафтана накинулъ темный плащъ, а голову покрылъ пуховой шляпой и

узенькимъ потайнымъ ходомъ спустился сначала въ нижній этажъ дома, а потомъ прошелъ стеклянной галлереей въ садъ.

Здѣсь, окольными дорожками, онъ пробрался въ тотъ далекій и темный уголъ сада, гдѣ въ густой тѣни старыхъ липъ и кленовъ стоялъ такъ называемый «потайной» павильонъ, недоступный никому и всегда стоявшій на замкѣ. Князь, не доходя до него саженъ пятьдесятъ, присѣлъ на скамейку и сталъ пристально смотрѣть на окна павильона, плотно прикрытаго ставнями... По уговору съ Филькой, онъ долженъ былъ войти въ павильонъ въ то время, когда въ круглыхъ прорѣзахъ ставенъ явится свѣтъ; и вотъ онъ сидѣлъ теперь точно на горячихъ угольяхъ, трепетно выжидая завѣтнаго сигнала...

И вотъ до слуха его долетѣлъ сначала стукъ колесъ въ отдаленіи, за стѣною сада; потомъ этотъ стукъ словно оборвался, смолкнувъ позади павильона... Въ головѣ князя, какъ молнія мелькнула мысль:

— Вотъ оно: привезли красавицу.

И точно, черезъ нѣсколько минутъ мелькнулъ въ прорѣзахъ оконъ сначала слабый, а потомъ и яркій свѣтъ,—князь быстрыми, нетерпѣливыми шагами направился къ его двери, выходившей на рѣшетчатое крыльцо, ощупывая въ карманѣ ключъ отъ этой двери... Въ два прыжка онъ очутился на крыльцѣ, осторожно вложилъ ключъ въ скважину замка, дважды повернулъ его и вошелъ сначала въ полутемный салонъ, въ которомъ сбросилъ съ себя и плащъ и шляпу на первый попавшійся стулъ, а затѣмъ нацыпочкахъ прокрался къ двери слѣдующей комнаты, въ которой помѣщалась роскошно-убранная «потайная» опочивальня князя, обставленная мягкой мебелью и зеркалами, устланная дорогими коврами, и съ огромнымъ двухспальнымъ ложемъ посрединѣ, подъ роскошнымъ балдахиномъ съ княжеской короной, изъ-подъ которой тяжелыми складками спускалась узорчатая штофная занавѣсь, обшитая золотою бахромою... Передъ зеркаломъ на каминѣ горѣли два тяжелыхъ канделябра; занавѣсъ надъ кроватью былъ опущенъ... Слышалось чье-то неровное, порывистое дыханіе...

— Молодецъ, однако, этотъ Филька мой,— самодовольно подумалъ князь.—Все справилъ по моему приказу и самъ словно сквозь землю провалился.

Онъ торопливо опустилъ тяжелыя занавѣси надъ окнами, чтобы свѣтъ не виденъ былъ изъ сада въ прорѣзи ставенъ, потомъ, крадучись, какъ кошка, приблизился къ кровати и легонько отдернулъ одну половину полога... Какая-то фигура въ темномъ верхнемъ платьѣ и съ чернымъ покрываломъ на головѣ лежала на краю постели...

Князь прислушался и опять явственно услышалъ чье-то тяжелое дыханіе... Сердце его забилось, какъ у юноши — онъ захотѣлъ поскорѣе взглянуть въ лицо своей жертвы, подумалъ даже:

— Ей, вѣрно, душно... Вѣрно, тяжело дышать... Голова у нея такъ окутана...

И торопливыми, дрожащими руками сталъ снимать черное покрывало съ головы спящей красавицы. Распуталъ его концы, приподнялъ, откинулъ... И отскочилъ въ бѣшенствѣ и ужасѣ. Передъ нимъ, на шелковыхъ подушкахъ изголовья лежала не женщина, а соломенное чучело, и изъ приподнятаго покрывала на него смотрѣли насмѣшливо темныя дыры противной толстой машкеры, съ расписными морщинами, красными губами и красными пятнами на щекахъ...

— Фи-и-лька! — зарычалъ князь, задергивая пологъ и трепеща отъ страшнаго порыва и бѣшенства.

Глухой, чуть слышный стонъ былъ ему отвѣтомъ... Но онъ его не слышалъ, потому что позади его раздался раскатистый и звонкій хохотъ, и когда князь обернулся, передъ нимъ, какъ изъ земли, выросъ какой-то дюжій молодецъ въ темной чуйкѣ и высокихъ сапогахъ. Онъ очень нахально, въ упоръ, смотрѣлъ на князя своими острыми сѣрыми глазами и, держась за бока, смѣялся громко и порывисто...

— Кто ты? Кто ты?..—крикнулъ князь, отступая невольно къ постели и тревожно вглядываясь въ незнакомца.

— Кто я—до того тебѣ и дѣла нѣтъ. Я нечистому свой человѣкъ—сейчасъ къ твоимъ услугамъ, изъ печки вылѣзъ, какъ ты Фильку кликнулъ...

— Негодяй!—крикнулъ вдругъ князь, оправляясь отъ перваго испуга:—я тебѣ голову размозжу!

И онъ бросился къ камину, чтобы схватить съ него одинъ изъ тяжелыхъ канделябровъ... Но незнакомецъ ловко подвернулъ ему кресло подъ ноги, и князь полетѣлъ ничкомъ на коверъ... А въ ту же минуту почувствовалъ, что кто-то сѣлъ ему на ноги и на плечи, а еще кто-то схватилъ его за горло.

— Ну, ребята, и этого тоже покрѣпче; а если вздумаетъ кричать—сейчасъ ему заклепку въ ротъ... Ну, вотъ такъ-то лучше будетъ, князь-господинъ!

И князь, скрученный на коврѣ, по рукамъ и по ногамъ, съ ужасомъ увидалъ надъ собою, кромѣ курчаваго малаго въ чуйкѣ, еще какихъ-то четверыхъ молодцевъ.

— Ну, князь, теперь скажу тебѣ вотъ что: ключъ отъ бесѣдки этой у меня въ карманѣ, отъ выхода въ садъ ключъ тобою въ замкѣ оставленъ... Такъ ты дозволь мнѣ твои карманы обшарить, поискать другихъ ключей—да похозяйничать намъ въ твоихъ палатахъ, пока есть время.

Мигомъ обшаривъ всѣ карманы камзола, Ванька вынулъ изъ нихъ и принесенныя имъ изумрудныя серьги, и колечко съ рубиномъ, и ниткой жемчуга и, встряхивая ихъ на ладони, проговорилъ, показывая товарищамъ:

— Знаетъ старый чортъ, чѣмъ дѣвокъ къ себѣ приворожить! Ну, да этой-то, пожалуй, все это добро не пригодится... Намъ нужнѣе.

И сунулъ все въ карманъ. Потомъ, оставивъ двоихъ молодцовъ около князя, въ видѣ охраны, и отдавъ имъ кой-какія приказанія шепотомъ, Ванька исчезъ съ двумя остальными молодцами, и князь слышалъ, какъ онъ заперъ выходную дверь изъ павильона на ключъ.

Долго ли князю пришлось такъ пролежать, и сколько времени продолжалось хозяйничанье Ваньки въ княжескихъ хоромахъ, въ этомъ князь Меркурій Меркурьевичъ не могъ себѣ отдать никакого отчета. Онъ все время лежалъ въ какомъ-то полузабытьи... Злоба, униженіе, страхъ за свою жизнь и полное безсиліе, къ которому онъ былъ приведенъ,—все это такъ волновало, такъ захватывало все внутреннее существо князя Меркурія Меркурьевича, попавшаго въ собственную западню, что онъ ни о чемъ не могъ думать, ничего не могъ сообразить, не могъ даже вполнѣ ясно понять то, что съ нимъ совершалось... Ему казалось, что онъ находится во власти какого-то страшнаго кошмара, который навалился на него, овладѣлъ имъ, и давитъ, и мнетъ, и комкаетъ его въ своихъ мощныхъ объятіяхъ...

Но вотъ наконецъ онъ услышалъ, какъ щелкнулъ ключъ въ дверяхъ павильона, увидѣлъ, какъ тѣ же четверо молодцовъ прошли черезъ опочивальню, таща какіе-то узлы и мѣшки; потомъ вернулся только одинъ изъ нихъ, курчавый, что былъ въ чуйкѣ, и сказалъ:

— Теперь, ребята, возьмите князя бережно да положите на кровать, рядкомъ съ его красавицей: пускай онъ помнитъ, каково чужихъ дѣвокъ-то красть, да и къ себѣ въ потайную заманивать.

Приказаніе было немедленно исполнено. Связаннаго князя положили на постель рядомъ съ соломеннымъ чучеломъ, закрыли пологомъ, погасили въ опочивальнѣ свѣчи—и ушли. Князь слышалъ, какъ они спускались по лѣсенкѣ къ калиткѣ, выходившей въ подполье, какъ ее захлопнули, и какъ затѣмъ все смолкло, кромѣ дыханія, которое, какъ скоро оказалось, доносилось изъ-подъ кровати, а потомъ перешло въ хрипѣніе, и какъ затѣмъ все смолкло. И князь остался, объятый тьмою и ужасомъ при мысли, что завтра его хватятся въ домѣ, станутъ искать—и найдутъ въ такомъ ужасномъ, въ такомъ позорномъ положеніи.

IX.

Рано утромъ, на другой день, Андрей Никаноровичъ, проснувшись послѣ обѣда на постояломъ дворѣ, близъ Крестовой заставы, вспомнилъ, что условился съ Зарядьевымъ и съ Любушкой сойтись около вечеренъ тамъ же, на паперти у Ирининской церкви, и

оттуда ѣхать прямо на вѣнчанье въ село Алексѣевское, а изъ Алексѣевскаго, на подготовленныхъ съ вечера коняхъ въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ они должны были нанять лошадей до усадьбы Зарядьева, и тамъ, въ домѣ матери Зарядьева, выжидать вѣстей изъ Москвы.

— Эй, хозяинъ! — крикнулъ Андрей, — прикажи-ка поскорѣй коней впрягать въ повозку. Мнѣ ѣхать ужъ пора.

— Сейчасъ, сейчасъ, господинъ офицеръ,—отозвался за перегородкой голосъ хозяина.

Но въ то же время кто-то осторожно стукнулъ въ окошко съ надворья, а когда Андрей вскочилъ съ постели, подошелъ къ окну и пріотворилъ его, тогда увидалъ подъ окошкомъ человѣка въ темной чуйкѣ и темномъ картузѣ, и лицо этого человѣка показалось Мигалову почему-то знакомымъ.

— Андрей Никаноровичъ, — сказалъ тотъ, приподнимая картузъ со своей курчавой головы,—мнѣ надо съ тобою переговорить по твоему же дѣлу... Выходи къ воротамъ, буду ждать тебя.

— Что тебѣ нужно, и о какомъ ты дѣлѣ хочешь говорить? — спросилъ онъ незнакомца съ нѣкоторой тревогой.

— Побожись мнѣ, что меня не выдашь,—тогда скажу.

— Да я же тебя не знаю... Какъ же и въ чемъ я стану божиться? — сказалъ Андрей, пристально вглядываясь въ своего нежданнаго знакомца.

— Ты всматриваешься въ меня, а узнать меня не можешь... Ну, да все равно! Скажу тебѣ напрямикъ, что ты меня, самъ того не зная, спасъ отъ бѣды и оказалъ мнѣ услугу, что и по гробъ мнѣ ея не забыть... Ну, и я тебѣ долженъ отплатить услугой...

— Что за загадка? Въ толкъ не возьму,—проговорилъ Андрей.— Говори скорѣе.

— Князь Турхановъ поручилъ мнѣ увезти твою сестру, и я увезъ ее отъ церкви... Но не для князя, а для тебя... Изволь ее принять и къ жениху отвезть...

Андрей Никаноровичъ отступилъ на шагъ въ изумленіи.

— Ты?.. Увезъ сестру мою?—проговорилъ онъ, понижая голосъ и чувствуя, какъ вся кровь приливаетъ ему въ голову.

— Увезъ и укрылъ отъ злодѣя... Но только ты бери ее сейчасъ и такъ пристрой, чтобы ни ея, ни жениха ея сегодня князь не засталъ въ Москвѣ; а то не поручусь тебѣ ни за что... Князь и богатъ, и силенъ, и постарается отомстить за то, что лакомый кусокъ у него изъ клѣтки вырвали...

— И ты не лжешь? Не обманываешь меня? — воскликнулъ Андрей, крѣпко хватая Ваньку за руку.

— Я говорю тебѣ, что плачу тебѣ услугой за услугу—къ чему же тутъ обманъ?

— Да за какую же услугу? — спросилъ Андрей — и тутъ же

припомнилъ до мельчайшихъ подробностей все столкновеніе свое съ сыщиками. Онъ ударилъ себя въ лобъ и проговорилъ, понижая голосъ.

— Такъ, значитъ, ты Ванька...

Тотъ не далъ ему договорить и перебилъ:

— Не все ли равно—кто я? Ты меня отъ бѣды избавилъ, а я—твою сестру... Вотъ и сравнялись, и сочлись... Поѣдемъ къ ней скорѣе.

— Поѣдемъ,—рѣшительно проговорилъ Андрей.

Повозка между тѣмъ была запряжена. Андрей забралъ свои вещи, расплатился и простился съ хозяиномъ, и вышелъ на улицу, собираясь сѣсть въ повозку.

Ванька, тѣмъ временемъ, успѣлъ уже нанять извозчика и, когда Андрей показался въ калиткѣ, тотъ сказалъ ему:

— Прикажи повозкѣ за мною ѣхать,— вскочилъ на извощика и во весь духъ погналъ его по улицѣ.

— Поѣзжай за нимъ!—крикнулъ Андрей ямщику и усѣлся въ повозку, все еще не будучи въ состояніи отнестись вполнѣ сознательно къ тому, что происходило передъ его глазами... Повозка давно уже катилась вслѣдъ за Ванькой, а самъ Андрей Никанорович, сидя въ ней, раздумывалъ обо всемъ, что случилось за последнее время съ нимъ и съ сестрою его, и въ себя прійти не могъ отъ изумленія...

— Что это за диво? Сестра готовилась бѣжать отъ князя, и чуть-чуть не попала ему прямо въ лапы... А мы съ Зарядьевымъ ее спасать сбирались — и чуть было на вѣкъ не потеряли... И нужно-жъ было мнѣ тогда на этихъ сыщиковъ наткнуться, чтобы этого... отъ петли избавить; и вотъ теперь ему обязанъ я спасеньемъ сестры... Нѣтъ, это, право, есть отъ чего съ ума сойти!.. Что за судьба мудреная, и что за путаница—что за сумбуръ невѣроятный... Просто, голова кругомъ идетъ.

Такъ прошло около получаса въ усиленной скачкѣ по дальнимъ улицамъ и узкимъ грязнымъ переулкамъ Бѣлокаменной. Наконецъ, извозчикъ остановился у какого-то забора съ наглухо запертыми воротами, быстро повернулъ лошадь и скрылся; а Ванька, остановившись передъ воротами, оглянулся во всѣ стороны и юркнулъ въ калитку. Нѣсколько минутъ спустя, калитка снова отворилась, и двѣ женскія фигуры осторожно выглянули изъ-за нея. Одна изъ нихъ, завидя Андрея Никаноровича въ повозкѣ, вдругъ всплеснула руками и съ радостнымъ крикомъ быстро бросилась къ нему.

— Андрюша! Братецъ мой, голубчикъ!.. Такъ меня не обманули?

Въ одинъ прыжокъ она очутилась въ объятіяхъ брата и около него въ повозкѣ. И когда Андрей высунулся изъ повозки, чтобы

кивнуть головой той женщинѣ, которая вывела къ нему сестру,— онъ увидѣлъ передъ собою только наглухо запертыя ворота.

— Пошелъ, пошелъ!— крикнулъ онъ ямщику, крестясь одною рукою подъ плащемъ, а другою крѣпко прижимая съ себѣ Любушку... Онъ не рѣшался и не смѣлъ ее разспрашивать о томъ, что съ ней случилось, и ждалъ, чтобы она первая завела объ этомъ рѣчь...

X.

На слѣдующій день только и было толковъ по всей Москвѣ, что о двухъ загадочныхъ событіяхъ: о похищеніи дочери дворянина Мигалова и объ исчезновеніи князя Турханова, который, на глазахъ у всей своей дворни и служни, заперся въ своей опочивальнѣ, ссылаясь на нездоровье, и цѣлыя сутки не выходилъ оттуда, а когда прислуга, перепуганная, дала знать полиціи, то оказались такія чудеса, что и уму не постижимо... Двери опочивальни взломали, и князя въ ней не нашли, но зато нашли, что все въ опочивальнѣ перерыто и все цѣнное вынуто изъ взломанныхъ сундуковъ, комодовъ и бауловъ. Стали искать князя и нашли его наконецъ въ «потайной» его опочивальнѣ, связаннаго, а рядомъ съ нимъ соломенное чучело, наряженное въ женское платье и въ отвратительную машкерную харю... Изъ-подъ кровати, на которой князь лежалъ съ этимъ чучеломъ, увидѣли торчавшія чьи-то ноги, обутыя въ сапоги, и вытащили трупъ княжескаго довѣреннаго слуги, тоже связаннаго по рукамъ и ногамъ, и съ рукавицей, забитой въ ротъ. Вѣроятно, онъ задохнулся, лежа подъ кроватью: онъ былъ уже холоденъ и даже успѣлъ остынуть.

Когда князя освободили изъ его путъ, онъ оказался до такой степени потрясенъ всѣмъ, что съ нимъ случилось, что въ первое время находился какъ бы въ бреду... Говорилъ какія-то несвязныя рѣчи, не отвѣчалъ на самые обыкновенные вопросы, всего пугался и ни за что не рѣшался остаться одинъ въ комнатѣ. Наконецъ, нѣсколько дней спустя, онъ заболѣлъ горячкой и нѣкоторое время былъ чуть ли не при смерти. Сынъ, вызванный изъ деревни, пріѣхалъ наспѣхъ и не отходилъ отъ постели отца. Наконецъ, начавъ оправляться, князь написалъ письмо генералъ-губернатору и просилъ его къ себѣ пріѣхать для объясненій по «весьма важному семейному дѣлу». Генералъ-губернаторъ пріѣхалъ и цѣлый часъ бесѣдовалъ съ княземъ наединѣ. О чемъ шла у нихъ рѣчь— этого никто не зналъ; и на всѣ вопросы, обращенные къ нему съ разныхъ сторонъ, онъ отвѣчалъ только весьма уклончиво:

— Князь просилъ никого по этому темному дѣлу не винить, не розыскивать и предать все волѣ Божіей.

Но говорятъ, что генералъ-губернаторъ составилъ, послѣ бесѣды съ княземъ, подробный докладъ императрицѣ, и что императрица, читая тотъ докладъ, «изволила много и преусердно смѣяться».

Но и похищеніе дѣвицы Мигаловой неизвѣстными злоумышленниками, и скандальная исторія, случившаяся въ домѣ князя Турханова,— все это было вскорѣ забыто, въ виду наступившихъ блестящихъ торжествъ и празднествъ пышнаго коронованія молодой императрицы Елисаветы Петровны. 25-го апрѣля совершилось коронованіе, а затѣмъ изо дня въ день пошли чередоваться рауты да балы, карусели да народныя гулянья, на которыхъ народъ съ радостными криками разрывалъ на части жареныхъ быковъ, выставленныхъ на площади, на особыхъ рундукахъ, и запивалъ даровое угощенье ковшами бѣлаго и краснаго вина, которое било фонтанами изъ пасти дельфиновъ, въ особыхъ красивыхъ бассейнахъ, устроенныхъ на дворцовомъ дворѣ. Каждый вечеръ во всемъ городѣ загоралась иллюминація, и десятки тысячъ огней вспыхивали на Кремлевскихъ башняхъ, на аркахъ и тріумфальныхъ воротахъ, перекинутыхъ черезъ улицы, и позади громадныхъ транспарантовъ, символически изображавшихъ «торжество добродѣтели надъ порокомъ» и «правды надъ тьмою лжи и коварства». Огромныя вензелевыя изображенія имени императрицы, окруженныя огнистыми лучами и увѣнчанныя коронами изъ цвѣтныхъ шкаликовъ, виднѣлись на всѣхъ перекресткахъ и вызывали шумные клики и восторги толпы.

Затѣмъ съ 9-го мая начался тотъ, вѣроятно, единственный въ своемъ родѣ, машкерадный балъ въ Зимнемъ дворцѣ императрицы (что былъ на Яузѣ), который возобновлялся черезъ день и длился двѣ недѣли. На этотъ машкерадный балъ разсылались по городу ежедневно отъ 800 до 1000 билетовъ, и приглашенія на него получали не только благородное россійское «шляхетство», но и многіе изъ «знатнаго россійскаго и иноземнаго купечества». Всѣмъ приглашеннымъ полагалось «быть безъ чиновъ» и съ «должною умѣренностью и учтивствомъ пользоваться машкерадной вольностью». Оставаясь все время въ маскахъ, приглашенные обязательно должны были снимать ихъ передъ ужиномъ.

Этотъ грандіозный «машкерадный балъ» длился уже около недѣли, и шумное его веселье порядкомъ всѣмъ прискучило, когда въ одинъ изъ назначенныхъ для бала дней явилась въ толпѣ гостей новая парочка, наряженная въ костюмы пастушка и пастушки, и обратила на себя общее вниманіе необычайною граціозностью своею, чрезвычайною ловкостью и выдержанностью такта въ танцахъ и такою легкостью, такою гармоніею въ переходахъ отъ важныхъ и чопорныхъ присѣданій и поклоновъ къ оживленнымъ прыжкамъ и поворотамъ, что около пастушка и пастушки сбирались тѣсные кружки публики, когда они танцовали менуэтъ или гавотъ, и никто

около нихъ танцовать не хотѣлъ... Всѣ останавливались и на нихъ любовались.

Особенно всѣхъ удивляло то, что эта парочка, всѣхъ восхищавшая и вызывавшая своими танцами общее одобреніе, почему-то избѣгала ужиновъ и успѣвала всегда незамѣтно ускользнуть до того момента, когда снимались маски. А между тѣмъ всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на прелестную парочку безъ масокъ... Слухи объ этой парочкѣ и ея милыхъ продѣлкахъ дошли наконецъ до самой императрицы, и она пожелала поближе посмотрѣть на скромную пастушку и застѣнчиваго пастушка...

Полюбовавшись на ихъ граціозные танцы, императрица милостиво изволила ихъ въ слухъ хвалить и приказала посадить пастушка и пастушку за ужиномъ поближе къ своему столу, чтобы удостовѣриться, настолько ли они красивы безъ «машкерадныхъ личинъ», насколько пріятны и заманчивы въ личинахъ.

Отвѣтивъ низкимъ поклономъ и глубокимъ реверансомъ на высказанное государыней желаніе, парочка отошла къ сторонѣ въ ожиданіи ужина и, взявшись за руки, стала шушукаться въ амбразурѣ окна.

Государыня это замѣтила, улыбнулась и подозвала къ себѣ одного изъ камергеровъ:

— Пойдите къ тому окну и позовите ко мнѣ прелестную пастушку вонъ туда, въ диванную. Скажите, что я хочу съ ней говорить.

Минуту спустя, пастушка стояла въ диванной передъ государыней, которая, помахивая опахаломъ, весело оглядывала скромный нарядъ граціозной маски.

— По машкерадной вольности, спрошу тебя, какъ тебѣ приходится твой кавалеръ: братъ, сватъ, или родня по сердцу?

— Онъ мнѣ мужъ, — чуть слышно произнесла смущенная пастушка.

— И ты его любишь?

— Люблю ли я его? Я бѣжала изъ родительскаго дома, гнѣвъ родителей и теперь еще на себѣ несу, чтобы спастись отъ ненавистнаго жениха и выйти за моего пастушка...

— О, какая же ты смѣлая — не ожидала я,— замѣтила государыня, пораженная открытымъ признаніемъ пастушки.—Но ты мнѣ нравишься, и я хотѣла бы тебѣ быть полезной... Проси милости, и я исполню твое желаніе.

— По машкерадной вольности, дозволю себѣ просить у тебя, государыня, чтобы съ мужа моего былъ снятъ строгій штрафъ за то, что онъ безъ абшида отлучился на мѣсяцъ изъ Москвы, для тайнаго вѣнчанія со мною...

— Ахъ, да ты прелюбопытная, презанятная!.. Какъ звать тебя?..

Пастушка быстрымъ движеніемъ руки сорвала съ себя маску и

глянула въ глаза императрицы своими прекрасными, большими темно-синими глазами.

— Въ замужествѣ: Любовь Зарядьева, раба твоя покорная... Въ дѣвичествѣ—Мигалова.

— Мигалова?—проговорила медленно императрица, любуясь красивымъ лицомъ Любушки.—Да, что-то припоминаю... Постой, постой, ужъ не за князя ли Турханова хотѣлъ тебя отецъ отдать?

— За княжича,—тихо проговорила Любушка.

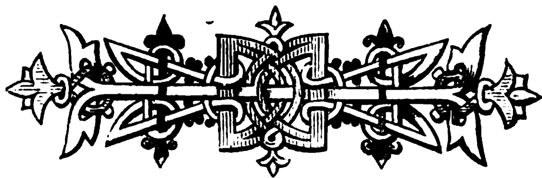
— А ты ему предпочла своего пастушка?.. И хорошо сдѣлала... Ну, такъ вотъ что я могу... Я дамъ твоему мужу мѣсто въ моей конторѣ, по управленію дворцовыми имѣніями... А съ отцемъ твоимъ я тебя помирю... Велю ему написать, что я тебя простила и одобряю твой выборъ...

Любушка упала на колѣни передъ государыней и поцѣловала ей руку. Елисавета подозвала къ себѣ того же камергера, котораго посылала за пастушкой, и передала ему о своемъ обѣщаніи дать мѣсто Зарядьеву.

— Ну, а теперь, передъ ужиномъ, спляшите мнѣ еще разъ менуэтъ, — сказала Елисавета, поднимаясь съ дивана.—Я еще разъ хочу полюбоваться на ваше молодое счастье...

По данному знаку, раздались звуки менуэта. Около кресла императрицы тотчасъ собралась блестящая толпа. Счастливые супруги взялись за руки, и танецъ начался, размѣренный, легкій, и граціозный...

П. Полевой.

ВОСПОМИНАНІЯ БАРОНА Ѳ. Ѳ. ТОРНАУ [1].

IV.

Поѣздка моя въ Италію. — Венеція. — Живописецъ Нерли и его жена. — Графъ Гіулай. — Эрцгерцогъ Максимиліанъ. — Рожденіе наслѣднаго принца Рудольфа. — Передъ войной. — Война Австріи съ Сардиніей и Франціей. — Неудачи австрійцевъ. — Дисциплина въ австрійскихъ войскахъ. — Пріѣздъ мой въ дѣйствующую армію. — Эрцгерцогъ Райнеръ. — Свиданіе съ генералами Шликомъ и Бенедекомъ. — Представленіе императору. — Сраженіе при Сольферино. — Жизнь въ Веронѣ. — Перемиріе. — Пріѣздъ въ главную квартиру принца Наполеона. — Заключеніе мира.

Ъ КОНЦѢ апрѣля 1858 года поѣхалъ я въ сѣверную Италію до Тріеста по желѣзной дорогѣ, а изъ Тріеста въ Венецію на пароходѣ. Тутъ представился мнѣ случай увидать двѣ вещи, которыми дѣйствительно стоитъ полюбоваться: живописный, изумительно смѣло чрезъ Земерингъ перекинутый рельсовый путь и видъ Венеціи со стороны моря. Хорошъ Петербургъ, какъ бы выростающій изъ воды по мѣрѣ приближенія къ нему отъ устья Невы; широко раскинувшись, поражаетъ онъ величиною громоздкихъ зданій; Венеція же приковываетъ взглядъ ей одной свойственнымъ видомъ плотнаго ряда на подборъ щеголевато-отдѣланныхъ, моремъ отовсюду окруженныхъ, построекъ. Благодаря этому, въ Венеціи не знаютъ пыли, и не слышно стука колесъ по звонкой мостовой; однѣ гондолы, быстро скользя по каналамъ, легкимъ всплескомъ одиночнаго весла нарушаютъ общую тишину. Вода подходитъ къ самому подножію домовъ, и съ подъѣзда

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII., стр. 50.

вступаютъ прямо въ гондолу. Кромѣ водяного пути, существуютъ, впрочемъ, и другія сообщенія. Пробираясь узенькими кале чрезъ разныя кампо и сушью, можно пройти изъ конца въ конецъ города, и нерѣдко отправлялся я этимъ путемъ отыскивать образчики старинной архитектуры, прячущіеся по разнымъ, малоизвѣстнымъ закоулкамъ. Кромѣ всему свѣту извѣстныхъ, сто разъ описанныхъ, церквей, палаццо, картинныхъ галлерей и историческихъ памятниковъ, въ Венеціи нѣтъ такого заброшеннаго уголка, въ которомъ бы не красовался какой нибудь любопытный остатокъ старины — портикъ, статуя, барельефъ, кованная рѣшетка, могущіе занять не послѣднее мѣсто въ любомъ музеѣ.

Богатая жатва для фланера, одареннаго хоть малою долею любви къ искусству.

Два мѣсяца прожили мы въ Венеціи (путешествовалъ я съ семействомъ) на наемной квартирѣ въ палаццо Даріо, близъ церкви Марія-дель-Салуто, имѣя еще удовольствіе пользоваться къ дому принадлежавшимъ садикомъ — въ Венеціи большая рѣдкость — душистымъ, тѣнистымъ, зеленымъ уголкомъ, среди безмѣрнаго избытка камня и воды. Съ балкона, висѣвшаго надъ водой, виденъ былъ каналъ Гранде на большое протяженіе, весь день мелькали по его мутнымъ струямъ гондолы, усаженныя нарядными дамами и венеціанскими щеголями; по вечерамъ рѣдкая гондола проходила мимо насъ безъ музыки. Венеціанская жизнь въ лѣтніе жары, надо сказать, разыгрывается, какъ по нотамъ. Каждый день та же тема, безъ всякой варіаціи: поутру морское купанье, завтракъ, для туриста обязательное странствованіе по церквамъ и музеямъ, потомъ продолжительная сіита при затворенныхъ ставняхъ, поздній обѣдъ, прогулка по каналу Гранде до Ріальто, или на взморье, въ Лидо и въ Мурано, и конецъ дня на Піацѣ, когда не было оперы. На Піацѣ ежедневно собиралась по вечерамъ вся венеціанская публика слушать австрійскую военную музыку, пить кофе и ѣсть мороженое. Тутъ, на открытомъ воздухѣ, отъ столика къ столику, принимались и отплачивались визиты. На дому въ Венеціи рѣдко кто принимаетъ гостей; домашній пріемъ замѣняется приглашеніемъ за однимъ столомъ послушать на Піацѣ музыку и принять обычное лѣтнее угощеніе лимонадомъ и мороженымъ.

Благодаря моему пріятелю, Мерингу, снабдившему меня рекомендательнымъ письмомъ, мнѣ удалось познакомиться въ Венеціи съ нѣмецкимъ живописцемъ Нерли, извѣстнымъ своими прекрасными венеціанскими видами. Жена его, рожденная маркиза Маруци, родная сестра нашей графини Сумароковой, слыла одною изъ красивѣйшихъ и любезнѣйшихъ венеціанокъ, и, сколько могу судить, совершенно оправдывала эту лестную репутацію. Самъ Нерли, умный и образованный человѣкъ, въ любезности мало уступалъ своей привлекательной супругѣ, что и побудило насъ короче сойтись съ этими

пріятными людьми. Другихъ знакомствъ мы въ Венеціи не заводили; оберегая свою независимость, избѣгалъ я даже безъ особой нужды сталкиваться съ австрійскими властями, но по своему официальному положенію не могъ избѣгнуть явиться къ графу Гіулаю, когда онъ пріѣхалъ въ Венецію инспектировать подчиненныя ему войска. Я даже радъ былъ случаю увидѣть генерала, на котораго Австрія возлагала свои надежды, если придется вспыхнуть войнѣ, о которой уже всѣ стали поговаривать. Графъ Гіулай сдѣлалъ мнѣ честь пробесѣдовать со мной довольно долго о разныхъ военныхъ предметахъ, и не весьма высокое понятіе о его военномъ талантѣ вынесъ я изъ этой бесѣды. Узналъ я въ немъ, говоря безъ обиняковъ, не генерала, а мелочного фельдфебеля, человѣка ума посредственнаго, гордаго и крутого, и тутъ же позволилъ себѣ сдѣлать заключеніе, что онъ рѣшительно не въ силахъ замѣнить Радецкаго, и австрійцевъ въ Италіи ожидаютъ вѣрныя неудачи, если, на случай войны, начальство надъ войсками не перейдетъ въ другія, болѣе способныя руки. А что этого не будетъ, въ томъ ручалась его тѣсная дружба съ графомъ Грюнне, пользовавшимся въ то время неограниченнымъ довѣріемъ императора Франца-Іосифа— значитъ, судьба войны заранѣе была рѣшена.

Изъ Венеціи переѣхали мы на Комское озеро, гдѣ пробыли два мѣсяца, поселившись въ виллѣ д'Эсте, возлѣ Чернобіи. Тутъ представилась мнѣ совершенно другая картина. Вмѣсто вспыльчиваго, крикливаго, но довольно мягкаго венеціанскаго населенія, пассивно переносившаго австрійское господство, увидѣлъ я предъ собой твердохарактерныхъ ломбардцевъ, дышавшихъ ненавистью противъ всего нѣмецкаго. Хозяинъ виллы, восьмидесятилѣтній баронъ Чіани, когда-то носившій званіе шталмейстера при дворѣ Наполеона I, не смотря на свои лѣта и на параличемъ разбитыя ноги, при одномъ имени австрійскомъ вспыхивалъ, какъ молодой человѣкъ. Въ первое время онъ видимо чуждался меня, но потомъ, развѣдавъ, что, кромѣ моего официальнаго положенія, у меня нѣтъ ничего общаго съ австрійцами, сталъ часто сходиться со мной и откровенно мнѣ высказывать все, что у него лежало на душѣ. Отъ него я узналъ положительнымъ образомъ, что Піемонтъ, заручившись поддержкою со стороны Луи-Наполеона, совершенно готовъ на другой же годъ начать войну. Старикъ только и мечталъ прежде смерти увидѣть Италію освобожденною отъ нѣмецкаго господства, и дѣйствительно имѣлъ радость пережить присоединеніе Ломбардіи къ Сардинскому королевству, послужившее первымъ этапомъ къ объединенію всей Италіи.

На обратномъ пути въ Вѣну остановился я въ Венеціи на нѣсколько дней и попалъ туда въ весьма удачную минуту. Эрцгерцогъ Фердинандъ-Максимиліанъ находился въ городѣ съ супругою, эрцгерцогинею Шарлотою, и гостившимъ у нихъ братомъ ея, графомъ Фландрскимъ. Явившись къ эрцгерцогу, на другой день я получилъ

приглашеніе къ обѣду, на которомъ, кромѣ меня, еще присутствовали эрцгерцогскій гофмейстеръ и фрейлина эрцгерцогини, дѣтски-миловидная графиня Кривелли. Оживленный разговоръ не прекращался въ продолженіе всего обѣда. Поэтически-настроенный эрцгерцогъ остроумно переводилъ его отъ одного предмета къ другому; эрцгерцогиня поддерживала разговоръ, любезно обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. Умомъ свѣтились ея блестящіе черные глаза, привѣтливая улыбка играла на устахъ, и въ ту пору кому изъ сидѣвшихъ за столомъ даже могъ пригрезиться несчастный конецъ, который злая судьба готовила имъ обоимъ?

Вечеромъ того же дня мнѣ привелось быть свидѣтелемъ зрѣлища какое не каждому туристу удавалось видѣть въ Венеціи. Эрцгерцогъ въ честь своего зятя устроилъ вечернюю прогулку (Fresca) по каналу Гранде при блистательномъ освѣщеніи. Впереди плыла большая парадная гондола, построенная по образцу Буцентавра, на которой помѣщались пѣвцы изъ Фениче и хоръ австрійскихъ военныхъ музыкантовъ. За ней тянулись безконечною нитью гондолы, увѣшанныя цвѣтными фонарями, въ которыхъ помѣщалась разряженная публика. По всему протяженію канала, съ обѣихъ сторонъ процессія освѣщалась бенгальскими огнями; множество ракетъ бороздило воздухъ, лопаясь и разсыпаясь яркоцвѣтными звѣздами надъ головами плавателей. Подъ сводомъ Ріальто музыка остановилась, проиграла нѣсколько піесъ, на которыя отвѣчало эхо, свойственное этому мосту, послѣ чего блистательное шествіе тѣмъ же порядкомъ вернулось ко дворцу, противъ Доганы.

Не успѣлъ я вернуться въ Вѣну, какъ совершился фактъ, котораго, что ни говори, вся Австрія желала не менѣе самого императора. Двадцать перваго августа родился наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Рудольфъ. Во время беременности императрицы сильно всѣхъ занималъ вопросъ, разрѣшится ли она принцомъ, или принцессой, какъ было уже два раза. Въ газетахъ было напечатано, что рожденіе принца объявится публикѣ сто одним, рожденіе принцессы—тридцатью тремя пушечными выстрѣлами. На разсвѣтѣ раздались первые выстрѣлы; дальше тридцати-четвертаго считать не стоило—вопросъ былъ рѣшенъ.

По поводу этихъ пушечныхъ выстрѣловъ скоро послѣ того разнесся по городу анекдотъ, на этотъ разъ клеймившій лишь бюргерское простодушіе. Вѣнскій простонародный юморъ, не пропускающій безъ остроты ни одного интереснаго случая, надо замѣтить, обыкновенно высказывается въ табачной атмосферѣ кофейныхъ и пивныхъ, за кружкою пива. Въ тѣ дни общаго неудовольствія чаще всего острили насчетъ правительства, нимало не стѣсняясь, при удобномъ случаѣ, поглумиться надъ самимъ императоромъ. Нѣкорыя выдумки были до того тупоумны, что не стоитъ вспоминать о нихъ, но случалось, посреди пошлыхъ остротъ и глупыхъ выдумокъ,

появлялось иногда очень мѣткое словцо. Напрасно полиція ловила остряковъ, напрасно предавали ихъ суду за оскорбленіе величія,—вѣнскіе бюргеры продолжали острить и придумывать смѣшные анекдоты насчетъ императора и другихъ членовъ императорской фамиліи, нерѣдко просиживая за такимъ удовольствіемъ долгіе мѣсяцы подъ замкомъ, на хлѣбѣ и на водѣ.

Разсказывали, будто въ ту минуту, когда началась пальба, веселая компанія выходила изъ какого-то биргауза. Пивными парами отуманенные собесѣдники ревностно принялись считать выстрѣлы, мѣшая одинъ другому, теряли счетъ, спутавшись начинали снова считать—и не досчитали дальше тридцати выстрѣловъ. Въ недоумѣніи переглянулись они: какъ дѣло понять?—трехъ выстрѣловъ не доставало до принцессы.

Въ ужасѣ вскрикнулъ одинъ изъ нихъ: Ioseph und Maria, nicht a mahl an Madel!

Гораздо позже, когда въ 1860 году послѣдовало открытіе памятника эрцгерцогу Карлу, было пущено въ обращеніе очень мѣткое замѣчаніе. Въ Вѣнѣ имѣлось до того два видныхъ памятника: Іосифъ II на шагающемъ конѣ, Францъ I, стоя, протянутою рукой посылающій благословеніе прохожимъ. Памятникъ Карла представлялъ эрцгерцога на конѣ, порывающемся дать прыжокъ. Замѣтили, что эти три памятника какъ нельзя точнѣе выражаютъ положеніе, въ которомъ Авствія обрѣталась въ знаменуемыя ими эпохи. Gleich den drei Monumenten, — сказывали,—war zu Zeiten Iosephs die Monarchie im Vorschritten; zu Zeiten Franzens stand sie still, und jetzt ist sie auf dem Sprunge.

Въ 1860 году монархія дѣйствительно готовилась отъ абсолютизма перескочить на почву конституціонной формы правленія.

Слова, которыми Луи-Наполеонъ въ день новаго года поздравилъ австрійскаго посла, барона Гюбнера, ясно выразили, чего въ Австріи слѣдовало отъ него ожидать по поводу итальянскихъ дѣлъ. Не легко понять, съ какой стати ему вздумалось разразиться такимъ раннимъ намекомъ: развѣ только съ цѣлью дать ей время одуматься, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до войны. Австрія отвѣтила умноженіемъ войскъ въ Италіи въ доказательство, что она не располагаетъ идти на уступки. Труднѣе еще было понять, на какіе шансы разсчитывала Австрія, вызывая на бой соединенныя силы Сардиніи и Франціи Итальянцевъ австрійскія войска привыкли бить при каждой встрѣчѣ, но съ французами, со времени наполеоновскихъ войнъ, не имѣли случая помѣрить свои силы, слѣдственно оставалось неизвѣстнымъ, на чьей сторонѣ находится боевое превосходство. Въ вооруженіи французская армія опередила австрійскую: ружья Минье были лучше австрійскихъ, французская артиллерія пользовалась нарѣзными орудіями системы Лагита, стрѣлявшими вдвое дальше гладкоствольныхъ австрійскихъ пушекъ; кромѣ того, въ Австріи должны были

знать, что французы въ разсыпномъ строѣ, которому такъ много способствовала перерѣзанная итальянская мѣстность, превосходятъ ея собственную пѣхоту, обученную дѣйствовать преимущественно густыми колоннами. Союзниками Австрія никого не имѣла; Англія находилась въ союзѣ съ Франціей и сильно сочувствовала освобожденію Италіи. Пруссія, помня Ольмюцъ, нисколько не располагала содѣйствовать умноженію австрійскаго могущества. Россія, со времени восточной войны, имѣла полное право чуждаться Австріи; одинъ германскій союзъ рванулся было поддержать ее вооруженною рукою, но Россія и Англія не замедлили укротить его патріотическій пылъ, напомнивъ союзу, что онъ имѣетъ одно чисто оборонительное значеніе, и они, въ случаѣ его вмѣшательства, сами принуждены будутъ выйти изъ своего нейтральнаго положенія.

До половины апрѣля 1859 года перекидывались нотами, и дѣлались военныя приготовленія въ Австріи, Сардиніи и Франціи; для оправданія себя передъ Европой каждая старалась вынудить противную сторону сдѣлать первый шагъ къ нарушенію мира. Подъ конецъ Австрія не выдержала, 23-го апрѣля послала Сардиніи ультиматумъ, который туринскимъ дворомъ, разумѣется, былъ отвергнутъ, послѣ чего австрійскія войска въ числѣ 180.000 перешли піемонтскую границу. Четвертаго мая Франція объявила Австріи войну и стала въ Италію отправлять войска съ двухъ сторонъ—моремъ чрезъ Генуя и сухимъ путемъ чрезъ Монтъ-Сенисъ.

Графъ Гіулай (не ошибся я въ немъ), вмѣсто того, чтобы идти на Туринъ, не теряя времени, разбить слабую Сардинскую армію и стать между французами, шедшими съ двухъ противныхъ сторонъ, погрязъ въ Ломелинѣ и далъ соединиться разрозненнымъ непріятельскимъ силамъ, послѣ чего, потерявъ сраженіе подъ Маджентой, принужденъ былъ не останавливаясь отступить за Минчіо.

Императоръ Францъ-Іосифъ, рѣшившійся въ виду такого неудачнаго хода кампаніи, лично принять главное начальство надъ арміей, тѣмъ временемъ отправился въ Италію и 17-го іюня вступилъ въ командованіе, которое, однако, въ концѣ мѣсяца передалъ фельдцейхмейстеру барону Гессу, самъ испытавъ подъ Сольферино рѣшительную неудачу.

Англійскій и прусскій военные агенты уже съ самаго начала кампаніи находились въ главной квартирѣ графа Гіулая; обо мнѣ длилась еще дипломатическая переписка. 18-го іюня, нашъ посланникъ, Викторъ Петровичъ Балабинъ, замѣнившій въ Вѣнѣ барона Будберга, наконецъ сообщилъ мнѣ, что императоръ Францъ-Іосифъ изъявилъ согласіе на мой пріѣздъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи. Походныя приготовленія задержали меня въ городѣ около восьми дней; 26-го былъ я готовъ отправиться. Откланиваясь эрцгерцогу Альбрехту, за отсутствіемъ императора занимавшему въ Вѣнѣ должность правителя и начальника войскъ, остававшихся внутри

имперіи, я имѣлъ случай услыхать изъ устъ его совершенно безпристрастную оцѣнку военныхъ операцій на итальянскомъ театрѣ войны. Говорилъ эрцгерцогъ о дѣлахъ со свойственною ему прямотою, не скрывая ошибокъ, давшихъ кампаніи столь дурной оборотъ, и, разсчитывая на мою скромность, коснулся даже будущихъ военныхъ дѣйствій. Въ Вѣнѣ уже нѣсколько дней поговаривали о намѣреніи императора, переправившись чрезъ Минчіо, атаковать непріятельскую армію; откуда объ этомъ узнали, сказать не могу. На мое замѣчаніе, что я вслѣдствіе этого слуха, буде онъ справедливъ, боюсь опоздать къ дѣлу, и мнѣ послѣ того трудно будетъ догнать главную квартиру, эрцгерцогъ возразилъ, что подобнаго рода предположеніе дѣйствительно существуетъ, но что, по его мнѣнію, императоръ не сдѣлаетъ неосторожности двинуться изъ Вероны до прибытія корпуса графа Туна, чрезъ Тироль идущаго на подкрѣпленіе дѣйствующей арміи, что поэтому столкновеніе не можетъ произойти раньше первыхъ чиселъ іюля, и я нимало не рискую опоздать. Разсуждалъ эрцгерцогъ весьма основательно; численностью въ ту минуту австрійцы почти равнялись франко-сардамъ, корпусъ Туна сулилъ сорока тысячами увеличить силу австрійской арміи; но расчеты эрцгерцога Альбрехта не сбылись: императоръ, не дождавшись Туна, перешелъ чрезъ Минчіо, 24-го іюня столкнулся съ непріятелемъ и подъ Сольферино потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. На другой же день разнеслось по городу извѣстіе объ этомъ несчастномъ дѣлѣ; вѣнскіе жители сильно пріуныли; военные же, какъ я могъ замѣтить, духомъ не упали, зато злобно налегли на императорскихъ совѣтниковъ, которымъ приписывали всю вину неудачи. Послѣ Гіулая всѣхъ хуже доставалось императорскому любимцу, графу Грюнне, ѣздоку, знатоку въ лошадяхъ, но только не въ военномъ дѣлѣ.

Путь мой до Набрезины лежалъ по тріестской желѣзной дорогѣ; оттуда до Казарзы, по недостроенному промежутку, приходилось мнѣ ѣхать на обывательской подводѣ: за Казарзой вплоть до Вероны снова тянулась рельсовая дорога. Переѣздъ отъ Вѣны до Набрезины прошелъ для меня весьма занимательно. Вагоны были переполнены военными всякаго чина и званія; посреди ихъ князь Ричардъ Меттернихъ съ супругой и еще двѣ дамы, одна постарше, другая помоложе—маменькой сопровождаемая второстепенная піанистка Констанція Гейеръ—особа не весьма привлекательной наружности, что ей впрочемъ ничуть не помѣшало, нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлаться законной супругой принца Леопольда Кобургскаго, съ титуломъ баронессы Руттенштейнъ. Княгиня Меттернихъ, хотя также далеко не красавица, но тогда была еще молода и блистала умомъ, который, къ сожалѣнію, съ лѣтами принялъ слишкомъ желчное направленіе. При тогдашнихъ обстоятельствахъ присутствіе этихъ дамъ имѣло

уже ту выгоду, что отвлекало разговоръ отъ политики и отъ военныхъ дѣлъ, которыя наконецъ всѣмъ пріѣлись до тошноты.

Окрестности казарзской желѣзнодорожной станціи нашелъ я загроможденными провіантомъ, порохомъ, орудіями и снарядами, которыхъ не успѣвали грузить и отправлять по назначенію, хотя ежедневно отъ Казарзы до Вероны перевозилось болѣе 14,000 центнеровъ военныхъ тяжестей. Съ самаго начала кампаніи австрійское военное вѣдомство сдѣлало важную ошибку: вмѣсто того, чтобы провіантъ и прочія громоздкія тяжести моремъ везти изъ Тріеста въ Венецію и оттуда по готовой желѣзной дорогѣ отправлять въ Верону, водянымъ путемъ принялись преимущественно перевозить войска. Съ появленіемъ французскаго флота въ Адріатическомъ морѣ сообщеніе Тріеста съ Венеціей было прервано, и все движеніе по нуждѣ перешло на одну недоконченную желѣзную дорогу. Перерывъ рельсовъ между Набрезиной и Казарзой не мѣшалъ войскамъ слѣдовать безостановочно, но сильно замедлилъ перевозку военныхъ припасовъ, чтò не могло не повліять невыгоднымъ образомъ на ходъ военныхъ операцій. Тутъ же долженъ замѣтить, какой замѣчательный порядокъ существовалъ по всей дорогѣ, благодаря австрійской военной дисциплинѣ. Несмотря на огромное скопленіе военныхъ лицъ всякаго званія, здоровыхъ и раненыхъ, и чиновниковъ всевозможныхъ вѣдомствъ, ни въ Казарзѣ, ни на пути не встрѣтилъ я ни одного пьянаго солдата, ни одного офицера въ излишне восторженномъ расположеніи духа. Во всѣхъ гостиницахъ и кофейняхъ царила рѣдкая тишина. Офицеры входили и уходили, раскланиваясь между собой, закусывали, пили вино, но все это обходилось безъ шума, безъ брани и скандала. Даже присутствіе въ гостиницахъ молодыхъ прислужницъ не вызывало со стороны офицеровъ нескромной шутливости. Прежде всего требуется отъ австрійскаго офицера безусловное соблюденіе законовъ чести и приличное поведеніе. Это не служитъ еще доказательствомъ, будто всѣ австрійскіе офицеры ведутъ себя безукоризненно, встрѣчаются и между ними очень дурные субъекты, готовые на всякую безобразную выходку, но за каждымъ проступкомъ слѣдуетъ неизбѣжное наказаніе. Офицеръ, провинившійся противъ чести или нарушившій какое либо, офицерскому званію присвоенное правило приличія, немедленно исключается изъ службы.

Отъ Казарзы до Вероны случилось мнѣ проѣхать въ одно время съ тогдашнимъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, эрцгерцогомъ Райнеромъ, имѣвшимъ любезность пригласить меня въ свое вагонное отдѣленіе. Эрцгерцогъ, о которомъ уже до того я наслышался много хорошаго, совершенно покорилъ меня своимъ добродушнымъ обращеніемъ. Разумно разсуждалъ онъ о дѣлахъ, крѣпко занимавшихъ въ то время каждаго австрійца, безъ всякаго нетерпѣнія выслушивалъ разсужденія, противорѣчившія его мыслямъ, и

никому не давалъ чувствовать своего высокаго значенія. Наше путешествіе обошлось не безъ задержекъ; поѣздъ принужденъ былъ безпрестанно останавливаться на станціяхъ для пропуска встрѣчныхъ цуговъ. Въ виду самой Вероны мы были остановлены на два часа въ ожиданіи поѣзда съ ранеными, долженствовавшаго двинуться изъ крѣпости. Раненыхъ и больныхъ отвозили изъ Италіи во внутреннія провинціи для размѣщенія по обывательскимъ домамъ, какъ можно ближе къ мѣсту родины. Жара довела насъ до изнеможенія; недоставало тѣни, недоставало хорошей воды. Оберъ-кондукторъ предложилъ эрцгерцогу телеграфировать въ Верону о томъ, что онъ ѣдетъ съ нашимъ поѣздомъ, для пріостановки веронскаго цуга, отчего тотъ рѣшительно отказался, объявивъ, что онъ готовъ прождать сколько угодно, раненыхъ же не слѣдуетъ задерживать безъ особенно важной причины. Въ Веронѣ не оказалось ни одного фіакра у станціи желѣзной дороги, отстоявшей отъ города на добрый пушечный выстрѣлъ; эрцгерцогъ съ своимъ адъютантомъ пѣшкомъ побрели въ городъ; егерь понесъ дорожные мѣшки; сундуки повезли на ручной телѣжкѣ. Слѣдомъ за ними потянулись прочіе путешественники.

На другое утро поѣхалъ я, начавъ съ графа Грюнне, являться всѣмъ наличнымъ военнымъ властямъ. Многимъ мой пріѣздъ приходился не по сердцу: патріотическое самолюбіе ихъ противилось видѣть русскаго офицера близкимъ свидѣтелемъ горькихъ неудачъ, которыми разразился походъ, начатый съ самыми блестящими надеждами. Чувство это было весьма натурально: поэтому на мнѣ лежала строгая обязанность, по возможности, ему потворствовать, не роняя при томъ собственнаго достоинства. Въ этомъ случаѣ я нашелъ полезную мнѣ поддержку въ эрцгерцогахъ и въ старыхъ генералахъ, которые, помня еще наполеоновскія войны, открыто продолжали сочувствовать русскимъ. Отъ нихъ видѣлъ я однѣ любезности во все время моего пребыванія въ императорской главной квартирѣ. Храбрый графъ Шликъ, подъ Лейпцигомъ потерявшій одинъ глазъ отъ пики русскаго казака, принявшаго его за французскаго офицера, зла не помня, принялъ меня съ открытыми объятіями и долго со мной разговаривалъ о дѣлахъ, нисколько не скрывая ихъ дурнаго положенія. И я отвѣчалъ такъ же откровенно, пока онъ не коснулся положенія, принятаго Россіей относительно итальянскаго вопроса. Тутъ мои обдуманно уклончивые отвѣты вызвали его сдѣлать замѣчаніе:

— Pourtant, cammarade, vous êtes bien boutonné.

— D'après le réglement, mon général,— отвѣтилъ я.

Шликъ улыбнулся, пожалъ мнѣ руку и просилъ чаще у него бывать.

Съ Бенедекомъ разыгралась у меня сцена другаго рода. Еще въ Вѣнѣ были мы знакомы, довольно часто встрѣчаясь у князя

Виндишгреца. Тамъ уже я имѣлъ случай замѣтить, что онъ далеко не добрякъ, какимъ прикидывается, востеръ на языкъ, и съ нимъ надо было держать ухо востро. Не успѣлъ я перешагнуть черезъ порогъ, какъ Бенедекъ кинулся меня обнимать.

— Cammarad, herzlich erfreut sie unter uns zu sehen; sind sie endlich zu uns gekommen, wohl um zu hören was die jungen Leute so auf der piazza Bra sprechen!

На піацѣ Бра находилась кофейня, возлѣ которой преимущественно собиралась военная молодежь, не стѣснявшаяся громко осуждать все, что дѣялось и творилось на театрѣ войны.

Я отступилъ шагъ назадъ.

— Zu hören was die jungen Leute auf der piazza Bra sprechen? Gar nicht nöthig; man braucht nur Augen zu haben um zu sehen!

— Cammarad! Cammarad! gleich böse!

— Nicht im geringsten. Excellenz haben nur vergessen: wie man in den Wald ruft, schallt es zurück!

Съ того времени Бенедекъ сталъ меня остерегаться.

Въ первый же день разъ навсегда я былъ приглашенъ къ императорскому столу, за которымъ ежедневно сиживало человѣкъ около шестидесяти, составлявшихъ персоналъ главной квартиры. Обѣдъ былъ не затѣйливъ, состоялъ изъ четырехъ блюдъ и десерта, но былъ также хорошо приготовленъ и сервированъ, какъ бы въ Вѣнскомъ дворцѣ. Императоръ обѣдалъ вмѣстѣ со всѣми, за большимъ, покоемъ устроеннымъ, столомъ. По окончаніи обѣда онъ уходилъ въ боковую комнату, куда за нимъ слѣдовали имѣвшіе представиться. Былъ я принятъ послѣ моего перваго обѣда. Ни въ наружности его, ни въ разговорѣ я не замѣтилъ ни малѣйшей перемѣны противъ вѣнскаго пріема, хотя, какъ мнѣ сказывали, сольферинская неудача сильно его потрясла, и онъ душевно продолжалъ скорбѣть о прошедшемъ и не безъ опасенія взирать на будущее. Умѣлъ онъ владѣть собой. Привѣтствовавъ меня одинаково любезно, какъ въ мое первое вѣнское представленіе, послѣ немногихъ постороннихъ вопросовъ, императоръ заключилъ словами:

— Очень благодаренъ вашему государю за то, что васъ прислалъ въ мою армію; признаю это доказательствомъ одинаково дружелюбныхъ чувствъ, какія онъ питаетъ ко мнѣ и къ моимъ противникамъ, у которыхъ въ лагерѣ также находится русскій офицеръ.

Почти въ одно время съ моимъ пріѣздомъ въ Верону графъ Павелъ Шуваловъ прибылъ въ главную квартиру Луи-Наполеона.

Пріѣхалъ я въ Верону на пятыя сутки послѣ Сольферинскаго дѣла. Франко-сарды къ тому времени переправились на правую сторону рѣки Минчіо и около Валежіо заняли сильную позицію; австрійцы заперлись въ чертѣ веронскихъ передовыхъ укрѣпленій; военныя дѣйствія пріостановились; съ обѣихъ сторонъ отдыхали и готовились, пополняя потери и исправляя попорченный матеріалъ.

Тутъ мнѣ привелось вкусить всѣ прелести бездѣйственной, утомительно однообразной военной стоянки: поутру, пока солнце не припекло, прогулка за городъ, не выходя за черту передовыхъ верковъ, потомъ обѣдъ за императорскимъ столомъ, вечеромъ лѣнивое возсѣданіе предъ кофейней ради утоленія жажды безчисленными порціями гранито и мороженаго, при чемъ приходилось выслушивать безконечные толки обо всемъ, что было сдѣлано, и чего бы дѣлать не слѣдовало. Эти пересуды ежедневно повторялись на всевозможные лады, смотря потому, какъ дѣло каждому представлялось, доставляя мнѣ возможность не только факты узнавать, но и знакомиться съ характеромъ и умственными качествами разсуждавшихъ. Главнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, понятнымъ образомъ, служило послѣднее сраженіе подъ Сольферино, которое, согласно разсказу принимавшихъ въ немъ дѣятельное участіе, разыгралось слѣдующимъ образомъ.

Сгорая желаніемъ загладить Гіулаемъ надѣланныя ошибки, императоръ Францъ-Іосифъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать наступательно, вопреки мнѣнію Гесса и нѣкоторыхъ другихъ опытныхъ генераловъ, совѣтовавшихъ не покидать извѣстнаго крѣпостнаго квадрилатера. Нашлись люди угодливые, не преминувшіе помощью самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ поддержать желаніе императора. На собранномъ по этому случаю совѣтѣ было положено, переправившись чрезъ Минчіо, атаковать непріятельскую армію, стоявшую близъ Кастигліоне. Растянувъ линію на четыре мили, стосорокатысячная австрійская армія двинулась къ означенному пункту, имѣя въ предметѣ, охвативъ правый непріятельскій флангъ, прижать противника къ горамъ. Концентрически направленныя австрійскія колонны должны были сойтись предъ самой непріятельской позиціей. По теоріи совершенно правильно; на дѣлѣ же расчетъ австрійскихъ тактиковъ не оправдался. Франко-сарды, помощью воздушныхъ шаровъ развѣдавшіе, чего домогались австрійцы, съ вечера пошли имъ навстрѣчу, вслѣдствіе чего вмѣсто одного общаго сраженія подъ Кастигліоне произошло три, связи не имѣвшихъ, столкновенія: въ Поцоленго, Сольферино и Медоли, которыя совершенно съ толку сбили австрійскихъ генераловъ, не ожидавшихъ такъ скоро встрѣтиться съ непріятелемъ. Бенедека, стоявшаго на правомъ флангѣ съ своимъ корпусомъ, въ третьемъ часу утра разбудили французскія ядра, полетѣвшія на Поцоленго; на лѣвомъ флангѣ, которымъ командовалъ графъ Вимпфенъ, одинъ австрійскій пѣхотный полкъ вошелъ въ Медоли, не зная, что другой конецъ деревни уже занятъ французами—значитъ, австрійцы шли, плохо развѣдывая мѣстность впереди себя. Отсюда ошибка послѣдовала за ошибкой. Центръ австрійской арміи оказался неимовѣрно слабымъ: Сольферино заняла только одна бригада; о пѣхотныхъ резервахъ совершенно забыли; резервная артиллерія лѣваго фланга потеряла дорогу и со-

всѣмъ не пришла на поле сраженія. Блистательная атака гусарскаго полка подъ командой Эдельсгейма, прорвавшая французскую линію вплоть до перевязочнаго пункта, осталась безъ результата. Повторенныя атаки кавалерійской дивизіи графа Менсдорфа на медольской равнинѣ, отражаемыя убійственнымъ огнемъ французской артиллеріи, также ни къ чему не повели. Генералъ Цедвицъ Менсдорфа не поддержалъ, и поутру еще безъ всякаго повода отвелъ къ Минчіо свою кавалерійскую дивизію, за чтò и былъ удаленъ отъ службы. Графъ Вимпфенъ, имѣвшій задачей тѣснить правый флангъ французской арміи, удерживаемый Макъ-Магономъ, Канроберомъ и Ніелемъ, не могъ выиграть пяди земли. На одномъ правомъ флангѣ австрійцы имѣли успѣхъ. Бенедеку удалось отбросить сорокатысячную Сардинскую армію, причемъ онъ сдѣлалъ, однако, очень важную ошибку: увлекаясь отличавшею его солдатскою храбростью, безрасчетно зарвался онъ въ преслѣдованіи, со всѣмъ корпусомъ своимъ погнался за сардинцами до Ривольтеллы, тѣмъ обнажилъ центръ арміи и у себя отнялъ возможность его поддержать, когда Луи-Наполеонъ превосходными силами атаковалъ Сольферинскія высоты, служившія ключемъ австрійской позиціи. Самъ онъ едва успѣлъ уйти за рѣку, когда французы, захвативъ Сольферино, чрезъ Кавріану двинулись къ Волтѣ. Занятіе французами Сольферинскихъ высотъ рѣшило судьбу сраженія; дальше австрійцамъ не стоило драться, и, полагаю, они были очень рады, когда въ шестомъ часу по полудни сильная гроза обѣ стороны принудила прервать сраженіе. Затѣмъ австрійцы, не теряя порядка, отступили къ Веронѣ, а франко-сарды вслѣдъ за ними перешли чрезъ Минчіо и выдвинули свои аванпосты подъ самую крѣпость. Австрійскія потери въ этомъ дѣлѣ простирались убитыми и ранеными до 13.000, плѣнными нѣсколько свыше 9.000. Французы потеряли не меньше, въ плѣнъ попали однако не больше 600 человѣкъ. У сардинцевъ убыло изъ строя около 6,500 человѣкъ.

Прусскій и англійскій военные агенты, Редернъ и Мельдмей, присутствовавшіе во всѣхъ дѣлахъ отъ самаго начала кампаніи, отдавали полную справедливость храбрости австрійскихъ войскъ. По мнѣнію ихъ, нѣмецкіе и богемскіе полки лучше другихъ выдерживаютъ въ огнѣ; стирійцы въ дѣлѣ покойны и хорошо стрѣляютъ; за ними слѣдуетъ галиційская, потомъ венгерская пѣхота, которая, однако, стоитъ несравненно ниже своей кавалеріи. Венгерецъ пѣшій и венгерецъ конный—два разныхъ человѣка: въ первомъ случаѣ онъ солдатъ обыкновенной храбрости; во второмъ—удержу не знаетъ. Французская кавалерія была не въ силахъ вѣдаться съ австрійскими гусарами и спасалась отъ нихъ только тѣмъ, что уходила подъ защиту своей пѣхоты или артиллеріи. Подъ Маджентой пять эскадроновъ гусарскаго полка имени короля Прусскаго, подъ командой Эдельсгейма, доказали, чтò способна сдѣлать хорошая кавалерія, при

чемъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что тогда еще не существовало съ казенной части заряжаемыхъ, скорострѣльныхъ ружей. По сильно перерѣзанной мѣстности, чрезъ рвы и высокія каменныя стѣнки, гусары атаковали французскую пѣхоту и отбросили ее къ Понте-ди-Мадженга. Все бѣжало предъ ними. Французскіе плѣнные мнѣ сказывали, что имъ показалось, будто на нихъ налетѣли не кавалеристы, а черти. Сольферинская бѣшеная атака принадлежала тому же полку.

Австрійскихъ егерей Мельдмей ставилъ несравненно выше французскихъ относительно стрѣльбы; французы превосходили ихъ только быстротою движеній и умѣньемъ пользоваться мѣстностью. Артиллерію онъ также хвалилъ: стрѣляла она мѣтко и хладнокровно, но по свойству своего стараго вооруженія не могла съ выгодою бороться противъ французскихъ новоизобрѣтенныхъ нарѣзныхъ орудій. Кроатскіе пограничные, нынѣ реорганизованные, полки хорошо дрались за прикрытіемъ, плохо въ чистомъ полѣ; очевидцы разсказывали мнѣ, что подъ огнемъ не легко было ихъ удерживать въ должномъ порядкѣ.

Но къ чему ведетъ слѣпая солдатская храбрость, когда у командующихъ не достаетъ умѣнья пользоваться ею сообразно обстоятельствамъ? Очертя голову, кидаться въ драку ведетъ къ одному безплодному кровопролитію. Австрійская армія считала въ своихъ рядахъ не мало храбрыхъ генераловъ, а дѣло между тѣмъ не ладилось. Баронъ Гессъ дѣйствительно былъ даровитый и знающій генералъ, но страдалъ избыткомъ идей, подобно нашему князю М. Д. Горчакову; придумавъ какую нибудь очень хорошую мѣру, онъ не умѣлъ остановиться на ней, начиналъ мѣнять безъ конца, и отъ этого нерѣдко упускалъ рѣшительную минуту. Радецкій, у котораго онъ прежде служилъ начальникомъ штаба, умѣлъ пользоваться его дарованіями, хватался за его первую хорошую мысль и заставлялъ ее привести въ исполненіе безъ всякой перемѣны. Кромѣ того, Гессъ въ арміи и при дворѣ имѣлъ сильныхъ противниковъ, не дававшихъ хода его мыслямъ. Самъ императоръ былъ молодъ, нетерпѣливъ, не довѣряя собственному опыту, крѣпко полагался на графа Грюнне, который въ свою очередь по военнымъ дѣламъ взялъ себѣ въ совѣтчики надутаго, самоувѣреннаго, только на интриги умѣлаго, генерала Рибминга. Планъ наступательнаго движенія, полагать должно, имъ былъ составленъ; по крайней мѣрѣ на него походило.

Вяло тянулись въ Веронѣ невыносимо скучные дни. Солнце пекло, какъ въ растопленномъ горнилѣ: въ первыхъ числахъ іюля жара стала доходить въ тѣни до 27 и 29° Реом. Войска, стоявшія бивакомъ на открытой, безлѣсной равнинѣ, изнемогали отъ зноя; число больныхъ возростало съ каждымъ днемъ; случаи солнечнаго удара быстро умножались. Въ городѣ днемъ не только люди, но и собаки прятались по домамъ; одни военные по необходимости не переставали, потомъ обливаясь, сновать по раскаленной мостовой. Предъ

самымъ только закатомъ улицы начинали наполняться мундирною толпою, среди которой изрѣдка проносились какіе-то весьма подозрительные кринолины вѣнскаго покроя; ни одного итальянца высшаго круга, ни одной порядочной итальянки мы глазомъ не видали. Ночью, случалось, на высокихъ балконахъ кое-гдѣ появлялись бѣлыя женскія фигуры и тотчасъ исчезали, замѣтивъ, что съ улицы на нихъ глядятъ. Всѣ наши дни проходили одинаковымъ порядкомъ: въ 6 часовъ собирались къ обѣду въ императорскую главную квартиру, послѣ чего старъ и младъ отправлялся на піацу Бра и піацу Сигнори, гдѣ отъ бездѣлья просиживали до поздней ночи, поглощая несмѣтное количество гранито и пецо gu гіаге́ и глазѣя на громадную Трояновскую арену и на чудные памятники скалигеровъ. Другаго удовольствія не существовало: театры были закрыты, военная музыка не играла на площадяхъ, частные дома оставались затворенными безъ всякаго исключенія.

Въ главной квартирѣ, казалось, господствовало полное затишье; обычная военная дѣятельность будто примолкла; эта тишина была, однако, очень обманчива: подъ видомъ непоколебимаго спокойствія скрывались глубокія опасенія за ближайшую будущность. Побѣдоносный непріятель стоялъ на носу, пока еще не трогался, но въ одномъ переходѣ могъ появиться въ виду крѣпости, которая, хотя и пользовалась славой непреодолимаго оплота, на дѣлѣ же во многомъ не соотвѣтствовала своей громкой репутаціи. Веронскіе отдѣльные форты были растянуты на слишковъ большое протяженіе, и не были достаточно вооружены. Графъ Гіулай сначала кампаніи увезъ въ Піаченцу и Павію 170 орудій большого колибра, которыя, ретируясь, тамъ утопилъ въ Тичино, а изъ Казарзы не успѣвали перевозить въ Верону недостающее количество тяжелыхъ орудій и артиллерійскихъ снарядовъ. Боялись, что непріятель, развѣдавъ объ этомъ дѣлѣ, всѣми силами атакуетъ какой либо, болѣе слабый пунктъ и, не будучи встрѣченъ достаточно сильнымъ огнемъ, успѣетъ прорвать линію передовыхъ укрѣпленій, на какой случай заблаговременно было рѣшено, отдавъ Верону, ретироваться по тирольской дорогѣ. Въ началѣ іюля по главной квартирѣ была разослана диспозиція на случай тревоги, въ которой между прочимъ значилось: при первыхъ выстрѣлахъ всѣмъ чинамъ главной квартиры собраться передъ домомъ, въ которомъ жилъ императоръ, запасныхъ же лошадей и повозки со всею кладью отправить за крѣпость на ревередскую дорогу и построить тамъ въ обозную колонну, дышломъ къ Ревередо.

Находились австрійцы въ довольно неловкомъ положеніи, но и французамъ приходилось не легче. Лучше другихъ было сардинцамъ: расположеннымъ въ окрестностяхъ Монцамбано, посреди совершенно имъ преданнаго населенія, имъ выпала на долю не трудная задача осаждать Пескіеру. Французы, занявшіе позицію на высотахъ Сома-

кампаньи, въ ближайшемъ разстояніи отъ сильной еще непріятельской арміи, принуждены были находиться въ постоянной готовности къ бою, не пользовались особеннымъ расположеніемъ жителей, прятавшихъ жизненные припасы, не имѣли для питья здоровой воды и много теряли людей отъ лихорадки, тифа и госпитальной гангрены, поражавшей большую часть раненыхъ. Отъ жару они страдали не меньше австрійцевъ. Между солдатами распространилась у нихъ накожная болѣзнь, извѣстная въ Италіи подъ именемъ — calori, которой подвергаются обыкновенно люди, не успѣвшіе свыкнуться съ жаркимъ мѣстнымъ климатомъ. У заболѣвшаго тѣло начинаетъ горѣть, чесаться, покрывается красноватыми пузырями; человѣкъ теряетъ сонъ и отъ безсонницы ослабѣваетъ до совершенной невозможности нести службу. Кромѣ того, германскій союзъ снова поднялъ на время отложенный вопросъ: по первому извѣстію о несчастной Сольферинской битвѣ, во Франкфуртѣ было рѣшено на верхнемъ Рейнѣ немедленно выставить корпусъ изъ южногерманскихъ контингентовъ, и Пруссія, чтобы не раздражить противъ себя нѣмецкихъ патріотовъ, согласилась съ своей стороны выдвинуть обсерваціонный корпусъ на рейнскую границу. Этимъ Франція ставилась въ необходимость раздѣлить свои силы, а Австріи давалась возможность свою итальянскую армію умножить войсками, стоявшими въ Дунайской долинѣ.

Въ виду такого неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, грозившихъ изъ рукъ его вырвать плоды двухъ кровавыхъ побѣдъ, Луи-Наполеонъ счелъ полезнымъ прекратить войну, не доверширвъ своего обѣщанія освободить Италію вплоть до Адріи, почему и рѣшился самъ сдѣлать первый шагъ къ перемирію, на которое съ радостію согласился австрійскій императоръ, имѣвшій весьма основательныя причины бояться неудовольствія, распространившагося внутри имперіи, и не слишкомъ полагаться на содѣйствіе со стороны Пруссіи. Поводомъ къ первому сближенію враждующихъ послужило желаніе австрійцевъ выручить отъ французовъ тѣло павшаго подъ Сольферино полковаго командира, князя Виндишгреца. Австрійскій парламентеръ, посланный по этому случаю въ непріятельскій лагерь, былъ лично принятъ Луи-Наполеономъ самымъ ласковымъ образомъ, при чемъ тотъ ему замѣтилъ, что уже давно питаетъ желаніе положить конецъ душѣ его противному кровопролитію, если только императоръ Францъ-Іосифъ не откажется протянуть ему руку примиренія. Вслѣдъ за тѣмъ парламентеромъ пріѣхалъ въ Верону піемонтскій капитанъ графъ Робиланъ, побочный братъ Виктора-Эммануила, позже занявшій мѣсто итальянскаго посла при вѣнскомъ дворѣ. Въ чемъ заключалось его порученіе, осталось тайной для насъ, иностранныхъ военныхъ агентовъ; знали мы только, что онъ лично былъ принятъ императоромъ австрійскимъ, продержавшимъ его долѣе получаса въ своемъ кабинетѣ, и что въ ту же

ночь баронъ Гессъ съѣздилъ къ французамъ. Два дня спустя, 7 іюля, прибылъ въ Верону новый парламентеръ, ординарецъ французскаго императора, Дюкъ-де-Кадоръ, и въ ту же ночь генералъ-адъютантъ Флери привезъ собственноручное письмо отъ Луи-Наполеона къ Францу-Іосифу. На другой день объяснилось, о чемъ переговаривали: между воюющими сторонами было заключено пятинедѣльное перемиріе; значитъ дѣло клонилось къ миру.

Одиннадцатаго іюля, рано поутру, императоръ Францъ-Іосифъ съ небольшою свитою поѣхалъ въ Вилла-Франку для свиданія съ императоромъ французовъ. Послѣдствіемъ этой встрѣчи былъ миръ, который оба императора заключили между собой на слѣдующихъ предварительныхъ условіяхъ. Императоръ австрійскій Ломбардію уступаетъ Франціи, которая передаетъ ее Сардиніи; Венеціанское королевство съ крѣпостями Мантуа и Пескіера остается за Австріей; мелкія итальянскія владѣнія образуютъ конфедерацію съ папой во главѣ. На требованіе Франца-Іосифа снова возстановить герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго Луи-Наполеонъ согласился подъ условіемъ, если большинство жителей того пожелаетъ. Въ заключеніе было постановлено австрійскимъ и французскимъ комиссарамъ въ скорѣйшемъ времени съѣхаться въ Цюрихъ для составленія мирнаго договора на сказанныхъ условіяхъ.

По первому извѣстію о мирѣ, заключенномъ двумя императорами въ Вилла-Франкѣ, германскій союзъ и Пруссія остановили задуманную мобилизацію обсерваціонныхъ корпусовъ, долженствовавшихъ стать на Рейнѣ.

Собрались мы въ тотъ день по заведенному порядку обѣдать въ главной квартирѣ. Слухъ объ утренней поѣздкѣ императора въ Вилла-Франку насъ не миновалъ, но къ какому результату привело свиданіе обоихъ императоровъ, мы не знали еще. Императоръ Францъ-Іосифъ, вообще не разговорчивый, въ тотъ день былъ молчаливъ свыше привычки; тѣнь глубокой скорби лежала на лицѣ его. Ближе къ нему сидѣвшіе, старшіе австрійскіе генералы также хранили глубокое молчаніе; молодежь таинственно перешептывалась и какъ-то недружелюбно поглядывала на насъ троихъ — англичанина, пруссака и на меня. Чѣмъ же мы были виноваты?

Подъ конецъ обѣда произошла тревога. Вошелъ дежурный по карауламъ, что-то шепнулъ графу Грюнне, тотъ передалъ императору, который тотчасъ всталъ и пошелъ въ свой кабинетъ. Всѣ присутствовавшіе поднялись; итальянскіе принцы опрометью кинулись въ противоположную сторону, въ комнаты, которыя занималъ графъ Грюнне. Чрезъ нѣсколько минутъ по залѣ прошелъ къ императору принцъ Наполеонъ, совершенно неожиданно пріѣхавшій въ Верону. Пока большая часть обѣдавшихъ на дворѣ курили и пили кофе, обездоленные итальянскіе владѣтели, непріятнымъ образомъ затронутые неожиданнымъ посѣщеніемъ противнаго имъ принца,

заднимъ крыльцомъ спустились на улицу, забывъ прицѣпить сабли, съ коими подъ мышкой пустился ихъ догонять придворный жандармъ. Народъ, имѣвшій обыкновеніе толпиться предъ дворцовыми воротами, громкимъ хохотомъ привѣтствовалъ эту нѣсколько смѣшную сцену.

Тринадцатаго іюля, предъ самымъ обѣдомъ, комендантъ главной квартиры, фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Феттеръ, намъ сообщилъ, что императоръ вечеромъ уѣзжаетъ изъ Вероны, и намъ, иностранцамъ, поэтому, не остается времени откланяться его величеству. Драма разыгралась, занавѣсъ опустился, актеры стали расходиться по домамъ. Да и намъ, пассивнымъ зрителямъ чужой суеты, оставалось только уходить изъ палаццо Вероны. Англичанинъ поѣхалъ въ Лондонъ, пруссакъ въ Берлинъ передавать результаты своихъ наблюденій; а я, не имѣя приказанія явиться въ Петербургъ, чрезъ Гюценъ и Инсбрукъ отправился въ верхнюю Австрію на Гмундское озеро, гдѣ жена проводила лѣто въ Траункирхенъ, извѣстномъ всей Австріи по своему живописному положенію и по красивой виллѣ, принадлежащей двумъ русскимъ дѣвицамъ Панчулидзевымъ. Видъ съ высоты, на которой построена вилла, не только можетъ равняться, но положительно превосходитъ лучшіе виды, которыми такъ славятся озера Гардское и Комское. Тамъ растительность богаче, постройки изящнѣе, но очерки горъ, окружающихъ Гмундское озеро, смѣлѣе, разнообразнѣе и шире даже въ размѣрахъ.

V.

Вліяніе на Австрію неудачной кампаніи.—Реформы императора Франца-Іосифа.—Увольненіе графа Буоля.—Баронъ Гюбнеръ.—Самоубійство барона Эйнатена и барона Брука.—Учрежденіе усиленнаго рейхсрата.—Архіепископъ Раушеръ.—Народное неудовольствіе.—Большіе маневры въ Дарсавѣ.—Моя бесѣда съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ.—Случай съ батарейнымъ командиромъ.—Наслѣдникъ цесаревичъ.—Болѣзнь императрицы Александры Θеодоровны.—Отъѣздъ императора изъ Варшавы.

Вернулся я въ Вѣну предъ началомъ зимы и нашелъ городъ въ сильномъ волненіи. Бюргеры громогласно возставали противъ существующаго порядка, осуждали министровъ, бранили императорскихъ любимцевъ, острили надъ императоромъ. Неудачная итальянская война, а болѣе еще невыгодный миръ, лишившій имперію цвѣтущей провинціи, и финансовое разстройство, вызванное военными издержками, чувствительно поколебали правительственный авторитетъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, разочарованный насчетъ своей арміи, обманутый въ упованіи на талантливую дальновидность своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, сталъ сознавать необходимость, для блага имперіи и для укрѣпленія династіи, перейти къ новой системѣ управле-

нія, при чемъ весьма благоразумно принялся постепенно вводить реформы, соотвѣтственныя духу времени, не выпуская, однако, изъ своихъ рукъ инициіативы въ мѣрахъ, которыя ему казались пригодными успокоить умы, упрочить народное благосостояніе и тѣмъ возстановить потрясенную силу имперіи. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ, не взирая на его осмотрительность, обошлось безъ важныхъ ошибокъ, необдуманныхъ попытокъ и неожиданныхъ разочарованій. Племенный антагонизмъ, сословныя притязанія и закоснѣлая религіозная нетерпимость въ Австріи донельзя усложняютъ каждый правительственный вопросъ, но въ общемъ итогѣ переворотъ, произведенный императоромъ въ формѣ правленія, надо сознаться, все-таки привелъ къ очевидному улучшенію государственнаго быта.

Ультракатоликъ по воспитанію, глубоко преданный абсолютизму по вѣковымъ традиціямъ дома своего, не по чувству и убѣжденію, а повинуясь силѣ обстоятельствъ, рѣшился Францъ-Іосифъ вступить на дорогу либеральныхъ учрежденій, и, въ похвалу ему должно сказать, съ той поры, побѣдивъ самого себя, не сворачивая, твердымъ шагомъ, пошелъ по избранному пути. Ни хитрыя козни властолюбивой феодально-клерикальной австрійской знати, ни сопротивленіе, встрѣчаемое имъ въ кругу собственной семьи со стороны родительницы своей, эрцгерцогини Софіи, когда дѣло касалось церковнаго интереса, не успѣвали ослабить его рѣшимости. Да и пора была перейти къ новому порядку вещей. Австрія видимо подвигалась къ полному разложенію: Баховская административная манипуляція породила несказанную путаницу; полицейскія строгости, притупивъ чувство боязни, довели народъ до глубокаго озлобленія; постановленія конкордата сковывали свободу совѣсти и мышленія тѣсными узами клерикальной нетерпимости; финансовое разстройство угрожало государственнымъ банкротствомъ. Цѣнность бумажныхъ денегъ, благодаря Бруку, предъ войной стоявшая «al pari», упала на 60%. По всѣмъ провинціямъ платежъ податей прекратился на половину. Напрасно ставили экзекуцію къ неплательщикамъ, напрасно продавали ихъ имущество и самихъ сажали въ тюрьму; подъ конецъ не стало мѣста, куда сажать, не находилось, кому продавать подъ молотокъ попавшее добро; на казну ложилась только обязанность кормить лошадей и стотину, захваченныхъ у неплательщиковъ. Венгрія находилась въ сильномъ броженіи: тамъ безъ дальнихъ околичностей жгли дома у покупщиковъ за недоимку конфискованнаго имущества, чему всего чаще подвергались евреи, не имѣвшіе силы устоять противъ соблазна дешевой наживы.

При стеченіи такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ наступилъ 1860 годъ, открывшій для Австріи новую эру. Постепенно увеличивая уступки, настоятельно требуемыя общественнымъ мнѣніемъ, императоръ Францъ-Іосифъ силою обстоятельствъ наконецъ былъ доведенъ до изданія Февральскаго патента 1861 года, которымъ

австрійскимъ народамъ даровалась нынѣ существующая конституція. Для успѣшнаго водворенія новаго порядка, понятнымъ образомъ, требовались и новые государственные дѣятели. Поэтому австрійскій императоръ прежде всего постарался замѣнить новыми людьми своихъ прежнихъ, къ преданіяхъ старины застывшихъ министровъ.

Въ маѣ еще 1859 года, вслѣдъ за объявленіемъ войны со стороны Франціи, графъ Буоль былъ уволенъ отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Въ императорскомъ посланіи (Handschreiben) значилось—по собственной просьбѣ, но это была только позолоченная пилюля. Дѣло совершилось столько же неожиданно для него самого, какъ и для всей публики. Еще за два дня до появленія этой новости у графа Буоля былъ блистательный раутъ, на которомъ я присутствовалъ, и самый наблюдательный глазъ не въ состояніи былъ подмѣтить нималѣйшей перемѣны въ его горделивой осанкѣ, ни въ улыбкахъ, съ которыми его встрѣчали собранные тутъ дипломаты. А носился бы между ними слухъ о паденіи его, какъ ни пріучены они владѣть своими физіономіями, у того или другого непремѣнно проскользнулъ бы хоть минутный взглядъ недоумѣнія при видѣ спокойствія, хранимаго министромъ, готовящимся потерять портфель.

По поводу его неожиданной отставки мнѣ представился случай увидѣть, какъ мало настоящаго благородства слѣдуетъ искать даже въ кругу людей, преимущественно претендующихъ на безусловную порядочность. Проходя по Грабену, издалека узналъ я графа Буоля, шедшаго мнѣ навстрѣчу; шелъ онъ, глубоко нахлобучивъ шляпу, въ землю потупивъ бывало невозмутимо гордый взглядъ. Впереди меня шло нѣсколько человѣкъ, въ дни силы его большою честью считавшихъ получить отъ него приглашеніе къ обѣду и на вечеръ, еще за два дни предъ тѣмъ на лету ловившихъ его улыбку, низко изгибавшихъ спину предъ нимъ, когда онъ осанисто прогуливался по своимъ, гостями кишѣвшимъ заламъ. Теперь проходили они мимо него, шляпы не касаясь, будто его не узнавали.

Стало мнѣ досадно на этихъ господъ, такъ безцеремонно выставлявшихъ на показъ свое невниманіе къ человѣку, которому недавно еще льстили и поклонялись въ виду всего общества.

Поровнявшись съ Буолемъ, я снялъ шляпу и почтительно поклонился ему.

— J'ai l'honneur de saluer monsieur le comte!

Буоль приподнялъ голову и пытливо взглянулъ на меня—не сарказмъ ли? Кланяется русскій, а русскіе, зналъ онъ, со времени восточной войны его любить не могли и внутренно должны были радоваться его паденію; не замѣтивъ, однако, ничего подобнаго, Буоль приподнялъ шляпу, поклонился раза два и прошелъ.

Въ десяти шагахъ отъ него встрѣтилъ я нѣкоего незначительнаго нѣмецкаго дипломата.

— Qui venez vous de saluer avec tant de déférence?—спросилъ онъ:—je n'ai vu que son dos.

— Le comte Buol.

— Mais vous savez qu'il n'est plus ministre, et je pense qu'en vôtre qualité de russe vous n'avez jamais été du nombre de ses admirateurs zélés.

— Vour avez raison. Mais comme je ne me sens pas courtisan du succés quand même, je trouve mieux placé de saluer une grandeur déchue, qu'un homme au pouvoir, et je lui fais grace du passé.

Нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ господинъ напомнилъ мнѣ мои тогдашнія слова. Шли мы вдвоемъ по какой-то маленькой вѣнской улицѣ. Вдругъ онъ меня остановилъ.

— Fidèle à vôtre principe, veuillez tirer vôtre chapeau!

— Pardon?—devant qui?

— Regardez, une grandeur déchue,—и показалъ на противоположный тротуаръ.

По другую сторону улицы, эксъ-министръ, эксъ-посолъ, когда-то многовластный Бахъ, одѣтый въ старенькое пальто, быстро скользилъ, чтобы пройти незамѣтно; не то уличные мальчишки, узнавъ, не упустили бы случая закидать его грязью, такую славную популярность онъ себѣ заработалъ, будучи министромъ.

Стоитъ послѣ того тратить умъ и здоровье на добывку министерскаго портфеля! Должность ровно тиски: сверху жмутъ и долбятъ, снизу щетинятся и бранятъ.

Графа Буоля замѣнилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ графъ Рехберхъ, прежде занимавшій постъ посланника при германскомъ сеймѣ. Не знаю, много ли Австрія выиграла отъ такой перемѣны. Если графъ Буоль своей политикой подготовилъ неудачную войну съ Піемонтомъ и Франціей, то про графа Рехберха положительно можно сказать, что онъ въ свою очередь не пожалѣлъ труда подвести Австрію подъ удары 1866 года. Да и наружностью онъ не могъ равняться съ осанистымъ Буолемъ: мало встрѣчалъ я въ вѣнскомъ обществѣ людей, надѣленныхъ такою некрасивою физіономіей, какою обладалъ малорослый, тщедушный, сухимъ сморчкомъ глядѣвшій Рехберхъ.

Ловкій, изворотливый Бахъ раньше того былъ замѣненъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ графомъ Голуховскимъ и отправленъ въ Римъ посломъ при папскомъ дворѣ; жестокій, всѣми ненавидимый генералъ Кемпенъ, управлявшій дѣлами полиціи, замѣщенъ барономъ Гюбнеромъ, до войны занимавшимъ въ Парижѣ мѣсто посланника. Короткое время, всего мѣсяца четыре, завѣдывалъ онъ министерствомъ полиціи, послѣ чего поступилъ въ Римъ на мѣсто Баха, потерявшаго всякое значеніе. Карьера этого ретиваго сторонника римской куріи началась при канцлерѣ, князѣ Меттернихѣ, у котораго онъ служилъ канцелярскимъ чиновникомъ и своею услужливостью

умѣлъ снискать благоволеніе князя и княгини, нося въ то время не весьма благозвучную фамилію Гассенбределя. Встрѣтивъ въ семъ послѣднемъ обстоятельствѣ препятствіе сдѣлаться супругомъ дочери гофрата Пилата, редактора газеты «Oesterreichische Beobachter», органа Меттерниха и Генца, выпросилъ онъ у императора Франца I позволеніе передѣлать свою фамилію въ Гюбнера. Гофратъ Пилатъ былъ Меттерниху близкій человѣкъ: женившись на его дочери, Гюбнеръ, обладавшій, сверхъ того, хорошими канцелярскими способностями, быстро пошелъ въ гору. Въ посланники онъ попалъ, съ производствомъ въ бароны, по милости князя Феликса Шварценберга, который, ненавидя Луи-Наполеона, удовольствіемъ себѣ поставилъ надѣлить его такимъ не синекровнымъ посланникомъ. Въ парижскомъ обществѣ положеніе Гюбнера было незавидно, и онъ предъ войной ничего не зналъ, что происходило вокругъ него, и поэтому не имѣлъ возможности дѣлать своему правительству вѣрныя сообщенія о настоящихъ намѣреніяхъ французскаго кабинета. Послѣ Вилла-Франки замѣстилъ его въ Парижѣ князь Ричардъ Меттернихъ. Въ Римѣ Гюбнеръ остался до той поры, пока въ Австріи не пошатнулся конкордатъ; послѣ того вернулся въ Вѣну, нѣсколько времени носился съ притязаніями на новый министерскій портфель и кончилъ тѣмъ, что о немъ и говорить перестали. Распространился я насчетъ Гюбнера болѣе потому, что нерѣдко встрѣчался съ нимъ у одного знакомаго прелата и, прислушиваясь къ его сужденіямъ, только могъ удивляться односторонности его понятій, сложившихся въ духѣ ученія отцовъ іезуитовъ, что и доставляло ему покровительство ихъ, но едва ли оправдывало назначенія, которыя ему давало правительство, кромѣ римскаго поста, на которомъ онъ находился въ своемъ природномъ элементѣ.

Въ концѣ 1859 года, императоръ Францъ-Іосифъ, покоряясь народному голосу, приписывавшему неудачи итальянской кампаніи главнымъ образомъ графу Грюнне, изъ генералъ-адъютантовъ переименовалъ его въ оберъ-шталмейстеры, званіе, въ которомъ онъ терялъ всякое вліяніе на военныя дѣла, а на его мѣсто назначилъ первымъ генералъ-адъютантомъ фельдмаршалъ-лейтенанта, графа Кренневиля, человѣка хорошаго, разумнаго и умѣреннаго въ смыслѣ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій.

Весна 1860 года ознаменовалась двумя происшествіями, сильно возмутившими общественную совѣсть. Въ военно-административной сферѣ были открыты значительныя злоупотребленія по части снабженія арміи провіантомъ и военными припасами во время послѣдней войны. Во главѣ арме-оберкомандо, замѣнявшаго тогда военное министерство, находился эрцгерцогъ Вильгельмъ; должность помощника его (Aldatus) исправлялъ фельдмаршалъ-лейтенантъ, баронъ Эйнатенъ, у котораго находилась въ рукахъ вся хозяйственная часть. Вслѣдствіе накопившихся противъ него уликъ онъ

былъ арестованъ, преданъ суду и, не дождавшись приговора, повѣсился въ стѣнахъ своего арестантскаго помѣщенія. Около того же времени министръ финансовъ Брукъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. По дѣлу Эйнатена судебная комиссія потребовала его къ допросу, основываясь на участіи, которое министерство финансовъ принимало въ нѣкоторыхъ военныхъ подрядахъ, отъ чего онъ, находясь въ званіи министра, отвѣтственнаго одному императору, себя почелъ въ правѣ уклониться. Дѣло дошло до императора, который, вмѣстѣ съ увольненіемъ отъ должности, ему предписалъ не отговариваясь исполнить требованіе комиссіи. Брукъ, глубоко оскорбленный въ своемъ самолюбіи, въ ту же ночь перерѣзалъ себѣ горло. Это никѣмъ неожиданное происшествіе сильно помутило умы. Въ придворномъ кругу, въ которомъ онъ имѣлъ много противниковъ, самоубійство его старались выставить явнымъ доказательствомъ виновности; большая же публика злобно накинулась на его противниковъ, якобы ложными извѣтами погубившихъ умнаго министра, безукоризненно служившаго своему правительству, требовала строгаго изслѣдованія дѣла и возстановленія фактовъ въ ихъ истинномъ видѣ. Бумаги Брука немедленно были опечатаны, требуемое слѣдствіе произведено, и самоубійца оказался чистымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Открылось, что послѣ ликвидаціи своего тріестскаго банкирскаго дома, въ теченіе десяти лѣтъ занимая должности министра торговли и министра финансовъ, онъ свой собственный капиталъ умножилъ не болѣе, какъ на сто тысячъ гульденовъ, безъ малѣйшаго ущерба для казны и для законнаго интереса какого бы то ни было частнаго лица. Публичное возстановленіе честнаго имени погибшаго Брука благопріятнымъ образомъ повліяло на положеніе осиротѣвшаго семейства; одинъ изъ его сыновей впослѣдствіи даже достигъ званія посланника, между тѣмъ какъ сыновья Эйнатена съ запятнанною памятью своего отца не могли оставаться въ кругу австрійскаго общества, и отъ этого переселились въ Америку.

Видный изъ себя, своимъ выразительнымъ лицомъ возбуждалъ онъ любопытство, умною рѣчью приковывалъ вниманіе вступавшаго съ нимъ въ разговоръ. Высказывалъ онъ свое мнѣніе ясно и положительно, но безъ всякой рѣзкости. Удовольствіе доставляло его послушать. По части финансовыхъ оборотовъ пользовался Брукъ замѣчательно вѣрнымъ взглядомъ и умѣлъ твердо проводить свои мысли. Памятна мнѣ его вѣрная оцѣнка торговыхъ и промышленныхъ потребностей не только австрійскаго, но и другихъ государствъ, когда онъ однажды въ своемъ кабинетѣ на картѣ мнѣ указывалъ желѣзнодорожныя линіи, въ коихъ Россія преимущественно нуждалась, опредѣляя ихъ политическое, торговое и военное значеніе съ рѣдкимъ знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и экономическихъ условій, въ коихъ тогда обрѣтался русскій крѣпостной народъ.

Уступая давленію общественнаго мнѣнія, настойчиво требовавшаго отмѣны феодаламъ и клерикаламъ столь дорогаго административнаго произвола, тормозившаго народную дѣятельность, императоръ Францъ-Іосифъ въ началѣ марта учредилъ такъ называемый усиленный рейхсратъ (государственный совѣтъ), долженствовавшій собираться періодически для постановленія бюджета, для контроля государственныхъ расходовъ и для обсужденія законодательныхъ проектовъ. Усиленный рейхсратъ, кромѣ правительствомъ назначенныхъ лицъ, долженъ былъ состоять изъ тридцати восьми членовъ, утвержденныхъ императоромъ по предложенію провинціальныхъ сеймовъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ назначенъ эрцгерцогъ Райнеръ. Учрежденіе такого рода государственнаго совѣта, только отчасти основаннаго на избирательномъ началѣ, далеко не соотвѣтствовало народнымъ ожиданіямъ. Съ этого начались уличныя демонстраціи, направленныя противъ министровъ, а болѣе еще противъ вѣнскаго архіепископа, кардинала Раушера, котораго народъ не безъ основанія признавалъ самымъ упорнымъ соратникомъ конкордатомъ созданнаго духовнаго гнета. По вечерамъ народъ густыми толпами сталъ наполнять вѣнскія улицы и площади съ нескрытымъ намѣреніемъ потѣшиться надъ стеклами кардинальскаго дворца и министерскихъ жилищъ, сопровождая это занятіе музыкальнымъ акомпаниментомъ, извѣстнымъ у нѣмцевъ подъ именемъ «кошачьей музыки».

Мѣры для охраненія оконъ и нѣсколько чувствительнаго слуха гг. министровъ были приняты правительствомъ, насколько позволяли обстоятельства, не разжигая народныхъ страстей до открытаго возстанія, которое бы пришлось укрощать силою оружія. Доступъ къ архіепископскому дворцу, противъ церкви св. Стефана, каждую ночь заграждался двумя ротами, нѣкоторыя боковыя улицы были заняты конницей, пѣхотные и конные патрули скрещивали городъ. Судя по количеству народа, густыми массами запружавшаго улицы, эти мѣры могли казаться слишкомъ слабыми, но дѣло въ сущности было не таково: за наглухо затворенными воротами домовъ на Грабенѣ и на ближайшихъ улицахъ, невѣдомо для публики, скрывались батальоны, по первому сигналу готовые высыпать на улицу для поддержки полиціи и небольшихъ пѣхотныхъ патрулей. Народъ, не рѣшаясь вступить въ открытую борьбу съ вооруженной силой, ограничивался гуляньемъ по улицамъ, бранными криками и свистками. Изрѣдка раздавался звонъ разбитаго, зачастую ничѣмъ неповиннаго, стекла. Когда крики и свистки начинали переходить за предѣлъ положенной терпимости, тогда съ какой нибудь стороны неожиданно раздавался барабанный бой, и на улицѣ появлялась пѣхотная колонна, наступавшая тихимъ шагомъ. Народъ раздавался предъ войскомъ, а войско, очистивъ себѣ дорогу, не мѣшало народу наслаждаться вечернею прохладой. Такое гулянье войска по

одну, народа по другую сторону улицы продолжалось иногда до поздней ночи—кто кого перегуляетъ. Войско, разумѣется, удерживало поле за собой; народъ, соскучивъ гулять безъ цѣли и нужды, начиналъ расходиться, и городъ къ утру принималъ свой обычный спокойный видъ. Во избѣжаніе прямаго столкновенія войска съ народомъ, впереди колонны разсыпнымъ строемъ шли тайные, въ гражданское платье одѣтые, полицейскіе агенты, имѣя за собой мундирный полицейскій резервъ. Агенты, замѣшавшись въ толпу, хватали крикуновъ, отдавали ихъ полицейской командѣ, а та въ свою очередь передавала ихъ войску при малѣйшемъ поползновеніи народа освободить арестованныхъ. Захваченныхъ крикуновъ на другой день сортировали; подстрекателей и грубо провинившихся противъ полицейскаго порядка предавали суду, а менѣе виновныхъ отпускали на свободу. Такого рода ночныя демонстраціи подъ конецъ обратились въ хроническій недугъ. Правительство съ своей стороны, постепенно устраняя дѣйствительно тягостныя для народа постановленія, помощью прессы старалось унимать взволнованные умы, въ чемъ не имѣло, однако, видимой удачи.

Все, что разсказываю объ этомъ времени, происходило на моихъ глазахъ. Не разъ выходилъ я ночью на улицу поглядѣть, въ какомъ положеніи дѣло состоитъ, и каждый разъ возвращался глубокоувѣренный, что нечего еще бояться открытаго возстанія; но что правительство, во избѣжаніе дѣйствительно опасныхъ смутъ, ради собственной выгоды, скоро принуждено будетъ хотя бы частью возстановить конституцію, дарованную въ 1849 г. и уничтоженную въ 1851 году.

Въ такомъ смутномъ положеніи я покинулъ Вѣну, уѣзжая въ Россію по собственнымъ дѣламъ. На возвратномъ пути, въ проѣздъ чрезъ Петербургъ, военнымъ министромъ Н. О. Сухозанетомъ мнѣ было приказано явиться въ Варшаву къ маневрамъ, на которые императоръ австрійскій и прусскій принцъ-регентъ должны были пріѣхать для свиданія съ нашимъ государемъ. Маневры служили только предлогомъ для этого свиданія, имѣвшаго въ виду установить между тремя державами полюбовное соглашеніе касательно итальянскихъ дѣлъ, принявшихъ въ этомъ году оборотъ, опрокидывавшій всѣ консервативныя традиціи европейской политики, созданной Вѣнскимъ конгрессомъ послѣ паденія Наполеона I. Гарибальди въ то лѣто, какъ извѣстно, для Сардиніи завоевалъ помощью своихъ волонтеровъ Сицилію и Неаполитанское королевство: нѣкоторыя части Папскихъ владѣній, на основаніи всенароднаго голосованія были присоединены къ Піемонту; объединеніе Италіи, начатое Луи-Наполеономъ въ 1859 году, путемъ революціи угрожало перейти далеко за предѣлы, въ которыхъ онъ было расчитывалъ таковое удержать. Да и собственная политика императора французовъ, стремившаяся къ умноженію французской территоріи, побуждала собрав-

шихся государей короче сойтись между собой для согласнаго противодѣйствія его честолюбивымъ замысламъ.

За два дня до прибытія государя Александра Николаевича я находился въ Варшавѣ, гдѣ мнѣ была отведена квартира въ Лазенкахъ, во флигелѣ, въ которомъ помѣщалась императорская свита. На первый разъ мнѣ приходилось присутствовать на варшавскихъ маневрахъ по приказанію государя, видѣть тамъ иностранныхъ принцевъ, но никогда я не встрѣчалъ болѣе многочисленнаго собранія заграничныхъ гостей. Съ государемъ прибылъ въ Варшаву покойный цесаревичъ Николай Александровичъ; императоръ австрійскій и прусскій принцъ-регентъ, кромѣ придворныхъ чиновъ, привезли съ собой множество офицеровъ и генераловъ поглядѣть на русское войско. Не только Ланзенковскій дворецъ, всѣ варшавскія гостиницы были переполнены гостями, призванными пользоваться широкимъ русскимъ гостепріимствомъ. Случалось мнѣ бывать гостемъ австрійскаго императора на маневрахъ въ Парендорфѣ и въ Брукѣ на Лейтѣ: все было хорошо и прилично, но безъ роскошнаго излишка, какимъ сорилъ нашъ дворъ. Счета не было экипажнымъ и верховымъ лошадямъ, состоявшимъ въ распоряженіи иностранныхъ офицеровъ и государевой свиты. Жившіе въ гостиницахъ могли требовать, что хотѣли; проживавшіе въ Лазенкахъ пользовались гофмаршальскимъ столомъ; кромѣ того, каждый имѣлъ право обѣдать у себя, не желая присутствовать за общимъ обѣдомъ. Обѣдавшимъ на дому ежедневно отпускалось по двѣ бутылки столоваго вина, бутылка шампанскаго и полубутылка хересу, портеру же, пива, меда, сельтерской воды, чаю и кофе, сколько желалось. Это право вело къ двойному, совершенно ненужному расходу. Кормился ли гость за общимъ столомъ, или нѣтъ, придворная прислуга не упускала требовать для него домашній завтракъ, обѣдъ и ужинъ, обращая въ свою пользу вино и ѣду. Къ довершенію всего, принадлежавшимъ къ императорской свитѣ предъ отъѣздомъ изъ придворной конторы приносили еще деньги для раздачи лакеямъ на чай. Иностранцы, глядя на такую безрасчетную трату, втихомолку посмѣивались, не брезгая, однако, пользоваться всѣми ею доставляемыми удобствами.

Въ день прибытія государя пріѣхалъ въ Варшаву нашъ вѣнскій посланникъ, Балабинъ, сутками опередивъ австрійскаго императора. Государь принялъ его въ тотъ же вечеръ, а мнѣ было приказано на другое утро явиться его величеству.

Государь встрѣтилъ меня словами:

— А что? плохо Австріи приходится — распадается она?

— Не много расшаталась, но, кажется, еще держится.

— Какъ? — вчера вечеромъ Балабинъ подробно мнѣ разсказалъ все, что творится у васъ въ Вѣнѣ и по провинціямъ. Не даетъ онъ ей просуществовать трехъ мѣсяцевъ.

— Долго еще проживетъ она.

— Повсюду царитъ неудовольствіе, финансы разстроены, народъ не повинуется, вѣнскія уличныя демонстраціи грозятъ обратиться въ явное возстаніе!

— Именно въ послѣднемъ позволяю себѣ сомнѣваться. Покричатъ, пошумятъ, кое-кому стекла побьютъ; до барикадъ, однако, дѣло не дойдетъ—австрійскимъ народностямъ еще памятенъ сорокъ восьмой годъ. А нынѣ правительство сильнѣе прежняго; войско хорошо дисциплинировано.

— Но самъ Францъ-Іосифъ не пользуется любовью народа и войска; про него отзываются самымъ дерзкимъ образомъ; по мнѣнію Балабина, династія находится въ сильной опасности.

— Въ настоящую минуту императора Франца-Іосифа дѣйствительно бранятъ на всѣ лады. Народная ненависть, однако, направлена не лично противъ него и не противъ монархическаго принципа, а противъ административнаго произвола, противъ конкордата и полицейскихъ порядковъ. Отмѣнитъ онъ существующую систему правленія, и все перемѣнится, снова его станутъ хвалить и почитать. А что касается династіи, такъ позвольте доложить вашему величеству: всѣ народы главнымъ образомъ живутъ привычкой, и австрійскія народности, какого бы племени ни были, привыкли знать надъ собой домъ Габсбурговъ и не на шутку задумаются подчинить себя другой, незнакомой имъ власти—хуже можетъ выйти.

Балабинъ, человѣкъ болѣе остроумный, чѣмъ разумный, любилъ, прислушиваясь къ собственной рѣчи, играть фразой и метафорой, что и приводило его, разсуждая о политическихъ дѣлахъ, потокомъ своего краснорѣчія не рѣдко увлекаться за предѣлы здраваго смысла. И въ оцѣнкѣ австрійскихъ дѣлъ онъ тутъ же, сутокъ не прошло, кинулся изъ одной крайности въ другую. Францъ-Іосифъ не прибылъ еще, какъ изъ вѣнскаго посольства Балабину сообщили манифестъ, которымъ австрійскимъ подданнымъ объявлялось, что дипломомъ отъ 20-го октября императоръ вводитъ новую государственную организацію. На основаніи этого диплома верховная власть обязывалась всѣ законодательные, административные и финансовые вопросы рѣшать только при содѣйствіи государственнаго совѣта, усиленнаго опредѣленнымъ числомъ членовъ, избранныхъ изъ среды провинціальныхъ сеймовъ. Всѣмъ австрійскимъ провинціямъ возвращались ихъ прежніе статуты и самостоятельное управленіе. Въ Венгріи возстанавливались комитаты, и съ уничтоженіемъ центральныхъ имперскихъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и духовныхъ дѣлъ вновь учреждалась до возстанія при императорѣ существовавшая венгерская канцелярія (Ungarische Hof-Kanzelei). Бенедекъ, занимавшій должность венгерскаго намѣстника, назначался командующимъ войсками въ венеціанской области.

Съ этимъ извѣстіемъ въ рукахъ Балабинъ принялся проповѣдывать, что Австрія совершенно переродилась, умы успокоены, и на

родныя желанія удовлетворены свыше, чѣмъ позволено было ожидать. Par ce coup de théatre l'empereur d'Autriche a complètement changé la face des choses; je ne m'attendais pas de sa part un tel acte d'abnégation,—говорилъ онъ каждому посвященному и непосвященному въ политическія дѣла—не всѣ только вѣрили ему на слово.

Выходило не то: венгерцы оставались неудовлетворенными; дипломъ не давалъ имъ полной автономіи, которой они домогались; нѣмецкія и славянскія провинціи считали себя обиженными, не получивъ тѣхъ правъ, которыя были даны Венгріи. Дипломъ 20-го октября отнюдь не слѣдовало считать послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ преобразованія Австрійской имперіи; онъ былъ только этапомъ на пути къ позже данной, нынѣ существующей конституціи.

Неудовольствіе, царившее въ Австріи, уменьшилось, но совершенно не было прекращено. Балабинъ ошибся въ существенномъ значеніи диплома, какъ онъ ошибался, считая Австрію, до его публикаціи, осужденною погибнуть безъ всякаго спасенія.

Начались маневры, смотры и ученія, въ перемежку съ парадными обѣдами, театрами и празднествами всякаго рода—не имѣлось времени духъ перевести. Весь день проходилъ въ явленіяхъ и представленіяхъ, въ скачкѣ изъ конца въ конецъ Варшавы и въ переодѣваніи изъ одной формы въ другую. Народъ глазѣлъ, подъ давленіемъ полиціи восторгался, покрикивалъ «ура», но отъ наблюдательнаго глаза уже тогда не могло ускользнуть, что поляки готовятся къ чему-то недоброму. Изъ всѣхъ дорогихъ затѣй, устроенныхъ для забавы чужестранныхъ гостей, обратила на себя особенное вниманіе чудная иллюминація въ Лазенкахъ, превосходившая разнообразіемъ и блескомъ всѣ извѣстныя европейскія иллюминаціи.

Во время маневровъ случилось со мной два, въ моей памяти сохранившіеся, эпизода. Военный министръ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, нѣсколько разъ мнѣ поручалъ слѣдить за тѣмъ или другимъ дѣломъ и сообщать ему мои замѣчанія. Въ то время, по примѣру Франціи, въ большей части европейскихъ армій стали заводить нарѣзныя орудія системы Лагита, при чемъ и у насъ была сформирована подобнаго рода пробная батарея. Приказалъ онъ мнѣ, между прочимъ, во время артиллерійской пальбы въ мишени, наблюдать за огнемъ этой батареи для оцѣнки его сравнительно съ мѣткостью, принадлежащею австрійской артиллеріи. Батарея не стрѣляла особенно мѣтко: снаряды не долетали до мишени или перелѣтали. Государь Александръ Николаевичъ, до крайности разсерженный плохимъ дѣйствіемъ батареи, подскакалъ къ батарейному командиру и въ присутствіи иностранцевъ осыпалъ его самыми нелестными упреками. Артиллерійскій полковникъ что-то хотѣлъ сказать, но государь не слушая крикнулъ—молчать!—и ускакалъ.

Глубоко оскорбленный полковникъ обратился ко мнѣ: слышали вы? скажите, что остается мнѣ дѣлать?—пустить себѣ пулю въ лобъ.

— По моему, погодите, нечего еще стрѣляться вамъ. И другимъ приходилось страдать отъ царскаго гнѣва, а продолжаютъ жить и процвѣтать. Впрочемъ, признайтесь, полковникъ, что вамъ хоть и больно досталось, но не безъ всякой причины. Ваша батарея дѣйствительно не отличалась мѣткостью, которую позволено требовать отъ нарѣзныхъ орудій.

— Совершенно справедливо, да не моя вина. Опыты надъ нарѣзными орудіями производили мы прусскимъ порохомъ, къ нему примѣнились, а вчера вечеромъ для сегодняшней пальбы мнѣ отпустили русскій порохъ; разница велика въ силѣ того и другаго пороха, нельзя сразу примѣниться. Хотѣлъ я государю сказать, но вы сами видѣли, какъ государь мнѣ не далъ слова выговорить.— Полковникъ махнулъ рукой—покончу, да и только!

Тѣмъ временемъ къ намъ подъѣхалъ красивый молодой человѣкъ, со звѣздой на уланскомъ мундирѣ, въ которомъ я незамедлилъ узнать цесаревича-наслѣдника, покойнаго Николая Александровича.

— А что?—обратился онъ ко мнѣ:—плохо стрѣляетъ наша нарѣзная батарея!

— Точно такъ, ваше высочество; государь по этому поводу высказалъ батарейному командиру свое неудовольствіе въ такихъ прискорбныхъ словахъ, что онъ только и думаетъ застрѣлиться; а полковникъ между тѣмъ нимало не виноватъ.

— Какъ не виноватъ? Вина очевидна!

Я объяснилъ великому князю дѣло о порохѣ.

Выслушавъ меня, цесаревичъ подъѣхалъ къ батарейному командиру, сталъ его утѣшать и обѣщалъ немедленно доложить государю императору, отчего батарея давала промахи. Цесаревичъ дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе, и государь на другой же день, призвавъ несчастнаго полковника, загладилъ ошибочно ему нанесенную обиду.

Другой эпизодъ можетъ служить примѣромъ, какъ нѣкоторые господа понимаютъ, и какъ далеко, совсѣмъ не къ благу его, они распространяютъ свою преданность къ царствующему лицу.

На другой день послѣ артиллерійскаго ученія было мнѣ поручено наблюдать за общимъ ходомъ маневра и военному министру сообщать о замѣченныхъ мною тактическихъ ошибкахъ. Увидавъ, что нѣсколько батальоновъ сомкнутыми колоннами атакуютъ лѣсъ, занятый противникомъ, и, кромѣ того, останавливаются для пальбы въ открытомъ полѣ, я указалъ на это обстоятельство генералу Сухозанету, замѣтивъ, что, по моему мнѣнію, лѣсъ слѣдуетъ атаковать бѣгомъ, густою цѣпью, поддержанною сильными резервами, не теряя времени на безполезную перестрѣлку, колоннамъ же идти лишь въ третей линіи, почему и считаю маневръ ошибочнымъ.

Въ это мгновеніе за моими плечами раздался картавый голосъ незамѣтно подъѣхавшаго флигель-адъютанта А.

— Какъ вы только можете это говорить, когда самъ императоръ такъ приказалъ!

Генералъ Сухозанетъ поморщился, а мнѣ оставалось только умолкнуть.

Невѣдомо было мнѣ, что самъ императоръ такъ приказалъ; но если бы я даже зналъ, то не сталъ бы говорить противъ своего убѣжденія. И цари могутъ ошибаться, а лестью прикрывать каждую ихъ ошибку есть дѣло не преданности, а противнаго раболѣпства, наводящаго ихъ только на новыя, государству и имъ самимъ одинаково вредныя ошибки.

По установленной программѣ слѣдовало государю и его гостямъ еще три дня оставаться въ Варшавѣ, какъ вѣсть изъ Петербурга о смертельной болѣзни престарѣлой государыни Александры Ѳеодоровны положила конецъ ихъ пребыванію. Октября 30 (новаго стиля) мы собрались въ Лазенковскомъ дворцѣ проводить государя, спѣшившаго въ Петербургъ, куда онъ поспѣлъ передъ самой кончиной своей родительницы. Самъ онъ наканунѣ заболѣлъ простудой; въ шубу закутанный, спустился съ лѣстницы, собираясь сѣсть въ карету, а тутъ, будто на зло ему, отъ излишняго рвенія, разбили стекла въ каретѣ. Задержанный императоръ сердился, князь М. Д. Горчаковъ суетился, придворный людъ метался во всѣ стороны, стекла же и стекольщика не знали, гдѣ отыскать. Наконецъ, послѣ долгой задержки, дѣло было исправлено, государь усѣлся, и карета тронулась. Нѣсколько часовъ спустя, уѣхали изъ Варшавы императоръ австрійскій и принцъ-регентъ прусскій, впослѣдствіи императоръ германскій. Я же, не знаю съ чего, изъ этого съѣзда высочайшихъ особъ вынесъ два ордена. Предъ своимъ отъѣздомъ императоръ Францъ-Іосифъ мнѣ прислалъ Желѣзную Корону 2-й степени; мѣсяцъ спустя, въ Вѣну мнѣ былъ присланъ прусскій орденъ Краснаго Орла той же степени.

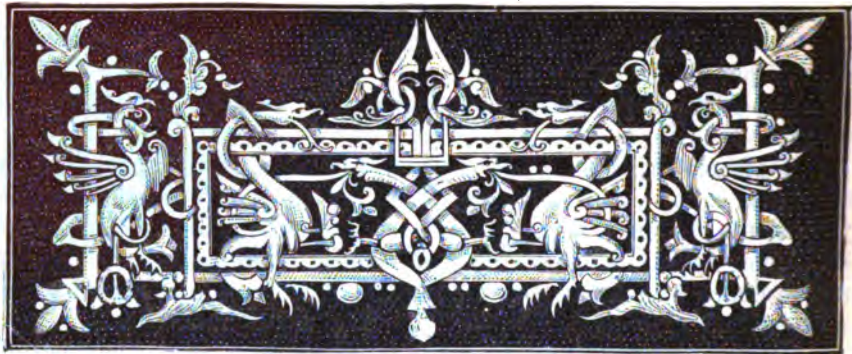
Надѣлъ я новопожалованный орденъ и отправился къ прусскому посланнику въ Вѣнѣ, барону Вертеру, просить его повергнуть къ стопамъ его высочества принца-регента выраженіе моей глубочайшей благодарности за пожалованное мнѣ отличіе.

Выходя отъ него, повстрѣчался я съ какимъ-то австрійскимъ генераломъ. Взглянувъ на меня, увидалъ онъ бѣлый крестъ и спросилъ:

— Вы получили Краснаго Орла—за что?

— За то, что не упускалъ при встрѣчѣ кланяться прусскому королю; другой заслуги не знаю за собой.

Баронъ **Ѳ. Ѳ. Торнау.**

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ[1].

IV.

Ы, — ГОВОРИЛЪ отецъ Гурій, — первую стоянку сдѣлаемъ тутъ, въ Баламутовкѣ... Это всего пятнадцать верстъ отсюда. Тамъ отецъ Сампсонъ Распознанскій живетъ. Только я, знаете, мало надѣюсь, чтобы это подошло... Потому у него дѣвица... какъ бы сказать... не того... не въ молодыхъ уже годахъ... Господь ее знаетъ, чего она засидѣлась... Кажись бы, и лицомъ ничего себѣ... Скряга, должно быть, отецъ Сампсонъ, теперь-то онъ уже расщедрился бы, да только уже поздно.

— Такъ, можетъ, и не ѣхать?—предложилъ Маккавеевъ.

— Какъ не ѣхать? Нѣтъ, это нельзя, Егоръ Трофимовичъ, надобно порядокъ соблюдать, а то потомъ отецъ Сампсонъ узнаетъ, что я мимо него богослова провезъ, такъ онъ мнѣ проходу не дастъ. Мое дѣло, знаете, привезти, а тамъ сошлись, не сошлись, это ужъ не моя вина, потому я могу всякаго жениха привезти, а жениться за всякаго я не могу. А то, я вамъ скажу, женитесь на дочкѣ отца Сампсона. Онъ дастъ за нею хорошую сумму... Полторы тысячи даетъ онъ теперь, да худобу тамъ и разное другое.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 83.

— Какая худоба?

— А вы не знаете? Вотъ васъ тамъ въ семинаріи всякой мудрости учать, а того самаго, съ чѣмъ вы будете дѣло потомъ имѣть, вы и не знаете. Худоба—это есть скотъ домашній, для хозяйства. Да ужъ тамъ, какъ себѣ знаете, женитесь—не женитесь, а мое дѣло предоставить.

Дорога была пыльная, но ровная и мягкая; лошади бѣжали изрядно. Еще солнце было довольно далеко отъ горизонта, когда показалась вдали узкая рѣченка, а по берегамъ ея—хаты, среди которыхъ возвышалась небольшая церковь съ четырьмя зелеными куполами, безъ колокольни.

Они въѣхали въ раскрытыя ворота, прямо во дворъ церковнаго дома. Въ домѣ ставни были закрыты, но это вовсе не значило, что тамъ спятъ. Это былъ единственный способъ укрыться отъ невыносимой жары.

Собаки сперва свирѣпо лаяли на нихъ, а гуси кричали, но затѣмъ, какъ бы убѣдившись, что пріѣздъ гостей сдѣлался неотразимымъ фактомъ, они замолкли.

Изъ сарая вышелъ работникъ.

— А что, отецъ Сампсонъ дома?—спросилъ отецъ Гурій.

— Дома.

— А матушка?

— И матушка дома, всѣ дома. Пожалуйте, отецъ дьяконъ.

— А ты узналъ меня?

— А какъ же не узналъ? Да это же вы недавно къ намъ жениха привозили.

— Такъ, такъ. Да, это я съ Поноцатенкомъ пріѣзжалъ,—пояснилъ отецъ Гурій Маккавееву.—Я вамъ говорилъ уже... Ну, такъ ты,—опять обратился онъ къ работнику,—вотъ помоги распрячь лошадей, да корму имъ задай... Вѣдь кормъ у отца Сампсона свой не купленный, такъ ты не жалѣй.

— Да мы не пожалѣемъ, зачѣмъ жалѣть?—сказалъ работникъ

Выбѣжала изъ дома дѣвка и принялась поспѣшно открывать ставни. Наши путешественники стояли уже на землѣ.

Вотъ вышелъ и отецъ Сампсонъ, довольно хилый старикъ съ подслѣповатыми глазами и съ шишкой на правой сторонѣ лба и матушка—высокая, тонкая, сутуловатая женщина, съ длиннымъ скуластымъ лицомъ.

— А, отецъ Гурій!.. Вотъ такъ гость! пріятный гость!..

— А мы,—говорилъ отецъ Гурій,—ѣдемъ въ Вознесенскій монастырь; тамъ у насъ, знаете, дѣльце есть... Собственно, не у меня, а у моего сродственника; вотъ позвольте и отрекомендовать вамъ Егоръ Трофимовичъ Маккавеевъ! Ужъ по фамиліи видно, что сродственникъ; богословъ, сію минуту только кончилъ курсъ.

— Ага, это очень пріятно... Что-жъ, собираетесь въ наше зв

ніе поступить или какъ?—спросилъ отецъ Сампсонъ, подавая руку Егору.

Маккавеевъ хотѣлъ было объяснить, что получилъ мѣсто и что черезъ девять дней будетъ рукоположенъ, но онъ и рта не успѣлъ открыть, какъ отецъ Гурій уже за него отвѣтилъ.

— Ну, да, только не сейчасъ, конечно; гдѣ ему? онъ такой еще молодой. Можетъ и такъ еще погулять, — ну, тамъ псаломщикомъ, либо учителемъ... Куда торопиться?

Егоръ съ великимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но потомъ сообразилъ, что это, по всей вѣроятности, политика.

— Такъ, такъ! — говорилъ отецъ Сампсонъ, въ свою очередь соблюдая политику и дѣлая видъ, что повѣрилъ. Но онъ очень хорошо зналъ, что отецъ Гурій не станетъ возить по окрестностямъ богослова зря, но что, конечно, у него есть для этого основательная причина, только нельзя же ему такъ прямо и ляпнуть: невѣсту ищемъ! Въ особенности отецъ Сампсонъ понималъ эту политику, принимая во вниманіе, что его старая дѣвка никому уже больше не нравится.

— Такъ, такъ!—говорилъ онъ,—пожалуйте же въ комнату! Оно и кстати, мы какъ разъ полудновать собирались... Жара весь день такая, что чувствуешь себя, словно ты въ котлѣ сидишь, съ кипяткомъ... Ну, и сидимъ въ темнотѣ цѣлый день... а теперь ничего, отлегло. Пожалуйте, пожалуйте!

Они всѣ вошли въ комнату. Въ это время матушка громко обращалась къ лицу, остававшемуся еще за кулисами:

— Аря, Аря! вели-ка закуску подавать, да поскорѣе! Гости пріѣхали.

— Барышня уже велѣли! — отвѣтила вертѣвшаяся тутъ дѣвка, изъ чего Маккавеевъ заключилъ, что Аря это и есть барышня.

Вошли въ гостиную. Она оказалась небольшой, съ тремя окнами, глядѣвшими въ церковную ограду, прямо на церковь. Очевидно, гостиная была въ то же время и столовой, потому что круглый столъ съ распростертыми крыльями стоялъ передъ диваномъ, накрытый бѣлой скатерью, и на немъ уже была кое-какая посуда.

— Садитесь же, пожалуйста, — говорила матушка, пододвигая кресло для отца Гурія и стулъ для Маккавеева.

— Такъ по дѣлу, значитъ?—говорилъ въ это время отецъ Сампсонъ:—Гм... Такъ, такъ, въ монастырь? Тамъ вѣдь преосвященный будетъ... Торжество! торжественная служба! Народу-то, народу сколько понайдетъ, страсть!

Но отецъ Сампсонъ о существѣ дѣла не разспрашивалъ, твердо памятуя, что надо не только соблюдать самому политику, но и другимъ давать соблюдать ее.

Между тѣмъ на столѣ все меньше и меньше оставалось свободнаго мѣста; появлялись закуски, бутылки съ вишневкой, сливянкой

и виномъ. Вышла наконецъ, и Аря. Она была нѣсколько громоздка, широковата въ плечахъ, съ лицомъ уже значительно поблекшимъ, но въ прошломъ, повидимому, недурнымъ. На вискахъ у нея дрожали завитки волосъ. Очевидно, она въ непрестанномъ ожиданіи хорошаго случая постоянно ходила въ папильоткахъ, которыя распускала тотчасъ, когда выпадалъ случай. На ней было нѣчто похожее въ одно и то же время и на сарафанъ и на малороссійскій костюмъ—съ множествомъ бусъ и солидныхъ кораловъ. Шея была открыта довольно низко. На лѣвой сторонѣ подбородка красовалось очень темное родимое пятно.

— А вотъ и моя дочь!—сказала матушка,—позвольте васъ познакомить: моя дочь Аря, а это сродственникъ отца Гурія. Ужъ простите, не знаю, какъ имя и отчество.

— Егоръ Трофимовичъ,—сказалъ отецъ Гурій.

Аря протянула руку Маккавееву, потомъ поздоровалась съ отцомъ Гуріемъ, какъ уже съ старымъ знакомымъ.

Она все время молчала, была необыкновенно тиха и, очевидно, обладала угрюмымъ характеромъ; хотя старалась все время имѣть веселый видъ. Было ясно, что мамаша слишкомъ часто повторяла ей: «и что это ты все волкомъ глядишь? Этакъ всякаго испугать можешь». Вотъ она и старалась.

Ее посадили рядомъ съ Егоромъ, но Егоръ почему-то смотрѣлъ все больше на отца Гурія, какъ на единственный предметъ, ему болѣе или менѣе извѣстный.

Послѣ закуски встали. Отецъ Гурій нашелъ моментъ, подошелъ къ Маккавееву и шепнулъ ему: «а ты разговори ее... поразспроси, что и какъ».

— Зачѣмъ?—тихо спросилъ его Егоръ.

— А что? Не нравится?

— Богъ съ нею!—отвѣтилъ Егоръ.

— Это навѣрняка, а? Такъ что того... можно и оглобли повернуть?

Егоръ на этотъ вопросъ не успѣлъ отвѣтить, что-то помѣшало ему, но въ это время онъ посмотрѣлъ на Арю, на ея угрюмо печальный видъ и подумалъ о томъ, что онъ до сихъ поръ въ сущности не сказалъ ей ни слова; онъ подошелъ къ ней и, глядя въ окно на церковь, спросилъ:

— А у васъ колокольни нѣтъ?

Она, должно быть, отъ полной неожиданности, какъ-то вся вздрогнула и какъ будто даже не поняла вопроса и отвѣтила на него только послѣ значительнаго промежутка.

— Колокольни? Нѣтъ, у насъ нѣтъ колокольни... У насъ на столбахъ...

Маккавеевъ сталъ усиленно думать, что бы еще такое сказать. При этомъ онъ машинально водилъ пальцемъ по стеклу окна, и во-

дилъ онъ такимъ образомъ минуты двѣ, а она все время сидѣла тутъ же, очевидно терпѣливо ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ.

А отецъ Гурій зорко наблюдалъ за ними и, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства и соображенія, онъ откашлялся и сказалъ своимъ громкимъ басомъ:

— Ну, что-жъ, богословъ, намъ пора ѣхать!

— Что вы! что вы, отецъ Гурій!—запротестовали разомъ и батюшка и матушка,—вы оставайтесь ночевать... Куда вамъ ѣхать?..

— Ни, ни, Боже сохрани! даже и подумать нельзя! — сказалъ отецъ Гурій, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дорожилъ каждой минутой.—Еще солнце не закатится, а мы уже будемъ въ монастырѣ. Торопимся, отецъ Сампсонъ, очень торопимся. Вы знаете, я человѣкъ служебный, и при томъ акуратность моя извѣстна. Всего только на однѣ сутки взялъ отпускъ у отца настоятеля; ужъ ежели позволите, такъ на обратномъ пути завернемъ,—прибавилъ онъ, какъ бы желая все-таки оставить отцу Гурію и матушкѣ нѣкоторую надежду.

— «Но какъ онъ ловко вретъ!—подумалъ про себя Егоръ,—удивительно, какъ онъ вретъ, этотъ отецъ Гурій».

— А какъ же, пожалуйста, пожалуйста!—съ величайшимъ оживленіемъ воскликнули оба хозяева. Увы, они понимали, что дѣвица ихъ не имѣла успѣха, и у обоихъ была тайная мысль, что авось они въ дальнѣйшемъ путешествіи не найдутъ ничего подходящаго и вернутся къ нимъ.

Тутъ произошло одно дѣйствіе, смыслъ котораго для Маккавеева былъ неясенъ. Отецъ Сампсонъ отвелъ отца Гурія въ сторонку и что-то такое тихонько сообщилъ ему, послѣ чего они стали прощаться.

Они вышли во дворъ, Аря уже не показывалась. По всей вѣроятности, она пошла въ свою комнату, оперлась локтемъ на подоконникъ и печально глядѣла въ окно на то, какъ еще одна мимолетная надежда уплывала отъ нея.

— Эй, ты, запрягай-ка живо!—крикнулъ извозчику отецъ Гурій,— намъ надо въ монастырь поспѣть.

Извозчикъ заторопился. Его хорошо накормили и дали ему большой стаканъ водки, поэтому онъ былъ доволенъ и веселъ.

Этотъ извозчикъ уже далеко не въ первый разъ ѣздилъ съ отцомъ Гуріемъ и всякій разъ, когда рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодой человѣкъ, онъ зналъ, что это--женихъ, что, значитъ, будутъ ѣздить по попамъ и, значитъ, его будутъ хорошо кормить. Зналъ онъ также, что надо держать языкъ за зубами, что никому, даже работнику или работницѣ, не слѣдовало разсказывать, куда ѣдутъ и по какой надобности, потому что отецъ Гурій будетъ врать тамъ то или другое, смотря по обстоятельствамъ.

Онъ запрягъ лошадь, они сѣли и кланялись хозяевамъ, а хозяева привѣтливо провожали ихъ и все приглашали заѣзжать на

обратномъ пути; очевидно, они не теряли надежды на то, что, можетъ быть, еще что нибудь выйдетъ.

— Ну,—сказалъ отецъ Гурій, когда они уже выѣхали со двора,— слѣдственно у отца Сампсона не выгорѣло. Это правда, что странная она дѣвица... Или у ней чего-то въ головѣ не хватаетъ, или запугана такъ!.. Вотъ этакъ всегда молчитъ. Я, чтобъ не соврать вамъ, уже восьмерыхъ тутъ женилъ и со всякимъ къ нимъ заѣзжалъ. Ну, прежде, когда свѣжѣе была, у нея попадались такіе случаи, что кому нибудь и приглянется; такъ отецъ Сампсонъ начиналъ тогда торговаться, какъ жидъ. Сперва это двѣсти рублей посулитъ, а тамъ начнетъ по двадцати пяти рублей прибавлять... Душу вытянетъ, я вамъ скажу, а какъ дойдетъ до четырехъ сотъ, такъ дальше ни съ мѣста, такъ вотъ и разойдутся изъ-за этого. Дѣвица, конечно, плачетъ, а онъ—никакихъ... А теперь... Ты знаешь (уже отецъ Гурій окончательно перешелъ съ Маккавеевымъ на ты), что онъ мнѣ сказалъ, когда отвелъ въ сторону: двѣ, говоритъ, тысячи даю и тройку лошадей и прочее... Да, двѣ тысячи деньги хорошія, это что и говорить, да только вѣдь и жена нужна! Поздно спохватился отецъ Сампсонъ.

Извозчикъ обернулся къ нимъ.—Теперь въ Круглое прикажете? къ отцу Софонію?—спросилъ онъ.

— Ишь какъ онъ изучилъ!—съ усмѣшкой сказалъ отецъ Гурій.—Валяй въ Круглое; тамъ и заночуемъ. Порядокъ знаетъ, однако! Ты знаешь, я,—обратился онъ къ Егору,—я это такъ для политики сказалъ, что будто мы въ монастырь ѣдемъ, а въ монастырѣ намъ нѣтъ никакой надобности.

Круглое отстояло верстъ на двѣнадцать отъ Баламутовки, уклоняясь нѣсколько въ сторону отъ большой дороги. Дорога—не широкая, ровная, проведенная съ видимымъ стараніемъ, была усажена чахлыми деревцами. Кто-то потратилъ на это много средствъ и стараній, но потомъ оставилъ все на произволъ судьбы; а въ этомъ знойномъ и сухомъ краю деревья требуютъ поливки и ухода, и рѣдко среди этихъ деревъ попадалась листва. Большею частью торчали обнаженные стволы съ сухими вѣтвями.

— Вотъ насадилъ это все помѣщикъ Юреневъ,—объяснялъ отецъ Гурій,—и сколько тутъ денегъ вкачено, страсть! а теперь даже и срубить некому, никто не хочетъ. Помѣщикъ теперь прогорѣлъ... И все вотъ такія затѣи! онѣ вотъ его и погубили. Садъ у него былъ превосходный, отъ предка получилъ; такъ нѣтъ, мало ему, вздумалъ, можешь себѣ представить, ананасы выводить; само собою, ананасовъ не вышло, а денегъ множество ухлопано. И вотъ уже лѣтъ семь, какъ имѣніе перешло къ Безхвостову, который еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ кабачекъ тутъ держалъ плохенькій. Вотъ какія дѣла.

Солнце зашло. Круглое казалось въ дымкѣ сумерекъ. Велико-

лѣпный прудъ версты на двѣ въ ширину и чуть поменьше въ длину. Красивая усадьба, большой каменный домъ въ два этажа. Теперь этотъ домъ занималъ мѣщанинъ Безхвостовъ, а помѣщиковъ, строившихъ его, здѣсь ужъ и слѣда не было.

А вонъ и церковь и недалеко отъ нея особнякомъ стоитъ домъ, собственный домъ отца Софонія.

— Отецъ Софоній живетъ не какъ нибудь!—говорилъ отецъ Гурій,— и съ него можно содрать здорово. У него двѣ дочки, обѣ епархіалки, только одна кончила, а другая еще нѣтъ, младшая, такъ на ту и смотрѣть нельзя. Сколько охотниковъ находилось на нее! Такъ нѣтъ, не отдаютъ, потому старшую надо прежде отдать. А старшая-то никому не подходитъ.

— А что такое?

— Да она бы и ничего и съ лица себѣ, какъ слѣдуетъ, и сложеніемъ... Только вотъ всякому, кто съ нею поговоритъ, кажется, что характеромъ она злая, а почему такъ кажется,— неизвѣстно. Ну, пріѣдетъ это свѣжій человѣкъ, поговоритъ это съ нею, да и въ сторону. Кому охота навязать себѣ злую жену на шею? Нашъ братъ, духовный человѣкъ, самъ знаешь, ужъ какъ выбралъ жену, такъ съ нею и сиди, ибо другой жены у него не можетъ быть...

Около дома тянулась низенькая заваленка, а на заваленкѣ сидѣлъ какой-то народъ, въ сумеркахъ нельзя было разглядѣть. Вотъ бричка остановилась, и съ заваленки начали вставать; отецъ Гурій сейчасъ узналъ хозяина, отца Софонія: онъ былъ тщедушный, ходилъ дробно, какъ бы догоняя кого, говорилъ пѣвучимъ теноркомъ и все приглаживалъ свою бороду. Матушка была низенькая, толстая и переваливалась съ ноги на ногу, какъ утка.

Дочки не встали съ заваленки, а въ глубинѣ двора около голубятни расхаживалъ сынъ, семинаристъ.

— А какъ фамилія отца Софонія?—спросилъ Маккавеевъ отца Гурія.

— Асмодеевъ,— отвѣтилъ отецъ Гурій.

— Асмодеевъ? Такъ вѣдь это его сынъ у насъ въ семинаріи?

— Должно быть, что сынъ, вонъ онъ около голубятни ходитъ

Маккавеевъ присмотрѣлся и узналъ знакомыя черты. «Эге, да это и есть длинноносый Асмодей!»—мысленно произнесъ онъ. Такъ прозывали этого юношу въ семинаріи, гдѣ онъ былъ ученикомъ третьяго класса.

— А мы вотъ ѣхали,—шутливымъ тономъ говорилъ отецъ Гурій,— да смотримъ, стоитъ веселенькій домикъ, а на заваленкѣ сидятъ добрые люди. Дай, думаемъ себѣ, заѣдемъ. Анъ, приглядѣлись, въ этомъ самомъ домѣ живутъ отецъ Софоній съ матушкой.

— И отлично сдѣлали, отецъ Гурій, что заѣхали! А скажите, пожалуйста, какъ поживаетъ матушка, Марья Петровна?—проговорили отецъ Софоній и матушка вмѣстѣ.

— Э, ничего, поживаетъ себѣ,— говорилъ отецъ Гурій, грузно слѣзая съ брички.

— Это вы что же, мимоѣздомъ?

— Ну, да, тутъ, знаете, въ Шалдыбинскихъ хуторахъ, баба холсты прядетъ, такъ вотъ жена и послала меня эти холсты купить. Сказываютъ, дешево и мило...

— «Тьфу, ты пропасть,— подумалъ Маккавеевъ,— какой онъ выдумчивый, этотъ отецъ Гурій! То монастырь выдумалъ, а теперь уже совсѣмъ по-иному вретъ. Теперь холсты какіе-то. И зачѣмъ онъ все это выдумываетъ? сказалъ бы прямо!»

— Ага,— говорилъ между тѣмъ отецъ Софоній,— слышалъ, слышалъ я про такую бабу; есть такая.

И при этомъ отецъ Софоній, сразу понявъ, въ чемъ дѣло, умышленно и съ своей стороны сочинилъ про бабу, потому что никакой такой бабы на Шалдыбинскомъ хуторѣ не бывало. А ужъ онъ ли не зналъ мѣстныхъ нравовъ и всѣхъ окрестныхъ мужиковъ?

— Ну, а вотъ между прочимъ везу съ собой для прогулки и сродственника,— сказалъ отецъ Гурій,— вотъ и къ вамъ завезъ. Рекомендую: тоже Маккавеевъ, Егоръ Трофимовичъ. Богословъ, сейчасъ только курсъ кончилъ...

Въ это время и дѣвицы поднялись съ заваленки, но старшая сейчасъ же ушла куда-то въ сторону, а младшая медленно подошла къ нимъ.

Ей богослова вовсе не представляли. Очевидно, ее еще не считали тутъ, въ этомъ домѣ, за полнаго человѣка, хотя по сложенію она была уже совсѣмъ какъ слѣдуетъ дѣвица. Маккавеевъ взглянулъ на нее и нашелъ, что она мила. Онъ уже теперь научился присматриваться къ дѣвицамъ. Небольшой ростъ, свѣтлые волосы, свѣтлые глаза и сама вся такая свѣтлая и простая. Рѣшительно, она могла бы ему понравиться. На ней было форменное платье епархіальнаго училища, короткое, съ бѣлой пелеринкой.

— А мы, знаете, ужъ у васъ и ночевать останемся, ежели не прогоните,— сказалъ отецъ Гурій.

— Хе, хе! да развѣ такого большого человѣка можно прогнать? У васъ четыре аршина въ обхватѣ, отецъ Гурій.

— Ну, четыре не четыре, а два съ половиной будетъ!—сказалъ отецъ Гурій.— Однако, ежели хозяева захотятъ, то даже и такого большого человѣка прогнать могутъ.

— Ну, пожалуйте же въ комнату, да лошадей надобно во дворъ, да распрячь ихъ, да корму задать имъ... Мы гостей принимать умѣемъ!..

Они вошли во дворъ, который своимъ видомъ сразу поразилъ Маккавеева: такое множество было въ немъ всякихъ сараевъ, засѣкъ, загоновъ; видно было, что хозяйство здѣсь шло не на шутку. Не смотря на позднее время, на току еще работали съ десяткомъ

работниковъ, и стукъ отъ цѣповъ, молотившихъ рожь частыми ударами, долеталъ сюда, во дворъ.

— Да у васъ чуть ли не до полуночи молотятъ, отецъ Софоній,— сказалъ отецъ Гурій.

— Торопимся, отецъ Гурій, очень торопимся! Ныньче очень высокія цѣны стоятъ на жито, а черезъ двѣ недѣли упадокъ будетъ. У меня жито раннее, а поспѣетъ у всѣхъ, такъ сейчасъ и упадокъ будетъ.

— Ну, и хозяинъ же вы, отецъ Софоній. Я думаю, у васъ въ городскомъ банкѣ тысячъ до тридцати лежитъ, а?

— Ну, до тридцати, это вы очень ужъ хватили, отецъ Гурій, а я не скрываю. Всего только одиннадцать тысячъ лежитъ. Да гдѣ тамъ? расходы, знаете, большіе. Сына воспитываю и дочь. Помилуйте, на казенный счетъ ни одного не захотѣли принять.

— Ну, еще вамъ на казенный! Стыдно, отецъ Софоній, стыдно!

— Отчего стыдно? Казна одинакова для всѣхъ. Взяли бы, отдалъ бы, а не берутъ, не плачу.

— Ахъ, здравствуйте, Маккавеевъ!—сказалъ молодой Асмодеевъ, быстро подойдя къ нему, когда узналъ въ немъ семинариста.

Этотъ молодой человѣкъ вполнѣ оправдывалъ прозваніе «длинносаго Асмодея». Дѣйствительно носъ у него былъ какой-то зловѣщедлинный.

— Вы къ намъ погулять пріѣхали?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Маккавееву.—Пойдемте, я вамъ покажу голубей, у меня удивительные, они вертуны и такъ вертятся, что навѣрное вы нигдѣ такихъ не видали...

— Ну, очень нужно имъ видѣть твоихъ голубей!—наставительно сказала матушка:—въ третьемъ классѣ на второй годъ остался, къ ученью глухъ, а на счетъ голубей мастеръ. Очень интересна имъ твоя голубятня!

Но Маккавеевъ пошолъ. Ему собственно до голубей не было дѣла. Но очень не хотѣлось идти въ комнаты. Онъ уже соверш[illegible] ясно представлялъ себѣ, что тамъ будетъ: сперва подадутъ вып[illegible] и закуску, а въ это время будетъ взаимная политика,—станут го-ворить не о томъ, что думаютъ, и не то, что думаютъ, а такъ, [illegible] годѣ, о жарѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о благочинномъ, объ архіе[illegible].

Старики ушли въ комнаты, а Асмодеевъ повелъ Маккавее[illegible] голубятню и очень основательно демонстрировалъ передъ нимъ [illegible] своихъ голубей, которые очень хотѣли спать и, попадая въ его [illegible] дрожали.

— А вы вѣдь кончили курсъ?—спросилъ Асмодеевъ.

— Да, кончилъ. А вы, кажется, остались?

— Да, остался на второй годъ! Чортъ бы ихъ побралъ, эти [illegible]ческій и латынь, они меня подрѣзали. А вы, должно быть, при[illegible]дъ получили?

— Нѣтъ, не то, чтобъ...—промолвилъ Маккавеевъ, вспомнивъ, что отецъ Гурій зачѣмъ-то тщательно скрываетъ это обстоятельство, и вообразивъ, что и ему тоже надо врать.—Я съ отцомъ Гуріемъ такъ поѣхалъ...

— А онъ вамъ родня?

— Да, родня...

— А я слышалъ еще въ семинаріи, что вамъ приходъ назначили...

Теперь Маккавеевъ чувствовалъ себя пойманнымъ и не зналъ, что отвѣтить.

— Да, собственно обѣщали назначить, въ Окуневку,—сказалъ онъ.

— А, въ Окуневку? это близко отъ насъ. Я къ вамъ буду въ гости ѣздить... А когда же вы женитесь?

— Не знаю... Зачѣмъ торопиться?

Маккавееву сдѣлалось неловко; онъ вообще не привыкъ, да и не умѣлъ врать, а главное онъ не зналъ, зачѣмъ собственно отецъ Гурій самъ вретъ и его заставляетъ.

Асмодеевъ какъ-то глупо ухмыльнулся.

— А тутъ знаете—меня тогда не было, такъ сестры разсказывали—отецъ Гурій какъ-то привезъ Понощатенка. Помните, его выгнали за пьянство и грубость?.. Такъ вотъ Гурій привозилъ его, чтобъ женить. У меня сестра есть старшая, такъ на ней. Бросилъ, говоритъ, пить, а какъ сѣлъ за столъ да въ какіе нибудь полчаса одинъ цѣлый графинчикъ выкачалъ. Ну, и, разумѣется, его благо виднымъ манеромъ выпроводили.

— Не понравился?

— Кому?

— Вашей сестрѣ?

— Моей сестрѣ? старшей? Да я не знаю, кто ей понравится. Ей никто не нравится. Вотъ младшая сестренка у меня прелесть. Вонъ она бѣжитъ. Люба!

И дѣйствительно прибѣжала Люба, оживленная, веселая и прыгающая совсѣмъ подѣтски.

— А я васъ видѣла въ семинарской церкви,—сказала она, обращаясь къ Маккавееву,—насъ какъ-то туда водили, на храмъ. Только вы были тогда такой смѣшной, съ баками. Давайте бѣгать!

— Какъ бѣгать?

— Да такъ, бѣгать. На перегонку.

Маккавеевъ не зналъ, какъ собственно онъ будетъ бѣгать, но все-таки согласился. Предложеніе было сдѣлано такъ просто и мило, что какъ-то нельзя было отказаться. Они отправились на токъ, гдѣ ужъ прекратилась молотьба, и стали тамъ бѣгать. Но Маккавеевъ, сдѣлавъ три, четыре конца, почувствовалъ усталость и сѣлъ на солому. Онъ никогда не бѣгалъ, и ему съ непривычки это было тяжело.

Со стороны поля, гдѣ были ворота, появилась старшая дочь отца Софонія.

— Соня, иди къ намъ!—крикнулъ ей Асмодеевъ.

— Чего я тамъ не видала?—откликнулась Соня.

— А вотъ тутъ Маккавеевъ сидитъ, ты его и не видала.

Маккавеевъ всталъ и, когда она подошла ближе, поклонился ей. Уже было довольно темно, и лица ея онъ почти не разглядѣлъ.

— А какъ онъ смѣшно бѣгаетъ!—весело воскликнула Люба.—Побѣгай съ нами, Соня.

— Что ты, Люба, мнѣ не десять лѣтъ.

— «Ухъ, какая строгая!—подумалъ Маккавеевъ.—А мнѣ вѣдь тоже не десять, а цѣлыхъ двадцать, а ничего, пробѣгался, даже пріятно».

— Я пойду въ комнаты,—сказала Соня и очень скоро скрылась въ темнотѣ.

— А, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ неловко бѣгать?—сказала Люба:—вѣдь мы ужъ большіе; вотъ вы, напримѣръ, кончили курсъ, богословъ. Вамъ не стыдно?

— Нѣтъ, не стыдно,—очень просто отвѣтилъ Маккавеевъ.—Что же изъ того, что богословъ? А если мнѣ пріятно бѣгать, такъ я и бѣгаю.

— А вотъ, можетъ быть, скоро и рясу надѣнете.

— Ну, въ рясѣ уже будетъ неудобно. Такъ я и бѣгать не буду.

— Вотъ, это хорошо. Мнѣ это нравится...

— Ага,—сказалъ Асмодеевъ,—вотъ вамъ, Маккавеевъ, жениться бы на ней...

— Я еще не кончила курса,—отозвалась Люба.

— Да причемъ тутъ курсъ? Чтобъ выйти замужъ, не надо никакого курса.

— Это правда. У насъ такъ вотъ одну изъ пятаго класса взяли да и женились на ней. А меня... да меня и не выдадутъ, потому что я младшая. Вы лучше женитесь на Сонѣ, ее выдадутъ.

— Я не знаю вашей сестры...

— А меня знаете?

— Съ вами я хоть побѣгалъ.

— Ха, ха, ха! вотъ такъ знаніе!..

— А что-жъ? Если кому надо въ два дня жениться, такъ и этого довольно.

— А вамъ надо въ два дня жениться?

Тутъ Маккавеевъ вспомнилъ о политикѣ отца Гурія и понялъ, что насказалъ слишкомъ много, надо было какъ нибудь поправить.

— Нѣтъ... Зачѣмъ же?.. Я не думаю...

Въ это время ихъ позвали въ домъ. Прибѣжала работница и заявила, что батюшка и матушка требуютъ ихъ. Они пошли всѣ.

V.

— Что же это вы насъ оставили?—промолвилъ отецъ Софоній, съ особенной любезностью обращаясь къ Маккавееву; матушка между тѣмъ поднялась и тихимъ, но внушительнымъ голосомъ обратилась къ своей младшей дочери:—Люба! иди-ка сюда!

Люба встала и пошла за матерью въ сосѣднюю комнату. Тутъ матушка плотно приперла дверь и заговорила:

— Опять? Ты опять свои смѣшки распускаешь? Сколько разъ я тебѣ говорила: эй, Люба, не финти, тебѣ еще рано вѣдь; Соня изъ-за тебя должна сидѣть... Я бы на твоемъ мѣстѣ и не показывалась!

— Господи, что же я сдѣлала?

— Что я сдѣлала, что я сдѣлала!—передразнивая ее, воскликнула матушка, — а то и сдѣлала, что сейчасъ съ молодымъ человѣкомъ бѣгать да хихикать да то да се! И вовсе даже неприлично молодой дѣвушкѣ такъ вести себя.

Люба, конечно, уже плакала, — единственное, что она могла на это отвѣтить, это то, что она ничего не сдѣлала и не знаетъ, за что на нее нападаютъ. Матушка пошла въ гостиную, а Люба ушла къ себѣ и больше не показывалась.

Тутъ Маккавеевъ наконецъ разглядѣлъ и Соню. Она была похожа на младшую сестру. Къ ея счастью, носъ у нея былъ гораздо меньше, чѣмъ у Асмодея. Рѣшительно трудно было понять, откуда этотъ молодой человѣкъ взялъ такой носъ. Ни у отца, ни у матери не было подобнаго.

Но въ лицѣ ея было что-то холодное и безстрастное. Она говорила довольно свободно, гладко и безъ малѣйшаго стѣсненія. Говорила она о работникахъ, какъ они жаловались, что не даютъ имъ отдыхать.

— Но я имъ прямо сказала,—объясняла она,—что разъ взялись, то должны работать, какъ слѣдуетъ, какъ велятъ.

Потомъ она обратилась къ отцу Гурію и начала объяснять ему: у насъ строкачи, мы ихъ нанимаемъ до Покрова, и въ условіи такъ и сказано, что обязаны работать все, что прикажутъ...

Маккавеевъ внимательно слушалъ и думалъ: «откуда она все это знаетъ? Даже удивительно».

Подъ конецъ вечера таки выползла Люба, но она скромно помѣстилась въ уголку и при этомъ куталась въ платокъ, какъ будто ей было холодно; ей ужасно хотѣлось еще разъ предложить ему побѣгать, или пойти въ палисадникъ, гдѣ стоитъ скамейка, а на небѣ свѣтитъ луна, но она ужъ теперь не рѣшилась.

Часовъ въ одиннадцать всѣ разошлись. Маккавеева и отца Гурія положили спать въ залѣ, постлавъ имъ на полу двѣ перины. Они остались вдвоемъ.

— Ну что?—спросилъ отецъ Гурій,—понравилась?

— Вы про кого говорите?

— Да все равно... Я такъ спрашиваю. Конечно, про Соню, это главное...

— Какъ онѣ мнѣ могутъ понравиться, отецъ Гурій, когда я вовсе ихъ не знаю?

— Ну, братецъ ты мой, ежели такъ будешь смотрѣть, то и никогда не женишься. Вѣдь это же не я тащу тебя, чтобы ты въ два дня женился, а обстоятельства такія. Ну, а коли жениться надо, такъ нечего ужъ особенно разбирать.

— Ну, такъ и жените, коли надо,—съ какимъ-то отчаяніемъ сказалъ Маккавеевъ, которому начинало уже все это надоѣдать.

— Женить? Ну, ладно. На комъ хочу? Ну... ладно. Такъ вотъ возьму и женю тебя на Сонѣ.

— На Сонѣ не женюсь,—угрюмо отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Ага, вотъ тебѣ и жени на комъ хочешь.. Что-жъ такъ?..

— Да такъ, Богъ съ ней.. Она такъ строго смотритъ.

— Ну, такъ что-жъ, что строго смотритъ, вѣрная жена будетъ.. Она на тебя строго смотритъ и на всякаго другого тоже будетъ строго смотрѣть, и значитъ на счетъ измѣны застрахованъ.

— Нѣтъ, ужъ пусть кто другой женится на ней, а не я.

— А на Любѣ, небойсь, хоть сейчасъ..

— Да Люба по крайней мѣрѣ хоть добрая..

— То-то добрая. Такъ у нея-жъ вѣтеръ въ головѣ..

— Ну, такъ что-жъ, что вѣтеръ, эка важность; зато она веселая.. Съ ней по крайности не скучно будетъ.

— Ну, что-жъ, мое дѣло сторона. Ладно, я поговорю.. Буду сватать тебѣ Любу. Только не надѣюсь.

Разговоръ прекратился. Маккавеевъ очень скоро заснулъ блаженнымъ сномъ. Сердце его было въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Не мечталъ онъ передъ сномъ ни о Сонѣ, ни о Любѣ. Обѣ онѣ въ сущности были ему безразличны.

Между тѣмъ въ матушкиной спальнѣ происходилъ въ полголоса, спускаясь почти до шепота, чрезвычайно важный разговоръ. Матушка обращалась съ поучительной рѣчью къ Сонѣ:

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Соня,—такъ нельзя... Надо же когда нибудь, наконецъ. подумать и о своей судьбѣ. Вѣдь этакъ годы пройдутъ и тогда...

— Да зачѣмъ мнѣ это, на что мнѣ это?—безстрастно отвѣчала Соня, хотя въ глазахъ ея видно было раздраженіе.

— Ну, хорошо, тебѣ не надо, такъ вѣдь Люба растетъ, слава Богу, выросла: надо же и объ ней подумать.

— Такъ вы отдавайте Любу, мнѣ все равно... Должно быть, не родился еще тотъ человѣкъ, передъ которымъ бы я извивалась.

Люба обидѣлась.

— Я вовсе ни передъ кѣмъ не извиваюсь.

— Ну, какъ же, еще бы, развѣ я не видала! Сейчасъ это бѣганье и шутки и смѣхъ..

— А что-жъ, мнѣ сидѣть букой, какъ ты сидишь, и на всѣхъ цѣпной собакой смотрѣть?—сказала Люба.

— Люба!—строгимъ голосомъ остановила ее матушка, не допускавшая непочтительности со стороны младшей сестры къ старшей.

— Ну, да, я правду говорю.. Я вовсе не желаю замужъ! мнѣ вовсе никто не нравится.. Экое удовольствіе выйти замужъ. Да еще за человѣка, котораго не знаешь.. А что ко мнѣ всѣ хороши, такъ я въ томъ не виновата, и не могу я себя нарочно передѣлать, какъ себѣ хотите, не могу, не могу и не могу. Вотъ я уѣду въ училище и тогда уже никому не буду мѣшать.

— Да ты всякому готова броситься на шею.

— Я? Мамаша! да что же это такое, съ какой же это стати въ въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же это я заслужила?

И Люба, конечно, ударилась въ слезы. Матушка уже не рада была, что затѣяла этотъ разговоръ. «Охъ,—тяжко вздыхала она,—нѣтъ ничего на свѣтѣ тяжелѣе, какъ имѣть двухъ взрослыхъ дочерей». Она прибавила громко: «Нечего тебѣ плакать, Люба, а только говорю тебѣ, ты подальше отъ него, подальше. Потому, хотя отецъ Гурій и городитъ про холсты и про бабу, а я вѣдь его хорошо знаю и знаю, что не спроста онъ этого богослова привезъ, и богословъ ничего себѣ. Конечно, бѣденъ, это видно, что бѣденъ.. Такъ это что, это ничего, и въ Окуневкѣ, говорятъ, приходъ ему обѣщали, да должно быть, что уже и дано это ему, отецъ Гурій хитритъ... Онъ хитеръ, это давно извѣстно: не повезъ бы онъ такъ человѣка, ежели бы у него мѣста не было. Такъ вотъ я тебѣ и говорю, Люба, ты отъ него подальше. Твое такое дѣло, что еще вся ты впереди»..

— Я завтра съ самаго ранняго утра на цѣлый день уйду къ дьячихѣ,—сказала Люба и уткнулась лицомъ въ подушку.

— Никто тебя объ этомъ не проситъ,—отвѣтила Соня,—и вовсе даже этого не нужно.

Наконецъ онѣ утихли и заснули.

Впрочемъ заснули не всѣ. Соня долго не могла уснуть. Правда ли то была, что она такъ равнодушно относилась къ замужеству? Никто этого не зналъ. А правда была въ томъ, что въ глубинѣ души у Сони сидѣло убѣжденіе, что нельзя на всю жизнь связать себя съ человѣкомъ, котораго видишь первый разъ въ жизни. Сколько ихъ пріѣзжаетъ сюда каждый годъ, и всѣ они налетаютъ съ разгону и готовы бы, даже не разглядѣвъ ее хорошенько, сейчасъ же торговаться и потомъ идти въ церковь. О чемъ они думаютъ? Жена вѣдь потомъ будетъ мать ихъ дѣтей? Они и сами этого не знаютъ хорошенько, имъ надо поскорѣе жениться во что бы то ни стало, чтобы получить приходъ, да взять побольше денегъ, чтобы получше начать хозяйство, вотъ и все. А она слишкомъ была горда и слиш-

комъ высоко себя ставила, она получила образованіе въ епархіальномъ училищѣ; тамъ не дали ей развитія, но у нея былъ природный умъ, который она проявляла въ хозяйствѣ и во всѣхъ дѣлахъ. У отца Софонія она была въ родѣ секретаря, а дѣлъ у него было не мало. Онъ велъ значительную торговлю и хлѣбомъ и шерстью. Засѣвалъ онъ сто десятинъ церковной земли, да въ аренду бралъ десятинъ пятьсотъ, да подъ овцами держалъ тоже не менѣе двухсотъ. И у него была настоящая помѣщичья экономія, а Софья вела всѣ книги и весь расчетъ съ работниками и покупщиками. Не хуже отца Софонія знала она цѣну на все, что приходилось продавать въ хозяйствѣ. Правда, характеръ у нея былъ тугой, и работниковъ она держала въ рукахъ, и за это они ее не любили. Но въ умѣ никто отказать ей не могъ. И думала она, что лучше ей жить и работать дома, чѣмъ идти за перваго встрѣчнаго, когда какой нибудь неизвѣстный ей богословъ схватитъ ее налету, даже не разглядѣвъ ее хорошенько, но прихвативъ вмѣстѣ съ нею тысячи четыре отцовскихъ денегъ. И она надѣялась, что такой человѣкъ, какой ей былъ нуженъ, сыщется, человѣкъ, который узнаетъ ее, и она его узнаетъ и полюбитъ, и это будетъ настоящій бракъ. Но такой человѣкъ не находился, а ей уже было двадцать два года; до роковаго возраста оставалось уже немного.

И всякій разъ, когда пріѣзжалъ къ нимъ какой нибудь новый претендентъ, она чувствовала себя какъ бы выставляемой на позоръ. Она чувствовала себя товаромъ, который хотятъ съ одной стороны продать, а съ другой стороны купить, и нервы ея въ это время начинали сильно разстраиваться. И тогда она дѣлалась несправедливой. Вотъ и теперь она въ сущности жалѣла обо всемъ томъ, что наговорила Любѣ. Къ Любѣ она относилась дружелюбно, но не понимала ея открытаго и простого характера. Маккавеева она разглядѣла хорошо, и ей понравилось его лицо, но развѣ можно судить по лицу о человѣкѣ. Можетъ быть, онъ и достойный человѣкъ. Такъ вотъ если бы онъ пожилъ вблизи нея недѣлю, другую, она его узнала бы, а потомъ, можетъ быть, и отнеслась къ нему съ довѣріемъ, а то, навѣрно, и онъ торопится поскорѣе окрутить себя. Навѣрное, онъ такой, какъ всѣ.

И она уже заранѣе рѣшила въ душѣ во всякомъ случаѣ, если къ ней посватаются, отказать. Она поздно заснула, а встала по обыкновенію рано, потому что безъ нея не могла начаться работа по хозяйству.

На другой день утромъ, еще передъ чаемъ, въ кабинетѣ отца Софонія происходилъ разговоръ съ отцомъ Гуріемъ.

— Ну, вотъ, отецъ Софоній, теперь я вамъ признаюсь,—говорилъ отецъ Гурій.—Конечно, нельзя же такъ сразу все и разсказать. Но вы же понимаете, что не въ холстахъ тутъ дѣло. А въ томъ

дѣло, что надобно мнѣ непремѣнно и какъ можно поскорѣе женить моего богослова.

— Ага!—отвѣтилъ отецъ Софоній.—А вы думаете, я такъ и повѣрилъ вамъ на счетъ холстовъ? Знаю я эти ваши холсты. Ну, такъ что же, отецъ Гурій?

— Да вотъ имѣю къ вамъ разговоръ.

— А коли имѣете, такъ и говорите.

— А въ томъ разговоръ, отецъ Софоній, что богословъ мой хотѣлъ бы посвататься къ вашей Любѣ...

Отецъ Софоній вскочилъ съ мѣста и закрылъ руками уши.

— И не говорите и не говорите мнѣ этого, ни за что!—какъ-то особенно волнуясь, воскликнулъ онъ.

— Да позвольте, отецъ Софоній,—началъ было примирительно отецъ Гурій, но тотъ не далъ ему продолжать.

— Нѣтъ, сдѣлайте милость, не говорите мнѣ этого, вы меня обижаете, отецъ Гурій.

— Да чѣмъ же я васъ обижаю, отецъ Софоній?

— Да, да, обижаете, и ужъ это не первый разъ. Сколько разъ вы привозили мнѣ этихъ жениховъ, и всякій разъ такая штука. Такъ вы лучше ко мнѣ ихъ и не возите. Зачѣмъ вы ихъ возите? Не могу я этого, не могу. Мои дочери обѣ одинаковы, я за обѣими даю одинаковое приданое, по четыре тысячи рублей за каждой, и слѣдственно нечего между ними разницу дѣлать.

— Вы меня простите, отецъ Софоній, но я право даже не ожидалъ,—говорилъ отецъ Гурій, слегка тоже обидѣвшись, что съ нимъ такъ разговариваютъ: — но вѣдь это не мой вкусъ, тутъ не я женюсь, отецъ Софоній, а онъ...

Но отецъ Софоній только махалъ руками и не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ.

Отецъ Гурій вышелъ и, отыскавъ Маккавеева, шепнулъ ему: «уѣдемъ подобру-поздорову, а то, пожалуй, еще и прогонятъ», — и сейчасъ же велѣлъ запрягать лошадей.

Прошло минутъ пять, пока извозчикъ возился съ лошадьми. Въ это время вышелъ во дворъ отецъ Софоній, раскаявшійся и смягченный.

— Вы меня извините, отецъ Гурій,—говорилъ онъ уже своимъ обычнымъ лицемѣрнымъ голосомъ,—я, знаете, немного того... раздражителенъ сталъ.. Чайку бы выкушали, что-жъ такъ ѣхать-то?

— Что-жъ, чайку выпить можно,—отвѣтилъ покладистый отецъ Гурій.

И стали пить чай, который уже былъ готовъ. За чаемъ шелъ довольно вялый разговоръ о житѣ, объ овцахъ, о жарѣ, о чемъ угодно, только не о дѣлѣ. Вышла и матушка, но лицо у нея было теперь сухое и холодное. Она уже знала, въ чемъ дѣло, и косо посматривала на Маккавеева.

—И вѣдь вотъ,—думала она,—голякъ, какъ есть голякъ. Вѣдь двухъ рублей въ карманѣ, навѣрное, не наберется, а тоже вѣдь разборчивъ..

Дѣвицы не вышли вовсе. Гостей проводили очень холодно. Но когда они выѣхали со двора, и бричка завернула за уголъ дома, вдругъ у забора мелькнула соломенная шляпка и улыбающееся лицо Любы.

— А ты, видно, таки ей понравился,—сказалъ отецъ Гурій,—коли она тебя даже глазами провожаетъ. Эхъ, ты Господи, Боже мой,—продолжалъ онъ.—Трудно это дѣло уладить, очень трудно, и изъ-за чего я только возжаюсь съ тобой. Родственникъ ты или нѣтъ, это еще вилами писано,—говорилъ онъ впрочемъ очень добродушно, такъ что Маккавеевъ никакъ не могъ обидѣться.—Вотъ я взялся тебя женить и вожу по уѣзду, а между прочимъ какая мнѣ отъ этого корысть? Никакой. Развѣ только то, что въ иномъ мѣстѣ могутъ и шею накостылять? Да, трудненько это, трудненько... Да еще ты какой-то странный. Вкусу у тебя нѣтъ что ли, тебѣ все ни почемъ.. Жениться ты поѣхалъ, а видъ у тебя такой, будто на прогулкѣ... Эхъ, право, надобно тебя насильно женить, и я таки тебя женю..

Тутъ къ нему обернулся ямщикъ.—А куда же теперь, батюшка? Я что-то забылъ,—спросилъ онъ.

— Да я и самъ что-то спуталъ, постой, припомню,—промолвилъ отецъ Гурій.—Голова у меня совсѣмъ заморочилась. Ахъ, да, къ Серапіону, въ Стрихи.

— А, въ Стрихи! знаю,—и ямщикъ хватилъ кнутомъ лошадей и повернулъ по дорогѣ, которая отдѣлялась отъ большой дороги направо. А отецъ Гурій продолжалъ свои разсужденія.—И сколько народу перевидаешь за этакую поѣздку, страсть! Слава Богу, что еще кормятъ и переночевать даютъ.

— А они не обижаются, если такъ уѣзжаютъ ни съ чѣмъ?..

— Нѣтъ, чего же, вѣдь это ужъ вкусъ. Одному подходитъ, другому нѣтъ. Но вотъ сколькихъ я женилъ, а тутъ у отца Софонія всегда неудача. Рѣдко кто на старшую льстится, а все на Любу. А у отца Серапіона я недавно одну дочку взялъ. Да за этого-жъ самого, за Понощатенка. Ну, у него вкусъ простой. Ему что ни подай, онъ на всё согласится. А ты разборчивъ, какъ погляжу...

— Да я бы и совсѣмъ жениться не хотѣлъ, отецъ Гурій,—возразилъ Маккавеевъ.

— Э, мало ли что не хотѣлъ, такъ надо. Тутъ ничего не подѣлаешь, коли надо.

Опять потянулась пыльная дорога. Ни одного деревца по пути. На поляхъ уже желтѣлъ хлѣбъ, кое-гдѣ снимали рожь, земля была твердая, и на ней по всѣмъ направленіямъ видны были трещины. Мѣсяца два не было уже дождя.

— Только вотъ не знаю,—говорилъ отецъ Гурій,—въ какомъ видѣ застанемъ отца Серапіона.

— А что?

— Да очень ужъ больно зашибаетъ онъ. Я его давно знаю, вмѣстѣ учились. Славный онъ человѣкъ, добрый, душевный, да только съ нимъ несчастье одно случилось; конечно, онъ и вообще не прочь былъ выпить, ну, да такъ, какъ всякое духовное лицо, въ мѣру. А тутъ жена съ нимъ штуку сдѣлала. Красивая она была, дѣйствительно, а мой Сарапіонъ не очень-то красивъ... Ну, вотъ и женились они этакъ-то вотъ, какъ у насъ всѣ женятся... Пріѣхалъ, посмотрѣлъ, да и женился... А она его вовсе и не любила. А тутъ подвернулся ей офицерикъ хорошенькій, съ усиками, знаешь, и все такое, ну, моя попадья и втюрилась, и что-жъ ты думаешь, дочка у нихъ была тогда, такъ и дочку оставила и съ этимъ самымъ офицерикомъ сбѣжала. Вотъ тогда мой Серапіонъ и запилъ, да одно время такъ, что преосвященный хотѣлъ его разстричь. А черезъ три года, братецъ ты мой, офицерикъ-то попадью бросилъ, и она пришла къ нему. Пришла она, а онъ какъ разъ пьяный, препьяный валяется и ничего не чувствуетъ и ничего не понимаетъ. Ну, выждала это она, пока онъ проспался, и говоритъ: я, говоритъ, противъ тебя глубокую обиду сдѣлала, и нельзя, говоритъ, меня простить, а только я очень несчастна. Такъ что-жъ, ты думаешь, онъ ей отвѣтилъ? хоть бы однимъ упрекомъ, либо слово какое дурное... Ничего.—Ну, что-жъ, ладно, говоритъ, живи... Только ужъ я, говоритъ, теперь окончательно пьяный человѣкъ... Да такъ ужъ и останусь, потому, говоритъ, ты мнѣ въ самое сердце... И правда, свѣтскій человѣкъ, ежели его жена броситъ, такъ у него еще какъ нибудь обойдется, ну, тамъ другую найдетъ или какъ... А нашъ братъ духовный—такъ у него такое дѣло уже окончательно непоправимо, и взять негдѣ, да и нельзя... Для прихожанъ соблазнъ очень ужъ большой. Я такъ думаю, что та женщина, которая такую штуку съ духовнымъ лицомъ устраиваетъ, самая послѣдняя по жестокости женщина, и такую даму я уважать не могу, и матушку отца Серапіона я не уважаю нисколько... Тутъ вѣрно верстъ десять, не больше. Въ этихъ мѣстахъ, недалеко отъ города, часто села попадаются... Да все приходится отъ главной дороги въ сторону, вишь то вправо, то влѣво.

— А гдѣ тутъ Богоявленское?—спросилъ Маккавеевъ, вдругъ вспомнивъ о своихъ пароходныхъ знакомыхъ.

— Богоявленское? А тебѣ зачѣмъ?

— А тамъ у меня есть знакомый дьякъ...

— Дьякъ въ Богоявленскомъ? Кто же это?

— А я, право, фамиліи не помню, да и не знаю, сказалъ ли онъ.

— Ахъ, дьякъ въ Богоявленскомъ, знаю, знаю, такой тонкій, претонкій...

— Онъ самый.

— Такъ ты, значитъ, съ нимъ на пороходѣ познакомился?

— Ну, да, и такой любезный человѣкъ и двѣ дочки съ нимъ... Мы съ нимъ вмѣстѣ на постояломъ дворѣ стояли передъ тѣмъ, какъ я къ вамъ пришелъ, и онѣ мнѣ даже пуговицы на сюртукѣ переставили, и самъ онъ ходилъ со мной штаны и сапоги покупать и въ цирульню послалъ меня—то-есть, это дочка меня послала... И даже денегъ еще я имъ остался долженъ, потому у меня не хватило.

— Вотъ какъ! какой добрый дьякъ! На рѣдкость. Богоявленское отсюда порядочно. Вотъ мы, ежели у отца Серапіона не сладимъ, поѣдемъ въ ту сторону, да кстати заѣдемъ и въ Окуневку, посмотришь свой будущій домъ и вообще село.

Только около двухъ часовъ показались Стрихи. Село лежало далеко отъ рѣки, и воду въ немъ получали изъ колодцевъ, зато церковное зданіе было новое, красивое и нарядное. Церковь построилъ богобоязненный помѣщикъ на свой счетъ, и она на весь уѣздъ славилась своей красотой и помѣстительностью.

Въ церковномъ домѣ, не смотря на жару, окна были открыты настежь. Когда они въѣхали въ раскрытыя ворота, то замѣтили во всемъ какую-то растерянность, даже собаки ходили, поджавши хвосты, и не лаяли. И въ первое время никто не вышелъ.

Они постояли минуты двѣ, и имъ даже сдѣлалось неловко.

— А есть тутъ хозяева или нѣтъ?—довольно громко проговорилъ отецъ Гурій, обращаясь, конечно, въ пространство.

Никто ему не отвѣтилъ. Но вотъ вышла баба въ подтыканной юбкѣ такъ высоко, что видны были колѣни, и, увидавъ ихъ, всплеснула руками.

— Господи,—воскликнула она,—а тутъ еще гостей Богъ принесъ.

— А что?

— Да уже такое у насъ, что не приведи Боже.

— Что такое? Съ отцомъ Серапіономъ, должно быть?

— А то съ кѣмъ же!

— Затянулъ, а?

— Да ужъ именно затянулъ, вотъ уже четыре дня никакъ не можемъ въ разумъ привести... И даже не спитъ вовсе, а только и дѣлаетъ, что душитъ рюмку за рюмкой, и что творитъ, не приведи ты Боже. По деревнѣ безъ кафтана и безъ шапки бѣгаетъ. Стекла въ окнахъ разбиваетъ. А мужики смотрятъ... Соблазнъ, одинъ соблазнъ.

— А матушка?

— Что же, матушка, извѣстно, плачутъ. Слезами обливаются... Да ничего подѣлать не могутъ, только и твердятъ постоянно: сама я виновата, сама я виновата. А чѣмъ же онѣ виноваты? Право, я вамъ скажу, не въ добрый вы часъ пріѣхали, уѣхать бы вамъ, батюшка... что тутъ хорошаго глядѣть? одно огорченіе вамъ будетъ.

— А, можетъ, я его въ чувство приведу,—сказалъ отецъ Гурій.

— И то правда,—согласилась баба.—Можетъ, при постороннихъ-то онъ постыдится.

— То-то вотъ и есть. Ну,—обратился онъ къ кучеру,—ты лошадей не распрягай, еще не знаю, останемся ли...

— Безъ всякихъ чувствій лежитъ,—продолжала баба,—и слова такія говоритъ, что не поймешь. Такъ ужъ вы пожалуйте туда, къ матушкѣ.

— Пойдемте, Егоръ Трофимовичъ.

Они пошли въ домъ подъ предводительствомъ бабы, которая указала имъ ходъ въ столовую, гдѣ сидѣла матушка съ заплаканными глазами. Взглянувъ на нее, Маккавеевъ невольно вспомнилъ о романѣ, который разсказывалъ ему отецъ Гурій. Теперь,—должно быть, это было очень давно,—теперь у нея была такая наружность, что не приходило и мысли о романѣ. Голова у нея какъ-то клонилась внизъ, можетъ быть, оттого, что жизнь ея была печальна и принижена. Лицо все было испещрено множествомъ крупныхъ складокъ. Подъ глазами огромные мѣшки, вѣроятно, отъ многихъ и частыхъ слезъ.

— Мучусь, а не живу,—говорила она отцу Гурію.

— Что дѣлать, матушка! Надо терпѣть, ничего не подѣлаешь. А вотъ позвольте вамъ представить: Маккавеевъ, мой родственникъ, богословъ.

— Можетъ быть, еще и женихъ?—спросила матушка какимъ-то глубоко печальнымъ тономъ.

— Да, можетъ быть, и такъ,—почему-то на этотъ разъ безъ политики сказалъ Гурій.

— Эхъ,—вздохнула матушка.—Да развѣ кто польстится жениться на моей дочкѣ? Взять жену изъ этакого дома... Охъ, охъ... Садитесь, отецъ Гурій, ужъ и не знаю. Охъ, отецъ Гурій, можетъ, хоть вы его уймете... Вѣдь народъ приходитъ, требы ждутъ, а онъ знать ничего не хочетъ. Вѣдь такъ и прихода лишатъ, вѣдь нищими будемъ. Охъ, ты Господи, Господи. Истинно горькую долю переношу...

Отецъ Гурій глубоко вздохнулъ. Онъ зналъ эту женщину въ лучшія времена, когда она славилась своей красотой. Куда это все дѣвалось? даже и признаковъ не осталось. «И вотъ онъ, бабій умъ,—думалъ онъ про себя,—и что она думала себѣ тогда, когда покидала его? Да и не его только, а свою маленькую дочь... И исковеркала этимъ жизнь и себѣ и мужу, да и дочерямъ... Та вонъ, старшая, вышла замужъ за пьяницу, потому никто другой и брать не хотѣлъ, а эта, другая, Богъ знаетъ, что съ ней и будетъ. А вѣдь какой хорошій человѣкъ былъ отецъ Серапіонъ и какъ любилъ ее, какъ ухаживалъ за нею, старался предупредить каждое ея желаніе. Конечно, онъ былъ некрасивъ, и ему было не сравняться съ офицеромъ, такъ не въ красотѣ же дѣло».

Все это думалъ отецъ Гурій, глядя на матушку, и жаль ему ее было, да и не могъ онъ ей простить того дурного поступка, который имѣлъ такія ужасныя послѣдствія.

— Ну, такъ я пойду къ нему,—сказалъ отецъ Гурій, вставая:— попробую, можетъ, онъ меня и послушаетъ.

И онъ пошелъ къ отцу Серапіону. Онъ нашелъ его лежащимъ на диванѣ въ растяжку. Кафтанъ на немъ былъ изодранъ, борода скомкана, волосы растрепаны.

— Хорошъ, нечего сказать, хорошъ,—промолвилъ укоризненно отецъ Гурій, покачивая головой.

— А, Гурій, Гурій,—пьянымъ голосомъ возгласилъ отецъ Серапіонъ.

— Ну, Гурій и есть,—и что это ты съ собой дѣлаешь, Серапіонъ, для чего только? Сколько позора одного!

— Позора? Ха, ха, ха... Позора... Ахъ, Гурій, Гурій, развѣ это позоръ? Нѣтъ, не это, а то, что было, что прошло... Ты думаешь, я забылъ? Нѣтъ, я не забылъ. Я пьянъ, это такъ, это такъ... А отчего? А у меня душу вырвали: вотъ отчего. Вырвали изъ меня мою душу. Верни мнѣ ее, Гурій, и я опять буду прежнимъ человѣкомъ, да только не вернешь, вернуть нельзя...

— Серапіонъ, да ты бы о дочкѣ подумалъ.

— Дочка? Такая же будетъ, какъ и мамаша; всѣ онѣ одинаковы, всѣ... А ты, можетъ, жениха привезъ? Ну, такъ вези обратно... Надуетъ вѣдь... Ей офицера надо.

— Ну, довольно, довольно, это надо забыть... забыть пора, Серапіонъ. Ты засни-ка, засни, Серапіонъ, тогда и хорошо будетъ.

— И засну. Вотъ ты говоришь—засни, и я засну, потому что ты хорошій человѣкъ, Гурій, и засну вотъ.

Онъ повернулся на бокъ, лицомъ къ стѣнѣ и въ самомъ дѣлѣ скоро заснулъ. Уже это должно было успокоить матушку и дочку, которая еще не появлялась. Отца Серапіона трудно было въ такихъ случаяхъ заставить заснуть, ну, а если онъ уже заснулъ, но проснется трезвымъ и по крайней мѣрѣ нѣкоторое время не будетъ пьянствовать. Ужъ это было у него такое правило.

— Ну, вотъ видите, матушка, все-жъ таки я не напрасно пріѣхалъ, на что нибудь да пригодился.

Вмѣстѣ съ матушкой и Маккавеевымъ здѣсь сидѣла уже и дѣвица, дочь отца Серапіона; ее звали Дуней.

Когда отецъ Гурій ушелъ въ кабинетъ, между матушкой и Маккавеевымъ произошла довольно продолжительная молчаливая сцена; остались вдвоемъ люди, которые въ первый разъ видѣли другъ друга и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Маккавеевъ чувствовалъ, что надо что нибудь сказать, но у него слова не шли съ языка. Матушка тоже подумывала о томъ, чтобы оказать хоть какую ни-

будь любезность гостю, но собственное горе давило ей голову, и у нея не являлось никакихъ мыслей, подходящихъ къ случаю.

— Охъ Боже мой,—громко вздохнула она,—даже стыдно, когда посторонніе люди пріѣзжаютъ...

Въ эту минуту Маккавеевъ еще болѣе увидѣлъ себя въ необходимости сказать что нибудь сочувственное, и онъ началъ усиленно выжимать изъ себя какую нибудь мысль.

— Что-жъ,—наконецъ сказалъ онъ,—это бываетъ...

— Да вѣдь какъ бываетъ-то!—отозвалась матушка,—у иного оно легко проходитъ, а у него не приведи ты, Господи... Повѣрите ли, какъ съ нимъ это случится, такъ всю недѣлю,—а у него это по недѣлямъ,—всю недѣлю ходимъ и чувствуемъ такъ, какъ будто вотъ потолокъ свалится, либо домъ загорится...

Опять матушка замолчала, а Маккавеевъ не находилъ реплики.

— А давно это съ нимъ?—спросилъ онъ, хотя въ сущности это его мало интересовало.

— Давно ли? охъ, да ужъ лѣтъ тринадцать будетъ. И такъ безпрерывно изъ года въ годъ. Недѣльку поживетъ, какъ слѣдуетъ, а тамъ и опять закатитъ...

Тутъ должно было наступить самое неловкое молчаніе, но на выручку явилась Дуня. Она вошла, и когда Маккавеевъ поднялъ голову и взглянулъ на нее, то ему вдругъ сдѣлалось еще тяжелѣе. То самое чувство подавленности, которое выражалось на лицѣ матушки, на этомъ молодомъ симпатичномъ лицѣ производило еще болѣе безотрадное впечатлѣніе.

Дуня вошла и, какъ-то робко поклонившись ему, сѣла поодаль отъ стола.

— А что?—спросила ее матушка.

— Что-то замолкъ,—отвѣтила Дуня.

— Должно быть, отецъ Гурій его устыдилъ...

— Должно быть, что такъ.

И теперь уже они замолчали все трое. Въ это-то время и появился отецъ Гурій.

— Такъ, говорите, заснулъ?—обратилась къ нему матушка.—Ну, коли заснулъ, то слава Богу; ужъ теперь, значитъ, выспится, и денька четыре, пять поблаженствуемъ.

И лицо ея сразу оживилось, съ него точно сошла туча. Теперь она почувствовала неотразимую потребность высказать все накипѣвшее въ душѣ ея горе передъ отцомъ Гуріемъ. Она очень хорошо знала, что истиннаго сочувствія съ его стороны встрѣтить не можетъ; въ тѣ времена, когда съ нею случилась та роковая исторія, отецъ Гурій ясно выразилъ свое отношеніе къ ея поступку. Онъ не одобрялъ и говорилъ ей это прямо въ лицо, но все же это былъ живой человѣкъ,—человѣкъ, котораго она знала давно, а между тѣмъ ей очень тяжело было держать свои мысли запертыми въ головѣ,

а никто, рѣшительно никто, давно къ нимъ не заѣзжалъ. Отецъ Серапіонъ разгонялъ всѣхъ гостей, когда они заставали его въ пьяномъ видѣ. И вотъ матушка, какъ бы боясь, что ей на этотъ разъ не удастся облегчить свою душу, тотчасъ же, какъ только отецъ Гурій пришелъ, обратилась къ Дунѣ и Маккавееву:

— А вы, молодые люди, пошли бы прогуляться... Все же таки на свѣжемъ воздухѣ оно пріятнѣе...

Дуня тотчасъ же покорно поднялась и обратилась къ Маккавееву, и это было ея первое обращеніе.

— Что-жъ, пойдемте, если желаете?

Маккавеевъ тоже, точно подъ вліяніемъ общаго подавленнаго настроенія, не нашелъ въ себѣ силы сопротивляться и поднялся.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, какъ бы подражая ей въ покорности.

И они вышли.

— Ну, отецъ Гурій, Господа ради, прошу васъ, скажите же мнѣ, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?—сразу начала матушка.

— Что-жъ тутъ подѣлаете, матушка? уже, видно, такая судьба,—отвѣтилъ отецъ Гурій.

— Охъ, судьба, судьба! да тяжкая-то какая. Ужъ я что ни дѣлала, чего только ни передумала. И лѣчила его всячески. Есть тутъ на хуторѣ около насъ женщина, старая, и знаетъ много всякихъ снадобьевъ. Ѣздила я къ ней, дала мнѣ траву, чтобъ настойку дѣлать. Ну, я попробовала. Конечно, тайно отъ него, не дай Богъ, узнаетъ,—бѣда. Ужъ я на хитрости пускалась: какъ начнетъ это онъ требовать водки, я и говорю, водки молъ нѣтъ, вся вышла, есть, говорю, тутъ настойка старая, горькій корень для себя настаивала. А ему, извѣстно, когда онъ въ такомъ видѣ, все равно. Корень, такъ корень, говоритъ, подавай сюда съ корнемъ, ну, и пилъ, пилъ съ недѣлю, и ничего не помогло... Тоже и докторъ земскій мимоѣздомъ завернулъ, и съ нимъ совѣтовалась, какія-то капли прописалъ, ядовитыя, говоритъ, чтобъ, значитъ, осторожность соблюдать, ну, и капли я ему въ водку вливала, и тоже ничего... Наконецъ, въ монастырь Вознесенскій ѣздила къ чудотворной иконѣ Божьей Матери, молебствіе служила великомученику Гурію—вотъ какъ разъ вашъ ангелъ... тоже, говорили, помогаетъ, такъ нѣтъ, не смиловался великомученикъ, не помогло... И вотъ хочу я съ вами посовѣтоваться, отецъ Гурій, не поѣхать ли мнѣ въ Кіево-Печерскую лавру; можетъ, тамошніе угодники смилуются.

«Вѣдь вотъ она, баба,—думалъ въ это время отецъ Гурій,—нагрѣшила, накуралесила, наблудила, а теперь въ Кіевъ отмаливать... Вотъ онъ, бабскій-то умъ».

— Что-жъ я на это вамъ скажу, матушка,—говорилъ отецъ Гурій, стараясь придать своему голосу какъ можно больше мягкости. Онъ зналъ, что въ разговорѣ съ матушкой его голосъ долженъ звучать сурово. Оно, конечно, горе ваше большое, и терпѣнія много надо

имѣть... Такъ вѣдь всякому человѣку приходится крестъ нести, а ежели кто этого креста самъ своею жизнью добивался, такъ тому и въ особенности.

— Охъ, не поминайте мнѣ этого, отецъ Гурій.

— Поминать я вамъ, матушка, не желаю, потому, что было, то прошло... А только нельзя и того забывать, что никакое наше поведеніе даромъ не проходитъ... Ужъ что тутъ говорить, сами виноваты, сами... Ужъ какой былъ мужъ отецъ Серапіонъ, ужъ такого мужа поискать во всей вселенной, и то не найдется... Ну, а вотъ испортили человѣка, не въ укоръ вамъ это, матушка, говорю, а такъ, потому правда.

— Такъ, слѣдственно, мнѣ всю жизнь терпѣть и конца этому не будетъ?—сказала матушка и начала опять плакать...

— Конецъ будетъ, но какой, вотъ вопросъ. Ну, а впрочемъ,— ободряющимъ голосомъ прибавилъ отецъ Гурій,—почемъ знать, можетъ, когда нибудь онъ и одумается. Я вамъ такъ скажу: коли бы я съ нимъ чаще видался, то, можетъ, мнѣ и удалось бы вразумлять его, да гдѣ-жъ на этакомъ-то разстояніи...

Молодые люди между тѣмъ, выйдя изъ дома, направились безъ всякой опредѣленной цѣли по дорогѣ, которая вела на деревню. Впереди видѣлся небольшой садикъ, принадлежавшій одному богатому мужику. Туда они и пошли. Они, разумѣется, не сговаривались, а такъ какъ-то было естественно,—больше некуда было идти.

Ужъ минуты три они шли рядомъ, и за все время никто изъ нихъ не сказалъ ни слова. Они шли точно по обязанности. Наконецъ, Дунѣ, какъ хозяйкѣ, сдѣлалось неловко, и она сочла своею обязанностью что нибудь сказать.

— Вотъ,—сказала она,—даже и людямъ порядочнымъ къ намъ нельзя пріѣхать. Я думаю, даже противно въ комнатѣ сидѣть.

— Нѣтъ, отчего же,—какъ-то лѣниво отозвался Маккавеевъ.— Вѣдь это несчастіе.

— Да какое еще несчастіе, Господи!

Опять прошли они нѣсколько шаговъ въ молчаніи. Дуня нашла необходимымъ разспросить гостя о его личности.

— А вы, должно быть, родственникъ отца Гурія?

— Да, родственникъ,—неособенно увѣренно отвѣтилъ Маккавеевъ и подумалъ:—«ну, значитъ, сейчасъ опять пойдутъ тѣ же вопросы: кончилъ ли курсъ, получилъ ли мѣсто, и такъ дальше». Послѣ двухдневнаго путешествія онъ зналъ ужъ эти вопросы наизусть и по порядку.

— А вы, должно быть, изъ семинаріи?—спросила Дуня.

— Да, изъ семинаріи.

— И что-жъ, вамъ много еще осталось?

— Нѣтъ, ужъ ничего не осталось: я кончилъ.

— Значитъ, мѣсто получили?

Маккавеевъ хотя и очень хорошо помнилъ, что не слѣдуетъ быть откровеннымъ, а надо вести политику, тѣмъ не менѣе почувствовалъ себя неспособнымъ соврать въ этомъ случаѣ. Въ этомъ домѣ было такое тяжкое горе, что ему казалось оскорбительнымъ вести съ этими людьми какую-то тонкую игру. И онъ отвѣтилъ сразу, какъ бы желая сократить ея вопросы.

— Да, получилъ мѣсто и вотъ обязанъ жениться.

— Жениться?

И это восклицаніе было произнесено какимъ-то особеннымъ тономъ, который поразилъ его. Онъ не понялъ этого тона, но скоро это объяснилось.

— Можетъ быть, и къ намъ затѣмъ пріѣхали?—спросила Дуня.

— Право, я не знаю... отвѣтилъ Маккавеевъ, которому этотъ вопросъ показался слишкомъ прямымъ и засталъ его врасплохъ.— Это отецъ Гурій меня возитъ, а я никого тутъ не знаю. Видите, меня черезъ восемь дней рукополагать должны, такъ поэтому я обязанъ поскорѣе найти себѣ жену.

— Я вамъ скажу,—опять тѣмъ же страннымъ тономъ заговорила Дуня,—ежели вамъ желательно жениться, такъ ужъ вы... лучше найдите себѣ другую...

Маккавеевъ даже остановился на секунду и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Отчего же такъ?—спросилъ онъ.

— Спаси васъ, Господи, отъ такого несчастья. Я что-жъ, я ничего. Я бы, можетъ быть, за всякаго пошла, чтобъ только уйти изъ этого дома... А только, когда видишь, что человѣкъ себѣ на свободѣ живетъ и можетъ лучшую судьбу найти, такъ и пожалѣешь его. И думаешь себѣ: зачѣмъ ему такое горе себѣ навязывать?

— Какое же горе?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да какъ же? вѣдь тутъ, должно быть, въ нашемъ же уѣздѣ мѣсто получаете, ну, а отецъ постоянно будетъ ѣздить къ намъ и всякіе скандалы дѣлать, и будетъ вамъ позоръ на всю губернію... Нѣтъ, ужъ поѣзжайте себѣ съ Богомъ... Что ужъ вамъ!..

Она замолкла. Маккавеевъ былъ такъ пораженъ этимъ объясненіемъ, что не находилъ словъ. Они вошли въ садъ, который оказался очень плохенькимъ. Какая-то баба стояла подъ деревомъ и изо всей силы трясла его, чтобы заставить скороспѣлую грушу отрываться и падать на землю.

Баба узнала Дуню и привѣтствовала ее поклономъ. Но они тотчасъ же поняли, что въ саду имъ нечего дѣлать; притомъ же послѣ этого объясненія имъ какъ-то тяжело было оставаться вдвоемъ. Когда они вышли изъ дому, они могли спокойно молчать, потому что между ними не было еще ничего. Они совсѣмъ не знали другъ друга. Теперь же между ними стояло это объясненіе.

— Жарко,—сказала Дуня...

— Да, порядочно таки палитъ,—отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Такъ, можетъ, вернемся?

— Какъ хотите!..

Они повернули обратно и той же дорогой вернулись домой.

Въ это время изліянія матушки съ отцомъ Гуріемъ уже кончились, и они пришли во время, такъ какъ и здѣсь уже было тяжелое молчаніе.

Но вдругъ въ комнату вбѣжала та самая баба съ подтыканной юбкой, которая встрѣтила ихъ на дворѣ. Лицо у нея было странное, какое-то возбужденное и таинственное.

— Проснулись! — шепотомъ произнесла она. — Батюшка проснулись.

Отецъ Гурій поднялся, матушка тоже, и оба они тотчасъ же направились къ двери. Матушка осѣнила свою грудь маленькимъ крестомъ и прошептала:

— Ну, слава тебѣ, Господи, теперь легче будетъ.

Въ то время, когда отецъ Гурій вошелъ въ кабинетъ, отецъ Серапіонъ еще лежалъ на диванѣ и съ страшнымъ усиліемъ потягивался, стараясь раскрыть глаза, что ему давалось съ большимъ трудомъ.

Отца Гурія онъ, очевидно, еще не видалъ. Онъ протянулъ руку впередъ и, ни къ кому не обращаясь, промолвилъ:

— Квасу бы мнѣ.

Матушка побѣжала съ такой быстротой, какъ будто ей было десять лѣтъ, и мигомъ достала откуда-то огромную кружку квасу и принесла ее отцу Серапіону.

— Вотъ, Серапіонъ, вотъ квасъ, выпей,—осторожнымъ голосомъ говорила она, еще въ сущности не зная, какъ онъ отнесется къ ней.

Отецъ Серапіонъ поднялся на диванѣ и сѣлъ, а глаза его угрюмо смотрѣли въ землю; онъ не подымалъ головы и какъ бы избѣгалъ глядѣть на матушку. Потомъ онъ съ жадностью сталъ пить квасъ и осушилъ всю кружку.

— Фу! ну, вотъ хорошо! — промолвилъ онъ,—только голова трещитъ...

Тутъ онъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой отца Гурія.

— Господи, это видѣніе или какъ?—промолвилъ онъ, и лицо его вдругъ замѣтно оживилось.

— Да не видѣніе-жъ, а я самъ,—отвѣтилъ отецъ Гурій и подвинулся къ нему.

Отецъ Серапіонъ всталъ, раскрылъ объятія, обнялъ и расцѣловалъ отца Гурія.

Лицо у него было сильно помято; но онъ разгладилъ рукой волосы и бороду, и оно приняло болѣе благообразный видъ.

— Когда же это ты?—продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу Гурію,—это хорошо, что ты пріѣхалъ, давно не видалъ тебя... Знаешь, какъ я люблю, когда ты пріѣзжаешь.

Въ голосѣ его слышалась усталость и какая-то глубокая лѣнь; онъ говорилъ медленно, не торопясь, часто останавливаясь.

— Ну, что-жъ, угощали тебя чѣмъ нибудь?.. А гдѣ же попадья?

— Я здѣсь! — отвѣтила матушка, стоявшая въ это время за дверью и все еще не знавшая, какое направленіе приметъ дѣло; но когда отецъ Серапіонъ назвалъ ее попадьей, то она поняла, что въ теченіе этой недѣли впредь до слѣдующаго запоя у него будетъ примирительная линія. А то вѣдь случалось и такъ, что, пробудившись отъ пятидневнаго пьянства, онъ переставалъ безобразничать и буйствовать, но все время смотрѣлъ исподлобья и молчалъ, обращаясь къ ней только по самымъ необходимымъ поводамъ. Но, видно, присутствіе отца Гурія оживило его и хоть на время примирило съ нею.

— Такъ какъ же? ты бы закусилъ чего нибудь, отецъ Гурій?—продолжалъ отецъ Серапіонъ, все болѣе и болѣе приходя въ себя и оживляясь. Во всей его фигурѣ, въ манерѣ, въ тонѣ и въ глазахъ видны были кротость, какая-то тихая мягкость характера. Въ сущности онъ и былъ таковъ, только вино безобразило его и доводило до неистовства. И матушка знала это и часто говорила про себя: «эхъ, ежели бы только не это проклятое вино, золотой бы онъ человѣкъ былъ». И, думая такимъ образомъ, она въ тысячный разъ каялась въ своемъ легкомысленномъ поступкѣ.

— Да и тебѣ бы закусить не мѣшало, Серапіонъ, — молвилъ отецъ Гурій, которому было извѣстно, что во время запоя отецъ Серапіонъ ничего, кромѣ водки, внутрь не принималъ.

— Да, я бы теперь поѣлъ,—отвѣтилъ отецъ Серапіонъ.

— Такъ это можно сейчасъ, — съ предупредительной поспѣшностью сказала матушка и опять побѣжала куда-то. Сейчасъ же зазвенѣли тарелки, и черезъ двѣ минуты матушка звала отца Серапіона и Гурія къ закускѣ. Когда отецъ Серапіонъ вмѣстѣ съ отцомъ Гуріемъ вошелъ въ столовую, то засталъ здѣсь Маккавеева одного. Дуня уже скрылась. Ей было тяжело сидѣть съ женихомъ, который, какъ ей было хорошо извѣстно, все равно на ней не женится.

Отецъ Гурій представилъ Маккавеева Серапіону въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ онъ дѣлалъ это уже нѣсколько разъ въ теченіе двухъ дней.

— Ахъ, очень пріятно познакомиться!—сказалъ отецъ Серапіонъ и этимъ ограничился. Маккавеевъ обратилъ вниманіе на то, что этотъ ни о чемъ его не разспрашивалъ. Это былъ первый случай.

Но зато ему тотчасъ же пришлось быть свидѣтелемъ такого аппетита, какого онъ еще никогда не видалъ. Отецъ Серапіонъ ѣлъ съ жадностью, какъ-то болѣзненно хватаясь за куски хлѣба, которые передъ нимъ лежали, и проглатывая мясо, почти не разжевывая. Ма-

тушка и въ этомъ видѣла добрый признакъ. Не всегда послѣ пьянства онъ соглашался ѣсть. Иногда, изъ чувства какого-то противорѣчія онъ, не смотря на то, что чувствовалъ голодъ, отказывался ѣсть еще въ теченіе цѣлаго дня, пока, наконецъ, это становилось ему невыносимымъ.

— Ага,—промолвилъ отецъ Серапіонъ, послѣ того, какъ, окончивъ питаніе, взглянулъ въ окно и увидѣлъ вошедшихъ въ ворота нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ.—Вотъ и прихожане уже появляются... Чудное дѣло,—продолжалъ онъ,—я такъ чувствую, какъ будто сейчасъ только родился на свѣтъ, и все для меня ново... Это, должно быть, крестить пришли...

— Да ужъ нѣсколько паръ приходили!—нерѣшительно отозвалась матушка, такъ какъ боялась, что въ ея словахъ отецъ Серапіонъ услышитъ укоръ.

— Да и тутъ ихъ, кажись, четыре пары,—сказалъ отецъ Серапіонъ, продолжая глядѣть въ окно и считая мужиковъ.

Къ дому приближались четыре мужика и позади ихъ четыре бабы, державшія на рукахъ младенцевъ. Это были кумовья. Скоро они наполнили кабинетъ, посрединѣ котораго была поставлена мѣдная купель, а въ купель налита тепловатая вода, и отецъ Серапіонъ, принялся всѣхъ четырехъ разомъ крестить. Онъ предпочиталъ дѣлать это у себя дома. Онъ самъ служилъ и самъ пѣлъ за дьячка. Дьячекъ въ это время былъ занятъ своими полевыми работами, и онъ не хотѣлъ его безпокоить. Онъ разъ навсегда освободилъ его отъ крестинъ.

Въ то время, когда онъ еще крестилъ, пришли другіе мужики и бабы, и у каждаго была своя треба. Тому надо было отслужить похоронное отпѣваніе на могилѣ, въ которую пришлось зарыть покойника безъ службы, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней нельзя было достать батюшки. У другого умиралъ старый отецъ и никакъ не хотѣлъ помереть безъ покаянія и, еле-еле задерживая душу въ тѣлѣ, дожидался, пока отецъ Серапіонъ придетъ въ себя и маслособоруетъ его и причаститъ.

Пробужденія отца Серапіона терпѣливо ожидали на деревнѣ. Никто не протестовалъ, никто не собирался на него жаловаться и требовать справедливости. Мужики любили отца Серапіона за его кротость, простоту и доброту, съ которой онъ относился ко всѣмъ, когда былъ трезвъ, и все прощали ему. Кромѣ того, вѣдь это здѣсь на этомъ же приходѣ случилась съ отцомъ Серапіономъ та трагическая исторія, которая испортила ему всю жизнь, и многіе мужики были свидѣтелями его драмы; это тоже принималось во вниманіе, и мужики говорили между собой:

— Это и простому человѣку, ежели съ нимъ случится, великое горе, а батюшкѣ такъ даже особенно... Съ этакого горя не то что запьешь, а на стѣну полѣзешь.

Въ то время, когда отецъ Серапіонъ былъ занятъ крестинами, а матушка, оживившись, благодаря благополучному пробужденію супруга, о чемъ-то хлопотала по хозяйству, которое за это время было сильно запущено, отецъ Гурій и Маккавеевъ остались въ столовой одни.

— Ну, что-жъ, богословъ,—молвилъ отецъ Гурій,—что ты скажешь?

— Что-жъ я скажу?—отвѣчалъ Маккавеевъ,—я ничего не скажу.

— Какъ же такъ? что нибудь да надо сказать.

— Это насчетъ женитьбы?

— Ну, само собою, не насчетъ картофеля же! Мы съ тобой не картофель покупать ѣздимъ.

— Сами видите, отецъ Гурій.

— Что-жъ я вижу, я ничего такого не вижу. Ну, конечно, отецъ Серапіонъ не въ важномъ видѣ былъ... Такъ вѣдь не на отцѣ же Серапіонѣ тебя женять, а на его дочкѣ.

— Да оно, конечно... А вотъ знаете, отецъ Гурій, когда мы ходили гулять съ этой дѣвицей, дочкой отца Серапіона, такъ знаете, что она мнѣ сказала?

— А что? любопытно...

— А сказала она мнѣ: ежели, говоритъ, жениться собираетесь, такъ поищите себѣ другую.

— Какъ такъ?

— А такъ. Я и самъ, было, удивился. А она объяснила: потому что, говоритъ, этимъ только несчастье наживете, ежели на мнѣ женитесь... Вы, говоритъ, будете тутъ близко, и отецъ постоянно будетъ къ намъ ѣздить и нашу жизнь портить.

— А это вѣрно,—согласился отецъ Гурій.—Дома ему сидѣть не очень-то сладко, и будетъ онъ постоянно къ вамъ таскаться... Ну, а ужъ тамъ извѣстно, коли онъ дома не удерживается, то на сторонѣ и подавно; это такъ. Такъ какъ же мнѣ съ тобой быть?

— Да, если бы этотъ приходъ Окуневскій былъ гдѣ нибудь подальше, такъ еще можно бы,—сказалъ Маккавеевъ,—а то слишкомъ близко. Что-жъ, дѣвица она скромная...

— Да, это такъ, она совсѣмъ забитая у нихъ... Жизнь такая, ничего не подѣлаешь... Оно, пожалуй, что это правда, не выгодно тебѣ жениться тутъ... Да, не выгодно... Это такъ, чтобъ жениться да и махнуть куда нибудь въ другую губернію, а тутъ подъ бокомъ опасно...

Отецъ Гурій уже сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы лошади были поданы къ крыльцу. Отецъ Серапіонъ кончилъ крестины, всѣ вышли во дворъ и прощались. Дуня грустными глазами смотрѣла на отъѣзжавшихъ. А матушка взирала на отца Гурія съ мольбой и говорила ему молящимъ голосомъ:

— Заѣзжайте почаще къ намъ, отецъ Гурій! Какъ-то вы насъ забыли совсѣмъ, рѣдко бываете!

— Буду заѣзжать, непремѣнно!—молвилъ отецъ Гурій, усаживаясь въ бричку.

Они выѣхали со двора.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ [1].

(Социологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русь въ славянскомъ штатѣ.

I.

СЛИ изъ Нью-Іорка переѣдете на пароходѣ черезъ рѣку Гудзонъ въ городъ Jersey City и затѣмъ переѣжете по желѣзной дорогѣ узенькій и маленькій штатъ New Jersey, то очутитесь въ Пенсильваніи, одномъ изъ наибольшихъ и живописнѣйшихъ штатовъ всей сѣверо-американской федеративной республики. Живописная Пенсильванія— это средоточіе и сердце всего американскаго славянства вообще и американской Руси въ частности. Славянство составляетъ здѣсь часть населенія, численно столь преобладающую, что съ полнымъ основаніемъ штатъ этотъ можетъ быть наименованъ славянскимъ. Вся Русь, общая численность которой въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ нынѣ превышаетъ 200 тысячъ, что̀ составитъ вскорѣ около половины численности угорской Руси въ Австро-Венгріи, населяетъ главнѣйшимъ образомъ Пенсильванію. Причины поселенія огромнаго

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 131.

большинства славянства, покинувшаго Старый Свѣтъ, въ этомъ именно штатѣ чисто экономическія. Вслѣдствіе своего геологическаго строенія Пенсильванія является средоточіемъ каменноугольной промышленности. При томъ огромномъ спросѣ на рабочія руки и въ особенности на трудъ чисто физическій, какой существовалъ въ Америкѣ издавна до послѣднихъ лѣтъ, сравнительно довольно требовательный и дорогой американскій рабочій не шелъ на тяжелый и опасный трудъ въ подземныхъ каменноуглеломняхъ. Бѣднѣйшіе слои славянскихъ народностей Россіи, Германіи и Австріи, гонимые съ родины многоразличными экономическими и общественными условіями, приплыли въ Новый Свѣтъ и среди колоссальнаго производства сѣверо-американской федеративной республики заняли пустующее мѣсто, оставляемое и избѣгаемое кореннымъ американскимъ рабочимъ, т.-е. рабочимъ англо-саксонской расы, на американской почвѣ родившимся отъ родителей эмигрантовъ или даже происходящимъ отъ двухъ-трехъ поколѣній, также родившихся на землѣ американской отъ переселившихся сюда дѣдовъ и прадѣдовъ. Такимъ образомъ славянскій элементъ заполнилъ собой область каменноугольной промышленности и заселилъ живописную Пенсильванію.

Выясненіе и уразумѣніе общественнаго, экономическаго и политическаго положенія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ славянства вообще и Руси въ особенности представляетъ огромнѣйшія трудности. Элементы: культурно-общественный, національный и вѣроисповѣдный, вывезенные славянствомъ и Русью съ вѣками насиженныхъ земель Стараго Свѣта, сдвинутые съ вѣковыхъ своихъ устоевъ и переброшенные за море, на новой и вольной землѣ американской видоизмѣняются, становятся въ новыя между собой соотношенія и подъ безпрерывнымъ и неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ американскаго соціально-бытоваго уклада перерабатываются и переплетаются до полной почти неузнаваемости. Это столь огромное и совершенно неизбѣжное воздѣйствіе новой и сильнѣйшей культурно-соціальной среды на бѣднѣйшіе и наинекультурнѣйшіе элементы славянства, явившагося въ Новый Свѣтъ искать лучшей доли и заполнившаго Пенсильванію, и ставитъ изслѣдователю почти неопреодолимыя трудности. Поэтому для изображенія и уясненія житья-бытья и положенія Руси въ Пенсильваніи, какъ и въ Америкѣ вообще, необходимо выяснить прежде всего происхожденіе и развитіе русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи, ея составъ и ея культурно-общественный обликъ.

Уже при самомъ словѣ «эмиграція» родится у каждаго представленіе о крайней нуждѣ и бѣдствіяхъ, гонящихъ человѣка изъ родной земли въ дальнія стороны. Хотя отъ представленія этого до надлежащаго понятія объ эмиграціи, порождаемой совокупностью многообразныхъ и нерѣдко довольно сложныхъ общественныхъ при-

чинъ, еще не такъ близко, какъ это можетъ казаться, тѣмъ не менѣе, однако, въ общемъ представленіе это вѣрно. Нужда, конечно, совершенно крайняя и бѣдственное положеніе самое серьезное выгнали изъ Австро-Венгріи всѣ эти 200 тысячъ «русиновъ» и «руснаковъ», которые пребываютъ нынѣ на вольной землѣ американской и населяютъ главнѣйшимъ образомъ живописную Пенсильванію. Но подобное опредѣленіе причинъ русской эмиграціи изъ дуалистической монархіи габсбурговъ было бы само по себѣ крайне поверхностно и непростительно. Ни о размѣрахъ этой нужды, ни ея характерѣ, кромѣ какихъ нибудь трехъ десятковъ мѣстныхъ изслѣдователей и писателей, да самого, конечно, страдательнаго народа, никто въ Европѣ надлежащаго понятія не имѣетъ. Галиційскій изслѣдователь, польскій демократъ-капиталистъ г. Щепановскій, въ вышедшей въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ довольно замѣчательной книгѣ своей: «Nedza Galicyi w cyfrach» (нужда Галиціи въ цифрахъ), на основаніи точныхъ и неопровержимыхъ статистическихъ данныхъ, доказалъ, что въ Галиціи ежегодно умираетъ съ голоду 50 тысячъ человѣкъ. По изслѣдованіямъ галиційскаго изслѣдователя, доктора Олеськова, солиднаго экономиста и преподавателя агрономіи въ львовской учительской семинаріи, помѣщавшимся въ разныхъ мѣстныхъ изданіяхъ и лично, сверхъ того, намъ имъ любезно сообщеннымъ, оказывается нижеслѣдующее. На пять милліоновъ сельскаго населенія имѣется въ Галиціи земли 4.758,730 гектаровъ. Въ цифрѣ этой заключаются какъ земли пахотныя, такъ равно и сѣнокосы, огороды, общественные лѣса, мѣста подъ строеніями и земли, непригодныя къ обработкѣ. Если выбросить изъ нея всѣ вообще земли непроизводительныя, къ числу которыхъ относятся земли совершенно неудобныя, мѣста подъ строеніями, сѣнокосы, земли священническія, земли болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ изъ селянъ же и т. д., то на массу народа приходится немного болѣе 3 милліоновъ гектаровъ. Такимъ образомъ на семью, состоящую изъ пяти душъ, приходится земли въ среднемъ около 3 гектаровъ. По точнымъ статистическимъ даннымъ, собраннымъ за 1882—1891 годы о среднемъ урожаѣ пшеницы, ржи, ячменя и овса, гектаръ даетъ 750 килограмовъ, стоимость которыхъ равняется $37^{1}/_{2}$ гульденамъ, такъ что средняя сельская семья въ Галиціи (изъ пяти душъ) получаетъ съ земли своей дохода $112^{1}/_{2}$ гульденовъ въ годъ. Стоимость новаго посѣва составляетъ 30 гульд., подати, рабочій скотъ и инвентарь обходятся ежегодно 50 гульд., а остающіеся такимъ образомъ $32^{1}/_{2}$ гульд. идутъ на страхованіе, на платежи, на школу и на церковь, на поддержаніе хозяйственныхъ строеній и т. д. Выходитъ такимъ образомъ изъ этихъ цифровыхъ данныхъ, что масса русскаго сельскаго населенія въ Галиціи положительно не имѣетъ чѣмъ существовать, если не попадутся посторонніе заработки. Заработки эти заключаются здѣсь

единственно въ работахъ по крупнымъ сельскимъ хозяйствамъ землевладѣльцевъ, оплачиваемыхъ весьма скудно. При значительномъ употребленіи машинъ въ крупныхъ сельскихъ хозяйствахъ Галиціи и огромномъ предложеніи рабочихъ рукъ заработокъ селянина здѣсь отъ работъ по этимъ хозяйствамъ настолько низокъ, что его не хватаетъ на самое скромное содержаніе одного только человѣка, не говоря уже о цѣломъ семействѣ. Безысходность и отчаянность положенія русскаго народа въ Галиціи представляются очевидными. Издавна еще сталъ онъ бросаться на заработки то на востокъ—въ Россію и Румынію, то на югъ—въ Венгрію и Боснію. Не смотря на то, что установилось постепенно ежегодное экономическое путешествіе огромной части галицко-русскаго народа ко времени жатвы въ Россію и Венгрію, а также отчасти въ Румынію и Боснію, этотъ галицкій селянинъ, какъ и малорусскій, вообще, продолжали, по установившемуся предразсудку, считаться неспособными къ какому либо экономическому новаторству, если въ особенности оно было связано съ небольшимъ даже удаленіемъ отъ родныхъ мѣстностей. Между тѣмъ этотъ самый малорусскій народъ, предполагаемый почему-то столь малоподвижнымъ и консервативнымъ въ экономическомъ отношеніи, съ западнаго склона русскихъ Карпатъ, какъ со стороны галицкой, такъ и со стороны угорской, бросился совершенно неожиданно на западъ и при томъ за океанъ. Что малорусская эмиграція въ Америку началась именно съ западной части русскихъ Карпатъ, съ самаго западнаго уголка Малоруси, представляется вполнѣ естественнымъ. Большая часть земли въ этомъ уголкѣ, именуемомъ Лемковщиной, совершенно пустѣетъ или же идетъ подъ пастбища, меньшая же родитъ исключительно овесъ и даетъ притомъ столь скудный его урожай, что лишь возвращается посѣвъ, такъ что единственной выгодой отъ его сѣянія представляются солома и остающаяся отъ жатвы пожня, составляющія хорошій кормъ для скота, здѣсь весьма дорогой. При подобной неплодотворности земли лемки занимаются скотоводствомъ и семейной земельной собственности вовсе почти не дѣлятъ.

Обыкновенно лишь одинъ членъ семьи остается на хозяйствѣ, а остальнымъ выплачивается стоимость ихъ частей. Изъ этихъ послѣднихъ тѣ, которымъ удалось такъ или иначе собрать немного денегъ, принимаются за выкармливаніе скота и торговлю нимъ, или же иногда за ремесло. Но такихъ счастливыхъ очень мало, и огромное большинство лемковъ составляетъ сельскій пролетаріатъ, положеніе котораго представляется тѣмъ болѣе тяжелымъ, что въ ихъ неплодородномъ краѣ не имѣется ни крупныхъ сельскихъ хозяйствъ, которыя нуждались бы въ рабочей силѣ, ни какихъ либо фабрикъ. Если работы по крупнымъ сельскимъ хозяйствамъ составляютъ, какъ мы сказали уже, для галицкорусскаго селянина вообще единственный почти источникъ заработка, то въ частности изъ Галиц-

кой Лемковщины отправляются на жатву въ Угорщину 75 человѣкъ на 100. Ясно такимъ образомъ, почему именно малорусская эмиграція изъ Австро-Венгріи въ Америку началась съ этого уголка русской части Галичины, наиболѣе выдвинувшагося къ западу. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется положеніе Руси Угорской. Хотя во многихъ мѣстностяхъ этой наинесчастнѣйшей части Малоруси царствуетъ также горькая нужда, но все-таки въ общемъ ея экономическое положеніе не такъ плачевно и отчаянно, какъ положеніе Руси Галицкой и въ особенности Лемковщины. Но зато тяготѣетъ надъ ней страшный гнетъ политическій. Мы могли бы разразиться здѣсь страшными воплями о насильственной мадьяризаціи угорской Руси, объ азіатской дикости мадьяръ, проистекающей изъ ихъ монгольскаго просхожденія, и т. д. Но мы не пойдемъ за этимъ обычнымъ пріемомъ русской печати и постараемся найти явленію этому, несомнѣнно прискорбному и возмутительному, чисто научиое, объективное объясненіе. Мадьярское правительство равно ненавидитъ всѣхъ славянъ, а между тѣмъ, будучи довольно терпѣливымъ въ отношеніи сербовъ, хорватовъ, словаковъ и т. д., угорскихъ русиновъ гнететъ всей силой правительственной власти. Почему же это такъ, почему угорская Русь въ Венгерскомъ государствѣ не можетъ пользоваться терпимостью въ той же степени въ какой пользуются ею всѣ прочія славянскія народности этого государства? Съ первыхъ же моментовъ возрожденія угорской Руси, начавшагося въ столь знаменитомъ въ исторіи нашего вѣка 1848 году, угрорусское національное движеніе приняло въ отношеніи мадьярской народности и въ особенности государственности характеръ враждебный и даже явно демонстративный. Если извѣстный Адольфъ Добрянскій, человѣкъ во всякомъ случаѣ громадной энергіи и огромнаго таланта, этимъ послѣднимъ покрывалъ до извѣстной степени свои ошибки и промахи, то послѣдователи его, одинъ другого мельче и ничтожнѣе, совершенно и окончательно опошлили и уничтожили его идеи и стремленія. Объявляя свое объединеніе съ Россіей, они не переставали пугать мадьяръ «московскими» рублями и «московскими» войсками, которые вотъ-вотъ, съ минуты на минуту, обрушатся на мадьярскую державу и на вѣки затопятъ ее. Не мѣшаетъ припомнить задѣсь, что въ 1849 году, когда мадьярскія войка Гергея сложили оружіе при Виллагошѣ, Добрянскій въ качествѣ уссарскаго интендантскаго комиссара при русскихъ войскахъ [1]) является представителемъ особы австрійскаго императора. Если такимъ образомъ угрорусское національное движеніе, съ самаго зарожденія своего пойдя по пути шовинизма, демонстрацій и угрозъ «московскими» рублями и войсками, заключаетъ въ себѣ постоянную угрозу самостоятельности и независимости какъ мадьярскаго государства, такъ

[1]) По волѣ императора Николая Павловича спасавшихъ единство Австріи.

и мадьярскаго народа, то можно ли требовать отъ мадьяръ, чтобы они относились къ нему иначе, нежели относятся нынѣ? Что сказали бы мы въ самомъ дѣлѣ, если бы остзейскіе нѣмцы, объявляя свое объединеніе съ общенѣмецкимъ Vaterland'омъ, безпрестанно грозили намъ нѣмецкими талерами и военными силами могущественной Германской имперіи? А вѣдь въ отношеніи силъ и средствъ между Германіей и Россіей представляется совсѣмъ не та пропорція, какъ между Россіей и Венгріей. Но, кромѣ этой государственной, такъ сказать, стороны угрорусскаго національнаго движенія, поведеннаго по фальшивому пути, противъ котораго нынѣ среди самой угорской Руси раздаются голоса наиболѣе солидные и искренніе, есть въ немъ еще другая сторона, также ошибочно поставленная—сторона чисто народная. Если интеллигентный малоруссъ безъ труда понимаетъ общерусскій литературный языкъ, являющійся въ основѣ своей великорусскимъ, то совершенно нельзя сказать того же о народной массѣ, въ особенности галицкорусской и угрорусской. Какъ бы ни желали мы единства русскаго литературнаго языка, мы должны, однако, понимать вещь столь простую и элементарную, что, прежде чѣмъ ввести эту массу народную въ сокровищницу русской литературы и русской науки, надо первоначально дать ей образованіе и общее развитіе не иначе, какъ на ея родномъ языкѣ, весьма отличающемся отъ общерусскаго литературнаго.

Между тѣмъ Адольфъ Добрянскій и послѣдователи его сразу ухватились за готовый уже общерусскій литературный языкъ и на немъ стали просвѣщать народныя массы, совершенно темныя и къ усвоенію языка этого, для нихъ въ значительной степени искусственнаго и малодоступнаго, совершенно неподготовленныя. Само собою разумѣется, что это просвѣщеніе и литературное движеніе не пошло въ глубь народа угрорусскаго и, захватывая лишь его интеллигенцію, скользя лишь по его поверхности, не смогло противостоять страшнѣйшей мадьяризаціи угорской Руси, сдержать ея напоръ. О значеніи и цѣнѣ этого литературно-просвѣтительнаго движенія, построеннаго на чисто теоретическихъ и неправильныхъ основаніяхъ, можно судить по его результатамъ. Свѣтской интеллигенціи угорская Русь вовсе не имѣетъ: вся она мадьяризуется безъ всякихъ исключеній. Что касается угрорусскаго духовенства, то еще въ латинскихъ мадьярскихъ семинаріяхъ въ Пештѣ и Острогомѣ, гдѣ воспитываются наилучшіе ученики, а равно и въ унгварской, даже русской духовной семинаріи, искореняется изъ нихъ русская рѣчь и русское народное самосознаніе. Въ общемъ, часть угрорусскаго духовенства открыто выступаетъ въ качествѣ мадьярскихъ интеллигентовъ и мадьярскихъ дѣятелей, другая же совершенно бездѣйствуетъ и, сложа руки, глядитъ на страшную работу европейскаго азіатства, которое вырываетъ русскіе корни изъ исконныхъ русскихъ земель и сотни тысячъ русскаго народа

захватываетъ подъ скрѣпленіе мадьярскаго элемента. Какъ-то застыла и какъ бы одеревенѣла угорская Русь, замолкли поэты и писатели, а народъ, оставаясь во тьмѣ, пригнетенный нуждою, покидаетъ родную землю и убѣгаетъ въ Америку.

Русская эмиграція изъ Австро-Венгріи въ Америку началась, какъ мы упомянули уже, съ западной части русскихъ Карпатовъ, съ такъ называемой Лемковщины, обнимающей собой какъ галицкую, такъ и угорскую стороны этой части. Было это около половины семидесятыхъ годовъ. Однако, лишь въ 1884 году, то-есть около десяти лѣтъ приблизительно спустя, впервые узнала Галиція, а за ней и вся Австро-Венгрія объ этой русской эмиграціи за океанъ. Въ извѣстной галицкорусской газетѣ «Дѣло» появились извѣстія, что на почтовыхъ станціяхъ въ разныхъ медвѣжьихъ уголкахъ русской части Галиціи пропадаютъ деньги, присылаемыя мѣстнымъ селянамъ ихъ отцами, сыновьями и братьями изъ Америки, причемъ общая сумма пропавшихъ денегъ исчислялась въ въ нѣсколько тысячъ долларовъ, составляющихъ, при экономическомъ положеніи сельскаго населенія Галиціи, огромный капиталъ. Хотя сосѣди галицкихъ лемковъ, словаки и мазуры, гораздо ранѣе ихъ начали эмигрировать въ Америку, тѣмъ не менѣе, однако, русская интеллигенція Галиціи была нѣсколько удивлена и озадачена этими извѣстіями. Но, ознакомившись и освоившись съ фактами, она не стала вопіять противъ эмиграціи, какъ это дѣлала и дѣлаетъ даже до сихъ поръ польская интеллигенція въ отношеніи эмиграціи своихъ мазуровъ, а сразу принялась за организацію этой русской эмиграціи и созданіе прочныхъ ея связей съ роднымъ краемъ, съ «батькôвщиной». Результаты этихъ стараній галицкой русской интеллигенціи и ея сношеній съ отпрысками своего народа, очутившимися за океаномъ, обнаружились очень скоро. Во второй половинѣ того же 1884 года община галицкихъ русиновъ, сложившаяся въ городѣ Шенандоа (Shenandoah) штата Пенсильваніи, городѣ довольно значительномъ и по нашей терминологіи уѣздномъ, обратилась къ львовскому митрополиту Сильвестру Сембратовичу съ ходатайствомъ выслать ей священника греко-католическаго (уніатскаго) обряда для основанія тамъ русскаго прихода, при чемъ обязывалась какъ принять на себя всѣ сопряженные съ основаніемъ такимъ расходы, такъ равно и платить новоназначенному священнику жалованье въ размѣрѣ 200 австрійскихъ гульденовъ въ мѣсяцъ.

Необходимо указать здѣсь, что первоначально русская эмиграція наткнулась въ Америкѣ на многоразличныя мѣстныя препятствія самаго тяжкаго свойства. Американскіе рабочіе, подозрѣвая, что новоприбывающіе угрорусскіе и галицкорусскіе эмигранты доставляются въ ихъ страну предпринимательскими компаніями съ цѣлью понизить ихъ заработную плату, составили особое товари-

щество, чтобы путемъ убійствъ и разбоевъ совершенно терроризовать этихъ новыхъ эмигрантовъ и такимъ путемъ пріостановить эту новую отросль иммиграціи. Однажды, вблизи города Олифанта (въ Пенсильваніи же) ирландцы ночью подкрались къ дому, въ которомъ жило нѣсколько десятковъ русиновъ, облили его керосиномъ, подперли его окна и двери бревнами и около полуночи подожгли. Неминуемая и ужасная смерть угрожала 40—50 русскимъ переселенцамъ. Но, къ счастію, сухое дерево, изъ котораго построенъ былъ этотъ домъ, стало сильно трещать, спавшіе проснулись, высадили окна и всѣ повыскочили, въ моментъ своего спасенія встрѣчаемые револьверными залпами ирландскихъ разбойниковъ, которые продолжали стрѣлять по убѣгавшимъ. Къ счастью, никто убитъ не былъ, но за то весь домъ со всей его обстановкой, вещами эмигрантовъ и ихъ деньгами—все это сгорѣло дотла. Подобные случаи устрашенія русскихъ иммигрантовъ съ цѣлью отбить у нихъ охоту являться въ эту «free country» (свободную страну) не были, конечно, единичными. Вмѣстѣ съ тѣмъ всевозможныя оскорбленія и притѣсненія русскихъ рабочихъ въ «майнахъ» (каменноуглеломняхъ) старо-американскимъ большинствомъ майнеровъ и даже прямыя нападенія послѣднихъ на первыхъ для избіенія или искалѣченія вовсе не составляли рѣдкости. Лишь упорнымъ терпѣніемъ, тяжелымъ трудомъ, недюжиннымъ мужествомъ и огромной энергіей достигла эта новообразовавшаяся русская вѣтвь американскаго рабочаго класса того, что стала сначала терпимой, затѣмъ уважаемой и наконецъ общепризнанной. Организація американской Руси должна была разсѣять всякія недоразумѣнія и устранить всякія недоброжелательства.

Починъ организаціонной дѣятельности вышелъ, какъ мы упомянули уже, изъ Галицкой Руси. Что починъ этотъ вышелъ отсюда именно, а не изъ угорской Руси, откуда эмиграція въ Америку началась даже нѣсколько ранѣе, нежели изъ Галиціи, не представляется простой случайностью. Явленіе это имѣло свои общественныя причины и не могло сложиться и разрѣшиться иначе. Для того, чтобы понять это явленіе общественнаго бытія русскаго народа, равно какъ и многія другія явленія того же бытія за предѣлами русскаго государства, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ тѣхъ предвзятыхъ, ложныхъ и совершенно вздорныхъ представленій о такъ называемомъ украйнофильствѣ, которыя такъ распространены, въ особенности благодаря медвѣжьимъ услугамъ нашей печати извѣстнаго сорта, въ предѣлахъ Россіи. Какъ извѣстно, галицко-русская интеллигенція имѣетъ у насъ въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ репутацію украйнофильской, а угрорусская признается въ огромнѣйшемъ же большинствѣ—руссофильской, или, правильнѣе говоря, великоруссофильской. Какъ извѣстно, великоруссофильству, всѣми славянскими народностями именуемому «москале-

фильствомъ», приписывается тенденція объединить Русь во всѣхъ отношеніяхъ, украйнофильство же изобличается въ стремленіи раздѣлить Русь какъ въ просвѣтительномъ и литературномъ, такъ даже и въ политическомъ отношеніи. Между тѣмъ въ дѣйствительности малорусское такъ называемое украйнофильство вообще и галицко-малорусское въ частности, нося въ себѣ горячую любовь ко всему русскому народу во всей его совокупности, стремится вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить богатую субъективность народа малорусскаго съ ея поэзіей и богатыми культурными задатками и, давая ему образованіе на его родномъ языкѣ, единственномъ ему вполнѣ доступномъ и понятномъ, создать для него и его блага ради на этомъ звучномъ, богатомъ и поэтическомъ языкѣ, значительно отличающемся отъ великорусскаго, нѣкоторую разновидность русской литературы, на сколько существованіе этой послѣдней, рядомъ съ обширной литературной великорусской, представляется возможнымъ, по законамъ естественной конкурренціи въ области интеллектуальной производительности. Противъ стремленій такъ называемаго украйнофильства возражаютъ обыкновенно на тему единства Руси. Но единство единству рознь. Есть единство чисто внѣшнее, формальное, такъ сказать, казенное, единство обмундированія, подъ которымъ скрывается не рѣдко разобщеніе духа, а всегда его апатія и ничтожество. Есть, наоборотъ, единство другого рода, которое при различіи внѣшности, при отличіи въ формѣ, заключаетъ въ себѣ единство духа. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому, чтобы строго проанализировать каждую проповѣдь «единства» и убѣдиться, чего она стоитъ и къ какимъ именно практическимъ результатамъ приводитъ, въ чемъ собственно эта стоимость и заключается. Въ своей малорусской субъективности и разновидности, сознавая, любя и уважая опредѣленный типъ великаго народа русскаго, галицкое украйнофильство народъ свой просвѣщаетъ, работаетъ изъ всѣхъ силъ надъ поднятіемъ его какъ въ культурномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, создаетъ и укрѣпляетъ въ немъ народное самосознаніе и чувство своего народнаго достоинства, за права его ведетъ отчаянную и упорную борьбу съ правящей польской шляхтой и на этомъ просвѣщеніи, на этомъ поднятіи его культурнаго значенія, на возвышеніи и упроченіи его матеріальнаго благостоянія, на самомъ этомъ народѣ строитъ его будущность. Что же, спрашивается, дѣлаетъ въ то же время угрорусское руссофильство, или великоруссофильство? Оно изо дня въ день ожидаетъ, что вотъ-вотъ русскія войска ворвутся въ Венгрію, разнесутъ вдребезги мадьярскую державу, и тутъ-то изъ этого «московскаго» рога изобилія посыплются на угорскихъ руснаковъ деньги несмѣтныя, теплыя мѣстечки, всяческая благостыня и готовая литература. Въ этомъ чаяніи угрорусскіе великоруссофилы ровно ничего не дѣлаютъ, довольно спокойно глядятъ на то, какъ чудовищная мадьяризація тысячи народа русскаго вы-

ваетъ изъ его родной колыбели, и посылаетъ лишь иногда жалобы въ Россію, въ нѣкоторую часть русской печати. Въ подобномъ ожиданіи пришествія мессіи въ видѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ русскихъ штыковъ, эти «твердые» русскіе патріоты, какъ нельзя лучше олицетворяющіе въ политикѣ извѣстный Некрасовскій стихъ: «Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ», преспокойно сидятъ на своихъ болѣе или менѣе тепленькихъ мѣстечкахъ и усердно, страха ради іудейска, лижутъ руку мадьярской правительственной власти, бичующую Русь. Всякому искреннему русскому человѣку, не потерявшему здраваго смысла и совѣсти, предоставляемъ самому судить: кто именно надлежащимъ образомъ служитъ своему народу, и кто именно заслуживаетъ признательности всего русскаго народа, галиційская ли украйнофильская интеллигенція или же угорская великоруссофильская интеллигенція? Не говоря уже о томъ, что Галиція съ Буковиной заключаютъ въ себѣ 3½ милліона русскаго народа, Угорщина же всего ½ милліона, вслѣдствіе чего галицко-русская интеллигенція несравненно, конечно, численнѣе угрорусской, по существу дѣла нельзя не видѣть, что эта послѣдняя, являясь, съ одной стороны, низкимъ рабомъ въ отношеніи Венгріи, является, съ другой, подлымъ лакеемъ въ отношеніи Россіи, ожидающимъ, что вотъ-вотъ пріѣдетъ баринъ и наградитъ его за его скрытое и изворотливое лакейское усердствованіе при полномъ бездѣльничаньи. Если мы остановились нѣсколько пространно, быть можетъ, на общей характеристикѣ интеллигенцій галицкорусской и угрорусской, то потому именно, что эти ихъ типическія черты и основныя качества въ лицѣ ихъ духовенства на американской почвѣ сказываются на каждомъ шагу, опредѣляя многія явленія жизни американской Руси. Не мѣшаетъ къ этому прибавить, что въ то время, какъ галицкіе украйнофильствующіе интеллигенты сплошь и рядомъ сошлются въ разговорѣ съ вами на Льва Толстого, приведутъ вамъ стихъ изъ Пушкина, Лермонтова или Некрасова, спросятъ васъ о состояніи народнаго образованія въ коренной Россіи и т. д., угрорусскіе великоруссофильствующіе интеллигенты понятія не имѣютъ о русской литературѣ, допытываются у васъ, на сколько богата Россія, и какіе оклады получаютъ чиновники и духовенство и т. д. Для насъ подобное руссофильство представляется положительно оскорбительнымъ: здѣсь нѣтъ и слѣда той вѣры въ русскій народъ и его великую будущность, какимъ одушевлено галицкое украйнофильство, а есть лишь вѣра въ русскій штыкъ и русскій рубль.

II.

Итакъ, починъ организаціи американской Руси вышелъ изъ Руси галицкой. Митрополитъ галицкій, Сильвестръ Сембратовичъ, тотчасъ отозвался на ходатайство русской общины въ Шенандоа,

и въ концѣ того же 1884 года просимый священникъ въ лицѣ отца Ивана Волянскаго находился уже въ пути въ Америку, снабженный митрополичьими грамотами, свидѣтельствомъ и рекомендательными письмами къ властямъ штата Пенсильванiи. Прибывъ въ Новый Свѣтъ, отецъ Волянскiй отправился прежде всего въ главный городъ этого штата, Филадельфiю, чтобы представиться тамошнему римско-католическому архiепископу Райну. Такъ какъ отецъ Волянскiй былъ первымъ греко-католическимъ священникомъ, появившимся на американскомъ материкѣ, и не имѣлъ здѣсь надъ собой никакой высшей власти церковной, которой, скажемъ кстати, не существуетъ и до сего времени, то единственнымъ для него исходомъ изъ такого не совсѣмъ обыкновеннаго положенiя было представленiе мѣстному главѣ той церкви, въ унiи съ которой состоитъ русская греко-католическая церковь, то-есть церкви римско-католической. За отсутствiемъ архiепископа Райна изъ его резиденцiи, первый русскiй греко-католическiй священникъ, появившiйся въ Новомъ Свѣтѣ, принятъ былъ генеральнымъ викарiемъ и епископскимъ секретаремъ. Пересмотрѣвъ бумаги новоприбывшаго священника, они признали ихъ достаточными, но какъ-то въ разговорѣ съ нимъ, узнавъ, что онъ женатъ и прибылъ вмѣстѣ съ женой, епископскiй генеральный викарiй съ епископскимъ секретаремъ содрогнулись отъ ужаса, пришли въ неописуемое негодованiе, мгновенно оборвали съ нимъ всякiя объясненiя и потребовали, чтобы онъ немедленно удалился изъ Америки. По той же причинѣ архiепископъ Райнъ, возвратясь въ Филадельфiю, не пожелалъ даже принять новоприбывшаго необыкновеннаго священника. Однако, отецъ Волянскiй, понимая, что онъ, какъ священникъ самостоятельнаго обряда, не нуждается ни въ какой иной юрисдикцiи, кромѣ исходящей отъ его греко-католическаго митрополита во Львовѣ, какой онъ и былъ снабженъ, рѣшился пойти напроломъ. Изъ Филадельфiи отправился онъ прямо къ мѣсту своего назначенiя, въ Шенандоа, и здѣсь обратился прежде всего къ польскому ксендзу съ просьбой предоставить ему свой костелъ для совершенiя въ немъ русскихъ греко-католическихъ богослуженiй. Получивъ отказъ, въ которомъ, скажемъ кстати, совершенно нельзя винить польскаго ксендза, находящагося въ полнѣйшей зависимости отъ американскаго римско-католическаго епископа, обыкновенно ирландца и изряднаго невѣжды, отецъ Волянскiй нанялъ себѣ залу, предназначенную для разнаго рода митинговъ, и въ ней отправилъ первое русское греко-католическое богослуженiе въ предѣлахъ Новаго Свѣта. Богослуженiе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ славянскимъ богослуженiемъ въ Пенсильванiи, и горы и долины этой новой отчизны Руси и славянства впервые услышали тогда славянскую молитву и славянское пѣснопѣнiе, ибо, хотя еще съ конца прошлаго столѣтiя существуетъ въ Сѣверной Америкѣ русская православная

епархія, но, состоя главнѣйшимъ образомъ изъ разныхъ инородцевъ, населяющихъ западные штаты, она, естественно, не внесла еще тогда русскаго православнаго богослуженія въ штаты наиболѣе восточные, а въ томъ числѣ и въ прекрасную Пенсильванію. Къ этому первому въ ея предѣлахъ славяно-русскому богослуженію съѣхалось не мало галицкихъ и угорскихъ русиновъ изъ разныхъ мѣстностей западныхъ штатовъ, отъ города Шенандоа болѣе или менѣе отдаленныхъ. Сердца этого отпрыска русскаго народа, впервые услышавшаго на вольной землѣ Америки свое богослуженіе, преисполнились неописанной радости: большая часть его плакала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ этотъ явился первичнымъ зародышемъ организаціи русскаго народа въ предѣлахъ великой сѣвероамериканской республики.

Здѣсь мы невольно сталкиваемся съ немаловажнымъ вопросомъ о роли русской церкви въ объединеніи и организаціи русскаго народа. Не касаясь роли этой въ предѣлахъ Россіи, откуда эмиграціи русскаго народа въ Америку вовсе почти не существуетъ, обратимся къ разсмотрѣнію роли этой въ предѣлахъ Австро-Венгріи, то-есть въ трехъ земляхъ русскихъ—восточной Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси. На Буковинѣ русское народное движеніе и его средоточія, русскія народныя читальни, находятся, къ сожалѣнію, въ открытой войнѣ съ мѣстной русской церковью, которая есть церковь православная. Справедливость и обязанности объективнаго изслѣдователя вынуждаютъ насъ сказать, что войну эту вызвала сама же буковинская русская церковь своими деспотическими поползновеніями и обскурантскими замашками. О народноорганизаціонной роли угрорусской уніатской церкви отчасти можно было бы уже сдѣлать довольно опредѣленныя заключенія изъ предшествующаго изложенія нашего. Здѣсь мы приведемъ кое-какіе факты, которые для такихъ выводовъ даютъ основанія вполнѣ опредѣленныя. Въ 1885 году въ Бережанскомъ комитатѣ Венгріи, сплошь почти русскомъ, мадьярскіе шовинисты образовали общество съ спеціальной цѣлью мадьяризовать русскій народъ. На первое общее собраніе этого общества, происходившее въ 1886 году, явилось 100 человѣкъ и изъ нихъ оказалось: нѣмцевъ 6, мадьяръ 44 и 50—кого бы вы думали?—угрорусскихъ священниковъ. Общее собраніе это постановило подать управленію комитата петицію объ установленіи на цѣли его налога съ мѣстнаго населенія, въ размѣрѣ одного крейцера съ одного гульдена существующихъ налоговъ, то-есть, точнѣе говоря, ходатайствовать предъ мѣстнымъ правительствомъ объ обложеніи русскаго народа на предметъ покрытія расходовъ, потребныхъ на его же омадьяреніе. И въ подобной, прямо цинической выходкѣ на 44 мадьяра участвуютъ 50 русскихъ и притомъ именно священниковъ! Высшее духовенство угрорусское разсылаетъ разные свои циркуляры подвѣдомственнымъ ему русскимъ духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ на языкѣ

мадьярскомъ и на этомъ же языкѣ предписываетъ послѣднимъ вести метрики. Такова значительно бо́льшая часть угрорусскаго духовенства, меньшая же отличается отъ бо́льшей лишь тѣмъ, что изрѣдка пошлетъ втихомолку въ какое либо петербургское или московское изданіе жалобную корреспонденцію объ угнетеніи русскихъ мадьярами. Представляется очевиднымъ, что никакой организаціонной роли въ бытіи народномъ угрорусская уніатская церковь имѣть не можетъ. Что касается Руси галицкой, то въ ней, подобно тому, какъ и на Буковинѣ, все русское культурное движеніе сосредоточилось въ народныхъ читальняхъ, отъ церкви совершенно отдѣльныхъ и даже этой послѣдней враждебныхъ настолько, насколько признается она интеллигенціей виновной въ эксплоатаціи народа и поддержаніи его темноты. Лишь на самыхъ западныхъ окраинахъ галицкой Руси, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мазурами, группируется русскій народъ вокругъ тамошней своей греко-католической церкви, и здѣсь русскія народныя читальни и иныя просвѣтительныя учрежденія связаны съ этой церковью. Не смотря, однако, на то, что на всемъ почти пространствѣ австро-угорской Руси, за исключеніемъ лишь мѣстностей, прилегающихъ къ польской Мазуріи, церковь русская не только не является уже въ настоящее время культурно-просвѣтительнымъ факторомъ въ общественной жизни русскаго народа, но даже находится съ современнымъ русскимъ народно-просвѣтительнымъ движеніемъ въ большемъ или меньшемъ антагонизмѣ,—эта самая церковь на почвѣ свободной Америки становится сразу факторомъ просвѣщенія, объединенія и организаціи отпрысковъ этого же народа, переброшенныхъ за океанъ. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что наши европейскія представленія объ американской свободѣ и американскомъ свободомысліи, какъ и многія другія представленія объ американскомъ общественномъ бытіи вообще, представляются совершенно невѣрными. Въ этой «free country» (свободной странѣ) церковь имѣетъ еще такое значеніе, какимъ не пользуется уже нигдѣ почти въ Европѣ, и духовенство пользуется еще такимъ вліяніемъ, о какомъ и не мечтаетъ уже въ Старомъ Свѣтѣ. Такимъ образомъ, возрожденіе того вліянія русской церкви на русскій народъ, которое ею въ мѣстахъ прежняго населенія этого народа было уже потеряно, нашло себѣ на почвѣ Америки условія самыя благопріятныя. Далѣе, какъ мы указали уже, галицко-русская эмиграція въ Америку исходитъ преимущественно изъ Лемковщизны, а лемки изъ всей Галицкой Руси стоятъ на самой низкой степени просвѣщенія и цивилизаціи, такъ что даже значительное большинство эмигрантовъ въ Америку не умѣетъ ни читать, ни писать. Слѣдуетъ затѣмъ принять во вниманіе, что въ народѣ русскомъ сильно еще чувствуется нравственная потребность въ религіи и обрядахъ. Уже сама эта потребность

въ связи съ малокультурностью и непросвѣщенностью эмигрантовъ, и положеніемъ церковности въ самой Америкѣ, были общественными факторами, совершенно достаточными для возстановленія прежняго, стародавняго значенія русской церкви въ жизни народной. Но имѣются еще и другіе факторы, дѣйствующіе въ томъ же направленіи. Удаленный отъ родины, заброшенный на чужбину, переброшенный за океанъ, чувствуетъ человѣкъ какое-то тоскливое тяготѣніе къ родимому краю, и все то, къ чему привыкъ онъ тамъ съ ранняго дѣтства, пріобрѣтаетъ въ глазахъ его какую-то неизъяснимую прелесть. Этотъ славяно-русскій обрядъ, именно вслѣдствіе своей народности столь близкій и дорогой массамъ народнымъ, здѣсь за океаномъ, среди этого моря непонятныхъ словъ и чуждыхъ звуковъ, этого простого русскаго человѣка начинаетъ въ особенности тянуть къ себѣ, и такимъ образомъ его потребность въ церкви и ея религіозныхъ отправленіяхъ въ нѣсколько разъ увеличивается. Долгое еще время, по своемъ прибытіи въ Новый Свѣтъ, не понимая совершенно общеупотребительной англійской рѣчи, оторванный отъ всѣхъ путей и способовъ просвѣщенія и умственнаго развитія, этотъ малорусскій селянинъ, превратившійся вдругъ въ американскаго рабочаго, естественно и неизбѣжно въ своей русской церкви ищетъ и просвѣщенія, и утѣшенія, и соединенія со своими братьями, тѣмъ же бездольемъ загнанными за океанъ. Если бы галицко-русская интеллигенція стала искать способовъ организаціи части своего народа, удалившейся за океанъ, для спасенія его отъ совершенно безпомощнаго состоянія въ новомъ отечествѣ и постепеннаго одичанія, то при всемъ ея стараніи она не нашла бы первоначально никакого иного, болѣе соотвѣтственнаго и дѣйствительнаго, средства концентраціи и объединенія Американской Руси, какъ русская церковь. Однако и эта послѣдняя, объединяя эту Русь, разбросанную на громадной территоріи, приняла и усвоила себѣ всѣ тѣ принадлежности и черты свѣтскаго просвѣщенія, какими отличаются какъ русскія читальни въ Галичинѣ, такъ и церковность въ Америкѣ вообще, такъ что американская русская церковь отличается во многомъ отъ церкви по всей Малоруси вообще, то-есть какъ православной, такъ и греко-католической, или уніатской.

Руси православной, т. е. Руси изъ Россіи и австрійской Буковины, въ Америкѣ совсѣмъ почти не существуетъ, и, такимъ образомъ, Русь представлена здѣсь Русью уніатской изъ Австро-Венгріи. Изъ этой послѣдней эмиграція въ Америку началась, какъ мы упоминали уже, первоначально изъ Угорщины. Такъ какъ національнаго самосознанія среди народа угрорусскаго, не смотря на жалобы ничтожной доли угрорусской интеллигенціи въ петербургскія и московскія газеты, вовсе почти нѣтъ, и прибывшіе въ Америку угрорусcы именуютъ себя «гунгàрами», то въ первое десятилѣтіе этой

русской эмиграціи болѣе старое населеніе восточныхъ штатовъ не имѣло никакого понятія ни о національности новоприбывшихъ, ни тѣмъ болѣе о ихъ вѣроисповѣданіи и сущности ихъ обряда. Необходимо замѣтить здѣсь, что хотя православная церковь, являющаяся первообразомъ греко-католической, или уніатской, почти восемьдесять лѣтъ существовала уже въ Сѣверной Америкѣ до начала русской эмиграціи въ эту послѣднюю изъ Австро-Венгріи, но движеніе православія началось на американскомъ континентѣ съ Алеутскихъ острововъ, съ западной его стороны, т. е. со стороны совершенно противоположной той, въ какую движется и прибываетъ вышеупомянутая русская эмиграція и славянская эмиграція вообще, равно какъ и вся эмиграція изъ Стараго Свѣта. Независимо отъ сего, распространеніе православія, обнимая исключительно почти инородцевъ западной части американскаго материка, въ теченіе этихъ восьмидесяти лѣтъ не достигло еще штатовъ наиболѣе восточныхъ и въ томъ числѣ Пенсильваніи, ставшей средоточіемъ славянства на другомъ полушаріи земли. Довольно естественно поэтому, что появленіе въ этомъ штатѣ священника съ женой вызвало всеобщее изумленіе американцевъ, ибо они до тѣхъ поръ не имѣли представленія о существованіи какого-то непротестантскаго обряда, дозволяющаго священнику жениться. Какъ и слѣдовало ожидать, невѣжество и нетерпимость римско-католическаго духовенства, порождаемыя крайней односторонностью получаемаго имъ образованія, не преминули воспользоваться подобнымъ невѣдѣніемъ американскаго населенія въ видахъ возбужденія его противъ новоприбывшаго представителя греко-католической церкви, появленіе котораго съ женой признавалось духовенствомъ этимъ великимъ «соблазномъ». На представленія католическихъ священниковъ города Шенандоа по этому предмету архіепископъ Райнъ обратился къ нимъ съ архипастырскимъ посланіемъ, которое и было прочтено имъ всенародно съ проповѣдническихъ каѳедръ трехъ мѣстныхъ костеловъ; посланіемъ этимъ воспрещалось католикамъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, присутствовать при русскомъ греко-католическомъ богослуженіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещено было самому русскому греко-католическому священнику о. Волянскому появляться въ римско-католическихъ костелахъ. Католическіе священники всей окрестности трактовали его, какъ вѣроотступника и обманщика. Представители высшей римско-католической власти церковной въ Америкѣ первоначально и слышать не хотѣли о допущеніи утвержденія греко-католической церкви въ Новомъ Свѣтѣ. Будучи, однако, поставлены въ необходимость примириться съ существующимъ фактомъ, къ устраненію котораго не представлялось никакой возможности, эти католическія церковныя власти стали лишь домогаться самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы прибывшій въ Америку въ особѣ о. Волянскаго первый греко-католическій священникъ былъ отозванъ и замѣненъ другимъ

неженатымъ. Американскія газеты уже помѣстили было даже извѣстія о томъ, что о. Волянскаго рѣшено отозвать. Однако, и это домогательство римско-католическаго фанатизма и обскурантизма разбилось о рѣшимость галицкаго митрополита Сембратовича защищать и охранять права, признанныя за русской церковью актомъ уніи ея съ римскимъ престоломъ. Весьма много содѣйствовали какъ рѣшимости митрополита, такъ стойкости о. Волянскаго въ столь неравной борьбѣ американскіе законы и американское общественное мнѣніе. Недоумѣніе, вызванное первоначально появленіемъ непротестантскаго женатаго священника, вскорѣ прошло и замѣнилось серьезнымъ вниманіемъ какъ къ особѣ новоприбывшаго, такъ и къ представляемому имъ обряду. Видя въ немъ человѣка, отзывчиваго на нужды своего народа, безпрерывно трудящагося для блага его, весьма симпатичнаго и, сверхъ всего этого, «высокообразованнаго джентльмена», американская публика очень скоро стала на его сторону. Иниціаторами этого движенія американскаго общественнаго мнѣнія, первоначально въ Шенандоа и его окрестностяхъ, въ пользу о. Волянскаго были американизовавшіеся славянскіе элементы и болѣе всего поляки. Нечего и говорить уже о томъ, что русская община города Шенандоа, по ходатайству которой онъ былъ сюда высланъ, привязалась къ нему безгранично. Найдя себѣ точку опоры, равно какъ и нравственное удовлетвореніе въ этомъ всеобщемъ сочувствіи американскаго общества, первый русскій греко-католическій священникъ на континентѣ Америки, не дожидаясь оффиціальнаго его признанія, серьезно принимается за дѣло организаціи своего народа.

III.

Прежде всего представлялась необходимость выстроить церковь. На добровольныя пожертвованія покупаетъ о. Волянскій довольно обширное мѣсто въ городѣ Шенандоа и приступаетъ къ постройкѣ на немъ русской греко-католической церкви. Будучи единственнымъ русскимъ греко-католическимъ священникомъ въ Америкѣ и имѣя вслѣдствіе этого приходъ необычайныхъ размѣровъ, о. Волянскій находился въ безпрерывныхъ разъѣздахъ, а такъ какъ постройка церкви велась подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, то она естественно нѣсколько затянулась. Независимо отъ сего, объѣзжая свой огромный приходъ для исполненія церковныхъ требъ, о. Волянскій собиралъ отъ прихожанъ своихъ пожертвованія на построеніе церкви, безъ накопленія которыхъ продолженіе этого послѣдняго было невозможно, что въ свою очередь вызывало нѣкоторыя въ немъ задержки. Однако, въ первой половинѣ 1886 года русская греко-католическая церковь въ Шенандоа была уже совершенно готова. Такимъ образомъ, въ минувшемъ году исполнилось

всего лишь десять лѣтъ, какъ появилась въ Америкѣ первая русская греко-католическая церковь. Русскій народъ въ Пенсильваніи поговариваетъ, что на постройку ея собрано было столько долларовъ, что изъ нихъ можно было бы выстроить всю церковь отъ верху до низу. Значительная часть этихъ средствъ пошла на основаніе при церкви различныхъ русскихъ народныхъ учрежденій.

Тотчасъ по окончаніи церкви пришлось озаботиться покупкой мѣста въ Шенандоа же подъ русское греко-католическое кладбище и устройствомъ этого послѣдняго. Хотя подобное предпочтеніе заботы о погребеніи мертвыхъ всѣмъ инымъ заботамъ о Руси живой можетъ показаться страннымъ, но странность эта объясняется погребеніемъ здраваго смысла и способности разсужденія въ средѣ римско-католическаго духовенства, которое даже на почвѣ свободной Америки не отрѣшилось нисколько отъ своего фанатизма и разнузданнаго своеволія. Не смотря на то, что о. Волянскій былъ, наконецъ, оффиціально признанъ русскимъ греко-католическимъ священникомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, римско-католическіе священники, не взирая на буквальныя требованія и предписанія акта извѣстной Брестской церковной уніи 1596 года и папскія буллы, на нихъ основанныя и ихъ подтверждающія, не только отказывались сами хоронить умершихъ русиновъ, къ погребенію которыхъ не могъ за отдаленностью прибыть своевременно единственный на всю Америку греко-католическій священникъ, но даже не давали имъ мѣстъ на своихъ католическихъ кладбищахъ. Вслѣдствіе подобнаго циническаго своеволія римско-католическихъ священниковъ русскіе покойники цѣлыми недѣлями ожидали погребенія, пока не будетъ раздобыто мѣсто для ихъ вѣчнаго упокоенія на какомъ либо протестантскомъ или кальвинскомъ кладбищѣ. Само собою разумѣется, что съ устройствомъ русскаго кладбища въ Шенандоа всѣ эти затрудненія и неудобства, порождаемыя тяжкимъ церковно-общественнымъ умопомраченіемъ римско-католическаго духовенства, не были еще вполнѣ устранены, ибо приходилось иногда провозить покойника до этого единственнаго еще тогда русскаго кладбища изъ мѣстностей весьма отдаленныхъ, лежащихъ въ 400 и болѣе англійскихъ миляхъ отъ Шенандоа.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Америкѣ, среди совершенно новыхъ условій общественной жизни, среди множества новыхъ и весьма сильныхъ культурнообщественныхъ вліяній, потребность въ извѣстномъ обрядѣ въ каждомъ народѣ можетъ постепенно совершенно затеряться. Если бы вы захотѣли въ какомъ либо большомъ американскомъ городѣ, хотя бы, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ, понаблюдать за публикой, выходящей изъ болѣе или менѣе значительныхъ костеловъ, то убѣдились бы, что въ числѣ посѣтителей этихъ послѣднихъ имѣется не мало католиковъ-славянъ и въ частности поляковъ, хотя имѣется въ Нью-Іоркѣ и костелъ спеціально польскій.

Эти лица славянскихъ народностей, вовсе не принадлежащія въ огромнѣйшемъ большинствѣ къ интеллигентному классу общества, совершенно утратили уже потребность въ своемъ католическомъ богослуженіи сверхъ латинской его части слышать молитвословія и пѣснопѣнія на своемъ народномъ языкѣ и отправляются къ богослуженію просто въ костелъ ближайшій, гдѣ слышать тоже молитвословія и пѣснопѣнія на языкѣ англійскомъ или нѣмецкомъ. Конечно, обрядъ православный или уніатскій, обрядъ сплошь славянскій, равно какъ сплошь славянскій обрядъ римско-католическій, поневолѣ допущенный папами на далматинскомъ побережьѣ Балканскаго полуострова, откуда также имѣются въ Америкѣ переселенцы, не можетъ здѣсь затеряться, но не подлежитъ сомнѣнію, что, втеченіе многихъ лѣтъ его здѣсь не видя и не слыша, исповѣдующія означенныя религіи лица славянскихъ народностей могутъ и отъ этого совершенно самобытнаго славянскаго своего обряда вовсе отвыкнуть. Поэтому, если галицкій митрополитъ Сембратовичъ, при отправленіи въ исходѣ 1884 года о. Волянскаго въ Америку, смотрѣлъ на него, какъ на миссіонера русскаго греко-католическаго исповѣданія въ Новомъ Свѣтѣ, и далъ ему инструкціи въ этомъ смыслѣ, а равно и самъ отправленный понималъ свою дѣятельность, какъ въ извѣстной степени миссіонерскую, то оба они понимали положеніе дѣла совершенно правильно. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ до прибытія о. Волянскаго въ Америку русины греко-католики ходили въ англійскіе, нѣмецкіе и польскіе римско-католическіе костелы, и всѣ для нихъ требы исполнялись римско-католическими священниками этихъ послѣднихъ, чѣмъ собственно и объясняется ихъ походъ противъ о. Волянскаго и вопли о «соблазнѣ», производимомъ привезенной имъ съ собой женой. Дѣло шло, конечно, не столько о допущеніи на американскій континентъ новой разновидности католической церкви, отягченной соблазнительнымъ аттрибутомъ въ видѣ жены священнической, сколько объ утратѣ извѣстной части довольно солидныхъ таки доходовъ. Правда, были и тогда уже случаи, что русинъ-уніатъ, попавъ какъ нибудь случайно на русское православное богослуженіе, пораженный и восхищенный совершенной почти тожественностью обряда, нимало не задумываясь, приставалъ, такъ сказать, къ православной церкви, вовсе не сознавая даже своего фактическаго перехода въ иное вѣроисповѣданіе. Но случаи такіе имѣли мѣсто исключительно почти въ западныхъ и срединныхъ штатахъ и были тогда вообще весьма рѣдки. Въ общемъ русскіе греко-католики наполняли собой польскія, словацкія и мадьярскія церкви и церковно-народныя учрежденія.

Смотря на себя, какъ на миссіонера русской греко-католической церкви въ Америкѣ, обязаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ создать здѣсь русскія церковно-народныя учрежденія, о. Волянскій объѣзжалъ неутомимо восточные штаты и, разнося всюду вѣсть объ открытіи въ

Шенандоа русскаго греко-католическаго прихода и исполняя разныя требы, собиралъ вмѣстѣ съ тѣмъ добровольныя пожертвованія на нужды церковныя и церковно-народныя. Городъ Шенандоа, расположенный въ глубинѣ Пенсильваніи и ровно ничѣмъ отъ иныхъ уѣздныхъ (по нашей терминологіи) городовъ этого штата не отличающійся, сталъ такимъ образомъ въ то время центромъ и средоточіемъ всей русской церковной, а также и народной жизни, въ восточныхъ штатахъ. Такъ какъ такимъ образомъ потребность въ русскомъ обрядѣ, разъ пробудившаяся въ этихъ отпрыскахъ русскаго народа, переброшенныхъ за океанъ, быстро возростала, а вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно прибывали изъ Галичины и Угорщины все новыя и новыя группы русскихъ эмигрантовъ, то русскія общины въ городахъ Jersey City (лежитъ какъ разъ противъ Нью-Іорка по другую сторону рѣки Гудзона), Kingston, Freeland, Shamokin и Minneapolis (эти всѣ четыре расположены въ Пенсильваніи), руководствуясь примѣромъ русской общины города Шенандоа, также стали строить свои русскія греко-католическія церкви, подъ наблюденіемъ того же о. Волянскаго. Дѣятельность столь обширная и, какъ мы увидимъ ниже, довольно разностороння превышала, однако, силы одного человѣка, и онъ попросилъ себѣ помощи изъ Галиціи. Весной 1887 года присланы были ему въ помощь два лица: священникъ Зенонъ Ляховичъ (неженатый) и студентъ Львовскаго университета, членъ «Академическаго Братства», Владиміръ Сѣменовичъ. Такъ какъ до 1892 года, когда возникла въ Пенсильваніи первая крупная русская церковно-народная организація подъ именемъ «Соединенія греко-каѳолическихъ русскихъ братствъ», вся русская народно-общественная жизнь въ восточной части Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ сосредоточивалась исключительно въ церковно-народныхъ и народныхъ учрежденіяхъ, возникшихъ въ Шенандоа и руководимыхъ вышеупомянутыми тремя лицами, то намъ приходится поневолѣ остановиться на этихъ учрежденіяхъ и ихъ дѣятельности.

IV.

При церкви въ Шенандоа возникло прежде всего, конечно, братство церковное, наименовавшее себя именемъ св. Николая. Вовсе не имѣя характера чисто церковнаго, оно явилось скорѣе обществомъ взаимопомощи, состоявшимъ изъ лицъ одной народности и одного исповѣданія, и лишь въ 1892 году, когда братство это въ числѣ многихъ другихъ вошло въ составъ «соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», распространился на него общій уставъ, созданный для братствъ, принадлежащихъ къ «соединенію» и придавшій ему болѣе церковный характеръ. До того же времени шенандоаское русское братство принимало участіе въ свѣтскихъ торжествахъ. Такъ, въ

день 4-го іюля, день провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ, оно принимало обыкновенно участіе въ городскомъ парадѣ и давало въ городскомъ паркѣ пикникъ на общественныя цѣли.

Затѣмъ учреждена была въ Шенандоа для русскаго народа русская школа. Всѣ школьныя руководства были доставлены изъ Галиціи. Въ школѣ этой обучалъ первоначально вышепомянутый студентъ Сѣменовичъ и обученіе это велъ по новѣйшей методѣ, такъ что приблизительно въ два мѣсяца выучивалъ, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, читать и писать порусски и дѣлать элементарныя ариѳметическія вычисленія.

Далѣе учреждена была русская народная читальня, при которой въ видѣ особого отдѣла основана была библіотека для русской интеллигенціи въ Америкѣ вообще. Для этой русской читальни и состоящей при ней библіотеки извѣстное галицко-русское народное просвѣтительное общество «Просвѣта» подарило всѣ свои многочисленныя изданія. Опредѣленный комплектъ книгъ, ими составленный, постепенно пополнялся путемъ покупокъ и добровольныхъ пожертвованій.

Затѣмъ устроена была въ Шенандоа и русская типографія. Шрифтъ для нея доставленъ былъ русской типографіей имени Шевченка во Львовѣ, по просьбамъ отца Волянскаго. Этотъ неутомимый русскій греко-католическій священникъ, лишь въ началѣ 1885 года прибывшій въ Америку, сдѣлавъ столь много для организаціи русскаго народа въ Новомъ Свѣтѣ, уже въ августѣ 1886 года получивъ русскіе шрифты изъ Львова, принимается за изданіе русской газеты. Ставъ самолично и сотрудникомъ, и редакторомъ, и корректоромъ, и наконецъ наборщикомъ, отецъ Волянскій начинаетъ издавать въ Шенандоа русскую двухнедѣльную газету подъ наименованіемъ «Америка». Руководящимъ принципомъ газеты этой, объявленнымъ въ первыхъ же ея нумерахъ, являлось «многочисленныхъ пребывающихъ въ Америкѣ русиновъ, широко и далеко разбросанныхъ, объединять въ одно общество, одну общую русскую семью». Конечно, «Америка» страдала большими недостатками какъ со стороны чисто литературной, такъ и со стороны технической, типографской. Тѣмъ не менѣе, однако, на читателей своихъ оказывала она большое вліяніе, сказавшееся наисущественнѣйшимъ образомъ въ томъ, что именно подъ воздѣйствіемъ ея статей русская община въ Шенандоа заложила во второй половинѣ 1887 года русское работничее общество подъ наименованіемъ «Рицарі праці» (Рыцари труда).

Издавна существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки огромное работничее общество «Рыцарей труда» (Knights of labour), цѣлью котораго является, само собою разумѣется, помощь работникамъ вообще и въ частности организованіе ихъ въ моменты необходимости борьбы противъ злоупотребленій капиталистовъ. Пріискивая членамъ своимъ работу, покровительствуя имъ и ихъ опекая,

это рабочее общество выдаетъ имъ всѣмъ пособіе во время стачекъ, а также каждому въ отдѣльности въ случаѣ болѣзни, въ случаѣ же смерти кого либо изъ членовъ его семья покойника получаетъ, кромѣ суммы, необходимой для погребенія, единовременное пособіе въ размѣрѣ 500 долларовъ. По образцу этого всеобщаго американскаго работничаго общества учредилось, конечно, и шенандоаское русское работничее общество того же имени и тотчасъ же присоединилось, конечно, къ общему союзу отдѣльныхъ вѣтвей этого общества. Инициаторами учрежденія русскихъ «Рыцарей труда» были священники Волянскій и Ляховичъ, изъ которыхъ первый избранъ былъ предсѣдателемъ новообразованнаго общества, а послѣдній замѣстителемъ предсѣдателя. Не прошло и полугода, какъ русскимъ «Рыцарямъ труда» пришлось выступить въ жестокій бой.

Въ самомъ началѣ 1888 года рабочіе по всей почти Пенсильваніи произвели стачку. Русская двухнедѣльная газета «Америка», единственная въ то время не только въ Пенсильваніи, но и въ восточныхъ штатахъ вообще, обратилась къ своимъ читателямъ, исключительно почти американскимъ рабочимъ русской народности, съ ниже слѣдующимъ воззваніемъ:

«Пришла черга і на наш нарід показати перед цілим світом, перед цілою Америкою, що в нашим народі жиэ дух сильной, дух рицарьской. Эдність, братя, добра мисль і надія на Бога повинні нас одушевляти і додавати нам сили до витревалости. Братя «Рицарі Праці» приняли нас до свого товариства в тій надії, що знайдуть въ нашім народі підпору; старраймось отже не зганьбити нашу честь, а противно словом і ділом додаваймо собі відваги, а мусить чи скорше чи пізнійше прийти час, коли слугиністви правда поборе несправедливість» (1887 года № 20—«Америка» выходила по старому стилю, почему въ самомъ началѣ 1888 года вышелъ еще ея предпослѣдній нумеръ за годъ, уже истекшій по новому стилю).

Воззваніе это не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, русскіе рабочіе въ Шенандоа и его окрестностяхъ, еще и ранѣе до открытія русскаго отдѣленія рабочаго союза «Рыцарей труда», всегда примыкавшіе къ стачкамъ американскихъ рабочихъ, на этотъ разъ выступая впервые въ качествѣ «Рыцарей труда», отличились особой энергіей и выносливостью. Въ самомъ Шенандоа стачка вызвала между прочимъ значительные безпорядки. Однажды полиція арестовала одного русина. Тотчасъ налетѣли рабочіе, попреимуществу русины, и мигомъ отбили арестованнаго. Нѣсколько дней спустя, та же шенандоаская полиція арестовала одного литвина. Арестъ этотъ, произведенный безъ всякихъ основаній, до такой степени возмутилъ мѣстныхъ рабочихъ, что они большой толпой напали на судъ, и обративъ судью въ бѣгство, освободили невинно арестованнаго. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что американское правосудіе—самое подлое и отвратительное и составляетъ самую слабую и грустную

сторону американскаго общественнаго бытія, почему нападеніе на судъ, поддерживающій злоупотребленія капиталистовъ и полицейское своеволіе, состоящее на послугахъ у этихъ послѣднихъ, не представляетъ здѣсь вовсе столь тяжкаго и исключительнаго преступленія, какимъ является оно въ Европѣ, обладающей, слава Богу, судомъ относительно благоустроеннымъ, независимымъ и правдивымъ, съ какимъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе подлое и продажное американское правосудіе, столь искусившееся въ выискиваніи разныхъ «крючковъ» среди не систематизированнаго и хаотическаго законодательства англійскаго и англоамериканскаго. Само собою разумѣется, что органы американскихъ капиталистовъ не замедлили воспользоваться вышеприведенными безпорядками и всю вину въ нихъ, не смотря на то, что они были вызваны исключительно своеволіемъ такъ называемой угольной полиціи, свалили на русиновъ, поляковъ, словаковъ и литвиновъ, стараясь доказать, что все это учинено распущенными славянскими рабочими, а не рабочими американцами, болѣе образованными и упорядоченными. Тогда редакція русской «Америки» совмѣстно съ редакціей литовской газеты «Lietuwiszkas Balsas», выходившей также въ Шенандоа, созываютъ вѣче изъ вышепомянутыхъ четырехъ народностей, состоявшееся во второй половинѣ февраля (по новому стилю). На вѣчѣ этомъ, на которое явилось также немало и американцевъ, выступилъ первымъ ораторомъ г. Галичеръ, директоръ народныхъ училищъ въ Шенандоа, и объяснилъ имъ цѣль собранія, а затѣмъ говорили послѣдовательно ораторы русскій, литовскій, польскій и словацкій. Составлена и прочтена въ томъ же порядкѣ на всѣхъ этихъ четырехъ языкахъ, отъ имени собравшихся 2,000 человѣкъ, резолюція, которая, не одобряя вообще безпорядковъ, протестовала вмѣстѣ съ тѣмъ противъ утвержденія капиталистическихъ органовъ, будто бы въ нихъ принимали участіе исключительно лишь лица означенныхъ народностей, и они же дали къ нимъ поводъ, и требовала удаленія угольной полиціи изъ города, ибо въ противномъ случаѣ безпорядки могутъ повториться. Такимъ путемъ протестовали по инціативѣ русской газеты «Америка» три славянскихъ и литовская народности противъ недобросовѣстныхъ обвиненій, на нихъ взведенныхъ капиталистической журналистикой, не разборчивой въ средствахъ служенія мамонѣ крупнаго капитала.

Въ половинѣ 1887 года, то-есть всего черезъ два года съ небольшимъ по прибытіи отца Волянскаго въ Америку и всего лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи туда отца Ляховича и г. Сѣменовича, учредилось въ Шенандоа русское драматическое общество подъ наименованіемъ «Little-Russian Dramatic Company». Общество это дало рядъ малорусскихъ спектаклей, въ общемъ исполненныхъ удовлетворительно и во всякомъ случаѣ доставившихъ русскимъ рабочимъ, уровень требованій которыхъ не настолько высокъ, огромное художественно просвѣтительное наслажденіе. Оно разсчитывало

даже совершить артистическое путешествіе по всѣмъ русскимъ колоніямъ Соединенныхъ Штатовъ, но это благое намѣреніе по разнымъ причинамъ не могло состояться.

Наконецъ, въ исходѣ того же 1887 года, незадолго до вышеописанной большой рабочей стачки и вызванныхъ ею безпорядковъ, составилась въ томъ же городѣ Шенандоа изъ наиболѣе зажиточныхъ русиновъ русская коммерческая компанія и, сложивъ капиталъ около 25 тысячъ долларовъ, завела въ городахъ Шенандоа, Олифантъ, Джерменъ и др. «русскую народную торговлю». Конечно, подобное народное коммерческое предпріятіе не было вовсе какимъ либо изобрѣтеніемъ представителей русской колоніи въ Шенандоа или же ея руководителей въ лицѣ отца Волянскаго и отца Ляховича и г. Сѣменовича. Еще въ 1883 году учредилось коммерческое общество «народная торговля» во Львовѣ. Начавъ свою торговую дѣятельность съ такой ничтожной суммой, какъ 600 гульденовъ, ничтожество которой представится еще рельефнѣе, если мы пояснимъ, что съ суммой этой начато коммерческое предпріятіе, разсчитанное на слишкомъ трехмилліноное русское населеніе собственной Австріи (безъ Венгріи), «народная торговля» вызывала первоначально всеобщія сомнѣнія въ возможности ея существованія и именовалась всѣми почти пустой фантазіей. Но нынѣ она имѣетъ уже тринадцать складовъ съ 80 завѣдующими и по 1 іюля 1894 года имѣла: членовъ вкладчиковъ 853 со складочнымъ капиталомъ въ 22.408 гульд. и капиталовъ, вложенныхъ за процентъ на безсрочное сбереженіе (какъ въ сберегательную кассу), 121.983 гульдена. Цѣлью ея учрежденія было прійти съ помощью къ тѣмъ, которые желаютъ вести лавочную торговлю, и положить начало практическому образованію галицко-русской молодежи въ купеческомъ дѣлѣ. Въ то время какъ передъ основаніемъ этого общества не было почти въ Галиціи ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ лавокъ—нынѣ, кромѣ тринадцати складовъ его въ главнѣйшихъ городахъ Галицкой Руси, имѣется свыше 500 русскихъ сельскихъ лавокъ и около полутораста молодыхъ русскихъ купчиковъ, учениковъ общества. Сверхъ того, нашли себѣ въ «народной торговлѣ» занятіе и галицко-русскія женщины въ качествѣ завѣдующихъ складами и кассиршъ, а эти молодые купчики и купчихи, научившись торговому дѣлу въ складахъ и лавкахъ общества, открыли затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ собственныя торговли. По образцу этой галицкорусской «народной торговли» заведена была такая же торговля и русской компаніей въ Пенсильваніи. Однако на американской почвѣ это русское коммерческое предпріятіе не удалось и по истеченіи двухъ лѣтъ распалось, о чемъ приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что съ его открытіемъ, поглощавшимъ не мало времени и силъ главныхъ представителей Руси въ Пенсильваніи, прекратилось изданіе «Америки».

Мы видимъ такимъ образомъ, что всего лишь три интеллигентныхъ

человѣка, исполненные заботъ о благѣ народномъ и стремленій служить по мѣрѣ силъ своихъ своему народу, организуютъ весьма успѣшно отпрыски этого великаго народа въ совершенно новыхъ условіяхъ государственности и общественности. Поставивъ своей цѣлью: «народъ русскій просвѣщать, его защищать и вести дорогою правды къ добру» («Америка», 1887 г., № 209), люди эти, на родинѣ своей совершенно мирные и обыкновенные галицкомалорусскіе «народовцы», а двое при томъ еще и священники, въ Соединенныхъ Штатахъ не только становятся энергическими и солидными дѣятелями народными, но и вождями рабочаго общества, которому, по самой цѣли его существованія, приходится вести открытую борьбу съ капиталистами за права работника, доходящую нерѣдко до вооруженныхъ столкновеній. Если при этомъ отецъ Волянскій, положившій начало организаціи русскаго народа въ Америкѣ, были личностью болѣе или менѣе выдающеюся, то отецъ Ляховичъ и г. Сѣменовичъ являются несомнѣнно людьми самыми обыкновенными. Да не будетъ, однако, понято, что сохраненіе племенной субъективности народа малорусскаго и его національнаго типа, охраненіе его отъ ассимиляціи съ народностью англоамериканской было единственнымъ или даже наиглавнѣйшимъ мотивомъ всей этой довольно плодотворной дѣятельности первыхъ интеллигентныхъ представителей Руси въ Новомъ Свѣтѣ. Въ то время, какъ въ европейскихъ монархіяхъ всѣ блага земныя на землю и ея народонаселеніе нисходятъ сверху, въ Америкѣ совершенно наоборотъ все идетъ снизу, и каждый самъ долженъ все себѣ сдѣлать и для себя раздобыть. Поэтому все населеніе Соединенныхъ Штатовъ представляетъ, собственно говоря, сѣть большихъ или меньшихъ, явныхъ или тайныхъ обществъ, главной цѣлью которыхъ представляется взаимная самопомощь. Этотъ духъ самопомощи, создаваемый и диктуемый жизненной необходимостью, поневолѣ охватываетъ также и новые общественные элементы, прибывающіе изъ Стараго Свѣта и естественно осуществляется прежде всего между лицами и общественными группами, связанными единствомъ племенного происхожденія. Эта-то жизненнообщественная необходимость самопомощи и была главнѣйшимъ и основнымъ двигателемъ и мотивомъ организаторской дѣятельности представителей Руси, нами выше описанной.

По примѣру русской общины города Шенандоа и отчасти подъ руководствомъ тѣхъ же ея трехъ вождей организовались иныя русскія общины въ Пенсильваніи, закладывая все новые и новые русскіе приходы и церкви. Среди этой кипучей дѣятельности отецъ Ляховичъ внезапно умеръ отъ удара, проработавъ всего около полугода. Хотя онъ представлялъ собой человѣка довольно обыкновеннаго, и на смѣну ему явились лица новыя и довольно дѣятельныя, но зато похороны этого перваго русскаго дѣятеля, скончавшагося на американской землѣ, отличались естественно большой торжественностью,

для американцевъ совершенно необыкновенной. Приспособляясь къ американскому быту и обычаямъ, русское населеніе отправляетъ здѣсь погребеніе самымъ зауряднымъ образомъ. Впереди на катафалкѣ болѣе или менѣе пышномъ (смотря по платѣ) везется покойникъ, тотчасъ за нимъ въ одноконномъ возкѣ на одного человѣка (кэрриджъ) ѣдетъ священникъ, а за нимъ движется гуськомъ цѣлый рядъ разныхъ «кэрриджей», на которыхъ возсѣдаютъ родные, друзья и знакомые покойника. Погребальное шествіе не только выступаетъ безъ креста и хоругвей, но даже священникъ не имѣетъ на себѣ никакихъ положительно принадлежностей священническаго одѣянія и самъ правитъ лошадью. Вполнѣ естественно поэтому, что торжественныя похороны отца Ляховича явились чѣмъ-то совершенно необычайнымъ. Впереди всего шествія шли за гробомъ, возвышавшимся на пышномъ катафалкѣ и обложеннымъ вѣнками, «русскіе рыцари труда» и общество имени русскаго поэта Тараса Шевченка, предшествуемые американскимъ знаменемъ, перевязаннымъ широкой черной лентой, и музыкальнымъ оркестромъ, облаченнымъ въ красивую форму; за оркестромъ, знаменемъ, «рыцарями» и обществомъ имени Шевченка слѣдовалъ оркестръ литовскій, за нимъ русское братство города Шенандоа за нимъ русское братство города Кингстонъ, а за ними множество народа. Всѣ народности города Шенандоа поспѣшили отдать послѣдній долгъ покойному, желая этимъ путемъ выказать свое сочувствіе и расположеніе русской народности, утратившей столь неожиданно одного изъ своихъ руководителей. Вскорѣ прибыло въ Пенсильванію еще нѣсколько русскихъ священниковъ изъ Галиціи для занятія новооткрывшихся приходовъ. Такъ постепенно организовывалась Русь въ славянскомъ штатѣ.

Прибывъ изъ Стараго Свѣта, высадившись въ Нью-Іоркскомъ портѣ и будучи выпущена изъ карантина на Ellis Island въ виду почти всѣмъ извѣстной статуи «Свободы», эта рабочая Русь разсыпается обыкновенно по Нью-Іорку и въ немъ на нѣкоторое время застрѣваетъ. Такъ какъ, однако, при томъ огромномъ и постоянномъ наплывѣ рабочаго люда, какимъ отличается этотъ всемірный портъ, пріисканіе работы представляется здѣсь дѣломъ чрезвычайно труднымъ, то, огромное большинство разсыпавшихся по немъ перебирается черезъ Гудзонъ и водворяется на нѣкоторое время въ городѣ Sersey City. Здѣсь остается уже больше, нежели въ Нью-іоркѣ, ибо большее число людей находитъ постоянную работу, по преимуществу на сахарныхъ заводахъ и затѣмъ на фабрикахъ вообще. Однако главный контингентъ русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи направляется далѣе на Западъ въ Пенсильванію. Здѣсь работаетъ Русь преимущественно въ каменноуглеломняхъ, но также отчасти при постройкѣ домовъ и ихъ окраскѣ, нѣкоторая же часть, впрочемъ весьма незначительная, сѣла на землю въ разныхъ уголкахъ этого славянскаго штата и довольно усердно занимается хлѣбопашествомъ. Далѣе существуютъ

еще здѣсь работы бондарскія, выпиливанія досокъ и выдѣлки глины, при которыхъ также работаетъ не мало русскихъ эмигрантовъ. Само собою разумѣется, что русская эмиграція изъ Австро-Венгріи не ограничивалась и не ограничивается предѣлами трехъ штатовъ: New York, New Jersey, Pennsylvania, и постепенно подвигалась и подвигается до сихъ поръ на Западъ, приближаясь все болѣе и болѣе къ тѣмъ территоріальнымъ предѣламъ крайняго Запада сѣверо-американскаго материка, въ которыхъ осталась нѣкоторая горсть лицъ русской народности послѣ продажи Россійской имперіей своихъ американскихъ владѣній Соединеннымъ Штатамъ. Чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ русскія поселенія становятся все рѣже и малочисленнѣе и какъ-то теряются среди необозримыхъ и не изслѣдованныхъ пространствъ, уходящихъ къ западу. Для полноты картины замѣтимъ между прочимъ, что есть еще два пути, которыми направляется русская эмиграція изъ Австро-Венгріи въ Новый Свѣтъ: одинъ идетъ чрезъ Вѣну и Удино (въ Италіи) въ Бразилію, а другой, во многомъ параллельный съ главнымъ путемъ русской эмиграціи на Нью-Іоркъ, идетъ нѣсколько сѣвернѣе послѣдняго—на Монтреаль, и ведетъ въ Канаду. Само собою разумѣется, что какого либо изслѣдованія экономическаго положенія и состоянія этихъ русскихъ колоній въ Соединенныхъ Штатахъ, никѣмъ еще до сихъ поръ не предпринималось. Можно сказать лишь, что чѣмъ далѣе отъ границъ Пенсильваніи, тѣмъ все менѣе и менѣе исполняетъ Русь эти каторжныя работы въ подземныхъ каменноуглеломняхъ и все болѣе и болѣе трудится на вольномъ воздухѣ, при свѣтѣ дня на фермахъ и по выпилкѣ досокъ, а также занимается ремеслами: кузнечнымъ, красильнымъ и сапожнымъ, не вѣдая этой египетской работы въ удушливой и раскаленной атмосферѣ сахарныхъ заводовъ и разныхъ фабрикъ, столь распространенной въ штатахъ восточныхъ и въ особенности New York и New Jersey. Русскіе фермеры и пильщики зимой обыкновенно имѣютъ мало работы и принимаются за ремесла, какое кому знакомо, да за постройку домовъ тѣмъ, кто рѣшилъ остаться въ Америкѣ, если не навсегда, но по крайней мѣрѣ на продолжительное время.

Слѣдуетъ замѣтить, что русская эмиграція изъ Австро-Венгріи въ одномъ отношеніи существенно отличается отъ польской эмиграціи изъ того же государства. Въ то время какъ польскіе мазуры, населяющіе западную половину Галиціи, выбираясь въ Америку, продаютъ свои хозяйства и прекращаютъ всякія отношенія со «старымъ краемъ», по прибытіи же въ Новый Свѣтъ навсегда поселяются въ Соединенныхъ Штатахъ и становятся ихъ гражданами, галицкіе русины, населяющіе восточную половину Галиціи, отправляются въ Америку единственно для того, чтобы заработать тамъ извѣстную толику денегъ и, вернувшись на родину, либо привести въ порядокъ старое свое сельское хозяйство, либо устроить новое. Въ то время

какъ мазуры всѣ свои силы и средства вкладываютъ въ свои новыя американскія селитьбы, галицкіе лемки, ихъ ближайшіе сосѣди въ старомъ краѣ, составляющіе огромнѣйшее большинство галицкой русской эмиграціи, выправляютъ въ Америку исключительно почти работниковъ, которые сейчасъ же и высылаютъ оттуда деньги для поддержанія хозяйства и помощи семействамъ своимъ и родственникамъ. Вслѣдствіе этихъ высылокъ, въ общемъ составлявшихъ первоначально свыше 100 тысячъ долларовъ (200 тысячъ рублей) въ годъ, русскіе эмигранты въ Америкѣ не имѣютъ обыкновенно никакого состоянія. Однако, съ 1886 года, то-есть десять лѣтъ приблизительно спустя отъ начала русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи, размѣры высылокъ изъ Америки въ Галицію стали замѣтно упадать и ежегодно уменьшаться. Дѣло въ томъ, что все большее и большее число галицко-русскихъ эмигрантовъ рѣшаетъ навсегда остаться въ Америкѣ, покупаетъ дома съ усадьбами съ разсрочкой платежей по особой американской системѣ и, тяжкимъ трудомъ заработавъ и сколотивъ извѣстный капиталецъ, принимается за торговлю въ разныхъ ея видахъ и отросляхъ. Нынѣ немало уже имѣется въ штатахъ Пенсильваніи и отчасти New Jersey русскихъ гроссери (торговля мукой и съѣстными припасами), митъ маркетъ (мясная торговля), салоновъ (питейное заведеніе) и т. д. Не мало, однако, имѣется еще и такихъ галицко-русскихъ эмигрантовъ, которые періодически уѣзжаютъ въ «старый край» и чрезъ нѣкоторое время снова возвращаются въ Америку. Само собою разумѣется, что подобныя періодическія путешествія, составляющія своеобразный видъ какого-то морскаго бродяжества, являются безтолковой и даже прямо безсмысленной тратой денегъ, заработанныхъ тяжкимъ трудомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ галицкорусскіе и угрорусскіе эмигранты, не только въ Америкѣ еще не осѣвшіе, но даже и оставшіеся здѣсь навсегда, избѣгаютъ выборки установленныхъ бумагъ на гражданство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, полагая, что выборкой такой они учиняютъ измѣну австро-венгерскому «цесарю», на вѣрность которому они когда-то приняли присягу. Однако, дальнѣйшая возможность вышепомянутаго бродяжества Руси по волнамъ Атлантическаго океана и Нѣмецкаго моря отъ Нью-Іорка до Бремена или Гамбурга и обратно нынѣ совершено почти пресѣчена. 20 мая сего года (по нов. стилю) конгрессъ (законодательное собраніе) Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ утвердилъ новый законъ объ эмиграціи, главнѣйшія положенія котораго слѣдующія:

1) Ни одинъ мужчина въ возростѣ отъ 16 до 60 лѣтъ не можетъ быть впущенъ на территорію Соединенныхъ Штатовъ, если не умѣетъ ни читать, ни писать на какомъ бы то ни было языкѣ. Исключеніе изъ этого правила дѣлается лишь для родителей, дѣти которыхъ поселились въ Штатахъ ранѣе изданія этого закона.

2) Ни одинъ работникъ, который ежегодно прибываетъ на тер-

риторію Штатовъ работы ради и снова возвращается въ свое отечество, не имѣя намѣренія принять гражданство Штатовъ, не можетъ быть болѣе впредь впускаемъ на ихъ территорію.

Представляется очевиднымъ, что если первый изъ вышеприведенныхъ пунктовъ федеральнаго закона 20-го мая 1896 года объ иммиграціи пресѣкаетъ возможность поѣздки «до стараго края» болѣе или менѣе значительной части американской Руси, то второй дѣлаетъ ее для другой части, обладающей образованіемъ, по крайней мѣрѣ элементарнымъ, настолько рискованнымъ, что одинъ уже этотъ рискъ отобьетъ всякую къ ней охоту, кромѣ, конечно, немногихъ случаевъ дѣйствительной и совершенной необходимости. Въ общемъ онъ долженъ отозваться благопріятно на экономическомъ положеніи американской Руси, которой прежнія траты на морскіе пароходы и желѣзныя дороги были за рѣдчайшими исключеніями совершенно напрасными и непроизводительными. Послѣднее обстоятельство представляется существенно важнымъ, ибо въ послѣдніе годы и въ особенности послѣ чикагской всемірной выставки 1893 года наступилъ въ Соединенныхъ Штатахъ небывалый промышленный кризисъ. Множество фабрикъ прекратило производство, и за ихъ закрытіемъ добываніе каменнаго угля сократилось настолько, что значительная часть майнеровъ-эмигрантовъ возвратилась въ Европу, и, сверхъ сего, осталось еще безъ работы до 800.000 рабочихъ. Послѣ такого страшнаго кризиса промышленность Штатовъ не можетъ скоро подняться и оживиться. Положеніе рабочаго класса и въ частности Руси, порабощенной каменноуглеломнями, представляется нынѣ весьма тяжелымъ и шаткимъ. Съ мая мѣсяца, въ который утвержденъ конгрессомъ вышепомянутый законъ, замѣтенъ особый упадокъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій, въ особенности во второстепенныхъ, провинціальныхъ городахъ, чему пишущій эти строки самъ былъ очевидцемъ. Поэтому хотя бы и принудительное, такъ сказать, огражденіе русскоамериканскаго рабочаго отъ довольно крупныхъ тратъ на чисто платоническое утоленіе печали по старомъ краѣ, или же удовлетвореніе совершенно условной потребности покалякать и выпить съ родней и пріятелями, можно считать совершенно полезнымъ и вполнѣ своевременнымъ. Рядомъ съ этимъ въ послѣдніе два-три года стало измѣняться и отношеніе американской Руси къ документамъ на гражданство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Прежняя боязнь измѣны австрійскому императору какъ-то уже проходитъ, и все бо́льшее и бо́льшее число австро-угорскихъ русиновъ выбираетъ грамоты на гражданство Штатовъ, предоставляющія имъ избирательныя и иныя права. Въ послѣдніе два года были даже случаи избранія congressman'овъ, то-есть членовъ вашингтонскаго федеральнаго парламента, въ которыхъ демократическіе кандидаты получили перевѣсъ надъ республиканскими, именно благодаря русскимъ голосамъ, за нихъ поданнымъ. Случаи эти имѣли мѣсто,

конечно, въ Пенсильваніи, гдѣ галицко-русскіе элементы составляютъ сплошную часть населенія нѣкоторыхъ городовъ. Съ однимъ изъ такихъ конгрессмэновъ, избраннымъ отъ Nortumberland county (графство или провинція Нортумберландъ — нѣчто, соотвѣтствующее нашему уѣзду), благодаря перевѣсу, сдѣланному въ его пользу русскими голосами, пишущій эти строки имѣлъ случай познакомиться въ городѣ Шамокинѣ того же графства и пользовался всегда его особымъ вниманіемъ, какъ «russian» (рошіанъ — русскій). Такимъ образомъ Русь все болѣе и болѣе осѣдаетъ окончательно на землѣ вольной Америки и прилѣпляется къ новому отечеству. Въ первое десятилѣтіе русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи русскій рабочій только и мечталъ о томъ, чтобы заработать поскорѣе побольше денегъ и вернуться въ свой край. И дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстностяхъ Галиціи, съ которыхъ началось эмиграціонное движеніе, простые работники, жившіе службой и поденными работами, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ пребыванія въ Америкѣ вернулись домой «богачами», стали тамъ «заможными господарями» и, сверхъ того, явились ужъ не прежними темными и робкими хлопами, а болѣе или менѣе просвѣщенными и закаленными въ жизненной школѣ гражданами стараго отечества. Возвращеніе ихъ на родину составляло обыкновенно своего рода торжество, обставленное даже особыми новосоздавшимися бытовыми обрядностями. Обыкновенно такой возвратившійся изъ Америки «богачъ» приходитъ въ первую хату въ своемъ селѣ и тутъ остается, а между тѣмъ даетъ знать своей роднѣ, что онъ пріѣхалъ. Все родство, свойство и знакомство новоприбывшаго сѣдлаетъ наилучшаго коня, убираетъ его лентами и искусственными цвѣтами и выходитъ на встрѣчу вернувшемуся. Одѣтый поамерикански, садится онъ на коня, убраннаго «стрічками», принимаетъ величественную осанку, закуриваетъ сигару, а отецъ его или же кто либо старшій изъ родни беретъ коня за поводья и ведетъ по селу. Почти на каждомъ шагу шествіе останавливается. Новоприбывшій здоровается со всѣми знакомыми (а у малорусскаго селянина каждый почти на своемъ селѣ есть знакомый), потчуетъ всѣхъ водкой и сигарами и въ своемъ тріумфальномъ шествіи доѣзжаетъ, наконецъ, до отцовской хаты. Здѣсь онъ тотчасъ же сбрасываетъ съ себя американское платье и принимается за обыкновенную мужицкую работу. Однако такія торжественныя возвращенія русскихъ эмигрантовъ на родину становятся изъ года въ годъ все рѣже и рѣже. Помимо того, что, съ наступленіемъ экономическаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ и огромнымъ наплывомъ эмигрантовъ со всѣхъ странъ Стараго Свѣта, обогащенія простыхъ рабочихъ вообще, и втеченіе трехъ-четырехъ лѣтъ въ особенности, стали почти невозможными, вся болѣе или менѣе зажиточная Русь нынѣ уже почти цѣликомъ начинаетъ осѣдать постепенно навсегда въ этомъ своемъ новомъ отечествѣ. Общая численность американ-

ской Руси, нынѣ достигаетъ уже, какъ мы упомянули выше, довольно значительной цифры, приближающейся постепенно къ $1/4$ милліона.

V.

Въ началѣ текущаго десятилѣтія среди американской Руси, значительно уже разросшейся и имѣвшей кое-какія церковнонародныя и народныя учрежденія, проявилась потребность болѣе широкой народной организаціи. Результатомъ этой потребности явилось первоначально учрежденіе въ началѣ 1892 года «Соединенія греко-каѳолическихъ русскихъ братствъ». Само собою разумѣется, что иниціатива созданія новой крупной народной организаціи, которая обнимала бы по возможности всю американскую Русь, исходила не изъ мадьяризованно-ословаченной и раболѣпно-пресмыкающейся Руси угорской, а изъ той же Руси галицкой. Галицко-русскій священникъ Ѳеофанъ Одушкевичъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими галицкими русинами, которые, благодаря собственнымъ труду и предпріимчивости, изъ простыхъ майнеровъ превратились въ болѣе или менѣе крупныхъ коммерсантовъ, были первоначальными и дѣйствительными основателями «Соединенія». Къ готовому уже дѣлу поспѣшили пристать многіе угрорусскіе священники, научившіеся у мадьяръ въ старомъ краѣ загребать жаръ чужими руками, и нѣкоторые угрорусскіе торговцы, сообразившіе, что «Соединеніе» можетъ со временемъ стать прекрасной рекламой для ихъ торговыхъ предпріятій. Какъ свидѣтельствуетъ самое названіе этого новаго русскаго учрежденія, возникшаго, конечно, въ Пенсильваніи, оно слагается не изъ отдѣльныхъ лицъ, а изъ отдѣльныхъ братствъ, т.-е. меньшихъ народновспомогательныхъ учрежденій. Приставъ къ «Соединенію» и составивъ въ немъ огромное большинство, угрорусскіе священники, коммерсанты и просто пройдохи, успѣли придать ему характеръ чисто церковный и постарались затемнить въ немъ, по возможности совершенно, характеръ учрежденія народнаго, чѣмъ исказили окончательно благія цѣли его иниціаторовъ и первоначальныхъ учредителей. По такомъ искаженіи уже были составлены уставы какъ для братствъ, долженствующихъ войти въ «Соединеніе», такъ и для самого «Соединенія». Представляется довольно любопытнымъ, что къ вступленію въ русскія греко-католическія братства допускаются и римско-католики. Среди смѣшанной русско-словацкой народности, какую представляетъ изъ себя значительная часть угорской Руси, появляются такимъ образомъ, кромѣ русскихъ греко-католическихъ братствъ, также еще смѣшанныя русскія греко- и римско-католическія братства. Явленіе это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Многія мѣстности угорской Руси представляютъ довольно своеобразное смѣшеніе двухъ славянскихъ народностей — русской (малорусской) и словацкой, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ

отношеніи нравовъ, обычаевъ, повѣрій, костюмовъ и т. д. До сихъ поръ еще, собственно говоря, не рѣшенъ окончательно вопросъ: составляетъ ли эта смѣшанная русско-словацкая часть угорской Руси ословачившуюся Русь, или же обрусѣвшую словачину? Всѣ солидныя изслѣдованія по этому предмету приходятъ, однако, къ тому выводу, что эта смѣсь двухъ славянскихъ народностей представляетъ собой ословачившуюся Русь.

Не входя въ научныя подробности этого вопроса, которыя могутъ для читателей нашихъ оказаться малозначащими и утомительными, скажемъ лишь, что смѣсь эта, нынѣ довольно рѣшительно уже признанная ословачившейся Русью, исповѣдуетъ сплошь почти такъ называемую греко-католическую, или уніатскую вѣру. Что же касается собственно словаковъ, то эта славянская народность исповѣдуетъ отчасти римскій католицизмъ, отчасти протестантизмъ. Такимъ образомъ допущеніе къ вступленію въ братства, именуемыя русскими греко-католическими, римско-католиковъ объясняется не стремленіемъ объединить въ «Соединеніи» подсловаченную угорскую Русь, являющуюся греко-католической, а втянуть въ эту организацію, по названію представляющуюся какъ будто бы русской народной, лицъ совершенно другой славянской народности и иного вѣроисповѣданія — римско-католическаго. Цѣль подобнаго затягиванія очевидна и не требуетъ поясненій: стянуть съ народной массы побольше долларовъ. Между тѣмъ словаки, являясь иной славянской народностью, имѣютъ, конечно, свои народныя учрежденія, «Соединеніе» же именуется организаціей русской, такъ что это допущеніе въ него словаковъ римско-католиковъ представляется не чѣмъ инымъ, какъ лазейкой, въ которую жадная и хитроумная угрорусская лисица, происходящая изъ уніатскаго духовнаго званія, могла бы тянуть и простодушныхъ словацкихъ куръ. Выводъ этотъ подтверждается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что официальнымъ языкомъ какъ этихъ братствъ, именуемыхъ русскими греко-католическими, такъ и этого «Соединенія», именуемаго соединеніемъ русскихъ греко-католическихъ братствъ, является совмѣстно и одновременно два языка: русскій и словацкій, между тѣмъ какъ для Руси, хотя бы и той подсловаченной, какою представляется болѣе или менѣе значительная часть угорской Руси, не представляется никакой надобности въ употребленіи чисто словацкаго языка. Правда, среди Руси этой имѣется немало лицъ, плохо знакомыхъ съ русскимъ шрифтомъ, но между замѣной русскаго алфавита латинскимъ и замѣной самаго языка русскаго, хотя бы и испорченнаго подмѣсью словачины, языкомъ чисто словацкимъ существуетъ, конечно, огромная разница, сущность которой не требуетъ поясненій. Такимъ образомъ первоначальная цѣль галицкорусскихъ инициаторовъ и учредителей «Соединенія»—создать въ немъ крупное русское народное учрежденіе, въ которомъ давно уже ощущалась потребность, поспѣшившими при-

стать къ нему угрорусскими священниками и ихъ прихвостнями, пройдохами и проходимцами разнаго рода, была замята, замазана и уничтожена, и организація эта, первоначально заложенная было, какъ русская народная организація, превратилась не только въ организацію чисто католическую, вѣроисповѣдную, организацію для «католиковъ греческаго или римскаго обряда», для «католиковъ русскаго или латинскаго обряда», какъ выражаются ея уставы, но и, сверхъ сего, еще и въ организацію собственно словацкую. Объ этомъ послѣднемъ превращеніи достаточно свидѣтельствуютъ факты. Въ текущемъ году «Katolika Iednota», старое словацкое церковно-народное учрежденіе, стала домогаться сліянія своего съ «Соединеніемъ русскихъ греко-католическихъ братствъ». Настоятельныя предложенія Iednot'ы были предметомъ обсужденія послѣдней годовой конвенціи «Соединенія», состоявшейся въ Нью-Іоркѣ въ исходѣ мая.

Весь составъ конвенціи принялъ предложенія эти весьма благосклонно, и сліяніе словацкой Iednot'ы съ «Соединеніемъ», именуемымъ русскимъ, было уже почти рѣшено, какъ поднялись возраженія, что принятіе въ «Соединеніе» учрежденія стараго, въ которомъ смертность естественно больше, нежели въ «Соединеніи», для этого послѣдняго должно значительно увеличить количество ежегодно уплачиваемыхъ «посмертныхъ» пособій, а слѣдовательно оказаться крайне невыгоднымъ. Эти возраженія по части «выгоды» такъ подѣйствовали на мадьярско-словацко-русскихъ священниковъ и торговцевъ, заправляющихъ «Соединеніемъ», что предложеніе словацкой «Iednota Katolicka», почти уже окончательно принятое, было затѣмъ отвергнуто. Если такимъ образомъ сліяніе чисто словацкаго церковно-народнаго учрежденія съ учрежденіемъ, именуемымъ русскимъ, въ принципѣ было принято и не состоялось единственно лишь вслѣдствіе невыгодности его для этого послѣдняго, то не ясно ли, что это будто бы русское учрежденіе, не могущее обойтись безъ словацкаго языка, предназначенное для «католиковъ русскаго и латинскаго обрядовъ», установленное для лицъ «языка русскаго и словацкаго», представляется въ сущности учрежденіемъ словацкимъ, прикрываемымъ лишь русской вывѣской. Весьма было бы, конечно, желательно и полезно созданіе одного народновспомогательнаго учрежденія не только для нѣскольких славянскихъ народностей, но даже и для всего славянства, населяющаго Америку. Но въ такомъ случаѣ самое слово «вѣроисповѣданіе» изъ основоначалъ такого учрежденія должно быть исключено. Между тѣмъ учрежденіе, именуемое «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ», съ одной стороны старается привлечь въ свою среду словаковъ римско-католиковъ, съ другой же не только не допускаетъ вступленія въ составъ его тѣхъ же словаковъ-протестантовъ, но даже исключаетъ изъ своей среды тѣхъ своихъ русскихъ членовъ греко-католическаго исповѣданія, которые примутъ православіе, не смотря на то, что это послѣд-

нее представляется не только основнымъ, первообразнымъ и господствующимъ исповѣданіемъ русскаго народа, но и прототипомъ самого греко-католицизма, являющагося, собственно говоря, лишь видоизмѣненіемъ православія, исскуственно созданнымъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что словацкая «Iednota Katolicka», которая чуть было не была допущена къ сліянію съ «Соединеніемъ», представляется учрежденіемъ словацко-католическимъ, узко вѣроисповѣдно-народнымъ, а не народнымъ. Оказывается такимъ образомъ, что учрежденіе, именуемое «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ», слагается изъ лицъ двухъ славянскихъ народностей— русской и словацкой, причемъ изъ первой черпаетъ спеціально греко-католиковъ или уніатовъ, изъ второй же также спеціально— римско-католиковъ, такъ что словаку лютеранину либо кальвинисту и русскому православному, хотя бы, напримѣръ, изъ австрійской Буковины, всякій доступъ въ организацію эту, создавшуюся на свободной землѣ вольной Америки, совершенно закрытъ. Отсюда обнаруживается съ полной очевидностью, что спеціальной цѣлью этой организаціи, совершенно своеобразной и не имѣющей себѣ подобной ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, представляется затягиваніе въ составъ свой исключительно и спеціально католическихъ элементовъ изъ двухъ славянскихъ народностей, осѣдающихъ въ Новомъ Свѣтѣ. Не смотря на то, что «Соединеніе греко-католическихъ русскихъ братствъ» существуетъ и дѣйствуетъ уже слишкомъ четыре года, эта дѣятельность его не только до сихъ поръ не обслѣдована и не разъяснена, но даже не было еще ни одной попытки въ этомъ направленіи. Пренебрегая всѣми тѣми трудностями, какими обставлено проникновеніе въ эту дѣятельность, ревниво охраняемую отъ свѣта общественной мысли и критики общественной совѣсти, мы рѣшились ее по возможности обслѣдовать и освѣтить, ибо такое обслѣдованіе и освѣщеніе считаемъ долгомъ нашимъ не только предъ русскимъ народомъ, но и предъ всѣмъ славянствомъ. Ограничиваясь пока вышеприведенными замѣчаніями, относящимися къ зарожденію и возникновенію «Соединенія», обратимся теперь къ обрисовкѣ дѣятельности его какъ по уставамъ, т. е. на бумагѣ, такъ и главнымъ образомъ, конечно, въ дѣйствительности.

«Соединеніе» слагается изъ отдѣльныхъ греко-католическихъ или же смѣшанныхъ греко и римско-католическихъ братствъ, а равно женскихъ греко-католическихъ или же смѣшанныхъ греко и римско-католическихъ товариществъ. Братства, какъ буквально гласитъ уставъ ихъ, состоятъ «само изъ русской и словенской мовы, греческаго или римскаго обряда членовъ, а то мужескаго (женскаго) пола», причемъ «мова того братства русска и словенска», а «цѣль того братства: членовъ въ своей вѣрѣ, набожествѣ и народности воздержати, любовь межи членами разширяти, членамъ своимъ въ слабостяхъ и выпадкахъ подати помощи, коли членъ умре, честно

и похристіански похоронити». Всякій, желающій вступить въ братство, долженъ быть католикомъ «русскаго или латинскаго обряда», имѣть не менѣе 15 лѣтъ и не болѣе 50 отъ роду и находиться въ добромъ здоровьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть представленъ братству двумя членами послѣдняго, которые знаютъ его не менѣе трехъ мѣсяцевъ, и тотчасъ же уплатить секретарю братства положенную уставомъ вступную сумму, которая, въ случаѣ его непринятія, ему немедленно возвращается. Пріемъ рѣшается большинствомъ голосовъ и подъ условіемъ немедленнаго вступленія новопринятаго члена въ «Соединеніе греко-католическихъ русскихъ братствъ». Членъ, втеченіе извѣстнаго времени не уплачивающій установленныхъ платежей, не смотря на напоминанія секретаря братства, изъ этого послѣдняго исключается и можетъ быть принятъ снова лишь подъ условіемъ уплаты новой вступной суммы и установленнаго денежнаго штрафа. Заболѣвшій членъ братства долженъ сейчасъ же сообщить о своей болѣзни предсѣдателю его, который обязанъ озаботиться, чтобы онъ втеченіе 24-хъ часовъ былъ навѣщенъ однимъ изъ существующихъ въ составѣ братства опекуновъ больныхъ для удостовѣренія въ дѣйствительности болѣзни. Если бы высланный опекунъ заявившаго себя больнымъ таковымъ не нашелъ, то долженъ о томъ объявить братству. Братчикъ, болѣющій менѣе недѣли, не получаетъ отъ братства никакого вспомоществованія, болѣющій же болѣе недѣли пользуется установленнымъ еженедѣльнымъ пособіемъ, изъ котораго удерживаются, однако, слѣдующіе братству платежи, если при этомъ состоялъ до болѣзни членомъ братства опредѣленное уставомъ время. Еженедѣльное пособіе уплачивается больному братчику втеченіе 6-ти мѣсяцевъ, по истеченіи же этого срока, если братство убѣдится, что болѣзнь его неизлѣчима, и онъ является уже навсегда не способнымъ къ труду, то должно о дальнѣйшемъ обезпеченіи его существованія представить на разрѣшеніе «Соединенія». Также представляются на разрѣшеніе «Соединенія» случаи смерти братчика или его жены, за которыхъ уплачивается оставшемуся въ живыхъ супругу, дѣтямъ или наслѣдникамъ опредѣленное «посмертное», на которое, въ отличіе отъ пособія въ случаѣ болѣзни, каждый членъ имѣетъ право съ самаго момента вступленія въ братство. Умершаго братчика обязано братство похоронить на свой счетъ и къ погребенію его явиться въ полномъ составѣ и полной формѣ, а равно проводить его до самой могилы. Управленіе братствъ составляютъ: предсѣдатель, вице-предсѣдатель, письмоводитель, секретарь, кассиръ, контролеръ, маршалокъ, дверникъ, досмотрщики имущества братскаго, досмотрщики больныхъ и полюбовный судъ. Изъ всѣхъ этихъ должностей по управленію братствъ дѣйствительно нужными представляются лишь предсѣдатель, секретарь и кассиръ. Братства должны праздновать ежегодно два дня: день патрона своего или

патронессы и день патрона «Соединенія»—св. Николая. Не мѣшаетъ замѣтить, что общій уставъ братствъ, принадлежащихъ къ «Соединенію», заканчивается нижеслѣдующимъ параграфомъ: «Каждый членъ, яко добрый христіянинъ, мае всѣ обовязки церковныи порядочно и на часъ выполняти». Уставъ самого «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ» гласитъ прежде всего, что «чиновственный языкъ есть русскій, но корреспонденцію можно вести якимъ будь-то языкомъ». Этимъ «якимъ будь-то» (то-есть какимъ бы то ни было) языкомъ является обыкновенно языкъ мадьярскій, на которомъ ведутъ свою переписку съ «Соединеніемъ» какъ его должностныя лица, такъ равно и всѣ почти угрорусскіе священники, такъ наконецъ и значительная часть американскихъ угроруссовъ, принадлежащихъ къ составу братствъ, входящихъ въ «Соединеніе».

Такимъ образомъ какъ «чиновственнымъ», такъ общимъ языкомъ «Соединенія» являются въ дѣйствительности языки: во-первыхъ, мадьярскій, во-вторыхъ, словацкій и, въ-третьихъ, наконецъ и послѣднимъ уже — русскій. Поанглійски «Соединеніе» именуется «Greek-Catholic Union», и эмблемой его является парящій орелъ съ яркой звѣздой, сіяющей лучами, надъ головой, въ правой лапѣ держащій американское знамя, а въ лѣвой — трираменный крестъ. Цѣлями «Соединенія», по уставу его, являются: 1) вспомоществованіе вдовамъ и сиротамъ, оставшимся послѣ смерти членовъ его, 2) вспомоществованіе членамъ, за смертью лишившимся женъ своихъ; 3) почитаніе законовъ Соединенныхъ Штатовъ и расширеніе чувства религіознаго и народнаго; 4) предоставленіе русской братіи соотвѣтственныхъ средствъ къ просвѣщенію какъ въ религіозномъ, такъ и народномъ отношеніи, а именно: изданіе русско-словацкой газеты и общеполезныхъ книгъ и вспомоществованіе греко-католическимъ церквамъ и школамъ; 5) стараніе о содѣйствіи благосостоянію русскихъ братьевъ; 6) матеріальное вспомоществованіе русскимъ братьямъ въ исключительныхъ случаяхъ, несчастьѣ и нуждѣ. Само собою разумѣется, что «почитаніе законовъ» государства, являясь условіемъ существованія и дѣятельности всякаго общественнаго учрежденія, не можетъ быть цѣлью такого существованія, и исчисленіе этого почитанія въ числѣ цѣлей «Соединенія» представляется явнымъ абсурдомъ, такой же пунктъ, какъ «стараніе о содѣйствіи благосостоянію», представляется совершенно непонятнымъ по своей неопредѣленности. Братство, послѣ трехъ письменныхъ напоминаній не уплатившее «Соединенію» слѣдующихъ съ него взносовъ, изъ него исключается. По смерти члена «Соединенія» жена, дѣти или иные наслѣдники, получаютъ «посмертнаго» 400 долларовъ, а по смерти жены мужъ покойной получаетъ 200 долларовъ. Если членъ безъ своей вины будетъ искалѣченъ или опасно заболѣетъ и по шести-мѣсячной болѣзни будетъ признанъ совершенно

неспособнымъ къ труду, то получаетъ отъ «Соединенія» пособія 200 долларовъ, послѣ чего онъ можетъ попрежнему оставаться членомъ, но семьѣ его, или наслѣдникамъ, уплачивается посмертнаго лишь 200 долларовъ, какъ оставшіеся отъ посмертнаго пособія по выдачѣ 200 долларовъ за неспособностью къ труду. Управленіе «Соединенія» составляютъ: главный предсѣдатель, вице-предсѣдатель, письмоводитель, секретарь, казначей, контролеръ, надзирательная комиссія и делегатъ надзирательной комиссіи, избираемые на одинъ годъ. Женскія братства или «товарищества сестричныи» имѣютъ такія же права и обязанности, какъ и мужскія. Въ числѣ вспомоществованій, установленныхъ для членовъ, указано также изданіе газеты «Американскій Русскій Вѣстникъ», которая является органомъ «Соединенія» и имъ разсылается безплатно. Въ такомъ видѣ представляется дѣятельность «Соединенія» и принадлежащихъ къ нему братствъ по ихъ уставамъ съ тѣми, чтобы не сказать болѣе, странностями этихъ послѣднихъ, какія не могли мы не отмѣтить при самомъ изложеніи сущности ихъ и характера.

Какова же дѣятельность «Соединенія» не на бумагѣ, которая, какъ извѣстно, все терпитъ, а въ дѣйствительности. Братства заболѣвшему члену своему, если онъ состоялъ таковымъ до болѣзни въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и уплачивалъ свои взносы, со второй недѣли болѣзни и до шестой включительно выдаютъ еженедѣльное пособіе въ размѣрѣ 5—6 долларовъ, изъ котораго удерживаются врачемъ слѣдующіе братству платежи, въ случаѣ же смерти больного хоронитъ его на свой счетъ. Если, впрочемъ, найдутся сомнѣвающіеся въ дѣйствительности болѣзни братчика, то полученіе пособія затрудняется и затягивается. Вотъ и все, что дѣлаютъ для своихъ членовъ братства, именуемыя «русскими греко-каторическими». «Соединеніе» уплачиваетъ женѣ за умершаго мужа 400 долларовъ, мужу за умершую жену—200 долларовъ, а окончательно неспособному къ труду выдаетъ 200 долларовъ въ счетъ посмертнаго пособія, какое должно получить его семейство по его смерти. Послѣдній пунктъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Выходитъ, что семейство, принадлежащее къ «Соединенію», если не постигнетъ его несчастіе въ видѣ преждевременной потери главною его способности къ труду, получаетъ бо̀льшее по смерти его пособіе, нежели семейство, подобнымъ несчастіемъ постигнутое и, слѣдовательно, еще при жизни главы его уже въ матеріальномъ отношеніи пошатнувшееся и разстроенное, хотя оно исполняетъ денежныя въ отношеніи «Соединенія» повинности наравнѣ съ первымъ, находящимся въ несравненно лучшемъ положеніи. Ясно, что, не смотря на всѣ свои напыщенныя заявленія о благосостояніи русской братіи и т. д., «Соединеніе» при жизни членамъ своимъ ровно никакой помощи не оказываетъ, а лишь оказываетъ ее женѣ, дѣтямъ либо наслѣдникамъ, при ихъ смерти, при чемъ членъ, преждевременно по-

терявшій способность къ труду, трактуется, какъ полуумершій и получаетъ половину пособія. Въ числѣ «вспомоществованій» членамъ «Соединенія» назначается по уставу безплатная разсылка органа этой организаціи, именуемаго «Американскимъ Русскимъ Вѣстникомъ». Въ дѣйствительности, однако, вопреки буквальному смыслу устава, взимается съ каждаго члена за газету эту 1 долларъ въ годъ. Взносы эти, по мѣрѣ возростанія числа членовъ, возросли въ періодъ четырехлѣтняго существованія «Соединенія» съ 1.700 долларовъ въ 1892 году до 4.000 долларовъ въ 1895 году. Независимо отъ сего, втеченіе тѣхъ же четырехъ лѣтъ изданіе «Вѣстника» принесло «Соединенію» болѣе или менѣе крупные долги, такъ что въ общемъ изданіе этой газеты обходится учрежденію около 4.000 долларовъ въ годъ. Спрашивается, что же дается этимъ отпрыскомъ народностей русской и словацкой рабочему люду за 4.000 долларовъ въ годъ. Разъ въ недѣлю издается нумеръ газеты въ двухъ видахъ: на русскомъ и словацкомъ языкѣ. Если словацкій языкъ словацкаго изданія «Американскаго Русскаго Вѣстника» заставляетъ желать весьма многаго, невольно вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ естественное и основательное недоумѣніе, почему именно эта словацкая газета именуется русскимъ «Вѣстникомъ», то за то ужъ русскій языкъ русскаго изданія «Американскаго Русскаго Вѣстника» представляетъ нѣчто прямо чудовищное. Существуетъ, какъ извѣстно, общерусскій литературный языкъ, употребляемый въ Россіи; существуетъ затѣмъ малорусскій литературный языкъ, весьма мало употребительный въ Россіи и широко распространенный въ Галиціи и отчасти также и угорской Руси; можно наконецъ писать для народа однимъ изъ крупныхъ нарѣчій русскаго языка, причемъ слова, до которыхъ простонародная рѣчь еще не доросла, или же образовывать на основѣ въ духѣ нарѣчія, на которомъ пишется, или же, смотря на конструкціи словъ и ихъ образованію, заимствовать изъ литературнаго языка — общерусскаго или малорусскаго. Когда дѣло идетъ не объ образованіи народа въ широкомъ смыслѣ слова, не о пріученіи его къ опредѣленному литературному языку, уже сложившемуся, а о достиженіи результатовъ чисто практическихъ, о непосредственномъ и быстромъ на него воздѣйствіи, то этотъ послѣдній способъ даже предпочтительнѣе всѣхъ прочихъ. Если бы поэтому русское изданіе «Американскаго Русскаго Вѣстника» велось на угрорусскомъ чисто народномъ языкѣ, на которомъ говоритъ народъ угрорусскій, и который для массы его гораздо понятнѣе, конечно, языковъ литературныхъ, какъ общерусскаго, такъ даже отчасти и малорусскаго, то противъ этого ничего нельзя было бы имѣть. Но языкъ «Американскаго Русскаго Вѣстника» представляетъ нѣчто совершенно необычное, небывалое и маловѣроятное. Онъ состоитъ прежде всего изъ словъ церковнославянскихъ, но это вовсе не тѣ слова и выраженія старославян-

скія, которыя встрѣчаемъ мы въ книгахъ богослужебныхъ и церковныхъ, или же въ духовной и свѣтской литературѣ среднихъ вѣковъ, а слова собственнаго и самоновѣйшаго изобрѣтенія, никогда еще доселѣ не употреблявшіяся, донельзя вычурныя и неудобопонятныя. Вторымъ элементомъ якобы литературнаго языка «Американскаго Русскаго Вѣстника» являются слова и выраженія языка малорусскаго, какъ народнаго, нарѣчіемъ котораго представляется и языкъ угрорусскій, такъ и литературнаго весьма близкаго къ народному, при чемъ эти слова, въ видахъ ихъ «олитературенія», подвергаются нѣкоторой «отдѣлкѣ», ихъ искажающей и извращающей. Третьимъ элементомъ якобы литературнаго языка «Американскаго Русскаго Вѣстника» являются слова и выраженія, заимствованныя изъ русскаго литературнаго языка, донельзя исковерканныя и искалѣченныя до неузнаваемости. Четвертымъ элементомъ этого небывалаго якобы русскаго литературнаго языка являются слова, обороты и выраженія словацкія. Независимо отъ сего попадаются въ немъ и слова мадьярскія, не говоря уже о такихъ общеупотребительныхъ англійскихъ, которыя вошли во всѣ славянскіе языки на американской почвѣ, какъ, напримѣръ, шторъ (лавка), байсикль (велосипедъ) и т. д. Само собою разумѣется, что этотъ вавилонскій винигретъ славянскихъ языковъ съ подмѣсью мадьярщины, этотъ фарсъ славянской филологіи, еле одолимый для слависта или вообще интеллигентнаго человѣка, знакомаго съ нѣсколькими славянскими языками, для народа совершенно непонятенъ и недоступенъ. Содержаніе «Американскаго Русскаго Вѣстника» соотвѣтствуетъ вполнѣ языку. Прежде всего, перечень всѣхъ братствъ, входящихъ въ соединеніе, и ихъ «чиновниковъ», объявленія объ изданіи «Вѣстника» и различныя стереотипныя объявленія занимають добрую половину этой русско-словацкой газеты, выходящей на двухъ языкахъ. Далѣе, сообщенія, извѣстія и телеграммы понадерганы изъ ежедневныхъ газетъ безъ всякой системы, безъ всякаго соображенія ихъ интереса и относительнаго значенія, безъ всякаго приспособленія къ условіямъ жизни и быта рабочаго класса въ Америкѣ вообще и славянскихъ его элементовъ, не ассимилировавшихся съ преобладающей англо-американской народностью, въ частности. Фельетона не существуетъ, передовыя же статьи составляютъ исключительно плохое переложеніе плохихъ церковныхъ проповѣдей о вредѣ пьянства, о соблюденіи постовъ, о бережливости и расчетливости и т. п. Въ заключеніе номера идутъ различные бравурные французскіе разсказы, съ пикантнымъ оттѣнкомъ, въ плохомъ, впрочемъ, переводѣ, сдѣланномъ съ мадьярскаго или словацкаго языковъ. Самую, однако, важную часть содержанія «Американскаго Русскаго Вѣстника» составляютъ оды и диѳирамбы чиновникамъ «Соединенія», начиная, конечно, съ его предсѣдателя, угрорусскимъ священникамъ, огромное большинство которыхъ къ нему принад-

лежитъ, и наконецъ «дьякамъ и пѣвцоучителямъ». Оды эти появляются въ этой, якобы русской, газетѣ или въ видѣ особыхъ статеекъ, или же въ видѣ сообщеній о прибытіи такого-то чиновника «Соединенія» туда-то, о посѣщеніи священникомъ такимъ-то городка такого-то, относящагося обыкновенно къ его приходу, о пріѣздѣ такого-то знаменитаго «дьяка и пѣвцоучителя» туда-то для того-то. Эти диѳирамбы священникамъ и въ особенности кулакамъ и дьякамъ, заканчивающіеся обыкновенно стереотипной фразой: «при томъ же есть онъ ревнымъ патріотомъ нашей американской Руси», производятъ удручающее впечатлѣніе, ибо роняютъ и уничтожаютъ русское слово. «Писателями» этой американской еженедѣльной русско-словацкой газеты являются полуграмотные писцы изъ Угорщины, лишь въ Америкѣ научившіеся писать порусски отъ разныхъ грамотныхъ еврейчиковъ, прибывшихъ въ Новый Свѣтъ изъ Россіи. Стоя на самой низшей ступени умственнаго и нравственнаго развитія, писцы эти прилагаютъ всѣ свои старанія, чтобы этими кажденіями кулакамъ, священникамъ и дьякамъ должнымъ образомъ угодить и тѣмъ обезпечить себѣ свои мѣстечки. Съ другой стороны, священники угрорусскіе, кулаки и дьяки, въ Америкѣ пребывающіе, въ подобной «литературной» дѣятельности своихъ угрорусскихъ писцовъ видятъ наилучшее средство прочно держать народъ въ своихъ рукахъ, не выпуская его ни на одинъ шагъ изъ сѣни своихъ лавочекъ—духовныхъ и тѣлесныхъ. Понимая, что въ народѣ угрорусскомъ, въ своемъ родномъ краѣ загнанномъ и забитомъ дикимъ хозяйничаніемъ европейскаго азіатства, на вольной землѣ американской начинаетъ пробуждаться постепенно національное самосознаніе и чувство своего народнаго достоинства, и что по разнымъ причинамъ, нами выше уже разъясненнымъ, появляется въ немъ особая привязанность къ своему обряду, означенные священники, кулаки и дьяки поспѣшили этому пробуждающемуся національному самосознанію и этой проявляющейся усиленной церковно-обрядовой потребности дать спеціальное направленіе чрезъ означенныхъ писцовъ, для чего и созданъ былъ «Американскій Русскій Вѣстникъ». Такимъ образомъ дѣйствительная дѣятельность учрежденія, именуемаго «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ», учрежденія вѣроисповѣднокатолическаго, а не народнаго, достаточно выясняется. Прежде всего за получаемые имъ отъ членовъ своихъ платежи оно оказываетъ имъ меньшее вспоможеніе, нежели общеамериканскія вспомогательныя учрежденія, ибо эти послѣднія за такіе же платежи не только выдаютъ бо́льшее «посмертное», но и оказываютъ разныя вспомоществованія при жизни въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ независимо отъ болѣзни, чего, какъ мы видѣли уже, «Соединеніе» вовсе не дѣлаетъ. Далѣе, беря съ этого народа ежегодно свыше 4.000 до́лларовъ якобы на его просвѣщеніе, «Соединеніе» посредствомъ своего «Американскаго Рус-

скаго Вѣстника» предумышленно поддерживаетъ его темноту, непросвѣщенность, невѣжество, незнаніе американскаго государственно-общественнаго уклада, американскаго экономическаго строя, американскаго общественнаго склада и быта и такимъ образомъ, при быстромъ соціальномъ прогрессѣ Соединенныхъ Штатовъ, роетъ между народомъ этимъ и окружающей, несравненно культурнѣйшей и сильнѣйшей, общественной средой все бо̀льшую и бо̀льшую пропасть, надъ которой долженъ вскорѣ очутиться этотъ несчастный народъ въ совершенно безпомощномъ положеніи. Дѣлается все это для того, чтобы обезпечить за угрорусскими священниками, дьяками и кулаками, опредѣленный, постепенно увеличивающійся щійся, безусловно покорный континтентъ «вѣрниковъ» и «костюмеровъ» (покупателей), обезпечить до тѣхъ поръ, пока они собьютъ себѣ солидные капиталы, а тамъ далѣе хоть трава не рости. Вотъ весь raison d'être «Соединенія» и его «Вѣстника». Само собою разумѣется, что первоначальные галицко-русскіе учредители его и во главѣ ихъ священникъ Одушкевичъ изъ нѣго вышли, а всѣ прочіе галицко-русскіе священники и нѣкоторые наиболѣе честные изъ угро-русскихъ въ него и не вступали. Представляется довольно любопытнымъ, что свою вредную и въ отношеніи будущности русскаго народа въ Америкѣ дѣятельность прикрываетъ или, правильнѣе говоря, старается прикрыть «Соединеніе» вычурными и напыщенными фразами о благѣ русскаго народа, о его благосостояніи, о вспомоществованіи русскимъ братьямъ, о соблюденіи достоинства вѣры и народности и т. д., разсѣянными повсюду, какъ въ протоколахъ и перепискахъ этого прискорбнаго учрежденія, такъ и въ особенности на дикихъ страницахъ «Американскаго Русскаго Вѣстника». Такимъ образомъ давно ощущавшаяся среди русскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ потребность созданія крѣпкаго русскаго народнаго учрежденія, которое обнимало бы по возможности всю американскую Русь, удовлетворена не была, и даже попытка ея удовлетворенія привела, вопреки, конечно, всякимъ ожиданіямъ ея иниціаторовъ, къ безсовѣстной эксплоатаціи.

Графъ Лелива (Е. Н. Матросовъ).

Пенсильванія.
Августъ, 1896 года.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БУХАРСКІЯ ПОСОЛЬСТВА ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНЫ II.

НА ОДНОЙ изъ центральныхъ улицъ города Бухары, возлѣ величественнаго зданія медрессе Кукольташъ и мечети Шахсанемъ, возвышается небольшое, но изящное по своему архитектурному стилю медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи. Бѣлый мраморный портикъ, выточенный въ стилѣ ша-арапъ, ведетъ во внутренность двухъ-этажнаго зданія медрессе, сложеннаго изъ четырехугольныхъ плитъ сѣраго тесаннаго камня, облицованнаго по карнизамъ маіоликовыми изразцами въ общемъ вкусѣ зданій этого рода въ Средней Азіи. Внутренность медрессе состоитъ изъ обширной и свѣтлой, увѣнчанной куполомъ, аудиторіи, бѣлыя стѣны которой покрыты узорами и арабесками изъ алебастра тонкой, художественной работы. Къ аудиторіи съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ комнаты—кельи учителей и студентовъ (шаирдовъ), которыхъ насчитывается здѣсь до 80 человѣкъ. Медрессе содержится на доходы своего вакуфа; каждый шаирдъ, кромѣ безплатнаго ученья и дарового помѣщенья, получаетъ еще небольшую стипендію (около 25 рублей въ годъ на наши деньги).

Объ основаніи этого медрессе существуетъ преданіе, что оно построено въ концѣ прошлаго столѣтія на средства, пожалованныя императрицей Екатериной II нѣкоему Муллѣ-Иръ-Назаръ-бію, бывшему бухарскимъ посломъ при дворѣ императрицы въ періодъ управленія Бухарой Шахъ-Мурадомъ, въ знакъ особаго благоволенія и за заслуги, оказанныя будто бы Иръ-Назаромъ русскому правительству. Обстоятельство это издавна придавало медрессе Иръ-На-

заръ-Ильчи особый интересъ въ глазахъ путешественниковъ-европейцевъ, въ особенности русскихъ, которымъ доводилось посѣтить Бухару и осмотрѣть ея многочисленныя достопримѣчательности. При посѣщеніяхъ такого рода услужливые бухарскіе гиды и муллы считаютъ своей непремѣнной обязанностью, въ числѣ другихъ достопримѣчательностей столицы, показать путешественнику Иръ-Назаръ-Ильчи, разсказать ему легенду о сооруженіи этого памятника Екатериной II, о необыкновенныхъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ самого Иръ-Назара, о его посольствѣ въ Россію и о томъ, какимъ образомъ, въ результатѣ этого посольства, русской императрицей было построено въ Бухарѣ медрессе его имени. Съ теченіемъ времени на эту тему сложилось даже нѣсколько варіантовъ, которые, передаваясь изъ устъ въ уста, постепенно перешли въ нашу научно-описательную литературу и окончательно закрѣпили за медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи его второе названіе: медрессе императрицы Екатерины II. Такъ, нашъ извѣстный оріенталистъ Н. В. Ханыковъ, въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства, категорически заявляетъ, что Иръ-Назаръ-Ильчи построено императрицей Екатериной II, а г. Пославскій, въ описаніи города и ханства Бухары, подтверждая это происхожденіе медрессе, присовокупляетъ, что оно названо такъ по имени лица, правившаго посольство, и что на сооруженіе его было пожертвовано 40.000 рублей. В. В. Крестовскій, посѣтившій Бухару въ 1883 году въ качествѣ оффиціальнаго лица, въ дневникѣ своей поѣздки, носящемъ названіе «Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго», приводитъ два варіанта вышеприведенной легенды. Согласно первому изъ этихъ варіантовъ, медрессе Иръ-Назаръ было построено при слѣдующихъ обстоятельствахъ: ишанъ Иръ-Назаръ, будучи очень бѣденъ, задался мыслію построить хорошее медрессе и всю жизнь свою посвятилъ этой завѣтной цѣли. Переписывая книги, проповѣдуя коранъ и прося милостыню, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ успѣлъ наконецъ собрать нѣкоторую сумму и началъ постройку, но денегъ этихъ далеко не хватило на ея окончаніе. Тогда императрица Екатерина II, случайно узнавъ объ ишанѣ Иръ-Назарѣ и о благомъ намѣреніи, которому была посвящена вся его жизнь, рѣшила помочь бѣдному ученому и послала ему боченокъ золота. На эти-то деньги и было устроено медрессе.

Другая версія легенды говоритъ, что по вступленіи на бухарскій престолъ эмира Шахъ-Мурада, въ шабанѣ мѣсяцѣ 1199 года (январь 1784 года), онъ, желая заручиться союзомъ Россіи противъ Персіи, отправилъ Иръ-Назара въ Петербургъ въ качествѣ посла, а императрица Екатерина, желая съ своей стороны закрѣпить дружественныя связи съ Бухарой и тѣмъ открыть просторъ русской торговлѣ въ Средней Азіи, пожертвовала, между прочимъ, капиталъ на построеніе и содержаніе медрессе, зная, что это будетъ пріятно набожному эмиру. Г. Крестовскій, заканчивая свое повѣствованіе за-

явленіемъ, что онъ не ручается за дословную достовѣрность той или другой изъ этихъ легендъ, присовокупляетъ, однако, что участіе Екатерины II въ построеніи Иръ-Назаръ-Ильчи, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно.

Автору этой статьи, въ бытность его въ Бухарѣ и другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи, не разъ приходилось слышать эти и подобныя легенды о происхожденіи медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи, а также большой соборной мечети въ Ташкентѣ, разрушенной землетрясеніемъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія и будто бы возстановленной императрицей Екатериной II. Суть этихъ разсказовъ вкратцѣ воспроизведена имъ въ очеркахъ Бухарскаго ханства, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 годъ.

Однако же, при болѣе обстоятельномъ изученіи, по архивнымъ источникамъ, исторіи сношеній русскаго правительства съ средне-азіатскими ханствами въ прошломъ столѣтіи всѣ эти преданія и легенды оказываются далекими отъ исторической правды. Вопросъ объ участіи императрицы Екатерины II въ реставраціи ташкентской джуммы-мечети, какъ мы увидимъ это ниже, разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ; что же касается медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи, то хотя оно и носитъ названіе лица, два раза (въ 1775 и 1779 годахъ исполнявшаго обязанности бухарскаго посла при дворѣ императрицы, но посольства эти были вызваны совершенно иными причинами, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ бухарское народное преданіе, имѣли мѣсто въ періодъ управленія ханствомъ не эміромъ Шахъ-Мухадомъ, а Абдулъ-Гази-ханомъ, причемъ ни о какихъ пожертвованіяхъ на сооруженіе въ Бухарѣ медрессе имени Иръ-Назара въ память заслугъ, яко бы оказанныхъ этимъ лицомъ русскому правительству, или съ цѣлію сдѣлать пріятное эмиру, при дворѣ императрицы Екатерины и рѣчи не было.

Мы считаемъ своей обязанностію исправить вкравшуюся въ нашу описательную литературу ошибку относительно приписываемаго Екатеринѣ II происхожденія медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи и реставраціи ташкентской джуммы-мечети во избѣжаніе повторенія этой ошибки въ будущемъ, при составленіи описаній памятниковъ старины въ Средней Азіи, приведя попутно съ этимъ, заимствованныя нами изъ дѣлъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1775—1786 годы, не лишенныя интереса подробности о двукратныхъ посольствахъ ко двору императрицы Екатерины Муллы-Иръ-Назаръ-бія и его сына Мухаметъ-Шерифа, давшихъ поводъ для вышеприведенной бухарской легенды.

Въ исторіи Бухары XVIII вѣкъ ознаменованъ полнымъ упадкомъ ея былого первенствующаго политическаго значенія въ группѣ средне-азіатскихъ ханствъ, экономическимъ оскудѣніемъ и разстройствомъ ея государственнаго организма. Рядъ неблагопріятныхъ для ханства обстоятельствъ, безпрерывныя междоусобныя и династическія

войны, раздиравшія страну въ продолженіе двухсотлѣтняго правленія слабыхъ и бездарныхъ Аштарханидовъ, непомѣрное развитіе ислама и усиленіе грубой, мало культурной узбекской партіи, захватившей въ свои руки бразды правленія, въ концѣ концовъ привели къ тому, что нѣкогда могущественное и богатѣйшее въ мірѣ государство Тимуридовъ обратилось въ жалкій обломокъ, готовый, казалось, прекратить свое самобытное политическое существованіе. Къ концу XVIII вѣка въ странѣ было уничтожено почти все хорошее, что въ ней было: науки и просвѣщеніе, искусства и ремесла, земледѣліе и промышленность. Цифра народонаселенія ханства и площади обработываемой земли сократились къ этому времени до ничтожныхъ размѣровъ. Знаменитая ирригаціонная система, снабжавшая водами Сыръ-Дарьи всю сѣверную половину ханства, частію была брошена на произволъ судьбы и занесена песками, частію уничтожена самими бухарцами, пользовавшимися въ критическія минуты этимъ варварскимъ средствомъ для защиты отъ вторженія въ бухарскіе предѣлы сосѣднихъ непріятельскихъ народовъ [1]). За недостаткомъ водоснабженія цѣлые цвѣтущіе оазисы были покидаемы жителями, дѣлаясь добычей движущихся песковъ, обращавшихъ ихъ въ голыя, безводныя пустыни. Въ ханствѣ сильно развилась торговля невольниками [2]); извѣстное когда-то по всему востоку бухарское шелководство и другія цѣнныя отросли промышленности перешли къ самымъ грубымъ, примитивнымъ формамъ; лучшіе архитектурные памятники страны лежали въ развалинахъ. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ ханства царили интриги и безначаліе, весьма близкіе къ анархіи; народъ страдалъ подъ тяжестью непосильныхъ налоговъ; отъ государственнаго тѣла ханства отрывалась одна провинція за другой, переходя въ подданство сосѣдей или образуя отдѣльныя, самостоятельныя владѣнія.

Не въ лучшемъ положеніи находилась бухарская торговля того времени. Измѣненіе такъ называемыхъ великихъ торговыхъ путей, соединявшихъ Европу съ богатѣйшими странами Восточной Азіи, еще въ XVI вѣкѣ лишило Бухару тѣхъ громадныхъ выгодъ, которыми она пользовалась, благодаря своему значенію центральнаго транзитнаго пункта на пути движенія товаровъ изъ Китая и Индіи въ Европу и обратно. Съ открытіемъ Васко-де-Гама морского пути вокругъ Африки, прежняя сухопутно-караванная торговая зона, соединявшая Европу съ Азіей, была почти совершенно оста-

[1]) Такимъ образомъ, по приказанію Абдуллахъ-хана (1555—1597 г.), былъ уничтоженъ знаменитый Бухара-арыкъ, снабжавшій водами Сыръ-Дарьи сѣверную и сѣверо-западную части ханства.

[2]) Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ имѣется, между прочимъ, свѣдѣніе, что въ 1785 г. однихъ только русскихъ невольниковъ насчитывалось въ Бухарѣ до 4000.

влена [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, торговое значеніе Бухарскаго ханства сократилось до ничтожныхъ, сравнительно, размѣровъ, ограничиваемыхъ вывозомъ изъ него предметовъ внутренняго производства и произведеній сопредѣльныхъ съ нимъ странъ: сѣверо-восточныхъ областей Персіи, Афганскаго Туркестана, Кашемира, Кашгаріи и Кокана. Но и въ этомъ относительно небольшомъ объемѣ европейская торговля ханства къ концу XVIII вѣка почти совершенно прекратилась.

Слабое правленіе Аштарханидовъ имѣло, между прочимъ, прямымъ слѣдствіемъ отпаденіе изъ-подъ власти Бухары сосѣднихъ кочевыхъ племенъ: туркменъ, части узбекскихъ родовъ и кара-киргизовъ, занимавшихъ своими кочевьями сѣверо-западные предѣлы ханства. Эти хищныя орды, вмѣстѣ съ хивинскими ихъ соплеменниками и киргизъ-кайсаками, систематически выдѣляли изъ себя многочисленныя шайки вооруженнаго сброда, которыя не только безпрепятственно грабили и захватывали въ плѣнъ путешественниковъ и караваны, направлявшіеся изъ Средней Азіи въ Россію и Западную Европу, но даже, нерѣдко, вооруженной рукой врывались во внутреннія области ханства, предавая все огню и мечу или заставляя беззащитныхъ жителей выкупать свою жизнь и имущество. Ничтожное бухарское правительство, все вниманіе котораго было поглощено придворными интригами, религіозными спорами и внутренними смутами, оказывалось, по большей части, безсильнымъ противостоять этому злу, сдѣлавшемуся, съ теченіемъ времени, какъ бы хроническимъ и уничтоженному только въ недавнее время, съ водвореніемъ въ Средней Азіи русской власть и гражданственности.

Естественно, что при такихъ условіяхъ торговыя сношенія Бухары съ европейскими странами сдѣлались чрезвычайно затруднительными, и лишь немногіе смѣльчаки изъ среды торговаго люда, съ рискомъ для жизни и капиталовъ, рѣшались поддерживать эту торговлю, направляя свои караваны на Оренбургъ и Астрахань черезъ хивинскія владѣнія и Мангышлакскій полуостровъ. Въ послѣдней четверти XVIII столѣтія эти сношенія еще болѣе были затруднены Пугачевскимъ бунтомъ и безпорядками среди кочевого населенія на нашей восточной границѣ.

Осенью 1773 года, направлявшійся изъ Бухары въ Россію крупный бухарскій караванъ, принадлежавшій нѣсколькимъ лицамъ и заключавшій въ себѣ товаровъ почти на пятьсотъ тысячъ рублей, былъ разграбленъ на оренбургской линіи пугачевскими шайками и киргизъ-кайсаками. Сопровождавшіе его бухарцы частію были перебиты,

---

[1]) Отъ бухарскихъ предѣловъ эта зона раздѣлялась на четыре главныя вѣтви: 1) Бухара-Хива-Астрахань—30 дней пути; 2) Бухара-Хива-Оренбургъ—60 дней; 3) Бухара-Троицкъ, по восточному берегу Аральскаго моря—80 дней; 4) Бухара-Ташкентъ-Петропавловскъ—90 дней пути.

частію успѣли бѣжать въ Бухару, куда и принесли извѣстіе объ этой катастрофѣ. Разграбленіе торговаго каравана на пути слѣдованія изъ Азіи въ Европу составляло въ тѣ времена заурядное явленіе и не вызывало, обыкновенно, политическаго конфликта [1]). Однако же, убытки, понесенные на этотъ разъ бухарскими купцами, были на столько значительны, что они рѣшились обратиться къ царствовавшему тогда въ Бухарѣ хану Абуль-Гази [2]) съ просьбой исходатайствовать у русскаго правительства вознагражденіе за убытки, понесенные при разграбленіи ихъ собственности въ предѣлахъ Россіи русскими подданными. Поддержать эту просьбу передъ русскимъ правительствомъ вызвался нѣкто Мулла-Иръ-Назаръ-бій, богатый и вліятельный бухарецъ, одинъ изъ пайщиковъ разграбленнаго каравана, ужъ не разъ бывавшій передъ тѣмъ въ Россіи по своимъ торговымъ дѣламъ. Предложеніе его было принято, и въ началѣ 1774 года ко двору Екатерины II было снаряжено изъ Бухары посольство въ слѣдующемъ составѣ:

Мулла Иръ-Назаръ-бій, посолъ,
Сынъ посла Мухаметъ-Шарифъ, пансатъ-баши,
Ахунъ-Мулла-Арабъ,
Имамъ Мулла-Халилъ,
Мулла Баба-Шарифъ, совѣтникъ и секретарь,
Мухаметъ-Шарифъ, хазандаръ (казначей),
Аязъ-берды, юзъ-баши (капитанъ).
} свита посла.

Кромѣ того, при посольствѣ слѣдовали: бухарскій фельдшеръ, повара, хлѣбники, прислуга, 9 музыкантовъ и 10 конюховъ для ухода за верховыми лошадьми, назначенными ханомъ въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ, цесаревичу Павлу Петровичу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ,— всего 53 человѣка.

Посольство было снабжено вѣрительными грамотами Абуль-Гази къ императрицѣ Екатеринѣ и неизбѣжными на востокѣ подарками, заключавшимися въ слѣдующихъ предметахъ:

---

[1]) При такихъ точно обстоятельствахъ, въ предѣлахъ Бухарскаго и Хивинскаго ханствъ были разграблены въ 1738, 1753, 1823 и 1824 годахъ наши правительственные караваны, посланные въ Среднюю Азію.

[2]) Абуль-Гази считается послѣднимъ ханомъ царствовавшей въ Бухарѣ съ 1597—1784 г. династіи Аштарханидовъ, составлявшихъ потомство изгнанныхъ изъ Россіи въ XVI вѣкѣ астраханскихъ хановъ. Этотъ ничтожный и слабый бухарскій правитель былъ сначала игрушкой въ рукахъ возведшаго его на тронъ перваго министра Даніалъ-аталыка, а въ 1784 г. былъ совершенно устраненъ отъ власти Шахъ-Мурадомъ, основателемъ царствующей теперь въ Бухарѣ узбекской династіи Мангытъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, этотъ фиктивный Бухарскій правитель даже совершенно не принадлежалъ къ царственному роду Аштарханидовъ, но былъ выставленъ узбекской партіей, какъ подставное лицо. Существуетъ преданіе, что въ молодости онъ былъ простымъ пастухомъ. Онъ умеръ въ 1795—1796 г. въ Уафкентѣ, всѣми забытый, въ полномъ ничтожествѣ.

Императрицѣ 7 арабскихъ аргамаковъ, убранныхъ дорогими попонами и сѣдлами; 18 паръ индійскихъ парчей, вышитыхъ золотомъ; 127 пудовъ лапись-лазурнаго камня, 84 пуда ревеня; 5 пудовъ чепучиннаго корня. Цесаревичу 3 арабскихъ аргамака, съ попонами и сѣдлами; цесаревнѣ 10 паръ индійскихъ парчей. Остерману, Панину, братьямъ Орловымъ и Олсуфьеву отправлялись также въ подарокъ арабскіе аргамаки, убранные дорогими попонами и сѣдлами.

Кромѣ того, Иръ-Назаръ велъ изъ Бухары въ Россію двадцать человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ на средства бухарскаго правительства и посылаемыхъ въ видѣ почетнаго дара отъ хана императрицѣ [1]).

Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, посолъ и его свита захватили съ собой значительный транспортъ бухарскихъ товаровъ, разсчитывая провезти ихъ безпошлинно черезъ русскую границу подъ видомъ подарочныхъ вещей и затѣмъ распродать въ Россіи въ свою пользу.

Посольство выступило изъ Бухары въ концѣ января 1774 г., на Оренбургъ, черезъ Хиву, въ которую прибыло въ февралѣ мѣсяцѣ. Здѣсь, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій объ осадѣ Оренбурга пугачевскими скопищами, посольство оставалось почти полгода, послѣ чего двинулось далѣе черезъ Мангышлакъ на Астрахань, въ которую прибыло въ началѣ сентября 1774 года. Въ Астрахани его ожидала новая продолжительная задержка, такъ какъ тогдашній астраханскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Кречетниковъ, отказался пропустить посольство далѣе, черезъ русскія владѣнія, до полученія на это разрѣшенія и инструкцій изъ Петербурга [2]). Эти послѣднія были получены въ Астрахани только 30-го октября. Въ отвѣтъ на донесеніе Кречетникова Екатерина приказывала задержать посольство въ Астрахани и выслать въ Москву не ранѣе конца января 1775 года, ко времени прибытія туда двора, съ тѣмъ, чтобы изъ свиты посла было отправлено въ столицу не болѣе 20—30 лицъ, по его выбору. Подъ экипажи и багажъ посольства было приказано назначить 53 лошади и отпустить послу и его свитѣ, со вре-

[1]) Эти и послѣдующія свѣдѣнія о посольствахъ къ русскому двору Муллы-Иръ-Назаръ-бія и его сына Мухаметъ-Шарифа извлечены изъ дѣлъ государственной иностранной коллегіи за 1774—1786 годъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Составитель статьи приноситъ глубочайшую благодарность памяти покойнаго директора архива барона Ф. А. Бюлера и чинамъ этого учрежденія, благодаря любезному содѣйствію которыхъ ему удалось извлечь изъ дѣлъ архива эти и другія интересовавшія его свѣдѣнія по исторіи сношеній Россіи съ средне-азіатскими ханствами въ XVIII столѣтіи.

[2]) Бухарскія посольства появлялись передъ тѣмъ въ Россіи въ 1734, 1735, 1736, 1739, 1740, 1743 и 1763 годахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ заподозрѣны въ томъ, что они не имѣли полномочій отъ своихъ правительствъ и составляли простыя купеческія партіи, самовольно придававшія себѣ значеніе посольствъ.

мени прибытія въ Астрахань, по 4 рубля въ сутки кормовыхъ денегъ.

Пребываніе бухарцевъ въ Астрахани сопровождалось рядомъ характерныхъ столкновеній посольства съ таможней администраціей. Главною причиной этихъ столкновеній являлись требованія астраханской портовой таможни объ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ за привезенные товары и подарочныя вещи, неправильная, по мнѣнію бухарцевъ, оцѣнка этихъ пошлинъ и вымогательства чиновъ астраханской губернской канцеляріи, вѣдавшей дѣла посольства, на подачки которымъ, по словамъ Иръ-Назара, приходилось расходовать отъ 20-30 рублей ежедневно. Выведенный изъ терпѣнія посолъ отправилъ, наконецъ, письменную жалобу канцлеру графу Остерману, въ которой, сообщая о притѣсненіяхъ астраханскихъ властей, онъ просилъ ускорить отправленіе посольства изъ Астрахани въ Москву. Генералъ Кречетниковъ, съ своей стороны, доносилъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ о неисполненіи посольствомъ разныхъ его требованій, о чрезмѣрной притязательности Иръ-Назара, выразившейся, между прочимъ, въ его недовольствѣ назначеннымъ отъ казны содержаніемъ, отъ котораго онъ отказался, причемъ, во время состоявшагося по этому поводу свиданія съ нимъ, Кречетниковымъ, посолъ «оказалъ себя въ грубомъ видѣ». Выѣздъ бухарцевъ изъ Астрахани, послѣ ряда взаимныхъ препирательствъ, состоялся наконецъ, 9 февраля 1775 года, въ сопровожденіи астраханскаго 4-го баталіона капитана Егора Павлова, одного унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ. Всего, въ составѣ посольства осталось 42 лица, которыя были раздѣлены на два эшелона, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ двухдневнымъ промежуткомъ времени.

Посольство прибыло въ Москву 14 марта и было помѣщено за Москвой-рѣкой, въ домѣ, принадлежавшемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но, найдя это помѣщеніе неудобнымъ, переѣхало на частную квартиру, на Моросейку, нанятую посломъ за 125 рублей въ мѣсяцъ. На содержаніе посольства было ассигновано отъ двора по 200 рублей въ мѣсяцъ, выданные со дня прибытія его въ Астрахань. Официальная причина переѣзда посольства на наемную квартиру заключалась въ претензіи, заявленной замоскворѣцкими жителями на безпокойство, будто бы причиняемое имъ бухарской музыкой, ежедневно, по нѣскольку разъ, производившей свои упражненія во дворѣ посольскаго дома, болѣе же потому, какъ говорится въ докладѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ императрицѣ, что посолъ желалъ имѣть полную свободу въ своихъ торговыхъ операціяхъ.

27 марта, за болѣзнью канцлера, посольство, въ полномъ составѣ, было принято вице-канцлеромъ графомъ Панинымъ. Во время этого визита Иръ-Назаръ вручилъ Панину вѣрительную грамоту Абуль-Гази на имя императрицы Екатерины, съ изъявленіемъ дружественныхъ чувствъ и объясненіемъ цѣли отправленія посольства

въ Россію, послѣ чего былъ посаженъ по правую руку вице-канцлера; по лѣвую сидѣлъ статскій совѣтникъ Бакунинъ; сынъ и свита стояли. Панинъ весьма дружественно бесѣдовалъ съ посломъ о положеніи дѣлъ въ Бухарскомъ ханствѣ, о бухарской торговлѣ и другихъ предметахъ. Въ это время подавали кофе и десертъ.

5 апрѣля посольство представлялось императрицѣ, послѣ литургіи, на выходѣ при дворѣ, въ одной изъ залъ по пути слѣдованія шествія. При представленіи посолъ былъ допущенъ къ рукѣ и удостоенъ милостивыми вопросами о его государѣ и о немъ самомъ. Бухарцы были одѣты въ своихъ парадныхъ парчевыхъ, шелковыхъ разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ, причемъ, по словамъ записки коллегіи иностранныхъ дѣлъ, самъ посолъ имѣлъ на головѣ шапку, а прочіе только скуфьи (тюбетейки). Послѣ этого посольство было на аудіенціи у цесаревича, милостиво разговаривавшаго съ Иръ-Назаромъ.

Въ то же время претензія бухарскаго правительства по возмѣщенію убытковъ за разграбленіе каравана была передана на обсужденіе государственнаго совѣта, который, по собраніи необходимыхъ справокъ, въ засѣданіи 16 ноября 1775 года, постановилъ претензію эту отклонить, за недоказанностію справедливости ея, по неимѣнію въ виду закона, предусматривающаго такого рода случаи, а также потому, что «бунтовщики, съ которыхъ могла бы быть взыскана указанная бухарскимъ правительствомъ сумма убытковъ, частію уже истреблены (вѣроятно, пугачевцы), частію до сихъ поръ остаются неповинующимися» (киргизъ-кайсаки).

Дальнѣйшее, почти годичное, пребываніе посольства въ Москвѣ не было ознаменовано никакими выдающимися событіями. Все это время посолъ былъ преимущественно занятъ торговыми операціями, продавая привезенные съ собой и полученные изъ Бухары товары и покупая произведенія московскихъ фабрикъ, для отправленія ихъ въ Бухару. Впрочемъ, проживая въ столицѣ, бухарскій дипломатъ не пренебрегалъ также развлеченіями и удовольствіями, подчасъ довольно игриваго характера. По этому поводу, въ дѣлахъ иностранной коллегіи сохранилось документальное доказательство, въ видѣ донесенія московскаго полицеймейстера о бѣжавшей и скрывавшейся въ помѣщеніи посла крѣпостной дѣвицѣ нѣкой помѣщицы Ушакиной, которую Иръ-Назаръ долгое время не хотѣлъ выдать для водворенія у владѣлицы, не смотря на требованія полиціи. Этотъ эпизодъ, въ соединеніи съ увеселительной свитой посла и его широкимъ образомъ жизни, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Иръ-Назаръ отнюдь не былъ тѣмъ суровымъ аскетомъ, погруженнымъ исключительно въ дѣла науки и благочестія, какимъ рисуетъ его бухарское преданіе.

15 января 1776 года, посольство въ послѣдній разъ представлялось графу Панину, послѣ чего было отпущено обратно въ Бухару. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Иръ-Назару была вручена отвѣтная грамота императрицы на имя Абуль-Гази, съ изъявленіемъ взаимныхъ

дружественныхъ чувствъ, а отъ канцлера письмо, въ которомъ излагались причины, побудившія русское правительство отклонить просьбу о вознагражденіи за разграбленіе бухарскаго каравана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послу была передана, для врученія хану, въ видѣ отвѣтнаго подарка императрицы, драгоцѣнная шапка, осыпанная бриліантами, приготовленная ранѣе для крымскаго хана Сагинъ-Гирея, а отъ цесаревича осыпанный бриліантами султанъ, стоимостью около 2.000 рублей.

Передъ отъѣздомъ посольства Екатерина, со свойственнымъ ей великодушіемъ, приказала щедро наградить его. При этомъ собственно Иръ-Назару были оказаны слѣдующія милости:

Подаренъ «корабль» на Каспійскомъ морѣ, для его торговыхъ сношеній съ русскими владѣніями (указъ адмиралтействъ-коллегіи отъ 19 декабря 1776 г.).

Предоставлено право безпошлинной торговли въ русскихъ предѣлахъ въ теченіе 5-ти лѣтъ, на 9.000 рублей въ годъ.

Пожаловано деньгами въ награжденіе 2.000 рублей и на дорогу 1.000 рублей.

Возвращены обратно изъ казны 2.000 рублей, взысканные въ Астрахани за товары, привезенные и распроданные посломъ въ Россіи.

Подарена соболья шуба.

На обратные путевые расходы отъ Москвы до Астрахани посольству было выдано 1.630 рублей.

Уѣзжая на родину, бухарцы остались, повидимому, весьма довольны оказаннымъ имъ въ Россіи пріемомъ. Хотя главная цѣль посольства и не была достигнута, но лично для себя Иръ-Назаръ извлекъ изъ него значительныя по тому времени матеріальныя выгоды. Поэтому, при первой возможности, онъ незамедлилъ устроить для себя новую командировку въ Россію. Предлогомъ для этого по служили слѣдующія обстоятельства.

Въ 1775 году, одновременно съ бухарскимъ посольствомъ, въ Москвѣ находилось также посольство турецкое. Представители обоихъ мусульманскихъ государствъ не разъ видѣлись между собой, причемъ между ними возникло предположеніе объ установленіи бухарско-турецкой торговли и о направленіи средне-азіатскаго паломничества въ Мекку на Хиву и Астрахань, черезъ южно-русскіе предѣлы и далѣе моремъ черезъ Константинополь и Анатолію. По возвращеніи на родину, оба посла сообщили объ этомъ своимъ правительствамъ, въ результатѣ чего послѣдовалъ обмѣнъ посольствъ между турецкимъ султаномъ и Абуль-Гази-ханомъ. Первымъ было выслано изъ Константинополя въ Бухару посольство турецкое. Въ отвѣтъ на это послѣднее Абуль-Гази-ханъ снарядилъ въ 1779 году посольство изъ Бухары въ Константинополь, во главѣ котораго опять были поставлены мулла Иръ-Назаръ-бій и его сынъ Мухаметъ-

Шерифъ, получившій къ этому времени также званіе бія. По пути въ Константинополь, посольству было поручено явиться сначала къ русскому двору, возобновить претензію объ уплатѣ вознагражденія за разграбленіе на оренбургской линіи бухарскаго каравана и попросить у императрицы Екатерины 3.000 пудовъ мѣди, въ которой въ то время нуждалось бухарское правительство.

При посольствѣ отправлялось 28 человѣкъ свиты и прислуги, а также транспортъ подарковъ, состоявшихъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

Императрицѣ два арабскихъ аргамака, съ попонами и сѣдлами; сабля, осыпанная алмазами и другими драгоцѣнными камнями; 35 паръ индійской кисеи, вышитой золотомъ и шелками. Цесаревичу одинъ аргамакъ; цесаревнѣ 10 паръ кисеи. Потемкину, Панину, Безбородко и прочимъ — 5 арабскихъ лошадей, 115 бухарскихъ халатовъ изъ дорогихъ матерій, ружье съ золотой насѣчкой и нѣкоторыя другія вещи бухарскаго производства.

Кромѣ того, Иръ-Назаръ везъ къ русскому двору еще подарки лично отъ себя, а именно: императрицѣ шашку, осыпанную бриліантами цѣной въ 18.000 рублей; 20 паръ индійскихъ парчей, 4 пучка страусовыхъ перьевъ въ 2.000 штукъ; цесаревичу — арабскаго аргамака; цесаревнѣ 10 паръ индійскихъ парчей и 2 пучка перьевъ въ 1.000 штукъ. Министрамъ и высшимъ чинамъ двора верховыхъ лошадей и другія цѣнныя вещи.

Посольство выступило изъ Бухары весной 1779 года; 10-го августа прибыло въ Оренбургъ, гдѣ было задержано до начала декабря.

Вотъ интересный указъ Екатерины тогдашнему оренбургскому губернатору, генералъ-поручику Рейнсдорпу, относительно пропуска и отправленія посольства въ Петербургъ, выясняющій взглядъ императрицы на личность Иръ-Назара и значеніе обоихъ его посольствъ въ Россію.

«Хотя напередъ извѣстно, что онъ (то-есть посолъ) въ настоящемъ своемъ странствованіи больше собственные виды имѣетъ, нежели своего отечества, находящагося въ такомъ состояніи, по коему не можетъ никакъ предположена быть существенная нужда въ отправленіи посольствъ, и толь болѣе еще по прошествіи весьма малаго времени послѣ того, какъ онъ въ 1775 году былъ въ Москвѣ, и все то, что только могъ вздумать, представить по дѣламъ, до Бухаріи касающимся, совершенно уже въ томъ истощился и снабденъ былъ достаточными резолюціями, а съ турками по безмѣрному мѣстъ удаленію еще и больше несвойственности настоитъ въ заведеніи сообщенія и какихъ либо дѣлъ со стороны бухарской; не смотря однакожъ на сіи совершенно истинныя уваженія, кои оправдать могли бъ всякое препятствіе, чинимое нынѣ въ его скитаніи и купеческомъ промыслѣ подъ предлогомъ посольства, мы соизволяемъ, напротивъ того, чтобъ онъ и на сей разъ пропущенъ былъ въ нашу

столицу, слѣдуя въ семъ случаѣ высочайшей нашей склонности содержать престолъ нашъ императорской открытымъ прибѣжищемъ для иностранныхъ людей изъ толь дальнихъ областей, какова Бухарія, къ подражанію и примѣру въ обстоятельствахъ, иногда дѣйствительную пользу для дѣлъ нашихъ приносить могущихъ.

«Но какъ при отправленіи его сюда нужно будетъ высокомѣрію его положить предѣлы, ибо присвоенное ему отъ бухарскаго начальника названія бѣя и великаго посла, а не обыкновеннаго, есть всемѣрно дѣло его же происковъ, для основанія на томъ только требованія своего объ оказаніи ему больше почестей и о дачѣ ему умноженнаго содержанія, нежели какое понынѣ бухарскіе посланцы здѣсь имѣли, бывъ онъ самовидцемъ въ послѣднюю-свою въ Москвѣ бытность пріемамъ учиненимымъ послу турецкому. Для того вы, увѣдомляя его Ирназара Максютова о дозволеніи, воспослѣдовавшемъ на его ко двору нашему пріѣздъ, въ то жъ время искусснымъ образомъ не оставите ему показать, что единственнымъ къ тому убѣжденіемъ было собственное наше къ нему благоволеніе, а отнюдь ничто другое, не настоя у насъ никакой связи съ Бухаріею, областію малою и отдаленною, и что онъ въ прочемъ въ какихъ бы чинахъ и званіяхъ въ своемъ отечествѣ ни находился, но здѣсь будетъ принимаемъ безъ всякихъ торжественныхъ обрядовъ, такъ какъ уже введено въ обыкновеніе и въ правило принимать людей, присылаемыхъ съ комисіями отъ подобныхъ владѣтелей, каковъ бухарской, имѣя все оказательство такимъ людямъ чинимое отношеніе свое не къ нимъ собственно, но къ ихъ владѣтелямъ, дабы онъ, Ирназаръ Максютовъ, слыша такія предварительныя вѣсти, какъ у васъ при отправленіи, такъ и въ бытность здѣсь при дворѣ нашемъ, меньше прихотливымъ и напрасливымъ былъ, нежели безъ того ожидать можно по его образу мыслей и по обращенію его, въ послѣднюю бытность въ Москвѣ оказанному, гдѣ онъ почти ничѣмъ довольнымъ не былъ».

«А изъ сего и выходитъ для васъ правило, чтобы вы, препровождая его сюда, поступили въ томъ и въ снабденіи его въ дорогу по прежнимъ примѣрамъ, а особливо по послѣднему бывшему съ нимъ самимъ въ Астрахани въ 1775 году. Тогда губернаторомъ астраханскимъ опредѣлено было ему самому кормовыхъ денегъ по 50, духовнымъ и свѣтскимъ чиновнымъ по 10, а рядовымъ по 7 коп., а всего на день по 4 рубли, но онъ отъ принятія оныхъ отрекся, и за то уже воздано было ему по пріѣздѣ въ Москву опредѣленіемъ и производствомъ со всею однако же свитою, состоящею почти въ 60 человѣкахъ, на содержаніе его, начиная съ пріѣзда въ Астрахань по 200 рублевъ въ мѣсяцъ; безъ сомнѣнія, онъ и нынѣ равнымъ образомъ поступитъ и отъ представляемыхъ вами кормовыхъ денегъ за бытность его въ Оренбургѣ и въ дорогѣ до здѣшняго мѣста попрежнему уклонится въ надѣяніи получить здѣсь за

то удовлетвореніе, но тѣмъ не меньше вамъ при прежнихъ положеніяхъ остаться надлежитъ для сохраненія оныхъ въ ихъ непремѣнности, чтобъ однимъ въ томъ снисхожденіемъ не быть въ необходимости соглашаться и впредь на возростаемое время отъ времени корыстолюбіе азіатскихъ мелкихъ мѣстъ жителей, обличающихъ себя въ такое же качество посольства мнимаго. Еще дается вамъ знать, что губернаторъ астраханскій былъ съ нимъ въ затруднительствѣ въ разсужденіи о привезенныхъ имъ тогда товаровъ; было у него оныхъ по таможенной оцѣнкѣ на десять тысячъ рублевъ, пошлинъ съ того слѣдовало слишкомъ двѣ тысячи рублевъ; но онъ, защищаяся своею посольскою комисіею и бывшею нуждою имѣть такіе товары не для продажи, а для своего содержанія, на заплату оныхъ никакъ не согласился, которыя потомъ именнымъ нашимъ указомъ ему дѣйствительно и упущены; слѣдовательно, не будетъ онъ, конечно, и при настоящемъ случаѣ сговорчивѣе и податливѣе прежняго. Ну, пусть онъ тутъ свое дѣло сдѣлаетъ, а вы напротивъ того сдѣлайте свое, доведя до осмотра съ оцѣнкою всѣхъ могущихъ у него найтись товаровъ, кромѣ тѣхъ, кои назначены для поднесенія намъ, и потребовавъ за нихъ для сохраненія прежняго примѣра пошлину, по приличію ихъ больше къ купечеству, а не къ посольству; имѣя онъ въ самомъ дѣлѣ способъ снабдить себя въ Оренбургѣ наличными деньгами на время своего путешествія отъ торгующихъ тамо разныхъ мѣстъ татаръ, а сколько найдется у него товаровъ по цѣнѣ, имѣете въ свое время сюда донесть для извѣстія и для того еще, чтобъ изъ того усмотрѣть было можно, по колику онъ и нынѣ въ томъ заслуживать будетъ упущеніе или, напротивъ того, нужно будетъ и взысканіе должныхъ пошлинъ, если бы вся вѣроятность собственнаго употребленія, по излишнему множеству вещей и ихъ разнообразію, не могла имѣть мѣста, а вопреки того по необходимому произведенію исканіе его во всемъ томъ торговли безпошлинной и потому сугубо для него прибыльной, тутъ заключалось.

«Но каковъ онъ ни есть, когда мы всемилостивѣйше снисходимъ уже на допущеніе его ко двору нашему, то посему и поручается вашему попеченію снабдить его какъ потребными для дороги повозками, такъ и столькими лошадьми, сколько ему будетъ надобно, отправляя для препровожденія его нарочнаго съ нимъ офицера и оставляя въ собственное его благоизобрѣтеніе, съ собою ли онъ поведетъ находящихся при немъ для двора нашего лошадей, или же пожелаетъ, чтобы особливое имъ отправленіе учинено было, что вы и дѣйствительно исполните, посылая ихъ за добрымъ присмотромъ съ дачею въ дорогу денегъ достаточныхъ на ихъ прокормленіе, которыя, равно какъ и всѣ на него самого и со всею его свитою издержки поставите вы на счетъ чрезвычайной и какъ о томъ донесете въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ, такъ и о времени выѣзда

его изъ Оренбурга, давая о семъ послѣднемъ обстоятельствѣ заблаговременно знать и въ Москву оной коллегіи въ контору, для приготовленія ему тамъ квартиры».

Далѣе, изъ всеподданнѣйшаго доклада государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ по поводу прибытія посольства въ Петербургъ, мы увидимъ, что предположенія императрицы относительно исключительно спекулятивныхъ цѣлей этой второй поѣздки Иръ-Назара въ Россію не совсѣмъ оправдались.

24-го декабря, посольство прибыло въ Москву, въ сопровожденіи оренбургскаго линейнаго баталіона прапорщика Пальчикова, а 4-го января 1780 года въ Петербургъ, гдѣ было помѣщено на Васильевскомъ островѣ, въ казенномъ домѣ, принадлежавшемъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

На содержаніе посольства, на этотъ разъ, было ассигновано отъ двора по 360 рублей въ мѣсяцъ; для выѣздовъ посла куплена карета въ 800 рублей, для выѣздовъ свиты наняты два извозчичьи экипажа. Сопровождавшему посольство офицеру назначено по 50 коп. въ сутки кормовыхъ денегъ, толмачу по 25 коп., уряднику по 15 коп. и рядовымъ по 10 коп. въ сутки. Сопровождавшему подарочныхъ лошадей подпоручику Колокольцову выдано въ награду 80 рублей, уряднику 10 и казакамъ по 5 рублей.

Посольство представлялось графу Панину 21-го января; императрицѣ и цесаревичу 2-го февраля. Екатерина и на этотъ разъ весьма ласково приняла посольство; Иръ-Назаръ былъ допущенъ къ рукѣ и удостоенъ милостивымъ разговоромъ, но въ принятіи лично имъ привезенныхъ императрицѣ подарковъ ему было отказано, для объявленія чего къ нему былъ нарочно командированъ секретарь иностранной коллегіи, Муратовъ, «потому», какъ говорится въ протоколѣ коллегіи: «что оные подарки не присланы съ нимъ отъ хана, но собственное его есть стяжаніе».

Въ бытность въ Петербургѣ, Иръ-Назаръ представилъ на высочайшее воззрѣніе, черезъ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, рядъ просьбъ отъ имени своего правительства и лично отъ себя. Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ просьбъ:

Выдать бухарскому правительству, для передачи бухарскимъ купцамъ, 471.830 рублей въ вознагражденіе за убытки, понесенные ими при разграбленіи каравана въ 1773 году.

Отпустить хану, въ подарокъ, съ Троицкихъ заводовъ 3.000 пудовъ мѣди пластинами.

Выдать денежное вознагражденіе за 20 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ и приведенныхъ посольствомъ въ Россію въ 1775 году.

Разрѣшить послу, его сыну и свитѣ свободный проѣздъ черезъ русскія владѣнія въ Турцію и обратно и, наконецъ,

Подарить ему, Иръ-Назару, и его сыну, соболь и шубы, какъ знакъ

монаршей милости, оказываемой всѣмъ вообще восточнымъ посламъ, турецкимъ, персидскимъ и проч., удостоиваемымъ благосклоннаго пріема при русскомъ дворѣ.

Всѣ эти просьбы составляли, впрочемъ, лишь второстепенную цѣль посольства; главная же, какъ мы указали это выше, заключалась въ поѣздкѣ Иръ-Назара къ отоманскому двору, съ цѣлью изысканія и установленія торговыхъ путей для бухарско-турецкой торговли и паломничества въ Мекку черезъ русско-турецкіе предѣлы.

Приводимъ выдержку изъ всеподданнѣйшаго доклада по этому поводу государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 2-го апрѣля 1780 года, устанавливающую взглядъ тогдашняго русскаго правительства на политическое соотношеніе нашихъ подданныхъ мусульманъ и народовъ Средней Азіи съ ихъ западными единовѣрцами, населявшими Кавказъ, Крымъ и Турцію.

«Одно изъ правилъ здѣшней политики было напередъ сего препятствовать сообщенію какъ живущимъ въ предѣлахъ здѣшней имперіи магометанамъ съ ихъ заграничными единовѣрцами, такъ равнымъ образомъ и не подданнымъ магометанамъ же, обитателямъ великой Татаріи, чрезъ здѣшнія мѣста съ Крымомъ, Кубанью и Портою Оттоманскою.

«Могли быть тому въ прежнія времена причины важныя, по опасности, чтобъ внутренніе и внѣшніе магометане не учинились наконецъ содѣйствующими туркамъ и татарамъ крымскимъ и кубанскимъ противъ здѣшней имперіи, во время войны и разрывовъ.

«Но изъ самыхъ, напротивъ того, достовѣрныхъ свидѣтельствъ оказалось, что при всѣхъ употребленныхъ при границахъ усиліяхъ и наблюденіяхъ строжайшихъ, успѣвали однакожъ, по великой оныхъ обширности, башкирцы и другіе татары прокрадываться въ Крымъ и къ Портѣ съ прошеніями о защищеніи ихъ отъ здѣшняго будто утѣсненія, въ разсужденіи свободности вѣры и всего ихъ обращенія.

«А какъ со всѣмъ тѣмъ такія съ заграничными магометанами бывшія пересылки ни малѣйшихъ предосудительныхъ слѣдствій во все прошедшее время не имѣли, ибо поведеніе однихъ съ поведеніемъ другихъ никогда не было соотвѣтствующимъ и предполагавшимъ какое либо между ними соглашеніе ко вреду здѣшнему, то въ настоящемъ превосходномъ состояніи управляемой скипетромъ вашего императорскаго величества имперіи, когда оная премудростію вашего величества и неутомленными трудами возведена на вышнюю степень почтенія со стороны турковъ и татаръ, толь меньше какое либо сумнительство оставаться можетъ въ разсужденіи сношенія съ ними татаръ внѣшнихъ, великой Татаріи жителей, но съ довольною вмѣсто того вѣроятностію еще и пользы ожидать можно отъ подобнаго разрѣшенія при нѣкоторыхъ извѣстныхъ полагаемыхъ тому условіяхъ».

Далѣе докладъ переходитъ къ оцѣнкѣ значенія проекта Иръ-

Назара и какъ бы воскрешаетъ геніальную мысль Петра Великаго о поворотѣ торгово-политическихъ сношеній Восточной и Средней Азіи съ Западной Европой въ русскіе предѣлы.

«Посему повергаетъ коллегія въ монаршее вашего императорскаго величества благоизобрѣтеніе, угодно ли будетъ сего настоящаго бухарскаго посланника повелѣть пропустить чрезъ имперію вашего величества въ области турецкія, и куда онъ въ какомъ бы намѣреніи ни отправлялся; ибо предъявляемой имъ предлогъ, чтобъ отъ своего владѣтеля и всего общества воздать въ лицѣ императора оттоманскаго первосвященнику или калифу магометанскаго закона почтеніе видится, паче ложнымъ, нежели истиннымъ, составленнымъ изъ полученнаго имъ новаго понятія по разговорамъ и изъясненіямъ съ турецкимъ посломъ, въ одно время съ нимъ въ Москвѣ прилучившимся, но поѣздка его однако покажетъ примѣръ къ подражанію едва ли не склоняясь она въ главномъ своемъ предметѣ къ установленію торговли съ турками чрезъ посредство здѣшнихъ мѣстъ и Чернаго моря, или же совокупно и къ открытію татарскимъ богомольцамъ пути въ Мекку, кои должны теперь проѣзжать чрезъ Персію и по тамошнимъ неустройствамъ и разности исповѣданія своего терпятъ иногда отъ персіянъ трудности и бѣдствія, то-есть къ двумъ такимъ обстоятельствамъ можетъ быть склоняется его Ирназарова поѣздка, кои по образу мыслей бухарцевъ, хивинцевъ и прочихъ тамошнихъ народовъ всѣхъ безъ изъятія въ купеческомъ промыслѣ упражняющихся, но всѣхъ же и ревностныхъ магометанъ, могутъ одни только занимать ихъ вниманіе, привесть многихъ изъ нихъ къ единодушной подвижности и внушить имъ намѣренія и мѣры общія, кои сперва коль ни маловажны были-бъ, но въ состоятельствѣ своемъ и продолженіи, возростая отъ самаго времени, отъ частыхъ прибытковъ и отъ умноженія охотниковъ въ большую силу и окружность, наконецъ по всей вѣроятности возобновить могутъ и потерянную сухопутную дорогу изъ Восточной Индіи въ Европу, бывшую толь славною въ древности и до открытія морского пути мимо мыса Доброй Надежды. Тогда не будутъ уже мѣшать варварскіе степные народы, встрѣчающіеся на пути татарскимъ купцамъ до предѣловъ здѣшнихъ, когда будутъ ходить тысячные караваны, пользою и вѣрою возбуждаемые. Провидѣніе Божіе да совершитъ сіе событіе въ великое царствованіе вашего императорскаго величества къ умноженію пользы имперіи и со стороны торговли со всею обильною Азіею, имѣвшею нѣкогда сообщеніе преимущественнѣйшее съ протчимъ свѣтомъ чрезъ Черное море и могущею нынѣ паки онымъ воспользоваться по благоволенію вашего императорскаго величества».

Докладъ иностранной коллегіи заканчивается характерной оцѣнкой личности самого Иръ-Назара и его домогательствъ передъ русскимъ правительствомъ. То и другое выражено слѣдующими словами:

«Взирая на его (Иръ-Назара) расходы, сдѣланные имъ въ послѣднюю его бытность въ Москвѣ и чинимые имъ и нынѣ здѣсь и, что почти и въ томъ сумнѣнія нѣтъ, по сравненію бывшихъ на предь сего изъ Бухаріи посланниковъ въ убожествѣ, а не въ богатствѣ видѣнныхъ, что ни ханъ бухарской, ни земля тамошняя никакого участія не имѣютъ въ его расточеніяхъ и о чемъ онъ и самъ не скрывается, перенимая всѣ оныя на свой счетъ, тотчасъ мысль представляется, что они для него, какъ частнаго человѣка, велики и несовмѣстны употребленіемъ своимъ на удачу со скупостію татарамъ свойственною; но надобно, чтобъ онъ въ томъ имѣлъ пособіи отъ своихъ соотечественниковъ, не тѣхъ, кои вышеписанные грабежи претерпѣли и по собственному его объявленію находятся теперь въ бѣдности, но отъ достаточныхъ, чѣмъ и подтверждается вышеписанное гаданіе по порученію ему отъ нихъ положить путь для комерціи и богомолія чрезъ имперію вашего величества въ имперію Оттоманскую, а при такомъ его проворствѣ относительно къ своей сторонѣ, и въ чемъ по крайней мѣрѣ находится довольное правды пособіе, воображать уже не невозможно по слѣдствію не меньше необходимому, что онъ, приступя послѣ полученнаго изъясненія и отказа къ требованію объ удовлетвореніи бухарцовъ за грабежи ими претерпѣнныя и полагая тутъ собственной своей потери на пятнадцать тысячъ рублевъ и еще учиненныя имъ великія издержки во время прежнихъ его ходатайствъ въ лицѣ купецкомъ, заставя же и хана своего вновь къ симъ претензіямъ приступить для приданія, повидимому, онымъ большей важности и чтобъ не показаться одному душою и пружиною всего того, не ищетъ ли паче симъ своимъ поступкомъ толь вящшихъ и больше нежели обыкновенныхъ награжденій, какъ при отправленіи своемъ къ Портѣ, такъ и по возвращеніи оттуда при отъѣздѣ своемъ въ отечество, нежели въ самомъ дѣлѣ въ полученіи претензіи успѣть надѣяться, тѣмъ больше, что не въ первый сей разъ бухарцы терпѣли отъ киргисъ-кайсакъ грабежи, но никогда однако-жъ такой неотступной докуки не производили, а довольствовались тѣмъ, къ чему только безъ дальнихъ усилій и убытковъ, когда воспособствованы быть могли, сами по сосѣдству и обращенію своему вѣдая, коль мало способны киргисъ-кайсаки къ строгимъ и точнымъ взысканіямъ».

Въ результатѣ этого доклада состоялась слѣдующая резолюція императрицы Екатерины, выраженная въ указѣ иностранной коллегіи отъ 9-го мая 1780 года.

Пропустить посольство черезъ русскія владѣнія въ Константинополь, черезъ Кіевъ или Херсонъ, какъ оно пожелаетъ, доставивъ ему въ пути, до самыхъ границъ, возможныя выгоды и удобства. Выдать посольству въ прогоны, до русской границы, 2.600 рублей и на расходы въ пути 1.200 рублей. Купить и подарить послу дорожную карету въ 1.300 рублей. Подарить Иръ-Назару и его сыну,

въ знакъ монаршей милости, шубы и 2.000 рублей въ награжденіе. Хану отпустить съ Троицкихъ заводовъ 3.000 пудовъ мѣди пластинами, извѣстивъ его, черезъ нарочнаго гонца, какъ объ этомъ, такъ и о пропускѣ посольства въ Константинополь.

Что касается остальныхъ домогательствъ Иръ-Назара, то они и на этотъ разъ были отклонены, о чемъ онъ былъ извѣщенъ особой запиской иностранной коллегіи, врученной ему передъ отъѣздомъ его изъ столицы.

Посольство выѣхало изъ Петербурга 10-го сентября; 19-го октября прибыло въ Херсонъ, гдѣ, при содѣйствіи херсонскаго губернатора генералъ-поручика Ганибала, наняло два греческихъ судна и, помѣстившись на одномъ изъ нихъ само, а на другомъ помѣстивъ экипажи и имущество, отплыло въ Очаковъ. До Херсона посольство сопровождали, въ качествѣ приставовъ, подпоручикъ Колокольцовъ и прапорщикъ Пальчиковъ, которые, по возвращеніи въ Петербургъ, по письменному ходатайству Иръ-Назара, были произведены въ слѣдующіе чины.

О дальнѣйшихъ странствованіяхъ посольства въ дѣлахъ иностранной коллегіи имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія. Изъ донесеній русскаго министра-резидента при отоманскомъ дворѣ Булгакова видно только, что посольство прибыло въ Константинополь 27-го октября 1780 года, 9-го ноября представлялось великому визирю, съ которымъ Иръ-Назаръ велъ торгово-политическіе переговоры, затѣмъ выѣхало въ Мекку, на пути въ которую, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1781 года, Иръ-Назаръ умеръ въ Коніи[1]), отъ свирѣпствовавшей тогда въ Малой Азіи какой-то эпидемической болѣзни.

Этимъ и исчерпываются наши свѣдѣнія о двукратныхъ посольствахъ Муллы-Иръ-Назаръ-бія въ Россію. Что касается раздѣлявшаго эти посольства сына посла, Мухаметъ-Шерифа, то эта личность еще два раза появлялась при русскомъ дворѣ: въ 1783 году, на обратномъ пути изъ Константинополя въ Бухару, и въ 1785 году, въ качествѣ бухарскаго посла, съ порученіями отъ своего правительства. Относительно этого послѣдняго посольства возникло, впрочемъ, сомнѣніе, что оно дѣйствительно снаряжено бухарскимъ правительствомъ, такъ какъ доставленныя Мухаметъ-Шерифомъ въ Петербургъ вѣрительныя грамоты и письма не были снабжены печатями, замѣняющими, какъ извѣстно, на Востокѣ подписи лицъ, отъ которыхъ исходитъ такого рода документъ. Было ли это простое недоразумѣніе, или же ловкій бухарецъ, котораго видимо тянуло въ Россію, воспользовался возникшими въ это время въ Бухарѣ внутренними безпорядками и междуцарствіемъ, чтобы подъ видомъ офиціальнаго лица побывать при русскомъ дворѣ,—остается не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя наше правительство и

---

[1]) Городъ въ Анатоліи.

отказалось признать за нимъ достоинство посла, но онъ и въ 1783 и 1785 году былъ ласково принятъ при дворѣ императрицы Екатерины, доставленъ въ Петербургъ и содержимъ тамъ на казенный счетъ, а при отпускѣ на родину награжденъ денежными подарками. Во время поѣздокъ по Россіи Мухаметъ-Шерифа при немъ состояли, въ качествѣ приставовъ, въ 1783 году, извѣстный Филиппъ Ефремовъ[1]) и, въ 1785 году, поручикъ Колокольцовъ, путевой дневникъ котораго до сихъ поръ сохранился въ дѣлахъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Приведенный нами отчетъ о двукратныхъ посольствахъ Муллы-Иръ-Назаръ-бія ко двору императрицы Екатерины II достаточно выясняетъ причины, вызвавшія эти посольства, ихъ результаты и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось пребываніе Иръ-Назара въ Россіи. Было бы совершенно излишнимъ сопоставлять эти обстоятельства съ тѣми преданіями и легендами, которыя приведены по этому поводу въ нашей описательной литературѣ. Легенды эти нужно признать далекими отъ исторической правды и имѣющими значеніе, лишь какъ произведенія бухарскаго народнаго эпоса.

Намъ остается прибавить нѣсколько словъ по поводу возникшаго по инціативѣ Иръ-Назара проекта поворота торговыхъ сношеній Восточной Азіи съ Западной Европой на ихъ первобытный путь къ берегамъ Каспійскаго, Балтійскаго и Чернаго морей. Со смертію Иръ-Назара проектъ этотъ на долгое время былъ преданъ забвенію. Общій ходъ политическихъ событій въ Западной Европѣ, хроническія недоразумѣнія съ Турціей и Швеціей, колеблющееся положеніе Польши, Крыма и Грузіи, отвлекали вниманіе русскаго правительства отъ далекой, мало извѣстной Восточной Азіи, заставляя сосредоточить всѣ силы и средства русскаго народа на нашихъ западныхъ и южныхъ границахъ. Туркестанъ, съ его безконечными степями, знойнымъ климатомъ и полудикимъ населеніемъ, былъ какъ бы забытъ на это время; имъ начали опять интересоваться лишь полстолѣтія спустя, когда впервые были снаряжены въ Хиву и Бухару серьезныя научныя правительственныя экспедиціи, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Негри. Что касается народовъ и правительствъ тогдашнихъ средне-азіатскихъ ханствъ, то въ силу печальной исторической послѣдовательности, обусловливаемой непомѣрнымъ развитіемъ мусульманскаго фанатизма, косностью и подозрительностью монголо-таджикской натуры, они не только не стремились къ сбли-

[1]) Авторъ «Десятилѣтнихъ странствованій», изданныхъ три раза: въ 1786, 1794 и 1811 годахъ. Въ 1774 году онъ былъ захваченъ въ плѣнъ киргизами и проданъ въ Бухару, гдѣ служилъ въ войскахъ хана Абуль-Гази. Оттуда чрезъ Коканъ, Кашгаръ, Яркендъ, Тибетъ и Кашемиръ бѣжалъ въ Индію и возвратился въ Петербургъ моремъ.

женію съ сосѣдней Россіей, но, напротивъ, всѣми силами противодѣйствовали этому сближенію. Доказательствомъ тому можетъ служить несчастная экспедиція въ Хиву князя Бековича-Черкасскаго и послѣдующія неудачныя попытки со стороны Россіи установить правильныя торговыя сношенія съ Хивой и Бухарой, выразившіяся въ посылкѣ вооруженныхъ торговыхъ каравановъ Миллера въ 1738 г., Рукавкина въ 1753 и Кайдалова въ 1803 и 1824 годахъ. Всѣ эти караваны были или разграблены по пути слѣдованія, или же были принуждены вернуться обратно, съ большими потерями, не достигнувъ по назначенію.

Въ частности, Бухарское ханство, какъ мы указали это выше, находилось въ описываемую эпоху въ состояніи полнаго государственнаго разстройства, весьма близкаго къ анархіи. Вниманіе его тогдашнихъ правителей было всецѣло поглощено придворными интригами и внутренними смутами, завершившимися окончательнымъ устраненіемъ отъ власти слабаго и ничтожнаго Абуль-Гази и воцареніемъ въ Бухарѣ, въ 1784 году, новой узбекской династіи, въ въ лицѣ нѣкоего Шахъ-Мурада, извѣстнаго иначе подъ именемъ эмира Маассума [1]).

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ смѣлый по своей идеѣ, но сложный и сомнительный по выполнимости на дѣлѣ, проектъ поворота торговыхъ сношеній Восточной Азіи съ Западной Европой на ихъ первобытный путь, въ бухарско-русскіе предѣлы, былъ вскорѣ преданъ забвенію обѣими заинтересованными странами. Та же участь постигла бы, вѣроятно, и самую личность иниціатора этого проекта, Муллу-Иръ-Назаръ-бія, если бы память о немъ не была увѣковѣчена учрежденіемъ въ Бухарѣ медрессе его имени. Кто былъ настоящимъ учредителемъ и строителемъ медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи,—самъ ли Иръ-Назаръ или, какъ можно думать, его сынъ Мухаметъ-Шерифъ-бій,—рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ программу нашего изслѣдованія. Интересъ и значеніе этого средне-азіатскаго памятника старины исчерпывается для насъ связанной съ нимъ идеей общности международныхъ интересовъ, впервые пробудившейся тогда въ сознаніи бухарскаго народа, и тѣмъ обобщеніемъ блестящей личности Екатерины съ лучшими его идеалами и духовными стремленіями, которое выразилось въ приписываемомъ ей сооруженіи высшаго мусульманскаго улилища — поступкѣ, считающемся повсюду на Востокѣ выдающимся подвигомъ благочестія.

---

[1]) Шахъ-Мурадъ происходилъ изъ узбекскаго рода Мангытъ, изъ отдѣленія Тукъ; по однимъ извѣстіямъ, онъ былъ сынъ, по другимъ—племянникъ бухарскаго министра Даніалъ-Аталыка. Объ этой выдающейся личности на бухарскомъ престолѣ имѣются подробныя свѣдѣнія въ запискахъ Мурза-Шемси-Бухари, въ исторіи Бухары Вамбери и у Малькольма, т. II, стр. 256 — 260. Управляющій въ настоящее время Бухарой эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ есть праправнукъ Шахъ-Мурада.

Въ заключеніе, намъ остается привести историческую справку по поводу существующаго въ русскомъ Туркестанѣ преданія, что большая соборная мечеть въ Ташкентѣ [1]), послѣ разрушенія ея землетрясеніемъ, въ концѣ XVIII столѣтія, также была возстановлена на средства, пожалованныя императрицей Екатериной II.

Сношенія Россіи съ ташкентскимъ беглербегствомъ въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія ограничиваются посылкой въ этотъ пунктъ слѣдующихъ лицъ: Миллера и Кумилева въ 1739 году; Поспѣлова и Бурнашова въ 1800 и Назарова въ 1813 году. Изъ нихъ Поспѣловымъ составлено обстоятельное описаніе тогдашняго ташкентскаго владѣнія, въ томъ числѣ и самаго города Ташкента. Ни въ этомъ описаніи, ни въ дѣлахъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1700—1800 г. не заключается ни одного намека на то, что императрица Екатерина II дѣлала какія либо пожертвованія на реставрацію джумма-мечети, но вотъ что мы, между прочимъ, находимъ въ запискѣ Поспѣлова:

«Между всѣми строеніями въ семъ городѣ (Ташкентѣ) двѣ мечети, по увѣренію жителей, древнія и во время возмущенія разрушенныя; въ самыхъ остаткахъ или развалинахъ показываютъ довольно хорошее расположеніе и искусство тогдашняго народа. Онѣ весьма обширны и складены изъ обожженнаго кирпича, у которыхъ какъ стѣны, такъ и куполы покрыты были синей краской. Сіи мечети хотя и можно бы было еще исправить, но, кажется, недостатокъ рабочихъ рукъ останавливаетъ» [2]).

Мы едва ли ошибаемся, выразивъ предположеніе, что одна изъ этихъ двухъ большихъ, древнихъ мечетей, разрушенныхъ во время возмущенія или, какъ утверждаетъ народное преданіе, землетрясенія, есть теперешняя ташкентская мечеть—джумма, возстановленная уже послѣ 1800 года, то-есть нѣсколькими годами позже смерти императрицы Екатерины II, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ 1796 году. Кѣмъ, именно, она возстановлена,—рѣшеніе этого вопроса составляетъ задачу мѣстной археологіи. Съ своей стороны, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что народное преданіе, обобщающее имя императрицы Екатерины II съ возстановленіемъ изъ развалинъ этого древняго средне-азіатскаго памятника, является, повидимому, совершенно лишеннымъ исторической правды.

П. П. Шубинскій.

[1]) Это зданіе подробно описано въ книгѣ Маева «Азіатскій Ташкентъ», отпечатанной безъ обозначенія года и мѣста, гдѣ она была издана.

[2]) См. Записки императорскаго русскаго географическаго общества за 1852 годъ, т. I, отд. IV.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОСКОВСКАГО СТАРОЖИЛА.

ЗВѢСТНО, что, кромѣ православія, самодержавія и народности — этихъ трехъ силъ, которыя, по мнѣнію провозвѣстниковъ славянофильства, призваны руководить исторіей русскаго народа, есть и четвертая сила, именуемая въ западноевропейской литературѣ «бюрократіей». Смыслъ этого термина и даже самое его существованіе, конечно, неизвѣстны русскому народу. Но въ своихъ воззрѣніяхъ на силу, обозначаемую этимъ терминомъ, нашъ народъ не расходился съ деревенскими обывателями и землевладѣльцами Западной Европы. И. С. Аксаковъ пытался передать воззрѣнія русскаго народа на эту силу въ какомъ либо подходящемъ терминѣ и окрестилъ ее названіемъ «средостѣніе». Быть можетъ, со временемъ кто нибудь подыщетъ болѣе удачное выраженіе, а пока терминъ «средостѣніе» имѣетъ право на признаніе, именно какъ отрицаніе такого права за самымъ содержаніемъ термина.

Въ самой разстановкѣ вышеуказанныхъ трехъ силъ, которыя представители славянофильства, оставаясь вѣрными воззрѣніямъ народа на «средостѣніе», кладутъ въ основу своего ученія и всего политическаго строя Россіи, имѣется свой опредѣленный смыслъ. Самодержавію отведено серединное мѣсто между православіемъ, съ одной стороны, и народностью—съ другой. Эти двѣ силы стоятъ по краямъ на стражѣ самодержавія, его охраняютъ, одухотворяютъ,

придаютъ ему смыслъ и значеніе. Слѣдовательно, между этими тремя силами по существу разногласіе немыслимо, а, наоборотъ, полная солидарность вполнѣ естественна. Нарушеніе этой естественной солидарности, поселеніе розни и возникновеніе разобщенія обыкновенно приписываютъ силѣ, недовольной тѣмъ, что ей не отведено мѣста на ряду съ православіемъ, самодержавіемъ и народностью. Такъ какъ исторія учитъ насъ, что притязующій не всегда проявляетъ разборчивость въ средствахъ для выраженія своего недовольства, то да хранитъ меня Богъ отъ мысли потревожить притязующаго какимъ либо ему противорѣчіемъ. Я ограничусь лишь голымъ изложеніемъ фактовъ и при томъ не новыхъ, а старыхъ, давнымъ давно отошедшихъ въ область исторіи.

Отдѣлимъ себя отъ современныхъ событій цѣлымъ полустолѣтіемъ и припомнимъ, что 50 лѣтъ тому назадъ славянофильское ученіе останавливало на себѣ общее вниманіе не въ одной Москвѣ, а во всей Россіи. Тогда всѣ недоумѣвали, почему ученіе, положившее въ свое основаніе православіе, самодержавіе и народность, вызываетъ противъ себя враждебное отношеніе въ «правящихъ сферахъ». Въ 1856 году, одинъ изъ московскихъ обывателей, сообщая митрополиту московскому Филарету впечатлѣнія своей первой встрѣчи съ представителями славянофильскаго ученія, выразилъ изумленіе, что такіе даровитые и просвѣщенные русскіе люди, такіе чистые сердцемъ народолюбцы и убѣжденные сторонники самодержавія, не только не пользуются у насъ довѣріемъ государя и его правительства, но еще отмѣчены какимъ-то неопредѣленнымъ пятномъ политической неблагонадежности.

Было высказано и предположеніе о томъ, что если бы предоставить этимъ славянофиламъ — по просторѣчію славянолюбцамъ, открыто исповѣдывать свое ученіе, то однимъ изданіемъ доступнаго массѣ изложенія своего міровоззрѣнія они вызвали бы въ народѣ такой откликъ, который разсѣялъ бы всѣ подозрѣнія, и взамѣнъ царя недоумѣвающаго увидѣли бы царя единомышленника и заступника.

— «Быть можетъ, вы и правы въ своихъ предположеніяхъ,— сказалъ Филаретъ,—да только время не пришло. Съ годами [1]) убѣдитесь, что законы роста не допускаютъ исключеній. Посѣянному зерну для всхода надо время. Такъ и тутъ».

— «Но развѣ люди въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ настоящее положеніе московскаго митрополита, не могутъ своимъ участіемъ приблизить это время?

— «Не могутъ, потому, что нынѣ и митрополиту могутъ сказать: не твое это дѣло. Я не доживу до того дня, когда разсѣются недоразумѣнія въ этомъ вопросѣ, когда въ защиту его заговорятъ

[1]) Собесѣднику было тогда 22 года

не одни митрополиты, когда сами славяне сознательно потянутся къ намъ; но вы, Богъ дастъ, доживете... доживете, пожалуй, и до царя единомышленика».

Филаретъ дѣйствительно не дожилъ до того дня; онъ умеръ въ 1867 году, а уже въ 1875 году въ Москвѣ, въ средѣ, хотя и не призванной къ участію въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, но въ средѣ завѣдомо и преемственно вѣрныхъ слугъ престола и отечества, созрѣла мысль о своевременности приступить къ окончательному рѣшенію такъ называемаго «восточнаго вопроса». Представитель Турціи въ это время пользовался такимъ же вниманіемъ «средостѣнія», какъ и представители всѣхъ прочихъ державъ, народъ же православный держалъ себя нѣсколько иначе. Въ городахъ и деревняхъ грамотеи передавали уже газетныя вѣсти о новыхъ звѣрствахъ турокъ надъ православными; въ монастыряхъ, въ церквахъ, духовенство открыто взывало къ помощи братьямъ по вѣрѣ; сотни тысячъ листковъ воззваній, кружекъ, сборныхъ листовъ и прочихъ пріемовъ сбора народной казны глубоко волновали народную душу; въ Москвѣ словно ударили въ набатъ; крестнымъ ходомъ пошелъ Іоанникій въ Нижнемъ; Платонъ на Дону сзывалъ атамановъ и поощрялъ казачество... и вѣрная преданіямъ Москва стала центромъ движенія всей православной Руси.

Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, во дворѣ Славянскаго Базара, съ ранняго утра до поздней ночи не расходилась толпа, ожидавшая очереди для опроса, собиранія предварительныхъ справокъ и рѣшенія участи, кому можно «идти въ Сербію къ Михаилу Григорьевичу Черняеву и кому нельзя». Эти православные входили въ одну дверь комнаты, въ которой работали «крамольники», а въ другую, парадную, входили такіе православные, которые наполняли кружки деньгами и получали квитанцію, или бросали деньги подчасъ черезъ головы другихъ на столъ и уходили, не дожидаясь квитанцій. Приходилъ и старообрядецъ Тимоѳей Морозовъ съ вопросомъ, не шить ли ему на фабрикѣ бѣлье или какое платье для добровольцевъ, и, долго не получая отвѣта за недосугомъ вопрошаемаго, бросилъ тысячу рублей на столъ и ушелъ. Или вотъ, какъ лунь сѣдой, монахъ, долго ожидавшій очереди и протискавшійся, наконецъ, къ «крамольникамъ», спрашиваетъ: «чѣмъ могла бы помочь вамъ Свято-Троицкая Сергіевская лавра?». Монахъ оказался настоятелемъ лавры, тѣмъ маститымъ архимандритомъ Леонидомъ, который 7 лѣтъ былъ настоятелемъ нашей посольской церкви въ Константинополѣ. Получивъ отвѣтъ: «готовьте больницу для больныхъ и раненыхъ», онъ поклонился и, сотворя крестное знаменіе, засунулъ въ кружку пачку денегъ, не говоря, какихъ и отъ кого. Или вотъ молодой человѣкъ, сказавшійся нарочно пріѣхавшимъ изъ Орла узнать, чѣмъ можетъ онъ быть полезенъ, и на вопросъ, можетъ ли сейчасъ же ѣхать съ письмомъ къ архіепископу Платону о высылкѣ въ сербскую армію

казаковъ для развѣдочной службы, отвѣчаетъ готовностью ѣхать сейчасъ же, беретъ письмо, суетъ что-то въ кружку и отходитъ. А человѣкъ тотъ вскорѣ былъ назначенъ губернаторомъ, а затѣмъ и товарищемъ министра. Или вотъ молодая женщина съ 8-ми-лѣтнимъ сыномъ, жена моряка, прямо съ поѣзда изъ Петербурга умоляетъ дать совѣтъ, какъ догнать внезапно уѣхавшаго въ Сербію мужа...

. . . .

26-го августа, около часа дня, толпа разступилась и пропустила генералъ-лейтенанта И. Л. Слезкина (начальника московскаго жандармскаго управленія), пріѣхавшаго съ молебна въ Успенскомъ соборѣ въ полной формѣ. Сѣлъ генералъ рядомъ съ «крамольниками» и старшему изъ нихъ шепнулъ на ухо, что утромъ получена имъ отъ шефа жандармовъ депеша о томъ, будто этотъ «крамольникъ» готовитъ въ Москвѣ военную демонстрацію на 30 августа. Шефъ требуетъ принятія мѣръ и подробнаго объясненія. Сообщилъ Иванъ Львовичъ Слезкинъ и свой отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «упоминаемаго крамольника знаю хорошо; за него ручаюсь; донесенія, вами полученныя, невѣрны». И такъ изо дня въ день, почти три мѣсяца, съ небольшими лишь перерывами для ночного отдыха...

Среди этихъ разнообразныхъ проявленій жизненности, преданій и вѣрованій коренной Руси, было одно, долженствующее быть поставленнымъ во главѣ всякой выборки изъ лѣтописи того времени. Оно шло отъ нашей славной арміи, часть которой стояла въ Ходынскомъ лагерѣ подъ Москвой. Сознавая важность имѣть во главѣ добровольцевъ и вообще въ рядахъ дѣйствующей арміи офицеровъ, взятыхъ изъ строя, въ Ходынскій лагерь былъ посланъ уполномоченный, съ порученіемъ оповѣстить въ офицерскомъ собраніи, что буде окажутся желающіе ѣхать въ ряды сербской арміи, то во избѣжаніе дальней поѣздки въ Славянскій Базаръ можно застать распорядителя на его дачѣ близъ лагеря отъ 9 до 10 часовъ вечера. И вотъ въ тотъ же самый день на этой дачѣ произошло слѣдующее: съ 8 часовъ мѣстность, окружающая эту дачу, заполнилась разнаго рода экипажами, верховыми лошадьми, извозчиками, доставившими изъ лагеря такую массу офицеровъ, что, занявъ гостиную, кабинетъ и даже лѣстницу, нѣкоторымъ изъ пріѣхавшихъ пришлось размѣститься на крыльцѣ. Первымъ изъ этой массы подошелъ къ пріѣхавшему хозяину командующій однимъ изъ полковъ, а въ числѣ послѣднихъ оказался баталіонный адъютантъ, единственный сынъ довольно богатой помѣщицы—явленіе исключительное среди бѣдняковъ-товарищей и обнищавшаго дворянства.

По нашимъ законамъ, военнослужащіе не только не могутъ поступать въ ряды иностранныхъ армій, хотя бы и дружественной державы, безъ особаго на то высочайшаго соизволенія, но даже заграничный отпускъ для военнослужащихъ былъ въ то время дѣломъ

довольно сложнымъ, восходившимъ до высшихъ степеней военной іерархіи; и только пройдя весь этотъ долгій путь, проситель получалъ заграничный паспортъ отъ высшей мѣстной административной власти. Но какъ только Москва ударила въ набатъ, всѣ эти законоположенія если и не были отмѣнены законодательнымъ порядкомъ, то замѣнялись самыми простыми пріемами; въ Москвѣ, напримѣръ, достаточно было подписи одного изъ двухъ членовъ Славянскаго Комитета, не занимавшихъ никакого офиціальнаго положенія, — подписи на ими же напечатанномъ бланкѣ съ обозначеніемъ, что предъявитель его принятъ въ сербскую армію,—и московскій генералъ-губернаторъ выдавалъ предъявителю такого бланка заграничный паспортъ за своею подписью.

Одной этой справки достаточно, чтобы человѣкъ, сторонній отъ православной Руси, пришелъ въ ужасъ и представилъ себѣ страну въ состояніи полнѣйшаго разложенія. И въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны, словно какіе-то «мятежники», нарушители законовъ царя, открыто ведутъ войну съ дружественной Россіи державой; съ другой—какъ бы нарушена святость присяги, обязывающей исполнять и охранять законы и договоры; и новому положенію, бунтарями созданному, какъ бы подчинились облеченные властью отъ царя даже на столь высокихъ степеняхъ государственнаго управленія, какъ постъ генералъ-губернатора первопрестольной столицы.

Другая многотысячная толпа, ежедневно собиравшаяся на московско-курскій вокзалъ для проводовъ отъѣзжающихъ въ Сербію добровольцевъ, не встрѣчала другихъ блюстителей порядка, кромѣ сотрудниковъ того члена Славянскаго Комитета, въ вѣдѣніи котораго находилось, какъ собираніе предварительныхъ справокъ о добровольцахъ, такъ и снаряженіе ихъ и отправленіе. Тутъ передъ отходомъ каждаго поѣзда духовенство служило молебенъ и колѣнопреклоненная толпа вторила пѣнію клира; на каждаго изъ добровольцевъ отъ Славянскаго Комитета возлагался образокъ или крестъ; ближайшіе къ добровольцамъ, знакомые и незнакомые, прощались съ ними братскими объятіями; затѣмъ слѣдовало размѣщеніе по вагонамъ, назначеніе въ каждомъ изъ нихъ старшаго и отвѣтственнаго за порядокъ и окончательная перекличка. Громкій голосъ распорядителя повторялъ одну и ту же рѣчь: «Прощайте, православные, не посрамите себя и насъ ни въ пути, ни на мѣстѣ. Черняеву и всѣмъ братьямъ нашъ поклонъ передайте». Затѣмъ раздавался свистокъ, и поѣздъ трогался, напутствуемый благословеніемъ духовенства и пѣніемъ многотысячной толпы тропаря—«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному императору нашему Александру Николаевичу, на супротивныя даруяй»... Или такую пѣснь пѣла толпа: «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе Владычице,—Ты намъ помози; на Тебе надѣемся, Тобою хвалимся, да не постыдимся во вѣки, аминь».

Такъ было не въ одной Москвѣ. Добровольцы отправлялись и петербургскимъ отдѣломъ Славянскаго комитета, двигались они и изъ другихъ городовъ. Одинокою отъ всѣхъ другихъ жизнью жили подъ Русской Державой православіе и русская народность—среди всеобщаго изумленія и уваженія инородцевъ и иновѣрцевъ и подмоги чуть не со стороны всѣхъ православныхъ членовъ самого «средостѣнія».

Но во второй половинѣ августа мѣсяца появляется новое теченіе, выразившееся то стѣсненіемъ сборовъ, то запрещеніемъ печатать воззванія, а также отправлять добровольцевъ изъ числа состоявшихъ на дѣйствительной службѣ. Дозволенное сегодня отмѣнялось завтра. Такое положеніе дѣла вызвало рѣшеніе Московскаго комитета принять нѣкоторыя чрезвычайныя мѣры. Положено было отправить уполномоченнаго въ Петербургъ за выясненіемъ этого новаго теченія. И вотъ 12-го сентября является посланецъ отъ Москвы къ шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту Мезенцову, изъ объясненія съ которымъ приводимъ слѣдующія наиболѣе характерныя мѣста.

— Что у васъ тамъ дѣлается въ Москвѣ? Какую-то войну ведете? Казаковъ поднимаете. Точно съ ума всѣ сошли,—такъ грозно началъ этотъ добрый и всегда расположенный скорѣе къ снисхожденію начальникъ III Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.—Чортъ знаетъ, что у васъ тамъ дѣлается,—закончилъ онъ, ухватившись за голову.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ посланецъ,—я пріѣхалъ просить васъ снять съ меня показанія именно по поводу этихъ событій и представить ихъ государю. Серьезность положенія вынуждаетъ меня просить васъ принять меня въ часъ болѣе спокойнаго настроенія.

Желая, вѣроятно, смягчить впечатлѣніе отъ перваго окрика, генералъ сказалъ:

— Я готовъ васъ слушать сейчасъ. Не обращайте на это вниманія—это такая привычка. Садитесь и разскажите, что у васъ тамъ дѣлается.

— Ведется война, ваше превосходительство, съ Турціей. Ведутъ ее православные за свой счетъ и страхъ. Русская кровь льется на берегахъ Моравы. Туркамъ помогаютъ ихъ покровители и союзники, и силы и средства ихъ увеличиваются. Требуется и намъ усиленная поддержка, хотя бы одной дивизіей, а, между тѣмъ, въ послѣднее время даже самая дѣятельность наша стѣсняется все болѣе и болѣе.

— Что вы говорите? Да какъ вы смѣете вести войну? Это чортъ знаетъ что такое! Какая тутъ война, когда правительство не прерывало дружественныхъ отношеній съ Турціей? Какое вамъ дѣло до Турціи? Это чортъ знаетъ что за сумасбродство!

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ посланецъ,—не народъ

виноватъ въ томъ, что въ то время, когда лучшіе люди, много лѣтъ посвящавшіе свои силы изученію восточнаго вопроса, пришли къ заключенію, что настала благопріятная минута для его разрѣшенія, что въ эту минуту у правительства не оказывается яснаго о немъ представленія и опредѣленнаго плана дѣйствій.

— Какъ нѣтъ!—живо прервалъ Мезенцевъ.—Есть планъ дѣйствій: Черняева объявить измѣнникомъ отечества, Аксакова выслать изъ Россіи навсегда, а васъ выслать изъ Москвы года на три.

— Такая милость вашего превосходительства подаетъ надежду на исполненіе вами моей просьбы снять съ меня показанія и представить ихъ государю.

Затѣмъ, послѣ весьма продолжительной бесѣды, генералъ сказалъ посланному такъ:

— Прошу васъ остаться до утра и прійти ко мнѣ въ 11 часовъ, а я посовѣтуюсь сегодня же и сообщу вамъ наше рѣшеніе.

Изъ бесѣды видно было, что шефъ жандармовъ хотѣлъ посовѣтоваться съ министрами, въ то время находившимися въ Петербургѣ.

На другой день, въ 11 часовъ, Мезенцевъ встрѣтилъ посланца слѣдующими словами:

— Мы не можемъ взять съ васъ никакихъ показаній и посылать ихъ государю. Поѣзжайте въ Ливадію,—тамъ рѣшающія силы.

— Но, ваше превосходительство, есть довольно вѣскія доказательства тому, что рѣшающимъ силамъ не противны дѣйствія Московскаго комитета. Притомъ же духовенство, печать, администрація, словомъ, всѣ силы, такъ согласно дѣйствующія въ одномъ направленіи, не отъ насъ зависятъ, не намъ подвѣдомственны. Вотъ, напримѣръ, вчера, вы изволили сказать, что атаману казачьихъ войскъ, генералъ-адъютанту Краснокутскому, послано высочайшее велѣніе, чтобы ни одинъ казакъ не смѣлъ тронуться съ мѣста и идти къ генералу Черняеву, а между тѣмъ вотъ телеграмма, только что мною полученная.

Генералъ взялъ телеграмму и прочиталъ вслухъ: «Москва, такому-то. Сейчасъ перевелъ черезъ границу первую сотню казаковъ. Коней 115. Люди и лошади здоровы. Ивановъ».

— Это кто Ивановъ?—спросилъ генералъ.

— Кишиневскій исправникъ, ваше превосходительство.

— Вы его давно знаете?

— Ни я его не знаю, ни онъ меня не знаетъ, а поручено ему перевести казаковъ черезъ границу потому, что такое дѣло никто лучше исправника исполнить не можетъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—сказалъ генералъ.

— А вотъ еще другая депеша, полученная ночью.

Генералъ взялъ и эту депешу и прочиталъ вслухъ: «Ожидаемъ завтра разрѣшенія принять изъ московскихъ складовъ 20.000 ар-

шинъ сукна и 40.000 аршинъ холста. Какъ распорядиться? Бакунинъ».

— Ба-а-кунинъ?—протяжно сказалъ генералъ.—Какой это Бакунинъ?

— Старый товарищъ мой по Семеновскому полку, а нынѣ—камергеръ двора его величества.

Задумался сердечный Николай Владиміровичъ и, подавая руку посланному, сказалъ:

— Ничего не понимаю. Поѣзжайте въ Ливадію—тамъ рѣшающія силы.

* * *

Итакъ, путь для народной правды къ царю изъ первоисточника—путь черезъ III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи оказался закрытымъ. Даже обращенію къ царю черезъ коммиссію прошеній была поставлена преграда самой формой отказа—указаніемъ ѣхать въ Ливадію, гдѣ находятся «рѣшающія силы»—учрежденіе, въ государственной іерархіи не поименованное и народу неизвѣстное. А такъ какъ Бироновъ, Аракчеевыхъ, или какихъ бы то ни было временщиковъ, при Александрѣ II не было, то явилась новая задача—въ самой Ливадіи отыскать государственное учрежденіе подъ названіемъ «рѣшающія силы».

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ въ Москвѣ такой отвѣтъ шефа жандармовъ, тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, что дѣлать, былъ рѣшенъ въ самый день возвращенія посланца въ смыслѣ, указанномъ шефомъ жандармовъ. Два дня только прошло въ обсужденіи двухъ другихъ вопросовъ, отсюда истекающихъ: ѣхать ли посланцу къ «рѣшающимъ силамъ» отъ Славянскаго комитета, или отъ себя, и ѣхать ли съ устнымъ объясненіемъ, или съ письменно изложенной народной правдой?

Порѣшили такъ: ѣхать посланцу въ Ливадію не отъ лица комитета, дабы въ случаѣ какой бѣды отвѣчать одному, а комитету оставаться въ сторонѣ; розыскать въ Ливадіи часть «средостѣнія» подъ вывѣской «рѣшающія силы» и предстать передъ ними, кто бы онѣ ни были, съ устнымъ объясненіемъ, извѣщая въ Москву по телеграфу слѣдующимъ шифромъ: 1—означала «нашъ посолъ въ Турціи генералъ-адъютантъ Игнатьевъ», находившійся тогда въ Ливадіи; 2—«графъ Адлербергъ, министръ двора»; 3—«военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ»; 4—«канцлеръ князь Горчаковъ», и 5—«Царь».

Такъ какъ изъ телеграммы, полученной изъ Ливадіи отъ 16 сентября, стало извѣстно, что генералъ-адъютантъ Игнатьевъ возвращается въ Константинополь безъ окончательно принятаго рѣшенія, то въ ночь съ 16-го на 17-е была послана въ Ливадію слѣдующая депеша, адресованная отъѣзжающимъ посланцемъ прото-

iерею Iоанну Рождественскому, сопутствовавшему государю и лично хорошо знакомому съ отправителемъ депеши: «Просите генерала Игнатьева повременить отъѣздомъ. Сегодня выѣзжаю курьерскимъ для личныхъ сообщенiй».

И вотъ рано утромъ, 19 сентября, посланецъ изъ устъ бывшаго своего законоучителя, протоiерея Рождественскаго, на квартирѣ его, въ кавалерскомъ корпусѣ ливадiйскаго дворца, на разстоянiи не болѣе 20 саженъ отъ кабинета царя, услышалъ слѣдующее:

— Что вы такъ долго не ѣхали? Государь нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ спросить, прiѣхали ли вы, или нѣтъ... Ваша депеша была ему извѣстна.

Часъ спустя московскiй посланецъ былъ уже въ Ореандѣ, въ китайскомъ павильонѣ, гдѣ помѣщался генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, а ровно въ полдень оба они вошли въ кабинетъ графа Адлерберга въ Ливадiи.

Въ 5 часовъ докладъ посланца былъ оконченъ, и онъ возвратился въ Ореанду для свиданiя съ тайнымъ совѣтникомъ Гамбургеромъ, бывшимъ, какъ всѣ утверждали, правой рукой государственнаго канцлера и сопутствовавшимъ ему въ эту поѣздку канцлера съ государемъ. Къ вечеру того же дня изъ Ялты посланцемъ отправлена была слѣдующая телеграмма: «Москва, Аксакову. 1-го и 2-го погода ясная; безъ перемѣны; благопрiятная».

На утро, 20-го сентября, послѣдовалъ докладъ посланца военному министру, причемъ получено приказанiе явиться на другой день, такъ какъ министръ призналъ нужнымъ доложить государю заявленную посланцемъ просьбу. Затѣмъ, слѣдовала вторая бесѣда съ графомъ Адлербергомъ, въ присутствiи же генералъ-адъютанта Игнатьева, продолжавшаяся около часа. За симъ вторая поѣздка въ Ореанду, гдѣ полученъ отвѣтъ канцлера черезъ тайнаго совѣтника Гамбургера лично, что канцлеръ, къ своему сожалѣнiю, вслѣдствiе многочисленныхъ занятiй, принять посланца не можетъ; а вечеромъ однимъ изъ обѣдавшихъ въ тотъ день съ государемъ переданъ посланцу слѣдующiй разговоръ государя съ канцлеромъ:

— Вы не видѣли, князь, прiѣхавшаго изъ Москвы?

— Онъ былъ у меня,—отвѣчалъ канцлеръ,—но я не счелъ возможнымъ его принять.

— Напрасно,—сказалъ государь.—Не могу же я его позвать ранѣе того, чѣмъ вы съ нимъ переговорите. Прошу васъ завтра же его принять.

Вечеромъ изъ Ялты послана Аксакову слѣдующая депеша: «3-го подробный докладъ. Обѣщанъ назавтра отвѣтъ послѣ доклада 5-му. 4-го ничего не видно, но вызванъ на завтра полдень приказанiемъ 5-го. Настроенiе доброе. Туманъ видимо спадаетъ».

Утромъ 21, за часъ до аудiенцiи у канцлера, посланецъ явился къ генералъ-адъютанту Игнатьеву, съ которымъ ровно

въ полдень вошелъ въ кабинетъ канцлера, гдѣ встрѣтилъ и Жомини. Едва посланецъ сказалъ нѣсколько словъ на вопросъ канцлера: «что вамъ нужно?»—какъ былъ прерванъ имъ словами: «мнѣ Россія вѣритъ, меня Россія любитъ, меня Россія балуетъ», и далѣе говорилъ одинъ безъ перерыва болѣе получаса. Канцлеръ говорилъ о Европѣ, о славянскомъ мірѣ, говорилъ о многомъ другомъ, но ни слова о Москвѣ, о Руси, ни слова о категорически выраженной ему задачѣ посланца. Рѣчь была прервана появленіемъ придворнаго служителя, сказавшаго, что государь проситъ канцлера къ себѣ.

Едва только посланецъ, возвратясь изъ Ореанды въ Ливадію къ военному министру, успѣлъ услышать отказъ въ исполненіи заявленной имъ наканунѣ просьбы, какъ вошелъ служитель, присланный отъ графа Адлерберга звать его къ нему немедленно.

— Государь желаетъ васъ видѣть сегодня. Онъ приметъ васъ въ половинѣ второго; но въ 2 часа вы должны уйти, такъ какъ въ 2 часа государь выѣдетъ,—сказалъ графъ Адлербергъ.

— Ваше сіятельство,—возразилъ посланецъ,—я не въ парадной формѣ; успѣю ли съѣздить въ Ялту переодѣться?

— Все равно,—сказалъ графъ,—какая тутъ форма. Давайте чай пить.

— Я не имѣлъ счастія представляться государю со времени выхода моего изъ гвардіи,—сказалъ посланецъ.—Меня заботитъ не сущность предстоящихъ отвѣтовъ государю. Быть можетъ, ваше сіятельство не откажете мнѣ въ какихъ нибудь предупрежденіяхъ, особенно въ виду пережитыхъ государемъ потрясеній и состоянія его здоровья.

— Нѣтъ, особеннаго ничего не имѣю сказать. Изложите государю положеніе дѣлъ такъ же, какъ говорили мнѣ, а тамъ сами увидите.

Напившись чаю, собесѣдники вышли изъ кабинета на дворцовую площадку, и графъ Адлербергъ своимъ молчаніемъ какъ бы помогалъ посланцу сосредоточиться въ приготовленіи къ минутѣ, рѣшающей, быть можетъ, или участь дѣла, или участь его докладчика, какъ вдругъ невдалекѣ остановилась коляска, изъ которой вышелъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ и, подойдя къ нимъ, вслухъ прочиталъ депешу Нелидова изъ Константинополя о томъ, что софты [1]) волнуютъ народъ, что чернь вооружается.

— Новая задача прибавляется,—сказалъ посланецъ, обращаясь къ графу Адлербергу, когда по намеку его отошелъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ.—Надо упросить государя отложить возвращеніе посла въ Константинополь до принятія какого нибудь рѣшенія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа во дворецъ стояла скамейка,

---

[1]) Духовенство.

на которую гр. Адлербергъ и посланецъ сѣли въ ожиданіи зова государя.

Прошелъ дежурный флигель-адъютантъ князь Вяземскій [1]). Графъ Адлербергъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Минуты черезъ три государь позоветъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ тогда посланецъ,—обѣ аудіенціи, которыми вы меня удостоили, были въ присутствіи генералъ-адъютанта Игнатьева. Такъ же было и при объясненіи съ канцлеромъ. Прошу васъ не оставлять меня одного съ государемъ. Минута важная, минута историческая. Я человѣкъ толпы, слова мои могутъ быть невѣрно поняты, или рѣчь моя можетъ быть государю неясна. Вашимъ присутствіемъ устраняется возможность какихъ либо недоразумѣній.

— Не могу обѣщать вамъ,—сказалъ графъ.—Я введу васъ въ кабинетъ, но если государь не скажетъ, чтобы я остался, — я не останусь.

Едва успѣлъ договорить графъ эти слова, какъ дверь подъѣзда отворилась, и камеръ-лакей, подойдя къ графу, сказалъ: «Государь проситъ».

Ровно въ половинѣ втораго графъ Адлербергъ ввелъ «человѣка толпы» къ царю...

— Затвори дверь,—сказалъ государь, обращаясь къ посланцу. (Это относилось къ двойной двери).

Пока посланецъ исполнялъ это приказаніе, государь самъ затворилъ другую дверь въ сосѣднюю комнату (Адлерберга уже не было), затѣмъ, обращаясь къ посланцу, сказалъ:

— Мнѣ говорили, что ты служилъ въ гвардіи, когда я командовалъ гвардейскимъ корпусомъ?

— Такъ точно, ваше императорское величество, — отвѣтилъ посланецъ.

— Давно это было; забылъ,—сказалъ государь и продолжалъ:— Я знаю все, что ты говорилъ Адлербергу, Игнатьеву, Милютину и канцлеру, и призвалъ тебя для того, чтобы повторилъ ты мнѣ в с е. Хочу слышать лично отъ тебя. Но прежде подойди ко мнѣ; хочу обнять тебя за то, что ты понялъ важность исторической минуты и самъ пришелъ сюда.

И царь крѣпко обнялъ подошедшаго къ нему «человѣка толпы» и поцѣловалъ его; а тотъ—поцѣлуемъ долгимъ поцѣловалъ плечо и руку царя.

— Возьми стулъ, садись и разскажи все, что знаешь,—сказалъ царь, садясь къ столу.

— Ваше величество,—началъ посланецъ,—первый докладъ мой графу Адлербергу длился 5 часовъ; аудіенціи у генералъ-адъютан-

---

[1]) Нынѣ главный начальникъ удѣловъ.

та Игнатьева, министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, были болѣе или менѣе продолжительныя, а мнѣ сказано, что въ 2 часа вы должны ѣхать. Не зная, какъ уложить мою рѣчь въ этотъ срокъ, я попросилъ бы позволенія отвѣчать на ваши вопросы, какіе вамъ угодно будетъ сдѣлать.

— Не стѣсняйся временемъ, — ласково сказалъ государь,—и говори, какъ говорилъ Адлербергу.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте государь, предложить вамъ три вопроса.

— Вопроса?—удивленно сказалъ государь.

— Вѣрите ли вы, что настоящее движеніе есть дѣйствительно народное движеніе,—то движеніе стихійное, которое не подъ силу вызвать одному человѣку или цѣлой группѣ людей, кто бы они ни были?

Вскинулъ глазами государь на посланца и голосомъ твердымъ сказалъ:

— Да, вѣрю.

— Вѣрите ли, государь, въ искренность и благонамѣренность выброшенныхъ толпой передовыхъ ея дѣятелей?

— Да; но вѣдь...—протяжно сказалъ государь, — эти комитеты имѣютъ и такую подкладку, которая не совсѣмъ вяжется съ нашимъ исторически сложившимся строемъ.

— О какихъ комитетахъ ваше величество изволите говорить?—спросилъ удивленнымъ голосомъ посланецъ.

— Ну, да вотъ этотъ самый Славянскій комитетъ, въ которомъ ты работаешь.

— Дѣятельнымъ членомъ Славянскаго комитета я никогда не былъ, ваше величество. Да этого комитета теперь и нѣтъ. Видно, вамъ не доложили, что первый замученный въ Герцеговинѣ турками православный, первая христіанка, ими изнасилованная, первое дитя, ими задушенное,—были сигналомъ къ закрытію Славянскаго комитета и его отдѣловъ... Вся ваша Русь православная стала подъ это знамя. Вотъ въ какомъ комитетѣ я работаю.

Государь сдѣлалъ движеніе въ креслѣ. На лицѣ его что-то дрогнуло, и какъ бы другимъ уже голосомъ, въ оправданіе невѣрія, сказалъ:

— Ну, ну, вѣрю,—продолжай.

— Послѣдній вопросъ, ваше величество. Вѣрите ли вы въ искренность и благонамѣренность и того изъ насъ, кто стоитъ впереди другихъ?

— Аксакова?—сказалъ государь, немного нахмурившись.

— Да, Аксакова, ваше величество. И если нужно еще какое нибудь новое доказательство, чтобы разсѣять недовѣріе къ нему, то оно со мною; это—только что напечатанная имъ біографія Тютчева.

Въ этой книгѣ авторъ незамѣтно для себя исповѣдывалъ всю свою душу. Извѣстна ли вамъ эта книга, государь?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Она съ тобой?

— Въ гостиницѣ, въ Ялтѣ.

— Такъ отдай ее Адлербергу, чтобъ онъ мнѣ передалъ. Прочту непремѣнно.

— А въ чистоту намѣреній и дѣйствій Аксакова вѣрите?

— Ну, вѣрю,—(словно, «отстань») сказалъ, улыбаясь, государь.— Продолжай.

Вотъ первыя минуты встрѣчи царя лицомъ къ лицу съ человѣкомъ толпы,—той родной ему толпы, которая именуется «святая Русь». Воспроизводить дальнѣйшее — значитъ нарушить порядокъ, къ прискорбію, установленный «средостѣніемъ», и мы не нарушимъ этого порядка, сохранивъ подробности для лѣтописей. Отмѣтимъ только, что ровно въ 2 часа дверь отворилась, и кто-то доложилъ, что лошади готовы. Посланецъ всталъ.

— Не поѣду. Садись, продолжай, — не стѣсняйся временемъ, — сказалъ государь неспокойнымъ голосомъ, обращаясь къ посланцу.

Рѣчь посланца возобновилась. Три раза у государя выступали слезы на глазахъ. Царь-человѣкъ, на себѣ испытавшій такъ много горя и несправедливости людской, не могъ безъ слезъ слушать о такихъ же несправедливостяхъ и страданіяхъ другихъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ его живо отражалось и чувство радости и силы; самый станъ его какъ будто выпрямлялся, словно ширился, удлинялся, слушая о проявленіяхъ мощи народнаго духа, его вѣрѣ, любви и вѣрности преданіямъ до самозабвенія. Три раза вставалъ посланецъ и три раза слышалъ отъ царя:

— Подожди; подумай: еще чего нибудь не забылъ ли?

. . . .

Было 3 часа 5 минутъ, когда на остановившуюся рѣчь посланца государь сказалъ:

— Ну, иди съ Богомъ. Когда ѣдешь въ Москву?

— Сегодня же, ваше величество.

— Нѣтъ, подожди,—останься до утра. Можетъ быть, забылъ что нибудь, такъ скажи Адлербергу, онъ мнѣ передастъ. Да книгу не забудь прислать.

— Не забуду, ваше величество.

И на глубокій поклонъ посланца царь подошелъ къ нему, обнялъ его и два раза поцѣловалъ, сказавъ:

— Ну, ступай съ Богомъ; спасибо, спасибо тебѣ.

* * *

По предварительному указанію гр. Адлерберга посланецъ прямо изъ кабинета государя долженъ былъ идти къ нему. Войдя къ графу,

посланецъ увидѣлъ на диванѣ сидящими канцлера и генералъ-адъютанта Игнатьева.

— Что вы такъ долго были у государя?—спросилъ графъ Адлербергъ.

— Счастливы ли вы пріемомъ государя?—спросилъ пофранцузски канцлеръ.—Разскажите намъ, какъ все было.

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ посланецъ, обращаясь къ графу Адлербергу,—я три раза вставалъ, помня ваше указаніе, что въ 2 часа государь долженъ ѣхать, но его величество удержалъ меня до сей минуты. Я сейчасъ передамъ все, государемъ сказанное, но прежде прошу позволенія оповѣстить Москву депешей. Я тотчасъ же возвращусь для доклада.

— Не уходите,—сказалъ графъ Адлербергъ,—пишите тутъ. Вотъ вамъ бумага и чернила.

Посланецъ сѣлъ и тутъ же на столѣ министра написалъ слѣдующую депешу: «Москва, Аксакову. Послѣ аудіенцій у генералъ-адъютанта Игнатьева и министровъ двора, военнаго и канцлера, удостоился сегодня высочайшей аудіенціи, продолжавшейся 1 ч. 35 м. Довѣріе полное. Положеніе опредѣленное. Благость неисчерпаемая». Чтобы понять смыслъ этой телеграммы, слѣдуетъ вспомнить, что передъ тѣмъ довѣріе колебалось, а положенія опредѣленнаго и совсѣмъ не было. Этотъ же текстъ былъ тутъ же переписанъ посланцемъ еще въ 4 экземплярахъ, адресованныхъ Каткову, отцу и женѣ посланца, да московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову. Эти оповѣщенія, пожалуй, можно признать офиціальными, казенными, такъ какъ они были посланы на казенный счетъ. Графъ Адлербергъ взялъ ихъ изъ рукъ посланца какъ только тотъ прочелъ текстъ вслухъ, не позволилъ ему платить деньги и приказалъ отправить призванному въ кабинетъ чиновнику.

. . . .

Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Извѣстно и вѣнчаніе дѣла. Мѣсяцъ спустя, царь появляется въ столицѣ Руси, въ Кремлѣ, и, перешагнувъ черезъ «средостѣніе», вѣщаетъ міру, что войну за освобожденіе братьевъ по вѣрѣ, которую повели за свой счетъ и страхъ одни его родныя—«православіе» и «народность»,—онъ считаетъ и своимъ дѣломъ.

. . . .

Это старая исторія изъ лѣтописи давнопрошедшаго; но изъ нея вытекаютъ поучительные выводы для нашей внутренней національной жизни. Получило новое подкрѣпленіе народное повѣріе, что «на Руси царь—все, и народъ все»; а кто изъ нихъ двухъ ранѣе заповѣдь исполнитъ и свое дѣло сдѣлаетъ—въ томъ между собою не считаются. Иванъ Сусанинъ освободилъ отъ плѣна царя много ранѣе того, чѣмъ царь освободилъ остальныхъ Ивановъ отъ плѣна крѣпостнаго; такъ было и тутъ: на призывъ церкви Иваны пошли

ранѣе, царь позднѣе, но никто никого не корилъ, не роптатъ, ибо одно общее дѣло дѣлали, одну и ту же Христову заповѣдь исполняли. Когда этотъ, ради Христа предпринятый, подвигъ освобожденія оказался не подъ силу двумъ силамъ, пришла на подмогу третья, и подвигъ совершенъ. И вотъ эта-то взаимопомощь, равномѣрность и равноправность, эта свобода духа въ приложеніи любви, какъ главнаго двигателя воли, и совпадаютъ съ нашей «народной правдой», ибо въ основѣ ея лежитъ не неволя, а свобода, не угнетеніе, а освобожденіе.

Вся исторія коренной Руси до нашихъ дней — сплошное доказательство, что это не выдумка, не бредни славянолюбцевъ. Изъ исторіи носителя такой правды, т. е. народа, мы знаемъ, что въ его «видѣ на жительство» значатся только переходы отъ ига татарскаго къ крѣпостному и отъ крѣпостнаго къ экономическому. И такъ какъ въ этомъ «видѣ на жительство» носителя нашей народной правды ничего другаго еще не значится, то что же удивительнаго въ томъ, что изъ него, изъ этого своего «паспорта» онъ и черпаетъ свою религію и свою политику? Вотъ почему и не можетъ онъ желать кому либо того лиха, которое выпало на его долю. Вдумайтесь, читатель, въ это явленіе... Это вѣдь лучъ свѣта на всю русскую исторію, на все наше прошлое, настоящее и будущее.

«Русскій народъ впервые живетъ своей исторіей, своей религіей и своей политикой»,—сказалъ 2 августа 1876 года нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ въ отвѣтъ графу Д. А. Толстому, совѣтовавшему одному изъ передовыхъ въ то время членовъ Славянскаго комитета въ Москвѣ выйти изъ комитета, такъ какъ «правительство никогда не пойдетъ за бреднями шестидесятилѣтняго ребенка».

Кого же считалъ министръ Толстой «шестидесятилѣтнимъ ребенкомъ»? Ивана Сергѣевича Аксакова... Въ чемъ видѣлъ Толстой «бредни» Аксакова? Въ томъ, что Аксаковъ первый почуялъ, осмыслилъ и [illegible]илъ думу русскаго народа...

* * *

Въ заключеніе остается дать отвѣтъ на вопросъ, чему поучаютъ насъ и пророчество Филарета и событія, оправдавшія это пророчество? Къ чему призываютъ они насъ, къ чему обязываютъ? Поучаютъ—стоять крѣпко за свои вѣрованія, какъ за наслѣдіе предковъ. Призываютъ и обязываютъ—дѣлиться этимъ наслѣдіемъ съ ближними, кто бы они ни были и гдѣ бы они ни жили; а окрестъ себя, [illegible]го домашняго очага,—внѣдрять эти вѣрованія въ мѣрѣ разумѣнія подростающаго поколѣнія.

Что же говорятъ эти пророчества и событія царю и царству? Они говорятъ, что матерая сила Россіи не въ придаткахъ къ Руси,

а въ ней одной, православной. А міру всему они—эти пророчество и событія—освѣщаютъ пути къ истинѣ. И міръ уже на нашихъ глазахъ мало-по-малу, волей-неволей тяготѣетъ къ ней... Ибо въ ней одной одна любовь; въ ней всѣ муки Господа-Христа; въ ней не неволя, а свобода, не угнетеніе, а освобожденіе.

А. Пороховщиковъ.

ТЮРЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1].

Тюремныя вольности.—Честность прислуги.—Литературныя занятія.—Комедія на премію.—Жиганы.—Безнаказанность преступленій въ стѣнахъ тюрьмы.—Директоръ Б.—Башни: Пугачевская для политическихъ и другая—для обыкновенныхъ преступниковъ.—Женщины въ башнѣ.—Романы въ башнѣ.

VI.

Не смотря на обиліе начальства, обитатели «Бутырскаго университета» пользовались внутри стѣнъ тюрьмы полной почти свободой и имѣли постоянныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Корреспонденція была доступна всѣмъ. Приставники правильно отсылали письма арестантовъ и доставляли таковыя, взимая за каждое письмо 5—10 коп. Между приставниками были такіе преданные арестантамъ слуги, что готовы были идти за нихъ въ огонь и въ воду. Нѣкоторые изъ нихъ отличались такой феноменальной аккуратностью и честностью, какая рѣдко встрѣчается и на волѣ.

За время пребыванія въ замкѣ мнѣ иногда приходилось мѣнять сторублевые кредитные билеты. Бывало, скажешь вѣчно пьющему, но никогда не бывавшему пьянымъ, приставнику Евсеичу: «хочешь выпить?»—и дашь ему сторублевую бумажку. Евсеичъ только улыбнется, подернетъ свои щетинистые усы, молча засунетъ кредитку за пазуху и черезъ 10 минутъ является уже съ полной сдачей.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 161.

Между тѣмъ онъ бы могъ совершенно безнаказанно присвоить себѣ эти деньги, такъ какъ арестантамъ, по закону, запрещено имѣть при себѣ деньги,—да я, кромѣ того, ничѣмъ не могъ бы доказать, что далъ Евсеичу такую сумму на руки. А вѣдь приставникъ получалъ всего 8 рублей жалованья въ мѣсяцъ, на своихъ харчахъ, такъ что болѣе чѣмъ годичное жалованье могло бы очень соблазнить Евсеича. Но ему, повидимому, и въ голову не приходила такая безчестная мысль.

Само собою разумѣется, что всѣ болѣе или менѣе интеллигентные узники знали всѣ внѣшнія событія, свободно читали газеты и журналы, нѣкоторые изъ нихъ вели «дневники» и писали корреспонденціи въ разныя періодическія изданія.

Не смотря на строжайшее запрещеніе имѣть письменныя принадлежности, на вѣчный шумъ и гамъ, на невозможность уединиться, хотя на одинъ часъ, мнѣ также удалось вести свой «дневникъ», въ которомъ, впрочемъ, было больше мыслей, чѣмъ фактовъ, написать, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, большую оригинальную комедію, исторія которой не безъинтересна.

Въ описанное мною время Русское общество драматическихъ писателей, во главѣ котораго стоялъ покойный А. Н. Островскій, объявило черезъ газеты конкурсъ на оригинальную комедію въ пяти дѣйствіяхъ, назначивъ первую премію въ 2.000 рублей, вторую въ 1.500 рубл. и третью въ 1.000 рублей, обѣщая при томъ поставить премированную пьесу на сценѣ императорскихъ театровъ.

Хотя я никогда не пробовалъ свои силы на театральномъ поприщѣ, но отъ нечего дѣлать я вздумалъ попытаться, тѣмъ болѣе, что за время пребыванія въ «Бутырскомъ университетѣ» у меня накопилось не мало фактовъ и наблюденій изъ судебнаго міра, которые мнѣ хотѣлось обработать въ драматической формѣ.

Написавъ пятиактную комедію подъ заглавіемъ «Наша взяла!», я отправилъ ее, подъ девизомъ: «Summum jus—summa injuria», въ названное выше общество.

Вскорѣ послѣ этого я былъ отправленъ въ Тобольскъ на житье; я почти забылъ о существованіи своей комедіи, но узналъ о ея судьбѣ изъ газетъ.

Такъ, изъ «Новаго Времени» я узналъ, что въ общество драматическихъ писателей доставлено было изъ разныхъ концовъ Россіи 86 пьесъ, изъ которыхъ только 18 удостоились отправки въ Петербургъ къ судьямъ. Судьями же были: И. А. Гончаровъ, А. Н. Майковъ и А. Н. Пыпинъ.

Я былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что мой трудъ попалъ въ число брака. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ нѣкоторое время я прочелъ въ томъ же «Новомъ Времени», что изъ числа 18 пьесъ, присланныхъ въ Петербургъ, только три заслуживаютъ «особеннаго вниманія» по своимъ литературнымъ достоинствамъ, причемъ моя

комедія «Наша взяла!» значилась второй. Тѣмъ не менѣе, по словамъ той же газеты, ни одна изъ пьесъ не могла получить преміи по какимъ-то театрально-цензурнымъ соображеніямъ

Впослѣдствіи я свою комедію передѣлалъ, перемѣнилъ ея названіе на другое («Дружеская услуга»), сократилъ нѣкоторыя длинноты, приспособилъ къ сценѣ и послалъ ее къ покойному Ѳ. М. Достоевскому, который принималъ во мнѣ нѣкоторое участіе и хлопоталъ о помѣщеніи ея въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи, но это, какъ онъ мнѣ написалъ, несмотря на несомнѣнныя достоинства комедіи, ему не удалось.

Вскорѣ Достоевскій умеръ, и куда дѣвался мой трудъ,—я такъ и не узналъ, не смотря на всѣ мои розыски.

Возвращаюсь къ описанію тюремной жизни.

Безнаказанность совершаемыхъ арестантами въ стѣнахъ тюрьмы безобразій была изумительная. Не говоря о дракахъ, изувѣченіи, пьянствѣ и открытой азартной игрѣ въ карты, «жиганамъ» сходило иногда съ рукъ и прямое убійство. Во всей тюрьмѣ было всего 5—6 отъявленныхъ «жигановъ», осужденныхъ въ каторжныя работы, бѣжавшихъ изъ Сибири и вновь пойманныхъ, и эта кучка преступниковъ терроризовала все тюремное населеніе, достигавшее иногда до 1500 человѣкъ.

Если «жиганы» кого нибудь не взлюбятъ, то, при первой встрѣчѣ съ намѣченной жертвой, или изобьютъ ее до полусмерти, или же въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ прямо убьютъ. Если у жертвы окажутся еще признаки жизни, то ее унесутъ въ тюремную больницу; тамъ несчастный отдавалъ Богу душу, и всѣ концы хоронились въ воду.

Никто изъ случайныхъ свидѣтелей драки или убійства не смѣлъ ни слова говорить начальству, да и начальство не старалось особенно добиться истины. Вся его задача состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сора изъ избы не выносить. Человѣческая же жизнь не имѣла для него никакого значенія.

Такъ, однажды, избитый «жиганами» арестантъ, не желая идти въ больницу, захирѣлъ и вскорѣ умеръ, находясь на главномъ тюремномъ дворѣ. Въ это же время пріѣхалъ въ тюрьму директоръ Б., который, пройдя по двору, замѣтилъ покойника, лежащаго на землѣ.

— Что это?—спросилъ онъ сопровождавшаго его смотрителя.

— Покойникъ,—отвѣтилъ послѣдній, покраснѣвъ.

— Какіе безпорядки! Убрать его!—односложно приказалъ Б. и прошелъ дальше.

— Не могъ раньше околѣть!—проворчалъ смотритель, по удаленіи Б., и пошелъ сдѣлать распоряженіе объ «уборкѣ» мертвеца.

Только всего и было. Директоръ Б-нъ не потрудился даже раз-

спросить, что это за покойникъ, какъ онъ очутился на тюремномъ дворѣ и т. д. А смотритель, понятно, счелъ за лишнее дать какія либо объясненія по этому поводу.

Въ особенности страшно преслѣдовались въ тюрьмѣ соучастники какого нибудь преступленія, выдавшіе товарищей и затѣмъ попавшіе въ замокъ. Тѣ уже знали впередъ, что ихъ ждетъ почти вѣрная смерть, а потому при самомъ появленіи въ «Бутырскій университетъ» сами умоляли начальство заключить ихъ, до поры до времени, въ башню, гдѣ они охранялись отъ «жигановъ» особымъ карауломъ. Впрочемъ, зачастую и это не помогало. Бывало, что жиганы, узнавъ, что скрывающійся отъ нихъ доносчикъ и предатель долженъ пройти по двору въ контору или къ слѣдователю, поджидали его, вырывали изъ рукъ конвоя и избивали до полусмерти камнями.

Случалось, что послѣ подобныхъ подвиговъ сами буяны попадали въ башню, при чемъ требовался весь караулъ, чтобы водворить ихъ тамъ. Обитатели «Бутырскаго университета» отдыхали спокойно въ это время. Но миръ и тишина продолжались недолго: легкомысленный и трусливый смотритель недолго держалъ «жигановъ» въ башнѣ и, уступая просьбамъ единомышленниковъ послѣднихъ, выпускалъ ихъ, и вскорѣ тюрьма снова подпадала подъ ихъ терроръ.

«Жиганы» жили въ тюрьмѣ припѣваючи; всѣ другіе арестанты какъ бы обязаны были поить и кормить ихъ. Они занимали лучшія мѣста въ камерахъ, имѣли койки, тогда какъ всѣ остальные валялись на грязныхъ нарахъ, и пользовались недоступными другимъ извѣстными въ тюрьмѣ удовольствіями...

Что касается директоровъ тюремнаго комитета, на обязанности которыхъ, по закону, лежитъ главнымъ образомъ наблюденіе за нравственной жизнью заключенныхъ, то они на эту сторону тюремной жизни не обращали никакого вниманія, а слѣдили только затѣмъ, чтобы наружный порядокъ не былъ нарушенъ чѣмъ нибудь особеннымъ.

Въ особенности въ этомъ отношеніи отличился упомянутый директоръ Б-нъ, который часто посѣщалъ тюрьму, но всегда злобно, почти съ ненавистью, смотрѣлъ на арестантовъ, преслѣдовалъ малѣйшія, замѣченныя имъ отступленія отъ формальности, дерзнувшихъ жаловаться ему на какіе либо безпорядки арестантовъ приказывалъ сажать въ башню, никогда никого толкомъ не выслушивалъ, во все вмѣшивался и только возбуждалъ противъ себя всеобщую ненависть.

Я нѣсколько разъ упомянулъ уже о башняхъ, между тѣмъ не объяснилъ, что это были за страшилища.

Всѣхъ башенъ въ замкѣ было четыре. Одна изъ нихъ носила

названіе «Пугачевской», потому что въ ней, по тюремнымъ преданіямъ, содержался Пугачевъ, въ ожиданіи казни. Въ мое время она была огорожена маленькимъ дворикомъ, и въ ея кельяхъ, въ трехъ этажахъ, помѣщались «политическіе», которые находились въ вѣдѣніи жандармскаго управленія и никакого соприкосновенія съ другими обитателями тюрьмы не имѣли.

Если не считать строгость надзора, маленькіе размѣры камеръ, тройныя рѣшетки въ окнахъ и отсутствіе достаточнаго воздуха, то содержаніе политическихъ преступниковъ было значительно лучше обыкновенныхъ арестантовъ, такъ какъ на нихъ отпускалось больше кормовыхъ. Къ нимъ часто заглядывало разное начальство, которое слѣдило не только за изолированностью заключенныхъ, но и за чистотою и порядкомъ, внимательно выслушивало ихъ заявленія и, по возможности, удовлетворяло ихъ просьбы.

Другая башня, въ которой содержались особенно тяжкіе подслѣдственные преступники, и куда сажали въ наказаніе, была дѣйствительно ужасная, нѣчто въ родѣ каменнаго мѣшка. Темныя, грязныя, сырыя каморки возбуждали ужасъ и отвращеніе. Воздухъ былъ тамъ невозможный. Скамейка и грязный ушатъ составляли всю мебель. И въ такихъ дырахъ содержались и женщины, которыхъ, по роду ихъ преступленій, нельзя было держать въ общемъ женскомъ отдѣленіи. Въ этой же башнѣ прожила болѣе года вышеописанная красивая, веселая и симпатичная Башкирова.

Но и для содержащихся въ этой башнѣ, гдѣ было до 30 каморокъ, были свои «радости жизни». Особые приставники, назначенные для услугъ въ башнѣ, дѣлали возможныя снисхожденія узникамъ, доставляя послѣднимъ и водочку, и табачокъ. Разсказывали, что нѣкоторые арестанты, не смотря на двойныя рѣшетки и на постоянное присутствіе въ коридорахъ часового, ухитрялись проникнуть въ башню и добиваться любовныхъ свиданій съ заключеннымъ тамъ женскимъ поломъ. Эти любовныя похожденія, происходившія при самой фантастической обстановкѣ, устроивались на глазахъ стражи, которая брала за подобное «попущеніе» опредѣленную мзду.

Вообще арестанты были весьма находчивы по амурной части. Когда женское отдѣленіе имѣло прямое сообщеніе съ мужскими коридорами, то въ стѣнахъ тюрьмы, какъ разсказывали, господствовалъ сильнѣйшій развратъ, что́ и вызвало изолированіе половъ и совершенное закрытіе хода изъ женскаго отдѣленія въ общую тюрьму.

Тѣмъ не менѣе многіе арестанты устроивали свиданія съ своими возлюбленными въ церкви, куда арестантки допускались по праздникамъ. Хотя внутри церкви былъ устроенъ за прекраснымъ поломъ строжайшій надзоръ, но все-таки многимъ удавалось перебрасываться съ ними взглядомъ, словомъ, а иногда и записочками.

Что касается остальныхъ башенъ, то въ нихъ никто не содержался, а служили онѣ лишь складочнымъ мѣстомъ для разнаго тюремнаго хлама.

VII.

Страсть къ водкѣ.—Тридцать ударовъ розгами за стаканъ водки.—Именины смотрителя.—Кража водки.—Смотритель малолѣтняго отдѣленія, какъ кабатчикъ.—Ванька-палачъ.—Открытая игра.—Шуллера.—Подкопъ.—Доносъ.—Удачное бѣгство.

Насколько сильна была страсть нѣкоторыхъ арестантовъ къ водкѣ, и насколько они не дорожили своимъ тѣломъ, можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

На основаніи закона, не помнящіе родства бродяги, предварительно высылки въ Сибирь на поселеніе, должны подвергаться тѣлесному наказанію 30 ударами розогъ. Въ «Бутырскомъ университетѣ» было не мало такихъ бродягъ, которымъ предстояла непріятная перспектива. Но среди арестантовъ было также не мало «отпѣтыхъ», которые соглашались подставлять свою спину за бродягъ, всего за одинъ рубль серебромъ. Процессъ сѣченія розгами производился почему-то не въ тюрьмѣ, а въ Сущевской части, куда бродяги вытребовывались для экзекуціи. Узнавъ въ конторѣ замка наканунѣ, что на слѣдующій день его вызываютъ въ названную часть, бродяга сговаривался съ какимъ нибудь отчаяннымъ воришкой, чтобы тотъ отправился, вмѣсто него, получать по положенію.

И вотъ утромъ, когда бродяга требовался для слѣдованія въ Сущевскую часть, вмѣсто него является въ контору забулдыга, отправляется съ конвоемъ по назначенію, получаетъ должную порцію розогъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращается въ замокъ, гдѣ немедленно пропиваетъ полученный рубль, за который кабатчикъ отпускаетъ ему стаканъ разбавленнаго спирта.

Впрочемъ, бывали случаи, что отпѣтые арестанты шли, вмѣсто другихъ, за нѣсколько рублей и въ каторжныя работы, но о подобнаго рода мѣнѣ рѣчь будетъ при описаніи порядковъ тогдашняго этапа.

Неодолимой страстью къ водкѣ отличались не одни сѣрые арестанты; привиллегированные не только не уступали имъ въ этомъ отношеніи, но и превзошли. И какими только средствами не пренебрегали, когда дѣло шло о водкѣ!

Такъ, смотритель, Павелъ Петровичъ М., праздновалъ свои именины 29 іюня. Къ нему являлись съ поздравленіями не только подчиненные ему чины, но и нѣкоторые изъ «почетныхъ» арестантовъ, которые угощались, наравнѣ съ другими, именинным пирогомъ, также и выпивкой.

Вдругъ всѣ замѣтили, что имениникъ что-то покраснѣлъ, засуетился, бросался въ разныя стороны и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Господа, такъ нельзя,—обратился онъ, наконецъ, къ «почетнымъ» арестантамъ.—Я васъ принялъ честь-честью, вы пользуетесь моимъ гостепріимствомъ... Такъ нельзя-съ.

— Въ чемъ дѣло?—спрашивали другіе гости.

— Это неблагородно-съ,—продолжалъ смотритель,—вы мои гости, но такъ нельзя-съ.

Оказалось, что кто-то изъ «почетныхъ» гостей утащилъ незамѣтно цѣлую четверть водки, и былъ таковъ.

— Господа, уговорите своихъ товарищей, пусть отдадутъ водку,—урезонивалъ смотритель, — а то вѣдь сдѣлаю обыскъ, и выйдетъ скандалъ.

Но арестанты только улыбнулись на его угрозу, зная, что теперь никакіе сыщики не найдутъ драгоцѣннаго напитка.

Кончилось тѣмъ, что арестанты вынули деньги и уплатили за стоимость водки; смотритель успокоился и послалъ за другой четвертью.

Одно время въ замкѣ стало замѣтно усиленное пьянство; водка была въ необыкновенномъ обиліи и даже упала въ цѣнѣ. Встревоженное начальство начало бдительно слѣдить, усилило надзоръ, но ничего не могло обнаружить.

Одинъ только вышеупомянутый привратникъ Копыловъ сталъ замѣчать, что смотритель малолѣтняго отдѣленія что-то часто отлучается изъ тюрьмы и возвращается съ большими узлами и растопыренными карманами. А такъ какъ приставнику не предоставлено было право обыскивать названнаго смотрителя, который представлялъ собою нѣкоторымъ образомъ начальство, то Копыловъ высказалъ свое подозрѣніе смотрителю М. Послѣдній началъ зорко слѣдить за смотрителемъ малолѣтняго отдѣленія, который, ничего не подозрѣвая, продолжалъ таскать запрещенный плодъ.

И вотъ М. однажды оказался у воротъ, когда смотритель малолѣтняго отдѣленія возвратился, по обыкновенію, изъ города съ большими свертками и пакетами.

— Покажите, что это у васъ?—спросилъ М. добродушно.

— Разныя разности, Павелъ Петровичъ, — развязно отвѣтилъ подчиненный.

— Однако, у васъ такая масса бутылокъ — и все, кажется, со спиртомъ. Для чего вамъ его понадобилось столько?

— Я полагаю, что никто не вправѣ допрашивать меня,—возразилъ смотритель малолѣтняго отдѣленія.

— Положимъ, но все-таки...

— Въ чемъ же вы меня подозрѣваете?

— Ни въ чемъ-съ. Только прошу быть поосторожнѣе, и чтобы впредь этого не было-съ...

Но тотъ не хотѣлъ быть осторожнымъ и продолжалъ таскать спиртъ попрежнему.

Когда М. снова остановилъ его съ ношей въ необъятныхъ кар-

манахъ, нарочно приспособленныхъ для этой цѣли, то счелъ долгомъ доложить объ этомъ высшему начальству, вслѣдствіе чего смотритель-кабатчикъ, организовавшій при помощи нѣкоторыхъ привиллегированныхъ арестантовъ правильную продажу спирта, былъ уволенъ со службы.

Не мало содѣйствовалъ развитію пьянства въ тюрьмѣ извѣстный въ свое время Ванька-палачъ. Объ этомъ субъектѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Ванька, человѣкъ лѣтъ 40, былъ здоровъ, коренастъ, средняго роста, съ маленькими, черными, какъ уголь, злыми глазами. Хотя онъ содержался отдѣльно отъ остальныхъ арестантовъ, но ему не возбранялся ходъ въ общія камеры, гдѣ онъ съ утра до вечера пьянствовалъ и игралъ въ карты. Къ нему во всякое время свободно допускались посѣтители, и онъ самъ могъ выходить изъ тюрьмы, въ сопровожденіи лишь одного приставника.

Ванька этимъ пользовался для переговоровъ съ кабатчиками и для проноса спирта, такъ какъ его почему-то не такъ строго обыскивали при возвращеніи.

Въ то время онъ никакихъ особенныхъ обязанностей не исполнялъ, кромѣ лишь сопровожденія на эшафотъ приговоренныхъ къ лишенію всѣхъ правъ и исполненія надъ ними установленныхъ закономъ формальностей.

Разсказывали, что и при этомъ обрядѣ Ванька, если онъ былъ почему либо золъ на приговореннаго, ухитрялся причинять послѣднему сильную боль, крѣпко прикручивая жертву ремнями къ сидѣнію на позорной колесницѣ и надѣвая кандалы у позорнаго столба.

Впослѣдствіи Ванька-палачъ сдѣлался извѣстенъ приведеніемъ въ исполненіе смертной казни надъ государственными преступниками, въ томъ числѣ надъ убійцами императора Александра II.

Но въ описанное мною время у Ваньки никакого «дѣла» не было. Отъ полнаго бездѣлья онъ цѣлые дни слонялся изъ камеры въ камеру и все, что имѣлъ, проигрывалъ въ карты и пропивалъ.

Несмотря на постоянное почти состояніе невмѣняемости, Ванька, однако, не любилъ, когда въ глаза его звали «палачомъ». Онъ весь побагровѣетъ при этомъ, глаза наливаются кровью, и полѣзетъ въ драку; но арестанты умѣли его укрощать и нерѣдко задавали ему хорошую встрепку.

Многіе арестанты, впрочемъ, дружили съ нимъ, въ особенности шуллера, которые постоянно обыгрывали его навѣрняка. Карточные артисты были не только между «благородными» преступниками, но и среди простыхъ арестантовъ. Новичковъ обыгрывали цѣлыми шайками. Одни были хозяевами игры, другіе—пайщиками, третьи—лазутчиками, четвертые—подстрекателями.

Столики съ растасованными картами стояли открыто на корпусныхъ дворикахъ и манили къ себѣ неопытныхъ; у воротъ сторо-

жили «языки», на обязанности которыхъ лежало — предупредить о появленіи какого нибудь начальства, а подстрекатели ходили по камерамъ, созывая къ игрѣ.

Когда новичокъ соблазнялся штосикомъ, то банкометы такъ ловко умѣли подтасовывать колоду, что не давали ни одной карты, на какую бы ни ставили кушъ. Если же шли другія, распространенныя между арестантами, игры, напримѣръ: трилистикъ, терчикъ, пикетъ или преферансъ (винта еще тогда не было), то здѣсь находились, въ видѣ любопытной публики, пайщики, которые условными знаками обнаруживали каждую карту партнера.

Карточный проигрышъ считался самымъ обязательнымъ долгомъ между арестантами и уплачивался аккуратнѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, нельзя было не платить, такъ какъ банкометы больно били за желаніе отлынивать отъ платежа, почему, опасаясь за свою цѣлость и невредимость, всѣ старались отдавать въ срокъ проигранныя деньги.

Бывало, проигрывались весьма значительные куши, иногда по нѣсколько сотъ рублей сразу. Банкометы охотно вѣрили купцамъ на слово, зная, что тѣ непремѣнно достанутъ деньги для расплаты. Такимъ образомъ, каждая «рѣшотка» въ то же время была и ликвидаціею карточныхъ расчетовъ.

Самъ смотритель очень любилъ карточную игру; онъ неоднократно говорилъ, что съ удовольствіемъ поигралъ бы, послѣ вечерней повѣрки, въ картишки съ «хорошими» людьми, но опасается доносчиковъ изъ арестантовъ.

Среди послѣднихъ дѣйствительно было много доносчиковъ, которые шли не только противъ начальства, но и противъ своего же брата арестанта.

Однажды, вся тюрьма была взволнована извѣстіемъ, что въ дворянскомъ отдѣленіи открытъ подкопъ, который былъ уже выведенъ за тюремныя стѣны и совершенно готовъ для побѣга: стоило только прорыть аршина полтора до поверхности земли. Если бы подкопъ удался, то отъ кары правосудія ушло бы десятка два тяжкихъ преступниковъ, которые были посвящены въ это дѣло.

И вотъ, наканунѣ побѣга, смотритель получилъ на клочкѣ бумаги доносъ о подкопѣ, съ указаніемъ камеры дворянскаго отдѣленія, изъ которой онъ велся.

Въ тюрьмѣ поднялась страшная тревога. Зазвонили въ колоколъ, призывающій на «повѣрку». Всѣ арестанты выстроились на обычныхъ мѣстахъ, ихъ тщательно пересчитали и затѣмъ заперли по коридорамъ. Встревоженный смотритель, въ сопровожденіи караула, направился въ дворянское отдѣленіе, вошелъ въ указанную доносчикомъ камеру, гдѣ приказалъ поднять нѣсколько половицъ. Подкопъ открылся сразу. Оказалось, что онъ былъ проведенъ по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства; въ немъ нашли всѣ необходимые инструменты.

Само собою разумѣется, что иниціаторами этого предпріятія и руководителями его были дворяне, но работали подъ землею простые арестанты изъ самыхъ отчаянныхъ, которые надѣялись уйти. Работа продолжалась около двухъ мѣсяцевъ; выкопанная земля незамѣтно укладывалась въ палисадникѣ дворянскаго дворика; все велось въ величайшемъ секретѣ,—и если бы не невѣдомый доносчикъ, то побѣгъ непремѣнно удался бы.

Сколько ни билось начальство, чтобы узнать зачинщиковъ, оно ничего не достигло. Самые тщательные обыски, по обыкновенію, ни къ чему не привели. Даже тѣ дворяне, которые помѣщались въ камерѣ, откуда начатъ былъ подкопъ, нисколько не пострадали.

«Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!»—былъ ихъ единственный отвѣтъ на разные допросы,—тѣмъ дѣло и кончилось.

Всѣ думали, что смотритель, во всякомъ случаѣ, слетитъ на этотъ разъ за такое упущеніе, но онъ отдѣлался строгимъ выговоромъ и уцѣлѣлъ.

Одному арестанту, въ мое время, удалось, однако, бѣжать изъ тюрьмы посредствомъ взлома оконной рѣшетки.

Бѣгство это было замѣчательно тѣмъ, что произошло на глазахъ у всѣхъ товарищей. У каждаго опытнаго арестанта всегда имѣлось въ запасѣ нѣсколько тоненькихъ стальныхъ пилочекъ, которыя передавались незамѣтно съ воли въ хлѣбѣ, въ переплетѣ книгъ и т. п., и которыми легко было перепилить любую рѣшетку.

Перепиливъ такимъ образомъ желѣзную рѣшетку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но такъ, что она оставалась въ прежнемъ положеніи, задумавшій бѣгство арестантъ выбралъ осеннюю темную ночь, легко высадилъ нѣсколько переплетовъ, выскочилъ на тюремный дворъ, забрался на крышу бани, по трубѣ поднялся на высокую каменную ограду и съ помощью веревки, которую привязалъ къ той же трубѣ, спустился внизъ и очутился на волѣ.

Не смотря на ужасную темь, часовой его замѣтилъ, далъ выстрѣлъ и поднялъ тревогу, но бѣглеца уже и слѣдъ простылъ. Его такъ и не поймали, хотя въ большинствѣ случаевъ подобные отчаянные арестанты всегда попадались и снова приводились въ тюрьму, гдѣ ихъ сажали на короткое время въ башню, надѣвали на нихъ кандалы, но вскорѣ они выпускались и дѣлались полноправными обитателями «Бутырскаго университета».

VIII.

Рецидивисты. — Силка Касаткинъ. — Мишка Блоха. — Маскарады и концерты. — Вражда между партіями. — Заговоръ противъ дворянъ. — Кража изъ цейхгауза. — Жертва шутниковъ. — Купеческій дворикъ. — Тюремные законовѣды. — Шахматная игра. — Старшій унтеръ-офицеръ Петровъ.

Рецидивисты пользовались среди арестантовъ большимъ авторитетомъ, особеннымъ же обаяніемъ пользовались тѣ арестанты, которые побывали уже въ Сибири, бѣжали оттуда, совершали новыя преступленія, попадались и возвращались въ тюремную alma mater. Товарищи, которые просиживали въ тюрьмѣ по нѣсколько лѣтъ и хорошо помнили бѣглецовъ, любовно ихъ встрѣчали, съ необыкновеннымъ любопытствомъ выслушивали ихъ были и небылицы, ухаживали за ними, оказывали имъ всевозможныя услуги и добровольно имъ подчинялись.

Въ особомъ же почетѣ были у арестантовъ Силка (онъ же Силантій) Касаткинъ и Мишка Блоха. Первый былъ грозой всей тюрьмы и самый древній ея старожилъ. Низенькаго роста, коренастый, со свирѣпымъ лицомъ, отчаянный разбойникъ, погубившій въ свою жизнь не мало людей, Силка былъ коноводомъ всѣхъ «жигановъ». Его боялся самъ смотритель, который переносилъ отъ него всевозможныя ругательства. Арестанты докладывали Силкѣ о всѣхъ событіяхъ въ тюрьмѣ, совѣтовались съ нимъ и на всякое преступное начинаніе испрашивали его благословенія. Всѣ считали своимъ долгомъ дѣлиться съ нимъ своимъ добромъ. Силка доподлинно не сѣялъ и не жалъ, а всегда не только сытъ, но и пьянъ бывалъ. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ коридорѣ, хотя никогда не былъ старостой, гдѣ устроивалъ по вечерамъ для собственнаго увеселенія импровизированные, своеобразные маскарады и концерты.

Такъ какъ на ночь запирались только коридоры, а не камеры, то Силка, во время разгула, выбиралъ изъ послѣднихъ подходящихъ молодыхъ арестантовъ, наряжалъ ихъ въ разное тряпье, дѣлая изъ нихъ подобіе женщинъ, снабжалъ всякими музыкальными инструментами, напримѣръ, подсвѣчниками, мѣдными кастрюлями, желѣзными листами и горшками, откуда-то доставалъ факелы и, точно полководецъ во главѣ своего войска, ходилъ изъ камеры въ камеру съ музыкой, пѣніемъ, гикомъ и шумомъ, задавая вездѣ концерты и взимая контрибуцію деньгами и провизіей. Послѣ этого начиналась попойка, которая часто продолжалась до самаго утра. И никто изъ арестантовъ не смѣлъ ни протестовать, ни, тѣмъ болѣе, жаловаться кому бы то ни было, зная, что Силка можетъ безнаказанно свернуть всякому голову.

Мишка Блоха былъ совершенно въ другомъ родѣ. Высокій, стройный брюнетъ, съ тонкими чертами лица, предпріимчивый, необык-

новенный силачъ, Мишка былъ всегда франтовски одѣтъ, въ тонкой голландской рубашкѣ на выпускъ, съ шелковымъ пояскомъ, въ высокихъ щегольскихъ сапогахъ, чистомъ халатѣ. За разные подвиги онъ уже былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, пять разъ бѣжалъ съ дороги и, наконецъ, доигрался до плетей и каторги, которыя ему предстояли въ ближайшемъ будущемъ. Но онъ нисколько не унывалъ; онъ былъ увѣренъ, что ему удастся снова бѣжать съ дороги или же смѣниться съ кѣмъ нибудь.

Мишка былъ чрезвычайно веселаго нрава, балагуръ; арестанты слушали его разсказы о своихъ подвигахъ съ большимъ удовольствіемъ и въ то же время боялись его, какъ огня. Онъ могъ убить человѣка однимъ ударомъ руки, не моргнувъ при этомъ, что̀, говорили, нерѣдко случалось въ его «практикѣ».

Разумѣется, какъ всѣ отчаянныя головы, Мишка Блоха много пилъ, но никогда пьянымъ не бывалъ,—и въ этомъ было все его преимущество передъ другими «жиганами». Онъ, кромѣ того, безъ надобности никогда не буянилъ, держалъ себя степенно, гордо, никого зря не обижалъ, начальству не грубилъ, и потому былъ избавленъ отъ кандаловъ.

Каждый «жиганъ» имѣлъ свою партію, и нерѣдко между тюремными коноводами и ихъ приверженцами происходили страшныя драки, кончавшіяся изувѣченіями или даже убійствомъ, такъ что приходилось унимать буяновъ вооруженной силой.

Однажды жиганы за какую-то обиду возбудили противъ дворянъ всю почти тюрьму. Говорили, что какъ только кто либо изъ дворянъ покажется на общемъ дворѣ, то будетъ избитъ до полусмерти. Но дворяне какъ-то ухитрились заманить къ себѣ Силку Касаткина, напоили его до положенія ризъ и переманили его на свою сторону. Вся громадная его партія перешла на сторону дворянъ, и такимъ образомъ они избавились отъ разгрома.

Вообще водкой можно было откупиться отъ всякихъ невзгодъ и прегрѣшеній. Какъ бы арестанты ни были возбуждены противъ виновника, но если послѣдній ставилъ бутылку спирта, то спасался отъ всѣхъ бѣдъ.

Разъ нѣсколько арестантовъ, сговорившись, ухитрились украсть изъ цейхгауза нѣсколько десятковъ паръ новыхъ сапоговъ, которые намѣрены были препроводить въ городъ на рынокъ для продажи.

Завѣдывавшій тюремными мастерскими довѣренный отъ подрядчиковъ, замѣтивъ пропажу, обратился къ жиганамъ-коноводамъ съ просьбою отыскать сапожный товаръ, обѣщая за то на водку. Не прошло и полчаса, какъ вся пропажа нашлась въ разныхъ углахъ тюрьмы, и виновные были отысканы. Вся тюрьма взволновалась. Совершить кражи въ самыхъ стѣнахъ тюрьмы почему-то считалось позорнымъ. Коноводы рѣшили, что виновниковъ слѣдуетъ подвергнуть публично наказанію розгами, своимъ судомъ.

Принесли розогъ въ изрядномъ количествѣ, виновники приведены были на задній тюремный дворъ, гдѣ должна была производиться экзекуція; они были блѣдны, какъ полотно, и тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Экзекуція должна была начаться.

Но вдругъ, среди любопытной толпы арестантовъ, произошло какое-то смятеніе. Кто-то изъ приговоренныхъ успѣлъ шепнуть коноводу о выкупѣ. Начался полушопотомъ торгъ,—и наказаніе было отмѣнено. Для проформы, преступники получили нѣсколько тумаковъ, которые тѣ приняли съ смиреніемъ и благодарностью; тѣмъ дѣло и кончилось.

Иногда арестанты для своей потѣхи избирали какого нибудь субъекта и дѣлали его мишенью для всякихъ насмѣшекъ, чѣмъ доводили до полусумасшествія.

Такой жертвой сдѣлался при мнѣ нѣкій молодой, красивый армянинъ, привлеченный къ суду за участіе въ дѣлѣ «клуба червонныхъ валетовъ». Человѣкъ весьма ограниченный, армянинъ, повидимому, былъ ошеломленъ новой для него тюремной обстановкой и сдѣлалъ окружающимъ нѣсколько глупыхъ вопросовъ.

Это послужило поводомъ къ всякимъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ надъ нимъ, такъ что каждый считалъ себя вправѣ задѣвать его какой нибудь, впрочемъ, невинной шуткой, а впослѣдствіи онъ уже самъ сталъ разыгрывать изъ себя шута.

Его, напримѣръ, увѣрили, что у него замѣчательный теноръ, и что всѣ приходятъ въ восторгъ отъ его дивнаго голоса, послѣ чего онъ, всѣмъ на потѣху, сталъ задавать концерты въ разныхъ камерахъ, гдѣ пѣлъ козлинымъ голосомъ, дѣлая при этомъ невозможныя гримасы, при аккомпаниментѣ кошачьей музыки и при общемъ хохотѣ всей аудиторіи. Но пѣвецъ ничего этого не замѣчалъ и заливался своимъ невозможнымъ голосомъ.

Его такъ же увѣряли, что онъ знаменитый врачъ, и часто призывали къ мнимымъ больнымъ для оказанія медицинской помощи. И надо было видѣть, съ какой комической серьезностью онъ выслушивалъ пульсъ, прописывалъ лѣкарства и давалъ строгія наставленія.

Между тѣмъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда его оставляли въ покоѣ, онъ казался совершенно нормальнымъ человѣкомъ, интересовался своимъ дѣломъ, выходилъ на свиданія къ роднымъ, и никто въ немъ ничего неестественнаго не замѣчалъ.

Впослѣдствіи, когда его вызвали въ судъ, вмѣстѣ съ другими подсудимыми, по названному дѣлу, онъ фигурировалъ между товарищами, какъ здоровый человѣкъ, и никто не подозрѣвалъ, что на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ полусумасшедшій,—и только его нѣсколько странные вопросы и отвѣты отчасти удивили судъ. Но затѣмъ товарищи уговорили его громко запѣть, тутъ же на скамьѣ подсудимыхъ, что̀ онъ и исполнилъ И тутъ только судъ убѣдился,

что имѣетъ дѣло съ ненормальнымъ человѣкомъ. Его, разумѣется, немедленно удалили изъ залы суда.

Этотъ инцидентъ послужилъ вышеупомянутому члену «червонныхъ валетовъ» Верещагину поводомъ произнести эффектную рѣчь, въ которой онъ развивалъ мысль, что слѣдствіе по этому дѣлу велось убійственно медленно, почему еще до суда оказались печальныя жертвы, умалчивая, понятно, о томъ, что онъ самъ, Верещагинъ, не мало способствовалъ сумасшествію армянина.

Къ одной изъ сторонъ церкви былъ пристроенъ незначительный корпусъ, отдѣленный отъ другихъ зданій и образовывавшій такъ называемый «купеческій дворикъ». Здѣсь дѣйствительно содержались купцы, но по усмотрѣнію смотрителя и за извѣстную плату туда допускались и состоятельные мѣщане.

Коммерсанты, въ числѣ которыхъ были злостные банкроты, составители фальшивыхъ векселей и духовныхъ завѣщаній, а также обыкновенные мошенники, соблюдали свое достоинство, съ мелкотой не якшались и только и дѣлали, что ѣли, пили и спали. Домочадцы привозили имъ аршинные пироги, всевозможныя закуски, невинные напитки,—и все это истреблялось быстро и основательно. Былъ у купцовъ отличный поваръ изъ арестантовъ, который тутъ же, въ единственной общей камерѣ, готовилъ на плитѣ, отчего въ купеческомъ аппартаментѣ былъ постоянный дымъ и чадъ. Но это обстоятельство, повидимому, нисколько не казалось неудобнымъ «именитому купечеству».

Я впослѣдствіи также попалъ въ эту привиллегированную среду. Когда же я обратилъ вниманіе купцовъ на неудобство помѣщенія въ жилой камерѣ кухни и на возможность устроить перегородки, то нѣкоторые старожилы были противъ реформы.

«Намъ и такъ хорошо,—говорили они,—намъ новшествъ не надо».

Но большинство согласилось со мною. И вотъ чуть ли не въ одинъ день, съ разрѣшенія смотрителя, куплены были доски, наняты арестанты-плотники, и поставлена была перегородка съ плотно закрывавшейся дверью, а для того, чтобы дымъ и чадъ не проходили черезъ перегородку, мы ее оклеили бѣлой, чистой бумагой. Такимъ образомъ образовалась большая передняя съ кухней и «чистая» камера для заключенныхъ.

Всѣ купцы были очень довольны осуществленіемъ моей мысли, благодарили меня, и сами смѣялись надъ собою, что такая простая вещь не приходила имъ въ голову раньше.

Въ купеческой же камерѣ содержалась цѣлая шайка, ограбившая, среди бѣлаго дня, склады извѣстнаго въ то время богатаго купца Кучумова. Дѣло это тянулось нѣсколько лѣтъ. И надо было видѣть и слышать, какъ соучастники совершенно открыто сговаривались между собою, что и какъ говорить на судѣ!

Въ той же камерѣ проводилъ послѣдніе дни пребыванія въ

замкѣ вышеупомянутый Конни, не ужившійся съ товарищами въ дворянскомъ отдѣленіи и перешедшій, по совѣту смотрителя, къ купцамъ. Но и здѣсь ему не сладко жилось: купцы почему-то его не взлюбили, придирались къ нему, подсмѣивались надъ его «дворянской спесью» и даже неоднократно били, когда были пьяны.

Въ стѣнахъ «Бутырскаго университета» было не мало «аблакатовъ» съ воли и доморощенныхъ юсовъ, которые заработывали порядочныя деньги составленіемъ разныхъ прошеній и кассацій. Никто изъ осужденныхъ никогда не мирился съ обвинительнымъ приговоромъ суда и всегда прибѣгалъ къ кассаціи. А такъ какъ не всѣ осужденные имѣли своихъ патентованныхъ адвокатовъ, то обращались, въ такихъ случаяхъ, къ тюремнымъ законовѣдамъ, которые за 15—20 коп. составляли какую угодно кассацію.

Нерѣдко такіе «аблакаты» были биты своими кліентами за то, что не оправдали довѣрія и не обѣлили самыхъ тяжкихъ преступниковъ, но это обстоятельство нисколько не вредило престижу тюремныхъ юристовъ, которые продолжали дѣлать свое дѣло.

Нельзя при этомъ не высказать, что для многихъ смышленыхъ арестантовъ «Бутырскій университетъ» дѣйствительно представлялъ нѣчто въ родѣ юридическаго факультета. Здѣсь они знакомились съ уголовнымъ судопроизводствомъ, съ законами, съ формами прошеній и уголовной терминологіею, съ кассаціонной практикой—и, по освобожденіи, избирали себѣ адвокатскій промыселъ и не безъ успѣха конкурировали съ дипломированными юристами, разумѣется, среди темной массы, нуждающейся въ помощи адвокатовъ.

Нѣкоторые арестанты, не имѣвшіе желанія и возможности играть въ карты, дулись цѣлые дни и вечера въ шашки, при чемъ среди нихъ были и настоящіе артисты въ этой игрѣ.

Любя шахматную игру, я попробовалъ познакомить съ ней нѣкоторыхъ смышленыхъ арестантовъ. Результаты превозошли всѣ мои ожиданія. Многіе, отъ нечего дѣлать, пристрастились къ этой игрѣ и стали играть весьма недурно. Но такъ какъ шахматныя фигуры и шашечная доска составляли запрещенный плодъ въ стѣнахъ тюрьмы, то фигуры вылѣпливались изъ хлѣбнаго мякиша, которыя, отвердѣвъ, прекрасно служили цѣли, а доска рисовалась на бумагѣ или вырѣзывалась на какой нибудь табуреткѣ. Съ моей легкой руки, игра эта привилась, и во многихъ камерахъ можно было видѣть, какъ арестанты изъ народа сидѣли за шахматами и глубокомысленно ломали головы надъ каждымъ ходомъ.

Были въ тюрьмѣ разнаго рода мастерскія, гдѣ работали портные, сапожники, плотники и т. п.; но все это было безъ всякой организаціи и безъ принудительнаго труда. Поэтому ремесленники, получая вознагражденіе на руки, спѣшили пропивать заработанныя деньги, а остальной народъ слонялся цѣлые дни безъ всякаго дѣла и потому безобразничалъ.

Для полной характеристики бывшаго «Бутырскаго университета» слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о старшемъ унтеръ-офицерѣ Петровѣ, который, въ сущности, былъ главнымъ хозяиномъ тюрьмы.

Высокій, полный, съ добродушнымъ, умнымъ лицомъ, лѣтъ около 30, Петровъ былъ душою всей тюрьмы. Смотритель ничего безъ его совѣта не предпринималъ; арестанты его любили, потому что онъ былъ всѣмъ доступенъ и никому зла не дѣлалъ. За нѣкоторыя послабленія онъ бралъ съ состоятельныхъ арестантовъ небольшія суммы, но никогда не злоупотреблялъ своей властью. А власть у него была большая; онъ могъ сажать въ карцеръ, не допускать въ наказаніе къ «рѣшеткѣ», смѣнять старость и тому подобное. Всѣ приставники были ему непосредственно подчинены; онъ производилъ вечернюю и утреннюю «повѣрки», отправлялъ арестантовъ по требованіямъ судебныхъ властей, снаряжалъ караулы, слѣдилъ за пищей,—словомъ, былъ полнымъ хозяиномъ. Но при всей власти и при всей возможности наживаться Петровъ не позволялъ себѣ явныхъ нарушеній тюремныхъ правилъ: не продавалъ водки, не разрѣшалъ курить открыто, не передавалъ корреспонденціи; но на многое онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, дѣлалъ арестантамъ возможное снисхожденіе, иногда предупреждалъ о предстоящемъ обыскѣ, устроивалъ свиданія. Арестанты охотно одаривали его, но онъ никогда не вымогалъ, чего нельзя сказать про смотрителя, который нерѣдко требовалъ беззастѣнчиво денегъ у арестантовъ.

Жилось Петрову, повидимому, хорошо. Онъ всегда былъ подвиженъ, веселъ, здоровъ; арестанты его слушались; о замѣченныхъ имъ безпорядкахъ онъ рѣдко докладывалъ смотрителю, а всегда дѣйствовалъ самостоятельно и разумно, водворялъ миръ и согласіе.

За долгое время своего служенія въ тюрьмѣ онъ успѣлъ, говорили, сколотить порядочное состояніе.

IX.

Неожиданное закрытіе «Бутырскаго университета».—Переселеніе въ новую тюрьму.—Печальное шествіе.—Новая тюрьма.—Новые порядки.—Лишеніе «арестантскихъ вольностей».—Возвратъ къ старому.—Литературныя чтенія.—Я прощаюсь съ тюремнымъ замкомъ.

Совершенно неожиданно, какъ снѣгъ на голову, упало извѣстіе, что «Бутырскій университетъ» закрывается, что тюрьма въ самомъ непродолжительномъ времени переводится въ какія-то фабрики, превращенныя временно въ мѣсто заключенія и находящіяся на другомъ концѣ Москвы.

Всѣ были поражены этой новостью, всѣ сразу почувствовали, что арестантскимъ «вольностямъ» наступаетъ конецъ. И удивительнѣе всего было то, что арестанты, узнающіе обыкновенно раньше всѣхъ

все, что касается ихъ жизненныхъ интересовъ, на этотъ разъ послѣдними узнали объ ожидавшей ихъ перемѣнѣ.

Правда, по тюрьмѣ ходили темные слухи, что старый замокъ будетъ передѣланъ въ пересыльную тюрьму, и что для дома предварительнаго заключенія временно приспособляются какія-то фабрики, но слухи были какъ-то крайне неопредѣленны, да и никто изъ «старожиловъ» не могъ повѣрить, что придется разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ башнями и со всѣми старыми привилегіями «Бутырскаго университета». Во всякомъ случаѣ, никому не вѣрилось, что это совершится такъ скоро.

Между тѣмъ въ одно утро старшій унтеръ-офицеръ Петровъ офиціально объявилъ по всѣмъ камерамъ, что черезъ три дня начнется переселеніе арестантовъ въ новую тюрьму.

Всѣ встрепенулись. По всей тюрьмѣ прошелъ гулъ и стонъ; началось усиленное движеніе, каждый арестантъ сталъ собирать свой скудный скарбъ.

Прежде всего перевезли въ новую тюрьму цейхгаузъ, пекарню, кухню и другія необходимыя принадлежности общежитія; затѣмъ началось переселеніе заключенныхъ.

А такъ какъ въ замкѣ содержалось около 1.500 человѣкъ, и трудно было перевести ихъ всѣхъ въ одинъ разъ, то они раздѣлены были на партіи въ 300—400 человѣкъ. Потребовались большіе караулы для сопровожденія партій. Оберъ-полицеймейстеръ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы по всему пути слѣдованія арестантовъ была прекращена ѣзда.

Многіе арестанты обливались слезами, разставаясь съ «Бутырскимъ университетомъ», бывшимъ для нихъ кормильцемъ-поильцемъ.

Наша партія, въ которой были и дворяне, выступила послѣдней. Было сыро и холодно. Мы шли около двухъ часовъ съ одного конца Москвы до другого. Толпа любопытныхъ стояла по обѣимъ сторонамъ улицъ и глазѣла на оригинальное шествіе,—одни съ сожалѣніемъ и сочувствіемъ, другіе, какъ казалось, съ злорадствомъ. По дорогѣ многіе изъ публики хотѣли подавать «несчастненькимъ» подаяніе, но строгій караулъ никого близко не подпускалъ къ арестантамъ.

Наконецъ, насъ привели въ какой-то узкій переулокъ; передъ нами открылись вовсе не тюремныя ворота, и мы вошли въ большой дворъ. Изъ этого двора насъ провели черезъ какія-то деревянныя постройки въ другой обширный дворъ, окруженный высокими заостренными сверху «палями», гдѣ возвышались три трехэтажныхъ каменныхъ корпуса, предназначенныхъ для арестантовъ. Послѣднихъ, послѣ «повѣрки», загнали въ коридоры, размѣстили по камерамъ и заперли на ключъ.

Хотя всѣ коридоры были чисты, камеры выбѣлены, полы вымыты, но отовсюду пахло сыростью, нежилымъ. Въ камерахъ, даже

дворянскихъ, вмѣсто коекъ, были устроены нары. Отъ разнаго арестантскаго имущества, которое частью арестанты приносили на себѣ, частью перевозили на подводахъ, поднялась ужасная пыль. Столовъ было мало, пріютиться было негдѣ, — словомъ, вышелъ какой-то хаосъ.

Дворяне, которымъ предоставили двѣ камеры, но въ общемъ съ другими арестантами коридорѣ, подняли чуть не бунтъ. Впослѣдствіи для дворянскаго отдѣленія приспособили какой-то флигелекъ, но, пока это устроилось, прошло много времени.

Первые дни въ новой тюрьмѣ никого почему-то не выпускали на дворъ, чтò особенно тяжело было послѣ привольной жизни въ старомъ замкѣ; затѣмъ были назначены опредѣленные часы для прогулки, для каждаго корпуса отдѣльно, но потомъ въ этомъ отношеніи стало еще свободнѣе.

Самымъ же тяжелымъ лишеніемъ для арестантовъ было сокращеніе «рѣшетокъ», то-есть числа дней, назначенныхъ для свиданія съ посѣтителями: вмѣсто трехъ разъ въ недѣлю назначили только одинъ разъ, по воскресеньямъ, при чемъ для самыхъ свиданій назначено было всего три часа, чего было слишкомъ недостаточно для такого большого населенія, имѣвшаго столько жизненныхъ связей съ внѣшнимъ міромъ. Сначала арестанты громко роптали на эту несправедливость, жаловались цѣлыми партіями; но сила солому ломитъ, и они покорились.

Самый характеръ «рѣшетки» круто измѣнился: не было больше ни толкучки, ни биржи, ни свиданій внѣ очереди и внѣ надзора.

Что касается остальныхъ арестантскихъ «вольностей», то съ теченіемъ времени явились и неизбѣжный спиртъ, и карты, и табакъ, и корреспонденціи, и книги, и газеты; но все-таки всѣми чувствовалось, что все это «не то», не прежняя привольная, разгульная жизнь.

— Плохія времена настали,—жаловались жиганы и коноводы,— скоро нечѣмъ будетъ и прокормиться.

Только одни кабатчики не унывали; спиртъ какими-то таинственными путями проносился, попрежнему, въ большомъ количествѣ; потребность въ немъ осталась та же, а капиталисты не перевелись. Кабатчики воспользовались «строгостью» режима, чтобы надбавить цѣну на свой товаръ, и еще больше наживались.

Въ новой тюрьмѣ квартира смотрителя и контора помѣщались на первомъ дворѣ, куда никто не выпускался безъ особаго разрѣшенія, и такимъ образомъ даже привиллегированные арестанты не имѣли больше никакого доступа въ контору, чтò лишило ихъ возможности провѣдать во время объ относящихся къ нимъ распоряженіяхъ.

Ожидая очереди отправки въ Сибирь на житье, я, за опредѣленную «благодарность» смотрителю, былъ перемѣщенъ въ корпусъ,

гдѣ содержались срочные арестанты, которые, въ сравненіи съ подсудимыми, пользовались большей свободой. Я получилъ отдѣльную кровать, пользовался собственнымъ матрацомъ, получалъ книги и газеты, неограниченно могъ цѣлый день гулять по двору, имѣлъ свободное сообщеніе съ дворянскимъ отдѣленіемъ, гдѣ за 60 копеекъ въ день получалъ прекрасный обѣдъ изъ 4-хъ блюдъ,—словомъ, пользовался всѣми прежними «прерогативами».

Въ новой тюрьмѣ я иногда устраивалъ литературные вечера. Однажды, я прочелъ своей аудиторіи комедію Островскаго «Правда хороша, а счастье лучше». Не смотря на то, что мои слушатели почти всѣ поголовно были безграмотны, что арестанты любятъ больше фантастическіе разсказы и сказки, и что названная комедія отличается особенной простотой замысла,—всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ, чрезвычайно интересовались судьбою дѣйствующихъ лицъ и горячо благодарили меня за доставленное имъ великое удовольствіе.

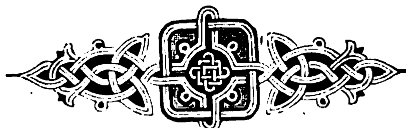
Мои чтенія повторялись часто и всегда съ большимъ успѣхомъ.

Какую физіономію приняла «временная» тюрьма впослѣдствіи, я не знаю, потому что я пробылъ въ ней всего нѣсколько мѣсяцевъ и вскорѣ былъ вытребованъ въ пересыльную тюрьму для отправки по назначенію.

Распростившись съ моими невольными товарищами, которые проводили меня очень тепло, съ искренними пожеланіями всѣхъ благъ, я вступилъ въ новую, своеобычную сферу, которую постараюсь описать въ слѣдующихъ главахъ.

А. К.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТЪ УГЛИЧА ДО РЫБИНСКА[1].

IV.

Богоявленскій монастырь.

Борисъ.
«Царица Марья Өедоровна, бью тебѣ челомъ.
Мароа.
«Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня Мароа».
(Графъ А. К. Толстой: Царь Борисъ).

ГОЗАПАДНАЯ часть угличскаго крѣпостного холма занята теперь городскимъ садомъ. Онъ разроссяя довольно густо и въ лѣтніе жары доставляетъ жителямъ прохладное мѣсто для прогулокъ въ самомъ центрѣ города, и въ этомъ отношеніи многіе наши уѣздные города могутъ позавидовать Угличу. Въ глубинѣ сада, на фонѣ зелени, темнѣетъ невысокое, одноэтажное деревянное зданіе, въ которомъ, какъ намъ сказали, помѣщается мѣстный клубъ. Изяществомъ архитектуры зданіе это не отличается. При входѣ въ садъ мы увидѣли наклеенную на столбъ афишу, гласившую, что въ саду, въ помѣщеніи клуба будетъ данъ «Вечеръ-спектакль» въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ. Желая поближе ознакомиться съ тѣми увеселеніями, которыя, въ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 207.

концѣ девятнадцатаго столѣтія, предлагаются провинціальной публикѣ заѣзжими артистами, мы заглянули въ афишу. «Отдѣленіе первое: «Надобно всѣмъ угодить», заключающееся въ куплетахъ съ музыкой и прозой.—Отдѣленіе второе: «Мимика» или переходъ лица «при огняхъ» (т. е.) подвижное лицо, изъ смѣющагося въ плачущее и наоборотъ, отъ старости къ молодости, подъ музыку»...—Далѣе мы читать не стали.

А между тѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь угличане слушаютъ куплеты и наслаждаются мимикою странствующаго артиста, въ 1592 году [1]) происходила сцена совершенно иного рода. Мѣсяца ноемврія въ 20-день, на память св. Григорія Декаполита, здѣсь постригали въ иноческій чинъ, съ именемъ Маѳы, послѣднюю супругу Грознаго, несчастную мать царевича Димитрія. Новая инокиня пробыла въ Угличѣ недолго и въ апрѣлѣ была отправлена въ отдаленную, глухую Николо-Выксинскую пустынь, въ 25 верстахъ отъ Череповца. Храмъ, гдѣ совершалось ея постриженіе, принадлежалъ къ находившемуся въ крѣпости женскому монастырю, который былъ расположенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь городской садъ, и назывался Богоявленскимъ. Въ тѣ времена въ Угличѣ существовалъ еще другой Богоявленскій монастырь, мужской, находившійся за Волгою, и, для отличія ихъ одного отъ другаго, заволжскій монастырь называли Богоявленскимъ большимъ, а женскій въ крѣпости—Богоявленскимъ малымъ.

Время основанія малаго Богоявленскаго монастыря неизвѣстно, и первымъ историческимъ лицомъ, имя котораго связано съ именемъ обители, является царица Марія Ѳеодоровна Нагая. Это обстоятельство подало преданію поводъ приписывать ей и самое основаніе обители. Правда, что Богоявленскій монастырь былъ построенъ неподалеку отъ дворца, правда, что во время своего семилѣтняго пребыванія въ Угличѣ царица Марія имѣла время построить обитель, но тѣмъ не менѣе на этотъ счетъ никакихъ официальныхъ документовъ не сохранилось. Монастырь помѣщался подлѣ самой крѣпостной стѣны и, во время взятія Углича поляками, одинъ изъ первыхъ подвергся нападенію непріятеля. Штатъ монастыря тогда составляли игуменья Анастасія и 35 монахинь; кромѣ того, въ моментъ нападенія, въ обители находилось до двухъ сотъ дѣвушекъ и женщинъ, вѣроятно, послушницъ, работницъ, богомолокъ и, быть можетъ, горожанокъ, искавшихъ здѣсь спасенія отъ ворвавшагося въ крѣпость непріятеля. Всѣ онѣ были убиты поляками, а монастырь разоренъ и сожженъ до основанія.

Тѣло игуменьи Анастасіи, брошенное въ Волгу, было впослѣдствіи найдено и похоронено недалеко отъ берега на нынѣшней Бла-

---

[1]) По старому счету съ сентября мѣсяца; по нашему счисленію это было еще въ 1591 году.

говѣщенской улицѣ, близъ церкви св. Флора и Лавра. Теперь мѣстность эта густо застроена, но могила игуменьи уцѣлѣла и находится во дворѣ одного частнаго дома. Памятникъ надъ могилою состоитъ изъ бѣлаго, полувросшаго въ землю камня. Надъ камнемъ возвышается крестъ съ мѣдною иконою Богоматери, передъ которою теплится лампада на средства почитателей убіенной, приходящихъ молиться на ея могилѣ.

Мѣсто разореннаго монастыря долгое время оставалось пустымъ и даже было отдано Шуйскимъ настоятелю другого монастыря, Алексѣевскаго, въ полное владѣніе и пользованіе. Неизвѣстно, долго ли владѣли пустыремъ Алексѣевскія власти, и какую пользу онѣ изъ него извлекли, но только въ 1628 году мы уже снова находимъ здѣсь женскій монастырь, возникшій на пепелищѣ стараго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ подпись на хранящемся въ нынѣшней обители евангеліи, напечатанномъ въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ, въ 1625 году. Надпись эта слѣдующаго содержанія: «Лѣта 7136 (1628), марта 31 дня, сіе святое евангеліе напрестольное пожаловала дала государыня великая старица инокиня Марѳа Ивановна на Углечъ въ свое государынино богомолье въ Богоявленскій дѣвичъ монастырь, что въ кремлѣ городѣ. И того монастыря игуменьѣ съ сестрами и съ священниками, кто въ томъ монастырѣ учнутъ жити, и имъ за государыню великую старицу иноку Марѳу Ивановну Бога молить, и сей книги никому изъ Богоявленскаго монастыря въ иной монастырь и къ церквамъ по душамъ не отдати и не продати, ни заложити и ни которыми мѣрами отъ Богоявленія Господня не похитити, а аще кто сіе святое евангеліе похититъ, и онъ да воспріиметъ въ томъ судъ на второмъ пришествіи предъ праведнымъ Судіею». Но попеченія великой инокини не ограничились присылкою этого евангелія, въ чемъ убѣждаютъ насъ двѣ ея грамоты отъ 1629 и 1630 годовъ. Въ нихъ говорится о пожертвованіи монастырю вотчины въ Угличскомъ уѣздѣ, села Парѳеньева, и нѣсколькихъ другихъ селъ и деревень съ пустошами «съ лѣсы и съ луги и со всѣми угодьи,—куды ходилъ топоръ, и коса и соха». Кромѣ этого крупнаго пожертвованія въ видѣ недвижимой собственности, Марѳа Ивановна прислала въ обитель еще 87 четвертей овса. За эти дары великая инокиня налагаетъ на игуменью и сестеръ обязательство «написати благовѣрную царицу и великую княгиню Марѳу Ѳеодоровну Катыреву, да дочерь мою благовѣрную княгиню Татіану Ѳеодоровну Катыреву во вседневные, въ литейные, въ налойные синодики, и на литіяхъ и за просфоромисаніемъ души ихъ поминать по вся дни». Въ эти же синодики она велитъ вписать и свое имя послѣ смерти и совершать обычныя поминовенія, какъ и по дочеряхъ, въ день ангела и въ день кончины. Духовникомъ великой старицы былъ въ то время черный попъ Іона, который и приложилъ руку къ обѣимъ грамотамъ.

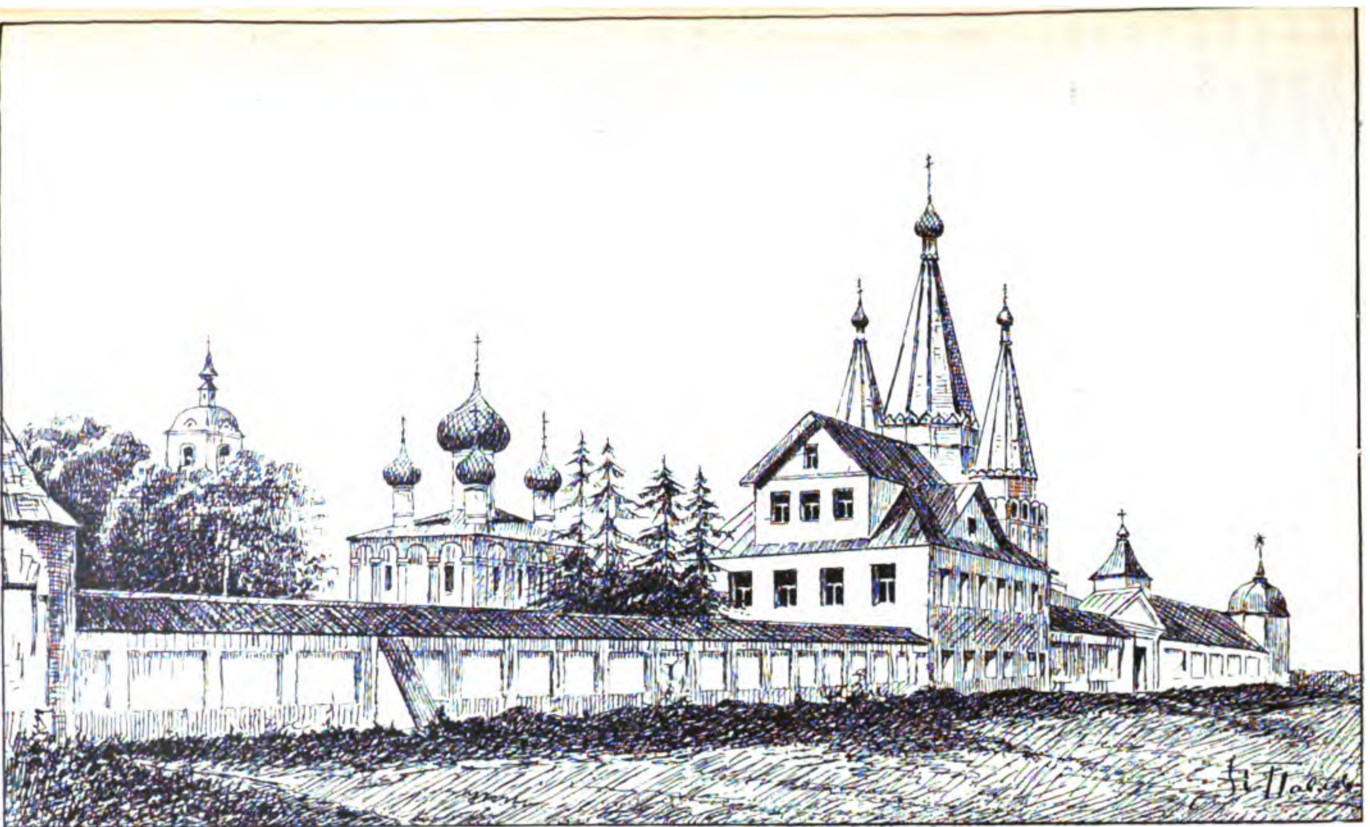
Соборъ въ Богоявленскомъ женскомъ монастырѣ.

Сожженная поляками городская крѣпостная стѣна не возобновлялась до половины царствованія Алексѣя Михайловича. Въ 1660 году на Угличъ было обращено вниманіе, и изъ Москвы посланъ былъ сюда «для городоваго строенія» князь Михайло Кугушевъ, который и началъ возводить новую крѣпостную стѣну. Трудно опредѣлить, стѣна ли была теперь ведена по иному направленію, или женскій монастырь, строясь на пустырѣ, захватилъ подъ постройки часть мѣста, бывшаго подъ прежнею стѣною, но только въ 1661 году, въ Москвѣ, была подана государю челобитная отъ игуменьи Пелагеи съ сестрами въ томъ, что при постройкѣ новой крѣпостной стѣны половина келій и святыя ворота сломаны, «а на другой половинѣ прилучилась дорога проѣзжая и городовая башня». Игуменья и сестры жаловались, что имъ отъ той городовой стѣны «утѣсненіе большое и въ городѣ мѣсто тѣсное, келей поставить стало негдѣ, а кои кельи стоятъ не сломаны, и въ тѣхъ кельяхъ живетъ игуменья не со многими старицами, и тѣхъ келей топить и хлѣба испечь имъ не дадутъ и онѣ помираютъ голодною смертью» и т. д. Въ виду «утѣсненія» онѣ просили перенести монастырь изъ кремля на посадъ на землю церкви св. Іоанна Милостиваго, принадлежавшую ростовскому митрополиту и лежавшую «въ пустѣ». Митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ былъ тогда Іона Сысоевичъ, и государь приказалъ угличскому воеводѣ Пятову обратиться къ нему съ предложеніемъ объ уступкѣ земли подъ монастырь. Воевода долженъ былъ предложить митрополиту другое какое нибудь мѣсто или деньгами—20, 25 и 30 рублей, «а будетъ», говорится далѣе въ грамотѣ: «за то мѣсто учнетъ просить больше того и въ обмѣнъ вмѣсто того мѣста взять нигдѣ не похочетъ, и ты бъ тѣмъ старицамъ пріискалъ порожнее мѣсто». Но митрополитъ согласился на предложенныя условія, и монастырь былъ переведенъ на посадъ. Въ писцовой книгѣ 1669 года онъ уже значится на новомъ мѣстѣ.

Теперь въ Кремлѣ нѣтъ ни монастыря, ни стѣны; ихъ мѣсто занялъ городской садъ, гдѣ поютъ куплеты и показываютъ мимику.

Обойдя садъ кругомъ, мы вернулись къ дворцу и мимо Каменнаго ручья направились въ городъ по направленію къ нынѣшнему монастырю. Мѣсто, которое въ XVII столѣтіи считалось на посадѣ, находится теперь въ самомъ городѣ. Наружный видъ обители, обнесенной бѣлою каменною стѣною, изъ-за которой виднѣются золоченыя соборныя главы, имѣетъ величавый характеръ. Въ настоящее время монастырь разросся настолько, что занимаетъ площадь цѣлаго городского квартала, и стѣны его выходятъ на четыре улицы.

Къ сожалѣнію, внутри монастыря не сохранилось ни одной древней постройки, и даже каменные храмы начала прошлаго столѣтія подверглись такъ называемому «обновленію», безвозвратно стершему съ нихъ печать старины. О прошломъ напоминаютъ только выше-

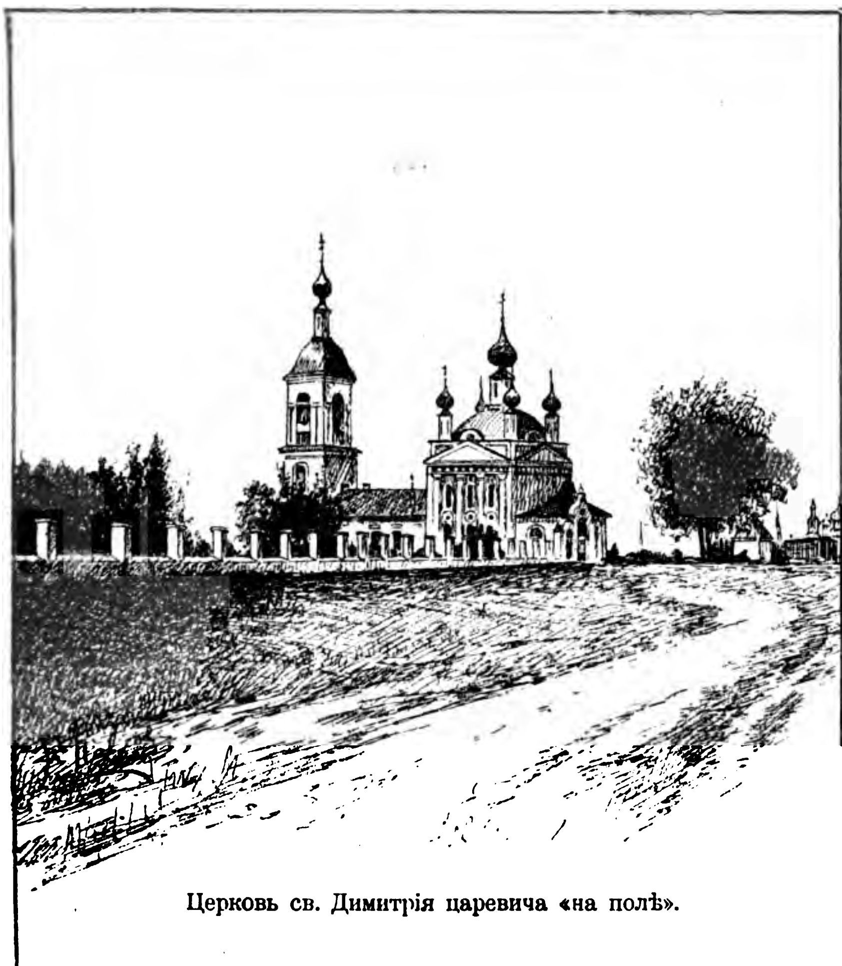

Алексѣевскій монастырь.

упомянутыя грамоты великой инокини и царя Алексѣя Михайловича, хранящіяся въ монастырской библіотекѣ, и серебряный напрестольный крестъ съ частицами мощей, пожертвованный въ 1697 году невѣсткою Петра I, царицею Прасковьею Ѳеодоровною.

Главную красу и гордость обители составляетъ величественное зданіе Богоявленскаго собора, золоченыя главы котораго видны издалека и ярко горятъ въ небесной синевѣ, доминируя надъ окружающими монастырскими и городскими постройками. Замѣчательно, что этотъ богатый соборъ начатъ былъ безъ всякихъ средствъ и построенъ слабыми женскими руками. Въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ обительскія сестры сами рыли глину, дѣлали кирпичъ, обжигали его и доставляли къ мѣсту постройки, сами собирали камни и щебень для бута, возили песокъ, пережигали известь и т. п. Когда онѣ задумали строить соборъ, у нихъ въ монастырѣ даже не было для него мѣста, но энергія и трудъ преодолѣли всѣ препятствія. Успѣхъ свой сестры всецѣло приписываютъ волѣ Провидѣнія, которая особенно ярко обнаружилась при покупкѣ земли для храма. Объ этой покупкѣ монастырское преданіе разсказываетъ слѣдующее: въ сороковыхъ годахъ, когда монастырь былъ еще не великъ, къ нему прилегала земля нѣкоего купца Буторина, на которой былъ разведенъ прекрасный фруктовый садъ изъ грушъ и яблонь. Задумавъ постройку новаго собора, игуменья и сестры рѣшили, что самымъ подходящимъ мѣстомъ для новаго храма была бы эта смежная съ обителью Буторинская земля. Къ Буторину была отправлена казначея съ предложеніемъ пріобрѣсти его участокъ, но онъ отказалъ наотрѣзъ, замѣтивъ: «Развѣ вы сами не знаете, что земля эта родовая и должна послѣ меня поступить въ наслѣдство сыновьямъ». Сестры пріуныли, такъ какъ въ монастырѣ положительно не было мѣста для такой постройки. Казначея была у Буторина осенью, а зимою въ его садъ налетѣла такая масса воронъ и галокъ, что ихъ крики и возня причиняли всю зиму не мало безпокойства и монастырю, и окрестнымъ жителямъ. Въ птицъ стрѣляли, били ихъ чѣмъ попало, но всѣ мѣры разогнать ихъ изъ сада оказались напрасными. Весною всѣ деревья въ саду высохли. Теперь пришлось призадуматься и Буторину; потерявъ садъ, онъ сталъ бояться другихъ несчастій и наконецъ самъ явился къ казначеѣ со словами: «Я буду себѣ домъ искать, а вы покупайте мою землю». Впослѣдствіи, прибавляетъ преданіе, жена Буторина разсказывала, что не разъ видѣла наяву, какъ въ садъ къ нимъ прилетали три бѣлыхъ лебедя и садились постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Она говорила объ этомъ мужу, и оба порѣшили, что, вѣроятно, на этомъ мѣстѣ закопанъ какой нибудь кладъ. Когда провели по землѣ линіи будущаго собора, то мѣсто, гдѣ садились три лебедя, оказалось какъ разъ подъ тремя алтарями.

Закладка собора была совершена 11-го іюня 1844 года, а 17-го и 18-го октября 1853 года послѣдовало и его освященіе. Красивый снаружи, храмъ красивъ и внутри, и безспорно составляетъ красу монастыря. Но главнымъ украшеніемъ обители все-таки остается неутомимая энергія ея обитательницъ, такъ очевидно доказавшая себя на дѣлѣ.

Церковь св. Димитрія царевича «на полѣ».

По штатамъ 1764 года въ монастырѣ положено быть игуменьѣ, казначеѣ и 15 монахинямъ, на содержаніе которыхъ со священниками и прислугою отпускалось 338 рублей 11 коп. въ годъ. Теперь въ монастырѣ насчитывается до 225 обитательницъ.

Интересно, что, при своей обширности и многолюдномъ населеніи, монастырь не имѣетъ до сихъ поръ собственнаго кладбища; монахини погребаются въ мужскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, а по-

слушницы—на городскомъ кладбищѣ. Чести быть похороненными въ стѣнахъ обители удостоились только строительница Богоявленскаго собора игуменія Еликонида (Муратова), монахиня Еванфія, умершая въ 1864 году, на 104 году отъ рожденія, и нѣкоторые благодѣтели. Теперь монастыремъ управляетъ мать Измарагда Воскресенская, дѣятельная помощница покойной Еликониды, справлявшая въ 1886 году пятидесятилѣтіе своего служенія обители.

V.

Торговая площадь. Алексѣевскій монастырь.

«Небось, небось, батька, вѣдь это не наше».
Народныя присловья объ угличанахъ.

Когда мы вышли изъ женскаго монастыря, то были уже порядкомъ утомлены, находясь на ногахъ съ самаго утра. Приходилось подумать и о желудкѣ. Мы рѣшили отыскать какую нибудь страннопріимницу и, направившись къ центру города, вышли на главную торговую площадь.

Она находится позади кремля съ южной стороны. Отъ бывшей крѣпости ее отдѣляетъ старый, глубокій ровъ, черезъ который перекинутъ мостъ, ведущій въ кремль, прямо къ собору. Налѣво отъ моста тянется, за рвомъ, городской садъ, о которомъ я говорилъ выше. Хотя въ старомъ описаніи Углича и говорится, что торговая площадь окружена съ четырехъ сторонъ рядами лавокъ, а съ пятой городскимъ садомъ, но мы, какъ ни старались, какъ ни поворачивались, все-таки пятой стороны у площади не нашли. По нашему, дома и лавки ограничиваютъ площадь съ трехъ сторонъ, а съ четвертой тянется ровъ и за нимъ южная сторона крѣпостного холма. Не мало красы придаютъ торговой площади церкви Успенія и Казанской Божіей Матери, находящіяся не въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой. На мѣстѣ Успенской церкви, въ удѣльныя времена, стоялъ городской Успенской соборъ, который, по мнѣнію г. Кисселя, былъ даже древнѣе Преображенскаго собора въ крѣпости. Этотъ старый Успенскій соборъ разрушенъ во время польскаго нашествія въ началѣ XVII вѣка, а нынѣшняя церковь построена уже въ 1799 году. На мѣстѣ храма Казанской Божіей Матери также существовала издавна деревянная церковь, основанная еще въ XIV столѣтіи угличскимъ княземъ Юріемъ Александровичемъ; но въ XVII вѣкѣ и эта церковь обветшала. Ее пришлось разобрать, а новую хотѣли перенести съ площади на другое мѣсто; но по ходатайству какого-то старца Варлаама, который доходилъ до самого царя Михаила Ѳеодоровича, указомъ 1639 года, повелѣно было строить новое сооруже-

ніе на площади, на мѣстѣ стараго храма. Нынѣшній каменный храмъ, замѣнившій и эту вторую деревянную церковь, возникъ въ 1778 году и, слѣдовательно, лѣтъ на 20 старше Успенскаго.

На площади нѣсколько разъ въ недѣлю бываетъ базаръ, на который съѣзжаются окрестные мужички: «кто купить, кто продать, а кто и пропить», какъ выразился одинъ мѣстный писатель. Впрочемъ, угличанъ деревенскими съѣстными припасами не удивишь. По словамъ г. Соловьева, они сами хорошіе хозяева; въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ своей коровы. «Кромѣ сего, для продовольствія семьи у

Церковь св. Николая въ Пѣтуховѣ.

каждаго гражданина имѣется свой огородъ; озабочиваясь объ уходѣ овощей, они считаютъ необходимою заготовку продуктовъ до новаго урожая. Излюбленныя овощи это есть: лукъ, огурцы, картофель, морковь, свекла и капуста».

Такъ какъ у насъ ни своей коровы, ни огорода не было, то мы и освѣдомились на площади о какомъ нибудь мѣстномъ ресторанѣ. Намъ указали гостиницу Виноградова, находящуюся неподалеку. Внизу, подъ гостиницей, помѣщается магазинъ того же владѣльца, куда мы предварительно зашли купить папиросъ. Узнавъ, что мы пріѣзжіе изъ Петербурга и намѣрены обѣдать въ его гостиницѣ, г. Виноградовъ оказался настолько любезнымъ, что

самъ проводилъ насъ на верхъ, позвалъ полового и велѣлъ сказать отъ своего имени главному повару, чтобы тотъ угостилъ насъ, какъ можно лучше. Поваръ дѣйствительно отличился на славу, за что и былъ особо награжденъ отъ насъ по заслугамъ. Но потомъ оказалось, что этою наградою мы наказали и себя, и своего любезнаго амфитріона: когда вечеромъ мы зашли въ ресторанъ поужинать, то половой встрѣтилъ насъ извиненіемъ, что теперь блюда, быть можетъ, уже не будутъ такъ вкусны, потому что поваръ на радостяхъ загулялъ, и въ кухнѣ остались одни только подручные.

Въ обширной передней комнатѣ ресторана, за длиннымъ столомъ сидѣло большое общество: мужчины въ сибиркахъ и «спинжакахъ», иные въ пальто, дамы въ платьяхъ яркихъ цвѣтовъ, въ кофтахъ, съ пестрыми платками на головахъ. Между ними находилось и нѣсколько мальчиковъ-подростковъ, наряженныхъ въ ярко пунсовыя рубашки. Половой объяснилъ намъ, что это деревенскій сговоръ, который подгородніе крестьяне для шика справляютъ въ городѣ. Лица мужчинъ лоснились, какъ ихъ сапоги, дамы сидѣли красныя, какъ піоны, но никто изъ нихъ и не думалъ снять теплое верхнее платье, несмотря на то, что жара на улицѣ была невыносимая. На столѣ стояло порядочное количество пустыхъ бутылокъ, но разговоры велись скромно, почти въ полголоса и только съ ближайшими сосѣдями; всѣ вели себя крайне степенно и деликатно, какъ подобаетъ въ городѣ. Казалось, что видишь передъ собой не крестьянскій пиръ на сговорѣ, а какое-то торжественное засѣданіе. Картина была интересна и по краскамъ, и по выраженіямъ лицъ, степенно важнымъ у мужчинъ и безучастнымъ, почти застывшимъ, у женщинъ.

Мы помѣстились въ угловой комнатѣ, гдѣ уже сидѣла компанія изъ трехъ лицъ: усатый мелкій помѣщикъ военнаго типа, изъ волостныхъ писарей, мышкинскій торговецъ и мѣстный житель. Когда мы входили, они повернулись къ намъ съ улыбкою, вѣроятно, ожидая встрѣтить знакомыхъ завсегдатаевъ гостиницы, но, увидавъ чужихъ, какъ-то съежились и понизили голоса; до насъ долетали только отдѣльныя фразы изъ разговора. За другимъ столомъ помѣщались четыре приказчика, которые были настолько увлечены разговоромъ о какомъ-то купцѣ, что не обратили на насъ никакого вниманія.

— Велисапедъ завелъ,—разсказывалъ одинъ изъ нихъ товарищамъ:—кромѣ зельтерской, ничего не пьетъ. Какъ это называется-то?

— Что?

— Да вотъ изъ чего зельтерскую пьютъ.

— Сифонъ?

— Вотъ, вотъ! Выпьетъ этакихъ сифона два—три и больше ничего.

— У васъ животикъ-то большой, а у насъ заячій,—доносится съ другого стола.

Упраздненный Воскресенскій монастырь.

— Ложится въ часъ, встаетъ въ шесть,—продолжаетъ приказчикъ:—напьется чаю и сейчасъ на велисапедъ,—и кататься. Верстъ десять отмахаетъ. Пріѣдетъ, рубашка мокрая, хоть выжми, и сейчасъ на баржу. На баржѣ-то онъ раза два—три въ день побываетъ.

— Поди-ка у него теперь мускулы-то окрѣпли,—замѣчаетъ одинъ изъ слушателей.

— Да, поправился. Однимъ словомъ—ведетъ себя хорошо.

— Поди-ка, все-таки какая нибудь слабость въ немъ да есть.

— Да вотъ и всѣ слабости. Сталъ умѣренный и шабашъ.

— Это что! Нѣтъ! что нибудь да есть, — допытывается слушатель.—Нѣтъ человѣка безъ слабости.

— Не знаю, не знаю, — обрываетъ ораторъ и переводитъ разговоръ на какой-то раздѣлъ между братьями, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ явились «гадкія обстоятельства».

На другомъ столѣ помѣщикъ острить что-то надъ купцомъ, тотъ конфузится.

— На этотъ хрящикъ у насъ и зубовъ нѣтъ,—замѣчаетъ онъ.

Дверь отворяется; входитъ городской сборщикъ.

— Пожертвуйте, православные,—заговорилъ онъ нараспѣвъ, съ низкими поклонами:—на масло Іоанну убіенному, Николѣ у Вознесенья, чудотворной иконѣ Божіей Матери Владимірской.

Разговоры прекратились, и начались пожертвованія.

Послѣ обѣда мы отправились въ мужской Алексѣевской монастырь, находящійся въ той же части города, гдѣ и женскій.

Внѣшній видъ его не такъ величественъ, какъ видъ женскаго монастыря, но зато въ немъ находятся болѣе древніе и болѣе интересные въ архитектурномъ отношеніи храмы. Основанъ онъ въ 1371 году, по желанію св. Алексѣя, митрополита московскаго, нѣкіимъ инокомъ Адріаномъ, поставившимъ деревянную церковь во имя Успенія и при ней три кельи. Когда мощи митрополита Алексѣя были найдены нетлѣнными, въ монастырѣ построили вторую церковь во имя новопрославленнаго святителя, и съ этого времени (1439 г.) монастырь получилъ названіе Алексѣевскаго. Но въ тѣ времена обитель, вѣроятно, была еще не велика и не богата. Объ этомъ можно заключить изъ духовнаго завѣщанія князя Димитрія Ивановича Угличскаго, помѣщеннаго въ V томѣ продолженія Древней россійской вивліоѳики [1]). Перечисливъ пожертвованія селами и вотчинами въ угличскіе монастыри: Воскресенскій, Покровскій, Николо-Улейминскій, Учемскій и другіе, князь только въ самомъ концѣ прибавляетъ: «Да на Угличе жъ монастырекъ на посадѣ во Гневѣ

[1]) Хотя въ примѣчаніи завѣщаніе это и отнесено тамъ къ Димитрію Ивановичу, внуку Іоанна III, извѣстному своею несчастною судьбою, но, кажется, болѣе правдоподобнымъ было бы отнести его къ сыну Іоанна, Димитрію Ивановичу Жилкѣ (1482—1521 г.), который дѣйствительно былъ княземъ въ Угличѣ.

слободѣ Олексѣй чудотворецъ и втотъ монастырекъ село Нѣкоузъ здеревми въ Рожалове». Въ концѣ XV столѣтія деревянная церковь св. Алексѣя митрополита пришла въ ветхость и была разорена. Черезъ нѣсколько лѣтъ на ея мѣстѣ былъ воздвигнутъ существующій и понынѣ каменный храмъ, очень интересный по своему покрытію тремя, рядомъ стоящими, шатровыми главами, которыя дѣлаютъ эту постройку близкою родственницею московскимъ церквамъ: Рождества Богородицы на Путникахъ и Воскресенія въ Гончарахъ. Построеніе храма нѣкоторые приписываютъ угличскому князю Димитрію Ивановичу Жилкѣ, а другіе, въ томъ числѣ и г. Киссель,

Церковь св. Іоанна Предтечи (Іоанна Убіеннаго).

угличскому намѣстнику Ѳомѣ Колычеву (1522—1550). Разсказывая объ основаніи церкви, г. Киссель впадаетъ впрочемъ въ довольно важную ошибку, считая Ѳому Колычева личнымъ другомъ св. Алексѣя, скончавшагося, какъ извѣстно, въ 1378 году. Несомнѣнно одно, что Колычевъ дѣйствительно похороненъ въ Алексѣевскомъ храмѣ.

Около конца XVI вѣка монастыремъ управлялъ игуменъ Савватій. Въ роковой день 15 мая 1591 г. въ монастырѣ служилъ обѣдню приглашенный имъ архимандритъ Воскресенскаго монастыря, Ѳеодоритъ. Услыхавъ набатъ, они послали служекъ въ городъ, справиться: не пожаръ ли?—и узнавъ о смерти царевича, оба поспѣ-

шили въ крѣпость. Они нашли тѣло убіеннаго уже въ соборѣ. При нихъ привели въ храмъ къ царицѣ Осипа Волохова, чуть живого, и тутъ же добили его. Когда вслѣдъ затѣмъ была приведена въ соборъ жена Битяговскаго съ дочерьми, и народъ хотѣлъ расправиться и съ ними, то архимандритъ и игуменъ бросились въ толпу, отняли женщинъ и спасли ихъ отъ смерти. Оба они фигурируютъ въ сыскномъ дѣлѣ о смерти царевича.

Во время польскаго погрома монастыремъ правитъ уже архимандритъ, нѣкій Арсеній. Въ обители находилось тогда до 60 человѣкъ братіи, въ нее же, во время ночного взятія крѣпости и всеобщей рѣзни, укрылось около пятисотъ гражданъ. Поутру поляки окружили монастырь. Арсеній поддерживалъ бодрость въ осажденныхъ, напоминалъ имъ доблестную защиту Троице-Сергіева монастыря. Монахи и угличане отбивались храбро, много поляковъ легло подъ стѣнами обители, но наконецъ непріятель все-таки ворвался въ ограду и, озлобленный упорнымъ сопротивленіемъ, не пощадилъ никого. Часть братіи, укрывавшаяся въ каменномъ подвалѣ, была заживо завалена въ немъ каменьями и землею. Болѣе всѣхъ пришлось вытерпѣть самому Арсенію, котораго поляки схватили и подвергли мучительной пыткѣ съ цѣлію узнать, гдѣ спрятаны монастырскія сокровища. Онъ умеръ, не открывъ ничего. Обитель была разрушена, но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, усердіемъ старца Мисаила, она снова начала возникать изъ развалинъ. Въ 1628 году, на мѣстѣ сожженнаго поляками деревяннаго Успенскаго храма, былъ воздвигнутъ нынѣшній каменный Успенскій соборъ. Онъ крытъ пятью главами и красивъ своею правильностью пропорцій. Третья каменная церковь, во имя Іоанна Предтечи, была сооружена уже въ концѣ XVII столѣтія, въ 1681 году. Монастырь въ это время считался однимъ изъ богатѣйшихъ въ Угличѣ; онъ владѣлъ болѣе чѣмъ двумя тысячами душъ крестьянъ, мельницами, лѣсами и рыбными ловлями. Съ 1764 г. онъ отнесенъ къ разряду третьеклассныхъ и средства его значительно уменьшились. Въ удѣльныя времена, по словамъ г. Соловьева, въ стѣнахъ обители была устроена тюрьма, гдѣ содержались въ оковахъ знатныя лица, присланныя изъ Москвы и другихъ мѣстъ. Изъ хранящихся въ монастырѣ церковныхъ древностей замѣчателенъ напрестольный серебряный крестъ съ мощами, пожертвованный въ 1623 году княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ.

Въ стѣнахъ монастыря неподалеку отъ собора находится обширное кладбище, гдѣ находятъ себѣ вѣчное успокоеніе именитые и зажиточные граждане города. Подлѣ одного изъ свѣжихъ памятниковъ, за рѣшеткою, копошилась съ метлою женщина, подметавшая песокъ и убиравшая могилу. Я прошелъ далѣе дѣлать наброски, а товарищъ мой разговорился съ нею.

Когда, минутъ черезъ двадцать, я вернулся къ нимъ, то засталъ ихъ уже въ оживленной бесѣдѣ: женщина сватала ему вдову умер-

шаго, молодую, красивую, умную; у невѣсты, по ея словамъ, было денегъ сто тысячъ и лошадь въ 300 рублей.

Жара стояла ужасная, и мы отправились въ монастырскую келарню попросить воды. Молодой послушникъ радушно угостилъ насъ квасомъ и очень заинтересовался нашими рисунками.

— Съ нашего монастыря плановъ еще, кажется, нигдѣ печатано не было,—замѣтилъ онъ.—Есть въ Питерѣ журналы хорошіе: «Нева» и «Осколки»; вотъ если бы тамъ помѣстить!

Мы не стали его разочаровывать и, поблагодаривъ за вкусный квасъ, прошли въ соборъ, гдѣ въ это время ударили къ вечернѣ.

VI.

Угличскіе храмы. Іоаннъ Убіенный.

«Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы».

Пушкинъ.

«Ѣздилъ чортъ въ Ростовъ, да напугался крестовъ»,—говоритъ народная пословица, характеризуя обиліе церквей въ Ростовѣ, но Угличъ въ этомъ отношеніи смѣло могъ бы поспорить со своимъ бывшимъ стольнымъ городомъ. На двѣнадцать тысячъ населенія въ Угличѣ, — не считая монастырей и соборовъ, — однѣхъ приходскихъ церквей насчитывается до двадцати четырехъ. Благодаря скромному количеству прихожанъ, приходы эти большею частію бѣдны и существуютъ на крайне скудныя средства. Относительно приходовъ, находящихся ближе къ берегу, здѣсь замѣчается довольно интересное явленіе: Волга для нихъ какъ бы не существуетъ. Многіе жители городской стороны состоятъ прихожанами зарѣчной Введенской церкви, и мы сами видѣли, какъ причтъ другой церкви, св. Леонтія, также находящейся за Волгою, ходилъ со-святомъ по городскому правому берегу, хотя въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ домовъ его прихожанъ находятся цѣлыхъ три городскихъ церкви. Но если приходы не велики теперь, то каковы же они должны были быть въ XVI столѣтіи, когда въ Угличѣ при сорока-тысячномъ населеніи было 12 монастырей и 150 храмовъ!

Остатокъ дня мы посвятили на обозрѣніе главнѣйшихъ церквей города и, подрядивъ извозчика, очень разговорчиваго старичка, отправились за городскую заставу, къ церкви Димитрія царевича, находящейся на городскомъ кладбищѣ.

— Какъ же вы эту церковь называете?—спросилъ я по дорогѣ возницу, зная, что въ городѣ есть уже церковь Димитрія царевича «на крови».

— «На крови».

— Какъ «на крови»? Вѣдь «на крови» у дворца?

— Да, и тамъ есть,—отвѣчалъ онъ улыбаясь:—та Димитрія царевича, и эта Димитрія царевича, та «на крови», и эта «на крови»; въ той батюшка отецъ Николай, и въ этой батюшка отецъ Николай, а ничего не подѣлаешь, такъ ужъ вышло.

— Почему же вы и загородную тоже «на крови» зовете?

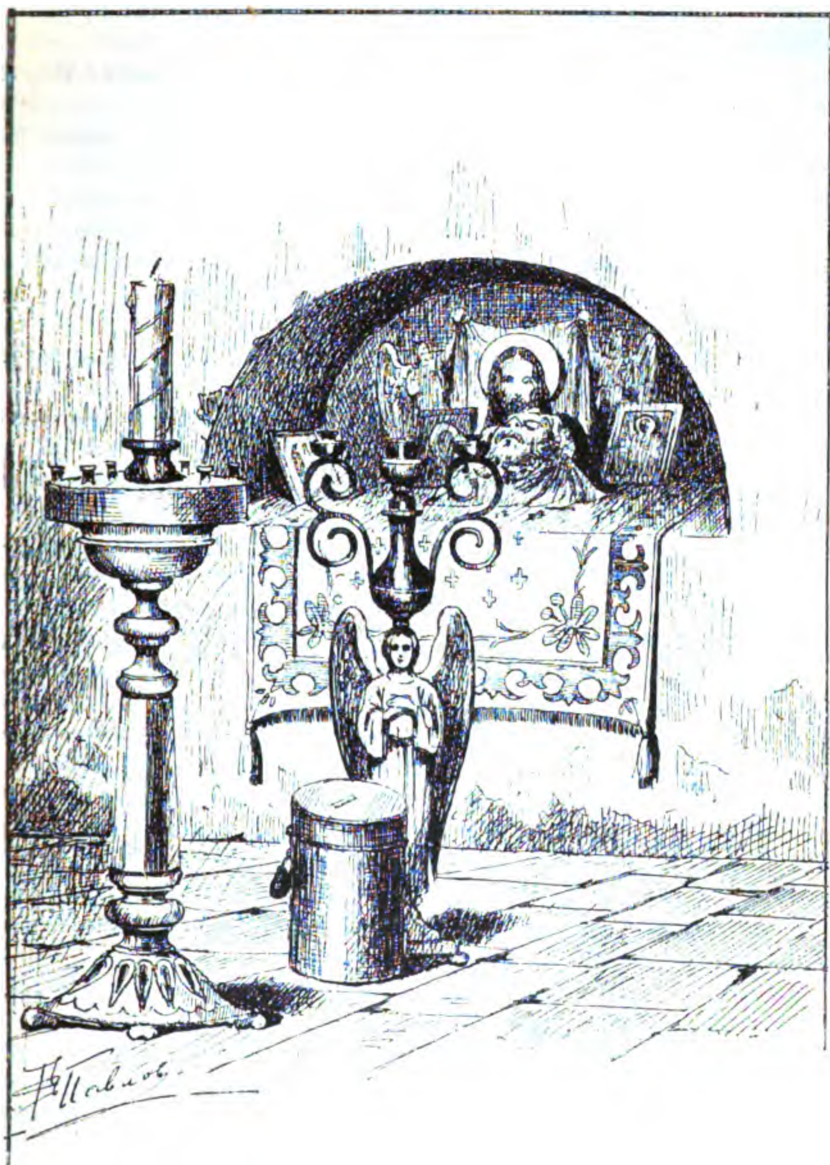
— А это по особому случаю. Видишь ли: какъ его убили-то и похоронили, такъ пролежалъ онъ въ землѣ пятнадцать лѣтъ нетлѣннымъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ надумали его изъ нашего города взять и въ Москву перенести. Вынесли изъ города, а у него на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ церковь, изъ горлышка-то опять кровь показалась, оттого и «на крови».

Церковь находится почти за самою городскою заставою. Официальное ея названіе, кажется: царевича Димитрія на Полѣ. Она помѣщается направо отъ новой Ростовской дороги и построена не ранѣе конца прошлаго столѣтія. Но мѣсто, на которомъ она стоитъ, памятно угличанамъ еще съ конца мая 1606 года, когда состоялось перенесеніе мощей царевича въ Москву. Въ тѣ времена, какъ и теперь, здѣсь пролегала Ростовская дорога, по которой направилось шествіе съ мощами, и на этомъ мѣстѣ совершилось горестное прощаніе горожанъ съ дорогими для нихъ останками царевича, а насколько дороги имъ были эти останки, свидѣтельствуетъ сохранившаяся до сихъ поръ въ народѣ легенда о появленіи крови во время прощанія, слышанная нами потомъ отъ разныхъ лицъ.

Подобно мѣсту убіенія царевича, и мѣсто послѣдняго прощанія съ его мощами было ознаменовано постройкою часовни, которая простояла здѣсь болѣе 70 лѣтъ и была замѣнена деревянною церковью, мѣсто которой заняла потомъ каменная. Но и каменный храмъ простоялъ только до конца прошлаго вѣка, когда его за ветхостью пришлось разобрать и приступить къ постройкѣ новаго, который существуетъ и по сіе время. Снаружи онъ имѣетъ довольно красивый видъ, но внутри не заключаетъ ничего особенно интереснаго.

Отъ Ростовской заставы нашъ старичекъ повезъ насъ въ мѣстность Пѣтухово, гдѣ находится недурная въ архитектурномъ отношеніи церковь св. Николая Чудотворца. Пѣтухово расположено на краю города, на холмистой возвышенной мѣстности, и видъ отъ него на Угличъ и на Волгу очень красивъ. Церковь была построена въ 1758 году, вмѣсто сгорѣвшей деревянной. Вокругъ нея еще видны остатки древняго кладбища.

Названіе Пѣтухова произошло по слѣдующей причинѣ: недалеко отъ церкви и теперь еще находится полувросшій въ землю большой камень. На этомъ камнѣ въ старину творилось чудо. Незадолго до смерти царевича, передъ ссылкою угличанъ въ Сибирь и передъ

Мѣсто погребенія Іоанна Убіеннаго въ церкви св. Іоанна Предтечи.

польскимъ нашествіемъ, на немъ неизвѣстно откуда появлялся громадный пѣтухъ и крикомъ своимъ возвѣщалъ о грядущемъ на городъ бѣдствіи.

— Нашъ городъ прежде большой былъ,—говорилъ извозчикъ, когда мы отъ Пѣтухова снова спускались къ Волгѣ:—вотъ теперь

въ семи верстахъ отсюда Грѣховъ ручей есть, такъ тамъ встарину, говорятъ, мясные ряды были.

— А почему онъ Грѣховымъ называется? Мясники что ли много грѣха на душу брали?

— Нѣтъ, не потому, а опять по особенному случаю. Какъ царевича-то у насъ убили, два злодѣя, помоложе-то, сѣли на коней, да бѣжать. Добѣжали до Грѣхова-то ручья, да тамъ и ослѣпли,— ни взадъ, ни впередъ; ну, и вернулись поневолѣ въ городъ; тутъ ихъ и схватили. Съ тѣхъ поръ ручей-то говорятъ Грѣховнымъ и прозвался.

— Такъ великъ былъ городъ-то?

— Великъ. И посейчасъ еще крестьяне въ окружности много старинныхъ денегъ находятъ. Вонъ тамъ, на томъ берегу, подальше-то,— Богоявленская гора прозывается. Тамъ прежде монастырь былъ,— литва разорила,— такъ мѣсто-то еще и теперь видать, и тоже деньги старинныя находятъ. А то еще за Алексѣевскимъ монастыремъ въ городѣ ручей есть. Лѣтъ пять тому, въ дождливое лѣто, онъ разлился здорово и даже черезъ дорогу шелъ,— такъ тоже размылъ старинныхъ денегъ золотыхъ,—да рублей, говорятъ, на сто! Женщина одна нашла; ну, только у нея отобрали.

Мы спустились въ городъ на берегъ, къ церкви Флора и Лавра, построенной въ 1762 г. Въ древности здѣсь находился конюшенный дворъ угличскихъ князей, отсюда и имя церкви, посвященной святымъ, считающимся покровителями коневодства. Церковь находится на самомъ берегу Волги, близъ пароходныхъ пристаней, саженяхъ въ полутораста отъ бывшей крѣпости и дворца.

Проѣхавъ черезъ базаръ, мы направились въ другой конецъ города и вскорѣ выѣхали на большую площадь, посреди которой возвышался каменный, бѣлый храмъ, крайне интересный по плану и величественный по наружности. По сторонамъ его, на краяхъ площади, находились еще двѣ церкви.

— Это прямо-то—Воскресеніе,—обернулся къ намъ извозчикъ:— налѣво—Парасковея Постница, а направо—Іоанна Убіеннаго.

Мы сошли съ дрожекъ и направились къ Воскресенскому храму, у котораго насъ ожидала очень оригинальная картина: на восточной стѣнѣ, высоко, высоко, почти подъ самымъ карнизомъ, помѣщалось большое изображеніе Спасителя, къ которому по крышѣ вели деревянныя лѣстницы. Передъ изображеніемъ, въ висячемъ фонарѣ, ярко теплилась лампада, а внизу, на пустой площади, стоялъ съ псаломщикомъ старичекъ священникъ въ ризѣ и служилъ молебенъ. Тишина безлюднаго пустыря, каменная громада храма, икона, высоко царящая въ воздухѣ надъ площадью, мелькающій передъ нею огонекъ и эти двѣ одинокія, молящіяся фигуры дышали какою-то глубокою, нетронутою стариною, какою-то особою, задушевною оригинальностью, и мы нѣсколько минутъ молча наслаждались этимъ зрѣлищемъ.

Священникъ окончилъ молебенъ и вернулся въ церковь, куда за нимъ послѣдовали и мы. Служба отошла лишь недавно, и свѣчникъ былъ еще на своемъ мѣстѣ. Зная, что церковь прежде была монастыремъ, я подошелъ къ нему освѣдомиться, не продается ли ея описаніе.

— Не знаемъ,--отвѣчалъ свѣчникъ, долговязый парень съ соннымъ выраженіемъ лица.

— Какъ не знаете? Кому же и знать, какъ не вамъ?

— Не знаемъ.

— Да у васъ, въ свѣчномъ ящикѣ-то, есть оно или нѣтъ?

— Есть.

— Покажите.

Онъ открылъ и досталъ свѣчи.

— Да я васъ про описаніе спрашиваю, есть оно?—продается или нѣтъ?

— Не знаю.

Старикъ священникъ, вышедшій въ это время изъ алтаря, узнавъ, въ чемъ дѣло, отвѣчалъ, что описанія печатнаго нѣтъ, и любезно вызвался показать намъ церковь и подѣлиться изустно своими знаніями объ ея прошломъ.

Въ XVI вѣкѣ неподалеку отсюда находился мужской Воскресенскій монастырь. Тогда онъ былъ еще деревянный, стоялъ на берегу близъ Волги и во время разливовъ затоплялся водою. Около 1609 года монастырь этотъ былъ разрушенъ поляками. Нѣкоторое время въ числѣ обительской братіи находился будущій ростовскій митрополитъ Іона Сысоевичъ. Онъ былъ большой любитель строиться и, сдѣлавшись митрополитомъ, съ горячностью принялся за возобновленіе своего любимаго Воскресенскаго монастыря. Онъ перенесъ его съ берега Волги на площадь, обнесъ оградой и воздвигъ въ немъ этотъ замѣчательный храмъ, въ 1677 году. Здѣсь же построилъ онъ и домъ для своего пріѣзда и при немъ церковь святой Параскевы Пятницы. Монастырь въ то время былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ въ городѣ, но по смерти митрополита Іоны началъ мало-по-малу приходить въ упадокъ; начатыя грандіозныя зданія такъ и остались недостроенными. Въ 1764 году, у обители были отобраны вотчины, а такъ какъ другихъ средствъ къ существованію она не имѣла, то и рѣшено обратить ее въ приходскую церковь. Въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія, послѣдовалъ запросъ о количествѣ дворовъ въ приходѣ и въ виду того, что это количество далеко не достигало положенной нормы, закрытъ и самый приходъ, а церковь приписана къ находящейся на той же площади Предтеченской церкви. Лѣтъ около двадцати назадъ, преосвященный Іоанаѳанъ, архіепископъ ярославскій, будучи въ Угличѣ ,осмотрѣлъ Воскресенскую церковь и пожелалъ возстановить въ ней богослуженіе. Церковь была переписана къ городскому духовному училищу, и въ нее переведенъ

изъ другаго прихода водившій насъ батюшка, который состоитъ преподавателемъ духовнаго училища и вотъ уже 16 лѣтъ совершаетъ здѣсь богослуженіе.

Зданіе, возведенное Іоною Сысоевичемъ, состоитъ въ сущности изъ двухъ самостоятельныхъ храмовъ, соединенныхъ между собою каменнымъ переходомъ съ лѣстницами, проходомъ внизу и колокольнею на верху. Главный храмъ, помѣщающійся налѣво, освященъ въ память праздника обновленія храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ. Онъ имѣетъ по сторонамъ два небольшихъ придѣла, отдѣленныхъ отъ него глухими каменными стѣнами, во имя Знаменія и Владимірской Божіей Матери. Вторая церковь, направо отъ колокольни, нѣсколько меньше главнаго храма и освящена въ честь смоленской иконы Богородицы. Въ западной части этой церкви находилась монастырская трапеза. Теперь эта трапеза, равно и обширные подвалы, устроенные внизу зданія, отдаются мѣстнымъ купцамъ подъ склады хлѣба, и арендная плата за нихъ составляетъ почти единственный, скудный доходъ церкви, безъ котораго она положительно не могла бы существовать.

Громадная ограда монастыря давно уже сломана и продана одному мѣстному купцу, который тутъ же на площади выстроилъ изъ нея каменный домъ, въ которомъ помѣщается трехклассное городское училище. Остались на площади, неподалеку отъ Пятницкой церкви, одни только бывшія монастырскія ворота съ иконою Знаменія, обращенныя теперь въ часовню. По преданію, ворота эти оставлены оттого, что рабочіе никакъ не могли разломать ихъ. Написанная на нихъ икона считается чудотворною.

— А Нерукотворенный образъ, передъ которымъ вы служили?— спросили мы батюшку.

— А это древній образъ, одного времени съ храмомъ.

— Онъ настѣнный или писанъ на доскѣ?

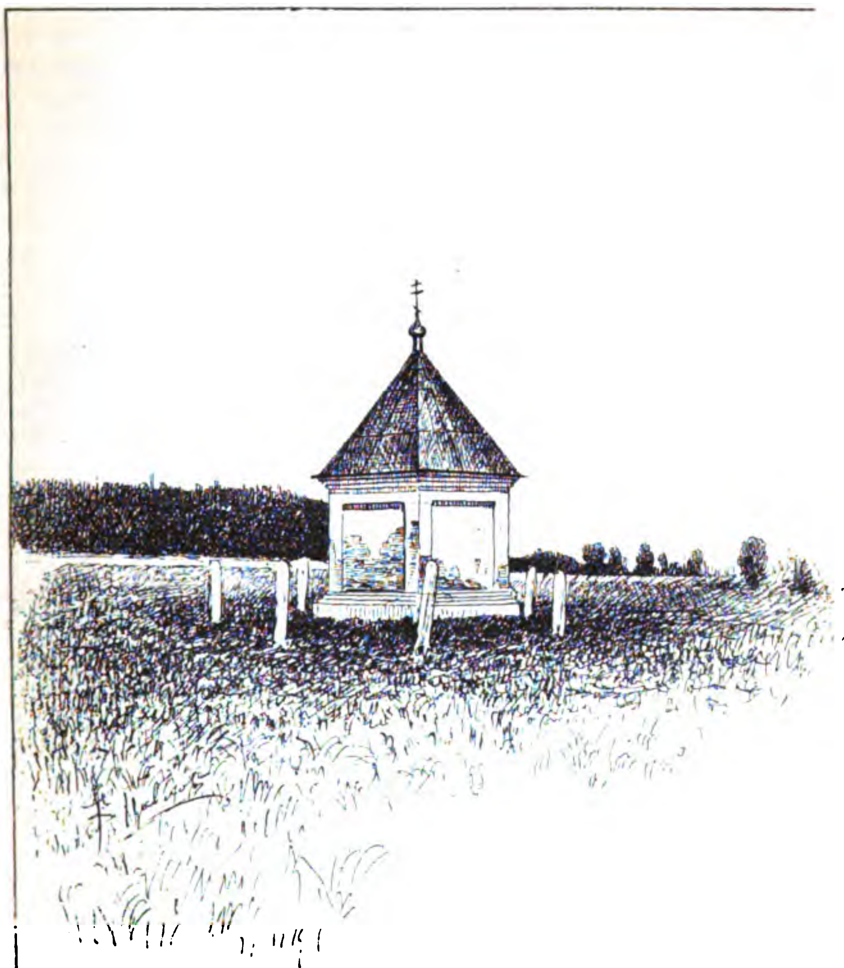
— Иванъ Павлычъ,—обратился старичекъ къ сторожу:—ты лампадку-то зажигаешь; какой онъ: настѣнный или на доскѣ?

— На доскѣ, на доскѣ, батюшка,—отвѣчалъ тотъ.—Образъ старинный, письмо хорошее.

Простившись съ симпатичнымъ, добродушнымъ батюшкою, мы перешли въ сосѣднюю церковь св. Іоанна Предтечи, извѣстную въ городѣ болѣе подъ именемъ Іоанна Убіеннаго. Церковь построена въ 1691 году и своею стильною архитектурою производитъ крайне пріятное впечатлѣніе.

Главную достопримѣчательность этого храма внутри составляетъ гробница съ лежащами въ ней подъ спудомъ мощами младенца Іоанна Чепѳлосова, убитаго въ 1663 году. Вотъ что разсказываетъ по поводу этого младенца мѣстная лѣтопись.

Верстахъ въ двухъ отъ города, въ Іерусалимской слободѣ, проживалъ богатый посадскій человѣкъ Никифоръ Григорьевичъ Чепѳ-

Часовня на мѣстѣ убіенія младенца Іоанна Чеполосова.

лосовъ, съ женою Анною и маленькимъ сыномъ Іоанномъ. Іоанну шелъ тогда шестой годъ, и онъ уже ходилъ учиться грамотѣ къ какому-то мѣстному учителю. Въ школу онъ ходилъ съ товарищами, а иногда его провожалъ туда нѣкто Рудакъ, котораго лѣтопись называетъ «ближнимъ родителю и любимымъ ради правленія нѣкіихъ заводныхъ рукодѣльствъ». Въ то время горожане хоронились каждый въ своемъ приходѣ, лица же постороннія, неизвѣстныя, не принадлежавшія ни къ какому приходу, по общему русскому обычаю, относились за городъ въ убогій домъ, неподалеку отъ слободы,

гдѣ ихъ и погребали. Въ убогихъ домахъ покойниковъ отпѣвали не тотчасъ послѣ смерти, а по мѣрѣ накопленія, за одною общею службою. Такъ, напримѣръ, тѣла неизвѣстныхъ лицъ, подобранныхъ на улицахъ зимою, лежали въ убогихъ домахъ до весны, когда, въ извѣстный день, являлось духовенство и всѣхъ вмѣстѣ предавало землѣ. Такимъ днемъ въ 1663 году было назначено въ Угличѣ девятое іюня. Изъ города въ убогій домъ, при большомъ стеченіи народа, долженъ былъ отправиться торжественный крестный ходъ и совершиться заупокойная служба. Въ этотъ день Іоаннъ Чепѳлосовъ отправился въ школу одинъ. По дорогѣ встрѣтилъ его Рудакъ и предложилъ, по случаю праздника и крестнаго хода, пропустить школу и идти съ нимъ погулять. Мальчикъ, ничего не подозрѣвая, согласился. Рудакъ повелъ его въ свой домъ, говоря, что тамъ они сначала дождутся крестнаго хода, но когда крестный ходъ показался на улицѣ, злодѣй схватилъ мальчика, бросилъ его въ коникъ, тянувшійся въ видѣ длиннаго сундука вдоль стѣны, и заперъ тамъ наглухо. Лѣтопись прибавляетъ, что въ коникѣ было положено «острое терніе».

Богомольные Чепѳлосовы, отправляясь вмѣстѣ съ другими на крестный ходъ, распорядились мальчикамъ, товарищамъ Іоанна, чтобы тѣ привели его изъ школы на торжество. Учитель сказалъ дѣтямъ, что Чепѳлосовъ сегодня въ школѣ не былъ, но тѣ забыли оповѣстить родителей. Дѣло о пропажѣ ребенка выяснилось только послѣ службы. Начались поиски, которые продолжались нѣсколько дней и не привели ни къ чему. Чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, Рудакъ старался и хлопоталъ не менѣе другихъ, а приходя домой, истязалъ мальчика, требуя, чтобы онъ отрекся отъ отца и матери и назвалъ его отцомъ. Мальчикъ отказывался, и злодѣй спова принимался за истязанія. Такъ прошло 16 дней. 28 іюня, Рудакъ снова вывелъ изъ коника свою жертву и окончательно домучилъ ее. Онъ нанесъ мальчику двадцать четыре раны ножемъ и наконецъ вонзилъ ему ножъ въ голову черезъ ухо. Причину такого звѣрскаго злодѣянія лѣтопись видитъ въ личныхъ отношеніяхъ убійцы къ отцу убитаго. Она говоритъ, что «сіе сотворися по нѣкоему злобственному на родителя Іоаннова убійцы Іоаннова въ сердцѣ скрытому ухищренію», но безразсудное требованіе, безцѣльныя истязанія неповиннаго ребенка и самый способъ убійства, по нашему мнѣнію, указываютъ на психическое разстройство преступника и допускаютъ возможность видѣть въ Рудакѣ душевно-больного человѣка.

Совершивъ убійство, онъ ночью потихоньку вывезъ тѣло на болотистое, кочковатое поле, близъ убогаго дома, служившее выгономъ для городскаго скота, и тамъ не закопалъ, а затоптагъ его ногами въ сырую, вязкую почву. Здѣсь оно пролежало двѣнадцать дней и было наконецъ найдено городскимъ пастухомъ.

Отецъ мальчика, который страшно грустилъ о пропажѣ сына и, въ припадкѣ отчаянія, чуть даже не закололъ себя ножемъ, находился въ это время съ женою въ церкви, за обѣдней. Приближалось время пѣнія херувимской пѣсни, когда его извѣстили, что сынъ его, убитый, найденъ на выгонѣ. Онъ перемѣнился въ лицѣ, но отвѣтилъ только: «Дайте мнѣ дослушать литургію», и остался на мѣстѣ; такова была вѣра этого человѣка! Послѣ обѣдни онъ

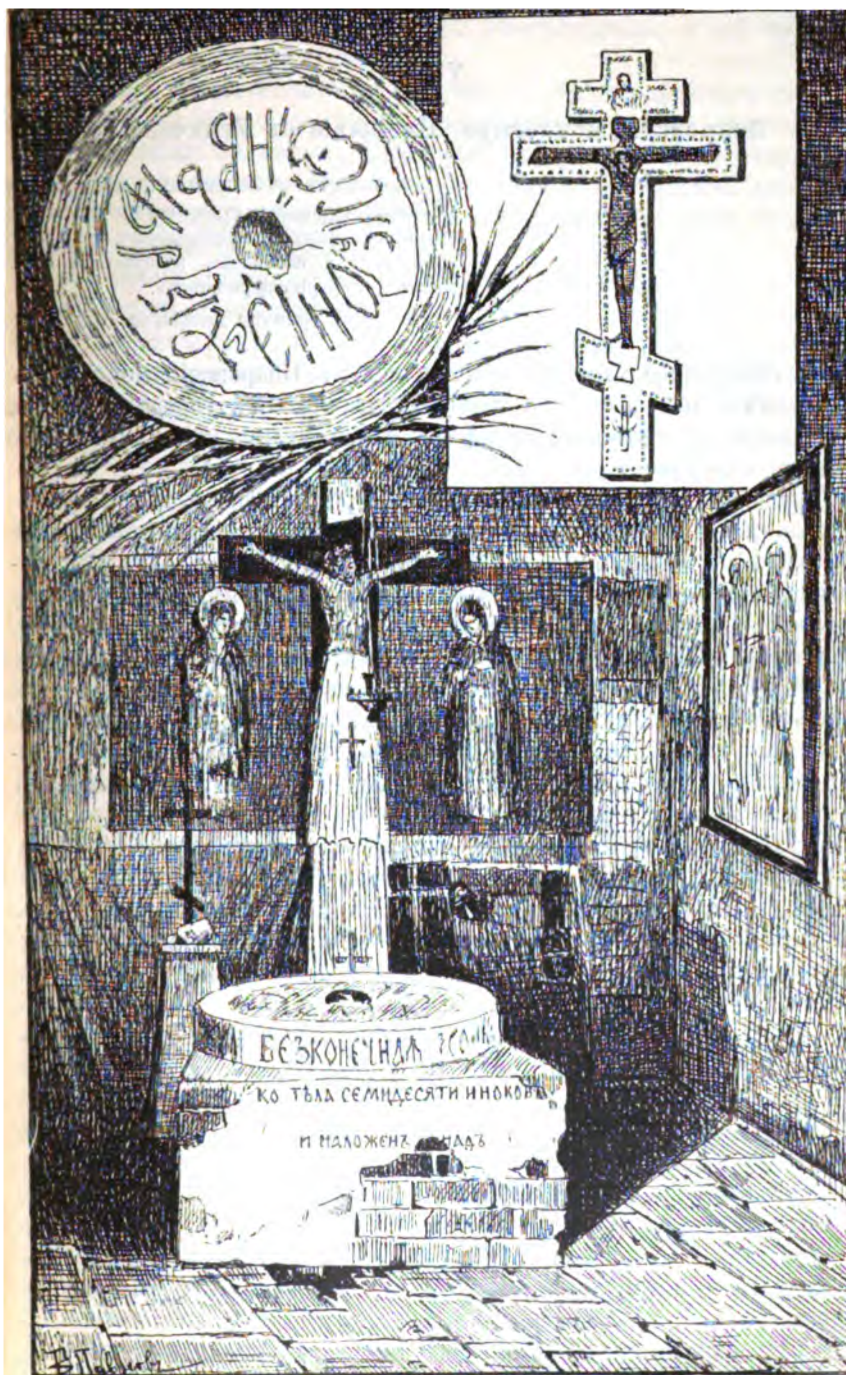
Покровскій монастырь.

пригласилъ церковный причтъ отправиться за тѣломъ, и священникъ въ тѣхъ же ризахъ, въ которыхъ совершалъ богослуженіе, пошелъ съ нимъ на поле. Въ ухѣ убитаго еще торчалъ ножъ; тѣло не выказывало ни малѣйшихъ признаковъ разложенія. Прежде всего приложили всѣ старанія, чтобы вынуть страшное орудіе смерти изъ головы ребенка, но это оказалось невозможнымъ: ножъ какъ бы приросъ къ черепу. Когда тѣло было принесено въ городъ и

приготовлено къ погребенію, въ церкви появился мучимый совѣстью Рудакъ и только лишь коснулся рукояти ножа, какъ ножъ легко и свободно выпалъ изъ раны. Преступникъ повинился во всемъ и былъ отведенъ въ тюрьму. Мальчика похоронили 6 іюля, близъ деревянной церкви Рождества Іоанна предтечи.

Злую казнь готовили угличскія власти Рудаку, но ходатаемъ за него явился самъ же убіенный. Представъ передъ матерью въ сонномъ видѣніи, онъ просилъ похлопотать объ избавленіи Рудака отъ казни. Анна Чепѳлосова не разсудила говорить о томъ мужу, но въ слѣдующую ночь Іоаннъ явился уже и отцу и матери и сказалъ имъ: «если не исходатайствуете прощенія Рудаку, то не увидите меня не только здѣсь, но и въ будущей жизни». Проснувшись, они оба разсказали другъ другу свой сонъ и поспѣшили къ властямъ. Рудакъ былъ отпущенъ на свободу, но, по словамъ лѣтописи, все-таки не избѣгъ суда Божьяго: онъ вскорѣ умеръ съѣдаемый червями.

Надъ мѣстомъ погребенія любимаго сына Чепѳлосовъ приступилъ къ постройкѣ нынѣшней каменной Предтеченской церкви. Въ 1689 г. начали постройку, и тутъ оправдались таинственныя слова, сказанныя Іоанномъ во снѣ родителямъ: они снова увидали его еще въ сей жизни. Когда начали копать рвы для фундамента, нашли его гробъ цѣлымъ и крѣпкимъ и самое тѣло нетлѣннымъ. Чудо было тѣмъ болѣе очевидно, что похороненный тутъ же, незадолго до Іоанна, братъ Чепѳлосова успѣлъ истлѣть совершенно. Донесли о событіи въ Ростовъ митрополиту Іонѣ, и онъ поручилъ игумену сосѣдняго Покровскаго монастыря освидѣтельствовать тѣло. Оно было, говоритъ лѣтопись: «яко днесь положено, и токмо малая часть взята бысть десныя руки малаго перста, свойственно бо есть землѣ свое взяти». Но архіереямъ, прибавляетъ лѣтописецъ, по случаю развивавшагося тогда раскола, было не до новооткрытыхъ мощей. Когда въ 1691 г. каменная церковь была окончена, ихъ велѣно положить въ нее подъ спудомъ, въ нишѣ теплаго придѣла, гдѣ онѣ и посейчасъ находятся. Священникъ Предтеченской церкви о. Ѳеодоръ Ширяевъ, во время передѣлокъ храма, сравнительно не такъ давно, снова видѣлъ гробъ и нетлѣнное тѣло и одежды младенца, о чемъ и докладывалъ ярославскимъ преосвященнымъ, посѣщавшимъ Угличъ.

Внутренность часовни надъ могилою убіенныхъ поляками иноковъ. Вверх крестъ, бывшій въ рукахъ игумена, и жерновъ на могилѣ.

VII.

Покровскій монастырь. Прощаніе съ Угличемъ.

«А изъ тѣхъ Углечскихъ монастырей Покровскій изначала строеніе благовѣрныхъ великихъ князей и преподобнаго отца игумена Паисія изобиленъ каменными церквами и утварію церковною».

Изъ грамоты патріарха Адріана.

На слѣдующее утро мы отправились въ Покровскій монастырь, находящійся на разстояніи четырехъ верстъ отъ города и почти единственный, уцѣлѣвшій въ окрестностяхъ Углича послѣ страшнаго польскаго погрома.

Дорога въ монастырь идетъ вдоль берега Волги и полна воспоминаніями объ Іоаннѣ Убіенномъ. Вотъ Іерусалимская слобода, гдѣ онъ жилъ съ родителями, и гдѣ стоялъ домъ Рудака, вотъ Воскресенское городское кладбище на мѣстѣ бывшаго убогаго дома (его же называютъ, кажется, и Егорьевскимъ; церковь построена въ 1744 г.). Вотъ и поле, бывшій городской выгонъ, гдѣ найдено тѣло страдальца. На мѣстѣ, гдѣ оно было затоптано Рудакомъ въ землю, стоитъ теперь сложенный изъ кирпичей квадратный столбикъ съ иконою. Столбикъ уже обветшалъ, штукатурка на немъ обвалилась. На обширномъ кочковатомъ полѣ пусто и уныло, и въ душу закрадывается щемящее чувство тоски.

Сдѣлавъ набросокъ часовни, мы поѣхали далѣе.

Впереди, широко размахивая полами рыжаго, выгорѣвшаго подрясника, двигалась высокая фигура въ широкополой шляпѣ, съ волосами, заплетенными въ тоненькую косичку. По виду это былъ священникъ.

Мы догнали его.

— Вы, господа, не въ монастырь ли?—заговорилъ онъ, притрогиваясь рукою къ шляпѣ.

— Въ монастырь.

— Сдѣлайте милость, поѣзжайте потише, чтобы мнѣ съ вами успѣть на паромъ. А то уйдетъ на ту сторону,—не дождешься.

— А вы тоже въ монастырь?

Онъ улыбнулся.

— Нѣтъ, я-то, положимъ, въ слободку пробираюсь. Самъ теперь въ монастырѣ живу, такъ мнѣ монастыри-то немножко ужъ поприкушались.

— Въ какомъ монастырѣ?

— А въ Алексѣевскомъ, въ городѣ. Я вѣдь подначальный,—вотъ и обрѣтаюсь во обители.

Онъ оказался очень веселымъ собесѣдникомъ, и мы незамѣтно добрались съ нимъ до парома.

Бѣлыя стѣны монастыря тянулись по песчаному пригорку противоположнаго берега, на колокольнѣ благовѣстили къ обѣднѣ.

Мы сошли на паромъ. Здѣсь уже ждала группа крестьянокъ изъ ближайшаго богатаго села Прилукъ. Онѣ возвращались изъ города домой. Высокая церковь Прилукъ виднѣлась на томъ берегу нѣсколько выше по теченію.

— Наши Прилуки,—хвасталась одна старуха,—не село, а настоящій городъ. Чего-чего только у насъ нѣтъ, народъ все богатый...

— А есть ли у васъ сайки, бабушка?—прервалъ ее священникъ.

Баба слегка смутилась.

— Саекъ-то нѣтъ,—это точно.

— Ну, вотъ то-то же, значитъ и не городъ.

На томъ берегу, прощаясь съ нами, онъ пропустилъ насъ впередъ, замѣтивъ весело:

— Не перейти бы вамъ дорогу; а то если попъ дорогу перейдетъ,—бѣда!

Онъ пошелъ налѣво въ слободу, а мы стали подниматься къ монастырю.

Основатель обители, преподобный Паисій, родился въ 1397 году и скончался въ 1504, ста семи лѣтъ отъ роду. Отецъ его, Иванъ Гавреневъ, жившій въ Нерехотскомъ стану, въ 37 верстахъ отъ Углича, былъ женатъ на дочери боярина Василія Кожи, родной сестрѣ преподобнаго Макарія Калязинскаго, который, впрочемъ, родился тремя годами позднѣе своего племянника Паисія. Когда Макарій поселился въ Клобуковѣ монастырѣ, къ нему, схоронивъ родителей, пришелъ и Паисій (тогда еще Павелъ Гавреневъ). Дядя постригъ его въ монашество, и съ той поры они прожили вмѣстѣ долгіе годы. Въ числѣ семи старцевъ, переселившихся съ Макаріемъ на землю Каляги, былъ и Паисій, дѣятельно помогавшій дядѣ въ устройствѣ новой обители.

Пожелавъ соорудить подъ Угличемъ свой монастырь, князь Андрей Васильевичъ Большой явился въ Калязинскую пустынь къ преподобному Макарію и просилъ дать ему игумена для будущей братіи. Макарій отпустилъ съ нимъ Паисія, который поселился въ четырехъ верстахъ отъ города на берегу рѣчки Нимошни, и посейчасъ протекающей подлѣ монастыря. Онъ соорудилъ деревянную церковь во имя Богоявленія и при ней нѣсколько келій.

Но Богоявленскій монастырь вскорѣ получилъ наименованіе Покровскаго. Это произошло по слѣдующему случаю: однажды, на утренней зарѣ, обительскій хлѣбникъ отправился на Волгу за водою и увидѣлъ прибитую теченіемъ къ берегу большую икону. Оставивъ ведра у рѣки, онъ побѣжалъ въ монастырь и увѣдомилъ преподобнаго. Паисій собралъ иноковъ и съ крестнымъ ходомъ отправился

къ рѣкѣ. Икону перенесли съ торжествомъ въ монастырь; на ней было изображеніе Покрова Пресвятой Богородицы, и эта Покровская икона сдѣлалась главною святынею обители. Въ честь ея въ 1482 году былъ построенъ нынѣшній каменный соборъ.

По смерти преподобнаго, московскіе князья и государи не оставляли монастыря своими милостями. Такъ великій князь Василій Ивановичъ въ 1521 году освободилъ отъ своего суда и повинностей селенія, принадлежавшія монастырю въ Угличскомъ уѣздѣ, и запретилъ скоморохамъ игру по монастырскимъ селамъ. Грозный пожаловалъ монастырь селомъ и тремя деревнями. Даже отъ имени Димитрія царевича была выдана грамота уменьшавшая пошлины въ пользу князя, которыя взимались съ монастырскихъ крестьянъ, и предоставлявшая монастырю полное судопроизводство надъ своими крестьянами, кромѣ случаевъ душегубства. Вѣроятно, вслѣдствіе просьбы монастырскихъ властей, эта же грамота запрещала угличскимъ крестьянамъ ходить въ гости къ монастырскимъ, и если-бъ кто изъ нихъ явился на пиръ незваннымъ, то предоставляла право выводить таковаго со стыдомъ.

Въ 1609 году, поляки, осаждая Угличъ, появились и подъ монастыремъ. Правившій тогда обителью игуменъ Антоній, пріобщивъ всѣхъ находившихся въ обители святымъ тайнамъ, облачился въ ризы, взялъ въ руки крестъ и, сопровождаемый двѣнадцатью иконами, вышелъ навстрѣчу непріятелю, надѣясь убѣдить его увѣщаніями. Но лишь только онъ показался въ отворенныхъ воротахъ, какъ поляки выбили изъ рукъ его крестъ и разрубили игумена надвое. Тутъ же въ воротахъ были умерщвлены и его спутники монахи. Тѣла ихъ были брошены въ Волгу, но защитники монастыря въ ту же ночь вышли украдкою на берегъ, взяли тѣла изъ воды и похоронили въ обители. На слѣдующій день поляки овладѣли монастыремъ и, по обычаю, не помиловали никого. Часть осажденныхъ укрылась было въ главѣ Покровскаго храма, гдѣ былъ устроенъ придѣлъ св. Герасима, но непріятели натаскали въ церковь соломы и хвороста, подтащили къ высокому иконостасу и подожгли. Иконостасъ запылалъ, и всѣ скрывавшіеся въ главѣ погибли среди дыма и пламени.

Когда поляки удалились, сожженный монастырь представлялъ собою жалкія развалины. Отъ покровскаго храма остались однѣ только стѣны. Но въ то время, какъ другіе подгородніе монастыри такъ и остались грудами пепла, Покровская обитель снова возникла изъ развалинъ и теперь считается самымъ крупнымъ монастыремъ въ окрестностяхъ Углича.

Въ 1691 году, грамотою патріарха Адріана въ обители была учреждена архимандрія. Первымъ архимандритомъ поставленъ былъ патріаршій крестовый іеромонахъ Макарій «съ шапкою сребрекованною». «Били челомъ намъ, святѣйшему патріарху,—говорится въ грамотѣ,—града Углича и всего уѣзда, всякаго духовнаго чина и мірскаго; издревле де градъ Углечъ княженіе было великое и нынѣ

при царской свѣтлости не въ презрѣніи и ихъ царскою милостію взысканъ и св. обителями украшенъ. А въ господскіе праздники и въ царскіе ангелы бываютъ на соборахъ, и у нихъ во градѣ архимандрита съ шапкою нѣтъ». Вслѣдствіе этого челобитья и поставленъ былъ для города въ Покровскій монастырь архимандритъ съ шапкою.

Мы зашли въ Покровскій соборъ, гдѣ шла обѣдня. Соборъ въ недавнее время расписанъ изображеніями сценъ изъ жизни преподобнаго Паисія. Алтарь собора построенъ не на восточную, а на южную сторону. Это необычное расположеніе алтаря сдѣлано преподобнымъ будто бы въ силу бывшаго ему таинственнаго видѣнія.

Свѣчникъ провелъ насъ въ придѣлъ священно-мученика Антипы, гдѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи св. основателя обители. Въ 1654 году, монастырь посѣтилъ государь Алексѣй Михайловичъ съ супругою Маріею Ильинишною, съ сыномъ Алексѣемъ и сестрою Ириною Михайловною. Мощи преподобнаго находились тогда въ часовнѣ. Государю захотѣлось лично освидѣтельствовать скрытый подъ спудомъ гробъ преподобнаго. Онъ велѣлъ священнослужителямъ раскопать землю, но лишь только они принялись за дѣло, какъ на всѣхъ напалъ невѣдомый страхъ. Царь приказалъ прекратить копанье и со слезами просилъ прощенія у угодника. Мощи оставлены подъ спудомъ. Неподалеку отъ мощей находится и обложенный серебромъ крестъ, съ которымъ игуменъ Антоній встрѣтилъ поляковъ. Крестъ костяной, перекрестіе же съ лѣвой стороны придѣлано, вѣроятно, впослѣдствіи, деревянное.

Отсюда мы прошли въ часовню надъ тѣлами убитыхъ вмѣстѣ съ Антоніемъ монаховъ; они похоронены всѣ въ одной общей могилѣ вблизи Покровскаго собора. Часовня надъ могилой поставлена деревянная; ее предполагаютъ въ непродолжительномъ времени замѣнить каменною. Внутри часовни, посрединѣ, на кирпичномъ невысокомъ основаніи, положенъ камень, повидимому, старый жерновъ съ надписью: «въ лѣто 7117 убіенныя тѣла отъ Литвы». Сбоку на стѣнѣ помѣщенъ перечень именъ убитыхъ монаховъ. Въ числѣ погибшихъ, послѣ имени игумена Антонія, помѣщенъ какой-то архимандритъ Герасимъ, быть можетъ, случайно находившійся тогда въ обители и вмѣстѣ съ другими испившій общую смертную чашу.

Въ городъ мы вернулись тою же дорогой. Близъ Іерусалимской слободы, по словамъ г. Соловьева, находится въ Волгѣ такъ называемый Кувалдинъ камень, который «слыветъ между угличанами страшилищемъ». Лѣтомъ въ лунныя ночи на немъ будто бы появляются русалки, и пѣсни ихъ далеко разносятся по водѣ. Другой разъ на камнѣ видятъ старуху, которая расчесываетъ себѣ волосы. Такъ какъ дѣло было днемъ, то мы ни русалокъ, ни старухи не видѣли.

Осмотръ главныхъ достопримѣчательностей Углича былъ окон-

ченъ, оставалось только побывать еще на той сторонѣ, и въ послѣдній разъ, съ высокаго берега, полюбоваться красотою общей панорамы города.

Мы спустились на паромъ и перебрались за Волгу къ церкви св. Леонтія Ростовскаго. До польскаго нашествія въ этой мѣстности было нѣсколько церквей, которыя погибли безслѣдно. Леонтьевская церковь, такъ красиво заключающая картину города, когда подъѣзжаешь къ нему отъ Твери, построена въ 1778 году и очень интересна въ архитектурномъ отношеніи. Другая церковь, во имя Введенія, построена на мѣстѣ монастыря, разореннаго поляками, а третья—Всѣхъ Святыхъ, находится на кладбищѣ, гдѣ сохранились надгробныя плиты съ изображеніями эмблемъ монашества. Заволжская часть города очень не велика и походитъ скорѣе на пригородъ.

Отъ Леонтьевской церкви мы взяли налѣво по направленію къ Богоявленской горѣ и поднялись на вершину одного изъ высокихъ прибрежныхъ холмовъ, круто обрывающихся къ Волгѣ.

День стоялъ ясный, жаркій, и, залитая горячими лучами солнца, снова предстала передъ нами знакомая, роскошная картина. Теперь она была еще знакомѣе намъ; мы узнавали въ ней каждую деталь, каждый монастырь, каждую церковь: все это были уже старые знакомые. Вотъ съ лѣвой стороны высоко надъ городомъ виднѣется церковь Николы въ Пѣтуховѣ, подъ нимъ у берега подлѣ пароходныхъ пристаней: Благовѣщеніе, Корсунская, Флоръ и Лавръ и Филиппъ апостолъ. Замѣтнымъ углубленіемъ темнѣетъ за ними Каменный ручей, а подъ нимъ на холмѣ краснѣютъ стѣны церкви «на крови», и почти рядомъ возвышается Преображенскій соборъ. Весь холмъ покрытъ чистою зеленью березъ, между которыми мелькаютъ очертанія дворца; за нимъ тянется городской садъ, оканчивающійся новымъ оврагомъ. Линія деревянныхъ домиковъ, выстроенныхъ вдоль откоса, приводитъ насъ къ новой группѣ церквей: это Воскресенскій монастырь, Параскева Пятница и Іоаннъ Убіенный [1]). Отъ Іоанна Убіеннаго тянется спускъ къ перевозу на заволжскую сторону, а вдали за домами горятъ золотыя главы женскаго монастыря, и виднѣются нѣсколько дальнихъ церквей. Городъ оканчивается. На краю стоитъ церковь Николы на Пескахъ, и за нею тянется лѣсокъ, прикрывающій поле съ часовней Іоанна Убіеннаго. Далѣе направо тянутся по берегу домики Іерусалимской слободы. А внизу, у нашихъ ногъ, плавно и спокойно движется, серебрясь на солнцѣ, Волга. Подлѣ берега купаются дѣти, впрочемъ, здѣсь какъ разъ подъ водою тянется длинная коса, и многія изъ нихъ доходятъ чуть не до половины рѣки, причемъ вода не покрываетъ имъ даже груди. Съ низу по рѣкѣ ползетъ буксирный пароходъ съ

---

[1]) Группа этихъ церквей и составляетъ центръ общаго вида Углича, помѣщеннаго въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

пятью барками. Онъ почти не движется,—точно стоитъ на одномъ мѣстѣ, и только отдаленный стукъ, да пѣна, бьющая изъ-подъ колесъ, свидѣтельствуютъ объ его упорной работѣ. Минутъ черезъ пятнадцать онъ проходитъ мимо нашего холма. Надъ колесомъ надпись: «Дядя». Дѣти внизу, вѣроятно, давно уже знаютъ его. А! «Дядя»!—кричатъ они:—здравствуй, «Дядя!». Мимо насъ медленно тянутся одна за другою, влекомыя пароходомъ, нагруженныя барки. Но вотъ и онѣ исчезаютъ вправо за поворотомъ, а Волга тихая и величавая попрежнему катится мимо Углича, отражая въ себѣ его дома, сады и храмы.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о промышленности города. Она незначительна. Хотя въ Угличѣ и его окрестностяхъ находится двѣ писче-бумажныя фабрики и нѣсколько заводовъ свѣчныхъ, масляныхъ и кирпичныхъ, но производство на нихъ идетъ слабо и вяло. Причиною тому удаленность города отъ крупныхъ рынковъ и неудобство путей сообщенія съ мѣстами сбыта. Угличъ дѣйствительно лежитъ въ какомъ-то углу и едва ли имѣетъ промышленнную будущность. Бѣдное населеніе занимается шитьемъ мѣшковъ, вязкою чулокъ и выработкою льна и кудели. Исконный угличскій колбасный промыселъ также, какъ кажется, въ авантажѣ не обрѣтается.

Тѣмъ не менѣе угличане не унываютъ и живутъ, хотя скромно, но весело. Съ наступленіемъ весны здѣсь начинается цѣлый рядъ лѣтнихъ гульбищъ, которыя справляются поочередно на разныхъ улицахъ и, сообразно съ этимъ, носятъ разныя названія. На гульбищахъ молодежь устроиваетъ различныя игры, веселится цѣлый день, а вечера проводитъ, сидя на лавочкѣ у воротъ, и эти сидѣнья продолжаются иной разъ до восхода солнца. Лѣтнія гулянья тянутся вплоть до самыхъ заморозковъ. Взамѣнъ денежныхъ средствъ угличане богаты весельемъ и искреннею, горячею любовью къ своему родному городу.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

АСТУПИВШІЙ годъ приноситъ тяжелую утрату русской исторической наукѣ! 2-го января, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, скончался Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ и замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые ни при жизни, ни послѣ смерти, не нуждаются ни въ похвалахъ, ни въ прославленіяхъ... Дѣйствительно, покойный Константинъ Николаевичъ принадлежалъ, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, по высокимъ свойствамъ души своей и по самому складу своего таланта, къ плеядѣ тѣхъ рѣдкихъ счастливцевъ, о которыхъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе складывается при жизни и остается неизмѣннымъ по смерти... Всѣми уважаемый, всѣми любимый, всѣми высоко-цѣнимый и какъ ученый, и какъ писатель, и какъ дѣятель общественный, и просто какъ человѣкъ непоколебимо-честный и справедливый, Константинъ Николаевичъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ и рѣдкими качествами своего характера, привѣтливаго, ровнаго и мягкаго, въ лучшемъ значеніи этого слова. Мягкость эта не имѣла ничего общаго съ тою покладливостью и податливостью, которую проявляютъ многіе люди слабохарактерные или безличные: Константинъ Николаевичъ былъ человѣкомъ весьма опредѣленныхъ взглядовъ и мнѣній, и не способенъ былъ ихъ мѣнять или отъ нихъ отрекаться, и его мягкость была только внѣшнимъ проявленіемъ той высоко-развитой гуманности, которая составляла одну изъ выдающихся сторонъ его нравственнаго типа. Онъ самъ не былъ никогда представителемъ какой-нибудь партіи литературной или обществен-

ной, никогда не выказывалъ себя сторонникомъ какой-нибудь рѣзко-опредѣленной доктрины, но за то—едва ли кто-нибудь иной изъ его современниковъ способенъ былъ такъ спокойно, такъ безпристрастно и справедливо оцѣнить значеніе самыхъ противоположныхъ партій и примирить самыя противоположныя доктрины, какъ могъ это сдѣлать покойный Константинъ Николаевичъ... Въ этомъ рѣдкомъ спокойствіи духа и чрезвычайной гуманности—разгадка всей жизни и дѣятельности Константина Николаевича, разгадка всей его общественной карьеры, въ особенности счастливой для него тѣмъ именно, что онъ никогда и ничего въ жизни не искалъ, ничего не добивался, ни къ чему горячо и страстно не стремился, и въ то же время весьма легко, почти мимоходомъ, достигалъ такихъ удачъ и успѣховъ, какіе, вообще говоря, выпадаютъ на долю очень немногихъ избранниковъ.

Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, заслуженно-причисляемъ всѣми къ числу наиболѣе выдающихся дѣятелей русской исторической науки, никогда смолоду не готовился къ спеціально-ученой карьерѣ и не мечталъ быть профессоромъ. По самой натурѣ своей чрезвычайно впечатлительный и воспріимчивый ко всякимъ явленіямъ жизни, онъ менѣе всего былъ способенъ сосредочить свое вниманіе на узкой и сухой научной спеціальности. Онъ началъ свою дѣятельность литературную съ цѣлаго ряда блестящихъ критическихъ статей, которыя выказывали въ немъ человѣка замѣчательно-талантливаго, прекрасно знакомаго съ отечественною исторіею, но еще болѣе—человѣка, обладающаго обширнымъ и рѣдкимъ по объему и разнообразію образованіемъ. Превосходныя характеристики нашихъ историческихъ школъ, помѣщенныя К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ журналѣ» «Московское Обозрѣніе» и въ особенности его статьи о славянофильскомъ ученіи (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), которыя смѣло могутъ быть поставлены наравнѣ съ лучшими Essay's Карлейля,—обратили общее вниманіе на молодого и высоко-талантливаго писателя. Эти статьи не были вовсе учеными трудами, въ общепринятомъ значеніи этого слова, но выказывали въ авторѣ такую обширную и солидную научную подготовку, какою не обладаютъ, въ большинствѣ случаевъ, авторы спеціальныхъ ученыхъ трудовъ... И вотъ, въ тотъ весьма трудный переходный періодъ жизни С.-Петербургскаго университета, когда Н. И. Костомаровъ долженъ былъ покинуть каѳедру русской исторіи и притомъ еще утратилъ свою популярность въ средѣ молодежи,—покойный И. И. Срезневскій, «мужъ великихъ проницательствъ», первый угадалъ въ К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ (тогда уже переселившемся въ Петербургъ) отличнаго будущаго профессора. Со свойственной ему настойчивостью, Срезневскій, бывшій тогда деканомъ историко-филологическаго факультета, принялся убѣждать Константина Николаевича въ томъ, что ему слѣдуетъ сосре-

доточиться на дѣятельности профессорской, и сумѣлъ побудить его къ этому смѣлому шагу. Не слѣдуетъ забывать, что за будущимъ профессоромъ не числилось еще никакихъ ученыхъ трудовъ, что у него не было никакой ученой степени... Но факультетъ вѣрилъ въ своего избранника и съ рѣдкою въ университетскихъ лѣтописяхъ рѣшимостью обошелъ всѣ излишнія формальности. И избранникъ оправдалъ вполнѣ оказанное ему довѣріе: съ весны 1865 г. онъ занялъ каѳедру по русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и оказался превосходнымъ профессоромъ; а три года спустя, представилъ на судъ факультета свой объемистый трудъ «О составѣ русскихъ лѣтописей», для полученія степени магистра,— трудъ, единогласно признанный достойнымъ докторской степени, которая и поднесена была Константину Николаевичу.

Онъ въ такой степени увлекся своимъ новымъ назначеніемъ, что на нѣкоторое время исключительно предался занятіямъ русскою исторіею. При своей живости и талантливости, при обширномъ образованіи и отличномъ знаніи всеобщей исторіи, онъ быстро овладѣвалъ историческимъ матеріаломъ, работалъ разомъ по нѣсколькимъ вопросамъ, ни въ какой области историческаго знанія не принижаясь до мелочнаго педантизма, и все искусно сплетая и связывая въ одно стройное, прекрасное цѣлое, въ которомъ незамѣтно было ни швовъ, ни спаекъ. Результатомъ первыхъ шести лѣтъ преподаванія въ университетѣ явился капитальнѣйшій трудъ: «Русская исторія» К. Бестужева-Рюмина (Спб., 1872). Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ: «Цѣль этой книги—представить результаты, добытые историческою наукою въ полтораста лѣтъ ея развитія, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ источниковъ, доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности». Несмотря на то, что авторъ въ своемъ трудѣ стрался сократить изложеніе фактовъ и «выдвинуть на первый планъ государственный и общественный бытъ, вѣрованія и умственное развитіе каждой эпохи», трудъ его, по первоначальному плану, долженъ былъ заключать въ себѣ не менѣе трехъ такихъ-же объемистыхъ томовъ, какъ изданный въ свѣтъ, первый томъ. Увы! этому плану не суждено было сбыться: первый томъ замѣчательнаго труда остался единственнымъ, и тотъ «первый выпускъ» второго тома, который явился, 15 лѣтъ спустя, былъ не что иное, какъ двѣ главы, не вошедшія почему-то въ составъ перваго тома. Но и одного перваго тома было уже вполнѣ достаточно, чтобы доставить автору его громкую извѣстность! И дѣйствительно, эта книга (давно уже сдѣлавшаяся необходимѣйшею справочною книгою для каждаго занимающагося русскою исторіею) представляетъ сама по себѣ явленіе изумительное... Это—умно, живо и талантливо составленный обзоръ русской исторіи (до смерти Іоанна Грознаго), въ тѣсной связи съ критическою оцѣнкою источниковъ. Треть книги занята «введеніемъ»,

которое заключаетъ въ себѣ подробнѣйшій обзоръ источниковъ и исторіографіи, изобличающій въ авторѣ поразительную массу свѣдѣній и необычайное умѣніе пользоваться научнымъ матеріаломъ. Тѣ же качества еще ярче проявляются при дальнѣйшемъ изложеніи обзора русской исторіи, при которомъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, передъ глазами читателя проходитъ подробнѣйшая библіо-

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

графія всего предмета, отъ ссылокъ на первоисточники и капитальные труды до указаній на журнальныя статьи и мелкія журнальныя замѣтки... И при этомъ—ни одной мертвой ссылки! Все прочитано, обдумано, соображено—все прошло черезъ весьма сложную лабораторію автора, прежде, чѣмъ вошло хотя бы самой мелкой черточкой въ составъ его труда... И какъ все уравновѣшено, какъ

обосновано, какъ мѣтко и вмѣстѣ тонко выражено и опредѣлено! «Сочинитель убѣжденъ, — пишетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ предисловіи,—что профессоръ долженъ держаться того или другаго мнѣнія; но при настоящемъ состояніи нашей науки онъ рѣдко можетъ быть въ полной увѣренности, что его мнѣніе самое вѣрное. Лучшій выходъ, въ этомъ случаѣ, изложеніе не догматическое, а критическое. Тогда передъ слушателями и читателями будетъ не одностороннее мнѣніе того или другого лица, а все разнообразіе мнѣній, развивающееся въ литературѣ»... Такъ онъ смотрѣлъ на свою задачу, такъ и старался ее выполнить, и можно себѣ представить, какихъ, поэтому, чрезвычайныхъ усилій ума стоило ему то, что было имъ исполнено! Мы не ошибемся, если скажемъ, что этимъ первымъ томомъ своей «Русской исторіи», написаннымъ невѣроятно быстро (въ пять-шесть лѣтъ), написаннымъ въ порывѣ сильнѣйшаго увлеченія университетскимъ преподаваніемъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ надорвалъ свои силы и энергію, и трудъ его долженъ былъ остаться недоконченнымъ... Уже года три-четыре спустя, по выходѣ въ свѣтъ перваго тома, который быстро разошелся, К. Н. выражалъ нѣкоторое сомнѣніе относительно того, что ему удастся скоро выдать въ свѣтъ второй томъ (не начатый имъ); а вскорѣ послѣ того его отвлекли другіе, живые вопросы, которымъ онъ предался всею душою: его участіе въ славянскомъ комитетѣ и зарождавшемся славянскомъ движеніи, его теплое и сочувственное отношеніе къ вопросу о женскомъ высшемъ образованіи... Когда же наконецъ, послѣ многихъ побужденій со стороны друзей своихъ, К. Н. рѣшился выдать въ свѣтъ нѣчто въ родѣ продолженія своего труда и въ предисловіи къ нему даже поставилъ фразу: «надѣюсь, что теперь изданіе не будетъ замедляться, если только здоровье мое окончательно не испортится» (томъ второй; первый выпускъ, С.-Петербургъ, 1885 г.),—онъ очень долго не могъ успокоиться духомъ... «Я знаю, что я лгу», — говорилъ онъ намъ неоднократно, — «я не могу вернуться къ этому труду!».

И не вернулся, и до конца жизни довольствовался только небольшими статейками, которыя отъ времени до времени появлялись то въ «Русскомъ Вѣстникѣ», то въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Да, К. Н. не былъ ученымъ кабинетнымъ, способнымъ къ большому труду, требующему настойчивости и постоянства, въ родѣ многотомнаго труда Соловьева, поглотившаго слишкомъ двадцатилѣтіе жизни ученаго: онъ могъ трудиться только по увлеченію, только поддаваясь порыву, который охватывалъ все его существо на столько, чтобы отвлечь его отъ впечатлѣній и вѣяній общественной жизни, которую онъ любилъ, за которою слѣдилъ внимательно и зорко, постоянно вращаясь въ обширномъ кружкѣ своихъ друзей, пріятелей, почитателей и знакомыхъ, въ опредѣленные дни напол-

жившихъ его кабинетъ, сверху до низу заставленный книгами; съ такимъ же вниманіемъ онъ слѣдилъ и за литературой, и журналистикой, русской и иностранной, со страстью предаваясь чтенію, безъ котораго не могъ прожить ни одного дня... И при этомъ — удивительная отзывчивость на всѣ живые вопросы современности и здравый, просвѣщенный взглядъ на все то, что въ данную минуту ставило втупикъ многихъ, — взглядъ вполнѣ русскаго человѣка, одного изъ выдающихся людей своего времени, воспринявшаго всю премудрость Запада съ своей чисто-русской и православной точки зрѣнія и постепенно освѣщавшаго массу знанія своимъ тонкимъ и спокойнымъ критическимъ анализомъ...

И при всей этой жизненности, при всей отзывчивости, при всей необычайной способности сочувственно и участливо отнестись къ нуждамъ каждаго, покойный К. Н. былъ постоянно мечтателемъ и созерцателемъ, и очень любилъ отвлекаться отъ интересовъ дня къ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ пріятелемъ, и даже—къ перечитыванію своего любимаго классика, Шекспира... Надъ простенькимъ, кожанымъ диванчикомъ, на который онъ любилъ прилечь въ часы рѣдкаго досуга, у него была полка, сплошь уставленная всевозможными изданіями Шекспира и толкованіями его текста. Зная почти наизусть всѣ его пьесы, К. Н. при своей колоссальной памяти былъ способенъ свободно цитировать большіе отрывки изъ нихъ со всѣми комментаріями и варіантами—и все же, почти каждый день, возвращался къ своему любимцу и снималъ съ полки томъ за томомъ, перелистывалъ и пересматривалъ ихъ съ особеннымъ чувствомъ... «Онъ освѣжаетъ меня»,—не разъ говорилъ намъ К. Н.,—«и я всегда нахожу въ немъ что нибудь новое»...

Мы убѣждены вполнѣ, что вѣсть о кончинѣ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина болѣзненно поразила многихъ. Онъ былъ дорогъ намъ, не только какъ ученый и писатель, не только какъ высоко-даровитый и безукоризненно-чистый общественный дѣятель, но и просто, какъ человѣкъ, какъ выдающійся представитель поколѣнія, постепенно вымирающаго... Безъ преувеличенія можно сказать, что не только наука, не только литература, не только общество, не только тѣсный кружокъ друзей, пріятелей и знакомыхъ покойнаго несетъ съ этою кончиною тяжелую утрату,—вся просвѣщенная Россія, вся масса русскихъ людей, для которой дороги интересы науки и литературы, теряетъ въ немъ одного изъ самыхъ достойныхъ своихъ соотечественниковъ.

Будемъ надѣяться, что люди, близко знавшіе покойнаго Константина Николаевича и близко стоявшіе къ нему, въ послѣдніе годы его жизни, сообщатъ о немъ все, что въ настоящее время можетъ быть доступно для всеобщаго свѣдѣнія; что будетъ собрана и напечатана вся его обширная переписка, вѣроятно, заключающая въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для ближайшей характе-

ристики и изученія его эпохи; а главное — будемъ надѣяться, что его «Русская исторія», давно сдѣлавшаяся библіографическою рѣдкостью, будетъ перепечатана новымъ изданіемъ, и всѣ отдѣльныя статьи его, когда-либо и гдѣ-либо напечатанныя, будутъ тщательно собраны воедино и изданы въ нѣсколькихъ томахъ... Каждая изъ нихъ — жемчужина, и всѣ онѣ — части богатаго и прекраснаго ожерелья...

П. Полевой.

4-го января 1897 г.
Усадьба Пріозерье.

ПРОТОІЕРЕЙ П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВЪ.

(Некрологъ).

РЕТЬЯГО декабря 1896 года, въ Кіевѣ, скончался каѳедральный протоіерей Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ, принадлежавшій безспорно къ числу выдающихся дѣятелей въ средѣ нашего бѣлаго духовенства. Особенно важныя заслуги онъ оказалъ въ дѣлѣ изученія древней исторіи и археологіи Кіева и всего вообще южно-русскаго края. Имя его останется памятнымъ такъ же и въ исторіи женскаго просвѣщенія въ Россіи, какъ устроителя двухъ женскихъ духовныхъ училищъ въ Кіевѣ и вообще какъ имя человѣка, посвятившаго всѣ свои силы и средства на дѣло просвѣщенія женской половины кіевскаго епархіальнаго духовенства.

Протоіерей П. Г. Лебединцевъ былъ сынъ священника села Зеленаго, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Вся семья Лебединцевыхъ отличалась богатыми дарованіями, причемъ четыре брата изъ этой семьи получили высшее академическое образованіе и заявили о себѣ съ наилучшей стороны на различныхъ поприщахъ церковно-общественнаго служенія: одинъ изъ нихъ былъ нѣкоторое время профессоромъ Кіевской духовной академіи и потомъ редакторомъ журнала «Кіевская Старина», а два другіе и нынѣ занимаютъ видныя должности на службѣ.

Покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи въ 1843 году со степенью магистра богословія, два года былъ профессоромъ орловской духовной семина-

ріи и въ 1845 году перешелъ на службу въ свою родную кіевскую семинарію. Здѣсь онъ оставался недолго, до 1851 года. Его любознательный умъ и энергія искали для себя исхода въ болѣе широкой, живой и самостоятельной дѣятельности, чѣмъ какую онъ могъ найти въ службѣ скромнаго преподавателя семинаріи. Вотъ почему, 18-го февраля 1851 года, онъ поступилъ священникомъ въ мѣстечко Бѣлую Церковь, Кіевской губерніи, при чемъ одновременно былъ назначенъ и законоучителемъ бѣлоцерковской гимназіи. Только человѣкъ съ такимъ рѣшительнымъ характеромъ, какимъ обладалъ Лебединцевъ, могъ пойти изъ Кіева на службу въ такую глушь, какую представляла въ 50-хъ годахъ истекающаго столѣтія Бѣлая Церковь. «Странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней»,—вспоминалъ уже черезъ 30 лѣтъ Лебединцевъ о Бѣлой Церкви. «Проѣзжему человѣку эта древняя казачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ, какъ только жидовскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни, не осталось никакихъ... вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ, инспекторовъ: двора, сада, мельницъ, псовъ и проч... и проч... а такъ же массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картину довершали съ одной стороны несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, а съ другой покосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки, и вѣчный нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой Церкви простиралось тогда до 20.000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство [1]).

Въ такой обстановкѣ долженъ былъ жить и дѣйствовать молодой, образованный, наблюдательный и полный любви къ своей родинѣ священникъ. Дѣятельность П. Г. Лебединцева во время почти 10-тилѣтняго служенія въ Бѣлой Церкви не ограничивалась исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по должности приходскаго священника и законоучителя гимназіи. Уже здѣсь онъ добровольно, въ удовлетвореніе своей любознательности и по любви къ родинѣ и ближнимъ, расширилъ свою дѣятельность. Несчастно сложившаяся его семейная жизнь, вслѣдствіе ранней потери жены, только еще болѣе усилила его энергію и побудила его искать удовлетворенія своему духу въ занятіяхъ наукою и заботахъ о ближнихъ.

Занятія наукою П. Г. Лебединцева въ Бѣлой Церкви, въ силу необходимости, должны были состоять почти исключительно въ

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 года, IX, 716—717.

охраненіи мѣстныхъ памятниковъ старины русской и въ собираніи и записываніи народныхъ преданій. «Въ средѣ закабаленнаго люда были старики»,—разсказываетъ онъ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, — «помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панщины, большого простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялось надобности; при моихъ частыхъ съ ними сношеніяхъ, они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ со вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногда же и на мѣстѣ, записывалъ ихъ разсказы слово въ слово... Тутъ своя исторія, несвязная, неполная, неточная; но въ короткихъ, простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ въ десяткахъ страницъ положительной исторіи» [1]). Нѣкоторыя изъ своихъ записей и наблюденій, сдѣланныхъ въ Бѣлой Церкви, Лебединцевъ впослѣдствіи напечаталъ, и они составили хорошій матеріалъ для будущей исторіи южно-русскаго края. Н. И. Костомаровъ въ одной изъ своихъ статей разсказываетъ, что онъ, будучи въ Бѣлой Церкви въ 50-хъ годахъ истекающаго столѣтія, самъ наблюдалъ дѣятельность молодого священника Лебединцева, благодаря которому только и сохранились немногіе памятники мѣстной русской старины.

Болѣе очевидными результатами сопровождалась народно-просвѣтительная дѣятельность Лебединцева въ Бѣлой Церкви. Съ рѣдкою настойчивостію и рѣшительностію онъ принялся устроивать школы для крестьянскихъ дѣтей не только въ Бѣлой Церкви, но и во всей окрестной мѣстности. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что онъ первый работалъ здѣсь на поприщѣ народнаго образованія и почти на каждомъ шагу встрѣчалъ противодѣйствія. Только благодаря тому обстоятельству, что Лебединцевъ отъ природы обладалъ характеромъ, который не останавливался ни предъ какими препятствіями, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, посреди которой долженъ былъ начать открытіе народныхъ школъ въ Бѣлой Церкви. Особенно трудно было получить разрѣшеніе на открытіе школъ для дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ. Администрація бѣлоцерковскаго имѣнія была убѣждена въ томъ, что эти школы ничего не принесутъ, кромѣ вреда. Одинъ изъ членовъ этой администраціи откровенно говорилъ Лебединцеву: «зачѣмъ ихъ учить? лучше, якъ мужикъ дурній». Другіе находили затѣю Лебединцева опасною и причину ея видѣли въ отсутствіи дѣла у ея виновника. «Ksiądz Lebedincew niema co robic, to czort wie co wymysla»,—говорили они въ досадѣ. Не смотря, однако же, на всеобщія противодѣйствія, Лебединцевъ, лавируя между владѣльцемъ имѣнія графомъ Браницкимъ и бѣлоцерковскою администраціею, такъ

[1]) См. тамъ же, стр. 717.

искусно повелъ дѣло, что ему даже должны были уступить даровое помѣщеніе для одной школы, въ видѣ запустѣвшаго экономическаго дома. По собственному свидѣтельству, въ концѣ 1859 года и началѣ 1860 года, безъ всякихъ особыхъ пособій и при многихъ затрудненіяхъ, имъ было открыто въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви четыре школы для образованія крестьянскихъ дѣтей [1]).

Такая успѣшная дѣятельность бѣлоцерковскаго священника Лебединцева сопровождалась самыми богатыми послѣдствіями для дѣла народнаго образованія не только въ окружающей мѣстности и Кіевской епархіи, но и во всемъ обширномъ юго-западномъ краѣ Россіи. Послѣ того, какъ внѣшнія препятствія были ослаблены, и въ Бѣлой Церкви были открыты 4 народныя церковно-приходскія школы, не стоило уже особенныхъ усилій открывать школы во всѣхъ приходахъ обширнаго бѣлоцерковскаго имѣнія. Въ непосредственной и, безъ сомнѣнія, причинной связи съ устройствомъ бѣлоцерковскихъ церковно-приходскихъ школъ стояло послѣдовавшее въ 1860 г. открытіе около 100 церковно-приходскихъ школъ священниками Кіевской епархіи и затѣмъ открытіе такихъ же школъ во всемъ юго-западномъ краѣ Россіи. Въ эту связь ихъ поставили распоряженія кіевскихъ митрополита и генералъ-губернатора, вызванныя дѣятельностію Лебединцева. Митрополитъ Исидоръ, получивъ въ декабрѣ 1859 г. донесеніе Лебединцева объ открытіи первыхъ трехъ школъ въ Бѣлой Церкви, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о побужденіи всего кіевскаго епархіальнаго духовенства къ содѣйствію народному образованію. Генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, въ свою очередь, получивъ донесеніе васильковскаго исправника объ успѣхахъ народнаго образованія въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, прислалъ священнику Лебединцеву 100 рублей изъ суммы, высочайше предоставленной въ его распоряженіе для награжденія лицъ, отличающихся въ краѣ полезною дѣятельностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ объ открытіи 4 школъ въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви увѣдомилъ варшавскаго, волынскаго и каменецъ-подольскаго архіереевъ. Волынскій архіепископъ, тогда же давъ знать своему духовенству печатными циркулярами о сообщеніи кн. Васильчикова, выразилъ желаніе, чтобы такое же усердіе къ народному образованію было показано и въ каждомъ приходѣ Волынской епархіи.

Еще болѣе любопытную сторону въ жизни Лебединцева составляетъ его патріотическая дѣятельность, выразившаяся въ содѣйствіи гражданскому начальству по усмиренію взволновавшихся крестьянъ Кіевской губерніи. Въ основѣ этихъ волненій, происходившихъ собственно въ первой половинѣ 1855 г., лежало наболѣвшее въ крестьянахъ до послѣдней крайности чувство крѣпостного гнета и рѣшительное стремленіе ихъ выбиться изъ-подъ него на волю, при чемъ самимъ волновавшимся казалось, что они въ

---

[1]) См. «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», 1864 года, II, стр. 392—401.

данномъ случаѣ только идутъ на призывъ царя. Поводомъ къ такому стремленію послужило своеобразное толкованіе крестьянами высочайшаго манифеста 14 декабря 1854 года, въ которомъ выражалась увѣренность, что всѣ истинные сыны Россіи «съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ» станутъ на защиту своего отечества. Отсюда, несомнѣнно, возникло начало броженія, которое затѣмъ прошло сложный процессъ развитія въ народной мысли и чувствѣ и, наконецъ, выразилось въ конкретной формѣ стремленія къ освобожденію отъ крѣпостного гнета. Выслушавъ царское слово, народъ сталъ искать отвѣта на вопросъ, чѣмъ и какъ онъ можетъ откликнуться на призывъ своего царя. При этомъ вспоминалось и всплыло наружу уцѣлѣвшее неясное преданіе о казачествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой другой формѣ украинскій народъ могъ проявить свою готовность помочь царю? Вѣрный и преданный ему, но неспособный разумно и надлежащимъ образомъ проявить эти свойства души своей народъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ, чтобы царь зналъ о его рѣшимости встать поголовно за него. Отсюда явилось всеобщее настойчивое стремленіе крестьянъ записаться въ казаки, даже просто въ какой нибудь списокъ, но съ тѣмъ только, чтобы эти списки посылались самому царю. Этого настойчиво добивались крестьяне отъ священниковъ, причетниковъ, даже просто отъ писарей, за это платили имъ деньги, а при отказѣ дѣлали угрозы и оскорбленія. Пока прошла свой кругъ эта первая опредѣленная мысль, созрѣла другая, уже болѣе серьезная и опасная для общественнаго спокойствія. Крестьяне начали разсуждать такъ: кто записался въ казаки, тотъ будетъ служить царю и, слѣдовательно, не долженъ болѣе работать на помѣщика пана. Мысль вмѣщалась въ слово, а отъ слова стала переходить и къ дѣлу: начали волноваться и не желали отбывать барщину. Въ одномъ мѣстѣ такія волненія, вслѣдствіе административнаго воздѣйствія власти, утихали, а въ другомъ поднимались. Слова превращались въ слухъ, слухи облетали большія пространства, видоизмѣнялись, переиначивались, пока, наконецъ, не явился въ народѣ слухъ, привлекшій къ себѣ общее вниманіе и ставшій исходнымъ пунктомъ открытаго возстанія. Говорили, что царь уже освободилъ крѣпостныхъ крестьянъ, и что самый указъ на вольность пришелъ отъ царя. Но указа не читали. Гдѣ же онъ?—спрашивали крестьяне и, недолго думая, отвѣчали, что онъ долженъ быть у священниковъ. Недавно также точно священникамъ были присланы «инвентарныя правила», и они сперва читали ихъ, а потомъ перестали читать, такъ какъ были подкуплены панами,—разсуждали крестьяне. То же самое случилось и теперь съ царскимъ указомъ о вольности. Паны, очевидно, подкупили священниковъ, и они скрываютъ указъ. Необходимо, рѣшили крестьяне, истребовать, вымолить этотъ указъ у священниковъ, а не отдадутъ, придется силой взять. И вотъ крестьяне толпами собираются къ священникамъ, требуютъ у нихъ несуществующаго

указа на вольность, ищутъ его въ церквахъ между бумагами, въ богослужебныхъ книгахъ, подъ св. престоломъ и пр. и пр. Священники, конечно, не могли дать крестьянамъ того, чего у нихъ не было; а эти не вѣрили и еще болѣе волновались. Раздраженіе народа постепенно росло, священниковъ схватывали нерѣдко прямо въ церквахъ, во время богослуженія, держали подъ арестомъ, водили отъ села до села, ругали, били и подвергали иногда звѣрскимъ истязаніямъ.

Такъ возникли и приняли грозный характеръ крестьянскія волненія 1855 года. Хотя волненія эти въ сущности своей были невиннымъ заблужденіемъ простого народа и явились плодомъ дѣтскихъ его соображеній, но крестьянъ необходимо было привести въ сознаніе и успокоить. Сначала думали было усмирить ихъ посредствомъ увѣщанія и вразумленіи. Но эта мѣра оказалась недѣйствительною. Тогда рѣшено было прибѣгнуть къ болѣе сильному средству, но опять не сразу, такъ какъ все еще надѣялись, что дѣло обойдется безъ кровопролитія. Кіевскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ назначилъ нѣсколько комиссій, отправленныхъ въ разныя мѣста Кіевской губерніи убѣждать народъ, съ полномочіемъ, въ случаѣ необходимости, прибѣгать къ репрессивному административному воздѣйствію. Въ составъ комиссіи, которая должна была отправиться для увѣщанія крестьянъ Васильковскаго, Таращанскаго, Коневскаго и Сквирскаго уѣздовъ, былъ назначенъ, между прочими, и бѣлоцерковскій благочинный священникъ Лебединцевъ. На комиссію, въ составъ которой входили еще два чиновника, военный и гражданскій, возлагалось порученіе, въ высшей степени трудное и отвѣтственное, требовавшее отъ исполнителей его такта, благоразумія и, главное, спокойствія духа въ дѣятельности, чтобы не потеряться въ критическую минуту и поспѣшностію не испортить всего дѣла. Едва ли нужно говорить о томъ, что выполненіе даннаго порученія было сопряжено съ опасностію для жизни и потому отъ исполнителей его требовало полнаго самоотверженія. Изъ разсказовъ очевидцевъ [1]), имѣвшихъ возможность наблюдать дѣятельность комиссіи, въ которой участвовалъ Лебединцевъ, видно, что она исполняла свое порученіе посреди постоянныхъ опасностей, и только Провидѣніе Божіе спасало членовъ ея въ критическія минуты отъ насильственной смерти. Сравнительно успѣшный исходъ дѣятельности комиссіи, въ составъ которой входилъ Лебединцевъ, отчасти былъ результатомъ его тактичнаго спокойнаго и благоразумнаго вліянія на взволновавшихся крестьянъ, что̀ признало и начальство, достойно наградившее его за исполненіе даннаго порученія. Какъ приходскій священникъ, Лебединцевъ во время своего служенія былъ усерднымъ проповѣдникомъ. Проповѣди его отличались краткостію, простою и приспособленностію къ поня-

---

[1]) Кіевск. Стар., 1882 г., кн. I, стр. 179—192; кн. II, стр. 386—396.

тіямъ сельскихъ жителей. Нѣкоторыя изъ его проповѣдей, произнесенныхъ здѣсь, признавались начальствомъ, какъ образцовыя по своей ясности, простотѣ, вразумительности и дѣйственности, и разсылались по церквамъ Кіевской епархіи въ печатномъ видѣ для чтенія народу во время богослуженія.

Въ 1860 году, Лебединцевъ былъ переведенъ въ Кіевъ. Возведенный въ слѣдующемъ году въ санъ протоіерея и проходя священническое служеніе послѣдовательно при кіево-подольскомъ успенскомъ соборѣ, кіево-печерской преображенской церкви, николаевской церкви при домѣ кіевскаго генералъ-губернатора и кіево-софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ епархіальномъ управленіи, проходя послѣдовательно (а иногда и одновременно) должности благочиннаго, наблюдателя церковно-приходскихъ школъ г. Кіева, члена губернскаго присутствія по обезпеченію приходскаго духовенства, члена педагогическаго совѣта при кіевской духовной консисторіи, члена губернскаго церковно-строительнаго присутствія, члена комитета общественнаго здравія, члена кіевскаго епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, члена епархіальнаго училищнаго совѣта и члена кіевской духовной консисторіи. Дѣятельность Лебединцева во всѣхъ названныхъ учрежденіяхъ и должностяхъ отличалась характеромъ строгой исполнительности и самостоятельности въ сужденіяхъ. Бывали отдѣльные періоды, напр., время управленія Кіевскою епархіею митрополита Арсенія, когда эта послѣдняя черта особенно ясно и замѣтно выступала въ дѣятельности Лебединцева.

Лучшую страницу въ кіевской дѣятельности Лебединцева составляетъ, безъ сомнѣнія, дѣятельность его по управленію кіевскимъ женскимъ епархіальнымъ училищемъ. Хотя Лебединцевъ и не былъ творцомъ этого училища, какъ иногда заявлялось не въ мѣру усердными почитателями его, но, несомнѣнно, онъ былъ его организаторомъ. Благодаря ему, кіевское епархіальное женское училище получало почти даровое помѣщеніе. Но, не смотря на двукратныя перестройки и расширеніе его, впослѣдствіи оно оказалось недостаточнымъ для помѣщенія въ немъ всѣхъ дѣвицъ духовнаго званія Кіевской епархіи. Тогда Лебединцевъ пошелъ на встрѣчу общему желанію кіевскаго духовенства — имѣть второе женское училище, и, не смотря на встрѣтившіяся серьезныя препятствія, особенно по изысканію необходимыхъ средствъ, задуманное дѣло было благополучно доведено до конца. Въ теченіе 30 лѣтъ непрерывно Лебединцевъ состоялъ главнымъ распорядителемъ сначала одного, а потомъ и двухъ училищъ, при чемъ, особенно на первыхъ порахъ существованія училища, былъ полнымъ и безконтрольнымъ начальникомъ. Все здѣсь дѣлалось по его распоряженіямъ, или, по крайней мѣрѣ, съ его вѣдома, и онъ почти ежедневно появлялся въ училищѣ, самъ непосредственно входя во всѣ стороны его жизни.

Болѣе широкую и болѣе видную для внѣшняго міра сторону въ кіевской дѣятельности Лебединцева составляютъ его ученолитературныя занятія. Однимъ изъ самыхъ первыхъ дѣйствій его въ Кіевѣ было основаніе мѣстнаго епархіальнаго литературнаго органа въ видѣ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», редакторомъ которыхъ онъ состоялъ почти до конца жизни (хотя и съ перерывомъ). Извѣстно, что епархіальныя вѣдомости, существующія почти въ каждомъ губернскомъ городѣ, суть изданія скромныя, не изобилующія ученымъ матеріаломъ. Но «Кіевскія Вѣдомости» составляли въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе, ревностно содѣйствуя ученой разработкѣ мѣстнаго края, каковымъ значеніемъ онѣ были обязаны преимущественно научнымъ стремленіямъ своего редактора, не только обогащавшаго ихъ собственными изслѣдованіями, но и умѣвшаго привлекать къ сотрудничеству въ нихъ лучшія мѣстныя силы. Достаточно упомянуть, что весьма цѣнныя изслѣдованія о Кіевѣ и его древностяхъ извѣстнаго ученаго М. А. Максимовича впервые появились на страницахъ этого изданія.

Весьма близкое отношеніе имѣлъ Лебединцевъ и къ другому кіевскому журналу, посвященному изученію мѣстнаго края, «Кіевской Старинѣ», въ основаніи которой онъ принималъ самое живое участіе, и нравственно, и матеріально. Своего литературнаго участія въ этомъ журналѣ онъ не прекращалъ до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни.

Собственно литературныя произведенія Лебединцева, напечатанныя имъ при жизни, весьма многочисленны, хотя, большею частію, кратки. Было бы слишкомъ длинно перечислять здѣсь всѣ его труды. Ограничимся общею классификаціею ихъ, съ поименованіемъ главнѣйшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ.

Прежде всего, вниманіе историка обращаютъ не себя акты и другіе матеріалы, обнародованные покойнымъ и касающіеся преимущественно исторіи Кіевской епархіи и южно-русской церкви. Изъ наиболѣе важныхъ памятниковъ этого рода отмѣтимъ слѣдующіе: 1) матеріалы, относящіеся къ исторіи кіевской митрополіи XVI в.; 2) акты, уясняющіе состояніе православія и уніи въ Кіевѣ въ первой половинѣ XVII в.; 3) акты стариннаго судопроизводства; 4) документы, уясняющіе древнюю исторію церквей и монастырей Кіевской епархіи; 5) росписной списокъ г. Кіева 1700 г.; 6) обширная опись кіевскаго замка 1545 г.; 7) матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія южно-русскаго штундизма и 8) документы, касающіеся волненій среди крестьянъ Кіевской губерніи въ 50-хъ годахъ истекающаго столѣтія. Обширный запасъ матеріаловъ, которымъ располагалъ Лебединцевъ, былъ извлеченъ имъ изъ разныхъ общихъ и мѣстныхъ архивовъ. Важное значеніе въ наукѣ обнародованныхъ Лебединцевымъ матеріаловъ обусловливается тѣмъ, что издатель ихъ имѣлъ въ виду существующій за-

насъ историческихъ свѣдѣній по тому или другому вопросу и обращалъ преимущественное вниманіе на тѣ документы, которые могли служить подспорьемъ къ уясненію и рѣшенію этихъ вопросовъ. Отсюда одни изъ обнародованныхъ имъ документовъ дополняютъ наши историческія свѣдѣнія, другіе—даютъ извѣстнымъ событіямъ и лицамъ болѣе яркое освѣщеніе, а иные вскрываютъ даже цѣлые историческіе эпизоды. Нѣкоторыя страницы въ сочиненіяхъ такихъ ученыхъ, какъ преосв. Макарій, Костомаровъ, Кояловичъ и др., написаны на основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ нашимъ издателемъ.

Оригинальныя произведенія Лебединцева принадлежатъ, по своему характеру и содержанію, къ двумъ областямъ: церковной исторіи и церковной археологіи. Особенно многочисленны церковно-историческія изслѣдованія его. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Описаніе Кіево-софійскаго каѳедральнаго собора; 2) Кіево-печерская лавра въ ея прошломъ и настоящемъ состояніи; 3) Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ состояніи; 4) Изслѣдованіе о св. Софіи кіевской; 5) Предѣлы Кіевской эпархіи въ древнія и нынѣшнія времена; 6) Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII в.; 7) О возобновленіи стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-Печерской лавры; 8) Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—1853 гг.; 9) Историческія замѣтки о Кіевѣ; 10) Любечская чудотворная икона пресв. Богородицы; 11) Виноградскій Ирдынскій успенскій монастырь; 12) Медвѣдовскій Николаевскій монастырь; 13) Чигиринскій троицкій женскій монастырь; 14) Состояніе православной церкви въ Польшѣ, по взятіи преосв. Виктора подъ арестъ въ Варшаву; 15) Викторъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, архимандритъ Слуцкаго монастыря, коадъюторъ кіевской митрополіи; 16) Поясненіе касательно постоялаго двора въ оградѣ Кіево-Софійскаго собора; 17) Предшественники духовныхъ консисторій въ XV и XVI вв.; 18) Димитріевскій монастырь, основанный в. кн. Изяславомъ Ярославичемъ; 19) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи; 20) Св. Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный князь кіевскій (лѣтописное сказаніе); 21) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ? 22) Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ? 23) О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ; 24) Баптизмъ или штунда въ Кіевской губерніи; 25) Двѣ поправки къ статьѣ: «Свадьба Тимоши Хмельницкаго; 26) Почему Десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая? 27) Церковь св. Василія; 28) Спасъ на Берестовѣ; 29) Къ вопросу о началѣ Кіевской академіи; 30) Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей г. Кіева; 31) Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ (собственно предисловіе и примѣчанія къ нимъ); 32) Т. Г. Шевченко. Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи; 33) Гдѣ подлинникъ Любечской чудотворной иконы Божіей Матери? 34) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.; 35) Открытіе первыхъ школъ въ Кіевской губерніи и 36) Возстановленіе подлиннаго факта (о томъ же).

Всѣ перечисленныя нами церковно-историческія статьи, не смотря на краткость нѣкоторыхъ изъ нихъ, представляютъ несомнѣнный интересъ то по новости сообщенныхъ въ нихъ свѣдѣній, то по критическому разбору и по новому освѣщенію уже извѣстныхъ историческихъ фактовъ, установленію болѣе широкаго взгляда на нихъ, исправленію историческихъ ошибокъ и т. п.

Церковно-археологическія изслѣдованія Лебединцева не такъ многочисленны, но имѣютъ важное значеніе, какъ произведенія глубокаго знатока мѣстной археологіи. Мы уже привели отзывъ Н. И. Костомарова о заслугахъ Лебединцева для церковной археологіи, когда онъ былъ священникомъ мѣстечка Бѣлой Церкви. Переселившись въ Кіевъ, изобилующій памятниками старины, Лебединцевъ ревностно занялся ихъ изученіемъ и въ послѣдніе годы своей жизни справедливо считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ мѣстной старины и мѣстныхъ древностей, нерѣдко оказывая своими познаніями существенное содѣйствіе нашимъ археологическимъ обществамъ (напр., с.-петербургскому, при возобновленіи фресокъ въ Кирилловской церкви). Изъ трудовъ Лебединцева по предмету церковной археологіи считаемъ необходимымъ отмѣтить слѣдующіе, какъ важнѣйшіе:

1) О времени написанія фресокъ Кіево-Софійскаго собора; 2) Софія—премудрость Божія въ иконографіи сѣвера и юга Россіи; 3) Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинники? 4) Остатки церквей въ развалинахъ древняго Корсуня, ихъ открытіе и значеніе; 5) Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-софійскаго собора; 6) Можетъ ли подлежать сомнѣнію, что открытое во Владимірскомъ успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра? 7) Выносъ плащаницы и крестный ходъ съ нею. Сюда же можно отнести и разныя изслѣдованія и замѣтки его о древней топографіи г. Кіева и его окрестностей, а именно: 1) Какая мѣстность въ древности называлась Олеговой могилой? 2) О мѣстоположеніи древняго кіевскаго города Тороческа; 3) О Кеныревѣ концѣ г. Кіева; 4) О мѣстоположеніи древнихъ кіевскихъ церквей; 6) О планахъ г. Кіева въ XVIII в. и др., равно какъ изданные Лебединцевымъ снимки со старинныхъ гравюръ и портретовъ. Какъ особенно цѣнный вкладъ въ церковно-археологическую науку, слѣдуетъ отмѣтить планы г. Кіева XVII в., извлеченные имъ изъ архива инженернаго управленія и переданные для напечатанія въ Кіевскую археологическую комиссію по поводу 50-лѣтней дѣятельности ея.

Такова была учено-литературная дѣятельность Лебединцева. Она заслужила ему почетную извѣстность въ русскомъ ученомъ мірѣ. На третьемъ археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1874 г., онъ былъ избранъ предсѣдателемъ по отдѣлу церковныхъ древностей. Постепенно онъ избирался или дѣйствительнымъ, или почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ русскихъ обществъ и заведеній, а именно: Одесскаго общества исторіи и древностей, общества Нестора лѣтописца при Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра, императорскаго православнаго палестинскаго общества, Кіевской духовной академіи и Кіевскаго университета св. Владиміра.

Вообще покойный Лебединцевъ былъ человѣкомъ выдающихся дарованій и обладалъ глубокимъ, оригинальнымъ умомъ, преимущественно аналитическимъ, искавшимъ въ каждомъ предметѣ такихъ сторонъ и такихъ деталей, которыя не были затронуты другими до него, или которыя ускользнули отъ вниманія другихъ. Даже въ зслѣдованіи предметовъ общеизвѣстныхъ онъ не желалъ идти

проторенною дорогою, повторять извѣстныя мнѣнія, но старался сказать что либо новое свое собственное. Но зато и въ защитѣ и отстаиваніи своихъ мнѣній, иногда очевидно ошибочныхъ, онъ былъ настойчивъ. Это былъ человѣкъ рѣшительнаго характера и сильной воли. Долго и всесторонне онъ обдумывалъ намѣченное дѣло, придумывалъ всякія средства къ его осуществленію, старался предугадать и разобрать даже и возраженія, какія могли выставить ему противъ его проекта... и тогда ужъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа и непреклонной энергіей шелъ къ достиженію цѣли, не обращая вниманія на малыя препятствія, а крупныя удаляя съ дороги сильною и ловкою рукою. Ему было свойственно сознаніе собственнаго достоинства и превосходства, и потому онъ любилъ выдвигаться изъ окружавшей его среды. Сердце его было въ полномъ послушаніи и подчиненіи его уму и сильной, рѣшительной волѣ; слишкомъ рѣдки бывали моменты въ жизни его, когда голосъ сердца бралъ перевѣсъ надъ сухимъ соображеніямъ его разсудка. Онъ зналъ только чувство долга. Оттого нѣкоторая холодность и сухость чувствовалась постоянно въ атмосферѣ, его окружавшей.

Доцентъ Кіевской академіи, священникъ **Θеодоръ Титовъ.**

ПАМЯТИ М. О. МИКѢШИНА.

ЕВЯТНАДЦАТАГО января 1897 года минулъ годъ съ кончины академика Михаила Осиповича Микѣшина. Вызванные этой потерей краткіе и спѣшно составленные некрологи не могли дать яснаго понятія объ оригинальности, разносторонности и силѣ дарованія этого замѣчательнаго художника и человѣка. Намъ въ теченіе 15 лѣтъ довелось очень близко наблюдать жизнь покойнаго, и мы, побуждаемые чувствомъ долголѣтней дружбы къ нему, намѣрены сообщить здѣсь то, что сохранила наша память о М. О. Микѣшинѣ, дополнивъ наши воспоминанія свѣдѣніями, заимствованными изъ переписки съ нимъ, изъ печатныхъ источниковъ и изъ посмертнаго наслѣдія его.

Быстро рѣдѣютъ ряды даровитыхъ русскихъ людей, а жизнь такъ медленно выдвигаетъ новыхъ замѣстителей на мѣсто выбывшихъ изъ жизненнаго строя. Столь виднаго представителя искусства, какимъ былъ покойный Михаилъ Осиповичъ, замѣстить трудно. Помимо счастливаго дарованія и крупнаго таланта, надо еще обладать тою замѣчательною энергіею и усидчивостью, любовью къ труду и совершенствованію, какими въ значительной мѣрѣ былъ надѣленъ Михаилъ Осиповичъ. Отъ его таланта еще многаго можно было ожидать, онъ постоянно изобрѣталъ новыя формы, въ которыя преображались его мысли; онъ постоянно работалъ, и едва ли знавшіе Михаила Осиповича могутъ представить себѣ его мощную фигуру иначе, какъ за рабочимъ столомъ или за лѣпкою модели.

Счастье улыбнулось нашему художнику еще на зарѣ его жизни. Двадцатишестилѣтній Михаилъ Осиповичъ уже носилъ славное имя автора памятника «Тысячелѣтія Россіи» въ Новгородѣ. На площади «великаго Новгорода», въ 1862 году, блаженной памяти императоръ Александръ II, передъ собравшимися представителями всей Россіи, благодарилъ Михаила Осиповича, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 4 степени и наградилъ его пожизненною пенсіею въ 1.200 рублей въ годъ, незадолго передъ смертью художника увеличенною до 1.800 рублей.

Спеціальная комиссія изъ представителей императорской академіи художествъ и ученыхъ инженеровъ, назначенная для обсужденія представленныхъ проектовъ памятника «Тысячелѣтія Россіи», присудила, въ 1859 году, первую премію проекту Михаила Осиповича. Надо думать, что достоинства проекта были выдающимися, если онъ былъ одобренъ изъ числа представленныхъ 57 проектовъ, въ большинствѣ принадлежавшихъ художникамъ и профессорамъ академіи. О послѣдующей дѣятельности Микѣшина мы скажемъ впереди, здѣсь мы приведемъ данныя біографическія.

Михаилъ Осиповичъ происходилъ изъ бѣлорусскаго рода Смоленской губерніи, родился въ селѣ Максимовѣ, Рославльскаго уѣзда, 9-го февраля 1836 года. Предки его вели торговыя сношенія съ Ригой, по Западной Двинѣ, а отецъ, Осипъ Егоровичъ, служилъ въ рославльскомъ ополченіи и въ Отечественную войну принималъ участіе въ бояхъ знаменитаго партизана Фигнера. По окончаніи войны онъ обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ—медициной и сельскимъ хозяйствомъ, особенно помологіей; фрукты сада Осипа Микѣшина славились въ Рославлѣ еще много лѣтъ и послѣ его кончины. Кромѣ добраго имени, Осипъ Егоровичъ своему сыну ничего не оставилъ.

Почтенный ветеранъ поощрялъ въ сынѣ страсть къ рисованію и черченію, обнаружившуюся въ немъ еще въ юные годы. Первымъ учителемъ Михаила Осиповича былъ сельскій иконописецъ Титъ Андронычъ, подъ руководствомъ котораго онъ писалъ масляными красками, при чемъ вынужденъ былъ собственноручно заготовлять холстъ, краски и кисти. По окончаніи курса въ рославльскомъ четырехклассномъ уѣздномъ училищѣ, Михаилъ Осиповичъ состоялъ чертежникомъ при строившемся тогда московско-варшавскомъ шоссе и получаемыми имъ скудными средствами содержалъ своихъ престарѣлыхъ родителей. Дарованія юнаго чертежника вскорѣ обратили на себя вниманіе правительственнаго контрагента этого шоссе, образованнаго смоленскаго помѣщика, Ал. Ал. Вонлярлярскаго, который въ 1852 году привезъ на свой счетъ Михаила Осиповича въ С.-Петербургъ, гдѣ 16-ти-лѣтній юноша былъ опредѣленъ въ батальный классъ профессора Богдана Павловича Виллевальде.

Жизнь Микѣшина, во время его пребыванія въ стѣнахъ акаде-

міи художествъ, была полна лишеній, и ему на первыхъ порахъ пришлось испытать всю горечь положенія учащагося, ничтожнымъ личнымъ заработкомъ вынужденнаго содержать себя, да еще доставлять средства къ существованію своимъ престарѣлымъ родителямъ. Ему пришлось пройти тернистый путь послѣдовательнаго полученія всѣхъ художественныхъ наградъ за картины масляными красками баталическаго и историческаго содержанія. Въ 1852 году Микѣшинъ былъ награжденъ малою серебряною медалью за картину, изображавшую конныхъ гренадеръ—эту картину пріобрѣлъ съ академической выставки императоръ Николай Павловичъ. Въ 1854 году Михаилъ Осиповичъ получилъ и большую серебряную медаль. По заказу великой княгини Маріи Николаевны, въ томъ же 1854 году, Микѣшинъ исполнилъ 6 сценъ изъ быта донскихъ казаковъ: «Дѣтство», «Табунъ въ степи», «Ловля сомовъ на Дону», «Косарихи», «Прощаніе съ могилой», «Ночной пикетъ» и большой рисунокъ «Фельдъегерь на Кавказѣ». Въ 1856 году, Микѣшину присуждена была малая золотая медаль за программу: «Сраженіе при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ». На большую золотую медаль Михаилъ Осиповичъ конкуррировалъ дважды: въ 1857 году—«Паденіе литовской крѣпости Пиллоны въ царствованіе Гедимина въ XIV столѣтіи», и въ 1858 году—«Въѣздъ графа Тилли въ Магдебургъ»; этой послѣдней исторической картиной законченъ былъ путь полученія М. О. академическихъ наградъ: совѣтъ академіи художествъ удостоилъ его первой медали съ званіемъ классного художника I-й степени и съ правомъ на шестилѣтнее пенсіонерство за границей. Эта картина вошла въ составъ галлереи почившаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

Завиднымъ правомъ пребыванія на счетъ казны за границей Микѣшину, однако, не пришлось воспользоваться. Въ 1859 году былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проекта памятника «Тысячелѣтія» существованія Россіи, для сооруженія въ Новгородѣ. Михаилъ Осиповичъ всецѣло отдался сочиненію проекта, и на объявленномъ конкурсѣ, какъ уже нами замѣчено выше, получилъ первую премію, и ему высочайше поручены были, кромѣ малой модели, и большинство колоссальныхъ работъ, а также наблюденіе надъ работами другихъ художниковъ; подъ юной дирекціей Михаила Осиповича очутился, такимъ образомъ, и самъ ректоръ скульптуры, исполнявшій по заказу часть работы. Живописцу Микѣшину пришлось теперь учиться лѣпкѣ, въ чемъ ему нерѣдко помогалъ И. Н. Шредеръ. Памятникъ «Тысячелѣтія Россіи», исполненный другими скульпторами по идеѣ Михаила Осиповича и поставленный въ Новгородѣ, доставилъ ему большую извѣстность; законченная въ весьма короткій срокъ, выдающаяся работа эта вызвала всестороннюю оцѣнку, между прочимъ, извѣстнаго Теофиля Готье, въ концѣ 1860-хъ годовъ посѣтившаго, какъ извѣстно, нашу столицу; въ

Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ.

своей корреспонденціи Теофиль Готье называетъ Микѣшина «Россійскимъ Микель-Анжело».

Памятникъ сдѣланъ изъ бронзы и гранита. Изъ бронзы отлиты: Ангелъ, стоящій на самомъ верху памятника и держащій крестъ; наклоненная около него женщина въ вѣнкѣ на головѣ и съ круглымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ изображенъ орелъ; большой шаръ, на полѣ котораго помѣщена надпись: «Совершившемуся тысячелѣтію Россійскаго государства, въ благополучное царствованіе императора Александра II, лѣта 1862»; 17 лицъ, стоящихъ вокругъ шара и, какъ будто, поддерживающихъ его, и выпуклыя изображенія 106 лицъ, поставленныхъ на нижней части памятника. Изъ гранита состоятъ остальныя части памятника, какъ-то: подножіе, карнизы, постаментъ, поясъ, на которомъ помѣщены выпуклыя изображенія 106 лицъ, пьедесталъ и тротуаръ, только постаментъ облицованъ бронзою, карнизы надъ поясомъ сдѣланы изъ сердобольскаго гранита, прочія же части — изъ простого. Высота каждаго изъ верхнихъ 17 лицъ — около 5 аршинъ. Шаръ въ діаметрѣ или поперечникѣ 6 1/3 аршина; высота пояса, на которомъ находятся 106 лицъ — около 2-хъ аршинъ, высота всего памятника — 21 2/3 аршина. Вѣсъ бронзовыхъ частей около 4.000 пудовъ. Всѣ издержки по сооруженію обошлись около 480.000 рублей, изъ коихъ 150.000 рублей пожертвованы разными лицами, а остальные отпущены изъ государственной казны.

Значеніе лицъ, поставленныхъ на памятникѣ, слѣдующее: Ангелъ, съ крестомъ въ рукѣ, означаетъ православную вѣру; наклоненная около него женщина — Россію, которая, будучи просвѣщена православною вѣрою, всегда держалась и держится ея непоколебимо, и укрѣплялась и поддерживалась ею въ тяжкія годины своего многотруднаго тысячелѣтняго существованія; круглый шаръ подъ ними изображаетъ Русскую державу; 17 лицъ, поставленныхъ вокругъ шара по одному или по нѣсколько вмѣстѣ, въ шести группахъ, или кружкахъ, обозначаютъ шесть важныхъ эпохъ или событій въ тысячелѣтней жизни Русскаго государства, какъ-то: Рюрикъ — означаетъ основаніе Россійскаго государства въ 862 году; Владиміръ, съ двумя при немъ другими лицами — введеніе христіанства въ Россіи въ 988 году; Дмитрій Донской и еще одно съ нимъ лицо — начальное освобожденіе отъ ига татарскаго въ 1380 году; Іоаннъ III и съ нимъ четыре лица — основаніе единодержавія царства Русскаго въ 1462 году; Михаилъ Ѳеодоровичъ и при немъ два лица — возстановленіе единодержавія избраніемъ на Россійскій престолъ дома Романовыхъ въ 1613 году; Петръ Великій съ двумя лицами — преобразованіе Россіи и основаніе имперіи Россійской въ 1721 году. Лица, изображенныя на поясѣ памятника, числомъ 106, представляютъ собою дѣятелей, оказавшихъ Русскому государству важныя услуги или своими дѣйствіями способствовавшихъ возвышенію и прославленію Русскаго государства.

Столь крупный успѣхъ, выпавшій на долю Михаила Осиповича, не вскружилъ, однако, головы юному художнику. Онъ не увлекся своей славой и не зарылъ своего дарованія, которымъ природа его щедро одарила. Едва ли съ нашей стороны будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что столь широкая извѣстность рѣдко выпадала на долю какого либо другого русскаго художника, и этою извѣстностью своей, проникшей и далеко за предѣлы родины его, Михаилъ Осиповичъ въ значительной долѣ обязанъ и своему выдающемуся трудолюбію. Еще занятый работами по памятнику «Тысячелѣтія Россіи», Микѣшинъ, въ то же время, по Высочайшему повелѣнію, былъ допущенъ къ участію въ конкурсѣ сочиненія проекта памятника императрицѣ Екатеринѣ II, въ С.-Петербургѣ, келейно объявленнаго лишь между чиновными членами нашей академіи художествъ. Симпатіи офиціальнаго художественнаго ареопага нашего никогда не были на сторонѣ Михаила Осиповича и всегда шли въ разрѣзъ съ все болѣе возроставшею популярностью его имени среди публики. Исключительное и столь отличное дарованіе Микѣшина всегда рѣзко выдѣляло его работы среди массы другихъ: не узнать Микѣшинскихъ проектовъ, подъ какими бы девизами онъ ни скрывался, было невозможно, и если онъ и получалъ первыя преміи на конкурсахъ, то надо думать, принимая во вниманіе нерасположеніе къ нему офиціальнныхъ судей, что онъ того заслуживалъ. И за проектъ памятника Екатеринѣ II Микѣшинъ также получилъ первую премію (1861 г.).

Въ томъ же году, по заказу профессора архитектуры А. М. Горностаева, Микѣшинъ сочинилъ и вылѣпилъ массивныя скульптурныя двери къ часовнѣ надъ прахомъ князя Пожарскаго въ г. Суздалѣ, отлитыя изъ бронзы на бывшемъ заводѣ Шопена, въ С.-Петербургѣ.

Приводимъ перечень работъ Михаила Осиповича по возможности въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1864 году Микѣшинъ получилъ первую премію на всемірномъ конкурсѣ, предложенномъ португальскимъ правительствомъ, за проектъ монумента «Португальской конституціи», дарованной королемъ Донъ-Педро I (для г. Лиссабона). Художнику пожалованъ за этотъ проектъ большой крестъ Христа-Спасителя и дипломъ на званіе почетнаго члена лиссабонской академіи художествъ; тогдашній нашъ посолъ при лиссабонскомъ дворѣ, г. Демидовъ, былъ удостоенъ торжественной оваціи по случаю полученія первой преміи русскимъ художникомъ. Въ 1866 г. Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ памятника освободителю Сербіи, Георгію Черному, возбудившій горячій интересъ тогдашнихъ владѣтелей и экс-владѣтеля Сербіи, князя Михаила Обреновича и Александра Карагеоргіевича, привѣтствовавшихъ автора собственноручными письмами и пригласившими Михаила Осиповича въ Сербію для переговоровъ о по-

стройкѣ этого памятника. Владѣтель Черногоріи, князь Николай I Нѣгошъ, за этотъ проектъ наградилъ автора рыцарскимъ крестомъ «За независимость Черногоріи», а сербское «Ученое дружество» избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Словомъ, проектъ этотъ сдѣлалъ имя нашего художника весьма популярнымъ въ земляхъ южныхъ славянъ.

Судьба этого памятника вообще довольно любопытна и странна по тѣмъ перипетіямъ, которымъ ему пришлось подвергнуться. Собственноручнымъ письмомъ Михаила III Обреновича Михаилъ Осиповичъ, въ 1867 г., былъ приглашенъ въ Сербію для переговоровъ о сооруженіи тамъ памятника Георгію Черному, т. е. родоначальнику соперничавшей съ Обреновичами династіи, по проекту, годъ тому назадъ одобренному. Это приглашеніе было возложено на извѣстнаго историка Ристича, тогда сербскаго министра (впослѣдствіи онъ былъ назначенъ регентомъ, когда Миланъ Обреновичъ передалъ престолъ своему юному сыну Александру), посланнаго съ дипломатическими порученіями къ европейскимъ дворамъ. Прибывъ въ Сербію, Микѣшинъ уже не засталъ въ живыхъ Михаила III, павшаго будтобы отъ руки сторонниковъ Карагеоргіевичей, въ Топчидерѣ, близъ Бѣлграда, въ 1868 г. Такъ выставлялось убійство по австрійскимъ навѣтамъ; въ убійствѣ былъ заподозрѣнъ развѣнчанный властитель Сербіи, князь Александръ Карагеоргіевичъ, и все, напоминавшее Карагеоргіевичей, стало въ Сербіи гонимо и презираемо, а потому не могло быть и рѣчи о монументѣ родоначальнику названной династіи. Радушно принятому молодымъ Миланомъ Обреновичемъ (нынѣ экс-король сербскій) и членами регентства, Микѣшину поручено было сочинить проектъ памятника политической и государственной дѣятельности князя Михаила III, для сооруженія въ Топчидерѣ и на главной площади въ Бѣлградѣ. Два проекта Микѣшинымъ быстро были сочинены и одобрены княземъ, членами регентства и министрами, но сооруженіе было отложено до сбора нужныхъ на то средствъ. Уѣзжая изъ Сербіи, Микѣшинъ разрѣшилъ оба проекта издать, вырученное отъ продажи оттисковъ пріобщить къ суммамъ, собираемымъ на сооруженіе памятника. Эта продажа оттисковъ дала около 10.000 червонцевъ. Сборы пожертвованій затянулись. Минуло уже около четырехъ лѣтъ, какъ вдругъ появилась публикація сербской комиссіи, объявившей конкурсъ на сочиненіе проекта памятника Михаилу III. Удивленія достойно здѣсь то, что комиссія предлагала конкуррентамъ въ руководство проектъ Михаила Осиповича не только въ общей идеѣ, но даже въ подробностяхъ. Ни съ чѣмъ несообразный поступокъ комиссіи для Михаила Осиповича былъ весьма обиденъ, и если этотъ фактъ не былъ своевременно оглашенъ, то только потому, что Микѣшинъ не желалъ этимъ дать поводъ къ насмѣшкамъ партіи, противной идеѣ славянскаго единенія. Художникъ предпочелъ молчаливо выжидать. Кон-

курсъ этотъ не состоялся. Въ 1873 г. послѣдовала новая ошибка уже не комиссіи, а самого сербскаго правительства, объявившаго универсальный консурсъ, съ тремя денежными преміями. Условія конкурса, также обоснованныя на идеѣ проекта Микѣшина, были напечатаны на сербскомъ и русскомъ языкахъ, и разосланы художни-

Проектъ памятника князю Михаилу III Сербскому.

камъ; такимъ путемъ одинъ изъ листковъ былъ полученъ и Михаиломъ Осиповичемъ, къ полному его удивленію. И на этотъ разъ Михаилъ Осиповичъ въ конкурсѣ не принималъ никакого участія, находя неудобнымъ конкуррировать съ самимъ собою. Вскорѣ, однако, онъ получилъ отъ сербскаго министра публичныхъ работъ офиціальное письмо, которымъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ

его приглашали принять участіе въ конкурсѣ, назначеніе котораго объяснялось неизбѣжнымъ, какъ требованіе «позитивныхъ законовъ» страны, которымъ слѣдуютъ при всѣхъ важныхъ отечественныхъ сооруженіяхъ. Отъ своего имени Микѣшинъ уже не счелъ болѣе удобнымъ принимать участіе въ конкурсѣ и представилъ новый проектъ подъ англійскимъ девизомъ «To be or not to be» (быть или не быть), приложивъ къ проекту объяснительную записку и расчетъ сооруженія на англійскомъ же языкѣ. Срокомъ доставки проектовъ въ Бѣлградъ назначено 1-е сентября 1873 г., присужденіе же премій предполагалось въ теченіе послѣдующихъ 15-ти дней. Черезъ комиссіонерскую контору Ваншейда Михаилъ Осиповичъ отправилъ свой проектъ 23-го августа, то-есть за восемь дней до срока, въ Бѣлградъ, причемъ комиссія была телеграммой извѣщена о высылкѣ проекта англійскаго художника. Велико было изумленіе Михаила Осиповича, когда въ 168-мъ нумерѣ сербской газеты «Видов'данъ» онъ прочелъ, что въ засѣданіи своемъ, отъ 4-го сентября, комиссія по сооруженію памятника князю Михаилу III первую премію присудила вѣнскому художнику Пильцу, вторую—Бочини, третью—Вагнеру изъ Вѣны-же. Изъ 17-ти представленныхъ проектовъ ни одинъ въ цѣлости не былъ признанъ годнымъ, но комиссія признала возможнымъ воспользоваться изъ премированныхъ проектовъ отдѣльными частями. Въ то же время получилось изъ Бѣлграда телеграфное извѣщеніе, что проектъ, подъ девизомъ «To be or not to be», былъ доставленъ только 5-го сентября, то-есть уже послѣ рѣшенія конкурса, и не былъ комиссіею принятъ. На такую поспѣшность комиссіи Михаилъ Осиповичъ жаловался телеграммою сербскому митрополиту, высокопреосвященному Михаилу, а министру публичныхъ работъ послалъ свой протестъ на дѣйствія комиссіи, присудившей преміи на 11 дней ранѣе объявленнаго срока. Вслѣдствіе протеста, проектъ былъ принятъ, сличенъ съ другими, признанъ лучшимъ изъ представленныхъ, о чемъ митрополитъ Михаилъ письменно увѣдомилъ М. О. Микѣшина. Но такъ какъ конкурсъ уже ранѣе былъ рѣшенъ, преміи выданы, то проектъ Михаила Осиповича могъ быть утвержденъ только высшею властью, а Миланъ Обреновичъ въ это время путешествовалъ по Европѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1876 г., за дѣятельность по снаряженію добровольцевъ и санитарныхъ отрядовъ отъ славянскаго благотворительнаго комитета Михаилъ Осиповичъ былъ пожалованъ офицерскимъ крестомъ «Такова»; при недавнемъ посѣщеніи С.-Петербурга юнымъ королемъ Александромъ I о заслугахъ Микѣшина вспомнили, и онъ былъ награжденъ орденомъ «св. Саввы» 3-й степени, а вслѣдъ затѣмъ и второю степенью того же ордена, со звѣздой.

Но возвратимся къ дѣятельности Михаила Осиповича въ Россіи. Въ 1867 г., по желанію его высочества, генералъ-адмирала, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ памятника адміралу Алексѣю

Самуиловичу Грейгу, для города Николаева, и исполнилъ на мѣстѣ модель и самый памятникъ по заказу морского вѣдомства.

Изъ Николаева Микѣшинъ приглашенъ былъ въ Кіевъ для переговоровъ о сооруженіи памятника Богдану Хмельницкому. Быстро Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ (эскизъ) памятника, а по эскизу исполнена была и модель, извѣстная русской публикѣ по

Проектъ памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

многимъ съ нея иллюстраціямъ. Исторія этого памятника крайне запутана, и теперь еще не время говорить объ этомъ подробно. Намъ извѣстно, что покойный Михаилъ Осиповичъ описалъ исторію этого памятника, и, вѣроятно, со временемъ, записка его будетъ опубликована на страницахъ одного изъ историческихъ журналовъ нашихъ. Здѣсь же ограничимся только указаніемъ, что от-

крытый въ Кіевѣ памятникъ Богдану Хмельницкому ничего общаго не имѣетъ съ первоначальнымъ высочайше утвержденнымъ, симпатично-оригинальнымъ проектомъ этого памятника, сочиненія Михаила Осиповича, эскизный набросокъ котораго мы здѣсь прилагаемъ. Мощная фигура Богдана Хмельницкаго, на скачущей лошади, высится на скалѣ. Фигуры, окружающія Богдана, придаютъ жизнь, движеніе, силу идеѣ памятника, которыхъ и помину нѣтъ на памятникѣ, сооруженномъ въ Кіевѣ, и который почему-то приписывается Микѣшину. Замѣшалась ли въ это дѣло экономія или политика—не знаю, но ясно, что идея художника жестоко искажена.

Возвратившись въ С.-Петербургъ, Михаилъ Осиповичъ занялся исполненіемъ колоссальной статуи адмирала Грейга и малой модели памятника Хмельницкому. Въ 1869 г., 4 ноября, обѣ работы эти были высочайше одобрены въ занимаемой художникомъ мастерской, въ зданіи главнаго адмиралтейства. Модель памятника Хмельницкому одобрена была къ исполненію въ колоссальную величину, а въ Кіевѣ учрежденъ былъ комитетъ для сбора пожертвованій на сооруженіе этого памятника.

Годы 1862—1873 протекли въ работахъ по сооруженію памятника императрицѣ Екатеринѣ II, воздвигнутаго на Невскомъ проспектѣ, въ С.-Петербургѣ, въ такъ называемомъ Екатерининскомъ скверѣ, передъ фасадомъ Александринскаго театра. Памятникъ сооруженъ подъ личнымъ наблюденіемъ Михаила Осиповича. Открытіе памятника состоялось 24 ноября 1873 г. Всѣ сподвижники Екатерины были коренные русскіе люди; Орловъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Бецкой, Дашкова, Безбородко, Державинъ, Чичаговъ—цѣлый рядъ людей даровитыхъ и геніальныхъ. Всѣ эти лица и изображены въ видѣ статуй, на пьедесталѣ памятника императрицѣ, колоссальная фигура которой царитъ надъ всѣми.

Пьедесталъ памятника состоитъ изъ трехъ рядовъ сердобольскаго финляндскаго гранита: темно-краснаго, свѣтло-сѣраго и темно-сѣраго, почти чернаго. Высота пьедестала надъ бутомъ—пять саженъ; весь памятникъ—семь саженъ. Въ составъ пьедестала вошло болѣе 600 кусковъ гранита, общій вѣсъ послѣ грубой обдѣлки для доставки на мѣсто равнялся 22.500 пуд., послѣ же окончательной отдѣлки—всего 16.500 пуд., конечно, приблизительно. Вѣсъ наибольшихъ кусковъ камня, въ отдѣльности, доходилъ въ выломкѣ до 4-хъ тыс. пудовъ, а по отдѣлкѣ—до 3-хъ тыс. пудовъ въ каждомъ. При соединеніи всѣхъ частей памятника и пьедестала вовсе нѣтъ гвоздей, винтовъ, желѣзныхъ полосъ: все соединяется посредствомъ соотвѣтственныхъ выступовъ и гнѣздъ въ частяхъ гранита; главная статуя памятника съ ея бронзовымъ подножіемъ надѣта на подымающійся куполъ гранита. Подобныя соединенія едва ли не впервые, въ такихъ большихъ размѣрахъ, примѣнены при настоящемъ сооруженіи; вызваны же они тѣмъ соображеніемъ,

что желѣзо въ нашемъ климатѣ портится въ камнѣ. Необходимо также имѣть въ виду, что вся гранитная часть памятника имѣетъ характеръ монолита, т. е. здѣсь не одна облицовка, а весь памятникъ сплоченъ изъ одной массы.

Проектъ памятника Петру Великому, въ память побѣды, одержанной надъ шведами, 28 сентября 1708 года.

Бронзы пошло на сооруженіе 3.100 пудовъ, въ томъ числѣ и канделябры, рисунокъ и размѣщеніе которыхъ принадлежитъ г. Гримму. Ему же принадлежитъ рисунокъ цѣпи вокругъ подножія пьедестала; цѣпь имѣетъ видъ развернутаго лавроваго вѣнка.

Надъ доскою съ надписью соединены атрибуты наукъ, художествъ, земледѣлія (колосья), военнаго сухопутнаго и морскаго дѣла; на книгѣ, стоящей среди этихъ атрибутовъ, написано «Законъ».

Вотъ точные размѣры въ высоту сидящихъ и стоящихъ фигуръ: Державинъ—4 арш. 2 вершк.; Дашкова—3 арш. 10 вершк.; Румянцевъ—3 арш. 11 вершк.; Потемкинъ—3 арш. 14 вершк.; Суворовъ—4 арш. 1 верш.; Безбородко—3 арш. 7 вершк.; Бецкій—3 арш. 7 вершк.; Чичаговъ—3 арш. 8 вершк.; Алексѣй Орловъ—3 арш. 13 вершковъ.

Первоначально предполагалось монументомъ Екатерины II украсить дворъ Царскосельскаго дворца—любимой резиденціи императрицы. На соисканіе объявленной преміи представили свои проекты академики-скульпторы: Штромъ, Залеманъ, Мейнертъ; профессора—Іенсенъ и фонъ-Бокъ, и художникъ Микѣшинъ, которому академія даже отказала было въ правѣ участвовать въ конкурсѣ, какъ не имѣвшему званія скульптора. Проектъ Михаила Осиповича, тѣмъ не менѣе, удостоенъ былъ высочайшаго одобренія и утвержденія. Статуя была отлита изъ бронзы на заводѣ Шопена, а модель ея была удостоена почетной медали на лондонской всемірной выставкѣ. Екатерина II была изображена въ коронѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ, въ императорской мантіи, шлейфъ которой роскошными складками ниспадалъ съ пьедестала, во вкусѣ рококо, соотвѣтствующемъ архитектурѣ большого Царскосельскаго дворца, какъ то и требовались условіями конкурса. Вскорѣ, однако, въ одномъ изъ засѣданій с.-петербургской городской думы былъ возбужденъ и сочувственно принятъ вопросъ о сооруженіи памятника Екатеринѣ II, по образцу царскосельской модели Микѣшина, на одной изъ площадей С.-Петербурга. Князь Италійскій, графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій, тогдашній с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, поддержалъ эту мысль, ходатайство думы было Высочайше одобрено, и памятникъ повелѣно поставить уже не въ Царскомъ Селѣ, а въ С.-Петербургѣ; исполненіе этого дѣла возложено было на Михаила Осиповича, который сознавалъ, что для столицы царскосельскій монументъ не соотвѣтствуетъ ни стилемъ, ни размѣрами—стиль роково былъ замѣненъ стилемъ во вкусѣ Людовика XVI (Louis XVI), и художникъ по новому рисунку принялся за изготовленіе новой модели.

При осуществленіи своей идеи Микѣшинъ находился въ зависимости отъ указаній академіи художествъ и нѣкоторыхъ техниковъ разныхъ вѣдомствъ, что, конечно, должно было неблагопріятно отразиться на многихъ частностяхъ выполненія проекта. Новая модель была имъ окончена и отлита г. Соколовымъ въ $^1/_{16}$ долю настоящей величины памятника; модель была помѣщена въ Царскомъ Селѣ, въ такъ называемомъ гротѣ, у пруда, въ бѣломъ павильонѣ. Модель Микѣшина вызвала въ публикѣ много толковъ и сужденій.

Художника осуждали за небрежную позу фигуры Потемкина, котораго онъ изобразилъ сидящимъ, съ закинутой ногой. Однако, у Микѣшина нашлись защитники, которые позу великолѣпнаго князя Тавриды находили какъ нельзя лучше характеризующею отличавшагося своеобразными привычками Екатерининскаго баловня счастія. Послѣдовали дополненія и поправки. Медальоны съ рельефами Чичагова и Орлова-Чесменскаго, помѣщенные на пьедесталѣ, замѣнены ихъ исполинскими статуями на задней сторонѣ пьедестала, до того занятаго ниспадающимъ шлейфомъ порфиры и доскою съ надписью; доска перемѣщена внизъ, съ передней стороны. Позу Потемкина пришлось измѣнить: князь Таврическій на монументѣ попираетъ ногою турецкую чалму съ полумѣсяцемъ. Сама Екатерина II, на петербургскомъ монументѣ, изображена въ императорскомъ облаченіи, т. е. со скипетромъ, въ полукоронѣ и порфирѣ. Вокругъ пьедестала группируются уже перечисленные выше представители военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ, государственной, общественной, ученой и литературной дѣятельности славнаго Екатерининскаго вѣка. Надпись на монументѣ гласитъ:

«Императрицѣ Екатеринѣ II
въ царствованіе
Императора Александра II 1873 г.»

Одновременно Микѣшинымъ воспроизведены были и многія другія работы по заказу морского министерства, каковы большія рѣзныя статуи для броненосныхъ судовъ нашего военнаго флота: «Мининъ», «Пожарскій», «Спиридовъ», «Грейгъ», «Лазаревъ», «Петръ Великій», «Генералъ Адмиралъ» и для императорскихъ яхтъ: «Ливадія» и «Держава».

Будучи близко знакомъ съ героемъ севастопольской обороны, графомъ Эдуардомъ Ивановичемъ Тотлебеномъ, пользуясь его опытными совѣтами, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ грандіозный проектъ памятника «Севастопольской обороны», долженствовавшій замѣнить собою многіе мелкіе памятники, и нынѣ сооружаемые въ одиночку многимъ героямъ этой великой эпопеи. Начавшаяся турецкая кампанія, а вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія болѣзнь и смерть Тотлебена (21 іюня 1884 г.) помѣшали осуществленію этого памятника.

Въ то же время Михаилъ Осиповичъ сочинилъ, исполнилъ и соорудилъ памятникъ Екатеринѣ II, по заказу ирбитскаго городскаго общества.

Къ сочиненію проекта памятника Екатеринѣ II нашъ художникъ вернулся еще разъ въ послѣдніе годы своей жизни. Мы имѣемъ здѣсь въ виду его проектъ памятника императрицѣ Екатеринѣ II для города Екатеринодара, по заказу кубанскаго казачьяго войска. Благодарная память о великой царицѣ и ея сподвижникѣ, кн. Потемкинѣ-Таврическомъ, а также о просвѣтителѣ края, протоіереѣ

Оссинскомъ, какъ о лицахъ, облагодѣтельствовавшихъ запорожцевъ и кубанское войско, до сихъ поръ жива среди кубанскаго казачьяго войска. И памятникъ Екатеринѣ II, по изображенію Микѣшина[1]), отвѣчаетъ этимъ народнымъ представленіямъ о ихъ благодѣтеляхъ. Смотря на такой памятникъ, отдаленные потомки нынѣшняго казачества будутъ вспоминать, что благосостояніемъ своимъ они обязаны самодержавному слову великой царицы, къ новой жизни призвавшей ихъ предковъ, что передъ царицею первымъ заступникомъ ихъ былъ князь Потемкинъ, и что первымъ просвѣтителемъ ихъ края былъ отецъ Оссинскій, упорно и страстно работавшій для родной земли. Памятникъ трактованъ въ стилѣ Людовика XV, столь любимомъ императрицею. На трехстороннемъ постаментѣ стоитъ колоссальная фигура императрицы, въ царственной порфирѣ, со скипетромъ и державой (символы самодержавія) въ рукахъ. На выступающемъ карнизѣ передняго кронштейна постамента, изъ-подъ золоченой короны, ниспадаетъ длинный развитой свертокъ (алюминіевый), вверху котораго золотой орликъ того времени, а ниже золотымъ выпуклымъ шрифтомъ прописана высочайшая грамота 30-го іюня 1792 года. У основанія постамента атлетическая фигура кумира воскресшаго казачества, свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, одною рукою повернувшаго грамоту въ сторону стоящихъ народныхъ героевъ: Антона Головатаго, войсковаго судьи, Сидора Билаго, кошевого атамана, и Захара Чепеги, войскового эсаула. Позади Потемкина фигура отца Оссинскаго. На задней сторонѣ постамента фигура слѣпого «Кобзаря» и его «Поводыря». Кобзарь[2]), съ бандурой въ рукахъ, задумчиво и сосредоточенно поетъ славу царицѣ:

«Ой годи-жъ намъ журытися, пора перестаты,
«Диждалыся одъ царыци за служби заплаты:
«Дала хлибъ-силь и грамоты за вирніи службы,
«Отъ теперь ми, ридни братте, забудимъ вси нужди.
«Дякуймо-жъ царыцю, молимося Богу,
«Що намъ указала на Кубань дорогу».

Текстъ этой народной пѣсни, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразилась религія, патріотизмъ и благодарность къ самодержавной царицѣ, что и составляло задачу сочиненія памятника—долженъ быть помѣщенъ на мѣдной доскѣ подъ группой «Кобзаря» и его

---

[1]) Совершенно выполненная модель этого памятника, какъ мы слышали, пріобрѣтается казачьимъ управленіемъ, для исполненія съ нея памятника на мѣстѣ. Художнику не довелось дожить, можетъ быть, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы увидѣть завершенными свои труды надъ этимъ памятникомъ, отнявшимъ у него около 3 лѣтъ упорной работы.

[2]) Полной исторіи Кубанскаго войска еще не существуетъ, и если для казачества жива память о царицѣ, то это объясняется устной передачей изъ поколѣнія въ поколѣніе разсказовъ о быломъ, главнымъ образомъ, этими нынѣ все рѣже встрѣчающимися народными рапсодами, «кобзарями».

«Поводыря». На заднемъ фасѣ модели памятника помѣщенъ списокъ побѣдъ Черноморскаго и нынѣ Кубанскаго казачьяго войска. На картушѣ съ передняго фаса постамента, золоченымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, надпись:

«Императрицѣ Екатеринѣ II
въ царствованіе
Императора Николая II».

Подъ этимъ картушемъ, на мѣдной доскѣ, предположена надпись:

«Отъ благодарнаго и вѣрнаго
Кубанскаго казачьяго войска 189* г.».

По нижнему цоколю, вокругъ всего пьедестала, славянскою вязью, строка съ наименованіями всѣхъ кубанскихъ атамановъ; она начинается такъ: «Милостію самодержцевъ всероссійскихъ атаманы: С. И. Бѣлый, 1788—1788; З. А. Чепега, 1788—1797; А. А. Головатый, 1757—1797; Т. Т. Котляревскій, 1790 — 1799; протоіерей Оссинскій и Ф. Я. Бурсакъ, 1799—1816; Г. К. Матвѣевъ, 1816—1827; А. Д. Безкровный, 1827—1830; Н. С. Завадовскій, 1830—1853; Г. А. Рашпиль, 1844—1852; П. С. Верзилинъ, 1832—1837; С. С. Николаевъ, 1837—1847; Ф. А. Крюковскій, 1848—1852; кн. Г. Р. Эристовъ, 1852—1855; Н. А. Рудзевичъ, 1855—1860; Н. А. Ивановъ, 1861—1863; гр. Ф. Н. Сумароковъ-Эльстонъ, 1863—1869; М. А. Цакни, 1869—1873; Н. Н. Кармалинъ, 1873—1882; С. А. Шереметевъ, 1882—1884; Г. А. Леоновъ, 1884—1892; Я. Д. Малама—1892 г.

12-го августа минувшаго 1896 г., въ 3½ часа дня, въ Петергофѣ, въ Бѣломъ залѣ Большого дворца, ихъ величества, государь императоръ Николай II и государыня императрица Александра Ѳеодоровна, осматривали модель этого памятника, въ присутствіи министровъ: императорскаго двора, генералъ-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, и военнаго, генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго, и начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, недавно скончавшагося, генералъ-лейтенанта В. А. Бунакова.

Модель представляла вдова покойнаго художника, а объясненія давалъ архитекторъ Е. Е. Баумгартенъ, зять покойнаго Микѣшина, принимавшій участіе въ созданіи архитектурной части памятника и составленіи смѣтъ стоимости сооруженія. Его Величество удостоилъ проектъ высочайшаго одобренія.

Эффектный и оригинальный памятникъ этотъ, какъ и многіе другіе памятники покойнаго художника, навѣки укрѣпятъ въ памяти потомства имя ихъ творца, «творца безсмертнаго безсмертнымъ», какъ значилось на лентахъ вѣнка, возложеннаго на гробъ Михаила Осиповича однимъ изъ его близкихъ друзей.

Въ хронологическомъ порядкѣ изложенія мы позволили себѣ здѣсь отступленіе, чтобы не возвращаться болѣе къ излюбленной покойнымъ царицѣ.

Изъ работъ Михаила Осиповича, за послѣднія 12 лѣтъ его жизни, укажемъ на памятникъ императору Александру II, выполненный и сооруженный имъ по заказу ростовскаго на Дону городского общества. По заказу наказного атамана донскихъ войскъ, генералъ-адъютанта, князя Н. И. Святополкъ-Мирскаго, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ и выполнилъ по немъ модель без-

Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара.
(Передняя сторона).

спорно оригинально-симпатичнаго памятника «Ермаку—покорителю Сибири». Сооруженіе памятника въ колоссальную величину (10 саженъ), по высочайше одобренному проекту, временно затормозилось по недостатку средствъ для этого. Бывшій начальникъ Туркестанскаго края Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ предложилъ М. О. Микѣшину сочинить проектъ памятника «Воинамъ, павшимъ при штурмѣ Ташкента 15-го іюня 1865 года», также

высочайше одобренный къ исполненію, знакомый русской публикѣ по воспроизведенной гравюрѣ въ «Нивѣ» (1883 года, № 31). Вскорѣ Черняевъ оставилъ свой постъ; потребныя для сооруженія этого памятника суммы еще до сихъ поръ не собраны.

Въ концѣ 1880-хъ годовъ Микѣшинъ предпринялъ трудное и изнурительное путешествіе въ Ташкентъ, куда отвозилъ, для главнаго собора написанные имъ, одинъ громадный и два малыхъ придѣльныхъ иконостаса, въ византійскомъ стилѣ, и три запрестольныхъ образа.

Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара.
(Задняя сторона).

Самъ Микѣшинъ, вмѣстѣ съ персоналомъ приглашенныхъ изъ Петербурга лицъ, для росписанія на мѣстѣ плафоновъ, подъ его руководствомъ, передвигался, съ довольно значительною кладью (иконостасы), вьюками, на верблюдахъ, черезъ знойную песчаную

степь, терпя отъ сильнаго зноя и жажды. Даже плотниковъ пришлось брать съ собою изъ Петербурга. Работа эта Михаиломъ Осиповичемъ закончена блистательно, и рѣдкій путешественникъ по Средней Азіи отказываетъ себѣ въ удовольствіи посѣтить храмъ и полюбоваться достоинствами работъ Микѣшина.

Михаилъ Осиповичъ состоялъ художникомъ при особѣ его императорскаго высочества, великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Вмѣстѣ съ нимъ онъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій по Европейской Россіи. Въ самый разгаръ Кавказской войны, Михаилъ Осиповичъ отправился на Кавказъ вмѣстѣ съ ихъ императорскими высочествами, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, въ свитѣ ихъ высочествъ. Эта поѣздка дала возможность талантливому и впечатлительному художнику изучить Кавказъ и Закавказье. Множество путевыхъ замѣтокъ, перомъ и карандашемъ, заполнили дорожные альбомы и папки художника, сохранившіе намъ не мало поистинѣ трагическихъ сюжетовъ и эпизодовъ Кавказской войны, въ которой Михаилу Осиповичу приходилось не только быть свидѣтелемъ, но и зачастую участникомъ, за чтó онъ награжденъ крестомъ въ память покоренія Кавказа и медалью въ память покоренія Чечни, Дагестана, Сѣверо-Западнаго Кавказа, полученные имъ изъ рукъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Если принять во вниманіе массу путевыхъ матеріаловъ, собранныхъ во время многочисленныхъ на вѣку Михаила Осиповича поѣздокъ по всему лицу обширной Россіи, которую онъ не разъ исколесилъ вдоль и поперекъ, да присоединить сюда матеріалы, зачерченные въ Туркменіи, Бухарѣ и Туркестанѣ, то по богатству бытоваго матеріала, заключающагося въ дорожныхъ альбомахъ художника, врядъ ли найдется у насъ на Руси много соперниковъ у Михаила Осиповича, кромѣ развѣ В. В. Верещагина.

И это богатство воспоминаній и художественныхъ замѣтокъ ждетъ еще увидѣть свѣтъ Божій. Авось художнику посчастливится послѣ смерти, и найдется издатель, который дастъ возможность «большой публикѣ» ознакомиться съ богатой и даровитой натурой Михаила Осиповича, со всей глубиной его дарованія, умѣвшаго столь вѣрно и быстро схватывать типичныя черты имъ изображаемаго.

Съ разностороннимъ дарованіемъ Микѣшина публика отчасти могла познакомиться въ Москвѣ, на посмертной выставкѣ, далеко неполной, произведеній его, въ залахъ Московскаго историческаго музея, устроенной по иниціативѣ и благодаря хлопотамъ предсѣдателя общества художниковъ исторической живописи А. А. Карелина, въ мартѣ 1896 г.; выставка эта была перевезена затѣмъ въ Нижній Новгородъ и также долгое время была доступна обзору публики. Между прочимъ, восторгъ вызывали собранные на выставкѣ проекты его памятниковъ, отчасти уже сооруженныхъ, отчасти еще остаю-

щихся въ проектѣ. Общій голосъ печати сводился къ тому, что въ своихъ проектахъ Микѣшинъ проявлялъ широкій кругозоръ, проникновенную и глубокую мысль, что въ нихъ онъ доходилъ до истинно геніальнаго вдохновенія и обнаруживалъ такое изученіе исторіи и разумное отношеніе къ историческимъ задачамъ, какое въ пору было бы развѣ самому заправскому и самому крупному историку. Конечно, такое сужденіе можетъ показаться нѣсколько преувеличеннымъ, въ особенности, если судить о людяхъ по стереотипнымъ мѣркамъ. Но тѣ, кому довелось близко знать покойнаго художника и слѣдить за его дѣятельностью, могутъ подтвердить, что Микѣшинъ всегда всесторонне и добросовѣстно изучалъ тотъ предметъ и ту эпоху, о которыхъ собирался трактовать; онъ умѣлъ всецѣло проникаться своими идеями, своею работою; онъ былъ, смѣло можно сказать, фанатикомъ своего дѣла. Прежде, чѣмъ приняться за работу, Микѣшинъ подробно знакомился съ литературою предмета, взглядами на интересующій его предметъ выдающихся ученыхъ, часто устраивая въ своей мастерской весьма интересныя собранія выдающихся ученыхъ и техниковъ разныхъ спеціальностей и артистовъ, которыхъ всегда числилось довольно въ спискѣ его друзей. Если Микѣшину не хватало собственныхъ знаній и догадокъ, онъ всегда обращался за совѣтами къ болѣе его свѣдущимъ въ данномъ вопросѣ лицамъ и всегда былъ встрѣчаемъ съ истинно-русскимъ радушіемъ. Съ рѣдкимъ умѣніемъ онъ поддерживалъ знакомство съ обширнымъ кругомъ лицъ разнообразныхъ профессій и званій, являясь среди нихъ, въ своей мастерской, точно какимъ-то живымъ ходячимъ цементомъ, связующимъ всякаго рода камни. Одна изъ такихъ страничекъ его жизни описана имъ въ его «Споминкахъ про Шевченка» [1]), на стр. XIX. Микѣшинъ вспоминаетъ ту пору, когда онъ работалъ надъ созданіемъ памятника «Тысячелѣтія Россіи». «Въ то время мастерская моя, на Литейномъ дворѣ зданія академіи художествъ, занята была огромными работами для памятника Тысячелѣтія Россіи; колоссальныя статуи Петра I и его генія загромождали ея вмѣстимость; перепутанные лѣса, канаты, драпировки, анатомическіе скелеты и огнедышащая кузница, находившаяся въ томъ же залѣ, только и оставляли свободнаго мѣста, чтобы уютно помѣстить еще рояль, да столъ со стульями; въ это время мнѣ поручено было сочиненіе чрезвычайно сложнаго по своей задачѣ барельефа для этого памятника, такъ что, обремененный выше силъ условіями сроковъ экстреннаго выполненія этихъ работъ и будучи совершенно неопытенъ въ техникѣ, я совсѣмъ было растерялся передъ новой задачей и прибѣгъ за помощью и совѣтомъ ко всѣмъ извѣстнѣйшимъ нашимъ историкамъ и писателямъ, которые и не отказали мнѣ въ просимомъ содѣйствіи.

[1]) Т. Г. Шевченко, «Кобзарь» (Прага, 1876 г.).

Я просилъ къ себѣ вечеромъ, по четвергамъ, и тутъ-то, въ этой закопченной мастерской, перебывало у меня много почтенныхъ и интересныхъ личностей, устроивались жаркіе споры о достоинствахъ и и недостаткахъ того или другого историческаго лица, о правахъ помѣщенія его въ циклъ той или другой категоріи дѣятелей, составляющихъ барельефное кольцо вокругъ памятника». Вотъ какими путями на практикѣ Микѣшинъ выяснялъ себѣ и шелъ къ разрѣшенію возникавшихъ въ его умѣ вопросовъ. Хотя онъ получилъ самое ограниченное образованіе, но всегда находился на уровнѣ той задачи, которую ему предстояло разрѣшать. То, чего ему не дала школа, онъ самъ взялъ изъ жизни, взялъ самообразованіемъ, и хотя многіе и усматривали въ немъ «баловня счастья», судя по его успѣхамъ и популярности, но все это далось ему не такъ легко, какъ это инымъ можетъ показаться. Микѣшинъ всего достигъ только благодаря упорному труду, который въ союзѣ съ счастливымъ дарованіемъ далъ столь обильные плоды; онъ слишкомъ усидчиво работалъ; принимаясь за работу, онъ оставлялъ ее лишь въ крайнихъ случаяхъ. Мнѣ знакомы дни, когда Микѣшинъ, имѣя уже за спиной около 60 лѣтъ, работалъ по 18-ти часовъ въ сутки, и такъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль подрядъ. Когда онъ лѣпилъ свою лебединую работу—модель памятника Екатерины II для Екатеринодара, онъ даже отказалъ себѣ въ лѣтнемъ отдыхѣ, все время оставаясь жить въ городѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Онъ точно предчувствовалъ роковую развязку, боясь оставить модель Екатерины II недоконченною, и едва ли успѣлъ бы закончить ее, если бы не его изъ ряда вонъ выходящія трудолюбіе и усидчивость. Въ послѣдніе годы онъ даже рѣдко что либо самъ читалъ—ему читали вслухъ домашніе, или навѣщавшіе его друзья и пріятели; самъ же онъ всегда сидѣлъ за рабочимъ столомъ, либо съ карандашемъ въ рукахъ, либо былъ занятъ лѣпкою модели.

Отличное дарованіе и выдающійся талантъ не замедлили обратить на Микѣшина вниманіе императорской фамиліи, въ которой Михаилъ Осиповичъ удостоенъ былъ чести преподавать: въ семьѣ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Николаевны, августѣйшимъ дочерямъ ея—Маріи и Евгеніи Максимиліановнамъ, и ея императорскому высочеству великой княжнѣ Александрѣ Петровнѣ.

Много подарковъ въ разное время получалъ Михаилъ Осиповичъ отъ высочайшихъ особъ, но между ними самымъ цѣннымъ для художника всегда былъ з о л о т о й л а в р о в ы й в ѣ н о ч е к ъ (брелокъ), лично переданный ему въ Бозѣ почившей государыней императрицей Маріей Александровной, въ Новгородѣ, въ день открытія памятника «Тысячелѣтія Россіи», въ присутствіи представителей отъ лица всей Россіи, у подножія монумента, въ тотъ моментъ, когда художникъ удостоился необычайной чести—благодарности императора и пожатія руки.

Слишкомъ длиннымъ вышелъ бы переченъ всѣхъ наградъ, полученныхъ Микѣшинымъ отъ высочайшихъ особъ, такъ равно и списокъ всѣхъ орденовъ, полученныхъ имъ отъ иноземныхъ правителей, почетныхъ званій и дипломовъ. Всѣхъ знаковъ отличій у Михаила Осиповича было около 25. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ археологическаго института, такъ какъ былъ солиднымъ зна-

Проектъ памятника Минину.

токомъ русской старины: оставшаяся послѣ него коллекція старинныхъ иконъ и крестовъ—одна изъ рѣдкихъ, особенно по экземплярамъ старинныхъ старообрядческихъ и другихъ иконъ и крестовъ. Какъ пожизненный членъ славянскаго благотворительнаго общества, онъ въ немъ являлся однимъ изъ замѣтныхъ и преданныхъ дѣлу славянскаго единенія дѣятелей, дѣйствуя въ обществѣ съ самаго

основанія. Неоднократно посѣщая славянскія земли, Микѣшинъ хорошо научился сербскому и др. славянскимъ языкамъ, велъ знакомство и поддерживалъ сношенія съ выдающимися дѣятелями славянскихъ земель. Въ эпоху минувшей турецкой войны Микѣшинъ принималъ горячее участіе въ снаряженіи отъ славянскаго благотворительнаго комитета добровольцевъ и санитарныхъ отрядовъ на театръ военныхъ дѣйствій, за что и былъ награжденъ, какъ упомянуто уже выше, сербскими орденами, а за свои заслуги на поприщѣ науки и искусства избранъ почетнымъ членомъ сербской королевской академіи наукъ и искусствъ, берлинской и лиссабонской академіи художествъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Михаилъ Осиповичъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами своего отечества; онъ всегда принималъ участіе во всѣхъ объявляемыхъ за границей крупныхъ конкурсахъ (о нѣкоторыхъ уже упоминалось раньше), какъ, напримѣръ, въ конкурсѣ на памятникъ королю Виктору-Эммануилу.

Еще недавно, въ лѣто 1895 года, почти на закатѣ дней своихъ, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ эффектный проектъ памятника Іоаннѣ д'Аркъ, спасительницѣ Франціи. Мысль о постановкѣ памятника Іоаннѣ д'Аркъ возникла во Франціи по поводу тѣхъ толковъ, которые породило присоединеніе Орлеанской дѣвы къ лику святыхъ. Канонизація этой благородной Дѣвы воскресила во французскомъ католичествѣ благодарную о ней память. Въ ознаменованіе этого великаго событія рѣшено было воздвигнуть грандіозный памятникъ въ деревушкѣ Домреми, родинѣ Іоанны д'Аркъ, на границѣ Шампани и Лотарингіи. На холмистомъ берегу рѣки, близъ виднѣющихся развалинъ, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей временъ и дѣяній Орлеанской дѣвы, на обветшаломъ каменномъ цоколѣ, высится предполагаемый, по проекту Микѣшина, монументъ, своею формою напоминающій первобытные кельтическіе памятники, извѣстные подъ именемъ дольменовъ, этихъ каменныхъ гробницъ до-исторической эпохи; такая форма придаетъ пьедесталу характеръ народнаго, религіознаго памятника. Надъ этимъ каменнымъ постаментомъ доминируетъ, верхомъ на конѣ, фигура Орлеанской дѣвы, полная вѣры и религіознаго экстаза, съ обращеннымъ къ нему взоромъ. Смиренно приближающемуся къ ней дофину Карлу VI она вручаетъ свой побѣдоносный мечъ. Группы фигуръ пораженныхъ англо-бургундцевъ, размѣщенныхъ у подножія дѣвы, благоговѣйно стремятся къ ней и даютъ полную иллюстрацію событію. Внизу помѣщена колоссальная фигура Архангела Михаила, своимъ огненнымъ мечемъ поразившаго дракона. Архангелъ покровительствовалъ дѣвѣ на поляхъ брани, онъ же призвалъ ее къ великому служенію. Знамя въ рукахъ Архангела—то самое, что всегда находилось при дѣвѣ во время нахожденія ея передъ войскомъ. На цоколѣ помѣщены барельефы: одинъ—изображаетъ торжество коронованія дофина въ Реймсѣ; дру-

гой—сожженіе дѣвы въ Руанѣ, 30 мая 1431 года. Между этими барельефами размѣщены гербы папъ: современника Іоанны д'Аркъ—Каликста III, нынѣшняго—Льва XIII и слѣдующаго, при которомъ должно произойти это религіозное торжество. Спереди виднѣется надпись: «Jeanne d'Arc, La bonne Lorraine», съ цифрами рожденія и кончины. Справа—«Je ne durerai qu'un an»—пророческое предсказаніе дѣвственницы, предвидѣвшей близость своей кончины. Цоколь пьедестала продолжается вправо, заканчиваясь роскошною входною лѣстницею и музеемъ драгоцѣнныхъ реликвій, помѣстившимся подъ площадью входа. Лѣстница украшена колоссальными фигурами папъ. Здѣсь же, около входа, находится барельефъ, который, подобно двумъ описаннымъ раньше, помѣщенъ въ цоколѣ: онъ передаетъ сцену явленія Орлеанской дѣвѣ Архангела Михаила, возвѣстившаго ей о ея миссіи.

Проектъ понравился какъ французамъ-католикамъ, такъ и художникамъ. Оригинальность пріема, смѣлость и грандіозность замысла поражаютъ, но все-же этому проекту едва ли суждено когда либо быть осуществленнымъ. Копія съ проекта доставлена лѣтомъ 1895 г. г. Баумгартеномъ въ Парижъ и передана г-жѣ Жюльеттѣ Аданъ, съ цѣлью ознакомленія парижскаго монсиньора съ работою Михаила Осиповича. Г-жѣ Аданъ было угодно поступить иначе: она выставила его въ своемъ салонѣ, на обозрѣніе французскихъ художниковъ, участвовавшихъ въ конкурсѣ по составленію проекта памятника Іоаннѣ д'Аркъ—отсюда неуспѣхъ дѣла становится понятнымъ.

Къ числу работъ послѣднихъ годовъ жизни Михаила Осиповича относится также проектъ памятника Козьмѣ Минину Сухорукому для Нижняго Новгорода. Едва ли исторія какой либо иной страны можетъ выставить болѣе славное имя. Изъ нѣдръ русскаго народа объявившійся народный герой заслуживаетъ и благодарной памяти всего русскаго народа. Со дня кончины его протекло слишкомъ 280 лѣтъ, и уже наступила пора укрѣпить память о нижегородскомъ земскомъ старостѣ, и именно въ Нижнемъ Новгородѣ, колыбели славы этого имени. Послѣдніе два года жизни Михаила Осиповича, между прочимъ, были поглощены думами объ этой работѣ. Эскизъ памятника Минину сочиненъ Микѣшинымъ въ 1894 г.; помнится, много по этому поводу было разговоровъ, и общее мнѣніе слагалось въ пользу художника. Признавали, что фигура Минина вполнѣ удалась Микѣшину. Мининъ изображенъ величаво, въ русскомъ длиннополомъ кафтанѣ стрѣлецкаго пошиба (родъ охабня), печатью почему-то окрещеннаго плащемъ, что, конечно, невѣрно. Мининъ изображенъ съ небольшой бородкой, по народной поговоркѣ—«бородка Минина, а совѣсть глиняна». Неархитектурной формы массивъ монолита, на которомъ покоится во весь ростъ фигура героя, по толкованію покойнаго Микѣшина, изображаетъ смутное на Руси время, въ волнахъ котораго пришлось проявлять свой героизмъ

Минину. Мрачный массивъ этотъ стоитъ на правильныхъ и могучихъ формъ пьедесталѣ московскаго стиля XVI вѣка. Пьедесталъ этотъ—символъ устойчивости московской государственности. Намъ извѣстно, что проектъ Микѣшина былъ сочувственно встрѣченъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, но до сихъ поръ судьба его еще не выяснена, и въ Нижнемъ память о Мининѣ продолжаетъ поддерживать жалкій обелискъ, съ вызывающею улыбку надписью: «Благодарная Россія». Мы точно стыдимся заслугъ даже своихъ героевъ!

Микѣшинъ специализовался во многихъ родахъ живописи; перечислить ихъ всѣ довольно трудно; сюда нужно включить и всевозможные огнеупорные матеріалы: финифть, эмаль, майолику; на простыхъ (печные) изразцахъ (кафли) Микѣшину удавались иногда такіе шедевры, которые августѣйшій его благодѣтель, блаженной памяти императоръ Александръ II, предназначалъ въ подарки за границу отъ своего имени.

Въ «большой публикѣ» имя Михаила Осиповича извѣстно, какъ имя талантливаго иллюстратора, бойкаго и остроумнаго рисовальщика. Кто не знаетъ полныхъ жизненной правды, теплоты, дышащихъ задушевностью и оригинальностью, рисунковъ Микѣшина, которые въ массѣ никогда не могутъ затеряться. Такъ оригинальна Микѣшинская манера изображенія! Кажется, до сихъ поръ ему одному только и присуща та особая характерность рисунка, которая всегда выдаетъ художника, подъ какими бы иниціалами и псевдонимами онъ ни скрывался. Фантастично-эффектный рисунокъ «Миши М.» достаточно извѣстенъ русской публикѣ. Микѣшинъ совершенно владѣлъ рисункомъ—стоитъ взглянуть на его историческія иллюстраціи изданій Девріена, на «Богатаго купца Тереньтища» [1]), на Гоголевскаго «Вія», на «Царевичая Мая» (Сказка о любви) и мн. другія, и станетъ ясно, что это—произведенія крупнаго таланта. Въ общемъ, по тону рисунки Микѣшина напоминаютъ манеру Доре, причемъ Микѣшинъ не уступаетъ французской знаменитости ни въ фантазіи, ни въ живописности деталей.

Одно время Михаилъ Осиповичъ занимался и издательствомъ. Сначала вмѣстѣ съ А. С. Гіероглифовымъ, а затѣмъ и самостоятельно онъ издавалъ журналъ «Пчелу». То было время русско-турецкой войны, и оно довольно художественно воспроизведено на страницахъ «Пчелы»—по сіе время одного изъ лучшихъ иллюстрированныхъ журналовъ нашихъ, по своей внѣшности и образцовому воспроизведенію напоминавшаго лучшія англійскія изданія этого рода. Именно съ «Пчелы» бойкій рисунокъ Микѣшина, въ ней часто встрѣчаемый, начинаетъ пріобрѣтать искреннихъ поклонниковъ. Въ «Пчелѣ» Михаилъ Осиповичъ помѣстилъ, кромѣ множества рисун-

---

[1]) Текстъ составленъ Микѣшинымъ по Киршѣ Данилову и цѣликомъ имъ написанъ старинною вязью, которую онъ такъ превосходно зналъ.

ковъ, не мало біографій, воспоминаній, статей и замѣтокъ, а также въ «Руси», выходившей ранѣе Аксаковской «Руси» всего одинъ годъ. На изданіи «Пчелы» Михаилу Осиповичу не посчастливилось; не смотря на свои выдающіяся достоинства, журналъ обходился издателю очень дорого и не окупался. Микѣшинъ менѣе чѣмъ черезъ два года вынужденъ былъ прекратить изданіе, обременившее его крупнымъ долгомъ, покрывать который ему пришлось всю жизнь. Разсказы Михаила Осиповича свидѣтельствуютъ о его недюжинномъ литературномъ талантѣ. Онъ печатался и въ «Русской Старинѣ», а за мѣсяцъ до смерти выступилъ съ своими художественно-критическими статьями о выставкахъ въ «Петербургской Газетѣ». Одна изъ послѣднихъ его статей касалась картинъ выставки В. В. Верещагина въ С.-Петербургѣ.

Михаилъ Осиповичъ былъ большой знатокъ русской иконописи. Его неспокойный умъ, въ числѣ прочихъ, занимали и мысли о народныхъ изданіяхъ, чтó явствуетъ изъ оставшейся его переписки съ покойнымъ драматургомъ А. Н. Островскимъ, близкимъ другомъ Михаила Осиповича. Почти всѣ старинныя изданія, съ изображеніями ликовъ святыхъ, рѣдчайшія святцы, имѣлись въ небольшой, но драгоцѣнной библіотекѣ Микѣшина, и его всегдашней мечтой было распространеніе знанія правильно изображать лики чтимыхъ русскою церковью святыхъ. Кое-что на этомъ поприщѣ ему удалось сдѣлать. Изданы листы: св. Георгій Побѣдоносецъ, Сергій Радонежскій, Николай Чудотворецъ, Кириллъ и Меѳодій, князья Борисъ и Глѣбъ, нѣсколько листовъ съ изображеніями извѣстнѣйшихъ чудотворныхъ иконъ Богоматери, съ текстомъ вокругъ изображеній на церковно-славянскомъ языкѣ Т. Ив. Филиппова, нынѣ государственнаго контролера. Изданія эти имѣли небывалый успѣхъ, издатель не успѣвалъ удовлетворять многочисленнымъ требованіямъ, которыми его положительно забрасывали. Нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ было распродано въ самое короткое время, и нѣкоторые изъ листовъ составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Три многотысячныхъ изданія самого Микѣшина выдержалъ его смѣхотворный листъ, подъ титуломъ. «О цыганѣ, мужикѣ и его кобылѣ», да 28.000 экземпляровъ этого листа разошлось въ московскомъ изданіи Сытина. Листъ этотъ не менѣе извѣстенъ и во Франціи, такъ какъ «Фигаро», въ концѣ семидесятыхъ годовъ, безъ вѣдома автора, помѣстилъ рисунки этого листа, съ подписями, переведенными на французскій языкъ, и разослалъ его, какъ приложеніе, своимъ подписчикамъ. Не меньшимъ успѣхомъ пользуется въ народѣ другой смѣхотворный рисунокъ «Миши М.», помѣщенный въ издававшейся В. В. Комаровымъ «Звѣздѣ», на сюжетъ бѣлорусской пѣсни: «Три деревни, два села, восемь дѣвокъ—одинъ я». Нумеръ этотъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, былъ похищенъ изъ типографіи, какъ оказалось по разслѣдованіи, исклю-

чительно потому, что отъ похищенія этого занятнаго нумера не могли удержаться сами печатники и рабочіе въ типографіи.

Едва ли будетъ преувеличеннымъ мнѣніе, что рѣдко на долю кого либо изъ русскихъ художниковъ выпадала столь широкая извѣстность въ русской деревнѣ. Офени, въ изданіяхъ Сытина, разнесли славу имени Микѣшина по многимъ весямъ и захолустьямъ; нѣкоторые листы даже весьма недурно отпечатаны, иногда въ нѣсколько красокъ, и разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Особенно посчастливилось листамъ «Младъ Поповичъ-свѣтъ Алёша-богатырь», «О встрѣчѣ Ильи Муромца съ разбойниками», «Красавица-Екатерина, что намалевана картина» и проч.

Смерть застигла Михаила Осиповича надъ однимъ изъ болѣе имъ излюбленныхъ и дорогихъ его сердцу дѣлъ — иллюстрированіемъ «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. Желаніе это зародилось у Микѣшина еще въ тѣ годы, когда симпатичный и многострадальный пѣвецъ Украйны жилъ на антресоляхъ въ академіи художествъ. Въ уже упомянутыхъ «Споминкахъ» Микѣшинъ разсказываетъ: «Много мы съ нимъ (Т. Г. Шевченкомъ) вели переговоровъ, чтобы издать что либо совмѣстно съ его стихами и съ моими рисунками, но никакъ не могли договориться о сюжетѣ: то ему, то мнѣ сюжеты оказывались неудобны». Микѣшинъ — истый бѣлоруссъ, а между тѣмъ его имя пользуется среди украинцевъ весьма широкою извѣстностью, даже многіе украинцы его простодушно считаютъ за «своего маляра». Дѣло объясняется просто. Михаилъ Осиповичъ былъ весьма друженъ съ «батькой Тарасомъ», хотя въ началѣ Шевченко только терпѣлъ Микѣшина; впослѣдствіи, замѣтивъ привязанность молодого художника, Шевченко болѣе сблизился съ Михаиломъ Осиповичемъ и уже въ его присутствіи оставлялъ въ сторонѣ постоянную сдержанность, недовѣрчивость и тотъ напускной, официальный демократизмъ, съ которыми онъ являлся въ общество. Бѣлорусское происхожденіе Микѣшина роднило его съ излюбленнымъ Шевченкомъ и воспѣтымъ имъ героемъ гайдамацкой передряги, страшнымъ Гонтой. Шевченко чуть было не возвелъ Микѣшина въ малороссы и хотя и называлъ его въ веселыя минуты «недодѣланнымъ хохломъ» и «паничемъ», но произносилъ это уже съ полнымъ добродушіемъ. Микѣшина «батько Тарасъ» всегда называлъ своимъ «поводыремъ», такъ какъ они всегда вмѣстѣ совершали вечернія экскурсіи къ Я. П. Полонскому, въ семью Гринбергъ, частью въ нѣкоторые великосвѣтскіе дома, куда приглашались въ то памятное время художники и писатели на вечера. Кромѣ того, у Микѣшина съ Шевченкомъ были и другія области прикосновенія. Тарасъ Григорьевичъ, незадолго до своей смерти, передалъ Михаилу Осиповичу свои рисунки, прося его ихъ сохранить, какъ завѣтъ ихъ академической дружбы, и, если къ тому окажется возможность, когда либо ихъ издать. Въ теченіе многихъ послѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ, Михаилу Осиповичу, отвлекаемому многоразличными работами, не было

досуга заняться дѣломъ, которое онъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ. За иллюстрацію «Кобзаря» Микѣшинъ принялся только въ началѣ 1880-хъ годовъ. Всякій, кто бывалъ на «поминкахъ батьки», уже много лѣтъ подрядъ устроиваемыхъ въ залѣ Павловой, въ С. Петербургѣ [1]), тотъ могъ ихъ видѣть, такъ какъ они нѣсколько разъ выставлялись на этихъ вечерахъ. Издателя же долго не находилось, такъ какъ изданіе требовало не малыхъ затратъ. Мечтамъ Микѣшина удалось осуществиться только въ 1895 году, когда за изданіе взялся петербургскій типографъ и издатель П. И. Бабкинъ. Всего появилось въ свѣтъ три выпуска, изъ которыхъ два уже вышли послѣ смерти Микѣшина, и изданіе прервалось. Приложены къ этимъ выпускамъ и нѣсколько фототипій съ оригинальныхъ рисунковъ Шевченка, хранившихся у Микѣшина.

Изъ бѣглаго обзора жизни Михаила Осиповича видна та огромная и полезная дѣятельность его, которая обнимала столь разнообразныя сферы. Каковы бы ни были мнѣнія о его талантѣ, Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ, во всякомъ случаѣ, займетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи русскаго искусства. Со всѣмъ пыломъ впечатлительной юности, который Михаилъ Осиповичъ завидно сохранилъ до конца дней своихъ, словомъ и дѣломъ онъ помогалъ безъ разбору всѣмъ обращавшимся къ нему. Вѣчный труженикъ, онъ былъ доступенъ всякой нуждѣ, хотя бы она приблизилась къ нему прямо съ улицы. Одинъ изъ друзей покойнаго такъ закончилъ свою рѣчь у гроба Михаила Осиповича: «Не одинъ вѣнецъ, а много вѣнцовъ украшаютъ тебя. Мы почитаемъ въ тебѣ не только живописца, скульптора, рисовальщика, педагога, но и человѣка и гражданина. Мы оплакиваемъ твою кончину, но наша скорбь, тебѣ же благодаря, не можетъ перейти въ чувство безотраднаго отчаянія. Физическое существованіе твое закончено, но твой духъ живъ и безсмертенъ. Ты хотя и не завершилъ весь кругъ твоего развитія, оставивъ насъ въ полномъ расцвѣтѣ твоего таланта и силы, но все возможное ты передалъ семьѣ, товарищамъ; ты честно служилъ обществу и отчизнѣ. Прощай же здѣсь на землѣ, дорогой и незабвенный товарищъ. Прими еще дань глубокаго уваженія и беззавѣтной любви отъ многочисленной семьи твоихъ поклонниковъ. Миръ праху творцу безсмертнаго безсмертнымъ».

Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ скончался 19 января 1896 г., въ пятницу, въ 12 часовъ 30 минутъ дня, отъ паралича сердца, внезапно, по Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста (д. 128), въ С.-Петербургѣ. Похороненъ въ воскресенье, 21 января, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой Антона Григорьевича Рубинштейна и вблизи могилы извѣстнаго артиста И. Ф. Горбунова. Оба — бывшіе друзья покойнаго.

А. М. Уманскій.

[1]) Микѣшинъ былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ этихъ поминокъ, на ряду съ Д. Л. Мордовцевымъ и др.

РУССКІЕ СУДЕБНЫЕ ОРАТОРЫ.

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ —
И вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

А. Плещеевъ.

I

Ъ МИНУВШЕМЪ, 1896 году, исполнилось тридцать лѣтъ, какъ, по словамъ проф. Н. Таганцева [1]), «въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ зазелѣнѣла сочная молодая листва, казалось, столь крѣпко взрощеннаго дуба судебной реформы». 14-го іюня 1866 года, было первое засѣданіе въ Петербургѣ вновь открытаго суда; въ іюлѣ состоялся первый разборъ дѣла съ присяжными, а 15-го августа 1866 года происходило первое засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и русское общество за этотъ періодъ времени успѣло уже явиться свидѣтелемъ чрезвычайно оригинальныхъ, необычайныхъ, теченій отечественной исторической жизни: все то, что три десятка лѣтъ тому назадъ почти единодушно привѣтствовалось по всей странѣ, какъ нѣчто животворящее, свѣтлое и исторически-разумное, вдругъ постепенно начинаетъ терять свою привлекатель-

---

[1]) «Послѣднее двадцатипятилѣтіе», «Вѣстникъ Европы», 1896 г., № 12.

ность и подвергается осмѣянію, поруганію и нападкамъ. Вся «эпоха великихъ реформъ» внезапно оказывается на скамьѣ подсудимыхъ, и откуда-то вдругъ налетѣвшія сѣрыя птицы громкими пронзительными криками пытаются явиться предвѣстниками какой-то опять новой эры, какой-то обновленной эпохи. Въ какія нибудь 20 — 25 лѣтъ жизни (а, пожалуй, и того меньше) декораціи русской общественной жизни рѣзко мѣняются: съ нихъ исчезаютъ яркія, взоръ ласкающія краски, онѣ линяютъ, и передъ глазами наблюдателя вырисовывается сѣрый общій фонъ съ неуклюжими на немъ силуэтами. Сатирикъ и бытописатель новаго наступившаго времени холодѣющей, уже предсмертной, рукой изобразилъ слѣдующими красками эти декораціи обновленной эпохи: «Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками,—писалъ онъ въ оставшемся послѣ него неоконченномъ отрывкѣ «Забытыя слова».— Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады, въ сѣромъ воздухѣ незвучно рѣютъ сѣрыя птицы: даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски. Удручаютъ сѣрые тоны, но еще болѣе удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели. И чѣмъ больше я углубляюсь въ это оголтѣлое царство, тѣмъ болѣе всѣмъ существомъ овладѣваетъ оторопь и сознаніе отупѣлой безнадежности, въ которой все кругомъ застыло и онѣмѣло. Ощущеніе оскудѣнія постепенно заползаетъ во все существо, и я начинаю чувствовать, что недалекъ тотъ моментъ, когда и внутри меня все омертвѣетъ».

Но какъ ни безнадеженъ, какъ ни сѣръ нарисованный здѣсь фонъ современности, онъ не можетъ совершенно закрыть собою живыхъ еще, уцѣлѣвшихъ памятниковъ недавняго прошлаго, того прошлаго, откуда пошло все, чѣмъ красна наша настоящая жизнь. Въ числѣ этихъ памятниковъ на второмъ мѣстѣ послѣ великой крестьянской реформы величаво высится гласный судъ, тотъ самый, который былъ привѣтствованъ поэтомъ «мести и печали» слѣдующими проникновенными словами:

Господь! Твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу.
Упрочь народу правый судъ!

Этотъ правый и вмѣстѣ съ тѣмъ скорый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ судъ, былъ установленъ въ нашемъ отечествѣ введеніемъ уставовъ Александра II, въ 1864 году. Эти уставы, по словамъ г. Васьковскаго [1]), «вполнѣ соотвѣтствовали великой цѣли. Они даровали полную самостоятельность судебной власти, отдѣливъ

[1]) Организація адвокатуры. Ч. I. Спб. 1893 г.

ее отъ административной. Они создали стройную и прочную систему судебныхъ инстанцій, обезпечивающую быстроту и единство въ отправленіи правосудія. Они позаботились о надлежащемъ составѣ судебнаго персонала, объ умственномъ и нравственномъ цензѣ, объ обезпеченномъ матеріальномъ положеніи и невмѣняемости его. Далѣе, они привлекли къ участію въ отправленіи правосудія народный элементъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, сословныхъ представителей и мировыхъ судей. Наконецъ, они преобразовали судопроизводство, обративъ его изъ тайнаго, слѣдственнаго и письменнаго въ гласное, состязательное и устное, и создали офиціальный институтъ судебной защиты, въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Организація, данная адвокатурѣ судебными уставами, сохранилась съ небольшими измѣненіями, внесенными позднѣйшими законами 1874 и 1889 годовъ, до сихъ поръ».

Вотъ этотъ-то новый судъ, со всей его системой инстанцій, послужилъ выпуклой мишенью, въ которую направились выстрѣлы всѣхъ тѣхъ, кому остались или сдѣлались почему либо дороги завѣты дореформенной, нѣмой и крѣпостной Россіи. Тяжело и больно было смотрѣть, какъ незванные и непрошенные спасители отечества съ энергіей, достойной лучшей доли, вдругъ открыли непримиримый походъ противъ стройнаго зданія отечественнаго правосудія. Въ этомъ правосудіи все подмѣчалось, все выслѣживалось съ злобнымъ, напряженнымъ вниманіемъ, и каждая неудачная мелочь, каждый единичный невѣрный шагъ, старательно обобщались, возводились въ грозное преступленіе противъ спокойствія и цѣлости отечества. И Господи, какихъ только страшныхъ словъ ни произносилось противъ новаго суда, какихъ только обвиненій ни возводилось на судъ присяжныхъ, на его составныя части—прокуратуру и адвокатуру! По счастію, однако, грозныя филиппики не произвели желаннаго эффекта: Россія не вернулась ни къ доблестнымъ временамъ крѣпостнаго права, ни къ дореформенному суду! Оба лучшихъ памятника царствованія Александра II остались въ своемъ основаніи, въ главныхъ существенныхъ линіяхъ, неприкосновенными. Къ чести русскаго общества слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ нападенія и бурный штурмъ новаго суда встрѣчали со стороны общества достаточно дружный отпоръ. Литература и публицистика преимущественно выдвинули немало даровитыхъ силъ, которыя искусно отпарировали вражескіе удары. Извѣстные публицисты, К. К. Арсеньевъ—въ Петербургѣ и Гр. Джаншіевъ—въ Москвѣ, непрестанно на страницахъ «Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостей» выясняли всю пользу и значеніе новаго суда, реабилитировали его отъ инсинуацій и разбивали на голову почти сплошь своихъ грозныхъ противниковъ—грозныхъ средствами политическихъ нападеній, главнымъ образомъ. Полемика названныхъ писателей въ защиту новаго суда чрезвычайно любопытна и, собранная воедино со сводомъ мнѣній за и

противъ судебныхъ уставовъ Александра II, явилась бы любопытнымъ памятникомъ для исторіи нашихъ общественныхъ развитій, но такая задача не входить въ программу настоящей статьи. Мнѣ хочется на этотъ разъ коснуться только одной части, одной стороны указанныхъ развитій, а именно представить читателямъ рядъ литературныхъ портретовъ, небольшихъ характеристикъ нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятелей современнаго судопроизводства и главнымъ образомъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточилась защита подсудимыхъ. Такая работа совсѣмъ по времени: наши лучшіе дѣятели суда присяжныхъ, въ лицѣ гг. столичныхъ адвокатовъ, и главнымъ образомъ Петербурга, выпустили уже нѣсколько сборниковъ своихъ рѣчей, по коимъ наглядно можно судить, насколько эти дѣятели оказались на высотѣ задачи, и насколько добросовѣстно они выполняютъ свои общественныя обязанности. Кромѣ этой цѣли, у меня есть и иная побудительная причина заняться такимъ обозрѣніемъ: мнѣ кажется, что въ своей массѣ наша пресса въ долгу, и даже большомъ долгу, передъ молодой еще русской адвокатурой—она недостаточно оцѣнена, заслуги ея мало выяснены. Скажу даже больше: эта адвокатура можетъ предъявить претензію современной прессѣ не только за равнодушіе, но даже за нѣсколько небрежное, полупрезрительное и сплошь да рядомъ оскорбительное отношеніе.

Русская литература, сильная и плодотворная своими изображеніями отрицательныхъ типовъ, выказала въ примѣненіи къ г.г. присяжнымъ повѣреннымъ наиболѣе рьяно свои свойства бичеванія. Даже такіе авторитеты, какъ покойные Некрасовъ и Салтыковъ, не нашли въ своихъ литературныхъ словаряхъ никакихъ иныхъ выраженій и эпитетовъ по адрессу гг. адвокатовъ, какъ исключительно отрицательные. Вспомните типъ Балалайкина, столь рельефно выведенный Щедринымъ, вспомните отрывокъ изъ «Тріумфаторовъ и юбиляровъ» Некрасова, гдѣ иронически поэтъ говоритъ:

И сорвавъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ нашъ присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ,
Чище снѣга Альпійскихъ вершинъ!»

Вспомните постоянныя каррикатуры, вѣчную игру словами—адвокатъ, дровокатъ, аблакатъ и т. д., которыя щедрою рукою разсѣяны на столбцахъ газетъ, вспомните все это въ совокупности, и вамъ станетъ вполнѣ очевиднымъ то мое положеніе, что русскіе писатели, безъ различія ранговъ и достоинствъ, въ долгу передъ обширной корпорацій присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдніе мало слышали по своему адресу добраго, а по большей части, въ чужомъ изображеніи, фигурировали передъ читающей публикой, жадной до скандала, именно съ точки зрѣнія этого скандала, пикантныхъ сплетенъ, закулисной стороны своей дѣятельности. Пресса

почти сплошь занималась подсчетомъ наличности чужого кармана, «неумѣреннаго гонорара», но очень слабо интересовалась, сколько труда, работы, силы нервовъ и напряженія мозга положилъ тотъ или иной представитель защиты въ свои рѣчи, въ свое судоговореніе. Объясняю себѣ это печальное явленіе нашей малокультурностью, существующей излишней регламентаціей и давленіемъ сверху, при наличности которыхъ мы, робкіе относительно стоящихъ подъ стражею карающаго закона, дѣлаемся излишне развязными въ тѣхъ случаяхъ, когда остаемся внѣ путъ неволи.

Я вовсе не хочу сказать, чтобы адвокатура достойна была однихъ гимновъ, восхваленій и ѳиміама; далеко нѣтъ—въ ней много, и очень много, слабыхъ сторонъ, дефектовъ и недочетовъ. Недаромъ же вопросъ объ «адвокатской этикѣ» родилъ уже цѣлую литературу и не мало озабочиваетъ такъ называемые «совѣты» присяжныхъ повѣренныхъ. Но, вѣдь, вопросы общественной этики вообще одни изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ нашего времени, и недаромъ же нѣкоторые проповѣдники абсолютной морали приходятъ къ отрицанію всякихъ достоинствъ и качествъ новаго времени и его родного дѣтища—общественной жизни конца XIX вѣка. А однажды они правы, то, вѣдь, при наличности дурного колорита на цѣломъ, въ равной болѣе или менѣе степени будутъ страдать и его составныя части. Что же касается вопроса, съ чего начать исцѣленіе: отъ частнаго къ общему или наоборотъ?—это вопросъ, еще не нашедшій себѣ правильнаго рѣшенія въ исторіи человѣчества. Вотъ потому-то и требованія, предъявляемыя къ отдѣльнымъ корпораціямъ—врачамъ, адвокатамъ, артистамъ и вообще людямъ свободныхъ профессій и общественнаго начала, должны быть обсуждаемы и разрѣшаемы съ большой осторожностью и деликатностью. Тутъ легко перейти границы справедливости, легко за огульнымъ порицаніемъ посягнуть и на то немногое доброе и красное, чѣмъ такъ небогата жизнь человѣческая. А развѣ, систематически нападая на институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, мы не наносимъ тѣмъ самымъ чувствительнаго удара судебнымъ уставамъ, не откалываемъ отъ нихъ одной изъ выдающихся ихъ частей? Вѣдь если выполнители этихъ уставовъ лишь сплошь «лихіе супостаты», если цѣлая система даетъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ постоянный минусъ, то является невольный вопросъ: не виновата ли сама система по существу и не лучше ли замѣнить ее иною, хотябы старою, уже испытанною, гдѣ подъ охраною властнаго «нишкни!» не будетъ болѣе мѣста общественному контролю, общественному недовольству и вѣчнымъ нареканіямъ? Трудные все это, сложные вопросы! и мнѣ не хочется въ настоящее невеселое, по моему, время подымать столбы пыли и мусора, которыхъ въ окружающей жизни и безъ того достаточно. Обратимся лучше къ иной сторонѣ гласнаго суда,—посмотримъ: какихъ видныхъ своихъ представителей выдвинулъ онъ на первый планъ, чтó эти представители явили собою въ общественной жизни, и что они дали русскому обществу?

II.

Русскіе люди въ своемъ подавляющемъ большинствѣ не умѣютъ говорить и, слѣдуя буквальному тексту народной поговорки о цѣнности рѣчи и молчанія, исторически пріучились держать свои мысли про себя, а потому и выражаются въ какой-то неуклюжей, неизящной формѣ. Если мы успѣли выработать чудную литературную рѣчь, то далеко не то же можно утверждать про рѣчь спеціально ораторскую. Говореніе намъ не пристало, и въ этомъ отношеніи мы постоянно пасуемъ передъ своими сосѣдями иностранцами, которые, благодаря болѣе широко развитой у нихъ общественности, выработали даръ устной рѣчи до совершенства. Эта разность между нами и иностранцами, въ примѣненіи къ ораторскому искусству, мнѣ лично бросилась особенно въ глаза при чествованіи пятидесятилѣтней артистической дѣятельности покойнаго А. Г. Рубинштейна, въ залѣ дворянскаго собранія. Въ то время, какъ депутаты русскихъ группъ, неуклюже выступивъ впередъ, или молча совали въ руки юбиляра свои «адреса», или что-то мурлыкали себѣ подъ носъ, представители иностранныхъ группъ, всѣ какъ на подборъ, въ красивой и изящной формѣ сумѣли высказать свои привѣтствія знаменитому артисту. Русская сѣрость тутъ особенно бросилась въ глаза, и чувство конфуза за депутатовъ-земляковъ невольно охватывало присутствовавшихъ.

Да и гдѣ было русскимъ людямъ научиться говорить? Краснорѣчіе и наука о немъ до начала текущаго столѣтія были достояніемъ лишь церковныхъ каѳедръ и духовныхъ училищъ; кромѣ того, въ силу особенныхъ специфическихъ свойствъ, оно не могло оказывать вліянія на широкое число людей и являлось прерогативой очень маленькаго меньшинства—служителей церкви, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Введенная въ наши бурсы и семинаріи наука объ ораторскомъ искусствѣ, гомилетика, вплоть до восьмидесятыхъ годовъ нашего времени, по сознанію людей компетентныхъ [1]), была поставлена неудовлетворительно, вслѣдствіе чего въ 1884 г. преподаваніе этой науки было реорганизовано и поставлено на болѣе живую, разумную, и цѣлесообразную почву. Что же касается свѣтскаго краснорѣчія, то, по справедливому замѣчанію г. Арсеньева [2]), «никакихъ корней въ ближайшемъ нашемъ прошедшемъ — прошедшемъ, измѣряемомъ вѣками — оно не имѣетъ. Со времени закрытія псковскаго вѣча, въ XVI-мъ вѣкѣ, со времени окончательнаго торжества письменности въ судебномъ про-

---

[1]) Прот. М. А. Проторжинскій. Русская гомилетическая хрестоматія (XVII — XIX в.). К. 1887 г.

[2]) «Русское судебное краснорѣчіе». «Вѣстникъ Европы», 1888 г., № 4.

цессѣ, русскому человѣку негдѣ было упражняться въ публичной рѣчи; даже въ тѣсныхъ, сравнительно, кружкахъ все рѣже и рѣже раздавалось свободное, громкое слово». Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія «къ церковной каѳедрѣ присоединяется университетская,—продолжаетъ далѣе почтенный публицистъ; краснорѣчіе, въ устахъ профессора, становится могучимъ орудіемъ дѣйствія на слушателей, но оно рѣдко выходитъ изъ стѣнъ аудиторіи и уже по этому одному не кладетъ основанія ораторскому искусству. Возможнымъ и способнымъ къ развитію это искусство становится у насъ, только благодаря двумъ великимъ реформамъ прошлаго царствованія—судебной и земской. Мы знаемъ о немъ до сихъ поръ, по правдѣ сказать, очень мало. Рѣчи, произнесенныя въ земскихъ собраніяхъ, не попадаютъ въ печать почти никогда; обвинительныя и защитительныя рѣчи печатаются цѣликомъ весьма рѣдко».

Дѣйствительно, если за послѣднее время начинаетъ восполняться недостатокъ относительно судебныхъ рѣчей, какъ то видно будетъ сейчасъ, то, къ сожалѣнію, нельзя того же самаго сказать про земское краснорѣчіе; оно въ большинствѣ случаевъ погибло безвозвратно. Въ журналахъ земскихъ собраній излагается лишь содержаніе того или иного заявленія, той или другой рѣчи. Впрочемъ, мнѣ случалось въ журналахъ новгородскаго земскаго собранія наталкиваться на рѣчи извѣстнаго общественнаго дѣятеля, кн. А. И. Васильчикова, но въ большинствѣ случаевъ въ довольно курьезной формѣ изложенія: на верху страницы обозначено — князь Васильчиковъ, молъ, заявилъ, и затѣмъ слѣдуютъ многоточія! Такой способъ передачи, характеризуемый латинскимъ выраженіемъ «tacens clamo», врядъ ли, однако, можетъ быть разсматриваемъ, какъ полезное и вразумительное руководство къ ораторскому искусству. Такимъ образомъ, земское краснорѣчіе не послужило хорошей школой, гдѣ бы русскій гражданинъ научился говорить ясно, толково, сжато и краснорѣчиво. О думскомъ, представленномъ въ большинствѣ случаевъ знаменитой «черной сотней», говорить много не приходится: образцы ихъ съ удобствомъ почерпаются изъ сценокъ Горбунова и Лейкина, врядъ ли, однако, могущихъ быть рекомендованными, какъ руководство къ обученію ораторскому искусству. Нѣмая дореформенная Россія не завѣщала новому поколѣнію людей рѣшительно никакихъ образцовъ красивой и содержательной свѣтской рѣчи, и только съ наступленіемъ у насъ эпохи воли и свободы изъ нѣдръ общества понемногу начинаютъ появляться на свѣтъ божій отдѣльныя личности, кладущія свои недюжинныя силы въ созиданіе творчества устной рѣчи. Poëtae nascuntur—oratores fiunt, гласитъ классическая поговорка, и вотъ, чтобъ сдѣлаться этими oratores, потребовался громадный трудъ, значительная эрудиція, которые бы позволили людямъ, безъ всякихъ историческихъ профессіо-

нальныхъ корней въ родномъ прошломъ, явиться сразу украшеніемъ и славою своего народа. Я прошу читателей имѣть въ теченіе чтенія всей настоящей статьи постоянно въ виду подчеркнутыя выше слова объ «отсутствіи корней», такъ какъ эти соціальныя историческія условія нашей жизни придаютъ сугубое значеніе дѣятельности молодого сословія присяжныхъ, корпораціи адвокатуры. Когда намъ приходится говорить о прославленныхъ адвокатахъ Франціи и Англіи, объ ораторахъ древняго міра, мы имѣемъ дѣло съ явленіями, взросшими на хорошо подготовленной почвѣ. Иное дѣло у насъ, когда вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, потребовалась наличность цѣлой организованной профессіональной группы, на которую возложено было громадное отвѣтственное дѣло защиты обойденныхъ судьбою, защиты гражданскихъ правъ населенія и представительства передъ лицомъ общественнаго мнѣнія за униженныхъ и оскорбленныхъ, а передъ властью за ихъ право на свободное гражданское бытіе. Важный, чрезмѣрно важный историческій моментъ настигъ Россію въ 1866 году и, какъ она ни была не подготовлена, однако она оказалась не скудна жизненными, скрытыми силами и сумѣла выставить на зовъ времени и законодателя своихъ сыновъ, которые, по словамъ одного изъ покойныхъ шестидесятниковъ, «подняли на свои рабочія плечи великую реформу, и понесли ее къ дѣйствительному осуществленію». Но для этого недостаточно было только благого желанія или какой нибудь заинтересованности; нужна была вѣра въ новое предстоящее дѣло, нуженъ былъ энтузіазмъ и пламенное вдохновеніе. Вспоминая въ день двадцатипятилѣтія введенія судебныхъ уставовъ то время, одинъ изъ старѣйшихъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, В. Д. Спасовичъ, говоритъ [1]): «Въ памятный день, 17 апрѣля 1866 года, собраны были чины будущаго судебнаго вѣдомства, еще не присягавшіе, присяжные повѣренные, тоже не присягавшіе и не имѣющіе своего совѣта,—вся, такъ сказать, завербованная, но еще на дѣйствительной службѣ не состоящая прислуга судебныхъ уставовъ. И дана имъ была въ руки грамота съ приказаніемъ: по сей грамотѣ ходите. И даны имъ были книжки уставовъ и внушено: храните, блюдите и исполняйте, старайтесь, чтобы они были чистыя, цѣлыя, незамаранныя,—за нихъ вы душою своею отвѣчаете. И всѣ мы, дружно дѣйствуя, взяли этого ребенка на руки, мы были его няньками и пѣстунами, мы носили эти уставы подъ мышкою днемъ, клали ихъ подъ подушку ночью, жалѣли, когда вѣтеръ уносилъ нѣкоторые листья, или когда вшиваемы были новые,—однимъ словомъ, мы къ нимъ относились, какъ къ живому существу, съ которымъ мы сраслись и породнились». Нѣсколько далѣе г. Спасовичъ замѣчаетъ: ...«Я думаю, что мы живемъ въ плохое время, и

---

[1]) «Русская Мысль», 1891 г., № 5.

что въ 1916 г.[1]) оно будетъ лучше, но я скорблю о томъ, что̀ ни когда не можетъ возвратиться, не возвратится поэзія прошлаго, свѣжесть ощущеній, восторгъ, который мы испытывали, когда къ намъ явилась, точно Афродита изъ пѣны морской, другая богиня, нагая, бѣломраморная и нестыдящаяся своей наготы — гласность, когда судъ стали творить почти что на площади, и когда мы стали произносить свободныя, смѣлыя рѣчи, смѣлѣе тѣхъ, которыя печатались въ сдѣлавшейся между тѣмъ безцензурною печати».

Въ этихъ словахъ стараго адвоката, присяжнаго повѣреннаго, такъ сказать, перваго призыва, словахъ, дышащихъ восторгомъ воспоминанія, наглядно изображенъ подъемъ духа, охватившій піонеровъ судебнаго дѣла, на коемъ отпечатлѣвалась и вѣра, и надежда, и любовь. А съ такими могучими союзницами немудрено, какъ извѣстно, взять приступомъ любую твердыню, осуществить любое геройское дѣло. И дѣло это было осуществлено хорошо, плодотворно, согласно съ великимъ духомъ, осѣнявшимъ державнаго законодателя, когда онъ начерталъ знаменательныя слова правды, милости и равенства. Памятникомъ же этого дѣла, правда, памятникомъ далеко еще не полнымъ, могутъ считаться сборники адвокатскихъ рѣчей г.г. Спасовича, Хартулари, Андреевскаго и др., о коихъ я поведу рѣчь ниже, а такъ же собраніе обвинительныхъ рѣчей и кассаціонныхъ заключеній сенатора А. Ѳ. Кони, которыя я приберегу для заключительной главы настоящаго очерка. Такимъ образомъ, въ моемъ распоряженіи имѣется исторія русскаго суда послѣднихъ тридцати лѣтъ, гдѣ въ живомъ калейдоскопѣ передъ нами проходятъ длинною вереницей и представители темнаго царства, и подавленные несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, и жертвы злой воли, и жертвы пагубныхъ страстей и аффекта; рядомъ съ ними мы будемъ имѣть ихъ предстателей передъ судомъ, ихъ защитниковъ, а подчасъ и спасителей, какъ равно услышимъ и обвинительный голосъ карающаго закона, голосъ представителя обвинительной власти и стража общественнаго порядка и спокойствія. Слѣдовательно, задача настоящей статьи сводится къ тому, чтобы на фонѣ общественной жизни представить рядъ характеристикъ, почерпаемыхъ изъ имѣющагося въ печати матеріала, даннаго намъ для этихъ характеристикъ самими авторами. Матеріалъ этотъ чрезвычайно цѣненъ и по своему историческому значенію, какъ памятникъ прошлаго, и по значенію, такъ сказать, педагогическому, какъ доброе руководство грядущимъ поколѣніямъ и представителямъ современности.

Вотъ почему нельзя не порадоваться, съ одной стороны, появленію вышедшихъ уже сборниковъ судебныхъ рѣчей и не пожалѣть, съ другой, что этихъ сборниковъ такъ мало покамѣстъ еще вышло, что г.г. присяжные повѣренные, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей,

---

[1]) Пятидесятилѣтнюю годовщину судебныхъ уставовъ.

почему-то стѣсняются или не торопятся опубликованіемъ лучшихъ произнесенныхъ ими рѣчей. Рѣчи эти, по мѣткой характеристикѣ г. Арсеньева [1]), «одной своей стороной соприкасаются съ общественной психологіей, другою — съ областью искусства. Содержаніе ихъ знакомитъ съ темными сторонами народной жизни, раскрываетъ несовершенство существующихъ порядковъ, обнаруживаетъ общія и частныя причины преступленій, а ихъ форма—при извѣстной степени и извѣстномъ свойствѣ ораторскаго таланта — приближаетъ ихъ къ произведеніямъ такъ называемой изящной литературы. Значительность содержанія судебной рѣчи предрѣшается отчасти предметомъ дѣла». Г.г. Спасовичъ, Кони, Хартуляри и Андреевскій изданіемъ собранія своихъ рѣчей безусловно оказали доброе общественное дѣло, заслуживающее признательности современниковъ, и можно отъ всей души пожелать, чтобъ ихъ примѣру послѣдовали такіе корифеи адвокатуры, какъ г.г. Плевако, князь Урусовъ, К. Арсеньевъ, Пассоверъ, Вл. Жуковскій, Корабчевскій и другіе многіе.

III.

Первымъ, выпустившимъ свой сборникъ судебныхъ рѣчей, былъ извѣстный ученый и адвокатъ В. Д. Спасовичъ. Сборникъ этотъ носилъ наименованіе «За много лѣтъ» и вскорѣ по выходѣ сдѣлался библіографической рѣдкостью. Въ 1893 году, г. Спасовичъ расширялъ новымъ матеріаломъ свой сборникъ и включилъ его въ собраніе своихъ сочиненій, гдѣ въ томахъ V—VII представлены всѣ произнесенныя имъ рѣчи, съ 1867 по 1892 года. Если г. Спасовичъ былъ **первымъ** по времени въ указанномъ случаѣ, то репутація **перваго** же по качествамъ, какъ судебнаго оратора, остается за нимъ и до сихъ поръ. Привѣтствуя его съ двадцатипятилѣтіемъ адвокатской дѣятельности, собратъ его по профессіи, С. А. Андреевскій, заявилъ:

«Когда-то, 31-го мая, вы были первымъ крестникомъ совѣта по принятіи въ адвокатуру, первымъ адвокатомъ корпораціи—да такъ и остались **первымъ** навсегда... Какъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, такъ вы остановили нумеръ первый... Честь вамъ и слава!»

Характеризуя далѣе отличительныя свойства юбиляра, поэтъ-ораторъ продолжалъ:

«Говорятъ, будто я умѣю концентрировать мою мысль... Но Утинъ уже сказалъ, что вы человѣкъ широкій, и васъ трудно сжать... И однако же, если бы понадобилось отмѣтить въ васъ нѣчто неумирающее, самое дорогое, то я бы сказалъ, что ваше самое сильное орудіе: непроизвольное художество, поэзія. Имъ вы все дѣлали и всегда будете дѣлать! Вы — поэтъ уже потому, что у васъ главная радость жизни — самая безтѣлесная, самая воздушная, какую можно себѣ представить: книги. Всѣ книги, всѣ роды литературы:

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1891 года, № 6.

стихи, драмы, учебники, новыя теоріи, новые романы, законы, политика — все, что великая мысль человѣческая бросаетъ времени, все духовное творчество міра! Вы этимъ живете — и когда васъ послушаешь, то въ каждой вашей бесѣдѣ, въ каждой рѣчи, все, чѣмъ вы прониклись изъ этой духовной пищи, все, что вы имѣете сказать отъ себя, изъ своихъ наблюденій жизни, — все это окрашивается въ незабываемые образы. Образы — вотъ ваше могущество, и вы этого не замѣчаете: «Ты, Моцартъ, богъ и самъ того не знаешь!..» Вашъ сильный, проникнутый умомъ и страстью, языкъ поучалъ, побѣждалъ, творилъ, запечатлѣвался въ умахъ, но спрашивается: чѣмъ?—все тѣми же, самобытными, вамъ одному свойственными, яркими образами вашей чудесной музы. Ваши слова западали въ чужое сердце, какъ капли кипящаго сургуча; они сверкали и освѣщали вашу мысль, какъ брилліанты и молнія...».

Эту лирическую характеристику г. Спасовича можно принять, но только съ нѣкоторой оговоркой или, правильнѣе, при нѣкоторомъ толкованіи: я лично, на основаніи внимательнаго изученія рѣчей знаменитаго адвоката, не считаю поэзію его доминирующимъ отличительнымъ признакомъ. Поэзія его должна быть нѣсколько сужена и понимаема не въ обычномъ смыслѣ и толкованіи, а какъ непремѣнное свойство, присущее всякой творческой мысли, процессъ которой является величайшимъ таинствомъ природы. При такой оговоркѣ, да, я согласенъ: г. Спасовичъ одинъ изъ выдающихся русскихъ поэтовъ, потому что мысль его дѣйствительно сверкаетъ, какъ молнія, переливаетъ самыми разнообразными, причудливыми свѣтовыми эффектами, подобно алмазу чистѣйшей воды. Бывшій профессоръ Петербургскаго университета, онъ вступилъ въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ, съ первыхъ же дней ея мобилизаціи, и вступилъ въ нее, снабженный самыми совершенными орудіями научнаго знанія. Годы студенчества, профессуры, исключительной журналистики, на коей онъ временно сосредоточился, по выходѣ изъ сословія профессоровъ, дали въ его распоряженіе величайшую энциклопедію, изъ которой онъ властной и смѣлой рукой черпалъ всѣ отросли знанія. И знанія эти были не мертвыми, безформенными отрывками, существующими каждое само по себѣ и невѣдомо для чего, но цѣлой стройной философской системой, конечные выводы которой были приспособлены ко благу и счастью человѣческой жизни. Человѣкъ и свобода его духа, гражданинъ и священныя его права въ обществѣ и государствѣ—вотъ тѣ объекты, защитѣ которыхъ посвятилъ свои громадныя силы ума и знанія бывшій профессоръ университета. Университетская аудиторія не могла бы заполнить собою всѣ интересы ученаго адвоката, въ немъ слишкомъ явно отсутствовало академическое спокойствіе, слишкомъ горячимъ ключомъ билъ родникъ живыхъ практическихъ силъ. И вотъ, когда великій законодатель обратился къ русскому обществу, призывая его къ новому труду на пользу юридическихъ учрежденій страны, В. Д. Спасовичъ явился однимъ изъ первыхъ на этотъ зовъ и съ полнымъ искусствомъ и сознаніемъ доказалъ всей своей

дѣятельностью, что общество вполнѣ достойно довѣренныхъ ему учрежденій, что оно дозрѣло до гражданской свободы и заслуживаетъ широкихъ гражданскихъ правъ.

Эти гражданскія права, эту общественную свободу г. Спасовичъ началъ настойчиво и умѣло защищать и оберегать съ первой же (1867 г.), напечатанной нынѣ въ 5 томѣ его «Сочиненій», рѣчи по дѣлу покойнаго П. Гайдебурова и изданныхъ имъ 2 томовъ перевода книги Вундта «Душа человѣка и животныхъ», и эту же энергичную защиту встрѣчаемъ мы и въ рѣчи его, относящейся уже къ нашимъ днямъ (1892 г.) по дѣлу объ административно-ссыльныхъ Кранихфельдѣ и другихъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи (т. VII).

Внѣшніе ораторскіе пріемы г. Спасовича, его манера говорить на всѣхъ, кто присутствовалъ при его защитительныхъ рѣчахъ, не производятъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія, и не на этомъ строитъ защитникъ успѣхъ своей рѣчи. Ея сила во внутреннемъ содержаніи, въ томъ громадномъ и прочномъ матеріалѣ, который сюда вкладывается, въ тѣхъ особенныхъ, ему одному лишь свойственныхъ, пріемахъ освѣщенія. Рѣчи г. Спасовича производятъ на меня впечатлѣніе грандіозныхъ и великолѣпныхъ зданій, относящихся къ давно прошедшимъ временамъ: съ перваго бѣглаго взгляда они васъ давятъ своей грандіозностью, и вы, изумленные, не сразу даете себѣ отчетъ въ необходимости или цѣлесообразности той или иной пристройки, той или другой части. Но чѣмъ вы больше вдумываетесь и пристальнѣе вглядываетесь въ архитектуру этого зданія, чѣмъ вы глубже проникаетесь мыслью его творца, тѣмъ большее просвѣтленіе овладѣваетъ всѣмъ вашимъ существомъ, тѣмъ большій восторгъ проникаетъ въ вашу душу. Отъ неуклюжести, отъ громоздкости и случайной небрежности не осталось и слѣда; отступите еще на шагъ, на два, охватите всю постройку сверху до низа заключительнымъ взглядомъ, и все вамъ станетъ ясно, вся мысль зиждителя предстанетъ передъ вами во всей ея прелести и логической послѣдовательности. Вы понимаете, почему здѣсь приставлена лишняя колонна, къ чему здѣсь высится портикъ, какое значеніе того или другого камня. Впечатлѣніе отъ частнаго уступило мѣсто восторгу передъ цѣлымъ. Такъ точно и въ рѣчахъ г. Спасовича: сначала васъ давитъ какая-то неуклюжесть въ построеніи защиты, разбросанность, случайность брошенныхъ то тамъ, то сямъ словечекъ, мыслей, изреченій, васъ непріятно изумляетъ слабость приступа и примитивность пріемовъ вступленія; но подождите—искусный ораторъ нанижетъ всѣ свои словечки, всѣ свои мысли на единую логическую ось, нѣсколькими соединительными посылками приведетъ все въ порядокъ и единство и представитъ такую твердыню защиты, укрѣпленную наукою и закономъ, о которую вдребезги разобьются и перуны обвинительной власти,

и доводы неблагопріятныхъ свидѣтельскихъ показаній. Ему собственно даже не потребуется послѣдняго заключительнаго аккорда: все будетъ ясно, одно будетъ логически вытекать изъ другого и въ конечномъ результатѣ—или полное естественное логическое оправданіе подсудимаго, или потребность и право его на снисхожденіе, согласно съ буквой и духомъ милостиваго и праваго закона. Поэтому не поэзія главенствующій признакъ ораторскаго наслѣдія г. Спасовича, а умъ, знаніе, беэпощадная логика и свѣтлыя перспективы прогресса и гражданской свободы.

Отстаивая правовые интересы русскаго общества передъ лицомъ часто несовершеннаго и невыясненнаго закона, г. Спасовичъ вложилъ массу энергіи и духовныхъ силъ въ процессы о печати, когда нѣкоторые издатели (Гайдебуровъ, Щаповъ, Поляковъ) очутились на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію ихъ цензурною властью въ распространеніи несогласныхъ съ духомъ нашей церкви и формы правленія переводныхъ сочиненій. Наиболѣе характерною мнѣ кажется защита г. Спасовичемъ извѣстнаго уже намъ покойнаго писателя Щапова и его перевода книги Луи-Блана «Письма объ Англіи»,—защита, кончившаяся въ судѣ оправданіемъ писателя.

«Нѣтъ ничего общаго между абсолютизмомъ,—говорилъ защитникъ,—возникнувшимъ на облитой кровью мостовой при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ ему, въ странѣ, привыкшей къ свободѣ, и нашимъ правленіемъ, которое по крайней мѣрѣ въ послѣднія 15 лѣтъ дѣлаетъ совершенно противоположное тому, что творилъ французскій абсолютизмъ: уничтожило крѣпостное состояніе, создало либеральныя учрежденія, упрочило законъ, поставило на стражѣ его независимый судъ, открыло публикѣ тайны государственныхъ финансовъ... Больше мнѣ говорить запрещаетъ чувство приличія, я боюсь, чтобы меня не заподозрѣли въ тонкой лести, или чтобы словъ моихъ не взяли за адвокатскій пріемъ, съ цѣлью выгородить моего кліента. Что касается до цитаты, приведенной въ обвинительномъ актѣ, позаимствованной Луи-Бланомъ отъ безобиднѣйшаго изъ экономистовъ Ганиля, касательно того, что въ коммерческомъ отношеніи абсолютная власть невыгодна, то съ этимъ я не могу не согласиться. Наконецъ есть еще мѣсто въ обвинительномъ актѣ, гдѣ издатель привлекается къ отвѣтственности за то, что въ книгѣ восхваляется тотъ принципъ, существующій въ Англіи, что не власти служатъ, а власть сама служитъ, что въ Англіи министры называются public servants, слугами общества. Мнѣ кажется, что нападать на эту мысль крайне неприлично въ отечествѣ Петра Великаго. Покончивъ, такимъ образомъ, съ выставленными въ обвинительнымъ актѣ мѣстами изъ книги Луи-Блана, я обращусь затѣмъ къ примѣненію къ этой книгѣ закона. Если бы книга и была вредна въ томъ смыслѣ, какъ она выставлена въ обвинительномъ актѣ, то и въ такомъ случаѣ она не подходила бы подъ статьи, которыя приводятся въ обвинительномъ актѣ, а подходила бы подъ 252 ст. улож. о наказ., но не подъ эту статью подвела обвинительная власть эту книгу, а подъ ст. 1035. Но такъ какъ письма Луи-Блана не содержатъ ни слова о законахъ, дѣйствующихъ въ Россіи, и не позволяютъ себѣ оспаривать обязательную силу русскихъ законовъ или распоряженій русскихъ властей административныхъ и судебныхъ, то къ нимъ и ст. 1035 примѣняема быть не можетъ. Вотъ почему не только Щаповъ отъ

всякой отвѣтственности долженъ быть освобожденъ, но также, въ виду всего мною сказаннаго, прошу судебную палату и книгу его, какъ безвредную, допустить къ обращенію».

Вторымъ номеромъ по своему общественному значенію идутъ защитительныя рѣчи г. Спасовича по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, и здѣсь на первомъ мѣстѣ надлежитъ отмѣтить столь извѣстное Нечаевское дѣло, гдѣ на его долю выпала защита г.г. Кузнецова, Ткачева и Томиловой.

Здѣсь нѣтъ надобности излагать это дѣло; ограничимся лишь указаніемъ, что оно было первымъ политическимъ дѣломъ, сдѣлавшимся предметомъ гласнаго обсужденія, гдѣ общество впервые стало лицомъ къ лицу съ невѣдомой дотолѣ соціалистической пропагандой. Вотъ почему положеніе защитника было въ высшей степени щекотливымъ, такъ какъ всякій его невѣрный шагъ, каждое неосторожное слово, могло дать поводъ врагамъ молодой судебной реформы бросить ей обвиненіе въ заигрываньи съ неблагонадежными элементами государства. И вотъ тутъ г. Спасовичъ явился истиннымъ мастеромъ своего дѣла, въ коемъ не знаешь, чѣмъ восхищаться: историческими ли и соціальными перспективами, нарисованными ораторомъ, или глубиной его психологическаго анализа? Этой своей рѣчью онъ оказалъ существенную углугу и русскому обществу вообще и судебной корпораціи въ частности: онъ разъяснилъ истинное значеніе политическихъ преступленій, умѣлой рукой разсортировалъ ихъ по рубрикамъ и указалъ на необходимость примѣненія и къ нимъ общечеловѣческихъ законовъ любви, милосердія и помилованія.

Въ политическихъ своихъ рѣчахъ г. Спасовичъ явилъ себя великимъ знатокомъ соціальныхъ законовъ исторіи и психологомъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слово. Сказанное про Нечаевскій процессъ должно быть отнесено и къ остальнымъ дѣламъ, относящимся къ категоріи государственныхъ преступленій, какъ, напримѣръ, дѣло Долгушина, «о 50 разныхъ лицахъ», о Теселкинѣ, Кранихфельдѣ.

Всѣ громкіе процессы, имѣющіе бытовой интересъ и связанные такъ или иначе съ исторіей русскаго общества послѣднихъ тридцати лѣтъ, нашли въ лицѣ г. Спасовича своего историка и судью, судившаго дѣла рукъ людскихъ иногда подъ угломъ зрѣнія карающаго закона, иногда съ точки зрѣнія требованія милости и снисхожденія. Убійства фонъ-Зона, дѣло Островлевой, знаменитое Овсянниковское дѣло и множество другихъ—всѣ они въ первой или послѣдней инстанціяхъ проходили черезъ руки г. Спасовича, и по всѣмъ имъ почтеннымъ представителемъ адвокатской корпораціи было высказано множество цѣнныхъ замѣчаній, указаній и разъясненій. Большинство этихъ указаній имѣло рѣшительное вліяніе на развязку судебнаго процесса, большинство его толкованій и

разъясненій закона вошло въ составъ нашихъ сенатскихъ кассаціонныхъ рѣшеній и послужило тѣмъ базисомъ, на коемъ высшее судебное учрежденіе страны строило нерѣдко свои мнѣнія и заключенія, послужившія дополненіями и развитіемъ первоначальныхъ статей закона.

Такимъ образомъ, г. Спасовичъ явился достойнымъ сыномъ судебной реформы Александра II, тѣмъ славнымъ представителемъ русскаго общества, который сумѣлъ стать съ честью подъ сѣнь новаго закона и провести его духъ и смыслъ въ сознаніе, въ плоть и кровь, русскаго народа. Правовыя понятія, имъ внушенныя обществу, еще найдутъ въ будущемъ своего цѣнителя, а корпорація присяжныхъ, для славы которой онъ такъ много, горячо и убѣжденно поработалъ, уже сдѣлала ему надлежащую оцѣнку, провозгласивъ его «нумеромъ первымъ» въ своемъ составѣ.

IV.

Вторымъ по времени изъ числа адвокатовъ перваго призыва выпустилъ собраніе своихъ судебныхъ рѣчей К. Ф. Хартулари, вполнѣ заслуженно пользующійся среди собратьевъ по профессіи добрымъ именемъ одного изъ столповъ сословія присяжныхъ. Подобно г. Спасовичу, и онъ съ любовью и энтузіазмомъ принялъ изъ рукъ законодателя великую грамоту, съ ней сообразовалъ всѣ дѣла и помыслы въ теченіе тридцати лѣтъ защитительной дѣятельности. Для г. Хартулари слова, сказанныя министромъ юстиціи Д. Н. Замятнинымъ, при открытіи имъ судебныхъ учрежденій, остались тѣмъ напутственнымъ, жизненнымъ завѣтомъ, который онъ дѣйствительно старательно осуществлялъ на протяженіи всего своего служенія судебнымъ уставамъ Александра II. Напомню читателямъ эти прекрасныя слова.

«Вамъ, господа,—сказалъ министръ, обращаясь къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, — посвящающимъ себя на защиту передъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнить, предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста, при разрѣшеніи дѣлъ, будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представили. Поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будетъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность будущаго круга дѣйствій, и что всѣ вы единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказанному вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе!».

Рѣчь эта и ея заключеніе, въ особенности, внимательно были выслушаны г. Хартулари, запечатлѣлись въ его сердцѣ и послужили тою точкою отправленія, которая сразу опредѣлила его мѣсто въ обновленномъ и вызванномъ къ самодѣятельности русскомъ об-

ществѣ. И послѣднее оцѣнило ветерана адвокатуры, піонера новаго суда, даря ему постоянно тѣ именно «довѣріе и уваженіе», которыя министръ Замятнинъ считалъ «высшею наградою» для представителей молодого сословія присяжныхъ.

Какъ и разсмотрѣнный въ предыдущей главѣ представитель адвокатуры, г. Хартулари былъ участникомъ многихъ выдающихся явленій общественной жизни, нашедшихъ свой заключительный финалъ въ стѣнахъ судебнаго зала. Многіе жгучіе вопросы нашей нравственной общественной жизни нашли также въ немъ своего цѣнителя и толкователя, и въ каждомъ данномъ случаѣ, въ каждомъ сложномъ и трудномъ обстоятельствѣ, онъ всегда старался согласовать интересы общества съ той оборотной стороной законодательной медали, на коей начертаны христіанскія слова любви и милосердія. Нечаевское дѣло, дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона, дѣло флигель-адъютанта Баранова, Маргариты Жюжанъ и множество другихъ—вотъ та цѣпь выдающихся такъ или иначе моментовъ нашей общественной жизни, черезъ которую съ достоинствомъ прошелъ піонеръ адвокатскаго дѣла. Рѣчи г. Хартулари не блещутъ драгоцѣнными эффектами выводовъ, какъ у г. Спасовича, онѣ лишены эрудиціи и научнаго антуража, какъ у послѣдняго, но производятъ подчасъ также сильное впечатлѣніе совершенно иными достоинствами — простотой, безыскусственностью, спокойствіемъ, детальной разработкой уликъ и стремленіемъ оратора къ нравственно-педагогическимъ выводамъ, долженствующимъ воздѣйствовать благотворно на весь соціальный строй общества. Такъ, выступивъ съ защитою г-жи Левенштейнъ по дѣлу ея покушенія на жизнь дочери генералъ-маіора Михневой, г. Хартулари сумѣлъ рельефно поставить вопросъ объ отсутствіи въ нашемъ отечествѣ гарантированныхъ закономъ правъ у женщины и у прижитыхъ ею внѣ брачнаго сожительства дѣтей.

«Я говорю, мм. гг.,—утверждалъ г. Хартулари,—объ отсутствіи такого закона, который охранялъ бы права женщины въ ея внѣбрачныхъ отношеніяхъ къ мужчинѣ и, что главнѣе всего, права прижитыхъ ею дѣтей, этихъ жертвъ чужой вины, чужого преступленія, а между тѣмъ болѣе всѣхъ наказываемыхъ, какъ безправныхъ и отвергаемыхъ обществомъ. Я согласенъ съ представителемъ обвиненія, что правосудіе не можетъ и не должно прощать человѣка, когда онъ протестуетъ по поводу нарушенія своихъ законныхъ правъ путемъ преступленія, имѣя возможность возстановить ихъ во всякое время, при помощи судебной власти, но не мнѣ судить о томъ положеніи, въ какое можетъ быть поставлено правосудіе, когда на скамьѣ обвиняемыхъ, какъ въ данномъ случаѣ, оказывается лицо, поставленное закономъ внѣ всякаго права на судебную защиту. Подумайте, гг. присяжные засѣдатели, чего могла достигнуть подсудимая возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія противъ Линевича? Отвѣчаю вамъ на этотъ вопросъ словами положительнаго закона: единственнаго наказанія, въ видѣ церковнаго наказанія, и единственнаго права требовать отъ своего обольстителя скудной подачки на содержаніе и воспитаніе дѣтей, впредь до избранія ими рода жизни,—подачки, охотно обыкновенно выбрасываемой

великодушными развратниками изъ своего иногда громаднаго достатка!.. Но для осуществленія хотя бы и этого ничтожнаго права, подумайте, что должна перечувствовать и пережить несчастная женщина, начиная съ добровольнаго оглашенія своего позора, которымъ обусловливается возможность возбужденія самаго судебнаго иска?! Какую ужасную внутреннюю борьбу она должна перенести, чтобъ унизить и подавить въ себѣ не только врожденную иногда деликатность и стыдъ, но и общее чувство человѣческаго достоинства, ради спасенія дѣтей отъ голодной смерти,—дѣтей, одинаково обязанныхъ своей жизнью какъ ей, такъ и тому, кто ее совратилъ?! И потому неудивительно, если лишенная законной опоры и покровительства женщина, обезчещенная и покинутая съ дѣтьми, прибѣгаетъ къ такой грубой и несвойственной ей формѣ протеста противъ низкаго поступка своего совратителя, въ какой выразился протестъ и обвиняемой Левенштейнъ; неудивительно, если мы видимъ смертоносное оружіе въ рукахъ такого существа, которое, по своему природному назначенію, не отнимаетъ, а даетъ жизнь,—неудивительно потому, что въ поступкахъ ея сказывается мщеніе за поруганную честь и за безнаказанно отнятую будущность у нея и у ея дѣтей!.. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, тѣ условія, въ какія была поставлена и подсудимая Левенштейнъ, по отношенію къ Линевичу,—условія, дающія ей особенное право на ваше вниманіе къ ея судьбѣ. Въ этихъ условіяхъ, по мнѣнію моему, и заключается та нравственная истина въ настоящемъ случаѣ, которая должна стать для васъ точкою отправленія и главнѣйшимъ основаніемъ для вполнѣ безпристрастнаго и справедливаго приговора».

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и рѣчь г. Хартулари въ дѣлѣ о Протопоповѣ, обвиняемомъ въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ начальнику, рѣчь, впервые въ практикѣ молодаго гласнаго суда основанная на психіатрической экспертизѣ докторовъ, каковая экспертиза въ настоящее время получила такое широкое право гражданства въ уголовныхъ процессахъ и которая успѣла уже, какъ, напримѣръ, въ дѣлахъ Островлевой, Палемъ и др., дать блестящіе результаты.

Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ Протопопова, какъ и впослѣдствіи въ дѣлѣ Левенштейнъ, г. Хартулари являлся новаторомъ въ пріемахъ защиты, то выдвигая неразработанныя еще законодательствомъ правовыя общественныя отношенія, то прибѣгая въ своей точкѣ опоры къ доводамъ психіатрической медицины. «Итоги прошлаго» г. Хартулари, служа полезнымъ дополненіемъ къ тремъ томамъ «Судебныхъ рѣчей» г. Спасовича, служатъ богатымъ источникомъ для сужденія о развитіи отечественнаго судебнаго дѣла, какъ оно предначерчено уставами Александра II. Кромѣ спеціальнаго, чисто юридическаго, интереса, оба собранія являются хорошимъ пособіемъ для изученія бытовой пореформенной Россіи въ моменты, главнымъ образомъ печальные, ея общественной жизни. Тутъ выведено множество любопытныхъ типовъ во всей ихъ подноготной, показана масса интересныхъ взаимоотношеній, затронута и освѣщена съ точки зрѣнія правового порядка и милостиваго закона не одна сторона исторической, политической, экономической и соціальной

отечественной жизни. И если въ этихъ драгоцѣнныхъ источникахъ и пособіяхъ будущій изслѣдователь нашихъ общественныхъ теченій подчасъ услышитъ не всегда спокойный голосъ, то, конечно, онъ сумѣетъ объяснить себѣ это обстоятельство условіями мѣста и времени и постарается, откинувъ все случайное, извлечь отсюда то вѣчное и незыблемое, что именуется жизнью, законами соціальнаго развитія и правового порядка.

Ознакомившись съ вышедшими уже сборниками рѣчей, принадлежащихъ старѣйшимъ гг. присяжнымъ повѣреннымъ, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ указать читателямъ въ возможной полнотѣ на все то доброе и прекрасное, что внесла собою въ нашу жизнь русская адвокатура, чувствуешь, однако, свою задачу далеко неисчерпанною и средства выполненія недостаточными. Слѣдуя историческому методу изложенія, преслѣдуя задачу въ ея развитіи постепенности, волею-неволею останавливаешься на полъ-пути и дѣлаешь крупный скачекъ отъ стараго поколѣнія людей къ позднѣйшему, далеко не исчерпавъ вмѣстѣ съ тѣмъ заслугъ первыхъ изъ нихъ. Вина въ данномъ случаѣ, какъ я уже сказалъ въ началѣ статьи, лежитъ въ самихъ дѣятеляхъ нашего пореформеннаго суда, почему-то медлящихъ съ изданіями сборниковъ своихъ рѣчей.

Вѣдь какъ же можно исчерпать или хоть слабо обрисовать заслуги нашей адвокатуры передъ родной землей, когда не имѣешь въ распоряженіи собранія рѣчей такихъ столповъ адвокатуры, какъ покойныхъ гг. Александрова, Лохвицкаго, или благополучно здравствующихъ г.г. кн. Урусова, Плевако, Жуковскаго и К. Арсеньева, не числящагося болѣе въ спискахъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вѣдь за каждымъ изъ названныхъ лицъ имѣются положительно подвиги въ лучшемъ смыслѣ этого слова, общественныя заслуги громадной величины,—подвиги и заслуги, широко раздвинувшіе рамки нашей гражданской жизни, внесшіе много свѣта и воздуха въ наше тѣсное и по большей части сумрачное существованіе. Стоитъ только хотя бы вспомнить процесы, гдѣ съ такимъ блескомъ выступалъ покойный Александровъ, какъ, напримѣръ, процессы Вѣры Засуличъ, покойнаго Ватсона по обвиненію его въ клеветѣ, и дѣло по обвиненію евреевъ въ похищеніи и умерщвленіи крестьянской дѣвочки, закончившіеся полнымъ оправданіемъ подсудимыхъ.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести выдержки изъ тѣхъ рѣчей, гдѣ Александровъ обнаружилъ одно изъ существенныхъ качествъ своей защиты, гдѣ онъ прибѣгалъ къ ѣдкой шуткѣ, къ мѣткой остротѣ и сарказму, при помощи которыхъ онъ любилъ обыкновенно сводить на нѣтъ свидѣтельскія показанія. Но, однако, въ области остроумія не покойному адвокату принадлежала пальма первенства. Ею всегда владѣлъ и понынѣ обладаетъ В. И. Жуковскій, привлекающій своими талантливыми рѣчами обширнѣйшую аудиторію слушателей.

Къ сожалѣнію, у меня не имѣется матеріала для характеристики этого даровитаго представителя адвокатуры, но я думаю даже, что если современемъ такой матеріалъ и появится въ свѣтѣ, онъ не дастъ читателю настоящаго понятія о силахъ этого оратора. Какъ нѣкогда покойнаго Горбунова, такъ и г. Жуковскаго, надо лично слышать, видѣть всю ихъ экспрессію лица и жестикуляцію, чтобы вполнѣ признать въ нихъ художниковъ, каждаго въ своей области; конечно, шутка, легкая, мѣткая шутка, введенная въ защитительную рѣчь г. Жуковскимъ, доведена имъ до совершенства и служитъ въ его устахъ могучимъ орудіемъ побѣды.

Совсѣмъ иными представляются рѣчи (увы, былыя рѣчи!) г. Арсеньева, сосредоточившаго всѣ свои обширныя силы ума и знанія на литературной работѣ и являющагося во «внутреннихъ обозрѣніяхъ» и «общественныхъ хроникахъ» «Вѣстника Европы» притягательной силой журнала. Къ сожалѣнію, и этотъ былой дѣятель Петербургскаго совѣта присяжныхъ не удосужился еще подарить русскому обществу собранія своихъ многочисленныхъ и блестящихъ рѣчей, воспоминанія о которыхъ еще такъ живы въ нашей адвокатурѣ. Но если дать себѣ трудъ собрать упомянутыя воспоминанія для желательной хоть краткой характеристики г. Арсеньева, какъ адвоката, то все говоритъ въ пользу того, что это былъ воистину выдающійся ораторъ, соединявшій въ своихъ рѣчахъ обширнѣйшую эрудицію съ удивительной технической простотой, граничавшей съ утонченнымъ изяществомъ. «Рѣчи К. К. Арсеньева,—говорило мнѣ одно вполнѣ компетентное лицо,—могли бы съ величайшимъ успѣхомъ явиться истиннымъ украшеніемъ любой западно-европейской парламентской трибуны». Но, повторяю, онъ не даетъ пока возможности сдѣлать его характеристику, какъ судебнаго оратора, и единственнымъ оставленнымъ имъ послѣ себя памятникомъ адвокатской дѣятельности являются изданныя имъ «Замѣтки, о русской адвокатурѣ. Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за 1866—1874 г.», гдѣ мы встрѣчаемся съ авторомъ, какъ компетентнымъ теоретикомъ и добросовѣстнымъ историкомъ.

VI.

Перечисленныя въ предыдущихъ главахъ лица являются дѣятелями Петербургскаго судебнаго округа; но было бы, конечно, величайшей несправедливостью, говоря о заслугахъ русской адвокатуры вообще, пропустить молчаніемъ дѣятелей Московскаго округа, гдѣ имѣются такіе видные представители ораторскаго искусства, какъ кн. Урусовъ и г. Плевако, составляющіе славу и гордость первопрестольной адвокатуры. Но и въ отношеніи ихъ мое положеніе достаточно ограничено матеріаломъ для сужденія, за неимѣніемъ воедино собранныхъ судебныхъ рѣчей обоихъ названныхъ дѣятелей.

Еще въ упомянутомъ московскомъ изданіи «Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ» можно почерпнуть кое-что, касающееся г. Плевако, но Урусовъ, это излюбленное дѣтище Москвы, не нашелъ себѣ даже мѣста въ московскомъ изданіи. Правда, бѣлокаменная подарила своимъ судейскимъ общественнымъ дѣятелямъ достаточно любопытную книжку, гдѣ всѣ они вкупѣ и порознь нашли себѣ оцѣнку и достаточно таки обстоятельные формуляры. Книга эта «Столичная адвокатура», и принадлежитъ она перу неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ малоговорящей литтерой С., члена, по его собственному признанію, корпораціи московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и лица очень близко освѣдомленнаго о жизни, дѣяніяхъ и біографіяхъ своихъ товарищей по профессіи.

Книга эта составлена достаточно оригинально: авторъ сдѣлалъ изъ нея «секретъ полишинеля», не назвавъ никого полнымъ именемъ, а ограничившись иниціалами и не полными фамиліями, но только сдѣлавъ это настолько прозрачно и преднамѣренно подчеркнуто, что невольно всякій маломальски освѣдомленный читатель долженъ воскликнуть. «Ба! знакомыя всѣ лица!». На протяженіи LX главъ и 206 страницъ г. С. далъ нѣсколько десятковъ по большей части мастерски нарисованныхъ портретовъ, но, благодаря этому самому мастерству отдѣлки, онъ и скомпрометировалъ себя: онъ залѣзъ въ такія подробности жизни и коснулся такихъ частностей характеровъ, что вызываетъ опасеніе каждаго, намѣревающагося пользоваться его трудомъ. Опасеніе это должно быть отнесено къ опасенію скандала, который неизбѣженъ для всякаго пожелавшаго бы, напримѣръ, воспользоваться памфлетами петербургскаго адвоката, г. Птицына, такъ много нашумѣвшаго въ послѣдніе два года своими разоблаченіями петербургскаго совѣта присяжныхъ. Правда, обличенія г. С. много разнятся отъ грубаго дебоша, произведеннаго г. Птицынымъ, но все же и въ его трудѣ найдется немало страницъ, которыя съ успѣхомъ и пользою для дѣла могли бы быть устранены изъ книжки. Но, при отсутствіи всякаго иного матеріала для характеристики московской адвокатуры, я все же воспользуюсь работою г. С., взявъ во вниманіе изъ нея лишь то, что безопасно для пользованія и имѣетъ цѣнность исключительно фактическаго матеріала.

Кн. Урусовъ является тоже однимъ изъ піонеровъ русскаго адвокатскаго краснорѣчія, которое онъ, благодаря широкой эрудиціи и выдающимся природнымъ дарованіямъ, сумѣлъ, подобно своимъ отмѣченнымъ уже въ настоящей статьѣ петербургскимъ коллегамъ, поставить на высокую степень совершенства, получивъ этимъ громкую извѣстность не только у насъ, въ Россіи, но и за границею. Г. С., не называя князя полнымъ именомъ, а ограничиваясь лишь иниціаломъ У., даетъ слѣдующія его curiculum адвокатской жизни и характеристику.

«Въ первые годы по введеніи у насъ судебной реформы для кандидатовъ на судебныя должности открытъ былъ доступъ не только къ упражненіямъ въ защитахъ по дѣламъ уголовнымъ, но и къ практикѣ гражданской, наравнѣ съ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, и У. изъ числа кандидатовъ съ необыкновенною быстротою завоевалъ себѣ высокое положеніе, какъ уголовный защитникъ; вскорѣ онъ перешелъ въ немногочисленные еще тогда ряды корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ... У. вполнѣ заслуженно пріобрѣлъ свою славу блестящаго талантливаго оратора. Подобно тому, какъ въ эпоху среднихъ вѣковъ представители государственныхъ сословій жадно стекались на рыцарскіе турниры, въ столицы, въ описываемое время лица высшаго здѣшняго круга переполняли залъ уголовныхъ засѣданій, едва распространялось извѣстіе объ участіи У., какъ защитника, по дѣлу не совсѣмъ заурядному. И У., какъ нельзя болѣе, оправдывалъ пріятныя ожиданія любопытныхъ слушателей, особенно слушательницъ, очаровывая ихъ прежде всего свою привлекательною, полною изящества, внѣшностью и вызывая завистливое чувство въ товарищахъ по профессіи тою неподражаемою свободою и самоувѣренностью, какими отличалась манера его держать себя на судѣ. Нужно сказать, что въ то время, при отсутствіи руководящихъ авторитетныхъ указаній нашей высокой инстанціи, открывался значительный просторъ для разнаго рода недоразумѣній, вытекавшихъ изъ произвольнаго пониманія предѣловъ власти предсѣдателей, съ одной стороны, и прерогативъ защиты, съ другой, и вотъ, въ сферѣ пререканій, безпрестанно возникавшихъ въ засѣданіяхъ у защитниковъ съ предсѣдателями, У. былъ особенно интересенъ, благодаря своему неугомонному фрондерству и крупной дозѣ безцеремонности. Публика обычно дарила ему свои сочувствіе»...

Обращаясь отъ фактовъ къ характеристикѣ, авторъ книги говоритъ:

«Своимъ тягучимъ бархатнымъ баритономъ, богатымъ интонаціями, У. пользовался очень искусно, умѣя овладѣвать вниманіемъ присяжныхъ засѣдателей, не вдаваясь въ кропотливое разслѣдованіе всей совокупности уликъ, онъ всю силу краснорѣчія сосредоточивалъ на отдѣлкѣ нѣкоторыхъ удачно хотя и произвольно выхваченныхъ деталей; приправляя свои доводы мѣткими сравненіями, не скупясь на остроты и тонкіе намеки, онъ неотразимо дѣйствовалъ на слушателей, легко достигая успѣха, особенно если само дѣло давало нѣкоторый матеріалъ, въ смыслѣ экстраординарности обстановки преступленія или спорности самаго факта его совершенія обвиняемымъ лицомъ. Его имя, какъ защитника, было едва ли не однимъ изъ первыхъ въ группѣ возникавшихъ тогда свѣтилъ адвокатуры; оно пріобрѣло всероссійскую извѣстность, а въ столицѣ его дѣятельность создала ему рѣдкую популярность: чуть ли не признакомъ дурного тона, отсталости по меньшей мѣрѣ, считалось, если посѣтительница гостиной вдругъ оказывается особой, не побывавшей, хотя бы одинъ разъ, на защитѣ У. въ судѣ... Впрочемъ, У. не ограничивалъ своей дѣятельности исключительно уголовной практикой; однако для сколько нибудь замѣтнаго успѣха въ веденіи гражданскихъ дѣлъ онъ не имѣлъ достаточной опытности»...

Дѣла, составившія кн. Урусову громкую извѣстность блестящаго ораторскаго таланта, слѣдующія: по обвиненію крестьянки Мавры Волковой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа, дѣло Кострубо-Кострицкой и Дмитріевой, обвинявшихся въ вытравленіи плода, и знаменитое политическое Нечаевское дѣло, гдѣ на долю Урусова выпала защита перваго по списку обвиняемаго, Успенскаго. Послѣ

1872 г. кн. Урусовъ долженъ былъ покинуть Москву и въ теченіе трехъ лѣтъ не по доброй волѣ оставался не у дѣла. Въ 1876 г. онъ появляется снова на горизонтѣ общественной жизни, но уже въ блестящей тогѣ краснорѣчиваго прокурора Петербургскаго окружнаго суда. Въ должности прокурора ему съ громаднымъ успѣхомъ пришлось выступать въ столь нашумѣвшихъ и любопытныхъ въ бытовомъ отношеніи процессахъ, каковы Гулакъ-Артемовской, Юханцева и др. подобныхъ. Въ 1881 г. кн. Урусовъ получилъ разрѣшеніе вернуться вновь въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ до 1889 г. его практика сосредоточивалась въ Петербургѣ, а съ 1891 г. онъ обосновывается опять на своемъ старомъ пепелищѣ—въ Москвѣ. Возвращеніе кн. Урусова въ адвокатуру мало что прибавило къ его ораторской славѣ. Дѣло о Грибановскомъ наслѣдствѣ... но оно, кажется, вообще принесло столько огорченій почтенному сословію присяжныхъ, что я отказываюсь дѣлать печальныя поминки и тѣмъ болѣе, что собственно эти поминки не имѣютъ ничего общаго съ главной темой моего очерка—съ заслугами адвокатуры передъ русскимъ обществомъ и характеристикой нашего судебнаго краснорѣчія.

Извѣстность кн. Урусова, какъ уже сказано было однажды, упрочилась не только на родинѣ, но и за предѣлами ея. Такъ, въ 1891 г. онъ защищалъ въ Парижскомъ судѣ французскаго литератора Леона-Блуа, обвинявшагося въ диффамаціи, и тѣмъ самымъ, еще задолго до официальнаго признанія франко-русскаго союза, содѣйствовалъ скрѣпленію узъ дружбы двухъ народностей на почвѣ ихъ лучшихъ національныхъ учрежденій. Резюмируя такимъ образомъ вкратцѣ сказанное, мы приходимъ къ тому ближайшему заключенію, что кн. Урусовъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ жизни пореформеннаго русскаго общества явился блестящимъ представителемъ лучшихъ сторонъ общественнаго начала, служилъ цѣннымъ проводникомъ, черезъ посредство котораго корпорація адвокатовъ передавала русской интеллигенціи изъ стѣнъ судебныхъ учрежденій возвышенные стимулы прогресса и правоваго порядка. Кромѣ защитительной дѣятельности, за кн. Урусовымъ имѣется и немалая литературная, какъ сотрудника «Библіотеки для Чтенія» П. Д. Боборыкина, «Русскихъ Вѣдомостей», «Порядка», «Petersburger Herold» и др. Вся совокупность общественной дѣятельности кн. Урусова послужила достаточнымъ основаніемъ, чтобы въ концѣ минувшаго года, въ день его тридцатилѣтняго служенія дѣлу судебной защиты, лучшіе представители интеллигентной Москвы и Петербурга съ полнымъ правомъ привѣтствовали его, какъ полезнаго и талантливаго сына Россіи, сумѣвшаго съ честью послужить ея интересамъ права и справедливости.

Что касается г. Плевако, то о немъ въ знакомой уже книгѣ «Столичная адвокатура» мы читаемъ слѣдующее:

«Онъ, какъ боецъ крупной величины, предоставляетъ другимъ мелкія стычки и вылазки во время судебнаго слѣдствія противъ представителя обвиненія, по отношенію къ свидѣтелямъ или, наконецъ, въ отношеніи прерогативъ предсѣдателя... Точно также онъ избѣгаетъ въ защитительной рѣчи идти торными тропами посредственныхъ талантовъ, готовыхъ съ закрытыми глазами рубить сплеча и отметать прочь факты изобличающаго свойства въ отношеніи ихъ кліента. Все его вниманіе сосредоточено на освѣщеніи факта съ психологической и общественной точки зрѣнія и на томъ, чтобы самому перенестись мысленно въ сферу настроенія судейскаго персонала. Ставя содержаніе рѣчи въ зависимость не столько отъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, сколько отъ настроенія судей, уясненію котораго отдаетъ необходимую долю вниманія въ теченіе процесса, онъ не вынашиваетъ цѣлыми днями будущихъ своихъ рѣчей и произноситъ ихъ по большей части экспромтомъ, вводя, конечно, въ ихъ содержаніе нѣкоторые изъ образовъ и картинъ, созданныхъ имъ въ своемъ кабинетѣ во время предварительнаго изученія дѣла. Такимъ образомъ, легко понять, что его слово къ присяжнымъ засѣдателямъ имѣетъ значеніе живого отвѣта, даваемаго имъ по поводу и по содержанію возникшихъ у этихъ лицъ убѣжденій, ощущеній; выражая свою мысль наглядно, я могъ бы сказать, что мы при этомъ имѣемъ дѣло съ такимъ случаемъ, когда ораторъ, угадавшій настроеніе аудиторіи, какъ бы предлагаетъ къ услугамъ слушателей свой мыслящій и чувствующій аппаратъ, но аппаратъ, который имъ, искуснымъ мастеромъ, предварительно настроенъ въ тонѣ, для него желательномъ».

Такимъ образомъ, въ лицѣ г. Плевако мы имѣемъ образецъ истиннаго таланта, той невѣдомой и таинственной стихіи, которая, уподобляясь въ своемъ зародышѣ «искрѣ Божіей», при благопріятныхъ условіяхъ энтузіазма и вдохновенія, превращается въ грандіозное пламя пожара, безпрепятственно испепляющаго всѣ преграды и препятствія. Онъ именно тотъ ораторъ, который съ высотъ эпическаго спокойствія и простоты свободно переходитъ на высоты самаго яркаго паѳоса и лирической поэзіи. Г. Плевако—поэтъ въ душѣ, умѣющій именно ударять по сердцамъ своихъ слушателей «съ невѣдомою силою», «глаголомъ жечь сердца людей»; откинувъ въ сторону выводы науки, тяжелую аргументацію знанія или законодательный опытъ народовъ, онъ умилительно и наивно почерпаетъ свои доводы и доказательства изъ Четьи-Минеи, изъ Дѣяній апостоловъ и Евангелія. Заканчивая свою мастерскую защиту Бартенева по громкому дѣлу объ убійствѣ артистки Висновской[1]), г. Плевако въ такой мягкой и трогательной формѣ просилъ судъ о помилованіи:

«Онъ, то-есть Бартеневъ, преступникъ, но онъ не призвалъ лжи на помощь къ себѣ. Преступленіе его велико. О невмѣненіи зла въ вину онъ не помышляетъ. Но было бы жестоко думать о томъ, какъ бы тяжелѣе и суровѣе примѣнить къ нему карающее слово закона. Было бы ошибкой думать, что въ суровости задача карающаго правосудія, и суровостью судья приближается къ намѣреніямъ законодателя. Нѣтъ, слово закона напоминаетъ угрозы матери дѣтямъ. Пока нѣтъ вины, она обѣщаетъ жесткія мѣры непокорному сыну, но едва

[1]) «Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ».

настанетъ необходимость наказанія, любовь материнскаго сердца ищетъ всякаго повода смягчить необходимую мѣру казни. Еще не было примѣра, чтобы судьѣ дозволялось, не удовлетворяясь указанными карами, просить объ увеличеніи наказанія. Но широко раскрытъ слухъ законодателя къ предстательству судей о смягченіи наказаній, если особыя обстоятельства дѣла возбуждаютъ чувство сожалѣнія къ подсудимому, если обстановка преступленія указываетъ на плетеницу зла и несчастія въ ошибкахъ, приведшихъ подсудимаго къ преступленію. Въ данныхъ этого дѣла много этихъ смягчающихъ мотивовъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ за себя не только фактическія, но даже и юридическія основанія. Если не точная буква закона, то либо цѣли его, либо мнѣнія свѣдущихъ въ правѣ людей, либо опытъ чужихъ законодательствъ и подмѣченная неполнота нашего права говорятъ о возможности менѣе суроваго приговора. Мой товарищъ по защитѣ представилъ въ краткомъ очеркѣ доводы въ этомъ направленіи. Я, какъ вы слышали, ограничился данными бытовой стороны дѣла, я говорилъ о тѣхъ пережитыхъ Бартеневымъ моментахъ, которые раздѣляютъ вину преступленія между нимъ и его жертвой. О, если бы мертвые могли подавать голосъ по дѣламъ, ихъ касающимся, я отдалъ бы дѣло Бартенева на судъ Висновской. Впрочемъ, оставленныя ею записки отчасти свидѣтельствуютъ объ ея взглядѣ на роковую развязку. «Человѣкъ этотъ, убивая меня, поступаетъ справедливо, онъ правосудіе»,—писала она. Я не хочу видѣть въ этихъ словахъ голосъ правдивой нравственной оцѣнки занимающаго насъ событія! Висновская не доросла до роли учителя морали. Но я хочу убѣдить васъ собственными словами покойной, что она считала себя глубоко виновной передъ Бартеневымъ, а это сознаніе—основаніе между многими другими къ пощадѣ подсудимому, такъ какъ убійцы не исключены изъ категоріи лицъ, относительно которыхъ допустимо снисхожденіе».

Также сердечно и просто заканчиваетъ онъ свою рѣчь въ защиту Александры Максименко [1]), обвинявшейся въ отравленіи своего мужа,—заканчиваетъ безъ всякихъ эффектовъ и притомъ, какъ великій стратегъ словесной войны, въ высшей степени оригинально.

«Не преувеличивайте силу человѣческихъ способностей въ изысканіи разгадки, если таинственныя условія дѣла не поддаются спокойной и ясной оцѣнкѣ, но оставляютъ сомнѣнія, неустранимыя выкладками,—говорилъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ. Тогда, какъ бы ни понравилось ваше рѣшеніе тѣмъ больнымъ умамъ, которые ищутъ всякаго случая похулить вашу работу, вы скажите намъ, что вина подсудимой не доказана. Если вы спросите меня: убѣжденъ ли я въ ея невиновности, я не скажу: да, убѣжденъ. Я лгать не хочу. Но я не убѣжденъ и въ ея виновности. Тайны своей она не повѣрила, ибо иначе, повѣрь она намъ ее и будь эта тайна ужасна, какъ бы ни замалчивали мы ее, она прорвалась бы, вопреки нашей волѣ, если бы мы и подавили въ себѣ основныя требованія природы и долга. Я и не говорю о винѣ или невиновности, я говорю о неизвѣстности отвѣта на роковой вопросъ дѣла. Не наша и не обвинителя это вина. Не все доступно человѣческимъ усиліямъ. Но если нѣтъ средствъ успокоиться на какомъ либо отвѣтѣ, успокоиться такъ, чтобы никогда серіозное и основательное сомнѣніе не тревожило вашей судейской совѣсти, то и по началамъ закона и по требованію высшей справедливости вы не должны осуждать привлеченную, или обоихъ, если все ска-

[1]) «Русскіе судебные ораторы».

занное равно относится и къ нему. Когда надо выбирать между жизнью и смертью, то всѣ сомнѣнія должны рѣшаться въ пользу жизни. Таково велѣніе закона и такова моя просьба».

Заслуги г. Плевако въ дѣлѣ разработки техническихъ пріемовъ защиты, въ доведеніи судебнаго ораторскаго искусства до совершенства, велики и по всей справедливости нашли себѣ уже достаточную оцѣнку, какъ среди товарищей по профессіи, такъ и во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Популярность его въ первопрестольной изумительна, и дѣло, за которое берется артистъ-адвокатъ, считается a priori выиграннымъ дѣломъ.

Перечисленными представителями сословія присяжныхъ повѣренныхъ я закончу обозрѣніе дѣятельности нашей старшей по возрасту адвокатуры. Я вполнѣ понимаю, что далеко не исчерпалъ своей задачи, но гдѣ же мнѣ найти для того матеріалъ? Его нѣтъ, и мнѣ по неволѣ приходится опустить рѣчь о такихъ свѣтлыхъ и чистыхъ представителяхъ защиты, каковы г.г. Турчаниновъ, Люстихъ, Стасовъ, Герардъ и многіе другіе въ обоихъ округахъ столицы. Правда, многіе изъ нихъ не считаются на нашемъ судейскомъ небосклонѣ звѣздами первой величины, съ точки зрѣнія требованій ораторскаго искусства, но за то за ними по всей справедливости крѣпко установилась безупречная репутація «столбовъ адвокатскаго православія», по образному выраженію г. Спасовича. Но обратимся теперь къ слѣдующему поколѣнію дѣятелей адвокатуры, вышедшихъ на поприще своей дѣятельности въ десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя наиболѣе выдающимся ораторами, по всей справедливости заслужившими себѣ громкую извѣстность—С. А. Андреевскимъ и Н. П. Корабчевскимъ.

VII.

Если, какъ то описываетъ въ предисловіи къ своему сборнику «Итоги прошлаго» г. Хартулари, первое время дѣятельности пореформенныхъ судовъ сопряжено было съ громадной внутренней работой по выясненію и опредѣленію множества сторонъ взаимоотношеній, положеній и способовъ обращенія съ новымъ закономъ, то ничего подобнаго уже не встрѣчаемъ мы въ слѣдующемъ десятилѣтіи: дорога была уже протоптана твердыми и искусными ногами, все было приведено въ порядокъ и извѣстность опытными руками «отцовъ-шестидесятниковъ», и «дѣтямъ» оставалось только слѣдовать незыблемо утвержденнымъ традиціямъ и указаннымъ примѣрамъ. И вотъ въ числѣ этихъ «дѣтей» особенно выдѣляются своими успѣхами два молодыхъ адвоката, г.г. Андреевскій и Корабчевскій, которые въ самое короткое время успѣваютъ стяжать себѣ славу прекрасныхъ ораторовъ, каждый въ своемъ родѣ, и репутацію искусныхъ защитниковъ.

Вступивъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ 1878 году, г. Андреевскій тогда же фигурировалъ въ роли защитника Зайцева, обвинявшагося въ убійствѣ Красильникова, приказчика изъ мѣняльной лавки Лямина, на Невскомъ проспектѣ. Съ этого момента и вплоть до нашихъ дней черезъ руки талантливаго адвоката проходитъ рядъ процессовъ, создающихъ ему громкую извѣстность талантливаго судебнаго дѣятеля и защитника. Къ числу этихъ процессовъ должны быть отнесены—дѣло Зайцева, Августовскаго, Вольфрама, Мироновича, дѣло Таганрогской таможни, Назарова, Иванова и другія нѣкоторыя. Уже съ перваго своего дебюта г. Андреевскій сразу обнаружилъ тѣ ему особенныя свойства адвокатской техники, кои позволяютъ признать за нимъ репутацію судебнаго поэта-романиста, который изъ накопившихся у него прозаическихъ фактовъ обыденной жизни, сдѣлавшихся предметомъ уголовнаго разбирательства, успѣваетъ создать выпуклыя литературныя произведенія, которыя захватываютъ, волнуютъ слушателей своей концепціей обстоятельствъ, яркостью вложенныхъ въ эти произведенія красокъ и оригинальностью выведенныхъ фигуръ. Адвокатъ-литераторъ сказывается въ каждой его рѣчи,—литераторъ, владѣющій въ равной мѣрѣ тайной беллетристическаго творчества и яркаго критическаго таланта. Раздѣляя свое время между занятіями литературой и адвокатурой, онъ въ интересахъ послѣдней взялъ отъ первой все то лучшее, что она могла ему дать: образы, краски и технику стилистики. Онъ не почерпаетъ для своихъ рѣчей изъ разнообразнаго арсенала орудій науки, онъ не прибѣгаетъ къ полемикѣ съ прокурорской властью, не стремится дискредитировать показанія свидѣтелей сарказмами или насмѣшкой: онъ только извлекаетъ изъ судебнаго матеріала тѣ ноты и мотивы, которые должны разростись въ его защитительной рѣчи въ широкую и могучую пѣснь любви, сострраданія и милости. И эта пѣснь, проникнувъ въ сердце слушателей присяжныхъ, взволнуетъ ихъ, вызоветъ у нихъ слова прощенія и слезы милосердія.

Психологическій анализъ—вотъ тотъ побѣдоносный конь, который успѣшно выноситъ г. Андреевскаго изъ спутанныхъ и темныхъ коллизій дѣла, спасаетъ отъ стрѣлъ прокуратуры и даетъ въ руки громкую побѣду. Заканчивая рѣчь въ защиту Августовскаго, бѣжавшаго изъ ссылки и убившаго кухарку, г. Андреевскій, ходатайтайствуя о смягченіи наказанія обвиняемому, такъ увѣщевалъ присяжныхъ:

«Всякій преступникъ, а убійца особенно, чувствуетъ себя отчужденнымъ отъ общества. Идя на судъ, онъ не вѣритъ, чтобъ его могли вполнѣ понять: отсюда невольная боязнь, легко опровержимая ложь—эти жалкія средства падшихъ и пойманныхъ передъ судомъ довольныхъ и свободныхъ! Отсюда, быть можетъ, проистекаютъ и тѣ пріемы борьбы съ правосудіемъ, къ которымъ прибѣгъ Августовскій: и вы согласитесь, что для него послѣ всѣхъ неудачъ его жизни было извинительнѣе, чѣмъ для всякаго другого, опасаться чрезмѣрной строгости суда. Никто при этомъ, однако, не подумалъ о томъ, къ какому

тяжелому и мучительному средству прибѣгъ этотъ человѣкъ — для чего же? Для того, чтобы оправдать свой невольный поступокъ, въ которомъ онъ, по своему убѣжденію, не сознавалъ, не чувствовалъ себя виновнымъ. Онъ даже не просилъ оправданія, онъ готовилъ себѣ больницу умалишенныхъ! Невольно изумляешься, до какой степени онъ свыкся съ неприглядною обстановкою, которую посылаетъ ему судьба! Вспомните, какъ онъ провелъ послѣднія 6 лѣтъ: ссылка, тюрьма, домъ умалишенныхъ—это ужасно! жизнь все время везетъ его подъ темнымъ тунелемъ и никакъ не вывезетъ на свѣтъ. Не искупилъ ли онъ заранѣе этими испытаніями ту минутную вспышку, за которую мы его судимъ? Не безъ робости упоминаю объ этомъ, потому что Августовскій имѣетъ несчастіе не вызывать сочувствія даже къ своимъ дѣйствительнымъ страданіямъ. Въ обвинительномъ актѣ съ оттѣнкомъ глумленія приводится то письмо Августовскаго къ женѣ, гдѣ онъ проситъ ее сказать адвокату: «что выстрадалъ! что выстрадалъ!» Между тѣмъ я хочу смѣло и съ убѣжденіемъ повторить передъ вами тѣ же слова: да, дѣйствительно, что выстрадалъ Августовскій! Или помните вы, какъ вчера, когда читалось письмо, гдѣ подсудимый вычисляетъ грозящія ему каторжныя работы,—публика смѣялась... А подумайте, къ чему этотъ человѣкъ готовился, когда писалъ это письмо!.. Г. г. присяжные засѣдатели! Когда-то, къ соблазну цѣлаго языческаго міра, Спаситель отпустилъ блудницу, сказавъ ей: иди и больше не грѣши. Этотъ божественный приговоръ исправилъ цѣлую жизнь. Это простое средство пощадить, дать вольно подышать—ни разу не было еще испробовано относительно Августовскаго. Быть можетъ, въ этомъ таится секретъ его исправленія.. По крайней мѣрѣ прежняя система заставляла его только ожесточаться и падать все глубже. Быть можетъ, вы рискнете испытать это новое средство... Но если ваши взгляды разойдутся съ моими, у васъ есть возможность облегчить участь подсудимаго, признавъ, что онъ нанесъ смертельную рану, не расчитывая непремѣнно на убійство. На это есть нѣкоторыя данныя. Подсудимый могъ задаться странною мыслью совершить какое бы ни было преступленіе; убійство не было для него необходимо. При томъ, экспертъ Дюковъ заявилъ вамъ, что мышечная сила подсудимаго необыкновенно велика, и что его рука, въ минуту запальчивости, невольно можетъ увлечь его дальше, чѣмъ онъ желаетъ. Такое рѣшеніе согласовалось бы съ тою системою, которой всегда держались ваши предшественники. Они всегда старались вычесть подсудимому изъ грозящаго ему за преступленіе наказанія все то, что перенесено имъ въ видѣ непосильныхъ горестей раньше суда».

Чрезвычайно удачною по пріемамъ защиты и ея результатамъ была также защита г. Андреевскимъ Мироновича въ столь извѣстномъ и таинственномъ дѣлѣ по убіенію Сарры Беккеръ, при вторичномъ его разбирательствѣ. Рѣчь защитника заставила о себѣ много говорить и считается одною изъ лучшихъ его рѣчей; но мнѣ кажется, что не въ ней сказался весь г. Андреевскій — я лично вижу типичныя особенности его ораторскаго таланта въ защитѣ запаснаго рядоваго Иванова, лишившаго жизни свою невѣсту Назаренко. Здѣсь и психологическій анализъ, и «пѣснь любви», и литературное творчество, и игра на нервахъ присяжныхъ засѣдателей! Прослѣживая минута за минутой роковое развитіе драмы, г. Андреевскій, дойдя до момента убійства, говоритъ: «...Ивановъ

совершилъ свое преступленіе подъ вліяніемъ страсти, подъ властію любви, воспаленный счастьемъ, которымъ его одарила любимая имъ женщина, которое проникло во все его существо до мозга костей и которое затѣмъ было почти мгновенно исторгнуто изъ его сердца съ нестерпимою для него болью словами Насти: «уходите вонъ!». «Можно сказать безъ особаго преувеличенія, что этими словами, означавшими неожиданный и полный разрывъ, Настя вонзила острый ножъ въ сердце Иванова ранѣе, чѣмъ онъ вонзилъ въ ея сердце свой ножъ. Только никто не видѣлъ раны Иванова, ее нельзя измѣрить дюймами, и никто не можетъ судить о ея болѣзненности. И онъ въ этомъ случаѣ, быть можетъ, самъ защищался отъ ужасающей боли, а намъ кажется, что онъ нападалъ первый». Заключая свою рѣчь, талантливый защитникъ поставилъ такое предложеніе присяжнымъ:

«Конечно, онъ погибъ изъ-за любовной страсти, изъ-за того чувства, которое теперь такъ часто и громко заявляетъ о себѣ въ процессахъ, и надъ которымъ такъ мучительно думалъ Толстой, когда писалъ свою «Крейцерову сонату». Къ чему же пришелъ знаменитый писатель? Онъ нашелъ, что единственное средство избѣгнуть бѣдствій и преступленій отъ любви—это совершенно и навсегда отказаться мужчинамъ отъ женщинъ. Легко ли сказать? Единственное возможное средство—и то невозможное. Значитъ, дѣло не такъ просто. Многіе благородные мыслители предлагаютъ теперь заняться очищеніемъ нравовъ посредствомъ цѣломудреннаго воспитанія. Но Ивановъ созрѣлъ ранѣе этихъ благихъ начинаній. Къ тому же онъ имѣетъ болѣзненно-пылкую кровь. Да еще и неизвѣстно, на сколько поможетъ горю проповѣдь борьбы со страстями. Не глубже ли сказалъ Пушкинъ: «и всюду страсти роковыя и отъ судебъ защиты нѣтъ!» Впрочемъ, говорятъ, есть защита: наказаніе... Попробуйте его. Возьмите въ свою власть мудреную личность Иванова и на всѣ его недоумѣнія надъ противорѣчіями жизни, на всѣ тревоги его буйнаго, но хорошаго сердца отвѣтьте обвинительнымъ приговоромъ. И когда это дѣло будетъ для васъ уже вполнѣ ясно, тогда, чтобы воздержаться отъ излишней строгости, вспомните только письмо Клары, полученное Ивановымъ уже въ тюрьмѣ: «Не понимаю, какимъ образомъ такой добрый человѣкъ, какъ ты, могъ совершить такое преступленіе».

Сборникъ «Защитительныхъ рѣчей» г. Андреевскаго, выдерживающій уже второе изданіе,—красивый вкладъ въ библіотеку адвокатуры: молодые присяжные повѣренные и лица, готовящіяся вступить въ сословіе присяжныхъ, найдутъ себѣ здѣсь достойные образцы подражанія.

Подобно С. А. Андреевскому, и Н. П. Карабчевскій, вступившій на адвокатское поприще въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, явился достойнымъ преемникомъ былой адвокатуры и въ сравнительно короткое время успѣлъ создать себѣ прочное положеніе среди лучшихъ русскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и пріобрѣсть широкую извѣстность.

Г. Карабчевскій является адвокатомъ иного типа, нежели г. Андреевскій: школы у обоихъ совершенно различныя. Защитникъ Ольги

Палемъ и несчастныхъ вотяковъ въ своихъ рѣчахъ лишенъ той беллетристической литературности, того поэтическаго колорита, которымъ блещетъ его коллега, но зато въ немъ гораздо больше глубины эрудиціи, знакомства съ правовыми нормами, широты соціальной постановки вопросовъ. И техника его ораторскихъ пріемовъ иная: онъ блестяще полемизируетъ съ обвинительной властью, умѣетъ ловкой постановкой вопроса дискредитировать свидѣтельскія показанія и оказать сильное воздѣйствіе не столько на душу, сколько на умъ, на сознаніе присяжныхъ засѣдателей. Прибавьте къ этому чрезвычайно благопріятныя внѣшнія данныя его фигуры, его манеры—и вы поймете тайну его успѣха въ залахъ суда. Въ своей любопытной статьѣ «Современная французская адвокатура»[1]) г. Корабчевскій даетъ слѣдующій свой идеалъ адвокатской защиты. «Если бы нужно было прибѣгнуть къ сравненію, чтобы оттѣнить вполнѣ условія, въ которыхъ только и можетъ процвѣтать искусство судебнаго оратора, по всей справедливости слѣдовало бы сравнить предъявляемыя къ нему требованія съ современными требованіями, предъявляемыми къ организаторскимъ способностямъ полководца. И тамъ, и здѣсь, во имя той же внѣшней задачи—побѣдить въ нужную минуту,—приходится и въ мирное время питать огромное количество войска, имѣть всѣ роды оружія... Говоря проще, современному судебному оратору, желающему стоять на высотѣ своей задачи, нужно обладать такими разносторонними качествами ума и дарованія, которыя позволяли бы ему съ одинаковою легкостью овладѣть всѣми сторонами защищаемаго имъ дѣла. Въ немъ онъ даетъ публично отчетъ цѣлому обществу и судебной совѣсти, причемъ по односторонности ли своего дарованія, по отсутствію ли достаточныхъ знаній и подготовки, онъ не вправѣ отступать ни передъ психологическимъ, ни передъ бытовымъ, ни передъ политическимъ или историческимъ его освѣщеніемъ».

Такимъ образомъ и адвокатура семидесятыхъ годовъ сумѣла выставить русскому обществу двухъ видныхъ представителей, изъ коихъ каждый явилъ уже немалые и блестящіе результаты своей профессіональной дѣятельности. Но было бы совсѣмъ несправедливо ограничиться указаніемъ только на имена гг. Андреевскаго и Корабчевскаго. Въ судебныхъ округахъ обѣихъ столицъ имѣются и другіе дѣятели защиты, которые успѣли уже создать себѣ болѣе или менѣе авторитетне положеніе и доброе имя. Стоитъ хотя бы назвать гг. Пржевальскаго и Шубинскаго—въ Москвѣ, гг. Пассовера, Миронова и Холева — въ Петербургѣ. Но я лишенъ возможности, да и не имѣю болѣе времени заниматься представителями судебной защиты, такъ какъ долженъ поспѣшить къ характеристикѣ прокурорскаго начала въ гласномъ судѣ, въ лицѣ А. Ѳ.

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1891 г.

Кони. Позволю себѣ только отмѣтить, что наша литература сдѣлала бы громадное пріобрѣтеніе, если бы обогатилась собраніемъ рѣчей г. Пассовера, этого лучшаго цивилиста нашихъ дней, рѣчи котораго по ихъ содержанію и научной разработкѣ служатъ великимъ авторитетомъ даже для высшаго русскаго судебнаго учрежденія—кассаціоннаго департамента [1]).

VIII.

Имя А. Ѳ. Кони неразрывно связано съ «эпохой великихъ реформъ»—онъ ея достойный сынъ, и изъ нея онъ, какъ никто другой больше, вынесъ весь тотъ великій духъ, который именно отмѣтилъ эту эпоху въ рядѣ свѣтлыхъ страницъ не только русской, но и общечеловѣческой исторической жизни. А. Ѳ. Кони началъ свое образованіе въ Петербургскомъ университетѣ, а въ 1862 г. перешелъ въ Московскій, который и окончилъ блестяще, съ оставленіемъ при университетѣ для занятій по каѳедрѣ уголовнаго права [2]). Это было въ 1865 г., когда пріостановлена была временно командировка магистрантовъ за границу, и г. Кони вынужденъ былъ поступить на административную службу, сначала по государственному контролю, а затѣмъ въ главный штабъ по особымъ порученіямъ юридическаго характера. Съ введеніемъ 17 апрѣля 1866 г. въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, г. Кони поступилъ на службу сначала помощникомъ секретаря петербургской судебной палаты, потомъ секретаря при прокурорѣ московской судебной палаты (извѣстномъ Ровинскомъ); затѣмъ онъ перешелъ въ прокурорскій надзоръ и занималъ должность товарища прокурора харьковскаго и прокурора казанскаго окружныхъ судовъ. Съ 1871 г. онъ переходитъ на ту же должность въ петербургскій, а послѣ непродолжительной службы по министерству юстиціи А. Ѳ. Кони занялъ въ 1877 г. важный и отвѣтственный постъ предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда, неизбѣжно соприкасающагося съ высшими административными сферами. Съ 1881 г. онъ перешелъ на должность предсѣдателя гражданскаго департамента судебной палаты, а съ 1885 г.—оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Въ іюнѣ 1891 г. онъ

---

[1]) Когда были дописаны послѣднія строки настоящей главы, мною была получена только-что вышедшая книга г. Шмакова: «Еврейскія рѣчи». (М., 1897). Но я не стану включать ее въ свой библіографическій обзоръ и предпочитаю вынести укоръ за неполноту. Я говорю въ своемъ очеркѣ о прогрессивныхъ теченіяхъ, о свѣтломъ и радостномъ въ нашей жизни. Зачѣмъ же омрачать это настроеніе, зачѣмъ вносить дисгармонію? Я уже сказалъ выше, что постараюсь избѣгнуть въ своей работѣ «столбовъ пыли и мусора», а ихъ-то и поднимаетъ г. Шмаковъ. Пусть съ этимъ вѣдаются другіе—«я не изъ ихъ числа». Авторъ.

[2]) Біографическія свѣдѣнія заимствованы изъ труда г. Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ», изд. 6-е, стр. 721—722.

временно покинулъ этотъ постъ и былъ назначенъ сенаторомъ того же департамента. Съ 1892 г. онъ вновь занялъ, съ сохраненіемъ званія сенатора, тотъ же постъ оберъ-прокурора, который съ 1-го января 1897 г. онъ опять покидаетъ, перейдя въ простые ряды сенаторовъ. Таковы внѣшніе факты жизни этого замѣчательнаго дѣятеля «великой эпохи». Какъ читатель легко можетъ убѣдиться самъ, его прохожденіе государственной службы не отличается особеннымъ блескомъ и поражаетъ своими остановками и перерывами. При наличности необыкновенныхъ дарованій, коими его щедро надѣлила природа, такой служебно-іерархическій процессъ вызываетъ недоумѣніе и удивленіе. Очевидно, вина и причина этому не въ немъ самомъ, а въ чемъ-то внѣ его находящемся, скрытомъ отъ нашихъ взоровъ плотною стѣною событій общественной жизни, въ коихъ намъ еще не дано разобраться. Тяжелый путь службы, который прошелъ почтенный представитель судебнаго дѣла, неразрывно связалъ его имя со всей внутренней нашей судейской дѣятельностью, давъ ему возможность испытать на собственномъ опытѣ все значеніе судебной реформы Александра II, начиная съ низшаго и кончая высшими должностями въ этой области. И вотъ почему его голосъ въ защиту реформы, его оцѣнка судебныхъ уставовъ царя-освободителя, имѣетъ высшее для насъ значеніе, пріобрѣтаетъ, такъ сказать, историческій вѣсъ. Передъ нимъ должны смолкнуть голоса клеветниковъ и недоброжелателей, такъ какъ его устами глаголетъ сама безпристрастная исторія. Загляните въ изданный г. Кони сборникъ «За много лѣтъ», прочтите здѣсь статьи «Судебная реформа и судъ присяжныхъ», «Новые мѣха и новое вино», «О судѣ присяжныхъ» и т. д., и вамъ станетъ очевиднымъ все великое историческое значеніе суда «праваго, скораго и милостиваго», вся законность его въ нашей исторической жизни и вся органическая, нераздѣльная и неотъемлемая его связь съ общественными устоями. Подобно гг. Спасовичу, Хартулари, Арсеньеву и другимъ, о коихъ было говорено выше, онъ съ любовью принялъ изъ рукъ законодателя великую «грамоту», указывавшую ему путь хожденія и въ теченіе всей своей тридцатилѣтней государственной дѣятельности съ любовью несъ эту грамоту по жизненному пути. Разница только между нимъ и упомянутыми уже дѣятелями была та, что тѣ являлись на жизненномъ пути представителями свободныхъ профессій, въ коихъ по самому ихъ существу бьетъ горячимъ ключемъ живой родникъ свободы, онъ же — постоянно былъ стѣсненъ, ограниченъ офиціальнымъ положеніемъ члена казенной корпораціи судейскихъ чиновниковъ. И тѣмъ большая ему честь и слава, если онъ гармонически успѣлъ сочетать въ своихъ словахъ и дѣлахъ начало общественное съ суровыми требованіями государственной службы. Вотъ человѣкъ, который, по моему мнѣнію, является въ нашей жизни заслуживающимъ именованія одного изъ лучшихъ гражданъ сво-

его отечества, вложившаго въ служеніе интересамъ родины всѣ силы своей богатой природы! Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо приложимы слова поэта, поставленыя эпиграфомъ къ настоящей статьѣ:

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ:
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

А талантъ этотъ у г. Кони великъ и могучъ, и переливаетъ самыми причудливыми свѣтами радуги, на какой бы ступени общественной и государственной лѣстницы онъ ни появлялся передъ нами,—въ качествѣ ли ученаго писателя, въ качествѣ ли судебнаго оратора, въ качествѣ ли историка, поэта (да, г. Кони поэтъ—я это утверждаю, художникъ слова и мысли!), въ качествѣ ли простого носителя великихъ завѣтовъ законодателя шестидесятыхъ годовъ.

Характеризуя г. Кони, какъ судебнаго оратора, г. Арсеньевъ, опытный знатокъ дѣла, говоритъ [1]):

«Русскій судебный ораторъ, наиболѣе близкій къ идеалу русскаго судебнаго краснорѣчія, не становится на ходули, не надѣваетъ на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, не высоко цѣнитъ громкія, трескучія фразы. Онъ больше бесѣдуетъ, чѣмъ декламируетъ или вѣщаетъ, обращается больше къ здравому смыслу, чѣмъ къ фантазіи присяжныхъ; ему случается, конечно, апеллировать къ ихъ чувству, но не къ ихъ чувствительности. Онъ не чуждается украшеній рѣчи, но не въ нихъ ищетъ и находитъ главный источникъ силы. Онъ никогда не говоритъ только для публики, никогда не забываетъ о дѣлѣ, къ разъясненію котораго онъ призванъ, никогда не упускаетъ изъ виду, что отъ его словъ зависитъ въ большей или меньшей степени судьба человѣка. Онъ не нарушаетъ, безъ надобности, уваженія къ чужой личности, щадитъ, по возможности, даже своихъ противниковъ, ни въ чемъ существенномъ, однако, не уступая и не отступая. Такимъ мы видѣли А. Ѳ. Кони и такими желали бы видѣть всѣхъ нашихъ обвинителей и защитниковъ. Само собою разумѣется, что разница въ темпераментѣ, въ направленіи, въ свойствѣ дарованія всегда будетъ сказываться въ судебномъ краснорѣчіи, какъ и во всѣхъ другихъ видахъ творчества, но мы и не думаемъ подводить судебную рѣчь подъ дѣйствіе неподвижныхъ, для всѣхъ и всегда одинаковыхъ правилъ. Въ предѣлахъ, нами указанныхъ, возможно величайшее разнообразіе; къ одному и тому же идеалу можно стремиться самыми различными путями. Какою бы точностью ни отличалась передача рѣчи, какъ бы хорошо ни сохранилась, при переходѣ въ печать, мысль оратора и даже словесная ея оболочка, многое теряется, при этомъ переходѣ, непоправимо и безслѣдно. Кто слышалъ А. Ѳ. Кони, тотъ знаетъ, что отличительное свойство его живой рѣчи полнѣйшая гармонія между содержаніемъ и формой! Спокойствіемъ, которымъ проникнута его аргументація, дышитъ и его ораторская манера. Онъ говоритъ не громко, но скоро, рѣдко возвышая голосъ, но постоянно мѣняя тонъ, свободно приспособляющійся ко всѣмъ оттѣнкамъ мысли и чувства. Онъ почти не дѣлаетъ жестовъ; движеніе сосредото-

[1]) Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони. «Вѣстн. Евр.», 1888 г., № 4.

чивается у него въ чертахъ лица. Онъ не колеблется въ выборѣ выраженій, не останавливается въ нерѣшительности, не уклоняется въ сторону; слово всецѣло находится въ его власти. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ онъ подготовляетъ свои рѣчи заранѣе, въ какой полагается на вдохновеніе минуты. Несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно: ему вполнѣ доступна импровизація, такъ какъ иначе его реплики замѣтно уступали бы его первоначальнымъ рѣчамъ, а этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ... Глубоко обдуманная и мастерски построенная его рѣчь всегда полна жизни и движенія. Ею можно любоваться, какъ произведеніемъ искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ ее можно изучать, какъ образецъ обвинительной техники».

Къ этой мастерской характеристикѣ я не умѣю прибавить что либо лишнее: она исчерпываетъ предметъ по существу. Также мнѣ не приходится распространяться о значеніи его рѣчей, какъ образцовъ для руководства къ ораторскому искусству; эту задачу уже прекрасно выполнилъ одинъ изъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» въ своей библіографической замѣткѣ о выпущеномъ г. Кони томѣ его рѣчей подъ заглавіемъ «За послѣдніе годы» [1]). Отмѣчу лишь значеніе кассаціонныхъ рѣчей талантливаго оберъ-прокурора, значеніе, разъясненное г. Джаншіевымъ въ превосходной книгѣ «Эпоха великихъ реформъ».

«Кассаціонныя заключенія г. Кони, даваемыя съ оберъ-прокурорской трибуны,— говоритъ почтенный публицистъ, — замѣчательны съ другихъ точекъ зрѣнія, а именно—съ научно-юридической и съ общественно-бытовой. Даже въ самое цвѣтущее время судебной реформы едва ли публика удѣляла оберъ-прокурорскимъ заключеніямъ, обыкновенно довольно сухимъ, столько вниманія, сколько за послѣднее время она удѣляла заключеніямъ г. Кони, печатавшимся въ газетахъ, въ видѣ исключенія, цѣликомъ. Ясное, строго-логическое, изящное и вполнѣ доступное изложеніе запутанныхъ юридическихъ положеній въ связи со строгимъ, неуклоннымъ слѣдованіемъ высокимъ принципамъ судебныхъ уставовъ, гуманности и равноправности, составляютъ отличительныя черты и силу этихъ заключеній. Такъ, напримѣръ, по дѣлу псаломщика кедрова, такой сухой предметъ, какъ вопросъ о формальныхъ границахъ исповѣди,—въ увлекательномъ изложеніи г. Кони, сдѣлался доступенъ и интересенъ для массы читателей, несмотря на обиліе цитатъ изъ каноническаго права всѣхъ церквей, изъ памятниковъ стараго законодательства и т. п. громоздкаго научнаго матеріала».

Кажется, я достаточно сказалъ о г. Кони и, приведя преднамѣренно мнѣнія о немъ авторитетныхъ лицъ свободныхъ профессій, избавленъ отъ необходимости приводить для его характеристики, какъ оратора и общественнаго дѣятеля, цитаты изъ многочисленныхъ его рѣчей, заключенныхъ въ двухъ обширныхъ, изданныхъ имъ томахъ—въ «Судебныхъ рѣчахъ» (изд. 3-е) и «За послѣдніе годы». Пусть читатели убѣдятся въ справедливости всего сказаннаго о г. Кони сами изъ личнаго ознакомленія съ полетомъ его мы-

[1]) «Ист. Вѣстн.». 1897 г. № 1.

сли, съ теченіемъ его чудной рѣчи: такое ознакомленіе внесетъ въ ихъ сознаніе и душу великое просвѣтлѣніе, начала самаго воз вышеннаго благородства.

Такимъ образомъ, и по мнѣнію авторитетныхъ спеціалистовъ и на основаніи всего сказаннаго мною выше, мы несомнѣнно убѣждаемся, что А. Ѳ. Кони одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей великой эпохи, который сумѣлъ и въ роли обвинителя и въ положеніи безпристрастнаго предсѣдателя, блюдящаго святость закона, съ честью, наравнѣ съ дѣятелями судебной защиты, послужить правовымъ интересамъ русскаго народа, согласно съ духомъ гуманнаго державнаго реформатора и законодателя шестидесятыхъ годовъ. Его дѣятельность, въ совокупности съ работою лучшихъ силъ адвокатуры, служитъ могучимъ средствомъ опроверженія клеветъ и обвиненій, которыя часто возводятся на нашъ гласный судъ, которыя пытаются потрясти этотъ судъ въ самыхъ глубинахъ его основанія. Собранныя воедино, въ общую громадную книгу, рѣчи лучшихъ русскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, рѣчи доблестнѣйшаго представителя обвинительной власти и безпристрастнаго предсѣдателя, онѣ представятъ собою тотъ настоящій судъ, указывая на который всѣмъ недоброжелателямъ и хулителямъ его, съ гордостью можно будетъ сказать: «довольно ненужныхъ и непристойныхъ разговоровъ, встаньте съ почтеніемъ и поклонитесь ему, какъ величественному памятнику, созданному совокупными усиліями лучшихъ русскихъ людей!».

Б. Глинскій.

ГЛАДСТОНЪ НА ЗАКАТѢ СВОИХЪ ДНЕЙ.

ОВНО три года тому назадъ, Гладстонъ неожиданно вышелъ въ отставку, покинувъ столь привычную ему двойную дѣятельность — перваго министра и депутата. Всеобщимъ сожалѣніемъ было встрѣчено это удаленіе съ политической арены перваго изъ современныхъ государственныхъ людей не только потому, что Англія и весь свѣтъ лишились такого мудраго, прогрессивнаго и человѣчнаго руководителя общественныхъ дѣлъ, но также изъ личнаго сочувствія къ «великому старику», который еще въ полной силѣ своихъ рѣдкихъ, разнообразныхъ способностей, повидимому, предавалъ себя смертельно скучной, монотонной жизни въ своемъ Гаварденскомъ замкѣ. Но прошли недѣли, мѣсяца, года, и теперь оказывается, что Гладстонъ въ отставкѣ, Гладстонъ «политически умершій», по его собственному выраженію, Гладстонъ на закатѣ своихъ дней ведетъ жизнь такую же дѣятельную, рабочую, полезную и кипучую, по пламенному участію въ разрѣшеніи политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и литературныхъ вопросовъ дня, наконецъ такую же лично счастливую, какъ во всѣ предыдущія фазы его восьмидесяти-семи-лѣтняго существованія. Этотъ необыкновенный эпилогъ необыкновенной политической карьеры, начатой, въ качествѣ надежды непреклонныхъ торіевъ, потомъ ознаменованной постепеннымъ переходомъ изъ консерваторовъ въ либералы и радикалы, не удивляетъ только одного «народнаго Вильяма», который уже давно обдумалъ лучшій методъ провести заключительные годы своей жизни. Двадцать два года

тому назадъ онъ рѣшилъ привести свой планъ въ исполненіе и впервые отказался отъ предводительства либеральной партіи, прямо заявивъ, что «шестидесяти-пяти лѣтъ отъ рода и послѣ сорока-двухлѣтней трудовой общественной жизни, онъ считалъ себя въ правѣ удалиться на покой». Но люди предполагаютъ, а судьба располагаетъ, и отставка 1875 года оказалась только прелюдіей къ одной изъ самыхъ дѣятельныхъ и благотворныхъ эпохъ столь долговременнаго служенія Гладстона англійскому народу и всему человѣчеству. Еще двадцать лѣтъ онъ неустанно трудился въ самомъ прогрессивномъ духѣ на общую пользу, и если не всѣ задуманныя имъ великія реформы осуществились, то въ этомъ былъ виновенъ не онъ, а тотъ фактъ, что онъ слишкомъ опередилъ, тяжелое на подъемъ, англійское общественное мнѣніе. Наконецъ пробилъ часъ добровольной, окончательной разлуки съ политической властью, которой онъ пользовался до такого старческаго возроста, котораго не достигалъ еще ни одинъ англійскій премьеръ, и въ февралѣ 1894 года великій старикъ приступилъ къ практическому осуществленію плана о лучшемъ способѣ провести послѣдніе годы своей жизни. Въ настоящее время можно себѣ отдать ясный отчетъ, въ чемъ состоитъ этотъ планъ, и какъ онъ примѣняется къ всеобщему изумленію. Оказывается, что Гладстонъ въ отставкѣ и восьмидесяти-семи лѣтъ дѣятельнѣе работаетъ, пламеннѣе отзывается на всѣ политическія и общественныя злобы дня, наконецъ болѣе пишетъ богословскихъ серьезныхъ сочиненій и статей въ журналахъ по литературнымъ и общественнымъ вопросамъ, чѣмъ любой человѣкъ въ молодости, или въ лучшую пору зрѣлости. По его словамъ, онъ умеръ, но никого изъ живыхъ нельзя сравнить съ этимъ удивительнымъ великимъ старикомъ, о которомъ недавно сказалъ поэтъ Свинборнъ: «ему восемьдесять семь лѣтъ, а чело его сіяетъ жизнью и свѣтомъ неба». Поэтому Гладстонъ на закатѣ своихъ дней представляетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ зрѣлищъ настоящей минуты, и такъ какъ мы посвятили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» два очерка его дѣятельности у дѣлъ [1]), то не лишне теперь набросить картину и Гладстона не у дѣлъ.

Большую помощь для составленія этого эскиза оказала недавно вышедшая маленькая, но интересная книжка, въ которой миссъ Гульда Фредериксъ, частая посѣтительница Гавардена, подробно описала, при содѣйствіи жены и дѣтей Гладстонъ, его жизнь въ отставкѣ. Однако этого очерка, озаглавленнаго «Вечеръ его дней» [2]), не достаточно для полной характеристики Гладстона не у дѣлъ, такъ какъ миссъ Фредериксъ только говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, и рисуетъ его част-

1) «Великій старикъ»—«Историческій Вѣстникъ», 1892 г., сент. и окт.; «Преемники Гладстона»—«Историческій Вѣстникъ», 1894 г., апр.

2) In the evening of his days; a study of Gladstone in retirement. London. 1896

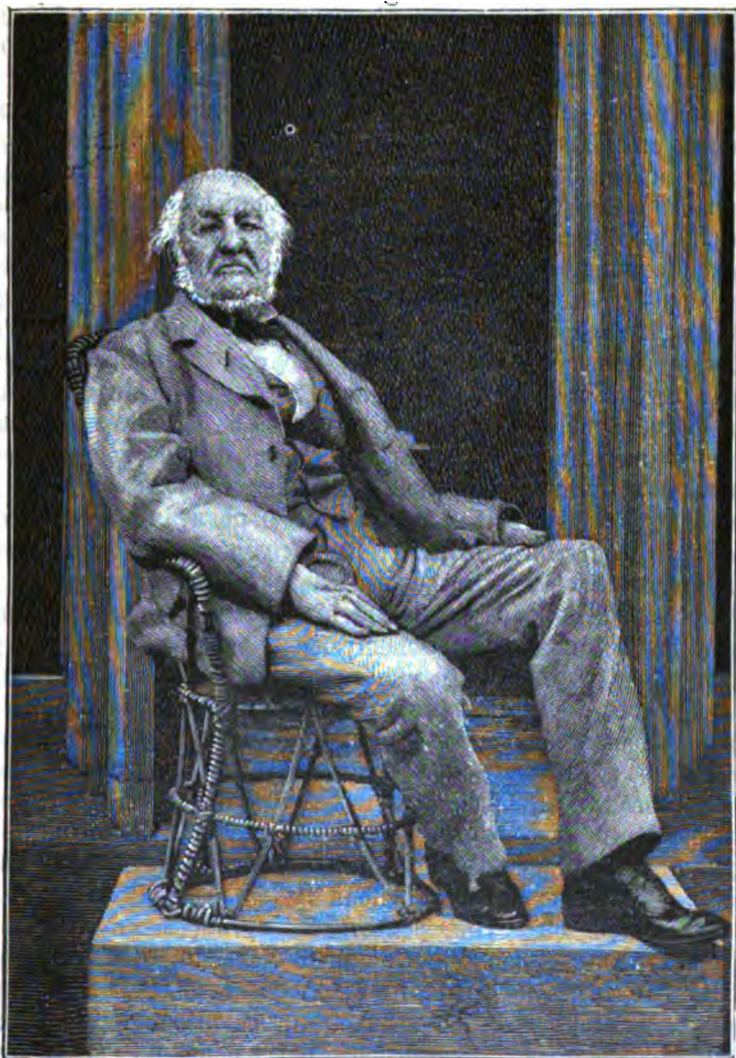
ную жизнь, а для воспроизведенія его политической, общественной и литературной дѣятельности на закатѣ дней лучше всего резюмировать хотя бѣгло на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ изо дня въ день англійскими газетами, что великій старикъ, называющій себя мертвымъ, дѣлалъ въ послѣднее время.

I.

Такъ какъ внѣшняя сторона жизни Гаварденскаго отшельника наиболѣе возбуждаетъ интереса, то прежде взглянемъ на политическаго и общественнаго дѣятеля, литератора и журналиста, богослова и философа, на закатѣ его дней, а потомъ уже перейдемъ къ человѣку. Но прежде всего замѣтимъ, что мы только будемъ указывать на главные факты кипучей дѣятельности великаго старика, потому что невозможно услѣдить за всѣмъ, что онъ дѣлаетъ, пишетъ и говоритъ, и почти ежедневно въ англійскихъ газетахъ, особенно въ «Daily News», главномъ либеральномъ органѣ, появляются или письма Гладстона о всевозможныхъ предметахъ, или отчетъ о произнесенной имъ болѣе или менѣе длинной рѣчи, или какое нибудь извѣстіе о немъ. Еще слѣдуетъ указать мимоходомъ, что хотя онъ любитъ называть себя отшельникомъ, но онъ столько же отшельникъ, сколько и мертвецъ, а если дѣйствительно бо́льшую часть своего времени проводитъ въ Гаварденѣ, то его тамъ постоянно посѣщаютъ то личные друзья, какъ, напримѣръ, архіепископъ кантербюрійскій, недавно умершій въ Гаварденской церкви, во время произносимой имъ проповѣди, то бывшіе товарищи по министерству и видные представители либеральной партіи, которой онъ все еще остается душей, если неофиціальнымъ вожакомъ, то знатные иностранцы и туристы, подобно китайцу Ли-Хунгъ-Чангу, считавшему своимъ долгомъ повидать перваго человѣка Англіи; что же касается до его отлучекъ изъ Гавардена, то онѣ и часты и продолжительны; уже не говоря объ экскурсіяхъ по окрестностямъ, онъ часто посѣщаетъ лѣтомъ Лондонъ, осенью своихъ друзей въ ихъ помѣстьяхъ и даже предпринимаетъ далекія путешествія; такъ въ прошедшемъ году онъ ѣздилъ на открытіе Балтійскаго канала въ яхтѣ своего стараго пріятеля, сэра Дональда Курри, а зиму онъ обыкновенно проводитъ на югѣ Франціи, преимущественно въ одномъ изъ живописныхъ уголковъ Ривьеры, около Ниццы.

Задавшись цѣлью представить картину внѣшней дѣятельности Гладстона за послѣдніе семь мѣсяцевъ, начнемъ съ іюня. Перваго числа во всѣхъ лондонскихъ газетахъ появилось письмо Гаварденскаго отшельника къ Ватиканскому узнику, въ которомъ разсмотрѣнъ основной вопросъ въ распрѣ между англиканской и католической церквами о томъ, имѣетъ ли англиканское духовенство, согласно его теоріи, священный характеръ, подобно служителямъ алтаря католиче-

ской и восточной церквей, или это просто міряне, какъ увѣряютъ католики. Папа Левъ XIII, недавно обратившійся къ англійскому народу съ воззваніемъ о соединеніи церквей, назначилъ комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса, и естественно Гладстонъ, постоянно и

В. Е. Гладстонъ въ 1896 г.

ревниво охраняющій интересы англиканской церкви, съ защиты которой онъ началъ свою общественную и литературную жизнь, тотчасъ откликнулся. Его письмо, пламенно отстаивающее англиканскую точку зрѣнія, произвело большое впечатлѣніе въ Римѣ и вызвало

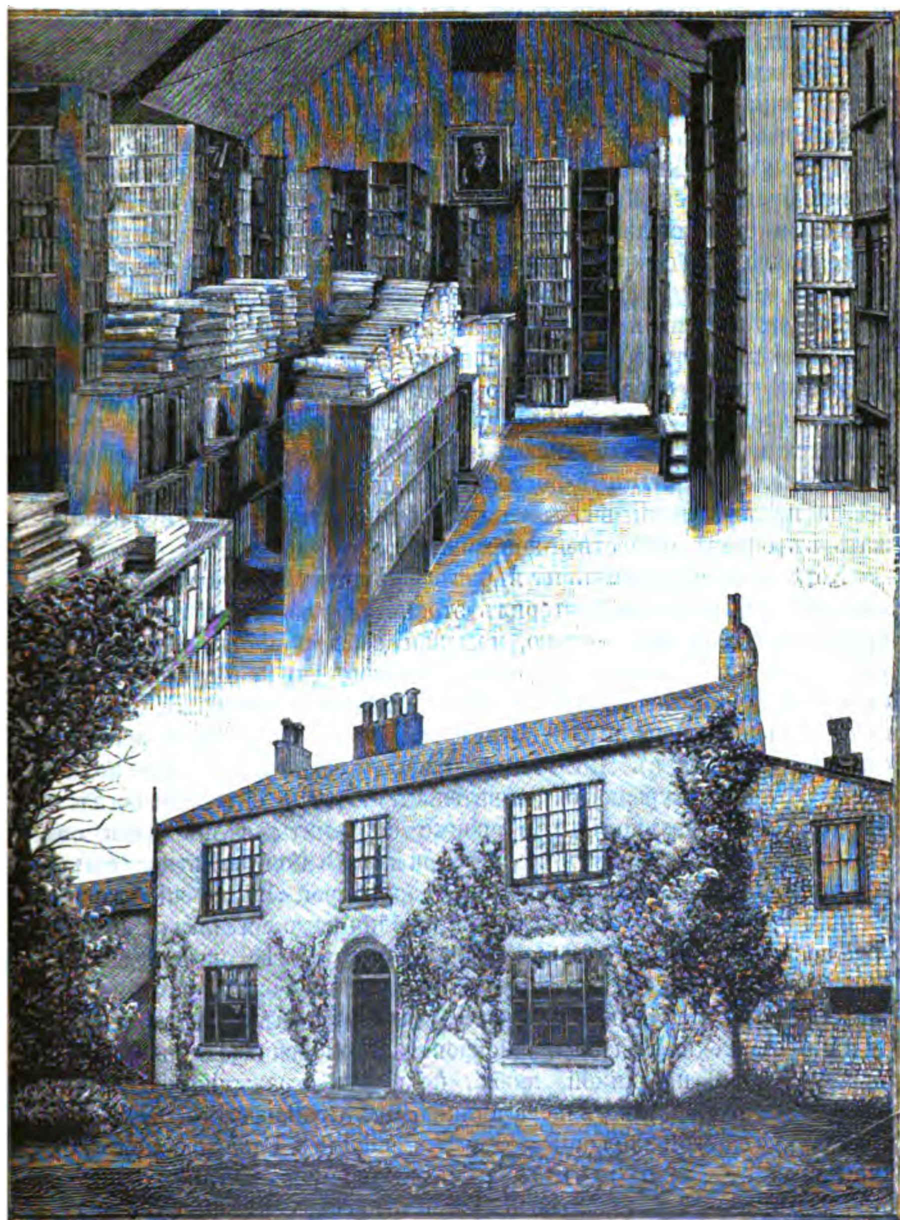
въ Англіи полемику, въ которой принялъ живое участіе его авторъ. Вообще, въ іюньской дѣятельности Гладстона преобладаетъ богословскій характеръ, и, кромѣ письма къ папѣ, въ американскомъ журналѣ «North American Review» оконченъ рядъ его статей о будущей жизни, отличающихся самымъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, и напечатано въ Лондонѣ великолѣпное изданіе «Народная библейская исторія» съ предисловіемъ Гладстона. Эта книга—чрезвычайно интересное явленіе и помимо краснорѣчивой защиты Гладстономъ Библіи отъ нападокъ ученыхъ экзегетовъ и скептиковъ: во-первыхъ, это сборникъ статей самыхъ компетентныхъ англійскихъ авторовъ, какъ Фаррара, профессора Сейса и т. д., которые разсказываютъ въ популярной формѣ всѣ фазы библейской исторіи съ цѣлью примирить религію съ современной наукой; во-вторыхъ, она великолѣпно иллюстрирована снимками съ извѣстныхъ картинъ, а, въ-третьихъ, не смотря на ея дорогую цѣну—двѣ гинеи, около 20 рублей, быстро расходится не только среди буржуазіи, но и въ рабочемъ классѣ. Рядомъ съ этимъ наплывомъ богословской работы блѣднѣетъ его участіе въ литературѣ и общественной жизни, какъ оно ни замѣчательно само по себѣ: первое выражается статьей въ «Nineteenth Century» о недавно вышедшей біографіи Шеридана и возбужденной ею полемикѣ, а послѣднее—въ рѣчи на торжественномъ актѣ въ Уэльскомъ университетѣ. О Шериданѣ, какъ о политическомъ дѣятелѣ и драматургѣ, Гладстонъ отозвался очень сочувственно и выразилъ радость, что книга Фрэзера Рэ наконецъ представила въ истинномъ свѣтѣ эту многооклеветанную въ интересахъ партій и узкой морали, высокодаровитую, хотя и увлекающуюся личность, а когда ему возразили, что онъ слишкомъ унизилъ Фокса, чтобъ возвысить Шеридана, то онъ не преминулъ въ рядѣ писемъ, напечатанныхъ въ газетахъ, доказать, что онъ нимало не хотѣлъ унизить Фокса, а только отнесся къ нему справедливо; но, конечно, сознательно старался возвысить Шеридана, который этого вполнѣ заслуживаетъ по оказаннымъ имъ услугамъ политической свободѣ и англійскому театру такимъ безсмертнымъ произведеніемъ, какъ «Школа злословія». Наконецъ, въ концѣ іюня Гладстонъ появился на столь же привычной ему университетской аренѣ, какъ богословская и литературная. Недавно основанный Уэльскій университетъ, состоящій изъ трехъ коллегій, въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ—Кардифѣ, Бангорѣ и Оберонтвитѣ, праздновалъ торжественнымъ актомъ и банкетомъ въ Кардифѣ вступленіе въ должность его канцлера, принца Уэльскаго, по случаю чего было открыто зданіе женскаго общежитія, гдѣ помѣщаются сто десять студентокъ, и розданы дипломы почетнаго доктора музыки принцессѣ Уэльской и законовѣдѣнія Гладстону, лорду Гершелю, канцлеру лондонскаго университета, и лорду Спенсеру, канцлеру университета Викторіи. Конечно, великій старикъ, встрѣченный на актѣ самыми шумными

оваціями, произнесъ на банкетѣ рѣчь, въ которой онъ указалъ на значеніе университетовъ, какъ представителей умственной культуры. «Никогда не было времени, — сказалъ онъ между прочимъ: — когда такъ необходимо, какъ въ наши дни, выдвинуть на первое мѣсто въ виду общества принципъ умственной культуры, потому что мы живемъ въ эпоху преобладанія матеріальныхъ условій обогащенія. Пользованіе всѣми удобствами и удовольствіями жизни среди тѣхъ, кому это доступно, такъ значительно развилось со времени моей юности, что врядъ ли это могутъ оцѣнить люди, не бывшіе свидѣтелями перемѣны. Въ результатѣ богатство взяло верхъ надъ нами, а богатство добрый слуга общества, но дурной повелитель, и нѣтъ болѣе унижающаго человѣческое существо господства, какъ неограниченное главенство богатства. Антагонизмъ университета на основѣ умственной культуры лучшее средство побороть это зловредное иго. Человѣческій умъ слѣдуетъ разсматривать, какъ богатую почву, требующую только хорошей вспашки и хорошаго осѣмененія для плодоносной жатвы, которая будетъ самымъ дѣйствительнымъ протестомъ противъ общей погони за матеріальными интересами, что̀ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ общественныхъ и нравственныхъ опасностей нашего времени». Принцъ Уэльскій, отвѣчая на эту рѣчь, замѣтилъ, что «онъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ моментовъ своей жизни, которыми онъ наиболѣе гордится, настоящій день, когда онъ имѣлъ лестную честь передать академическій дипломъ политическому ветерану и замѣчательному ученому, который представляетъ рѣдкій примѣръ человѣка, достигшаго въ одно и то же время столь высокаго положенія, какъ государственный человѣкъ, ученый и литераторъ».

Философія и поэзія преобладаютъ среди іюльскихъ подвиговъ маститаго геркулеса современной политики. Онъ выпустилъ въ началѣ мѣсяца второй томъ своего громаднаго труда объ англійскомъ богословѣ-философѣ, Бутлерѣ; еще въ январѣ онъ напечаталъ первый томъ, въ которомъ помѣщены главныя сочиненія Бутлера: его «Апологія» и проповѣди, тщательно изданныя и разбитыя для удобства чтенія на параграфы, а теперь въ видѣ необходимаго добавленія появились комментаріи ученаго издателя подъ заглавіемъ: «Труды по изданію Бутлера». Хотя написанные болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ аргументы епископа-философа въ пользу безсмертія души, догмата о Провидѣніи, о необходимости откровенія и т. д. очень устарѣли и въ настоящее время врядъ ли имѣютъ какой либо интересъ, кромѣ историческаго, но его издатель и коментаторъ придаетъ имъ громадное значеніе и сравниваетъ своего излюбленнаго автора съ «Маколеемъ по счастливой легкости въ иллюстрированіи примѣрами своихъ доводовъ» и съ Буркомъ «по эффектному изображенію своего понятія о красотѣ». Какъ бы мало современны ни были эти труды, но имя Гладстона имѣетъ такую магическую силу, что во всѣхъ странахъ, гдѣ

говорятъ поанглійски, уже разошлось 2.000 ихъ экземпляровъ, причемъ коментаріи пользуются наибольшимъ успѣхомъ. Въ отношеніи поэзіи великій старикъ является только критикомъ, хотя онъ самъ извѣстенъ, какъ переводчикъ стихами одъ Горація, что, по словамъ принца Уэльскаго, «составило бы ему вѣчный памятникъ, если бы онъ не прославилъ себя иначе въ стольких другихъ отросляхъ». Въ городѣ Кокермутѣ открытъ фонтанъ съ статуей поэта Вордсворта и при этомъ торжествѣ было прочитано письмо Гладстона, который, вспоминая о своемъ личномъ знакомствѣ съ поэтомъ-лавреатомъ, указываетъ, что англійская литература обязана ему многимъ относительно «сохраненія въ ней чистоты и возвышеннаго характера». Насколько онъ цѣнитъ эти достоинства въ поэтахъ, доказываетъ его статья въ іюльскомъ номерѣ New-Review подъ оригинальнымъ заглавіемъ «О дѣланіи человѣка и дѣланіи стиховъ» (Manmaking and verse-making). Въ первой половинѣ авторъ настаиваетъ на томъ, что англичане недостаточно заботятся о главной задачѣ человѣка — «дѣлать, или строить себя», т. е. развивать себя постоянной культурной работой, и совѣтуетъ главнымъ образомъ молодымъ людямъ изучать съ этой цѣлью богословіе, исторію и естественныя науки. Переходя къ второму своему предмету, переводчикъ Горація и ученый изслѣдователь Гомера и Данте оплакиваетъ чрезмѣрный наплывъ посредственныхъ стиховъ въ современной англійской литературѣ, гдѣ за послѣднія сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ можно насчитать тысячами поэтовъ и поэтессъ, изъ которыхъ очень немногіе достигли славы. Поэтому онъ совѣтуетъ молодымъ людямъ прежде, чѣмъ приняться «за дѣланіе стиховъ», подумать серьезно не разъ, не два, не три, а трижды три, такъ какъ ничего нѣтъ хуже посредственности въ стихахъ по той простой причинѣ, что «въ прозѣ посредственность формы можетъ быть стушевана достоинствомъ содержанія, а въ стихахъ, за исключеніемъ высшихъ поэтическихъ произведеній все—въ формѣ».

Сельская жизнь, пріемъ гостей въ Гаварденѣ и сатирическій листокъ Англіи «Пунчъ» наиболѣе сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе Гладстона въ августѣ. Открывая ежегодную выставку Гаварденскаго общества садоводства, онъ произнесъ рѣчь, въ которой распространился съ полнымъ знаніемъ дѣла объ огородныхъ и садовыхъ произведеніяхъ и указывалъ на прелести сельской жизни въ сравненіи съ мрачнымъ, душнымъ, закоптѣлымъ существованіемъ въ городахъ. На ту же тему онъ написалъ, напечатанное въ «Daily News», письмо и выразилъ въ немъ мысль о необходимости поддержать сельское населеніе, переживающее тяжелый кризисъ, прибавляя, что онъ не вѣритъ въ необходимость для поддержанія цѣнности земли превратить ее въ сплошной лугъ. Свою удивительную энциклопедичность Гладстонъ выразилъ всего лучше въ пріемѣ августовскихъ посѣтителей Гавардена: такъ ста туристамъ, членамъ Филадельфійскаго

1) Сентъ-Деніольская библіотека. 2) Сенгь-Деніольскій отель.

клуба мануфактуристовъ, предпринявшимъ экскурсію въ Англію, онъ лично показалъ развалины древняго замка въ Гаварденскомъ паркѣ и прочелъ лекцію о той эпохѣ Уэльской исторіи, къ которой онѣ относятся; съ Ли-Хунъ-Чангомъ онъ разсуждалъ о благахъ свободной торовли и совѣтовалъ примѣнить ее въ Китаѣ; членамъ фармацевтическаго конгресса, собиравшагося въ Ливерпулѣ, онъ говорилъ о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ аптечномъ дѣлѣ, благодаря чему при милліонахъ и милліонахъ рецептовъ, проходящихъ черезъ руки аптекарей, встрѣчается такъ мало ошибокъ въ лѣкарствахъ; а съ делегатами конгресса для распространенія наукъ онъ разговаривалъ о современномъ состояніи всѣхъ отраслей знанія. Что касается «Пунча», то по случаю присылки ему только что вышедшей исторіи его жизни въ каррикатурахъ, съ перепечаткой всѣхъ относящихся до него иллюстрацій, появившихся во все долголѣтнее существованіе этого каррикатурнаго листка, Гладстонъ выразился въ письмѣ къ редактору «Daily News»: «Я полагаю, что навсегда сохранится за «Пунчемъ» честь, что его редакторы, авторы и рисовальщики, въ дѣлѣ, имѣющемъ главной цѣлью забаву читателей, всегда поддерживали возвышенные принципы, долженствующіе лежать въ основѣ общественной жизни».

Хотя великій старикъ и увѣрялъ фармацевтовъ, что «онъ политическій мертвецъ», и повторилъ это потомъ въ письмѣ къ одному провинціальному избирателю, называя себя «лицомъ, политически умершимъ», но въ сентябрѣ и съ тѣхъ поръ до конца прошедшаго года онъ почти исключительно посвятилъ себя политикѣ. Уже два года, какъ онъ выдвинулъ впередъ армянскій вопросъ и всячески старался развить въ Англіи такую народную агитацію въ пользу новыхъ жертвъ турецкаго правительства, какъ онъ это когда то сдѣлалъ относительно Италіи своими знаменитыми письмами объ ужасахъ Неаполитанскихъ тюремъ при королѣ Бомбѣ и относительно Болгаріи, еще болѣе надѣлавшей шума брошюрой «Болгарскіе ужасы», а также замѣчательными рѣчами на публичныхъ митингахъ. Теперь онъ поступилъ также, но чувствуя, что его болѣе не связываетъ отвѣтственность министра, или офиціальнаго вожака партіи, онъ далъ широкій просторъ своему справедливому гнѣву на злодѣйства султана и на позорное хладнокровіе европейскихъ дипломатовъ, а равно своей преданной любви ко всѣмъ страждущимъ, всѣмъ угнетеннымъ. Первую рѣчь за армянъ онъ произнесъ въ 1893 году, при министерствѣ лорда Розбери, въ ризницѣ Гаварденской церкви; вторую — 26 іюля 1895 г. на громадномъ митингѣ въ Честерѣ, въ концѣ которой онъ прямо требовалъ вмѣшательства въ дѣло Англіи (во главѣ которой уже стоялъ лордъ Сольсберри) совмѣстно съ другими державами для введенія въ Турецкой Арменіи такихъ реформъ, которыя доставили бы серьезныя гарантіи жизни, чести, религіи и собственности ея жителей подъ неустаннымъ контролемъ вели-

скихъ европейскихъ державъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно писалъ статьи въ журналахъ и письма въ газетахъ въ томъ же духѣ. Подобную газетную агитацію онъ велъ и въ первые три мѣсяца разсматриваемой нами эпохи его жизни, но она не обращала на себя особаго вниманія. Тогда «умершій политикъ» рѣшился дать новый толчекъ движенію и въ сентябрѣ мѣсяцѣ такъ пламенно писалъ и говорилъ, что дѣйствительно вся Англія безъ разбора партій и классовъ взволновалась, какъ во дни болгарскихъ ужасовъ. Всѣ газеты и журналы безъ исключенія наполнялись горячими протестами противъ турецкихъ звѣрствъ и хладнокровія европейской дипломатіи; каждый день въ самыхъ многолюдныхъ центрахъ и уединенныхъ закоулкахъ страны собирались митинги негодованія; въ залахъ, въ паркахъ, въ церквахъ, всюду говорились пламенныя рѣчи какъ либералами, такъ и торіями, какъ демократами, такъ и аристократами; вездѣ открывались подписки въ пользу несчастныхъ армянъ. А душой всего этого національнаго движенія былъ восьмидесятисемилѣтній гаварденскій отшельникъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ, напечатанныхъ въ газетахъ и читавшихся съ восторгомъ на митингахъ, онъ разжигалъ не страсти политическія, а человѣчное чувство справедливости, и если прямо называлъ султана убійцей, то не изъ личной ненависти, а въ виду безспорнаго факта, что огульное избіеніе армянъ происходитъ, благодаря его личной политикѣ, и что онъ не только истребляетъ цѣлое населеніе, отдавая его въ руки фанатическихъ дикарей, но набрасываетъ тѣнь позора на всю Европу, которая, благодаря мелкимъ эгоистичнымъ и дипломатическимъ цѣлямъ, хладнокровно смотритъ на звѣрства, далеко заткнувшія за поясъ болгарскіе ужасы. Наконецъ, 24-го сентября, онъ произнесъ въ Ливерпулѣ, въ громадномъ циркѣ, при несмѣтномъ числѣ слушателей всѣхъ партій, свою третью рѣчь по армянскому вопросу. Говоря, какъ простой гражданинъ Ливерпуля, великій старикъ воспользовался тѣмъ, что руки у него свободны, и наговорилъ столько горькой правды и «убійцѣ султану», и европейскимъ кабинетамъ, и англійскому правительству, что на другой день весь свѣтъ взволновался, и было отчего: первый государственный человѣкъ нашего времени прямо требовалъ общаго заступничества цивилизованнаго міра за мученика народъ противъ огульно избивавшихъ его мучителей, а въ случаѣ несогласія на это европейскихъ кабинетовъ—отозванія Англіей изъ Константинополя своего посланника, чтобъ снять съ себя всякую отвѣтственность за такія событія, которыя «составляютъ самую ужасную и чудовищную страницу въ печальной исторіи человѣческихъ преступленій». Оставивъ даже въ сторонѣ содержаніе этой рѣчи, всѣ присутствующіе были приведены въ восторгъ и удивленіе ея формой. «Гладстонъ,—замѣчаетъ безпристрастный очевидецъ, случайный корреспондентъ нѣмецкой газеты «Vossische Zeitung»,—говорилъ такъ, что его рѣчь надо считать просто чудомъ. Его голосъ и дикція нимало не ослабѣли послѣ

его ухода изъ парламента, напротивъ они еще пріобрѣли новую силу, и всѣхъ поражала прежняя мелодичность голоса, прежняя выразительность жестовъ. Сначала онъ опирался на палку, но вскорѣ душа взяла верхъ надъ плотью: онъ положилъ на столъ палку и принялъ прежнюю гордую осанку. Поворачиваясь то направо, то налѣво, онъ съ юношескимъ жаромъ двигалъ головой, и руками; всѣ, кто его видѣли въ эту минуту, когда тысячи и тысячи глазъ устремлялись на его дышавшее благороднымъ пыломъ лицо, окаймленное сѣдыми волосами, всѣ, кто слышали лившійся изъ его устъ въ продолженіе двухъ часовъ нескончаемый блестящій потокъ краснорѣчія,—чувствовали себя подъ вліяніемъ какихъ-то необыкновенныхъ чаръ. И, конечно, не одинъ изъ слушателей этой удивительной рѣчи не рѣшится назвать ее «лебединой пѣснью» великаго старика: такой онъ еще обладаетъ физической силой и нравственной мощью».

Необыкновенный ливерпульскій подвигъ Гладстона не только всполошилъ торійское министерство и европейскихъ дипломатовъ, но имѣлъ странный отголосокъ въ либеральной партіи. Ея глава, лордъ Розбери, который хотя и сочувственно относится къ армянамъ, но считаетъ необходимымъ, чтобъ всѣ европейскіе кабинеты дѣйствовали заодно въ Константинополѣ, и умѣренной политикѣ котораго претитъ такая рѣзкая мѣра, какъ отозваніе посла,—неожиданно подалъ въ отставку. Одни объясняютъ это событіе тѣмъ, что Розбери обидѣлся дѣятельной политической ролью, снова разыгрываемой Гладстономъ, которому сочувствуетъ большинство партіи, отворачиваясь отъ его умѣренной политики, а другіе—благородной рѣшимостью Розбери отказаться отъ офиціальнаго главенства партіи, когда снова вернулся на арену ея настоящій глава. Какъ бы то ни было, онъ настоялъ на своей отставкѣ, и либеральная партія отложила выборъ вожака до болѣе удобнаго времени. Быть можетъ, тутъ кроется мысль уговорить Гладстона вернуться къ своему прежнему боевому посту, и слухи о возможности подобнаго событія ходятъ упорно, даже называютъ одного малоизвѣстнаго либерала, который откажется отъ своего депутатскаго мѣста, чтобъ дозволить избирателямъ выбрать Гладстона въ члены нижней палаты. Что касается до него самого, то онъ хранитъ молчаніе о выходкѣ лорда Розбери, а когда одинъ шотландецъ обратился къ нему съ совѣтомъ, что въ интересахъ либеральной партіи необходимо поскорѣе выбрать новаго главу, хотя бы для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ «великаго убійцы», то получилъ лаконическій отвѣтъ: «Я отошелъ отъ всякаго участія въ общей политикѣ и не имѣю права высказывать свои сужденія по разумному обычаю страны; когда политическій дѣятель формально удалился, то общество желаетъ, чтобъ это удаленіе было настоящее и не нарушалось». Однако это не мѣшаетъ Гладстону продолжать и въ октябрѣ свою агитацію по армянскому вопросу: онъ помѣстилъ

снова въ газетахъ нѣсколько очень рѣзкихъ писемъ и небольшую статью въ «Nineteenth Century», въ которыхъ развиваетъ идеи, высказанныя имъ въ ливерпульской рѣчи. Помимо армянъ, онъ занимался въ октябрѣ, по обыкновенію, богословской догматикой и написалъ письмо одному изъ своихъ безчисленныхъ корреспондентовъ по поводу толкованія духовной силы и значенія крещенія, а также высказалъ въ газетахъ свое мнѣніе о французской революціи по поводу очень заинтересовавшаго его романа Феликса Гра,—«Марсельцы», переводъ котораго печатается въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику».

Въ ноябрѣ Гладстонъ продолжалъ свою армянскую агитацію и выступилъ очень оригинально на аренѣ внутренней политики. Въ одномъ изъ провинціальныхъ избирательныхъ округовъ Англіи, въ Истъ-Бедфордѣ, происходили выборы депутата, и Гладстонъ написалъ слѣдующее письмо къ вліятельному избирателю: «Любезный сэръ! Какъ лицо, политически умершее, я чувствую невозможнымъ рекомендовать кандидатовъ въ депутаты, и я увѣренъ, мистеръ Бильсонъ въ этомъ не нуждается, а потому, желая ему успѣха, я ограничиваюсь искреннимъ заявленіемъ, что я всегда считалъ мистера Бильсона, имѣющимъ всѣ качества, необходимыя для члена парламента, въ виду его способностей, благороднаго характера и высокой культуры». Конечно, это письмо подѣйствовало на избирателей, и либеральный кандидатъ былъ выбранъ, хотя этотъ избирательный округъ прежде принадлежалъ торіямъ. Такимъ образомъ Гладстонъ, на закатѣ своихъ дней, является еще въ новомъ качествѣ великаго избирателя.

Декабрь былъ посвященъ великимъ старикомъ политикѣ, внутренней и внѣшней, библіоманіи и пріему въ Гаварденѣ сначала посѣтителей, а затѣмъ безконечныхъ поздравленій по случаю 29-го числа, когда ему минуло восемьдесятъ семь лѣтъ. Въ первомъ отношеніи надо упомянуть два письма Гладстона къ распорядителямъ Либеральнаго клуба въ Ридѣ, которыхъ онъ благодарилъ за выставленіе въ одной изъ залъ его портрета, а также просилъ сохранить навсегда незыблемой преданность принципамъ, составлявшимъ славу ихъ партіи въ быстро близившемся къ своему концу XIX столѣтія, и къ издателю «Daily News» по поводу статьи въ одномъ изъ журналовъ объ обновленіи за послѣдніе годы англійскихъ депутатовъ, что дѣйствительно, по его словамъ, составляетъ поразительное явленье, такъ какъ, напримѣръ, при началѣ его парламентской дѣятельности въ рядахъ торіевъ не было болѣе пяти пелигрантовъ, или фабрикантовъ, а теперь они составляютъ громадное большинство. Къ внѣшней политикѣ относится письмо Гладстона къ лондонскому издателю Макмиллану по случаю выпуска имъ въ свѣтъ книги Чарльса Гранта о Неаполѣ и Каморрѣ, которую онъ очень хвалитъ, хотя и находитъ, что въ ней неостаточно оттѣ-

нено вліяніе анти-бурбонизма, составляющаго такую же отрицательную силу итальянскаго единства, какъ анти-монархизмъ французской республики. Но, конечно, главная политическая дѣятельность Гладстона въ декабрѣ, какъ и во все разсматриваемое время, касалась армянскаго вопроса. Онъ попрежнему поддерживалъ агитацію въ пользу народа-мученика и подписалъ вмѣстѣ съ герцогомъ Аргайлемъ и Вестминстеромъ краснорѣчивое воззваніе къ англійской націи для усиленія пожертвованій въ пользу несчастныхъ 400.000 армянъ, оставшихся, благодаря турецкому гоненію, безъ крова и куска хлѣба. Изъ этого любопытнаго документа мы узнаемъ, что армянскій вспомогательный фондъ уже препроводилъ 60.000 фунтовъ стерлинговъ въ двадцать-пять мѣстныхъ депо для раздачи пособій, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что требуется для дѣйствительной помощи несчастнымъ жертвамъ турецкаго террора. Здѣсь кстати прибавить, что первые дни новаго года уже ознаменовались новой пламенной рѣчью этого маститаго защитника угнетенныхъ во всемъ свѣтѣ въ пользу армянъ. 5-го января, англо-армянская ассоціація поднесла Гладстону въ благодарность за его армянскую агитацію разноцвѣтное стекло для одного изъ оконъ Гаварденской церкви, и при открытіи этого окна великій старикъ постарался сжать въ нѣсколькихъ словахъ свои аргументы въ пользу армянъ и противъ апатіи европейскихъ державъ, при чемъ выразилъ надежду, что Милосердный Господь долго не потерпитъ продолженія злодѣйствъ величайшаго убійцы на свѣтѣ, и что вскорѣ наступитъ заря лучшихъ дней. Если отъ этой боевой дѣятельности великаго старика мы перейдемъ къ его статьѣ объ удовольствіяхъ библіомана въ «Acadèmy», то на насъ пахнетъ мирнымъ спокойствіемъ и какой-то юношеской свѣжестью. Извѣстный англійскій издатель Кваричъ обратился къ Гладстону съ просьбой изложить свой взглядъ на любовь къ книгамъ и на собирателей книгъ для составляемой имъ книги англійскихъ библіомановъ, и тотъ отвѣчалъ ему чрезвычайно любопытнымъ письмомъ, въ которомъ съ юношескимъ пыломъ и искренностью и живостью высказалъ свою страсть къ книгамъ и привелъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ своей библіоманской дѣятельности. По его словамъ, онъ заслуживаетъ теперь мѣсто среди собирателей книгъ только потому, что во всей своей жизни купилъ до 35.000 томовъ, но изъ необходимыхъ, по его мнѣнію, пяти качествъ, нужныхъ всякому хорошему собирателю книгъ, именно: любви къ дѣлу, свободнаго времени, богатства, разсудительности и постоянства, онъ обладалъ только двумя и то не главными: первымъ и послѣднимъ. Самая старая книга въ его библіотекѣ была подарена ему мистриссъ Ганноей Моръ, крестной матерью Маколея, когда ему было шесть лѣтъ, и она снабжена характерной надписью: «только что вступившему въ свѣтъ отъ уходящей изъ него». Хотя, по мнѣнію Гладстона, собираніе книгъ можетъ имѣть

свои слабыя и смѣшныя стороны, но вообще это животворящій элементъ въ обществѣ, подточенномъ многими элементами разложенія.

Пріемъ гостей въ Гаварденѣ составляетъ характерную черту въ жизни его знаменитаго отшельника, и объ этомъ можно всего лучше судить по напечатаннымъ въ декабрской книжкѣ журнала «Strand» въ статьѣ В. Фитцджерельда выдержкамъ изъ двухъ книгъ посѣтителей Гладстона. Одна изъ нихъ, активная, ведена его дочерью мистриссъ Дрю, которая беретъ ее съ собой во всѣхъ поѣздкахъ и путешествіяхъ, а вторая пассивная не покидаетъ Гавардена, и въ нее принято записываться только тѣмъ, кто проводитъ въ домѣ ночь. Среди историческихъ записей встрѣчаются имена: Джона Брайта, Гукслея, Парнеля, Теннисона, Браунинга и т. д.; попадаются и рисунки, напримѣръ, портретъ живописца Бунъ-Джонса, сдѣланный имъ самимъ, эскизъ Купера и т. д. Къ числу замѣчательныхъ посѣтителей Гавардена принадлежитъ и знаменитый Бутъ, генералъ арміи спасенія, который провелъ тамъ нѣсколько часовъ 21-го декабря и потомъ повѣдалъ свѣту черезъ газеты о бесѣдѣ его съ Гладстономъ, который очень сочувственно отнесся къ гуманной сторонѣ его дѣятельности. Спустя восемь дней, наступило ежегодное празднованіе дня рожденія великаго старика. По обыкновенію, восьмидесяти-семилѣтній рожденникъ провелъ этотъ день въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, но поздравительнымъ письмамъ и телеграммамъ не было конца; общественныя учрежденія, политическіе клубы, всевозможныя общества и частныя лица безъ различія партій торопились высказать свое глубокое уваженіе первому человѣку Англіи, какъ его принято теперь называть. Если въ самомъ Гаварденѣ не было банкета, то во многихъ мѣстахъ страны были устроены въ честь этого дня обѣды и вечера, на которыхъ произносились самыя восторженныя рѣчи. Наиболѣе замѣчательными были рѣчи лорда Рипона, въ городѣ того же имени, и сэра Франка Локвуда, который, опредѣливъ необыкновенное значеніе Гладстона въ современной политической жизни Англіи, очень мѣтко назвалъ его живымъ памятникомъ, которымъ могла гордиться вся страна. Конечно, всѣ газеты наполнили свои столбцы хвалебными гимнами въ честь великаго старика, а также всевозможными воспоминаніями о немъ современниковъ, историческими справками и т. д. Оказывается, что онъ уже пережилъ срокъ жизни всѣхъ первыхъ министровъ Англіи въ настоящемъ столѣтіи, такъ какъ старѣйшіе изъ нихъ умерли: лордъ Сидмотъ 86 лѣтъ, лордъ Россель—86, герцогъ Веллингтонъ—82, лордъ Пальмерстонъ—81, а лордъ Биконсфильдъ—71. Всего первымъ министромъ Гладстонъ былъ тринадцать лѣтъ, тогда какъ лордъ Сольсбери—только восемь, и вообще больше его занимали высокій постъ только лордъ Ливерпуль—15 лѣтъ, Питтъ—20 и Вальполь — 22. Изъ всѣхъ статей по случаю восьмидесятисеми-лѣтней годовщины Гладстона, быть можетъ, всего интереснѣе выписки

изъ недавно вышедшей книги Р. Бретта «Ярмо власти: очерки первыхъ министровъ королевы». Авторъ приводитъ очень много интересныхъ анекдотовъ и малосущественныхъ подробностей изъ жизни великаго старика; напримѣръ, онъ разсказываетъ, что когда въ 1886 г. общественное мнѣніе побудило королеву замѣнить лорда Биконсфильда Гладстономъ у кормила правленія, то она плакала, разставаясь съ своимъ любимцемъ; Гладстонъ ей былъ такъ противенъ, что она воскликнула: «болѣе не королева; мистеръ Гладстонъ король». Столь же характерна сцена, происходившая въ парламентѣ 4 декабря 1890 г.; въ ту самую минуту, какъ рѣшалась судьба его Ирландскаго билля, Гладстонъ спокойно сидѣлъ въ библіотекѣ и читалъ романъ Вальтеръ-Скотта «Ламермурская невѣста», не потому, чтобы онъ былъ равнодушенъ къ судьбѣ своей излюбленной политики, а потому, что онъ видѣлъ, что борьбѣ насталъ конецъ. «Цѣлыхъ пять лѣтъ,—говорилъ онъ тогда съ трогательнымъ паѳосомъ,—я тащилъ въ гору камень, и вотъ онъ теперь снова скатился внизъ, а мнѣ—восемьдесятъ лѣтъ». Еще съ бо̀льшимъ чувстомъ описываетъ Бреттъ, какъ Гладстонъ прощался съ членами своего послѣдняго министерства послѣ его неожиданной отставки. «Когда кончился послѣдній министерскій совѣтъ, говоритъ онъ, и лордъ Кимберли, а за нимъ сэръ Вильямъ Гаркортъ, попытались выразить то, что всѣ чувствовали, всѣ поднялись и стали уходить. Гладстонъ, провожая ихъ, могъ только сказать своимъ звучнымъ, мелодичнымъ голосомъ: «Да благослови васъ Господь Богъ». Это благословеніе относилось, конечно, не только къ его товарищамъ по кабинету, но ко всѣмъ въ странѣ: отъ бѣдныхъ поселянъ, въ интересахъ которыхъ онъ работалъ такъ долго, и до королевы, царствованія которой онъ будетъ вѣчнымъ украшеніемъ, благодаря его неусыпнымъ работамъ о народномъ благѣ, безыскусственной простотѣ его жизни, удивительному краснорѣчію и безпредѣльной преданности человѣческой совѣсти».

Празднованіемъ дня рожденія восьмидесятисемилѣтняго «Народнаго Вильяма» кончимъ бѣглый перечень того, что онъ дѣлалъ, говорилъ и писалъ въ продолженіе послѣднихъ семи мѣсяцевъ. Къ какому же выводу можетъ привести эта картина? Конечно, къ одному: Гладстонъ счастливо разрѣшилъ трудную задачу во время ретироваться съ арены офиціальной дѣятельности и, находясь не у дѣлъ, попрежнему благотворно вліять на общественныя дѣла и людей.

II.

Въ Гаварденѣ великій старикъ ведетъ если не отшельническую, то самую тихую, мирную и счастливую жизнь среди семейнаго кружка, постоянно расширяемаго друзьями и всякаго рода посѣтителями. Окруженный женой, дѣтьми и внучатами, онъ работаетъ, пишетъ,

читаетъ, разговариваетъ, думаетъ, гуляетъ, ходитъ въ церковь и вообще дѣлаетъ все, что дѣлалъ въ продолженіе восьмидесяти семи лѣтъ, которыя не кажутся ему тяжелымъ бременемъ. Въ очень немногихъ подробностяхъ его ежедневнаго существованія произошли перемѣны и главнымъ образомъ въ его утреннихъ привычкахъ. Прежде онъ вставалъ регулярно въ 7 часовъ и отправлялся непремѣнно одинъ до чая въ церковь, находящуюся недалеко отъ замка, гдѣ слушалъ заутреню и самъ читалъ священное писаніе; но уже два года онъ перестали это дѣлать, а посѣщаетъ церковь только по воскресеньямъ и уже самъ не читаетъ. Каждое же утро онъ просыпается въ 8 часовъ, пьетъ чай въ постелѣ и два часа читаетъ также въ постелѣ. Въ 10 часовъ онъ встаетъ и одѣвается безъ всякой помощи. «Если вы хотите, чтобъ все было сдѣлано хорошо, то дѣлайте сами», постоянно говоритъ онъ и строго придерживается этого правила, даже лично укладывая свои вещи въ чемоданы и сундуки при отъѣздѣ за границу. Изъ спальни Гладстонъ идетъ прямо въ свою библіотеку, называемую «храмомъ мира», и дѣйствительно въ ней царитъ удивительное мирное спокойствіе. Эта комната не походитъ на обыкновенныя библіотеки въ англійскихъ замкахъ, гдѣ книги стоятъ по полкамъ подъ густымъ слоемъ пыли, и куда только изрѣдка кто нибудь заходитъ, чтобъ взять романъ или написать записку, но это настоящая жилая, рабочая комната, носящая въ самыхъ мелочахъ видимый слѣдъ ея владѣльца. Всюду виднѣются портреты, бюсты, альбомы и т. д.; книги на полкахъ расположены не по величинѣ и переплетамъ, какъ часто встрѣчается, а по предметамъ; кромѣ того, книги въ шкафахъ и на столахъ переполняютъ всѣ комнаты отъ сѣней до гостиной, и по ихъ внѣшнему виду легко заключить, что онѣ не держатся на показъ, а находятся въ постоянномъ употребленіи. Конечно, всего болѣе читаются Гомеръ, Виргилій, Горацій и Данте, но также въ большемъ ходу романы Мопассана и Крафорда. Обыкновенно Гладстонъ читаетъ заразъ три книги и переходитъ отъ одной къ другой, когда умъ его устаетъ сосредоточиваться на одномъ предметѣ. Кромѣ книгъ, отличительной чертой Гаварденской библіотеки служатъ три письменныхъ стола, изъ которыхъ на одномъ пишетъ большую часть писемъ мужа мистриссъ Гладстонъ; второй посвященъ политикѣ и долго огорчалъ его поклонниковъ своимъ пустыннымъ видомъ, но со времени армянской агитаціи снова сталъ напоминать о прежнихъ временахъ; третій отведенъ литературѣ и постоянно заваленъ рукописями и справочными книжками преимущественно богословскаго характера. Въ этомъ «храмѣ мира» онъ работаетъ до завтрака, послѣ котораго снова принимается за работу, разнообразя ее только прогулкой пѣшкомъ или въ экипажѣ. Далѣе слѣдуетъ обѣдъ, послѣ котораго онъ или разговариваетъ, если есть гости, или играетъ въ карты, исключительно въ триктракъ, или читаетъ новые романы, а въ слу-

чаѣ неимѣнія таковыхъ старые, даже разсказы миссъ Еджвортъ и Робинсона Крузо. Такъ время идетъ до 10 часовъ, когда онъ аккуратно ложится спать. Сонъ его отличный, и онъ не дозволяетъ никому нарушать его. «Въ самые горячіе моменты политическихъ кризисовъ,—говорилъ онъ самъ,—я, ложась въ постель, перестаю думать о политикѣ и спокойно засыпаю до утра. У меня положено спать семь часовъ, хотя очень желалъ бы поспать восемь. Я ненавижу раннее вставанье и испытываю это чувство каждое утро, но все можно дѣлать по привычкѣ, и я не позволяю себѣ спать болѣе семи часовъ».

Рядомъ съ этой картиной гаварденской жизни, строго регулированной, какъ часовой механизмъ, набросимъ и физическій портретъ великаго старика. Внѣшность его всѣмъ извѣстна, а потому только скажемъ, что, несмотря на старость, онъ здоровъ, бодръ, свѣжъ, а лицо его блѣдное, спокойное, попрежнему освѣщается орлинымъ взглядомъ. Онъ, какъ всегда, ходитъ легкою и быстрою поступью, голосъ его также мелодиченъ, хотя по временамъ слабѣетъ; слухъ его прекрасно сохранился, а зрѣніе совершенно возстановилось со времени снятія три года тому назадъ бѣльма съ одного глаза. Ѣстъ онъ самую простую и легкую пищу, избѣгая всего жирнаго и прянаго; пьетъ онъ мало и не куритъ. Что касается до его душевной молодости, энергіи, трудолюбія и удивительной отзывчивости ко всему, что происходитъ на свѣтѣ, то мы уже достаточно съ этимъ познакомились по очерку его внѣшней дѣятельности. Но, говоря о Гладстонѣ дома, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о его женѣ, безъ которой онъ, вѣроятно, такъ не благоденствовалъ бы физически и нравственно въ его преклонные годы. Она посвятила всю свою жизнь заботамъ о немъ, и болѣе пятидесяти лѣтъ она его вѣрная подруга, помощница, секретарь; во время его политической дѣятельности она ежедневно сопровождала его въ палату и просиживала дни и ночи въ душной дамской галереѣ, слѣдя за каждымъ измѣненіемъ его лица и наблюдая, чтобъ не изсякалъ любимый его напитокъ, который она приготовляла своими руками изъ хереса и яицъ; на всѣхъ публичныхъ митингахъ она находилась подлѣ него; на свѣтскіе обѣды она сопровождала его, и незамѣтно устраняла отъ него все вредное; дома она писала и до сихъ поръ пишетъ бо̀льшую часть его писемъ и старается удалить отъ него все непріятное. Въ его экскурсіяхъ и путешествіяхъ она всегда подлѣ него, и вообще это настоящій ангелъ-хранитель своего мужа, и, конечно, чѣмъ онъ становится старше, тѣмъ заботы ея увеличиваются и становятся для него драгоцѣннѣе. Что касается до самой мистриссъ Гладстонъ, то она олицетвореніе доброты и, кромѣ попеченій о мужѣ, постоянно занята филантропической дѣятельностью. Она предсѣдательница всевозможныхъ полезныхъ учрежденій, а въ Гаварденѣ устроила пріютъ для сиротъ и богадѣльню для старухъ.

Для полноты удивительнаго заката своихъ дней, «Народный

Вильямъ» задумалъ уничтожить легенду о его скупости и при жизни сдѣлать значительный даръ націи. Такъ какъ для него нѣтъ ничего дороже гаварденской библіотеки, то онъ рѣшилъ пожертвовать ее на общую пользу, но не желая, чтобъ она потонула въ морѣ книгъ Британскаго музея, или другого большого книгохранилища, онъ выстроилъ домъ близъ Гаварденскаго парка и перенесъ туда большинство своихъ книгъ изъ «храма мира», который онъ теперь называетъ отдѣленіемъ Сентъ-Деніольской библіотеки. Эта послѣдняя, состоящая изъ 20.000 книгъ, вся желѣзная, для безопасности отъ огня, и имѣетъ двѣ залы, спеціально назначенныя для богословія и словесныхъ наукъ, а также нѣсколько кабинетовъ для отдѣльныхъ занятій. Внутренній порядокъ, богатство коллекцій, въ особенности богословскаго отдѣла, и полная свобода заниматься невольно привлекаютъ серьезныхъ тружениковъ въ этотъ пріютъ знанія, и только существуетъ одно ограничительное правило, именно воспрещено списывать замѣтки Гладстона на поляхъ книгъ, потому что онѣ могутъ повести къ неправильнымъ толкованіямъ его идей. Что касается до шести или восьми тысячъ томовъ, оставшихся въ Гаварденскомъ замкѣ, то послѣ смерти ихъ собственника они перейдутъ въ Сентъ-Деніольскую библіотеку. Но приготовивъ такимъ образомъ мирное, уединенное убѣжище для людей, серьезно занимающихся, и пожертвовавъ на его дальнѣйшее развитіе капиталъ въ 30.000 фунтовъ стерлинговъ, Гладстонъ этимъ не удовольствовался и рядомъ устроилъ Сентъ-Деніольскій отель для лицъ, занимающихся въ библіотекѣ. Этотъ отель представляетъ простыя, но удобныя комнаты для житья, общую столовую и общую гостиную; плата за квартиру и полный пансіонъ не превышаетъ двадцати пяти шиллинговъ въ недѣлю, и все-таки для людей бѣдныхъ можетъ быть сдѣлана еще скидка, благодаря отложенному Гладстономъ особому капиталу на этотъ предметъ. Завѣдываніе библіотекой и отелемъ поручено комитету попечителей, а исполнительная власть вручена особому библіотекарю и смотрителю, которымъ долженъ быть пасторъ Сентъ-Деніольской церкви. Такимъ образомъ, когда, наконецъ, время возьметъ свое, и великій старикъ, по словамъ новой поэмы Свинборна, «оставитъ свое лучезарное имя свѣточемъ и маякомъ на вершинахъ славы», то память о немъ, какъ о добромъ человѣкѣ, сохранится въ Сентъ-Деніольской библіотекѣ и отелѣ, тогда какъ его благотворныя реформы, его безкорыстное служеніе англійскому народу и всему человѣчеству, его благородная защита униженныхъ и оскорбленныхъ—будутъ распространять его славу изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ перваго государственнаго человѣка XIX вѣка, какъ неподкупнаго, энергичнаго апостола свободы, прогресса и культуры.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. Спб. 1896.

ЛЕСТЯЩАЯ политика начала царствованія Екатерины II и первые шаги великой государыни въ смыслѣ рѣшенія мудренаго польскаго вопроса уже неоднократно возбуждали пытливость русскихъ ученыхъ и привлекали ихъ вниманіе. Большинство русскихъ изслѣдователей данной эпохи склонялось къ тому, что русская политика въ рѣшеніи польскаго вопроса не была вполнѣ самостоятельною, въ значительной степени зависѣла отъ политики западно-европейской, и что раздѣлъ Польши былъ результатомъ такъ называемой исторической необходимости. Г. Чечулинъ, не соглашаясь ни съ однимъ изъ предшествующихъ изслѣдователей, рѣшился изложить тотъ же самый періодъ царствованія Екатерины по-своему и пытается доказать, что политика Россіи въ польскомъ вопросѣ была не только самостоятельною, но даже н а ц і о н а л ь н о ю; а такъ какъ довольно трудно было предположить въ молодой государынѣ (только-что вступившей на престолъ и преимущественно озабоченной упроченіемъ своего положенія) рѣзко-опредѣленныя національныя стремленія, то г. Чечулинъ задался предположеніемъ о какомъ-то особенномъ и преобладающемъ вліяніи Н. И. Панина на все направленіе внѣшней политики Екатерины II въ началѣ ея царствованія. Само собою разумѣется, что такая предвзятая гипотеза приводитъ автора только къ противорѣчіямъ, въ родѣ того, что (на стр. 86-ой, въ примѣчаніи) авторъ, напр., соглашается съ отзывомъ Брикнера, который говоритъ: «Екатерина въ области внѣшней политики съ первыхъ дней своего царствованія руководствовалась своими собственными сооб-

раженіями и дѣйствовала по собственному усмотрѣнію»,—и соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ Брикнера, г. Чечулинъ истолковываетъ его чрезвычайно наивно: «Екатерина, молъ, не поддавалась вліянію иноземныхъ дипломатовъ, но слушалась совѣтовъ русскаго министра,—и это не мѣшало ея самостоятельности»... Самое представленіе о національной политикѣ является у г. Чечулина весьма темнымъ и сбивчивымъ. «Истинно-національной политикой,—по мнѣнію г. Чечулина,—слѣдуетъ считать такую, которая цѣли ставитъ себѣ соотвѣтствующія всему прошлому народа, его существеннымъ потребностямъ и стремленіямъ, а пріемы свои и дѣйствія основываетъ на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству своего народа»... Нужно ли говорить, что ничего подобнаго Екатерина не имѣла въ виду ни при какихъ своихъ политическихъ комбинаціяхъ? Какъ женщина, одаренная умомъ геніальнымъ, она поняла многія изъ предлежавшихъ ей политическихъ задачъ гораздо тоньше, чѣмъ ея ближайшіе предшественники; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы она задавалась въ своей политикѣ какими-то несуществовавшими тогда «національными» стремленіями. Главною заслугою Екатерины II было именно то, что она (первая послѣ Петра) сознала всю громадность силъ Россіи и чрезвычайныя выгоды ея положенія въ Европѣ [1]) и постоянно дѣйствовала, опираясь на эту прочную основу. Сущность ея внѣшней политики, въ особенности по отношенію къ Польшѣ, сводилась къ извѣстному положенію Бисмарка:—«сила есть право»,—и она блистательно примѣнила это правило на практикѣ. Что же касается до «пріемовъ» и «дѣйствій» этой политики (по отношенію къ Польшѣ), которая основывалась преимущественно на подкупахъ и угрозахъ вторженія 100,000-ной русской арміи, то они едва ли могутъ быть названы «основанными на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству своего народа».

Замѣчательно сбивчивы и невѣрны оказываются понятія г. Чечулина не только о той эпохѣ, которую онъ изслѣдуетъ, но и вообще объ историческомъ прошломъ Россіи до Екатерины. Такъ, напр., онъ говоритъ, что главными историческими цѣлями русскаго народа искони были: «борьба съ Турціею (?) на югѣ и борьба съ Польшею на западѣ»,—и слѣдовательно война Екатерины съ Турціей и ея политика въ Польшѣ вполнѣ соотвѣтствовали этимъ исконнымъ цѣлямъ. Но г. Чечулинъ полагаетъ, что цѣлью борьбы съ Турціей было стремленіе къ «обладанію плодородными областями и естественными границами», а между тѣмъ борьба съ Турціей была вызвана простою необходимостью обезпечить свои южныя границы отъ хищническихъ набѣговъ татаръ, а «плодородныя области» не могли входить въ соображенія русской политики уже потому, что на мѣстѣ ихъ простиралась голая и голодная степь. «Борьба съ Польшею,—продолжаетъ г. Чечулинъ,—должна была доставить русскому народу совершенно необходимое для полнаго развитія всякаго народа національное единство». И тутъ опять путаница понятій и фактовъ! Національнаго единства русскій народъ уже достигъ съ присоединеніемъ къ Московскому государству Малороссіи; и есть полное основаніе предположить, что въ силу простого историческаго тя-

[1]) Она сама много разъ это высказывала въ своей перепискѣ съ Гриммомъ.

готѣнія, рано или поздно, съ Россіей возсоединились бы и другія части Польши, населенныя русскимъ народомъ... И Екатерина, конечно, рѣшилась на вмѣшательство въ польскія дѣла не ради какихъ-то мечтаній о «національномъ единствѣ русскаго народа»... Польша, ослабленная, раздробленная, уничтоженная своею собственною внутреннею несостоятельностью, лежала у ногъ Екатерины и, какъ большой лакомый кусокъ, возбуждала, конечно, аппетитъ сосѣдей: Екатерина вынуждена была обезпечить себѣ львиную долю въ неизбѣжно предстоявшемъ дѣлежѣ! При чемъ же тутъ національная политика и всякія сложныя историческія цѣли русскаго народа? Вообще говоря, общее впечатлѣніе отъ чтенія книги г. Чечулина получается не особенно благопріятное для автора. Ясно одно: авторъ стоитъ далеко не на высотѣ той весьма трудной исторической задачи, которую онъ избралъ для своей диссертаціи. Чтобы сказать что нибудь новое по вопросу о внѣшней политикѣ Россіи въ теченіе первыхъ 12-ти лѣтъ царствованія Екатерины II, надо было бы почти столько же лѣтъ проработать въ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ архивахъ, при отличномъ знаніи литературы предмета, очень богатой; но г. Чечулинъ упростилъ свою задачу до крайности: онъ удовольствовался печатнымъ архивнымъ матеріаломъ «Сборника Историческаго Общества» и такими общими сочиненіями, какъ книги Соловьева, Костомарова, Раумера, Беера, Германа, Цинкейзена и Смита. Впрочемъ, и въ этомъ кругѣ матеріала, весьма ограниченномъ, г. Чечулинъ иногда дѣлаетъ открытія. Такъ, напр., на стр. 231 онъ обращаетъ особенное вниманіе на заключительныя слова инструкціи Екатерины графу Кейзерлингу и князю Репнину, въ которыхъ императрица заявляетъ, что «оружіе (русское) не будетъ положено, покамѣстъ не присоединимъ онымъ къ имперіи всю польскую Лифляндію». «Эти знаменательныя слова,—восклицаетъ г. Чечулинъ,—до сихъ поръ оставались частью (?) не извѣстными пытавшимся разобраться въ исторіи перваго польскаго раздѣла; частью почему-то были пропускаемы ими безъ вниманія!». Не слѣдуетъ забывать, что «знаменательныя слова» напечатаны въ «Сборникѣ Историческаго Общества»; что они были извѣстны и Соловьеву, и Костомарову, и ни тотъ, ни другой не придали имъ значенія, въ чемъ ихъ г. Чечулинъ и упрекаетъ, а себѣ ставитъ въ заслугу, что онъ взглянулъ на эти слова иначе. А между тѣмъ ларчикъ отпирается очень просто: Соловьевъ и Костомаровъ не придали значенія фразѣ въ дипломатической инструкціи, оцѣнивая ее по достоинству, какъ и великое множество другихъ подобныхъ же фразъ, а г. Чечулинъ ухватился за нее, какъ утопающій за соломинку, для подтвержденія своей гипотезы [1]).

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора книги г. Чечулина замѣтимъ, что она написана языкомъ тяжелымъ, темнымъ и неточнымъ до крайности; его изложеніе скорѣе напоминаетъ по стилю канцелярскіе рапорты и отношенія,

---

[1]) Въ pendant къ этому эпизоду, не мѣшаетъ замѣтить, что г. Чечулинъ вообще очень строгъ къ другимъ изслѣдователямъ: на стр. 369 и 371 (въ примѣч.) его книги отъ него достается и проф. Карѣеву, и проф. Мартенсу за неточное изложеніе фактовъ. Онъ забываетъ при этомъ, что важно не одно только точное изложеніе фактовъ, но и правильное пониманіе излагаемаго.

нежели историческую прозу. При этомъ, книга испещрена множествомъ опечатокъ, нерѣдко даже искажающихъ смыслъ; нельзя не признаться, что такая неряшливая внѣшность особенно непріятно поражаетъ насъ именно въ ученой диссертаціи.

П. Полевой.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Эрнеста Лависса (и) Альфреда Рамбо. Томъ первый: зачатки средневѣковаго строя (395—1095). Переводъ В. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897.

Вотъ что говорятъ редакторы въ началѣ предисловія:

«Эта книга есть только первый томъ сочиненія, которое, мы надѣемся, оправдаетъ свое заглавіе «Всеобщая исторія»: отъ паденія Римской имперіи оно доведетъ читателя до настоящаго времени и должно заключать въ себѣ исторію всѣхъ народовъ, которые играли какую либо роль въ великихъ переворотахъ, пережитыхъ человѣчествомъ.

«Тѣ томы, которые выйдутъ вслѣдъ за этимъ, будутъ носить слѣдующія заглавія: Феодальная Европа и Крестовые походы, Столѣтняя война, Эпоха Возрожденія и Реформація, Религіозныя войны, Вѣкъ Людовика IV (чит. XIV), XVIII столѣтіе и т. д.

«Тамъ будетъ идти рѣчь о народахъ и расахъ сѣверной и южной Азіи, крайняго Востока, Америки и Африки, въ тѣ эпохи ихъ существованія, когда они играли какую нибудь выдающуюся роль во всеобщей исторіи.

«Читатель можетъ уже теперь составить себѣ понятіе о томъ, какого плана и метода изложенія мы придерживались. Въ каждомъ томѣ мы поручали каждую главу тому изъ нашихъ сотрудниковъ, который своими спеціальными трудами и цѣнными изданіями доказалъ свое близкое знакомство съ тѣмъ предметомъ, о которомъ тамъ идетъ рѣчь.

«Стало быть, это изданіе будетъ соединять въ себѣ два достоинства,— единство плана и разнообразіе талантовъ.

«То же будетъ во всемъ изданіи, какъ въ тѣхъ томахъ, въ которыхъ будутъ изложены исторія среднихъ вѣковъ и новая, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ будутъ описаны современные намъ періоды—французская революція, Наполеоновская имперія, реставрація, революціи 1830, 1848 и 1870 годовъ.

«Эта рамка будетъ постоянно расширяться, потому что сцена дѣйствія будетъ постоянно принимать болѣе обширные размѣры по мѣрѣ того, какъ описываемые періоды будутъ становиться болѣе короткими; но мы не будемъ вставлять въ нее единственно то, что нашъ почтенный наставникъ Дюрюи называлъ histoire-bataille, то-есть мелкія подробности о монархахъ и описанія длиннаго ряда сраженій или мирныхъ трактатовъ.

«У насъ будутъ на первомъ планѣ стоять тѣ факты, которые, по выраженію Вольтера, «касаются нравовъ и духа націи». Читатель увидитъ, какое мѣсто занимаютъ въ этомъ первомъ томѣ римская цивилизація въ эпоху своего упадка, цивилизація германцевъ, болѣе или менѣе оримлянившихся, цивилизація византійцевъ, арабовъ и покоренныхъ ими народовъ».

Это много обѣщающее предисловіе едва ли убѣдитъ читателя не-француза, что книга или рядъ книгъ, излагающихъ исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ, можетъ назваться «Всеобщей исторіей». Не нужно быть поклонникомъ классицизма для того, чтобы признать, что исторія античнаго міра должна составлять необходимую часть всеобщей исторіи; а въ тѣхъ предѣлахъ, которыми ограничиваютъ свое изданіе г.г. Рамбо и Лависсъ, сочиненіе можетъ быть названо всеобщей исторіей новой Европы или всеобщей исторіей Франціи, но не просто всеобщей исторіей.

Далѣе, изъ того же предисловія-проспекта очевидно, что едва ли работа будетъ вестись съ нѣмецкой основательностью и аккуратностью: въ портфеляхъ редакторовъ едва ли имѣется что нибудь, кромѣ отдѣльныхъ частей II-го тома и ближайшихъ къ нему; иначе они не ограничились бы общимъ указаніемъ на извѣстныхъ спеціалистовъ, а привели бы ихъ списокъ съ перечисленіемъ порученныхъ имъ отдѣловъ.

Посмотримъ, какъ распредѣлены и обработаны главы этого перваго тома. Видя имя Альфреда Рамбо на оберткѣ (имя Эрнеста Лависса, почтеннаго ученаго, начавшаго издавать свои труды по исторіи среднихъ вѣковъ и преимущественно Германіи лѣтъ двадцать назадъ, пользуется за предѣлами Франціи несравненно меньшей извѣстностью), всякій, безъ сомнѣнія, предположитъ, что соотвѣтствующія главы по Византіи и по русской исторіи въ такомъ коллективномъ трудѣ будутъ изложены имъ, какъ такимъ спеціалистомъ, солиднѣе котораго трудно найти во всей Франціи. Не тутъ-то было. По неизвѣстной намъ причинѣ, Рамбо пока остается только редакторомъ, и обѣ главы о Византіи, IV-ая и XIII-ая, обработаны Байе (Bayet), безъ сомнѣнія, Шарлемъ (род. 1849 г.), авторомъ переведенной и на русскій языкъ Исторіи византійскаго искусства (L'art byzantin, 1883, въ Bibl. de l'enseignement des beaux arts—Quantin; русскій переводъ, если не ошибаемся, подъ ред. г. Сомова), а исторія славянскихъ народовъ (въ томъ числѣ и русская), литовцевъ и венгровъ (гл. XIV) написана Эрнестомъ Дени (род. 1849 г., работалъ преимущественно по исторіи Богеміи). Такъ какъ не стоитъ говорить о тѣхъ 6 страничкахъ, которыя посвящены исторіи Россіи до конца XI в. (762—768), то остановимся на минуту на двухъ статьяхъ Байе, посвященныхъ Византіи. Байе—несомнѣнно серьезный знатокъ византійскаго искусства, и двѣ-три страницы, на которыхъ онъ говоритъ объ архитектурѣ и иконописи, ясны, сильны и правдивы; но десятки страницъ о политической и внутренней исторіи первыхъ вѣковъ восточной имперіи, обладая двумя первыми качествами, не могутъ быть признаны, по нашему мнѣнію, стоящими въ уровень съ современной наукой, прежде всего по своей односторонности: это тотъ же Гиббонъ, рѣзко осуждающій все характерно-византійское и не находящій никакого смысла въ богословскихъ спорахъ и соборахъ. Онъ не примиряетъ противорѣчій, напр., относительно Юстиніана и Ѳеодоры, или относительно иконоборства онъ повторяетъ старую сказку о славянскомъ Управдѣ и т. д. Въ общемъ, правда, изложеніе отличается французской ясностью и популярностью, но самое построеніе главъ не всегда можетъ выдержать критику: почему, напр., авторъ посвящаетъ хотя по нѣскольку строкъ первымъ императорамъ, начи-

ная съ Аркадія, а всю Македонскую династію характеризуетъ, такъ сказать, огуломъ? развѣ въ ней меньше драматическаго и характернаго? Характеристика умственной жизни византійскаго общества едва ли не должна быть названа поверхностной. Стремленіе къ общедоступности, конечно, очень хорошее дѣло, но едва ли она много выиграетъ отъ того, что авторъ ссылается на «одного историка» (стр. 659), «одного писателя» (661) вмѣсто того, чтобы назвать ихъ по имени. Конечно, двѣ главы, посвященныя Византіи, дадутъ нѣкоторое понятіе о ней малоподготовленному читателю, а недурно составленная библіографія (стр. 218 и 219, 716 и 717) предоставитъ ему средства подробнѣе ознакомиться съ дѣломъ; но все-же мы убѣждены, что, не говоря уже о самомъ Рамбо, такой заурядный византинистъ, какъ Герцбергъ, далъ бы читателямъ болѣе.

Три первыя главы (Римскій міръ, Варварскій міръ и Варварскія королевства до Меровинговъ включительно) составлены молодымъ и очень способнымъ историкомъ Бертело (Berthelot, сынъ знаменитаго химика, род. въ 1869 г.); онѣ отличаются замѣчательной ясностью и популярностью изложенія нисколько не въ ущербъ строгой научности; единственный недостатокъ его—мѣстами излишняя аподиктичность сужденія въ вопросахъ сомнительныхъ. Тотъ же Бертело и съ такимъ-же успѣхомъ обработалъ и три главы (VI—VIII), излагающія исторію Каролинговъ. Другіе сотрудники: Шарль Бемонъ (Bémont, род. 1844 г., извѣстенъ своей монографіей о Симонѣ Монфортскомъ; здѣсь обработалъ исторію Британіи въ главѣ XII), Ланглуа, Люмеръ, Валь и самъ второй редакторъ, Лависсъ, колеблются между Бертело и Байе. Библіографія при всѣхъ главахъ составлена очень толково, хотя, конечно, не отличается большой полнотой относительно не-французскихъ монографій.

Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ; очень мало замѣтили мы недосмотровъ, въ родѣ: «тогдашняго» (временъ Ираклія?) историка Греціи Папарригопуло (стр. 217; Папарригопуло умеръ года три назадъ), исапосталосъ—подобенъ апостоламъ (стр. 218, вм. равноапостольный), авторы священныхъ книгъ (стр. 663, вм. авторы легендъ), поэма Дигениса Акриты (стр. 710, вм. поэма о Дигенисѣ) и т. д.

Въ общемъ, это—книга для русской публики полезная и хорошо изданная.

А. К.

Библіотека историческаго чтенія. 1) Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. В. Теплова. Съ видами и портретами. Спб. 1897.

Эпизодъ современной исторіи Турціи, описанный въ этой небольшой книжкѣ, обнимаетъ событія въ Константинополѣ отъ 18 мая до 26-го августа 1876 г., которыя полны интереса, такъ какъ въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ былъ низвергнутъ и убитъ султанъ Абдулъ-Азизъ, возведенъ на престолъ и лишенъ его Мурадъ V, наконецъ, воцарился Абдулъ-Хамидъ II. Находясь тогда въ составѣ русскаго посольства, авторъ разсказываетъ, какъ очевидецъ то, что онъ называетъ смутнымъ временемъ и дворцовымъ переворотомъ въ Константино-

полѣ, и его разсказъ тѣмъ любопытнѣе, что теперь, спустя двадцать лѣтъ, на берегахъ Босфора царитъ такое же смутное время, и каждый день можетъ совершиться новый дворцовый переворотъ. Поэтому, нѣсколько странно, при свѣтѣ послѣднихъ событій, какъ бы предвѣщающихъ окончательную агонію больного человѣка въ Царьградѣ, читать хвалебный гимнъ, который поетъ султану г. Тепловъ. По его словамъ: «Абдулъ-Хамидъ, принявшій царство въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ кризисовъ, переживщій русско-турецкую войну, когда вопросъ шелъ о самомъ существованіи Оттоманской имперіи, и видѣвшій, какъ, пользуясь послѣдствіями войны, даже державы, именующія себя пріятельницами и заступницами Турціи, растаскивали по кусочкамъ облюбованныя ими области этой самой Турціи,—Абдулъ-Хамидъ, не смотря на всѣ эти бѣдствія сумѣлъ возвысить пошатнувшуюся было власть султановъ и, благодаря своему осторожному, хотя и твердому уму, сумѣлъ, ловко лавируя между препятствіями, справиться болѣе или менѣе съ окружавшими его внутренними и внѣшними затрудненіями, и возвысивъ политическое значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ, пріобрѣсти между своими разноплеменными подданными популярность и даже привязанность, смѣшанную съ невольнымъ уваженіемъ». Но чѣмъ сомнительнѣе популярность теперешняго султана въ Арменіи, привязанность къ нему Крита и уваженіе Македоніи, тѣмъ болѣе кстати появляются записки очевидца о томъ, какъ лишились престола его ближайшіе двое предшественника. Особенно походитъ теперешнее положеніе Турціи на кризисъ, вызвавшій паденіе Абдула-Азиза: тогда, какъ и теперь, царило въ Турціи общее недовольство, финансовое банкротство, возстаніе христіанскихъ народностей, въ пользу которыхъ не осуществлялись давно обѣщанныя реформы, не смотря на требованія Европы и движеніе «Молодой Турціи», стремящейся ввести на Балканскомъ полуостровѣ конституціонные порядки, тогда, какъ и теперь, европейскія державы интриговали въ Константинополѣ, боясь, чтобъ султанъ не принялъ, согласно выраженію г. Теплова, «какихъ либо рѣшеній, напоминавшихъ рѣшенія султана Махмуда, рѣшившагося въ 1833 г. поставить Турцію подъ покровительство Николая I». Все это вмѣстѣ, а также судя по намекамъ, если не по прямымъ указаніямъ нашего автора, вліяніе англійскаго посла сэра Генри Эллiота, имѣвшаго репутацію бѣдовика, при бытности котораго въ Неаполѣ лишился престола Францискъ, а въ Аѳинахъ—Оттонъ, привело къ государственному перевороту 18 мая 1876 г., результатъ котораго былъ объявленъ державамъ въ слѣдующихъ словахъ: «Единогласной волей министровъ, войска и націи. Абдулъ-Азисъ низложенъ, а Мурадъ V провозглашенъ султаномъ». Спустя пять дней, распространилось извѣстіе о смерти павшаго султана, и въ офиціальномъ сообщеніи говорилось, что онъ въ припадкѣ сумасшествія вскрылъ себѣ вены на обѣихъ рукахъ ножницами, которыя попросилъ, чтобъ подстричь бороду, но въ политическомъ процессѣ 1881 г., возбужденномъ уже при Абдулѣ-Хамидѣ, было доказано, что онъ убитъ тремя придворными служителями. Хотя прямое участіе въ этомъ убійствѣ султана Мурада и его министровъ, въ томъ числѣ Мидхата, не подтверждено вполнѣ, по словамъ г. Теплова: «можно догадываться на основаніи всей совокупности обстоятельствъ, кто былъ дѣйствитель-

ный убійца Абдулъ-Азиса, и кому смерть его была особенно нужна». Отчетъ объ этомъ политическомъ процессѣ вставленъ авторомъ въ свой разсказъ, хотя онъ и происходилъ далеко послѣ той эпохи, которая составляетъ прямой предметъ записокъ очевидца, что нѣсколько нарушаетъ цѣльность и постепенность этого разсказа, вообще живого и мѣстами картинѣаго; то же можно сказать и объ исторіи Мидхатовой конституціи, одинаково относящейся къ царствованію Абдула-Хамида, первыми днями котораго ограничиваетъ нашъ авторъ свой разсказъ. Но, не смотря на это, нельзя отрицать интереса сообщаемыхъ имъ свѣдѣній какъ о процессѣ, такъ и о конституціи, хотя онъ относится къ этой конституціи не только скептически, но даже иронически, называя «затѣей» и вообще видя въ вызвавшемъ ее либеральномъ движеніи «Молодой Турціи» не что иное, какъ вымазанную европейскими красками маску, которая скрывала за собой крайній магометанскій обликъ со всѣмъ его необузданнымъ фанатизмомъ. Что касается до кратковременнаго царствованія Мурада, бывшаго игралищемъ въ рукахъ министровъ, его удаленіе отъ престола вслѣдствіе удостовѣреннаго иностранной медицинской знаменитостью и продолжающагося, повидимому, досолѣ сумасшествія, и восшествія на престолъ теперешняго султана Абдула-Хамида, то читатель найдетъ въ книжкѣ В. Теплова мало извѣстныя и любопытныя подробности; въ особенности, заслуживаютъ вниманія его очерки турецкой администраціи и магометанскаго духовенства, которые могутъ служить очень полезнымъ пособіемъ для правильнаго уясненія стараго, но вѣчно юнаго, восточнаго вопроса. В. Т.

Л. Гейссеръ. Исторія французской революціи (1789—1799). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора А. Трачевскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1897.

Настоящая книга есть второе изданіе на русскомъ языкѣ лекцій извѣстнаго германскаго ученаго Людовика Гейссера, собранныхъ и выпущенныхъ въ свѣтъ ученикомъ его Онкеномъ. Первое русское изданіе, котораго нынѣшнее является простой перепечаткой, вышло въ 1870 году, подъ редакціей того же профессора Трачевскаго, и уже давно исчезло изъ продажи. Нельзя поэтому не порадоваться, что русская читающая публика снова получила возможность знакомиться съ французской революціей по такому прекрасному руководству, какъ книга Гейссера.

Мы не станемъ преувеличивать заслугъ этого труда, не станемъ утверждать, что въ научномъ отношеніи онъ вполнѣ безупреченъ, да и странно было бы высказывать подобные взгляды послѣ появленія такихъ превосходныхъ работъ, проливишихъ такъ много новаго свѣта на темные вопросы революціонной эпохи, какъ книга Токвиля «L'ancien régime et la revolution», Тэна «Les origines de la France contemporaine» и Сореля «L'Europe et la revolution française», одна изъ которыхъ вполнѣ, другія же двѣ отчасти, сдѣлались достояніемъ и русской литературы. Человѣку, стремящемуся изучить революцію во всѣхъ ея проявленіяхъ, воспользоваться всѣми данными, добытыми касательно ея современной наукой, нельзя обойтись безъ изученія указанныхъ трехъ тру-

довъ, разсматривающихъ революцію каждый съ одной изъ трехъ главнѣйшихъ ея сторонъ: трудъ Токвиля — со стороны отношенія ея къ старому порядку, Тэна—къ современному намъ строю Франціи, и Сореля, наконецъ,—къ остальнымъ европейскимъ государствамъ. Но для лицъ, намѣревающихся просто вкратцѣ ознакомиться съ общимъ ходомъ французской революціи и не желающихъ при этомъ находиться подъ давленіемъ предвзятыхъ взглядовъ на это событіе, книга Гейссера окажется вполнѣ достаточной. Въ ней не проводится, правда, никакихъ особенно новыхъ или оригинальныхъ взглядовъ, но зато замѣчается основательное знакомство автора со всей появившейся до него литературой и умѣлый, обнаруживающій большой критическій умъ и тактъ, выборъ доставляемыхъ ею данныхъ. Мнѣніе Токвиля о томъ, что революція была всецѣло подготовлена старой королевской Франціей, принимается Гейссеромъ безъ всякихъ оговорокъ; но за то взгляды тѣхъ французскихъ ученыхъ, которые писали свои сочиненія о революціи подъ вліяніемъ узкихъ партійныхъ интересовъ, каковы Тьеръ, Минье, Ламартинъ и другіе, оставляется имъ почти безъ вниманія; онъ пользуется этими сочиненіями только для добыванія нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, да и тѣ старается по возможности черпать изъ первоисточниковъ. Нельзя сказать, чтобы эти данныя отличались въ книгѣ Гейссера особенной детальностью, но это объясняется тѣмъ, что самая книга есть сводъ изустныхъ лекцій, читанныхъ Гейссеромъ въ университетѣ, гдѣ за недостаткомъ времени приходилось разбирать подробно и всесторонне лишь главнѣйшіе факты, мелькомъ упоминая о второстепенныхъ.

Русское изданіе по дѣленію книги на отдѣлы и главы нѣсколько отличается отъ нѣмецкаго оригинала, что при большей равномѣрности частей служитъ только къ выгодѣ книги, облегчая пользованіе ею, какъ руководствомъ. Въ русскомъ изданіи книга раздѣлена на введеніе и девять отдѣловъ, въ свою очередь подраздѣляющихся на двадцать четыре главы. Въ введеніи авторъ знакомитъ насъ съ состояніемъ французскаго общества и французской литературы, а также съ послѣдними перипетіями государственной жизни Франціи передъ самымъ революціоннымъ взрывомъ. Отдѣлы: первый, второй и третій (главы V—IX), посвящены началу революціи и эпохѣ учредительнаго собранія, т. е. обнимаютъ время съ 1789 по 1791 годъ. Здѣсь мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателей на блестящую характеристику извѣстнаго дѣятеля учредительнаго собранія—Мирабо. Въ нѣмецкой и французской литературахъ существуетъ нѣсколько обширныхъ біографій Мирабо, въ которыхъ какъ частная его жизнь, такъ и государственная дѣятельность разобраны весьма подробно. Но на русскій языкъ онѣ не переведены, а потому ясная, точная и при маломъ объемѣ достаточно полная характеристика Мирабо, дѣлаемая Гейссеромъ, является для насъ болѣе, чѣмъ удовлетворительной. Исторія законодательнаго собранія, извѣстнаго тѣмъ, что оно положило солидное начало разнузданности умовъ во Франціи, способствовало полному паденію королевской власти и вполнѣ подготовило послѣдующую эпоху террора,—излагается въ четвертомъ отдѣлѣ (глава X—XII) книги Гейссера. Національному конвенту и террору посвящены отдѣлы: пятый, шестой и седьмой и, наконецъ, директоріи—отдѣлы восьмой и девятый. Переворотомъ 18-го брюмера, когда на мѣсто на-

роднаго правленія стало консульство съ почти неограниченной властью перваго консула Бонапарта, кончаетъ Гейссеръ свое повѣствованіе о великой французской революціи.

Такимъ образомъ, его небольшой по объему трудъ заключаетъ въ себѣ всю революціонную эпоху. Прилагать, поэтому, къ нему слишкомъ большихъ требованій мы, какъ упомянули уже выше, не имѣемъ никакихъ основаній. Но для цѣлей академическихъ, какъ учебникъ, трудъ Гейссера далеко оставляетъ за собою всѣ остальные и является незамѣнимымъ.

К. Лосскій.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Составили П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской. Спб. 1897.

Въ числѣ лицъ, весьма замѣтныхъ въ царствованія императрицы Елизаветы и Екатерины II, мы встрѣчаемъ братьевъ Никиту и Петра Паниныхъ. Старшій изъ нихъ, Никита Ивановичъ, опытный царедворецъ, въ царствованіе Екатерины занималъ должность дядьки и наставника наслѣдника престола Павла Петровича. Второй братъ, обладалъ несомнѣнными и большими военными дарованіями и уже 34-хъ лѣтъ отъ роду имѣлъ званіе генералъ-маіора. Оба брата при дворѣ Екатерины являлись въ роли приверженцевъ Павла Петровича, имѣли даже свою партію и, понятно, не были слишкомъ любимы при большомъ дворѣ. Чрезвычайно храбрый, съ характеромъ рыцарскимъ, красавецъ Петръ Ивановичъ Панинъ хуже брата своего ладилъ съ порядками, въ которыхъ ловкость придворнаго иной разъ замѣняла истинныя дарованія государственнаго человѣка, и потому немудрено, если онъ, наконецъ, подвергся опалѣ и долженъ былъ подать въ отставку послѣ взятія имъ Бендеръ и жить въ Москвѣ подъ секретнымъ, но бдительнымъ наблюденіемъ московскаго главнокомандующаго князя Волконскаго, и подъ именемъ непристойнаго болтуна. Опала эта продолжалась четыре года, когда самъ Панинъ, движимый искреннимъ негодованіемъ на развитіе пугачевскаго возстанія, предложилъ свои услуги государынѣ, видѣвшей до того въ немъ своего личнаго оскорбителя. Тѣмъ не менѣе, она, испуганная успѣхами Пугачева, приняла предложеніе даровитаго и способнаго «болтуна» и снабдила его очень большою властью для завершенія этого дѣла. Вскорѣ, какъ извѣстно, Пугачевъ былъ схваченъ сообщниками и доставленъ по приказанію Панина въ Симбирскъ, гдѣ, по собственному сознанію, Панинъ въ припадкѣ распалившейся крови надавалъ ему собственноручно пощечинъ. Затѣмъ, въ должности усмирителя бунта въ малыхъ его развѣтвленіяхъ и шайкахъ, составившихся послѣ поимки Пугачева, а также въ качествѣ возстановителя по возможности нарушенныхъ правъ, а также для принятія мѣръ по уменьшенію бѣдствій отъ возникшаго тогда голода, Панинъ пробылъ въ этой должности ровно годъ и 9-го августа 1775 года былъ снова уволенъ отъ службы съ благодарственнымъ рескриптомъ. Умеръ онъ скоропостижно въ Москвѣ, четыре года спустя, причемъ оставилъ только сына и дочь отъ второго брака, не смотря на то, что отъ первой жены имѣлъ 17-ть человѣкъ дѣтей, за 16-ть лѣтъ су-

пружеской жизни, а отъ второй—пять человѣкъ, изъ которыхъ выжило только двое. Послѣ него осталось большое состояніе, не смотря на то, что ему пришлось уплатить громадные долги его брата, которому приходилось жить по тогдашней модѣ—гораздо выше его средствъ.

Таковъ въ короткихъ словахъ послужной списокъ Петра Панина. Но онъ, какъ и говорятъ составители этого интереснаго очерка, мало освѣщаетъ оригинальную личность Петра Ивановича въ его дѣйствительной исторической цѣнности и несомнѣнныхъ талантовъ. Между тѣмъ, какъ оказывается по лежащему передъ нами изслѣдованію, Панинъ былъ дѣйствительно чрезвычайно умный человѣкъ и даровитѣйшій полководецъ того времени, столь богатаго военнымъ геніемъ и государственными дарованіями лицъ, окружавшихъ Екатерину. Удивительно даже, до чего мысли и дѣйствія Панина на полѣ брани опередили свой вѣкъ, и какъ онѣ были близки къ тѣмъ идеямъ, какими кичится наше время! Въ его распоряженіяхъ мы не видимъ почти ошибокъ въ дѣйствіи различными родами оружія по ихъ дѣйствительному характеру и боевой роли. Кромѣ того, въ своихъ нѣсколько кудрявыхъ письмахъ и запискахъ онъ является проницательнымъ и глубокимъ организаторомъ, по разуму и духу мало уступавшимъ Суворову и едва ли не превосходившимъ въ этомъ отношеніи самого Румянцева.

Авторы очерка не скрываютъ, однако, что Панинъ, при всѣхъ его положительныхъ качествахъ военнаго и государственнаго человѣка, отличался большимъ тщеславіемъ, любилъ пышность и торжественность, доходившую до актерства и театральности. Зато они широко и ярко подчеркиваютъ его прямоту, правдивость и главное честность, доходившую до ярой ненависти къ казнокрадамъ, которыхъ, по его собственному сознанію, онъ бы съ удовольствіемъ перевѣшалъ. Говорятъ авторы намъ и о его жестокости и суровости, мало приводя тому доказательствъ. Правда, Панинъ спорилъ съ императрицей о неумѣстности милосердія къ пугачевцамъ и повѣсилъ и казнилъ 326 человѣкъ. Это, пожалуй, по-нашему и много. Однако, принимая во вниманіе нравы времени и сопоставляя, какъ и дѣлаетъ самъ Панинъ, число казненныхъ Пугачевымъ 2.846 человѣкъ, изъ числа которыхъ болѣе полторы тысячи дворянъ, съ цифрой казненныхъ Панинымъ, эта послѣдняя цифра не покажется ни слишкомъ жестокой, ни чрезмѣрно большой. Вѣдь надо же сознаться, что и теперь, въ вѣкъ несомнѣннаго торжества милосердія ко всякаго рода преступникамъ, противъ политическихъ, да еще массовыхъ, движеній столь вообще опасныхъ для государственнаго спокойствія и благосостоянія, мы не знаемъ иного средства, кромѣ устрашенія возмутившихся и восставшихъ жестокостями и казнями. Трудно было и Панину выдумать что либо иное, да еще зная, что монархиня его самого считаетъ не далеко стоящимъ отъ ея личнаго оскорбителя Пугачева. Затѣмъ, намъ говорятъ, что онъ былъ убѣжденнымъ крѣпостникомъ. Еще бы нѣтъ! Вѣдь крѣпостное право Бориса стало дѣйствительнымъ рабствомъ и крѣпостью именно при Екатеринѣ. Панинъ, въ этомъ отношеніи, шелъ за вѣкомъ и не былъ только выше его, да если бы и былъ, то едва ли бы не поплатился за это ссылкой.

Очерчивая этими немногими сливами содержаніе труда гг. Гейсмана и Ду-

бовского, мы имѣемъ цѣлью привлечь къ нему вниманіе читателей и историковъ, тѣмъ болѣе, что фигура Петра Ивановича Панина дѣйствительно настолько интересна и крупна, даже по масштабу того крупнаго вѣка, что на изслѣдованія, еще болѣе подробныя, чѣмъ немногія существующія, изъ которыхъ крупнѣйшія даже имѣютъ характеръ посмертныхъ памфлетовъ (Лебедевъ), она имѣетъ полное и неоспоримое право.

Къ недостаткамъ работы нашихъ авторовъ надо причислить нѣкоторую отрывочность сообщаемыхъ свѣдѣній и достаточно пробѣловъ. Дѣятелей эпохи трудно разсматривать совершенно независимо отъ самой эпохи, что и почувствовали авторы, касаясь интереснѣйшей переписки Панина съ будущимъ императоромъ Павломъ по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ организаціи войскъ и ихъ управленія. Имъ поневолѣ пришлось взять тутъ на себя роль адвокатовъ, защищая нѣкоторыя положенія прямодушнаго Панина, въ которыхъ именно не было и не могло быть прямодушія. Если бы эту адвокатскую роль они предоставили самой эпохѣ, то дѣло Панина легче было бы выиграно, нежели теперь оно выигрывается на судѣ нѣсколько сбитаго съ толку читателя. Но авторы до того ограничили свою задачу, что даже о братѣ его Никитѣ, съ которымъ онъ составлялъ почти недѣлимое цѣлое, они не сказали ничего, кромѣ того, что послѣ его смерти осталась масса серебра, домашней богатѣйшей утвари и немного меньше 200.000 рублей долгу. Такъ уединять историческія личности не удобно, потому что этимъ способомъ можно написать хорошій плоскій портретъ, но трудно дать цѣльную и выпуклую историческую фигуру.

В. П.

Кіевъ. Его святыни и памятники. Составилъ проф. Н. И. Петровъ. Редакція В. И. Шемякина. Спб. 1896.

Существуетъ уже нѣсколько описаній г. Кіева съ его памятниками и святынями. Таковы труды Фундуклея (1847 г.), Закревскаго (1868 г.), Сементовскаго (1881 г.), Ващенко-Захарченко (1888 г.) и др. Но они отчасти уже составляютъ библіографическую рѣдкость, отчасти же, по своему ученому характеру и роскошному изданію, мало доступны для ежегодныхъ многочисленныхъ поклонниковъ Кіева, особенно небогатыхъ. Поэтому недавно изданный трудъ проф. Петрова является весьма кстати. Однимъ изъ достоинствъ его слѣдуетъ признать гармоническое соотношеніе между чисто ученымъ, чуждымъ всякихъ прикрасъ и легендарныхъ сказаній характеромъ его и общедоступнымъ, простымъ понятнымъ для всякаго русскаго образованнаго посѣтителя Кіева изложеніемъ. Разсматриваемое сочиненіе имѣетъ и другія достоинства. Оно принадлежитъ перу извѣстнаго знатока кіевской старины, создавшаго прекрасный церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, который теперь составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній нашего древняго Кіева, и въ послѣднее время особенно углубившагося въ изученіе древней исторіи, археологіи и топографіи г. Кіева. Проф. Петровъ весьма внимательно изучилъ всѣ кіевскія древнехранилища и составилъ ученыя описанія всѣхъ кіевскихъ библіотекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на рукописныя собранія въ нихъ,

напр., лаврской, михайловской, никольской, семинарской и др. библіотекъ. Это изученіе обогатило его весьма многими цѣнными открытіями въ области древней исторіи и археологіи Кіева. Между прочимъ, проф. Петровъ первый успѣлъ разъяснить и разгадать древнѣйшій планъ г. Кіева, составленный въ 1638 г. кіево-печерскимъ іеромонахомъ Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ и доселѣ остававшійся, благодаря своей странности и, какъ оказалось, испорченности при гравировкѣ, совершенно непонятнымъ для кіевскихъ историковъ. Проф. Петровъ разобралъ этотъ планъ и тѣмъ пролилъ обильный свѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ въ области древней археологіи, исторіи и особенно топографіи г. Кіева. Своими открытіями проф. Петровъ пользуется и въ разсматриваемомъ нами сочиненіи и высказываетъ нѣсколько совершенно оригинальныхъ научныхъ предположеній. Но и независимо отъ этого трудъ почтеннаго историка заключаетъ въ себѣ множество совершенно самостоятельныхъ, новыхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ, напримѣръ, по исторіи кіево-андреевской церкви и др. Вообще, взявшись за дѣло, повидимому, уже совершенно извѣстное и хорошо обслѣдованное,—такое, гдѣ трудно сказать что либо новое, проф. Петровъ тѣмъ не менѣе не пошелъ проторенною его предшественниками дорогою, но создалъ, можно сказать, совершенно новый, весьма интересный историческій очеркъ Кіева съ его святынями и памятниками.

Сочиненіе, согласно заглавію его, распадается на двѣ части, изъ коихъ въ первой дѣлается общее обозрѣніе исторіи Кіева, начиная съ глубокой древности и до самаго послѣдняго времени его существованія (стр. 1—51), а во второй—обширнѣйшей—заключается частное описаніе кіевскихъ святынь и памятниковъ, при чемъ и здѣсь авторъ сначала обыкновенно даетъ общее описаніе каждаго отдѣльнаго памятника, а затѣмъ уже переходитъ къ подробностямъ. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ особенно удобнымъ пользованіе трудомъ проф. Петрова для посѣтителей и поклонниковъ Кіева. Порядокъ описанія кіевскихъ святынь и памятниковъ также избранъ авторомъ весьма удачно. «Мы будемъ обозрѣвать»,—говоритъ онъ на стр. 53,—«только тѣ части г. Кіева, въ которыхъ сохранились или были какія либо святыни и достопамятности, т. е. преимущественно древнія части города и древнѣйшіе памятники его, и при обозрѣніи ихъ будемъ держаться того порядка, какому обыкновенно слѣдуютъ кіевскіе богомольцы при поклоненіи кіевскимъ святынямъ, т. е. начиная съ Печерска, а оттуда идя чрезъ Кловъ или Липки на старый Кіевъ и затѣмъ спускаясь на Подолъ».

Цѣна сочиненія, сравнительно съ его объемомъ, назначена доступная. Къ сожалѣнію, корректурная сторона изданія оставляетъ желать лучшаго. Къ сочиненію приложенъ и новѣйшій планъ г. Кіева. О. Ѳ. Титовъ.

Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Ал. Лазаревскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1896.

Г. Лазаревскій имѣетъ хорошее обыкновеніе время отъ времени собирать свои журнальныя работы и издавать ихъ отдѣльными книжками. Изданный въ настоящее время третій выпускъ полонъ интереснаго и цѣннаго матеріала. Большинство

помѣщенныхъ здѣсь статей—небольшія замѣтки, не связанныя опредѣленнымъ единствомъ темы, но въ общемъ имѣющія ближайшее отношеніе къ тому или другому отдѣльному вопросу, взятому изъ обширной области южно-русской исторіи. Тутъ краткіе некрологи (А. И. Ханенко и Жоготы Паули) и біографическіе очерки (И. Р. Мартосъ) мѣстныхъ дѣятелей, сырые матеріалы (письма Г. П. Галагана, дневникъ В. Я. Ломиковскаго, отрывки изъ нѣкоторыхъ архивныхъ документовъ), нѣсколько рецензій; все это – плодъ трудолюбивыхъ и неустанныхъ изысканій автора въ области прошлыхъ судебъ роднаго края. Изъ болѣе обширныхъ статей отмѣтимъ три. Обозрѣніе содержанія «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1892—1894 гг. (стр. 5—21) имѣетъ интересъ потому, что авторъ добросовѣстно выписалъ изъ этого малораспространеннаго (какъ и всѣ другія «Епархіальныя Вѣдомости») изданія все, что представляетъ научно-историческій интересъ. Если взять во вниманіе, что для всякаго захолустнаго интеллигента не Кіевской, а, напримѣръ, Подольской или Полтавской губерніи, по счастливой случайности не утратившаго вкуса къ научнымъ занятіямъ и посвящающаго свой досугъ разработкѣ мѣстной исторіи, почти невозможно бываетъ раздобыть это изданіе,—то станетъ вполнѣ понятнымъ несомнѣнное практическое значеніе большею частью дословныхъ выписокъ, которыя г. Лазаревскій собралъ въ своей статьѣ. Поэтому сборникъ г. Лазаревскаго представляетъ большое удобство, такъ какъ для многихъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить недоступныя «Вѣдомости». Кстати упомянемъ, что г. Лазаревскій съ такою же внимательностью отнесся и къ 22-му выпуску «Извѣстій» таврической ученой архивной комиссіи и въ дословныхъ выдержкахъ привелъ наиболѣе цѣнный матеріалъ. Вторая болѣе выдающаяся по объему статья (стр. 69—89) представляетъ собою детальный разборъ извѣстнаго труда г. Эварницкаго «Исторія запорожскихъ казаковъ». Г. Лазаревскій выноситъ строгій вердиктъ по отношенію къ этой книгѣ, устанавливая «полное отсутствіе научности» какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ выводахъ; этотъ суровый приговоръ произнесенъ не зря, а подкрѣпленъ рядомъ солидныхъ научныхъ доводовъ, и достоинство указанной рецензіи таково, что она будетъ служить необходимой поправкой, къ которой придется обращаться всякій разъ при пользованіи изслѣдованіемъ г. Эварницкаго. Наконецъ, третья выдающаяся статья (стр. 89—144) посвящена изслѣдованію мѣстности, которой авторъ даетъ названіе Лубенщины, и ея владѣтелей князей Вишневецкихъ; это—цѣнная научная работа по первоисточникамъ, напечатана была въ «Кіевской Старинѣ» (вышла и отдѣльнымъ оттискомъ).

Въ общемъ, книжка г. Лазаревскаго даетъ достаточное количество цѣннаго историческаго матеріала и потому явится необходимой принадлежностью библіотеки всѣхъ, кто интересуется малорусской стариной. Въ особенности большую практическую услугу окажетъ она, какъ разъяснено выше, тѣмъ труженикамъ глухой провинціи, для которыхъ пользованіе научными пособіями всегда бываетъ сопряжено съ непреодолимыми затрудненіями, и которые съ особой внимательностью принуждены бываютъ относиться къ выбору пособій для своихъ научныхъ занятій. Недорогая по цѣнѣ (1 р. 20 к.) и обильная содержаніемъ, книжка г. Лазаревскаго представляетъ пріятное сочетаніе двухъ

существенныхъ условій, наличность которыхъ даетъ намъ право рекомендовать ее вниманію читателей. К. Х.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ I. Англійская литература (1660—1770). Переводъ А. Н. Пыпина. Изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное по послѣднему, 5-му изданію подлинника. (Культурно-историческая библіотека. Изд. О. Н. Поповой). Спб. 1897.

Цѣлые 33 года понадобилось этой умной и полезной книгѣ для того, чтобы дожить до 2-го изданія въ Россіи, но въ оправданіе русской публики надо замѣтить, что быстротѣ ея хода мѣшали особыя обстоятельства: во-первыхъ, на ней и въ 1863 г. стояло, какъ и теперь: томъ I, а между тѣмъ многіе знали, что и въ оригиналѣ книга еще далеко не закончена; мы же, питая справедливое недовѣріе къ русскимъ неоконченнымъ сочиненіямъ, переносимъ его и на иностранныя. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ недовѣріе оказалось не безосновательнымъ; правда, за I томомъ сравнительно скоро (въ 1866 г.) послѣдовалъ II томъ, столь же, если еще не болѣе, интересный, излагавшій французскую литературу XVIII в. и давшій рельефныя, блестящія и въ то же время вполнѣ основательныя характеристики Монтескье, Дидро, Вольтера, Руссо и т. п. явленій, которыхъ ни одна литература, не исключая и русской, не можетъ считать для себя чуждыми, посторонними; но слѣдующіе томы, заключавшіе въ себѣ нѣмецкую литературу съ половины XVII в. до Шиллера и Гёте включительно, томы, гдѣ авторъ является вполнѣ самостоятельнымъ и высокоталантливымъ работникомъ (хотя мѣстами и подавляемымъ громадностью матеріала и непосредственной къ нему близостью), такъ и не попали въ руки русской публики; какой-то томъ былъ задержанъ, какой-то другой вышелъ въ другомъ несравненно худшемъ переводѣ—не помнимъ подробностей: во всякомъ случаѣ ни одинъ преподаватель не могъ рекомендовать русскаго перевода нѣмецкой литературы Геттнера и по неволѣ ограничивался англійской и французской. Вторая причина медленнаго распространенія Геттнера лежитъ, мы полагаемъ, не въ книгѣ, а въ тѣхъ разнообразныхъ событіяхъ и теченіяхъ, которыя мы переживали за эти 33 года: не до того было; читали мы много, но не по XVIII вѣку; молодежь и училась серьезно; но вѣдь Геттнеръ не учебникъ. Печатались и расходились и серьезныя монографіи по исторіи литературы, но или съ болѣе рѣзкимъ направленіемъ, или самыя свѣжія вещи, которыя проглядывались, чтобъ «отъ людей не отстать»; а немногіе серьезные читатели, преимущественно учащаяся молодежь, пользовались библіотечными экземплярами Геттнера.

Повидимому, настаетъ болѣе спокойное время, и хорошія, хотя бы старыя, но не устарѣвшія книги, въ томъ числѣ и Геттнеръ, должны находить себѣ и читателей, и покупателей.

Самое крупное добавленіе, внесенное во 2-е изданіе перевода изъ послѣднихъ изданій оригинала, безъ сомнѣнія,—характеристики 3-хъ англійскихъ историковъ XVIII в.: Юма, Робертсона и Гиббона (стр. 344—354), и доста-

точно привести небольшой отрывокъ изъ послѣдней [1]), чтобы напомнить забывшимъ и дать понятіе случайно не читавшимъ Геттнера о великихъ достоинствахъ его изложенія: рельефности, теплотѣ и объективности.

«Со времени научной и поэтической романтики вошло въ обычай смотрѣте свысока на историческіе труды Гиббона. И кто станетъ отрицать, что основноч воззрѣніе Гиббона страдаетъ суровостью и односторонностью... Гиббонъ раскрываетъ намъ зерно своего историческаго воззрѣнія, когда разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «Это было въ Римѣ, 15 октября 1764 года, когда я сидѣлъ въ размышленіи между развалинами Капитолія, и босоногіе монахи (францисканцы) пѣли вечерню въ храмѣ Юпитера (Ara Coeli), когда въ душѣ моей впервые возникла мысль писать объ ослабленіи и упадкѣ Рима». Политическій идеалъ Гиббона, совершенно по взглядамъ Вольтера, былъ просвѣщенный деспотизмъ; счастливѣйшимъ вѣкомъ Рима было, по его мнѣнію, кроткое и мудрое господство Антониновъ. Въ возникающемъ христіанствѣ, которое, по его взгляду, было соединеніемъ іудейскихъ ученій и обычаевъ съ александрійской философіей, онъ видитъ главную причину возникающаго упадка, мятежническое нарушеніе спокойно равномѣрнаго развитія. Христіанское ученіе о безсмертіи души, по его мнѣнію, есть положеніе твердо установившейся іерархіи, которая дѣлала честолюбіе и себялюбіе побужденіемъ къ добродѣтели; къ христіанскимъ чудесамъ онъ относится только съ язвительной насмѣшкой. У него нѣтъ никакого внутренняго предчувствія, что съ этой новой религіей вступила въ міръ болѣе глубокая жизнь души; нигдѣ взглядъ его не падаетъ на величественные и внушающіе благоговѣніе образы древнихъ мозаическихъ изображеній, въ которыхъ средніе вѣка высказывали свои представленія о Христѣ, объ апостолахъ, о Богоматери, или на великія, достопочтенныя своей древностью базилики, которыя обнимаютъ насъ благоговѣйнымъ трепетомъ первобытнаго христіанства. Холодность къ христіанству доводитъ его даже до нескрываемаго предпочтенія къ магометанству. Позднѣйшіе историки, стоявшіе на плечахъ Гиббона, не только исправили узкость этого основного взгляда, но безъ большого труда указали также иное поверхностное и ошибочное въ изображеніи историческихъ частностей. Къ этимъ недостаткамъ нерѣдко присоединяется также притязательная искусственность стиля, которая непріятно поражала уже современниковъ. И не смотря на все это, историческое произведеніе Гиббона остается произведеніемъ высочайшаго достоинства. Гиббонъ сдѣлалъ то, что хотѣлъ, но чего не могъ сдѣлать Вольтеръ» (стр. 353).

Новое изданіе не такъ изящно, какъ 1-е изданіе—Тиблена, но зато оно несравненно дешевле (томъ въ 450 стр.—1 р. 50 коп.).

Переводъ, конечно, прекрасный. **А. К.**

---

[1]) Семи-томное изданіе русскаго перевода Гиббона, не смотря на свою высокую цѣну, хоть медленно, но расходится въ нашей публикѣ.

В. Е. Данилевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896.

Книга г. Данилевича представляетъ студенческое сочиненіе, награжденное медалью, и относится къ циклу изслѣдованій, вызванныхъ къ жизни кіевской школой историковъ, съ проф. В. Б. Антоновичемъ во главѣ. Вотъ уже много лѣтъ, давая темы для студенческихъ сочиненій, проф. В. Б. Антоновичъ строго держится опредѣленнаго принципа: общей исторіи Руси должны предшествовать частныя изслѣдованія исторіи отдѣльныхъ областей земель, образовавшихъ въ средніе вѣка нашей исторіи единое тѣло. Изъ года въ годъ кіевскимъ историко-филологическимъ факультетомъ предлагались слѣдующія темы: исторія Сѣверской земли до половины XIV столѣтія, Смоленской до начала XV в., Волынской до конца XIV в., Кіевской, Кривичской и Дреговичской земель. Студентъ, бравшійся за одну изъ этихъ темъ, долженъ былъ перебрать всѣ источники и критически просмотрѣть литературу вопроса. Въ 1895 г. по отношенію къ Полоцкой землѣ сдѣлалъ это г. Данилевичъ. Работа, конечно, предназначается не для большой публики, а для спеціалистовъ. Имъ г. Данилевичъ оказываетъ большую услугу уже тѣмъ, что избавляетъ ихъ отъ утомительнаго труда рыться по лѣтописямъ для справки по какому нибудь вопросу, касающемуся Полоцкой земли. Въ предисловіи къ своей работѣ г. Данилевичъ говоритъ, что, «по возможности, онъ старается избѣгать такихъ гипотезъ, которыя не могли быть построены на основаніи прочныхъ данныхъ, и предпочиталъ лучше указать на полное отсутствіе извѣстій о томъ или другомъ явленіи, чѣмъ вводить въ изложеніе совершенно ни на чемъ не основанныя гипотезы». Стараніе очень похвальное, и мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что оно почти увѣнчалось успѣхомъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ положенія г. Данилевичъ подкрѣпляетъ фактами. Эта сторона изслѣдованія даетъ желанную возможность пользоваться имъ, какъ вполнѣ научнымъ трудомъ. Нельзя отказать автору и въ способности критически провѣрять нѣкоторыя установившіяся положенія. Заслуживаетъ вниманія сдѣланный г. Данилевичемъ на 148—150 стр. разборъ выставленной проф. Дашкевичемъ теоріи о завоеваніи Полоцка Довмонтомъ. Путемъ опроверженія поводовъ проф. Дашкевича г. Данилевичъ приходитъ къ тому выводу, что Довмонтъ никогда Полоцка не завоевывалъ. Такимъ образомъ, г. Данилевичу удается внести кое-что новое въ науку русской исторіи. На обложкѣ своей книги авторъ выставилъ эпиграфъ изъ Тацита: «Новые писатели всегда думаютъ или внести что нибудь новое или же превзойти въ искусствѣ изложенія старыхъ писателей». Новое, правда, немногое есть у г. Данилевича, ну, а искусствомъ изложенія онъ не совсѣмъ превзошелъ старыхъ писателей.

П. Щ.

Русскіе люди въ Обѣтованной землѣ. Путевыя наблюденія и впечатлѣнія. Сост. Ѳ. Палеологъ. Спб. 1896.

Книга г. Палеолога имѣетъ совершенно особый характеръ, чѣмъ обычныя описанія Палестины. Въ ней авторъ подводитъ итоги вліянію русскаго паломничества и русскихъ благотворительныхъ учрежденій на религіозно-бытовой

строй палестинскихъ обитателей. По словамъ автора, Палестина является первымъ историческимъ примѣромъ успѣховъ мирной цивилизаторской дѣятельности русскаго народа въ совершенно независимой странѣ при столкновеніяхъ съ другими сильными культурами (европейской, греческой, турецкой). Арабское коренное населеніе видитъ въ русскомъ народѣ своего благодѣтеля. Русскіе основываютъ въ Палестинѣ школы, больницы, страннопріимные дома, оказываютъ матеріальную поддержку мѣстнымъ жителямъ, храмамъ и духовенству, возстановляютъ и охраняютъ мѣстныя святыни и историческіе памятники. Въ то же время они не эксплуатируютъ арабовъ, какъ греческое духовенство, которое закрывало арабскія школы, препятствовало проникновенію арабовъ въ духовное званіе и спѣшило только наживаться. Поэтому греки всячески интриговали всегда противъ русскихъ и относились къ нимъ недоброжелательно. Но русское вліяніе все болѣе и болѣе упрочивается въ Палестинѣ, русскимъ принадлежатъ большіе земельные участки тамъ, и авторъ довольно прозрачно намекаетъ, что недалеко время, когда Палестина совершенно мирнымъ образомъ перейдетъ въ наши руки. Книга г. Палеолога не чужда сентиментальныхъ и мистическихъ страницъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ всякія описанія въ духѣ Норова. Изложеніе живое и вопросы, затронутые авторомъ, касаются не богословія, а современной общественной жизни. И. Переверзевъ.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. Соч. М. Ю. Лермонтова. Рисунки С. С. Соломко. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1897.

Мысль иллюстрировать произведенія нашихъ знаменитыхъ писателей, безспорно, очень хороша; но осуществленіе ея представляетъ значительныя трудности, такъ какъ иллюстраціи должны являться наглядныкъ объясненіемъ смысла, духа и особенностей подлинника, дополнять поэтическіе образы реальнымъ и вѣрнымъ возсозданіемъ ихъ въ рисункѣ. Эта не легкая задача вполнѣ удачно разрѣшена художникомъ С. С. Соломко. Всѣ сдѣланныя имъ иллюстраціи къ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ» соотвѣтствуютъ содержанію текста и точно воспроизводятъ эпоху во всѣхъ ея подробностяхъ. Не говоря уже о прекрасно скомпанованныхъ бытовыхъ сценахъ, въ нихъ каждая мелочь: кафтанъ, шапка, рукавица, ковшъ, ларецъ, посуда и т. п., не выдумана, а срисована съ вещей времени Іоанна Грознаго. Съ технической стороны изданіе это смѣло можетъ выдержать сравненіе съ лучшими заграничными изданіями. Хромолитографія «Новаго Времени», скопировавъ на камень и печатая рисунки г. Соломко въ четыре тона, передала ихъ съ рѣдкой отчетливостью и мягкостью и, благодаря этому, изданіе представляетъ собою красивый кипсекъ, безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ. С. Ш.

Муранскій могильникъ. Изслѣдованіе В. Н. Поливанова. Москва. 1896.

Могильникъ, обслѣдованный г. Поливановымъ, находится въ Симбирской губерніи. До 1889 года онъ не былъ извѣстенъ изслѣдователямъ, и лучшая и значительная часть могильника пошла на устройство плотины и такимъ образомъ пропала безслѣдно. Нужно думать, что это—значительная потеря, такъ какъ оставшіяся вещи заинтересовали не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ, между прочимъ, барона де-Бая, напечатавшаго на страницахъ «Revue Archéologique» (90-й г.) статью «La Necropole Mouranka». Книжка г. Поливанова содержитъ опись вещамъ, найденнымъ въ могильникѣ, и лишь на послѣднихъ страницахъ даетъ нѣкоторые выводы, впрочемъ неокончательные. Относя могильникъ къ XI—XII столѣтіямъ, г. Поливановъ считаетъ его принадлежащимъ буртасо-чувашскимъ племенамъ, а не мордовскимъ, какъ это думаетъ г. Аспелинъ. Если принять во вниманіе, что въ мѣстности могильника еще и до сихъ поръ обитаютъ чуваши, то мнѣніе г. Поливанова получаетъ особую силу. Буртасы могли переселиться вмѣстѣ съ половцами въ XI вѣкѣ (такъ думаетъ проф. Смирновъ), затѣмъ монгольскими племенами были вытѣснены въ болѣе глухія мѣстности. Этимъ, кажется, объясняется присутствіе татарскихъ монетъ. Нельзя не пожелать появленія такихъ трудовъ, какъ трудъ г. Поливанова. Въ связи съ другими изслѣдованіями (Ястребовъ и друг.) онъ многое дополняетъ и уясняетъ въ темной исторіи народностей, бродившихъ по Руси. Книжка г. Поливанова—сырой матеріалъ, но чѣмъ больше соберемъ мы матеріала, тѣмъ удобнѣе работать надъ нимъ и тѣмъ скорѣе подвинемся къ научнымъ выводамъ. **П. Щ.**

В. П. Авенаріусъ. Гоголь-гимназистъ. Спб. 1897.

Г. Авенаріусу пришла удачная мысль знакомить дѣтей въ беллетристической формѣ съ біографіями нашихъ выдающихся писателей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ написалъ такимъ образомъ біографію Пушкина, а надняхъ выпустилъ книжку, посвященную гимназическимъ годамъ Н. В. Гоголя. Главный матеріалъ для этой повѣсти авторъ почерпнулъ въ извѣстномъ трудѣ В. И. Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя», который заключаетъ въ себѣ дѣйствительно очень полный и даже слишкомъ кропотливый наборъ біографическихъ данныхъ. Книжка г. Авенаріуса представляетъ собой лишь начало біографіи Гоголя. Со временемъ авторъ предполагаетъ написать еще двѣ книжки: «Гоголь-студентъ» и «Гоголь въ школѣ жизни». Такимъ образомъ г. Авенаріусомъ задумана цѣлая біографическая трилогія, которая, конечно, будетъ имѣть значеніе для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ выдающимися дѣятелями нашей литературы. **В. В.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РЕЧЕСКІЙ ПОЭТЪ БАХИЛИДЪ. Надняхъ въ Британскомъ музеѣ снова сдѣлано важное открытіе неизвѣстныхъ классическихъ произведеній на египетскомъ папирусѣ. Въ послѣдніе годы Африка стала источникомъ подобныхъ драгоцѣнныхъ находокъ, и уже на старинныхъ папирусахъ, хранившихся вѣками въ египетскихъ гробницахъ, разобраны такія сокровища, какъ отрывки изъ сочиненій Эврипида, Платона, Аристотеля и Гиперида; теперь же найдены оды Бахилида, который за 500 лѣтъ до Р. Х. былъ соперникомъ Пиндара. Въ теченіе болѣе 2.000 лѣтъ этотъ греческій классикъ былъ извѣстенъ только по нѣсколькимъ строфамъ, сохранившимся въ сочиненіяхъ другихъ писателей. Хотя Бахилидъ и его дядя Симонидъ считались вмѣстѣ съ Пиндаромъ тремя великими лирическими поэтами Греціи, но, конечно, первые два не могли сравниться съ послѣднимъ, и презрительное сравненіе, сдѣланное Пиндаромъ на счетъ того, что онъ походитъ на орла, а Бахилидъ и его дядя на сорокъ, не лишено было основанія. Папирусъ, на которомъ начертаны поэтическія произведенія этого столько вѣковъ потеряннаго греческаго классика, въ настоящее время переписывается въ Британскомъ музеѣ, и они будутъ скоро изданы съ англійскимъ переводомъ; что же касается до подлинности ихъ, то она несомнѣнна, такъ какъ въ нихъ находятся тѣ строфы, которыя были извѣстны до сихъ поръ, какъ единственный плодъ музы Бахилида. Самая рукопись на папирусѣ, повидимому, относится къ первому вѣку до Р. Х. и заключается въ тридцати очень хорошо сохранившихся столбцахъ, съ очень немногими пробѣлами, которые не трудно возстановить. Увѣдомивъ публику о своей находкѣ, начальство Британскаго музея до сихъ поръ сохраняетъ въ тайнѣ тотъ путь, которымъ оно пріобрѣло драгоцѣнный папирусъ. Точно также было поступлено при находкѣ Аристотелевой конституціи.

По всей вѣроятности, лицамъ, стоящимъ во главѣ Британскаго музея, удалось напасть въ Египтѣ на важный источникъ подобныхъ драгоцѣнностей, и они старательно охраняютъ его отъ соперниковъ, тѣмъ болѣе, что хранитель рукописнаго отдѣленія въ музеѣ, мистеръ Скоттъ, прямо заявляетъ, что есть надежда найти рано или поздно всѣхъ греческихъ классиковъ. Не болѣе ста лѣтъ тому назадъ, европейскіе ученые открыли дотолѣ невѣдомый фактъ, что Египетъ представлялъ хранилище древнихъ египетскихъ рукописей. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, одинъ арабскій шейхъ впервые предложилъ европейцамъ купить у него нѣсколько свертковъ папирусовъ, исписанныхъ греческими буквами. Онъ объявилъ, что у него было много такихъ свертковъ, но такъ какъ не находилось на нихъ покупщиковъ, то онъ уничтожилъ ихъ. По всей вѣроятности, значительное количество этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ старины погибло подобнымъ образомъ, но за послѣдніе годы предприняты серьезные научные поиски этихъ папирусовъ какъ спеціальными обществами, напримѣръ, фондомъ для изслѣдованія Египта, такъ и частными лицами, въ родѣ профессора Флиндерса Петри. Эти папирусы принадлежали грекамъ птоломеевской эпохи и сохранились болѣе 2.000 лѣтъ, благодаря прочности матеріала и сухости климата. Бо́льшую часть ихъ теперь находятъ въ гробницахъ, гдѣ они служили въ видѣ подушекъ для мумій; даже открыто немало гробовъ, сдѣланныхъ, за недостаткомъ дерева, изъ этихъ папирусовъ, склеенныхъ между собою и потомъ окрашенныхъ. Конечно, разбирать эти папирусы чрезвычайно трудно, такъ какъ они находятся въ большомъ безпорядкѣ, разорваны и выпачканы; при этомъ большинство ихъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ представляютъ счета, различныя записки, письма и т. д. Даже попадающіеся на нихъ отрывки классическихъ сочиненій, переписанныхъ рабами для своихъ господъ, рѣдко представляютъ интересъ. Тѣмъ важнѣе значительныя находки, которыя удалось сдѣлать Британскому музею среди массы неинтересныхъ рукописей. Что касается до новѣйшаго возстановленія потерянной поэзіи Бахилида, то, насколько можно заключить по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ англійскими газетами, она заключается въ одахъ, воспѣвающихъ побѣды на Олимпійскихъ, Пиѳійскихъ, Истмійскихъ и Немейскихъ играхъ. Между упомянутыми поэтомъ героями являются Хіеронъ Сиракузскій, котораго воспѣвала и первая олимпійская ода Пиндара, Лахонъ изъ Цеоса, острова, на которомъ родился самъ Бахилидъ, и нѣкоторые другіе.

— Дьяволъ въ Великобританіи и Америкѣ. Подъ этимъ заглавіемъ Джонъ Аштонъ написалъ на англійскомъ языкѣ объемистую книгу [1]), которая хотя не представляетъ исторіи сатанизма, какъ бы можно было предположить по ея названію, но составляетъ очень интересный сборникъ процессовъ о колдовствѣ и преданій о лицахъ, одержимыхъ бѣсами, въ Англіи и Америкѣ, съ XVI вѣка до нашего времени. Собственно говоря, какъ обстоятельно указываетъ и Аштонъ, колдовство является совершенно инымъ предметомъ изслѣдованія, чѣмъ демонологія, хотя трудно опредѣлить границу, отличающую культъ дьявола отъ бредней, называемыхъ колдовствомъ. Дѣло въ томъ, что

---

[1]) The Devil in Britain and America. By J. Ashton. London. 1896.

суевѣрія XVI и XVII вѣковъ возбуждаютъ только презрѣніе, а напротивъ въ XII и XIII вѣкѣ они отличались какимъ-то величіемъ, невольно производящимъ впечатлѣніе, а потому прославленная эпоха возрожденія въ сущности была болѣе позорно суевѣрной, чѣмъ средніе вѣка, и для изученія колдовства трудно найти матеріалы ранѣе XV вѣка. Хотя процессъ Іоанны д'Аркъ представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ исторіи колдовства въ Европѣ, но такъ какъ онъ производился по французскимъ законамъ и во французскомъ городѣ, то не входитъ въ рамки труда Аштона. Разсказанный имъ рядъ англійскихъ процессовъ начинается съ судебнаго преслѣдованія герцогини Глостеръ и исторіи Вудстокскаго Добраго Дьявола, извѣстной всѣмъ читателямъ романовъ Вальтеръ-Скотта; вообще вторая половина XVI вѣка была той эпохой англійской исторіи, которая всего болѣе отличалась какъ вѣрой въ дьявольскія навažденія, въ колдуновъ и вѣдьмъ, такъ и ловкими продѣлками лицъ, выдававшихъ себя за колдуновъ. Аштонъ разсказываетъ всѣ эти исторіи, хотя не вполнѣ подробно, но настолько обстоятельно, что читатель можетъ составить себѣ основательное понятіе о колдовствѣ, его адептахъ и преслѣдованіи ихъ въ Англіи съ XVI вѣка. Что касается до американской части его изслѣдованія, то она менѣе обработана и отличается слишкомъ бѣглымъ, отрывочнымъ разсказомъ. Такъ, напримѣръ, знаменитая исторія салемскихъ колдуновъ и колдуній почти вовсе не выяснена, хотя она чрезвычайно интересна, какъ послѣдній примѣръ преслѣдованія за колдовство въ странѣ, говорящей на англійскомъ языкѣ, при чемъ, благодаря безсмысленному суевѣрію толпы, предано казни 25 несчастныхъ, преимущественно женщинъ. Въ концѣ книги Аштона приложена хорошо составленная, хотя и не полная, библіографія, въ которой упомянуты главнѣйшія, если не всѣ, сочиненія на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и датскомъ языкахъ о предметѣ его любопытной монографіи. Конечно, она имѣетъ въ виду только общаго читателя, который найдетъ въ ней много интереснаго и новаго, спеціальный же изслѣдователь этого вопроса долженъ, безъ сомнѣнія, обратиться къ другимъ спеціальнымъ трудамъ; точно также у Аштона нельзя искать и философскихъ взглядовъ, встрѣчающихся въ тѣхъ главахъ «Раціонализма» Лекки, которыя относятся до означеннаго предмета, и въ книгѣ Мишле: La Sorcière.

— Столѣтіе казни Лезюрка. Въ концѣ прошедшаго года минуло сто лѣтъ знаменитому процессу Лезюрка, который послужилъ предметомъ многочисленныхъ романовъ и мелодрамъ. Какъ извѣстно, дѣло заключается въ томъ, что Лезюркъ, по сходству своему съ убійцей почтальона, который везъ ліонскую почту, былъ преданъ смертной казни, а затѣмъ настоящій убійца сознался въ своемъ преступленіи, когда уже было поздно спасти несчастную жертву человѣческаго правосудія. Таковъ романтичный и мелодраматическій разсказъ этой знаменитой судебной ошибки, но въ теченіе протекшихъ съ тѣхъ поръ ста лѣтъ судебный приговоръ по дѣлу Лезюрка былъ нѣсколько разъ пересмотрѣнъ высшей судебной инстанціей во Франціи, и въ 1806 году, 1821, 1856, 1862 и 1864 было отказано въ ходатайствѣ его наслѣдниковъ о новомъ судебномъ разбирательствѣ, для возстановленія чести невиннаго му-

ченика, на томъ основаніи, что виновность Лезюрка вполнѣ доказана обстоятельствами дѣла, и что принявшій на себя впослѣдствіи всю вину Дебоскъ сдѣлалъ это за выдачу значительной суммы денегъ родственниками Лезюрка его многочисленной семьѣ, такъ какъ ему самому, обвиненному въ другомъ убійствѣ, было все равно сознаться и въ несовершенномъ имъ преступленіи. Въ настоящее время, по случаю столѣтней годовщины этого процесса и новыхъ ходатайствъ потомковъ Лезюрка, которые заботятся не столько о возстановленіи чести ихъ предка, какъ о выдачѣ имъ вознагражденія за неправильно, по ихъ мнѣнію, секвестрованную ферму,—французская печать еще разъ обсуждаетъ со всѣхъ сторонъ эту всѣмъ извѣстную исторію. Конечно, въ настоящее время она является во всей своей наготѣ, безъ всякихъ романтичныхъ и мелодраматическихъ прикрасъ, а потому нельзя не признать, что нѣтъ достаточныхъ доказательствъ, чтобы обвинить судъ, постановившій приговоръ надъ Лезюркомъ, въ очевидной ошибкѣ. Прежде всего оказывается, что самый герой былъ далеко не интересной личностью: прокутивъ все свое состояніе и состояніе жены, онъ бросилъ ее съ тремя дочерьми и два года до процесса жилъ въ Парижѣ, въ обществѣ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ и такихъ же, какъ онъ, завсегдатаевъ притоновъ разврата, игорныхъ домовъ и т. д. Первоначальный процессъ велся самымъ правильнымъ и прозаичнымъ образомъ: доказательствами виновности Лезюрка въ убійствѣ почтальона, съ цѣлью грабежа, служили, съ одной стороны, показанія сына его жертвы и другихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, подтвердившихъ, что его видѣли въ день отправленія изъ Парижа ліонской почты и на мѣстѣ преступленія, а съ другой—тотъ фактъ, что у него, послѣ этой роковой ночи, оказались большія деньги, между прочимъ, такія точно монеты, какія везъ почтальонъ, а равно доказанный экспертами подлогъ въ книгѣ ювелира, у котораго, по указанію Лезюрка, онъ будто бы покупалъ какое-то, нигдѣ не оказавшееся, ожерелье въ продолженіе тѣхъ пяти часовъ, когда его видѣли свидѣтели обвиненія. Все это были ясныя улики, и, не смотря на то, что Лезюркъ былъ двоюроднымъ братомъ тогдашняго министра юстиціи Мерлена, онъ былъ признанъ виновнымъ вмѣстѣ съ двумя своими сообщниками Курьолемъ и Бернаромъ. До сихъ поръ, въ этомъ дѣлѣ не было ничего необыкновеннаго, но затѣмъ начинаются уже сенсаціонные эпизоды. Одинъ изъ сообщниковъ Лезюрка Курьоль—завзятый разбойникъ—заявляетъ, что онъ дѣйствительно виновенъ, но его сообщниками были не Лезюркъ и Бернаръ, а Лабордъ и Дебоскъ, который удивительно похожъ на Лезюрка. Кассаціонный судъ приказалъ пересмотрѣть дѣло, и всѣ старанія Лезюрка сосредоточились на доказательствѣ его сходства съ настоящимъ убійцей; но свидѣтели вовсе не подтвердили этого сходства, которое, повидимому, нимало не существовало; самого Дебоска не нашли, а Лабордъ призналъ, что онъ, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Лезюркомъ убилъ почтальона. Не смотря на всѣ старанія Лезюрка доказать свою невинность и на его просьбы, поданныя имъ въ законодательный корпусъ и въ совѣтъ пятисотъ, судъ вторично приговорилъ его къ смертной казни, и онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ Лабордомъ 9 октября 1796 года. Легендарная сторона его исторіи уже развилась впослѣдствіи и въ теченіе ста лѣтъ составляла любимый предметъ романистовъ и драматурговъ.

— Бонапартъ и Гошъ въ 1797 году. Французскій историкъ и академикъ, Альберъ Сорель, составившій себѣ извѣстность обширнымъ сочиненіемъ «Европа и французская революція», недавно издалъ новую книгу, служащую продолженіемъ его капитальнаго труда, хотя она имѣетъ отдѣльное заглавіе: «Бонапартъ и Гошъ въ 1797 году» [1]). Внѣшнимъ доказательствомъ этой связи служитъ первая фраза его послѣдняго произведенія: «Конвентъ пріобрѣлъ для Франціи ея естественныя границы», а четвертый томъ предыдущаго труда назывался «Естественныя границы (1794—1795)»; что же касается до содержанія, то оно составляетъ дальнѣйшій эпизодъ задуманной авторомъ исторіи внутренняго положенія Франціи и ея отношеній къ Европѣ во время революціи. Разсказавъ подробно, обстоятельно и картинно, на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ какъ печатныхъ, такъ и архивныхъ, происхожденіе французской революціи и ея борьбу съ Европой до 1796 года, естественно, Сорель не могъ остановиться на срединѣ дорогъ и теперь дополняетъ свое историческое изслѣдованіе, относящееся преимущественно къ политической и дипломатической сторонамъ описываемыхъ имъ событій, столь же блестящей картиной того, что происходило на его родинѣ ровно сто лѣтъ тому назадъ. Широкой кистью рисуетъ онъ тогдашнее положеніе Франціи, которая управлялась слабой, безхарактерной, безнравственной директоріей и была жертвой интригъ различныхъ честолюбцевъ, старавшихся эксплоатировать въ свою пользу, столь дорого стоившіе странѣ, результаты титанической борьбы, внутренней и внѣшней. Въ воздухѣ пахло государственнымъ переворотомъ, и его подготовляли одинаково враги республики и ея заступники, одни чтобъ ее погубить, а другіе чтобъ ее спасти; къ нему стремились Бонапартъ и Гошъ. Вокругъ этихъ двухъ крупныхъ личностей группировались всѣ событія 1797 года во Франціи, а поэтому ихъ дѣятельности и характеристикѣ совершенно основательно посвятилъ Сорель свою новую книгу. Въ самомъ расцвѣтѣ своего генія, молодой Бонапартъ побѣдоносно окончилъ въ началѣ года славную итальянскую кампанію и уже, на дорогѣ въ Вѣну, въ Леобенѣ заключилъ съ Австріей перемиріе, а затѣмъ приступилъ къ переговорамъ о мирномъ трактатѣ, который, послѣ долгихъ проволочекъ со стороны австрійскихъ дипломатовъ и директоріи, наконецъ, подписалъ въ Кампо-Форміо 17 октября. Хотя вся Италія, находившаяся у ногъ торжествующаго полководца, распоряжавшагося въ ней, какъ римскій проконсулъ, и вводившаго тамъ диктаторскіе порядки, въ ожиданіи сдѣлать то же во Франціи, исповѣдовала политическій символъ вѣры, начинавшійся словами: «Вѣрую во французскую республику и въ ея сына Бонапарта», но во всемъ, что онъ дѣлалъ въ то время, не было ничего республиканскаго, и самый трактатъ въ Кампо-Форміо, принесшій въ жертву Австріи Венеціанскую республику изъ хитрыхъ дипломатическихъ видовъ, въ сущности отличался духомъ дипломатическихъ сдѣлокъ стараго времени. По мѣткому выраженію Сореля, этотъ трактатъ не что иное, какъ подражаніе польскимъ раздѣламъ и примѣненіе въ пользу республиканской Франціи той системы вознагражденій на счетъ народовъ,

[1]) Bonaparte et Hoche en 1797, par Albert Sorel. Paris. 1896.

которую всегда практиковала старая монархическая Европа. Тутъ впервые Наполеонъ выказалъ себя ловкимъ, искуснымъ дипломатомъ, не останавливающимся ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли, и далеко не сыномъ революціи, а будущимъ императоромъ, возстановляющимъ старые порядки, хотя въ иной внѣшней формѣ. Относительно внутреннихъ дѣлъ Франціи онъ издалека велъ себя также искусно и въ томъ же духѣ врага республики, хотя еще и скрытаго. Всячески поддерживая диктаторскіе замыслы Бара и сочувствующихъ ему директоровъ, даже пославъ имъ Ожеро для совершенія государственнаго переворота, который и произошелъ 18 фруктидора, онъ этимъ самымъ переворотомъ, освободившимъ Францію отъ роялистовъ, но оставившимъ ее въ рукахъ корыстныхъ, развратныхъ авантюристовъ въ родѣ Бара, дискредитировалъ окончательно директорію и подготовлялъ свое 18 брюмера съ его послѣдствіями консульствомъ и имперіей. Своимъ друзьямъ онъ прямо говорилъ: «Я оставлю Италію и вернусь во Францію только, чтобъ играть тамъ такую же первостепенную роль, какъ здѣсь, но время еще не пришло, и груша не созрѣла; одна изъ партій въ Парижѣ хочетъ возвращенія бурбоновъ, но я не помогу ея торжеству; я когда нибудь унижу республиканцевъ, но въ свою пользу, а пока надо идти съ ними рука въ руку». Такимъ образомъ, 1797 годъ былъ прологомъ будущей удивительной карьеры честолюбиваго корсиканца, который возвелъ Францію до зенита внѣшней славы и низвергнулъ ее въ бездну внутренняго хаоса, изъ котораго она едва начинаетъ освобождаться черезъ сто лѣтъ. Напротивъ эта эпоха была эпилогомъ дѣятельности Гоша, котораго называли «Бонапартомъ сѣвера». Также юный, также талантливый, какъ воинъ и администраторъ, но искренно преданный республикѣ, Гошъ при видѣ печальнаго положенія Франціи во время директоріи склонялся въ пользу государственнаго переворота, но не въ свою пользу, а на благо республики. Гуманный возстановитель спокойствія въ Ванде, онъ жаждалъ видѣть и Францію мирно пользующейся плодами революціи; прямой, честный, возвышенный патріотъ, въ полномъ смыслѣ слова рыцарь безъ страха и упрека, наконецъ благородный защитникъ свободы и республики, онъ открыто говорилъ: «я одержу побѣду надъ врагами республики, а когда я спасу отечество, то сломаю свою саблю». Онъ стремился очистить, облагородить республику, но презиралъ военную власть, и его идеаломъ былъ не Цезарь, а Вашингтонъ, а потому, говоря о томъ, что онъ сломаетъ свою саблю, онъ разумѣлъ, что замѣнитъ ее тогой. «Намъ нужно,—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—правительство. освящающее по праву и въ практикѣ принципъ равенства, а это провительство должно быть республиканскимъ и состоять изъ выборнаго президента и двухъ палатъ». Но онъ такъ боялся съ одной стороны аристократовъ, а съ другой демагоговъ, что соглашался ограничить общую подачу голосовъ и допустить во вторую палату половину членовъ по назначенію правительства, какъ гарантію торжества свободы. «Ограничивать свободу тѣхъ, которые хотятъ пользоваться ею для угнетенія народа,—говорилъ онъ,—значитъ служить свободѣ». Естественно, что съ такимъ культомъ республики и свободы Гошъ былъ не подходящимъ человѣкомъ для директоріи, и Бара съ своими клевретами только скомпрометировали его, втянувъ въ участіе въ ихъ

грязной политикѣ. Увлекающійся, довѣрчивый, онъ согласился принять мѣсто военнаго министра, хотя зналъ, что по молодости лѣтъ не могъ занимать этого поста согласно коституціи и, даже пользуясь перемиріемъ, повелъ часть арміи, которой онъ командовалъ на Сѣверѣ, въ Парижъ для совершенія государственнаго переворота, какъ онъ полагалъ противъ роялистовъ, грозившихъ республикѣ. Но вскорѣ онъ разочаровался въ директоріи и вернулся на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ сталъ организовать цизрейнскую республику, а въ Парижѣ безъ него призошло 18-е фруктидора при содѣйствіи бонапартовскаго преторіанца Ожеро. Однако, онъ все-таки продолжалъ мечтать объ очищеніи республики и среди этихъ мечтаній, а также серьезныхъ приготовленій къ экспедиціи въ Ирландію, которую онъ уже въ началѣ года разъ предпринялъ, но отъ которой долженъ былъ отказаться, благодаря бурѣ, неожиданно умеръ 19 сентября отъ давно подтачивавшей его чахотки. Такимъ образомъ, исчезъ единственный соперникъ Бонапарта, который могъ ему помѣшать эскамотировать въ свою пользу плоды революціи. «Гошъ, замѣчаетъ Сорель, служитъ до сихъ поръ предметомъ культа республиканской Франціи. Для его славы много сдѣлало колоссальное разочарованіе, произведенное имперіей, и его память окружена всѣми погибшими иллюзіями. Французы помнятъ только объ его возвышенныхъ добродѣтеляхъ и о зачаткахъ его генія, только тѣшатъ себя мыслью, что если бъ онъ остался въ живыхъ, то судьба родины была бы иная, и она поборола бы свой злой рокъ. Гошъ открываетъ въ исторіи революціи страницу несбывшихся сто лѣтъ тому назадъ надеждъ о примиреніи свободы, республики и Рейнской границы».

— Наполеоніана. Хотя наплывъ наполеоновской литературы и возбуждаемый ею интересъ начинаютъ нѣсколько уменьшаться, но все-таки книги и журнальныя статьи о Наполеонѣ и его времени продолжаютъ появляться въ западной литературѣ. Недавно окончилъ свою объемистую исторію Наполеона американскій историкъ Слоанъ, съ трудомъ котораго знакомы читатели «Историческаго Вѣстника», и она появилась отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ большихъ томахъ съ многочисленными иллюстраціями [1]), впрочемъ уже украшавшими страницы «Century Magazine», гдѣ она печаталась первоначально въ теченіе двухъ лѣтъ. Первые томы этой полной, обстоятельной, добросовѣстной и безпристрастной біографіи Наполеона остаются наиболѣе интересными, такъ какъ въ нихъ подробно разсказано дѣтство и молодость героя по новѣйшимъ матеріаламъ; дальнѣйшимъ эпизодамъ его жизни посвящено гораздо менѣе мѣста, а послѣдніе годы и въ особенности сто дней, Ватерло и пребываніе на о. Еленѣ скомканы на тридцати страницахъ. При этомъ, несмотря на обѣщаніе въ предисловіи обратить особое вниманіе и представить новые факты о заключительной эпохѣ Наполеоновской карьеры, разсказъ о ней представляетъ только сжатую компиляцію изъ всѣмъ извѣстныхъ, избитыхъ, историческихъ матеріаловъ, но, конечно, какъ американецъ, онъ несочувственно отзывался о борьбѣ рутиннаго, ничтожнаго пигмея сэра Гудсона Ло съ обезоруженнымъ колоссомъ, котораго только смерть избавила отъ мелкихъ обидъ, притѣс-

---

[1]) Life of Napoleon Bonaparte, by Wiliam Sloane. 2 vol. New-York. 1896.

ненiй и тягостей долгаго плѣна. Англiйскiй романистъ Берингъ-Гульдъ, уже написавшiй «Жизнеописанiя Цезарей», соблазнился успѣхомъ американскаго историка и составилъ также богато иллюстрированную книгу о Наполеонѣ [1]), но ее нельзя, строго говоря, назвать бiографiей, такъ какъ, согласно своему заявленiю въ предисловiи, онъ исключительно посвятилъ свой трудъ выясненiю развитiя ума и сердца своего героя, обращая вниманiе на военную и политическую стороны его жизни, лишь на сколько онѣ освѣщаютъ его задачу. Хотя такимъ образомъ психологическiй элементъ выступаетъ въ этой исторiи Наполеона на первый планъ, но все-таки и, быть можетъ, именно по этой причинѣ авторъ долженъ былъ усвоить себѣ всѣ новѣйшiе матерiалы, а, повидимому, онъ удовольствовался прибавленiемъ къ старымъ свѣдѣнiямъ только документовъ Либри, обнародованныхъ Масономъ; поэтому его взгляды на Наполеона, въ основѣ своей вѣрные, грѣшатъ недостаткомъ вѣской подкладки и безпристрастнаго изученiя со всѣхъ сторонъ историческихъ фактовъ. Что же касается до коренной ноты, проходящей черезъ всю характеристику Наполеона, до главнаго мотива всѣхъ сужденiй о немъ Беринга-Гульда, то они выражаются въ тезисѣ, что умъ преобладалъ въ Наполеонѣ надъ нравственной силой, а такъ какъ умъ безъ руководства нравственныхъ идей слѣпая стихiйная сила въ родѣ землетрясенiя, то его дѣятельность была лишена основнаго элемента, придающаго человѣческимъ дѣйствiямъ полезный, благотворный характеръ. Вполнѣ соглашаясь съ этой оцѣнкой Наполеона, безпристрастные англiйскiе критики, въ особенности критикъ Daily News, указываютъ, что самый генiй величайшаго изъ людей новаго мiра представляется какимъ-то конгломератомъ чудовищныхъ качествъ и недостатковъ. Правда, онъ реорганизовалъ Францiю, но на старинныхъ бороздахъ и утратилъ удобный случай провести новыя. Онъ могъ построить на очищенной революцiей почвѣ великое зданiе на твердомъ демократическомъ фундаментѣ, а онъ предпочелъ основать мишурную имперiю, въ которой господствовала буржуазiя, болѣе корыстолюбивая и развращенная, чѣмъ аристократiя старыхъ временъ. Роялистъ и клерикалъ по убѣжденiямъ, Жофруа де Гранмезонъ собралъ въ одинъ томъ свои журнальныя статьи о новѣйшихъ сочиненiяхъ, мемуарахъ и монографiяхъ о Наполеонѣ подъ общимъ заглавiемъ «Наполеонъ и его новѣйшiе историки» [2]). Конечно, въ этой книгѣ нельзя искать безпристрастнаго взгляда, но какъ монографiя о многочисленной Наполеоновской литературѣ послѣдняго времени, въ особенности по вопросу объ отношенiяхъ Наполеона къ папѣ, она имѣетъ нѣкоторое значенiе для лицъ, занимающихся изученiемъ консульства и имперiи. Еще болѣе спецiальнымъ характеромъ отличается краткiй, но любопытный очеркъ Жоржа Тюркана въ «Revue Bleue» [3]) о Наполеонѣ, какъ корсиканцѣ. Авторъ очень старательно доказываетъ всю ложность заявленiя Наполеона, что «въ немъ менѣе сохранился корсиканецъ, чѣмъ предполагаютъ», и напротивъ видитъ въ своемъ героѣ всѣ качества и недостатки корсиканца: душой, ин-

---

[1]) Life of Napoleon Bonaparte, by M. Baring Gould. London. 1896.
[2]) Napoleon et ses recents historiens, par Geoffroy de Grandmaison. Paris. 1896.
[3]) Le Corse en Napoleon, par Joseph Turkan. Revue Bleue. 19 sept. 1896.

стинктами, привычками Наполеонъ былъ истый корсиканецъ, и въ подтвержденіе этого тезиса Тюрканъ представляетъ вѣскіе аргументы, основанные на фактахъ и безспорно авторитетныхъ отзывахъ очевидцевъ. Французскіе журналы продолжаютъ печатать замѣтки, набросанныя Прудономъ, для предположенной имъ исторіи Наполеона, и въ послѣднихъ книжкахъ «Cosmopolis» Клеманъ Рошель помѣстилъ новые отрывки изъ этой обширной подготовительной работы, озаглавивъ ихъ «Наполеонъ и Веллингтонъ» [1]). Конечно, Прудонъ говоритъ гораздо больше о первомъ, чѣмъ о послѣднемъ, но всѣ его отзывы и замѣчанія о Наполеонѣ отличаются самымъ рѣзкимъ осужденіемъ, а напротивъ онъ возвышаетъ до небесъ Веллингтона, съ цѣлью унизить ненавистнаго ему императора. Онъ грубо бранитъ и не находитъ въ немъ ничего хорошаго, даже въ военномъ отношеніи. По его словамъ, Наполеонъ былъ шарлатанъ, эгоистъ, лжецъ, безстыдный, неблагодарный, однимъ словомъ человѣкъ, способный на всѣ преступленія, и слава котораго была преувеличена донельзя. Въ виду такой основной точки зрѣнія, всѣ собранные Прудономъ матеріалы для его біографіи подтасованы такъ, что подтверждаютъ его тезисъ, а потому не имѣютъ никакого историческаго значенія. Точно такъ же пристрастенъ и его взглядъ на Веллингтона: онъ для него великъ потому, что побѣдилъ Наполеона. Въ его глазахъ Веллингтонъ олицетворяетъ собою освобожденіе Европы отъ такого злодѣя, какъ Наполеонъ; благородный герой, боецъ за свободу и во всѣхъ отношеніяхъ честный человѣкъ, для котораго война не игрушка, не средство къ достиженію самолюбивыхъ цѣлей, а исполненіе долга для возвышенной цѣли. Вообще трудно сказать, для чего печатаются эти отрывки изъ замѣтокъ Прудона, въ сыромъ неотдѣланномъ видѣ, такъ какъ, лишенные блестяще литературной формы и не имѣющіе сами по себѣ никакого историческаго интереса, они только доказываютъ, насколько этотъ знаменитый писатель былъ склоненъ къ парадоксамъ, что и ранѣе было извѣстно. Изъ недавно вышедшихъ мемуаровъ о наполеоновскомъ времени можно указать на воспоминанія генерала Виктора Удино [2]) и полковника Комба [3]). Первыя, составляя отрывки изъ общихъ записокъ автора, обнимающихъ всю его жизнь отъ 1791—1863 г.г., представляютъ разсказы объ эрфуртскомъ свиданіи, объ испанской войнѣ 1811 года, о походѣ въ Россію въ 1812 году и кампаніи 1813 года; хотя Викторъ Удино, сынъ герцога Реджіо, преимущественно находился при отцѣ и большею частію только повторяетъ, въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ, то, что уже извѣстно изъ мемуаровъ герцога, но все-таки у него встрѣчаются интересныя подробности о нѣкоторыхъ событіяхъ, не отмѣченныя другими авторами воспоминаній объ этой эпохѣ. То же можно сказать и относительно записокъ полковника Комба, которыя относятся до военной исторіи 1812—1813—1814 и 1815 годовъ; въ нихъ, быть можетъ, наиболѣе любопытенъ драматическій разсказъ о томъ, какъ авторъ попалъ въ плѣнъ къ казакамъ въ 1813 году и провелъ нѣ-

[1]) Napoleon et Wellington, papiers inedits de P. Proudhon. Cosmopolis, octobre novembre et decembre, 1896.

[2]) Souvenirs intimes et militaires du general Victor Oudinot de Reggio. Revue Nouvelle, 15 septembre, 15 octobre et 1 novembre. 1896.

[3]) Memoires du colonel Combe. Revue Hebdomadaire. Août-novembre, 1896.

сколько времени узникомъ въ Берлинѣ. Одинаково мало новаго сообщаетъ напечатанный въ Blackwood's Magazine дневникъ англійскаго полковника, сэра Джоржа Бингама, во время переѣзда на «Нортумберландѣ» Наполеона изъ Англіи на островъ святой Елены [1]). Въ послѣднее время напечатано много такихъ воспоминаній англійскихъ офицеровъ, провожавшихъ Наполеона въ мѣсто его изгнанія, и какъ первыя изъ нихъ возбуждали интересъ новыми свѣдѣніями о томъ, какъ велъ себя Наполеонъ въ плѣну, такъ послѣднія и въ томъ числѣ дневникъ Бингама отличаются скучнымъ пересказомъ давно извѣстныхъ эпизодовъ и бесѣдъ съ Наполеономъ. Если у Бингама и встрѣчается что либо новое, то развѣ доведенное до послѣдней степени пристрастіе, даже для англичанина: о Наполеонѣ онъ отзывается очень рѣзко, а сэра Гудсона Ло упрекаетъ лишь въ одномъ—въ излишней слабости къ своему узнику. Хотя авторъ, начатаго въ январьской книжкѣ Cosmopolis, очерка «Наполеонъ Бонапартъ при осадѣ Тулона, [2]) А. Шюкэ, и затрогиваетъ такой вопросъ, о которомъ съ нѣкоторыхъ поръ писано безъ конца, но онъ, повидимому, нашолъ новый матеріалъ и рисуетъ чрезвычайно характеристичную картину перваго дебюта Наполеона въ своей удивительной карьерѣ. Въ первой части этого очерка очень рельефно и съ новыми подробностями разсказано, какъ никому невѣдомый французскій офицеръ, изгнанный изъ его родины Аячіо, случайно попалъ въ Марсель, гдѣ начальство французской арміи, осаждавшей Тулонъ, занятый англичанами, искало замѣстителя раненаго командира артиллеріи. Другіе корсиканцы указали на него, какъ на способнаго артиллериста, и ему было поручено устройство артиллерійской части въ осаждающемъ отрядѣ. Съ удивительнымъ жаромъ молодой офицеръ отнесся къ порученному ему дѣлу и въ короткое время, не имѣя почти никакихъ матеріаловъ, нашолъ орудія, добылъ снаряды, возвелъ укрѣпленія, обучилъ батарейную прислугу и однимъ словомъ создалъ такую силу, которая оказалась способной прогнать англійскій флотъ и возвратить Франціи Тулонъ, что уже составитъ предметъ окончанія статьи Шюкэ. Къ наполеоновской литературѣ надо отнести и небольшую анонимную статейку въ послѣдней январьской книжкѣ Nouvelle Revue о герцогѣ Рейхштадтскомъ [3]). Авторъ ея, скрывшій свое имя подъ буквой А., разсказываетъ свои воспоминанія о сынѣ Наполеона во время его пребыванія въ Вѣнѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда дѣдъ автора былъ русскимъ посломъ при австрійскомъ дворѣ. Какъ извѣстно, въ то время этотъ постъ занималъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, Дмитрій Татищевъ, а потому надо предположить, что его блестящая жизнь въ великолѣпномъ дворцѣ князя Лихтенштейна описана на страницахъ французскаго журнала. Собственно о герцогѣ Рейхштадтскомъ говорится въ этой статьѣ не много, но авторъ живо рисуетъ болѣзненную фигуру молодого девятнадцати-лѣтняго принца, котораго онъ часто видѣлъ

---

[1]) Transportation of Napoléon to Saint-Helena. By major general Sir George Bingham. Blackwood'cs Magazine. October, 1896.

[2]) Napoleon Bonaparte au siege de Toulon. Par A. Chuquet. Cosmopolis, janvier, 1897.

[3]) Le duc de Reichstadt. Par. A... La Nouvelle Revue, 15 janvier 1897.

въ Шенбрунскомъ паркѣ, подлѣ котораго русскій посолъ нанималъ дачу. Хотя автору тогда было, по его словамъ, только четыре года, но онъ увѣряетъ, что хорошо помнитъ молодого принца, который однажды остановилъ его и сталъ барабанить пальцами по его шляпѣ. Гораздо интереснѣе этого факта разсказъ, конечно, слышанный авторомъ не въ дѣтствѣ, а потомъ, о причинахъ смерти герцога Рейхштадтскаго въ 1832 году. По его словамъ, несмотря на болѣзненный видъ принца, его смерть поразила всѣхъ своею неожиданностью, а многіе приписали ее отравѣ, но вскорѣ выяснилось, что юный сынъ Наполеона погибъ, благодаря своей чрезмѣрной любви къ знаменитой танцовщицѣ Фанни Эльслеръ. По этому поводу ходилъ въ Вѣнѣ характерный анекдотъ объ одномъ англичанинѣ, который, заплативъ громадную сумму за свиданіе съ Фанни Эльслеръ, хладнокровно осмотрѣлъ ее съ головы до ногъ и спокойно ушолъ, говоря: «благодарю васъ: я видѣлъ гробницу герцога Рейхштадтскаго». Наиболѣе громаднымъ изъ трудовъ о Наполеонѣ въ наше время, по всей вѣроятности, будетъ обширная компиляція итальянскаго писателя Умберто Сильваньи [1]), которой вышло еще только два тома, посвященные вступленію, именно исторіи французской революціи. Судя по этому началу, можно заключить о чудовищномъ размѣрѣ всего сочиненія. Вообще, авторъ относится очень сочувственно къ Франціи, но еще нельзя опредѣлить его взгляда на своего героя, такъ какъ онъ не дошолъ до его появленія на исторической аренѣ.

— Отношенія между Германіей и Россіей. Сынъ извѣстнаго Жюля Симона, Эдуардъ Симонъ, недавно окончилъ свою историческую монографію объ отношеніяхъ между Германіей и Россіей, второй томъ которой, относящійся до эпохи отъ царствованія императора Николая I до нашихъ дней, вышелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; въ новой же части своего труда [2]) авторъ возвращается вспять и разсказываетъ о томъ, какъ начались политическія отношенія между двумя государствами въ XVI столѣтіи, развились при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, приняли дружескій характеръ при Екатеринѣ и Павлѣ, и наконецъ достигли своего апогея при Александрѣ I. Такимъ образомъ настоящая книга, хотя и носящая особое заглавіе, составляетъ въ сущности первый томъ, а появившаяся гораздо ранѣе книга «Германія и Россія въ XIX столѣтіи» является—вторымъ; неправильный же порядокъ ихъ изданія Симонъ объясняетъ тѣмъ, что онъ поторопился выпустить въ свѣтъ ранѣе очеркъ современныхъ отношеній между Россіей и Германіей, съ царствованія Николая I, въ виду политическихъ обстоятельствъ, обращавшихъ особое вниманіе на этотъ предметъ. Хотя эта книга, основанная на извѣстныхъ печатныхъ матеріалахъ и преимущественно на собраніи трактатовъ и конвенцій Россіи съ Германіей, Мартенса, не представляетъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ взглядовъ, но всетаки небезполезна подобная группировка въ одномъ общемъ связномъ разсказѣ всѣхъ, разбросанныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ, свѣдѣній о данномъ вопросѣ. Главное свое вниманіе Симонъ сосредоточилъ на сношеніяхъ между прусскими королями Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и III съ одной стороны и императоромъ

---

[1]) Nopoleone Bonaparte ei suoi Tempi. De Umberto Silvagni. Firenza, 1896.

[2]) L'Allemagne et la Russie, origines de leurs rapports, par E. Simon. Paris. 1896

Александромъ I, съ другой, и удовольствовался относительно ихъ предшественниковъ самымъ краткимъ обзоромъ главныхъ пунктовъ столкновеній, мирныхъ и военныхъ, между обѣими странами. Какъ извѣстно, первый трактатъ между Россіей и Германіей былъ заключенъ въ началѣ XVI вѣка царемъ Василіемъ IV и гросмейстеромъ Альбрехтомъ прусскимъ, и до Петра I отношенія съ нѣмцами не имѣли большого значенія; только съ тѣхъ поръ, какъ прорублено окно въ Европу, русская политика то дружила, то враждовала съ сосѣдней Пруссіей, то дѣлила съ ней владѣнія другихъ сосѣдей, то воевала, доходя до воротъ Берлина. Точно такимъ же колебаніемъ выражались и сношенія Александра I съ прусскими королями, которыхъ онъ то спасалъ отъ Наполеона, то отдавалъ ему на съѣденіе. Къ самымъ драматическимъ эпизодамъ этой двойственной политики были съ одной стороны Тильзитъ и Эрфуртъ, а съ другой романтичная дружба съ королевой Луизой, клятва на гробѣ Фридриха II и Калишскій трактатъ. Всѣ эти событія въ связи съ общей исторіей дипломатическихъ сношеній обѣихъ странъ разсказаны въ легкой популярной формѣ, Симономъ, хотя, конечно, онъ, какъ французъ, сочувственно относится къ той сторонѣ политики Александра, которая склонялась въ пользу Наполеона, и упрекаетъ его въ двуличности, когда дружба съ Пруссіей замѣняетъ хорошія отношенія къ Франціи. Особую дополнительную главу авторъ посвящаетъ очерку священнаго союза и его происхожденія, причемъ картинно рисуетъ временное увлеченіе Александра мистическими идеями пресловутой г-жи Криднеръ, въ которой императоръ скоро разочаровался, убѣдившись, по его собственнымъ словамъ, что «бросаемый ею свѣтъ былъ не что иное, какъ блуждающій огонекъ». Какъ бы то ни было, этому увлеченію Европа обязана была созданіемъ священнаго союза, который изъ мистической, идеальной химеры обратился, при содѣйствіи хитраго Метерниха, въ могучее орудіе реакціи, десятки лѣтъ сковывавшей всѣ прогрессивныя стремленія западныхъ государствъ. По мѣткому выраженію Симона, «мистически настроенному Александру священный союзъ казался лучезарнымъ метеоромъ, но поколѣнія, присутствовавшія при его появленіи и исчезновеніи, на политическомъ небосклонѣ никогда не видѣли его ореола, а лишь сознавали его существованіе по тому дождю камней, которые падали съ верху и давили низы».

— Шериданъ и его новая біографія. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ парламентскихъ дѣятелей Англіи въ такую эпоху, когда на политической аренѣ подвизались такія крупныя личности, какъ Питтъ, Фоксъ и Боркъ, — Шериданъ до сихъ поръ не имѣлъ достойнаго себѣ біографа, и все, что писалось о немъ, имѣло главнымъ образомъ характеръ пристрастія, даже клеветы. Такое враждебное отношеніе къ искреннему патріоту, краснорѣчивому оратору и выдающемуся оппозиціонному вожаку въ палатѣ депутатовъ объясняется тѣмъ, что онъ никогда не занималъ высокаго правительственнаго поста, всегда пламенно возставалъ противъ административныхъ злоупотребленій, постоянно обнаруживалъ прогрессивныя стремленія, энергично отстаивалъ свою родину, несчастную Ирландію, не принадлежалъ къ высшему привиллегированному классу, былъ впродолженіе многихъ лѣтъ директоромъ одного изъ лондонскихъ театровъ, писалъ драматическія пьесы, въ томъ числѣ знаменитую «Школу Злословія», и велъ жизнь веселую, часто разгульную, вовлека-

вшую его въ безконечныя финансовыя затрудненія. Все это противорѣчило рутиннымъ взглядамъ, господствовавшихъ въ Англіи въ концѣ прошедшаго столѣтія и началѣ нынѣшняго, общественныхъ слоевъ, а потому Шеридану при жизни не отдавали должнаго, а послѣ смерти память его долго была омрачена самымъ несправедливымъ отношеніемъ къ нему общественнаго мнѣнія. Только въ послѣднее время стала замѣтна реакція въ его пользу, и Фреверъ Рей, уже написавшій о немъ сочувственный очеркъ въ своей книгѣ «Фоксъ, Шериданъ и Вильксъ», составилъ теперь подробную и вполнѣ безпристрастную его біографію [1]). Этотъ трудъ встрѣченъ англійской критикой единодушнымъ одобреніемъ, и такіе высокіе авторитеты, какъ Гладстонъ, признали его чрезвычайно полезнымъ пособіемъ для изученія политической жизни современной Англіи. По словамъ лорда Дуфферина, правнука Шеридана, написавшаго предисловіе въ книгѣ Рея,—«впервые на страницахъ этого жизнеописанія Шериданъ является живой личностью, не имѣющей ничего общаго съ тѣми невѣрными и пристрастными его портретами, которые набросаны предыдущими біографами». Не только новый біографъ Шеридана относится къ своему герою сочувственно и безпристрастно, но онъ старательно собралъ новые матеріалы въ семейныхъ архивахъ и пользовался обширной перепиской Шеридана съ его первой женой и другомъ Гранвилемъ. Съ одинаковымъ интересомъ читаются его разсказы о молодости Шеридана, объ его романической свадьбѣ съ миссъ Линлей, о политической, литературной и театральной его дѣятельности, а также объ его частной жизни, которую до сихъ поръ всѣ біографы представляли въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ сущности же онъ обожалъ свою первую жену, вполнѣ достойную всякой любви, и если иногда увлекался другими женщинами, то не надолго и, временно поддавшись своей пылкой, страстной натурѣ, постоянно возвращался къ домашнему очагу. Второй его бракъ былъ ошибкой, такъ какъ новая жена была гораздо моложе его, и они совершенно не сходились характерами, но все-таки онъ старался, насколько возможно, поддерживать съ нею добрыя отношенія. Несмотря на всѣ легенды объ его расточительности и постоянныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ отъ громадныхъ долговъ, Рей, основательно изучивъ эту неблаговидную сторону въ жизни своего героя, приходитъ къ заключенію, что, несмотря на неудачное веденіе театральной антрепризы и пожаръ его театра, онъ оставилъ послѣ смерти сравнительно небольшую сумму долговъ, не превышавшую 5.000 фунтовъ стерлинговъ, и что большая часть его кредиторовъ получила вдвое и втрое болѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ имъ долженъ, благодаря легкомысленному веденію имъ счетовъ. Что касается его политической дѣятельности, то она отличалась не запятнанной честностью, что въ его время было рѣдкостью среди общественныхъ дѣятелей. Онъ прямо говорилъ и доказывалъ на дѣлѣ, что у него душа не подкупна; «я всегда въ общественной дѣятельности,—писалъ онъ второй женѣ,—руководствуюсь только совѣстью», а своимъ избирателямъ въ 1814 году онъ говорилъ: «я никогда не приму депутатскаго мѣста, иначе какъ подъ условіемъ, что я буду говорить и

---

[1]) Sheridan: a Biography. By Fraser Rae. London. 1897. 2 vols.

подавать голосъ только согласно своей совѣсти». Когда онъ наконецъ принялъ маленькую административную должность—казначея флота, то прямо написалъ Фоксу, что дѣлаетъ это только по необходимости, въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ и не считаетъ себя обязаннымъ никому за это назначеніе; дѣйствительно, по словамъ Гладстона, онъ имѣлъ полное право по своимъ талантамъ и полезной общественной дѣятельности занимать высшія мѣста въ министерствѣ. Тотъ же Гладстонъ, въ своемъ критическомъ отзывѣ о трудѣ Рея, указываетъ, что во всей парламентской исторіи Англіи не было человѣка, который такъ искренно, мужественно и разумно, какъ Шериданъ, относился бы къ общественнымъ дѣламъ. «Если же,—замѣчаетъ онъ,—считали невозможнымъ предоставить ему министерскій портфель потому, что онъ былъ содержателемъ театра, то слѣдовало дать ему средства освободиться отъ подобной обузы и больше ничего; во всей нашей политической исторіи нѣтъ другаго такого примѣра, и можно съ полной увѣренностью сказать, что въ будущемъ никогда не повторится ничего подобнаго».

— Кардиналъ-соціалистъ. Давно никакая книга не возбуждала столь горячей полемики, какъ составленная Эдмондомъ Пурселемъ біографія англійскаго кардинала и вестминстерскаго архіепископа Манинга [1]; написанная католикомъ и въ честь католическаго примаса въ Англіи, она сдѣлалась предметомъ одинаково гнѣвныхъ критикъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ публицистовъ. Даже французскій протестантъ Пресансэ написалъ цѣлую книгу [2]) въ опроверженіе того, что сообщилъ читающему міру англійскій католикъ о духовной и общественной дѣятельности своего знаменитаго соотечественника. Несмотря на весь поднятый шумъ и сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ обвиненія въ клеветѣ, Пурсель гордо отвѣчалъ своимъ критикамъ въ октябрьской книжкѣ «Nineteenth Century», что его книгу прочитали двѣсти тысячъ человѣкъ, и что высказавшіеся противъ нея двѣсти критиковъ ничѣмъ не подорвали подлинности собранныхъ имъ матеріаловъ. Дѣйствительно, весь сыръ боръ загорѣлся не отъ того, что Пурсель высказалъ что либо несправедливое, или невѣрное о своемъ героѣ, а потому, что онъ не скрылъ тѣхъ сторонъ характера и дѣятельности Манинга, которыя не дѣлали ему чести. Даже былъ поднятъ принципіальный вопросъ католическими прелатами въ печати, что не слѣдуетъ высказывать всей исторической правды, когда она противорѣчитъ интересамъ церкви. Конечно, этотъ тезисъ былъ легко опровергнутъ не только протестантами, но и благомыслящими католиками, а Пурсель въ своемъ отвѣтѣ критикамъ побѣдоносно сослался на слова самого Льва XIII по этому поводу: «правда одна что нибудь значитъ, и что сталось бы съ Библіей, если бы тамъ сократили грѣхъ Магдалины и паденіе Петра». Въ этомъ же духѣ папа высказался почти въ одно время нѣмецкому автору недавно вышедшей «Исторіи папъ»: «говорите правду, всю правду, хотя бы пострадала отъ этого репутація того или другого папы». Такимъ образомъ Пурсель оправданъ и главою его церкви, и всѣми

---

[1]) Life of Cardinal Manning, Archbishop of Westminster. By Edmund Purcel. 2 vols. London. 1896.

[2]) Le cardinal Manning, par Francis de Pressencé. Paris. 1896.

разумными людьми въ томъ, что онъ, описывая жизнь замѣчательнаго человѣка, игравшаго значительную роль въ духовной и общественной жизни Англіи въ XIX столѣтіи, не скрылъ ничего, говорившаго какъ въ его пользу, такъ и противъ него, чѣмъ онъ не только исполнилъ свой долгъ историка, но и оказалъ услугу даже своему герою, слабости и ошибки котораго не могутъ загладить его достоинствъ, какъ общественнаго филантропа, если онѣ и умаляютъ его духовный ореолъ. Со всѣми своими хорошими и дурными качествами Манингъ былъ въ полномъ смыслѣ представительнымъ человѣкомъ второй половины XIX вѣка. Получивъ университетское образованіе вмѣстѣ съ Гладстономъ въ Оксфордѣ, будущій католическій прелатъ мечталъ о политической дѣятельности и съ юности взялъ себѣ девизомъ «aut cesar aut nihil», но когда ему не удалось, по неимѣнію достаточныхъ связей и матеріальныхъ средствъ, выступить на парламентскую арену, то онъ пошелъ въ протестантскіе пасторы и примкнулъ къ религіозному движенію, созданному въ Оксфордѣ его товарищемъ Нюманомъ и стремившемуся къ примиренію протестантства съ католицизмомъ. Съ одной стороны онъ достигъ популярности, которой всегда жаждалъ впродолженіе всей своей жизни, но зато съ другой пресѣкъ себѣ дорогу къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Убѣдившись, что ни торіи, ни либералы, подъ главенствомъ его стараго друга Гладстона, никогда не сдѣлаютъ его ни архіепископомъ, ни даже епископомъ, онъ съ трескомъ перешелъ въ католичество. Руководствуясь и на новомъ поприщѣ своимъ девизомъ, Манингъ сдѣлался самымъ ярымъ ультрамонтанцемъ, снискалъ любовь Пія IX, который всегда называлъ его mia carissimo, былъ назначенъ Вестминстерскимъ архіепископомъ, т. е. католическимъ примасомъ Англіи, а затѣмъ кардиналомъ, рьяно защищалъ принципъ непогрѣшимости папъ и даже имѣлъ шансы на избраніе въ наслѣдники св. Петра, послѣ смерти своего покровителя. Когда же выборъ Льва XIII, кандидатуру котораго онъ, однако, поддерживалъ, еще разъ привелъ его къ тяжелому разочарованію, то онъ рѣшился на новую метаморфозу, и въ послѣдніе годы своей жизни, несмотря на старость, сталъ розыгрывать роль либеральнаго филантропа. Надо ему отдать полную справедливость, что онъ игралъ эту роль прекрасно и вполнѣ заслужилъ общую любовь всего англійскаго народа, безъ различія вѣрованій. Онъ былъ настоящій отецъ бѣдныхъ, кардиналъ нищихъ и соціальный реформаторъ; въ теоріи онъ проповѣдывалъ въ церквахъ, на публичныхъ митингахъ и въ журнальныхъ статьяхъ принципы такъ называемаго христіанскаго соціализма, а на практикѣ принималъ самое горячее участіе во всемъ, что дѣлалось вокругъ него въ пользу бѣдныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ. Разойдясь съ Гладстономъ послѣ своего вступленія въ католическую церковь, онъ теперь сдѣлался пламеннымъ его помощникомъ во всѣхъ великихъ реформахъ, проведенныхъ народнымъ Вильямомъ. При этомъ онъ не только содѣйствовалъ распространенію дарового обязательнаго и свѣтскаго первоначальнаго образованія, не только всячески помогалъ улучшенію быта рабочихъ и являлся энергичнымъ поборникомъ развитія въ народѣ трезвости, а также поднятія въ немъ нравственнаго уровня, но и защищалъ всѣми силами ирландское самоуправленіе. Однажды вступивъ на соціальную почву, Манингъ не останавли-

вался ни передъ чѣмъ и не обращалъ никакого вниманія на предостереженія римской куріи, что онъ слишкомъ увлекался общественной дѣятельностью для католическаго прелата; онъ открыто принималъ и совѣщался съ извѣстными соціалистами, въ томъ числѣ съ Генри Джорджемъ, о лучшемъ способѣ разрѣшенія рабочаго вопроса. Самымъ апогеемъ его соціальной дѣятельности было участіе, принятое имъ въ громадной стачкѣ рабочихъ лондонскихъ доковъ въ 1889 году: онъ созвалъ собраніе изъ делегатовъ отъ рабочихъ и хозяевъ, пять часовъ уговаривалъ тѣхъ и другихъ во имя самыхъ священныхъ обязанностей человѣка къ ближнему и въ концѣ концовъ примирилъ враждующія стороны. Въ этотъ самый славный моментъ жизни человѣка, стремившагося всегда къ славѣ, ему было восемьдесятъ три года, а, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ спокойно умеръ, и вся Англія устроила ему такіе похороны, какихъ никогда не видывали въ Лондонѣ, такъ какъ за его гробомъ шли сотни тысячъ людей всѣхъ классовъ и вѣрованій: аристократовъ и рабочихъ, католиковъ и протестантовъ, англичанъ и ирландцевъ. Такой, вполнѣ достойный, закатъ дней кардинала-соціалиста окружилъ его столь лучезарнымъ ореоломъ, что невольно забываются всѣ его слабости и ошибки, а главное эгоистическія стремленія и интриги самолюбиваго прелата. Если, въ нравственномъ отношеніи, другой отщепенецъ протестантской церкви, другъ Манинга, Нюманъ представляетъ болѣе чистую, незапятнанную личность, такъ какъ онъ, перейдя въ католичество, велъ аскетическую жизнь и не добивался никакихъ почестей, то, съ другой стороны, онъ не принесъ никакой пользы своей родинѣ и человѣчеству и не можетъ быть поставленъ въ ряду истинныхъ благодѣтелей народа, какъ увлекающійся, честолюбивый и не разбиравшій средствъ къ достиженію своей цѣли, но зато энергичный другъ народа и защитникъ всѣхъ прогрессивныхъ реформъ нашего времени—Генри Манингъ.

— Сенъ-Симонская школа и ея ученики. Въ послѣднее время во французской литературѣ стало появляться много трудовъ о предшественникахъ современныхъ соціалистовъ: Сенъ-Симонѣ, Фурье, Прудонѣ, Луи-Бланѣ, Пьерѣ Леру и т. д. Быть можетъ, наибольшій интересъ представляютъ два сочиненія объ ученикахъ Сенъ-Симона: одно изъ нихъ подъ заглавіемъ «Сенъ-Симонская школа» [1]), принадлежитъ Жоржу Вейлю, который уже посвятилъ обстоятельное сочиненіе самому Сенъ-Симону и его теоріи, а второе «Исторія сенъ-симонизма (1825—1864 гг.)» написана Себастіаномъ Шарлети [2]), на степень доктора философіи. Оба эти автора относятся къ своему предмету чрезвычайно добросовѣстно и безпристрастно, а Шарлети въ особенности пользовался не только печатными матеріалами, но и богатымъ Сенъ-Симонскимъ архивомъ въ Парижской арсенальной библіотекѣ, до которой разрѣшенъ доступъ публикѣ только два года тому назадъ, т. е. тридцать лѣтъ послѣ смерти ея основателя, Проспера Анфантена, который былъ душою Сенъ-Симонской школы. Въ сущности книгу Шарлети было бы правильнѣе назвать «Отецъ Ан-

[1]) L'Ecole Saint-Simonienne, par Georges Weill. Paris. 1896.

[2]) L'Histoire du Saint-Simonisme (1825—1864), par Sebastien Charletty. Paris. 1896.

фантенъ», такъ какъ этотъ необыкновенный человѣкъ составляетъ ея центръ, что вполнѣ справедливо. Анфантенъ остался до послѣдней минуты своей жизни первосвященникомъ уже закрывшейся церкви, адепты которой разошлись во всѣ страны и, странно сказать, изъ идеалистовъ стали самыми практичными дѣятелями, какъ Лесепсъ, Мишель Шевалье, Перейра, Геру, Эйхталь и т. д., хотя они постоянно и заботились о матеріальномъ улучшеніи современнаго имъ общества. Поэтому Вейль имѣетъ нѣкоторое основаніе называть Наполеона III коронованнымъ сенъ-симонцемъ; но, конечно, сенъ-симонизмъ во всѣхъ этихъ случаяхъ былъ умаленъ, скомканъ, обрѣзанъ, оскверненъ и примѣненъ къ требованіямъ имперіалистской и финансовой политики. Сама же по себѣ сенъ-симонская система и ея представители въ первую, увлекавшую столько свѣтлыхъ умовъ ея эпоху, отличались благородной попыткой пересоздать современное общество на лучшихъ основахъ. Сенъ-симонцы высказывали чрезвычайно ясный и даже пророческій взглядъ на тѣ разновидныя стороны зла, которыми страдало общество, и въ своемъ органѣ «Globe», въ 1831 году, они предлагали цѣлую серію такихъ законопріятій, которыя осуществились только черезъ пятьдесятъ лѣтъ и то цѣною тяжелой борьбы. «Невольно спрашиваешь себя, справедливо замѣчаетъ Шарль Бемонъ, критикъ «Revue Historique», по поводу книгъ о сенъ-симонизмѣ: «что было бы, если бы послѣ Людовика XV на престолъ вступилъ энергичный и добронамѣренный государь, а во время іюльской монархіи управляли бы дѣлами министры со взглядами сенъ-симонцевъ на необходимыя реформы? Но въ обоихъ случаяхъ не произошло ни того ни другого, и пришлось судьбѣ пустить въ ходъ революціонныя силы». Свой трудъ Жоржъ Вейль скромно называетъ не философскимъ или соціологическимъ изслѣдованіемъ, а историческимъ очеркомъ, и дѣйствительно, главное его значеніе—историческое. Кромѣ обстоятельнаго изложенія всѣхъ фактовъ, касающихся до общаго развитія и постепеннаго исчезновенія сенъ-симонизма, онъ сообщаетъ много отдѣльныхъ любопытныхъ свѣдѣній, напримѣръ, онъ бросаетъ новый свѣтъ на спорный вопросъ о томъ, какъ возникло во Франціи слово «соціализмъ»: по его словамъ, оно впервые встрѣчается въ сенъ-симонской газетѣ «Globe», 13 февраля 1832 года, въ статьѣ Женьера о книгѣ Виктора Гюго Feuilles d'automne. Еще большій интересъ представляетъ разсказъ о колонизаціонной попыткѣ сенъ-симонцевъ въ Египтѣ, куда Анфантенъ со своими учениками и ученицами отправился въ 1833 году. Сначала имъ тамъ повезло, и они предприняли, съ разрѣшенія Махмета-али, работы по устройству плотины на Нилѣ. Но, благодаря чумѣ, имъ вскорѣ пришлось прекратить эти работы, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несчастнаго существованія въ Египтѣ они большею частью вернулись во Францію, гдѣ Анфантенъ поддерживалъ до самой своей смерти выработанный имъ проектъ прорытія Суезскаго канала, которымъ впослѣдствіи воспользовался Лесепсъ.

— Мемуары графини Дашъ. Въ сороковыхъ годахъ романы графини Дашъ пользовались большимъ успѣхомъ, и ихъ авторъ Габріелла де-Ситернъ, по мужу графиня Де-Сенъ-Марсъ, была украшеніемъ тогдашнихъ парижскихъ литературныхъ салоновъ. Кромѣ сотни романовъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, она писала хроники въ различныхъ журналахъ и газетахъ, преиму-

щественно въ «Revue de Paris», «Figaro» и «Mousquetaire», издававшемся Александромъ Дюма. Вынужденная семейными обстоятельствами искать въ литературѣ кусокъ хлѣба, эта блестящая свѣтская дама отличалась легкимъ, живымъ перомъ, но, конечно, въ ея произведеніяхъ нельзя искать ни психологическаго анализа, ни реальныхъ картинъ, однимъ словомъ никакихъ серьезныхъ литературныхъ достоинствъ, а потому естественно, что, несмотря на свою плодовитость, а, быть можетъ, отчасти благодаря ей, никто не читаетъ въ настоящее время романовъ графини Дашъ, и самое ея имя почти забыто. Но если ея романы, исключительно парижскіе и свѣтскіе, не представляютъ въ настоящее время никакого интереса, то, напротивъ, ея мемуары, которыхъ вышло уже три тома, представляютъ любопытную картину свѣтскихъ и литературныхъ кружковъ Парижа въ первой половинѣ XIX вѣка [1]). Судя по тому, что до сихъ поръ воспоминанія графини Дашъ доведены только до начала іюльской монархіи, надо заключить, что она и въ этомъ отношеніи будетъ такой же плодовитой, какъ въ области романа; въ этомъ ручается и самый характеръ ея записокъ, которыя совершенно справедливо озаглавлены: «Мемуары другихъ». Она говоритъ менѣе о себѣ и больше о другихъ, а такъ какъ она, съ одной стороны, знала сливки парижскаго общества, а съ другой, всѣхъ современныхъ ей литераторовъ, начиная отъ Александра Дюма и Роже де-Бовуара, которые были крестными отцами ея литературной карьеры, то въ матеріалѣ для словоохотливой, добродушной болтовни о томъ, что она видѣла и слышала, не можетъ быть недостатка. Что она разсказываетъ свои воспоминанія интересно и рельефно, доказываетъ лучше всего картинка, рисуемая ею о встрѣчѣ ея съ знаменитой графиней Жанлисъ. Это было въ 1828 году, когда молодая, красивая Габріелла еще не вступала на литературную арену, а исключительно вращалась въ свѣтскомъ мірѣ. Она случайно увидала у одной старой пріятельницы ея семьи замѣчательную фарфоровую сахарницу, съ французскимъ королевскимъ гербомъ, и заинтересовалась разсказомъ хозяйки, что эту рѣдкость Людовикъ XV подарилъ герцогу Орлеанскому, отъ котораго она перешла къ маркизѣ Ментенонъ, а отъ послѣдней къ г-жѣ Жанлисъ, передавшей ее тогдашней ея обладательницѣ. Пока молодая графиня любовалась этой сахарницей, въ комнату вошла, безъ доклада, старуха въ темномъ платьѣ и въ черной мантильѣ съ очень блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, но блестящими, живыми и выразительными глазами. Не поздоровавшись ни съ кѣмъ, она воскликнула: «Какъ я рада увидать эту старую знакомую! Я боялась, что у васъ ее давно разбили». Хозяйка дома познакомила будущую романистку съ вошедшей дамой, которая оказалась графиней Жанлисъ. «Она была,—разсказываетъ графиня Дашъ,—настоящей аристократкой и придворной дамой стараго времени, говорила чрезвычайно изящнымъ языкомъ, и хотя въ каждомъ ея словѣ просвѣчивали самонадѣянность и педантизмъ синяго чулка, но она производила чарующее впечатлѣніе. Она обошлась со мною очень любезно и разспрашивала преимущественно о томъ, что я читаю, а потому нашъ раз-

---

[1]) Memoires des autres, par la comtesse Dach. Paris. Tomes I—II, 1896. Tome III, 1897.

говоръ смахивалъ на экзаменъ, но потомъ она перешла къ политикѣ и литературѣ, при чемъ высказала много интереснаго. Относительно первой она между прочимъ сказала съ удивительнымъ пророческимъ предвидѣніемъ: «король (Карлъ X) слушаетъ очень опасныхъ совѣтниковъ: любовь и энтузіазмъ, которые онъ возбуждалъ къ себѣ во всей странѣ во время своей коронаціи, быстро улетучиваются и, если дѣла будутъ идти въ томъ же духѣ, то ему не сохранить престола. Одинъ герцогъ Орлеанскій можетъ спасти Францію, но онъ до сихъ поръ не хочетъ, несмотря на всѣ просьбы, вмѣшиваться въ общественныя дѣла». О литературѣ знаменитая писательница высказалась очень мрачно: «революція еще не кончена, и снова начнется литературная революція, симптомы которой уже вполнѣ замѣтны. Богъ знаетъ, куда она насъ приведетъ, но несомнѣнно, что чрезъ нѣсколько лѣтъ все будетъ измѣнено въ корнѣ. Теперешнее поколѣніе смотритъ на меня и на моихъ современниковъ, какъ на глупыхъ болтуновъ, оно вскорѣ отвергнетъ всѣ прошедшія литературныя славы, и станетъ пролагать новые пути. Я встрѣчаю въ одномъ знакомомъ домѣ нѣкоторыхъ представителей литературной молодежи, и они удивляютъ меня своимъ нахальствомъ и погоней за новизной. Для нихъ не существуетъ поэтическаго языка, они все называютъ по имени, не останавливаются ни передъ какой грубой вульгарностью и позволяютъ себѣ называть Буало старымъ парикомъ».

— Письма Тургенева къ Полинѣ Віардо и Флоберу. Въ Cosmopolis'ѣ печатается длинный рядъ писемъ Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. Издатель ихъ, Е. Гальперинъ-Каминскій, въ своемъ предисловіи говоритъ, что эта переписка была чрезвычайно обширна, но по несчастью только часть ея уцѣлѣла. Такъ письма Тургенева къ Меримэ погибли вмѣстѣ съ другими бумагами автора Colomba во время парижскихъ пожаровъ въ эпоху коммуны; письма къ Виктору Гюго до сихъ поръ не найдены, и то же можно сказать о письмахъ къ Шарлю Эдмону, изъ которыхъ сохранилось только одно; Францискъ Сарсе получалъ только незначительныя записки отъ Тургенева и раздарилъ ихъ любителямъ автографовъ. Альфонсъ Додэ отказался сообщить Каминскому свою переписку съ бывшимъ другомъ, впослѣдствіи разошедшимся съ нимъ, и то же сдѣлалъ Эдмонъ Гонкуръ, который, однако, заявилъ, что у него нѣтъ ни одного интереснаго письма Тургенева, такъ какъ они слишкомъ часто видѣлись, чтобы поддерживать между собою серьезную переписку. Такимъ образомъ, въ рукахъ у Каминскаго находятся только письма знаменитаго романиста къ г-жѣ Віардо, Жоржу Занду, Сентъ-Беву, Теофилю Готье, Флоберу и его племянницѣ г-жѣ Команвиль, Тэну, Ренану, Шарлю Эдмону, Зола, Гюи де Мопасану, Андрэ Терье и Ф. Бюрти. Первая серія этой переписки напечатана въ четырехъ книжкахъ Cosmopolis'а за прошедшій годъ и обнимаетъ собою письма къ г-жѣ Віардо, Флоберу и г-жѣ Команвиль[1]), а хотя вторая серія и отложена до январской книжки настоящаго года, но она до сихъ поръ не появля-

[1]) Lettres d'Ivan Tourguéneff: à m-me Pauline Viardot, Gustave Flaubert et m-me Commanville. Publiées et annotées par E. Halperine-Kaminsky. Cosmopolis, juilet, août, septembre, octobre, 1896.

лась. Конечно, ничто написанное Тургеневымъ и ничто касающееся его жизни не можетъ быть лишено интереса для образованныхъ людей, преимущественно русскихъ, но нельзя не сказать, что напечатанныя Каминскимъ до сихъ поръ его письма не представляютъ особой вожности, біографической или литературной. Это нисколько, однако, не значитъ, чтобы въ нихъ не попадались любопытныя и характеристичныя черты для правильной оцѣнки характера Тургенева, его литературной дѣятельности и его отношеній къ французскимъ литераторамъ; при этомъ они представляютъ новинку въ полномъ смыслѣ слова и не были даже въ отрывкахъ напечатаны. Писемъ къ Віардо всего восемь, и они относятся къ разнымъ временамъ отъ 1850 до 1865 г. Главнымъ образомъ они обнаруживаютъ извѣстныя дружескія отношенія автора Записокъ Охотника къ знаменитой пѣвицѣ, которой въ одномъ письмѣ онъ предлагаетъ вмѣстѣ взяться за работу, каждый за свою, и обѣщаетъ съ своей стороны писать по роману за каждую сонату, сочиненную ею, а въ другомъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что, живя въ Спасскомъ, не можетъ пользоваться ея драгоцѣнными совѣтами для его новаго романа (Накунунѣ). Но гораздо интереснѣе его замѣчанія о Россіи, а также объ его петербургскомъ арестѣ въ 1852 году, о смерти Гоголя и живописца Иванова. Говоря о своей радости очутиться снова во Франціи, въ 1850 году, Тургеневъ прибавляетъ: «Россія меня подождетъ; эта громадная, мрачная фигура, неподвижная и таинственная, какъ сфинксъ Египта, кончитъ тѣмъ, что меня поглотитъ. Я чувствую ея безсознательный колоссальный взглядъ, обращенный на меня съ пассивностью каменнаго глаза. Будь спокоенъ, сфинксъ — я возвращусь къ тебѣ, и ты меня спокойно поглотишь, если я не сумѣю тебя разгадать. А теперь оставь меня въ покоѣ на время, а потомъ я вернусь въ твои степи». Изъ Петербурга, въ февралѣ 1852 года онъ пишетъ, что никто не можетъ понять, кромѣ русскихъ, какую великую потерю понесла ихъ родина отъ смерти Гоголя, котораго онъ считаетъ продолжателемъ дѣла Петра Великаго во многихъ отношеніяхъ. Какъ извѣстно, изъ-за статьи о Гоголѣ Тургеневъ былъ арестованъ и потомъ оправленъ на жительство въ его деревню Спасское; по этому поводу онъ писалъ къ Віардо: «статья о Гоголѣ была только предлогомъ, и къ ней привязались, чтобы наложить embargo на мою литературную дѣятельность, на которую уже давно смотрятъ косо. Пишите мнѣ, друзья мои, ваши письма придадутъ мнѣ мужество, чтобы перенести это испытаніе. Вы знаете, что мое сердце съ вами, а моя жизнь теперь кончена, вся ея прелесть исчезла; я съѣлъ весь мой бѣлый хлѣбъ, и теперь буду прозябать на черномъ». Въ остальныхъ двухъ письмахъ, относящихся къ этой эпохѣ, заслуживаетъ вниманіе только его сочувственный отзывъ о талантѣ Льва Толстого, по его словамъ, «одного изъ лучшихъ нашихъ писателей», и нѣсколько горячихъ словъ по поводу смерти Иванова, извѣстную картину котораго «Явленіе Христа» онъ считаетъ великимъ, серьезнымъ и возвышеннымъ произведеніемъ, хотя и относящимся къ той школѣ живописи, «которая, къ сожалѣнію, примѣшиваетъ къ чистому искусству философію, поэзію, исторію и религію». Еще стоитъ отмѣтить въ письмѣ изъ Парижа, отъ 16 февраля 1865 года, описаніе открытія законодательнаго корпуса, при чемъ онъ замѣчаетъ, что голосъ Наполеона III напоминаетъ швей-

царскаго профессора ботаники или нумизматики, и прибавляетъ: «но сколько тамъ было золота, касокъ, плюмажей, лентъ, звѣздъ! Боже мой! И подумаешь, что вся эта мишура производитъ впечатлѣніе! Что я говорю — она руководитъ міромъ». Переписка Тургенева съ Флоберомъ гораздо обширнѣе и, начинаясь офиціальнымъ приглашеніемъ посѣтить Тургенева вечеромъ, въ 1863 г., она быстро переходитъ въ дружескій тонъ и оканчивается лишь смертью автора «Госпожи Бовари», въ 1880 году. Болѣе всего въ этихъ письмахъ говорится о частныхъ дѣлахъ и о спеціальныхъ литературныхъ вопросахъ по поводу сочиненій Флобера, но среди нихъ попадаются любопытныя замѣчанія. Такъ въ одномъ письмѣ Тургеневъ сравниваетъ надвигавшуюся на нихъ обоихъ старость съ «тяжелой темной тучей, заволакивающей не только будущее и настоящее, но даже прошедшее, придавая ему печальный оттѣнокъ»; въ другомъ онъ называетъ себя «старымъ сосудомъ съ подагрой», въ третьемъ онъ говоритъ, что сидитъ дома, «какъ старая лягушка въ сырой тинѣ», наконецъ его сплинъ доходитъ до того, что онъ 7 августа 1879 года пишетъ: «физически я чувствую себя хорошо, но, чтобы судить о состояніи моей души, надо открыть клоаку, но никакъ не англійскій ватерклозетъ, который слишкомъ чистъ». Вообще Тургеневъ любилъ выражаться очень грубо и между прочимъ по поводу Assommoir писалъ: «я не восхищенъ, и хотя у Зола много таланта, но онъ слишкомъ тяжелъ и слишкомъ возится въ ночной вазѣ». Изъ другихъ литературныхъ отзывовъ Тургенева надо отмѣтить грустное впечатлѣніе, произведенное на него смертью Жоржъ Зандъ: «я очень, очень опечаленъ ея смертью и хотѣлъ телеграфировать въ Ноганъ отъ имени русской публики, но меня удержала скромность, ненависть къ рекламѣ и страхъ къ Figaro. А въ сущности г-жа Зандъ имѣла, быть можетъ, наиболѣе вліянія на русскую публику, и это слѣдовало сказать, а къ тому же я имѣлъ на это право. Бѣдная, милая г-жа Зандъ, какъ она любила насъ обоихъ, и это естественно; у нея было такое золотое сердце; она отличалась полнымъ отсутствіемъ всего мелочнаго, всего фальшиваго; какой это былъ славный человѣкъ и какая хорошая женщина. А теперь все это въ ужасной, глупой, ненасытной, безмолвной, глупой могилѣ, которая не знаетъ, что поглощаетъ». О политикѣ Тургеневъ говоритъ очень мало и рѣдко, въ этомъ отношеніи можно указать только на его саркастическія замѣчанія о септенатѣ Макъ-Магона: «вами будетъ управлять семь лѣтъ добрая безславная сабля, и вы увидите, что въ концѣ концовъ она будетъ управлять безъ палатъ. Это мнѣ напоминаетъ, что я читалъ въ деревнѣ, гдѣ у меня хорошая библіотека: Choix des rapports prononcés à la tribune française depuis 1789 jusqu'à 1821, рѣчь Робеспьера по вопросу: слѣдуетъ ли судить Людовика XVI? Эта рѣчь мнѣ казалась удивительно прекрасной. Позднѣе въ концѣ своей карьеры Робеспьеръ испортился; онъ предался сентиментамъ и жалкимъ, высокопарнымъ фразамъ, но въ этомъ молодцѣ было много хорошаго». Для біографіи великаго писателя имѣетъ значеніе мотивировка его совѣта, чтобъ Флоберъ побольше гулялъ, какъ необходимое условіе для здоровья: «я однажды просидѣлъ въ тюрьмѣ (секретной) мѣсяцъ: комната у меня была маленькая, душная. Два раза въ день я переносилъ 104 карты (двѣ колоды) съ одного конца комнаты на другой. Это составляло 208

туровъ=416 въ день; каждый туръ состоялъ изъ 8 шаговъ, значитъ всего было 3.200, около 2 километровъ. Если въ какой нибудь день я не совершалъ этой прогулки, то у меня приливала кровь къ головѣ. Слѣдуйте моему примѣру». Естественнымъ эпилогомъ писемъ къ Флоберу, которыхъ всего 71, служатъ нѣсколько записокъ къ его племянницѣ г-жѣ Команвиль, въ одномъ изъ которыхъ онъ оплакиваетъ смерть ея дяди и характерно говоритъ: «его смерть одна изъ самыхъ большихъ горестей, испытанныхъ мною въ жизни; это такое горе, отъ котораго не хочешь утѣшиться».

— **Книги, статьи и лекціи о Россіи.** Недавно умершій русско-нѣмецкій историкъ Брикнеръ выпустилъ не задолго до своей смерти первый томъ исторіи Россіи до конца XVIII столѣтія на нѣмецкомъ языкѣ [1]); этотъ новый трудъ почтеннаго ученаго долженъ былъ заключать въ себѣ всего два тома, и только неожиданная смерть оставила его недоконченнымъ. Судя по вышедшей части, Брикнеръ задался цѣлью написать не спеціально политическую исторію Россіи, а обстоятельную картину ея постепеннаго культурнаго развитія и, конечно, при этомъ онъ руководствовался основной идеей всѣхъ своихъ предыдущихъ сочиненій, что иностранное вліяніе играло первенствующую роль въ исторіи русской культуры, а реформа Петра была логическимъ результатомъ предыдущихъ эпохъ русской исторіи. Потому неудивительно что свое сочиненіе онъ начинаетъ съ открытія Россіи европейскими путешественниками, а затѣмъ описываетъ страну и народъ, происхожденіе отъ Византіи русской церкви и дальнѣйшее ея развитіе, вліяніе монгольскаго ига и дальнѣйшія событія до Петра Великаго, реформы котораго подробно изложены. Смертью великаго преобразователя и оканчивается первый томъ труда, которымъ авторомъ очевидно хотѣлъ подвести итогъ своимъ многочисленнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Осьмнадцатый вѣкъ, которымъ Брикнеръ хотѣлъ завершить свою исторію Россіи, служитъ предметомъ читаемаго въ настоящемъ году курса русской литературы въ словесномъ факультетѣ въ Лилѣ профессоромъ Емилемъ Гоманъ, вступительная лекція котораго напечатана въ нумерѣ Revue Bleue отъ 16 января [2]). Точно такъ же, какъ нѣмецкій ученый, и французскій лекторъ поставилъ себѣ задачей показать относительно избранной имъ эпохи культурное развитіе Россіи подъ вліяніемъ идей, нравовъ и искусства Западной Европы. Въ вступительной лекціи онъ только указываетъ на трудность оріентироваться между хулителями и апологистами этой эпохи русской исторіи и указываетъ на необходимость для составленія правильнаго взгляда не довольствоваться, какъ это обыкновенно дѣлаютъ изученіемъ Россіи только при дворѣ или въ избѣ крѣпостнаго поселянина, а заглянуть такъ же въ дворянскія мызы, административныя канцеляріи, школы и университеты, въ литературу и театръ, въ казармы и отдаленныя колоніи на азіатскихъ окраинахъ. Все это лильскій профессоръ предлагаетъ сдѣлать своимъ слушателямъ при его помощи и объ-

---

[1]) A. Brückner, Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrh. Band I. Ueberblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. 1896.

[2]) La Russie au XVII siècle, par Emile Haumant. Revue Bleue. 16 janvier, 1897

щаетъ имъ, что тогда можно будетъ сознательно доказать, что Петръ сдѣлалъ большой шагъ по пути цивилизаціи въ XVIII вѣкѣ, несмотря на увѣренія Чаадаева, что «великій человѣкъ бросилъ Россіи плащъ цивилизаціи, но она подняла плащъ, а до цивилизаціи не прикоснулась». Въ первой январьской книжкѣ «Revue de Paris» напечатана переписка Александра I съ г-жей Сталь [1]), въ которой собственно интересны только замѣчанія русскаго императора о судѣ надъ нимъ потомства по важности для Франціи разумной конституціи. Относительно перваго предмета онъ говоритъ въ письмѣ отъ 25-го іюня 1815 г.: «Я понимаю, что вы нашли достойнымъ предметомъ для изученія въ минуты досуга событія, положившія конецъ послѣдней войнѣ, но я желалъ бы, чтобъ эпоха, въ которой я принималъ дѣятельное участіе, не была подчинена суду моихъ современниковъ, которые, несмотря на всѣ свои старанія, не могутъ поставить себя въ положеніе потомства, которому провидѣніе предоставляетъ плоды нашихъ трудовъ, и которое одно можетъ быть настоящимъ ихъ судьей». О значеніи конституціонныхъ порядковъ онъ писалъ той же г-жѣ Сталь, спустя мѣсяцъ: «Я убѣжденъ, что можно прекратить бѣдствія, которымъ подвергается французская нація, только отыскивая гарантію новаго порядка вещей не въ чувствахъ того или другого лица, а въ мудрыхъ учрежденіяхъ. Это мнѣніе подтверждается долгимъ опытомъ и примѣромъ сосѣдней страны, которая обязана подобной системѣ долговременнымъ періодомъ благоденствія и славы; ея король Георгъ III уже много лѣтъ лишенъ разсудка, и однако все идетъ тамъ по заведенному порядку, и общественное благоденствіе нимало отъ этого не страдаетъ». Если не до политической исторіи, то до исторіи русской культуры относятся появившіяся въ декабрской книжкѣ «Deutsche Rundschau» воспоминанія г-жи Аделунгъ о знаменитой Софіи Кавалевской [2]). Онѣ были двоюродныя сестры и одинаковаго возроста; будущая ученая называлась Сфозей, а ея кузинка Соней. Онѣ обѣ часто видѣлись у ихъ дѣда, генерала Шуберта и уже четырехъ лѣтъ Сфоза отличалась энергіей, рѣшимостью и выразительнымъ чисто цыганскимъ лицомъ, хотя въ то же время необыкновенной добротой. Потомъ онѣ долго были разлучены, такъ какъ Сфоза съ матерью, г-жей Карвинъ-Крюковской и старшей сестрой Анетой жила преимущественно въ деревнѣ, и только шестнадцати лѣтъ онѣ свидѣлись снова въ Германіи. Благодаря главнымъ образомъ сестрѣ, Сфоза очень рано развилась и уже тогда пламенно занималась изученіемъ философіи, естествознанія и соціальныхъ наукъ. Хотя она еще не высказывала особой склонности къ математикѣ, но съ дѣтства въ ней проявились необыкновенныя математическія способности, что объясняется атавизмомъ, такъ какъ ея отецъ и дѣдъ были замѣчательными математиками. «Сфоза,—разсказываетъ г-жа Аделунгъ,—уже въ то время обнаруживала удивительно воспріимчивую натуру, и она восторгалась одинаково наукой, искусствомъ и соціальными вопросами, но была очень замкнута въ себѣ, и для нея не существо-

[1]) Lettres de l'empereur Alexandre I et de madame de Staël (1814 — 1815). Revue de Paris. 1 janvier, 1897.

[2]) Die Kindheit und die Jugend von Sophie Kovalevsky, von Sophie von Adelung. Deutsche Rundschau, December, 1896.

валъ внѣшній міръ». Осьмнадцати лѣтъ она вышла по любви замужъ за Владиміра Онуфріевича Ковалевскаго, и г-жа Аделунгъ увѣряетъ, что этотъ бракъ былъ очень симпатиченъ ея матери. Но вскорѣ началась психологическая драма: Ковалевская не была той женой, о которой мечталъ ея мужъ, и она предпочла науку домашнему очагу. Умъ въ ней бралъ верхъ надъ сердцемъ, хотя она очень любила свою дочь и никогда съ ней не разставалась. Смерть мужа и любимой сестры окончательно разлучили ее съ міромъ, и она всецѣло предалась наукѣ и литературѣ. Однако, не смотря на то, что слава, которой она жаждала, увѣнчала ея труды, письма Ковалевской къ г-жѣ Аделунгъ отличались грустнымъ характеромъ, который все усиливался до ея преждевременной смерти на сороковомъ году жизни. Англо-русское общество продолжаетъ свою полезную дѣятельность на почвѣ знакомства Англіи съ Россіей. Въ послѣдніе мѣсяцы на его собраніяхъ читались рефераты Вильяма Кирби о жизни сибирскихъ поселянъ, на основаніи трудовъ Радлова, Овсянкина, уроженца Владивостока—о современномъ положеніи Сибири; Б. Гадфета—о русскомъ искусствѣ, преимущественно о Третьяковской галлереѣ; А. Маркова—о торговлѣ между Англіей и Россіей; М. Моргана—о двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ «Туркестанскихъ Вѣдомостей»; капитана Виггинса — объ открытіи дороги въ Сибирь черезъ Карское море; пастора Рапенса—о коронаціи Николая II, при которой онъ присутствовалъ; Ф. Марченца—о Некрасовѣ и миссъ Россенъ, о письмахъ лэди Дисбро изъ Россіи въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Одинъ этотъ списокъ достаточно знакомитъ съ дѣятельностію общества, хотя въ немъ слишкомъ преобладаетъ Сибирь, и такъ какъ всѣ эти лекціи, за которыми слѣдовали пренія между членами, отличаются добросовѣстнымъ фактическимъ изложеніемъ данныхъ вопросовъ, то онѣ не могутъ не распространять въ Англіи интереса къ Россіи и точныхъ о ней свѣдѣній. А въ послѣднемъ отношеніи еще часто грѣшатъ даже почтенные литературные органы: такъ въ помѣщенномъ въ номерѣ отъ 23 января «Atheneum» очень сочувственномъ и фактически вѣрномъ некрологѣ покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина, авторъ Р. Низбетъ-Бэнъ называетъ его графомъ и представителемъ знаменитаго рода, отличавшагося въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній замѣчательными дипломатами и политическими дѣятелями, тогда какъ между историкомъ и графской вѣтвью Бестужевыхъ-Рюминыхъ не было ничего общаго.

—Русско-французскій безсмертный. Недавній выборъ историка Альбера-Вандаля въ члены французской академіи увеличилъ тамъ русско-французскій элементъ, который до сихъ поръ имѣлъ только одного представителя, кромѣ виконта Мельхіора де Вогюэ. Еще болѣе послѣдняго, который женатъ на Анненковой и содѣйствовалъ своими журнальными статьями возникновенію во Франціи въ послѣдніе года литературной моды на все русское, Вандаль связанъ съ Россіей. Онъ, по словамъ иностранныхъ газетъ, внукъ Екатерины Николаевны Гончаровой, которая была сестрой жены Пушкина и вышла замужъ за Дантеса, барона Гекерна, а почти всѣ литературные труды его посвящены Россіи. Поэтому онъ имѣлъ полное право сказать въ письмѣ къ своему другу С. С. Татищеву по поводу его избранія въ безсмертные: «Вы видите, что Россія при-

несла мнѣ счастье». Хотя нѣтъ сомнѣнія, что культъ Россіи, доходящій въ настоящее время до смѣшнаго во Франціи, много содѣйствовалъ популярности и безсмертію Вандаля, но онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ историковъ, и безъ того вполнѣ заслуживалъ академическаго кресла. Принадлежа къ той исторической школѣ, которая не стремится ни къ новымъ глубокимъ взглядамъ ни къ философскимъ или психологическимъ обобщеніямъ, и довольствуясь старательными архивными изслѣдованіями и передачей ихъ результатовъ въ блестящей картинной формѣ, Вандаль отличается замѣчательной, добросовѣстной, кропотливой подготовкой каждаго своего труда, а потому ихъ очень немного, только три: первые два «Louis XV et Elisabeth de Russie» и «Une ambassade française en Orient sous Louis XV» относятся въ сущности до одного предмета выясненія восточнаго вопроса и появленія Россіи на аренѣ европейской политики, а послѣдній, оконченный только въ прошедшемъ году «Napoleon et Alexandre I» составляетъ мастерскую картину отношеній Франціи и Россіи при Наполеонѣ и Александрѣ I. Объемистые три тома этого капитальнаго сочиненія окончательно упрочили его репутацію и очистили ему дорогу въ храмъ безсмертныхъ, гдѣ онъ занялъ кресло извѣстнаго экономиста Леона Сэ, что вынудитъ его въ своей вступительной рѣчи выйти на совершенно новую почву, такъ какъ по обычаю эта рѣчь должна быть посвящена характеристикѣ его предшественника. До сихъ поръ Вандаль исключительно занимался обширными историческими трудами и не мѣнялся на мелкую монету, а если однажды поступилъ въ газетные сотрудники, то быстро отказался отъ этой спѣшной и несродной ему работы. Существуетъ однако его книга неисторическаго содержанія, именно описаніе поѣздки по Скандинавіи: «En carriole à travers la Suede et la Norvege», но это грѣхъ молодости и первый дебютъ въ литературѣ,за который впрочемъ ему нечего краснѣть, такъ какъ онъ въ этой маленькой книжечкѣ очень просто, мило и безъ всякихъ претензій, хотя слишкомъ поверхностно, разсказываетъ свои впечатлѣнія. Что касается до его журнальныхъ статей, то онѣ преимущественно отрывки изъ его серьезныхъ трудовъ; остальныя же почти исключительно критическіе— очерки о новыхъ историческихъ книгахъ о Россіи.

— **Воспоминанія Ф. Рембо о покушеніи Березовскаго на жизнь императора Александра II.** Жюль Шанель печатаетъ въ французской **Illustration** рядъ очерковъ интересныхъ современныхъ личностей, которые нѣкогда играли видную роль, а теперь забыты. Вторымъ изъ этихъ забытыхъ является въ его галлереѣ Фирлонъ Рембо[1]), который спасъ жизнь Александру II въ моментъ покушенія Березовскаго на его жизнь въ Парижѣ въ 1867 году. О жизни своего героя до историческаго эпизода, обратившаго на него всеобщее вниманіе, авторъ говоритъ очень мало и только упоминаетъ, что онъ служилъ въ Крымскую кампанію простымъ солдатомъ, вышелъ въ отставку унтеръ-офицеромъ и, благодаря близкимъ отношеніямъ его семьи къ императору, былъ назначенъ въ 1862 году шталмейстеромъ и администраторомъ императорскихъ конюшенъ, на которыхъ было 350 лошадей и 150 конюховъ. Что касается до

[1]) Les oubliés. П. M. Raimbaud, par Jules Chancel. l'Illustration. Janvier, 1897.

его подвига, то вотъ его собственный разсказъ, который записанъ на дняхъ съ его словъ Шанселемъ: «6 іюня 1867 года Наполеонъ III собирался ѣхать на парадъ въ Лоншанѣ, какъ префектъ полиціи Пьетри сообщилъ ему, что, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, нѣсколько итальянцевъ прибыли изъ Лондона съ цѣлью совершить нѣчто дурное. Пьетри прибавилъ, что онъ принялъ всѣ предосторожности относительно этихъ лицъ, но, не вѣдая ихъ цѣлей, онъ счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ императора. Его величество, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «вы слышали, Рембо, ваше дѣло озаботиться». Возвращаясь съ парада, императоръ Наполеонъ III сидѣлъ въ коляскѣ, имѣя направо императора Александра II, а напротивъ цесаревича и великаго князя Владиміра. Экипажъ былъ запряженъ à la Daumont; у правой дверцы со стороны русскаго императора ѣхалъ верхомъ баронъ Бургойнъ, а я у лѣвой со стороны императора Наполеона III; эскортъ состоялъ изъ cent-gardes. Достигнувъ водопада, мы были такъ стѣснены, благодаря громадному числу экипажей и безчисленной толпѣ, что не было возможности продолжать путь. Я пришпорилъ лошадь, чтобъ приказать эскорту проложить дорогу, но долженъ былъ вернуться и доложилъ императору, что это невозможно. Наполеонъ III всталъ и, убѣдившись въ справедливости моихъ словъ, сказалъ мнѣ, чтобъ я повернулъ передовой эскортъ вправо на свободную боковую аллею Булонскаго лѣса. Тогда публика отхлынула на лугъ, простирающійся передъ водопадомъ. Благодаря небольшому количеству деревьевъ на этомъ мѣстѣ въ то время, я увидѣлъ, что среди людей, бѣжавшихъ къ намъ на встрѣчу, одинъ былъ безъ шляпы и держалъ обѣ руки къ верху. Эта странная поза меня поразила, тѣмъ болѣе, что я съ утра все думалъ о предупрежденіи полицейскаго префекта. Моя первая мысль была, что у этого человѣка была бомба. Онъ продолжалъ быстро бѣжать на экипажъ, а я поскакалъ къ нему на встрѣчу; въ ту же минуту онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ и упалъ. Раздался громкій взрывъ. Наступила минута общей паники: жокеи и эскортъ остановились. Я хотѣлъ приказать, чтобъ ѣхали далѣе, но императоръ сдѣлалъ знакъ чтобъ не трогались съ мѣста, и спросилъ своихъ гостей, не раненъ ли кто. Оказалось, что всѣ были цѣлы и невредимы. Спустя нѣсколько секундъ, экипажъ тронулся; императоръ Наполеонъ III замѣтилъ, что бѣлыя перчатки царя были покрыты кровью, а также забрызгана ею Андреевская лента. Я въ то же время замѣтилъ, что мои ладони были въ крови; тогда я вспомнилъ, что въ минуту взрыва я почувствовалъ ожогъ въ шеѣ и взялся руками за шею. «Ваша лошадь ранена», сказалъ, обращаясь ко мнѣ, цесаревичъ. Дѣйствительно пуля попала въ носъ бѣдному животному въ ту минуту, какъ незнакомецъ падалъ подъ ея натискомъ. Сдѣлавъ около ста шаговъ галопомъ, я замѣтилъ, что моя лошадь поддается подо мной, и я едва успѣлъ соскочить. Я сѣлъ въ одинъ изъ послѣднихъ экипажей, гдѣ находились герцоги Лейхтенбергскіе. По прибытіи въ Тюльери, Наполеонъ III тотчасъ позвалъ меня: онъ былъ въ красныхъ панталонахъ и рубашкѣ. «Это ужасно, что случилось,—сказалъ онъ:—стрѣляли не въ меня; я предпочелъ бы, чтобъ стрѣляли въ меня, даже рискуя своей жизнью, но стрѣляли въ моего гостя, русскаго императора». Въ эту комнату вбѣжала императрица Евгенія, которая еще ничего не знала. «Что случилось, Рембо?—спросила она:—я видѣла вашу лошадь

въ крови; ее велъ подъ уздцы одинъ изъ солдатъ эскорта». Узнавъ, въ чемъ дѣло, она приказала подать экипажъ и поѣхала въ Елисейскій дворецъ, гдѣ жилъ русскій императоръ. Въ этотъ самый вечеръ Александръ II въ домѣ своего посольства давалъ балъ, и я сопровождалъ императора Наполеона III. Въ дверяхъ меня встрѣтилъ графъ Адлербергъ, министръ двора, и передалъ мнѣ русскій орденъ, который я тотчасъ надѣлъ. Увидѣвъ меня, императоръ тотчасъ подошелъ ко мнѣ съ той любезностью, которой онъ всегда отличался. Онъ горячо поблагодарилъ меня и, взявъ подъ руку, прошелъ чрезъ всѣ залы посольства, а потомъ посадилъ рядомъ съ собой, чтобъ доказать передъ всѣми, какъ онъ высоко цѣнилъ мой совершенно естественный поступокъ, который я совершилъ, только благодаря простому случаю». Къ этому подлинному разсказу Рембо, Шамель прибавляетъ, что съ тѣхъ поръ Рембо занималъ блестящее мѣсто при дворѣ Наполеона III, а во время франко-прусской войны сопровождалъ императора до Седана, сдѣлался вмѣстѣ съ нимъ плѣнникомъ и потомъ жилъ съ нимъ въ Англіи, а вернулся во Францію, только когда Наполеонъ III болѣе уже не нуждался въ его услугахъ. При третьей республикѣ онъ не вмѣшивался въ политику, а какъ богатый человѣкъ, женатый на дочери частнаго секретаря Наполеона III, Макара, онъ посвятилъ себя исключительно управленію каменноугольныхъ копей въ Марлэ, концессія которыхъ дана была его отцу Наполеономъ III. Въ свободное время онъ катался на своей яхтѣ «Безъ страха», на которой однажды посѣтилъ Петербургъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ старыхъ бумагъ.

I.

Чичиковъ, какъ собиратель архивнаго матеріала.—Составленіе домашнихъ архивовъ въ старину.—Мои старыя бумаги.—«Объявленіе отъ Главной Полиціи» 1779 г. и генералъ-полицеймейстеръ Д. В. Волковъ.—Старыя афишки: Миссъ Ламенъ-Массонъ и ея труппа; «американской искусникъ» и его «Дива Свѣта».

ОГОЛЬ подмѣтилъ, между прочимъ, одну характеристическую черту людей грамотныхъ, особенно провинціаловъ, того добраго стараго времени, когда каждая печатная строка, каждый печатный листокъ представляли особенную цѣнность и казались такой своего рода рѣдкостью, что ихъ тщательно сохраняли.

Помните, какъ Чичиковъ, по пріѣздѣ въ губернскій городъ, отправился его осматривать и, увидѣвъ приклеенную къ столбу афишу, сорвалъ ее, а потомъ, придя домой, не только внимательно прочиталъ ее, но и бережно спряталъ въ свою шкатулку, какъ невѣсть какую драгоцѣнность.

Замѣчено это съ удивительной наблюдательностью. И отмѣченная здѣсь черта—не частная и случайная, а общая, бытовая. Такъ поступали въ подобныхъ случаяхъ, какъ поступилъ Чичиковъ, почти всѣ старосвѣтскіе «любители просвѣщенія». Вѣдь газетъ въ тѣ времена почти не было, а если и были, то получались онѣ и читались въ провинціи въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Также рѣдко попадалась и печатная книга. Неудивительно, что грамотеи, охотники до чтенія, жадно накидывались на каждый печатный листокъ, прочитывали его

и потомъ сохраняли, если же нельзя было его присвоить, и онъ представлялъ особый интересъ, то, случалось, даже переписывали для памяти, какъ переписывались, напримѣръ, стихотворенія любимыхъ поэтовъ, модные романсы, анекдоты, разныя апокрифическія сказанія и пьесы, лѣчебные рецепты и проч.

Въ не весьма даже далекую старину можно было въ каждомъ почти помѣщичьемъ или чиновничьемъ домѣ средней руки найти такой, скопившійся нѣсколькими поколѣніями, домашній рукописно-печатный архивъ. Съ теченіемъ времени и распространеніемъ произведеній печатнаго станка все это, конечно, забрасывалось куда нибудь на чердаки, растеривалось и уничтожалось, какъ ненужный старый хламъ. Но кое-что сохранилось.

Частичка этого-то «хлама» сохранилась и у меня въ видѣ довольно объемистой пачки. Досталась она мнѣ изъ разныхъ рукъ и въ разное время. Здѣсь имѣются: старинные указы и манифесты, объявленія, афишки, письма, копіи съ судебныхъ дѣлъ, выписки изъ рѣдкихъ книгъ (напримѣръ, «Изъ Флориновой Экономіи»), полные списки масонскаго «Философскаго разсужденія о духовномъ смыслѣ пѣсни пѣсней Соломона» и замѣчательнаго, безымяннаго, въ драматической формѣ, памфлета, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ «царствѣ тѣней», и гдѣ выведены въ противопоставленіи Екатерина II, какъ великая, мудрая, милосердая, всѣми оплаканная на землѣ государыня, и Павелъ I, какъ монархъ иныхъ качествъ, который «содѣлалъ въ Россіи желѣзный вѣкъ»... Имѣется, наконецъ, цѣлый «Сборникъ» (къ сожалѣнію, неполный) апокрифическихъ, не бывшихъ въ печати статей, писемъ и стихотвореній. Кромѣ послѣдняго «Сборника», составленнаго въ 50—60-хъ годахъ послѣдня готекущаго столѣтія, остальныя мои старыя бумаги относятся большею частью къ прошлому вѣку, главнымъ образомъ къ екатерининскому царствованію. Выбираю изъ нихъ здѣсь все то, что́ имѣетъ новизну и какую нибудь историческую цѣнность и можетъ быть прочитано читателями съ большимъ или меньшимъ интересомъ.

Передъ нами весьма характеристичное «Объявленіе отъ Главной Полиціи», за подписью Дмитрія Волкова, напечатанное на отдѣльномъ полулистѣ и помѣченное 3-мъ мая 1779 года.

«Главною Полиціею примѣчено,—говорится въ Объявленіи,—что нѣкоторыя подлаго состоянія женщины, шатаясь по улицамъ праздно и напившись пьяны, по взятьѣ ихъ въ Полицію приносятъ жалобы, будто бы онѣ ограблены, показывая на такихъ людей, которые по слѣдствію оказываются совсѣмъ въ томъ невинны. Сего ради Главная Полиція всѣмъ и каждому объявляетъ, что хотя всякое озорничество на улицахъ, а паче нападеніе и грабежъ, неупустительно по строгости законовъ взысканы и наказаны будутъ; но подлыя женщины, въ пьянствѣ обращающіяся и въ такомъ непристойномъ полу ихъ состояніи по улицамъ бродящія, а часто и въ грязи валяющіяся, не могутъ ожидать не только удовлетворенія, ниже выслушанія ихъ безпутныхъ прошеній.

«Дмитрей Волковъ».

Волковъ дѣйствительно подписывался—«Дмитрей», какъ видно и изъ его факсимиле, приложеннаго къ портрету его въ 9-мъ томѣ «Русской Старины». А между тѣмъ, это тотъ самый Димитрій Васильевичъ Волковъ, котораго Гельбигъ причислилъ къ «просвѣщеннѣйшимъ и величайшимъ умамъ, какіе только

производила когда либо Россія». Будучи тайнымъ секретаремъ Петра III, онъ прославился составленіемъ знаменитаго указа о вольности дворянства. Близость къ Петру III могла ему повредить при воцареніи Екатерины, и на самомъ дѣлѣ онъ былъ арестованъ и нѣкоторое время находился въ опалѣ; но, человѣкъ дѣловой, очень способный, ловкій и пронырливый, Волковъ успѣлъ скоро выслужиться, сталъ получать важныя порученія и пріобрѣлъ наконецъ личное благорасположеніе императрицы. Особенно отличался онъ энергическимъ участіемъ въ принятіи мѣръ противъ чумы въ Москвѣ. Потомъ былъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, а съ 1778 по 1780 г. состоялъ, уже въ званіи сенатора, генералъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ. Въ 1782 г. Волковъ окончательно вышелъ въ отставку, а въ 1785 г. умеръ.

Приведенное выше «Объявленіе» характеризуетъ своимъ энергическимъ тономъ прежде всего самого Волкова. Затѣмъ, оно указываетъ на существованіе въ то время особаго вида шантажа со стороны уличныхъ женщинъ «подлаго состоянія», настолько, какъ видно, распространеннаго, что для его пресѣченія потребовалось изданіе особаго «объявленія» во всеобщее свѣдѣніе. Всего же оригинальнѣе заключительная угроза, что «подлыя женщины» данной категоріи впредь «не могутъ ожидать не только удовлетворенія, ниже выслушанія ихъ безпутныхъ прошеній». Въ такомъ жестокомъ презрѣніи находились тогда эти несчастныя! Угроза могла бы имѣть какое нибудь основаніе въ томъ еще случаѣ, если бы, дѣйствительно, уличное «озорничество, а паче нападеніе и грабежъ неупустительно» изыскивались и наказывались, но во время градоправительства Волкова полицейскій надзоръ въ столицѣ далеко не стоялъ на высотѣ своего блюстительнаго призванія. Объ этомъ можно заключить по слѣдующему, между прочимъ, факту.

«Дмитри Васильевичъ,—писала императрица Волкову отъ 27 ноября 1778 года:—мнѣ сказываютъ, что по случаю третьёгодняшняго празднованія, у Логинова [1]) считается померших отъ пьянства до трехъ сотъ семидесяти человѣкъ; и хотя я думаю, что число сіе увеличено, желаю однако-жъ, чтобъ вы наиточнѣйшимъ образомъ о томъ извѣдали и мнѣ въ самой подлинности донести не умедлили».

Допуская даже, что «число сіе было увеличено», тѣмъ не менѣе самая возможность такого ужаснаго пропойства въ столицѣ не доказываетъ, чтобы полицейскій надзоръ былъ въ ней очень блюстителенъ, чтобы озорничество точно безъ послабленія пресѣкалось, и чтобы жалобы на грабежъ уличныхъ красавицъ «подлаго состоянія» всегда были «безпутны» и неосновательны.

Обращаюсь за симъ къ находящимся въ моей пачкѣ старымъ афишкамъ, также относящимся ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, хотя на нихъ не обозначены ни годъ, ни мѣсяцъ, ни число. Есть между ними такія, которыя, судя по внѣшнимъ признакамъ, несомнѣнно достались собирателю точно такимъ же способомъ, какимъ благопріобрѣталъ ихъ Чичиковъ, то-есть были сорваны со столбовъ или съ заборовъ. Замѣчательно также, что всѣ онѣ отпечатаны на двухъ языкахъ: съ одной стороны полулиста—на русскомъ, а съ

---

[1]) Весьма богатый въ то время откупщикъ и подрядчикъ по обдѣлкѣ каналовъ.

другой — на нѣмецкомъ, и отпечатаны, само собой разумѣется, въ Петербургѣ, гдѣ происходили и афишированныя на нихъ представленія.

Приводимъ на этотъ разъ двѣ изъ этихъ афишъ — любопытныя сами по себѣ, а также по краснорѣчію, далеко оставляющему назади современныя намъ рекламы этого сорта.

Одна изъ нихъ о цирковыхъ экзерциціяхъ заѣзжей англійской труппы, во главенствѣ какой-то лихой «берейтерши» миссъ Ламенъ-Массонъ, начинается такъ:

ИЗВѢСТІЕ.

«Извѣстная англинская берейтерша Мисссъ Ламенъ-Массонъ и съ товарищами своими, имѣвшая предъ недавнымъ временемъ честь и щастіе представлять въ Вѣнѣ цѣлые семь мѣсяцовъ искусство свое въ тамошней Императорской манежѣ и не рѣдко въ высочайшемъ присутствіи ихъ Величествъ Королей Французскаго, Великобританскаго и Польскаго, и многихъ другихъ князей и вельможъ съ величайшею и общею похвалою, будетъ и здѣсь показывать искусство свое съ дозволенія правительства, надѣяся толь несомнѣнно на полученіе себѣ и здѣсь такой же похвалы, что она Миссъ Ламенъ-Массонъ (не смотря и на преимущества своего пола въ такомъ случаѣ) обязуется заплатить тому двѣсти червонныхъ, кто ей докажетъ, что бы главныя ею представляемыя дѣйствія были здѣсь когда видимы.

Въ понедѣльникъ, въ четвергъ и въ воскресенье представляемы будутъ нижеслѣдующія дѣйствія:

1. Миссъ Ламенъ-Массонъ подаетъ кому нибудь изъ зрителей полную игру картъ, и проситъ что бы онъ одну изъ нихъ въ памяти держалъ; господинъ Стуардъ броситъ цѣлую игру въ верхъ, а Миссъ Ламенъ-Массонъ перестрѣляетъ примѣчаемую карту изъ пистолета ѣздя при томъ въ скачъ.

2. Миссъ Массонъ возметъ у кого нибудь булавку, броситъ ее на полъ и подыметъ оную съ лошади бѣжа въ скачъ.

3. У Миссъ Массонъ есть лошадь, которая принесетъ назадъ брошенныя предъ нею вещи.

4. Миссъ Ламенъ-Массонъ представитъ еще большую пирамиду состоящую изъ шести персонъ, на трехъ лошадяхъ въ скачъ.

5. Она поставитъ на двѣ лошади на всякой по подсвѣщнику станетъ на оные и поѣдетъ въ скачъ.

6. Миссъ Ламенъ-Массонъ станетъ на лошадь въ положеніи летящаго Меркурія и покажетъ еще премногія другія, кои описать здѣсь было бы очень пространно.

7. Прыгаетъ она различными образами съ земли на лошадь въ сѣдло, и наконецъ перепрыгиваетъ нѣсколько разъ чрезъ всю лошадь.

8. Ѣздитъ на двухъ лошадяхъ во всемъ ихъ бѣгу, стоя на каждой одной токмо ногою, прыгаетъ на нихъ отъ двухъ до трехъ футовъ въ вышину, и потомъ бросается на оба сѣдла и вертиться клубомъ.

9. Скача на лошади во всю прыть, подыметъ съ земли платокъ, и будетъ одною рукою землю боронить, орать и рыть.

10. Становится каждой ногою на лошади, на большихъ стаканахъ, которые стоятъ на лошадяхъ, и ѣздитъ во всю прыть, дѣлаетъ въ семъ положеніи различныя искуства, потомъ скокнувъ сбиваетъ стаканъ, а сама бросается на лошадей.

11. Будетъ ѣздить обыкновеннымъ образомъ: потомъ опустится задомъ головою и руками на землю, однако ноги удержитъ въ сѣдлѣ и въ семъ положеніи покажетъ опять многія искуства.

12. Ѣздитъ на двухъ безуздныхъ лошадяхъ и пьетъ за здравіе зрителей.

13. Мальчикъ 14 лѣтъ ѣздитъ на лошади стоя на сѣдлѣ головою, а ногами

въ верхъ остаяся въ семъ положенiи, между тѣмъ какъ лошадь дѣлаетъ разные скачки через дерево.

14. Ѣздить паки Миссъ Ламенъ-Мссонъ на двухъ безуздныхъ лошадяхъ, стоя одной ногою на стремени у одной лошади, а другой у другой, въ семъ положенiи перепрыгиваютъ съ нею обѣ лошади черезъ дерево.

15. Ѣздить она же на трехъ лошадяхъ и кидается съ особливымъ проворствомъ съ одной на другую и на третью.

16. Возметъ Г. Стуардъ маленькаго турченка и свернувъ его какъ чалма посадить къ себѣ на голову и будетъ съ нимъ скакать на лошади во всю прыть ко удивленiю всѣхъ знающихъ людей.

17. Представленъ будетъ еще другой ѣздокъ, воображающiй о себѣ, что онъ ѣздитъ по англински».

Интересная афишка заканчивается предувѣдомленiемъ, что «миссъ Ламенъ-Массонъ намѣрена въ короткое время поѣхать отсюда съ товарищами своими», такъ пусть де почтеннѣйшая публика не зѣваетъ и поторопится увидѣть рѣдкихъ гостей. Соблазнъ для публики былъ тѣмъ большiй, что зрѣлище стоило не дорого: «за первое мѣсто платится 1 рубль, за второе—50 коп., и за третье—25 коп.». Дѣйствiе происходило въ манежѣ графа Панина и начиналось ежедневно «пополудни въ четыре часа».

Другая афиша начинается гораздо кудреватѣе въ типографскомъ, да и въ литографскомъ отношенiи.

«Съ дозволенiя Главной Полицiи.

Прiѣхавшiй сюда привиллегированной

ОТЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО

американской, физической и механической искусникъ имѣетъ показывать севодни

ДИВА СВѢТА.

1. Представляетъ сей искусникъ ново-изобрѣтенное живописное искуство, портреты на холстѣ изображенные, которые въ каждыя двѣ минуты перемѣняютъ цвѣты и превращаются въ бѣлую, блѣдную, алую и черную краску, такъ что въ восемь минутъ, четыре части свѣта представлять должны.

2. Поставится тиролька въ два фута вышиною въ присутствiи почтенныхъ зрителей на открытой столъ, и по приказанiю ихъ представлять будетъ все то, что только живой искусникъ здѣлать можетъ, даже и человѣческiя мысли изъявлять умѣетъ.

3. Видна будетъ лавка, которую зальцбургскiй торговщикъ суконъ по приказанiю зрителей отворяетъ и затворяетъ и по приказанiю въ каждой разъ другаго цвѣту сукна приносить и относить.

4. Поставленный въ два фута вышиною бахусъ несущей на головѣ бочку, наливать будетъ охотникамъ по ихъ приказанiю крану, краснаго и бѣлаго вина, также и воды.

5. Имѣетъ собранiе выбирать названiе цвѣтка, который тогда-жъ въ двѣ минуты показаться долженъ.

6. Барабанъ самъ собою бить будетъ два или три марша съ такою проворностiю какъ барабанщикъ.

7. Дѣлаемы будутъ ежедневно всякiя перемѣны металловъ и прочiя въ карты искуства, о коихъ здѣсь за неимѣнiемъ мѣста упомянуть не можно».

Эти «Дива Свѣта» показывались, какъ значится въ афишкѣ, въ «театрѣ у Перкина въ домѣ, что на Невской периспективѣ, во второмъ жилье». Мѣста для зрителей состояли только изъ двухъ ложъ: въ первой по 1 рублю съ персоны, во второй—по 50 коп.

«Американской искусникъ», не назвавшійся, однако, на афишкѣ своимъ именемъ, предлагалъ въ заключеніе, что, «по соизволенію знатныхъ особъ и другихъ обществъ, онъ свои искуства особливо на театрѣ представлять соглашается, когда ему только о томъ за часъ знать дано будетъ». Короче сказать, онъ предлагалъ давать свои представленія на дому, по заказу.

Вл. Михневичъ.

СМѢСЬ.

Юбилей императорскаго русскаго археологическаго общества. Императорское русское археологическое общество торжественно справляло свой 50-ти-лѣтній юбилей. Устроенное по этому случаю торжественное собраніе общества происходило въ актовомъ залѣ С.-Петербургскаго университета, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента общества, его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича и въ присутствіи ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской и ихъ высочествъ принцевъ Александра Петровича и Петра Александровича Ольденбургскихъ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились министры, члены государственнаго совѣта и множество выдающихся представителей науки и искусства. Торжество началось чтеніемъ высочайшаго рескрипта обществу. «Русское археологическое общество, говорилось въ немъ, сегодня празднуетъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Учрежденное въ 1846 году, по мысли нѣсколькихъ частныхъ лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью разработку въ нашемъ отечествѣ вообще археологіи и въ частности изслѣдованіе памятниковъ русской старины, оно, подъ предсѣдательствомъ сначала герцога Максиміліана Лейхтенбергскаго, а затѣмъ великаго князя Константина Николаевича, неуклонно шло по избранному пути и ознаменовало свою полувѣковую дѣятельность обнародованіемъ многихъ важныхъ и цѣнныхъ трудовъ, первенствующее мѣсто между которыми занимаютъ изслѣдованія, какъ касавшіяся русскихъ древностей, такъ и содѣйствовавшія ближайшему знакомству съ исторіею и древностями Востока. Такая разнообразная и полезная дѣятельность общества составляетъ несомнѣнную его заслугу передъ наукою и отечествомъ, и въ виду этого Мнѣ пріятно выразить Русскому археологическому обществу Мое благоволеніе, въ полномъ убѣжденіи, что оно

подъ просвѣщеннымъ руководительствомъ своего настоящаго предсѣдателя, великаго князя Константина Константиновича, будетъ и впредь такъ же неуклонно и плодотворно трудиться на пользу отечественной науки». Рескриптъ читалъ А. Ѳ. Бычковъ. Послѣ гимна, исполненнаго хоромъ пѣвчихъ, Н. И. Веселовскій ознакомилъ присутствовавшихъ съ дѣятельностью общества за истекшій полувѣкъ. Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, подробно излагать рѣчь г. Веселовскаго, ограничимся нѣкоторыми особенно характерными данными. Въ сороковыхъ годахъ кружокъ петербургскихъ нумизматиковъ образовалъ археологическо-нумизматическое общество, на утвержденіе котораго и послѣдовало высочайшее соизволеніе 15-го мая 1846 г. Первымъ президентомъ общества былъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, а вице-президентами Я. Я. Рейхель и Ф. А. Жиль, секретарями А. И. Бартоломей и Б. В. Кене; изъ числа членовъ-учредителей академикъ А. А. Куникъ является живымъ свидѣтелемъ полувѣковой жизни общества. Общество, душой котораго былъ иностранецъ Кене, вначалѣ жило жизнью, какъ бы обособленной отъ русской дѣйствительности. Сообщенія дѣлались на иностранныхъ языкахъ, французскомъ или нѣмецкомъ, но никогда на русскомъ. Такъ было, напримѣръ, изложено понѣмецки сообщеніе о серебряной чашѣ князя Владиміра Давидовича. Но въ 1849 г. утвержденъ новый, подробно разработанный уставъ общества, причемъ оно получило право именоваться императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ. Русскій элементъ и русскій духъ въ обществѣ возобладали; однимъ изъ самыхъ ретивыхъ его дѣятелей сталъ извѣстный И. П. Сахаровъ. Въ 1851 г. общество отпечатало въ 10.000 экз. составленную Сахаровымъ «Записку для обозрѣнія русскихъ древностей» и сдѣлало обращеніе ко всей просвѣщенной Россіи съ просьбою о сотрудничествѣ. Въ 1852 г. упразднено печатаніе «Мемуаровъ общества» на иностранныхъ языкахъ. Изъ замѣчательныхъ трудовъ императорскаго русскаго археологическаго общества нельзя не указать на слѣдующіе: Въ 1843 г. академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ обнаружилъ древнюю роспись и мозаичные рисунки въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и сдѣлалъ съ нихъ художественные снимки, которые и обнародованы императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ. Въ 80-хъ годахъ, по порученію общества, проф. А. В. Праховымъ сняты копіи съ древней росписи въ Кирилловскомъ монастырѣ. Обществомъ изданъ въ двухъ громадныхъ томахъ «Сборникъ» древнихъ греческихъ надписей сѣвернаго берега Чернаго моря, составляющій труды В. В. Латышева. Общество произвело изслѣдованіе Старо-Ладожской крѣпости, которое и обнародывается въ настоящее время. Общество въ теченіе 12 лѣтъ поддерживало изслѣдованіе покойнаго доктора Л. К. Ивановскаго, раскопавшаго 6.000 кургановъ въ Водской пятинѣ Новгородской области (уѣзды Царскосельскій, Лужскій и Петергофскій). Въ настоящее время, къ юбилею общества, описаніе коллекцій Ивановскаго издается императорскою археологическою комиссіею. Въ «Запискахъ общества» въ свое время помѣщено замѣчательное изслѣдованіе П. И. Савваитова: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конныхъ приборовъ, извлеченное изъ рукописей архива московской Оружейной палаты». Въ настоящее время общество выпускаетъ второе изданіе этого труда, чрезвычайно

дополненное, благодаря тому, что умершій недавно авторъ до конца своей жизни неустанно собиралъ новыя свѣдѣнія и толкованія, относящіяся къ его задачѣ. Въ краткой привѣтственной замѣткѣ мы упомянули лишь монументальные, такъ сказать, труды императорскаго русскаго археологическаго общества, не перечисляя безчисленныхъ его изданій, вошедшихъ въ составъ его «Мемуаровъ» (на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—6 томовъ), «Записокъ первой серіи» (14 т.), «Извѣстій» (10 тт.), «Записокъ новой серіи» (7 тт.), «Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи» (5 тт. и 1 т. нынѣ возобновленнаго этого изданія), «Трудовъ восточнаго отдѣленія» (20 тт.), «Записокъ восточнаго отдѣленія» (10 тт.), «Записокъ отдѣленія древне-классическо-византійской и западно-европейской археологіи» (въ этомъ году вышелъ I томъ). Императорское русское археологическое общество, во всемъ своемъ цѣломъ и во всѣхъ своихъ отдѣленіяхъ, составляетъ теперь кругъ лицъ, компетентныхъ въ вопросахъ древности и отзывчивыхъ къ интересамъ отечественной науки. Императорское русское археологическое общество находилось подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившаго императора Александра Александровича. Нынѣ благополучно царствующій государь императоръ Николай II также принялъ общество подъ свое державное покровительство. Предсѣдательство въ обществѣ принадлежитъ е. и. в. великому князю Константину Константиновичу, который принялъ на себя это званіе по кончинѣ великаго князя Константина Николаевича, бывшаго предсѣдателемъ общества въ теченіе 40 лѣтъ. Помощникомъ предсѣдателя общества состоитъ А. Ѳ. Бычковъ; предсѣдатели отдѣленій: славяно-русскаго — С. Ѳ. Платоновъ, классическаго — И. В. Помяловскій и восточнаго — бар. В. Р. Розенъ; секретарь общества — В. Г. Дружининъ. «И такъ,—сказалъ въ заключеніе г. Веселовскій,—наше общество въ теченіе 50 лѣтъ своего существованія шло прямо и неуклонно впередъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ и усердно занималось разработкою археологическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи оно можетъ спокойно смотрѣть на свое прошлое. Но трудно сказать, въ какой степени осуществились въ дѣйствительности смѣлыя и врядъ ли увѣренныя надежды членовъ-основателей относительно плодотворнаго воздѣйствія ихъ трудовъ на общественную среду въ смыслѣ распространенія въ ней вкуса къ археологіи и уваженія къ древностямъ. Серьезные результаты въ такомъ дѣлѣ не могутъ обнаружиться въ короткое время, да къ тому же они всегда находятся въ зависимости отъ общаго развитія народа: omnes artes conjunctae sunt. Если степень культуры народа, высота его умственнаго кругозора опредѣляются, между прочимъ, и отношеніемъ его къ памятникамъ давно прошедшихъ вѣковъ, то надо сознаться, что хотя наше общество дѣйствуетъ и не одно, а въ союзѣ съ другими, быть можетъ, болѣе энергичными и находящимися въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, оно все-таки не можетъ похвалиться значительнымъ успѣхомъ въ усиліяхъ своихъ развить въ общественной массѣ живой интересъ къ старинѣ. Эта масса попрежнему продолжаетъ легкомысленно относиться къ уцѣлѣвшимъ памятникамъ, равнодушно смотритъ на труды рукъ и проявленіе генія дальнихъ поколѣній; храмъ разрушенный для нея уже не храмъ. Разобрать на матеріалъ городскую стѣну—историческую славу города, разрушить

ветхую церковь—нѣмую свидѣтельницу людского горя и радости на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, хищнически ограбить курганъ или разорить могильникъ,—явленія у насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ обыкновенныя. Много еще труда предстоитъ всѣмъ, кому дороги завѣты прошлаго, и нашему обществу въ борьбѣ съ мракомъ незнанія и непониманія. У отдѣльнаго человѣка,—сказалъ въ заключеніе ораторъ,—съ годами уходятъ силы, утрачивается энергія, его неизбѣжно ждетъ смерть. Общество же, постоянно обновляемое новыми дѣятелями, наоборотъ, съ теченіемъ времени крѣпнетъ и совершенствуется, его планы, его дѣятельность расширяются, цѣли рисуются опредѣленнѣе, изысканія достигаютъ той высоты, когда они облекаются въ форму стройной науки, двигаемой и оживляемой опредѣленною задачею и правильными пріемами изслѣдованія. Уповаемъ, что императорское русское археологическое общество, встрѣчающее поощреніе своимъ трудамъ съ высоты престола, со вступленіемъ въ новое пятидесятилѣтіе своей жизни будетъ ревностно трудиться на пользу общечеловѣческой науки и во славу дорогой намъ всѣмъ Россіи». Послѣ этого августѣйшій президентъ общества провозгласилъ вновь избранныхъ почетныхъ членовъ общества. Въ числѣ ихъ находятся академики Куникъ, Васильевскій, Бестужевъ-Рюминъ и Майковъ, профессора Д. А. Хвольсонъ, В. С. Иконниковъ и Кандаковъ, вице-президентъ императорской академіи художествъ графъ И. И. Толстой и предсѣдатель финскаго археологическаго общества г. Аспелинъ. Затѣмъ слѣдовалъ пріемъ депутацій, подносившихъ адреса обществу. Торжество закончилось въ началѣ 4 часа дня. Передъ открытіемъ засѣданія прот. Рождественскимъ было отслужено благодарственное молебствіе. Вечеромъ въ ресторанѣ Донона состоялся обѣдъ археологовъ по подпискѣ.

Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. 29-го декабря въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ происходило, въ присутствіи августѣйшаго президента и высокихъ гостей, годовое торжественное собраніе. Большой залъ былъ переполненъ публикой, среди которой было много высокопоставленныхъ лицъ и представителей науки и вѣдомства народнаго просвѣщенія, во главѣ съ министромъ графомъ И. Д. Деляновымъ. Передняя стѣна зала была роскошно декорирована зеленью, среди которой утопалъ бюстъ императора Петра I. Первая рѣчь была прочитана съ каѳедры непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ, упомянувшимъ о двухъ знаменательныхъ для академіи годовщинахъ: столѣтія со дня рожденія императора Николая I и годовщины смерти императрицы Екатерины II. Памяти послѣдней и ея заботамъ по насажденію наукъ, а также и воспоминаніямъ о заслугахъ академиковъ того времени—Эйлера, Ломоносова, Палласа и другихъ, ораторъ посвятилъ нѣсколько страницъ своего отчета. Затѣмъ имъ были прочитаны некрологи почетныхъ членовъ академіи: князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго и старѣйшаго изъ русскихъ архипастырей—Саввы, архіепископа тверского и кашинскаго, и членовъ-корреспондентовъ: Дж. Гайнда, Ньютона, Фіорелли, профессоровъ А. П. Богданова, Е. Е. Замысловскаго, геолога Добре, профессора Бейриха, А. Кекуле, Тиссерана, Г. Гюльдена, астронома Б. Гульда и физіолога Дюбуа-Реймона. Далѣе были сообщены свѣдѣнія о результатахъ двухъ экспедицій, снаряженныхъ академіей на Амуръ и на Новую Землю, для

наблюденія солнечнаго затменія, объ участіи главной физической обсерваторіи во всероссійской выставкѣ, о пожертвованіяхъ и о результатахъ научныхъ работъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи. Академикъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности, въ которомъ такъ же указалъ на просвѣщенное участіе императрицы Екатерины II по организаціи этого (второго) отдѣленія, по докладу княгини Дашковой, и на вниманіе императора Николая I къ чистотѣ отечественнаго языка, благодаря чему онъ и утвердилъ уставъ словеснаго отдѣленія. Въ настоящее время отдѣленіе трудится надъ изданіемъ «Словаря русскаго языка» въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова. Редакція этого труда была возложена на академика Я. К. Грота и затѣмъ на адъюнкта А. А. Шахматова. Съ января 1897 года начнется печатаніе на букву Е и будетъ безостановочно продолжаться. По изданію «Литовско-русско-польскаго словаря» пріискивается новый редакторъ. «Словарь древне-русскаго языка» печатался подъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова безостановочно и уже доведенъ до буквы О. Столь же успѣшно продолжается печатаніе и «Областного словаря олонецкаго нарѣчія». Затѣмъ были сообщены перечень трудовъ академиковъ по этому отдѣленію и прочувствованный некрологъ члена-корреспондента академіи покойнаго писателя и литератора Н. Н. Страхова. Академикъ-астрономъ Ѳ. А. Бредихинъ прочелъ съ каѳедры прекрасную рѣчь, посвященную памяти императора Николая I—основателя Николаевской главной астрономической обсерваторіи (Пулковской). Рѣчь Ѳ. А. Бредихина была полна его личныхъ благодарныхъ воспоминаній о прошломъ, о возникновеніи обсерваторіи и о вниманіи къ ней Николая I, произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ и вызвала дружныя рукоплесканія. Ораторомъ была живо и ярко обрисована личность императора, какъ рыцаря, придававшаго особое значеніе слову и обѣщанію, которыя уже даны, какъ насадителя наукъ въ Россіи, какъ справедливѣйшаго и самаго великодушнаго и строгаго человѣка въ государствѣ и, наконецъ, какъ государя, питавшаго особое внутреннее влеченіе къ астрономіи, хотя онъ и не былъ знакомъ съ ея глубинами. Вице-президентъ академіи, Л. Н. Майковъ, прочелъ отчетъ постоянной комиссіи для выдачи пособій имени императора Николая II нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Предсѣдателемъ ея былъ Л. Н. Майковъ, товарищемъ его Н. Ѳ. Дубровинъ и членами въ сессіи 1895—1896 года—академики В. П. Еремѣевъ и баронъ В. Р. Розенъ и литераторы: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и М. А. Загуляевъ. Запасными членами состояли академикъ А. Н. Веселовскій и К. К. Случевскій. На вторую половину 1896 года нѣкоторыхъ выбывшихъ членовъ постоянныхъ и запасныхъ замѣнили собою академикъ М. И. Сухомлиновъ и литераторы Д. Ѳ. Кобеко и князь Э. Э. Ухтомскій. Въ распоряженіи комиссіи было 50.000 рублей согласно высочайшему указу, 300 рублей отъ ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, остатокъ отъ минувшаго года въ 10.772 рубля и разныхъ возвращеній 719 рублей, что составило общую сумму 61.791 рублей. Въ теченіе отчетнаго года комиссія имѣла 21 совѣщаніе. Было разсмотрѣно 508 ходатайствъ, изъ коихъ 478 представлены самими нуждающимися, а 30 заявленій сдѣлано со стороны из-

вѣстныхъ въ литературѣ и въ наукѣ лицъ о разныхъ нуждающихся въ помощи писателяхъ. Всего удовлетворено 316 ходатайствъ, въ томъ числѣ отъ 194 лицъ за ихъ собственныя заслуги и отъ 122 лицъ за заслуги ихъ ближайшихъ родственниковъ. Согласно рѣшенію комиссіи, имена лицъ, получившихъ отъ нея какое либо воспособленіе, не подлежатъ оглашенію. По мѣсту жительства лица, получившія пенсіи или пособія, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 186 въ С.-Петербургѣ, 126 въ другихъ мѣстностяхъ имперіи и 4 за границей. Пенсія имени императора Николая II назначены 12 лицамъ, на сумму 5.220 рублей, и всѣхъ пенсій выдается въ настоящее время на 12.990 рублей. Единовременныя пособія выданы 204 лицамъ, на сумму 19.603 рубля. Выдавались пособія, разсроченныя помѣсячно, 104 лицамъ, на сумму 28.755 рублей. Оставшаяся невыданною сумма въ размѣрѣ 1.613 рублей 43 коп. причислена къ средствамъ будущаго года для выдачи въ послѣдующее время. Остались нерѣшенными 3 ходатайства, 192 ходатайства были комиссіей отклонены, по отсутствію уважительныхъ для ихъ удовлетворенія причинъ. Обиліе поступающихъ въ комиссію ходатайствъ не всегда давало ей возможность назначать пособія въ такомъ размѣрѣ, какой былъ заявленъ просителями; тѣмъ не менѣе вопіющія нужды писателей и ученыхъ, живущихъ исключительно литературнымъ трудомъ, по мнѣнію комиссіи, находили себѣ удовлетвореніе въ тѣхъ пособіяхъ, которыя выдавались. Н. Ѳ. Дубровинъ прочелъ отчетъ о присужденныхъ академіей въ текущемъ году преміяхъ. Преміи имени графа Д. А. Толстого: первая золотая медаль въ 300 рублей присуждена магистру императорскаго С.-Петербургскаго университета С. Ѳ. Глинкѣ за сочиненіе «Химическій составъ и оптическія свойства альбитовъ изъ русскихъ мѣсторожденій». Вторая золотая медаль въ 250 рублей и 800 рублей деньгами присуждена профессору Новороссійскаго университета А. В. Клоссовскому за его труды: «Лѣтописи метеорологической обсерваторіи императорскаго Новороссійскаго университета въ Одессѣ за 1894 и 1895 года» и «Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи». Третья медаль въ 150 руб. присуждена профессору института императора Александра I А. Г. Нюбергу за его: «Курсъ портовыхъ сооруженій». Преміей Ѳ. Ѳ. Брандта увѣнчанъ трудъ профессора С.-Петербургскаго университета В. Т. Шевякова (на нѣмецкомъ языкѣ): «О географическомъ распространеніи прѣсноводныхъ простѣйшихъ». Преміи имени академика В. Я. Буняковскаго были присуждены въ половинномъ размѣрѣ (500 рублей) ординарному профессору императорскаго Харьковскаго университета М. А. Тихомандрицкому за сочиненіе: «Теорія эллиптическихъ интеграловъ и эллиптическихъ функцій». Вторая половинная премія такъ же въ размѣрѣ 500 рублей присуждена профессору императорскаго Варшавскаго университета за его два труда: «О цѣлыхъ алгебраическихъ числахъ, зависящихъ отъ корня уравненія 3-й степени» и «Объ одномъ обобщеніи логариѳма непрерывныхъ дробей». Въ заключеніе были провозглашены лица, избранныя академіей въ число своихъ членовъ, а именно: въ почетные члены: членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Д. М. Сольскій, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. И. Вешняковъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ А. Ѳ. Кони, С. Ньюкомбъ (въ Вашингтонѣ), Ж. Бертранъ (въ Парижѣ), лордъ Кельвинъ (въ Глазгоу). Въ члены-

корреспонденты: заслуженный профессоръ университета святаго Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ М. Ѳ. Хандриковъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. К. Бобылевъ, членъ парижской академіи наукъ О. Калландро, профессоръ Стокгольмскаго университета Магнусъ-Густавъ Миттагъ-Леффлеръ, профессоръ Лейпцигскаго университета Софусъ Ли, профессоръ императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Е. Лагоріо, генералъ-маіоръ И. П. де-Колонгъ, профессоръ Royal Institution лордъ Рейлей, профессоръ Болонскаго университета А. Риги, профессоръ Берлинскаго университета Гансъ Ландольтъ, профессоръ Лейпцигскаго университета Оствальдъ, профессоръ Мюнхенскаго университета Карлъ Циттель, профессоръ императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ М. А. Мензбиръ, профессоръ университета въ Христіаніи Георгъ-Сарсъ, польскій писатель Генрихъ Сенкевичъ, профессоръ университета въ Галле Іоганнъ Конрадъ, профессоръ Дублинскаго университета Д. Б. Бьюри, профессоръ Берлинскаго университета Германъ Дильсъ, членъ французскаго института и академіи надписей Максимъ Колиньонъ.

Сармасахлыская рукопись евангелія. Въ минувшемъ ноябрѣ къ рукописямъ императорской Публичной библіотеки присоединилась новая, которая по своей важности и цѣнности должна быть поставлена на ряду съ синайскою библіею IV вѣка и Остромировымъ евангеліемъ 1057 года. Государю императору благоугодно было пожаловать библіотекѣ пріобрѣтенное его величествомъ въ нынѣшнемъ году греческое рукописное евангеліе VI вѣка, писанное на пурпуровомъ пергаментѣ. Въ концѣ 1895 года русскій археологъ Я. И. Смирновъ, путешествовавшій съ ученой цѣлью по Анатоліи, извѣстилъ русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, что въ Малой Азіи, въ селеніи Сармасахлы, близъ Кесаріи Кападокійской, имѣется весьма замѣчательное рукописное греческое евангеліе, что подтверждали ранѣе ходившіе объ этомъ слухи. За этою рукописью четыре года слѣдили англичане и американцы; желая ее пріобрѣсти, они предлагали за нее сармасахлыской общинѣ большую сумму, и въ послѣднее время довели ее до 1.200 фунтовъ стерлинговъ; но члены сармасахлыской общины, нуждающейся въ денежныхъ средствахъ для поддержанія своей церкви и своего училища, рѣшили передать рукопись только въ руки православныхъ. Константинопольскій археологическій институтъ полученныя имъ извѣстія о сармасахлыской рукописи довелъ до свѣдѣнія нашего посла въ Константинополѣ, поспѣшившаго сообщить о ней директору императорской Публичной библіотеки. Къ сожалѣнію, императорская Публичная библіотека, вслѣдствіе огрниченности отпускаемыхъ ей денежныхъ средствъ, не могла и думать о покупкѣ столь дорогой рукописи. Тогда А. И. Нелидовъ, черезъ посредство президента императорской академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича, счелъ долгомъ обратить на нее августѣйшее вниманіе государя императора; его величество повелѣлъ пріобрѣсти сармасахлыское евангеліе въ свою личную собственность и нынѣ соизволилъ пожаловать эту драгоцѣнную рукопись императорской Публичной библіотекѣ. Сармасахлыское евангеліе писано на пергаментѣ тонкой выдѣлки, окрашенномъ въ пурпурную (фіолетовую) краску; текстъ писанъ серебромъ, уставнымъ письмомъ VI вѣка, въ два столбца

по 16 строкъ въ каждомъ; только имя Божіе и Іисуса Христа, а также заглавія отдѣльныхъ частей евангеліи писаны золотомъ. Сармасахлыская рукопись сохранилась не въ полномъ видѣ: въ ней недостаетъ болѣе половины, и всѣхъ листовъ въ ней имѣется теперь сто-восемьдесятъ два. Переплетъ для рукописи сдѣланъ, сколько можно судить по записи на оборотѣ верхней его доски, въ 1820 году. По ближайшемъ изученіи рукописи, произведенномъ въ Константинополѣ, подъ руководствомъ директора тамошняго русскаго археологическаго института, оказалось, что сармасахлыское евангеліе составляетъ довольно значительную часть того знаменитаго пурпуроваго евангелія (извѣстнаго со временъ Тишендорфа подъ названіемъ «пурпуровый кодексъ N»), изъ котораго до сихъ поръ было извѣстно только сорокъ пять листовъ (шесть въ Римѣ, два въ Вѣнѣ, четыре въ Лондонѣ и 33 на островѣ Патмосѣ, въ библіотекѣ монастыря святого Іоанна Богослова) и открытіе котораго, вполнѣ или частью, издавна было мечтою богослововъ и палеографовъ. Сверхъ того, жителями Сармасахлы было сообщено русскому консулу въ Коніи, г. Левитскому, который былъ командированъ, чтобы привезти въ Константинополь сармасахлыское евангеліе, что, по ихъ свѣдѣніямъ, пять листовъ изъ этого же евангелія находятся у трехъ частныхъ лицъ въ Кесаріи и ея окрестностяхъ, пятнадцать въ критскомъ монастырѣ Панагія Кико и пять листовъ въ Лондонѣ. Эти свѣдѣнія г. Левитскимъ были провѣрены относительно указанныхъ частныхъ лицъ, причемъ одно лицо не могло быть розыскано, другое заявило, что у него никогда не было листа изъ сармасахлыскаго евангелія, а третье (армянскій архимандритъ въ Кесаріи Тиртатъ) сообщило, что дѣйствительно у него хранился одинъ листъ изъ сармасахлыскаго евангелія, который былъ имъ проданъ черезъ гор. Буасье въ вѣнскій музей. Внимательное изученіе рукописи показало, что уже въ XII—XIV вѣкахъ въ ней, судя по помѣтамъ того времени, недоставало многихъ листовъ; затѣмъ рукопись подверглась дальнѣйшимъ утратамъ, и листы ея разошлись, какъ это сказано, по многимъ странамъ (въ Ватиканѣ и въ Вѣнѣ они хранятся съ XVII вѣка). Въ полномъ объемѣ рукопись должна была состоять изъ 49 тетрадей (такъ называемыхъ «пентадъ»: пять большихъ листовъ было сложено пополамъ, такъ что каждая тетрадь заключаетъ въ себѣ по 10 листовъ), или 490 листовъ, такъ что въ настоящее время сохранилось менѣе половины всей рукописи. Рукописей, писанныхъ на пурпуровомъ пергаментѣ, дошло до нашего времени очень мало; вслѣдствіе этого понятно, какую высокую цѣну имѣетъ сармасахлыская рукопись. Евангеліе столь роскошнаго выполненія, какъ сармасахлыское, могло быть списано только съ лучшихъ по исправности списковъ, а потому значеніе этой рукописи для исторіи евангельскаго текста пріобрѣтаетъ особую важность. Помимо этого, рукопись даетъ новыя данныя для палеографіи и исторіи языка. Какое значеніе придается въ Европѣ «пурпуровому кодексу N», видно изъ того, что во всѣхъ библіотекахъ, гдѣ сохранилось по нѣскольку листковъ этой рукописи, на нихъ смотрятъ, какъ на драгоцѣннѣйшее достояніе, а ватиканская библіотека, желая поднести папѣ Льву XIII ко дню его юбилея перлъ изъ своихъ книжныхъ сокровищъ, остановила свой выборъ на шести листкахъ «пурпуроваго кодекса» и издала ихъ съ подобающею роскошью. Среди же православнаго населенія Анатоліи сармасах-

лыское евангеліе было повсемѣстно чтимо, какъ святыня; это доказывается также и тѣмъ, что передъ отправленіемъ этого евангелія въ Россію въ нашу посольскую церковь въ Константинополѣ пришли ему поклониться всѣ анатоліоты и кесарійцы, проживавшіе въ Царьградѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сармасахлыское евангеліе, являющееся теперь однимъ изъ лучшихъ украшеній богатаго рукописнаго отдѣленія императорской Публичной библіотеки, сдѣлается предметомъ внимательнаго изученія какъ богослововъ, такъ палеографовъ. Эта драгоцѣнная рукопись, заслуживающая, подобно Синайской Библіи, самаго тщательнаго изданія, будетъ помѣщена въ особой витринѣ, рядомъ съ Синайскою Библіею и Остромировымъ евангеліемъ. («Прав. Вѣстн.»).

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. Во вторникъ, 10-го декабря, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками выступили Ѳ. А. Браунъ (О книгѣ доктора Леве: «Die Reste der Germanen am Schwarzen Meer») и графъ А. А. Бобринскій («Новая теорія происхожденія свастики въ связи съ мотивами кавказскихъ ковровъ»). Цѣннымъ въ новой книгѣ нѣмецкаго ученаго о слѣдахъ германцевъ на берегахъ Чернаго моря является отысканное у современныхъ путешественниковъ относящееся къ XV вѣку свидѣтельство о готахъ на Кавказѣ. Графъ А. А. Бобринскій, сосредоточивая наше вниманіе на орнаментальномъ мотивѣ, извѣстномъ подъ именемъ свастики (крестъ съ перпендикулярными на каждой оконечности прибавками, не пересѣкающимися при продолженіи), знакомитъ насъ съ объясняющею происхожденіе свастики теоріей фонъ-Штейнена (Karl von der Steinen: «Praehistorische Zeichen und Ornamente»), который усматриваетъ въ свастикѣ изображеніе летящей птицы и именно аиста, опираясь въ данномъ случаѣ на изученіе рудиментарныхъ изображеній животныхъ, украшающихъ древнѣйшіе керамическіе памятники. Съ своей стороны, графъ А. А. Бобринской находитъ подтвержденіе теоріи нѣмецкаго ученаго въ изученіи узоровъ кавказскихъ ковровъ, гдѣ свастики сопровождаются несомнѣнными, хотя и схематически-прямолинейными, изображеніями птицъ съ длинной шеей и длинными ногами. II. Въ послѣднемъ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества В. А. Тепловъ сообщилъ обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, бывшаго почетнымъ членомъ археологическаго общества. Для характеристики этого замѣчательнаго дѣятеля приводимъ, со словъ г. Теплова, его разсказъ объ умѣніи князя Лобанова-Ростовскаго дѣйствовать быстро и рѣшительно, когда этого требовали обстоятельства. Разсказъ относится ко времени 1878 г. Послѣ предварительнаго Санъ-Стефанскаго договора русскія войска охватывали съ сухопутья Константинополь широкимъ кольцомъ, начинавшимся у Санъ-Стефано и тянувшимся почти до Чернаго моря. Въ обѣихъ арміяхъ были военачальники, недовольные прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Ярымъ сторонникомъ войны среди турокъ былъ молодой генералъ (нынѣ маршалъ) Фуадъ-паша. Находившійся подъ его начальствомъ авангардъ, имѣвшій передъ собой войска генерала Скобелова, въ одинъ изъ іюльскихъ дней замѣтилъ, что у русскихъ, стоявшихъ напротивъ него, возведены вышки, построенныя казаками

для лучшаго наблюденія за турецкими позиціями. Фуадъ-паша усмотрѣлъ въ этомъ приступъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и потребовалъ отъ генерала Скобелева уничтоженія этихъ вышекъ. Скобелевъ донесъ объ этомъ графу Тотлебену, который въ свою очередь сообщилъ о возникшемъ недоразумѣніи князю Лобанову, назначенному послѣ заключенія мира чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ при султанѣ. Получивъ это извѣстіе въ Буюкдере въ 4 часа утра, князь Лобановъ черезъ часъ былъ уже въ прибосфорской деревушкѣ Кандилли, расположенной на Малоазійскомъ берегу, гдѣ проводилъ лѣто тогдашній турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Савфетъ-паша, и настойчиво извлекъ его изъ гарема. Нашему дипломату не трудно было убѣдить Савфета-пашу въ необходимости пріостановить дѣйствіе пылкаго турецкаго генерала, но онъ не рѣшался безпокоить султана непосредственнымъ съ нимъ сношеніемъ по телеграфу въ такой ранній часъ. Однако князь Лобановъ поставилъ на своемъ. Въ 6 часовъ утра султанъ уже далъ Фуаду-пашѣ самыя строгія приказанія по телеграфу, и весь инцидентъ былъ такимъ образомъ исчерпанъ.

Археологическое общество въ Москвѣ. 10 декабря происходило засѣданіе императорскаго московскаго археологическаго общества. Предварительно предсѣдателемъ общества, графиней П. С. Уваровой, сообщены были милостивыя слова его императорскаго величества, полученныя въ отвѣтъ на посланную отъ общества поздравительную телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по случаю дня тезоименитства его величества. Кромѣ того, было сообщено о благодарности, выраженной ихъ императорскими высочествами великими князьями Константиномъ Константиновичемъ и Александромъ Михайловичемъ за поднесенный 5-й томъ изданій общества. Затѣмъ началось чтеніе докладовъ. X. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочелъ докладъ: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Крымъ въ 1896 году». Докладъ представляетъ описаніе девяти древнихъ церквей, находящихся въ Ѳеодосіи, древней Кафѣ, и относящихся къ XIV вѣку, когда область южнаго Крыма была въ значительной степени населена армянами, такъ что даже получила названіе Armenia maritima. Впослѣдствіи Кафа разрушена татарами и турками; а армяне выселились откуда въ Нахичевань и другія мѣста. Упомянутыя девять церквей принадлежали армянамъ, а въ настоящее время одна изъ нихъ превращена въ православный храмъ, остальныя же находятся въ запустѣніи. Церкви эти интересны въ археологическомъ отношеніи надписями на армянскомъ языкѣ, свидѣтельствующими о большой древности ихъ происхожденія. Слѣдующій докладъ прочитанъ былъ Н. В. Тепловымъ и заключалъ въ себѣ нѣкоторыя данныя объ урочищѣ Дуны, близъ города Лихвина. Раскопки, произведенныя докладчикомъ въ этомъ урочищѣ, доказываютъ, что оно представляетъ древнюю стоянку каменнаго вѣка. Послѣдній докладъ принадлежалъ С. К. Богоявленскому и содержалъ свѣдѣнія о раскопкахъ въ Курляндіи и Лифляндіи лѣтомъ 1896 года. Подобно предыдущему, докладъ этотъ сопровождался демонстрированіемъ большой и цѣнной коллекціи вещей, добытыхъ при производствѣ раскопокъ.

Общество любителей древней письменности. Въ засѣданіи общества любителей древней письменности 13 декабря было сдѣлано три сообщенія: одно В. Г. Дружининымъ и два пр. А. И. Кирпичниковымъ. Всѣ три сообщенія имѣли

библіографическій характеръ, и такимъ образомъ представляли спеціальный интересъ. Первымъ выступилъ г. Дружининъ, доложившій обществу объ одной недавно пріобрѣтенной имъ рукописи конца прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія. Рукопись эта, не богатая содержаніемъ, тѣмъ не менѣе представляетъ нѣкоторый интересъ, во-первыхъ, по тому, какъ относился къ ней самъ авторъ, неизвѣстный до сихъ поръ въ литературѣ инокъ Никаноръ, во-вторыхъ, по отношенію къ ней ея немудрыхъ читателей. Содержаніе рукописи вкратцѣ слѣдующее: Книга Бытія съ толкованіями, Лѣтописецъ отъ сотворенія міра до перваго года царствованія Павла Петровича (1797 г.), Приточникъ, Святцы съ виршами въ честь греческихъ и русскихъ «боговъ» и Звѣздочетіе съ приложеніемъ нѣсколькихъ статей, изъ которыхъ выдѣляется статья «о травѣ табакѣ». Все изложено чрезвычайно кратко и не безъ витіеватости, часто въ ущербъ удобопонятности текста. По мнѣнію автора, эта разнообразная по своему содержанію рукопись должна была представлять изъ себя цѣлую энциклопедію. Конечно, автору простительно пристрастное отношеніе къ своему блѣдному труду, но онъ не ошибся: его «любомудріе» нашло такихъ читателей, которые признали за нимъ значеніе энциклопедіи. Къ числу подобныхъ читателей принадлежало, напримѣръ, лицо, продавшее эту рукопись. Интересно, что это былъ старовѣръ, отозвавшійся однако о трудѣ инока Никанора съ величайшей похвалой, между тѣмъ, какъ инокъ не сочувствуетъ расколу. Г. Дружининъ полагаетъ, что это произошло оттого, что читатель не понялъ направленія сборника; но можно думать, что его скорѣе подкупили разсужденія инока Никанора о вредѣ травы-табака, источника всякихъ прегрѣшеній. На докладъ г. Дружинина сдѣланы были замѣчанія гг. А. Ѳ. Бычковымъ, Кирпичниковымъ и Перетцомъ, изъ которыхъ первый указалъ, что изящное письмо рукописи встрѣчается еще и въ настоящее время на Уралѣ; г. Кирпичниковъ замѣтилъ, что рукопись эта составлена, несомнѣнно, на основаніи разныхъ источниковъ, и что въ одной своей части она напоминаетъ западныя «Specula moralia»; г. Перетцъ, указавшій, что на рукописи замѣтно вліяніе и печатныхъ книгъ конца прошлаго столѣтія, сказалъ, что однородная рукопись находится въ коллекціи покойнаго князя Вяземскаго. Затѣмъ слѣдовали два доклада г. Кирпичникова. Въ первомъ изъ нихъ докладчикъ указалъ на то, что изданный въ XI книжкѣ «Временника» княземъ Оболенскимъ, важный для русской науки «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» изданъ, какъ онъ убѣдился, неудовлетворительно, такъ что желательно, чтобы было сдѣлано новое изданіе. При этомъ г. Кирпичниковъ сказалъ, что въ настоящее время г. Бѣлокуровымъ издается въ Москвѣ неизвѣстная доселѣ рукопись, сходная съ «Лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго», стоявшимъ до сихъ поръ особнякомъ. Второе сообщеніе г. Кирпичникова коснулось только что вышедшаго 4-го тома «Bibliographie Hellénique» Em. Legrand'a. Томъ этотъ, посвященный такимъ лицамъ, какъ Кириллъ Лукарь, Паисій Лигаридъ, Николай Спаѳарій, Петръ Могила, или, собственно, Петръ Мовила, имѣетъ несомнѣнно огромное значеніе для русской науки, тѣмъ болѣе, что въ немъ приняты во вниманіе всѣ труды русскихъ ученыхъ, и, кромѣ того, собрано много новыхъ свѣдѣній по архивамъ и библіотекамъ Аѳона и Западной Европы. Г. Кирпичниковъ болѣе подробно остановился

на статьѣ о П. Могилѣ, написанной г. Пико, извлекшимъ изъ румынскихъ матеріаловъ много новыхъ данныхъ о славномъ кіевскомъ митрополитѣ; такъ, напримѣръ, послѣ труда Пико приходится отказаться отъ стараго мнѣнія, что П. Могила получилъ свое образованіе въ Парижѣ, такъ какъ Пико доказалъ, что Могила обучался въ Голландіи. Чрезвычайно тщательно разработана также и генеалогія П. Могилы, третьяго сына кн. Симеона Мовилы, бывшаго сначала чашникомъ при дворѣ Стефана Великаго, затѣмъ логоѳетомъ и наконецъ порколаномъ (бургграфомъ). Замѣчаній оба доклада г. Кирпичникова не вызвали никакихъ.

Библіографическій кружокъ въ Москвѣ. 2 декабря происходило подъ предсѣдательствомъ А. Д. Торопова общее собраніе членовъ Московскаго библіографическаго кружка, въ которомъ прочитано было три доклада. Первый изъ нихъ, прочитанный В. Н. Рогожинымъ, принадлежалъ П. П. Никольскому и былъ озаглавленъ: «Петербургскія вѣдомости прошлаго столѣтія, какъ матеріалъ по библіографіи». Указавъ на тотъ фактъ, что за послѣднее время библіографія стала на твердую почву, докладчикъ перешелъ затѣмъ къ сравнительной оцѣнкѣ различныхъ существующихъ у насъ каталоговъ, напримѣръ, Сопикова, Плавильщикова, Смирдина и др., причемъ отмѣтилъ, что каталоги эти страдаютъ многими недостатками, а главнымъ образомъ пробѣлами и неточностями. Вотъ эти-то пробѣлы и неточности, по мнѣнію докладчика, могутъ быть пополнены свѣдѣніями, почерпаемыми въ старыхъ вѣдомостяхъ прошлаго столѣтія. Благодаря давно уже укоренившемуся у насъ обычаю публиковать въ газетахъ о выходѣ новыхъ книгъ, вѣдомости даютъ въ этомъ отношеніи обильный матеріалъ. Въ настоящее время гг. Никольскій и Рогожинъ заняты разработкой этого богатаго матеріала. Слѣдующій докладъ А. Д. Торопова посвященъ былъ вопросу о переплетномъ дѣлѣ. Источникомъ доклада послужила брошюра Кирхнера, выпущенная имъ по случаю исполнившагося 17-лѣтія его переплетнаго заведенія. Въ докладѣ излагается подробная исторія переплетнаго дѣла, начиная съ эпохи свитковъ,—когда переплеты представляли не что иное, какъ круглый футляръ, обыкновенно, изъ кедроваго дерева, а библіотеки походили на современные склады обоевъ,—и до нашихъ дней. По мнѣнію докладчика, переплеты старыхъ временъ отличались и вкусомъ и прочностью, чего нельзя сказать о теперешнихъ. Докладъ сопровождался демонстрированіемъ небольшой выставки образцовъ переплетнаго дѣла, изготовленныхъ фирмой Гагена. Въ заключеніе А. А. Шевелевъ прочиталъ докладъ А. Ф. Филиппова подъ заглавіемъ: «Просвѣщенное невѣжество (нѣчто изъ исторіи русскаго книгоиздательства)». Изъ наблюденій надъ русской читающей публикой докладчикъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Для огромнаго большинства русской читающей публики книга не есть что либо необходимое; она можетъ существовать и не существовать. 2) Русскій читатель не умѣетъ выбирать книгъ для чтенія; спросъ на книги является въ значительной степени стихійнымъ. 3) Издатели наши не руководятся почти никогда идейными цѣлями, а главнымъ образомъ выгодами въ продажѣ книгъ, и широко пользуются переводами. Въ результатѣ получается неутѣшительная картина: полупросвѣщенный читатель набрасывается на переводную иностран-

ную литературу и, напитавшись подобнымъ матеріаломъ, отрѣшенный отъ изученія родной дѣйствительности, выходитъ какимъ-то межеумкомъ и неучемъ. Послѣ прочтенія докладовъ послѣдовали выборы должностныхъ лицъ. Занять должность предсѣдателя собраніе постановило просить Н. А. Веневитинова. Секретаремъ избранъ А. А. Шевелевъ, казначеемъ—И. К. Голубевъ, хранителемъ библіотеки и музея—Я. Г. Квасковъ. Кандидатами къ этимъ четыремъ лицамъ избраны: Д. Д. Языковъ, В. И. Безсоновъ и г-жа Торопова. Должность кандидата въ секретари не замѣщена.

Географическое общество. I. Докладъ князя Б. Б. Голицына въ географическомъ обществѣ о результатахъ снаряженной академіей наукъ экспедиціи на Новую Землю лѣтомъ текущаго года привлекъ массу слушателей; въ рѣчи передъ началомъ собранія вице-президентъ общества П. П. Семеновъ замѣтилъ, что докладъ этотъ имѣетъ тѣмъ большій интересъ, что экспедиція, спеціальное назначеніе которой было наблюденіе за солнечнымъ затменіемъ, не ограничилась только этимъ, а совершила продолжительную экскурсію вглубь Новой Земли, для производства различнаго рода изслѣдованій и изученія самой мѣстности. Въ первой части сообщенія князь Б. Б. Голицынъ изложилъ исторію снаряженія экспедиціи, маршрута и т. д. Путь до Архангельска былъ пройденъ благополучно. Въ Архангельскѣ пришлось потерять одного изъ спутниковъ—г. Абрамъ, скончавшагося отъ падучей болѣзни. Отсюда, выписавъ предварительно изъ Мезени двухъ опытныхъ поморовъ, участвовавшихъ уже въ экспедиціи Ѳ. К. Чернышева на Новую Землю, князь Голицынъ вмѣстѣ съ путниками пересѣлъ на транспортъ «Самоѣдъ», который оказался въ высшей степени неудобнымъ для плаванія въ сѣверныхъ водахъ; сильная качка поминутно давала себя чувствовать. Въ заливѣ у малыхъ Кармакулъ путешественники едва не сѣли на подводные камни, вслѣдствіе неправильно составленной карты; нѣсколько часовъ спустя, на этомъ же самомъ мѣстѣ потерялъ винтъ пороходъ «Ломоносовъ». По прибытіи въ Малые Кармакулы экспедиція была встрѣчена всѣмъ населеніемъ съ игуменомъ мѣстнаго скита, іеромонахомъ Іоною, во главѣ; скитъ представляетъ собою небольшую деревянную церковь съ домикомъ для школы, и единственнымъ обитателемъ этого монастыря является іеромонахъ Іона, всецѣло посвятившій себя дѣлу христіанскаго воспитанія и обученія грамотѣ мѣстныхъ самоѣдовъ. Князь Голицынъ чрезвычайно симпатично отзывается объ о. Іонѣ; это, по его словамъ, истинный подвижникъ и аскетъ, отказавшійся отъ всего мірского и появившійся въ этой дикой странѣ для блага своихъ ближнихъ; небольшая церковь въ Малыхъ Кармакулахъ—самая сѣверная православная церковь въ Россіи. Въ дальнѣйшей части своего доклада кн. Голицынъ охарактеризовалъ мѣстныхъ самоѣдовъ, какъ угрюмыхъ и несимпатичныхъ людей, падкихъ къ водкѣ, чѣмъ умѣло пользуются заѣзжіе промышленники. Занимаются здѣсь самоѣды, преимущественно, охотой за бѣлымъ медвѣдемъ. Въ день пріѣзда экспедиціи (14-го іюля) въ церкви было отслужено молебствіе по случаю священнаго коронованія, такъ какъ вѣсть о немъ дошла до Новой Земли только съ прибытіемъ транспорта «Самоѣдъ». Затѣмъ начались работы по сооруженію метеорологической станціи и астрономической обсерваторіи. Наблюденія за солнеч-

нымъ затменіемъ вполнѣ удались, несмотря на то, что утро было туманное, и небо заволокло тучами. Къ счастью, и туманъ, и тучи разсѣялись въ ту самую минуту, когда это нужно было экспедиціи. Вмѣстѣ съ экспедиціей академіи наукъ на Новой Землѣ производили наблюденія экспедиціи англійская и казанская съ профессоромъ Тубяго во главѣ. Партіи князя Голицына удалось сдѣлать массу фотографическихъ снимковъ, которыми иллюстрировалась лекція. Когда всѣ труды по наблюденію за солнечнымъ затменіемъ были окончены, спутники, имѣя въ своемъ распоряженіи девять свободныхъ дней, рѣшили совершить экскурсію съ научными цѣлями въ совершенно не изслѣдованную еще глубь Новой Земли; было предположено перерѣзать островъ поперекъ. Съ этой цѣлью была снаряжена новая экспедиція изъ двухъ поморовъ, выписанныхъ изъ Мезени, восьми мѣстныхъ самоѣдовъ, участниковъ экспедиціи академіи наукъ, 38 собакъ и нѣсколькихъ оленей, выписанныхъ изъ Архангельска. Затѣмъ кн. Голицынъ перешелъ къ самому путешествію по этой дикой землѣ, полной своеобразныхъ красотъ. II. Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, Н. В. Кузнецовъ прочиталъ докладъ о Болгаріи и болгарахъ. По словамъ докладчика, болгарами назывался народъ тюркскаго племени, поселившійся на мѣстѣ нынѣшней Добруджи въ VII вѣкѣ. Онъ постепенно подчинилъ себѣ окрестныя славянскія племена и вслѣдствіе своей малочисленности, затерялся и исчезъ среди чуждыхъ элементовъ, которымъ оставилъ только имя. Этому способствовало главнымъ образомъ то обстоятельство, что, принявъ при князѣ Борисѣ христіанство, болгары должны были пользоваться при богослуженіи греческимъ или славянскимъ языкомъ. Славяне, порабощенные болгарами, жили отдѣльными небольшими общинами, такъ называемыми задругами. Эти задруги и были причиною ихъ разъединенія и подчиненія другимъ народамъ. По переписи 1888 года, въ Болгаріи считается 3.500,000 жителей. Большая часть изъ нихъ—собственно болгары. Они живутъ въ средней, западной и юго-восточной частяхъ княжества; на сѣверовостокѣ обитаютъ турки, постепенно выселяющіеся въ Турцію; греки—на черноморскомъ побережьи; волохи (куцовлахи и арнауты) кочуютъ со своими стадами въ Балканахъ; гагаузы (потомки древнихъ половцевъ) живутъ въ Варненскомъ округѣ. Они хотя и говорятъ потурецки, но исповѣдуютъ христіанство и носятъ полуболгарскій костюмъ. Евреи, живущіе въ главныхъ городахъ, раздѣляются на двѣ части. Одни, переселившіеся изъ Испаніи въ XVI вѣкѣ, называются «спаньоли», говорятъ поиспански и пользуются симпатіями населенія. Напротивъ, выходцевъ изъ Австріи, наводняющихъ теперь Болгарію, мѣстное населеніе не терпитъ. Собственно болгары подраздѣляются на четыре группы: ѳракомизійцы, живущіе на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, шопы—въ Софійскомъ округѣ, помаки—въ Родопскихъ горахъ, и македонцы—въ Македоніи. Несмотря на обязательность обученія, число неграмотныхъ среди болгаръ достигаетъ 94%. Живутъ болгары бѣдно, по большей части въ землянкахъ, питаются хлѣбомъ и стручковымъ перцемъ (чушки), изрѣдка другими овощами и козьимъ сыромъ. Мясо бываетъ только въ праздники. Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ о нравахъ и обычаяхъ болгаръ. III. Въ засѣданіи 10-го декабря, Н. Г. Овчинниковъ сдѣлалъ сообщеніе о пріемахъ и результа-

тахъ инвентарной формы учета земель Уфимскаго уѣзда. Работы по учету земель были предприняты въ исполненіе закона 8-го іюня 1893 года объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Въ основу ихъ положенъ количественный учетъ, причемъ подготовительная работа состояла въ выборкѣ свѣдѣній о землевладѣніяхъ изъ дѣлъ и документовъ межеваго отдѣла губернской управы, казенной палаты, губернскаго присутствія, управленія государственными имуществами и удѣльнаго округа и изъ губернской чертежной—алфавитовъ дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеваній. Вмѣстѣ съ выборкою цифровыхъ данныхъ шла чертежная работа по снятію копій съ межевыхъ картъ уѣздовъ въ 2-хъ-верстномъ масштабѣ и отдѣльныхъ дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія. Провѣрка данныхъ производилась на мѣстахъ, посредствомъ сопоставленія съ документами владѣльцевъ и опроса мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, осматривалось каждое отдѣльное землевладѣніе и производилась бѣглая его рекогносцировка. Результаты заносились на планъ и опросный бланкъ. При осмотрѣ земельныхъ участковъ очень часто обнаруживалось, что показанныя при опросѣ площади неудобной земли значительно менѣе. Это объяснялось тѣмъ, что неудобная земля не подлежитъ земскому обложенію, и въ интересахъ каждаго землевладѣльца—показать ее болѣе. По результатамъ земскаго изслѣдованія, въ Уфимскомъ уѣздѣ оказалось 1.817,290,65 десятинъ земли. При сравненіи, съ данными генеральнаго межеванія болѣе на 44,339,08 десятинъ, съ данными полковника Стрѣльбицкаго болѣе на 27,363,55 десятинъ, и съ данными межевого отдѣла на 14,574,15 десятины. Удобныхъ земель, по земскому изслѣдованію, оказалось 1.750,953,91 десятины и неудобныхъ 66,336,74 десятинъ. Болѣе половины удобныхъ земель находится подъ лѣсовъ, и только четверть подъ пашнею. На долю луговъ приходится не болѣе одной одиннадцатой части. Крестьянамъ принадлежитъ 59,28% удобныхъ земель, дворянамъ 35,25%, купцамъ и мѣщанамъ—5,14% и остальные 0,33% другимъ сословіямъ. Вообще же, болѣе половины всѣхъ удобныхъ земель уѣзда принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ на правахъ частной собственности. Это объясняется усиленною распродажею въ 1870—1880 годахъ башкирами своихъ земель. Изъ преній по докладу выяснилось, что уфимское земство предполагаетъ закончить учетъ земель всей губерніи черезъ три года. Стоимость работъ, которыми занимаются до ста человѣкъ, обходится въ 12,000 р. уѣздъ.

Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія въ Москвѣ. 9 декабря происходило въ Политехническомъ музеѣ засѣданіе географическаго отдѣленія общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Предсѣдатель Д. Н. Анучинъ сообщилъ о полученномъ отъ Фритьофа Нансена письмѣ, въ которомъ послѣдній выражаетъ обществу благодарность за поднесенный ему дипломъ на званіе почетнаго члена общества. Затѣмъ слѣдовало чтеніе докладовъ. Первый изъ нихъ принадлежалъ Д. Н. Анучину и былъ озаглавленъ: «Озера въ верховьяхъ Волги и Западной Двины». Объяснивъ происхожденіе громадной массы озеръ, тянущихся непрерывною цѣпью по всему сѣверо-западу Россіи, существованіемъ здѣсь нѣкогда ледника, докладчикъ перешелъ затѣмъ къ описанію тѣхъ изслѣдованій, которыя произведены были имъ лѣтомъ 1895 года надъ озерами верхней Волги и Двины.

Слѣдующій докладъ: «Ростъ городского населенія въ Германіи», принадлежалъ Л. Д. Синицкому и составленъ на основаніи матеріала послѣдней германской переписи. Докладчикъ дѣлалъ цифровыя сопоставленія, показывающія, что, по причинѣ громаднаго развитія капиталистическаго производства, городское населеніе Германіи поднялось съ 36% на 47% (за періодъ 1871—1896 г.г.), а сельское, составлявшее въ 1871 году $^2/_3$ всего населенія, теперь равняется только половинѣ. Главные центры, привлекающіе пришлое населеніе,—Берлинъ, Гамбургъ, Мюнхенъ, Лейпцигъ и др. Въ заключеніе П. Г. Игнатовъ прочиталъ докладъ: «По южному Алтаю», представляющій результатъ его поѣздки лѣтомъ 1896 года. Докладъ сопровождался демонстрированіемъ на экранѣ различныхъ видовъ Алтая.

† **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** 2-го января, скончался послѣ продолжительной болѣзни ординарный академикъ императорской академіи наукъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, хорошо извѣстный своими многочисленными трудами по русской исторіи, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлахъ Славянскаго общества и игравшій видную роль при организаціи высшихъ женскихъ курсовъ, называемыхъ обыкновенно «Бестужевскими». Покойный принадлежалъ къ старому дворянскому роду; родился въ 1829 г. въ сельцѣ Кудрешкахъ, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда. До 11 лѣтъ онъ воспитывался дома, мать учила его порусски и пофранцузски; онъ ходилъ нѣкоторое время въ пансіонъ Камбека, впослѣдствіи казанскаго профессора, гдѣ товарищемъ его былъ А .Н. Плещеевъ. Главнымъ же руководителемъ его воспитанія былъ отецъ его, читавшій съ нимъ Карамзина и Милота и внушившій ему любовь къ исторіи. Значительная библіотека, собранная его отцомъ, способствовала его раннему знакомству съ русской литературой. Въ 1840 г. К. Н. поступилъ въ пансіонъ при нижегородской гимназіи, впослѣдствіи преобразованный въ Александровскій дворянскій институтъ, затѣмъ поступилъ въ гимназію, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ учился и былъ его товарищемъ извѣстный впослѣдствіи историкъ Ешевскій. Въ гимназіи устраивались тогда литературныя бесѣды, въ которыхъ Бестужевъ-Рюминъ и Ешевскій принимали видное участіе. Кончивъ курсъ въ нижегородской гимназіи, покойный поступилъ въ Московскій университетъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (какъ тогда говорили на словесный факультетъ), но скоро, привлеченный первою лекціею Рѣдкина, перешелъ на юридическій факультетъ, гдѣ его товарищами были А. В. Лохвицкій, Е. М. Ѳеоктистовъ и Н. В. Альбертини. Ешевскій, кончившій курсъ годомъ ранѣе, перешелъ въ это время изъ Казани въ Москву, и они почти все время прожили вмѣстѣ. Въ 1851 г. К. Н. кончилъ курсъ. Съ половины 1851 по 1854 г. онъ былъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ Чичериныхъ, затѣмъ получилъ мѣсто преподавателя въ московскихъ корпусахъ III и I. Съ 1856 года покойный сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ качествѣ помощника редактора (газета выходила тогда подъ редакціей В. Ѳ. Корша), затѣмъ вмѣстѣ съ Н. В. Альбертини, Я. А. Розенблатомъ и А. К. Корсакомъ предпринялъ свой журналъ «Московское Обозрѣніе», изданіе котораго прекратилось послѣ выхода двухъ книжекъ. Въ концѣ 1859 года К. Н. былъ приглашенъ покойнымъ А. А. Краевскимъ сотрудничать въ «Отечественныхъ Запискахъ» и переѣхалъ

изъ Москвы въ Петербургъ. Здѣсь онъ всецѣло посвятилъ себя литературной работѣ, занимаясь по исторіи всеобщей и въ особенности отечественной. Статьи его, преимущественно критическаго содержанія, печатавшіяся съ 1847 года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, составили молодому ученому такую прочную репутацію между спеціалистами-историками, что историко-филологическій фалультетъ С.-Петербургскаго университета, отыскивая, кѣмъ бы замѣстить достойно Н. И. Костомарова, принужденнаго оставить на время университетъ, предложилъ покойному К. Н. съ весны 1865 года преподаваніе русской исторіи въ качествѣ доцента, хотя онъ и не имѣлъ соотвѣтственной ученой степени. Въ 1868 г. Бестужевъ-Рюминъ представилъ факультету диссертацію подъ заглавіемъ «О составѣ русскихъ лѣтописей», получилъ степень доктора honoris causa и былъ избранъ экстраординарнымъ, а черезъ годъ ординарнымъ профессоромъ. Одновременно, съ 1867 до 1871 года К. Н. читалъ исторію въ историко-филологическомъ институтѣ. Когда возникли въ Петербургѣ высшіе женскіе курсы, покойный принялъ на себя управленіе ими и завѣдывалъ всѣми дѣлами курсовъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ до своей тяжкой болѣзни, принудившей его оставить въ 1882 году всѣ дѣла и уѣхать за границу. Съ 1878 г. по 1882 г. К. Н. былъ, между прочимъ, предсѣдателемъ Славянскаго благотворительнаго общества. Въ 1890 году избранъ въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Съ 1864 г. по настоящій годъ покойный принималъ въ качествѣ члена живое участіе въ занятіяхъ археографической комиссіи. Въ наступившемъ году исполнилось бы пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности покойнаго. Онъ помѣстилъ много статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Московскомъ Обозрѣніи», «Отечественныхъ Запискахъ», «Древней и Новой Россіи», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Извѣстіяхъ Славянскаго общества», «Голосѣ» и «Рѣчи». Отдѣльно имъ изданы слѣдующіе труды: «О крещеніи Руси, о Владимірѣ святомъ, о сыновьяхъ его и монастырѣ Печерскомъ» (вышло шесть изданій, первое въ 1864 г.), «О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ» (два изданія), «Мономахъ и потомки его», «О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ», «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка», «Русская исторія» (два тома), «Лекціи по русской исторіи, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ», «Лекціи по исторіографіи», «Біографіи и характеристики». Съ 1864 года по 1868 г. покойный редактировалъ «Записки географическаго общества»; вмѣстѣ съ Тибленомъ онъ перевелъ также «Исторію цивилизаціи Англіи» Бокля.

† **И. А. Голышевъ.** Въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, 9 декабря, внезапно скончался извѣстный археологъ Иванъ Александровичъ Голышевъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Покойный принадлежалъ къ числу простыхъ русскихъ людей, талантливыхъ самоучекъ, которые обязаны своимъ развитіемъ и самообразованіемъ, главнымъ образомъ, своей неутомимой энергіи, уму и необыкновенному трудолюбію. Сынъ крѣпостного крестьянина, И. А. Голышевъ родился въ селѣ Мстерѣ въ 1838 г. Дѣтство и юность свою онъ самъ описалъ впослѣдствіи на страницахъ «Рус-

ской Старины» (1879 г., кн. IV—VI), и изъ этого описанія видно, какъ трудны были первые жизненные шаги его. Научившись грамотѣ у священника въ мѣстной приходской школѣ, мальчикъ Голышевъ былъ отданъ отцомъ въ Москвѣ въ ученье къ литографу и послѣ четырехлѣтняго ученья сдѣлался литографомъ и въ то же время посѣщалъ рисовальные классы. Возвратясь въ 1858 г. домой, онъ открылъ здѣсь, въ селѣ Мстерѣ, собственную литографію и началъ изготовлять для продажи дешевыя картинки, извѣстныя подъ названіемъ «лубочныхъ», которыя и распространялъ во множествѣ вмѣстѣ съ дешевыми книжками среди народа посредствомъ коробейниковъ-офеней. Картинки его имѣли успѣхъ и давали заработокъ болѣе чѣмъ 200 женщинамъ села Мстеры, занимавшимся раскраскою этихъ картинъ. Успѣхъ этотъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ умѣлаго выбора распространяемыхъ изданій. Выйдя самъ изъ народа и хорошо зная его вкусы, онъ не впадалъ въ тѣ ошибки, въ какія впадали его «интеллигентные» подражатели, въ родѣ фирмы «Посредникъ» и др. При изданіи лубочныхъ картинокъ, Голышевъ широко пользовался старинными, полными живаго русскаго юмора, сюжетами, переиздавая сотни разъ древнія иллюстраціи сказокъ «О Ершѣ сынѣ Щетинниковѣ», «Какъ мыши кота погребали» и т. п. Имъ же были пущены въ народъ и нѣкоторые, успѣвшіе сдѣлаться нынѣ популярными въ народѣ, иллюстрированныя басни, пѣсни, стихотворенія, романсы Крылова, Пушкина, Кольцова и др., которые, благодаря этому, сдѣлались вполнѣ народными. Больше же всего распространялись книги и картины назидательнаго и духовнаго содержанія. Въ началѣ 60-хъ годовъ Голышевъ познакомился съ редакторомъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», извѣстнымъ археологомъ К. Н. Тихонравовымъ, который и возбудилъ въ немъ любовь къ занятіямъ по изученію родной старины. Голышевъ съ жаромъ предался изученію русскихъ древностей и собиранію разныхъ предметовъ русской старины. Плодомъ этихъ занятій появился рядъ статей и сообщеній во «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», за которыя крестьянинъ Голышевъ въ 1861 г. былъ избранъ въ члены Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Благотворное вліяніе на его занятія оказалъ и графъ А. С. Уваровъ, самъ беззавѣтно преданный археологической наукѣ и умѣвшій находить таланты вездѣ и привлекать ихъ на служеніе той же наукѣ. Отыскивая всюду чрезъ книгоношъ-офеней старинныя рукописи, книги, гравюры, старинныя лубочныя картинки, И. А. Голышевъ жертвовалъ ихъ въ императорскую Публичную библіотеку, въ музеи и др. хранилища древностей; всѣхъ такихъ предметовъ древности, кромѣ рукописей, картинъ и гравюръ, въ родѣ предметовъ старинной утвари, старинныхъ одеждъ и т. п., было имъ пожертвовано въ разное время болѣе 600 предметовъ. Увлекшись археологіей, покойный И. А. Голышевъ съ теченіемъ времени значительно сократилъ свою торговлю книгами и картинками, чтобы всецѣло заняться любимою наукой. Участвуя во многихъ археологическихъ съѣздахъ, И. А. Голышевъ въ теченіе 35-ти лѣтней ученой дѣятельности написалъ болѣе 500 статей по археологіи, этнографіи, иконографіи и обнародовалъ множество актовъ, грамотъ, старинныхъ записей и т. п. Кромѣ этого, на собственныя средства имъ было издано и выпущено въ свѣтъ 9 альбомовъ по археологіи и 19 отдѣльныхъ книгъ и

брошюръ, изъ которыхъ замѣчательны: 1) «Древности Богоявленской церкви въ селѣ Метерѣ» (1870 г., съ 20 рисунками); 2) «Атласъ рисунковъ старинныхъ пряничныхъ досокъ» (1874 г., 20 таблицъ рисунковъ); 3) «Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву» (1877 г., 20 таблицъ); 4) «Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій во Владимірской губерніи» (1879 г., 21 таблица); 5) «Альбомъ русскихъ древностей Владимірской губерніи» (1881 г., 40 таблицъ); 6) «Памятники русской старины Владимірской губерніи» (1883 г., 20 таблицъ); 7) «Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 гг.» (1885 г., 30 таблицъ); 8) «Мѣсто упокоенія князя Пожарскаго» (1885 г.) и др. Смерть застала И. А. Голышева за работой надъ изданіемъ въ свѣтъ новаго археологическаго альбома: «Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена 1688 г.». Русская наука высоко цѣнила труды И. А. Голышева, и онъ былъ избранъ въ дѣйствительные и почетные члены почти всѣхъ русскихъ ученыхъ историческихъ и археологическихъ обществъ. Такъ И. А. Голышевъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ императорскихъ обществъ: исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ и Московскаго археологическаго общества, Кіевскаго историческаго общества Нестора лѣтописца, С.-Петербургскихъ: почетнымъ корреспондентомъ императорской Публичной библіотеки, членомъ сотрудникомъ — императорскихъ русскаго археологическаго и географическаго обществъ, императорскаго общества любителей древней письменности, археологическаго института и др. Императорское русское археологическое общество за ученые труды дважды присуждало И. А. Голышеву свои медали: малую золотую и большую серебряную. Ученыя заслуги покойнаго Голышева извѣстны были и цѣнимы въ Бозѣ почившими государями Александромъ Николаевичемъ и Александромъ Александровичемъ и нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ Николаемъ Александровичемъ и многими членами августѣйшаго семейства, и за свои труды И. А. Голышевъ неоднократно удостоенъ былъ самыхъ разнообразныхъ и щедрыхъ наградъ. Такъ, онъ удостоенъ былъ званія потомственнаго почетнаго гражданина и награжденъ орденами Станислава 2 степени и Анны 2 степени и, кромѣ того, получилъ въ разное время высочайшіе подарки: нѣсколько брилліантовыхъ перстней, нѣсколько золотыхъ, осыпанныхъ брилліантами булавокъ, серебряный сервизъ, два серебряные вызолоченые кубка и т. п., и нѣсколько денежныхъ наградъ. И. А. Голышеву едва исполнилось 58 лѣтъ и при своей энергіи и любви къ труду онъ, безъ сомнѣнія, обогатилъ бы археологическую науку еще многими новыми и не менѣе цѣнными изслѣдованіями и изданіями. («Моск. Вѣд.», № 344).

† **Д. И. Воейковъ.** 4-го декабря, въ Севастополѣ, скончался Дмитрій Ивановичъ Воейковъ. Сынъ ветерана кампаній 1812—1814 гг. и племянникъ извѣстнаго А. Ф. Воейкова, редактора «Инвалида» и автора «Сумасшедшаго дома», покойный родился въ 1843 г. Службу онъ началъ комиссаромъ въ одной изъ польскихъ губерній, но вскорѣ вышелъ въ отставку и съ 1868 года, въ продолженіе 16-ти лѣтъ, занимался земскимъ дѣломъ въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., гдѣ имѣлъ значительное помѣстье; за это время онъ былъ выбираемъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, предсѣдателемъ уѣздной

управы и почетнымъ мировымъ судьей. Въ 1880 г. Воейковъ занималъ при гр. Н. П. Игнатьевѣ должности правителя канцеляріи сначала въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ гр. Игнатьевъ былъ генералъ-губернаторомъ, а потомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. При графѣ Толстомъ онъ сохранилъ свою должность только годъ, а затѣмъ служилъ членомъ статистическаго совѣта и управляющимъ самарскаго отдѣленія Дворянскаго банка; наконецъ, въ 1891 г. онъ вышелъ вторично въ отставку по болѣзни. Въ литературной дѣятельности Д. И. Воейковъ дебютировалъ изданіемъ труда по крестьянской статистикѣ Кіевской губерніи и въ продолженіе многихъ лѣтъ писалъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ аксаковской «Руси» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ въ 1885—1886 г. состоялъ петербургскимъ кореспондентомъ. Онъ преимущественно ратовалъ за обрусеніе Прибалтійскаго края и за введеніе казенной винной монополіи, а также противъ сахарной нормировки. Подписывалъ онъ статьи своимъ именемъ, буквами Д. В. и псевдонимомъ «Сельскій житель». («Нов. Вр.», № 7465).

† **М. И. Галанинъ.** Въ ночь на 29-е ноября въ С.-Петербургѣ скончался послѣ продолжительной болѣзни редакторъ «Вѣстника Судебной Медицины» Модестъ Ивановичъ Галанинъ, принадлежавшій къ числу извѣстныхъ русскихъ гигіенистовъ и врачей-писателей. Покойный родился въ 1852 г., медицинское образованіе получилъ въ медицинской-хирургической академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1877 году. По окончаніи академическаго курса онъ былъ назначенъ врачемъ военнаго лазарета передового отряда генерала Гурко и провелъ зиму 1877—1878 годовъ на Шипкѣ. Въ 1886 г. онъ защитилъ при военно-медицинской академіи диссертацію «Санитарная организація въ западно-европейскихъ государствахъ», за которую былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ послѣднія семь лѣтъ редактировалъ «Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины», издаваемый медицинскимъ департаментомъ. Его популярные очерки гигіены находили себѣ мѣсто и въ педагогическихъ журналахъ, и въ общей печати. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій «Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ» въ короткій промежутокъ выдержали три изданія, затѣмъ имъ изданы отдѣльными книгами «Очерки школьной гигіены» и др. Статьи спеціальнаго характера печатались покойнымъ въ «Вѣстникѣ судебной медицины», «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ», «Врачѣ», «Здоровьи» и др. медицинскихъ журналахъ. Изъ нихъ назовемъ: «О лѣченіи эпидимическаго дифтерита горячими парами», «Болѣзнь XIX вѣка» и др. Умеръ онъ 44 лѣтъ, давно уже страдая бугорчаткой. Воспаленіе легкихъ въ послѣднее время осложнилось болѣзнью сердца. («Новое Время», № 7459; «Новости», № 333).

† **А. П. Смирновъ.** 1-го декабря въ Сергіевскомъ Посадѣ скончался заслуженный профессоръ духовной академіи Андрей Петровичъ Смирновъ, который принадлежалъ къ числу выдающихся знатоковъ библейской исторіи. По окончаніи въ 1870 г. курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата богословія, покойный, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ приглашенъ занять въ академіи каѳедру библейской исторіи и черезъ годъ былъ признанъ магистромъ богословія за сочиненіе «Святѣйшій патріархъ

Филаретъ Никитичъ Московскій». Андрей Петровичъ читалъ библейскую исторію въ академіи въ продолженіе 25 лѣтъ, не прекращая одновременно свои изслѣдованія по русской церковной и гражданской исторіи и археологіи. Его многочисленныя статьи по этимъ предметамъ печатались преимущественно въ спеціальныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ. («Новое Время», № 7464).

† **М. М. Куклинъ.** Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Вологдѣ скончался Михаилъ Михайловичъ Куклинъ, авторъ нѣсколькихъ учебниковъ и книжекъ для дѣтскаго чтенія, изъ которыхъ особенно выдѣлялись: «Зайчики», «Мишукъ», «Уточки» и «Ежики», встрѣченные общимъ сочувствіемъ педагогической критики и имѣющіе успѣхъ среди маленькой публики. Покойный сотрудничалъ преимущественно въ «Игрушечкѣ» и «Дѣтскомъ Отдыхѣ». Куклинъ также не мало потрудился по собиранію народныхъ пѣсенъ и обычаевъ Вологодскаго края, служа въ послѣднее время учителемъ-инспекторомъ вологодскаго городского училища. («Новое Время», № 7463).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ біографіи Н. В. Успенскаго.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1896 г. напечатана статья П. Л. Юдина «Къ біографіи Н. В. Успенскаго», гдѣ, между прочимъ, сказано, что неизвѣстно, чей онъ былъ сынъ. Могу сообщить, что отецъ его былъ священникъ, служившій въ какомъ-то селѣ, Тульской губерніи, Ефремовскаго, кажется, уѣзда (а, можетъ быть, Новосильскаго—навѣрное не помню). Въ настоящее время жива сестра Н. В. Успенскаго—Анна Васильевна Зеленецкая. Живетъ она въ г. Крапивнѣ, Тульской губ., она вдова священника Христофора Ивановича Зеленецкаго. Отъ нея, полагаю, можно узнать нѣкоторыя достовѣрныя данныя, относящіяся до жизни ея роднаго брата Н. В. Успенскаго. Найти можно ее при посредствѣ живущаго въ Крапивнѣ же священника соборной церкви Григорія Николаевича Зеленецкаго.

Самое лучшее, если бы какой нибудь почитатель таланта Успенскаго увидѣлся лично съ названной сестрой его, такъ какъ она женщина уже старая и едва ли можетъ дать какія либо свѣдѣнія письменно.

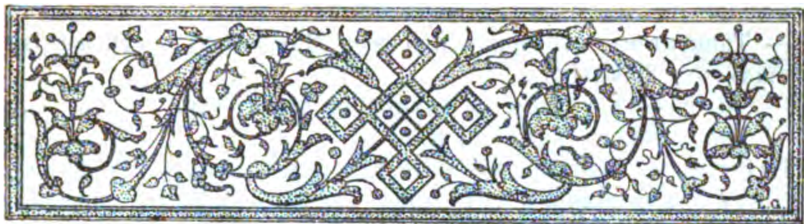
Насколько я помню, село, въ которомъ родился Успенскій, и въ которомъ жили его родители, носитъ названіе Шипово. Кое-что мнѣ приходилось слышать и о романической женитьбѣ Успенскаго, но подробностей я не помню въ точности.

Инспекторъ гимназіи **Е. Зеленецкій.**

Г. Житоміръ.
2-го января 1897 г.

КНЯГИНЯ ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ.

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ[1].

V.

Ну,— СКАЗАЛЪ отецъ Гурій,—теперь придется крюкъ дѣлать; совсѣмъ въ другую сторону направленіе лежитъ.

— Куда же теперь?—спросилъ ямщикъ.

— А Салотопки знаешь?

— Салотопки? Какъ же не знать? Случалось...

— Ну, такъ вотъ и ступай въ Салотопки...

— И вотъ названіе тоже,—обратился отецъ Гурій къ Маккавееву,—Салотопки, а навѣрное никто никогда тамъ сала не топилъ, и почему такое—неизвѣстно. А дороги порядочно: верстъ двадцать придется сдѣлать...

— Кто же тамъ?

— А тамъ отецъ Пафнутій Трикратовъ.

— Трикратовъ?—спросилъ Маккавеевъ и что-то смутное началъ припоминать...

— А ты знакомъ съ нимъ, что ли?

— Нѣтъ, не знакомъ, а только имя что-то помнится мнѣ.

— Ну, то-то, а то я думалъ—знакомъ, и удивился, какъ это ты до сихъ поръ не женился, потому у него цѣлыхъ шесть штукъ невѣстъ, и какъ пріѣдешь, такъ сейчасъ на тебя набросятся и съѣдятъ; такой народъ жадный.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 448.

— Трикратовъ,—говорилъ про себя Маккавеевъ,—гдѣ же это я слышалъ эту фамилію?..

— Да, можетъ, у васъ въ семинаріи такой есть?

— Нѣтъ, такого, кажется, нѣтъ...

Ему ужасно захотѣлось узнать, гдѣ онъ слышалъ эту фамилію. И вдругъ онъ вспомнилъ: объ этомъ Трикратовѣ Вѣра говорила ему на пароходѣ, она именно сообщала, что у него есть, какъ она выражалась, готовыя невѣсты. И вспомнился ему весь этотъ день, проведенный на пароходѣ, и тоненькій высокій дьякъ съ худенькой бородкой, которая такъ смѣшно вздрагивала, когда онъ спалъ на пароходной палубѣ, и Вѣра, показавшаяся ему такой важной и степенной, и Надя, такъ смѣшно державшая его сюртукъ, когда Вѣра переставляла пуговицы. И странное дѣло,—въ этихъ воспоминаніяхъ было для него что-то особенно пріятное; онъ чувствовалъ такъ, какъ будто люди эти были его старыми пріятелями, какъ будто онъ прожилъ съ ними много лѣтъ, и ему страшно захотѣлось повидать ихъ.

— Такъ это, значитъ, недалеко отъ Богоявленскаго?—спросилъ онъ у отца Гурія.

— Да, всего верстъ десять будетъ, не больше, а что? Что это ты ужъ второй разъ спрашиваешь про Богоявленское?

— Да я же вамъ говорю, что тамъ у меня знакомый дьячекъ есть... съ которымъ я на пароходѣ ѣхалъ...

— А, дьячекъ. Ну, да, помню, помню. Ну, не важная птица твой этотъ знакомый, съ нимъ успѣешь повидаться, когда на приходѣ будешь, а теперь надо поважнѣе дѣла обдѣлывать.

Уже было часа четыре, и жара нѣсколько ослабѣла. Отъ быстрой ѣзды на встрѣчу имъ вѣялъ прохладный вѣтерокъ, и ѣхать было пріятно.

— Ну,—говорилъ отецъ Гурій,—ежели ты и у отца Пафнутія не выберешь себѣ невѣсту, такъ ужъ я окончательно отъ тебя отказываюсь; это я тебѣ прямо по совѣсти говорю, потому мнѣ и ѣздить уже больше нельзя. Нынче пятница, завтра къ вечеру я долженъ поспѣть въ городъ, потому моя седьмица начинается, а между прочимъ тутъ цѣлыхъ шесть, и всѣ годятся въ невѣсты, и каждая хоть сейчасъ за тебя пойдетъ. Ужъ ежели изъ шестерыхъ не выберешь, такъ тогда, значитъ, пропащее твое дѣло... Не женишься ты и слѣдственно рукоположенъ не будешь, и Окуневка отъ тебя уплыветъ, а жаль—приходъ рѣдкостный...

Отецъ Гурій помолчалъ и затѣмъ опять заговорилъ въ какомъ-то меланхолическомъ тонѣ.

— А тяжело это. Я объ отцѣ Серапіонѣ говорю. Люблю я его, но всякій разъ, когда у него бываю, тяжесть какая-то на душѣ остается. Да, Егоръ Трофимовичъ, вотъ бываютъ такіе несчастные люди. Вотъ такъ, ни за что ни про что, человѣкъ себя и загубитъ.

Человѣкъ человѣка губитъ: вотъ оно, что скверно. А какой былъ хорошій, то-есть я тебѣ скажу, лучшаго человѣка я прямо таки и не встрѣчалъ. А все отчего?—оттого самаго, что нашему брату духовному приходится свою судьбу рѣшать, вотъ какъ тебѣ, въ какіе нибудь два, три дня... Такъ и онъ вотъ женился. Да еще скорѣй, чѣмъ ты, потому тебѣ хоть десять дней дано, а ему всего, помнится мнѣ, четыре, и въ четыре дня все надо было оборудовать. Вотъ онъ и наскочилъ... Дѣвица была красивая, забористая, всѣ на нее зарились, а отецъ ея былъ дьяконъ, бѣдный человѣкъ, и ему, разумѣется, лестно было за богослова дочку выдать, да и она не прочь, потому, хотя и многіе за нею ухаживали, а жениться на безприданницѣ не очень-то охочи. Вотъ онъ и взялъ ее, взялъ не знаючи, не успѣлъ даже въ глаза хорошенько заглянуть, не то что въ душу, видитъ—красивая, бойкая, ну, и соблазнился. А ей только и надо было, чтобы замужъ выйти, а тамъ и пошла куролесить. Такія-то дѣла случаются въ нашемъ духовномъ быту. Охъ, и прежестокій же народъ эти женщины. И что у нихъ такое въ головѣ, просто понять нельзя. Такъ что-то въ родѣ гречаной каши.

Такими разсужденіями болѣе или менѣе философскаго характера отецъ Гурій, пребывавшій все время въ меланхолическомъ настроеніи, значительно сократилъ дорогу. Они и не замѣтили, какъ прокатили двадцать верстъ, и вдругъ передъ ними выросло большое село, расположенное въ ложбинѣ. Они уже проѣхали мимо нѣсколькихъ хатъ, и бричка съ разгону подкатила и остановилась около хорошенькаго домика съ большимъ палисадникомъ, сильно выступавшимъ на улицу. Когда они остановились, до нихъ долетѣли разнообразные голоса, раздававшіеся гдѣ-то близко. Маккавеевъ сталъ прислушиваться и присматриваться и замѣтилъ съ высоты своего сидѣнія на бричкѣ въ палисадникѣ предлинный столъ и за этимъ столомъ многочисленное общество.

Это и было семейство отца Пафнутія. При ихъ появленіи произошла страшная суета; задвигались стулья, зазвенѣли тарелки, всѣ встали, смѣшались, перепутались, и къ отцу Гурію тянулись десятки рукъ. Всякій спѣшилъ поздороваться съ нимъ.

Отецъ Пафнутій принадлежалъ къ тому сорту людей, которые во всякомъ обществѣ и во всякомъ мѣстѣ среди какой бы то ни было огромной толпы бросаются въ глаза. Его огромный ростъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его необыкновенной плотности и тяжеловѣсности. Это былъ гигантъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ не былъ толстякомъ, въ немъ не замѣчалось никакихъ признаковъ ожирѣнія, но въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи его мускуловъ видѣлась несокрушимая сила. Въ то же самое время по характеру это былъ человѣкъ покладистый, мягкій и чрезвычайно сговорчивый. Преобладающей чертой его было равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Окруженный многочисленнымъ семействомъ, состоявшимъ

изъ его собственныхъ дѣтей, которыхъ было шестеро, и все дочки, и множества племянниковъ и племянницъ и другихъ родственницъ безъ названія, какихъ-то тетушекъ и бабушекъ съ его и жениной стороны, онъ безпрекословно работалъ на всѣхъ, всѣхъ кормилъ и одѣвалъ, иногда помогалъ небольшими суммами, никогда не протестовалъ и не жаловался и, не смотря на такіе великіе труды, въ возростѣ подъ пятьдесятъ лѣтъ сохранилъ все свое здоровье и производилъ впечатлѣніе человѣка по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять моложе.

Матушка его представляла полную противоположность ему. Это было худенькое, блѣдное существо, очевидно истратившее всѣ свои силы и все свое здоровье на производство и произростаніе шестерыхъ дочерей, которыя были всѣ тутъ на лицо, очень похожія одна на другую и въ возростѣ отъ девятнадцати до двадцати пяти лѣтъ. Всѣ онѣ были невѣсты, и матушка всякій разъ, когда смотрѣла на нихъ, мысленно вздыхала и качала головой, думая о томъ, какая великая задача предстоитъ ей выдать шестерыхъ дочерей замужъ.

Ихъ, разумѣется, тотчасъ же усадили за столъ. Отецъ Гурій представилъ всѣмъ своего родственника, и Маккавееву пришлось выдержать совсѣмъ не предусмотрѣнную имъ аттаку.

У всѣхъ членовъ этого семейства былъ очевидно одинаковый темпераментъ,—живой, подвижной, всѣ они были чрезвычайно любопытны и главное дѣйствовали напрямикъ, сразу и безъ всякихъ предисловій. У каждой изъ шести дочерей было, конечно, свое имя, и всѣ эти имена были сообщены Маккавееву, но онъ не могъ запомнить ни одного, запомнилъ только Леонилу, и то потому, что она сидѣла рядомъ съ нимъ.

И каждая обращалась къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ, и ни одной онъ не сумѣлъ отвѣтить толкомъ.

— Такъ вы кончили курсъ?—спрашивала одна.

— А въ какомъ разрядѣ?—обращалась къ нему другая.

— А вы сколько разъ оставались на второй годъ?—съ кокетливой улыбкой вставляла свой вопросъ третья и такъ дальше.

Маккавеевъ растерянно смотрѣлъ на нихъ всѣхъ разомъ и, собственно говоря, не видѣлъ, какъ слѣдуетъ, ни одной. Никогда еще въ жизни ему не случалось попадать въ такое многочисленное общество и главное сосредоточивать на себѣ его вниманіе.

Для него очевидно было только одно, что въ этомъ семействѣ отецъ Пафнутій значилъ меньше всѣхъ. Не смотря на внушительную фигуру, онъ какъ-то совсѣмъ не заявлялъ о себѣ, и его почти не было слышно. Онъ даже отцу Гурію не задавалъ никакихъ вопросовъ, хотя, повидимому, былъ радъ его пріѣзду. За него все это дѣлала матушка. Она была женщина практическая, и характеръ у нея былъ активный. Она сейчасъ же распознала, съ какою цѣлью

отецъ Гурій привезъ богослова, а всякаго богослова она разсматривала непремѣнно, какъ жениха. И такъ какъ у нея было шесть дочерей, то она должна была оказывать гостямъ особенное вниманіе.

Когда кончился обѣдъ, въ которомъ и пріѣзжіе приняли дѣятельное участіе, произошло странное явленіе, не сразу понятое Маккавѣевымъ. Дѣвицы уже въ теченіе обѣда видимо кокетничали съ нимъ. Но это было кокетство при посредствѣ глазокъ, улыбокъ, выставленій на первый планъ хорошей, тяжелой косы, однимъ словомъ при помощи тѣхъ даровъ природы, какіе у каждой были лучше, чѣмъ у другой. Каждая старалась подчеркнуть передъ гостемъ то, чѣмъ особенно счастливо наградилъ ее Богъ. А дѣвицы всѣ были недурны. И если бы Маккавеева тутъ же за обѣдомъ спросили, какую бы онъ предпочелъ, то онъ затруднился бы въ выборѣ.

Но вотъ одна изъ шестерыхъ поднялась и куда-то исчезла, и минуты черезъ двѣ въ раскрытое окно изъ комнаты стали доноситься звуки фортепіано. Кто-то игралъ чрезвычайно меланхолическій вальсъ.

— Это Ѳима играетъ!—пояснила матушка Маккавееву.—Вы послушайте, она очень хорошо играетъ. Она училась въ городѣ, у нѣмца Зандера, можетъ быть, слыхали..

Маккавеевъ, желая въ точности исполнить совѣтъ хозяйки, началъ слушать. Музыка ему нравилась, но онъ ничего не понималъ въ ней, потому и не могъ опредѣлить, хорошо играетъ Ѳима или плохо; онъ не замѣтилъ, какъ общество за столомъ уменьшилось еще на одну дѣвицу, и скоро къ звукамъ фортепіано присоединилось пѣніе. Исполнялся какой-то романсъ; словъ онъ не разобралъ, потому что они произносились невнятно, но матушка тутъ же объяснила, обратившись спеціально къ нему:

— А это Лиза... У нихъ у всѣхъ есть голоса... Но у Лизы особенный... вотъ послушайте, она, конечно, не училась, но у нея природный талантъ... У нихъ у всѣхъ таланты, у каждой свой талантъ. Люся! а покажи-ка Егору Трофимовичу свою работу...

Поднялась и Люся. Тутъ Маккавеевъ узналъ, что этимъ нѣжнымъ именемъ матушка называла его сосѣдку Леонилу.

Еще не кончилось пѣніе съ музыкой, какъ ему уже поднесли пару свѣженькихъ туфель, вышитыхъ золотомъ, и матушка при этомъ, любовно глядя на Леонилу, говорила:

— Вы знаете, это ея собственная работа, и можете себѣ представить, никогда не училась... Были мы, знаете, какъ-то въ монастырѣ, тутъ у насъ въ Вознесенскомъ, и тамъ монахини вышиваютъ золотомъ, вотъ она посмотрѣла, посмотрѣла, пріѣхала домой и давай себѣ, и вотъ пошло... У нея, знаете, удивительная способность къ этому...

По всей вѣроятности, Маккавееву предстояло увидѣть еще образцы талантовъ остальныхъ дѣвицъ, но въ это время подали вареники съ вишнями, спеціально приготовленные по случаю пріѣзда гостей, а

такъ какъ дѣвицы были лакомки и особенно любили это кушанье, то сразу прекратились звуки фортепіано и пѣніе, исчезли туфли, и всѣ вновь очутились на своихъ мѣстахъ за столомъ, и остальные таланты остались для Маккавеева тайной.

Въ этомъ домѣ большую часть времени проводили за столомъ. Семейство было такъ многочисленно, что никоимъ образомъ нельзя было согласить всѣ вкусы и аппетиты. Одни вставали раньше, другіе позже, и вотъ половина дня уходила на то, что каждые полчаса подогрѣвался самоваръ, и всѣ пили чай по очереди, затѣмъ начинался завтракъ, потомъ нѣчто среднее между завтракомъ и обѣдомъ, потомъ самый обѣдъ, затѣмъ полдникъ, потомъ опять вечерній чай и потомъ ужинъ. Этотъ длинный столъ для прочности былъ даже прикрѣпленъ къ землѣ на тотъ случай, чтобы внезапно сорвавшаяся буря не свалила его.

Когда вареники были съѣдены и запиты добрымъ квасомъ, который былъ тоже талантливымъ произведеніемъ одной изъ дочерей отца Пафнутія, Маккавееву представилось еще одно наслажденіе, также совершенно не предусмотрѣнное имъ.

— Дѣти! — обратилась матушка уже разомъ ко всѣмъ своимъ птенцамъ, включая сюда и двухъ великовозрастныхъ племянниковъ, у которыхъ уже пробивались усики и бородки,—вы бы спѣли что нибудь хоромъ.

— А въ самомъ дѣлѣ!—подхватили дѣвицы,—давайте, споемъ...

— Вы только послушайте, какой у насъ хоръ, — сказала матушка,—они по воскресеньямъ въ церкви поютъ. Знаете, не хуже архіерейскаго. Только теноровъ не хватаетъ, а то бы совсѣмъ какъ слѣдуетъ.

Дѣвицы встали и, отойдя нѣсколько къ сторонкѣ отъ стола, сгруппировались въ небольшую кучку, встали также и племянники и помѣстились, какъ приличествуетъ басамъ, позади ихъ. Одинъ изъ нихъ задалъ тонъ, и началось довольно стройное протяжное пѣніе: «Благослови, душе моя, Го-о-оспода». Дѣвицы пѣли съ чувствомъ, а басы отвѣчали имъ тѣмъ же.

Вотъ они кончили.

— Отлично, отлично, — сказалъ отецъ Гурій, увидѣвъ себя въ совершенной необходимости поощрить таланты, — да это, знаете, совсѣмъ, какъ въ губерніи, въ каѳедральномъ соборѣ.

— А вы свѣтскую спойте, — сказала матушка, — напримѣръ, Грыця.

Хоръ затянулъ печальнаго Грыця, и тутъ проявилось еще больше чувства. Особенно отличалась Липа, такъ какъ она занимала амплуа перваго дисканта.

— Ну, а теперь веселую! — сказала матушка, очевидно слѣдуя той программѣ, которая обыкновенно у нихъ практиковалась. И вдругъ раздались превеселые звуки: «Охъ, вы, сѣни, мои сѣни».

Недоставало только, чтобы отецъ Гурій, или лучше самъ отецъ Пафнутій, подобравъ длинныя полы своихъ рясъ, пустились въ присядку.

Маккакеевъ чувствовалъ себя какъ бы въ какомъ-то волшебномъ мірѣ; онъ совершенно не ожидалъ ничего подобнаго. Все, что онъ встрѣчалъ до сихъ поръ, было обыкновенно; даже драматическая исторія, свидѣтелемъ которой онъ былъ недавно въ домѣ отца Серапіона, сводилась на обыкновенную страсть къ вину. Но здѣсь было нѣчто совсѣмъ особенное. Эти шесть дѣвицъ, и при томъ всѣ недурныя собой, музыка, пѣніе, наконецъ туфли... Все это окончательно сбило его съ толку, и онъ не зналъ, не только что̀ думать, а даже что чувствовать.

— «И какъ они стараются, Боже мой!—думалъ Маккавеевъ.— И изъ-за чего только, не понимаю».

Маккавеевъ, какъ мы уже раньше сказали, не зналъ жизни и потому не понималъ положенія дѣвицъ, изъ которыхъ каждая, будучи одной изъ шести, хочетъ и имѣетъ право выйти замужъ; оттого ему казались непонятными и ихъ старанія обратить на себя вниманіе всѣми своими талантами. Но у отца Пафнутія были вѣдь совсѣмъ другіе принципы, чѣмъ у отца Софонія, который оказался такимъ строгимъ блюстителемъ старшинства между своими дочерьми. Отецъ Пафнутій былъ совсѣмъ другого мнѣнія. Онъ какъ бы говорилъ женихамъ: «вотъ тебѣ шесть дѣвицъ, выбирай изъ нихъ любую». Да при шестерыхъ иначе и нельзя. Изволь-ка соблюдать очередь, этакъ, пожалуй, въ концѣ концовъ при шестерыхъ и останешься. Тутъ поневолѣ приходилось отдавать въ разбродъ.

Наконецъ, всѣ, послѣ чрезвычайно пріятно проведеннаго вечера, утомились и начали зѣвать. Маккавеева положили спать, конечно, въ одной комнатѣ съ отцомъ Гуріемъ, причемъ постели были сдѣланы совершенно такъ, какъ и у отца Софонія; можно было подумать, что это тѣ же самыя перины, подушки и одѣяла. Маккавеевъ уже зналъ, что передъ тѣмъ, какъ заснуть, отецъ Гурій будетъ осаждать его разспросами. Такъ и вышло.

— Ну, богословъ, которая же тебѣ понравилась?

— Да всѣ хороши,—сказалъ Маккавеевъ.

— Такъ что ты не прочь на всѣхъ и жениться?

— Жениться?—какъ-то лѣниво протянулъ Маккавеевъ,—ахъ, ты, Господи!

И онъ почесалъ собственный затылокъ.

— Да неужто и теперь охоты нѣтъ?

— Да съ чего же ей быть, отецъ Гурій?

— Какъ съ чего? Шесть дѣвицъ, и ни одна тебя не расшевелила?

— Да я ничего не говорю. Онѣ всѣ пріятныя дѣвицы...

— Ну, и чтожъ, и ты ни въ одну не влюбился?

— Да я не знаю:—съ усмѣшкой отвѣтилъ Маккавеевъ,—какъ это такъ влюбиться; я никогда не влюблялся.

— Экой ты простакъ, какъ я погляжу. Какъ влюбиться! Это очень просто; разумѣется, такъ зря, если будешь смотрѣть въ сторону или въ потолокъ, никогда не влюбишься, а ты выбери себѣ одну, да повертись около нея, да посмотри, что у нея получше, ну, напримѣръ, глаза, или тамъ зубы, и вотъ этимъ предметомъ и займись, все присматривайся, такъ оно и втянешься... А тамъ смотришь, и влюбился... Вотъ тебѣ и вся наука. Нѣтъ, ужъ знаешь, это ужъ какъ себѣ тамъ хочешь, а выбирай. Я дальше не поѣду.

— Да я что-жъ, я, пожалуй, выберу,—сказалъ Маккавеевъ,— оно, правда, надо выбирать. Только знаете, отецъ Гурій, ей-Богу, ужъ это мнѣ надоѣло.

— Какъ же надоѣло? вѣдь надо же кончать какъ нибудь; подумай, третій день ѣздимъ, шесть дней тебѣ всего осталось.

— Э, да жените, на комъ хотите,—съ нѣкоторой даже досадой сказалъ Маккавеевъ.

На него въ самомъ дѣлѣ напало отчаяніе. Ужъ онъ началъ думать, что онъ не такой человѣкъ, какъ всѣ: всѣ же женятся и всѣхъ точно такъ возятъ, какъ его, и каждый находитъ себѣ невѣсту, почему же онъ не находитъ? должно быть, въ немъ какой нибудь недостатокъ есть.

— Ну, вотъ, на комъ угодно! вотъ это самое худшее, когда говорятъ—на комъ угодно. Ты женись, на комъ тебѣ угодно. Ну, вотъ смотри, возьми, скажемъ, Анюту, это старшая. Ей двадцать четыре года, это дѣйствительно немного того... Но съ другой стороны большія достоинства: изъ себя представительная и по хозяйственной части очень ходкая, она у нихъ все хозяйство ведетъ. Потомъ возьми Ѳиму, ну, самъ слышалъ, на фортепьянахъ играетъ... И тоже дѣвица ничего, брови-то у нея, замѣтилъ, какія густыя? Опять разсмотримъ Леонилу. Она около тебя сидѣла, и я даже думалъ, что это тебѣ пріятно, ты съ ней разговаривалъ и все такое. Ну, она туфли тамъ дѣлаетъ. Признаться, я не знаю, для чего эти туфли, ихъ развѣ архіереямъ только носить. Не стану же я, напримѣръ, или ты и всякій другой человѣкъ въ золотыхъ туфляхъ расхаживать... Ну, потомъ Маня, это самая младшая, кажется, она ничего такого особеннаго не дѣлаетъ. Но опять же съ большими достоинствами, у нея глазки такіе масляные, и скромная, скромнѣе всѣхъ, не лѣзетъ впередъ, не забѣгаетъ.

Маккавеевъ слушалъ всѣ эти изслѣдованія и чувствовалъ и видѣлъ только одно, что ему непремѣнно надо жениться, что ѣхать больше некуда, да и некогда, а рѣшить не могъ. Всѣ дѣвицы какимъ-то страннымъ образомъ сливались въ его воображеніи, у нихъ какъ будто бы была одна голова, и на этой головѣ все были разныя лица, или вдругъ онѣ ему представлялись одной дѣвицей съ шестью го-

ловами. И главное, что хуже всего, что ему было рѣшительно все равно...

— Ну, знаешь, это просто невозможно,—съ досадой сказалъ отецъ Гурій:—это надо какъ нибудь рѣшить. Говорю-жъ тебѣ, завтра суббота, я долженъ къ вечеру быть въ городѣ. Что-жъ если я тебя оставлю, вѣдь ты самъ тутъ ничего не подѣлаешь, вѣдь ты и сторговаться не сумѣешь.

— Какъ сторговаться?

— Ну, тамъ на счетъ приданаго! вѣдь это все надо дѣлать умѣючи, вѣдь тебя облопошатъ, тебя купятъ за грошъ.

— Купятъ?

Всѣ эти слова: «облопошатъ», «купятъ», «за грошъ», представлялись Маккавееву удивительно странными и только еще больше запутывали его.

— Ну, такъ вотъ что,—сказалъ, наконецъ, отецъ Гурій съ видомъ крайней рѣшимости:—если ты по собственному вкусу не можешь выбрать, такъ бросимъ жребій.

— Какъ жребій?

— А очень просто: вотъ возьмемъ, надѣлаемъ шесть бумажечекъ, напишемъ на каждой имя, а потомъ въ шапку, и которая тебѣ попадется, той, значитъ, и быть твоей женой. Въ этомъ по крайности будетъ указаніе Промысла...

Маккавеевъ такъ былъ подавленъ всѣми этими обстоятельствами и такъ все это ему надоѣло, и такъ съ другой стороны давило его сознаніе необходимости жениться, что онъ не возражалъ.

Отецъ Гурій розыскалъ гдѣ-то клочекъ бумаги, разорвалъ его на шесть частей и на каждомъ написалъ имя одной изъ дочерей отца Пафнутія, а потомъ свернулъ эти бумажечки въ трубочку и положилъ ихъ въ собственную шляпу.

— Ну, вотъ подходи и вынимай.

Маккавеевъ подошелъ къ шапкѣ и протянулъ уже было руку, но отецъ Гурій остановилъ его.

— Да ты постой, ты хоть перекрестись, вѣдь дѣло-то какое совершаешь!..

Маккавеевъ машинально перекрестился и той же рукой потянулся къ шляпѣ. Тамъ онъ нащупалъ нѣсколько бумажечекъ, но почему-то взялъ не первую попавшуюся, а выбралъ откуда-то изъ средины и вытащилъ.

— Давай сюда!—сказалъ отецъ Гурій.

Онъ отдалъ бумажку отцу Гурію; тотъ торжественно развернулъ ее и прочиталъ:

— Леонила!

— Ну, вотъ, значитъ твоя судьба—Леонила. Ей двадцать два года,—пояснилъ отецъ Гурій.

— А мнѣ только двадцать!—сказалъ Маккавеевъ, который, впрочемъ, довольно равнодушно отнесся къ указанію Промысла.

— Э, это ничего, не важно,—сказалъ отецъ Гурій, которому тоже надоѣла эта возня, и ему хотѣлось поскорѣе чѣмъ нибудь кончить.— Моя Марія на три года старше меня была, а ничего, не замѣтно. Живемъ... Ну,—прибавилъ отецъ Гурій,—теперь значитъ будемъ спать, а завтра утромъ я поговорю съ отцомъ Пафнутіемъ, и буду я тебѣ сватать Леонилу, и больше уже, значитъ, никакихъ разговоровъ.

Маккавеевъ ничего на это не отвѣтилъ, а легъ и завернулся съ головой въ одѣяло. Но въ эту ночь ему плохо спалось. Тутъ ужъ приближалось настоящее дѣло. Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ завтра рѣшится его судьба. Онъ выбралъ Леонилу, а почему Леонилу, это не извѣстно. Онъ могъ съ такимъ же основаніемъ выбрать и Ѳиму, и Лизу, и Анну, и Марію. Всѣ онѣ очень хотѣли выйти замужъ, и у всѣхъ это было написано въ глазахъ. И хотѣли онѣ выйти вовсе не за него, а просто выйти. Если бы отецъ Гурій привезъ не его, Маккавеева, а просто какой нибудь чурбанъ, и этотъ чурбанъ былъ бы богословъ и мѣсто получилъ, такъ они передъ чурбаномъ и пѣли бы и играли на фортепіано и туфли бы ему показывали.

И его охватилъ страхъ передъ завтрашнимъ днемъ, и какъ онъ ни гналъ изъ своей головы дурныя мысли, онѣ все не покидали ея. Заснулъ онъ поздно, когда уже вторые пѣтухи пѣли во дворѣ отца Пафнутія.

Когда онъ проснулся, разбуженный отцомъ Гуріемъ, такъ какъ ему самому еще очень хотѣлось спать, то отецъ Гурій началъ съ того, что далъ ему совѣтъ:

— Ну, ты смотри же, хорошенько займись Леонилой... Надо показать, что ты ее отличаешь... При томъ же и тебѣ самому надо все-таки, ну, хоть немножко врѣзаться въ нее...

«Врѣзаться—подумалъ Маккавеевъ:—каково словцо-то! Вѣдь это значитъ влюбиться. А какъ же я это влюблюсь, когда мнѣ до нея столько же дѣла, какъ до той вонъ курицы, что идетъ по двору и розыскиваетъ просяныя зерна? Какъ влюбиться-то?»

«Но это надо, надо, надо! Это совсѣмъ, совсѣмъ необходимо!»— говорили ему всѣ обстоятельства его экстреннаго положенія. Когда онъ надѣлъ сюртукъ и собрался идти къ чаю, гдѣ предстояла встрѣча со всѣми дѣвицами, а значитъ и съ Леонилой, то уже совершенно твердо сказалъ себѣ:—«Ну, такъ и влюблюсь. Коли надо, такъ и влюблюсь! Что-жъ дѣлать, когда надо!»

И они оба пошли пить утренній чай.

Въ то время, когда они проходили черезъ рядъ комнатъ и сѣни, чтобы выйти на дворъ, гдѣ въ палисадникѣ былъ приготовленъ утренній чай, отецъ Гурій незамѣтно куда-то юркнулъ и исчезъ. Егоръ Маккавеевъ очутился въ темныхъ сѣняхъ совершенно одинъ.

Еще не зная объ исчезновеніи своего спутника, онъ остановился и спросилъ:

— А куда же тутъ выйти, отецъ Гурій?

Но отвѣта на это не получилъ.

«Гм...—подумалъ онъ,—значитъ, отецъ Гурій куда-то скрылся». И онъ началъ ощупью розыскивать дверь. Сквозь замочную скважину со двора проникала тонкая струйка свѣта. Вотъ по ней-то Маккавеевъ и отыскалъ выходъ. Онъ нажалъ ручку двери, отворилъ ее и вышелъ сперва на маленькое крыльцо, а затѣмъ и во дворъ.

Здѣсь не было видно никого изъ хозяйскаго семейства. Множество куръ, гусей и утокъ толпились посрединѣ двора, очевидно, въ ожиданіи корма. Работникъ шелъ съ тока, неся въ конюшню для лошадей огромную связку свѣжаго еще зеленаго сѣна. При появленіи Маккавеева во дворѣ двѣ собаки, лежавшія по другую сторону двора, у входа въ сарай, подняли головы и насторожили уши. Въ первую минуту онѣ, очевидно, хотѣли признать его за чужого. Но работникъ оглянулся и что-то внушительное проворчалъ на нихъ. Собаки опустили головы и даже постучали по землѣ хвостами въ знакъ своего примиренія съ гостемъ. Онѣ точно поняли, что пріѣзжій—женихъ и можетъ посватать одну изъ хозяекъ, и рѣшили лежать спокойно.

Маккавеевъ постоялъ здѣсь съ минуту, потомъ пошелъ наугадъ направо и, вмѣсто того, чтобъ попасть въ палисадникъ, пришелъ къ воротамъ и вышелъ на улицу черезъ раскрытую калитку. Здѣсь тоже никого онъ не нашелъ, и вообще положеніе его становилось страннымъ. Ради чего отецъ Гурій оставилъ его въ сѣняхъ, тогда какъ они собирались вмѣстѣ пить чай? Да и гдѣ этотъ чай? Маккавееву страшно хотѣлось чего нибудь выпить. У него была привычка по утрамъ, какъ только всталъ съ постели, что нибудь вливать въ себя.

Вдругъ позади его, повидимому, во дворѣ, послышался тяжелый топотъ босыхъ ногъ, и затѣмъ передъ нимъ, какъ листъ передъ травой, стала горничная дѣвка Ѳедоська, которую онъ видѣлъ еще вчера. На ней была высокая, страшно подтыканная юбка, красная шея и плечи были совершенно открыты, она тяжело дышала, очевидно отъ сильной бѣготни, и смотрѣла на него, какъ-то глупо хлопая глазами.

Маккавеевъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на нее, и взглядъ его спрашивалъ: что тебѣ отъ меня надо, голубушка?

— Паньічу... Васъ, паньічу, кличутъ... Чай пить пожалуйте!—промолвила Ѳедоська отрывистымъ голосомъ, съ такимъ видомъ, какъ будто сообщала о какомъ нибудь несчастьи, случившемся въ домѣ.

— А, чай... Это хорошо!—отвѣтилъ Маккавеевъ,—а гдѣ же онъ, этотъ чай?..

— Да тамъ, въ палисадникѣ... У насъ всегда чай въ палисадникѣ...

— Ну, такъ ты покажи мнѣ этотъ палисадникъ.

— Пожалуйте...

Ѳедоська пошла обратно во дворъ, Маккавеевъ торжественно слѣдовалъ за нею. Оказалось, что надо было сперва дойти до того самаго крыльца, съ котораго онъ вышелъ, а затѣмъ палисадникъ былъ тутъ же въ пяти шагахъ, только съ другой стороны. Невысокій камышевый заборъ отдѣлялъ его отъ двора. Тощія деревца едва-едва выглядывали своими верхушками изъ-за забора. Нѣсколько грядъ, на которыхъ росла огородина, двѣ-три цвѣточныхъ клумбы, а посрединѣ довольно большая площадка, порядочно утрамбованная и посыпанная пескомъ. На этой-то площадкѣ стоялъ круглый столъ, накрытый бѣлой, свѣжей скатертью, уставленный массой посуды, булками и всякими чайными принадлежностями. Тутъ же стоялъ огромный самоваръ, способный напоить все многочисленное семейство отца Пафнутія, а надъ нимъ висѣли облака пара.

Но когда Маккавеевъ входилъ въ палисадникъ, его удивило странное обстоятельство. За столомъ, какъ ему показалось съ перваго взгляда, не было ни души, а потомъ, приглядѣвшись поближе, онъ разсмотрѣлъ какую-то небольшую фигуру, что-то передвигавшую на столѣ, повидимому, приводившую посуду въ порядокъ. «Значитъ, они еще не собрались,—подумалъ Маккавеевъ.—Странно! зачѣмъ же тогда меня зовутъ?»

— Пожалуйте, пожалуйте сюда!—донесся до него въ это время довольно тонкій и нѣжный женскій голосъ.

Маккавеевъ подошелъ ближе къ столу и увидѣлъ сидѣвшую за нимъ одну изъ хозяйскихъ дочерей. «Кто же это?—раздумывалъ онъ и даже не сразу привѣтствовалъ ее пожеланіемъ добраго утра.— Ѳима, кажется; а, можетъ быть, и не Ѳима... Кто ихъ разберетъ, ихъ такъ много... А, можетъ, это Леонила? Гм... Вотъ голова-то у меня: никогда ничего не запомню. Должно быть, что Леонила... Ну, да,—продолжалъ онъ соображать,—это, значитъ, отецъ Гурій юркнулъ тогда въ комнаты да и сказалъ матушкѣ или батюшкѣ насчетъ жребія, и что жребій палъ на Леонилу. Вотъ они ее и высадили сюда. И какъ это у нихъ все ловко устроено! Въ одну минуту сейчасъ все какъ слѣдуетъ...».

— Добраго утра!—сказалъ онъ и поклонился.

— Садитесь, Егоръ Трофимовичъ; хотите чаю?—спросила его молодая хозяйка, когда онъ, подчиняясь ея приглашенію, сѣлъ какъ разъ напротивъ.

— Что жъ, пожалуйте! оно время какъ разъ чай пить!—сказалъ Маккавеевъ и окончательно рѣшилъ, что это и есть Леонила.

Это такъ и было. Отецъ Гурій дѣйствительно не даромъ исчезъ тогда изъ сѣней. Онъ успѣлъ повидаться съ матушкой и посовѣтовать ей оставить на нѣкоторое время молодыхъ людей вдвоемъ.

Онъ, конечно, ни слова не сказалъ ей насчетъ жребія, а смѣло взялъ на душу грѣхъ и сообщилъ:

— Ну, вотъ, слава Богу, мой богословъ въ вашу Леонилу влюбился... Ужъ такъ, говоритъ, влюбленъ, что больше не могу...

Матушка тотчасъ же и послала Леонилу угощать Егора чаемъ.

— А вы рано встаете!—промолвила Леонила, подавая ему стаканъ чаю.

— Да у насъ всѣ такъ вставали. Ужъ такое положеніе было,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Въ шесть часовъ звонокъ, чтобъ вставать, въ половинѣ седьмого звонокъ, чтобъ идти на молитву, въ семь часовъ звонокъ, чтобъ отправляться въ столовую и получать четверть булки и горячую воду. У кого есть чай и сахаръ, тотъ чай пьетъ, а у кого не было, тотъ одной булкой обходился... А въ восемь часовъ опять звонокъ, чтобы въ классъ идти; а тамъ каждый часъ звонокъ да звонокъ... У насъ все было по звонку... Даже скучно вспомнить...

— Да, знаете, у насъ въ епархіальномъ училищѣ то же самое было,—отвѣтила Леонила.

— А вы развѣ учились въ епархіальномъ?

— Не долго. Я только до третьяго класса дошла, а тамъ меня взяли домой.

— Не пошло, значитъ, ученье?

— Нѣтъ, я больше къ домашнему хозяйству расположеніе имѣю.

— Что-жъ, это хорошо, когда есть хозяйство.

Тутъ Маккавеевъ почувствовалъ, что израсходовалъ весь запасъ своихъ словъ, и замолчалъ. Помолчала нѣкоторое время и Леонила. Но у нея по крайней мѣрѣ была работа, она все передвигала посуду, повидимому, безъ всякой надобности разставляя по столу чашки и стаканы. Вообще не было замѣтно, чтобы она особенно старалась занять гостя. Она даже на него не смотрѣла, изъ чего Маккавеевъ заключилъ, что онъ ей не нравится. Но время шло, скоро могли прійти другіе, и онъ видѣлъ, что тамъ, у крыльца, уже промелькнула громоздкая фигура отца Гурія, который, заглянувъ черезъ заборъ палисадника и убѣдившись, что Егоръ здѣсь, опять куда-то скрылся. Надо было такъ или иначе заговорить о дѣлѣ. Маккавееву надоѣло чувствовать себя какимъ-то непристроеннымъ человѣкомъ, уже его самолюбіе начало страдать оттого, что все для него дѣлалъ отецъ Гурій. Да, наконецъ, онъ твердо рѣшилъ подчиниться жребію. И онъ, послѣ довольно долгаго молчанія, прямо сказалъ.

— А вы знаете, зачѣмъ я пріѣхалъ?

— Нѣтъ, я не знаю!—лицемѣрно отвѣтила Леонила.

— Какъ же вы не знаете? Вѣдь навѣрно знаете. Зачѣмъ же къ вамъ пріѣзжаютъ семинаристы? У васъ тутъ много невѣстъ, а семинаристамъ надо жениться.

— Развѣ къ намъ нельзя и такъ пріѣхать?..

— Да оно можно, конечно, только я-то не такъ пріѣхалъ... Я жениться пріѣхалъ...

Леонила на это не сказала ни слова, но на губахъ ея слегка заиграла усмѣшка.

«Что-жъ она молчитъ?—подумалъ Маккавеевъ,—вѣдь, кажется, я ей прямо говорю». И онъ сталъ придумывать, что же еще теперь надлежитъ ему сказать; онъ хотѣлъ быть яснымъ и точнымъ и потому продолжалъ:—Мнѣ надо жениться на этихъ дняхъ, потому что преосвященный будетъ въ Вознесенскомъ монастырѣ обѣдню служить, и я долженъ быть готовъ, меня тамъ и посвятятъ... А вы любите духовныхъ?—спросилъ онъ, самъ не зная почему.

— Не очень!—отвѣтила Леонила и слегка повернула лице въ сторону, какъ будто присматриваясь къ клумбѣ георгины.

«Вотъ тебѣ и на!—подумалъ Маккавеевъ.—Такъ зачѣмъ же это меня отецъ Гурій посадилъ здѣсь?»

— А кого же вы больше любите?

— Я больше свѣтскихъ люблю.

— Свѣтскихъ? Такъ вы, значитъ, за духовнаго не пойдете?..

— Нѣтъ, отчего-жъ? Можно и за духовнаго пойти... Развѣ можно разбирать?.. Намъ разбирать нельзя... Видите, сколько насъ...

— Гм... Такъ какъ же... Если вы не любите духовныхъ, какъ же вы можете попадьей быть... Вамъ будетъ скучно... Вдругъ вамъ надоѣстъ съ духовнымъ жить, и вы... Вы знаете отца Серапіона?.. Онъ тутъ недалеко отъ васъ по сосѣдству живетъ.

— Это—который запоемъ пьетъ?

— Ну, да, вотъ этотъ самый... Такъ вѣдь онъ прежде не пилъ, а былъ человѣкъ вполнѣ какъ слѣдуетъ, а жена его, должно быть, вотъ такъ, какъ вы, духовныхъ не очень любила и съ офицеромъ убѣжала... Такъ онъ и запилъ... Это и съ вами можетъ случиться.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?..

— Я не говорю... А все-таки можетъ случиться...

Леонила и на это не откликнулась; она взяла у него стаканъ и налила ему еще чаю, но Егору какъ-то вдругъ сдѣлалось противно продолжать съ ней разговоръ; онъ самъ не зналъ, почему это такъ случилось. Нельзя сказать, чтобъ онъ непремѣнно обидѣлся за духовный санъ или находилъ легкомысліемъ со стороны дѣвицы предпочитать духовнымъ статскихъ. Но просто онъ не могъ простить ей того, что его заставили полчаса говорить о себѣ съ человѣкомъ, которому въ сущности нѣтъ до него никакого дѣла. И онъ поднялся.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я хочу два слова сказать отцу Гурію. Я сейчасъ...

И онъ, даже не поклонившись ей, вышелъ изъ палисадника, оставивъ Леонилу въ глубокомъ недоумѣніи. Онъ прошелъ мимо крыльца, затѣмъ дошелъ до калитки. Эта дорога уже была ему зна-

кома. Тутъ онъ встрѣтилъ Ѳедоську, которая бѣжала, повидимому, изъ кухни въ погребъ, еще выше прежняго подтыкавъ юбку.

— Эй, слушай ты, дѣвка...

— А что, панычу?—спросила Ѳедоська, остановившись съ разгону.

— Тутъ, можетъ, отецъ Гурій спроситъ обо мнѣ, такъ ты скажи, что я пошелъ вонъ туда, вонъ по той дорогѣ, видишь?

И онъ показалъ ей рукой на широкую дорогу, которая шла селомъ, а потомъ поворачивала прямо въ поле.

Ѳедоська съ удивленіемъ посмотрѣла на него.—А зачѣмъ же это?—спросила она.

— Ну, такъ, это не твое дѣло. Такъ ты скажи отцу Гурію.

И онъ, больше не разсуждая съ ней, вышелъ и направился по дорогѣ.

Минуты черезъ три въ домѣ произошла тревога. Ѳедоська сдѣлала свой докладъ, матушка пристала къ Леонилѣ, добиваясь отъ нея свѣдѣній, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Леонила разсказала весь разговоръ съ Маккавеевымъ, матушка объяснила ей, что она дура, и что такъ нельзя говорить съ женихомъ. Ѳима, уже позавидовавшая счастливой сестрѣ, разсказала, что Леонила втайнѣ влюблена въ пѣхотнаго офицера; произошло сильное замѣшательство. Отецъ Гурій счелъ себя обиженнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣвица, которой онъ привезъ такого хорошаго жениха, предпочитаетъ духовнымъ особамъ свѣтскихъ, и велѣлъ кучеру поскорѣе запрягать. Словомъ, вышло чортъ знаетъ что такое.

Отецъ Гурій широкими шагами ходилъ по двору, а матушка, внѣ себя отъ негодованія на дочь, такъ глупо отвадившую жениха, не знала, какъ къ нему подступиться.

— Ахъ, отецъ Гурій! Вѣдь сами знаете, какъ трудно матери съ шестью дочерьми... Вѣдь народъ-то все какой пустоголовый, Господи прости... Но зачѣмъ же такъ круто? Ну, дѣвка сглупила,—потому вѣдь ничего тутъ, кромѣ глупости, нѣтъ,—такъ у насъ же не одна, а цѣлыхъ шесть!—говорила матушка, бѣгая за нимъ пѣтушкомъ.

— Ну, ужъ знаете, матушка,—энергично возражалъ отецъ Гурій,—за это васъ покорно благодарю. Я изъ кожи лѣзъ, даже жребій бросать придумалъ. А она вдругъ—въ офицера... Такъ позвольте: эта оказалась въ офицера влюблена, а другая окажется въ понамаря, а третья тамъ въ акцизнаго чиновника... Такъ это мы къ каждой подступаться будемъ и каждая намъ будетъ носъ наклеивать... Нѣтъ, ужъ покорно благодарю... Ужъ вы, знаете, въ другой разъ вашимъ дочерямъ, прежде чѣмъ съ женихами оставлять, допросъ учиняйте которая въ кого влюблена... А, по-моему, такъ духовной дѣвицѣ оно какъ-то и не приличествуетъ влюбленной быть, да еще въ офицера. По-моему, ей надлежитъ сидѣть и ждать, пока привезутъ богослова, вотъ и все тутъ!..

Недоразумѣніе такъ и не было выяснено. Отецъ Пафнутій почуявъ, что дѣло принимаетъ бурный характеръ, спрятался въ прохладномъ половникѣ и не выходилъ оттуда. Леонила уже раскаялась въ своемъ легкомысліи и рыдала о потерянномъ счастьѣ гдѣ-то въ темномъ углу. Отецъ Гурій почти молча простился съ хозяевами и выѣхалъ со двора въ догонку за своимъ богословомъ.

— Что же это, братецъ ты мой, ты со мною дѣлаешь?—промолвилъ отецъ Гурій, нагнавъ Маккавеева неподалеку отъ деревни.

— Да что же я дѣлаю, отецъ Гурій! Если ей больше свѣтскіе нравятся, а я духовный...

— Такъ вѣдь она не одна, ихъ много... Вонъ Ѳима-то духовныхъ любитъ...

— А почемъ я знаю, кого любитъ ваша Ѳима... Вы сами послали меня къ этой... Леонилѣ....

— Вотъ чудеса! Ей-Богу, чудеса! Этого со мной еще не случалось... Садись уже... Поѣдемъ куда нибудь... Надо хоть отъ села отъѣхать, а то, знаешь, прямо неловко...

Маккавеевъ сѣлъ въ экипажъ, и они поѣхали дальше.

— Что же я съ тобой буду дѣлать?—воскликнулъ отецъ Гурій, когда они опять выѣхали на широкую степную дорогу.

Егоръ Маккавеевъ на это не отвѣтилъ ни слова; ужъ онъ теперь и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя виноватымъ. Что онъ за человѣкъ въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь ему достовѣрно извѣстно, что они выѣхали съ отцомъ Гуріемъ не въ прятки играть, что отецъ Гурій, можно сказать, жертвуетъ собой, и что, наконецъ, надо, во что бы то ни стало надо, ему жениться. И вотъ они ѣздятъ уже сколько времени, сколько невѣстъ передъ нимъ прошло, и онъ ни на одной до сихъ поръ не могъ остановиться. Можетъ, онъ какой нибудь особенный человѣкъ? Можетъ, въ немъ не хватаетъ чего нибудь, какой нибудь клепки въ головѣ? Что же въ самомъ дѣлѣ будетъ дѣлать съ нимъ отецъ Гурій? Человѣкъ прямо таки извивается, чтобы добыть ему жену, и лукавитъ, и вретъ, и терпитъ униженія, а онъ, точно каменная скала, остается неприступенъ и непоколебимъ.

— Ну, такъ я говорю, Егоръ Трофимычъ, что же я съ тобой буду дѣлать?—повторилъ отецъ Гурій.

— Да ужъ я и самъ не знаю, отецъ Гурій. Должно быть, что мнѣ не придется жениться.

— Какъ такъ не придется? А приходъ, а священство?

— Да ужъ надо и отъ священства отказаться... Это само собой.

— Ну, ужъ это, братъ, извини. Это ужъ просто глупость... Какъ же можно отказаться отъ священства? да для чего же ты двѣнадцать лѣтъ трубилъ въ бурсѣ, зубрилъ тамъ всякихъ Титовъ Ливіевъ да Ѳемистокловъ? И, наконецъ, такой приходъ тебѣ дали, какой не всякому достанется, какого ты и не стоишь... Нѣтъ, ужъ какъ себѣ тамъ хочешь, а я таки тебя женю... Да и съ какой стати, позволь

спросить, я съ тобой буду даромъ возжаться? Какъ ты думаешь, большое это мнѣ удовольствіе доставляетъ? Вѣдь ты помни, что теперь всѣ вотъ эти попики, у которыхъ мы были, и попадьи, будутъ съ полгода на меня дуться; въ городъ ежели пріѣдутъ да на улицѣ встрѣтятъ, такъ будутъ рыло въ сторону воротить отъ меня... Оно, положимъ, мнѣ это все равно, ну, а однакожъ все-таки непріятно...

— Да ужъ я готовъ, не знаю что, отецъ Гурій...

— Не знаю что! Вотъ то-то и оно, что ты самъ не знаешь что... Готовъ, говоритъ, на что-жъ ты готовъ? Къ чему ты такому готовъ? Въ томъ-то и штука, что ты не готовъ, а коли бъ былъ готовъ, такъ давно бы и женился...

— Отецъ Гурій!—какимъ-то подавленнымъ и въ то же время умоляющимъ голосомъ промолвилъ Маккавеевъ:—такъ неужели-жъ вы хотите, чтобы я на всю жизнь связался съ такой особой, которая мнѣ противна? Вѣдь я же тогда вась корить буду.

— Ну, вотъ ужъ непремѣнно и противна... Почему же онѣ тебѣ противны? Дѣвицы, какъ дѣвицы, все у нихъ, какъ слѣдуетъ, все на мѣстѣ. Почему-жъ онѣ тебѣ противны?

— Да я не говорю, отецъ Гурій. У нихъ ничего нѣтъ такого, а только не могу же я, не могу назвать своей женой, когда она мнѣ не нравится...

— Гм... ты, должно быть, тамъ въ семинаріи много всякихъ красавицъ видѣлъ. Скажи, пожалуйста, разборчивость какая! откуда взялось... Я просто и не радъ, что взялся... И откуда ты явился, скажи, пожалуйста?.. Родственникъ, говоритъ. А почему ты мнѣ родственникъ? А, можетъ, ты мнѣ вовсе и не родственникъ? Что ты Маккавеевъ тамъ! Эка важность!.. Маккавеевыхъ въ нашей губерніи сколько хочешь, такъ не могу же я всѣхъ ихъ женить...

— Отецъ Гурій!—попытался остановить его Егоръ.

— Э, да я давно знаю, что я отецъ Гурій, только толку отъ этого мало... Нѣтъ, ты мнѣ скажи, что я съ тобой буду дѣлать? Вѣдь не оставить же этого дѣла такъ? Ну, положимъ, я скажу: ну тебя къ Богу, и брошу тебя здѣсь, или тамъ въ городъ привезу обратно, и дѣлай, что хочешь... Такъ вѣдь на меня же тѣнь падаетъ. Скажутъ: вотъ отецъ Гурій взялся женить богослова, да и не сумѣлъ. Вѣдь вотъ оно штука-то какая! Я въ это дѣло, можно сказать, по уши влѣзъ. Теперь выходитъ, что мнѣ тебя женить, все равно какъ самого себя, надобно... Вотъ оно что...

— Куда жъ теперь ѣхать, отецъ Гурій?—спросилъ кучеръ, повернувъ къ нимъ лицо.

— Гм... куда ѣхать? А я почемъ знаю, куда теперь ѣхать? Ужъ, кажется, больше некуда,—сердито отвѣтилъ ему отецъ Гурій.—Ты постой, останови лошадей. Чтожъ все ѣхать да ѣхать, надо и постоять малость...

— Такъ остановиться?—съ недовѣріемъ спросилъ кучеръ, не понимая, для какой цѣли отецъ Гурій вздумалъ прохлаждаться посреди поля.

— Ну, да, остановись, а мы посидимъ да подумаемъ! А ей-Богу же, я, правда таки, не знаю, куда теперь ѣхать.

Кучеръ остановилъ лошадей. Отецъ Гурій грузно поднялся и выкарабкался изъ экипажа. Егоръ, самъ не зная для чего, послѣдовалъ за нимъ. Дорога шла среди желтыхъ полей. Съ обѣихъ сторонъ виднѣлось свѣжескошенное жнитво, кое-гдѣ выросла уже новая трава. Косовица давно уже окончилась, мужики свезли снопы по дворамъ и теперь молотили ихъ. Кругомъ не было ни души, только далеко на горизонтѣ виднѣлась темная, медленно движущаяся точка, это кто нибудь ѣхалъ въ городъ съ двумя тремя мѣшками смолоченнаго зерна на продажу. Небо было ясное, чистое. Солнце поднялось высоко и палило безъ сожалѣнія.

— Хорошо тутъ!—сказалъ отецъ Гурій, осматривая окрестность.—Ежели бы не суета мірская, такъ оно бы, правда, лучше никогда нашему брату не жениться. Что толку въ женитьбѣ? Наплодишь дѣтей, а тамъ всю жизнь гни спину, хлѣбъ зарабатывай... Да ты, можетъ, къ монашеству склонность имѣешь, Егоръ Трофимычъ?

Егоръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего чичероне.

— Къ монашеству?—онъ съ большимъ выраженіемъ отрицательно покачалъ головой.—Никакой склонности не чувствую.

— А то я думалъ, что у тебя этакія высокія мысли... Ну, постой же, давай еще думать. Ты вотъ что пойми: что въ нашемъ уѣздѣ—а ужъ я его знаю, какъ свои пять пальцевъ—больше ни одной духовной невѣсты не имѣется... Или мнѣ память измѣняетъ,—можетъ, кого нибудь и забылъ... Есть одинъ попикъ тутъ, такой маленькій приходецъ, на одномъ богатомъ хуторѣ церковь построили хуторяне на свой счетъ; Ковчеговъ фамилія его, отецъ Парментій Ковчеговъ; и дочка у него есть... И приданое хорошее дастъ и очень даже хорошее, потому хуторяне—народъ богатый... Да только, братецъ ты мой, она съ изъяномъ...

— Съ какимъ изъяномъ?

— Горбатая... Ишь...—промолвилъ отецъ Гурій съ юмористической усмѣшкой, взглянувъ на своего родственника, изъ чего тотъ могъ заключить, что онъ, очевидно, подъ вліяніемъ благораствореннаго степнаго воздуха и яснаго лѣтняго неба, а также и размышленій о суетѣ мірской, значительно смягчился...—Ишь, не хочетъ... Тоже, значитъ, вкусъ у тебя есть... Ну, такъ вѣдь я же это зналъ и не повезъ тебя туда... А ужъ отецъ Парментій, я не знаю, что далъ бы, ежелибъ охотникъ нашелся... Послѣднюю рясу съ себя снялъ бы, послѣднюю пару сапогъ... Потому тяжесть это великая, что дочка останется не причемъ...

— Нѣтъ, ужъ, отецъ Гурій, мы туда не поѣдемъ! — отозвался Егоръ.

— Подумаемъ еще... Что-то я не припомню... Вѣдь не ѣхать же намъ въ другой уѣздъ, это прямо даже неловко, меня съѣдятъ наши, ежели узнаютъ; скажутъ—измѣна.. Тамъ и благочинный совсѣмъ другой.. Вотъ, братецъ, до чего мы дошли: остановились среди поля и стоимъ, точно чумаки, которые изъ Крыма съ солью ѣдутъ... У нихъ нѣтъ пристанища, и они такъ вотъ среди дороги остановятся, отдохнуть и дальше ѣдутъ..

Наступило молчаніе. Егоръ чувствовалъ все это время, что самое лучшее для него было бы провалиться сквозь землю. Онъ переживалъ самыя скверныя ощущенія. Точно его спихнули съ мѣста, на которомъ онъ благополучно просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ, и пустили по какимъ-то невѣдомымъ дебрямъ, гдѣ онъ на каждомъ шагу спотыкается и толкаетъ въ бокъ отца Гурія, который ни съ того ни съ сего очутился рядомъ съ нимъ въ качествѣ спутника. Кто-то заставляетъ его жениться, зачѣмъ-то ему нуженъ приходъ. Сколько лѣтъ ничего этого ему не было нужно и вдругъ понадобилось. Эхъ, и въ самомъ дѣлѣ хорошо бы такъ вотъ остаться среди поля, на жнитвѣ, подъ яснымъ голубымъ небомъ, подъ свѣтлыми лучами лѣтняго солнца! Воздухъ-то какой дивный! Ширь-то какая кругомъ!

— Отецъ діаконъ! —угрюмо и недовольно рѣшительно проговорилъ кучеръ, который тоже сошелъ на землю и гладилъ рукою шеи лошадей.

— А что тебѣ?

— Да вамъ какъ?.. Вамъ непремѣнно по духовной части?

— Да ты что?.. Ты о чемъ собственно?

— Я говорю,—невѣста чтобы по духовной части была?

— А ты что тутъ понимаешь? Ты тоже сватъ, что ли?

Кучеръ сразу почувствовалъ себя преступнымъ, снялъ шапку и началъ чесать затылокъ.

— Да я, извѣстно, не смѣю... А только, ежели можно и не по духовной... такъ тутъ сыщется...

— Что такое сыщется?.. Можетъ, у мужика какого нибудь дѣвка есть, такъ это, что ли?

— Нѣтъ, не у мужика, отецъ діаконъ! какъ же я смѣлъ бы, ежели-бъ у мужика.. Извѣстно, барину нужно барышню... Это ужъ такъ во всемъ свѣтѣ дѣлается.. А только тутъ есть въ окрестности..

— Ты про кого это?—спросилъ отецъ Гурій, уже нѣсколько заинтересовавшійся рѣчью кучера.

— Да вы развѣ забыли? тутъ купецъ Голопузовъ...

— Голопузовъ?—воскликнулъ почти радостно отецъ Гурій. — А вѣдь правда, — купецъ Голопузовъ тутъ есть... И у него еще одна дочка имѣется.. Вотъ я тебѣ скажу, совсѣмъ изъ головы вонъ. Вотъ

такъ штука!.. А это, братецъ ты мой, птица крупная... На старшей дочкѣ недавно тутъ одного дьякона, Гордіева, сынъ женился. Такъ, шалопай вышелъ.. Изъ семинаріи его прогнали, онъ вольноопредѣляющимся поступилъ, а офицерскаго званія не достигъ, оттуда его тоже прогнали. Такъ онъ взялъ да и женился на Голопузовой дочкѣ и взялъ за нею, голубчикъ ты мой, тысячъ пятнадцать денежекъ и теперь лошадьми торгуетъ, мѣняетъ и торгуетъ, все равно какъ цыганъ, а, можетъ, и конокрадствомъ занимается, кто его знаетъ,—человѣкъ онъ жуликоватый... Ну, а Голопузову все равно, лишь бы съ почтеннымъ лицомъ породниться. Такъ ежели онъ за дьяконскимъ сыномъ да еще этакимъ-то прохвостомъ пятнадцать тысячъ далъ, такъ за богословомъ... Богослову онъ долженъ много больше дать...

— Да кто же онъ такой, этотъ Голопузовъ?—спросилъ Егоръ.

— Голопузовъ? Да его вся губернія знаетъ. Это такой мошенникъ, я тебѣ скажу, какого другого и не сыскать. Онъ тутъ четыре кабака держитъ, и бакалейная торговля у него, и хлѣбомъ торгуетъ, у мужиковъ за грошъ скупаетъ и въ городъ везетъ... Онъ пришелъ въ эти мѣста откудова-то издалека, не то изъ Тверской, не то изъ Нижегородской губерніи, и пришелъ, я тебѣ скажу, безъ сапогъ и безъ кафтана, совсѣмъ голякомъ, а теперь огромными деньжищами ворочаетъ... Ну, такъ вотъ мы къ нему и поѣдемъ,—прибавилъ отецъ Гурій, сразу сильно оживившись и переходя въ безповоротно дѣловитый тонъ. — И ужъ ты тамъ кончай какъ нибудь, потому мнѣ пора седьмицу мою начинать. Ежели опоздаю, такъ за это преосвященнѣйшій владыка не похвалитъ, — молвилъ отецъ Гурій, занося ногу на приступку экипажа, чтобъ влѣзть въ него.

— Ну, что-жъ, поѣдемъ!—довольно вяло отозвался Егоръ Маккавеевъ.

Они всѣ усѣлись, кучеръ ударилъ по лошадямъ, и тѣ, какъ бы сознавая, что необходимо наверстать потерянное время, помчались.

— А ты лошадокъ-то подгоняй!—сказалъ отецъ Гурій кучеру,—ѣзды порядочно, а мнѣ сегодня ночью надо быть въ городѣ.

Кучеръ хлестнулъ лошадей, а потомъ обернулся къ нему. Послѣ того, какъ онъ внезапно открылъ купца Голопузова, онъ считалъ себя до нѣкоторой степени въ правѣ принимать участіе въ разговорѣ и высказывать свои собственныя мысли.—Невозможно, отецъ діаконъ,—промолвилъ онъ.

— Что такое невозможно?

— Невозможно поспѣть нынче въ городъ.

— Какъ это невозможно, если мнѣ надо?

— Да какъ же, отецъ діаконъ? У Голопузова будемъ къ полудню, ужъ раньше нельзя. Да пока то да се, все-жъ таки придется посидѣть часика два, три, а тамъ, ежели дѣло сладится, такъ опять

же васъ не пустятъ и ночевать заставятъ. Вотъ оно и выходитъ, что никакъ невозможно.

— А ты не разсуждай, а поѣзжай-ка скорѣй! Твое дѣло—кнутъ, и болѣе ничего.

Кучеръ на этотъ разъ повиновался, но внушительный тонъ отца Гурія не разубѣдилъ его въ нѣкоторомъ правѣ вмѣшиваться въ общее дѣло. Прошло еще минутъ пять; онъ опять повернулъ голову и, какъ-то особенно хитро ухмыляясь, промолвилъ:

— Отецъ діаконъ! а мнѣ, ежели случится удача, мнѣ что будетъ?

— Послушай, ты, должно быть, съ ума спятилъ!—закричалъ на него отецъ Гурій:—Это еще что такое? Что тебѣ можетъ быть?

— Какъ же? Это я про Голопузова высказалъ!

— Ну, высказалъ, и ладно, и поѣзжай дальше! Что-жъ, ты его выдумалъ, что ли! Его до этого на свѣтѣ не было, или какъ? Или я въ первый разъ объ немъ слышу? Скажи, пожалуйста, какой мудрецъ! Ну-ка, ну-ка, хлестни лошадей! Еще, еще! Да вѣдь тутъ вправо? Небойсь, самъ не знаешь дороги! Поверни-ка вправо!

— Вправо и есть!—откликнулся кучеръ и покачалъ головой въ знакъ того, что съ нимъ поступаютъ несправедливо. Но онъ ужъ больше не рѣшался вступать въ разговоръ.

Дорога, которая, отдѣлившись отъ большой, пошла направо, и по которой они теперь ѣхали, была не широкая, такъ что, когда встрѣчались двѣ повозки, то одной приходилось объѣзжать по травѣ. Обыкновенно случалось, что обѣ сворачивали на траву, одна справа, другая слѣва, такъ какъ ни одинъ сѣдокъ не хотѣлъ уступить другому.

По обѣ стороны тянулись нивы, а подальше чернѣли полосы баштановъ, изрѣдка покрытыхъ ползучей зеленью. Кое-гдѣ уже были выстроены камышевые курени для старцевъ, которые будутъ стеречь арбузы и дыни. Въ иныхъ мѣстахъ были сооружены на длинныхъ палкахъ чучела, долженствовавшія пугать воронъ. Солнце подымалось все выше и выше. Вдали мелькали небольшіе хуторки, разсѣянные по безводному пространству; иногда показывалось большое село, остававшееся въ сторонѣ отъ нихъ.

— Вотъ это,—говорилъ отецъ Гурій, обращаясь къ Маккавееву,— это все область Голопузова. Вонъ тамъ Малеевка, гдѣ у него два кабака и одна бакалейная лавка. А вонъ по ту сторону, за пригоркомъ — отсюда не видно — Бзуловка, такъ тамъ у него цѣлыхъ три кабачища построено. И куда только народъ православный всю эту водку дѣваетъ? А эти всѣ хуторки, это тоже его прихожане. Кабаковъ онъ тутъ не строилъ, невыгодно; такъ все равно они бѣгаютъ то въ Малеевку, то въ Бзуловку. А главное его гнѣздо въ Свиридовкѣ, куда мы ѣдемъ. Тамъ у него цѣлый дворецъ и хлѣбныя засѣки,—живетъ царемъ и никого знать не хочетъ. Вотъ, бра-

тецъ ты мой, настоящій кацапскій умъ... Хохлу никогда этого не сдѣлать. Видалъ ты когда нибудь, чтобы хохолъ кабацкимъ дѣломъ занимался?.. Навѣрно не видалъ, да и не увидишь. Потому его отъ этого претитъ. А кацапъ сколько угодно... Въ нашихъ мѣстахъ кацапъ тѣмъ же дѣломъ занимается, что и еврей. Придетъ оттуда, съ сѣвера, и сейчасъ начинаетъ покупать да продавать то да се, сперва съ маленькаго, а потомъ, смотришь, ростетъ, ростетъ, да и выростетъ въ Голопузова. Всѣ кулаки въ нашихъ мѣстахъ пришлые люди изъ разныхъ кацапскихъ губерній. Изъ Владимірской, изъ Тверской, даже изъ Вологодской, изъ всякихъ...

— Нашему брату,—еще разъ попробовалъ откликнуться кучеръ:— на это идти не возможно. У него на это и ума не хватитъ.

— Что ты понимаешь?—довольно гнѣвно возразилъ ему отецъ Гурій, не терпѣвшій вообще вмѣшательства въ разговоръ.—Ума не хватитъ! Какой тутъ умъ? Тутъ не умъ надобенъ, а смѣлость да нахальство... Скажи лучше, что души не хватаетъ, только не у нашего брата, а у этого Голопузова,—такъ это будетъ правильно. Богъ его знаетъ, отчего это такая разница! Кажись, и народъ одинъ, отъ одного корня происходитъ, и вѣра одинаковая, а между тѣмъ совсѣмъ другой характеръ... А много еще осталось до Свиридовки?

— Нѣтъ, еще съ полчаса...

— Не знаю, какъ и быть,—продолжалъ отецъ Гурій.—Оно дѣйствительно мнѣ необходимо нынче быть въ городѣ. И ежели у Голопузова сладится, такъ, правда, онъ меня не пуститъ. Да и какъ пустить? Это даже обидно... Вѣдь ты, ежели сегодня сладишь, завтра долженъ быть обвѣнчанъ, не иначе; до пріѣзда преосвященнаго владыки осталось всего четыре дня. А тебѣ еще надобно подготовиться, въ городъ съѣздить, рясу себѣ заказать и прочее. Какъ же я поспѣю?..

— А вы не ѣздите, отецъ Гурій!—совѣтовалъ Маккавеевъ.

— Какъ же такъ не ѣздить? Кто же за меня служить будетъ? Развѣ второго дьякона попросить? Онъ человѣкъ добрый, пожалуй, и согласился бы, только одна бѣда,—у него привычка: пока свою седьмицу служитъ, трезваго образа жизни держится, а какъ только моя наступитъ, такъ сейчасъ у него запой на всю недѣлю.

— Такъ, можетъ, онъ для васъ поудержится?

— Да это бываетъ. Только надобно вовремя ухватить его. Надо, чтобъ онъ зналъ.. Попробую-ка я отъ Голопузова гонца послать ему; онъ, можетъ, еще и поспѣетъ.. А то просто не знаю, какъ и быть... Ну, живо, живо, хлестни-ка еще лошадокъ! Голопузовъ имъ хорошаго овса дастъ. У него вѣдь отъ овса закромы ломятся...

Кучеръ еще разъ энергично хлестнулъ лошадей, онѣ помчались. Уже на горизонтѣ показались хаты большого села, и заблестѣла гладкая поверхность ставка. Присутствіе воды подѣйствовало оживи-

вляюще на путешественниковъ. Сколько времени они уже не видали ее! Эти скучные колодцы съ унылыми тонкими журавлями наводили на нихъ тоску.

— Эхъ, и выкупался бы я теперь! Надо будетъ у Голопузова простыню попросить. Для меня нѣтъ высшаго удовольствія, какъ выкупаться въ холодной водѣ..

— А вамъ не вредно?—спросилъ Маккавеевъ.

— Вредно? Почему же это вредно? Да мнѣ ничего не вредно! Это ты смотришь на мою комплекцію? Ну, это только такъ, съ виду, а у меня никакихъ ударовъ не можетъ быть.. У меня сердце здоровое. Непремѣнно первымъ же дѣломъ у Голопузова простыню попрошу, да и пойду купаться, да и тебѣ совѣтую, родственникъ, потому столько времени изъ села въ село ѣздимъ,—сколько пыли на насъ падало! Все это надо смыть.. Охъ, и женю же я тебя на Голопузовой дочкѣ, вотъ увидишь. Двадцать тысячъ приданаго выговорю и тысячу рублей себѣ взаймы возьму.. Мнѣ давно уже тысячу рублей надо. Я присматриваю себѣ на окраинѣ нашего города домишко маленькій, одноэтажный, на случай старости.. Вѣдь ежели за штатъ выйдешь, по старости лѣтъ, такъ изъ церковнаго дома сейчасъ вонъ, и на твое мѣсто другой сядетъ. Такъ вотъ я и желаю собственный уголъ имѣть... Просятъ три съ половиной тысячи, но, я думаю, что за полторы отдадутъ... Такой народъ... Въ трое запрашиваетъ! Пятьсотъ рублей у меня у самого накоплено, а тысячу рублей у тебя взаймы возьму, вотъ и отлично будетъ. Дашь, что ли?

— Да откуда же я ихъ возьму, отецъ Гурій?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ Маккавеевъ.

— Такъ вѣдь я же говорю — въ томъ случаѣ, ежели съ Голопузовымъ мы дѣло устроимъ. Понимаешь? Тогда онъ тебѣ двадцать тысячъ чистоганомъ отвалитъ. Понялъ? Я про это говорю.

— Ну, про это рано говорить, отецъ Гурій! Да и зачѣмъ мнѣ двадцать тысячъ? что я съ ними буду дѣлать?

— Какъ что? Вотъ младенецъ! Съ двадцатью-то тысячами найдешь что сдѣлать. Такъ согласенъ, по рукамъ?

— Отецъ Гурій, да можете хоть всѣ взять, ей-Богу. Я даже не знаю, какъ объ этомъ можно спрашивать.

— Ну, всѣ, вотъ сказалъ! Съ какой же стати я возьму? Вѣдь не я женюсь на Голопузовой, а ты. То есть такой ты грудной младенецъ, Егоръ Трофимовичъ, что я, ей-Богу, такихъ еще не видалъ. Ты словно вотъ вчера только ходить научился, ей-ей! Можно подумать, что васъ тамъ въ семинаріи каждый день отецъ инспекторъ въ пеленки завертываетъ, а отецъ ректоръ баю-баюшки-баю поетъ... Эге, да вотъ и Свиридовка. Смотри, вонъ церковь на горѣ,— маленькая какая, старенькая, а рядомъ съ нею церковный домъ— какой плюгавенькій; не знаю, какъ въ немъ и жить можно. А вонъ налѣво школа, погляди-ка: домишко въ три окошечка. Дворикъ въ

пять саженъ. Три деревца въ палисадникѣ; вотъ такъ дворецъ!.. А теперь смотри сюда: вотъ налѣво, видишь, каменный домина въ два этажа? разглядѣлъ? это Голопузовское добро. Тутъ у него внизу кабакъ и бакалея, а наверху самъ живетъ и всѣхъ затмеваетъ... Вотъ каковъ онъ, твой будущій тесть. А посмотри-ка,—обратился отецъ Гурій къ кучеру,—что-то около Голопузовскаго дома много повозокъ стоитъ. Ужъ не гости ли у него?

— Да у него завсегда гости. Гдѣ кабакъ, тамъ и гости, отецъ діаконъ. Это уже такъ водится.

— Нѣтъ, не то. Не одни возы да повозки; вонъ дилижанъ чей-то стоитъ, и тройка лошадей запряжена. Это уже кто нибудь повыше...

— Нынче колонисты въ дилижанахъ ѣздятъ, отецъ діаконъ!

— Какіе колонисты? Нѣмцы? Такъ нѣмецъ къ Голопузову не поѣдетъ. Первое дѣло, нѣмецъ водки не пьетъ, а второе—онъ Голопузова презираетъ. Нѣмецъ все въ городѣ забираетъ; нѣмецъ лишняго не любитъ платить; нѣмецъ—человѣкъ аккуратный. Нѣтъ, это не нѣмецкій дилижанъ, это и по фасону видно. Вонъ видишь, въ задку сѣно наложено и коврикомъ прикрыто; это, значитъ, для господъ; а въ передку скамеечка, это значитъ—для кучера... Ужъ не именинникъ ли Голопузовъ? А какъ зовутъ Голопузова, не помнишь?

— Да, кажись, Архипомъ Авдеичемъ...

— Архипомъ? А погоди, погоди, дай вспомнить... Какого сегодня святого?

Отецъ Гурій началъ усиленно припоминать и вдругъ ударилъ себя ладонью по лбу.

— А вѣдь такъ и есть,—сегодня Архипа, мученика Архипа, ей-ей! Вотъ такъ случай! Слѣдственно мы прямо на именины попали. Вотъ такъ исторія! Ну, это ужъ, значитъ, что нибудь особенное должно выйти! Такая судьба! Ну, держи же лѣвѣе, лѣвѣе, а то ты зацѣпишь осью за дилижанъ. Да, не попасть мнѣ сегодня въ городъ! Ежели у Голопузова именины, такъ это даромъ не пройдетъ. Такъ ты держи къ заднему крыльцу,—что ты къ кабаку ѣдешь? Не въ кабакъ же мы пріѣхали! Экій ты неловкій! Какъ же это—духовное лицо и прямо къ кабаку подвозишь! Это соблазнъ!

Кучеръ въ самомъ дѣлѣ, согласившись съ отцомъ Гуріемъ, что подвозить духовное лицо къ дверямъ кабака неприлично, круто повернулъ влѣво и чуть было не вывалилъ сѣдоковъ. Въ это время изъ кабака, откуда раздавался шумъ и гвалтъ какихъ-то необыкновенно свирѣпыхъ голосовъ, выскочилъ пьяненькій и плюгавенькій мужиченко, снялъ шапку и, потрясая ею въ воздухѣ, крикнулъ:

— Ого-го-го, какой толстый батюшка пріѣхалъ! Вотъ это батюшка, вотъ это настоящій батюшка!.. Не то что нашъ отецъ Милетій—высокій да поджарый...

— Вотъ видишь, искуситель ты этакій!—промолвилъ отецъ Гурій въ спину кучеру,—очень тебѣ надо было ѣхать въ эту сторону. Видишь, тутъ пьяный народъ! Говорю, соблазнъ одинъ... А еще тоже въ долю лѣзетъ!

Виноватый кучеръ завернулъ за уголъ дома и подъѣхалъ къ заднему крыльцу. Наши путешественники начали слѣзать на землю. Дѣвчонка-подростокъ, проходившая здѣсь и очевидно принадлежавшая къ составу Голопузовскаго дома, увидѣла ихъ и стрѣлой побѣжала наверхъ. Черезъ минуту въ домѣ уже произошло движеніе. Голопузовъ самъ спускался по лѣстницѣ внизъ, чтобы встрѣтить новыхъ гостей, пріѣхавшихъ сюрпризомъ.

— Вотъ такъ штука! — тихо говорилъ своему спутнику отецъ Гурій, когда они сошли на землю,—ни съ того ни съ сего на праздникъ попали...

— Знаете что, отецъ Гурій, ужъ не поѣхать ли намъ дальше?—нерѣшительно сказалъ Егоръ.

Отецъ Гурій вытаращилъ на него глаза.

— То-есть какъ это дальше? для чего-жъ дальше? Ужъ ты, Егоръ Трофимовичъ, кажись, окончательно съ ума спятилъ. Ты, я думаю, забылъ даже, зачѣмъ ѣздишь...

— Не забылъ я, отецъ Гурій, да только... Только это какъ-то, знаете, не того... Тутъ и кабакъ, тутъ и пьяные... Богъ знаетъ, что выходитъ...

— Ну, ужъ, знаешь, не намъ съ тобой разбирать... Я тебѣ прямо говорю, что ежели сегодня не кончишь, такъ умываю руки, просто вотъ, какъ Пилатъ, руки умываю...

Въ это время изъ двери, которая вела въ домъ, слышались грузные шаги по скрипучей деревянной лѣстницѣ. Тяжело спускавшійся сверху Голопузовъ приближался. Отецъ Гурій хотѣлъ прибавить Маккавееву еще нѣсколько словъ посильнѣе, но, заслышавъ эти шаги, воздержался и только махнулъ рукой на Егора.

Тутъ на порогѣ показался самъ Архипъ Авдеевичъ.

— Господи, ты, Боже мой! вотъ ужъ и везетъ же мнѣ, то-есть такъ везетъ, такъ везетъ,—звучнымъ, густымъ голосомъ воскликнулъ Голопузовъ и протянулъ по направленію къ отцу Гурію обѣ свои огромныя, красныя руки.

Это былъ здоровенный дѣтина съ широкими плечами, громоздкій, тяжеловѣсный, сложенный крѣпко, на славу. Лицо у него было широкое, слегка только обросшее жиденькой русой растительностью. Глаза маленькіе, сѣрые, быстрые. Волосы густые, прямые, тщательно причесанные на бокъ. Одѣтъ онъ былъ въ ситцевую рубашку, подпоясанную шнуркомъ, а поверхъ нея, для приличія, былъ надѣтъ коротенькій пиджакъ, такъ что рубашка далеко выходила за предѣлы пиджака. На немъ были высокіе сапоги и широкіе штаны, всученные въ нихъ.

Отецъ Гурій не сразу освоился съ этимъ радостнымъ привѣтствіемъ. Въ сущности онъ не имѣлъ никакихъ основаній считать себя въ числѣ добрыхъ знакомыхъ Голопузова. Встрѣчался съ нимъ всего раза два-три въ жизни, не то на свадьбѣ у кого-то изъ уѣздныхъ духовныхъ лицъ, не то въ городѣ у какихъ нибудь знакомыхъ купцовъ. Голопузовъ, конечно, долженъ былъ хорошо знать его, соборнаго дьякона, котораго могъ видѣть служащимъ обѣдню каждое воскресенье. Но самъ отецъ Гурій, если бы встрѣтилъ Архипа Авдеича гдѣ нибудь въ городѣ, на базарѣ, или на многолюдной улицѣ, то, пожалуй, и не узналъ бы его.

Тѣмъ не менѣе, какъ опытный дипломатъ, отецъ Гурій тотчасъ же придалъ своему лицу выраженіе живѣйшей радости и съ своей стороны протянулъ по направленію къ Голопузову руку. Протянуть обѣ онъ не рѣшился, такъ какъ, по его мнѣнію, это было бы слишкомъ.

— Да что у васъ такое, Архипъ Авдеичъ?—спросилъ онъ, предоставляя Голопузову жать его руку обѣими своими руками.—Мы это ѣдемъ съ родственникомъ. Кстати, позвольте вамъ представить: мой родственникъ, Егоръ Трофимовичъ, и тоже, какъ и я, Маккавеевъ... Да, — продолжалъ онъ, въ то время, когда Голопузовъ и Маккавеевъ занимались рукопожатіемъ,—такъ ѣдемъ это мы, а путь нашъ лежитъ тутъ въ Ѳедосеевку, тамъ къ отцу Лаврентію дѣло есть. Знаете отца Лаврентія, старикъ такой, одинокій... Ну, такъ вотъ къ нему... Ѣдемъ, говорю, и вдругъ я вспоминаю, что у меня къ вамъ дѣльце... Ну, такъ, пустячное. Тамъ справиться кой о чемъ нужно по хлѣбной части... Да вы не смѣйтесь, я вѣдь тоже дѣлами занимаюсь... Да, вспомнилъ это я и говорю кучеру: ну-ка, заверни къ Архипу Авдеичу. Онъ завернулъ. Присматриваюсь: что за чудо? да тутъ цѣлый съѣздъ, все одно, какъ у губернатора на новый годъ... Что такое?—думаю. Праздникъ какой, что ли? И сталъ припоминать, какого нынче святого. И вдругъ это мнѣ въ голову приходитъ: такъ и есть: нынче мученика Архипа. Вотъ такъ случай! говорю. Это мы, значитъ, прямо на именины...

— Такъ оно и есть, отецъ Гурій, прямо на именины и попали... Такъ милости же просимъ ко мнѣ, наверхъ... А у насъ уже одно духовное лицо есть...

— Кто такой? Должно быть, сватъ?

— Сватъ и есть; отецъ Мемнонъ, да не одинъ, а со всѣмъ своимъ хоромъ...

— Ахъ, отецъ Мемнонъ все еще съ хоромъ... Вотъ такъ чудакъ!

— Отличная штука, я вамъ скажу, отецъ Гурій; съ этимъ хоромъ отецъ Мемнонъ, куда ни пріѣдетъ, такъ всегда ему первый пріемъ, потому каждому пріятно... Пожалуйте же, милости просимъ... И сродственника вашего прошу... Пожалуйте...

— Да мы сейчасъ; только насчетъ лошадей тутъ надо распо-

рядиться... Вы идите себѣ къ гостямъ, Архипъ Авдеичъ, а мы сейчасъ придемъ...

— Только вы ужъ смотрите, не вздумайте повернуть оглобли-то...

— Ну, что вы, что вы, развѣ это мыслимо?.. Гдѣ-жъ видано, чтобъ отъ хорошихъ людей оглобли поворачивать? Сейчасъ вслѣдъ за вами будемъ.

— Ну, такъ я пойду... Надо бабѣ моей сказать, кто пріѣхалъ, да и гостямъ; а то они всѣ смотрятъ въ окно и видятъ, что духовное лицо, а кто такой, не знаютъ.

— Отецъ Мемнонъ-то, я думаю, знаетъ.

— Да въ томъ-то и дѣло, что отецъ Мемнонъ теперь заперся въ кладовкѣ съ своимъ хоромъ и тамъ что-то новое выучиваетъ. Спѣвку дѣлаетъ... Такъ я пойду.

И Архипъ Авдеичъ, хотя и очень грузно, но въ то же время довольно быстро, переступая разомъ черезъ двѣ ступеньки, сталъ подыматься по лѣстницѣ.

— Что это ты на меня такъ неистово смотришь?—спросилъ отецъ Гурій, обращаясь къ Маккавееву, все лицо котораго выражало крайнее недоумѣніе.

— Что это онъ такое говорилъ?

— Насчетъ чего это?

— Да насчетъ этого отца Мемнона. Про какой такой хоръ, развѣ онъ регентъ, или какъ?

— Э, совсѣмъ особенная штука. Видишь, это отецъ Мемнонъ, у него пропасть родни; своихъ дочекъ, положимъ, только двѣ, сынъ вотъ этотъ шалопай, который женился на дочкѣ Голопузова, и еще два сына, поменьше, и оба вышли изъ семинаріи по малоуспѣшности. Да два племянника, да три племянницы, да еще какая-то родня, ужъ и не знаю, въ какомъ колѣнѣ, да и онъ самъ, кажись, не знаетъ. Такъ это его Господь Богъ наградилъ, что не всякому захотѣлось бы этого... Все, знаешь, сироты, а отказаться онъ не можетъ... Сердце у него доброе. Такъ вотъ онъ и началъ мудрить. Приходишко-то у него былъ скверненькій, доходы неважные получалъ, а хотѣлъ прокормить всѣхъ. Онъ и выдумалъ этотъ хоръ. Сперва это божественное пѣснопѣніе разучивалъ и хорошо выходило, потому онъ самъ въ пѣніи понимаетъ, во время оно въ архіерейскомъ хорѣ теноромъ пѣлъ. И сталъ этотъ его хоръ въ церкви на клиросѣ пѣть. И молва объ немъ пошла по уѣзду, что вотъ дескать у отца Мемнона хоръ хорошій, и стали его приглашать съ хоромъ на храмовые праздники, по церквамъ. Оно, конечно, неудобно діакону изъ своего прихода отлучаться, да настоятель у него добрый, отпускалъ. А отцу Мемнону всякій разъ что нибудь перепадало. Первое дѣло, всю эту ораву его во время храмоваго праздника хорошо накормятъ, а второе дѣло и вознагражденіе рубликовъ пять-шесть дадутъ. Такимъ манеромъ онъ и заработывалъ рублей сотню

въ годъ, на бѣдномъ дьяконскомъ приходѣ деньги хорошія. А то одинъ разъ и такъ случилось, что проѣзжалъ по епархіи преосвященный, и одинъ батюшка, вотъ тутъ, въ Малеевкѣ,—онъ пріятель отца Мемнона,—пожелалъ услужить ему, да какъ разъ въ это самое время, когда преосвященный черезъ Малеевку проѣзжалъ, пригласилъ отца Мемнона съ хоромъ. Ну, отецъ Мемнонъ, значитъ, и отличился; а преосвященнѣйшій владыка, самъ знаешь, пѣніе любитъ и, какъ услышалъ этотъ хоръ, такъ сейчасъ и говоритъ: надо ему, говоритъ, приходъ получше дать, и перевелъ его на первѣйшій приходъ въ уѣздѣ. Вотъ, значитъ, и не напрасно отецъ Мемнонъ хоръ выдумалъ. Да ты не думай, что онъ только все божественное поетъ. На этомъ одномъ далеко не уѣдетъ. Онъ и пѣсни разныя хоровыя знаетъ и «Грыця» можетъ спѣть и «Зозулю» и всякую штуку, и съ этимъ его на разныя именины и всякіе другіе праздники семейные зовутъ и тутъ хорошо покормятъ да и деньжонокъ всыпятъ. Ну, теперь ты, значитъ, понялъ, что такое хоръ отца Мемнона.

— Понялъ-то, понялъ,—отвѣтилъ Егоръ Маккавеевъ,—но только странно это...

— Что-жъ въ этомъ страннаго?

— Да какъ-то неловко духовному лицу этимъ дѣломъ заниматься.

— Да вѣдь, братецъ ты мой, когда кушать нечего, то и не такимъ дѣломъ займешься. Однако, что же это мы съ тобой здѣсь стоимъ? это даже неловко. Голопузовъ подумаетъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ оглобли повернули... Слушай ты,—обратился отецъ Гурій къ кучеру,—ты поѣзжай туда, вонъ, гдѣ отца Мемнона дилижанъ стоитъ—дилижанъ-то оказался отца Мемнона, я его теперь узналъ, а ты говорилъ, нѣмецъ-колонистъ. Да, такъ поѣзжай туда, распряги лошадей и вели, чтобъ тебѣ дали овса, то-есть не тебѣ, а лошадямъ,— понимаешь? — а тебѣ ужъ я выхлопочу тамъ, что полагается. Въ обидѣ не будешь. Вотъ это и будетъ твоя доля; понялъ?

Кучеръ усмѣхнулся.—Это не доля, отецъ діаконъ, а положеніе...

— Ну, ну, ладно, не разсуждай, дѣлай, что тебѣ говорятъ. Пойдемъ-ка наверхъ, Егоръ Трофимовичъ. А не легко мнѣ подыматься по этой лѣстницѣ. Охъ, какая крутая! И какъ онъ самъ, Голопузовъ, такой грузный, совершенно какъ мотылекъ взлетѣлъ на нее. Это оттого, что у него брюха нѣтъ. У него кость широкая, а жиру никакого... Оттого ему и легко...

Отецъ Гурій шелъ впереди, медленно переступая своими толстыми ногами, со ступеньки на ступеньку. Маккавеевъ тихо и чрезвычайно лѣниво двигался за нимъ. Его страшно не тянуло въ это жилище. И когда онъ вспоминалъ, что нынче послѣдній срокъ, что ему еще можно привередничать, а завтра отецъ Гурій, можетъ быть, окончательно покинетъ его,— ему становилось жутко. Неужели же въ самомъ дѣлѣ именно въ этомъ домѣ, рядомъ съ кабакомъ, съ бакалеей, съ пьянымъ мужиченкомъ, который такъ осмѣялъ отца

Гурія, ему придется найти свою судьбу и на всю жизнь?.. Неужели же именно этотъ здоровый дѣтина, у котораго, по словамъ отца Гурія, кость необычайно широка, этотъ Голопузовъ, про котораго самъ отецъ Гурій говоритъ, что онъ плутъ и мошенникъ, сдѣлается его тестемъ? Да и фамилія-то какая! Господи, даже породниться какъ-то неловко.

Тѣмъ не менѣе онъ покорно шелъ за отцемъ Гуріемъ, сознавая, что своей нерѣшительностью и неподготовленностью къ жизни причинилъ уже этому доброму человѣку много огорченій.

По мѣрѣ того, какъ они подходили къ площадкѣ верхняго этажа, изъ квартиры все яснѣе и яснѣе слышался говоръ. Были и мужскіе голоса и женскіе. Разговоръ шелъ, видимо, чрезвычайно оживленный, и можно было предполагать, что изъ нижняго помѣщенія, надъ которымъ красовалась вывѣска: «распивочно и навыносъ», уже порядочная доля живительной влаги была перенесена сюда.

На верху отецъ Гурій, прежде чѣмъ отворить дверь, остановился и минуты двѣ тяжело дышалъ.

— Вотъ, братецъ ты мой, комплекція-то какая!—съ сокрушеніемъ промолвилъ онъ, обращась къ Маккавееву.—Все брюхо, все оно, и откуда оно берется, скажи ты мнѣ, пожалуйста? Вотъ ты ученый человѣкъ, ты богословію кончилъ, объясни ты мнѣ, сдѣлай милость, откуда оно берется! Живетъ себѣ человѣкъ, живетъ, все дѣлаетъ, какъ и другіе, ѣстъ, пьетъ, ходитъ, дѣломъ своимъ занимается, а у другихъ же не ростетъ, а у него ростетъ. Вонъ у нашего понамаря соборнаго, Ферапонтова, не то что брюха нѣтъ а даже прямо впадина какая-то, ей-ей, и бока у него такіе, точно изъ нихъ щипцами повыдрано по куску мяса. Право. И весь онъ высокій да тонкій, какъ палка, вонъ какъ тѣ журавли, которыхъ мы столько видали надъ колодцами. Ужъ прямо не знаю, что и дѣлать. И ты смотри,—продолжалъ отецъ Гурій, все еще тяжело переводя духъ,— что это за примѣта такая? У дьячковъ и понамарей никогда брюха не бываетъ. Вотъ сколько живу на свѣтѣ, сколько ихъ видѣлъ, а не замѣчалъ. А чуть приметъ санъ, какъ священническій, такъ и дьяконскій, сейчасъ это и начинаетъ топорщиться. Вотъ ты мнѣ и объясни. Ты богословъ, ты долженъ объяснить...

Но Маккавееву не пришлось примѣнять свои богословскія познанія къ объясненію столь страннаго явленія. Въ это время передъ самыми ихъ носами дверь распахнулась, и изъ комнаты вылетѣлъ цѣлый потокъ громкихъ словъ, которыя смѣшивались между собой, такъ что ихъ нельзя было отдѣлить одно отъ другого, и на порогѣ показался Голопузовъ, а за спиной его, какъ бы для контраста, маленькая, худенькая женщина съ краснымъ лицомъ, съ головой величиной въ кулакъ, съ жалобнымъ выраженіемъ лица. На ней была ситцевая юбка и такая же кофта, а на головѣ бѣлый чепчикъ, придававшій ей старушечій видъ, хотя она была еще не стара.

— Да что же это вы, отецъ діаконъ? мы уже думали, что вы и не придете... промолвилъ Голопузовъ:—вотъ и баба моя; она такъ вамъ рада, ужъ такъ рада...

Тутъ изъ-за спины его вышла на первый планъ маленькая женщина съ краснымъ лицомъ, которое теперь, какъ бы подъ вліяніемъ его словъ, выражало живѣйшую радость.

— Мы такъ благодарны вамъ, такъ благодарны,—говорила жена Голопузова.—Пожалуйте, гостями будете...

— Да вотъ, знаете, духъ перевожу,—отвѣтилъ отецъ Гурій,—лѣстница-то у васъ не изъ легкихъ, а я, знаете, не привыкъ. Не приходится. Живу въ нижнемъ этажѣ, всѣ батюшки тоже въ нижнихъ этажахъ живутъ, больше въ одноэтажныхъ домахъ... Развѣ двѣ, три ступеньки подымешься на крыльцо. Въ церкви тоже все по землѣ ходишь; вотъ только на праздникахъ, когда съ крестомъ либо съ поздравленіемъ ѣздишь, такъ приходится въ домахъ десяти вотъ этакій моціонъ дѣлать. Трудно мнѣ, по моей комплекціи...

Говоря это, отецъ Гурій вошелъ въ переднюю, а Маккавеевъ слѣдовалъ за нимъ.

— Да снимите вы рясу, отецъ Гурій; у насъ все люди простые, все свои,—что вамъ париться-то въ ней!..

И при этомъ Голопузовъ стаскивалъ съ него рясу и оставилъ отца Гурія въ свѣтленькомъ кафтанѣ. Отецъ Гурій слегка протестовалъ.—Ужъ и не знаю, прилично ли оно будетъ; вѣдь я въ первый разъ въ домѣ.

— Э, ничего, все равно мы васъ, какъ своего, принимаемъ, даже какъ бы родного... Пожалуйте, отецъ Гурій, пожалуйте и вы то же—прибавилъ Голопузовъ, обратившись къ Маккавееву.—Мы и сродственника вашего, какъ родного, примемъ. У насъ по простотѣ. Вотъ и отецъ Мемнонъ сейчасъ выйдетъ. Вотъ и встрѣтитесь!..

При этомъ онъ забѣжалъ впередъ и настежь отворилъ дверь, которая вела въ комнату. Маккавеевъ изъ-за двухъ широчайшихъ спинъ Голопузова и отца Гурія мелькомъ заглянулъ внутрь комнаты, и у него въ глазахъ зарябило, такимъ пестрымъ показался ему составъ именинныхъ гостей Голопузова.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

М. А. БАКУНИНЪ ВЪ ИТАЛІИ ВЪ 1864 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній Л. И. Мечникова).

ДНА уже личность такого замѣчательнаго человѣка, какимъ былъ Левъ Ильичъ Мечниковъ, придаетъ интересъ его воспоминаніямъ.

Онъ всегда горячо интересовался и научными и общественными вопросами, энергически вмѣшивался въ событія, имѣлъ постоянныя, тѣсныя сношенія со многими видными русскими и иностранными дѣятелями. Его цѣнили и уважали, ему довѣряли, такъ что дѣйствительно ему пришлось на своемъ вѣку видѣть много, и на старости было о чемъ поразсказать въ своихъ воспоминаніяхъ.

Существуютъ ли воспоминанія Мечникова, охватывающія всю его жизнь или нѣтъ,—я не имѣю свѣдѣній, но въ моихъ рукахъ въ настоящее время автографъ его воспоминаній о жизни во Флоренціи въ 1864—1865 гг. Разсказъ Мечникова сосредоточивается главнымъ образомъ около личности Бакунина.

Отношенія Мечникова къ Бакунину и точка зрѣнія на него лучше всего выражаются удачно выбраннымъ эпиграфомъ къ воспоминаніямъ:

Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
Но курамъ никогда до облакъ не подняться.

Оговорюсь, что едва ли можно согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями Мечникова и его характеристиками русскихъ и итальн-

скихъ дѣятелей, но и тогда, когда приходится не соглашаться съ авторомъ воспоминаній, нельзя не признать его глубокаго, безпощаднаго анализа событій и лицъ. Вообще, по историческимъ оцѣнкамъ, взглядамъ, литературному таланту, Мечниковъ наиболѣе подходитъ къ Герцену.

Воспоминанія Мечникова я привожу цѣликомъ, за исключеніемъ немногихъ строкъ, касающихся семейныхъ дѣлъ нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ лицъ.

Но прежде я въ немногихъ словахъ напомню сложную, богатую событіями жизнь Мечникова. Его біографія мало извѣстна русскимъ читателямъ частью потому, что русская литература никогда не могла и не можетъ до сихъ поръ касаться многихъ вопросовъ, дорогихъ для Мечникова, на которыя онъ тратилъ свои силы, а частью по причинѣ его крайней скромности, вслѣдствіе чего онъ всегда прятался за псевдонимы и избѣгалъ всего, что создаетъ людямъ шумную популярность.

Наиболѣе полнымъ очеркомъ жизни Мечникова является статья его друга, знаменитаго географа Реклю, въ предисловіи къ его посмертному труду «La civilisation et les grandes fleuves historiques», сочиненію, хорошо реферированному въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1890 г., въ 39 т., стр. 474.

Мечниковъ, говорится въ только что упомянутой нами рецензіи на его книгу, родился въ Петербургѣ, въ 1838 году, отъ отца, харьковскаго помѣщика, потомка румынской фамиліи Спадоренко, и отъ матери еврейскаго происхожденія. Его братомъ былъ и понынѣ здравствующій знаменитый, общеевропейскій ученый И. И. Мечниковъ. Мальчикъ былъ болѣзненнаго сложенія, и въ 1851 году родители принуждены были переселиться съ нимъ въ Харьковъ, такъ какъ онъ не могъ переносить суровость и непостоянство петербургскаго климата. На югѣ мальчикъ поправился и поступилъ въ Харьковскій университетъ. Шестнадцати лѣтъ онъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома въ Крымъ, чтобы принять участіе въ защитѣ Севастополя; его, однако, вернули съ дороги и водворили снова въ семью. На медицинскомъ факультетѣ университета онъ оставался, однако, всего 7 мѣсяцевъ и былъ исключенъ за сопротивленіе распоряженіямъ начальства и за слишкомъ либеральный образъ мыслей. Онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ началъ слушать лекціи въ медицинской академіи, потомъ на физико-математическомъ факультетѣ университета, въ академіи художествъ, наконецъ занялся изученіемъ восточныхъ языковъ. Во всѣхъ этихъ разнородныхъ занятіяхъ онъ оказывалъ блестящіе успѣхи, обладая рѣдкими способностями, но вездѣ его безпокойный духъ не давалъ ему возможности примѣняться къ общепринятымъ условіямъ.

Въ 1858 г. Мечниковъ отправился въ качествѣ переводчика при дипломатической миссіи въ Малую Азію къ святымъ мѣстамъ. На

обратномъ пути въ Россію онъ въ Галацѣ бросилъ мѣсто и безъ паспорта, безъ всякихъ средствъ къ жизни, уѣхалъ въ Венецію, гдѣ занялся страстно любимою имъ живописью, не переставая въ то же время принимать участіе въ политическомъ движеніи Италіи. Австрійская полиція слѣдила за нимъ, подозрѣвая его въ революціонныхъ замыслахъ, но онъ обманулъ ея бдительность, бѣжалъ въ Ливорно и поступилъ волонтеромъ въ отрядъ Гарибальди, отправлявшійся освободить Неаполь отъ ига Бурбоновъ. Мечниковъ храбро сражался въ Калабріи, былъ сильно раненъ, при взрывѣ мины на Вультурно. Съ поврежденными ногами, правымъ бокомъ и легкими, онъ былъ перенесенъ въ неаполитанскій госпиталь, гдѣ хорошій уходъ спасъ его отъ смерти.

Выздоровѣвъ, онъ дѣятельно занялся соціалистической пропагандой во Флоренціи, въ Женевѣ, Испаніи. Зная основательно десять европейскихъ языковъ, онъ работалъ неутомимо, не смотря на свое болѣзненное состояніе, писалъ статьи въ журналахъ, говорилъ рѣчи, читалъ лекціи, устроивалъ сходки и конференціи. Статьи его являлись и въ «Современникѣ», но всего больше въ русскихъ ученыхъ изданіяхъ по предметамъ естественныхъ наукъ. Въ 70-хъ годахъ Мечниковъ много работалъ въ «Дѣлѣ», а также въ иностранныхъ изданіяхъ и въ русскихъ изданіяхъ, появлявшихся за границей.

Въ 1873 году японское правительство обратилось къ Мечникову съ предложеніемъ ѣхать въ Японію. Мечниковъ согласился и, быстро изучивъ японскій языкъ, устроилъ въ Японіи русскую школу, въ которой читалъ японцамъ лекціи по предметамъ общаго образованія, содѣйствуя всѣми силами великому дѣлу пріобщенія сорока-милліонной націи къ европейскому прогрессу. По болѣзни Мечниковъ долженъ былъ вернуться въ Европу. Здѣсь онъ издалъ прекрасное описаніе Японіи, сдѣлался дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ у Реклю въ его «Всемірной географіи».

Въ 1883 году, Невшательскій кантонъ предложилъ Мечникову мѣсто профессора сравнительной статистики и географіи.

30-го іюня 1888 г. Мечниковъ умеръ на 50 году жизни, и уже послѣ его смерти была напечатана его замѣчательная работа «La civilisation et les grandes fleuves historiques», давшая имени Мечникова извѣстность среди европейскихъ ученыхъ (см. «Историческій Вѣстникъ», 1890 г., т. 39, стр. 474).

Воспоминанія Мечникова, которыя помѣщаются ниже, писаны въ 1880—1881 годахъ.

Н. Викторовъ.

I.

Зимою 1864 г. я получилъ отъ Бакунина нижеслѣдующую записку, случайно сохранившуюся въ моихъ бумагахъ:

«23 янв. Генуя. 1864 г.

«Сейчасъ только что вернулся съ Капреры, гдѣ нашелъ генерала [1]) въ полномъ здравіи и готовящагося на новые подвиги. Мы [2]) завтра поѣхали бы во Флоренцію, но дѣло въ томъ, что въ послѣднемъ письмѣ изъ Турина я васъ просилъ нанять намъ квартиру только отъ 27-го. Теперь прошу васъ, не можете ли вы намъ взять ее отъ 25-го. Если же это невозможно, то назовите отель дешевый и не слишкомъ отдаленный отъ васъ, въ которомъ мы могли бы остановиться на день или на два... Пожалуйста, отвѣчайте мнѣ немедленно въ Livorno, чѣмъ премного обяжете нетерпѣливо желающаго познакомиться съ вами лично. М. Б.»

На письмахъ мы уже были знакомы давно, отчасти черезъ Герцена, отчасти же черезъ младшаго брата Бакунина, Александра, незадолго передъ тѣмъ вернувшаго въ Россію изъ Италіи, гдѣ онъ со страстью занимался живописью.

Не помню, какъ былъ улаженъ эпизодъ съ квартирою; но вскорѣ по полученіи мною записки Михаилъ Александровичъ съ Антосею [3]) появились у насъ.

Его львиная наружность, его живой и умный разговоръ безъ рисовки и всякой ходульности, съ разу дали, такъ сказать, плоть и кровь тому нѣсколько отвлеченному сочувствію и той принципіальной преданности, съ которыми я заранѣе относился къ нему.

Не утаю, что при первой же встрѣчѣ во мнѣ проснулось то ощущеніе отчасти излишней сдержанности, отчасти неловкости, которое пробуждается во мнѣ каждый разъ совершенно инстинктивно, когда приходится имѣть дѣло съ олимпійцемъ какого бы то ни было пошиба. Является какъ будто опасеніе, что этотъ необыкновенный человѣкъ, какъ бы ни спускался онъ осмотрительно и любезно съ своего пьедестала, того и гляди пребольно наступитъ на ногу и самъ не замѣтитъ этого,—не по желанію придавить, а просто по непривычкѣ ходить по свойственной намъ низменной почвѣ. Съ своей стороны, чувствуешь сразу, что у этихъ людей есть такой заповѣдный уголокъ, въ который строго воспрещается входъ обычнымъ критическимъ пріемамъ и отношеніямъ, передъ входомъ въ который должно складывать всякій скептицизмъ, какъ башмаки у дверей мечети.

---

[1]) Гарибальди.

[2]) Бакунинъ говоритъ въ данномъ случаѣ о себѣ и своей женѣ.

[3]) Квятковской, на которой Бакунинъ женился еще въ Сибири въ 1860 г.

При первыхъ моихъ встрѣчахъ съ Бакунинымъ,—да и позже, всякій разъ, когда намъ съ нимъ случалось бесѣдовать безъ посторонних,—этотъ жреческій элементъ, элементъ «первосвященника атеизма и анархіи» [1]) въ немъ сказывался очень слабо. Какъ либеральный и обходительный католическій епископъ въ обществѣ свободнаго мыслителя, Михаилъ Александровичъ, при встрѣчахъ со мною, снисходительно прикрывалъ эту свою сторону; но существованіе ея угадывалось тѣмъ не менѣе и съ первыхъ же шаговъ установило нѣкоторую грань, за которую не могло перешагнуть наше сближеніе.

Я зналъ въ общихъ чертахъ, что Бакунинъ въ Сибири женился на молодой и восторженной полькѣ, которую я почему-то воображалъ себѣ дочерью политическаго изгнанника, а потому меня нисколько не удивляло присутствіе Антоси, казавшейся значительно моложе своихъ лѣтъ, да и въ дѣйствительности годившейся ему скорѣе въ дочери, чѣмъ въ жены. Впрочемъ, эта супружеская чета вовсе не производила того несуразнаго впечатлѣнія, которое обыкновенно испытываешь при видѣ старика, женатаго на молоденькой и хорошенькой женщинѣ, или при чтеніи псевдо-ученыхъ эротическихъ идиллій Мишле: «La femme», «L'amour» и т. п. Въ отношеніяхъ Бакунина къ Антосѣ не было и тѣни ничего селадонскаго, слащаваго. Къ тому же онъ обладалъ физіономіею, прекрасно пояснявшею извѣстные стихи Пушкина о Мазепѣ и его крестницѣ [2]).

На челѣ Бакунина не было живописныхъ и поэтическихъ рубцовъ, но оно было своеобразно и осмысленно красиво, наперекоръ всѣмъ правиламъ классической и селадонской эстетики. Всѣ знали очень хорошо тѣ тяжелыя и большія раны, которыя онъ успѣлъ понесть въ своей долгой и непреклонной борьбѣ. Самъ онъ никогда не выставлялъ ихъ на показъ; но тѣмъ не менѣе—или, можетъ быть, именно потому—вокругъ него и была привлекательная атмосфера мученичества, выносимаго со своеобразною удалью и мощью. Надъ его картинною и широкою головою замѣчался ореолъ бойца, никогда не помышляющаго о сдачѣ...

Въ Антосѣ мнѣ не понравились стальные, холодные глазки. Но въ общемъ она обладала такою наружностью, которая объясняла мнѣ вполнѣ удовлетворительно ея роль подруги этого устарѣлаго бойца. Нѣсколько суховатая, съ короткими завитыми волосами, Ан-

---

[1]) Такъ назвалъ Букунина извѣстный зоологъ Эдуардъ Клапаредъ, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, я познакомилъ Бакунина въ Cologny близъ Женевы.

[2]) Не только первый пухъ ланитъ
Да русы кудри молодыя,—
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые,
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

тося по временамъ казалась очаровательною дѣвочкою, чаще смахивала на мальчика, но женщиною я ее не видалъ никогда.

При первомъ знакомствѣ въ ней прежде всего сказывалась полька, т. е. существо, значительно больше русскихъ способное отводить гражданскимъ или политическимъ мотивамъ важную роль въ своей обыденной и душевной жизни. Сказывались слѣды католическаго воспитанія, развивающаго сдержанную страстность, склонность къ отреченію отъ чувственности, или, точнѣе—къ перенесенію чувственныхъ возбужденій въ спиритуалистическую среду.

II.

Бакунины поселились въ скромной квартирѣ, далеко отъ насъ, въ новой югозападной части города, въ сосѣдствѣ Cascine.

Съ первыхъ же дней у нихъ закипѣла чрезвычайно дѣятельная по-своему жизнь. За исключеніемъ одного назначеннаго вечера въ недѣлю, ни мужа, ни жены никогда нельзя было застать дома. Они разъѣзжали съ утра до самой поздней ночи, очень рѣдко вмѣстѣ, такъ какъ у каждаго очень скоро оказалась своя сфера дѣятельности и знакомствъ.

Кружокъ русскихъ во Флоренціи,—такихъ, которые могли бы подлежать бакунинскому воздѣйствію,—былъ очень малочисленъ, ничтоженъ, и уходилъ совершенно на задній планъ.

Я полагаю, что Бакунинъ пріѣхалъ во Флоренцію безъ опредѣленной программы, потому только, что Италія, будучи въ числѣ немногихъ, незакрытыхъ ему европейскихъ странъ, слыла тогда стоящею на революціонномъ положеніи. Мнѣ эта почва была хорошо знакома, и я съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ примется за ея разработку этотъ маститый организаторъ и революціонеръ. Самъ я давно уже отчаялся розыскать въ ней хоть одинъ уголокъ, пригодный для дорогихъ нашему сердцу насажденій какого бы то ни было порядка. Флоренція въ этомъ отношеніи казалась мнѣ менѣе подходящею резиденціею, чѣмъ Неаполь и Миланъ.

Здѣсь нѣтъ фабричной и промышленной дѣятельности, которая бы собирала вмѣстѣ значительныя полчища голодныхъ ртовъ; нѣтъ и того труженическаго пролетаріата, который кишмя кишитъ въ маленькихъ даже городкахъ сѣверной Италіи и оттуда разливается на всю западную и среднюю Европу въ видѣ камнетесовъ, каменщиковъ и иныхъ батраковъ, обладающихъ почти китайскою способностью продавать страшныя количества своего упорнаго и умѣлаго труда за такую плату, при которой англійскій или французскій ихъ собратъ, если бы не умеръ съ голоду, то покончилъ бы свои дни самоубійствомъ. Рабочій вопросъ во Флоренціи находился въ это время въ совершенно зачаточномъ состояніи. Годъ или два

тому назадъ успѣли здѣсь возникнуть первые работничьи союзы, избравшіе своимъ почетнымъ предсѣдателемъ,—чтобы не сказать, своимъ святымъ патрономъ,—Гарибальди, который не могъ имъ дать ничего, кромѣ объединяющаго своего имени и отъ времени до времени лаконическихъ общихъ мѣстъ о любви къ отечеству и къ свободѣ. Связи между патріотическимъ возбужденіемъ и соціалистическою программою не усматривалось рѣшительно никакой. Работничьи союзы эти довольствовались для отечества: скопленіемъ по грошамъ небольшихъ суммъ, предназначавшихся для новыхъ гарибальдійскихъ походовъ на Венецію и на Римъ; для себя, т. е. для работниковъ, они не видѣли ничего, кромѣ Шульце-Деличевскихъ программъ.

Земледѣльческое населеніе Тосканы находится частью въ крайне бѣдственномъ положеніи; но оно слишкомъ разсѣянно, слишкомъ отрѣзано отъ столицы; было бы безуміемъ помышлять о какомъ нибудь воздѣйствіи на него изъ Флоренціи.

Главою крайней демократической партіи былъ здѣсь Верузоnne, или, какъ его фамильярно называли, Беппо-Вольфи, владѣлецъ булочной и макаронной лавки на площади St. Lorenzo.

Вольфи было въ это время лѣтъ подъ пятьдесятъ, и онъ представлялъ собою довольно интересный и живописный варіантъ того типа итальянскаго capo popolo, который не переводится подъ здѣшнимъ счастливымъ небомъ со временъ классической борьбы плебеевъ съ патриціями, черезъ Cola di Rienzi и Мазаньелло доходитъ до Чичероваккіо эпохи 1848 г. и затѣмъ дробится на множество мало извѣстныхъ дѣятелей, прославившихся каждый въ своемъ кругу во время позднѣйшихъ политическихъ движеній.

Съ головою олимпійскаго Юпитера на дюжемъ, начинающемъ нѣсколько тяжелѣть, тѣлѣ, со своею типическою флорентійскою рѣчью, Вольфи не драпировался въ романтическій плащъ народнаго вождя, одѣвался и держалъ себя джентльменомъ, хотя и не скрывалъ, что онъ только на тридцатомъ году жизни настолько обдосужился, что сталъ учиться читать и писать. На массу флорентійскаго населенія онъ имѣлъ неоспоримое и очень сильное вліяніе, и когда въ 1860 г. онъ во главѣ немногочисленной депутаціи явился во дворецъ великаго герцога Леопольда съ предложеніемъ, не теряя времени, убраться подобру-поздорову изъ города, то Babbo, то есть «Батюшка», какъ прозывался вѣнчанный снотворными Гравами Леопольдъ, тотчасъ же приказалъ запрягать свою придворную карету и мирно уѣхалъ въ Австрію. Вольфи, однако, не изъявилъ ни малѣйшаго поползновенія воспользоваться властью для себя или для своей партіи: онъ слишкомъ занятъ былъ своею лавкою, которую любилъ, какъ человѣкъ, создавшій собственнымъ своимъ трудомъ свое относительно блестящее положеніе. Онъ уступилъ безъ боя поприще барону Rikasoli, которому

не довѣрялъ, въ которомъ не любилъ аристократа и Кавуровскаго прихвостня, но котораго онъ принималъ, какъ неизбѣжное политическое зло, какъ Гарибальди принималъ Савойскій крестъ и вензель Виктора-Эммануила на знамени своихъ легіоновъ, составленныхъ главнымъ образомъ изъ республиканцевъ.

Вольфи мало занимался политическими преніями и теоріями. Питомецъ «молодой Италіи», онъ былъ крайній республиканецъ и демократъ, назвалъ своего сына Gugliemo Tell и жертвовалъ на всѣ патріотическія и революціонныя предпріятія довольно крупныя деньги, но самъ жилъ очень скромно, въ двухъ, трехъ комнатахъ, надъ лавкою, куда надо было взбираться по узкой деревянной лѣстницѣ безъ перилъ...

Лѣстница эта теперь часто трещала и скрипѣла, словно стеня подъ тяжестью Бакунина, который былъ принятъ флорентійскимъ capo popolo, какъ родной, не изъ сочувствія къ своимъ революціоннымъ планамъ, которыхъ Вольфи, по всей вѣроятности, не зналъ и даже не способенъ былъ бы цѣнить, но изъ уваженія къ его многострадальному прошлому. Для Бакунина Вольфи приказывалъ своей бѣлокурой, пластической, полуграмотной женѣ приносить лучшую бутыль самаго стараго своего Vin Lunto или aleotico brusco. Для Бакунина онъ не разъ развязывалъ обсыпанными въ мукѣ руками свою туго набитую мошну. Черезъ Вольфи Бакунинъ скоро былъ посвященъ во всѣ тайны демократическаго флорентійскаго кружка и сближенъ со всѣми его наличными корифеями и дѣятелями.

Случилось, однако же, такъ, что выдающихся лицъ между этими корифеями и дѣятелями было мало. Вокругъ Бакунина, весьма естественно, всего тѣснѣе стали группироваться тѣ, у которыхъ своего дѣла было мало, которыхъ влекло къ нему любопытство, если не грязненькое желанье поудить рыбу въ той водѣ, которую Бакунинъ сильно возмущалъ вездѣ, гдѣ только онъ ни появлялся. Очень скоро вокругъ него составился цѣлый штабъ изъ отставныхъ гарибальдійскихъ волонтеровъ, изъ адвокатовъ, мало занятыхъ судейскою практикою, изъ самыхъ разношерстныхъ лицъ безъ рѣчей, безъ дѣла, часто даже безъ убѣжденій, — лицъ, замѣняющихъ все: и общественное положеніе, и дѣла, и убѣжденія, одними только, не совсѣмъ понятными имъ самимъ, но очень радикальными вожделѣніями и стремленіями. Изъ нихъ никто не зналъ иностранныхъ языковъ; а Бакунинъ только къ концу своихъ дней, да и то съ грѣхомъ пополамъ, научился говорить поитальянски.

III.

Совершенно иного рода центръ изображалъ собою венгерскій эмигрантъ графъ Пульскій [1]), вѣроятно, славянскаго происхожденія. На это предположеніе, кромѣ фамиліи графа, наводитъ меня самая его наружность, сильно напоминавшая странствующихъ по нашимъ деревнямъ съ коробками за спиною цесарцевъ. Сухой, жилистый, съ выдающимся горбатымъ, гоголевскимъ носомъ, съ заячьею губою, съ прямыми волосами, падавшими длинными прядями на воротникъ его фантастическаго плаща, въ измятой и засаленной венгерской шапочкѣ, Пульскій, вѣроятно, не разъ вызывалъ въ душѣ какого нибудь сердобольнаго прохожаго желаніе подать ему милостыню. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ страшно богатъ. кажется, черезъ жену, болѣзненную и злую на видъ еврейку, дочь одного крупнаго австрійскаго банкира.

Нумизматъ и археологъ по призванію, магнатъ по происхожденію, участникъ крупныхъ финансовыхъ предпріятій по семейнымъ связямъ, Пульскій какимъ-то чудомъ состоялъ прикосновеннымъ къ всесвѣтной революціи и даже былъ осужденъ на смерть австрійцами въ 1849 году, хотя и не принималъ участія въ вооруженномъ возстаніи. Приговоръ этотъ объяснили мнѣ тѣмъ, что подпись Пульскаго красовалась въ числѣ тѣхъ, которыми военный министръ Мессарошъ былъ осужденъ на повѣшеніе.

Роль, которую игралъ Пульскій во временномъ правительствѣ венгерскаго возстанія, крайне не ясна. Ему должно было быть всего около двадцати лѣтъ въ это время. Къ тому же, онъ состоялъ attaché при какомъ-то посольствѣ и едва успѣлъ вернуться въ Пештъ, когда Венгрія провозгласила свою независимость. Мнѣ говорили, что на Пульскаго возставшіе гонведы и магнаты смотрѣли, какъ на шута, и что онъ, какъ бы входя въ эту роль, рѣшился ни съ того, ни съ сего, подмахнуть конфирмацію приговора надъ Мессарошомъ, чего серьезные члены временнаго правительства не рѣшались сдѣлать, понимая, что они рискуютъ въ этомъ дѣлѣ собственною головою.

Это поясненіе, впрочемъ, исходитъ изъ венгерскаго эмиграціоннаго кружка, враждебнаго Пульскому, котораго соотечественники вообще—за исключеніемъ Кошута—почему-то сильно не жаловали.

Несомнѣнно, Пульскій не представлялъ собою ничего, чтобы должно было заинтересовать собою Бакунина. Вскорѣ впрочемъ онъ испросилъ помилованіе у цезаря и благополучно вернулся на родину еще раньше 1866 года, чѣмъ окончательно подорвалъ свое политическое значеніе въ Венгріи.

---

[1]) О чемъ смотри у Герцена въ посмертныхъ сочиненіяхъ. Н. В.

Но у Пульскаго собиралось въ опредѣленные дни все, что было выдающагося и зауряднаго въ революціонномъ и псевдореволюціонномъ мірѣ Флоренціи. Выдающагося, впрочемъ, было въ это время очень мало; а невыдающіеся представляли собою разношерстный сбродъ, на описаніе котораго не стоитъ тратить времени. Изъ эмиграціи были на лицо только венгерская и польская. Но венгерская, какъ уже сказано, чуждалась Пульскаго, хоть и признавала, что онъ добрый и простой въ душѣ человѣкъ. Польская же была почти вся въ разбродѣ въ повстаніи, или въ Парижѣ, и ей было не до вечеровъ Пульскаго и не до Бакунинскихъ неоформившихся еще конспирацій.

Изъ числа обычныхъ посѣтителей Пульскаго выдавалась супружеская чета графовъ Маріо. Мужъ Альберто, бѣлобрысый, несуразный на видъ мужчина за тридцать лѣтъ, производилъ впечатлѣніе растенія, выросшаго безъ солнца. Въ дѣйствительности онъ былъ энергическимъ и чистокровнымъ представителемъ, вмѣстѣ съ Кампанеллою, истыхъ мадзинистскихъ идей. Пуристъ и романтическій вздыхатель республики, всемірной, единой и нераздѣльной, онъ гнушался уступокъ, на которыя шли тогда всѣ дѣйствующіе отдѣлы итальянской либеральной партіи. Вокругъ него группировался очень немногочисленный кружокъ такихъ же послѣднихъ могиканъ, рыцарей и вздыхателей республиканской чистоты, виртуозовъ конспираціи и агитаціи. Многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, мой бывшій бригадиръ Джіованни Никотера, круто свернули потомъ съ тернистаго пути и добрались даже до министерскихъ портфелей; другіе, въ томъ числѣ и самъ Маріо, честно копошатся и до сихъ поръ гдѣ-то совершенно въ сторонѣ и вдали отъ русла современной исторіи, такъ что ихъ совсѣмъ и не видно. Порою они заявляютъ о себѣ, изрекая анаѳему отъ имени мадзинистскаго демократическаго Бога тому крайне матеріалистическому и злостному направленію, которое приняла революціонная агитація въ Италіи и всюду.

Я и тогда недоумѣвалъ и недоумѣваю теперь, что могло казаться Бакунину хоть призракомъ дѣла въ этой своеобразной и чуждой намъ средѣ? Учить ихъ агитаціи и конспираціи значило ковшемъ лить воду въ море, такъ какъ самый наивный изъ нихъ могъ смѣло заткнуть за поясъ Михаила Александровича со всѣмъ его штабомъ и причтомъ...

Жена Маріо, англичанка родомъ, болѣе извѣстная подъ именемъ miss White, заслуживала въ гораздо большей степени мои симпатіи. Правда, я на собственной особѣ испыталъ, съ какимъ умѣніемъ и любовью къ дѣлу она исполняла трудную роль главной сестры милосердія въ гарибальдійскихъ отрядахъ. Тогда какъ для очень многихъ другихъ итальянскихъ дамъ эта роль представлялась только заманчивымъ поводомъ къ авантюристской игрѣ, White Mario не мнѣ одному спасла жизнь или облегчила тяжелыя страданія своимъ

заботливымъ уходомъ на перевязочныхъ пунктахъ, или въ Казертскомъ госпиталѣ. А теперь, когда эпоха героическихъ войнъ въ Италіи прошла, эта же самая miss White издала единственно серьезное описаніе на итальянскомъ языкѣ нищеты и разврата въ Неаполѣ...

О ней я упоминаю потому, что она была одна изъ наиболѣе выдающихся личностей собиравшагося у Пульскихъ кружка. Но у Бакунина я ее никогда не встрѣчалъ, и между ними не было большой близости.

IV.

Группа русскихъ во Флоренціи, подлежавшихъ Бакунинскому воздѣйствію, была, какъ уже сказано, очень немногочисленна и незнаменательна [1]).

Неразлучный мой товарищъ, Прянишниковъ, только что вернувшійся изъ Черногоріи и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ уѣхавшій въ Россію, по пріѣздѣ Бакунина взялъ на себя лично переговорить съ братьями Бакунина объ устройствѣ его финансовыхъ дѣлъ, которыя были тогда въ очень жалкомъ положеніи. Бакунину ежечасно приходилось занимать у старыхъ и новыхъ своихъ друзей, и хоть его очень часто выставляли за человѣка безсовѣстнаго въ личныхъ денежныхъ дѣлахъ, я знаю несомнѣнно, что онъ былъ далеко не чуждъ самой утонченной деликатности.

Изъ постоянныхъ жителей Флоренціи болѣе другихъ выдѣлялся скульпторъ З.....о, одинъ изъ красивѣйшихъ представителей малороссійскаго чумацкаго типа. Бакунинъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что онъ сразу отличилъ З.....о, намѣтилъ его для какихъ-то особыхъ цѣлей и возлагалъ на него самыя блестящія надежды за одну только его энергическую и красивую наружность.

Надежды эти однако-жъ не сбылись, и Бакунинъ признавался, что онъ сильно разочаровался въ З.....о, убѣдившись еще разъ на его примѣрѣ въ старой истинѣ, рекомендующей не полагаться на внѣшность, бывающую нерѣдко обманчивою... Какія надежды Бакунинъ возлагалъ на З.....о, мнѣ осталось неизвѣстно до сихъ поръ. Замѣчу, однако, что З.....о былъ человѣкъ, далеко не лишенный энергіи и недюжинный. Еще отрокомъ, онъ сумѣлъ выдержать упорную борьбу со степнымъ помѣщикомъ отцомъ, и борьба эта кончилась пораженіемъ стараго полтавскаго самодура. З.....о много читалъ, преимущественно Прудона и Герцена, и умѣлъ хорошо переваривать прочитанное. Къ сожалѣнію, опутанный съ одной

[1]) Замѣтимъ, что о тогдашней русской колоніи во Флоренціи писали также Модестовъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и Ге въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1895 годъ.

стороны финансовыми затрудненіями, изъ которыхъ онъ никогда не выходилъ, съ другой стороны, увлеченный своими успѣхами въ обществѣ, онъ слишкомъ рано опустился, осѣлъ въ какомъ-то чувственномъ эгоизмѣ, которому его изящная наружность и его склонный къ парадоксамъ, но блестящій и гибкій умъ придавали нѣкоторые Чайльдъ-Гарольдовскіе оттѣнки. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы смириться съ ролью, хотя бы и очень блестящаго хлыща; но въ то же время слишкомъ отчужденъ въ своей мастерской, переполненной женскихъ красотъ, лѣпленныхъ изъ глины, высѣченныхъ изъ мрамора и живыхъ... Всегда недовольный собою и другими, онъ переходилъ отъ одной крайности къ другой; то искалъ развлеченій и знакомствъ, то безъ всякаго повода лѣзъ на ссоры; говорилъ незаслуженныя грубости вчерашнимъ своимъ друзьямъ; отравлялъ жизнь своей красивой и чрезвычайно дѣловитой швейцаркѣ-женѣ. Повліять на него было нелегко; но, однажды залучивъ его себѣ, Бакунинъ несомнѣнно пріобрѣлъ бы въ немъ совершенно недюжиннаго пособника.

Дѣло, однако, приняло совершенно иной оборотъ. Кто въ этомъ виноватъ судить не берусь.

Гораздо безнадежнѣе З.....о представлялся зять его, извѣстный живописецъ Н. Н. Ге, человѣкъ очень образованный и интересный во многихъ отношеніяхъ; Ге былъ слишкомъ поглощенъ своею живописною революціею (онъ, такъ сказать, перекладывалъ Ренана на русскіе иконописные нравы) и своею семьею.

Этими двумя личностями почти исчерпывался русскій кружокъ, о которомъ я здѣсь говорю. Къ нему временно примыкало нѣсколько заѣзжихъ молодыхъ и пожилыхъ соотчественниковъ; но и ихъ было очень немного. Самымъ выдающимся былъ между ними Ножинъ, юноша лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, но похожій на видъ на плюгаваго пятнадцатилѣтняго мальчишку. Безкровный, худой, съ заячьимъ профилемъ, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, Ножинъ походилъ на неудоучившагося школьника изъ придурковатыхъ. Къ тому же въ манерахъ и въ одеждѣ онъ доводилъ до смѣшныхъ крайностей замашки моднаго тогда вывѣсочнаго нигилизма.

Не было ничего удивительнаго, что онъ слылъ за шута или за идіота въ лицеѣ, гдѣ воспитывался почти одновременно съ А. Серно-Соловьевичемъ, Вырубовымъ и проч. Онъ и самъ говорилъ, что развиваться началъ очень поздно, какъ нравственно, такъ и физически. Но за то, вмѣстѣ съ развитіемъ, въ немъ пробудилась болѣзненная жажда знанія, не того или другого сухого, книжнаго, но знанія всесторонняго, полнаго, которое бы однимъ лучемъ озарило ему всю, нѣсколько туманную и незаконченную въ деталяхъ, картину общественнаго преобразованія, какъ-то внезапно зародившуюся въ его мозгу.

Окончивъ лицейскій курсъ, Ножинъ, къ величайшему негодова-

нію матери и вотчима своего де-ля-Гарди, отказался отъ предлагаемой ему очень выгодной по лѣтамъ и по чину служебной должности. Съ кротостью мученика онъ перенесъ всѣ обрушившіяся на него гоненія, объявивъ скандализированной роднѣ, что жить, какъ живутъ они, позорно и преступно, что онъ скоро покажетъ и имъ и всей Россіи, какъ именно слѣдуетъ жить, и что надо дѣлать; но что для этого ему прежде еще надо немного доучиться...

Едва ли не выгнанный изъ дому, лишенный всякихъ средствъ, онъ отправился въ Ниццу, гдѣ сталъ заниматься эмбріологіею и физіологіею, перебиваясь кое-какъ уроками, собирая въ то же время матеріалъ для всесторонняго соціологическаго трактата, пополняя съ судорожною торопливостью многочисленные, преимущественно политическіе пробѣлы своего воспитанія... Вскорѣ онъ заболѣлъ и былъ подобранъ чуть не на улицѣ бывшимъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, А. Ф. С—омъ, владѣльцемъ крупныхъ помѣстій въ Бессарабіи.

Уступая теченію времени, С—тъ рѣшилъ тоже заниматься физіологіею и готовился держать экзаменъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Но наука упорно не давалась ему, совершенно непріученному, да и органически неспособному къ систематическому утружденію баронскихъ своихъ мозговъ. С—тъ заключилъ какой-то уговоръ съ Ножинымъ, по которому брался содержать его два года за границею и потомъ доставить въ Россію; а Ножинъ долженъ былъ за то служить ему не то менторомъ и руководителемъ въ лабиринтѣ сифоноровъ и головоногихъ, не то собирателемъ матеріаловъ для его замышляемой диссертаціи.

Странная пара эта находилась въ это время во Флоренціи, при чемъ къ симпатичному всѣмъ намъ Ножину воспылалъ пламенною нѣжностью Н. С. Курочкинъ, только что спустившій въ рулетку послѣднія свои деньги и проживавшій за границею безъ всякихъ дѣлъ, но съ благими пожеланіями, снѣдаемый внутренно солитеромъ и неустанно грызшею его тоскою о приближающемся возвращеніи на родину.

— Снится мнѣ,—разсказывалъ онъ на утро съ встревоженною, измятою физіономіею,—снится мнѣ, что пееѣзжаю я гъяницу, беютъ меня жандаймы, и деютъ-деютъ...

Подъ вліяніемъ Ножина, Курочкинъ, перемѣнившій на своемъ вѣку уже много либреальныхъ шкуръ, только и бредилъ что о наукѣ.

— Наука великое дѣло,—говаривалъ Бакунинъ,—но оставимъ ее тѣмъ, кто съ нею тѣснѣе насъ знакомъ; а то вѣдь мы съ вами, Н. С., учились понемногу чему нибудь и какъ нибудь...

Столкновенія Ножина съ Бакуниными представляли въ моихъ глазахъ большой, правда только психологическій, интересъ.

Здѣсь лицомъ къ лицу сталкивались два фанатика, двухъ довольно отдаленныхъ одно отъ другого поколѣній: одинъ сложившійся

окончательно, непоколебимый; другой мучительно ищущій, но умѣющій при случаѣ съ такою же роковою, космическою устойчивостью стоять на своемъ. Оба жаждали всею душою и съ одинаковою искренностью всесвѣтнаго перерожденія, кореннаго измѣненія вѣковыхъ устоевъ и основъ общественности и нравственности... Но для Бакунина революція уже успѣла окончательно отлиться въ форму какого-то грандіознаго ритуала, уложиться въ нѣсколько формулъ: анархія, отрицаніе государственности, соціализмъ,—дальше которыхъ онъ тогда по крайней мѣрѣ не шелъ, за которыми онъ словно предполагалъ какое-то кабалистическое, супра-натуральное значеніе. Онъ былъ всецѣло поглощенъ формальною стороною дѣла. Ножинъ самое слово «революція» почти никогда не употреблялъ. Онъ всѣмъ своимъ изнывшимся нутромъ мучительно сознавалъ, что надо перейти къ инымъ болѣе справедливымъ основамъ общественности и нравственности. Онъ смутно угадывалъ нѣкоторыя изъ этихъ новыхъ основъ, но оформулировать ихъ не умѣлъ, отчасти по замѣчательному недостатку краснорѣчія, отчасти же просто потому, что многаго еще обдумать и уяснить даже самому себѣ порядкомъ онъ еще не успѣлъ... Ему даже не ясно было—революція или эволюція вѣрнѣе приведетъ къ этому желанному измѣненію основъ. Онъ не имѣлъ предвзятаго расположенія ни къ той, ни къ другой, но въ немъ была мучительная жажда поскорѣе узнать этотъ желанный путь и именно узнать, съ научною достовѣрностью, не оставляя въ столь капитальномъ дѣлѣ ничего ни на вѣру, ни на чувство, ни на гаданіе...

Столкновенія между Бакунинымъ и Ножинымъ случались каждый разъ, когда судьба ихъ сводила вдвоемъ. Внѣшніе поводы къ нимъ бывали самые разнообразные; но сущность постоянно оставалась одна: Бакунинъ осуждалъ книжныя научныя поползновенія, Ножинъ отстаивалъ со всею силою своего львинаго краснорѣчія политику страстей и на ней основанные революціонные и конспираціонные пріемы. Дѣло всего чаще кончалось тѣмъ, что Бакунинъ не скрывалъ презрительнаго раздраженія, уходилъ отъ этого «взбалмошнаго мальчишки»; или же Ножинъ убѣгалъ, красный какъ ракъ, не помня себя... А не разъ Курочкинъ или я увозили его домой въ нервномъ припадкѣ...

Заговоривъ о Ножинѣ, доскажу въ немногихъ словахъ краткую и печальную его біографію.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ Бакунинымъ во Флоренціи онъ вернулся въ деревню къ матери, гдѣ сильно заинтересовался участью младшей своей сестры, которую ему удалось при содѣйствіи Зайцева увезти изъ-подъ крова семьи де-ля-Гарди. Вотчимъ обратился къ покровительству III-го Отдѣленія. Зайцевъ былъ посаженъ въ тюрьму; Ножинъ, отъ котораго отчуралась и сама насильно спасаемая имъ сестра, какъ-то уцѣлѣлъ и попалъ въ Петербургъ, гдѣ

началъ читать публичный курсъ по соціологіи. Неподготовленный, нервный, совершенно лишенный способности красно говорить, онъ потерпѣлъ полнѣйшее fiasco на первой же лекціи. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ тифомъ въ квартирѣ Курочкина. Отвезенный потомъ въ госпиталь, онъ умеръ къ вечеру того же дня.

V.

Являемся довольно рано на одинъ изъ обычныхъ Бакунинскихъ вечеровъ...

Гостиная убрана совершенно побуржуазному, прилично. Грозный революціонеръ, въ черномъ сюртукѣ, которому онъ, однако же, умѣетъ придать живописный, но до неприличія неряшливый видъ, мирно играетъ въ дураки со своею Антосею... За фортепіано сѣдой старичекъ, необыкновенно добродушнаго види, самъ себѣ акомпанируетъ и птичьимъ голосомъ поетъ съ сильнымъ, какъ бы нѣмецкимъ выговоромъ:

Allons, enfants le la badrie
Le chour de cloire est arrifé...

...И смѣлый вызывающій революціонный гимнъ звучитъ въ его устахъ какою-то слащавою, сентиментальною пѣсенкою...

Пѣвецъ, однако же, оказывается не нѣмецъ, а шведъ, одинъ изъ стокгольмскихъ друзей М. А., къ тому же состоящій въ какомъ-то, совершенно непонятномъ мнѣ родствѣ, свойствѣ или кумовствѣ съ революціею...

Мало-по-малу собираются гости...

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній...

За исключеніемъ очеиь немногихъ завсегдатаевъ, на этихъ вечерахъ рѣдко удавалось два раза съ ряду видѣть одно и то же лицо.

Бакунинъ самъ косится на нихъ, предупреждаетъ, что это гости Антоси, или что ему необходимо видать ихъ и якшаться съ ними ради успѣха какого-то загадочнаго конспираціоннаго предпріятія. На слѣдующей недѣлѣ о прежнемъ корифеѣ нѣтъ уже и помина. Хорошо, если онъ исчезъ безслѣдно; но часто случалось, что исчезновенію предшествовалъ болѣе или менѣе крупный скандалъ...

Изъ поляковъ завсегдатаемъ былъ одинъ только Сарнецкій, явный агентъ жонда во Флоренціи, молодой помѣщикъ ничтожнаго вида, содержанія еще болѣе ничтожнаго, прозванный Герценомъ «телячьимъ зародышемъ». Впослѣдствіи онъ вернулся въ свое имѣніе, гдѣ-то въ Минской или Ковенской губерніи, и даже служилъ по выборамъ... При немъ неразлучно еще очень молодая, всегда не то усталая, не то заспанная, красивая бабенка съ видомъ курицы, которая съ кудахтаньемъ отряхается.

Тутъ и извѣстная Людмила Хассингъ, съ романтически безобразною наружностью, одна изъ перезрѣлыхъ дѣвственницъ, племянница Фарнгагена фонъ-Энзе, издательница его писемъ, знавшая лично многихъ всесвѣтныхъ революціонеровъ сорокъ-восьмого года, считавшаяся сама какою-то косвенною революціонною знаменитостью

Изъ итальянскихъ своихъ адъютантовъ Бакунинъ самъ очень скоро отличилъ молодаго и красиваго Андреа Пфіанеллу.

Скромный, молчаливый, онъ казался созданнымъ для нѣжныхъ ролей. Я зналъ его давно, еще гарибальдійскимъ волонтеромъ, но никогда не сумѣлъ различить въ немъ ни одной выдающейся черты, кромѣ развѣ прекрасной, черной какъ смоль, густой бороды и классически правильнаго, матово-блѣднаго лица съ задумчивыми, крупными черными глазами.

Благодаря Бакунину, Пфіанеллу внезапно становится героемъ дня... Во всей Тосканѣ нѣтъ истиннаго революціонера, кромѣ Пфіанелу. Приводится въ извѣстность, что въ 1852 или 1853 году Пфіанеллу принималъ участіе въ одной изъ отчаянныхъ экспедицій Ф. Орсини; что самъ Орсини передалъ въ своихъ запискахъ разсказъ объ этой экспедиціи нѣсколько невѣрно... Пфіанеллу, подъ руководствомъ Бакунина, печатаетъ свои поправки къ разсказу Орсини, бросая комокъ грязи въ тѣнь давно казненнаго итальянскаго конспиратора...

Въ эта же самое время и подъ кровомъ той же Бакунинской квартиры въ Via Montebelo сердце Людмилы воспаляется страстью къ этому итальянскому Руслану, и нашъ «первосвященникъ атеизма и анархіи» почему-то освящаетъ своимъ рукоположеніемъ, или по крайней мѣрѣ своимъ вмѣшательствомъ, эту сердечную связь.

Но роль героя дня и счастливаго обладателя сморщеннаго тѣла дѣвицы Хассингъ и ея доходовъ, какъ и всѣ розы, оказывается далеко не безъ шиповъ... Флорентійскіе кружки, оказывается, глубоко возмущены литературными и нелитературными подвигами Андреа Пфіанеллу, и тотъ о которомъ вчера еще не говорили вовсе, котораго всѣ знали просто за добраго малаго—становится яблокомъ раздора, мишенью, въ которую сыплютъ обличеніями, обвиненіями, вызовами; а наконецъ и пускаютъ на разныхъ дуэляхъ двѣ, три пистолетныя пули, не считая нѣсколькихъ сабельныхъ ударовъ и нѣсколькихъ уколовъ рапиръ...

Не прошло и полугода со времени поселенія Михаила Александровича въ Via Montebelo, и всѣ флорентійскіе демократы, носившіе его чуть не на рукахъ, повертываются къ нему спиною...

Все это мелко, жалко, смѣшно, порою, можетъ быть, грязновато. Но во мнѣ, видѣвшемъ всю эту канитель изо дня въ день, не закупленномъ ни за, ни противъ Михаила Александровича, никакими кумовскими или побочными соображеніями,— въ итогѣ все же-таки слагалась непоколебимая увѣренность, что въ душѣ этого человѣка не мелькнуло ни одного мелкаго или грязнаго побужденія.

VI.

Послѣдняя ночь карнавала, который въ скромной и сдержанной Флоренціи далеко не такъ роскошенъ и хорошъ, какъ въ буйномъ Неаполѣ, въ величавомъ Римѣ или въ кокетливой Венеціи.

Часъ второй ночи. Я уже легъ въ постель...

Мы жили въ нижнемъ этажѣ небольшаго дома въ художническомъ кварталѣ Barbano.

Въ окно раздается неистовый стукъ, сопровождаемый громкимъ хрипомъ и крикомъ порусски: «отворите».

Признавъ голосъ Бакунина, жена, не совсѣмъ еще раздѣтая, бѣжитъ отворять. Въ дверяхъ появляется сконфуженная фигура Антоси, закутанной въ сѣрый кафтанъ своего мужа. Одна половина ея курчавой бѣлокурой головы въ папильоткахъ. Чрезъ распахнувшійся кафтанъ видна рубашка и ночкая юбка. А за нею Бакунинъ во фракѣ и въ цилиндрѣ... Говорятъ: помогите, бѣда.

Невольно приходитъ мысль о ночномъ арестѣ или полицейскомъ вторженіи. Но дѣло объясняется болѣе конституціоннымъ образомъ. Михаилъ Александровичъ, не знавшій отдыха, по своему обыкновенію, и эту ночь проводилъ въ какомъ-то кружкѣ съ болѣе или менѣе политическимъ оттѣнкомъ. Антося, вернувшись раньше, стала укладываться спать. Одна въ цѣлой квартирѣ, она соскучилась и набоялась до того, что, когда, наконецъ, заслышала внизу грузные шаги своего мужа, стремительно бросилась ему навстрѣчу, забывъ захватить съ собою ключъ. А флорентійскія двери устроены такъ, что безъ ключа снаружи войти нельзя, если некому отворить внутри. Бакунины же не держали горничной... Пришлось ночью, въ фантастическомъ костюмѣ, по холоду, отправляться на противоположный конецъ города, къ намъ. Къ счастью, на полдорогѣ попалась извозчичья карета.

Квартирка наша была мала, и размѣстить нежданныхъ гостей было не легко. Уступивъ Антосѣ свое мѣсто въ кровати жены, я съ Бакунинымъ умостился, какъ могъ, въ сосѣдней комнатѣ, на диванахъ. Скоро раздался такой неистовый храпъ, что я, въ нервномъ возбужденіи, поспѣшилъ одѣться и прогулялъ всю ночь, припоминая басню о зайцѣ, рѣшившемся изъ гостепріимства раздѣлить съ ежомъ свое помѣщеніе. Къ утру диванъ, на которомъ спалъ Бакунинъ, оказался продавленнымъ...

Этотъ ночной сюрпризъ наводитъ на мысль о другомъ, случившемся нѣсколько недѣль спустя.

Около полуночи—звонокъ. Мы думали, не Ножинъ ли додумался до какого нибудь соціологическаго сомнѣнія и пришелъ оповѣстить. Съ нимъ это случалось не разъ, и различія въ часахъ онъ не соблюдалъ...

Оказалась совершенно незнакомая высокая фигура, съ усами и бакенбардами, русскаго военнаго пошиба.

— Позвольте рекомендоваться: я Карпь,— сказалъ онъ съ нѣсколько польскимъ акцентомъ рѣчи. Порусски говорилъ онъ прекрасно и правильно вполнѣ.

— Никогда не слыхалъ.

— Съ письмомъ отъ Михаила Александровича Бакунина.

Въ коротенькой записочкѣ Бакунинъ объяснялъ, что посланный заслуживаетъ довѣрія, какъ и онъ самъ, и что онъ, Михаилъ Александровичъ, отъ души рекомендуетъ мнѣ его и его дѣло.

Дѣло оказалось нѣсколько экстреннымъ.

Для признанія польскихъ повстанцевъ за воюющую сторону, по крайней мѣрѣ со стороны иностранныхъ державъ, требовалось, чтобы польскій флагъ появился на одномъ изъ морей, открытыхъ для французскихъ и англійскихъ судовъ. Попытка въ этомъ родѣ Лапинскаго на Балтикѣ не удалась; теперь замышлялся другой, болѣе широкій планъ на Средиземномъ и Черномъ моряхъ. Отъ меня требовалось, чтобы я взялъ на себя роль посредника между этою польскою организаціею и Гарибальди. Карпь оказался русскій морской офицеръ, графъ Сбышевскій, бѣжавшій съ одного изъ нашихъ судовъ, бывшихъ тогда въ кругосвѣтномъ плаваніи. Кромѣ этой ночи, я не встрѣчалъ его никогда, но тутъ онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе.

Мы поѣхали вмѣстѣ къ Бакунину, который насъ ждалъ у стола, на которомъ лежало нѣсколько бумагъ съ гербами и печатями. Онъ мнѣ разсказалъ въ немногихъ словахъ то, что самъ онъ называлъ «сущность и подробности дѣла».

Имѣется быстрый на ходу пароходъ, который въ скоромъ времени будетъ доставленъ въ Мессину. Въ Марсели онъ возьметъ впередъ уже навербованный экипажъ и небольшой отрядъ, который предполагается высадить гдѣ нибудь на нашемъ черноморскомъ прибрежьѣ. Въ запасѣ имѣется необходимое оружіе и боевые снаряды; но главное ни въ какомъ случаѣ—не этотъ запасный отрядъ, отъ котораго едва ожидается и то, что онъ поддержитъ сношенія повстанцевъ съ заграничными комитетами помимо австро-прусской нашей границы. Со своимъ легкимъ и быстрымъ пароходомъ Карпь будетъ крейсировать на Средиземномъ морѣ, вблизи Сициліи и пролива св. Бонифація, пока не выждетъ пароходъ Русскаго общества. Тогда, поднявъ польскій флагъ, онъ нападетъ на него, завладѣетъ имъ и положитъ основаніе повстанскому флоту. Гарибальди могъ дать опытныхъ и удалыхъ моряковъ и къ тому же на своей Капрерѣ или на другомъ подходящемъ островѣ помочь устроить центръ и оружейный складъ для этихъ крейсерскихъ операцій. Цифры все говорились крупныя. Пароходъ прошелъ уже Гибралтаръ и если еще не въ Марсели, то не можетъ запоздать туда сво-

имъ прибытіемъ. Въ существованіи навербованныхъ людей и нужнаго оружія Михаилъ Александровичъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія съ моей стороны, говоря, что у него на все имѣются въ рукахъ необходимые документы. Въ правдивости Карпя, въ его готовности довести это опасное дѣло до конца не сомнѣвался и я самъ, хотя не имѣлъ никакого ручательства за то, кромѣ его честной и открытой наружности.

— Жаль,—говорилъ я,—что дѣло это нельзя обставить нѣсколько солиднѣе на видъ. Гарибальди весьма естественно отнесется скептически къ моимъ голословнымъ показаніямъ.

— Такъ вы не хотите ѣхать?

— Этого я не говорю: я не подряжался никому мѣшаться только въ одни солидныя на видъ предпріятія...

— За это я васъ и люблю. Но ѣхать надо чуть свѣтъ. А главное, чтобы никто, особенно Сарнецкій... понимаете: особенно Сарнецкій, ничего объ этомъ не зналъ...

Мнѣ тутъ же дали письма къ Гарибальди, прибавляя, что суть дѣла все же прійдется передать на словахъ и подъ большимъ секретомъ. Тутъ же отсчитали денегъ не помню сколько, но по моему безденежью такой кушъ, что я проникся къ нему не то страхомъ, не то уваженіемъ. Словно разрывную бомбу или какую нибудь святыню положили въ мой карманъ... Я зналъ, что небогатому человѣку рѣдко удавалось коснуться польскихъ денегъ безъ того, чтобы не прослыть за мошенника...

Направили меня въ Геную, гдѣ я долженъ былъ застать Гарибальди у его зятя, а если нѣтъ, то найти почтовый пароходъ, который доставитъ меня на Капреру.

Поѣздъ уходилъ въ пятомъ часу утра. Я едва успѣлъ забѣжать проститься съ женою и захватить необходимое бѣлье. Съ Капреры придется, по всей вѣроятности, ѣхать прямо въ Мессину.

Погода стояла пасмурная и холодная. Не переставая лилъ дождь, и обыкновенно красивое Генуэзское прибрежье смотрѣло уныло и непривѣтно. Времени было довольно обдумать весь запасъ фактовъ, наскоро сообщенныхъ мнѣ Бакунинымъ.

Осмотрѣвъ два паспорта, которыми снабдилъ меня Бакунинъ, я легко замѣтилъ, что они негодны оба: отъ одного англійскаго разило поддѣлкою на версту, а другой совершенно не подходилъ мнѣ по примѣтамъ. Впрочемъ, это меня не смущало, такъ какъ со мною была русская половина паспорта жены, служившая мнѣ неоднократныя услуги на итальянскихъ таможняхъ.

— Tedesco?—спрашиваетъ обыкновенно съ гордымъ видомъ il maresciano, то-есть жандармскій служитель, завидя двуглаваго орла на листѣ, который онъ, развернувъ, держитъ передъ собою.

— Въ бумагѣ все прописано,—отвѣчаю я.

— Васъ какъ зовутъ?

— Да въ паспортѣ все обозначено, какъ слѣдуетъ.

Задавъ еще пять шесть вопросовъ, на которые постоянно получается одинъ отвѣтъ, варіируемый насколько хватаетъ моей изобрѣтательности, блюститель порядка какъ-то недовѣрчиво осмотритъ бумагу съ обѣихъ сторонъ. Печати, орлы все какъ слѣдуетъ. Тѣмъ и кончитъ, что отдастъ ее мнѣ, сдѣлавъ необходимую помѣтку и сказавъ успокоительное:

— Na bone.

Не сознаться же въ самомъ дѣлѣ, что онъ въ бумагѣ этой не смыслитъ ни аза и не знаетъ даже, на какомъ языкѣ она писана.

Успокоившись на счетъ паспорта, я начинаю соображать, что организація нашей флотиліи находится въ рукахъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ, Мазони, неизвѣстенъ мнѣ вовсе. Другое имя Baurdon, въ итальянскомъ изданіи Bordone, вызываетъ во мнѣ рядъ воспоминаній не очень пріятнаго свойства. Впрочемъ, это были личныя мои воспоминанія, которыя къ дѣлу не идутъ, и которыя я разсказалъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ въ «Запискахъ гарибальдійца».

Въ Генуе я пріѣхалъ вечеромъ съ сильною зубною болью. Первый мой визитъ былъ здѣсь къ дантисту, который за позднимъ временемъ отказался изслѣдовать больной зубъ, но далъ мнѣ какой-то элексиръ, обѣщая, что, благодаря ему, ночь я во всякомъ случаѣ проведу спокойно. Была ли то классическая чернильная вода или болѣе хитрая смѣсь, но элексиръ этотъ нисколько не помѣшалъ мнѣ промучиться цѣлую ночь. Ни свѣтъ ни заря, я уже снова былъ у дантиста, ожидая съ нетерпѣніемъ, пока онъ встанетъ и позавтракаетъ. Здѣсь пришлось выдержать цѣлую пытку. Больныхъ зубовъ оказалось два, и дантистъ ломалъ мнѣ ихъ восемь разъ, прежде чѣмъ убѣдился, что вырвать ихъ при воспаленномъ состояніи десны нельзя даже при помощи имъ самимъ придуманнаго инструмента.

Въ припадкѣ нервнаго изступленія я вцѣпился руками въ жирную шею мучителя, вышедшаго ко мнѣ въ халатѣ, и мы вмѣстѣ повалились на полъ... При помощи пьявокъ и хлороформа удалось наконецъ утолить нестерпимую боль, и часамъ къ десяти утра я, шатаясь отъ перенесенной муки и отъ двухъ безсонныхъ ночей, побрелъ въ западное предмѣстье San Pier d' Arena, гдѣ жилъ извѣстный гарибальдійскій офицеръ, д-ръ Ахиллъ Сакки.

Отъ него я узналъ, что Гарибальди въ Генуѣ нѣтъ уже давно, и что первый пароходъ отсюда на Капреру уйдетъ не раньше, какъ дней черезъ десять, тогда какъ изъ Ливорно пароходъ черезъ Аячіо на Маддолену или Капреру уходитъ на слѣдующій же день.

Въ Генуѣ дѣлать было рѣшительно нечего, и я во всѣхъ попыхахъ долженъ былъ спѣшить назадъ, въ Ливорно.

Погода продолжала стоять вѣтреная, холодная и пасмурная. Пассажировъ было очень мало; въ каютахъ грязь и нестерпимая

вонь отъ боченковъ съ солеными анчоусами. Я потребовалъ себѣ завтракъ на палубу, по которой расхаживала дюжая фигура съ калмыцкимъ лицемъ, въ мѣховой шапкѣ, покуривая изъ коротенькой трубочки и поплевывая по сторонамъ.

Пока я спрашивалъ себя, откуда мнѣ знакомо это широкое, грубое, но не красивое лице, съ бѣгающими черными глазками, незнакомецъ подсѣлъ къ моему столу, спросивъ себѣ рюмку какой-то спиртуозной жидкости.

— Вы ѣдете на Капреру, къ старику, по польскому дѣлу?—спросилъ онъ меня неожиданно, глядя на меня въ упоръ своими калмыцкими глазками и съ сильнымъ гортаннымъ выговоромъ буйнаго плебейскаго ливорнскаго предмѣстья, населеннаго лодочниками и носильщиками и носящаго названіе Yenezici.

— Не знаю, о какомъ польскомъ дѣлѣ вы говорите. Я, вѣроятно, буду и на Капрерѣ, но ѣду не къ Гарибальди, а къ полковнику Шандеру Телекки, который теперь на Маддоленѣ по своимъ домашнимъ дѣламъ...

Собесѣдникъ, по тосканскому обыкновенію, выразилъ сомнѣніе и изумленіе гортаннымъ звукомъ gna, при чемъ мохнатыя его брови какъ-то ушли совсѣмъ въ мохнатую же шапку... Онъ молча покурилъ нѣсколько минутъ и посмотрѣлъ по сторонамъ...

По палубѣ расхаживалъ одинъ только пассажиръ очень характернаго вида. Это былъ несомнѣнно англичанинъ, подростокъ лѣтъ 18-ти, съ улыбающимся лицемъ, съ громаднымъ разстояніемъ отъ носа до подбородка. Онъ былъ стиснутъ, какъ въ узкій мѣшокъ, въ свой сѣрый water-proof, а въ рукахъ держалъ какое-то подобіе тирса, съ какимъ изображаютъ вакханокъ.

Мой собесѣдникъ нѣсколько разъ внимательно вглядывался въ него, потомъ въ меня.

— Я навѣрно знаю, что съ нами ѣдетъ польскій агентъ по дѣлу о крейсерствѣ на Черномъ морѣ. Мнѣ обо всемъ подробно говорилъ Сарнисскій (Sarniecky). Это, конечно, вы. Вамъ нечего со мною въ прятки играть: я майоръ Сгареллино...

Имя это мнѣ было хорошо знакомо. Сгареллино, гарибальдійскій майоръ, вышедшій изъ Ливорнской Венеціи, былъ слишкомъ извѣстенъ, какъ лихой морякъ и вообще удалой молодецъ на всѣ руки. Не было никакого вѣроятія, чтобы самозванецъ присвоилъ себѣ здѣсь это имя. Онъ говорилъ громко, не стѣсняясь, и во всякомъ случаѣ о моемъ тайномъ порученіи зналъ больше, чѣмъ я самъ. Насколько я могъ судить изъ его словъ, Сарнецкій уже велъ съ нимъ обстоятельные переговоры по этому дѣлу, и между ними было условлено, что Сгареллино возьметъ на себя роль гарибальдійскаго руководителя замышляемаго предпріятія. Выборъ былъ вполнѣ удачный, такъ какъ Сгареллино не только обладалъ всѣми необходимыми для того нравственными и профессіональными качествами, но еще и Черное,

даже и Азовское море, зналъ очень хорошо, такъ какъ часто ходилъ въ наши южные порты на парусныхъ судахъ за пшеницею.

Страннымъ во всемъ этомъ оказалось только то, что Сгареллино являлся уполномоченнымъ отъ того самаго Сарнецкаго, отъ котораго Бакунинъ такъ настойчиво рекомендовалъ мнѣ держать все это дѣло въ строжайшемъ секретѣ. Ни о Бакунинѣ, ни о Карпѣ онъ ни разу не упомянулъ и, очевидно, считалъ меня уполномоченнымъ отъ того же самаго Сарнецкаго.

Только впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что ему въ свою очередь рекомендовано оказывать мнѣ только очень ограниченное и очень условное довѣріе...

— Кого здѣсь обманываютъ?—спрашивалъ я самого себя, какъ донъ Basilio въ Севильскомъ цирюльникѣ:—или же все это только излишнее усложненіе конспираціонной игры, могущее печально повліять на ходъ дѣла?

Чтобы выйти изъ неловкаго положенія, я поторопился окончить завтракъ и сталъ бродить по палубѣ, закуривъ сигару и не безъ труда поддерживая равновѣсіе при довольно сильной и неровной качкѣ. Сгареллино остался за столомъ, гдѣ подлѣ рюмки появился графинчикъ, а на моемъ мѣстѣ засѣлъ съ нимъ одинъ изъ освободившихся отъ служебныхъ дѣлъ и, повидимому, хорошо знакомыхъ ему пароходныхъ офицеровъ.

Англійскій Митрофанушка мѣрно шагалъ за мною со своимъ жезломъ и со своею неизмѣнною улыбкою. Когда пароходъ внезапно наклонялся на бокъ, и мы должны были сѣменить ногами и хвататься за веревки, чтобы не упасть лицемъ въ грязь, которую морская вода въ изобиліи разлила на скользкой палубѣ, его сѣро-блѣдное лицо съ неизмѣримымъ подбородкомъ обращалось ко мнѣ, при чемъ зубатый ротъ раздвигался до ушей.

— Я очень радъ, что вы не страдаете морскою болѣзнью,—сказалъ онъ мнѣ поанглійски въ видѣ безнадежной попытки хоть съ кѣмъ нибудь завязать разговоръ.

— Покорно васъ благодарю... И я тоже...

— О-оо! вы говорите поанглійски.

Затѣмъ, словно опасаясь, что неожиданно подвернувшійся собесѣдникъ убѣжитъ, прежде чѣмъ истощится накопившійся у него запасъ словоохотливости, юноша, съ непривычной для англичанина быстротою, сталъ разсказывать мнѣ, какія бываютъ качки въ Брэйтонѣ. Тутъ же онъ сообщилъ, что ѣдетъ въ качествѣ делегата отъ какихъ-то англійскихъ дамъ, посылающихъ Гарибальди необычайную виноградную лозу, добытую изъ какихъ-то отдаленныхъ странъ, для насажденія ея на Капрерѣ. Такимъ образомъ объяснялся длинный жезлъ, или тирсъ, съ которымъ юный туристъ не разлучался во все время путешествія.

VII.

Къ утру слѣдующаго дня мы подходили къ о-ву Маддолена, при входѣ въ проливъ св. Бонифація. Станція эта учреждена единственно для Капреры со времени поселенія на ней Гарибальди. Маддолена—ничтожная рыбачья деревушка, населенная одними только женщинами, дѣтьми да дряхлыми стариками. Все зрѣлое мужское населеніе служитъ матросами на корабляхъ или уходитъ въ море на рыбные промысла. Торговли нѣтъ никакой; но итальянское правительство учредило тѣмъ не менѣе здѣсь таможню, при которой постоянно находятся нѣсколько лучшихъ сыщиковъ, чтобы слѣдить за проѣзжающими на Капреру. Въ это время опасались республиканскаго движенія въ Сициліи, и бдительность на Маддоленѣ была усилена. Появился какой-то извѣстный своими доблестями maresciano dei carabinieri (жандармскій унтеръ-офицеръ), котораго проживающіе на Капрерѣ юные калабрійцы уже успѣли выкупать въ морѣ, «чтобы охладить», говорили они, «его излишній пылъ». Навѣрное сказать не могу, но имѣю сильныя основанія предполагать, что итальянская полиція дѣлилась своими открытіями съ иностранными, въ томъ числѣ и русскою....

— Берегитесь,—предупредилъ меня Сгареллино, когда пароходъ сталъ причаливать:—васъ осмотрятъ основательно.

Къ пароходу причалила большая барка. Въ ней я узналъ Менотти въ числѣ другихъ, мало знакомыхъ или вовсе мнѣ незнакомыхъ, очень юныхъ гребцовъ,—замѣтилъ женообразное личико мальчика лѣтъ шестнадцати съ широкимъ довольно ординарнымъ лицомъ. Оно поражало своею бѣлизною и городскимъ видомъ среди смуглыхъ лицъ и нѣсколько одичалыхъ нарядовъ и пріемовъ обычныхъ жителей Капреры. Мальчикъ этотъ оказался Риччіоти, младшій сынъ Гарибальди, только что вернувшійся тогда изъ Англіи, гдѣ онъ воспитывался въ буржуазной средѣ и почти разучился говорить по-итальянски.

Барка съ Капреры приходитъ, подъ предводительствомъ Менотти, къ каждому пароходу, являющемуся изъ Ливорно, чтобы забрать почту и почти всегда случающихся посѣтителей Гарибальди, прошенныхъ и не прошенныхъ. Разстоянія отъ Маддолены до Капреры при хорошей погодѣ полтора или два часа.

Прежде чѣмъ сойдти съ парохода, я успѣлъ всучить юному англичанину небольшую сумму, съ бумагами, которую онъ уложилъ въ какой-то внутренній карманъ своего ватерпруфа. Его впрочемъ пропустили, едва окинувъ бѣглымъ взглядомъ содержимое его чемоданчика, меня же пробрали до костей. Паспортъ жены сослужилъ мнѣ и здѣсь свою службу; но пришлось отвѣчать на длинный рядъ вопросовъ. Я говорилъ, что имѣю порученіе срисовать Капреру для петербургской иллюстраціи, и въ подтвержденіе показывалъ альбомъ.

Жизнь Гарибальди на Капрерѣ была описана много разъ. Отъ посѣтителей онъ не имѣлъ отбоя, и крошечный, почти игрушечный домъ, съ одной стороны похожій на какой-то низкій бѣлый мавзолей, едва могъ вмѣщать обычныхъ жильцовъ и гостей, изъ которыхъ небольшая часть пріѣзжала сюда по дѣлу. Эти считались за своихъ, и съ ними не церемонились. Имъ часто приходилось не доѣсть, спать кое-какъ, въ повалку, въ каждомъ свободномъ углу, а то и на каменистой почвѣ, подъ открытымъ небомъ. А лучшія комнаты и удобныя постели бывали заняты туристами, преимущественно барынями, стекавшимися сюда отовсюду, всего болѣе, конечно, изъ Англіи, чтобы поглазѣть и увезти сувениръ, Для этихъ сувенировъ иногда разрывался на части цвѣтной платокъ, который Гарибальди имѣетъ обыкновеніе носить повязаннымъ черезъ шею.

Я засталъ Гарибальди сильно осунувшимся, едва ходившимъ при помощи двухъ костылей и еще неоправившимся окончательно отъ раны.

Онъ, впрочемъ, все время возился въ саду, который рѣшительно не принимался на чистомъ известнякѣ, кое-какъ удобренномъ рыхлою землею, привезенною съ итальянскаго берега. За нимъ, какъ собака, бѣгала ручная овца. Куры самыхъ разнообразныхъ породъ рыскали всюду.

Въ экономическомъ отношеніи жизнь Гарибальди въ это время была обставлена неблагопріятнѣе, чѣмъ когда нибудь. Никакихъ вспомоществованій ни отъ правительства, ни отъ разныхъ обществъ онъ принять не хотѣлъ. Старшій сынъ его, Менотти, и нѣсколько молодыхъ гарибальдійцевъ, состоявшихъ при Гарибальди постоянно, періодически смѣняющими одна другую партіями, снабжали всю колонію дичью и рыбою. Вели они совершенно трудовую жизнь рыбаковъ и охотниковъ. Другіе продукты для стола, главнымъ образомъ рисъ, мука и т. п., доставлялись по большей части доброхотными дателями, личными друзьями Гарибальди, изъ Калабріи, Ломбардіи и изъ другихъ итальянскихъ провинцій. Въ это же самое время Гарибальди получалъ дорогіе затѣйливые подарки отъ англійскихъ, американскихъ и другихъ своихъ заморскихъ поклонниковъ. Не задолго передъ моимъ пріѣздомъ ему былъ подаренъ цѣлый складной желѣзный домъ, который стоялъ тутъ же, подлѣ настоящаго, но безъ всякаго употребленія, такъ какъ онъ оказался совершенно непригоднымъ для житья.

Самъ Гарибальди и Менотти свыклись съ этой жизнью, но пріѣздъ юнаго Риччіоти, воспитаннаго въ Лондонѣ, изнѣженнаго и слабаго здоровьемъ, вносилъ въ нее нѣкоторый диссонансъ.

Для Риччіоти здѣсь все было чуждо и дико; ему на каждомъ шагу недоставало не только привычныхъ ему развлеченій, но даже самыхъ неизбѣжныхъ, по его мнѣнію, удобствъ... Чтобы убить время,

онъ сталъ ѣздить на охоту и на рыбную ловлю съ братомъ и съ товарищами, но тамъ, конечно, болѣе мѣшалъ онъ, чѣмъ приносилъ пользы. Гарибальди, которому никогда не пришло бы въ голову бояться за себя или за Менотти, былъ самъ не свой по цѣлымъ днямъ, когда Риччіоти уѣзжалъ въ дурную погоду. Бросая тогда свои заботы по хозяйству, старикъ ковылялъ на своихъ костыляхъ по цѣлымъ часамъ вдоль морского берега, впиваясь тревожными взорами въ туманную даль, прислушиваясь къ шуму вѣтра, слѣдя за малѣйшими его измѣненіями... Проливъ св. Бонифація опасенъ въ дурную погоду, а ихъ каперская барка стара уже стала, и охаетъ, и скрипитъ отъ малѣйшей волны... Мечтою новаго Цинцината было завести себѣ новую лодку; но въ этой мечтѣ онъ признавался только близкимъ своимъ пріятелямъ, такимъ же безгрошевникамъ, какъ и самъ...

Онъ встрѣтилъ насъ у пристани, пригласилъ меня тутъ же присѣсть съ нимъ на скалѣ, гдѣ я ему и передалъ свои письма, условившись, что подробнѣе о дѣлѣ мы переговоримъ попозже, когда у него выберется свободный часъ.

Въ этотъ день я его увидѣлъ только за обѣдомъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ въ своемъ обычномъ сѣромъ puneto поверхъ красной рубахи, среди очень многочисленной компаніи, въ которой много было вовсе незнакомыхъ мнѣ лицъ. Прислуживалъ Пьетро, долговязый ломбардскій мужикъ, тоже въ красной рубахѣ и въ туфляхъ. Поставивъ на столъ блюдо, онъ самъ садился съ гостями, ѣлъ и говорилъ, потомъ уходилъ на кухню за слѣдующимъ, приготовленнымъ имъ же самимъ.

Пьетро этотъ, парень лѣтъ тридцати, былъ совершенно новымъ для меня лицомъ. Я узналъ, что онъ появился въ гарибальдійскихъ рядахъ въ первый разъ во время экспедиціи 1862 г., кончившейся печальною стычкою при Аспромонте, и состоялъ при главномъ кассирѣ денщикомъ. Во время аспромонтскаго погрома, Пьетро исчезъ, захвативъ съ собою шкатулку, гдѣ хранились всѣ деньги экспедиціи, тысячъ до тридцати... Черезъ много мѣсяцевъ уже потомъ онъ явился на Капреру, прошедши пѣшкомъ чуть не всю Италію, съ истерзанными ногами, безъ гроша денегъ, кромѣ тридцати тысячъ, которыя и остались въ шкатулкѣ нетронутыми, цѣликомъ.

За обѣдомъ никакихъ достопамятныхъ разговоровъ не происходило. Помню только, что рѣчь зашла о цѣломъ грузѣ съѣстныхъ припасовъ, присланныхъ въ подарокъ Гарибальди калабрійскими его друзьями. Грузъ этотъ былъ доставленъ на пароходѣ, на которомъ пріѣхалъ и я; но его мѣсяца два продержали на таможнѣ въ Ливорно, сгноили большую его половину, а за неиспорченную требовали какихъ-то фантастическихъ пошлинъ.

— По отношенію ко мнѣ этихъ мелкихъ сошекъ,— замѣтилъ Гарибальди одному изъ гостей,—я всегда знаю, какъ по барометру, какой вѣтеръ дуетъ на насъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Два года тому назадъ, самъ таможенный начальникъ во всѣхъ регаліяхъ, высуня языкъ, притащилъ бы коробъ ко мнѣ...

На Капрерѣ пришлось прожить нѣсколько дней, ожидая обратнаго парохода въ Ливорно. Вся гарибальдійская компанія уѣхала на охоту на сардинскій берегъ. Гарибальди раза два приглашалъ меня въ комнату, которую онъ называлъ своимъ кабинетомъ, но которой все убранство состояло изъ простаго деревяннаго стола, двухъ стульевъ и полокъ по стѣнамъ...

Разговоръ о «дѣлѣ» былъ поконченъ въ немногихъ словахъ. Гарибальди слушалъ мои слова, какъ человѣкъ, уже знающій сущность дѣла и не особенно довѣряющій ему.

— Лучше Стареллино вы не найдете; а онъ берется за это дѣло. Сноситесь съ нимъ откровенно и смѣло. Если что понадобится, дайте знать; черезъ него, или прямо...

Охотники возвратились вмѣстѣ съ венгерскимъ полковникомъ Шандеромъ Телекки, который дѣйствительно жилъ на Маддоленѣ, вмѣстѣ со своимъ неразлучнымъ Лойошемъ, напоминавшимъ очень близко нашего крѣпостнаго изъ степныхъ деревень. И Телекки и Лойошъ состарѣлись въ эмиграціи, принимали дѣятельное участіе во всѣхъ революціонныхъ предпріятіяхъ цѣлой Европы; въ эпоху съ 1848 до 1863 году живали они въ Лондонѣ съ Герценомъ, на Вайтѣ съ Викторомъ Гюго, на Капрерѣ съ Гарибальди; а остались все же одинъ трансильванскимъ помѣщикомъ, другой его вѣрнымъ крѣпостнымъ слугою, котораго и по зубамъ бьютъ, который регулярно въ извѣстные сроки пьянъ, но безъ котораго баринъ и на всемірномъ революціонномъ поприщѣ, какъ дикій помѣщикъ Щедрина, давно бы шерстью обросъ и былъ заѣденъ мышами... Въ самомъ началѣ его эмиграціонной карьеры, Шандеру Теллеки случилось, очутившись вовсе безъ гроша, наняться гдѣ-то въ Англіи поденщикомъ на каменно-угольной копи. Лойошъ не покинулъ его здѣсь и точно также въ промежуткахъ между работъ набивалъ барину трубку.

— «Oui, Victor Hugo est un grand homme,—острилъ извѣстный Рибейроль,—mais Loyas est un grand peuple.

Я уѣхалъ съ Капреры, нагруженный какимъ-то чудовищнымъ паштетомъ изъ дичи и калабрійскими конфетами, изображавшими рыцарей и всадниковъ изъ раззолоченныхъ сушеныхъ фигъ. Все это были подарки отъ разныхъ членовъ капрерской колоніи дѣтямъ и женѣ Телекки. На всякой вещи была записочка, отъ кого и кому именно предназначалась она. Вся цѣна этому грузу была какой нибудь мѣдный грошъ, а на запискахъ красовались имена дорогихъ итальянскому сердцу героевъ...

Къ немалому удивленію, на таможнѣ съ меня заломили какую-то баснословную цифру.

— Да я скорѣе все это брошу въ море, чѣмъ заплачу хоть половину того, что вы требуете...

— Заплатите большой штрафъ и подвергнетесь тюремному заключенію,—обязательно предостерегъ меня чиновникъ.

Я потребовалъ свиданія съ директоромъ.

— Ахъ, Боже мой,—говорилъ съ соболѣзнованіемъ этотъ почтенный офицеръ,—мнѣ самому это очень непріятно; но регламентъ, служба... Тутъ еще съ этимъ коробомъ для генерала у насъ непріятность вышла... Я все сдѣлалъ, что могъ; а генералъ навѣрное Богъ вѣсть что сказалъ про насъ, когда получилъ половину груза испорченною...

— Я могу удовлетворить вашему любопытству.

И я передалъ ему слова Гарибальди о регаліяхъ и барометрахъ.

Въ Ливорно я засталъ телеграмму, извѣщавшую, что Маньяни, благодаря преслѣдованіямъ марсельской префектуры, долженъ бросить все дѣло и скрыться Богъ вѣсть куда. Скрылись вмѣстѣ съ нимъ и около сорока тысячъ денегъ польскаго фонда, въ которыхъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ и до сихъ поръ никакого отчета никому не давалъ. Онъ жаловался и на Бордоне, котораго довольно прямо обвинялъ въ нечистоплотныхъ продѣлкахъ...

Впослѣдствіи узналось, что Маньяни точно навербовалъ въ Марсели двухъ, трехъ какихъ-то ласкаровъ, которыхъ нарядилъ въ балетные костюмы и при помощи которыхъ онъ самъ разыгрывалъ роль опернаго пирата въ марсельскихъ café-chantant. Принимая тамъ отъ нихъ рапорты и донесенія, въ обществѣ разныхъ прелестницъ, онъ бросалъ имъ кошелекъ и поученіе:

— Allez! Sauvez vous...

Когда префектъ, наконецъ, счелъ нужнымъ замѣтить ему, что не безполезно было бы ограничить по крайней мѣрѣ кругъ зрителей этихъ представленій, онъ принялъ предостереженіе за преслѣдованіе и бѣжалъ.

Не заставила долго ждать себя депеша отъ Бордоне, извѣщавшая, что мошенничество (онъ такъ и писалъ: escroquerie) Маньяни ставитъ его въ невозможность довести взятое имъ дѣло до конца; а потому онъ и отказывается отъ него вовсе...

Карпя во Флоренціи я уже не засталъ. Онъ уѣхалъ въ Мессину, гдѣ и его скоро постигло еще болѣе конечное разочарованіе. Обѣщанный пароходъ, правда, оказался на лицо. Это былъ второй по счету: такъ какъ одинъ, посланный прежде, былъ задержанъ въ Гибралтарѣ за неимѣніемъ надлежащихъ бумагъ. Пришедшій пароходъ, на легкости и скорости хода котораго покоилось все это пред-

пріятіе, оказался никуда негодною ладьею, которую и на буксирѣ тащить можно было не иначе, какъ съ опаскою... [1]).

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ мы переселились на Генуэзскій берегъ, а потомъ въ Миланъ. Бакунинъ же, съ своей стороны, тоже недолго оставался во Флоренціи и направился въ Неаполь.

Мы встрѣтились снова на Женевскомъ озерѣ, пять лѣтъ спустя... Но флорентійскія конспираціи, за которыя ни я не могъ сердиться на Бакунина, ни онъ на меня, легли какимъ-то непріятнымъ, несмываемымъ пятномъ между нами.

Другіе знали Бакунина тѣснѣе, стояли къ нему ближе въ лучшій швейцарскій періодъ его дѣятельности. Они могутъ обрисовать эту грандіозную фигуру въ томъ свѣтѣ, въ которомъ представлялась она имъ. Мнѣ же досталась неблагодарная часть узнать Бакунина при невыгодной для него флорентійской обстановкѣ.

Л. Мечниковъ.

[1]) Объ этой морской экспедиціи, приготовлявшейся поляками въ Средиземное море, въ русской литературѣ говорилось, кажется, очень мало. Приведемъ здѣсь то, что разсказываетъ объ экспедиціи графа Сбышевскаго Герценъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ (изд. 1871 года, Женева, стр. 220).

«Въ то самое время, какъ толпа вооруженныхъ поляковъ, бездна дорогого купленнаго оружія и Ward Jackson оставались почетными плѣнниками на берегу Швеціи, собиралась экспедиція, снаряженная бѣлыми; она должна была идти черезъ Гибралтарскій проливъ. Ее велъ графъ Сбышевскій, братъ того, который написалъ замѣчательную брошюру «La Pologne et la cause de l'ordre».

«Отличный морской офицеръ, бывшій въ русской службѣ, онъ ее бросилъ, когда началось возстаніе, и теперь велъ тайно снаряженный пароходъ въ Черное море. Для переговоровъ онъ ѣздилъ въ Туринъ, чтобы тамъ секретно видѣться съ начальникомъ тогдашней оппозиціи, и между прочимъ съ Мордини.

«На другой день послѣ моего свиданія съ Сбышевскимъ,—разсказывалъ мнѣ самъ Мордини,—вечеромъ, въ палатѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «пожалуйста, будьте осторожнѣе; у васъ вчера былъ польскій эмиссаръ, который хочетъ провести пароходъ черезъ Гибралтарскій проливъ; какъ бы дѣло ни было, да зачѣмъ же они прежде болтаютъ?».

«Пароходъ впрочемъ и не дошелъ до береговъ Италіи: онъ былъ захваченъ въ Кадиксѣ испанскимъ правительствомъ. По минованіи надобности, оба правительства дозволили полякамъ продать оружіе и отпустили пароходъ».

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ [1].

XIII.

Пакостники.

I.

ОМНАТКА постоялаго двора, гдѣ я ночевалъ, была очень маленькая и низенькая.

— Кажется, душно будетъ спать,—сказалъ я наканунѣ отцу хозяина, пожелавшему мнѣ «спокойной ночи».

— А вы окошечко не затворяйте, воздухъ и не сопрется... Подъ утречко-то посвѣжѣетъ...

Спать съ открытымъ окномъ оказалось невозможнымъ. Полетѣли комары и затянули свои монотонныя пѣсни. Я заперъ окно. Въ комнатѣ наступила духота. Я долго не могъ уснуть, забылся наконецъ тяжелымъ сномъ и пробудился рано, съ болью въ головѣ. Я отворилъ окно, чтобы освѣжиться и надышаться чистымъ воздухомъ. Откуда-то потянуло запахомъ скошенной травы. Ясное утро обѣщало чудный теплый день... Я откинулся головой на спинку стула, и задремалъ. Вдругъ я услышалъ тоненькій голосъ—не то женскій, не то дѣтскій.

— Мишка, ты спишь?

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 838.

— А—а?— отозвался другой голосъ, принадлежавшій бол[...] возмужалому человѣку, но все-таки не взрослому мужчинѣ.

— Будетъ тебѣ дрыхнуть... Идтить надо... аль отдумалъ?

— Не... иду!

Послышался громкій зѣвокъ.

Я выглянулъ въ окно.

На дворѣ, на грудѣ теса, лежали два мальчика-подростка. Вѣрнѣе сказать—лежалъ одинъ, лѣтъ 16, не больше,—бѣлокурый, съ продолговатымъ лицомъ, покрытымъ веснушками; онъ лежалъ на спинѣ, со сложенными на груди руками и съ закрытыми глазами. Другой моложе на годъ, а то и на два—уже полуподнялся и свѣсилъ босыя грязныя ноги съ теса. Лица его мнѣ не было видно, потому что онъ повернулся къ окну затылкомъ, и притомъ длинныя пряди рыжихъ волосъ падали на лобъ. О годахъ я заключилъ по худой, еще не сформировавшейся фигурѣ.

— Коли идешь, такъ вставай, неча валяться,—сказалъ онъ.

— Спать охота, Васька!

— Ишь, идолъ! а пошто долго съ Малашкой возился вчера?.. Мишка молчалъ.

— Чаво молчишь-то? тебѣ говорю... И нашелъ тоже—курносую!

— Небось, твоя Вѣрка лучше!

— Извѣстно, лучше... Да што мнѣ Вѣрка... Cеводни Вѣрка, а завтра—Катька... Одинъ скусъ-то... ха, ха, ха!...

— А все съ Вѣркой вожжаешься... знать, люба почему ни на есть...

— Дѣвчонка веселая...

Мишка опять зѣвнулъ и промолвилъ лѣниво:

— И попадешься ты Аѳанасью... задастъ онъ тебѣ звону...

— А што?

— Дѣвчонку испортилъ.

— Эво! Нѣшто печать приложена моя? Мало-ль съ кѣмъ гуляла... и знать не знаю,—цинично произнесъ Васька и захохоталъ.

— Не безъ языка, чать она... скажетъ.

— Мало-ль што она скажетъ!.. а пущай и вѣрятъ... не булгу же поднимутъ... Сраму не захочятъ... Да ты вставай, чаво, взаболь!

Я былъ пораженъ слышаннымъ. Вотъ—экземпляры!.. Неужели они не были въ школѣ? Гдѣ же ея вліяніе? Говорятъ, въ городѣ портятся... а вотъ вамъ и деревня. Неужели такъ глубоко проникла сюда порча, что дѣвочка (не взрослая же, конечно!) отдается съ легкимъ сердцемъ какому-то негодяю. Что толкаетъ?

— Черви наготовѣ?—раздался голосъ Мишки.

— Вѣстимо... Я и косушку припасъ... разопьемъ тамо, а послѣ искупаемся...

— Ловкачъ ты, Васька!

— Не въ тебя—рохлю.

— Ну, ты не больно... бахвалься!

Заскрипѣли тесины, и Мишка слѣзъ на землю. Черезъ нѣсколько минутъ пріятели отправились на рѣку.

II.

Я пилъ чай, когда вошелъ ко мнѣ отецъ хозяина, сѣдой старикъ, съ длинной бородой клиномъ, съ лицомъ, изборожденнымъ мелкими морщинами. Онъ помолился на образъ и поклонился мнѣ, щуря выцвѣтшіе слезившіеся глаза.

— Ишь, какъ солнце-то бьетъ въ стѣну... Чай да сахаръ!

— Спасибо...

— Скоро ѣдешь-то?

— А что? Лошади заняты?

— Нѣту... лошадь найдется... да везть некому. Кабы не сичасъ, такъ Мишка тебя довезъ бы.

— А долго ждать?

— Зачѣмъ долго... какихъ часа три, не болѣ... Онъ съ ловли поздно, паршивецъ, вернулся. А тутъ до поселка надоть было спослать... Воротится... и поѣзжай!

— Ладно, дѣдъ! Ты что стоишь? Говорятъ, въ ногахъ правды нѣтъ. Садись!

— Какая нонѣ правда! Ни въ чемъ ея нѣту.

— Чайку не хочешь ли?—предложилъ я.

— Покорно благодаримъ! Напился вдоволь. Кумъ Михей зашелъ... и почайничали.

Однако, старикъ присѣлъ на табуретъ, стоявшій у лежанки.

— Въ Питерѣ служишь-то?—полюбопытствовалъ онъ, оправляя ситцевую рубаху, надѣтую сверхъ нанковыхъ шароваръ, забранныхъ въ сапоги.

— Въ Питерѣ.

— Помню твоего дѣдушку... Строгій баринъ! Взыскъ любилъ. Оно и хорошо.

— Хорошо?

— Еще бы! Безъ взыску што?.. забудется человѣкъ и избалуется... Вона Мишка... я бъ его дралъ, дралъ, да и опять дралъ. А Петруха потакаетъ.

— А кто такой Васька?

— Про какого ты Ваську спрашиваешь?

— Съ твоимъ внукомъ на ловлю ходилъ... Изъ окна я видѣлъ; они спали на тесѣ.

— Дружокъ энтотъ... не разлей ихъ водой... Оба баловни! Я бы и того-то дралъ. Безъ отца ростетъ... вольница!

— За что ты недоволенъ внукомъ?

— За баловство... за што-жъ иное! Отъ рукъ отбился... Хватишься,—а онъ по рыбу! рази дѣловъ мало? Не махонькій... Скоро шешнадцать стукнетъ балбесу! Еще взялъ моду курить, стервецъ! Тово и гляди, спалитъ!

— Что же отецъ?

— Что Петруха... баба онъ, одно слово! Слюняй! Кабы была прежняя пора... не то бы и дѣялось... а теперь... вольница все...

— Теперь мальчишки пьютъ даже.

— А что бы ты думалъ? И какъ пьютъ-то! да я самъ видалъ, какъ Васька пьянóй къ домамъ шелъ... Говорилъ опослѣ матери.. да ей гдѣ сладить... гляди, пожалуй, и вдаритъ!

— А внукъ твой не пьетъ?

— Не доводилось увидать... А кто-жъ ево знаетъ... мудренаго нѣтъ!.. Дружки вѣдь... Нѣтъ, ты вотъ что: слышалъ я, что онъ ужъ за дѣвками вяжется. Я ему ономнясь и сказалъ: ну, говорю, увижу, пымаю тебя съ Малашкой, всѣ космы оборву.

— А кто эта Малашка?

— Паскуда тутъ такая. Бобылка... Распутная баба.

— Почему ты думаешь, что съ ней, когда не видѣлъ?

— По деревнѣ говорятъ... со стороны-то виднѣе... Я и ловить принимался... да этотъ Васька—дока... даромъ, что мальчишка, нашего моложе... упредилъ дружка!

— Раненько, дѣдъ!...

— На пакостное всѣ охочи... Глядючи одинъ на другого... да вѣдь што: бахвалятся, безстыдники! Ужъ и дѣвки же нонѣ стали... совсѣмъ стыда нѣту... Пьютъ не хуже мужиковъ, и ты другую только помани... нисколько не дорожатъ дѣвичьей честью.

— Въ школѣ твой внукъ учился?

— Учился... Да што школа? Хорошее скорѣй забывается... да и гдѣ хорошее? Самъ-то учитель горькій пьяница и ёрникъ!.. Ево чуть въ Яминовѣ парни не вздули: за дѣвками началъ гоняться! Какой тутъ примѣръ! А вовьми хоша заводскихъ... послѣдній народъ: ни гроша за душой, ни Бога въ душѣ!.. Повздорятъ—и пошла поножовщина... а касаемо распутства... такъ хошь запирай дѣвокъ-то!

— Фабрики портятъ, это вѣрно, дѣдъ!

— Да и вообче, которые въ Питерѣ, либо въ Москвѣ пожили... пропащій народъ. Къ трактирамъ и мамзелямъ привыкли... вотъ и сюды грязи-то нанесли... Другой еспо съ болѣзнью дурной придетъ, паскудецъ... самъ-то гніетъ, и прочіе черезъ нево болѣютъ...

— А что священникъ? Какъ отецъ духовный, онъ долженъ вразумлять!

— А што онъ подѣлаетъ? И ево это не касаемо. Службу свою онъ знаетъ... ему пошто ввязываться! Народъ—разбойникъ... и попу, гляди, не дастъ спуску... Да и нѣшто одни крестьяне такъ-то? Вотъ лаптевскій барчукъ: какъ въ училищѣ-то еспо былъ, да на

ваканцію пріѣзжалъ, и то срамникъ срамникомъ!.. Не стали и дѣвокъ къ евонной теткѣ въ услуженіе отпущать: какая ни есть—обольститъ, и пропала дѣвка. А теперь и хуже... На охоту ѣздитъ, мужиковъ спаиваетъ, да и дѣвокъ, бабъ не оставляетъ... Глашка была дѣвка смирная, хорошая... улестилъ, и погибла изъ-за него! Правду твой дѣдушка говорилъ: «не тотъ грѣшникъ, кто самъ грѣшитъ, а тотъ, кто другихъ на грѣхъ сманиваетъ»... Такъ и есть!

— Савельичъ, ты гдѣ?—раздался голосъ изъ сѣней.

— Здѣсь... што тебѣ?—отозвался старикъ.

— Подь сюды... Аверьянъ тебя спрашиваетъ.

— Пошто ему? Сичасъ... Такъ ты подождешь, стало?—обращаясь ко мнѣ, промолвилъ дѣдъ.

— Подожду.

— И ладно... Самоваръ-то можно и сызнова нагрѣть, коли хочешь!

Онъ тяжело поднялся съ табурета и направился къ двери, сгорбившись и шаркая ногами по полу.

III.

Становилось все жарче и жарче. Дойдя черезъ огороды до рѣки, я выкупался и прилегъ на траву, за кустами ивняка. Кругомъ царила тишь. Рѣка словно замерла. Только изрѣдка то здѣсь, то тамъ всплескивалась рыбешка, оставляя на поверхности небольшіе круги. Въ воздухѣ была разлита истома, и эта истома коснулась и рѣки и прибрежныхъ кустовъ. Все погрузилось въ дрёму. Меня самого начало клонить ко сну... Но вдругъ я услышалъ приближающіеся шаги и громкій голосъ. Я не разобралъ словъ, но въ голосѣ мнѣ послышались слезы.

— И чего ты ревешь, Танька? ну, не дура ли... а?—перебилъ сиплый теноръ.

Они приближались ко мнѣ.

— Попусту ты ревешь,—продолжалъ тотъ же голосъ, и добавилъ:—истомился я съ тобой на этакой жарищѣ... Присѣсть бы хоть на минутку... чать, и ты устала... Садись!

Я слышалъ, какъ онъ опустился на землю, и черезъ мгновеніе что-то ударилось о воду. Должно быть, онъ бросилъ камень въ рѣку.

Татьяна, вѣроятно, не сѣла, потому что онъ повторилъ:

— Что жъ, стоять будешь? Садись...

— Чего мнѣ сидѣть съ тобой!—промолвила она сквозь слезы:—ты надо мной надругался, а я съ тобой стану разсиживать.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ дура-то... право, дура! Зачѣмъ же ты шла?

— Ничего я не шла... развѣ я для чего нибудь шла!

Она вдругъ всхлипнула и неожиданно закончила:

— Подлецъ ты, и больше ничего!

— Ты не ругайся!

Она вдругъ обозлилась.

— Тебя-то не ругать? Тебя-то? да не ты загубилъ меня? Не ты улестилъ? Карпуха жениться хотѣлъ...

— Кто жъ ему мѣшаетъ... пущай женится!

— На мнѣ... На такой-то?

Въ ея голосѣ послышалось удивленіе, соединенное съ презрѣніемъ къ самой себѣ.

— А что жъ такое? Развѣ тебя убыло? Какъ была, такъ и осталась... Еще такому губошлепу да разбирать!

Онъ хихикнулъ и началъ насвистывать какую-то пѣсню.

Наступило молчаніе.

Мнѣ хотѣлось увидѣть обоихъ, но я боялся, что шорохомъ при движеніи обнаружу свое присутствіе. Однако, осторожно на локтѣ я попробовалъ передвинуться къ тому мѣсту, гдѣ былъ узенькій просвѣтъ между кустами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, на обрывѣ къ рѣкѣ, сидѣлъ молодой парень, лѣтъ двадцати трехъ. Брюнетъ, съ живыми, какъ говоритъ самъ народъ, съ «разбойничьими» глазами, съ дерзкой усмѣшкой на губахъ, онъ представлялъ собою полный контрастъ русой дѣвушкѣ, невысокаго роста, худенькой, похожей больше на городскую барышню, чѣмъ на обитательницу деревни. Тонкія черты продолговатаго, бѣлаго, нисколько не загорѣвшаго личика, не были лишены интеллигентнаго выраженія. Розовый платокъ, покрывавшій голову дѣвушки и завязанный подъ подбородкомъ, выдѣлялъ рельефно, какъ рамка картину, это личико, освѣщенное парой голубыхъ грустныхъ глазъ, на которыхъ застыли крупныя слезы. Дѣвушка продолжала стоять, понуривъ голову и глядя куда-то вдаль.

Парень посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой и потянулъ за подолъ платья.

— Садись... дай я тебя поцѣлую напослѣдокъ.

Дѣвушка очнулась отъ забытья.

— Оставь!—воскликнула она, отталкивая руку парня.

— Чего злишься-то? аль для Карпухи бережешь себя?

Эти слова точно ожгли Татьяну.

— А тебѣ что за дѣло? И что ты думаешь... не возьметъ онъ меня?

— Кто тебѣ говоритъ? Сама жъ сказала, что на такой не женится, а теперь на меня свалила!

— Нарочно сказала... нарочно! Слово скажу, и съ радостью возьметъ?

— И чудесное дѣло!.. Честнымъ пиркомъ да и за свадебку... Попируемъ... А все жъ на послѣдокъ-то, Татьяна... можно, чай! Сколько время любились, и вдругъ... что же это...

Онъ снова протянулъ руку.

Дѣвушка измѣнилась въ лицѣ.

— Не тронь, говорю тебѣ!—закричала она... Любились... Дура я была, что вѣрила... А теперь ты постылъ мнѣ... хуже врага всякаго... плюнуть въ глаза твои безстыжіе и... все тутъ!..

— Ну, вотъ!—произнесъ парень съ улыбкой:—понимай тебя!.. А не сама ль ты о свадьбѣ говорила, чтобъ я женился на тебѣ, значитъ... ты же и приставала!..

— А ты думалъ я и взаправду? Я нарочно... пытала тебя... сколь, значить, совѣсти въ тебѣ... Да гдѣ ей быть... Всю, видать, съ Малашкой потерялъ... Ступай, милуйся съ ней!

— Ну, это вы занапрасно, Татьяна Григорьевна!.. мы сами знаемъ, кого миловать, насъ не учите!.. были вы-съ, найдутся и чище васъ... Что мнѣ Малашка! Съ нея и Мишки достаточно... А вы о себѣ-то что жъ... на счетъ Карпухи... Я вотъ его стрѣчу и проздравлю—съ приданымъ...

— Ты?.. ты... скажешь?

Она задрожала отъ гнѣвнаго волненія, и голосъ ея прерывался...

— Да я... сама ему все скажу!.. Пусть онъ тебѣ перерветъ глотку, подлый ты этакій!

— Руки коротки! Кто еще кому перерветъ! Да и то сказать: какой же интересъ вамъ?.. Полюбовника убьютъ, мужа въ каторгу... вы то при чемъ будете?

Его лицо приняло наглое выраженіе, отчего, несмотря на свою красоту, оно стало отвратительнымъ.

— Господи! Господи!—со стономъ вырвалось у Татьяны:—и гдѣ глаза были у меня... Видать было... что за человѣкъ... словно вѣдь ума лишилась!..

Въ безсиліи она невольно опустилась на землю, и слезы ручьемъ побѣжали изъ глазъ...

Выраженіе лица у парня не измѣнилось. Прищуривъ одинъ глазъ, онъ нагло глядѣлъ на плачущую дѣвушку.

— Да о чемъ убиваться-то,—промолвилъ онъ, помолчавъ:—вѣдь Карпуха все прикроетъ... обзаконитесь и будете жить, стало, какъ всѣ прочіе... аль не сладко идтить за губошлепа и рябого... а?

Дѣвушка продолжала плакать, всхлипывая. Онъ заговорилъ опять:

— И все это дурь дѣвичья, право! Извѣстно, не сласть какая... да что же: и при немъ все можно постарому... Вотъ вы, Татьяна Григорьевна, изволили какъ меня изругать... а я съ той же любовью, потому...

Дѣвушка вдругъ смолкла; она поднялась на ноги, выпрямилась и промолвила, глядя въ упоръ на сидѣвшаго парня:

— Я... я отъ мужа къ тебѣ въ полюбовницы пойду? Да тебя задушить мало, подлаго... и кабы сила была... я... не знаю что съ тобой сдѣлала бы!..

И въ ея глазахъ блеснулъ такой злой огонекъ, что мнѣ поду-

малось—вотъ, вотъ сейчасъ она бросится на него, какъ бросается въ изступленіи кошка на врага, который ея сильнѣе, и однимъ движеніемъ можетъ задушить ее...

Но дѣвушка вдругъ быстро повернулась и пошла по берегу къ деревнѣ.

Парень посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и присвистнулъ.

— Эхъ, Танечка,—промолвилъ онъ, поправляя картузъ:—занапрасно изволите гнѣваться... что же... не угодно, и не надо... не спокаялись бы!.. а мы найдемъ!.. Хороши вы, да и не хуже васъ есть...

Онъ поднялся, зѣвнулъ, досталъ изъ кармана коробку съ папиросами, раскурилъ и пошелъ опять въ ту же сторону, къ лугамъ, откуда пришелъ съ дѣвушкой... Скоро до меня донеслась разухабистая заводская пѣсня.

Я отправился на постоялый дворъ.

IV.

У воротъ я встрѣтилъ дѣда.

— А мы тебя хватились... думали—на огородѣ: нѣту!... сказалъ старикъ.—Ѣхать можно... Мишка и лошадь запрягъ... аль закусишь маленько на дорогу?

Я отказался.

— Ну, такъ и въ путь. И то сказать: на Ларевѣ поѣшь... Тамъ Матрена такія щи важныя варитъ, пожалуй, и въ Питерѣ не лучше... Исправникъ завсегда обѣдаетъ... и пироги печь мастерица... Только вотъ будень, жаль... а то бы попробовалъ пироговъ... конфета, одно слово!.. Мишка!.. оболокайся!..

— Чего мнѣ... я въ рубахѣ!..—отозвался парень изъ сарая.

— Сапоги надѣнь, дурья голова!.. Да спинжакъ захвати...

— Не надо! Куды такую жарынь... безъ сапогъ легче!.. Я вотъ колоши... отъ мухъ только...

Онъ вывелъ пѣгую лошадь, запряженную въ телѣжку, съ кожанымъ сидѣньемъ... Мнѣ показалось, что Мишка немножко навеселѣ. Но онъ ходилъ совсѣмъ твердо, даже сбѣжалъ съ лѣстницы, неся мой чемоданчикъ.

— Багажъ-то легокъ... безъ приплаты, значитъ!—сострилъ онъ, укладывая чемоданчикъ подъ сидѣнье.

— А ты не болтай, зря,—остановилъ дѣдъ:—садись, вотъ тебѣ и все.

— Развѣ я что худое... я такъ пошутилъ только!

— А можетъ и не желательны твои шутки-то... ты какъ думаешь?—сказалъ старикъ.—Спросятъ, отвѣчай... а самъ не лѣзь!.. Ну, и народъ нонѣ... молокососы, а зубъ за зубъ...

— Пошелъ теперь... заскрипѣлъ!—пренебрежительно, подъ носъ себѣ, произнесъ внукъ, вскакивая на «козлы».—Эй, пѣгашъ, дѣйствуй!..

Онъ повернулъ лошадь и остановился около меня.

Я простился съ дѣдомъ и сѣлъ въ телѣжку.

— Осторожнѣй, гляди!—промолвилъ старикъ:—да назадъ не гони зря...

— Не впервой, небось! Учитъ!... огрызнулся Мишка.

— Знаю тебя... лихачъ!.. Не жаль скотины... Не учи васъ...

Но Мишка дернулъ вожжами, лошадь тронула, и стукъ колесъ заглушилъ слова дѣда.

Когда мы только что завернули за уголъ, Мишка мнѣ и промолвилъ задорно:

— Ужъ прокачу васъ... пущай сердится старина!..

— Зачѣмъ же это, лошадь...

— Да вы что, думаете,—перебилъ парень:—не казиста пѣгашка, а прыти хоть убавляй... горячій конекъ!

Онъ, видимо, въ рѣчи подражалъ взрослымъ ямщикамъ.

— Некуда торопиться, успѣемъ,—сказалъ я.—Задержи-ка немного, дай закурить...

Я досталъ изъ кармана портсигаръ.

— А спички у меня есть,—произнесъ Мишка и подалъ мнѣ коробокъ сѣренокъ.

— У меня свои! Ты развѣ куришь?—спросилъ я его.

— А ужли нѣтъ, если будете добры...

— Рано, братъ, тебѣ!

— Какъ рано? Да мнѣ, вы какъ думаете, сколько лѣтъ?

— Пятнадцать, сказывалъ старикъ.

— На Николу шестнадцать будетъ!..

— Все-таки рано.

— Ну, вотъ! Да нонѣ сопляши, по двѣнадцатому году, и тѣ сосутъ.

— И скверно.

— А чего?.. Сперва-то, точно... тошнило, и голову даже несло... а потомъ и ничего...

Онъ протянулъ руку, въ полной увѣренности получить папиросу. Я рѣшилъ, что входить въ роль учителя неумѣстно и безцѣльно. Я далъ ему папиросу.

— Вотъ и подымимъ!.. Ѣхать веселѣй!..

Онъ закурилъ, бросилъ съ особеннымъ маневромъ спичку на дорогу и прикрикнулъ на лошадь. Пѣгашка былъ дѣйствительно изъ горячихъ коней. Но я снова остановилъ Мишку. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, а быстрая ѣзда и стукъ колесъ по твердому шоссе мѣшали разговору.

— Потише, пожалуйста!.. я не люблю скорой ѣзды!—сказалъ я.

Мишка пожалъ плечами.

— По мнѣ все равно... коли не хотите, можно... А только всѣ любятъ быструю ѣзду!

— А я не люблю... Да и что за ѣзда на одной... На тройкѣ, я еще понимаю.

— Эхъ, на тройкѣ важно!.. Вотъ у исправника важная тройка... Всѣ бѣлые... красота!

— Ты часто возишь?

— Бываетъ... Особливо безъ тятьки... Онъ на ярмарку уѣхалъ... Коней тоже куплять поѣхалъ... А работникъ-то занеможилъ чего-то... а то, пожалуй, и вретъ... на дѣда осерчалъ, ну, и не хочетъ...

— За что же разсердился на дѣда?

— Развѣ онъ не прискучитъ... все пилитъ... походя ворчитъ...

— Онъ строгій... любитъ порядокъ...

Лошадь бѣжала трусцой. Мишка обернулся совсѣмъ ко мнѣ лицомъ:

— Ну, да, порядокъ!—недовольнымъ тономъ произнесъ онъ:—чего онъ смыслитъ... изъ ума выжилъ... а туда же учитъ, наблюдать лѣзетъ!..

Мишка вдругъ громко засмѣялся.

— Потѣха лонись была, да и только,—проговорилъ онъ, бросая окурокъ.—Пымалъ какъ-то онъ меня съ цыгаркой... и Васька тутъ же былъ... пріятель мой... Ну, онъ улизнулъ, а меня дѣдъ сцапалъ... Ты, говоритъ, это что... курить? ахъ ты, такой-сякой... Гляжу, ищетъ вожжину... Я бы убѣгъ... гдѣ ему удержать... да ужъ не захотѣлъ: дай, думаю, посмотрю, какъ онъ учить станетъ... Вотъ это взялъ онъ вожжину, и ну меня хлестать... Смѣхъ меня пробралъ... Онъ-то хлещетъ, а мнѣ ничуточки не больно... Взопрѣлъ старикъ, а мнѣ хоша бы что... Прикончилъ онъ и говоритъ: будетъ съ тебя! станешь помнить? А я ему на это и говорю: коли не усталъ, потѣшься еще... мнѣ любо... ровно чешешь спину-то... Осерчалъ дѣдъ!..

— Развѣ такъ можно? — замѣтилъ я.

— Чего же онъ суется?.. Тятька молчитъ, а онъ лѣзетъ... И гдѣ ему меня учить!... Ему за тараканами на печи охотиться въ самую пору... Тятька и то говоритъ: грѣхъ мнѣ съ нимъ, да и только... Эй, куда, Дуня!.. садись, подвезу!—неожиданно закончилъ Мишка, обращаясь къ кому-то.

Я повернулъ голову и увидѣлъ молодую дѣвушку, сидѣвшую на обрѣзѣ шоссе. Возлѣ нея лежалъ какой-то свертокъ. Я не успѣлъ разсмотрѣть лица дѣвушки, но меня только поразилъ тотъ странный взглядъ, какимъ она посмотрѣла на насъ. Когда мы проѣхали, я оглянулся: дѣвушка продолжала сидѣть, но узелъ уже плотно прижала къ себѣ.

— Кто это? — спросилъ я у Мишки.

— Сумасшедшая Дунька.

— Здѣшняя?

— Изъ нашей деревни.

— Отчего же она сошла съ ума?

— А со страху... Отецъ больно строгъ, ну, и мачеха презлющая... А тутъ она, Дунька-то, съ ямщикомъ нашимъ спуталась...

— А онъ ее и бросилъ?

— Не бросилъ... а она, значитъ, забрюхатила... ну, и узнала мачеха... Почали ее бить... Она мертваго родила... да такъ и лишилась ума... Видѣли у нея узелокъ-то?

— Видѣлъ.

— Завсегда съ нимъ... Это она своего маленькаго носитъ... качаетъ... И какъ только увидитъ кого... Сичасъ прижметъ къ себѣ узелъ... Потому ее пугаютъ: Дунька, мы у тебя ребенка-то твоего отымемъ!..

Мишка разсказывалъ это со смѣхомъ. Мнѣ онъ становился и жалокъ и гадокъ, но я постарался скрыть свое чувство и только замѣтилъ парню:

— Какъ не стыдно пугать больную дѣвушку!

— Да вѣдь это такъ... шутя... Извѣстно — сумасшедшая!

— А гдѣ же она живетъ?

— У своихъ... бьютъ ее... когда покормятъ, а то и такъ... Одначе, она работаетъ иногда: воды принесетъ... только все съ узломъ!.. Ужъ узла и не отнимаютъ... обозлится...

— А ямщикъ этотъ гдѣ?

— Въ солдаты ушелъ! Онъ, было, съ ней и съ сумасшедшей-то чуть не связался... Дѣвка красивая... Ну, да тутъ наборъ подошелъ!

Я былъ пораженъ. Но Мишка разсказывалъ все такимъ тономъ, будто дѣло касалось самыхъ обыкновенныхъ фактовъ...

— А Татьяну ты знаешь?—спросилъ я послѣ небольшого молчанія...

— Какую Татьяну?

— На которой Карпуха хотѣлъ жениться?

— А, это воспитомку... знаю!.. А вы почемъ ее знаете?.. Не дѣдъ ли ужъ разсказывалъ?

— А тебѣ не все равно? Ты скажи мнѣ лучше, кто этотъ Карпуха?

— Карпуха-то... а тоже воспитомецъ... Сусѣди... Онъ ее точно взять хотѣлъ, какъ срокъ выйдетъ... Ну, а теперь гдѣ же... она вѣдь тоже брюхата!

— Ты почемъ знаешь это?

— На-ка! Да кто-жъ не знаетъ, что она гуляетъ съ Митькой! Тутъ съ завода онъ... да у него что-то вышло, онъ дома живетъ теперь... Раньше-то въ Питерѣ жилъ... въ мальчикахъ... а тутъ на заводѣ...

— Не женится онъ на ней?

— О-о!.. Нашли дурака!.. Да и гдѣ: голъ, какъ соколъ!.. У него нешто одна Танька?.. На всѣхъ не женишься!..

— А если онъ обѣщался?

— Мало-ль что... улещать онъ мастеръ!... Онъ и Соньку улестилъ... такъ съ брюхомъ и въ Питеръ уѣхала... Да этой теперь хорошо!..

— Почему?

— Въ кормилкахъ... на богатомъ мѣстѣ!.. Только Танькѣ не достичь этого... Танька дурища... Я ее знаю... Она, грѣхомъ, пожалуй, и въ воду бросится...

— А, можетъ быть, Карпуха женится...

— Ни въ жисть!.. Даромъ что губанъ такой, да рожа теркой, а тоже не возьметъ... Малашка и то смѣется надъ нимъ... Встрѣтила ономнясь и говоритъ: скоро-ль, говоритъ у твоей невѣсты крестины будутъ?.. Обозлился!..

— А кто эта Малашка?—задалъ я вопросъ, желая все выпытать у парня, который былъ очень откровененъ, видимо, бахвалясь такимъ знаніемъ.

— Тутъ такая есть... одна...

Онъ лукаво подмигнулъ мнѣ. Я снова схитрилъ и промолвилъ, поддѣлываясь подъ его тонъ:

— Веселая, должно быть?

— Завивай дѣвка!..

— И ты, должно быть, у нея бываешь?.. а?.. Парень тоже не промахъ!

Онъ поддался на мою уловку.

— А что-жъ и намъ зѣвать!—съ удальствомъ воскликнулъ онъ.— Чѣмъ хуже другихъ!.. Еще хоть кого поучимъ... Только бы не сдурила Танька... Я къ ней подберусь... Митька скоро на заводъ уйдетъ!..

— А Малашка?

— Что мнѣ она? Она со всякимъ хороводится... не заплачетъ!.. Да нешто и двухъ нельзя?.. Съ двумя еще веселѣй будетъ!..

Онъ залился смѣхомъ, подражая и въ этомъ Митькѣ, которому онъ, вѣроятно, завидовалъ.

— А отецъ не знаетъ этого?

Я въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— Что жъ, сказывать я ему пойду развѣ...

— А услыхать не можетъ?.. Стороною...

— Ему какое дѣло? Я свое правлю... убытку, изъяну нѣту... Это вотъ дѣдъ любитъ носъ сунуть... онъ ужъ закидывалъ... Да не на того напалъ... и куда ему... Задъ отсталъ ужъ у него!—пренебрежительно закончилъ Мишка.

Онъ слегка стегнулъ лошадь. Пѣгашка прибавила ходу... Мишка помолчалъ и опять обернулся ко мнѣ.

— А никакъ вамъ это въ удивленье?—промолвилъ онъ, пытливо смотря на меня.

И, не дождавшись отвѣта съ моей стороны, продолжалъ:

— Нонѣ и всѣ такъ... Дѣвки пьютъ, такъ ужъ чего намъ...

— Ты тоже пьешь!

— Пить не пью, а мимо рта не пронесу... Да вѣдь сказано: пей, только дѣло разумѣй! А на счетъ если... бабьяго сословія (онъ особенно какъ-то выговорилъ это; не было сомнѣнія, онъ это выраженіе слышалъ отъ Митьки или другого фабричнаго, и теперь щеголялъ передо мною), такъ... зачѣмъ и дѣвки, коли не для этого!..

— А ты учился?—спросилъ я.

— Учился... а что?

— Да такъ...

— Году только не дошелъ...

Я вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— А что если бы про все вашъ попъ узналъ? а?

— Пущай!.. Что намъ онъ!.. Да онъ и знаетъ... У него Вѣрка живетъ... работница... кажинный годъ рожаетъ, и въ воспитательный возитъ!.. Что жъ онъ подѣлаетъ? Нѣшто запретъ положитъ кому? У всякаго своя воля!..

— Но вѣдь онъ же вашъ пастырь?

— Извѣстно... Мы и ходимъ на духъ... ну, иконы, кресты принимаемъ... Отъ насъ ему завсегда почетъ и угощеніе... Тятька ему рупь даетъ о годовые праздники... Чего жъ ему болѣ?..

— Больше и ничего?

— А что жъ еще?.. Онъ живетъ хорошо... Деньги есть у него... Ну, онъ и самъ выпить охочъ... Кабатчикъ нашъ ему всегда изъ уваженія отпущаетъ. Отецъ Илья съ нимъ и въ шашки играетъ... любитель тоже!

Очевидно, Мишка не понималъ меня.

— Одначе, онъ лонись осерчалъ на меня... грозился даже своей палью, — произнесъ Мишка черезъ минуту.

— За что?

— Да въ церковь рѣдко, вишь, хожу... А тогда былъ праздникъ... Они съ крестами, а мы съ Васькой изъ трактира... Вотъ онъ и грозилъ... Ну, а потомъ и ничего... Да ужъ что: знаютъ чудотворцы, что мы не богомольцы... будетъ время... намолимся...

— Когда?

— А вотъ доживу до дѣдовыхъ лѣтъ... и буду спасаться... Тоже начну ворчать... Зубовъ, молъ, у меня нѣтъ... такъ и никто не смѣй орѣховъ ѣсть!.. ха, ха, ха!

— Это еще вопросъ, доживешь ли ты до такихъ лѣтъ! — сказалъ я.

— А почему?

— Рано, братъ, во всѣ тяжкія пустился!..

— Такъ что? Савельичъ вонъ съ десяти лѣтъ, говорятъ, пьетъ, а ему теперь болѣе шестидесяти... А коли умру, такъ и умру... А пока поживемъ!..

Вдали мелькнули строенія.

— Это Ларево?—спросилъ я.

— Какое Ларево!.. это Рябиновка еще... До Ларева пять верстъ будетъ... Вѣдь какъ мы ѣдемъ-то? Нѣшто это ѣзда? Такъ ѣздить—дѣда тѣшить... Пѣгашкѣ благодать...

— Твой дѣдъ бережетъ скотину... любитъ ее... Это хорошо.

— Чего тутъ хорошаго... маета!.. Ты корми, это вѣрно... Кормить слѣдуетъ... А ѣхать, такъ ѣхать.. Эхъ, коли бы вы видѣли, какъ я на той недѣлѣ Малашку прокатилъ... На парѣ ѣхалъ... ну, и ѣзда же была!..

— Досталось конямъ?..

— Досталось... Въ мылѣ всѣ... Что-жъ такое: отошли, ничего не подѣялось... Тятька тоже любитъ скоро ѣздить... Да ужъ дайте мнѣ и васъ хоть съ версту-то, съ двѣ, какъ слѣдуетъ провезти... А то срамно и къ чужимъ подъѣзжать... будто съ подводой, а не съ сѣдокомъ!..

Парню, видимо, хотѣлось показать свою удаль и умѣнье ѣздить...

— Ну, ладно,—согласился я:—только передъ деревней...

— Ужъ я покажу вамъ... Пѣгашъ—конь горячій... А вы меня еще папироской угостите... Не захватилъ съ собой... Въ Ларевѣ куплю... Не худо бы и стаканчикъ за ваше здоровье!..

— Съ тебя сегодня будетъ!.. Вѣдь выпилъ?

— Шкаликъ... ей-Богу, только шкаликъ.

Я съ грустью посмотрѣлъ на парня, и тяжелыя думы охватили меня. Если бы это одинъ только... но вѣдь не одинъ... Конечно, не всѣ такіе... Я вспомнилъ другихъ—хорошихъ, трудолюбивыхъ, симпатичныхъ. Нѣтъ сомнѣній, такихъ и больше... Но развѣ вздоръ и мелочь, если есть Мишки и ему подобные? Деревня все больше и больше высылаетъ своихъ въ города, на заводы, на разныя работы. А что несутъ возвращающіеся домой? «Другой еще дурную болѣзнь принесетъ, и самъ гніетъ и другихъ заражаетъ»,—припомнились мнѣ слова дѣда... Дурная болѣзнь для тѣла... да и не только для тѣла, и для души! А меньше ли становится Мишекъ? а что если больше? Да, конечно, больше! Но и тѣхъ больше, на которыхъ вліяетъ школа... А кто побѣдитъ?.. Кто придетъ на помощь? Не лаптевскіе ли интеллигенты?..

— Ну, вотъ и Ларево показалось!... Теперь держитесь, я ужъ и прокачу!—прервалъ мои думы Мишка.

Онъ свистнулъ, дернулъ вожжами, и Пѣгашъ стрѣлой понесся по дорогѣ. Телѣжка только подпрыгивала на ямахъ. Я боялся, чтобы она не опрокинулась, либо не соскочило бы заднее колесо, которое все что-то позвякивало.

V.

Это было нынѣшнимъ лѣтомъ. Я дожидался пріятеля на вокзалѣ, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Поѣздъ опоздалъ на цѣлые полтора часа. Возвращаться домой было не удобно, такъ какъ вокзалъ въ четырехъ верстахъ отъ города. Я гулялъ въ станціонномъ саду, пилъ чай, поговорилъ съ продавщицей газетъ и вышелъ на крыльцо вокзала... Вблизи стояло нѣсколько извозчиковъ, также дожидавшихся поѣзда. Нѣкоторые курили, сидя на дрожкахъ, другіе дремали. Двое или трое примостились въ тѣни, на скамейкѣ, и о чемъ-то разговаривали. При моемъ появленіи одинъ изъ нихъ вскочилъ, думалъ, что я ѣду сейчасъ; но товарищъ его остановилъ.

— Куды ты... баринъ поѣзда выжидаетъ... Я привезъ-то... Господинъ, вы ужъ со мной, какъ сказали...

— Хорошо,—промолвилъ я...

Вскочившій извозчикъ опять сѣлъ на скамейку. Съ минуту они молчали.

— А что это Гаврила не видать... и не пріѣзжалъ быдто севодни изъ слободы,—крикнулъ извозчикъ, сидѣвшій въ пролеткѣ, на подножкѣ, и крутившій сигарку.

— И точно не видать,—отозвался кто-то въ сторонѣ.—Не боленъ ли?

— Чего боленъ!—промолвилъ тотъ, который привезъ меня:—онъ въ Синявино поѣхалъ за Петькой.

— Нешто нашелся?

— Нашелся... урядникъ пымалъ его...

— Ишь, скверъавецъ!.. Отъ земли не видать, а на-ка, что выдумалъ!

Извозчикъ, сидѣвшій на подножкѣ пролетки, снялъ круглую шляпу, досталъ красный платокъ, лежавшій въ ней, и началъ вытирать потъ съ лица и шеи.

— Ну, и мальчишка!..—произнесъ онъ протяжно, кладя платокъ обратно въ шапку:—настегать бы его хорошенько!..

— Всего было, да не въ прокъ!..—сказалъ сосѣдъ.

Меня заинтересовалъ разговоръ.

— А что онъ сдѣлалъ, этотъ мальчишка? — спросилъ я, обращаясь къ своему извозчику.

— Да убѣгъ... и не знали, гдѣ искать... нѣтъ, и нѣтъ его... словно въ землю провалился!... Думали, утопъ... а онъ и объявился!..

— Зачѣмъ же онъ убѣжалъ?

— А натворилъ много,—началъ рыжій извозчикъ, развалившійся небрежно въ пролеткѣ.

Но мой извозчикъ перебилъ его:

— Погоди-ка, Вавила... Коль господинъ любопытствуетъ, такъ я ему все разскажу по порядку... статья-то занятная...

Извозчикъ подошелъ ко мнѣ и присѣлъ на ступеньку крыльца.

— Вишь ты, какъ дѣло-то было... Гаврила, стало, изъ слободы здѣшній, подгородная слобода, може, заприиѣтили, какъ по машинѣ ѣхали... по правую сторону она... Петька-то самый маленькій у Гаврилы... Старшой ужъ въ кузнецахъ... а этому всего одиннадцать лѣтъ и теперь-то!...

— И такой удалый?

— Уродился, стало, такой... забубенная головушка! Да ты вотъ слушай!.. Отдали его въ школу здѣшнюю... тутъ при церкви Егорія—школа-то... Хорошій домъ выстроенъ... баринъ жилъ у насъ тутъ, изъ Питера... книжки писалъ, а какъ померъ — вдова-то и училище на память о немъ состроила... Вотъ въ энто-то училище и отдали Петьку... Что-жъ ты бы думалъ: побывъ это мѣсяца два какихъ, началъ воровствомъ заниматься... ну, его и по шеямъ... Гаврила-то его пошпынялъ, трепку задалъ... да такъ онъ и остался при домѣ... Бѣгаетъ всюду, и къ большимъ пристанетъ, сколь разовъ въ трактирѣ видывали... сидитъ, машину слушаетъ... а то подыметъ гдѣ окурокъ, и давай дымить... Умора, да и только: картузъ это набекрень, ногу отставитъ — и куритъ... ни дать ни взять Сенька сапожникъ, либо Пашка малкеръ изъ трактера... Смѣются... а онъ еще больше того...

— Какъ можно было допускать такія вещи?—замѣтилъ я.—Чего же Гаврила смотрѣлъ?

— Вишь, дома-то у него не ладно, такъ надо сказать...

— Пьетъ онъ?

— Какъ не пить... нонѣ кто не пьетъ? А чтобы пьющимъ назвать—нельзя... Зашибаетъ, а дѣло все-таки ведетъ... Да не въ этомъ вся исторья-то... Съ хозяйкой неладно... Все ссорятся... Кому въ домѣ большимъ быть! Галдятъ, галдятъ, иногды и подерутся... Ну, и порѣшили: одну недѣлю Гаврила—большой, и его слушаться, а другую недѣлю—Лукерью... А этотъ малый-то, Петька, тоже суется: я, говоритъ, тоже большимъ хочу быть, значитъ, третью недѣлю его слушаться...

Среди извозчиковъ послышался смѣхъ.

— Неужели это правда?—спросилъ я.

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Какъ же не правда,—промолвилъ мой извозчикъ:—я хорошо знаю Гаврилу, бывалъ въ домѣ-то... Правда! Конешно, воли ему, Петькѣ, не давали, то-ись, значитъ, насчетъ правленья въ домѣ.. А такъ-то ему полная слобода была... Отецъ уѣдетъ, мать немножко и сама запиваетъ... Дѣлай, что хочешь! Вотъ онъ и росъ, на лѣсъ глядя... Да и удумалъ штуку... Послала сестра Лукерьина въ гостьбу сынишку двухъ лѣтъ... А Петька возьми да и столкни его въ колодезь...

— Нарочно?

— Нарочно! Няньчиться надоѣло, вишь... взялъ и столкнулъ!

— Ну, какъ же... узнали про это?

— Конешно... становой наѣзжалъ... да что съ мальчишки возьмешь. Ему въ тѣ поры всего 9 лѣтъ было... Какой тутъ отвѣтъ! Постращали его, постегали... и все тутъ... А насчетъ того, значитъ, такъ: упалъ де, не доглядѣли... Аль что тамъ другое... не могу сказать, только Петька опять остался попрежнему у отца...

— И нисколько не измѣнился?

— А развѣ что хуже сталъ!.. Цѣлые дни гдѣ нибудь шляется... Пришелъ какъ-то домой—и пьяный!..Опять смѣшно всѣмъ!..Пузырь—и шатается, ругается, стойно большой... Да это что: вотъ вы не повѣрьте, а истинно: полюбовницу завелъ онъ.

— Что ты говоришь!—воскликнулъ я.

— Право, завелъ! Спросите хоть ихъ,— указывая на другихъ извозчиковъ, произнесъ разсказчикъ.

— Правду говоритъ онъ, баринъ, истинно: завелъ любушку!—подтвердилъ старикъ-извозчикъ, подходя къ намъ:—ужъ такой сталъ пакостный!

— Не можетъ быть?

— Вѣрно... Заберутся въ солому, либо куды—цѣлуются, курятъ, пьютъ... Онъ и ее-то пить научилъ...

— А кто она такая?

— Да нищенка... дѣвчонка бойкая, и такая пригожая... пожалуй, его постарше... И хороводятся... Извѣстно, дураки, на большихъ глядючи... какъ обезьяны...

— А почему онъ убѣжалъ?

— А какъ-то осерчалъ на него Гаврила-то... да и погрозись: я, говоритъ, съ тебя всю шкуру сдеру и, какъ собаку, на цѣпь посажу... Онъ, видать, струсилъ да и убѣгъ!.. И вѣдь сколько времени не показывался!.. Мать-то ревѣла, ревѣла... на мужа: ты вее, ты испужалъ... До драки доходило... Ну, а вотъ и объявился! Думали—утопъ... онъ живъ.

— И отличное бы дѣло, кабы утопъ-то,—сказалъ старикъ. Чего— отъ него, пакостника, ждать дальше, если теперь-то такой арестантъ, одно слово!

— Плохо смотрѣли за нимъ съ дѣтства,—замѣтилъ я.

— Эхъ, баринъ,—промолвилъ старикъ:—чего тутъ — глядѣли! За всѣми одинаковое глядѣнье, всѣ на Божьемъ вызволеньи... въ деревнѣ какой присмотръ... А ужъ такіе, стало, уродятся... Ну, добро— Гаврила запиваетъ, да и Лукерья тоже... А у Мартына-то?

Старикъ обратился къ Якову, какъ бы ожидая подтвержденья своимъ словамъ... Но Яковъ только промолвилъ: «это точно»...

— Ну, вотъ!—удовольствовавшись отвѣтомъ, продолжалъ старикъ:—никто Мартына не похаетъ, а сынокъ-то не лучше. Чай пятнадцать не больше ему, а и пьетъ, и съ дѣвками гуляетъ... Уже и пороли его, а неймется!

— Другого хоть распори, все едино!— замѣтилъ рыжій парень, поглаживая свою лошадь.

— Все едино!— согласился старикъ.

— Шальство это все... озорники ростутъ!—сказалъ Яковъ.

— Что шальство!— возразилъ старикъ... Тутъ, братъ, не шальство!.. Кто не шалитъ... И мы шаливали... Бывало, чего не дѣлали... и теперь есть такіе-то... а только это... одно слово пакостники!

— Нешто не все равно?

— Понятно дѣло, не все равно! Какъ ты этого въ толкъ не возьмешь, братецъ?.. Ну, вотъ хотя бы... Левонтья взять!.. Вѣдь парень добрый?

— Ничего.. только тоже...

— Что тоже?—перебилъ старикъ.—Нѣтъ, ты разбери-ка... Штуку какую ни есть откинуть—онъ мастакъ... И въ драку кинется, а чтобы на пакостничества,—ни, за нимъ не водится... А припомни, что Ванька съ нищенкой сдѣлалъ? Взялъ это, господинъ,—уже ко мнѣ обратился опять старикъ:—взялъ это Ванька, да и надругался надъ бабой... Она запьянѣла, да на дорогѣ упала... А онъ загнулъ всю одежу ей на голову, обвязалъ веревками, да такъ и оставилъ... нѣшто это не пакостничество?.. Или опять же... Случись онъ промежъ дѣвокъ... такъ нарочно то-ись самое худое слово подберетъ... и хохочетъ!..

— Въ Питерѣ балуется народъ, а, глядя на нихъ-то, и наши... имъ потрафляютъ,— сказалъ Яковъ...

— Да добро бы большіе... а то накося... подъ столъ соплякъ ходитъ, а гляди—что выдумалъ! полюбовницу завелъ! О Господи! грѣхи, грѣхи тяжкіе!—сокрушенно вздохнувъ, промолвилъ старикъ.

— Ребята, Павелъ Самсонычъ ѣдетъ!—крикнулъ рыжій парень.

Въ одинъ мигъ всѣ извозчики были уже на своихъ мѣстахъ. Старикъ въ прискочку, прихрамывая, кинулся къ дрожкамъ. Я удивился происшедшему переполоху, но подкатившій экипажъ исправника разрѣшилъ мои недоумѣнія. Исправникъ молодецки соскочилъ съ пролетки и, кивнувъ головой въ отвѣтъ на почтительные поклоны извозчиковъ, прошелъ въ вокзалъ.

— Боитесь вѣрно?—спросилъ я у Якова.

— Бѣда, коли не на козлахъ кто: сейчасъ подъ арестъ.

Раздался свистокъ паровоза.

— Что это, поѣздъ?

— Дежурка-съ,— отвѣтилъ сторожъ.—А скоро и онъ, надо полагать... время!..

Я отправился въ вокзалъ.

Алекс. Кругловъ.

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ [1].

(Соціологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русь въ славянскомъ штатѣ.

VI.

Ъ НАЧАЛѢ 1894 года кружокъ наиболѣе интеллигентныхъ дѣятельныхъ галицкихъ русиновъ, подъ предводительствомъ галицко-русскаго священника Константкевича и при содѣйствіи ветерана Американской Руси священника Одушкевича, основываетъ въ той же Пенсильваніи новое крупное русское народное учрежденіе подъ названіемъ «Русскій Народный Союзъ». Эмблемой «Союза» является женщина съ осьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ и лучезарной книгой въ лѣвой, сидящая на земномъ шарѣ, тонущемъ въ морѣ облаковъ, а у ея подножія двѣ большихъ руки, крѣпко сжимающія другъ друга. Эмблема эта вырѣзана и на печати этого русскаго народнаго учрежденія, конечно, внутри ея круга, а по краямъ идутъ двѣ надписи: «Русскій Народный Союзъ» и «Russian Nationl Union». Въ отношеніи этого учрежденія, держась той же системы, какъ въ отношеніи «Соединенія греко-католиче-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 478.

скихъ русскихъ братствъ», изложимъ первоначально сущность его по уставу, а затѣмъ дѣятельность его въ дѣйствительности. Замѣтимъ прежде всего, что по мысли иниціаторовъ и учредителей «Русскаго Народнаго Союза» онъ предназначенъ стать тѣмъ русскимъ народнымъ учрежденіемъ, которое должно обнять по возможности всю американскую Русь, все то среди этой Руси, что носитъ въ себѣ національное самосознаніе и способно уже отличить дѣйствительныя заботы о нуждахъ народныхъ отъ прикрывающихся наружнымъ покровомъ блага народнаго, его эксплоатаціи, оглупленія и униженія. Въ то время, какъ уставы «Соединенія» и братствъ, въ него входящихъ, установляютъ множество различныхъ должностей, по большей части, совершенно ненужныхъ, чтобы облеченіемъ возможно большаго числа простаковъ въ офиціальныя званія, пропечатаніемъ ихъ именъ и фамилій въ «Вѣстникѣ» и приданіемъ всей болѣе, чѣмъ заурядной дѣятельности этого учрежденія возможно большей торжественности и парадности воздѣйствовать на мелкое тщеславіе и воображеніе мало просвѣщенной народной массы и подобными средствами тѣмъ успѣшнѣе держать её въ покорности, повиновеніи и готовности, такъ сказать, жертвовать и жертвовать,— уставъ «Русскаго Народнаго Союза» отличается совершенной краткостью и простотой. Цѣлью «Союза» являются: 1) добро моральное Руси въ Америки, 2) матеріальная ей помощь. Первое, т. е. добро моральное, достигается просвѣщеніемъ русскаго народа на русскихъ народныхъ началахъ, къ чему служатъ нижеслѣдующія средства: 1) изданіе русской газеты политической и литературной, 2) основаніе новыхъ читаленъ и вспомоществованіе уже существующимъ, 3) основаніе русскихъ школъ съ преподаваніемъ по особымъ программамъ, сообразованнымъ съ обученіемъ англійскому языку, а равно вспомоществованіе школамъ, уже существующимъ, 4) преподаваніе закона Божія, русскаго языка и исторіи Руси дѣтямъ русскимъ, обучающимся въ англійскихъ школахъ, въ видахъ сохраненія въ подрастающемъ поколѣніи его вѣроисповѣданія и патріотизма, 5) изданіе для русскаго народа народныхъ календарей и книжекъ поучительнаго религіознаго содержанія, 6) устройство лекцій, любительскихъ представленій, концертовъ и иныхъ приличныхъ увеселеній, 7) основаніе обществъ пѣвческихъ, музыкальныхъ, гимнастическихъ и т. д., 8) поддержаніе церквей и обряда. Матеріальная помощь оказывается «Русскимъ Народнымъ Союзомъ въ Америкѣ» членамъ его на слѣдующихъ основаніяхъ. Если членъ вслѣдствіе искалѣченія, неизлѣчимой болѣзни или старческаго безсилія становится вовсе неспособнымъ къ труду, то, по удостовѣреніи сего врачемъ, получаетъ изъ кассы «Союза» единовременное пособіе въ размѣрѣ 500 долларовъ и засимъ перестаетъ быть его членомъ. Если умретъ членъ женатый (а женатымъ считается тотъ, кто имѣетъ жену либо въ Америкѣ, либо въ старомъ краѣ и съ ней не разошелся), то

касса «Союза» уплачиваетъ женѣ покойнаго «посмертнаго» 500 долларовъ. Если умретъ у члена жена, которая не была сама дѣйствительнымъ членомъ «Союза», то касса этого послѣдняго уплачиваетъ мужу покойной 250 долларовъ, если же покойная состояла сама членомъ «Союза», то уплачивается ему «посмертнаго» 500 долларовъ. Если умретъ членъ одинокій, то «посмертное» уплачивается наиболѣе близкимъ родственникамъ покойнаго въ Америкѣ или старомъ краѣ или же тому, кому онъ свое «посмертное» откажетъ духовнымъ завѣщаніемъ. Въ различныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ, въ которыхъ члены «Союза» стали бы просить у него помощи, рѣшеніе постановляетъ «Совѣтъ Союза» и о таковомъ увѣдомляетъ общее собраніе. Членомъ «Русскаго Народнаго Союза въ Америкѣ» становится всякій христіанинъ русской народности, если онъ благочестивъ, честенъ, трезваго поведенія, здоровъ и проживаетъ въ Америкѣ, уплатилъ притомъ «вписовое», а равно обязался аккуратно уплачивать ежемѣсячные взносы. Членомъ можетъ быть также всякая русская женщина, дѣвица, замужняя или вдова. Членъ, который втеченіе трехъ мѣсяцевъ не уплатитъ ежемѣсячныхъ взносовъ, теряетъ право на пособіе и посмертное, которое, однако, возвращается ему, если въ четвертомъ и не далѣе какъ въ пятомъ мѣсяцѣ уплатитъ онъ всѣ просроченные мѣсячные взносы. Членъ, который втеченіе шести мѣсяцевъ не уплатитъ ежемѣсячныхъ взносовъ, исключается вовсе изъ членовъ «Союза». Онъ можетъ быть принятъ снова лишь въ томъ случаѣ, если уплатитъ «вписовое», какъ нововступающій, и, сверхъ того, просроченные ежемѣсячные взносы. Дѣлами «Русскаго Народнаго Союза» управляютъ: 1) общее собраніе и 2) совѣтъ. Общее собраніе вѣдаетъ: измѣненія въ уставѣ, избраніе членовъ совѣта, разрѣшеніе отзывовъ, жалобъ и споровъ. Совѣтъ, избираемый общимъ собраніемъ, составляютъ: предсѣдатель, вице-предсѣдатель, секретарь, кассиръ, шесть членовъ и пять ихъ замѣстителей. На обязанности совѣта лежитъ: 1) принятіе и исключеніе членовъ, 2) оцѣнка матеріала для календарей и популярныхъ изданій, ихъ разсылка и продажа, 3) наблюденіе за братствами и читальнями, 4) контроль надъ торговыми складами, открываемыми для увеличенія доходовъ союза, 5) общій надзоръ за веденіемъ газетъ союза, 6) объявленія разнаго рода отъ имени союза въ различныхъ американскихъ изданіяхъ и 7) помощь и содѣйствіе новоприбывающимъ русскимъ эмигрантамъ. Въ видахъ осуществленія этой послѣдней обязанности совѣтъ назначаетъ, по мѣрѣ возможности, въ соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ особыхъ своихъ уполномоченныхъ, къ которымъ новоприбывающіе эмигранты могли бы во всякое время обратиться. На обязанности уполномоченнаго лежитъ устроить эмигранту дешевое временное помѣщеніе, дешевый столъ, указать ему мѣсто назначенія соотвѣтственно роду труда, имъ избираемаго, и ближайшій дешевѣйшій способъ проѣзда къ этому мѣсту. Сверхъ всего

этого, совѣтъ обязанъ употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, какъ къ увеличенію доходовъ Союза, путемъ установленныхъ источниковъ, такъ и къ изысканію источниковъ новыхъ, соотвѣтствующихъ достоинству народнаго учрежденія, какъ, напримѣръ размѣнъ и отсылка денегъ, пріемъ депозитовъ, покупка недвижимостей высокой доходности и т. д. Независимо отъ совѣта существуетъ еще въ составѣ «Русскаго Народнаго Союза» контрольная комиссія, на обязанности которой лежитъ контроль и ревизія книгъ, кассы и всего дѣлопроизводства «Союза». Братства, in corpore принадлежащія къ «Союзу», вѣдаютъ своими собственными дѣлами совершенно самостоятельно, и на нихъ лежитъ забота о больныхъ и безработныхъ. Таково въ общихъ чертахъ устройство «Русскаго Народнаго Союза». Здѣсь нѣтъ ни этого чрезмѣрнаго обилія должностей и званій, какимъ поражаетъ «Соединеніе», ни этой трескучей парадности, ни этихъ безпрестанныхъ выкрикиваній на тему блага русской братіи, почитанія русской вѣры и народности и тому подобныхъ, какими отличается дѣятельность сего послѣдняго, несравненно болѣе словацкаго, нежели русскаго учрежденія. Прежде чѣмъ приступить къ изображенію дѣятельности «Русскаго Народнаго Союза» въ дѣйствительности, отмѣтимъ нѣкоторыя обстоятельства высокой общественной важности, относящіяся къ самому моменту его зарожденія.

Незадолго до возникновенія «Союза» часть русскаго уніатскаго прихода города Вильксъ-Бэрръ въ Пенсильваніи, расположеннаго въ самомъ центрѣ штата, со священникомъ Алексѣемъ Товтомъ во главѣ, присоединилась къ православію. Фактъ этотъ, вызвавшій въ свое время огромную сенсацію какъ въ Америкѣ, такъ и въ особенности въ Европѣ, породилъ цѣлую бурю въ «Соединеніи», къ которому принадлежали какъ самъ о. Товтъ, такъ и братство его прихода. Угрорусскіе священники «Соединенія», мнящіе и именующіе себя «руссофилами», поспѣшили предать о. Товта товарищеской анаѳемѣ и исключить какъ его, такъ и русское братство города Вильксъ-Бэрръ изъ «благочестиваго» и «греко-католическаго» состава своей якобы русской организаціи. Но каково же было изумленіе этихъ фиктивныхъ руссофиловъ, даже въ домашнемъ быту своемъ говорящихъ помадьярски, когда «Русскій Народный Союзъ», созданный и руководимый галицкорусскими украйнофилами, уніатами по вѣроисповѣданію и главнѣйшимъ образомъ, если не исключительно галицко-русскими священниками, такими же уніатскими или греко-католическими священниками, какъ и угрорусскіе, тотчасъ же принялъ какъ о. Товта, такъ и братство его прихода, обратившееся въ православіе, въ свой составъ. Обстоятельство это, опредѣляя и оттѣняя должнымъ образомъ различіе между угрорусскими великоруссофилами (москалефилами) и галицко-русскими малоруссофилами (украйнофилами), имѣетъ то важное народно-общественное значеніе, что въ самый моментъ зарожденія «Рус-

скаго Народнаго Союза» столь рельефнымъ образомъ обнаружило отличіе его, какъ учрежденія русскаго народнаго, отъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», какъ учрежденія католическаго, но вовсе не народнаго.

Приступая къ изображенію дѣйствительной практической дѣятельности «Русскаго Народнаго Союза», отмѣтимъ прежде всего то, что, взимая съ членовъ своихъ такіе же платежи, какіе взимаетъ и «Соединеніе», «Союзъ» уплачиваетъ бо́льшее посмертное, а именно 500 и 250 долларовъ, между тѣмъ «Соединеніе» выдаетъ 400 и 200 долларовъ. Въ то время какъ «Соединеніе» лишь въ случаѣ смерти члена или же совершенной неспособности его къ труду дѣлаетъ денежныя выдачи: въ первомъ случаѣ—его наслѣдникамъ, а во второмъ—ему самому въ счетъ его посмертнаго, что̀ представляется довольно оригинальнымъ, «Союзъ» приходитъ съ помощью своимъ членамъ также и при жизни во всѣхъ несчастныхъ случайностяхъ, которыхъ совершенно основательно даже и не опредѣляетъ въ уставѣ, ибо опредѣлить ихъ и формулировать такъ, чтобы формула эта обнимала всѣ въ дѣйствительной жизни возможныя случайности, почти невозможно. Представляется очевиднымъ, что помощь рабочему семейству, постигнутому какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ или стеченіемъ обстоятельствъ, грозящимъ навсегда разрушить его матеріальное благосостояніе, является нерѣдко болѣе важной и существенной, нежели выдача мужу посмертнаго скончавшейся жены или же выдача посмертнаго какимъ либо родственникамъ. Читальни «Союза» устроены весьма основательно, и въ нихъ найдется всегда кое-что и для человѣка вполнѣ интеллигентнаго. Русскихъ школъ «Союзъ» имѣетъ мало, но по чисто американскимъ причинамъ и условіямъ, о которыхъ придется еще намъ говорить въ послѣдующемъ изложеніи; школы эти по крайней мѣрѣ въ настоящее время лишены всякой возможности существованія, а потому представляются пока нужными лишь дополнительные курсы по русскому языку, русской исторіи и русскому закону Божію для русскихъ дѣтей, обучающихся въ англійскихъ школахъ. Такіе курсы также устроены «Союзомъ» рядомъ съ существованіемъ нѣсколькихъ русскихъ школъ и читаются обыкновенно по субботамъ, ибо въ этотъ день всѣ англоамериканскія школы закрыты. Въ послѣднее время «Союзъ» прилагаетъ особыя старанія къ облегченію матеріальнаго положенія своихъ членовъ и ихъ семействъ въ случаяхъ разныхъ несчастій съ людьми, которые такъ нерѣдки въ каменноуглеломняхъ. Для этого на послѣдней конвенціи «Союза» состоявшейся въ первыхъ числахъ іюня текущаго года, установлены уже опредѣленныя пособія для каждаго рода искалѣченія. Утратившій руку, ногу или глазъ получаетъ 100 долларовъ, утратившій одновременно руку и ногу, руку и глазъ или ногу и глазъ получаетъ 250 долларовъ и наконецъ утратившій одновременно обѣ

руки или обѣ ноги получаетъ 500 долларавъ, причемъ въ первыхъ двухъ случаяхъ постигнутый несчастіемъ членъ «Союза», и по полученіи пособія, продолжаетъ оставаться членомъ, а слѣдовательно и сохраняетъ всѣ права на посмертное, въ послѣднемъ же случаѣ онъ изъ «Союза» исключается. Озабочиваясь постоянно, чтобы положенія устава «Союза» наиболѣе соотвѣтствовали жизненнымъ потребностямъ русскаго народа въ Америкѣ, являющагося въ общемъ лишь русской частью рабочаго класса Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, управленіе «Союза» на той же послѣдней конвенціи этого единственнаго русскаго народнаго учрежденія въ предѣлахъ великой сѣверо-американской республики провело еще нѣкоторыя положенія, отчасти пополняющія, отчасти измѣняющія прежнія положенія устава «Союза».

Само собою разумѣется, что столь серьезное и дѣйствительно народное учрежденіе, какимъ представляется «Русскій Народный Союзъ», не могло не заняться дѣломъ столь огромной важности, какъ дѣло русской эмиграціи. Совѣтъ «Союза» неоднократно обсуждалъ вопросъ о способахъ урегулированія русской эмиграціи въ Новый Свѣтъ и средствахъ помощи и поддержки эмигрантамъ русскимъ, по ихъ прибытіи на территорію Соединенныхъ Штатовъ. Въ газетѣ «Свобода», являющейся органомъ «Русскаго Народнаго Союза», въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года появился цѣлый рядъ статей, достаточно выяснявшихъ причины русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи, ея направленія (Соединенные Штаты, Бразилія и Канада), ея будущность, способы ея урегулированія и необходимость учрежденія въ Нью-Іоркѣ русскаго эмиграціоннаго дома. Учрежденіе такое какъ совѣтъ «Союза», такъ и «Свобода» признавали общимъ дѣломъ всей американской Руси, которая и должна осуществить его соединенными силами всѣхъ ея представителей. Призывы «Свободы» къ урегулированію и организаціи русской эмиграціи были столь воодушевительны, и доводы ея по этому предмету настолько убѣдительны, что даже представители «Соединенія», обыкновенно глухіе къ голосу нуждъ народныхъ и вообще къ дѣлу народному относящіеся довольно безразлично, имъ поддались и вступили съ представителями «Союза» въ сношенія и переговоры въ видахъ совмѣстнаго дѣйствія. Но, когда переговоры эти закончились, и планъ дѣйствованія, благодаря трудамъ и усиліямъ представителей «Союза» и редакціи «Свободы», былъ совершенно выработанъ и опредѣленъ, случилось нѣчто совершенно неожиданное и для Амереки даже необыкновенное. Подъ вліяніемъ наущеній мадьярско-русскихъ писцовъ, фабрикующихъ «Американскій Русскій Вѣстникъ», предсѣдатель «Соединенія», хотя обамериканившійся уже угроруссъ, но кулакъ и притомъ кулакъ грубый и невѣжественный, какими являются всѣ почти наши русскіе кулаки тайкомъ отправился съ главнымъ писцомъ въ Нью-Іоркъ и тамъ въ

тайнѣ отъ представителей «Союза» и даже нѣкоторыхъ представителей своего «Соединенія» приступилъ къ дѣйствіямъ по открытію на свое имя русскаго эмиграціоннаго дома и русскаго банка, т. е., по американскимъ понятіямъ, банкирской конторы съ комиссіонной продажей желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ билетовъ, правомъ перевода денежныхъ выдачъ и т. д. Конечно, предсѣдатель «Соединенія» и главный писецъ потерпѣли полнѣйшую неудачу. Рѣшившись учрежденіе русскаго эмиграціоннаго дома, дѣло чисто народное, обратить въ личное доходное торговое предпріятіе, они сами жестоко обманулись. Дѣло въ томъ, что открытіе эмиграціоннаго дома въ Нью-Іоркѣ требуетъ немало такихъ знаній, какими предсѣдатель «Соединенія» совершенно не обладалъ, и такихъ условій, какимъ онъ совершенно не удовлетворялъ, почему установленное разрѣшеніе на открытіе имъ не получено. Между тѣмъ вѣроломный образъ дѣйствій его успѣлъ обнаружиться и отшатнулъ отъ участія въ дѣлѣ представителей «Союза», которые были его иниціаторами и двигателями. Такимъ образомъ русскій эмиграціонный домъ въ Нью-Іоркѣ и до сего времени не открытъ, ибо «Союзъ», собравшій уже въ средѣ своихъ членовъ нѣкоторый эмиграціонный фондъ, не обладаетъ, однако, пока средствами, достаточными для самостоятельнаго открытія такого дома безъ участія «Соединенія». Примѣръ этотъ показываетъ между прочимъ, насколько еще шатко и непрочно общественное устроеніе молодой американской Руси. Подпольныхъ интригъ какого нибудь полуграмотнаго писца-пройдохи, на американской почвѣ успѣвшаго превратиться въ главнаго фибрикатора русско-словацкой газеты, было совершенно достаточно для того, чтобы совершенно испортить и на извѣстное время погубить народное дѣло первостепенной важности, начатое при весьма благопріятныхъ условіяхъ и подвинутое къ разрѣшенію дружными усиліями лучшихъ представителей двухъ организацій, изъ которыхъ одна является русской народной, а другая, хотя и представляется въ сущности католической русско-словацкой, считаетъ, однако, себя русской, себя таковой выставляетъ и вѣчно трещитъ о благѣ русской братіи.

Дѣло устройства русскаго эмиграціоннаго дома въ Нью-Іоркѣ находится въ тѣсной и неизбѣжной связи съ общимъ положеніемъ дѣлъ «Соединенія», постепенно создавшимся. Русско-американскій кулакъ, являющійся предсѣдателемъ «Соединенія», рѣшилъ всѣ народныя учрежденія обратить въ свои личныя торговыя предпріятія. Пользуясь безчестностью вліятельнѣйшихъ изъ угрорусскихъ священниковъ, безхарактерностью менѣе вліятельныхъ и полнѣйшей апатіей всѣхъ остальныхъ изъ нихъ, онъ нынѣ успѣлъ рѣшеніе свое осуществить вполнѣ. Въ началѣ текущаго года нанято имъ въ Нью-Іоркѣ помѣщеніе, гдѣ должны были сосредоточиться три предпріятія сего предсѣдателя: во-первыхъ, изданіе «Американскато Рус-

скаго Вѣстника», во-вторыхъ—русскій банкъ и, въ-третьихъ—русскій эмиграціонный домъ. «Американскій Русскій Вѣстникъ», являющійся органомъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», былъ отданъ со всей типографіей «Соединенія» и четырьмя тысячами долларовъ на его изданіе, въ полное и безотчетное распоряженіе главнаго изъ мадьярско-русскихъ писцовъ и издавался въ городѣ Скрэнтонъ въ Пенсильваніи. Однако послѣ четырехлѣтняго безотчетнаго хозяйничанья этого писца финансы газеты оказались въ столь ужасномъ положеніи, что онъ прибѣгъ подъ покровительство предсѣдателя «Соединенія». Послѣдній, умѣющій изо всего извлекать свою пользу, великодушно согласился взять на себя изданіе «Вѣстника», назначивъ писцу извѣстное жалованье. Принимая бѣдную русско-словацкую газету подъ свое покровительство, онъ зналъ, что, какъ предсѣдатель «Соединенія», легко можетъ устроить повышеніе платы, взимаемой за нее съ членовъ организаціи, и такимъ образомъ не только покрыть грѣхи писца, но и, сверхъ сего, получить еще и нѣкоторый барышъ. И дѣйствительно на послѣдней конвенціи «Соединенія» плата съ членовъ за «Вѣстникъ» повышена съ 1 доллара до 1 доллара 20 центовъ, вслѣдствіе чего организація, платившая ранѣе на него 4.000 долларовъ въ годъ, отнынѣ будетъ уже платить 4.800 долларовъ. Въ томъ же домѣ, на углу второго эвеню и пятой улицы города Нью-Іорка, въ которомъ помѣщается редакція, контора и типографія перенесеннаго сюда изъ Скрентона «Американскаго Русскаго Вѣстника», помѣщается также и банкъ предсѣдателя «Соединенія», именуемый почему-то русскимъ банкомъ, а равно долженъ былъ помѣщаться и русскій эмиграціонный домъ, но открыть этого послѣдняго, какъ мы указали уже выше, не удалось.

Между тѣмъ «Русскій Народный Союзъ», будучи пока лишонъ возможности открыть русскій эмиграціонный домъ на собственныя средства, продолжаетъ ревностно работать на пользу русской эмиграціи. Какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе эмиграціонная горячка, широко разлившись по Галиціи, толкнула русскій народъ на безумное переселеніе въ Бразилію, которая оказывается для него гробомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Необходимо было отрезвить его отъ этого безумія и эмиграціонному теченію дать должное направленіе. Эту важную народно-общественную задачу исполнилъ въ предѣлахъ возможности вышеупомянутый д-ръ Олеськовъ, преподаватель агрономіи во Львовской учительской семинаріи. Обстоятельно изучивъ условія русской эмиграціи изъ Галиціи, состояніе хлѣбнаго производства на всемірномъ рынкѣ и условія безплатнаго пріобрѣтенія земельной собственности на земномъ шарѣ, онъ пришелъ къ выводу, что наиболѣе цѣлесообразнымъ мѣстомъ переселенія представляется для галицкихъ русиновъ Канада. Посѣщеніе этой страны, предпринятое д-ромъ Олеськовымъ лѣтомъ прошлаго года на собственный счетъ, утвердило его еще болѣе въ достигнутыхъ имъ вы-

водахъ, которые онъ и популяризовалъ тотчасъ среди народа галицко-русскаго двумя общедоступными брошюрами. Не смотря на противодѣйствіе галицкой польской прессы, стоящей почему-то за гибельную до очевидности эмиграцію въ Бразилію, русскій народъ внялъ въ извѣстной степени голосу своего экономиста и изслѣдователя. Практическое осуществленіе такого измѣненія направленія той русской эмиграціонной струи, которая течетъ къ американскому материку мимо территоріи Соединенныхъ Штатовъ, взялъ на себя «Русскій Народный Союзъ», при содѣйствіи, конечно, и сотрудничествѣ на мѣстѣ самого д-ра Олеськова. Не смотря на совершенную новизну дѣла, нынѣ достигнуты уже огромные результаты. Текущимъ лѣтомъ канадское правительство высылало своего спеціальнаго агента въ Пенсильванію для переговоровъ съ представителями «Русскаго Народнаго Союза», которые закончились весьма успѣшно. Канадское правительство приняло въ отношеніи русской эмиграціи нижеслѣдующія обязательства: 1) Только членамъ «Союза» предоставляются всевозможныя пониженія провозныхъ платъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ какъ канадскихъ, такъ и американскихъ. 2) Въ мѣстностяхъ, предназначенныхъ подъ поселеніе русскихъ людей, никто безъ вѣдома «Союза» поселиться не можетъ. 3) Каждый русскій переселенецъ, высланный «Союзомъ», можетъ перевезти до 200 фунтовъ вещей безплатно. 4) Каждый русскій поселенецъ получаетъ безплатно 160 акровъ земли, которую самъ себѣ можетъ выбрать и черезъ три года получаетъ на нее крѣпостной актъ, дѣлающій его полнымъ безконтрольнымъ ея собственникомъ и распорядителемъ, причемъ, по выборѣ себѣ вышеозначенныхъ 160 акровъ, получаетъ безплатно дерево на постройку. 5) Въ мѣстностяхъ, гдѣ соберется 30 семействъ, отпускается безплатно 160 акровъ земли подъ церковь и для священника. 6) Гдѣ окажется 10 русскихъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, правительство устраиваетъ школу и принимаетъ на себя $^2/_3$ расходовъ на ея содержаніе, лишь $^1/_3$ возлагая на общину. 7) Два делегата «Союза» могутъ во всякое время получить даровой проѣздъ къ мѣстамъ поселенія русскаго народа. Серьезность этихъ льготъ, исхлопоченныхъ «Русскимъ Народнымъ Союзомъ» у канадскаго правительства для своего народа, не требуетъ поясненій. Оказывается между тѣмъ, что партія русскихъ переселенцевъ въ Канаду, выѣхавшая изъ Галиціи весной нынѣшняго года, тотчасъ послѣ Пасхи, благодаря стараніямъ д-ра Олеськова, въ пути пользовалась всевозможными удобствами и облегченіями, имѣя притомъ двухъ проводниковъ, въ Канадѣ же воспользовалась безплатнымъ проѣздомъ по всѣмъ путямъ, что дало ей сбереженіе въ 3.000 гульденовъ. Узнавъ о подобныхъ результатахъ дѣятельности «Союза» въ дѣлѣ русской эмиграціи, предсѣдатель «Соединенія», все еще мечтающій объ открытіи эмиграціоннаго дома, подослалъ своего писца къ одному изъ наиболѣе податливыхъ чле-

новъ «Союза», для склоненія послѣдняго къ совмѣстному дѣйствію въ дѣлѣ устройства эмиграціоннаго дома, которое онъ самъ же своимъ вѣроломствомъ погубилъ. Такъ какъ, однако, истинной цѣлью этой присылки явилось осуществленіе американско-русскимъ кулакомъ чужими трудами и усиліями выгоднаго торговаго предпріятія, которое онъ самъ осуществить не въ состояніи, то его предложенія были отклонены. Можно надѣяться, что народное дѣло столь огромной важности, какъ устройство русскаго эмиграціоннаго дома, будетъ вскорѣ осуществлено, и домъ этотъ возникнетъ, какъ учрежденіе народное, а не торговое заведеніе русско-словацко-мадьярскаго кулака. Органомъ «Русскаго Народнаго Союза» является еженедѣльная газета «Свобода», издаваемая въ Пенсильваніи. Она выходила въ городѣ Шамокинѣ и лишь въ самое послѣднее время перенесена въ сосѣдній городокъ Монтъ-Кармель. «Свобода» не разсылается членамъ «Союза» принудительно, подобно тому какъ «Американскій Русскій Вѣстникъ», а имѣетъ лишь отъ «Союза» незначительное пособіе въ размѣрѣ 360 долларовъ въ годъ, за что члены послѣдняго пользуются правомъ получать газету за половинную плату, и за симъ расходится по добровольной подпискѣ. «Свобода» издается на малорусскомъ литературномъ языкѣ, томъ самомъ, на которомъ происходитъ преподаваніе въ русскихъ народныхъ училищахъ и трехъ русскихъ гимназіяхъ въ Галиціи, читается нѣсколько предметовъ во Львовскомъ университетѣ и ведется вся галицко-русская литература, нынѣ уже достигшая довольно высокаго уровня развитія. Само собою разумѣется, что «Свобода» не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ «Американскимъ Русскимъ Вѣстникомъ».

«Свобода» составляется главнымъ образомъ четырьмя галицко-русскими священниками на началахъ опредѣленнаго раздѣленія труда, за который не получается никакого вознагражденія, и цѣлью ея изданія является просвѣщеніе русскаго народа, его общественное развитіе, поднятіе его до уровня американской образованности и американскаго общественнаго быта, безъ чего немыслимо здѣсь достиженіе не только общаго уваженія, но и матеріальнаго благосостоянія. Фельетоны «Свободы» принадлежатъ обыкновенно перу лучшихъ галицко-русскихъ писателей, каковы д-ръ Иванъ Франко, д-ръ Андрей Чайковскій, Павликъ и др., прочіе же отдѣлы газеты составляются вышеупомянутыми четырьмя постоянными добровольными сотрудниками, пребывающими въ различныхъ мѣстностяхъ на своихъ приходахъ. Въ общемъ содержаніе газеты представляется и дѣйствительно просвѣтительнымъ, и весьма интереснымъ. Статьи, замѣтки и свѣдѣнія по рабочему дѣлу начинаютъ занимать въ «Свободѣ» все болѣе и болѣе мѣста, такъ что въ непродолжительномъ времени она будетъ въ состояніи замѣнить для русскаго народа въ Америкѣ два изданія: газету общую и газету спеціально рабочую. За то же и какая разница между читателемъ «Свободы» и читателемъ «Американ-

скаго Русскаго Вѣстника», или же, выражаясь еще точнѣе, между членомъ «Русскаго Народнаго Союза» и членомъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ»! Въ то время, какъ этотъ послѣдній, отчасти вовсе не понимая чудовищнаго языка «Американскаго Русскаго Вѣстника», являющагося для него единственнымъ источникомъ знанія и просвѣщенія, отчасти не имѣя ровно ничего, что бы можно было почерпнуть изъ нелѣпаго содержанія этой газеты, изъ года въ годъ въ интеллектуальномъ отношеніи все болѣе и болѣе опускается, членъ «Союза» наоборотъ постепенно прогрессируетъ въ культурномъ отношеніи, приближаясь все болѣе и болѣе къ уровню англо-американской общественности. Подавляющее большинство несловацкихъ членовъ «Соединенія» составляютъ угрорусcы, членами же «Союза» въ подавляющемъ большинствѣ являются наоборотъ галицкіе русины. Въ то время, какъ угроруссовъ вообще обозначаетъ англо-американецъ наименованіемъ «hungerian» (гунгеріенъ), полнымъ горделиваго презрѣнія, галицкихъ русиновъ именуетъ онъ наименованіемъ «russian» (рошіанъ), исполненнымъ симпатіи и уваженія. Слово «russian» означаетъ буквально «русскій» и представляетъ общее наименованіе русскаго народа на языкѣ англо-американцевъ, которымъ почти неизвѣстно различіе между великоруссами и малоруссами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наименованіе это подходитъ настолько близко къ исконному наименованію нашего народа, сохраненному малоруссами, т. е. къ слову «русинъ», что въ Пенсильваніи многіе американцы, слышавъ нерѣдко, какъ именуютъ себя по народности галичане, старое англійское слово «russian» (рошіанъ) стараются произносить, какъ «русинъ», относя его, однако, по-прежнему ко всему русскому народу вообще. Хотя подобное лишеніе угроруссовъ представителями болѣе культурныхъ націй самаго имени русскаго народа черезъ присвоеніе имъ презрительной клички «hungerian» можетъ показаться съ перваго взгляда заслуженнымъ и справедливымъ для нихъ наказаніемъ за ихъ некультурность и непросвѣщенность, но такое первое впечатлѣніе совершенно обманчиво и ложно. Одна лишь скорбь глубокая и невыносимая овладѣвала всегда мной при видѣ этого меньшаго брата, униженнаго и оскорбленнаго, утратившаго самое имя нашего великаго народа. И если до подобнаго униженія и оскорбленія довели его еще въ старой, исконной его отчизнѣ потомки азіатскихъ завоевателей, одноплеменныхъ съ тѣми, что грозили когда-то поглотить всю Русь и бóльшую часть славянства, то нынѣ здѣсь на вольной землѣ американской, въ странѣ свободы, равенства и братства, сосутъ изъ него соки, предумышленно держатъ его во тьмѣ невѣжества, не даютъ ему выйти изъ этого униженія и оскорбленія его же собственные братья, вышедшіе изъ его среды, вскормленные его потомъ и кровью, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, своекорыстіемъ и жадностью подвигаемые на страшное братоубійственное дѣло.

Однако, объективность изслѣдователя и справедливость вынуждаютъ насъ отмѣтить здѣсь, что въ послѣднее время среди нѣкоторой части угрорусскихъ священниковъ, входящихъ въ составъ «Соединенія», стало проявляться глухое и пока скрытое неудовольствіе какъ положеніемъ организаціи, такъ и ея дѣятельностью. Главнымъ выразителемъ этого неудовольствія явился даже одинъ изъ чиновниковъ «Соединенія», двукратно избранный секретаремъ его — отецъ Корнилій Лавришинъ, дерзнувшій нѣсколько разъ даже болѣе или менѣе открыто выступить противъ царствующихъ въ немъ порядковъ, плутней, обмановъ и интригъ. Хотя подобное проявленіе сознанія своего долга предъ народомъ среди единственной интеллигенціи, входящей въ составъ «Соединенія», и можетъ привести къ улучшенію его дѣятельности, тѣмъ не менѣе, однако, коренного исцѣленія этой организаціи оно принести не можетъ, ибо въ самой основѣ ея лежитъ отчасти заблужденіе, отчасти прямой обманъ. Въ сущности «Соединеніе» представляется учрежденіемъ страхованія на случай смерти. Всякое учрежденіе можетъ быть либо учрежденіемъ чисто коммерческимъ, либо же нѣкоторой вѣтвью учрежденія народнаго. Конечно, учрежденіе чисто коммерческое должно принимать на страхъ всѣхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Учрежденіе народное, взявшее на себя между прочими своими функціями также и операцію страхованія на случай смерти, помимо того, что должно быть учрежденіемъ дѣйствительно народнымъ и объединять собой лицъ одной опредѣленной національности, должно главнѣйшимъ образомъ сообразовать балансъ своихъ страховыхъ операцій съ балансами прочихъ своихъ отдѣловъ и успѣшность и цѣлесообразность страхованія съ успѣшностью и цѣлесообразностью задачъ, выполняемыхъ этими другими его отдѣлами. Если дѣло страхованія ведется даже и вполнѣ удовлетворительно, но другіе отдѣлы этого народнаго учрежденія не выполняютъ своихъ задачъ и предназначенныя на нихъ средства тратятъ зря или даже только непроизводительно, то подобныя напрасныя траты, если бы даже онѣ производились и добросовѣстно, т. е. изъ убѣжденія въ ихъ полезности, представляются въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ произвольнымъ, замаскированнымъ повышеніемъ страховыхъ платежей, уплачиваемыхъ участниками страхованія. Подобное зло замаскированнаго взиманія чрезмѣрныхъ платежей по страхованію становится въ особенности вредоноснымъ для народа, если для его сокрытія отъ послѣдняго употребляются средства, направленныя къ поддержанію темноты и оглупленію этого народа вообще. Фактъ существованія «Соединенія» и притомъ на вольной землѣ американской, гдѣ каждый можетъ трудиться безпрепятственно на благо своего народа, служитъ живымъ укоромъ великому народу русскому и ложится пятномъ на небезславномъ его имени. Предъ этимъ позорнымъ фактомъ должны умолкнуть всѣ внутренне-племенные споры,

перенесенные на почву американскую изъ стараго свѣта: о великорусизмѣ и малорусизмѣ, объ извѣстной самостоятельности малорусской школы и литературы, о православіи и уніи и все, что только есть на землѣ американской русскаго, дорожащаго благомъ и честью своего народа, все это безъ различія племенныхъ оттѣнковъ, вѣроисповѣданій и нарѣчій должно соединиться въ одно дружное усиліе, чтобы положить конецъ существованію подобнаго учрежденія, именемъ русскаго народа прикрывающаго грубую эксплоатацію и удержаніе во тьмѣ невѣжества самыхъ обездоленныхъ его братій. «Соединеніе» должно быть разбито, и словацкая его часть должна быть предоставлена своему народу въ лицѣ его народныхъ учрежденій, а русская, спасенная отъ преступнаго сообщества эксплоататоровъ и отемнителей, войти въ составъ русскихъ народныхъ учрежденій, существующихъ или же могущихъ впредь возникнуть.

Общія годовыя собранія или такъ называемыя «конвенціи» какъ «Русскаго народнаго союза», такъ и «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», поскольку это послѣднее представляется русскимъ учрежденіемъ, являются наивысшимъ и наиважнѣйшимъ выраженіемъ общественнаго бытія русскаго народа въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. «Соединеніе» имѣло до сихъ поръ четыре конвенціи: въ 1893, 1894, 1895 и 1896 годахъ, а «Союзъ»—три: въ 1894, 1895 и 1896 годахъ. Если такимъ образомъ «Соединеніе», существующее четыре года, имѣло естественно четыре годовыхъ общихъ собранія, а «Союзъ», существуя два года, имѣлъ ихъ цѣлыхъ три, то это потому, что первая его конвенція состоялась вслѣдъ за его основаніемъ и была въ дѣйствительнсти общимъ собраніемъ учредителей. Наиболѣе достопримѣчательными и заслуживающими вниманія представляются первая, а отчасти вторая и послѣдняя конвенціи «Соединенія» и послѣдняя, т. е. третья, конвенція «Союза», въ особенности же первая конвенція «Соединенія». Помимо того, что это было первое на американской почвѣ общее собраніе организаціи, имѣющей видъ русской и носящей русское имя, на ней поставленъ былъ на разрѣшеніе вопросъ объ исключеніи изъ «Соединенія» части вилькcъ-бэррскаго русскаго уніатскаго прихода и братства, принявшей православіе. Вопреки всякимъ ожиданіямъ заправилъ «Соединенія» противъ этого предложенія поднялись энергическіе протесты. Вполнѣ солидные доводы противъ подобнаго исключенія были представлены болѣе или менѣе интеллигентными галичанами г.г. Свалой и Пырчемъ, послѣ которыхъ выступилъ съ обстоятельной рѣчью недавно лишь прибывшій въ Америку галицко-русскій священникъ Константкевичъ. Онъ указалъ и доказалъ, что основой учрежденія «Соединенія» должна быть русская народность безъ всякаго отношенія къ вѣроисповѣданіямъ, и затѣмъ поставилъ на видъ управленію «Соединенія», добивавшемуся этого исключенія, что оно, настаивая исключительно на греко-католическомъ характерѣ этой орга-

низаціи, опредѣленномъ ея уставомъ, который во всякое время можетъ быть измѣненъ, имѣетъ, однако, не только въ средѣ организаціи, но даже и въ средѣ самаго ея управленія кальвиниста, потому только, что онъ—землякъ, пріятель и собутыльникъ заправилъ «Соединенія», что оказалось важнѣе устава, для него и ради него нарушеннаго. Рѣчь эта, энергическая, убѣдительная и краснорѣчивая, произвела на все собраніе огромное впечатлѣніе. Хотя протесты противъ настояній управленія «Соединенія» объ исключеніи возсоединившихся вилькесъ-бэррскихъ уніатовъ заявлены были исключительно галичанами, тѣмъ не менѣе и среди угорскихъ русиновъ и даже словаковъ началось глухое броженіе, направленное противъ этихъ настояній. По окончаніи о. Константкевичемъ его рѣчи, заправилы «Соединенія» повскакали со своихъ мѣстъ, сыпля возраженіями и перебивая другъ друга: безпорядочные споры начались среди всего собранія; поднялся необыкновенный шумъ; предсѣдатель конвенціи поспѣшилъ закрыть ее и объявилъ перерывъ. Перерывомъ этимъ воспользовались заправилы «Соединенія», чтобы поддавшихся доводамъ о. Константкевича склонить снова на сторону своего предложенія. По открытіи засѣданія вопросъ объ исключеніи вилькесъ-бэррцевъ пущенъ былъ на голосованіе, и значительное большинство оказалось за предложеніе управленія, почему эти возсоединившіеся и были исключены. Однако отголоски дебатовъ, происшедшихъ на первой конвенціи «Соединенія», нескоро еще смолкли. Нѣкоторые оппозиціонные делегаты, недовольные какъ состоявшимся рѣшеніемъ о вилькесъ-бэррцахъ, такъ въ особенности безпорядочнымъ состояніемъ финансовъ «Соединенія», издали на словацкомъ языкѣ два циркуляра къ братствамъ, входящимъ въ составъ этой русско-словацкой организаціи, въ которыхъ указывали на печальное положеніе дѣлъ ея и призывали братства потребовать назначенія особой комиссіи для провѣрки счетовъ. Циркуляры эти заинтересовали братства, а нѣкоторыя даже взволновали, но священникамъ и заправиламъ «Соединенія» удалось въ концѣ концовъ различными средствами успокоить народъ и требованія оппозиціи свести къ нулю. Вторая конвенція «Соединенія», состоявшаяся въ 1894 году, заслуживаетъ быть отмѣченной лишь въ томъ отношеніи, что на ней обнаружилось полнѣйшее разстройство дѣлъ организаціи. Какъ разъ предъ тѣмъ основанъ былъ «Русскій Народный Союзъ», и многія братства, выйдя изъ «Соединенія», вошли въ составъ этой новой русской народной организаціи, другія же, не переставая принадлежать къ нему, вовсе прекратили платежи. «Соединеніе» готово уже было прекратить свое существованіе, но въ концѣ концовъ вторая его конвенція рѣшила испробовать еще продержаться нѣкоторое время. Избранный на ней секретаремъ организаціи священникъ Лавришинъ, пробывъ въ этой должности два года, своимъ трудомъ и стараніями немало спобствовалъ тому, что организація оправилась и поднялась. Тѣмъ

не менѣе, однако, финансовая сторона этой греко-католической русско-словацкой организаціи представляется еще болѣе слабой, нежели ея стороны принципіальная и народная. Финансы «Соединенія» съ самаго его возникновенія заключають въ себѣ немало недочетовъ и злоупотребленій, плохо даже замаскированныхъ, въ особенности по части веденія газеты и типографіи, являющихся на бумагѣ собственностью организаціи. Четвертая и до сихъ поръ послѣдняя конвенція «Соединенія» происходила 26—28 мая сего года въ Нью-Іоркѣ. На нее явилось 15 священниковъ и 57 делегатовъ отъ братствъ, входящихъ въ составъ «Соединенія». Замѣчательно, что оживленнѣйшіе и продолжительнѣйшіе дебаты вызвали такой вопросъ, какъ о формѣ такъ называемаго трираменнаго креста, принятаго греко-католической или уніатской церковью. Засѣданія конвенціи происходили въ обширной и элегантно убранной залѣ Café Boulevard. На одномъ изъ оконъ красовался среднихъ размѣровъ мадьярскій флагъ, но одинъ изъ делегатовъ въ первый же день конвенціи на глазахъ у всѣхъ снялъ его и, сложивъ, бросилъ въ уголъ. Вскорѣ затѣмъ поднялись голоса противъ употребленія мадьярскаго языка въ перепискѣ братствъ съ управленіемъ «Соединенія», но послѣ жаркихъ дебатовъ какъ мадьярскій языкъ, такъ и форма трираменнаго креста оставлены попрежнему. Предложеніе предсѣдателя надзирательной комиссіи, являющагося въ сущности по рангу первымъ должностнымъ лицомъ «Соединенія», о сліяніи этого послѣдняго со словацкой «Katolicka Iednota», какъ мы упоминали уже, было отвергнуто. 28 мая совѣщанія конвенціи закончились, и, какъ водится, собравшіеся засѣли за обѣдъ. Послѣ многочисленныхъ изліяній и тостовъ въ честь предсѣдательствовавшаго на конвенціи священника Ханата, старыхъ должностныхъ лицъ, новоизбранныхъ и всѣхъ делегатовъ загремѣла извѣстная угрорусская патріотическая пѣсня:

Подкарпатскіи русины,
Оставьте глубокій сонъ!...

Хотя пѣсня эта въ связи со снятіемъ мадьярскаго знамени съ окна и протестомъ противъ употребленія мадьярскаго языка въ перепискѣ «Соединенія» и свидѣтельствуетъ какъ будто о пробужденіи въ угроруссахъ національнаго самосознанія въ широкомъ смыслѣ слова и поднятіи въ нихъ духа народнаго, тѣмъ не менѣе, однако, преобладающимъ языкомъ внѣ офиціальныхъ засѣданій конвенціи былъ языкъ словацкій, а не русскій. Требованіе воспрещенія употребленія мадьярскаго языка и удаленіе венгерскаго знамени можетъ быть признано настолько же выраженіемъ духа словацкаго и даже славянскаго вообще, насколько и русскаго, тѣмъ болѣе, что въ интимныхъ бесѣдахъ участниковъ конвенціи преобладала словацкая рѣчь. Русская народно-патріотическая пѣсня, заключившая собраніе, объясняется естественно принадлежностью священниковъ и наиболѣе интеллигентныхъ изъ делегатовъ къ угрорусской народности и тѣмъ

сочувствіемъ, также совершенно естественнымъ, какимъ пользуется все русское вообще среди родственнаго намъ словацкаго племени. Тѣмъ не менѣе, однако, факты эти не измѣняютъ истинной сущности «Соединенія», какъ учрежденія, во-первыхъ, далеко не русскаго и преимущественно словацкаго и, во-вторыхъ, что самое важное, учрежденія, построеннаго на ложныхъ основаніяхъ и для народа вреднаго. Коренная реформа этой спеціально уніатской русско-словацкой организаціи, равносильная совершенному ея уничтоженію въ ея нынѣшнемъ видѣ, представляется настоятельно необходимой и составляетъ неотложный долгъ русской интеллигенціи въ Америкѣ предъ Русью и даже цѣлымъ славянствомъ.

VII.

При совершенно иной обстановкѣ состоялась годовая конвенція «Русскаго Народнаго Союза». Ко второму іюня сего года съѣхалось въ небольшой провинціальный городокъ Пенсильваніи, Монтъ-Кармель, 5 галицко-русскихъ священниковъ и 28 членовъ «Союза», какъ высланныхъ на годовое общее собраніе организаціи русскими общинами отдѣльныхъ городовъ, городковъ и поселеній, такъ и прибывшихъ на это собраніе по собственному желанію. Здѣсь представляется необходимымъ отмѣтить то существенное отличіе «Союза» отъ «Соединенія», что въ то время, какъ это послѣднее слагается исключительно изъ братствъ, и потому конвенціи его составляются изъ делегатовъ отъ этихъ братствъ и священниковъ, «Союзъ» слагается, наоборотъ, изъ отдѣльныхъ членовъ, и конвенціи его составляются изъ священниковъ, делегатовъ русскихъ общинъ отдѣльныхъ мѣстностей, буде какая либо изъ нихъ пожелаетъ избрать себѣ таковыхъ, и членовъ, по собственному желанію прибывшихъ изъ мѣстностей, не избиравшихъ делегатовъ въ годовое общее собраніе. Не въ залѣ бойкаго café, соотвѣтственнымъ образомъ разукрашенномъ и снабженномъ даже мадьярскимъ флагомъ, собралась конвенція «Русскаго Народнаго Союза», а въ болѣе чѣмъ скромномъ верхнемъ отдѣленіи самаго зауряднаго мебельнаго магазина. Все здѣсь было просто и ничѣмъ не прикрашено. Въ глубинѣ обширной, почти пустой комнаты, у задней ея стѣны, стояли три простыхъ деревянныхъ стола, ничѣмъ не украшенныхъ и не покрытыхъ, а впереди нихъ—нѣсколько рядовъ стульевъ. Столы предназначались для предсѣдателя конвенціи, ея двухъ секретарей и секретаря «Союза», стулья же, само собою разумѣется, для членовъ этого общаго собранія. Предсѣдателемъ избранъ былъ ветеранъ американской Руси, священникъ Одушкевичъ, основатель «Соединенія», въ послѣднее время изъ него вышедшій и не участвовавшій въ его конвенціи въ Нью-Іоркѣ. По приглашенію предсѣдателя одинъ изъ секретарей «Со-

юза» приступилъ къ чтенію годоваго отчета, которому предшествовала довольно краснорѣчивая рѣчь. Такъ какъ эта секретарская рѣчь, произнесенная однимъ изъ галицко-русскихъ священниковъ, являвшимся секретаремъ «Союза» и главнымъ изъ сотрудниковъ его органа «Свободы, о. Дмитровымъ, характеризуетъ въ значительной степени современное положеніе американской Руси, то мы считаемъ не лишнимъ привести ее здѣсь цѣликомъ, въ переводѣ съ малорусскаго литературнаго языка, что, при ея краткости, представляется возможнымъ безъ нагроможденія въ этомъ трудѣ нашемъ, разсчитанномъ на опредѣленное мѣсто, излишняго матеріала. «Годовое общее собраніе,—высказалъ о. Дмитровъ,—представляется весьма важнымъ моментомъ въ жизни каждаго сообщества, а въ особенности важно оно въ жизни русской народной организаціи здѣсь, въ Америкѣ. Послѣ долгаго блужданія и продолжительныхъ бродяжескихъ слоняній по обществамъ словацкимъ и польскимъ, поняли патріоты наши два года тому назадъ, что намъ необходимо въ родной своей хатѣ искать правды и просвѣщенія и собственнымъ своимъ грошемъ помогать себѣ. На этихъ именно основахъ возникло русское народное общество «Союзъ». Основами для созданія его были и суть: справедливость, просвѣщеніе и матеріальная помощь. Справедливость и точность въ хозяйничаньи общественными средствами, просвѣщеніе на родномъ языкѣ на землѣ американской съ помощью газетъ и книгъ, матеріальная помощь, какъ отдѣльнымъ членамъ, такъ и просвѣтительно-экономическимъ учрежденіямъ—вотъ тѣ корни, на которыхъ разростается наше общество, вотъ тѣ основы, на которыхъ подвигается постройкой нашъ народный домъ. Прежде чѣмъ представить отчетъ, какъ далеко подвинулась постройка, въ особенности за минувшій отчетный годъ, хочу присмотрѣться вмѣстѣ съ вами къ матеріалу, изъ котораго нашъ домъ строится. Этотъ матеріалъ, какъ и во всякомъ обществѣ, составляется изъ двухъ элементовъ, каковы интеллигенція и народъ. Между этими двумя классами представляется то единственное различіе, что интеллигенція обладаетъ высшимъ образованіемъ, а народъ, т. е. массы нашихъ людей, или обладаютъ маленькимъ образованіемъ, или же не обладаютъ никакимъ, а этихъ послѣднихъ у насъ, къ сожалѣнію, очень много. Иной разницы между интеллигенціей и народомъ у насъ тутъ нѣтъ, да и слава Богу, что нѣтъ. Свѣтской интеллигенціи у насъ въ Америкѣ нѣтъ, а если и есть нѣсколько единицъ, то онѣ сгинули въ морѣ жизни американской. А между тѣмъ большой вредъ происходитъ для насъ отъ того, что мы не имѣемъ до сихъ поръ свѣтской интеллигенціи, интеллигенціи, конечно, въ полномъ значеніи этого слова. Всѣ тѣ обязанности, какія лежатъ на интеллигенціи по отношенію къ народу, упадаютъ у насъ на священниковъ. Ихъ такъ мало, а работы такъ много! Народъ нашъ, отъ природы способный, не принесши съ собой изъ не-

счастной Галичины и еще болѣе несчастной Угорщины необходимыхъ культурныхъ основъ, прогрессируетъ постепенно, медленно, но все-таки прогрессируетъ. Побольше свѣта, побольше просвѣщенія, ему доступнаго, и прогрессъ его въ непродолжительномъ времени окажется громаднымъ. Необходимо отмѣтить здѣсь весьма важное явленіе: у насъ выработывается своя народная, коренная интеллигенція. Лемко самъ, безъ всякаго руководства, сдѣлался и культурнымъ человѣкомъ и матеріальнымъ паномъ. Всѣмъ тѣмъ, что вы нынѣ имѣете, братья, вы обязаны исключительно себѣ самимъ. Здѣсь оправдывается положеніе: народъ лишь самъ себѣ можетъ помочь. Правда, не великъ еще процентъ этихъ нашихъ культурныхъ людей въ Америкѣ, но процентъ этотъ долженъ постепенно увеличиваться. Изъ такого именно матеріала создаемъ мы наше общество, которое въ послѣднемъ отчетномъ году ознаменовало существованіе свое нижеслѣдующей дѣятельностью».

По прочтеніи отчета приступлено было къ разсмотрѣнію представленій управленія «Союза». Между тѣмъ съ разныхъ концовъ штатовъ Нью-Іоркъ, Ньюджерси и Пенсильваніи подосяѣли привѣтственныя телеграммы, между которыми имѣлись довольно характеристичныя, какъ, напримѣръ, нижеслѣдующія: «Elmira.New-York. Слава и честь вамъ, борцамъ за святую Русь! Мы духомъ съ вами», или же: «Olyphant Pensylvania. Най увите и процвитає «Союзъ» на славу Руси». Представленія управленія относились къ различнымъ перемѣнамъ въ уставѣ «Союза», обсужденіе и принятіе которыхъ затянулось до позднего вечера, вслѣдствіе чего предположенная лекція «О колонизаціи» не могла состояться. Такимъ образомъ конвенція «Союза», въ которой богослуженіе и праздныя словоизліянія не занимали такого мѣста, какъ на конвенціи «Соединенія», закончилась въ одинъ день. Въ полдень и вечеромъ, по окончаніи конвенціи, участники ея собрались къ обѣду и ужину въ домъ мѣстнаго священника, отца Дмитрова, въ тотъ же день сложившаго свое секретарство въ «Союзѣ» за истеченіемъ выборнаго срока. Какъ обѣдъ, такъ и ужинъ закончились русской народной пѣсней, которая продолжалась до поздней ночи. Оказалось, что и угорскіе русины достаточно знакомы съ чудными и несравнимыми мотивами малорусской народной пѣсни какъ украинскими, такъ и галицко-русскими, ибо ихъ народные мотивы представляютъ лишь легкія варіаціи первыхъ. «Ой бувъ той поіихавъ, мене покинувъ», эта граціозная элегія покинутой возлюбленной, величественная въ своей простотѣ и неисчерпаемая по своей глубинѣ, смѣнилась торжественно печальнымъ и величаво скорбнымъ погребальнымъ гимномъ малорусскаго казачества: «Ой, не гораздъ запорожци», а тамъ пошла пѣсня за пѣсней, соперничая другъ съ другомъ по глубинѣ чувства, возвышенности идей, несравненной прелести и изяществу мотивовъ. Домъ священническій, въ которомъ происходили обѣденное и вечернее собранія участниковъ конвенціи

«Русскаго Народнаго Союза», находится на самомъ краю городка Монтъ-Кармель, подъ горой, одной изъ тѣхъ черныхъ насыпныхъ каменноугольныхъ горъ, которыя чередуются по всей Пенсильваніи съ прелестной зеленью ея живописныхъ холмовъ. Полная луна взошла изъ-за этой беспорядочной груды чернаго бриліянта, искрясь, переливаясь и играя въ его блестящей поверхности, и съ лазурной высоты американскихъ небесъ глядѣла въ раскрытыя окна, изъ которыхъ неслись эти дивные и неподражаемые звуки малорусской пѣсни. Кто могъ подумать двадцать лѣтъ тому назадъ, что русская пѣсня, эта чудная поэзія вызвышенной души русскаго народа, своими дивными трелями, своими нѣжными переливами, своей чудодѣйственной гармоніей будетъ разливаться по землѣ американской и улетать къ американскимъ небесамъ? Грустно серьезны и восторженно сосредоточенны были всѣ участники собранія, точно пригвожденные къ своимъ мѣстамъ какимъ-то наитіемъ свыше: надъ ними витала русская пѣсня, и въ ея чудной гармоніи носился надъ этой Русью, собранной на землѣ дальней Америки, великій и мощный духъ великаго и безсмертнаго русскаго народа. Не было здѣсь ни парадныхъ формъ, ни бьющихъ въ глаза внѣшнихъ украшеній, на которыя такъ тароваты всѣ американскія организаціи и въ томъ числѣ русско-словацкое «Соединеніе». Лишь въ петлицахъ сюртуковъ всѣхъ этихъ лицъ, одѣтыхъ въ партикулярное платье, виднѣлся небольшой чрезвычайно изящный значокъ. Представьте себѣ маленькій, воздушный, такъ сказать, бантъ изъ двухъ узкихъ лентъ золотисто-палеваго и свѣтлосиняго цвѣтовъ, на мѣстѣ узла перехваченный круглой пряжкой изъ золоченныхъ блестокъ съ краснымъ глазкомъ, по обоимъ концамъ котораго выбиты золотомъ три русскихъ буквы большаго формата въ нѣсколько готическомъ стилѣ: «Р. Н. С.». Цвѣта эти—цвѣта Червонной Руси, признанные въ Галиціи русскими національными цвѣтами, а три буквы эти, какъ каждый легко догадается, означаютъ «Русской Народной Союзъ». Почти до зари просидѣли собравшіеся, охваченные этимъ незримымъ дѣйствіемъ наитія духа народнаго, въ эту ночь въ этомъ домѣ на нихъ нисшедшаго, и день этотъ запечатлѣлся навсегда въ ихъ памяти.

Но не слѣдуетъ забывать, однако, что огромнѣйшее большинство русскаго народа въ Америкѣ остается еще пока внѣ народныхъ организацій. Если «Соединеніе», по скольку его можно считать учрежденіемъ русскимъ, заключаетъ въ себѣ около 2.000 членовъ русской народности (при 4.000 всего. ихъ числа), а «Русскій Народный Союзъ» совмѣщаетъ въ себѣ около 1.000 членовъ, то слѣдовательно изъ 200.000 слишкомъ человѣкъ американской Руси. выселившейся изъ Австро-Венгріи, всего лишь около 3.000 принадлежатъ къ народнымъ организаціямъ, а приблизительно 197.000 остается внѣ таковыхъ. «Соединеніе греко-католическихъ русскихъ братствъ» существуетъ и дѣйствуетъ всего лишь четыре года, «Русскій На-

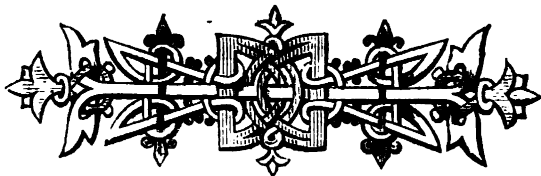
родный Союзъ» существуетъ и дѣйствуетъ всего лишь два года, а подавляющее большинство русскаго народа въ Америкѣ остается пока внѣ всякихъ организацій. Между тѣмъ, быть внѣ какихъ бы то ни было организацій значитъ въ Америкѣ весьма много, и подобное небытіе не только отражается самымъ пагубнымъ образомъ на современномъ положеніи русскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ, но и угрожаетъ наисерьезнѣйшимъ образомъ всей его будущности въ этомъ новомъ его отечествѣ. Переселяются сюда наибѣднѣйшіе и наименѣе культурные слои галицкой и угорской Руси, ольшая часть которыхъ не умѣетъ ни читать, ни писать даже на своемъ родномъ языкѣ. Хотя только что (въ маѣ сего года) утвержденный вашингтонскимъ конгрессомъ законъ о недопущеніи на территорію Соединенныхъ Штатовъ лицъ, не умѣющихъ ни читать, ни писать, на какомъ бы то ни было языкѣ, долженъ пріостановить наплывъ сюда неграмотныхъ людей всѣхъ народностей. среди которыхъ, къ униженію нашему, славянскія народности и въ частности Русь занимаютъ первенствующее мѣсто, тѣмъ не менѣе однако эта принудительная, такъ сказать, и обязательная грамотность будетъ прибывать сюда съ отпрысками русскаго народа лишь въ будущемъ, нынѣ же относительная степень элементарнаго образованія русскихъ иммигрантовъ представляется такой же, конечно, какой является она въ Галичинѣ и на Угорщинѣ, гдѣ среди русскаго народа неграмотные составляютъ 75%. Съ подобнымъ уровнемъ образованія прибывъ въ Соединенные Штаты изъ Австро-Венгріи, русскій народъ естественно ассимилируется здѣсь крайне медленно съ преобладающей англо-американской культурой и цивилизаціей, которыя открываютъ ему изобильные и надлежащіе источники знаній и просвѣщенія. Минуемъ пока совсѣмъ чрезвычайно важный какъ въ общественномъ, такъ и въ государственномъ отношеніи вопросъ о цѣлесообразности, необходимости и неизбѣжности потери національности на почвѣ Соединенныхъ Штатовъ вообще, о неизбѣжности подобной ассимиляціи и предположимъ даже, что такая ассимиляція съ народностью англо-американской дѣйствительно неизбѣжна. Если бы даже это было и такъ, то во всякомъ случаѣ, пока ассимиляція эта наступитъ, новоприбывающіе элементы Руси нуждаются въ просвѣщеніи на родномъ своемъ языкѣ и въ организаціи на основахъ своей народности. Если бы даже молодое поколѣніе русскаго народа, въ теченіе двадцатилѣтія русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи народившееся въ Соединенныхъ Штатахъ, и обречено было на неизбѣжную денаціонализацію и безслѣдное раствореніе въ морѣ народности англо-американской; если бы даже русскія дѣти, въ болѣе или менѣе раннемъ возростѣ привезенныя сюда, подлежали бы такъ же подобной неминуемой ассимиляціи, то во всякомъ случаѣ русскіе эмигранты, прибывающіе на территорію штатовъ въ совершеннолѣтнемъ возростѣ, возростѣ близкомъ къ

совершеннолѣтію и возростѣ зрѣломъ, по естественнымъ законамъ человѣческой культуры и цивилизаціи не могутъ въ теченіе оставшихся имъ еще періодовъ ихъ жизни ассимилироваться съ преобладающей американской національностью. Изъ такой физической невозможности проистекаютъ весьма важныя послѣдствія общественно-народнаго характера. Не только въ видахъ общаго подъема умственной и нравственной личности русскихъ уроженцевъ Галиціи и Угорщины, совершенно необходимаго для ихъ приспособленія къ новой общественной средѣ и новымъ общественнымъ условіямъ, но и тѣмъ болѣе еще въ видахъ чисто практическихъ, видахъ избранія соотвѣтственнаго трудоваго поприща и пріисканія на этомъ послѣднемъ подходящаго труда, знанія и пониманія государственно-общественнаго и экономическаго строя страны и требованій, ими предъявляемыхъ къ отдѣльнымъ трудовымъ единицамъ, знанія и пониманія общаго движенія жизни общественной и экономической и измѣненій, въ нихъ происходящихъ, знакомства съ распредѣленіемъ труда и соотношеніемъ отдѣльныхъ отраслей производства и т. д. требуется основаніе соотвѣтственныхъ народнопросвѣтительныхъ учрежденій и въ особенности изданіе соотвѣтственныхъ русскихъ газетъ и брошюръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой странѣ самодѣятельности и самопомощи необходимы русскому народу, тотчасъ по прибытіи его на почву Новаго Свѣта, народныя вспомогательныя учрежденія, которыя по крайней мѣрѣ хотя бы въ случаяхъ особыхъ несчастій и непредвидимыхъ бѣдствій приходили на помощь русскому рабочему и его семейству. Такимъ образомъ объединеніе въ учрежденіи народномъ дѣятельности просвѣтительной и вспомогательной представляется на американской почвѣ по самому существу дѣла вполнѣ естественнымъ и до извѣстной степени неизбѣжнымъ. Оно вызвано практическими требованіями дѣйствительной жизни, одновременностью и настоятельностью спроса со стороны массъ народныхъ на просвѣщеніе и матеріальную поддержку, наступающаго съ самаго момента ихъ вступленія на свободную землю Новаго Свѣта. Въ сущности обоимъ спросамъ этимъ предшествуетъ спросъ на пріютъ, руководительство, указаніе пути и т. д., тотъ именно спросъ, который удовлетворяется учрежденіемъ народнаго эмиграціоннаго дома, являющагося такимъ образомъ однимъ изъ развѣтвленій учрежденія народнаго, совмѣщающаго въ себѣ функціи просвѣтительную и вспомогательную. Само собою разумѣется, что «Соединеніе греко-католическихъ русскихъ братствъ», поскольку оно можетъ быть признаваемо русскимъ народнымъ учрежденіемъ, будучи низведено со степени такого учрежденія на степень издательско-страховаго предпріятія, отданнаго на откупъ частному лицу, совершенно не удовлетворяетъ задачамъ подобнаго учрежденія и, разыгрывая лишь видимость просвѣщенія и обезпеченія русскаго народа, представляется въ сущности учрежденіемъ самой безцеремонной эксплоатаціи

этого послѣдняго. Такимъ образомъ удовлетвореніе вышеизложенныхъ неотложныхъ потребностей русскаго народа сосредоточивается пока нынѣ лишь въ «Русскомъ Народномъ Союзѣ». Если «Соединеніе» имѣетъ нынѣ вдвое болѣе русскихъ членовъ, нежели «Союзъ», то объясняется это не тѣмъ лишь, что оно существуетъ четыре года, въ то время какъ этотъ послѣдній существуетъ только два, но и тѣмъ еще такъ же, что въ то время, какъ «Союзъ» все дальнѣйшее развитіе и преуспѣяніе свое обосновалъ единственно на сознаніи русскимъ народомъ въ Америкѣ собственныхъ своихъ интересовъ и для вербованія новыхъ членовъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ рекламамъ и вообще нечестнымъ средствамъ, «Соединеніе» для такого завербованія въ средствахъ не стѣсняется. Представляется такимъ образомъ совершенно очевиднымъ, что организація американской Руси, главнѣйшимъ образомъ и даже почти исключительно сосредоточенной въ славянскомъ штатѣ Пенсильваніи, находится пока въ неудовлетворительнымъ состояніи. Американская Русь ждетъ еще своихъ организаторовъ. Откуда и когда явятся они— объ этомъ можно было бы построить разныя предположенія, но такъ какъ задачей этого скромнаго труда нашего является лишь изображеніе фактическаго положенія вещей въ главнѣйшей вѣтви американскаго славянства, то отъ предположеній этихъ мы совершенно воздерживаемся.

Графъ Лелива (Е. Н. Матросовъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЮРЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1].

VIA DOLOROSA.

(Этапъ).

I.

Прощаніе съ смотрителемъ тюремнаго замка.—Неожиданная аттестація.—«Смотрѣть въ оба!».—Строжайшій обыскъ.—Дворянское отдѣленіе.—Неравный судъ.—Съ одного вола двѣ шкуры.—Кандалы.—Привилегія денегъ.

ЕРЕДЪ отправкой въ пересыльную тюрьму, меня вызвали въ контору, гдѣ обо мнѣ написана была бумага, въ которой, между прочимъ, сказано было, что такой-то, во все время содержанія въ замкѣ, былъ отличнаго поведенія и «заслуживалъ уваженія». Такая аттестація будто имѣла большое значеніе для непривилегированнаго арестанта, при строгомъ режимѣ въ пересыльной тюрьмѣ. Писарь показалъ мнѣ эту бумагу. Я остался очень доволенъ рекомендаціею. Смотритель подписалъ бумагу, не читая, и ее уже запечатали въ конвертъ. Онъ все вертѣлся около меня, съ сахарной улыбочкой на жирныхъ губахъ, посматривая на мои руки и ожидая послѣдней подачки, но я рѣшился на этотъ разъ ничего ему не давать, во-первыхъ, потому, что наканунѣ, по случаю его именинъ, я его «поздравилъ» суще-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 555.

ственнымъ приношеніемъ, — во-вторыхъ, что избавился, наконецъ, отъ его опеки и покровительства.

Убѣдившись, что ничего ему больше отъ меня не перепадетъ, смотритель мигомъ перемѣнился ко мнѣ; лицо его приняло угрюмое выраженіе, пріемы стали порывисты и сердиты. Игра эта меня очень забавляла. Мнѣ не жаль было нѣсколькихъ лишнихъ рублей, но какой-то глухой протестъ противъ его самодурства, противъ его безсердечнаго отношенія къ несчастнымъ арестантамъ, не имѣвшимъ возможности платить ему дань, побудилъ меня разстаться съ нимъ враждебно. Его прощальные поцѣлуи и желанія «всего лучшаго» были бы мнѣ противны. Я не хотѣлъ оставить въ немъ хорошаго воспоминанія о себѣ...

Впослѣдствіи я довольно дорого поплатился за мое вольнодумство.

Между тѣмъ, явился конвой, который долженъ былъ сопровождать меня въ пересыльную тюрьму. Тутъ же оказался и караульный офицеръ. Когда привели пролетку, смотритель подошелъ къ офицеру и что-то шепнулъ ему на ухо. Я догадался, что рѣчь шла обо мнѣ. Офицеръ вдругъ грозно посмотрѣлъ на меня, и когда я сѣлъ на извозчика, онъ отобралъ у него нумеръ, передалъ конвойному солдату и громко приказалъ «смотрѣть въ оба», ни на шагъ не отставать отъ пролетки.

Оказалось, что смотритель выдалъ меня за важнаго преступника, который намѣренъ бѣжать изъ-подъ стражи. Такимъ образомъ, въ послѣдній мигъ нашей двухлѣтней «дружбы», смотритель забылъ всѣ маленькія «одолженія», которыя я ему постоянно оказывалъ, и, вопреки своей же аттестаціи, наклепалъ на меня такую небывальщину. И при всемъ томъ онъ со мною «дружески» попрощался и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Ворота тюремнаго замка, наконецъ, закрылись за мною. Конвоировавшіе меня солдаты строго исполняли приказанія начальства; они приказали извозчику слѣдовать самымъ медленнымъ шагомъ, а сами шли неотступно отъ пролетки, не спуская ни на минуту съ меня глазъ. Путешествіе продолжалось около двухъ часовъ, чему я былъ очень радъ, такъ какъ давно не былъ за тюремной стѣной, и кипучая уличная жизнь меня чрезвычайно занимала.

Мы, наконецъ, прибыли къ цѣли нашего путешествія. Пролетку пропустили въ первый дворъ пересыльной тюрьмы; подлежащее начальство росписалось въ «полученіи» меня и отпустило солдатъ. Меня предупредили въ тюремномъ замкѣ, что въ пересыльной тюрьмѣ бываетъ «строжайшій обыскъ» вновь прибывшихъ. Такъ какъ я не пью и не курю, то у меня ничего запретнаго не было, но я опасался за судьбу имѣвшихся у меня разныхъ рукописей и не желалъ, чтобы ихъ отобрали или рылись въ нихъ. На дѣлѣ же «строжайшій обыскъ» оказался самымъ снисходительнымъ. Жандармъ, которому поручено

было обыскать меня, и которому я успѣлъ всунуть въ руку двугривенный, даже не перерылъ моихъ вещей, а только для проформы слегка ихъ пересмотрѣлъ и затѣмъ самъ снесъ въ дворянское отдѣленіе.

Не принадлежа къ «привилегированнымъ сословіямъ», я попалъ въ дворянское отдѣленіе, само собою разумѣется, благодаря значительной подмазкѣ. Не смотря на образцовый порядокъ въ пересыльной тюрьмѣ и на строжайшую дисциплину, новое мѣсто временнаго заключенія произвело на меня потрясающее впечатлѣніе. Страшный звонъ цѣпей, сотни на половину бритыхъ головъ, уродующихъ человѣческій образъ, сновавшихъ по обширному двору, громадные балаганы, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщались по 500 человѣкъ,— все это ошеломило меня, хотя я прибылъ изъ тюремнаго замка, далеко не образцоваго въ отношеніи чистоты и гигіеническихъ требованій. Я, по крайней мѣрѣ, пожертвовалъ бы въ 10 разъ большей суммой, лишь бы избавиться отъ общихъ камеръ, гдѣ, кромѣ грязныхъ наръ, ничего не полагалось. Поэтому я былъ чрезвычайно счастливъ, когда за нѣсколько рублей мнѣ удалось устроить, чтобы меня приняли въ дворянскую камеру, гдѣ, вмѣсто наръ, были отдѣльныя койки, и гдѣ обитатели пользовались многими вольностями и привилегіями. Такъ, они носили собственное платье, хотя нѣкоторые изъ нихъ были осуждены въ каторжныя работы; цѣлые дни они свободно гуляли по двору; посѣтители допускались къ нимъ каждый день безъ всякаго контроля; имъ дозволялось курить и пить пиво; наконецъ, нѣкоторые отпускались въ городъ, въ сопровожденіи стражника, гдѣ они посѣщали свободно трактиры и другія увеселительныя мѣста.

Вообще, духъ сословности, значительно исчезнувшій со времени освобожденія крестьянъ во многихъ сферахъ жизни, крѣпко держится въ тюрьмахъ и этапахъ. Иногда жаль и смѣшно было видѣть, какъ какой нибудь захудалый дворянинъ, безграмотный, служившій въ дворникахъ, попавъ за мелкое воровство въ тюрьму и надѣвъ дворянскій халатъ, вдругъ превращается въ «барина», горою стоитъ за свои «дворянскія преимущества», съ презрѣніемъ относится къ простымъ арестантамъ, у которыхъ, однако, выклянчиваетъ, какъ милостыню, булочку или «заварку» чая.

Замѣчательно, что даже «равный для всѣхъ» судъ, въ дѣйствительности, далеко не равный. Такъ, по нашему законодательству, одно и то же преступленіе влечетъ за собою различное наказаніе, смотря по тому, какое лицо его совершило: привилегированное или непривилегированное. Первое лицо, за преступленіе, влекущее за собою исправительное наказаніе, подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи Россіи или въ не столь отдаленныя мѣста Сибири,—вторые же, за такое же преступленіе, вмѣстѣ съ лишеніемъ правъ состоянія, подвергаются заключенію, на разные сроки, въ рабочемъ домѣ или въ арестантскомъ отдѣленіи.

Съ перваго взгляда можно было бы предполагать, что въ основаніи этого различія наказанія лежитъ, въ отношеніи привилегированныхъ преступниковъ, принципъ noblesse oblige, а въ отношеніи непривилегированныхъ принципъ гуманности. Съ точки зрѣнія законодателя, ссылка должна считаться болѣе тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ заключеніе въ арестантскомъ отдѣленіи. Поэтому привилегированное лицо, совершившее преступленіе, изгоняется изъ своей прежней среды и ссылается въ Сибирь, а мѣщане и крестьяне, привязанные къ землѣ, по отбытіи наказанія—принудительной работы, остаются на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Но на самомъ дѣлѣ не достигается ни та, ни другая цѣль. Привилегированные преступники, большей частью, съ легкимъ сердцемъ, принимаютъ ссылку въ Сибирь на житье, зная, что земля не клиномъ сошлась, что и въ Сибири люди живутъ, что при маленькихъ средствахъ и нѣкоторомъ образованіи тамъ легче составить «карьеру», чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что, наконецъ, для разныхъ «художествъ» Сибирь еще непочатый край. А съ другой стороны, мѣщане и крестьяне вовсе не гарантированы, что по отбываніи наказанія будутъ возвращены въ прежнюю свою среду.

Дѣло въ томъ, что лица податныхъ сословій, совершающія преступленіе, влекущее за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніе въ арестантскомъ отдѣленіи, могутъ возвращаться въ свою среду только съ согласія своего общества; если же послѣднее не даетъ согласія принять обратно своихъ опороченныхъ членовъ, то они высылаются въ Сибирь на водвореніе, то-есть на житье. А такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, общества желаютъ избавиться отъ преступныхъ своихъ членовъ и не принимаютъ ихъ обратно, то оказывается, что преступники податныхъ сословій несутъ двойное наказаніе: сначала они подвергаются принудительной работѣ въ арестантскомъ отдѣленіи, отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, а затѣмъ прогоняются со всѣмъ семействомъ, по этапу, въ Сибирь, чтб окончательно ихъ губитъ. Такимъ образомъ выходитъ, что съ преступнаго вола сдираютъ двѣ шкуры... Но этого мало. «Равный» для всѣхъ судъ дѣлаетъ громадное различіе между привилегированными и непривилегированными классами еще въ слѣдующемъ отношеніи. Лица привиллегированныхъ сословій, хотя бы они были приговорены къ каторжнымъ работамъ, освобождаются, во время слѣдованія ихъ по этапу, отъ наложенія оковъ; лица же податныхъ сословій заковываются, иногда по рукамъ и ногамъ, хотя бы они слѣдовали въ Сибирь только на водвореніе, т. е. по приговорамъ обществъ.

Познакомившись впервые съ кандалами въ пересыльной тюрьмѣ и присутствуя при отправкѣ арестантовъ въ Сибирь, я не могъ себѣ объяснить цѣли наложенія оковъ. Если назначеніе ихъ состоитъ въ предупрежденіи побѣговъ съ пути слѣдованія, то почему

такъ стерегутся преступники податныхъ сословій? Вѣдь привилегированные преступники болѣе хитры на выдумки, и имъ безъ оковъ легче бѣжать съ пути. Если же предполагать, что цѣль оковъ состоитъ въ отягченіи наказанія, такъ сказать, въ физической боли, причиняемой преступнику, то опять-таки, почему преступникъ податныхъ сословій долженъ нести болѣе тяжелую кару за содѣянное имъ преступленіе, чѣмъ привилегированный. Но менѣе всего я могъ себѣ объяснить узаконенную привилегію денегъ. Оказалось, что отъ наложенія оковъ освобождались не только потомственные и личные дворяне, но и купцы, купеческія дѣти, братья ихъ и внуки. Во время этапа я встрѣчался со многими безграмотными или полуграмотными купцами, которые, не смотря на то, что были приговорены къ тяжелымъ уголовнымъ наказаніямъ, пользовались въ пути всѣми льготами привилегированныхъ сословій, тогда какъ образованные мѣщане, не имѣвшіе возможности записываться въ купцы, за отсутствіемъ капиталовъ, испытывали на себѣ всѣ пытки оковъ, всѣ мученія этапной жизни, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они были приговорены къ исправительнымъ наказаніямъ... Эта привилегія денегъ казалось мнѣ въ высшей степени нелогичной и несправедливой еще болѣе потому, что мнѣ лично приходилось выносить на себѣ всю тяжесть положенія ссыльнаго податного сословія.

Но я впадаю въ неумѣстный публицистическій тонъ. Возвращаюсь къ фактамъ и впечатлѣніямъ.

II.

Образцовый порядокъ.—Фельдфебель.— Арестантскіе старосты.— Бродяги.— Арестантская табель о рангахъ.—Приготовленіе къ отправкѣ.—«Наручные».—Напрасная надежда. — «Закуютъ!» — Сосѣдъ по цѣпи.— Семейства, добровольно слѣдующія за осужденными.— Женщины и дѣти.— «Свободные» арестанты.

Въ пересыльной тюрьмѣ, гдѣ всѣ ея временные обитатели со дня на день ожидаютъ отправки къ мѣсту назначенія, не было осѣдлости, такъ сказать, домовитости. Поэтому арестанты жили тамъ, точно на бивуакахъ. Но не смотря на разнокалиберную массу пересыльныхъ, на громадное ихъ количество, достигающее въ лѣтнее время до 3.000 человѣкъ, на постоянный приливъ и отливъ ихъ, на свободное сношеніе, въ теченіе дня, между всѣми арестантами,— вездѣ господствовалъ образцовый порядокъ: нигдѣ не было замѣтно ни пьянства, ни дракъ, ни игръ, ни безобразій. И въ пересыльной тюрьмѣ можно было достать спиртъ, табакъ и карты, но лишь съ величайшей осторожностью.

Дисциплину между арестантами поддерживалъ, главнымъ образомъ, рослый, бравый фельдфебель, который умно управлялъ всей

тюрьмой, и котораго арестанты боялись пуще огня. Смотритель рѣдко бывалъ въ тюрьмѣ; арестанты его видѣли только во время отправки; помощникъ же его былъ какой-то мизерный, вялый человѣчекъ, котораго никто въ грошъ не ставилъ. Поэтому фельдфебель владычествовалъ въ тюрьмѣ почти безконтрольно, каралъ и миловалъ, имѣя власть сажать въ карцеръ и наказывать розгами, къ чему онъ нерѣдко прибѣгалъ.

Впрочемъ, порядокъ поддерживали и арестантскіе старосты. Обязанности ихъ состояли въ томъ, чтобы наблюдать за правильностью отпуска продуктовъ для продовольствія арестантовъ, а также за внутреннимъ порядкомъ въ нумерахъ, въ каждомъ изъ которыхъ содержалось до 500 человѣкъ. Старосты выбирались арестантами, и никакими преимуществами они не пользовались. Имѣя хлопотъ полонъ ротъ, неся большую отвѣтственность и не пользуясь никакими льготами, всякій, однако, охотно шелъ въ старосты. Выбирались они большею частью изъ каторжныхъ или знаменитыхъ бродягъ.

Между ссыльными арестантами существовало нѣчто въ родѣ табели о рангахъ. Первыми чинами тюрьмы считались каторжные, и чѣмъ на большій срокъ кто былъ осужденъ, тѣмъ большимъ почетомъ и авторитетомъ онъ пользовался. На второй ступени стояли бродяги, собственно говоря, тѣ же каторжные, только не офиціальные, такъ какъ большею частью они состоятъ изъ бѣглыхъ каторжныхъ, но пойманныхъ и объявившихъ себя непомнящими родства. За ними идутъ осужденные на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а затѣмъ уже фигурируютъ «общественники», то-есть ссыльные въ Сибирь по приговорамъ общества. Такимъ образомъ, уваженіе и почетъ среди арестантовъ пріобрѣтаются пропорціонально тяжести совершеннаго преступленія и послѣдовавшему за нимъ наказанію.

Въ дворянскомъ нумерѣ также имѣлся староста. Его обязанности заключались лишь въ назначеніи мѣста ночлега вновь прибывшимъ привилегированнымъ арестантамъ и въ полученіи для нихъ порціонныхъ денегъ. Во все время слѣдованія, дворяне получаютъ, вмѣсто готовой пищи, порціонныя деньги, отъ 15 до 30 копеекъ въ сутки. Во время моего пребыванія въ тюрьмѣ, дворянскимъ старостой былъ нѣкій докторъ Б. Въ качествѣ врача, къ помощи котораго нерѣдко прибѣгало высшее и низшее тюремное начальство, Б. пользовался большими льготами. Такъ, онъ отпускался въ городъ, впрочемъ, въ сопровожденіи переодѣтаго надзирателя, свободно доставалъ табакъ и пиво, ходилъ купаться. Со мною Б. былъ почему-то очень любезенъ, и однажды, возвращаясь изъ города, онъ спеціально для меня принесъ бутылку пива, чѣмъ крайне меня обрадовалъ, такъ какъ, несмотря на обиліе спирта въ московскомъ тюремномъ замкѣ, пива тамъ нельзя было достать ни за какія деньги, и я болѣе двухъ лѣтъ не употреблялъ этого любимаго напитка...

Въ пересыльной тюрьмѣ я пробылъ всего лишь пять дней, а потому недостаточно присмотрѣлся къ моимъ сосѣдямъ по камерѣ, и не могъ узнать ни прошедшаго моихъ товарищей, ни рода ихъ преступленій. Кромѣ упомянутаго доктора, среди привилегированныхъ было нѣсколько семинаристовъ и разночинцевъ, которые ничѣмъ особеннымъ не выдавались. Но какимъ орломъ между ними смотрѣлъ Конни! Я едва его узналъ. Въ безукоризненной, сѣрой лѣтней парѣ, чисто выбритый, съ моноклемъ въ глазу, Конни смотрѣлъ шпютомъ съ Невскаго проспекта. Меня, бывшаго свидѣтелемъ всѣхъ его мытарствъ въ тюремномъ замкѣ, онъ едва удостоилъ поклономъ, но все-таки не преминулъ похвастать, что въ его судьбѣ принимаютъ участіе очень высокопоставленныя лица, что его дѣло будетъ пересмотрѣно по высочайшему повелѣнію, и что, во всякомъ случаѣ, онъ отправится къ мѣсту ссылки не по этапу, а на свой счетъ.

Во всемъ этомъ не было и тѣни правды, и Конни это хорошо самъ зналъ; зналъ онъ также, что я ни на волосъ ему не вѣрю,— тѣмъ не менѣе онъ не могъ не врать и хвастать: такова была его натура. Цѣлые дни онъ все суетился, ухаживалъ за прекраснымъ поломъ, въ особенности за женой вице-адмирала Давыдовской, молодой, красивой женщиной, которая за какія-то преступленія была приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь на житье.

Давыдовская, не смотря на страшную перемѣну въ ея судьбѣ, нисколько, повидимому, не унывала, весело и бойко болтала со всякими арестантами, а Конни, котораго знала въ Петербургѣ, она въ особенности отличала. Впрочемъ, Давыдовская не шла по этапу; она ѣхала въ Сибирь на свой счетъ и съ полнымъ комфортомъ— и только должна была останавливаться въ каждомъ городѣ для предъявленія, въ установленномъ порядкѣ, своихъ бумагъ и для полученія разрѣшенія на дальнѣйшую отправку. А такъ какъ эта процедура продолжается въ нѣкоторыхъ городахъ по нѣсколько дней, то въ это время отправляемымъ въ Сибирь приходится пребывать въ пересыльной тюрьмѣ. Давыдовская также застряла въ Москвѣ на нѣкоторое время и коротала свои досуги въ обществѣ Конни и другихъ любезниковъ.

Конни не пренебрегалъ, впрочемъ, и другими прелестницами пересыльной тюрьмы, въ которыхъ недостатка не было, и которыя, въ особенности, такъ называемыя «свободныя арестантки», то-есть принадлежащія къ семействамъ, добровольно слѣдующимъ за осужденными (о нихъ рѣчь будетъ ниже), свободно гуляли по двору. Онъ ко всѣмъ обращался на французскомъ языкѣ, а когда на его непонятныя рѣчи встрѣчалъ неудержимый смѣхъ, то переходилъ на отечественный языкъ, при чемъ считалъ особымъ шикомъ картавить и сюсюкать.

Впослѣдствіи, живя въ Томскѣ, я узналъ, что Конни былъ от-

правленъ по этапу обыкновеннымъ порядкомъ и вслѣдъ затѣмъ совершенно исчезъ въ какихъ-то дебряхъ Сибири.

4-го іюля должна была отправиться партія. Мнѣ ужасно хотѣлось не засиживаться въ пересыльной тюрьмѣ и идти съ этой партіей. Но наканунѣ отправки фельдфебель объявилъ мнѣ, что я останусь еще на недѣлю. Это меня крайне огорчило. Я его спросилъ, нельзя ли помочь горю. Онъ отвѣтилъ, что за пять рублей можно устроить. Разсчитывая, что цѣлая недѣля въ пересыльной тюрьмѣ обойдется мнѣ дороже, я согласился. Черезъ нѣсколько часовъ фельдфебель объявилъ, что я отправляюсь съ первой партіею. Я понялъ, что онъ меня одурачилъ, но ужъ нечего было дѣлать.

Приготовленія мои были недолгія. Такъ какъ я шелъ «при своихъ правахъ», какъ выражаются арестанты, то-есть въ своемъ платьѣ, то могъ взять изъ казенныхъ вещей только необходимое въ дорогѣ. Другіе же обязаны были забирать весь арестантскій гардеробъ, состоящій изъ сѣраго халата, двухъ рубахъ, портъ, котовъ, шапки, онучей, пояса и еще нѣкоторыхъ мелочей. Для многихъ арестантовъ эта полная экипировка есть благодѣяніе, для другихъ же она только излишняя тяжесть, потому что на каждомъ ночлегѣ ревизуютъ казенныя вещи, что̀, послѣ утомительной дороги, составляетъ мучительную процедуру.

Зная, что во время переѣзда изъ Москвы въ Нижній арестантовъ податныхъ сословій заковываютъ въ «наручные», то-есть въ ручные кандалы, я старался всѣми силами какъ нибудь избавиться отъ этого страшнаго, какъ казалось мнѣ, мученія и позора. Фельдфебель обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, говоря, что это вещь возможная, и что бывали примѣры. Старшій конвойный унтеръ-офицеръ также обѣщалъ мнѣ устроить это дѣло. Но какъ меня ни обнадеживали, какой-то внутренній страхъ говорилъ мнѣ, что не избѣгнуть мнѣ этой пытки.

Такъ оно и вышло! Впрочемъ, я тогда еще не зналъ, что смотритель тюремнаго замка М. подгадилъ мнѣ въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что М., въ отмщеніе за то, что я на прощаньѣ ничего ему не оставилъ, вопреки своей же офиціальной аттестаціи о моемъ примѣрномъ поведеніи, послалъ частное письмо къ смотрителю пересыльной тюрьмы, въ которомъ предупредилъ послѣдняго, что я намѣренъ бѣжать съ дороги, а потому слѣдуетъ имѣть за мною строгій надзоръ. Но обо всемъ этомъ я узналъ только впослѣдствіи, почему усиленныя мои хлопоты объ освобожденіи отъ «наручныхъ» возбудили подозрѣнія и только повредили мнѣ.

Отправка слишкомъ 800 человѣкъ, естественно, должна занимать много времени, а потому къ ней приступили въ назначенный день очень рано утромъ. Всѣхъ отправляемыхъ арестантовъ вызвали на обширный дворъ. Здѣсь подъ навѣсомъ находился совѣтникъ губернскаго правленія и при немъ какой-то незначитель-

ный чиновникъ, который сдавалъ статейные списки арестантовъ партіонному офицеру. Производилась перекличка: сперва вызывали «кандальщиковъ», то-есть закованныхъ въ ножные кандалы, которымъ наканунѣ брили головы. Въ эту категорію вошли осужденные въ каторжныя работы, отправляемые въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и бродяги. Затѣмъ вызывались лица, отправляемыя на житье по суду и по приговорамъ обществъ. У стола находился также докторъ, который спрашивалъ каждаго арестанта, здоровъ ли. Кандальщиковъ осматривали еще, крѣпко ли они закованы, и чисто ли выбриты головы. На обширномъ дворѣ образовались, такимъ образомъ, отдѣльныя группы, въ которыя, по осмотрѣ, попадали арестанты одинаковой категоріи, и которыя окружались цѣпью конвойныхъ солдатъ.

«Въ наручные!» чаще всего раздавался возгласъ, при пріемѣ арестантовъ. Это обозначало, что осмотрѣнный арестантъ долженъ быть закованъ въ ручные кандалы. Арестанты проходили черезъ цѣпь солдатъ, которые надѣвали на нихъ желѣзные браслеты.

Когда очередь дошла до меня, я сильно поблѣднѣлъ. Совѣтникъ губернскаго правленія, видя, что я одѣтъ довольно прилично, въ своемъ платьѣ, принялъ было меня за привилегированнаго, но сидѣвшій за тѣмъ же столомъ писарь, справившись съ статейнымъ спискомъ, произнесъ обычную фразу: «въ наручные!». Докторъ, какъ мнѣ показалось, посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ; но конвойный офицеръ почему-то злобно смѣрилъ меня съ ногъ до головы глазами и громко повторилъ: «въ наручные!». Сердце у меня дрогнуло, и я, шатаясь, отошелъ отъ стола и направился въ цѣпь. Зловѣщій возгласъ: «въ наручные!» повторялся вслѣдъ за мной на разные лады.

Прежде чѣмъ надѣвали наручные, арестантскія вещи подвергались тщательному обыску. Какъ при пріемѣ въ пересыльную тюрьму, такъ и теперь я хотѣлъ избавиться отъ обыска. Я незамѣтно передалъ солдату серебряную монету; онъ ловко ее подхватилъ, слегка перещупалъ мои вещи и скоро отпустилъ меня. Все еще надѣясь, что избавлюсь отъ наручныхъ, я направился въ кучку привилегированныхъ и свободно гулялъ по двору. Но минутъ черезъ десять я замѣтилъ, что одинъ конвойный солдатъ отдѣлился отъ пріемнаго стола, подошелъ къ солдатамъ, надѣвавшимъ на арестантовъ наручные, одному изъ нихъ шепнулъ что-то и указалъ на меня головою. Я принялъ этотъ маневръ въ благопріятномъ для меня смыслѣ, думая, что унтеръ-офицеръ, согласно обѣщанію, прислалъ сказать, чтобы меня оставили въ покоѣ. Но вдругъ я услышалъ за собою восклицаніе: «эй, арестантъ съ бородкой!». Я обернулся. Солдатъ подозвалъ меня.

— Давай руку!—проговорилъ онъ громко, когда я подошелъ къ нему, намѣреваясь надѣть на мою руку желѣзное кольцо съ цѣпью.

— Подождите,— попросилъ я его, рѣшаясь на послѣдній шагъ,— я пойду попрошу совѣтника или офицера.

— Туда нельзя теперь ходить! — строго замѣтилъ солдатъ.

Но я его не послушался и отправился по направленію къ пріемному столу. Замѣтивъ прежде всѣхъ смотрителя, я высказалъ ему мою просьбу, ссылаясь на аттестацію смотрителя тюремнаго замка. Но не успѣлъ я высказаться, какъ онъ перебилъ меня:

— Что, насчетъ оковъ? Закуютъ!—прибавилъ онъ съ ехидной улыбочкой и съ какимъ-то злорадствомъ, точно иначе не можетъ и не должно быть.

Я страшно поблѣднѣлъ и хотѣлъ что-то возразить, но замѣтившій меня партіонный офицеръ, въ свою очередь, крикнулъ:

— Что шляешься? На мѣсто!

Мнѣ, разумѣется, ничего больше не оставалось, какъ повиноваться. Дрожа, я подошелъ къ слѣдившему за мною солдату и протянулъ руку. Онъ надѣлъ на меня кольцо и глазами сталъ подыскивать кого нибудь изъ арестантовъ для «пары».

Дѣло въ томъ, что заковывали по два человѣка вмѣстѣ: одному надѣвали желѣзное кольцо на правую руку, а другому на лѣвую, при чемъ между кольцами имѣлась цѣпь, длиною всего въ полъаршина, и такимъ образомъ «пара» оставалась неразлучной въ продолженіе всего пути. Для непривычнаго человѣка этотъ «желѣзный» союзъ составляетъ настоящую пытку и при томъ совершенно лишнюю, потому что, во-первыхъ, окруженные сильнымъ конвоемъ арестанты не имѣютъ никакой возможности бѣжать по пути изъ пересыльной тюрьмы до вокзала; въ арестантскихъ же вагонахъ, въ которыхъ окна снабжены толстыми желѣзными рѣшетками, сидѣли по пяти человѣкъ конвойныхъ съ револьверами въ рукахъ и съ правомъ стрѣлять при первой попыткѣ бѣжать, слѣдовательно, о побѣгѣ не можетъ быть и рѣчи; во-вторыхъ—и это главное—тѣ арестанты, на которыхъ надѣваютъ «наручные», не имѣютъ никакой причины бѣжать, такъ какъ они состоятъ изъ лицъ, отправляемыхъ въ Сибирь на житье по приговорамъ обществъ; болѣе же важные преступники, какъ я сказалъ выше, заковывались въ ножные кандалы и освобождались отъ «наручныхъ».

Замѣчательно, что пыткѣ «наручныхъ» подвергались также лица, задержанныя гдѣ нибудь съ просроченными видами на жительство и шедшія по этапу въ свои общества. Казалось, что подобные арестанты вовсе не должны считаться преступниками, между тѣмъ къ нимъ также примѣнялись всѣ предохранительныя мѣры во всей ихъ строгости.

Моимъ сосѣдомъ по цѣпи оказался именно такой важный преступникъ. Его гдѣ-то задержали съ просроченнымъ паспортомъ. Не смотря на то, что у него была росписка почтовой конторы въ томъ, что имъ отправлены деньги на новый паспортъ, мѣстная полиція

считала своимъ долгомъ немедленно выслать этого вреднаго члена общества по этапу во Владимірскую губернію.

Я, впрочемъ, былъ свидѣтелемъ также не особенно строгаго исполненія предписанія закона. Въ нашей партіи шелъ какой-то купеческій внукъ (есть такое званіе!), приговоренный за сбытъ фальшивыхъ ассигнацій къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ. Онъ всю дорогу не былъ закованъ ни въ ножные кандалы, ни въ наручные. Между тѣмъ, въ той же партіи слѣдовалъ въ Сибирь на житье нѣкій купецъ изъ евреевъ, на котораго надѣвали наручные. Какъ онъ ни протестовалъ во имя закона, освобождающаго его отъ наложенія оковъ, ничто не помогло.

— Я такъ хочу!—рѣшилъ конвойный офицеръ, и ничего нельзя было подѣлать съ нимъ.

Этотъ неумѣстный антисемитизмъ возмущалъ многихъ арестантовъ-христіанъ, которые оказывали еврею всякое сочувствіе и жалѣли его отъ души.

Когда партія была готова, ее выстроили на дворѣ по четыре человѣка въ рядъ и сдѣлали повѣрку, которая занимала много времени, потому что точному счету мѣшали женщины и дѣти, которыхъ было очень много въ этой партіи, и послѣднюю пришлось повѣрять по нѣскольку разъ. Всѣ эти женщины и дѣти принадлежали къ семействамъ, добровольно слѣдовавшимъ за преступниками.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу этого любопытнаго явленія.

Нашъ законъ предоставляетъ семействамъ лицъ, осужденныхъ къ ссылкѣ, слѣдовать за ними добровольно въ Сибирь, при чемъ эти семейства, во всемъ пути слѣдованія, продовольствуются на счетъ казны, а на мѣстѣ ссылки семейные преступники пользуются значительными льготами. Но это гуманное начало, лежащее въ основаніи сказаннаго закона, парализуется распоряженіемъ, въ силу котораго означенныя семейства, какъ только заявятъ о своемъ желаніи слѣдовать за осужденнымъ, немедленно заарестовываются и фактически превращаются въ настоящихъ арестантовъ, наравнѣ съ преступниками. Такъ, эти «добровольцы» содержатся въ общихъ камерахъ съ преступниками, не выпускаются за тюремную ограду, даже въ сопровожденіи надзирателей, обязаны выходить утромъ и вечеромъ на повѣрку,—словомъ, подвергаются во всемъ строгому тюремному режиму.

Такимъ образомъ, жена преступника, которая часъ тому назадъ была вполнѣ свободнымъ человѣкомъ, которая только изъ любви и состраданія идетъ дѣлить участь преступнаго мужа; дочь, которая до сихъ поръ, можетъ быть, не знала, что такое тюрьма и преступники, не слыхала ни одного нескромнаго слова, краснѣла при малѣйшемъ намекѣ на что нибудь неприличное; наконецъ, маленькія дѣти, робкія, невинныя,—вдругъ всѣ они попадаютъ въ аре-

стантскую среду, гдѣ царствуетъ грубый развратъ, гдѣ вѣчно раздается самая площадная ругань, гдѣ каждый надзиратель командуетъ ими, ругаетъ, а иногда угощаетъ здоровенными тумаками.

Безспорно, что «добровольцы», рѣшаясь на жертву и получая отъ казны продовольствіе, обязаны подчиниться извѣстной дисциплинѣ; но все же не слѣдовало бы ихъ во всемъ приравнивать къ закоренѣлымъ преступникамъ. Дисциплина нисколько не пострадала бы, если бы «добровольцы» содержались въ отдѣльныхъ камерахъ, отпускались на базаръ, хотя бы съ надзирателями, были избавлены отъ грубыхъ оскорбленій низшаго тюремнаго начальства.

Можно было бы установить для «свободныхъ» арестантовъ нѣкоторыя взысканія, въ случаѣ нарушенія обязательныхъ правилъ, напримѣръ, предостереженія, лишеніе нѣкоторыхъ льготъ, лишеніе, наконецъ, права слѣдовать за преступниками на казенный счетъ. Эти мѣры могли бы вполнѣ обезпечить порядокъ между «добровольцами», и, по-моему, вовсе нѣтъ надобности примѣнять къ нимъ всѣ строгости этапной жизни,—тѣмъ болѣе, что весь контингентъ «добровольцевъ» составляютъ исключительно женщины и дѣти, съ которыми нетрудно справиться мягкими мѣрами.

Впрочемъ, въ нашей партіи было одно исключеніе: за одной обыкновенной крестьянкой, осужденной за какое-то преступленіе на 8 лѣтъ каторжной работы, слѣдовалъ добровольно ея молодой мужъ, лѣтъ 28, чрезвычайно пріятной наружности и добродушнаго нрава. Арестанты добродушно посмѣивались надъ этимъ рѣдкимъ «любителемъ» каторги; онъ все отшучивался, ухмылялся и блаженно посматривалъ на свою каторжную супругу. Послѣдняя же была и не молода и не красива; любовь мужа и его ухаживанія она принимала угрюмо.

При всемъ моемъ стараніи, я не могъ узнать подробности о прежней жизни этой необыкновенной супружеской четы, въ которой, безъ сомнѣнія, разыгралась тяжелая драма.

III.

Тріумфальное шествіе. — Подаяніе. — Каменщикъ. — Добрая душа. — Размѣщеніе арестантовъ въ вагонахъ. — Въ обѣ руки. — Ухаживаніе за мною товарищей. — Подкупъ. — Нижній. — Разборка вещей. — Пріемъ.

Когда всѣ арестанты были, наконецъ, сосчитаны, когда арестантскія вещи и женщины съ малолѣтними дѣтьми были помѣщены на подводы, конвойный офицеръ скомандовалъ: «на караулъ!»; ворота пересыльной тюрьмы широко распахнулись,—и партія выступила въ походъ на Нижегородскую желѣзную дорогу.

Хотя Москва давно привыкла къ подобнымъ зрѣлищамъ, но это шествіе въ цѣпяхъ 800 человѣкъ, большею частью, молодыхъ лю-

дей, которые, при другихъ соціальныхъ условіяхъ, могли бы пригодиться на что нибудь лучшее, эти бритыя головы, этотъ звонъ кандаловъ, эта масса женщинъ съ ребятишками, повидимому, производили на окружающихъ потрясающее впечатлѣніе. Объ этомъ можно было судить по толпѣ добрыхъ людей, которые провожали нашу партію до самаго вокзала, подавая арестантамъ кто что можетъ: калачи, крендели, огурцы, мѣдныя монеты.

Подавали арестантамъ по всему «скорбному» ихъ пути. Въ особенности поразило меня это явленіе въ деревняхъ между Пермью и Тюменью. Не смотря на то, что по этой торной дорожкѣ ежедневно проѣзжали на тройкахъ значительныя партіи арестантовъ, жители деревень считали какъ бы своей священной обязанностью подавать что нибудь «несчастненькимъ». Надо было видѣть, съ какимъ умиленіемъ старушонки бѣгали за тройками, бросая туда лепешки, булки, яйца, огурцы, лукъ и т. п.

Тронулъ меня до слезъ слѣдующій случай. Въ Нижнемъ, на мостовой, копошился каменщикъ, исполняя свою тяжелую работу. Жара стояла страшная; ручьи поту такъ и бѣжали по его загорѣлому лицу; рубашка на немъ и порты были землянистаго цвѣта. Возлѣ каменщика стоялъ ковшикъ съ квасомъ и ломоть хлѣба. И вотъ, какъ только партія арестантовъ поровнялась съ каменщикомъ, онъ быстро вскочилъ на босыя ноги, схватилъ квасъ и хлѣбъ и подбѣжалъ къ арестантамъ. Отдавъ весь хлѣбъ, онъ подавалъ проходящимъ квасъ.

— Пейте, родимые,—говорилъ онъ задушевнымъ голосомъ.

— Спаси тебя Христосъ!—отвѣчали арестанты, видимо тронутые этимъ порывомъ чувства.

— На здоровье, родименькіе,—произнесъ каменщикъ, взялъ опорожненный ковшикъ, отошелъ и принялся за свою работу.

Нужно прибавить, что по всему пути у арестантовъ хлѣба слишкомъ много, а приварокъ довольно хорошъ и вкусенъ; арестанты вовсе не нуждаются въ такомъ подаяніи, но не брать нельзя. Этимъ только обидишь подающаго и оскорбишь его самое святое чувство.

Хочу при этомъ разсказать слѣдующій эпизодъ, бывшій со мною лично.

Мое дѣло было въ свое время довольно громкимъ, на разбирательство его собралось очень много избранной московской публики; въ особенности, было множество дамъ. Когда присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и судъ постановилъ приговоръ, я вышелъ изъ залы засѣданія въ коридоръ. Публика уже разошлась. Въ это время ко мнѣ подошла изящная, молодая женщина, лѣтъ 23, богато и со вкусомъ одѣтая, и протянула мнѣ свою маленькую ручку, въ которой я ощутилъ какую-то бумажку. Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Она, въ свою очередь, обдала меня такимъ теплымъ

взглядомъ, въ которомъ я видѣлъ не только сожалѣніе ко мнѣ, но и убѣжденіе, что она не считаетъ меня такимъ извергомъ, какимъ выставилъ меня прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи. Моя жена, судившаяся вмѣстѣ со мною и оправданная присяжными, сидѣла возлѣ меня. Она подняла на прекрасную незнакомку свои большіе глаза и ждала, чѣмъ кончится эта нѣмая сцена.

— Примите!—тихо проговорила молодая женщина умоляющимъ голосомъ.

— Я вамъ очень благодаренъ,—замѣтилъ я, растерявшись, чувствуя, что мнѣ подали подаяніе, и возвращая ей бумажку,—я долженъ заявить, что пока, слава Богу, не нуждаюсь.

— Знаю,—возразила незнакомка, сконфузившись,—но все-таки прошу васъ принять мою посильную лепту...

— Но, сударыня, въ другомъ мѣстѣ ваша лепта, можетъ быть, имѣла бы лучшее примѣненіе.

— Передайте сами, кому хотите,—робко проговорила она,—но прошу васъ принять.

Я принялъ. Молодая женщина сдѣлала граціозный поклонъ и удалилась.

Кто была эта дама, почему она такъ настаивала,—я такъ и не узналъ, но образъ этой доброй души навсегда сохранился въ моей памяти. Полученныя мною деньги — это были пять рублей — я передалъ въ тюрьмѣ дѣйствительно нуждающимся арестантамъ.

Возвращаюсь къ этапу.

Послѣ безконечныхъ формальностей, счетовъ и повѣрокъ, насъ, наконецъ, размѣстили по арестантскимъ вагонамъ. Послѣдніе, противъ моего ожиданія, были довольно чисты. Не было и тѣсноты, такъ какъ въ вагонахъ помѣщалось только такое число арестантовъ, сколько полагалось по числу мѣстъ. Если бы не желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, конвойные и бряцаніе цѣпей, то это путешествіе, въ хорошій іюльскій день, могло бы показаться довольно пріятнымъ, послѣ слишкомъ двухлѣтняго заточенія. Но желѣзо на рукахъ и невольное сосѣдство портило хорошее расположеніе. Хотя сосѣдъ мой по цѣпи, видя во мнѣ почему-то «барина», былъ крайне предупредителенъ со мною, старался не безпокоить какимъ нибудь неловкимъ движеніемъ, бралъ на себя всю тяжесть кандаловъ (точно дѣло было въ физической тяжести!), приноравливался, чтобы мнѣ было удобно съ нимъ,—тѣмъ не менѣе я не могъ забыться ни на минуту.

Сосѣда моего надо было сдать верстахъ въ 60 отъ Москвы. Я имѣлъ тревожную надежду, что, съ уходомъ его, меня больше не закуютъ. Но я горько ошибся. На станціи, гдѣ его спустили, его, понятно расковали, а меня заковали въ обѣ руки. Какъ ни убѣждалъ я конвойнаго унтеръ-офицера, что не имѣю ни малѣйшаго намѣренія бѣжать, какъ ни уговаривали его всѣ остальные арестанты,

ручаясь за меня,—онъ остался неумолимымъ, оправдываясь тѣмъ, что высшее этапное начальство знаетъ обо мнѣ и почему-то предубѣждено противъ меня, и поэтому онъ опасается дѣлать мнѣ какія либо льготы.

Я вполнѣ сознавалъ, что онъ былъ правъ, и нисколько не былъ на него въ претензіи. Тѣмъ не менѣе конвойный обѣщалъ переговорить со старшимъ унтеръ-офицеромъ и прійти, когда потемнѣетъ. Хотя, съ одной стороны, мнѣ было удобнѣе, избавившись отъ невольнаго союза и сдѣлавшись хозяиномъ самого себя; но, съ другой,—меня мучило сознаніе, что я одинъ во всемъ вагонѣ закованъ по обѣимъ рукамъ... Мнѣ совѣстно было смотрѣть на свои выхоленныя руки, которыя, казалось, вовсе не были созданы для цѣпей. При этомъ ни разу не приходило мнѣ въ голову, что были руки чище и благороднѣе моихъ, которыя терпѣливо переносили и еще болѣе тяжкія цѣпи...

Я очутился въ одномъ вагонѣ съ привилегированными, которыхъ въ нашей партіи было человѣкъ 12. Видя мое трагикомическое, но все же тягостное положеніе, они ухаживали за мной, какъ за больнымъ, развлекали меня, чтò нѣсколько облегчило мое душевное состояніе. Но въ то же время я не могъ не роптать въ душѣ, убѣждаясь въ сотый разъ, что одна принадлежность къ привилегированнымъ, безъ всякихъ личныхъ заслугъ, избавляла людей, гораздо болѣе порочныхъ, чѣмъ я, отъ многихъ пытокъ этапа.

Какъ только смерклось, явился унтеръ-офицеръ съ ключами отъ кандаловъ. Я сталъ его упрашивать объ освобожденіи отъ послѣднихъ; онъ долго колебался; наконецъ, сдался на просьбы товарищей и на обѣщаніе съ моей стороны приличной награды. Онъ меня расковалъ, прося быть осторожнымъ, въ особенности, когда конвойный начальникъ будетъ обходить вагоны.

Освободившись, наконецъ, отъ ненавистныхъ цѣпей, я, однако, не почувствовалъ большого душевнаго облегченія. Мысль о томъ, что солдатъ, рискнувшій меня расковать за взятку, противъ воли начальства, можетъ сильно пострадать за свой поступокъ, если онъ только обнаружится, не давала мнѣ покоя. Я поэтому все пряталъ руки подъ пледъ, старался не дѣлать лишнихъ движеній, побрякивалъ кандалами, съ цѣлью не возбудить зависти и злобы со стороны нѣкоторыхъ другихъ арестантовъ, которые не могли не видѣть подкупа и которые его не одобряли.

Я провелъ ужасно тревожную ночь, чувствуя, что нравственныя оковы гараздо тяжелѣе физическихъ. Когда утромъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нижняго, явился конвойный солдатъ и снова заковалъ меня, я почти обрадовался моимъ цѣпямъ, освободившись отъ нравственной отвѣтственности за солдата, которому нарушеніе дисциплины сошло благополучно.

Но вотъ поѣздъ прибылъ въ Нижній. Измученные безсонной

ночью и духотой въ вагонѣ, мы съ радостью выскочили на площадку возлѣ вокзала. Насъ окружилъ прибывшій изъ города сильный конвой. Насъ снова нѣсколько разъ пересчитали и выстроили въ походъ. Вещи были уложены на подводы, на которыя усѣлись также женщины и дѣти. Этапный начальникъ разрѣшилъ всѣмъ чувствовавшимъ себя не совсѣмъ здоровыми сѣсть на подводы. Я этимъ также воспользовался и еле-еле вскарабкался на подводу, нагруженную вещами. Товарищи меня отговаривали, называли «бабой», но я ихъ не послушался и хорошо сдѣлалъ.

День выдался ужасно жаркій; солнце буквально жгло; отъ желѣзнодорожной станціи до пересыльной тюрьмы считается около 12 верстъ, изъ которыхъ нѣсколько верстъ надо подниматься въ гору; мостовая была отвратительная; пыль отъ такой компактной массы людей стояла столбомъ. Сидя на подводѣ, я себѣ представилъ, что бы мнѣ стоила такая прогулка пѣшкомъ съ довольно тяжелыми наручными на обѣихъ рукахъ! Тѣмъ болѣе, что я одинъ во всей партіи былъ такъ закованъ и, будучи въ своемъ приличномъ собственномъ платьѣ, обращалъ бы на себя вниманіе всѣхъ проходящихъ, что для меня вовсе не было желательно. На подводѣ же я избавился и отъ усталости, и отъ слишкомъ любопытной публики.

Это церемоніально-печальное шествіе продолжалось около двухъ съ половиной часовъ. Вся партія буквально выбилась изъ силъ; потъ градомъ катился съ каждаго лица; даже конвойные еле-еле тащились отъ усталости.

Наконецъ, партія добралась до площади передъ пересыльной тюрьмой. Конвойные окружили насъ живой цѣпью. Какъ только партія остановилась, арестантовъ освободили отъ наручныхъ. Можно себѣ представить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ я сбросилъ съ своихъ рукъ эти ненавистныя цѣпи! Я буквально ожилъ, точно гора свалилась съ плечъ...

Тутъ же на площади произошла разборка арестантскихъ вещей, при чемъ представилась такая картина, которая трудно поддается описанію. Дѣло въ томъ, что всѣ вещи, безъ разбора, складывались въ багажные вагоны, гдѣ онѣ еще больше спутывались, и затѣмъ по прибытіи партіи укладывались на подводы, съ которыхъ сбрасывались на площадь въ общую кучу. Каждому арестанту пришлось отыскивать въ общей массѣ свой узелъ; около 600 человѣкъ топтались на одномъ мѣстѣ, рыскали, орали, хватали другъ у друга мѣшки; женщины визжали, дѣти бѣгали, какъ угорѣлыя; и надъ всѣмъ этимъ хаосомъ, надъ всей этой массой человѣческихъ тѣлъ, кружащихся, точно въ пляскѣ святого Вита, стояло густое облако пыли отъ разбираемыхъ вещей и отъ толкотни.

Тѣмъ не менѣе вся эта невообразимая сутолока продолжалась не болѣе четверти часа; всѣ получили свои вещи, ни у кого не оказалось ни пропажи, ни подмѣны.

Но вотъ водворился порядокъ. Всѣ арестанты выстроились чинно и смирно передъ воротами тюрьмы. Здѣсь, у наружнаго входа, за небольшимъ столикомъ сидѣли совѣтникъ мѣстнаго губернскаго правленія, смотритель тюрьмы и нѣсколько писцовъ. Начальникъ партіи передалъ совѣтнику статейные списки, по которымъ арестанты вызывались поименно: сперва семейные, а потомъ холостые. Послѣ выклички они впускались въ тюрьму. Очередь дошла до меня, и мнѣ показалось, что я попалъ въ Дантовскій адъ.

IV.

Нижегородская пересыльная тюрьма. — Смотритель.—Частые обыски. — Сообщенія съ женщинами.—Бездѣльныя лишенія.—Что не дозволено, то запрещено.—Приготовленія къ отправкѣ на баржахъ.—Я остался.

Пересыльная тюрьма занимала большой дворъ, окруженный высокимъ частоколомъ и раздѣленный на двѣ неравныя половины. На задней половинѣ было нѣсколько почернѣвшихъ отъ времени одноэтажныхъ флигелей для мужчинъ, баня, кухня, маленькое отдѣленіе для дворянъ и открытые отвратительные клозеты, распространявшіе нестерпимое зловоніе. Въ передней же половинѣ, гораздо меньше первой, находился одинъ двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ распредѣлены были: отдѣленіе для женщинъ, квартира смотрителя, контора, караульная и большая комната для временныхъ больныхъ. Напротивъ, почти у самаго окна послѣдней, также былъ устроенъ нѣсколько закрытый клозетъ.

О какой бы то ни было гигіенѣ и чистотѣ во всѣхъ помѣщеніяхъ, отведенныхъ для арестантовъ, и помина не было. Грязь, нечистоты, пыль, миріады клоповъ, вшей и блохъ смотрѣли изо всѣхъ угловъ тюрьмы. По тѣснотѣ помѣщенія, арестанты должны были расположиться на нарахъ, устроенныхъ въ нѣсколько этажей однѣ надъ другими. Увидя впервые такія условія бытія, я подумалъ, что гигіена съ ея требованіями чистоты, опредѣленнаго количества кубическаго воздуха для всякаго человѣка, влажности и другихъ причудъ—самая пустая наука... Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ пунктахъ этапа я убѣдился, что человѣкъ можетъ существовать еще при худшихъ условіяхъ.

Надо замѣтить, что въ господствовавшей грязи нельзя было винить начальство тюрьмы. Послѣдняя устроена всего на 400 человѣкъ, а въ ней иногда накоплялось единовременно до 1.200 арестантовъ. Затѣмъ тюрьма была выстроена чуть ли не за полвѣка назадъ, ремонтъ зданій производился крайне рѣдко и небрежно, тюремный штатъ—весьма ничтожный; жалованье самое маленькое; высшее начальство рѣдко туда заглядывало, а когда жаловало, то, по обыкновенію, обращало главное вниманіе на мелочи и формаль-

ности. Извольте при такихъ условіяхъ соблюдать какія нибудь требованія гигіены.

Привилегированныхъ, бывшихъ въ нашей партіи, помѣстили сначала въ маленькомъ и также крайне грязномъ «дворянскомъ» отдѣленіи,—но затѣмъ мы перешли во временную больницу которая, на наше счастіе, оказалась пустой, и которая содержалась сравнительно чище и была къ тому же вмѣстительнѣе и свѣтлѣе. Я говорю «мы», потому что, съ согласія товарищей, привилегированныхъ, я безпрепятственно пристроился къ нимъ, противъ чего и смотритель ничего не имѣлъ.

Смотрителемъ былъ старичокъ изъ отставныхъ военныхъ, рѣдкой доброты, суетливый и аккуратнѣйшій человѣкъ. Арестанты его любили, по преданію, и изъ уваженія къ нему не производили скандаловъ. Онъ дослуживалъ только до пенсіи, какъ говорилъ мнѣ, вѣчно о чемъ нибудь хлопоталъ; въ продолженіе лѣта принималъ и отправлялъ болѣе 15 тысячъ человѣкъ арестантовъ; каждый арестантъ его безпокоилъ, во все онъ самъ входилъ, хотѣлъ всѣмъ угодить, но отъ этого порядка въ тюрьмѣ не прибавлялось.

Возвращаюсь къ этимъ порядкамъ, лучше сказать, «непорядкамъ». Прежде всего не могу умолчать о слишкомъ частыхъ и совершенно безполезныхъ обыскахъ, которымъ подвергались арестанты по всему пути слѣдованія. Не смотря на строжайшій обыскъ при выступленіи изъ Москвы, не смотря на то, что арестанты весь путь были подъ строгимъ надзоромъ конвойныхъ, и что вещи ихъ были въ багажныхъ вагонахъ,—въ Нижнемъ, при впускѣ въ пересыльную тюрьму, арестантовъ снова обыскивали, всѣ узлы развязывались, сложенныя вещи разбрасывались, словомъ, производилась совершенно напрасная трата времени и силъ, что́ не только утомляло, но и раздражало арестантовъ. Послѣдніе съ дороги хотѣли бы нѣсколько отдохнуть, подкрѣпить свои силы, а тутъ ихъ безъ всякой пользы тормошили.

Отъ Москвы до посадки арестантовъ на баржи въ Тюмени, послѣднихъ обыскивали больше 10 разъ: въ Москвѣ 2 раза, въ Нижнемъ 2 раза, въ Перми 2 раза, затѣмъ въ Екатеринбургѣ, Камышловѣ и другихъ этапныхъ пунктахъ, и наконецъ въ Тюмени 2 раза. Эти частые обыски доказывали только, что начальство не вѣритъ другъ другу. Разъ въ Москвѣ этапный начальникъ принялъ партію послѣ тщательнаго обыска, разъ арестанты всю дорогу находились подъ строгимъ надзоромъ конвоя,—казалось бы, нѣтъ больше никакой надобности подвергать ихъ частымъ обыскамъ. Но мудрое начальство разсудило иначе, и на каждомъ этапномъ пунктѣ рылось въ убогихъ пожиткахъ арестантовъ, которые, однако, при всей бдительности начальства, умѣютъ спрятать и деньги, и табакъ, и всякія другія запрещенныя вещи.

Въ инструкціяхъ главнаго этапнаго начальства говорится, что

на каждомъ этапномъ пунктѣ долженъ быть кипятокъ для малолѣтнихъ дѣтей. Между тѣмъ въ нижегородской пересыльной тюрьмѣ кипятку не оказалось. Это было большое лишеніе. «Побаловаться чаемъ» составляетъ величайшее удовольствія для арестантовъ, — и лишить ихъ этого невиннаго удовольствія крайне жестоко. На мой вопросъ, почему не имѣется кипятку, смотритель объяснилъ, что высшее начальство этого не разрѣшаетъ, и что онъ, смотритель, отпускаетъ утромъ кипятокъ для дѣтей на свой рискъ и страхъ, такъ какъ въ законѣ ничего не говорится о правѣ арестантовъ на чай. Правда, что въ уставѣ о содержащихся подъ стражей нѣтъ прямого запрещенія чая, но нѣтъ и положительнаго разрѣшенія, а, по мнѣнію тюремнаго начальства, все, что не разрѣшено, то запрещено.

Разсказывали, что одинъ прокуроръ судебной палаты, на основаніи этого силлогизма, запретилъ во всѣхъ мѣстахъ заключенія его обширнаго округа употребленіе молока, такъ какъ нигдѣ въ законѣ не указано, что оно дозволяется заключеннымъ подъ стражей...

Казалось бы, наоборотъ, что все, не запрещенное положительнымъ законодательствомъ, должно считаться дозволеннымъ, но въ отношеніи арестантовъ, по крайней мѣрѣ, примѣняется обратное толкованіе, а именно: все, что не разрѣшено спеціально, то запрещено. Понятно, что съ такимъ толкованіемъ можно дойти до какихъ угодно абсурдовъ, до запрещенія дышать включительно, такъ какъ законъ этого нигдѣ спеціально не разрѣшаетъ.

Вообще, въ то время, какъ всѣ наши quinze volumes законовъ подвергаются постояннымъ измѣненіямъ и улучшеніемъ, сообразно требованіямъ новѣйшаго времени, одинъ только уставъ о содержащихся подъ стражей остается въ томъ же видѣ, въ какомъ его выпустилъ Сперанскій...

Вотъ, напримѣръ, давно бы пора отмѣнить безсмысленное запрещеніе осужденнымъ арестантамъ курить табакъ, читать книги и газеты, имѣть письменныя принадлежности, принимать посѣщеніе родныхъ и т. д. Говорятъ, что существуютъ разныя комиссіи и подкомиссіи, которымъ поручена коренная реорганизація тюремнаго дѣла, но видно, что комиссіи и подкомиссіи не слишкомъ спѣшатъ выполнить возложенныя на нихъ обязанности. Вѣдь не засѣдающіе въ комиссіяхъ подвергаются всѣмъ лишеніямъ, связаннымъ съ тюремными порядками, а какіе-то преступники, поддонки общества. Ну, и могутъ подождать...

Въ нижегородской пересыльной тюрьмѣ чаепитіе было запрещено арестантамъ не только изъ казеннаго котла, но и на свои собственныя деньги. Въ другихъ тюрьмахъ имъ не возбранялось посылать надзирателей за покупкой незапрещенныхъ предметовъ. Но въ Нижнемъ, безъ особаго разрѣшенія смотрителя, ихъ ни за чѣмъ нельзя было посылать. Жены и дѣти, добровольно слѣдовавшія за преступниками, также никуда не выпускались. А смотри-

тель, боясь отвѣтственности передъ высшимъ начальствомъ, разрѣшеніе давалъ очень рѣдко.

За то общеніе арестантовъ съ женскимъ поломъ было въ тюрьмѣ безпрепятственное. Хотя женское отдѣленіе было на первомъ дворѣ, который былъ разобщенъ со вторымъ дворомъ, но семейнымъ не возбранялось посѣщать своихъ женъ, а за ними въ женское отдѣленіе пробирались и несемейные, которые открыто ухаживали за «холостыми» арестантками и, не смотря на кандалы и бритыя головы, имѣли, повидимому, у нихъ успѣхъ. Свиданія происходили при самой фантастической обстановкѣ. Кавалеры и дамы боялись только попадаться на глаза надзирателей, но присутствіе арестантовъ ихъ нисколько не стѣсняло... напротивъ, подъ легкимъ прикрытіемъ товарищей совершался самый грубый развратъ.

Изъ Нижняго арестанты отправлялись въ дальнѣйшій путь на баржахъ. Отправка происходила по 2 раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ, и совершалась она гораздо проще, чѣмъ въ Москвѣ. Въ день отправки въ тюрьму являлся совѣтникъ губернскаго правленія съ писцомъ и со статейными списками арестантовъ, подлежащихъ отправкѣ; являлся также партіонный офицеръ съ своимъ писаремъ. Первый сдаетъ партію, второй ее принимаетъ. Хотя при этомъ присутствуетъ также докторъ и фельдшеръ, но безъ всякой торжественной обстановки и безъ суеты. Только совѣтникъ однимъ своимъ видомъ наводилъ на всѣхъ какой-то страхъ. Оловянные глаза, кривой ротъ, большой, толстый носъ, голосъ, какъ изъ бочки, бакенбарды, какъ у шимпанзе, при томъ замашки и претензіи важнаго сановника, рѣшающаго первостепенные государственные вопросы,—все это производило на арестантовъ подавляющее впечатлѣніе.

Всѣ прибывшіе со мною привилегированные арестанты попали въ первую отходящую партію; я же остался. Не желая разстаться съ товарищами, я рѣшился попросить «страшнаго» совѣтника помѣстить меня въ «добавочномъ» спискѣ, что̀ весьма легко было исполнить, такъ какъ въ назначенной къ отправкѣ партіи оказалось много больныхъ, взамѣнъ которыхъ назначались «добавочные». Но совѣтникъ, выслушавъ мою просьбу, бросилъ на меня такой свирѣпый взглядъ, при чемъ промычалъ что-то для меня непонятное, что я счелъ за лучшее не настаивать. Такимъ образомъ, къ крайнему моему огорченію, я остался до слѣдующей партіи.

Впрочемъ, впослѣдствіи я узналъ, что даже совершенно здоровые арестанты, безъ всякой видимой причины, оставались въ пересыльной тюрьмѣ по 2—3 недѣли: просто забывали объ ихъ существованіи. Подобныя проволочки только напрасно истощаютъ силы арестантовъ, а также ихъ послѣдніе ничтожные достатки. Такъ, въ то время, какъ по маршруту я могъ бы сдѣлать свой путь изъ Москвы до Тобольска въ продолженіе 17 дней, я пробылъ въ дорогѣ 34 дня, т. е. ровно вдвое болѣе.

V.

Посѣщеніе пересыльной тюрьмы пріѣзжимъ сановникомъ. — Отправка.—Арестантская баржа.—Посѣщеніе сановникомъ баржи.—Маленькое недоразумѣніе. — Мучительная ночь.—Объясненіе съ партіоннымъ офицеромъ.—Въ дворянской каютѣ.— Благоволеніе начальства.—Плаваніе.—Пища.—Болѣзни.—Обѣщанія.

Какъ разъ во время моего ожиданія отправки пересыльную тюрьму посѣтилъ извѣстный сановникъ, осматривавшій, по высочайшему повелѣнію, тюрьмы въ Россіи съ цѣлью ихъ преобразованія. Его не ожидали, поэтому онъ могъ бы увидѣть весь внутренній порядокъ тюрьмы безъ всякихъ прикрасъ. Даже смотритель не зналъ, кого принимаетъ.

Зная о миссіи этого сановника изъ газетъ, я успѣлъ предупредить смотрителя и шепнуть ему, чтобы онъ не старался скрыть или сгладить вопіющіе недостатки тюрьмы. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,— говорилъ я ему,—пусть полюбуется; авось подумаетъ и найдетъ средства къ улучшенію». Въ началѣ осмотра смотритель придерживался моего совѣта, но въ концѣ концовъ, по старой привычкѣ, онъ не выдержалъ и не только не обнаружилъ всѣхъ язвъ тюрьмы, но и старался все сгладить и выставить порядки въ лучшемъ цвѣтѣ.

Доброе лицо сановника, принявшее было сострадательный и печальный видъ, понемногу прояснилось,—и онъ вышелъ изъ тюрьмы со всей своей свитой спокойно и величаво. Я не первый разъ убѣдился, что какъ бы ни былъ проницателенъ, справедливъ и доброжелателенъ высокопоставленный ревизоръ, онъ не можетъ видѣть всего того, что переживаетъ на своей шкурѣ арестантъ. Уже по одному тому, что сановникъ былъ изъ другой сферы, съ другими чувствами и понятіями, внутренній строй этапной жизни не могъ ему открыться во всей его наготѣ. И все, конечно, осталось по-старому.

Къ крайнему моему огорченію, я не попалъ и во вторую партію. Но такъ какъ въ послѣдней также оказалось много больныхъ, которые остались, то я снова рѣшился просить угрюмаго совѣтника записать меня въ число добавочныхъ. Не знаю, сжалился ли онъ надо мною, или я ему просто надоѣлъ, но я достигъ своей цѣли. Мрачно и зло онъ приказалъ отыскать мой статейный списокъ и назначилъ меня въ отходящую партію.

Близко сошедшись съ старикомъ-смотрителемъ, я его просилъ, чтобы онъ спеціально отрекомендовалъ меня партіонному офицеру, отъ котораго многое зависитъ во время плаванія отъ Нижняго до Перми. Старикъ съ большой готовностью обѣщалъ это исполнить; но въ суетѣ отправки онъ совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи, и я оказался безъ всякой протекціи.

Послѣ обыска, переклички и перечисленія насъ вывели изъ

тюрьмы. Послѣ 20-минутнаго шествія мы подошли къ Волгѣ, гдѣ стояла арестантская баржа. Но насъ туда не пускали. Оказалось, что вышеупомянутый сановникъ пожелалъ осмотрѣть баржу и присутствовать при посадкѣ арестантовъ. Этапное начальство, конечно, сочло за благо показать ему баржу безъ арестантовъ, приведя ее предварительно въ образцовый порядокъ. Въ ожиданіи прибытія сановника мы расположились на берегу далеко не въ живописной группѣ.

Баржа была устроена слѣдующимъ образомъ: на палубѣ, на носу помѣщались каюта для партіоннаго офицера, контора, фельдшерская и больница; на кормѣ—дворянская каюта, камера для конвоя, карцеръ и маленькая кухня для стражи. Середина же палубы образовала большое пространство, которое было огорожено со всѣхъ сторонъ толстою проволочною сѣткой, и которое, въ свою очередь, было раздѣлено проволочною же сѣткою на двѣ половины. На одной половинѣ помѣщалась кухня для арестантовъ, а другая предназначалась для прогулки. Арестанты же помѣщались въ двухъ отдѣленіяхъ подъ палубой; одно отдѣленіе занимали семейные арестанты съ женами и дѣтьми, а также женщины арестантки, другое—холостые арестанты. Окошечки въ каютахъ были крошечныя, съ желѣзными рѣшетками, и пропускали мало свѣту и воздуха. По рединѣ отдѣленій были устроены нары въ два этажа; тутъ же находился и клозетъ. Такъ какъ на нарахъ не могли помѣститься всѣ арестанты, то многіе изъ нихъ должны были устроиться подъ нарами, а также въ проходахъ на полу.

Но въ ожиданіи сановника, какъ я сказалъ выше, всѣ отдѣленія были хорошо вымыты, вычищены; во многихъ мѣстахъ стояли хвойныя деревья, на полу разбросана была пахучая трава; клозеты были хорошо дезинфецированы.

Но вотъ явился сановникъ со свитой. Онъ поднялся на баржу, долго и подробно ее осматривалъ и, повидимому, остался всѣмъ доволенъ. Но, я увѣренъ, еслибъ онъ явился на баржу черезъ нѣсколько часовъ, когда отдѣленія были биткомъ набиты, когда арестанты лежали чуть ли не другъ на другѣ, когда изъ клозетовъ сталъ распространятся отвратительный запахъ, то онъ врядъ ли остался бы доволенъ... Онъ убѣдился бы, что окошечки были слишкомъ малы, что если бы они были даже втрое больше, то и тогда нечего было опасаться побѣговъ, такъ какъ здѣсь дежурили конвойные, къ тому же окна были снабжены желѣзными переплетами, да и бѣжать-то некуда (не въ глубокую же рѣку бросаться!); онъ убѣдился бы, что въ отдѣленія садятъ гораздо большее число людей, чѣмъ полагалось; что клозеты устроены отвратительно и заражаютъ воздухъ... Да мало ли что увидѣлъ бы сановникъ? Но, повидимому, ему и въ голову не пришла самая простая мысль, что баржа безъ арестантовъ совсѣмъ не то, что переполненная сверху до низу.

Наконецъ, насъ стали пускать на баржу. Арестанты проходили мимо сановника и его свиты, сквозь строй конвойныхъ, съ котомками на плечахъ. Одинъ изъ свиты обратилъ на меня особенное вниманіе, въ виду того, вѣроятно, что я былъ въ своемъ платьѣ и съ сакъ-вояжемъ въ рукахъ.

— А этотъ куда идетъ?—спросилъ онъ, остановивъ меня.

Я хотѣлъ было пройти впередъ, но чиновникъ такъ пристально недоумѣвающе смотрѣлъ на меня, а начальникъ этапа такъ умильно улыбнулся мнѣ, что я невольно остановился.

— Куда вы?—повторилъ свой вопросъ чиновникъ.

— Туда же, куда и остальные,—отвѣтилъ я.

Но чиновникъ этимъ не удовлетворился. Онъ сталъ разспрашивать меня о моемъ прошломъ; я кое-какъ отвѣтилъ; онъ внимательно меня выслушалъ, наконецъ, милостиво отпустилъ.

Между тѣмъ въ отдѣленіяхъ шла борьба за мѣста на нарахъ. Мнѣ, впрочемъ, еще досталось свободное мѣсто. Холостое отдѣленіе все больше и больше наполнялось. Вскорѣ мѣстъ на нарахъ уже не оказалось. Вновь прибывшіе кое-какъ устроились подъ нарами. Оттуда поднялась удушливая пыль; зазвенѣли кандалы; въ воздухѣ стоялъ стонъ и гамъ; клозетъ сталъ распространять специфическій запахъ; въ разныхъ углахъ закурили махорку, которую арестанты ухитрялись проносить, не смотря ни на какіе обыски; въ отдѣленіи сдѣлалось невыносимо душно и гадко. Къ довершенію всего, въ тотъ день на палубу никого не выпускали.

Пароходъ долженъ былъ отчалить въ три часа утра, а было всего 8 часовъ по полудни. Приходилось ждать мучительныхъ 7 часовъ. Кипятку почему-то въ тотъ день не отпускали; холодной воды негдѣ было достать; рѣчная же вода имѣла 17° теплоты. Я просто задыхался. Я все жался къ крошечнымъ окошечкамъ, но за отсутствіемъ вѣтра съ рѣки не шло ни малѣйшей свѣжести. Я поднялся по лѣстницѣ къ балубѣ, прикладывалъ горячій лобъ къ желѣзной рѣшетчатой двери, но желѣзо, быстро согрѣваясь, мало освѣжало. Я пробовалъ было заснуть, но духота и вонь мѣшали. Кромѣ того, звяканіе цѣпей, поминутно раздававшееся при малѣйшемъ движеніи спящихъ арестантовъ, въ высшей степени раздражало нервы. Такъ промучился я до двухъ часовъ ночи. Но усталость взяла свое, и я кое-какъ задремалъ. Вскорѣ я почувствовалъ свѣжую струю воздуха, который я сталъ глотать всей грудью. Это обозначало, что пароходъ тронулся, и что мы поплыли. Въ отдѣленіи сдѣлалось довольно свѣжо, и я сладко проспалъ до самаго утра, когда неизбѣжный шумъ и гамъ проснувшихся арестантовъ разбудили меня.

Имѣя въ перспективѣ еще такихъ пять ночей и узнавъ, что «дворянская каюта», за отсутствіемъ привилегированныхъ, никѣмъ не была занята, я рѣшился попросить у партіоннаго офицера позволенія перейти туда. Вскорѣ къ тому представился удобный случай.

Когда насъ выпустили на палубу для прогулки, офицеръ, увидя меня въ своемъ платьѣ среди кандальщиковъ и бритыхъ головъ, подозвалъ меня и спросилъ...

— Ты мастеровой, что ли?

— Къ сожалѣнію, только литературный. .—отвѣтилъ я.

— Какъ такъ?—удивленно спросилъ онъ.

— Да, я литературный мастеровой,—повторилъ я, и въ короткихъ словахъ я ему разсказалъ о своемъ прошломъ.

— Какъ же вы не привилегированный?—продолжалъ онъ недоумѣвать.

— Къ сожалѣнію, литературное ремесло не даетъ никакихъ привилегій,—проговорилъ я.—Въ особенности, приходится объ этомъ сожалѣть во время этапа...—прибавилъ я и тутъ же высказалъ свою просьбу о переводѣ меня въ «дворянскую» каюту.

— Хорошо, я распоряжусь!—проговорилъ офицеръ и удалился.

Я чуть не подпрыгнулъ отъ радости.

Не прошло и пяти минутъ, какъ ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ, приглашая перейти въ дворянскую. Я, разумѣется, поспѣшилъ воспользоваться этой милостью.

Дворянская каюта была очень вмѣстительная, имѣла три большія окна, нары были вымыты; весь полъ былъ устланъ пахучей травой. Я устроился тамъ, какъ мнѣ и во снѣ не снилось. Свѣтъ, просторъ, чистая постель (собственная), интересная книга,—все это заставило меня забыть, что я арестантъ, что нахожусь въ этапѣ. Меня даже стала мучить совѣсть, что я одинъ пользуюсь такимъ комфортомъ, хотя никто изъ арестантовъ не имѣлъ претензіи на эту каюту, а прежніе товарищи почему-то считали, что я имѣю полное право на оказанную мнѣ милость. Впрочемъ, впослѣдствіи я узналъ, что въ семейномъ отдѣленіи находится купеческое семейство, состоявшее изъ шести человѣкъ, почему-то не пользовавшееся своимъ привилегированнымъ положеніемъ (глава семейства былъ осужденъ въ каторжную работу), я попросилъ офицера о перемѣщеніи ихъ въ «дворянскую», на что онъ изъявилъ согласіе.

Партіонный офицеръ Ш. оказался превосходнымъ человѣкомъ и въ отношеніи къ другимъ арестантамъ. Онъ дѣлалъ имъ всевозможное снисхожденіе, обращался съ ними человѣчно и разумно, не потворствуя имъ и не стѣсняя ихъ безъ цѣли. Пища отпускалась имъ сытая и свѣжая; кипятокъ цѣлый день былъ къ ихъ услугамъ; имъ предоставлена была свобода гулять по палубѣ безъ всякаго ограниченія; послѣ обѣда офицеръ разрѣшалъ имъ пѣть пѣсни. Глядя на своего начальника, и конвойные были съ арестантами вѣжливы и предупредительны. Неудивительно поэтому, что за всѣ шесть дней нашего плаванія по Волгѣ и Камѣ среди разношерстнаго, преступнаго и далеко не смирнаго населенія не было ни одного

случая безпорядка. Всѣ арестанты вели себя тихо и отмѣнно добропорядочно; никто не подвергался никакому взысканію.

Въ своихъ частыхъ бесѣдахъ со мною Ш. высказалъ сожалѣніе, что не всѣ его товарищи, то-есть другіе этапные начальники, раздѣляютъ его взглядъ на обращеніе съ арестантами, что они безъ всякой надобности притѣсняютъ послѣднихъ. Онъ увѣрялъ, что сдѣлалъ бы для нихъ гораздо больше, но у него самого руки во многомъ связаны; что наше законодательство ужасно запоздалое въ отношеніи преступниковъ, и т. д., и т. д.

Не смотря на то, что пища отпускалась арестантамъ, какъ я уже сказалъ выше, обильная и свѣжая (по два съ половиной фунта прекраснаго хлѣба на человѣка въ сутки, полфунта мяса, крупа, капуста, масло и проч.), что баржа, въ виду осмотра ея сановникомъ, была приведена въ возможную чистоту, что вся партія была освидѣтельствована въ Нижнемъ врачемъ, который больныхъ не пропускалъ, — на баржѣ оказалось много больныхъ, въ особенности, среди дѣтей. Въ продолженіе шестидневнаго плаванія умерло 5 ребятишекъ, одинъ взрослый, а заболѣвало множество. Причиной этому, несомнѣнно, были отвратительныя гигіеническія условія. Въ партіи было около 600 человѣкъ, тогда какъ въ баржѣ болѣе или менѣе удобно могло помѣститься не болѣе половины этого числа. Въ семейномъ отдѣленіи было осбенно тѣсно и грязно; жара все время стояла страшная; женщины и дѣти выпускались на палубу только вечерами; воздухъ въ отдѣленіи былъ убійственный. При такихъ условіяхъ надо было, напротивъ, удивляться, что развившаяся болѣзнь унесла такъ мало жертвъ. Единственный, находившійся на баржѣ, фельдшеръ съ ничтожными аптекарскими средствами, естественно, очень мало приносилъ пользы.

Умершихъ сдавали въ деревняхъ, гдѣ грузили дрова для парохода. И надо было видѣть, съ какимъ смиреніемъ, съ какимъ сосредоточеннымъ горемъ родственники разставались съ своими дорогими покойниками!.. Эти тяжелыя картины никогда не могли изгладиться изъ моей памяти.

Приближаясь къ Перми, я рѣшился воспользоваться расположеніемъ ко мнѣ партіоннаго начальника и просить его, во-первыхъ, о рекомендаціи меня смотрителю пермской пересыльной тюрьмы, который слылъ между арестантами страшнымъ звѣремъ; во-вторыхъ, объ избавленіи меня какимъ нибудь путемъ отъ «наручныхъ» по пути отъ Перми до Тюмени.

— Вторую вашу просьбу я постараюсь исполнить,—сказалъ офицеръ,—и надѣюсь, что мнѣ это удастся. Я попрошу начальника этапа, который приметъ отъ меня партію. Онъ очень хорошій человѣкъ; мы съ нимъ товарищи; я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ для васъ все возможное. Что касается рекомендаціи смотрителю, то, къ сожалѣнію, не могу быть вамъ полезнымъ. Между нами давно вышли

недоразумѣнія; мы съ нимъ въ самыхъ офиціальныхъ отношеніяхъ, лучше сказать, въ враждебныхъ, и моя рекомендація, пожалуй, можетъ еще послужить вамъ во вредъ. Мнѣ очень жаль, но, повторяю, ничего не могу сдѣлать въ этомъ случаѣ. Какіе тамъ порядки, вы сами скоро увидите.

Партіонный начальникъ сдержалъ свое слово. Какъ только баржа пристала къ берегу, и явился начальникъ этапа, г. Ш. отрекомендовалъ меня ему и просилъ объ освобожденіи отъ наручныхъ. Тотъ началъ было говорить, что непривилегированнымъ наручные полагаются по закону, что отступить отъ закона нельзя, и что, наконецъ, это главнымъ образомъ зависитъ отъ совѣтника губернскаго правленія; но г. Ш. просилъ оказать мнѣ возможное содѣйствіе, и начальникъ этапа обѣщалъ.

По выходѣ изъ баржи Ш. повторилъ мнѣ, что для меня будетъ сдѣлано все возможное; это самое онъ снова повторилъ мнѣ уже на тюремномъ дворѣ, по сдачѣ партіи; я былъ вполнѣ увѣренъ на этотъ разъ, что обѣщаніе будетъ исполнено. Но...

А. К.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНСТИТУТЪ ФРАНЦІИ.

(По поводу столѣтія его существованія).

«Si je savais quelque chose à fond, je saurais tout».

Claude Bernard [1]).

I.

Вѣковая устойчивость Института.—Сочиненія, касающіяся его исторіи.—Празднества юбилейныя.—Характеристическія черты Института.—Стихи Сюлли Прюдома.—Непрерывность академической жизни во Франціи.—Количественный и качественный составъ старыхъ Академій и Института.

ОЛИТИЧЕСКІЯ судьбы Франціи подвергались, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, столь крупнымъ переворотамъ, что потому именно заслуживаетъ особеннаго удивленія вѣковая устойчивость того учрежденія, которое имѣетъ цѣлью объединить лучшія силы литературы, науки и искусствъ. Своимъ Институтомъ Франція, по справедливости, можетъ гордиться. Если и въ другихъ государствахъ есть знаменитыя научныя корпораціи, каковы нѣкоторыя Академіи Наукъ и особенно Королевское Общество въ Англіи; тѣмъ не менѣе, нигдѣ въ мірѣ не существуетъ такого многочисленнаго Института, въ которомъ точныя и словесныя науки, искус-

---

[1]) «Если бы мнѣ извѣстна была сущность только одного предмета, я бы зналъ все».

Клодъ Бернаръ.

ства и литература находились бы въ столь дружномъ органическомъ единеніи. При множествѣ всякаго рода учрежденій правительственныхъ и частныхъ, коимъ присвоено подобное же наименованіе, каждый образованный французъ понимаетъ, конечно, подъ этимъ словомъ Институтъ Франціи, «Institut de France», т. е. циклъ пяти Академій, входящихъ въ его составъ.

Чтобы ознакомиться съ исторіей Института Франціи и ея Академій, существуетъ достаточное число хорошихъ сочиненій; вотъ главныя [1]): Académie des derniers Vallois, E. Frémy; Histoire de l'Académie française, Pélisson,—Mesnard; Histoire de l'ancienne Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, A. Maury; Une Académie sous le Directoire, J. Simon; L'ancienne Académie des Sciences, A. Maury; L'Académie des Sciences, J. Bertrand; L'Institut et les anciennes Académies, J. Aucoc; Histoire de l'Académie royale des Sciences, Fontenelle; L'Académie des Sciences, E. Maindron. Однако, въ русской литературѣ нѣтъ даже краткаго описанія устройства Института. Это обстоятельство и побудило меня составить настоящій очеркъ, пользуясь личными впечатлѣніями, вынесенными во время моего пребыванія въ Парижѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1895 года, по случаю торжествъ празднованія столѣтняго юбилея Institut de France.

Торжества продолжались четыре дня. Къ нимъ были привлечены иностранные сочлены и корреспонденты. Ихъ собралось 109, а такъ какъ общее штатное число равняется 280, то значитъ 39% прибыли въ Парижъ, 94 извинились письменно (34%), а отъ 77 (27%) не было отвѣта на приглашеніе. Торжества были въ высшей степени интересны. Описаніе ихъ можно найти въ текущихъ нумерахъ газетъ и журналовъ, а на русскомъ языкѣ появилась статья Ц. А. Кюи въ декабрьской книжкѣ «Недѣли» за 1895 годъ, къ которой и отсылаемъ желающихъ. Тексты офиціальныхъ рѣчей, произнесенныхъ на торжествахъ, и нѣкоторыхъ поздравительныхъ адресовъ находятся въ особой брошюрѣ, изданной администраціей Института, подъ заглавіемъ: «Le Centenaire de l'Institut, 1795—1895 (25 octobre), Paris, 1896» (Столѣтіе Института, 1795—1895 (25 октября], Парижъ 1896). Депутаціи поздравительныя не были допущены. Адресы, большею частью, доставлены чрезъ корреспондентовъ Института. Общее число адресовъ было 31; отпечатаны тексты только главныхъ, а именно Лондонскаго Королевскаго Общества и Академій Наукъ: Императорской Россійской и Королевской Бер-

[1]) Академія послѣднихъ Валуа, Фреми. Исторія Французской Академіи, Пелиссона; Менара. Исторія старой Академіи надписей и изящной литературы, Мори. Одна Академія во время директоріи, Ж. Симона. Старая Академія наукъ, Мори. Академія наукъ, Бертрана. Институтъ и старыя Академіи, Окока. Исторія Королевской Академіи наукъ, Фонтенеля. Академія наукъ, Мендрона.

глинской. Изъ Россіи было 18 адресовъ, то-есть болѣе половины всего числа [1]).

Празднества состояли: въ первый день—изъ пріема иностранцевъ въ залахъ обыкновенныхъ засѣданій Академій и изъ раута у министра народнаго просвѣщенія; во второй день—изъ представленія иностранцевъ президенту республики и изъ торжественнаго засѣданія въ большомъ залѣ новаго университета [2]), гдѣ собраны были депутаты ученыхъ корпорацій и представители всѣхъ факультетовъ и школъ Франціи. Въ присутствіи президента республики, дипломатическаго корпуса, высшихъ чиновъ правительства, выслушаны были рѣчи Амбруаза Тома, Жюля Симона и министра просвѣщенія Пуанкаре. Въ тотъ же день, вечеромъ, состоялся товарищескій обѣдъ въ Континентальной гостиницѣ. Тутъ были рѣчи трехъ англичанъ: Макса Мюллера, лорда Кельвина и Франкланда. Третій день, пятница, былъ посвященъ парадному представленію во Французскомъ театрѣ (Théâtre Français), при чемъ актеръ Муне Сюлли прочелъ стихи, написанные поэтомъ Сюлли Прюдомомъ въ честь Института Франціи. Въ тотъ же день, вечеромъ, былъ раутъ у президента республики въ Елисейскомъ дворцѣ. Наконецъ, въ субботу, 26 октября, весь Институтъ посѣтилъ замокъ Шантильи (Chantilly) и былъ принятъ самимъ хозяиномъ, герцогомъ Омальскимъ.

На всѣхъ этихъ торжествахъ рѣшительно нельзя было получить понятіе объ обычной жизни самаго учрежденія. Тѣмъ не менѣе обстановка торжествъ и содержаніе рѣчей дали ясное представленіе, какъ относятся сами французы къ Институту, и какое имѣютъ мнѣніе о немъ иностранцы.

Конечно, рѣчи Жюля Симона и министра народнаго просвѣщенія сводились къ тому, что устройство Института можетъ служить образцомъ для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и что въ исторіи преобразованія міра, если Франція приняла значительное участіе, то этимъ она обязана въ большой мѣрѣ своему Институту [3]).

---

[1]) Въ видѣ приложенія въ концѣ брошюры: Столѣтіе Института, «Le Centenaire de l'Institut», помѣщено также полное содержаніе проповѣди, произнесенной епископомъ Перро (Monseigneur Perraud) передъ панихидой по умершимъ членамъ Института. Эта панихида происходила въ одной изъ старѣйшихъ церквей Парижа, Saint-Germain-des-Près, 23 октября въ 11 часовъ утра. Приглашенія были посланы всему составу Института, съ семьями. Они были на бланкахъ Института, въ формѣ полуофиціальной, но и подобная форма возбудила довольно рѣзкіе протесты. Епископъ Перро, состоящій членомъ Французской Академіи, вскорѣ послѣ юбилея былъ возведенъ въ санъ кардинала.

[2]) Nouvelle Sorbonne.

[3]) Настоящими лабораторіями ученаго и художественнаго труда служатъ другія учрежденія и общества, но члены Института играютъ въ нихъ большую роль, и во всякомъ случаѣ въ Институтъ стекаются всѣ изобрѣтенія и въ немъ оповѣщается о всемъ выдающемся на всякаго рода поприщахъ.

Рѣчи иностранныхъ представителей единодушно возвеличивали Институтъ и признавали его всемірное благотворное значеніе [1]).

При всемъ томъ, что существовавшія во Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ Академіи имѣли свою блестящую исторію, тѣмъ не менѣе учрежденіе Института составило эру въ развитіи французской цивилизаціи. Характеристическія черты его заключаются въ гармоническомъ единеніи пяти самостоятельныхъ Академій, имѣющихъ каждая свою спеціальную сферу дѣятельности, но связанныхъ однимъ уставомъ, указывающимъ общую цѣль его существованія. Національный Институтъ Франціи, основанный въ августѣ 1795 года, имѣетъ назначеніе: «собирать открытія, совершенствовать искусства и науки».

Торжественное открытіе Института происходило въ залѣ Каріатидъ, въ Луврѣ; оно длилось 4 часа, при многочисленномъ собраніи; въ немъ произнесено было много рѣчей, сдѣлано 5 научныхъ сообщеній, и прочитаны аллегорическіе стихи, въ которыхъ, между прочимъ. такъ говорилось о взаимной связи между наукой и искусствами:

«On voyait la science et les arts se chercher,
«Algébre et poésie, enfin se rapprocher,
«Et, pour dire encore plus, la fière astronomie
«A l' humble botanique offrir sa main amie.

«Науки и искусства искали другъ друга: алгебра сближалась съ поэзіей, и даже гордая астрономія протягивала дружески руку скромной ботаникѣ.»

Институтъ Франціи, будучи плодомъ революціи, основанъ однакожъ не на революціонныхъ началахъ. Вотъ первыя четыре строфы стихотворенія поэта Сюлли Прюдома [2]), которыя посвящены основанію Института:

1. [3]) «Déjà l' Institut compte un siècle!.. la durée
Au plus vieux des vivants ici bas mesurée;
L' âme cent ans au plus reste fidèle au corps.

---

[1]) Лордъ Кельвинъ указывалъ на Біо, Реньо и Ліувиля, а Максъ Мюллеръ на Бюрнуфа, Жульена, Моля, Рейно, де Тасси, Гиньо, Мори, Б. С. Илеръ, какъ на своихъ учителей.

[2]) R. F. A. Sully Prudhomme съ 1881 года состоитъ членомъ Французской Академіи.

[3]) Для послѣдовательнаго, связнаго чтенія стихотворенія Сюлли Прюдома привожу распредѣленіе строфъ, по ихъ нумерамъ: вступительныя строфы 1, 2, 3 и 4-я, а также заключительныя 15, 16, 17, 18 и 19-ая касаются Института, въ совокупности. Строфа 5-ая и первая половина 6-ой строфы относятся до Академіи Наукъ. Вторая половина 6-ой строфы и 7 строфа обращены къ Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ. Строфа 8-я принадлежитъ Академіи надписей и изящной литературы. Далѣе идутъ строфы 9 и 10-ая, которыя соотвѣтствуютъ Академіи Художествъ, и, наконецъ, строфы 11, 12, 13 и 14-ая воспѣваютъ Французскую Академію.

Ainsi les fondateurs de l'oeuvre séculaire
N' ont vu que le lever du grand jour qui l' éclaire;
L' hommage à ce qui dure est un hommage aux morts».

2. «Salut donc! gloire à vous! nos aieux de l' An Quatre.
Legislateurs qui, las de briser et d'abattre,
Osiez en plein tumulte exalter les penseurs,
Les maitres dans les arts qu' effarouche la guerre,
Imposer cette élite au respect du vulgaire,
Et rendre un sûr asile aux neuf divines Soeurs».

3. «Ah! vous aviez compris que les seules victoires
Exemptes de retours, de deuils expiatoires,
Les assauts à la nuit s' épuiseraient bientôt,
Si des esprits, sauveurs du savoir et du rêve,
Pour le Vrai, pour le Beau ne combattaient sans trêve,
Loin des bruits du forum et loin des camps... plus haut».

4. «A leurs cultes divers ouvrant un même temple,
Depuis cent ans la France offre au monde en exemple,
Chez ces zélés chercheurs, le concert fraternel
Des seuls travaux humains dont le triomphe assure
A notre insigne espèce un rôle à sa mesure,
Et force l' Infini d' exaucer notre appel!»

— · —

Сто лѣтъ прошло! На сводахъ Учрежденья [1])
Свои слѣды оставилъ цѣлый вѣкъ,
Столѣтній кругъ,—съ трудомъ его теченье
Обнять всей жизнью можетъ человѣкъ,
И тѣ, что въ тѣхъ стѣнахъ Собранье учредили,
Начало положивъ, давно уже почили.

Но память ихъ живетъ,—и нынѣ ихъ самихъ,
Создателей, мы чтимъ въ столѣтномъ ихъ созданьѣ;
Уставъ ниспровергать, пріюту Музъ родныхъ
Они рѣшили дать и дали основанье,
И знамя мысли здѣсь дерзнули водрузить,
Заставили толпу въ почтеньѣ отступить.

Да, поняли они, что, кромѣ славы бранной,
Иная слава есть безъ крови и утратъ,
Но требуетъ она работы неустанной
Въ той области, гдѣ мысль и истина царятъ,
Куда шумъ форума, кликъ битвъ не досягаетъ,—
Такъ ихъ волненья всѣ та область превышаетъ.

И вотъ воздвигся храмъ высокой славы той,
Борцы ея сошлись къ совмѣстному служенью,
И къ чести Франціи сто лѣтъ ихъ дружный строй
Стоялъ за истину, работалъ вдохновенно,
И людямъ званье ихъ высокое являлъ,
И Безпредѣльное къ отвѣту призывалъ.

— · —

[1]) Русскій переводъ стиховъ сдѣланъ Екатериною Александровною Лебедевою.

Устойчивость и прочность Института пріобрѣтены рядомъ возвратовъ къ прошлому. Нѣтъ другого учрежденія во Франціи, которое слило бы традиціи бѣлаго знамени съ трехцвѣтнымъ знаменемъ республики въ такой мѣрѣ, какъ Институтъ (La France d'hier et la France nouvelle), исторія коего тѣсно примыкаетъ и сливается съ исторіей прежнихъ Академій, основанныхъ и процвѣтавшихъ при Людовикахъ. «Le drapeau aux trois couleurs est toujours pour nous «le drapeau chéri», c'est l'astre de la liberté et de la civilisation; mais nous suivons avec amour et orgueil le drapeau blanc fleurdelisé remontant les âges jusqu' au siècle qui fut le grand siècle et qui reste par excellence le siècle français» (изъ рѣчи Жюля Симона) [1]. Двухлѣтній перерывъ, наступившій въ 1793 г., по случаю уничтоженія старыхъ Академій, сдѣлался, со временемъ, не столь замѣтнымъ, тѣмъ болѣе, что не малое число старыхъ академиковъ вошло въ составъ Института. Послѣдующіе политическіе перевороты отразились тоже весьма чувствительно или на самой организаціи Института, или на выборахъ, но все-таки, въ общемъ, заслуживаетъ полнаго удивленія устойчивость всего созданія, возвышенная цѣль котораго служила и, нужно надѣяться, будетъ служить цементомъ, связующимъ людей разныхъ политическихъ воззрѣній и стремленій. Если въ настоящее время, по внѣшнему типу, академики Института являются изобразителями началъ бонапартизма, орлеанизма, крайняго бюрократизма административнаго, а также новыхъ началъ народнаго республиканскаго представительства, то все же разнообразные ихъ типы гармонизируютъ между собою въ предѣлахъ ихъ самостоятельнаго творчества, на безграничномъ поприщѣ науки и искусствъ.

Непрерывность академической жизни Франціи изображается весьма наглядно и убѣдительно въ именныхъ спискахъ членовъ этихъ корпорацій. Списки находятся въ концѣ роскошнаго двухтомнаго изданія: «Le premier siècle de l'Institut de France, par le comte de Franqueville», Paris, J. Rothschild, 1896 [2]). Для французской Академіи списокъ заключаетъ въ себѣ, для періода съ 1629 по 1793 годъ, 277 именъ. Въ Королевской Академіи надписей и изящной литературы (Académie des Inscriptions et Belles Lettres) находимъ 254 имени, съ 1663—1793; въ Королевской Академіи наукъ, съ 1666—1793, разнаго рода членовъ 377. Наконецъ, въ Королевской Академіи живописи и скульптуры, съ 1648—1793, внесено 629 именъ, а въ Королевской Академіи архитектуры, въ періодъ ея существованія съ 1673—1793, значится 131 лицо. Въ

[1]) «Трехцвѣтное знамя всегда наше излюбленное знамя, свѣтило свободы и просвѣщенія; но мы вспоминаемъ также съ любовью и гордостью о бѣломъ знамени, усѣянномъ лиліями, украшавшемъ прошлую нашу исторію и особенно тотъ великій вѣкъ, который остается преимущественно французскимъ вѣкомъ».

[2]) Первый вѣкъ Института Франціи; графа Франквиля. Парижъ. Ротшильдъ. 1896 года.

общемъ итогѣ, при Людовикахъ XIV, XV и XVI, во всѣхъ перечисленныхъ Академіяхъ, перебывало 1668 лицъ. Такова общая сумма академическихъ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ дореволюціоннаго періода. Нужно замѣтить, что иностранные члены были только въ Академіи наукъ [Associés étrangers и нѣсколько Membres honoraires (почетные члены)], при чемъ общее число этихъ знаменитостей немного только превышаетъ 60. Петръ Великій былъ избранъ въ иностранные почетные члены въ 1719 году.

Что касается количественнаго состава новаго Института, то таковой постепенно расширялся, и, согласно книгѣ графа Франквиля, за первое столѣтіе значится всего членовъ разныхъ наименованій:

Académiciens titulaires, дѣйствительныхъ членовъ. . . .	1047
Membres libres, свободныхъ членовъ	170
Associés étrangers, иностранныхъ сочленовъ.	205
Correspondants français, корреспондентовъ французовъ. . .	494
Correspondants étrangers, » иностранцевъ. .	673
Всего . . .	2589

Изъ нихъ 1711 французовъ и 878 иностранцевъ.

Итакъ, по численности, Институтъ по отношенію къ гражданамъ Франціи представляетъ въ XIX вѣкѣ нѣсколько бо̀льше именъ, чѣмъ Академіи за время ихъ существованія въ теченіе двухъ предъидущихъ вѣковъ, а по отношенію къ иностранцамъ является значительное расширеніе, такъ какъ въ Институтѣ иностранцевъ перебывало почти въ 15 разъ болѣе противъ прежнихъ Академій.

Если такъ легко установить количественную картину состава Института и Королевскихъ Академій, то, конечно, весьма трудно опредѣлить качественный составъ ихъ. Выборы составляютъ нервъ жизни академической. Голосованіе есть актъ священный для академиковъ, но, какъ всякій актъ человѣческій, можетъ быть ошибоченъ. При открытіи вакансіи, до ея замѣщенія, проходитъ значительный промежутокъ времени. Назначаются особыя комиссіи для представленія кандидатовъ. Списки таковыхъ на мѣста дѣйствительныхъ членовъ даже публикуются въ протоколахъ. Цѣлый мірокъ Парижскаго общества слѣдитъ съ напряженіемъ и страстностью за новыми кандидатурами. Въ нареканіяхъ противъ Академіи главную роль играютъ неудачные выборы и неизбраніе лицъ, признанныхъ общественнымъ мнѣніемъ достойными. Но какъ уберечься отъ ошибки, даже при полной независимости корпораціи, каковая теперь дѣйствительно существуетъ, тогда какъ прежде особенно упрекали Академію въ ея подчиненіи придворнымъ вліяніямъ. Главнымъ образомъ неудовольствіе падало на Французскую Академію, наиболѣе популярную. По защитительной рѣчи Ж. Симона, можно, однако, указать только на двѣ знаменитости, не бывшія академиками, а именно на Декарта и на Мольера. Если говорятъ

также о Руссо, то замѣчаніе совсѣмъ неправильно, потому что Руссо былъ швейцарецъ, а дѣйствительными членами Французской Академіи никогда не могли быть иностранцы. Что касается Декарта, то его отсутствіе объясняется лишь тѣмъ, что Декартъ писалъ преимущественно по-латыни, а съ его твореніемъ на французскомъ языкѣ (Discours sur la méthode) ознакомились только послѣ его смерти. Мольеръ, какъ актеръ, не могъ быть принятъ, по тогдашнимъ понятіямъ, въ среду избраннаго общества. Въ настоящее время всякому извѣстны нѣкоторыя имена французскихъ, даже знаменитыхъ, литераторовъ, которыхъ академическая среда, именно вслѣдствіе корпоративности своей, не согласна принять къ себѣ; но такого рода факты только доказываютъ, что лучшіе академическіе кружки не могутъ избѣгнуть односторонности. Многочисленность личнаго состава Парижскихъ Академій гарантируетъ ихъ, до извѣстной степени, отъ значительныхъ пропусковъ, а борьба изъ-за выборовъ, несомнѣнно, самое тонкое проявленіе совокупности убѣжденій и вліяній всякаго рода. Какъ не вспомнить, что Вольтеръ съ трудомъ вошелъ въ Академію, и что этотъ главный вождь отрицающаго духа сдѣлался ея же повелителемъ.

Не наша задача вникнуть въ правильность тѣхъ или другихъ избраній, достаточно будетъ констатировать, что Парижскія Академіи, во всѣ времена ихъ существованія, представляли сумму лучшихъ силъ Франціи. И, конечно, формула, которой такъ завидуютъ англичане: «la France une et indivisible»[1]), нашла полнѣйшее свое олицетвореніе въ единеніи всѣхъ Академій подъ однимъ кровомъ Института Франціи. Нельзя не обратить вниманія на эту сторону централизаціи интеллигентныхъ силъ цѣлаго народа, потому что ни въ одной странѣ она не проявилась столь рельефно. Суммировать дѣятельность ученой Германіи можно только взявъ во вниманіе многіе центры, входящіе въ ея составъ. Даже въ Великобританіи, въ отношеніи къ Лондону, Эдинбургъ и Гласго являются совсѣмъ самостоятельными центрами, тогда какъ вся духовная, творческая, ученая, художественная и литературная жизнь французскаго народа сосредоточена исключительно и нераздѣльно въ Парижѣ и особенно въ его Институтѣ. Поэтому, списки личнаго состава Института, несомнѣнно, представляютъ вѣрный источникъ для опредѣленія состава лучшихъ силъ ея. Въ качественномъ отношеніи члены старыхъ Академій представляютъ столь же богатыя имена, какъ и современный Институтъ. Корнейль, Расинъ, Буало, Лафонтенъ, Боссюетъ, Вольтеръ, Монтескье, Бюффонъ, Клеро, Даламберъ, Гюйгенсъ, Маріотъ, Мабиліонъ, Ролленъ, Тюрго, Лебренъ, Миньяръ, Лезюеръ, Филиппъ де-Шампень, Мансаръ, Суффло — вотъ столь же громкія имена на разныхъ поприщахъ творчества, въ періоды Людовиковъ, какъ въ

[1]) «Единая и нераздѣльная Франція».

теченіе нашего вѣка стали общечеловѣческими знаменитостями: Шатобріанъ, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Альфредъ де-Мюссе, Альфредъ де-Гизо, Кузенъ, Тьеръ (по Французской Академіи, Académie Française), Монжъ, Бертолле, Лагранжъ, Лапласъ, Лавуазье, Френель, Амперъ, Араго, Кювье, Жоффруа, де-Сентъ Илеръ, Коши, Шаль, Клодъ Бернаръ, Пастеръ [1]) (по Академія наукъ, Académie des Sciences), Дону, Викторъ де-Клеркъ, Литтре, Буассонадъ, Газъ, Ноде, Бурнуфъ (по Академіи надписей, Académie des Inscriptions), Луи Давидъ, Ингръ, Делакруа, Гуно, Мейсонье, Давидъ (изъ Анжера), (по Академіи художествъ, Académie des Beaux-Arts). Таковъ перечень, данный Жюлемъ Симономъ, въ рѣчи, произнесенной въ собраніи 25 октября нов. ст. 1895 г., въ присутствіи болѣе 4.000 слушателей. Если по прошедшему судить о будущемъ, то нужно питать увѣренность и въ дальнѣйшемъ притокѣ талантливыхъ силъ въ составъ Института Франціи. Прежде всего, это будетъ зависѣть отъ живучести генія самой Франціи. Прилагать къ другой странѣ мѣрило нашихъ воззрѣній на государственный строй столь же ошибочно, какъ и примѣненіе чужеземныхъ политическихъ стремленій къ своему отечеству. Правильнѣе, каждой странѣ надлежитъ искать въ исторіи развитія другихъ тѣхъ предостереженій, которыми можно было бы предотвратить будущіе недуги.

При неустойчивости политической жизни Франціи ея интеллигенція являетъ необычайную способность приспособленія. Такъ, для примѣра, Институтъ, состоя изъ консервативныхъ и преимущественно роялистическихъ элементовъ, только 25 октября 1895 года впервые, и то благодаря присутствію на торжествахъ иностранцевъ, явился къ президенту республики въ форменныхъ костюмахъ съ зелеными шелковыми вышитыми пальмами на фракахъ, по рисунку художника Давида, утвержденному Бонапартомъ и до сихъ поръ сохранившемуся для офиціальныхъ случаевъ. Любимая тема интимнаго разговора нынѣшнихъ академиковъ — это неудовлетворительность республиканскаго режима, но 25-ти лѣтнее существованіе его составляетъ уже четверть всего юбилейнаго періода Института, и академики только нынѣ рѣшились in corpore — являться въ офиціальномъ своемъ мундирѣ на пріемахъ Елисейскаго дворца. При отчужденіи въ разговорахъ отъ правительственныхъ сферъ, на креслахъ академическихъ засѣдаютъ многіе изъ бывшихъ министровъ разныхъ формъ правленія и, если къ составу новыхъ кабинетовъ привлекаются академики, то ихъ товарищи не отказываютъ имъ въ достаточномъ ѳиміамѣ.

---

[1]) Имя Пастера неоднократно произносилось во время торжествъ столѣтія, и это возбуждало общее одобреніе собраній.

II.

Послѣдовательныя перемѣны въ организаціяхъ Института по уставамъ 1795, 1803 1816 и 1832 годовъ.

Институтъ былъ созданъ Конвентомъ, два года спустя послѣ уничтоженія конституціоннымъ собраніемъ прежнихъ Академій. Между тѣмъ эти Академіи сами очень содѣйствовали революціи. Особенно кружокъ энциклопедистовъ, съ Вольтеромъ во главѣ, даже подготовилъ революціонное движеніе, которое въ свою очередь, перейдя отъ теоріи къ дѣйствію, стало того же требовать и отъ Академій, а, встрѣтивъ въ нихъ отпоръ, революція закрыла ихъ. Но, какъ только Франція пришла въ себя и принялась за возстановленіе и за новыя созиданія, такъ явились проекты учрежденія особаго національнаго Института для объединенія литературы, наукъ и искусствъ съ наименованіемъ, не напоминающимъ собою прежнія Академіи. Въ дѣйствительности Институтъ былъ организованъ, какъ бы одна Академія, заключающая въ себѣ три не автономные класса. Эти классы были: 1) наукъ физическихъ и математическихъ, 2) наукъ моральныхъ и политическихъ, 3) литературы и искусствъ. Выборы происходили, по статуту 1795 года, въ совокупности всѣмъ Институтомъ, непремѣнные секретари не существовали, къ литераторамъ присоединили актеровъ, возложили на Институтъ обязательное рѣшеніе многихъ практическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ правительствомъ и даже частными лицами, ввели въ составъ Института такое же число ученыхъ провинціальныхъ, сколько проживающихъ въ Парижѣ.

Съ перечисленными недостатками Институтъ протянулъ до 1803, когда Бонапартъ существенно измѣнилъ его статутъ. Главная краеугольная мысль самаго учрежденія, единеніе литературы, науки и искусствъ, впервые осуществленная, сохранилась и въ статутѣ 1803 года. Ненавидя идеологовъ, Бонапартъ уничтожилъ, однако же, классъ наукъ моральныхъ и политическихъ, распредѣливъ его членовъ по другимъ отдѣламъ, которымъ придана была самостоятельность, на подобіе прежнихъ Академій, но къ возстановленію названій ихъ все же не рѣшились. Тогда же снова введены были постоянные секретари, играющіе столь видную роль и въ настоящей жизни Института.

Организація 1803 года, сократинъ второй классъ Института, подраздѣлила третій на три, такъ что, въ итогѣ, получилось четыре класса, изъ коихъ первый—наукъ физическихъ и математическихъ, sciences physiques et mathématiques, соотвѣтствовалъ Академіи наукъ; второй — французскаго языка и литературы, langue et littérature française, представлялъ не что иное, какъ Французскую Академію; третій классъ—древнихъ исторіи и литературы, histoire et littérature

anciennes, замѣнилъ прежнюю Академію надписей; наконецъ, въ четвертомъ классѣ заключались изящныя искусства: живопись, скульптура, архитектура, гравюра, музыкальная композиція. Драматическое искусство было исключено. Выборы установлены были по классамъ. Институтъ продолжалъ составлять одно цѣлое, засѣдалъ въ Луврѣ, а съ 1805 года во дворцѣ Мазарина, гдѣ онъ и теперь находится. По уставу 1803 года созданы были корреспонденты, которые могли быть избираемы не только среди французовъ, но также изъ иностранныхъ ученыхъ. Этотъ титулъ замѣнилъ собою провинціальныхъ сочленовъ (associés non résidants). Второй періодъ исторіи института, т. е. наполеоновскій, къ которомъ императоръ считался самъ академикомъ[1]), продолжался до 1816 года.

Третій періодъ ознаменовался возстановленіемъ названій прежнихъ Академій, «дабы связать ихъ славу съ прежнею»[2]). При этомъ Академіямъ дано было также старшинство по времени ихъ учрежденія, а именно Французская Академія, Académie Française, была поставлена во главѣ, какъ основанная въ 1635; второю стала Академія надписей 1663; третьей,—Академія наукъ 1665 и, наконецъ, четвертою,—Академія художествъ, коей старшинство шло только отъ 1795, ибо прежнія Академіи живописи и скульптуры, а также архитектуры были не чисто учеными, но и учебными учрежденіями.

Остается упомянуть о послѣднемъ періодѣ существованія Института, а именно о современномъ, который идетъ отъ 1832 г., когда, по предложенію министра Гизо, была возстановлена Академія наукъ моральныхъ и политическихъ.

Если окинуть общимъ взглядомъ всѣ періоды жизни Института, то нельзя не обратить вниманія, что именно въ теченіе послѣдняго періода, который былъ и самымъ продолжительнымъ, такъ какъ обнимаетъ 63 года, всего менѣе происходило перемѣнъ въ организаціи всего учрежденія, и оно пользовалось наибольшею независимостью, а также почетомъ, какъ въ самой Франціи, такъ и въ образованномъ мірѣ вообще.

---

[1]) «Бонапартъ, главнокомандующій, членъ Института», «Bonaparte, général en chef, membre de l'Institut», такъ подписывалъ Бонапартъ приказы, когда сталъ во главѣ арміи египетской, въ увѣренности, что будетъ понятъ послѣднимъ барабанщикомъ (bien sûr d'être compris du dernier tambour).

[2]) «Afin de rattacher leur gloire passée à celle qu'elles ont acquise».

III.

Краткій очеркъ дѣятельности Академій: I—Французской, II—надписей и изящной литературы, III—наукъ, IV—художествъ и V—наукъ моральныхъ и политическихъ.

Передавъ въ короткихъ словахъ послѣдовательныя перемѣны въ организаціи всего Института и указавъ преемственную связь его жизни по отношенію къ прежнимъ Академіямъ, займемся теперь этими послѣдними въ порядкѣ установленнаго старшинства ихъ между собою.

I. Французская Академія. Еще во второй половинѣ XVI вѣка, въ 1570 году, поэтъ Ваифъ возымѣлъ мысль устроить общество литераторовъ и музыкантовъ, на подобіе Академій въ древности. И дѣйствительно, Карлъ IX разрѣшилъ офиціальнымъ распоряженіемъ учрежденіе Академіи поэзіи и музыки и сдѣлался покровителемъ ея—Académie de poésie et de musique. Первые академики (académiques) принадлежали къ извѣстному кружку плеядъ. При Генрихѣ III Академія стала собираться въ Луврѣ и потому получила титулъ придворной (Académie du palais). Извѣстно, что, кромѣ поэзіи и музыки, въ кругъ ея занятій были включены науки моральныя и политическія, грамматика и филологія. Король часто засѣдалъ и даже предложилъ лично вопросъ, составившій предметъ рѣчи при открытіи «à savoir si les vertus morales sont plus louables, plus nécessaires et plus excellentes, que les intelectuelles»[1]). Но старинная Академія династіи Валуа подверглась многимъ нападкамъ со стороны университета и въ 1534 году прекратила свое существованіе. Только черезъ полвѣка Франція получила ту Академію, которая названа Французскою (Académie Française). Кардиналъ Ришелье считается основателемъ этой Академіи, первоначально составлявшей частный кружокъ по инициативѣ Конрара (Conrart). Кардиналъ спросилъ: si ces personnes ne voudraient point faire un corps et s'assembler régulièrement et sous une autorité publique[2])? Академія не замедлила, послѣ ряда колебаній и сожалѣній, обратиться за покровительствомъ къ Ришелье. Въ документѣ письменномъ, по сему случаю, цѣль учрежденія выражена была въ слѣдующихъ словахъ: «De tout temps, le pays que nous habitons avait porté de très vaillants hommes, mais leur valeur était demeurée sans réputation, au prix de celle des Romains et des Grecs, parce qu'ils n'avaient pas possédé l'art de la rendre illustre par leurs écrits. . . . ; notre langue plus parfaite déjá que pas une des autres vivantes, pourrait bien enfin succéder à la latine, comme la latine à la grecque, si on prenait

---

[1]) «Какія добродѣтели похвальнѣе и полезнѣе: нравственныя или умственныя».

[2]) «Не пожелаютъ ли эти господа составить корпорацію и собираться въ правильныя засѣданія, подъ офиціальнымъ авторитетомъ».

plus de soins qu'on n'avait fait jusqu'ici de l'élocution»[1]). Людовикъ XIV хотѣлъ, чтобы былъ языкъ Людовика XIV, подобно тому, какъ былъ въ Греціи языкъ Перикла, а въ Римѣ языкъ Августа.

Не смотря на то, что статуты были подписаны Людовикомъ XIV въ 1635 году, парламентъ внесъ ихъ только послѣ троекратнаго напоминанія въ 1637 году, обязавъ Академію не вмѣшиваться въ печать вообще, а ограничиваться украшеніемъ и умноженіемъ французскаго языка и разсмотрѣніемъ только собственныхъ или представляемыхъ Академіи книгъ. Академія состояла изъ 40 членовъ (académiciens). Она собиралась съ 1672 года въ Луврѣ, и Людовикъ XIV сдѣлался ея покровителемъ (въ ознаменованіе чего были выбиты особыя медали).

Два принципа считались главными: абсолютное равенство членовъ и ихъ независимость. Даже Вольтеръ говорилъ: «l'Académie est libre. Le cardinal de Richelieu l'a créé avec cette liberté, comme Dieu créa l'homme»[2]). Въ самомъ дѣлѣ, академики титуловались между собою «monsieur» безъ различія, даже если то были принцы, прелаты, маршалы, герцоги. Внутренній порядокъ предоставленъ былъ самой Академіи, и новые члены выбирались свободнымъ голосованіемъ, но первый пунктъ устава указывалъ, однако, что «не будетъ принятъ въ Академію, кто непріятенъ покровителю» («personne ne sera reçu à l'Academie qui ne soit agréable au protecteur»). Покровительство пріобрѣталось цѣною вмѣшательства, и повѣствованія о пререканіяхъ между правительствомъ и Академіей наполняютъ, конечно, много страницъ ея исторіи. По желанію Людовика XIV, Буало былъ принятъ ранѣе Лафонтена, онъ же установилъ право veto въ отношеніи академическихъ избраній, и хотя оно рѣдко примѣнялось, все же борьба Академіи за свободу выборовъ и за свободу слова своихъ членовъ возбуждала много неудовольствій. Однако, удары противъ Академіи послѣдовали не со стороны двора, а были нанесены изъ ея собственной среды. Обвиненіе, составленное академикомъ Шанфоромъ, Chamfort, низложило Академію, которая 5-го августа 1793 года собралась въ послѣдній разъ.

Съ учрежденіемъ Института, въ немъ не сохранилось, сначала, названій Академій, но тѣмъ не менѣе секціи грамматики и поэзіи 3-го класса, а потомъ второй классъ замѣнили собою прежнюю Французскую Академію, конечно, въ очень слабой степени, особенно

---

[1]) «Во всѣ времена въ нашей странѣ было много доблестныхъ лицъ, но они не были прославляемы, подобно тому, какъ дѣлалось въ Греціи и въ Римѣ, посредствомъ литературы. Между тѣмъ нашъ французскій языкъ, уже и теперь совершенный, могъ бы замѣнить собою языкъ латинскій, также какъ сей послѣдній замѣнилъ греческій, но для этого нужно обратить большее вниманіе на краснорѣчіе».

[2]) «Академія свободна. Кардиналъ Ришелье создалъ ее съ такою же свободою, какъ Богъ создалъ человѣка».

въ періодъ отъ 1795—1803 г., когда было въ двухъ секціяхъ всего 12 членовъ. Въ періодъ 1803—1816 года, второй классъ снова имѣлъ 40 членовъ, а въ 1816 году Французская Академія съ прежнимъ своимъ названіемъ получила первенствующее мѣсто въ средѣ Института.

Существенное отличіе Французской Академіи отъ прочихъ заключается въ томъ, что она состоитъ только изъ дѣйствительныхъ членовъ. Она не имѣетъ ни свободныхъ членовъ, ни иностранныхъ associés, ни корреспондентовъ. Такая организація, съ одной стороны, присвоиваетъ особый ореолъ тѣмъ, которымъ публика даетъ кличку безсмертныхъ, но съ другой стороны обособляетъ корпорацію отъ литературнаго міра внѣ Франціи. При праздновании юбилея столѣтія Института, прочія четыре Академіи имѣли своихъ иностранныхъ сочленовъ и корреспондентовъ, а Французская Академія лишена этой связи съ другими народностями. Jules Simon оправдываетъ, однако, Французскую Академію тѣмъ, что она признаетъ и восхищается такими геніями, каковы Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Сервантесъ, Данте и др. Впрочемъ, обособленность Французской Академіи выражается весьма явно и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Такъ, ея обыкновенныя засѣданія не вполнѣ доступны членамъ прочихъ академій, на обложкахъ сочиненій и на визитныхъ карточкахъ безсмертные ставятъ: членъ Французской Академіи, Membre de l'Académie Française, тогда какъ члены прочихъ Академій ставятъ титулъ, членъ Института, Membre de l'Institut.

Какая же спеціальная миссія Французской Академіи? Она изображена въ статутѣ 1816 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ[1]: «l'Académie française a pour objet à épurer et à fixer la langue, à en éclaircir les difficultés et à en maintenir le caractère et les principes: elle s'occupera dans ses séances particulières de tout ce qui peut concourir à ce but; des discussions sur tout ce qui tient à la grammaire, à la rhétorique, à la poétique, des observations critiques sur les beautés et les défauts de nos écrivains à l'effet de préparer des éditions de nos auteurs classiques, et particulièrement la composition d'un nouveau dictionnaire de la langue, seront l'objet de ses travaux habituels».

Привожу строфы, воспѣвающія дѣятельность Французской Академіи изъ стихотворенія Сюлли Прюдома:

---

[1]) «Французская академія имѣетъ цѣлью очищеніе и утвержденіе языка, уясненіе его трудностей, сохраненіе его характера и принциповъ. Въ своихъ частныхъ засѣданіяхъ Академія будетъ заниматься всѣмъ, что будетъ способствовать достиженію этихъ цѣлей, какъ-то грамматикою, реторикою, поэзіею, критикою слога нашихъ писателей, изданіемъ классическихъ произведеній. Главнымъ же предметомъ обычныхъ занятій будетъ сочиненіе словаря французскаго языка».

11. D'autres guettent l'essor des humbles coeurs dans l'ombre,
La Charité sauvant l'Espérance qui sombre,
Les belles actions sans éclat pour les yeùx;
Ils poursuivent le Beau jusqu'à sa source même.
Dans la vie atteignant sa dignité suprême,
Dans le mieux aspirant à l'infiniment mieux!

12. O France! ils ont, ceux-là, pour mission première
D'allier, confondus dans la même lumière,
Les noms les plus fameux, les plus saints, les plus chers.
Leur Compagnie illustre a la garde sacrée
De tes gloires qui sont tes droits à la durée
Tes titres au respect, plus grands que tes revers.

13. Ils sont gardiens aussi de ta langue immortelle;
Ils en ont la prudente et flexible tutelle.
Ton passé d'âge en âge y fermente et mûrit;
Mais ils ne souffrent pas que le caprice altère
Ce dépôt qui détient ta verve héréditaire
Où la vertu des mots fait scintiller l'esprit.

14. Cette langue est loyale et l'univers l'honore:
Sans rivale naguére, elle illumine encore
Les débats solennels entre les nations.
Son cristal transparent fait les pactes honnêtes,
Elle a du jour vainqueur propagé les conquêtes:
Tout penser qu'on y verse est vêtu de rayons!

Есть многіе,—они сердецъ простыхъ, смиренныхъ
Изслѣдовать хотятъ святые тайники.
Величіе ихъ дѣлъ безвѣстныхъ, сокровенныхъ,
Ихъ крѣпкую любовь,—и видятъ родники,
Въ которыхъ ключъ живой Прекраснаго родится,
Чтобъ къ высшей Красотѣ безъ отдыха стремиться.

Но первый общій долгъ ихъ дружнаго служенья
Собрать въ одинъ вѣнецъ всѣхъ лучшихъ имена
И сохранять отъ тѣни поврежденья
Все то, о Франція, чѣмъ ты во-вѣкъ славна,
Все то, предъ чѣмъ блѣдны судьбы твоей невзгоды,
За что привѣтствуютъ и чтутъ тебя народы;

И прежде прочаго языкъ безсмертный твой, -
Онъ всю исторію твою изображаетъ,
Въ немъ говоритъ твой умъ, сверкающій, живой,
Веселье остротой и шуткою играетъ;
И строго бдятъ они, чтобъ прихоть чья нибудь
На чистоту его не смѣла посягнуть;

Идей законности и чести онъ носитель,
Съ хрустальной ясностью въ немъ мысль всегда видна;
Международныхъ преній примиритель,
Въ Европѣ онъ царилъ въ былыя времена;
Но и теперь его народы уважаютъ,
Ему сношенія взаимныя ввѣряютъ.

Главную задачу, поставленную академіи, она выполнила въ 1694 году первымъ изданіемъ словаря «Dictionnaire de l'usage». Въ 1798 году вышло пятое, въ 1835 году шестое и въ 1878 году седьмое изданіе. «Le dictionnaire est à lui seul toute l'Académie Française» [1],—сказалъ Jules Simon. Кромѣ этого труда, Академія издала 4 первые тома обширнаго историческаго словаря французскаго языка и 14 томовъ рѣчей и отчетовъ, читанныхъ въ публичныхъ и частныхъ засѣданіяхъ съ 1803 по 1895 годъ. Избранное общество Парижа, какъ извѣстно, съ особымъ вниманіемъ посѣщаетъ ея торжественныя засѣданія, въ коихъ совершается публичный пріемъ новыхъ академиковъ, разряда безсмертныхъ.

По уставу 1816 г., Академія располагала только одною преміею въ 1.500 франковъ, а между тѣмъ, въ настоящее время, на Французской Академіи лежитъ весьма трудная и тяжелая обязанность присужденія многочисленныхъ премій за сочиненія и за добродѣтельные поступки. Ежегодно Академія назначаетъ особыя комиссіи, которымъ приходится разсмотрѣть сотни томовъ, представленныхъ на соисканіе премій, разобрать нѣсколько сотенъ дѣлъ, поступившихъ со всѣхъ концовъ Франціи съ описаніемъ добродѣтельныхъ и зачастую геройскихъ поступковъ. Въ этотъ періодъ засѣданія имѣютъ мѣсто два раза въ недѣлю, и въ годичномъ публичномъ засѣданіи непремѣнный секретарь читаетъ отчетъ по присужденію премій, а предсѣдатель объявляетъ о наградахъ за добродѣтель. Главнымъ жертвователемъ «Prix de vertu» былъ Монтьонъ, Montyon (1821 г). Число разныхъ денежныхъ премій въ распоряженіи Французской Академіи равняется 48.

II. Вторая, по старшинству, Академія надписей и изящной литературы основана при Людовикѣ XIV, который придавалъ особенное значеніе надписямъ на памятникахъ и на медаляхъ, долженствовавшихъ напоминать главныя событія его царствованія. Первоначально, въ 1663 году, Академія состояла лишь изъ 4, потомъ изъ 8 членовъ и носила прозвище малой Академіи, petite Académie, а офиціально называлась Академіею надписей и медалей, Académie des inscriptions et médailles. Съ 1701 года, число членовъ достигло 40, изъ коихъ 10 почетныхъ, 10 associés и 10 учениковъ. Академія образовалась сначала изъ Французской Академіи, засѣдала въ особомъ помѣщеніи Лувра и стремилась къ совершенной независимости, такъ что даже требовала, чтобы кандидаты формально давали обѣщаніе не быть членами Французской Академіи.

Область изслѣдованій этой Академіи очень обширна, такъ какъ въ нее входятъ не только монеты и медали, но и всѣ древности и памятники Франціи, а также изученіе древностей греческихъ и латинскихъ, при чемъ послѣднія вскорѣ стали на главномъ планѣ.

[1] «Словарь самъ по себѣ составляетъ всю Французскую Академію».

Въ 1716 году, ученики были уничтожены, и ей присвоили наименованіе Академія надписей и изящной литературы, Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Дѣятельность этой Академіи была изумительная, она обнимала не только древности классическія и національныя, но и религіи и законодательства древняго міра, философскія ученія, хронологію, этнографію, географію, лингвистику, исторію литературъ, изученіе еврейскаго, арабскаго, персидскаго, китайскаго языковъ, древностей Индіи, Финикіи и Египта, и, наконецъ, иностранныя литературы. Изданія этой Академіи весьма разнообразны и объемисты, таковы собранія узаконеній французскихъ королей, до смерти Людовика XII—8 томовъ, извлеченія изъ рукописей Королевской библіотеки, 41 томъ съ атласомъ. Она поддерживала и поощряла изданія Gallia christiana, Сборникъ историковъ Галліи и Франціи, 10 томовъ; Сборникъ историковъ крестовыхъ походовъ—13 томовъ, Литературную исторію Франціи—20 томовъ. Въ новѣйшій столѣтній періодъ ея существованія изданы, кромѣ того: Comptes rendus des séances depuis le 1 janvier 1857 — 37 vol. Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres — 35 vol. Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et Belles-Lettres, 1-re et 2-me séries — 16 vol. и друг. Oeuvres de Borghesi, 3 vol., Corpus inscriptionum Semiticarum, 4 vol. Въ общей сложности, 188 томовъ [1]).

По составу, членами Академіи надписей были люди болѣе скромнаго происхожденія, только почетные члены принадлежали къ дворянству, много было духовныхъ лицъ и бѣдныхъ ученыхъ. Въ настоящее время 80% всего состава суть профессоры.

Когда Академія надписей прекратила свое существованіе, во время террора, она имѣла по штату 10 почетныхъ академиковъ, 15 пенсіонеровъ, 15 associés и 20 associés libres, между тѣмъ въ новомъ Институтѣ эрудиція представлена была лишь 12-ти членами, въ двухъ секціяхъ 3-го класса Института. Большинство было, однако, взято изъ состава прежнихъ академиковъ, благодаря чему возстановлена была связь между новымъ учрежденіемъ и старою Академіею. Въ организаціи 1803 г. классъ исторіи и древней литературы былъ составленъ изъ 40 дѣйствительныхъ членовъ, 8-ми иностранныхъ сочленовъ и 60-ти корреспондентовъ. Этотъ классъ не раздѣлялся на секціи и соотвѣтствовалъ строго прежней Академіи надписей и изящной литературы. Въ 1816 году, классъ былъ переименованъ въ Академію, и личный составъ еще увеличенъ 10-ю свободными членами. Въ настоящее время, Академія состоитъ изъ 40

---

[1]) Отчеты о засѣданіяхъ съ 1-го января 1857 года—37 томовъ. Мемуары Академіи надписей и изящной литературы—35 томовъ. Мемуары, представленные Академіи разными учеными, первая и вторая серіи, 16 томовъ. Сочиненія Боргези, 3 тома. Собраніе семитическихъ надписей—4 тома.

дѣйствительныхъ членовъ, изъ коихъ одинъ — непремѣнный секретарь, 10 свободныхъ членовъ, 8 сочленовъ иностранныхъ, 20 корреспондентовъ французовъ и 30 иностранныхъ. По статуту 1830 г. и нынѣ дѣйствующему, задача Академіи выражена такимъ образомъ: «L'objet principal des travaux de l'Académie étant l'histoire, c'est à dire, la connaissance des hommes et des évènements, des époques et des lieux, des moeurs et des usages, des institutions et des lois, des opinions religieuses et philosophiques, l'Académie s'attachera à l'étude de la chronologie et de la géographie, des médailles, inscriptions et monuments de toute espèce, qui concernent et peuvent éclairer l'histoire ancienne, ainsi que celle du moyen âge et des temps modernes, à l'étude critique et philologique des langues anciennes, des langues orientales et des idiomes du moyen âge, à l'explication des titres, diplômes et antiquités de la France et des autres pays, particulièrement de ceux dont les intérêts sont ou ont été mêlés avec ceux de la France» [1]).

Сюлли Прюдомъ характеризуетъ дѣятельность членовъ Академіи надписей слѣдующими стихами:

8. D'autres ont affronté la tàche aventureuse
D'explorer le tombeau que sans ralàche creuse
Aux siècles entassés leur fossoyeur, l'oubli;
D'épeler leur histoire écrite sur les pierres,
D'ouvrir patiemment les lévres, les paupières,
Et l'antique linceul du monde enseveli.

Другихъ привлекъ къ себѣ подземный мракъ гробницы,
Куда забвеніе хоронитъ всѣ вѣка,
Тамъ саванъ съ древности свиваетъ ихъ рука,
Пытается открыть заснувшія зѣницы,
И древность къ нимъ съ растрескавшихся плитъ
Въ забытыхъ письменахъ о прошломъ говоритъ.

Для печатанія многочисленныхъ своихъ изданій Академія назначаетъ ежегодно нѣсколько комиссій по литературной исторіи Франціи, по Corpus inscriptionum Semiticarum, по древностямъ Франціи, по изученію древностей сѣверной Африки. Существуютъ также постоянныя комиссіи: медалей и литературныхъ трудовъ, куда относятся продолженіе извлеченій изъ рукописей Національной биб-

[1]) «Главнымъ предметомъ занятій Академіи будетъ исторія, то-есть изученіе людей и событій, различныхъ эпохъ, нравовъ и обычаевъ, учрежденій и законовъ, религіозныхъ и философскихъ системъ. Академія посвятитъ свои труды хронологіи и географіи, всякаго рода медалямъ, надписямъ и памятникамъ, могущимъ уяснить исторію всѣхъ вѣковъ. Она также введетъ въ свой кругъ изслѣдованія древніе языки, языки востока и нарѣчія средневѣковыя и будетъ объяснять титулы, дипломы и древности Франціи и другихъ государствъ, съ нею связанныхъ общими интересами».

ліотеки, собраніе историковъ Галліи и Франціи и историковъ крестовыхъ походовъ. Слѣдуетъ еще указать на то, что Академія покровительствуетъ школѣ археологіи, Ecoles des Chartes, и наблюдаетъ за ученымъ направленіемъ школъ французскихъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ, которыя обязаны представлять ей отчеты и свои открытія. Ежегодно она присуждаетъ большую премію въ 10.000 франковъ Гобера (Gobert) за лучшій трудъ по исторіи Франціи и много другихъ наградъ числомъ 16.

III. Академія наукъ (третья по старшинству) родилась, подобно Французской, по частной иниціативѣ. Кольберъ далъ ей, въ 1666 году, офиціальное положеніе, съ правами, однако, меньшими, чѣмъ Académie française. Особенно процвѣтать стала Академія наукъ со времени помѣщенія ея въ Луврѣ. Она вошла въ правильныя сношенія съ иностранными учеными и предприняла рядъ весьма важныхъ научныхъ экспедицій. Революція застала ее раздѣленную на два класса: наукъ математическихъ и наукъ физическихъ. Въ каждомъ классѣ было 4 секціи, а въ каждой секціи состояло 3 пенсіонера и 3 associés, кромѣ того, еще было 12 associés libres, свободныхъ членовъ и 8 associés étrangers, иностранныхъ членовъ. Заслуги этой знаменитой Академіи такъ велики, что трудно даже ихъ перечислить. Многія усовершенствованія обязаны ей, и она завоевала себѣ всеобщее уваженіе, но революція тѣмъ не менѣе не пощадила и ее. Въ новомъ Институтѣ первенствующее мѣсто предоставлено было именно Академіи наукъ. По закону 1795 года она получила 10 секцій съ 6 дѣйствительными членами въ каждой, не считая, сверхъ того, 8 иностранныхъ сочленовъ, associés étrangers, и 60 провинціальныхъ членовъ, associés non résidants, въ департаментахъ. Вполнѣ новою была секція медицины и хирургіи. Нужно замѣтить, что Académie de médecine, Академія медицины, не принадлежитъ къ Институту, и только для 6 медиковъ есть мѣсто въ Академіи наукъ. Личный составъ былъ преимущественно взятъ изъ состава старой Академіи. Въ 1803 г. прибавили еще секцію географіи и мореплаванія (которая до того входила въ составъ класса наукъ моральныхъ и политическихъ). Въ 1816 году, было возвращено названіе Академіи, но она по старшинству поставлена была третьею, ниже Французской и Академіи надписей. Въ настоящее время Академія наукъ состоитъ изъ 68 дѣйствительныхъ членовъ (въ томъ числѣ 2 непремѣнныхъ секретаря), 10 свободныхъ членовъ, 8 иностранныхъ сочленовъ и 100 корреспондентовъ. Уставъ Академіи наукъ гораздо проще остальныхъ, въ немъ только 13 параграфовъ. Цѣль работъ Академіи, хотя не указана, но предметы достаточно опредѣляются названіемъ секцій.

Въ стихахъ Сюлли Прюдома сфера ея дѣятельности очерчена слѣдующимъ образомъ:

5. Les uns se sont voués à scruter la Nature:
Ils arrachent au fait qui meurt sa loi qui dure;
L'oeil de l'homme est en eux l'impérieux miroir
Des soleils monstrueux que nul vivant n'anime
Et des ferments de vie au foyer si minime
Qu'il fallut un Pasteur pour les apercevoir.

6. Ces pionniers font luire au-dessus de la foule,
Dont l'aveugle labeur se répète et s'écoule,
La Science unissant l'éternel au nouveau.

Одни изъ тѣхъ мужей обняли властнымъ взоромъ
Громады дальнихъ солнцъ въ красѣ пустынной ихъ;
Пастеръ открылъ міры мельчайшіе, которымъ
Намъ мѣры не найти средь нашихъ мѣръ земныхъ,
Слѣдя въ природѣ цѣпь измѣнчивыхъ явленій,
Ихъ умъ опредѣлялъ законы измѣненій.

Науки свѣтъ они старались засвѣтить
Надъ темною толпой въ трудѣ ея безсмѣнномъ,
Пытаясь вѣчное съ текущимъ согласить.

Къ разряду наукъ математическихъ относятся геометрія, механика, астрономія, географія и навигація, общая физика; къ разряду наукъ физическихъ причислены: химія, минералогія, ботаника, агрономія, анатомія и зоологія, медицина и хирургія. Каждый разрядъ имѣетъ своего непремѣннаго секретаря, а предсѣдатель избирается поочередно изъ того и другого разряда такъ же, какъ и вицепредсѣдатель, который на слѣдующій годъ становится ipso facto предсѣдателемъ Академіи [1]). Достаточно назвать имена Лагранжа, Лапласа и Пастера, чтобы вспомнить, какое существенное участіе принимала въ послѣднемъ столѣтіи Парижская Академія въ развитіи точныхъ наукъ.

По числу разныхъ премій Академія располагаетъ ими болѣе всѣхъ прочихъ, а именно 59.

Вотъ перечень изданіямъ Академіи наукъ, со времени основанія Института:

Comptes rendus sommaires des séances de 1800 à 1830 — 5 vol.

Comptes rendus hebdomadaires des séances depuis le 1 juillet 1835—120 vol.

Mémoires de l'Académie des Sciences—28 vol.

Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Sciences. 32 vol.

---

[1]) Этотъ же порядокъ практикуется въ трехъ другихъ Академіяхъ, и только Французская избираетъ предсѣдателя, который именуется директоромъ на 3 мѣсяца; на такой же срокъ назначается chancelier, соотвѣтствующій вице-предсѣдателю.

Recueil relatif à l'observation du passage de Vénus par le soleil en 1874—3 vol.

Въ общей сложности 188 томовъ [1]).

Вліяніе Академіи наукъ выражается теперь въ участіи въ назначеніи многихъ высшихъ профессорскихъ каѳедръ и въ совѣтахъ или заключеніяхъ, даваемыхъ по приглашенію министровъ, по различнымъ научнымъ предпріятіямъ правительства.

IV. Четвертая, по старшинству, Академія изящныхъ искусствъ или художествъ ведетъ свое начало отъ двухъ Королевскихъ Академій, а именно отъ Академіи живописи и скульптуры и отъ Академіи архитектуры. Первая существовала, какъ корпорація, съ 1648 года и состояла изъ одного начальника, двухъ синдиковъ, секретаря и 12 старшинъ, впослѣдствіи названныхъ профессорами. Она получила помѣщеніе въ Collège de France и нѣкоторыя привиллегіи, сходныя съ Французской Академіей. Какъ эта послѣдняя встрѣтила оппозицію въ университетѣ, такъ и Академія живописи и скульптуры стала во враждебное положеніе къ болѣе старой частной корпораціи художниковъ, подъ именемъ S-t Luc. Во всякомъ случаѣ, она была ученымъ и вмѣстѣ учебнымъ заведеніемъ, съ неограниченнымъ числомъ членовъ и даже женщинами въ томъ числѣ. Подобно Академіи живописи, также благодаря покровительству Кольбера, основана была въ 1665 году еще Королевская Академія архитектуры, которая помѣщалась въ Пале-Роялѣ, Palais-Royal. Сначала только изъ восьми членовъ, число ихъ разрослось до 26, изъ коихъ 14 были королевскими архитекторами, а 10 могли заниматься частными постройками. Не принимая совсѣмъ участія въ политикѣ, обѣ эти Академіи не избѣгли общей участи и были закрыты въ 1793 году, а при созданіи Института художества включены были въ третій классъ, совмѣстно съ литературой и эрудиціей. Въ секціи живописи, скульптуры, архитектуры были взяты члены прежнихъ двухъ Королевскихъ Академій. Въ секцію музыки опредѣлили трехъ композиторовъ, а въ секцію декламаціи 3 извѣстныхъ актеровъ Comédie Française. Въ уставѣ 1803 г., актеровъ исключили, добавивъ секцію гравюры, и обособили художниковъ въ особый третій классъ Института. Наконецъ, въ 1816 году, подобно прочимъ, и эта корпорація получила названіе Академіи. Въ настоящее время она состоитъ изъ секцій живописи, скульптуры, архитектуры, гравюры, музыкальной композиціи; всего съ непремѣннымъ секретаремъ 41 дѣйствительныхъ членовъ, 10 свободныхъ членовъ, 10 иностранныхъ associés и 50 корреспондентовъ.

---

[1]) Протоколы засѣданій съ 1800—1830—5 томовъ.

Еженедѣльныя извѣстія съ 1-го іюля 1835—120 томовъ.

Мемуары Академіи наукъ—28 томовъ.

Мемуары, представленные Академіи разными учеными—32 тома.

Сборникъ по прохожденію Венеры чрезъ дискъ солнца въ 1874 году—3 тома.

Изданія Академіи состоятъ изъ пяти томовъ словаря изящныхъ искусствъ. Кромѣ присуждаемыхъ премій, болѣе 30, Академія имѣетъ голосъ въ назначеніи директоровъ консерваторіи и въ выборѣ художниковъ, посылаемыхъ для усовершенствованія въ Римъ на казенный счетъ.

Вотъ строфы изъ стихотворенія Сюлли Прюдома, относящіяся до этой академіи:

9. D'autres, les plus aimés (car c'est une caresse
Que donne au sens, au coeur leur oeuvre enchanteresse),
Montrent que l'Art français, de la Nature épris,
En reçoit des leçons constamment rajeunies
Sans déserter le choix des rares harmonies
Qui font du Beau pour l'âme une forme sans prix.

10. Fiers d'un premier servage aux plus nobles modèles,
Ils en sont demeurés les affranchis fidèles.
L'Art novice est hardi, mais ce jeune étalon,
C'est moins en liberté qu'il achève sa grâce
Que sous un fort dompteur qui d'abord le ramasse
Pour le mieux enlever au signal du talon.

———

Душа другихъ прекрасное избрала
Себѣ въ удѣлъ, въ природѣ обрѣла
Красотъ неисчерпаемыхъ начало
И ихъ въ созвучья стройно облекла;
И сладкой нѣгой насъ чаруютъ ихъ творенья,—
Невольно сердце къ нимъ питаетъ предпочтенье.

Сначала съ формъ чужихъ, высокихъ образцовъ
Учились всѣ они въ смиреньи благородномъ,
Потомъ рѣшились снять съ Искусства цѣпь оковъ:
Воспрянулъ конь его въ стремленіи свободномъ;
Но мудро въ немъ они смиряютъ юный пылъ,
Чтобъ выше и смѣлѣй разбѣгъ могучій былъ.

V. Послѣдняя въ циклѣ Академій, по своему старшинству, это **Академія наукъ моральныхъ и политическихъ**. Первоначальное существованіе ея было весьма кратковременно. Въ 1795 году второй классъ Института получилъ это наименованіе. Онъ состоялъ изъ секцій: 1) анализа чувствъ и идей (analyses des sensations et des idées), 2) морали, 3) наукъ соціальныхъ и законодательныхъ, 4) политической экономіи, 5) исторіи и 6) географіи; всего 36 дѣйствительныхъ членовъ, 8 иностранныхъ сочленовъ, associés étrangers, 36 провинціальныхъ членовъ, associées non résidants, назначенныхъ преимущественно вновь, а въ меньшинствѣ изъ числа прежнихъ членовъ Академіи надписей. Бонапартъ уничтожилъ этотъ классъ Института, включивъ науки моральныя и политическія въ классъ литературы. Его рѣшеніе мотивировалось слѣдующимъ образомъ: «Il fit rentrer la classe des sciences morales dans la classe qui était

vouée aux belles-lettres, disant que leur objet était commun, que la philosophie, la politique, la morale, l'observation de la nature humaine étaient le fond de toute littérature, que l'art d'écrire n'en était que la forme, qu'il ne fallait pas séparer ce qui devait rester uni, que la classe consacrée aux belles-lettres serait bien futile, la classe consacrée aux sciences morales et politiques bien pédantesque, si elles étaient à bon droit séparées; que des écrivains qui ne seraient pas des penseurs et des penseurs qui ne seraient pas des écrivains ne seraient ni l'un, ni l'autre» [1]. Но эти идеи были скорѣе предлогомъ къ уничтоженію класса моральныхъ и политическихъ наукъ, который и въ 1816 году не былъ возстановленъ, а только въ 1832 году, по предложенію Гизо, іюльская монархія дала жизнь этой Академіи, причемъ Гизо громко высказалъ убѣжденіе: «que c'est pour le gouvernement un intérêt éminent de se montrer, non seulement exempt de toute crainte, mais bienveillant et protecteur pour les travaux de l'esprit humain, aussi bien dans les sciences morales et politiques, que dans les autres» [2]. Академія получила пять секцій: 1) философіи (вмѣсто прежняго названія, напоминавшаго собою систему Кондильяка), 2) морали, 3) законовѣдѣнія, государственнаго права и юриспруденціи, 4) политической экономіи, статистики (и финансовъ съ 1866 года), 5) общей и философической исторіи.

Вторая имперія значительно измѣнила организацію этой Академіи и старалась вліять на нее введеніемъ особой секціи наукъ политическихъ, административныхъ и финансовыхъ, куда члены не были избраны, а назначены правительствомъ. Однако, въ 1866 году эта секція была снова закрыта, и нынѣ Академія состоитъ изъ пяти поименованныхъ выше секцій, имѣетъ 40 дѣйствительныхъ членовъ, 10 свободныхъ членовъ, 6 иностранныхъ associés и 48 корреспондентовъ. Сфера дѣятельности достаточно указана названіями разныхъ секцій.

Сюлли Прюдомъ говоритъ объ этихъ академикахъ такъ:

— Contre une égalité dont le joug rapetisse
D'autres font prévaloir librement la Justice,
Qui tient une balance et non pas un niveau.

---

[1]) «Философія, политика, мораль и наблюденіе человѣческой природы составляютъ основу всякой литературы, и потому не слѣдуетъ разъединять то, что должно быть слито. Классъ, посвященный изящной литературѣ, былъ бы безсодержателенъ, а классъ наукъ моральныхъ и политическихъ былъ бы тяжелымъ, педантичнымъ, если они были бы отдѣлены другъ отъ друга; писатели, которые не были бы мыслителями, и мыслители, которые не были бы писателями, не были бы въ сущности ни тѣмъ, ни другимъ».

[2]) «Въ интересахъ самого правительства не только не выказывать опасенія въ отношеніи къ умственнымъ трудамъ, но напротивъ быть внимательнымъ покровителемъ къ наукамъ моральнымъ и политическимъ въ той же степени, какъ и къ другимъ наукамъ».

7. Leur regard, non moins sûr et plus hardi, réclame
Tout l'intime univers, tout ce qu'on nomme l'âme,
Et l'obstiné secret du terrestre bonheur.
Sous l'éclat des soleils, éblouissants mirages,
Ils cherchent l'Être, auteur et fin de ces ouvrages,
Le grand semeur des cieux et leur grand moissonneur.

Иные занялись тѣмъ міромъ сокровеннымъ,
Который принято «душою» называть,
И тайну счастія надѣются познать;

Иль тамъ за ризою небеснаго сіянья
Хотятъ они прозрѣть Виновника созданья,
Того, Кто всѣ міры посѣялъ и пожнетъ;
Иль учатъ насъ, что жизнь въ равенствѣ измельчаетъ,
Что Правда ничего линейкой не ровняетъ,
Но помощью вѣсовъ порядокъ свой блюдетъ.

Только въ отношеніи исторіи подразумѣвается, что изслѣдованія Академіи надписей останавливаются въ концѣ крестовыхъ походовъ, а Академія моральныхъ и политическихъ наукъ занимается исторіей новыхъ временъ. Такъ, первая опубликовала распоряженія королей Франціи до 1515, а вторая начала ихъ съ царствованія Франциска I. Академія наукъ моральныхъ и политическихъ неоднократно организовала и поручала изученіе условій труда, положенія рабочаго и земледѣльческаго класса во Франціи и въ другихъ странахъ. Располагая 22 преміями, Академія назначала такія темы, которыя вызвали въ свѣтъ многія сочиненія большого достоинства. Въ числѣ премій есть также награды за услуги, оказанныя обществу и человѣчеству.

Вотъ перечень изданій младшей Академіи Института:

Mémoires de l'Académie — 18 vol. Séances et Travsaux de l'Académie. Comptes rendus depuis Janvier 1842 — 143 vol. Recueil des ordonnances des rois de France, à partir du règne de François I — 7 vol. Въ общей сложности 168 томовъ [1]).

---

[1]) Мемуары Академіи — 18 томовъ. Протоколы засѣданій съ 1 января 1842 — 143 тома. Собраніе узаконеній французскихъ королей, начиная съ царствованія Франциска I — 7 томовъ.

IV.

Внѣшняя и внутренняя жизнь нынѣшняго Института.—Уставы.—Помѣщенія.—Замокъ Шантильи.—Администрація.—Бюджетъ.—Личное содержаніе академиковъ.—Особыя права Института.—Собранія: обыкновенныя, годовыя и общія.—Преміи.—Статистика иностранцевъ и списокъ русскихъ, принадлежащихъ къ составу Института.—Возрастъ академиковъ.

Мы ознакомились съ прошлымъ всѣхъ пяти Академій и съ задачами, которыя по уставамъ преслѣдуются ими. Перейдемъ теперь къ внѣшней и внутренней жизни современнаго Института и къ личному его составу. Въ превосходномъ сочиненіи г. Окока [2]) «Уставы Института и прежнихъ Академій» собраны такъ наглядно, что въ этомъ толстомъ томѣ можно найти все, чѣмъ руководились и руководствуются эти учрежденія. Первый регламентъ Института явился 4 августа 1796 года, а послѣдующіе изданы 9 мая 1803, 17 сентября 1841 и 19 іюля 1849 г. Институтъ, какъ юридическое лицо, владѣетъ особымъ дворцомъ Palais Mazarin съ 1806 года. Въ амфитеатрѣ старой часовни (ancienne chapelle) вотъ уже 90 лѣтъ происходятъ публичныя засѣданія Института, ежегодныя собранія каждой изъ пяти Академій и тѣ засѣданія Французской Академіи, въ коихъ имѣютъ мѣсто пріемы новыхъ академиковъ (séances de réception). Какъ вѣрно высказалъ непремѣнный секретарь Академіи художествъ графъ Делабордъ въ сочиненіи: «Дворецъ Института», «Le Palais de l'Institut», въ этомъ амфитеатрѣ, гдѣ столько произнесено было рѣчей знаменитыми ораторами въ присутствіи знаменитыхъ слушателей, существуетъ сильный отпечатокъ ея исторіи, ея воспоминаній и ея традицій, что̀ придаетъ такую спокойную величавость, которую нигдѣ въ иномъ мѣстѣ нельзя найти. Что касается обыкновенныхъ засѣданій Академій, то съ 1846 онѣ занимаютъ спеціально для того отстроенный домъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются залы для комиссій, кабинеты непремѣнныхъ секретарей и секретаріатъ. Въ верхнемъ этажѣ длинная входная зала со статуей Шатобріана и двѣ весьма уютныхъ, довольно просторныхъ залы засѣданій. Въ одной (первой отъ прихожей) засѣдаютъ три Академіи: надписей, наукъ и художествъ, во второй двѣ Академіи: Французская и наукъ моральныхъ и политическихъ. Первая зала освѣщена сверху, имѣетъ статуи Корнеля, Мольера, Пюже, Пуссена, Расина, Лафонтена и много бюстовъ. Во второй, меньшей залѣ помѣщается большой во весь ростъ портретъ Ришелье и бюсты, которыми уставлены также вход-

---

[2]) L'Institut de France, lois, statuts et règlements. 1 vol. in-8. Imprimerie nationale. 1889. Paris. Институтъ Франціи, законы, статуты и положенія. 1 томъ. 1889. Въ Національной типографіи. Парижъ.

ныя галлереи. Такихъ бюстовъ въ изобиліи, и они весьма различнаго достоинства по исполненію.

Классическихъ креселъ, собственно говоря, не существуетъ. Въ залѣ, подъ куполомъ, скамейки, въ залахъ обыкновенныхъ засѣданій стулья, а для публики по стѣнамъ длинныя скамьи. Въ зданіи Института помѣщается также секретаріатъ, коимъ завѣдуетъ нынѣ г. Pingard, лицо нужное всему личному составу, весьма обязательное, особенно къ иностранцамъ. Два письмоводителя съ трудомъ справляются съ перепиской, которая иногда бываетъ очень большая. Библіотечное помѣщеніе переполнено 220 тысячъ томовъ и не даетъ уже возможности размѣщать новыя пріобрѣтенія и тѣ многочисленныя изданія, которыя присылаются въ даръ Академіямъ и Институту. Большая зала библіотеки служитъ не только для занятій, но въ ней собираются академики передъ выходомъ in corpore въ залъ подъ куполомъ. Въ этихъ случаяхъ академики надѣваютъ форменный костюмъ, согласно уставу въ коридорѣ выставляется почетный караулъ отъ пѣхоты, отдающій честь подъ командою офицера. Во время этихъ засѣданій, во внутреннемъ дворѣ Института становится взводъ конной муниципальной гвардіи. Въ той же библіотечной длинной залѣ зачастую ведутся интимныя бесѣды между членами Института. Объ этихъ разговорахъ вотъ какъ выражается графъ Делабордъ въ сочиненіи: le Palais de l'Institut: «un salon où les conversations, engagées au hasard des rencontres, ont pour effet de resserrer les liens établis par les statuts entre les membres et d'entretenir, même en dehors des travaux communs, cet esprit de confraternité qui fait, d'un corps essentiellement aristocratique en soi, une société égalitaire par excellence et de tous ceux qui la composent une seule famille» [1]).

Никогда эти послѣднія слова, то-есть, что Институтъ составляетъ одну семью, не выступили такъ ясно, какъ теперь, со времени дарованія герцогомъ Орлеанскимъ чуднаго имѣнія Институту. Этотъ историческій замокъ Chantilly съ драгоцѣнной библіотекой и со всѣми его коллекціями, съ большой картинной галлереей, со всѣми воспоминаніями о великомъ Конде, паркомъ по рисунку Ленотра, составляютъ собственность Института и остаются лишь въ пожизненномъ владѣніи герцога, который числится членомъ въ трехъ Академіяхъ—Французской, надписей и художествъ, въ первыхъ двухъ герцогъ дѣйствительный членъ, а въ третьей свободный членъ.

Администрація Института состоитъ изъ президента, которымъ бываетъ ежегодно предсѣдатель очередной Академіи, слѣдова-

---

[1]) «Разговоры при случайныхъ встрѣчахъ укрѣпляютъ связь между членами и создаютъ, помимо статутовъ и помимо общихъ совмѣстныхъ трудовъ, тотъ духъ товарищества, благодаря которому чисто аристократическая корпорація становится одною равноправною семьею».

тельно очередь возобновляется каждыя пять лѣтъ. Такъ, въ 1895 году, это была Академія художествъ, и ея предсѣдатель Амбруазъ Тома былъ предсѣдателемъ Института; въ 1896 году предсѣдательствуетъ Академія наукъ моральныхъ и политическихъ, въ 1897 очередь Французской академіи, въ 1898 г. академіи надписей, въ 1899 г. будетъ предсѣдательствовать Академія наукъ и такъ далѣе. Нужно замѣтить, что когда очередь за Французской Академіей, то выходитъ, что предсѣдатель Института мѣняется каждые три мѣсяца, потому что на такой же срокъ избирается директоръ этой Академіи, въ отличіе отъ годового срока, принятаго по уставамъ прочихъ Академій. Кромѣ предсѣдателя, въ администрацію Института входятъ 6 непремѣнныхъ секретарей и по два члена отъ каждой Академія, избираемые на годовой срокъ, всего 17 членовъ. Институтъ назначаетъ, въ общемъ собраніи, библіотекаря, его помощниковъ, начальника секретаріата и спеціальнаго члена, завѣдывающаго хозяйственною частью и отчетностью.

Бюджетъ Института представляется палатамъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія. Въ 1895 году бюджетъ доходилъ до суммы 697,000 франковъ: Французская Академія 89,500, Академія надписей 141,100, Академія наукъ 176,500, Академія художествъ 89,500, Академія наукъ моральныхъ и политическихъ 94.000 франковъ. Премія двухлѣтняя 10,000; библіотека 31.000; секретаріатъ 45,400 франковъ. Сумма наградъ, присуждаемыхъ Академіями, составляетъ ежегодно: Академіи наукъ 200,000 франковъ, Французской 100,000 франковъ художествъ 70,000, надписей 50,000, наукъ моральныхъ 40,000 франковъ, а въ общей сложности ежегодно раздается 460,000 франковъ.

Личное содержаніе академиковъ равняется 1500 франковъ, въ годъ. Изъ нихъ по 100 франковъ въ мѣсяцъ, а остальное, смотря по числу посѣщенныхъ засѣданій, за которыя выдаются такъ называемые jeton de présence. Во Французской Академіи старшіе 8, по избранію и по лѣтамъ, получаютъ 2000, а прочіе только по 1000 франковъ, вмѣсто 1,200, какъ въ другихъ Академіяхъ, и, кромѣ того, добавочные по числу засѣданій. Всѣ непремѣнные секретари получаютъ по 6000 франковъ въ годъ. Маленькое содержаніе академиковъ рѣзко контрастируетъ съ богатствомъ Института.

Изъ прерогативъ Института слѣдуетъ указать еще на право представленія на каѳедры въ Collége de France, въ Musée d'histoire naturelle, въ Ecole des langues orientales vivantes, въ Conservatoire des arts et metiers, въ Bureau des longitudes [1]), въ обсерваторіи Парижскую и Марсельскую, на должность 5-ти членовъ (по одному отъ каждой академіи) въ высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія и пр.

---

[1]) Высшая школа Франціи, музей естественно-историческій, школы живыхъ восточныхъ языковъ, консерваторія искусствъ и ремеслъ, бюро долготъ.

Обыкновенныя собранія Академій бываютъ разъ въ недѣлю, непрерывно круглый годъ, даже во время вакацій и всегда въ тѣ же дни и часы, а именно, Французская Академія собирается по четвергамъ въ 3 часа, Академія надписей по пятницамъ въ 3 часа, Академія наукъ, по понедѣльникамъ, въ 3 часа, Академія художествъ по субботамъ въ 3 часа и Академія наукъ моральныхъ и политическихъ по субботамъ въ полдень. Дѣйствительные члены и члены свободные, которыхъ можно считать какъ бы соотвѣтствующими нашимъ почетнымъ, имѣютъ свои личные стулья. Иностраннымъ associés и корреспондентамъ обыкновенно предлагаютъ занимать тѣ какъ бы почетные стулья, которые стоятъ противъ бюро и вокругъ столика и стула, предоставленнаго для докладчика. Публика садится на скамьяхъ по стѣнамъ, кромѣ засѣданій Французской Академіи, на которыя публика не допускается, за рѣдкими исключеніями (напримѣръ, засѣданіе въ присутствіи его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича въ октябрѣ 1895 г.). Число академиковъ никогда не бываетъ полное, даже въ Академіи наукъ, самой многочисленной, не собираются 50 человѣкъ. Бываютъ засѣданія лѣтнія, на которыя, кромѣ предсѣдателя и непремѣннаго секретаря, приходятъ лишь нѣсколько членовъ. Но такъ какъ всегда есть текущая переписка-корреспонденція, то засѣданія имѣютъ мѣсто и безъ новыхъ докладовъ. Въ каждой Академіи внутренніе распорядки нѣсколько отличные. Въ Академіи наукъ всего шире допускаются доклады иностранныхъ ученыхъ. На столѣ у предсѣдателя лежитъ бѣлый листъ бумаги, раздѣленный тремя горизонтальными чертами, съ надписями: члены, membres; иностранные члены и корреспонденты, associés et correspondants; иностранные ученые, savants étrangers. Желающіе вписываютъ свои фамиліи, и предсѣдатель вызываетъ по порядку этихъ рубрикъ и по порядку записей. Требуется, чтобы сообщеніе дѣлалось по писанному листу, который затѣмъ передается для помѣщенія въ протоколѣ засѣданія. Необыкновенно быстрое печатаніе этихъ Comptes rendus, вручаемыхъ уже черезъ 7—10 дней подписчикамъ, аккуратный ихъ выходъ въ свѣтъ изъ типографіи Gauthier-Villars, сдѣлали это изданіе самымъ излюбленнымъ въ средѣ ученыхъ. Кромѣ многихъ сообщеній, туда же принимаются небольшія научныя замѣтки—notes, присылаемыя отовсюду, и только небольшая часть таковыхъ не помѣщается цѣликомъ, а дается лишь по ихъ заглавію.

Члены и корреспонденты получаютъ «Извѣстія» Comptes rendus, безвозмездно. Что касается выборовъ, то, при открытіи вакансіи, назначаются особыя комиссіи, которыя представляютъ трехъ и болѣе кандидатовъ, съ изложеніемъ ихъ правъ и заслугъ. Для дѣйствительныхъ членовъ фамиліи кандидатовъ печатаются за недѣлю до выборовъ, а въ отношеніи корреспондентовъ ограничиваются письменнымъ устнымъ докладомъ о нихъ. Результаты голосованія объяв-

ляются въ протоколахъ, при чемъ по обычаю тѣ, которые получили нѣсколько голосовъ, какъ вторые кандидаты, становятся первыми кандидатами при слѣдующей вакансіи. Для голосованія Академія переходитъ къ секретному засѣданію, что объявляется предсѣдателемъ, послѣ чего посторонніе лица удаляются изъ залы. Преемственность каждаго мѣста академиковъ и корреспондентовъ строго соблюдается въ протоколахъ и спискахъ.

Касательно сообщеній, дѣлаемыхъ самими академиками, нельзя особенно удивляться, что ихъ выслушиваютъ рѣдко со вниманіемъ, это происходитъ даже потому, что предметъ, по спеціальности, только немногимъ доступенъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлается сообщеніе выдающееся о какомъ либо открытіи, или, какъ, напримѣръ, въ засѣданіи 28 октября 1895 г., когда 90-лѣтній астрономъ Фай представлялъ новое изданіе своихъ трудовъ, посвящая ихъ въ благодарную память своему знаменитому учителю Араго, въ такихъ случаяхъ Академія переходитъ, по электрическому ощущенію, къ мертвой тишинѣ и къ умиленному сочувствію. При обычныхъ, неважныхъ сообщеніяхъ, предсѣдателямъ едва можно добиться, чтобы въ засѣданіи была тишина, и къ докладамъ очереднымъ, дѣлаемымъ непремѣнными секретарями, относятся безъ вниманія.

Сверхъ обычныхъ еженедѣльныхъ засѣданій, каждая изъ пяти Академій имѣетъ одно годовое публичное, въ октябрѣ, ноябрѣ, или декабрѣ мѣсяцахъ, при чемъ читаютъ некрологи умершихъ членовъ, и объявляются результаты присужденія премій.

Наконецъ, весь Институтъ собирается не менѣе четырехъ разъ въ годъ въ дѣловыя засѣданія, а 25 октября, въ день основанія своего, Институтъ имѣетъ общее публичное засѣданіе, гдѣ также произносится рѣчь и объявляются преміи и награды.

Въ дополненіе къ сказанному о засѣданіяхъ, скажу нѣсколько словъ о тѣхъ, въ которыхъ мнѣ лично удалось присутствовать. Каждый корреспондентъ принадлежитъ къ извѣстной секціи, входитъ, конечно, въ ближайшую связь съ академиками этой секціи и со своею Академіею, но, при титулованіи корреспондентомъ Института «Correspondant de l'Institut», корреспонденту открыты двери всѣхъ засѣданій, при чемъ члены прочихъ Академій весьма предупредительны къ сближенію съ иностранными и провинціальными учеными. Пріѣхавъ ранѣе начала торжествъ и оставаясь всего 6 недѣль въ Парижѣ, мнѣ представился случай перебывать на всякаго рода засѣданіяхъ, что̀ и дало мнѣ возможность узнать органическую связь всего учрежденія. Если Германіи удалось столь удачно и плодотворно соединить всѣ спеціальныя отросли высшаго научнаго образованія въ одномъ организмѣ подъ именемъ университетовъ, къ чему только теперь пришли во Франціи, то сія послѣдняя вправѣ радоваться своему Институту, связующему подъ общимъ кровомъ пять большихъ, самостоятельныхъ Академій.

Въ моей Академіи (Académie des Sciences) и въ Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ я присутствовалъ въ каждой из двухъ обыкновенныхъ засѣданіяхъ, въ Академіяхъ надписей и художествъ мнѣ пришлось быть по одному разу, а въ залу Французской Академіи меня ввелъ Леонъ Сей передъ засѣданіемъ, чтобы познакомить съ собиравшимися членами. Въ Академіи наукъ засѣданіе 21 октября происходило только за два дня до начала торжествъ юбилейныхъ, и потому на немъ присутствовали многіе иностранные члены и корреспонденты. Начало засѣданія было очень шумное, только что познакомившіеся сосѣди не обращали вниманія на докладъ непремѣннаго секретаря, знаменитаго химика г. Бертло, и предсѣдатель г. Маре долженъ былъ многократно прибѣгать къ звонку. Сначала докладывали нѣсколько дѣйствительныхъ членовъ, потомъ изъ иностранцевъ астрономъ Локьеръ, а мною представленъ былъ атласъ магнитныхъ изаномалъ и вѣковыхъ измѣненій [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ я положилъ на столъ предсѣдателя три адреса отъ русскихъ ученыхъ обществъ, а именно Императорскаго Русскаго географическаго, Императорскаго Спб. минералогическаго и Русскаго астрономическаго, присоединивъ поздравленія отъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы.

28 октября, въ полдень, я присутствовалъ на очередномъ засѣданіи Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ. Предсѣдательствовалъ Леонъ Сей, при непремѣнномъ секретарѣ Жюлѣ Симонѣ. Тутъ мною представленъ былъ адресъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, прочитанный, въ извлеченіи, предсѣдателемъ Академіи. Присутствовало не болѣе 12 человѣкъ. Докладывалъ г. Левассеръ объ экономическомъ процвѣтаніи сѣверной Америки на основаніи личныхъ изслѣдованій. Г. Леруа-Болье возражалъ, обращая вниманіе на то, что при частой перемѣнѣ способовъ обработки, въ зависимости отъ новыхъ изобрѣтеній, остаются въ видѣ отбросовъ цѣлыя фабрики и ихъ машины.

Того же 28 числа, въ 3 часа, былъ вторично въ засѣданія Академіи наукъ (въ сосѣдней залѣ съ залой Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ). Засѣданіе было многолюдно; кромѣ докладовъ академиковъ, дѣлалъ сообщеніе по химіи (довольно пространное и со многими формулами на доскахъ) посторонній ученый, изъ провинціи. Мною пояснена и представлена была новая 40 верстная гипсометрическая карта западной части Европейской Россіи, въ связи съ прилегающими частями Германіи, Австро-Венгріи и Румыніи.

30 октября, по приглашенію г. Жансена, я посѣтилъ бюро долготъ, которое засѣдаетъ въ особомъ небольшомъ помѣщеніи, также

[1]) Hommage à l'Institut de France. Atlas des isanomales et des variation séculaires du magnétisme terrestre. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго общества. С.-Петербургъ. 1895 г.

въ зданіи Института. Здѣсь я сдѣлалъ сообщеніе о гипсометріи Россіи. Г. Пуанкаре докладывалъ о новой магнитной съемкѣ всѣхъ морей, предпринятой по почину бюро долготъ и министерства морскаго. Директоръ обсерваторіи въ Ниццѣ, Перотенъ, сдѣлалъ нѣсколько докладовъ по астрономіи и геодезіи.

2 ноября, мнѣ пришлось быть на обыкновенномъ засѣданіи Академіи художествъ, на которое былъ введенъ новый академикъ, архитекторъ г. Нено (Nenot), избранный по случаю окончанія постройки величественной залы новой Сорбонны. Предметомъ засѣданія были пренія о допущеніи музыкальной пьесы одного ученика Консерваторіи къ исполненію въ годичномъ засѣданіи Академіи. Потомъ, обсуждали необходимость замѣны старой виньетки Института вновь награвированною Минервою. Предсѣдательствовалъ Амбруазъ Тома, при непремѣнномъ секретарѣ графѣ Делабордъ.

8 ноября, въ три часа, собралась Академія надписей подъ предсѣдательствомъ египтолога Масперо и при секретарѣ Валлонъ. Сначала, въ секретномъ засѣданіи, обсуждали о бюджетѣ и преміяхъ, а потомъ было сообщено о новомъ пожертвованіи Ротшильда серебрянаго клада для музея въ Луврѣ.

9 ноября, опять былъ на засѣданіи Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ, при весьма ограниченномъ числѣ присутствовавшихъ. Читалъ «О Сократѣ» престарѣлый Бартелеми де-С.-Илеръ (91 года—скончался вскорѣ) по собственноручнымъ запискамъ.

Наконецъ, 15 ноября, въ часъ дня, вмѣстѣ съ академиками, которые были въ костюмахъ, я прошелъ изъ библіотеки въ залу подъ куполомъ, въ годовое засѣданіе Академіи надписей. Годовой отчетъ съ присужденіемъ премій кончился некрологомъ о римскомъ археологѣ Росси и чтеніемъ записки о кладѣ, пожертвованномъ Лувру Ротшильдомъ.

Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ всѣхъ засѣданій, приводитъ къ тому, что каждое отдѣльное засѣданіе, можетъ быть, и не представляетъ выдающагося интереса, но, въ сложности, не подлежитъ сомнѣнію, что весь Институтъ составляетъ дѣйствительно одну семью. Частыя встрѣчи въ тѣхъ же уютныхъ залахъ членовъ всѣхъ пяти Академій устанавливаютъ между ними тѣсное, корпоративное общеніе, на самыхъ притомъ простыхъ, непринужденныхъ началахъ, лишенныхъ какого либо офиціальнаго тона, такъ что залы Института представляютъ изъ себя какъ бы товарищескій научный клубъ, гдѣ въ опредѣленный часъ всегда можно обмѣняться задушевнымъ разговоромъ съ лицами просвѣщенными и найти поддержку въ своихъ трудахъ со стороны лицъ, свѣдущихъ по другимъ отраслямъ творчества.

Для управленія имуществомъ и дѣлами всего Института существуетъ административная комиссія, о которой упомянуто выше. А такъ какъ, кромѣ того, каждая Академія имѣетъ свои капиталы,

то для завѣдыванія ими каждая Академія избираетъ изъ своей среды двухъ членовъ и непремѣнныхъ секретарей. Внутренній распорядокъ утверждается каждою Академіею, которыя въ этомъ смыслѣ имѣютъ большую самостоятельность.

Мы уже привели свѣдѣнія о содержаніи академиковъ и о мундирѣ, предоставленномъ также иностраннымъ associés, но не корреспондентамъ, которые теряютъ это званіе, если они остаются въ Парижѣ на постоянномъ жительствѣ (что, однако, строго не соблюдается).

Намъ нужно еще добавить, что Институтъ располагаетъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, присужденіемъ большой правительственной преміи, которая каждые два года составляетъ сумму въ 20.000 франковъ и присуждается Институтомъ по представленію очередной Академіи. Кромѣ этой преміи, существуетъ еще 7 другихъ, присуждаемыхъ всѣмъ Институтомъ, а 10 премій предоставлены по завѣщанію нѣсколькимъ Академіямъ. Общее число лицъ, ежегодно награждаемыхъ, достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ, и характерно, что даже самыя большія преміи присуждаются часто иностранцамъ (такъ въ 1896 году награждены Бергманъ въ Берлинѣ за противодифтеритный серумъ, лордъ Ралей и Рамсей въ Лондонѣ за открытіе аргона и гелія). Такимъ образомъ, при весьма скудномъ содержаніи академиковъ, Институтъ слѣдуетъ считать весьма богатымъ учрежденіемъ, раздающимъ ежегодно до полумилліона франковъ.

Мнѣ остается, для полноты картины, дать статистику иностранныхъ членовъ и корреспондентовъ по національностямъ, или точнѣе по государствамъ.

АКАДЕМІИ:

	Надписей.			Наукъ.			Художест.			Мор. и пол.			Всего Инст.		
	Чл.	Корр.	Всего.	Чл.	Корр.	Всего.	Чл.	Корр.	Всего.	Чл.	Корр.	Всего.	Чл.	Корр.	Всего.
Германія (безъ Баваріи)	26	34	60	22	63	85	14	26	40	9	20	29	71	143	214
Великобританія и Ирландія	8	19	27	21	81	102	4	12	16	12	29	41	45	141	186
Италія	8	18	26	4	30	34	24	45	69	4	12	16	40	105	145
Швеція, Норвегія, Данія	2	6	8	3	27	30	2	8	10	—	6	6	7	47	54
Швейцарія	1	6	7	4	25	29	1	6	7	2	6	8	8	43	51
Бельгія	1	5	6	1	5	6	2	24	26	2	6	8	6	40	46
Австро-Венгрія, Баварія	4	8	12	—	12	12	2	8	10	2	8	10	8	36	44
Россія	1	4	5	1	14	15	2	10	12	—	7	7	4	35	39
Испанія, Португалія	—	6	6	—	9	9	3	7	10	1	6	7	4	28	32
Нидерланды	1	5	6	—	8	8	1	4	5	—	4	4	2	21	23
Сѣв.-Амер. Соед. Штаты	—	1	1	1	11	12	2	1	3	5	7	12	8	20	28
Турція	—	3	3	—	1	1	—	—	—	—	2	2	—	6	6
Греція	—	4	4	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	6	6
Южная Америка	—	—	—	1	1	2	—	—	—	1	1	2	2	2	4
Суммы	52	119	171	58	287	345	57	153	210	38	114	152	205	673	878

Изъ этой таблицы видно, что первое мѣсто, по числу, занимаетъ Германія, которая, даже безъ Баваріи, имѣетъ почти четверть общей суммы; второе мѣсто принадлежитъ Великобританіи, третье Италіи, а на всѣ прочія страны приходится, въ совокупности, только 38% общаго числа.

Вышеприведенная статистическая таблица воспроизведена въ точности такъ, какъ она дана въ сочиненіи графа Франквиля. При критическомъ сличеніи съ именными списками, приложенными къ тому же труду, съ цѣлью составленія полнаго списка собственно русскихъ ученыхъ и художниковъ, избранныхъ въ составъ Института Франціи, за все время столѣтняго его существованія, обнаружилось, что общее число русскихъ будетъ больше или меньше въ зависимости отъ того, причислять ли туда же ученыхъ и художниковъ, работавшихъ, особенно въ началѣ столѣтія, въ Финляндіи и въ Польшѣ, а также въ зависимости отъ того, причислять ли ученыхъ, посвятившихъ часть своей жизни дѣятельности въ Россіи, на оффиціальныхъ постахъ. Предоставляя читателю окончательное рѣшеніе, кто изъ помѣщенныхъ ниже лицъ можетъ считаться представителемъ Россіи, въ томъ или другомъ смыслѣ, полагаю, что возможно широко составленный списокъ дастъ матеріалъ для разнаго рода сопоставленій и выводовъ. Списокъ расположенъ по старшинству Академій и съ обозначеніемъ года избранія и секціи, для корреспондентовъ трехъ Академій, гдѣ таковыя секціи существуютъ.

Иностранные члены. Associés étrangers.

Академія надписей: 1820 графъ Уваровъ; Академія наукъ: 1802 Палласъ, 1874 Чебышевъ, 1876 Беръ; Академія художествъ: 1888 Антокольскій [1]).

Корреспонденты. Correspondants.

Академія надписей: 1812 Линде, 1821 Стемковскій, 1823 Френъ, 1863 Жиль, 1876 Дорнъ, 1881 Бётлингъ, 1886 Бретшнейдеръ, 1889 Наукъ, 1889 Радловъ, 1896 баронъ Розенъ.

Академія наукъ: 1803 Почобутъ (астрономія), 1809 Бетанкуръ (механика), 1810 Крузенштернъ (географія и мореплаваніе), 1831 Шумахеръ (астрономія), 1838 Литровъ (астрономія), 1839 В. Струве (астрономія), 1846 Демидовъ (географія), 1851 Аргеландеръ (астрономія), 1856 Остроградскій (геометрія), 1856 баронъ Врангель (географія и мореплаваніе), 1860 Нордманъ (анатомія), 1861 графъ Литке (географія и мореплаваніе), 1861 Чихачевъ (географія и мореплаваніе) [2]), 1865 О. Струве (астрономія), 1870 Брантъ (анато-

---

[1]) Такъ называемые иностранные ассосье по секціямъ не распредѣляются. Въ качествѣ корреспондента Чебышевъ принадлежалъ къ секціи геометріи, Беръ къ секціи анатоміи, Антокольскій къ секціи скульптуры.

[2]) Необходимо замѣтить, что нашимъ соотечественникомъ, П. Чихачевымъ, пожертвованъ капиталъ въ 100.000 франковъ, проценты съ котораго, въ количествѣ 3.158 франковъ, назначаются Институтомъ ежегодно въ видѣ преміи отъ Академіи наукъ одному естествоиспытателю, изслѣдователю Азіатскаго континента.

мія), 1873 Зининъ (химія), 1874 Кокшаровъ (минералогія), 1879 Абихъ (географія), 1879 Гильденъ (астрономія), 1892 Тилло (географія), 1895 Баклундъ (астрономія), Ковалевскій (зоологія).

Академія художествъ: 1830 Брюлловъ (архитектура), 1858 баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ (скульптура), 1863 Кузьминъ (архитектура), 1863 графъ Толстой (скульптура), 1875 Рубинштейнъ (музыкальная композиція), 1880 Штромъ (архитектура), 1889 Семирадскій (живопись), 1890 князь Чарторыжскій (почетный членъ, correspondant libre), 1892 Чайковскій (музыкальная композиція), 1894 Кюи (музыкальная композиція), 1896 графъ Сюворъ (архитектура).

Академія наукъ моральныхъ и политическихъ: 1833 Шторхъ (политическая экономія, статистика и финансы), 1857 Тенгоборскій (политическая экономія, статистика и финансы), 1888 Богисичъ (законовѣдѣніе), 1888 Побѣдоносцевъ (законовѣдѣніе), 1891 Рафаловичъ (политическая экономія, статистика и финансы), 1891 Половцовъ (исторія), 1896 Мартенсъ (исторія).

При составленіи такого расширеннаго списка я руководился тою мыслью, что Россіи, предоставлявшей столь широкое гостепріимство и поддержку иностраннаго происхожденія ученымъ и художникамъ, по справедливости, принадлежитъ право смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ представителей, хотя бы и въ нѣкоторой только степени. Такимъ образомъ, вмѣсто числа 39-ти, которое значится въ таблицѣ графа Франквилля, составленный мною списокъ заключаетъ въ себѣ 54 имени, при чемъ присоединены трое избранныхъ послѣ столѣтняго юбилея.

Права associés отличаются отъ правъ корреспондентовъ главнымъ образомъ тѣмъ, что первымъ предоставлено право носить костюмъ съ пальмами, и вообще они окружаются бóльшимъ почетомъ. Такъ, на обѣдѣ въ Hôtel Continental, во время празднованія столѣтія Института, особыя карточки, съ указаніемъ мѣста, были приготовлены для пяти предсѣдателей, для шести непремѣнныхъ секретарей и для иностранныхъ associés. Лица этихъ категорій составляли какъ бы высшую аристократію, отличенную отъ прочихъ, которые размѣстились по собственному усмотрѣнію. Нельзя не прійти къ убѣжденію, что и въ средѣ Института, этой республики литературы, науки и искуствъ, придерживаются правила: «l'égalité c'est le désir d'être égal à ses supérieurs et supérieur à ses égaux» [1]).

Всему личному составу высылается отъ секретаріата маленькій ежегодникъ подъ заглавіемъ «Institut de France. Annuaire pour l'an...». Въ немъ помѣщены также адресы всѣхъ членовъ и корреспондентовъ. На основаніи означеннаго ежегодника за 1896 годъ

---

[1]) «Равенство заключается въ желаніи быть равными съ тѣми, кто выше, и превосходить тѣхъ, кто равенъ съ нами».

и книги графа Франквиля мною сдѣлана выборка касательно возроста академиковъ въ годъ ихъ избранія и къ январю 1896 г. Изъ прилагаемой таблицы въ общемъ выводѣ получается, что въ дѣйствительные члены академики попадаютъ въ среднемъ на 52 году жизни [1]), а среднiй возростъ ихъ въ настоящее время равняется 64. Умерли вскорѣ послѣ юбилея А. Тома, Ж. Симонъ, Л. Сей, Добре и другіе. Средній возростъ иностранныхъ $\frac{\text{сочленовъ associés}}{\text{корреспондентовъ}}$ $\frac{63}{54}$ при избраніи и $\frac{71}{63}$ къ настоящему времени. Число профессоровъ особенно велико въ Академіяхъ надписей и наукъ (по 80°/o), затѣмъ въ Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ профессора составляютъ 60°/o всего состава, въ Академіи художествъ ихъ 50°/o, а во Французской Академіи только немного болѣе трети всего состава—35°/o.

Академіи.	Средній возрасть членовъ Института при избраніи				къ 1896 году.			
	Д. ч.	Св. ч.	Ин. ч.	Корр.	Д. ч.	Св. ч.	Ин. ч.	Корр.
Французская . . .	51	—	—	—	60	—	—	—
Надписей	51	56	64	53	65	66	70	63
Наукъ	49	59	66	55	63	67	71	64
Художествъ	52	56	55	53	54	66	67	62
Н. мор. и пол. . .	54	55	68	54	68	62	76	64
Средній возрасть .	52	56	63	54	64	65	71	63

Въ заключеніе, чтобы подвести итоги моей статьи, мнѣ приходится вернуться къ рѣчамъ, произнесеннымъ въ торжественномъ, юбилейномъ собраніи 25-го октября 1895 года. Оба оратора, удрученный годами Жюль Симонъ и молодой министръ народнаго просвѣщенія Пуанкаре—первый заключилъ, а второй началъ признаніемъ миротворнаго значенія празднества, называя его конгрессомъ мира. Жюль Симонъ указывалъ на то зрѣлище, которое поражаетъ современниковъ, а именно на увеличивающіяся въ послѣднія 25 лѣтъ военныя приготовленія, совершаемыя даже съ нѣкоторымъ бѣшенствомъ, въ то время, какъ всѣ мыслители, государственные люди и даже монархи громко протестуютъ противъ ужасовъ войны. Жюль Симонъ видитъ только одинъ путь къ возстановленію дружбы между народами, это общія большія работы и большія услуги, оказанныя сообща человѣчеству. Министръ Пуанкаре припомнилъ, что при открытіи Института, сто лѣтъ назадъ, министръ просвѣщенія Дону такъ же выражалъ твер-

[1]) Самыми молодыми избираются геометры и вообще члены класса математическихъ наукъ. Вотъ средній возрасть при избраніи по секціямъ: геометрія—37, механика—46, астрономія—42, географія—55, физика — 43; общее среднее для класса наукъ математическихъ—44; секціи: химіи—52, минералогіи—53, ботаники—49, агрономіи — 59, анатоміи и зоологіи — 52, медицины и хирургіи—54, среднее для класса наукъ физическихъ—53, а для всей Академіи наукъ—49.

дую надежду, что это учрежденіе послужитъ къ установленію мира сначала среди просвѣщенныхъ людей, а потомъ и во всемъ свѣтѣ. Однако, въ теченіе девятнадцатаго вѣка миръ неоднократно нарушался, такъ что за невозможностью питать надежду, чтобы двадцатый вѣкъ протекъ безъ войны, слѣдуетъ радоваться хотя бы такимъ перемиріямъ, какъ бывшее торжество, въ которомъ большія семьи народовъ узрѣваютъ, хотя кратковременно, въ дальнемъ и неопредѣленномъ свѣтѣ, идеалъ высшей цивилизаціи.

Въ этомъ же смыслѣ сочиненъ конецъ стихотворенія Сюлли Прюдома:

15. C'est ainsi que toute œuvre excellement humaine,
Par où l'âme décore ou grandit son domaine,
Toute œuvre auguste, ayant sur l'avenir des droits,
Trouve en ces créateurs des maîtres et des juges,
Chez eux contre l'oubli le meilleur des refuges,
Une cité sans roi, qui s'ouvre aux fils des rois!

16. Généreuse cité pour soi seule économe!
Ils prodiguent un or qu'on recherche et renomme,
Pluie utile au laurier déjà mûr ou naissant.
Des deniers de la gloire ils n'ont que la gérance:
Les palais qu'on leur lègue enrichissent la France,
C'est dans leur cœur le sien qui bat reconnaissant.

17. Tout penseur leur est proche en dépit de l'espace;
L'étranger que nul autre en éclat ne surpasse
Dans leurs travaux par eux est élu leur second,
Car sa race et la leur sont en vain différentes:
Un même haut souci fait les âmes parentes,
Et le même idéal sacre leur noeud fécond.

18. Pourtant ils ont. Français, la patrie à défendre.
Ils l'aiment, eux aussi, d'un amour mâle et tendre:
S'ils ont dû poser l'arme en prenant le flambeau,
Remettre aux jeunes bras l'honneur de sa frontière,
Ils réclament le droit de déployer entière
L'aile de son génie autour de son drapeau.

19. Ce libre et fier génie, ennemi des ténèbres,
A pour symbole cher les trois couleurs célèbres,
Dont l'histoire a scellé l'union pour jamais.
Surtout les deux couleurs voisines de la hampe,
Où l'aspiration s'épure et se retrempe:
Les sublimes couleurs du ciel et de la paix.

И такъ, что на землѣ высоко и свѣтло,
Чѣмъ умножается духовное владѣнье,
Все въ тѣхъ мужахъ себѣ блюстителей нашло,
Прекрасное хранящихъ отъ забвенья;
И царство безъ царя являютъ намъ они,
Но въ славномъ царствѣ томъ живутъ цари одни.

Богатство имъ дано, но щедрою рукою
Не для себя они его потоки льютъ,—
Зеленый лавръ другихъ кропятъ росой златою,
Другимъ червонцы славы раздаютъ;
Дворцы ли имъ дарятъ, наслѣдство завѣщаютъ,—
Отчизну тѣ дары, не ихъ обогащаютъ.

Мыслитель странъ чужихъ имъ близокъ и родной,
Пусть раздѣляютъ ихъ громадныя пространства,
Они его въ союзъ включаютъ въ тѣсный свой
И въ царствѣ у себя даютъ права гражданства;
Пусть разные у нихъ языкъ и племена,—
Одинъ ихъ идеалъ и цѣль у нихъ одна.

Но, Франціи сыны, они къ своей отчизнѣ
Любовью крѣпкою и нѣжною полны,
Хоть въ полѣ не они съ опасностію жизни,
Съ мечемъ въ рукахъ хранить ее должны;—
Имъ жребій далъ иной отчизны свѣтлый Геній,
Имъ ввѣрилъ онъ огонь высокихъ вдохновеній;

И знамя имъ вручилъ, какъ славный свой,—
Исторія на немъ три цвѣта сочетала,
Запечатлѣвъ печатью вѣковой,—
И дороги всѣ три, но первый у начала,
О небѣ говоритъ лазурной синевой,—
Какъ символъ мира, чистъ и свѣтелъ цвѣтъ второй.

Характеристика правительственнаго взгляда на роль Института вполнѣ ясно выражена была министромъ Пуанкаре въ его рѣчи. По мысли учредителей, Институтъ не долженъ былъ имѣть никакого административнаго надзора, на него не было возложено никакое учебное дѣло; онъ долженъ былъ преимущественно примѣромъ способствовать развитію наукъ и усовершенствованію просвѣщенія. Къ нему долженствовало стекаться все, что дѣлалось великое и прекрасное въ странѣ, какъ къ средоточію всѣхъ истинъ, чтобы изъ этого центра разливаться по всей Франціи; какъ вершина, откуда произведенія литературы, науки и искусствъ, связанныя въ могущественное единство, будутъ направлять судьбы нераздѣльнаго отечества. Вотъ слова Жюля Симона: «De même que le Dieu d'Aristote meut sans être mu et peut ignorer le monde auquel il donne la vie, il suffit aux savants et aux poètes d'être, et d'être connus. Leurs œuvres produisent le mouvement, et en même temps elles le règlent par l'admiration qu'elles inspirent» [1]).

---

[1]) «На подобіе Богу Аристотеля, ученымъ и поэтамъ достаточно существовать и быть извѣстными. Ихъ творенія производятъ движеніе, регулируемое тѣмъ восхищеніемъ, которое проявляется къ этимъ твореніямъ».

Институтъ, на дѣлѣ, никогда не претендовалъ исчерпать указанныя ему цѣли. Но онъ всегда участвовалъ въ литературномъ, научномъ и художественномъ движеніи вѣка, и въ тѣхъ случаяхъ, когда иниціатива не исходила изъ его среды, Институтъ старался пріобщить къ себѣ выдающихся передовыхъ дѣятелей. Не вводя какихъ либо доктринъ, Институтъ признавалъ въ геніѣ Франціи свойственныя ему гибкость, силу и грацію. Онъ сохранялъ постоянную связь съ обществомъ; не пренебрегалъ нападками противъ своей дѣятельности. Соединяя традиціи прошлаго съ вѣяніями новизны, Институтъ поддержалъ истинно французскія качества тонкости сужденія, мѣры и простоты.

А. Тилло.

Октябрь 1896 года.

КНЯГИНЯ ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ

(род. 1792 г. † 1862 г.).

I.

Рожденіе княгини З. А. Волконской (урожденной княжны Бѣлосельской).—Князь А. М. Бѣлосельскій.—Воспитаніе дочери.—Смерть князя Бѣлосельскаго.—Выходъ замужъ Зинаиды Александровны за князя Волконскаго.—Положеніе Зинаиды Александровны при дворѣ.

КНЯГИНЯ Зинаида Александровна Волконская, одна изъ самыхъ блестящихъ и даровитыхъ представительницъ русскаго высшаго общества первой половины XIX вѣка, родилась въ 1792 году въ Туринѣ, гдѣ ея отецъ, князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій, былъ посланникомъ [1]). Зинаида Александровна лишилась матери (урожденной Татищевой) при рожденіи и осталась на рукахъ отца, которому всецѣло обязана своимъ умственнымъ и эстетическимъ образованіемъ, любовью къ литературѣ и искусству.

Князь А. М. Бѣлосельскій (род. 1752 г., † 1809 г.), жившій въ пору наибольшаго увлеченія нашего общества всѣмъ французскимъ, былъ русскимъ только по рожденію и фамиліи. Онъ провелъ много лѣтъ за границей въ качествѣ посланника, сначала въ Дрезденѣ, затѣмъ

[1]) При учрежденіи родового командорства Павломъ I, князь А. М. Бѣлосельскій, какъ старшій въ родѣ, получилъ титулъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго; но его дочери не наслѣдовали этого титула и носили фамилію княженъ Бѣлосельскихъ.

въ Туринѣ, и за свои французскія сочиненія былъ избранъ членомъ нѣсколькихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ. По отзывамъ современниковъ, это былъ человѣкъ умный, образованный и въ высшей степени любезный; онъ находился въ сношеніяхъ и перепискѣ со многими европейскими знаменитостями и, между прочимъ, съ Вольтеромъ и Делилемъ, которые съ похвалой отзывались о его французскихъ стихотвореніяхъ [1]). При этомъ, увлекаясь до страсти искусствомъ, онъ заказывалъ и гравировалъ въ Туринѣ портреты русскихъ историческихъ и литературныхъ дѣятелей, собралъ замѣчательную коллекцію картинъ и статуй, которая была впослѣдствіи перевезена въ Москву.

Такую же любовь къ литературѣ и искусству наслѣдовала отъ отца Зинаида Александровна, чему способствовало окружавшее ее съ дѣтства просвѣщенное общество, великія произведенія искусства и художественные памятники классическаго міра. Хотя князь Бѣлосельскій вступилъ во второй бракъ (съ дочерью Г. В. Козицкаго), но самъ былъ наставникомъ и учителемъ своей старшей дочери Зинаиды Александровны и воспиталъ ее въ традиціяхъ русскаго высшаго общества XVIII вѣка. Вслѣдствіе этого, Зинаида Александровна, едва знакомая съ русской рѣчью, въ совершенствѣ владѣла французскимъ языкомъ, знала итальянскій, англійскій и даже греческій и латинскій языки. Вмѣстѣ съ отцомъ она читала итальянскихъ поэтовъ и французскихъ классиковъ; оба превосходно декламировали стихи Корнеля, Расина и Вольтера. Вліяніе отца и ранніе годы жизни, проведенные въ Италіи, способствовали развитію природныхъ дарованій Зинаиды Александровны къ музыкѣ и пѣнію, которымъ она прославилась впослѣдствіи не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ для Зинаиды Александровны началась новая жизнь; но въ 1809 году, когда ей едва исполнилось 17 лѣтъ, князь А. М. Бѣлосельскій неожиданно скончался. Смерть отца, лучшаго и единственнаго друга дѣтства и ранней молодости,

---

[1]) Русскіе стихи плохо давались А. М. Бѣлосельскому, и князь П. А. Вяземскій, подсмѣиваясь надъ его метроманіей, называлъ ихъ эксцентрическими. Между прочимъ, много шуму надѣлала русская опера А. М. Бѣлосельскаго: «Олинька, или первоначальная любовь», которая въ царствованіе императора Павла I была разыграна въ Москвѣ на домашнемъ театрѣ Столыпина. По словамъ Вяземскаго, «поэтическія и другія вольности были доведены въ ней до самыхъ крайнихъ предѣловъ, такъ что вся публика пришла въ негодованіе; дамы съ ужасомъ выбѣгали изъ залы, и скоро весь городъ наполнился молвою объ этомъ представленіи. Слухи дошли до Петербурга, и туда потребовали рукопись оперы. Испуганный князь Бѣлосельскій обратился къ своему пріятелю Н. М. Карамзину и просилъ замѣнить скоромныя выраженія болѣе приличными», что и было исполнено. Въ этомъ исправленномъ видѣ рукопись отправлена въ Петербургъ; и такъ какъ въ ней не найдено ничего предосудительнаго, то она была напечатана въ 1796 году. (Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, Спб., 1888, т. VII, стр. 96).

была тяжелымъ ударомъ для Зинаиды Александровны и, по свидѣтельству А. Н. Волконскаго, отразилась на всей ея дальнѣйшей жизни, такъ какъ съ этого времени у ней явилась «склонность къ задумчивости, которая не оставляла ее даже среди свѣтскихъ развлеченій» [1]).

Тѣмъ не менѣе, черезъ годъ послѣ смерти отца, Зинаида Александровна вышла замужъ за молодого егермейстера, князя Никиту Григорьевича Волконскаго [2]). Благодаря положенію и родственнымъ связямъ мужа, своей красотѣ, уму и образованію, Зинаида Александровна заняла видное мѣсто при дворѣ императора Александра I, который съ перваго знакомства и до конца своей жизни относился къ ней съ особеннымъ благоволеніемъ и дружескимъ участіемъ. Покровительство, оказываемое государемъ княгинѣ Волконской, удвоивъ вниманіе къ ней придворныхъ и поклоненіе ея красотѣ, въ то же время вызвало тайное недоброжелательство со стороны ея соперницъ, сопровождаемое клеветой и злословіемъ, которыя глубоко огорчали ее.

При этихъ условіяхъ рожденіе ея единственнаго сына Александра, въ августѣ 1811 года, было для Зинаиды Александровны особенно счастливымъ событіемъ; и она всей душой предалась материнскимъ заботамъ, которыя избавляли ее отъ необходимости бывать въ свѣтѣ. Къ тому же слухи о грандіозныхъ приготовленіяхъ Наполеона къ походу въ Россію все усиливались, возбуждая общую тревогу, а, съ наступленіемъ войны 1812 года, само собою должны были прекратиться всѣ придворныя увеселенія и празднества.

---

[1]) Oeuvres choisies de la princesse Zéneide Volkonsky, née princesse Beloselsky. Paris et Carlsruhe, 1865, t. I, Preface. p. II. Во II-мъ томѣ, также изданномъ въ Карлсруэ въ 1865 году сыномъ З. А. Волконской (А. Н. Волконскимъ), помѣщены русскія сочиненія княгини З. А. Волконской. Оба тома составляютъ библіографическую рѣдкость.

[2]) Князь Н. Гр. Волконскій служилъ сначала адъютантомъ у дѣда своего по матери, фельдмаршала князя Н. В. Репнина, въ Вильнѣ, но вскорѣ его постигла опала; и онъ по повелѣнію императора Павла I былъ уволенъ вмѣстѣ съ поручикомъ Лубяновскимъ за «Репнинскій духъ». Но онъ снова вошелъ въ милость при Александрѣ I, который назначилъ его флигель-адъютантомъ и поручалъ важныя дипломатическія дѣла, гдѣ, кромѣ врученія депешъ, нужны были словесныя объясненія, какъ, напримѣръ, съ Наполеономъ I въ Байонѣ, въ 1808 году. За свои заслуги въ сраженіяхъ 1813 и 1814 гг. князь Н. Г. Волконскій получилъ отъ государя Георгіевскій крестъ и шпагу съ алмазами. («Русск. Арх.», 1874, т. IV, стр. 1047—1050, «Изъ семейныхъ воспоминаній объ отцѣ кн. А. Н. Волконскаго»).

II.

Путешествіе княгини З. А. Волконской въ свитѣ императора Александра I.—Піеса А. С. Шишкова. — Письма, императора Александра I къ Волконской. — Вѣнскій конгрессъ. — Появленіе на сценѣ З. А. Волконской. — Возвращеніе въ Россію и отъѣздъ въ Одессу.

Весною 1813 года, З. А. Волконская вмѣстѣ съ своимъ двухлѣтнимъ сыномъ отправилась въ свитѣ Александра I въ Германію. Путешествіе государя по Саксоніи (только что очищенной отъ непріятеля) до Дрездена, по словамъ очевидца, извѣстнаго адмирала А. С. Шишкова, представляло безпрерывное торжество, сопровождаемое оваціями со стороны мѣстнаго населенія. «Съ нами ѣхали, пишетъ Шишковъ, двѣ княгини Волконскія: Софья Григорьевна, жена начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго, и Зинаида Александровна, жена князя Никиты Григорьевича, егермейстера. Дорогою, во время роздыховъ нашихъ, государь часто ихъ посѣщалъ. Приближаясь къ Дрездену, вздумалось имъ, по пріѣздѣ въ него, дать государю маленькій праздникъ, въ которомъ онѣ двѣ и третья также путешествующая съ нами г-жа Салданша, урожденная Хитрово, хотѣли сами дома у себя сыграть передъ нимъ сочиненную на походъ нашъ піеску. Онѣ просили меня написать оную. Желая услужить имъ, я охотно за это взялся и, написавъ для опыта одно только начало, принесъ къ нимъ, чтобъ прочитать и узнать, то ли имъ надобно, и такъ ли я началъ. Опытъ сей имъ понравился; и онѣ на нѣкоторое время оставили его у себя. На другой день пришелъ я къ нимъ и услышалъ, что намѣреніе ихъ не имѣло успѣха; государь былъ у нихъ, и неизвѣстно, по какой причинѣ, на то не согласился...» [1]).

Начало этой пьесы, подъ заглавіемъ «Маленькій праздникъ, или слабая дань благодарности русскимъ воинамъ въ лицѣ главнокомандующаго надъ ними», напечатано въ «Запискахъ Шишкова» и настолько бездарно и переполнено наивной лестью, что императоръ Александръ I, прочитавъ хотя бы первыя строки піесы, едва ли могъ желать ея исполненія, даже помимо другихъ болѣе серьезныхъ причинъ.

Въ это время вся Европа переживала тревожные дни. Наполеонъ, кончивъ свои приготовленія къ новому походу, неожиданно

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, изд. 1870 г. т. I, стр. 187 — 188. Но, повидимому, А. С. Шишковъ не всегда отличался такой угодливостью относительно своихъ спутницъ и возставалъ противъ ихъ взглядовъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» (стр. 322 — 323) говоритъ о З. А. Волконской, что она «принадлежитъ къ людямъ, которые хотя и одарены умомъ, но разсуждаютъ, какъ младенцы, что въ Россіи безъ воспитанія французскаго и спектаклей не можетъ быть просвѣщенія!..».

двинулся въ Саксонію, и послѣ первыхъ битвъ, неудачныхъ для союзниковъ, заключено было перемиріе. Тогда Австрія предложила свое посредничество для заключенія мира и съ этой цѣлью отправила князя Шварценберга къ Александру I, который упоминаетъ о немъ въ слѣдующей запискѣ къ З. А. Волконской, безъ обозначенія числа, гдѣ послѣ увѣреній въ дружбѣ къ ней до конца жизни, пишетъ: «Горю нетерпѣніемъ, княгиня, пасть къ стопамъ вашимъ; вчера уже я жаждалъ этого счастья, но небу или, лучше сказать, князю Шварценбергу съ генераломъ Радецкимъ, угодно было иначе: они пробыли у меня до 11 часовъ. Могу ли я явиться къ вамъ между 7 и 8 часами?» [1]).

Но вскорѣ возобновленіе военныхъ дѣйствій и близость сраженій заставили находившихся въ свитѣ дамъ: двухъ княгинь Волконскихъ, двухъ княгинь Туркестановыхъ, графиню Остерманъ и Репнину, удалиться въ Прагу, гдѣ, благодаря письмамъ государя къ З. А., онѣ получали вѣрныя извѣстія съ театра войны. Письма эти весьма характерны, такъ какъ показываютъ рыцарское поклоненіе Александра I женщинѣ, которую онъ считалъ лучшимъ украшеніемъ своего двора. Въ письмѣ изъ Яуера отъ 14-го мая 1813 года онъ писалъ ей: «Если когда либо доброе намѣреніе должно было заслуживать награды, то, конечно, я получилъ самую пріятнѣйшую для меня вдали отъ васъ, княгиня, заслуживъ такое любезное отъ васъ письмо. Не могу выразить вамъ, какъ я былъ тронутъ всѣмъ, что вы мнѣ говорите. Вѣрьте, что я умѣю это цѣнить. Податель этого письма разскажетъ вамъ, какъ еще разъ отличились наши войска, и если полный успѣхъ не былъ таковъ, какимъ бы мы его желали, тѣмъ не менѣе славны для храброй нашей арміи сопровождавшія его событія. Всѣ мы въ наилучшемъ расположеніи духа. Ко всѣмъ желаніямъ успѣховъ нашимъ войскамъ я присоединяю еще искреннѣйшее желаніе, чтобъ они доставили мнѣ счастіе скорѣе видѣть васъ. Благоволите пока сохранить мнѣ мѣсто въ вашей памяти, коей я столько дорожу, и напомните также обо мнѣ княгинѣ Софіи (женѣ П. М. Волконскаго)».

Слѣдующее письмо государя изъ Теплица, отъ 21-го августа 1813 года, носитъ тотъ же дружескій характеръ: «Не имѣю возможности, княгиня, дожидаться отъѣзда обыкновеннаго курьера (князя Н. Гр. Волконскаго, мужа З. А.), чтобы выразить вамъ всю признательность за милое письмо ваше и за все, что оно содержитъ любезнаго. Желаю только одного—быть сколько нибудь похожимъ на то существо, которое вы описали и назвали моимъ именемъ,

[1]) «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», 1868, т. III, стр. 310—314, «Шесть писемъ императора Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской» (письма эти, написанныя на французскомъ языкѣ, сообщены княземъ А. Н. Волконскимъ, сыномъ З. А.).

хотя мнѣ до этого еще далеко. Вамъ однѣмъ принадлежитъ рѣдкое искусство дѣлать любезными тѣхъ, съ которыми вы находитесь, такъ какъ вы сами одарены той природной и благосклонной любезностью, которая всякаго дѣлаетъ при васъ непринужденнымъ. За то провести съ вами нѣсколько часовъ—истинное наслажденіе...». Затѣмъ, сообщая о побѣдахъ, одержанныхъ русскими войсками, Александръ I добавляетъ: «Какъ видите, благодаря Всемогущему, дѣла идутъ недурно. Умоляю васъ продолжать немного интересоваться нашими воинами, и будьте напередъ увѣрены въ нашей дани признательности... Вѣрьте, княгиня, въ привязанность мою до конца жизни...».

Въ письмѣ изъ Лейпцига, отъ 10-го октября того же года, Александръ I, извѣщая княгиню З. Волконскую о пораженіи Наполеона подъ Лейпцигомъ и результатахъ побѣды, пишетъ: «Всевышній одинъ руководилъ всѣмъ, и Ему мы обязаны всѣми этими блестящими успѣхами. Не сомнѣваюсь въ участіи вашемъ, княгиня. Примите полную мою признательность за любезное и восхитительное, что вы мнѣ говорите по поводу ордена Подвязки. Не считая себя вполнѣ достойнымъ, я совершенно раздѣляю вашъ образъ мыслей насчетъ рыцарства и всегда предпочиталъ эти принципы. Если пламенно чувствовать все исходящее отъ прекрасной и любезной женщины есть одно изъ правъ на этотъ орденъ, то я смѣю, по крайней мѣрѣ, надѣяться на него и стремиться къ полученію его. Болѣе, чѣмъ когда нибудь, прошу васъ считать меня на вѣки сердечно и душевно вашимъ, и я также скажу: Honni soit qui mal y pense».

Съ перенесеніемъ театра войны во Францію и занятіемъ Парижа союзными войсками, 31-го марта 1814 года, положенъ былъ предѣлъ борьбѣ цѣлой Европы противъ Наполеона. Съ 1-го ноября того же года начался знаменитый Вѣнскій конгрессъ, на которомъ присутствовали два императора, четыре короля съ ихъ свитами и уполномоченные другихъ государствъ, помимо многочисленной посторонней публики, прибывшей съ разныхъ концовъ Европы. Все это блестящее общество, собравшееся въ придунайской столицѣ послѣ долгихъ войнъ, спѣшило вознаградить себя за пережитыя тревоги и лишенія. Роскошныя празднества, театральныя представленія, балы, рауты, маскарады и фейерверки, карусели, санная ѣзда, парады слѣдовали одни за другими безконечной вереницей, такъ что всѣ эти увеселенія стоили австрійскому двору около 30 милліоновъ гульденовъ. Среди красавицъ разныхъ націй, блиставшихъ на празднествахъ конгресса, особеннымъ поклоненіемъ пользовалась З. А. Волконская, представлявшая собою счастливое сочетаніе молодости, красоты, граціи и живости съ умомъ и любезностью. Здѣсь впервые, передъ многочисленной избранной публикой, она проявила свой рѣдкій талантъ пѣвицы и вызвала восторженныя оваціи со стороны слушателей.

Но еще прежде, чѣмъ окончился Вѣнскій конгрессъ, европейскіе государи должны были возобновить борьбу съ Наполеономъ и, послѣ его вторичнаго низложенія, съѣхались въ Парижѣ 10-го іюля 1815 года. Прибытіе въ Парижъ государей трехъ великихъ державъ и заключеніе Священнаго союза послужило поводомъ для новыхъ блистательныхъ празднествъ. З. А. Волконская, въ числѣ другихъ придворныхъ дамъ, явилась опять въ свитѣ Александра I и въ столицѣ вкуса и модъ нашла достойныхъ цѣнителей своихъ сценическихъ и музыкальныхъ дарованій. Она заслужила одобреніе Буальдье, Россини и извѣстной m-elle Mars, которая, видя ее въ оперѣ и комедіи, выразила сожалѣніе, что «такой сценическій талантъ достался на долю дамы большого свѣта». Въ это же время З. А., устроивъ труппу изъ поклонниковъ Россини, исполняла на сценѣ одного частнаго театра его оперу «Italiana in Algeri», что было новостью для парижскаго общества, которое до этого не знало произведеній Россини, такъ какъ во все продолженіе имперіи они только были извѣстны въ Италіи [1]).

Въ томъ же 1815 году З. А. сопровождала императора Александра I въ Лондонъ, гдѣ, узнавъ о печальной участи ребенка Павея, круглаго сироты, брошеннаго на произволъ судьбы, взяла къ себѣ и, крестивъ въ православіе, рѣшила воспитать его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Изъ Лондона она опять вернулась въ Парижъ, чтобы посвятить себя сценическому искусству. Здѣсь З. А. съ большимъ успѣхомъ играла и пѣла на домашнихъ театрахъ, поддерживая дружескія сношенія съ m-elle Mars, которой посвятила граціозные французскіе стихи; и послала ихъ вмѣстѣ съ гирляндой цвѣтовъ въ день, когда знаменитая актриса должна была выступить въ піесѣ: «Le secret dû menage» [2]).

Императоръ Александръ I не сочувствовалъ артистическимъ стремленіямъ княгини З. А. Волконской и считалъ ихъ неумѣстными, какъ видно изъ его письма къ ней, отъ 12-го (24-го) мая 1816 года, писаннаго въ Парижъ, по поводу ея неудачнаго ходатайства за полковника Лабедойера, который первый перешелъ съ своимъ отрядомъ на сторону Наполеона въ 1815 году и за это былъ приговоренъ королевскимъ судомъ къ смертной казни:

«Вы очень ошибаетесь княгиня, если полагаете, что я когда нибудь могъ бы сердиться на васъ за участіе, какое вы принимаете въ дѣлѣ Лабедойера... Изъ того, что я говорилъ вамъ у герцогини Курляндской, вы бы вполнѣ должны были покинуть идею, что я

---

[1]) «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», Спб., 1868, III, стр. 315.

[2]) «Oeuvres choisies de la princesse Zen. Volkonsky» etc I, p. 151. Тамъ же напечатаны и другіе французскіе стихи З. А. Волконской: «A madame Philis Andrieux, «Le demi-mot», «La musique», которые отличаются такимъ же изяществомъ и легкостью слога.

хотѣлъ васъ побранить, какъ вы выражаетесь въ письмѣ вашемъ. Дѣло въ томъ, что если я и негодовалъ на васъ, то уже, конечно, не за Лабедойера, а признаюсь вамъ откровенно за то предпочтеніе, которое вы, казалось, оказывали Парижу со всей его мелочностью. Столь возвышенная и превосходная душа казалась мнѣ не подходящею ко всей этой суетности, и я считалъ ее жалкой пищей для нея. Искренняя моя привязанность къ вамъ, такая долголѣтняя, заставляла меня сожалѣть о времени, которое вы теряете на занятія, по моему мнѣнію, такъ мало достойныя вашего участія. Вотъ, княгиня, самое откровенное изложеніе моихъ жалобъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣчу я минуту вашего къ намъ возвращенія, которое дастъ мнѣ возможность повторить вамъ на словахъ выраженіе чувствъ моихъ къ вамъ» [1]).

Не смотря на это письмо, З. А. Волконская вернулась въ Россію только въ 1817 году и осенью того же года отправилась въ Москву, гдѣ ожидали царскую фамилію, по случаю закладки на Воробьевыхъ горахъ храма Спасителя (въ память освобожденія Москвы), которая была назначена 12 октября. Прибытіе двора въ Москву сопровождалось обычными празднествами, парадами, торжественными пріемами; московское дворянство давало балъ въ честь высочайшихъ особъ, за которымъ слѣдовалъ праздникъ, устроенный гвардіей, обѣдъ московскаго купечества и проч.

Фрейлина М. А. Волкова, жившая тогда въ Москвѣ, описывая свое представленіе ко двору въ письмѣ къ В. И. Ланской и подсмѣиваясь надъ петербургской знатью, не щадитъ и кн. З. Волконскую, къ которой относится съ видимымъ недоброжелательствомъ... «Придворные,—пишетъ она,—прежде бранили Москву, а теперь хвалятъ, говорятъ, что людямъ благомыслящимъ Москва должна казаться весьма интереснымъ городомъ. Съ жителями Москвы обходились благосклонно. Великая княгиня въ восторгѣ отъ Москвы и проучила свою штатсъ-даму Волконскую (Софью Григорьевну),—теперь ваши щеголихи прикусятъ язычки. Когда ея высочеству представлялись частнымъ образомъ нѣкоторыя дамы, она изволила сказать, что «ее весьма интересуетъ все окружающее, что нельзя не чувствовать благодарности Москвѣ, когда подумаешь, что она спасла Европу»... На это княгиня Волконская позволила себѣ замѣтить, что ея высочество измѣняетъ Петербургу. «Сударыня, — возразила великая княгиня,—здѣсь я чувствую себя въ Россіи. Кажется, всякій русскій долженъ больше всего любить Москву. Никто не можетъ упрекать меня за то, что я ее предпочитаю всѣмъ другимъ городамъ»... Затѣмъ слѣдуетъ приписка: «Вотъ и отрывокъ изъ скандальной хроники, — княгиня З. В. компрометировала себя, потомъ уѣхала въ Одессу съ синьоромъ Барбери; всѣ, даже самъ го-

[1]) «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», 1868 г., т. III, стр. 314—315.

сударь совѣтовали ей остаться. Признайтесь, хорошихъ барынь присылаете вы намъ!»..[1]).

Въ Одессѣ княгиня Волконская провела не только остатокъ зимы, но и лѣто, судя по краткимъ извѣстіямъ о ней въ двухъ письмахъ К. Н. Батюшкова изъ Одессы. Такъ, въ письмѣ отъ 12-го іюля 1818 года, онъ сообщаетъ Е. Ѳ. Муравьевой: «Сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сенъ-При; она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поетъ прелестно и очень любезна»... Пять дней спустя, въ письмѣ отъ 17-го іюля, Батюшковъ писалъ А. Н. Оленину: «Здѣсь И. М. Муравьева и кн. З. Волконская пріѣхали для моря»[2])...

Въ Одессѣ княгиня Волконская встрѣтила знаменитаго аббата Николя, который былъ извѣстенъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ своей педагогической дѣятельностью[3]); и такъ какъ З. А. хотѣла сама заняться воспитаніемъ сына, то обратилась къ аббату Николю съ просьбой составить программу, которая служила бы ей руководствомъ. Почтенный аббатъ добросовѣстно исполнилъ возложенную на него задачу и написалъ подробную записку о воспитаніи кн. А. Волконскаго, которое, согласно его плану, должно было продолжаться двѣнадцать лѣтъ, начиная съ сентября 1819 года. При этомъ въ запискѣ изложено было не только все, что касалось физическаго, религіознаго и нравственнаго воспитанія сына З. А., но указаны были средства поощренія, наказанія и «мѣры предохраненія», которыя главнымъ образомъ заключались въ томъ, чтобы воспитанникъ днемъ и ночью находился подъ непрерывнымъ надзоромъ воспитателя или родителей[4]).

Неизвѣстно, въ какой степени З. А. Волконская, въ воспитаніи своего сына, слѣдовала программѣ аббата Николя, выполнимой для всякаго учебнаго заведенія при извѣстной дисциплинѣ и правильномъ распредѣленіи времени, но едва ли возможной въ частномъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1875 г., № 8. Ст. «Грибоѣдовская Москва», М. Свистуновой.

[2]) Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. I, Спб., 1887 г. стр. 36 «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова», ст. Л. Н. Майкова съ прим. В. И. Саитова.

[3]) Доминикъ Карлъ Николь родился 4-го апрѣля 1758 году близъ Руана и съ ранней молодости посвятилъ себя дѣлу воспитанія въ коллегіи св. Варвары. Въ 1793 году онъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ открылъ училище на шесть мальчиковъ, съ платой въ двѣ тысячи рублей за обученіе. Не смотря на высокую плату, родители добивались возможности отдать своихъ дѣтей на воспитаніе аббату Николю, такъ что онъ принужденъ былъ расширить свое заведеніе; но по разстроенному здоровью передалъ дѣло аббату Макарду (Macquard) и переѣхалъ въ Москву. Въ 1811 г. онъ отправился на югъ Россіи; въ Одессѣ составилъ планъ воспитанія для обоихъ одесскихъ благородныхъ институтовъ; и по его плану основанъ былъ Ришельевскій лицей 2-го мая 1817 года. Въ 1820 году аббатъ Николь покинулъ Россію, въ февралѣ слѣдующаго года назначенъ ректоромъ парижской академіи, а 2-го сентября 1835 года скончался 77 лѣтъ отъ роду.

[4]) «Записка аббата Николя о воспитаніи князя А. Н. Волконскаго» въ русскомъ переводѣ напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1895 г., кн. IV, стр. 486—496.

домѣ. Къ тому же, З. А. при своемъ непостоянномъ характерѣ, чуждомъ какой либо системы, если и считала для себя обязательнымъ исполненіе предписаній аббата Николя, то развѣ въ первое время, а затѣмъ, по всѣмъ даннымъ, воспитывала сына, какъ воспиталъ ее отецъ, хотя съ тою разницей, что князь А. Н. Волконскій прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и съ дѣтства зналъ и любилъ Россію.

III.

Четыре французскія новеллы кн. З. Волконской.—Ея отъѣздъ въ Италію.—Кружокъ молодыхъ русскихъ художниковъ въ Римѣ.—Театральныя представленія въ домѣ кн. З. Волконской.—Иностранные художники.—Веронскій конгрессъ.

Изъ Одессы З. А. Волконская вернулась въ Петербургъ въ началѣ 1819 года въ особенно серьезномъ настроеніи духа. Въ эту пору своей жизни она, повидимому, переживала моментъ нравственнаго утомленія и пресыщенія благами, которыми такъ щедро надѣлила ее судьба. Толпа поклонниковъ, восторженныя оваціи ея сценическому таланту и пѣнію, перестали занимать ее; великія событія, пестрая панорама историческихъ лицъ и знаменитостей—все это быстро и ярко пронеслось передъ ея глазами, оставивъ за собою одни воспоминанія. Свѣтская жизнь съ ея пустотой и отсутствіемъ серьезныхъ интересовъ не удовлетворяли болѣе З. А.; она искала уединенія и рѣшила на досугѣ заняться литературой.

Результатомъ этого новаго увлеченія З. А. Волконской были четыре новеллы («Quatre nouvelles»), написанныя въ 1819 году изящной французской прозой. Изъ нихъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія повѣсть «Laure»; этотъ первый опытъ княгини З. А. Волконской носитъ отчасти автобіографическій характеръ, какъ у многихъ начинающихъ писателей. Хотя дѣйствіе происходитъ во Франціи, и многія подробности, очевидно, придуманы съ цѣлью придать романическій интересъ разсказу, но въ остальномъ это—автобіографія самой кн. Волконской. Она описываетъ знакомую ей жизнь великосвѣтскаго общества, со всѣми его слабыми сторонами; героиня повѣсти Лора такая же впечатлительная и увлекающаяся, какъ и З. А. Волконская, отличается такой же богатой фантазіей, непостоянствомъ и склонностью къ разсѣянной жизни. Даже по наружности Лора напоминаетъ приложенный здѣсь портретъ кн. З. А. Волконской, написанный К. Брюлловымъ въ 1830 году: то же грустное выраженіе большихъ задумчивыхъ глазъ, греческій профиль, красиво очерченный дѣтскій ротъ. Лора рано выходитъ замужъ и вступаетъ въ новое для нея великосвѣтское общество, которое ослѣпляетъ ее своимъ наружнымъ блескомъ; лестное вниманіе, оказанное ей, и толпа поклонниковъ кружитъ ей голову; она съ

увлеченіемъ предается всѣмъ свѣтскимъ удовольствіямъ. Но вскорѣ она убѣждается въ пустотѣ и мелочности окружавшаго ее общества, испытываетъ предательство мнимыхъ друзей, клевету и злословіе и, возмущенная до глубины души, рѣшается начать новую жизнь. Она вмѣстѣ съ мужемъ и его пріятелемъ отправляется въ путешествіе, съ жаромъ предается искусству и наукамъ, и находитъ въ нихъ душевное успокоеніе. Съ рожденіемъ ребенка въ ней совершается окончательный нравственный переворотъ, она испытываетъ сильное и глубокое чувство материнской любви, которое остается неизмѣннымъ въ ней до конца жизни. То же значеніе въ жизни кн. З. А. Волконской имѣла материнская любовь съ момента рожденія ея единственнаго сына; она никогда не разставалась съ нимъ; и ей всецѣло обязанъ онъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ до 15-ти-лѣтняго возраста.

Что касается остальныхъ трехъ новеллъ «Deux tribus du Brésil ou Nabuya et Zioié», «Les maris mandingues», «L'enfant du Kachemyr», гдѣ изображены дикари трехъ различныхъ частей свѣта: Америки, Африки и Азіи, то онѣ написаны такимъ же легкимъ и красивымъ французскимъ языкомъ, но несравненно слабѣе первой повѣсти. Эти три новеллы принадлежатъ къ разряду тѣхъ романическихъ произведеній западной литературы, гдѣ, подъ вліяніемъ идей Руссо и его послѣдователей, дикари пустынь и дѣвственныхъ лѣсовъ надѣлены всѣми добродѣтелями, отличаются необычайной чистотой нравовъ, страдаютъ отъ робкой платонической любви и пр. Равнымъ образомъ, герои, изображенные кн. З. А. Волконской, какъ и во многихъ романахъ и повѣстяхъ этого рода, по внѣшности ничѣмъ не отличаются отъ цивилизованныхъ людей, безукоризненно вѣжливы и деликатны въ обращеніи съ окружающими, говорятъ такимъ же изысканнымъ языкомъ. Но, фантазія, необходимая для сочиненія подобныхъ безпочвенныхъ произведеній, проявляется съ особенной силой въ новеллахъ кн. З. А. Волконской, гдѣ богатство вымысла всего болѣе выступаетъ въ описаніяхъ природы, извѣстной автору только по разсказамъ путешественниковъ.

«Quatre nouvelles» были изданы въ Москвѣ въ 1819 г. на французскомъ [1]) языкѣ и не имѣли успѣха, тѣмъ болѣе, что имя автора, извѣстное среди петербургской знати, еще не пользовалось популярностью въ русскомъ обществѣ. Послѣ появленія «Quatre nouvelles» въ литературной дѣятельности кн. З. А. Волконской наступаетъ долгій перерывъ. Неизвѣстно, было ли это слѣдствіемъ постигшей ее неудачи, или она, при своей живости и непостоянствѣ, была вообще неспособна предаться надолго какому либо опредѣленному дѣлу. Весною, 1820 года, она уѣхала въ Италію. Здѣсь она

---

[1]) «Quatre nouvelles», par la princesse Zéneide Volkonsky, Moscou, 1819, in-8°.

вновь увлеклась искусствомъ и сдѣлалась центромъ художническаго кружка въ Римѣ, къ которому принадлежали молодые ученики академіи: Ѳ. А. Бруни, Басинъ, Брюлловъ, К. и А. Тоны, С. Щедринъ и др., а также скульпторъ С. И. Гальбергъ, человѣкъ образованный и добродушный, который былъ общимъ любимцемъ.

Гальбергъ въ своихъ письмахъ изъ Рима [1]) сообщаетъ нѣкоторыя подробности о кн. З. А. Волконской, не лишенныя интереса. Такъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ, въ письмѣ отъ 19 декабря 1820 года, онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургъ: «Не смотря на то, что я не совсѣмъ здоровъ, я долженъ дѣлать визиты и графамъ, и князьямъ, и княгинямъ; и мнѣ хотѣлось въ театрѣ поклониться одной княгинѣ... можетъ быть, навернется работишка. Эта княгиня, княгиня З. А. Волконская, женщина прелюбезная, преумная, предобрая, женщина-авторъ, музыкантъ, актеръ, женщина съ глазами очаровательными, наконецъ, та самая, которая извѣстна въ Петербургѣ подъ именемъ Зинаиды Волконской; она здѣсь живетъ около 8 мѣсяцевъ. Она привезла съ собой сюда живописца Ѳ. А. Бруни, который и живетъ у нея въ домѣ».

Въ другомъ письмѣ, отъ 30-го мая 1821 года, Гальбергъ пишетъ: ...«Когда мы, русскіе пенсіонеры, стали познакомѣе съ княгиней Волконской, она начала приглашать насъ на свои музыкальные вечера, что здѣсь въ Римѣ называется приглашать въ академію. Мало-по-малу эти музыкальные вечера превратились въ оперы [2]), и мы сами изъ зрителей превратились въ актеровъ. Роли наши, правда, невелики и нетрудны: все дѣло въ томъ, чтобы постоять на сценѣ и не шумѣть, но мы и того не умѣемъ, несмотря на нѣсколько пробъ. Князь Волконскій, мужъ ея, и графъ Остерманъ-Толстой всегда хохочутъ, когда мы посвойски замаршируемъ на сценѣ. Щепкинъ (живописецъ), пріѣхавъ изъ Неаполя, вздумалъ было тоже смѣяться надъ нашимъ актерствомъ; но, въ слѣдующій разъ, его самого нарядили воиномъ и заставили маршировать и сражаться. На этомъ сраженіи онъ такъ ловко хватилъ по лбу Тона, что вышибъ у него всю роль изъ головы. Теперь наша очередь надъ нимъ подтрунивать. Кромѣ театра, ни князь, ни княгиня не причиняютъ мнѣ недосуговъ; и хотя князь Волконскій обѣщалъ было мнѣ заказать что нибудь мраморное, но, кажется, обѣщаніемъ missa est;

---

[1]) «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ», т. II, вып. V, Спб., 1884 г.: «Скульпторъ С. И. Гальбергъ, въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ, 1818—1823 гг.», стр. 122, 124—125.

[2]) Въ это время княгиня Волконская, съ помощью Гальберга, служившаго ей переводчикомъ нѣмецкаго языка, составила и издала въ Римѣ итальянское либретто для сочиненной ею оперы: «Giovanna d'Arco», dramma per musica ridotto da Schiller, Roma, 1821», и сама явилась на сценѣ своего домашняго театра въ роли Іоанны д'Аркъ. Въ этомъ костюмѣ она изображена на портретѣ, писанномъ Ѳ. А. Бруни, который былъ одной изъ первыхъ его работъ въ Римѣ.

за то онъ рекомендовалъ меня графу Остерманъ-Толстому, нашему кульмскому герою, и съ января у него работаю... Онъ человѣкъ преважный и препростой. Свѣтъ знаетъ его, какъ великаго чудака и грубіяна; онъ таковъ и есть, но свѣтъ не знаетъ или молчитъ, что онъ благородный и великодушный человѣкъ и истинный баринъ»...

Кромѣ этого интимнаго кружка, въ римскомъ салонѣ княгини Волконской бывали многіе иностранные художники, въ томъ числѣ такія знаменитости, какъ живописецъ Камуччини, Горасъ Верне, скульпторы: Канова и Торвальдсенъ. Послѣдній жилъ въ Римѣ въ качествѣ пенсіонера Копенгагенской академіи и только-что началъ входить въ славу своей статуей Язона.

Въ октябрѣ 1822 года, З. А. отправилась въ Верону, по случаю новаго конгресса царствующихъ монарховъ, сопровождаемаго пышными празднествами. Здѣсь она опять появилась на сценѣ во время придворнаго спектакля, даннаго въ честь императора Александра I, который «былъ пріятно пораженъ удачнымъ исполненіемъ его любимой оперы «La Molinara» (соч. Paisiello) [1]).

IV.

Научныя занятія княгини З. Волконской.— Письмо князя Козловскаго.— Изданіе въ Парижѣ «Tableau slave», французской повѣсти княгини Волконской.— Отзывы парижскихъ газетъ и журналовъ.— Историческая поэма «Olga».

Изъ Вероны З. А. уѣхала въ Петербургъ, гдѣ, послѣ разсѣянной жизни и веселія, окружавшаго ее въ Италіи, перешла въ другую крайность. Не принимая никакого участія въ столичныхъ увеселеніяхъ и живя вдали отъ двора, она съ увлеченіемъ предалась воспитанію сына и стала изучать скандинавскую археологію въ связи съ исторіей Россіи, для новой задуманной ею работы «Tableau slave». Въ это время, ея главнымъ руководителемъ въ научныхъ занятіяхъ былъ ученый иностранецъ Андрэ Меріанъ (уроженецъ Базеля, въ молодости прибывшій въ Россію), авторъ извѣстной книги «Principes de l'étude comparative des langues», которая была издана послѣ его смерти Клапротомъ въ 1828 году. Меріанъ, цѣня умъ и образованіе княгини Волконской, любилъ бесѣдовать съ нею о своихъ ученыхъ трудахъ и въ одномъ изъ писемъ къ ней подробно изложилъ свой взглядъ на единство языковъ [2]).

Но, повидимому, научныя занятія З. А., такъ мало соотвѣтствовавшія ея общественному положенію, навлекли на нее злобу и на-

[1]) Сборникъ Русск. Историч. Общ., 1868 г., т. III, стр. 315.

[2]) Отрывокъ этого письма напечатанъ въ предисловіи къ I-му французскому тому сочиненій З. А. Волконской, «Oeuvres choisies», изд. 1865 года.

смѣшки ея великосвѣтскихъ знакомыхъ и, возбуждая сомнѣнія въ собственныхъ силахъ, приводили ее въ отчаяніе. Одинъ изъ ея друзей, князь П. Б. Козловскій [1]), писалъ ей по этому поводу: «Души холодныя, невѣжество и насмѣшки не должны сбивать васъ съ пути. Высшее общество имѣетъ свои заслуги, но никогда въ вещахъ серіозныхъ; послѣднихъ оно не терпитъ, потому что онѣ стѣсняютъ его, указываютъ на умственныя преимущества, которыя не совмѣстимы съ его выглаженностью, безличностью, съ тѣмъ, что составляетъ его сущность. Высшее общество отрицательно, въ немъ нѣтъ ничего выдающагося, слѣдовательно, ничего возвышеннаго. Музыка не для глухихъ, истинное знаніе не для пресыщенныхъ, суетныхъ, насмѣшливыхъ. Можно жалѣть ихъ, но не исцѣлить... Храните для вашихъ друзей тотъ источникъ, который освѣжаетъ и обновляетъ все то, чего онъ касается».

Наконецъ, послѣ двухлѣтняго усиленнаго труда, З. А. Волконская кончила свою повѣсть «Tableau slave du cinquième siècle», которая была издана въ Парижѣ въ 1824 году, безъ подписи автора. Въ этой повѣсти, написанной изящнымъ французскимъ языкомъ, З. А. взяла на себя трудную задачу изобразить жизнь и нравы первобытныхъ языческихъ славянъ и указать контрастъ дикихъ обитателей лѣсовъ съ осѣдлыми племенами, живущими на Днѣпрѣ, которыя уже достигли извѣстной цивилизаціи, имѣли законы, понятіе о приличіи и чести.

Герой повѣсти, юный Ладовидъ, возмущенный неравенствомъ половъ и безотвѣтностью женщинъ у полянъ, похищаетъ мужественную красавицу Миліаду у сосѣдняго дикаго племени и приводитъ къ своимъ родителямъ. Но всѣ усилія цивилизовать дикарку оказываются напрасными; она обкрадываетъ своего мужа и возвращается къ прежней жизни. Ладовидъ отправляется на поиски, находитъ ее и убѣждаетъ вернуться къ нему. Миліада, тронутая его великодушіемъ, слѣдуетъ за нимъ, постепенно привыкаетъ къ осѣдлой жизни и, наконецъ, становится матерью; тогда въ сердцѣ ея «пробуждаются благородныя чувства самоотреченія и любви къ ближнему». Она видитъ вѣщій сонъ, гдѣ ей открывается будущность ея троихъ дѣтей и старшаго сына Кія, строителя города Кіева.

---

[1]) Князь Петръ Борисовичъ Козловскій † 1840 г. П. Вяземскій написалъ о немъ двѣ статьи (см. Полн. собр. соч. кн. П. Вяземскаго, т. II, 1879 года, стр. 285—294, и т. VII, 1882 года, стр. 231—257). По его словамъ, Козловскій былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, который «въ устной рѣчи признавалъ свою силу и дарованіе». Сначала посланникъ въ Туринѣ, затѣмъ въ Штутгардѣ, онъ вернулся въ Россію послѣ 20-ти-лѣтней заграничной жизни, былъ въ милости у Александра I, котораго забавлялъ своими остроумными выходками. Даже, во время его послѣдней болѣзни, среди лѣкарствъ, пишетъ Вяземскій, «все забывалось и исчезало при первомъ словѣ чародѣя, когда онъ въ живой и остроумной бесѣдѣ расточалъ сокровища своихъ воспоминаній и наблюденій, а иногда и парадоксальныхъ сужденій о событіяхъ и людяхъ» (т. VII, стр. 256).

Хотя З. А. для своего труда пользовалась исторiей Карамзина, лѣтописью Нестора, въ объясненiяхъ Шлецера, и иностранными источниками, но недостатокъ систематическихъ научныхъ знанiй сказался въ неразборчивомъ пользованiи матерiаломъ, бывшимъ въ ея распоряженiи, что отчасти объясняется тогдашнимъ элементарнымъ состоянiемъ нашей исторической науки. Вслѣдствiе этого, днѣпровскимъ славянамъ приписаны многiя черты быта и нравовъ ихъ прибалтiйскихъ соплеменниковъ; та же путаница замѣтна и въ религiи, такъ что на Днѣпрѣ въ «Tableau slave» оказываются храмы, жрецы, священныя рощи и пр.

Оцѣнка повѣсти княгини Волконской, со стороны ея исторической и этнографической вѣрности, была немыслима для современной французской критики, и парижскiе журналы и газеты дали самый лестный отзывъ о «Tableau slave». Такъ, рецензентъ «Revue Encyclopedique» 1824, Paris, t. XXII, передавая содержанiе повѣсти, называетъ неизвѣстнаго автора-женщину «достойной соперницей французскихъ писательницъ, по изяществу и свѣжести чистаго гармоничнаго стиля». Въ «Gazette de France» того же года 31-го (19-го) мая, французскiй критикъ Кольне (Colnet), расхваливъ «Tableau slave» за чистоту языка и историческую вѣрность, отдаетъ предпочтенiе этому произведенiю «передъ тысячами современныхъ романовъ, которые родятся и тутъ же умираютъ». Затѣмъ критикъ ставитъ въ заслугу сочинительницѣ простоту и правдоподобiе разсказа и находитъ, что въ «Tableau slave» чувствительность истинная, въ противоположность напускной, ложной чувствительности, этого запасного источника романическаго состраданiя, который наводняетъ театры парижскихъ бульваровъ и пр. Но самый восторженный отзывъ о «Tableau slave» принадлежитъ A. Martainville'ю, рецензенту легитимистской газеты «Drapeau blanc» 1824, № 150, 30-го (18-го) мая, который, указавъ на достоинства повѣсти княгини Волконской, торжественно заявляетъ, что «если г-жа * не француженка, то она достойна быть ею; Францiя принимаетъ ее въ число своихъ дщерей, а прелестный трудъ, которымъ она обогатила французскую литературу, послужитъ ей грамотой на гражданство».

Но, еще прежде, чѣмъ «Tableau slave» былъ напечатанъ въ Парижѣ въ 1824 году и, слѣдовательно, до появленiя вышеприведенныхъ лестныхъ отзывовъ французской критики, княгиня Волконская, пользуясь своимъ знакомствомъ съ русской и скандинавской археологiей, начала историческую поэму въ прозѣ «Olga». Здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является великая княгиня Ольга, которая пользовалась особеннымъ почитанiемъ въ родѣ князей Бѣлосельскихъ [1]). Поэма «Olga», начатая на французскомъ языкѣ, оста-

[1]) По свидѣтельству А. Муравьева, въ домѣ князей Бѣлосельскихъ «хранилась древняя икона св. Ольги, писанная, по семейному преданiю, живописцемъ

лась неоконченной и помѣщена въ этомъ видѣ въ посмертномъ изданіи сочиненій княгини Волконской 1865 года (t. I, pp. 269—338). Но судя по тремъ напечатаннымъ пѣснямъ, это едва ли не лучшее ея литературное произведеніе по красотѣ поэтическихъ описаній природы, живому и талантливому разсказу.

Въ первой пѣсни Ольга является дочерью варяга [1]), который послѣ смерти Трувора поселился на берегу Чудскаго озера, среди рыбаковъ. Приходитъ Игорь съ дружиной, слышитъ пѣсню скальдовъ изъ устъ Ольги; старый варягъ разсказываетъ о походахъ норманновъ на чужія земли и призваніи трехъ братьевъ ильменскими славянами. Ольга перевозитъ Игоря черезъ рѣку, онъ зоветъ ее въ Кіевъ и обѣщаетъ жениться на ней.

Во второй пѣсни описана зима на Чудскомъ озерѣ, время народныхъ гаданій, свадебъ и игръ. Ольга тоскуетъ по Игорѣ и напрасно ждетъ его возвращенія; она идетъ въ лѣсъ къ колдуну, чтобы узнать о своемъ суженомъ, и по возвращеніи застаетъ у отца пословъ отъ Игоря, которые должны сопровождать ее въ Кіевъ.

Въ третьей пѣснѣ Ольга пріѣзжаетъ съ отцомъ въ Кіевъ; ее привѣтствуетъ хоръ дѣвушекъ и женъ кіевскихъ; готовится свадьба; буйство варяговъ возбуждаетъ ропотъ кіевлянъ. Представительницей христіанскаго элемента является старуха-сказочница Ульяна, родомъ изъ Чехіи, слышавшая проповѣдь Кирилла и Меѳодія въ Моравіи: она склоняетъ Ольгу къ принятію новаго ученія.

V.

Переселеніе княгини З. Волконской въ Москву.—Литературное и умственное движеніе 20-хъ годовъ въ Москвѣ.—Кружокъ Раича.—«Общество любомудрія».—Вечера княгини З. Волконской.—Поэты и писатели.—Дм. Веневитиновъ.

Осенью 1824 года З. А. Волконская переселилась въ Москву, которая въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія представляла собою центръ умственнаго и литературнаго движенія въ Россіи. Въ московскихъ журналахъ, на ряду съ стихотвореніями Пушкина, появлялись имена: Жуковскаго, князя П. Вяземскаго, Баратынскаго, Д. Давыдова, Языкова, Козлова, Дм. Веневитинова, Кюхельбекера, помимо второстепенныхъ, болѣе или менѣе талантливыхъ поэтовъ и

императора Константина Багрянороднаго въ то время, когда Ольга крестилась въ Царьградѣ». («Знакомство съ русскими поэтами» А. Н. Муравьева. Кіевъ. 1871 г.).

[1]) Два года спустя, вопросъ о варяжскомъ происхожденіи Ольги былъ поднятъ въ нашей исторической наукѣ Погодинымъ, который въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 28-го января 1826 года, читалъ докладъ «Нѣчто о родѣ великой княгини Ольги» и доказывалъ, «что она была варяжско-норманскаго рода, а не славянскаго. (См. Труды и Лѣт. Общ. Ист. и Др. Росс., IV, кн. I, 130—138).

писателей. «Горе отъ ума» ходило по рукамъ во множествѣ списковъ, такъ какъ строгость цензуры дѣлала невозможнымъ печатаніе знаменитой комедіи. Въ это время С. Аксаковъ переводилъ Мольера для московской сцены, богатой крупными и разнообразными драматическими талантами.

Вмѣстѣ съ развитіемъ литературы, въ Москвѣ началась усиленная умственная дѣятельность, средоточіемъ которой служилъ Московскій университетъ. Профессора М. Г. Павловъ и И. Давыдовъ, читавшіе лекціи въ университетѣ и университетскомъ пансіонѣ, явились горячими приверженцами и проповѣдниками философской системы Шеллинга, и, благодаря имъ, новое ученіе возбудило въ московской молодежи живой интересъ къ нѣмецкой философіи. На ряду съ этимъ, сближеніе съ Западной Европой вызвало у насъ много нравственныхъ, политическихъ научныхъ, литературныхъ и другихъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ принимали участіе лучшія силы русской интеллигенціи. Все это способствовало образованію самыхъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, кружковъ и обществъ, которыхъ было особенно много въ Москвѣ въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія, начиная съ чисто литературныхъ и философскихъ и кончая масонскими.

Такъ С. Е. Раичъ, переводчикъ Виргилія, плодовитый, но далеко не талантливый поэтъ, занимая скромное положеніе домашняго учителя въ домѣ Тютчевыхъ, затѣмъ Н. Муравьева и др., съ 1823 года является центромъ одного изъ самыхъ многочисленныхъ московскихъ кружковъ, связаннаго съ его именемъ. Между тѣмъ, Раичъ былъ заурядный писатель, не отличался ораторскимъ талантомъ, ни особеннымъ выдающимся умомъ; что же заставляло людей группироваться около него? Очевидно, что обаяніе заключалось въ его личности и душевныхъ качествахъ. Судя по краткой характеристикѣ М. Дмитріева, лица близкаго къ нему, «чистая и мирная душа была у этого тихаго и смиреннаго человѣка; всегда съ добродушной улыбкой встрѣчалъ онъ пріятеля, всегда радовался, встрѣчая въ литературѣ доброе и прекрасное; никогда рѣзкая укоризна не вырывалась изъ устъ его; кротость и любовь къ людямъ, какъ къ братьямъ, были основными чертами его характера...» [1]).

Общество, собиравшееся у Раича, было самое разнообразное: здѣсь сходились питомцы Московскаго университета, бывшіе воспитанники университетскаго и благороднаго пансіоновъ, ученики самого Раича, многіе литераторы, поэты и ученые. Засѣданія происходили два раза въ недѣлю; на нихъ читались сочиненія и переводы членовъ кружка. Цѣль общества была чисто литературная, и такъ какъ оно представляло для москвичей интересъ новизны, то, помимо членовъ, явля-

---

[1]) «Воспоминаніе о Семенѣ Егоровичѣ Раичѣ» («Московскія Вѣдомости», 1855 г. № 141).

лись всегда посторонніе посѣтители. Когда собранія сдѣлались слишкомъ многочисленны, и ихъ сталъ посѣщать московскій генералъ-губернаторъ князь Д. Вл. Голицынъ, именитый литераторъ И. Дмитріевъ и другіе сановники, то засѣданія изъ тѣсной квартиры Раича были перенесены въ Муравьевское «училище колонновожатыхъ», а затѣмъ въ квартиру сенатора Рахманова, къ сыну котораго Раичъ поступилъ воспитателемъ.

Но вскорѣ нѣкоторые изъ членовъ литературнаго общества Раича составили особый философскій кружокъ болѣе интимнаго характера, носившій названіе «Общества Любомудрія». Предсѣдателемъ его былъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, издатель «Мнемозины», въ квартирѣ котораго собирались члены, читали свои философскія статьи, но еще чаще вели бесѣды о прочтенныхъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ: Канта, Фихте, Шеллинга, Окена, Герреса и др. Къ этому кружку примкнули «архивные юноши»,—какъ ихъ называлъ А. С. Пушкинъ,—состоящіе при Московскомъ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ служили тогда лучшіе представители московской молодежи. Въ числѣ ихъ были: И. Кирѣевскій, Дм. и Ал. Веневитиновы, А. И. Кошелевъ, С. Шевыревъ, Н. А. Мельгуновъ, В. П. Титовъ и С. Соболевскій, извѣстный своими эпиграммами и стихами, которые были настолько остроумны и блестящи, что иногда современники приписывали ихъ А. С. Пушкину. Соболевскій ввелъ въ «Общество Любомудрія» Максимовича и Н. Рожалина, переводчика «Школьныхъ годовъ Вертера», человѣка умнаго и прекрасно образованнаго. Кромѣ нихъ, на вечерахъ кн. Одоевскаго бывалъ часто талантливый критикъ В. К. Кюхельбекеръ, М. Погодинъ и др.

Душою «Общества Любомудрія», по отзывамъ современниковъ, былъ молодой поэтъ Д. Веневитиновъ, который представлялъ собою рѣдкое соединеніе душевныхъ качествъ съ красивой наружностью, выдающимся умомъ и образованіемъ. П. А. Плетневъ говоритъ о Д. Веневитиновѣ: «благородный и открытый образъ мыслей, свѣтлый и живой умъ, дѣтское простосердечіе и знаніе требованій лучшаго общества такъ плѣнительно сливались въ немъ, что, узнавъ его, нельзя было не любить» [1]). Д. Веневитиновъ понималъ философію въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, какой придавали ей нѣмецкіе философы, и въ своихъ замѣчательныхъ по тому времени философскихъ и критическихъ статьяхъ стремился изложить ея общія начала простымъ и понятнымъ языкомъ.

Собранія «Общества Любомудрія», происходившія по субботамъ у кн. Одоевскаго, отличались крайнимъ оживленіемъ. Главнымъ ораторомъ былъ Д. Веневитиновъ, который своими рѣчами приводилъ въ восторгъ слушателей и вызвалъ замѣчаніе Кирѣевскаго,

---

[1]) См. «Характеристика Д. Веневитинова», сост. П. Плетневымъ въ энциклоп. словарѣ Плюшара.

что «Веневитиновъ рожденъ болѣе для философіи, чѣмъ для поэзіи». Далеко за полночь продолжались бесѣды и споры. «Какъ люблю я вспоминать наши зимніе вечера по субботамъ», писалъ А. С. Норовъ своему пріятелю Кошелеву въ письмѣ отъ 14 іюня 1825 г. «Скажу чистосердечно, этими бесѣдами я много пріобрѣлъ,—болѣе, нежели книгами или собственнымъ размышленіемъ. Всего интереснѣе для меня были твои жаркія диссертаціи съ Веневитиновымъ. Физіономіи одушевлены были энтузіазмомъ. Ты спорилъ чистосердечно, съ жаромъ дѣлалъ возраженія, но съ радостью и соглашался»[1]).

На ряду съ кружкомъ Раича и «Обществомъ Любомудрія» было не мало другихъ кружковъ и обществъ различныхъ оттѣнковъ, которые группировались около издателей журналовъ и выдающихся дѣятелей тогдашней русской литературы, особенно богатой крупными талантами. Кромѣ того, существовали кружки музыкальные, художественные и артистическіе. Между прочимъ, извѣстенъ кружокъ Ф. Кокошкина, директора московскаго театра, который славился, какъ хлѣбосолъ и гостепріимный хозяинъ, и у котораго собирались литераторы и московскіе артисты, а также пріѣзжіе изъ Петербурга.

Въ концѣ 1824 года, салонъ княгини З. А. Волконской становится новымъ центромъ умственнаго и литературнаго движенія въ Москвѣ, сплотившимъ самые разнородные элементы.

Появленіе въ Москвѣ З. Волконской, прославленной красавицы, пѣвицы и писательницы, извѣстной своимъ умомъ, образованіемъ и богатствомъ, произвело сенсацію въ московскомъ обществѣ и заняло всѣхъ. Лестные отзывы французскихъ критиковъ о «Tableau slave», переведенные въ русскихъ журналахъ, не мало способствовали интересу, который возбуждала ея особа, въ связи съ компрометирующими ее слухами, распускаемыми завистью и злословіемъ. Поэтому, едва великолѣпный домъ Бѣлосельскихъ (на правой сторонѣ Тверской) былъ открытъ для посѣтителей, какъ онъ сдѣлался мѣстомъ многолюдныхъ собраній. Все въ домѣ, по отзывамъ современниковъ, носило отпечатокъ служенія искусству и мысли. З. А., знакомая съ дѣтства съ памятниками древности, сокровищами живописи и ваянія въ Италіи, украсила свои залы фресками, убрала статуями, оригиналами и копіями знаменитыхъ картинъ. На ея блистательныхъ вечерахъ, которые она умѣла воодушевлять съ особеннымъ искусствомъ, бывали чтенія, концерты, театральныя представленія, и даже ставились оперы, которыя исполнялись любителями или же приглашенными пѣвцами и музыкантами. Иногда устроивались дѣтскіе спектакли, и сынъ З. А. съ сверстниками разыгрывали піесы Расина [2]).

---

[1]) «Біографія А. И. Кошелева», М., 1889, т. I, кн. II, стр. 74.

[2]) В. В. Ильинъ, посѣщавшій вечера кн. Волконской въ Москвѣ, говоритъ, что онъ «никогда не видѣлъ, чтобы тамъ играли въ карты. Многіе знакомые про-

На вечерахъ З. А. Волконской бывала вся московская знать, сановники, профессора, писатели, журналисты, художники, музыканты, представители всевозможныхъ кружковъ и обществъ. Все оживало «по мановенію хозяйки дома, которая умѣла всѣхъ соединить воедино». Всегда привѣтливая и ровная со всѣми, она очаровывала своихъ многочисленныхъ поклонниковъ простотой обращенія, сердечнымъ участіемъ къ чужому горю, добрымъ незлобивымъ отношеніемъ къ людямъ и нерѣдко, приписывая другимъ свои душевныя качества, оказывала имъ незаслуженное расположеніе.

Въ домѣ княгини Волконской можно было встрѣтить почти всѣхъ тогдашнихъ извѣстныхъ поэтовъ, жившихъ въ Москвѣ или пріѣзжавшихъ на время: Жуковскаго, князя П. Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Дельвига, Козлова, Д. Веневитинова и другихъ. Бывалъ тутъ и будущій авторъ отечественныхъ романовъ М. Н. Загоскинъ, затѣмъ Раичъ, Рожалинъ, С. Шевыревъ, Погодинъ, братья Норовы, Свиньинъ, искренній патріотъ но бездарный писатель и критикъ, Шаликовъ, восторженный почитатель княгини З. Волконской, воспѣвавшій ее въ своихъ сентиментальныхъ и неуклюжихъ стихахъ. «Но былъ одинъ юный, даровитый поэтъ, въ родѣ André Chenier,— пишетъ современникъ о Дм. Веневитиновѣ [1]),—котораго влекло къ ней не одно блестящее общество, горящій чистой, но страстной любовью; ей посвящалъ онъ свои звучные, меланхолическіе стихи» и проч. Не касаясь полемики, возникшей по этому поводу [2]), во всякомъ случаѣ, какія бы ни были чувства Дм. Веневитинова къ княгинѣ Волконской, одно несомнѣнно, что его любовь не встрѣтила взаимности и доставила ему много страданій. Въ своей «Элегіи», обращенной къ предмету любви, онъ говоритъ:

...«Зачѣмъ такъ сладко пѣла ты?
Зачѣмъ и я внималъ тебѣ такъ жадно
И съ устъ твоихъ, пѣвица красоты,
Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной?»

Въ другомъ стихотвореніи «Къ моему перстню», гдѣ Дм. Веневитиновъ говоритъ о перстнѣ, найденномъ въ развалинахъ Геркуланума, и подаренномъ ему княгиней Волконской въ моментъ разлуки, встрѣчаются слѣдующія строфы:

сили у княгини позволенія составить партію виста; но она положительно заявила, что никогда не дозволитъ, чтобы у нея въ домѣ играли въ карты». См. «Воспоминанія о кн. А. Н. Волконскомъ», ст. В. В. Ильина въ Русск. Арх. 1878 г., № 10, стр. 252.

[1]) «Знакомство съ русскими поэтами» А. Н. Муравьева, Кіевъ, 1871 г.

[2]) См. «О жизни и сочиненіяхъ Д. Веневитинова», соч. А. Пятковскаго, Спб., 1859 г., стр. 16—17, и возраженія въ ст. М. Веневитинова: «Къ біографіи поэта Веневитинова», «Русскій Архивъ», 1885 г., № 1, стр. 118—128, 132.

«Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вѣчный;
И надъ тобой, въ тоскѣ сердечной,
Святой обѣдъ произнесла;
Нѣтъ! дружба въ горькій часъ прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогомъ состраданья»...

VI.

Княгиня З. Волконская изучаетъ русскій языкъ и литературу. — Наставленіе Н. Греча въ «Сынѣ Отечества».—Первый опытъ русской прозы княгини Волконской.—Появленіе «Славянской картины» на русскомъ языкѣ. — Избраніе княгини Волконской въ почетные члены «Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ».— Смерть императора Александра I.

Кромѣ наукъ и поэзіи, Дм. Веневитиновъ занимался живописью и, по свидѣтельству князя Одоевскаго, былъ превосходный музыкантъ. Вообще, кружокъ Д. Веневитинова, къ которому принадлежали «архивные юноши», наравнѣ съ наукой и литературой, живо интересовался искусствомъ, особенно музыкой. Этому интересу много способствовалъ музыкантъ и композиторъ Геништа, человѣкъ образованный, увлеченный философскими вопросами. Геништа, ученикъ знаменитаго Гесслера, знакомилъ московскую публику съ классической нѣмецкой музыкой; онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ домѣ Веневитиновыхъ и у З. А. Волконской, которой посвящалъ свои романсы.

Дм. Веневитиновъ и его товарищи по архиву, служба которыхъ была скорѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная, часто посѣщали З. А., помимо ея вечеровъ, и даже при ея участіи устроили для забавы особыя литературныя занятія, въ видѣ сочиненія повѣстей и сказокъ безъ опредѣленнаго плана. Каждый писалъ положенное число страницъ; одинъ начиналъ разсказъ, другіе продолжали, не стѣсняясь написаннымъ. Одна изъ такихъ повѣстей «Пампушки», гдѣ нѣсколько страницъ написаны З. А. и испещрены поправками Шевырева, хранится въ семейномъ архивѣ Веневитиновыхъ.

Плохое знаніе родного языка княгини З. Волконской, вслѣдствіе привычки говорить и писать пофранцузски, было для нея большимъ неудобствомъ среди окружавшихъ ее русскихъ поэтовъ и литераторовъ и вызывало негодованіе русскихъ патріотовъ, которыхъ было особенно много въ Москвѣ, послѣ 1812 года. Такъ, Н. Гречъ въ «Сынѣ Отечества» 1824 г. (№ XXIX, стр. 117—129), сообщая лестные отзывы французскихъ критиковъ о «Tableau slave», ставитъ вопросъ: «Почему любезныя наши соотечественницы предпочитаютъ мнимую в ѣ т р о т л ѣ н н у ю славу писательницы француженки—другой славѣ, менѣе блистательной въ первую минуту, но прочной,

долговѣчной, ожидающей ихъ въ отечествѣ»... Затѣмъ Гречъ даетъ совѣтъ такимъ писательницамъ «учиться русскому языку, оставить чуждыя знамена, подъ которыми онѣ идутъ рядовыми, когда у насъ не заняты мѣста полководцевъ».

Неизвѣстно, въ какой степени краснорѣчіе Греча подѣйствовало на З. А., или у нея помимо этого явилось сознаніе въ необходимости знать основательно русскій языкъ и быть русской писательницей,— но, по свидѣтельству ея сына А. Волконскаго [1]), вскорѣ послѣ своего водворенія въ Москвѣ, она усердно занялась русскимъ языкомъ и литературой. Кромѣ того, она изучала русскія древности, записывала народныя пѣсни, обычаи, суевѣрія, легенды, такъ какъ всѣмъ этимъ хотѣла воспользоваться для задуманнаго ею русскаго сочиненія «Сказаніе объ Ольгѣ», и тогда же помѣстила въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1825 годъ (изд. въ С.-Петербургѣ Дельвигомъ) русскій переводъ своихъ «Писемъ изъ Италіи», съ подписью П.....ій. Рецензентъ «Сына Отечества» (1825 г., № 3, стр. 307—308) весьма снисходительно отнесся къ этому первому, довольно слабому опыту русской прозы княгини Волконской, хотя замѣтилъ неровности слога. Но при этомъ онъ высказываетъ свое негодованіе по поводу «Примѣчанія» издателя «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», что «авторъ «Писемъ изъ Италіи» не только никогда не думалъ быть русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ писать пофранцузски, нежели порусски». Рецензентъ отсюда выводитъ заключеніе, что «не слѣдовало печатать сочиненій такого автора», и не только никому «нѣтъ дѣла, что онъ привыкъ писать пофранцузски, но даже непріятно слышать такой отзывъ о русскомъ путешественникѣ» [2]).

Между тѣмъ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825 года появился начатый княземъ Шаликовымъ полный переводъ «Tableau slave», подъ названіемъ «Славянской картины» [3]), и послужилъ поводомъ къ на-

[1]) См. предисловіе къ первому французскому тому сочиненій княгини Волконской «Oeuvres choisies», 1865 г.

[2]) Замѣчаніе рецензента «Сына Отечества» не лишено основанія въ виду галломаніи, все еще господствовавшей въ нашемъ обществѣ, такъ что даже въ это время бывали примѣры, что русскіе люди съ презрѣніемъ отзывались не только о русской прозѣ, но и о поэзіи. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно «Письмо П. Плетнева къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ», напечатанное въ томъ же альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1825 г. (стр. 1—80). Авторъ «Письма», возражая на мнѣніе графини С. И. С., что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не можетъ сравниться съ Ламартиномъ, замѣчаетъ, что у «насъ есть много русскихъ поэтовъ, которые удовлетворяютъ самому разборчивому вкусу образованнаго и безпристрастнаго человѣка». Затѣмъ, въ числѣ доказательствъ онъ приводитъ стихи: Державина, Жуковскаго, Батюшкова, А. Пушкина, князя Вяземскаго, Рылѣева, барона Дельвига, Крылова (Александра), Баратынскаго, Языкова, Козлова и многихъ другихъ.

[3]) Русскій переводъ «Славянской картины» появился отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1826 г. См. рецензію въ «Московскомъ Телеграфѣ» того же года,

падкамъ на слогъ переводчика и на самый оригиналъ, со стороны «Сѣверной Пчелы» (№ 29) и «Сына Отечества» (№ 4, стр. 361). Въ отвѣтъ на эти нападки появилась въ «Дамскомъ Журналѣ» (1825 г., № 9) рѣзкая статья, съ подписью Ѳ. Ѳ., гдѣ рецензентъ, выступивъ на защиту «Славянской картины», заявляетъ, что «общее одобреніе французскихъ журналовъ и публики стоитъ мнѣнія, объявленнаго нашими издателями періодическихъ листковъ. О «Сынѣ Отечества» и говорить нечего,—это родитель «Сѣверной Пчелы»!... Далѣе слѣдуютъ выписки изъ «Сѣверной Пчелы»; и рецензентъ Ѳ. Ѳ., подсмѣиваясь надъ критиками, которые «требуютъ вмѣсто галлицизмовъ грубости выраженія», въ свою очередь упрекаетъ ихъ въ невѣжествѣ и находитъ ошибки слога и несообразности въ ихъ статьяхъ. «Есть люди,—добавляетъ онъ,—со вкусомъ и познаніями, которые, читая ваши труды, готовы будутъ воскликнуть: господа! пишите лучше такія повѣсти, какъ «Славянская картина», пишите съ такими галлицизмами, какъ князь Шаликовъ».

Къ этой рецензіи прибавлено слѣдующее замѣчаніе издателя «Дамскаго Журнала», вызванное опасеніемъ, чтобы ему не приписали похвалы его собственному переводу, напечатанныя въ его журналѣ: «Не знаю благосклоннаго автора Ѳ. Ѳ., но извѣстно цензурѣ, что не самъ я писалъ сію статью».

До начала этой полемики княгиня З. Волконская уѣхала въ Петербургъ, весною 1825 года, какъ видно изъ письма къ ней императора Александра I, отъ 2 апрѣля, въ отвѣтъ на ея письмо, въ которомъ она извѣщала о своемъ скоромъ прибытіи въ Царское Село:

«Нужна вся неисчерпаемая снисходительность, которую вы мнѣ всегда оказывали, княгиня, чтобы обходиться со мною такъ, какъ вы это дѣлаете, потому что имѣли бы право считать меня неблагодарнымъ и нечувствительнымъ, тогда какъ я ни то, ни другое. Я кажусь таковымъ вслѣдствіе огромнаго бремени, тяготѣющаго надо мною и поглощающаго все мое время. Но, прежде всего, долженъ сказать вамъ, что радость знать, что вы такъ близко, и что черезъ нѣсколько часовъ я васъ увижу, огромная. Между 5 и 6 часами явлюсь къ дверямъ вашимъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ выразить вамъ, какъ глубоко я тронутъ дружбой вашей. Располагая столь мало своимъ временемъ, я не хотѣлъ браться за перо прежде, чѣмъ могъ въ то же время извѣстить васъ, что мнѣ удалось устроить то, о чемъ вы меня просили. Это немного замедлилось, потому что надо было преодолѣть не мало трудностей. И такъ, до свиданія, примите увѣреніе» и пр.

«Царское Село, 2 апрѣля 1825 г.» [1]).

ч. X, стр. 82—85. Тогда же, въ 1826 году, въ Варшавѣ напечатана была передѣлка «Славянской картины» на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Ladowid i Miliada czyli początek Kijowa. Obraz Słowian piątego wieku», Warsz., 1826.

[1]) Сборникъ Русск. Историч. Общ., т. III, 1868 г., стр. 815—816.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ письмѣ говорится не о личной просьбѣ княгини Волконской; она просила помощи или милости государя для кого нибудь изъ многихъ, которые обращались къ ея заступничеству, въ виду дружескаго расположенія къ ней императора Александра I.

Послѣ отъѣзда государя въ Таганрогъ, З. А. вернулась въ Москву, гдѣ, живя вдали отъ двора, она пользовалась большей свободой и могла вести жизнь, которая удовлетворяла ея вкусамъ, нравственнымъ и умственнымъ стремленіямъ. Между тѣмъ, появленіе «Славянской картины» на русскомъ языкѣ, которая не только показывала знакомство автора съ историческими источниками, но и съ русской археологіей, обратило на себя вниманіе московскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе этого, въ «Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», существовавшемъ при Московскомъ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго попечителя А. А. Писарева, поднятъ былъ вопросъ объ избраніи въ почетные члены Общества княгини З. А. Волконской. Избраніе состоялось въ засѣданіи 16-го октября 1825 года, по предложенію дѣйствительнаго члена Свиньина [1]). Затѣмъ М. И. Снегиревъ, «по порученію Писарева, лично вручилъ княгинѣ Волконской дипломъ на званіе почетнаго члена «Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Она приняла Снегирева очень ласково, говорила о древностяхъ русскихъ, о пѣсняхъ и пословицахъ и, какъ образованная и свѣтская женщина, умѣла возбудить въ Снегиревѣ высшую степень удивленія знаніями такихъ предметовъ, которые при ея положеніи въ свѣтѣ казались ей мало извѣстны» [2]).

Княгиня З. А. Волконская увѣдомила «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ» о полученіи диплома письмомъ отъ 10 ноября на имя предсѣдателя, гдѣ выразила свою благодарность довольно тяжеловѣснымъ русскимъ языкомъ:

«...Никогда,—писала она,—не была я равнодушна ко всему, что можетъ способствовать къ славѣ нашего отечества, что знаменуетъ благоговѣніе къ почтенной его древности, что свидѣтельствуетъ объ усердіи къ его просвѣщенію. Ваше избраніе, столько же для меня лестное, сколько, съ другой стороны, незаслуженное и неожиданное вниманіе, обращенное членами вашего Общества на склонность мою

[1]) Труды и Лѣтоп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. III, кн. II, М., 1827, стр. 128.

[2]) «Иванъ Михайловичъ Снегиревъ и дневникъ его воспоминаній съ 1821 — 1865 г.», біографическій очеркъ А. Д. Ивановскаго, Спб., 1871, стр. 129—130. Знакомство Снегирева съ княгиней Волконской продолжалось и послѣ, такъ какъ 29-го января 1826 года Снегиревъ записалъ въ своемъ дневникѣ (ibid., стр. 130), что «обѣдалъ у княгини З. А. Волконской, со свѣчами, въ 5 часовъ. Послѣ обѣда она показала мнѣ древнія греческія и римскія монеты, рисунокъ топора, найденнаго въ гробницѣ Шильдерика, похожаго на русскій топоръ, также рисунки оружій славянскихъ, сдѣланные въ Парижѣ, по описанію Льва Дьякона». Снегиревъ совѣтовалъ ей «сравнить ихъ съ оружіемъ, хранящимся въ Оружейной палатѣ»...

къ археологическимъ изысканіямъ, одушевляютъ меня новою ревностью къ полезнымъ занятіямъ на томъ поприщѣ, которое вы предназначили для благородныхъ своихъ упражненій. Примите на себя трудъ, милостивый государь, съ изъявленіемъ чувствительной моей благодарности, увѣрить почтенное Общество въ искренней готовности моей оправдать, чѣмъ только будетъ для меня возможно, благосклонное его обо мнѣ мнѣніе» и пр.[1]).

Князь Шаликовъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ поклонниковъ З. А. Волконской, напечаталъ тогда въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825 г. (№ 23, стр. 183) сочиненные имъ стихи, по случаю ея избранія въ почетные члены «Общества исторіи и древностей россійскихъ»:

«Блестящихъ дожили временъ
Мы въ щастливой отчизны долѣ:
Прекрасный нынѣ феноменъ
Явился намъ въ прекрасномъ полѣ.
Княгиня! лучшею онъ славою своей
Обязанъ будетъ вновь — учености твоей»...

Въ это время, въ Москвѣ уже ходили тревожные слухи о состояніи здоровья императора Александра I, за которыми вскорѣ пришло извѣстіе объ его кончинѣ, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Мужъ Зинаиды Александровны, князь Никита Григорьевичъ Волконскій, вмѣстѣ съ другими придворными уѣхалъ въ Таганрогъ, такъ какъ долженъ былъ участвовать въ церемоніи перенесенія тѣла почившаго императора въ Петербургъ.

З. А. Волконская осталась съ сыномъ въ Москвѣ. Смерть Александра I, который въ теченіе многихъ лѣтъ относился къ ней съ неизмѣннымъ благоволеніемъ, глубоко опечалила ее; и она съ чувствомъ искренняго горя встрѣтила прибытіе похоронной процессіи въ Москву, какъ видно изъ ея французскаго письма къ А. Меріану отъ 6-го февраля 1826 года: «Я уже говорила вамъ,—пишетъ она,— о своемъ горѣ, неутѣшномъ для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, теряютъ въ немъ ангела хранителя и утѣшителя. Сегодня его останки покинули Москву. Я вижу еще черное сукно, развѣшанное на окнахъ, балконахъ и вдоль домовъ, и спрашиваю себя: для кого все это? Сердце мое обливается кровью... У меня не хватило силы видѣть, какъ подъ окнами проходила процессія. Но я исполнила свой долгъ въ Коломенскомъ, за 7 верстъ отъ Москвы; тамъ была остановка на ночь, передъ въѣздомъ въ столицу, и тамъ я поклонилась его гробу и молилась около него... Въ церкви было нѣсколько человѣкъ крестьянъ и женщинъ, которые пришли, подобно мнѣ, приложиться къ печальному гробу; слышался только голосъ священника, читавшаго молитвы. Какъ описать то, что я чувствовала, когда, стоя на

[1]) «Труды и Лѣтоп. Общ. Исторіи и Древн. Россійск.», ч. III, кн. 2, М., 1827, стр. 160.

паперти, не смотря на окружавшую меня тьму, увидѣла передъ собою траурную колесницу, которая привезла его изъ Таганрога. Какое зрѣлище для меня, которая считала себя такой счастливой, когда я видѣла его дорожную коляску, возвращавшую его среди насъ, когда могла сказать себѣ: я увижу его на этихъ дняхъ, услышу его голосъ, исполненный прелести, ему одному свойственной...» [1]).

Кромѣ этого письма, написаннаго частному лицу, З. А. Волконская излила свою скорбь въ стихахъ, посвященныхъ «Александру Первому», которые были напечатаны во 2-мъ № «Дамскаго Журнала» 1826 года (стр. 74—75) и перепечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ» того же года (ч. VII, стр. 3). При этомъ Полевой, издатель «Московскаго Телеграфа», добавилъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе: «Пользуясь лестнымъ позволеніемъ, спѣшимъ украсить листы журнала нашего стихотвореніемъ, первымъ, какъ сказываютъ, поэтическимъ произведеніемъ, писаннымъ на родномъ языкѣ просвѣщенной соотечественницей нашей, извѣстной не въ одной Россіи дарованіями своими и образованнымъ умомъ...». Эти же стихи были переложены З. А. Волконской на музыку и, по свидѣтельству Шаликова, пропѣты ею съ хорами на одномъ изъ ея вечеровъ [2]); но они отличаются такимъ же отсутствіемъ таланта, какъ и стихи «На кончину императрицы Елизаветы Алексѣевны» [3]) и ея остальныя поэтическія произведенія, написанныя на русскомъ языкѣ.

VII.

Закрытіе «Общества любомудрія». — Коронація государя Николая I. — Прибытіе Мицкевича и Пушкина. — Чествованіе Пушкина въ Москвѣ. — Письмо княгини Волконской. — Стихи Пушкина. — Арестъ Дм. Веневитинова.

Событія 14-го декабря 1825 года не замедлили отразиться въ Москвѣ, гдѣ всѣ находились въ напряженномъ ожиданіи. Со всѣхъ сторонъ приходили слухи о новыхъ арестахъ лицъ, прямо или косвенно причастныхъ къ дѣлу декабристовъ; изъ салона княгини З. А. Волконской исчезли многіе посѣтители, въ томъ числѣ В. Кюхельбекеръ, который былъ задержанъ въ Варшавѣ, 25 января, 1826 года, и привезенъ въ Петербургъ.

---

[1]) См. «Oeuvres choisies», t. I, pp. 221—231, изд. 1865 г. Затѣмъ въ приведенномъ письмѣ слѣдуетъ описаніе болѣзни и смерти Александра I, которое было переведено на русскій языкъ и въ извлеченіи съ нѣкоторыми измѣненіями напечатано въ «Русской Старинѣ», 1878 года (т. XXI, стр. 141—150), подъ заглавіемъ «Послѣдніе дни жизни Александра I».

[2]) «Кантата памяти императора Александра I» издана въ Карлсруэ въ 1865 г. (Слова и музыка княгини З. А. Волконской). Къ «Кантатѣ» приложенъ портретъ княгини Волконской съ акварели К. Брюллова, писанной въ Римѣ въ 1830 году.

[3]) См. «Дамск. Журн.», 1826 годъ, № 12, и Московск. Телегр., 1826 годъ, ч. IX.

Князь Одоевскій изъ боязни, чтобы не приписали политическихъ цѣлей собраніямъ, происходившимъ въ его домѣ, созвалъ своихъ пріятелей, торжественно сжегъ въ каминѣ уставъ и протоколы «Общества Любомудрія» и объявилъ засѣданія закрытыми. Мѣра эта была нелишняя, потому что весь кружокъ тогдашней московской молодежи считался подозрительнымъ; и не смотря на отсутствіе уликъ, многіе долго оставались на замѣчаніи у полиціи [1]). Даже литературная дѣятельность въ это время была для нихъ небезопасна и могла навлечь обвиненіе въ неблагонадежности, потому что, при усиленной строгости цензуры, въ случайныхъ фразахъ журнальныхъ статей находили тогда намеки на декабристовъ, сожалѣніе о погибшихъ, ропотъ противъ существующаго порядка и пр. Княгиня Волконская, пользуясь своими придворными связями, являлась въ случаѣ надобности заступницей своихъ друзей и даже лично говорила государю Николаю Павловичу о князѣ Вяземскомъ, по поводу ходившихъ о немъ неблагопріятныхъ слуховъ [2]).

Но мало-по-малу все стихло; замолкли толки о декабристахъ. Коронація императора Николая I, назначенная сперва въ іюнѣ, совершилась 22-го августа 1826 года, и привлекла въ Москву огромное стеченіе публики. Княгиня З. Волконская присутствовала на всѣхъ происходившихъ въ это время празднествахъ и церемоніяхъ и устроивала у себя блистательные вечера и концерты, съ участіемъ итальянскихъ пѣвцовъ, о которыхъ говоритъ біографъ ея сына, Ильинъ, находившійся тогда въ Москвѣ, съ эскадрономъ л.-гв. гусарскаго полка [3]).

Съ удаленіемъ двора изъ первопрестольной столицы, все вошло въ обычную колею. Наступила зима 1826—1827 года, памятная для москвичей, благодаря присутствію двухъ великихъ поэтовъ.

---

[1]) Въ обвинительной запискѣ противъ Полевого, поданной въ III Отдѣленіе, 23-го августа 1827 года, сказано, между прочимъ: «Всѣ замѣченные въ якобинствѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій — сотрудники «Телеграфа». Покровители онаго князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы... Титовъ здѣсь служитъ въ иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ... Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь, какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ, и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы — князь Вяземскій и Полевой; пріятели: Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе, москвичи...». (См. ст. «Н. А. Полевой и его журналъ Московскій Телеграфъ», стр. 390—391, въ книгѣ «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію» М. И. Сухомлинова, т. II, Спб., 1889 года).

[2]) Полное собр. соч. кн. П. Вяземскаго, 1879 г., т. IX, стр. 96.

[3]) «Воспоминанія о князѣ А. Н. Волконскомъ», статья В. В. Ильина. См. «Русскій Архивъ», 1878 года, № 10, стр. 251—252.

Изъ Одессы пріѣхалъ А. Мицкевичъ и встрѣтилъ самый радушный пріемъ отъ московскаго общества, которое отнеслось къ нему съ искреннимъ участіемъ. Затѣмъ, 8-го сентября 1826 года, явился въ Москву А. С. Пушкинъ, возвращенный государемъ изъ псковскаго заточенія, и остановился у Соболевскаго, съ которымъ находился въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ [1]). Соболевскій не замедлилъ ввести Пушкина въ домъ З. А. Волконской, которая очаровала поэта своей красотой, умомъ и любезностью и въ тотъ же день пригласила его къ себѣ на вечеръ. «Помнится и слышится еще,— пишетъ князь П. Вяземскій,—какъ она въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ пропѣла его элегію, положенную на музыку композиторомъ Генищтою:

«Погасло дневное свѣтило,
На море синее вечерній палъ туманъ»...

«Пушкинъ былъ живо тронутъ этимъ обольщеніемъ тонкаго и художественнаго кокетства. По обыкновенію, краска вспыхивала на лицѣ его. Въ немъ этотъ признакъ сильной впечатлительности былъ несомнѣнное выраженіе всякаго потрясающаго ощущенія» [2])...

Лестный пріемъ у княгини Волконской былъ началомъ овацій знаменитому русскому поэту со стороны москвичей. 24-го октября, передъ отъѣздомъ Пушкина изъ Москвы, устроенъ былъ въ честь его литературный обѣдъ, на которомъ, кромѣ Пушкина, присутствовали: Мицкевичъ, Баратынскій, Дм. Веневитиновъ, Хомяковъ, И. Кирѣевскій, Раичъ, Погодинъ, Соболевскій и князь Вяземскій. На обѣдѣ предложено было нѣсколько темъ для импровизаціи; и «пальма первенства осталась за Мицкевичемъ, который для своихъ друзей, не знавшихъ попольски, импровизировалъ пофранцузски прозою. Въ его импровизаціи,—говоритъ Вяземскій,—была мысль, чувство, картины и поэтическія выраженія. Можно было думать, что онъ читаетъ наизусть поэму, имъ уже написанную» [3])...

Отъѣздъ Пушкина опечалилъ его московскихъ друзей и поклонниковъ; явилось опасеніе, чтобы Петербургъ не отнялъ поэта у древ-

---

[1]) С. Соболевскій, представлявшій собою типъ bon vivant'а, не смотря на слабыя стороны, привлекалъ къ себѣ всѣхъ, знавшихъ его, своей широкой, даровитой натурой и неистощимымъ остроуміемъ. Гдѣ бы онъ ни появлялся, онъ вездѣ вносилъ жизнь и веселіе, такъ что И. Кирѣевскій выразился о немъ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ: «Соболевскій отъиде; и съ его отъѣздомъ будто уѣхало сорокъ человѣкъ»... Не разъ Соболевскій помогалъ Пушкину деньгами и выручалъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ въ сношеніяхъ съ людьми. При этомъ Соболевскій обладалъ рѣдкимъ критическимъ тактомъ и умѣніемъ подмѣтить недостатки въ слогѣ и изложеніи, такъ что Пушкинъ и Мицкевичъ охотно читали ему свои стихотворенія, до выхода ихъ въ свѣтъ, и не оставляли безъ вниманія его замѣчаній.

[2]) «Русскій Архивъ», 1873 года, I, стр. 1085.

[3]) Полное собраніе сочиненій кн. П. Вяземскаго, т. VII, стр. 328.

ней столицы, какъ видно изъ слѣдующаго письма княгини З. Волконской къ Пушкину, отъ 29-го октября 1826 года:

«Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я отложила для васъ эту пару строкъ, любезный Пушкинъ; я все забывала передать ихъ вамъ, а все отъ того, что когда вижу васъ, то становлюсь мачихой относительно своихъ собственныхъ чадъ. «Іоанна» была написана для моего театра. Я исполняла эту роль и хотѣла передѣлать ее въ оперу; пришлось кончить на половинѣ Шиллеровой пьесы. Вы получите литографію съ моего (головного) портрета, въ видѣ Джіованны д'Арко, писаннаго Бруни [1]). Приложите ее къ первой страницѣ и вспоминайте меня. Возвращайтесь! Московскій воздухъ какъ будто полегче. Великому русскому поэту подобаетъ писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнью Кремля; творецъ «Бориса Годунова» принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, геній котораго весь сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикаремъ, то европейцемъ, то Шекспиромъ и Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, но всегда оставаясь русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ пѣсенъ, то полныхъ любовной нѣги, то простодушныхъ, то подчасъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ, къ важному и безыскусственному тону строгой исторіи! До скораго свиданія, надѣюсь, К. З. В.» [2]).

Въ отвѣтъ на это письмо Пушкинъ послалъ З. А. Волконской свою поэму «Цыганы» съ извѣстнымъ стихотвореніемъ, «Среди разсѣянной Москвы»:

«При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы,
Ты любишь игры Аполлона,
Царица музъ и красоты.
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется, и пылаетъ геній
Пѣвца, плѣненнаго тобой.
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой».

---

[1]) Въ 1826 году написанъ былъ новый портретъ З. А., какъ видно изъ слѣдующаго двустишія князя Шаликова, напечатаннаго въ «Дамскомъ Журналѣ» того же года, № 12, стр. 238:

Къ портрету З. А. Волконской писано г. Лагрене.

«И красу, и умъ, и геній—все умѣлъ
Изобразить намъ твой Апцелъ!».

[2]) Русскій переводъ этого письма, написаннаго на французскомъ языкѣ, помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 года, ч. I, стр. 427—428.

Вслѣдъ за Пушкинымъ собрался въ путь Дм. Веневитиновъ съ своимъ пріятелемъ Ѳ. Хомяковымъ, такъ какъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ Москву пріѣхалъ французъ Воше (Vaucher), библіотекарь графа Лаваля, который, проводивъ въ Сибирь жену декабриста Е. И. Трубецкую, остановился на нѣсколько дней у З. А. Волконской. Въ то время полиція слѣдила за всѣми, которые имѣли какое либо отношеніе къ декабристамъ; и З. А., желая оградить Воше отъ непріятностей, какія могли ожидать его на пути отъ Москвы до Петербурга, предложила Дм. Веневитинову и Хомякову взять его съ собою, тѣмъ болѣе, что они оба считались вполнѣ благонадежными въ политическомъ отношеніи. Но, противъ всякаго ожиданія, Дм. Веневитиновъ былъ арестованъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ и пробылъ около двухъ недѣль на одной изъ столичныхъ гауптвахтъ, въ сыромъ и холодномъ помѣщеніи, что должно было неизбѣжно отразиться на слабомъ здоровьѣ поэта. Прямые отвѣты Веневитинова едва не погубили его, но скоро дѣло выяснилось; и онъ былъ выпущенъ на свободу [1]).

Эта непріятная случайность и еще болѣе недавняя разлука съ Москвой и близкими людьми способствовали тому печальному настроенію, въ какомъ находился Веневитиновъ. Въ первое время, по пріѣздѣ, онъ настолько тяготился одиночествомъ, что Петербургъ казался ему «многолюдной пустыней». «Вотъ уже недѣля, какъ я въ Питерѣ,—писалъ онъ друзьямъ,—и еще не осмотрѣлся, да что и глядѣть. Мнѣ грустно по Москвѣ, и мой сплинъ смѣшанъ съ какой-то досадою, которая не позволяетъ мнѣ ничѣмъ любоваться. О Москвѣ только и думаю и ее вижу во снѣ» [2]). Въ это время Веневитиновъ велъ особенно дѣятельную переписку съ московскими друзьями и живо интересовался всѣмъ, что имѣло отношеніе къ «Московскому Вѣстнику», который долженъ былъ издаваться съ 1827 года, подъ редакціей М. Погодина. Толки объ этомъ журналѣ начались съ 1823 г., затѣмъ прекратились на время и возобновились съ пріѣздомъ въ Москву Пушкина, который хотѣлъ участвовать въ немъ вмѣстѣ съ Дм. Веневитиновымъ.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвелъ на княгиню Волконскую отъѣздъ молодого поэта. Но, по нѣкоторымъ даннымъ, онъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ при ея участіи. Во всякомъ случаѣ, не смотря на ихъ хорошія отношенія, не видно, чтобы между ними существовала переписка, такъ какъ Веневитиновъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ часто спрашиваетъ о княгинѣ Волконской и посылаетъ ей поклоны.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1885 года, ч. I, стр. 120—122.

[2]) «Жизнь и труды М. П. Погодина». Спб. 1890 г. Н. П. Барсукова. Кн. III. стр. 66.

VIII.

Зима 1826—1827 г. въ Москвѣ.—Стихи Козлова.—Описаніе концерта у княгини Волконской.—Вечеръ 27 декабря 1826 года.—«Портретъ» Мицкевича.—Стихи «Царицынская ночь».—Отзывъ о княгинѣ З. Волконской.—Приключеніе со статуей Аполлона.

Одновременно съ Дм. Веневитиновымъ переѣхалъ въ Петербургъ князь Одоевскій, а также А. И. Кошелевъ и другіе «архивные юноши». Но, въ московскихъ кружкахъ продолжалось то же одушевленіе, чему способствовало возвращеніе Пушкина въ Москву. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одни за другими у Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, Соболевскихъ, Веневитиновыхъ и др. «Въ великолѣпныхъ залахъ княгини З. Волконской,—пишетъ очевидецъ,—какъ бы въ римскомъ палаццо, оперы, живыя картины и маскарады часто повторялись въ зиму 1826—1827 гг.; и каждое представленіе обставлено было съ особеннымъ вкусомъ, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы» [1]). Посреди артистовъ и во главѣ ихъ была хозяйка дома; она выступила тогда въ роли Танкреда, въ оперѣ Россини, и возбудила всеобщій восторгъ своимъ полнымъ, звучнымъ контръ-альто и воодушевленной игрой.

Сила впечатлѣнія, производимаго ея пѣніемъ, прекрасно выражена въ стихахъ Козлова «Къ княгинѣ Зинаидѣ А. Волконской», которые были напечатаны въ «Дамскомъ Журналѣ» Шаликова съ эпиграфомъ изъ Петрарки:

Il tuo cantar che nel anima si sente.

. . . я слезъ не проливалъ,
«Волшебнымъ голосомъ плѣненный,
«Я только помню, что видалъ
«Пѣвицы образъ незабвенный.

«О! помню я, какимъ огнемъ
«Сіяли очи голубыя,
«Какъ на челѣ ея младомъ
«Вилися кудры золотыя.

«Я помню звукъ ея рѣчей,
«Какъ помнятъ чувство дорогое,
«Онъ слышится въ душѣ моей,
«Въ немъ было что-то неземное... [2])

Князь Шаликовъ съ восторгомъ описываетъ концертъ 15-го декабря 1826 года, устроенный княгиней Волконской на сценѣ ея

---

[1]) «Знакомство съ русскими поэтами» А. Н. Муравьева, Кіевъ, 1871 г., стр. 11.

[2]) Стихи Козлова были приготовлены для альманаха «Звѣздочка» на 1826 годъ, изд. Рылѣева и А. Бестужева; но альманахъ не былъ изданъ. Содержаніе «Звѣздочки», вмѣстѣ съ стихами Козлова, было напечатано въ «Русской Старинѣ» 1883 г., іюнь, стр. 61—62.

домашняго театра, гдѣ, по свидѣтельству Шаликова, на фронтонѣ была надпись: «Ridendo dicere verum», а по бокамъ портреты Мольера и Чимарозо. «Всѣ аріи,—пишетъ онъ,—пѣтыя З. А. Волконской, всѣ дуэты, пѣтые сею-же повсемѣстною примадонной съ графиней и графомъ Ричи, и дуэтъ послѣдняго съ Барбери плѣняли, удивляли и счастливили многочисленныхъ слушателей». Затѣмъ, князь Шаликовъ хвалитъ пѣніе дѣвицъ Окуловой и Салтыковой, графа Віельгорскаго, превосходнаго баса, хоры любителей и оркестръ И. А. Нарышкина [1]).

Черезъ два дня послѣ этого концерта, 27-го числа того же мѣсяца, у З. А. Волконской былъ музыкальный вечеръ, на которомъ присутствовала Марія Волконская (урожденная Раевская), наканунѣ своего отъѣзда въ Сибирь, къ сосланному мужу, декабристу С. Гр. Волконскому. Удручающее впечатлѣніе этого вечера передано очевидцемъ, который былъ въ числѣ приглашенныхъ. «Марія Волконская не входила въ гостиную, гдѣ собралось много гостей, и сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда безпрестанно выходила хозяйка дома, думая только о ней и стараясь всячески ей угодить». Отрывокъ изъ аріи «Агнесы» del maestro Paër'a былъ прерванъ, потому что невольное сближеніе несчастія Агнесы и отца ея съ положеніемъ Маріи Волконской отняло голосъ у З. А. Волконской, а бѣдная изгнанница, слушая пѣніе въ сосѣдней комнатѣ, залилась слезами... Остатокъ вечера «былъ печаленъ, какъ ни старались нарушить глубокое мрачное молчаніе шутливыми дуэтами»... [2])

Не забыла этого вечера и З. А. Волконская, какъ видно изъ ея посвященія «Княгинѣ М. Волконской», написаннаго по французски, гдѣ, обращаясь къ несчастной женѣ декабриста, она пишетъ: «Я знала тебя всего три дня и назвала другомъ. Ты слушала насъ, когда мы составляли хоры... просила не прерывать пѣнія. Еще одну арію, еще, повторяла ты, ни завтра, ни послѣ, я никогда болѣе не услышу музыки...» [3]).

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, никакія постороннія соображенія не мѣшали З. А Волконской открыто выражать свое сочувствіе людямъ, которые внушали ей душевную симпатію, хотя она сама находилась тогда подъ тайнымъ надзоромъ полиціи [4]).

---

[1]) См. «Дамскій Журналъ» 1827 г., № 1, стр. 45—48. Кн. Шаликову, вѣроятно, принадлежитъ также изданіе брошюры «Узнанная», напечатанной въ Москвѣ, въ 1826 г., которая представляетъ переводъ французской брошюры «Portrait de son excellence m-me la princesse Zéneide Volkonsky», М., 1826 г., гдѣ неизвѣстный авторъ написалъ восторженный панегирикъ «Сѣверной Коринѣ», какъ называли княгиню З. Волконскую ея многочисленные поклонники.

[2]) «Русская Старина», 1875 г., № 4, ст. А. В. Веневитинова «Вечеръ у княгини Зинаиды Волконской, 27 декабря 1826 г.», стр. 822—824.

[3]) Oeuvres choisies de la princesse Z. Volkonsky, Paris et Carlsruhe, 1865, pp. 253—254.

[4]) См. «Донесеніе» тогдашняго директора канцеляріи М. М. Фока къ шефу жан-

Знаменитый польскій поэтъ А. Мицкевичъ, находившійся въ это время въ Москвѣ, въ видѣ почетной ссылки, безъ права возвращенія на родину, былъ въ числѣ ея любимыхъ и самыхъ почетныхъ гостей; она не только относилась къ нему съ неизмѣннымъ участіемъ, но высоко цѣнила, какъ человѣка и великаго поэта. Въ отрывкѣ, написанномъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Portrait de Mickiewicz», княгиня З. Волконская представила опоэтизированный образъ поэта, «съ его печалью, сердцемъ отзывчивымъ на все прекрасное, съ его стремленіемъ къ правдѣ и добру, любовью къ родинѣ и даромъ импровизаціи», когда «поэтъ лѣсовъ обращался равно ко всѣмъ, во всѣхъ видѣлъ братьевъ»... [1]).

Мицкевичъ относился къ княгинѣ З. Волконской съ тѣмъ же восторженнымъ поклоненіемъ, какое вдохновляло нашихъ поэтовъ, посвящавшихъ ей свои стихотворенія. Въ 1827 году, онъ написалъ въ ея домѣ одно изъ лучшихъ своихъ поэтическихъ произведеній, «Pokój grecki» (греческая комната), прекрасное по мысли и выполненію. Мицкевичъ также представилъ ей «Собраніе крымскихъ сонетовъ», съ посвященіемъ, которое самъ перевелъ для нея на французскій языкъ:

«O, Poesie! tu n'es pas l'art de peindre! Quand je veux peindre, pourquoi mes pensées ne pouvent elles paraître qu'à travers les paroles d'une langue étrangère, comme les prisoniers à travers les barreaux de fer».

«O, poesie! tu n'es pas l'art de chanter!» etc. [2]).

Тогда же на одномъ изъ вечеровъ З. А. Волконской князь Вяземскій взялъ слово съ И. Кирѣевскаго написать что нибудь для прочтенія; и онъ написалъ «Царицынскую ночь», свое единственное стихотвореніе, которое наглядно рисуетъ поэтическое настроеніе интимнаго кружка «Сѣверной Корины» [3]).

дармовъ, генералу А. Х. Бенкендорфу, отъ 9 августа 1826 года, гдѣ сказано: «Между дамами, двѣ самыя непримиримыя и всегда готовыя разорвать на части правительство, княгиня Волконская и генеральша Коновницина. Ихъ частные кружки служатъ средоточіемъ всѣхъ недовольныхъ; и нѣтъ брани злѣе той, какую онѣ извергаютъ на правительство и его слугъ»... («Русская Старина», 1881 г., сентябрь стр. 191).

[1]) Oeuvres choisies de la pr. Z. Volkonsky, 1865, pp. 249—251. Этотъ же отрывокъ въ переводѣ на русскій языкъ (подъ заглавіемъ «Портретъ») былъ напечатанъ въ альманахѣ «Денница» на 1830 г., изд. М. Максимовичемъ, стр. 114—117.

[2]) Русскій переводъ этого посвященія, сдѣланный княземъ Вяземскимъ, помѣщенъ въ «Полн. собр. соч. князя П. Вяземскаго, т. VII, стр. 330. См. также ст. «Адамъ Мицкевичъ», П. П. Дубровскаго, въ «Отечественныхъ Запискахъ», т. CXX, 1858 г., стр. 57.

[3]) Стихотвореніе «Царицинская ночь» напечатано въ Полномъ собраніи соч. И. В. Кирѣевскаго, М., 1861 г., т. I, стр. 4. Весною 1828 года, когда московскіе литераторы провожали Мицкевича, при поднесеніи ему серебрянаго кубка (на которомъ были вырѣзаны имена: И. И. Кирѣевскаго, Баратынскаго, Елагина, Рожалина. Полевого, Шевырева и Соболевскаго),—Кирѣевскому первому пришлось прочесть

Поклоненіе двухъ великихъ поэтовъ, Пушкина и Мицкевича, не мало способствовало той извѣстности, какой пользовалась княгиня З. Волконская въ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Несмотря на слухи, распускаемые ея недоброжелателями, молва объ ея красотѣ, умѣ и разнообразныхъ талантахъ привлекала къ ней толпу и возбуждала праздное любопытство. «Русская путешественница», описывая Москву и ея достопримѣчательности въ 1827 — 1828 годахъ, пишетъ: «Видѣть картину, водопадъ, обломки барельефа — любопытно; видѣть генія—есть счастье свыше ниспосланное; но нѣкоторымъ лишь дано судьбою умѣть цѣнить это счастье. Я видѣла мелькомъ княгиню З. Волконскую и считаю это за величайшую благосклонность судьбы» [1])...

Такъ отзывались въ это время о З. А. Волконской не только лица, знавшія ее по слухамъ, но и близкіе люди, какъ, напримѣръ, А. Муравьевъ, который съ восторгомъ говоритъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ называетъ ее «геніальной и необыкновенной женщиной», «русской Кориной», «Меценатомъ», «олицетвореніемъ граціи и красоты» и проч. и при этомъ сообщаетъ о непріятности, которая случилась съ нимъ въ салонѣ княгини Волконской: «Домъ Бѣлосельскихъ,— пишетъ Муравьевъ,— былъ мнѣ особенно близокъ по родственнымъ связямъ и потому, что младшій братъ княгини отъ другаго брака воспитывался вмѣстѣ со мною. Часто бывалъ я на вечерахъ и маскарадахъ у княгини З. Волконской; и тутъ однажды, по моей неловкости, случилось мнѣ сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мнѣ злую эпиграмму Пушкина, который, не разобравъ стиховъ, сейчасъ же написанныхъ мною въ свое оправданіе на пьедесталѣ статуи, думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона» [2])...

Извѣстная эпиграмма Пушкина, тогда же написанная имъ на пьедесталѣ статуи, подъ стихами Муравьева, кончается словами:

«Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!»

Мурьвьевъ узналъ объ этой эпиграммѣ только двѣ недѣли спустя изъ писемъ своихъ пріятелей, такъ какъ, послѣ злополучнаго приключенія со статуей Аполлона, уѣхалъ въ деревню.

Н. Бѣлозерская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

свои стихи въ честь польскаго поэта. «Рус. Арх.» 1873 г., № 6, стр. 1,060, 1,085. Въ іюлѣ 1829 года Мицкевичъ отправился за границу; при этомъ «паспортъ на выѣздъ изъ Россіи выхлопотала ему княгиня Волконская». (См. «Календ. воспом. Ципринуса» въ «Русск. Арх.» 1872 г., № 10, стр. 1924).

[1]) «Сынъ Отечества» и «Сѣв. Архивъ» 1831 года, № III, стр. 135.

[2]) «Знакомство съ русскими поэтами» А. Н. Муравьева, Кіевъ, 1871 года, стр. 11 — 13.

КІЕВСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ.

(Изъ воспоминаній очевидца).

I.

Ъ САМЫЙ разгаръ крымской кампаніи, въ Кіевской губерніи, въ средѣ крестьянскаго населенія произошли серьезные безпорядки, потребовавшіе вмѣшательства воинской силы. Это происшествіе въ то время, вѣроятно, прошло мало замѣченнымъ, такъ какъ событія кровопролитной войны поглощали общее вниманіе; но впослѣдствіи оно возбудило много толковъ, большею частью невѣрныхъ, основанныхъ преимущественно на неопредѣленныхъ слухахъ.

Находясь въ числѣ очень немногихъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, въ качествѣ офицера одного изъ дѣйствовавшихъ отрядовъ, я опишу здѣсь наши приключенія. Хотя съ того времени протекло сорокъ лѣтъ, но въ моей памяти удержались всѣ мельчайшія подробности, могущія быть полезными для характеристики и правильнаго освѣщенія событія.

Истинныя причины, вызвавшія волненія крестьянъ, въ то время намъ, военнымъ, были совершенно неизвѣстны; мало того, мы даже не подозрѣвали его существованія, и узнали о немъ только тогда, когда были призваны дѣйствовать. Поэтому мы только на основаніи личныхъ наблюденій могли дѣлать свои выводы и заключенія.

Въ то, къ счастью, давно минувшее время Кіевъ никоимъ образомъ не оправдывалъ своего названія матери городовъ русскихъ, а просто былъ полу-русскій, полу-польскій городъ, съ преобладающимъ польскимъ элементомъ въ высшемъ и вліятельнѣйшемъ кругу. Значительная часть помѣщиковъ въ губерніи были тоже поляки, и въ результатѣ было то, что паны и польская интеллигенція властвовали фактически надъ кореннымъ русскимъ народомъ,— до того русскимъ, что можно было только удивляться его удивительной стойкости, его способности впродолженіе многовѣковаго польскаго гнета сохранить свою народность неприкосновенною.

Если еще и теперь русскія власти въ Западномъ краѣ нерѣдко стоятъ далеко ниже своего призванія и исполненія долга истинно русскихъ людей, то чего же можно было ожидать отъ того давно минувшаго времени, когда почти никому и въ голову не приходило оградить русскій народъ отъ польской эксплоатаціи? Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ представляетъ въ этомъ случаѣ, можетъ быть, единственное отрадное исключеніе. Именно онъ настоялъ на введеніи такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ. Эти правила, хотя нѣкоторымъ образомъ и регулировали отношенія между владѣльцами и крестьянами, но польская интеллигенція имѣла и находила множество способовъ разными путями обходить ихъ, даже гораздо легче, чѣмъ это дѣлалось впослѣдствіи въ западныхъ губерніяхъ.

Кіевскіе крестьяне, несмотря на вѣковое закрѣпощеніе, по преданіямъ всегда считали себя казаками, то-есть вольными людьми, и, ненавидя своихъ пановъ, упорно лелѣяли надежду на грядущее освобожденіе. Для осуществленія этой надежды достаточно было малѣйшаго повода. Такимъ поводомъ былъ высочайшій манифестъ о народномъ ополченіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьяне перетолковали его по-своему, сообразно завѣтнымъ ихъ желаніямъ и, въ концѣ концовъ, искренно повѣрили, что этимъ манифестомъ имъ дарована воля и освобожденіе на вѣки вѣковъ отъ крѣпостной зависимости. Но такъ какъ манифестъ не приводился въ исполненіе, соотвѣтственно ихъ желаніямъ и надеждамъ, то въ нихъ возникло подозрѣніе, что его умышленно скрывали. Начались повсюду многочисленныя сходки; появились, какъ это бываетъ всегда, неблагонамѣренные люди, умышленно распространявшіе фальшивые и нелѣпые слухи, до которыхъ всегда такъ падокъ простой народъ, и вотъ возмущеніе, какъ тогда его называли, за непринятіемъ своевременныхъ мѣръ, быстро распространилось на значительномъ пространствѣ края.

Сначала это возмущеніе имѣло исключительный характеръ, мало похожій на народный бунтъ, сопровождаемый обыкновенно крова-

выми эпизодами и насиліями. Крестьяне еще ждали объявленія воли и ограничились тѣмъ, что прекратили всѣ работы. Какъ на примѣръ ихъ благоразумія, можно указать на слѣдующій случай. Въ одномъ уѣздѣ (кажется, въ Таращанскомъ) появился какой-то студентъ Розенталь, который подбивалъ народъ къ бунту и предлагалъ начать дѣло убійствомъ своего отца, тамошняго помѣщика. Крестьяне, выслушавъ подстрекателя, объявили ему, что если онъ подговариваетъ ихъ убить своего роднаго отца, то, значитъ, онъ человѣкъ не хорошій и, недолго разговаривая, связали его и представили въ станъ.

Какъ это ни странно, но первоначально весь гнѣвъ крестьянъ обратился на своихъ же православныхъ священниковъ, и только они подверглись серьезнымъ насиліямъ. Настоящая причина этого, вѣроятно, кроется въ несовсѣмъ искреннихъ отношеніяхъ къ народу своего духовенства, силою обстоятельствъ вынуждаемаго держаться двусмысленной политики служенія нашимъ и вашимъ, и достовѣрно то, что многіе изъ нихъ не пользовались довѣріемъ народа. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что между крестьянами существовало твердое убѣжденіе, что именно попы, подкупленные панами, скрыли отъ нихъ царскую грамоту. Для того, чтобы заставить попа выдать эту грамоту, приходилось употреблять насильственныя мѣры. Обыкновенно выводили его передъ народъ и, послѣ недѣйствительности увѣщаній выдать грамоту добровольно, ставили по горло въ воду; затѣмъ, дрожавшаго отъ холода и страха, начинали водить босикомъ по колчамъ и неровностямъ, при чемъ вся толпа осыпала его укорами. Черезъ короткій промежутокъ купанье начиналось снова, иногда по нѣсколько разъ. Наконецъ попа ставили къ столбу или забору и привязывали руки. Такихъ случаевъ было, конечно, не много, но они, какъ увидимъ далѣе, дѣйствительно были. О другихъ болѣе тяжкихъ насиліяхъ мнѣ слышать не приходилось.

Случались и комическіе эпизоды, свидѣтельствовавшіе о необыкновенномъ легкомысліи и чисто дѣтской наивности этого народа. Такъ, въ одной мѣстности разнесся слухъ, что въ сосѣднемъ селеніи у священника нашли царскую грамоту, настоящую, съ золотыми печатями. Сейчасъ же въ село была отправлена депутація съ просьбой показать ее народу. Было условлено сойтись всѣмъ на пограничной межѣ. Изъ селенія выступила торжественная процессія, впереди которой на двухъ длинныхъ шестахъ несли завернутую въ холстину царскую грамоту. Когда всѣ сошлись, и счастливые обладатели этой драгоцѣнности еще разъ выслушали покорнѣйшую просьбу показать ее народу, они торжественно развернули покрывало, и благоговѣйная толпа узрѣла... цѣлый столбецъ вѣнчиковъ, съ которыми отпускаютъ на тотъ свѣтъ покойниковъ! Пожелали, конечно, прочесть грамоту вслухъ, но тутъ встрѣтилось

почти непреодолимое затрудненіе: въ числѣ присутствовавшихъ грамотныхъ не оказалось. Нашелся одинъ, какой-то Хома, который зналъ немного азы, да и то нетвердо. Однако его заставили читать. Долго слушала толпа, недоумѣвая, что такое Хома разбираетъ по складамъ, наконецъ старики сказали: «брешешь, собачій сынъ! тебя, вѣрно, тоже подкупили паны!». Съ тѣмъ всѣ и разошлись, оставшись въ убѣжденіи, что царская грамота существуетъ, только имъ ошибкой попалась не та бумага. Но обратимся къ разсказу.

Наша резервная бригада, входившая въ составъ средней арміи, занимала въ это время караулы въ Кіевѣ. Къ намъ прислали значительное число рекрутъ новаго набора, преимущественно изъ Минской губерніи, и для избѣжанія тѣсноты въ городѣ и распространенія болѣзней расквартировали часть войскъ по деревнямъ. Въ этомъ числѣ былъ и нашъ баталіонъ, въ которомъ я состоялъ адъютантомъ. Мы стояли верстахъ въ пятидесяти отъ Кіева, въ селеніи Обуховѣ. Тутъ же вмѣстѣ съ баталіоннымъ штабомъ квартировала одна рота, а другія были расположены по окрестнымъ деревнямъ.

Былъ конецъ Святой недѣли. Баталіонный командиръ, за болѣзнію, находился въ Кіевѣ, а ротный командиръ, капитанъ Лопатинъ, пользуясь праздничнымъ временемъ, уѣхалъ куда-то по сосѣдству въ гости, такъ что въ штабѣ оставалось только два офицера: я и поручикъ Николай Петровичъ Ермоловъ, родной племянникъ кавказскаго героя.

Стояла прекрасная погода, и я занялся снаряженіемъ въ охотничью экскурсію, давно меня интересовавшую. Предполагалось пробраться въ одну мѣстность, почти недоступную въ весеннее время, и потому изобиловавшую несмѣтнымъ количествомъ дикихъ гусей и всевозможной пернатой дичи. Я могъ разсчитывать на полную удачу, въ виду того, что другихъ охотниковъ-конкуррентовъ не было, такъ какъ еще въ 1846 году все оружіе въ краѣ, по случаю политическихъ событій, было отобрано. Въ предвкушеніи охотничьихъ наслажденій, я усѣлся на завалинкѣ моей квартиры и занялся снаряженіемъ ружейныхъ патроновъ. Вдругъ, какъ будто изъ-подъ земли, предо мной выросъ конный фурштатъ нашей бригады, съ сумкой черезъ плечо. Онъ проворно спрыгнулъ съ лошади и подалъ мнѣ пакетъ, со словами:

— Ваше благородіе, отъ бригаднаго генерала,— очень нужное.

Въ пакетѣ были вложены четыре запечатанныхъ конверта на имя четырехъ ротныхъ командировъ и предписаніе мнѣ доставить ихъ по назначенію съ нарочными; баталіонному штабу выступить вмѣстѣ съ ротой въ мѣстечко Корсунь, Каневскаго уѣзда, а мнѣ состоять при капитанѣ Лопатинѣ, который назначается временно-командующимъ баталіономъ. Въ концѣ была собственноручная приписка бригаднаго командира (Николая Карловича фонъ-Цеймерна),

знавшаго меня еще ребенкомъ: «Поторопите капитана Лопатина, чтобы выступалъ не мѣшкая».

Это коротенькое предписаніе ничего не объясняло. Я уже говорилъ ранѣе, что мы ничего не знали о начавшихся безпорядкахъ, а потому и не могли дѣлать никакихъ вѣрныхъ предположеній о цѣли настоящей командировки. Слѣдовало только исполнить въ точности предписаніе. Я послалъ за поручикомъ Ермоловымъ и, за отсутствіемъ капитана Лопатина, передалъ ему конвертъ. Изъ предписанія мы только узнали, что дальнѣйшія распоряженія будутъ зависѣть отъ командированнаго въ Корсунь полковника Аѳанасьева, состоявшаго по особымъ порученіямъ при Кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ.

Часа черезъ два рота въ полномъ составѣ, подъ командой поручика Ермолова, и баталіонный штабъ, состоявшій изъ адъютанта, его писаря и лазаретнаго фельдшера, съ дорожной аптечкой черезъ плечо,— выступили въ походъ.

Нужно признаться, что нашъ отрядъ не имѣлъ въ себѣ ничего внушительнаго. Въ ротѣ насчитывалось не болѣе 60 — 70 человѣкъ старыхъ солдатъ; остальные были невзрачные минскіе рекрута, называвшіеся у насъ **мякинниками**, которые въ своихъ сѣрыхъ рекрутскихъ шинеляхъ и шапкахъ походили скорѣе на несчастныхъ арестантовъ, нежели на солдатъ. Прибывъ къ намъ недавно, они еще не успѣли пріобрѣсти ни солдатской выправки, ни умѣнья обращаться съ оружіемъ. Но старые солдаты были народъ бравый и бывалый, а фельдфебель Андріяновъ — настоящій молодецъ. Это былъ кавказецъ прежнихъ временъ, на вторичной службѣ, весь увѣшанный крестами и медалями,— рѣдкій типъ, который едва ли можно встрѣтить теперь въ нашихъ войскахъ. Мнѣ кажется, что онъ управился бы съ цѣлымъ баталіономъ, а не только со своей ротой, гдѣ въ дѣйствительности онъ значилъ болѣе ротнаго командира, гдѣ каждое его слово было законъ, а вліяніе на солдатъ неограниченное.

Не помню, сколько верстъ намъ предстояло пройти, но переходъ былъ большой. Уже съ половины пути наши невтянувшіеся рекрутики начали пріуставать. Въ небольшой деревушкѣ на большой дорогѣ сдѣлали привалъ. Нашелся и постоялый дворъ подъ самодѣльной вывѣской «Гостиница для проѣзжающихъ», въ которой, однако, кромѣ скверной горѣлки, свинаго сала и сырыхъ яицъ, ничего съѣстнаго не оказалось, такъ что начальство должно было удовольствоваться яичницей съ саломъ, а солдаты одними сухарями изъ своего запаса. Извѣстно, что на такомъ провіантѣ далеко не уѣдешь, и фельдфебель Андріяновъ предупредилъ своего командира, что необходимо раздобыться обывательскими подводами, на случай, если окажутся отсталые. Потребовали старосту, но его не нашли; да и вся деревня оказалась почти пустою. Попадались однѣ

бабы да ребята, а мужики гдѣ-то отсутствовали, но мы не обратили на это странное обстоятельство вниманія. Хозяинъ постоялаго двора былъ какой-то угрюмый человѣкъ, въ родѣ отставнаго дворового, который неохотно отвѣчалъ на вопросы. Однако, мы узнали отъ него, что верстахъ въ трехъ далѣе, влѣво отъ большой дороги, расположено довольно большое селеніе, гдѣ, вѣроятно, можно будетъ достать и подводы. Такъ какъ у меня были свои лошади, то мы рѣшили, что Ермоловъ поведетъ роту, а я, тѣмъ временемъ, поѣду впередъ въ указанное селеніе и тамъ похлопочу о подводахъ.

У меня была тройка маленькихъ, шустрыхъ лошадокъ; я сѣлъ въ свою легонькую натычанку (родъ польской брички безъ верха), посадилъ рядомъ съ кучеромъ расторопнаго солдатика изъ московскихъ мѣщанъ,—и мы тронулись.

Проѣхавъ указанное разстояніе и пропустивъ узенькую дорожку, проложенную по рубежу, мы повернули налѣво, на торный проселокъ, и вскорѣ передъ нами замелькалъ крестъ сельской колокольни. Но селенія еще не было видно, такъ какъ оно ютилось по скату глубокаго яра (большой лощины). Сначала дорога шла совершенно ровно, но затѣмъ круто спускалась внизъ по косогору и дѣлала значительный заворотъ къ небольшой площади, посреди которой стояла деревянная церковь, обнесенная оградой изъ заплетенныхъ по верху кольевъ. Спускъ былъ такъ крутъ, что маленькій коренникъ не могъ сдержать, и мы быстро неслись подъ гору.

Я взглянулъ впередъ.

На площади стояла почти сплошная толпа народа, которая, при видѣ быстро несущейся тройки, поспѣшно разступилась, какъ будто проглотила насъ, и потомъ опять сомкнулась. Все это произошло такъ скоро и неожиданно, что я, что называется, не успѣлъ опомниться, какъ лошади остановились. Сборище состояло изъ однихъ мужиковъ, которыхъ было приблизительно человѣкъ триста.

На небольшомъ возвышеніи, около церковной ограды, я увидѣлъ священника, привязаннаго или прислоненнаго (я не могъ хорошенько разглядѣть) къ плетню. На немъ была широкая синяя священническая одежда; волосы его были въ безпорядкѣ, черты искажены ужасомъ.

Въ моемъ воображеніи быстро промелькнуло воспоминаніе гдѣ-то видѣнной мною картины, изображавшей Христа на позорищѣ.

— Спаситель мой!—закричалъ онъ, простирая ко мнѣ руки,— погибаю безвинно... Хотятъ меня убить!

Я такъ былъ пораженъ этой неожиданной сценой, что въ первую минуту совсѣмъ потерялся и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Нужно сказать, что нѣкоторые изъ толпы, при внезапномъ моемъ появленіи, сняли было шапки, но потомъ, черезъ нѣсколько секундъ, снова ихъ надѣли.

— Ребята! что это вы дѣлаете?—обратился я къ толпѣ.

— Пытаемъ попа, нехай отдастъ намъ царскую волю,—отвѣчали нѣкоторые.—Снюхался съ панами и скрылъ ее отъ насъ.

— Послушайте, братцы,—обратился я къ толпѣ,—я человѣкъ совсѣмъ посторонній, и мнѣ нѣтъ надобности васъ обманывать; такъ вотъ что: нигдѣ еще не слышно о вашей волѣ, и повѣрьте мнѣ, что если бы дѣйствительно вышелъ такой царскій указъ, то никто не посмѣлъ бы скрыть отъ васъ его. Скажу вамъ прямо: вы затѣяли недоброе дѣло, за которое вамъ придется отвѣчать. Послушайте моего совѣта, отпустите вашего священника: онъ вашъ отецъ духовный,—и сами образумьтесь; а когда придетъ воля, будьте увѣрены, что вамъ о ней объявятъ.

Мои слова, повидимому, произвели совсѣмъ другое дѣйствіе чѣмъ я ожидалъ. Нѣкоторыя лица нахмурились, я замѣтилъ подозрительные и недружелюбные взгляды.

— Неправда,—закричали нѣкоторые,—царская воля давно ужъ пришла; а начальство и попы ее скрываютъ.

— Не слухайте его!—крикнулъ сзади одинъ грубый голосъ,—брешетъ онъ!—Какой-такой сюда пріѣхалъ?..

Положеніе мое становилось критическимъ: кругомъ стояла недружелюбная толпа, отъ которой можно было всего ожидать. Мнѣ казалось, что въ ней уже начинало зарождаться сомнѣніе относительно моей личности.

— Какъ знаете, братцы,—возразилъ я,—я далъ вамъ совѣтъ по душѣ; а, впрочемъ, это не мое дѣло! Я пріѣхалъ добыть у васъ подводъ подъ проходящую роту. Переходъ нашъ большой, солдатики начали уставать — вамъ ничего не стоитъ дать нѣсколько подводъ до Корсуни.

— Нѣтъ у насъ подводъ. Нѣтъ ни лошадей, ни воловъ, всѣ теперь далеко въ полѣ.

— Какъ же быть?—сказалъ я:—да гдѣ у васъ тутъ старшина, или начальникъ?

— Нѣтъ у насъ начальниковъ; мы здѣсь всѣ начальники!

Дѣло выходило скверное. Я замѣтилъ, что мой кучеръ совсѣмъ струсилъ и сидѣлъ на козлахъ ни живъ, ни мертвъ; но шустрый солдатикъ не потерялся: онъ подобралъ изъ рукъ его возжи и быстро обернулся ко мнѣ. Взглядъ его, какъ будто, говорилъ: нужно поскорѣе удирать отсюда!

Я какъ нельзя лучше понялъ его, потому что самъ только объ этомъ думалъ.

— Ну, братцы,—сказалъ я,—если у васъ точно подводъ нѣтъ, то я поѣду въ другую деревню; можетъ быть, раздобудусь тамъ. А мнѣ безъ нихъ обойтись нельзя: царскихъ солдатъ беречь приказано! Трогай! — крикнулъ я повелительно и какъ можно громче.

Странное дѣло, лошади точно понимали наше опасное положеніе: онѣ стояли неспокойно и настороживъ уши. Лишь только я крик-

нулъ, мой солдатикъ что есть силы стегнулъ коренника кнутомъ вдоль спины, а затѣмъ и пристяжныхъ. Лошади рванулись съ мѣста, какъ бѣшеныя; толпа инстинктивно отступила и раздалась во всѣ стороны. Солдатикъ изъ всѣхъ силъ натянулъ правую вожжу кореннаго, стегнулъ еще разъ лѣвую пристяжную, и мы, сдѣлавъ невозможно крутой поворотъ, въ нѣсколько секундъ, маршъ-маршемъ вылетѣли въ гору. Помню я, что вслѣдъ за нами раздался отчаянный крикъ священника и глухой гамъ толпы, озадаченной нашимъ внезапнымъ исчезновеніемъ.

Мы остановились, когда уже выѣхали на большую дорогу. Мой ловкій возница оглянулся раза два назадъ, снялъ фуражку и, перекрестившись, сказалъ:

— Ну, ваше благородіе, избавилъ Господь отъ бѣды! Ишь, проклятые!!..

— Молодецъ ты!—отвѣтилъ я.

Теперь слѣдовало рѣшить, гдѣ находилась рота: прошла ли она впередъ, или еще не дошла до поворота? На тонкомъ слоѣ пыли, покрывавшемъ пустынную дорогу, не замѣтно было человѣческихъ слѣдовъ; стало быть, рота еще назади. Прошло около получаса въ ожиданіи, наконецъ вдали на солнцѣ заблестѣли, привѣтливо для насъ, ружья солдатъ.

Я разсказалъ Ермолову о случившемся.

Слѣдовало обдумать хорошенько, какъ тутъ поступить, и рѣшить вопросъ, что именно дѣлать: слѣдовать ли далѣе къ мѣсту назначенія, или, по собственному усмотрѣнію, идти на выручку бѣднаго священника, которому въ виду возбужденнаго состоянія толпы грозила серьезная опасность?

Рѣшить вопросъ предстояло Ермолову, какъ командующему ротой и старшему офицеру. Мое личное мнѣніе склонялось къ послѣднему рѣшенію: моя совѣсть возмущалась при мысли оставить несчастнаго въ рукахъ ожесточенной толпы, имѣя полную возможность освободить его. Въ этомъ поступкѣ я не усматривалъ личнаго произвола и превышенія власти, а напротивъ считалъ его нашей прямой обязанностью. Ермоловъ былъ совершенно согласенъ со мною и сказалъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность онъ беретъ на себя.

Было рѣшено двинуться въ селеніе.

Туда вели двѣ дороги: та, по которой ѣхалъ я, и клиновая дорожка, которую мы въ первый разъ пропустили мимо. Эта послѣдняя была значительно короче, потому что вела прямо къ крестьянскимъ задворкамъ, тогда какъ первая была проложена въ объѣздъ.

Роту раздѣлили на два взвода. Съ первымъ по клиновой дорожкѣ пошелъ Ермоловъ, а со вторымъ по проѣзжей дорогѣ—я. Намѣреніе наше было одновременно войти въ селеніе съ противоположныхъ сторонъ и сойтись на площади. Такъ какъ мой путь былъ значительно длиннѣе, то я просилъ Ермолова не спѣшить и

соображаться съ движеніемъ моего взвода, такъ какъ мы почти до самаго селенія были въ виду другъ у друга.

Сначала все шло хорошо, но по мѣрѣ приближенія въ селенію я замѣтилъ, что мой кавказецъ (Ермоловъ служилъ прежде на Кавказѣ) началъ прибавлять шагу, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что намъ подъ конецъ пришлось почти бѣжать, и, увы, мы все-таки опоздали.

Между тѣмъ вотъ что произошло.

Встревоженные моимъ внезапнымъ появленіемъ и исчезновеніемъ, крестьяне долго совѣщались и шумѣли, пока наконецъ не пришли къ заключенію, что я былъ не кто иной, какъ переодѣтый офицеромъ шпекъ (шпіонъ), подосланный узнать, что у нихъ дѣлается, почему и слѣдовало меня непремѣнно задержать. Опасаясь вслѣдствіе этого какой нибудь неожиданности, послали нѣсколько человѣкъ на гору для наблюденія. Когда тѣ дали знать о приближеніи роты, толпа бросилась разбивать плетневую изгородь, чтобы встрѣтить кольями непрошенныхъ гостей. Къ счастію, плетень былъ на столько крѣпокъ, что крестьяне еще не успѣли хорошенько вооружиться, какъ уже появились солдаты.

Это былъ самый роковой моментъ для бѣднаго священника, такъ какъ нѣсколько остервенѣлыхъ мужиковъ уже бросились къ нему съ угрозами, обвиняя его въ приходѣ солдатъ. Но быстрый натискъ послѣднихъ спасъ его отъ направленныхъ на него ударовъ.

Произошла рукопашная схватка, въ которой солдаты пустили въ дѣло приклады. Толпа сопротивлялась недолго: увидя приближеніе моего взвода, слѣдовавшаго къ мѣсту бѣглымъ шагомъ, она бросилась врассыпную.

Площадь мгновенно опустѣла. Только на землѣ валялось человѣкъ двадцать закрывшихся свитками мужиковъ, лежавшихъ, повидимому, безъ всякихъ признаковъ жизни, да вдали, по крутымъ ярамъ, виднѣлись поспѣшно убѣгавшіе люди.

Прежде всего сдѣлали перекличку, всѣ ли на-лицо, и не было ли раненыхъ солдатъ. Но таковыхъ не оказалось. Напротивъ, ихъ раскраснѣвшіяся лица были оживлены, и даже рекрутики смотрѣли орлами, какъ будто они дѣйствительно одержали славную побѣду надъ непріятелемъ.

Бѣдный священникъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости. Онъ валялся у насъ въ ногахъ, цѣловалъ руки у солдатъ; наконецъ бросился въ домъ и началъ выносить разные съѣстные припасы. Нѣсколько солдатъ взялись ему помогать; вынесено было все, что хранилось въ домѣ, въ чуланахъ и погребахъ и, разумѣется, моментально съѣдено.

Однако, нужно было поспѣшить выступленіемъ. Священникъ умолялъ не оставлять его здѣсь, а позволить слѣдовать за ротой

въ Корсунь, опасаясь, что его непремѣнно убьютъ, если онъ останется. Ему дали полъ-часа на сборы.

Между тѣмъ, фельдфебель Андріяновъ занялся убитыми. Благодаря его энергическимъ манипуляціямъ, покойники моментально оживали и улепетывали безъ оглядки, провожаемые смѣхомъ и прибаутками солдатъ. Но еще были обнаружены пять или шесть человѣкъ, засѣвшихъ на колокольнѣ. Эти, по словамъ священника, были главные бунтовщики и зачинщики. Они сначала не хотѣли сдаваться, но, когда Андріяновъ пригрозилъ, что сейчасъ всѣхъ ихъ перестрѣляетъ и, какъ будто приводя угрозу въ исполненіе, позвалъ нѣсколько солдатъ съ ружьями,—они сдались. Было рѣшено представить ихъ въ Корсунь.

Мы съ Ермоловымъ были бы совершенно довольны благополучнымъ исходомъ дѣла, еслибъ насъ не брало раздумье, какъ на него взглянетъ наше начальство. Положимъ, что мы были обязаны поступить такимъ образомъ, ну, а все-таки неизвѣстно, что объ этомъ скажутъ.

На дорогѣ насъ догналъ капитанъ Лопатинъ. Это былъ человѣкъ очень не глупый и, какъ говорятъ, прошедшій огонь и воду, но съ нѣсколько своеобразнымъ взглядомъ на свои обязанности. Формализмъ былъ основной чертой его характера; во всемъ остальномъ онъ умывалъ руки и всегда выходилъ сухъ изъ воды. Поэтому немудрено, что это непредвидѣнное происшествіе было для него очень непріятно: могло обнаружиться при слѣдствіи, что его при ротѣ не было, и онъ могъ подвергнуться отвѣтственности.

— Охота была, вамъ, господа, ввязываться въ эту исторію!— сказалъ онъ съ неудовольствіемъ:—чортъ съ нимъ, съ попомъ! Какое намъ до него дѣло? Вотъ посмотрите, что выйдетъ какая нибудь непріятность. Счастье еще, что люди всѣ цѣлы!

Люди дѣйствительно были цѣлы, а если кому и пришлось познакомиться съ мужичьимъ дручкомъ, или коломъ, такъ тотъ молчалъ, опасаясь насмѣшекъ своихъ же товарищей.

— А гдѣ патронный ящикъ?—спросилъ капитанъ.

Ящика при ротѣ не было: онъ мирно путешествовалъ гдѣ-то отдѣльно, подъ охраной одного каптенармуса.

Расположеніе духа нашего командира совсѣмъ испортилось. Онъ, кажется, былъ не изъ особенно храбрыхъ и, можетъ быть, втайнѣ опасался какихъ нибудь враждебныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ начало уже смеркаться. По обѣимъ сторонамъ пустынной дороги тянулись глубокіе яры, имѣвшіе при наступавшихъ сумеркахъ какой-то унылый и безпріютный видъ. Во всю дорогу мы не встрѣтили ни одной живой души.

Наконецъ, часовъ въ десять вечера прибыли въ Корсунь. Это было 9-го апрѣля.

II.

Корсунь—историческое мѣстечко, игравшее значительную роль въ давно минувшихъ событіяхъ Украйны. Теперь оно принадлежало свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, жившему тамъ безвыѣздно, въ обширномъ и великолѣпномъ замкѣ, на берегу живописной рѣки Роси.

Изъ властей въ это время въ Корсуни находились: кіевскій вицегубернаторъ (Веселкинъ), совѣтникъ губернскаго правленія (Янкуліо) и состоявшій по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ полковникъ Аѳанасьевъ.

Положеніе ихъ, среди взволнованнаго населенія, было очень незавидное. Въ ихъ распоряженіи имѣлась только безсильная и перетрусившая земская полиція, да одинъ жандармъ. Поэтому не удивительно, что насъ встрѣтили съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Всѣ они помѣщались на площади, въ большомъ домѣ, называвшемся «пѣвческимъ», потому что онъ служилъ мѣстомъ для спѣвокъ церковнаго хора и музыкальныхъ упражненій княжескаго оркестра.

Мы явились по долгу службы къ полковнику Аѳанасьеву, который, принявъ рапортъ нашего командира и выслушавъ его краснорѣчивый разсказъ о происшествіи, котораго, впрочемъ, онъ самъ не видалъ, горячо благодарилъ Ермолова и меня за нашъ поступокъ и даже обѣщалъ сдѣлать о немъ особенный докладъ. Это былъ добрѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ, но едва ли онъ былъ пригоденъ для такого порученія, гдѣ прежде всего требовалась твердость характера, рѣшительность и энергія.

Я не помню, что бы въ этотъ разъ было что нибудь говорено о положеніи дѣлъ, или о предстоявшихъ намъ дѣйствіяхъ. Мнѣ кажется, что само начальство не имѣло яснаго представленія о состояніи края и не составило еще никакого плана дѣйствій.

Квартиры были приготовлены для насъ на той же самой площади, въ небольшихъ домикахъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, къ числу экономическихъ построекъ. Солдатъ накормили сытнымъ ужиномъ, который былъ уже приготовленъ заранѣе, и размѣстили подъ просторными навѣсами.

Я всталъ на другой день очень рано и вышелъ осмотрѣть мѣстность, такъ какъ наканунѣ за темнотою ничего нельзя было разглядѣть. На одной сторонѣ площади стояла прекрасная каменная церковь, а на другой, противоположной, пѣвческій домъ. Рядомъ съ этимъ домомъ начиналась большая и длинная улица, которая шла вверхъ; а за церковью, къ низу, виднѣлись экономическія постройки. Направо, въ отдаленіи, высился замокъ владѣльца, посреди великолѣпнаго сада, и наконецъ налѣво за селеніемъ виднѣлась вдали большая дорога, обозначавшаяся рѣдкими старыми

ветлами, а за ней старинный насыпной холмъ, носившій названіе «казачьей могилы».

Утро было прекрасное; въ селеніи еще не было замѣтно никакого движенія. Вдругъ, въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, гулко раздался отдаленный стукъ колесъ и топотъ быстро приближающихся лошадей. Изъ улицы вынырнула легкая парная бричка и завернула къ пѣвческому дому. Какой-то господинъ въ фуражкѣ съ форменнымъ околышемъ поспѣшно юркнулъ въ подъѣздъ.

— «Должно быть, становой приставъ,—подумалъ я.—Да что-то ужъ слишкомъ рано. Вѣрно, что нибудь важное».

Я сталъ наблюдать, усѣвшись у себя подъ окномъ. Спустя немного времени, послышался лошадиный топотъ: на этотъ разъ прискакалъ верховой, спросилъ что-то у кучера и, бросивъ ему поводья, тоже направился въ подъѣздъ. Наконецъ въ дверяхъ показался жандармъ. Онъ постоялъ нѣсколько секундъ на крыльцѣ, какъ будто соображая, куда ему идти, и наконецъ направился въ мою сторону. Я его окликнулъ: тебѣ кого нибудь надобно?

— Такъ точно, ваше благородіе,—ротнаго командира. Полковникъ проситъ ихъ какъ можно скорѣе. Гдѣ мнѣ ихъ найти?

— Черезъ два дома отсюда. Доложи полковнику, что сейчасъ явится, а я ему скажу самъ.

Лопатинъ только что проснулся.

— Что такъ рано?—крикнулъ онъ, протирая глаза.

— Михаилъ Михайловичъ, вставай скорѣе: тебя требуетъ полковникъ. Должно быть, что нибудь особенное; сейчасъ прискакалъ становой.

Лопатинъ поспѣшно одѣлся и вышелъ.

Я остался ждать и, увидя въ окно проходившаго Ермолова, кликнулъ его. Минутъ черезъ двадцать вернулся Лопатинъ. Онъ съ сердцемъ швырнулъ свою фуражку и крикнулъ:—Чортъ знаетъ, что такое! Они здѣсь, должно быть, всѣ спятили съ ума! Какъ вы думаете, господа, къ намъ идетъ сюда чуть ли не десять тысячъ мужицкаго войска. Шутка сказать—десять тысячъ! Откуда это они столько набрали?

— Эти извѣстія навѣрное сильно преувеличены,—сказалъ я,—но во всякомъ случаѣ какія нибудь основанія у полиціи имѣются.

— Да какъ тутъ ни разсуждай, а дѣло скверное! Вѣдь не цѣловаться же они идутъ съ нами! Да, если этихъ галмановъ наберется только половина, такъ и то мы съ нашими рекрутами ничего не подѣлаемъ: тѣ же мужики, только что минскіе; ни одинъ еще ружья держать не умѣетъ.

— Можетъ быть, къ тому времени еще поспѣетъ какая нибудь рота,—сказалъ Ермоловъ.

— Ну, на это плохая надежда. Имъ идти гораздо дальше на-

щего,—дай Богъ, чтобы собрались только къ вечеру. Однако же нужно что нибудь дѣлать. Позвать фельдфебеля!

Андріяновъ ужъ давно ждалъ приказаній.

— Сейчасъ выстроить роту на площади,—распоряжался Лопатинъ.—Роздать боевые патроны; кстати, теперь же зарядить ружья, на всякій случай. Растолкуй унтеръ-офицерамъ, чтобы смотрѣли въ оба за рекрутами, да чтобы слушали команду, какъ слѣдуетъ. Въ случаѣ пальбы—стрѣлять только старымъ солдатамъ, въ первой шеренгѣ; вторая и третья пусть только держатъ ружья наготовѣ и передаютъ первой. Рекрутамъ ни подъ какимъ видомъ не стрѣлять: чего добраго, перебьютъ еще своихъ! Ступай!

Черезъ нѣсколько минутъ и мы, надѣвъ свои тупыя полусабли, вышли къ строившейся ротѣ. Револьверовъ въ то время еще не было; я на случай взялъ свое двухствольное ружье.

Пустая до того времени площадь оживилась. Кое-гдѣ виднѣлись кучки любопытныхъ обывателей, а къ пѣвческому дому поминутно подъѣзжали конные разсыльные. Наконецъ, вышелъ полковникъ Аѳанасьевъ, въ сопровожденіи становаго пристава, привезшаго извѣстія.

Въ сущности оказалось, что земская полиція ничего вѣрнаго не знала: ни о числѣ направлявшихся въ Корсунь крестьянъ, ни о руководившей ихъ цѣли. Все было основано на однихъ слухахъ и предположеніяхъ. Мы только узнали, что сюда собираются крестьяне изъ окрестныхъ селеній, и что въ двадцати верстахъ отсюда, въ селеніи Таганчѣ, образовалось цѣлое скопище, болѣе десяти тысячъ человѣкъ, которые расположились таборами на площади и со здѣшними крестьянами имѣютъ постоянныя сношенія.

Можетъ быть, случилось къ лучшему, что намъ въ это время не были извѣстны истинныя намѣренія крестьянъ, а намѣренія ихъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, были далеко не миролюбиваго свойства. Какъ ни нелѣпо можетъ это показаться съ перваго раза, но между крестьянами былъ распространенъ слухъ, что наше войско не что иное, какъ переодѣтые арестанты, которыхъ подкупленное начальство послало ихъ усмирять. Въ подтвержденіе этого слуха приводилось то, что настоящее войско все теперь на войнѣ. Поэтому слѣдовало всѣхъ насъ перехватать, за что царь выдастъ имъ награду. Нашихъ ружей они не боялись, такъ какъ были увѣрены, что мы снабжены только холостыми патронами, чтобы только ихъ пугать.

Кто знакомъ съ легковѣріемъ народныхъ массъ, тотъ не удивится подобному вздору. Мы убѣдились въ этомъ на опытѣ, но теперь еще ничего не знали и, какъ я уже сказалъ, можетъ быть, къ лучшему, такъ какъ иначе, сознавая ничтожность нашихъ силъ, могли быть заранѣе обезкуражены. Что касается полковника Аѳанасьева, то онъ былъ такого мнѣнія, что крестьяне идутъ съ изъ-

явленіемъ покорности, такъ что мы ожидали ихъ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ опасеніемъ.

Наконецъ, дали знать, что около Казачьей могилы показались толпы народа. Я взглянулъ по тому направленію: дѣйствительно, тамъ уже было замѣтно какое-то движеніе, но за отдаленностью трудно было разсмотрѣть, что это такое. Я сбѣгалъ на квартиру за моимъ полевымъ биноклемъ—въ него были ясно видны большія кучи народа. Нужно было повѣрить очевидности.

Рота была построена развернутымъ фронтомъ лицомъ на площадь и спиною къ пѣвческому дому. Это расположеніе обезпечивало ее отъ нападенія сзади, но въ сущности было неудобно. Слѣдовало поставить ее противъ улицы, во всю ея ширину, чтобы заградить выходъ на площадь, но этого почему-то не догадались сдѣлать своевременно.

Между тѣмъ, время шло въ томительномъ ожиданіи.

Наконецъ, дали знать, что въ дальнемъ концѣ улицы показалась толпа. Самоувѣренный Аѳанасьевъ вышелъ впередъ, а за нимъ послѣдовали и мы.

Къ намъ приближалась не безпорядочная толпа, а стройная колонна. Она двигалась во всю ширину улицы, правильными рядами и локоть-объ-локоть, какъ настоящіе солдаты. Передній рядъ состоялъ почти сплошь изъ стариковъ и пожилыхъ людей; въ рукахъ у нихъ были простыя палки. За ними слѣдовалъ народъ болѣе крупный, молодцоватый на видъ, вѣроятно, отборные храбрецы. Не доходя до насъ шаговъ пятнадцать, всѣ, точно по командѣ, разомъ остановились. Аѳанасьевъ торжествовалъ.—На колѣни!—крикнулъ онъ.

Передніе ряды опустились на колѣни.

— Зачѣмъ пришли?—спросилъ онъ.

Депутація, продолжая стоять на колѣнахъ, начала излагать свои претензіи. Говорили старшіе, не перебивая другъ друга. Общій смыслъ ихъ рѣчи заключался въ слѣдующемъ: имъ де доподлинно извѣстно, что царь даровалъ всѣмъ волю, и призываетъ служить противъ враговъ, но что эту волю отъ нихъ скрываютъ, почему они пришли рѣшительно заявить, что, не смотря ни на что, панщину отбывать не будутъ.

Все это было сказано сдержанно, но рѣшительно, между тѣмъ какъ остальная толпа сохраняла глубокое молчаніе.

Тогда выступилъ совѣтникъ (Янкуліо) и обратился съ пространною рѣчью къ народу. Нужно было отдать ему справедливость, что онъ говорилъ очень хорошо: рѣчь его была ясная и толковая. Онъ говорилъ долго, никѣмъ непрерываемый, но когда кончилъ,—то же молчаніе было ему отвѣтомъ.

Наконецъ выступилъ полковникъ Аѳанасьевъ.

Его рѣчь носила совсѣмъ другой характеръ. Уже съ первыхъ

словъ онъ началъ горячиться. Я ужъ говорилъ, что онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, но его нервная натура не была способна къ обдуманному и хладнокровному изложенію своихъ мыслей, подобно предыдущему оратору. Голосъ его возвышался все болѣе и болѣе; наконецъ, онъ совсѣмъ вышелъ изъ себя и крикнулъ:

— Вы должны работать и повиноваться поставленнымъ надъ вами властямъ, а вольности вамъ не будетъ!

— Нѣтъ, будетъ!!!—вдругъ гаркнули въ отвѣтъ многочисленные голоса.—Ура!!!

И въ одно мгновеніе вся толпа вскочила на ноги и ринулась на насъ. Мы были принуждены спасаться.

Я до сихъ поръ не знаю, кто догадался повернуть фронтъ роты; (вѣроятнѣе всего, что фельдфебель Андріяновъ); только помню, что она въ это время дѣлала захожденіе бѣглымъ шагомъ. Положеніе наше было отчаянное: сзади насъ преслѣдовала толпа, а спереди угрожали неосторожные выстрѣлы солдатъ, на-бѣгу взводившихъ курки и готовившихся къ пальбѣ.

Наконецъ, мы благополучно проскользнули сквозь ряды, на которые вслѣдъ затѣмъ обрушился натискъ толпы. Въ это же время десятка два самыхъ завзятыхъ смѣльчаковъ перескочили черезъ ограду около пѣвческаго дома и напали на лѣвый флангъ роты. Ужъ нѣсколько ружей было вырвано изъ рукъ малосильныхъ и неловкихъ рекрутовъ...

— Стрѣляйте! стрѣляйте!—раздался чей-то отчаянный голосъ..

— Пли!—раздалась команда, и началась пальба.

Положеніе наше было критическое: хотя передніе изъ нападающихъ и падали отъ выстрѣловъ, но задніе продолжали напирать, увѣренные, что въ нихъ стрѣляютъ холостыми зарядами. Я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые отчаянно лѣзли впередъ, закрывая глаза рукавомъ свитки, чтобы ихъ не выжгло порохомъ.

Эта жаркая схватка длилась только нѣсколько мгновеній, показавшихся мнѣ, однако, вѣчностью. Но вдругъ въ нападавшихъ произошло замѣшательство; сначала всѣ остановились, а потомъ повернули назадъ и бросились бѣжать въ безпорядкѣ.

О причинѣ этого счастливаго оборота дѣла доискались уже потомъ: намъ помогли наши рекрута. Въ разгарѣ битвы, совсѣмъ потерявшись, они забыли всѣ приказанія и начали стрѣлять сами, конечно, зря, безъ прицѣла. Ихъ-то шальныя пули стали попадать въ дальніе ряды нападавшихъ и заставили ихъ повернуть назадъ.

Затѣмъ толпой овладѣла настоящая паника. Улица, сплошь запруженная народомъ, въ нѣсколько мгновеній опустѣла. Спасались кто какъ могъ, и куда ни попало. Эти люди, сначала такіе смѣлые и рѣшительные, теперь до того оторопѣли и потерялись, что безъ сопротивленія сдавались даже рекрутамъ, которые, пріободрившись,

розыскивали спрятавшихся по разнымъ закоулкамъ и пригоняли, какъ барановъ.

Ударили отбой. На мѣстѣ схватки, почти во всю ширину улицы, валялись тѣла убитыхъ. Болѣе всего ихъ оказалось на углу, подлѣ ограды пѣвческаго дома. Тутъ они лежали кучей другъ на другѣ. И что это былъ за народъ! Здоровые, рослые, настоящіе гвардейцы! По всему было видно, что это не заурядные мужики, а отборные молодцы. Раны были у всѣхъ страшныя,—и не мудрено: выстрѣлы дѣлались въ упоръ, большею частью въ грудь. Все мѣсто побоища было сплошь залито кровью, съ валявшимися кое-гдѣ человѣческими мозгами.

Убитыхъ оказалось двадцать человѣкъ, а число раненыхъ, по разсказамъ, превышало сотню. Послѣднее число было гадательное, такъ какъ значительное число раненыхъ въ дальнихъ рядахъ рекрутскими пулями наизлетѣ успѣли убраться по домамъ; осталось же на мѣстѣ не много. Въ ротѣ было человѣкъ десять порядочно ушибленныхъ, и одинъ убитый унтеръ-офицеръ. У него былъ снесенъ черепъ ударомъ топора, какъ разсказывали его товарищи, кажется, послѣ найденъ былъ и топоръ. Но я въ справедливости этого сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, что убитый былъ скорѣе жертвой нечаяннаго выстрѣла какого нибудь стоявшаго сзади рекрутика. По крайней мѣрѣ, я хорошо помню, что видѣлъ, какъ послѣ одного, раздавшагося не вдалекѣ отъ меня, выстрѣла взлетѣла вверхъ солдатская фуражка. О моей догадкѣ я никому не сказалъ, — да и къ чему? Все равно, мертваго ужъ не воскресишь; при томъ, можетъ быть, я еще и ошибался.

Между тѣмъ, дѣло еще нельзя было считать совсѣмъ оконченнымъ: основываясь на свѣдѣніяхъ земской полиціи, можно было ожидать новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсѣянной нами толпѣ, могло быть до двухъ тысячъ, не болѣе; но куда же дѣвались остальные?

Приходилось ожидать, не сходя съ мѣста.

Ружья составили въ козлы, и солдаты усѣлись отдыхать поодаль. Имъ принесли хлѣба, и они принялись закусывать, разговаривая между собой о происшедшемъ побоищѣ. Я сѣлъ впереди ружей на барабанѣ и началъ разсматривать убитыхъ. Картина была не только непріятная, но, можно сказать, отталкивающая,—и при всемъ томъ, она противъ моей воли приковывала мое вниманіе. Видъ такого количества мертвыхъ производитъ на непривычнаго человѣка подавляющее впечатлѣніе! Я никогда не бывалъ въ сраженіяхъ, и это не совсѣмъ обыкновенное побоище было, къ счастію, единственное въ моей жизни. Поэтому я испытывалъ совсѣмъ новыя для меня ощущенія. Въ моментъ, когда опасность грозила намъ и отъ чужихъ, и отъ своихъ, я чувствовалъ себя какъ-то странно-равнодушно, а теперь мною овладѣло какое-то болѣзненно-тоскливое со-

стояніе. Я сидѣлъ неподвижно, пристально устремивъ глаза на убитыхъ.

Вдругъ, откуда ни возьмись, появилось цѣлое стадо свиней. Онѣ бѣжали, руководимыя чутьемъ: ихъ привлекалъ запахъ крови. Онѣ съ жадностью набросились на эти кровавые останки, громко чавкая отъ удовольствія. Пока я успѣлъ кликнуть солдатъ, чтобы прогнать стадо, все мѣсто было уже гладко подчищено, и остались только одни неубранные трупы.

Я не могъ дольше выдержать и ушелъ.

Часа черезъ два пріѣхали нѣсколько неуклюжихъ фуръ, запряженныхъ волами; на нихъ навалили тѣла убитыхъ и повезли зарывать въ поле, въ то мѣсто, гдѣ хоронили самоубійцъ. Какъ бунтовщики, они были лишены христіанскаго погребенія.

Между тѣмъ, дали знать, что идетъ одна изъ нашихъ ротъ. Мы съ радостью встрѣтили товарищей: при видѣ своихъ на душѣ стало какъ-то легче и веселѣе. Къ вечеру весь баталіонъ былъ уже въ сборѣ и расположился бивуакомъ на площади.

Солдатъ накормили вволю, а къ намъ пріѣхалъ главноуправляющій имѣніемъ и отъ имени князя просилъ гг. офицеровъ къ себѣ кушать. Это былъ видный изъ себя, пожилой курляндецъ, хорошо говорившій порусски, настоящій типъ представительнаго управляющаго знатнаго русскаго барина; фамилія его была Биронъ. Онъ самъ былъ достаточный помѣщикъ своего края, но это не мѣшало ему служить у князя и получать, какъ гововили, очень большое содержаніе. Во все наше пребываніе въ Корсуни мы обѣдали у него ежедневно, а по воскресеньямъ въ замкѣ у самого владѣльца.

Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ былъ настоящій русскій баринъ самаго симпатичнаго типа. Привѣтливый и радушный, онъ производилъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Относительно его широкаго гостепріимства было извѣстно, что когда онъ командовалъ кавалерійской дивизіей, стоявшей въ Твери, всѣ офицеры являлись въ обширный, занимаемый имъ домъ, какъ въ свой собственный, и пользовались гостепріимствомъ хозяина, сколько кто хотѣлъ. Теперь князь жилъ постоянно въ Корсуни. Хотя ихъ было съ княгиней только двое, но при имѣніи и домѣ содержался многочисленный штатъ служащихъ. Уединенная жизнь ихъ только изрѣдка нарушалась пріѣздомъ изъ Петербурга знакомыхъ или родныхъ; съ сосѣдями они, кажется, знакомства не водили. Оба были уже люди пожилые; дѣтей у нихъ не было. Я слышалъ слѣдующій разсказъ о романтической любви князя. Въ молодости онъ былъ страстно влюбленъ въ теперешнюю свою жену, которая, хотя отвѣчала ему такою же взаимностью, но по волѣ своихъ родныхъ должна была выйти замужъ за графа А... Тогда князь далъ слово ни на комъ не жениться, исключая предмета своей страсти, — и сдержалъ его. Ему пришлось ждать очень долго, но все-таки онъ дождался, пока

графиня овдовѣла, и тогда женился. Нужно согласиться, что это рѣдкое постоянство, тѣмъ болѣе, что у князя недостатка въ невѣстахъ не было: онъ былъ знатенъ, богатъ и красивъ. О послѣднемъ можно было судить по великолѣпному его портрету роботы Брюллова, висѣвшему въ его кабинетѣ.

Князь угощалъ насъ изысканными обѣдами, сервируемыми прислугой въ ливрейныхъ фракахъ, при богатой обстановкѣ. Онъ былъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа и разсказывалъ намъ много анекдотовъ изъ времени императора Павла Петровича, который его очень любилъ и баловалъ еще мальчикомъ. Впослѣдствіи я очень жалѣлъ, что мнѣ не пришло тогда въ голову записать эти разсказы, которыхъ теперь уже не могу припомнить ясно.

Княжескій замокъ былъ построенъ еще графомъ Потоцкимъ и заключалъ въ себѣ, какъ намъ говорили, до трехсотъ комнатъ. Вѣроятно, онъ былъ достаточно населенъ, хотя во время нашего пребыванія въ Корсуни мы рѣдко кого встрѣчали. Сама княгиня никогда не показывалась; прекрасный садъ съ террасами, уставленными великолѣпными пальмами и другими тропическими растеніями, былъ почти всегда пустъ. Говорили, что это происходило по случаю смутнаго времени, обыкновенно же по праздникамъ въ саду игралъ большой оркестръ музыки, и господствовало большое оживленіе.

Но возвратимся къ событіямъ.

III.

Корсунское дѣло имѣло болѣе рѣшительное вліяніе на послѣдующій ходъ этихъ событій, чѣмъ можно было предполагать сначала. Оно, прежде всего, отбило у крестьянъ охоту мѣряться силой съ войсками и убѣдило ихъ, что это не переодѣтые арестанты. Съ этого времени они ограничились только пассивнымъ сопротивленіемъ. Нападеніе на насъ, можетъ быть, было первою пробой. Мы имѣли дѣло съ партіей, резервъ которой, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, ожидалъ около Казачьей могилы, отъ которой до селенія Таганчи былъ устроенъ оригинальный живой телеграфъ изъ людей, разставленныхъ по-одиночкѣ, на такомъ разстояніи, чтобы можно было слышать слова передаваемаго извѣстія. Лишь только передовой отрядъ былъ разсѣянъ, и его резервъ разбѣжался, извѣстіе о пораженіи быстро достигло Таганчи и заставило всѣхъ благоразумно разбрестись по домамъ.

Мы узнали эти подробности, только спустя 2—3 дня и, такъ какъ ходили все-таки слухи о вновь готовившихся нападеніяхъ, держали баталіонъ на бивуакахъ и ночью разставляли вокругъ селенія пикеты. Такими предосторожностями мы были обязаны, вѣроятно, слишкомъ живому воображенію земской полиціи.

На третій день похоронили убитаго унтеръ-офицера. Погребеніе было торжественное: гробъ сопровождали хоругви и образа. Мнѣ въ первый разъ случилось видѣть такой обрядъ—онъ очень эффектенъ. Весь баталіонъ стоялъ въ строю на молитву и затѣмъ отдалъ воинскую почесть погибшему товарищу. Эта церемонія произвела большое впечатлѣніе на мѣстное населеніе, и разсказы о ней распространились далеко по окрестнымъ деревнямъ.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ тамошнемъ богослуженіи существовали нѣкоторыя обрядности, очевидно заимствованныя у католиковъ и казавшіяся нѣсколько странными для православнаго. Въ особенности дѣйствовалъ на непривычное ухо частый звонъ колокольчика.

Черезъ нѣсколько дней къ намъ присоединился дивизіонъ кавалеріи, состоявшій изъ одного эскадрона уланскаго полка и одного эскадрона гусарскаго графа Палена полка. Дивизіономъ командовалъ маіоръ Енько, эскадронами ротмистры Судейкинъ и Эртель. На смѣну заболѣвшаго Аѳанасьева пріѣхалъ полковникъ Макаровъ, а начальникомъ всего отряда былъ назначенъ саперный генералъ-маіоръ Бехлій. Нашъ добрѣйшій Аѳанасьевъ такъ заболѣлъ послѣ побоища, что принужденъ былъ уѣхать въ Кіевъ, гдѣ, какъ было слышно потомъ, сошелъ съ ума.

Съ этого времени я, по должности отряднаго адъютанта, въ экспедиціяхъ не участвовалъ. По мѣрѣ надобности, войска командировались частями въ различныя мѣстности. Лихой полковникъ Макаровъ обыкновенно самъ завѣдывалъ этими экспедиціями и совершалъ частыя экскурсіи. Онъ нигдѣ уже не встрѣчалъ открытаго сопротивленія и постепенно приводилъ крестьянъ къ повиновенію и раскаянію, если не искреннему, то, по крайней мѣрѣ, наружному, потому что этотъ народъ былъ необыкновенно упрямъ и упоренъ, и разубѣдить его, въ чемъ онъ увѣренъ, было очень трудно.

Упорнѣе всѣхъ оказывался женскій полъ: на него не дѣйствовали ни угрозы, ни убѣжденія. Самъ бравый полковникъ Макаровъ сознавался, что съ бабами ничего не подѣлаешь.

Вообще, сколько я припомню, этотъ народъ во многомъ отличался отъ крестьянъ великорусскихъ губерній: онъ, безспорно, былъ нравственнѣе, честнѣе и благоразумнѣе ихъ во всѣхъ случаяхъ, когда только дѣло не касалось завѣтной ихъ мечты о волѣ. Но какъ только вопросъ становился на эту почву,—они дѣлались наивнѣе глупыхъ ребятъ, и ихъ упорству не было границъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ начались безпорядки, въ Кіевѣ перебывало не мало, такъ называемыхъ, крестьянскихъ ходоковъ, чтобы изъ устъ самого генералъ-губернатора узнать истинную правду о волѣ. Ихъ возвращенія ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Но когда посланцы приносили извѣстія, не соотвѣтствовавшія ихъ ожиданіямъ, ихъ заподозрѣвали въ подкупѣ и не вѣрили имъ. Бывали,

конечно, и такіе ходоки, которые умышленно обманывали народъ и, разумѣется, своими ложными извѣстіями сильно вредили водворенію порядка. Я приведу здѣсь одинъ комическій анекдотъ, который въ той мѣстности разсказывали.

Изъ одного селенія были посланы два ходока, отличавшіеся особеннымъ упорствомъ. Генералъ-губернаторъ долго толковалъ съ ними, но видя, что его слова не дѣйствуютъ, послалъ ихъ къ митрополиту, въ надеждѣ, что тотъ наконецъ убѣдитъ ихъ. Но и митрополитъ не могъ ничего подѣлать. Тогда генералъ-губернаторъ, разсердившись, приказалъ наказать ихъ розгами и выпроводить восвояси.

Когда ходоки вернулись домой, вся громада собралась на площади. Начались разспросы:

— Ну, что, видѣли губернатора?

— Видѣли.

— Слышали царскую волю?

— Слышали.

— Грамоту получили?

— Получили.

— Гдѣ жъ она?

— А вотъ, сейчасъ покажемъ.

Посланники, не торопясь, сняли свои свитки, раздѣлись и, поднявъ рубахи, произнесли:

— А вотъ и грамота! Смотрите хорошенько! Теперь видѣли?

Озадаченная громада безмолвно созерцала исполосованные зады своихъ уполномоченныхъ. На этотъ разъ ихъ никоимъ образомъ нельзя было заподозрѣть въ подкупѣ пановъ. Разсказывали, что это селеніе ранѣе другихъ принялось за свои работы.

Изъ Корсуни мы перешли въ Таганчу, владѣлецъ которой, г. Понятовскій, былъ губернскимъ предводителемъ дворянства и, конечно, въ это время отсутствовалъ. Однако и здѣсь всѣ офицеры отряда пользовались гостепріимствомъ владѣльца. Таганча, еще такъ недавно кипѣвшая многолюднымъ сборищемъ, теперь была совсѣмъ пуста, и ея большая суконная фабрика не работала.

Здѣсь насъ посѣтилъ командированный изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантъ Яфимовичъ и, освѣдомившись о положеніи дѣлъ, сейчасъ же уѣхалъ обратно, а вскорѣ, почти вслѣдъ за нимъ, прибылъ генералъ-губернаторъ.

Приказано было созвать выборныхъ изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, съ которыми онъ хотѣмъ говорить лично. Но вмѣсто выборныхъ явились чуть ли не всѣ поголовно, и народу собралось очень много. Толпы за толпами прибывали они, конвоируемые небольшими воинскими командами, отряжаемыми для соблюденія порядка, а еще болѣе для предотвращенія могущихъ случиться безпорядковъ. И дѣйствительно одинъ такой случай былъ. Нѣсколькихъ буяновъ

пришлось успокоить прикладами и связать. По докладу объ этомъ генералъ-губернатору, онъ тутъ же приговорилъ трехъ или четырехъ человѣкъ въ каторжную работу на четыре года.

Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ въ сущности былъ человѣкъ не жестокій, но крайнее упорство этого народа его раздражило. Какъ и слѣдовало ожидать, его слова не произвели ожидаемаго дѣйствія, такъ какъ никто изъ увѣщеваемыхъ не вѣрилъ, что съ ними говорилъ настоящій генералъ-губернаторъ; всѣ они были убѣждены, что это подставное лицо. Терпѣніе князя наконецъ лопнуло, и онъ уѣхалъ, приказавъ убѣдить упрямцевъ болѣе дѣйствительными и удобопонятными для нихъ средствами.

И вотъ на большой Таганчи́нской площади надъ непокорными была произведена грандіозная экзекуція. Кто соглашался повиноваться, того отпускали, а упорствовавшихъ сѣкли жестоко.

Я много разъ замѣчалъ, что наши солдаты (я говорю о тогдашнемъ времени) всегда питали къ мужикамъ какое-то особенное недружелюбіе, которое при всякомъ удобномъ случаѣ выказывали на дѣлѣ. Такъ и здѣсь: при экзекуціи они отличались особеннымъ усердіемъ. Слышались, напримѣръ, такіе возгласы:

— А, такъ ты бунтовать?.. Прибавь, прибавь ему, Сидоровъ!.. Что, братъ, будешь панщину робить?

— Ни! — часто получался отвѣтъ послѣ сотни розогъ.

Что подѣлаешь съ такимъ народомъ?..

Однако, въ общемъ таганчинская расправа произвела свое дѣйствіе. Тутъ крестьяне имѣли случай воочію убѣдиться, что съ ними не шутятъ, а экскурсіи полковника Макарова, продолжавшіяся еще нѣкоторое время, вѣроятно, съ примѣненіемъ такихъ же внушительныхъ мѣръ, вскорѣ мало-по-малу возстановили повсюду нарушенный порядокъ.

Мы на короткое время вернулись въ Корсунь, гдѣ гражданскія власти заканчивали свои дѣла. Результаты ихъ дѣятельности насъ не касались и остались для насъ неизвѣстны. По поводу этого я припоминаю только одинъ характерный случай. Какъ-то разъ, передъ нашимъ выступленіемъ, я зашелъ къ Лопатину и засталъ его въ сердитомъ настроеніи.

— Каковы же подлецы! — крукнулъ онъ мнѣ: — знаешь ли, зачѣмъ меня приглашали въ комиссію? Мнѣ задали вопросный пунктъ: кто сдѣлалъ распоряженіе открыть пальбу? Ты, я думаю, самъ помнишь, кто отчаянно кричалъ: стрѣляйте! стрѣляйте!.. А теперь, видишь ли, другой тонъ: кто приказалъ стрѣлять?.. Ну, задалъ же я имъ, будутъ мои слова помнить!.. Да что толковать? Какъ есть, настоящіе подлецы!..

На этомъ дѣло и кончилось. Мы возвратились прямо въ Кіевъ, и служба наша пошла обычнымъ порядкомъ.

Въ непродолжительномъ времени капитану Лопатину была объ-

явлена высочайшая благодарность за отличное выполненіе особен
возложеннаго на него порученія, а у меня, въ воспоминаніе ко
сунскихъ происшествій, до сихъ поръ сохраняется дамасскій кл
нокъ, подаренный княземъ Лопухинымъ поручику Ермолову, в
замѣну потерянной имъ во время побоища полусабли.

Наша командировка кончилась для насъ довольно удачно и ограничилась сравнительно небольшимъ числомъ жертвъ, безъ ко-торыхъ, къ несчастію, рѣдко обходятся дѣла такого рода. Но были случаи гораздо серьезнѣе. Такъ, разсказывали, что въ извѣстномъ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, имѣніи графовъ Браницкихъ, цѣлый баталіонъ саперъ принужденъ былъ выстроиться въ карре и отражать нападавшихъ, которые шли въ атаку съ колокольнымъ звономъ.

Результаты этого дѣла намъ были неизвѣстны.

Между многими тогда господствовало мнѣніе, что безпорядки могли бы быть прекращены гораздо легче, если бы были своевременно приняты энергическія мѣры. Приписывали вину слабости генералъ-губернатора и бездѣятельности земской полиціи, допустившихъ развиться волненію до такихъ размѣровъ, когда уже потребовалось вмѣшательство вооруженной силы. Конечно, намъ трудно было судить, кто и на сколько тутъ виноватъ, но мнѣніе это отчасти подтверждалось примѣромъ.

Въ Кіевскомъ уѣздѣ броженіе началось ранѣе другихъ мѣстностей, - но тамъ былъ исправникомъ какой-то полковникъ Волковъ, личность, нѣкоторымъ образомъ, легендарная, бывшій когда-то сослуживцемъ князя Васильчикова, разжалованный потомъ въ солдаты и опять дослужившійся до чина полковника. Можетъ быть, благодаря своимъ особеннымъ отношеніямъ къ князю, онъ могъ дѣйствовать болѣе рѣшительно, чѣмъ другіе, но только дѣло въ томъ, что, провѣдавъ о начавшихся по деревнямъ сходкахъ, онъ съ одними своими сотскими объѣхалъ весь уѣздъ, перехваталъ зачинщиковъ, жестоко передралъ ихъ тутъ же, на глазахъ всего народа, и водворилъ спокойствіе, которое потомъ уже не нарушалось. Это отчасти напоминаетъ нашу экзекуцію въ Таганчѣ; только полковникъ Волковъ произвелъ ее своими средствами и на свой страхъ. Конечно, подобныя ему личности составляютъ исключеніе: его отчаянная храбрость магически дѣйствовала на крестьянъ, не осмѣлившихся оказать ему сопротивленія, но фактъ достовѣренъ. Можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, что впослѣдствіи они сами съ благодарностью вспоминали, что онъ избавилъ ихъ отъ еще горшихъ бѣдъ!

Въ концѣ концовъ, кіевскимъ, какъ и другимъ крестьянамъ, ужъ недолго оставалось ждать завѣтной царской воли. Насталъ желанный часъ, и они навѣки освободились отъ панской зависимости. Но освободились ли они вмѣстѣ съ тѣмъ отъ эксплоатаціи, польщизны, по крайней мѣрѣ, ихъ поколѣніе,—это еще вопросъ.

А. М.

ОТЪ УГЛИЧА ДО РЫБИНСКА[1].

VIII.

Отъ Углича до Мышкина.

Только вотъ что, душенька Татьяна Даниловна! У васъ въ городѣ тоска страшная.
(А. Н. Островскій: Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ).

ПРОСТИВШИСЬ съ Угличемъ и заѣхавъ за вещами, мы спустились къ пароходной пристани, гдѣ ожидался пароходъ «Тверь», принадлежащій обществу Волжско-Тверского пароходства. На пристани было всего нѣсколько мужичковъ, которые, сидя въ рядъ на скамейкѣ, тупо смотрѣли на воду и время отъ времени апатично перекидывались вполголоса кое-какими замѣчаніями; жара, стоявшая весь день, видимо разморила ихъ.

Пароходъ почему-то опоздалъ, и мы, отъ нечего дѣлать, разговорились съ приказчикомъ, завѣдующимъ на пристани пріемкою грузовъ и продажею билетовъ. Онъ разсказалъ намъ, что эксплоатацію Волжско-Тверского общества составляетъ главнымъ образомъ цѣпная туерная тяга, пассажирскіе же пароходы заведены имъ въ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 574.

сравнительно недавнее время. Правленіе общества помѣщается въ Твери, а доки и механическая мастерская въ селѣ Новомъ, между Тверью и Корчевою. Дѣла общества, по его словамъ, идутъ недурно.

Вдали показался дымокъ; мужички оживились и стали приглядываться. Вскорѣ на фонѣ водной глади обозначился силуэтъ парохода, послышался продолжительный свистокъ, и черезъ нѣсколько минутъ «Тверь», сдѣлавъ обычный поворотъ, медленно подошла, противъ теченія, къ пристани.

По конструкціи и удобствамъ пароходы Волжско-Тверского общества, на нашъ взглядъ, ничѣмъ не уступаютъ самолетскимъ, они даже нѣсколько шире и помѣстительнѣе, но публика, повидимому, еще не успѣла привыкнуть къ нимъ, и пассажировъ на «Твери» было очень немного. Зато здѣсь, въ отношеніяхъ между командою и пассажирами, царила крайняя, почти товарищеская простота. Пассажиры, большею частію изъ простого народа, расположились на палубѣ, какъ у себя дома: кто распивалъ чаекъ, кто занимался починкою своего костюма, кто болталъ съ командою, а одинъ приказчикъ, взобравшись на верхнюю штурвальную площадку, растянулся тамъ во весь свой богатырскій ростъ и сладко спалъ, припекаемый горячими лучами солнышка. Но вотъ нашло облачко, и сталъ накрапывать дождь. Одинъ изъ матросовъ тотчасъ же разбудилъ спящаго, опасаясь, чтобы его соннаго не промочило.

Облачко скоро расплылось въ небесной синевѣ, и яркіе лучи солнца снова озарили окрестность.

Пароходъ тронулся.

Вскорѣ мы миновали подгороднее село Золоторучье, красиво расположенное на правомъ берегу Волги, въ одной верстѣ отъ Углича. Названіе села произошло, будто бы, оттого, что въ ручьѣ, на которомъ оно построено, въ древнія времена находились розсыпи золотого песку. Впрочемъ, это было такъ давно, что многіе жители успѣли не только окончательно потерять вѣру съ существованіе песка, но и придумать совершенно другое объясненіе названія своего села. Есть преданіе, что императрица Екатерина II во время посѣщенія Углича нарочно останавливалась въ Золоторучьи и отсюда, съ высокаго берега, любовалась общимъ видомъ лежавшаго впереди города. Скептики, отрицающіе золотоносныя способности своего ручья, воспользовались этимъ преданіемъ и дополнили его прибавкою, что государыня въ это время изволила уронить въ ручей свое золотое колечко, которое будто бы и сообщило ручью его нынѣшнее названіе. Каменная церковь св. пророка Иліи и Николая чудотворца, построенная въ 1753 году, находится на самомъ берегу и значительно скрашиваетъ общую картину села, но, по словамъ г. Соловьева, высокій берегъ, на которомъ она находится, уже сильно подмытъ разливами Волги, и церкви угрожаетъ опасность скатиться вмѣстѣ съ частью берегового откоса въ рѣку.

Далѣе потянулись деревни и села, то на лѣвомъ, то на правомъ ерегу, то почти у самой воды, то высоко поднявшись надъ нею. иніія береговъ верхняго плеса очень капризна и безпрестанно мѣнется, опускаясь на правомъ, поднимаясь на лѣвомъ, и наоборотъ; вообще можно замѣтить, что за Угличемъ лѣвый берегъ, состоящій изъ красныхъ песчаныхъ обрывовъ, большею частію господтвуетъ надъ правымъ.

Пароходъ нашъ подвигался не очень быстро: причиною тому ыла отчасти старая машина, которую вскорѣ должны замѣнить овою, болѣе соотвѣтствующею размѣрамъ судна, но главнымъ обраомъ задерживало ходъ мелководье Волги, по которой приходилось дти съ большою осторожностью. Бѣлый шестъ наметки то и дѣло елькалъ на носу.

На лѣвомъ берегу забѣлѣла церковь села Кабана, извѣстнаго воею мелью.

— Тише!—скомандовалъ капитанъ въ машину.

— Тише!—точно эхо раздалось оттуда.

— Самый тихій!—крикнулъ онъ черезъ минуту.

— Самый тихій!—повторилъ съ низу голосъ.

Это повтореніе команды заведено для того, чтобы капитанъ могъ іровѣрить, насколько ясно разслышали въ машинѣ его приказаніе.

Пароходъ поползъ черепашьимъ шагомъ, наметка работала во сю. На верхней палубѣ всѣ притихли, и въ тишинѣ только раздаался съ носа голосъ промѣрявшаго фарватеръ матроса:

— Пять! пять! чатыри! чатыри! три съ половиной! чатыри! три! ри!..

Благодаря предосторожностямъ, мель была пройдена благополучно.

Впрочемъ, для пароходовъ Волжско-Тверского общества сѣсть на іель не такъ опасно и убыточно, какъ для другихъ: у нихъ есть всегда подъ рукою сильные и безвозмездные помощники. Это туера, которые, другъ за другомъ, тянутъ въ верхъ караванъ судовъ. Такъ какъ они всѣ принадлежатъ обществу, то и обязаны, въ случаѣ несчастія, оставивъ караванъ, спѣшить къ своему пароходу и перетащить его черезъ мель. Если пароходъ или судно пробудетъ на мели безъ движенія полчаса или часъ, то его уже начнетъ заносить пескомъ, но сила туера такова, что онъ въ состояніи протащить судно даже по голому песку если оно сидитъ въ немъ на вершокъ, на два, глубины, чего простой буксирный пароходъ сдѣлать не въ состояніи.

Черезъ нѣсколько верстъ на правомъ берегу, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ воды, показались двѣ церкви и отдѣльно стоящая колокольня съ проѣздными воротами и сторожкою. Сзади, вдоль берега, тянулся рядъ домиковъ.

— Что это за сельцо?—обратились мы къ лоцману.

— А это Учма, Касьянъ преподобный,—отвѣчалъ онъ:—мона-

стырь тутъ прежде былъ, теперь упраздненъ, и остались вотъ дв церкви да колокольня. А въ одной церкви и мощи; только подъ спудомъ.

— Чьи мощи?

— А Касьяна-то преподобнаго.

Онъ снялъ фуражку и сталъ креститься; пассажиры, стоя у праваго борта, давно уже молились на церкви.

Преподобный Кассіанъ Учемскій, котораго окрестные жители считаютъ своимъ мѣстнымъ угличскимъ угодникомъ, родился далеко за предѣлами Россіи и прибылъ на этотъ пустынный волжскій берегъ изъ древняго Рима, съ береговъ классическаго Тибра. Воспоминаніе о немъ переноситъ насъ во вторую половину XV столѣтія, ко времени бракосочетанія Іоанна III съ племянницею греческаго императора, Софіею Палеологъ. Когда, въ 1472 году, она была торжественно отпущена папою Сикстомъ изъ Рима въ Москву, въ числѣ лицъ ея свиты находился князь Макнувскій, или Мангупскій, Константинъ, который и поселился при московскомъ дворѣ. Здѣсь онъ сблизился съ княземъ Исаакомъ Михайловичемъ Оболенскимъ, и дружба ихъ была настолько крѣпка, что когда Оболенскій, принявъ подъ именемъ Іосифа монашество, былъ хиротонисанъ въ 1481 году въ архіепископа ростовскаго, ярославскаго и бѣлозерскаго, то Константинъ переселился съ нимъ въ Ростовъ и прожилъ тамъ около восьми лѣтъ. Въ 1489 году, Іосифъ навлекъ на себя опалу государя и удалился на покой въ Ѳерапонтову пустынь, находящуюся неподалеку отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Константинъ послѣдовалъ за нимъ и въ эту глухую обитель, гдѣ принялъ монашество съ именемъ Кассіана. Впрочемъ, здѣсь онъ пробылъ недолго. Еще во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ близко сошелся и даже покумился съ угличскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ, у котораго воспринималъ отъ купели обоихъ сыновей: Димитрія и Іоанна, причемъ таинство св. крещенія совершалъ надъ ними св. Паисій, основатель угличскаго Покровскаго монастыря. Неизвѣстно, по какой причинѣ Кассіанъ оставилъ обитель Ѳерапонтову,—быть можетъ, его звали къ себѣ Угличскій князь и игуменъ,—но только, нѣсколько времени спустя, мы уже встрѣчаемъ его на этомъ низменномъ правомъ берегу Волги, на которомъ онъ, близъ устья рѣки Учмы, строитъ небольшую деревянную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Волга вначалѣ не совсѣмъ дружелюбно отнеслась къ гостю и весеннимъ разливомъ сильно повредила его постройку. Но князь Андрей Васильевичъ охотно снабдилъ его средствами для построенія другого храма, во имя Іоанна Предтечи, и братскихъ келлій для начавшихъ стекаться къ преподобному иноковъ. Такимъ образомъ былъ основанъ Успенскій Учемскій монастырь, считавшійся далеко не послѣднимъ въ ряду подгородныхъ угличскихъ обителей.

Преподобный скончался 4 октября 1504 года, но основанная имъ монашеская община продолжала процвѣтать до самого польскаго погрома. Когда, разоривъ городъ, поляки подступили къ монастырю, въ немъ затворились: игуменъ Ѳеодосій, сорокъ иноковъ и до двухъ сотъ мірянъ. Осада продолжалась недолго, и непріятели, ворвавшись въ ограду, принялись за грабежъ. Но въ церквахъ они нашли мало цѣнныхъ вещей и приступили къ Ѳеодосію съ требованіемъ указать, гдѣ спрятана монастырская казна и сокровища. Его били, мучили, жгли огнемъ, но игуменъ умеръ, не давъ никакого отвѣта. Поляки перебили монаховъ, разогнали мірянъ и ушли безъ добычи. По поводу этого неудачнаго грабежа сложилась легенда, занесенная въ мѣстную Супоньевскую лѣтопись, что, когда поляки бросились къ соборной церкви и хотѣли ломать двери, то внезапно были поражены слѣпотою, а нѣкоторымъ изъ нихъ явился св. Кассіанъ, обходившій монастырь въ бѣлыхъ ризахъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Въ 1764 году, обитель упразднена, и храмъ ея обращенъ въ приходскую церковь. Этотъ каменный храмъ, во имя Успенія, былъ построенъ въ 1711 году; другая же церковь Іоанна Предтечи, съ придѣломъ Кассіана грека, возникла только около 1828 года. Кромѣ мощей преподобнаго, здѣсь хранится и его власяная схима, древней грубой работы, украшенная крестами.

Пароходъ обогнулъ мысокъ, на которомъ нѣкогда возвышались стѣны обители, и вскорѣ Учма скрылась изъ вида.

Далѣе мы миновали, на правомъ же берегу, село Угольники и лѣсопильный заводъ графа Шереметева. На лѣвомъ берегу, противъ Угольниковъ, окруженное лѣскомъ, раскинулось Поводнево. За однимъ изъ поворотовъ впереди развернулась картина большого селенія, издали напоминавшаго своимъ характеромъ Кимру; это былъ Мышкинъ.

На лѣвомъ берегу Волги бѣлѣли двѣ каменныхъ церкви, между ними тянулась линія домовъ; панораму заканчивало вдали внушительное, по сравненію съ другими постройками, зданіе острога, окруженное бѣлою стѣною. Увидавъ его, мы уже не сомнѣвались, что приближаемся къ городу. И дѣйствительно Мышкинъ— городъ, но изъ числа такихъ, которымъ, для признанія ихъ городами, требуются оправдательные документы, въ видѣ градской думы, казначейства и острога, безъ которыхъ ихъ легко можно принять за села, да и то не очень большія.

Упразднивъ множество древнихъ монастырей, Екатерина II почти въ то же время создала множество новыхъ, импровизированныхъ городовъ. Контроль и ревизія средствъ для существованія первыхъ были очень строги, но къ жизнеспособности и матеріальнымъ средствамъ послѣднихъ отнеслись съ большою снисходительностью, и вотъ экономическое, средней руки, село Мышкино въ одинъ прекрасный день превратилось въ уѣздный городъ.

Есть преданіе, что имя села произошло отъ нѣкоего каменщика Мышкина, который участвовалъ въ постройкѣ московскаго Успенскаго собора и затѣмъ, будто бы, поселился въ этой мѣстности. Село долгое время принадлежало Чудову монастырю въ Москвѣ, но при изданіи штатовъ, въ 1764 году, обращено въ экономическое, а въ 1777-мъ переименовано въ городъ, въ каковомъ званіи прозябаетъ до настоящаго времени.

Въ Мышкинѣ не наберется и трехъ тысячъ жителей. Зданія его, въ количествѣ 300 домовъ, оцѣнены въ 1891 году земствомъ, въ суммѣ 123,000 рублей. Изъ этихъ данныхъ можно уже представить себѣ, что это за городъ.

Чѣмъ ближе пароходъ подходилъ къ Мышкину, тѣмъ проще, бѣднѣе и прозаичнѣе становилась его панорама, которая издали все-таки производила нѣкоторое впечатлѣніе, будучи освѣщена косыми лучами спускавшагося къ западу солнца. На берегу стоялъ чей-то каменный домъ, тянулись деревянные амбары, изъ-за которыхъ виднѣлись до половины двѣ каменныя церкви, а бѣлѣвшій вправо острогъ оказался едва ли не лучшимъ зданіемъ въ городѣ.

Когда наша «Тверь» остановилась у пристани, съ соборной колокольни раздался первый ударъ въ колоколъ ко всенощной. Выходить на берегъ не было времени, да и не стоило; мы ограничились карандашными рисунками съ парохода.

IX.

Отъ Мышкина до Мологи.

«Костромичи въ кучу, а ярославцы врознь».
Пословица.

«Тверь» простояла въ Мышкинѣ недолго. Скоро начались обычные свистки, послышалась команда къ отходу, и пароходъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

На верхней площадкѣ прибавился новый пассажиръ—старичекъ, оказавшійся мѣстнымъ старожиломъ. Онъ ѣхалъ до с. Глѣбова, и мы проговорили съ нимъ всю дорогу.

Подъ городомъ мы миновали каменную гряду, носящую названіе Мышкинскихъ воротъ. Вообще надо замѣтить, что около Мышкина дно Волги очень каменисто и въ мелкую воду небезопасно для судоходства.

За Мышкинскими воротами пароходъ прошелъ мимо каменной церкви на правомъ берегу, которая давно уже яркимъ пятномъ бѣлѣла впереди. Справившись съ картою, мы узнали, что мѣстность, гдѣ стоитъ церковь, называется Круглицы, или Охотино.

— У насъ эту церковь Пастушковой зовутъ,—заговорилъ старичекъ:—пастушекъ тутъ въ давніе годы стадо пасъ, еще когда молодой былъ, а потомъ Богъ ему счастье послалъ: разбогатѣлъ онъ и вышелъ въ купцы; вотъ, въ благодарность, на этомъ мѣстѣ, гдѣ пасъ-то, и построилъ онъ церковь на свой счетъ.

Упраздненный Учемскій монастырь.

— Откуда же у пастуха деньги явились? Быть можетъ, кладъ нашелъ, или въ лоттереѣ выигралъ.

— Ни клада не нашелъ, ни въ лоттереѣ не выигралъ. Это теперь деньги-то легко даются,—усмѣхнулся онъ:—а въ тѣ поры своимъ горбомъ доставать ихъ приходилось по грошамъ. Это ужъ ему такъ отъ Бога было назначено; можетъ, Господу-то угодно было, чтобы на этомъ мѣстѣ церковь построилась,—вотъ оно такъ и сдѣлалось.

Противъ Пастушковой церкви на Волгѣ находится каменистый

перекатъ—Круглицкій, и пароходъ нашъ прошелъ подъ самымъ правымъ берегомъ, давъ возможность разсмотрѣть архитектуру церкви, которую нельзя отнести ранѣе, какъ къ первой половинѣ нашего столѣтія. На противоположномъ берегу, съ застывшими въ воздухѣ крыльями, стояла вѣтряная мельница; подлѣ нея ютилось нѣсколько домиковъ. Въ пейзажѣ ничего особенно утѣшительнаго не было, кромѣ развѣ присутствія мельницы, которая всегда указываетъ на то, что въ окрестности есть пища для ея жернововъ, а, слѣдовательно, и для населенія.

Не успѣли мы оставить позади Пастушкову церковь, какъ впереди уже снова забѣлѣлъ другой каменный храмъ.

— Это Кривѐцъ,—замѣтилъ старичекъ:—а подальше-то, на правомъ берегу, Еремѣйцево, тоже съ церковью, а напротивъ—Вздыхайлово, Рудина слободка, а тамъ опять на правомъ Городокъ будетъ.

Эти каменныя, бѣлыя церкви, безпрестанно появляющіяся то на правомъ, то на лѣвомъ берегу, хотя и имѣютъ внушительную наружноссть, но по архитектурѣ своей крайне однообразны и положеніемъ своимъ—каждый разъ въ центрѣ села,—дѣлаютъ и самыя села очень похожими одно на другое.

Въ разговорахъ со старичкомъ мы и не замѣтили, какъ проѣхали и Еремѣйцево, и Вздыхайлово, и Рудину слободку. За Городкомъ черезъ Волгу съ берега на берегъ протянулась какая-то темная полоса.

— Это мостъ,—объяснилъ нашъ соебсѣдникъ.—Тутъ Рыбинско-Бологовская чугунка проходитъ, а на лѣвомъ-то берегу, подлѣ Сменцова, и станція «Волга» находится. Отъ «Волги»-то по желѣзной до Рыбинска всего верстъ двадцать пять будетъ, а водою черезъ Мологу и всѣ шестьдесятъ.

— Да,— крюкъ порядочный!

— Ужъ вѣрно нашей Волгѣ-матушкѣ захотѣлось въ Мологѣ побывать,—засмѣялся онъ:—въ Рыбинскъ-то, молъ, и потомъ успѣю. Вотъ сами увидите: до Мологи вплоть дойдетъ, а тамъ изъ Мологи такъ угломъ и повернетъ къ Рыбинску.

Это разсужденіе напомнило намъ простодушнаго, французскаго аббата, который восхвалялъ благость Создателя къ людямъ, заставившую рѣки протекать непремѣнно мимо замѣчательныхъ городовъ и селеній.

— Прежде-то пароходная пристань въ Глѣбовѣ была,—продолжалъ старичекъ:— версты на двѣ пониже моста, а какъ мостъ построили и перевели ее на лѣвый берегъ къ станціи.

Онъ на минуту замолкъ и потомъ заговорилъ снова:

— Теперь все не то стало, все перемѣнилось, а прежде тутъ все помѣщики жили богатые, важные. Вотъ въ Сменцовѣ, напримѣръ, былъ баринъ Политковскій, знатный, въ большихъ чинахъ, въ Питерѣ какую-то важную должность правилъ; это еще въ Нико-

лаевскія времена было. Только конецъ-то ему худой вышелъ. Попался онъ въ какой-то, говорятъ, казенной кражѣ. Ну, сейчасъ судъ и слѣдствіе, разумѣется; а въ тѣ времена строго было. Видитъ онъ, дѣло плохо,—взялъ да и отравился. Такъ его приказано мертваго въ гробу разжаловать, и мундиръ, и ордена всѣ съ него снять; такъ и сдѣлали. А по правому-то берегу тоже богатѣйшій помѣщикъ былъ,—вотъ только фамилію-то, какъ на грѣхъ, запамятовалъ,—такъ у того, разсказываютъ, три сына было: Глѣбъ, Иванъ да Сергѣй, а по нимъ и села наши названы—Глѣбово да Ивановское, а въ Копринѣ, верстъ на десять ниже, въ церкви престолъ есть Сергія чудотворца; все ихнее было.

— Вѣроятно, Коприно старше Глѣбова и Ивановскаго, если въ тѣ времена уже имѣло свое имя?

— На это ничего вамъ сказать не могу. Въ Глѣбовѣ маленькая-то церковь ярославскихъ чудотворцевъ, пожалуй, постарше будетъ Копринской; ей, по моему счету, лѣтъ около двухсотъ наберется.

— Которое же село у васъ главнѣе считается?

— Глѣбово. Это, можно сказать, центръ нашего народнаго просвѣщенія для всей окрестности. Теперь тамъ,—вотъ сами удивите, на берегу,—большое двухкласное училище на 120 человѣкъ устроено. Ужъ больше двадцати лѣтъ оно существуетъ; начали-то на 60, а теперь на 120 расширили. Но и въ прежнія-то времена вся наша грамота изъ Глѣбова шла, и я тамъ же учился.

— У кого же?

— А у понамаря. Въ прежніе-то годы тамъ цѣлыхъ три учителя при церкви было: дьяконъ, дьячекъ и понамарь,—всѣ учили. У каждаго человѣкъ по пятнадцати, по двадцати учениковъ было, да еще, кромѣ того, женщины грамотныя въ селѣ тоже ученьемъ занимались. Однимъ словомъ центръ былъ, въ родѣ какъ бы на подобіе университета. Изо всѣхъ селъ сюда ребята сходились, и изъ Коприна, и изъ Сменцова, и изъ Городка,—изо всей округи. Дальніе-то у глѣбовскихъ крестьянъ во время ученья и жили.

— Почемъ же платилось за ученье?

— А за ученье платилось вотъ какъ: ребятъ тогда отдавали не погодно, а на выучку. Хоть годъ, хоть два, хоть три учи,—это твое дѣло,—а за выучку плата, если кому только грамотѣ—два рубля, а если читать и писать—пять рублей.

— Откуда же въ вашей мѣстности явилась такая охота къ ученью?

— Помилуйте, да намъ безъ грамоты никакъ нельзя,—это для насъ дѣло, такъ сказать, первой необходимости. Вѣдь здѣсь дома-то почти никто не остается, всѣ въ отъѣзжіе промыслы разъѣзжаются, кто по лавкамъ въ мальчики, въ приказчики, кто по гостиницамъ, по трактирамъ въ номерные, въ половые, въ буфетчики, такъ какъ

же тутъ безъ грамоты-то, сами посудите. Одни только копряки издавна никуда не ходили, тѣ больше коневодствомъ занимались по Волгѣ, по Шекснѣ, по Мологѣ. По лѣвому берегу въ Сменцовѣ, Скрябинѣ, Парнековѣ тоже свое занятіе было. Тамъ въ прежнія времена суда строили плоскодонныя, подъ названіемъ сменцовки, а глѣбовцы изстари дома жить не любятъ; у нихъ и покосъ и жнитво все въ столицахъ, зато лѣтомъ, какъ понаѣдутъ изъ Питера, такъ и не узнать, что крестьяне—въ пиджакахъ, въ котелкахъ, при часахъ, на жилеткѣ цѣпочка болтается: настоящіе господа, да и только! Восьмого сентября въ Глѣбовѣ престольный праздникъ и большая ярмарка бываетъ. Наѣдутъ торговцы изъ Рыбинска, изъ Мологи, изъ Мышкина, краснаго товару навезутъ видимо-невидимо, и тутъ ужъ изо всѣхъ деревень народъ въ Глѣбово сходится, несутъ холсты, новину, кожу,—и на это опять свои покупатели пріѣзжаютъ; ихъ здѣсь угличанами зовутъ. Наѣдутъ въ большихъ повозкахъ и все дочиста скупятъ. Да вѣдь какъ скупаютъ-то!—чуть баба зазѣвалась, сунетъ ей сколько нибудь денегъ, а холстъ въ мѣшокъ, да бѣжать; послѣ и разговаривать съ ней не станетъ: бываетъ грѣха!

— А духовенство какъ у васъ?

— Гдѣ какъ, а только мы на свое духовенство пожаловаться не можемъ,—люди все хорошіе. Вотъ въ Глѣбовѣ былъ отецъ Николай, Соловьевъ по фамиліи; прекрасный былъ человѣкъ и во всей округѣ большимъ уваженіемъ пользовался, многіе ордена и Владиміра имѣлъ. Бывало, что отецъ Николай скажетъ, или посовѣтуетъ, то ужъ и свято. Да вотъ,—недалеко ходить,—рядомъ-то села Ивановское да Сменцово,—не заблаговѣстятъ, бывало, къ службѣ раньше, чѣмъ въ Глѣбовѣ. И во всемъ такъ было. А то еще разскажу вамъ,—продолжалъ онъ съ усмѣшкой:—былъ въ старину тоже въ Глѣбовѣ отецъ Кузьма; того-то я ужъ не засталъ, а люди сказывали, что примѣчательный человѣкъ былъ: съ нимъ въявѣ чудеса творились. Полюбилъ его, сказываютъ, глѣбовскій лѣшій, и какъ бывало отецъ Кузьма въ лѣсъ пойдетъ, непремѣнно съ нимъ какую нибудь штуку сыграетъ. И все это безобидно. Выкинетъ штуку, пошутитъ, захохочетъ и въ лѣсъ уйдетъ. А встрѣчался ему непремѣнно подъ видомъ какого нибудь прихожанина. Завелъ онъ его разъ такимъ манеромъ въ трущобу. Идетъ отецъ Кузьма и видитъ, на самой дорогѣ большущій пень лежитъ. Обойти его никакъ нельзя; приходится черезъ пень лѣзть. Вотъ онъ ногу занесъ и говоритъ:—Господи благослови,—человѣкъ богобоязненный былъ,—глядитъ, а вмѣсто пня-то передъ нимъ глубоченная яма! Поругалъ лѣшаго-то, да вѣдь что съ него возьмешь? Въ другой разъ идетъ опять отецъ Кузьма лѣсомъ, нагоняетъ его глѣбовскій крестьянинъ, несетъ его трость: «это», говоритъ, «матушка велѣла тебѣ передать». Ну, ладно, идутъ вмѣстѣ, а время къ ве-

черу. «Вотъ что,»—говоритъ отецъ Кузьма:—«пора мнѣ вечерню служить».—А онъ такой былъ, что ни одной службы не пропускалъ: дома ли, въ дорогѣ ли, а ужъ непремѣнно всякую службу вычитаетъ.—«Я, говоритъ, буду читать, а ты за дьячка подпѣвай, что знаешь».—Хорошо, говоритъ. Началъ отецъ Кузьма, сказалъ первый возгласъ, ждетъ аминя, а тотъ молчитъ. Оглянулся,—а онъ ужъ саженъ за двадцать стоитъ.—«Что жъ ты,—кричитъ,—не аминишь?»—А тотъ какъ захохочетъ, да въ лѣсъ. Махнулъ рукой отецъ Кузьма и пошелъ дальше; одинъ ужъ сталъ вечерню дочитывать. Только приходитъ онъ ночью домой. На крыльцѣ что-то

Городъ Мышкинъ.

у него упало и звякнуло. «Давайте-ка, кричитъ онъ, огня: набалдашникъ съ трости потерялъ».—Вышла матушка.—Какой, говоритъ, набалдашникъ? Вѣдь твоя трость дома.—«Али забыла, что сама же ее прислила». Сказалъ это, да и вспомнилъ про лѣшаго. «Давайте, говоритъ, огня скорѣе». Принесли огонь, а у него въ рукѣ-то не трость, а простой суковатый колъ. Ну, только не всегда ему отецъ Кузьма шутить позволялъ. Если, бывало, идетъ къ больному напутствовать, да тотъ увяжется, и прогонитъ его: «иди, иди, скажетъ: не время теперь; я—съ дароносицей»,—тотъ и самъ видитъ, что не время, и отойдетъ.

Пароходъ прошелъ подъ высокимъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, укрѣпленнымъ на трехъ каменныхъ быкахъ, и, ненадолго причаливъ къ пристани «Волга», черезъ нѣсколько минутъ тронулся далѣе. Напротивъ, на правомъ берегу, виднѣлись красиво расположенныя села: Глѣбово и Ивановское, отдѣленныя другъ отъ друга крутымъ, живописнымъ оврагомъ. Надъ высокимъ обрывомъ берега высилась бѣлая глѣбовская колокольня съ церковью, имѣющею видъ настоящаго собора; правѣе отъ нихъ, также на самомъ краю обрыва, стояло двухъэтажное, уже знакомое намъ училище, соединенное съ церковною площадью большимъ садомъ. Домовъ было видно мало: они всѣ были расположены въ глубинѣ, поодаль отъ берега.

Полюбовавшись на мѣстный «центръ народнаго просвѣщенія», мы простились съ старичкомъ, за которымъ, по свистку, выѣхала съ берега лодка.

Капитанъ снова скомандовалъ полный ходъ, и Глѣбово съ Ивановскимъ мало-по-малу скрылись за лѣскомъ, который тянется вдоль кряжа праваго берега.

Вдали, на яркой золотой полосѣ, разлитой спускавшимся къ закату солнцемъ, выросъ передъ нами силуэтъ Коприна съ его церковью и обширнымъ тѣнистымъ кладбищемъ. Картина была очень хороша по краскамъ. Все небо впереди принимало золотисто-пурпурный оттѣнокъ; надъ самымъ горизонтомъ тянулись рядами густыя лиловатыя облака, въ которыя по временамъ пряталось солнце, спускавшееся все ниже и ниже къ горизонту. И это небо, эти переходы, эти краски, искрясь и горя, отражались въ Волгѣ, а на правомъ берегу, прикрытое сѣроватою вечернею дымкою, выростало передъ глазами копринское кладбище, на которомъ покоится извѣстный басъ московской оперы, Платонъ Анемподистовичъ Радонежскій, уроженецъ Коприна.

Копринская волость извѣстна своими лоцманами. Большинство лоцмановъ, водящихъ судами пароходы на верхнемъ плесѣ,—копряки. Но извѣстное лоцманами Коприно извѣстно также и своими мелями—Балуевской и Копринской, находящимися подъ самымъ селомъ. Берега здѣсь, какъ и на другихъ крупныхъ меляхъ, обдѣланы фашинными гатями, имѣющими назначеніе стѣснить теченіе рѣки и, насколько возможно, поддержать ея уровень на извѣстной высотѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ на Балуевской мели была устроена плотина изъ кулей, набитыхъ землею, и въ мелководье на ней всегда стояли лошади, готовыя перетаскивать черезъ мель проходящіе суда и пароходы. Теперь, благодаря принятымъ мѣрамъ, условія для плаванія нѣсколько улучшились, но и въ настоящее время обѣ мели далеко нельзя считать безопасными. Доказательство было у насъ передъ глазами. Впереди, чуть не на самой серединѣ фарватера, стояла полузатонувшая на мели барка.

Пароходъ остановили, и начался совѣтъ, можно ли обойти ее.

Барка стояла нѣсколько накось, на самомъ нашемъ пути, и требовалась большая опытность и даже счастье, чтобъ исполнить этотъ маневръ безъ вреда для себя.

Публика, собравшаяся на верхней площадкѣ, ворчала:

— Чего же это казенный лоцманъ смотритъ? Его вѣдь дѣло баканы-то ставить. Какъ же онъ поставилъ? На самую мель фарватеръ и вывелъ! Это что жъ такое?

— Да вѣдь вонъ баканъ-то сдвинутъ,—замѣчали нѣкоторые.

— Чего тамъ баканъ? Ты гляди направленіе,—горячились другіе:—какъ разъ на самую мель ведено. Нешто это правильно?

— Мель-то правѣе.

— Толкуй правѣе,—развѣ не знаешь? Вонъ она гдѣ, вонъ прямо-то и есть.

Между тѣмъ капитанъ, посовѣтовавшись съ лоцманами, скомандовалъ: «самый тихій».

Пароходъ тронулся. На носу замелькала наметка.

— Семь, семь, семь...

— Руль отведи!—кричитъ капитанъ въ рупоръ на барку.—Тамъ кто-то зашевелился и побѣжалъ къ рулю.

— Шесть съ половиной, семь, семь, восемь,—доносится съ носа.

— Руль отведи!!!—кричитъ капитанъ снова, видя, что на баркѣ дѣйствуютъ вяло. Къ рулю подбѣжалъ еще кто-то, и онъ сталъ медленно прятаться за корпусомъ барки.

— Шесть, шесть, шесть...

Барка близко.

— Тихо!—командуетъ капитанъ. Лоцмана впились руками въ штурвальное колесо и, широко раскрывъ глаза, замерли на мѣстѣ, не спуская глазъ съ барки.

— Шесть съ половиной, пять, пять съ половиной, пять съ половиной, шесть...

Пароходъ проходитъ подлѣ самой барки. На ней два человѣка, покраснѣвъ отъ натуги, безмолвно упираются шестами въ дно и какъ будто все еще хотятъ своротить свое грузное судно.

Пассажиры молча смотрятъ на нихъ. Наметка работаетъ.

Вдругъ пароходъ толкнулся о землю. Еще толчекъ. Мы почувствовали, что стоимъ. Колеса продолжаютъ работать.

— Четыре съ половиной!—кричитъ матросъ:—идетъ впередъ! идетъ впередъ! стоитъ!

— Стопъ!—скомандовалъ капитанъ.

— Стоитъ!—доносится голосъ матроса.

Опять совѣщаніе. Рѣшаютъ пробиваться.

— Впередъ, тихо!—раздается команда. Колеса снова бурлятъ въ водѣ.

— Какъ на наметкѣ?—спрашиваетъ капитанъ.

— Идетъ! шесть съ половиной! стоитъ!

— Стопъ!

— Влѣво валится! стоитъ!

— Впередъ, тихо!—снова раздается команда въ машину.

— Впередъ, пошелъ! пять съ половинОй, пять съ половинОй! Ходомъ идетъ! шесть...

Барка остается позади. Мы снова выходимъ на средину фарватера.

— Шесть съ половинОй, семь, семь...

Свистокъ: наметка снимается, мель пройдена.

— А что же теперь съ баркой будетъ?—спрашиваемъ у капитана.

— Ей теперь пáузиться придется. Выгрузить на время часть товара, снять барку съ мели, потомъ опять нагрузить, когда выйдетъ на глубокое мѣсто.

— Но вѣдь это стоитъ денегъ.

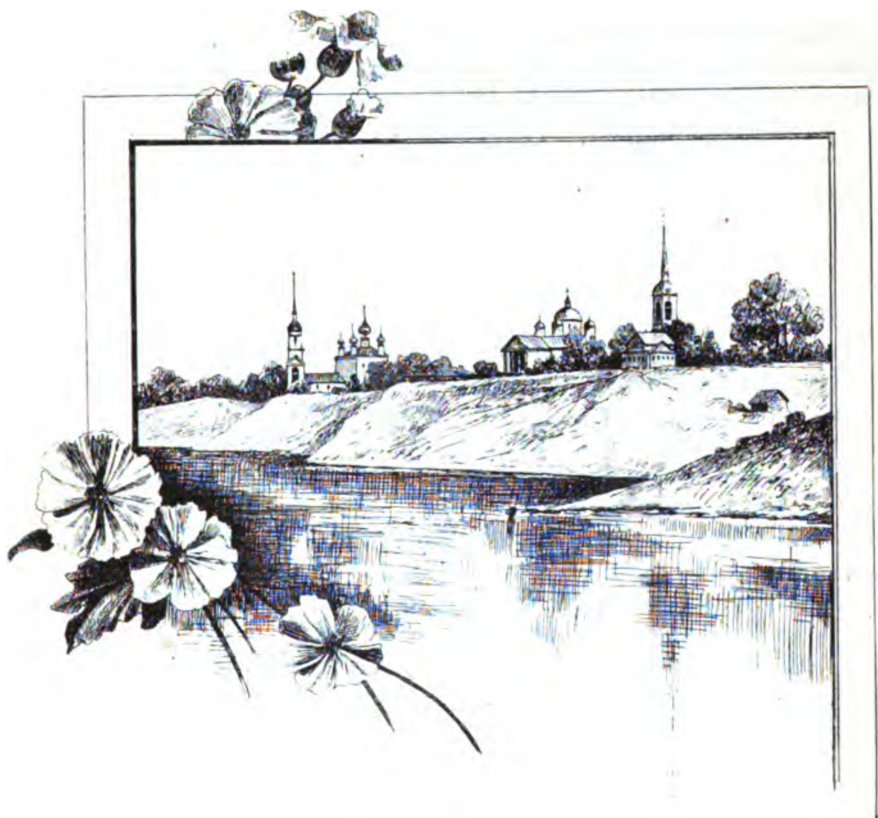
— Еще бы. Зато и крестьяне прибрежные мелководью-то, какъ свѣтлому празднику, рады.

Каменная Копринская церковь освящена во имя Знаменія Животворящаго Креста, празднуемаго 7 мая, но мѣстные жители справляютъ свой храмовый праздникъ почему-то въ Троицынъ день.

Въ Копринѣ имѣется сыроварня, не единственная впрочемъ въ здѣшней мѣстности. Она содержится крестьянами на артельныхъ началахъ и приноситъ порядочный доходъ. Противники крестьянскаго сыроваренпаго производства обыкновенно утверждаютъ, что изъ-за нѣсколькихъ грошей, получаемыхъ отъ продажи сыра, крестьяне заставляютъ свои семьи сидѣть безъ молока, лишая ребятъ самаго питательнаго продукта, столь важнаго въ ихъ возрастѣ. Но, насколько намъ удалось узнать изъ разговоровъ съ мѣстными жителями,—утвержденіе это не имѣетъ достаточнаго основанія. Главные скопы молока дѣлаются обыкновенно въ посты Петровскій и Успенскій, когда дѣтямъ и безъ того молоко не дается, а, напротивъ, дѣльный, расчетливый хозяинъ старается, въ виду дохода за молоко, обзавестись еще лишнею коровою, которая, кромѣ молока, даетъ ему и лишнее удобреніе, слѣдовательно улучшаетъ качества его поля, и въ три года легко окупаетъ себя, такъ что потомъ приноситъ уже чистый доходъ. На сыроварню доставляется только вечерній удой, утреннее же молоко все остается дома. При расчетѣ дѣлается разверстка по количеству доставленнаго каждымъ молока. Пудъ моло́ка, передѣланный въ сыръ, даетъ отъ трехъ съ половиною до четырехъ фунтовъ сыра и приноситъ отъ 40 до 60 копеекъ прибыли. Съ устройствомъ сыроварни коровушекъ стали содержать лучше и подкармливать, за что и онѣ въ долгу не остаются: каждая изъ нихъ вполнѣ покрываетъ расходы на свое прокормленіе и, помимо удобренія, приноситъ хозяину отъ 5 до 10 рублей прибыли ежегодно, а въ крестьянскомъ быту это — деньги порядочныя.

За Коприным берега Волги снова понижаются; песокъ направо и налѣво. Въ кустахъ у воды щебечетъ какая-то птичка, и ея щебетанье далеко разносится по водѣ въ тишинѣ наступающихъ сумерекъ.

Солнце уже сѣло. Облака, подобно занавѣсу послѣ спектакля, плотною массою опускаются на горизонтъ. Темнѣетъ. Вдали, точно свѣжесрубленная изъ сосновыхъ бревенъ стѣна, желтѣетъ песча-

Села Глѣбовское и Ивановское.

ный, невысокій кряжъ лѣваго берега, и на немъ въ глубинѣ виднѣется бѣлая церковь села Шуморома. У берега точно дремлютъ ставшія на ночлегъ тихвинки съ мачтами. Подлѣ на пескѣ разложенъ огонекъ, и стоятъ лошади. Судорабочіе варятъ себѣ ужинъ, но съ берега не слышно ни смѣха, ни голосовъ, и только темныя фигуры мелькаютъ мимо огня.

Въ Мологу мы пришли уже совсѣмъ затемно.

X.

Молога.

«Мѣстечко Холопей-городъ, куда, какъ я выше сказалъ, бѣжали рабы новгородцевъ, стоитъ въ двухъ миляхъ отъ Углича».
(Герберштейнъ. Записки о Московіи).

Въ темнотѣ виднѣлась на берегу группа изъ двухъ-трехъ домиковъ, да влѣво высился силуэтъ какого-то пятиглаваго храма; болѣе ничего нельзя было разглядѣть на всемъ протяженіи пустого берега.

— Гдѣ же городъ? — спросили мы, выйдя на пристань.

— Чаво городъ?—отозвался изъ толпы парень, стоявшій къ намъ ближе другихъ.

— Городъ-то вашъ гдѣ? Молога-то?

— А эвонъ! — онъ указалъ рукою на берегъ.

— Это три-то дома?

Парень обидѣлся.

— Зачѣмъ три? Тамъ не три, а побольше трехъ будетъ.

— Да гдѣ же они?

— Это что?

— Да дома-то ваши, дома-то?

— А энъ по верху-то, гляди за соборомъ-то.

— Ничего не видно!

— Нѣтъ, есть,—ты гляди хорошенько. И дома есть, и городъ есть. Какъ городу не быть?

— Да есть ли у васъ хоть извозчики-то?

— И извозчики есть.

— Гдѣ же они?

— Да теперь нѣтъ. Спятъ.

— Какъ же тутъ быть-то?

— Да тебѣ чаво?

— Вещи у насъ. Нѣтъ ли кого хоть вещи-то снести?

— Это я тебѣ устрою, а что извозчиковъ теперь нѣтъ,—поздно. Пріѣзжай завтра утромъ, такъ и извозчики будутъ, а теперь гдѣ же?

Онъ отправился за носильщикомъ и вскорѣ привелъ какого-то оборваннаго субъекта, который впрочемъ оказался гораздо толковѣе его.

Субъектъ ловко подхватилъ наши чемоданчики и, спустившись по морсткамъ на берегъ, началъ быстро подниматься по направленію къ церкви, которая, по его словамъ, была старымъ городскимъ соборомъ.

— Есть у насъ и новый соборъ, — продолжалъ онъ: — тамъ полѣвѣе на площади будетъ. Днемъ его отсюда хорошо видно, а теперь и города-то не видать.

— Да гдѣ же у васъ городъ?

— А вотъ за соборомъ-то и пойдетъ вдоль берега.

Дѣйствительно, когда мы миновали соборъ, впереди обозначились темныя массы построекъ, большею частію деревянныхъ, и мы вступили на длинную, совершенно пустую улицу. Минутъ черезъ десять ходьбы носильщикъ привелъ насъ въ гостиницу Крекушина, которая считается «почище» другихъ.

По узкой крутой лѣстницѣ со скрипучими ступенями мы поднялись во второй этажъ и очутились въ узкомъ, грязномъ коридорчикѣ. Въ глубинѣ стоитъ какая-то растрепанная, немытая фигура.

— Эй, нумерной! иди сюда!—кричитъ нашъ носильщикъ.

Фигура точно спросонья смотритъ на насъ и не двигается.

— Что ты оглохъ, что ли?

— Я не нумерной,—мрачно ворчитъ фигура.

— Такъ сходи за нимъ. Что стоишь-то?

Фигура проворчала что-то и скрылась за одною изъ дверей. Она оказалась однимъ изъ «пріѣзжающихъ», почему-то предпочитающимъ грязный коридоръ своей комнатѣ.

Явился нумерной, сравнительно довольно приличный, и отвелъ намъ помѣщеніе, главное украшеніе котораго составляла картина, писанная масляными красками и попавшая сюда, вѣроятно, изъ какого нибудь помѣщичьяго дома. На ней былъ изображенъ лѣсъ, или, точнѣе, рядъ треугольныхъ елей, которыя въ глубинѣ превращались въ треугольныя колокольни города, вѣроятно, Мологи. На первомъ планѣ въ самомъ углу — охотникъ съ собаками, повидимому, только что вышедшій изъ рамы. Внизу подпись: «будите охочи, да не внидете въ напасть, и не одолѣетъ вами всякое беззаконіе. Кн. Сокольн.».

Узнавъ отъ нумерного, что Аѳанасіевскій монастырь, главная достопримѣчательность Мологи, находится въ 3 верстахъ отъ города, мы распорядились порядить извозчика еще съ вечера, такъ какъ обычаи здѣшнихъ возницъ уже были отчасти знакомы намъ по пристани.

Былъ еще десятый часъ вечера, но городъ уже спалъ, и намъ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать его примѣру.

Я заглянулъ въ окно. Передъ нимъ тянулась длинная желѣзная крыша, служащая навѣсомъ для цѣлаго ряда лавокъ, занимающихъ весь нижній этажъ гостиницы. Напротивъ тянулось такое же длинное двухъэтажное зданіе, съ такимъ же навѣсомъ и такими же лавками. Во второмъ этажѣ окна были настолько узки, что придавали ему видъ чего-то вытянутаго, недовольного, и, глядя на него, я убѣдился, что архитектурѣ доступна экспрессія даже мимическаго характера. На другой день оказалось, что этотъ второй этажъ заключаетъ въ себѣ и городскую думу съ управою, и публичную библіотеку, и даже чуть ли не общественный банкъ.

Планъ Мологи крайне простъ. Она состоитъ всего изъ трехъ улицъ: Ярославской, С.-Петербургской (Унковская тожъ) и Череповской, которыя тянутся параллельными линіями вдоль берега рѣки Мологи, но длиною могутъ поспорить съ нашимъ Невскимъ проспектомъ отъ Лавры до Адмиралтейства, такъ какъ достигаютъ до трехъ верстъ длины, какъ, напримѣръ, Череповская, другія же развѣ только немногимъ короче ея.

Въ монастырь мы отправились часу въ 8-мъ утра. Утро было ясное. Навстрѣчу намъ то и дѣло попадались крестьяне, ѣхавшіе по случаю субботняго дня въ городъ на базаръ. Монастырь лежитъ на берегу Мологи нѣсколько выше города. Проѣхавъ версты съ полторы по Череповской улицѣ, мы миновали мостъ, перекинутый черезъ оврагъ, по дну котораго протекаетъ небольшой ручей. Эта мѣстность носитъ здѣсь названіе Заручья и украшена церковью Вознесенія, сравнительно новой архитектуры. Красива въ сущности не столько сама церковь, сколько ея мѣстоположеніе на высокомъ, обрывистомъ берегу ручья.

Вскорѣ впереди заблестѣли главы Аѳанасіевскаго монастыря, а направо за р. Мологою раскинулась зеленая гладь обширнаго поля, расположеннаго противъ города между Волгою и Мологою. Вдали на немъ бѣлѣла церковь села Боронишина. По всей вѣроятности, на просторѣ этого поля въ XVI столѣтіи и раскидывалась знаменитая ярмарка, извѣстная подъ названіемъ Холопьяго городка.

Свѣдѣнія объ этой ярмаркѣ, насколько мнѣ извѣстно, находятся только у двухъ писателей прежняго времени, а именно, у Герберштейна и у діакона Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго, рукопись котораго «О древностяхъ россійскихъ» Карамзинъ нашелъ въ Синодальной библіотекѣ подъ № 529. Герберштейнъ, по поводу происхожденія и и названія Холопьяго городка (Chloppi gorod), разсказываетъ преданіе, слышанное имъ отъ новгородцевъ. Предки ихъ тѣснили тяжкою осадою греческій городъ Корсунь. Осада продолжалась семь лѣтъ. Соскучась ожидать своихъ мужей и даже сомнѣваясь въ ихъ возвращеніи, новгородскія жены повыходили замужъ за своихъ рабовъ. Когда мужья, взявши городъ, вернулись домой съ трофеями: мѣдными корсунскими воротами и большимъ колоколомъ, ихъ встрѣтили рабы, старавшіеся силою отразить своихъ господъ. Возмущенные наглостью своихъ холопей, новгородцы сложили съ себя оружіе и пошли на рабовъ съ кнутами и палками. Обращенные въ бѣгство рабы укрылись въ одномъ мѣстѣ, которое и нынѣ называется Холопьимъ городомъ, и пробовали тамъ защищаться, но были побѣждены своими господами и наказаны по заслугамъ.

Мѣстность древняго Холопьяго городка указываютъ верстахъ въ шестидесяти отъ устья Мологи, неподалеку отъ впаденія въ нее рѣки Сити. Хотя эта мѣстность и удалена отъ Новгорода, но можно допустить, что въ основаніи преданія, разсказываемаго Герберштей-

Старый соборъ въ Мологѣ.

номъ, лежитъ какое нибудь дѣйствительное событіе, и что городокъ основанъ бѣглыми новгородскими холопами. Подлѣ него съ давнихъ временъ, неизвѣстно въ силу какихъ обстоятельствъ, стали собираться купцы, и начался торгъ, превратившійся потомъ въ большую ярмарку, пріобрѣтшую себѣ громкую извѣстность. Ярмарка существовала близъ устья Сити до второй половины XV вѣка, когда Іоаннъ III перевелъ ее на устье самой Мологи, о чемъ и упоминаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи[1]). Герберштейнъ, знавшій ярмарку уже на новомъ мѣстѣ, называетъ ее наиболѣе посѣщаемою во всемъ владѣніи московскаго государя. «Сюда стекаются,—говоритъ онъ,—кромѣ шведовъ, ливонцевъ и московитовъ, еще татары и весьма многіе другіе народы изъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ. Они ведутъ только мѣновую торговлю, потому что эти народы рѣдко, или почти совсѣмъ не употребляютъ золота и серебра, готовыя платья, иглы, ножики, кастрюли, топоры и т. п. они обмѣниваютъ большею частью на мѣха».

Извѣстія о ярмаркѣ, сообщаемыя Каменевичъ-Рвовскимъ, болѣе подробны, но только при этомъ не слѣдуетъ забывать, что рукопись писалась въ 1699 году, когда ярмарка давно не существовала. Карамзинъ говоритъ, что Каменевичъ былъ родомъ москвичъ, а жилъ въ Угличѣ и писалъ, «слѣдуя древнему преданію». Вотъ что мы находимъ въ его рукописи: «На устіи славныя Мологи рѣки древле были торги великіе, даже и до дней грознаго государя Василія Васильевича Темнаго... [2]). Сребро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ сбирали и вѣсили. Пріѣзжали торговать купцы многихъ государствъ: нѣмецкихъ, и польскихъ, и литовскихъ, и грецкихъ, и римскихъ,—глаголютъ же, и персидскихъ и иныхъ земель. И тогда во премногихъ ямахъ холопскихъ и моложскихъ товары своя драгія тѣ иностранные купцы и гости клали, и питія преузорочная, и красная виноградная, и прочая сокровища вся содержали и надъ ними торговали. Рѣка же та Великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на устіи широкомъ, яко по судамъ тогда безъ перевозовъ преходили людіе рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ Моложскій, великій и прекрасный, иже имать во округъ свой 7 верстъ. Сребра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ и больши собираху въ казну великаго князя, якоже бывшіи тогда въ память свою намъ о семъ повѣдаша, яже отъ отецъ своихъ слышаша. То-

---

[1]) «А что если свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, и тотъ торгъ торгуютъ на Молозѣ съѣзжаяся, какъ было при мнѣ. А сынъ мой Дмитрей емлетъ пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ не прибавливаетъ ничего; а сынъ мой Василей и мои дѣти того торгу на свои земли не сводятъ, ни заповѣди въ своихъ земляхъ не чинятъ къ тому торгу ѣздити». (Древн. Росс. Вивліоѳика, т. II, изд. второе, стр. 424).

[2]) Мы уже знаемъ, что на устье Мологи ярмарка переведена лишь сыномъ Василія Темнаго, Іоанномъ III.

гда же на Мологѣ 70 кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали же безъ разъѣздовъ по четыре мѣсяцы всѣ купцы и гости».

Съ устройствомъ крупныхъ мѣстныхъ ярмарокъ въ другихъ городахъ значеніе центральнаго Холопьяго торга было подорвано. «Нынѣ же то наше купечество моложское раздѣлися по инымъ торгамъ», говоритъ Каменевичъ: «къ славному городу Архангельскому, тажь и на Свинскую предбывшую славную ярмарку, потомъ и Желтоводскую, и въ Весь Ехонскую, и на Тихвину Новгородскую и по инымъ; той же Моложской превеликой и первой старой торгъ разно разыдеся».

Обширное пустое поле, по всей вѣроятности, хранитъ въ себѣ не мало остатковъ отъ прежней ярмарки въ видѣ монетъ, мелкихъ издѣлій и т. п. и еще ожидаетъ своего изслѣдователя.

Проѣхавъ мимо просторнаго зданія школы, устроенной при монастырѣ, мы вскорѣ остановились у св. воротъ и вошли въ обитель.

Въ названіи своемъ монастырь еще хранитъ воспоминаніе о бывшей нѣкогда противъ него, за Мологою ярмаркѣ; онъ называется Аѳанасьевскимъ-Троицкимъ-Холопьимъ. Основаніе его, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ отнести къ XV вѣку, а первое упоминаніе о немъ мы находимъ въ одной изъ княжескихъ духовныхъ 1509 года. Монастырь въ то время былъ мужской и процвѣталъ, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока процвѣтала ярмарка. Съ уничтоженіемъ ея, онъ лишился главнаго источника дохода и въ 1680 году приписанъ къ Ново-Іерусалимскому монастырю подъ Москвою, а въ 1764 г. упраздненъ окончательно и обращенъ въ простую приходскую церковь. Но монастырь, котораго не смогли поддержать мужчины, возродился и снова расцвѣлъ, благодаря энергіи женщинъ. Въ 1795 году, жители Мологи подали прошеніе о разрѣшеніи исправить Аѳанасьевскую приходскую церковь и снабдить всѣмъ потребнымъ для содержанія при ней 30 бѣдныхъ вдовъ и престарѣлыхъ дѣвицъ, посвятившихъ себя уединенной жизни на общественномъ уставѣ. Просьба была уважена, и эти 30 женщинъ послужили ядромъ для возникновенія новаго монастыря, который и былъ снова утвержденъ въ 1818 году. Съ тѣхъ поръ обитель только расширяется и процвѣтаетъ все болѣе и болѣе, такъ что, глядя на ея златоглавые храмы, на ея большія каменныя сооруженія, на ея обширное хозяйство, недоумѣваешь, считать ли монастырь состоящимъ при городѣ, или городъ состоящимъ при монастырѣ.

Въ монастырѣ благовѣстили къ обѣднѣ. Главная церковь во имя св. Духа была отперта.

На ступеняхъ сидѣла свѣчница, ожидая начала службы. Мы съ нею разговорились. Узнавъ, что мы пріѣзжіе и хотимъ осмотрѣть монастырь, она обѣщала, какъ только соберутся монахини, дать намъ путеводительницу.

Дѣйствительно, при самомъ же началѣ службы, къ намъ подошла не старая еще монахиня и любезно предложила показать намъ немногія, оставшіяся отъ прежнихъ временъ достопримѣчательности монастыря. Это была мать Евстолія, управляющая монастырскимъ скотнымъ дворомъ.

— Отъ мужского-то монастыря осталась только часовня одна, у меня на скотномъ, — заговорила она: — тамъ прежде обитель-то была. А прежде я васъ сведу въ Знаменскую церковь; она у насъ самою древнею считается.

Мы прошли въ сѣверо-западный уголъ, гдѣ подъ башнею помѣщается старая Знаменская церковь, но она оказалась подновленною, исключая нѣкоторыхъ иконъ, и то не очень древнихъ.

Отсюда мы отправились на скотный дворъ, примыкающій къ монастырю съ сѣверной стороны. Онъ не великъ и имѣетъ продолговатую форму. Посреди двора находится небольшая каменная часовня, поставленная надъ могилою одного изъ игумновъ бывшаго мужскаго монастыря. Она настолько невелика, что внутри почти сплошь занята надгробною плитою.

Пока мы осматривали часовню, черезъ скотный дворъ то и дѣло проѣзжали возы дровъ, направлявшіеся въ монастырь. Небольшими, сытыми лошадками правили все обительскія послушницы, хотя въ монастырѣ, какъ кажется, есть и работники. По словамъ матери Евстоліи, на скотномъ дворѣ у нихъ имѣется 17 лошадей и 43 коровы. На скотномъ же она показала намъ широкій, открытый колодезь, вода въ которомъ, несмотря ни на какіе жары, постоянно стоитъ на одномъ уровнѣ; за колодцемъ узкою линіей тянется огородъ.

Отсюда мы снова прошли въ монастырь и зашли въ трапезную, гдѣ приготовлялись къ обѣду. Въ трапезной на стѣнахъ висятъ портреты масляными красками и одинъ фотографическій. Въ числѣ ихъ находится портретъ основательницы монастыря, купеческой вдовы Натальи Ивановны Мальцевой. Монастырь былъ открытъ въ 1798 году, но Мальцева начальства надъ инокинями не приняла и осталась простою монахиней; первою игуменьей была нѣкто Гладкова. Рядомъ съ игуменьями висятъ портреты благодѣтелей обители, братьевъ Бушковыхъ. Фотографическій же портретъ—послѣдней изъ умершихъ начальницъ обители, игуменіи Антоніи, урожденной Калининой, которая скончалась въ 1895 году, 77-ми лѣтъ отъ роду.

Изъ трапезной мы было направились въ кухню, но въ углу у двери, противъ печки, замѣтили какія-то длинныя вязи бѣлаго цвѣта, похожія на средней толщины канаты.

— А это что у васъ? — спросилъ я м. Евстолію.

Монахини, бывшія въ трапезной, разсмѣялись.

— А это у насъ для молодыхъ послушницъ эпитимья,— сказала м. Евстолія.

Аѳанасьевскій женскій монастырь въ Мологѣ.
(Въ кругѣ: часовня надъ могилою одного изъ игуменовъ прежняго монастыря).

Она сняла одну изъ двухъ висѣвшихъ на гвоздѣ вязей и показала намъ. Оказались громадныя вязаныя четки, длиною аршина въ два съ половиною.

— Вотъ, какъ которая нибудь провинится,— продолжала она,— ее и поставятъ за трапезой посрединѣ съ этими четками поклоны класть. Поклоновъ сто земныхъ положить, а стыдъ-то и того пуще. Тутъ и сила-то не столько въ поклонахъ, сколько въ стыдѣ, что стоитъ она посерединѣ, и всѣ на нее смотрятъ.

— И часто ставятъ на поклоны?

— Не очень часто, а случается, — какая вина.

— И манатейныхъ монахинь ставятъ?

— Нѣтъ. Это больше послушницъ, которыя помоложе; а насъ матушка игуменья, если что, такъ къ себѣ въ келью позоветъ и ужъ больше словами, съ глазу на глазъ поначалитъ.

Осмотрѣвъ кухню, мы еще разъ прошли монастыремъ, и м. Евстолія провела насъ на новое монастырское кладбище, болѣе похожее на садъ, чѣмъ на мѣсто погребенія.

— Нѣтъ ли у васъ въ библіотекѣ какихъ интересныхъ документовъ относительно стараго монастыря?—спросилъ я по дорогѣ нашу путеводительницу.

— Нѣтъ,— отвѣчала она.— Прежде-то вѣдь люди были простые, малограмотные, стариной не дорожили. Я слышала, что монастырскими лѣтописями въ свое время оклеивали стѣны вмѣсто обоевъ.

Посреди кладбища находится небольшая каменная часовня, недавно обращенная въ церковь. Налѣво у стѣны м. Евстолія показала намъ могилу недавно скончавшейся игуменіи Антоніи. Могила содержится въ большомъ порядкѣ, и, видимо, память покойной пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ.

— А давно ли освящена церковь?

— Недавно. Да она такая маленькая, что въ ней отпѣвать никого нельзя,— тѣсно. Преосвященный Іонаѳанъ, какъ святилъ-то, замѣтилъ: «Да, тѣсновата церковь, тѣсновата, а впрочемъ въ гробу-то еще тѣснѣе будетъ».

У воротъ кладбища мы простились съ нашею любезною проводницей и отправились обратно въ городъ, гдѣ проѣхали еще разъ по улицамъ и побывали въ старомъ соборѣ, построенномъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, но ничего достойнаго примѣчанія въ немъ не встрѣтили.

Объ исторіи Мологи много разсказывать также не приходится. Входя въ составъ Ярославскаго княжества, она не надолго выдѣлилась въ особый самостоятельный удѣлъ, была въ свое время (въ 1371 году) сожжена княземъ Михаиломъ Тверскимъ и затѣмъ подверглась общей участи, то-есть была поглощена Москвою. Молога въ свою очередь выдѣлила изъ себя нѣсколько мелкихъ удѣловъ: Ситскій, или, въ болѣе употребительномъ произношеніи, Сицкій,

Прозоровскій и Шуморовскій, которые существовали также весьма недолгое время.

За соборнымъ алтаремъ начинается небольшой бульваръ, который тянется параллельно теченію Мологи по направленію къ Волгѣ. Мы вышли на него и присѣли на скамью. Какъ разъ передъ нами находилось устье Мологи—начальный пунктъ Тихвинской судоходной системы. Противоположный берегъ составляло вышеупомянутое зеленое поле, мѣсто бывшей ярмарки, ограниченное съ одной стороны теченіемъ Волги, а съ другой—полукруглымъ изгибомъ Мологи. Надъ Мологою вдали бѣлѣли стѣны женскаго монастыря, передъ крестами котораго набожно снимались шапки и крестились заскорузлыя руки лоцмановъ, вступавшихъ изъ Волги на Тихвинскій путь, который долженъ былъ привести суда ихъ къ дальнему Петербургу.

Длина этого воднаго пути отъ устья Мологи до Финскаго залива опредѣляется не совсѣмъ точно: по однимъ свѣдѣніямъ, она составляетъ 831 версту 249 саженъ, по другимъ—848 верстъ, по третьимъ—813 верстъ и т. д., впрочемъ разница здѣсь только въ двухъ-трехъ десяткахъ верстъ, и несомнѣнно, что Тихвинская система значительно короче Вышневолоцкой и Маріинской, но по причинѣ мелководья составляющихъ ее рѣкъ она неудобна для судовъ большого размѣра, и плаваніе по ней совершается на судахъ сравнительно не особенно крупныхъ. Суда эти носятъ названія соминокъ и тихвинокъ; весною осадка для нихъ допускается отъ 10 до 18 вершковъ, но лѣтомъ и осенью осадка въ 10 вершковъ становится уже предѣломъ, глубже котораго они сидѣть въ водѣ не могутъ.

Выше по Мологѣ встрѣчаются еще два города: Весьегонскъ, древняя Весь Ехонская, отъ котораго внизъ по Мологѣ начинается пароходство, и Устюжна Желѣзнопольская, о которой сложилась въ народѣ поговорка: «Устюжна желѣзна, люди каменны». Здѣсь въ XVI и XVII столѣтіяхъ добывалась и обрабатывалась желѣзная руда. Нѣсколько ниже Устюжны въ Мологу впадаетъ рѣка Ча́годоща, имѣющая въ свою очередь притокомъ рѣку Горюнъ. Этотъ Горюнъ въ своемъ среднемъ теченіи носитъ названіе Сомины, а въ верхнемъ называется Валчиною, которая соединена каналомъ съ верховьями рѣки Тихвинки, текущей уже по направленію къ Петербургу. Тихвинка, пройдя подъ городомъ Тихвиномъ и его знаменитымъ монастыремъ, вливается въ рѣку Сясь и вмѣстѣ съ нею достигаетъ Ладожскаго озера. Въ обходъ озера устроенъ особый Сясьскій каналъ, изъ котораго суда переходятъ въ Ладожскій и такимъ образомъ достигаютъ Невы.

Мысль объ устройствѣ Тихвинской системы занимала еще Петра, когда выяснились неудобства Вышневолоцкой, но послѣ его смерти проектъ долгое время оставался подъ сукномъ, и лишь въ началѣ нашего столѣтія рѣшено наконецъ приступить къ работамъ. Новая

система была открыта для плаванія въ 1811 году, хотя работы на ней и не были еще вполнѣ закончены. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ по ней проходило до 11.000 судовъ съ товаромъ на сумму болѣе 20-ти милліоновъ, теперь же, вслѣдствіе развитія желѣзнодорожнаго дѣла и устройства болѣе удобной и покойной Маріинской системы, Тихвинская потеряла болѣе половины своего прежняго значенія.

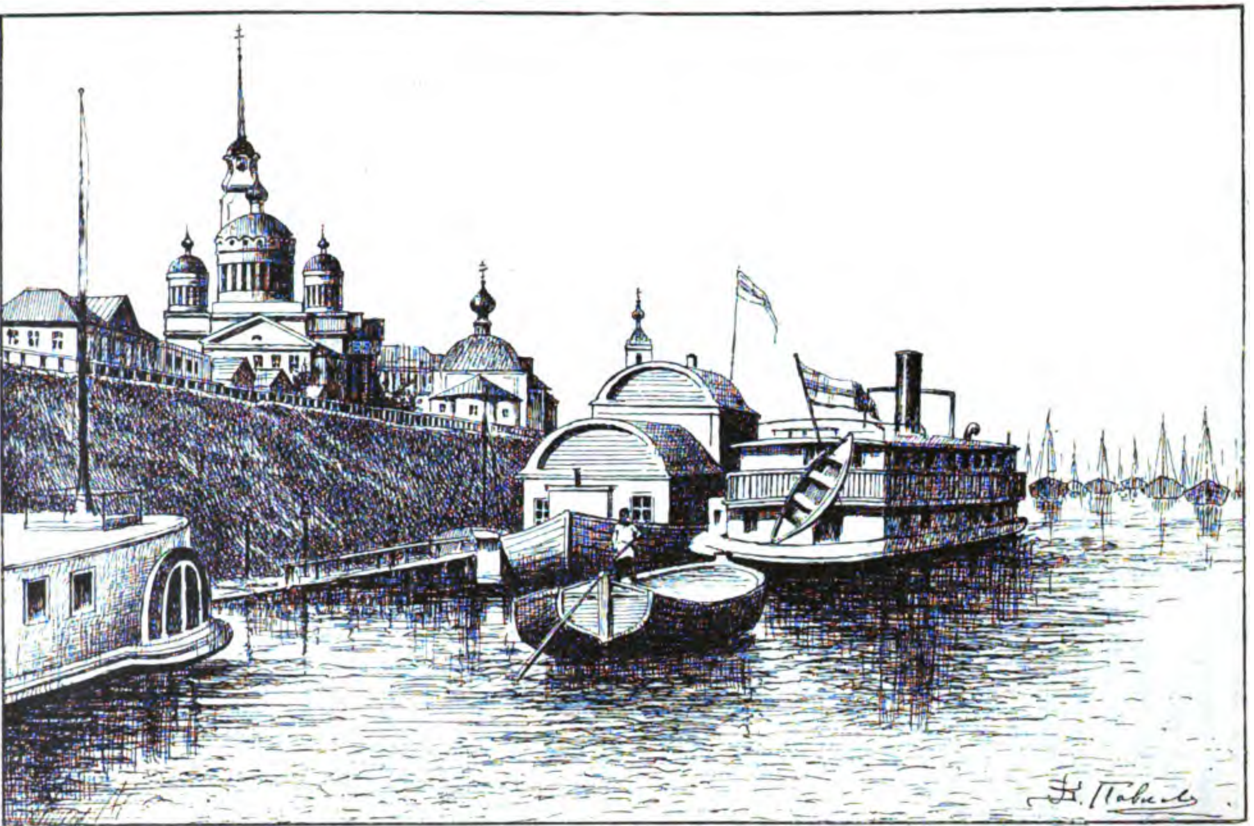
Мы спустились къ пристани. Группа домиковъ, видѣнныхъ нами вчера, при спускѣ съ парохода, оказалась сплошь состоящею изъ лавокъ, харчевенъ, мелкихъ гостиницъ и трактира; на Мологѣ, почти рядомъ съ пристанью находился паромъ. На немъ то и дѣло перевозили на ту сторону, на лугъ, лошадей, предназначенныхъ для тяги судовъ, телѣги возвращавшихся съ базара крестьянъ и массу пѣшаго люда. Жизнь на берегу кипѣла. Каждый крестьянинъ, разставаясь съ городомъ, прежде чѣмъ спуститься къ парому, считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ сдѣлать прощальный визитъ въ одну изъ прибрежныхъ харчевенъ и гостиницъ. Особеннымъ расположеніемъ здѣсь пользовался, повидимому, трактиръ «Свиданіе друзей». Передъ нимъ постоянно находилось нѣсколько телѣгъ съ одиноко сидящими на нихъ бабами: мужчины всѣ находились въ трактирѣ. Бабы сидѣли на возахъ неподвижно, молча, очевидно покорившись своей участи, но лошади, наскучивъ долгимъ стояньемъ, мотали головами, перебирали ногами, подвигаясь одна къ другой и не слушаясь бабъ, начинали драться и грызться другъ съ другомъ. Появлялись мужики, разнимали ихъ, ставили на мѣста и, уладивъ дѣло, снова отправлялись въ трактиръ.

Ожидаемый самолетскій пароходъ «Никса» опоздалъ часа на два, и намъ долго пришлось любоваться съ пристани на эти сцены. Но вотъ наконецъ явилась «Никса», и мы, занявъ мѣста въ рубкѣ, расположились обѣдать, такъ какъ съ утра за разъѣздами и осмотромъ намъ некогда было объ этомъ подумать.

Въ Мологѣ Волга достигаетъ крайней сѣверной точки своего теченія, и толчекъ, получаемый ею отъ своего Мологскаго притока, окончательно опредѣляетъ ея дальнѣйшее направленіе. Правда, что она потомъ нѣсколько разъ сворачиваетъ, то къ востоку, то къ западу, но общая линія ея пути, за весьма ничтожными исключеніями, имѣетъ несомнѣнный уклонъ къ югу.

Берега Волги на тридцативерстномъ протяженіи между Мологою и Рыбинскомъ особымъ интересомъ не отличаются. Упомянемъ только о рѣкѣ Пушмѣ, впадающей въ Волгу близъ деревни Бабкино, недалеко отъ Мологи. Эта Пушма интересна тѣмъ, что имѣетъ два устья и однимъ концомъ впадаетъ въ Волгу, а другимъ въ Шексну, представляя собою, по словамъ г. Рагозина, довольно рѣдкое явленіе, извѣстное въ географіи подъ именемъ бифуркаціи.

Во время обѣда къ намъ подсѣлъ господинъ въ форменной фу-

Набережная въ Рыбинскѣ.

ражкѣ, оказавшійся уроженцемъ Петербурга, служащимъ въ Мологскомъ уѣздѣ.

— Что это васъ, господа, заинтересовалъ нашъ гадкій городишка?—спросилъ онъ.

— А что?

— Да, помилуйте, что же въ немъ замѣчательнаго? Въ Мологѣ только одна замѣчательность и есть, которой вы, впрочемъ, въ такое короткое время не могли и замѣтить. Это—способность заставлять спиваться съ круга всякаго, кто въ ней поселится. Здѣсь всѣ пьютъ; отсюда и вполнѣ заслуженное названіе города: «Пьяная Молога». За эти нѣсколько лѣтъ, какъ я поступилъ сюда на службу, я уже успѣлъ спиться окончательно. Пріѣзжать въ городъ по службѣ приходится довольно часто. Ну, утромъ — дѣла, занятія по должности, а вечеромъ—карты, сплетни и вино, вино, вино!

— Но все же здѣсь есть и какая нибудь интеллигенція?

— Это зависитъ отъ того, что мы станемъ понимать подъ словомъ интеллигенція. Если вы станете искать здѣсь людей просвѣщенныхъ, образованныхъ, развитыхъ, то не найдете ни одного человѣка, здѣшняя интеллигенція—чиновники, самые заурядные, самые обыкновенные, у которыхъ и интеллигентнаго-то развѣ только одинъ костюмъ, а въ головѣ сплетни и выпивка. На вино здѣсь много денегъ выходитъ, потому что жизнь въ Мологѣ дешева.

— А какъ напримѣръ?

— Да вотъ хоть квартиры: самая лучшая изъ нихъ отдается за 20 рублей въ мѣсяцъ, мясо—первый сортъ 12 коп., яйца, десятокъ гривенникъ, кринка молока въ двѣ бутылки — пятачекъ. Нѣтъ, можно бы жить хорошо, еслибъ только не это безобразное пьянство; оно-то все дѣло и губитъ.

— Такъ Молога, по-вашему, «пьяная»?

— Пьяная, пьяная; подъ этимъ я обѣими руками готовъ подписаться.

XI.

Рыбинскъ.

> Городъ Рыбинскъ и началомъ своимъ, и богатствомъ, и славою одолженъ двумъ знаменитымъ рѣкамъ: Волгѣ и Шекснѣ.
>
> (Описаніе города Рыбинска. 1837 г.).

Рыбинскъ, стоящій на возвышенномъ правомъ берегу, виденъ издалека. Когда мы поднялись на верхнюю палубу, впереди уже обрисовывался цѣлый лѣсъ мачтъ, а надъ нимъ, высоко поднимаясь въ небо, виднѣлась колокольня рыбинскаго собора и стоящая не подалеку отъ берега церковь Воздвиженія. Волга имѣетъ

здѣсь ширину около полуверсты, и картина богатаго торговаго города, съ огромнымъ караваномъ судовъ, расположившимся у его подножія, была замѣчательно красива.

Пароходъ проходилъ мимо судовъ, которыя тянулись вдоль берега и составляли голову рыбинскаго каравана. Въ числѣ ихъ мы впервые увидѣли здѣсь судно, казавшееся великаномъ среди остальныхъ. Это была баржа—судно, столь обыкновенное на нижнемъ плесѣ, между Нижнимъ и Астраханью, поднимающееся и сюда, къ Рыбинску, но здѣсь и оканчивающее свое долгое странствованіе. Далѣе Рыбинска помѣстительныя, но глубоко сидящія баржи идти не могутъ ни по Волгѣ, ни по Шекснѣ, и товаръ приходится перегружать на суда, болѣе соотвѣтствующія здѣшнему мелкому фарватеру. Эта-то обязательная перегрузка и заключаетъ въ себѣ главную причину богатства и процвѣтанія города, составляющаго одну изъ самыхъ значительныхъ пристаней на Волгѣ.

Впрочемъ, торговою пристанью Рыбинскъ сдѣлался только со времени основанія Петербурга, когда, возникшая въ безплодномъ и голодномъ краю, новая столица потребовала себѣ съ юга и лѣсъ, и хлѣбъ, и всякіе припасы, и по Волгѣ потянулись первые караваны, направлявшіеся на сѣверъ. Но до той поры поселеніе, расположившееся противъ шекснинскаго устья, имѣло другое значеніе и уже было извѣстно въ очень отдаленныя времена.

Чуть ли не единственнымъ, подробнымъ описаніемъ Рыбинска служитъ до сихъ поръ книга, изданная въ 1837 году моимъ прадѣдомъ, мѣстнымъ уроженцемъ, служившимъ въ то время въ должности городского головы и поручившимъ составленіе ея рыбинскому протоіерею Матѳею Гомилевскому; книга эта составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Заимствую изъ нея нѣкоторыя данныя по исторіи и топографіи города. Мѣстность сліянія Волги съ Шексною и Мологою издавна славилась не только обиліемъ, но и прекраснымъ вкусомъ ловившейся въ ней рыбы. Вслѣдствіе этого здѣсь давнымъ-давно уже существовали рыбацкія поселенія, и есть нѣкоторое основаніе предположить, что Рыбаньско, упоминаемое въ уставѣ Святослава Ольговича о десятинахъ, 1137 года, платившее гривну волжскую и находившееся, повидимому, недалеко отъ Бѣжичей,—и есть именно поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Рыбинска. Въ духовной Іоанна III Рыбинскъ носитъ названіе Рыбной слободы, и на этотъ разъ мѣстоположеніе его опредѣлено очень точно. Мѣняясь волостями съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, Іоаннъ Грозный, въ 1563 году, отдалъ ему на Волгѣ городъ Романовъ съ уѣздомъ, «опричь Рыбной слободы и Пошехонія». Можно предположить, что слободою онъ дорожилъ по причинѣ доставляемой ею во дворецъ волжской и шекснинской рыбы: по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и послѣдующихъ государяхъ, Рыбачья слобода уже носитъ названіе Дворцовой

Ловецкой слободы. Въ городѣ сохранился списокъ съ грамоты 1679 года, данной царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ на право ловли красной рыбы по рѣкамъ: Волгѣ, Шекснѣ и Мологѣ. Жителямъ Рыбной слободы разрѣшалось производить ловлю отъ устья Мологи внизъ по Волгѣ до Слуды, т. е. до нынѣшняго Вознесенскаго погоста, а по Мологѣ вверхъ отъ Волги на 80 верстъ до Бѣла́го камня, по Шекснѣ же на 40 верстъ «до Весьесельскаго ѣзу. И по тѣмъ рѣкамъ, гдѣ имъ велѣно рыбу ловить»,—говорится далѣе въ грамотѣ:—«къ берегамъ приставать и сѣти и неводы сушить, и въ лѣсахъ подсошки и древа, чѣмъ яству варить, сѣчь велѣно. А что разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ люди и крестьяне въ рѣкѣ Мологѣ рыбу, противъ своихъ земель, мережами короводными на помѣщиковъ своихъ лавливали; и тѣхъ селъ помѣщиковымъ и вотчинниковымъ людямъ и крестьянамъ великаго государя указъ сказанъ: чтобы они въ рѣкѣ Мологѣ въ государевыхъ рыбныхъ ловляхъ, на помѣщиковъ своихъ и на себя неводами и сѣтьми, всякими рыбными снастьми, отнюдь не ловили и заѣзковъ не были». Такая заботливость правительства о рыбинскихъ ловцахъ объясняется тѣмъ, что они были чуть ли не главными поставщиками волжской рыбы къ столу московскихъ государей. По писцовой книгѣ 1672 года рыбный оброкъ слобожанъ состоялъ изъ 30 осетровъ съ третью въ годъ; сверхъ того—по 20 бѣлорыбицъ, по 10 стерлядей большихъ, по 25 стерлядей среднихъ и по 50 стерлядей меньшихъ. Недостачу въ осетрахъ разрѣшено было пополнять бѣлорыбицами и стерлядами, причемъ въ указѣ еще прибавлено, что если «у нихъ въ уловѣ будутъ и сверхъ окладу бѣлуги и осетры, и бѣлыя рыбицы, и стерляди, и имъ тое рыбу потому прислать на государевъ обиходъ на кормовый дворецъ; а за ту рыбу изъ государевой казны давать деньгами по указной цѣнѣ». Неизвѣстно, когда прекращенъ этотъ рыбный оброкъ и замѣненъ денежною платою. Въ послѣднiй разъ о немъ упоминается въ 1724 году. Впрочемъ надо замѣтить, что изъ 88 дворовъ, числившихся въ слободѣ по писцовымъ книгамъ XVII столѣтiя, только 46 дворовъ принадлежало собственно рыбнымъ ловцамъ, число которыхъ составляло лишь седьмую часть общаго населенiя слободы, состоявшаго изъ 350 человѣкъ и раздѣлявшагося на людей посадскихъ, тяглыхъ и лучшихъ, на среднихъ и младшихъ, и на оскудѣлыхъ и рыбныхъ ловцовъ.

Сдѣлавшись въ началѣ прошлаго столѣтiя торговою пристанью, Рыбная слобода начала быстро развиваться и прiобрѣтать все большее и большее значенiе, особенно въ хлѣбной торговлѣ. 1-го января 1778 года она была обращена въ уѣздный городъ Рыбинскъ, принадлежавшiй къ Ярославскому намѣстничеству.

Чѣмъ ближе мы подходили къ городу, тѣмъ величественнѣе становилась его панорама. Теперь уже ясно можно было различить и его пятикупольный соборъ, и окрестныя церкви съ высокими коло-

Часть Рыбинскаго каравана.

кольнями, и прибрежные стройно вытянутые въ линію каменные дома, и красивую гранитную набережную. Внизу вся поверхность Волги была запружена судами разныхъ величинъ и наименованій. Они были разставлены тѣсными рядами съ небольшими промежутками рядъ отъ ряда и оставляли только неширокую полосу воды, у противоположнаго лѣваго берега, для прохода лодокъ, судовъ и пароходовъ. Движеніе на этомъ свободномъ пространствѣ напоминало сутолоку нашего Невскаго проспекта въ праздничный день. Свистки пароходовъ, шумъ и крики на баркахъ поминутно оглашали воздухъ, и намъ, вступившимъ въ это царство кипучей дѣятельности, послѣ захолустной тишины верхняго плеса, стало даже какъ-то неловко отъ этой суеты, отъ этого шума и движенія.

Поровнявшись съ соборомъ, нашъ пароходъ круто повернулъ въ узкій проулокъ между судами и черезъ нѣсколько минутъ остановился у своей самолетской пристани. Мы вышли на берегъ и стали подниматься по крутой каменной лѣстницѣ на набережную, обдѣланную дикимъ камнемъ и обнесенную чугунною рѣшеткою.

Съ чувствомъ особаго самодовольства выступалъ я по каменной набережной, зная изъ книги, что это украшеніе Рыбинска сооружено по инціативѣ и почину моего прадѣда. Такъ какъ въ началѣ, разсказываетъ книга, «дѣло это признано было обременительнымъ для города, то градской глава рѣшился первоначально для пробы устроить пять саженей на собственный свой щетъ. Вслѣдствіе того окладка дикимъ камнемъ волжскаго берега начата въ 1827 году, и съ того времени построено 650 погонныхъ саженей, съ тремя лѣстницами и пятью съѣздами къ Волгѣ»; вся постройка окладки съ желѣзною рѣшеткою (поставленною въ 1833 г.) обошлась въ 51.639 рублей 93½ коп.

Слѣдуя вдоль набережной, мы незамѣтно дошли до обширной площади, на которой помѣщаются два рыбинскихъ собора—старый и новый. Впрочемъ и постройку стараго слѣдуетъ отнести не ранѣе какъ къ концу XVII столѣтія, новый же едва ли можетъ насчитать себѣ болѣе ста лѣтъ. Онъ построенъ въ стилѣ временъ Александра I и замѣчателенъ какъ своею обширностью, такъ и изяществомъ архитектуры. Соборъ настолько хорошъ, что смѣло можетъ занять одно изъ выдающихся мѣстъ среди новыхъ церковныхъ построекъ на всемъ верхнемъ и среднемъ Поволжьи.

Внутри собора, на особомъ возвышеніи съ правой стороны помѣщается золоченое кресло съ красною обивкой, служащее воспоминаніемъ о посѣщеніи города императрицею Екатериною II.

Путешествуя по Волгѣ въ 1767 году, государыня прибыла къ Рыбинску 8-го мая вечеромъ, и галера ея стояла всю ночь на якорѣ противъ нарочно устроеннаго на берегу деревяннаго дворца. На другой день императрица подплыла на своей галерѣ къ пристани противъ собора и вышла на берегъ, гдѣ была встрѣчена духовенствомъ

и жителями. Приложившись къ кресту, императрица поднялась по лѣстницѣ къ Преображенскому собору и тамъ, по случаю праздника, вешняго Николина дня, отслушала литургію. Послѣ службы она прослѣдовала по Крестовой улицѣ во дворецъ. По пути ее привѣтствовали женщины, поставленныя въ два ряда, одѣтыя въ богатое старинное платье, съ жемчужными кокошниками на головахъ. Онѣ устилали путь ея разными дорогими платками. Екатерина была очень довольна пріемомъ и долго милостиво разговаривала съ купеческими женами. Купечество поднесло государынѣ кресло, но она пожаловала его въ соборную церковь, изъявивъ черезъ правившаго при ней гофъ-маршальскую должность камергера Григорія Никитича Орлова свою монаршую волю, чтобы кресло это поставлено было «въ вѣки» на томъ мѣстѣ, гдѣ она изволила слушать литургію. Въ память этого посѣщенія въ гербѣ, данномъ новому уѣздному городу Рыбинску, была между прочимъ помѣщена лѣстница, означающая ступени, по которымъ императрица поднималась къ собору.

Въ старомъ соборѣ во имя Николая Чудотворца есть нѣсколько древнихъ иконъ хорошаго письма. Соборъ не великъ и, благодаря массивнымъ столбамъ, поддерживающимъ своды, оказывается внутри тѣснѣе, чѣмъ можно было предполагать по наружному виду.

Отъ соборовъ мы вышли на Крестовую улицу, считающуюся главною въ городѣ. Дома на ней почти сплошь каменные и свидѣтельствуютъ если не объ изяществѣ вкуса, то по крайней мѣрѣ о богатствѣ и довольствѣ своихъ обитателей. Хорошіе магазины, часто съ цѣльными зеркальными рамами, тянутся сплошною линіей вдоль всей Крестовой. На ней же помѣщаются торговые ряды и часовня Югскаго монастыря, основаннаго въ 1615 году старцемъ Дороѳеемъ въ 15 верстахъ отъ города. Дойдя по Крестовой до церкви Воздвиженія, построенной сравнительно не такъ давно, мы повернули обратно и, свернувъ направо, вскорѣ вышли на берегъ рѣки Черемхи, впадающей въ Волгу неподалеку отъ центра города.

Передъ нами высилось большое, но неизящное каменное зданіе городскаго театра, а за нимъ вдоль берега тянулся городской бульваръ, на которомъ мы встрѣтили массу гуляющихъ, и дѣйствительно этотъ бульваръ, какъ кажется, единственное мѣсто въ городѣ, гдѣ можно встрѣтить хоть немного зелени и отдохнуть на песчаныхъ дорожкахъ отъ каменныхъ городскихъ тротуаровъ. Бульваръ существуетъ очень давно и пользуется большою любовью жителей, не имѣющихъ собственныхъ садовъ или подгородныхъ дачъ. Вотъ что писалъ о немъ въ 1836 году о. Гомилевскій: «На гуляньѣ этомъ тѣснѣе соединяются всѣ сословія жителей и иногородныхъ гостей, представляя зрѣлище разнообразное. Въ одеждѣ видна красивая опрятность, въ поступкахъ вѣжливость. Взаимныя свиданія, утверждаемыя привычкою и пріятностію ума, и незнакомыхъ дѣлаютъ знакомыми. Здѣсь пріятно гулять и въ то время, когда порывы

осенняго вѣтра сбиваютъ съ деревъ разноцвѣтные листья и устилаютъ землю узорчатыми коврами. Шумное стремленіе здѣшняго водопада можно уподобить юности, низвергаемой быстрыми страстями; а спокойная поверхность пруда, отражающая лучи солнечные, тихо угасающіе на западѣ, напоминаетъ картину старости, наслаждающейся чистою совѣстію и отрадами безмятежной добродѣтели». Водопада мы уже не видѣли, вмѣсто него за Черемхою катились по дамбѣ товарные вагоны Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги по линіи, образующей соединительную вѣтвь съ Волгою.

На бульварѣ мы встрѣтили одного знакомаго петербургскаго негоціанта, пріѣхавшаго сюда на лѣтніе мѣсяцы.

— Какъ поживаете?

— Какъ нельзя хуже,—отвѣчалъ онъ съ грустною усмѣшкою:— совсѣмъ дѣла стали. Прежде хлѣбъ въ Рыбинскѣ считался самый дешевый—50 коп. пудъ, а теперь цѣна упала до 30 коп., и все-таки спроса нѣтъ.

— Но если здѣсь такая цѣна, то почемъ же его можно покупать на низовыхъ пристаняхъ?

— Если здѣсь покупатели даютъ не болѣе тридцати копеекъ, то мы, имѣя въ виду доставку и другіе расходы, никакъ не можемъ платить на пристаняхъ дороже двугривеннаго. Скиньте теперь барышъ, который возьметъ первый скупщикъ, собирающій хлѣбъ отъ крестьянъ, вычтите расходы за подвозъ хлѣба къ пристани, и вы получите въ результатѣ что-то въ родѣ пятачка за пудъ, который останется на долю крестьянина, а при такихъ условіяхъ и само хлѣбопашество, кромѣ убытка, ничего не принесетъ.

— Значитъ, и урожай былъ, и запасы есть, а пользы отъ того никакой?

— Теперь въ Рыбинскѣ у пристани стоятъ 370 судовъ, ниже по Волгѣ еще другія сто ожидаютъ очереди, а здѣсь не продается ни одного куля.

— Но по такимъ низкимъ цѣнамъ, я думаю, могли бы взять и за границу?

— Здѣсь есть англичанинъ, агентъ лондонской конторы. Я говорилъ ему, что цѣны теперь до смѣшнаго дешевы, но оказывается, что онъ уже телеграфировалъ въ Лондонъ, и ему отвѣчено: «ржи не надо». Какъ хотите, такъ и дѣлайте!—Вообще за послѣднее время хлѣбная торговля приноситъ только убытокъ, и хлѣбныхъ торговцевъ становится все менѣе и менѣе. Старики еще продолжаютъ дѣло въ небольшихъ размѣрахъ, и то только ужъ, какъ сами говорятъ, по привычкѣ. Благодаря западнымъ портамъ, Петербургъ, какъ хлѣбный портъ для торговли съ заграницей, падаетъ все болѣе и болѣе, и это сильно отражается на здѣшней хлѣбной торговлѣ.

Съ бульвара мы прошли къ церкви Казанской Божіей Матери, считающейся едва ли не самою древнею въ городѣ, хотя построена

она въ 1697 году. Вообще, древностей въ Рыбинскѣ почти совсѣмъ не имѣется: городъ носитъ современный дѣловой, торговый отпечатокъ, и о прежней рыбной ловецкой слободѣ не осталось и помина. Когда-то на мѣстѣ Казанской церкви стоялъ бѣдный маленькій монастырекъ, уничтожившійся самъ собою, когда въ окрестностяхъ слободы основалась существующая и понынѣ Югская пустынь. Въ настоящее время подъ городомъ находится женскій монастырь, представляющій собою въ нѣкоторомъ родѣ колонію Моложскаго, но построенъ онъ лишь въ шестидесятыхъ годахъ, и вся его исторія принадлежитъ еще будущему.

Неподалеку отъ монастыря, за Егорьевскимъ кладбищемъ, находилась извѣстная въ свое время Дѣевская роща съ лѣтнимъ театромъ и рестораномъ, гдѣ увеселялось во время оно наѣзжавшее сюда лѣтомъ купечество; теперь о ней что-то уже совсѣмъ не слышно.

Скопленіе народа въ лѣтнее время бывало здѣсь громадное. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Рыбинскъ цѣлыми сотнями собирались со всей Волги купцы и судохозяева, а бурлаковъ и рабочихъ набиралось за лѣто болѣе ста тысячъ.

Съ 1779 года начали составляться вѣдомости о количествѣ судовъ, приходившихъ съ низу къ Рыбинской пристани и отходившихъ отъ нея въ дальнѣйшій путь вверхъ по Волгѣ и ея притокамъ. Изъ этихъ вѣдомостей видно, что въ 1780 году количество прибывшихъ судовъ выразилась цифрою 1.328, а число отбывшихъ, послѣ перегрузки, было—2.189, изъ которыхъ 2.040 приходилось на долю барокъ. Общій вѣсъ прошедшаго черезъ Рыбинскъ товара составлялъ 10.000.000 пудовъ, а цѣнность его была опредѣлена въ пять милліоновъ рублей. Главный грузъ каравана составлялъ хлѣбъ въ зернѣ и въ мукѣ, но, кромѣ него, въ вѣдомости указаны еще: вино — до 80.000 ведеръ, сало, желѣзо — болѣе двухъ милліоновъ пудовъ, и мѣдная монета на сумму 723.800 рублей.

Около половины текущаго столѣтія число низовыхъ и верховыхъ судовъ въ общей сложности достигало цифры 10.000. На нихъ проходило грузовъ, и главнымъ образомъ хлѣба, по 50.000.000 пудовъ на сумму 40.000.000 рублей. Но бывали и такіе годы, какъ, напримѣръ, 1857-й, когда количество груза превысило даже цифру 70.000.000 пудовъ; этого же числа оно достигло и въ 1890 году. Теперь дѣла идутъ нѣсколько слабѣе. Причиною тому, отчасти — неурожаи, отчасти—хлѣбные кризисы въ родѣ нынѣшняго, а главнымъ образомъ отправка хлѣба изъ низовыхъ губерній непосредственно въ наши западные порты, куда онъ доставляется уже по рельсовому пути. Тѣмъ не менѣе отнюдь нельзя утверждать, чтобы значеніе Рыбинска, хотя и нѣсколько ослабѣвшее, было окончательно подорвано перемѣщеніемъ заграничнаго рынка. Благодаря своему выгодному положенію на такомъ обширномъ, покойномъ и дешевомъ пути, какъ Волга, онъ еще долго будетъ играть видную роль въ

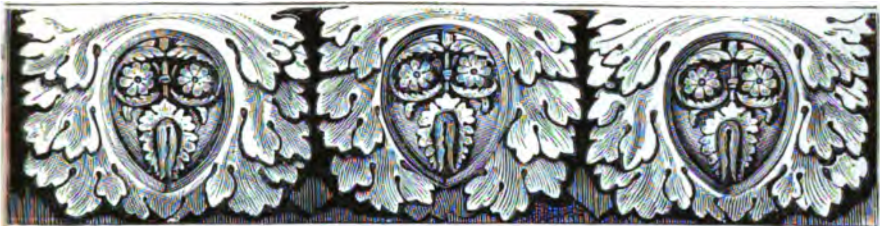
нашей хлѣбной торговлѣ,—если не во внѣшней, то во внутренней,—какъ посредствующее звено въ торговыхъ сношеніяхъ между нашимъ сѣверомъ и югомъ.

Намѣреваясь на слѣдующій день возвратиться въ Петербургъ по Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ, мы вечеромъ снова вышли на набережную, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Волгу. На прощанье она подарила насъ картиною рѣдкостнаго по своей роскоши заката, а сама предстала точно въ кованомъ золотомъ уборѣ, сверкающая тысячами брилліантовъ, зажженныхъ яркими косыми лучами заходящаго солнца. Внизу у нашихъ ногъ сплошною линіей тянулись пароходныя пристани и конторы, а подалѣе стройными рядами, точно войско, готовое къ сраженію, стояли унжаки, баржи, полулодки, тихвинки, маріинки, — словомъ суда всѣхъ размѣровъ и наименованій, пестря въ глазахъ своими разноцвѣтными вымпелами, покрывая вдали почти всю поверхность Волги. Солнце закатывалось; жизнь въ караванѣ начинала замѣтно стихать, и вскорѣ вся роскошная картина подернулась голубоватою вечернею дымкою.

На противоположномъ берегу, нѣсколько выше Рыбинска, виднѣлись церкви селъ Петровскаго и Васильевскаго, а подлѣ нихъ устье Шексны — начало третьяго и самаго главнаго воднаго пути съ Волги въ столицу. Маріинская система, протянувшаяся почти на тысячу верстъ, захватившая на своемъ пути цѣлыхъ четыре большихъ губерніи, служащая главною жизненною артеріей волжской торговли, сама по себѣ настолько интересна, что мы, прежде чѣмъ пуститься въ среднее волжское плесо, рѣшили посвятить слѣдующую поѣздку осмотру этой системы на всемъ ея протяженіи отъ Петербурга до Рыбинска и въ скоромъ времени осуществили свое намѣреніе, о чемъ разскажемъ въ отдѣльномъ очеркѣ.

И. Тюменевъ.

ДВѢ КНИГИ О СВОБОДѢ.

ЕДАВНО въ русскомъ переводѣ появились двѣ книги, сопоставленіе которыхъ чрезвычайно поучительно. Одна изъ нихъ принадлежитъ испытанному мыслителю съ міровою извѣстностью и выходитъ на русскомъ языкѣ вторымъ изданіемъ по прошествіи слишкомъ тридцати лѣтъ; другая принадлежитъ также очень серьезному политическому писателю и появилась въ оригиналѣ всего два года тому назадъ. Носятъ онѣ разныя заглавія, хотя и посвящены собственно одному и тому же вопросу. Это вопросъ объ организаціи свободы, понятно, политической. Мы говоримъ о книгѣ Дж. Ст. Милля: «Размышленія о представительномъ правленіи», и о трудѣ брюссельскаго профессора Адольфа Прэнса: «Организація свободы». Оба писателя—сыны двухъ наиболѣе свободныхъ странъ въ Европѣ, оба обладаютъ большою эрудиціею, оба горячіе сторонники свободы, оба наконецъ мыслители, умъ которыхъ не затемняется партійнымъ пристрастіемъ или политическими предразсудками.

Знаменитая книга Милля появилась въ концѣ 50-хъ годовъ, книга же Прэнса теперь, въ исходѣ столѣтія. Значитъ, ихъ раздѣляетъ почти сорокалѣтній промежутокъ времени, и въ теченіе этихъ сорока лѣтъ осуществилось многое, о чемъ мечталъ Милль, подтвердилась проницательность его въ политическихъ вопросахъ, но въ то же время ясно обозначилась справедливость нѣкоторыхъ его опасеній. Книга Прэнса какъ бы подводитъ всему этому итогъ, и авторъ, пользуясь опытомъ Франціи и своей родины, въ прекрасно очерченной картинѣ устанавливаетъ ошибки нашего политическаго

мышленія за истекшее время и выясняетъ очищенный отъ этихъ заблужденій политическій идеалъ, какимъ онъ рисуется наиболѣе просвѣщеннымъ умамъ. Отсюда уже видно, что политическія воззрѣнія Милля и Прэнса не могутъ во всемъ совпадать, что мысли, изложенныя въ «Организаціи свободы», представляютъ собою дальнѣйшее развитіе мыслей, изложенныхъ въ классической книгѣ «О представительномъ правленіи». Добавимъ еще, что какъ книга Милля представляетъ собою провѣренный испытаннымъ мыслителемъ сводъ политическихъ взглядовъ людей его времени, такъ книга Прэнса ясно отражаетъ мысли, сомнѣнія, тревоги людей нашего времени.

Посмотримъ же, какъ хотѣлъ организовать свободу Милль, и какъ хочетъ организовать ее, 40 лѣтъ спустя, Прэнсъ.

Милль, согласно духу своей эпохи, былъ утилитаристомъ. Если человѣку свобода необходима, то для чего? Понятно, для того, чтобы онъ могъ самъ заботиться о своемъ благополучіи, о своей пользѣ. Такимъ образомъ получается понятіе о политической свободѣ, какъ о наиболѣе вѣрномъ средствѣ обезпеченія своихъ интересовъ, духовныхъ и матеріальныхъ. Участіе каждаго гражданина въ политической жизни страны дорого тѣмъ, что оно даетъ ему возможность оградить свои интересы, содѣйствовать ихъ удовлетворенію.

Но вотъ тутъ-то и является вопросъ, какъ организовать свободу, понимаемую въ этомъ смыслѣ? Непосредственное участіе каждаго гражданина въ государственной жизни теперь немыслимо. Современныя государства такъ обширны, насчитываютъ такую массу гражданъ, что нельзя и помышлять о возрожденіи агоры или форума, то-есть собранія всѣхъ полноправныхъ гражданъ для рѣшенія государственныхъ вопросовъ. Выходъ одинъ: выборы. Граждане избираютъ своихъ уполномоченныхъ, которые вмѣсто нихъ рѣшаютъ государственныя дѣла. Въ современной политической жизни, по мысли Милля, слѣдовательно свобода и представительное правленіе тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою; только тамъ и существуетъ свобода, гдѣ существуетъ представительное правленіе; только тамъ человѣкъ можетъ дѣятельно заботиться объ удовлетвореніи своихъ интересовъ, гдѣ онъ пользуется избирательнымъ правомъ, гдѣ онъ выбираетъ себѣ представителей, которые рѣшаютъ государственныя дѣла согласно съ его интересами.

Итакъ, краеугольнымъ камнемъ свободы признается избирательное право, а вмѣстѣ съ тѣмъ политическіе выборы составляютъ основу участія всѣхъ гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ. Однако, на ряду съ обще-государственными дѣлами существуютъ еще и мѣстныя, провинціальныя, общинныя. Въ правильномъ ихъ рѣшеніи граждане также сильно заинтересованы. Поэтому и тутъ имъ должно быть предоставлено избирательное право, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ряду съ обще-государственнымъ представительствомъ возникаютъ

и мѣстныя, провинціальныя, городскія, общинныя. Такимъ образомъ получается цѣлая система парламентовъ: сѣть ихъ охватываетъ всю страну.

Какова же, по мысли Милля, задача всѣхъ этихъ парламентовъ? Отвѣтъ Милля можетъ сильно поразить тѣхъ, кто не знакомъ съ его книгою. Вотъ что онъ говоритъ буквально: «Если бы значительное большинство палаты общинъ поняло, что для законодательной дѣятельности требуется не бойкость рѣчи и право быть членомъ парламента, но болѣе положительныя качества, которыя можно найти, если ихъ поискать, то оно скоро уяснило бы себѣ, что въ дѣлѣ законодательства, какъ и въ дѣлѣ управленія, представительное правленіе должно не само дѣйствовать, но заставлять другихъ дѣйствовать и рѣшить, кому или какому роду людей оно можетъ довѣрить дѣло, затѣмъ дать свою санкцію или отказать въ ней, когда законопроектъ разработанъ». Значитъ, разработываютъ законопроекты не парламенты; а кто же? Особая законодательная комиссія, члены которой «должны назначаться короною». Далѣе Милль говоритъ: «Истинная задача представительнаго правленія состоитъ не въ управленіи, къ которому оно совершенно неспособно... Многолюдное собраніе такъ же мало способно къ непосредственной законодательной дѣятельности, какъ и къ административной... Никогда не признавалось желательнымъ, чтобы назначеніе даже членовъ кабинета исходило отъ парламента... Въ сущности единственное, что парламентъ рѣшаетъ, это—вопросъ, которой изъ двухъ или самое большее изъ трехъ партій или группъ должна принадлежать административная власть».

Значитъ, парламентъ и не разработываетъ законовъ, и не управляетъ, а только назначаетъ главу кабинета или государства. Что же касается до мѣстныхъ парламентовъ, то Милль слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ихъ задачу: «задача выборнаго собранія заключается не въ томъ, чтобы дѣйствовать, а чтобы наблюдать за надлежащею дѣятельностію другихъ и предупреждать упущенія... Самый существенный недостатокъ мѣстныхъ народныхъ учрежденій и главная причина ихъ часто повторяющейся неудачи заключается въ низкомъ интеллектуальномъ уровнѣ людей, входящихъ въ ихъ составъ... Прежде всего, всякій исполнительный органъ долженъ быть единоличный, и онъ одинъ долженъ отвѣчать за всю совокупность дѣлъ, ему порученныхъ. Затѣмъ, онъ долженъ не избираться, а назначаться». Правда, Милль тутъ уже не требуетъ созданія особой комиссіи, которая разработывала бы мѣстныя мѣропріятія и распоряженія, но во всякомъ случаѣ онъ и тутъ усматриваетъ главную задачу мѣстнаго парламента въ томъ, чтобы административная дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ предсѣдателя собранія, занимающаго въ мѣстности положеніе, аналогичное съ положеніемъ перваго министра въ государствѣ.

Вдумываясь въ эти основные тезисы Милля, мы постепенно получаемъ очень хорошо знакомую намъ картину государственной организаціи. Внизу работаетъ исполинскій избирательный механизмъ, состоящій изъ всѣхъ правоспособныхъ гражданъ. Задача этого механизма дать надлежащій контингентъ членовъ мѣстныхъ и общегосударственнаго представительныхъ собраній. Собранія эти признаются Миллемъ, однако, неспособными къ непосредственной административной и законодательной дѣятельности. Они въ свою очередь также только избираютъ надлежащихъ дѣятелей. Въ сущности же все сводится къ полученію верховнаго народнаго избранника, назначающаго административный персоналъ (бюрократію) и дѣйствующаго вмѣстѣ со всѣмъ штатомъ назначенныхъ имъ чиновниковъ подъ контролемъ представительныхъ собраній.

На первый взглядъ можетъ показаться, что Милль, этотъ проницательный мыслитель, повидимому, не замѣтилъ, какъ, составляя свой идеалъ представительнаго правленія, онъ въ сущности списалъ его точка въ точку съ государственнаго строя, созданнаго Наполеономъ III. Но на самомъ дѣлѣ онъ хорошо предусматривалъ всѣ опасности этого строя. Предлагая свой планъ организаціи свободы, отстроивая зданіе новаго государства, онъ глубоко задумался надъ прочностью его фундамента, то-есть того избирательнаго механизма, путемъ котораго осуществляется демократическое начало. Милль предусматривалъ, главнымъ образомъ, двѣ опасности: во-первыхъ, подавленіе меньшинства большинствомъ, а, во-вторыхъ, восторжествованіе темныхъ, своекорыстныхъ интересовъ (sinister interests). Дѣйствительно, исторически сложившіяся государственныя силы замѣнялись новою единственною силою, получаемою путемъ простого подсчета голосовъ. Большинство является всесильнымъ, и меньшинство должно безусловно ему подчиниться. Спрашивается, однако, какія цѣли преслѣдуетъ большинство, удовлетворенія какихъ интересовъ оно добивается, и можетъ ли оно считаться вполнѣ подготовленнымъ къ пониманію и умѣлой защитѣ истинныхъ своихъ интересовъ? Вѣдь невѣжественное большинство можетъ восторжествовать надъ просвѣщеннымъ меньшинствомъ, а темные, своекорыстные интересы — надъ общею пользою. Вѣдь республиканскій Римъ превратился въ императорскій съ его Неронами и Калигулами; вѣдь первая и вторая французская республика привели къ торжеству Робеспьеровъ или Наполеоновъ. А это только самые яркіе примѣры полнаго крушенія демократіи. Сколько другихъ примѣровъ, если не столь же громкихъ, то не менѣе убѣдительныхъ насчитываетъ исторія. Милль, конечно, не могъ не принять во вниманіе этихъ уроковъ исторіи. Но какія средства онъ предлагалъ, чтобы предотвратить опасность? Исчерпываются они — странно подумать — предоставленіемъ избирателю права подавать голосъ не только за кандидата даннаго избирательнаго округа, но и вообще за какого ему взду-

мается. Кромѣ того, Милль предлагалъ предоставить извѣстнымъ классамъ избирателей право на нѣсколько голосовъ. Цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, очевидна. Онъ этимъ надѣялся достигнуть того, что избиратели получатъ возможность выбирать такихъ кандидатовъ, которые пріобрѣли извѣстность или популярность во всей странѣ, благодаря своимъ заслугамъ въ области науки, литературы, администраціи, законодательства и т. д., и что парламентское большинство будетъ, такимъ образомъ, перемѣщено въ сторону интеллигенціи. Однако, второе средство, очевидно, кореннымъ образомъ противорѣчитъ демократическому принципу, предполагающему полное равенство гражданъ предъ закономъ. Къ тому же оно противорѣчитъ и основной цѣли демократическаго строя, потому что оно переноситъ вопросъ на почву привиллегіи, предоставляемой незначительному меньшинству распоряжаться судьбою большинства или по крайней мѣрѣ влiять на нее съ точки зрѣнія своихъ интересовъ. Что же касается до перваго средства, то-есть предоставленія избирателямъ права подавать голосъ за любого кандидата, то оно, очевидно, большой пользы принести не можетъ, потому что, если уже народной массѣ предоставлены избирательныя права, то, понятно, она будетъ голосовать за такихъ кандидатовъ, которые готовы защищать болѣе близкіе интересы въ ущербъ отдаленнымъ, своекорыстные интересы того или другого класса въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ. Даже болѣе совершенныя и остроумныя попытки устраненія отрицательныхъ сторонъ всеобщей подачи голосовъ, въ родѣ голосованія одноименнаго и по спискамъ, разныхъ видовъ пропорціональнаго голосованія и т. д., не привели къ цѣли, и во всѣхъ странахъ, гдѣ только существуетъ всеобщая подача голосовъ, начиная съ Соединенныхъ Штатовъ и кончая какой нибудь Греціей и Болгаріей, чувствуется и сознается сопряженное съ нею зло.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на выясненіи этого зла, потому что это недавно уже сдѣлано въ очень распространенной книгѣ—въ «Московскомъ Сборникѣ» К. П. Побѣдоносцева, преимущественно въ статьѣ, озаглавленной: «Великая ложь нашего времени». Подъ этою ложью авторъ разумѣетъ именно предоставленіе народной массѣ политическихъ правъ. Оно приводитъ къ подкупамъ, къ непрерывной борьбѣ партій изъ-за вліянія, къ обструкціонизму, къ неспособности парламента принимать иногда самыя необходимыя законодательныя мѣры, къ постоянной смѣнѣ министерствъ, сильно затрудняющей послѣдовательное осуществленіе государственныхъ задачъ, къ такимъ уродливымъ явленіямъ, какъ буланжизмъ, пресловутая Панама и т. д. Эти невыгодныя стороны широкаго примѣненія демократическаго принципа и общей подачи голосовъ теперь ясно сознаются на Западѣ всѣми просвѣщенными людьми. Но въ то же время нельзя не признать, что весь этотъ вопросъ тамъ

отчасти имѣетъ академическій характеръ. Сколько бы просвѣщенные люди ни указывали на эти печальныя явленія, какъ бы сильно ни возмущались они во Франціи Панамою, въ Соединенныхъ Штатахъ—продажностью избирателей, въ Бельгіи—побѣдами клерикаловъ и т. д., ни одно правительство не рѣшится коснуться избирательныхъ правъ гражданъ, потому что это значило бы совершить надъ собою актъ самоубійства: такое правительство не просуществовало бы болѣе одного дня. Избирательное право представляется гражданамъ этихъ странъ достояніемъ, пріобрѣтеннымъ цѣною громадныхъ жертвъ, подчасъ страшнаго кровопролитія. Слѣдовательно, въ настоящее время по крайней мѣрѣ нельзя и думать объ отмѣнѣ или объ ограниченіи избирательныхъ правъ. Это вполнѣ признаетъ и Прэнсъ въ своихъ поправкахъ къ организаціи свободы, предложенной Миллемъ. Бельгійскій ученый нисколько не скрываетъ отъ себя невыгодныхъ сторонъ всеобщей подачи голосовъ и избирательныхъ неустройствъ, на которыя указываетъ и авторъ статьи «Московскаго Сборника», но выводы, къ которымъ онъ приходитъ, существенно отличаются отъ выводовъ послѣдняго. Изъ статьи «Московскаго Сборника» можно сдѣлать для Запада одинъ только выводъ, именно, что «великая ложь нашего времени» должна быть устранена, т. е. что всѣ результаты вѣковаго развитія государственной жизни Европы должны быть разрушены, и на обломкахъ разрушеннаго—воздвигнуто новое зданіе. Прэнсъ же полагаетъ, что въ такомъ разрушительномъ процессѣ не представляется никакой надобности, что онъ вызвалъ бы новую революцію, быть можетъ, болѣе ужасную, чѣмъ французскій переворотъ конца прошлаго вѣка. Прэнсъ не разрушаетъ, а созидаетъ.

Его исходная точка слѣдующая. Если при организаціи свободы надо имѣть въ виду успѣшную защиту каждымъ гражданиномъ своихъ интересовъ, то центръ тяжести всего вопроса лежитъ именно въ этихъ интересахъ. Свобода сама по себѣ не есть еще благо; она служитъ только средствомъ для достиженія извѣстныхъ благъ. Между тѣмъ въ страстной борьбѣ за свободу эта истина часто забывается. Дѣятели первой французской революціи совершенно упустили изъ виду, что въ дореволюціонномъ строѣ существовало многое, что лучше ограждало интересы отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ голое установленіе свободы. Это именно былъ принципъ, въ силу котораго однородные интересы объединялись, и это соединеніе обезпечивало за ними успѣхъ. Гильдіи, цехи, объединяясь въ городскія общины, вступили въ борьбу съ такими могущественными общественными силами, какъ свѣтскіе и духовные феодалы, и одержали надъ ними рѣшительную побѣду. Само собою разумѣется, что отдѣльный ремесленникъ, какой нибудь подмастерье или ученикъ, былъ совершенно безсиленъ въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ передъ феодалами; соединяясь же въ цехи, сливаясь въ городскую общину, мастера,

подмастерья и ученики, образовали ту соціальную силу, которая создала третье сословіе, сокрушившее весь феодальный строй и прежнее дореволюціонное государство. А между тѣмъ первая французская революція, чтобы и подчинить государство личности и дать послѣдней политическія права, разрушила всѣ дореволюціонные соціальные организмы. Надо ли указывать, что сразу получился очень печальный результатъ: Маратъ, Робеспьеръ, Наполеонъ I, уничтожили свободу, воспользовавшись съ этою цѣлью оружіемъ, которое дала имъ въ руки сама революція: ни духовенства, ни дворянства, ни городскихъ общинъ уже не существовало въ качествѣ могущественныхъ соціальныхъ силъ, ограждавшихъ интересы своихъ членовъ, и какъ Робеспьеръ превратилъ обособленную личность въ мясо, которое безсмысленно рѣзала гильотина, такъ Наполеонъ I могъ превратить всю націю, состоявшую изъ обособленныхъ индивидовъ, въ пушечное мясо для достиженія своихъ честолюбивыхъ плановъ. Въ общемъ получился новый видъ политическаго рабства, ужаснаго по своимъ послѣдстіямъ, уничтожившаго личность въ ея правахъ на трудъ, имущество, здоровье, жизнь.

На первый разъ общая подача голосовъ не оградила свободы: она только установила полное равенство въ безправіи гражданъ предъ лицомъ государства. Дореволюціонное государство должно было считаться и съ дворянствомъ, и съ духовенствомъ, и съ городскими общинами; послѣ революціи государство имѣло дѣло только съ обособленнымъ гражданиномъ. Конечно, по своему могуществу правительство Наполеона I стояло неизмѣримо выше правительствъ Людовика XV и Людовика XVI. Значитъ, если разсматривать вопросъ исключительно съ политической точки зрѣнія, то мы придемъ къ выводу, что могущество государства усилилось въ ущербъ обществу. Наполеонъ I распоряжался не менѣе полновластно судьбою Франціи, чѣмъ Людовикъ XIV, но при великомъ королѣ членъ отдѣльныхъ вліятельныхъ группъ находилъ защиту своихъ интересовъ въ группѣ, къ которой онъ принадлежалъ, а при великомъ императорѣ вся соціальная группировка была уничтожена, и индивиду приходилось имѣть дѣло только съ государствомъ, распоряжавшимся его судьбою по своему усмотрѣнію.

Таковъ ходъ мысли Прэнса. Теперь читатель легко пойметъ и его дальнѣйшій выводъ, особенно если онъ приметъ во вниманіе, что и въ экономической области произошелъ аналогичный процессъ. То, что сказалъ Некрасовъ объ отмѣнѣ крѣпостного права: «порвалась цѣпь великая» и «ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику», въ значительной степени оправдалось и на отмѣнѣ въ Западной Европѣ дореволюціоннаго строя. Не смотря на всю неудовлетворительность и несправедливость этого строя, не смотря на вопіющія злоупотребленія, которыя онъ вызывалъ, все-

таки отдѣльная личность находила въ немъ экономическую поддержку. Хозяинъ, кѣмъ бы онъ ни былъ, несъ обязанность заботиться о благополучіи своихъ рабочихъ; многочисленныя корпораціи всякаго рода несли ту же обязанность по отношенію ко всѣмъ своимъ членамъ; нравственный элементъ не былъ исключенъ изъ экономической жизни. Все это круто перемѣнилось съ установленіемъ такъ называемаго равенства: прежде съ имуществомъ были сопряжены не только права, но и обязанности; теперь всѣ обязанности, сопряженныя съ собственностью, были отмѣнены; всякій самъ себѣ господинъ, и всякій долженъ самъ заботиться о себѣ или обращаться за помощью къ государству. Но въ то же время устанавливался взглядъ, что вмѣшательство государства въ экономическую жизнь неумѣстно и даже вредно, что его задача состоитъ лишь въ огражденіи права и — что̀ подразумѣвалось — въ дарованіи каждому гражданину самыхъ широкихъ правъ: были бы у насъ только права, а объ остальномъ мы позаботимся де сами. Все это въ совокупности привело къ тому, что лицомъ къ лицу столкнулись только двѣ силы: съ одной стороны—обособленный индивидъ, съ другой стороны — государство.

Этому явленію въ значительной степени содѣйствовало еще другое обстоятельство: въ виду стремленія индивида заручиться самыми широкими политическими правами и вторгаться въ государственную дѣятельность, новое государство начало очень ревниво оберегать свои собственныя права. Если бы корпораціи и всякаго рода соціальные организмы, созданные дореволюціоннымъ строемъ, не были сразу упразднены, а постепенно перешли въ такія соціальныя группы, которыя удовлетворяли бы новымъ требованіямъ жизни, то не произошло бы экономической обособленности индивида. Но революція смела всѣ эти организмы, не замѣнивъ ихъ другими формами солидарности, и, государство, вступивъ въ свои всесильныя права, начало подозрительно относиться ко всякаго рода союзамъ и ассоціаціямъ, предполагая въ нихъ тайныхъ своихъ враговъ. Къ сожалѣнію, эта подозрительность не была лишина основанія. При всеобщемъ стремленіи расширить свои права, разные революціонные кружки создавались легче и успѣшнѣе, чѣмъ ассоціаціи, преслѣдовавшія не политическія, а экономическія цѣли. Революціонное броженіе, имѣвшее такія прискорбныя послѣдствія во время первой французской революціи, продолжалось. Людей, склонныхъ однимъ ударомъ пересоздать все, было больше, чѣмъ такихъ, которые склонны были къ постепенному совершенствованію сложившихся условій; только что освобожденная народная масса, не пріученная къ самодѣятельности, не могла себѣ помочь собственными силами. Первые сознали силу ассоціаціи капиталисты и широко воспользовались ею, отрекаясь отъ всякихъ революціонныхъ начинаній и заботясь только объ экономическихъ успѣхахъ. Такимъ

образомъ возникли крупныя акціонерныя предпріятія, которыя двинули экономическую жизнь съ поразительною быстротою, но относились къ рабочимъ, какъ къ простому орудію производства, и могли такъ относиться къ нимъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны государства, потому что послѣднее довѣряло капиталистамъ, но не довѣряло тѣмъ дѣятелямъ, которые принимали на себя защиту интересовъ рабочихъ, въ виду ихъ стремленія достигнуть своей цѣли путемъ коренныхъ переворотовъ. Такимъ образомъ все болѣе обострялось столкновеніе между двумя уцѣлѣвшими силами: обособленнымъ индивидомъ и государствомъ.

Въ виду этого положенія дѣлъ мы поймемъ, почему Прэнсъ отводитъ главную часть своего труда такимъ вопросамъ, какъ борьба съ современнымъ чрезмѣрнымъ индивидуализмомъ, защита идеи соціальной группировки, право заключать дозволенные закономъ союзы безъ подозрительнаго вмѣшательства администраціи. Но главная его мысль заключается въ томъ, что если исходить изъ защиты интересовъ, то надо заботиться преимущественно о томъ, чтобы защита эта была успѣшна, и что эта защита не можетъ быть успѣшна при нынѣ практикуемой системѣ всеобщей подачи голосовъ, хотя бы со всѣми ея дополненіями и усовершенствованіями. Въ основѣ представительнаго правленія должна лежать правильная группировка интересовъ: представлены должны быть не лица, а интересы. Другими словами — хотя, къ сожалѣнію, эта мысль недостаточно ясно выражена у Прэнса — нормальное политическое представительство предполагаетъ предварительную организацію, то-есть нормальную группировку всѣхъ представителей жизненныхъ интересовъ. Предрѣшать тутъ что нибудь законодательнымъ путемъ — такъ мы понимаемъ мысль Прэнса — невозможно: интересы создаются самою жизнью, и если государство не будетъ противодѣйствовать естественному ихъ проявленію и дозволенной закономъ ихъ организаціи, та самая жизнь совершитъ необходимую предварительную работу: не стѣсняемое чрезмѣрною регламентаціею общество само выяснитъ образованіемъ всевозможныхъ союзовъ и ассоціацій, на что должно быть обращено вниманіе правительства, какіе интересы заслуживаютъ поддержки и заботливости. Государству уже не придется имѣть дѣло съ обособленными индивидами, дѣйствующими всякій на собственную руку. Избирательная система, предоставляя каждому гражданину, какъ и теперь, право голоса въ своей группѣ, избѣгнетъ теперешнихъ своихъ отрицательныхъ сторонъ, потому что достигнуто будетъ систематическое представительство интересовъ, которое теперь можетъ считаться только случайнымъ въ виду тѣхъ сомнительныхъ и недостойныхъ средствъ, которыя пускаются въ ходъ, чтобы заручаться избирательными голосами, иначе говоря, «ловить» избирателей путемъ подкупа, громкихъ фразъ, несбыточныхъ обѣщаній въ расчетѣ на ихъ невѣжество или продажность.

Мало того, такая организація выдвинетъ реальные интересы, которые замѣнятъ собою нынѣшнюю шумиху пустозвонныхъ фразъ, доставляющихъ перевѣсъ тому или другому кандидату. Въ парламентъ будутъ попадать лишь дѣятели, которые сумѣли въ самой жизни доказать свою способность успѣшно защищать тѣ или другіе реальные интересы: не простые говоруны, а люди дѣла, пользующіеся заслуженнымъ сочувствіемъ той или другой организованной группы лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится и наблюдаемое теперь печальное явленіе, что избиратели, разочарованные дѣятельностью парламента, начинаютъ относиться безучастно къ выборамъ и въ большомъ числѣ воздерживаются отъ подачи голосовъ: выборы перестаютъ ихъ интересовать, потому что они пришли къ убѣжденію, что политика — одно, а жизнь — другое. Это — фактъ въ своемъ родѣ поразительный. По вычисленіямъ компетентныхъ лицъ, во Франціи изъ пяти избирателей только двое подаютъ голоса, а слѣдовательно три пятыхъ населенія не имѣютъ представительства въ палатѣ депутатовъ. При такихъ обстоятельствахъ всеобщая подача голосовъ пріобрѣтаетъ характеръ чисто фиктивн й, и утверждать, что государственные вопросы рѣшаются большинствомъ населенія,— простой обманъ. Политическія права дарованы гражданамъ; они сильно дорожатъ ими, но не хотятъ ими пользоваться. Въ Бельгіи дѣло дошло до того, что пришлось установить обязательность голосованія и насильно тащить избирателей къ урнамъ. Избирательное право, какъ многія общественныя и политическія права, превратилось въ какую-то тяжкую повинность.

Чѣмъ же это объясняется? Почему граждане открещиваются отъ того, чего они добивались, какъ великаго блага? Полное заглавіе книги Прэнса слѣдующее: «Организація свободы и общественный долгъ». Если бы Милль снабдилъ свой классическій трудъ такимъ же полнымъ заглавіемъ, то онъ назвалъ бы его: «Размышленія о представительномъ правленіи и о политическихъ правахъ». Такимъ образомъ въ промежутокъ времени, раздѣляющій эти двѣ книги, если не произошелъ коренной переворотъ во взглядахъ свободомыслящихъ людей, то совершилась существенная перемѣна въ постановкѣ вопроса. Сорокъ лѣтъ тому назадъ центръ тяжести заключался въ политическихъ правахъ; теперь же онъ заключается въ общественныхъ обязанностяхъ. Другими словами, мыслители пришли къ выводу, что одни политическія права не могутъ обезпечить благополучія общества, что и тутъ оправдывается мысль римскихъ юристовъ: «нѣтъ права безъ обязанности», какъ нѣтъ обязанности безъ права. Гражданинъ не можетъ отговариваться тѣмъ, что онъ платитъ налоги, и что это избавляетъ его отъ другихъ политическихъ обязанностей. Государство—не коммерческое предпріятіе, не акціонерная или страховая компанія; государство—живой союзъ лицъ, въ которомъ денежными платежами нельзя достигнуть нормальнаго вза-

имодѣйствія между властью и свободою, между законодательствомъ, управленіемъ и интересами всѣхъ гражданъ. Пользованіе политическими правами обезпечивается сознаніемъ политическихъ обязанностей; право участія въ законодательствѣ или управленіи предполагаетъ сознаніе обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ участіемъ. Если гражданинъ полагаетъ, что, отбывъ воинскую повинность и заплативъ налоги, онъ исполнилъ всѣ свои обязанности по отношенію къ государству, то онъ сильно ошибается, потому что нормальная жизнь государства обусловливается не только тѣмъ, чего оно непосредственно требуетъ отъ гражданина, но и стремленіемъ самого гражданина къ гражданственности, а она въ свою очередь обусловливается не только требованіемъ правъ, но и исполненіемъ соотвѣтственныхъ обязанностей.

Сознавали ли и сознаемъ ли мы это вполнѣ ясно? Трудно отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ. Если въ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ всеобщая подача голосовъ во всей своей полнотѣ, избирателями овладѣла какая-то апатія, какое-то нерасположеніе пользоваться своими избирательными правами, то это, конечно, значитъ, что установленный государственный строй ихъ не удовлетворяетъ, что онъ не ограждаетъ ихъ интересовъ. Но, при лучшемъ желаніи, что можно еще сдѣлать для избирателей, какое придумать еще средство для болѣе полнаго проявленія народовластія? Каждый гражданинъ имѣетъ право избирать себѣ законодателей и администраторовъ. Отъ него зависитъ, чтобы составъ мѣстныхъ представительныхъ собраній, какъ и общегосударственнаго, былъ тотъ, а не иной. Такимъ образомъ ничто не мѣшаетъ членамъ этихъ собраній сдѣлаться, какъ говорилось у насъ въ старину, излюбленными людьми, пользующимися полнымъ довѣріемъ своихъ согражданъ. А между тѣмъ это оправдывается лишь въ очень слабой степени. Но кто же тутъ виноватъ? Почему избиратели, пользуясь полнымъ правомъ и полною возможностью избирать наиболѣе желательныхъ для нихъ представителей, избираютъ не ихъ, а дѣятелей, которые доводятъ, напримѣръ, Францію до буланжизма и до Панамы? И не видимъ ли мы вообще, что постоянныя смѣны министерствъ, интриги, козни, коалиціи и избирательная политика, заставляющія смѣняющіяся министерства создавать все новыя бюрократическія должности для удовлетворенія своихъ сторонниковъ, расхолаживаютъ здравомыслящихъ людей къ установленному строю. Значитъ, этому строю вообще чего-то недостаетъ, но такъ какъ придумать болѣе совершенную форму проявленія народовластія нѣтъ никакой возможности, такъ какъ все, что можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи, уже сдѣлано, то, очевидно, надо искать ключъ къ разгадкѣ не въ политическихъ правахъ, а въ чемъ-то другомъ.

Въ чемъ же именно? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, возвратимся къ Прэнсу и сдѣлаемъ изъ его книги слѣдующую выписку.

Онъ спрашиваетъ: «Не поразительно ли равнодушіе такъ называемыхъ правящихъ классовъ къ дѣлу управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова? Они въ немъ такъ же мало участвуютъ, какъ и управляемые. Правда, въ дни выборовъ они политиканствуютъ, но скоро опять впадаютъ въ апатію и, воображая, что расквитались съ отечествомъ, уплативъ налоги, отказываются отъ исполненія общественныхъ обязанностей, предоставляютъ всю административную дѣятельность правительству, возлагая на него непосильную задачу все дѣлать, во все входить, и не оказывая ему никакого содѣйствія». Затѣмъ Прэнсъ продолжаетъ: «На земномъ шарѣ множество мирныхъ мѣстечекъ, захолустныхъ деревень, гдѣ скромные обыватели, имена которыхъ навсегда останутся неизвѣстными, трудятся въ тиши и умираютъ въ забвеніи. Надъ ними ураганомъ проносились взрывы человѣческихъ страстей, они видѣли злоупотребленія феодальнаго деспотизма, и революціонныя безчинства, и ужасы войнъ. Но ничто не сокрушило ихъ. Послѣ періода волненія ихъ опять находили впряженными въ привычныя дѣла; они напоминаютъ тѣ гранитныя глыбы, которыя волна заливаетъ во время бури, но которыя опять скоро возвышаются своими вершинами къ ясному небу надъ успокоеннымъ моремъ. Они также гранитъ человѣчества... Люди, у которыхъ подъ ногами черноземъ родной земли, а передъ глазами сіяніе цивилизаціи, вмѣщаютъ въ себѣ двѣ большія руководящія силы вселенной—наслѣдственность и эволюцію, традицію и прогрессъ, и не впадаютъ въ двойную крайность: не признаютъ только новое или старое хорошимъ».

Такъ характеризуетъ Прэнсъ управляемыхъ и затѣмъ обращается къ правящимъ. «Когда, люди располагающіе временемъ, средствами, вліяніемъ и опытомъ, пренебрегаютъ этою живительною средою, когда они оставляютъ землю и являются въ большіе города, они сѣютъ вражду и зависть тамъ, гдѣ могли бы сѣять общественный миръ; они обезсиливаютъ мѣстную жизнь, способствуютъ своимъ примѣромъ бѣгству въ столицы, вызываютъ опустѣніе и оскудѣніе въ деревняхъ; отправленіе общественныхъ должностей становится невозможнымъ за недостаткомъ людей, и центральному правительству опять таки приходится замѣнять отсутствующую мѣстную власть. Тогда распространяется мысль, что вся сила, утраченная провинціальными органами, ушла въ центръ, и люди простираютъ руки къ государству, требуя отъ него невозможнаго»...

Не буду выписывать дальнѣйшихъ соображеній Прэнса по этому поводу, такъ какъ мнѣ самому приходилось уже неоднократно высказываться въ этомъ смыслѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» [1]). Отмѣчу только, что, если двое людей, размышляющихъ о

[1]) Ср. напримѣръ мою статью: «Къ исторіи либерализма» («Историческій Вѣстникъ», февраль, 1898).

политическихъ и общественныхъ вопросахъ, одинъ въ Петербургѣ, а другой въ Брюсселѣ, приходятъ къ совершенно одинаковому выводу, то есть значительное вѣроятіе предположить, что выводъ этотъ обусловливается не субъективною точкою зрѣнія, не предвзятою теоріею, а самою жизнью. Какъ ни различны условія, въ которыя поставлены Россія и Бельгія, у нихъ есть одна общая черта, встрѣчающаяся и въ большинствѣ другихъ цивилизованныхъ странъ, именно чрезмѣрное довѣріе, даже пристрастіе къ политическимъ формамъ. Между тѣмъ, въ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ только та форма надежна, которая имѣетъ соотвѣтственное содержаніе. Самъ Прэнсъ выясняетъ, какъ призрачно и обманчиво оказывается иногда народовластіе. Можно законодательнымъ путемъ его установить, но оно потерпитъ крушеніе, если народъ не въ состояніи управлять собою. Въ 1793 году, во Франціи было установлено безусловное народовластіе, и оно привело къ Робеспьеру, Наполеону I, къ цезаризму; оно было опять установлено въ 1848 году и дало Франціи Наполеона III; въ 1870 году, оно было установлено въ третій разъ и держится до сихъ поръ, но, если оно — чего мы не думаемъ — и въ третій разъ потерпитъ крушеніе, то развѣ можно будетъ сомнѣваться въ истинной причинѣ этого факта? Почему испытанныя политическія формы древней Эллады или могущественнаго Рима перестали обезпечивать свободу, почему республика не могла удержаться въ Испаніи, почему народовластіе въ южной Америкѣ постоянно приводило къ диктатурѣ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: народъ не умѣлъ управлять самъ собою, форма не могла удержаться, потому что въ ней не было настоящаго содержанія. Съ другой стороны народовластіе иногда вполнѣ устойчиво, какъ показываетъ примѣръ тѣхъ же государствъ классической древности, продержавшихся много вѣковъ, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ. Но если оно устойчиво, то, повторяемъ, только при способности народа управлять собою. Наиболѣе же надежнымъ критеріемъ въ этомъ отношеніи служитъ готовность и умѣнье народа исполнять свои общественныя обязанности. Если эта готовность, это умѣнье отсутствуютъ, народовластіе всегда будетъ пустымъ звукомъ, сколько бы ни октроировалось наилиберальнѣйшихъ конституцій.

Но какія же общественныя обязанности мы имѣемъ въ виду? На это мы отвѣтимъ вопросомъ: исполняетъ ли свои общественныя обязанности мужъ, легкомысленно относящійся къ браку, отецъ, небрежно воспитывающій своихъ дѣтей, земледѣлецъ, пропивающій скудный свой заработокъ, помѣщикъ, кредитующійся безъ конца, чтобы удовлетворять своимъ прихотямъ, чиновникъ, отбывающій свою службу, какъ тяжелую повинность или злоупотребляющій своимъ положеніемъ для незаконныхъ поборовъ, учитель и профессоръ, не сознающіе своей отвѣтственности передъ подростающимъ

поколѣніемъ, а угождающіе начальству или ищущіе дешевой популярности среди молодежи, писатель, торгующій своимъ словомъ или спекулирующій на дурные инстинкты, легкомысліе или невѣжество толпы, житель провинціи, имѣющій полную возможность служить родинѣ на мѣстѣ и бѣгущій въ столицы для удовлетворенія тамъ своего тщеславія или своей жажды удовольствій и развлеченій,— исполняютъ ли всѣ эти люди свои общественныя обязанности? Мы поминутно слышимъ стереотипную фразу: условія мѣшаютъ. Но какія это условія? Тѣ ли, которыя насъ окружаютъ въ Россіи, или тѣ, которыя существуютъ, напримѣръ, въ Бельгіи? Тамъ уже осуществились тѣ условія, на отсутствіе которыхъ мы жалуемся въ Россіи. Но почему же въ такомъ случаѣ свободолюбивый профессоръ Брюссельскаго университета, Прэнсъ, озаглавилъ свою книгу «Организація свободы и общественный долгъ»? Почему и онъ приходитъ къ выводу, что одними политическими правами дѣлу не поможешь, что истинной свободы не будетъ до тѣхъ поръ, пока люди не научатся ясно сознавать и исполнять свои общественныя обязанности?

Предложимъ въ заключеніе еще одинъ вопросъ: почему, спросимъ мы, книга Прэнса такъ краснорѣчива и убѣдительна въ своей критической части и въ сущности даетъ такъ мало матеріала для положительнаго рѣшенія вопроса? Въ смыслѣ новой политической организаціи онъ предлагаетъ только замѣну прямыхъ выборовъ двойными, то есть предлагаетъ руководствоваться при выборахъ депутатовъ той избирательной системой, которая, напримѣръ, практикуется во Франціи при выборахъ въ сенатъ. Проще говоря, путемъ прямыхъ выборовъ будутъ избираться только представители мѣстныхъ, провинціальныхъ собраній, а депутаты общегосударственнаго парламента будутъ избираться уже этими собраніями. И даже это предложеніе Прэнсъ дѣлаетъ, такъ сказать, мимоходомъ, то-есть оставляетъ вопросъ въ сущности нерѣшеннымъ, ограничиваясь общимъ положеніемъ, что представительство лицъ должно быть замѣнено представительствомъ интересовъ, надлежащимъ образомъ сгруппированныхъ. Слѣдовательно, Прэнсъ какъ бы отказывается придумать новую политическую организацію и раздѣляетъ въ этомъ отношеніи участь Милля, предложенія котораго, какъ мы видѣли, также не выдерживаютъ критики.

Послѣ всего нами изложеннаго не трудно уяснить себѣ причину этого очевиднаго безсилія мыслителей пріискать новыя политическія формы. Исторія раскрываетъ намъ такое обиліе разныхъ политическихъ формъ, что человѣческая изобрѣтательность въ этомъ направленіи какъ будто исчерпана. Мало того, исторія насъ убѣждаетъ, что при очень несовершенныхъ формахъ государства процвѣтали, и что наоборотъ при наиболѣе совершенныхъ формахъ они обнаруживали явные признаки упадка. Никто не признаетъ китай-

ское государственное устройство совершеннымъ, а между тѣмъ Китай—наиболѣе древнее въ мірѣ государство; гораздо совершеннѣе, конечно, было аѳинское или римское государственное устройство, а между тѣмъ оно не предохранило ни Рима, ни Аѳинъ отъ крушенія. Съ демократической точки зрѣнія французское государство было организовано во время первой революціи самымъ совершеннымъ образомъ, а между тѣмъ оно въ теченіе почти цѣлаго столѣтія переносило страшныя катастрофы и привело теперь, какъ говорятъ, къ торжеству буржуазіи, въ то время какъ государства съ менѣе совершенною организаціею, въ родѣ, напримѣръ, Германіи, развивались безъ такихъ потрясеній и во многихъ отношеніяхъ достигли болѣе благопріятныхъ результатовъ. На это впрочемъ указывалъ уже Милль, говоря, что самая совершенная въ теоріи форма можетъ оказаться на практикѣ самой непригодной. Для дальнѣйшаго выясненія нашей мысли мы прибѣгнемъ къ невѣроятной гипотезѣ и предположимъ, что населеніе даннаго государства состоитъ исключительно изъ лѣнтяевъ, тунеядцевъ, мошенниковъ. Какая политическая форма можетъ спасти подобное государство? Но если перейти отъ невѣроятной гипотезы къ историческимъ фактамъ, то мы легко убѣдимся, что государства съ трудолюбивымъ, честнымъ, просвѣщеннымъ населеніемъ всегда процвѣтали, даже не смотря на большое несовершенство политическихъ формъ, и легко добивались болѣе совершенныхъ. Дѣйствительно, если мы сдѣлаемъ обратную, невѣроятную гипотезу и представимъ себѣ государство, въ которомъ каждый гражданинъ является образцовымъ мужемъ, отцомъ, земледѣльцемъ, чиновникомъ, учителемъ и т. д., то, конечно, государство будетъ процвѣтать независимо отъ своихъ политическихъ формъ, или, точнѣе говоря, это государство представитъ самыя надежныя гарантіи установленія наиболѣе для него пригодныхъ формъ. Словомъ, при несомнѣнномъ взаимодѣйствіи развитого сознанія общественнаго долга и политическихъ формъ, надо признать, что основнымъ факторомъ все-таки являются нравственныя и гражданскія качества населенія, и поэтому они-то и заслуживаютъ преимущественнаго вниманія. Скажемъ болѣе, политическая власть рано или поздно всегда окажется въ рукахъ того класса населенія, которое обладаетъ въ наибольшей степени этими качествами, какая бы ни была установлена политическая форма. Такъ было въ древности, такъ было въ средніе вѣка, и эта истина сохраняетъ свою обязательную силу и по настоящій день. Только не надо думать, что лучшими гражданами являются тѣ, которые запаслись книжною мудростью. Можно пріобрѣсти очень обширныя книжныя знанія и даже быть великимъ ученымъ, но оставаться очень плохимъ гражданиномъ, и наоборотъ. Вспомнимъ Бэкона и Бомарше. Смѣшеніе этихъ двухъ понятій вызываетъ цѣлый рядъ предразсудковъ, которые отражаются очень неблагопріятно на нашемъ политическомъ міросозерцаніи. Чтобы имѣть то вліяніе въ жизни, которымъ обезпечива

ется политическая власть, надо дѣйствовать въ самой жизни, надо знать ея требованія, удовлетворять ея нуждамъ. Тотъ, кто это не умѣетъ, не можетъ плодотворно вліять на нее. Даже заручившись властью, онъ причинитъ больше вреда, чѣмъ пользы. Яркимъ примѣромъ этого рода могутъ служить дѣятели первой французской революціи, которые, желая подчинить себѣ жизнь, послѣ цѣлаго ряда неслыханныхъ жестокостей привели страну только къ Наполеону I. Не менѣе вразумительнымъ примѣромъ могутъ служить нѣмецкіе и французскіе соціалисты: во Франціи соціалисты хотятъ ломать жизнь на свой ладъ и до сихъ поръ не заручились сколько нибудь замѣтнымъ вліяніемъ; въ Германіи они примѣняются къ жизни и составляютъ одну изъ самыхъ многочисленныхъ партій въ рейхстагѣ, быстро увеличивающуюся съ каждыми новыми выборами. Если же обратиться къ болѣе общему примѣру, то мы увидимъ, что тотъ общественный классъ, который въ Европѣ наиболѣе удовлетворялъ требованіямъ современной ему жизни, проявилъ наибольшую умственную и нравственную силу и лучше всего исполнялъ свои общественныя обязанности, сдѣлался самымъ вліятельнымъ въ государствѣ. Это было такъ называемое третье сословіе съ его изумительною способностью примѣняться къ требованіямъ жизни, съ его успѣхами въ экономической области, съ его стремленіемъ къ истинному просвѣщенію, съ его готовностью служить обществу. Оно сперва было самою надежною опорою государственной власти; когда эта власть, какъ, напримѣръ, во Франціи, перестала заботиться о народномъ благѣ, оно ее свергло и умѣло сохранить по сегодняшній день свое вліяніе въ государствѣ, не смотря на всѣ ошибки и увлеченія крайнихъ своихъ элементовъ. Въ какую страну мы ни заглянемъ, вездѣ мы увидимъ одно и то же явленіе: общественный классъ, наиболѣе удовлетворяющій требованіямъ общества и государства въ данное время, пользуется и наибольшимъ вліяніемъ. Это вполнѣ подтверждается и нашею исторіею съ ея попеременнымъ преобладаніемъ того или другого общественнаго класса, смотря по основнымъ задачамъ, которыя выдвигала жизнь: дружинниковъ, духовенства, бояръ помѣщиковъ, чиновниковъ (бюрократія). Такимъ образомъ, если вѣрно, что всякій народъ имѣетъ правительство, какого онъ заслуживаетъ, то не менѣе вѣрно, что и всякій общественный классъ пользуется тѣмъ вліяніемъ въ государствѣ, какого онъ заслуживаетъ, или, обобщая эту мысль, мы скажемъ, что политическія формы данной страны тѣмъ меньше вызываютъ нареканій, чѣмъ полнѣе граждане умѣютъ удовлетворять непосредственнымъ требованіямъ жизни, чѣмъ лучше они исполняютъ свой общественный долгъ. Во всякомъ случаѣ только это условіе придаетъ политической формѣ опредѣленное содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устойчивость.

Р. Сементковскій.

Н. С. ЛѢСКОВЪ И ЕГО ПОЗДНѢЙШІЕ КРИТИКИ.

I.

ЕРВОЕ изданіе «Полнаго собранія сочиненій Николая Семеновича Лѣскова» въ десяти томахъ быстро разошлось въ публикѣ, къ крайнему изумленію самого автора, еще при его жизни, въ 1890 г., и теперь понадобилось второе изданіе его сочиненій, уже въ двѣнадцати томахъ, исполненное г. Марксомъ, издателемъ «Нови», безукоризненно, съ нѣсколькими портретами покойнаго писателя и снимками его оригинальнаго рабочаго кабинета. Послѣдніе два тома, не вошедшіе въ первое изданіе, заключаютъ въ себѣ такія весьма крупныя произведенія, какъ: «Полунощники», «Часъ воли Божіей», «Юдоль», «Продуктъ природы», «Загонъ», «Зимній день» и т. д. Кромѣ того, цѣна этому изданію, вмѣсто прежнихъ 26 р., назначена 15 р. и при первомъ томѣ имѣется основательная критико-біографическая о Лѣсковѣ статья г. Сементковскаго. Въ нашихъ воспоминаніяхъ о Лѣсковѣ («Историческій Вѣстникъ», 1895 г., № 4) мы говорили, что многія его произведенія, по особо интимному тону и прямымъ указаніямъ, имѣютъ автобіографическое значеніе и объясняютъ не только многочисленные «инциденты» въ литературной жизни Лѣскова («Петербургскіе пожары», появленіе романа «Некуда» и т. д.), но и самое направленіе всей его дѣятельности.

Съ особеннымъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ теперь, что и г. Сементковскій обратилъ вниманіе на это обстоятельство и знакомитъ читателя съ біографіей Лѣскова по собственнымъ сочиненіямъ послѣдняго. Такой пріемъ критико-біографической работы

г. Сементковскаго былъ, однако, весьма рѣзко осужденъ В. П. Буренинымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Господа присяжные біографы любятъ выдумывать всякія вліянія на писателей, заимствуя эти вліянія по большей части изъ сочиненій писателей, жизнь которыхъ они разсказываютъ. Но для чего господа біографы это дѣлаютъ — трудно понять. Читатели въ сочиненіяхъ того или другого автора встрѣчаютъ указанія на эти вліянія, гораздо болѣе обстоятельныя и точныя, чѣмъ у господъ біографовъ. Стало быть, указанія біографовъ выходятъ только повтореніемъ и извлеченіемъ вещей, уже извѣстныхъ читателямъ, и притомъ повтореніемъ не совсѣмъ точнымъ. Дѣло въ томъ, что біографы очень часто принимаютъ выдуманныя, или по крайней мѣрѣ такъ или иначе измѣненныя противъ дѣйствительности, лица писательскаго творчества за лицъ подлинныхъ, живыхъ, дѣйствительно существовавшихъ. Этотъ пріемъ очень излюбленъ критико-біографами, они, по правдѣ сказать, очень злоупотребляютъ имъ, особенно, когда не знаютъ, что сказать о писателѣ, жизнь котораго они взялись изобразить и сочиненія котораго взялись оцѣнивать».

Этотъ отзывъ одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ критиковъ несправедливъ вообще и въ особенности относительно статьи г. Сементковскаго. При такомъ отношеніи къ біографическимъ работамъ можно каждую изъ нихъ произвольно скомпрометировать. Написана, напримѣръ, біографія по собственноручнымъ письмамъ автора, можно заявить, что вообще всѣ письма субъективны, никто изъ насъ въ нихъ не безпристрастенъ, а Лѣсковъ, какъ нервный человѣкъ, способенъ былъ всегда раскаяться за вчерашнія письма и отказаться отъ нихъ, или — обратно — писать вновь письма «для потомства» [1]), а не для выясненія правды и искренности; написана біографія со словъ очевидцевъ — возможно подозрѣніе о томъ, что посторонніе люди всегда ошибаются въ сложныхъ дѣлахъ человѣка, и слѣдовало бы предоставить слово самому дѣйствующему лицу и т. д. Голословно можно умалить значеніе всякой работы. Вотъ если бы было доказано, что Лѣсковъ неправильно въ своихъ произведеніяхъ передаетъ собственныя впечатлѣнія о своемъ дѣтствѣ, юности и возмужалости; что посторонніе люди лучше его самого помнятъ всѣ обстоятельства, которыя вліяли на развитіе его характера и взглядовъ; что въ жизни его не было ни бабушки съ монастырями («Овцебыкъ»), ни няньки Любови Онисимовны, ни домашняго учителя-нѣмца («Томленье духа»), ни квакеровъ-англичанъ: тетки Полли и Шкотта («Юдоль»), ни вліянія кіевской молодежи, ни службы въ уголовныхъ палатахъ и въ рекрутскихъ присутствіяхъ, ни на баркахъ Шкотта («Продуктъ природы») и т. д. — ну, тогда ссылаться якобы на автобіографическія мѣста въ сочиненіяхъ Лѣскова не стоило

[1]) Онъ писалъ и сочиненія для «потомства», но они искренни и правдивы.

бы. Но вѣдь никто еще не подрываетъ достовѣрность въ общемъ разсказовъ Лѣскова о своемъ прошломъ, и г. Сементковскій вправѣ ссылаться на его произведенія съ такой же увѣренностью, съ какой Р. Левенфельдъ недавно написалъ біографію Л. Н. Толстаго, руководясь исключительно произведеніями послѣдняго. Если г. Сементковскій соединилъ въ одно цѣлое отрывочныя мѣста въ произведеніяхъ Лѣскова о себѣ самомъ, то такое ихъ «повтореніе» доставитъ удовольствіе читателю. Онъ подробно останавливается на тѣхъ мѣстахъ многочисленныхъ произведеній Лѣскова, гдѣ рисуются дѣтскіе годы послѣдняго съ сильнымъ вліяніемъ на ребенка православнаго духовенства и явленій крѣпостнаго быта («Тупейный художникъ», «Звѣрь», «Несмертельный Голованъ», «Пугало» и «Овцебыкъ»), гдѣ обрисованы юношескіе годы писателя съ вліяніемъ на нихъ домашняго учителя нѣмца («Томленье духа») и квакеровъ («Юдоль»), возмужалость среди кіевской молодежи и на службѣ («Захудалый родъ», «Печерскіе антики», «Продуктъ природы», «Овцебыкъ») и, наконецъ, общее міросозерцаніе автора прежде всего на православное духовенство («Соборяне», «На краю свѣта», «Некрещеный попъ», «Владычный судъ», «Мелочи архіерейской жизни», «Приключеніе у Спаса въ Наливкахъ», «Полунощники» и т. д.), на расколъ («Запечатлѣнный ангелъ», «Люди древляго благочестія», «Великосвѣтскій расколъ» и т. д.), на древнее христіанство («Скоморохъ Панфалонъ», «Гора», «Совѣстный Данило», «Прекрасная Аза», «Часъ воли Божіей», «Фигура», «Дурачекъ»), на нигилистическія и политическія движенія въ Россіи («Овцебыкъ», «Некуда», «На ножахъ», «Загадочный человѣкъ»), на анекдотическіе и сатирическіе элементы въ русской жизни («Разсказы кстати», «Смѣхъ и горе»), на простой народъ («Стальная блоха», «Загонъ», «Продуктъ природы») и на толстовство въ аристократическомъ домѣ рядомъ съ психопатіей и вырожденіемъ («Зимній день»). Даже въ романахъ «Обойденные» и «Островитяне», въ разсказахъ «Леди Макбетъ» и «Воительница» г. Сементковскій указываетъ проповѣдническій темпераментъ Лѣскова о томъ, что крупныя силы такъ же гибнутъ на эгоистическомъ пути, какъ и въ безплодныхъ мечтаніяхъ, и для спасенія ихъ писатель указываетъ на своихъ «Праведниковъ»: «Однодумъ», «Пигмей», «Кадетскій монастырь», «Бобровъ», «Инженеры-безсребренники», «Очарованный странникъ», «Человѣкъ на часахъ» и т. д. Въ своей проповѣди Лѣсковъ является практическимъ дѣятелемъ, умѣя опоэтизировать всякое живое дѣло и практическіе вопросы, которыхъ касался. Его первыя работы, чисто практическаго характера, носятъ слѣды отвлеченной мысли, но не безпочвенной. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ разныхъ изданіяхъ онъ пишетъ прежде всего противъ продажи Евангелія по возвышеннымъ цѣнамъ, о рабочемъ классѣ, о врачахъ рекрутскихъ присутствій, объ искорененіи пьянства, о торговой кабалѣ, о наймѣ рабочихъ, о женскомъ вопросѣ и т. д.

По поводу этихъ первыхъ его работъ г. Сементковскій говоритъ: «Дѣятельная любовь къ ближнему, озаренная христіанскимъ чувствомъ и умудренная житейскимъ опытомъ,—вотъ что составляетъ основу его душевной жизни. Когда онъ началъ писать, онъ сразу заботится о распространеніи Евангелія и объ устраненіи того, что по его житейскому опыту главнымъ образомъ вызываетъ страданія народа. Крѣпостное право отмѣнено, надо позаботиться теперь о насажденіи образованія, о борьбѣ съ предразсудками, объ искорененіи пьянства». Не мудрено, что Лѣсковъ сталъ въ оппозицію къ болѣе радикальной части русскаго общества. Прекрасно зная наличныя силы интеллигенціи и благословляющій реформы народъ, Лѣсковъ предвидѣлъ возможность реакціи, вслѣдствіе агитаціи о томъ, чтобы этотъ, вчера освобожденный царемъ, народъ защищалъ Польшу или «работалъ надъ Боклемъ». Онъ осмѣялъ это движеніе («Овцебыкъ», «Некуда»), за что и былъ ославленъ первымъ доносчикомъ на нигилистовъ. Между тѣмъ, его отношеніе къ нимъ носитъ попреимуществу тотъ же самый практическій характеръ, съ которымъ впослѣдствіи одинъ изъ видныхъ представителей русскаго нигилизма, г. Степнякъ, выступилъ противъ пропагандистовъ въ деревняхъ и городахъ, говоря:

«Всякій, кто селится въ деревнѣ, въ качествѣ ли ремесленника, сельскаго ли учителя или писаря, тотчасъ же оказывается на виду у всѣхъ, точно онъ сидитъ въ фонарѣ. Кромѣ того, крестьянинъ совершенно неспособенъ хранить тайну передъ своими односельчанами. Какъ вы хотите, чтобы онъ не поговорилъ съ сосѣдомъ, котораго онъ знаетъ столько лѣтъ, о такомъ необычайномъ фактѣ, какъ чтеніе книги, а тѣмъ болѣе, когда рѣчь въ ней идетъ о дѣлѣ, о которомъ ему говоритъ соціалистъ? Такимъ образомъ, лишь только пропагандистъ приходитъ къ кому нибудь изъ своихъ пріятелей, вѣсть объ этомъ тотчасъ разлетается по всей деревнѣ, и черезъ какихъ нибудь полчаса изба уже наполнена крестьянами, которые спѣшатъ послушать незнакомца, не считая нужнымъ предупредить объ этомъ ни его, ни его хозяина. Если изба слишкомъ мала для всей этой толпы, то гостя ведутъ въ сельскую управу, или же просто на улицу, гдѣ онъ и читаетъ свои книжки или произноситъ рѣчь подъ открытымъ небомъ. Понятно, что при такихъ нравахъ правительство безъ всякаго затрудненія могло узнать объ агитаціи, которая велась среди крестьянъ, и пресѣчь ее».

Не менѣе энергично возставалъ впослѣдствіи г. Степнякъ и противъ городской пропаганды «словомъ» и «дѣломъ». Онъ писалъ: «Годы 1876, 1877 и первые мѣсяцы 1878, были періодомъ болѣе или менѣе значительныхъ демонстрацій, какъ похороны Чернышева и Падлевскаго, демонстрація на Казанской площади, имѣвшая такой трагическій исходъ, и наконецъ, одесская демонстрація въ день осужденія Ковальскаго. Не трудно было понять, что по этому пути далеко не уйдешь. Силы революціонеровъ и правительства были

такъ страшно неравны, что подобныя демонстраціи не могли привести ни къ чему, кромѣ добровольной гибели русской молодежи. Въ Россіи городская революція, или даже сколько нибудь значительное возстаніе, представляютъ совершенно исключительныя трудности. Въ нашихъ городахъ сосредоточена лишь очень ничтожная доля всего населенія страны, да и три-четверти этихъ городовъ не болѣе, какъ большія села, отстоящія другъ отъ друга на сотни верстъ. Города въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ 40—50 тысячами жителей, заключаютъ въ себѣ какихъ нибудь четыре процента населенія, т. е. около четырехъ милліоновъ. И правительству, располагающему военными силами цѣлаго государства, нѣтъ ничего легче, какъ превратить пять или шесть главныхъ городовъ Россіи, гдѣ только и мыслимо какое нибудь движеніе, въ настоящіе военные лагери». Онъ прямо говоритъ, что теперь, послѣ двадцати-тридцати лѣтъ горькаго опыта, нужно «поменьше заговоровъ; поменьше конспирацій и организацій, объединеній и союзовъ; и побольше частной иниціативы и живаго непосредственнаго дѣла». Вотъ къ чему пришелъ лондонскій эмигрантъ, хотя Лѣсковъ говорилъ объ этомъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ.

— Идеи, которыя некому и негдѣ осуществлять, скверныя идеи!— восклицалъ неоднократно Лѣсковъ и этимъ оправдывалъ свою оппозицію крайнимъ идеямъ 60-хъ годовъ.

Теоретическое осужденіе лондонскимъ эмигрантомъ мечтаній о крестьянскомъ или фабричномъ движеніи въ Россіи Лѣсковъ воплотилъ въ образахъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ обращалъ вниманіе на тѣ условія для дѣятельности, которыя выработаны всей страной, и только въ союзѣ съ общественными силами, а не въ одиночествѣ ждалъ благихъ и практическихъ результатовъ отъ людей будущаго. Философія его въ этомъ пунктѣ совпадаетъ съ міросозерцаніемъ г. Каблица объ «Основахъ народничества», высказанное имъ въ томъ смыслѣ, что въ основѣ дѣятельности всякаго человѣка лежитъ больше чувства, страсти, желанія, нежели пониманія. То же самое и въ дѣятельности народа. Путемъ разсужденій и пріобрѣтеній знаній нельзя измѣнить чувствъ и страстей (нужны поступки); народъ же обладаетъ извѣстнымъ строемъ этихъ чувствъ и страстей, который и опредѣляетъ возможную для него общественную форму. Можно прекрасно понимать, что братская жизнь первыхъ христіанъ есть справедливѣйшая форма общественнаго союза, но только это будетъ вашимъ индивидуальнымъ сознаніемъ, а народъ останется жить въ привычномъ ему быту. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, справедливѣйшая ли это форма общественной жизни, а годна ли она для современнаго общества или нѣтъ. Идя рука объ руку съ обществомъ и народомъ,—мы сильны, а съ одними аргументами объ идеалахъ—безсильны. Коллективныя желанія русскаго народа должны руководить активнымъ дѣятелемъ, если онъ не хо-

четъ прибѣгать къ насилію надъ нимъ, или самъ пострадать отъ него. Всякій общественный дѣятель не можетъ не выбрать одинъ изъ общественныхъ элементовъ, который онъ признаетъ самымъ здоровымъ для того, чтобы присоединить свою дѣятельность къ его стремленіямъ. Иначе, онъ будетъ фантазеромъ, не понимающимъ законовъ общественной жизни. Только тогда, когда онъ присоединяетъ свои усилія къ массѣ другихъ, они не теряются напрасно, не разсѣиваются въ пространствѣ, а бьютъ въ ближайшую практическую цѣль. Исключенія бываютъ только тогда, когда маленькая группа людей, цѣлымъ рядомъ историческихъ событій, успѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ общественную силу и въ состояніи подчинить общество своимъ планамъ. Но общее правило въ томъ, что общественные дѣятели должны стоять въ рядахъ уже существующихъ общественныхъ силъ и направлять ихъ къ осуществленію уже назрѣвшихъ идеаловъ. Эта практическая, относительная, точка зрѣнія на сотрудничество въ коллективной работѣ необходима вмѣстѣ съ пониманіемъ абсолютной и безотносительной истины. Не долюбливая Каблица и не читая его, Лѣсковъ тѣмъ не менѣе исповѣдывалъ одинъ и тотъ же практицизмъ въ общественной философіи въ первой половинѣ своей дѣятельности; но за послѣдніе годы онъ увлекся идеализмомъ Л. Н. Толстаго и отвращалъ молодыхъ писателей отъ компромиссовъ, плѣняясь абсолютной истиной и вѣруя, что именно сдѣлки съ практическими препятствіями всегда мѣшали ея торжеству. Однако, и въ этомъ случаѣ совершался у него долгое время перебой мысли: онъ вносилъ старый практицизмъ ума и въ толстовство, настаивая на измѣненіи толстовскихъ колоній примѣнительно къ типу хуторнаго, мелкаго помѣщика, съ батраками, но съ большимъ человѣколюбіемъ къ нимъ. А затѣмъ опять—христіанская община увлекала его далеко отъ живыхъ и знакомыхъ ему ея членовъ; онъ желалъ торжества ей въ ея чистомъ видѣ и тотчасъ же чувствовалъ, что никто къ ней не подготовленъ, что опыты въ христіанство со способными на всѣ руки Митрофанами профанируютъ идею и продолжалъ мучиться своей безвыходностью въ этомъ бѣличьимъ колесѣ. Онъ успокоился только тогда, когда въ послѣдніе годы своей жизни преклонился всецѣло передъ чистотой и абсолютизмомъ христіанства, находя полезнымъ для него даже неудающіеся опыты съ колоніями, спекуляцію на духъ времени «Учителя жизни» у Коронина и «во Христѣ барствующихъ» аристократовъ, не желающихъ выпустить изъ своихъ рукъ новое движеніе умовъ и поставить его независимо отъ личнаго ихъ участія или безучастія на случай простой смерти.

— Юродивые разнесутъ идеи, неудачники заставятъ о нихъ думать общество, но идеи должны быть чистыми отъ всякой примѣси. Двухъ истинъ не можетъ быть, и пора служить одной! — восклицаетъ Лѣсковъ, когда отрѣшался отъ времени и мѣста.

Это, однако, случилось съ нимъ уже въ самые послѣдніе годы его жизни, и отрѣшиться отъ «земной» логики ему было очень трудно. Въ разсказѣ «Часъ воли Божіей» Лѣсковъ говоритъ: «важнѣйшимъ часомъ признается теперешній; нужнѣйшій человѣкъ тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь, а самымъ дорогимъ дѣломъ будетъ добро, которое мы можемъ сейчасъ сдѣлать человѣку». Эти слова далеки отъ теорій будущаго вѣка, но Лѣсковъ долгое время попреимуществу дорожилъ первыми. Ему казалось, что послѣ Евангелія никакой уже новизны нѣтъ въ послѣдующихъ идеяхъ, и цѣнилъ только, тѣ изъ нихъ, которыя въ этотъ часъ осуществимы тѣми, кто ихъ говоритъ и кому ихъ говорятъ. Таковы всѣ его «Праведники» (т. II) и даже Свиридовы («Овцебыкъ»), Розановъ («Некуда»), Протозанова («Захудалый родъ») и т. д.

Было бы, однако, ошибочно считать Лѣскова узкимъ практикомъ, чуждавшимся отвлеченной работы и поэзіи. Напротивъ: въ путешествіяхъ съ бабушкой по монастырямъ («Овцебыкъ») онъ плѣнялся поэзіей монастырскаго общежитія и самъ хотѣлъ поступить въ монахи («Воспоминанія Меркула Праотцева»), протестантизмъ въ родственномъ ему домѣ Шкотта плѣнялъ его и частной благотворительностью, и глубиной христіанской мысли («Юдоль», «О квакерахъ», т. XI); а Левъ Толстой съ отрицаніемъ денегъ, женщинъ и власти такъ сильно увлекалъ его, что на мое замѣчаніе о томъ, что съ этими мыслями въ настоящее время тоже идти «некуда», Лѣсковъ горячо восклицалъ:

— Всѣ вы неправы въ томъ, что обязываете Толстаго непремѣнно писать для настоящаго времени. Онъ имѣетъ право на два вѣка впередъ смотрѣть. Вы ему возражаете, что современныя государства не могутъ быть безъ войска, а онъ—точно этого не знаетъ!—смѣется надъ такими государствами и нисколько не дорожитъ вашими доводами; вы замѣчаете, что женщина, зашитая въ платье по шею, не нравится вамъ, а Толстой и не хочетъ, чтобы она вамъ нравилась; пусть и моя фельдшерица въ «Зимнемъ днѣ» будетъ счастлива только съ равнымъ ей «по мыслямъ» и вкусамъ человѣкомъ; вы говорите, что безъ денегъ не дадутъ вамъ ни мяса, ни муки, ни булки, и никакого другаго чужаго труда, а Толстой и самъ не хочетъ, чтобы вы владѣли чужимъ трудомъ въ денежной формѣ и т. д. Стоитъ только дунуть на каждаго его противника съ этой точки зрѣнія, и отъ послѣдняго ничего не останется. До смѣшнаго доходитъ эта полемика нашихъ журналистовъ, не умѣющихъ даже понять того, что они возражаютъ не по адресу Л. Н. Толстаго и не понимаютъ даже его исходной точки зрѣнія.

— Вѣдь эта «точка» очень тяжела...

— А вотъ Толстой ее ищетъ, и нужно доказать, что мы станемъ хуже послѣ того, какъ познакомимся съ ней.

Лѣсковъ чрезвычайно увлекался идеализмомъ Толстого незави-

симо отъ степени подготовки къ нему современнаго общества. Въ душѣ онъ самъ былъ идеалистомъ, и это мучительно въ немъ уживалось съ его жизненнымъ опытомъ и практическимъ взглядомъ на современныя ему событія. Его собственная библіотека носила идеалистическій характеръ и въ той части, гдѣ онъ увлекался иконописью, древней письменностью, и тамъ, гдѣ она состояла изъ современныхъ мыслителей съ Шопенгауеромъ, Нордау, Л. Толстымъ и т. д. На его рабочемъ столѣ всегда лежали сочиненія Платона, Спинозы, выдержки изъ Марка Аврелія, разнообразные экземпляры Евангелія и т. д. Не смотря, однако, на идеализмъ собственной натуры, жизнь сдѣлала его практическимъ мыслителемъ и ненавистникомъ «фразы». Чрезвычайно рѣдко въ комъ такъ уживалась отвлеченная мысль съ практической потребностью видѣть ее осуществленной: любовь къ ней съ ненавистью къ тѣмъ, кто брался за нее и компрометировалъ ее своею безхарактерностью и бѣлоручностью. Это, однако, совершенно не то, что думаетъ о немъ г. Сементковскій, въ своей статьѣ, говоря:

«Проповѣдуя любовь къ ближнему, графъ Толстой работаетъ на совершенно иной нивѣ, чѣмъ Лѣсковъ. Если послѣдній кладетъ въ основу своей практической программы дѣятельную любовь къ ближнему, то онъ при этомъ нисколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни. Для него легенды изъ первыхъ временъ христіанства служатъ, такъ сказать, только аллегоріями. Онъ желаетъ, чтобы современный человѣкъ проникся духомъ, господствовавшимъ въ тѣ времена, и вдохнулъ этотъ духъ въ современныя формы жизни, которыя Лѣсковъ признаетъ неизмѣримо выше прежнихъ. Онъ ничего ломать не хочетъ, онъ добивается только дальнѣйшаго усовершенствованія, а возможность этого усовершенствованія усматриваетъ именно въ самоотверженной любви къ ближнему. Графъ же Толстой, указывая на первыя времена христіанства, на разныхъ святыхъ и мудрецовъ, увлекается не только духомъ, господствовавшимъ въ тѣ отдаленныя времена, но и тогдашними формами жизни: онъ отвергаетъ всю современную цивилизацію и въ этомъ отношеніи немного напоминаетъ Овцебыка, не имѣвшаго почти никакихъ потребностей современнаго культурнаго человѣка, отвергавшаго и книги, и журналы, читавшаго только Евангеліе и относившагося съ пренебреженіемъ къ господствующимъ формамъ труда. Лѣсковъ съ грустью взиралъ на Овцебыка и своею мастерскою кистью изобразилъ намъ несчастную судьбу этого человѣка, который, отрѣшившись отъ существующихъ формъ жизни, былъ выброшенъ изъ нея, какъ элементъ негодный, хотя стремленія его были такъ возвышенны, любовь—такъ горяча. Лѣсковъ не только не предлагалъ разрушать существующія формы цивилизованнаго общества, а напротивъ всячески приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе напряженныхъ усилій человѣчества въ теченіе тысячелѣтій».

Этотъ отзывъ о Лѣсковѣ никуда не годится. «Овцебыкъ» характеренъ для раннихъ лѣтъ Лѣскова—и только. Правда, Лѣсковъ никогда не предлагалъ, по неосуществимости, «разрушить» существующія формы цивилизованнаго общества, но за послѣдніе годы онъ былъ совершенно одного мнѣнія о нихъ съ Л. Н. Толстымъ и никогда не «приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе», и т. д. Въ этомъ отношеніи не существуетъ разницы между Лѣсковымъ и Толстымъ. Они оба настолько сильны умомъ, чтобы не благоговѣть передъ «формами» цивилизованнаго общества: даже «Овцебыкъ» и герой «Некуда» встрѣчали въ немъ полное пониманіе ихъ идеаловъ. Лѣсковъ понималъ всякіе идеалы, которые выше «существующихъ формъ цивилизованнаго общества»; но работать для этихъ идеаловъ онъ предлагалъ иными путями, или прямо признавалъ многіе изъ этихъ идеаловъ неосуществимыми при наличіи ихъ сторонниковъ. Идеи Л. Н. Толстаго относительно «формъ» цивилизованнаго общества онъ раздѣлялъ вполнѣ, но его послѣдователей осуждалъ за ихъ непрактичность и фразерство. Самъ г. Сементковскій пишетъ: «въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній «Зимній день» Лѣсковъ осмѣиваетъ, какъ прежнихъ «новыхъ» людей, которые въ свое время «все собирались Бокля читать», такъ и нынѣшнихъ «непротивленцевъ», которые все «собираются что-то дѣлать». Несмотря на все свое уваженіе къ графу Толстому, онъ не могъ не убѣдиться, что его сторонники, какъ и прежніе нигилисты, ни разрушить, ни создать ничего не могутъ, а пробавляются только одними фразами, переодѣваніями, а если, повидимому, что-то дѣлаютъ, то это дѣло оказывается совершенно безплоднымъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ подъ конецъ жизни боролся противъ стараго врага въ новой личинѣ».

Этимъ старымъ врагомъ были, однако, не идеи Л. Н. Толстаго о существующихъ формахъ цивилизованнаго общества, а тотъ же «Митрофанъ, способный на всѣ руки», воспитанный въ русскомъ обществѣ значительно раньше Чернышевскаго и Толстаго.

— Идеи, которыя некому осуществлять, дурныя идеи,—улыбаясь, замѣчалъ я иногда Лѣскову его собственными словами.

Онъ принимался усиленно дергать головой, учащенно тереть ладонью переносицу и вдругъ останавливалъ на мнѣ свои черные, блестящіе злымъ огонькомъ глаза.

— Вы такъ думаете?—спрашивалъ онъ строго...—Ну, такъ знайте, что идеи Толстаго насъ съ вами уже сдѣлали лучше, чѣмъ мы были до него! А кто посерьезнѣе обратится къ нимъ, тотъ и совсѣмъ будетъ неспокоенъ въ своей ямѣ до тѣхъ поръ, пока не вылѣзетъ изъ нея.

— Очередная работа, Николай Семеновичъ, совсѣмъ не въ томъ, чтобы идти въ добродѣтельные пастухи къ Толстому. Недостаетъ добродѣтельныхъ и твердыхъ дѣятелей на государственномъ и общественномъ поприщахъ. Государство еще не выполнило своей

ближайшей задачи: предоставить гарантію личности, а народу—надлежащія формы для его самодѣятельности, чтобы можно было тогда съ нимъ вмѣстѣ думать и работать. Въ рукахъ интеллигенціи вся власть создать народъ къ политической жизни и тогда уже мечтать о Марксѣ или Л. Толстомъ.

Мнѣ иногда удавалось настоять на своемъ, и тогда Лѣсковъ бралъ въ руки карточку графа Лорисъ-Меликова и замѣчалъ:

— Изъ всѣхъ генераловъ у меня только эта «диктатура сердца» имѣется... Конечно, государственная жизнь идетъ болѣе медленнымъ путемъ, чѣмъ философская, и русская интеллигенція мало подготовлена къ ея передовымъ задачамъ. Толстой совсѣмъ отчаялся въ ней и отзываетъ ее къ Евангелію и на ручной трудъ; но и здѣсь нашъ интеллигентъ такой же «лепетунъ», какъ и «либеральный бубенъ» ранѣе... Проклятая страна, гдѣ только злые люди объединяются и умѣютъ отлично приводить въ исполненіе свои замыслы.

Подъ этимъ настроеніемъ Н. С. опять спускался на землю, писалъ свой «Зимній день» съ горькимъ упрекомъ по адресу толстовцевъ и восторгался по нѣсколько разъ словами Вл. Соловьева: «Величайшій актъ соціальной справедливости въ нашей исторіи, конечно, не могъ бы совершиться, если бы Радищевъ, Тургеневъ, Самаринъ, Милютинъ, Черкасскій прониклись стремленіемъ къ «опрощенію» и вмѣсто своей литературной, общественной и политической дѣятельности предались паханію земли. Ихъ собственные крестьяне при этомъ и были бы, можетъ быть, отпущены на волю, но крѣпостное право вообще осталось бы въ своей силѣ. Не было бы оно уничтожено и въ томъ случаѣ, если бы преобразовательной ломки Петра Великаго вовсе не произошло, и названные дѣятели, подобно ихъ предкамъ, должны были бы засѣдать въ боярской думѣ или въ холопьемъ приказѣ, отличаясь отъ своихъ крѣпостныхъ только болѣе богатыми кафтанами, а не европейскимъ образованіемъ».

Такимъ образомъ, примыкая теоретически всецѣло къ идеаламъ Толстаго, Лѣсковъ высоко чтилъ и законодателя съ европейскимъ образованіемъ, мѣропріятія котораго были въ христіанскомъ духѣ.

— Какой ужасъ!—восклицалъ онъ:—если бы вся власть изъ рукъ интеллигенціи перешла къ статскимъ совѣтникамъ г. Щедрина, а интеллигентные люди принялись бы пахать землю у Энгельгардта или Толстаго. Ничего бы страна не выиграла!

Перечисляя заслуги Лѣскова, г. Сементковскій формулируетъ ихъ такъ: «Лѣсковъ пришелъ къ выводу, которымъ проникнуты всѣ его произведенія, что не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло у основъ народной жизни. Мы видѣли, что у него цѣлый рядъ произведеній посвященъ указанію на то, что и въ прежней до-реформенной Россіи можно было многое сдѣлать, и что всѣми нашими успѣхами

мы обязаны людямъ, трудившимся въ этомъ направленіи. Исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли «новые люди» для такого живаго дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добросо-

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

вѣстно изучая и здѣсь дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество, принося себя въ жертву, сказать это «новымъ людямъ» прямо въ лицо. Это былъ великій его гражданскій подвигъ. Онъ казнилъ ихъ за полное несоотвѣтствіе

средствъ, которыми они пользовались, и цѣлей, которыя они преслѣдовали; за благіе порывы, оставляемые неосуществленными; за потокъ громкихъ рѣчей, не сопровождаемыхъ даже маленькимъ дѣломъ; за неумѣнье поставить себѣ жизненную задачу для доставленія своимъ идеаламъ хотя бы частичнаго торжества. Словомъ, Лѣсковъ не ограничился обличеніемъ стараго, онъ обличилъ и новое и, обличая послѣднее, онъ въ то же время указалъ русскому обществу, каковъ долженъ быть его путь. Правильно ли это указаніе? На это можетъ отвѣтить только исторія. Но одно уже теперь видно, именно, что въ томъ направленіи, въ какомъ работалъ Лѣсковъ, несомнѣнно, работаетъ русская жизнь и современная беллетристика. Лѣсковъ примыкаетъ не только къ нашей обличительной литературѣ, но и къ другому направленію, сказавшемуся очень сильно въ первоклассныхъ нашихъ художникахъ. Гоголь далъ Костанжогло, Гончаровъ—Штольца, Тургеневъ уже послѣ Лѣскова—Соломина. Все это—положительные типы въ нашей литературѣ, и ихъ общая черта заключается въ томъ, что они умѣютъ задаваться цѣлями, осуществимыми въ жизни и обезпечивающими наши культурные успѣхи. Творчество Лѣскова въ значительной степени было направлено на то, чтобы укрѣпить въ нашемъ сознаніи убѣжденіе въ возможности такихъ дѣятелей и въ томъ, что безъ нихъ никакой прогрессъ немыслимъ. Съ этою цѣлью онъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, которые имѣютъ ту общую черту, что представляютъ собою дѣятелей, плодящихъ не одни слова, но и настоящее дѣло. Это — его «Праведники», по отношенію къ которымъ онъ повторяетъ слова покойнаго нашего историка Соловьева, что они, «стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію». Если мы теперь приглядимся къ современной беллетристикѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, то убѣдимся, что и она любитъ главнымъ образомъ рисовать такихъ дѣятелей, указывая при этомъ на тщету широкихъ замысловъ, не сопровождаемыхъ практическимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, Лѣсковъ, примыкая къ прежней нашей литературѣ, далъ тонъ и направленіе современной, отгадавъ то, въ чемъ жизнь наиболѣе нуждается. Это — вторая великая его заслуга».

Третью заслугу біографъ видитъ въ томъ, что «никто до Лѣскова и послѣ него еще не просвѣтилъ въ такой степени русское общество на счетъ быта и жизни нашего духовенства», и заканчиваетъ свою о немъ статью горячими словами: «Но если не одно дарованіе,—этотъ даръ свыше,—обезпечиваетъ за писателемъ мѣсто въ литературѣ и благодарность потомства, если отъ него требуется, чтобы онъ былъ гражданиномъ, чтобы онъ скорбѣлъ скорбью своего времени, чтобы онъ мужественно возвышалъ голосъ за правду, чтобы онъ приносилъ себя, когда нужно, ей въ жертву, то и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что Лѣсковъ въ вы-

сокой мѣрѣ исполнилъ свой долгъ, и что онъ является не только выдающимся писателемъ, но и вѣрнымъ, преданнымъ, самоотверженнымъ сыномъ своей страны».

II.

Мысли г. Сементковскаго о Лѣсковѣ являются прекрасной руководящей статьей къ «Полному собранію сочиненій» покойнаго писателя и даютъ достаточно полное представленіе о его характерѣ и идеалахъ. Дѣйствительно, Лѣсковъ—писатель будущаго, и чѣмъ болѣе его будутъ читать, тѣмъ сильнѣе будетъ рости его вліяніе на русское общество. Бранили и автора «Отцы и дѣти», потомъ перестали. То же случится въ будущемъ и съ авторомъ «Некуда». «Мы видѣли,—пишетъ о немъ Сементковскій:—какъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ близко примыкалъ къ живой дѣйствительности, какъ онъ ею интересовался, какъ близко принималъ къ сердцу всѣ ея злобы. Въ этомъ смыслѣ Лѣскова можно смѣло назвать публицистомъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ публицистической дѣятельности. Нельзя перечислить всѣхъ вопросовъ, которые его занимали въ этомъ отношеніи. Его изслѣдованій по расколу и старообрядчеству особенно много. Не менѣе часто онъ писалъ о церковныхъ вопросахъ, о семинаріяхъ, о преподаваніи закона Божія, о разводѣ, о разныхъ сектахъ, о великосвѣтскомъ расколѣ (Редстокѣ и Пашковѣ), о религіозномъ движеніи въ фабричной средѣ. Очень часто онъ затрогивалъ остзейскій вопросъ. Первый обратилъ вниманіе на прокаженныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы даже смѣло можемъ сказать, что не было крупнаго вопроса за все время его литературной дѣятельности, который онъ не старался бы освѣтить съ своей точки зрѣнія. Особенно кипучую дѣятельность въ этомъ отношеніи онъ проявилъ въ 80-хъ годахъ. Заходила ли рѣчь о германскихъ соціалистахъ, о возможности войны, о народныхъ театрахъ, о Саррѣ Бекеръ и Семеновой, о буддизмѣ, о нищихъ дѣтяхъ, объ отцѣ Іоаннѣ, о заграничныхъ паспортахъ,—онъ всегда находилъ сказать дѣльное слово, иллюстрировать всѣ эти вопросы примѣрами изъ живой дѣйствительности. Всякій возникавшій вопросъ возбуждалъ въ немъ рядъ воспоминаній, потому что запасъ этихъ воспоминаній былъ у него очень великъ. Онъ освѣщалъ настоящее прошлымъ, какимъ нибудь интереснымъ случаемъ, непосредственно взятымъ изъ жизни и разсказаннымъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Такимъ образомъ публицистика и беллетристика постоянно у него сливались. Онъ словно не могъ иначе думать, какъ только при посредствѣ фактовъ изъ жизни, разныхъ случаевъ, образовъ, запечатлѣвшихся въ его воспріимчивой памяти. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, тотчасъ же возникало воспоминаніе,

тотчасъ же теоретическія соображенія подкрѣплялись разными случаями изъ жизни».

Конечно, Н. С. Лѣсковъ—не Толстой и даже не Тургеневъ по художественнымъ силамъ, какъ думаетъ г. Сементковскій; но онъ въ то же время и не Данилевскій, не Левитовъ, не Хвощинская и не Слѣпцовъ, какъ пишетъ о немъ В. П. Буренинъ. Онъ превосходитъ всѣхъ ихъ талантомъ и содержательностью. Кто зналъ поименованныхъ лицъ, а также и Лѣскова—тому легко оцѣнить преимущество огромнаго ума Лѣскова, большую начитанность, умѣнье пользоваться своими знаніями, его эрудицію, всегда оригинальную и поражающую своей опредѣленностью и безспорностью, скрѣпленную образами изъ дѣйствительности и научнымъ авторитетомъ. Онъ былъ знакомъ съ наукой не по верхамъ журналистики, а по оригинальнымъ сочиненіямъ.

Его библіотека состояла изъ рѣдкихъ и попреимуществу философскихъ книгъ. Послѣ его смерти, она оцѣнена была букинистами въ двѣ тысячи рублей, и тотъ, кто пріобрѣлъ ея экземпляры, найдетъ всюду слѣды усерднаго чтенія и изученія ихъ. Въ виду того, что Лѣсковъ не окончилъ гимназическаго курса и не умѣлъ мыслить по книжкамъ, а пользовался ими только въ помощь при самостоятельномъ обо всемъ мышленіи, въ литературѣ неоднократно раздавались по адресу Лѣскова упреки въ отсутствіи у него эстетическаго воспитанія и научнаго образованія. Онъ смѣло возражалъ своимъ противникамъ: «Полагаю, что многимъ изъ насъ весьма неудобно считаться другъ съ другомъ на этихъ счетахъ» («Объясненіе» въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1894 г., № 12), и будущее еще болѣе укрѣпитъ за нимъ крупное литературное значеніе само по себѣ, безъ всякихъ сравненій съ кѣмъ бы то ни было. Въ этомъ духѣ отзывается о немъ и С. А. Венгеровъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза, говоря: «Больше всего поражаетъ въ Лѣсковѣ то, что Тургеневъ назвалъ «выдумкою». Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы. У Лѣскова есть повѣсти, занимающія всего 5—6 листовъ, но которыхъ по обилію содержанія хватило бы на многіе томы. Таковъ въ особенности «Очарованный странникъ», гдѣ буквально на каждой страницѣ новый сюжетъ, новое интересное положеніе и новыя краски. Онъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ сборники легендъ, содержаніе которыхъ накоплялось цѣлыми поколѣніями. Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова. Онъ всегда писалъ замѣчательно сжато, почти совершенно устраняя всякаго рода балластъ. Замѣчателенъ, наконецъ, колоритный и оригинальный языкъ Лѣскова. Его переработка разсказовъ и легендъ изъ «Пролога» вызываетъ въ критикѣ справедливое къ нимъ удивленіе. Написанные въ стилѣ легендъ Флобера, эти разсказы блещутъ реализмомъ, столь необычнымъ у насъ въ произведеніяхъ такого рода».

Въ современной критикѣ раздаются, впрочемъ, немногіе голоса, пытающіеся умалить значеніе Лѣскова. Считаемъ необходимымъ привести эти мнѣнія для большаго безпристрастія и свободы, чтобы самъ читатель могъ прійти къ самостоятельному заключенію о Лѣсковѣ послѣ выслушанія обѣихъ сторонъ. Начинаю съ В. П. Буренина.

Признавая за Лѣсковымъ знаніе русской жизни, серьезную наблюдательность и своеобразность, г. Буренинъ приписываетъ ему «грубость и очень часто полное отсутствіе вкуса, ограниченность и поверхностность художественнаго и этическаго пониманія, наконецъ, просто недостаточность образованія и развитія,—разумѣется, относительную недостаточность, по сравненіи съ развитіемъ и образованіемъ настоящихъ «первоклассныхъ» дѣятелей литературы, къ которымъ теперь хотятъ приравнять Лѣскова разные quasi-критики».

Лѣсковъ, по его мнѣнію, «сочинялъ свои романы по обычнымъ шаблонамъ, драматизировалъ отношенія своихъ героевъ по рутинѣ, а любовь всегда изображалъ книжно и лубочно: или чувственно-грубо, почти скабрезно, или же съ фальшивою сантиментальностью и картиннымъ романтизмовъ. Ни одного женскаго лица, не то что ужъ художественно-прекраснаго, а даже только приближающагося къ красотѣ онъ не создалъ. Когда онъ желалъ идеализировать женщину—онъ всегда являлся приторнымъ и лицемѣрнымъ. Изображенія грубыхъ, жестокихъ и пошлыхъ женскихъ натуръ удавались ему лучше; но и тутъ онъ рубилъ топоромъ изъ дерева, какъ ремесленникъ, а не высѣкалъ рѣзцомъ изъ мрамора, какъ художникъ».

Чтеніе «Полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова» всего лучше покажетъ читателю: можетъ ли Лѣсковъ прелестью изображенія русской жизни и самыхъ глубокихъ сторонъ человѣческой души привлекать къ себѣ читателя и воспитывать его въ альтруистическомъ духѣ, или большинство произведеній этого «малообразованнаго» и «вульгарнаго» «дровокола» имѣли въ свое время только успѣхъ скандала, «какъ полицейскій протоколъ о скабрезномъ происшествіи дня», а теперь «выходятъ просто-на-просто скучными, донельзя растянутыми и поверхностными беллетристическими работами, при томъ необычайно топорными и вульгарными».

Умаленіе г. Буренинымъ литературнаго значенія Лѣскова мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что онъ не слѣдилъ за его позднѣйшей дѣятельностью, въ которой такъ замѣтенъ умственный ростъ Н. С. Лѣскова и неодолимая прелесть внутренняго свѣта, которымъ онъ горѣлъ; что касается ранняго знакомства съ Лѣсковымъ, то, по собственному признанію г. Буренина, онъ для возобновленія памяти «какъ-то вздумалъ перечитывать «Некуда» и «На ножахъ»—и не могъ, при всемъ желаніи, одолѣть и половины этихъ длиннѣйшихъ произведеній».

Немудрено также, что въ отзывѣ г. Буренина о Лѣсковѣ

играло не малую роль и личное ихъ недружелюбіе другъ къ другу, проявлявшееся съ обѣихъ сторонъ и ранѣе въ печати.

Съ цѣлымъ рядомъ значительныхъ ошибокъ отнесся къ покойному писателю и критикъ «Сѣвернаго Вѣстника». Мы говоримъ о г. Волынскомъ, который (въ январьской книжкѣ) подвергаетъ рѣзкому осужденію извѣстную статью г. Лѣскова («Сѣверная Пчела» за 1862 г., № 143) по поводу петербургскихъ пожаровъ, когда, въ виду носившихся слуховъ въ городѣ объ интеллигентныхъ поджигателяхъ, Лѣсковъ настаивалъ на оглашеніи полиціей истинныхъ причинъ пожаровъ и прямо заявлялъ, что этой статьей онъ хотѣлъ «защитить студентовъ», а не натравить на нихъ полицію или толпу озлобленнаго народа.

— Вотъ истинный смыслъ статьи,—говорилъ мнѣ Лѣсковъ и въ увлеченіи прибавлялъ:—но еслибъ даже я открыто въ печати, по принципу, осуждалъ и требовалъ подавленія польскаго движенія и домашняго террора, съ которыхъ собственно и началась у насъ реакція 60-мъ годамъ, то можно ли считать это «сикофантствомъ», какъ писали противъ меня въ «Искрѣ»? Литературнаго и отвлеченнаго значенія за печатью я никогда не признавалъ. Безъ общественности — нѣтъ идеализма въ печати, и метафизику я предоставляю моимъ милымъ знакомымъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника». Французскіе дѣятели конца прошлаго вѣка не хуже насъ понимали достоинство печатнаго слова и боролись съ бурбонами открытыми воззваніями противъ нихъ; но никто тогдашнихъ политическихъ писателей за это не обвинялъ въ политической безчестности и доносахъ.

Г. Сементковскій считаетъ подобное обвиненіе «незаслуженнымъ оскорбленіемъ» для Лѣскова и ссылается на «Загадочнаго человѣка», написаннаго Лѣсковымъ восемь лѣтъ спустя послѣ пожаровъ, «когда онъ могъ болѣе или менѣе объективно отнестись къ этому въ настоящее время почти непонятному эпизоду первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности». С. А. Венгеровъ прямо заявляетъ, что «Лѣсковъ написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» статью, въ которой категорически требовалъ, чтобы полиція или офиціально представила доказательства того, что поджигаютъ студенты, или офиціально же опровергла нелѣпые слухи. Самую статью мало кто прочиталъ, но быстро распространилась молва, что Лѣсковъ связываетъ петербургскіе пожары съ революціонными стремленіями студентовъ. Напрасно Лѣсковъ и устно, и печатно боролся съ совершенно невѣрнымъ толкованіемъ своей статьи: легенда создалась прочно, и имя Лѣскова стало предметомъ самыхъ оскорбительныхъ подозрѣній». Такъ начинаютъ въ настоящее время думать въ литературѣ объ этомъ грустномъ инцидентѣ въ жизни Лѣскова; но нынѣшняя статья г. Волынскаго подымаетъ прежнія недостойныя противъ Лѣскова обвиненія. Г. Волынскій пишетъ о немъ строки, которыя являются всюду открытыми вопросами, и на которыя можно отвѣчать только построчно: «въ ту

минуту, говоритъ онъ, когда Лѣсковъ писалъ свою злосчастную статью для «Сѣверной Пчелы», онъ неумышленно, однимъ громогласнымъ заявленіемъ о существующихъ въ народѣ слухахъ, создавалъ терроръ по отношенію къ образованнымъ классамъ петербургскаго общества. Растерянно взывая къ помощи квартальныхъ надзирателей, Лѣсковъ измѣнялъ призванію свободной публицистики, которая никогда не отождествляетъ своей задачи съ обязанностями официальныхъ учрежденій. Нельзя было удержаться отъ недоумѣнія, смѣшаннаго съ негодованіемъ, при чтеніи этихъ длинныхъ статей, въ которыхъ «Сѣверная Пчела» проситъ и умоляетъ начальство прійти на помощь перепуганному населенію столицы, какъ будто могло быть сомнѣніе въ томъ, что органы, не имѣющіе никакого иного дѣла, кромѣ внѣшняго блюстительства, не забудутъ своихъ обязанностей въ рѣшительную минуту». «Лѣсковъ невольно ставилъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы» въ положеніе неудобное и опасное при всеобщемъ замѣшательствѣ. Вмѣсто простыхъ разсужденій съ изысканіемъ постигшаго столицу бѣдствія газета занялась ненужными и невозможными разсужденіями о «молодой Россіи». Излагая свои мысли о пожарахъ, газета не имѣла права угрожать кому бы то ни было народнымъ самосудомъ. Потерявъ хладнокровіе, редакція «Сѣверной Пчелы» не только не оказала никакой услуги русскому обществу, но своими статьями могла содѣйствовать только продолженію общей сумятицы, ничего не измѣняя къ лучшему, ничего не освѣщая и не объясняя. Все это было понято всѣми органами тогдашней печати». «Лѣсковъ придалъ широкую извѣстность темнымъ слухамъ о поджигателяхъ, но во время общественныхъ бѣдствій,—справедливо замѣчаетъ «Искра»,—не слѣдуетъ печатать никакихъ слуховъ,—ни слуховъ какого нибудь маленькаго кружка, ни слуховъ достовѣрно общихъ. «Сѣверная Пчела» сообщила, что народная масса ставитъ поджоги въ связь съ прокламацієй къ молодой Россіи, но, основательно замѣчаетъ «Искра», такая мысль могла возникнуть только среди интеллигентныхъ людей, а не въ сѣрой толпѣ, не обученной никакой грамотѣ».

Конечно, «сѣрая масса» не читала «Молодой Россіи», исключительно для нея печатанной; но точно также она не читала и Лѣскова въ «Сѣверной Пчелѣ», и затѣмъ едва ли можно симпатизировать стремленію не печатать статьи, написанной по слухамъ даже «достовѣрно общимъ во время общественныхъ бѣдствій». Не менѣе странно считать публицистику «свободной» отъ указаній на народный самосудъ, на обязанности правительства и непремѣнно ограничиваться только «простыми разсужденіями»... Публицистика не должна быть «свободной» отъ практическаго вмѣшательства въ судьбы своей родины, но только это практичное вмѣшательство должно быть исполнено искренности и несомнѣннаго служенія общественнымъ интересамъ. Въ такомъ вопросѣ нельзя публицистику попрекать «квар-

тальными», если публицистъ стремится къ тому, чтобы къ его статьямъ прислушивалось и правительство. Измѣнять общественнымъ интересамъ въ печати ради сильныхъ міра сего—гадко и подло, но привлекать къ нимъ послѣднихъ и подсказывать имъ практическіе пути—составляетъ обязанность публицистики. «Квартальные» тутъ не при чемъ! Статью Лѣскова о пожарахъ можно было не печатать по существу, но г. Волынскій пользуется ею для проведенія своихъ взглядовъ на «свободную» публицистику и, въ этомъ случаѣ, онъ никогда не сойдется съ Лѣсковымъ. Послѣдній писалъ о пожарахъ и слухахъ совершенно явныхъ; требовалъ гласности по дѣлу о пожарахъ, съ нескрываемымъ гнѣвомъ къ террористическимъ теоріямъ, и былъ далекъ отъ мысли обратить этимъ свободную публицистику въ участковый органъ печати. Г. Волынскій пишетъ далѣе: «Бесѣдуя о пожарахъ, Лѣсковъ почти невольно обходилъ молчаніемъ наиболѣе опасные пункты, а выдвигалъ впередъ ничтожныя обстоятельства. Въ немъ не было нравственныхъ силъ для открытаго покаянія и прямодушнаго объясненія. Даже въ обществѣ людей, которые горячо любили его удивительный талантъ и превыше всякихъ недоразумѣній ставили его художественную дѣятельность, у него не хватило силы духа для обезоруживающей откровенности. Ошибка, сдѣланная въ молодые годы, какъ бы сжилась съ его душой. Не довѣряя журнальнымъ судьямъ Россіи и по натурѣ не склонный къ правдивымъ откровенностямъ, онъ предпочиталъ постоянную самозащиту, со всѣми ея крайностями, съ запальчивою и горячею полемикою, нравственнымъ выгодамъ вдохновеннаго самообличенія. Повторяемъ, въ его разсказѣ о литературныхъ событіяхъ 1862 года есть неточности, которыхъ мы не стали бы отмѣчать, если бы въ нихъ не рисовалась до извѣстной степени душа Лѣскова, скрытная и подозрительная, временами склонная къ боязливому заметанію старыхъ слѣдовъ».

Съ кѣмъ и о какихъ «бесѣдахъ» Лѣскова о пожарахъ, «съ заметаніемъ старыхъ слѣдовъ», вспоминаетъ г. Волынскій? Нужно сказать, что Лѣсковъ не любилъ говорить о «петербургскихъ пожарахъ»; но, видаясь со мной почти каждый день въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, онъ, конечно, невольно касался и петербургскихъ пожаровъ, но никогда не возобновлялъ разговоры о нихъ въ присутствіи постороннихъ лицъ. Вотъ почему я рѣшительно думаю, что у г. Волынскаго не могло быть съ Лѣсковымъ «бесѣдъ о пожарахъ» ни «съ вдохновеннымъ самообличеніемъ», ни «съ боязливымъ заметаніемъ старыхъ слѣдовъ». Если же г. Волынскій говоритъ о «Загадочномъ человѣкѣ», гдѣ разсказана Лѣсковымъ его исторія съ пожарами, то этотъ пересказъ, конечно, касался только главной и основной мысли его извѣстной статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», которую, по замѣчанію самого Волынскаго, «очевидно авторъ приводитъ на память, даже не справляясь

съ текстомъ». Этотъ, однако, полный текстъ нисколько не противорѣчитъ краткому его резюме въ «Загадочномъ человѣкѣ». Литературной смѣлости и «обезоруживающей откровенности» по вопросамъ общественнымъ и этики у Лѣскова было всегда достаточно.

Встрѣчая во мнѣ чуть ли не единственнаго оппонента среди многихъ его молчаливо-почтительныхъ друзей, Лѣсковъ въ возбужденномъ состояніи старался иногда исчерпать исторію съ пожарами до конца:

— Если, — восклицалъ онъ:—правительство подготовляетъ реформы, идетъ на встрѣчу обществу, желаетъ обсужденія ихъ въ печати, и въ это время зрѣютъ заговоры и пожары, то что думать о политическомъ тактѣ этой страны? Кто болѣе подготовляетъ реакцію: Катковская публицистика или эти «пугачи»?

На мое замѣчаніе о малочисленности «пугачей» и выгодѣ въ карьерномъ смыслѣ для чиновъ судебнаго вѣдомства считаться съ этими юными людьми, какъ съ серьезными врагами порядка,—Лѣсковъ сердито отвѣчалъ:

— Дуракъ броситъ камень въ воду, такъ сто умныхъ не вытащатъ его!.. Неужели же печать не имѣетъ права обсуждать это явленіе и философски, и на практической почвѣ? Тогда на кой же чортъ и самая печать, если она не имѣетъ политическаго и реальнаго значенія?

Я привожу эти образчики моихъ споровъ съ Лѣсковымъ въ связи съ полемикой о петербургскихъ пожарахъ для того, чтобы въ слабой степени указать на мужественную готовность Лѣскова признать самыя опасныя для его репутаціи положенія и этимъ свидѣтельствовать противъ г. Волынскаго.

Какъ несправедлива сдѣланная имъ оцѣнка Лѣскову въ этой исторіи, такъ точно г. Волынскій несправедливо обсуждаетъ и дальнѣйшую дѣятельность Лѣскова. Онъ пишетъ: «не будучи ни по духу, ни по темпераменту естественнымъ сторонникомъ прогрессивнаго лагеря, руководимаго Чернышевскимъ, Лѣсковъ не обладалъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы открыто занять свое особое мѣсто въ журналистикѣ. Лѣсковъ долженъ былъ разорвать открыто съ либерализмомъ и никогда не заигрывать двусмысленно съ людьми, въ которыхъ онъ самъ порицалъ и преслѣдовалъ именно то, что дѣлало ихъ сильными передъ толпою, героями прогрессивной эпохи. Не приставая ни къ Чернышевскому, ни къ Каткову, онъ могъ бы явиться носителемъ идей, имѣющихъ право на самостоятельное существованіе. Но такого независимаго положенія Лѣсковъ, по отсутствію нравственной выдержанности и умственной цѣльности, занять не могъ. Годы шли за годами, смѣнялись событія, а публицистика Лѣскова постоянно сохраняла характеръ внутренней двойственности, производившей впечатлѣніе лицемѣрія и фальши. Его разсужденія о женской эмансипаціи, которая бурно обсуждалась на страницахъ либеральныхъ

журналовъ, какъ-то плохо примирялись съ гнѣвными нападками на шутовство, гаерство именно либеральныхъ писателей. Его неумѣренная злоба противъ нигилистовъ, давшая пищу разнымъ сквернымъ толкамъ въ современной журналистикѣ, не могла и не должна была искать себѣ никакихъ путей къ примиренію съ особеннымъ видомъ очищеннаго нигилизма, въ духѣ романа Чернышевскаго. А между тѣмъ Лѣсковъ, не замѣчая фальшивости собственнаго пріема, выступилъ въ 1863 году снисходительнымъ истолкователемъ этого характернаго произведенія, въ обширномъ фельетонѣ, написанномъ неряшливо, отрывочными фразами, безъ малѣйшей умственной последовательности и безъ нравственнаго изящества. Идеи нигилизма подвергались профанаціи—это значитъ, что есть настоящій нигилизмъ, который пользуется сочувствіемъ Лѣскова. Понадобилось нѣсколько газетныхъ столбцовъ, чтобы, предавъ поруганію современную толпу, лукаво подойти къ роману Чернышевскаго и выразить ему свое убѣжденное сочувствіе за честное изображеніе настоящихъ нигилистическихъ героевъ. Весь фельетонъ о Чернышевскомъ, съ игрою талантливаго автора на два фронта, кажется намъ новымъ опрометчивымъ въ литературномъ отношеніи поступкомъ. Лѣсковъ не видитъ, что между литературнымъ нигилизмомъ и житейскимъ нѣтъ никакой принципіальной разницы, что одинъ былъ правдивымъ отраженіемъ другаго, что оба они стояли на одинаковой умственной высотѣ, что нельзя одновременно осмѣивать общество, восторженно принявшее романъ Чернышевскаго, и расхваливать «Что дѣлать», въ которомъ это общество увидѣло правдивое отраженіе собственныхъ гражданственныхъ идей и стремленій»...

По поводу этой пространной характеристики о Лѣсковѣ опять почти построчно слѣдовало бы возражать г. Волынскому. Во-первыхъ, тѣмъ, что въ «мужествѣ» и «своемъ особомъ мѣстѣ въ журналистикѣ» никто не откажетъ Лѣскову и теперь; а, во-вторыхъ, «не пристать къ Чернышевскому и Каткову» совсѣмъ не значитъ «заигрывать двусмысленно съ людьми» «на два фронта» и производить «впечатлѣніе лицемѣрія». Можно сочувствовать и женской эмансипаціи и смѣяться одновременно надъ Кукшиными; строго различать литературный нигилизмъ отъ обывательскаго, идею отъ исполнителей, и, наконецъ, весь фельетонъ Лѣскова о Чернышевскомъ («Сѣверная Пчела», 1863 г., № 142) представляетъ собою образцово критическую статью, исполненную именно благородства и серьезнаго ума. Внутренній скептицизмъ Лѣскова, то-есть способность находить и въ друзьяхъ отталкивающія стороны, а во врагахъ — примиряющія, слѣдуетъ считать драгоцѣннымъ качествомъ въ писателѣ. Тотъ же г. Венгеровъ пишетъ объ этомъ по адресу Лѣскова: «злой и трезвый умъ, чуждый мистицизма и экстаза, при всей страстности и порывистости его натуры, никогда не давалъ ему увлечься всецѣло и показывалъ ему недочеты во всемъ. Вотъ почему, между прочимъ,

и въ «Некуда» въ одно и то же время онъ и разрушаетъ и созидаетъ». Созидать и разрушать—значило говорить горькую правду не только врагамъ, но и друзьямъ, а г. Волынскій считаетъ это «игрой талантливаго автора на два фронта»; желаетъ, чтобы Лѣсковъ «призналъ Бога не только въ явномъ и несомнѣнномъ его выраженіи, но и подъ маской житейскаго безобразія». Богъ Лѣскова дѣйствительно не рядился въ безобразныя маски, и потому Лѣсковъ признавалъ Его только «на узкомъ пути» немногихъ избранниковъ, строго отдаляя ихъ отъ «Панургова стада». Г. Волынскій считаетъ это драгоцѣнное свойство въ писателѣ — грубымъ качествомъ толпы, «которая, при собственномъ безобразіи, не даетъ пощады никакому уродству», и, какъ ранѣе требовалъ отъ Лѣскова рѣшительнаго разрыва съ «либерализмомъ», такъ и теперь осуждаетъ его же за безпощадность къ уродству...

Ничего нѣтъ, конечно, удивительнаго въ томъ, что г. Волынскій совершенно не почувствовалъ русскаго писателя въ періодъ борьбы его съ нигилизмомъ (такъ какъ г. Волынскій не знакомъ ни съ 60-ми годами, ни съ политическими вопросами вообще), а въ беллетристическихъ произведеніяхъ Лѣскова, преклонясь исключительно передъ художественностью «Соборянъ», отводитъ имъ первое мѣсто. А между тѣмъ, вотъ что писалъ о нихъ, 27 января 1893 г., самъ Лѣсковъ къ одной нашей наиболѣе талантливой писательницѣ: «О «Соборянахъ» говорите правду: они «вамъ ближе». Во всякомъ случаѣ т е п е р ь я бы не сталъ ихъ писать, но я бы охотно написалъ «Записки разстриги» и, можетъ быть, напишу ихъ... Фальсификацію всѣхъ заповѣдей и просьбъ распятаго на крестѣ Праведника — вотъ что я хотѣлъ бы показать людямъ, а не Варнавкины кости! Но это, небось, называется «толстовство»...

Съ особенной любовью Ник. Сем. останавливался попреимуществу на своихъ «Праведникахъ» (т. II) и христіанахъ (т. X и XI); а къ «Соборянамъ» охладѣлъ тотчасъ, какъ только понялъ, что они имѣютъ болѣе художественное и историческое значеніе, чѣмъ живое и соціальное для послѣдующаго развитія нашего общества.

— Идеализированный византіизмъ въ лицѣ Туберозова—знамя, давно оставленное мною,—говорилъ онъ мнѣ неоднократно.—Чѣмъ человѣчнѣе и дальше «отецъ» Туберозовъ отъ мертвой консисторіи, тѣмъ суровѣе слѣдуетъ окрикнуть его: «да ты что: христіанинъ или нѣтъ? Развѣ не знаешь, что по св. писанію у насъ нѣтъ другаго отца, кромѣ Бога и родителя, а всѣ мы братья, и пусть первый служитъ послѣднимъ! Но для этого есть одинъ «узкій путь», а не пространный, которымъ шелъ мой протопопъ... Я болѣе занимался человѣческой душой въ «Соборянахъ», чѣмъ п о п а м и,—говорятъ въ похвалу мнѣ и при томъ забываютъ, что въ Туберозовѣ было и то, и другое, въ равной мѣрѣ подлежащее нашему суду... Если-бъ я болѣе занимался человѣческой душой, чѣмъ нигилистами, то всѣ

бы судили и рядили ихъ, какъ съ художественной, такъ и соціальной точекъ зрѣнія. Вотъ правильное отношеніе будущаго критика и къ моимъ «Соборянамъ»..

Лучшія произведенія Лѣскова, гдѣ психологія и общественность воплощены въ равной мѣрѣ съ сильно выраженнымъ отношеніемъ автора къ тому, что онъ описываетъ («Некуда», нѣкоторые «Праведники» и «христіане»), проанализированы г. Волынскимъ крайне слабо. Но какъ въ «Соборянахъ» ему нравится «художественность» какъ бы «метафизическая», «свободная», исключительно черты души, независимыя отъ «буржуазности» (всѣ общественные интересы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» окрещиваются этимъ именемъ въ отличіе отъ «идеализма», освобожденнаго отъ всякихъ точныхъ опредѣленій и человѣческихъ учрежденій), такъ и въ другихъ сходственныхъ произведеніяхъ Лѣскова критикъ только цѣнитъ эту «вѣчную красоту», «паѳосъ автора», «экстазъ» читателя и т. п. «бочки психологіи». Отсюда односторонность его оцѣнки, но и въ этомъ видѣ намъ пріятно отмѣтить ее у него по адресу нѣкоторыхъ произведеній Лѣскова. Необходимо указать его друзей во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они вспоминаютъ имя этого писателя съ уваженіемъ. Г. Волынскій тѣсно связываетъ съ «Соборянами» разсказы: «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангелъ» и «Очарованный странникъ», въ которыхъ, по опредѣленію критика, «чувствуешь русскаго Бога».

«Какъ и въ «Соборянахъ», на первомъ планѣ разсказа («На краю свѣта») какая-то большая правда, которая плыветъ тихо, медленно и обнимаетъ весь горизонтъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ. Люди описаны твердой рукой мастера—до мельчайшихъ подробностей, до иллюзіи, и однако вниманіе останавливается не на нихъ. Сердце чувствуетъ, что гдѣ-то совсѣмъ близко вѣетъ божество. Не только люди, но все кругомъ—отъ снѣжной мятели до умирающихъ животныхъ—одушевленное внутренней мыслью автора, становится какъ бы символъ непостижимой мудрости. И дикарь, и епископъ, сквозь колоритный и глубокомысленный діалогъ, видны въ пластическихъ образахъ, но читатель невольно охватывается иными, болѣе волнующими интересами». Не совсѣмъ это ясно, и только въ каррикатурѣ такъ кого нибудь передразниваютъ, но видимо все-таки критикъ доволенъ «бѣлымъ свѣтомъ»—символомъ непостижимой мудрости г. Волынскаго.

О «Запечатлѣнномъ ангелѣ» онъ говоритъ:

«Вотъ разсказъ, въ которомъ нѣтъ черты, не проникнутой религіознымъ чувствомъ въ одномъ изъ самыхъ его чистыхъ и изящныхъ проявленій,—въ особенной, мистической любви къ искусству. Разсказъ этотъ называется «Запечатлѣнный ангелъ». Между произведеніями Лѣскова разсматриваемой группы «Запечатлѣнный ангелъ» — рѣдкое сокровище старинной, неподражаемой работы. По выдержанности тона произведеніе это кажется намъ даже болѣе

законченнымъ и художественно-цѣльнымъ, чѣмъ «Соборяне». Если главные герои «Соборянъ» оказываются «очарованными странниками», идущими по наитію таинственныхъ, невидимыхъ силъ, то здѣсь—большая группа людей, артель рабочихъ-раскольниковъ, сплоченная единствомъ чувства и вѣры, живетъ въ непосредственномъ очарованіи видимаго воплощенія незримой божественной стихіи. Таковъ этотъ исключительный въ русской литературѣ разсказъ Лѣскова. Повѣствованіе, начавшееся прославленіемъ искусства, проникнутаго примитивною религіозностью, въ послѣднихъ заключительныхъ моментахъ своего развитія, съ неожиданною силою открываетъ широкій кругозоръ писателя. Встрѣча воинствующихъ раскольниковъ съ мудрымъ и беззлобнымъ Памвою вноситъ въ него свѣжіе живые толки. Понятіе о Богѣ, сдавленное раскольническими догматами, расширяется до отвлеченной идеи, противоположной всякимъ случайнымъ ограниченіямъ, свѣтлой и нѣжной по своему содержанію. Упреждая духовное развитіе общества въ области религіозно-философскихъ откровеній, Лѣсковъ даетъ намъ въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ»—подъ пестрой оболочкой стариннаго письма—строгое и точное выраженіе цѣльной и оригинальной умственной системы. Не отрицая святыни искусства, онъ борется здѣсь съ культурнымъ идолопоклонствомъ, которое создаетъ житейскія распри и стихійное ожесточеніе, недостойное творящаго духа. Въ «Очарованномъ страникѣ» Лѣсковъ говоритъ о «добромъ русскомъ богатырѣ», о «добромъ простодушіи», о «доброй душѣ», о «добромъ и строгомъ житіи». Жизнь описываемыхъ героевъ полна дикихъ, злыхъ и жестокихъ порывовъ, но въ скрытомъ источникѣ всякихъ человѣческихъ поступковъ и помышленій покоится доброта—неземная, идеальная, мистическая. На вершинѣ просвѣтленнаго сознанія Иванъ Северьяновичъ получаетъ послѣднее откровеніе, научась свято чтить «благое молчаніе» — ту великую внутреннюю тишину, которая живетъ въ герояхъ «Соборянъ», то послѣднее самообладаніе, тотъ невидимый экстазъ, который соединяетъ послѣднее самообладаніе, тотъ невидимый экстазъ, который соединяетъ жизнь съ вѣчною красотою. Всѣ эти отвлеченныя понятія и идеи показаны Лѣсковымъ въ колоритномъ національномъ освѣщеніи и съ тщательно скрытымъ убѣжденіемъ, что «добрый богатырь», любящій во всемъ бѣлизну и способный понять величіе благого молчанія, есть типъ чисто русскаго человѣка съ «прохладной русской кровью». Можно сказать съ полной увѣренностью, что, употребляя названныя слова и выраженія въ каждомъ выдающемся художественномъ моментѣ, Лѣсковъ обнаруживаетъ природную оригинальность своихъ ощущеній, вкусовъ и настроеній».

Оцѣнивъ восторженнымъ образомъ Лѣскова за «бѣлый свѣтъ», «благое молчаніе» и «многозначительную тишину» въ «Соборянахъ», «На краю свѣта», въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ» и «Очарованномъ

странникѣ», г. Волынскій относительно другихъ его произведеній, гдѣ наиболѣе общественнаго содержанія, приходитъ къ слѣдующимъ поражающимъ выводамъ:

«По темпераменту и по складу своего ума, не склоннаго къ сознательнымъ обобщеніямъ и тонкой самокритикѣ, Лѣсковъ былъ типичнымъ русскимъ проповѣдникомъ изъ народа—то вдохновеннымъ, то юродствующимъ. Этимъ объясняется обиліе шутовскихъ выходокъ, скоморошества, — забавнаго для толпы, но почти невыносимаго для любителей чистаго искусства, — въ повѣстяхъ и разсказахъ всѣхъ періодовъ его литературной дѣятельности. Несмотря на единство художественной правды, скрытой во всемъ, что онъ писалъ, произведенія Лѣскова временами кажутся оторванными отъ главнаго корня его внутренней творческой жизни: въ глубинѣ его души царитъ многозначительная тишина, но передъ толпою, которая всегда имѣла власть надъ его воображеніемъ, онъ любилъ выступать съ потѣшными анекдотами и прибаутками. Склонный къ рисовкѣ, онъ порою щеголялъ богатствомъ своихъ національныхъ красокъ и трезвымъ пониманіемъ колоритныхъ проявленій народной жизни. Но погремушки диковиннаго краснобайства, въ которое иногда ударялся этотъ талантливый художникъ, не привлекали къ нему симпатіи и уваженія читающей публики».

Въ доказательство, должно быть, такого къ нему «неуваженія читающей публики» критикъ ничего не придумалъ привести лучше, какъ слѣдующее: «Сказъ о Тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и стальной блохѣ» весь отъ начала до конца представляется наборомъ шутовскихъ выраженій—въ стилѣ безобразнаго юродства. Разныя сатирическія ухищренія не прикрываютъ собою нѣкотораго національнаго самохвальства, которое жило въ душѣ Лѣскова и, можно сказать, сохранялось до конца его дней». Этимъ отзывомъ о «Стальной блохѣ» и «національномъ самохвальствѣ» Лѣскова, г. Волынскій, надѣюсь, произнесъ надъ собою приговоръ о томъ, какъ слабо его критическое пониманіе, и какимъ настроеніемъ онъ самъ согрѣтъ. Въ концѣ своей статьи (февраль, «Сѣверный Вѣстникъ») онъ разсказываетъ, со словъ Лѣскова, бесѣду послѣдняго съ одной поклонницей Достоевскаго, но у меня («Живописное Обозрѣніе» за 1895 годъ) передана эта «бесѣда» совершенно иначе. Весьма возможно, что, увлекаясь и импровизируя, Лѣсковъ измѣнилъ свою бесѣду съ «нервной дамой, прошедшей покаянную школу Достоевскаго», какъ говоритъ г. Волынскій, но я горячо протестую противъ заключительныхъ словъ послѣдняго: «быть можетъ, не склонный по природѣ къ чистосердечному самообличенію, Лѣсковъ безсознательно хотѣлъ логическими доводами, прикрытыми разгоряченной моралью, указать на какія-то свои преимущества передъ Достоевскимъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ».

Ничего онъ этого не хотѣлъ и всякія предположенія здѣсь из-

липпни. Онъ передалъ случившійся съ нимъ эпизодъ, характерный самъ по себѣ, и ничего болѣе.

Такимъ образомъ правильнаго отношенія къ себѣ вообще у большинства нашихъ критиковъ Н. С. Лѣсковъ такъ и не дождался. Съ мнѣніями о немъ г.г. Буренина и Волынскаго, однако, можно считаться: они оба иначе смотрятъ на Лѣскова, чѣмъ слѣдуетъ на него смотрѣть, но ни тотъ, ни другой не отрицаютъ за нимъ его заслугъ въ литературѣ, а г. Волынскій признаетъ даже эти заслуги значительными. Но мы рѣшительно не знаемъ, что сказать про тѣхъ критиковъ, которые въ «Новомъ Словѣ» (1896 годъ, октябрь, «По поводу внутреннихъ вопросовъ») утверждаютъ, что Лѣсковъ писалъ только «каррикатуры» на свое поколѣніе; что нигилисты, отказавшіеся отъ общественныхъ цѣлей, нисколько все-таки не похожи на его героевъ въ романѣ «На ножахъ»; что представляется весьма подозрительной психологія сотрудниковъ «Недѣли», которые критически относятся къ Шелгунову и чувствуютъ «особенное тяготѣніе къ Лѣсковымъ и Дьяковымъ-Незлобинымъ: есть ли это, дѣйствительно, желаніе возстановить репутацію ихъ, какъ людей, когда-то несправедливо осуждаемыхъ и незаслуженно забытыхъ, или нѣкоторое духовное родство съ ними?» Что же остается спросить послѣ этихъ строкъ: возстановить въ литературѣ чью либо репутацію и чувствовать къ нему «духовное родство» представляется предосудительнымъ, что ли; находить ошибки въ журналистикѣ 60-хъ годовъ тоже заслуживаетъ порицаніе? Неужели нельзя писать, что Шелгуновъ считалъ Гончарова «талантливой безталанностью» по поводу его «Обрыва», а «Войну и миръ» Л. Толстаго называлъ «философіей застоя», Тургенева («Отцы и дѣти»), Писемскаго и Лѣскова—«непрошенными лѣтописцами» (см. сочиненія Н. В. Шелгунова)? Неужели для оцѣнки критики 1860-хъ годовъ нельзя констатировать поражающіе факты, въ родѣ тѣхъ, что за то же самое произведеніе «Отцы и дѣти» М. Антоновичъ называлъ Тургенева «Асмодеемъ нашего времени», а г. Скабичевскій — «русскимъ недомысліемъ», а Л. Толстой — названъ имъ посредственнымъ мыслителемъ (см. «графъ Толстой, какъ художникъ и мыслитель»); Хвощинскую же онъ замѣтилъ только во время отлива въ «Волнахъ русскаго прогресса», а у Шеллера—совсѣмъ не видалъ русской жизни, а все англійскую изъ Диккенса и т. д. Неужели еще рано говорить, что Писаревъ поставилъ лягушку выше принциповъ; принципы считалъ не моралью, а «силой ощущеній»; на выгодахъ личности строилъ общественное счастье; Пушкина совершенно не понималъ, и т. д., а Цебрикова, Зайцевъ и Ткачевъ напоминаютъ «рѣшето», на которомъ теперь не осталось слѣда индивидуальной мысли? Неужели же ошибаться критикамъ 1860-хъ годовъ не было свойственно, и для нихъ еще не настала «исторія»? Признавая за ними широкое распространеніе въ обществѣ демократическихъ идей, мы должны сказать, что въ художественной

литературѣ они многаго не умѣли оцѣнить, въ томъ числѣ Лѣскова, и сопоставлять не бездарнаго фельетониста «Новаго Времени» г. Дьякова съ всестороннимъ и глубокимъ бытописателемъ, какъ это дѣлаетъ теперь «Новое Слово» по адресу Лѣскова,—значитъ не имѣть ни малѣйшаго представленія о немъ.

Не менѣе засоренъ и отзывъ «Русской Мысли» въ январьской книжкѣ о произведеніяхъ Н. С. Лѣскова. Признавая за нимъ «огромный талантъ и значеніе его произведеній», «Русская Мысль», однако, говоритъ, что, «увлекаясь своими идеями и отдаваясь своему скептицизму, Лѣсковъ очутился въ сторонѣ отъ тогдашнихъ «новыхъ людей», — вслѣдствіе нѣкоторыхъ прискорбныхъ обстоятельствъ не сблизился съ ними, а потому не имѣлъ возможности «изучить дѣйствительность». Любопытно, какъ Лѣсковъ, «не изучивъ дѣйствительность» въ сферѣ «новыхъ людей», могъ написать «Овцебыка», «Загадочнаго человѣка» и «Некуда»? Вторая ошибка «Русской Мысли» въ слѣдующей цитатѣ: «Своихъ праведниковъ,—говоритъ г.Сементковскій:—онъ беретъ изъ всѣхъ сферъ жизни»...кромѣ одной,—вынуждены мы добавить,—именно той, которую онъ считалъ зараженною многими «общественными недугами, въ томъ числѣ склонностью увлекаться фразами и теоріями, несоразмѣрными съ жизнью». И пусть «считалъ»,—упрекъ Лѣскову дѣлался и будетъ дѣлаться не за это, а за то, что вездѣ онъ розыскивалъ и находилъ, блестяще изображалъ «праведниковъ», крестьянъ, солдатъ, купцовъ, священниковъ, помѣщиковъ, инженеровъ, квартальныхъ, скомороховъ и т. д., и лишь изъ одной «сферы»,—увлекающихся,—выбиралъ и противопоставлялъ имъ самыхъ худшихъ или неразумныхъ. Вслѣдствіе этого, общая картина пятидесятилѣтія русской жизни, изображенная въ собраніи его сочиненій, представляется невѣрною, написанною на двѣ половины: на одной—«неблагопріятныя условія» и «праведники», спасающіе свои души добрыми дѣлами, облегчающими горькое положеніе случайно попадающихъ имъ на глаза несчастныхъ, гибнувшихъ отъ такихъ «условій»; на другой—легкомысленные, глупые или негодные люди, увлекающіеся фразами и теоріями, «несоразмѣрными съ жизнью». Самая же «несоразмѣрность» такъ и осталась недоказанною и даже неуказанною Лѣсковымъ». Здѣсь, что ни слово, то ошибка: на самомъ дѣлѣ, развѣ можно упрекать писателя въ томъ, что изъ «новыхъ людей» онъ взялъ только отрицательные типы; вѣдь такъ можно упрекнуть и Гоголя за то, что изъ типовъ Николаевскаго времени онъ взялъ только «мертвые». Дѣло не въ этомъ, а въ ихъ собственной правдивости. Лѣсковъ бралъ въ послѣреформенныхъ людяхъ прежде всего ихъ собственный ростъ и, независимо отъ умственнаго движенія въ гостиныхъ и реформъ сверху, чувствовалъ, что люди не сегодня-завтра скомпрометируютъ свои собственныя исповѣданія, и нашелъ себѣ блестящее подтвержденіе въ нашей современной жизни. Реформъ понадѣлали тогда

много, а люди не только не провели ихъ въ жизнь со всѣми дальнѣйшими послѣдствіями, но не умѣли даже защитить ихъ чистоту отъ искаженій и реакціи. Почему же, слѣдовательно, онъ невѣрно изобразилъ общую картину? Развѣ дѣйствительно теоріи новыхъ людей были «соразмѣрны» съ ихъ собственными характерами и силами страны? Развѣ не могъ писатель чувствовать, что и въ крестьянствѣ, лишенномъ всѣхъ функцій политической жизни въ европейскомъ смыслѣ, равно и на фабрикѣ—никто не будетъ «работать надъ Боклемъ»; что и въ обработкѣ земли въ колоніяхъ, съ денежной помощью изъ «центровъ сифилизаціи», какъ цинично выражается одинъ изъ учредителей такихъ колоній о высшей культурѣ въ городахъ и столицахъ,—тоже нѣтъ будущаго, и что это отвлекаетъ интеллигенцію отъ ея очередной работы въ расчисткѣ всѣхъ препятствій къ сближенію съ народомъ и его единенія съ правящими силами? Что въ этихъ метаніяхъ туда и сюда съ прямой дороги заберешься на такую вершину, откуда идти дальше «Некуда», и тогда, отказавшись отъ своихъ высокихъ цѣлей, эти же самые люди будутъ либо «На ножахъ», либо не менѣе негодяйствующими «Учителями жизни», изъ повѣсти Н. Э. Петропавловскаго-Каронина, либо ренегатами, описанными за послѣднее время либеральными беллетристами: Боборыкинымъ въ романѣ «Поумнѣлъ» и Станюковичемъ въ романѣ «Омутъ»? Но слѣдуетъ сказать, что Лѣсковъ не только давалъ «худшіе» типы изъ сферы «увлекающихся», но и высокодаровитыхъ и безсребренниковъ; таковы его «Овцебыкъ», Артуръ Бенни въ лицѣ Райнера, его Лиза Бахарева, Помада и Розановъ.

Наконецъ, «Русская Мысль» укоряетъ Лѣскова въ томъ, что онъ болѣе настаиваетъ на перевоспитаніи воли человѣка, чѣмъ на измѣненіи его соціальной обстановки, то-есть, такъ называемыхъ «внѣшнихъ условій жизни». Трудно понять, почему до сихъ поръ многимъ кажется важнѣе измѣненіе внѣшнихъ условій жизни, чѣмъ внутреннихъ. Вѣдь и по существу измѣненіе внѣшнее можетъ быть только результатомъ внутренняго, результатомъ желаній людей что либо улучшить и измѣнить въ ихъ соціальной обстановкѣ. Затѣмъ, разумѣется, Лѣсковъ потому и говоритъ объ измѣненіи злыхъ наклонностей и вкусовъ человѣка, чтобы одновременно съ ними мѣнялась и общественная жизнь; чтобы и соціальныя реформы и прогрессивные законы были результатомъ нравственныхъ усилій въ благодѣтеляхъ человѣческаго рода и т. д. Лѣсковъ эту соціальную азбуку понималъ отлично, и современное намъ время блистательно оправдало его недовѣріе во внутренній ростъ русскаго общества и правящихъ сферъ въ 1860-хъ годахъ. Однако, съ мнѣніями гг. Буренина, Волынскаго, С. К. изъ «Новаго Слова» и рецензента изъ «Русской Мысли» о Лѣсковѣ можно спорить, какъ съ мнѣніями литературныхъ людей; но что сказать о какомъ-то А. Б. изъ «Міра

Божія», редактируемаго В. Острогорскимъ, гдѣ въ январьской книжкѣ печатно называютъ Лѣскова «клеветникомъ», «доносчикомъ», «пошлымъ анекдотистомъ», «острословомъ и суесловомъ», «болтливымъ пустословомъ», писателемъ «безъ Бога въ душѣ», «цινикомъ по складу ума и сластолюбцемъ по темпераменту», «лицемѣромъ, прикрывающимся высокими словами, въ святость которыхъ онъ самъ не вѣритъ», и т. д.? Всѣ доказательства критика въ томъ, что смерть Н. С. Лѣскова «прошла почти незамѣченной». «Нѣсколько обычныхъ некрологовъ, двѣ-три широковѣщательныхъ статьи, написанныя друзьями покойника,—вотъ и все, въ чемъ выразилось вниманіе общества къ писателю, въ свое время дѣлавшему большой шумъ. И въ этой холодности общественнаго мнѣнія сказался тотъ общественный судъ, приговоры котораго всегда справедливы(?), потому что ни подкупить его, ни запугать нельзя. Это былъ приговоръ надъ человѣкомъ, дарованія котораго были растрачены какъ-то зря, безъ пользы для кого бы то ни было. Еще при жизни Лѣсковъ былъ уже мертвымъ писателемъ, мало привлекавшимъ вниманіе своими послѣдними произведеніями». Успѣхъ Лѣскова въ обществѣ доказывается тѣмъ, что его дорогое по цѣнѣ «Полное собраніе сочиненій» въ самомъ непродолжительномъ времени выдержало два изданія; во-вторыхъ, взрослое общество въ настоящее время читаетъ, разумѣется, Лѣскова гораздо болѣе, чѣмъ всякаго изъ нынѣ живущихъ писателей (исключая Л. Тостаго), и въ будущемъ популярность его несомнѣнно выростетъ при большемъ къ нему вниманіи и безпристрастіи критики. А затѣмъ, послѣднія его произведенія въ XI и XII томахъ печатались въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Русской Мысли», въ книжкахъ «Недѣли» и уже, конечно, читая ихъ, нельзя было сказать того, что педагогъ Острогорскій пропустилъ въ редактируемомъ имъ журналѣ о Лѣсковѣ: «Все, что проходило передъ нимъ, интересовало его лишь съ точки зрѣнія курьезнаго сюжетца. Уловить болѣе глубокое содержаніе жизни, разобраться среди многочисленныхъ теченій ея, уяснить себѣ ихъ смыслъ—на это у Лѣскова никогда не хватало ни ума, ни таланта».

Какая, подумаешь, у другихъ-то беллетристовъ «талантливость и умъ»! Вонъ г. Скабичевскій поставилъ Мамина-Сибиряка выше Золя (см. «Новое Слово» за октябрь 1896 г.), а Лѣскову не хватало «ни ума, ни таланта»...

Такую оцѣнку Лѣскову могъ сдѣлать человѣкъ, неспособный вообще понимать ни художественнаго значенія какого либо произведенія, ни содержательности ихъ. Это тотчасъ же обнаружилось, какъ только г. А. Б. перешелъ къ доказательствамъ своихъ изумительныхъ сужденій. Онъ пишетъ о «Соборянахъ»:

«Туберозовъ, по идеѣ, является представителемъ воинствующаго духовенства. Для этого у него всѣ данныя—умъ, энергія, стойкость духа и непреклонная вѣра. Чего бы, казалось, больше? Нѣтъ, Лѣ-

сковъ не выдерживаетъ и прибавляетъ къ этимъ высокимъ качествамъ нѣчто, ужъ совсѣмъ гаденькое и низменное, заставляя Туберозова писать доносъ и еще превозноситься этимъ,— «ибо я русскій и деликатность съ такими людьми долженъ считать за неумѣстное» (рѣчь идетъ о полякахъ). Такое непониманіе и неразборчивость въ самыхъ простыхъ вещахъ встрѣчаются у Лѣскова на каждомъ шагу. Лѣсковъ даже не догадывается, что человѣку, столь высокому по нравственному типу, какъ его Туберозовъ, никоимъ образомъ не придетъ въ голову доносъ. Но если сопоставить «Памвулицемѣра», проявившагося въ сказаніяхъ Лѣскова, и скрытаго крѣпостника, притаившагося въ преданіяхъ о «Старыхъ годахъ села Плодомасова», съ этимъ доносомъ, то не получится никакого противорѣчія не въ художественномъ образѣ Туберозова, а въ Лѣсковѣ, выглядывающемъ изъ-за Туберозова».

Просто не вѣрится, чтобы можно было такъ писать о Лѣсковѣ! До такой степени въ литературѣ у насъ не дорожатъ репутаціями другъ друга! Ну, почему этотъ доносъ на нигилистовъ и «поляковъ» не могъ сдѣлать Туберозовъ, когда тайное кляузничество и доносы въ русскомъ духовенствѣ издавна были развиты, а въ настоящемъ случаѣ они оправдываются у священника общественными цѣлями? Вѣдь это случается почти на каждомъ шагу, у духовныхъ лицъ, не менѣе Туберозова пользующихся уваженіемъ паствы, а вотъ г. А. Б. приписываетъ этотъ доносъ самому Лѣскову. Затѣмъ онъ нападаетъ на «колоритный» языкъ Лѣскова въ «Полунощникахъ» и стыдитъ имъ гг. Сементковскаго и Венгерова, признавшихъ за Лѣсковымъ большія услуги въ «области русскаго слова». Между тѣмъ самъ Лѣсковъ часто мнѣ говорилъ объ этомъ по поводу «Полунощниковъ»:

— Манерный языкъ, правда... Да развѣ у насъ мало манерныхъ людей? Вся quasi-ученая литература пишетъ свои ученыя статьи этимъ варварскимъ языкомъ; что же удивительнаго, что на немъ разговариваетъ у меня какая-то мѣщанка? У ней, по крайней мѣрѣ, языкъ веселый, смѣшной... Вотъ и ругаютъ меня за него, потому что сами не умѣютъ такъ писать. Вѣдь я собиралъ его много лѣтъ по словечкамъ, по пословицамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, схваченнымъ на лету въ толпѣ, на баркахъ, въ рекрутскихъ присутствіяхъ и монастыряхъ. Поработайте-ка надъ этимъ языкомъ столько лѣтъ, какъ я. Вѣдь большой трудъ написать было «Полунощниковъ» такъ, чтобы было читать ихъ смѣшно. Да и, кромѣ того, только на такомъ языкѣ я могъ бы провести въ печати мои взгляды о безстыжихъ притворщицахъ въ «Полунощникахъ» и о моей среди нихъ евангелисткѣ Клавдіи... Вы это не цѣните, а вонъ какая-то барышня прислала мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ, что за мои «Полунощники» мнѣ простятся всѣ мои прежніе грѣхи.

Лѣсковъ начиналъ въ этомъ случаѣ волноваться и неоднократно восклицалъ:

— Да какіе грѣхи-то мои? Мои грѣхи у васъ на глазахъ. Грязь моихъ романовъ у васъ въ семьѣ и въ обществѣ. Они на каждомъ шагу теперь. Вы ихъ вездѣ встрѣтите и всего болѣе въ той же литературѣ: среди добровольцевъ пошлости и мутителей пониманія. Я писалъ, что нигилисты будутъ и шпіонами, и ренегатами, безбожники сдѣлаются монахами, писатели пойдутъ къ кулакамъ издателямъ, сдѣлаются биржевиками и банковскими кассирами, профессора—чиновниками и т. д. Что же развѣ это не оправдалось?

Высказывая эти мысли о собственныхъ произведеніяхъ, Лѣсковъ скорбѣлъ о томъ, что обстоятельной статьи о полномъ собраніи его сочиненій не появлялось въ печати. Въ настоящее время критико-біографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго о Лѣсковѣ есть наилучшее, что появилось о покойномъ писателѣ. Самъ Лѣсковъ страстно ждалъ справедливой оцѣнки своей дѣятельности при жизни и не дождался ея въ литературной критикѣ. Онъ радовался статьямъ о немъ даже Протопопова въ «Русской Мысли», Волынскаго въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», Введенскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ», писалъ благодарственныя имъ письма за вниманіе къ его трудамъ, а заочно искалъ о себѣ настоящаго слова и горько жаловался:

— Вонъ Толстой-то какъ пишетъ о Мопассанѣ! Вотъ настоящая критика, истолковывающая въ краткомъ отзывѣ писателя такъ, какъ будто я самостоятельно изучилъ лучшія и отрицательныя его стороны. Не дождусь я такой критики о себѣ!

А. Фаресовъ.

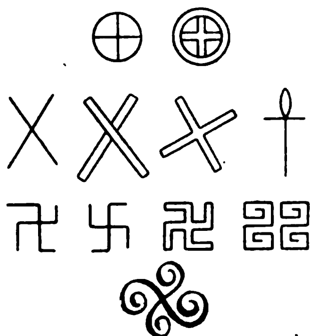

О ДРЕВНЕМЪ ЗНАЧЕНІИ КРЕСТА, ВЪ ЭПОХУ ДО ХРИСТІАНСТВА.

Ъ ИСТОРІИ религіозной и юридической символики въ эпоху до христіанства, весьма замѣтное мѣсто занимаетъ у многихъ народовъ изображеніе креста, какъ по своему разнообразному употребленію, такъ и по тому значенію, какое придавали въ древности кресту.

Памятниковъ объ этомъ, какъ вещественныхъ, такъ письменныхъ, весьма много, и всѣ они подтверждаютъ то предположеніе, что изображеніе креста въ древности имѣло три главныхъ вида: а) круга, съ помѣщенными въ немъ на крестъ линіями или полосами, б) двухъ взаимно пересѣкающихся прямыхъ линій, подъ прямымъ и подъ острымъ углами, и в) фигуры, состоящее изъ двухъ пересѣкающихся линій—прямыхъ съ загнутыми концами или двухъ спиральныхъ—извѣстной подъ названіемъ «свастики».

Не смотря на множество памятниковъ, на которыхъ сохранилось изображеніе креста, доказывающихъ обширность его распространенія во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, мы, однако же, не можемъ съ достаточною ясностію опредѣлить ни времени, ни мѣста его первоначальнаго появленія [1]); еще менѣе имѣемъ основаній опредѣлить причины появленія этого знака, и принуждены довольствоваться

---

[1]) По выраженію французовъ: la coutume et le symbole n'ont pas de pères.

тѣмъ, что говорятъ Гриммъ, Рейшеръ и др. о символахъ вообще, то-есть, что большая часть изъ нихъ заключаетъ въ себѣ мистическій смыслъ и въ то же время глубокое историческое значеніе и тѣсную связь съ нравами и отдѣльнымъ духомъ каждаго народа [1]).

Памятники, на которыхъ встрѣчается изображеніе креста, весьма многочисленны, мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ: кресты находятся на древнихъ финикійскихъ монетахъ, на египетскихъ, ассирійскихъ и ниневійскихъ памятникахъ (напримѣръ, кресты, высѣченные на стѣнахъ гробницы Мидаса [2]), и изображенные въ ушахъ и на груди ассирійскаго царя [3]), въ катакомбахъ Египта [4]), на стѣнахъ храма Сераписа (въ Александріи), между клинообразными надписями въ Малой Азіи [5]). на древнихъ вазахъ, амфорахъ, кольцахъ, въ числѣ орнаментовъ на древнихъ храмахъ [6]), капищахъ, базиликахъ, ступахъ (могильныхъ памятникахъ) и, наконецъ, на разныхъ предметахъ и вещахъ, сравнительно, позднѣйшаго времени, принадлежавшихъ этрускамъ, норикамъ [7]), датчанамъ [8]), чехамъ [9]), мерянамъ [10]) и другимъ обитателямъ древней Россіи [11]).

Ассирійскій царь.

[1]) Essai sur le symbolique du droit. Chassan, 1847, p. 308.
[2]) Description of some ancien monuments. J. Stuart.
[3]) The monuments of Nineveh. Layard. Seconde serie, pl. IV. Ceramic art in remote ages. 1874.
[4]) Egiptens Stelle in der Weltgeschichte. J. Bunsen.
[5]) Die Phönizier, v. Movers. I. B. Manuel d'histoire ancienne de l'Orient. Lenormann.
[6]) На о. Цейлонѣ.
[7]) Grabfeld v. Hallstatt. Sacken.
[8]) Раскопки въ Даніи. Ворсо.
[9]) Památky Archeologické a mistopisné. 1865. Rocnik XII, Dil. VI.
[10]) Меряне и ихъ древній бытъ. Гр. А. С. Уварова.
[11]) Изъ раскопокъ г. Кибальчича, въ Полтавской губерніи.

Кромѣ памятниковъ вещественныхъ, на которыхъ сохранилось изображеніе креста, существуетъ нѣсколько письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ. Напримѣръ, въ книгѣ пророка Іезекіиля говорится о таинственныхъ колесахъ, которыя были одушевлены жизнію («зане духъ жизни бѣ въ нихъ», гл. X, 1—22). Эти колеса называются гельгель (הגלגל)[1]). Евреи этимъ знакомъ изображали букву ת (тау), которая помѣщалась на ихъ монетахъ въ видѣ креста (X), что̀ соотвѣтствовало той буквѣ финикійскаго алфавита, которая послужила основаніемъ для изображенія буквы греческаго алфавита Т, τ (Ταῦ=Тавъ), а затѣмъ перешла и въ нашъ алфавитъ: Т, т.

Здѣсь необходимо прибавить, что, по словамъ Вуттке[2]), еврейская буква ת (тау), или знакъ, похожій на эту букву, представлялъ въ глубокую древность ту видимую силу, которая сохраняла евреевъ отъ ангела-истребителя (смерти). Это было то «знаменіе», о которомъ говорится въ книгахъ пророковъ[3]). Должно полагать, что подъ знакомъ (или буквою) ת (тау) евреи понимали имя Іеговы; это кажется вѣроятнымъ потому, что у евреевъ до сихъ поръ сохранился древній обычай вовсе не произносить имени Бога, а когда это бываетъ нужно, то вмѣсто цѣлаго слова произносятъ одну или двѣ первыя его буквы. Такимъ образомъ вмѣсто слова (אלהים) элакимъ—Богъ, произносится первая буква (א) алефъ или слѣдующая (ל) ламедъ; точно также вмѣсто слова Іегова (יהוה)—іегудъ произносится (יוד) ïодъ и т. п. Этотъ способъ осторожнаго произношенія имени верховнаго существа былъ извѣстенъ и финикіянамъ, о чемъ говорится у Санханіатона (его Fragmenta etc.). Точно также Вуттке упоминаетъ и о томъ, что у финикіянъ была символика божества, и были святыя буквы, которыми изображалось божество, и именно Taut (Тау)[4]).

Ал. Савельевъ.

[1]) См. Furst: Schul-Wörterbuch, p. 116.
[2]) Die Entstehung der Schrift, p. 69.
[3]) Пр. Іезекіиля IX, 4—6. Кн. Іова XXXI, 35 и др. Апокалипсисъ, 7.
[4]) Das Symbol des Kreuzes bei allen Nationen etc. 1876. S. 17.

МИЦКЕВИЧЪ И КАРОЛИНА ЯНИШЪ.

ИЗНЬ ВЕЛИЧАЙШАГО изъ польскихъ поэтовъ давно уже занимаетъ первое мѣсто въ ряду тѣхъ излюбленныхъ темъ, изслѣдованію которыхъ особенно охотно посвящаютъ свои силы современные польскіе историки и публицисты. И это вполнѣ естественно. Міровое значеніе поэзіи Мицкевича является теперь болѣе или менѣе общепризнаннымъ, такъ какъ тотъ умственный капиталъ, который оставилъ послѣ себя поэтъ, сталъ не только національнымъ, польскимъ, но и общечеловѣческимъ достояніемъ. Вслѣдствіе этого, имя Мицкевича сдѣлалось для поляковъ тѣмъ дорогимъ знаменемъ, въ которомъ опора ихъ національной гордости; творчество Мицкевича даетъ полякамъ право причислять себя къ семьѣ тѣхъ высоко-одаренныхъ народовъ, которые ведутъ между собою сношенія въ сферѣ духовныхъ интересовъ на началахъ равноправности, на почвѣ свободнаго взаимнаго обмѣна, не ограничиваясь простымъ заимствованіемъ.

Кромѣ этой общей причины, и самая жизнь Мицкевича сложилась такъ незаурядно, что даетъ богатый матеріалъ даже для простаго пересказа внѣшнихъ, чисто-фактическихъ подробностей. Вильна, Одесса, Москва, Петербургъ, Парижъ, даже Римъ—всѣ эти крупные центры поперемѣнно служили ареной дѣятельности поэта, и уже этотъ голый перечень даетъ приблизительное понятіе, на какой прихотливой канвѣ приходится вырисовывать узоръ внѣшнихъ перемѣнъ въ судьбѣ

Мицкевича. Вообще, по самому характеру своему, жизнь Мицкевича, какъ богатая фактическими подробностями, навѣрное, долго еще будетъ служить той неистощимой темой, въ области которой всегда найдется возможность—или внести болѣе или менѣе существенную поправку, или же при помощи новой догадки освѣтить ту или другую случайность въ судьбѣ поэта, если объ этой случайности (какъ это нерѣдко бываетъ) документальные источники даютъ лишь слабый намекъ. Нечего и говорить, что въ настоящее время жизнь Мицкевича, хотя достаточно извѣстная въ общихъ чертахъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ имѣетъ немало невыясненныхъ сторонъ, и въ польской исторической литературѣ мы то и дѣло встрѣчаемъ новыя изслѣдованія и небольшіе очерки, посвященные обработкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, часто проливающіе новый свѣтъ на личность поэта въ разныхъ фазисахъ его развитія и выясняющіе довольно важныя событія его жизни, которыя доселѣ были малоизвѣстны.

Краковскій профессоръ Іосифъ Третьякъ, издавшій въ 1884 г. свое трехъ-томное изслѣдованіе о юношескихъ годахъ жизни поэта («Mickiewicz w Wilnie i Kownie. Zycie i poezya. Lwów), въ своей недавно вышедшей книгѣ («Szkice literackie», serya I, Krak., 1896) удѣлилъ немало мѣста очеркамъ изъ послѣдующаго періода жизни поэта. Изъ этихъ (въ общемъ—надобно сказать—мастерски написанныхъ) очерковъ для русскихъ читателей можетъ представить несомнѣнный интересъ разсказъ г. Третьяка объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ московскому періоду жизни поэта. Рѣчь идетъ о взаимной привязанности двухъ поэтическихъ натуръ (Мицкевича и Каролины Янишъ),—привязанности, къ сожалѣнію, быстро увядшей, не достигнувшей полнаго расцвѣта и имѣвшей грустный конецъ.

Эпизодъ этотъ въ жизни Мицкевича прошелъ, правда, довольно мимолетнымъ лучемъ, на короткое лишь время озарившимъ и скрашивавшимъ нерадостную въ то время жизнь поэта; но для насъ онъ имѣетъ немалый интересъ и со стороны того женскаго образа, который наполнялъ въ то время мечты поэта. Каролина Карловна Янишъ, впослѣдствіи Павлова—талантливая писательница, пользовавшаяся громкой извѣстностью и давшая литературѣ, кромѣ множества оригинальныхъ произведеній, очень хорошіе переводы Пушкина, Вяземскаго, Баратынскаго и Языкова на французскій и нѣмецкій языки. Такимъ образомъ, настоящій эпизодъ представляетъ собою сравнительно рѣдкій случай, когда въ «союзѣ любви» обѣ стороны занимали относительно равноправное положеніе по своимъ вкусамъ и интеллектуальному уровню.

Доселѣ эпизодъ этотъ былъ извѣстенъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, лучше сказать—въ одной лишь существенной чертѣ, что Каролина Янишъ во время жизни Мицкевича въ Москвѣ останавливала на себѣ вниманіе поэта. Въ біографіяхъ Мицкевича очень мимолетно упоминалось, что онъ былъ близко знакомъ съ семей-

ствомъ Янишъ, питалъ къ нему дружескія чувства, причемъ памятникомъ особеннаго вниманія, оказываемаго Королинѣ, осталось посвященное ей поэтомъ стихотвореніе, а Янишъ нарисовала портретъ поэта. Г. Третьякъ разсказываетъ эту исторію съ большими подробностями и не такъ сухо.

Поселившись (не совсѣмъ добровольно) съ 1825 г. въ Москвѣ, Мицкевичъ радушно былъ принятъ въ московскомъ интеллигентномъ обществѣ. Кромѣ чисто литературныхъ сферъ, въ которыхъ Мицкевичъ былъ своимъ человѣкомъ, предъ нимъ гостепріимно открыты были двери нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, и тогдашнее московское общество, интересовавшееся польской литературой, съ дружелюбнымъ вниманіемъ отнеслось къ поэту, за которымъ уже прочно утвердилась репутація первокласснаго таланта. Бывая въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской, Мицкевичъ между прочимъ познакомился здѣсь съ Каролиной Карловной Янишъ, дочерью московскаго профессора-нѣмца, значительно обрусѣвшаго. Молодая дѣвушка (ей въ то время было 19 лѣтъ), въ полномъ расцвѣтѣ рѣдкой красоты, хорошо образованная и уже тогда не чуждая артистическихъ и поэтическихъ наклонностей (она недурно рисовала и писала стихи),—Янишъ замѣтно выдѣлялась среди сверстницъ и невольно привлекла вниманіе мечтательнаго поэта. На самое Янишъ уже первая встрѣча произвела столь неотразимое впечатлѣніе, что у ней зародилось обычное въ такихъ случаяхъ желаніе — почаще видѣть возлѣ себя любимаго человѣка, и для этого она прибѣгла къ невинной хитрости — настояла, чтобы для нея пригласили учителя польскаго языка. Нечего и говорить, что въ выборѣ такого учителя особыхъ колебаній не могло быть (вспомнимъ, что тогда хотѣли создать каѳедру польскаго языка въ Московскомъ университетѣ для Мицкевича), и вскорѣ эти уроки привели къ тому результату, котораго такъ нетерпѣливо ждала Янишъ, и который собственно и былъ главною цѣлью ея затѣи. Взаимное сближеніе, живой обмѣнъ мыслей, выяснившееся сходство симпатій и вкусовъ вскорѣ привели къ тому, что Мицкевичъ не только объяснился въ любви предъ своей ученицей, но и предложилъ ей руку и сердце. Конечно, предложеніе было принято съ живѣйшей радостью, но всѣ планы и мечты молодыхъ людей были безжалостно разбиты постороннимъ вмѣшательствомъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и со стороны самого Мицкевича это предложеніе, какъ можно догадываться по дальнѣйшему ходу исторіи, было только мимолетнымъ порывомъ, а не строго-обдуманнымъ шагомъ; Мицкевичъ первымъ забилъ отбой, схватился за случайное и едва ли непреодолимое препятствіе, чтобы считать себя свободнымъ отъ даннаго слова. Дѣло въ томъ, что Янишъ имѣла въ числѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ одного, какъ видно, человѣка съ высоко-развитой аристократической тенденціей; этотъ послѣдній, не взирая на согласіе родителей Янишъ, наотрѣзъ вос-

противился предполагавшемуся браку и рѣшительно заявилъ, что онъ лишитъ Каролину всякаго имущественнаго обезпеченія (этотъ родственникъ почему-то распоряжался всѣмъ имѣніемъ фамиліи), если она выйдетъ за бѣднаго и незнатнаго литвина. И воля этого дядюшки оказалась роковой: бракъ разстроился. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сыну поэта, Владиславу Мицкевичу, Янишъ старается снять съ Адама Мицкевича всякую вину, говоря, что, если бы она пошла наперекоръ дядюшкѣ, то «осудила бы его (Мицкевича) на жизнь въ тяжелой нуждѣ и лишеніяхъ», и потому она предпочла поступить, «какъ подсказывало ей чувство долга», но не нужно забывать, что это письмо относится къ самому недавнему времени (1890 г.); есть всѣ основанія предполагать, что въ свое время Янишъ не остановилась бы предъ этимъ препятствіемъ, если бы не замѣчала нѣкотораго охлажденія къ себѣ со стороны поэта. Такое же предположеніе дѣлаетъ и г. Третьякъ, замѣчая, что это затрудненіе было какъ разъ на-руку Мицкевичу, такъ какъ чувство его къ Янишъ было не особенно глубокимъ и очень быстро остыло.

Въ концѣ 1827 г. Мицкевичъ былъ переведенъ въ Петербургъ: поѣздка эта въ значительной мѣрѣ ослабила дружескія связи поэта съ Москвой вообще и съ семьей Янишъ въ частности. Единственное письмо, которымъ Мицкевичъ обмѣнялся съ отцомъ Янишъ, было отвѣтнымъ на запросъ послѣдняго и, кромѣ того, носитъ характеръ нѣсколько холодный и какъ бы офиціальный. Поэтъ извиняется за свое долгое молчаніе, дѣлая обычную въ такихъ случаяхъ ссылку на хлопоты и недостатокъ времени, нѣсколько строкъ удѣляетъ церемоннымъ похваламъ по адресу Каролины, дивясь ея быстрымъ успѣхамъ въ польскомъ языкѣ.

Въ 1828 г. Мицкевичъ снова пріѣхалъ въ Москву, но пребываніе его здѣсь было слишкомъ кратковременнымъ. Во всякомъ случаѣ этотъ короткій визитъ не имѣлъ особеннаго значенія на ходъ излагаемой исторіи, отношенія между Каролиной и Мицкевичемъ попрежнему остались неопредѣленными и невыясненными. Въ апрѣлѣ того же года Мицкевичъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ мотивовъ этой поѣздки не послѣднюю роль играло желаніе поэта отдалиться отъ Янишъ, покончить счеты съ мимолетнымъ увлеченіемъ, хотя въ то же время поэтъ не отнималъ у Янишъ надежды на возможность закрѣпить слабѣющую взаимную привязанность узами гименея. Съ другой стороны поэтъ не желалъ оставаться въ Москвѣ и потому, что имѣлъ надежду при помощи петербургскихъ связей устроить для себя болѣе прочное положеніе. Хотя спокойная и безмятежная московская жизнь имѣла много привлекательныхъ сторонъ, но на порогѣ возмужалости (Мицкевичу было уже до 30 лѣтъ) человѣку вполнѣ естественно задаться вопросомъ о своемъ будущемъ, и въ этомъ отношеніи Петербургъ открывалъ болѣе широкія и болѣе заманчивыя перспек-

тивы, чѣмъ Москва. Во всякомъ случаѣ можно считать несомнѣннымъ, что въ это именно время поэтъ рѣшилъ окончательно порвать съ Янишъ, и представляется лишь не вполнѣ яснымъ, почему онъ оставилъ лучъ слабой надежды у бѣдной, мучимой сомнѣніями дѣвушки, не открывъ ей напрямикъ своего рѣшенія. По крайней мѣрѣ дальнѣйшая переписка показываетъ, что Каролина не переставала надѣяться на счастливый исходъ дѣла.

Прошло десять мѣсяцевъ со времени отъѣзда Мицкевича въ Петербургъ. Поэтъ не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей въ Москву. Все время разлуки Янишъ жила одной только мыслью о любимомъ человѣкѣ; наконецъ, будучи не въ силахъ дальше выносить этой тревоги и неопредѣленности, она пишетъ 19 февраля 1829 г. Мицкевичу письмо, въ которомъ убѣдительно проситъ его хоть на короткое время пріѣхать въ Мосву, трогательно мотивируя свою просьбу такъ: «Я не могу дальше выносить столь продолжительной неизвѣстности, этого томительнаго ожиданія, этой вѣчной тревоги. Надобно, чтобы ты такъ или иначе рѣшилъ мою судьбу. Я была бы спокойнѣе, если бы знала, что мнѣ нечего больше терять. Десять мѣсяцевъ прошло со времени твоего отъѣзда; я много думала за эти десять мѣсяцевъ твоего отсутствія. Я убѣдилась, что не могу жить безъ думы о тебѣ, убѣдилась, что моя жизнь всегда будетъ только цѣпью воспоминаній о тебѣ, Мицкевичъ! Что бы ни случилось, душа моя принадлежитъ тебѣ одному. Если же мнѣ суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но и это я снесу безропотно». Между прочимъ Янишъ извѣщала поэта, что есть довольно твердая надежда побороть самое трудное препятствіе къ браку—именно, упорство дядюшки, теперь смягчившагося. Для насъ цѣль этого письма во всякомъ случаѣ ясна: Янишъ дѣлала послѣднюю попытку возвратить уплывавшее отъ нея счастье—снова привлечь любимаго человѣка.

Мицкевича письмо это поставило въ очень затруднительное положеніе. Въ мечтахъ поэта въ ту пору во всякомъ случаѣ не Янишъ занимала преобладающее мѣсто. Всецѣло занятый мыслью о поѣздкѣ на Западъ, онъ всего менѣе расположенъ былъ мечтать о спокойной, чуждой треволненій супружеской жизни. Съ другой стороны письмо Янишъ напомнило ему о данномъ когда-то словѣ, хотя, быть можетъ, сорвавшемся съ устъ невольно, въ минуту очарованія, но все же налагавшемъ извѣстныя обязанности. Болѣе благородныя побужденія осилили нерѣшительность, и хотя время года не особенно благопріятствовало далекой и по тѣмъ временамъ крайне утомительной поѣздкѣ, Мицкевичъ однако немедленно поспѣшилъ въ Москву на зовъ Каролины.

Намъ неизвѣстно, въ какую форму облекъ Мицкевичъ свой отказъ въ личныхъ бесѣдахъ съ Каролиной по прибытіи въ Москву, но изъ послѣдующаго письма ея къ поэту можно сдѣлать выводъ,

что Мицкевичъ открылъ свои карты и, чтобы смягчить горечь рѣшительнаго отказа, предложилъ Янишъ вмѣсто супружества идеальную дружбу. Еще до выѣзда изъ Москвы Мицкевичъ получилъ отъ Каролины письмо, которое г. Третьякъ характерно называетъ «нравственнымъ паспортомъ для поэта на выѣздъ за границу». Въ этомъ письмѣ трогательно вылилось чистое чувство молодой женской души, и потому считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторые отрывки (по тону письма видно, что оно написано вслѣдъ за послѣднимъ личнымъ объясненіемъ): «Привѣтъ тебѣ, мой милый! Еще разъ благодарю за все, за твою дружбу, за твою любовь. Я дала клятву, что постараюсь быть достойной этой любви, никогда не подумай, чтобы я могла нарушить эту клятву — такова единственная моя къ тебѣ просьба. Если я буду увѣрена, что ты никогда не измѣнишь своего мнѣнія обо мнѣ, то я всегда буду спокойна, довольна и счастлива; я счастлива и теперь, разставаясь съ тобой, быть можетъ, на вѣки; и хотя бы намъ никогда уже не суждено было свидѣться, я всегда буду убѣждена, что все—къ лучшему для насъ обоихъ, ибо такова воля Божія. Что бы ни случилось въ будущемъ, жизнь для меня будетъ пріятной: я часто буду искать въ глубинѣ своего сердца драгоцѣнныхъ воспоминаній о тебѣ, съ радостью буду перебирать ихъ, потому что всѣ они для меня—алмазъ чистой воды. Прощай, мой другъ! Тяжело мнѣ кончить письмо съ мыслью, что, быть можетъ, никогда не придется и словомъ перекинуться съ тобой... Но такъ быть должно — прощай, мой другъ! — все же я знаю, что ты меня любишь». Письмо это написано 5 апрѣля 1829 г., а 6 апрѣля Мицкевичемъ написано въ альбомъ Каролины посвященное ей стихотвореніе, которое является поэтическимъ отвѣтомъ на изліянія тосковавшей Янишъ. Даже и здѣсь Мицкевичъ оставляетъ какую-то блѣдную, едва-уловимую тѣнь надежды, брошенную (по словамъ г. Третьяка) для успокоенія сердца, которое крѣпилось, но не могло не страдать. Поэтъ сравниваетъ себя съ перелетной птицей и проситъ Каролину — каждый разъ, когда ей придется услышать печальные крики перелетныхъ птицъ—вспомнить скитальца и быть увѣренной, что онъ при первой искрѣ надежды опять прилетитъ къ ней—на сѣверъ.

Чрезъ нѣсколько дней «перелетная птица» улетѣла въ западные края. Съ тѣхъ поръ Мицкевичъ не имѣлъ о Янишъ свѣдѣній и только разъ поинтересовался у одного изъ своихъ друзей узнать, что̀ съ ней сталось. Печальное предчувствіе Каролины сбылось: имъ не пришлось больше свидѣться.

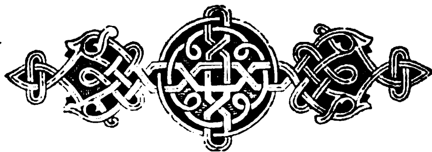
Восемь лѣтъ спустя послѣ разлуки съ Мицкевичемъ, Янишъ вышла замужъ за извѣстнаго писателя Н. Ф. Павлова. Супружество это не принадлежало къ числу счастливыхъ и удачныхъ.... Въ 1855 г. Янишъ-Павлова оставила Россію и поселилась въ Дрезденѣ. Крашевскій, посѣтившій ее въ 1874 г., писалъ, что она живо со-

хранила воспоминанія прошлаго. И дѣйствительно, съ какою поразительною яркостью сохранилось въ душѣ Павловой прежнее чувство къ великому поэту, съ 1855 г. заснувшему уже вѣчнымъ сномъ, можно видѣть изъ письма ея къ Владиславу Мицкевичу (сыну Адама) въ 1890 году. Павлова писала: «Воспоминаніе объ этой любви и доселѣ является счастьемъ для меня. Время—вмѣсто того, чтобы ослабить—лишь укрѣпило мою любовь. Съ благодарностью вспоминаю о томъ благословенномъ днѣ, когда онъ спросилъ меня, желаю ли я быть его женой. Онъ всегда стоитъ предо мной какъ бы живой. Для меня онъ не переставалъ жить. Я люблю его теперь, не переставала любить его все время. Онъ мой, какъ былъ моимъ когда-то».

Если взять во вниманіе, что непосредственныя личныя отношенія, положившія начало этой любви, были очень непродолжительны, если вспомнить, что они имѣли печальный исходъ, то эта живучесть и поразительная свѣжесть чувства является поистинѣ изумительной и въ возвышенномъ свѣтѣ рисуетъ намъ поэтическую личность Каролины Павловой, не оцѣненную по достоинству польскимъ поэтомъ.

К. К. Павлова скончалась въ Дрезденѣ въ 1894 г.

Константинъ Храневичъ.

АЛЕКСАНДРЪ I, КАКЪ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКІЙ СУДЬЯ.

Вопросъ о разрѣшеніи международныхъ распрей третейкимъ судомъ съ нѣкоторыхъ поръ вошелъ въ моду, и въ пользу гуманной, раціональной замѣны войны подобнымъ мирнымъ разбирательствомъ споровъ между враждебными сторонами, не только теоретически высказываются конгрессы, парламенты и печать всего свѣта, но все чаще и чаще его примѣняютъ на практикѣ государства Стараго и Новаго Свѣта. Такъ въ прошломъ году состоялось нѣсколько третейскихъ приговоровъ: президентъ Швейцарской республики разрѣшилъ многолѣтній споръ между Франціей и Венецуелой по поводу убытковъ, нанесенныхъ правительствомъ послѣдней страны французскому гражданину, Антуану Фабіани, имѣвшему тамъ пароходство и желѣзнодорожную концесію; португальскій король—распрю между Англіей и Бразиліей относительно владѣнія островомъ Тринидадомъ, который присужденъ южно-американской республикѣ, и австрійскій императоръ—препирательства между Греціей и Румыніей, которыя, начавшись съ частнаго дѣла о крупномъ наслѣдствѣ, дошли до прерванія дипломатическихъ сношеній между обѣими странами. Въ настоящее время также происходятъ два третейскихъ разбирательства: подъ предсѣдательствомъ русскаго профессора международнаго права, Мартенса, спора между Англіей и Нидерландами объ арестѣ въ Макасарѣ капитана англійскаго корабля «Карпентри» и подъ предсѣдательствомъ бывшаго губернатора страны Конго, Денсена, финансовой распри

между Франціей, Швеціей и Чили. Наконецъ, третейскимъ судомъ недавно разрѣшенъ англо-венецуэльскій вопросъ, едва не возбудившій въ началѣ прошедшаго года войны Великобританіи съ Американскими Соединенными Штатами, и прямымъ слѣдствіемъ этого суда служитъ заключеніе между означенными двумя государствами трактата о созданіи перваго въ свѣтѣ постояннаго международнаго третейскаго трибунала. Хотя трактатъ этотъ еще не ратификованъ, но нельзя сомнѣваться въ его окончательной санкціи обѣими сторонами, несмотря на проволочки по случаю вступленія въ должность новаго президента, и потому понятенъ общій интересъ, возбужденный этимъ великимъ актомъ конца нашего вѣка, который, по словамъ Гладстона, «если не уничтожитъ разомъ войны, то представляетъ все-таки практическое осуществленіе человѣчнаго принципа и значительный шагъ на пути истиннаго прогресса». Конечно, англичанамъ и американцамъ дѣлаетъ большую часть иниціатива подобнаго превращенія въ историческій фактъ одной изъ тѣхъ утопій, которыя такъ долго казались несбыточными, тѣмъ болѣе, что они уже давно неуклонно стремятся къ этой цѣли, какъ доказываютъ неоднократныя разрѣшенія третейскимъ судомъ распрей между ихъ родинами въ продолженіе настоящаго столѣтія. Наиболѣе извѣстныя изъ этихъ англо-американскихъ мирныхъ разбирательствъ происходили въ Женевѣ по поводу вознагражденія за убытки, нанесенные американцамъ во время борьбы Сѣвера съ Югомъ крейсеромъ Алабамой, имѣвшимъ англійскій флагъ, и въ Парижѣ о котиковомъ промыслѣ на Беринговомъ морѣ. Но еще ранѣе былъ произнесенъ подобный же третейскій приговоръ въ Петербургѣ, въ 1822 году, императоромъ Александромъ I по спору между Англіей и Американскими Штатами о толкованіи Гентскаго мира. Не смотря на весь интересъ этаго послѣдняго историческаго факта, онъ мало кому знакомъ и даже не упоминается въ біографіяхъ Александра I Богдановича и Шильдера; въ классическую же исторію мирныхъ трактатовъ гр. Гардена[1]) не попали дипломатическіе документы по этому вопросу, благодаря прекращенію этого обширнаго труда на пятнадцатомъ томѣ, оканчивающемся Вѣнскимъ трактатомъ. Только вышедшій два года тому назадъ XI томъ «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами»,— Ф. Мартенса[2]), сообщаетъ текстъ третейскаго рѣшенія императора, двухъ нотъ гр. Нессельроде и конвенціи между Россіей, Англіей и Американскими Соединенными Штатами по этому поводу, а также

---

[1]) Histoire generale des traités de paix et autres transactions principales entre toutes les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie, par le comte de Garden. Paris. 15 vol.

[2]) Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, Ф. Мартенса. Томъ XI. Трактаты съ Англіей, 1801—1831. С.-Петербургъ. 1895.

нѣкоторыя, хотя очень краткія, свѣдѣнія о событіяхъ, возбудившихъ появленіе на свѣтъ означенныхъ дипломатическихъ актовъ. Пользуясь этимъ любопытнымъ матеріаломъ, постараемся охарактеризовать Александра I въ роли международнаго судьи, что не будетъ излишнимъ въ настоящую минуту, когда съ одной стороны весь свѣтъ интересуется вопросомъ о международныхъ третейскихъ судахъ, а съ другой почтенные труды г. Шильдера придали новый интересъ всему, что касается Александра I.

Послѣ долгихъ и столь дорого стоившихъ всей Европѣ войнъ наступила съ паденіемъ Наполеона въ 1815 году эпоха мира: всѣ народы и правительства жаждали спокойствія. Главнымъ хранителемъ этого, всѣми желаемаго, мира явился Александръ I, который всячески старался примѣнить на практикѣ свою политику общаго спокойствія. Прежде всего онъ задумалъ разоруженіе европейскихъ державъ и писалъ объ этомъ англійскому первому министру, лорду Кастльри, отъ 21 марта 1816 г., что «для поощренія усмиренныхъ народовъ безбоязненно предаваться полному спокойствію убѣдительнымъ и рѣшительнымъ средствомъ должно представляться единовременное уменьшеніе вооруженныхъ силъ всѣхъ родовъ». Такое общее разоруженіе, по словомъ русскаго государя, было необходимо «въ виду новаго духа народовъ, который постепенно долженъ привыкать къ устойчивому и мирному порядку вещей на пользу не вымирающаго поколѣнія, а нынѣшняго и будущаго»; что же касается до его осуществленія, то Александръ полагалъ, что оно «должно совершиться съ тѣмъ согласіемъ и внушительной добросовѣстностію, которымъ Европа обязана своимъ спасеніемъ и которыя одни въ состояніи обезпечить въ настоящее время ея счастіе». Глава торійскаго кабинета и принцъ-регентъ, правившій Англіей по случаю умственнаго разстройства короля Георга III, отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ «столь великому дѣлу», но ловко уклонились отъ практическаго его осуществленія; въ отвѣтной запискѣ лорда Кастльри указывалось, что и наиболѣе прочнымъ основаніемъ для общаго разоруженія было бы соглашеніе державъ о численности ихъ армій, но такое опредѣленіе извѣстнаго масштаба военныхъ силъ для различныхъ государствъ вызвало бы большія затрудненія, а потому не лучше ли для каждаго государства довести вооруженія до возможно меньшей степени и такимъ образомъ создать установленіе умѣренныхъ вооруженныхъ силъ на основаніи взаимнаго удобства». При этомъ прибавлялось, не безъ ироніи, въ англійской дипломатической бумагѣ, что «Австрія и Пруссія уже сократили свои арміи, а потому если Россія также пойдетъ по этому пути, то ея примѣръ подѣйствуетъ самымъ благимъ образомъ на всѣ европейскія государства». Не смотря на такое видоизмѣненіе своего плана, Александръ согласился признать цѣлесообразность мѣръ разоруженія и въ каждомъ государствѣ отдѣльно согласно мѣстнымъ условіямъ, что

ясно видно изъ депеши графа Нессельроде, отъ 21 іюля 1816 года, въ которой между прочимъ сказано, что «Россія уже приступила къ разоруженію и увѣдомитъ союзниковъ, въ какой мѣрѣ русская армія уменьшена». Къ сожалѣнію, этотъ важный вопросъ остался безъ всякаго разрѣшенія, и даже его иниціаторъ вскорѣ забылъ о своемъ гуманномъ проектѣ, увлекшись совершенно инымъ мѣропріятіемъ все съ той же цѣлью поддержанія всеобщаго мира и спокойствія. Это былъ пресловутый Священный Союзъ, созданный съ самыми благими намѣреніями, хотя и отуманенными мистическими идеями, но превращенный очень быстро, благодаря вліянію Меттерниха, въ реакціонный заговоръ правительствъ противъ народовъ. Политика Александра, «стремившаяся, по замѣчанію лорда Кастльри, къ такому совершенству, которое не примѣнимо ни къ вѣку, ни къ людямъ», по несчастію сдѣлалась послѣ Троппауского и Лайбахскаго конгресовъ враждебной всякому прогресу и конституціоннымъ порядкамъ, которые онъ же согласно депешѣ гр. Каподистріи отъ 17 октября 1820 г. «всегда считалъ полезными и даже необходимыми, какъ учрежденія, дающія верховной власти поддержку народнаго представительства». Если усилія Александра обезпечить миръ и спокойствіе общимъ разоруженіемъ ни къ чему не привели, то по крайней мѣрѣ они дѣлаютъ ему честь и не имѣли никакихъ вредныхъ послѣдствій; его же старанія доставить торжество Меттерниховской системѣ возбудили такіе печальные результаты, отъ которыхъ долго не могла оправиться Европа и, конечно, не служатъ къ его славѣ. Въ виду такой неудачи, съ одной стороны, и гибельнаго результата, съ другой, дѣйствій Александра I въ качествѣ охранителя мира и спокойствія всего свѣта, тѣмъ отраднѣе остановиться на вполнѣ успѣшной, свѣтлой и гуманной его дѣятельности, какъ международнаго третейскаго судьи.

Это мирное посредничество русскаго императора между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами было вызвано споромъ между обоими государствами о толкованіи Гентскаго мира. Какъ извѣстно, послѣ отторженія республики Новаго Свѣта отъ ея метрополіи набралось столько горючаго матеріала и столько національной ненависти съ каждой стороны, что новая война была неизбѣжна рано или поздно. Она вспыхнула въ 1812 году и продолжалась почти два года съ довольно незначительными результатами, отвлекая силы Англіи отъ ея гигантской борьбы съ Наполеономъ, а потому Александръ I предлагалъ нѣсколько разъ свое вмѣшательство, чтобъ уладить ея несогласія съ бывшей колоніей, но всегда получалъ отказъ. Наконецъ, въ декабрѣ 1814 года, былъ заключенъ англичанами и американцами миръ въ Гентѣ, но этимъ не окончались распри между ними, а перешли только съ военной почвы на дипломатическую. Четыре года оба правительства препирались насчетъ толкованія Гентскаго трактата и, въ 1818 году, заключили конвенцію

о предоставленіи Александру I разрѣшить споръ относительно первой статьи трактата третейскимъ судомъ. Что касается американской республики, во главѣ которой тогда стоялъ президентъ Монрое, создавшій знаменитую монроевскую доктрину объ Америкѣ для американцевъ, то избраніе русскаго императора въ посредники было вполнѣ естественно, такъ какъ Александръ считался распорядителемъ судебъ Европы и былъ крупнѣйшей личностью между европейскими государями; но согласіе на это со стороны Англіи доказываетъ, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовался Александръ даже со стороны правительства, находившагося съ нимъ въ политическомъ разногласіи. Дѣйствительно, не смотря на внѣшнія дружественныя отношенія, недавнія союзницы, вмѣстѣ поборовшія Наполеона, видимо не ладили послѣ своей общей побѣды, и между ними не только возникали постоянныя неудовольствія, но установилось хроническое недовѣріе. Одной изъ главныхъ причинъ такого натянутаго положенія англо-русскихъ отношеній служило личное недружелюбіе къ Александру принца-регента, вступившаго въ 1820 г. на престолъ подъ именемъ Георга IV. Онъ никакъ не могъ простить императору, что послѣдній игралъ первенствующую роль въ Европѣ, и что принцъ Оранскій, выбранный имъ въ женихи своей дочерѣ, Шарлоттѣ, женился на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, а потому всячески противодѣйствовалъ русской политикѣ. Съ другой же стороны эта политика, со времени созданія Священнаго Союза и подчиненія ея меттерниховской системѣ, противорѣчила основнымъ политическимъ традиціямъ Англіи, и хотя во главѣ ея стояло торійское министерство, но оно не могло подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія присоединиться къ вмѣшательству Священнаго Союза на Троппаускомъ и Лайбахскомъ конгрессѣ во внутреннія дѣла Италіи и Испаніи въ строго реакціонномъ духѣ и съ цѣлью принять общія репрессивныя мѣры противъ свободы народовъ. Такое разногласіе съ Англіей, доходившее до того, что не только ея правители обнаруживали рѣзкій антагонизмъ дѣйствіямъ русскаго правительства, но въ парламентѣ произносились оскорбительныя рѣчи противъ русскаго императора и его политики,—было очень непріятно Александру, и, выведенный изъ терпѣнія, онъ иногда прямо высказывалъ, что Англія естественный врагъ Россіи. Замѣчательно, что въ разговорахъ съ французскимъ посломъ въ Петербургѣ, графомъ Феронэ, онъ заявлялъ одинаковое недовѣріе къ Англіи и Австріи, хотя первая противодѣйствовала Священному Союзу, а послѣдняя поддерживала его. Вотъ что писалъ графъ Феронэ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, Шатобріану, отъ 30-го ноября 1823 г.: «Александръ сознаетъ, что его естественные враги—Австрія и Англія, а Франція, которую онъ считаетъ своей естественной соперницей, пріобрѣтаетъ силу и возвращаетъ себѣ принадлежащее ей мѣсто на политической сценѣ; онъ знаетъ, что у насъ храбрая и преданная

армія, а потому приближается къ намъ и, продолжая высказывать прежнюю вѣрность къ принципамъ Священнаго Союза, онъ нѣсколько разъ давалъ мнѣ понять во время послѣднихъ разговоровъ со мною, что Франція и Россія, находясь въ дружескомъ соглашеніи относительно всѣхъ вопросовъ, всегда будутъ въ состояніи обезпечить спокойствіе Европы и заставить другія континентальныя державы хотѣть то, чего онѣ хотятъ» [1]). Въ виду такихъ взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи выборъ послѣдней Александра третейскимъ судьей, да еще въ щекотливомъ для ея національной чести спорѣ съ бывшей колоніей, ясно говоритъ, что, недовѣряя его политикѣ, она нимало не сомнѣвалась въ его личномъ рыцарскомъ безпристрастіи.

Третейскій судъ Александра I происходилъ въ Петербургѣ и требовалъ такой обширной подготовительной работы, такого подробнаго разсмотрѣнія нотъ, мемуаровъ и замѣчаній, представленныхъ съ обѣихъ сторонъ послами: Англіи—Карломъ Бэготомъ, и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ—Генрихомъ Мидльтономъ, что дѣло затянулось на 4 года, и рѣшеніе было произнесено лишь 22-го апрѣля 1822 года. Весь споръ заключался въ толкованіи первой статьи Гентскаго трактата, изложенной слѣдующимъ образомъ: «Всѣ какого бы рода ни были земли, мѣста и владѣнія, которыя взяты одною изъ сторонъ у другой въ продолженіе войны, или которыя могли быть взяты послѣ подписанія настоящаго трактата, за исключеніемъ лишь ниже упомянутыхъ острововъ, будутъ возвращены безъ промедленія и безъ уничтоженія, или захвата какой либо части артиллеріи, или другой публичной собственности, которая была взята въ началѣ въ сказанныхъ фортахъ и мѣстахъ и которая будетъ находиться въ моментъ обмѣна ратификацій трактата, или какихъ либо рабовъ, или другой частной собственности». Американцы доказывали, что по точному смыслу этой статьи трактата англичане обязаны возвратить Соединеннымъ Штатамъ всѣхъ невольниковъ, взятыхъ ими во время войны и перевезенныхъ на англійскія военныя суда въ мѣстахъ, которыя подлежатъ возвращенію Соединеннымъ Штатамъ, или вознаградить въ случаѣ невозвращенія ихъ. Напротивъ англичане, такъ же ссылаясь на буквальное изложеніе статьи, отрицали это толкованіе и считали, что Гентскій трактатъ запретилъ только увозъ невольниковъ послѣ обмѣна ратификацій, а тѣ изъ нихъ, которые нашли убѣжище на англійскихъ военныхъ судахъ должны пользоваться экстерриторіальностью послѣднихъ, а потому не надлежитъ ни выдавать ихъ, ни вознаграждать за

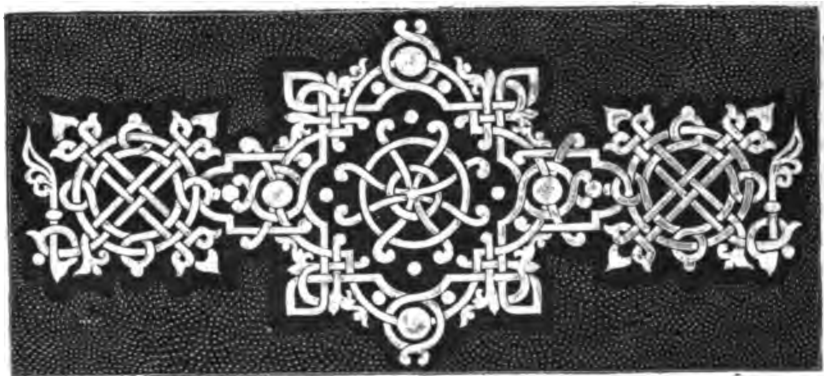
[1]) Относительно сдѣланныхъ въ этой статьѣ ссылокъ на дипломатическіе акты и депеши смотри «Собраніе трактатовъ и конвенцій», профессора Мартенса, томъ XI, стр. 207—298, за исключеніемъ депеши Ж. Феронэ, которая приведена графомъ Гарденомъ въ XIV томѣ его книги «Histoirie generale des traités de paix», стр. 25—32.

ихъ невыдачу. При этомъ представители обѣихъ сторонъ находили, что третейское рѣшеніе должно быть основано на грамматической конструкціи статьи трактата въ существующемъ его видѣ, и ссылались на общія начала международнаго и морскаго права, только какъ на средства второстепенныя. Руководствуясь этимъ, Александръ прежде всего въ своемъ третейскомъ рѣшеніи высказываетъ, что «вопросъ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ согласно буквальному и грамматическому смыслу первой статьи Гентскаго трактата», а потому въ основаніе своего рѣшенія положилъ подробный грамматическій разборъ этой статьи на основаніи трудовъ французскихъ филологовъ Лаво и Кондильяка. «Принимая въ соображеніе,—говорится далѣе въ подлинномъ текстѣ третейскаго рѣшенія,—что въ этомъ періодѣ слова: которая была взята вначалѣ и которая будетъ тамъ находиться въ моментъ обмѣна ратификацій,—составляютъ вводную фразу, которая можетъ относиться только къ предшествующимъ ей существительнымъ и подлежащимъ; что такимъ образомъ I статья Гентскаго трактата запрещаетъ договаривающимся сторонамъ захватывать изъ мѣстъ, о возвратѣ коихъ она постановляетъ, единственно тѣ вещи публичной собственности, которыя тамъ были вначалѣ взяты и которыя находились бы тамъ въ моментъ обмѣна ратификацій; но что она запрещаетъ захватывать изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ и какую бы то ни было частную собственность; что съ другой стороны оба эти запрещенія относятся единственно къ мѣстамъ, о возвратѣ коихъ статья постановляетъ,—государь императоръ полагаетъ: Соединенные Американскіе Штаты имѣютъ право требовать отъ Великобританіи справедливаго вознагражденія за всѣ виды частной собственности, которые захватили бы британскія войска и, какъ рѣчь идетъ болѣе спеціально о рабахъ, за всѣхъ рабовъ, которыхъ британскія войска увели бы изъ мѣстъ и земель, о возвратѣ которыхъ постановляетъ трактатъ, при уходѣ изъ этихъ мѣстъ и земель; что Соединенные Штаты имѣютъ право считать уведенными всѣхъ тѣхъ изъ этихъ рабовъ, которые изъ означенныхъ выше территорій были бы переправлены на британскія суда, стоявшія въ водахъ означенныхъ территорій, и которые по этой причинѣ не были бы возвращены. Но если есть американскіе рабы, уведенные изъ территорій, о возвратѣ коихъ Соединеннымъ Штатамъ I статья Гентскаго трактата не постановила, то Соединенные Штаты за такихъ рабовъ не въ правѣ требовать вознагражденія». Не смотря на ясный смыслъ третейскаго рѣшенія, англійскій посолъ выразилъ сомнѣніе на счетъ примѣненія его относительно тѣхъ рабовъ, которые, уйдя изъ мѣстъ, никогда не занятыхъ англійскими войсками, присоединились къ британскимъ силамъ, и Александръ тотчасъ подробнѣе пояснилъ свое рѣшеніе, что и передано Бэготу въ нотѣ гр. Нессельроде, помѣченной тѣмъ же 22 апрѣлемъ 1822 года, такъ какъ обѣимъ сторонамъ было предвари-

тельно и конфиденціально сообщено мнѣніе русскаго государя. «Государь императоръ,—говорится въ этомъ дипломатическомъ документѣ,—высказавъ, съ обоюднаго согласія обѣихъ уполномоченныхъ сторонъ, сужденіе, основанное единственно на смыслѣ, который вытекаетъ изъ текста спорной статьи, не считаетъ себя призваннымъ рѣшать здѣсь никакихъ вопросовъ о томъ, что позволяютъ, или запрещаютъ воюющимъ сторонамъ законы войны; но, продолжая быть вѣрнымъ грамматическому толкованію I статьи Гентскаго трактата, его императорское величество вторично объявляетъ, что согласно такому толкованію онъ—того мнѣнія: «что, оставляя мѣста и территоріи, о возвращеніи коихъ Соединеннымъ Штатамъ постановляетъ Гентскій трактатъ, войска его британскаго величества не имѣли права уводить изъ этихъ мѣстъ и территорій безусловно никакого раба, какимъ бы образомъ онъ ни попалъ, или ни передался ихъ власти, но, если въ продолженіе войны были уведены англійскими войсками изъ другихъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ, о возвратѣ коихъ постановляетъ Гентскій трактатъ, на территорію ли, или на корабли британскіе, то Великобританія не обязана давать вознагражденія Соединеннымъ Штатамъ за утрату рабовъ, какимъ бы образомъ они ни попали, или ни предались власти ея служащихъ». Для исполненія этого медіаторскаго приговора заключена 12 іюля 1822 года конвенція между Россіей, Великобританіей и Сѣверо-Американскими Штатами; она составляетъ результатъ переговоровъ между уполномоченными сторонъ: гр. Нессельрода, гр. Каподистріи, Карла Бэгота и Генриха Мидльтона, и подписана этими лицами. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этой конвенціи, которая имѣетъ чисто спеціальный интересъ, скажемъ только, что она установила правила примѣненія третейскаго приговора и учредила для опредѣленія суммы вознагражденія, слѣдуемаго Соединеннымъ Штатамъ съ Великобританіи, двухъ комиссаровъ и посредниковъ съ обѣихъ сторонъ, по одному съ каждой, при чемъ въ случаѣ несоставленія большинства въ этомъ присутствіи рѣшающій голосъ предоставлялся русскому послу, или агенту.

Такимъ образомъ, Александръ I блестяще исполнилъ свою обязанность международнаго третейскаго судьи, и его приговоръ былъ безпрекословно исполненъ обѣими сторонами, хотя Англія, вѣроятно, осталась недовольной, что онъ призналъ болѣе основательной точку зрѣнія американцевъ. По существу и по формѣ, его рѣшеніе нельзя не признать вполнѣ правильнымъ, а гуманный его характеръ доказывается ловкой замѣной выдачи негровъ, о чемъ говорили обѣ стороны, только вознагражденіемъ за ихъ невыдачу. Если мы вспомнимъ, что это рѣшеніе состоялось за сорокъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ въ Россіи и невольниковъ въ Америкѣ, то, конечно, признаемъ, что Александръ I въ роли международнаго третейскаго судьи представляетъ намъ свѣтлую сторону своей двойственной, постоянно противорѣчившей себѣ, натуры.

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897.

ПО НАМѢРЕНІЯМЪ АВТОРА, настоящая книга представляетъ изъ себя научную, а не обще-литературную работу, и потому при оцѣнкѣ ея должна быть приложена строгая мѣрка научныхъ требованій, которой не можетъ смягчить признаніе авторомъ своего труда на самой обложкѣ его только «опытомъ» историко-догматическаго изслѣдованія. Судя «Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ» съ обще-литературной точки зрѣнія, мы признали бы эту книгу очень недурнымъ очеркомъ воззрѣній современныхъ русскихъ и, главнымъ образомъ, французскихъ писателей по исторіи понятія верховной власти въ Византіи, живо, старательно и ясно написаннымъ, доступнымъ каждому читателю и притомъ посвященнымъ частичному разъясненію чрезвычайно интереснаго съ русской точки зрѣнія вопроса—о степени заимствованности изъ Византіи основныхъ началъ русскаго государственнаго устройства. Подъ сильнымъ вліяніемъ взглядовъ В. И. Сергѣевича, авторъ склоненъ отрицать общепринятое убѣжденіе въ такой заимствованности, причемъ косвенно подтверждаетъ правильность усвоенной имъ точки зрѣнія множествомъ подобранныхъ въ литературѣ данныхъ, недурно и легко изложенныхъ,

а потому доступныхъ и такимъ читателямъ, которые затрудняются обращаться къ болѣе спеціальнымъ и сухимъ ученымъ изслѣдованіямъ, такъ что въ этомъ отношеніи его книгу можно было бы признать по основной мысли весьма полезнымъ и симпатичнымъ произведеніемъ. Этими искренними похвалами можно бы было и ограничиться, если бы работа г. Грибовскаго являлась лишь научно-популярнымъ очеркомъ, на основаніи авторитетныхъ и солидныхъ ученыхъ пособій провѣряющимъ и разбивающимъ журнально-публицистическій догматъ о подавляющихъ будто бы византійскихъ вліяніяхъ на политическіе идеалы и основныя учрежденія русскаго народа.

Съ научной же точки зрѣнія, эти похвалы почти граничатъ съ порицаніемъ, тѣмъ болѣе, что справедливость требуетъ присоединить къ нимъ немало оговорокъ, очень вѣскихъ и существенныхъ въ дѣлѣ научной оцѣнки. Такъ, достоинство научнаго произведенія можно признать только за такою работою, въ которой авторъ высказываетъ какое либо оригинальное, новое, самостоятельное воззрѣніе, или же, наоборотъ, по поводу сомнительныхъ, спорныхъ и недостовѣрныхъ положеній, подвергаетъ новому пересмотру весь фактическій матеріалъ вопроса, чтобы на немъ провѣрить и этою провѣркой окончательно исчерпать затрудненный и расшатанный полемикою научный тезисъ, принявъ или отвергнувъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что работы второго рода неизмѣримо уступаютъ въ значеніи изслѣдованіямъ перваго рода, и что, съ другой стороны, идеаломъ научнаго труда является сочиненіе, совмѣщающее въ себѣ новизну и оригинальность мысли съ основательною переработкою фактическаго матеріала. Исходя изъ этихъ положеній, работу г. Грибовскаго должно признать не научнымъ, а только ученическимъ произведеніемъ, ибо ни научной новизны и оригинальности воззрѣній, ни самостоятельной и глубокой разработки первоисточниковъ мы въ ней не встрѣчаемъ. Свои положенія, и притомъ зачастую самыя существенныя, наиболѣе предрѣшающія выводы, г. Грибовскій постоянно доказываетъ ссылками не на источники, а на литературныя пособія, то-есть чужія мнѣнія и авторитеты, которымъ, такимъ образомъ, его читатель долженъ вѣрить безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, а въ одномъ мѣстѣ—и притомъ одномъ изъ основныхъ—ограничивается указаніемъ на такую, будто бы, «незамысловатость» и «полноту научной разработки» предмета, которая избавляетъ, будто бы, отъ необходимости «на немъ долго останавливаться» (стр. 38). Это мѣсто представляетъ изъ себя характеристику сущности римской цивилизаціи, которую авторъ съ чужаго голоса признаетъ воплощеніемъ грубаго насилія, причемъ даже не упоминаетъ о разработкѣ римлянами гражданскаго права, залегшей въ основаніе современной правовой жизни цивилизованныхъ народовъ (стр. 36—38). Тамъ же мы встрѣчаемъ изумительное утвержденіе, будто Римъ, тотъ самый Римъ, который прославился Цинцинатами, Катонами и Варронами, тотъ самый Римъ, подъ властью котораго вся дикая и невоздѣланная Италія превратилась, по словамъ Плинія, въ сплошной фруктовый садъ, тотъ Римъ, который далъ міру Плинія, поплатившагося жизнью за мужественную смѣлость научнаго изслѣдованія среди всеобщей паники,— будто этотъ Римъ презиралъ земледѣліе, презиралъ науку!

Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый выборъ авторитетовъ чрезвычайно страненъ у

г. Грибовскаго: въ качествѣ послѣднихъ приводятся у него порой авторы второстепенныхъ научно-популярныхъ произведеній, въ родѣ Льюиса, Шерра, Велишскаго, не говоря уже о странной ссылкѣ на публицистическую статью одного совершенно некомпетентнаго въ дѣлѣ журналиста (стр. 114, примѣч. 2), а, съ другой стороны, при характеристикѣ римскаго единодержавія и государственнаго права онъ ограничивается по преимуществу ссылками на Виллемса и устарѣлую исторію Гиббона, ни разу не упоминая главнаго и наиболѣе авторитетнаго произведенія по этому предмету «Римскаго государственнаго права» Моммсена. Любопытно было бы знать, почему умалчиваетъ о немъ г. Грибовскій: считаетъ ли онъ эту капитальную работу безполезною для своихъ читателей, или онъ и самъ счелъ излишнимъ справляться съ нею, характеризуя римскій монархизмъ? И въ первомъ, и въ послѣднемъ случаѣ,—а въ послѣднемъ особенно,—онъ сильно ошибается. Какъ на самый наглядный примѣръ, можемъ указать на стр. 296 его книги, гдѣ говорится, будто «римская имперіалистическая философія и толковавшій ея таинства римскій юристъ практикъ», признавая, что quod principi placuit, legis vigorem habet (въ пользу чего высказался императоръ, то имѣетъ силу закона), «подобнымъ тезисомъ облекали въ форму закона не только благожелательную волю монарха, но даже его капризъ, прихоть». Если бы г. Гибовскій прочелъ у Моммсена, названное сочиненіе, 2 томъ, стр. 911, что «законодательство не предоставлено принцепсу», что онъ обладаетъ только правомъ «автентической интерпретаціи», то-есть «самаго широкаго и свободнаго примѣненія закона», и что «главнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ присвоиваютъ юристы... императорскимъ спеціальнымъ указамъ, когда они основываются не на личныхъ соображеніяхъ, а именно на примѣненіи всеобщаго права, законную силу»,—то, навѣрное, онъ воздержался бы отъ выписанныхъ нами утвержденій. «Частичное изъятіе отъ подчиненія закону», какъ онъ самъ выражается, «или возведеніе всего угоднаго одной личности въ форму юридической нормы—большая разница»; и однако съ первымъ мы встрѣчаемся у римскихъ юристовъ, а второе приписываетъ имъ фантазія г. Грибовскаго. Это тѣмъ замѣтнѣе, что юристы никогда не признавали рѣшеній императоровъ законами, а говорили только, что таковыя имѣютъ с и л у з а к о н а, — то-есть, иными словами, обязательны для юридической практики.

Вообще, тамъ, гдѣ г. Грибовскій отъ пособій современной литературы обращается непосредственно къ источникамъ (хотя это дѣлается имъ сравнительно рѣдко), онъ зачастую впадаетъ въ неизвинительныя ошибки. Напримѣръ, хотя ему, повидимому, извѣстно, что такъ называемыя «Парафразы» Ѳеофила представляютъ изъ себя лишь переводъ, притомъ довольно неточный и невѣжественный, Институцій Юстиніана, однако же на стр. 331 явныя неточности и промахи изложенія псевдо-Ѳеофила признаются «вольнымъ толкованіемъ римскаго права въ отечественномъ демократическомъ духѣ», а буквальный переводъ одного текста Институцій—личнымъ мнѣніемъ Ѳеофила (стр. 332). Притомъ г. Грибовскій полагаетъ, что, по мнѣнію автора «Парафразъ», чернь обладаетъ и въ Византіи «самостоятельной правообразующей силой»: авторъ, очевидно, не сообразилъ, что плебсъ, какъ законодательная власть, давно былъ только исто-

рическимъ воспоминаніемъ и упоминался въ институціяхъ лишь для объясненія термина плебисцитъ, то-есть не имѣлъ ничего общаго съ городскою чернью Византіи.

Въ защиту г. Грибовскаго скажутъ, быть можетъ, что несправедливо съ нашей стороны примѣнять такую строгость къ оцѣнкѣ его сужденій по вопросу о римскомъ самодержавіи, когда тема его книги—самодержавіе византійское. Но вѣдь основная мысль этой книги та, что понятіе неограниченной единоличной верховной власти проявилось въ античномъ мірѣ въ двухъ формахъ, въ видѣ римскаго принципата и эллинскаго монархизма, изъ которыхъ первый былъ воплощеніемъ голаго господства грубой силы, а второй—осуществленіемъ высокаго политическаго идеала правителя-мудреца, стремящагося къ народному благу и сообразующагося въ своихъ дѣйствіяхъ съ народною волею; византійское же понятіе самодержавія выработалось изъ борьбы проникнутаго этимъ идеаломъ населенія Византіи съ грубымъ деспотизмомъ монарховъ, представителей римскаго насильственнаго автократизма. Если же такъ, то вся цѣнность и убѣдительность сужденій автора держится правильностью и устойчивостью его воззрѣній на двѣ античныя культуры—греческую и римскую. Конечно, авторъ взялъ для своей работы очень широкую тему—характеристику трехъ цивилизацій съ точки зрѣнія политической—тему, несомнѣнно превышающую его силы и знанія, такъ какъ она требуетъ полнаго и всесторонняго изученія трехъ обширнѣйшихъ культуръ, причемъ византійская до сихъ поръ еще болѣе чѣмъ неразработана, такъ что профессоръ Васильевскій, по словамъ г. Грибовскаго, сказалъ ему: «вы хотите ознакомиться съ тѣмъ, что такое византизмъ? Но для этого нужна цѣлая жизнь». Такимъ образомъ, промахи автора и недостатки работы объясняются самою темою; но, спрашивается, зачѣмъ же браться молодому ученому за непосильную задачу, предъ которой отступали болѣе опытные и знающіе изслѣдователи? Если же онъ пошелъ на этотъ рискъ, то ему нечего извиняться количествомъ затраченнаго времени: le temps, mon cher monsieur, ne fait rien à l'affaire, какъ говоритъ герой Мольера; знаменитое «право владѣнія» Савиньи было написано въ нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ породило всю нѣмецкую юриспруденцію XIX столѣтія. Ученикъ можетъ оправдывать изъяны своей работы количествомъ затраченныхъ на нее труда и времени; научная работа должна сама себя оправдывать,—себя и своего автора. Но «Народъ и власть»—плохое оправданіе г. Грибовскому. Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, будто Римъ—грубая сила, направленная на территоріальные захваты, и больше ничего? Будто Римъ ничего не могъ дать покореннымъ имъ грекамъ? Греки временъ римскаго завоеванія, дѣйствительно, ничего не способны были заимствовать отъ римлянъ въ политическомъ отношеніи, но уже грекъ Полибій согласно съ Катономъ изумлялся мудрости государственнаго устройства Рима, и европейскіе народы до сихъ поръ питаютъ свою правовую жизнь наслѣдіемъ вѣчнаго города. Правда, г. Грибовскій объявляетъ торжественную войну римскому праву на первыхъ же страницахъ своей книги; но это война, такъ сказать, платоническая, которую авторъ ведетъ лишь на очень почтительномъ разстояніи, такъ что невольно хочется повторить ему восклицаніе матери

спартанки, сынъ которой жаловался, что его мечъ слишкомъ коротокъ: «Подойди поближе къ врагу!» Такъ, напримѣръ, г. Грибовскій отвергаетъ юридическое воззрѣніе на государство; но съ какой же точки зрѣнія его разсматриваетъ онъ самъ? Съ «историко-догматической», отвѣчаетъ намъ заглавіе книги: отвѣтъ болѣе, чѣмъ неясный. И дѣйствительно, авторъ даетъ читателямъ не исторію догмы, такъ какъ никакой догмы изъ источниковъ не заимствуетъ и не слѣдитъ за ея постепеннымъ развитіемъ въ жизни и законодательствѣ, но лишь односторонній подборъ историческихъ иллюстрацій къ своимъ собственнымъ теоретическимъ воззрѣніямъ на государство. Далѣе, считая римскій цезаризмъ воплощеніемъ Рима, а Римъ воплощеніемъ грубой силы, авторъ забываетъ, что цезаризмъ былъ отрицаніемъ Рима. Доказывая, будто римскій деспотизмъ смягчался въ Византіи избирательнымъ характеромъ монархической власти, причемъ избраніе императора зависѣло отъ народа и частью отъ сената, г. Грибовскій забываетъ, что весь составъ сената, избирающаго императора, подлежалъ, въ сущности, по римскимъ понятіямъ, по крайней мѣрѣ, смертной казни, ибо дѣло сената,—конечно, римскаго,—было не избраніе императора, а судъ надъ преступникомъ, посягающимъ на захватъ самодержавной власти. А, кромѣ того, на римскомъ престолѣ исторія помнитъ Нерона и Адріана, Августа и Калигулу, Клавдія и Тита; спрашивается, почему лишь представителей одной крайности считаетъ г. Грибовскій представителями римскихъ началъ? Напримѣръ, Неронъ, типичный представитель извращеннаго самовластія, былъ въ то же время типичнымъ эллинизированнымъ выродкомъ. Иногда неясность въ противопоставленіи двухъ рисующихся г. Грибовскому типовъ единодержавія доходитъ до курьеза. Такъ, онъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ снисходительность императоровъ эллинскаго (по его опредѣленію) склада къ насмѣшкамъ и шуткамъ черни на ихъ счетъ, тогда какъ это — типично римская черта: по исконному народному обычаю, подымающійся на Капитолій тріумфаторъ долженъ былъ выслушивать отборныя ухищренія солдатскаго остроумія на его счетъ,—остроумія судя по сохранившимся пѣсенкамъ на счетъ Помпея и Цезаря, очень мѣткаго и безпощаднаго.

Съ другой стороны, поражаютъ насъ и взгляды автора на «эллинскій монархизмъ». Древняя Греція, эта республика изъ республикъ, это отечество остракизма, эта страна, на языкѣ которой слово царь обозначало персидскаго царя, родина Платона и его «софократіи» (если можно такъ выразиться),—признается вмѣстѣ съ тѣмъ и отечествомъ просвѣщеннаго единовластія. Александрійскій монархизмъ Птоломеевъ, то-есть сліяніе на египетской почвѣ древняго семитическаго и мидо-персидкаго единовластія съ греческимъ просвѣщеніемъ, становится въ его устахъ осуществленіемъ основныхъ политическихъ идеаловъ эллинскаго народа. Но при такомъ произвольномъ обращеніи съ данными исторіи, Византію по полному праву должно считать выраженіемъ Рима и выкинуть изъ оцѣнки эллинскіе элементы ея жизни. И на самомъ дѣлѣ, монархъ, какъ выразитель народовластія въ древнемъ мірѣ, несомнѣнно, есть римскій принцепсъ, точно также, какъ античный монархъ своей и Божьей милостью—это персидскій царь и египетскій фараонъ, а не македонскій хищникъ (этотъ пруссакъ античнаго міра) и не балансирующій на борьбѣ классовъ

потомственной президентъ Египта—Птоломей. Монархомъ по волѣ народа былъ именно римскій императоръ, въ чемъ и сказывалось происхожденіе принципата изъ сліянія древнихъ магистратуръ. Эллинскому же міру мысль о единовластіи была совершенно чужда, ибо гомеровскіе цари въ сущности лишь военачальники или патріархи, которыхъ исторія почти уже не застаетъ на Пелопонезѣ. Такимъ образомъ, ужъ если характеризовать византійское самодержавіе, то надо характеризовать его, какъ сліяніе восточнаго до-классическаго деспотизма съ римскимъ народовластіемъ на почвѣ извращенной и выродившейся эллинской охлократіи. Населеніе Византіи было неспособно къ политической жизни и лишь безсмысленно бунтовало и раболѣпствовало у подножія императорскаго престола, на которомъ неустойчиво смѣнялись восточный деспотизмъ, умѣющій только непререкаемо господствовать, и римское самодержавіе, правящее волею народа.

Такимъ образомъ, основныя обобщенія г. Грибовскаго, выработанныя не на самостоятельномъ изученіи эллинской и римской культуръ, а на поверхностномъ знакомствѣ съ литературными пособіями, не обладаютъ ни малѣйшей убѣдительностью, ни даже сомнительной устойчивостью. Построенная на такихъ основаніяхъ характеристика Византіи, дѣйствительно, есть лишь опытъ изслѣдованія и притомъ опытъ неудачный. Г. Грибовскій объясняетъ и думаетъ извинить это тѣмъ, что занимался византизмомъ лишь «попутно». Но въ такомъ случаѣ надо сказать, что романизмъ и эллинизмъ онъ изслѣдовалъ лишь заочно. Намъ остается только надѣяться, что авторъ когда нибудь закончитъ свой путь и уже не «попутно», а, такъ сказать, «на мѣстѣ» дастъ намъ не ученическій опытъ, а дѣйствительно научное изслѣдованіе, достойное этого имени, которыя не создаются «попутно», даже на самыя узкія и спеціальныя темы, и въ этомъ ожиданіи пожелать ему счастливаго пути.

Остается сказать о той теоретической точки зрѣнія, съ которой авторъ ведетъ свое изслѣдованіе. Это руководящее воззрѣніе г. Грибовскій формулируетъ въ видѣ опредѣленія государства, какъ «системы сложнаго, подвижнаго равновѣсія индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ, объединенныхъ общностью культуры и быта». Никакъ нельзя признать это опредѣленіе удачнымъ. Въ какомъ отношеніи можетъ государство быть признано «системою равновѣсія интересовъ»? Очевидно, не въ юридическомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ устраняетъ юридическіе элементы изъ своего опредѣленія. Съ другой стороны, и въ историческомъ отношеніи оно не выдерживаетъ никакой критики, ибо исторія даетъ намъ цѣлые культурно-историческіе типы, государственная жизнь которыхъ представляетъ изъ себя простое и постоянное неравенство интересовъ, и которые, стало быть, съ точки зрѣнія г. Грибовскаго, не могутъ быть признаны государствами. Остается лишь одно предположеніе, именно, что разбираемое опредѣленіе имѣетъ въ виду государство, какъ идеалъ общежитія, съ точки зрѣнія практической политики, тѣмъ болѣе, что вся книга г. Грибовскаго, какъ уже сказано, представляетъ изъ себя лишь подборъ разнообразныхъ иллюстрацій къ этому опредѣленію изъ государственной жизни Византіи. Но въ такомъ случаѣ предлагаемое авторомъ опредѣленіе совершенно недостаточно для обоснованія его книги, такъ какъ этотъ политическій идеалъ

нимало не предрѣшаетъ средствъ и способовъ его осуществленія, и положеніе, что «оцѣнка дѣятельности правительства производится суммой отзывовъ о немъ со стороны остальныхъ группъ, имъ представляемыхъ, иначе говоря, общественнымъ мнѣніемъ» (стр. 32), является у автора ничѣмъ рѣшительно не обоснованнымъ и съ опредѣленіемъ государства не связаннымъ положеніемъ. Помимо странной мысли о значеніи количества мнѣній, независимо отъ ихъ качества, въ оцѣнкѣ правительства, это положеніе удивляетъ насъ своею неточностью и недоговоренностью. Политикъ пользуется въ своихъ дѣйствіяхъ общественнымъ мнѣніемъ, считается съ нимъ, но руководствуется не имъ и зачастую по полному праву презираетъ его, какъ, напримѣръ, Петръ Великій презиралъ враждебное ему и его начинаніямъ общественное мнѣніе. И нечего при этомъ ссылаться, что за одно съ Петромъ были «лучшіе люди»: образъ дѣйствій Петра не разъ являлся прямымъ издѣвательствомъ надъ понятіями не только «лучшихъ», но даже просто порядочныхъ людей. Великій монархъ былъ равенъ себѣ и въ великомъ, и въ маломъ. Кромѣ того, опредѣленіе г. Грибовскаго неудачно и съ логической точки зрѣнія: подъ него подойдетъ буквально всякій общественный союзъ, не исключая даже разбойничьей шайки. Она совершенно не обособляетъ государства изъ видовъ человѣческаго общенія. Два самыхъ основныхъ признака въ опредѣленіи г. Грибовскаго до такой степени широки и неточны, что представляются въ сущности лишь уклоненіемъ отъ опредѣленія: сложное и подвижное равновѣсіе есть равновѣсіе непостоянное и неопредѣленное. Такими терминами немыслимо установить сущность понятій.

Нашъ окончательный выводъ о научномъ достоинствѣ работы г. Грибовскаго является такимъ образомъ довольно неблагопріятнымъ. Исходная точка зрѣнія автора представляется намъ частью неустойчивой, частью прямо ошибочной; фактическій матеріалъ въ большинствѣ случаевъ заимствованъ имъ изъ вторыхъ рукъ; предрѣшающія выводы, основныя обобщенія, выведены не изъ самостоятельнаго знакомства съ предметомъ, а изъ чужихъ, притомъ далеко не всегда авторитетныхъ, мнѣній; общіе выводы не новы и не оригинальны, а частныя положенія порой основаны на прямыхъ ошибкахъ. Иной средній читатель, конечно, могъ бы и этимъ удовольствоваться, такъ какъ средній читатель во всякой наукѣ ищетъ главнымъ образомъ общихъ выводовъ и окончательныхъ заключеній, полагаясь на авторитеты въ отношеніи ихъ состоятельности; но наука желаетъ имѣть дѣло только съ оригинальными мнѣніями и ихъ фактической и логическою мотивировкою, совершенно не нуждаясь въ повтореніи и изложеніи однажды высказанныхъ воззрѣній словами, которое относится къ области преподаванія и изученія, но не къ области изслѣдованія. Быть можетъ, поэтому для лицъ, въ такихъ вопросахъ компетентныхъ, книга г. Грибовскаго является достаточнымъ доказательствомъ его трудолюбія или преподавательскихъ способностей; но для науки, съ точки зрѣнія безпристрастной критики, она является только статистической единицей въ области библіографіи.

В. Никольскій.

Эрнестъ Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Москва. 1897.

Исторія Пруссіи—предметъ очень подробно и всесторонне разработанный германскими учеными, такъ что иноземный авторъ, взявшійся за изученіе этой исторіи, не въ состояніи дать въ ней ничего новаго. Онъ не сообщитъ ни одного факта, который не былъ бы извѣстенъ его нѣмецкимъ коллегамъ и не былъ бы ими подвергнутъ самому тщательному обсужденію, не укажетъ ни одного лица, имя котораго не красовалось бы на страницахъ книгъ, озаглавленныхъ «Geschichte des Preussischen Staates» или «Preussische Geschichte».

Хотя Эрнестъ Лависсъ очень много работалъ надъ исторіей прусскаго государства, его труды не носятъ характера самостоятельныхъ строго научныхъ изслѣдованій. Но, не смотря на это, мы можемъ лишь поблагодарить госпожу Тимофееву за то, что, пожелавъ познакомить русскихъ читателей съ исторіей сосѣдней имъ страны, она выбрала для своего перевода именно «Очерки» Лависса, а не какое либо изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ сочиненій по исторіи Пруссіи. Дѣло въ томъ, что нѣмцы, не взирая на всю кропотливость и добросовѣстность своей работы, дающую имъ возможность ярко освѣтить всякое темное мѣсто изучаемой ими эпохи, не могутъ при изученіи исторіи прусскаго государства отрѣшиться отъ своихъ симпатій къ нему, какъ создателю нынѣшняго германскаго могущества, а потому усиленно выставляютъ на первый планъ все, что можетъ придать Пруссіи въ прошломъ характеръ героическій, между тѣмъ какъ о тѣхъ фактахъ, которые бросаютъ на нее тѣнь, упоминаютъ только нѣсколькими словами, какъ о фактахъ маловажныхъ. Отъ такого упрека не свободенъ даже и знаменитый Ранке, вообще говоря, въ трудахъ своихъ представляющій образецъ безпристрастія. Заслуга Лависса состоитъ именно въ томъ, что, добросовѣстно изучивъ всѣ нѣмецкія сочиненія, посвященныя прусской исторіи, онъ изложилъ ихъ вкратцѣ очень толковымъ и популярнымъ языкомъ, оттѣнивъ при этомъ тѣ факторы этой исторіи, которые являлись мало замѣтными или неправильно освѣщенными у нѣмцевъ, а между тѣмъ играли безусловно значительную роль въ прошломъ прусскаго государства.

Общая мысль, проникающая собою всю книгу Лависса, мысль, прибавимъ, совершенно правильная,—та, что исторія Пруссіи есть только исторія государства, а не народа. «Есть красота», читаемъ мы на стр. 11-ой, «въ исторіи націи, искусственно созданной князьями при помощи канцелярій, въ которыхъ работала трудолюбивѣйшая въ мірѣ администрація. Великое дѣло было образовать этотъ прусскій народъ, пріученный къ порядку, экономіи и повиновенію, это сильное и послушное орудіе правительства, умѣвшаго думать и хотѣть лучше всякаго другого правительства Германіи». И вотъ въ каждомъ изъ своихъ четырехъ очерковъ Лависсъ ясно доказываетъ намъ, что всѣ перипетіи прусской исторіи зависѣли исключительно отъ того, какъ думали и хотѣли князья; что касается всѣхъ остальныхъ факторовъ, которыхъ мы не имѣемъ права игнорировать при изученіи развитія всякаго другого государства, то для Пруссіи они имѣли такъ мало значенія, что почти не заслуживаютъ упоминанія о себѣ; посему фразы германскихъ историковъ о «величіи духа прусскаго народа», о «его

высокой исторической миссіи, глубоко и издавна имъ сознаваемой» нельзя признать ничѣмъ инымъ, какъ только фразами, не имѣющими за собой реальнаго основанія.

Какъ извѣстно, нынѣшняя Пруссія составилась изъ слiянія маркграфства Бранденбургскаго и земель, принадлежавшихъ Тевтонскому ордену. Бранденбургская марка была основана въ славянской землѣ еще Карломъ Великимъ, какъ оплотъ противъ разбойническихъ нападеній славянъ на границы Германіи; но начало бранденбургскаго могущества надо считать только съ 1134 года, когда Лотарь II отдалъ марку во владѣніе графу Асканійскому Альбрехту Медвѣдю. Сего послѣдняго нѣмцы стараются возвести въ великіе люди; они увѣряютъ, что цѣлью жизни Альбрехта было обратить въ христіанство дикихъ славянъ и распространить въ ихъ средѣ цивилизацію. Но безпристрастное отношеніе къ фактамъ приводитъ насъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ и выясняетъ намъ, что Альбрехтъ былъ не что иное, какъ безшабашный воитель, какихъ въ средніе вѣка встрѣчались тысячи. Такъ утверждаетъ и Лависсъ; по разсмотрѣніи дѣятельности Альбрехта, онъ говоритъ: «Маркграфъ самъ проявлялъ мало религіознаго рвенія: самые тяжкіе удары онъ наносилъ нѣмцамъ и несомнѣнно съ радостью отдалъ бы за Саксонское герцогство всѣ свои заэльбскія владѣнія и славу спасенія душъ всѣхъ славянъ, вмѣстѣ взятыхъ... много надо было нѣмецкимъ историкамъ приложить охоты и старанія, чтобы превратить этого вояку въ піонера германизма и апостола христіанства». Дѣятельность Альбрехта и его ближайшихъ преемниковъ заключалась главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, всѣ они самыми разнообразными, дозволенными и недозволенными способами старались пріобрѣсти въ свое владѣніе каждый сосѣдній клочекъ земли и, благодаря какъ своему беззавѣтному мужеству, такъ и въ особенности счастливымъ обстоятельствамъ, дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ довольно успѣшно; во-вторыхъ, они давали пріобрѣтеннымъ ими землямъ такое управленіе, которое вполнѣ подчиняло эти земли произволу сюзерена и не давало имъ возможности жить самостоятельной политической жизнью. Поступать такимъ образомъ маркграфамъ было тѣмъ легче, что они не были, подобно прежнимъ вождямъ германцевъ, избраны своими дружинниками, а потому и не находились отъ послѣднихъ въ зависимости. «Завоеваніе было ихъ личнымъ предпріятіемъ, а не дѣломъ націи; имъ приходилось считаться съ заслугами, а не съ правами, и, являясь единственными хозяевами завоеванной земли, они раздавали ее своимъ вассаламъ и подданнымъ на такихъ условіяхъ, какія считали для себя удобными» (стр. 38). Что касается коренного населенія завоевываемыхъ маркграфами земель, принадлежавшаго къ славянскому племени, то его уничтожали всѣми возможными способами. Германскіе историки усиленно выставляютъ на первый планъ такіе факты, какъ допущеніе въ число бранденбургскихъ дворянъ и горожанъ нѣсколькихъ славянскихъ семействъ, что даетъ имъ поводъ говорить о большой гуманности въ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ. Но достаточно прочесть книгу Лависса, чтобы увидѣть, что въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно иначе, и что по своей суровости бранденбургская колонизація ничѣмъ не уступала колонизаціи Америки испанцами и португальцами.

не оставалось и слѣда къ тому времени, когда ослабѣвшія отъ постоянныхъ неурядицъ земли рыцарскаго ордена подчинились Бранденбургу, тогда уже сильному курфиршеству, гдѣ властителями на мѣсто вымершихъ асканіевъ были гогенцоллерны, рабски слѣдовавшіе пріобрѣтательной политикѣ своихъ предшественниковъ. Замѣчательно однако, что ни одинъ изъ бранденбургскихъ курфирстовъ, а впослѣдствіи прусскихъ королей, изъ дома гогенцоллерновъ никогда не соглашался съ подобнымъ взглядомъ на свою политику, а Фридрихъ Великій въ разговорѣ объ асканіяхъ отзывался о нихъ всегда съ презрѣніемъ, какъ о варварахъ; тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ то же, что дѣлали маркграфы и гроссмейстеры ордена; прочтеніе шестой и седьмой главъ книги Лависса, гдѣ говорится о гогенцоллернахъ-колонизаторахъ, ясно показываетъ намъ, что «государство гогенцоллерновъ, съ болѣе совершенными средствами и болѣе ясными идеями, продолжало ту самую работу, которую начали маркграфы и рыцари». Эта завоевательная и колонизаторская работа еще и теперь не кончилась, и, надо думать, кончится лишь тогда, когда отъ самой Пруссіи не останется слѣда: «Пруссіи самой судьбой предназначено безгранично стремиться къ расширенію» (стр. 53). Въ настоящее время такія двѣ силы, какъ Франція, въ особенности же Россія врядъ ли дадутъ Пруссіи возможность расширять свои владѣнія въ Европѣ. Хорошо сознавая это, нынѣшніе прусскіе государи обратили свою колонизаторскую дѣятельность на Африку, и такимъ образомъ, говоритъ Лависсъ въ концѣ перваго очерка, доказали еще разъ, что въ знаменательной фразѣ: «война національный промыселъ Пруссіи», сказанной въ прошломъ столѣтіи Мирабо, заключается глубокая истина.

К. Лосскій.

Сергѣй Жигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ (ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи). Историко-юридическіе очерки. Томъ I и II. Москва. 1896.

Г. Жигаревъ поставилъ цѣлью своихъ историко-юридическихъ очерковъ выясненіе истинныхъ интересовъ Россіи въ восточномъ вопросѣ и формулировку нашихъ къ нему отношеній. Опредѣленію настоящаго смысла восточнаго вопроса, которое, по мнѣнію г. Жигарева, должно предшествовать изученію исторіи вопроса, посвящено введеніе въ книгѣ: т. I, стр. 1—60. Восточный вопросъ разсматривается, обыкновенно, съ точки зрѣнія двухъ ученыхъ: Соловьева и Данилевскаго. По Соловьеву, смыслъ восточнаго вопроса—въ борьбѣ Европы съ Азіей, морского берега со степью; по Данилевскому—многовѣковая борьба на востокѣ есть, собственно, проявленіе борьбы двухъ культурно-историческихъ типовъ: романо-германскаго и славяно-греческаго. Г. Жигареву не нравятся ни то, ни другое опредѣленіе: его взглядъ на смыслъ восточнаго вопроса, вытекающій изъ краткаго историческаго обзора, формулируется такъ. Восточный вопросъ есть «трудная и сложная задача, состоящая въ томъ, чтобы обезпечить собственные матеріальные интересы на Востокѣ и помочь

своимъ восточнымъ единовѣрцамъ и единомышленникамъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ за національное и религіозное самосохраненіе, вывести ихъ изъ турецкаго порабощенія и ввести въ семью европейскихъ народовъ, не нарушая законныхъ интересовъ и правъ какъ остальныхъ независимыхъ державъ Европы, такъ и самихъ турецкихъ христіанъ» (т. I, стр. 49). Г. Жигаревъ, не соглашаясь съ опредѣленіями Соловьева и Данилевскаго и выдвигая свое собственное, съ цѣлью замѣнить ихъ формулы, дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, логическую ошибку. Дѣло въ томъ, что Соловьевъ и Данилевскій стараются уяснить себѣ смыслъ борьбы на востокѣ, тогда какъ вышеприведенныя строки, формулирующія взглядъ г. Жигарева, заключаютъ въ себѣ опредѣленіе нашихъ задачъ на востокѣ, а вовсе не уясненіе смысла борьбы. Опредѣливъ, въ чемъ эти задачи, г. Жигаревъ обращается къ исторіи русской политики въ восточномъ вопросѣ, которой посвящена большая часть изслѣдованія: т. I, стр. 60—460, и т. II, стр. 1—313, всего около 700 страницъ. Разработана эта часть исключительно на основаніи имѣвшихся въ печати данныхъ, не давая ничего новаго и интереснаго въ фактическомъ отношеніи и не представляя особой цѣнности. Кромѣ того, авторъ иногда забываетъ о цѣли своего обзора («прослѣдить общее направленіе и опредѣлить результаты нашей политики») и дѣлаетъ его уже изъ любви къ обзорамъ: это отзывается, во-первыхъ, на объемѣ книги, а, во-вторыхъ, на вниманіи читателя.

Исторію восточной политики г. Жигаревъ дѣлитъ на три періода: въ основу дѣленія положены два фактора: движеніе Россіи на югъ и постепенное усиленіе недовѣрія Европы къ Россіи. Намъ кажется, въ основу дѣленія слѣдовало бы положить постепенную реализацію двухъ идей, составляющихъ сущность восточной политики: идеи матеріальныхъ захватовъ и идеи національной. Вотъ характеристика тѣхъ трехъ періодовъ, на которые дѣлитъ г. Жигаревъ исторію политики. Первый, кончающійся смертью Елисаветы Петровны, періодъ—это «періодъ подготовительный, характеризующійся, съ одной стороны, одновременной, а иногда совмѣстной, борьбой Россіи и Западной Европы противъ Оттоманской имперіи ради собственной безопасности, а съ другой постепеннымъ развитіемъ у европейской дипломатіи страха за торговые и политическіе интересы заморскихъ державъ въ Турціи» (стр. 50). Второй періодъ (съ половины XVIII вѣка до 1841 г.) — періодъ быстраго поступательнаго движенія Россіи на балканскій полуостровъ и прямо-пропорціональнаго усиленія недовѣрія Европы къ ея восточной политикѣ (стр. 52). Третій періодъ исторіи восточнаго вопроса, продолжающійся до нашихъ дней, характеризуется не столько борьбою Россіи съ мусульманствомъ, сколько соперничествомъ враждующихъ между собой вліяній великихъ державъ, покровительницъ Турціи, и подвластныхъ ей христіанскихъ народностей (стр. 53). Въ этотъ третій, современный намъ, періодъ двѣ идеи, составляющія сущность нашей политики, реализировались такъ: «вопросъ о нашихъ матеріальныхъ интересахъ на Востокѣ, сводящійся въ настоящее время къ вопросу о пропускѣ русскаго военнаго флота черезъ Дарданельскій и Босфорскій проливы, въ этотъ періодъ не разрѣшенъ въ желательномъ для Россіи смыслѣ; что же касается до вопроса о нашихъ религіозно-національныхъ интересахъ, состоящихъ въ достиженіи окончательнаго

распаденія Оттоманской имперіи и образованія на ея развалинахъ новыхъ независимыхъ политическихъ тѣлъ изъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ народностей, то разрѣшеніе этого вопроса въ современный намъ періодъ отношеній Россіи къ Турціи настолько подвинулось впередъ, что цивилизованному европейскому міру едва ли придется долго ждать полнаго освобожденія изъ-подъ турецкаго ига всѣхъ христіанъ Востока» (т. II, стр. 312). Очевидно, періоды г. Жигарева недостаточно характерны. Хорошо только то, что г. Жигаревъ въ вопросѣ о матеріальныхъ интересахъ на Востокѣ стоитъ на твердой почвѣ, сводя этотъ вопросъ только къ вопросу о пропускѣ русскаго военнаго флота черезъ Дарданельскій и Босфорскій проливы и ни къ чему болѣе.

Наиболѣе цѣнна въ изслѣдованіи г. Жигарева та часть, въ которой онъ дѣлаетъ довольно неутѣшительный критическій обзоръ прошлой политики Россіи, что, сдѣлать впрочемъ, нетрудно. Г. Жигаревъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) наше правительство, начиная съ конца прошлаго вѣка, совершенно не имѣло яснаго представленія о своихъ интересахъ, какъ матеріальныхъ, такъ и религіозно-національныхъ; 2) политика Россіи была совершенно не національна и 3) не справлялась съ интересами Европы. Съ этими положеніями г. Жигарева приходится отчасти согласиться.

Послѣдній отдѣлъ сочиненія г. Жигарева посвященъ вопросу о задачахъ будущей политики Россіи на Востокѣ,— замѣчательно наивный отдѣлъ, гдѣ г. Жигаревъ рѣшаетъ восточный вопросъ съ точки зрѣнія международнаго права. Онъ глубоко несогласенъ съ націоналистическимъ взглядомъ, по которому рѣшеніе вопроса состоитъ въ утвержденіи русскаго господства надъ проливами и въ поставленіи подъ охрану Россіи съ подчиненіемъ ея политическому руководству, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Г. Жигаревъ совершенно порицаетъ всякую охрану Россіи надъ имѣющими быть славянскими государствами. Федеративное ихъ устройство онъ предпочитаетъ всякому другому. Съ Константинополемъ г. Жигаревъ поступитъ такъ: или вольный городъ, или столица Болгарскаго царства, либо центръ федераціи. Почему, именно, Константинополь долженъ быть столицей Болгарскаго царства, г. Жигаревъ не объясняетъ. Вопросъ о проливахъ долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ признанія полной свободы плаванія по нимъ для военныхъ и торговыхъ судовъ всѣхъ націй безъ исключенія. Путь, которымъ долженъ быть рѣшенъ восточный вопросъ, исключительно мирный и, кромѣ того, право рѣшать должно быть отнято у обнаружившихъ свою несостоятельность дипломатовъ и передано въ руки ученымъ. При рѣшеніи вопроса нужно отказаться отъ преслѣдованія политическихъ стремленій и во всѣхъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ строго держаться принциповъ международнаго права и общей справедливости. Россія должна стремиться къ установленію коллективнаго протектората на востокѣ и отнюдь не должна думать о выходѣ изъ европейскаго концерта, тѣмъ болѣе, что она связана европейскимъ соглашеніемъ по дѣламъ Востока. Вотъ какъ рѣшаетъ восточный вопросъ г. Жигаревъ по теоріи международнаго права. Но ведь теорія, какъ извѣстно, весьма часто расходится съ практикой. Подите, скажите на конференціи: «господа, откажемся отъ эгоистическихъ стремленій, рѣшимъ дѣло по началамъ справедливости», неужели

вы думаете, что васъ послушаютъ! Кромѣ того, г. Жигаревъ объясняетъ еще слѣдующіе. Россія, образуя новыя государства на развалинахъ Турціи, всегда заботилась главнымъ образомъ объ устройствѣ ихъ армій и ровно ничего не дѣлала для устройства школъ, для интересовъ просвѣщенія и насажденія тамъ русской науки. Вотъ—первая задача Россіи, какъ видите, не требующая для своего разрѣшенія большихъ усилій. Россія будто бы всегда чувствовала большой недостатокъ въ дипломатахъ, опытныхъ и достойныхъ своего званія, людяхъ русскаго происхожденія и духа. Наши дипломаты, большею частью, основательно не знали своего дѣла и никогда не имѣли серьезной научной подготовки. Причина этого—въ недостаткахъ нашей дипломатической организаціи. Исправить эти недостатки путемъ реформированія учебныхъ заведеній, занимающихся подготовкой дипломатовъ,—вторая задача русскихъ людей, и эту задачу рѣшить не трудно. Такимъ образомъ, если бы г. Жигаревъ очутился во главѣ нашихъ иностранныхъ дѣлъ, то онъ быстро разрѣшилъ бы восточный вопросъ къ общему удовольствію и создалъ бы плеяду великихъ дипломатовъ.

П. Щ.

Николай Сперанскій. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Съ приложеніемъ автобіографіи Ѳ. Платтера. Москва. 1896.

До самаго недавняго времени господствующимъ въ наукѣ утвержденіемъ по вопросу объ исторіи народной школы въ Западной Европѣ было то, что въ средніе вѣка начальныхъ школъ не существовало. Вину этого печальнаго явленія съ особенной охотой возлагали на средневѣковое католическое духовенство, при чемъ въ данномъ случаѣ полнымъ унисономъ звучали голоса французскихъ ученыхъ—противниковъ клерикализма, и нѣмецкихъ ученыхъ—протестантовъ. Для первыхъ указанный выводъ былъ основнымъ доказательствомъ въ пользу практическаго требованія — отдать современную школу въ руки свѣтскаго правительства и отстранить доказавшее свою неправоспособность духовенство; для вторыхъ готовая формула о невѣжествѣ среднихъ вѣковъ являлась лишнимъ доводомъ въ пользу утвержденія, что Лютеръ и реформація должны быть признаны настоящими родоначальниками всей системы теперешняго образованія. Клерикалы долго терпѣли эту блокаду двухъ враждебныхъ партій и, наконецъ, рѣшили заглянуть въ архивы, не подыщется ли тамъ хоть слабое основаніе къ тому, чтобы занять болѣе достойное положеніе въ спорѣ. Начавшаяся въ этихъ цѣляхъ разработка французскихъ провинціальныхъ архивовъ вскорѣ наполнила радостью сердца ищущихъ: они нашли неисчислимое количество документовъ, доказывающихъ, что въ средніе вѣка чуть не въ каждомъ приходѣ была своя школа. Архивныя находки послужили матеріаломъ для цѣлаго ряда изслѣдованій, скороспѣлые выводы которыхъ дали клерикальной партіи поводъ гордо поднять голову и изъ положенія оборонительнаго перейти въ наступательное. Ссылаясь на громадное количество средневѣковыхъ школъ, клерикалы стали бросать, напримѣръ, укоръ революціи, что она заглушила разросшееся было дѣло народнаго образованія. Скоро,

впрочемъ, ликованіе клерикаловъ приняло болѣе умѣренный характеръ, такъ какъ путемъ болѣе спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія пришлось значительно уменьшить количество школъ, выведенное по горячему подсчету; при этомъ было выяснено, что недостатки въ постановкѣ образованія таковы, что количество ихъ не должно возбуждать особенной радости. Во всякомъ случаѣ полнаго согласія по вопросу о средневѣковомъ образованіи еще не послѣдовало въ средѣ западно-европейскихъ ученыхъ: съ одной стороны клерикалы «сдабриваютъ сухія произведенія своей кухни подливкой изъ постнаго масла съ медомъ» (стр. 10), трактуя о великихъ заслугахъ духовенства въ народномъ образованіи; съ другой—нѣкоторый оттѣнокъ личныхъ симпатій носятъ и труды ихъ противниковъ, для которыхъ иногда десятокъ другой новыхъ фактовъ, сгруппированныхъ «безъ всякой попытки историческаго освѣщенія», служитъ достаточнымъ поводомъ «къ превознесенію революціи и злобнымъ насмѣшкамъ надъ католицизмомъ» (стр. 10). Этотъ недостатокъ спокойствія въ научныхъ сужденіяхъ и широкое господство «призмы современности» и дали поводъ г. Сперанскому самостоятельно разобраться въ томъ богатомъ матеріалѣ, какой накопился по данному вопросу въ западно-европейской литературѣ.

Коснувшись въ главнѣйшихъ чертахъ той умственной пищи, которою средневѣковая школа питала мозгъ своихъ учениковъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что «средневѣковая школка только буквально выучивала читать и писать, не давая вовсе ученику пониманія того, что онъ читаетъ и пишетъ», а потому «была явленіемъ совершенно особаго порядка»; «видѣть въ ней, руководствуясь только внѣшними признаками, полную аналогію съ нашей народной школой, значитъ обнаруживать недостатокъ критическаго смысла» (стр. 27). Установивъ такимъ образомъ настоящій взглядъ на дѣло, авторъ разсматриваетъ положеніе образованія въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какими ограничивала свою задачу тогдашняя школа. Тутъ приведенъ рядъ любопытныхъ выписокъ, рисующихъ плачевное положеніе образованія. Слова С.-Галленскаго монаха, біографа Карла Великаго, что «во дворцѣ его всѣ отлично читали, даже и безъ пониманія»; епископъ Мейнверкъ, во всеуслышаніе возносящій молитвы pro mulis et mulabus tuis (за ословъ и ослицъ твоихъ) только потому, что одинъ шутникъ подчистилъ первый слогъ въ текстѣ молитвы въ словахъ — famulis et famulabus tuis (за рабовъ и рабынь твоихъ) — этими и подобными примѣрами авторъ живо иллюстрируетъ умственный уровень питомцевъ тогдашней школы. Спрашивается, въ чемъ же коренится причина того, что система учебнаго дѣла приняла такую не совсѣмъ естественную, даже странную форму. Посвятивъ разработкѣ этого вопроса обширную II главу (34—97) своего изслѣдованія, авторъ представилъ яркую характеристику основъ средневѣковой жизни, того своеобразнаго сочетанія христіанскихъ идей и грубаго языческаго суевѣрія (съ рѣшительнымъ преобладаніемъ послѣдняго), которое царило въ умахъ тогдашняго общества и которое создало столько контрастовъ и уродливостей въ складѣ средневѣковой жизни, а въ частности — породило и средневѣковую школу съ ея бьющими въ глаза аномаліями. Средневѣковый католицизмъ —иначе говоря «грубый фетишизмъ съ христіанской терминологіей» —

вотъ тотъ краеугольный камень, который положенъ въ основу средневѣковой школы; неудивительно, что и зданіе вышло шаткимъ и отличалось не совсѣмъ разумной архитектурой. Руководитель школы — католическое духовенство; всѣмъ извѣстно, что такое—высшее духовенство въ средніе вѣка, а низшее ничѣмъ не отличалось отъ паствы: сельскій пастырь «въ праздники сидитъ съ прихожанами въ шинкѣ, играетъ въ бабки или бьется на деревенской площади на кулачки» (стр. 52). И вотъ на такой своеобразной основѣ — христіанской только по имени—подъ главенствомъ полуобразованныхъ руководителей создалась народная школа на Западѣ. Неудивительно, что противъ ея несообразностей начинаютъ ратовать лучшіе умы своего времени; касаясь монастырскихъ школъ, Абеляръ не безъ рѣзкости замѣчаетъ: «никто тамъ не трудится надъ разумѣніемъ писанія, а преподается только пѣніе, да умѣнье только складывать слова безъ пониманія: какъ будто для овецъ важнѣе блеять, чѣмъ кормиться» (стр. 56). И такова была постановка дѣла въ массѣ школъ; конечно, существованіе отдѣльныхъ образовательныхъ центровъ съ разумнымъ веденіемъ дѣла не могло повліять на общій ходъ; «всѣ эти знаменитыя школы представляютъ собою не прочные центры просвѣщенія, а блуждающіе огоньки въ томъ болотномъ туманѣ, который густой пеленой окутывалъ Европу» (стр. 90). Авторъ справедливо возстаетъ противъ того «сближенія событій въ пространствѣ и времени», путемъ котораго тенденціозные изслѣдователи ухитряются нарисовать совершенно невѣрную «картину довольно оживленной умственной жизни общества въ эти столѣтія».

Внѣшніе пріемы преподаванія, учебники, школьный строй, описанные въ III главѣ (стр. 98—152)—все это было облечено въ уродливыя формы, дѣлавшія школу тяжелой пыткой для питомца. «На наковальнѣ, подъ тяжкими ударами молота взростилъ меня Господь»,—этотъ отзывъ современника о школьныхъ годахъ будетъ вполнѣ понятнымъ, если взглянуть на тогдашнюю постановку учебнаго дѣла. Изученіе пѣнія обратилось въ нравственную муку для учениковъ вслѣдствіе примитивной системы изображенія нотъ и ритма. Курсъ грамматики представлялъ невѣроятныя трудности,благодаря варварскимъ учебникамъ; «писатели XVI вѣка, въ дѣтствѣ учившіеся по Doctrinale (учебникъ), сравниваютъ его съ лабиринтомъ, гдѣ жилъ Минотавръ» (стр. 114). Что касается ариѳметики, вошедшей теперь въ курсъ низшей школы, то эта наука считалась тогда доступной только высшимъ умамъ, представлялась вѣнцомъ знанія; недаромъ въ средніе вѣка существовали почетныя ученыя степени — докторъ дѣленія или умноженія (стр. 118). Для полноты картины слѣдуетъ добавить, что «розга въ средніе вѣка является символомъ школы», а учитель фактически былъ палачомъ своихъ питомцевъ, и Швабское зерцало предусматриваетъ даже случай, какому наказанію подвергать учителя, если онъ убьетъ ученика на смерть. Мы не будемъ останавливаться на яркой картинѣ быта тогдашнихъ учениковъ, какую даетъ авторъ на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, а возьмемъ лишь одно цѣнное заключеніе автора, которое невольно напрашивается въ видѣ вывода по вопросу о закономѣрности такой школьной системы. Многіе склонны думать, что эта система при всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ имѣетъ и хорошія стороны, ибо «чѣмъ,какъ не воспита-

вѣковые ученые и мыслители. Это заключеніе ошибочно, и высокою гуманностью отличается другой выводъ автора, который справедливо осуждаетъ эту систему: вѣдь, мощными фигурами дѣятелей, съ успѣхомъ прошедшихъ эту школу, заслоняются отъ нашихъ глазъ печальные образы тѣхъ безвѣстныхъ жертвъ, которыя гибли и уродовались подъ палкой воспитателя на тернистомъ пути тогдашней науки» (стр. 131—132).

При такой ужасающей обстановкѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что главный контингентъ воспитанниковъ доставляли тѣ классы, которые были менѣе обезпечены. Разбирая вопросъ о сословномъ составѣ школы (IV глава), авторъ приводитъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдей Лютера, сказанную имъ по поводу паденія образовательныхъ учрежденій. Слова реформатора: «перестань простые люди учить своихъ дѣтей, погибли бы и церковь и государство, и возвратились бы времена варварства»,—почти не нуждаются въ поправкахъ, и авторъ дополняетъ сказанное Лютеромъ лишь немногими штрихами. Благородное сословіе дворянъ великодушно уступило привиллегію образованія «подлымъ» людямъ, а само предпочитало болѣе легкое и не такъ головоломное воинское искусство. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ школы поступали дѣти дворянъ, они пополняли собою ряды студентовъ-гулякъ, а по выходѣ изъ школы «шли только въ главный штабъ средневѣковой ученой арміи».

Значительный интересъ представляетъ VI глава, гдѣ авторъ знакомитъ насъ съ своеобразной постановкой учительскаго труда. Въ средніе вѣка школа представляла собою ни болѣе ни менѣе, какъ «видъ промышленнаго предпріятія, и подчиняется общему характеру экономическаго строя своей эпохи» (стр. 213). Право открывать школы составляло монополію городовъ и сеньеровъ, и ректоръ «обязывался также платить аренду, какъ ее платили съемщики городскихъ мельницъ, бань и винныхъ погребовъ» (стр. 223). Вслѣдствіе этого, учителемъ назывался въ средніе вѣка всякій самостоятельный школьный подрядчикъ», который набиралъ себѣ помощниковъ «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Учительскій заработокъ былъ крайне ничтоженъ: въ то время, какъ погонщикъ ословъ заработывалъ 7—8 флориновъ на хозяйскихъ харчахъ, учитель довольствовался вознагражденіемъ въ 3 флорина безъ стола. Да и этотъ нищенскій заработокъ былъ мало гарантированъ, почему учителя ведутъ образъ жизни номадовъ, перекочевывая съ места на мѣсто. Что касается собственно народнаго, сельскаго учителя, то его положеніе хорошо обрисовалъ Фишеръ, говоря: «его нищенскій образъ жизни, его приниженное положеніе стали притчею во языцѣхъ у того самаго народа, который справедливо можетъ считать себя первымъ по постановкѣ дѣла народнаго образованія» (стр. 197). Болѣе подробно г. Сперанскій изображаетъ общественное положеніе учителей въ VII главѣ, и мы укажемъ лишь главнѣйшія черты. «Звонарь, причетникъ и учитель деревенской школки до самаго XIX вѣка всегда сливались въ одномъ лицѣ» (стр. 244). Въ школьныхъ договорахъ на первомъ мѣстѣ указываются такія обязанности учителя: заботиться о церковной утвари и мести церковь каждую субботу, звонить аккуратно ко всѣмъ церковнымъ службамъ, а когда будетъ собираться гроза, днемъ ли, ночью ли,

учитель обязанъ всякій разъ звонить, «чтобы она не надвигалась на деревню». Въ XVI вѣкѣ другъ Меланхтона, Эобанъ Гессъ, такъ писалъ о своей профессіи: «Всякая другая работа даетъ человѣку возможность жить: школьный учитель влачитъ свои дни въ ужасной нищетѣ, и гордость окружающихъ смѣшиваетъ его съ грязью. Послѣдній писаришка, подьячій, бродячій монахъ смотрятъ на него свысока. Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ учительство!» (стр. 270).

Двѣ послѣднія главы имѣютъ характеръ общихъ очерковъ. Въ VIII главѣ г. Сперанскій выясняетъ заслуги францисканскаго ордена въ дѣлѣ воспитанія средневѣковыхъ народныхъ массъ, а въ заключительной главѣ суммируетъ главные результаты своей работы и касается тѣхъ нерегламентированныхъ образовательныхъ формъ, путемъ которыхъ пріобрѣтало свои знанія рыцарское сословіе и классъ ремесленниковъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ такъ кратко остановился на значеніи цеховъ (321—322 стр.) въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія ремесленнаго класса. Высказанныя авторомъ мысли такъ оригинальны, что заслуживали бы болѣе подробнаго развитія, и мы удивляемся, почему авторъ не посвятилъ особой главы выясненію этой любопытной и столь симпатичной средневѣковой особенности.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе труда г. Сперанскаго. Это изслѣдованіе поучительно не только, какъ мастерски нарисованная картина минувшаго; оно даетъ богатый матеріалъ для выводовъ и заключеній и о настоящемъ народной школы. Сравнивая положеніе средневѣковой школы съ современной, читатель не безъ горечи убѣждается, что прогрессъ въ этой области движется черепашьимъ шагомъ, и что глаголемые радѣтели школы съ ревностью, достойной лучшей участи, оберегаютъ немалую часть вѣковыхъ предразсудковъ, отъ которыхъ такъ страдала средневѣковая школа и надъ которыми давно произнесла свой суровый, но безпристрастный судъ исторія. Поэтому талантливо и ярко написанное изслѣдованіе г. Сперанскаго, гдѣ сгруппированъ и освѣщенъ гуманной идеей богатый фактическій матеріалъ, является весьма кстати именно въ настоящее время, когда поставленъ на очередь вопросъ о народномъ образованіи, и руководители этого важнаго дѣла никакъ не могутъ столковаться между собою по самымъ основнымъ вопросамъ.

К. Х.

Преподобный Θеодоръ Студитъ и его время (759—826 гг.). Священника Василія Преображенскаго. Москва. 1896.

Преподобный Θеодоръ Студитъ былъ однимъ изъ весьма видныхъ церковныхъ дѣятелей въ эпоху иконоборства (VIII—IX в.). Онъ выдѣлялся изъ ряда другихъ сторонниковъ иконопочитанія своимъ образованіемъ, твердостью характера и общественнымъ положеніемъ, такъ какъ былъ игуменомъ знаменитаго въ Византіи Студійскаго монастыря. Онъ высоко держалъ знамя православія въ борьбѣ за почитаніе иконъ, былъ столпомъ и опорою православныхъ въ тяжелые дни жестокихъ преслѣдованій ихъ со стороны иконоборцевъ и самъ подвергался гоненію и страданіямъ, за что и получилъ титло

исповѣдника. Свою борьбу противъ иконоборцевъ Θеодоръ Студитъ велъ и при помощи литературныхъ произведеній и оставилъ послѣ себя полемическія труды, не потерявшіе значенія и до настоящаго времени, а также огласительныя поученія для иноковъ. Все это говоритъ въ пользу того, что священникъ Преображенскій сдѣлалъ удачный выборъ предмета для своего труда,—описать жизнь и дѣятельность преподобнаго Θеодора Студита въ связи съ современными церковно-историческими событіями. Какъ же онъ выполнилъ свою задачу?

Книга священника Преображенскаго состоитъ изъ предисловія (стр. 1—6), гдѣ намѣчается задача ея, и оправдывается выборъ темы, и одиннадцати главъ. Въ первой главѣ (стр. 5—18) описывается состояніе византійскаго общества въ царствованіе императора Константина Копронима (741—775 г.), причемъ авторъ главнымъ образомъ разсказываетъ о гоненіяхъ и мученіяхъ, которымъ подвергались въ это время иконопочитатели. Глава вторая (стр. 19—35) сообщаетъ о дѣтскихъ годахъ жизни преподобнаго Θеодора и его школьномъ образованіи; здѣсь любопытны тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о внутренней организаціи византійской школы—низшей, средней и высшей. Въ третьей главѣ (стр. 36—48) говорится о состояніи монашества въ первую половину иконоборческой эпохи и о вліяніи на византійское общество одного изъ представителей иночества преподобнаго Платона, игумена олимпійскаго, дяди Θеодора Студита, который также испыталъ на себѣ вліяніе этого замѣчательнаго человѣка. Оно выразилось въ томъ, что Θеодоръ 22-хъ лѣтъ постригся въ монахи и подвизался въ монастырѣ Саккудіонъ, близъ Константинополя; описанію его жизни въ этой обители и иноческихъ подвиговъ посвящена четвертая глава (стр. 49—65), въ концѣ которой разсказывается о седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.), на которомъ состоялось вѣроопредѣленіе о почитаніи иконъ. Въ пятой главѣ (стр. 66—80) описывается столкновеніе императора Константина VI съ саккудіонскими иноками, протестовавшими противъ незаконнаго брака царя съ Θеодотіей, и разсказывается о первой ссылкѣ стоявшаго во главѣ протестующихъ иноковъ преподобнаго Θеодора въ Солунь, гдѣ онъ прожилъ цѣлый годъ до смерти Константина (797 г.). Возвратившись въ Константинополь, Θеодоръ получилъ въ управленіе знаменитый Студійскій монастырь, который въ его игуменство былъ прекрасно устроенъ съ внутренней и внѣшней стороны, имѣлъ въ своихъ стѣнахъ до 1.000 монаховъ, былъ образцомъ иноческой жизни и подвиговъ для другихъ византійскихъ монастырей (глава шестая, стр. 90—121). Въ седьмой главѣ (стр. 122—168) сообщается о дѣятельности Θеодора Студита въ царствованіе императора Никифора (802—811 г.), при которомъ Θеодоръ подвергся второй ссылкѣ изъ столицы и заключенію на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ за оппозицію противъ патріарха Никифора, возстановившаго въ санѣ Іосифа эконома, который незаконно повѣнчалъ императора Константина VI съ Θеодотіей; по смерти императора Никифора, преподобный Θеодоръ возстановилъ общеніе съ патріархомъ и былъ возвращенъ въ Студійскій монастырь. Но при императорѣ Львѣ V армянинѣ (813—820 г.) преподобный Θеодоръ въ третій разъ былъ удаленъ въ ссылку за открытое исповѣданіе

иконопочитанія и безстрашную защиту его предъ императоромъ; о дѣятельности его противъ иконоборчества, выразившейся и въ многочисленныхъ письмахъ, повѣствуетъ глава восьмая (стр. 169—227). Въ девятой главѣ (стр. 228—261) авторъ знакомитъ съ послѣдними годами дѣятельности преподобнаго Ѳеодора—въ царствованіе Михаила II Косноязычнаго (820—829 г.), при которомъ Ѳеодоръ возвратился изъ ссылки, жилъ въ своемъ монастырѣ, заботясь о благѣ церкви и защищая иконопочитаніе, и скончался въ 826 году. Въ главахъ десятой (стр. 261—312) и одиннадцатой (стр. 313—356) дѣлается краткій обзоръ сочиненій Ѳеодора Студита—катихизическихъ поученій, полемическихъ и другихъ произведеній, съ болѣе подробнымъ анализомъ его ученія о почитаніи и поклоненіи честнымъ иконамъ.

Сочиненіе священника Преображенскаго можетъ имѣть только популярное значеніе, такъ какъ ему недостаетъ многихъ качествъ, чтобы признать его изслѣдованіемъ ученымъ. Напримѣръ, въ книгѣ нѣтъ критическаго обзора обширной литературы вопроса, нѣтъ самостоятельнаго отношенія къ источникамъ и пособіямъ, а наблюдается рабское къ нимъ отношеніе и т. п. Да и какъ трудъ популярный, книга Преображенскаго не свободна отъ крупныхъ пробѣловъ. Для примѣра укажемъ на то, что изслѣдователю дѣятельности знаменитаго игумена Студійскаго монастыря слѣдовало сказать о первоначальной исторіи этой обители—ея возникновеніи въ VI вѣкѣ и значеніи, а также выяснить особенности Студійскаго устава сравнительно съ другими византійско-восточными типиками, пользуясь замѣчательной книгой профессора А. А. Дмитріевскаго (Описаніе литургическихъ рукописей... Т. I. Τυπικά. Кіевъ. 1895 г.),—но о. Преображенскій уклонился отъ этихъ трудныхъ вопросовъ. Книга написана хорошимъ языкомъ. Σ.

Эд. Б. Тэйлоръ. Первобытная культура (изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ). Второе изданіе, исправленное и дополненное по 3-му англійскому изданію 1891 г. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Томъ I. Спб. 1896. Тоже. Томъ II. Спб. 1897.

Эдуардъ Бёрнетъ (Burnett) Тайлоръ, или Тэйлоръ (Tylor) [1])—теперь почтенный старикъ (род. въ 1832), уже давно состоящій директоромъ университетскаго музея въ Оксфордѣ и президентомъ антропологическаго общества, началъ свою учено-литературную дѣятельность въ 1865 г. книгой: Researches

[1]) Было бы, по малой мѣрѣ, безполезно жаловаться на укоренившійся у насъ обычай писать иностранныя имена фонетически, а не орѳографически, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ и свою хорошую сторону; но есть случаи, когда нельзя не посѣтовать, что при нѣкоторыхъ именахъ не ставятъ въ скобкахъ ихъ англійскаго оригинала: кромѣ этого Тайлора, есть, по крайней мѣрѣ, три писателя, два англичанина и одинъ американецъ, которыхъ у насъ, хотя и не вполнѣ правильно, называютъ Тайлорами, и которые въ оригиналѣ пишутся Taylor (какъ и одинъ изъ президентовъ американскихъ штатовъ). Каково же рыться въ энциклопедическомъ словарѣ, напрасно отыскивая между ними Тайлора-антрополога?

into the Early History of Mankind (Изслѣдованія по древнѣйшей исторіи человѣческаго рода), за которой въ 1871 г. послѣдовала настоящая книга. Въ 1872—1873 годахъ вышелъ ея прекрасный русскій переводъ и произвелъ, какъ мы ясно помнимъ, въ интеллигентныхъ кружкахъ положительный фуроръ: доценты самыхъ разнообразныхъ спеціальностей зачитали публичныя лекціи о первобытной культурѣ; терминъ переживаніе именно съ тѣхъ поръ вошелъ во всеобщее употребленіе; нѣсколько односторонняя, но поразительно простая и ясная миѳологическая теорія Тэйлора (поклоненіе душамъ предковъ), совпадающая, какъ извѣстно, въ основныхъ чертахъ со взглядомъ Спенсера, подѣйствовала благотворно отрезвляющимъ образомъ на многихъ горячихъ поклонниковъ натуръ-миѳологической школы; антропологія, этнографія и даже сама суровая археологія обязаны въ значительной степени своимъ оживленіемъ книгѣ Тэйлора. Даже недостатокъ этой книги, отчасти сознаваемый и самимъ авторомъ,—излишнее нагроможденіе доказательствъ (прибавимъ отъ себя, часто однообразныхъ), послужилъ ей на пользу: самый непонятливый и самый предубѣжденный противъ взглядовъ Тэйлора читатель и пойметъ и повѣритъ такъ глубоко убѣжденному автору, который съ чисто англійской настойчивостью вдалбливаетъ ему въ голову свои оригинальныя и новыя, а въ то же время чрезвычайно простыя и ясныя положенія.

Эта же особенность книги послужила причиной ея медленнаго расхода: четверть столѣтія распродавалось среди нашей столь чуткой въ подобныхъ случаяхъ публики одно изданіе; развѣ это неудивительно? Дѣло въ томъ, что основныя положенія «Первобытной культуры» сдѣлались извѣстны каждому изъ рецензій и лекцій; а кто бралъ книгу въ библіотекѣ, тому безчисленныя указанія на дагомейцевъ, веддаховъ, тасманійцевъ и пр. (особенно во 2-мъ томѣ) рѣдко внушали желаніе пріобрѣсти книгу въ собственность, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ указателя, который облегчилъ бы постоянное ею пользованіе. Къ сожалѣнію, указателя нѣтъ и при второмъ изданіи.

Не смотря на это не лишенное значенія обстоятельство, мы не можемъ не выразить самой искренней радости, что книга Тейлора вновь появляется теперь въ изобиліи на нашемъ книжномъ рынкѣ и въ томъ же прекрасномъ переводѣ. Пускай она опять расходится хоть двадцать лѣтъ: за эти годы наша молодежь будетъ имѣть честную и хорошую книгу, важную не только по тѣмъ идеямъ, которыя проводитъ она, по тѣмъ фактамъ, которые она сообщаетъ, но и по тѣмъ откровеннымъ, честнымъ, серьезно-научнымъ и въ то же время вполнѣ цѣлесообразнымъ пріемамъ работы и изложенія, которыми пользуется авторъ. Она важна и по широтѣ взгляда изслѣдователя и по его умѣнью пользоваться самымъ разнообразнымъ и свѣжимъ матеріаломъ, которымъ несправедливо пренебрегали его предшественники. А для многихъ десятковъ юныхъ или полуюныхъ читателей эта книга теперь, въ девяностыхъ годахъ, будетъ даже важнѣй, чѣмъ была въ семидесятыхъ: мало ли въ настоящее время умовъ, даже и не слабыхъ, готовыхъ, не скажу, увлечься, но задуматься надъ спиритизмомъ, медіумизмомъ и ихъ вновь изобрѣтаемыми разновидностями? Спорить съ ними безполезно, насмѣхаться надъ ними—вредно; несравненно лучше обратить ихъ вниманіе на многолѣтній трудъ почтеннаго ученаго, который безъ

раздраженія и партійности изслѣдуетъ тѣ же самыя явленія на низшей и средней ступени ихъ развитія.

Если колеблющійся внимательно и безъ предвзятой мысли прочтетъ книгу Тэйлора, мы увѣрены, что развѣ въ одномъ случаѣ изъ десяти онъ не измѣнитъ своего взгляда на то, что слишкомъ страстные люди напрасно называютъ болѣзнью вѣка, какъ бы уродствомъ, и что, на самомъ дѣлѣ, есть явленіе вполнѣ нормальное и законное, подлежащее научному изслѣдованію и обобщенію.

Для тѣхъ, кто случайно незнакомъ съ книгой Тэйлора въ 1-мъ изд., приведемъ вкратцѣ ея оглавленіе: глава I—Наука о культурѣ, гл. II—Развитіе культуры, гл. III и IV—Переживаніе въ культурѣ, гл. V и VI—Эмоціональный и подражательный языкъ, гл. VII—Искусство счисленія, гл. VIII—X—Миѳологія, гл. XI—XVII—Анимизмъ, гл. XVIII—Обряды и церемоніи, гл. XIX—Заключеніе. **А. К.**

Матеріалы по исторіи и географіи Дисненскаго и Виленскаго уѣздовъ Виленской губерніи. Изданіе А. Сапунова и кн. В. Друцкаго-Любецкаго. Витебскъ. 1896.

Это весьма почтенный и добросовѣстный трудъ, потребовавшій отъ составителей его не только изученія многочисленныхъ источниковъ, но и личныхъ изслѣдованій. Оба уѣзда, Дисненскій и Вилейскій, описаны подробно. Сперва сдѣланъ географическій ихъ обзоръ, съ указаніемъ всѣхъ рѣкъ, озеръ, болотъ, почвы, климата, флоры и фауны и т. д. Затѣмъ изложены историческія судьбы названныхъ уѣздовъ, и, наконецъ, перечислены всѣ наиболѣе замѣчательныя мѣстечки и деревни, съ находящимися въ нихъ храмами и достопримѣчательностями. Описанія иллюстрированы 65 тщательно исполненными рисунками, а въ приложеніи приведены 39 разнообразныхъ актовъ. Сверхъ того, составители собрали всѣ преданія, сохранившіяся въ посѣщенныхъ ими мѣстностяхъ, такъ что въ книгѣ разсѣяно не мало любопытныхъ свѣдѣній о разныхъ лицахъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ судьбахъ Западнаго края. Напримѣръ, при описаніи села Глубокаго приложенъ очень рѣдкій портретъ М. Н. Муравьева и разсказаны слѣдующія подробности о пребываніи его въ этомъ селѣ, во время польскаго мятежа 1831 года. «Муравьевъ занимался возстановленіемъ законнаго порядка въ Дисненскомъ и сѣверной части Борисовскаго уѣздовъ и допросами шляхты. Днемъ и ночью, въ которомъ бы то ни было часу, какъ только приводили кого либо изъ арестованныхъ, нужно было тотчасъ же доложить ему, а если онъ спалъ, то разбудить, и примѣра не было, чтобы онъ полѣнился встать или отложилъ допросъ до утра. Заботливость его и ласковое обращеніе съ подчиненными были превыше всякихъ похвалъ. Всѣ окружавшіе не могли надивиться его неутомимости и долготерпѣнію при разспросахъ виновныхъ: онъ видимо былъ доволенъ, когда ему отвѣчали смѣло и откровенно, хотя бы и рѣзко, лишь бы говорили правду, но, къ несчастью, это случалось не всегда».

Вообще трудъ г. Сапунова и князя Друцкаго-Любецкаго можетъ служить

примѣромъ для изслѣдователей различныхъ мѣстностей нашего отечества, а историкъ Западнаго края найдетъ въ немъ не мало матеріаловъ для своихъ работъ. О. Ш.

Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Поволжье, Пріуралье и лѣчебныя степи. Пути сообщенія, замѣчательныя мѣстности и особенности края, горно-заводск., лѣчебн., промышленн., историческія и др. Карта путей Россіи. Планы бывшихъ столицъ, у г. Царева и с. Болгары. Рисунки, изображ. народные типы, монеты, украшенія, зданія и т. п. Изд. Θ. Суринъ. Сборникъ первый. Спб. 1897.

Въ этой книгѣ очень многое, начиная съ заглавія, поражаетъ удивительной разбросанностью и безпорядочностью. Нельзя сказать, чтобы изданіе было недобросовѣстно; напротивъ, очень замѣтно любовное отношеніе автора къ дѣлу, но исполнено оно уже слишкомъ безпорядочно. Въ этой книгѣ 7 или 8 главъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой счетъ страницъ, есть глава въ 9 страницъ. Одинъ отдѣлъ, какъ и подобаетъ путеводителю, даетъ практическія свѣдѣнія, нужныя для путешествующаго «отъ верховьевъ Волги до Каспійскаго моря и рѣки Печоры». Посѣщающій, напримѣръ, Кинешму можетъ найти въ путеводителѣ г. Сурина слѣдующее:

«7 т. жит. пассаж. парох. прист. Замѣч. мѣста: Успенскій соборъ. Виды съ бульвара. Часовня. Г. сгорѣлъ въ 1890 г. Въ уѣздѣ фабр.—ткацкая бумагопр. Куломзинская фосфоритн. мука». Какъ видите, свѣдѣнія тщательныя, въ такомъ же родѣ о другихъ городахъ. Одно небольшое замѣчаніе: при каждомъ городѣ проставлена стоимость проѣзда на пароходѣ отъ этого города, въ большинствѣ случаевъ не указано, на чьихъ пароходахъ берутъ такую цѣну, Въ слѣдующемъ отдѣлѣ читатель найдетъ описаніе снаряженія путешествующихъ, между прочимъ, даже описаніе снаряженія Нансена. Остальные отдѣлы книги заняты описаніемъ различныхъ археологическихъ реликвій. Авторъ путеводителя—сторонникъ той мысли, что путешествія вызываютъ страсть къ археологическимъ изслѣдованіямъ. Удовлетворить эту страсть онъ и хочетъ своимъ описаніемъ. Мы не думаемъ, чтобы путешественникъ, прочтя это описаніе, возгорѣлъ страстью къ археологіи, не думаемъ даже, прочтетъ ли онъ его, развѣ ужь очень скучно будетъ. Впрочемъ археологическіе этюды автора путеводителя—не недостатокъ книги, которую можно рекомендовать всѣмъ желающимъ проѣхаться по Волгѣ «себѣ на утѣшеніе и назиданіе». Щ.

Е. К. Рѣдинъ. Мозаики Равеннскихъ церквей. Сбп. 1896.

Въ итальянскомъ городѣ Равеннѣ сохранились весьма интересные памятники византійскаго искусства, именно, мозаики, относящіяся къ V—VII вѣкамъ. Въ виду того, что въ самой Византіи отъ означенной эпохи сохранились лишь немногіе аналогичные памятники, г. Рѣдинъ взялъ на себя трудъ

изучить памятники Равенны, носящіе на себѣ несомнѣнные слѣды византійско-восточнаго вліянія и въ высокой степени отразившіе на себѣ художественный стиль и иконографическіе типы Востока. Съ этой цѣлью онъ совершилъ въ 1891—1892 году путешествіе въ Италію и результаты изученія мозаикъ равеннскихъ церквей на мѣстѣ представилъ въ отмѣченной книгѣ. Она состоитъ изъ введенія, восьми главъ изслѣдованія и заключенія. Во введеніи (стр. 1—10) дѣлается научный обзоръ трудовъ по изученію равеннскихъ мозаикъ. Глава первая (стр. 11—48) описываетъ мозаики православной крещальни и аріанской, вторая (стр. 49—72)—мозаики усыпальницы Галлы Плацидіи; въ третьей главѣ (стр. 73—123) рѣчь идетъ о церкви св. Аполлинарія Новаго, въ четвертой (стр. 124—169)—о церкви св. Виталія, въ пятой (стр. 170—179)—о капеллѣ Петра Хризолога, въ шестой (стр. 180—195)—о церкви св. Аполлинарія во Флотѣ, въ седьмой (стр. 196—202)—о церкви св. Михаила въ Африческо; восьмая глава (стр. 203 — 217) посвящена погибшимъ мозаикамъ, а въ заключеніи книги (стр. 218—224) предложены общіе выводы. Книга иллюстрируется 58 рисунками и двумя таблицами съ изображеніями Іисуса Христа. Трудъ г. Рѣдина составленъ умѣло и старательно и представляетъ немаловажный вкладъ въ русскую литературу. О.

Пуритане и Стюарты. С. Гардинера. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Спб. 1896.

Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. О. Эйри. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896.

Большинство изданій О. Н. Поповой обнимаетъ собою серьезныя отросли знаній и вошло въ такъ называемую культурно-историческую библіотеку, составленную почтенной издательницей изъ Гиббинса (Промышленная исторія Англіи), Минье (Исторія французской революціи), Мармери (Прогрессъ науки), Буасье (Картины древне-римской жизни), Гардинеръ и Эйри о пуританскомъ періодѣ въ англійской исторіи и т. д. Эти серьезныя историческія работы предназначены по преимуществу для самообученія читающей массы и посвящены описанію какого нибудь выдающагося періода изъ политической жизни народа или его философіи. Сочиненія С. Гардинера и О. Эйри о пуританахъ и Стюартахъ дополняютъ другъ друга и касаются чрезвычайно любопытной эпохи въ исторіи Англіи, заключающейся въ побѣдѣ народа и высшихъ классовъ надъ королевской властью изъ-за религіозной свободы и конституціоннаго порядка. Величественные типы арміи Кромвеля и хлыщи реставраціи, вмѣстѣ съ преступностью Стюартовъ передъ націей и окончательное ихъ паденіе—надолго будутъ занимать собою англійскихъ ученыхъ, дорожащихъ распространеніемъ свѣдѣній о величественномъ прошломъ ихъ родины, обезпечившемъ ей навсегда культурное развитіе. Въ этомъ духѣ составлены г.г. Гардинеръ и Эйри историческія руководства о семнадцатомъ столѣтіи исторіи Англіи, отличающіяся сжатостію, мастерской характеристикой главныхъ дѣятелей и такимъ

искусствомъ въ группировкѣ и освѣщеніи событій, что у читателя получается ясная и живая картина одного изъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ періодовъ въ англійской исторіи. Благодаря этому періоду, говоритъ С. Гардинеръ, «ни одному королю, ни одному министру, въ наши времена, не придетъ въ голову послать полкъ солдатъ въ зданіе парламента, чтобы при помощи грубой физической силы сдѣлать чистку среди его членовъ и такимъ способомъ отобрать тѣхъ, кто заслуживаетъ чести участвовать въ голосованіи, отъ тѣхъ, кто этого не достоинъ. Ни одинъ король и ни одинъ министръ никогда не подумаетъ теперь управлять Англіей въ духѣ, несогласномъ съ волею народа. Но, съ другой стороны, все это сдѣлалось возможнымъ именно потому, что всѣ разумныя требованія Кромвеля и предшествовавшаго ему Страффорда осуществились въ жизни». **А. Ф—въ.**

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи и исторіи. 3-е (сокращенное) изданіе. Спб. 1897.

«Основные вопросы философіи исторіи» появились на свѣтъ, кажется, въ 1884 году. Въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ проф. Н. Карѣевъ хотѣлъ «дать синтезъ всѣхъ современныхъ ученій философіи, естествознанія, антропологіи, психологіи и соціологіи... дать общую теорію психическаго процесса, исторической эволюціи, историческаго прогресса». Въ 1887 г. появилось второе изданіе, въ которомъ авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя, впрочемъ, несущественныя сокращенія, касавшіяся отдѣловъ съ слишкомъ спеціальнымъ и эпизодическимъ характеромъ, цитатъ и библіографическихъ подробностей. По пути сокращеній въ такомъ же родѣ пошелъ авторъ и въ новомъ, третьемъ, уже однотомномъ изданіи. Несомнѣнно, отъ этого книга выигрываетъ, особенно въ виду той цѣли, съ которой дѣлается это изданіе, разсчитанное на читателей-неспеціалистовъ, стремящихся самообразовываться. Нельзя не отмѣтить того факта, что въ нашемъ обществѣ, особенно, въ средѣ молодежи, пробудилось сознательное стремленіе къ самообразованію; нельзя не отмѣтить и того факта, что со стороны компетентныхъ лицъ много дѣлается въ этихъ цѣляхъ: достаточно для примѣра привести дѣятельность комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. За какихъ нибудь три года ею выпущено нѣсколько весьма тщательно выбранныхъ книжекъ. На встрѣчу стремленіямъ къ самообразованію идетъ и г. Карѣевъ. Несомнѣнно, что тѣ вопросы, которымъ посвящаетъ онъ свою книгу, должны быть интересны и въ высшей степени важны для каждаго читателя, стремящагося къ самообразованію. Такой читатель съ пользой прочтетъ книгу г. Карѣева. Это новое изданіе облегчитъ ему чтеніе, а цѣна (2 р. 50 к.) дѣлаетъ доступнымъ ея пріобрѣтеніе. **Щ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РУДЫ по археологіи и классической старинѣ. Извѣстный профессоръ Сейсъ разсказываетъ въ январской книжкѣ «Contemporary Review» [1]) о недавнемъ открытіи въ двухъ вавилонскихъ городахъ глиняныхъ дощечекъ съ важными историческими надписями о событіяхъ, происходившихъ за 3000 лѣтъ до той эпохи, которую прежде считали началомъ міра. Эти открытія сдѣланы въ Телохѣ французскимъ консуломъ въ Басрѣ, Сарзекомъ, въ 1876—1880 гг., а въ Нуфарѣ американской археологической экспедиціей въ 1888—1896 гг. всего найдено 65.000 дощечекъ. Наибольшее ихъ количество находится въ Константинополѣ, гдѣ ихъ разсмотрѣніемъ занимается цѣлая фаланга оріенталистовъ, изъ которыхъ одинъ, профессоръ Гильпрехтъ, почти потерялъ зрѣніе отъ усиленнаго труда. Кромѣ того, арабы предлагаютъ англійскому правительству купить значительное число этихъ историческихъ документовъ, которые имъ удалось скрыть отъ ученыхъ. И тѣ изъ этихъ документовъ, которые уже разобраны, представляютъ, по заключенію авторитетныхъ ассиріологовъ, драгоцѣнныя данныя для знакомства съ давнопрошедшей стариной. Нипуръ, въ настоящее время Нуфаръ, былъ одинъ изъ самыхъ древнихъ центровъ вавилонской цивилизаціи, и его главный храмъ, посвященный «Господу міра духовъ», былъ основанъ въ началѣ халдейской эпохи. Впослѣдствіи, когда государи и жрецы семитическаго племени заняли мѣсто первобытныхъ сумерійцевъ, то Ваалъ мѣсто перваго

---

[1]) Recent Discoveries in Babylonia. By pr. Sayce. Contemporary Review, january, 1896.

божества въ свою очередь уступилъ съ теченіемъ времени Бель-Меродахъ. Развалины храма именно древняго Ваала открыла теперь американская экспедиція, подъ руководствомъ Петерса и Гейса; раскопки были произведены самымъ методичнымъ образомъ и постепенно переходили изъ верхняго слоя къ низшему, то-есть отъ историческихъ временъ къ доисторическимъ. Подводя итоги этимъ важнымъ находкамъ, профессоръ Гильпрехтъ опредѣляетъ, что храмъ Ваала въ Нипурѣ основанъ за 6000 или 7000 лѣтъ до Р. Х., а самыя древнѣйшія изъ найденныхъ дощечекъ относятся до V и VI вѣка передъ нашей эрой; такимъ образомъ исторія Вавилона можетъ вполнѣ соперничать по старинѣ съ исторіей Египта. Текстомъ этихъ дощечекъ вполнѣ доказывается, что королевскій вавилонскій лѣтописецъ Набонидъ правильно отнесъ царствованіе царя Нарама-Сана къ 3800 году до Р. Х. Оказывается, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ вавилонскіе лѣтописцы заносили годъ за годомъ всѣ важныя событія царствованія каждаго государя, а при перемѣнѣ династіи составляли хронологическій списокъ всѣхъ государей вымершей или лишенной престола династіи. Дошедшіе до насъ теперь, благодаря означеннымъ раскопкамъ, частные контракты офиціально помѣчены ссылкой на соотвѣтствующее царствованіе, и, такимъ образомъ, вполнѣ подтверждено существованіе такихъ халдейскихъ государей, которыхъ отвергалъ Нибуръ. Ихъ имперія распространялась отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря, а въ царствованіе самаго замѣчательнаго изъ этихъ государей вавилонское искусство и клинообразныя письмена достигли высшей степени совершенства. Мало того, по словамъ Гильпрехта, надписи, найденныя въ Нифурѣ, доказываютъ, что задолго до Саргона существовалъ государь, по имени Лугаль-Заги-Си, въ царствованіе котораго за 4000 лѣтъ до Р. Х. въ вавилонской монархіи были уже большіе города, древніе храмы и значительно развитая цивилизація, имѣвшая своимъ языкомъ сумерійское нарѣчіе. Впослѣдствіи этотъ языкъ, съ примѣсью семитическаго, выродился въ такъ называемый теперь ассирійскій языкъ, но все-таки сумерійское нарѣчіе очень долго держалось и медленно умирало, подобно кельтическому въ Великобританіи. Профессоръ Гоммель выводитъ первобытную цивилизацію Египта отъ таковой же халдейской и доказываетъ, что египетскій языкъ сформировался изъ вавилонскаго или ассирійскаго. Какъ ни богаты результаты разсмотрѣнныхъ профессоромъ Сейсомъ археологическихъ открытій, онъ предсказываетъ, что новыя раскопки, производимыя докторомъ Шейлемъ, по порученію турецкаго правительства, въ Сиппарѣ, Изинѣ и Эрехѣ, приведутъ еще къ важнѣйшимъ находкамъ. Согласно отчету объ археологическихъ работахъ въ индійской провинціи Непалѣ за послѣдніе мѣсяцы прошедшаго года, калькутская газета «Pioneer», а за нею «Revue Encyclopedique», отъ 6 февраля [1]), сообщаетъ объ открытіи мѣста рожденія Будды. Раскопки произведены, по распоряженію мѣстныхъ властей, англійскими чиновниками, въ Манзѣ-Нигливѣ и Манзѣ-Падеріѣ, гдѣ находится много буддистскихъ развалинъ и монолитовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, возвышающійся на три метра

---

[1]) Lieu de naissance du Boudda. Faits et documents. Revue Encyclopedique, 6 февраля 1897 г.

надъ землей и усѣянный надписями паломниковъ, обратилъ на себя вниманіе лицъ, завѣдывавшихъ раскопками, и, сдѣлавъ въ землѣ углубленіе въ три съ половиною метра, они нашли надпись, которая гласила, что великій государь Пейадоси, болѣе извѣстный въ буддистскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Асоки, воздвигнулъ въ садахъ Лумбины, двадцать лѣтъ тому назадъ, этотъ монолитъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился Будда. До сихъ поръ не было точно извѣстно мѣсто рожденія Будды, и обыкновенно предполагали, что онъ родился въ Капиловастѣ, гдѣ жила семья Саккія-Муни. Теперь, найденный памятникъ, воздвигнутый Асокой, приблизительно въ 239 году до Р. X., находится въ 28 километрахъ къ востоку отъ Капилавасты, отъ которой остались однѣ развалины. Если не на новыхъ археологическихъ открытіяхъ, то на строго научныхъ выводахъ основанъ новый расчетъ христіанской эры, составленный и напечатанный ученымъ англійскимъ изслѣдователемъ священныхъ писаній, докторомъ Кунингамомъ Гейки, въ январьской книжкѣ «Homiletic Review» [1]. Признаваемая до сихъ поръ христіанская хронологія составлена Діонисіемъ Малымъ въ VI вѣкѣ, и она опредѣляетъ рожденіе Іисуса Христа въ 754 году по основаніи Рима, но самый поверхностной исторической справки достаточно, чтобы доказать неправильность этой хронологіи, такъ какъ Иродъ, бывшій въ живыхъ при рожденіи Христа, достовѣрно умеръ въ 750 году. Кромѣ того, Діонисій говоритъ, что, согласно апостолу Лукѣ, Іоаннъ Креститель, бывшій немного старше Іисуса Христа, началъ свое общественное служеніе въ пятнадцатомъ году царствованія Тиверія, и что Іисусу Христу было тогда тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ предположить, что во время смерти Ирода Іисусу Христу было не менѣе двухъ лѣтъ, а слѣдовательно онъ родился въ 748 году. Такимъ образомъ оказывается, что христіанская хронологія ошибается на шесть лѣтъ, и мы теперь живемъ уже въ 1903 году.

Переходя къ новымъ изслѣдованіямъ классической старины, прежде всего остановимся на томъ любопытномъ фактѣ, что Британскій музей продолжаетъ, чуть не ежедневно, открывать невѣдомые отрывки греческой поэзіи на папирусахъ, найденныхъ въ Ѳивахъ. Зикорридъ Меклеръ анализируетъ въ нумерѣ нѣмецкаго журнала Nation отъ 25 декабря [2]) одну изъ такихъ находокъ, именно отрывокъ изъ сочиненія неизвѣстнаго греческаго поэта, относящагося несомнѣнно къ александрійской эпохѣ, хотя его произведеніе не имѣетъ ничего общаго съ извѣстными поэтическими сочиненіями александрійской школы. Оно не походитъ, ни по формѣ, ни по содержанію, на поэзію Калемаха, ни на пастушескія идилліи Ѳеокрита. Невѣдомая поэма, подъ названіемъ «Жалоба обольщенной молодой дѣвушки», составляетъ монологъ, разсказывающій печальную судьбу юной дочери народа, которую обманулъ невѣрный любовникъ, а по отрывочному, простому, но образному стилю, она составляетъ новое, своеобразное явленіе въ литературѣ птоломеевской эпохи. Другой нѣмецкій журналъ

---

[1]) The Exact date of the Rirth at Chrict, by D. Geikie. Homiletic Review. January, 1897.

[2]) Ein Alexandrian phragment, von Siegfried Mekler. Die Nation, 25 December, 1896.

Deutsche Rundschau помѣстилъ въ своей первой книжкѣ настоящаго года [1]) ученую статью Фрица Шеля о празднованіи въ Римѣ начала каждаго столѣтія. Свѣдѣнія объ этихъ вѣковыхъ августовскихъ празднествахъ найдены на мраморныхъ плитахъ, открытыхъ при недавней регуляризаціи теченія Тибра. Вотъ какъ нѣмецкій ученый описываетъ этотъ, досёлѣ мало извѣстный, римскій обычай: каждый вѣкъ имѣлъ своего бога, который передавалъ свое наслѣдіе преемнику при окончаніи своего послѣдняго года. Этимъ путемъ и должны объясняться такіе термины, какъ вѣкъ Сатурна, вѣкъ Юпитера, вѣкъ Нептуна, вѣкъ Плутона, вѣкъ Аполлона. Этотъ послѣдній вѣкъ соотвѣтствовалъ рожденію Октавія. Странно сказать, но римскіе вѣки состояли не изъ ста, а изъ ста девяти лѣтъ; въ честь начала каждаго изъ нихъ устроивались праздники, длившіеся три дня и къ которымъ приготовлялись впродолженіе шести дней. Послѣ третьяго дня праздника наступалъ день отдыха, а затѣмъ была еще праздничная, такъ сказать, отвальная недѣля. Вѣковые праздники 456 года до Р. X. происходили 26, 27 и 28 мая, и по этому случаю каждый римскій гражданинъ со своей женой и дѣтьми долженъ былъ явиться къ жрецу и получить отъ него факелы и извѣстное количество сѣры для очищенія дома отъ нечистыхъ духовъ. Во время праздниковъ происходили театральныя представленія, маскарады, танцы, пантомимы, концерты, атлетическія игры, бой со звѣрями, факельныя шествія и такъ далѣе. Богамъ приносились въ жертву девять черныхъ агнцевъ и столько же козъ, а также на алтари возлагались любимые богами и жрецами пироги съ медомъ и тертымъ сыромъ; кромѣ того, Юнонѣ подносили сто десять матронъ бѣлую телку. Профессоръ Канья въ La Vie Contemporaine рисуетъ блестящую картинку обѣда въ древнемъ Римѣ [2]). День у римлянина былъ занятъ не меньше, какъ теперь у современнаго человѣка: онъ посѣщалъ своихъ кліентовъ, ходилъ въ суды, принималъ участіе въ преніяхъ сената и народныхъ собраніяхъ, или слушалъ рѣчи ораторовъ, такъ что только вечеръ оставался ему для развлеченій. Первое мѣсто между этими развлеченіями занимали обѣды, на которыхъ только со времени имперіи принимали участіе женщины, наравнѣ съ мужчинами. Обыкновенно садилось, или, правильнѣе, ложилось, за столъ небольшое число лицъ, не меньше числа грацій и не больше числа музъ. Гости являлись въ легкихъ одеждахъ и въ сандаліяхъ, занимали мѣста по указанію распорядителя обѣда и послѣ молитвы, произнесенной хозяиномъ, получали по вѣнку изъ цвѣтовъ, которымъ увѣнчивали свою голову. Прежде начала банкета хозяинъ громко читалъ меню, хотя нѣкоторыя блюда и заключали въ себѣ сюрпризы: такъ извѣстенъ случай, что на одномъ банкетѣ былъ поданъ цѣлый зажаренный олень, изъ внутренности котораго, когда его разрѣзали, вылетѣли живые дрозды. За дессертомъ начинались тосты, при чемъ обычай требовалъ, чтобы предлагающій тостъ выпивалъ столько чашъ, сколько было буквъ въ имени чествуемаго лица. Тутъ же вводили въ залу пѣвцовъ и танцоровъ обоего пола; такимъ образомъ банкетъ

---

[1]) Die Secularfeier des Augustus und das Festgedicht des Horas, von Fritz Shöll. Deutsche Rundschau, 28 januar, 1897.

[2]) Les diners de l'ancienne Rome, par M. Cagnat. La Vie Contemporaine decembre, 1896.

римской старинѣ слѣдуетъ упомянуть о почтенномъ изслѣдованіи профессора Лильскаго университета Эмиля Тома «Римъ и имперія въ первые два вѣка нашей эры» [1]), которая знакомитъ съ жизнью образованныхъ римлянъ на основаніи послѣднихъ эпиграфическихъ и археологическихъ открытій, а также о серьезномъ трудѣ Адольфа Шультена о римскихъ латифундіяхъ, то-есть о крупныхъ землевладѣніяхъ, которыя, по словамъ Плинія, погубили въ концѣ концовъ тогдашнюю Италію [2]).

— **Византійская эпопея конца X вѣка.** Съ нѣкоторыхъ поръ французскіе историки обращаютъ большое вниманіе на византійскую исторію, и почииъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ теперешнему министру народнаго просвѣщенія Рамбо, который еще въ 1870 году издалъ свой трудъ о Константинѣ Порфирородномъ и византійской администраціи X вѣка. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди его послѣдователей занимаетъ профессоръ Шлумбергеръ, или, какъ французы его называютъ, Шлюмберже. Прежде всего онъ занялся изученіемъ документовъ и опредѣленіемъ хронологіи въ обширномъ трудѣ «Сагилографія Византійской имперіи», а потомъ посвятилъ цѣлый рядъ историческихъ монографій Византіи X вѣка, когда могущество греческой имперіи находилось въ своемъ апогеѣ. Первый томъ этого обширнаго труда, долженствующаго возстановить по всѣмъ правиламъ современной науки лѣтопись Византійской имперіи съ начала царствованія Никифора-Ѳоки въ 963 г. до вступленія на престолъ династіи Комненовъ въ 1057 году—обнимаетъ эпоху Никифора-Ѳоки, а только что вышедшій второй томъ, подъ заглавіемъ «Византійская эпопея конца X столѣтія», разсказываетъ славное царствованіе Іоанна Цимисхія и первые года его преемника Василія II [3]). Книга французскаго ученаго представляетъ интересъ не только по тщательному изслѣдованію подлинныхъ матеріаловъ, печатныхъ и письменныхъ, на греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, армянскомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ, но и благодаря блестящему изображенію въ приложенныхъ иллюстраціяхъ главныхъ произведеній византійскаго искусства того времени. Такимъ образомъ Шлумбергеръ своими изслѣдованіями знакомитъ Европу съ настоящей политической и художественной Византіей, которая была не только, какъ полагали прежде западные историки, центромъ придворныхъ интригъ, борьбы голубыхъ и зеленыхъ, иконоборства, договоровъ предательствъ и т. д., но и ареной, гдѣ дѣйствовали великіе полководцы, тонкіе политики, изящные художники и вообще историческія личности, напоминающія средневѣковую эпоху Западной Европы, съ тѣмъ только различіемъ, что ни Гомеръ, ни Виргилій, никогда не обращали на себя вниманіе западныхъ рыцарей, и, напротивъ, великія тѣни Аѳинъ и Рима всегда витали надъ Византіей. Поэтому, по замѣчанію Шлумбергера, исторія Греческой имперіи отличается тѣмъ характеромъ, который составляетъ отличительную черту конца среднихъ вѣковъ на Западѣ и начала эпохи возрожденія, такъ что византій-

---

[1]) Rome et l'Empire aux premiers siècles de notre ére, par E. Thomas. Paris. 1896.
[2]) Die römischen Grundherrschaften. von Adolf Schulten. Weimar, 1896.
[3]) L'Epopée Byzantine à la fin du X siècle, par G. Schlumberger. Paris. 1896.

скую цивилизацію можно назвать безконечной серіей среднихъ вѣковъ, перерѣзанною многими эпохами возрожденія, продолжавшеюся тысячу лѣтъ и, быть можетъ, сохранившеюся бы до нашего времени, если бы не явились на сцену турки.

— Казнь Карла I. Англійскій журналъ «Cornhil Magazine», перешедшій въ прошломъ году въ завѣдываніе новой редакціи, открылъ съ январьской книжки настоящаго года особый историческій отдѣлъ, въ которомъ помѣщаетъ ежемѣсячно двѣ статьи: первая состоитъ изъ перечня по днямъ за текущій мѣсяцъ всѣхъ главнѣйшихъ событій англійской исторіи: политической, общественной, литературной и художественной, съ самыми краткими примѣчаніями, подъ общимъ заглавіемъ: «Календарь англичанина»; а вторая статья посвящена подробной характеристикѣ одного изъ этихъ замѣчательныхъ историческихъ событій. Чтобы судить объ интересѣ и разнообразіи «Календаря англичанина», напоминающаго позитивистскій календарь Огюста Конта, достаточно указать, что на январьскіе дни выпали такія событія, какъ основаніе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1607 году, открытіе перваго англійскаго парламента въ 1265 году, рожденіе физіолога сэра Чарльза Белля, великаго ученаго Бекона и живописца Винта, смерть драматурга Конгрева, мореплавателя Вафина и политическаго дѣятеля Вильяма Витта, появленіе логариѳмовъ Напира, открытіе Британскаго музея и установленіе почтовой марки въ пенсъ. Подробныя историческія статьи первыхъ трехъ нумеровъ журнала посвящены казни Карла I, 30 января 1649 года, крушенію корабля Birkenhead 26 февраля 1852 года и смерти Елизаветы 24 марта 1603 года; наиболѣе интересна первая изъ нихъ, принадлежащая перу Ч. Фирта [1]. Авторъ начинаетъ и оканчиваетъ свою статью съ обсужденія того любопытнаго факта, что въ продолженіе двухсотъ лѣтъ каждое 30 января сопровождалось особой торжественной церковной службой въ память этого событія, съ цѣлью, согласно парламентскому постановленію въ 1660 году, при Карлѣ II, умилостивить Господа постомъ и слезами за то, что злые люди, сыны Ваала, осквернили свои руки кровью помазанника. До XVIII вѣка этотъ день поста и слезъ свято сохранялся всѣми, но въ эту эпоху безграничнаго скептицизма и ограниченія монархической власти въ Англіи почтенные виги, какъ, напримѣръ, брикеръ палаты депутатовъ Онело, заявляли желаніе уничтожить этотъ анахронизмъ, но никто не рѣшился сдѣлать подобное предложеніе, а Джонсонъ сказалъ по этому предмету своему другу Босвелю: «я не желалъ бы, чтобы актъ, установившій этотъ обычай, былъ постояннымъ, и предпочелъ бы, если бы его ограничили вѣковымъ срокомъ, а такъ какъ этого не случилось, то я не полагаю, чтобы можно было его теперь прямо отмѣнить, а также посовѣтовалъ бы парламенту сдѣлать постановленіе, чтобы этотъ обычай продлился еще столѣтіе, а затѣмъ былъ бы отмѣненъ». Событія осуществили желаніе Джонсона, и въ 1859 году изъ англійскаго церковнаго требника была исключена особая поминальная служба на 30-е января. Что касается до существа разсказа Фирта, то онъ хотя изложенъ графи-

[1]) The execution of Charles I, by C. Firth. Cornhill Mahazine, january.

юески и безпристрастно, но не представляетъ ничего новаго. Судъ и казнь Карла I были вызваны, какъ выразился Кромвель въ парламентѣ, не изъ ненависти къ королю, а вынуждены обстоятельствами и допущены волей Провидѣнія. Дѣйствительно, Айертонъ долго соглашался только на судъ надъ королемъ и его тюремное заключеніе, а не казнь; самъ же Кромвель предлагалъ и не судить короля, если онъ согласится на предложенныя условія, а только, послѣ упорнаго отказа Карла согласиться на какія бы то ни было условія, его судьба была рѣшена. 6 января былъ составленъ обвинительный актъ отъ имени парламента и всего добраго народа Англіи; самый же составъ суда былъ опредѣленъ парламентомъ въ 135 комиссаровъ, которые дѣйствовали, какъ судьи и присяжные. Около половины отказалось отъ возложенной на нихъ обязанности изъ боязни отвѣчать за непредусмотрѣнный конституціей судъ надъ королемъ. Поэтому, когда 20 января началось судебное разбирательство, то судей и присяжныхъ явилось только 70, кромѣ трехъ настоящихъ судей, предсѣдателя Джона Брадшо и двухъ асессоровъ: Лайля и Сея. Обвинителями были три адвоката, а отъ защитниковъ король отказался, считая судъ некомпетентнымъ. Три дня продолжалось дѣло, и было спрошено значительное число свидѣтелей, но Карлъ упорно отказывался отъ всякихъ объясненій на томъ основаніи, что король можетъ отвѣчать за свои дѣйствія только Богу, а не народу. Въ виду этого судъ рѣшилъ постановить приговоръ заочный, хотя и въ присутствіи подсудимаго. 26 января, шестьдесятъ два комиссара приговорили Карла къ смертной казни, но прежде объявленія ему приговора было заявлено, что онъ можетъ просить новаго разсмотрѣнія дѣла, если станетъ давать отвѣты; но онъ снова отказался и просилъ выслушать его въ соединенномъ присутствіи верхней и нижней палаты, обѣщая сообщить нѣчто очень важное для блага государства и свободы гражданъ. По слухамъ, онъ хотѣлъ отказаться отъ престола въ пользу своего сына на тѣхъ условіяхъ, которыя будутъ выработаны имъ совмѣстно съ парламентомъ. Судъ отказалъ ему въ этомъ, и предсѣдатель началъ читать приговоръ, а когда король сталъ его перебивать, желая что-то сказать, то Брадшо громко воскликнулъ: «теперь уже поздно говорить». Послѣ произнесенія приговора Карла отвели въ тюрьму, но легенды о томъ, что его при этомъ оскорбляли и даже плевали въ лицо, не основаны ни на какомъ историческомъ фактѣ. 30 января, Карлъ всталъ очень рано и приказалъ слугѣ одѣть его какъ можно нараднѣе, говоря: «Гербертъ, сегодня день моей второй свадьбы, и я хочу быть одѣтъ какъ можно лучше. Передъ наступленіемъ ночи я буду обвѣнчанъ съ Іисусомъ Христомъ». Онъ самъ выбралъ себѣ одежду и приказалъ подать двѣ рубашки.—«Очень холодно,—объяснилъ онъ:—и я боюсь, чтобы, выходя на воздухъ, не задрожать, такъ какъ это могутъ объяснить страхомъ, а я смерти не боюсь. Она для меня не страшна, я благословляю Бога за все и готовъ къ смерти». Спустя нѣсколько часовъ, его провели въ банкетную залу Вайтгола, и онъ вышелъ чрезъ среднее окно на эшафотъ, покрытый чернымъ сукномъ. У плахи стояли два палача въ маскахъ; вокругъ эшафота, за нѣсколькими рядами солдатъ, тѣснилась толпа, а на самомъ эшафотѣ было нѣсколько дюжинъ людей. Хотя, кромѣ этихъ послѣднихъ лицъ, никто не могъ слышать его го-

лоса, король все-таки счелъ нужнымъ произнесть оправдательную рѣчь, въ которой заявилъ, что онъ не покушался на народную свободу, а парламентъ началъ несчастную съ нимъ борьбу. «Но все-таки,— прибавилъ онъ, вѣроятно, думая о Страфордѣ:—судъ Божій надо мною справедливъ; я допустилъ исполненіе несправедливаго приговора и теперь самъ наказанъ несправедливымъ рѣшеніемъ суда». За тѣмъ онъ простилъ всѣхъ, кто причинилъ ему смерть, и въ концѣ концовъ воскликнулъ: «я желаю, болѣе чѣмъ кто, чтобы народъ сохранилъ свои права и вольности, но я считаю, что эти права и вольности заключаются въ томъ, чтобы народъ управлялся на основаніи такихъ законовъ, которые вполнѣ обезпечивали бы его жизнь и собственность, но не его дѣло принимать участіе въ управленіи». Сказавъ еще нѣсколько словъ, въ которыхъ онъ все-таки призналъ себя мученикомъ народа, Карлъ предалъ себя въ руки палачей, изъ которыхъ одинъ, съ сѣдой бородой, отсѣкъ ему голову. Трупъ короля набальзамировали, положили въ простой деревянный гробъ и выдали герцогу Ричмонду и лорду Саутгамптону, которымъ было дозволено похоронить его въ виндзорской часовнѣ св. Георгія, гдѣ покоился Генрихъ VIII. При восшествіи на престолъ Карла II не только всѣ ожидали, что тѣло его отца будетъ торжественно перенесено въ Вестминстерское аббатство, но даже парламентъ отпустилъ на это значительную сумму. Однако, послѣ долгихъ проволочекъ, планъ о новыхъ похоронахъ казненнаго короля былъ оставленъ безъ исполненія, хотя причина, обыкновенно приводимая въ объясненіе страннаго поведенія въ этомъ случаѣ Карла II, не выдерживаетъ никакой критики. Увѣряли, что нельзя было найти гроба Карла I въ Виндзорской часовнѣ, а въ 1666 году Пеписъ занесъ въ свой дневникъ, что ему показывали въ Виндзорѣ мѣсто, гдѣ похороненъ былъ король. Мало того, это мѣсто подробно указано въ исторіи Дугделя, изданной въ 1681 году, и, по приказанію принца-регента, въ 1813 году, былъ на этомъ самомъ мѣстѣ вскрытъ въ часовнѣ полъ, подъ которымъ оказался гробъ, а въ гробу прекрасно сохранившаяся фигура Карла I, котораго легко было узнать по портрету Ванъ-Дика, съ головой, отдѣленной отъ туловища острымъ орудіемъ.

— Двухсотлѣтіе Дюплэ. 1-го января настоящаго года была двухвѣковая годовщина дня рожденія Дюплэ, создателя французскаго могущества въ Индіи въ прошедшемъ столѣтіи и уступившаго Англіи первенство въ этой колоніальной имперіи, только благодаря постыдной политикѣ Людовика XV, маркизы Помпадуръ и ихъ клевретовъ. Естественно, что всѣ теперешніе защитники колоніальнаго движенія во Франціи, желая доказать, что колонизаціонный духъ, въ недостаткѣ котораго всегда упрекаютъ французовъ, присущъ лучшимъ сынамъ ихъ родины, устроили блестящее юбилейное торжество въ Сорбоннѣ въ честь геройскаго колонизатора, котораго Версальское правительство отблагодарило при жизни самой черной неблагодарностью и заставило умереть въ нищетѣ. Министръ колоній Лебонъ, предсѣдатель колоніальной группы въ палатѣ депутатовъ Этьенъ и извѣстный путешественникъ Бонвало въ прозѣ, а Эйкаръ и Гарикуръ въ стихахъ прославили услуги, оказанныя Франціи маркизомъ Дюплэ, и заклеймили позоромъ дѣйствія правительства, благодаря которому, по словамъ Гарикура, «ограбленный, униженный, безнадежный,

его разрушеннаго великаго зданія и сооружала изъ нихъ для себя великую имперію». Вся французская печать сочувственно откликнулась на эту народную справедливость, оказанную спустя полтораста лѣтъ соотечественнику, значеніе котораго въ исторіи покоренія Индіи европейцами уже давно признають его злѣйшіе враги англичане, какъ устами своихъ авторитетныхъ писателей—Маколея, Камбля, сера Альфреда Лайаля, Маклелана и др., такъ и выставленіемъ его бюста въ домѣ генералъ-губернатора Бенгаліи. Изъ статей, появившихся въ парижскихъ журналахъ и газетахъ по этому случаю, можно указать на очерки академика Мезьера въ «Temps» [1]), принца Орлеанскаго въ «Matin» [2]), Шалье-Бера въ «Journal des Debats» [3]) и князя Валори въ «Nouvelle Revue» [4]); послѣдняя обращаетъ на себя особенное вниманіе патріотическимъ пыломъ, который побуждаетъ автора, страстнаго легитимиста, восклицать съ негодованіемъ: «чудесами генія, храбрости, терпѣнія и дипломатической тонкости, Дюплэ создалъ для Франціи колоніальную имперію, которую погубила идіотская монархія, такъ какъ надо быть справедливымъ и признать, что вся отвѣтственность лежитъ на неограниченномъ королѣ, представлявшемъ собою версальскій кабинетъ; Людовикъ XV, бросившій болѣе четырехсотъ милліоновъ на своихъ любовницъ, не могъ найти денегъ на посылку десяти тысячъ людей Дюплэ для обезпеченія за Франціей Индостанской имперіи». Дѣйствительно, исторія Дюплэ, напоминающая судьбу Колумба, составляетъ мрачную страницу въ лѣтописяхъ Франціи. Сынъ богатаго откупщика и одного изъ директоровъ индійской компаніи, Жозефъ Франсуа Дюплэ родился въ Мадрасѣ и послѣ очень бурной молодости былъ отправленъ отцомъ въ заграничное плаваніе, во время котораго посѣтилъ Америку и Индію, а въ 1720 г. назначенъ членомъ распорядительнаго совѣта въ Пондишери. Десять лѣтъ пробылъ онъ тамъ, знакомясь съ страной и составляя грандіозные планы о подчиненіи имперіи моголовъ Франціи, что онъ и началъ успѣшно осуществлять съ той минуты, какъ его опредѣлили директоромъ конторы индійской компаніи въ Шандернагорѣ. Прежде всего онъ сдѣлалъ изъ этого отдаленнѣйшаго селенія французскихъ владѣній цвѣтущій городъ, который сталъ посылать до ста комерческихъ судовъ для поддержанія торговыхъ сношеній съ портами азіатскихъ морей отъ Аравійскаго залива до Китая и Филиппинскихъ острововъ, потомъ онъ открылъ вторую французскую контору въ Патнѣ, въ самомъ сердцѣ Бенгаліи, и вступилъ въ открытую борьбу съ англійской индійской компаніей. Женившись на мѣстной креолкѣ, въ жилахъ которой текла испанская кровь, Жаннѣ-де-Кастро, онъ вступилъ въ прямыя отношенія, благодаря ея знанію туземныхъ языковъ, съ индостанскими мелкими дворами, а когда въ 1742 г. его назначили генералъ-губернаторомъ французскихъ владѣній въ Индостанѣ, то онъ вступилъ въ союзъ съ нѣкоторыми раджами, сталъ укрѣплять на свой

---

[1]) Le bicentenaire de Dupleix, par A. Mesière. Temps. 16 janvier.

[2]) Dupleix, par le prince H. d'Orleans. Matin. 17 janvier.

[3]) Dupleix, par J. Chailley-Bert. Journal des Debats. 6 fevrier.

[4]) Dupleix et l'empire des Indes, par le prince de Ualori. Nouvelle Revue. 1 fevrier.

счетъ Пондишери и энергично дѣйствовать противъ англичанъ, но Версальское правительство всячески мѣшало ему и тайно поддерживало интриги противъ него губернатора острова Бурбона, Ла-Бурдонэ. Несмотря на это, Дюпле съ горстью французовъ побѣдилъ въ нѣсколькихъ битвахъ англичанъ и помогавшихъ имъ набобовъ, срылъ укрѣпленія Мадраса, взятаго и потомъ уступленнаго англичанамъ его врагомъ Ла-Бурдонэ, выдержалъ пятидесятиосьмидневную осаду Пондишери англичанами съ моря и съ сухаго пути и побудилъ ихъ отступить съ громадными потерями. За всѣ эти успѣхи онъ получилъ только титулъ маркиза и орденъ св. Людовика, а версальская политика усердно губила его гигантское дѣло. Однако онъ не унывалъ и несмотря на уступку Англіи Мадраса по Ахенскому миру и постоянныя предписанія довольствоваться коммерческими предпріятіями, продолжалъ распространять французскія владѣнія въ Индіи путемъ дипломатическихъ сношеній съ туземными раджами и военной помощи, оказанной имъ въ борьбѣ съ англичанами. Такимъ образомъ ему удалось присоединить къ Франціи пять провинцій съ населеніемъ въ 30 милліоновъ. Еще шагъ, и вся имперія великаго Могола подчинилась бы ему, но Версальское правительство, дѣйствуя по наущенію боявшихся его англичанъ, отозвало Дюплэ; этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ не только геройскому распространителю французскаго владычества Индіи, но и самому этому владычеству, быстро перешедшему въ руки Англіи, которая въ сущности только продолжала начатое имъ дѣло. «Если,—говоритъ Меласонъ, котораго, конечно, нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ французамъ:—дѣло, совершенное англичанами въ Индіи, поражаетъ своей смѣлостью, политическимъ геніемъ и просто необыкновенными чудесами, то честь его замысла и перваго практическаго осуществленія принадлежитъ Дюплэ, а англичане только слѣдовали по его стопамъ; да, скажемъ теперь искренно, когда миновала эпоха пристрастія, и промежутокъ полутораста лѣтъ освятилъ настоящимъ свѣтомъ совершившіеся факты, что ни одинъ добросовѣстный англичанинъ не можетъ отказать Дюплэ въ чести изобрѣтенія того метода, которымъ европейцы могли покорить Индію». Этотъ методъ состоялъ въ протекторатѣ надъ мѣстными индостанскими владѣніями и постепенномъ ихъ переходѣ въ руки европейцевъ, что, какъ извѣстно, составило и основу англійской политики въ Индіи, но безъ того элемента гуманности, котораго придерживался Дюплэ и въ особенности его жена, слава которой сохраняется досэлѣ между туземцами, вспоминающими съ любовью о «Бегумѣ Іоаннѣ».

— Гиббонъ и миссъ Гольройдъ. Въ концѣ прошлаго года вышла цѣлая серія книгъ о знаменитомъ англійскомъ историкѣ Гиббонѣ. Прежде всего надо упомянуть о первомъ томѣ новаго изданія его «Исторіи упадка и паденія Рима», предпринятаго профессоромъ современной исторіи въ Единбургскомъ университетѣ Д. Бьюри[1]), который написалъ прекрасное предисловіе, имѣющее цѣлью указать на новѣйшія историческія открытія, сдѣлавшія этотъ великій историческій трудъ во многихъ подробностяхъ устарѣлымъ, хотя «въ своемъ

[1]) The history of the decline and fall of the Roman Empire, by E. Gibbon. Edited by S. Bury. I vol. London. 1896.

общемъ цѣломъ онъ все еще остается образцомъ для настоящаго и даже будущаго». Въ видѣ примѣра неудовлетворительности метода Гиббона въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Бьюри указываетъ на смѣшеніе имъ свидѣтельствъ Цезаря и Тацита относительно характеристики германцевъ, тогда какъ Стубсъ, сравнивая ихъ показанія, доказалъ, что въ промежутокъ времени между ними произошло извѣстное развитіе среди германцевъ. Затѣмъ Бьюри обращаетъ вниманіе на критику классическихъ текстовъ, которая сдѣлала громадные шаги даже со времени позднѣйшихъ историковъ, какъ Финлея и Фримана. Съ другой стороны нумизматы открыли столько новаго матеріала, до котораго Гиббонъ и его современники не имѣли малѣйшаго доступа, а Момзенъ и его ученики пролили новый свѣтъ на конституціонную исторію Рима въ первыя времена имперіи. Наконецъ всѣмъ читателямъ книги Гиббона извѣстно, какъ презрительно авторъ относился къ Византіи, исторію которой онъ считалъ «однимъ безконечнымъ рядомъ слабостей и несчастій». Такой взглядъ, по мнѣнію Бьюри, «одинъ изъ самыхъ несправедливыхъ и неправильныхъ сужденій, когда либо высказанныхъ глубокомысленнымъ историкомъ, такъ какъ до 1204 года Византійская имперія была оплотомъ Запада». Но, по его мнѣнію, капитальнымъ недостаткомъ второй части исторіи Гиббона является «неудовлетворительное отношеніе къ славянамъ или скорѣе полное ихъ отрицаніе». Но, подведя итоги всѣхъ неудовлетворительныхъ сторонъ Гиббона, благодаря недостаточности въ его время историческаго матеріала, Бьюри восторженно распространяется о стилѣ величайшаго англійскаго историка, объ его умѣніи создать историческую перспективу и необыкновенномъ искусствѣ обнять свой предметъ, какъ органическое цѣлое. Рядомъ съ новымъ изданіемъ капитальнаго труда Гиббона надо поставить его «автобіографіи»[1]) и «частныя письма»[2]), которыя теперь впервые появились въ полномъ видѣ. То и другое было уже напечатано, но въ сокращенномъ видѣ, при чемъ другъ историка, лордъ Шефильдъ, извлекъ изъ его переписки все, что онъ считалъ наиболѣе интереснымъ, опуская тѣ мѣста, которыя могли быть непріятны современникамъ Гиббона и умалить его личность, а дочь лорда Шефильда, миссъ Гольройдъ, составила мастерской сводъ шести варіантовъ автобіографіи, написанныхъ самимъ Гиббономъ. Въ настоящее время передъ публикой всѣ подлинники, какъ этихъ шести автобіографій, такъ и писемъ, сокращенныхъ или вовсе пропущенныхъ въ извлеченіи его друга, но англійскіе критики единодушно признаютъ, что ничего новаго и драгоцѣннаго эти документы не представляютъ, хотя, конечно, какъ въ варіантахъ автобіографіи, такъ и въ письмахъ, обнимающихъ сорокъ одинъ годъ, т. е. отъ втораго года его студенческой жизни въ Оксфордѣ до смерти въ 1794 г., попадаются интересныя подробности о жизни Гиббона и любопытныя его замѣчанія насчетъ современниковъ. Все это имѣетъ большое значеніе для спеціалистовъ, серьезно изучающихъ Гиббона, но общему читателю вполнѣ достаточно для характеристики историка знать тѣ свѣдѣнія, которыя съ такимъ

---

[1]) The autobiographie of Eduard Gibbon. Edited by S. Murray. London. 1896.

[2]) Private letters of E. Gibbon (1753—1794). Edited by R. Protero. London. 1896. 2 vol.

фильдъ и его дочь. Последнюю Гиббонъ называлъ «самой удивительной изъ молодыхъ женщинъ», и действительно, судя по только что напечатаннымъ ея письмамъ, относящимся до 1776—1796 годовъ[1]), она была замечательной личностью. Она развилась чрезвычайно рано и уже въ 15 летъ читала Мемуары Сюлли, Плутарха, «Жизнь поэтовъ» Джонсона и лучшихъ французскихъ драматурговъ, а потомъ путешествія съ отцомъ по Европе, посещеніе Парижа въ эпоху революціи и дружба съ Гиббономъ, у котораго она долго гостила въ Лозанне съ отцемъ, и который проводилъ немало времени въ ихъ англійскомъ замке, докончили ея образованіе. Поэтому неудивительно, что ея письма служатъ живой, рельефной картиной англійскаго и отчасти континентальнаго общества, сто летъ тому назадъ, и на этомъ интересномъ фоне выделяется съ особымъ блескомъ фигура «великаго Гиба», какъ она всегда называетъ знаменитаго историка. Замечательно, что, выйдя замужъ за лорда Станлея, она прекратила свою обширную переписку съ друзьями; по крайней мере последнее изъ напечатанныхъ ея писемъ писано на второй день после свадьбы. Конечно, эта новая Гиббоновская литература породила целый рядъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ наиболее замечателенъ маленькій очеркъ въ «Academy» о миссъ Гольройдъ подъ заглавіемъ «Самая замечательная молодая женщина»[1]) и обстоятельная, мастерская характеристика Гиббона въ январской книжке «Quarterly Magazine»[2]). Анонимный авторъ последней статьи радуется, что наконецъ «первый историкъ Англіи, а, быть можетъ, всего света», является передъ читателями въ своемъ естественномъ виде, а не въ томъ наряде, которымъ его украсили друзья согласно требованіямъ 1796 года, и рисуетъ широкой кистью его портретъ, какъ писателя и человека. «Гиббонъ, по его словамъ, былъ чемъ-то более историка Рима, онъ былъ литераторомъ большаго калибра и даже еслибъ никогда не напечаталъ ни строчки, то заслуживалъ бы уваженія по своей восторженной преданности знанію и верной идее о томъ, чемъ долженъ быть ученый. По своему скептицизму, любознательности, склонности къ покою, здравому смыслу, добродушію, пристрастью къ древнимъ авторамъ и любви къ античному міру, онъ походилъ на Монтэна. Оба они были слепы, немы и глухи ко всему, что входитъ въ область сверхъестественнаго, которая кажется имъ безуміемъ. Въ полномъ смысле слова Гиббонъ представляется намъ естественнымъ человекомъ—l'homme moyensensuel», но въ немъ не было ничего сатаническаго, а онъ былъ пропитанъ человечностью и обнаруживалъ много пріятныхъ качествъ: привязанность, великодушіе и постоянство въ дружбе». Что же касается до капитальнаго труда, на который онъ посвятилъ двадцать пять летъ жизни, то критикъ Quarterly Review считаетъ его союзомъ между человеческой мыслью, старой и новой, между идеями Греціи и Рима съ одной стороны и современной эпохи съ другой, нечто въ роде сочетанія задуманнаго Александромъ между востокомъ и греческой культурой.

---

[1]) The girlhoad of Marie Jozefsha Holroyd (Lady Stanly of Alderlay) recorded in letters of a hundred years ago. From 1776—1796. Edited by H. Adeane. London. 1896

[2]) Eduard Gibbon. Quarterly Review. January. 1897.

итальянскаго журнала «Vita Italiana» [1]) появилась статья за подписью Карлетта, въ которой проливается новый свѣтъ на одну изъ сердечныхъ идилій Гете, на его любовь къ прекрасной миланкѣ. Какъ извѣстно, великій поэтъ съ своимъ олимпійскимъ величіемъ, страстными порывами, утонченными вкусами и вѣчнымъ непостоянствомъ, легко переходилъ въ своей долговременной жизни отъ одной страсти къ другой—отъ Фредерики Бріонъ къ Шарлотѣ Кестнеръ, отъ Елизаветы Шенкайеръ къ Шарлотѣ Штейнъ, отъ Кристины Вультусъ къ Бетинѣ Брентано, отъ Маріаны Вильмеръ къ Ульрикѣ Монтовъ и Маріи Шимановской. Къ этому длинному списку вдохновительницъ гетевской музы надо теперь отнести Маддалену Риджи, извѣстную до сихъ поръ подъ названіемъ прекрасной миланки. Самъ Гете разсказываетъ этотъ романъ своего сердца въ описаніи его второго путешествія въ Римъ. Онъ начался въ Кастель Гандольфо осенью 1787 года, гдѣ баронъ Миллеръ, какъ называлъ себя добровольный бѣглецъ изъ Веймара, гостилъ съ своимъ другомъ Винкельманомъ у богатаго англійскаго банкира Дженкинса. Однажды онъ увидѣлъ тамъ сестру приказчика банкира, и сразу въ нее влюбился. У этой прекрасной миланки были волосы свѣтло-каштановые, цвѣтъ лица удивительной бѣлизны, глаза черные; кромѣ божественной красоты, она отличалась живостью, веселостью и культурными стремленіями. Въ первомъ разговорѣ съ Гете она выразила пламенное сожалѣніе о недостаточности женскаго воспитанія въ Италіи и воскликнула, что отдала бы все за знаніе англійскаго языка. Поэтъ немедленно предлагаетъ свои услуги, и начинается рядъ уроковъ, въ которыхъ глаза учителя и ученицы говорятъ краснорѣчивѣе словъ. Гете мечтаетъ, надѣется. Но вдругъ сцена измѣняется: онъ случайно узнаетъ, что прекрасная миланка выходитъ замужъ, и предается отчаянію. Однако, по его словамъ, онъ сумѣлъ справиться съ своимъ разочарованіемъ, прекратилъ уроки и, продолжая видѣться съ молодой дѣвушкой, тщательно скрывалъ свою любовь. Но, вернувшись изъ Кастель-Гандольфо въ Римъ, Гете узнаетъ, что бракъ разстроился, и снова надежда блеснула въ сердцѣ поэта, но и второму акту этой идиліи было суждено отуманиться новымъ разочарованіемъ. Не успѣлъ онъ снова воспылать страстью къ юной красавицѣ, какъ она опасно заболѣла отъ горя, что женихъ ее покинулъ. Два раза въ день навѣдывался онъ насчетъ ея здоровья и не принималъ участья въ экскурсіяхъ своихъ друзей, чтобъ не удалиться изъ Рима, гдѣ умирала его возлюбленная. Она выздоровѣла, и на слѣдующій годъ во время Римскаго карнавала Гете случайно увидалъ ее въ экипажѣ извѣстной художницы Анжелики Кауфманъ, съ которой находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Предметъ его любви нисколько не измѣнился и сохранилъ свою прежнюю прелесть. Анжелика Кауфманъ отъ ея имени поблагодарила поэта за его вниманіе во время ея болѣзни, а она сама молча протянула ему руку, но онъ не посмѣлъ прикоснуться къ ней губами. Эпилогъ этой идиліи напоминаетъ исторію Германа и Доротеи. Гете разсказываетъ, что, выходя изъ дома прекрасной ми-

[1]) L'Idilia della Bella Milanaia, di Carletta. Vita Italiana, № I.

ланки, послѣ прощальнаго къ ней визита наканунѣ его отъѣзда изъ Рима,
не нашелъ на улицѣ кучера своего экипажа, и пока за нимъ бѣгалъ какой
мальчишка, онъ обернулся и увидалъ въ окнѣ нижняго этажа ее. «Вы
дите;—сказалъ онъ:—я не могу отъ васъ оторваться; я разлучаюсь съ
помимо своей воли». «Что она мнѣ отвѣтила,—прибавляетъ онъ:—что я
разилъ, и что вообще мы сказали другъ другу въ этой граціозной, свобод
бесѣдѣ, вполнѣ обнаружило тайныя чувства влюбленныхъ, которые зна
что никогда болѣе не увидятся. Я не стану святотатствовать, передавая
слова; это была лаконическая исповѣдь, возбужденная случайностью и
нымъ искреннимъ чувствомъ, нѣжнымъ и цѣломудреннымъ. По этой
причинѣ память о ней никогда не исчезла изъ моей головы и сердца». Во
все, что Гете говоритъ о своей прекрасной миланкѣ, которую онъ никогда
не называлъ ея настоящимъ именемъ. Долго его біографы не могли разгадать
этой тайны, и только въ 1890 году въ пятомъ томѣ изданія Гетевскаго общества
были напечатаны два письма къ Гете Карло Риджи и Анжелики Кауф-
манъ, въ которыхъ упоминается о сестрѣ Риджи, Маддаленѣ, которая вышла за-
мужъ за богатаго фабриканта Вульпато. Наведенные на слѣдъ таинственной
миланки, Адольфъ Штейнъ въ Германіи и Карлетта въ Италіи стали ревностно
доискиваться правды и наконецъ возстановили достовѣрную исторію. Ее звали
Маддалена Риджи, она родилась въ Миланѣ 29 ноября 1765 года и, оставшись
сиротой, поселилась у брата въ Римѣ, въ Веккю Порто. Кромѣ того, найденъ,
благодаря розыскамъ Карлетта, ея портретъ, написанный Анжеликой Кауф-
манъ, когда ей было тридцать лѣтъ, то-есть послѣ ея идиліи съ Гете. Изъ
дальнѣйшей жизни Маддалены извѣстно, что она вышла замужъ за Вульпато,
имѣла отъ него шесть сыновей, а послѣ его смерти вторично обвѣнчалась съ
управляющимъ его фабрики, Франческо Жипучи, которому также подарила
двухъ дѣтей. «Прекрасная миланка,—говоритъ Карлетта, оканчивая свой лю-
бопытный очеркъ:—столь прелестная въ 22 года, умерла шестидесяти лѣтъ
честной матроной, имѣвшей на своей совѣсти двухъ мужей и восьмеро дѣтей,
носившей очки и нюхавшей табакъ, а въ это время Гете, все такой же олим-
піецъ, какъ прежде, вступилъ въ семидесятый годъ своей жизни и начиналъ
послѣднюю свою идилію съ польской піанисткой Маріей Шимановской».

— Юбилеи Шуберта и Леопарди. 31-го января, Вѣна торжественно праздновала столѣтній юбилей знаменитаго композитора Франца Шуберта, и западная журналистика на всѣ лады воспѣваетъ ему диѳирамбы. Наиболѣе замѣчательны статьи о немъ чешскаго композитора Дворака въ «Vie Contemporaine» [1]), Фридлендера въ «Deutsche Rundschau» [2]), Вельти въ «Nation» [3]), Валлашека въ «Zeit» [4]) и анонимнаго автора въ «Pall-Mall-Gazette [5]). Всего

[1]) Le Centenaire de Schubert, par Dvorak. Vie Contemporaine. 1 février.

[2]) Franz Schubert, zur seinem Geburtstage, von Max Friedländer. Deutsche Rundschau. Februar.

[3]) Franz Schubert, von H. Welti. Nation. Februar.

[4]) Franz Schubert, von R. Ballaschek. Zeit. 30 Januar.

[5]) Franz Schubert. 31 January 1897. Pall-Mall-Gazette. 30 January. 1897.

торженнѣе отзывается о юбилярѣ Дво
ракъ, который считаетъ, что онъ ока-
лъ громадное вліяніе на лирическую музыку, придавъ драматическій живо-
зный элементъ своимъ пѣснямъ и балладамъ, произвелъ революцію въ цер-
зной музыкѣ и создалъ въ своихъ Impromtus и Moments короткія пьесы,
торыми Мендельсонъ и Шуманъ, слѣдуя его примѣру, замѣнили классическія
нааты. Что касается до жизни Шуберта, умершаго на 31 году, то ее пре-
асно резюмируетъ въ нѣсколькихъ словахъ Рихардъ Валлашекъ: «въ про-
пженіе всего своего существованія онъ былъ бѣденъ, неизвѣстенъ, никѣмъ
признаваемъ, всѣми отвергнутъ, недопущенъ до тѣхъ высокихъ положеній,
которымъ онъ былъ призванъ своимъ геніемъ, и которыя были заняты
ггриганами и бездарностями. Царь въ области искусства, онъ былъ нищимъ
еди людей. Когда онъ умеръ отъ нищеты, то его вещей было продано съ
бличнаго торга на 60 флориновъ, и на протоколѣ продажи аукціонистъ при-
вилъ: «еще связка рукописныхъ нотъ, которая можетъ стоить 10 флориновъ
цѣнѣ бумаги», а въ этой связкѣ были всѣ сочиненія Шуберта, большая
асть которыхъ тогда еще не была издана. Болѣе подробно разсказываетъ
ридлендеръ о борьбѣ за существованіе Шуберта, который, происходя отъ бѣд-
ыхъ родителей, школьнаго учителя и поселянки, всю свою кратковременную
изнь провелъ въ усиліяхъ добыть себѣ кусокъ хлѣба то музыкантомъ въ
еатральномъ оркестрѣ, то учителемъ музыки въ аристократическихъ домахъ,
дѣ ему платили менѣе, чѣмъ лакею, только передъ смертью онъ далъ съ гро-
аднымъ успѣхомъ свой первый концертъ, а второй уже состоялся для сбора
енегъ на его похороны. Что касается до его музыкальныхъ сочиненій, то за
ихъ издатели платили гроши, именно по флорину за его знаменитыя «Lieder»,
эти «Lieder», числомъ до 600, теперь считаются образцемъ музыкальнаго
ворчества и ставятъ ихъ автора на одно изъ первыхъ мѣстъ среди музыкаль-
ыхъ композиторовъ. Несмотря на его скромность и застѣнчивость, нѣкоторые
зъ біографовъ Шуберта приписали ему романическую любовь къ юной дочери
рафа Естергази, въ домѣ котораго онъ былъ музыкальнымъ учителемъ, но,
о всей вѣроятности, это плодъ ихъ фантазіи. Впрочемъ и его сердцу было до-
тупно нѣжное чувство любви, но предметомъ его была дочь не графа, а бѣд-
наго учителя. Онъ самъ очень характерно разсказалъ объ этомъ эпизодѣ своей
жизни одному изъ немногихъ своихъ друзей Потенбреннеру, отрывки изъ воспо-
минаній котораго о Шубертѣ приводитъ въ своей статьѣ Фридлендеръ: «од-
нажды на мой вопросъ, любилъ ли онъ когда нибудь, Шубертъ, всегда очень
холодно относившійся къ женщинамъ, отвѣчалъ: «да я, любилъ и меня лю-
били. Предметъ моей страсти была дочь учителя. Она была немного моложе
меня и пѣла соло въ одной изъ моихъ пьесъ такимъ ангельскимъ сопрано,
что душа моя была глубоко потрясена. Она не отличалась красотой, и лице ея
было покрыто веснушками, но я никогда не видывалъ такого добраго суще-
ства. Я три года ухаживалъ за нею, и мы все ждали возможности жениться,
но по несчастью я не имѣлъ возможности добыть средства къ жизни вдвоемъ,
и наконецъ родители выдали ее за человѣка богаче меня. Я былъ въ отчаяніи,
люблю ее до сихъ поръ и не встрѣчалъ потомъ ни одной женщины, которая
бы мнѣ понравилась».

Въ то время какъ Германія коментируетъ совершившійся юбилей Шуб[...] Италія приготовляется праздновать столѣтнюю годовщину рожденія своего [ве]ликаго поэта Леопарди. Хотя этотъ юбилей наступитъ только 29 іюня будущ[аго] года, но уже теперь вся страна и въ особенности его родина Реканати дѣла[етъ] большія приготовленія къ устройству достойнаго торжества въ честь вдохно[] вителя итальянскаго патріотизма, создавшаго свободную, единую, независи[мую] Италію. Итальянская печать заранѣе выясняетъ ту громадную роль, котор[ую] Леопарди играетъ въ исторіи своей родины, и никто такъ краснорѣчиво, так[ъ] горячо не воздаетъ ему справедливости, какъ первый итальянскій поэтъ нашихъ дней Кардучи въ статьѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ «Nuova Antologia»[1]. Въ самомъ началѣ своего блестящаго очерка, онъ влагаетъ въ уста Леопарди слѣдующій гнѣвный протестъ, лучше всего характеризующій значенье подготовляющагося юбилея: «О жестокіе люди, зачѣмъ вы празднуете день моего рожденья, который былъ началомъ всѣхъ моихъ страданій? Для меня было бы лучше, если-бъ я никогда не существовалъ, но, конечно, не для васъ. Празднуйте, празднуйте, мои соотечественники: патеры и учителя, доктора и ученые, мужчины и женщины, вы всѣ безсознательныя орудія ложной, пустой, жестокой итальянской распущенности; вы издѣвались надъ данной мнѣ Богомъ возвышенной, благородной душей и надъ даннымъ мнѣ природою умомъ, позволившимъ мнѣ усмотрѣть пламя доброй истины, заключающейся въ глубинѣ человѣка; вы не признали моей души, вы растоптали ее подъ своими ногами какъ виноградъ и маслины для производства вина и масла, а виномъ моей крови и масломъ моего мозга вы утолили мою жажду и голодъ. Я предаю себя на новыя терзанія, я—жертва итальянскаго рабства. Радуйтесь и будьте свободны, если можете, но, чтобъ быть свободными, необходимо ненавидѣть зло и свергнуть его иго, ненавидѣть и уничтожить ложь, суетность и низость мысли, что развратило вашихъ отцевъ». Чтобъ понять эту вдохновенную прозопопею Кардучи, надо вспомнить, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія все прогрессивное освободительное движеніе Италіи воплотилось въ Леопарди, который двадцати лѣтъ занялъ мѣсто среди величайшихъ лириковъ, а тридцати-девяти умеръ, указавъ своими пламенными Canti путь къ свободѣ и независимости родины, согбенной подъ игомъ чужеземцевъ и патеровъ. Вся послѣдующая борьба Италіи за существованіе ведена была подъ звуки его поэзіи, и когда наконецъ побѣда была одержана, то благодарное отечество воздвигло памятникъ великому поэту, который будилъ народное сознаніе и создалъ то національное движеніе, которое, по словамъ Кардучи, доказало всему міру, какой идеальной силой была одарена столько много выстрадавшая, столь долго попранная Италія.

— Письма графа Стефана Сечени о кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. Венгерская академія уже много лѣтъ занята изданіемъ переписки, дневника, рѣчей и вообще бумагъ своего основателя графа Стефана Сечени. Личность этого государственнаго человѣка, которому въ сущности современная Венгрія обязана своимъ существованіемъ, освѣщена теперь со всѣхъ сторонъ

---

[1]) Jiakomo Leopardi, di P. Carducci. Nuova Antologia. 1897. № 1.

тими многочисленными изданіями, и, пользуясь ими, можно вполнѣ уяснить ебѣ, какъ приготовился Сечени къ своей политической роли и какъ успѣшно азыгралъ ее съ 1825 года до 1848 въ своей лихорадочной дѣятельности, имѣвшей цѣлью превратить средневѣковую феодальную страну въ современное емократическое государство. Какъ извѣстно, воскресивъ и преобразовавъ свою родину политически, экономически и литературно, онъ долженъ былъ уступить первенство Кошуту, и пораженный революціоннымъ потокомъ 1848 года онъ сошелъ съ ума и умеръ въ больницѣ въ Деблингѣ. Конечно, большая часть трудовъ венгерской академіи посвящена главной эпохѣ въ жизни Сечени, но недавно вышедшій томъ его писемъ къ родственникамъ отъ 1809 до 1819 года, знакомитъ съ малоизвѣстной его молодостью, проведенной блестящимъ гусарскимъ офицеромъ въ рядахъ австрійской арміи, боровшейся съ Наполеономъ. Ж. Кантъ знакомитъ читателей «Revue du Revue» отъ 15 февраля съ тѣми изъ этихъ писемъ, которыя относятся къ кампаніямъ 1813 и 1814 г.г. [1]), какъ имѣющими наибольшій интересъ. Въ эту бурную эпоху онъ состоялъ при князѣ Шварценбергѣ, котораго онъ превозноситъ до небесъ.

— Жизнь турецкаго султана въ Ильдызѣ. Въ послѣднемъ номерѣ Contemporary Review за прошедшій годъ помѣщенъ любопытный очеркъ того, какъ проводитъ время султанъ Абдулъ-Хамидъ въ Ильдызъ-Кіоскѣ[2]), на которомъ теперь сосредоточено вниманіе всего свѣта, благодаря событіямъ на востокѣ. Авторъ статьи, Диранъ Килекьянъ, повидимому, близко знакомъ съ тѣмъ, что онъ описываетъ, и его разсказъ отличается живой рельефностью. «Свѣтаетъ, значитъ, нашъ повелитель ляжетъ спать», вотъ какъ привѣтствуетъ ежедневно утреннюю зорю дежурный адъютантъ султана у дверей его личныхъ покоевъ. Дѣйствительно, со времени своего восшествія на престолъ Абдулъ-Хамидъ II никогда не спитъ, пока темно, изъ боязни покушенія на его жизнь. Среди долгихъ часовъ ночи въ его покояхъ постоянное движеніе: онъ то слушаетъ полицейскія донесенія, то присутствуетъ за занавѣсью на допросѣ какой нибудь подозрительной личности, то читаетъ спѣшный докладъ, то наконецъ читаетъ романы Монтепена или Буагобэ, но во всякомъ случаѣ не смыкаетъ глазъ до свѣта, такъ мало онъ довѣряетъ своей охранѣ, хотя снаружи и внутри многочисленныхъ зданій Ильдыза дежурятъ сотни албанцевъ и солдатъ, и никто не знаетъ, въ какомъ зданіи и въ какомъ покоѣ ночуетъ султанъ. Впрочемъ и заснувъ Абдулъ-Хамидъ отдыхаетъ недолго. Встаетъ въ 8 часовъ, тотчасъ одѣвается и послѣ утренней молитвы пьетъ кофе съ масломъ и яйцами, причемъ кофе поставляется ему мекскимъ шерифомъ изъ Іемена. Потомъ онъ принимается за дѣло, и дежурный камергеръ представляетъ ему переданныя первымъ секретаремъ бумаги: назначеніе, передвиженіе и т. д.; затѣмъ идутъ доклады, присланные отъ великаго визиря и министровъ, донесенія изъ провинцій и пр. Камергеръ объясняетъ вкратцѣ содержаніе каждой бумаги, и султанъ произноситъ: «приказалъ», или согласенъ; но подпись-

---

[1]) Le comte Etienne Scechenyi à l'armée des allié, par J. Kant. Revue des Revues. 15 fevrier.

[2]) Life of Zeldiz by Diran Kelekian. Contemporary Review. December. 1896.

ваетъ «да будетъ исполнено» только на главнѣйшихъ документахъ, а остальные снабжаются подписью камергера, служащаго посредствующимъ лицомъ между султаномъ и администраціей. Когда онъ кончаетъ всѣ порученныя ему дѣла, то удаляется, и его замѣняетъ другой камергеръ съ бумагами по иностраннымъ дѣламъ, среди которыхъ значительное мѣсто занимаютъ донесенія консуловъ о томъ, что дѣлается за границей и въ иностранныхъ посольствахъ въ Константинополѣ. Все это занимаетъ не менѣе полугора часа, и затѣмъ начинается докладъ о посѣтителяхъ: министрахъ и высокопоставленныхъ лицахъ, которые обыкновенно передаютъ то, что имѣютъ сказать султану, двумъ камергерамъ, первому секретарю и любимцу султана, Ирзу-Бею, но иногда онъ и самъ принимаетъ нѣкоторыхъ изъ явившихся во дворецъ лицъ. Въ 11 часовъ Абдулъ-Хамидъ садится за завтракъ, который обыкновенно состоитъ изъ бульона и двѣнадцати блюдъ, до которыхъ онъ едва прикасается, такъ мало ѣстъ теперешній султанъ, тогда какъ Абдулъ-Азисъ отличался обжорствомъ. Надо замѣтить, что всѣ кушанья для султана приготовляются на особой кухнѣ подъ строгимъ надзоромъ спеціальнаго чиновника, Османи-Бея, который отпускаетъ ихъ съ кухни въ запечатанныхъ блюдахъ, которыя распечатываются при султанѣ; кромѣ того, передъ тѣмъ, какъ прикасается Абдулъ-Хамидъ, ихъ отвѣдываетъ другой придворный чиновникъ. Въ случаѣ присутствія за султанской трапезой иностранныхъ пословъ, эти предосторожности отъ отравы принимаются предварительно, а не на глазахъ гостей. Послѣ завтрака султанъ почиваетъ и въ три часа встаетъ, слушаетъ полицейскіе доклады, принимаетъ придворныхъ и духовныхъ особъ, а затѣмъ до вечера онъ гуляетъ и катается по обширному парку Ильдызъ-Кіоска въ экипажѣ, верхомъ или на электрической лодкѣ, безшумно снующей по прудамъ, а также посѣщаетъ своихъ женъ и многочисленныя мастерскія, изъ которыхъ онъ особенно долюбливаетъ столярную, такъ какъ по традиціи каждый султанъ долженъ знать какое нибудь ремесло, и Абдулъ-Хамидъ очень искусный столяръ. Въ различныхъ зданіяхъ дворца и парка у султана по крайней мѣрѣ пятьдесятъ кабинетовъ, и никто не знаетъ, гдѣ онъ находится въ данное время; входитъ въ одну дверь и выходитъ въ другую, тогда какъ всѣ увѣрены, что онъ сидитъ въ означенной комнатѣ. За нимъ слѣдуютъ всегда тѣлохранители, а албанцы дежурятъ у дверей пяти или шести покоевъ, предшествующихъ тому, гдѣ онъ въ данную минуту. Кромѣ того, говорятъ, всякій покой снабженъ тайными выходами, извѣстными только ему одному. Наконецъ его охраняютъ не только люди, но и великолѣпныя сенъ-бернардскія собаки, до которыхъ Абдулъ-Хамидъ большой охотникъ. Ильдызъ-Кіоскъ съ его громаднымъ паркомъ и безчисленными зданіями составляетъ уже девятнадцать лѣтъ резиденцію султана, который не довѣряетъ Чераганскому дворцу и превратилъ Ильдызъ въ укрѣпленный лагерь, въ гигантскую паутину, въ лабиринтѣ котораго онъ играетъ роль паука. Чтобъ судить о томъ, какую громадную и сложную машину представляетъ Ильдызъ, достаточно сказать, что всѣхъ лицъ, служащихъ тамъ, 12,000, въ томъ числѣ 30 камергеровъ, тридцать генералъ-адъютантовъ, 50 флигель-адъютантовъ, 100 секретарей, 60

кторовъ, 50 егерей, 30 птицелововъ, 1000 камеръ-лакеевъ, 400 поваровъ, 300 женщинъ гарема, пятьдесятъ духовныхъ лицъ, двѣсти албанскихъ щиковъ и т. д. Въ настоящее время повелителю правовѣрныхъ 54 года; онъ дняго роста и слабаго тѣлосложенія, лице его свидѣтельствуетъ красночиво о вырожденіи, глаза у него всегда испуганные, лобъ узкій, носъ гродный, говоритъ онъ очень громко, повелительно; онъ не терпитъ противочія, очень жестокъ, вспыльчивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятенъ, окружаетъ бя слѣпыми орудіями своихъ капризовъ и неограниченно самоуправляетъ сударствомъ, такъ что отвѣтственность за все, что совершается въ Турціи, даетъ лично на него.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ старыхъ бумагъ [1]).

II.

Маскарадная афишка 1770 года.—Фальсификація виноградныхъ винъ въ старину.—Рецептъ стариннаго меду.—Оригинальный рецептъ исцѣленія отъ чахотки.—Изъ тайнъ стариннаго помѣщичьяго хозяйства.—Мѣра оброчнаго обложенія крѣпостнаго тягла.—Штатъ помѣщичьей дворовой челяди.—Письма барыни къ своему старостѣ.

ДНИМЪ изъ любимѣйшихъ столичныхъ общественныхъ удовольствій въ прошломъ столѣтіи были маскарады. Большимъ до нихъ охотникомъ былъ, какъ извѣстно, Петръ Великій, лично принимавшій, вмѣстѣ съ Екатериной, дѣятельное участіе въ этой потѣхѣ. При немъ маскарады носили офиціальный и даже, можно сказать, государственный характеръ. Рядиться и участвовать въ маскарадахъ обязаны были всѣ безъ изъятія сановныя и чиновныя лица обоего пола. Уклоненіе отъ этой повинности штрафовалось, на лучшій еще конецъ, знаменитымъ «орломъ», то есть, виновные обязаны были выпить эту огромную чару, наполненную водкой, и отъ этой кары не освобождались даже дамы.

Охотницей была рядиться и участвовать въ маскарадахъ также императрица Елисавета Петровна, но при ней, кромѣ придворныхъ, офиціальныхъ маскарадовъ, стали устраиваться и партикулярные по почину частныхъ антре-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 750.

ьенеровъ. Особенно славились въ елисаветинское время маскарады извѣстнаго окателли, содержателя балетнаго театра. На нихъ собиралась вся столичная нать, бывала изрѣдка и сама императрица.

Въ царствованіе Екатерины II, особенно подъ конецъ его, придворные маскарады становятся все рѣже; за то публичные частные, «вольные», какъ ихъ огда называли, умножаются, благодаря предпріимчивости разныхъ увеселителей, вызванной, конечно, падкостью тогдашней публики къ этого рода азвлеченію.

Въ моихъ старыхъ бумагахъ имѣется на четвертушкѣ отпечатанная порусски и понѣмецки типичная афишка слѣдующаго содержанія:

«1770 году октября 31 дня, то есть въ Воскресеніе, будетъ вольной Маскерадъ на Невской Першпектив(ѣ)ой въ Кафейномъ домѣ Господина Генералъ-Порутчика Овцына. За входъ платить будутъ съ каждой персоны по одному рублю, а ежели кто пожелаетъ ужинать, то платить съ каждой персоны еще по 75 копѣекъ, въ томъ числѣ полбутылки вина ординарнаго краснаго или бѣлаго, и полпива.

«И во время Маскераду кто пожелаетъ кофей, чай, шиколату и вины всякія и конфекты разныя, то достать можно за умѣренную цѣну.

«Начало будетъ пополудни въ 6 часовъ неотмѣнно.

«Содержатели онаго(?), господа Ронхи и Гротъ, стараться будутъ всевозможнымъ образомъ о увеселеніи и удовольствіи Публики».

Разумѣется, у генералъ-порутчика Овцына не было кофейнаго дома; очевидно, въ его домѣ только помѣщалась кофейня, содержатели которой, Ронхи и Гротъ, поддерживали свою коммерцію устройствомъ «вольныхъ» маскарадовъ. Эпитетъ «вольный» весьма характеристиченъ въ историческомъ отношеніи. Въ екатерининскіе дни онъ неизмѣнно афишируетъ всѣ почти частныя публичныя учрежденія. Были «вольные» театры, «вольныя» типографіи, «вольные дома», то-есть, гостиницы, и т. д., включительно до «вольныхъ» маскарадовъ и баловъ. «Вольный», въ отличіе отъ казеннаго, офиціальнаго, былъ терминъ юридическій, возникшій законодательнымъ порядкомъ, и его возникновеніе обусловливалось, сравнительно, значительнымъ уже развитіемъ общественности. Въ то время, какъ при Петрѣ Великомъ и позже всѣ такого рода учрежденія были почти исключительно созданіемъ государственной инициативы, и публика привлекалась къ нимъ принудительно, въ видѣ какъ бы особой повинности [1],— въ царствованіе Екатерины II общество настолько уже созрѣло и вошло во вкусъ этихъ европейскихъ формъ общежитія, что открылась возможность существованія подобныхъ учрежденій «вольныхъ», безъ правительственнаго почина и вмѣшательства.

Нельзя не обратить вниманія на дешевизну угощенія, предполагавшагося обязательными антрепренерами «вольнаго» маскарада, о которомъ идетъ рѣчь. За 75 копѣекъ ужинъ съ полубутылкою французскаго, хотя бы и «ординарнаго» вина,—вещь немыслимая въ настоящее время въ самомъ даже плохенькомъ петербургскомъ ресторанѣ!

---

[1] Еще при Елисаветѣ Петровнѣ практиковалось принужденіе. Сохранилось именное повелѣніе императрицы — штрафовать 50-ю рублями тѣхъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору, лицъ, которыя уклонялись отъ посѣщенія придворныхъ спектаклей.

Впрочемъ, что касается дешеваго виноградваго вина, фабрикаціей которагo славятся въ наши дни кашинскіе и иные винодѣлы, то тайна его фальсификаціи была хорошо извѣстна и въ то доброе старое время.

Въ имѣющейся у меня старинной тетради разныхъ хозяйственныхъ рецептовъ, писанной въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, приведены, между прочимъ, «статьи» о дѣланіи различныхъ иностранныхъ виноградныхъ винъ общедоступнымъ домашнимъ способомъ. Привожу наиболѣе курьезныя изъ нихъ.

Въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «О наливныхъ винахъ» (то-есть, о поддѣльныхъ), записаны слѣдующіе, безподобные по своей наивности и доброй вѣрѣ рецепты «дѣланія» венгерскаго и шампанскаго винъ:

«Возьми изюму бѣлаго цареградскаго, напримѣръ, пудъ, истолки оный въ иготи, потомъ положи въ бочку анталову, налей бѣлымъ французскимъ молодымъ виномъ, положи въ бочку дрожжей венгерскаго вина, поставь оное вино въ погребѣ на годъ или лутче зарыть въ землѣ такъ глубоко, чтобъ морозъ не досталъ, розлей въ бутылки—будетъ венгерское вино».

«Возьми молодаго французскаго вина, напримѣръ, бутылку такова, которое было бы бѣло; положи въ оную бутылку чайную ложку порошку, называемаго криморъ-тартари, и лотъ сахару бѣлаго, кѣ(а)нарскаго, закупори крѣпко и завяжи, а потомъ засмоли и дай стоять годъ въ обыкновенномъ винномъ погребѣ—будетъ шампанское; когда жъ желаешь, чтобъ скорѣй было ко употребленію готово, положи жженныхъ квасцовъ столовую ложку».

Эти рецепты выписаны изъ «Экономическаго наставленія дворянамъ, крестьянамъ-поварамъ и поварихамъ», сочиненнаго въ 1773 году Сергѣемъ Друковцовымъ. Но вотъ «нижеписанныя статьи, записанныя со словъ» авторомъ тетради.

О ДѢЛАНІИ ШАМПАНСКАГО ВИНА

подорожѣ.

«Взять виноградваго бѣлаго вина самаго крѣпкаго одинъ штофъ, березоваго соку одинъ же штофъ; положи туда горсть изюму, горсть сахару леденцу толченаго, поташу двѣ лошки столовыхъ; смѣшая всіо вмѣстѣ, влить въ крѣпкой дубовой боченокъ, на которомъ бы были обручики желѣзныя, зарыть его въ землѣ, и чѣмъ больше стоять будетъ, тѣмъ лутче, а можно, по нуждѣ, употреблять и черезъ мѣсяцъ.

О ДѢЛАНІИ ШАМПАНСКАГО ВИНА

подешевлѣ.

«Нагнать березоваго соку и онаго соку положить двѣ части, а третью часть простаго, то есть горячаго вина; и въ тотъ, смѣшанной съ виномъ, сокъ положить горсть изюму и двѣ столовыя лошки поташу, налить въ крѣпкой дубовой боченокъ такой же, какъ и выше показано, и зарыть въ землю по тому жъ показанію».

Какъ бы въ оправданіе классическаго афоризма: «Руси веселіе есть пити, не можетъ безъ того быти», обозрѣваемая тетрадь особенно изобилуетъ рецептами «дѣланія» разныхъ крѣпкихъ напитковъ какъ поддѣльныхъ, такъ и настоящихъ, національно-русскихъ, включительно до медовъ и квасовъ, которыми славилась наша хлѣбосольная старина, и секретъ которыхъ въ настоящее время почти утерянъ.

Говорятъ, покойный историкъ Н. И. Костомаровъ какъ-то, въ порывѣ археологическаго вдохновенія, вздумалъ возстановить этотъ секретъ и самъ занялся изготовленіемъ старыхъ русскихъ медовъ, которыми и потчевалъ потомъ пріятелей на своихъ вечерахъ. Примѣръ его остался, кажется, безъ подражанія. Приводимъ здѣсь на охотниковъ изъ нашей тетради рецептъ приготовленія знаменитаго меда-липца.

«Возьми кадку бѣлаго меду, положи въ котелъ; тою же кадкою налей воды, и будетъ сколько меду, столько воды; дай кипѣть часъ, влей въ кадку изъ котла, простудя, положи дрожжей и, какъ закиснетъ, влей водки французской или русской четверть той кадки, въ чемъ медъ былъ; потомъ возьми хмѣлю—мѣрою въ ту жь кадку и вари въ водѣ той же мѣры до того времени, пока хмѣль весь потонетъ; влей въ тотъ квашеной медъ совсѣмъ воду съ хмѣлемъ и дай еще киснуть сутокъ трои, и какъ медъ потеряетъ всю свою сласть, тогда возьми еще свѣжева меду толикое жь число и воды столько жь, и вари, пока вода вся выкипитъ, а останется меду столько, сколько положилъ, простудя и подсласти свой медъ и какъ здѣлается великой шумъ, станетъ снова киснуть, тогда сливай въ бочку, на которой должны быть хорошіе желѣзные обручи съ двойнымъ дномъ, и поставить въ ледъ,—будетъ черезъ годъ называемой липецъ».

Послѣ «статей» о напиткахъ наибольшее мѣсто въ тетради занимаютъ рецепты отъ разныхъ болѣзней. Всего оригинальнѣе и курьезнѣе «новой способъ (лѣченія) отъ сухотныхъ грудныхъ болѣзней» (то-есть, отъ чахотки), сообщенный ландграфиней гессенъ-дармштадтской «нѣкоторой госпожѣ фонъ-Реденъ» ко всеобщему свѣдѣнію. Открытіе сдѣлалъ какой-то больной офицеръ, который «послѣ сильнаго насморка харкалъ кровію и чувствовалъ сильные грудные припадки». Это, однако, не мѣшало ему питать нѣжную слабость къ вину, которая его и спасла. Однажды онъ приказалъ слугѣ перелить вино изъ боченка въ бутылки, которыя, съ отеческой заботой, собственноручно закупоривалъ и засмаливалъ смолой, растопленной на угольяхъ съ желтымъ воскомъ въ равныхъ пропорціяхъ. «По закупореніи своихъ бутылокъ почувствовалъ онъ въ груди облегченіе и свободно харкать началъ. Тогда ему на мысль пришло, что можетъ быть чадъ (отъ смолы съ воскомъ) причинилъ ему поправленіе». Догадливый офицеръ рѣшился сдѣлать опытъ en grand. Онъ заперся наглухо въ комнатѣ и, разведя жаровню съ означенными «припасами», ходилъ въ дыму туда и сюда. «Сіе продолжалъ онъ дни четыре и наконецъ совсѣмъ выздоровѣлъ». Чудесное открытіе было сообщено полковому врачу, который, послѣ нѣкотораго колебанія, подвергъ этому же лѣченію умиравшаго въ госпиталѣ солдата со сгнившими легкими. «Больной сперва не больше какъ нѣсколько минутъ сносить могъ сей чадъ, потомъ началъ мало-по-малу оправляться и черезъ шесть недѣль совсѣмъ выздоровѣлъ». «Сіе средство,—заключаетъ авторъ,—въ разныхъ мѣстахъ испытано было съ весьма удачнымъ успѣхомъ. Какъ оно, само по себѣ, просто и съ опытомъ никакая не сопряжена опасность (?), то конечно заслуживаетъ, чтобъ его повсюду учинить извѣстнымъ»...

По всему нужно заключить, что тетрадь составлялась деревенскимъ жителемъ, помѣщикомъ, а, по ея заношенности, видно, что она была въ частомъ употребленіи. Это, въ своемъ родѣ, энциклопедія сельско-хозяйственнаго и до-

машняго обихода средней помѣщичьей руки, включительно до способовъ выводить тараканов. Въ этомъ отношеніи рукопись очень характеристична и любопытна. Наибольшій интересъ представляетъ въ ней проспектъ или программа добраго помѣщичьяго хозяйства, съ практическими наставленіями и цифровыми расчетами.

«Всякому помѣщику,—такъ начинается эта статья,—должно имѣть на пашнѣ деревни въ одномъ мѣстѣ, чтобъ всю экономію могъ видѣть, а прочія (деревни) имѣть на оброкѣ по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ. Ежели же помѣщикъ по случаю не можетъ самъ своей экономіи видѣть за отлучкою, то отдавъ всю землю и всякія угодія крестьянамъ, пользу себѣ получить симъ положеніемъ полезнѣе, нежели заочно содержать прикащика или старосту».

Вслѣдъ за этимъ наставленіемъ идетъ подробная и очень любопытная смѣта—сколько «съ каждаго тягла, то есть съ мужа съ женою, получать должно», вѣроятно, при вышеозначенномъ оброчномъ положеніи.

Полученіе разбито на два срока—«по первому зимнему пути» и «послѣднему зимнему пути», именно: 1) сѣна луговаго зеленаго—50 пудовъ; ржи или муки чистой—2 четверти; овса или ячменю—4 четверти; крупъ, конопель, картофелю по 1-му четверику; масла пахтаннаго соленаго, коровьяго 20 фунтовъ; масла конопляннаго 1 штофъ; сукна сѣраго 5 аршинъ; холста льнянаго 5 аршинъ, холста посконнаго 5 аршинъ; свинаго мяса $^1/_2$ пуда; утокъ живыхъ 1 пару. 2) По послѣднему зимнему пути съ каждаго тягла требовалось: индѣйскихъ куръ живыхъ 1 пару; русскихъ куръ 3 пары, яицъ 20, творогу 10 фунтовъ, сметаны 5 фунтовъ.

Этимъ еще далеко не кончалось обложеніе крѣпостнаго тягла. Весною съ него требовалась доставка помѣщику полсажени дровъ водою «гдѣ можно», да лѣтомъ, къ 1-му іюля: кладенаго барана 1, яицъ 30, гусей 1 пару и цыплятъ русскихъ 5. Затѣмъ, слѣдовалъ весьма существенный и самый, безъ сомнѣнія, тяжелый денежный оброкъ. «Ежели,—читаемъ далѣе,—довольно земли, луговъ и лѣсовъ—такъ, чтобъ не менѣе было на каждое тягло въ полѣ 3-хъ десятинъ мужу съ женою, то за все вышеписанное (то-есть, взамѣнъ) въ состояніи заплатить будетъ каждое тягло безъ тягости (?) въ годъ помѣщику 10 рублевъ; а гдѣ земли менѣе, то по сему разчисленію съ тягла брать оброкъ (натурой?). Лѣтомъ и осенью,—говорится въ заключеніе,—крестьянъ отъ работы отлучать не надлежитъ не токмо съ подводами, ниже пѣшихъ, что худые экономы (помѣщики) часто дѣлаютъ... Конецъ желаніямъ нашимъ ненасытнымъ въ свѣтѣ и главной пунктъ—деньги; но не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ, и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, не скорбитъ о томъ и не жалѣетъ, а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по пропорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить, и честь свою тѣмъ хранить, и быть собою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домѣ не пускать»...

Къ вящшему утвержденію этой немудрящей помѣщичьей этики въ тетради предложена любопытная «препорція содержанія дому отъ 3.000 рублевъ доходу въ годъ: сколько имѣть дворовыхъ людей и какихъ чиновъ?»

Штатъ, оказывается, порядочный: «Въ домѣ первой человѣкъ камердинеръ—1, помощникъ его—1, поваръ—1, ученикъ его—1, кучеръ—1, фор-

...теръ—1, лакѣевъ—2, истопникъ и работникъ—1; женщинъ имѣть въ ...рху—1, бѣлую прачку—1, работную—1. Каретъ—2, лошадей—4. Итого ... домѣ мущинъ 9, женщинъ 3».

Для помѣщичьяго домашняго обихода прошлаго столѣтія, когда дворня ...же у людей средняго достатка считалась десятками и сотнями душъ, выше...едложенная «препорція» крѣпостныхъ слугъ могла казаться весьма умѣрен...ой, хотя, напримѣръ, въ наши дни по двѣнадцати слугъ въ домѣ содержатъ ...азвѣ только очень ужъ богатые люди.

При такомъ, какъ мы видѣли, нескупомъ и многостороннемъ обложеніи ...рѣпостнаго тягла, помѣщики, промѣнявшіе скучную и хлопотливую деревен...кую жизнь на беззаботное и веселое препровожденіе времени въ городѣ, въ ...толицѣ, могли бы жить припѣваючи; но, къ сожалѣнію, ихъ хозяйственные ...асчеты и смѣты взиманія не всегда оправдывались на дѣлѣ—и это обстоя...тельство составляло едва ли не самую ядовитую горечь въ ихъ безпечальномъ ...уществованіи. Баринъ, напримѣръ, ждетъ изъ деревни упитанныхъ тельцовъ, ...жирныхъ барановъ, куръ и прочую живность, а коварные рабы привозятъ ...ему однѣ кожи да кости. Или баринъ обложилъ своихъ подданныхъ «безъ тя...гости» по десяти рублей съ тягла, на этомъ основаніи составилъ свой годовой бюджетъ, и вдругъ «изъ деревни нехорошо пишутъ»: случился неурожай, крестьяне обѣднѣли и оказываются въ неоплатной недоимкѣ... Легко представить себѣ горечь, гнѣвъ и негодованіе чувствительнаго барина!

Всего, конечно, непринужденнѣе и ярче выражались эти скорбныя чувства въ перепискѣ огорченныхъ помѣщиковъ съ довѣренными управляющими ихъ имѣній—старостами, бурмистрами и приказчиками. Въ нашихъ бумагахъ имѣется два такихъ письма, весьма характеристичныхъ по содержанію, по тону и языку. Писаны они по почтѣ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго уже столѣтія изъ Петербурга помѣщицей Прасковьей Обресковой по слѣдующему адресу: «Нижегородской губерніи въ городъ Арзамасъ, Милостивому государю Ивану Алексѣевичу Ступину, почетному гражданину, а васъ прошу передать старостѣ Роману Михайлову въ деревню Починьки». Приводимъ эти документы цѣликомъ безъ коментарій, въ которыхъ они не нуждаются.

Первое письмо помѣчено 6-мъ ноября, безъ обозначенія года.

«Стараста Романъ Михайловъ!

«Мой послѣдній приказъ и другова не Повторю: отдать безъ Дѣтнаго и при томъ не платильщикъ—оброку—которой уже не годиться быть въ барщинѣ и дурнова поведенія, а тѣ которыя исправны отнюдь ихъ не отдавать; за оное ты мнѣ отвѣчаешъ и никто болѣе, то немедля донести кто имянно поступилъ въ Пріемъ; прошу держаться моего рѣшительнаго приказа, а не въ очередь отдавать, есть ли хорошаго Повѣденія—чтожъ не прислалъ мнѣ Вѣдомость октябрскую.

«Госпожа твоя

«Пр. Обрескова.

«Къ 1-му или ко 2-му числу Декабря, чтобъ былъ здѣсь запасъ—сукна черн. холстины и Протчіе все непрѣменно. Не забудь въ Совѣтъ Деньги и обыкновенно запасъ въ Москву безъ отговорокъ.

«Липоваго цвѣту найти и прислать съ отправкою.

«Яицы тамъ продать и прислать Деньги; изъ пылинки извлекать Де... доходовъ я не могу жить въ случаі отдачи, попросить отъ меня господин... кова Есть ли не совсѣмъ въ мѣру».

На это внушительное господское посланіе не замедлилъ послѣдова... вѣтъ старосты, но, какъ видно, далеко не удовлетворившій взыскате... барыню. Отъ 3-го декабря того же года она ему пишетъ:

«Староста Романъ Михайловъ!

«1) Получила твое письмо, странно для меня, что ты такъ пишешъ—что буд... всѣ маѣ мужики нишіи—безспорно что можетъ быть некоторыя—и очень ну... даются, такъ стало быть и Орловъ въ томъ числѣ—ты меня удивилъ этимъ... верно только у насъ у однихъ то случилось—а отъ Другихъ помещиковъ я слы... что хотя не завидной урожай—а Бога прогнѣвлять совсѣмъ нельзя; знаишъ л... ты что ты меня этими словами очень Дерзско и не учтиво безспокоишъ—Ты п... думай, можно ли такъ дѣлать,—

«2) Тебѣ уже несколько разъ было предписано чтобъ ты Доставилъ къ Пе... вымъ числамъ Декабря провизію—ну чтожъ дѣлать что не угодно было Твоей милости выполнить мое приказаніе но однакожъ Я тебѣ снова Приказываю чтобъ немедленно или тотчасъ выслать по полученіи Сего Приказа.

«А имянно безъ отговорочно.

«1) Масла рузскаго что есть—

«2) Крупы грѣшневой 3 четверти.

«3) Крупы ячменной 1 четверть.

«4) Муки 50 пудъ—а здѣсь муки нѣтъ Приступу.

«5) Овса 30 четвертей—а здѣсъ чрезмѣрно Дорогъ.

«6) Сукна—что есть.

«7) Валиньки какъ уже предписано.

«8) Дубленыя овчины.

«9) Холста что уже давно должно быть заготовлено.

«10) Нитокъ.

«11) Масла Поснаго.

«12) Шерсти для чулокъ.

«13) Гороху 1 четверть.

«14) Яицы тамъ продать и Деньги мнѣ Прислать.

«15) Куръ—что ни есть всѣ привести но не однѣ кости какъ обыкновенно привозити.

«16) Баранины то есть 3 туши, свинины, говядины.

«17) Малины сухой—цвѣту сухова липоваго и что можно еще придумать для экономіи—потому что здѣсь все покупается и все въ 7 разъ Дорога.

«Можно въ Вѣдомости Показать что завставлеванія стоколъ стеколщику дано 5 р. Даразвѣ вы въ такихъ дворцахъ живетѣ что столько стоколъ Пѣребито: его отъ несмотренія, что барское то и надо не бѣречь это стыдно, а ета въ окт. Вѣдомости выставлено; незамедлить Доставить ноябрскую Вѣд. и всѣ приказы въ точности исполнить.

«Госпожа твоя

«Прасковья Обрескова.

«Всѣ ли возвратились крестьяне, которыя ходили по пачтортамъ отнюдь не отпускать никогда въ Сибирь».

Вл. Михневичъ.

СМѢСЬ.

БЩЕСТВО ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія. Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, основанное въ память императора Александра III около года тому назадъ, недавно получило окончательную организацію. Цѣль общества—умноженіе и распространеніе знаній по отечественной исторіи и въ духѣ русскихъ началъ, проявленныхъ въ минувшее царствованіе. Для достиженія этой цѣли обществу предоставлено уставомъ: а) собирать и обрабатывать свѣдѣнія о царствованіи императора Александра III; б) издавать періодическія и другія сочиненія и сборники по русской исторіи и соприкасающимся съ нею отдѣламъ исторіи всеобщей, а также по церковнымъ, правовымъ и бытовымъ вопросамъ; в) учреждать книгохранилища и читальни, а также снабжать существующія книгохранилища, читальни, учебныя заведенія и народныя школы изданіями своими и другими, отвѣчающими основной цѣли общества. Согласно этому кругу занятій общества, образуются въ составѣ общества три отдѣленія: историческое, издательское и исполнительное. Въ общемъ собраніи общества, происходившемъ 27 декабря, избраны предсѣдателями отдѣленій: историческаго—статсъ-секретарь сенаторъ Н. Н. Селифонтовъ, издательскаго—заслуженный профессоръ И. В. Помяловскій, исполнительнаго—товарищъ государственнаго секретаря А. С. Стишинскій. При издательскомъ отдѣленіи общества еще первымъ общимъ собраніемъ общества 7 апрѣля минувшаго года учреждена комиссія, завѣдующая изданіемъ сборника общества «Старина и Новизна» (по примѣру историческаго сборника, выходившаго подъ тѣмъ же заглавіемъ во

времена Екатерины), который будетъ выходить не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ накопленія матеріала, томами не менѣе 15 печатныхъ листовъ; въ составъ сборника будутъ входить какъ обработанныя статьи, такъ и подлинные документы. Комиссія, завѣдующая изданіемъ «Старины и Новизны», состоитъ изъ четырехъ лицъ: предсѣдатель общества графъ С. Д. Шереметевъ и члены общества: Л. Н. Майковъ, Н. П. Барсуковъ и Н. Д. Чечулинъ. Общее собраніе, состоявшееся 27 декабря, открылось сообщеніемъ объ утратахъ, понесенныхъ обществомъ въ лицѣ дѣйствительныхъ членовъ: князя Лобанова-Ростовскаго, Ю. Н. Говорухи-Отрока, князя А. П. Шаликова и С. А. Шереметева и члена сотрудника доктора Гейнрихсена. Память ихъ была почтена вставаніемъ. Послѣ прочтенія отчета о дѣятельности совѣта общества за второе полугодіе существованія общества и отчета казначея, прочтены были сообщенія: К. А. Губастова—о князѣ А. Б. Лобановѣ-Ростовскомъ; графа А. А. Голенищева-Кутузова—о Ю. Н. Говорухѣ-Отрокѣ; графа С. Д. Шереметева—о С. А. Шереметевѣ. Авторъ перваго сообщенія, близко стоявшій къ князю Лобанову-Ростовскому по совмѣстной службѣ въ Константинополѣ, Вѣнѣ и въ Петербургѣ, посвятилъ свое сообщеніе очерку историческихъ занятій князя Лобанова-Ростовскаго. Къ сожалѣнію, приведенію въ обработанный видъ множества собиравшихся княземъ историческихъ матеріаловъ всегда мѣшалъ недостатокъ времени, которое все уходило на служебныя занятія. Не желая держать подъ спудомъ эти матеріалы, князь Лобановъ-Ростовскій иногда прибѣгалъ къ сотрудничеству другихъ лицъ (даже иностранцевъ, напримѣръ, французскія бумаги, обработанныя г. Пэнго), самъ же большею частью ограничивался помѣщеніемъ краткихъ историческихъ замѣтокъ, справокъ и поправокъ; наиболѣе пространными являются: некрологъ князя Лопухина, біографическій очеркъ Ек. Ив. Нелидовой, заключеніе Карла-Эрнста Курляндскаго въ Бастилію и нѣкоторыя другія. Отличительнымъ свойствомъ историческихъ изслѣдованій и работъ его были правдивость, добросовѣстность и возможная точность. Онъ болѣе всего увлекался въ работахъ своихъ дѣятелями, въ жизни которыхъ было что-то загадочное, надъ которыми висѣлъ какой-то злой рокъ. Значительная часть собранныхъ и приведенныхъ въ порядокъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ документовъ не можетъ еще и донынѣ появиться въ свѣтъ. Изъ напечатанныхъ трудовъ князя Лобанова-Ростовскаго авторъ сообщенія указалъ на монографію «Гр. Никита Петр. Панинъ», на біографическій очеркъ Ек. И. Нелидовой, какъ подтверждающій выше приведенный взглядъ. Извѣстно также, что полжизни князь посвятилъ собиранію матеріаловъ для исторіи императора Павла I—составлены имъ 2 тома дневника, гдѣ день за днемъ воспроизводилась вся внѣшняя исторія царствованія Павла I. Въ заключеніе г. Губастовъ указалъ на величайшую авторскую скромность князя Лобанова-Ростовскаго и всегдашнюю готовность его дѣлиться собранными матеріалами съ лицами, интересовавшимися тѣмъ же предметомъ. Сообщеніе гр. А. А. Голенищева-Кутузова, прочитанное по болѣзни автора секретаремъ общества Б. М. Юзефовичемъ, было посвящено характеристикѣ скончавшагося въ прошломъ іюлѣ писателя Ю. Н. Говорухи-Отрока. Очертивъ юные годы Говорухи-Отрока, его увлеченія Бѣлинскимъ, Герценомъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ, его 3-хъ-лѣтнее пребываніе въ Петропавловской

крѣпости, гдѣ онъ въ часы невольнаго досуга познакомился со статьями Ап. Григорьева, явившимися для него какъ бы новымъ откровеніемъ, благодаря искренности и безграничной любви къ литературѣ, которыя свѣтятся въ каждой строчкѣ Григорьева, авторъ сообщенія далъ подробный очеркъ литературной дѣятельности покойнаго Говорухи-Отрока и въ заключеніе сказалъ: «что касается до его духовной личности, до религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ его вѣрованій, то они были вполнѣ тожественны съ тѣми, которыя соединяютъ и насъ въ союзѣ нашего общества». Сообщеніе предсѣдателя общества гр. С. Д. Шереметева посвящено было памяти С. А. Шереметева, скончавшагося 15 декабря въ Москвѣ, бывшаго главноначальствующаго гражданскою частью и командующаго войсками на Кавказѣ, гдѣ протекла и большая часть дѣятельности покойнаго, и который былъ свидѣтелемъ его геройскихъ подвиговъ по службѣ царю и родинѣ. Авторъ сообщенія съ особенною подробностью остановился на послѣднихъ дняхъ и часахъ жизни С. А. Шереметева, скончавшагося истиннымъ христіаниномъ, сохранившаго невозмутимое спокойствіе, терпѣніе до послѣднихъ минутъ, находившаго достаточно твердости духа и воли, чтобъ утѣшать окружающихъ и семью и отвлекать ихъ мысли отъ ожидавшейся тяжелой минуты. Засѣданіе закончилось, выборами предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ, о чемъ сказано выше, и предварительнымъ обсужденіемъ предложенія профессора академіи генеральнаго штаба П. А. Гейсмана объ учрежденіи премiи.

Географическое общество. I. Въ годовомъ собраніи императорскаго географическаго общества, происходившемъ 22 января, подъ предсѣдательствомъ сенатора П. П. Семенова, объявлены награды, присужденныя за научныя изслѣдованія и труды. Константиновская медаль (высшая награда Общества) присуждена Ѳ. Н. Чернышеву за его обширную научную дѣятельность на поприщѣ географіи и геологіи нашего отечества; медаль имени графа Ѳ. П. Литке присуждена П. Б. Шпиндлеру за общую совокупность его трудовъ по физической географіи въ теченіе 18 лѣтъ. Большія золотыя медали за труды по статистикѣ и этнографіи присуждены: Е. И. Якушкину за его трудъ «Обычное право» (вып. I въ 1875 г. и вып. II въ 1896 г.); недавно скончавшемуся Ѳ. Ѳ. Буссе за трудъ: «Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 годахъ». Премія имени Н. М. Пржевальскаго—В. И. Липскому за его изслѣдованія природы Гиссарскаго хребта въ Туркестанѣ. Малыя золотыя медали: французскому магнитологу, директору магнитной обсерваторіи въ Parc Saint-Maur, около Парижа, г. Муро за произведенныя имъ наблюденія и вычисленія магнитной аномаліи въ Курской губерніи, Г. А. Любославскому—за рядъ его трудовъ по метеорологіи, А. Макаренко—за представленныя рукописи: «О красильномъ искусствѣ у русскихъ» и «Матеріалы по народной медицинѣ въ Енисейской губерніи». Большая серебряная медаль имени Н. М. Пржевальскаго—Д. А. Клеменцу за его работы по изслѣдованію южной части Сибири и Монголіи. Серебряныя медали за полезные труды присуждены: врачу В. Д. Тронову, доставившему въ распоряженіе Общества результаты произведенныхъ имъ изслѣдованій ледниковъ на Алтаѣ въ верховьяхъ р. Бухтармы; члену-сотруднику Н. А. Бушу и студенту Н. И. Щукину за совершен-

ную ими поѣздку на верховья рѣкъ Таберды и Маруха, П. Г. Попову въ Курскѣ за магнитныя варіаціонныя наблюденія; профессору Г. Ѳ. Левицкому въ Юрьевѣ за рядъ произведенныхъ и изданныхъ наблюденій надъ землетрясеніемъ при помощи горизонтальнаго маятника Реберъ-Пашвица; А. И. Зенгбушу—за химическія изслѣдованія образцовъ воды и грунта Чудскаго озера; І. І. Сикора—за труды по наблюденію полнаго солнечнаго затменія 28 іюля 1896 года на сѣверѣ Скандинавіи; А. С. Боткину—за его труды по сообщенію естественно-историческихъ и этнографическихъ коллекцій въ экспедиціи для изученія устьевъ Оби и Енисея и части Карскаго моря; И. Я. Яблонскому, Дучинскому, Тіандеру, Д. Н. Кудрявскому — за статьи въ «Живой Старинѣ»; А. А. Калачеву—за сообщеніе о поѣздкѣ его къ теленгетамъ и за статью «О поэзіи теленгетовъ», С. Н. Онинко за сообщенное имъ А. І. Ивановскому значительное количество гольдскихъ словъ; Е. П. Якубенко — за сохраненныя въ памяти и переданныя ею въ распоряженіе пѣсенной комиссіи русскія народныя пѣсни свыше 200. Бронзовыя медали: Якубу Измаилджанову—жителю Самарканда—за его сотрудничество въ экспедиціи Липскаго, А. И. Тупелеву—рыбопромышленнику въ Тобольскѣ—за первыя обстоятельныя наблюденія высоты воды въ Обской губѣ. II. Въ засѣданіи 31-го января г. Романовымъ сдѣланъ былъ докладъ о поклонникахъ дьявола—іезидахъ. Г. Романовъ встрѣчалъ іезидовъ въ Палестинѣ и окрестностяхъ Дамаска и, заинтересованный ихъ оригинальнымъ образомъ жизни и таинственностью ученія, обратился къ арабской литературѣ, какъ источнику для изученія этой странной секты. Въ каирскомъ журналѣ «Аль-Муктаторъ» за 1889 годъ ему удалось найти статью доктора Пруссии, долго жившаго среди іезидовъ и обстоятельно изучившаго ихъ вѣрованіе. Не ограничиваясь этимъ, докладчикъ, на основаніи собственныхъ наблюденій и сочиненій Генри Лопарди, Эдуара Ковалевскаго и профессора Петри, сообщилъ свѣдѣнія о самихъ іезидахъ.

Іезиды — многочисленное курдское племя, разсѣянное по Месопотаміи, Ирану, близъ Антіохіи, Александретты, въ окрестностяхъ Дамаска и Діарбекира, а также, какъ выяснялось изъ преній, и въ нашей Эриванской губерніи. Они исключительно деревенскіе жители, такъ какъ городская жизнь имъ безусловно воспрещена. Іезидскія деревни похожи на арабскія, но безъ мечетей и минарстовъ. Одѣваются іезиды въ длинные бѣлые или свѣтло-желтые халаты, а въ праздники—въ яркіе бѣлые, при чемъ носятъ черные тюрбаны. Они угрюмы и малосообщительны, но съ христіанами разговариваютъ охотнѣе, чѣмъ съ мусульманами, которыхъ глубоко ненавидятъ. Мусульмане отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Мнѣнія о нравственныхъ качествахъ іезидовъ различны. Одни, преимущественно мусульмане, считаютъ ихъ жадными и грубыми, другіе—въ высшей степени вѣжливыми и гостепріимными. Іезиды признаютъ высшее существо—Бога, называя его царемъ Павлиномъ. Кромѣ того, у нихъ имѣется сонмъ низшихъ божествъ и ангеловъ, среди которыхъ помѣщены солнце, вечернія и утреннія звѣзды и т. п. Пророкомъ они считаютъ шейха Ади, слившагося съ царемъ Павлиномъ и равнаго ему. Изъ династіи этого шейха, считающагося основателемъ секты, происходитъ ихъ эмиръ Мирза-бекъ, которому іезиды подчиняются безусловно. Мирза былъ третьимъ сыномъ Гуссейнъ-бека и незаконно

захватилъ власть. Онъ подчинился турецкому султану и ежегодно уплачиваетъ ему дань. Однако изъ ненависти къ мусульманамъ іезиды не несутъ воинской повинности. Кромѣ эмира, они имѣютъ старшинъ (шейховъ) и гайдара. Послѣдній происходитъ изъ династіи ученика шейха Ади-Имама Гассанъ-аль-Бусери, и ему вручается священная книга за семью печатью. По вѣрованію іезидовъ, эта книга упала съ неба. Она находится въ мечети гроба шейха Ади и написана на арабскомъ языкѣ,(вѣроятно, въ концѣ X вѣка, имамомъ Гассанъ-аль-Бусери. Книга раздѣляется на двѣ части. Въ первой части заключается повѣствованіе о сотвореніи міра, согласное въ нѣкоторыхъ главахъ съ библіею, но съ множествомъ хронологическихъ и географическихъ ошибокъ, разсказы о прошломъ іезидовъ и предсказанія о будущемъ. Вторая часть, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, содержитъ законы и правила для послѣдователей секты.

Въ книгѣ такимъ образомъ разсказывается о сотвореніи міра. Тьма обнимала всю вселенную, и Богъ долго носился надъ водою. Утомясь, онъ сотворилъ попугая, который развлекалъ его сорокъ лѣтъ. Тутъ Богъ разгнѣвался и убилъ попугая, изъ перьевъ котораго образовались горы и долины, а изъ предсмертнаго дыханія—воздухъ. Затѣмъ Богъ сотворилъ небесную твердь и повѣсилъ ее на волоскѣ своей головы. Какъ искры отъ огня, отъ Бога произошелъ рядъ другихъ божествъ: солнце, луна, заря и звѣзды. Каждый изъ нихъ сотворилъ себѣ коня для разъѣздовъ. Собравшись вмѣстѣ, они создали ангеловъ. Одинъ изъ нихъ, будучи созданъ первымъ, пренебрегъ своимъ творцомъ, а въ наказаніе былъ брошенъ въ адъ. Тамъ онъ провелъ семь тысячъ лѣтъ въ плачѣ и покаяніи и наполнилъ своими слезами семь кувшиновъ. Богъ сжалился надъ нимъ и открылъ ему двери рая. Ангелы стали смѣяться надъ прощеннымъ товарищемъ, но Богъ сказалъ: «Проклятъ будетъ всякій, кто издѣвается надъ нимъ, ибо что Богъ оправдалъ, того тварь да не осуждаетъ». И Богъ поставилъ своего любимца превыше всѣхъ, назвавъ его царемъ Павлиномъ. Они слились воедино, какъ сливаются два огня вмѣстѣ. Кувшины, наполненные слезами царя Павлина, будутъ храниться въ преисподней до тѣхъ поръ, пока не возвратится на землю шейхъ Ади и не потушитъ этими слезами геену огненную и скорбь земную.

Адама и Еву Богъ творилъ пять разъ, и всегда, какъ они размножатся на землѣ, уничтожалъ ихъ потопомъ. Наконецъ, онъ сотворилъ только одного Адама и поселилъ его въ раю, разрѣшивъ употреблять въ пищу всѣ плоды, кромѣ пшеницы. Но тутъ вмѣшался царь Павлинъ и, съ разрѣшенія Бога, соблазнилъ его, заставивъ вкусить пшеницы. Это онъ сдѣлалъ потому, что Адамъ жилъ въ раю въ бездѣйствіи, тогда какъ земля была не воздѣлана и не устроена. По изгнаніи Адама изъ рая, Богъ сотворилъ ему Еву, и та сразу родила близнецовъ. Іезиды, впрочемъ, произошли не отъ нихъ, а отъ дитяти, чудесно родившагося отъ одной изъ райскихъ гурій. Поэтому іезиды не смѣшиваются съ потомками Адама и Евы. Внукомъ этого дитяти, по имени Эль-Шаэдъ-Ибнъ-Жайяръ, былъ Ной, сынъ котораго Маронъ-Мираль и былъ прародитель іезидовъ.

Въ дальнѣйшихъ разсказахъ іезидской книги, заимствованныхъ съ искаженіями изъ Библіи, Евангелія и Корана, находится повѣствованіе о земной

жизни и страданіяхъ Іисуса Христа. Между прочимъ, сообщается объ іезидѣ Моабѣ, который приказалъ бросить въ море всѣ мусульманскія книги. Онъ проклялъ всѣхъ, кто безъ его разрѣшенія написалъ бы или прочелъ хоть одно слово поарабски. Поэтому у іезидовъ только гайдаръ, старшій помощникъ имама Гассанъ-аль-Бусери, обучается арабскому языку. Обученіе происходитъ въ отдѣльной комнатѣ, куда строго воспрещается входить постороннимъ. Для этого берется Коранъ, въ которомъ вычеркиваются всѣ названія дьявола, такъ какъ имя сатаны не разрѣшается произносить. Іезиды, во избѣжаніе упоминанія шайтана, исключили изъ своего языка много словъ, начинающихся съ буквы ш.

Главное начальство іезидовъ, какъ уже сказано, состоитъ изъ эмира, шейховъ и совѣта старшинъ. Они молятся за здоровье больныхъ, совершаютъ браки и рѣшаютъ вопросы жизни общины. Кромѣ нихъ, имѣются: ковашины—священные танцоры на общественныхъ празднествахъ, ковалины—хранители священныхъ изображеній, и музыканты и нищіе. Женятся іезиды только на своихъ единовѣрныхъ. Браки совершаются просто: шейхъ беретъ небольшой круглый хлѣбъ, преломляетъ его на двѣ части, даетъ одну жениху, а другую невѣстѣ, читая священный стихъ, и торжество окончено. Жена у іезидовъ одна, но не воспрещается имѣть и наложницъ. Вдова обязывается родственниками шесть разъ выходить замужъ, хотя можетъ выкупать свою свободу деньгами.

Въ числѣ священныхъ предметовъ іезидовъ въ храмѣ гроба шейха Ади хранится хоругвь, доставшаяся, по ихъ вѣрованію, отъ царя Соломона. Охраняется хоругвь ковалинами, но право на ея храненіе имѣетъ купить всякій іезидъ, предложивъ большую сумму денегъ. Купившій хоругвь погружаетъ ее въ воду и, смочивъ этою водою прахъ отъ гробницы шейха Ади, приготовляетъ пилюли, которыя имѣютъ свойство сохранять человѣку здоровье въ теченіе цѣлаго года. Въ началѣ осени іезиды справляютъ ежегодный праздникъ. Въ теченіе двадцати двухъ дней іезиды молятся, сходясь вмѣстѣ. На двадцать третій день, въ присутствіи эмира и сорока шейховъ, цѣлый день, съ утра до вечера, варятъ въ большомъ котлѣ быка. Затѣмъ эмиръ приглашаетъ молодыхъ людей вынимать изъ котла вареное мясо. Тѣ стараются общими усиліями вытащить быка изъ котла, получаютъ страшные ожоги и нерѣдко умираютъ отъ нихъ, но за то признаются мучениками. Празднество продолжается три дня. По истеченіи ихъ, іезиды, мужчины и женщины, купаются въ рѣкѣ Семъ-Сенъ, затѣмъ выносятъ три изображенія царя Павлина, которыя также купаютъ. Праздникъ заканчивается жертвоприношеніемъ въ честь царя Павлина.

Іезиды вѣрятъ, что души правовѣрныхъ, отдѣлившись отъ земной оболочки, отправляются въ рай, а души злыхъ переселяются въ тѣла ословъ и собакъ. Послѣ смерти іезида, родственники закрываютъ ему глаза и ротъ наполняютъ пескомъ, взятымъ отъ гроба шейха Ади, а тѣло, посыпавъ овечьимъ пометомъ, погребаютъ въ мѣстѣ, указанномъ ковалинами. Въ теченіе трехъ дней покойника оплакиваютъ женщины, бьютъ себя въ грудь и рвутъ на себѣ волосы. При этомъ обязательно кормятъ всякаго нищаго. Затѣмъ всѣ родственники собираются въ домѣ покойнаго и совершаютъ религіозныя пляски въ честь царя Павлина. Въ пляскахъ кружатся до тѣхъ поръ, пока не впадутъ

въ изступленіе и не увидятъ въ галюцинаціяхъ царя Павлина, который извѣщаетъ ихъ, что душа іезида вошла въ рай. Пляска заканчивается жертвоприношеніемъ.

Общество любителей древней письменности. I. Засѣданіе, состоявшееся 3-го января подъ предсѣдательствомъ академика Л. Н. Майкова, открылось рѣчью секретаря В. В. Майкова, охарактеризовавшаго дѣятельность члена общества И. А. Голышева, скончавшагося 9-го декабря 1896 г. Покойный родился въ селѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Происходя изъ крѣпостныхъ крестьянъ и получивъ скудное образованіе у себя на родинѣ, покойный былъ отданъ въ рисовальную школу въ Москвѣ, но курса не окончилъ; занимаясь торговыми дѣлами отца, онъ всячески старался пополнить свое недостаточное образованіе. Съ 1857 г. онъ поселяется въ с. Мстерѣ и обращается къ занятію литографіей. Немного позже онъ выступаетъ, какъ публицистъ, въ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ въ 1862 г. печатаетъ статью о сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, а далѣе—рядъ статей по экономическимъ, археологическимъ и историческимъ вопросамъ. Кромѣ названной газеты, И. А. Голышевъ сотрудничалъ въ «Запискахъ вольно-экономическаго общества», «Русской Старинѣ», «Голосѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Древней и Новой Россіи». Состоя членомъ ученыхъ обществъ, покойный всѣ силы свои посвятилъ изученію древне-русской и народной живописи, и въ этой области извѣстны его многочисленныя работы. Затѣмъ секретарь сообщилъ о вновь пріобрѣтенныхъ рукописяхъ: первая—сборникъ поученій начала XV вѣка, вторая — «Учительное Евангеліе», написанное не позже 5-го декабря 1487 (6996) года. Сообщенія были сдѣланы Н. П. Лихачевымъ и М. В. Довнаромъ-Запольскимъ. Н. П. Лихачевъ внесъ поправку къ вопросу о первой книгѣ, напечатанной въ Казани, каковой до сихъ поръ считалась брошюра: «Рѣчь благодарственная Екатеринѣ II на случай объявленія благоволенія казанскому дворянству». Эта брошюра 4° съ указаніемъ мѣста печати — «Казань». Эта брошюра была, можетъ быть, сочинена въ Казани, но напечатана въ 1774 году въ приложеніи къ № 16 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Во второмъ сообщеніи Н. П. Лихачевъ остановился на вопросѣ о двухъ художникахъ Іосифахъ XVII вѣка, упомянутыхъ въ книгѣ Н. П. Собко, и выяснилъ ошибку извѣстнаго изслѣдователя иконописи Д. А. Ровинскаго. Сообщенія эти вызвали обмѣнъ мнѣній между Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майковымъ и референтомъ. М. В. Довнаръ-Запольскій въ своемъ сообщеніи остановился на рукописи синодальной московской библіотеки, западно-русскаго происхожденія № 790, 4°, которая по даннымъ палеографіи относится къ половинѣ XVI и XVII вѣка. Она заключаетъ въ себѣ лѣтописныя замѣтки, анекдоты о первыхъ папахъ. Съ 1376 года начинаются извѣстія литовскія изъ разныхъ источниковъ. Это результатъ безпорядочной начитанности автора, которому съ трудомъ удается лишь внѣшнимъ образомъ связать событія западной Руси и восточной. Вторая часть лѣтописи является записью очевидца, и извѣстія становятся подробнѣе, они касаются, главнымъ образомъ, Могилева, Орши, причемъ приводится до сихъ поръ живущее въ устахъ народа преданіе объ основаніи города Могилева. Далѣе интересны извѣстія о дѣйствіяхъ гетмана Наливайки, о сендомірскомъ рокошѣ, о

появленіи 2-го самозванца. Особенно интересны мелкія замѣтки о обыкновенной сѣренькой жизни маленькаго угла западной Руси. Референтъ привелъ отрывокъ, заключающій описаніе мора, изображеннаго просто и сильно съ значительнымъ литературнымъ талантомъ. Лѣтопись написана человѣкомъ, знающимъ и любящимъ народъ. Ясный, простой, близкій къ народному и чуждый славянизмовъ языкъ подтверждаетъ это предположеніе. Новое, что сообщаетъ эта лѣтопись,—это данныя о цѣнахъ на хлѣбъ за 20 лѣтъ—извѣстіе въ данной области единственное. Цѣны колеблются сильно и свидѣтельствуютъ о значительномъ колебаніи достатка крестьянъ. Кто былъ авторъ? Это былъ человѣкъ, преданный Москвѣ, въ религіозномъ отношеніи—православный и врагъ католицизма. Изъ описанія берестейскаго синода 1591 года видно, что авторъ былъ противникъ уніи. На основаніи данныхъ лѣтописи можно думать, что авторомъ ея былъ священникъ Θеодоръ Филипповичъ, лицо близкое князьямъ Соломирецкимъ. Это предположеніе подтверждается и данными хронологическими. Вступительная часть лѣтописи составлена священникомъ Филипповичемъ въ молодости и служитъ какъ бы введеніемъ и къ его личнымъ запискамъ. Въ заключеніе реферата г. Довнаръ-Запольскій сдѣлалъ обзоръ западно-русскихъ лѣтописей и указалъ мѣсто, которое занимаетъ въ ряду этихъ памятниковъ лѣтопись священника Филипповича. А. І. Лященко сообщилъ свои замѣчанія о «Словѣ о царѣхъ, князѣхъ и властелѣхъ», дошедшемъ до насъ въ рукописи начала 17-го вѣка: это разсужденіе на одну изъ любимыхъ темъ древне-русской проповѣди, затрогивающее взаимныя отношенія между княземъ и народомъ. По даннымъ языка памятникъ этотъ относится, по крайней мѣрѣ, къ XIV вѣку, а изъ именъ, въ немъ встрѣчающихся, можно отмѣтить князя Романа рязанскаго, жившаго въ XII и XIII вѣкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это «слово» напоминаетъ «Пчелу», но съ девятой главой ея, гдѣ говорится о князьяхъ, не совпадаетъ. II. Въ послѣднемъ засѣданіи общества было сдѣлано два сообщенія: С. Θ. Платоновъ прочелъ некрологъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, и Н. П. Барсуковъ прочелъ «О пріобрѣтеніи императоромъ Николаемъ древнехранилища М. П. Погодина для императорской публичной библіотеки». С. Θ. Платоновъ прослѣдилъ въ своемъ некрологѣ всѣ главнѣйшіе моменты жизни покойнаго академика, начиная со дня его поступленія въ гимназію, куда онъ пришелъ, вынеся изъ дома знаніе французскаго и нѣмецкаго языка и любовь къ чтенію, до самой его смерти. При этомъ С. Θ. Платоновъ обратилъ особое вниманіе на ту среду, которая обусловила направленіе научно-литературной дѣятельности К. Н. Бестужева, отличавшагося всегда умѣньемъ безпристрастно истолковывать самыя разнообразныя точки зрѣнія. Такое научное безпристрастіе, столь рѣдкое въ ученомъ, объясняется тѣмъ, что въ бытность свою студентомъ, покойный ученый съ одинаковымъ увлеченіемъ слушалъ лекціи и Соловьева, и Кавелина, и Грановскаго, и Кудрявцева, и бесѣды Погодина. Всегда далекій отъ текущей общественной жизни, онъ смотрѣлъ на всѣ теоріи чисто съ научной точки зрѣнія, не считая ихъ реальными программами. Оцѣнка и характеристика дѣятельности К. Н. въ качествѣ профессора университета дана С. Θ. Платоновымъ по личнымъ его воспоминаніямъ, по воспоминаніямъ ученика о любимомъ учителѣ.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. 18-го января, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Докладчикомъ выступилъ Д. В. Айналовъ, сообщившій отчетъ о поѣздкѣ своей на Аѳонъ лѣтомъ 1896 г. Докладчикъ сдѣлалъ это путешествіе по порученію нашего константинопольскаго археологическаго института и выяснилъ громадное число памятниковъ искусства и письменности, хранящихся въ аѳонскихъ монастыряхъ и ожидающихъ еще своего изученія и воспроизведенія печати. Докладчикъ демонстрировалъ многіе фотографическіе снимки съ обслѣдованныхъ имъ предметовъ древности. Обращаютъ на себя вниманіе въ Пантелеймонскомъ монастырѣ артосница Михаила Комнина, въ Иверскомъ монастырѣ—крестъ Іоанна Цимисхія, въ Андреевскомъ скитѣ—Евангеліе XI вѣка съ миніатюрами IX вѣка и мн. др. 29-го января состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками явились: графъ А. А. Бобринскій («Изслѣдованіе большого майдана на границѣ Кіевской и Херсонской губерніи») и С. В. Рождественскій («Извѣстія о намѣстничьихъ кормахъ въ Псковской области въ XVI в.»). Графъ А. А. Бобринскій сообщилъ о произведенной имъ въ 1896 г. раскопкѣ большого майдана у села Цвѣтная въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Этотъ майданъ, перерытый кладоискателями, какъ можно судить по его остаткамъ, представлялъ въ первоначальномъ своемъ построеніи обширный бугоръ, окруженный высокимъ валомъ, съ четырехъ сторонъ коего выдаются расположенные попарно полукруглые валы, въ видѣ клещей; діаметръ всѣхъ насыпей свыше 100 саженъ. Въ археологической литературѣ майданъ извѣстенъ съ прозвищемъ «Горгоны», которое ему далъ г. Подберезскій, описавшій майданъ въ «Трудахъ Одесскаго общества исторіи и древностей». Поводомъ къ послѣдней раскопкѣ послужила случайная находка скиѳской могилы въ одномъ изъ валовъ майдана, сдѣланная кладоискателями. Предметы скиѳскаго быта, доставленные въ императорскую археологическую комиссію, возбудили интересъ, комиссія поручила изслѣдовать насыпь. Раскопка обнаружила присутствіе въ кругломъ валу богатаго погребенія извѣстнаго скиѳскаго типа. Добыто много золотыхъ предметовъ, какъ-то: обручъ, фибула, разныя бездѣлушки и обычныя бляшки, нашивавшіяся на одѣянія; найдено также серебряное блюдо и серебряныя пряжки; желѣзныя стрѣлы, остатки брони, обломки греческихъ амфоръ. Изслѣдованіе майдана во всемъ его цѣломъ не могло быть произведено. Докладчикъ обнаружилъ во многихъ мѣстахъ подземные ходы на большой глубинѣ, правильно построенные и ведущіе въ разныя стороны, но ходы эти кое-гдѣ обрушились и засыпаны землей. Судя по сосѣднимъ курганамъ, также изслѣдованнымъ докладчикомъ, графъ А. А. Бобринской склоненъ отнести постройку майдана къ глубокой древности, къ такъ называемой «каменно-бронзовой» эпохѣ. С. В. Рождественскій сообщилъ найденныя имъ въ писцовыхъ книгахъ Псковской области восьмидесятыхъ годовъ XVI вѣка данныя о намѣстничьихъ кормахъ. Эти извѣстія сообщаютъ нѣсколько интересныхъ фактовъ для характеристики намѣстничьяго управленія въ Московскомъ государствѣ и дѣйствовавшей тогда податной системы.

Палестинское общество. 19-го января происходило годовое общее собраніе императорскаго палестинскаго общества. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Селифонтовъ. Былъ прочитанъ годовой отчетъ, начавшійся воспоминаніями о скончавшемся учредителѣ общества Н. Ѳ. фанъ-деръ-Флитѣ, немало поработавшемъ въ Одессѣ надъ благоустройствомъ и упорядоченіемъ перевозки паломниковъ въ Святую Землю на пароходахъ русскаго общества пароходства и торговли. Выдающимся событіемъ прошлаго года было освященіе 22-го мая церкви въ Іерусалимѣ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, сооруженной въ память въ Бозѣ почившаго основателя палестинскаго общества. Другимъ дѣломъ, ознаменовавшимъ дѣятельность общества въ прошломъ году, было распространеніе нашей православной учебной дѣятельности и на Сирію. Патріархъ антіохійскій самъ обратился къ августѣйшему предсѣдателю общества съ просьбою принять въ завѣдываніе палестинскаго общества, по возможности, всѣ православныя школы патріархіи. Общество приняло въ свое вѣдѣніе 21 школу съ 2.000 православныхъ учениковъ и ученицъ. Кромѣ того, въ Бейрутѣ, по почину православной семьи Сюркозъ, устроился женскій институтъ на 200 слишкомъ дѣвочекъ. Въ Палестинѣ въ 23 школахъ общества обучается 1.000 учениковъ. Изъ числа этихъ школъ Муджедильская въ прошломъ году вступила въ пятнадцатый годъ своего существованія; въ Назаретскомъ мужскомъ пансіонѣ состоялся третій выпускъ пансіонеровъ и въ Бей-джальскомъ женскомъ пансіонѣ—первый выпускъ пансіонерокъ. Изъ этихъ выпусковъ 25 человѣкъ уже заняли учительскія мѣста. Въ итогѣ 15-лѣтней дѣятельности общества оказывается 50 учебныхъ заведеній съ 4.000 православныхъ учениковъ.

Окончено и выпущено въ свѣтъ научное изданіе именныхъ русскихъ паломниковъ—писателей до-петровскаго времени. Эти 11 русскихъ паломниковъ, начиная отъ игумена Даніила до черваго діакона Іоны Маленькаго съ 1106 до 1653 г. стали нынѣ доступны для научныхъ изслѣдованій не только нашихъ отечественныхъ, но и западныхъ палестинологовъ.

Предпринятъ также новый родъ изданія—это народныя книги и чтенія о Святой Землѣ, доведенныя до 18 выпусковъ. Для испытанія достоинствъ уже изданныхъ выпусковъ, въ Петербургѣ устроенъ рядъ чтеній, начавшихся 6-го декабря прошлаго года. Чтенія эти будутъ продолжаться по воскресеньямъ и праздникамъ до 30-го марта текущаго года. Книжки эти уже выпущены въ продажу по самой дешевой цѣнѣ.

Число членовъ общества возросло до 3.320 человѣкъ. Паломническое дѣло по движенію поклонниковъ оказалось выдающимся за все время существованія русскаго паломничества. Общее число ихъ за весь годъ дошло до 6.532 человѣкъ, при чемъ только къ празднику Пасхи ихъ проѣхало 3.001. Медицинская помощь была оказываема какъ паломникамъ, такъ и мѣстному населенію. Въ іерусалимской больницѣ насчитывается 5.300 больничныхъ дней, а въ четырехъ амбулаторіяхъ—63,200 посѣтителей.

Денежные обороты общества были таковы: поступило на приходъ 594.235 р., израсходовано 532.945 р. Каждый, посѣтившій Іерусалимъ, паломникъ обошелся обществу въ 19 р. 73 к. Отъ каждаго изъ нихъ получено по 4 р. 60 к.,

и, такимъ образомъ, общество приплатило за каждаго по 15 р. 13 к. Каждое посѣщеніе амбулаторіи обошлось въ 14 к. и, наконецъ, каждый ученикъ—въ 36 р. 52 к. Смѣта въ 1897—1898 годъ исчислена съ балансомъ въ 430.000 рублей.

Въ нынѣшнемъ засѣданіи избраны: помощникомъ предсѣдателя ген.-м. М. П. Степановъ, членами совѣта Н. М. Аничковъ и прот. А. А. Лебедевъ, предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи пособія православнымъ паломникамъ М. П. Соловьевъ и казначеемъ И. В. Рукавишниковъ.

Въ почетные члены избраны, по предложенію августѣйшаго предсѣдателя: гр. М. Н. Муравьевъ, Н. Н. Селифонтовъ, прот. А. А. Лебедевъ, М. Н. Галкинъ-Враской и И. В. Рукавишниковъ, и по предложенію совѣта общества—епископы: Алексій вологодскій, Алексій вятскій, Владиміръ нижегородскій, Владиміръ екатеринбургскій, Владиміръ оренбургскій, Митрофанъ орловскій, Никодимъ якутскій, Николай алеутскій, Петръ пермскій, Питиримъ тульскій и П. Ю. Лисянскій.

Московское психологическое общество. 25-го января, въ залѣ Московскаго университета состоялось годовое собраніе. Предсѣдательствовалъ Н. Я. Гротъ, секретаремъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества въ 1896 г. Къ 25-му января въ обществѣ числится 15 почетныхъ членовъ, 11 членовъ-учредителей, 146 дѣйствительныхъ, 45 соревнователей и 7 членовъ-корреспондентовъ. Скончались почетные члены: Н. Н. Страховъ, Э. Дюбуа-Раймонъ и дѣйствительный членъ А. Т. Столѣтовъ. Въ истекшемъ году общество имѣло 12 засѣданій. Въ 10 очередныхъ и публичныхъ засѣданіяхъ доложено и подвергнуто обсужденію 13 ученыхъ сообщеній. Журналъ общества «Вопросы философіи и психологіи» продолжалъ издаваться подъ редакціею Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго, при дѣятельномъ участіи прежняго редактора Н. Я. Грота. Съ 31 книги при журналѣ печатаются: «Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета, подъ редакціею А. А. Токарскаго». Общество постановило выразить глубокую благодарность кн. С. Н. Трубецкому, В. А. Гольцеву и Л. М. Лопатину за безвозмездное сотрудничество въ журналѣ общества, который теперь имѣетъ 1.300 подписчиковъ. Происходившею въ концѣ засѣданія балотировкою избраны въ почетные члены общества: проф. Н. Я. Гротъ (единогласно) за 10-лѣтнее фактическое предсѣдательство, сенаторъ А. Ѳ. Кони, проф. М. И. Каринскій и изъ иностранныхъ ученыхъ: Гербертъ Спенсеръ, Альфредъ Фулье, Куно Фишеръ и Фридрихъ Паульсенъ. Въ составъ совѣта на новое трехлѣтіе избраны: предсѣдателемъ проф. Н. Я. Гротъ (на 4-е трехлѣтіе), товарищами предсѣдателя—проф. Л. М. Лопатинъ и проф. С. С. Корсаковъ, секретаремъ В. Н. Ивановскій, товарищами секретаря—А. А. Токарскій и Ю. А. Айхенвальдъ, казначеемъ единогласно Н. А. Абрикосовъ (на 5-е трехлѣтіе), товарищами казначея—А. А. Абрикосовъ и кн. С. Т. Трубецкой, библіотекаремъ В. А. Гольцевъ и редакторомъ изданія общества В. П. Преображенскій.

Диспутъ Е. К. Рѣдина. 19 января въ одной изъ аудиторій С.-Петербургскаго университета происходилъ диспутъ подъ предсѣдательствомъ декана историко-филологическаго факультета И. В. Помяловскаго. Приватъ-доцентъ

Харьковскаго университета Е. К. Рѣдинъ защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ «Мозаики равеннскихъ церквей», представленную имъ для полученія степени магистра исторіи и теоріи искусствъ. Диспутантъ кончилъ курсъ въ Новороссійскомъ университетѣ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ и съ золотой медалью за сочиненіе о древней живописи Кіево-Софійскаго собора. Въ 1891 г. сдалъ магистерскій экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, два года занимался за границей, съ 1893 года состоитъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ въ Харьковскомъ университетѣ. Мозаики Равенны составляютъ доселѣ, по отзыву проф. Н. П. Кондакова, важнѣйшій памятникъ византійскаго искуства, что и доказываетъ диспутантъ. Они съ 1840-хъ годовъ были предметомъ разнообразныхъ трактатовъ западныхъ ученыхъ: Рана, Жанъ-Поль-Рихтера, Диля, Барбье де-Моето и др. Диссертація г. Рѣдина посвящена главнымъ образомъ анализу иконографическихъ композицій и типовъ со стороны историческаго ихъ образованія, богословскаго смысла и художественнаго изображенія. Мозаики Равенны воспроизводятъ такъ или иначе почти всѣ главнѣйшія событія Евангелія, передаютъ всѣ важнѣйшіе религіозные типы, и притомъ въ ихъ первоначальномъ сложеніи. Диспутантъ признанъ достойнымъ степени магистра теоріи и исторіи искусствъ.

Историческій документъ. Въ «Русскомъ Трудѣ» напечатанъ новооткрытый документъ. Найденъ онъ въ замѣчательномъ собраніи рукописей почетнаго гражданина города Ярославля, И. А. Вахрамѣева. Этотъ документъ—отрывокъ зазывной грамоты въ Угличъ о высылкѣ въ Москву выборныхъ людей для избранія на царство Московскаго государя (столбецъ дефектный; утрачено начало): «...людей и уѣздныхъ крестьянъ десять человѣкъ, которые бъ были добры и разумны и постоятельны, прислать къ намъ къ Москвѣ тотчасъ наскоро, и приказать съ ними, чтобъ имъ вольно было во всѣхъ углечанъ всякихъ людей мѣсто о государственномъ и о земскомъ дѣлѣ говорить безо всякаго страхованія, и сроку тѣмъ выборнымъ людямъ не давать ни сколько и затѣмъ бы такому великому дѣлу не стать. А ко властямъ мы писали жъ особыя грамоты, а то вамъ объявляемъ, что безъ государя намъ никоторыми дѣлы быти не мочно; а только намъ быти безъ государя хоть недолгое время и на... (нѣсколько словъ стерлось) всякаго худа и конечнаго въ Московскомъ государствѣ разоренія. И вамъ бы, господа, одноличио углецкихъ властей и выборныхъ людей съ посаду и съ ѣзду выслать къ Москвѣ тотчасъ-наскоро, чтобъ за тѣмъ земскому великому дѣлу не стать. А котораго числа властей и выборныхъ людей и кого именемъ вышлете, и вы-бъ о томъ къ намъ отписали. Писанъ въ Москвѣ, лѣта 7121 декабря въ 13 день».

† **М. П. Озмидовъ.** Въ серединѣ января, въ Пиреѣ, въ Греціи, скончался М. П. Озмидовъ—редакторъ-издатель «Новороссійскаго Телеграфа». Покойный, какъ говоритъ «Новороссійскій Телеграфъ», родился въ Бессарабской губерніи въ 1836 году и, оставшись сиротой, воспитывался въ Кишиневской гимназіи на средства бывшаго директора ея, нынѣ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, Яновскаго. Изъ Кишинева М. П. Озмидовъ отправился въ Петербургъ для поступленія въ строительное училище, нынѣ институтъ граждан-

скихъ инженеровъ императора Николая I. Прямо со школьной скамьи онъ былъ назначенъ архитекторскимъ помощникомъ въ одесскій строительный комитетъ. Самыя важныя городскія сооруженія Одессы—мостовыя, коллекторы, газовое освѣщеніе, водопроводъ,—тѣсно связаны съ дѣятельностью покойнаго, какъ въ качествѣ городскаго техника и гласнаго одесской думы, такъ и въ качествѣ популяризатора и безпристрастнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго и компетентнаго, критика всякаго рода техническихъ вопросовъ, имѣющихъ близкую связь съ жизнью города. «Новороссійскій Телеграфъ» былъ имъ основанъ въ 1875 году и неизмѣнно отличался большою живостью и содержательностью. Горячія, рѣзкія и искреннія статьи редактора придавали журналу его главную окраску честнаго охранительнаго органа печати.

† **А. Н. Барановскій.** Въ первыхъ числахъ января, скончался хранитель кабинета физической географіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Августъ Николаевичъ Барановскій. Воспитанникъ Кіевскаго университета, покойный занималъ свою должность съ 1884 г. Состоя въ то же время секретаремъ метеорологической комиссіи русскаго географическаго общества, покойный съ образцовою тщательностію велъ обработку всѣхъ издаваемыхъ комиссіею сельскохозяйственно-метеорологическихъ наблюденій. Въ качествѣ помощника завѣдующаго метеорологическою частью въ экспедиціи ген. Жилинскаго по орошенію юга Россіи и Кавказа, покойный руководилъ устройствомъ цѣлаго ряда метеорологическихъ станцій на югѣ Россіи. Результатомъ его занятій метеорологіею было нѣсколько напечатанныхъ имъ работъ, какъ-то: «Очеркъ климата Нижегородской губерніи», «Главныя черты климата черноземныхъ областей Россіи», «Очеркъ климата Полтавской губерніи», а также мелкія статьи, напечатанныя въ различныхъ изданіяхъ. Перечисленныя работы представляютъ собою добросовѣстнѣйшую и тщательную сводку всѣхъ данныхъ, характеризующихъ климатъ разсматриваемыхъ мѣстностей.

† **И. И. Малышевскій.** 11-го января, въ Кіевѣ, скончался заслуженный ординарный профессоръ мѣстной духовной академіи Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. Покойный, сынъ священника, родился въ 1828 году и курсъ высшаго образованія окончилъ въ Кіевской духовной академіи, въ которой и получилъ професорскую каѳедру. Званіе доктора богословія получено имъ по защитѣ въ 1873 году обширной дисертаціи подъ заглавіемъ «Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви». Читая въ Кіевской академіи курсъ русской церковной исторіи, И. И. Малышевскій напечаталъ въ теченіе своей сорокалѣтней ученой дѣятельности множество книгъ, статей и брошюръ, преимущественно по исторіи церкви въ первые вѣка христіанства, исторіи церкви при византійскихъ императорахъ и западно-славянской и южно-славянской церквей (между прочими «Судьба славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ Кирилла и Меѳодія, «Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ», «Отношеніе Руси къ церкви римской при св. Владимірѣ», «Св. Кириллъ и Меѳодій»). Кромѣ того, И. И. Малышевскимъ составлены были историческія записки — о Кіевской духовной академіи за пятидесятилѣтіе съ 1819 по 1869 г. и о русской церкви за двадцатипятилѣтіе царствованія императора Александра II. Имъ же изданы разошедшіяся

въ десяткахъ и даже сотняхъ тысячъ экземпляровъ популярныя брошюры: «Правда объ уніи» (переведена на чешскій и польскій языки), «Западная Русь въ борьбѣ за свою вѣру и народность», «Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра». («Нов. Вр.», № 7500.).

† **Н. А. Ѳаворовъ.** 12-го января въ Кіевѣ, скончался профессоръ богословія университета св. Владиміра, Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ. Покойный, сынъ діакона, родился въ 1820 г. въ Рязанской губерніи. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, покойный началъ свою дѣятельность учителемъ, преподавалъ св. писаніе, патрологію и церковное краснорѣчіе. Въ 1846 г. получилъ степень магистра, затѣмъ вскорѣ былъ утвержденъ баккалавромъ церковнаго краснорѣчія. Въ 1859 г. Н. А. опредѣленъ профессоромъ богословія, логики и психологіи въ университетѣ св. Владиміра и въ слѣдующемъ году былъ рукоположенъ во священники университетской церкви. Въ 1862 г. удостоенъ степени доктора богословія и опредѣленъ членомъ кіевской духовной консисторіи. Покойный пріобрѣлъ въ литературѣ извѣстность многими цѣнными трудами, напечатанными въ «Воскресномъ Чтеніи», «Трудахъ» Кіевской духовной академіи и изданными отдѣльно. Его «Гомилетика», «Очерки нравственнаго православно-христіанскаго ученія» и др. выдержали нѣсколько изданій. Въ университетской церкви имъ сказано было не мало проповѣдей. Въ числѣ учениковъ покойнаго протоіерея были сербскій митрополитъ Михаилъ, болгарскій митрополитъ Климентъ, кіевскій митрополитъ Іоанникій, литовскій архіепископъ Іеронимъ и ректоръ Кіевской академіи, епископъ каневскій Сильвестръ. Изъ монаршихъ наградъ о. Назарій имѣлъ орденскіе знаки св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 ст. со звѣздою. («Нов. Вр.», № 7501; «Моск. Вѣд.», № 14)

† **С. С. Сенницкій.** 16-го января, скончался въ Варшавѣ извѣстный археологъ и нумизматъ Станиславъ Севериновичъ Сенницкій, долгое время занимавшій мѣсто дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа. Въ молодости покойный служилъ въ Петербургѣ и завязалъ здѣсь дружескія связи съ университетскими и вообще учеными кружками, сохранившіяся до конца его жизни. Полякъ и католикъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые сознательно пріобщились къ русской жизни и, сохраняя и національность и вѣру, питаютъ искреннее расположеніе къ русской литературѣ и наукѣ. Унаслѣдовавъ отъ родителей нѣсколько десятковъ тысячъ, С. С. Сенницкій все свое состояніе принесъ въ даръ наукѣ и искуству. Многія ученыя учрежденія и общества, русскія и заграничныя, получили отъ него щедрыя пожертвованія въ видѣ цѣнныхъ памятниковъ по археологіи, исторіи, геральдикѣ, библіографіи, нумизматикѣ, генеалогіи, живописи, скульптурѣ или въ видѣ естественно-историческихъ колекцій. Онъ состоялъ членомъ множества ученыхъ обществъ русскихъ и заграничныхъ, а изъ трудовъ, изданныхъ имъ, извѣстны: 1) «Историческое описаніе находящейся въ Петербургѣ церкви св. великомученицы Варвары», издано по случаю двухсотлѣтняго юбилея рожденія императора Петра Великаго. 2) «Родословная царствующаго дома Оттоманской имперіи». 3) «Каталогъ изданій ченстоховской типографіи» (на польскомъ языкѣ). 4) Les Elzevir de la Bibliothèque de l'Université de Varsovie» («Нов. Вр.», № 7508).

† **Е. И. Красноперовъ.** 10-го января, скончался въ Перми статистикъ

губернскаго земства Егоръ Ивановичъ Красноперовъ. Покойный почти всю жизнь посвятилъ земскому дѣлу сначала въ Вятской, а затѣмъ въ Пермской губ. Изъ его работъ отмѣтимъ «Двадцатилѣтіе Пермскаго края со времени отмѣны крѣпостного права Царемъ-Освободителемъ», «Сельско-хозяйственныя нужды Пермскаго края», «Работы статистическаго бюро при пермской губернской управѣ» и др. Работы покойнаго удостоены золотой медали императорскаго географическаго общества. Покойному принадлежитъ также проектъ учрежденія общаго фонда сельскихъ хозяевъ для страхованія отъ убытковъ, наносимыхъ сельскому хозяйству вредными насѣкомыми («Нов. Вр.», № 7507).

† **Н. Г. Купріяновъ.** 20-го января скончался почетный членъ общества русскихъ врачей, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Григорьевичъ Купріяновъ, имѣвшій въ Петербургѣ, какъ врачъ, обширную практику и пользовавшійся симпатіями своихъ многочисленныхъ паціентовъ. Въ медицинской литературѣ покойный извѣстенъ капитальными сочиненіями, посвященными исторіи медицины и изданными въ 70-хъ годахъ подъ заглавіями «Исторія медицины въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго», «Историческій очеркъ состоянія медицины въ Россіи при Екатеринѣ II» и «Очеркъ медицины въ царствованіе Александра I». («Нов. Вр.», № 7510).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ „Село Языково“.

Въ описаніи бывшаго имѣнія поэта Н. М. Языкова, въ Симбирской губерніи, напечатанномъ въ декабрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1896 г., вкралась ошибка, которую спѣшу въ интересѣ истины исправить документальною справкою, полученною мною послѣ напечатанія статьи. На стр. 990 сказано, что поэтъ родился въ селѣ Языковѣ; между тѣмъ въ метрической выписи Вознесенской церкви города Симбирска за 1803 годъ, подъ № 16, значится: «У отставного гвардіи прапорщика Михаила Петрова сына Языкова сынъ Николай родился и крещенъ 4 числа марта мѣсяца». Слѣдовательно не село Языково, а городъ Симбирскъ долженъ считаться мѣстомъ рожденія поэта Языкова.

В. Поливановъ.

II.

Историческая замѣтка о гербѣ города Варшавы.

Современный гербъ Варшавы очень оригиналенъ. На красномъ полѣ сирена съ мечемъ въ правой рукѣ, поднятымъ надъ головою, и съ круглымъ щитомъ въ лѣвой. Но не сразу онъ явился въ такомъ видѣ. Исторія Варшавскаго герба довольно любопытна. Лучше всего ее можно прослѣдить по дошедшимъ до насъ печатямъ.

На древнѣйшей, сохранившейся до нашего времени, печати при нѣмецкомъ привилеѣ gegeben zu Worschawe anno dni M° CCCC L° IX° (1459 г.)

виденъ щитъ, заостренный къ низу, а на немъ отчетливое изображеніе грифа, но безъ головы, вмѣсто ея—половина мужской фигуры; въ правой рукѣ у мужчины прямой мечъ, а въ лѣвой—круглый щитъ; поле украшено вѣтками[1]).

На печатяхъ Варшавы XVI вѣка грифъ измѣнился въ дракона. На одной изъ нихъ находимъ превосходно сдѣланный 8-ми угольный щитъ съ изображеніемъ половины мужчины. У него въ правой рукѣ обоюдоострый мечъ, а въ лѣвой круглый выпуклый щитъ. Внизу—драконъ съ хвостомъ, задраннымъ къ верху, съ двумя лапами, однимъ крыломъ и разинутою пастью [2]).

Варшавскій гербъ.

На печать первой половины XVII столѣтія, помѣщенной на выписи изъ лавничьихъ актовъ [3]) «стараго города Варшавы (Miasta starego Warsczawy)» [4]) 1640 года, имѣется подобное же изображеніе, но мужчина измѣненъ въ женщину, довольно полную, съ обнаженными грудями; внизу драконъ съ крыльями и большимъ, длиннымъ, загнутымъ къ верху хвостомъ [5]).

Наконецъ, на печатяхъ Варшавы первой половины XVIII столѣтія видимъ уже грифа, измѣненнаго въ хвостъ рыбы съ женщиною отъ половины, или сиреною, съ мечемъ, занесеннымъ надъ головою, и съ круглымъ щитомъ, т.-е. нынѣшній гербъ города.

Такія измѣненія извѣстный изслѣдователь польской старины Ф. М. Собѣщанскій, согласно съ мнѣніемъ славнаго нѣмецкаго сфрагиста Фоссберга, объясняетъ такимъ образомъ: первоначальное изображеніе грифа — символъ мужества древнихъ славянъ—было гербомъ Варшавы, сирена же— символъ изнѣженности, вѣроятно, по незнанію и по невнимательности рѣзчиковъ, случайно сдѣлалась гербомъ города [6]).

Гр. Воробьевъ.

---

[1]) По ободу надпись: † S. CIVITATIS WARSOVICAS. Помѣщено Vossberg'омъ у Koehne—«Zeitschrift» на 1843 годъ, таблица XII.—Г. В.

[2]) По краю надпись: SIGILLUM ADVOCATI CIVITATIS ANTIQUE WARSOWIAE.—Г. В.

[3]) Лавники = члены городоваго магистрата.—Г. В.

[4]) Старый городъ Варшава, т. е. нынѣшнее Stare Miasto съ прилегающими къ нему улицами — центръ древней Варшавы, въ отличіе отъ «новой Варшавы», мѣстности, лежащей за Новомейскими воротами, нынѣ извѣстной подъ именемъ Новаго Мѣста (Nowe Miasto), уже заселенной въ XV столѣтіи выходцами изъ Старой Варшавы, гдѣ имъ стало тѣсно, и имѣвшей свою отдѣльную печать съ особымъ гербомъ. Такъ, извѣстна круглая печать «Новаго города Варшавы («Nowego miasta Warszawy») 1546 года. На щитѣ два поля, съ украшеніями вокругъ. Съ правой стороны—въ бѣломъ полѣ—единорогъ, съ лѣвой—на черномъ—фигура мужчины съ открытою головою, въ длинномъ платьѣ, подпоясанномъ поясомъ; въ правой рукѣ у него что-то въ родѣ скипетра, а лѣвою онъ подпирается въ бокъ. (Собѣщанскій, «Wiadomosci historyczne o sztukach pięknych w dawnej Polsce». t. I. Warszawa, 1847, 210). Замѣчательно, что даже пригороды Варшавы имѣли свои печати. Такъ, намъ привелось видѣть въ коллекціи археолога Ф. К. Тарчинскаго въ Плоцкѣ печать варшавскаго пригорода Маріенштадта (нынѣ улица) XVIII столѣтія, впрочемъ, гербъ на ней—гербъ Старой Варшавы, сирена.—Г. В.

[5]) Подпись: SIGILLUM ANTIQUAE CIVITATIS VARSCHOVIENSIS. Помѣщено въ книгѣ «Lustr. i Rewiz». XVIII.—Г. В.

[6]) Собѣщанскій, 209—210.—Г. В.

